

63.3(5Тчц) 53
К 33

Раймон Кеворкян

ГЕНОЦИД АРМЯН

Полная история

Раймон Арутюн Кеворкян

Историк, автор многочисленных работ по истории и современному положению Армении и армян. Почетный руководитель научно-исследовательских работ; Университет Пари 8, Сен-Дени, Французский институт геополитики. Почетный куратор библиотеки Нубаряна Армянского всеобщего благотворительного союза (AGBU). Иностраный член Национальной академии наук Республики Армения.

Раймон Кеворкян

ГЕНОЦИД АРМЯН

Полная история

**Издание осуществлено попечением
заслуженного строителя Российской Федерации
Вардкеза Арцруни по инициативе и при содействии
Центра арменоведческих исследований «АНИВ»**

К 33
Bakas
1143211

Раймон Кеворкян

ГЕНОЦИД АРМЯН

Полная история

ЦЕНТР АРМОНОВЕДЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ «АНИВ»

«ЯУЗА-КАТАЛОГ»

МОСКВА

2015

ISBN 978-5-90675-00-1

УДК93/94
ББК68
К 33

Оформление *Г. Федотова*

Книга напечатана на французском языке в 2006 году
издательством Odile Jacob под названием
LE GÉNOCIDE DES ARMÉNIENS

Книга напечатана на английском языке в 2011 году издательством
I. B. Tauris & Co Ltd под названием
THE ARMENIAN GENOCIDE. A COMPLETE HISTORY

Перевод с английского языка *Леонида Щукина*

Научный редактор *Варужан Погосян*

Все права охраняются законом. Кроме кратких цитат в обзорах, запрещается какое бы то ни было воспроизведение, хранение в системе поиска или введение в нее, равно как и передача в любом виде или любыми средствами — электронным, механическим, методом фотокопирования или записи, или любым другим, этой книги или любой ее части без предварительного письменного на то согласия издателя.

Кеворкян, Раймон.

К 33 Геноцид армян / Раймон Кеворкян. — Москва : Яуза-каталог, 2015. — 912 с.

ISBN 978-5-906716-36-1

Раймон Кеворкян внес существенный вклад в историографию геноцида армян 1915–1916 годов. Используя ранее мало исследованные материалы, найденные им в дальних архивах, он представляет нашему вниманию подробный и убедительный отчет об идеологических предпосылках, планировании и исполнении этого первого массового убийства, совершенного государством, которое находилось в стадии модернизации и национализации. Каждому понятно, что явление такого масштаба невозможно отрицать или забыть, тем не менее официальные власти Турецкой Республики прилагают систематические усилия к тому, чтобы это «преступление из преступлений» было скрыто или представлено в противоречивом свете.

**УДК 93/94
ББК 68**

ISBN 978-5-906716-36-1

© Raymond H. Kévorkian, 2015
© ODILE JACOB, 2006, 2015
© АНИВ, Центр арменоведческих исследований, 2015
© Леонид Щукин, перевод, 2015
© ООО «Яуза-каталог», 2015

Оглавление

Выражение благодарности	7
Предисловие к русскоязычному изданию	8
Введение	9
Часть I. Младотурки и армяне — вместе в оппозиции (1895–1908)	
Глава 1. Абдул-Гамид и османская оппозиция	17
Глава 2. Декабрь 1907 г.: второй конгресс антигамидовской оппозиции — заключительные «приготовления к революции»	56
Часть II. Младотурки и армяне проходят испытание властью (1908–1912)	
Глава 1. Стамбул в первые дни революции: «Наша общая религия — это свобода»	65
Глава 2. Младотурки и армяне проходят испытание «событиями 31 марта» и резней в Киликии	89
Глава 3. Политическая реакция османского правительства и армянских лидеров на резню в Киликии	114
Глава 4. Первые отклонения КЕП: конгрессы 1909, 1910 и 1911 годов	135
Глава 5. Армянские и младотурецкие революционеры в анатолийских провинциях и в Стамбуле в 1910–1912 годах	142
Часть III. Младотурки и армяне — лицом к лицу (декабрь 1912 г. — март 1915 г.)	
Глава 1. Преобразования в Комитете «Единение и прогресс» после Первой балканской войны 1913 г.	159
Глава 2. Отношение армянских организаций к вопросу реформ	172
Глава 3. Установление диктатуры Иттихада и проекты «гомогенизации» Анатолии	188
Глава 4. Разрушение как самосозидание: идеология у власти	215
Глава 5. Вступление Турции в войну	235
Глава 6. «Специальная организация» на Кавказском фронте и первые военные действия	245
Глава 7. Первые акты насилия	253
Глава 8. Приведение плана в действие и «Закон о временной депортации»	273
ЧАСТЬ IV. В пучине войны: первый период геноцида	
Глава 1. Армянское население империи накануне войны: демографический состав	296
Глава 2. Социально-экономическое положение армян в Османской империи накануне войны	310
Глава 2.1. Истребление армянского населения в провинциях Османской империи: причины регионального подхода к теме	314
Глава 3. Депортации и погромы в вилаете Эрзерум	317
Глава 4. Сопrotивление и погромы в Ванском вилаете	352
Глава 5. Погромы и депортация в вилаете Битлис	371
Глава 6. Погромы и депортации в вилаете Диарбекир	392
Глава 7. Депортации и погромы в вилаете Харпут/Мамурет уль-Азиз	423
Глава 8. Депортации и погромы в вилаете Сивас	481
Глава 9. Депортации и погромы в вилаете Трапезунд	528
Глава 10. Депортации и погромы в вилаете Ангора	560

Геноцид армян

Глава 11. Депортации и погромы в вилаете Кастамону	600
Глава 12. Константинополь во время депортаций и погромов (май 1915 г. — август 1916 г.)	606
Глава 13. Депортации в вилаете Эдирне и мутесарифате Бига/Дарданеллы	618
Глава 14. Депортации в мутесарифате Измит	624
Глава 15. Депортации и погромы в вилаете Бурса и мутесарифате Кютахья	631
Глава 16. Депортации и погромы в вилаете Айдын	643
Глава 17. Депортации и погромы в вилаете Конья	648
Глава 18. Депортированные армяне на пути Стамбул–Измит–Эскишехир–Конья– Позанты и вдоль линии Багдадбана	653
Глава 19. Депортации из Зейтуна и Дёртьёла: репрессии или программа геноцида?	661
Глава 20. Депортации в мутесарифате Мараш	669
Глава 21. Депортации в вилаете Адана	672
Глава 22. Депортации в санджаках Айнтаб и Антакья	686
Глава 23. Депортации в мутесарифате Урфа	696

Часть V. Вторая стадия геноцида (осень 1915 г. — декабрь 1916 г.)

Глава 1. Субдиректорат по работе с депортируемыми города Алеппо: агентство по реализации партийно-государственной депортационной политики	709
Глава 2. Перемещенное население и основные маршруты депортации	713
Глава 3. Алеппо, центр системы геноцида и деятельности по оказанию помощи депортируемым	722
Глава 4. Лагеря в Суруке, Арабпунаре и Рас-эль-Айне и зоны высылки в вилаете Мосул	731
Глава 5. Концентрационные лагеря вдоль «линии Евфрата»	740
Глава 6. Депортируемые на линии Гама–Хомс–Дамаск–Дерья– Иерусалим–Амман–Маан	760
Глава 7. Особый случай Ахмеда Джемалья: независимый дух Иттихада или действующая сила геноцида?	768
Глава 8. Депортируемые армяне на строительных площадках багдадской железной дороги, в Таврских и Аманосских горах	773
Глава 9. Вторая стадия геноцида: распад Армянского патриархата и решение о ликвидации последних депортируемых	777

Часть VI. Последние дни Османской империи: палачи и их судьи лицом к лицу

Глава 1. Новая Турция великого визиря Талаат-паши, или реанимация пантюркизма	785
Глава 2. Реорганизация младотурецкой партии незадолго до и вскоре после перемирия	801
Глава 3. Дебаты в османском парламенте после Мудросского перемирия	809
Глава 4. Мазхарская административная следственная комиссия и создание военных трибуналов	823
Глава 5. Уцелевшие армяне в местах их «изгнания» в последние дни войны	833
Глава 6. Великие державы и вопрос «преступлений против человечности»	856
Глава 7. Первый судебный процесс против младотурецких преступников в военном трибунале Стамбула	869
Глава 8. Усеченный судебный процесс против главных младотурецких лидеров	877
Глава 9. Судебный процесс против ответственных секретарей и превратности судебных процессов в провинциях	885
Глава 10. Мустафа Кемаль: от младотурок к строительству нации-государства	895
Заключение	905
Об авторе	909
О Центре АНИВ	910

Выражение благодарности

Выражаю свою благодарность Ваге Тачджяну и Мишелю Пабуджяну, которые поделились со мной своими знаниями работы в архивах, предоставили множество документов и согласились ответить на мои вопросы по теме; Борису Аджемяну за методичное прочтение рукописи и ценные замечания; Степану Астурияну, Хамиту Бозарслану, Джорджу Хинтляну, Грайру Карагезяну, Гансу-Лукасу Кизеру, Марку Ничаняну, Ара Сарафяну, Эрику Ван Лове и Вардгесу Егияяну за всестороннюю поддержку и щедрые советы; Алисе Асланян и Сержу Самуэляну за их доброту и эффективную помощь; и, наконец, моя благодарность обращена к Жерару Чальяну, который рекомендовал эту книгу в издательство «Одиль Жакоб», где она и была напечатана, а также согласился написать предисловие к изданию на французском языке.

Глава 11. Депортации и погромы в провинции Кастамуна	600
Глава 12. Константинополь: от армянских кварталов к гетто	603
Глава 13. Депортации в провинции Эрзурум, Трапизон, Ван, Диярбакыр	616
Глава 14. Депортации в мухтарификат Эрзин	624
Глава 15. Депортации и погромы в провинции Риза, Чанаккале, Стамбул	631
Глава 16. Депортации в провинции Эрзак, Ван, Эрзин	643
Глава 17. Депортации и погромы в провинции Эрзурум	648
Глава 18. Депортации в провинции Эрзурум, Эрзин, Эрзак	653
Глава 19. Депортации в провинции Эрзурум, Эрзин, Эрзак	657
Глава 20. Депортации в провинции Эрзурум, Эрзин, Эрзак	661
Глава 21. Депортации в провинции Эрзурум, Эрзин, Эрзак	665

Предисловие к русскоязычному изданию

Выход в свет книги «Геноцид армян» на русском языке совпал по времени с мероприятиями по поводу столетия начала Первой мировой войны, а также со столетием геноцида армянского населения Османской империи. В этой связи книга особенно актуальна и интересна как для российского общества в целом, так и для его граждан армянской национальности, тем более что вот уже более двух веков история армян тесно связана с историей русских, а также по той причине, что Российская империя воевала в составе Антанты бок о бок с французами и британцами против германо-турецкого альянса на Кавказском фронте и первой увидела зверства, совершенные против армянского гражданского населения.

История этого насилия привлекает внимание и турецкого общества, в котором начался процесс осмысления злодеяний, совершенных отцами-основателями современной Турции, и осмысления их влияния на сегодняшнюю ситуацию внутри страны, которая до сих пор не может избавиться от тяжелого наследия тех событий.

В последние два десятилетия геноциду армян были посвящены многочисленные исторические труды, обеспечившие прорыв в исследовании этой темы благодаря введению в научный оборот ранее не опубликованных материалов. Нужно, однако, отметить, что российские военные и дипломатические архивы только начинают использоваться при разработке этой исторической темы и пока еще не стали предметом систематического изучения. Надеюсь, что выход в свет книги способствует появлению новых исследований и в самой России: так, мы мало что знаем о системе управления османскими регионами, завоеванными русской армией,

о военных действиях на Кавказском фронте, об обращении в российской армии с призванными армянами, большинство которых воевало против Австро-Венгрии на фронте в Галиции, а также в целом о тогдашней политике Санкт-Петербурга в отношении армян. Есть и другие аспекты, которые необходимо осветить для того, чтобы дополнить наше общее видение того регионального контекста, в котором был совершен геноцид армян 1915 года.

Изучение истории — настоятельная потребность каждого человека, процесс, способствующий формированию личности, особенно молодого поколения, а в более широком плане — формированию коллективной памяти всего человечества. Изучение явлений массового насилия особенно важно, так как помогает выжившим и их потомкам осмыслить факты и оказывает, тем самым, определенное целительное воздействие.

Надеюсь, что книга расширит знания широкого круга русскоязычных читателей о природе массового насилия, совершенного режимом младотурок против армянского населения Османской империи.

Я хочу поблагодарить господина Армена Хечояна, руководителя Центра арменоведческих исследований «АНИВ», по инициативе которого появилась русскоязычная версия книги, и господина Вардкеса Арцруни, мецената, попечением которого издание было осуществлено. Огромное спасибо Евгению Тер-Оганяну, который на протяжении почти двух лет от начала до конца руководил подготовкой этого издания. Большое спасибо переводчику книги Леониду Щукину и моему коллеге из Еревана Варужану Погосяну, который взял на себя тяжкий труд по научному редактированию перевода.

Введение

Уничтожение целых исторически сложившихся групп населения силами государства — это всегда цепь сложных процессов, которые разворачиваются в конкретной политической обстановке и социальной среде, особенно если речь идет о многонациональном контексте. Превращению намерений совершить геноцид в действия всегда предшествуют периоды созревания, корни которого нужно искать в различных событиях, коллективных неудачах, разочарованиях и жестоких антагонизмах. Переход к прямому геноциду оправдывается специально выстроенными идеологическими конструкциями, которые предусматривают удаление «внутренних врагов» из организма общества. Однако каждое проявление насилия, признанное геноцидом, подчиняется своей внутренней логике, которая придает ему свою уникальность. Физическое уничтожение армянского населения Османской империи также имеет свою уникальную особенность: оно рассматривалось как необходимое условие построения турецкого национального государства — высшей цели младотурок. Другими словами, эти два явления неразрывно слиты воедино: нельзя понять одно, если мы станем игнорировать другое.

Эта книга была задумана исходя из этой концепции, в соответствии с ней построена и ее структура. «Уничтожить, чтобы построить свое» — это могло бы стать лозунгом комитета «Единение и прогресс», но стало путеводной нитью настоящего исследования. Поступая таким образом, я решил поставить себя на такой уровень наблюдения, на котором главное внимание уделяется младотурецкой и армянской элитам. Я решил методично исследовать внутреннюю эволюцию этих ограниченных сообществ, попытаться оценить поведение этих двух

групп в кризисных ситуациях и, наконец, проанализировать природу их взаимоотношений, в чем эти элиты сходились и расходились и в чем даже наблюдалась их идеологическая близость. Поэтому именно внутренняя политика Османской империи, рассмотренная с точки зрения имперских элит, стала отправной точкой этой книги, определяющей ее проблематику. Эта точка зрения отличает ее от предыдущих исследований, которые вращаются в основном вокруг «восточного вопроса» и европейского вмешательства в дела Османской империи. Я не чувствовал необходимости придерживаться здесь историографической традиции в освещении этой темы, возможно, чтобы сильнее дистанцироваться от конкретных событий. Историография сама по себе сложный вопрос, требующий отдельного исследования, которое может увести нас от главной цели.

Приняв такое решение, я решил исследовать в основном институциональные, политические, социологические и даже психологические механизмы, которые привели в конечном итоге к уничтожению армян Османской империи. В частности, я решил обойти стороной успешные этапы радикализации групп младотурок, а сосредоточил свое внимание на процессах принятия решений — сложное явление, если таковые процессы вообще существовали.

Идейные дебаты в среде младотурецкой элиты, формирование и последующая радикализация идеологии младотурок проходили параллельно с нарастанием армянского национализма, который подпитывался армянскими революционными движениями. Эти элиты никогда не переставали — и тогда, когда они были в оппозиции режиму султана Абдул-Гамида II, и тогда, когда стали во гла-

ве государства, — обсуждать судьбу своего общего дома. Я попытался все это учесть и уделил особое внимание тревожному сходству армянской и младотурецкой элит, когда и те, и другие считали себя наделенными «священной» миссией по спасению «нации». Поэтому книга все время переходит от описания поведения одной элиты к другой.

Резня в Киликии в апреле 1909 года — самое значимое событие до Первой мировой войны для анализа практики режима младотурок. Этот мой выбор продиктован тем, что это насилие стало основной темой дальнейшего диалога турок с армянами и основой того кризиса доверия, который за этим последовал. По этому переходному периоду есть множество доступных документов, позволяющих понять суть явлений, что гораздо труднее сделать относительно последующих периодов. В этом — еще одна причина моего выбора.

Географическая проблематика — вторая исходная система координат для этой книги. Региональный подход, требующий от исследователя опуститься на микроисторический уровень, никогда серьезно не встраивался в ткань глобальных исследований. Обширность географического охвата, наряду с местными особенностями, делает задачу чрезвычайно сложной, что наверняка отпугнуло не одного историка. Огромная масса материалов, которые необходимо терпеливо сортировать и обрабатывать, чтобы установить фактические события, которые имели место в различных регионах, возможно, объясняет тот историографический вакуум, который наблюдается в этой области. Кровавый характер событий, которые предстоит исследовать, также в состоянии отпугнуть многих. Я и сам не без трепета вступил в свое время на стезю этого исследования. Погружение в историю регионов Османской империи также необходимо, поскольку только оно позволяет извлечь макроисторические уроки из той стратегии, которая применялась центральными властями, и те небольшие изменения, которые время от времени вносились в эту стратегию. Региональный подход также позволяет сделать выводы о судьбах армянских призывников — эти судьбы зависели от региона, из которого они были родом. Этот подход также помогает выделить те категории армян, которым был дарован шанс выжить, то есть быть включенными в создававшийся

тогда «турецкий мир»; он бросает резкий обличительный свет на взаимоотношения палачей и жертв и на ту реакцию, которую партийно-государственная политика геноцида вызывала в обществе и особенно у некоторых должностных лиц; и, наконец, такой подход дает возможность конкретизировать те роли, которые играли власти, армия, политические и военизированные группы, связанные с Комитетом «Единение и прогресс» (КЕП), в реализации плана по истреблению армянского населения. Что сразу бросается в глаза, так это постоянно применяемый механизм возложения «законной» части процесса на государственные органы (выявление лиц, подлежащих аресту, формирование конвоев, конфискация имущества), а также «теневую» роль «Специальной организации», деятельности которой мы уделили особое внимание. В этом огромном перечне реальных событий, происходивших в армянских провинциях восточной Анатолии и в армянских общинах западной Анатолии, каждое региональное исследование вносит свой небольшой вклад в понимание общего процесса.

В рамках этого же подхода я провел «инвентаризацию» военных и гражданских чиновников, а также местных деятелей, которые в той или иной форме принимали участие в этом массовом насилии, чтобы постараться определить социологический профиль тех, кто принял участие в «эксперименте» младотурок. Чтобы удовлетворить понятное и законное любопытство потомков жертв, я также постарался определить как можно точнее даты отправки всех конвоев с депортированными с разбивкой по регионам и отдельным населенным пунктам, проследить их маршруты, определить места уничтожения, куда их направляли, и выявить как тех офицеров, которые командовали «эскортом», так и командиров нерегулярных отрядов Особой организации, которым все время поручали «обрабатывать» ущелья, которые чаще всего использовались как людские бойни.

Меня также интересовала деятельность созданных османской администрацией комиссий по управлению так называемым «брошенным имуществом», а также более широкие экономические последствия грабежа имущества армян, который проводился в рамках «Milli İktisat» (национальной экономики). Важность проведения таких экспроприаций трудно переоценить, так как это была од-

на из основных целей политики младотурок по этнической гомогенизации Малой Азии¹.

Среди отдельных лиц и организаций, представлявших КЕП на местном уровне, мое внимание привлекли клубы младотурок и «ответственные секретари», делегированные Центральным Комитетом Иттихада, так как их деятельность показывает скрытую сторону программы геноцида.

Среди новых аспектов этой книги можно назвать уроки, извлеченные из анализа того судопроизводства, которое государство вело во время войны против гражданского или военного персонала. Этот анализ дает возможность выявить причины, по которым преступников судили за экономические «злоупотребления» — присвоение движимого или недвижимого имущества депортированных, но никого — за массовые убийства.

При исследовании тех процедур, которые применялись КЕП для уничтожения армянского населения, представляется уместным проследить на длительном отрезке времени судьбы тех депортированных, которые на «втором этапе геноцида»² были интернированы в концентрационные лагеря в Сирии и Месопотамии, которыми управлял субдиректорат города Алеппо. Здесь я опираюсь на окончательное решение руководства младотурок, принятое в первой половине марта 1916 года и определившее судьбу сотен тысяч депортированных. Оно иллюстрирует выход лидеров младотурок на передний план в принятии государственных решений.

Следуя той методологии, которая положена в основу этой книги, я провел систематический анализ деятельности тайных гуманитарных сетей, как армянских, так и иностранных, которые, в частности, старались спасти сирот и представителей интеллигенции.

Я бы не мог считать свою работу завершенной, если бы не рассмотрел правовой аспект и политические последствия уничтожения армян Османской империи. Поэтому в заключительной части книги рассмотрены попытки османских властей и международ-

ных организаций привлечь лиц, виновных в совершении геноцида, к суду, а также решения, вынесенные по этим делам. Такой анализ необходим, так как позволяет оценить желание государства и общества взять на себя ответственность за истребление армян и дает возможность проанализировать не только то, как были организованы суды, которые состоялись в Константинополе в период с февраля 1919 года по весну 1921 года, но и методы, которые применялись на этапе предварительного следствия для оценки доказательств, собранных следственными комиссиями, а также при допросах свидетелей и подсудимых. Этот анализ дает нам возможность проникнуть во внутренний мир подсудимых через их объяснения, самооправдания и восприятие тех уголовных деяний, в которых их обвиняли. Наконец, он позволяет прояснить ту логику оправдания, которая до сих пор применяется турецкими властями. У нас есть повод задуматься над идеологическими и культурными основами того общества, которое отвергает свое прошлое и не в состоянии смириться со своей собственной историей.

Изучение судебных разбирательств также дает возможность оценить степень внешнего вмешательства в эти послевоенные судебные процессы, в том числе и суд над младотурками, которые скрылись в Анатолии или остались в османской столице. Мы также рассказываем об этом их анатолийском, а впоследствии кемалистском убежище в связи с саботажем судебных процессов, хищением обличающих доказательств, отрицанием самой мысли о том, что обвиняемых следует судить и организации их бегства в Анатолию при помощи боевиков КЕП, которые действовали в восточных провинциях.

Необходимо сказать несколько слов о материалах, к которым у нас был доступ при проведении этого исследования. Многих могут удивить медленные темпы расследования геноцида армян. Однако нужно на-

¹ Недавно историк Фуат Дундар нашел в архивах премьер-министра в Стамбуле этнографические карты и данные переписей населения, которые составлялись и проводились накануне и во время Первой мировой войны. Раньше мы знали об их существовании только из рассказов тех, кто их видел (см., в частности, свидетельство немецкого дипломата Х. Мордтманна). Эти карты и переписи предназначались для изменения демографического состава отдельных областей и ликвидации части населения с заменой его на другое: Fuat Dundar, *La dimension ingénierie de la Turcisation de l'Anatolie: Les cartes ethnographiques et les recensements*. Доклад представлен на симпозиуме в Зальцбурге 14–17 апреля 2005 г. (Все сноски в данном издании сверены с оригинальным текстом на французском языке. — Прим. науч. ред.)

² Kévorkian R. H. *L'Extermination des déportés arméniens ottomans dans les camps de concentration de Syrie-Mésopotamie (1915–1916), la Deuxième phase du génocide*, RHAC II (1998).

помнить, что поскольку турецкие источники очень скудны, в частности, архивы ЦК младотурок, его военизированных формирований и Особой организации, или вообще недоступны, приходится прилагать большие усилия, чтобы компенсировать, хотя бы частично, эти пробелы. К счастью, замечательно документированные работы, например, Шюкрю Ханиоглу¹, помогают лучше понять идеологию, которая вдохновила младотурок режима, его внутренние порядки и постепенную радикализацию. Со своей стороны, Кригер (псевдоним отца Крикора Гергеряна) был первым, кто систематизировал все доступные источники о геноциде армян в Османской империи, хотя и опубликовал всего одну книгу² (на армянском языке). Ваагн Дадрян положил начало преподаванию геноцида армян как дисциплины, подготовив для этого множество научных статей и книг по этой теме³. Работа Эрика Дж. Цурхера⁴ не менее важна. За счет тщательного «просеивания» всей турецкой историографии, в частности, эпохи Мустафы Кемалея, он сумел по-новому осветить многие факты, которые историки считали неоспоримыми, и прояснить многие моменты, которые долго оставались неясными. Главная заслуга его работы в том, что он вывел идеологические и человеческие связи младотурок и Мустафы Кемалея. Нет сомнения в их важности, даже несмотря на то что последний из всех сил старался выстроить свою собственную легитимность при создании турецкого национального государства, фундамент которого заложили его предшественники.

Оставаясь в рамках турецко-армянских отношений, которые служат как бы путеводной нитью этой книги, я сделал еще один шаг вперед, построив свою работу в значительной степени на материалах, которые практически не использовались до сих пор. Это — архивы информационного бюро, созданного Армянской патриархией сразу после Мудросского перемирия. Основной задачей этого бюро был сбор информации о депортации и уничтожении армян для предъявления обвинений лидерам младотурок. Сначала скажем несколько слов о важности и происхождении этих материалов.

Напомним для начала, что Армянская патриархия Константинополя была распущена 28 июля 1916 года постановлением Совета министров⁵, а 22 августа патриарх Завен был сослан в Багдад.

Патриархат был восстановлен только после Мудросского перемирия, которое положило конец военным действиям. Именно тогда британский верховный комиссариат создал армяно-греческий комитет⁶, отвечающий за реабилитацию выживших жертв геноцида. Когда 19 февраля (4 марта по новому стилю) 1919 года патриарх Завен вернулся в Стамбул⁷, одной из его главных задач стало создание информационного бюро, возглавить которое он поручил Аршагу Алпояджяну (1879–1962), тогда молодому историку, которому помогали Зора Зоряян и — позднее — Асатур Наварян (1875–1955), а также юрист Карапет Нурян, который в июне 1920 года стал членом Армянского политсовета⁸. Информационному бюро было

¹ Hanioglu M. Ş. *The Young Turks in Opposition*, Oxford University Press, 1995; *idem*: *Preparation for a Revolution: The Young Turks, 1902–1908*, Oxford University Press, 2001.

² Кригер. Документальная история о резне армян в Иозгате, Нью-Йорк, 1980 (на арм. яз.).

³ Dadrian V. *Histoire du génocide arménien*, Paris, 1996; *idem*: *The Na'im-Andonian Documents on the World War One Destruction of the Ottoman Armenians — The Anatomy of a Genocide*, International Journal of Middle Eastern Studies. Vol. 18:3. Pp. 311–360 (1986); *idem*: *The Role of Turkish Physicians in the World War I Genocide of the Armenians, Holocaust & Genocide Studies*. Vol. 1:2. Pp. 169–192 (1986); *idem*: *The Role of the Special Organization in the Armenian Genocide during the First World War*, in *Minorities in Wartime*, P. Panayi (ed.), Oxford, 1993; *idem*: *Documentation of the Armenian Genocide in German and Austrian Sources*, in *The Widening Circle of Genocide*, I. Charny (ed.), New Brunswick, NJ, 1994; *The Armenian Genocide in Official Turkish Sources. Collected Essays, special issue of Journal of Political and Military Sociology*, 1995; *idem*: *Геноцид армян через призму парламентских и историографических обсуждений*, Watertown 1995 (на арм. яз.).

⁴ Zürcher E. J. *The Unionist Factor: the Role of the Committee of Union and Progress in the Turkish National Movement, 1905–1926*, Leiden, 1984; *idem*: *Turkey, a Modern History*, London-New York, 1998.

⁵ См.: «Takvim-i Vakayi», № 2611, 28 juillet 1916. Pp. 1–5. Текст указа об изменении внутренней конституции миллета. Обстоятельства, объясняющие этот роспуск, приводятся далее в книге. С. 850–851

⁶ Public Record Office, FO 371/4174, № 118377. Письмо Верховного комиссара Калторпа Лорду Керзону, 1 августа 1919. См. также далее в книге. С. 801 и далее, о деятельности этого комитета.

⁷ Тер-Егиян З. *Мои воспоминания Патриарха*, Каир, 1947. С. 277 (на арм. яз.).

⁸ Там же. С. 301–302 и 304. Только на заседании 17/30 августа 1919 года Политсовет решил взять бюро под свою власть.

поручено собирать старые и новые документы по демографическому вопросу, преследованию армян, массовым убийствам, депортации и экспропрированному имуществу. Оно также занялось сбором фактов о главных виновниках массовых убийств, свидетельств, доказательств и статистических данных о похищенных и удерживаемых против своей воли¹. Согласно докладу Нуряна, бюро также готовило документы о том, как турецкие власти обращались с армянами после перемирия, и представило в Британскую верховную комиссию три сотни докладов о нападениях на выживших в геноциде армян. Бюро также собирало документы на виновников депортаций, как раз тех, кого «турки пытались реабилитировать», а Нурян впоследствии опубликовал две книги о «резне в Кесарии и Диарбекире»². Можно видеть, что как только позволяли обстоятельства, армянские организации начинали собирать материалы в надежде, что преступники-младотурки рано или поздно предстанут перед международным «Верховным судом».

21 ноября 1918 года при Департаменте государственной безопасности указом султана была учреждена комиссия по расследованию действий правительства, так называемая «Комиссия Мажара»³. В течение следующего месяца стали возникать военно-полевые суды (трибуналы), призванные судить преступников среди младотурок. Началось предварительное следствие в отношении большого числа подозреваемых. С момента своего создания Комиссия Мажара стала собирать доказательства и свидетельские показания, сосредоточив свое внимание на деятельности тех государственных чиновников, которые лично участвовали в преступлениях против армянского населения. Комиссия была наделена значитель-

ными полномочиями: она могла подавать в суд, искать и изымать документы, задерживать и арестовывать подозреваемых силами Департамента уголовного преследования и других государственных органов. В самом начале работы комиссии Хасан Мажар направил официальный циркуляр всем префектам и субпрефектам провинций, потребовав от них представить оригиналы или заверенные копии всех приказов, полученных местными властями в связи с депортацией и уничтожением армян. Кроме того, комиссия приступила к опросу свидетелей под присягой. Менее чем за три месяца она собрала 130 томов материалов, которые регулярно направлялись в военно-полевые суды. В этих томах содержалось множество официальных и полуофициальных документов, из которых только немногие публиковались в правовом приложении к Официальному вестнику («*Takvim-i Vakayi*»). Многие другие появлялись в то время в прессе Стамбула, которая выходила на османском турецком (официальный язык Османской империи. — *Прим. пер.*), армянском и французском языках.

В качестве истцов, интересы которых представлял Армянский константинопольский патриархат, армяне получили доступ к указанным томам уголовных дел и право делать копии или снимать на фотопленку оригиналы или заверенные копии документов. Хотя суды и назывались «чрезвычайными военно-полевыми», на самом деле они были смешанными — состояли из военных и гражданских судей. По крайней мере, так было до 24 марта 1919 года⁴. Несмотря на то что у Патриархата и его адвокатов доступ к материалам, собранным прокуратурой, был только краткосрочным — с 5 февраля по 23 марта, — информационное бюро смогло

¹ Доклады, подготовленные бюро, часто публиковались во франкоязычной ежедневной газете *La Renaissance* (Возрождение), которая вышла с декабря 1918 года по весну 1920 года под руководством Гарабеда Нуряна и Тиграна Чайана, бывшего члена Госсовета, которым помогал д-р Топджян. Архиепископ Завен также указывает, что Патриархат финансировал издание этой газеты (там же. С. 302–303).

² Там же. С. 304. *Faits et documents. Épisodes des massacres arméniens de Dyarbékir, Constantinople 1919*; Мгртчян Т. Погромы в провинции Диарбекир, Каир, 1919 (на арм. яз.); Агуни С. История резни миллиона армян, Константинополь, 1920 (на арм. яз.). Автор, бывший редактор ежедневной газеты «Жаманак», Стамбул, был первым, кто опубликовал комплексное исследование геноцида, опираясь «на большое количество документов, имеющих в распоряжении Патриархата».

³ Об образовании Комиссии по расследованию см. *Akçam T. İnsan Hakları ve Ermeni Sorunu, Ankara, 1999. S. 445–446.*

⁴ Тем не менее 5 марта 1919 года Совет Министров рассмотрел доклад, подготовленный Сами-беем, в котором предлагалось распустить все провинциальные военно-полевые суды и решать все вопросы, касающиеся массовых убийств и депортаций, исключительно военным (а не смешанным) судом в Константинополе (*La Renaissance*, № 82, 7 марта 1919).

Геноцид армян

собрать довольно фундаментальный массив официальных документов, которые были дополнены материалами из других источников и показаниями свидетелей, которые поточком шли в информационное бюро Патриархата.

В ноябре 1922 года, под угрозой надвигающегося вторжения кемалистских сил в столицу, Патриарх Завен сумел отправить двадцать четыре дорожных саквояжа с этими материалами армянскому архиепископу

в Европе Крикорису Балакяну, который тогда находился в Манчестере. Когда в 1927 году он был избран епископом Марсея, он взял документы с собой, а затем, по прямой просьбе Патриарха в отставку, который хотел использовать их при написании своих мемуаров, материалы были отправлены в начале 1938 года Патриарху Иерусалимскому Торгому Кушагяну. К тому времени Завен Тер-Егияян был уже на пенсии, жил в Багдаде¹.

¹ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 303. Эти архивы все еще находятся там и сегодня. Их «заново обнаружил» Кригер в 1960-х годах, микрофильмовал и разложил по пятидесяти коробкам.

Часть I

ГЛАВА I

Абдул-Гамид II османская оппозиция

Много лет назад было написано на тему актуальности и неактуальности оппозиции у великого султана Абдул-Гамид II. Обобщительство его подхода к власти несомненно, оно давало

Младотурки и армяне – вместе в оппозиции (1895-1912 годы)

целую картину османского общества, но никак не позволяла увидеть, как в действительности происходил процесс модернизации. Великие оскоты и великие конкордаторы, в целом османские, как и европейцы, в так называемую «эпоху реформ» и центральное правительство и центрально-внешнюю форму управления и подчинения доминанты Османской империи, а именно условия период реформ. Трудно представить себе, что центральная власть вынуждена итерационно, для обеспечения безопасности, которая использовалась широкой автономией и протекционизмом. Если бы только документально высказывался, что предположительно, если бы не было достигнутой, конец предположительно османского устройства, основанного на такой социальной структуре, в которой османские мусульмане закрепились в Европе, и европейцы располагались в своем экстерриториальном пространстве, а именно в отношении властей.

— Если даже Абдул-Гамид II не был сам инициатором этого процесса модернизации, то бы следствием его последствия не, а человек, министр или Мидхат, инициатором, который позднее стало одним из политических требований младотурков. Даже тот факт, что султан очень быстро принял решение действия этой конституции, говорит о том, что он не только, безусловно, согласился с этим, но и поддержал его. Именно ему принадлежала политическая власть, а именно в области административной, судебной, образовательной, религиозной, военной, гражданской, общественной, системы, образования, и в целом, принятии на рассмотрение различные модели. Но этого, по мнению автора, недостаточно для определения истинных османских модернизаторов.

— Если же говорить о модернизации, то это не только процесс, но и результат. Модернизация — это процесс, который приводит к изменению структуры общества. Модернизация — это процесс, который приводит к изменению структуры общества.

— Если же говорить о модернизации, то это не только процесс, но и результат. Модернизация — это процесс, который приводит к изменению структуры общества. Модернизация — это процесс, который приводит к изменению структуры общества.

— Если же говорить о модернизации, то это не только процесс, но и результат. Модернизация — это процесс, который приводит к изменению структуры общества. Модернизация — это процесс, который приводит к изменению структуры общества.

— Если же говорить о модернизации, то это не только процесс, но и результат. Модернизация — это процесс, который приводит к изменению структуры общества. Модернизация — это процесс, который приводит к изменению структуры общества.

ГЛАВА 1

Абдул-Гамид и османская оппозиция

Много чернил было исписано на тему агрессивности и многочисленности оппозиции режиму султана Абдул-Гамида II. Обстоятельства его прихода к власти несли печать определенной незаконности и, вероятно, царубийства, но, в конце концов, нарушения закона и убийства были обычной практикой, укоренившейся в кругах османского двора. Многие историки также подчеркивали ожесточенную враждебность, с которой консерваторы, религиозные деятели и в целом османские мусульмане относились к так называемому «Танзимату» — политике реформ и централизации, призванной реорганизовать государство в централизованную форму правления и поставить все субъекты Османской империи в равные условия перед законом. Трудно сомневаться в том, что централизация власти вызвала недовольство *беков*, или племенных вождей, которые пользовались широкой автономией на протяжении веков. Еще меньше сомнений вызывает то, что предсказуемый, если еще не наступивший, конец традиционного османского устройства, основанного на такой социальной иерархии, в которой османские мусульмане занимали верхние ступени, а «неверные» располагались в самом низу, сильно тревожил правящую элиту и священнослужителей.

Если даже Абдул-Гамид II не был сам инициатором этого процесса модернизации, то он унаследовал его последствия и, в частности, «конституцию Мидхата», восстановление которой позднее стало одним из политических требований младотурок. Даже тот факт, что султан очень быстро приостановил действие этой конституции, отстранил от дел ее автора, распустил парламент, не помешал ему продолжить политику своих предшественников в области административной реформы, реорганизации армии, создания современной системы образо-

вания и, в целом, принятия на вооружение западных моделей. Но этого, по-видимому, было недостаточно для удовлетворения молодых османских «модернизаторов».

Русско-турецкая война 1877–1878 годов, с которой султан столкнулся сразу же, как только вззошел на трон, напомнила правящей элите, что Османская империя оказалась в необратимом упадке, теряя свои владения одно за другим. Модернизация османского государства и общества была естественной реакцией на этот упадок. Однако новая неудача — поражение в Русско-турецкой войне — означала, что усилие не принесло желаемого эффекта, что империя продолжает свое падение и не в состоянии эффективно противостоять аппетитам великих держав. По крайней мере, к такому выводу пришли многие из правительства, а также влиятельные консервативные и религиозные круги.

Как же спасти империю? Нет сомнений, что вокруг этого вопроса сплотились все оппозиционные силы, даже если они давали на него диаметрально противоположные ответы. Как это часто бывает, когда многонациональная и поликультурная империя распадается, каждая группа сосредоточена только на своем будущем. В первую очередь это верно для тех групп, которые оставались у власти в течение многих столетий.

Сама природа системы была такова, что поначалу оппозиция султану была, прежде всего, внутренней и институциональной. Так, наиболее активная оппозиция происходила из рядов государственных должностных лиц, гражданских и военных, принадлежавших к доминирующей группе. Историки отмечают, что сама идея оппозиционности по отношению к суверену-халифу была совершенно чужда мусульманским массам. При Абдул-Гамиде простого подозрения было достаточно, чтобы быть сосланным в отдаленные

провинции империи, например, в Йемен или восточные провинции Малой Азии. И в самом деле, болезненная подозрительность султана, которую неоднократно подчеркивали современники, на протяжении всех тридцати с лишним лет его царствования постоянно вербовала новых членов в ряды его оппозиции. Представители османской элиты, получившие образование по одной и той же модернистской модели, иногда оказывались в оппозиции просто потому, что впали в немилость, даже не имея существенных несогласий с режимом. Их политические страсти не шли далее требования восстановления конституции.

Это, однако, не касалось священнослужителей, начиная с тех, чьи корни были в религиозных орденах. Они не могли принять, как мы уже говорили, этой идеологии равенства и сопутствующего ей риска потерять свой более высокий статус, дарованный им исламом. Поскольку духовенство имело определенное влияние на мусульманские массы, оно сыграло важную роль в формировании общественного мнения, которое отвергало западные инновации и неодобрительно косилось на растущую роль немусульман.

В отличие от указанных групп, младотурки, которые основали в 1889 году *Ittihad-ı Osmani* (османское единство. — Ред.)¹ в Военно-медицинской академии, а именно: Мехмет Решид², будущий вали (губернатор) Диарбекира, Ибрагим Темо (1865–1939), Абдулла Джевдет (1869–1932) и Исхак Шюкути (1868–1903) — воплощали в себе начало истинной политической оппозиции, потому что они ассимилировали в себе ключевой элемент сплочения и основы силы западного общества того времени — национализм. В то время у них было мало сил; это была скорее школа мысли, чем организованное движение, но их направляющая идея уже прокладывала себе дорогу.

Помимо мучительных размышлений о перспективах Османской империи, вопросом своего будущего задавались и те, кто не был связан с мусульманским турецким большинством. Их статус «неверных» несколько улучшился с введением *Танзимата*, но они продолжали восприниматься турецким на-

селением как неблагодарные, обманщики и хитрые спекулянты, стремящиеся нажиться за счет других³. Хотя некоторые члены этих миллетов (этнорелигиозные сообщества. — Ред.) работали в правительстве, они занимали только подчиненное положение и не несли никакой политической ответственности, а в повседневной жизни, как правило, суды и администрация в целом придерживались практики неравного отношения и облагали немусульман налогами сильнее, чем коренное население. Мусульманские массы продолжали считать эти миллеты инородными образованиями, почти внутренними врагами.

Для нетурецкого населения, проживавшего в европейской части империи, Берлинский договор 1878 года как бы вбил клин в доктрину о территориальной целостности империи, оставалось только доработать некоторые детали их развода со Стамбулом. По-другому обстояло дело с арабскими, армянскими и курдскими элементами империи, судьбы которых были сильнее связаны с судьбой османского государства по причине самого факта их присутствия в азиатской части империи. Органическая религиозная связь, которая цементировала арабский мир, практически оторванный от своей египетской составной, со столицей и с султаном-халифом, конечно же, не была поверхностной, но казалась недостаточно прочной, чтобы длиться вечно. Впечатляющее экономическое развитие Египта не осталось незамеченным и вызывало зависть у многих родовых и племенных групп Сирии и Месопотамии и даже Аравии и Йемена. Это чувство усиливалось на фоне контраста между форсированной модернизацией египетского общества и стагнацией османского, которое управлялось, по мнению многих, неэффективной и коррумпированной администрацией.

Османский армяно-курдский мир, в свою очередь, пробуждался от глубокого многовекового сна. Армяне видели тот прогресс, которого добилась восточная часть их исторической территории под властью России, даже если он сопровождался политической ассимиляцией и репрессий. Формально Танзимат освободил их от зависимости от курд-

¹ Hanioglu M. S. The Young Turks in Opposition. P. 71.

² Д-р Черкез Мехмет Решид-бей (1872–1919), в 1915 году — вали Диарбекира. Мы увидим позже, с какой впечатляющей решимостью он уничтожал армян своего вилайета.

³ Astourian S. H. Sur la formation de l'identité turque moderne et le génocide arménien: du préjugé au nationalisme moderne, acte du colloque L'Actualité du génocide des Arméniens, Paris, 1999. Pp. 35–37.

ских беков, но в результате возродилась древняя вековая вражда, которая в свое время вылилась в некий «симбиоз», выгодный для каждой из сторон. Курдские вожди, замененные на должностных лиц, с трудом смирялись с утратой своих многолетних привилегий ради модернизации и централизации государства по европейской модели, о которой они не имели ни малейшего представления. Тем не менее ни курды, ни армяне не видели пока еще своего будущего вне Османской империи.

Что касается «армянских комитетов», которые представляли собой несомненно наиболее яростное крыло оппозиции режиму, то и гамидовское правительство, и значительная часть младотурок, которые сами оппонировали режиму, считали их террористическими организациями, угрожающими внутренней безопасности страны, ее территориальной целостности и способствующими — посредством своей пропаганды — созданию негативного имиджа империи на Западе. В то же время сами комитеты считали себя элементом возрождения османского общества, своего рода авангардом — носителем социалистических ценностей, призванным освободить народные массы от господствующего мракобесия и построить федеративное государство.

Уже нетрудно видеть огромный разрыв между доминирующей группой, отчаянно пытающейся сохранить империю и свои привилегии, и армянскими активистами, которые утверждали себя через интеллек-

туальные категории, совершенно чуждые тому миру, в котором они оказались. Ответом султана Абдул-Гамида II на эти движения было кровавое уничтожение почти двухсот тысяч армян в 1894–1896 годах. Эти преступления, которые основательно не изучены до сих пор, носили организованный характер, и непосредственное участие в них Блистательной Порты не вызывает сомнений. Не будучи еще по своей природе геноцидом, они были направлены на сокращение армянского населения как такового и ослабление его социально-экономического веса. Они также вызвали дебаты в среде армянского населения и комитетах о революционных актах самозащиты, которыми оправдывались эти кровавые репрессии. Эти дебаты надолго отравили атмосферу в обществе османских армян, подняли вопросы о психологических последствиях массовых убийств, практике гамидовского режима, роли насилия в турецком обществе и о том, как это общество решает свои политические проблемы.

Тем не менее мобилизация западного общественного мнения, которое сформировалось по итогам этих событий, трансформировала эти массовые убийства в своеобразный моральный пробный камень, своего рода стандарт, по которому позднее судили об османских оппозиционных движениях. Эта резня стала также центральной темой дебатов, когда младотурки и армянские активисты в изгнании стали обсуждать будущее Османской империи.

Младотурки и армянские активисты в Европе в 1895–1901 годах

До 1895 года Париж оставался местом ссылки младотурок, включая самого известного из них — Ахмеда Риза, который в тот период основал османский Комитет единения и прогресса. Его окружала лишь небольшая группа младотурок, но очень избранная: доктор Назим, родом из Салоник, который присоединился к Риза в Париже в

1894 году, где он также собирался завершить свое медицинское образование¹, и Ахмед Агаоглу (Агаев), родом из Шуши (столица Карабаха), который изучал историю и филологию в Сорбонне и Национальном институте восточных языков и цивилизаций².

Среди армян, проживавших в то время в Париже, наиболее интересной личностью

¹ Селаникли Назим (ок. 1870–1926), врач, учился в Военно-медицинской академии Константинополя, знаковая фигура Комитета единения и прогресса в период с 1905 по 1922 год и, как мы увидим далее, главный организатор истребления армян. О его пребывании в Париже см.: *Hanioglu M. S. The Young Turks in Opposition*. P. 74.

² Ахмед Агаев (1869–1939) — один из идеологов турецкого национализма и видный член ЦК КЕП; именно по этой причине был арестован и выслан на Мальту англичанами в 1919 году. Лидер Социал-демократической партии Гнчак (СДПГ) Степанос Сапах-Гулян часто встречался с Агаевым в Париже. См.: *Сапах-Гулян С. Несущие ответственность, Провиданс, 1916. С. 134* (на арм. яз.).

был несомненно Степанос Сапах-Гулян¹. Лидер социал-демократической партии Гнчак (СДПГ), он руководил Парижским клубом этой партии и был его духовной движущей силой. Он сошелся там с ссыльными младотурками, которых он знал лучше других, так как много лет общался с ними.

В начале 1895 года в политических и интеллектуальных кругах Парижа разговоры крутились вокруг недавнего массового убийства летом 1894 года армян в Сасуне и осуждающих выводов следственной комиссии, сформированной из европейских консулов для расследования этих преступлений; эти выводы были опубликованы в «Синей книге» британского парламента. Многие считали, что султану следует предъявить требование проведения «реформ» в восточных провинциях Малой Азии, чтобы положить конец «неустойчивости», которая там царит.

Впервые парижские младотурки вынуждены были рассмотреть этот мучительный вопрос о «реформах», которые европейские державы пытались навязать Османской империи, а также о статусе немусульманского населения в этой империи, который впервые оказался неопределенным. Публикация в парижской ежедневной газете «Ле Фигаро» статьи о проекте реформ под названием «11 мая 1895 года»² привела к встрече парижских активистов СДПГ и младотурок во главе с Риза и Назимом, который только что был избран казначеем КЕП. Отчет об этой встрече Сапах-Гуляна показывает, что оба турецких лидера решительно выступали против проекта реформ³, то есть против вмешательства Европы в то, что они считали внутренним делом Турции, а также наделения отдельных провинций особым статусом. Они сомневались в политике централизации, в отличие от сторонников партии Гнчак, которые осуждали родо-племенной строй и акты насилия, совершаемые в восточных провинциях, и осудили массовые убийства, которые произошли в Сасуне.

Более того, официальный лидер движения младотурок Ахмед Риза отверг антигамидовские революционные методы, предложенные частью оппозиции, и высказался в пользу более консервативной политики⁴, которая, в конечном счете, не так уж сильно отличалась от политики самого султана Абдул-Гамида. Риза по-прежнему нуждается в поддержке, в том числе среди армян, чтобы сделать свой политический проект популярным в парижских кругах. Поэтому он попросил о встрече Нубар-пашу⁵, бывшего премьер-министра Египта (армянина родом из Смирны), отца египетских реформ, в том числе — идеи смешанных судов. Риза несомненно рассчитывал воспользоваться многочисленными связями египетского паши в политических кругах Франции, а также на его щедрость.

Осенью 1895 года общество «Армянские студенты в Париже» организовало в одном из помещений Великого Востока лекцию, которую прочитал Аветис Назарбекян, приглашенный из Лондона лектор и один из основателей СДПГ. Эта лекция и реакция на нее дают нам возможность оценить позицию, занятую парижскими младотурками, в отношении недавних фактов преследования армянского населения в Османской империи. Назарбекян осудил политику Гамида, в частности массовую резню, совершенную в октябре-ноябре, а также то безразличие, с которым Европа отнеслась к ней. «Если армянам суждено умереть, — сказал Назарбекян, — то они умрут не как рабы, а как свободные люди». В его речи были также слова, которые ставили под сомнение способности Блистательной Порты управлять своими владениями; и эти слова обеспокоили его слушателей-младотурок гораздо больше, чем совершенные преступления. Сапах-Гулян позднее отмечал, что многие армянские студенты, которые состояли в рядах младотурок, были удивлены негативной реакцией своих братьев-мусульман⁶.

¹ Степанос Сапах-Гулян (1861, Шахук [Нахичевань] — 1928, Нью-Йорк) получил образование в Тифлисе, где вступил в СДПГ; высланный царской полицией, бежал в Париж, где учился в Школе политических наук как студент Анатолия Леруа-Болье. См.: Сапах-Гулян С. Указ. соч. С. 151.

² Этот план, обнародованный 11 мая, был подготовлен полномочными послами, дислоцированными в Константинополе, на основании статьи 61 Берлинского договора 1878 года, которая предусматривает определенную степень автономии для восточных вилайетов Турции, населенных армянами.

³ Сапах-Гулян С. Указ. соч. С. 140.

⁴ Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 78.

⁵ Сапах-Гулян С. Указ. соч. С. 145. Нубар выплачивал СДПГ ежегодную субсидию в 300 фунтов на издание партийных газет.

⁶ Там же. С. 148.

Эти погромы сильно повлияли на враждебность западного общественного мнения в отношении Османской империи, что бросало тень и на младотурок в парижском изгнании. Совершенное насилие также привело к радикализации армянских комитетов, центральные органы которых сформировались по оси Женева-Париж-Лондон. Движение младотурок, тем не менее, сумело извлечь выгоду из дипломатического кризиса, последовавшего за вырезанием армян¹. Французское приложение к «Мешверету», которое Ахмед Риза начал публиковать в 1895 году в Париже, отразило ту неуютную ситуацию, в которой оказались парижские ссыльные, которым пришлось разрываться между своими патриотическими чувствами, требующими поддержать политику официальных османских властей, и тем унижением, которое вызвала реакция на указанные события в Европе. В своей статье, опубликованной в мае 1896 г., Риза, этот гурю движения младотурок, привел длинное обоснование, призванное показать, что резня, устроенная Абдул-Гамидом против армян, «была вполне в русле традиций исламизма и учения Корана. [...] Мы хотим, чтобы вокруг султана оказались советники, проникнутые и мусульманскими заповедями, и идеями порядка и прогресса»². Таким образом, Риза выдвинул тезис о том, что ответственность за резню лежит на окружении султана, которое не смогло в данной ситуации уважить национальные традиции. Следовательно, он снял всякую вину с самого султана, а также проиллюстрировал свою концепцию власти и свою приверженность к сохранению функций халифа-султана.

Через несколько недель Риза также дополняет свой подход к понятию ответственности и подчеркивает свой взгляд на христианских подданных империи. Он признается, что «чаще защищал мусульман, чем христиан. [...] Это может показаться

преувеличением, но факт в том, что в нашей стране нет никакого сравнения между судьбами османских христиан и мусульман. Первые сегодня — гораздо счастливее или менее несчастны, если хотите. [...] Если грабят в основном христиан, то это только потому, что они богаче и живут в большем материальном комфорте, чем мусульмане, а также либо из страха, либо из подозрительности, свойственной победителям, держат свои двери на замке»³. Эти слова лидера младотурок определенно произрастают из вековых традиций Османской империи, отмеченных понятием христианского «гостя», который «пользуется своей счастливой судьбой», не выказывая благодарности к приютившим его хозяевам и не желая делиться с ними своим богатством. Насилие со стороны доминирующей группы, таким образом, узаконено.

В декабре 1895 года в Доме научных обществ со своей лекцией выступил Жюль Роше, который осудил ужасные преступления гамидовского режима. Реакция на его лекцию столь же показательна, как и откровения статьи Ризы. Один из младотурок, который сидел рядом с Ахмедом Ризой, не в силах сдерживать себя, вскричал: «Вся эта информация — ложь, придуманная гнчаковцами!» Далее он сделал армян ответственными за события, которые запятнали репутацию Турции⁴. Это говорит о том, как эти молодые «либеральные» активисты, оставаясь единими в своей борьбе против режима Абдул-Гамида, противостояли друг другу по многим пунктам, оставаясь заложниками своего культурного происхождения и исторических традиций.

Со своей стороны, армянские активисты, которые стремились апеллировать к западному общественному мнению, жаловались на то, что парижская пресса изображает их террористами и намеренно игнорирует реальность массовых убийств⁵. По словам

¹ *Haniöğlu M. S.* Op. cit. P. 76. Погромы осенью 1895 года были направлены главным образом и в первую очередь против армянского населения шести восточных вилайетов. Они начались в октябре, как раз тогда, когда султан подписал (17 октября), после нескольких месяцев сопротивления, «план реформ 11 мая». Сопровождение реформ с резней не осталось не замеченным дипломатами, работавшими в Османской империи, что бросило вызов младотуркам, которые во время пыталась объединиться против Абдул-Гамида на основе идеи и порядка.

² *Riza A.* Chrétien, musulman et humanité, *Mechveret*, I/11, daté du 15 mai 1896. P. 3.

³ *Riza A.* Atrocités contre les chrétiens, *Mechveret*, I/14, 1er juillet 1896. P. 4.

⁴ *Сапах-Гулян С.* Указ. соч. С. 150–151.

⁵ 1 октября 1895 года гнчаковцы устроили демонстрацию перед Блистательной Портой перед вручением Петиции о погромах в Сасуне и катастрофическом положении оставшихся в живых. В мирном шествии, о котором организаторы заранее сообщили властям, приняли участие четыре тысячи человек. Полиция, не

Сапах-Гуляна, эта общая тенденция была опровергнута в его разговоре с Анатоном Леруа-Болье, который был его профессором в Школе политических наук. Известный знаток Востока, он согласился участвовать в дебатах¹. Его вклад также был сделан в форме лекции «Армения и армянский вопрос», которую он прочитал в Доме научных обществ. Это мероприятие с участием французских знаменитостей дало и младотуркам, и армянским активистам еще одну возможность озвучить свои противоположные точки зрения. Оно также показало, что Стамбул внимательно следит за своей оппозицией в изгнании. Как пишет Сапах-Гулян, Мунир Бей, посланник султана, на которого была возложена обязанность контролировать парижскую оппозицию, нанял молодых османских студентов и привел их в лекционный зал, в котором также присутствовали Ахмед Риза и его однопартийцы. Один из них, который без сомнения, отражал настроения своих товарищей, прервал лектора и спросил, может ли такой серьезный ученый говорить в понятиях «религиозной группы»². Стремясь, таким образом, преуменьшить роль армянской идентичности, младотурки по сути выразили свою озабоченность в связи с кампанией, развязанной гнчаковцами, которые, добавив обиду к физическим страданиям, пригласили «иностранца» включиться в дебаты по «внутреннему вопросу» и стимулировать вмешательство европейских посольств в турецкие дела.

Однако другие примеры свидетельствуют о том, что, несмотря на отдельные бури, парижские оппозиционные группы проявляли солидарность и поддерживали довольно близкие отношения. В этом смысле наиболее показательной была встреча лидеров младотурок с революционерами Гнчака

вскоре после описываемых событий. Риза и Назим предложили представителям СДПГ работать вместе и «внести общий вклад в движение по национальному возрождению». Они предложили «забыть старые ссоры»³. Зная о явной антипатии Ризы к революционным методам своих армянских оппонентов, можно задаться вопросом о том, почему османский Комитет единения и прогресса (КЕП) искал сближения с гнчаковцами. Вполне возможно, что Риза и Назим надеялись получить выгоду из той популярности, которой гнчаковцы пользовались в то время, или даже из их отношений с отдельными группами парижских интеллектуалов. Возможно, они надеялись также обуздать проводимую гнчаковцами антигамидовскую кампанию, которую они считали антиосманской.

Захват Османского банка активистами Армянской революционной федерации (АРФ) 26 августа 1896 года — еще одно событие, которое можно считать показательным при анализе позиций, занимаемых в то время младотурками и армянскими активистами. Операция, из тех, которые с удовольствием смакует пресса, получила гораздо более широкий международный резонанс, чем погромы осенью и зимой 1895–1896 годов, так как тут были задеты европейские финансовые интересы⁴. Это была уже не мирная демонстрация, как в октябре 1895 года; и здесь французская пресса отреагировала гораздо жестче, заклеймив армян как террористов. Парижские гнчаковцы внезапно почувствовали, что вдруг потеряли все плоды своей пропагандистской кампании за последний год. Лидер СДПГ поэтому попросил о встрече с лидерами АРФ, которые согласились специально прибыть из Женевы, из своей европейской штаб-квартиры и города, где они издавали свой

привычная к такого рода протестам — В. Дадриан отмечает, что это был первый случай в истории империи, — вмешалась; за ней вскоре последовало мусульманское население. Всеобщая резня началась во всех частях города, где жили армяне. Сорок армянских церквей в Стамбуле оставались заполненными беженцами в течение двух недель, пока дворец султана не распорядился издать приказ прекратить охоту на армян: В. Дадриан в своей книге «История геноцида армян» (*Dadrian V. Histoire du génocide arménien*, Paris, 1996. Pp. 216–218) дает обзор этих событий на основе свидетельских показаний европейских дипломатов, находившихся в то время в столице.

¹ Сапах-Гулян С. Указ. соч. С. 150–151. Ученый хотел узнать мнение тогдашнего министра иностранных дел Франции Ганото, прежде чем писать свой обзор. Несмотря на негативную реакцию со стороны министра, который полагал, что его мнение может помешать переговорам, ученый решил броситься в бой.

² Там же. С. 150–151.

³ Там же. С. 163. В своих мемуарах С. Сапах-Гулян утверждает, что он тогда чувствовал, что Риза нуждался в них и больше не относился к ним со своим обычным презрением.

⁴ *Dadrian V. Op. cit.* P. 245–265. Дает краткое изложение фактов и основательный обзор источников относительно самой акции и ее последствий.

официальный орган — «Дрошак». Сапах-Гулян спросил, почему они провели эту операцию. Полученным ответом он был, скорее всего, сильно смущен: идея акции АРФ состояла в том, чтобы привлечь внимание европейцев и положить конец массовым убийствам армян. В частных беседах лидеры Гнчака, не колеблясь, говорили о «политической незрелости»¹. Можно предположить, что конкуренция между двумя организациями за лидерство в армянской среде мотивировала ту показную стратегию, принятую на вооружение АРФ.

Покидая встречу с историком Эрнестом Лависсом и академиком Альбером Вандалем, двумя видными французами, которых Сапах-Гулян попросил вступить за армян, он сталкивается лицом к лицу с Ризой и Назимом, которые буквально «под ручку» входили в парадную дверь здания Сената Франции. Ахмед Риза немедленно воскликнул: «Г-н Гулян-Сапах, на этот раз счет жертв идет на десятки тысяч. [...] Что осталось от армянского вопроса, проекта 11 мая и европейского вмешательства?» А доктор Назим добавил: «В последние дни вырезано более ста тысяч человек: кажется, они не намерены оставить в живых ни одного армянина»². Лидер Гнчака не мог не заметить иронический тон своих собеседников, которые на тот момент предпочли не осуждать эти преступления, а начать подсчитывать их демографические и политические последствия.

Наконец, Комитет Гнчак решил задействовать «тяжеловеса», чтобы развернуть эту антиармянскую тенденцию. Он направил меморандум Жану Жоресу, обосновав в нем борьбу армян против режима Абдул-Гамида и попросив его публично выступить по пресечению антиармянской пропаганды во французской прессе. Сапах-Гулян отмечал, что лидер французских социалистов прежде отвергал эту идею из опасений по поводу «армянского национализма». Однако после разговора с Сапах-Гуляном Жорес согласился броситься в бой, признав, тем не менее, некоторые опасения по поводу того, что

ему придется отстаивать ту же позицию, что и некоторые проармянские круги французских консерваторов³.

Первое выступление Жореса состоялось 3 ноября 1896 года в галерее Парламента, которая была забита публикой под завязку. Заседание открыл Денис Кошен, но Жорес не стал брать слова, пока консерваторы не закончили говорить. Его появление в списке выступающих стало сюрпризом — никто не ожидал от него выступления по вопросу внешней политики. Выступление Жореса произвело сильное впечатление на присутствующих и на общественное мнение в целом, в частности тем, что он обвинил правительство Франции за политику, которую оно проводило в отношении Турции в последние четыре года⁴. Его полуторачасовая речь послужила началом проармянского движения во Франции. Парижские газеты, которые, как всем было известно, получали щедрые субсидии от агентов османского султана, вынуждены были поменять тональность.

В конце 1895 года в отношениях между младотурками и армянскими активистами наступила ощутимая разрядка. Перемены внутри движения младотурок, безусловно, способствовали созданию условий для эффективного сотрудничества различных оппонентов гамидовского режима. Прибытие в Европу Мурад-бея Мизанчи в начале 1895 года уже способствовало установлению связи между группами КЕП в Стамбуле и странах Европы, которые долгое время оставались изолированными. В отличие от Ахмеда Ризы и доктора Назима Мурад-бей, который долгое время работал в гамидовской администрации, тем не менее выступал в пользу европейского вмешательства и сближения с армянскими революционными комитетами, чтобы сформировать единый фронт. С декабря 1895 года он начал издавать в Каире журнал «Мизан» [«Баланс»], который имел значительное влияние в кругах, которые симпатизировали младотуркам⁵. Он бросил вызов антиреволюционной позиции Ахмеда Ризы и нанес ему смертельный

¹ Сапах-Гулян С. Указ. соч. С. 164.

² Там же. С. 166–167.

³ Там же. С. 172–173.

⁴ Там же. С. 173.

⁵ Hanioglu M. Ş. Op. cit. Pp. 79–81. Мизанчи Мурад-бей (1853–1912) — туркоговорящий выходец с Кавказа, родился в Тифлисе. Редакция положительно отреагировала на призыв Мурад-бея к союзу с армянскими революционными комитетами, который прозвучал в первом номере «Мизана», изданном в Каире. В частности, она оценила четкое и ясное осуждение массовых убийств, организованных султаном: «Открытое письмо Мураду-бею», «Гнчак», № 4, 29 февраля 1896. С. 25–27 (на арм. яз.).

удар по возвращении того в Париж в июле 1896 года на заседании, где избирался новый состав центрального комитета и где Риза утратил поддержку большинства. Мурад возглавил этот комитет, а доктор Назим стал его заместителем¹. По инициативе Мурада младотурки установили более теплые отношения с армянами, в частности с АРФ². В апреле 1897 года турецкие спецслужбы перехватили сообщение, направленное из французского отделения АРФ в комитет в Эрзуруме, в котором говорилось, что отныне армянские организации и КЕП объединились ради общей цели — свержения султана³. Мы не находим никаких следов такого соглашения в армянских источниках, но вполне правдоподобно, что все ветви КЕП были прямо связаны с Парижем, после того как константинопольское отделение было распущено под давлением политической полиции султана⁴. С той поры на длительный срок АРФ стала основным армянским партнером младотурок, даже если мы не станем придавать чрезмерную важность этому исходному сближению.

Объединение АРФ и КЕП вокруг общей цели представляется вероятным, тем более, что структура турецкого сообщества в Париже изменилась в 1896–1897 годах с приходом в город офицеров и военных врачей⁵. Однако возвращение в июле 1897 года Мурада Мизанчи в Стамбул, который согласился вернуться туда после переговоров с пред-

ставителями Абдул-Гамида, позволила Ахмеду Ризе вернуть себе руководящую роль в КЕП⁶, что замедлило сближение младотурок с армянами. Но наиболее ярким элементом того времени было возрастание влияния каирского отделения КЕП, которое изменило направленность всей организации⁷. Как указывал Ханиоглу, после первого объявления политического союза всех османских групп под идеей Ризы об османизации общества и секуляризации государства и последующей защиты консервативной политической линии Мурад-бея, приветствовавшей внешнее вмешательство, КЕП принял свою новую программу, которая призывала к примирению ислама с современностью на основе конституционной системы⁸.

Вполне вероятно, что армянские комитеты видели эти изменения. Как бы там ни было, турецко-армянская оппозиционная делегация во главе с Ахмедом Ризой приняла участие в Гаагской мирной конференции 1899 года, где она распространила совместный меморандум. Лидера турецкой эмиграции там сопровождали армяне Минас Чераз, личность, конечно, известная, но определенно независимая, и Пьер Анмегян, один из наиболее преданных последователей Чераса. Другими словами, в делегации не было никого из армянских революционных партий. Тем не менее инициатива отправить совместную делегацию на конференцию оказалась успешной, так

¹ *Hanioglu M. Ş. Op. cit.* Pp. 83–84. В империи отделения КЕП создаются в основном в районах, куда ссылались младотурки, такие как Ангора, Кастамону и Мамурет уль-Азиз; они также создаются в городах, где стоят гарнизоны, таких как Эрзурум, где местный комитет установил связь с армянскими организациями. В марте 1897 года Сетрак Пастермаджян был арестован за получение денег из Европы и раздачу их среди членов эрзурумского КЕП. Там же. С. 87.

² Микаэл Варандян в своей книге «История Армянской революционной федерации» (т. II, Каир, 1950. С. 2, на арм. яз.) рассказывает, что в Женеве, где он оказался в 1896 году, Тунали Хильми и его друзья из младотурок часто посещали редакцию журнала «Дрошак», и добавляет, что после захвата Османского банка Ахмед Риза посетил их и предложил им примкнуть к борьбе против султана при условии, что они откажутся от реформ, изложенных в статье 61 [Берлинского договора], и от своих революционных методов.

³ *Hanioglu M. Ş. Op. cit.* P. 87.

⁴ Отделение, созданное в Салониках в 1897 году, дало Талату-бею возможность впервые выйти на политическую сцену; он состоял в переписке с Ахмедом Ризой в 1902 году. Однако в период с 1897 по 1906 год отделение работало плохо. Там же. С. 88.

⁵ *Ibid.* P. 89.

⁶ *Ibid.* P. 100 и 110. Риза вновь стал во главе комитета в начале 1898 года и по-прежнему поддерживался д-ром Назимом.

⁷ *Ibid.* P. 102. Местное оппозиционное движение, почти полностью контролируемое улемой, возглавляемой Ходжой Мухеддином, выступало за революцию, которая помогла бы в распространении ислама и «слова Аллаха». Позже это движение стало частью египетского отделения КЕП, но при условии, что КЕП прекратит принимать в свои члены христиан и будет отстаивать политическую линию на объединение мусульманских элементов Османской империи.

⁸ *Ibid.* P. 103.

как привлекла благожелательное внимание европейских делегатов¹. Ограниченное число армянских делегатов не должно нивелировать саму новизну этого общественного процесса, основными получателями выгоды от которого оставались младотурки, искавшие таким образом пути для привлечения на свою сторону европейского общественного мнения и для придания себе образа либералов. Кажется, что и Абдул-Гамид прекрасно понимал это, так как включил Дирана Келекяна², журналиста, известного своим проницательным анализом османского общества, в состав официальной османской делегации³.

Положения, выдвинутые Армянской революционной федерацией (АРФ) после того как КЕП призвал весной 1898 года все оппозиционные силы к единству⁴, — хороший показатель положительного, но и скептического отношения в армянской среде. Армянские лидеры, как им казалось, уловили перемены в КЕП, который «решился наконец раз и навсегда оставить свою пассивную позицию и перейти к активной фазе действий». «До сих пор, — как далее писал «Дрошак», — мы воспринимали с некоторым скептицизмом возможности, образ и принципы деятельности младотурок, а также серьезность их приверженности реформам — в этом убеждает многолетний опыт. За последние двадцать лет мы ни разу не видели, чтобы эта партия пыталась протестовать в активной форме против небывалой несправедливости и вопиющих преступлений коронованных убийц. Нам никогда не попадались на глаза турецкие революционеры — мы видели только турецких «либералов» и турецких «пацифистов», которых очень много и сре-

ди нас [армян]. Мы видели множество безрезультатных меморандумов, мы докучаем Европе своими просьбами и мольбами, своими вздохами и причитаниями... Идеи, проповедуемые младотурками, к сожалению, не пали на плодородную почву среди турецкого народа и не создали там никакого общественного движения. Программа младотурок была утопической. Они сделали огромную ошибку, заявив, что «революция придет сверху»... Сегодня, однако, мы рады видеть, что отдельные группы, которые... откололись от этого движения, исповедуют более радикальные идеи... [и] пригласили нас проявить солидарность с ними... Если сегодня и существует определенный антагонизм между османскими турками и османскими армянами, то вина за это лежит в основном на правительстве. Мы убеждены, что в будущем, когда в Турции сложатся приемлемые политические условия, наши два народа продолжат жить в мире и гармонии и, объединив усилия, проложат свою дорогу к высшей форме цивилизации... Неважно, что некоторые из дряхлых младотурок, которые ничего не знают о нашей деятельности, распространяют о нас инсинуации и выставляют армянские комитеты перед лицом всей Европы как «разрушителей турецких деревень» и вкладывают слово «сепаратист» в уста армянских революционеров. ...Господа, вы несомненно твердо решили покончить со своим старым бредом, с умеренностью, медленным прогрессом, эволюцией и другими подобными расплывчатыми понятиями, в которые погружены ваши старческие братья. Среди нас, армян, также есть пустоголовые философы, именующие себя «эволюционистами» и сторо-

¹ Ibid. P. 128. Ризе удалось убедить улему аль-Азхара представлять все отделения КЕП: то, что Риза стал убеждать улемы в том, что он представляет все движение, демонстрирует его новый подход. Д-р Назим, его доверенное лицо, отмечает, что Риза с подозрением относился к нетуркам, считая их ненадежными (там же. С. 136).

² Диран Келекян (1862, Кайсери — 1915, вблизи Сиваса), первоначально активист Гнчака, присоединился к движению младотурок после 1896 года, во время своего пребывания в Лондоне и Париже; он входил в группу тех, кто вернулся с Мизанчи Мурадом; именно в это время он сближается с Ахмедом Джелаледдином, руководителем разведслужбы («Дрошак», приложение на 40 страницах от 15 апреля, 15 июля, 15 ноября и до 15 декабря 1899 года. С. 35; «Дрошак», № 9/89, 30 сентября 1898 г., «Письмо из Константинополя, 1/13 октября 1898 г.»; главный редактор известного ежедневника «Сапах» (1897–1899 и 1909–1915 гг.). Во время своей ссылки в Каир возглавлял отдел политики в *Journal du Caire* (с 1904 по 1909 год). Будучи близок к некоторым фигурам в османском суде, в 1905–1906 годах помог Бахаеддину Шакиру организовать КЕП в 1905–1906 гг. Был депортирован в апреле 1915 г. (*Албояджян А. История армянской Кесарии. Т. II, Каир 1937. С. 2071–2074* (на арм. яз.).

³ *Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 128.*

⁴ «Молодая Турция». См: «Дрошак», орган Армянской революционной федерации, № 4/84, 30 апреля 1898 г. С. 42–43.

нящиеся революции. Эволюция, однако, — неопределенное понятие, которое каждый, включая необузданного тирана, может использовать в своих целях при разработке своих программ, будь то политических или любых иных... Вы тоже должны мобилизовать свой народ, чьи горькие страдания вы очень хорошо знаете. Этим несчастным людям также пытаются... Они поражены, как и рабы из других религий, и так же ползают на коленях перед тиранами и эксплуататорами из своей собственной расы... К несчастью, ваши священники, ссылаясь на Коран, только укрепляют и благословляют ненависть ко всему новому. Спасите людей от этой смертельной неподвижности»¹.

Этот длинный ответ АРФ, выданный в форме лекции и проникнутый местами безапелляционным тоном, подводит итог восприятия членами федерации движения младотурок. Это восприятие, основанное на «многолетнем опыте», подтвердило, по мнению армянской стороны, что «младотурки» не приняли на вооружение «радикальные» методы, в применении которых АРФ считала себя чемпионом. Надо сказать, что в этот период ожесточенные столкновения войск с армянскими партизанскими отрядами в восточных провинциях Турции происходили почти ежедневно; и каждый выпуск журнала «Дрошак» между 1890 и 1900 годами описывает такие столкновения и приводит биографии бойцов, павших в битвах. Жизни этих «мучеников», которыми платило сопротивление АРФ режиму Абдул-Гамида, несомненно объясняют то чувство партии, что она была единственным оппозиционным движением, которое сражалось с «тиранией» султана на практическом уровне.

Реакция АРФ на Гаагскую мирную конференцию 1899 года также показательна для объяснения того раздражения, кото-

рое федерация вызывала у европейских держав. Тон «Декларации, адресованной общественному мнению цивилизованного мира» по случаю конференции саркастический, почти циничный и в любом случае отражающий разочарование теми пассажами, которые формировали внешнюю политику европейцев и их равнодушие к погромам 1894–1896 годов². В «Декларации», однако, не найти ни слова о решении Ризы принять участие в конференции в составе смешанной делегации из турок и армян.

Над этими событиями стоит поразмышлять еще и потому, что они отражают как политические игры, которые вела османская семья, так и открытость АРФ к диалогу, а также маневры, которые султан совершал с целью заставить замолчать армянскую оппозицию в изгнании, что ему частично удалось с помощью младотурок. Он далее вступил в политические переговоры с этой партией, даже не прерывая своей репрессивной внутренней политики. Для того чтобы открыть дискуссии между Блистательной Портой и АРФ Дашнакцутюн, которые стали достоянием общественности только тогда, когда они были прерваны 11 марта 1899 года, Абдул-Гамид делегировал Артина-пашу Дадыана, заместителя своего госсекретаря по иностранным делам, отпрыска одного из великих армянских родов, который служил османскому государству на протяжении поколений. 28 октября 1896 года сын Дадыана Диран-бей Дадыан прибыл в Женеву и встретился с западным бюро АРФ, которое группировалось вокруг ежемесячника «Дрошак». Посланный принес ясную мысль: АРФ должна отказаться от своих насильственных действий. Взамен султан пообещал проведение фундаментальных реформ в стране в течение ближайших девяти месяцев³. По словам редакторов «Дрошак», операция «Ханасор»,

¹ «Первый шаг». См.: «Дрошак», № 6/86 от 30 июня 1898 г. С. 59–60 (на арм. яз.). Отмечает, что «Мешверет», «который еще несколько месяцев тому назад беспардонно напал на армян и болгар», сам призвал к солидарности всех противников гамидовского режима.

² «Политическая драма или фарс?» См.: «Дрошак», № 4/95 от 30 апреля 1899 г. С. 50–51 (на арм. яз.). В разделе общей информации на с. 56 редакторы указывают, что местные армянские общины провели множество встреч как раз в преддверии конгресса, в том числе в Болгарии, чтобы проголосовать за меморандум, который следует направить председателю конференции; они отмечают также, что на этих собраниях Минас Чераз был избран в качестве делегата, чтобы изложить на конференции их требования; «Заявление АРФ и Верховного македонского комитета для общественного мнения цивилизованного мира по случаю мирной конференции» («Дрошак», № 5/96, май 1899 г. С. 1–2) (на арм. яз.) было распространено по делегациям 3/15 июня 1899 г.

³ Там же. С. 59. Другой эмиссар, Вагинак Аджемян, повторил предложение султана от 4 февраля 1897 г. (с. 60); а третий эмиссар, Трад Дадыан, двоюродный брат первого, встретился с руководством «Дрошака» в Женеве 26 октября 1897 г.

проведенная 25 августа (6 сентября по новому стилю) 1897 года силами специальных подразделений («коммандос») против курдского племени, которое участвовало в антиармянских погромах в регионе Ван годом ранее, а также неудачная попытка взорвать Дворец Йылдыз 6 (18) августа заставили Абдул-Гамида принять требования АРФ всемерно.

Как опытный политик, султан прибегнул к своим обычным методам, стремясь пустить пыль в глаза армянским революционерам, как он пытался сделать это с младотурками. По приказу государя, Трдат-бей Дадян, племянник Артина-паши, провел почти восемь месяцев в Женеве, уехав оттуда только в марте 1899 года. Продолжительность его пребывания свидетельствует о серьезности и определенности этой инициативы. Хотя она оказалась неудачной, она все же позволила Блистательной Порте получить требования армян: АРФ по просьбе Артина-паши представила перечень реформ, на которых настаивала федерация¹.

Очевидно, что движение младотурок в изгнании, после «сдачи» «Мизанчи» Мурада, в очередной раз обрело позитивистского лидера умеренного толка, несмотря на то что его линия не пользовалась единодушной поддержкой. Другими словами, движение было парализовано и ему было трудно вербовать новых членов из кругов оппозиции султану. Его неоднократно критиковали за отсутствие решимости к действию.

В 1899 и 1900 годах дискуссия между младотурками и армянами велась в их соответствующих газетах, что указывает на то, что стороны, несмотря ни на что, были заинтересованы друг в друге. Часто в этих газетах вспыхивал старый спор о том, стоит ли создавать общий фронт против гамидовского режима. Так, анонимное письмо, напечатанное в «Дрошаке», сообщило, что в середине 1899 года Тунали Хильми² распространил в Каире свою декларацию, призывающую к съезду «мусульман и немусульман»

с целью создания «Османского комитета», и что Дамад Махмуд-паша и двое его сыновей, члены императорской семьи, бежали из Стамбула, чтобы присоединиться к оппозиции младотурок в изгнании. Анонимный автор письма отмечает также, как бы в ответ на критику своих армянских собеседников, что Османли не разделяет антиреволюционные позиции «Мешверета» и что «очень многие младотурки поддерживают революционные методы»³. Это — одно из свидетельств того факта, что АРФ удалось внедрить революционные идеи в определенные круги младотурок, особенно офицеров, окончивших Военную академию.

«Открытое письмо к армянам» Дамада Махмуда-паши, отправленное им из своего парижского изгнания летом 1900 года, стало первым надежным признаком того, что оппозиционные младотурки хотели объединить энергию всех тех, кто против султана, даже если в письме во всех бедах империи обвинялся один Абдул-Гамид. Махмуд выразил сожаление по поводу «ужасной резни», устроенной султаном, и в то же время критиковал армян за то, что они держатся на слишком большом расстоянии от турок. Он закончил свое письмо призывом к единству, восстановлению конституции и созданию «федерации с турками»⁴. Последняя фраза была беспрецедентной: исходя из фигуры масштаба Дамада, она была сказана не для красного словца, но с многообещающим приглашением построить «новую Турцию».

Реакция редакторов «Дрошака» показала, что они восприняли предложение принца Дамада серьезно:

«Было время, когда мы постоянно приглашали турок объединиться с нами в борьбе и недоумевали по поводу их безразличия к ужасному положению Турции... Теперь роли поменялись: турецкие активисты призывают нас к «союзу» и обрушиваются на нас с упреками, а мы, к сожалению, вынуждены, несмотря на наше глубокое сочувствие в принципе, занимать неопределенную по-

¹ Там же. С. 60–61.

² *Bozarslan H. Les Courants de pensée dans l'Empire ottoman, 1908–1918, Thèse de doctorat, école des hautes études en sciences sociales, 1992. Vol. II. P. 34, note 313.* Автор указывает, что Тунали Хильми был тогда одним из немногих активистов младотурок, кто выступал за вооруженное восстание (*Mardin Ş. Jön Türklerin Siyasi Fikirleri. 1895–1908, Ankara, Türkiye İş Bankası Yayınları, 1964. S. 96*). Поэтому вполне возможно, что Тунали Хильми был анонимным автором письма, указанного ниже.

³ «Молодая Турция». См.: «Дрошак», № 1/102, январь 1900 г. С. 5 (на арм. яз.). Письмо «младотурка» также свидетельствует о том, что Комитет младотурок в предыдущем году отправлял делегацию для встречи с османскими дипломатами, дислоцированными за рубежом, чтобы предложить им войти в состав Комитета.

⁴ «Дрошак», № 7/108, сентябрь 1900. С. 101–102 (на арм. яз.).

зицию... «Давайте объединимся» — превосходная идея. Но с кем и как? Армянские революционеры на сцене уже долгое время и давно ведут борьбу, во имя которой нам предлагают объединиться. Но где же борцы-турки? На сегодняшний день мы видим только отдельных лиц и разрозненные группы; люди заняты пропагандой на бумаге, так что нам еще предстоит поискать активных борцов и агитаторов. Отрезанные от широкого турецкого населения и зависимые от поддержки ничтожной части турецкой интеллигенции, младотурки — это все еще политики, надеющиеся на «революцию сверху»; они слабы, дезорганизованы и, следовательно, по-прежнему неактивны; это — мужчины, которые предпочитают слова делам... О, если бы они, по крайней мере, вели свою словесную пропагандистскую кампанию в правильном направлении — на удовлетворение подлинных культурных потребностей своего народа! Но почитайте печатные творения младотурок — вы не найдете там ни одного вызова тем внутренним силам, которые удушают турецкое общество... «Наша история богаче европейской, и у нас больше терпения», — пишет кто-то из них. А кто-то неуважительно повторяет, что «нет такого зла в Турции, какого бы не существовало в еще большей мере в так называемой просвещенной Европе». Нам внушают, что единственное зло — это лично султан Гамид; и кризис, который терзает Турцию четверть века, — полностью результат его капризов. Если Гамид исчезнет, Турция станет образцовой страной: вот что хором повторяют все младотурки»¹.

АРФ была не единственной организацией, которая отреагировала на предложения принца Дамада. СДПГ также заставила себя услышать в лице Сапах-Гуляна. Он отметил, что турецкое государство организовано таким образом, что нет никакой реальной связи между ее различными элементами; ни одна организация не стремится объеди-

нить их в русле солидарности с престолом, и если страна не будет реорганизована на новом фундаменте, она обречена на исчезновение². Наконец, Сапах-Гулян напомнил своим читателям: «Самые умеренные желания и краткосрочные цели, выдвинутые армянским народом и армянскими боевыми группами, никогда не стояли в оппозиции к реальным и постоянным интересам Турции как государства. То, чего армяне требуют сегодня, ни в коей мере не призвано ослабить или парализовать Турцию, расчленив ее и, в конечном счете, уничтожить и стереть в порошок турецкий народ, восстановив на этих развалинах дом для армян. Скромное стремление армянского народа направлено на проведение реформы, и все политические, экономические и социальные институты, которые он стремится создать, таят в себе семена не разрушения Турции, а ее обновления»³.

Эти ответы на приглашение Дамада Махмуд-паши — обобщение политического видения армянских комитетов и отражение их решимости помочь в восстановлении общего государства. Предложение османского сановника выковать «армяно-турецкую федерацию»⁴ — несомненное отражение идеи создания и становления нового государства, которую разделяли определенные либеральные круги, вышедшие из элиты Османской империи. Однако армянские комитеты, все еще потрясенные насилием в отношении своих соотечественников в восточных провинциях страны, скептически относились к возможности связать свою судьбу с судьбой этой оппозиции, слабость и нереальные цели которой они подчеркивали.

В конце первого этапа сближения между младотурками и армянскими революционерами встает перед нами важный вопрос: почему в значительной степени легитимная оппозиция младотурок стремится сотрудничать с революционерами? На первый взгляд, все разное у принца из османского

¹ «Союз с турками». См.: «Дрошак», № 8/109, октябрь 1900. С. 113–116 (на арм. яз.).

² Сапах-Гулян С. «Молодая Турция», «Гнчак», № 7, 15 декабря 1900 г. С. 71–75 (на арм. яз.). Оставшаяся часть исследования была опубликована частями в январском (с. 2–7), февральском (с. 10–13) и мартовском (с. 18–22) номерах 1901 г.

³ Сапах-Гулян С. «Молодая Турция», «Гнчак», № 2, 10 февраля 1901 г. С. 11 (на арм. яз.). Материалы по истории Армянской революционной федерации. Т. II, Бейрут, 1985. С. 379–380 (на арм. яз.). Циркуляр, распространенный Западным бюро АРФ, Женева, 3/16 октября 1900 г., объявлял о начале публикации «Pro Armenia» на французском языке за счет партии и призывал местные комитеты присылать материалы о ситуации в провинциях.

⁴ Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 170.

правлящего дома и армянского интеллигента — приверженца социализма, который поддерживает даже революционное насилие. Часть ответа несомненно заключается в том общем образовании и общих культурных истоках членов этих двух элит, которые обе говорили по-французски и вращались в среде европейской социально-политической концепции. Еще одну причину нужно искать в существовании обширной сети групп армянских боевиков, способных действовать в самых разных регионах империи и отличающихся железной дисциплиной, духом самопожертвования и непоколебимой преданностью: у движения младотурок ничего этого не было. Мы также не должны забывать о том, что элита младотурок, особенно та ее часть, у кого корни были в османских судебных органах или верхних эшелонах государственной власти, обязательно имели контакты с высокопоставленными официальными лицами из армян, которые выбрали для себя путь служения государству и делали это с такой эффективностью, которую никто и не думал оспаривать. Кроме того, та же элита младотурок понимала важность для страны армянских и греческих предпринимателей, которые были вдохновителями индустриализации Турции. Наконец, мы не должны недооценивать влияние тех проармянских сетей, которые армянские комитеты сумели развернуть в Европе, равно как и их способность мобилизовать общественное мнение Запада, что явилось эффективным противо-

ядием от пропагандистской кампании Абдул-Гаида и его агентов, проводимой за счет крупных «субсидий»¹.

Первый этап армяно-турецких переговоров также выявил и антагонистические позиции двух основных групп младотурок по таким основным вопросам, как иностранное вмешательство и местная автономия. Оргкомитет, в самом деле, пошел на то, чтобы запросить у Ризы его мнение о составе списка приглашенных. Казалось бы, члены старого османского КЕП должны были быть против армянских комитетов, и особенно АРФ². Но вся стратегия Дамада Махмуда заключалась в идее сближения между младотурками и армянами³. Поэтому он решил нейтрализовать Ризу, пригласив представителей трех армянских партий: АРФ и Вераказмял Гнчак, которые приняли приглашение, и Гнчак, который от приглашения отказался⁴. Каждый комитет был представлен тремя делегатами и согласился работать в координации с другими. В январе они провели подготовительные встречи с двумя принцами и Исмаилом Кемалем-беом, чтобы убедиться в том, что отправной точкой переговоров будут статья 61 Берлинского договора и Меморандум от 11 мая 1895 года. Аветис Агаронян возглавлял делегацию дашнаков⁵. Армянскую сторону также представляли три парижских ветерана антигаимдовского фронта — Минас Чераз⁶, Карапет Басмаджян⁷ и Аршак Чопанян⁸. В делегацию младотурок среди прочих⁹ были включены

¹ Ibidem.

² Ibid. P. 173–183. Принц Сабахеддин объяснял в своем призыве к созыву этого конгресса: «Учитывая то, что гражданские права всех жителей Османской империи будут продолжать нарушаться, если текущая ситуация сохранится, то необходимо, чтобы все элементы османского мира сумели, от имени своих общин, выковать единый союз всех сил». Призыв воспроизведен в работе Й. Х. Баюра. См.: *Bayur Y. H. Türk Ėnkilabi Tarihi*, IV, Ankara, 1966. S. 294 (цитируется Бозарсланом в своей диссертации, указ. соч. Т. I, примечание 871. С. 223).

³ Ibid. P. 182.

⁴ *Сапах-Гулян С.* Несущие ответственность. С. 182. СДПГ дистанцировалась от движения младотурок до 1906 г.

⁵ Отчет армянской делегации. «Конгресс османских либералов». См.: «Дрошак», № 2/12, февраль 1902 г. С. 23–26 (на арм. яз.). *Варандян М.* Указ. соч. С. 2.

⁶ Минас Чераз (1852, Константинополь — 1929, Париж) — член армянской делегации, которая старалась попасть на Берлинский конгресс 1878 года; будучи в изгнании, в Лондоне в 1889 году издавал газету «Армения» на французском языке; после переезда в Париж в 1898 г. продолжал издавать ее до 1906 года. Вернулся в Стамбул в 1908 г. См.: *Армянская советская энциклопедия*. Т. IX, Ереван, 1983. С. 11 (на арм. яз.).

⁷ Карапет Басмаджян (1864, Константинополь — 1942, Париж) — врач, фармацевт и филолог, издавал газету «Банасер» в Париже с 1899 по 1907 г. См.: *Армянская советская энциклопедия*. Т. II, Ереван, 1976. С. 304–305 (на арм. яз.).

⁸ Аршак Чопанян (1872, Константинополь — 1954, Париж) — писатель и издатель, сосланный в Париж в 1895 г. См.: *Армянская советская энциклопедия*. Т. IX. С. 59–60 (на арм. яз.). Поскольку он был близок к тем гнчакцам, которые вышли из партии в сентябре 1896 г., и основал партию «Вераказмял Гнчак», можно предположить, что именно он представлял партию на конгрессе.

⁹ *Hanioglu M. Ş.* Op. cit. P. 184.

Гусейн Тосун¹, Исмаил Хаки², Хоча Кадри, Черкез Кемаль, д-р Лютфи, Мустафа Хамди, Али Фехми³, д-р Назим и Юсуф Акчура.

4 февраля 1902 года конгресс открыл принц Сабахеддин (чей отец только что умер). Было проведено шесть заседаний, которые по просьбе армян велись на французском и турецком языках. Только несколько греческих, албанских и курдских делегатов принимали участие, а что касается македонцев, то они даже не были приглашены. Таким образом, конгресс быстро превратился в разговор с глазу на глаз между группами младотурок и армянской делегацией. Один из самых принципиальных вопросов, который был поставлен с самого начала, — вопрос об иностранной интервенции. Сабахеддин и некоторые другие участники конгресса выступали за интервенцию, а среди тех, кто голосовал против, согласно архивам Бахаеддина Шакира, были Абдулхалим Мемдух, Абдурахман Бедирхан (представлявший газету «Курдистан»), Ахмед Ферид, Ахмед Риза Али Фахри (из редколлегии «Османли»), Али Фехми, Альберт Фуа, Мустафа Хамди, д-р Назим и Юсуф Акчура⁴. Большинство из двадцати пяти делегатов проголосовали против предложения, выдвинутого на третьем заседании конгресса восемнадцатью представителями меньшинств, снова обсудить вопрос об иностранной интервенции.

Совместная декларация все же была выработана, чтобы «напомнить европейским державам, что их обязанность, а также в общих интересах человечества, следить за тем, чтобы положения договоров и международных соглашений между ними и Блистательной Портой воплощались в жизнь таким образом, чтобы защитить интересы всех частей Османской империи»⁵. Заслуга декла-

рации — как в обобщении вопроса о внешней интервенции, так и не менее спорного вопроса о том, как реализовать обещанные реформы — этот вопрос превыше всего волновал армян и македонцев. И все же декларация получилась слишком размытой с точки зрения армянской делегации, которая торжественно заявила, что армяне «готовы сотрудничать с либералами Османской империи в любой совместной деятельности, направленной на смену нынешнего режима»; что «помимо этих совместных действий, армянские комитеты будут заниматься своей конкретной деятельностью, при этом прекрасно понимая, что эти действия направлены против существующего режима, а не против единства и органического существования Турции»; и что «их конкретные действия не преследуют иной цели, кроме немедленной реализации статьи 61 Берлинского договора и Меморандума от 11 мая 1895 года и приложения к нему»⁶. Все свелось к согласию сотрудничать в деле сохранения территориальной целостности Турции, сохраняя при этом полную автономию, когда речь идет о проведении реформ в восточных провинциях.

Ахмед Риза и его сторонники были, понятное дело, против этой декларации⁷, так что Сабахеддину пришлось предложить другой вариант. Он призвал «к реализации законных чаяний армян при поддержке государства и местных администраций тех провинций, которые они населяют, а также всех других провинций; созданию центрального правительства, основанного на либеральных идеях, как лучший способ гарантировать соблюдение национальных прав, а также нормальное функционирование правительств провинций, от чего армяне выиграли бы на тех же основаниях и в той же

¹ Депутат от Эрзурума, директор агентства «Милли» в 1915 г.

² Исмаил Хаки (1889–1948): *Zürcher E. J. The Unionist Factor*. P. 78.

³ Редактор «Мувазене» (Женева), пантюкистский пропагандист, в 1908 г. находился в Афганистане: *Zürcher E. J. Op. cit.* P. 74.

⁴ *Hanioglu M. Ş. Op. cit.* Pp. 189–192.

⁵ *Ibid.* P. 195.

⁶ *Ibid.* Pp. 193–194. См. также объединенный отчет АРФ и «Вераказмял Гнчак» «Конгресс османских либералов», «Дрошак», № 2/122, февраль 1902 г. С. 25 (на арм. яз.).

⁷ *Hanioglu M. Ş. Op. cit.* P. 155: на встрече в кулуарах конгресса Хусейн Тосун, Исмаил Хаки, Хоча Кадри, Шейх Шевки Джелаледдин, Черкез Кемаль, д-р Лютфи, Мустафа Хамди, д-р Назим, Юсуф Акчура, Али Фехми, Халил Ганим, Ахмед Риза, Али Фахри, Махир Саид, Бабанзаде Хикмет, Джелаледдин Риза, Зеки, Яшар Садик Еребера и Дервиш Хима приняли решение, заседаая в офисах «Мешверета», опубликовать программу из четырех пунктов, подтверждающую законность османского императорского дома, обязательство оставаться верными ему, необходимость возвысить ислам и его цивилизацию, а также его традицию защищать другие религии.

мере, что и все другие народы империи»¹. Таким образом, принц старался удовлетворить желание армян принять участие в управлении теми провинциями, в которых они жили, одновременно предусматривая расширение принципа «административной» децентрализации на другие провинции империи. На самом же деле он преуспел только в том, что разочаровал обе стороны: армяне покинули конгресс перед последним заседанием, которое состоялось 10 февраля 1902 г. Тем не менее тайным голосованием был избран новый центральный комитет организации². Голосование подтвердило, что контроль над движением перешел в руки Сабахеддина и большинства, склонного к британской интервенции и выказавшего теперь единство в критике не только гамидовского режима, но политики султана по «подавлению армян».

Однако большинство также спровоцировало образование «коалиции» меньшинства в рамках движения³. Эта коалиция объединила Ахмеда Ризу и активистов молодой гвардии, в которую вошли многие офицеры. Они обвинили большинство в сотрудничестве с армянами и македонцами и, следовательно, в работе против интересов империи, в частности в том, что большинство базирует свою стратегию в отношении Европы на защите армян с тем, чтобы узаконить эти движения в том виде, как они есть, в глазах европейских руководителей⁴. Таким образом, мы видим появление группы младотурок, чьи убеждения во всех отношениях противоречили деятельности армянских комитетов — даже если, как АРФ после конгресса 1902 года, это меньшинство заняло позицию, которая подкреплялась, в некото-

рой степени, желанием оставаться открытыми или даже примирительными.

По следам прошедшего конгресса начались переговоры между большинством и АРФ, с одной стороны, и македонским комитетом, с другой, в лице Акнуни (Хачатур Малумян) и Бориса Сарафова, соответственно⁵.

Для того чтобы получить полное представление о позициях других армянских комитетов и понять их восприятие движения младотурок, давайте рассмотрим то, как СДПГ отреагировала на конгресс 1902 года. Большая редакционная статья официального органа СДПГ, издававшегося в Лондоне, начинается с напоминания о том, что СДПГ была единственной партией, отказавшейся участвовать в февральском конгрессе 1902 года, и что она приняла это решение «на основе постоянного и тщательного анализа ситуации». На своем общем съезде, который СДПГ провела в тот же период, как рассказывает статья, партия пришла к выводу, что невозможно сотрудничать с младотурками, поскольку «недовольство [существующим режимом] — недостаточное основание для сотрудничества», которое может быть основано только на едином руководстве и общих политических целях. Таким образом, редакция издания утверждает, что существует «высокий барьер между двумя группами», даже если он не так очевиден, так как для младотурок «единственная цель — ввести в действие «жалкую» конституцию Мидхата, никак не меняя безответственный статус абсолютного тирана»⁶.

Затем автор переходит к сути вопроса и излагает позицию своей партии:

«Младотурки любят говорить, что хотят продвигать свою страну мирными средства-

¹ Микаэл Варандян подтверждает, что соглашения не получилось, несмотря на то что армянские представители поддержали принцип территориальной целостности Османской империи, и отмечает, что Риза отрицал существование армянского вопроса и не хотел даже слышать об иностранной интервенции. См.: Варандян М. Указ. соч. С. 2.

² Hanioglu M. Ş. Op. cit. Pp. 195–196: были избраны Сабахеддин, Исмаил Кемаль, Али Хайдар Мидхат, Исмаил Хакки, Хусейн Сиярет, Мусурус Гикис и Жорж Фарди. Позже был достигнут компромисс, и армянской член был кооптирован вместо Сиярет-бея.

³ Hanioglu M. S. Preparation for a Revolution: The Young Turks. P. 13.

⁴ Ibid. Pp. 14, 28. Отметим, например, что д-р Мехмед Назим, видный член меньшинства, резко критиковал смену под давлением великих держав, вали городов Алеппо и Дيارбекира, «за то, что они преследовали христиан и подвергали их зверствам».

⁵ Ibid., chap. 2, note 90; «Дрошак», № 3/123, март 1902 г. С. 37–38 (на арм. яз.), сообщается, довольно эмоционально, о смерти в Сан-Ремо д-ра Исхака Шукути, основателя самого стержня КЕП, уроженца курдского Дيارбекира, «Дрошак», № 5/136, май 1903 г. С. 75 (на арм. яз.), комментарий об интересе к статьям, опубликованным в газете «Османская федерация», которая издавалась в Женеве под эгидой большинства.

⁶ Г. Х. Антагонизм между младотурками и молодыми армянами, «Гнчак», № 2, 1 мая 1902 г. С. 11–14 (на арм. яз.).

ми по эволюционному пути к чисто внутренней революции всех государственных функций и всех законов. Но они ни на мгновение не рассматривали даже возможность поступиться хоть дюймоном своей государственности... Сохранение территориальной целостности государства — такой же символ веры для них, как и для султана, и всех старотурок. В этом отношении они столь же упрямо патриотичны, как и султан, и старотурки, если не более. Следовательно, их революционные устремления и революционный дух — только «домашние», только внутренние. Они хотят реформировать Турцию, возродить и омолодить ее, при этом, как мы уже сказали, не ставя под вопрос свои государственные границы. Отсюда следует, что когда настанет время для защиты государства от внешних посягательств или от внутренних беспорядков и восстания, способных нарушить его территориальную целостность (возведенную до уровня священной догмы) и подорвать органическое единство Турции — одним словом, разделить или расчленив это органическое единство, — то, как мы считаем, младотурки с готовностью и мгновенно забудут все расхождения, которые отличают их от своих соотечественников — старотурок и султана — и вместе с ними ринутся защищать все как один свой общий ватан [«отечество»] от внешних и внутренних врагов. Младотурки говорят: «Давайте совершим революцию в стране, но сначала давайте сохраним ее территориальную целостность».

Нам нечего на это возразить, не так ли? Не станешь же просить их объединиться с врагами их государства, для того чтобы помочь расчленив свою родину.

Вот так в самом корне, в самой основе пролегает та зияющая бездна, та непроходимая пропасть, у которой невозможно представить себе какую-либо солидарность и какое-либо сотрудничество между младотурками и любым революционным движением или политической партией армян. Учитывая диаметрально противоположные устремления последних, которые в основном национальные и принципиально сепаратистские, можно утверждать, что базовый и глубинный конфликт интересов (экономических, политических и социальных) обеих сторон сразу же покажет, как только они столкнутся лоб в лоб в любой конкретной области, что они не

более и не менее как враги, несмотря на то что внешне и не выглядят таковыми.

Некоторые революционеры, продолжает автор, «совершают грубую ошибку»: они хотят «сменить теперешний правящий режим турецкого государства на другой — высококультурного уровня, наподобие режимов цивилизованных народов Европы». Однако у армянских революционеров нет такой миссии. У них нет другой миссии, кроме как избавиться от того рабского ярма, под гнетом которого армянский народ страдал и стоял... на протяжении веков... Из всего сказанного следует, как уже было отмечено, что не может быть никакой солидарности, никакого сотрудничества и никакой федерации между нами, армянскими революционерами, и младотурками... Младотурки сами прекрасно понимают, куда могут привести наши устремления — они прекрасно чувствуют существующий между нами непримиримый антагонизм. Организаторы их конгресса, эти «большие колеса» в лице хитрых кандидатов на должности будущих хитрых турецких дипломатов, используют к своей выгоде флирт с наивными османскими либералами, в который однажды ввязались и все еще ввязываются армянские революционеры, которых пригласили [участвовать в их конгрессе]. Они ссылаются на общий союз народов Османской империи и общие реформы с единственной целью подавить или уничтожить армянское сопротивление, убрав его долой без следа с политической арены.

В заключение автор утверждает, что «до сего дня, говоря о младотурках, мы считали, что они представляют собой организованную группу. Но, оказывается, это не так. На самом деле нет никакой организации младотурок и нет никакой организованной партии младотурок. Есть отдельные лица и небольшие группы, разбросанные тут и там, без твердого внутреннего единства и без организационной структуры, основанной на строгих нормах и правилах. Они держатся вместе не столько за счет политических или социальных связей, сколько за счет знакомств друг с другом, типичных для Востока. Не существует партии младотурок с разветвленными отделениями и филиалами, пронизывающими различные слои населения Турции. Эти два образования, известные как младотурки и турецкий народ — это два различных мира, совершенно чуждые друг другу»¹.

¹ Там же. С. 13–14.

По сравнению с умеренной позицией, изложенной Сапах-Гуляном в феврале 1901 г., эта декларация удивительно радикальна. Как нам объяснить эти изменения в тональности, этот категорический отказ от эксперимента младотурок? Представленная в статье линия аргументов дает нам представление о партийном отношении к младотуркам: их обвиняют в национализме и преследовании каких-то своих тайных целей, призванных похоронить армянский вопрос или инструментализировать его, то есть сделать средством достижения своих целей. Само по себе, однако, этого недостаточно, чтобы объяснить непримиримую прямоту этой статьи,

этого своеобразного «объявления войны». Внутренние дебаты и воссоединение партий Гнчак и Вераказмьял Гнчак, которое произошло в это время¹, или даже информация, которая дошла до центрального комитета, возможно, вынудили гнчакских лидеров радикализироваться и перейти в наступление не только на младотурок, но и на коллаборационистскую политику АРФ сотрудничества с младотурками. Как будто желая дистанцироваться от позиции АРФ, гнчаковцы отвергли, прежде всего, принцип территориальной целостности Турции — обязательную основу любого диалога между оппозиционными младотурками и армянскими активистами.

Коалиция младотурок: идеология созрелости

Острая дискуссия, которая развернулась на съезде османской оппозиции в феврале 1902 г. между большинством, которое сплотилось вокруг принца Сабахеддина, и меньшинством во главе с Ахмедом Ризой, завершила собой раскол между сторонниками децентрализации и диалога с представителями других наций и теми, кто поддерживал централизованное государство, враждебное для нетурок. Эти дебаты были важны тем, что помогли сплотиться небольшому ядру тех активистов, которым предстояло выработать господствующую идеологию младотурок на период 1908–1918 годов.

Образование в августе 1902 года в Париже самостоятельного центрального комитета «Terakki Cemiyeti» («Комитета прогресса»), в состав которого вошли Ахмед Риза, д-р Назим, Ахмед Ферид, Абдулхалим Мемдух, Махир Сайид и Хикмет Сулейман, оформило этот «развод» и показало чисто турецкий состав меньшинства². Официальный орган нового комитета «Şûra-yı Ümmet» («Шура-уи Уммет») заявил в своем первом номере: «Если Европа хочет помочь нам, приняв наше приглашение, то в первую очередь она должна отделить от нас армян и македонцев»³. Это — важный показатель идеологической эволюции Комитета прогресса. Нет сомнений в том, что между Ризой и

активистами существовал определенный антагонизм: Риза был противником революции и насильственных действий и мечтал о создании либерального «общественного мнения», с помощью которого можно сменить режим; активисты же считали, что еще не пришло время для обучения населения и формирования общественного мнения, так как «революция по свержению султана может быть совершена высокопоставленными деятелями государства и военными». У этих двух групп, однако, была важная точка соприкосновения — пантюркизм, который особенно поддерживался Юсуфом Акчурой, видным деятелем новой коалиции⁴.

Национализм и пантюркизм — идеологические выражения централизации и устранения нетурок — стали своего рода ответом не только Сабахеддину, но и дашнакам, которые боролись за административную автономию для восточных провинций. Осенью 1903 года печатный орган коалиции осудил политическую линию принца, потому что любой союз с нетурецкими противниками султана — это химера: «Если христианин... — армянин, он будет мечтать о создании независимой Армении. ...Сегодня болгары и армяне поднимают вооруженное восстание. Турки — свидетели этому; они, конечно, опечалены и чувствуют, что христиане обидели их»⁵.

¹ «Гнчак», № 2, 1 мая 1902 г. С. 1–3 (на арм. яз.). В мае 1902 г., после шести лет неудач, «Гнчак» и «Вераказмьял» объявили о заключении соглашения, которое привело к воссоединению.

² Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 33. Два нетурка из меньшинства — Халил Ганим и Альберт Фуад — были исключены.

³ № 263, апрель 1902 г. С. 1–2, цитируется Ханиоглу. См.: Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 34.

⁴ Ibid. P. 39. Издание «Шура-уи Уммет» переоценивает понятие «национализм» и все чаще начинает использовать термин «турецкий» вместо «османский» (с. 40).

⁵ Ibid. P. 40.

Ничем не примечательные и широко распространенные среди членов коалиции, эти оценки показывают сходство их линии с линией Блистательной Порты, когда дело доходит до вопроса национальностей, то есть — территориальной целостности империи.

Как видим, «турецкий» национализм действительно сплотился в ответ на проявление национальных чувств в других частях империи. Неся на себе явную печать османского наследия, младотурки изначально воспринимали только те движения, корни которых шли из глубин османского христианского мира, который они четко отличали от европейского — также в основном христианского. Как издание «Шура-уи Уммет», так и октябрьский 1903 года номер журнала «Мешверет» внесли небольшой нюанс, заявив, что противостояние исламу есть антитюркизм. Они также сурово критиковали Европу за то, что видит фанатизм только в исламе: «Если турки истребляют расу болгар или вырезают армян, то ими движет исламский фанатизм»¹. В конечном итоге они обвинили Европу в туркофобии и связали такое отношение с антитурецкой пропагандой, проводимой армянскими комитетами.

Действительно, эти комитеты более десятилетия боролись за внимание европейской интеллигенции, особенно во Франции и Великобритании, и особенно после погромов 1894–1896 гг., и сумели сформировать проармянскую сеть, которая направляла свои удары прежде всего против гамидовского режима².

Инциденты, которые имели место летом 1904 г. в ходе англо-армянского конгресса в Лондоне, прекрасно иллюстрируют борьбу между армянскими комитетами и младотурками из коалиции. Ахмед Риза, который был приглашен после некоторых колебаний на лондонский конгресс в качестве «лидера

партии младотурок», попросил слова. Организаторы попросили его выступить на заключительном банкете конгресса. Во время своего выступления перед аудиторией, состоявшей из британских парламентариев и представителей армянской интеллигенции и активистов, Риза откровенно изложил линию своей фракции, за что подвергся атакам французских и итальянских делегатов, которые обвинили его в защите политики султана и использовании фразеологии Блистательной Порты и попросили его замолчать³.

Эти события показывают, насколько трудно для коалиции было понять, даже после некоторого знакомства с основными темами дебатов, будораживших в ту пору Запад, те объективные причины, по которым многие в Европе отвергали политику султана в отношении других национальностей империи. Другими словами, им было трудно понять, что то, что казалось им «естественным» с точки зрения «доминирующей группы», было неприемлемым для западного общества. Нет сомнений в том, что эти младотурки воспринимали антигамидовский курс как антитурецкий и, соответственно, антимусульманский, что вело, в свою очередь, к отрицанию ими Запада. Вполне вероятно также, что такой образ мысли постепенно приводил их к восприятию армян как союзников европейцев, поддерживающих их колониальные замыслы.

Как бы то ни было, коалиция, которую ее противники обвиняли в том, что она «остается националистической, роялистской и мусульманской», видела свою задачу в том, чтобы «втереть очки» либеральной Европе⁴.

Каирская газета «Türk» («Тюрк») — орган египетского филиала движения младотурок, которую редактировал Али Кемаль⁵, предложила еще более радикальную националистическую идеологию. В статье «Один день

¹ Ibid. P. 45.

² Предмет обширен и был специально рассмотрен Акаби Насибяном и Эдмондом Каяджяном. См.: *Nasibian A. Britain and the Armenian Question, 1915–1923*, London, 1984; *Khayadjian E. Archag Tchobanian et le mouvement arménophile en France, Marseille*, 1986.

³ *Haniöğlu M. Ş. Op. cit.* P. 46. Материалы по истории Армянской революционной федерации, IV, Бейрут 1985. С. 95 (на арм. яз.). Д-р Жан Лорис-Меликов был избран членом западного бюро АРФ на третьем конгрессе партии; он отвечал за пропаганду в Европе, был представителем АРФ на лондонской конференции, а также сообщал об этом инциденте и заявил, что французы, итальянские и британские делегаты были возмущены тоном замечаний лидера младотурок.

⁴ Ibid. P. 47. Автор подчеркивает (с. 48), что до 1906 г. коалиция младотурок старалась завоевать общественное мнение в Европе, позже они отказались от этих попыток.

⁵ Али Кемаль (1867–1922), педагог и журналист, присоединился, после революции 1908 г., к противникам юнионистского режима. Обвиненный в сотрудничестве с врагами после Мудросского перемирия, был линчеван кемалистами: *Bozarslan H. Op. cit.* P. 133.

в будущем» она писала: «...История, это вечное зеркало правды событий, покажет в точности, что единственная нация, которая несправедливо столкнулась с враждой всего мира — это турецкая нация. ...Разве справедливо игнорировать явный природный талант нации, которая сумела превратиться из небольшого племени в мощное государство?»¹

В других статьях этой газеты турки представлены как «британцы Востока». Здесь видны основы идеологической конструкции младотурок, в которой сочетались болезненная осведомленность о прошлом и разочарование по поводу окончания золотого века, который новые турки намеревались восстановить под эгидой современного государства.

Газета «Тюрк» постоянно осуждала экономическое проникновение Запада в Османскую империю, которое, как она считала, шло рука об руку с «крестовым походом европейских держав против турок»². Не в состоянии предложить решение этих проблем, редакторы газеты «Тюрк» предпочли просто денонсировать их и считать как бы не существующими. При этом многие авторы подчеркнули важность знаменитого манифеста Юсуфа Акчуры «Три вида политики», который был опубликован именно в этой газете. В нем идеолог наметил ответы на те вопросы, которые волновали умы части турецкой элиты, предложив три альтернативы: паносманизм, ланисламизм и пантюркизм, причем именно последняя считалась правильным выбором³. Подход Акчуры, который призывал перенять некоторые элементы западного мира исключительно в утилитарных целях, отвергая его гуманистические ценности, и одновременно базироваться на политических принципах ислама, показывает сложность того уравнения, которое предстояло решить, и ту интеллектуальную гибкость,

которая требовалась, чтобы ликвидировать этот зияющий разрыв. Юсуф Акчура предлагал сделать это, «черпая вдохновение на Западе, чтобы стать сильнее и прогрессировать»⁴. Так или иначе, это — необходимый шаг, который позволит ученику самоутвердиться против власти учителя.

Тюркизму, однако, также требовалась теоретическая база, на которой он мог бы строить свой порядок и свои интеллектуальные конструкции. У него не было другого выбора, кроме как «черпать вдохновение» из огромного массива социальных наук, неработанного к этому времени в Европе. Он и делал это — примерно так, как рядовой покупатель идет в магазин, чтобы покрыть свои основные потребности в еде и одежде. Такие понятия, как государства, нации, расы, общество, в их позитивистском и более того — эволюционном — смысле стали хлебом насущным новых турок. Многие авторы подчеркивали свое увлечение идеями социального дарвинизма и выведенными из него биологическими и «научными» концепциями построения человеческого общества⁵. В то время эти идеи популяризировались в турецком контексте и служили источником вдохновения для некоторых воинственных активистов, которые не желали ничего более, как внедрить их в практику в османском мире⁶.

В соответствии с видением младотурок, «господствующая нация» Турции должна была унаследовать то владычество, которым потомки Османской империи владели на протяжении более пяти веков. Турецкая нация должна быть наделена особым статусом «старотурок» и, кроме того, той легитимностью, которой они пользовались — своим «естественным» правом на власть. Тем не менее младотуркам нужно было обосновать эту легитимность, за перенос которой в турецкую идентичность они ратовали, хо-

¹ Ibid. P. 65, в соответствии с номером «Türk» от 5 ноября 1903 г.

² Ibid. P. 66.

³ Ibid. P. 67. По мнению автора, манифест был направлен на распространение национализма среди турок, проживающих за пределами Османской империи; он сам происходил из заграничной турецкой семьи. Интересно также отметить, что «Türk» использует термин «ırk» для обозначения всех этнических турок вне зависимости от их религии.

⁴ Akçura Y. Üç Tarz-ı Siyaset, Ankara, 1976. S. 19.

⁵ См. в частности: Bozarslan H. Les Courants de pensée dans l'Empire ottoman, 1908–1918, thèse de doctorat, école des hautes études en sciences sociales, 1992, Vol 2.

⁶ Ханиоглу отмечает (Hanioglu M. Ş. Op. cit. Pp. 67–68), что Ахмед Ферид, один из редакторов газеты «Türk», признался, что «термин «османский» стал использоваться в последнее время в новой коннотации — для сокрытия турецкого доминирования», и что социал-дарвинизм имел существенное влияние среди татар России.

тя контуры этой самой легитимности были определены весьма смутно. Редакторы газеты «Тюрк» систематически подчеркивали значение турецкого культурного наследия и представляли турецкий язык с «его красноречием и совершенством как образец восточного языка самой цивилизованной нации»¹. Это утверждение, которое игнорирует персидский и арабский вклад в османскую Турцию, содержит в себе зерна того тезиса, который в окончательном виде сформулировали кемалистские преемники младотурок, утверждавшие, что турецкий — это «солнечный язык» и мать всех других языков².

Твердо придерживаясь легитимности своей верховной власти, младотурки, однако, готовы были взять на себя только часть наследия империи, когда дело касалось ее нетурецких народов — только ту часть, которая давала им право «властвовать» и взять судьбу страны исключительно в свои руки. Модернизация государства и общества была задачей, возложенной только на «благородный турецкий народ»³.

За построением турецкой идентичности стояла необходимость превратить Османскую империю в современное государство с помощью предпочтительно турецкого класса предпринимателей. Наряду со стойким образом революционных армянских террористов, которым они манипулировали перед западными державами, в речи младотурок появился и образ армянского ростовщика и спекулянта. Развивая этот образ, редактор газеты «Тюрк» отмечал: «Богатство, которое они накопили, искусства, которые они освоили — все это только потому, что они живут за наш счет», и предлагал читателям сделать свои выводы и бойкотировать этих купцов и ремесленников», которые «[в противном случае] еще больше выиграют от естественных последствий»⁴. В этих словах мы уже можем видеть ростки теории «Millî İktisat» («Национальной экономики»), которая стремилась заменить армянских и греческих предпринимателей на «турецких» и мусульманских или, по крайней мере, разорить и уничтожить армянских и греческих. Здесь также просматривается отрицание мысли, что любые успехи армян и греков

могли быть их личной заслугой — нет, только за счет обмана и унижения турок.

Однако, как мы уже говорили, ключевым фактором, определяющим идеологические ориентации коалиции младотурок и их мысленную вселенную, была навязчивая угроза расчленения империи, которую коалиция стремилась предотвратить, опираясь на турецкий национализм, поддерживаемый элитой, «потенциальным освободителем отечества, которое иначе ждет неизбежная катастрофа»⁵. Постоянные контакты с армянскими активистами и вид их решимости и мужества только усиливали озабоченность младотурок по поводу будущего империи. Перед лицом этих четко структурированных организаций, состоящих из преданных боевиков, революционной интеллигенции и партизан, ведущих ежедневную борьбу против гамидовского режима, младотурки, вполне вероятно, задавались вопросом о своей собственной способности организовать мощное движение и решить судьбу страны. Возможно, они даже испытывали своего рода комплекс и видели в армянских организациях пример для подражания, методы которого хотели бы перенять. Хотя такие соображения, очевидно, нельзя было выражать публично, тем не менее они сделали свое дело и, безусловно, способствовали изменению позиции младотурок.

Позиция же младотурок в отношении армянских инициатив — как уже говорилось выше — формировала собственные идеологические рамки: часть концепций уже была разработана, остальные были еще «в работе», но и те и другие формировались на фоне взаимоотношений младотурок с армянскими активистами.

Другими словами, образ армян как нации покорных и в то же время лживых и нелояльных людей, который младотурки унаследовали от Османской империи, в этот период был пересмотрен. Вместо него возникало восприятие армян как чуждой, хотя и знакомой этнорелигиозной группы, которая угрожает доминирующей группе, то есть младотуркам, которые видели себя в качестве просвещенного авангарда турецкого народа.

¹ Ibid. P. 69.

² Bozarslan H. Autour de la «thèse turque de l'Histoire», L'Intranquille, I (1992). Pp. 121–150.

³ Цитируется: Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 71.

⁴ Ibid. Pp. 69–70. Цитирует «Türk», номер от 3 октября 1905 г.

⁵ Bozarslan H. Les Courants de pensée. Vol. II. P. 24.

Лига частной инициативы и децентрализации
принца Сабахеддина: партнер армянских
комитетов в 1902–1907 годах

Историки движения младотурок отмечают, что захват власти в движении большинством принца Сабахеддина не сразу воплотился в программу действий, а альянсы, заключаемые с другими группами османской оппозиции, не давали практического эффекта¹. В течение трех лет, вплоть до 1905 г., не только не проводилось никаких операций против гамидовского режима, но и сам принц мало что говорил о ситуации в Турции.

Тем не менее Сабахеддин основал Лигу частной инициативы и децентрализации. В этом сразу после январского конгресса 1902 г. ему помогал Абдулла Джевет, основатель первой небольшой группы младотурок. Само название лиги говорит о том, что она считала лучшим вариантом вытянуть империю из кризиса. Заядлый почитатель социальных наук, принц был убежден, что одно из условий выживания — создание децентрализованной административной системы, которая «гарантирует защиту моральных и материальных интересов различных рас, населяющих территорию империи»².

Казалось, что принц Сабахеддин убежден, что подчиненный статус, присвоенный нетурецким элементам империи, стоит на пути процесса модернизации. Не отказываясь от принципа политического господства турок, он предлагал своего рода разделение труда, при котором империя получала выгоду от «ноу-хау» каждой группы. Он сделал наблюдение, что «христиане более полно развернули частную инициативу; ее отсутствие парализует мусульман. В отличие от мусульман и турок, в частности, христиане рассчитывают на вознаграждение в виде государственной службы, а защищают свои личные интересы»³.

В таком плане Сабахеддин ставил вопрос о преобразовании отношений «правитель-подчиненный»; только такое преобразование, по его мнению, было способно высвободить творческую энергию и дать возмож-

ность нетуркам проникнуться идеей единого государства. Само собой разумеется, что эта концепция, хотя и предусматривала разделение политической сферы между различными группами, в конечном счете предусматривала демонтаж османской модели и замену ее государством не субъектов, а граждан.

С этой точки зрения, будучи все-таки принцем из османского дома, Сабахеддин анализировал ситуацию довольно здраво: «Если бы меньшинства увидели в оппозиции реальную силу, они изменили бы свое мнение. Но они видят в режиме пресловутую гибельную силу, а в оппозиции — полный вакуум относительно своего будущего. Так что неудивительно, что они склоняются к сепаратистским решениям. Мы также должны помнить, что на протяжении столетий мы считали привилегии христиан не правом, а как сделанным им подарком. Мы жили отдельно от меньшинств, и мы думали отдельно от них. Ничто и никогда не могло сблизить наши социальные перспективы. Так как мы в свое время шли на них войной и завоевывали их земли, нам сейчас нужно смягчить их сердца. Наш долг и наши интересы требуют этого»⁴. Наверное, можно увидеть в этом заявлении первый случай анализа государственным османским чиновником всей истории традиционного отношения господствующей нации к покоренным народам и результат попытки понять положение последних.

Как мы уже отмечали при рассмотрении первого конгресса османской оппозиции, принц Сабахеддин с самого начала уделял армянам особое внимание. Он продолжал делать это и в дальнейшем, предлагая создать «общее отечество», в котором армяне пользовались бы теми же правами, что и турки⁵.

Тем не менее он выдвигал определенные условия. В своем «Открытом письме к армя-

¹ Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 82.

² Ibid.

³ Bozarslan H. Op. cit. Pp. 60–61.

⁴ Fesch P. (secrétaire de Sabaheddin)/ Constantinople aux derniers jours d'Abdulhamid. Paris 1907. P. 50; Bozarslan H. Op. cit. P. 61.

⁵ Ibid. p. 62.

нам», опубликованном в сентябре 1905 г., он осудил терроризм, но в то же время призвал армян к участию в совместном проекте. Сабахеддин писал: «Вместо пропаганды действием, в интересах наших армянских соотечественников было бы гораздо выгоднее пропагандировать свои идеи в турецких кругах»¹. И действительно, с самого своего основания армянские комитеты старались пробудить сознание турецких и курдских народных масс, но без особого успеха, учитывая консервативную и племенную организацию этих сообществ. Принц далее отмечал: «Что бы армяне ни говорили, у них с турками есть прекрасная гармония интересов: обе группы образуют сообщество мирных тружеников, которые мечтают о мире и порядке и подвергаются общей опасности: периодическим нападениям курдских кочевых племен»². Хотя и не сказав прямо об этом, вероятнее всего, принц думал при этом о взаимной дополняемости этих двух групп.

Политическая программа Сабахеддина была умеренной по сравнению с взглядами тюркистских членов коалиции; и она могла привлечь нетурецкие элементы. Официальный орган, который принц начал издавать с апреля 1906 г. под названием «Terakki» («Прогресс»), провозглашал личные свободы, социальное процветание, хорошие отношения между различными группами населения империи, а также право османов противостоять агрессии развитых стран. Сабахеддин даже предложил платформу для защиты прав нетурецких элементов империи. Его программа призывала к политической реформе, основанной на принципе ограниченной автономии провинций и той идее, что система децентрализации административной власти даст возможность провинциям выбирать местные органы власти, которые смогут участвовать в принятии решений, а также консолидировать связи между центральным правительством и местной властью и обеспечить пропор-

циональное представительство различных групп в местных органах власти и равные права всех османских субъектов, независимо от их этнической принадлежности и т.д.³.

Ханиоглу проследил ту реакцию, которую эта программа вызвала среди тюркских членов меньшинства младотурок. Она дает нам возможность оценить позицию тюркистов по вопросам, поднятым в программе.

Ахмед Риза квалифицировал программу как «эластичную, расплывчатую и неясную»; Бахаеддин Шакир, который находился в Париже недавно, отметил, что программа принца может привести только к разделу империи, она выгодна только нетуркам и может быть реализована только за счет турок. В своей секретной переписке лидеры младотурок, которые считали себя законными защитниками отечества, твердили в один голос, что план Сабахеддина может привести империю только к катастрофе, а сам он — предатель и лакей сепаратистских комитетов⁴. Шакир и д-р Назим заклеили его «британским агентом» и добавляли, что он «поддержал программу армян, которые хотят уйти от нас». Юнионисты также набросились на принца с обвинениями в том, что он лишился всякого их доверия и легитимности, так как в его жилах течет грузинская кровь. И, наконец, они заявили, что «этого человека нужно остановить, поскольку он отстраивает децентрализацию»⁵.

Атаки Комитета единения и прогресса были направлены также на сторонников Сабахеддина: «Децентрализация — это политика европейцев и армян, направленная на уничтожение османизма». Шакир пошел еще дальше и обвинил принца в поддержке идеи превосходства христиан над мусульманами, а затем напал на армянские комитеты. Ссылаясь на массовые убийства армян режимом Абдул-Гамида, он писал: «Истинные виновники катастрофы наших армянских соотечественников — это отдельные тупые люди среди руководителей

¹ Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 83.

² Ibid. Pp. 84–85.

³ Ibid. Pp. 87–88.

⁴ Ibid. Pp. 88–89, et note 50. В конце 1905 г. Бахаеддин Шакир обратился к принцу Сабахеддину, но признавал при этом, что его единственной целью было получение от принца финансовой помощи на реорганизацию КЕП.

⁵ Bozarslan H. Op. cit., I. P. 219. Бозарслан приводит переписку комитета, которую вели в основном д-ра Шакир и Назим; большие отрывки воспроизведены в работе Байура (*Bayur Y. H. Op. cit. P. 425*); Danişmend E. H. *Izahlı Osmanlı Tarihi Kronolojisi*, İstanbul, Türkiye Yayınları. Vol. 4, 1969. S. 358. Мать принца Сабахеддина была грузинкой (Назима и Шакира цитирует А. Б. Куран: *Kuran A.B. Osmanlı İmparatorluğu'nda İnkilâp Hareketleri ve Millî Mücadele*, İstanbul, 1956. S. 40).

армянской общины, некоторые бомжи, несколько мерзавцев, которые и организовали провокацию. ...В своем меморандуме Сабахеддин-бей рисует членов армянских комитетов как невинных детей и возлагает всю вину на правительство».

Шакир также отмечает, что этими боевиками манипулировали российские армяне, которые держат движение под контролем, и добавляет, что они придерживаются опрометчивой политики, которая угрожает территориальной целостности империи, и стремятся спровоцировать иностранную интервенцию; следовательно, делает он вывод, мы должны рассматривать этот народ как восставший против «нашего народа»¹.

Эта реакция коалиции младотурок стала ответом принцу Сабахеддину, который пытался создать «организационную сеть своих агентов с запада на восток Малой Азии» — для развития такой организации, как его Лига, нужна была поддержка местных сетей АРФ. Еще раз мы видим, что движение младотурок столкнулось с проблемой поиска посредников среди населения, чтобы продвигать свои идеи. В столице империи Лига принца Сабахеддина пыталась уйти от слежки со стороны политической полиции султана путем создания студенческой организации под названием «Революционный комитет»².

Можно задаться вопросом, были ли восстания, которые вспыхнули в 1905–1907 годах в Западной и Восточной Анатолии, связаны с Лигой и другими революционными движениями, такими как Дашнакцутюн? Несмотря на отсутствие документальных свидетельств, есть все основания полагать, что самое позднее в первой половине 1905 г.

Сабахеддин и руководство АРФ заключили секретное соглашение о сотрудничестве. В мае 1905 г. Акунни, член западного бюро Дашнакцутюна, дал интервью Абдулле Джебдету, близкому соратнику Сабахеддина, содержание которого не оставляет сомнений относительно близких отношений между двумя партиями³. Когда представитель Лиги капитан Хусейн Тосун⁴ был делегирован в Восточную Анатолию для организации там революционной деятельности, АРФ взяла его под свое крыло. Немедленно по прибытии он был арестован военным патрулем по подозрению в том, что он — армянский революционер, и остался цел только случайно — командир патруля оказался его однокашником. Все источники указывают на то, что именно Тосун создал местный комитет и стоял у истоков восстания, которое вспыхнуло 5 марта 1906 г.: повстанцы требовали освобождения от местных налогов и налога на домашних животных. Заметим, однако, что гражданские и религиозные лидеры Эрзурума поставили себя во главе восстания⁵. Это означает, что инициаторы движения старались придать протестам чисто социальный оттенок, оставив роль боевиков Дашнакцутюна в тени. Очевидная причина в том, что они боялись враждебной реакции общественности, если бы о таком их сотрудничестве с «неверными» стало известно.

Присутствие на месте всего одного делегата Лиги принца Сабахеддина, однако, не может объяснить те протестные события, которые имели место в Синопе, вилайет Кастамону, 9 декабря 1905 г., и повторились с октября 1906 по декабрь 1907 г. Можно с уверенностью утверждать, что в них не было

¹ Hanioglu M. Ş. Op. cit. Pp. 90–91. Статья Бахаеддина Шакира в газете «Шура-уи Уммет», № 114 от 1 июня 1907 г. С. 4–6.

² Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 91.

³ Ibid. Pp. 94–96. Несмотря на их открытую критику в адрес армянских комитетов, коалиция и Бахаеддин Шакир искали тактического альянса с ними, чтобы вбить клин между ними и принцем Сабахеддином.

⁴ Ibid. P. 97. Выпускник военной академии в Стамбуле, Тосун позже стал важной фигурой в руководстве курдистской фракции КЕП.

⁵ Ibid. Pp. 97, 115–117. Хусейн Тосун ездил по Кавказу под псевдонимом Шейх Али — АРФ снабдила его российским паспортом. В Турцию он проникнул с помощью фидайи. Абдулла Джебдет оставил нам описание роли Тосуна в восстании в Эрзуруме. Он отмечает, что эмиссар Сабахеддина сначала устроился бакалейщиком, а потом — с помощью армянских друзей — попал на работу курьером в российское консульство России в Эрзуруме, что помогало ему распространять запрещенную литературу. Согласно официальным источникам, инициаторы восстания были из кругов аlevи, однако это достоверно не подтверждено (см. с. 115). Ваан Папазян подтверждает, что он был в то время в Эрзуруме и что местное отделение АРФ играло важную роль, в том числе оказало ему помощь в побеге. Папазян В. Мои воспоминания, I, Бостон, 1950. С. 280–281 (на арм. яз.).

ничего революционного¹. В лучшем случае, мы можем предположить, что эти местные явления вдохновили или укрепили младотурок из обоих движений в их решимости разжигать восстания. Восстание, медленно тлевшее в августе 1905 г. в Диарбекире, также было неубедительным, хотя его и поддержал городской муфтий: оно было направлено против грабежей и других преступлений, совершенных в селах вилайета вождем курдского племени Милли Ибрагимом, которого в 1902 г. Абдул-Гамид возвел в звание паши². Это все были обычные явления для районов, отмеченных племенной организацией.

Что же касается событий, которые имели место в Ване вслед за убийством 23 марта 1908 г. информатора по имени Давид, то это была просто еще одна глава в продолжавшемся противостоянии между революционерами АРФ и правительством. В своих мемуарах Комс (псевдоним д-ра Ваана Папазяна) дает подробное описание стычек, которые происходили в то время, а также попытки АРФ устроить побег из тюрьмы известного Вардгеса Серингуляна, который позже стал одним из основных армянских партнеров КЕП³.

Ханиоглу упоминает о «фиктивной» турецкой организации под названием Либеральный турецкий комитет действия или Турецкая революционная федерация, созданной самой АРФ из «собственной плоти» в попытке завоевать авторитет среди турецкого и курдского населения Восточной Анатолии. Ваан Папазян, который был лидером партии в Ване в то время, сообщал, что летом 1904 г. к нему обратился некий Гаджи Идрис, турецкий помещик, выразивший желание сотрудничать с АРФ. К Идрису затем присоединились Шереф, директор земельного кадастра в Ване, Халил, замна-

чальника местного телеграфа, и налоговый инспектор Хакки — все они были противниками режима⁴. Папазян также отмечает, что у него были некоторые публикации Сабихеддина и Ризы, привезенные из Европы для турецких друзей, и они имели большой успех; он добавляет, что, в конечном счете, осенью 1906 г., по предложению Шерефа «мы решили начать печатать раз в два месяца периодическое издание на турецком языке, которое мы сами писали и печатали, в то время как они обеспечивают его распространение»⁵. Как далее пишет Папазян, это издание под названием «Sabah ul-Hayr» («Добрый день»), призывающее к совместным турецко-армянским действиям, было хорошо принято. Шакир, однако, был убежден, что «такой комитет никоим образом не может быть турецким или османским»⁶. Ханиоглу же зашел так далеко, что назвал его «фиктивной организацией Дашнакцютюна», только потому, что он не знал о той роли, пусть и скромной, которую сыграла горстка видных турок из Вана в антигамидовской пропагандистской кампании.

Похоже, что парижская Лига принимала прямое участие в создании Османской конституционной лиги в Каире в конце 1906 г. арабскими, турецкими, черкесскими и армянскими представителями интеллигенции под руководством Ахмеда Саиб-бея и Абдуллы Джебедта, что ясно видно из личностей ее основателей и ее программы. Наверное, неслучайно поэтому, что официальный орган коалиции «Şûra-yı Ümmet», который регулярно квалифицировал «Pro Armenia» как газету, «враждебную туркам и османским учреждениям», практически теми же словами характеризовала и Лигу, созданную в Каире. Кроме того, Османская конституционная лига была тесно связана с египетским комитетом

¹ Hanioglu M. Ş. Op. cit. Pp. 104–106. Движение сумело объединить 2000 демонстрантов, «мусульман и немусульман», города и окружающих сел. Они заняли позицию напротив дома супрефекта и стали выкрикивать, что они стали жертвами его коррумпированной практики. На следующий день члены местной гильдии заняли почту в ожидании положительного ответа на телеграмму, которую они послали вали Кастамону. Затем руководители движения — главным образом руководители местной гильдии мясников — были сосланы в различные провинции.

² Ibid. Pp. 106–107. В ноябре 1907 г. новые жалобы вынудили, наконец, кабинет выслать Ибрагим-пашу в Алеппо. Заметим, однако, что Зия Гокалп и Пириншизаде Ариф-бей, будущие лидеры КЕП, активно участвовали в этой последней демонстрации.

³ Папазян В. Указ. соч. С. 512–535.

⁴ Там же. С. 282–285; Hanioglu M. Ş. Op. cit. Pp. 97–99.

⁵ Папазян В. Указ. соч. С. 285. По существу, это — статьи, переведенные с армянского Давидом Папазяном.

⁶ Hanioglu M. Ş. Op. cit. Pp. 99–100. Совместные действия подобного рода также имели место в Палиснере, Хнус/Хинис (в апреле 1906 г.), и в Чамишгерекке или Сегерте (ibid. Pp. 120–121).

АРФ. Печатный орган Лиги в Каире — «Şûra-yı Osmanî» — показывает, насколько эти связи были тесными, когда пишет, что «чисто турецкая революция может означать конец государства»¹; другими словами, сближение с армянами может сделать гораздо больше для сохранения единства страны, чем односторонние действия.

В своем «Меморандуме турецких либералов по восточному вопросу» (выпущен в

конце 1906 г.) Сабахеддин возвращается к теме важности согласия с армянами. Он пишет, что «турки — бесспорно важнейший элемент равновесия» в Османской империи. Что касается армян, то «их преследуют по политическим мотивам, которые не имеют ничего общего с религией... Была предпринята попытка подавить их именно потому, что они — будущие союзники турецких либералов»².

Комитет «Единение и прогресс» и армянские комитеты в 1905–1906 годы

Коалиция младотурок, которая в 1902–1905 годы только выживала в тени Лиги принца Сабахеддина, за несколько месяцев превратилась в такую мощную организацию к началу 1907 г., что стала способна не только привлекать новых членов, но и взять власть. По мнению Ханиоглу, перелом наступил благодаря двум малозаметным активистам, которые держались в тени и работали исключительно в рамках центрального органа Комитета «Единение и прогресс» вплоть до 1918 года³.

Первый из них — д-р Бахаеддин Шакир⁴ — без сомнения, был тем центром, вокруг которого сосредоточилась вся энергия объединения. Карьера удалась Шакиру. Сразу же после окончания Императорской Академии медицинских наук он стал личным врачом наследного принца Юсуфа Изеддина — второго в списке престолонаследия. Д-р Шакир воспользовался своим положением, чтобы установить связи с Ахмедом Джелаледдин-пашой, бывшим директором османской разведывательной службы, который попал в опалу и, естественно, примкнул к оппозиции в Каире. Д-р Шакир, у которого были контакты с ссыльными членами оппозиции в Париже, убедил принца начать финан-

сировать их деятельность. Разоблаченный политической полицией, он был арестован и сослан в Эрзинджан, откуда ему удалось бежать в Трапезунд, а затем сесть на корабль в Марсель. В сентябре 1905 г. он прибыл в Париж⁵.

Этот молодой человек 26 лет от роду представился как посланник Юсуфа Изеддина и посредник между коалицией и Ахмедом Джелаледдином. Двое бывших младотурок описывали его как «очень мстительную духов, но крайне ограниченную личность»⁶. Ограниченный или нет, но Бахаеддин Шакир прекрасно понимал ситуацию. Он сам признавал, что ему уже представлялось, как он объединит коалицию Ахмеда Ризы, Лигу принца Сабахеддина и те круги, которые группировались в Каире вокруг Джелаледдина. В Каире, в частности, его партнером был Диран Келекян, глава политического отдела в «Journal de Caire»⁷. Будучи и сам близок к бывшему главе разведки и наследному принцу Юсуфу Изеддину, Келекян согласился, по просьбе принца, помочь Бахаеддину в реализации его проектов. Шакиру нужна была помощь в издании революционного журнала, который выходил бы раз в десять дней, для чего нужно было

¹ Ibid. Pp. 97–99.

² Ibid. P. 128.

³ См. в частности, *ibid.* Pp. 130–132. В распоряжении автора были личные архивы Бахаеддина Шакира и Ахмеда Ризы.

⁴ Родился в Стамбуле в 1879 г., убит в Берлине в 1922 г. Член ЦК КЕП практически без перерыва с 1907 по 1918 год. Возглавлял «Тешкилят-и Махсуса» («Особую организацию») во время Первой мировой войны. Его решающая роль в истреблении армян Османской империи будет описана далее.

⁵ *Hanioglu M. Ş.* Op. cit. Pp. 131–132.

⁶ Ibid. P. 131, n. 13: Альбер Фуа и генерал Шериф-паша.

⁷ Ibid. P. 816, n. 35. Даже сотрудничая с младотурками, Келекян сохранял связь со своими друзьями-гнчакцами. Когда осенью 1904 г. он решил печатать оппозиционную газету в Каире, где он проводил второй срок своей ссылки, он обратился к Ерванду Отяну. См.: *Отян Е.* Переписка (под ред. Офелии Карапетян). Ереван, 1999, письмо из Бомбея от 29 октября 1904 г. Микаэлу Гюрджяну. С. 196 (на арм. яз.).

убедить бывшего главу разведки взяться за его финансирование. Но члены коалиции не хотели сотрудничать с Дираном Келекяном, не говоря уже о том, чтобы их финансировал бывший главный шпион Абдул-Гамида. Тем не менее армянский журналист предложил Шакиру оставаться в Париже и попытаться достичь соглашения с коалицией¹.

Д-р Шакир быстро нашел понимание в Париже при поддержке д-ра Назима, который уговорил Ризу принять проект полной реорганизации, предложенный Бахаеддином Шакиром, и войти в новый комитет, который был создан в конце 1905 г. без его ведома. В новую организацию вошли Сами Пашазаде Сезай Бей, принц Мухаммед Али Халим-паша, казначей, д-р Назим и д-р Шакир, которому было поручено отвечать за внутреннюю организацию и отношения с подразделениями². Таким образом, Ахмед Риза утратил свой статус лидера — пост президента был ликвидирован, а д-р Шакир и д-р Назим стали де-факто руководителями комитета. Эта ситуация сохранялась до самого роспуска партии в октябре 1918 года.

Следующим делом Шакира было убедить принца Сабахеддина и его сторонников — Нихада Решада и Ахмеда Фазли — присоединиться к его проекту, но тщетно. А вот с Ахмедом Джелаледдин-пашой, который сам основал оппозиционную партию в Каире вместе с Бедри-беем (псевдоним Дирана Келекяна), он планировал не просто альянс, а слияние, через которое он надеялся получить в свое распоряжение финансовые ресурсы египетской сети³.

В связи с этим и другими делами Диран Келекян, который был активным членом КЕП Ахмеда Ризы в Париже еще 1895–1896 годы, стал доверенным лицом и чем-то вроде «семейного врача» младотурок. Он советовал, к примеру, Шакиру, что в существующем виде «Şûra-yı Ümmet» не является «оппозиционным журналом, способным играть роль знамени». Что касается новой организации, то он рекомендовал своему другу найти престижного преемника Ахмеду Ризе и присвоить новое имя своей организации. Наконец, он инициировал переговоры с Джелалед-

дин-пашой о возможности включения его в центральный комитет, но не обязательно в качестве его главы⁴.

Бывший глава разведки согласился примкнуть к организации на четырех условиях: во-первых, избавиться от названия «младотурки»; во-вторых, включить в союз АРФ и СДПГ, что может дать весьма положительный эффект; в-третьих, ограничить роль Ахмеда Ризы до рядового члена, то есть не дать ему возможности участвовать в принятии решений; и, наконец, оставить издание «Şûra-yı Ümmet» органом вновь образованной партии. Наконец, Ахмед Джелаледдин попросил Дирана Келекяна подготовить декларацию с призывом ко всем противникам султана объединиться под крылом новой организации. Коалиция отвергла эти условия, но тем не менее Джелаледдин-паша согласился выплачивать ежемесячную субсидию вновь образованному центральному комитету⁵.

Для придания своему проекту завершающих штрихов Бахаеддин Шакир подготовил проект соглашения с немусульманскими комитетами, в частности с армянскими организациями. Он выпустил меморандум об этой своей акции и спросил мнение Келекяна по этому вопросу. В своем ответе от 9 апреля 1906 г. Диран Келекян обратил внимание на то, что документ Шакира отличается от программы Ахмеда Ризы и что хотя он более «благоприятен для немусульманских субъектов, но недостаточен для достижения полного союза». Если же он хотел союза, то ему следовало бы предложить более широкий план децентрализации. Келекян напомнил Шакиру, как бы для того, чтобы преодолеть его боязнь идти дальше, что в управлении на уровне провинций нет никакой политики и что «в рамках местной автономии права жителей должны быть расширены, так чтобы они получили более широкие права назначать должностных лиц, обсуждать и утверждать бюджеты своих провинций». Он также рекомендовал возможность использования местных языков в управлении провинциями наряду с официальным языком страны — турецким. В бо-

¹ Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 131.

² Ibid. Pp. 132–133.

³ Ibid. P. 133. Через несколько месяцев Ахмед Саиб основал Османскую конституционную лигу.

⁴ Ibid. Личный архив Б. Шакира, письма Бедри [Д. Келекяна] Б. Шакиру из Каира от 9, 16, 17 и 19 декабря 1905 г.

⁵ Ibid. P. 135.

лее общем плане он предлагал относиться к «нациям» одинаково, «не вызывая, однако, беспорядка в государственных делах», и задавался вопросом, почему у некоторых наций была такая привилегия, как у греков на островах Эгейского моря и в Ионии, или у арабов в Бейруте, а у других, как албанцы и армяне, таких привилегий нет. Последовавший за этим ответ был столь же откровенным. Келекян писал: «Знаю, что ваши друзья не согласятся с этой точкой зрения. События покажут им, однако, что страну можно спасти только таким либерализмом, и что никого нельзя обмануть либерализмом, который основан на принципе отуречивания. Немусульманские элементы готовы стать членами Османской империи, потому что они надеются сохранить свою национальность и сделать ее компонентом османизма. В то время как турки, став христианами и постепенно забывая [про происхождение] своей расы, не извлекли бы никакой пользы. Тем не менее, если эта программа будет принята, большая часть недовольства, вызванного «Мешверетом», исчезнет»¹.

В ответ на это Бахаеддин Шакир попросил Келекяна подготовить проект меморандума на эту тему, так чтобы он мог обсудить его с членами коалиции. На этот раз Диран Келекян прямо поставил ключевые вопросы о том, что ему показалось приемлемым, а что — неприемлемым для него в программе КЕП. Он отмечает, что «турецкий народ, который проводил политику господствующей нации и доминирующего религиозного сообщества от самого становления султаната, хочет сохранить свободу для своей страны именно в таком состоянии... Предложение, сделанное турками немусульманским народам — это просто приглашение их в союз на основе индивидуального равенства. Интересно, признают ли немусульмане такой союз? Опыт

последнего десятилетия показывает, что нет... Элементы индивидуального равенства неприемлемы — здесь требуется расовое и социальное равенство, а также полная свобода действий». Что касается риска интервенции европейских держав, то Келекян добавляет, что этого риска можно избежать только, если «строить внутреннюю политику на основе максимального либерализма и недвусмысленной справедливости». Он завершил этот свой меморандум, подчеркнув, что «необходимо считать отечество единым для всех, отказаться от претензий на превосходство и господство и руководствоваться понятием «партнер», а не «начальник»².

Положения, сформулированные в этом документе Дираном Келекяном, бывшим главным редактором стамбульской ежедневной газеты «Сапах», известным своим анализом актуальностей османского общества, суммируют все проблемы, с которыми сталкивались немусульманские народы, а также проливают свет на те решения, которые предлагались в зарождающейся программе младотурок.

Вряд ли стоит упоминать, что предложения Дирана Келекяна не нашли понимания в глазах лидеров младотурок. Д-р Шакир все же решил начать диалог с армянскими комитетами, ознакомившись с базовыми принципами революционных партий и прибегнув к помощи Келекяна³. Один из членов центрального комитета СДПГ Степанос Сапах-Гулян дал подробный отчет о своих встречах с младотурками⁴, в которых также принимал участие Мурад, другой заметный член его партии⁵.

В конце июля 1906 г. Бахаеддин Шакир побывал в парижском офисе СДПГ, где он представился бывшим личным врачом наследного принца Юсуфа Изеддина, упомянул о своей подпольной деятельности в Кон-

¹ Ibid. Личный архив Б. Шакира, письмо Бедри [Д. Келекяна] Б. Шакиру из Каира от 9 апреля 1906 г.

² Ibid. P. 136. Личный архив Б. Шакира, меморандум без точной даты, апрель 1906 г.

³ Ibid., п. 46. В письме к Д. Келекяну от 12 сентября Бахаеддин упоминает о дискуссии с Комитетом, не указывая конкретных участников.

⁴ См.: Сапах-Гулян С. Указ. соч. С. 182–195. Мы должны помнить, что в июне 1904 г. СДПГ перенесла свою штаб-квартиру и свой официальный печатный орган Гнчак из Лондона в Париж; и Сапах-Гулян взял на себя редактирование газеты: см. «Гнчак», № 9–10–11, сентябрь–октябрь–ноябрь 1904 г. С. 1 (на арм. яз.).

⁵ Мурад (псевдоним Амбарцума Бояджяна) (1867, Гаджин — 1915) — один из основателей партии Гнчак, руководитель восстания в Сасуне (1894 г.), приговорен к пожизненному заключению; газета Гнчак, № 5, май 1906 г. сообщала, что Мурад вышел на свободу после двенадцати лет в тюрьме и обосновался в Париже, где отвечал за революционную деятельность; с 1908 по 1915 год — член парламента Османской империи; был повешен в Кайсери в июне 1915 года: *Kevorkian R.H.* IBN, Index bio-bibliographicus notorium hominum, Sectio Armeniaca. Vol. III, Osnabrück, 1986. P. 135.

стантинополе и знакомстве с активистами партии Гнчак, которых повесили в Трапезунде, а также с теми, кого он знал в Гиресуне и Самсуне — городах на берегу Черного моря. После этого вступления он рассказал, что он — член Комитета единения и прогресса. Оба лидера Гнчака подчеркнули, что Ахмед Риза и д-р Назим очень враждебно относятся к СДПГ. На что Шакир ответил, что Риза и Назим не характерны для его партии и что в ней есть гораздо более открытые люди. После нескольких неофициальных встреч Бахаеддин Шакир предложил своим партнерам организовать официальную встречу двух партий. На первой такой встрече присутствовали Б. Шакир, А. Риза и Назим, с одной стороны, и Мурад (Амбарцум Бояджян) и Степанос Сапах-Гулян — с другой. А. Риза начал с того, что подчеркнул, что с учетом тяжелого положения в стране им жизненно важно достичь соглашения и что он сделает для этого все возможное. Он добавил, что получил письма с Кавказа от боевиков¹, активистов из Египта и Болгарии, а также влиятельных турок, требующих, чтобы они пришли к согласию на основе взаимных уступок. Б. Шакир со своей стороны дал некоторое представление о партийных делах в Салониках, Смирне и Македонии.

Сапах-Гулян отмечал в своем описании этой первой встречи, что эволюция европейской политики в отношении Османской империи, безусловно, помогла убедить младотурок изменить свою позицию. По его словам, они чувствовали, что если ничего не делать, то империя может рухнуть и развалиться. Они были обеспокоены антитурецкой позицией арабов, а также соглашениями, которых армяне «добились с арабскими интеллектуалами». Не понимая полностью направление, в котором движутся балканские государства, они понимали, что ситуация в Македонии взрывоопасна. Наконец, Сапах-Гулян отмечал, что они по-прежнему считали, что еще не все потеряно и что они все еще могут спасти свою империю. По их мнению, армяне, более чем арабы, способны помочь им в этом, поэтому более нельзя откладывать соглашение с внутренними силами оппозиции, чтобы оградить империю

от внешних угроз. А. Риза также попросил Мурада — который только что вышел после десяти лет в тюрьме — забыть прошлое и «вести себя, как следует патриоту» и закончил словами: «Если бы я был армянином, то я стал бы на вашу точку зрения, но я не думаю, что вы бы стали на точку зрения, отличную от моей»².

Было решено, что обе партии последовательно изучат все проблемы, одну за другой, прежде чем встретятся снова. Были намечены следующие пункты в таком порядке: 1) армянский вопрос и цель единого государства; 2) автономность Армении и Турции; 3) демократическая конституция и конституция Мидхата; 4) армянский вопрос и иностранная интервенция; 5) социализм и национализм; 6) национальность и османизм; 7) организация, пропаганда и революционные действия; 8) органы связи и отношения между партиями; 9) вопрос о том, какие части достигнутого соглашения будут обнародованы³.

По первому пункту младотурки предложили решить армянский вопрос в рамках единой Османской империи. По второму д-р Назим стремился показать, что иностранные интриги сделают реформы неэффективными — пока государство не будет реформировано и модернизировано, обширные местные реформы — это все, на что можно разумно надеяться. Гнчакские лидеры выступили против этого подхода, который состоял, по их мнению, в отсрочке реформ «до лучших времен», то есть на неопределенное будущее. Бахаеддин Шакир тогда спросил: «Что же армянам делать с турками и курдами, которые живут в Армении?» и получил ответ, что они могут жить там, где живут, и по-прежнему пользоваться всеми политическими, экономическими и социальными правами, как и армяне⁴. Д-р Назим вернулся к вопросу в следующей формулировке: «Поскольку большинство — мусульмане, какой смысл в автономии?» Сапах-Гулян ответил: «Подавляющее большинство — на нашей стороне, хотя этот вопрос лучше ставить в историческом, культурном и национальном, а не количественном контексте. В конце концов, количество неармян не играет ре-

¹ Haniçođlu M. Ş. Op. cit. P. 140. Во время событий осени 1905 года на Кавказе «Şûra-yı Ümmet» и «Mechveret supplement français» занимали протатарскую и антиармянскую позицию.

² Сапах-Гулян С. Указ. соч. С. 185–186.

³ Там же. С. 187. Начиная с этого момента встречи проводились в салоне «Кафе де Лиля».

⁴ Там же. С. 190.

шающей роли». В этот момент Риза заявил, что для достижения соглашения младотурки готовы принять принцип независимой Армении, но они хотели бы ознакомиться с деталями, в частности с предлагаемыми границами региона (то есть какие деревни и города в него войдут), а также формой предлагаемой автономии, условиями, на которых она будет реализована, и характером предлагаемых связей и отношений, которые будут у региона с османским государством¹.

Это последнее обсуждение, хотя и создает впечатление, что лидеры младотурок готовы идти на уступки, скорее показывает их глубокую цель — вывести позицию СДПГ по этим фундаментальным вопросам.

На следующей встрече Мурад и Сапах-Гулян представили карту исторической Армении Киперта², на которой были отмечены российская и персидская территории Армении. Они показали своим партнерам по переговорам границы, определенные в договоре от 11 мая 1895 г. Реакция младотурок была достаточно прохладной — они заявили даже, что шокированы этими претензиями. Оба гнчаковских руководителя ответили, что автономия не означает независимости, но д-р Назим возразил, заявив, что «если разрыв не произойдет сегодня, то он точно произойдет в ближайшие пять-десять лет»³.

Что касается других обсужденных пунктов, то они повторяли в основном положения проекта от 11 мая 1895 г. — административная автономия, участие в общем бюджете, генерал-губернатор, утверждаемый советом министров, парламентская система и т.д. Разногласия сохранялись по Киликии, где младотурки были согласны только на местные реформы. Для самой же Армении они готовы были принять «автономию, но без раскола». Сапах-Гулян заключает: «Им было слишком трудно это проглотить, но история и общая политическая ситуация заставили их принять эту позицию... Мы поняли, что нож дошел до кости». Решения, принятые на этих переговорах, которые, в конце концов, были обязательными только для двух оппозиционных групп, дали четкие ориентиры того, как далеко могут

зайти армянские требования местной автономии. Несомненно, это было то, чего хотели Шакир, Назим и Риза; и это объясняет их согласие вести «переговоры» с самым бескомпромиссным из армянских комитетов.

Призывая к принятию демократической конституции, из которой удалены любые ссылки на божественное право и теократические учреждения, гнчаковцы напомнили своим партнерам, что они выступают за создание светского государства, даже когда проектируют будущее в контексте Османской империи. Единодушная реакция всех лидеров младотурок показывает, что это требование невыполнимо: принятие конституции такого рода, как они считали, эквивалентно «передаче государственной власти нетурецким элементам». Для них наиболее подходящим вариантом была конституция Мидхата, «с которой турецкое население было уже знакомо»⁴. Социализм быстро выпал из обсуждения, а вопрос османизма, с другой стороны, то есть утверждение, что в Турции есть только одна нация, с которой все другие нации должны «сплавиться», оставалось главным требованием младотурок, не подлежащим обсуждению.

Мы не можем исключить того, что обе стороны искренне хотели достичь соглашения. Предложения, внесенные СДПГ по созданию общих органов пропаганды и комитетов для организации революционной деятельности, однако, не были приняты всерьез. Столкнувшись с показательным молчанием своих собеседников, Сапах-Гулян отметил, что идеологическое расстояние между двумя образованиями слишком велико, чтобы его можно было бы перекрыть мостом⁵. Таким образом, мы склонны думать, что единственной целью предложенных гнчаковцев было проверить готовность младотурок к сотрудничеству, в то время как, с другой стороны, последние ставили своей целью просто оценить позиции своих собеседников. И действительно, в статье, опубликованной сразу же после этих переговоров, Сапах-Гулян считал необходимым опровергнуть обвинения в «национализме» и изоляционизме⁶. Говоря о ситуации в восточных провинциях и угрозах, нависающих

¹ Там же. С. 191.

² Известный немецкий географ, автор многочисленных подробных карт Ближнего Востока.

³ Там же. С. 192.

⁴ Там же. С. 193.

⁵ Там же. С. 194–195.

⁶ Сапах-Гулян С. Мы и наши критики. «Гнчак», № 9–10, сентябрь-октябрь 1906 г. С. 91–95 (на арм. яз.).

над армянским населением, он подчеркнул, что «между армянами, с одной стороны, и турками, черкесами и курдами, с другой стороны, есть существенная разница, хотя все они — примерно в похуже политической и экономической ситуации: им не угрожает полное истребление, как армянам. Турецкое правительство не проводит в отношении этих других групп внутреннюю политику, направленную на уничтожение. «Для решения армянского вопроса необходимо ликвидировать армян — всех, кроме армян-мусульман, живущих в сердце Таврских гор». Из всех наций, населяющих Турцию, дамоклов меч истребления занесен только над армянами»¹.

Что касается солидарности с мусульманами, живущими в восточных провинциях, то Сапах-Гулян отмечал, что многолетние усилия не дали результатов, то есть такая солидарность хороша в теории, но недостижима на практике: местные условия жизни и доминирующее клановое или племенное устройство затрудняют вербовку новых членов мусульманских сообществ². Он напомнил, что если Турция хочет сохранить свою территориальную целостность, то нужно, чтобы образующие ее элементы хотели жить вместе. «Но хотят ли они? — спрашивает он. — Македония хочет отделиться, это ясно как день». «На Крите это только вопрос времени, буквально, считанных дней... Аравия имеет определенное желание отделиться... Кто остается? Курды, черкесы, авшары, лазы? Способны ли эти люди работать ради создания нового государства из Османской империи, если часть из них еще не оседлая, а другие — наполовину варвары?»

В той же статье Сапах-Гулян выносит безапелляционный приговор движению младотурок: «Что касается доминирующего турецкого элемента... то в настоящее время среди турецкой молодежи есть две группы: одна объединяется вокруг «Тераки», другая — вокруг «Мешверета». Первая признает, наряду с конституцией Мидхата, систему административной децентрализа-

ции для других народов, но это движение привлекло только горстку сторонников и не имеет ни организации, ни отделений. Все их надежды связаны с внешним вторжением европейских держав и их лидеров. Группа «Мешверета», как известно, состоит из крайне нетерпимых националистов, которые даже слышать не хотят об армянском вопросе, тем более — об известном проекте реформ от 11 мая. У них также нет своей организации... Они хотя только восстановит конституцию Мидхата... которая в своем теперешнем виде не может удовлетворить ни одну из групп империи или привести к улучшению ситуации».

Автор также отмечает, что история последних десятилетий показывает, что все попытки реформ в Турции проваливались: «Все указывает на то, что Турцию вообще невозможно реформировать». Сапах-Гулян заключает: «Пусть Турция живет; но и нам нужно жить дальше. Когда ни старый, ни новый доминирующий элемент в этой стране не дает нам даже минимальных условий для существования и противодействует реализации проекта 11 мая, мы не в состоянии повернуть историю вспять и с нашими весьма ограниченными силами совершить то, что сами европейские державы не смогли совершить на протяжении веков»³.

В октябре 1906 г., когда эти переговоры были завершены, Мурад предложил созвать съезд армянских революционеров, но эта инициатива окончилась ничем⁴.

В декабре 1906 г. Сапах-Гулян вернулся к вопросу о совместных действиях с младотурками, но сохранял свой скептицизм перед лицом этих «радикальных националистов», которые ни на дюйм не хотели уступить, и задался вопросом, «есть ли армянам смысл рассчитывать на выживание в условиях системных реформ»⁵. Столь же скепичен Сапах-Гулян относительно конституции Мидхата, которую он подверг довольно подробному анализу, подчеркнув, что «она не принесет ничего конституционного, даже если она реализует конституционные прин-

¹ Сапах-Гулян С. Мы и наши критики. С. 92–93.

² Там же. С. 94.

³ Там же. С. 95.

⁴ Там же. С. 197–198. Предложение Мурада было передано в АРФ только 16 марта 1907 г. Федерация не отвечала до 15 июня 1907 г., считая предложение «преждевременным». Также по инициативе Мурада СДПГ подписала 27 ноября 1907 г. соглашение о воссоединении со своими раскольниками, которые в свое время основали партию Вераказмял Гнчак. См.: Сапах-Гулян С. Срочная проблема, «Гнчак», № 11, ноябрь 1906 г. С. 104–108 (на арм. яз.).

⁵ Сапах-Гулян С. Старое зло, «Гнчак», № 12, декабрь 1906 г. С. 114–118. (на арм. яз.).

ципы». Он уточнял, что попытка младотурок привлечь армян к борьбе за восстановление этой конституции была направлена на то, чтобы похоронить армянский вопрос: конституция «только подтверждает, легализует и популяризирует неограниченную теократическую, деспотическую и тираническую власть правительства». Лидер партии Гнчак подчеркивает в этой связи, что такие статьи конституции, как 3, 4, 7, 11, 27 и 87-я, которые провозглашают политическую и религиозную власть султана, носят исключительно теократический характер, что статья 5, которая освобождает верховного правителя от какой бы то ни было ответственности за свои действия, дает ему также полномочия назначать и увольнять министров. Сапах-Гулян считал, что единственное существенное нововведение этой конституции — признание свобод личности, которые ранее отрицались, и того факта, что власть принадлежит народу, а «не органу, созданному Божиим промыслом»¹.

Событие, которое оставило самый глубокий след на времени 1905–1906 годов, — это покушение боевиков АРФ на султана Абдул-Гамида, которое было предпринято 22 июля 1905 г. в 12 часов 30 минут на площади перед мечетью Гамидие и привело к потере 78 человек убитыми и ранеными². Можно даже сказать, что операция стала поворотным моментом в эволюции антигамидовской оппозиции, потому что она показала, что хорошо организованная группа, даже состоящая из «населения субъекта», способна посягнуть на жизнь султана. В архивах операции «Vichab» («Дракон»), исполнение которой было возложено на Отдел показательных операций («Tsoutsagan Marmin») АРФ, можно найти рассказ о материально-технических сложностях, которые пришлось преодолеть

боевикам АРФ. Например, летом 1904 г. на встрече в Пирее боевики обнаружили, что невозможно проникнуть в город под армянскими фамилиями, так как таким приезжим сразу «садилась на хвост» тайная полиция. Диверсанты также отмечали, что султан очень редко покидал свой дворец Йылдыз. Он только дважды в год выезжал в Долма Бахче на празднование Байрама и получение почестей от различных государственных органов; при этом его сопровождали тысячи вооруженных людей³. Из отчета об операции мы узнаём, что террористам, наконец, удалось попасть в Стамбул под видом супружеских пар, которые на Востоке вызывают меньше подозрений, чем холостяки⁴. Документ содержит подробное описание тех способов, которые использовались для доставки взрывчатки в столицу империи⁵. Далее рассказывается о том, что все дома вокруг площади перед мечетью Гамидие были снесены, так что нельзя было подойти ближе чем на полмили от места, поэтому рассматривалось несколько вариантов террористической атаки: залп с крыши с расстояния в полмили; начинка автомобиля взрывчатким веществом (мелинитом) или заброс гранат из павильона, предусмотренного для иностранных гостей⁶.

Однако самое показательное из всего этого — реакция младотурок на покушение. Многие члены оппозиции, несмотря на свою ненависть к султану, были потрясены тем, что армяне влезли в то, что ранее считалось их исключительно «семейным делом»⁷. Кязим Карабекир заявил в этой связи, что турки «посчитали бы убийство падишаха армянами или другими нетурецкими элементами как акт, достойный порицания»⁸. Другими словами, в глазах младотурок попытка «иностранцев» решить турецкий «семейный во-

¹ Сапах-Гулян С. О Конституции Мидхата, «Гнчак», № 3–4, март-апрель 1907 г. С. 26–36 (на арм. яз.).

² Материалы по истории Армянской революционной федерации. Т. III, Бейрут, 1985. С. 198 (на арм. яз.). Этот том архивных документов целиком посвящен четвертому конгрессу АРФ, который проходил с 22 февраля по 4 мая 1907 г. в Вене, в помещении Социалистической партии Австрии. Том включает в себя подробные отчеты, представленные конгрессу ответственными за операции против султана (см. с. 194–223).

³ Там же. С. 194–195. Боевая группа состояла из Эллен (Христапур Микаэлян), Сафо (Мартирос Маргарян) Торгома, Овнана Давтяна и Ашота Баградуни (Ашот Егикян): см. с. 220, прим. 1.

⁴ В общей сложности 18–20 человек, включая тех, кто оказывал помощь время от времени.

⁵ Там же. С. 196–197. Их имущество было дважды конфисковано; люди, которые проводили испытания бомб в Болгарии, были арестованы, и при них нашли адреса тех членов группы, которые проникли в Стамбул. Именно в ходе этих испытаний один из трех основателей АРФ и командир боевой группы Христапур Микаэлян погиб из-за ошибки при обращении с взрывчатыми веществами.

⁶ Там же. С. 198.

⁷ Bozarslan H. Op. cit. P. 31.

⁸ Karabekir K. Ittihat ve Terakki Cemiyeti, 1896–1909, Neden Kuruldu? Nasil Kuruldu? Nasil Idare Olundu? (ed. F. and E. Özerergin), Istanbul, 1982. S. 73–74.

прос» была недопустимой¹. Или, если кому-то нравится другая формулировка, мысль о том, что другие едва не преуспели в том,

что младотурки сами не могли или не хотели совершить в течение длительного времени, казалась им недопустимой.

Преобразование Комитета «Единение и прогресс» и его слияние с Османской организацией свободы: поворотный момент

Если действия Бахаеддина Шакира по объединению османской оппозиции не дали ожидаемых результатов, то реорганизация КЕП оказалась успешной. Особенно успешной было взятое движением на вооружение революционной практики, которая ранее была вотчиной только нетурецкой оппозиции, и «тайное объединение всех единомышленников под единым знаменем». Извлекая уроки из прошлых неудач, КЕП разработал свой новый устав, включая внутренние правила, имевшие решающее значение. Как отмечал Ханиоглу, в тот момент КЕП больше интересовал порядок, чем идеология².

Новый устав предусматривал назначение директора и формирование четырех самостоятельных подразделений внутри центрального комитета, каждый из которых имел право работать самостоятельно и скреплять результаты своих переговоров печатью ЦК. Первый отдел, возглавляемый Ахмедом Ризой, отвечал за издание французского приложения к «Мешверету» и взаимоотношения с иностранными группами; второй во главе с Сами Пашазаде Сезай-беем отвечал за издание «Шура-уи Уммет». Третий отдел, руководимый д-ром Назимом, отвечал за финансы, а четвертый — под совместным руководством д-ра Шакира и Назима — отвечал за сотрудничество и связь со всеми отделениями партии, то есть за внутренние дела партии. В центральный комитет также входили два молодых офицера, порвавших

со Стамбулом, — лейтенанты Сейид Кенан и Мехмед Фазли, а также два вставших в немилость принца — Мехмед Саид Халим и Мехмед Али Халим. Следует также отметить, что в 1907 г., когда ЦК решил печатать «Шура-уи Уммет» в Париже, а не в Каире, д-р Шакир стал фактическим его главным редактором. Таким образом, он занимался эффективным управлением всем партийным аппаратом, в чем ему всегда помогал Назим³.

На тот момент у КЕП не было ни одного отделения, достойного этого названия, если не считать каирского, которое и по офису, и по членству воплощал в себе Ахмед Саиб. Один из экспертов отмечал, что при приведении в порядок раздробленной и слабо организованной сети младотурок КЕП черпал вдохновение из организации АРФ — революционной федерации отделений, объединенных в прочную сеть⁴.

Если и был прогресс в этой области, то следует подчеркнуть, что он наблюдался на Балканах, среди мусульманского населения, и особенно среди многих османских офицеров, которые контролировали или пытались контролировать этот взрывоопасный регион, который постоянно терзали вооруженные банды.

Создание 18 сентября 1906 г. в Салониках «Osmanlı Hürriyet Perverân Cemiyeti» («Османского общества свободы»/ООС) было как раз результатом объединения этих молодых офицеров, которые служили на Балканах,

¹ См. текст д-ра Б. Сервера (=Бахаеддин Шакир) в «Tahrirat» от 25 марта 1906 г. в кн.: *Kuran A.B. İnkilâp Tarihimiz ve İttihat ve Terakki*, İstanbul, 1946. S. 197.

² *Hanioğlu M. Ş.* Op. cit. Pp. 137–138.

³ *Ibid.* Pp. 138–139. Мехмед Саид Халим-паша, внук основателя современного Египта, также был сослан Абдул-Гамидом в 1905 г., занял должность инспектора ЦК, где присоединился к своему брату Мехмеду Али Халиму. Престиж двух живущих в Каире принцев быстро возродил доверие к КЕП даже без вмешательства тех врачей, которые осели в Париже. Создание реального офиса также позволило Б. Шакиру взять под контроль ту переписку, которая ранее была в руках А. Ризы. Некоторые хорошо информированные источники, в основном немецкие, даже изображали Мехмеда Саида Халима как лидера КЕП во время Первой мировой войны. *Ibid.* P. 140, n. 73.

⁴ *Ibid.* P. 146. Хотя КЕП не закрепился на востоке, Шакир пытался убедить потенциальных членов ЦК в том, что у него были мощные отделения в Анатолии, «особенно в Эрзуруме, Битлисе, Ване и Трапезонде» (письмо Б. Шакир Месуду Ремзи, Париж, 27 ноября 1907 г. (*ibid.* P. 115, n. 365)). Только в июне 1907 г. орган «Шура-уи Уммет» был возвращен в Париж (*ibid.* P. 183).

с «ветеранами» КЕП¹. В небольшую группу основателей ООС входили Мехмед Талаат², Мидхат Шукрю [Бледа]³, Мустафа Рахми [Эвранос]⁴, лейтенант Исмаил Джанполат⁵, майор Бурсали Мехмед Тахир⁶, лейтенант Омер Наджи⁷, Исмаил Хакки⁸, майор Накибей [Юджекок], капитан Эдиб Сервет [Тор], капитан Кязим Нами [Дуру] и лейтенант Хакки Баха [Парс]. В состав первого «Высшего совета» вошли Мехмед Талаат, Мустафа Рахми и Исмаил Джанболат, что подтверждает разделение обязанностей между гражданскими и военными лидерами и радикализацию движения, устав которого не допускает членства немусульман и дёнке в комитете. Некоторые из основателей были членами самых первых ячеек КЕП и сохранили связи с Парижем: так, Мидхат Шукрю все еще поддерживал контакты с д-ром Назимом, а Мехмед Талаат — с Ахмедом Ризой⁹. Но только после приезда в Париж и выступления в КЕП лейтенанта Омера Наджи (в мае 1907 г.) и капитана Хурсева Сами [Кизилдогана]¹⁰ (в августе 1907 г.) сближение «парижан» и «салоникийцев» заметно ускорилось. После того как Талаат предложил д-ру Назиму объединить обе организации, последний, сам родом из Салоник, перебрался на Балканы¹¹. После нескольких недель обсуждения д-р

Назим вернул — 27 сентября 1907 г. — план объединения в ЦК КЕП. Париж единогласно одобрил его 16 октября того же года. С этого момента КЕП был представлен местным ЦК, который базировался в Салониках, и внешним ЦК, который находился в Париже¹². Таким образом, в период с 1908 по 1918 год члены ЦК КЕП происходили в основном из двух организаций, которые тогда объединились: корни д-ров Шакира, Назима, А. Ризы и У. Наджи были в парижском КЕП, а М. Талаата и М. Шукрю — в салоникийской ООС.

Не вызывает сомнения, что Шакир и Назим играли одинаково важную роль в процессе объединения и что первый проводил реорганизацию новой партии твердой рукой. Жалуясь на то, что местный ЦК упустил слишком много шансов из-за неосторожности, Шакир предложил, чтобы он принял на вооружение подпольные методы немусульманских комитетов, в особенности программу и устав Армянской революционной федерации (АРФ), которые использовались при разработке принципов внутренней деятельности объединенного КЕП¹³.

Среди нововведений, вдохновленных примером Дашнакцутюна, было создание

¹ Zürcher E. J. Op. cit. P. 22.

² Мехмед Талаат (1874–1921), член первого КЕП в Эдирне в районе 1895 г., член-учредитель ООС в Салониках в 1906 г., депутат парламента от Эдирне, министр внутренних дел, великий визирь, один из главных организаторов геноцида армян (ibid. P. 37 и выше, I, прим. 29).

³ Мидхат Шукрю [Бледа] (1874–1956): тогдашний директор городской больницы города Салоники, затем — депутат парламента от Сереза (1908), Драмы (1912) и Бурдура (1916), член ЦК КЕП, близкий сподвижник Талаата, генерального секретаря КЕП. После перемирия отвечал за уничтожение архивов КЕП (ibid. P. 38).

⁴ Мустафа Рахми [Эвранос], депутат парламента от Салоник (1908–1912), губернатор Смирны с 1915 по 1918 год (ibid. P. 38).

⁵ Исмаил Джанполат (1880–1926), депутат парламента от Смирны (1912), начальник полиции (1914), губернатор Стамбула (1915), а затем его вали (1916), министр внутренних дел (1918), депортирован на Мальту в 1919 г., повешен в 1926 г. (ibid.).

⁶ Бурсали Мехмед Тахир (1861–1926), в мае 1906 г. назначен директором военного училища в Салониках (ibidem).

⁷ Омер Наджи (1880–1916), офицер, обучавшийся в Харбие, пропагандист КЕП, дважды избирался депутатом парламента, член ЦК с 1910 по 1912 год, один из лидеров специальной организации в 1915–1916 годах (ibid. P. 35).

⁸ Исмаил Хакки (1889–1948), член КЕП, заместитель государственного секретаря по вопросам войны, один из лидеров Специальной организации (ibid. P. 78).

⁹ Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 210–214.

¹⁰ Сами Хурсев [Кизилдоган] (1884–1942), артиллерийский офицер, друг Омера Наджи, известный фидай из КЕП (Zürcher E. J. Op. cit. P. 35).

¹¹ Ibid. P. 41; Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 214. Назим сначала побывал в Греции в середине июня 1907 г. под видом дервиша, а затем — в Македонии под видом моряка.

¹² Ibid. Pp. 214–215.

¹³ Ibid. Pp. 216–217. В 1906 г. Талаат отстаивал необходимость организации комитета в виде масонской ложи, «в противном случае Европа сокрушит османов» (цит. по: Karabekir K. Op. cit. P. 175).

местных групп добровольцев — фидайи, готовых пожертвовать собой ради общей идеи. Только местные исполнительные комитеты знали личности этих бойцов, задача которых состояла в проведении «специальных операций». Церемония приема новых членов комитетов также была смоделирована по примеру армянских революционеров: новые члены давали клятву верности делу партии, держа в одной руке Коран, а в другой — револьвер или кинжал. Также у армянских боевиков был позаимствован принцип сохранения имен членов ЦК и местоположения штабов партии в тайне¹.

Самые глубокие перемены, которые в то время пережил КЕП, касались растущего влияния молодых офицеров в этом комитете. Эти перемены, скорее всего, были инициированы двумя врачами — членами ЦК, которые были убеждены в необходимости привлечения «молодых офицеров, готовых принести себя в жертву», в отличие от пашей и беев. Именно тогда и поэтому в официальном органе партии начал преобладать милитаристский курс, сделавший офицеров «поводырями нации» «светом в глазах нашего общества», потому что «армия — единственный орган, способный совершить революцию»². Этот выбор дал возможность КЕП создать нерегулярные боевые группы, устроенные по примеру болгарских, македонских и греческих банд, наводнивших в то время Балканы, и готовых на вооруженные рейды и политические убийства. В этом был и ответ младотурок на вызов, брошенный

им немусульманами, и средство финансирования партии, вроде той практики, которую применяли армянские комитеты³. Следующим логическим шагом в отношении этих банд, которыми командовали молодые офицеры — члены партии — стало рекрутирование в них преступников и дезертиров, которые и без того уже стали разбойниками с большой дороги. Майоры Энвер (позже военный министр) и Эйюб Сабри [Акгол] первыми начали нанимать уголовников в Македонии в начале 1908 г.⁴. Нет сомнений в том, что мы можем рассматривать эти ранние опыты как начало Специальной организации, которая станет вооруженным крылом ЦК КЕП во время Первой мировой войны. Правда, тогда речь будет идти не о рейдах, а о систематическом истреблении гражданского населения⁵.

Среди многих офицеров, которые вступили в ООС осенью 1906 г., были Ахмед Джемаль⁶ и Халил [Кут]⁷, дядя майора Энвера, который сам вступил в ООС 9 октября 1906 г. и основал отделение партии в городе Монастир⁸ (в Тунисе). Объединение с ООС, в котором Назим играл ведущую роль, позволило КЕП пустить глубокие корни в османских Балканах, но, безусловно, это была только начальная фаза плана, разработанного двумя лидерами КЕП. В декабре 1907 г. д-р Назим снова тайно побывал в Смирне, на этот раз — для создания там организации младотурок. Он обратился за помощью к местным сетям АРФ, хорошо зарекомендовавшим себя в этом портовом

¹ Ibid. P. 218. Основными фидайи в КЕП были: Абдулкадир († 1926), Али [Четинкая], Атиф [Камчил], Сари Эфе Эдип, Кушчубашизаде Эшреф [Сенсер], Сапанкли Хакки, Халил [Кут], Филибели Хильми, Исмитли Мумтаз, Хурсев Сами [Кизилдоган], Нури [Джонкер], Казим [Озалп], Сулейман Аскери, Янибагчели Сукрю и Наиль, Якуп Джемаль († 1916), один из самых известных фидайи в партии (*Zürcher E. J. Op. cit. P. 50*).

² Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 220.

³ Боевой группе «Potorig» («Штурм»), созданной в 1903 году на третьем конгрессе АРФ, было поручено собирать революционный налог, если нужно, с помощью угроз. Некоторые богатые армяне, которые отказались платить, были казнены.

⁴ Ibid. P. 226. Эйюб Сабри [Акгол] (1876–1950), один из офицеров, поднявших восстание летом 1908 г., член ЦК КЕП без перерыва вплоть до 1918 г. (*Zürcher E. J. Op. cit. P. 43*).

⁵ В 1906 г. Мустафа Кемаль основал, вместе с тремя офицерами — выпускниками Харбие, младотурецкое отделение газеты «Vatan ve Hürriyet» в Салониках. Этими тремя офицерами были Хакки Баха [Парс], Ус-реф Сами [Кизилдоган] и Исмаил Махир (1869–1916), которые позже присоединились к ООС. Тем не менее Кемаль оставался на периферии партии до конца Первой мировой войны (*ibid. P. 35*).

⁶ Ахмед Джемаль (1872–1922), член ЦК КЕП, вали Ушкудара (1909), Аданы (1909) и Багдада (1911), префект Стамбула (1913), министр военно-морского флота и командующий 4-й армией (Сирия-Палестина). Считают, что он был виновником голода, в результате которого погибло 30 процентов населения Ливана во время Первой мировой войны (*ibid. P. 43*).

⁷ Халил-паша [Кут] (1881–1957), дядя Энвера, организатор отрядов головорезов Специальной организации, инициатор резни в регионах Вана и Битлиса в 1915 г. *Ibidem*.

⁸ *Ibidem*.

городе¹. Несколькоими месяцами ранее, в мае 1907 г., Шакир, со своей стороны, по поддельному паспорту совершил поездку в Стамбул, чтобы реорганизовать там местное отделение КЕП². Используя свои хорошие отношения с Дираном Келекяном, своим доверенным человеком в Каире, он встретился со стамбульскими армянами, которые согласились помочь ему в создании местного комитета. Д. Келекян и Б. Шакир также обсудили план убийства султана на средства, которые первый получил от Джелаледдин Ахмед-паши — бывший начальник разведки все еще проживал в Каире — и принца Юсуфа Изеддина³. Однако эти усилия не привели к желаемым результатам, и, в конечном счете, только сети ООС смогли объединить все группы, действовавшие в столице, под руководством Силистрели Хад-

жи Пашазаде Ибрахим Хамди: всего в них было около 70 членов, включая достаточное количество офицеров, таких как Кязим [Карабекир]⁴. Кроме того, на обратном пути в Париж в июне 1907 г. Б. Шакир встретился в Бухаресте с известным Ибрагимом Темо, исторической фигурой КЕП, и сумел убедить его организовать отделения в Румынии и среди албанцев. Этот исторический лидер сумел заручиться поддержкой КЕП со стороны албанской мусульманской знати⁵.

Также показательной в плане амбиций КЕП была поездка Омера Наджи в ноябре 1907 г. в Восточную Анатолию с целью учредить там местные отделения партии⁶. Однако в этих консервативных племенных районах не было таких благоприятных условий, как на Балканах. Только армянские комитеты могли там выжить.

Четвертый конгресс АРФ: Вена, 22 февраля — 4 мая 1907 г.

Когда 22 февраля 1907 г. в Вене, в помещении Социалистической партии Австрии, открылся четвертый генеральный конгресс Армянской революционной федерации (АРФ)⁷, оппозиция младотурок находилась, как мы только что увидели, в состоянии глубоких трансформаций. Это же касается и самой АРФ Дашнакцутюн, которая воспользовалась конгрессом для подведения итогов своих прошлых действий на местах и оценки эволюции движения младотурок. Делегаты конгресса — двадцать четыре представителя местных комитетов и восточного и западного бюро партии⁸ — были

интеллигентами и боевиками, проявившими свою активность на практическом уровне. Они провели более сотни заседаний, в ходе которых многие вопросы были глубоко исследованы, в том числе и вопрос сотрудничества с османской оппозицией.

Хотя АРФ была демократической организацией по своей внутренней деятельности, ей мешало то, что в ней сосуществовали социалисты, анархисты и националисты — все со своими очень разными методами деятельности. Во-вторых, ей управляла «волонтаристская традиционная олигархия»⁹. Партией руководили два высших ор-

¹ Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 153.

² Ibid. Pp. 150, 167.

³ Ibid. P. 168.

⁴ Ibid. P. 169. Кязим Карабекир (1882–1946) — генерал турецкой армии, сыграл важную роль в деятельности молодых офицеров-турок на Балканах, турецкий архитектор успеха во время Войны за Независимость, отстранен Мустафой Кемалем после провозглашения Республики (*Bozarslan H.* Op. cit. P. 130).

⁵ Hanioglu M. Ş. Op. cit. Pp. 152–153.

⁶ Ibid. P. 161.

⁷ Материалы по истории Армянской революционной федерации. Т. III. Том полностью посвящен IV конгрессу и включает все отчеты заседания.

⁸ Там же. С. 4–5. Акунни представлял западное бюро, которое базировалось в Женеве; Ростом — восточное бюро, которое базировалось в Тифлисе; Ованес/Иван Завриев представлял ереванский комитет; Аршак Вранян — комитет в США. Комитет Лернабара (=Рштуник-Мокс) представлял Ишхан; Шам (=Ван) — Арам Манукян, Муш-Сасун — Андраник [Озаян] и Мурад [Себастаци].

⁹ Там же, IV. С. 90. В своем докладе о работе партии со времени предыдущего съезда д-р Жан Лорис-Меликов (врач и исследователь в Институте Пастера, племянник князя и генерала Лорис-Меликова), который был членом западного бюро и отвечал за «управление» газетой «Pro Armenia», достаточно резко критиковал эту «олигархию». Лорис-Меликов также доложил о своей деятельности в качестве члена делегации, созданной по инициативе Католикоса и направленной на переговоры с властями после событий в Сасуне. Он также рассказал о своих переговорах с председателем Совета министров в Париже, организованных В. Бераром,

гана — западное бюро, которое руководило комитетами в Европе и теми комитетами в Османской империи, что действовали к западу от линии, проходившей с севера на юг от Кирасуна через Харпут до Диарбекира, и восточное бюро, которое руководило комитетами в регионах к востоку от этой линии, а также комитетами в России (из такого разделения видно, что АРФ рассматривала армянскую политическую реальность как единство). Эти два органа избирались конгрессом, который созывался, как правило, каждые четыре года. Только конгресс был уполномочен определять и принимать программу и бюджет партии. То есть АРФ действовала по достаточно жесткой структуре, хотя региональные комитеты пользовались значительной автономией действий. Таким образом, когда младотурки в изгнании хотели связаться с Дашнакцутюн, то они обращались в ее исторический штаб в Женеве, где офисы печатного органа «Дрошак» располагались с самого момента основания партии. Скорее всего, младотурки тогда еще не знали, что в Женеве также располагалось западное бюро партии.

Сразу же после завершения своей работы четвертый общий конгресс опубликовал декларацию о принципах: «Для того чтобы преодолеть беспочвенное непонимание, распространенное среди турок, конгресс считает необходимым заявить, что Федерация Дашнакцутюн никогда не имела и не имеет никаких сепаратистских тенденций в Турции. Наоборот, ее целью всегда было полное равноправие составляющих страну наций и, в соответствии с принципом широкой местной децентрализации, создание автономного управления в шести армянских вилайетах. Это не ущемляет права никаких других наций»¹.

Эта исповедь веры, которая твердо отвергала повторяющиеся обвинения в сепаратизме, которые адресовались АРФ «турками» и касались как армян в целом, так и партии в частности, утвердила основные вы-

воды конгресса. Она подтвердила принцип, который неоднократно оспаривался в ходе дискуссий на конгрессе. Тем не менее протоколы конгресса показывают, что главной заботой партии являлось тяжелое экономическое и социальное положение армянских провинций и постоянное отсутствие безопасности для местного населения. Первым делегатом, затронувшим эту тему, был Ван Ишхан, который представлял Лернабар (Рштуник/Мокс) и обрисовал мрачную картину. Он подчеркнул, для начала, что ситуация ухудшилась после резни 1895–1896 гг. С того времени курды, поощряемые правительством, усилили свое влияние; и в самом сложном положении оказались горные районы, которые живут почти исключительно скотоводством. Голод стал хроническим, потому что жители не имеют права — после введения ограничения свободы передвижения — искать работу в других регионах Турции. В заключение Ишхан поднял земельный вопрос, который он охарактеризовал как жизненно важный. Делегат заявил, что проблема нехватки сельскохозяйственных земель осложнялась давлением со стороны горных курдских племен, которые нападали и грабили как армян, так и оседлых курдов. Ишхан отметил, что в равнинных районах Васпуракана 70% земли принадлежит сельским общинам и 20% — индивидуальным землевладельцам и фермерам, в то время как в регионах Къяваш, Хизан и Спаргерд, где проживает много курдов, армянские крестьяне вынуждены платить дань курдским вождям. В районах Шатах, Айоц Цор и Тимар крестьяне живут в крайней нищете и отвергают требования курдских племенных вождей².

Таким образом, земельный вопрос был, по крайней мере частично, связан с характером отношений между курдами и армянами. По мнению Ишхана, с оседлыми курдами, с которыми армяне работали каждый день бок о бок, проблем не было, но кочевые племена постоянно тревожили своих оседлых сопле-

Е. Лависсом и Детурнелем, с архиепископом Кентерберийским и британским премьер-министром, которые организовал лорд Брайс, а также с Т. Рузвельтом при посредничестве Джеймса Рейнольдса. Затем он доложил о своем участии, по совету Клемансо, Жореса и Прессанса, в мирной конференции в Бостоне как «избранный представитель Армении» (там же, IV. С. 96, 125).

¹ «Дрошак», № 5, май 1907 г., отчет о решениях Четвертого генерального конгресса АРФ, Женева, 4 мая. С. 66–68, цитируется на с. 72 (на арм. яз.).

² Материалы по истории Армянской революционной федерации. Т. III. С. 17–20, материалы 8-го заседания 26 февраля 1907 г. Ишхан, чье настоящее имя Никол Микаэлян (1883–1915), родился в Шуше, с 1902 по 1908 год глава АРФ в Лернабаре (Рштуник/Мокс), к югу от озера Ван, и в Ване (с 1908 по 1915 год). Убит в апреле 1915 г.

менников, особенно там, где последние не сумели организовать самооборону¹. Выступление Андраника, в котором он рассказал о ситуации в области Муш-Сассун, которую он представлял на конгрессе, подтвердило, что отношения с курдами были основаны исключительно на балансе сил: бывшие друзья армян обернулись врагами, как только приказ центра развязал им руки и позволил действовать безнаказанно².

Седьмая глава доклада западного бюро, с которым выступил Акнуни³, представляет для нас особый интерес, так как она была посвящена отношениям партии с другими организациями, ведущими борьбу с гамидовским режимом. Предыдущий конгресс возложил на Акнуни ответственность за эту работу⁴. Ряд выступавших отмечали отношения с движением младотурок. Арам-Ашот (Саркис Минасян)⁵, делегат от балканского комитета, напомнил об антагонизме между КЕП, который он описал как «исключительно националистический и конституционалистский», и либеральным движением принца Сабахеддина, которое «приняло принцип определенной децентрализации». Далее он сказал, что КЕП решительно выступает против политики либералов, потому что он «видит в ней зерна будущего раздела Турции». Арам-Ашот отметил, что в конце 1902 г. была создана редакционная коллегия в составе турок, армян, албанцев и македонцев для издания «Османской федерации», но турки прекратили свое участие после первых одного-двух выпусков. Вместе с тем он считал, что необходимо сотрудничать и даже взять на себя инициативу по сплочению оппозиции. «Сохраняя свою самобытность на своей родной земле — что жизненно важно для нас, — разные нации будут также обеспечивать территориальную целостность Османской империи»⁶. Арам [Манукян], делегат из Вана, подошел к тому же вопросу с другой точки зрения, противопоставив

младотурок в изгнании тем «активистам, которые живут среди турецких масс»: «У меня нет большой веры в младотурок, которые нашли убежище в Европе: это, большей частью, дворцовые революционеры, главное для которых, в той или иной степени, династические интересы. Если мы начнем действовать вместе с ними, то мы столкнемся с множеством сложностей. В любом случае, желательно начинать с активистами, которые живут в стране среди турецких масс. Должен сказать, что эти движения не имеют никакой связи с младотурками за рубежом. И действительно, мы распространяем газеты и литературу младотурок внутри страны. Я предлагаю сформировать — вместе с турками в Турции — совместные комитеты, в которых наши силы будут объединены. Они будут заниматься, в частности, вопросами, общими для всех национальностей, такими как пропаганда, политический терроризм, акции протеста объединенных сил, бойкоты и т.д.»⁷.

Такой подход, который отражает тенденции, наблюдавшиеся среди низовых активистов, занимавшихся практической работой, встретил возражения со стороны Рубена Зардаряна, делегата от балканского комитета. Он скептически высказался относительно стремления «турецких масс» в ближайшем будущем совершить революцию. Он также подтвердил, что у партии никогда не было сепаратистских целей, — наоборот, она всегда стремилась оставаться в османской среде⁸. Однако Аветис Агаронян, делегат от комитета из Карса, указал на то, что младотурки не так воспринимают АРФ: «Младотурки выделяют сепаратистские тенденции в нашей деятельности потому, что мы стремимся к введению специального административного режима для шести вилайетов, населенных армянами... Этого уже само по себе достаточно, чтобы убедить младотурок в том, что мы не так и далеки от

¹ Там же. С. 21–22.

² Там же. С. 30–31, Андраник выступил на 13-м заседании конгресса, 1 марта 1907 г.

³ Э. Акнуни (1863–1915), член западного бюро с 1901 по 1915 г.

⁴ Там же. С. 33–36, представлен на 15-м заседании, 2 марта 1907 г. На тот момент западное бюро включало в свой состав Аветиса Агароняна, Ростома [Зоряна], Акнуни, Микаэла Варандяна [Ованнисяна] и Жана Лорис-Меликова.

⁵ Саркис Минасян († 1915) родился в Константинополе, журналист и педагог.

⁶ Там же. С. 234–236.

⁷ Там же. С. 236. Арам Манукян (1879–1919) родился недалеко от Капана, район Зангезура, офицер на базах в Иране и Ване, где возглавил самооборону в апреле 1915 г., министр внутренних дел Республики Армения в 1918 г.

⁸ Там же. С. 240.

сепаратистских устремлений, в то время как их цель — сохранение территориальной целостности Турции. На парижском конгрессе (в 1902 г.), в котором я лично участвовал¹, Риза обратился к нам и сказал: «Вы — османы». Что касается Сабахеддина, который хотел «сотрудничать с армянскими революционерами любой ценой», то он отметил, что то, что мы требовали для шести вилайетов, нужно требовать и для всех остальных»².

На 99-м заседании конгресса, состоявшемся 23 апреля, дебаты вновь закрутились вокруг двух выступлений на тему «солидарность среди оппозиционных групп в Турции». Первое принадлежит Ростому (Степану Зоряну) — исторической фигуре в партии³, который напомнил, что партия доказала не раз, что у нее нет «сепаратистских тенденций», на что «однозначно» указывают решения конгресса 1904 г. Он добавил, что поддерживает политику солидарности с оппозицией, но отметил, что партия прилагает большие усилия в этом направлении, однако без ощутимых результатов. Он высказался еще более категорично по вопросу создания «совместных комитетов с турками и курдами, потому что последними руководят класс богатых и беки»⁴. Что касается Зардаряна, то он решительно возражал против создания совместных комитетов на местах, «потому что турецкие массы недостаточно образованны, и, более того, такое сотрудничество может привести к новой массовой резне». Мы видим, что социалистическая чувствительность некоторых членов партии четко проявляется в их склонности организовать общую борьбу с режимом султана, однако столь же очевидно и понимание ими той пропасти между идеалами и социальными реалиями.

Защищая свое стремление к единству действий со всей остальной османской оппозицией, Арам [Манукян] сделал интерес-

ное замечание относительно того протестного движения, которое развилось в Малой Азии за последние два года: «Это факт, — заявил он, — что все движения с политической окраской, которые появились в Турции, возглавляются нами. Возможно, многие наши товарищи не знают об этом». Это общее замечание следует принимать с осторожностью. Любовь к секретности и очевидное желание его автора убедить своих товарищей в верности своей позиции, возможно, вынудили его приписать все акты политического «неповиновения», имевшие место в Турции, заслугам АРФ, даже если было ясно, что у некоторых из них не было никакой «политической окраски» и в них не было никакой заслуги АРФ. Делая вывод из этой своей логики, Арам утверждал, что АРФ должна оправдать ожидания оппозиции и объединить с ней свои усилия⁵.

Мурад Себастици⁶, делегат от Лернабара, посчитал заявления некоторых своих товарищей слишком оптимистичными. Он сказал, что не разделяет их чувств (имея в виду, конечно, замечание Арама) и сильно сомневается в «революционном характере тех движений, которые возникают среди турок»⁷. Аршак Врамян, которого пригласили участвовать в конгрессе в качестве независимого делегата, занял аналогичную позицию. Он предложил действовать осторожно и ограничиться финансовыми вкладами в оппозиционные движения, которые пускают ростки в провинциях империи, не выступая там открыто⁸. А. Агаронян вернулся к обвинениям в сепаратизме и переориентировал дебаты на взаимоотношения АРФ с младотурками в изгнании: «Да, нас считают сепаратистами. Турки предпочитают, чтобы мы поддержали проект Сабахеддина. Если мы откажемся, нас заклеймят как сепаратистов»⁹. А. Врамян¹⁰ отреагировал на это так:

¹ А. Агаронян безусловно ссылается на первый съезд османской оппозиции, в котором он участвовал в качестве представителя АРФ (см. выше. С. 29).

² Материалы по истории Армянской революционной федерации. Т. III. С. 245–246.

³ Ростом (1867–1919) родился в Цехне, агроном, основатель АРФ в 1890 г.

⁴ Там же. С. 247.

⁵ Там же.

⁶ Мурад (1874–1918) родился в Годвуне (Сивас), офицер в районе Лернабар (1904 г.), один из защитников города Баку в 1918 г.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Аршак Врамян (1871–1915) родился в Константинополе, в 1899 г. — член западного бюро, представитель АРФ в США до 1907 г., далее — представитель партии в Ване (1909 г.), исполнительный директор западного бюро в Стамбуле, депутат парламента от Вана (1913 г.), был убит в апреле 1915 г. по приказу вали Вана Джебдет-бея.

«Никто не думает об отделении от Турции. Это было бы глупостью, и не потому, что мы не способны этого добиться, а потому, что наши социальные и экономические интересы требуют, чтобы мы оставались частью этой страны. Турки не понимают характера той федерации, которую мы требуем, — они воспринимают это как сепаратизм. Поэтому чрезвычайно важно убедить турок и объяснить им, что это единственный способ сохранить территориальную целостность Турции. Альтернатива — разделение страны на части».

Минасян добавил: «Даже младотурки не в состоянии ухватить нашу концепцию солидарности, так чего же ожидать от необразованного турецкого населения? Турок все еще ведет их религиозное мышление. И если Турция пойдет войной на любое христианское государство, то турки сразу же обратят эту войну против армян»¹.

После этого дебаты были закрыты, и предложение Арама Манукяна о совместных действиях с оппозицией было принято. Таким образом, АРФ согласилась пойти на уступки в отношении тех реформ, которые предлагались для восточных провинций, чтобы прекратить обвинения партии в сепаратизме². Статья, опубликованная в официальном органе АРФ — журнале «Дрошак» — вскоре после окончания конгресса, кажется, доказывает, что лидеры АРФ приняли во внимание те перемены, которые происходили в движении младотурок, в частности, под влиянием д-ра Бахаеддина Шакира. Они не постеснялись заявить: «Мы не забыли тех позиций, которые занимали лидеры «турецких либеральных партий», когда армянское движение было в младенчестве. В то время как мы аплодируем всем их декларациям о враждебности режиму султана, они постоянно раздражают и разочаровывают нас. Некто

Мурад-бей, человек образованный и прагматичный, который считается единственным лидером младотурок, заявил в один прекрасный день, от имени своей партии в Европе, в брошюре, вышедшей на французском языке, что армянские революционеры — это вульгарные бандиты или уголовники, действия которых неизбежно направлены против мусульманских народов и целью которых является их уничтожение. Что касается верных последователей Мурад-бея — Ризы-бея, Оттомануса [Пьера Анмегяна] и т.д., — то они изображают армянских революционеров в Европе в качестве наемников правительства России... Теперь, однако, ситуация поменялась... Кажется, что вступает в жизнь новое поколение, отказавшееся от бездействия, поколение, которое довольно сильно отличается от своих предшественников, которые еще вчера под ярким и захватывающим названием «младотурки» тратили свои дни на то, чтобы бомбардировать окружающих бумагами, содержащими наивные призывы и просьбы, обращенные к Европе. [Молодое поколение] черпает вдохновение в новых лозунгах; кажется, они опираются на благородный принцип самостоятельности. Будем надеяться, что мы не ошиблись в своих предположениях; будем надеяться, что судьба, наконец, улыбнулась нашим несчастным народам и всей нашей обескровленной стране, которая давно нуждается в совместных культурных действиях. Давайте изгоним из наших сердец последние остатки предубеждения; протянем руки с любовью к нашим соседям, которые пробуждаются из спячки»³.

Это официальное заявление, скорее всего, стало прямым следствием переговоров, которые начались за несколько месяцев до того с новыми лидерами КЕП. Оно стало посланием доброй воли.

¹ Там же. С. 247–248.

² Там же. С. 248. Конгресс избрал восточное бюро в составе: Амо Огаджанян, Симон Заварян, Гаро [Гарегин Пастермаджян], Егише Толчян и Аршак Врамян; западное бюро в составе: Микаэл Варандян [Ованнисян], Акнуни [Хачатур Малумян], Овнан Давтян и Арам Ашот [Саркис Минасян] (там же. С. 286–287). В ходе четвертого съезда АРФ приняла решение, с учетом изменений в империи и эволюции младотурок, взять на себя инициативу по созыву генерального конгресса османской оппозиции (Варандян М. Указ. соч. С. 43).

³ «Дрошак» № 6–7, июнь-июль 1907 г. С. 82–83 (на арм. яз.).

ГЛАВА 2

Декабрь 1907 г.: второй конгресс антигамидовской оппозиции — заключительные «приготовления к революции»

Как мы уже рассказали, среди прочей подготовительной работы Бахаеддина Шакира были и его безрезультатные подходы к лидерам партии Гнчак летом 1906 г. Его контакты с АРФ представляются более плодотворными. Как пишет Ханиоглу, первоначальные переговоры между двумя партиями проводились в условиях максимальной секретности; о них не было сделано никаких публичных заявлений¹. Мы знаем только о том, что Ахмед Риза был направлен в Женеву от имени КЕП, чтобы принять участие в дискуссиях с западным бюро АРФ, и что АРФ, со своей стороны, направила Акнуни в Париж для продолжения переговоров в этом городе².

Во время своего пребывания в Париже лидер дашнаков провел переговоры со своим бывшим сокурсником по академии Нерсесяна в Тифлисе — гнчаковцем Степанасом Сапах-Гуляном, которые состоялись по просьбе последнего. Дашнаковец рассказал Сапах-Гуляну, что он прибыл для выполнения решения, принятого на венском конгрессе, который проголосовал за организацию второго конгресса оппозиции вместе с младотурками для того, чтобы достичь с ними генерального соглашения. Сапах-Гулян и Акнуни хотели сначала договориться между собой, прежде чем начинать диалог с КЕП³. Перед тем, как начать саму дискуссию, Сапах-Гулян спросил своего собеседника, правда ли, как Шакир рассказывал другим гнчаковцам, что АРФ уже наладила отношения с КЕП и начала переговоры по поводу

соглашения «о варианте создания централизованного государства при том условии, что армянский вопрос будет оставлен за рамками». Как пишет Сапах-Гулян, Акнуни подтвердил, что это действительно было линией его партии⁴. Анализ подготовительной работы к конгрессу делает это утверждение вероятным.

Частная переписка Шакира говорит о том, что он, со своей стороны, считал, что у армянских комитетов нет иного выбора, кроме как объединиться с КЕП, поскольку армянам угрожало уничтожение как со стороны царского режима, так и со стороны Абдул-Гамида, в то время как политика великих европейских держав не была направлена на интервенцию⁵. Мы можем составить более точное представление о целях КЕПа и стратегии Шакира, если прочитаем в их переписку. Она показывает, что маневры лидеров КЕПа были проникнуты определенным цинизмом: они приглашали нетурок принимать участие в совместных действиях, которые вращались вокруг османизма, хотя между собой отвергали всякую концепцию единой нации и придерживались четкой политики исключения нетурок из всего процесса⁶.

События 1905–1906 гг. на Кавказе — т.е. вспышки насилия между армянами и мусульманами, особенно с туркоговорящим населением Баку, пожалуй, оказали более сильное влияние на младотурок, чем можно было ранее предполагать. Хотя это насилие было следствием, как утверждали армян-

¹ Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 191.

² Ibid.

³ Сапах-Гулян С. Несущие ответственность. С. 199–204.

⁴ Там же. С. 208.

⁵ Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 193.

⁶ Ibid. P. 181.

ские комитеты, провокационной политики, проводимой агентами царского режима¹, в туркоговорящих кругах оно воспринималось как турецко-армянский конфликт в борьбе за контроль над Южным Кавказом. Бахаеддин писал в своем ответном письме на письмо, полученное им в марте 1906 г., в котором кавказские татары жаловались ему на «посягательства» со стороны армян, что «инициаторы этой отвратительной резни не вы, а те армянские революционеры, которые получают удовольствие от попрания гуманности»². Однако официальный орган КЕПа занял относительно нейтральную позицию в отношении армяно-татарского конфликта. Но в частных разговорах Шакир предлагал «положить конец армянскому могуществу и влиянию на Кавказе». Он также предлагал своим «мусульманским братьям» распространить «патриотическую идею объединения с турками», одновременно заявляя русским, что они «лояльны российскому правительству» и не развязывают религиозную войну, а только «борются против армян, и то только потому, что те совершают акты агрессии, неповиновения и другие преступления, в связи с чем необходимо защищать от них собственность и честь»³. Тем не менее такая протурецкая позиция не мешала КЕП вести переговоры с армянскими комитетами и даже, как мы уже видели, сотрудничать с отдельными независимыми представителями армянских кругов.

До сих пор считалось, что инициатором организации второго конгресса османской оппозиции была АРФ, что, в принципе, соответствует решениям четвертого генерального конгресса этой партии. Однако документы, представленные Ханиоглу, показывают, что в действительности инициатива принадлежала КЕП⁴. В любом случае, обе организации выражали желание сотрудничать. Таким образом, Шакир смог заключить, что Акнуни был «чрезвычайно предрасположен» и проявлял большую гибкость в ходе предварительных обсуждений — до такой степени, что лидеры младотурок настроились позитивно относительно его мотивов. По

просьбе дашнакского лидера принц Сабахеддин и его Лига личной инициативы и децентрализации вошли в состав смешанной комиссии по подготовке конгресса. В эту комиссию также вошли члены центрального комитета КЕП Ахмед Риза и Сами Пашазаде Сезай-бей, а также д-р Нихад Решад и Ахмед Фазли из Лиги и Акнуни, как официальный представитель АРФ. Шакир не был членом этой комиссии, но архивные материалы показывают, что именно он был подлинным инициатором конгресса⁵.

Интересно отметить, что документ из двенадцати пунктов, подготовленный смешанной комиссией, открывается с постулирования принципа территориальной целостности Османской империи и нерушимости порядка наследования престола, а завершается упоминанием о «легальных и революционных» средствах, которые должны быть мобилизованы для свержения гамидовского режима и восстановления конституции. В нем также отвергается любая иностранная интервенция и «терроризм», хотя и допускается возможность насильственных действий в некоторых обстоятельствах, которые требуют дальнейшего уточнения. Заключительное положение предусматривало, что «армяне не должны принимать участия в восстании в Эрзуруме, если только мы [т.е. КЕП] не утвердим это участие»⁶.

Три «главных приглашающих стороны» — КЕП, АРФ и Лига принца Сабахеддина — пригласили комитеты СДПГ и Вераказмыля принять участие в конгрессе, но отказались и те и другие. Парижская Эллинская лига также получила приглашение, но поскольку указанные лиги обладали относительно малым влиянием, дебаты превратились, по существу, в обмен мнениями между КЕП и АРФ. Камнем преткновения стал выбор названия того общенационального представительного органа, который, по идее, должен был управлять новой страной. Младотурки категорически отвергли формулу «конституционной ассамблеи», предложенную Дашнакцюзюм. После обмена мнениями между западным бюро АРФ, с одной стороны, и

¹ Материалы по истории Армянской революционной федерации. Т. III. С. 94–95: об армяно-турецких столкновениях на Кавказе и провокациях, организованных российским правительством.

² Hanioglu M. Ş. Op. cit. Pp. 158–159.

³ Ibid. P. 160, письмо от 23 ноября 1906 года, отправленное из Парижа туркоговорящим корреспондентам на Кавказе.

⁴ Ibid. Pp. 191–192.

⁵ Ibid. P. 194.

⁶ Ibid. Pp. 194–195.

комитетом в Салониках, с другой, было достигнуто согласие относительно термина «национальный парламент»¹.

Кроме этих принципиальных вопросов, которые ясно показывали цели двух партий, горячие дебаты возникли вокруг решения использовать «легальные и революционные» средства для свержения существующего правительства. Легко представить себе то чувство неловкости, которое возникало у лидеров КЕП от революционной практики АРФ; и мы можем предположить, что в переговорах с армянской партией они стремились взять эту практику под свой контроль. Среди средств, предложенных армянскими революционерами, были акты гражданского неповиновения, скрытое сопротивление, организация вооруженных формирований, общее восстание, всеобщая забастовка с участием правительственных чиновников и полиции и, наконец, террористические акты, направленные против отдельных лиц и учреждений. Эта обширная программа, разработанная боевиками, которые уже доказали на деле, что могут проводить достаточно сложные операции, вызвала панику среди лидеров КЕП, которые придерживались, несмотря ни на что, легальных подходов, направленных на решение судьбы Османской империи. Поэтому вполне понятно, что младотурки потребовали, чтобы деятельность вооруженных формирований была под строгим контролем, чтобы не было открытых призывов к восстанию (по причинам национальной безопасности), чтобы они не ослабляли армию и чтобы АРФ отказалась от коллективных террористических действий, ограничив себя действиями против конкретных физических лиц².

Когда все было сказано и сделано, АРФ пошла на серьезные уступки, согласившись не призывать к проведению реформ в восточных провинциях или вмешательству ве-

ликих держав во внутренние дела империи и поддержав идею централизованного государства³. В свою очередь, армянская сторона несомненно надеялась, что будущее государство будет иметь, по крайней мере в некоторой степени, представительный характер и демократическое правление. Возможно, АРФ даже рассчитывала приобрести некоторое влияние на государственные дела. Несмотря на эти уступки, младотурки, которые привыкли уже противиться планам своих армянских соотечественников бороться за административную автономию, продолжали проявлять нежелание сотрудничать с ними. В свою очередь, армянскому комитету предстояло найти приемлемое обоснование своей легитимности в своем собственном сообществе. Тот факт, что Лига Сабихеддина была в числе организаторов конгресса, а также включение других нетурецких элементов в антигамидовское сопротивление помогли легитимизировать выбор АРФ, так как она действовала в рамках широкой османской оппозиции, а не просто присоединилась к одним младотуркам — этому шагу сложнее было бы добиться признания⁴. Переговоры с оппозиционными движениями, такими как Внутренняя македонская революционная организация (ВМРО), проходили гораздо сложнее и закончились неудачей, несмотря на усилия АРФ, у которой с этим движением были давние связи. Несколько еврейских и арабских делегатов приняли участие в работе конгресса, но не оказали на его ход никакого реального влияния⁵.

После того как были завершены все предварительные переговоры и работа различных комиссий подошла к концу, конгресс смог, наконец, состояться. Он проходил в течение трех дней, с 27 по 29 декабря 1907 г.⁶. Несмотря на предварительную работу, проведенную комиссиями, некоторые предложения вызвали проблемы. Например, при-

¹ Ibid. Pp. 195–196.

² Ibid. P. 196.

³ Сапах-Гулян ссылался на эту формулировку в цитированной выше переписке со своим бывшим однокашником Акнуни. Варандян М. Указ. соч. С. 9, подтверждает, что АРФ перестала агитировать за реформы и согласилась приостановить издание «Pro Armenia».

⁴ Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 197. Ханиоглу настаивает здесь, прежде всего, на страхе КЕП перед АРФ; он только вскользь упоминает о дашнакском подходе.

⁵ Ibid. Pp. 198–203.

⁶ Ibid. P. 203. Отмечается, что на заседаниях конгресса по очереди председательствовали принц Сабихеддин, Акнуни и Ахмед Риза, а Пьер Анмегян был его секретарем. Варандян это подтверждает (см. Варандян М. Указ. соч. С. 5). В делегацию АРФ также входили Грач [Гайг Тириалян (1871–1915), агроном, который родился в Трабзоне], Ваграм [Арутюн Калфаян], Арам-Ашот [Саркис Минасян (1875–1915), член

звезды Ризы, обращенный в последнюю минуту к армянским делегатам, признать права султана Османской империи в качестве халифа, вызвал горячую перепалку: эти социалистические боевики, считавшие религию доказательством мракобесия, могли воспринять это требование только как еще одно проявление консерватизма этого «позитивистского» лидера. Фазли и Шакир удалось решить проблему, добившись от армян признания «существования проблемы халифата и султаната, которые считались священными для [их] соотечественников-турок». Само собой разумеется, что другим источником напряженности стало принятие революционных методов. В этой связи Ханиоглу прекрасно выявил разницу между концепциями членов КЕП и дашнакских боевиков, то есть между подходом первых, для кого такие методы были просто формой активности при достижении своих целей, и социалистическим видением вторых, которые были революционерами в истинном смысле этого слова¹. Жаркие дебаты по этому вопросу разгорелись даже на заключительном банкете, где участники продолжили свое риторическое упражнение и изложили свои концепции общества и государства, не ставя, однако, под сомнение итоговую декларацию конгресса. Эта декларация призывала, с одной стороны, султана к отречению от престола, радикальному преобразованию существующего правления, а также созданию консультативной системы и конституционного правительства, а с другой стороны, в качестве средств для достижения этих целей, предусматривала вооруженное сопротивление, всеобщую забастовку, отказ платить налоги и пропагандистскую деятельность в вооруженных силах. Наконец, конгресс решил создать «постоянный смешанный комитет», отвечающий за организацию пропагандистской

работы и направление призывов ко всем социальным классам и основным социальным группам империи².

Этот «исторический аккорд» отозвался лишь самым незначительным эхом в западной прессе всех политических течений, в том числе и социалистической, которая, как можно было легко себе представить, не питала особой любви к КЕПУ. В то же время центральный комитет младотурок поручил своим местным отделениям следить за армянскими комитетами и, в частности, сообщать, придерживаются ли они парижских соглашений. Он также призвал их начать систематический бойкот принца Сабахеддина, который по-прежнему обвинялся в распространении «крамольных идей»³.

Активная роль, которую играл центральный комитет младотурок в Париже, особенно когда дело касалось отношений с другими османскими группами, не должен заслонять от нас растущее влияние в партии ЦК из Салоник. Накануне июльской «революции» 1908 г. очень многие из шести тысяч членов Организации османской свободы (ООС) были в прошлом армейскими офицерами⁴, рекрутированными из сил, сосредоточенных на Балканах, которые должны были держать этот регион под контролем. Создания многочисленных отделений партии на Балканах, в частности, в Монастире⁵, Серресе, Скопье и Резене, было прямым результатом этой внутренней трансформации. ЦК в Салониках, в который входили Мехмед Талаат, адъютант майора Хафиза Хакки, капитан Исмаил Канболат, Маньяязирзаде Рефик и майор Энвер⁶, был — со своим офицерским большинством — столь же военизированным, как и вся остальная партия в целом. Тем не менее ЦК был все еще далек от того, чтобы проводить впечатляющие операции, способные ускорить падение режима. Тщетные попытки

западного бюро АРФ в 1907 г.], Х. Сарафьян и Рубен Зартарян [также известный как Аслан (1874–1915), журналист, который родился в Севереке, основатель «Азатамарта» (1909 г.), член западного бюро в 1911 г.].

Сапах-Гулян С. Турецкая тирания и младотурки, «Гнчак», № 1, январь 1908 г. С. 2–10 (на арм. яз.). С. Сапах-Гулян подтверждает на основании приглашения, полученного его партией, что конгресс был создан по инициативе «Дрошака», КЕП и Лиги частной инициативы и децентрализации.

¹ Hanioglu M. Ş. Op. cit. Pp. 204–205.

² Ibid. P. 205. Журнал «Дрошак» в январе 1908 г. (№ 1) опубликовал решения конгресса: «Конгресс партий [оппозиции], 27–29 декабря 1907 г.». С. 1–5 (на арм. яз.).

³ Hanioglu M. Ş. Op. cit. Pp. 206–208.

⁴ Bozarslan H. Op. cit., I. P. 197. Из общего количества в 56.000 османских офицеров.

⁵ Hanioglu H. Op. cit. P. 229. Это отделение, основанное майором Энвером и капитаном Кязимом [Карабекиром], имело больше членов и было активнее центрального комитета в Салониках.

⁶ Ibid.

Мехмеда Талаата убедить своих армянских друзей из АРФ взорвать бомбы в Салониках и Стамбуле¹ выявили определенное бессилие, как и свидетельствовали об утилитарном подходе КЕП к своим армянским союзникам.

Большинство историков согласны с тем, что проведение реформ в Македонии (Герцеговинский план) проходило на фоне дипломатического кризиса в отношениях между Россией и Великобританией, что способствовало вербовке офицеров-повстанцев и позволило мобилизовать мусульманское общественное мнение на Балканах, которое было недовольно европейскими планами в отношении региона. Кроме того, обычно считают, что эти реформы подорвали позиции Блистательной Порты, основным приоритетом которой оставался военный контроль над регионом.

Укрепление британской решимости продолжать реформы в Македонии, которое наблюдалось в марте 1908 г., было воспринято ЦК КЕП как непосредственная угроза «раздела и вымирания османского государства и изгнания турок из Европы»². Реакция КЕПа показала, что младотурки понимали «реформы» однозначно: для них это было равносильно «разделу». Они даже боялись, что европейский план по Македонии вполне мог привести к потере Албании, выдавить их капиталы из Европы и «сделать нас азиатской страной второго или даже третьего сорта»³.

Состоявшаяся 9–12 июля 1908 г. в Ревеле встреча русского царя Николая II и британского короля Эдуарда VIII стала, пожалуй, тем событием, которое окончательно убедило КЕП броситься в решительный бой против режима. Вполне вероятно также, что султан, чья политическая проницательность была признана всеми, заключил в тот же самый момент, что он больше не в состоянии противостоять давлению великих держав, — иными словами, что у него нет выбора, кроме как уступить давлению КЕП в надежде, что он все возьмет обратно в свои руки, когда минует кризис. Когда он решил восстановить конституцию Мидхата и позволить младотуркам вступить на историческую сцену,

он, вероятно, прекрасно знал, что они были намного более законопослушны, чем многие полагали, и были отнюдь не против сохранения монархии. Главной целью султана было остановить процесс реформ в Македонии, который, безусловно, грозил в конечном счете разделом империи.

Один из лучших специалистов по Балканам того времени, журналист Арам Андонян указывает, что «младотурки очень умело воспользовались энтузиазмом [порожденным революцией], чтобы вежливо отправить европейских чиновников, которые только что поселились в Македонии, домой»⁴. Революция младотурок, которая должна была устранить дефицит демократии и обеспечить безопасность всех субъектов империи, принесла еще один результат: она прекратила всю вооруженную деятельность со стороны албанцев, македонцев и армян, ибо все они поддержали новый режим. Однако, как отмечает Андонян, «успешно приостановив запланированные реформы в Македонии, режим младотурок проложил дорогу тем событиям, которые, в конечном итоге, привели к балканской войне». Другими словами, отказавшись прислушаться к тем, кто собирался проводить реформы для того, чтобы смягчить сепаратистские тенденции, турки просто отсрочили день расплаты. Австро-Венгрия компенсировала себе успех младотурок, аннексировав Боснию и Герцеговину, в то время как Россия воспользовалась поводом вторгнуться на Балканы, хорошо зная, что новая власть не будет там проводить реформы, вызывая, тем самым, новые восстания, вызванные политической непримиримостью местного населения⁵.

Как бы то ни было, КЕП сразу понял, что именно начиная с Балкан, где комитет нашел такую благодатную почву, у него наибольшие шансы на успех в свержении режима и приход к власти. Его нацеленность на этот регион, особенно на Македонию, сделало необходимым сближение с местными комитетами, начиная с Внутренней македонской революционной организации (ВМРО). Революция пойдет из Европы, а не из Анатолии. В этом плане союз с АРФ потерял часть

¹ Talât M. Talât Paşa'nın Anıları, éd. par M. Kasım, İstanbul, 1986. S. 58. Цитируется Бозарсланом: *Bozarslan H.* Op. cit. P. 32.

² Hanioglu H. Op. cit. P. 236.

³ Ibid.

⁴ Андонян А. История Балканской войны. Т. I, Стамбул 1912. С. 315 (на арм. яз.).

⁵ Там же. С. 315–316.

своей актуальности и даже необходимости¹. Сейчас в нашу задачу не входит анализ тех обстоятельств, которые привели к нейтрализации македонского комитета, но можно отметить, что этому процессу во многом способствовали убийства его лидеров Бориса Сарафова и Ивана Гарванова — боевиков, которые были близки к армянским революционерам. Греки, в свою очередь, оставались пассивными, отказываясь принимать участие в этих операциях.

Тем не менее КЕП нужна была поддержка местных организаций, которые боролись за автономию и которые, конечно, состояли из немусульманских элементов, так что комитету даже пришлось нанимать своих членов или добровольцев непосредственно из их рядов. В то же время он не мог отказаться от принципа исключительно «турецкого» характера своей партии. Как часто бывало в прошлом, албанцы поставляли контингент, способный добиться поставленной цели; их подкрепляли мусульманские новобранцы с Балкан. Несколько обещаний со стороны КЕП удовлетворить требования албанцев, которые вращались вокруг сохранения их идентичности, позволили туркам не только сплотить существенные местные силы, но и ликвидировать тот революционный проект, который тлеял там месяцами. Деятельность Ахмеда Ниязи, который сам был албанского происхождения, способствовала набору добровольцев в Резене, Монастире и Охриде. Нет никаких сомнений, что албанские влиятельные деятели сыграли решающую роль в сплочении местных сил под знаменем младотурок. Они надеялись взамен получить особый режим, в частности те культурные права, которые они давно требовали и которые КЕП уже давно объявил сепаратистскими². Старания лидеров КЕП не были столь успешными, когда они постарались сплотить в Салониках те еврейские круги, которые уже несколько лет оказывали местным младотуркам материально-техническую поддержку, хотя в их отношении КЕП не сделал никаких уступок, о которых стоило бы говорить. Однако тех отношений, которые у них сформировались с евреями,

было достаточно, чтобы дать консерваторам повод окрестить революцию «кликлой евреев, масонов и сионистов из Салоник»³.

Скрытый бунт, который зрел в вооруженных силах, первые признаки гражданского неповиновения, а также тот факт, что оказалось невозможным выполнить приказы Блистательной Порты и взятую ситуацию под контроль, не оставили султану никакого другого выбора, кроме как подписать указ о восстановлении конституции. Этот указ был обнародован 24 июля 1908 г.⁴

В Париже оппозиция в изгнании упаковала свои чемоданы и отправилась в родные земли. В конце июля 1908 года генеральный консул Османской империи и Ахмед Риза посетили парижскую штаб-квартиру СДПГ для того, чтобы пригласить лидеров партии вернуться в Константинополь. Они обещали гнчаковцам, что они смогут работать там так, как сочтут нужным, даже — если они того пожелают — как оппозиционная партия. Это приглашение, адресованное самым непримиримым противникам КЕПа, можно интерпретировать по-разному. Вполне вероятно, что выбрав такой курс действий, младотурки стремились нейтрализовать внешние источники оппозиции — они, несомненно, предпочитали иметь их под рукой, в столице, где было безусловно легче следить за ними, чем если бы они остались за границей. Когда Мурад и Сапах-Гулян посетили младотурок, они узнали от Ризы, что вскоре в Салониках состоится конгресс КЕП. Верный себе, позитивистский лидер попросил комитет прекратить свои нападки на Абдул-Гамида, который был теперь их сувереном и халифом⁵.

На следующий день оба лидера Гнчака встретились с принцем Сабахеддином, который сказал им: «Если Иттихад (комитет) контролирует правительство в течение более восьми месяцев и ведет дела государства, то будьте уверены в том, что будущее всех народов, составляющих империю, особенно армян, поставлено под угрозу, а затем его вообще не будет... Некоторые лица уже провели со мной конфиденциальные беседы: мы открыто говорили друг с другом как турки. То, о чем я говорю, уже четко сформу-

¹ Hanioglu H. Op. cit. P. 242.

² Ibid. Pp. 254–258.

³ Ibid. Pp. 259–260.

⁴ Ibid. Pp. 269–278.

⁵ Сапах-Гулян С. Несущие ответственность. С. 218–219.

лировано в их заявлениях и признаниях. Вот почему вы должны немедленно рассмотреть свою собственную ситуацию и решить, что вам делать»¹.

Это пророческое предупреждение, исходившее от лидера, который уже отошел на обочину, свидетельствует, по крайней мере, о том, какое настроение преобладало среди

лидеров младотурок с момента их прихода к власти, и о двойственности их позиции.

15 августа 1908 г. Сапах-Гулян и Мурад выехали из Парижа в Константинополь². Дашнакские лидеры также покинули Женеву и отправились в столицу Османской империи. Бахаеддин Шакир прибыл туда первым.

¹ Там же. С. 220–224. Принц закончил свое выступление словами: «Страна — на пути к разрушению и расчленению». В тот же день руководители Гнчака отправили своего курдского коллегу Бедр-бея Бедрчана в Салоники собрать информацию о конгрессе КЕП и доставить ее к ним в Константинополь.

² Там же. С. 230–231.

История

жизни в их законных и правах. Мы должны добиться достойного расхождения с этой сложившейся ситуацией и решить, что мы делаем?»

Это политическое предупреждение, исходящее от лидера, который уже стал не только самодельщиком, но и своей же силой, также настроен на победительный фронт.

В предпоследнем моменте их поездки в Анкару, в президентском им дворце.

15 августа 1993 г. Сатах Гулик и Мурад Мустафи из Тарсуса и Ризвануллахлы, Джемалов Ахмед также посетили Стамбулу и договорились в отношении Османской империи. Сказавшим Шакир прибыл туда первым.

Миллионер и кучерья
 Проходят непутыны
 (Идет 212-8001) охотья

1. См. стр. С. 220-224. Книга «История» была выстроена на основе «Степан» — на пути к историческому и документальному. В ней на деле представляется Гитлер, который сам по себе является частью книги. Книга была издана в Стамбуле и в Анкаре, и в настоящее время находится в Анкаре.

2. См. стр. С. 220-221.

ГЛАВА 1

Стамбул в первые дни революции: «Наша общая религия — это свобода»

В редакционной статье, опубликованной в конце июля 1908 г. и явно через несколько дней после восстановления конституции, руководство Гнчака писало, явно намекая на КЕП: «Для дальнейшего развития турецкому национализму нужны более либеральные политические условия, чем те, которые предложил хамидовский режим». В этой же статье лидеры Социал-демократической партии Гнчак (СДПГ) напомнили своим читателям о позиции партии: «Мы выступаем против "Молодой Турции", если она предлагает установить верховенство одной нации или расы над другими... Полное равенство всех наций должно быть неотъемлемым правом. Мы также отвергаем систему абсолютного централизма, которую защищает Комитет единения и прогресса (КЕП)». Гнчаковцы также продолжали выступать за создание местной автономии, «автономии для Армении» и принятие по-настоящему демократической конституции. Таким образом, они вернулись в Константинополь без чрезмерного энтузиазма¹. Тем не менее они хвастались, что воодушевили младотурок к активности. «Что касается революции, — писал официальный орган партии Гнчак, — то армянский народ стал учителем турецкого народа»².

Несмотря на то, что СДПГ придерживалась этой позиции, которая показывает постоянство политического выбора ее лидеров, младотурки не оставляли надежд переменить точку зрения своих армянских соотечественников. Поэтому д-р Б. Шакир нанес визит гнчацким лидерам С. Сапах-Гуляну и Амбарцуму Бояджяну всего через десять дней после их прибытия в Стамбул.

Шакир прибыл в столицу чуть раньше и уже взял на себя руководство местными клубами. Он сообщил гнчаковцам, что его коллеги по ЦК в Салониках только что прибыли и хотели встретиться с ними. Сапах-Гулян и Мурад приняли приглашение, несмотря на свои оговорки в отношении младотурок. Их принимали в штаб-квартире Комитета единения и прогресса Б. Шакир, Мехмед Талаат, Шазаде Баси и Энвер. Талаат сообщил им, что ЦК в Салониках послал его в столицу, чтобы встретиться со всеми лидерами различных партий и изучить все существующие течения, поэтому он надеялся, что гнчацкие лидеры объяснят ему основные принципы их движения. Такая манера вести разговор была, несомненно, призвана прозондировать отношение гнчаковцев к КЕП в его новой роли правительственной партии, а также открыть для себя природу взаимоотношений между СДПГ и АРФ. И действительно, Талаат фактически спросил своих собеседников о том, что они думают о дашнаках, на что гнчацкие лидеры ответили, что лучше ему самому обратиться к ним напрямую. Он также поинтересовался, как это дашнаки «могли включить в свое название слово "революционная"». «Кто-нибудь видел правительство страны, которая разрешит у себя существование партии, называющей себя "революционной"?» — спросил он³.

На высказывание Талаата о том, что СДПГ позиционирует себя на почве османнизма, Сапах-Гулян и Мурад ответили, что «османский и турецкий — для нас синонимы». Они заявили, что «нет османских армян и быть не может; есть османские субъ-

¹ Конституционная Турция и армянский вопрос, «Гнчак», № 6–7, июнь-июль 1908 г., редакционная статья. С. 49–50 (на арм.яз.).

² Там же. С. 51.

³ Сапах-Гулян С. Указ. соч. С. 232–233.

екты — есть армяне, османские граждане»¹. Несмотря на этот ответ, лидер младотурок предложил, чтобы они попытались прийти к взаимопониманию и заложить основу для соглашения, — он даже пообещал им, что гнчаковцы получат полную свободу действий в качестве политической партии². Через несколько дней юрист-армянин Акоп Бабилян, член движения младотурок, был направлен в штаб-квартиру СДПГ, чтобы переубедить своих соотечественников. Он подтвердил, что иттихадисты хотели достичь соглашения с гнчаковцами, были готовы гарантировать им то число мест в парламенте, которое они требовали, а также пойти на все другие необходимые уступки, потому что они хотели убедиться в том, что в стране наступит период политического спокойствия³.

В основе соглашения, которое младотурки несомненно предложили всем комитетам, лежало несколько словесных уступок вместе с обещанием поддержки на предстоящих выборах в Османскую национальную ассамблею. Армянские круги предположили, что КЕП пытается использовать старый антагонизм между АРФ и СДПГ, разжигая пламя их соперничества, обещая каждой из сторон больше парламентских мест, чем другой, тем самым стараясь крепче привязать их к себе. Этим самым официальным орган Дашнакцутюн защищался от едкой критики со стороны Гнчак за сотрудничество АРФ с младотурками⁴.

Как мы уже видели, соглашение, достигнутое в декабре 1907 г. на втором конгрессе оппозиции, не оказало никакого реального влияния на ход событий. Дашнаки, казалось, знали об этом, но утешали себя тем соображением, что «поколебавшись в течение длительного времени, младотурки, как только они почувствовали, что стали достаточно сильны, чтобы это осуществить, приняли терроризм как наиболее подходящий способ борьбы

против сети шпионов и терроризирования защитников режима и окружения султана»⁵.

«Дрошак» поспешил процитировать заявление, которое д-р Назим сделал в Смирне: «Мы в долгу перед армянами, а не перед османской армией, ибо именно армяне сопровождали нас на пути к свободе»⁶. Эти слова вызывают недоумение. Разве можем мы разумно объяснить эту лесть чувством благодарности со стороны одного из старейших, но все еще активных боевиков младотурок? Наверное, нет. Однако этого высказывания Назима хватило, чтобы создать у армянского комитета впечатление, что он тоже сыграл — в той или иной форме — свою роль в «революции» и как бы приобрел для себя новую легитимность. Если вспомнить, что революционная деятельность АРФ в дни султана Абдул-Гамида подвергалась резкой критике со стороны столичных армянских кругов, то легко понять, как важно было для партии получить хоть какую-то степень признания. С этой точки зрения революция представляла собой триумф АРФ в глазах армянской общины страны. В одночасье двери всех армянских национальных учреждений открылись перед дашнаками. Это не должно, однако, закрывать нам глаза на ожесточенные дебаты, которые время от времени вспыхивали внутри партийного руководства. Хотя некоторые лидеры АРФ, такие как Микаэл Варандян или Акунни, оба — члены западного бюро, рассматривали 1908 год как «золотой век»⁷, другие, такие как Рубен Тер-Минасян и Андраник, были скептичнее и указывали, что единственной целью офицерского переворота было сохранение территориальной целостности империи, а также выражали озабоченность по поводу «шансов на выживание революционной партии в период мира»⁸. Большинство партийных лидеров, однако, сплотились вокруг османизма и принципа целостности империи. Иными словами, они

¹ Там же. С. 233.

² Там же. С. 234.

³ Там же. С. 235.

⁴ Дрошак, № 7/195, июль 1908 г. С. 97–106; примечание на с. 100 (на арм.яз.).

⁵ Там же. С. 101.

⁶ Дрошак, № 8/196, август 1908 г. С. 121 (на арм.яз.); Варандян М. Обновленное отечество и наша роль в нем, Женева, 1910. С. 69 (на арм.яз.). Варандян писал: «Июльская победа 1908 г. — это победа младотурок, но и дашнаков, которые вместе показали мусульманскому миру впервые еще в 1907 г., что солидарность — это что-то реальное».

⁷ Там же. С. 101; *Minassian G. F.* Les relations entre le Comité Union et Progrès et la Fédération révolutionnaire arménienne à la veille de la Première Guerre mondiale d'après les sources arméniennes, *Revue d'histoire arménienne contemporaine* I (1995). Pp. 45–99.

⁸ *Ter-Minassian R.* Mémoires d'un partisan arménien, trad. W. Ter-Minassian. Marseille, 1990. P. 26; idem: *Mémoire d'un cadre révolutionnaire arménien*, trad. Souren L. Chanth, Athènes, 1994. P. 607.

решили продолжить свое сотрудничество с КЕП на османской политической сцене и сделать ставку на установление либерального режима.

Позиция, занятая Акнуни, руководителем делегации АРФ на парижском конгрессе в декабре 1907 г., несомненно, сыграла определяющую роль в решении партии сотрудничать с младотурками. Прибыв в столицу Османской империи раньше всех других, в августе 1908 г.¹, он написал своим коллегам из западного бюро в Женеве: «Вы не представляете, как я счастлив, что могу писать вам из этого города без малейшей цензуры или контроля. После тридцати двух лет молчания город скандирует «Свобода!», толпы людей пьяны от радости. И это неважно: тридцать лет молчания стоят тридцати дней опьянения... Когда реакция восстановит свою власть, нас вернут обратно в “клуб немых”»².

Этот энтузиазм легко понять, если вспомнить, что это — энтузиазм боевика, который провел долгие годы в изгнании и партия которого подвергалась преследованиям и в России, и в Османской империи. Восстановление конституции открыло пьянящие перспективы: АРФ могла теперь надеяться вести полностью открытое существование, стать легальной политической партией, играть свою роль в политической, социальной и культурной жизни армянского народа, а также участвовать в османской политической игре.

Еще одним событием, которое произошло в тот же период и имело символическое значение, было возвращение в сентябре 1908 г. принца Сабахеддина из изгнания в столицу Османской империи. Чтобы отметить это событие, корабль с «оккупантами дворца и вельможами» на борту вышел в море, чтобы приветствовать внука султана Меджида. СДПГ создала еще один мощный символ, решив нанять корабль и идти навстречу принцу, имея на борту, среди прочих, Степаноса Сапах-Гуляна и Мурада.

Оба революционера были приглашены на корабль «оккупантами дворца», где их принял «сумасшедший» Фуад-паша, который только что вернулся из ссылки. Перед этим созвездием сановников, включая Ахмеда Ризу и д-ра Б. Шакира, паша разразился красноречием по поводу той роли, которую сыграли гнчаковцы: «Они много сделали для того, чтобы пробудить страну от оцепенения и свалить хамидовский режим»³. Этих боевиков, которых только вчера считали злодеями, вдруг стали чествовать как героев. Они были не одни: армянская делегация, представляющая Патриархат, отплыла от Золотого Рога на «Принцессе Марии» 2 сентября около 11 вечера в направлении Дарданелл в надежде приветствовать принца Сабахеддина раньше других. В составе делегации был адвокат Григор Зограб, который сам всего несколько дней тому назад вернулся из ссылки⁴. Однако эти проявления восточной вежливости только завуалированная враждебность со стороны КЕП. Буквально в день прибытия принца пресса Стамбула запустила кампанию его поношения: распускались слухи, что он прибыл в столицу в компании трехсот французских монахинь, которых хотел направить на «модернизацию» турецких женщин, и трехсот патеров, которые должны были вести турецкую молодежь к «атеизму». Авторы этой кампании, которые были младотурками по происхождению, а у нас есть все основания так полагать, хорошо знали свою аудиторию. Их стратегия опорочить принца, чье длительное пребывание во Франции должно было деформировать его моральную стойкость, опиралась на консервативные рефлексы общественности и, в частности, ее отказ от «западных путей развития»⁵.

Первый «тайный» конгресс КЕП, проходивший на османской земле, открылся 18 сентября 1908 г. Он показал, что ЦК младотурок теперь под контролем руководителей из Салоник, а также д-ра Назима и д-ра Шакира. Ахмед Риза был довольно легко

¹ *Dasnabédian H.* Évolution de la structure de la FRA, Beyrouth, 1985. P. 59.

² *Варандян М.* Указ. соч. Т. I. С. 427.

³ *Сапах-Гулян С.* Указ. соч. С. 238. Этот «обмен любезностями» происходил по-французски.

⁴ *Шарурян А. С.* Хронология жизни и деятельности Григора Зограба, Эчмиадзин 1996. С. 160–161 (на арм. яз.). Григор Зограб (1861–1915), юрист, писатель, депутат и Османского парламента, и Армянской палаты, кто, как мы скоро увидим, сыграл важную роль в османской общественной жизни, выступая защитником армянских, младотурецких, болгарских и македонских политических заключенных, в частности Апига Унджяна, обвиненного в «помощи и содействии революционному комитету» в сентябре-октябре 1896 г., а также Карапета Басмаджяна, обвиненного в том же в октябре того же года (с. 80). В 1902 г. Блистательная Порта инициировала его исключение из константинопольской коллегии адвокатов (с. 117).

⁵ *Сапах-Гулян С.* Указ. соч. С. 263 и 279.

отставлен в сторону. Было также ясно, что Мехмед Талаат и оба д-ра выдвинулись вперед как настоящие хозяева КЕП и стали более влиятельными, чем Совет министров¹.

Вечный вопрос об этих много обсуждаемых «секретных» конференциях в том, что же все-таки было решено на них? Сабах-Гулян, о чьей революционной деятельности мы вряд ли сможем сказать больше сказанного, был привилегированным свидетелем этих событий; и он утверждает, что послал одного из своих агентов, а именно Бедир-бея Бедирхана², в Салоники, чтобы собрать информацию о решениях, принятых конгрессом младотурок. По донесениям этого информатора, КЕП решил проверить развитие других политических партий; продолжать борьбу против Сабихеддина и его либеральных идей; терпеть армянские партии до тех пор, пока Комитет не станет сильнее; держать гнчаковцев под наблюдением; распространять принцип османизма; продвигать контроль мусульман над экономикой и содействовать развитию промышленности и торговли среди турок, а также во все времена сохранять турецкое большинство в Османском национальном собрании³. Конечно, эту информацию не следует переоценивать; это — ряд «откровений», которые были изложены в письменном виде в 1915 г. — но и не следует ей полностью пренебрегать. Секретная переписка младотурок, найденная Ханиоглу⁴, ясно показывает, что они систематически использовали двойной язык или адаптировали все, что говорят, к контексту, не отклоняясь ни на йоту от преследования своих политических целей. Эти документы свидетельствуют, что на этом конгрессе КЕП решил поддержать военный характер своей организации, а также добиться назначения на все важные посты людей, отобранных среди лояльных членов Комитета и фидайи. Это были все ректоры и преподаватели вузов, поскольку эти посты находились в подчинении министерству образования, все вали, мутесарифы и каймака-

мы, подчиненные министерству внутренних дел, а также все судьи, которые находились в подчинении министерству юстиции⁵. Вот еще один аргумент в пользу того, что целью КЕП было поставить весь государственный административный аппарат под свой контроль, не оставив ничего своим политическим «союзникам».

Необходимо отметить еще один, последний элемент, который был характерен для дебюта младотурок на политической сцене — привязанность КЕП к трону Османской империи. Тех, кто принимал участие во втором конгрессе османской оппозиции в декабре 1907 г. в Париже, это не удивило, ибо они уже отмечали, что младотурки, когда все сказано и сделано, придерживаются довольно консервативной концепции не общества, но государства. И не имеет большого значения, что именно Ахмед Риза выступал на конгрессе главным защитником султана: он просто высказал то, о чем его молодые соратники думали, но не могли открыто высказывать, чтобы не подрывать свой авторитет непреклонных активистов. Понятно поэтому, почему «после 1908 г. Ахмед Риза стал «любимым сыном» Абдул-Гамида, уважение которого дошло до такой степени, что он лично подал Ахмеду стакан воды»⁶. Этот позитивистский лидер, происходивший из среды, имеющей связи с османским двором, оказался в конце концов в своей стихии, когда был принят во дворце Йылдыз. И наоборот, молодые люди — едва за тридцать, такие как Талаат, Назим и Шакир, скорее всего, боялись самой идеи прямо взять бразды правления страной в свои руки, не говоря уже о боязни появляться на публике, свойственной всем этим боевикам, привыкшим к подполью и ставшим настоящими «комитетчиками». Инерция османской традиции, престиж Блистательной Порты, разница в возрасте — важный фактор в восточном обществе, равно как и отсутствие опыта⁷, бесспорно, усиливали эти колебания относительно того, чтобы прямо взять власть,

¹ *Hanioglu M. Ş.* Op. cit. P. 279. В соответствии с уставом КЕП точные функции каждого партийного чиновника держались в секрете.

² Потомок курдской семьи Бедирхан из Бохтана, бывшего княжества, которое управлялось династией Бедирхан.

³ *Сабах-Гулян С.* Указ. соч. С. 245–246.

⁴ *Hanioglu M. Ş.* Op. cit.

⁵ *Ibid.* P. 286.

⁶ *Bozarslan H.* Op. cit., t. I. P. 151. Цитируется А. Б. Кураном. См.: *Kuran A.B. Osmanli İmperatorluğunda İnkılâp Hareketleri ve Millî Mücadele.* S. 411: «Права султана — один из вопросов острой конфронтации на конгрессе младотурок в 1907 г. Армяне тогда ответили турецким делегатам, что «революция, которая стремится защитить права падишаха — это не революция»».

⁷ *Zürcher E. J.* Turkey, a Modern History, London-New York, rééd., 1998. P. 99.

беспрецедентный поступок в мире Востока. Здесь, без сомнения, кроется объяснение того факта, что в период с июля 1908 г. по июнь 1913 г. были сформированы не менее одиннадцати кабинетов министров¹.

Когда было официально объявлено о восстановлении конституции, то реакцией, которая больше всего удивила наблюдателей, были сцены дикой радости со стороны широких народных масс, а также демонстрации братания, которые можно было наблюдать не только в столице, но и в провинциях. Как нам объяснить это проявление взаимного уважения или дань памяти жертвам резни 1895–1896 гг. в той самой столице, в которой немногим более десяти лет до того тысячи армян были публично зарезаны? Можно ли эту реакцию объяснить следствием того, что социологи называют «травмой палача», своего рода публичной демонстрацией своей нечистой совести? Во всяком случае, с некоторыми происходило именно это. Или это был результат указаний, которые КЕП распространил по своей сети, чтобы явить миру, например, имидж страны, в которой все группы населения объединились после тридцати лет хамидовской «тирании»?

Такой публичный показ своей нечистой совести по поводу угнетения немусульман был, так сказать, немислим для доминирующей группы. Более того, османское общество, со своей строго иерархической структурой, было известно не только своей спонтанной реакцией на события, но и склонностью следовать инструкциям своих священнослужителей или правительственных чиновников. Поэтому трудно представить, чтобы мусульманский священник вдруг по собственной инициативе пошел на сближение со своими армянскими соотечественниками. Это, несомненно, объясняет то ощущение, которое охватило армян, когда они узнали, что мулла повел своих благоверных молиться на армянских могилах на кладбище в Балыкы в память о жертвах резни

1895 и 1896 годов. Еще одно обстоятельство указывает на то, что это не было спонтанным волеизъявлением: в восточных провинциях Ван и Муш именно местные гражданские и военные власти организовали приемы, сопровождавшиеся концертами и банкетными «братаниями» для армянских фидайи, которые спустились с гор. Не наблюдалось никаких народных движений такого рода². Объяснение вполне может заключаться в полном отсутствии сетей младотурок в этих регионах в тот период времени. Так что существует вероятность того, что правительство приказало местным властям «умаслить» армянских боевиков, чтобы они отказались от своей партизанщины.

Представляется, что КЕП прилагал особые усилия, чтобы убедить армян в своем доброжелательном отношении. По словам французского дипломата, одна из первых прокламаций КЕП, выпущенных в ходе июльской революции 1908 г., касалась именно армян: «Вы больше не армянские войска, стремящиеся восстановить армянское царство, как нас убеждало правительство. Отныне армяне будут бороться вместе с нами за избавление нашего общего отечества от тирании»³.

Отчет о разговоре, который состоялся у д-ра Назима, «одного из главных лидеров движения», «с представителем одной великой державы», — наш самый богатый источник информации о роли КЕП в первые дни революции: «Мы нашли территорию, превосходно подготовленную страданиями, которые испытывал турецкий народ в течение более тридцати лет. Тем не менее потребовались качества этих замечательных людей [армян], их терпение и твердость характера, добросовестность и честность, чтобы убедить тех, чьи самые дикие инстинкты [их хозяев] стремились пробудить ненависть к христианам и учили убивать и грабить их, стать на праведный путь, осознать весь ужас совершенных злодеяний и доказать, что они достойны свободы, которую мы раскрыли их

¹ Саид-паша (с 22 июля по 5 августа 1908 г.); Камил-паша (с 5 августа 1908 г. по 13 февраля 1909 г.), Хильми-паша (с 14 февраля по 13 апреля 1909 г.), Тевфик-паша (с 14 апреля по 5 мая 1909 г.), Хильми-паша (с 5 мая по 28 декабря 1909 г.), Хакки-паша (с 12 января 1910 г. по 30 сентября 1911 г.), Саид-паша (с 30 сентября 1911 г. по 17 июля 1912 г.), Гази Ахмед Мухтар-паша (с 21 июля по 29 октября 1912 г.), Камил-паша (с 29 октября 1912 г. по 23 января 1913 г.), Махмуд Шевкет-паша (с 23 января по 11 июня 1913 г.) и, наконец, после установления диктатуры КЕП, Саид Халим-паша (с 11 июня 1913 г. по 4 февраля 1917 г.) и Мехмед Талаат-паша (с 4 февраля 1917 г. по октябрь 1918 г.). Согласно книге: *Ahmad F. The Young Turks, Oxford, 1969.*

² *Папаян В. Указ. соч. С. 591–598; он же: указ соч. Т. II, Бейрут, 1952. С. 32–33; Ter-Minassian R. Mémoire, trad. W. Ter-Minassian. P. 255; idem: Mémoires, trad. S. L. Chanth. P. 590.*

³ Centre des Archives diplomatiques de Nantes (CADN), Ambassade de Constantinople, E 130, № 65. P. 15. Histoire du mouvement révolutionnaire du mois de juillet 1908 (доклад французского вице-консула в Ускубе Г. Раджевофа от 28 июня 1909 г. поверенному в делах в Константинополе М. Болпу).

взору... Всюду, где в прошлом совершались массовые убийства, мы организовали церемонии искупления, и когда я увидел, как слезы текут по щекам офицеров и солдат, которым редко выпадают такие проявления нежных чувств, мне оставалось только попросить их подтвердить, что они действительно принимали участие в этих массовых убийствах и были осведомлены о преступлениях, активными и безответственными исполнителями которых они были»¹.

Такая риторика не оставляет сомнений в «педагогическом» характере сцен братания, которые были инсценированы в тот период.

Независимо от происхождения этого явления, подавляющее большинство армян в столице стали убежденными сторонниками нового режима. Адвокат Григор Зограб — знаковая фигура стамбульской интеллигенции — вернулся из ссылки 2 августа, а три дня спустя он объявил, что хотел бы основать османский конституционный клуб. 13 августа этот клуб организовал массовый митинг в саду Таксим, на который пришло 50 тысяч человек самого разного происхождения. Зограб обратился к толпе на турецком языке, возбудив ее энтузиазм заявлением: «Наша общая религия — это свобода»².

Еще один пример из армянского мира — показатель того, как он отреагировал на революцию. 30 августа средняя школа Саакяна в Самати организовала лекцию о пересмотре конституции. Зограб, который имел репутацию оратора, говорил на этот раз на армянском и подчеркнул необходимость переделать эту конституцию, которая больше не отвечает современным требованиям. Два дашнакских лидера — Рубен Зардарян и Акнуни, присутствовавшие на лекции, вступили в диалог с Зограбом по жгучим вопросам дня³.

В столице государства АРФ возглавили «братья-враги» Акнуни и Симон Заварян, к которым постепенно присоединились из Европы и Кавказа; и все они, по-видимому, с оптимизмом смотрели в будущее и высказывались в пользу тесного сотрудничества с КЕП⁴. Более того, центральные комитеты восточных провинций были поставлены в подчинение «ответственного комитета» [*badaskhanadu marmin*] в Стамбуле, возглавляемого Акнуни⁵. Революционная сеть в столице была распущена сразу после июльского кризиса 1908 г. Партии пришлось задуматься о поиске мирной работы для своих бойцов, так как они получили приказ сложить оружие под давлением КЕП⁶. «АРФ хочет, — заявил Акнуни, обобщая надежды своей партии, — открыть окно между Турцией и цивилизованным миром Европы; и Турция намерена следовать примеру Французской революции»⁷. Конкретно эти тенденции привели к встрече в августе 1908 г. майора Джемала (будущего паши) и Акнуни, во время которой обе стороны обсуждали реализацию совместных проектов⁸.

Объявленная султаном всеобщая амнистия заключенных, осужденных по общему праву, также пошла на пользу дашнакским активистам, таким как Арам Манукян, лидер АРФ в Ване, или фидай Фархад, который вышел из тюрьмы 1 августа 1908 г. вместе с девятнадцатью другими армянами⁹. Этот жест доброй воли был очень хорошо принят армянами, но ничто не указывает на то, что за ним стоял КЕП. Это была, скорее, общая мера, предпринятая правительством, чтобы отметить начало новой эры, которая просто по совпадению пошла на пользу армянским революционерам.

И наоборот, арест 10 сентября 1908 г. по приказу префекта столичной полиции Аз-

¹ Ibid. Pp. 16–17.

² Шарурян А. С. Указ. соч. С. 155–156, в соответствии с перепиской самого Зограба и публикациями стамбульской прессы от 14 августа.

³ Там же. С. 159–160.

⁴ Аствадзатурян А. Взаимоотношения между АРФ и КЕП, «Айреник», декабрь 1964 г. С. 176 (на арм. яз.). Штаб-квартира АРФ в Стамбуле располагалась на улице Шакира Агаджа, 51, в Пера (Папаян В. Указ. соч. Т. II. С. 48). Симон Заварян (1866–1913), родом из Лори, один из основателей партии, учился на агронома в Москве и был членом сначала восточного (1892–1902), а потом западного бюро (Женева, 1902–1908). С ноября 1909 г. по июль 1911 г. был инспектором армянских школ в районе Тарон, а потом, уже до самой своей смерти был одним из редакторов «Азатамарта» в Стамбуле.

⁵ Папаян В. Указ. соч. Т. II. С. 36.

⁶ Ter-Minassian R. Mémoire, trad. S. L. Chanth. P. 606.

⁷ Папаян В. Указ. соч. Т. II. С. 46–54.

⁸ Варандян М. Указ. соч. Т. I. С. 429.

⁹ Там же. С. 448.

ми-бея одного из участников покушения в 1905 г. на Абдул-Гамида Криса Фенерджяна, известного также как Сильви Риччи, всколыхнул настоящую бурю в Стамбуле. На следующий день после того, как Фенерджян был задержан, Совет министров распорядился о его освобождении, о чем — от его имени — ходатайствовали Патриархат и Зограб¹. Как и в предыдущем случае, есть все основания полагать, что этот шаг был инициирован правительством или, точнее, что речь шла о рефлекторной реакции со стороны хамидовской администрации.

По словам Вагана Папазяна, АРФ поддерживала дружеские отношения с иттихадистами в течение первых нескольких месяцев пребывания последних у власти. КЕП проповедовал терпение и утверждал, что страна — в состоянии анархии; государственный аппарат перестал функционировать должным образом, а консервативные слои общества остаются по-прежнему влиятельными. В связи с этим необходимо было усилить конституционный строй; и в этом деле, как КЕП объяснял АРФ, он рассчитывает на поддержку армянской стороны. Эта позиция была призвана обуздать нетерпение дашнакских лидеров, которые имели дело с разочарованием боевиков в провинциях, которые были раздражены медлительностью или даже полным отсутствием обещанных перемен². Армянские активисты были в замешательстве и не могли понять некоторые события, в том числе приезд в 1908 г. в османскую столицу некоторых выходцев с Кавказа, таких как Мардан-бей Топчибашев или Ахмед Агаев; Папазян (участник операций, проводимых его партией в ходе конфликта между армянами и татарами на Кавказе) обвинял Агаева в том, что тот был одним из организаторов резни армян в Баку в 1905 году³. Приезд этих людей в Стамбул вызвал еще большее недоумение потому, что они открыто проповедовали идеи пантюркизма. Хотя часть иттихадистов отвергала эти идеи, сам факт присутствия Агаева или Топчибашева в КЕП встревожил даже самых невоз-

мутимых наблюдателей⁴. Папазян позже подытожил причины такого беспокойства: «Мы ясно чувствовали, — писал он в своих мемуарах, — что доминирующий элемент рано или поздно станет ограничивать права малых народов»⁵. Однако в то время у АРФ были свои приоритеты, например, стремление стать узаконенным армянским учреждением и быть представленным в османском парламенте, в котором она надеялась сыграть свою политическую роль. И чтобы ее члены стали парламентариями, нужно было придти к взаимопониманию с КЕП. В частности нужно было заключить с ним договоры о сотрудничестве в провинциях.

Гнчаковцы приняли принципиально иной подход к политической ситуации. Тем не менее их ЦК сделал свои выводы из изменений, которые произошли в стране, и отказался от всякой подрывной деятельности. Он решил развивать сеть культурных центров, с библиотеками, читальнями и театральными коллективами, которые составляли, во всей своей совокупности, определенный образовательный аспект деятельности СДПГ⁶. Но из этого вовсе не следует, что партия решила уйти с политической сцены. 24 ноября 1907 г. СДПГ достигла соглашения с гнчаковцами из Вераказмьяла, которых представляли епископ Мушег [Серопян], Мигран Дамадян и Ваан Текеян, объединить свои силы или, по крайней мере, работать заодно в османской политической сфере. Вернувшись в столицу, обе стороны возобновили свои отношения. СДПГ предложила своим бывшим диссидентам образовать «Рамкавар» — либерально-демократическую партию, которая могла бы набирать своих членов в среде армянской буржуазии и консервативных социальных слоях, которые могли бы, таким образом, быть вовлечены в политическую сферу. И действительно, через несколько месяцев с помощью СДПГ появилась на свет Армянская демократическая либеральная партия (АДЛП), для которой «старшая сестра» предоставила элементы, необходимые для разработки идеологических основ новой

¹ Шарурян А. С. Указ. соч. С. 162.

² Папазян В. Указ. соч. II. С. 51.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Там же. С. 51.

⁶ Сапах-Гулян С. Указ. соч. С. 246–247. Как вспоминает Сапах-Гулян, за всеми их основными штаб-квартирами и всеми мероприятиями, которые они организовывали, велась тщательная слежка, вполне вероятно — по приказам КЕП.

партии. Теперь армянский политический ландшафт приобрел свой окончательный вид. Вскоре АДЛП с энтузиазмом поддержала османизм. Это была горькая пилюля для гнчакских руководителей, которые осуждали османизм как форму тюркизма¹.

Довольно скоро ряды оппозиции младотуркам расширились и вобрали в себя также определенные «мусульманские» круги. Их враждебность к КЕП имела разные мотивы, но — прежде всего — недовольство тем, как младотурки бросились распределять доходные посты в обмен на взятки, а также тем, что самые высокие должности систематически раздавались иттихадистскими лидерами среди близких друзей и родственников, независимо от их опыта или компетенции². Это создало благодатную почву для появления организованной оппозиции среди турок. СДПГ, в частности, работала над этим вместе с Маньяса-заде Рефик-беем, известным юристом, которого уважали и в среде турецких либералов, и в мусульманских кругах. После митинга, организованного СДПГ в городе Кадыкёй, в котором приняли участие шесть тысяч человек — большинство из них турки, партия еще больше сблизилась с этим юристом, который во времена Абдул-Гамида бесплатно защищал гнчакских боевиков в судах. После ряда встреч Рефик и СДПГ разработали платформу, способную объединить всех недовольных сложившейся ситуацией в рядах динамичной партии, оппозиционной к иттихадистам. Эти активисты не скрывали своей враждебности к национализму младотурок, особенно Ахмед Риза, который занял общественную позицию против «современной» женщины, видя в ней нарушение законов Корана³.

СДПГ последовательно агитировала за Рефик-бея, который баллотировался кандидатом из Стамбула на первых — в ноябре-декабре 1908 г. — выборах в высший зако-

нодательный орган⁴. Дела, однако, не принимали серьезный оборот, пока к Рефику и СДПГ не присоединились силы черкесов и албанской демократической оппозиции. Они тайно встречались в Сиркеджи, в доме одного из основателей КЕП д-ра Ибрагима Темо, порвавшего со своими бывшими друзьями-младотурками⁵.

Безусловно, ключевая фигура в этом зарождающемся движении отсутствовала — это принц Сабахеддин. Клеветническая кампания, развернутая против него, как только он вернулся в Стамбул, произвела определенный эффект. Однако, как указывает Сапах-Гулян, принц не оставил своих идей. Их распространение не дало тех результатов, на которые Сапах-Гулян надеялся, потому что, как он пишет, Сабахеддин «значительно смягчил и разбавил свои принципы». Следует добавить, что вскоре после его переезда в Стамбул его дворец как бы «случайно» загорелся, что вынудило принца на некоторое время вернуться в Европу⁶. Начиная с 1908 г. «Комитет рассматривал также мусульмане-турок как врагов или потенциальных предателей»⁷. Об этом, по крайней мере, говорится в частной переписке его ведущих членов.

Очень быстро ЦК младотурок стал играть ту роль, которую ранее играл дворец Йылдыз, сотнями издавая свои декреты точно так же, как ранее султан издавал свои имперские указы⁸. Помимо своей практики раздачи государственных постов, о которой говорилось выше, комитет соблазнился созданием своего рода «Комитета общественной безопасности», который вмешивался в назначение всех высокопоставленных чиновников, вали, дипломатов и так далее. Комитет направлял директивы министрам, не обращая чрезмерного внимания на великого визиря, с которым он связывался напрямую⁹. Он правил втихую посредством «фан-

¹ Там же. С. 249–250.

² Там же. С. 253.

³ Там же. С. 254–255.

⁴ Там же. С. 254–255. Он даже стал министром юстиции, но занимал этот пост только короткое время, так как умер спустя два месяца при обстоятельствах, которые некоторые посчитали подозрительными.

⁵ Там же. С. 261. Эти события привели к созданию — 6 февраля 1909 г. — Османской демократической партии, среди лидеров которой были два основателя КЕП — Ибрагим Темо и Абдулла Джевет.

⁶ Там же. С. 263. Выше упоминалась клеветническая кампания. Он отказался возглавить единственную на то время оппозиционную партию — *Osmanlı Ahrar Fırkası* (Османскую партию свободы).

⁷ *Kuran A. B.* Op. cit. S. 483 (в кн.: *Bozarslan H.* Op. cit. P. 151).

⁸ *Hanioglu M. Ş.* Op. cit. P. 286.

⁹ *Ibid.* Pp. 280–282. Министерство почты и телеграфа даже получило приказ отдавать предпочтение переписке между отделениями партии, как оно уже делало в отношении внутриправительственной корреспонденции.

томного кабинета», предпринимая действия по блокированию всякого развития плюралистической политической системы. Создавая специализированные организации-спутники — для улемов, женщин и гильдий, — он пытался контролировать те сети, которые оказывали влияние на османское общество. Во многих отношениях КЕП проявлял стремление к такой гегемонии, на которую не могли решиться даже самые мощные султаны¹.

Нетрудно себе представить, как тяжело было оппозиционным партиям в этих условиях сохранять свое место в общественной жизни. Они не ошибались, когда говорили, что КЕП ведет себя не как политическая партия, а как клика. Хотя в 1909 г. Иттихад официально создал свою парламентскую фракцию, она была всего лишь приводным ремнем для младотурецкого ЦК, который продолжал вмешиваться во все подряд. В действительности только одна фракция в Комитете, представляющая офицеров-фидайи, была против превращения КЕП в классическую политическую партию: она отвергала конституционные права и пыталась навязать более радикальную политическую линию².

Важно также отметить, что КЕП уже видел себя в качестве «Святого комитета», который сам возложил на себя обязанность создания правящей военно-гражданской элиты³. Это была, по сути, военизированная организация, со своими клубами фидайи и офицеров, которая приступила к реструктуризации не только армии, где внедряла членов этих клубов в армейские круги, но и гражданской администрации⁴. Ничто лучше не иллюстрирует

эту ситуацию, чем тот факт, что и солдаты, и султан обязаны были принимать присягу на верность не конституционному строю, а Комитету. Кроме того, школьники обязаны были знать наизусть военный гимн КЕП, первые слова которого звучат так: «О, славная, великая, уважаемая организация / Твое имя и известность — это гордость нации»⁵; его текст, скорее всего, был сочинен одним из лидеров Иттихада. Более того, клятва, которую должны были принимать новые члены КЕП, включала, кроме всего прочего, фразу, отражающую всю концепцию его политической борьбы: «Я клянусь — говорилось в клятве, — убить... любого, кто борется против [Комитета], своими собственными руками»⁶.

Некоторые цифры, приведенные ниже, станут лучшим доказательством того, как ЦК младотурок воплощал свою программу в жизнь. В период с июля 1908 по март 1910 г. вали (губернаторы) всех двадцати девяти вилайетов империи были заменены. Девяносто три процента начальников местных отделений связи, такой же процент местных директоров учреждений образования, а также сто процентов послов империи и девяносто четыре процента поверенных в делах были уволены и заменены людьми, преданными режиму⁷.

Легко понять в этой связи заявление Бехаэддина Шакира, одного из ключевых деятелей КЕП, сделанное им с гордостью в конце 1909 г. о том, что у КЕП — 360 клубов-отделений по всей стране, в составе которых более 850 000 членов, и что КЕП победил в борьбе за «общественное мнение»⁸.

Революция в восточных провинциях во время первой избирательной кампании

Мы уже говорили о том, что июльская революция 1908 г. была, в основном, «балканской», то есть принесшей незначительные результаты провинциям Малой Азии. Комитет, стремившийся распространить

свое влияние по всей империи, расценивал такое положение дел как серьезную проблему. Поэтому одной из первых принятых мер КЕП стала отправка своих делегатов в Малую Азию, чтобы разъяснять там суть своего по-

¹ Ibid. Pp. 282–283.

² Ibid. Pp. 284–285. Эти же ведущие офицеры взяли на себя обязанность казнить активистов оппозиции, особенно журналистов, которые осмеливались критиковать «Святой комитет». Для Энвера депутаты [парламента] были «людьми со средними интеллектуальными способностями» (ibid. P. 311).

³ Ibid. P. 311.

⁴ Ibid. P. 286.

⁵ Yücel H. A. Geçtiğim Günlerden, İstanbul, 1990. S. 149. Цит. по: Bozarslan H. T. I. Op. cit. P. 208.

⁶ Ibid. P. 210.

⁷ Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 287.

⁸ Ibid. P. 288.

литического проекта и создавать клубы младотурок на местах. Это оказалось несложной задачей в регионах, в том числе достаточно отдаленных, где многое продолжало функционировать на основе клановых, а чаще даже племенных традиций. Как часто случается в подобной среде, ряд традиционных местных лидеров поспешили встать на сторону нового режима. Согласно Ханиоглу, в итоге сеть образовалась из местной знати, высокопоставленных военных и государственных служащих. Они стали так часто использовать преимущества своего положения для личного обогащения или вмешательства в местные дела, что КЕП вскоре пришлось чистить свои ряды и поставить во главе местных отделений партии молодых офицеров, известных центральному руководству¹. Большое значение для нашего исследования имеет то обстоятельство, что эти проекты КЕП дали Иттихаду случай проверить прочность своего альянса с АРФ.

Какой реальной силой обладала в то время АРФ в восточных провинциях? Согласно историкам партии, она внедрилась прежде всего в районы с явным армянским большинством населения, такие, как регионы вблизи Вана, к югу от озера Ван, вблизи Сасуна, долины Муш и районы Дерсима и Эрзинджана. Однако часто ее присутствие было чисто символическим и сводилось к нескольким десяткам активистов, чьи взаимоотношения с армянским крестьянством были, по меньшей мере, двусмысленными. Жители деревень гордились своими героями — бойцами сопротивления, которые противостояли превосходящим силам врага. В то же время они сознавали, что им самим, как объектам возмездия со стороны государства, придется платить высокую цену за каждую предпринятую фидайи операцию. Отношение населения разделилось — одни считали самозащиту необходимой даже в случае ответных репрессий, другие считали присутствие бойцов тяжелым бременем и возлагали на них ответственность за все свои несчастья.

Лидеры дашнаков, находившиеся на нелегальном положении все то долгое время,

когда они представляли единственную силу сопротивления режиму Абдул-Гаида, теперь вышли из подполья. В Ване Ваан Папазян² и его люди находились в своем горном убежище, когда получили подтверждение новости о том, что конституционалисты одержали победу. Один из местных лидеров АРФ Арам Манукян, только что освобожденный из тюрьмы, пригласил д-ра Папазяна присоединиться к нему в Ване, чтобы отпраздновать восстановление конституции. Еще вчера преследуемые османскими войсками фидайи с трудом могли поверить в реальность нового положения вещей: до 31 августа они не возвращались в Ван. Папазян и Манукян пригласили в конак (административное здание вилайета. — *Прим. пер.*), где вали принял их с почетом: «Мы были противниками, но с этого момента мы — друзья. Вчера царствовала тирания, сегодня — конституция. Я убежден, что мы защитим ее вместе», — заявил вчерашний враг ошеломленным армянским лидером³.

В Муше местный военный руководитель АРФ Рубен Тер-Минасян был точно так же удивлен новостями — прошло некоторое время, прежде чем он убедился, что это все же не ловушка, подстроенная хамидовским режимом. Послание от двух боевиков — Дадрака и Кармена — гласило: «Божье благословение с нами. Сегодня префект посетил прелата и объявил, что в результате революции “Султан Абдул-Гамид провозгласил конституцию. Все заключенные будут освобождены. Напишите Рубену и посоветуйте сохранять спокойствие, скоро последует декрет и о его амнистии”»⁴.

Добравшись до центра Муша, Рубен был поражен официальным приемом с оркестром, который был оказан ему губернатором Салих-пашой перед зданием конака. Не менее девяти подразделений промаршировали перед армянскими фидайи, которые взирали на них со смешанным чувством. «Это фидайи — наши братья. Мы направляли на них наши штыки, потому что нам завязали глаза. Виною всему был прежний режим. Да

¹ Ibid. P. 282.

² Папазян В. Указ. соч. Т. II. С. 27. Ваан Папазян (1876–1973), более известный под своим псевдонимом Комс, родился в Тавризе в семье из Вана, по профессии врач, партийный кадр в Ване (1903–1905), депутат османского парламента из Вана с 1908 г. Ему удалось летом 1915 г. перейти турецкую границу и оказаться на Кавказе. Умер в Бейруте.

³ Папазян В. Указ. соч. Т. I. С. 480.

⁴ Ter-Minassian R. Mémoire, trad. S. L. Chanth. P. 590.

здравствует конституция! Да здравствуют революционеры!»¹.

Схожие церемонии происходили и в других местах. В Смирне местные представители АРФ Грач Тириалян и Арутюн Калфаян слушали, как д-р Назим, который находился в городе уже с декабря 1907 г.², говорил о «нерасторжимых узах», связывающих армян и турок³. В Диарбекире, в курдской среде, Вардгес Серинголян, бывший глава партийной организации в Ване, только недавно вышедший на свободу после нескольких лет заключения, с энтузиазмом участвовал в официальных приемах вместе с местными младотурками. Однако дашнакские боевики из Диарбекира были настроены, «отказываясь раскрывать, несмотря на заверения будущего депутата парламента, ни свою организационную структуру, ни тех, кто снабжал их оружием»⁴. Нужно прибавить, что эти боевики стали свидетелями того, как на местной сцене вновь появились бывшие преследователи армян — Ариф и Фейзи-бей, недавно присоединившиеся к делу Иттихада⁵.

Приведенный выше ряд примеров производит общее впечатление того, что полевые боевики отнеслись к новому режиму со скепсисом и подозрением, в отличие от тех лидеров, которые недавно вернулись из ссылки и обосновались в столице.

Показательный эпизод говорит о многом в отношениях между АРФ и КЕП. В начале августа 1908 г. Омер Наджи-бей, член ЦК КЕП, отвечавший за инспекцию местных подразделений, прибыл в Ван вместе с иранским конституционалистом Мирзой Саидом и двумя дашнакскими боевиками из Ирана — Марзпетом⁶ и Себастиаи Мурадом⁷. В городе выяснилось, что Наджи принимает

все решения по советам Джевдет-бея, сына бывшего вали Вана Таир-паши. Папазян и другие местные партийные лидеры были приглашены на банкет, который вали давал в честь Наджи. Разговор перешел на местные проблемы, в частности на замену государственных служащих, которые проводили репрессивную политику Абдул-Гамида. Младотурецкий пропагандист шутливым тоном заявил армянам: «Мы, турки, сильно отстаем от европейской цивилизации, а вы добились существенного прогресса. Если нам действительно необходимо двигаться вперед вместе и вместе жить, как братья, вам нужно ненадолго остановиться и подождать, пока мы вас догоним. Если вы этого не сделаете, нам придется уцепиться за ваш подол, чтобы вы не убежали вперед»⁸.

Несмотря на сомнения и задние мысли, два движения сотрудничали. Они нуждались друг в друге: КЕП нуждался в АРФ, чтобы пустить корни на местах, в то время как последняя нуждалась в КЕП, чтобы иметь возможность играть политическую роль в делах вилайетов. Через несколько дней после визита в Ван Омера Наджи временный вали был назначен Джевдет-бей, безусловно, с задачей основать в городе младотурецкий клуб.

Вероятно, миссия Омера Наджи заключалась не только в том, чтобы инициировать создание в регионе младотурецких клубов, но и в выяснении реального влияния АРФ в восточных провинциях и привлечении к КЕП местных сил. Так, 8 августа 1908 г. двое местных активистов — Саркис и Гевонд Мелояны — отправились вместе с Мурадом и Марзпетом в Эрзурум для участия в региональном съезде АРФ. Их сопровождал

¹ Ibid. P. 597. Из знати в Муше особенно Ходжа Илиаз, вождь курдского племени, проявлял враждебность к армянам и очень неохотно принимал участие в полном энтузиазма приеме фидайи. Как вспоминал Рубен, мать Илиаза была армянкой и говорила на диалекте армянского языка, распространенном в долине Муша, но сам он был «фанатиком». В 1915 г. этот депутат парламента стал основным организатором истребления армянского населения в долине Муша: собственными руками убил своего единокровного брата Степана Сулухи (ibid. P. 604).

² См. выше, с. 50–51, о деятельности д-ра Назима в Смирне в тот период.

³ Подробности о местном отделении АРФ можно найти в работе Ованнесса Бояджяна: О. Бояджян, АРФ в Смирне, «Айреник», октябрь 1958. С. 88–89 (на арм. яз.).

⁴ Minassian. Art. cit. P. 53.

⁵ Ерецян Ованнес. АРФ в Тигранакерте, «Айреник», апрель 1956. С. 49 (на арм. яз.).

⁶ Марзпет, под этим псевдонимом выступал Газарос Газаросян (1878–1918), который родился в Томарзе (санджак вилайета Кейсериа), учитель, выпускник Лейпцигского университета; активист АРФ в Персии, Ване и Битлисе; депортирован в 1915 г., сумел скрыться и работал под вымышленным именем на строительстве багдадской железной дороги в Киликии.

⁷ См. выше, с. 54, примечание 6, где приведена краткая биография.

⁸ Папазян В. Указ. соч. Т. II. С. 30.

О. Наджи-бей. На месте они встретили полковника Вехиб-бея (будущего генерала Вехиб-пашу), делегата КЕП, который был членом небольшой группы младотурецких офицеров, стоявших во главе восстания 1908 г. в Македонии. Все вместе они пытались убедить местную знать в необходимости сотрудничать с новым режимом. На съезде иттихадисты и дашнаки решили в кратчайшие сроки организовать в Битлисе встречу местных лидеров КЕП и АРФ с участием курдских беков¹. Такая встреча состоялась в ноябре 1908 г. АРФ представляли Ишхан², Мелоян, Кармен³, Марзпет, Саркис и Пилос, курдским представителем был дружественный армянам Мехмед Садык; КЕП направил на встречу Омера Наджи и Вехиб-бея⁴. Согласно письму Симона Заваряна членам АРФ в Таронском регионе от 9 января 1909 г., целью встречи в Битлисе была организация совместных действий в восточных провинциях⁵. Реальность была гораздо сложнее.

Последовавшие за встречей события рисуют совершенно иную картину взаимоотношений между военным руководством младотурок и ведущими армянскими фидайи. После встречи в Битлисе Вехиб-бей провел десять дней в Муше, затем отправился в путешествие по региону вместе с Рубеном, Ишханом и Арамом — соответственно, руководителями АРФ в регионах Сасун-Муш, Лернабар и Ван. Взаимоотношения между турками и армянами характеризовались смесью взаимного восхищения и недоверия. В течение долгого путешествия верхом от Муша к Вану вдоль южного берега озера Ван Вехиб-бей и его адъютант Мустафа Камил⁶ имели возможность ближе познакомиться с Рубеном и Ишханом. Подробный отчет Рубена о разговорах в пути показывает, что одной из целей партии было убедить двух офицеров-иттихадистов во влиятельности АРФ в регионе и настроенности местного армянского населения в ее пользу. Когда не-

большая группа проезжала через армянские деревни, которых по пути встречалось немало, ее действительно с энтузиазмом приветствовали толпы народа. Армяне воздвигали триумфальные арки из зеленых веток, украшенные овощами и увенчанные лозунгами на армянском языке, демонстрирующими их позицию: «Да здравствуют АРФ и Османская революция!» Но именно Вехиб-бею подносили хлеб-соль согласно традиционному знаку гостеприимства. В действительности Ишхан заранее тщательно подготовил прием гостей, раздав всем точные инструкции. По словам Рубена, Вехиб был приятно удивлен радушием и политической зрелостью армянского населения и удивлен тем, что жители курдских селений казались равнодушными и апатичными к происходящему. Армянские фидайи объяснили ему, что конституционный режим может принести вред только интересам курдских беков, которым старый режим благоволил и позволял делать все, что им заблагорассудится. На промежуточной остановке в Востане/Ахтамаре Ишхан приветствовал небольшую группу людей, которые напомнили Вехибу, что несколькими годами ранее тот обстреливал из артиллерийских орудий остров Ахтамар, где укрывались Ишхан и его фидайи⁷. Прием, оказанный армянскими фидайи делегату ЦК младотурок, преследовал свою главную цель: показать, что фидайи Ишхана — реальные хозяева региона. Отчет Рубена об этих событиях подтверждает, что руководящие органы АРФ в Стамбуле проинструктировали своих местных активистов, чтобы те поддерживали тесный контакт с Вехиб-беем во время его поездки по восточным провинциям⁸. При этом ставилась цель подкрепить соглашение о сотрудничестве между КЕП и АРФ.

Образ Вехиб-бея, нарисованный Рубеном в своих воспоминаниях, показывает, как хорошо были информированы активисты о прошлом своих гостей, а также интерес,

¹ Там же. С. 34.

² См. выше, с. 52, примечание 2.

³ Псевдоним Даджда Мелконяна (ок. 1870–1916), доктора теологии, лишеного сана в 1906 г., делегата АРФ сначала в Иранском Азербайджане, а затем — в округе Муш-Сасун (1908–1911); казнен в Урфе.

⁴ *Minassian G. F. Art. cit.* P. 58.

⁵ Симон Заварян: к семидесятилетию его смерти, под ред. Грача Таснапетяна. Т. III, Бейрут 1997. С. 31–33 (письмо из Константинополя от 6 января 1909 г.) (на арм. яз.).

⁶ Махмуд Камил, одноклассник Энвера по Военной академии в Стамбуле, стал в 1915 г. главнокомандующим 3-й армией, которая базировалась к северу от Эрзурума, в Тортуме, после неудачной наступательной операции на Кавказе в декабре 1914 г.

⁷ *Тер-Минасян Р.* Воспоминания армянского революционера. Т. V, Лос-Анджелес, 1951. С. 184–196.

⁸ Там же. С. 198.

который каждая из сторон проявляла к другой. «Он называл себя турком», — отмечает Рубен и добавляет, что гость был образован, умен, опытен и был хорошим оратором. Он занимал должность вали, воевал на Балканах и в Йемене; он подтвердил, что выступает за равенство всех подданных империи, но против политической или административной автономии «наций», против социалистической идеи, иностранного вмешательства в любой форме и политики децентрализации¹. Рубен не говорит открыто того, что можно прочесть между строк, — что он чувствовал себя неловко в присутствии Вехиба, который в некоторых отношениях был очень похож на самих фидайи. Вспоминая свое тогдашнее умонастроение, армянский боец признается, что разоружение фидайи, навязанное руководством АРФ в Константинополе, казалось ему ошибкой и даже актом предательства, поскольку оставляло партию на произвол малейших перемен в направлении политических ветров.

Первые месяцы после провозглашения Конституции были трудными для лидеров фидайи: после долгих лет боев и трудной жизни в горах они чувствовали, что неожиданно стали бесполезными. Рубен первым сделал свои выводы и отправился в Европу изучать инженерное дело. Фидайи потеряли мотивацию. Их романтизм превратился в горечь. Они считали себя воплощением нации, ее «спасителями», теперь им пришлось принять стратегию сотрудничества, продиктованную интеллектуалами из столицы.

Находившихся в таком расположении духа Рубена, Ишхана, Вехиб-бея и Махмуда Камила у ворот Вана встречали приветствиями Арам и вали, которые повезли их оттуда по городу в карете, запряженной лошадьми, как сановников высокого ранга. Перед конюшней стояли по стойке «смирно» солдаты,

и огромная толпа выслушала речь Вехиб-бея, на которого армянские лидеры бросали ироничные взгляды, — он повторил формулу, слышанную ими уже тысячу раз раньше: «Сегодня — исключительный день»².

Чтобы покончить с кратким воссозданием атмосферы в восточных провинциях, следует сказать несколько слов по поводу рабочей встречи в Ване в тот же период ноября 1908 г. На ней присутствовали несколько членов Восточного бюро АРФ³ и трое военных руководителей южных зон — Рубен Тер-Минасян, Ишхан (Никол Микаэлян) и Арам Манукян (эти южные зоны прежде находились под юрисдикцией Восточного бюро, но после июльской революции 1908 г. де-факто оказались под властью стамбульского партийного руководства). На встрече была подтверждена стратегия сотрудничества с младотурками, принятая в 1907 г. на четвертом общепартийном съезде. Были также одобрены более поздние решения о разоружении фидайи и переходе на легальную деятельность, а также о работе над повышением образовательного уровня населения.

Среди самых знаковых партийных фигур проявился в то время любопытный и характерный феномен: они вернулись на родину и, подавая пример другим, отказались от своих политических функций ради работы среди армянского населения. Как сообщает один из них, Симон Заварян, «после двадцати лет борьбы активисты очень нуждались в мире, который теперь возобладал, и в возможности работать легально — они отдались мирной работе всей своей душой»⁴. Так, Заварян звался быть школьным инспектором, чтобы преобразовать систему армянского школьного образования в регионе Муш-Сасун⁵. Он внедрял современные методики преподавания, нанимал на работу квалифицированных учителей, создавал деревенские комитеты

¹ Там же. С. 199–200.

² Там же. С. 226–227. Рубен игнорировал официальные церемонии, предпочтя нанести визит своему старому знакомому, начальнику полиции Вана Мехмеду эфенди, который напомнил ему, что регионом ранее правили турецкие чиновники, которые хорошо знали ментальность местного населения, а также о том, что людей из Вана интересовал только их регион. Он подтвердил, что вся пропаганда по возвеличению Арама и Ишхана была инициирована полицейскими чинами с единственной целью — развеять подозрения армян. Рубен заключает свой отчет об этом разговоре сообщением о том, что этот полицейский начальник сам был армянином, который принял ислам после резни 1895 г., и регулярно информировал лидеров фидайи о планах правительства (там же. С. 250–259).

³ Там же. С. 244–245. Присутствовали, в частности, д-р Овсеп Тер-Давтян, Аршак Врамян, Ваан Папазян и Вардан Шахбаз.

⁴ Там же. С. 118–119, письмо С. Заваряна Балканскому центральному комитету из Константинополя от 10 октября 1912 г.

⁵ См. выше, с. 70, примечание 4.

по управлению местными школами. Имея образование сельскохозяйственного инженера, он посвящал часть своей энергии развитию сельского хозяйства. Его обширная корреспонденция дает нам представление о социальной и экономической ситуации в долине Муша и горном Сасуне и сложных отношениях между армянами и курдским населением, оседлым и кочевым¹. Другой характерный пример — переезд в Ван в 1909 г. партийного интеллектуала Аршака Врамьяна, который через несколько лет стал представлять регион в османском парламенте².

Несмотря на официальные речи и дружеские декларации представителей КЕП, д-р В. Папазян пишет, что после визита О. Наджи отношения армян с местными властями ухудшились. Он также отмечает, что курды в регионе ненавидят иттихадистов, и ранней осенью вожди племен Хайдаран — «Слепой» Хусейн-паша, Эмин-паша, Мехмед Садык и Муртула-бей (все близкие к армянам) — нанесли ему неожиданный визит в Ване, чтобы обсудить, заслуживает ли нынешний режим доверия³. Такие обмены мнениями резюмировали взрывоопасную ситуацию в «племенных провинциях». Консервативные курдские беки, которые в целом удастоивались всяческих почестей при Абдул-Гамиде, теперь с подозрением относились к активистам младотурок, которые разговаривали по-французски с армянскими революционерами и смели нападать на османского суверена и халифа.

С началом в сентябре 1908 г. избирательной кампании по выборам в османский парламент текущие интересы возобладали над всеми остальными. Официальный кандидат АРФ д-р В. Папазян позднее детально описывал то, как были организованы в Ване и окрестных регионах совместные митинги КЕП и АРФ. Кампания привела к почти комичным ситуациям: кандидаты произносили речи в переполненных до предела залах, проповедуя «солидарность» и защищая Конституцию перед знатными армянами,

которые страстно ненавидели дашнакских революционеров, и знатными мусульманами, пользующимися дурной славой твердых сторонников прежнего режима⁴. Два кандидата, выдвинутые Иттихадом и АРФ, — крупный землевладелец Тевфик-бей и Папазян — были избраны, чтобы представлять вилайет в парламенте⁵.

Чтобы понять, почему КЕП смог доминировать на этих выборах, нам необходимо рассмотреть избирательный закон, который сделал санджак (префектуру), делившийся на казу (супрефектуру) и нагие (коммуны), базой избирательного округа и дал право голоса всем мужчинам, которым исполнилось двадцать пять лет, и старше. Списки для голосования из таких мужчин составлялись имамами, священниками, мухтарами (деревенскими старостами) и другими представителями знати. На основании этих списков мутесариф (префект) решает, сколько депутатов парламента будет избираться от конкретного санджака «в соответствии со следующим принципом: один депутат от санджака, в котором взрослое мужское население составляет от 25 до 75 тысяч; два депутата от 75–125 тысяч и так далее». Кандидатам должно быть не менее тридцати пяти лет, чтобы иметь право баллотироваться. Срок депутатства — четыре года. Государственные служащие и офицеры, в случае избрания в парламент, должны были оставить свои посты⁶.

Что придавало этой системе особую вычурность, так это то, что каждая группа из пяти сотен избирателей назначала одного выборщика первой степени, который выбирал, в свою очередь, выборщика второй степени в соответствии с такими количественными критериями: один выборщик на 500–750 избирателей, два — на 750–1250 избирателей и так далее. Затем выборщики второй степени съезжались в административный центр санджака для избрания членов парламента (для этого был необходим кворум в восемьдесят процентов). Как указывал француз-

¹ Симон Заварян: к семидесятилетию его смерти. С. 315–429. Смотри ряд писем, которые Симон Заварян написал из Муша в период между 25 ноября 1909 г. и 6 июля 1911 г.

² О его деятельности в Ване см. выше, часть I, прим. 207; Папазян В. Указ. соч. Т. II. С. 37.

³ Там же. С. 38–39.

⁴ Там же. С. 42–43.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ CADN, Ambassade de Constantinople, E 130, № 65. P. 70–72, Histoire du mouvement révolutionnaire du mois de juillet 1908 (доклад французского вице-консула в Ускубе Г. Раджевофа поверенному в делах в Константинополе М. Боппу от 28 июня 1909 г.).

ский дипломат, который описывал эту систему, «применение этих правил привело к серьезным затруднениям¹, что усугубилось абсолютным отсутствием чего-либо похожего на перепись населения». В результате — почти повсеместное недовольство и искажения в распределении парламентских мест.

Два армянских депутата были избраны от столицы — Григор Зограб и Бедрос Халаджян², которые не были членами АРФ; Халаджян был членом КЕП. Интересно, что османский конституционный клуб номинировал их обоих 18 сентября тайным голосованием, которое было проведено в клубе³.

В провинциях не везде кандидаты от АРФ были успешны, несмотря на официальную поддержку со стороны КЕП. В то время как дашнаки одержали победу в Эрзуруме, где были избраны Вардгес [Ованес Серингюлян]⁴ и Армен Гаро [Гарегин Пастермаджян]⁵, и в Муше, где победил Кегам Тер-Гарабедян⁶, в других регионах партия потерпела поражение. Так, например, от Смирны в парламент прошли Спартал [Степан Спартальян]⁷ и юрист от младотурок Акоп Бабиакян⁸; в Сис/Козане и Киликии победил гнчаковец Мурад [А. Бояджян]⁹, а д-р Назарет Дагаварян¹⁰ одержал победу в городе Сивас.

Благодаря «разумному» использованию избирательной системы Комитет единения и прогресса одержал полную победу, получив 160 мест в парламенте, считая Бабиакяна и

Халаджяна, как членов КЕП. Еще более красноречивы следующие цифры: из 288 мест 140 заняли турки, 60 — арабы, 27 — албанцы, 36 — греки, 14 — армяне, 10 — славяне и 4 — евреи. Или по-другому: было избрано 220 мусульман и 46 христиан. 30 процентов депутатов были священнослужителями, еще 30 процентов — крупными землевладельцами, 20 процентов — государственными служащими, и 10 процентов представителями свободных профессий¹¹. Триумф Иттихада был подтвержден 17 декабря 1908 г., когда парламент открыл свои двери для новых депутатов после тридцати лет молчания. Он был открыт «тронной речью», с которой выступил Абдул-Гамид, удивленный овацией, которой его встретили депутаты. Младотурки не колеблясь приняли его приглашение на торжественный обед во дворце Йылдыз 31 декабря, последовав примеру новоизбранного председателя парламента Ахмеда Ризы¹².

Европейские дипломаты, дислоцированные в провинциях, внимательно следили за этими выборами и порой делали их весьма проницательный анализ. Французский вице-консул в Эрзуруме отметил прежде всего, что «по всему вилайету голосование мусульман контролировалось младотурками. Они умело сорвали происки сторонников старого режима... Что касается голосования армян, то оно по всему санджаку контролиро-

¹ Ibid. P. 72.

² Бедрос Халаджян (1852–1920), депутат османского парламента, министр общественных работ, член партии младотурок.

³ Шарурян А. С. Указ. соч. С. 163. Необходимо добавить, что поначалу патриарх вмешивался в политический процесс и «приложил руку» к разработке правил выдвижения кандидатов-армян (на неофициальной встрече, на которую, что симптоматично, были приглашены Зограб, Рубен Зартарян и Мурад [Амбарцум Бояджян] (ibidem)).

⁴ Вардгес (1871–1915) родился в Эрзуруме, партийный руководитель в Ване (1901–1903), арестован и приговорен к смерти (приговор смягчен до пожизненного заключения), депутат османского парламента с 1908 г. по 1915 г., депортирован в Урфу и там убит.

⁵ Армен Гаро (1872–1923) родился в Эрзуруме, доктор химии (получил образование в Женеве), отвечал за захват Оттоманского банка в Константинополе (1896 г.), член западного и восточного бюро (1898–1901 гг. и 1907 г., соответственно), депутат османского парламента с 1908 г. по февраль 1914 г.

⁶ Кегам (1865–1918) родился в Хебяне (Муш), лидер АРФ в своем родном регионе, депутат османского парламента с 1908 г. по 1918 г. (болел туберкулезом, не был депортирован).

⁷ Потомок семьи богатых купцов из Смирны.

⁸ Акоп Бабиакян (1856–1909) родился в Эдирне, был юристом в Константинополе, член КЕП, депутат османского парламента (1908 г.), вместе с Юсуфом Кемалем возглавлял парламентскую комиссию по расследованию резни в Киликии.

⁹ См. выше, с. 43, примечание 5.

¹⁰ Назарет Дагаварян (†1915) родился в Сивасе, писатель, инженер-агроном и врач, получивший образование в Париже, основатель и генеральный секретарь Всеармянского благотворительного союза (ВАБС) (1906 г.), депутат Османского парламента от Сиваса (1908–1915), депортирован 24 апреля 1915 года и убит.

¹¹ Ahmad F. Op. cit.

¹² Minassian G. F. Art. cit. P. 60. Депутаты-армяне, конечно, отказались от приглашения.

валось эмиссарами дашнакского комитета. Комитет использовал все средства, которые были в его распоряжении, для достижения цели: два его члена были избраны благодаря убеждению, давлению, а иногда и угрозам, которые его агенты применяли на выборах первой ступени. Однако чтобы получить необходимое большинство голосов на второй ступени, нужна была поддержка младотурок; и было ясно, что только благодаря этой поддержке у вилайета теперь два армянина среди его представителей». Здесь мы видим подтверждение методов, используемых младотурками и их дашнакскими союзниками.

Социальный и политический профиль депутатов, избранных в Эрзуруме, также показывает тщательный баланс, придуманный и введенный центральными органами КЕП. Так, мы находим среди них юриста Сейфуллу эфенди, «сторонника либерального режима»; ходжу Гаджи Шевкета, уроженца Лазистана, который получил образование в медресе в Эрзуруме, а затем — в Константинополе, но считавшийся умеренным; мирового судью Хаджи Хафиза эфенди, уроженца Кеги/Киги, судебного инспектора в вилайете Багдада, «который имел репутацию лжеца»; а также двоих наших армянских революционеров, которые, по словам французского вице-консула, «отличались весьма продвинутыми социалистическими идеями; так что в парламенте они будут не представителями этой провинции, а глашатаями и инструментами революционных комитетов»¹.

Иногда КЕП оказывался менее щедрым в отношении кандидатов от меньшинств либо был не в состоянии влиять на политический процесс в некоторых местностях. Так, в вилайете Ангоры все 12 депутатов, избранных осенью 1908 г., были турками, а 125 тысяч

христиан, живущих в Ангоре, не получили ни одного представителя: «Комитет младотурок, который контролировал эти выборы, первоначально назначил четырех кандидатов, из которых один был христианином. Но он был не в состоянии изменить менталитет мусульман, которые не преминули поставить отчетливую профессиональную печать на этих выборах, то есть... они отказались голосовать за христиан, в то время как христиане, не колеблясь, отдали свои голоса за мусульман»².

Обстоятельства, связанные с выборами одиннадцати или двенадцати депутатов от вилайета Салоник — еще одно доказательство того, что регион стал оплотом КЕП. Здесь были избраны Рахми-бей [Эвренос], «потомок семьи завоевателей»; Мидхат Шюкрю, бывший замдиректора системы государственных школ в Салониках и «масон местной масонской ложи», д-р Назим, «врач и майор армии, [который] завоевал большой авторитет после провозглашения конституции»; и Мехмед Джавид-бей, директор и учитель школы из Фейизийе. Вот столько лидеров КЕП были избраны в вилайете Салониках³.

Дополнительные выборы, которые проходили в вилайете Алеппо годом позже для замены депутатов, которые подали в отставку, показательны для стратегии на КЕП в отношении «этнических» провинций, таких как Сирия. Из двух новых депутатов, выдвинутых КЕП, один был турком, а другой — армянином: Баб эфенди Эмири-заде, который работал в бухгалтерии вилайета и охарактеризован «фанатиком и ксенофобом», и Артин эфенди Бошгазарян⁴, адвокат из Айнтаба, который поселился в Алеппо после резни 1895 г. и в 1908 г. был призван на работу в уголовном апелляционном суде⁵. Однако регион был заселен арабами. Этот выбор кан-

¹ CADN, Ambassade de Constantinople, E/126 (письмо французского вице-консула в Эрзуруме послу Франции в Константинополе Константу, от 21 ноября 1908 г.). Муфтий, избранный в Эрзинджане, был охарактеризован как «чрезвычайно фанатичный».

² CADN, Ambassade de Constantinople, E/126 (письмо французского вице-консула в Эрзуруме послу Франции в Константинополе Константу, от 20 ноября 1908 г.).

³ CADN, Ambassade de Constantinople, E/126 (письмо французского консула в Салониках послу Франции в Константинополе Константу, от 23 сентября 1908 г.).

Мехмед Джавид (1875–1926), выпускник факультета политических наук (Mülkiye) в то же время, что и Хусейн Джахид, член ООЛ в 1906 году, депутат парламента сначала от Салоник (в 1908 и 1912 гг.), а затем — от Чанаккале (1914 г.), министр финансов в июне 1909 года и затем снова в 1913–1915 и 1917–1918 гг.; принимал участие в заговоре против Кемала и казнен в 1926 г.: Zürcher E. J. *The Unionist*. P. 49.

⁴ Консул описывал Арутюна/Артина Бошгазаряна как «интеллигентного человека, хорошего оратора и патриота. Говорят, что он пользовался успехом и поддержкой со стороны вали»: CADN, Ambassade de Constantinople, E/126 (письмо французского консула в Алеппо послу в Константинополе Бомбарду, от 25 ноября 1909 г.).

⁵ Ibidem.

дидатов может показаться удивительным, если только не иметь в виду, что КЕП твердо держал этих депутатов в своих руках, так как у них не было никакой реальной электораль-

ной базы, а заодно лишил лидеров арабского националистического движения любой возможности проявить себя через парламентариев, избранных из его рядов.

Армянские национальные учреждения и объединение революционеров

Что касается нетурецкого населения империи, то османская имперская модель, построенная на основе миллетов, или этно-религиозных общин, обладала для него, по крайней мере, тем преимуществом, что обеспечивала определенную степень автономии. В случае с армянами Константинопольский патриархат занимал центральное место в их коллективном существовании. При Абдул-Гамиде, это учреждение, работа которого становилась все более демократичной, начиная с 1863 г., терпело один удар за другим. В сентябре 1891 г. действие армянской конституции было приостановлено султаном. Армянская палата¹, которая заседала в Галате, была вынуждена прервать свою деятельность, что сразу же парализовало внутреннее управление миллетом. За период более семнадцати лет палата созыбалась всего четыре раза и только с личного разрешения султана: 7 декабря 1894 г. для того, чтобы избрать патриарха Матеоса Измирляна; 6 и 20 ноября 1896 г. для того, чтобы избрать патриарха Магакию Орманяна, и в июле 1906 г. для того, чтобы урегулировать основные административные проблемы².

Таким образом, по существу, в тот период, когда во главе патриархата стоял Мага-

кия Орманян, армянам пришлось справляться с ситуацией, которая была им навязана. Руководство, с которым патриарху пришлось работать в этот период, представляло собой усеченный политический совет, состоящий из нескольких высокопоставленных правительственных чиновников, делегированных Блистательной Портой, таких как Артин/Арутюн Дадян, д-р Степан Асланян и Габриэль Норатункян³. Несмотря на этот неоспоримый гандикап, эта команда много сделала от имени армянского населения, которое подверглось разгрому в ходе гамидовской резни 1895–1896 годов: она открыла школы для шестидесяти тысяч детей, ставших в те годы сиротами, и создала систему финансовой помощи семьям, чье имущество было разграблено или предано огню⁴.

Учитывая тот характер отношений, которые патриарх и его «советники» должны были поддерживать с османским султаном, нетрудно представить себе, что армянские революционеры не особенно их ценили, и даже понять, почему они организовали покушение на патриарха Орманяна 6 января 1903 г. Пораженный двумя пулями из револьвера молодого студента в тот момент, когда он выходил из церкви после воскресной службы,

¹ Армянская палата состояла из 140 членов: приходские советы Константинополя назначали восемьдесят депутатов, священнослужители из столицы — еще двадцать, а провинциальные епархии — оставшиеся сорок. Палата избирала Политический совет, своего рода национальное правительство, облеченное исполнительной властью. Двадцать членов Политсовета курировали образование и работу четырех комитетов, а также поддерживали постоянные отношения с османским правительством. Политсовет иногда объединялся с Религиозным советом, состоявшим из четырнадцати священников, образуя Смешанный совет.

Четырьмя комитетами были: Школьный комитет, который управлял двумя тысячами школ; Административный комитет, который управлял национальной собственностью и доходами (сбором аренды и налогов), покупал и продавал недвижимость, строго следя за национальным наследием, контролируя поступления и расходы, и управлял больницами; Юридический комитет, состоявший из восьми членов — четырех священнослужителей и четырех правоведа-юристов, которые должны были обладать степенью доктора права; комитет разрешал семейные споры и представлял интересы армян в судах, если Блистательная Порта приглашала его; и Комитет по монастырям, которому было поручено управление сотнями армянских монастырей, которые находились в империи.

Внутренняя организация армянского сообщества в провинции — в сорока пяти епархиях — была скопирована с организации в столице. Митрополит каждой епархии председательствовал в епархиальном совете, большинство членов которого были светские сановники и который обладал исполнительной властью: *Kévorkian R. H. et Paboudjian P. B. Les Arméniens dans l'Empire ottoman à la veille du génocide*, Paris, 1992, pp. 7–9.

² Протоколы Национальной палаты в 1887–1896 гг., Константинополь, 1896 (на арм. яз.).

³ Орманян М. История нации. Т. III, Иерусалим, 1927. Полоса 5066–5067 (на арм. яз.).

⁴ *Kévorkian R. H. et Paboudjian P. B. Op. cit. Pp. 15–19.*

святитель, однако, выжил¹. Политсовет был, наконец, после десяти лет работы в одном составе, переизбран — снова с благословения султана: 25 июля 1891 г. шестьдесят один депутат, оставшийся в живых — они были избраны пятнадцать лет тому назад, еще в 1891 г., — выбрал новый Совет, во главе которого стали Габриэль Норатункян и Диран Ашнан².

В этой связи было естественно ожидать, что после июльской революции 1908 г. изменения произойдут не только в руководстве страны, но и в руководстве армянского «миллета». Патриарх Орманян, который в глазах боевиков всех мастей представлялся армянским лицом гамидовских репрессий, был несправедливо обвинен в коллаборационизме с тираном и узурпации власти в личных целях. Инсценированная кампания в прессе изображала его как явного сторонника султана. 16 июля на заседании смешанного совета, которое проходило на фоне демонстрации дашнакских боевиков у стен палаты, Норатункян с присущей ему политической проницательностью потребовал и получил отставку патриарха³. Этот первый удар, который, безусловно, помогли подготовить армянские революционеры, возвестил интеграцию дашнакских лидеров в армянские национальные институты. В течение последующих недель приходы продолжали обновлять Армянскую палату, избрав в нее немало дашнакских и гнчаковских активистов, которые отказывались от своей подпольной деятельности или возвращались из ссылки. Само собой разумеется, что те лавры, которыми пресса Стамбула и иттихадистов намеренно осыпала армянские комитеты, помогли повысить их популярность и облегчить процесс их избрания.

Таким образом, даже наряду с развитием своих отношений с КЕП, АРФ также стремилась утвердиться в пределах своей собственной группировки. Но армянское сообщество

Стамбула было сложным образованием с особой чувствительностью; и его не так просто было в чем-то убедить. У этого сообщества были свои собственные сети, поэтому и в прошлом у АРФ были большие сложности с вербовкой своих членов в Стамбуле. Акнуни и его друзьям приходилось мириться с этими реалиями и терпеливо работать для обретения легитимности, которая не была им спонтанно дарована. После гамидовского режима константинопольские армяне вновь открывали для себя демократические ощущения.

Армянская национальная палата вновь открыла свои двери 3 октября 1908 г. в составе 80 депутатов. Во главе нового Политического совета встал либерал Степан Караян⁴, вместе с двумя лидерами дашнаков и гнчаковцев Арутюном Шахрияном⁵ и Мурадом (Амбарцум Бояджян), а также Григором Зограбом. Впервые политические партии взяли управление делами страны в свои руки, бок о бок с все еще многочисленными консерваторами. Это был период, когда тревожные сообщения о хроническом отсутствии безопасности потоком поступали в Патриархат. В ходе заседания 17 октября адвокат Григор Зограб, выступая от имени Политсовета, представил палате доклад об общей ситуации в Армении и о тех средствах, которые должны были быть мобилизованы для ее улучшения. Стало ясно, что несмотря на провозглашение конституции, ничего на самом деле не изменилось: губернаторы продолжали проводить в жизнь гамидовскую политику, а голод согнал несколько тысяч беженцев в столицу, где они жили на подаяние от Патриархии. Зограб предложил ряд способов приведения ситуации в норму, включая создание смешанной турецко-армянской комиссии по расследованию, наделенной исполнительной властью: увольнение вали и офицеров полков гамидие, совершивших злодеяния; суды над

¹ Орманян М. Указ. соч. Полоса 5153.

² Протоколы Национальной палаты, июль 1906 г., Константинополь. С. 1–4 (на арм. яз.).

³ Орманян М. Указ. соч. Полосы 5380–5388. Этот прелат (1841–1918), перешедший в Армянскую Апостольскую Церковь из католичества, получил образование в Риме, реформировал семинарию в Армаше, где по-новому обучал будущих руководителей Армянской церкви; был архиепископом Эрзурума, где основал школу Санасаряна — элитное учебное заведение, где курс обучения был построен по немецкой модели. Орманян — автор классических работ по истории Армянской церкви. После вынужденной отставки провел несколько лет в ссылке в Патриархат Иерусалима, затем вернулся и обосновался в столице, где скромно проживал в однокомнатной квартире в районе Пера.

⁴ Степан Караян (1855–1933), юрист, профессор права, судья апелляционного суда, президент Политического совета почти без перерыва с 1908 по 1914 год.

⁵ А. Шахриян, также известный как Нитра (1860–1915), родился в Шабинкарахисаре, получил образование юриста в Стамбуле, член восточного бюро (1898–1905), убит в 1915 г.

мародерами и убийцами в суде Константинополя; возврат конфискованных земель их законным владельцам; предоставление ссильным, которые пожелали вернуться в свои деревни, аналогичных прав и льгот, какие предоставлялись беженцам; принятие мер по предотвращению вымогательства беками и агами денег у армянских крестьян; помощь населению, оказавшемуся на грани голода, пережить зиму, выдавая им пшеницу и семена; и, наконец, приказ военным властям выполнять решения, принимаемые смешанной комиссией¹.

Палата назначила соответствующую делегацию для ведения переговоров по указанной проблеме с Блистательной Портой. Членов делегации, которую возглавили Григор Зограб, Грант Асатур² и д-р Ваграм Торгомян³, заверили в том, что все имеющиеся средства будут мобилизованы для восстановления прав армян⁴. Мы видим из этого, что заботы депутатов палаты об армянском населении в провинциях были очень похожи на заботы революционеров. Однако получилось так, что представлять эти национальные заботы османскому правительству отравились видные члены армянской общины Константинополя.

Симон Заварян, один из исторических лидеров АРФ, в ноябре 1908 г., вскоре после своего вступления в должность в Муше, направил большой доклад патриарху, в котором он охарактеризовал общее состояние региона как катастрофическое. «Я не из тех, — писал он, — кто думает, что все эти

разнообразные проблемы, которые унесли жизни целого поколения, могут быть решены посредством отдельных реформ»⁵. По этому Заварян выступал за радикальные изменения на высшем уровне государства, особенно среди касты высокопоставленных правительственных чиновников, которые блокировали все реформистские импульсы прогрессивных кругов. После описания хаоса, царившего в армянских провинциях, он отметил, что «в Константинополе можно выжить, только если работаешь. Но каковы перспективы у жителя Тарона или Сгерта [Сиирта], где варварская система наполнила поля кочевниками и их стадами и полностью остановила все работы и все производство?»

Действительно, после столетий сопротивления армянские крестьяне вынуждены были отдавать свою землю курдским кочевникам. Курды, которым режим Абдул-Гамида благоприятствовал, присвоили себе значительные права и не были склонны отказываться от них, даже после тех изменений, которые произошли в стране. Заварян, в свою очередь, попросил патриарха сделать своим приоритетом поддержку крестьян, которые пытались переселиться в свои деревни в Армении, за счет сокращения помощи, оказываемой беженцам, которых было очень много в Константинополе в 1908 г. Депутаты парламента, как и другие политики, прекрасно понимали, что судьба этих регионов зависит от развития экономики и восстановления безопасных условий.

Депутаты-армяне в первом парламенте Османской империи младотурок

Восстановление конституции, «боевой конь» младотурок в оппозиции, сделало возможным в принципе демократизировать политическую жизнь страны и дать возможность оппозиции быть услышанной. Серд-

цем демократической жизни, в которой соответствующая трибуна для дискуссий должна была быть создана, мог стать только парламент, который должен представлять весь народ. Армяне, как и некоторые другие

¹ Протоколы Национальной палаты, открытие учредительной сессии 1908–1909 гг., Константинополь, 1909 г. С. 39, 49–54 (на арм. яз.).

² Грант Асатур (1862–1928) родился в Константинополе, получил образование юриста в Париже, был членом Османского конституционного совета, редактором газеты «Масис» и литературным критиком.

³ Ваграм Торгомян (1858–1942) родился в Константинополе, получил медицинское образование в Париже, был личным врачом принца Абдул-Меджида, президентом Имперской медицинской школы и основателем армянского Красного Креста; депортирован в 1915 г., отправлен в ссылку во Францию (в 1923 г.), автор многих научных работ.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Доклад от 20 ноября 1908 г.: Archives du Patriarcat de Constantinople, Bibliothèque Nubar, CCG 5/4, liasse 1, 16 p. Цитируется в книге: R. H. Kévorkian et P. B. Paboudjian. Op. cit. Pp. 26–27.

группы, надеялись, как мы уже говорили, способствовать либерализации османской системы. Они очень быстро обнаружили, однако, что эта трибуна зарезервирована для других; КЕП¹ следил за тем, чтобы под его властью оказалось достаточное большинство, чтобы снизить количество нетурецких депутатов до минимума, придав оппозиции просто символический статус (единственной оппозиционной партией была «Osmanlı Ahrar Fırkası» — Партия османской свободы)².

Здесь необходимо добавить, что четверо дашнакских депутатов не владели в достаточной степени государственным языком парламентских дебатов — османским; как правило, им приходилось выражать свое мнение через Григора Зограба, армянского депутата, представлявшего столицу. Им также приходилось учитывать требования Армянской палаты, которая рассматривала их как парламентских представителей и защитников интересов «миллета». Все эти сложности, как видится, не помешали им вносить свой активный вклад в деятельность армянской парламентской делегации. Один из них, д-р Ваган Папазян, отмечает в своих мемуарах, что на первой парламентской сессии армянские депутаты занимались исключительно вопросами, представляющими общий интерес, ни разу не поставив на обсуждение вопросы, специфичные для армянского мира³. Он указывает на то, что, например, Григор Зограб играл ключевую роль в парламентском комитете, которому было поручено подготовить законопроект о ре-

форме судебной системы; что Гаро, инженер по образованию, работал над «планом Честера» строительства железной дороги, соединяющей Стамбул с иранской границей⁴; что он сам [Папазян] работал над реформированием и «секуляризацией» школьной системы; и что Тагаварян, врач и агроном, подготовил большую часть положений базового закона по поощрению развития сельского хозяйства, а также другого, направленного на реформирование системы здравоохранения и улучшение санитарно-гигиенических условий⁵. Все это свидетельствует о том, что дух (что хорошо для страны — хорошо для нас), в котором работали депутаты, представляющие армянскую нацию, не имел скрытых мотивов и был направлен на реформирование империи. Образцом в этом отношении служит парламентская деятельность Григора Зограба, решающую роль которого в создании Османского конституционного клуба мы уже отмечали. Хотя некоторые консервативные круги не питали к нему особой любви и критиковали за «знание только литературного аспекта армянской жизни»⁶, он стал глашатаем и выразителем духа группы армянских депутатов. Перед тем, как отправиться на вступительную сессию парламента, Зограб сначала посетил штаб-квартиру КЕП на улице Нури Османие, что, вне всяких сомнений, было сделано для того, чтобы показать, какой партии своим избранием он обязан; он уехал оттуда в карете, сидя рядом с молодым судьей-турком, Мустафой Асимом⁷. Также важным было то, что он занял

¹ Первый реальный кризис, с которым столкнулся КЕП, разразился в начале октября 1908 г., когда за очень короткий промежуток времени Болгария провозгласила независимость (5 октября), Австро-Венгерская империя объявила об аннексии Боснии-Герцеговины, а Крит провозгласил себя частью Греции (6 октября).

² Основана 14 сентября 1908 г. Нуреддином Феррухом, Ахмедом Фазилем и Джелаледдином Арифом: *Bozarslan H.* Op. cit., II. P. 123; *Zürcher E. J.* Turkey, a Modern History. P. 100.

³ Папазян В. Указ. соч. II. С. 101. Мы видели, что армянская делегация склонялась в пользу прямых переговоров с правительством или даже с ЦК младотурок, чтобы преодолеть то напряжение, которое царило в парламенте, куда многие консерваторы, особенно из провинций, были избраны по спискам КЕП.

⁴ Там же. С. 99–100.

⁵ Его кандидатура была сначала заблокирована КЕП. См.: «Бюзандион», № 3700, 8 декабря 1908 г. С. 1 (на арм. яз.). Однако по настоянию политсовета Патриархата и после совещания, которое 6 декабря провел председатель совета Степан Караян с одним «влиятельным лицом» в стамбульском офисе КЕП, младотурки согласились не прелютствовать его избранию. См.: «Бюзандион», № 3701, 9 декабря 1908 г. С. 1 (на арм. яз.). В номере от 9 декабря печатный орган КЕП — «Şûra-yı Ummet» — объявил, что в списке кандидатов КЕП от столицы было два армянских кандидата.

⁶ Из-под пера главного редактора Пузанта Кетчяна, «Бюзандион», № 3706, 15 декабря 1908 г. С. 1 (на арм. яз.).

⁷ По национальности лаз, родился в Шоппе, служил председателем уголовного суда в Дамаске, Салониках и Скопье (Ускуб); после 1908 г. — член КЕП, инспектор суда в Салониках и временный вали Косово; часто наезжал в Лазистан агитатором КЕП; директор департамента по уголовным делам министерства юстиции; член комиссии по назначению мировых судей; отвечал за расследование «злоупотреблений», совершенных

свое место в парламенте рядом с Гусейном Джахитом, главным редактором газеты младотурок «Танин»¹. Оба факта показательны для того влияния, которое Иттихад оказывал на османский парламент. Первое парламентское выступление армянского юриста 24 декабря отражает то «недоразумение», которое возникло между младотурками и армянскими депутатами и которое со временем будет только нарастать. Зограб осудил явно неприемлемое избрание некоего Муштафы Сердата-заде, который в своем избирательном округе Шабинкарахисар имел репутацию бандита и убийцы. Однако коллеги Зограба, которых, видимо, совсем не шокировала история Муштафы Сердата-заде, упрекали его за это².

Стамбульские круги были обеспокоены тем, что ни один другой депутат не выступил в поддержку позиции Зограба, хотя было общеизвестно, что Муштафа Сердата-заде был активным участником резни в своем родном регионе в ноябре 1895 г. Этот первый инцидент дал повод приглушенной критике, которая затем регулярно встречалась в дебатах: многие депутаты-мусульмане из восточных провинций, избранные по спискам КЕП, были в прошлом сторонниками гамидовского режима и сами были замешаны — в разной степени — в резне 1894–1896 годов. Слухи о том, что Зограбу угрожали смертью, скорее всего, безосновательны, но в любом случае они свидетельствуют о первых признаках напряженности³.

В то время как армянские учреждения и армянские депутаты не выражали открыто своей горечи по поводу толерантного отношения правительства к тем, кто только недавно массово истреблял армян, они выражали сожаление по поводу того, что «Красный Султан» — кого они, и особенно революционеры в их среде, люто ненавидели с тех пор, как он решил истребить армянский народ, — по-прежнему пользовался

уважением и обхождением со стороны их прогрессивных друзей-младотурок. Султан, со своей стороны, вероятно испытал облегчение, узнав, что армянские депутаты, некоторые из которых в недалеком прошлом организовали покушение на его жизнь, холодно отклонили приглашение отобедать во дворце Йылдыз, которым он «осчастливил» всех новоизбранных депутатов⁴.

Были, однако, и другие противоречивые моменты, ставшие сюрпризами, как, например, назначение Зограба в ноябре 1908 г. профессором уголовного права в Школе права в Стамбуле, и тот успех, которым он там пользовался. Более семисот студентов отказались от других своих занятий и заполнили зал, в котором он выступил со своей инаугурационной лекцией⁵. Это свидетельствовало о чем-то вроде жажды знаний, в противоположность консервативной реакции османского парламента, о желании получить знания из другого источника.

Интервью, которое Зограб дал корреспонденту болгарской газеты в конце декабря 1908 г., — еще более точная иллюстрация архаических сторон османской политической жизни. Зограб сказал, что сожалеет по поводу отсутствия организованных политических групп, в которых «национальности могли бы раствориться», вместо которых приходится иметь дело с противостоящими друг другу национальными блоками. Армянские же депутаты, по его словам, хотят «прежде всего, работать на общее благо империи. Собственные интересы армянского народа — на втором плане»⁶. Так, он взял слово в парламенте 21 января 1909 г. и потребовал создания комиссии по расследованию обстоятельств строительства железной дороги в Хиджазе, так как были подозрения, что реализация проекта сопровождается серьезными финансовыми махинациями⁷. В других случаях он предлагал правительству разработать проект бюджета и представить его

во время Первой мировой войны в отношении армян; судья-председатель уголовного и апелляционного суда: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien, 7 25–26–27–28–29–30–31–32–33–34, Second Report on Turks Responsible for the Armenian Atrocities.

¹ Гусейн Джахит-бей [Ялчин] (1874–1957), депутат парламента от столицы, вице-президент (1914–1916) и позднее — президент парламента, член ЦК младотурок, один из основных пропагандистов КЕП, редактор газеты «Танин», интернирован на Мальту в 1919 г.

² «Бюзандион», № 3714, 24 декабря 1908 г. (на арм. яз.).

³ «Жаманак», № 54, 29 декабря 1908 г. (на арм. яз.).

⁴ «Бюзандион», № 3721, 4 января 1909 г. (на арм. яз.).

⁵ «Бюзандион», № 3686, 21 ноября 1908 г. (на арм. яз.).

⁶ «Жаманак», № 61, 6 января 1909 г. (на арм. яз.).

⁷ «Бюзандион», № 3736, 22 января 1909 г. (на арм. яз.).

на голосование парламенту, разработать настоящую налоговую политику и так далее. Даже если бы он был единственным армян-

ским депутатом, участвующим в дебатах, он бы и в этом случае более чем компенсировал молчание своих коллег.

Ставка на власть: КЕП и оппозиция

Объяснения, которые были приведены на сессии парламента 13 февраля 1909 г., на которой свергнутому кабинету Камил-паши (образован 5 августа 1908 г.) был выражен вотум недоверия, заставили Зограба вмешаться в дискуссию; однако, его высказывания смутили его коллег-младотурок. Было хорошо известно, что постоянное вмешательство ЦК КЕП в государственные дела раздражает великого визиря и приводит к неизменной напряженности между двумя источниками власти. Когда Камил-паша пытался пробить назначение новых министров обороны и военно-морского флота вопреки мнению Комитета, Иттихад приказал своим депутатам голосовать за резолюцию о вотуме недоверия, так как ни при каких обстоятельствах не мог допустить утраты контроля над армией¹. Паша пытался освободиться от формы надзора, которая казалась ему слишком жесткой; и ему сразу пришлось заплатить за свои амбиции — он пал жертвой «государственного переворота», совершенного иттихадистами.

Гусейн Хильми-паша сменил Камилу 14 февраля 1909 г. Хотя этот офицер был известен своей близостью к КЕП, они относились к нему не менее жестко. Едва он был назначен великим визирем, как узнал, что во время встречи Блистательной Порты с будущим османским послом в Испании Али Хайдар-беем (сыном знаменитого Мидхат-паши), который приехал получать верительные грамоты, дипломату было приказано

ждать прибытия майора Энвер-бея, который должен дать ему указания о том, какой линии придерживаться в отношениях с испанским правительством. Столкнувшись с решительным отказом Али Хайдара получать указания от кого бы то ни было, кроме министра иностранных дел, новому великому визирю пришлось впервые столкнуться с яростью ЦК младотурок². Этот эпизод, банальный по своей сути, дает представление о хаотической работе государства в эти первые месяцы, когда администрация, все еще отдающая прежним режимом, делила власть с комитетом, которому все еще не хватало опыта в ведении государственных дел.

Другая структура, созданная Иттихадом, раскрывает общую природу режима, который в то время вводился в действие: систематическое использование тайных полувоенных формирований, которым Комитет давал особые поручения, начиная от угроз до убийства оппонентов и журналистов. Эта подпольная структура прошла большой путь со времени своего основания в 1907 г. Ее кадрами были почти все без исключения выпускники Военной академии Стамбула. После того как офицеры, такие как Эйюб Сабри [Акгель] и Ахмед Джемаль, вошли в Комитет летом 1908 г., другие офицеры вступили в эту военизированную организацию: Гусейн Рауф [Орбай]³, Монастирли Нури [Конкер]⁴, Кушчубаши-заде Эшреф [Сенсер]⁵, Енибахчели Шюкрю [Огуз]⁶, Кара Васиф⁷ и Казим [Озалп]⁸ или, опять же, Абдулкадир († 1926),

¹ *Bozarslan H.* Op. cit., II. P. 123; *Hanioğlu M. Ş.* Op. cit. P. 292.

² *Turfan N.* Rise of the Young Turks, Politics, the Military and Ottoman Collapse. London—New York, 2000. P. 232, n. 63.

³ Гусейн Рауф (1881–1964), агент в Персии во время Первой мировой войны, подписал Мудросское перемирие от 31 октября 1918, один из основателей организации «Каракол» и сопротивления в Анатолии (1919 г.). См.: *Zürcher E. J.* Op. cit. P. 45.

⁴ Монастирли Нури (1882–1937), родился в Салониках, федаин-юнионист, депутат парламента, первый директор «Тешкилят-и Махсуса», агент тайной службы Энвера после 1914 г. Ibid.

⁵ Кушчубаши-заде Эшреф [Сенсер] (1873 — после 1963), влиятельный директор отделения «Тешкилят-и Махсуса». Ibid.

⁶ Енибахчели Шюкрю [Огуз], фидай-юнионист и инспектор КЕП, член «Тешкилят-и Махсуса», и позднее — «Каракола». Ibid.

⁷ Кара Васиф (1872–1931), полковник, член КЕП до 1908 г., член военного суда, который рассматривал поражение в Балканской войне, основатель «Каракола» в 1919 г. Ibid.

⁸ Казим [Озалп] (1880–1968), член КЕП, офицер, член «Тешкилят-и Махсуса», президент Национальной ассамблеи (1924–1935), Военный министр (1922–1924, 1935–1943). Ibid.

Али [Четинкая], Атиф [Камчил], Сари Эфее Эдип, Сапанчли Хакки, Халил [Кут] (дяди Энвера), Филибели Хильми, Исмитли Мюмтаз, Хусреф Сами [Кизилдоган], Сулейман Аскери, Енибахчели Нейл (брат Шюкрю), Якуп Джемиль († 1916) и Джават Аббас [Гюрер] (1887–1943)¹. Мы увидим ту решающую роль, которую эти люди сыграли в ликвидации армянского населения во время Первой мировой войны.

Ради избавления от своих оппонентов ЦК Иттихада не стеснялся убивать. Оппозиционный журналист Гасан Фехми был убит 6 апреля 1909 г., а Ахмед Самин — активист оппозиции — вскоре после этого. Эти методы иллюстрируют ту концепцию политической борьбы, которая господствовала в КЕП: оппозиция считалась «сборищем реакционеров, воров, мошенников, пьяниц, азартных игроков, бездельников и убийц»². Энвер, один из «спасителей империи», сформулировал вопрос предельно точно: «Всех, кто мечтает делить с нами власть, нужно раздавить... Мы должны быть жестче, чем Нерон, в том, что касается обеспечения внутреннего мира»³.

Некоторые юнионисты подтверждают в своих мемуарах, что люди подозревали КЕП в участии в определенных событиях. Бывший генеральный секретарь Иттихада Мидхат Шюкрю вспоминал, как один из его коллег по ЦК Кара Кемаль лично руководил карательной операцией против штаб-квартиры организации «Fedakaran-ı Millet» (Посвященные нации) во главе банды, которая громила офисы этой организации⁴.

По словам одного из лучших знатоков политической жизни того времени, «практически все оппозиционные партии юнионистского периода выступали за либеральную экономику, были западниками, [выступали] за единство [этнических групп империи] и высказывались за децентрализацию»⁵. Эти

партии сначала объединились в «Ахраре», а потом — под знаменем «Hürriyet ve İtilâf Fırkası» (Либеральный альянс), который стал продуктом слияния Демократической партии Ибрахима Темо, Народной партии («Ahalî») Гюмюльджинели Исмаил-бея, «Mutedil Hürriyet-perveran Fırkası» (Партии умеренных либералов)⁶ и Независимой партии⁷.

После событий «31 марта», о которых мы расскажем позже, генерал Шериф-паша, бывший «попутчик» ЦК в Салониках, вместе с другими диссидентами КЕП, такими как Рефик Невзат, Альбер Фуа и Мевлан-заде Рифат, основал «İslahat-ı Osmaniye» (Радикальную партию). В своей парижской ссылке они составили яростную оппозицию КЕП, особенно в своем франкоязычном журнале «Méchergoutiette», который непрестанно осуждал иттихадистов за их политические преступления и коррупцию. Эти «радикалы» требовали, в частности, чтобы армия прекратила вмешиваться в политику, чтобы Комитет перестал действовать как тайная организация и назначать своих депутатов, а также чтобы КЕП отказался от своего проекта отуречивания всей страны⁸. И действительно, эти требования, выраженные в форме прямых обвинений, были общими для всей оппозиции, в том числе и для мусульманских кругов, которые объединились в «İtihad-ı Muhammedî» (Магометанской ассоциации), основанной 5 апреля 1909 г. В своем печатном органе «Volkan» эта ассоциация критиковала младотурок за атеизм и отказ от исламских ценностей⁹.

В революционных армянских кругах, в частности среди гнчаковцев, эти движения вызвали некоторую надежду на то, что Османская империя примет внутреннюю политику, более благоприятную для нетурецких групп населения. СДПГ, которая была против Иттихада с самого своего создания, одно-

¹ Ibid. P. 50.

² Опубликовано Биринчи в «Tarih ve Toplum», № 70, 1989. S. 60. Цитируется в книге: *Bozarslan H.* Op. cit., I. P. 210, n. 818.

³ «Enver Paşa'nın Gizli Mektupları» (ред. Ş. Hanioglu), «Cumhuriyet», 9 октября 1989 г. Цитируется в книге: *Bozarslan H.* Op. cit., I. P. 210, n. 815.

⁴ Midhat Şükrü Bleda, *İmparatorluğun Çöküşü*, İstanbul, 1979. S. 26. Эта группа, созданная в начале 1909 г., пользовалась поддержкой Хасана Фехми и была распущена после событий «31 марта» по обвинениям в заговоре, но не против правительства, а против КЕП: *Bozarslan H.* Op. cit., II. P. 138.

⁵ *Tunaya T. Z.* *Hürriyetin İlanı*, İstanbul, 1959 s. 41. Цитируется в книге: *Bozarslan H.* Op. cit., I. P. 233.

⁶ Основана в ноябре 1909 г., ее духовными лидерами были Люффи Фикри и Шюкрю ал-Асеки: *ibid.*, II. P. 123.

⁷ Эту партию возглавляли Ферит-паша, Садик-бей, Шюкрю ал-Асеки, Риза Нур, Люффи Фикри и Гюмюльджинели Исмаил. *Ibid.*, II. P. 123.

⁸ *Ibid.*, I. P. 234.

⁹ *Ibid.*, II. P. 123.

значно боролась с КЕП, не давая ему применять свои программы отуречивания¹. Сближение гнчаковцев с «Ахаром», а затем — с Иттилафом, не преследовало никакой другой цели, кроме борьбы с националистическим режимом младотурок. Сапах-Гулян отмечает в этой связи, что в тот день, когда Иттилаф и СДПГ подписали соглашение о сотрудничестве, «в иттихадистской среде явно чувствовались опасения», и что за счет этого сотрудничества его партия сможет влиять на политику Иттилафа, продвигая ее в более прогрессивном направлении и играя важную роль в формировании филиалов этой организации в провинциях»². «Хотя Иттихад мог справедливо утверждать, — пишет Сапах-Гулян, — после уничтожения армян в провинциях и заказных грабежей и похищений, что он продвинулся вперед в реализации одного из своих проектов, правда и то, что он терпел значительные неудачи в других местах, в том числе во время восстания тра-

диционных турецких кругов в Конье, мятежа в Константинополе, восстания и событий в Албании и Румелии»³.

После восьми месяцев у власти, из-за своей практики руководить из-за кулис, КЕП вызвал недовольство у всех и каждого. Несмотря на внешнее впечатление, он не владел такой уж большой властью: хотя первоначальная политика формирования широкого альянса сил и позволила ему перетянуть ряд ранее лояльных сторонников султана на свою сторону, в частности предлагая им места в парламенте. КЕП вскоре был сильно разочарован той поспешностью, с которой эти люди переметнулись под другие знамена. Комитет также увидел, что общество, которому он хотел навязать свое видение будущего, отнеслось к его проектам еще более неприязненно, чем можно было полагать. Этот горький урок был преподан ему в виде первого сильного удара уже 31 марта (13 апреля) 1909 г.

¹ Сапах-Гулян С. Указ. соч. С. 284.

² Там же. С. 285–286.

³ Там же. С. 287.

ГЛАВА 2

Младотурки и армяне проходят испытание «событиями 31 марта» и резней в Киликии

Два события, которые произошли в апреле 1909 г. в Константинополе — «реакция» на установление режима младотурок и одновременно резня армян в Киликии, известная как «аданские события», позволяют нам во многих отношениях оценить изменения, произошедшие в Османской империи после восстановления Конституции. Так как они предшествовали принятию законов о свободе печати и объединений, которые были приняты летом и осенью 1909 г., и так как они произошли на глазах зарубежных наблюдателей и свободной оппозиционной прессы, они занимают идеальную позицию, с которой можно наблюдать то, что на самом деле происходило в Османской империи. Они заставляют нас задуматься о значимости «реакции», произошедшей в апреле 1909 г.,

о роли младотурок в организации резни в Адане и, следовательно, об их национальной и международной репутации. Но этот способ, которым КЕП воспользовался, чтобы решить эти два вопроса, может многое рассказать нам о его политике в отношении армянского населения Османской империи. Поучительно то, как армянское общество справлялось с кризисом; это позволяет нам узнать об отношении армян к режиму младотурок и их ожиданиях. Объяснения армянских лидеров в Палате депутатов четко указывают на то, что больше всего армян волновало то, являются ли массовые убийства последним вздохом старого режима или, напротив, знаменуют собой деяние нового режима, направленного на уничтожение армян.

«Инцидент 31 марта»

Большинство историков считают реакцию против младотурок, известную под эвфемизмом «инцидент 31 марта» (13 апреля по григорианскому календарю), операцией, которой руководили круги, преданные старому режиму, которых пресса того времени называла реакционерами: в эти круги входили солдаты из гарнизонов Константинополя и офицеры, которые вышли из религиозной оппозиции, «улемов» и шейхов из ордена дервишей, которые черпали свое вдохновение у «İttihad-ı Muhammedi» и партии «Ахрар». Некоторые видят в этой реакции маневр, задуманный Министерством иностранных дел Великобритании для дестабилизации КЕП после падения кабинета министров, возглавляемого Камилем-пашой — протеже британцев. Независимо от того,

кто какую гипотезу примет, радикализация либеральной и религиозной оппозиции в этот период была неоспоримой, так же как и растущий антагонизм между офицерами, которые стремительно поднимались по службе («alaylı»), и выпускниками военной академии («mektepli»); «alaylı» жаловались на то, что «mektepli» заполнили всю армию¹. Остается спросить, как удалось этим неоднородным силам объединиться, выйти на улицы, захватить здание парламента и спровоцировать охоту на иттихадистов по всей столице.

Реакционный аспект восстания был довольно реальным (даже если исследование прессы того времени показывает, что, возможно, он был ретроспективно усилен КЕП), так как мятежники требовали возвращения к шариату. Но прежде всего, самое глав-

¹ Turfan N. Op. cit. P. 238, n. 89.

ное то, что это была враждебная реакция на режим младотурок. Так, Вахдетти, один из главных архитекторов движения, выпустил призыв «христианам и евреям Османской империи», в котором заверил их в том, что им не нужно бояться за свое имущество и за свои жизни «благодаря нашему шариату», и рекомендовал им «не отказываться от союза с исламом... и не следовать за врагами цивилизации и предателями шариата». Организация «Ittihad-ı Muhammedi» также указывала на то, что шариат в одинаковой степени защищает права как мусульман, так и немусульман. Эти заявления показывают, что лидеры движения были хорошо осведомлены о запросах немусульман. Их политическая платформа даже призывала к «справедливости для христиан», прогнозируя, что «они будут с нами заодно»¹.

Примером того, как историки чаще всего пытаются продемонстрировать реакционную природу движения, может служить то, как поступил общественный активист и журналист Мизанджи Мурад-бей, редактор газеты «Мизан», который, «более всего отдалившись от своих бывших товарищей, чем когда-либо, подлил масла в огонь, вызвав религиозный порыв и осудив равенство [между мусульманами и] немусульманами»². Если верить официальным заявлениям мятежников, этот бывший лидер младотурок, который был выслан из страны еще в октябре 1908 г. и не появлялся здесь до апреля 1909 г.³, был единственным «реакционером», который враждебно относился к немусульманам. Тем не менее он был советником Ахмеда Тевфика-паши, великого визиря, который вырос во время этих событий. Чтобы приклеить такой же ярлык «реакционеров» как на мусульман, так и на либералов, группы вняли аргументам младотурок, используемым ими, чтобы дискредитировать оппозицию и быстро уничтожить ее. Либералы, которые склонялись к политике децентрализации и объединения всех немусульман, непросто сошлись здесь с реакционерами.

Уместно напомнить здесь, что накануне этих событий Комитет младотурок оказал

ся, мягко говоря, в затруднительном положении: он был замешан в некоторых темных делах, таких как убийства журналистов и политических противников, и находился под давлением оппозиции. Воспользовались ли они ситуацией, чтобы взять в свои руки управление страной в военном отношении и избавиться от оппозиционеров всех мастей? Некоторые обстоятельства указывают на то, что так оно и было на самом деле. После того, как мятежники захватили здание парламента, убив несколько депутатов и уволив служащих редакций основных младотурецких газет, Тевфик-паша взял ситуацию под свой контроль, после чего повстанцы из Первого армейского корпуса, базировавшегося в Константинополе, вернулись в свои казармы. Тогда османский парламент на сессии, созванной 17 апреля, решил отправить делегацию в Чаталджу, чтобы встретиться с Махмудом Шевкетом-пашой и его войсками в Румелии. Делегаты должны были сообщить ему о том, что повстанцы вернулись в свои казармы и попросили прощения, поэтому ему не нужно выдвигаться в столицу, так как это может привести к бессмысленному кровопролитию. В конце концов, Шевкет, который сначала принял предложение депутатов, которых отправили, чтобы поговорить с ним — Юсуфа Кемалья, Григора Зограба и Варткеза Серингюляна — все же решил оккупировать Константинополь⁴. Возможно, до проведения карательных операций, которые последовали после его прибытия в столицу, этот генерал, выходец из старой школы, которого окружали офицеры-младотурки из генерального штаба, посоветовался с иттихадистским ЦК. Как только эфемерный кабинет Тевфика пал, официально — 18 апреля, сам он ушел в отставку 26 апреля, объявление чрезвычайного положения и создание военного трибунала дало возможность вешать большое количество повстанцев, в частности представителей оппозиции, целыми группами. Среди них были журналисты и либеральные политики, на которых в первую очередь тщательно навесили ярлык антиконституционных «реакционеров», подводящее обвинение, чтобы оправдать репрес-

¹ M. Sabri Efendi. Menkibelerimiz ve Aybılarımız. In: *Albayrak S. Mart Vak'ası Gerici Bir Hareket mi?* İstanbul, 1989. S. 33. Доклад Расима эфенди в османском парламенте, цитированный в книге: *Bozarslan H.* Op. cit., II, Pp. 69–70.

² Georgeon F. Le dernier sursaut (1878–1908), in Robert Mantran (dir.), *Histoire de l'Empire ottoman*, Paris, 1989. P. 582.

³ Ahmad F. Op. cit. Pp. 43–44. Великий визирь Камиль-паша выслал его снова, возможно, под давлением КЕП.

⁴ Смотри стамбульскую прессу от 19 апреля 1909 г., в частности «Бюзандион», № 3806. P. 3; *Zürcher E. J.* Op. cit. P. 102.

сии. Именем Конституции КЕП без особых усилий полностью избавился от оппозиции, удовлетворившись ссылкой ряда наиболее известных личностей, таких как принц Сабахеддин, так чтобы не сделать свою главную цель слишком очевидной.

Какова была реакция армянских кругов на эти события? Ежедневная пресса за 14 и 15 апреля 1909 г. выражает недоумение, смешанное с мрачным предчувствием, перед лицом этого восстания. Некоторые боялись, что это — государственный переворот, устроенный Абдул-Гамидом, их «пугалом», человеком, которого не любили и боялись, который хотел снова отменить Конституцию. Общее впечатление, прослеживаемое во всех заявлениях в прессе, состоит в том, что в первую очередь армян беспокоило то, чтобы объявленные реформы были доведены до конца и привели к созданию государства, основанного на законности, и восстановлению мира и порядка. В своей статье под заголовком «Текущий кризис»¹ главный редактор ежедневной стамбульской газеты «Бюзандион» Бюзанд Кечян писал о том, что вечером 16 апреля Армянская революционная федерация (АРФ) Дашнакцутюн организовала собрание в номере отеля «Splendide», на котором присутствовало тридцать лидеров различных османских политических течений: КЕП, *Ахрара*, АРФ, СДПГ, с намерением сблизить их позиции «по защите Конституции». Эти же газеты писали, что армянские добровольцы из Текирдага присоединились к войскам в Румелии, «чтобы защитить Конституцию». 27 апреля армянская община Константинополя организовала массовые похороны добровольцев, которые погибли во время боев в столице². Из дашнакских источников мы узнаем, что АРФ организовала, с одобрения Иттихада, народное ополчение, чтобы поддержать действующую армию, включая пятьсот пятьдесят мужчин из Адабазара, которые

помогли успокоить мятежников, выступивших из казарм Селимие³. Кроме того, Рубен Тер-Минасян, один из военных лидеров АРФ, был отправлен в Текирдаг для вербовки армянских добровольцев. Однако Шевкет не хотел снабжать их оружием⁴. Наконец, в Смирне вали и местный клуб иттихадистов попросили дашнаков и гнчаковцев «сформировать группы добровольцев в ближайшие двенадцать часов»: на следующий день двести тридцать молодых армян из города и окрестных деревень, а также турки, греки и евреи были вооружены и отправлены на железнодорожную станцию Смирна-Картал⁵.

Все это четко указывает, что армянские круги поддержали Конституцию и союз АРФ с КЕП. Но самым явным доказательством их приверженности этим позициям стало то, как депутат парламента Петрос Халаджян — позднее он станет министром общественных работ — отреагировал на вторжение мятежников утром 13 апреля 1909 г. в здание парламента с требованием восстановить шариат и отправить в отставку главу парламента Ахмеда Ризу⁶. Хотя несколько депутатов только что были убиты в городе, а большинство из тех, кто находился в здании, легли на пол, чтобы сохранить жизнь, Халаджян поднялся и в стиле, напоминающем трибунов французских Генеральных штатов XVIII века, заявил мятежникам, которые притихли, впечатленные его апломбом: «Нас выбрали все народы империи. Народный избранник не имеет права позволять кому-либо указывать, что ему делать, [в то же самое время угрожая ему] штыками... Выгляните в окно! Там толпа, которая поливает нас свинцом... Давайте, убейте меня, но я на ногах»⁷. Другое обстоятельство показывает, если еще есть необходимость что-либо еще доказывать, тесные отношения между армянскими депутатами и их коллегами-младотурками, а также доверительные отношения, установившиеся между ними: в те пять дней анархии, которые

¹ «Бюзандион», № 3805, 17 апреля 1909 г. С. 2 (на арм. яз.).

² «Бюзандион», № 3812, 27 апреля 1909 г. С. 3 (на арм. яз.).

³ Папазян В. Указ. соч. II. С. 109.

⁴ Симон Заварян: к 70-летию со дня смерти. Опубликовано Грачом Таснапетяном. Т. III, Бейрут, 1997. С. 60–61 (на арм. яз.). Письмо С. Заваряна, из Константинополя от 14/27 апреля 1909 г.

⁵ Там же. С. 61.

⁶ Папазян В. Указ. соч. II. С. 105, отмечает, что Ахмед Риза, в частности, был на прицеле у мятежников, которых вел Великий муфтий Стамбула. Когда здание парламента было захвачено, в нем находилось 50–60 депутатов, включая Халаджяна, Армена Гаро и самого Папазяна.

⁷ «Азатамарт», № 66, 9 сентября 1909 г. С. 1 (на арм. яз.). Газета опубликовала рассказ Папазяна как очевидца; Папазян повторил то, что он писал в своих воспоминаниях (Папазян В. Указ. соч. II. С. 103–108); тем не менее, состоялась голосование за восстановление шариата как основного закона страны.

последовали за восстанием, вспыхнувшим 13 апреля, когда юнионистов рьяно преследовали, Акнуни, лидер партии Дашнак, прятал в своем доме Мехмеда Талаата¹, другой лидер иттихадистов, Халил-бей [Ментеше], прятался у Зограба², а ополченец Азариг из АРФ предоставил убежище д-ру Назиму³.

В дни, приведшие к этим событиям, младотурецкая пресса, а именно ежедневное издание «Танин», не упустила возможность раскритиковать некоторых армянских депутатов в своих статьях. Критике подвергся Зограб, который был изображен как лидер армянской парламентской группы, а также Али Кемаль, главный редактор газеты «Икдам» (в скором времени избранный на пост главы парламента вместо Ризы). Газета «Танин» критиковала их обоих за то, что они воспользовались своим положением профессоров школы права для того, чтобы «манипулировать своими студентами и заставить их за-

щищать свои собственные политические интересы»⁴. Чем была вызвана критика в отношении Зограба, которую начал его сосед по парламентской скамье Хюсейн Джухит? Может, растущее понимание того, что жители империи согласны с этим юристом, испугала КЕП? Или он решил, что Зограб слишком инициативен? Характер критики раскрывает нам немного. Судя по всему, студенты школы права не играли никакой роли в событиях 31 марта. Может быть, курсы, которые вели Зограб и Кемаль в школе, делая акцент на роли права в построении демократического общества, раздражали младотурок?

В общем, можно отметить, что события 31 марта просто подтвердили, по крайней мере то, что касалось лидеров АРФ, прочность их союза с иттихадистами, а также враждебное отношение армянских кругов к возможности восстановления старого режима.

Младотурки и армяне проходят испытание резней в Киликии в апреле 1909 г.

Осмысление происхождения вспышки насилия, завершившейся резней двадцати пяти тысяч армян в Киликии в апреле 1909 г., являлось важнейшей задачей в армянских кругах. Эта бойня, отголосок старого режима, грозила подорвать приверженность армян конституционному процессу, а также альянс АРФ с Комитетом «Единение и прогресс». Иными словами, младотурки искренне желали сотрудничать с армянами — реальной целью было улучшение положения населения восточных провинций — что в данных обстоятельствах ставилось под вопрос. Армянские политические институты стремились превратить этот вопрос в проверку намерений младотурок; они хотели знать, какую ответственность нес «Единение и прогресс» за события в Адане. Это показывает, что данный кризис сильно повлиял на отношения между армянами и младотурецким правительством.

Французская дипломатическая депеша из Мараша, Киликии, от 4 января 1909 г. объявила об угрозе убийств и сообщила о вымогательствах как у местного клуба младотурок, так и у христиан, «больше всего довольных установлением нового режима». В отношении лиц, ответственных за вымогательство, не было принято никаких мер⁵. Также поступили сообщения об анархической ситуации, сложившейся в вилайете Диарбекир, а несколько недель спустя и в Мамурет уль-Азизе: было сказано о сведениях счетов между курдскими племенами, а также о враждебных реакциях на младотурок, вместе с ростом мусульманского фундаментализма⁶.

В депеше от 1 сентября 1908 г. консульский агент, ответственный за вице-консульство в Ване, вспоминая последствия революции в этом городе в июле 1908 г., отметил, что там был сформирован Комитет

¹ Minassian G. F. Op. cit. Pp. 62–63.

² Дневник Григора Зограба, опубликованный в журнале «Гарун», 1991, № 5. С. 67 (на арм. яз.).

³ Minassian G. F. Op. cit. P. 62.

⁴ Перепечатано в «Мшаке», № 67, 15 апреля 1909 г.

⁵ CADN, Ambassade de Constantinople, série E/131. Письмо французского вице-консула в Мараше Марсиала Грапина Констансу, послу Франции в Константинополе от 4 января 1909 г.

⁶ CADN, Ambassade de Constantinople, série E/131. Письмо французского вице-консула в Диарбекире Бомпару, послу Франции в Константинополе от 20 апреля 1909 г.

«Единение и прогресс». Он писал, что в нем состоял: «двадцать один человек: семь военных, семь армян и семь турок». Он добавил, что комитет переписывался «с Салониками, откуда он получал указания»¹.

Благодаря формированию комитетов местных младотурок в Киликии стало возможно прежде всего свести счеты с двумя основными представителями государства, чья политика умиротворения христиан не была особенно популярна в этом регионе, по-прежнему погруженном в племенные обычаи. Таким образом, комитет младотурок Аданы, состоящий в основном из турецкой знати региона, сначала постановил заменить военачальника (*ferik*) и потом направил свой взор на вали вилайета, Бахри-пашу, требуя его отставки. Обвиняемый в «симпатиях к христианам», Бахри был вынужден покинуть город тайно, но был «арестован крестьянами на границе вилайета по просьбе его личного врага, Багдади-заде², а затем отпущен по приказу комитета Аданы... Говорили, что он сопротивлялся, убегая в течение пяти часов, из-за давления со стороны комитета Аданы, который требовал его отставки; он утверждал, что тридцать тысяч армян поднимется в его защиту. Комитет, как предполагается, возразил: «Если они будут существовать, вы не найдете и тридцати»³. Эти несколько замечаний свидетельствуют о настроениях, царивших в Адане вскоре после революции: они раскрывают реальную оценку местной турецкой знати способности армянского населения Киликии к организации восстания, из которого они должны были так много извлечь за следующие месяцы.

Позже, 15 октября, преемник Бахри-паши, Джевад-бей, прибыл в Адану. «Ожидая чего угодно, [Джевад] попросил Дамаск прислать ему подкрепление... Пессимисты даже говорили об уничтожении армян к этой дате [окончание Рамадана], но это кажется маловероятным, если армяне изменят свое безобразное отношение, которое является крайне неосторожным... Такое отношение

армян является именно тем, что требуется для отчуждения младотурок. Молодые и старые турки теперь, кажется, отложили свои разногласия благодаря патриотизму и исламу. Мулла в мечети уже призывает верующих активно защищать «свои права»... Это Багдади-заде понукает турками, тот самый Багдади-заде, который, говорят, арестовал Бахри-пашу во время полета»⁴.

Все элементы, которые придали проблеме форму, сошлись в этом отрывке: первые слухи о резне и первый намек на «провокации» некоторых армянских боевиков. Другими словами, официальная диалектика «провокации, восстания и резни» здесь введена в игру и повторена без задней мысли французским вице-консулом, чья непоследовательность и трусость во время событий апреля 1909 г. приведет к комментариям среди должностных лиц и миссионеров, его соотечественников.

Атмосфера в Киликии во время празднования Рамадана в октябре 1908 г. действительно была гнетущей. Изменения, вызванные конституционной революцией, оказались слишком тяжелыми для мусульман, особенно тот факт, что христиане, начиная с армян, заняли резкую позицию — то есть энергично защищали Конституцию. В окрестностях турецкой Аданы даже ходил непроверенный слух: христиане готовились атаковать казармы и взять их под свой контроль, прежде чем начать нападение на турецкое население⁵.

При этом нам необходимо изучить обоснованность обвинений в провокации и восстании, которые некоторые турки, а также некоторые иностранные наблюдатели регулярно повторяли в Киликии и других армянских провинциях, для того, чтобы понять происхождение и содержание этих обвинений. В связи с этим депешы, отправленные французскими консульскими агентами в провинциях французскому министру иностранных дел и послу в Константинополе, являются отнюдь не незначительным источ-

¹ Archives du ministère des Affaires étrangères (AMAE), Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 83, politique intérieure, Arménie, Anatolie, Cilicie, f° 69 r°. Письмо французского вице-консула в Ване капитана Б. Диксона министру иностранных дел Пишону.

² Десять месяцев спустя Багдади-заде тоже будет одним из организаторов массовых убийств.

³ AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 83, f° 64 r°-v°. Письмо французского вице-консула в Мерсине и Адане послу Франции в Константинополе и министру иностранных дел Пишону от 18 августа 1908 г.

⁴ Ibid., ff. 84–85. Письмо французского вице-консула в Мерсине и Адане послу Франции в Константинополе и министру иностранных дел Пишону от 23 октября 1908 г.

⁵ Ferriman D. Z. The Young Turks and the Truth about the Holocaust at Adana, in Asia Minor, During April, 1909, London, 1913. P. 14; Терзян А. Катастрофа Киликии, Константинополь, 1912. С. 12 (на арм. яз.).

ником, если речь идет о напряженности, которая чувствовалась повсюду, несмотря на провозглашение Конституции.

Капитан Диксон, который председательствовал во французском вице-консульстве в Ване, доложил министру о своих беседах с армянскими лидерами: «Чтобы попытаться улучшить очень напряженную ситуацию, я встретился с лидерами дашнаков Арамом [Манукяном] и врачом [Ваганом Папазяном] и дал им несколько советов. Я советовал им вести себя осторожно и сдержанно, оставить, на данный момент, их утопические идеи, обращаться с скомпрометированными деятелями старого режима мягко, а не с идеей мести, и не призывать к чрезмерным наказаниям. К счастью, они прислушались к моему совету»¹. Этот первый весьма показательный отчет напоминает нам, что при старом режиме политика Абдул-Гамида была направлена на вооружение курдских полков «гамидие» и разрешение им свободного заселения восточных провинций, что навело местные курдские племена на мысли о безнаказанности и всемогуществе; они выиграли от ситуации, захватив обширные земли и другую армянскую собственность. Восстановив Конституцию, местные армянские лидеры, а также их коллеги в парламенте Константинополя, ободренные вновь обретенной легитимностью и явной поддержкой Иттихада, потребовали, чтобы ответственные за эти преступления были наказаны или, по крайней мере, были возмещены убытки, — то есть эта собственность должна была быть возвращена законным владельцам. Это означало, что тысячи исков должны были быть удовлетворены, что угрожало позициям, приобретенным племенными вождями, которые все еще имели значительную власть в своих родных регионах и даже в некоторых случаях являлись членами провинциальных клубов младотурок или даже членами парламента Османской империи. Тем не менее, как отметил французский поверенный в делах в Константинополе Боппе, «курды были плохо подготовлены к реформам, которые внедрила в Империи Конституция... Курдам оказалось тяжело забыть привилегии, которыми они пользовались во время правления Абдул-Гамида. Им не хватало тех привиле-

гий и удовольствий, которые были направлены им из Йылдыза в качестве награды за преступления и грабежи, которые они совершали в отношении армянского населения»².

Противостояние местных сановникам путем борьбы за их посты стало традицией армянских революционеров, которые, как мы знаем, не колеблясь «наказали» курдских вождей, совершивших самые отвратительные преступления. Довольно разумно было со стороны этих боевиков, которые говорили с точки зрения социального прогресса и были поглощены передовыми идеями, потребовать роли в управлении делами своего региона. Очевидно, что бывшие «террористы», которых с почестями встречали по возвращении из ссылки или выходе из подполья и которые снова оказались на коне, могли вызвать лишь недоверие со стороны высокопоставленных должностных лиц, которые предыдущие тридцать лет, с благословения Блистательной Порты, подвергали гонениям и жестокому обращению армянское население. Таким людям, имеющим твердые убеждения, должно быть, действительно трудно было осмыслить преобразования, прошедшие в османском обществе за короткий промежуток времени. Не менее вероятно, что интеграция этих бывших союзников Абдул-Гамида в новые демократические институты потрясла армян, которые яростно осудили включение этих местных влиятельных людей в новые договоренности. То, что тогда было воспринято как «провокация», являлось, без сомнения, требованием правосудия, конечно несколько идеалистическим, особенно в обществе, которое все еще считало, что не может быть и речи о равенстве для всех субъектов империи. Выступать с требованиями было само по себе «провокацией».

Факт того, что гнчакские или дашнакские боевики вернулись в Киликию и часто присоединялись к местным клубам младотурок, раздражал некоторых консулов, которые привыкли мыслить по правилам, установленным государством, независимо от характера государства. Французский вице-консул в Мерсине и Адане заметил, например, что армянский «главарь, известный [Карапет] Гукдерелян, долго сидел в тюрьме за роль, которую он сыграл в истории Армении»³. Это

¹ AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 83, f° 86, депеша от 3 ноября 1908 г.

² AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 83, f° 159. Письмо из французского посольства в Терапии от 31 июля 1910 г.

³ AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 83, f° 84. Письмо министру Пишону от 23 октября 1908 г. Несмотря на охоту на ведьм и напряженную обстановку, сложившуюся в Киликии после резни, и, не-

любопытный способ осуждения боевиков, подвергавшихся преследованиям в течение многих лет. На известного адвоката сразу после революции была возложена миссия основать клуб юных турок в Хаджине вместе с капитаном Абдуллой, чтобы создать благоприятные условия для установления хороших отношений между различными элементами городского населения. Отметим, однако, что этот же капитан, после приглашения от местной знати и пары выпитых чаш, выдал, как он на самом деле относился к этим вопросам, армянскому епископу: «Если, в соответствии с Конституцией, армяне продолжают культивировать сепаратистские идеи, они все умрут»¹. Как бывший гнчакский активист, Гукдерелян остался под подозрением в глазах некоторых людей. Кроме того, он раздражал или вызывал зависть у местной знати, которой было довольно трудно привыкнуть к его вновь обретенному влиянию и угрозе собственным привилегиям.

Кроме таких общих обвинений, был выдвинут еще ряд обвинений против главной проблемы турецких властей — епископа Аданы, Мушега Серопяна, которого обвинили в том, что он сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы спровоцировать турок и, таким образом, вызвать резню в Киликии². Случай Серопяна еще больше показывает различия в «ментальности» и «недоразумения», которые возникли в этот период. Епископ, образованный человек, воплощал новое поколение армянских прелатов. Он многое сделал для развития образовательных структур армянской общины и улучшил общий уровень образования, и не пропустил ни единого шанса, чтобы способствовать росту демократии в регионе. Этот «умный, энергичный человек около тридцати пяти лет» тем не менее, в соответствии с мнением французского контр-адмирала Пивэ, который повторял то, что он слышал от высокопоставленных турецких чиновников в Адане, которых он очень уважал, и от миссионеров, которые были немного озлоблены, был «без-

умно амбициозен, на вид религиозный фанатик, но на самом деле абсолютно не был религиозен»³.

Событие, освещенное в либеральной газете «Сербести» и ежедневном «Бюзандионе», описывает некоторые черты характера Серопяна. В знак протеста против закона о печати, который ограничил свободу прессы и ввел цензуру, турецкие и армянские либералы Аданы 14 февраля 1909 г. организовали, несмотря на запрет префекта, митинг в городском парке, где участвовало около десяти тысяч человек. По этому случаю был основан смешанный комитет. В него входили Ихсан Фикри, глава клуба младотурок в Адане, и главный редактор «İttihal», главного официального органа КЕП в регионе; Тэфик, имам и Хаджи Сулейман из Сиса. Армяне в комитете представляли две знаменитости: адвокат Карапет Халян и Григор Келедзян, а также епископ Мушег. На митинге священник сказал:

«Все преступления, которые очернили имя Турции и османского отечества, были ее гибелью. Они были следствием порабощения населения. Рабство невыносимо в любой форме, но рабство устного и письменного слова является худшей из всех форм подобиюстрастия. Главная причина многих преступлений, несправедливостей и того, что империя неуклонно скользит к гибели, в том, что мы были лишены права высказывать свое мнение, права на протест, возможностей для защиты законных прав нашего священного Отечества. Языки тех, кто требовал справедливости, были отрезаны; ручки тех, кто яростно сражался против несправедливости, были сломаны»⁴.

Это был тот же священник и автор «провокаций», который 10 января 1909 г. отправил вали Джеваду известный доклад, в котором перечислялись различные провокации и поборы, направленные на армян в предыдущие недели, чтобы можно было принять меры, которые бы их прекратили. Отчет Мушега осудил прежде всего происки мутеша-

смотря на политические обвинения, озвученные в военном суде, Г. Гукдерелян, который находился в тюрьме в течение приблизительно 1 года до оправдания и выхода, был охарактеризован членами комиссии по расследованию из Константинополя как человек, который пользовался большим авторитетом.

¹ Ferriman D. Z. Op. cit. Pp. 13–14.

² «Азатамарт», № 9, 2 июля 1909 г. С. 3 (на арм. яз.). Газета опубликовала интервью редколлегии с великим визирем Хильми-пашой и генералом Махмудом Шевкетом об осуждении епископа Мушега «который считается ответственным за массовые убийства» на «101 год лишения свободы».

³ Service historique de la Marine (Vincennes), SS ED 100, 13 p., Escadre de la Méditerranée occidentale et du Levant. Денеша № 716, из Александрии от 8 мая 1909 г. контр-адмирала Пивэ, командира легкой эскадры в Средиземноморье Военно-морскому министру.

⁴ «Бюзандион», № 3764, 27 февраля 1909 г. С. 1 (на арм. яз.).

рифа Джебелберекета, Асаф-бея, который нагнетал обстановку среди мусульманского населения заявлениями о том, что армяне пользуются такими же правами, неприемлемо, и что армяне вооружаются для нападения на мусульман. Это официальное вмешательство священника показалось вали недопустимым, поэтому он отправил несколько докладов министру внутренних дел (в частности, от 16 января), требующих, чтобы епископа заменили, потому что он «подстрекает армян против правительства и законов и постепенно отравляет умы своих сограждан»¹. Командир французского флота в восточной части Средиземного моря, контр-адмирал Пивэ подтвердил эти обвинения по-своему. Армяне, по его словам, «хотя и прекрасно понимали, что турки в Адане, как правило, поддерживали старый режим — или, скорее, именно потому, что они знали об этом, — неустанно, с момента принятия новой Конституции 11 июля 1908 г., провоцировали и угрожали им. По наущению своего епископа, человека по имени Мушег, они создали повстанческие комитеты и распространили прокламации, объявляющие министров и главных руководителей будущего армянского царства. Более того, они взяли на вооружение новейшее оружие и с удовольствием показывали его туркам»².

В выписках доклада, который вали Джевад отправил в Константинополь 16 января 1909 г., также говорится, что Мушег надел костюм киликийского короля и сфотографировался в нем; что он организовал театрализованные представления, в которых на сцене появились «мифические» короли Армении; а также что он призвал христианское население не платить военные и местные налоги.

Выведенные Мушегу Серопяну обвинения были серьезны, тем более что основная вина за резню также будет возложена на него. Почему армянский прелат стал предметом этих обвинений? Были ли они оправданы или же исходили из ошибочной интерпретации его действий? Это те вопросы, к которым мы и переходим.

Начнем, отметив, что епископ был человеком с сильным характером, что он был правильным и, возможно, упрямым, и что — как ясно показывает его выступление на митинге

1 февраля 1909 г., у него было заметное отвлечение от старому режиму и тем, кто слушал ему. Он явно был одним из группы молодых людей, которые написали ценности конституционной революции на своих знаменах и считали себя агентами социальной миссии. Он даже являлся членом СДПГ. В этом качестве он, вероятно, столкнулся с реакционными кругами Аданы, которые, согласно свидетелям, все еще имели влияние. Вали Джевад, со своей стороны, был из другого поколения и, как показывает обвинительное заключение военно-полевого суда, был продуктом окружения Абдул-Гамида. Таким образом, казалось, что эти два человека абсолютно отличались. Более того, когда молодой прелат составил свой знаменитый доклад от 10 января 1909 г., в котором отмечались все беспорядки, которые произошли в вилайете, он оскорбил чувства старого правительственного чиновника по двум пунктам. Во-первых, епископ влез в практики, которые были, по мнению Джевада, совершенно законны, если страдали только армяне. Во-вторых, Джевад счел недопустимым то, что христианский священник вмешивался в дела, которые, он считал, состояли только в его компетенции. Когда доклад от 16 января, в котором вали потребовал, чтобы Мушега Серопяна перевели на другой пост, рассматривается на фоне этих антагонизмов, становится легче понять, почему вали, умалчивая о давлении со стороны определенных турецких кругов в Адане, которые он должен был выдерживать, возложил на Серопяна тяжкие обвинения и описал его с большой долей недоброжелательности.

Таким образом, басня, что Мушег надел костюм армянского царя, является надуманной интерпретацией парадного костюма, который носили армянские святители во время празднования религиозных праздников; а что касается фотографии Мушега, которую осудил вали, то она была снята под портиком церкви, когда епископ уезжал после массовых празднований, это было просто фото для увековечения религиозного праздника. Театрализованное представление, которое было серьезной причиной для тревоги в глазах османских властей и местного мусульманского населения, было инсценировкой

¹ Отчет вали Джевад-бея министру внутренних дел, датированный концом апреля 1909 г. См.: в книге: Терзян А. Указ. соч. С. 752.

² Service historique de la Marine (Vincennes), SS ED 100, 13 p., Escadre de la Méditerranée occidentale et du Levant. Депеша № 716, из Александрии от 8 мая 1909 г. контр-адмирала Пивэ, командира легкой эскадры в Средиземноморье Военно-морскому министру.

праздника, известного как «Варданац», который увековечивает память тех, кто пал в битве при Аварайре, битве, которая велась против персов-зороастрийцев в 451 г. и каждый год отмечается Армянской церковью. Что касается предполагаемых увещеваний Мушега не выплачивать военные и местные налоги, то дошло до того, что он потребовал, чтобы бесчинства, произошедшие во время сбора налогов в санджаке Джебелберекет, были исправлены.

В конце концов, эти настоящие обвинения контр-адмирала Пивэ в адрес епископа тяжело давили как на него самого, так и на его паству. Мы уделили время изучению личности этого старшего французского офицера; четкое представление о нем формируется по прочтении докладов, которые он направил в министерство. Укажем лишь, что заявления центральных властей, сделанные с опозданием, воздали должное этим обвинениям, показав, что они были всего лишь плодами слухов. Высокопоставленный солдат, сделавший карьеру в колониальной Франции, был обременен серьезными предубеждениями, условностями и высокомерием, которые мы можем сейчас оценить, и принял комментарий своего турецкого коллеги за чистую монету. Нелепость этих замечаний о «теневом кабинете» «будущего армянского царства» может только вызвать улыбку на лице любого, кто хоть немного знаком с внутренней ситуацией в Османской империи. Один из наиболее проникательных наблюдателей тех дней, майор Даути-Уайли, британский консул в Адане, получивший всеобщее признание за ум и преданность, пишет в рапорте: «Я совсем не верю в существование армянских революционных движений, направленных на создание независимого царства с помощью иностранной интервенции. Если бы армяне преследовали подобную цель, они бы ушли в горные районы, где им было бы проще защитить себя. Они никогда не оставили бы тысячи и тысячи разобращенных, безоружных крестьян... в сельской местности, чтобы собрать урожай. Более того, смешно предположить, что даже армяне, у которых было оружие — в лучшем случае, револьверы и охотничьи ружья, — считали, что они были способны противостоять османской армии. Что касается иностранного вмешательства, небольшое знакомство с

политической ситуацией убедило бы их в абсурдности такого мнения»¹.

Однако лучше всего (несмотря на некоторые эвфемизмы) проблему «непонимания», которая привела к «гендерной» резне армян, описывает циркуляр, который великий визирь разослал вали всех провинций 11 августа 1909 г.: «При старом режиме, в котором злоупотребления деспотизмом были обычным явлением, некоторые классы армянской общины, несомненно, работали над политическими целями. Независимо от формы их деятельности цель была только одна: положить конец невыносимым преступлениям и преследованиям деспотического правительства. С другой стороны, было отмечено, что в недавнем прошлом армяне сделали многое, чтобы помочь этой стране получить конституцию, продемонстрировав тем самым свою искреннюю привязанность османскому отечеству. После восстановления конституции, будучи убежденными, что их нация не сможет найти ни спасения, ни счастья без преданности османской конституции, они сосредоточили свои усилия на общей работе на благо нации. Поэтому нет никаких оснований для ложных мнений, которые приводят к подозрению армянской общины в создании предвзятых политических устремлений.

Что касается происхождения плачевных событий в Адане, выводы, сделанные специальными комиссиями по их расследованию, и обстоятельства, при которых эти печальные события произошли, показали, что восторг и чувства радости, испытываемые армянами, были неверно истолкованы наивными людьми. Эти события были последними плачевными пережитками времен абсолютизма, которые хотели искоренить все чувства патриотического братства. Население, которому не было известно название и программа комитетов «Дашнакцутюн» и «Гнчак», пало жертвой иллюзии, когда видело членов этих комитетов спонтанно появляющихся среди бела дня: оно предалось необоснованным предположениям и ошибочным интерпретациям»².

В дополнение к обвинению в «провокации», маловероятность которого мы уже указали, стоит обратить внимание на обвинения, вращающиеся вокруг зарождающегося «армянского царства» — циркуляр великого

¹ Adossidès A. Arméniens et Jeunes-Turcs, les massacres de Cilicie. Paris, 1910. Pp. 117–118.

² AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 283, ff. 164/22–23v. Перепечатано также в «Азатамарте» (№ 42, 12 августа 1909. С. 1).

визиря делает завуалированный намек на него — и слухи о планируемом восстании, которое должно было привести к возникновению независимого армянского государства, выходящего за пределы Киликии. Этот момент еще более важен, потому что является ядром диалектики, разработанной киликийскими властями и центральным правительством для обоснования тезиса о том, что турки защищались от армян, которые организовали нападение на них.

Об одном из этих слухов сообщил французский вице-консул в городе Сивас Х. Руланд. «Сейчас шепчутся, — писал он Пишону 29 января, — что армяне намерены, как только они вооружатся, восстать против османского правительства, заявить о своей независимости и восстановить древнее армянское царство. Они ждут только удобного момента»¹.

Подозрения насчет армян были, однако, лишь слухами. Высокопоставленные чиновники в Киликии, очевидно, приняли всерьез идею о том, что армяне представляют собой потенциальную угрозу, и разработали политику, направленную, чтобы противостоять ей. Телеграмма № 23 от 16/29 марта 1325/1909 г.², которую вали Аданы отправил министру внутренних дел, является одной из наиболее показательных в этой связи: «Ответ на зашифрованную телеграмму Вашего Превосходительства от 13/26 марта. Недавно на заседании провинциального Генерального совета, армянский представитель уезда Козан предложил, — мотивируя это тем, что Хаджин окружен пересеченной местностью и что там не хватает пахотных земель, и это обстоятельство лишает бедное население возможности заниматься земледелием, — чтобы пятьсот этих бедных домохозяйств разместили либо в Козане, либо в другой части Чифтлика или в другом месте по выбору местных властей.... Все христианские члены [Совета] одобрили это предложение. Тем не менее, учитывая существование кочевых племен, подлежащих заселению в провинции, а также что при принятии этого предложения в одной области население других областей, которое также жалуется на недостаток пахотных земель будет, в свою очередь, публично требовать выделения им

пустующей земли, возникнет много различных проблем, будут сделаны бесчисленные запросы и будут множиться случаи перемещения деревьев из одного места в другое... Мы [поэтому] предложили бедным людям Хаджина улучшить жизненные условия, занимаясь торговлей и ремеслами».

Эта заметка показывает желание префекта как можно резче ограничить численность армян на Киликийской равнине или заключить их в «горных приютах», чтобы способствовать оседлости кочевых племен, которых правительство планирует поселить на равнине. Она иллюстрирует «демографические» предубеждения центрального правительства и растущее подозрение в отношении армян.

Эти аргументы более четко расписаны в обоснованиях, разработанных военно-полевым судом в связи с киликийским вопросом. Доклад, отправленный в Константинополь, является выжимкой различных слухов, циркулировавших в месяцы, предшествовавшие событиям в Адане. В докладе утверждалось, что армян искали, чтобы спровоцировать инциденты в прибрежных районах, через которые проходила багдадская железная дорога — регионах, к которым «у иностранцев было гораздо больше интереса, чем к другим местам». «Они решили сфокусировать спланированные провокации и беспорядки на Адане». «Наше исследование позволяет утверждать, что после этого прибыло большое количество армян из дальних и ближних регионов и поселилось там, чтобы усилить армянское население района». «Тем не менее тот факт, что они так смело использовали свободу и равенство, которые они только что получили, не был оценен мусульманами, чьи подозрения и враждебность возросли, когда комитеты гнчаков, дрошаков и дашнаков, ненавидимые общественностью в прошлом, повсюду открыли свои клубы [и], когда армяне стали в большом количестве селиться в одном месте». «Едва конституция была восстановлена... тогда они начали устраивать перевороты, чтобы получить независимость, распространяя выдуманные армянские гербы и иллюстрации, представляющие мнимых царей и [национальных] героев; они всколыхнули эмоции армян»³.

¹ AMAE, Corr. pol., Turquie, n. s., vol. 283, f° 94.

² «Азатамарт» № 39, 8 августа 1909. С. 1 (на арм. яз.).

³ Терзян А. Указ. соч. С. 717–724. Терзян опубликовал полные постановления военного суда от 7 июля 1909 г.; постановления были также опубликованы в стамбульской прессе начиная с середины июля. См. «Азатамарт», № 22, 17 июля 1909 г. С. 3 (на арм. яз.).

Этот дискурс, хотя и был написан, чтобы оправдать насилие против киликийских армян, отражает настроение, доминирующее в мусульманском обществе. Это не может приписываться исключительно провокациям, организованным консервативными кругами. Мусульмане были погружены в гамидовскую пропаганду, которая в течение десятилетий выставляла армян как предателей и мятежников, и их реакции продолжали подвергаться старым критериям суждений, поэтому они не могли понять, как политические партии, которые еще недавно считались террористическими, вдруг стали легальными и им позволили создать местные клубы. В целом можно сказать, что османское общество того времени затруднялось создать даже подобие демократического общества... и что в Киликии это не удалось сделать легче, чем в других провинциях Османской империи. Более того, ведущим членам военно-полевого суда было предложено уйти в отставку после выхода этого отчета, которому полностью соответствовал циркуляр великого визиря. Это показывает, что определенные османские круги были прекрасно осведомлены о состоянии общественного мнения в стране и иногда чувствовали необходимость вно-

сить коррективы, чтобы успокоить людей и защитить тех, кто находился на линии огня.

Тем не менее экономическое развитие действительно привлекало некоторых армянских мигрантов из провинций Восточной Анатолии в Киликию, а другие сбежали в Константинополь, Египет или даже на Кавказ, спасаясь от хронической бедности и постоянной неуверенности. Можно ли говорить о конкретном плане увеличения населения Киликии? Маловероятно, что такой план когда-либо существовал. С одной стороны, эти миграционные потоки были в первую очередь сезонными — люди приходили в Киликию, чтобы работать на больших фермах на киликийской равнине с весны до осени, — и были периодическими и экономически мотивированными. С другой стороны, никто не находит никаких следов согласованного плана в этой области, далекой от армянских провинций, и трудно понять, как такой план можно было бы применить на практике. Наконец, с момента, когда была восстановлена Конституция, армяне показали, без малейшей двусмысленности, что они хотели бы участвовать в создании современного государства, в котором они могли бы занять свое законное место. С другой стороны, тысячи мусульманских семей из Румелии и Балкан поселились в Киликии в 1908 и 1909 годах¹.

Провокации накануне погромов в Киликии в апреле 1909 г.

Первый официальный доклад правительственной комиссии по расследованию, включавшей в своем составе двух судей — одного турка Файк-бея, члена Государственного совета, и одного армянина Артина/Арутюна Мостиджяна, судебного инспектора в провинции Салоники — был опубликован 10 июля 1909 г., то есть через три дня после публикации доклада военного суда, и представил, очевидно, более объективную оценку ситуации в Киликии накануне погромов².

После проведения расследований в Адане, Дёртьёле, Османие, Багче, Гамидийе, Тарсусе, Гасанбейли и Харни оба судьи отметили, начиная с осени 1908 г., сильный антагонизм между младотурками и либеральными партиями в Адане, возглавляемыми

Исханом Фикри-беем, который был враждебно настроен по отношению к вали Джевад-бею, и Али Гергерли, соответственно, за спиной которого стоял адвокат гнчаков Карапет Геукдерелян — оба поддерживали вали. Судьи также отметили довольно незначительную роль консервативного течения, вдохновленного исламистами, состоявшего из людей, которые стремились восстановить старый режим, хотя это течение фактически помогало распространению слухов о резне, что отравляло атмосферу. Эту консервативную группу возглавлял влиятельный местный деятель Абдулкадир Багдади-заде³, основатель аданского клуба «Зираат» и его еженедельного органа «Рехбер-и «Иттидал». Этот круг не скрывал своих оппозиционных

¹ FO 195/2280. Письмо британского консула в Мессине и Адане Даути-Уайли, Конья, 15 июня 1908 г.

² Терзян А. Указ. соч. С. 689–699. Терзян опубликовал все стенограммы заседания военного суда, датированные 10 июля 1909 г.; протоколы были также опубликованы в стамбульской прессе, начиная с середины июля. См. «Азатамарт», № 33 и 34, 31 июля и 2 августа 1909 г. (на арм. яз.).

³ Уже в 1906 г. Багдади-заде направлял султану Абдул-Гамиду доклады, в которых обвинял армян Киликии в вынашивании идей сепаратизма: Ferriman D. Z. Op. cit. P. 12.

настроений по отношению к Конституции и к равенству перед законом, официально представственному христианам.

По данным армянских источников, отчасти подтверждаемым константинопольской прессой, в контексте этой внутренней борьбы в Киликии произошел ряд событий, предвещавших грядущее. Угрозы резни в октябре 1908 г., во время Байрама, упомянутые выше, вызвали цепь событий, некоторые из них, по-видимому, представляли собой результат целенаправленной провокации, другие эксплуатировались той или иной партией, и это способствовало повышению напряженности в Адане. В начале февраля 1909 г. Кёр Ахмед, сын муфтия Хаджина, направил телеграмму вали, в которой сообщал ему о том, что армяне Хаджина готовили восстание¹. Сопутствующие слухи о том, что эти армяне собирались в поход на Адану, заставили волноваться местных мусульман. В начале марта очередная провокация состоялась в Большой мечети Улу-Джами: ночью двери мечети были вымазаны экскрементами, что вызвало гнев населения и привело к обвинениям, что христиане осквернили мечеть. На следующую ночь несколько охранников застали врасплох двух преступников, которые собирались повторить свои действия, но, поскольку они оказались священнослужителями, власти решили не преследовать их. Почти сразу же после этого слухи стали распространяться в турецких районах Аданы: армяне якобы готовились напасть на арсенал города следующей ночью, используя тайный подземный ход. Многие турки решили, что им надо готовиться к самозащите. Ранним утром армяне Аданы, которые читали местный младотурецкий орган «Иттидал», с изумлением узнали о том, что произошло в ту ночь. Армянский епископ протестовал против этих слухов, тщетно требуя провести расследование, чтобы выяснить, кто несет ответственность за их распространение. Следует добавить, что в зимний период 1908—1909 гг. несколько армян были убиты на провинциальных дорогах, что создало нездоровую атмосферу незащищенности. Когда виновные в убийстве трех погонщиков мулов в окрестностях Сиса были задержаны, они утверждали, что действовали «по приказу тайной организации, созданной для резни христиан», которые заслужили наказание,

поскольку в рамках поддержки Конституции они намеревались отменить законы шариа². К началу весны практически ежедневно в непосредственной близости от Аданы происходили серьезные инциденты: несколько армянских женщин и девушек были похищены, мужчины подверглись нападениям и избиваниям.

Тем не менее все источники подтверждают, что «события апреля 1909 г.» были вызваны убийством двух турок молодым армянским плотником Ованесом, которое было совершено на окраине Аданы 9 апреля, в понедельник после Пасхи. 4 апреля на пути домой Ованес столкнулся с группой бандитов во главе с Исфендяром, которые окружили его и потребовали, чтобы он делал, что они ему скажут. Когда он отказался, его избili палками и бросили. На следующее утро молодой человек пошел сначала в префектуру, а затем в суд, чтобы подать жалобу на преступников, однако ему бесцеремонно указали на дверь. Он решил купить пистолет для самообороны. Вечером понедельника накануне Пасхи группа бандитов напала на Ованеса из засады, когда он шел домой, и ему нанесли несколько ножевых ранений. Молодой человек защищался, убив лидера группы и ранив двух других бандитов. Едва новость стала известна, тело Исфендаря было перенесено и выставлено в турецких районах Аданы до погребения в особенно гнетущей атмосфере. После похорон большая толпа направилась на поиски убийцы, который бежал. Его дом был разграблен, а его семья подверглась жестокому обращению. Вали Джевад, который был проинформирован о ситуации, не вмешался. Четыре дня спустя один из двух раненых бандитов тоже умер. На этот раз похороны переросли в настоящие беспорядки. Толпа пробилась в пригород Тосбаги Калеси, где жил Ованес, и потребовала его выдачи, в противном случае угрожая предать целый квартал огню и мечу³.

В тот же вечер младотурки Аданы провели собрание, возглавленное Ихсаном Фикри, который произнес пламенную речь, направленную против гяуров. В ночь на 12 апреля несколько человек во главе с Каракёсеоглу Махмудом стреляли из оружия в воздух, а затем направились в полицейский участок, чтобы заявить, что два турка были убиты «этими» армянами. Довольно быстро

¹ Ibid. P. 19.

² Терзян А. Указ. соч. С. 10–19.

³ Там же. С. 19–20.

оказалось, что эта информация была ложной. Американский миссионер Чамберс, священник Амбарцум Ашьян и д-р Амбарцумян отправились к вали, чтобы обратить его внимание на напряженную ситуацию в городе. 13 апреля, в базарный день, крестьяне из окрестных деревень наводнили Адану, как они это делали каждый вторник, но не вернулись домой, когда наступил вечер. В этот день циркулировал слух: четверо мусульман, двое мужчин и две женщины, были якобы убиты армянами. Расследование показало, что эта информация была неверной. Этот слух, естественно, встревожил христианские общины, представители которых направились к вали в тот же день, чтобы прояснить для него всю серьезность ситуации. Он лишь ответил, что «отдал все необходимые распоряжения».

В этот вторник наблюдатели отметили, что некоторые турки надели белые тюрбаны, чтобы сойти за софты. Они убили армянина, а затем забили тревогу, повсюду повторяя, что убит еще один мусульманин. Эксперт города в области судебной медицины, который был поднят по тревоге для подтверждения причины смерти жертвы, увидел, что это был один из его армянских пациентов, у которого, к тому же, была татуировка в виде креста. Около 9 часов вечера толпа во главе с ходжой направилась в префектуру и потребовала, чтобы вали дал разрешение наказать армян; однако Джевад распустил толпу. Первый митинг был организован перед помещениями газеты Ихсана Фикри «Иттидал», расположенными в медресе (духовное училище. — Прим. пер.) Демирджиляр и на прилегающих улицах. В ту ночь большой митинг состоялся перед зданием префектуры. Он проходил под председательством Дже-

вад-бея. На митинге также присутствовали ферик (генерал-майор, военный губернатор) и судья Мустафа Ремзи-паша, муфтий Аданы, два выдающихся деятеля региона, Абдулкадир Багдади-заде и Гергерли-заде Али, начальник полиции Кадри-бей и другие. Началась оживленная дискуссия. Несмотря на возражения судьи и директора почтового отделения, которые также присутствовали, участники собрания постановили, что пришло время преподать армянам урок. Муфтий заверил их, что резня христиан соответствует мусульманскому праву, и издал фетву, подтверждающую его слова¹.

Тем не менее, несмотря на провокации и рост напряженности, ни один турок в Адане фактически не был вовлечен в совершение насилия 13 апреля. В течение дня вали Джевад направил четыре телеграммы министру внутренних дел, сообщая ему в самых общих чертах о хаосе, царящем в городе, и, в частности, о том, что он был вынужден «мобилизовать резервы всего вилайета для поддержания порядка». Единственным ответом, который он получил, стала телеграмма от 1/14 апреля от заместителя госсекретаря министерства внутренних дел Гаджи Адиль-бея [Арды]², в которой содержались инструкции «проявлять большую осторожность, чтобы не пострадали иностранные подданные, их религиозные учреждения и их консульства»³. Хотя эти рекомендации не возымели ожидаемого эффекта: большая часть зданий, принадлежащих иностранцам, будь то религиозные или светские, были позже сожжены, и два американских миссионера были убиты — они указывают методы, которые использовались в отношении этого дела видным членом Комитета «Единение и прогресс» в министерстве внутренних дел.

¹ Эти информации предоставлены Ферриманом (*Ferriman D. Z. Op. cit. Pp. 22–23*) и парламентской комиссией в ее докладе, написанном судьями Файком-беем и О. Мосджином.

² Гаджи Адиль (1869–1935), бывший вали Эдирне, участвовал в конгрессе Комитета «Единение и прогресс» в Салониках в ноябре 1910 г., став в то время членом Центрального комитета и преемником д-ра Назыма на должности генерального секретаря КЕП (АМАЕ, *Turquie, n. s., vol. 7, ff. 154–158*). Доклад французского консула в Салониках Макса Сублие Пишону и послу Франции в Константинополе Бомпару, Салоники, 17 ноября 1910). Адиль занимал должность председателя комиссии по реформам в Албании и непродолжительный период времени, в январе 1913 г., должность министра внутренних дел («Когак», 30 января 1913, № 3 [128]. С. 25–26) (на арм. яз.), и председателя парламента осенью 1915 г. При Мустафе Кемале он стал генеральным директором государственных монополий. Он был одним из обвиняемых на судебном процессе «заговора в Смирне» в 1926 г.: *Zürcher E. J. Op. cit. P. 160*.

³ На эту знаменитую телеграмму ссылались практически вся стамбульская пресса и доклад парламентской комиссии; в середине дебатов османского парламента на сессии 19 апреля 1909 г. Адиль-бей попросили представить объяснение на его рабочем месте новоназначенному министру внутренних дел, который не был знаком с подробностями дела (см. подробный отчет в «Бюзандионе» (№ 3806, 19 апреля. С. 2, на арм. яз.) и публикацию парламентских дебатов без сокращений и купюр в книге Терзяна: *Терзян А. Указ. соч. С. 592–607*).

Первый этап погромов в Киликии: 14–16 апреля 1909 г.

По вышеуказанным причинам волна насилия, охватившего всю Киликию 14 апреля, не может быть охарактеризована как спонтанная. Более того, эти события похожи на погромы, которые были организованы в 1895–1896 гг. в армянских провинциях в других местах, как характером осуществления, так и используемыми методами: в обоих случаях распространялись ложные слухи, сельское население окрестностей приняло участие в насилии, мусульманское духовенство подстегивало толпу, а знать, жандармерия и, конечно, высокопоставленные чиновники, начиная с вали и супрефектов, взяли на себя роль организаторов и главарей.

Свидетельство игумена католических миссий отца Ригала подтверждает это впечатление: «В пасхальную среду, 14 апреля, около 11 часов утра, по всему городу палили из винтовок и револьверов. Люди стреляли с крыш, из окон и минаретов: пули, словно градом, покрыли крыши, улицы и дома. Это был перекрестный огонь, который начался сразу, как будто вспышка электричества одновременно вооружила всех жителей Аданы. В течение нескольких дней люди говорили о возможной резне: турки угрожали, а христиане боялись. Тревога поднималась уже один или два раза. Утром на рынке люди заметили мужчин с лицами бандитов, размахивавших огромными дубинками с железными наконечниками, подобными тем, которыми так много армян было избито до смерти во время погромов 1895 г. Покидая мечеть, мусульмане, которые обычно не носили тюрбанов, стали носить головной убор мулл, чтобы их не приняли за христиан. Наконец, в воздухе витало нечто, похожее на запах крови, и магазины на рынке были закрыты.

При звуке стрельбы люди поддались первому импульсу спасти свою жизнь. Они хлынули через все дверные проемы, в то время с окружающих крыш в миссию направлялись волны людей. То же самое произошло в американской миссии, в церквах и везде, где, как полагали люди, они будут в безопасности¹.

Очевидно, только что был отдан приказ атаковать армян, хотя все еще было неизвестно, кто отдал его. Во избежание ущерба, армянские ремесленники и торговцы пожелали закрыть свои ларьки и уйти до-

мой. Тем не менее ведущие христианские деятели, как подданные Османской империи, так и иностранцы, немедленно созвали встречу в армянской епархии, а затем направили делегацию к вали, чтобы просить его организовать защиту своих районов и учреждений. Давид Урфальян, председатель Армянского национального совета в Адане и судья в контрольно-ревизионном управлении, представлял свою общину. Вали сказал делегации, что он контролирует ситуацию, что ничего серьезного в ней нет и что «очень важно сохранять спокойствие». Он приказал делегации отправиться на рынок около трех часов пополудни, чтобы успокоить людей и предложить им возобновить свою обычную деятельность. На рынке Урфальян уговаривал открыть аптеки и в особенности магазины. Он был застрелен вскоре после этого, став первой жертвой событий и, таким образом, их символом. Между тем рынок был буквально наводнен толпой, которая постоянно росла, и христиане решили опустить ниже железные заслонки их магазинов. В это время полицейские и конные войска на рынке внезапно исчезли. Толпа, состоявшая как из мужчин, так и из женщин, начала систематически грабить магазины.

Тем временем драгоман английского, французского, немецкого и русского консульств, в свою очередь, сформировали делегацию и направились к вали. Они рассказали ему о взвинченности населения, добавив, что хаджа проповедовал с вершины минарета мечети Тосбаги, что настало время ликвидировать гяуров. Поэтому они попросили его разрешить им использовать огнестрельное оружие в случае необходимости. После этой встречи вали пошел в коннак. Там, в его присутствии, Артин Шадакян, армянский член муниципального Совета, который пришел просить отдать приказ полиции и жандармам вмешаться, был застрелен полицейским. Массовые убийства уже начались в отдаленных районах города, где армянское меньшинство проживало среди мусульманского населения.

На самом деле первый день нападения, 14 апреля, был посвящен в основном уничтожению армянских магазинов на рынке — на магазинах, принадлежавших мусульманам,

¹ Rigal (P.). Adana. Les Massacres d'Adana, Lettres d'Ore, relations d'Orient [revue confidentielle des missions jésuites éditée par le siège de Lyon et publiée à Bruxelles], novembre 1909. Pp. 359–391. Остальные части доклада были опубликованы в выпуске за июль 1909 г. (Pp. 199–223).

были тщательно приколочены соответствующие знаки — и резне армяны, которые жили рассредоточенно в кварталах на окраине города или в гостиницах, таких как Аджем Хан, Дюз Хан, Хайдароглу Хан, Дели Мехмед Хан, Йени Хан, Памук Базар Купели и Везир Хан, которые толпа посетила один за другим. В этих постоянных дворах было убито около трехсот человек, в основном сезонные рабочие или погонщики мулов из Хейна, Кайсери, Диарбекира и других мест, чей путь лежал через город.

Согласно информации редких свидетелей, в это время толпа состояла из 20–30 тыс. человек и включала пять-десять групп нападавших: турок, курдов, феллахов, черкесов, авшаров, кочевников и мусульман из Крита. Их возглавляли местные видные деятели, такие как Абдулкадир Багдади-заде и Боснак Салих. Эти группы в итоге напали на армянский квартал Шабанийе. После момента паники армяне организовали оборону: они построили баррикады и, вооружившись, отбивали приступы своих мусульманских сограждан. Командующий жандармерией Кадри-бей был свидетелем этих беспорядков, он подал в отставку и был немедленно заменен Зором Али, бывшим начальником полиции в Адане, который был ранее уволен за злоупотребления и вернулся из Стамбула 10 марта, как раз в нужный момент¹.

После отступления перед сопротивлением, оказанным армянским кварталом, эта толпа, возглавляемая деятелями второго ранга — Катибом эфенди, Музтебой эфенди и Даббаг-заде Али, — потребовала от властей раздать оружие. Штабеля боеприпасов были отданы в распоряжение нападавших, которые затем направились к мечети Валиде Султан, недалеко от общины Каралар. Здесь ходжа проповедовал джихад и взял со всех присутствующих обещание не оставить в живых ни одного армянина².

Теперь, под руководством Зора Али, толпа напала на квартал Шабанийе. Нападение

было поддержано солдатами под командованием Ресим Селим-бея. Однако толпа оказалась не в состоянии проложить себе путь в сердце армянского района, который защищали, в соответствии с внутренними армянскими источниками, 73 молодых армянина, которые успели вооружиться должным образом и разместились в различных точках доступа в квартал. Их поддерживало все население квартала³. Результатом яростного сопротивления армян стало решение нападавших поджечь весь армянский квартал, а затем снова пойти на штурм. 15 апреля, около 2.00 утра, перестрелки стали намного более интенсивными: армянские защитники приветствовали прибытие майора Даути-Уайли, британского консула в Мерсине и Адане. Он приехал в Адану незадолго до того в специальном поезде, который был заказан в Мерсине, и сразу же отправился к вали, чтобы попросить его принять меры, необходимые для прекращения беспорядков. Затем он отправился верхом, в сопровождении кавалерийского эскорта, в армянский квартал, где его прибытие было воспринято как знак надежды.

Утром вали сказал Даути-Уайли, что он больше не контролирует ситуацию и не в состоянии остановить насилие. Вали зашел так далеко, что предложил консулу вмешаться, предлагая предоставить в его распоряжение офицеров и солдат. Таким образом, визит консула в Адану только на некоторое время прервал местные нападения. В течение дня он отказался от идеи личного вмешательства — он сам был ранен шальной армянской пулей — и сел на поезд обратно в Мерсин. Между тем некоторое число армян нашло убежище в церкви Пресвятой Богородицы и Св. Степаноса, а также в иностранных учреждениях, особенно зданиях французских иезуитов и монахинь Св. Иосифа, где около восьми тысячам человек было предоставлено убежище. Американская миссия, управ-

¹ Это краткое изложение событий основано на различных многочисленных источниках: докладах парламентской комиссии, Армянского Совета, миссионеров и консулов и, конечно, статьях и докладах, опубликованных в стамбульской прессе, а также крайне важной информации свидетелей, опубликованной в книгах Терзяна (Терзян А. Указ. соч. С. 26–36) и Ферримана (*Ferriman D. Z. Op. cit. Pp. 23–25*).

² По сведениям провизора Акопа Терзяна, свидетелями этих событий стали 300 армян, живших в квартале недалеко от мечети Валиде Султан в Хазир Базаре, почти все из которых были уроженцами Хаджина (см.: Терзян А. Указ. соч. С. 37). После двух часов сопротивления, ночью они смогли пробраться в дом Янко Артеми, драгомана русского консула, проделав отверстие в боковой стене. Там они оставались в течение трех дней, до окончания резни.

³ Терзян, который в то время находился в армянском квартале, дает очень точное описание позиций оборонявшихся, улица за улицей (Там же. С. 38–39). Английский консул, в свою очередь, подтверждает, что нападение на армянский квартал было начато мусульманами: FO 195/2306. Письмо Даути-Уайли послу Лоутеру от 21 апреля 1909 г.

ляемая преподобным Чамберсом, также предоставила убежище беженцам¹. Средняя школа для девочек, примыкавшая к американской миссии, была атакована в тот вечер; однако жившим там девушкам удалось бежать в миссию через отверстие, сделанное ими в стене. Преподобный Оваким Каяян и два миссионера, Роджер и Маурер, были, однако, застрелены при попытке потушить пожар, разрушивший школу.

В ночь с 15 на 16 апреля большинство мужчин вышли во двор собора и периметр новой армянской средней школы, частично разрушенной в результате пожара, который молодым людям удалось потушить. Теперь в этом квартале началась немилосердная битва. Защитники едва узнавали друг друга в темноте и использовали пароль. В первые часы утра гудок поезда из Мерсина пробудил надежды на вмешательство внешних сил, которые положили бы конец насилию. Это было, однако, лишь возвращение английского консула в Адану. Осажденные армяне думали, что увидели молодых «греков», которые пришли спасти их, но очень скоро оказалось, что это были нападавшие мусульмане в масках, и они открыли огонь по молодым людям, которые вышли, чтобы приветствовать их.

Утром 16 апреля значительная часть армянского квартала оказалась под контролем нападавших; но один последний блок все еще оказывал сопротивление, хотя и испытывал нехватку боеприпасов. Один из редких турецких видных деятелей, проживавших в квартале, некто Осман-бей Текели-заде, решил отправиться к вали и просить его вмешаться. Он нашел его на встрече с главными главарями толпы, которые согласились на прекращение огня при условии, что представители армянской знати подпишут за-

явление, в котором признают, что они были виноваты в вспышке насилия. После возвращения в армянский квартал Осман-бей убедил армян направить делегацию для переговоров об окончании военных действий с вали. Соглашение было достигнуто быстро, с одним важным дополнительным условием: армяне должны были сдать оружие.

Около 200 солдат регулярной армии и резервных войск, которые оставались пассивными до этого момента, теперь начали действовать в сопровождении турецкой и армянской знати, чтобы положить конец сражениям. Около 10 вечера, менее чем за полчаса, спокойствие было восстановлено, а войска заняли позиции перед иезуитской средней школой и армянскими церквями, где укрылось подавляющее большинство армян города. К полуночи толпа начала последний штурм, по-видимому, без особой уверенности. К утру 17 апреля в Адане вновь воцарилось спокойствие. Свидетели, которые вышли из своих укрытий, обнаружили апокалиптические сцены: дома были сожжены, а улицы были усеяны бесчисленными трупами. Более десяти тысяч человек остались голодными и без крыши над головой.

Армянское население Аданы понесло относительно ограниченные потери в течение этих трех дней смертельного неконтролируемого насилия. Армянские жители окрестных сел, однако, а также люди, жившие на фермах равнины, были по большей части убиты на своих полях, пав жертвами настоящей охоты за людьми. 18 апреля власти потребовали, чтобы армяне сдали оружие согласно договоренности. При поддержке британского консула, который гарантировал их безопасность от имени своего правительства, а также Армянской Патриархии в Константинополе армяне быстро сдали оружие².

Перерыв 17–24 апреля в Адане и первые официальные реакции в Стамбуле

18 апреля первый французский линкор бросил якорь в порту Мерсин. За ним последовали английские, русские, немецкие, американские и итальянские суда. Сознвая раздражение, которое их присутствие вызы-

вало не только у местного мусульманского населения, но и у властей, иностранцы предусмотрительно ограничили свое вмешательство высадкой групп наблюдателей, нанося визиты вежливости высокопоставленным

¹ См. описания французских миссионеров, опубликованные в книге: *Kévorkian R. Les massacres de Cilicie d'avril 1909, Revue d'Histoire Arménienne Contemporaine*, III (1999). P. 144–147.

² Для представления полного отчета о событиях в Киликии также необходимо рассмотреть события, которые в то же самое время происходили в других городах и деревнях региона, что заведет нас далеко. Таким образом, см. наше исследование. См.: *Ibid.* Pp. 5–141 (и особенно с. 65–82 в отношении других городов и сел).

местным чиновникам и предоставляя жертвам специальную помощь, направляемую через религиозные учреждения. По словам некоторых свидетелей, местные власти приняли относительную осторожность иностранцев как поощрение для проведения второй резни в Адане.

В городе люди были заняты очисткой улиц от трупов, которые были брошены в реку Сейхун; моряки сообщали, что видели сотни трупов, плавающих в заливе Мерсин. Кроме того, вали только что объявил в провинции чрезвычайное положение. Постепенно армяне вернулись в свои дома, если они не были сожжены, и были созданы импровизированные больницы для больных и раненых в соединениях миссионеров или дипломатических миссий, а также в армянских школах, которые остались неразрушенными, как средняя школа для девочек Св. Степаноса.

Несмотря на материальные и человеческие потери, вызванные по всей Киликии первыми погромами, местные турецкие круги, совершенно не заботясь о последствиях своих действий, были, казалось, скорее разочарованы тем, что оказалось невозможно убить много армян Аданы. Это настроение давало о себе знать, в частности, в зажигательных статьях, опубликованных в известном выпуске от 20 апреля (№ 33) еженедельника «Иттидал», городского младотурецкого печатного органа¹. Распространяемый бесплатно как для местного мусульманского населения, так и по всей империи, этот «специальный выпуск» стал своего рода сборником всех критических замечаний, которые были направлены в отношении армянского населения, а также экстраординарным барометром психологии местной турецкой элиты и ее методов работы. Поэтому стоит воспроизвести здесь выдержки из него и прокомментировать их.

Легко представить, с каким изумлением армяне встретили тон статьи Ихсана Фикри и Сафы Исмаила. Фикри был директором газеты и председателем младотурецкого комитета в Адане; Сафа был главным редактором газеты. До сих пор не зная о той роли, которую Фикри сыграл в организации первой резни, армяне, несомненно, предполагали, что этот «демократ» и партизан Конституции обнаруживает роль определенных «консервативных или реакционных» кругов в регионе и потребует, чтобы виновные были преданы суду и наказаны. Вместо того они

с удивлением обнаружили обвинительный акт в отношении армян, цинизм, непоследовательность и неверность которого вызвали отвращение не одного наблюдателя. В самом деле цель этого выпуска можно суммировать как попытку «доказать», что лишь армяне были ответственны в происшедших событиях, и заранее опровергнуть обвинения против гражданских и военных властей в области, а также турецких видных деятелей города путем замены местами ролей жертвы и палача.

В статье, озаглавленной «Страшное восстание», Сафа писал: «Как печально, что волна гнева и [желания] независимости, которые перемешались, а затем пустили корни в глубине армянских сердец, должны были привести к разорению региона...! Давайте взглянем на это восстание, которое осудило жителей Аданы на страшную бедность. Как и турки, армяне, в течение тридцати трех лет тиранического правления, раздавлены адским бременем тирании; они подняли свои голоса в знак протеста. Когда османы вступили в великолепный период счастья и мира, армяне перестали протестовать [буквально: они закрыли рты] и звать к мести и, как равные с нами, аплодировали нашей священной революции. Но этому вскоре пришел конец, и они начали готовить свой собственный проект. Временами они создавали напряженность, напуская на себя недовольное выражение и давая понять, что они не могли жить рядом с мусульманами... Нашего требования единства и взаимопонимания оказалось недостаточно для того, чтобы остановить их опасные наклонности, и это привело к разнице во взглядах турок и армян... Армяне работали практически без паузы, чтобы приобрести то, чего им не хватало, и посвятили много усилий собственному вооружению. На рынке или на общественных площадях армяне даже превзошли друг друга в покупке винтовок мартини, маузеров и других видов боевого оружия. После того как они накопили запасы такого оружия, они потеряли свою традиционную сдержанность... Они беззащитно произносили угрозы такого рода: «Однажды, мы будем резать турок. Мы больше не боимся. Старые раны до сих пор кровоточат». Таким образом, они спровоцировали турок как способ снять собственную ответственность. Турки, однако, принимая и подчиняясь советам

¹ Факсимильная копия с переводом обвинительных статей включена в книгу Терзяна. См.: Терзян А. Указ. соч. С. 64–92.

своих великих людей, которые проповедовали умиротворение, стремились избежать инцидентов всех видов. Армяне, наблюдая невыносимую тишину и терпение, выказываемые мусульманами, планировали совершить различные преступления в нарушение закона... Тот факт, что государство оказалось недостаточно мощным, породил страх и тревогу среди турок; для армян этот факт был источником силы и мужества»¹.

Редко можно найти в прессе статьи, в которых младотурецкий политик так ясно выражает свое мнение, как в этой. В данном случае для уверенности мы можем рассмотреть мелкого провинциального лидера, прежде всего чтобы оправдать действия, совершенные его группой. В процессе он открывает основные источники его логики и перекликается с интерпретацией аданских мусульман того, что армяне говорили и писали, в новом контексте свободы, созданной Конституционной революцией июля 1908 г. Он обращает наше внимание на ключевой момент, который иногда подчеркивается хорошо информированными наблюдателями, а именно на то, что всякая попытка требовать равенства и справедливости интерпретировалась как «восстание». В июне 1909 г., Эдуард Барфольо, репортер французской ежедневной газеты «Ле Тан», командированный в Адану, писал, после пояснения, что было бы ошибкой видеть «руку Йылдыза» за событиями в Адане:

«Турки, которые всегда были доминирующей группой, ощущают, что они являются проигравшими в недавно установленном порядке. В результате Конституции они, в некотором роде, уступили господство, которое когда-то имели, и они чувствуют, что в этих условиях будущее может повлечь для них уничтожение, в этом контексте они поднялись на защиту своих привилегий посредством кровопролития и грабежа. Турки почувствовали это в изменениях в поведении армян на уровне своих повседневных отношений»².

С этой точки зрения, основная причина убийств в Адане и комментариев в «Иттидаде» становится почти понятной. Мы лучше понимаем, почему местное население, в сущности говоря, вяло лозунгам его местных главарей, будучи убежденным, что, в конечном счете, его господство было под угрозой. С другой стороны, ретроспектив-

ное обвинение в том, что армяне готовились к войне и желали восстановить «армянское царство Киликии», вряд ли могло быть воспринято всерьез в турецких политических кругах, которые были прекрасно знакомы с позицией армянской стороны и хорошо осознавали абсурдность такого стремления в регионе, в котором армяне были в меньшинстве и начали, как они думали, извлекать выгоду из преимуществ свободы.

Остальная часть статьи Сафы написана в более классическом духе. В ней рассматривается история об убийстве бандита молодым армянином, подвергшимся нападению банды, идентифицируя ее в качестве отправной точки для «событий» и не забывая отметить, что «армяне твердо признали, что они никогда не отдадут убийцу». Также было сказано, что «до среды полиция и мусульмане занимались своим делом на фоне страха и трепета, заботясь о том, чтобы первый выстрел не был бы сделан ими»³. По логике Сафы, мятежники забаррикадировались в укрепленных зданиях в своем квартале для того, чтобы запустить общее нападение. Тот факт, что армянские магазины были закрыты, что произошло вследствие оправданного страха, укоренившегося из-за османских традиций (в Османской империи резни всегда начинались на рынке, поскольку нападавшие соблазнились товарами, которые они могли там наgrabить), описан в его статье как акт агрессии, предвещавший восстание. Другими словами, продолжая следовать логике Сафы, армянские лавочники, в ожидании армянского наступления, закрыли свои магазины, оставляя их на откуп мародерам. В статье Сафы также утверждается, что турки и армяне были вовлечены в неравный бой. Как рассказывает автор статьи, «армяне закрепились в своих домах и стреляли без остановки через отверстия и с крыш, в то время как мы, бедные турки, вышли на улицы, вооруженные только палками». Если расшифровать, это означает, что гражданские мятежники, которые были окружены в их кварталах и были вооружены до зубов, открыли огонь по безоружным туркам, которые случайно прогуливались по улицам армянского квартала. Завершая этот призыв к миру, младотурецкий «журналист» утверждает, что «помимо всего этого, пожары в результате поджогов, устроенных армянами почти

¹ Там же. С. 64–68.

² Перепечатано в «Азатамарт» (№ 4, 26 июня 1909. С. 2, на арм. яз.).

³ Терзян А. Указ. соч. С. 68–69.

повсюду, разрушили весь город и оставили его в руинах»¹. Это толкование не отклоняется от официальной позиции местных органов власти. Отец Ригал, который разговаривал с вали несколько раз, отмечает со значительной ясностью, что «он никогда не слышал иного рефрена из [мусульманских] уст, кроме следующего: это армяне резали мусульман, армяне вели огонь по нашим солдатам, армяне грабили и жгли, и, наконец, армяне разрушили эту страну и являются источником всех наших бед. Это означает по-французски: армяне убийцы, потому что они не идут тихо на убой, но имеют наглость защищать себя. Это означает, опять же: армяне грабят свои дома и магазины и поджигают свои здания, потому что, в конце концов, стоит только открыть глаза, чтобы увидеть, что едва ли что-либо было разрушено пламенем, кроме христианских магазинов, домов, церквей и школ, что мусульманские мечети уцелели и с гордостью возвышаются среди руин христианского квартала»².

Статья Фикри появилась в том же номере «Иттидала» и называлась «Знаки анархии». Написанная в более политическом русле, она сформулировала тезис о заговоре против единства конституционного государства и постепенном заселении Киликии армянскими поселенцами. Прежде всего это угрожало выжившим. Одним словом, обвинения, представленные в аданском официальном печатном органе младотурок Исмаилом Сафой и Ихсаном Фикри, и интерпретация событий, которую они выдвинули, подняли хор протестов армянских кругов в Адане и Стамбуле. Для армян эти методы дезинформации слишком уж напоминали методы старого режима. Было тем более тяжело смириться с этим, поскольку до тех пор у них было чувство, что период тирании остался позади.

За два дня до появления этих статей, 18 апреля, заместитель госсекретаря министерства внутренних дел Адиль-бей, который являлся исполняющим обязанности министра во время отсутствия власти из-за «реакции», представил доклад о событиях в Адане великому визирю Тевфик-паше, который был назначен в тот же день. Содержание доклада толковалось по-разному. На сле-

дующий день константинопольская пресса заявила, что Адиль подтвердил, что армяне были агрессорами. «Они вооружены, писал он, и режут беззащитных турок, они окружили префектуру. Армяне из далеких деревень нападают на турецкие поселения — они вооружены, в то время как у турок есть только палки... Вооруженные армяне зашли так далеко, что осадили супрефектуру санджака Джебелберекет, где напуганный мутесариф неоднократно взывал о помощи»³.

Это заявление, очевидно, вдохновленное телеграммами, направленными вали и местными мутесарифами, по-видимому, не убедило всех, поскольку вали Джевад был уволен с этой должности 18 апреля — хотя он продолжал осуществлять свои функции в течение еще двух недель. В этих условиях сессия парламента Османской империи, состоявшаяся 19 апреля, должна была прояснить ситуацию, несмотря на анархию, которая царил в столице в течение нескольких предшествующих дней. Армянские парламентарии при поддержке турецких депутатов Али Мюнифа и Али Хикмета потребовали немедленно положить конец погромам. На той же сессии депутат Вардгес Серингюлян воскликнул в адрес своих коллег: «Если мы не наказываем людей, ответственных за такие деяния, которые множат ненависть между различными османскими группами, прискорбные события такого рода могут произойти и в других местах»⁴. Под угрозой от войск из Македонии, которые разбили лагерь неподалеку, в Чаталке, правительство Тевфик-паши действовало в беспокойное время. Накануне парламентская делегация нанесла визит Махмуду Шевкет-паше в Чаталке. Вероятно, во время их дискуссий 18 апреля, в которых приняли участие Зограб и Вардгес⁵, было принято решение отправить 850 мужчин из второго и третьего армейских полков в Киликию. В соответствии с «Таймс» от 25 апреля, Махмуд Шевкет лично решил откомандировать этот батальон, дислоцированный в Деде Агач на берегу Мраморного моря, в Мерсин с наказом навести там порядок⁶. Эти войска, часть действующей армии, находились под командованием младотурецких офицеров.

¹ Там же. С. 69.

² См. выше, с. 102, примечание 1, повествование отца Ригала.

³ Опубликовано особо в «Бюзандион», № 3806, 19 апреля 1909. С. 2 (на арм. яз.).

⁴ Доклад на сессии в «Бюзандион», № 3807, 20 апреля 1909. С. 1 (на арм. яз.).

⁵ См. выше, с. 90.

⁶ «Бюзандион», № 3816, 1 мая 1909. С. 1 (на арм. яз.).

Этот батальон после решения проблем, связанных с поиском транспортного корабля, прибыл в Адану около полудня 25 апреля. Он являлся официальным представителем конституционной законности, и, таким образом, его прибытие было источником большого облегчения для армянского населения. Хотя фактически хрупкое спокойствие царило в Адане с 17 по 24 апреля, многие районы в Киликии все еще находились в руках башибузуков и некоторые города по-прежнему были в осаде — так, осада Хаджина была снята только в конце 28 апреля. Во многих различных местах десятки тысяч уцелевших людей жили на открытом воздухе, в санитарных условиях на грани катастрофических. В Адане вали, хотя уже и ушел в отставку, был все еще в офисе (его преемник прибыл лишь в конце месяца) и ради соблюдения формальностей отреагировал на провокации редакторов «Иттидал», закрыв газету на три дня. Однако, как только младотурецкая газета возобновила выпуски, она продолжила свою кампанию очернения, поощряя мусульманское население Аданы довести до конца его «миссию». В ноте на имя его османского коллеги министр иностранных дел Франции Пишон жаловался, что «директор газеты «Иттидал», который принимал активное личное участие в резне, издает опасные клеветнические статьи, направленные против армян, нимало не расстроен и проводит свою кампанию. С другой стороны, выход двух армянских газет в Константинополе, «Бюзандион» и «Манзуме» [Эфкяр], только что был приостановлен. Г-н Бюзанд Кечян, директор газеты «Бюзандион», недавно был арестован и находится в военном министерстве»¹.

Вторые погромы в Адане (25–27 апреля) и «солдаты свободы»

«В воскресенье, 25 апреля, в 6:00 вечера, хотя ничего и не спровоцировало новые зверства, снова началась стрельба, такая же жестокая, как и в первый день, с той лишь разницей, что на этот раз христиане не защищались, а регулярная армия была на стороне башибузуков. Так как город находился в осаде, люди не могли под угрозой смерти покинуть его после захода солнца. Все улицы охранялись, а люди, которые находились в домах, могли убежать только по крышам, хотя они тоже были под наблюдением. Как

Во второй половине дня 25 апреля, когда «солдаты свободы» разбивали свои палатки на выровненном поле, известном как Кишла Мейдан, расположенном на берегах Сейхана, они подверглись обстрелу. Никто не был ранен, но этот инцидент поставил уже и без того нервное войско на грань. Несколько поодаль, на площади около башни с часами, толпа значительных размеров собралась на митинг. Армянин, который слышал стрельбу, сразу же отправился в епархию, чтобы сообщить знати, что происходит. Представители знати проявили скептицизм, будучи убеждены, что бойня не может начаться снова теперь, когда прибыли солдаты для обеспечения порядка. Тем не менее уже ходили слухи о том, что армяне открыли огонь по солдатам. (Несколько недель спустя доклад парламентской комиссии по расследованию покажет, что это было физически невозможно, учитывая расположение военного лагеря и тот факт, что, по понятной причине, в этом месте не было ни одного армянина со времени совершения первых массовых убийств.) Другой, еще более надуманный слух гласил, что пятнадцать тысяч армян под командованием адвоката Карапета Геукдереляна (упомянутого выше) шли на город с реки. Этот слух был опровергнут самой толпой, которая не нашла ничего, что говорило бы о якобы имевшем место нападении. Тем не менее создались условия для второй резни. Горстке провокаторов оставалось только пойти в солдатский лагерь и заявить, что армяне атаковали турецкие кварталы, чтобы убедить этих солдат прервать принятие пищи и «спешить на спасение» своих братьев-мусульман.

только раздалась выстрелы, снова вспыхнули пожары»².

Так отец Ригал описывает начало второй резни в Адане. Обезоруженные армяне уже не могли защищаться и искали убежища в общественных зданиях, школах, армянских церквях и, прежде всего, миссии. Тот же французский священник заявляет: «Одним из первых подожженных зданий было здание армянской школы, где нашло приют множество беженцев. Спасаясь от огня, эти несчастные побежали к нашему лагерю. Когда

¹ AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 83, ff. 121–122. Париж, 16 июня 1909.

² Kévorkian R. Op. cit. P. 149. Некоторые из следующих абзацев также взяты из воспоминаний Ригала.

группы беженцев двигались по улице, солдаты открыли по ним огонь в упор. Я кричал на них, чтобы они дали беженцам свободный проход». На следующий день отец Ригал встретился с вали. Его комментарий этого разговора ясно показывает, что в поведении этого высокопоставленного чиновника была определенная логика. «На следующий день, когда вали пел мне обычные песни — «это армяне ведут огонь по нашим солдатам, грабят дома и магазины и совершают поджоги» — я взял на себя смелость ответить, но без юмора: «Ваше Превосходительство, это не армяне стреляют в меня в моем собственном доме, но те же солдаты, которые проливали кровь армян». Из-за пожаров средняя школа Св. Павла могла загореться в любой момент; монах снова отправился к вали. «По дороге, — пишет он, — я встретил муниципальных пожарных, которые сосредоточенно тащили насос в нашу сторону». Как позже сообщили отец Ригал и комиссия по расследованию, этот насос был использован не для тушения пожаров, а для поддержания пламени, пожирающего здания в районе, с помощью парафина. На этот раз была подожена средняя школа, где нашли убежище шесть тысяч беженцев, здание маристов (членов религиозной конгрегации, преданной Богоматери. — Прим. пер.) и школа Сестер святого Иосифа. Благодаря вмешательству британского консула, их обитателей переместили в сады префектуры.

«Воскресным вечером, — продолжает отец Ригал, — на следующий день и следующую ночь огонь продолжал бушевать. Он уничтожил церковь, две огромные армянские школы, для мальчиков и для девочек, маленькую часовню, резиденцию сирийцев-католиков, протестантскую церковь, все наши здания, бесплатное общежитие, средние и начальные школы, Армянскую Католическую Церковь, резиденцию епископа, большую среднюю школу Терзияна и школу для девочек — всего семьдесят пять процентов большого армянского квартала. Я чуть не забыл о зданиях православных сирийцев, которые были недавно построены: общежитие, церковь и школа... Вторник, 27 апреля, что можно назвать последним днем этих ужасных событий, равных которым, пожалуй, нет в современной истории».

Наконец, Ригал заключает: «Тот, кто не пережил эти дни, не может себе представить, какими они были. Треск выстрелов смешивается с треском огня, не переставая, в течение нескольких дней и ночей подряд,

и весь город в огне; гром рушащихся стен, поднимающих облако огня к небу; пронзительные крики несчастных, убитых пулями и, еще более громкие, дикие крики мужчин, перерезающих горло людей; душераздирающие мольбы толп людей в кругу огня, когда их мучители готовились сжечь их живьем; эти бешеные, отчаявшиеся люди, протягивающие к тебе руки с просьбами о помощи; эмоции, душасщие тебя тем сильнее, чем ближе подходит огонь и более беспомощным ты чувствуешь себя, переданный группе поджигателей и головорезов; зловещие банды, пробегающие рядом вместе с добычей; поджигатели, которые проскальзывают в двери, карабкаются по стенам, ломают все, что стоит на их пути, и насмешливо созерцают ужасное пламя; и эти полчища мясников, попирающих трупы под ногами, пробивающие в них дыры, разбивающие черепа прикладами, а затем, оскорбляя Всевышнего, плюющие на своих жертв; зияющие раны и дрожащие члены; голова женщины, пробитая семью ударами ножа мясника, череп, разрубленный пополам, шесть мужчин, связанные как бусы степенным муллой, который экспериментирует, чтобы увидеть, сколько тел может пронзить одна пуля; несчастные, обмазанные маслом и превращенные в живые факелы; мать, чей живот был вскрыт и разложен в колыбели для новорожденного ребенка — все эти зверства, все эти ужасы, все эти руины, отвращение и эмоции, которые они вызывают; перо не в силах перевести это все в слова».

Доклад комиссии по расследованию, созданной османским парламентом, приводит весьма схожее изложение фактов: «Нет таких слов, чтобы описать ужас и жестокость второй резни, длившейся два дня. Именно во время этой резни больные и раненые, прибывшие из окрестных деревень и нашедшие убежище в здании школы, были сожжены заживо. Джевад-бей не счел нужным упомянуть в своем докладе о страшной смерти, которую эти несчастные люди встретили в огне; он ни слова не сказал о беременных женщинах, чьи животы были вскрыты, маленьких детях, чьи глотки были перерезаны, и сотнях других случаев невыразимой жестокости. Он, однако, не забыл отметить, что в то время, когда горел армянский квартал, взорвалось большое количество бомб и динамита. Лучшим опровержением этой клеветы является тот факт, что армяне никогда не использовали бомбы и динамит, стараясь защитить себя. Так как

для самообороны они использовали только обычное оружие, то очевидно, что, если бы в их распоряжении было оружие такого рода, то они бы использовали и его, с легко узнаваемым эффектом. Так как у нас нет никаких свидетельств того, что они использовали взрывчатые вещества, то вполне естественно можно предположить, что это сущая клевета, созданная, чтобы свалить вину за случившееся на армян»¹.

В том же докладе делается вывод: «Все эти детали ясно показывают одно: в Адане правительственные чиновники и представители знати постарались заранее создать условия, которые смогут, как им казалось, снизить их ответственность за массовые убийства, которые они запланировали, а затем решили совершить, и переложить ответственность — по крайней мере официально — на армян. Для достижения этой цели и какого-то узаконивания бешеной злобы мусульман были использованы все виды лжи, и кто-то додумался до одиозного трюка с обстрелом солдатского лагеря».

На этот раз официальными расследованиями было подтверждено непосредственное участие главы клуба младотурок Аданы Ихсана Фикри. Как и другие, Фикри носил белый тюрбан, знак агрессоров. Заключительный акт разыгрывался во дворе префектуры, перед резиденцией вали, где несколько тысяч беженцев из иезуитской миссии и армянской церкви Св. Степаноса были собраны вместе (люди из церкви были обязаны своей жизнью мужеству брата Антуана, французского иезуита, который вошел

в огонь, чтобы спасти их). После нескольких часов колебаний — некоторые утверждают, что вали ждал приказа, решающего судьбу этих людей, из Константинополя или какого-то другого места — люди были отпущены. Поскольку в городе не осталось зданий, способных вместить их — армянский квартал был в значительной степени разрушен, а то, что от него осталось, было в огне, — британский консул, предложивший им временно поселиться в помещении завода в Трипани и германской организации поблизости, вывел их из Аданы в сторону железнодорожной станции. Именно там эти выжившие узнали, что султан Абдул-Гамид только что отказался от своего трона и был заменен Мехмедом Решадом. Именно отсюда эти армяне в течение нескольких дней наблюдали, как их район сгорал дотла.

Газета «Journal official» опубликовала в своем номере от 18 мая 1909 г. телеграмму, которая была разрушительной для властей Османской империи. Адресованная Дени Кошену, она сообщала: «Вся информация, которой мы обладаем, сходится с опубликованной в европейской прессе, и она подтверждает участие войск в ужасных массовых убийствах, произошедших в Адане и других провинциях. Вторая резня, произошедшая 25 апреля, была проведена именно войсками, отправленными Деде Агашем, чтобы положить конец беспорядкам. Там произошли события, во время которых были совершены неопишуемые зверства. Вся Киликия находится в руинах, страдает от голода и нищеты».

Человеческие потери и материальный ущерб

Как можно легко представить, попытка оценить человеческие потери в связи с «неприятностями» в Киликии привела к бесконечной битве цифр, которые в некоторых случаях были до двадцати раз выше, чем другие, в зависимости от источников. Первые статистические данные, опубликованные местной властью — то есть под руководством Джевад-бея — в ежедневной «La Turquie», показали, что в общей сложности была убита тысяча человек, двести

пятьдесят из них мусульмане. В телеграмме министра внутренних дел, преемника Джевада Мустафы Зихни Бабан-заде, указывается количество жертв мусульман, равное тысяче девятистам восьмидесяти убитым и пятистам пятидесяти трем раненым; по его оценкам, число убитых и раненых армян равно одной тысяче четырестам пятидесяти пяти и тремстам восьмидесяти трем соответственно². На 2-й майской сессии парламента цифры, представленные армянскими

¹ Ibid. P. 173. Полный отчет Акопа Бабикиана. Эта информация подтверждается в «Report on the Massacres in Adana» майора Даути-Уайли: FO 424/220.

² Эти цифры даны в отчете министра внутренних дел Ферид-паши, зачитанном в ходе заседания османского парламента от 11 мая 1909 г. Полную запись заседания можно найти в книге Терзяна. См.: Терзян А. Указ. соч. С. 607. См. также: там же. С. 300; Ferriman D. Z. Op. cit. P. 80.

депутатами на основании полученной ими информации, показали, что погибло от двадцати до тридцати тысяч¹.

Генерал Махмуд Швекет-паша, влиятельный человек нового режима, также согласился с официальной статистикой. В интервью газете «La Tribune» от 13 мая он заявил: «Цифры были преувеличены. Официальные статистические данные о количестве жертв показывают, что было убито не более трех тысяч армян и мусульман. Таким образом, становится ясно, что высказывания о том, что погибло тридцать тысяч человек, далеки от истины»².

Очевидно, что эти статистические данные, которые уменьшают количество армянских и раздувают количество мусульманских жертв, призваны обосновать тезис, что мусульмане стали жертвами армянской атаки. Однако во множестве появлявшиеся в стамбульской независимой прессе и европейских газетах заметки представляли совершенно иную картину ситуации, которую властям необходимо было принять во внимание, чтобы сохранить подобие доверия. Таким образом, они чувствовали себя обязанными отдалиться от выводов высокопоставленных киликийских чиновников и дать более точную оценку как общему числу жертв, так и доле армянских жертв. К настоящему времени утверждение, что пострадало больше мусульман, чем армян, стало гротескным.

Автор отчета парламентской комиссии по расследованию, Акол Бабикиан, сказал следующее по этому поводу: «Я наблюдал огромное несоответствие между официальными цифрами и общей оценкой числа жертв. Армянские и иностранные журналисты сходятся во мнениях, что число жертв колеблется между двадцатью пятью и тридцатью тысячами. Что касается правительства, то после первоначального снижения официальных цифр до тысячи пятисот немусульман и тысячи девятисот мусульман, теперь оно пришло, на основе новых исследований, в общей сложности к шести тысячам жертв. Статистика правительства основана на информации из местного загса и списков,

предоставленных старостами и священниками определенных населенных пунктов. Само собой разумеется, что местные реестры рождений и смертей не являются надежными документами, и совершенно ясно, что власти Аданы воспользовались всевозможными методами, чтобы скрыть реальное число жертв-христиан»³.

Правительственная комиссия по расследованию, которая состояла из двух старших следователей — Фаик-бея и Мостиджана эфенди, при содействии мутешарифа Мерсины Эсада Рауф-бея — утверждает в своем докладе министру внутренних дел от 10 июля 1909 г.: «Общее число людей, погибших во время печальных событий в вилаете Адана, в соответствии с реестрами рождений и смертей, равняется пяти тысячам шестистам двадцати трем, включая жандармов и солдат: тысяча четыреста восемьдесят семь мусульман и четыре тысячи сто девяносто шесть немусульман. Однако представляется вероятным, что также были убиты многие люди, которые находились в области временно, и поэтому не были перечислены в реестрах, и так как в настоящее время невозможно установить, сколько таких людей было, мы считаем, что общее число убитых — как мусульман, так и немусульман — около пятнадцати тысяч»⁴.

Несмотря на официальный характер, эти цифры не были публично признаны правительством. В начале августа, однако, правительство еще раз оценило число погибших в Киликии, поднимая его на этот раз до шести тысяч четырехсот двадцати девяти для вилаета Адана и четырехсот восьмидесяти четырех для вилаета Алеппо⁵. Вслед за публикацией доклада двух следователей, новый вали, Мустафа Зихни-паша Бабан-заде, был вынужден продолжить местные расследования, которые в конечном итоге пришли к цифре в двадцать тысяч двести для вилаета Адана (19 400 христиан, в том числе 418 православных сирийцев, 163 сирийца-католика, 99 греков, 210 армян-католиков, 655 армян-протестантов и 620 мусульман). Это уже ближе к истине⁶.

¹ Цифры, цитируемые Зограбом в обращении на парламентских дебатах; он называет своим источником письмо от драгомана французского вице-консульства в Мерсине и Адане, полученное в Константинополе. См.: Терзян А. Указ. соч. С. 604–605.

² Перепечатано в «Бюзандион», № 3827, 14 мая 1909 г. С. 2 (на арм. яз.).

³ Kévorkian R. Op. cit. P. 167. Текст доклада.

⁴ Ibid.

⁵ Tasviri Efkiar, 12 août 1909.

⁶ Цифры, подтвержденные поверенным в делах Боппа, в письме министру Пишону: AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 83, f° 147.

По словам английского журналиста Ферримана, наиболее точный учет потерь был подготовлен комиссией по расследованию, созданной Армянской Патриархией Константинополя. Она пришла к результатам, очень похожим на результаты вали. Она, конечно, не взяла на себя смелость оценить потери мусульман. Было установлено, что общее число убитых христиан в вилайете Адана составило двадцать одну тысячу триста шестьдесят один человек, в том числе восемнадцать тысяч восемьсот тридцать девять армян, тысяча двести пятьдесят греков, восемьсот пятьдесят православных сирий-

цев и четыреста двадцать два сирийца-католика¹. Она подчеркнула, что невозможно сделать надлежащую оценку числа жертв среди сезонных рабочих, но отметила, что две с половиной тысячи человек пропали без вести из области Хаджин, на долю которых приходится отнюдь не незначительная часть сезонных рабочих на Киликийской равнине, так что цифра в двадцать пять тысяч жертв была ближе к истине. Добавим, что еще несколько тысяч жертв массовых убийств погибли в последующие месяцы из-за ран и эпидемий; так, две тысячи детей умерли от дизентерии летом 1909 г.²

Материальный ущерб и социальные последствия

Как и человеческие жертвы, материальный ущерб также породил огромное несоответствие между властью и жертвами. Первоначально принятые оценки правительства признавали, что мусульманское население, в дополнение к многочисленным человеческим жертвам, понесло значительные материальные потери. Но в реальности оставалось мало сомнений относительно истинных обстоятельств дела. Преемник Джевад-бея, Зихни-паша, был назначен правительством Хильми-паши для оценки ущерба, причиненного «беспорядками». В городе Адана он пришел к сумме в 96 000 турецких лир, округленной до 100 000 полуофициальным правительственным органом «Tasviri Efkiar».

Как и в случае с числом жертв, официальная правительственная комиссия по расследованию оказалась более надежной, чем местные следователи. Она пришла к выводу, что в вилайете Адана было полностью уничтожено в общей сложности 4823 дома, ферм, сельскохозяйственных комплексов, школ, церквей, заводов, караван-сараяв, мельниц, магазинов или киосков, в том числе 386 из них, принадлежащих мусульманам³. Если сравнивать с информацией, собранной для каждого из пострадавших населенных пунктов, эта цифра, вероятно, еще недотягивает до истины, но преимущественно дает некоторое представление о масштабах экономической катастрофы, вызванной массовыми

убийствами, серией пожаров и актов грабежа, которые сопровождали их. Те же источники оценили материальный ущерб в пять миллионов шестьсот тысяч турецких лир.

Чтобы помочь пострадавшим, была создана международная комиссия. Значительные суммы были выделены на эти цели, но, учитывая масштабы ущерба, денег хватило, в лучшем случае, для обеспечения нищенского существования десяткам тысяч — около девяноста тысяч⁴ — бездомных. Большой проблемой было то, что рабочие инструменты этих людей были уничтожены, и они еще были не в состоянии обеспечить свои собственные потребности.

Другая проблема состояла в том, что судьбы тысяч сирот, появившихся после массовых убийств, привели к бесконечным дебатам среди армян. Чтобы понять смысл этого вопроса, мы должны обратить внимание на погромы 1895–1896 гг., которые оставили около шестидесяти тысяч детей-сирот, а также скандал, вызванный приемом определенного количества этих сирот учреждениями, основанными американскими, немецкими, швейцарскими, французскими и другими миссионерами. Армянский народ, который понес значительные человеческие потери — в дополнение к резне очень много женщин и детей были похищены и насильственно обращены в ислам, — преследовало ощущение, что ему был нанесен удар, поста-

¹ См. полный список: *ibid.* P. 83.

² *Ibid.*

³ См. полный список: с. 95, примечание 4; *Ferriman D. Z. Op. cit.* Pp. 85–87.

⁴ Цифры даны правительственной комиссией по расследованию (см. с. 93, примечание 1). Ферриман предоставляет данные по регионам. См.: *Ferriman D. Z. Op. cit.* Pp. 91–93, 97.

живший под угрозой само его существование. В результате он приводил себя в порядок, так сказать, чтобы восстановить себя. В этих условиях каждому ребенку, который воспитывался в иностранной культуре неармянских учреждений, было суждено пополнить ряды других народов и еще сильнее подорвать историческую армянскую народность. Однако без отказа от всего иностранного эта реакция была, скорее всего, плодом нового национального импульса, коллективной воли к выживанию в качестве группы. Когда произошла резня армян в Киликии, эти болезненные воспоминания были еще слишком свежи и легко возродились, потому что слишком напоминали трагедию, которую армяне пережили при гамидовском режиме.

Еще одним элементом, который должен быть принят во внимание, является чувство унижения армян за то, что они сами не в состоянии воспитывать «своих» сирот. Опять же, хотя армяне культурно очень похожи на европейцев, они восприняли колониальными планы большинства иностранцев, которые действовали от их имени, были ли они миссионерами, купцами или дипломатами; очень тяжело терпели несомненно положительные аспекты их присутствия. Это относилось в особенности к наиболее образованным армянам, которые считали недопустимым отношение к ним как к туземцам и не понимали, почему их религиозные убеждения принесли им репутацию сектантов. Религиозный аспект этой проблемы также не следует недооценивать. Армянская церковь, чья численность уже сократилась из-за католических и протестантских миссионеров, которые уводили членов ее паствы, считала ребенка, получившего образование в той среде, потерянным. Множество мирян также разделяли эту мысль.

Таким образом, Армянская Патриархия Константинополя и ее Палаты представителей сделали будущее сирот Аданы одним из национальных приоритетов¹. Она создала комиссию, а затем выступила с инициативой создания Международного комитета помощи, включающего не только армян, но и греков, турок и иностранцев, таких как директор Османского банка. Комиссия под предсе-

дательством Саид-паши, главы Османского сената, первый раз собралась 22 мая 1909 г. в Константинополе.

Это была национальная комиссия, которая была ответственна за первые попытки оказания помощи: она направила комитет в Киликию с миссией по установлению предварительных фактов, после чего туда была отправлена медицинская бригада. Она также организовала распределение продовольственной и финансовой помощи семьям, которые больше всех пострадали, общей стоимостью 1 943 162 пиастров².

20 августа 1909 г. палата Армении решила создать Центральную комиссию, ответственную за сирот Киликии. Комиссия основала шесть детских домов: первый в Адане в августе 1909 г., вмещающий двести тридцать трех детей; второй в Мараше в сентябре 1909 г., вмещающий сто семьдесят восемь; и третий в том же месяце в Хаджине на триста пятьдесят мест; четвертый в Айнтабе в октябре 1909 г. с местами для ста восьмидесяти пяти детей; пятый также в октябре в Гасанбейли на двести семь мест; и, опять же в октябре, шестой в Дёртьёле, рассчитанный на двести семьдесят три места. Таким образом, к середине осени 1909 г. Национальная комиссия Армении управляла шестью учреждениями, где проживала одна тысяча четыреста двадцать шесть сирот.

Чтобы заботиться о сиротах, было создано еще пять учреждений. Одно из них было открыто американскими миссионерами в Хаджине (350 мест); другое — английскими миссионерами в Айнтабе (100 мест), и третье — немецкими миссионерами в Мараше (277 мест). Два государственных детских дома приняли еще двести шестнадцать детей в Мараше и Дёртьёле. Таким образом, мы получаем в общей сложности три тысячи сто шестьдесят четыре сироты, потерявших обоих родителей. К этой цифре мы должны добавить три тысячи девятьсот семьдесят семь детей, которые потеряли отцов в вилайете Адана и семьсот шестьдесят двух в вилайете Алеппо, в результате чего в общей сложности семь тысяч девятьсот три сироты были либо отправлены в специальные учреждения, либо воспитывались матерями³.

¹ По вопросу сирот см. переписку и заметки Запела Есяяна (на тот момент администратора армянского Красного Креста в Киликии), опубликованные Левонем Кешейаном в книге: *Kévorkian R. Op. cit. Pp. 217 et suiv.*

² Терзян А. Указ. соч. С. 814–816.

³ Там же. С. 819–824.

ГЛАВА 3

Политическая реакция османского правительства и армянских лидеров на резню в Киликии

Мы уже обсуждали обстоятельства, которые привели к катастрофе в Киликии, показывая, как османское правительство сначала попыталось преуменьшить цифры человеческих потерь, представив ряд статистических данных, которые в итоге приблизились к данным, опубликованным армянскими и международными кругами. Очевидно, что причина, по которой правительство не желало показывать, насколько велико было число человеческих жертв, состояла в его очевидном желании сохранить официальное утверждение, согласно которому неконтролируемые беспорядки привели к ограниченному числу жертв с обеих сторон. Официальные заявления правительства, поддержанные большей частью османской прессы, более того, убеждали общество, привыкшее видеть армян в роли нарушителей спокойствия, в том, что на армянах лежит основная вина также и за эти «беспорядки». Таким образом, лишь очень немногие османские политики потребовали опубликовать всю правду о киликийских событиях, кроме около десяти армянских депутатов парламента и нескольких греческих и турецких депутатов, которые, как мы увидим, выказали достаточную степень мужества в открыто враждебной среде.

На предшествующих страницах, шаг за шагом следуя за событиями в Киликии, мы со значительной точностью смогли выявить участие местных гражданских и военных властей в совершенных там массовых убийствах. Теперь мы должны попытаться расшифровать реальную роль правительства или связанных с ним политических групп, таких как КЕП, для того, чтобы установить, было ли это насилие спровоцировано на местном уровне или инициировано приказами, переданными национальными властями. Это сводится к выяснению ключевого вопроса об ответственности правительства стра-

ны за эти события и, как следствие, вопроса о том, по чьему заказу совершались эти преступления.

Османский парламент предоставил армянским депутатам, настоящим представителям своего миллета перед властями, трибуну, с которой те могли выразить возмущение своего народа этой новой волной насилия и потребовать объяснений в отношении обвинения армян, которые провозглашались ответственными за резню собственного народа. Обвинения, которые были выдвинуты против армян в период, предшествовавший резне, — в том, что они были виновны в провокации и тайной подготовке к восстановлению «армянского царства Киликии», — могли возникнуть в искаженной интерпретации отношения киликийских армян после восстановления конституции. Можно также полностью причислить агрессивность и насилие, проявившиеся тогда по отношению к армянам, к гамидовскому наследию. Наконец, можно предположить, что изменение родового мира, представленного в Киликии того времени, проросло из антагонистических течений, возглавляемых людьми, желавшими установить местные базы власти. В то время как все эти объяснения являются обоснованными, ни одним из них нельзя объяснить внезапный взрыв, произошедший в Киликии 14 апреля 1909 г. На рубеже XX века ни одно событие такого масштаба не могло состояться без приказа, поступившего или, как предполагалось, поступавшего от высших органов государственной власти или, по крайней мере, одного из центров государственной власти.

Самый парадоксальный аспект дела состоит в том, что, даже хотя суть событий сведена к минимуму и вина за них возложена на армян, турецкие политические круги и на начальном этапе даже армянские политиче-

ские круги объясняли резню армян в Киликии, как и контрреволюцию 31 марта, заговором, тайно подготавливаемым Абдул-Гамидом и лицами, испытывавшими ностальгию по временам его царствования. Это утверждение, однако, противоречит реальной ситуации султана: младотурки постепенно изолировали его в его дворце Йылдыз, увольняя многих из его сотрудников и перемещая его албанскую гвардию в другие места, тем самым снижая его способность поддерживать деятельность своих сетей и оказывать влияние на внутривластную ситуацию. Даже отец Ригал, иезуит-прагматик, заявлял, что

«автором этих массовых убийств является тот же самый человек, который тринадцать лет назад отправил на смерть сто тысяч жертв и в наше время, чувствуя, что престол рухнет, стремился, как он чувствовал, стереть этих чрезмерно динамичных людей, чьи имена вызывали в нем ненависть, с лица земли»¹.

Это объяснение имело преимущество снятия бремени ответственности с нового политического истеблишмента, который возник в ходе революции июля 1908 г., сохраняя при этом доверие к его желанию проведения реформ.

Первая реакция центральных властей

Учитывая краткость полномочий кабинета Тевфик-паши, который был сформирован 18 апреля и подал в отставку 26 апреля, мы видим, что у кабинета не было времени на то, чтобы взять бразды правления в свои руки, не говоря уже о наблюдении за событиями в Киликии. Как уже было сказано, фактически именно Адиль-бей, заместитель государственного секретаря министерства внутренних дел, занимался киликийским вопросом и сообщал о событиях великому визирю и османскому парламенту. Решение об отправке войск в Киликию было, однако, принято Шевкет-пашой. Таким образом, мы не можем судить о кабинете Тевфик-паши и не можем считать его ответственным за события в Киликии.

Кроме того, парламент фактически не занимался делами до заседания 2 мая 1909 г. У Ахмеда Ризы, который в тот день снова председательствовал в османской палате, не было другого выбора, кроме как зачитать доклад, который был направлен ему 26 апреля вали Аданы, который был отозван, но по-прежнему исполнял функции вали. В терминах, едва ли более взвешенных, чем те, что были использованы в его первоначальных докладах, Джебев-бей писал: «Из надежных источников мы узнали, что несколько армянских фидайи несут ответственность за последние события»². Армянские депутаты, которых поддерживали несколько турецких и греческих коллег, немедленноотреагировали: для начала они твердо заявили, что до-

клад вали представлял собой паутину лжи, а затем атаковали заместителя государственного секретаря Хаджи Адиль-бея [Арду], напомнив ему о пресловутой телеграмме, отправленной им на имя Джебев-бея, в которой он ограничился тем, что рекомендовал вали следить, чтобы «иностранные граждане были защищены», и «восстановить спокойствие», а при старом режиме такие формулировки означали: «Режьте армян, но не трогайте иностранцев»³. Вновь назначенный министр внутренних дел Рауф-бей, который также был членом Центрального комитета младотурок, позволил Адилью выступить от имени министерства. Адиль ограничился осторожным заявлением, что великий визирь Хильми-паша и генерал Махмуд Шевкет посоветовались и решили направить в Киликию специальную комиссию для проведения расследования.

В этой связи Зограб, лидер армянских депутатов в парламенте, сделал следующее заявление: «Есть два способа установления истины — с помощью слов или с помощью свидетельских показаний и косвенных доказательств. Советник [Адиль] зачитал нам телеграммы от префекта Аданы и губернатора Джебев-берекета, как если бы это были достоверные документы. Его спросили, сколько примерно человек было убито, и этот всемогущий советник⁴, который десять раз в день контактировал с этим регионом, не смог предоставить нам такую информацию».

¹ Kévorkian R. Op. cit. P. 152.

² Намек на проходящую вторую резню в Адане, как писал Джебев.

³ Kévorkian R. Op. cit. P. 57, n. 59. P. 152.

⁴ Зограб намекает на то, что в то время Адиль фактически возглавлял министерство внутренних дел.

В статье, опубликованной парижской ежедневной газетой «Le Temps», корреспондент прокомментировал парламентские дебаты следующим образом: «На вчерашнем заседании [парламента] прошло энергичное обсуждение резни в Адане. Несколько депутатов, в частности армяне, атаковали правительство и потребовали привлечь к ответственности бывшего вали. Заместитель государственного секретаря министерства внутренних дел защитил правительство: он зачитал телеграммы от властей, приписывавших возникновение беспорядков армянским революционерам и повсюду представлявших армян агрессорами»¹.

Таким образом, ясно, что в начале мая правительство Хильми-паши все еще защищало утверждение, выдвинутое чиновниками администрации. Тем не менее сдвиг в позиции правительства, несомненно, вдохновленный информацией, опубликованной в международной прессе, и устными извещениями властей, можно проследить на парламентском заседании, состоявшемся 13 мая, когда правительство объявило депутатам, что приняло решение направить четырех человек в составе комиссии по расследованию в Киликию под руководством министра внутренних дел. В состав комиссии должны были войти два армянина и два мусульманина, двое из которых должны были быть государственными служащими и двое других — членами парламента. Хотя ход последовавшего обсуждения показал, что часть османской палаты открыто выступила против создания этой комиссии, не видя необходимости в ее создании, депутаты избрали в состав комиссии воинствующего армянского младотурка Акопа Бабикиана и Шефик-бея, еще одного депутата от КЕП. На том же заседании председатель парламента Ахмед Риза настаивал на том, что «дело Аданы породило полемику с европейскими державами, и министр иностранных дел проводит ежедневные встречи с иностранными послами»². Таким образом, Риза выражал озабоченность властей, которые были заинтересованы в сохранении хорошего имиджа на Западе и, следовательно, были вынуждены поддерживать определенную степень прозрачности. Вероятно, именно по этой причине, а не из уважения к

жертвам среди армян, правительство создало комиссию по расследованию.

В своем обращении к парламенту от 24 мая 1909 г. великий визирь Хильми наконец прокомментировал киликийский кризис и изложил свою правительственную программу. Ни разу не коснувшись спорных моментов, он перечислил меры, которые были приняты, включая объявление чрезвычайного положения в провинции и создание военных трибуналов в Мараше, Айнтабе, а также Адане. Хильми также объявил, что благодаря тому, что в этот район было направлено десять бригад солдат, оказалось возможным восстановить порядок и что «права на имущество, украденное во время событий, постепенно восстанавливаются, и оно возвращается законным владельцам» (свидетели указывают, что это было лишь благим пожеланием). Великий визирь, наконец, напомнил о формировании комиссии по расследованию для оценки числа жертв и ответственности местных органов власти, в состав которой вошли два депутата и двое мировых судей. Как сказал великий визирь, их выводы должны послужить основой для оперативного предъявления обвинения виновным лицам³.

С этого момента ни османский парламент, ни османское правительство не сделали ни единого официального заявления, ожидая заключения комиссии. Назначая в состав комиссии двух младотурецких депутатов с хорошей репутацией — бывшего судью Акопа Бабикиана и адвоката Юсуфа Кемала, а также двух заслуживающих доверия судей Х. Мостиджана и Файк-бея, кабинет Хильми, несомненно, рассчитывал на то, что эти «ответственные» лица позволят сделать выводы, освобождающие от ответственности государство и протурецкие конституционные политические круги, таким образом позволяя им выйти из этого дела реабилитированными в глазах международного общественного мнения. Нам неизвестно, снабжал ли Хильми членов комиссии инструкциями в этом направлении. Однако их работа в области и выводы, сделанные в двух отчетах, которые были подготовлены (отчет двух судей, официально переданный 10 июля, и второй отчет, подготовленный Бабикианом и не раз-

¹ 3 мая 1909. С. 1. См. статью: «La crise turque: les Arméniens se plaignent à la Chambre».

² Полный перевод протоколов дебатов в Османском парламенте был опубликован в стамбульской прессе на следующий день, в частности, в «Бюзандион», № 3836 и 3837, 24 и 25 мая. С. 2–3 (на арм. яз.); см. также Терзян А. Указ. соч. С. 611–615.

³ Там же.

глашавшийся до 1911 г.), позволяют судить, насколько далеко правительство готовилось зайти, бросая вызов турецким политическим кругам.

Члены комиссии прибыли в Киликию в начале июня и в течение более месяца проводили довольно тщательное расследование. Двое судей, Файк и Мостиджян, работали в тандеме и подготовили общий отчет в отличие от двух депутатов, которые хотя и были членами одной партии. Бабикиан, который, в соответствии с общепризнанным мнением, был горячим сторонником османизма, со своим отказом от сооружения перегородок между общинами, очевидно, разошелся во мнениях со своим турецким коллегой. Барре де Ланси, французский вице-консул в Мерсине и Адане, сообщает в депеше временно поверенному в делах в Константинополе, что Бабикиан, «как говорят, имел довольно резкую размолвку со своим мусульманским коллегой Юсуфом Кемалем, который все еще находится в Адане»¹. Вернувшись из Мерсина 4 июля с другими членами комиссии, за исключением Кемалю², Бабикиан сам подтвердил в интервью, которые он дал двум младотурецким газетам во время его остановки в Смирне, что он и его коллеги наткнулись на отсутствие взаимопонимания. В ответ на вопрос журналиста измирской ежедневной газеты «Иттихад»³ о результатах его расследования и причинах резни, он сказал: «С учетом информации, которую я собрал во время моего расследования, [можно сказать], что, со времен провозглашения Конституции, сторонники тирании проявили признаки недовольства и планировали резню христиан: это очевидно и было доказано официальными судебными документами».

В ответ на другой вопрос того же журналиста об участии местных и центральных властей в массовых убийствах депутат из Текирдага ответил: «Национальное правительство не принимало в них участия, но и послужило для них причиной. Местные власти, в свою очередь, были в них вовлечены. В частности, вали Джевад-бей, военачальник Мустафа Ремзи-паша, мутесариф Джебелберекета Асаф-бей, Абдулкадир Багдади-заде, Салих эфенди Бошнак и Ихсан Фикри, владелец газеты «Иттидал», полностью замешаны в совершении массовых убийств». В том же

интервью Бабикиан также указывает на отсутствие объективности военного трибунала.

Комментарии, сделанные Бабикианом журналисту «Тасвири Эфкяр»⁴, были еще более откровенными, предлагая взгляд на подготавливаемый отчет. Бабикиан уклонился от вопроса в отношении слухов о его разногласиях с его коллегой Кемалем, который, как предполагается, ускорил его досрочное возвращение, и отметил, что он выполнил свою миссию и что его коллега вернется в ближайшее время. В отношении вопросов о ситуации в Киликии он, однако, был более разговорчивым. Сделав несколько риторических оговорок, он заявил, подчеркнув с самого начала, что его комментарии должны быть интерпретированы как комментарии верного османского подданного, обеспокоенного вопросами счастья и развития отечества, что «подробности, опубликованные в статьях европейской прессы о событиях в Адане, были никоим образом не преувеличены и даже не раскрывали всей правды, когда он сравнил их с тем, что он [сам] видел». Таким образом, он указал на неизменную характеристику турецкого общества, которое трудно признавало свои собственные ошибки и часто воспринимало замечания, сделанные иностранцами, как нападки. До сих пор наиболее соответствующая часть анализа Бабикиана, однако, касалась источника событий в Адане: «Дело Аданы имеет две основные причины: реакция и тирания... Бывший муфтий Багдже начал ходить тут и там, утверждая, что свобода и Конституция — это выдумки христиан, которые выступают против шариата; таким образом, он начал баламутить население и обратил его против христиан и Конституции».

Что касается возможности участия султана Абдул-Гамида, Бабикиан подчеркнул, что, хотя он часто слышал такое мнение, оно ничем не доказано. Вот три момента, которые вместе составили основание для обвинений, которые выдвинули киликийские власти перед общественным мнением османского населения:

1) Говорят, что армяне вызвали беспорядки. Это верно?

Официальные документы, которые я привез с собой, доказывают, что эта гипотеза полностью ошибочна.

¹ AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 83, f° 159/2. Барре де Ланси Боппу, 3 июля 1909.

² Ibid.

³ «Азатамарт», № 13, 7 июля 1909. С. 3 (на арм. яз.).

⁴ «Азатамарт», № 15, 9 июля 1909. С. 3 (на арм. яз.).

2) Говорят, что армяне хотели провозгласить свою независимость в Киликии. Это правда?

Наше расследование показало, что это обвинение полностью необоснованно.

3) Вовлечен в эти события предстоятель Аданы епископ Мушег?

Результаты нашего расследования доказывают, что предстоятель непричастен. Напротив: уже в январе [1909 г.] епископ Мушег направил меморандумы в префектуру, содержание которых установлено нашим расследованием. В то время епископ устно заявил вали о риске вспышки беспорядков и предложил ему принять необходимые меры; замечания предстоятеля были, однако, сочтены преувеличением, и было признано бессмысленным мобилизовать требуемые средства».

Эти первоначальные наблюдения формируют своего рода практическую иллюстрацию проблем, порожденных в сердце османского общества современностью взглядов младотурок. Остается впечатление, что местные оппозиционеры нападали на армянское население, поскольку считали его символом современности, которую они нашли тревожной.

Ответ Бабикиана на следующий вопрос о числе жертв и соотношении «мусульман и немусульман» тем более интересен, поскольку он впервые ссылается на статистические данные, которые были определены Зихни, новым вали, но тщательно скрывались центральным правительством. По этим данным, число погибших составляет немногим более 20 тыс. человек, включая 620 мусульман. Последний вопрос касается еще одного спорного момента, который был широко использован для изображения жертв злодеями: английский консул в Адане был ранен в руку. Власти представили это как пример преступного отношения армян. Вот что Бабикиан сказал по этому поводу: «Я лично допросил консула об этом. Его ответ был сформулирован следующим образом: «Беспорядки только что начались. Повсюду господствовал террор. Я вышел на улицу, я увидел какого-то человека, чей взгляд, поведение, действия и жесты создавали впечатление, что он совершенно обезумел. Он бежал ко мне. Он спасался бегством. Я хотел подойти к нему, чтобы спросить, что происходит. Беглец истолковал мое движение как знак моих дурных намерений, направил свой

револьвер на меня, расстрелял всю обойму, а затем убежал»¹.

Вскоре после этого «Тасвири Эфкяр» взяла интервью у Файк-бея. Он утверждал, что эти события нельзя приписать реакционным кругам. Они, скорее, произошли из-за «невежества местных мусульманских и христианских жителей»².

Еще до обнародования отчетов следователей все это уже представило безошибочные указания на акцент, который будет в них сделан. Эти интервью также создают у нас впечатление о роли младотурецкой прессы в Константинополе, которая до тех пор, по большому счету, опубликовала статьи, отражающие утверждения вали Джевада и Адиль-бея, заместителя государственного секретаря министерства внутренних дел. Надо признать, что выводы двух отчетов комиссии по расследованию, включая составленные Файком и Мостиджаном, бросили вызов линии обороны, которой турецкие круги в Киликии и Константинополе держались до июля: ни один из двух отчетов не предполагал, что армяне несут ответственность за события в Киликии. Напротив, в обоих отчетах армяне были представлены жертвами. Тем не менее для турецких кругов, о которых идет речь, была зияющая пропасть между, с одной стороны, совершенно общими замечаниями, которые, щадя политические круги, объясняли всплеск насилия невежественностью населения и некомпетентностью местных высокопоставленных чиновников, и, с другой стороны, подобными заявлениями, которые были сделаны Бабикианом. По-видимому, Бабикиан нарушил негласное правило, запрещающее открыто утверждать, что местное мусульманское население получило приказы резать армян, что солдаты армии, присланные в Киликию из Македонии, сами организовали вторую резню в Адане, что киликийские младотурецкие лидеры приняли непосредственное участие в организации злодеяний, и так далее. При отсутствии такого правила было бы трудно объяснить, почему лишь отчет, составленный Файком и Мостиджаном, представленный 10 июля, был опубликован только через 20 дней, тогда как рукопись доклада Бабикиана оставалась в ящике армянской Патриархии в течение более трех лет. Кроме того, некоторые признаки свидетельствуют об оказании давления в парламентских кру-

¹ Там же.

² «Азатамарт», № 18, 13 июля 1909. С. 3 (на арм. яз.).

гах и, возможно, на уровне правительства и руководства КЕП, направленного на предотвращение обнародования отчета Бабикиана.

Начнем с того, что Юсуф Кемаль пытался дискредитировать Бабикиана и исключить его из комиссии по расследованию. 3 июля он телеграфировал в османский парламент, чтобы сообщить депутатам, что Бабикиан покинул Киликию преждевременно, до завершения его миссии (как мы убедились, Бабикиан придерживался иного мнения). Кемаль даже предложил как можно быстрее направить в Адану Эммануэля Карассо, еврейского депутата из Салоник, для замены Бабикиана¹. Парламент, по-видимому, действительно, рассматривал вопрос о замене Бабикиана. Таким образом, в своей депеше от 9 июля в адрес поверенного в делах в Константинополе² французский вице-консул в Мерсине и Адане указывал, что «Мерсин ожидает прибытия Карассо, члена парламента. Его мусульманский коллега все еще находится в Адане. Он заявил, что он против

выплаты любого рода возмещений, на том основании, что произошла революция и что правительство не может нести ответственность. Вали говорит то же самое в отношении [французских] монахинь, которые занимаются восстановлением».

Начиная с конца июня Кемаль, со своей стороны, утверждал, что беспорядки, организованные армянами и несколькими киликийскими мусульманами, были устроены в интересах партии Ахрар и нацелены на причинение вреда младотурецкому комитету. Это утверждение красноречивее всяких слов свидетельствует об умонастроениях, преобладавших среди иттихадистских боевиков³. Интервью Бабикиана, однако, имели определенное влияние. С учетом всех обстоятельств, вероятно, младотурецкий комитет в Салониках предпочел не отталкивать одного из его боевиков, даже хотя тот был армянином, не поддерживая слишком открыто утверждение о том, что армяне были преступниками.

Эволюция позиции кабинета Хильми относительно событий в Адане

Сдвиг начался в начале июля. Надо отметить, что в своих выпусках от 1 июля и 19 июля младотурецкая ежедневная газета «Тасвири Эфкар» опубликовала статью Эбуцца Тевфик-бея, депутата из Коньи, который подтвердил позицию своей партии в отношении того, что «виноваты одни лишь армяне». На самом деле, Тевфик не постеснялся поздравить военный трибунал за работу, проделанную в этой области⁴. (Мы увидим, что это был первый военный трибунал, который, опираясь на отчеты Джевада, определил, что армяне были ответственны за их собственную бойню.) Хакки-бей, выдающийся член органа младотурецкого руководства, сделал аналогичное заявление в выпуске «Le Temps» от 28 мая, вышедшем в Париже. Несомненно, чувствуя давление западного общественного мнения во время

пребывания в Европе, он, не колеблясь, отметил в оправдание своей партии: «Люди преувеличивают. Ваша пресса не всегда настроена благожелательно. На самом деле, сегодня известно, что беспорядки в Адане спровоцированы в Константинополе. Мы перерхватили депеши, доказывающие, что Армянский комитет стремился добиться европейского вмешательства»⁵. Это заявление, в самом классическом гамидовском стиле, естественно, вызвало реакцию со стороны руководства АРФ, чья партия официально состояла в союзе с КЕП: армянская сторона потребовала от Центрального комитета в Салониках дезавуировать заявление, сделанное этим иттихадистским лидером.

Казалось бы, однако, эти заявления представляют собой последний бой младотурецких боевиков. После антиармянской кампа-

¹ Протоколы дебатов османского парламента, 105-я сессия. См.: «Азатамарт», № 11, 5 июля 1909, с. 2 (на арм. яз.).

² AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 83, f° 159/3. Габриэль-Георг Барр де Ланси (род. 8 сентября 1865 г.), вице-консул в Мерсине и Тарсусе.

³ FO 195/2306. Письмо Даути-Уайли британскому послу в Константинополе, 30 июня 1909.

⁴ «Азатамарт», № 10, 3 июля 1909. С. 3 (на арм. яз.).

⁵ Перепечатано в «Азатамарт», № 12, 6 июля 1909. С. 1 (на арм. яз.). Согласно автору передовых статей этой ежедневной газеты, в частной беседе члены правительства признали, что все эти обвинения являются фальшивыми, однако они отказались признать это публично.

нии, которая продлилась два месяца, члены комиссии по расследованию вернулись в Константинополь, чтобы представить свои отчеты. Юсуф Кемаль, который покинул Мерсин 14 июля, был среди них¹. 20 июля Кемаль принял участие в заседании парламента, объявив, что он собирается представить свои выводы в течение нескольких дней². На заседании, проведенном 26 июля, на котором присутствовал Бабилян, был представлен отчет Файка-Мостиджяна. В отчете основная ответственность за массовые убийства возлагалась, в частности, на вали Аданы Джевада, военачальника Мустафу Ремзи-пашу, Абдулкадира Багади-заде и Ихсана Фикри. Тем не менее все эти четыре человека были оправданы военным трибуналом, учрежденным в мае, в состав которого входили в основном младотурецкие офицеры³. Откровения двух судей, несомненно, были связаны с тем, что некоторые младотурки, которые до сих пор были настроены довольно примирительно, теперь заняли более бескомпромиссные позиции. Выступая с трибуны, Исмаил Хакки, депутат из Гумулджина, критиковал правительство за вмешательство в дела военного трибунала Аданы: председательствующий судья и видный член суда подали в отставку после того, как правительство отдало приказ арестовать лиц, ответственных за совершенные массовые убийства. Половина депутатов, следуя за Хакки, проголосовали за движение против кабинета Хильми, который просто действовал в соответствии с рекомендациями, выдвинутыми в отчете Файка-Мостиджяна. Таким образом, ясно, что половина членов парламента отклонили идею о привлечении к суду лиц, ответственных за резню в Адане. Бабилян встал и сказал: «Двадцать одна тысяча человек была убита в городе Адане, а вы поднимаетесь на защиту двух лиц». Затем последовал довольно бурный обмен мнениями, который показал, что некоторые турецкие депутаты оспаривали число жертв и в целом даже идею о том, что «эти» армяне не были виноваты в массовых убийствах. Дабы

положить конец этому напряженному моменту, который раскрыл значительные различия в мнениях, собрание приняло решение отложить обсуждение событий в Адане до того момента, когда парламентская комиссия по расследованию представит свои отчеты. Таким образом, 26 июля 1909 г. начало дискуссии по поводу событий в Киликии подошло к концу⁴.

Однако убийственные документы были опубликованы в стамбульской прессе уже на следующий день. Среди них были две зашифрованные телеграммы вали Джевада в адрес мутесарифов и каймакамов его провинции, а также в адрес министерства внутренних дел. Во второй телеграмме, к примеру, заявлялось: «Армяне атаковали; правительственный дворец [то есть префектура] окружен; армяне вооружены и убивают безоружных турок. Помогите нам»⁵. Такие утверждения не оставляют сомнений в том, что совершение массовых убийств было обдумано заранее; они раскрывают манипуляции, которыми власти занимались для того, чтобы оправдать преступления, в которые они, очевидно, были вовлечены. На тот момент, в последнюю неделю июля, напряженность достигла своего пика. По всему видно, что не могло быть и речи о дискуссии в этой стране, в которой практически весь политический истеблишмент и подавляющее общественное мнение постановили, что массовые убийства немусульман не были преступлениями. Французский посол Бомпар определенно сообщил французскому министру иностранных дел Пишону, что правительство было вынуждено «следовать советам Комитета «Единение и прогресс», который стремился успокоить общественное мнение и уберечь Палату от опасных дебатов в отношении отчета, представленного комиссией по расследованию»⁶.

Фактически дебаты не имели места, в частности потому, что Бабилян умер 1 августа, за день до того, когда его отчет должен был быть представлен⁷. Утром 1 августа его

¹ AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 83, f° 159/7. Доклад Бар де Ланси Боппу, Мерсин, 16 июля 1909.

² «Азатамарт», № 25, 21 июля 1909. С. 2 (на арм. яз.).

³ Трое из этих лиц и многие другие убийцы, как ни странно, были назначены в состав местных комиссий по расследованию преступлений, в совершении которых они подозревались.

⁴ См. доклады в стамбульской прессе от 27 июля, в частности, в «Азатамарт» (№ 29, 27 июля 1909. С. 2, на арм. яз.). По сведениям Шерифа-паша, Исмаил Хакки являлся членом Центрального комитета младотурок: *Mécheroutiette*. Constitutionnel ottoman, № 38, janvier 1913. P. 16.

⁵ «Азатамарт», № 29, 27 июля 1909. С. 3 (на арм. яз.).

⁶ AMAE, Correspondance politique, Turquie, vol. 83, f° 162, Терапия, 11 августа 1909.

⁷ «Азатамарт», № 34, 2 августа 1909. С. 3 (на арм. яз.).

брат объявил, что Акоп Бабилян сел за стол, чтобы окончательно отшлифовать текст, и начал жаловаться на боли в животе и груди. Он быстро впал в глубокую кому, а затем умер. В связи с этими обстоятельствами внезапная смерть 53-летнего депутата стала почвой для слухов. Ничто, тем не менее, не указывает на то, что он умер насильственной смертью. Самое большее, что можно сказать, это то, что эта смерть помешала обнародованию его отчета, в то время как (благодаря интервью, которые он дал) были известны лишь общие черты его отчета¹.

На заседании парламента, состоявшемся 5 августа, председатель собрания сообщил депутатам, что Юсуф Кемаль представил отчет о своем расследовании и что депутат Вардгес попросил также зачитать отчет Бабикиана. Парламент, однако, принял решение заслушать выводы двух депутатов в следующую субботу, 7 августа. На следующий день, когда вопрос был вновь поставлен на повестку дня, председатель предложил собранию представить эти отчеты специальной парламентской комиссии для их рассмотрения до зачитывания перед собранием². Это было последним упоминанием об аданских событиях в османском парламенте, поскольку два отчета так и не были обнародованы. Нам до сих пор не известно содержание отчета Юсуфа Кемалья, хотя мы знаем, благодаря публичным заявлениям его автора, что оно было далеко от выводов отчета А. Бабикиана.

Как отмечает французский посол, по-видимому, в промежуточный период имели место закулисные переговоры с целью предотвращения полного обнародования перед общественностью такого крайне щекотливого дела. КЕП и его правительство, очевидно, боялись реакции населения, — по крайней мере, об этом они говорили в частных бесе-

дах — и, прежде всего, слишком явного выставления исключительного участия местных младотурецких боевиков в совершении массовых убийств.

Эти переговоры, которые были секретными по своему характеру, по-видимому, прошли между младотурецкими лидерами и их армянскими союзниками из АРФ, которые в то время составляли соглашение о сотрудничестве, которое мы уже обсуждали³. Армянские депутаты, вероятно, согласились на непубликацию отчетов и признали, что парламентские дебаты не должны иметь место. Принимая аргументы своих младотурецких коллег о том, что дебаты ничего не решат, а фактически, скорее всего, отравят атмосферу, они косвенно признали, что большинство членов парламента не хотят слышать столь нелестную правду. В обмен на это, вероятно, армянам обещали, что будет сделано публичное заявление, которое снимет с них все обвинения, выдвинутые против них со времени произошедших событий; что в Киликии будет создана действительно безопасная обстановка, что тем, кто пережил резню, будет оказана помощь в восстановлении части их разграбленного имущества; и, прежде всего, что истинным преступникам воздастся по справедливости.

Есть несколько признаков того, что в первые дни августа 1909 г. произошел поворот в официальной политике правительства:

1) В Адане был назначен новый префект — полковник Ахмед Джемаль-бей, будущий министр военно-морского флота. Джемаль был очень влиятельным членом Центрального комитета КЕП и имел репутацию энергичного и либерально настроенного человека⁴.

2) Был создан бюджет, достойный этого имени, для оказания помощи десяткам тысяч армян, которые остались без крова⁵.

¹ «Азатамарт», № 34 и 36, 2 и 4 августа 1909. С. 3 (на арм. яз.). Похороны Бабикиана, состоявшиеся 4 августа, стали поводом для грандиозной объединительной церемонии, на которой присутствовали члены парламента, сенаторы, члены правительства и дипломатических корпусов. Во время церемонии Юсуф Кемаль и Григор Зограб произнесли надгробные речи, в которых они воздали должное самоотверженности и политическому мужеству Бабикиана.

² Протоколы дебатов были опубликованы стамбульской прессой и Терзяном. См.: Терзян А. Указ. соч. С. 621–623.

³ Полный перевод был опубликован в газете «Азатамарт», № 63, 5 сентября 1909. С. 1.

⁴ «Азатамарт», № 38, 6 августа 1909. С. 1–2 (на арм. яз.). Газета объявила о назначении Джемалья и опубликовала с ним интервью; посол Бомпар также сообщает об этом назначении в письме министру Пишону, 11 августа 1909: AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 283, f° 162.

⁵ Средства были отданы комиссиям, сформированным из местных видных деятелей, более или менее вовлеченных в совершение массовых убийств; большая часть денег была расхищена. Также стоит отметить, что имел место лишь символический возврат имущества, награбленного в период совершения массовых убийств: FO 195/2306. Письмо Даути-Уайли Лоутеру, Адана, 9 мая 1909.

3) Военные трибуналы, созданные в Киликии, наконец, арестовали тех, на ком лежала основная ответственность за массовые убийства, хотя к смертной казни через повешение были приговорены только лица, игравшие подчиненные роли.

4) 11 августа великий визирь Хильми-паша обнародовал официальное циркулярное письмо, которое сняло с армян все обвинения, выдвинутые против них¹. Одно предложение резюмирует общий смысл этого текста: «Не может быть никаких сомнений, что в дни старого режима, когда деспотические злоупотребления были обычной практикой, некоторые классы армянской общины ра-

ботали в направлении политических целей. Независимо от формы, которую приняла эта работа, однако, ее единственной целью было достижение освобождения от невыносимого преследования и злоупотреблений деспотического правительства». Эти слова явились признанием. Они подразумевали, что армяне подверглись массовым убийствам, поскольку в 1909 г. люди продолжали смотреть на армян в целом как на фидайи, то есть как на «террористов» и революционеров.

5) 12 августа министр юстиции Наил-бей публично заявил: «Армяне не несут ответственности за эти события»². Это предложение завершило кампанию реабилитации.

Деятельность первых военных трибуналов, учрежденных в Киликии

Ничто не свидетельствует более ясно о существовании политической воли, чем создание государством системы правосудия, способной наказать виновных в преступлениях и тем самым восстановить гражданский мир и верховенство закона. Однако после событий в Киликии работа первых местных военных трибуналов породила «злоупотребления», которые многие наблюдатели назвали шокирующими, не говоря уже о жертвах. Дипломат отмечает: «К сожалению, слишком очевидно, что новые правители страны проводят больше времени, взваливая обвинения на армян, чем пытаясь найти истинных виновников. Армян арестовывают сотнями, в то время как те, кто спровоцировал совершение массовых убийств, остались безнаказанными и даже заняли ответственные должности в судах»³. Эти военные трибуналы имели еще одну необычную особенность: они были составлены из главных организаторов массовых убийств, и все они действовали на основании отчетов, представленных местными комиссиями по расследованию, члены которых сами принимали участие в массовых убийствах⁴. Таким образом, у них было право решать, кто «виновен». В отчетах Бабикиана и Файка—Мостиджяна указывалось на эту непоследовательность, как и на частое обращение к даче ложных показаний

и на практику вымогательства признаний от жертв. Лишь после дипломатических протестов и резкой реакции со стороны армянских кругов Константинополя, 24 мая 1909 г. великий визирь Гусейн Хильми, наконец, объявил в парламенте о создании военного трибунала, который должен был включать пять судей, набранных из всех младотурок всех званий, и в котором Юсуф Кенан был назначен председательствующим судьей. Следует отметить, однако, что у этого суда не было средств, необходимых для проведения досудебного следствия, и он просто опирался на результаты расследований, проведенных его предшественниками. Было также создано три филиала суда в Тарсусе, Эрзине и Мараше.

Эта генеральная линия поведения военного трибунала была, вероятно, продиктована национальными властями. На начальном этапе она состояла в нанесении ударов в обе стороны, в отношении жертв и палачей, без различия, чтобы создать впечатление беспристрастного правосудия или, точнее, сохранить фикцию ответственности армян. Лучшим доказательством является отчет — подготовку которого никто не поручал, — который был опубликован за несколько дней до отчета Файка и Мостиджяна. Фраза из этого отчета (о которой мы уже упоминали, чтобы проиллюстрировать характер обвини-

¹ См. французский текст в AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 283, ff. 164/22–23v; армянский текст в газете «Азатамарт», № 42, 12 августа 1909. С. 1.

² «Азатамарт», № 42, 12 августа 1909. С. 3 (на арм. яз.).

³ FO 195/2306, письмо Даути-Уайли Лоутеру, 4 и 21 мая 1909.

⁴ Adossidès A. Op. cit. P. 106, ссылается на доклад американской миссии.

тельного заключения), направленная против киликийских армян, резюмирует отношение военных судей: «Мусульмане не приняли во внимание тот факт, что [армяне] так прямолинейно используют свободу и равенство, которые они только что приобрели»¹. Другими словами, неизвестные пропагандисты «объясняли» уже раздраженному населению, что поведение армян было первым признаком к достижению независимости и совершению массовых убийств мусульман. В связи с этим устная нота французского министра Пишона, высказанная османскому министру иностранных дел, представляет ценную информацию о методах, используемых судом в Адане:

«Только что по приказу военного трибунала в Адане было повешено шесть армян и девять мусульман за провоцирование совершения массовых убийств. Таким образом, военный трибунал в значительной степени принял версию событий, выдвинутую властями Аданы, которые хотели свалить вину за катастрофу на армян. Мы протестуем против этой несправедливости, в результате которой шесть представителей армянского населения, подвергнутого жестокому обращению, были наказаны вместе с представителями мусульманских исполнителей массовых убийств. Кроме того, нам известно, что мусульмане, которые подверглись наказанию, были лишь инструментами, не имевшими никакого реального значения, и что те, кто действительно виновен, остались безнаказанными. Вали Аданы даже не предстал перед военным трибуналом. Директор аданской турецкой газеты «Иттидал», который лично участвовал в резне и с тех пор не раз публиковал опасные клеветнические статьи, направленные против армян, не был потревожен никоим образом и продолжает проводить свою кампанию»². Констатирование этого факта получило конкретное подтверждение, когда военный трибунал оправдал всех местных организаторов массовых убийств.

Казнь этих шести армян, как и представление отчета Файка и Мостиджяна, вынудили правительство принять новую стратегию, как мы уже видели. Кабинет Хильми выдал орде-

ра на арест лиц, обвиняемых в отчете: вали Джевад-бей, военачальника Мустафы Ремзи, председателя младотурецкого комитета Аданы Ихсана Фикри, влиятельного деятеля Абдулкадира Багдади-заде, мутесарифа Джебелберекета Адила Асаф-бей, начальника полиции Кадри-бей и их пособников. Тем не менее прошло две недели, прежде чем бывший вали Джевад был арестован 27 июля, поскольку новый вали Зихни-паша и судьи военного трибунала отказывались выполнять полученные ими приказы. У великого визиря, таким образом, не было иного выбора, кроме как одновременно заменить 29 июля вали Зихни³ Ахмедом Джемалем, а председательствующего судью военного трибунала Юсуфа Кенана — Исмаилом Фазли-пашой, который прежде занимал пост военного коменданта Смирны. В тот же день Джевад, Зихни и Кенан были взяты под стражу.

В августе вновь образованный военный трибунал, наконец, продолжил допросы организаторов массовых убийств. Очевидно, больше ничего не говорилось о вине армян, однако, по-видимому, старые рефлексии были по-прежнему сильны. Армянская Патриархия Константинополя с горечью отмечала великому визирю, что, несмотря на все, многие армяне по-прежнему томились в киликийских тюрьмах в ужасных условиях, страдая от прихотей и жестокости своих охранников. Патриархия также выразила протест против мягких приговоров, вынесенных судом. Пусть судит читатель. Джевад был лишен права занимать любые посты на государственной службе в течение шести лет; однако ему предоставили месячную зарплату. Ремзи Мустафа был приговорен к трем месяцам тюремного заключения, но приговор не был приведен в исполнение. Асаф-бей был лишен права занимать любые посты на государственной службе в течение четырех лет. Ихсан Фикри был выдворен из Аданы. Исмаилу Сафе, коллеге Фикри по газете «Иттидал», пришлось провести один месяц в тюремном заключении. Осман-бей, начальник гарнизона в Адане, был приговорен к трем месяцам тюремного заключения. Абдулкадир Багдади-заде был сослан в Хиджаз на срок два года; он был амнистирован

¹ Терзян опубликовал полный текст доклада от 10 июля 1909 г. (Терзян А. Указ. соч. С. 689–699), который также был распространен стамбульской прессой в конце июля (см. «Азатамарт», № 33 и 34, 31 июля и 2 августа 1909).

² AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 283, ff. 121–123. 16 июня 1909 г.

³ Крупный курдский землевладелец, по слухам, был особенно подвержен коррупции.

по случаю первой годовщины Конституции¹. В своих докладах министру иностранных дел Пишону французский вице-консул в Мерсине и Адане сообщал о методах работы военного трибунала: армянину было практически невозможно дать показания в суде, а некоторые из судей меняли свою позицию, получив подарки от обвиняемых. Младотурецкие коллеги Ихсана Фикри даже вызвали его в Константинополь, после того как он провел некоторое время в Каире, чтобы он сделал официальное сообщение о том, что там произошло. Никто из них, однако, не отрекся от него публично за совершенные им деяния. В то же самое время в Киликии по приказу нового вали Джемаль-бея в короткие сроки было повешено более ста человек за участие в массовых убийствах. Однако дипломаты указывали, что наказанные лица играли роль второй скрипки в организации массовых убийств.

Ограниченный характер этой справедливости иллюстрируется в разговоре, который состоялся между патриархом и Исмаилом Фазыл-пашой, председательствующим судей военного трибунала, 4 сентября, в момент, когда Фазыл только что приговорил 40 турок и 3 армян к смертной казни. В ответ на вопрос армянского прелата турецкий генерал сказал: «Конечно, было установлено, вне всякого сомнения, что армяне были невинны; однако, были армяне, совершившие такие деяния, которые сами турки не посмели бы совершить»².

В целом, заменив председательствующего судью суда, правительство исправило наиболее вопиющие эксцессы, обеспечивая при этом, что назначенный судья будет провозглашать лишь символические приговоры, не занимаясь разоблачительной деятельностью.

Несмотря на показные добрые намерения кабинета Хильми, свидетель комментирует: «Военные суды продолжали считать армян мятежниками, не давая, стоит тут добавить, им возможности доказать обратное; обращаться к самым пресловуто известным должностным лицам в проведении расследований; позволять себе быть ведомыми людьми, которые спровоцировали и организовали массовые убийства; и, наконец, основывать свои решения на ложных обвинениях».

Другой американский свидетель отмечает: «Многие люди были заключены в тюрьму на основании ложных обвинений. Очевидно, любой мог быть арестован и заключен в тюрьму в результате замечания одного мусульманина. Я не знаю ни одного случая, когда свидетельство хоть одного армянина, получившего право адвокатской практики, было бы принято».

В своем поспешном стремлении обвинить армян суд зашел так далеко, что выпустил исполнительные листы в отношении людей, которые умерли за несколько месяцев до беспорядков³. Кабинет Хильми и судей военного трибунала, бесспорно, больше волновала реакция Запада, чем жалобы, поданные их армянскими союзниками.

Отношение армянских кругов к кризису в Киликии

Погромы в Киликии поначалу озадачили армянские власти. Некоторые армяне, такие как Григор Зограб, считали, что это — еще одна, «гамидовская провокация». Другие, настроенные более скептически, задавались вопросом о роли турецких властей. Скептики отмечали, что прибытие в Киликию войск «освобождения» под командованием офицеров-младотурок не остановило кровавую бойню, а, по сути, эти войска спровоцировали вторую волну насилия; что многие из тех, которые были известны как участники

этих кровавых событий, не были осуждены; что многие жертвы, пережившие массовые убийства, были арестованы или даже казнены без всякой на то причины; что армянских делегатов, отправленных в Киликию, не пустили в Адану; что денежные средства, отправленные Патриархатом в адрес городского архиепископства, никогда туда не пришли, и, наконец, что турецкие правительство и пресса в целом свалили вину за «события» на самих армян, которых они обвинили в организации восстания⁴. Армяне

¹ AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 283, f° 16421, 24, 33. Депеши из Мерсины от 11 и 21 сентября 1909 г.

² «Азатамарт», № 63, 6 сентября 1909. С. 3 (на арм. яз.).

³ Adossidés A. Op. cit. Pp. 119–120.

⁴ Протоколы Национальной палаты. стенограммы заседания от 8 мая 1909 г. С. 322–327.

ские парламентарии отмечали, что насилие сопровождалось другими формами преследования: видные люди были арестованы, школы разрушены, церкви и дома сожжены, а те которые уцелели в ходе резни, были обысканы и разграблены; женщин и детей похищали; сразу же после событий были введены налоги; оставшиеся в живых были лишены еды, а в некоторых деревнях армян принудительно ассимилировали. Все это напоминало методы, использованные при режиме Абдул-Гамида¹.

Армянские депутаты также отмечали, что даже присутствие нескольких английских, американских, французских, русских и итальянских линкоров в порту Мерсин, в двух часах пути от Аданы, не помешало армии развязать вторую волну массовых убийств; военные даже позволили оказать продовольственную помощь оставшимся в живых, которые в оцепенении бродили по улицам². Для армянских представителей очевидным приоритетом было как можно быстрее прийти на помощь оставшимся в живых. Армянская палата депутатов немедленно направила медицинские бригады и колонну спасателей в Киликию. Их задачей было распределять продовольствие и одежду среди жителей района и взять под опеку сирот, которых насчитывалось в июне 1909 г., через два месяца после бойни, около 7000³. Палата также намеревалась, кроме всего прочего, потребовать объяснений от правительства, хотя одновременно проводила и свое собственное расследование в районе⁴. В меморандуме, который она представила Блистательной Порте, выдвигались следующие требования: 1) освободить всех задержанных армян; 2) людей, которые были насильно исламизированы, отправить домой; 3) девушек, которых «выдали замуж» за мусульман, вернуть в свои семьи; 4) выжившим, ставшим бездомными, выплатить компенсацию

и вернуть похищенное имущество; 5) нового вали Мустафу Зини отозвать; 6) арестовать всех виновных; 7) организовать продовольственную помощь всем оставшимся в живых, и так далее⁵.

В начале июня патриарх Егише Турян, который сменил Измирляна (избранного Католикосом Армении), был очень вежливо принят султаном, великим визирем и министром внутренних дел. Армянская делегация высказала ряд жалоб, в частности: суды, учрежденные в Киликии для того, чтобы выносить решения в отношении бунтовщиков и других убийц, были образованы из главных организаторов резни, которые осудили и повесили шесть армян; несколько архиепископов, в том числе архиепископ Мараша, которые оказали сопротивление нападениям, в настоящее время преследовались судом; а правительство и турецкая пресса продолжали изображать резню как восстание армян⁶. Патриарх предложил, в свою очередь, чтобы смешанной парламентской комиссии по расследованию были приданы полномочия исполнительной власти и она отправлена в Киликию, а также потребовал, чтобы на военные суды, учрежденные в Константинополе, была возложена обязанность привлекать виновных к ответственности.

В ходе дебатов, состоявшихся в Армянской палате 21 августа 1909 г., выяснилось, что, хотя доклад Бабикиана не был зачитан перед османским парламентом, нескольких фрагментов, появившихся в прессе, оказалось достаточно, чтобы поставить правительство в неловкое положение. Его представители говорили армянским парламентариям в частных беседах, что было трудно наказать виновников резни, так как это могло возбудить мусульман, которые не потерпели бы никакого, даже минимального решения «в пользу» армян⁷. И действительно, все указывало на то, что армянский по-

¹ Там же. С. 328–335.

² Орманиян М. Указ. соч., полоса 5432. Дипломатические источники указывали, что некоторые жертвы из других регионов были репатриированы. «Около 60 человек — вдовы и дети, мужья и родители которых стали жертвами резни в Адане и прилегающих районах, были доставлены местными властями в Сивас в ужасном состоянии», а затем сопровождаются «до самого их родного района Терджан в вилаете Эрзурум. Спасаясь от нищеты и голода, которые царили в Терджане, эти семьи перебрались в Адану предыдущей осенью, чтобы поработать на уборке урожая».

³ Протоколы Национальной палаты, стенограммы заседания от 12 июня 1909 г. С. 404, 409.

⁴ Делегат Саркис Суин, который путешествовал вместе с прелатом, был помещен под «военный надзор», как только прибыл в Киликию — ему не давали свободно путешествовать (там же. С. 407).

⁵ Там же, стенограммы заседания от 24 апреля 1909 г. С. 305–306.

⁶ Там же, стенограммы заседания от 12 июня 1909 г. С. 389–409.

⁷ Там же, стенограммы заседания от 21 августа 1909 г. С. 484 и далее.

литсовет и армяне—депутаты парламента пытались прямо решать проблемы в сотрудничестве с правительством и КЕП, хотя палату, вероятно, не всегда информировали о ходе парламентских дебатов.

Армянская пресса была, конечно, менее осторожной, пользуясь относительной свободой, которая все еще действовала в этот период. Сурен Партевян, автор редакционных статей в газете «Бюзандион», был одним из первых армянских журналистов, которые откровенно выразили то негодование, которым была охвачена большая часть армянского сообщества. Комментируя вторую резню в Адане, направленную на безоружное население, он восклицал: «После этого кровавого трюка как можно обвинять в чем-то эти безмолвные трупы людей, которые на этот раз даже не предприняли никаких попыток самообороны, не произвели ни одного выстрела, даже не бросили ни одного камня? Чем мы можем ответить на эти лживые обвинения? Как мы должны понимать их? Объясните нам... Если вы больше не хотите, чтобы мы жили в этой стране или вообще существовали на земле... Сколько еще нужно течь нашим крови и слезам из-за этой фантастической и бредовой легенды об «Армянском царстве», в которую не верите вы сами, потому что вы не можете себе представить, чтобы армяне были настолько глупы, чтобы, в свою очередь, поверить в нее»¹. Эти слова отражают не только возмущение, но и отчаяние, которое охватило многих армян, когда они увидели в результате этих событий, как мало ситуация изменилась. Другие, как автор редакционной статьи в ежедневной газете «Азатамарт», который комментировал деятельность парламентской комиссии по расследованию, были, скорее, цинично пессимистичны. «Было бы наивно, — писал этот автор, — ожидать, что справедливость восторжествует. Весь процесс, который сейчас идет, предназначен не для триумфа правосудия, а для опускания завесы на эту катастрофу, которая опустошила армянское население Киликии»².

Помимо этих общих деклараций, однако, стали слышны и обвинения, адресованные непосредственно правительству. Депутат Г. Зограб, очевидно, не помня себя, взорвался с трибуны османского парламента: «Правительство остается верным давней

традиции отрицания фактов, как и в случае с событиями в Адане — оно отказалось признать количество жертв, хотя позднее официальная информация подтвердила это количество»³. Реакция многих депутатов-младотурок, которые были в принципе открыты для демократической практики, отражает османские реалии того времени: Зограба просто прервали, стащили с трибуны и избивали. Другой показательный факт можно было наблюдать на следующем заседании парламента, состоявшемся 3 июля: Г. Зограб и Вардгес Серинголян пытались отстоять законопроект о создании профсоюзов в Османской империи. Большинство депутатов относились к нему враждебно, хотя он и был внесен на рассмотрение фракцией младотурок⁴. Контраст между аргументами, выдвинутыми двумя армянскими депутатами, и реакцией на них — консервативной, по меньшей мере, некоторых их турецких коллег — иллюстрирует культурную пропасть между армянами и этими коллегами, не исключая и тех депутатов, которые слыли модернистами.

Несмотря на скромный прогресс в рассмотрении событий в Киликии — мы видели, как османский парламента и правительство занимались этим делом, армянские круги продолжали требовать, когда уже наступила осень, чтобы жертвы получили компенсацию за понесенный ущерб и чтобы им вернули их имущество. Учитывая политический и социальный контекст, который эти круги знали лучше, чем кто-либо другой, их упрямая настойчивость в требовании справедливости в стране, в которой до недавнего времени царило весьма ограниченное толкование этого понятия, может показаться удивительной. Армяне, однако, явно решили довести дело до конца и не идти на уступки. Проявив определенную гибкость в прямых переговорах с правительством и лидерами младотурок в течение лета, теперь они отказались довольствоваться просто обещаниями, поскольку дело представлялось им слишком большой угрозой для будущего и слишком явно противоречащим тем принципам, которые официально провозглашались младотурками.

25 сентября на открытом заседании Армянской палаты Н. Дживанян, также депутат парламента и иттихадист, пытался защитить

¹ «Бюзандион», № 3823, 10 мая 1909 г. С. 1 (на арм. яз.).

² «Азатамарт», № 2, 24 июня 1909 г. С. 1 (на арм. яз.).

³ «Азатамарт», № 9, 2 июля 1909 г. С. 2, стенограмма заседания 104 (на арм. яз.).

⁴ «Азатамарт», № 10, 3 июля 1909 г. С. 2, стенограмма заседания (на арм. яз.).

правительство младотурок. Он выдвинул тезис о том, что после «Аданского дела» властям как раз удалось избежать дальнейших эксцессов и массовых убийств в восточных провинциях. Прерванный в разгар своего выступления громкими протестами со всех сторон, он уступил слово лидеру дашнаков Х. Шахригяну, который выступал от имени армянского политсовета. Проанализировав ситуацию, Шахригян заявил, что члены совета, действуя совместно со своими армянскими коллегами из османского парламента, предпочли избежать обсуждения доклада парламентской комиссии (подготовленного Бабикином) на заседании Османской палаты. Причиной было то, что большинство османских депутатов было явно против любого публичного оспаривания действий турецких властей. Члены политсовета и делегаты-армяне пришли к выводу, что если избежать обсуждения, то правительству будет легче двигаться в направлении того, что можно было бы считать желательным результатом¹. Как только Шахригян закончил свое выступление, слово взял лидер гнчаковцев Гмяк Арамянц. Он заявил о наличии преимущества между хамидовским и младотурецким режимами, хотя политика последнего, и не отличалась от первого, была гораздо искуснее «упакована» и проводилась за правовым фасадом. Арамянц добавил, что это проявилось в ходе судебных процессов в Адане — представлялось, что правительство не может на законных основаниях отменить вынесенные там приговоры.

Несмотря на несколько несогласных голосов, подавляющее большинство депутатов-армян старались поддерживать отношения с Блистательной Портой в поисках выхода из кризиса. Тем не менее армянский политсовет, чтобы ясно дать понять, что он не намерен уступать ни аргументам, ни угрозам властей, предложил патриарху Егише Туряну уйти в отставку. Турян сделал это 4 сентября в знак протеста против инертности правительства². Тем не менее параллельно с этими обсуждениями, либералы и дашнаки продолжали поддерживать отношения с руководством Иттихада, которое, как они знали, было влиятельным. Отсутствие конкретных результатов и, по словам

оппонентов армянского политсовета, неадекватность его политики вызвали падение либерального и дашнацкого руководства палаты, которая приступила к выборам нового совета с консервативным большинством, вновь избранным руководителем стал неисправимый Минас Чераз³. Таким образом, «мягкое подбрюшье» палаты, в конце концов, всерьез приняло угрозы правительства.

В ходе дебатов, которые последовали за этими переменами в руководстве палаты, Г. Арамянц, поддержанный Г. Зограбом, указал на то, что избрание людей из старой школы — не лучший способ достижения оптимальных результатов. Кроме того, по его словам, такие люди совсем не знали, какова повседневная жизнь в провинциях; более невозможно, добавил он, отстранять политические партии от ведения дел. Г. Зограб, который занимал более примирительную позицию, напомнил, что он пытался, по возвращении из изгнания год тому назад, объединить интеллигенцию и партии в единый блок, с тем чтобы привести их к участию в политической жизни страны в предназначенных для этой цели рамках. В конце концов, по его словам, избрание партийных активистов в совет означает не превращение его в партийный придаток, а, скорее, попытку направления партийной энергии в сторону достижения консенсуса⁴.

На самом деле тот кризис, который охватил армянские учреждения в результате событий в Киликии, стал выражением глубокого беспокойства в стане армянского политического истеблишмента. Газета «Бюзандион» сообщила о следующем обращении Зограба к палате: «Нельзя отрицать, что нынешнее правительство хорошо настроено по отношению к нам, так как мы очень хорошо знаем, что пять месяцев тому назад существовала реальная опасность того, что резня в Адане распространится на всю Армению, о чем свидетельствуют телеграммы и письма, которые попали в руки наших национальных лидеров»⁵.

Информация, распространенная по сети всех европейских консульских учреждений в Анатолии, подтвердила, что такая опасность действительно существовала: «В течение некоторого времени среди нас распространился своего рода пессимизм: он состоит

¹ Там же, стенограмма заседания от 25 сентября 1909 г. С. 517–518 и 522–524.

² Там же, стенограмма заседания от 4 сентября 1909 г. С. 493–494.

³ Там же, стенограмма заседания от 30 октября 1909 г. С. 46–47.

⁴ Там же. С. 49–50.

⁵ № 3924, 20 сентября. С. 1 (редакционная статья, на арм. яз.).

в том, что Османский комитет [КЕП], если и не сам организовал массовые убийства в Адане, был, по крайней мере, не против них и получил от них большое удовлетворение. Очень важно прояснить этот вопрос, потому что нельзя отрицать, что Османский комитет контролирует нынешнее руководство страны и что его ориентация и решения имеют жизненно важное значение для армянского народа. Если в будущем Османский комитет хочет уничтожить армян материально и морально, то желательно, чтобы мы знали об этом прямо сейчас, так, чтобы мы могли не беспокоиться о своем будущем, то есть встали и покинули эту страну. Со своей стороны, мы изучали этот вопрос в течение шести месяцев. Мы знали о телеграммах и докладах, которые получал патриарх, и мы сами постоянно получали корреспонденцию от самых разных групп из регионов с армянским населением. Однако мы не можем сделать вывод о том, что Османский комитет хотел резни армян»¹.

Редакционная статья Кечяна не озвучила ключевой вопрос, который в то время волновал всех, а именно, был ли КЕП замешан в массовых убийствах или нет. Она, однако, выразила гнетущие сомнения и смутное ощущение того, что само присутствие армян в империи уже вызывало споры.

В декабре того же года Г. Хосровян представил, от имени нового руководства совета, доклад о реакции правительства на требования совета о возмещении ущерба. Хосровян заявил, что пятеро армян, приговоренных к смертной казни, были амнистированы и что сорок два человека, принимавшие участие в резне, были повешены, и что некоторые из заключенных были освобождены; но это в основном не затронуло организаторов резни, и ничего не было сделано, чтобы вернуть похищенных детей в свои семьи². Несмотря на все это, католикос Киликии Саак Хабаян

II, который подал в отставку в знак протеста в то же время, что и патриарх, передумал и попросил своего коллегу в Стамбуле Егише Турияна сделать то же самое. Таким образом, ключевой вопрос, о котором шли все дебаты палаты в 1908–1909 годах, был сформулирован: как далеко можно пойти в своих требованиях возмещения ущерба, а также обеспечения безопасности жизни и сохранности имущества армян, не спровоцировав новые погромы?

Это было в точности предметом нового часового выступления Г. Зограба, который попросил разрешения выступить на закрытом заседании, без протокола³. Это и понятно, так как казнь сорока двух убийц в Киликии стала очень эмоциональным вопросом для турецкого общественного мнения. Надо отметить, что те, кто нес основную ответственность за массовые убийства, не были наказаны, но и казни «вторых скрипок», однако, стало достаточно, чтобы привести к отставке премьер-министра Хильми-паши, на смену которому пришел Хакки, автор известной декларации, которая обвиняла в резне самих армян⁴. Некоторые депутаты считали, что киликийское дело стало прецедентом и что если палата не доведет свою борьбу за компенсации до конца, то нельзя будет рассчитывать на улучшения в судьбе армянского населения в провинциях, будь то возврат конфискованных земель или диктат со стороны курдских племен. В конце концов, палата обязала армянских депутатов османского парламента, особенно Григора Зограба, Амбарцума Бояджяна и Вардгеса Серингюляна, снова обратиться к их турецким коллегам. Важно отметить, что политсовет в то же самое время попросил патриарха возобновить свою деятельность⁵. Очевидно, что армяне решили не упорствовать в своих требованиях перемен, боясь спровоцировать дальнейшее насилие.

Роль Комитета «Единение и прогресс» в погромах в Киликии

11 марта 1909 г. константинопольская газета «Independent» сообщила, что доверенные лица армянской парламентской делегации ушли со встречи с президентом

парламента Ахмедом Ризой, который заявил им без обиняков: «Берегитесь, если вы не прекратите создавать проблемы, вас всех вырежут». Вполне вероятно, что заявление

¹ Там же. С. 1.

² Там же, стенограмма заседания от 18 декабря 1909 г. С. 127–129.

³ Там же. С. 130.

⁴ Декларация была опубликована в газете «Temps» и перепечатана в «Азатамарте» (№ 12, 6 июля 1909 г. С. 1, на арм. яз.). См. выше. С. 119.

⁵ Там же. С. 143–153, 161.

такого рода объясняется тем, что Риза на миг вышел из себя, и ни в коем случае не может рассматриваться как доказательство желания партии связать резню с политикой. Тем не менее эта фраза Ризы дает нам представление о душевном состоянии второго по значимости человека в государстве и заставляет задуматься о той роли, которую на самом деле играл КЕП в киликийском деле. Тем не менее, кроме таких заявлений, как обвинения Зеки-бея, инспектора Управления османского долга и главного редактора журнала «Şerah» — предъявившего напрямую обвинения Центральному Комитету младотурок¹, — у нас нет никаких доказательств того, что руководство Иттихада было непосредственно ответственно за массовые убийства в Адане. В то же самое время некоторые люди попытались выявить основные причины аданской бойни. Отец Ригал, внимательный наблюдатель, который был в Адане во время резни армян в апреле 1909 г., также попытался разобраться в них. Он писал: «Часто спрашивают: что могло стать причиной взрыва такого свирепого фанатизма среди мусульманского населения. В те забываемые дни я был обязан поддерживать довольно частые контакты с различными органами власти. Могу сказать, что я никогда не слышал от них ничего, кроме припева: “Армяне убивают мусульман, армяне стреляют в наших солдат; армяне грабят и жгут...” Одним словом, “армяне — агрессоры”, что было полной противоположностью истине; или, опять же, “армяне — повстанцы, а мы просто подавляли восстание”, что вали дословно однажды сказал мне»².

Как и многие другие реальные наблюдатели тех событий, этот миссионер только поднял важный вопрос, выявив то, как власти описывали события, но не ответил на него. Действительно, это дело останется необъяснимым, если мы не оторвемся от местного контекста и не взглянем на уровень руководства движением младотурок.

Отсутствие убедительных свидетельств, для того, чтобы определить степень участия КЕП, нам остается внимательно наблюдать за тем, как руководство или местные

органы партии вели себя во время и после резни; исследовать ту позицию, которую она официально занимала, реакцию фракции младотурок в парламенте, когда киликийское дело было поставлено на повестку дня парламента, и то, как ее пресса судила о событиях. Такие косвенные свидетельства помогут нам, как минимум, выявить признаки соучастия или, по крайней мере, проявления солидарности с преступниками.

Что касается местных органов партии, то доклад Файка—Мостиджана, как и парламентский документ Бабикиана, показывает без малейших обиняков, что наряду с вали и военным комендантом вилайета президенты и члены клубов КЕП в Тарсоне и Адане принимали непосредственное участие в организации массовых убийств в этих двух городах. Тем не менее КЕП не только отрицал эти факты, но даже отказался осудить такую сомнительную личность, как Ихсан Фикри³, хотя было известно, что он взбудоражил местную общественность своими статьями, в которых обвинил армян, в частности, в сепаратизме и подготовке резни турецкого населения.

Также вызывают беспокойство и приказы, которые Адиль-бей, заместитель государственного секретаря в министерстве внутренних дел, отдавал вали Аданы, требуя «защитить иностранцев», которые, в соответствии с гамидовской идиомой, означают «резать армян, но не трогать граждан зарубежных стран, ибо если этого не сделать, то Европа может с нас спросить». За такие приказы Адиль не только не был наказан, но оставлен на своем посту, а затем был повышен до звания советника великого визиря⁴. Не менее тревожным было поведение «Армии действия», возглавляемой офицерами-младотурками: она приступила ко второй волне резни в Адане 25 апреля, сразу же по прибытии в этот район. И что, наконец, мы должны сказать о реакции фракции младотурок в парламенте, которые избили армянского депутата, потребовавшего установить истину, и энергично протестовали против ареста вали Джевада и военачальника Ремзи-паши, хотя оба были однозначно признаны виновными в массовых убийствах в Адане?

¹ Зеки-бей готовился опубликовать «важные откровения по поводу интриг Комитета, революционного движения 31 марта и инцидентов в Адане». Как результат, по его собственным словам, он был бы приговорен Комитетом к смерти: *Mécheroutiette. Constitutionnel ottoman*, № 51, février 1914. P. 34.

² *Kévorkian R.* Op. cit. P. 152.

³ Газета «Бюзандион» опубликовала декларацию ЦК в Салониках (№ 3946, 16 октября 1909 г. С. 3, на арм. яз.).

⁴ «Азатамарт», № 3, 25 июня 1909 г. С. 3 (на арм. яз.). См. статью Ринат де Валла, корреспондента газеты «Giornale d'Italia».

Мы можем продолжить этот перечень вмешательств КЕП рассмотрением поведения офицеров-младотурок на первом суде военного трибунала по аданским событиям: он пощадил Джевада, Ремзи, Ихсана Фикри и их сообщников, но приговорил к смерти рядовых мусульман—участников массовых убийств и армян, которые сопротивлялись на своей родной земле. Разве мог ЦК в Салониках, который внимательно наблюдал за всем, что происходит, вдруг сложить руки и смотреть, как выносятся приговоры? Более вероятно, что он подобрал членов военного трибунала из рядов своих военных и структурировал их перед отправкой в Киликию. Дело Ихсана Фикри — одно из самых поучительных: приговоренный к ссылке первым военным трибуналом после общего оглушительного шума, вызванного его первоначальным оправданием, он был вызван в Константинополь и встретился с великим визиером Хильми-пашой, которого он стремился запугать, более или менее открыто угрожая сделать признание. Как следствие, он был сослан в Бейрут, где вскоре умер при загадочных обстоятельствах.

Следует также отметить, что органы печати младотурок также прямо влияли на события, которые длились с апреля по июль, изображая армян как полностью виновных в своей собственной резне. Когда эта позиция стала шаткой, они замолчали.

В любом случае ничего, как кажется, не было оставлено на волю случая. Юсуф Кемаль, один из двух членов парламентской комиссии по расследованию, видел и говорил о вещах, которые не понравились Комитету, несмотря на его расхождение со своим коллегой Бабикианом. Мало того, что его текст не был никогда опубликован, он был щедро «вознагражден» должностью руководителя турецких студентов в Париже — к тому времени это был уже пожилой адвокат, — чтобы отправить его подальше от Стамбула. Наиболее значительным актом Комитета, однако, стало продвижение по службе тех должностных лиц, которые активничали в резне армян в Киликии, и понижение в должности или увольнение тех, кто преуспел в поддержании порядка в своих военных округах. Хаджи Мухаммед, майор албанской жандармерии в Сисе, который защищал местное армянское население, был отстранен от

командования; подполковник Хурсид-бей, который спас Хаджина, был переведен в Румелию. И наоборот, Гусейн эфенди, бывший судебный исполнитель Мараша, которого военный суд ранее приговорил к нескольким месяцам тюремного заключения за то, что он помогал организовать нападение на армян своего города, был назначен следователем в Диарбекире¹.

Все эти факторы, которые мы обсудили в предыдущих главах, предполагают, по крайней мере, то, что Комитет «обеспечил сопровождение» резни и далее справлялся с ситуацией, которая возникла в результате, в соответствии с гамидовскими правилами поведения. Более того, есть основания предполагать, что именно он и организовал их.

По той причине, что «реакция» в Константинополе и погромы в Адане совпали, современники первоначально думали, что их ответственные и организаторы те же люди. Они также думали, в свете появления гамидовских прецедентов, что эти события, вероятно, можно записать на счет реакционных кругов или кругов, которые считались таковыми. Люди, которые планировали массовые убийства, без сомнения рассуждали аналогично. Кто получил максимальную выгоду от событий в Константинополе, так это в любом случае младотурки, которые, спекулируя на событиях, одновременно избавились от Абдул-Гамида (который был смещен парламентом 27 апреля 1909 г.)² и от всей либеральной оппозиции.

Тезис о том, что киликийская резня возникла как спонтанная вспышка насилия, является несостоятельным. Только приказ нравительства, которое гарантировало виновным безнаказанность, мог побудить население идти грабить и убивать своих соседей. Более того, трудно представить, как губернатор, которому помогает местный военачальник, самостоятельно инициирует людскую и экономическую катастрофу такого масштаба (позже было доказано, что оба координировали резню на местном уровне). На наш взгляд, не может быть никаких сомнений в том, что эти опытные люди — а генерал Ремзи-паша был одним из организаторов гамидовских погромов в Мараше 1895–1896 гг. — приказ начать массовые убийства получили сверху. Они смогли создать впечатление, что оказались в неуправ-

¹ «Азатамарт», № 125, 18 ноября 1909 г. С. 1 (на арм. яз.).

² Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 285; Папазян В. Указ. соч. II. С. 114, указывается, что Зограб был одним из основных авторов акта о смещении султана.

ляемой ситуации. Они также преуспели в управлении потоком «информации», как это было во времена Абдул-Гамида, на основании принципа, что жертвы должны быть избранными агрессорами, агрессоры — жертвами.

Кто отдал приказ? Кто велел высокопоставленным гражданским и военным чиновникам, а также местной знати организовать эти «спонтанные бунты»? Кто это был — государство, правительство или КЕП? Все указывает на то, что единственное учреждение, которое контролировало армию, правительство и основные государственные органы, а именно — Центральный комитет Иттихада — мог отдать такие приказы и убедиться в том, что они выполняются. С учетом обычной практики этой партии, можно предположить, что приказы направлялись, в первую очередь, с

помощью известных командированных делегатов, отправляемых из Салоник, которым не смел противоречить ни один вали.

Какой был смысл в совершении этих погромов? Не давая конкретного ответа на этот вопрос, мы можем рискнуть выдвинуть несколько правдоподобных объяснений. Экономическая динамика регионов и их исключительное географическое положение, при котором — а в турецких кругах часто подчеркивали это обстоятельство — армянское население, хотя и составлявшее меньшинство, приобрело значительное влияние в сельском хозяйстве и торговле, могли подстегнуть партию младотурок, одержимую идеей отуречивания всей страны, нанести удар по развитию региона, который был частично пощажен гамидовской резней 1895–1896 годов.

Армяне сталкиваются с реалиями младотурок сразу же после погромов в Киликии

Резня в Адане заставила Армянскую революционную федерацию (АРФ) пойти дальше, чем просто поставить под вопрос стратегию своего альянса с Комитетом «Единение и прогресс» (КЕП) и младотурками, чьи ассимиляционные амбиции не были, похоже, уже секретом ни для кого. В связи с этим автор редакционной статьи в «Дрошаке» писал: «"Союз", по замыслу Ризы, просто означает ассимиляцию. [Младотурки] хотят совершить то, чего и великим странам с высоким уровнем цивилизации по сей день не удалось сделать с этническими меньшинствами. Они думают, что это вдруг стало возможным — курьезность и политическая абсурдность видны в этом — для Османской империи ассимилировать, наконец, другие этнические группы, хотя эти группы имеют многовековое культурное наследие и, в совокупности, находятся на несравненно более высоком интеллектуальном уровне; они думают, что империя, наконец, сумеет растворить их в преобладающем тюркизме. Тем временем фракция, в которой доминируют младотурки, пытается создать, всеми и любыми средствами, законными или незаконными, полностью централизованную систему под гегемонией турецкого элемента,

в которой партия Иттихада могла бы сказать подобно Людовику XIV «Государство — это я»¹.

Представляется, что к этому времени, то есть к концу апреля 1909 г., АРФ поняла истинные намерения своих партнеров. Следует, однако, сказать, что у нее не было другого выбора, кроме как поддерживать диалог с ними. Единственной альтернативой было вновь взяться за оружие и вернуться в подполье.

Автор той же редакционной статьи подвел баланс работы комитета младотурок и признал, что «восемь или девять месяцев правления комитета показывают его глубокое и возмутительное равнодушие к самым важным потребностям представителей других наций. Армянский элемент стал главной жертвой старого режима; и все же мы не наблюдали в диктаторской политике комитета никакого плана или какой-либо серьезной попытки помочь ему выжить или перевязать его кровоточащие раны. Земли армяны остаются почвой для преступлений, как и при старом режиме, они по-прежнему кишат всеми известными генами прошлого — организаторами грабежей и резни, только теперь они — в форменной одежде»².

¹ Вторая революция, «Дрошак», № 4/201, апрель 1909. С. 41–45 (на арм. яз.).

² Протоколы Национальной палаты. С. 43. намек, очевидно, сделан на вождей племен и знать в провинциях, которые были тесно связаны со старым режимом. «Предатели отечества» ради децентрализации — это, очевидно, либеральные круги, которых КЕП ликвидировал после «реакции» 31 марта.

Таким образом, критика иттихадистов со стороны АРФ стала более точной: впервые КЕП был назван «диктаторским комитетом». Это обвинение, опубликованное в официальном журнале АРФ, — первое подобного рода после революции июля 1908 г. — также утверждало, что хорошо известные преступники стали депутатами благодаря поддержке младотурецкого «большинства», которое постановило, что «все, кто выступал за децентрализацию» — это «предатели отечества»¹.

Падение кабинета Хильми, вызванное казнью киликийских преступников, очевидно, стало предупреждением армянским депутатам, которые теперь поняли, что пределы возможного в их отношениях с турецкими коллегами достигнуты. Армянское руководство, даже несмотря на твердую позицию по киликийскому вопросу, продолжало утверждать, что Армения — неотъемлемая часть Османской империи, и единство империи важно для него. Именно поэтому все армянские лидеры одобрили законопроект, который постановил сделать военную службу обязательной и для немусульман, и активно работали над его принятием (в августе 1909 г.). Они поддержали эту реформу, потому что верили, что это поможет ускорить их интеграцию и сделать их полноценными османами. Однако они хотели, чтобы призыв молодых армян в армию сопровождался отменой налога за освобождение от воинской повинности, который заменил подушную подать на немусульман — налог, который слишком резко обозначил разницу в статусе между турками и христианами. Опасаясь, что религиозное давление будет перенесено в солдатские казармы, они также потребовали, чтобы в «смешанных» батальонах — формула, которую, наконец, выбрало правитель-

ство, — были назначены капелланы, которые имели бы такой же статус, что и имамы².

Воинская обязанность, однако, оказалась настоящим кошмаром для молодых армянских новобранцев. Симон Заварян, который провел 1909 и 1910 годы на равнине Муша, рассказывал своим товарищам в Стамбуле о боях палками, всевозможных актах насилия, катастрофических санитарных условиях (в Муше не было казарм) и случаях дезертирства, к которым это все приводило. Он отмечал, что за последние три месяца в группе из менее чем 800 призывников было тридцать смертей. Он добавил, однако, что «самая страшная ситуация с албанскими [солдатами], половина которых уже исчезла». Дашнакский лидер также сообщил о подсчетах д-ра Завриева относительно новобранцев в Эрзуруме, где «за прошлый год умерло более 2000 солдат». Он указывал, что «такая смертность в десять раз выше, чем в зарубежных странах»³.

Во время своего краткого пребывания в Сивасе Сапах-Гулян увидел там 500 армянских призывников со всего региона, которые были размещены в казармах вместе с 60–70 турками. Опасаясь восстания, командир гарнизона решил разоружить солдат-армян. Напряженность в отношениях между призывниками-армянами и младшими офицерами-турками дала о себе знать, когда офицеры потребовали, чтобы призывники называли себя османами, а не армянами. Они заставляли армян делать всю ежедневную работу и выносили им суровые наказания по любому поводу⁴.

Другие политические вопросы только намером упоминались на заседаниях палаты или, если того требовали интересы партии, осторожно формулировались в газетах с помощью утечек информации. Были, одна-

¹ Там же. С. 190–195 (стенограммы заседаний от 21 августа 1909 г. и от 12 февраля 1910 г.). Переписка французских консулов проливает свет на первые эксперименты в этой области. Она также показывает, что «христиане посчитали оскорбительными те нравы, которые царили среди солдат-мусульман». Эти и аналогичные замечания в отношении солдат-турок подтверждаются частыми ссылками на случаи насилия или попыток насилия в отношении армян-призывников. Власти скрывали эти факты от общественности. Они также хранили молчание об условиях, навязываемых солдатам-христианам, иллюстрацией которым служит «случай с 17 призывниками из Диарбекира, которых в прошлом году послали в Муш [sic]; 14 из них умерли от истощения и нужды [обстоятельство, которое] вряд ли способно утешить других». См.: AMAE, Correspondance politique, Turquie, p. s., vol. 85. Pp. 37, 52 et 105 (письма французских вице-консулов в Эрзуруме и Диарбекире от 10 марта, 6 апреля и 7 августа 1911 г.).

² Симон Заварян: к 70-летию со дня смерти. С. 385–386 (письмо в Западное бюро, отделение в Константинополе, 25 октября 1910 г.).

³ Сапах-Гулян С. Воспоминания о Малой Армении, часть 1, 10 мая–1 августа 1911 г., Чикаго, 1917. С. 323 (на арм. яз.).

⁴ Протоколы Национальной палаты, стенограмма заседания от 25 ноября 1911 г. С. 430–444.

«о, исключительные случаи, как, например, 25 ноября 1911 г., когда, в отступление от правил, Григор Зограб выступил с почти двухчасовой речью перед депутатами по вопросу турецко-армянских отношений¹. Он сделал довольно пессимистичный, но прагматичный анализ трех лет конституционного строя. «Было бы несколько наивно, — сказал он. — полагать, что в этой стране, просто провозгласив Конституцию, можно изменить общее отношение османского населения... [в чьих глазах] христиане никогда не могут быть равней мусульманам, единственным, у кого есть права». Касаясь безопасности населения провинций, Зограб напомнил, что армянские депутаты в османском парламенте всегда сотрудничали в проведении совместной деятельности; он чувствовал, что пришло время что-нибудь сказать. Армяне, он утверждал, должны принять во внимание незрелость турок и действовать с осторожностью, поскольку, как всем известно, конституция — это пустая оболочка, как, например, провозглашение равенства всех граждан перед законом. В связи с этим было существенно, что христиане, составлявшие одну треть населения империи, были представлены только одной седьмой частью парламентского корпуса, а должности вице-спикеров или председателей парламентских комитетов были вообще вне досягаемости для нетурок. Если сам парламент не уважает принцип равенства, трудно ожидать этого от турецкого населения в целом. Приведя Адану в качестве примера, он также отметил, что парламент и правительство не желали осудить эти гнусности, и, в лучшем случае, передали суду только рядовых участников массовых убийств, продолжая при этом прикрывать главных организаторов резни. Сам он, как он рассказал, сделал публичное заявление в парламенте; и все знают, что его прервали турецкие коллеги, которые были просто в ярости. В тот же день правительство громко аплодировало, когда армян обвинили в насилии. В этих условиях, как заявил Зограб, он осознал всю глубину слепоты турецкого политического истеблишмента и, вместе с другими армянскими депутатами, стал добиваться лишь того, чтобы правительство признало после нескольких месяцев интенсивной дискуссии, что «армяне не несут никакой вины» за резню, что парламент, в конечном счете, признал. Что касается армян, которые были приговорены

к смертной казни в Хаджине, то он напомнил, что для того, чтобы спасти их от казни, необходимо было спровоцировать отставку патриарха Туряна. Турян вернулся на патриарший трон только после того, как Джавид и Талаат предоставили официальные заверения, что младотурки сделают все необходимое для восстановления спокойствия в Киликии и Армении. Все это было достигнуто, как утверждал Зограб, благодаря разумной политической линии, без публичного разглагольствования, которое могло вызвать бурную реакцию турецкого населения. Чтобы улучшить положение армян на высотном плато, добавил он, мы добились назначения в некоторые районы честных вали, а именно: Джелал-бея в Эрзуруме, Бекира Сами в Ване, Исмаила Хаки-бея в Битлисе и Джемаль-бея в Адане. Еще более важно для него было то, что когда вали не давали курдам грабить или вымогать деньги и пытались отстоять права армян, курды угрожали эмигрировать или взбунтоваться. Кроме того, продолжал Зограб, в Константинополе имелось мощное курдское «лобби», с младотурками в своих рядах, которое одобряло практику запугивания, которую практиковали кочевники. Вместе со своими коллегами Зограб, по его словам, обратился к правительству с предложением закона, который позволил бы назначить инспекторов, обладающих исполнительной властью, чтобы избежать бесконечных судебных тяжб и, по крайней мере, положить конец захвату земель. По их настоянию власти согласились разработать законопроект и представить его в парламент, где он был, однако, решительно отвергнут большинством депутатов. После этой неудачи, как сообщил Зограб, армянские и некоторые иттихадистские депутаты стали рассматривать другие формулы, способные привести к правовому разрешению проблем; эти усилия, однако, еще не принесли свои плоды.

В более широком смысле Зограб высказал мнение, что ослабление партии младотурок, подавленной ультранационалистическими кругами, стало тревожным сигналом и что всеобщая резня армян могла разразиться в любой момент. Чтобы оправдать поведение правительства, он добавил, что оно боится спровоцировать восстание курдов на востоке, если улучшит положение армян за счет курдов, в тот самый момент, когда ситуация во Фракии такая взрывная и война неизбежна.

¹ Папазян В. Указ. соч. Т. II. С. 126.

Это подведение итогов показывает, что армянские власти продолжали развивать свои отношения с младотурками. Некоторые замечания указывают на то, что внутреннее обсуждение привело армян к выводу, что предпочтительнее более не упоминать публично киликийский вопрос, прекратить попытки добиться его обсуждения в парламенте, а решать его тихо и тайно с младотурками. Другими словами, армянские круги пришли к точке зрения руководителей КЕП о том, что настойчивые требования армян о возмещении ущерба и наказании преступников могли спровоцировать новую резню.

У нас есть следы еще одной из таких встреч. Ее организовал делегат КЕП, который был послан в Константинополь в августе 1909 г. для того, чтобы предложить АРФ направить своих представителей в Салоники на «дружескую встречу». Там Арутюн Шахриган и Армен Гаро провели ряд встреч с Мидхатом Шюкрю и д-ром Назимом¹. Как и при любом серьезном кризисе, КЕП вступил в контакт с АРФ в порядке, так сказать, оценки ее настроений и возобновления своего союза с

армянской стороной. Несмотря на негативный общий итог, упомянутый выше, который Дашнакцутюн опубликовал в своем официальном органе вскоре после резни армян в Киликии, федерация не прерывала своего диалога с КЕП, более того, боевики АРФ даже спасли Талаата, Халила и Назыма от ярости повстанцев и откликнулись на призыв иттихадистов «направить добровольцев для спасения Конституции». АРФ была по-прежнему убеждена, что КЕП — единственный партнер, способный реформировать империю. После трех долгих совещаний представители этих двух комитетов, наконец, заключили соглашение с основными целями ведения совместной борьбы против консервативных кругов «для защиты отечества и его территориальной целостности» и реформирования управления «по принципу децентрализации». На включении последней формулировки настаивали дашнакские делегаты, а младотурки, вероятно, пошли на эту уступку, чтобы убедить своих союзников в своей доброй воле. Однако сомнительно, что КЕП действительно взял новый курс по этому вопросу.

¹ Там же. С. 126.

ГЛАВА 4

Первые отклонения КЕП: конгрессы 1909, 1910 и 1911 годов

Хотя армянские власти отнеслись к событиям в Киликии скорее прагматично, тем не менее насилие в Адане оказало длительное негативное влияние на отношения между младотурками и армянами. Оно разрушило надежды дашнаков и некоторых других кругов в Стамбуле на то, что новый режим приступит к реформированию империи. Однако, как мы уже говорили, не существовало никакой реальной альтернативы: после того, как КЕП вновь обеспечил свой контроль над властью, разгромив оппозицию в результате событий 31 марта, иттихадисты стали обязательными партнерами по переговорам.

Второй конгресс Комитета «Единение и прогресс» был созван на османской земле, в Салониках, и проходил с 13 по 25 октября 1909 г. Он дал Комитету возможность сделать первую оценку своей работы во главе страны, а также обсудить вопросы, важные для будущей партии. У нас не так много информации об этом конгрессе, но установленный факт в том, что он был отмечен страстными дебатами за и против сохранения ЦК в виде тайной организации и доминирования вооруженных сил над политикой. Среди новичков КЕП был Мехмед Зия Гёкалп¹, делегат от Диарбекира; его видение будущего империи турок и его концепция османского общества привлекли внимание в Салониках². Конгресс стал для него идеальной платформой для изложения того идеологического

синтеза, который постепенно стал главенствовать над движением в последующие годы. Другая личность, которая выделилась на этом конгрессе благодаря своей позиции, — Мустафа Кемаль, делегат из Триполитании. Вопреки советам многих, но в соответствии с недавним указом султана, он отстаивал принцип того, что вооруженные силы и политическая власть должны быть разделены и что военные должны быть подчинены политическим властям. Он тем самым фактически осудил существующую ситуацию, то есть наличие большого числа офицеров в «Merkez-i Ütimitî» (Центральном Комитете КЕП), таких как Энвер-бей, который был членом османского генерального штаба и членом ЦК³.

Этот конгресс также оценил последствия событий 31 марта и, вероятно, принял определенные решения по поводу событий в Киликии, после которых, как мы уже видели, пало правительство Хильми. Все указывает на то, что именно на этом конгрессе КЕП впервые серьезно задумался о замене Хильми-паши, которого критиковали за слишком большие уступки и, среди прочего, за выпуск известного циркуляра от 11 августа 1909 г.⁴, в котором все неясности в отношении роли армян — что они стали жертвами «недоразумения», — были отброшены, и акцент был сделан на их лояльности.

Французский посол Бомбар, который был, так сказать, очевидцем отставки каби-

¹ Мехмед Зия Гёкалп (1876–1924), социолог, главный идеолог КЕП, член ЦК с 1910 г.: *Zürcher E. J. Op. cit. P. 77.*

² *Bozarslan H. Op. cit., II. P. 124.*

³ *Turfan N. Op. cit. Pp. XV–XVI.* Автор указывает, что позиция Мустафы Кемалея была противоречивой, так как он сам был офицером и делегатом от Триполитании. Если более прозаично, то мы могли бы спросить, не является ли его реакция, кроме всего прочего, следствием его длительного конфликта с Энвером, который исключил его из высшего органа Комитета. Имперский декрет от 29 мая 1909 г. призвал офицеров не вмешиваться в политику; Махмуд Шевкет, как представляется, был в этом смысле одним из самых решительных высокопоставленных офицеров: *Ahmad F. Op. cit. P. 55.*

⁴ См. выше. С. 122 (обширные выдержки).

нета Хильми 28 декабря 1909 г. и назначения Хаки-бея, отмечал, что великие визири не были членами КЕП, но «предоставили полную свободу действий членам кабинета, представляющим КЕП... Они, в конечном итоге, перестали обращать внимание на авторитет великого визиря... Даже если он не становился препятствием, он оставался цензором... Так что они решили вообще избавиться от него». Эта очень дипломатичная формулировка напоминает нам о том, что при младотурках стало рискованно осуществлять функции великого визиря. Доставить удовольствие КЕП или удовлетворить его было нелегкой задачей: «Вся проблема состояла в поиске преемника, который был бы по вкусу Комитету, но при этом была бы гарантия, что великий визирь не будет заменен одним из «старожилых».

Талаат, один из немногих членов Комитета, который был уже в состоянии взять на себя роль великого визиря, либо посчитал, что он не готов к этой роли, либо уже понял тот риск, который влекла с собой эта должность, учитывая, что всемогущий КЕП осуществлял контроль из-за кулис за малейшими действиями правительства. Хаки-бей, бывший профессор права, имел то преимущество, что многие младотурки были его студентами¹.

Хотя у нас есть некоторое представление о характере взаимоотношений между КЕП и Кабинетом министров, мы гораздо меньше знаем о внутренней практике ЦК, который был тайной организацией по самой своей природе. Только откровения бывших членов Комитета, которые позже присоединились к оппозиции, позволяют нам сформировать некоторое представление о методах работы Комитета и его тайных целях. Один из них — генерал Шериф-паша, вышедший из КЕП 25 марта 1909 г. и уехавший в изгнание в Париж, стал одним из главных комментаторов туркистских проектов партии и ее желания мобилизовать все доступные средства, чтобы ассимилировать или отуречить все нетурецкие элементы империи². В первые десять месяцев пребывания КЕП у власти, вплоть до «инцидента 31 марта», его главной навязчивой идеей, как утверждает Шериф, были албанцы. Анализ албанской политики Коми-

тета в этот период, в частности пропагандистской кампании в прессе младотурок в Константинополе, показывает, что кровавые репрессии, которые османская армия проводила в Албании, были узаконены обвинениями албанцев в сепаратизме. Внимательный наблюдатель того времени заметил, что «малейшее дело с участием того или иного албанца сразу же переносилось на всю нацию, которую Комитет категорически сватал на роль врага нового режима»³. Несмотря на решающую роль албанцев в подавлении реакции 31 марта, не говоря уже об их решающем вкладе в июльскую революцию 1908 г., КЕП использовал свои газеты для запуска в начале июня 1909 г. кампании клеветы на албанцев. Их обвинили в создании реакционного движения против Конституции. Это, в свою очередь, как представляется, стало достаточным основанием для начала обширной военной операции в Албании, которая усмирилась огнем и мечом. Албанцы, самые верные из верующих, мусульмане в своем большинстве, до этого времени считались одним из столпов Османской империи; личная охрана Абдул-Гамида, например, была составлена из албанцев. Но, с точки зрения младотурок, у них был один существенный недостаток. Хотя они должны были стать самым простым объектом «отуречивания», на самом деле они ему сопротивлялись и на поверку оказались глубоко привязаны к своему языку и национальным традициям. Если мерить мерками КЕП, даже самые скромные требования, вытекающие из этой привязанности, расценивались как проявления сепаратизма.

Признания д-ра Назыма, одного из главных идеологов ЦК Иттихада, проливают свет на этот вопрос: «Притязания разных наций — главный источник раздражения для нас. Мы считаем языковые, исторические и этнические устремления отвратительными. Они и сама эта группа должны исчезнуть. На нашей земле должна быть только одна нация — османская и только один язык — турецкий. Грекам и болгарам будет нелегко это принять, но для нас это — жизненная необходимость. Чтобы заставить их проглотить эту пилюлю, нужно начать с албанцев. Как только мы приручим лучших из этих горцев, которые счи-

¹ CADN, Ambassade de Constantinople, série E/126. Письмо французского посла в Константинополе Бомпара министру иностранных дел, 5 января 1910 г.

² *Mécheroutiette*. Constitutionnel ottoman, № 38, janvier-1913. P. 16.

³ *Mécheroutiette*. Constitutionnel ottoman, № 39, février 1913. P. 21. Статья Сам Леви, редактора «Journal de Salonique».

тают себя непобедимыми, остальные сами о себе позаботятся. После того как мы направим пушки против албанцев, проливая кровь мусульман, пусть гяуры берегутся. Первый христианин, который только пошевелит пальцем, сразу увидит, как его семья, дом и деревня будут разбиты вдребезги. Европа не посмеет возвысить свой голос в знак протеста или обвинять нас в попытках христиан, потому что наши первые пули были израсходованы на албанских мусульман»¹.

В этой цитате обобщены вся будущая стратегия и все амбиции КЕП. Это заявление также выкристаллизовывает основные элементы развития идеологии партии. Прослеживается ее четкий социальный дарвинизм. Насилие узаконено во имя высших интересов тюркизма, даже если это насилие на данный момент предусмотрено только в качестве средства запугивания, направленного на скорейшую ассимиляцию.

Этот период был также отмечен вхождением двух членов Иттихада в правительство: Мехмед Джавид стал министром экономики в июне 1909 г., в то время как Мехмед Талаат был назначен министром внутренних дел в августе того же года. Это дает основания предположить, что КЕП решил взять на себя непосредственную роль в управлении государственными делами, чтобы претворять свои планы в жизнь и закрепить свое влияние на кабинет. Первый опыт комитета по «хождению в правительство», однако, был катастрофическим. Два новых министра-иттихадиста занимались финансовыми махинациями, что стало известно публично и смешало с грязью репутацию партии. Суд над убийцами Зеки-бея, инспектора по долгам в османской администрации и главного редактора журнала «Şerah», дал обществу представление о методах работы Комитета и его министров. Тот факт, что два фидайи из КЕП — Мустафа Назым и Ахмед Черкез —

попали под суд, означает, что часть системы младотурок была выставлена на всеобщее обозрение². Досудебное следствие показало, что убитый Зеки-бей, специалист по экономическим вопросам, в ходе исполнения своих обязанностей проводил тщательное изучение финансовых операций, проводимых различными министерствами. Таким образом, он начал работать по просьбе некоторых членов ЦК Иттихада над «делом Маймона» о крупных кредитах, взятых за рубежом министром финансов Джавид-беем, а также об обстоятельствах концессии на добычу брома. Однако в ходе этого расследования Зеки-бей также обнаружил «доказательства политических преступлений, совершенных Комитетом», которое позволило бы ему, как он сказал, установить вину Талаат-бея, Джавид-бея «и их друзей». После изучения предварительного доклада Зеки ЦК Иттихада, как предполагается, решил заставить Талаата и Джавида уйти в отставку (соответственно 10 февраля и около 10 мая 1911 г.). Скандал, который до той поры ограничивался внутренним кругом руководства младотурок, видимо, привел к тяжелой внутренней напряженности, а также некоторой неприязни в отношении к Зеки. Скорее всего, именно тогда Талаат и Джавид или, что более вероятно, их кланы внутри ЦК, решили убить Зеки³.

Двое убийц были неопровержимо установлены как фидайи из филиала Иттихада в Серезе, который возглавлял Дервиш-бей; в качестве награды после убийства он был «избран» в парламент. Следствие также доказало, что убийство в апреле 1909 г. либерального журналиста Гасана Фехми⁴, а также многие другие политические убийства, такие, как, например, убийство Ахмеда Самина, были делом рук все той же группы фидайи, которая получала заказы от инспектора ЦК в Салониках д-ра Тевфика Рюшту (1873–

¹ Ibid. P. 27. Разговоры, собранные Сам Леви.

² Стенограммы судебного процесса, 27 июня 1911 г., опубликованные в газете «*Mécheroutiette. Constitutionnel ottoman*» (№ 25–32, с ноября 1911 по июль 1912 г.). Непродолжительное время Зеки сотрудничал с изданием «*Mizan*» Мурад-бея. Именно по этой причине после событий 13 апреля 1909 г. он был арестован, как и многие другие оппозиционеры, и обвинен как «реакционер». Однако виновным он признан не был благодаря своей репутации и своему прошлому как противника гамидовского режима.

³ *Mécheroutiette. Constitutionnel ottoman*, № 51, février 1914. P. 34. На следующий день после убийства Зеки-бея «полиция провела обыски» его офиса и дома, откуда были конфискованы все его бумаги; на процессе, однако, суд их не использовал. *Ahmad F. Op. cit.* P. 74. Он объясняет отставку Джавида как результат разногласий между ним и военным министром М. Шевкетом по вопросу военного бюджета.

⁴ Его убийство вызвало хор протестов и бурные дебаты в парламенте, в ходе которых КЕП был открыто обвинен в заказе убийства. Чтобы унижить Гасана, пресса младотурок воспользовалась своим старым пропагандистским арсеналом, назвав его, как и многих других, гамидовским реакционером и противником Конституции.

1926)¹, а также депутата от Сереза Мидхата Шюкрю [Бледы], будущего генерального секретаря партии и близкого сподвижника двух министров. Эти признания, сделанные на заседании суда 7 ноября 1911 г., на какой-то момент потрясли Комитет². Суд, однако, несомненно, сделал вывод, что лучше на этом остановиться, и отказался «вызвать в суд свидетелей», которые могли бы пролить свет на внутреннюю работу КЕП. Все, что можно попутно узнать из доказательств, собранных по просьбе суда послом Османской империи в Париже, это то, что Зеки был готов опубликовать «важные признания об интригах Комитета, революционного движения 31 марта и событиях в Адане», «и что он знал, что за это он был приговорен Комитетом к смерти»³. Несмотря на тяжесть предъявленных им обвинений, Талаат и Джавид не выступили против свидетелей и адвоката, который осудил их за заказ убийства Зеки-бея.

В любом случае, это убийство позволило министру финансов Джавид-бею избежать суда за хищение, которое он совершил, когда подписывал договоры об иностранных займах для Османской империи⁴. Остается спросить, была ли эта «нескромность» плодом личной инициативы министра или приказом из ЦК. Вполне вероятно, что Комитет или, точнее, одна из его фракций шла на приемы такого рода для финансирования своей собственной тайной деятельности. Если бы это было не так, то они не послали бы двух своих лучших фидаи совершить покушение на высокопоставленного чиновника, имевшего репутацию честного человека. В любом случае, даже если очень немногие

факты были обнародованы, то этот скандал привел к кризису на уровне министров, радикализации оппозиции и серьезным разногласиям в рядах КЕП: «Многие офицеры, которые восстали против гамидовского режима, но не против тех неизменных принципов, которые формировали турецкую политику на протяжении веков, встали на сторону диссидентов, в результате чего эти диссиденты получили большинство не только в палате депутатов, но даже в партии “Единение и прогресс”»⁵.

В период с апреля по сентябрь 1911 г. это дело внесло свой вклад в раскол в КЕП. Расследования Зеки были заказаны той фракцией партии, во главе которой стоял полковник Мехмед Садык⁶, либо по той причине, что эта фракция сомневалась в честности Талаата и Джавида, либо потому, что она искала способ изгнать тех членов партии, чьи проекты противоречили ее собственным. Но Садыку и его сторонникам не удалось пошатнуть фракцию Талаата, который сохранил контроль над ЦК, несмотря на обвинения, с которыми он столкнулся. Тем не менее давление общественного мнения привело к осуждению Джавида за финансовые махинации в октябре 1911 г.⁷

Фракционная борьба, очевидно, происходила и раньше, но это дело только усилило существующие противоречия.

Конгресс КЕП, созданный в ноябре 1910 г. в Салониках, уже возвестил о существующей напряженности, особенно в виде крамольной тенденции некоторых военных партийных кадров. Речь, которую Талаат произнес на предварительной «тайной встрече» КЕП перед двадцатью семью его членами⁸,

¹ Д-р Тевфик Рюшту [Арас] (1883–1972), шурин д-ра Назыма и соратник Мустафы Кемалея; важная фигура во внутренних делах Комитета, лидер в войне за освобождение Анатолии, министр иностранных дел при Мустафе Кемале.

² *Mécheroutiette*. Constitutionnel ottoman, № 51, février 1914. Pp. 15–53.

³ *Ibid.* P. 34.

⁴ CADN, Ambassade de Constantinople, série E/126. Письмо французского посла в Константинополе Бомпара министру иностранных дел, 10 мая 1911 г.

⁵ *Ibid.*

⁶ Мехмед Садык (1860–1940), родился в Стамбуле, выпускник Харбийе (военной школы), лидер КЕП в Монастире, член ЦК с июля 1908 г., влиятельная фигура в Салониках в 1909–1910 гг.; после разрыва с КЕП стал одним из лидеров либералов: *Ahmad F.* Op. cit. Pp. 89–90, 178.

⁷ AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 8, f° 121. Письмо французского консула в Салониках Жоселена министру иностранных дел Сельве. Салоники, 5 октября 1911 г.

⁸ CADN, Ambassade de Constantinople, série E/126. Письмо французского вице-консула в Узкубе французскому послу в Константинополе Бомпару, 20 сентября 1910 г.: «перевод речи, приписываемой Талаат-бею, министру внутренних дел». Эта же речь цитируется британским источником: *Ahmad F.* Op. cit. P. 85, n. 1, где автор отмечает, что он не нашел никаких турецких источников по этой речи. Ваагн Дадрян добавляет источники из австрийского консульства, независимые от других дипломатических документов: *Dadrian V.* Histoire du génocide arménien. Pp. 301–303, n. 2–7.

предоставляла ценную информацию о проблемах, стоявших тогда перед Комитетом и вопросах, которые должен был рассмотреть состоявшийся в ноябре конгресс. «В соответствии с Конституцией, — заявил Талаат, — должно быть обеспечено полное равенство между мусульманами и иноверцами. Вы сами знаете и чувствуете, что это абсолютно невозможно: и шариат, и наша история стоят на пути такого равенства. Сотни тысяч верующих встанут против самой такой мысли; однако — и это интересный момент — это также против чувств самих иноверцев. Они не хотят становиться османами; и все те меры, которые приведены в действие, чтобы прививать им чувство османства, оказались безуспешными и будут оставаться таковыми в течение длительного времени в будущем... Не может быть и речи о равенстве до того дня, когда османизация всех групп станет свершившимся фактом. Это — долгая и сложная задача».

Говоря об управлении государством, Талаат решительно заявил, что «есть еще много вещей, которые мы должны сделать в стране за пределами структуры правительства»¹.

Другими словами, общее отуречивание было необходимым условием для принятия принципа равенства всех субъектов Османской империи. В ожидании, пока оно наступит, Комитету приходилось действовать тайно.

Конгресс открылся 1 ноября 1910 г. Присутствовали сорок представителей: тридцать делегатов из вилайетов и семь членов ЦК в Салониках, а также Халил-бей [Ментеше]², в качестве лидера парламентской партии, Ахмед Насими [Сайман]³, депутат от Константинополя, и Шейх Сафет, депутат из Урфы⁴. Один из первых слово взял генеральный се-

кретарь конгресса Ихсан-бей. Его речь предвещала радикализацию КЕП. «Комитет из Адрианополя, — сказал он, — требует, чтобы мы приняли меры по уменьшению веса болгарского населения, либо назначив большее количество мусульманских мухаджиров в вилайете Адрианополя, либо путем ликвидации всех христиан, враждебных младотуркам... Центральный Комитет, осознавая, что эти меры могут оказаться полезными, не может одобрить их, потому что их довольно трудно реализовать на практике»⁵.

Таким образом, мы видим, что местный комитет считал необходимым устранить демографический «дисбаланс» в вилайете Эдирне, но при общей постоянной заботе в том, чтобы обеспечить любыми средствами сохранение региона в составе империи.

Сопротивление, которое Комитет встречал то здесь, то там в государственном управлении, также, казалось, не раз вмешивалось в его планы, для реализации которых он намеревался использовать все механизмы власти и мобилизацию всех ресурсов, имеющихся в распоряжении государства. Конгресс далее решил, что «административные должности верхнего уровня должны быть зарезервированы за членами Комитета, и власти обязаны консультироваться с ЦК при назначении на любую из них»⁶. Для КЕП взятие под свой контроль ключевых позиций и определение людей из своих рядов в государственный аппарат было не просто средством воздействия — это были решающая ставка и неизбежный шаг на пути к полному взятию империи под контроль. Это была своего рода практическая реализация его элитарной идеологии.

Другой аспект этой идеологии — турецкий национализм — всплыл на конгрессе при

¹ CADN, Ambassade de Constantinople, série E/126. Письмо французского вице-консула в Узкубе французскому послу в Константинополе Бомпару, 20 сентября 1910 г.

² Халил-бей [Ментеше] (1874–1948), юрист, член ЦК младотурок (1910 г.), депутат из Ментеше, президент парламентской группы младотурок, президент Государственного совета (июнь 1913 г.), президент парламента, министр иностранных дел (октябрь 1915 — февраль 1917 г.), депортирован на Мальту в 1919 г.: *Ahmad F. Op. cit.* P. 171; AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 9, f° 220. Телеграмма французского поверенного в делах в Константинополе Боппе ке д'Орсэ, 17 июня 1913 г.

³ Гиритли Ахмед Насими (?–1958), родился на Крите, получил образование в Школе политических наук в Париже, член ЦК младотурок (1911), министр иностранных дел (февраль 1917 — октябрь 1918 г.), депортирован на Мальту в 1919 г.: *Ahmad F. Op. cit.* Pp. 175–176.

⁴ AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 7, f° 124. Письмо французского консула в Салониках Макса Шублие Бомпару, 1 ноября 1910 г. Д-р Назым затем стал Генеральным секретарем ЦК. Консул отмечает, что Комитет «Единение и прогресс» и партия «Единение и прогресс» до того момента функционировали отдельно друг от друга: *ibid.*, ff 132–134. Письмо Макса Шублие Пишону, Салоники, 7 и 8 ноября 1910 г.

⁵ AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 7, f° 149 v°. Письмо Макса Шублие Пишону, Салоники, 16 ноября 1910 г. Выдержки из речи Ихсан-бея.

⁶ *Ibid.* f° 150.

обсуждении конфликта между ЦК и Комитетом в Дамаске. Оказалось, что КЕП разрывался между своим желанием, которое было подтверждено на конгрессе 1909 г., «чтобы только турки могли входить в состав ЦК» и своими же гегемонистскими амбициями в арабских вилайетах. Комитет в Дамаске, большинство членов которого были арабами, «выразил желание направить делегатов-арабов в ЦК в Салониках», но встретил решительный отказ со стороны конгресса Иттихада¹. Во внутренних кругах, очевидно, тюркизм имел приоритет над непосредственными интересами империи и развитием движения.

«Защита отечества» и утверждение, что Анатолия, особенно ее восточные провинции, — это Турция, были в центре дискуссий. Комитет решил обратиться к соответствующим министрам с просьбой увеличить бюджет для назначения мухаджиров в них: «Новая комиссия будет создана в Эрзуруме для того, чтобы помочь мусульманским эмигрантам с Кавказа и Туркестана, которые уже проявили желание прибыть в Турцию и поселиться там»². Провинции с большим армянским населением уже пользовались самым пристальным вниманием Комитета. Здесь цель заключалась в усилении за счет этой волонтаристской политики «турецкого» присутствия в этих районах, а также имплантировать культурно «правильное» население в самое сердце такой территории, населенной армянами, такое население, на которое движение может рассчитывать в будущем.

«Немусульманские национальности», со своей стороны, должны были следить за тем,

чтобы вести себя правильно, то есть отказаться от своих идентичности и языка и раствориться в турецком элементе. Для этого надо было убедить их в доброй воле Комитета, даже за счет их ослабления³. Одним из редких делегатов, которые утверждали, что эту позицию трудно поддерживать, был делегат от Стамбула Ахмед Насими [Сайман]. «Количество христианских депутатов в парламенте, — отметил он, — далеко не пропорционально числу христиан в империи... Если исключить их отовсюду, то нам будет очень сложно привлечь их на нашу сторону»⁴.

Центральный Комитет, избранный конгрессом, включал в свой состав⁵ Хаджи Адилу [Ардала], нового генерального секретаря⁶, д-ра Назыма, Эйюба Сабри [Адгёля]⁷, Омера Наджи⁸, Мехмеда Зию [Гёкалла] Абдуллу Сабри⁹ и Мидхата Шюкрю-бея¹⁰.

Указанные решения конгресса, конечно, не все были претворены в действия в последующие месяцы, которые стали свидетелями прежде всего рецидивов репрессивной политики, направленной на албанцев. Ответом КЕП на местные проблемы в Албании стало насилие. Войска численностью не менее пятидесяти тысяч были отправлены в Албанию в 1910 г., чтобы «разоружить» население, что привело к настоящей войне, за которой, естественно, последовали восстания в 1911 и 1912 годах. Кроме того, расходы, которых потребовали эти военные операции, вызвали в стране серьезный экономический кризис. На сессии парламента 22 ноября 1910 г. Зограб, один из секретарей комитета по финансам, объявил, что, к его сожалению, военные операции, проведенные в том году,

¹ AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 7, f° 151 v°. Письмо Макса Шублие Пишону, Салоники, 17 ноября 1910 г.

² AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 7, ff. 152–153. Дешеша французского консула в Салониках Макса Шублие Пишону и послу Бомпару, Салоники, 17 ноября 1910 г.

³ Ibid., f° 154. Консул утверждает, что эта информация подтверждается теми сведениями, которые были получены его европейскими коллегами в Салониках из других источников (f° 157).

⁴ Ibid., f° 164 v°. Выдержки из его речи.

⁵ Ibid., f° 158.

⁶ См. выше, с. 101, примечание 2.

⁷ См. выше, с. 50, примечание 4.

⁸ См. выше, с. 49, примечание 7.

⁹ Новое лицо, о котором известно очень мало, кроме того факта, что во время Первой мировой войны он был одним из ключевых членов комиссий, которые отвечали за «оставленное имущество» («Emvali Metruke»), и, таким образом, за «национализацию» экономики, другими словами, за конфискацию движимого и недвижимого имущества армян, а потом и греков: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat armenien de Constantinople, n° 201, список убийц в Эскишехире, и карточка сведений о деятельности криминальных элементов. ♪ 177–178.

¹⁰ См. выше, с. 49, примечание 3.

привели к потере пяти тысяч человек и обошлись бюджету в шестьдесят девять миллионов франков¹.

Французский посол в Стамбуле сообщал своему министру в письме от 3 сентября 1911 г., что «Комитет все более поворачивается к Азии. Причина в том, что его действия в Македонии действительно закончены: албанцы, эпириоты, болгары и грекоговорящее население открыто выступает против КЕП... Комитет не питает иллюзий по поводу краха своего авторитета в европейских провинциях, но теперь, кажется, он склонен решительно уравновесить всегда сомнительные чувства македонцев увеличением своей азиатской лояльности»². Это наблюдение иллюстрирует последствия репрессивной политики правительства младотурок на Балканах: конкретное осуществление, так сказать, планов, ранее озвученных д-ром Назымом³.

Несмотря на катастрофические последствия предыдущих решений партии, на следующем конгрессе КЕП, который проходил в конце сентября 1911 г. в Салониках, не рассматривался вопрос об изменении прежней политики, а была подтверждена политика партии в отношении нетурок вообще и ал-

банцев в частности⁴. Все еще стоял вопрос о «преподании урока повстанцам». Хотя определенная напряженность материализовалась в ходе работы конгресса, она стала прежде всего последствием обвинительного заключения в адрес Мехмеда Джавида по так называемому «делу Маймона», которое было выдвинуто как раз в дни работы конгресса, а также растущего влияния оппозиции во главе с бывшими иттихадистами, такими как полковник Садык.

Устойчивость позиций Комитета, несомненно, объясняет то, почему его состав почти не изменился. К семи членам предыдущего руководящего органа — Гаджи Адиль-бею (генеральному секретарю), Мехмеду Зии [Гёкалпу], Эйюбу Сабри, д-ру Назиму, Абдулле Сабри, Ахмеду Мидхату Шюкю и Омеру Наджи — присоединились Мехмед Талаат, Ахмед Несими, Халил-бей [Ментеше] Али Фктхи [Ойкар]⁵ и д-р Али Гусейн-заде [Туран]⁶. Необходимо отметить, что появление в верхних эшелонах КЕП Али Гусейн-заде, одного из двух оставшихся в живых членов (наряду с Мехмедом Решидом) первоначального КЕП, как представляется, усилило лагерь жестких тюркистов во главе с Зией Гёкалпом.

¹ Антонян А. История балканской войны, II, Стамбул, 1913. С. 349, 355 (на арм. яз.).

² AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 8, f° 107. Письмо французского консула в Салониках Макса Шублие министру иностранных дел Сельве, и послу в Константинополе Бомпару, Салоники, 3 сентября 1911 г.

³ См. выше, с. 136.

⁴ AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 8, f° 117. Письмо французского консула в Салониках Жоселена послу в Константинополе Бомпару, Салоники, 30 сентября 1911 г. Консул также отмечает, что конгресс также решил увеличить число членов ЦК с семи до двенадцати: *ibid.*, f° 117v.

⁵ Али Фктхи [Ойкар] (1880–1943), член КЕП с 1907 г. (в Салониках), ЦК — с 1911 г., депутат, посол и министр с 1917 г., помогал заново основать КЕП в октябре 1918 г., один из организаторов освободительной войны: *Zürcher E. J. Op. cit. P. 28.*

⁶ AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s., vol. 8, f° 121. Письмо французского консула в Салониках Жоселена министру иностранных дел Сельве, Салоники, 10 октября 1911 г. Гусейн-заде Али [Туран] (1864–1941), туркоговорящий уроженец российского Азербайджана, близкий соратник Зии Гёкалпа, врач, получивший образование в военно-медицинской школе в Константинополе, один из четырех основателей КЕП (1889 г.), член ЦК в 1911 г.: *Zürcher E. J. Op. cit. P. 78.* Он ввел русский популизм в Турцию, что подтверждает Шериф Марден. См.: *Mardin S. Jön Türklerin Siyasi Fikirleri 1895–1908, Ankara, 1964. S. 32–33.*

ГЛАВА 5

Армянские и младотурецкие революционеры в анатолийских провинциях и в Стамбуле в 1910–1912 годах

Несмотря на угрозу резни, нависшую над провинциями Анатолии после актов насилия в Киликии, наблюдатели сходились во мнении, что после революции 1908 г. социально-экономическая ситуация в некоторой степени улучшилась¹. Один из трех основателей АРФ отмечал в своем письме, что «эта разоренная страна стоит на пути к восстановлению. В течение года жизненный уровень населения вырос, по крайней мере, на двадцать пять процентов»². Он также достаточно оптимистично подчеркнул, что трайбализм, который столетиями парализовывал регион, сходит на нет, поскольку «среди курдов тоже начал расти уровень сознательности. Во многих местах курдские крестьяне протестуют вместе с армянами против действий ага»³. В заключение он подмечал, что даже открыто исламистские разговоры таких племенных вождей, как Мусабег и шейхи, призывавшие к «единству вокруг шариата», «встречали в некоторых регионах сопротивление курдов»⁴.

Главный вопрос, занимавший не только местные власти, но и оседлое население и местные комитеты дашнаков и иттихадистов, заключался в отношении курдских племенных вождей к новому правительству и его политике. Так, Комитет «Единение и прогресс» оказался перед сложной задачей: он хотел развиваться в регионе, но мог сделать это, только заручившись расположением местных племенных старейшин, даже при культи-

вировании «привилегированных» отношений с армянскими комитетами. Эти затруднения на местах, несомненно, объясняли то, почему КЕП не везде мог следовать универсальной политике сотрудничества с АРФ. Поэтому неудивительно, что дашнакские комитеты восточных провинций не имели тесных отношений с младотурецкими клубами, «членами которых были только ага»⁵. Неудивительно, что в случаях, когда высокопоставленное официальное лицо, например, Таир-паша, вали вилайета Битлис, включавшего в себя Муш, пыталось разрешить такие проблемы, как возвращение имущества, захваченного курдскими беками, местный клуб КЕП оказывал давление на Салоники в пользу отзыва такого лица. Вероятно, разрешению земельных споров, постоянно откладываемому властями, препятствовало политическое влияние едва завуалированных угроз со стороны племенных вождей. Контрольные комиссии, которым Стамбул поручал изучить земельный вопрос, возвращались в столицу, так и не проведя никакой серьезной работы⁶.

Ситуация с безопасностью не везде была одинаковой. В целом долины меньше подвергались угрозам, чем горные районы. Так, район Сасуна, в особенности каза Хут, постоянно находился под угрозой нападений курдских племен, которые совершили здесь летом 1911 г. ряд убийств и угнали несколько сотен овец⁷. Эти случаи не были единич-

¹ Симон Заварян: к 70-летию со дня смерти. С. 345. Письмо Заваряна Овнану Давтяну, Муш, 20 мая 1910 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 347–348. Письмо Заваряна Восточному бюро АРФ, Муш, 25 мая 1910 г.

⁵ Там же. С. 361. Письмо Заваряна Восточному бюро АРФ, Муш, 4 августа 1910 г.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 427–428. Письмо Заваряна Восточному бюро АРФ, Муш, 6 июля 1911 г.

ными. До июльской революции 1908 г. одна из сторон деятельности армянских фидайи состояла как раз в противостоянии кочевым племенам, нападавшим на сельских жителей. Однако после разоружения бойцов-фидайи эту задачу теоретически должны были решать жандармерия или даже армия — и тем и другим обычно трудно было контролировать кочевников, да и появлялись они слишком поздно. После обсуждения этих проблем Симон Заварян приходит к заключению, что единственный способ положить конец домогательствам — разоружить курдские племена, такие как племя Шеко, «поскольку нет возможности вооружить армян»¹.

Действительно, вопрос самообороны и неравенства между вооруженными курдами и беззащитным оседлым населением вставал снова и снова. Не проходило и года, чтобы армяне, особенно АРФ, не поднимали его перед правительством или КЕП. Например, в ноябре 1912 г. Западное бюро потребовало от Совета министров дать согласие на размещение в селах вооруженной охраны, хотя вряд ли кто-то питал иллюзии по поводу ответа. «Сомневаюсь, что они примут это предложение», — писал Заварян². В АРФ слишком хорошо знали, что их деятельность при гамидовском режиме надолго отпечаталась в памяти младотурок, которые даже слышать не хотели о легализации сельской милиции, неизбежно оказавшейся бы под контролем дашнаков. Со своей стороны дашнаки не имели другого выхода, кроме продолжения легальной работы ради прогресса империи, от которого уже выигрывала немалая часть армянского населения, особенно в урбанизированных районах.

Социальный прогресс, развитие интеллектуальной жизни и системы образования, в пользу чего работали многие бывшие революционеры, не оставались незамеченными ЦК в Салониках. По словам Вагана Папазяна, депутата парламента из Вана, это вызывало у Комитета тревогу, и после конгресса в ок-

тябре 1911 г. он принял более радикальную политическую линию³. Он видел подтверждение этих перемен в том, что после конгресса младотурецкие клубы в провинциях стали откровеннее в своей враждебности к армянским кругам⁴. Он упоминает о конфиденциальном циркуляре, направленном в местные клубы из ЦК Иттихада в конце 1911 г., в котором высказывалась просьба осторожно действовать с целью ограничения армянской активности в образовательной, культурной и экономической областях⁵. Папазян отмечал несомненное установление тесных отношений с курдскими кругами, которые до сих пор находились в твердой оппозиции к Иттихаду; КЕП сблизился даже с отъявленными бандитами, которые при вмешательстве властей начали притеснять оседлое население еще сильнее, чем прежде. Тревожная информация из провинций вынудила армянских депутатов потребовать от великого визиря Ферид-паши направить туда комиссию по расследованию. Однако большинством голосов парламента предложение было отклонено⁶.

Другие признаки также указывали на сдвиги в стратегии КЕП в провинциях. Два видных деятеля АРФ — Кармен⁷ в Муше и Марзпет⁸ в Битлисе — подверглись открытому административному преследованию: им было запрещено заниматься любой политической деятельностью в соответствующих регионах. Восточнее, на южном побережье Ванского озера, был убит с особой жестокостью молодой школьный инспектор Мокса. Партийная пресса АРФ осудила убийство, выражая недовольство в первую очередь по поводу того, что не последовало никакого реального расследования этого преступления⁹. Депутат Вардгес Серингюлян даже провел два дня в тюремном заключении как директор стамбульской ежедневной газеты «Азатамарт», которая подверглась нападкам властей за критический тон. Иттихад никак на это не реагировал, игнорируя попытки вмешательства своих официальных союзников¹⁰.

¹ Там же. С. 428.

² Там же. С. 438. Письмо Заваряна Аветису Агароняну, Константинополь, 19 ноября 1912 г.

³ Папазян В. Указ. соч. II. С. 151.

⁴ Там же. С. 154.

⁵ Там же. С. 161.

⁶ Там же. С. 154.

⁷ См. выше, с. 76, примечание 3.

⁸ См. выше, с. 75, примечание 6.

⁹ Папазян В. Указ. соч. II. С. 161.

¹⁰ Там же. С. 162.

Совсем иной выглядела ситуация в западных анатолийских провинциях с более разнообразным этническим характером населения и значительным туркоговорящим большинством. Взаимное проникновение различных исторических групп населения наделило эти регионы большими культурными взаимосвязями, чем в племенных зонах на востоке. Благодаря отчету лидера гнчаковцев Сапах-Гуляна¹, который с мая по август 1911 г. объездил районы Самсуна, Мерсифона/Марзвана, Амасии и Сиваса, мы можем лучше понять, как работали местные комитеты социал-демократической партии Гнчак (СДПГ) и клубы Иттихада, как воспринимало турецкое, греческое и армянское население перемены, произошедшие в стране с 1908 г., и активность «господ», которые приезжали из столицы с проповедями добра.

Едва сойдя на берег 10 мая 1911 г., Сапах-Гулян был приглашен посетить клуб иттихадистов в Самсуне. Его и депутата парламента Мурада (Амбарцума Бояджяна) приветствовали в Самсуне члены местного руководства младотурок, состоящего из мусульманских священнослужителей и военных чинов, а также инспектор КЕП по регионам Самсуна, Сиваса и Джаника Мустафа Неджиб. Последний здесь «все решал» и особенно заботился о замене ответственных чиновников иттихадистами². В тот же самый вечер городской клуб гнчаковцев организовал собрание в помещении начальной школы, где незадолго перед этим член ЦК партии, младотурецкий пропагандист Омер Наджи провел беседу, которая оказала некоторое влияние на армянские круги, особенно торговые. Среди аудитории Сапах-Гулян заметил много турок, зачастую должностных лиц и иттихадистов, в первых рядах, а также греков-армянофилов. По свидетельству самого лектора, он безжалостно осудил национализм, который развивался в империи, толкая ее к разрушению. Иттихадисты слушали молча, делая пометки³.

В воскресенье, 11 мая, в том же помещении Сапах-Гулян прочел вторую лекцию по «экономическим вопросам». Среди ау-

дитории снова были младотурки в сопровождении переводчиков. Верный своему обыкновению лидер гнчаковцев осудил в своем выступлении политику младотурок, рассчитанную, по его словам, на доведение нетурок до экономического краха и переход экономики в руки доминирующей нации⁴. Очевидно, эти жесткие нападки не оставили младотурок равнодушными, их беспокоило воздействие, которое слова Сапах-Гуляна могли оказать на местное население. Случай для обмена мнениями по этому вопросу представился сам собой, поскольку в традициях таких партийных обществ был ответный визит к «гостям». Делегация иттихадистов во главе с Мустафой Неджибом отправилась в самсунский клуб гнчаковцев и начала разговор на тему армяно-турецких взаимоотношений, «уже не таких теплых, как в первые месяцы после конституционной революции». Как пишет Сапах-Гулян, причина состояла в том, что аданская резня, так же как и политика правительства и КЕП, особенно ее «узкий национализм», угнетающе подействовали на пыл самых оптимистично настроенных. У визитеров не было недостатка в аргументах в пользу централизаторской политики Комитета, которая, по словам Мустафы Неджиба, была единственным способом удержать страну от распада. Он даже утверждал, что «малейший шаг в направлении децентрализации будет означать разрушение страны»⁵. Критикуя гнчаковцев за их план децентрализации, инспектор иттихадистов тем не менее заключил, что гнчаковские клубы выполняют достаточно важную задачу просвещения населения всех национальностей и стимулируют людей проявлять инициативу для развития страны⁶.

Во вторник, 16 мая, Сапах-Гулян прибыл в Мерсифон, где его встречали представители каймакама и трехтысячная толпа, включающая турок. Позднее вечером местные иттихадисты, турки и армяне, нанесли ему визит вежливости. Утром в среду, 17 мая, он участвовал в собрании гнчаковцев города: в местном отделении партии состояло 450 мужчин и 30 женщин⁷. Здесь прошло об-

¹ Сапах-Гулян С. Воспоминания о Малой Армении.

² Там же. С. 80.

³ Там же. С. 93.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Там же. С. 97–98.

⁶ Там же. С. 99.

⁷ Там же. С. 103, 114, 116. На своем пути он проезжал через селение переселенцев ногайи, родом из Румелии, которым правительство разрешило мародерствовать для удовлетворения своих потребностей.

суждение всех проблем повседневного существования. Так, например, мы узнаём, что при установлении норм налогообложения стоимость армянских домов систематически завышалась, а стоимость турецких — занижалась. Между прочим, Сапах-Гулян отмечает, что после восстановления Конституции в Мерсифоне состоялись выборы мэра. Армянин победил своего конкурента, но его победа была оспорена в жалобе от имени мутесарифа Амасии под тем предлогом, что в выборах участвовали люди, не имеющие права голоса. Комиссия по расследованию нарушений подтвердила победу армянина, однако вали Сиваса объявил ее недействительной. Согласно информации из местных источников, вали действовал по инструкции из ЦК в Салониках, где предположительно говорилось о том, что «с незапамятных времен армяне не занимали подобные должности, следовательно, это может вызвать раздражение мусульманского населения»¹.

Отметим также, что в 1911 г. в Мерсифоне начался бойкот армянских компаний и магазинов, а армянских портных и сапожников принудили взять себе турецких подмастерьев². Это свидетельствует о том, что основа младотурецкого проекта «национализации» экономики была заложена уже тогда.

Темой собрания 17 мая в помещении школы Саакян в Самсуне был «национальный вопрос и социал-демократия» — один из самых излюбленных предметов гнчаковцев. Присутствовало не меньше 1500 человек, включая местных турецких и армянских иттихадистов. Чтобы подкрепить свою атаку на тюркизм КЕП, Сапах-Гулян указал в речи на то, что империя была создана не из одной нации, а из нескольких³. Отношения гнчаковцев с лидером младотурок Мерсифона Османом эфенди были не более чем вежливыми. Он наблюдал за всем происходящим в городе, следуя инструкции иттихадистов о том, что решения, «затрагивающие жизненные интересы государства», должны находиться в исключительном ведении членов клуба⁴. Встреча гнчаковцев с каймакамом —

греком по имени Константин — была гораздо теплее. Каймакам без колебаний поделился проблемами, которые у него возникли после отказа вступить в ряды Иттихада⁵. Во второй встрече участвовал шеф полиции Махир эфенди, ванский армянин, похищенный в детстве и воспитанный турецкой семьей в Мерсифоне. Языки у присутствующих развязались, и каймакам сообщил Сапах-Гуляну, что иттихадисты тайно возбуждают мусульманское население против нетурок и партийные клубы вооружают своих членов. В конечном итоге он предложил ему соблюдать большую осторожность и не обманываться демонстрациями вежливости и уважения со стороны активистов младотурок⁶.

Следующей остановкой революционера гнчаковца стала деревня Сим-Хаджикей, где 25 мая его приветствовала большая толпа греков, турок и армян. Вскоре Мустафа Неджиб, который, по-видимому, следил за Сапах-Гуляном, нанес ему неожиданный визит в сельском клубе гнчаковцев, сопровождаемый мэром и муниципальным врачом⁷. На банкете, устроенном греками и армянами деревни в честь армянского гостя, младотурки и гнчаковцы по-настоящему померились силами. Местный младотурецкий клуб занимался созданием иттихадистских школ, «где все бы обучались одинаково, поскольку все являются оттоманами», тогда как армянские и греческие социал-демократы руководили собственными школами. В конфронтации по поводу системы школьного образования столкнулись друг с другом две разные концепции османского общества. Только муфтий, который был одновременно богатым землевладельцем, находился в открытой оппозиции к младотуркам, не страшась расправы⁸. Во время встречи с Сапах-Гуляном мусульманский священнослужитель безжалостно критиковал младотурок, которых считал узурпаторами, «озабоченными прежде всего своими личными интересами» и всегда пытающимися отнять у людей деньги под разными предлогами: покупка боевых кораблей, открытие школы, поддержка ар-

¹ Там же. С. 123, 140.

² Там же. С. 130–131.

³ Там же. С. 127.

⁴ Там же. С. 137–138.

⁵ Там же. С. 154–156.

⁶ Там же. С. 157–158. Заседание от 23 мая.

⁷ Там же. С. 168–169. Греки в этом селении почти все говорили по-армянски и часто были членами гнчаковского клуба.

⁸ Там же. С. 171–173.

мии¹. Муфтий также указал, что общественными школами пренебрегают, поскольку их заменили школы Комитета, где детей учат говорить, что они турки. Под конец он сообщил, что Мустафа Неджиб вместе со своими сторонниками посетили его с предложением не сдавать землю в аренду армянам, а только крестьянам-мусульманам². Вся эта случайная информация, подбираемая по ходу, позволяет, мазок за мазком, нарисовать картину повседневногo иттихадизма и того, как националистическая идеология Комитета проводилась в жизнь в провинциях.

В конце мая Сапах-Гуляян прибыл в Амасию, где его приветствовали депутат парламента от города Исмаил-паша, члены местного младотурецкого клуба и группа гнчаковских активистов (в партийных рядах здесь насчитывалось 350 членов) во главе с Минасом Ипекчяном и д-ром Айказуном Табибяном³. Остановка в городе, который имел репутацию процветающего, еще раз позволила составить представление об атмосфере в провинциях после революции. Традиционное собрание в клубе гнчаковцев, снова в присутствии младотурок, имело тему «Социал-демократическая партия Гнчак и парламентская система». Оно привлекло множество народу и предоставило возможность для острых дебатов. Однако визит Сапах-Гуляяна 31 мая в клуб иттихадистов стал более поучительным. Здесь он застал людей, играющих в нарды и курящих кальян, — все они были знатными турками города⁴. Д-р Табибян объяснил гостю из Стамбула, что большинство армян присоединились к КЕП во время революции 1908 г., чтобы поскорей забыть ужасы прошлого. Однако это продолжалось не более двух-трех месяцев. Их пыл охладил делегаты из Салоник — армянские активисты не были приглашены на встречи, и их исключили из местных руководящих ор-

ганов. Говорили о наличии циркуляра из ЦК иттихадистов с требованием обеспечить доступ в местные руководящие партийные органы только мусульманам. В результате армяне вышли из КЕП и с тех пор «менее благоприятно настроены» по отношению к нему.

Другое откровение д-ра Табибяна стоит того, чтобы на нем остановиться. Он подтвердил, что в 1909 г. его друг и президент младотурецкого клуба Амасии Халим эфенди сообщил, что во время аданской резни ЦК в Салониках послал клубу телеграмму, направленную и другим эшрафам («esraf») с требованием напасть на армян. Так или иначе был установлен тот факт, что мусульманское население наводнило рыночную площадь. Халим и Табибян направились к мутесарифу, черкезу Бекир Сами-бею⁵ (который утверждал, что имеет армянское происхождение), чтобы просить о вмешательстве. Сами-бей отправился на рынок и заявил: «Если хотите напасть на армян, вам придется переступить через мой труп. Если вы осмелитесь напасть на армян, я обращусь к моим соотечественникам-черкесам в Токате, и они всех вас вырежут». После двух напряженных дней спокойствие удалось восстановить. Халим был освобожден от должности президента местного клуба КЕП. Следует также отметить, что депутат парламента Исмаил и вся его семья выступили против запланированного нападения, многие подозревали, что беспорядки спровоцировал Мустафа Неджиб, который уже взял под свой контроль все клубы КЕП в регионе⁶. Среди других фактов, приведенных С. Сапах-Гуляном, можно отметить, что политика «национализации» экономики действовала и здесь, поддерживаемая систематическими вмешательствами клуба иттихадистов в дела местной промышленности и коммерции. Одни люди расклеивали в центре города объ-

¹ Там же. С. 176.

² Там же. С. 178.

³ Там же. С. 184–185, 188.

⁴ Там же. С. 191–194.

⁵ Бекир Сами (1865–1933), родом из Дагестана, получил высшее образование в Париже; лидер младотурок, успешный мутесариф Амасии (1909), вали Вана (1911), Трапезунда, Бурсы, Бейрута (1914) и Алеппо (с 24 июня по 25 сентября 1915 г.), где его сменил Мустафа Абдулхалик (по прозвищу «мясник Битлиса»), после того, как его раскритиковали за невыполнение приказов МВД по уничтожению армян. Сразу после Первой мировой войны вступил в кемалистское движение и стал министром иностранных дел (1920–1921). Арестован в 1926 г. в связи с заговором в Смирне, впоследствии был освобожден.

⁶ Там же. С. 195–197. Оганнес-паша Куюмджян, губернатор Ливанского хребта в то время, когда Бекир Сами был вали Бейрута (1913–1915), отмечал, что Бекир Сами после рьяной службы КЕП отказался реализовать его политику — делать «грязную работу Комитета» в отношении ливанского, а затем — сирийского населения: *Oghannès pacha Kouyoumdjian. Le Liban à la veille et au début de la Grande Guerre. Mémoires d'un gouverneur, 1913–1915*, éd. Kévorkian R.H. V. Tachjian et M. Paboudjian, RHAC V, Paris, 2003. P. 154.

явления с призывом к приезжим торговцам не продавать товары армянам, другие на рынке предлагали людям не покупать товар у армян. Появлялись сообщения о том, что сады и огороды подвергались постоянным нападениям¹. Невозможно проверить всю эту информацию, тем не менее она свидетельствует об определенной враждебности по отношению к армянскому населению и серьезном беспокойстве среди армян, которое, несомненно, было оправданным.

Следующая остановка Сапах-Гуляна в Токате показала, что и здесь, как и в городах, где он уже побывал, СДПГ удерживала лидирующие позиции среди армян и пользовалась неоспоримым влиянием, даже если противостояла консерватизму местного общества. На лекции, организованной в помещении для общественных собраний, не было ни одной женщины — «эта традиция все еще доминировала в жизни [в Токате]»².

Сивас представлял собой решающий этап путешествия Сапах-Гуляна. О его прибытии было объявлено заранее, поэтому все государственные чиновники и вся знать приветствовали его у ворот города и сопровождали до клуба гнчаковцев, которых в городе насчитывалось в 1911 г. не менее шести сотен³. Атмосфера в Сивасе была очень напряженной, в городе было достаточно небезопасно, поэтому армяне планировали организовать наблюдение за окрестностями и за рынком, особенно в ночное время⁴. В регионе, где армянское присутствие было гораздо более заметным, чем в предыдущих, торговля, ремесла и транспорт находились преимущественно в руках армян. На рынке армяне жаловались на бесконечные вымогательства со стороны турецких офицеров и знати. Им часто говорили: «Конституция не освободила вас от нашей власти, мы станем обращаться с вами так, как нам будет нужно»⁵. Такие выражения иллюстрируют особый статус, который имела каждая из групп населения.

После своего прибытия в Сивас 28 июня

1911 г. Сапах-Гулян узнал, что Мустафа Неджиб прибыл сюда незадолго перед ним и пытался посеять рознь между двумя армянскими политическими партиями. В этом городе, граничащем с исторической родиной армян, АРФ, вездесущая в восточных провинциях, и СДПГ, внедрившаяся в основном в западных регионах, сосуществовали без проблем. Как пишет лидер гнчаковцев, два комитета даже решили сформировать общий план самообороны. Хотя их позиции различались — дашнаки оставались приверженцами идеи сотрудничества с Иттихадом, а гнчаковцы открыто и публично занимали враждебную ему позицию, — постоянные провокации и некоторые подозрительные симптомы в конце концов встревожили местный дашнакский комитет, который занял позицию, более близкую к гнчаковцам — преобладавшей в Сивасе партии⁶.

В течение нескольких месяцев, которые предшествовали приезду Сапах-Гуляна, армяне обратили внимание на множество собраний, происходивших в домах влиятельных граждан города турецкого происхождения. В конце концов, выяснилось, что их участники принадлежат к антииттихадистским кругам Сиваса, следовательно, собрания не были направлены непосредственно против армян. Оставило свой след и другое событие: по улицам армянского квартала были рассыпаны отравленные конфеты, ничего не подозревавшие дети подбирали их и ели. Двое умерло, нескольких пришлось лечить от отравления. Люди подозревали, что за этим подлым актом стоял Иттихад⁷. Напряжение в Сивасе имело своей причиной не только турецко-армянское противостояние, но диктовалось также скрытым конфликтом между определенными кругами городской знати и младотурецкими властями. Распутились слухи с целью настроить мусульманское общественное мнение против армян. Сапах-Гулян сообщает о встрече в гнчаковском клубе с турецкими ходжами. Они поинтересовались с явным беспокойством: правда

¹ Ibid. Pp. 199–203.

² Ibid. P. 214. Отметим здесь, между прочим, что большинство гнчаковских лидеров в Амасии были протестантами (ibid. P. 205). Когда Сапах-Гулян проезжал по равнине Ардовы по дороге в Сивас, он встретил пять армянских селений. В одном из них — Чифлике — в 1895 г. жители были сожжены живьем в местной церкви (ibid. P. 245).

³ Ibid. P. 256–261.

⁴ Ibid. P. 294.

⁵ Ibid. P. 296–297.

⁶ Ibid. P. 317–318.

⁷ Ibid. P. 319.

ли, что армянский патриарх потребовал для себя права посещать заседания Совета министров наряду с шейх-уль-исламом? Многие были убеждены, что такого рода слухи распространяет Мустафа Неджиб, хотя все знали, что Социал-демократическая гнчакистская партия была единственной, выступавшей за запрет любых следов влияния религиозных культов на работу Совета министров¹. Будучи студентом Школы политических наук в Париже и позднее, во время пребывания в изгнании во французской столице, Сапах-Гулян имел непосредственный опыт участия в дебатах об отделении церкви от государства и прекрасно знал, что означает светское государство. Но он также понимал, что в Сивасе оказался в мире, для которого подобные дебаты в целом чужды.

В совокупности все представленные здесь детали дают гораздо более отчетливую картину политики, проводимой КЕП. Именно его политика в провинциях позволила армянским партиям оценить конкретное содержание программы, выработанной ЦК иттихадистов. Здесь, в провинциях, младотуркам было сложнее скрыть свои этнонационалистические намерения, чем в столице. Однако решение провести внеочередные выборы для обновления парламента весной 1912 г. вынудило партии прийти к компромиссу и затушевать свои разногласия. В Ване власти объявили о переписи муж-

ского населения. Французский вице-консул сообщал: «Из соображений осторожности городские жители предпочитают скрываться от нее, чтобы избежать воинской службы и налогообложения. Ввиду этого приведенные ниже цифры наверняка меньше истинных». Действующие члены парламента — Тевфик-бей, Ваган Папазян, шейх Таир — надеялись переизбраться при поддержке Иттихада и АРФ, заключивших предвыборное соглашение. Их оппоненты — гнчаковцы, рамкавары и Либеральный союз — также объединились в поддержку своих кандидатов².

В Эрзуруме Вардгес Серингюлян и Армен Гаро также были кандидатами на переизбрание, снова при поддержке АРФ и КЕП³. Обоих избрали вновь, так же как Мурада в Сисе/Козане, Назарета Тагаваряна в Сивасе, Гегама в Муше. Врач и член АРФ Дашнакцютюн д-р Ваган Бардзибанян, избранный в Смирне по списку КЕП, был среди новых депутатов парламента⁴. В Сирте был избран Назым-бей, «темная лошадка»⁵. Его отличало крайне редкое в то время происхождение — отец-мусульманин и мать-армянка. Он был чем-то вроде символа для Иттихада, мечтавшего о превращении всех оттоманских подданных в турецких граждан. В Ване д-ра В. Папазяна заменил Аршак Врамян⁶, который имел гораздо больший престиж в собственной партии, знал турецкий язык и был хорошо известен юнионистским кругам в столице.

Армяне и младотурки в Стамбуле. Союз по расчету (1911–1912 годы)

Когда 4 октября 1911 г. после высадки итальянского десанта разразилась Триполитанская война, напряженность в столице достигла апогея. Этот акт колониальной агрессии

привел, как часто случалось в Турции, к росту враждебности против христианского населения империи. Ваган Папазян отмечает, как в парламенте ухудшилось отношение к нету-

¹ Ibid. P. 322.

² AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, ff. 42–45. Письмо французского вице-консула в Ване Пункаре президенту Совета, Ван, 15 марта 1912 г. Этот документ указывает количество мужчин в городе как 17.240, а в 33 близлежащих селениях — как 6760. Общим кандидатом Гнчака-Рамгавара стал Никогос Агасян, каймакам в Испире (Эрзурум) (ibid., f° 45v).

³ AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 56. Письмо французского вице-консула в Эрзуруме в министерство, 2 марта 1912 г.

⁴ Ibid. f° 73. Доклад французского генерального консула в Смирне, июнь 1911 г.

⁵ AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 110. Письмо французского вице-консула в Ване своему министру, 20 июня 1912 г. CADN, Ambassade de Constantinople, série E/132. Письмо французского вице-консула в Ване Бомпару, послу Франции в Константинополе от 20 июня 1912 г. Родился в Константинополе, 35 лет от роду, чиновник в МВД, бывший инспектор по госдолгу в Сирте и местный начальник в Эрзуруме, зять Гаджи Адил-бея, говорил по-французски, чему выучился у иезуитов в Бейруте; один из основателей клуба в Сирте.

⁶ Папазян В. Указ. соч. II. С. 182.

рецким депутатам: «Можно было подумать, что это мы высадились в Триполитании»¹.

Война началась в неподходящий момент, помешав претворению в жизнь планов КЕП, чьи первоначальные результаты в анатолийских провинциях мы обсуждали ранее. Создание «*Türk Yurdu Cemiyet*» («Общества Турецкой Родины») 3 июля 1911 г. Мехмедом Эмином, Ахмедом Агаоглу и Юсуфом Акчура² свидетельствовало о росте влияния националистов на младотурецкое движение через активистов, приверженных исламу и существующим институтам. Антагонистические течения раскалывали Комитет, и естественно было бы предположить, что радикальная ориентация националистов вынудит многих других присоединиться к оппозиции. Выход полковника Садыка и молодых офицеров его движения, которые сразу же присоединились к оппозиции, нанес Иттихаду серьезный удар.

Оппозиция почти полностью обновилась после ее ликвидации в августе 1909 г. Она была реорганизована созданием 21 сентября 1911 г. новой либеральной партии «*Hürriyet ve İtilâf Fırkası*» («Партия свободы и согласия»). Возглавляемая Дамадом Феридпашой, полковником Садык-беом, д-м Риза Нуром, Шюкрю аль-Асеки и Риза Тевфиком, новая партия объединила практически все существующие оппозиционные течения, как консервативные, так и либеральные, и получила поддержку различных греческих и армянских кругов³. С. Сапах-Гулян отмечает, что с того дня как Иттилаф и Социал-демократическая партия Гнчак (СДГП) подписали соглашение о сотрудничестве, «опасения в иттихадистских кругах проявились со всей очевидностью». Он добавляет, что благодаря такому сотрудничеству его партия смогла влиять на политику Иттилафа, делая ее более прогрессивной. СДГП участвовала в организации и обучении отделений партии в провинциях⁴. КЕП объединил против себя всех:

результатом стал триумф оппозиции на частичных выборах в Стамбуле в ноябре 1911 г.

Шестой съезд АРФ Дашнакцутюн — первый съезд партии в Стамбуле — проводился в тот же период времени, с 17 августа по 17 сентября 1911 г. Партия встала перед проблемой, решение которой уже нельзя было больше откладывать: поддерживать ли союз с Комитетом «Единение и прогресс»? В АРФ тоже росла оппозиция сотрудничеству с Комитетом, чья националистическая идеология уже стала очевидной для всех. В своих воспоминаниях Папазян пишет, что партия еще тогда решила разорвать отношения с КЕП⁵. Это крайне маловероятно: по сведениям из более нейтральных источников многие молодые люди в столице давали понять, что они далеко не обрадованы решением шестого съезда продолжать диалог с КЕП — стоит отметить разницу⁶. Один из основателей АРФ Ростом после своего прибытия в Стамбул для участия в шестом съезде партии обратил внимание на то, что партийное бюро в районе Пера больше не отвечает на приглашения расположенных по соседству подразделений и потеряло контакт с собственными активистами. Видимо, для борьбы с фрондой, наличие которой угрожало потерей доверия к партии, в клубе АРФ в Пера было создано совещание. На этом совещании Акнуни, Шахрикян, А. Врамян, Р. Тер-Минасян и другие в итоге согласились обновить союз партии с иттихадистами, если последние согласятся на их условия: 1) бороться против отсутствия безопасности внутри страны; 2) сократить налоги; 3) прекратить политику тюркизации и исламизации; 4) установить реальное равенство перед законом, конституционный режим и гражданские свободы⁷. Можно задаться вопросом: не было ли это всего лишь тактическим приемом, призванным ослабить внутреннюю оппозицию доминирующей линии партии? В действительности

¹ Там же, II. С. 151.

² *Bozarslan H.* II. P. 124; AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 177. Письмо французского консула в Салониках Жоселена Пуанкаре от 26 сентября 1912 г. Он сообщает о создании «*Türk Ocağı*» («Турецкой национальной ассоциации»).

³ *Bozarslan H.* Op. cit., II. P. 233. Люфти Фикри и Гюмюльджинели Исмаил также были членами партии. *Zürcher E. J.* Op. cit. P. 107.

⁴ *Сапах-Гулян С.* Ответственные. С. 285–286.

⁵ *Папазян В.* Указ. соч. II. С. 158.

⁶ Ростом: по случаю шестой годовщины его смерти / изд. Грач Таснапетян. Бейрут, 1999. С. 295–299. Доклад Гургена Мхитаряна. Мхитарян, осенью 1911 г. — студент в Константинополе, подчеркивает дух возмущения среди молодых армян, критиковавших такие партии, как АРФ.

⁷ Там же; *Папазян В.* Указ. соч. II. С. 159. Папазян отмечает: «В то время мы были так наивны, что верили, что среди турок могут быть прогрессивные круги».

руководство Дашнакцутюн в Стамбуле придерживалось двусмысленного отношения к младотуркам. Его отношения с КЕП, безусловно, остыли после резни в Киликии, но разрыв между партиями никогда не был окончательно оформлен.

Изолированный перед лицом оппозиции, набравшей новые силы, КЕП перехватил инициативу, начав с АРФ переговоры по поводу нового соглашения. Обсуждения по этому вопросу остались тайной, о них не упоминается ни в одной из официальных публикаций Дашнакцутюн. Чтобы составить о них некоторое представление, мы должны обратиться к оппозиционной газете¹. В разоблачениях Сапах-Гуляна утверждается о наличии в действительности двух соглашений. Одно из них, подписанное 11 ноября, было предназначено для внутреннего пользования и касалось предстоящих выборов в парламент. Содержание другого, тайного соглашения, подписанного в январе 1912 г., никогда не предавалось огласке. Однако лидер гнчаковцев описывает его в деталях в серии статей, посвященных отношениям между дашнаками и иттихадистами и опубликованных через 18 месяцев после заключения соглашения. Они позволяют сделать удивительное открытие — большинство пунктов соглашения было посвящено Персии, точнее, деятельности тамашного дашнакского военного руководителя Ефрем-хана. Мы впервые видим, как международный аспект деятельности Дашнакцутюн, действия партии за пределами Османской империи оказываются, при определенных обстоятельствах, предметом торга в ее переговорах с КЕП. Другими словами, ради того, чтобы добиться уступок от своих младотурецких союзников в османском контексте, Дашнакцутюн время от времени приходилось бросать на весы свое влияние в других регионах. Персия, о которой

идет речь, стала не просто полем деятельности направленных туда дашнакских фидайи. Ефрем-хан и его бойцы были подлинными инициаторами конституционной революции в Иране; они представляли собой силу, которая возглавила прогрессивные группы в стране и познакомила их с революционными идеями².

Январское тайное соглашение 1912 г. предусматривало сдерживание со стороны АРФ действий Ефрем-хана в Персии, которые поощряли русские амбиции. Партия согласилась не проводить в стране военных операций и не вовлекать османских подданных в другие виды своей деятельности в Персии. Согласно Сапах-Гуляну, Западное бюро немедленно направило соответствующие инструкции в партийный комитет в Персии, а также решило пересмотреть его пророссийскую позицию, призывая к прекращению действий Ефрема, который, как считали, выполняет указания из российской столицы³. Предполагалось, что Западное бюро жестко выступило против наступления Ефрема на Хамадан. Сапах-Гулян заходит так далеко, что высказывает предположение о возможном участии АРФ в убийстве лидера персидской революции 6 мая 1912 г., которое произошло при загадочных обстоятельствах у въезда в город⁴.

Однако Комитет «Единение и прогресс» не придерживался условий пакта с дашнаками. Скорее всего, именно это побудило АРФ войти в диалог с гнчаковцами, направленный на заключение союза. Способ вступить в переговоры был достаточно интересным. Маневры начались в тот момент, когда лидер гнчаковцев Сапах-Гулян, чья враждебность к планам такого союза была хорошо известна, находился в поездке по провинциям⁵. Официально две армянские партии обсуждали заключение предвыборного соглашения.

¹ [С. Сапах-Гулян]. Содержание секретного соглашения между иттихадистами и дашнаками и его последствия. См.: «Когак», 23 января/6 февраля 1913, № 2 (127). С. 18 (на арм. яз.). Продолжение — в последующих номерах.

² «Когак», 6/19 февраля 1913, № 4 (127). С. 41 (на арм. яз.). Газета дает обзор османского проникновения в Персию после поражения России в войне с Японией в 1904 г., а также той роли, которую сыграли Ефрем-хан и его бойцы, деятельность которых была в основном в пользу России и дала возможность царской империи вернуться на местную авансцену и заключить с Великобританией соглашение о разделе зон влияния.

³ «Когак», 13/26 февраля 1913, № 5 (130). С. 54. Ефрем был начальником персидской жандармерии и на этом основании был могущественным в Тегеране. Кажется, он воспротивился благосклонной политике своей партии по отношению к Турции и был в любом случае исключен из нее в этот период: «Когак», 20 марта/2 апреля 1913, № 10 (135). С. 114 (на арм. яз.).

⁴ «Когак», 30 января/12 февраля 1913, № 3 (128). С. 27 (на арм. яз.). Под давлением Великобритании, которая четко понимала, что активность армян способствует продвижению российских интересов, Санкт-Петербург, наконец, перестал поддерживать фидайи, которые обеспечивали КЕП тем, что тот рассчитывал получить от АРФ; соответственно, КЕП прекратил соблюдение своего обязательства о предоставлении своим армянским союзникам 20 мест в парламенте: «Когак», 3/16 апреля 1913, № 12 (137). С. 138 (на арм. яз.).

⁵ Сапах-Гулян С. Ответственные. С. 269.

Однако движущей силой этого сближения был марксистский журналист Парвус, российский еврей, проживающий в Германии. Социалист Парвус, который установил контакт с несколькими лидерами гнчаковцев в Стамбуле, был основателем журнала «Millî İktisat» («Национальная экономика»), а также торговцем оружием и информатором германской разведки¹. Было известно, что по запросу КЕП он перевел нескольких эмигрировавших грузинских социалистов в Стамбул, под свою защиту, а затем направил их в Аджарию, чтобы поднять там восстание против российских властей. Обосновывая свой план сотрудничества двух армянских партий, он указывал на необходимость союза социалистических сил согласно решениям конгресса в Амстердаме. Часть активистов сочли эти обоснования убедительными. Чтобы решить вполне предсказуемые проблемы по установлению общего числа армянских депутатов, Парвус пообещал стать посредником между армянскими партиями и КЕП. Первоначальный вариант, похоже, заключался в том, что армяне получат 20 мест, из которых два или три будут отданы «нейтральным» кандидатам. Итоговое, зафиксированное на бумаге, соглашение предусматривало, что АРФ получит 9 мест, а СДПГ — 8, оставшиеся места достанутся той партии, которой удастся провести своих кандидатов².

Когда Сапах-Гулян вернулся в Стамбул, пакт был почти готов. По его оценке, Иттихад оказался в трудном положении, но ловко сохранил поддержку АРФ и теперь пытался привлечь на свою сторону партию Гнчак за счет подписания пакта между АРФ и СДПГ. Тем самым Парвус, как пишет Сапах-Гулян, «оказывал большую услугу КЕП»³. Процесс зашел так далеко, что лидеру гнчаковцев было нелегко переломить ситуацию. На очередной встрече в сентябре 1911 г., когда текст

соглашения должен был быть окончательно согласован, К. Козикян, который представлял гнчаковцев, по предложению Сапах-Гуляна заявил двум дашнакским представителям, Папазяну и Акнуни, что он готов поставить свою подпись при условии, что ему покажут документ из ЦК Комитета «Единение и прогресс» «с официальной печатью» о согласии на «армянскую автономию». Дашнаки сослались на то, что им было дано устное обещание и они гарантируют его, что позволило Козикяну отклонить предложение⁴. На следующий день Парвус, как бывший посредник, бросился в клуб гнчаковцев и стал укорять своих товарищей социалистов за то, что, отвергнув соглашение, они пренебрегли его посредничеством. Он также доказывал, что присутствие двух социалистических партий в османском парламенте произвело бы отличный эффект в Европе, и добавил, что отказ СДПГ от соглашения «по узким националистическим причинам» действует против интересов социализма⁵. Ответ Сапах-Гуляна прозвучал в том же духе: очень жаль, что такой убежденный социалист, как Парвус, может поддерживать националистическую партию, «на совести которой резня в Адане, убийства, похищения, конфискации собственности, совершенные ради достижения целей турецкого национализма»⁶.

Из этих примеров мы можем сделать ряд выводов о политической практике Комитета «Единение и прогресс». Он уже взял в свои руки главные механизмы госаппарата и мог использовать их так, как считал нужным, бросая крохи власти тем, кто соглашался служить Комитету или сотрудничать с ним. Теперь он искал способ выиграть время для осуществления своих планов. С этой целью он не колебался перед убийствами или ссылкой тех оппонентов, которые представляли собой реальную угрозу, в то же время гарантируя без-

¹ Там же. С. 270. Парвус — псевдоним Израиля (Александра) Гельфанда — был на самом деле агентом германской разведки и, пользуясь своей незаслуженной репутацией социалиста, проникнул во всякие нетурецкие круги. В то время он работал на КЕП и был вознагражден за это во время войны, когда получил монополию на импорт некоторых товаров. Ваган Папазян, который был представлен ему болгарским депутатом Влаховым, ограничился тем, что Парвус часто приходил в редакцию «Азатамарта». Однако он признавал, что в 1914 г. они не понимали, кто он такой; внезапно он стал миллионером, будучи торговым агентом, который выполнял заказы по поставке угля и зерна для правительства. Когда Папазян встретился с ним в Берлине в 1923 г., тот жил «с женщиной гораздо моложе его в собственной вилле, окруженной парком и прудом»: Папазян В. Указ. соч. II. С. 173–174; Zürcher E. J. Op. cit. Pp. 129–130.

² Сапах-Гулян С. Указ. соч. С. 270.

³ Там же. С. 272.

⁴ Там же. С. 275.

⁵ Там же. С. 276.

⁶ Там же. С. 280. В течение некоторого времени после этого Парвус культивировал свои отношения с армянскими боевиками, но потом пришел к выводу, что манипулировать СДПГ невозможно.

наказанность преступникам. Напрашивается вопрос: не было ли следствием этого плана постоянное отсутствие безопасности в восточных провинциях — грабежи, похищения, резня в местных масштабах? В любом случае в 1912 г. ситуация настолько ухудшилась, что в армянских кругах разразились бурные дебаты: с какой из партий следует заключать союз — с Иттихадом или Иттилафом? СДПГ была убеждена в необходимости постоянно беспокоить КЕП, не давая ему свободного времени для воплощения в реальность его планов («отвлечь его внимание от Армении», — как формулировал Сапах-Гулян)¹.

В провинциальных турецких кругах Иттихад тоже вызывал враждебность тех групп, которых раздражало постоянное вмешательство местных младотурок, часто не самых респектабельных личностей, в их внутренние дела. Бывало даже так, что армяне входили в эти турецкие круги в качестве миротворцев, с тем чтобы восстановить спокойствие: например, когда клуб иттихадистов в Эрба отказался утвердить назначение религиозного лидера, не состоявшего в клубе, или же после нападения на клуб иттихадистов в Балыкесире². Более того, некоторые правительственные чиновники не разделяли политических взглядов младотурок — это продемонстрировал случай, произошедший весной 1912 г., когда каймакам Никсар, Ихсан-бей и командующий соответствующим военным регионом Сабих-бей передали руководству СДПГ «ценные» документы, с одной стороны, из ЦК юнионистов, с другой — из правительства³. Согласно Сапах-Гуляну все эти документы касались того, как следует поступать с армянами, какими способами «избавить страну от армян и получить контроль над всем их недвижимым и прочим имуществом». Командующий Сабих-бей мог бы даже объяснить, что Иттихад имел намерение истребить армян, «думая, несомненно, что мы, добавляет лидер гнчаковцев, не были об этом информированы»⁴. Статья в официальном органе гнчаковцев

еще более ясно характеризовала турецкие намерения, какими они были, по мнению СДПГ: «При малейшем поводе... турецкий национализм, который сегодня взял под свой контроль правительство страны, безжалостно и без колебаний организует резню армян как историческую необходимость. И на этот раз резня будет беспощаднее, чем в 1895–1896 годах, более жестокой, чем во время катастрофы в Адане. Психология, которая содействует резне, устойчива, у нее глубокие корни... Совершенно ясно, что старые и новые представители турецкого национализма не имеют никакого желания признать идею существования, развития и жизнеспособности армянского народа»⁵.

Однако такой точки зрения придерживалось меньшинство армян. Большинство ее не разделяло, даже если не стоило «ожидать большой пользы от конституционного режима», по словам Габриэля Норатуняна, который вскоре стал первым и последним немусульманином на посту османского министра иностранных дел, сказанным на обеде, куда он пригласил четыре дашнакских депутата парламента и Григора Зограба⁶.

При таких условиях легко представить себе атмосферу, царившую в Османской империи во время избирательной кампании весны 1912 г. Эти выборы, известные под названием «выборы большой палки», поразили не одного наблюдателя насильственными методами и запугиванием, с помощью которых Иттихад старался обеспечить победу своим кандидатам⁷. Врагом номер один считался Иттилаф, в рядах которого насчитывалось много бывших иттихадистов, особенно нетурок, снятых со всех ответственных постов в Иттихаде. В недели, предшествовавшие вторым парламентским выборам, обе партии обменивались взаимными ударами. Неудивительно, что большинство в новоизбранном парламенте принадлежало иттихадистам, и в некоторых армянских кругах электоральные интересы возобладали над сутью вещей. Саид-паша сформировал но-

¹ Там же. С. 280–283. Автор ставит вопрос и выдвигает аргументы в свою пользу.

² Там же. С. 284, 291–292.

³ Там же. С. 299–301.

⁴ Там же. С. 302–303.

⁵ Там же. С. 302–303. Летом 1911 г., когда Сапах-Гулян совершал поездку по Анатолии, мутесариф Кайсери, албанец по национальности, как полагают, сказал ему: «Если эти иттихадисты останутся [у власти], они приведут к новой катастрофе, еще более ужасной для армянского народа. Постарайтесь как можно быстрее спасти своих людей от этой опасности».

⁶ «Preuves et réalité», «Гнчак», № 3, март 1913 г. С. 6 (на арм. яз.).

⁷ Папазян В. Указ. соч. II. С. 173.

⁸ Zürcher E. J. Op. cit. P. 107.

вый кабинет, где Мехмед Джавид вернулся на пост министра финансов. При этом режиме смена власти могла быть произведена только с применением силы. В мае-июне 1912 г. вице-президент Иттилафа, полковник Садык-бей, усилил давление на кабинет до того уровня, что можно было говорить о перевороте. Он пользовался поддержкой молодых офицеров, известных как «офицеры-спасители», большинство которых были выходцами из частей, расквартированных в Македонии¹. 21 июля великий везир подал в отставку в пользу либерального кабинета, сформированного Гази Ахмедом Мухтар-пашой, куда вошел Норатункян в качестве министра иностранных дел. В некотором смысле к власти впервые пришли люди, разделяющие взгляды принца Сабахеддина (если не учитывать краткое существование кабинета Тевфика в апреле 1909 г.).

Стояла цель — восстановить доверие к властям, особенно среди нетурецких групп населения, через применение выдвинутой принцем программы децентрализации, которая наделала столько шума. Вскоре после этих событий выяснилось, что Мехмед Талат и Мустафа Рахми вернулись в Салоники, за ними последовали Джавид и д-р Назим².

Чтобы с уверенностью положиться на армию, Гази Мухтар назначил военным

министром выпускника Сен-Сира генерала Назым-пашу. Назым был черкесом из Стамбула, которого маршал Гольц считал лучшим офицером османской армии³. АРФ не замедлила извлечь уроки из этих перемен. В декларации 18 июля 1912 г. Западное бюро объявило о полном разрыве с младотурками⁴. В тот же период было опубликовано несколько книг с очевидной целью выявить истину о резне в Киликии⁵.

Знаменательно, что только в середине сентября АРФ создала специальный комитет, в который входили Рубен Тер-Минасян и Себастиан Мурад. Его первое рабочее заседание состоялось в Стамбуле. На повестке дня стоял «вопрос самообороны» — партия обсуждала этот вопрос впервые после революции июля 1908 г. Участники заседания согласились, что проект организации самообороны потребует для своей реализации «годы и годы», что у партии для этого «недостаточно ответственных кадров и необходимых средств в провинциях»⁶. Было ли внезапное возобновление интереса АРФ к «самообороне» следствием ухудшения ситуации в восточных провинциях? Возможно. Можно также предположить, что мгновенное удаление АРФ со стамбульской политической сцены дало ей ранее отсутствовавший простор для маневра.

Армяне во время Балканского кризиса

Османская империя, стоявшая перед угрозой начала войны с того самого момента, как к власти пришел кабинет Гази Ахмеда Мухтара, согласно мнению экспертов того времени, была не в состоянии ее вести. Финансы находились в упадке, армия была плохо организована и деморализована из-за нескольких лет слабой дисциплины. Однако впервые в войне должны были принять уча-

стие немусульмане, их мобилизовали, как и других соотечественников. Патриотические призывы, таким образом, касались всех османских подданных, и армяне были не в последних рядах тех, кто поднялся на «защиту отечества».

Союз балканских стран, похоже, удивил даже европейских дипломатов, которые, несомненно, были озабочены судьбой османской

¹ Ibid. P. 108; *Bozarslan H.* Op. cit., II. P. 124. Тайный комитет «офицеров-спасителей» включал в свой состав, в частности: Кемаль-бея, Хильми-бея, Ресеп-бея, Ибрагима Ашки-бея и Кудрет-бея. Он требовал, чтобы армия вышла из политики, и направлял письма с угрозами в адрес юнионистских лидеров.

² AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 177. Письмо французского консула в Салониках Жоселена Пуанкаре, Салоники, 26 сентября 1912 г.

³ *Антонян А.* Указ. соч., III, Стамбул, 1913. С. 484–490. Сосланный в Эрзинджан в 1908 г., он сумел в мае бежать из города с помощью армян, в частности некоего Сурена Сарафяна, с помощью которого смог укрыться в Батуме, также в среде армян, и прибыл в Стамбул вскоре после перемирия. Именно Назым сумел усмирить повстанцев после событий 31 марта 1909 г. Он был решительным противником Махмуда Шевкета и верховенства иттихадистов.

⁴ *Папазян В.* Указ. соч. II. С. 158.

⁵ См. разделы, посвященные этой теме.

⁶ Симон Заварян: к 70-летию со дня смерти. С. 117–118. Письмо Заваряна Микаэлу Варантяну, Константинополь, 22 сентября 1912 г.

части полуострова, но только с точки зрения реформ, к которым они надеялись принудить Блистательную Порту. Эксперты, которые занимались конфликтом, соглашались в том, что греческий премьер Венизелос мастерски скрыл свою решающую роль в формировании столь маловероятного балканского союза.

В сентябре 1912 г. в Стамбуле царил праздничная атмосфера, украшенная патриотическими чувствами. Самые большие энтузиасты рассчитывали отметить победу в Софии еще до конца года — Болгария была поставлена в разряд врага номер один империи. Либеральное правительство, составленное из опытных людей, прекрасно осведомленных о слабости армии, недостатке современного оружия и снаряжения, было против войны, как и парламентское большинство. Только младотурки, потерявшие большинство мест в новом парламентском собрании, вели активную кампанию в поддержку начала военных действий¹. В статье, опубликованной 21 сентября 1912 г. в газете «Танин», полуофициальном органе Иттихада, Энис Авни-бей писал под псевдонимом Ака Гюндюз: «Каждое место, на которое я наступлю, должно покрыться кровью... Если я оставлю хоть камень на камне, пусть мой дом будет разрушен»². Эта тоска по доброй битве отражала амбиции младотурок заработать на возможностях, которые открывала война, чтобы вернуть все территории, утерянные за последние несколько десятилетий. Возможно, то насилие, которое сопровождало недавние вторжения османской армии в Македонию и Албанию, объясняло заявление министра иностранных дел Норатункяна, помещенное в иностранной прессе, о том, что османская армия намерена соблюдать принятые цивилизованными странами правила ведения войны и в оккупированных ею регионах резни не будет. Днем 21 сентября партия Иттилахф организовала стотысячный митинг на площади перед мечетью Султан Ахмед. Одним из первых выступавших был Диран Келекян, главный редактор издания «Сабах», который объявил, что выступает

за начало войны, и закончил свою патриотическую речь элегантно оборонительной формулировкой: «Либо османцы оставят за собой 30 миллионов могил, либо покажут Европе, из какого материала они сделаны, сокрушив балканские страны»³.

Вечером того же дня на той же площади свой митинг под руководством Талаата провел Иттихад. Здесь присутствовало больше молодежи. Список выступавших включал самого Талаата, Гасана Фехми, Джемаледдина Арифа, Акопа Бояджяна и представителя АРФ Дашнакцутюн д-ра Карапета Пашаяна⁴. «В целом АРФ выступает против войны, которая несет народу нищету и лишения, — сказал он. — Однако партия может только подтвердить свое одобрение битвы ради защиты отечества против внешней агрессии». Хотя речь Пашаяна, близкая к официальной линии Дашнакцутюн, не отличалась крайностями патриотизма, тем не менее она подтверждала солидарность АРФ с прежними союзниками в трудных обстоятельствах (18 июля партия разорвала союз с КЕП). Последний из выступавших, Омер Наджи, который считался одним из пропагандистов КЕП, воззвал к «расовому духу», который не знал поражений. Наджи убеждал своих слушателей «плюнуть в лицо горстке малых наций, которые оскорбили семь веков существования турецкой расы»⁵. В этой атмосфере патриотического единодушия многие армяне записывались в армию добровольцами, так же как черкесы и курды. Однако следует отметить, что мобилизация не была проведена в Сирии, Месопотамии и восточных провинциях Анатолии. Заявления министра иностранных дел Норатункяна репортеру из «Le Temps» свидетельствовали о том, что он лично против начала войны⁶.

Как Иттилахф, так и Иттихад искали армянской поддержки своей позиции. Однако иттихадистская оппозиция гораздо лучше знала, как мобилизовать большие толпы. Более того, несмотря на отстранение от власти, партия могла положиться на сети, созданные ранее во всех классах общества. Постаравшись из-

¹ Антонян А. Указ. соч. С. 433. Арам Андонян (1873–1951) — журналист и — с 1911 г. — депутат Армянской палаты.

² Там же. С. 434.

³ Там же. С. 437–438.

⁴ Карапет-хан Пашаян (1864–1915), также известный под псевдонимом Тапариг, был врачом и военным лидером АРФ в регионе Эрзинджана и позднее в Киликии при Абдул-Гамиде. Одно время он был членом редакционного совета издания «Азатамарт» и ЦК в Константинополе. Был избран депутатом от Харпута на выборах 1912 г.

⁵ Там же. С. 439–440.

⁶ Там же. С. 442.

влечь выгоду из первых массовых демонстраций, она мобилизовала в первую очередь студентов университета, чтобы оказать давление на либеральное правительство Ахмеда Мухтара и дестабилизировать его. Лучше своих противников она знала, какие темы могут собрать людей вместе — отказ от исполнения 23-й статьи Берлинского договора, которая предусматривала проведение реформ в Румелии, идея равенства всех подданных империи — тема, симптоматичная для оценки состояния османского общества в тот период. Гораздо более впечатляющей стала студенческая демонстрация 24 сентября 1912 г., начатая сотней младотурецких активистов. Она быстро переросла в полувосстание и поставила в трудное положение правительство, чье негативное отношение к войне было непопулярным — демонстранты обвинили его в пресмыкательстве «перед балканскими странами»¹.

Таким образом, правительство оказалось между молотом общественного мнения, которое отличалось горячим желанием идти на войну, и наковальней в виде великих держав, которые выступали за ратификацию известного «закона вилайетов» от 23 августа 1880 г., который был призван реформировать местную администрацию и воплотить в жизнь статью 23 Берлинского трактата в тех регионах, которые балканские государства стремились захватить. Поэтому правительство вынуждено было опубликовать заявление, в котором осторожно подтвердило, что реформы все еще находятся на рассмотрении и что не может быть и речи о ратификации неконституционного закона. В то же время, однако, Норатункян пообещал западным послам, что статья 23 скоро будет применена; и это вызвало новые демонстрации. Чтобы избежать войны, Совет министров не имел другого выбора, кроме как пойти на уступки, требуемые балканскими странами, в частности ввести в действие статью 23 Берлинского трактата².

Легко представить, с какой легкостью иттихадистские сети смогли повернуть «турецкое» общественное мнение против реформ, которые были расценены как акт предательства, выгодный немусульманским группам населения империи, — их воспринимали как

врагов, пользующихся поддержкой христианских держав. Разрываясь между надеждами, пробужденными обещаниями либерального правительства провести реформы, и тревогой, вызванной враждебностью общества к малейшим уступкам, армянские круги взяли на себя ответственность и призвали своих соотечественников к исполнению долга. Однако их выбило из колеи утверждение «Танин» о том, что в случае введения в действие статьи 23 в вилайетах европейской части Турции «за ней сразу же последует 61-я статья» — т.е. статья Берлинского трактата, касающаяся армянских провинций³. Причинно-следственная связь была высказана совершенно ясно, так же как и параллель между событиями на Балканах и в армянских провинциях Восточной Анатолии. Замечание в «Танин» давало яркое представление о том, каким Иттихад видел будущее империи, о его решимости сохранить территориальную целостность государства. Это оставляло армянам очень слабую надежду на то, что на востоке будут проведены малейшие реформы. Через несколько недель после поражения османской армии от Балканской коалиции Иттихад вновь попробовал пойти на сближение с АРФ, никак не комментируя свою публичную позицию в канун войны. Душой этого приглашения к сотрудничеству был Мехмед Талаат, который распространял его также и на Зограба. Ситуация была критической, и Талаат, соответственно, дал ряд обещаний, которые со всей очевидностью противоречили позиции, издавна занятой Иттихадом: он выступил с предложением ввести в действие закон о вилайетах 1880 г., разрешив аграрный вопрос (захваты земель) и наказав мародеров⁴.

Западное бюро Дашнакцутюн с определенной тревогой наблюдало за первоначальными успехами балканской коалиции, осознавая, что армяне не могут ожидать никакой поддержки от Европы или России, если турки обратятся против них. Предостережение звучало в утверждении Симона Заваряна: «Важно, что в случае поражения турок они естественным образом захотят отыграться на армянах, которые представляют собой слабую группу населения и не могут

¹ Там же. С. 458–459. На следующий день после этой демонстрации Талаат, Назым и другие лидеры младотурок отбыли в свои владения в Салоники. Возможно, они таким образом пытались обеспечить свою безопасность в случае реакции правительства: AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 177. Письмо французского консула Жоселен в Салониках Пуанкаре, Салоники, 26 сентября 1912 г.

² Антонян А. Указ. соч. С. 461.

³ Там же. С. 498–499.

⁴ Палазян В. Указ. соч. II. С. 164.

себя защитить»¹. Для таких опасений были основания. Во время Балканской войны и в последующие месяцы ситуация в восточных провинциях ухудшалась, частично из-за появления бежавших от войны боснийских мухаджиров; они в больших количествах наводняли армянские вилайеты. Эти беженцы и накал их негативных чувств по отношению ко всем христианам беспокоили Вагана Папазяна. «Мы опасались, — писал он, — что они, как саранча, сожрут все, что имеют армяне, и осуществят новую резню. Таким был дьявольский замысел правительства»².

На поле боя армянские солдаты исполняли свой долг, особенно при обороне Янины. Наблюдатели единодушно признавали, что они сражались храбро, отмечали компетентность армянских офицеров, которые особенно выделялись в артиллерии. Как и вся османская армия в целом, они тоже несли большие потери³. Однако в потерпевшей поражение, униженной стране это весило не так много.

Лидеры Иттихада особенно остро воспринимали события на фронте — как национальную и личную трагедию, как доказательство полного краха их грандиозных планов. Многие из них, как Талаат⁴, спонтанно принимали решение записаться добровольцем, другие, как Джемаль, исполняли свой долг в качестве офицеров. Д-р Назым испытал унижение плена, он был арестован в историческом штабе Комитета «Единение и прогресс», когда греки захватили Салоники в октябре 1912 г., вместе с ним был арестован албанский депутат Дервиш-бей, глава одной из самых активных групп фидайи в комитете. Назым и Серез, доставленные в Грецию под усиленной охраной, по крайней мере, были избавлены от зрелища грабежа мусульманского и еврейского населения города, от убийств и насилий, совершенных греческими солдатами перед глазами потрясенных свидетелей⁵.

Вся храбрость, влияние и ум генерала Назым-паши потребовались, чтобы остановить наступление болгарской армии в Чаталдже, в нескольких десятках километров западнее Стамбула, и освободить других лидеров младотурок, задержанных во время боев⁶, при попытке бегства в столицу. Военный министр, презираемый лидерами КЕП, спас тех самых людей, от чьих рук он погибнет после покушения несколько месяцев спустя. В это время новые нерегулярные соединения младотурок сделали свои первые шаги на попрание подрывной деятельности, саботажа и политических убийств. Вскоре они примут наименование «Тешкилят-и Махсусе» («Специальная организация») и сыграют важную роль в подготовке отвоевания Эдирне в июле 1913 г.⁷

В декларации, опубликованной 25 декабря 1912 г., ЦК гнчаковцев, объект особой ненависти Иттихада, обобщил дилемму, перед которой оказались армянские политические силы после войны, положившей конец турецкому присутствию в Европе: «В этот критический час, в этот ужасный час, насыщенный событиями и чреватый последствиями, на горизонте маячит также Армянский вопрос, один из самых тяжелых, самых трудноразрешимых, он стиснут в стальном кольце самых неблагоприятных обстоятельств». Далее редакторы официального органа гнчаковцев указывали, что младотурки показали себя неспособными даже в самой малой степени осуществить реформы, что их конституция «была военной “конституцией”, которая доказала свое жалкое бесплодие с точки зрения интересов народа». Намекая на те средства излечения, которые лидеры младотурок предписывали стране, редакторы заключали, что иттихадисты «оказались не врачами, но ветеринарами, скорее даже мясниками, забивающими скот на бойне»⁸.

¹ Симон Заварян: к 70-летию со дня смерти. С. 118–119. Письмо С. Заваряна Балканскому комитету АРФ, Константинополь, 10 октября 1912 г.

² Папазян В. Указ. соч. II. С. 181.

³ Антонян А. Указ. соч., V. С. 889–891.

⁴ Georges Rémond et Alain Penennrun, Sur les lignes de feu: le carnet de champ de bataille du colonel Djémal bey, de Kirk-Kilissé à Tchataldja, Paris, 1914. Pp. 188–190. Джемаль встретил Мехмеда Талаата в Визе 2 ноября 1912 г. посреди ночи. Талаат, совершенно подавленный, «сидел, одетый в форму добровольца, на краю высокой скалы». Джемаль привел его в столицу. Он вспоминал, что в ходе битвы Талаат был с генштабом Махмуда Мухтар-паши. По пути в столицу они увидели, что армия — в полном смятении: «Это был конец всему, полное разрушение и распад отечества».

⁵ Антонян А. Указ. соч., IV. С. 826–827. «Times» из Лондона и «Le Temps» из Парижа дали подробные репортажи об этих событиях.

⁶ Там же / III. С. 490.

⁷ Zürcher E. J. Op. cit. Pp. 114–115.

⁸ Декларация ЦК СДПГ от 25 декабря 1912 г., опубликованная в «Гнчаке», № 1, январь 1913 г. С. 1–2.

Часть III

ГЛАВА I

Преобразования в Комитете «Единение и прогресс» после Первой балканской войны 1913 г.

Младотурки и армяне — лицом к лицу (декабрь 1912 года — март 1915 года)

Министерство гонимых, которое не было...
Османской империи государства, в том...

приближе столкнуться с объективной...
дипломатии, которые отказались от условий...

Возможно, что...
Армянская революция...
Армянская революция...
Армянская революция...

Армянская революция...
Армянская революция...
Армянская революция...

Вот почему...
Армянская революция...
Армянская революция...
Армянская революция...

Армянская революция...
Армянская революция...
Армянская революция...

1. Бюджет...
2. Бюджет...
3. Бюджет...

ГЛАВА 1

Преобразования в Комитете «Единение и прогресс» после Первой балканской войны 1913 г.

Унизительное поражение, которое нанесли Османской империи государства, возникшие из ее бывших европейских владений, привело к тому, чего Комитет «Единение и прогресс» боялся больше всего: кончине европейской Турции и переносу центра империи в Азию. Война, кроме того, сопровождалась колоссальными перемещениями населения. Согласно официальным источникам, порядка 500–600 тысяч беженцев были изгнаны из Румелии (историческое название Балкан. — *Прим. пер.*) и Македонии, и государство искало пути и средства их размещения в Малой Азии. В беседе с французским дипломатом посол Турции в Австро-Венгрии и бывший великий визирь Хильми-паша предложил «проект оживления Малой Азии» путем переселения туда этих беженцев — проект стоимостью 250–300 миллионов франков. В качестве вероятного места для переселения он предложил «район Аданы, [который] так плодороден, что похож на небольшой Египет», и выразил надежду, что французский капитал поддержит этот проект¹. Этот географический выбор был, скорее всего, не случайным, а частью общей политики младотурок по переселению беженцев с Балкан в те места, которые они считали стратегически важными, даже если это противоречило интересам коренных жителей этих мест. Именно так обстояло дело в вилаятах с армянским населением.

Кабинету Камил-паши, которому пришлось вести войну, которой он не хотел,

пришлось столкнуться с оппозицией младотурок, которые отказались от условий перемирия, заключенного после разгрома османских войск. Либеральное правительство также находилось под давлением со стороны тех сил, которые требовали, чтобы оно приняло условия балканских государств. Государственный переворот, который сбросил кабинет Камиля 23 января 1913 г., произошел, таким образом, в разгар политического кризиса, вызванного поражением Османской империи. Снова власть перешла из рук в руки силой оружия. Тем не менее важность этого события нельзя недооценивать: оно ознаменовало полное взятие контроля над исполнительной властью со стороны Центрального комитета Иттихада и полностью соответствовало его безошибочной милитаристской ориентации². Военные деятели утвердились как защитники Конституции («Meşrutiyet») и свободы («Hurriyet»). Лучшее доказательство заключается в методах, которые младотурки использовали для захвата власти. Та легкость, с которой Энвер-бей и его сообщники смогли пройти сквозь все защитные барьеры, проникнуть в Блистательную Порту и застрелить военного министра Назим-пашу — не встретив ни малейшего сопротивления, вызывает, по крайней мере, подозрения. Есть все основания полагать, что часть дворцовой стражи была в сговоре с военными членами КЕП. Укрепление позиции милитаристов также подтверждается назначением — состоялось вечером 23 ян-

¹ CADN, Ambassade de Constantinople, série E/86. Письмо посла Франции в Вене Дюмена, распространенное Дирекцией по политическим делам МИДа 26 марта 1913 г. Массовое прибытие беженцев-мусульман из Фракии подробно описано в отчетах французских консульств в провинциях; их размещение вызвало рост напряженности: AMAE, Correspondance politique, Turquie, p. s. (см.: в особенности, тома 85 и 86).

² Turfan N. Op. cit. P. 286; и Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 285. Он отмечает, что в период с 1908 по 1918 год власть переходила из рук в руки только с использованием силы, как в июне — июле 1912 г. либералами или 23 января 1913 г. в результате «рейда» Блистательной Порты.

варя 1913 г. — генерала Махмуда Шевкета, сильной фигуры на тот момент, на должность великого визиря, а также назначением в начале марта полковника Ахмеда Джемалю на вновь введенную должность «опекуна (или военного губернатора) Стамбула» и подполковника Халил[кут]-бея, молодого дяди Энвер-бея, на должность командира столичного гарнизона¹. Однако новый великий визирь вскоре рекомендовал военным не вмешиваться в политику. Вполне возможно, что, препятствуя таким образом политизации армии, он реагировал на озабоченность фракции иттихадистского ЦК, которая пыталась освободиться от растущего доминирования «молодых офицеров» и умалить их влияние. Используя свое преимущество и играя на деморализации офицерского корпуса после поражения на Балканах, Махмуд Шевкет также предложил провести основательную реформу армии, если уж не удастся ее деполитизировать². Вполне вероятно, что часть юнионистского ЦК положительно отреагировала на эту инициативу, а также на обращение Шевкета за немецкой помощью, которую она рассматривала как естественное продолжение первых экспериментов, проведенных генералом Гольцем³. Великий визирь и его сторонники наверняка предполагали, что приглашение кого-то извне поможет ограничить или даже остановить растущую политизацию офицеров. Но, поступая таким образом, Махмуд Шевкет предпринял лобовую атаку на фракцию партии, в поддержке которой он нуждался тогда, когда ему пришлось обезвреживать взрывоопасную политическую ситуацию, которую он унаследовал от кабинета Камиля. Его главной задачей было окончательное уре-

гулирование конфликта на Балканах, то есть подписание мирного договора, подтверждающего сдачу Эдирне — как раз то, что молодые офицеры во главе с Энвером никак не хотели принимать⁴.

Этот вопрос, несомненно, был доминирующим в дебатах на заседании Центрального комитета Иттихада, которое состоялось 31 января 1913 г. Однако главным следствием этого заседания, судя по тому, что мы знаем о нем, было утверждение растущего влияния Талаата на Комитет и решение партии обратиться к религиозным чувствам для активизации мусульманского общественного мнения. Сообщалось также, что именно на этом заседании Ахмед Агаев (Агаоглу) утверждал, что ислам в опасности, и призвал к священному союзу всех групп в империи и объявлению джихада⁵. Учреждение Комитетом в тот же день «Müdafai-i Milliye Cemiyeti» («Комитета общественного благосостояния»), наряду с образованием вскоре после этого (в июне 1913 г.) «Türk Gücü» («Турецкой силы») — военизированной организации, гимн которой написал Зия Гёкальп, — все это свидетельствовало глубокого беспокойства и радикализации движения. Более жесткий контроль над партийным руководством со стороны Талаата — несомненный результат этой напряженности. Талаат использовал свою растущую власть над партией для того, чтобы утвердить 16 марта 1913 г. майора Али Фетхи [Окьяра]⁶ и в качестве члена ЦК Иттихада, и в качестве его генерального секретаря, в надежде противодействовать растущему влиянию Энвера — лидера другой крупной фракции партии⁷.

Великий визирь Махмуд Шевкет, который первоначально служил гарантом правитель-

¹ Поль Эрио, репортер газеты «Journal de Paris», дал подробное описание этого рейда. Около сотни младотурок, ведомых Энвером и Талаатом, сумели, предположительно, прорваться сквозь барьеры. За этим последовала перестрелка, в результате которой погибли пятеро, включая Мутафу Негибю, близкого соратника Энвера: *Le Journal*, 27 janvier 1913; *ibid.* P. 364, n. 1; AMAE, *Turquie, Politique intérieure*, n. s., vol. 9, f° 204. Письмо Бомпара, французского посла в Константинополе, в МИД, 3 марта 1913 г., в котором сообщается о назначении Джемалю военным губернатором Константинополя.

² *Ibid.* P. 322.

³ *Ibid.* Pp. 310–311. Решение о реорганизации османской армии было принято 14 февраля 1913 г. (1 шутаба 1329 г.), то есть за несколько месяцев до прибытия германской миссии во главе с Лиманом фон Сандерсом, генералом от кавалерии. Решение изначально готовилось в тайне Военным министерством и генеральным штабом, потом утверждено Советом министров и, наконец, ратифицировано султаном и обнародовано 11 декабря 1913 г.

⁴ *Ibid.* P. 296.

⁵ AMAE, *Turquie, Politique intérieure*, n. s., vol. 9, f° 199. Письмо французского консула в Салониках Жоссе-лена Пуанкаре. Салоники, февраль 1913 г.

⁶ См. выше. С. 200, примечание 349.

⁷ *Turfan N. Op. cit.* P. 404, n. 170. Показательно, что Али Фетхи специально для этого вышел в отставку из армии.

ства младотурок, к этому моменту был уже просто пешкой без реального политического влияния, которая металась между двумя основными фракциями КЕП. В изоляции он делился своими заботами с доверенным лицом на тот день — Ахмедом Джемалем, который был подлинным хозяином Стамбула, несколько наивно раскрывая ему свои планы по реформе османской армии, которые состояли в том, чтобы отдать один армейский корпус в руки немецкого генерала и назначить немецких офицеров в состав Генерального штаба. По словам Джемала, великий визирь считал, что это позволит ему контролировать политическую деятельность офицеров, связанных с КЕП¹.

Тем не менее у Махмуда Шевкета явно не хватало средств для того, чтобы подчинить офицерский корпус своей воле; несмотря на решение кайзера от 6 июня поставить одного генерала во главе немецкой военной миссии, он был не в состоянии продолжать достижение своих целей. Утром 11 июня во время следования по улицам Стамбула на пути к Блистательной Порте он был расстрелян четырьмя боевиками².

За несколько дней до этого, в пятницу 6 июня 1913 г., главные юнионистские лидеры провели совещание в Фенер Ялу, недалеко от района Хайдар-паша, с повесткой дня, которая гласила: «политическая ситуация в стране опасна». 10 июня, около 10 часов вечера, офицеры армейской части в Чаталдже, сторонники Энвера, провели демонстрацию своей враждебности и потребовали отставки кабинета Махмуда Шевкета. В противном случае офицеры угрожали, что «армия пой-

дет на Константинополь». По свидетельству одного хорошо информированного дипломата, «великий визирь хотел выйти из игры, но лидер партии Талаат-бей призвал Махмуда Шевкета оставаться на своем посту до конца в соответствии с принесенной присягой». Тем не менее французская разведка отмечала, что «тайный комитет находится в постоянном контакте с армией Чаталджи»³. Другими словами, ЦК Иттихада подстрекал «молодых офицеров» под руководством Энвера потребовать отставки кабинета министров, в то время как Мехмед Талаат, в свою очередь, требовал, чтобы великий визирь оставался на своем посту. Напряженность между двумя фракциями КЕП, очевидно, была отложена в сторону; и в рамках Комитета была достигнута договоренность о том, чтобы избавиться от генерала Шевкета. В ЦК, должно быть, решили, что лучше великого визиря убить, чем позволить ему уйти в отставку, — предположение, которое представляется тем более вероятным, если вспомнить, что это убийство, приписываемое оппозиции, дало возможность Комитету «Единение и прогресс» объявить чрезвычайное положение в стране и ликвидировать всех своих противников раз и навсегда. Иттихад же тщетно старался, уже в начале марта 1913 г., продвигать идею о том, что секретарь принца Сабахеддина Сафвет Лютфи-бей готовил оппозиционный «заговор»⁴. Затея, однако, не дала желаемых результатов в виде подавления оппозиции. С убийством генерала Шевкета, как и во время «событий 31 марта» 1909 г., КЕП приобрел необходимые средства для нанесения смертельного удара по своим политическим

¹ Ibid. P. 319. Однако великий визирь не осмелился сделать официальное заявление по этому поводу и даже рекомендовал германскому послу ничего не объявлять публично о его планах. Начальник генштаба Ахмед Иззет-паша был против назначения иностранца верховным главнокомандующим. Он был согласен на назначение иностранца максимум на командование армейским корпусом — в качестве эксперимента (ibid. Pp. 324–325).

² Ibid. P. 326. CADN, Ambassade de Constantinople, E 132. Три коммюнике от 11 июня 1913 г. Османского телеграфного агентства об убийстве великого визиря и возможном назначении принца Саида Халима на его место; AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 211. Телеграмма французского поверенного в делах в Константинополе Боппа в Министерство иностранных дел, 11 июня 1913 г.

³ CADN, Ambassade de Constantinople, E 132, rapport des services de renseignements «donné à M. Nihan par Tahir bey, Tarla Bachi, Ladjar Djadessi, № 4 bis».

⁴ AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, ff. 202–204. Письмо французского посла в Константинополе Бомпара в Министерство иностранных дел, 3 марта 1913 г. Weber, Eagles on the Crescent: Germany, Austria and the Diplomacy of the Turkish Alliance, 1914–1918, Ithaca et London, 1970. Pp. 27–28. Автор цитирует дипломатические источники, которые отмечали, что именно Энвер больше всех выиграл от этого убийства, так как великий визирь «стоял на пути» его амбиций; он добавлял, что Комитет критиковал его [Энвера] за согласие пойти на уступки нетурецким лидерам, но именно Махмуд Шевкет намеревался принять германские и русские предложения. В послании от 7 января 1914 г. в свое министерство австро-венгерский посол Палла-вичини, имевший репутацию хорошего знатока турецких реалий, прямо обвинил Энвера в убийстве великого визиря для достижения своих целей. Ibid. P. 31.

противникам. Ко дню убийства, как отмечал французский дипломат, Талаат и ведущие члены КЕП «уже были полностью, вместе с Энвер-беем, на стороне военного губернатора Стамбула [Джемаль-бея]»¹. Совершенно ясно, что Шевкет пал жертвой заговора, который был совершенно в традициях иттихадистов, которые воспользовались им для установления военной диктатуры. Последующие события развивались стремительно: КЕП, «который принял на себя власть после смерти Махмуда Шевкет-паши», проследил за тем, чтобы принц Саид Халим получил пост великого визиря, а затем приступил к аресту нескольких сотен человек². Через три дня Мехмед Талаат был назначен министром внутренних дел, а Халил [Ментеше] стал президентом Государственного совета³. Суды также сделали свое дело гораздо быстрее, чем обычно: уже 24 июня было объявлено, что двенадцать обвиняемых приговорены военным трибуналом к смертной казни — они были казнены в тот же день через повешение на площади Султана Баязеда⁴. «Авторы» убийства и лидеры оппозиции были осуждены и уничтожены в рамках одной спецоперации. Легальная оппозиция была объявлена вне закона: принц Сабахеддин и Шериф-паша были обвинены в подстрекательстве к убийству и приговорены к смертной казни заочно, то есть их вынудили остаться в эмиграции в Париже.

Военные поражения и повторяющиеся внутренние кризисы, вероятно, убедили юнионистов в необходимости реформирования имперских учреждений и администрации или, одним словом, взять на себя полный контроль над государством и его институтами. Комитет «Единение и прогресс», который до того времени не имел особого желания

трансформироваться в политическую партию или прямо сейчас взять дела государства в свои руки, казалось, наконец, принял это решение или даже активно искал его.

Официальное взятие власти КЕП шло рука об руку с преобразованиями в самой партии: «молодые офицеры» во главе с Энвер-беем⁵, не удовлетворившись уже просто «грязной работой» внутри ЦК, потребовали свою долю пирога. Лидеры Комитета, начиная с Мехмеда Талаата, отныне должны были считаться с фракцией Энвера. На некоторое время и Ахмед Джемаль, который занимал ключевой пост военного губернатора Стамбула, также стал, после убийства великого визиря, хозяином столицы и судьбы ЦК, и, как результат — другой центральной фигурой КЕП⁶. Согласно Н. Турфану, даже состав кабинета Саида Халима должен был быть представлен «молодым офицерам» для утверждения⁷.

В этой связи Генеральный конгресс КЕП, который проходил с 18 сентября по 11 октября 1913 г., оказался исключительно важным. Не так много когда-либо было рассказано о тех решениях, которые он принял. Известно, однако, что идеологи, такие как Ахмед Агаев, главный редактор издания «Tercuman Nakikat», а также редакторы издания «Танин» Гусейн Кахид и Исмаил Хакки Бабан-заде, использовали конгресс для усиления своего идеологического влияния⁸. По словам французского дипломата, младотурки «как казалось, склоняются к идее административной децентрализации». Он увидел доказательство этого в законопроекте, который предусматривал наделение управляющих советами провинций правом утверждать местный бюджет⁹. Предполагается даже, что Фетхи-бей, который был

¹ AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 213. Телеграмма поверенного в делах в Константинополе Бопла в Министерство иностранных дел, 11 июня 1913 г.

² AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 215. Телеграмма поверенного в делах в Константинополе Бопла в Министерство иностранных дел, 14 июня 1913 г.

³ AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 220. Телеграмма поверенного в делах в Константинополе Бопла в Министерство иностранных дел, 17 июня 1913 г.

⁴ AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 224. Телеграмма поверенного в делах в Константинополе Бопла в Министерство иностранных дел, 24 июня 1913 г.

⁵ Turfan N. Op. cit. P. 346. Кроме всего прочего, сторонниками Энвера были молодые офицеры генштаба и фидаяи из Комитета; с этой точки зрения Энвер был выдающимся и незаменимым членом КЕП.

⁶ Ibid. P. 329.

⁷ Ibid. P. 331. Weber F. G. Op. cit. P. 34. Автор отмечает, что «высший орган [Саид Халим] попал в хорошо ухоженные руки».

⁸ AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, ff. 230–244. Доклад Ги де Ферье Стефану Пишону, 3 ноября 1913 г.

⁹ Ibid., f° 232.

избран генеральным секретарем конгресса, рекомендовал правительству «провести переговоры с армянами, чтобы заключить с ними такой же договор, как с арабами»¹.

Конгресс также пришел к выводу, что парламентская система хромает, и, соответственно, предложил ограничить продолжительность парламентских сессий четырьмя месяцами. Кроме того, было предложено дать Совету министров право издавать временные законы между сессиями «всякий раз, когда в них [будет] срочная необходимость»², — мы увидим, как это решение было использовано в 1915 г. для депортации и ограбления армянского населения. Однако самым важным решением этого конгресса стала внутренняя трансформация КЕП, который отказался от своего статуса «секретной» организации и официально стал политической партией³. Был разработан и принят комплект «подзаконных актов Комитета «Единение и прогресс», который предусматривал создание трех руководящих органов: 1) Генерального совета во главе с президентом и в составе пятидесяти членов, уполномоченного решать вопросы, связанные с общим управлением партий; 2) Центрального бюро в составе девяти членов, представляющих парламентскую фракцию и назначаемых президентом Генерального совета, призванного обеспечивать связь между КЕП и парламентом; и 3) Центрального комитета, избранного конгрессом и возглавляемого Генеральным секретарем; в составе ЦК было девять членов, не являвшихся ни сенаторами, ни депутатами парламента; на них была возложена задача контролировать все организации, связанные с партией в Константинополе и в провинциях⁴.

Подзаконные акты также предусматривали реорганизацию деятельности клубов в провинции, роспуск их на уровне казы и сохранение их только в виде секций в крупнейших санджаках и столицах вилайетов⁵. Чтобы гарантировать выполнение намеченных планов, конгресс создал «Программный комитет» в составе Исмаила Хакки [Бабан-заде]; [Эйюба] Сабри-бея; Мехмеда Зии [Гёкалпа]; Эмруллы эфенди, бывшего министра образования; Гусейна Кадри-бея; [Кара] Кемаль-бея, депутата парламента из Константинополя; Ахмеда Несими, члена ЦК; Ахмеда Агаева; Али-бея, представителя КЕП в вилайете Мамурет-уль-Азиз; и [Кучук] Талаат-бея, инспектора КЕП в Смирне⁶.

Подзаконные акты также предусматривали, что местный комитет в каждом санджаке должен возглавляться «ответственным секретарем»⁷, назначаемым Центральным комитетом. Эти ответственные секретари, которым должен был помогать комитет в составе от четырех до шести членов, руководили организациями в своем районе, созывали заседания комитета, составляли их повестку дня, организовывали собрания и назначали членов-корреспондентов. Подзаконными актами было установлено, что местные комитеты «должны были следовать инструкциям Центрального комитета»⁸.

Конгресс избрал Бюро Генерального Совета в следующем составе: Ахмед Риза; Джавид-бей; Гусейн Джахид; Исмаил Хаки; [Петрос] Халаджян и Ахмед Агаев (который получил наименьшее число голосов среди всех избранных), а также генеральный секретарь ЦК Мидхат Шюкрю, бывший депутат парламента от города Сереза. Конгресс также избрал д-ра Бехаэддина Шакира, [Эй-

¹ Ibid., f° 232v.

² Ibid., f° 233. В работе «Tanin» Исмаил Хакки Бабан-заде, который участвовал в конгрессе, осудил «нарушение принципа равенства».

³ Ibid., f° 235v.

⁴ Ibid., f° 236v. Полный текст см. на с. 240–242. Саид Халим был избран президентом Генерального совета. На Генеральном конгрессе присутствовали: члены Генерального совета, партийные инспекторы, ответственные секретари в санджаках, а также делегаты со съездов, проведенных в провинциях. Генеральный конгресс избрал членов Центрального совета, его президента, генерального секретаря и членов Центрального комитета.

⁵ Ibid., f° 239.

⁶ Ibid., f° 239. Приложение 1.

⁷ В 1915 г. эти партийные кадры приобрели, как мы вскоре увидим, больше власти, чем было у вали и военных командиров, во всем, что касалось уничтожения армян. В 1919–1920 годах их судил особый трибунал.

⁸ Ibid., f° 240. «У партии были корреспонденты во всех городах и селениях внутренних районов страны; они служили промежуточным звеном между Комитетом и рядовыми членами партии». Все эти решения, а также партийная программа, были приняты 3 ноября 1913 г., что означает, что конгресс продолжался дольше намеченного срока.

юба) Сабри-бей, д-ра Рюсухи-бей, д-ра Назима, Мехмеда Зию [Гёкалпа], бывшего депутата парламента от Диарбекира, Эмуруллу эфенди, бывшего министра образования; Мехмеда Талаат-бея; [Кара] Кемаль-бея, инспектора Комитета в Константинополе и Риза-бея, инспектора ЦК в Бурсе¹.

Создавая Генеральный совет, иттихадистский ЦК (который сам был избран советом) несомненно надеялся обойти «молодых офицеров». Отказываясь от статуса тайной организации, он, без сомнения, надеялся получить взамен видимость респектабельности. Однако Пятый конгресс КЕП, который постановил, что центр принятия решений перемещается из подпольного ЦК в Генеральный совет — этот «парламент партии «Единение и прогресс», только укрепил централизм системы и ее влияние на провинции, поскольку ответственные секретари назначались самим ЦК, который прямо и полностью их контролировал.

Несмотря на эти изменения, Мехмед Талаат и его фракция по-прежнему зависели от офицеров-юнионистов, в особенности когда болгары напали на сербов и греков в ночь с 29 на 30 июня 1913 г. Чтобы выиграть от этой неожиданной возможности вернуть потерянные территории, КЕП нуждался в поддержке молодых офицеров. Несмотря на экономический кризис, нападение на Эдирне началось по призыву Талаата. 17 июля Энвер заявил, что правительство не поддается давлению великих держав, которые призвали прекратить наступление, добавив, что он сам приказал войскам наступать. В тот же день Зия Гёкалп опубликовал свое обращение, озаглавленное «Новый Аттила», и призвал армию продвигаться вперед. Эти заявления, несомненно, были направлены на поощрение кабинета, не все члены которого одобрили эту операцию, оказать безоговорочную поддержку этой инициативе КЕП. В конце концов, именно Талаат получил санкцию Совета министров на марш императорской армии на Эдирне. Ахмед Иззет², начальник штаба и военный ми-

нистр, сомневался и даже возражал против возобновления военных действий, но был вынужден уступить давлению Энвера, который угрожал снять его с занимаемой должности. Захват древней османской столицы укрепил позиции клана молодых офицеров, которые нашли в Энвере своего символического представителя, даже несмотря на то, что город пал почти без сопротивления³. Но прежде всего этот неожиданный успех восстановил престиж Комитета «Единение и прогресс». Он также сделал антиевропейское, или — в более общем виде — антихристианское течение, которое доминировало в османском общественном мнении, еще сильнее, чем ранее. Эта «победа» не сняла того коллективного унижения, которое страна испытывала после разгрома в 1-й балканской войне. Скорее, она разожгла дух мести, который нашел свою цель в виде христианских общин в империи, которые ассоциировались с балканскими государствами и христианской Европой. Массовые убийства, совершенные солдатами в Текирдаге/Родосто с 1 по 3 июля 1913 г., возможно, были связаны с этой реакцией. Как это часто бывает, когда происходит такого рода насилие, пресса Стамбула искажила «события в Родосто», представив их как бунт, который армия вынуждена была «подавить». Корреспондент газеты «Когак», который лично был свидетелем этих событий, осудил неправильное их толкование со стороны турецкой прессы⁴. Он сообщал, что 1 июля причалила лодка с мужчинами-добровольцами, которые вызвались помочь навести порядок в городе, который оставили болгарские войска. Греческий митрополит, председатель Армянской церкви и представители органов местного самоуправления вышли приветствовать прибывших. Корреспондент газеты «Когак» сообщал, что солдаты окружили районы города; был застрелен армянин; жителей города охватила паника; и армянские лавочки спешно покинули свои лавки на базаре. По словам этого журналиста, армяне были прямой целью; и солдаты, кото-

¹ Ibid., f° 244.

² Ахмед Иззет-паша [Фургач] (1864–1937), военный министр (1913), командующий Кавказским фронтом во время Первой мировой войны, назначен великим визирем в ноябре 1918 г.: *Zürcher E. J. Op. cit. P. 46.*

³ *Turfan N. Op. cit. Pp. 332–337.*

⁴ «Korak», 10/23 июля 1913 г., № 36 (161). С. 345 (на арм. яз.), редакционная статья о резне в Родосто с 1 по 3 июля. Другие массовые убийства имели место в 1912 г. в соседнем городе Малгара, а также в Ада-Базаре, в 55 милях к востоку от столицы. См.: Доклад о деятельности центрального руководства нации в период 1912–1914 г., Константинополь, 1914 г. (ноябрь 1912 — февраль 1914). С. 69–71 (на арм. яз.).

рыми командовал Шериф-бей, знали, какие дома принадлежат армянам. Солдаты стали грабить дома армян и устроили резню в городе и особенно в окрестностях, где армяне были фермерами. Многим армянам удалось спастись, укрывшись в консульствах или в домах жителей-иностранцев. Скопления беженцев были представлены военным командованием в качестве доказательства развивающегося восстания. Во всяком случае, именно такой слух военные пустили по городу, одновременно приказав армянам немедленно сложить оружие. Чтобы избежать возможных провокаций, армяне целую неделю скрывались в своих разбросанных по местности убежищах, в то время как их лавки были разграблены, поля выжжены, и мельница была частично разрушена. Бла-

годаря вмешательству иностранных боевых кораблей армянское население Текирдага сумело выйти из этого взрыва насилия без больших потерь. Было подсчитано, что погибло около ста человек, не считая «пропавших без вести».

Нет сомнений в том, что это насилие было спровоцировано теми шагами по проведению реформ в провинциях, которые были предприняты армянскими организациями. Скорее всего, эти события следует рассматривать как четкий сигнал армянам со стороны КЕП — своеобразное фракийское дополнение к ежедневному насилию, творимому на востоке. Локальные массовые убийства происходили в то время и в других местах, в частности в Хаджине в марте 1913 г. и в Битлисе месяцем позже¹.

Ситуация в восточных провинциях во время Балканских войн

Планируемые реформы в армянских провинциях во многом сопоставимы с аналогичными планами реформ, которые власти тщетно пытались осуществить в Македонии. Хотя нельзя отрицать, что в македонском случае, как и в армянском, вмешательство Европы было частично мотивировано политическими и экономическими интересами, факт остается фактом, что в обоих регионах реальные проблемы безопасности и катастрофической экономической и социальной ситуации стали основой того давления, которое власти оказали на Блистательную Порту. Абдул-Гамид реагировал в некотором роде так, как турки часто делали, когда сталкивались с такими внутренними проблемами. На Западе (за исключением Германии) его энергичные методы характеризовались как «кровавые». С точки зрения Османской империи, массовые убийства были всего лишь законным ответом на требования, которые, как считали субъекты султана, были просто невыносимы, тем более что они исходили от подчиненных групп. Младотурки, конечно, унаследовали эти имперские традиции. Более того, как и Абдул-Гамид, они полностью осознавали то, каким образом эти традиции воспринимались на Западе, где стали объектами как презрения, так и восхищения, поскольку эффективные методы колониального и военного управления были там научно обоснованы. За годы своего европейского из-

гнания младотурки хорошо поняли то, в какой степени национализм способен концентрировать энергию и цементировать нацию. Однако, когда они рассматривали перенос этой европейской модели в Османскую империю, они столкнулись, с одной стороны, с группами, исторически ориентированными на жесткую структуру власти, и, с другой стороны, с «туркистами» — людьми, которые все еще не знали, что стали, по крайней мере по мнению некоторых идеологов, расовой категорией.

Армянские элиты, члены которых также получили образование в соответствии с западными моделями, которые тогда были в моде в Османской столице, вскоре задались вопросом о своем будущем месте в распадающейся империи. Некоторые круги армянского общества нашли собственные пути удовлетворения своих амбиций: они пошли на государственную службу. Другие вступили на путь революционной борьбы с целью секуляризации учреждений империи и внедрения в Турции «прогрессивной» социальной модели. Вопреки ретроспективной турецкой историографии, которая изображает армянских революционеров как сепаратистов и националистов, мы видим, что на протяжении четырех лет после июльской революции 1908 г., институты армянского сообщества занимали лояльные позиции и однозначно заявляли о своем желании принимать участие в модернизации общества и го-

¹ Там же. С. 32–33.

сударства. Однако резня в Киликии в апреле 1909 г., нарастание авторитарных тенденций в Комитете «Единение и прогресс» и ликвидация либеральной оппозиции, в конечном счете, убедили даже самых оптимистичных политических лидеров, таких как Акунни, что младотурки никогда всерьез не планировали никакого улучшения положения армянского населения восточных провинций, а напротив — были полны решимости сделать жизнь этих армян настолько невыносимой, чтобы они предпочли изгнание. Бесчисленные отчеты, направляемые из провинций, свидетельствовали о заметном ухудшении ситуации. Начало этого процесса можно датировать 1912 годом — годом 1-й балканской войны. Циркуляр, с которым патриарх Ованес Аршаруни обратился к послам великих держав, проливает свет на позицию официальных армянских организаций:

«Армянский патриарх в Турции имеет честь препроводить при сем Вашему превосходительству перевод послания («takrir»), которое он вручил в субботу вечером Его светлости великому визирю. Нам бы не хотелось, чтобы эта инициатива была истолкована как попытка придать новую остроту вопросу о реформах в восточных провинциях. Уже более двух лет патриархат отказывается вступать в обмен соображениями с османским правительством по этому вопросу. Мы сожалеем, что правительство не в состоянии направить какие-либо свои искренние усилия на реорганизацию этих районов, находящихся в состоянии бедствия. В меморандуме, который патриарх представил Его светлости великому визирю 12 мая, он ограничился упоминанием в очередной раз того, что над армянами нависла угроза массовой резни. Он потребовал, чтобы были приняты эффективные меры для устранения этой опасности, которая растет с каждым днем.

Вашему превосходительству известно, что ситуация с армянами резко ухудшилась в период после Балканской войны. Неудачный исход этой войны усилил жадной мести многовековую ненависть. По всей Анатолии над головами армян нависла угроза массовой резни. Они стали заложниками в руках мусульман. Если этой массовой резни до сих пор не произошло, то исключительно благо-

даря тому обстоятельству, что сами жертвы этих ужасающих преступлений отказались даже взывать к справедливости, опасаясь, что их поведение может быть истолковано как провокация. Правда, до сих пор им удавалось избежать массового истребления, но количество убийств не уменьшается, а увеличивается, и с некоторых пор сам характер этих убийств свидетельствует о явном намерении терроризировать армян. Оказавшись под угрозой насилия и массовой резни, армяне не могут рассчитывать на защиту со стороны государства и даже не вправе сами защищать себя. Стоит им приобрести оружие, их сразу же обвиняют в подготовке восстания. Бдительность правительства по отношению к армянам никогда не ослабевает. Действия правительства, которое все время подозревает, что армяне постоянно готовы взять в руки оружие, только подстегивают ненависть фанатичных масс... От Алеппо до берегов озера Ван армянский народ живет в постоянном страхе перед будущим. Вновь длинные колонны армянских семей потянулись к границе. Армяне вынуждены порвать те нити, которыми многовековая история и неустанный труд связали их с этой землей. Ввиду того, что такое положение армян стало невыносимым, а также ввиду бесплодности наших демаршей, патриарх, не теряя надежды на разрешение вопроса о реформах в Армении, вместе с тем просит Ваше превосходительство принять срочные меры, которые Вы сочтете уместными, с тем, чтобы избежать неизбежности массовой резни в Анатолии»¹.

Даже после обращения к дипломатам патриархат продолжал вести учет захватов и поборов, совершаемых в провинциях, а также информировать Блистательную Порту о том, что он этим занимается². Он обращал внимание на «домогательства, которые государственные должностные лица применяли только к армянам», «одиночные убийства, конфискации имущества, похищения людей и акты мародерства», а также на отток населения, которое подверглось этим действиям. Патриархат, однако, не ограничился составлением сводного перечня таких событий, но также интерпретировал их: «Эта ситуация показывает, что армяне больше

¹ Archives du Patriarcat de Constantinople (далее: APC), Patriarcat armenien de Jerusalem (далее: PAJ), 336–337, liasse № 5. Письмо патриарха Аршаруни послам России, Великобритании и Франции, 14 мая 1913 г.

² APC/PAJ, № 338–339, liasse № 17. «Такрир», адресованный великому визирю Махмуду Шевкету, 18/31 мая 1913 г.

не имеют права жить в Османской империи. Такое положение дел может привести только к уничтожению армянского элемента в указанных регионах; многочисленные заверения правительства о принятии мер, направленных на сохранение чести, жизни и имущества наших соотечественников, не имели никакого эффекта, а так как мне нечего добавить к тем мольбам, жалобам и протестам, на которые я уже обращал внимание, мне остается только взывать, следя за дальнейшей судьбой армянского народа — исключенного из общества — к совести и чувству ответственности османского государства и народа империи, а также к сочувствию цивилизованного мира».

Таким образом, стало понятно, что армянские организации, которые официально выразили свое мнение при посредничестве патриархата, оставили дверь открытой для прямых переговоров с Блистательной Портой, даже обратившись к властям с просьбой о вмешательстве.

Жалобы, сформулированные армянами в общих чертах, нашли свое отражение в конкретных реалиях. Среди эксцессов, которые перечислены в необнародованных меморандумах, подготовленных армянским патриархатом, мы находим разграбление сел Камикель и Бизер 20 апреля 1329 (1913) г. разбойниками из казы Гарган (Битлис); перевод Шюкрю-бея, главы администрации (каймакама) уезда Чарсанджак, за то, что он попытался вернуть армянам «имущество, незаконно захваченное агами»; «невыразимые грабежи, совершенные известным бандитом Саид-беом» в селении Дад-Бей, жители которого бежали в Битлис; «преступления беев» в селении Асрат (на равнине Муша),

которое было покинуто своими жителями; нападение Хасо Ибрагима, «хорошо известного по своим преступлениям, на которого был выписан ордер на арест», на селение Элиох в казе Бешири (в вилайете Диарбекир), что привело к гибели двух человек; убийства и грабежи в казе Гавас (к югу от озера Ван), совершенные «грозным» племенем, которое также угнало две тысячи овец и убило двух пастухов-армян в казе Шатак; убийство армянского сборщика налогов; похищение четырнадцатилетней девочки в нахие Эдинджик (в казе Эркерк); похищение и убийство пяти человек из селения Горгор (Битлис) 13 мая 1913 г.; убийство четырех армян в казе Хизан, в селении Баниджан, и четыре других в Хароне; кража тысячи овец в том же регионе; многочисленные убийства и акты мародерства в санджаках Муш и Сиирт; блокирование всех коммуникаций, включая закрытие всех дорог между армянскими селениями в регионах Диарбекир, Битлис и Ван, и так далее¹.

Те же документы показывают, что акты насилия часто срывали проведение сельскохозяйственных работ и что группы разбойников «везде действовали безнаказанно», умножая масштаб похищений и вымогательства до такой степени, что армяне Эрзинджана и его окрестностей «в отчаянии и не в состоянии нести поборы, которые они вынуждены были терпеть», стали эмигрировать в Америку. В казах Силван и Бешири курды «лихорадочно вооружаются и продолжают убивать, грабить и терроризировать армян»².

Официально Блистательная Порта не оставалась равнодушной к этим жалобам и передавала их в соответствующие ведомства для принятия необходимых мер³. Тем

¹ APC/PAJ, PCI Bureau, t. 340–341–342. Перечень убийств, актов бандитизма, похищений, незаконного захвата имущества и прочих преступлений, совершенных в различных вилайетах Анатолии после 29 апреля 1913 г.

² Ibidem. Консульские источники на ту же дату приводят множество подобных примеров, особенно в AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s. 85, 86, 87. Так, в письме французского посла от 10 мая 1913 г. в министерство отмечается, что «в Хаджине и Сисе произносилось много речей; загадочные фигуры, про которых говорили, что они — эмиссары Комитета «Единение и прогресс», проводили тайные совещания с мусульманской знатью и посещали селения, в которых армяне пытались защитить себя в 1896 и 1909 годах. Поэтому по всей Анатолии христианское население живет в страхе. Документы, издаваемые патриархатом, и доклады консулов рисуют похожую картину общего беспокойства, которое доминирует в Армении» (см. том 87. С. 21 и далее). Еще лучше, чем эвфемизм в виде понятия «беспокойство», использованный консулом для описания ситуации в армянских провинциях, истинную атмосферу характеризуют доклады о подстрекательских речах, которые по самым разным поводам произносили влиятельные лица из КЕП в попытке настроить местное население против армян, греков и сирийцев (см. том 87. С. 31, 69). Призывы к убийствам были напечатаны в газете «Babaghan», что подтверждается в переписке французского вице-консула в Мерсине и Адане (см. т. 86. С. 217).

³ APC/PAJ, * 343, liasse № 901. Выдержка из указа великого визиря, адресованного в департамент юстиции и к религиозным властям, в связи с перепиской между офисом великого визиря и Министерством внутренних дел по поводу «такрира» от 18/31 мая 1913 (1229) г., направленного Армянским патриархатом Его светлости великому визирю.

не менее в своем ответе на жалобы великий визирь Махмуд Шевкет, основываясь, как он сказал на докладе, подготовленном министром внутренних дел Гаджи Адиль-беом, не колеблясь, поставил под сомнение жалобы армян, так что нам остается только гадать прежде всего о добросовестности местных и государственных властей. Заявления, которые министр сделал в газете «La Turquie» о том, что в Армении никакие реформы не нужны, так как там нет никакой опасности, все спокойно и жандармерия делает свою работу¹, ставят реальные намерения правительства под сомнение. Стамбульская пресса, со своей стороны, отмечала цинизм этого заявления высокопоставленного иттихадиста, вспоминая о его роли в резне армян в Киликии и, в частности, его знаменитую телеграмму, в которой он призывал местные власти следить за тем, чтобы иностранные интересы были спасены!²

Аргументы, представленные в ответе великого визиря на жалобы патриархата, показывают то, как Блистательная Порта трактовала этот вопрос³:

«Жалобы Вашего высочества о халатности правительства в преследовании бандитов и преступников не отражают реальной ситуации. Мало того, что военные силы направлены в Ширван и Гарзан для того, чтобы захватить и наказать бандитов, нарушающих общественный порядок в вилайете Битлис, таких селениях как Йашар Чето, Халме, Мехмед Эмин и Джемиль, но и сам вали отправился в Илуш для принятия мер по поддержанию общественного порядка. Генерал-губернатор Вана, в свою очередь, отправился в Шатах для того, чтобы лично руководить преследованием племен, занимающихся разрушениями и грабежами. Для этой цели в распоряжение Джевдет-бея, губернатора Хаккиари, выделены силы в 400 человек и две пушки, а также Сефвет-бей, командир стрелкового полка. После усмирения этих племен настанет очередь гирави. После наказания племени гирави Мир Хехе останется без поддержки... Короче говоря, местные власти делают все, что в их силах, чтобы как можно

скорее положить конец тому, что угрожает общественному порядку в вышеуказанных регионах».

По вопросу незаконной конфискации имущества великий визирь отметил, что этот вопрос был «передан в специальную комиссию, которой поручено решение аграрного вопроса в восточных вилайетах Анатолии; комиссия в настоящее время собирается туда выехать». Что же касается зверств и убийств, якобы совершенных в казе Хизан Саидом Али, то великий визирь отметил, что «Али — уважаемый человек, а армяне просто привыкли приписывать ему любое преступление, совершенное во всем вилайете, в результате чего армяне испытывают к нему глущую ненависть. Однако ни судебные, ни гражданские власти не выдвинули против Саида Али эфенди ни одного обвинения (он ведет оседлый образ жизни), которое потребовало бы его преследования. Несмотря на убеждение армян в том, что бандит Хакме, который злодействует в регионах Ван и Битлис, получает приказы от Саида Али, Салахеддин, сын Али, когда на этой неделе встретил банду этого преступника в провинции Ван, убил одного из помощников Хакме и ранил другого. Эти два факта показывают, что подозрения армян не имеют под собой оснований. Тем не менее все указанные действия Али эфенди отслеживаются, и власти не преминут сурово с ним обойтись, если в этом возникнет необходимость».

Обращаясь к делу известного Хасо, Шевкет пишет: «Он не только не имел никакого отношения к указанным событиям, его даже вообще нельзя считать бандитом. Он — вождь племени, которое никак не участвовало в событиях 1311 (1895) г., ничем и никогда не причиняло армянам вреда и пользуется их уважением».

На все сформулированные патриархом жалобы давался стандартный ответ: «Все совершенные преступления относятся к бытовым личным мотивам»; местные власти следят за тем, чтобы преступники были наказаны, направляют войска, когда их об этом просят, чтобы усмирить племена; нет никакой

¹ «Серия проектов», редакционная статья в газете «Когак» от 30 января 1913 г., № 3 (128). С. 25–26 (на арм. яз.). См. выше, с. 101, примечание 2, биографическая информация о Хаджи Адиле, избранном членом ЦК и Генеральным секретарем вместо д-ра Назима в ноябре 1910 г.

² Смертельные иллюзии, «Дрошак», № 4/231, апрель 1913. С. 49–51 (на арм. яз.).

³ АРС/РАЖ, PCI Bureau, т. 344–345–346–347–348–349–350. Ответ великого визиря на «такрир» патриархата в виде указа, направленного в адрес Министерства юстиции и религиозных властей, от 22 июня 1329 (1913) г., дело № 78.

существенной эмиграции из регионов Эрзурума и Эрзинджана, одним словом, армяне осуждают людей, возможно, за их предполагаемые намерения, а не за действия¹. Отчет великого визиря свидетельствует о безусловном желании придерживаться только фактов, не придавая армянским протестам никакого политического смысла. Армянские организации, однако, были далеки от того, чтобы считать эти «объяснения», предоставленные Кабинетом, удовлетворительными, и выразили свое удивление тем фактом, что правительство поставило под сомнение правдивость информации, поступающей из провинций. Армяне отмечали: «Приведенные выше ответы предполагают, что сообщения, полученные от наших епархий и приходов, — злудумки и клеветы и что правительство империи, не проводя никакой дискриминации между субъектами Османской империи, ни по их расе, ни по религии, преследует и арестовывает всех бандитов и преступников без исключения, не щадя ни сил, ни средств ради мира и благосостояния населения. В связи с таким положением дел нашему патриархату предлагается не придавать никакого значения и не доверять этим злонамеренным докладам и вымыслам, а также сменить епископов в Сиирте и Битлисе»².

Наряду с регистрацией этих жалоб о попрании основ, армянские власти также стремились перенаправить дебаты на местные проблемы, в частности на социальные источники нестабильности в армянских провинциях: «Считаем необходимым напомнить Вашей светлости без обиняков о некоторых исторических истинах, имеющих самое непосредственное отношение к сложившейся сегодня ситуации. С незапамятных времен и во всех провинциях Империи знатные и крупные землевладельцы сформировали свой отдельный класс, свое государство в государстве. Этот привилегированный класс постепенно приобрел такую власть, что оказался в состоянии срывать проекты и мероприятия, предложенные руководителями центральной власти, из самых лучших побуждений. К сожалению, органы местного самоуправления — от са-

мых высоких до самых нижних — не смогли избежать их влияния. Те, кто попробовал, были быстро смещены или заменены путем обмана или клеветы, или сами уходили, попинаясь своему чувству порядочности или патриотизма, со своих постов. Все расследования, проводимые местными властями в отношении преступлений или правонарушений, совершенных в провинции, неизбежно проводились под влиянием этого привилегированного класса, то есть в соответствии с его незаконными интересами. Любой, кто осмеливался жаловаться на тиранические действия этого класса либо в местную администрацию, либо в государственные органы, больше потом страдал из-за поданные этой жалобы, чем от самого притеснения, на которое он жаловался».

Армяне далее заключали:

«Учитывая такое положение дел, вполне естественно, что центральные власти не могут получить точное представление о ситуации в провинции... За последние тридцать лет абсолютистское правительство разработало систему угнетения и поборов, которая пущена в ход, в частности в отношении армян, проживающих в Восточной Анатолии; система зашла так далеко, что официально указала властям провинций, что вполне законно покушаться на жизнь, честь и имущество армян или, по крайней мере, поставить их в известность об этом. Убедившись, однако, что эти действия осуществляются в нарушение религии, совести и закона, поэтому их необходимо, насколько возможно, скрыть от глаз внешнего мира, это правительство прибегает к самым низменным, самым чудовищным способам обмана европейского общественного мнения. Поэтому законные жалобы, которые армяне адресуют местным или центральным властям, по приказам этих самых властей и под давлением крупных землевладельцев просто сдаются в архив. Более того, те, кто неоднократно проявляли мужество и подавали такие жалобы, были обвинены в мятеже против государства. Эта политика преследования армян завершилась организацией ужасных массовых убийств. А для

¹ Ibidem. На заседании Армянской палаты 21 июля 1913 г. была обнародована информация из провинций о том, что в один день сто человек эмигрировали из Кги в Америку, что тысяча выехала из Эрзинджана за неделю и что в период с 1908 по 1912 год около 12.000 эмигрировали только в США: *Папазян В. II*. С. 215.

² APC/PAJ, PCI Bureau, t. 356–357–358–359–360, liasse № 78. Ответ Смешанного совета на taskere Министерства юстиции и религиозных властей (22 июня 1329/1913 г.), адресованный в патриархат, 3/16 августа 1329/1913 г. (№ 78).

того, чтобы обеспечить безнаказанность виновных и зачинщиков этих трагедий, преследуются не преступники, как это должно быть, а те армяне, [которые] выжили в этой резне. Цель заключалась в том, чтобы вынудить этих несчастных просить о всеобщей амнистии, которая была бы на руку и их мучителям. Эти варварские преследования, которым армяне подвергались более четверти века, в конце концов приобрели — особенно в вилайетах Восточной Анатолии — характер естественного обычной и, можно сказать, закона, который выше всех гражданских и религиозных законов. Трагедия Аданы, имевшая место после провозглашения Конституции, стала логическим следствием превращения этой политики в естественное право»¹.

Армянский Совет далее отметил, что это право «убедило угнетателей, что позволено все, если дело идет о наших соотечественниках», добавив, что «центральной властям будет нелегко заставить этих тиранов изменить свое поведение уже сегодня», тем более что ведущиеся расследования спущены местным чиновникам низкого ранга, которые находятся под влиянием курдских беков. Это «сделало невозможным поддержание мира и общественного порядка. Большинство этих чиновников искренне убеждены, что патриотизм и закон вменяют им в обязанность скрывать преступления, совершаемые мусульманами против немусульман... Они используют всевозможные ухищрения в попытке отрицать или скрыть эти неоспоримые реалии. Однако они сами настолько хорошо видят всю нелепость системы, при которой армяне показаны как безосновательные жалобщики, что изо всех сил стараются показать, что наши соотечественники действуют исходя из злой воли или завистливой ненависти».

Авторы этого доклада подчеркивают, что армяне, которые стали жертвами этих притеснений, вынуждены были «защищать себя без посторонней помощи от всяческой клеветы, придуманной для того, чтобы заставить их отозвать свои жалобы... Дошло до того, что эти несчастные, знающие по печальному опыту, что эта клевета принесет им всевозможные неприятные последствия... даже не осмеливаются предстать перед властями, чтобы опознать своих мучителей... Стоит только провести беспри-

страстный анализ, в свете описанных выше обстоятельств, тех докладов, которые органы местного самоуправления представляют в адрес центральной власти... чтобы оценить всю абсурдность этих обвинений»².

Официальный орган АРФ «Дрошак» выразился еще более прямо: признав свою вину за неверное отношение в прошлом, он и не пытался преуменьшить ответственность Иттихада за ситуацию, в которой оказалось армянское население восточных провинций: «Конституционная Турция... с большим лицемерием и методичностью... сосала, в течение последних четырех лет, кровь армянского народа, как вампир... И мы, наивные и ослепленные иллюзиями, сами приближались, шаг за шагом, к этой смертельной пропасти». Дашнакский автор редакционной статьи также изобразил в полной мере ту ловушку, в которой оказались армяне: «Сегодня перед нами жестокая, пугающая дилемма. На карту поставлено само существование армянского народа: либо он сможет обеспечить реальные гарантии своего выживания как нации, либо должен быть готов исчезнуть под руинами Турции, как священная жертва. Нет ни половинчатого решения, ни промежуточного выхода».

Вывод еще более впечатляющий: «Адский заговор, который куется в темноте против армянского народа, уже не секрет. Турецкому правительству — младотуркам — уже не нужно скрывать замышляемое преступление»³.

Во внутренних отчетах, составляемых Армянским политическим советом, факты представлены в еще более жестоком свете: «По информации, полученной в последние несколько дней от абсолютно надежных людей... гонения на армян в шести вилайетах продолжаются систематически. Их никто не скрывает, они происходят средь бела дня. Все что угодно теперь служит предлогом, чтобы обвинить армян в подрывной деятельности и предать их суду по закону. Стоит им убить курдского разбойника, который стал ужасом всего региона, если их поймут с оружием, если они собрались вместе, чтобы отметить праздник, если они надели шляпу вместо фески, их немедленно арестовывают и бросают в тюрьму. Что бы они ни сделали, это всегда характеризуется как преступле-

¹ Ibidem.

² Ibidem.

³ «Смертельная иллюзия», «Дрошак», № 4/231, апрель 1913 г. С. 49 (на арм. яз.).

ние, ставящее под угрозу «безопасность государства», так что их могут держать в тюрьме до конца судебного следствия, которое, конечно, никогда не заканчивается. Курды, в свою очередь, вооружены до зубов; они колесят по округе компактными группами... Сея террор, они помогают держать армян в покорности. Грабя армян, они помогают правительству вести экономическую войну, которую оно затеяло против этого народа. Таким образом, они везде играют роль «дублеров» турецких властей».

В том же докладе отмечается, что у всех убийств армян есть общая характерная черта: пули убийц всегда находят видных людей. Жертвы подыскиваются среди учителей, священников, старост (мухтаров) селений, фермеров — словом, среди всех тех, кто в силу своего положения, образования, профессии или социального статуса выполняют функции, полезные обществу. «Именно здесь действует систематическое истребление. Это поразительно напоминает действия османского правительства, недавно применяемые против балканских народов», — отмечает автор этого доклада. Земельный вопрос, пишет он, также становится все более острым. Новые незаконные захваты земли происходили в вилайете Ван, в селениях Нордуз, Агбак и Мокс, и в вилайете Битлис, в Сасуне, где «армянские селения... были вырваны из рук их традиционных обитателей и переданы курдам». Похожая ситуация наблюдалась в вилайете Диарбекир, в селениях Бешири и Чарзан, а также в вилайете Эрзурум, в Байбурте и Буланике. Казалось, что Политсовет убежден, что у властей нет

никакого намерения возвращать армянам их земли: «Несмотря на обещания правительства провести такую реституцию (возврат) в административном порядке, эта процедура никогда не применялась. Армяне были вынуждены обращаться в суды. Судьба их исков хорошо известна: неважно, представляли ли они документы на право собственности или нет, судья всегда находил предлог, чтобы отклонить их жалобы. Иногда терроризм и здесь вступал в дело: истца-армянина убивали по дороге из суда домой... Мы также слышим, что османское правительство готовится разместить немало эмигрантов из Румелии в армянских районах: целые караваны уже на пути к вилайету Сивас»¹.

Наконец, Политсовет отметил, что, получив сигнал от правительства, турецкая пресса развязала антиармянскую кампанию; и тон турецких газет становился все более бешеным день ото дня: статьи содержали открытые угрозы массовых убийств² или общего бойкота³. По словам армянских лидеров, турецкие власти преследовали двойную цель: с одной стороны, терроризировать армян, а с другой — убедить лидеров великих держав в том, что османское общественное мнение делает невозможным для этих властей выполнить европейские требования, сколь урезанными и скромными они бы ни были⁴.

Во второй половине 1913 г. преследования армянского населения восточных вилайетов, казалось, стали частью общей стратегии, разработанной руководством страны — вероятнее всего, Центральным комитетом Иттихада.

¹ APC/PAJ, PCI Bureau, t. 406–412. Внутренний доклад патриархата, 21 ноября 1913 г.

² «Tanin», 1/14 ноября 1913 г.

³ «Tasfiri Efkiar», 12/25 и 13/26 ноября 1913 г.

⁴ APC/PAJ, PCI Bureau, t. 406–412. Внутренний доклад патриархата, 21 ноября 1913 г.

ГЛАВА 2

Отношение армянских организаций к вопросу реформ

В двух предыдущих главах описана ситуация, сложившаяся в Иттихаде и армянских организациях после сокрушительного поражения на Балканах. Понятно, что радикализация Иттихада встревожила армян. Армянские организации, которые долго надеялись, что режим младотурок возьмется за проведение необходимых реформ, решили, наконец, придать проблеме международный характер. С тех пор армяне оказались в мучительном и беспощадном противостоянии со своими турецкими «соотечественниками». Как отметил автор редакционной статьи в гнчакской газете «Когак», Балканские войны создали «новую ситуацию» и придали армянскому вопросу «новую актуальность»¹. Со своей стороны, орган АРФ — газета «Дрошак» — подвела баланс последних нескольких лет. Она напомнила своим читателям, что «с момента установления нового режима, несмотря на болезненные явления, такие, как резня в Адане... армяне предоставили красноречивые и конкретные доказательства искренности своих чувств и своей глубокой привязанности к османской конституции»². Но это, добавил автор, не имело никакого эффекта.

Григор Зограб пишет в своем дневнике, что Александр Гучков, председатель российской Думы, в своем интервью, которое он дал в Стамбуле в июле 1912 г., старался несколько

ко умерить резкую враждебность российских лидеров по отношению к армянам³. Русские, вероятно, под влиянием османской дипломатии, подозревали армян в раздувании сепаратистских тенденций, не говоря уже о настоящей войне, которую царизм объявил армянским революционным комитетам, особенно АРФ. Ненависть АРФ к царскому режиму, которая не утихала с момента основания партии⁴, была серьезным препятствием для официальных армянских организаций. Если русской дипломатии предстояло сыграть активную роль в поддержке армянских реформ, то бремя, воплощенное в АРФ, пришлось бы сбросить, то есть нужно заявить, что партии придется установить нормальные отношения с царским государством.

Нам не удалось найти документы, которые позволяли бы сделать однозначные выводы по этому вопросу, но переговоры, начатые в октябре 1912 г. между католикосом Геворгом V и российским наместником на Кавказе Воронцовым-Дашковым, казалось бы, указывают на то, что АРФ нашла — на тот момент — общий язык с русскими. Возможно, если не в самом деле вероятно, что высокопоставленные официальные лица Армении в Санкт-Петербурге здесь вмешались в дело. Во всяком случае, известно, что два известных лица из Санкт-Петербурга, а именно — профессор Никогайос Адонц

¹ Арамянц А. Иттихад и нации, «Когак», 6/19 ноября 1913 г., № 69 (174). С. 601–602 (на арм. яз.).

² «Положение армян в Турции, 1908–1912 гг.», «Дрошак», № 2–3/230, февраль — март 1913 г. С. 31 (на арм. яз.).

³ Зограб Г. Полное собрание сочинений, под ред. Альберта Шаруряна. Т. 4, Ереван, 2003. С. 341–432, Дневник, 1912–1915. С. 344 (9 декабря 1912 г.) и с. 572, примечания 19–20 (на арм. яз.). Из архива Музея литературы и искусства (фонд Зограба, рук., 17. С. 1–70 и рук. 5. С. 7–12).

⁴ Достаточно просто пролистать официальный орган партии — журнал «Дрошак», чтобы увидеть, что дашнаки действовали прямо в традициях русских революционных движений — они также боролись с царским режимом, не колеблясь прибегая к террору для достижения своих целей. Следует также отметить жестокость политики Петербурга в отношении армян на Кавказе и бесконечные попытки секретной полиции ликвидировать революционные комитеты и посадить в тюрьму их боевиков или отправить их в ссылку, поскольку иттихадистская Турция представлялась для них надежным убежищем.

(1871–1942) и адвокат Сиракан Тигранян — присутствовали в Стамбуле 21 и 22 декабря 1912 г.¹ и были приняты в Армянской палате в тот самый день, когда она учредила комиссию по безопасности и поручила ей разработку вопроса реформ.

21 декабря «историческое» заседание Армянской палаты состоялось за закрытыми дверями в ее штаб-квартире в Галате. Политический совет в составе Степана Караяна², судьи Апелляционного суда; гнчаковцевцев Мурада Бояджяна и Нерсеса Закаряна³; дашнаков Карапета Пашаяна⁴ и Вагана Папазяна; а также и «центристов» Тирана Эрганяна⁵, Левона Демирджибашяна⁶, Оскана Мартикяна⁷ и Саргиса Суина⁸, представили свой план реформ в армянских провинциях⁹. Задача пересмотра причин для выдвижения инициативы Политсовета досталась Зограбу, роль которого в том, чтобы вернуть армянский вопрос в повестку дня, уже обсуждалась. Предлагаемый план был единогласно одобрен всеми течениями, которые были представлены в Армянской палате, члены которой были единодушны в том, что не осталось никакой альтернативы радикальным мерам, чтобы «положить конец, раз и навсегда, опасности нарастания резни, о которой свидетельствуют все достоверные доклады, полученные в последнее время»¹⁰.

Для того чтобы справиться с этим вопросом, Палата приняла решение создать консультативный комитет, который должен был тесно сотрудничать с Политсоветом. Он должен был включать пять членов: Арутюн Шахригян из партии АРФ; Ваган Текеян из партии Рамгавар; Давид Тер-Мовсесян, представляющий Центр; Б. Калфаян из СДПГ (гнчаков-

цевец); и, наконец, Зограб. Для координации всей деятельности существовал смешанный совет — совместный орган, включивший в себя как политический, так и религиозный советы, — учредил комиссию по безопасности во главе с бывшим патриархом Егеше Туряном. В состав комиссии вошли Григор Балакян, Степан Караян, Оскан Мартикян, Левон Демирджибашян, Мурад Бояджян и д-р Ваган Папазян, которого назначили ее исполнительным директором¹¹.

После предпринятых в 1895 г. усилий, направленных на проведение реформ, принятых под давлением великих держав и в сотрудничестве с патриархом Маттеосом Измирлянном, армянские национальные власти никогда больше не стремились искать какой-либо внешней поддержки при достижении своих целей. Они видели слишком ясно, что западные державы просто эксплуатировали моральные аргументы, чтобы получить как можно больше выгод от Османского государства. На этот раз, используя накопленный опыт, Константинопольский Патриархат начал вести дела очень методично, координируя свою деятельность с католикосатом в Эчмиадзине. Избранное в ноябре 1912 г. армянское политическое руководство и его специальная комиссия работали с максимально возможной осмотрительностью. Поэтому, как признавал Караян на заседании 21 апреля 1913 г., о некоторых видах деятельности специальной комиссии не докладывалось Армянской палате по соображениям безопасности¹².

В то время как комиссия продолжала свою работу, Погос Нубар¹³ был назначен католикосом Геворгом V главой армянской

¹ Шарурян А. С. Указ. соч. С. 388. Из архива Армянского Католикосата, Матенадаран. Т. 20. С. 238.

² См. с. 82, примечание 4.

³ Нерсес Закарян (1883–1915), учитель, писатель, журналист, член ЦК партии Гнчак.

⁴ См. с. 154, примечание 4.

⁵ Тиран Эрганян (?–1915), юрист, родился в Стамбуле, профессор в Стамбульской школе права, член парламента, в апреле 1915 г. депортирован и убит в Дамаске.

⁶ Левон Демирджибашян (1863–1926), архитектор, член османского парламента в 1914 г.

⁷ Оскан Мартикян (1867–1947), родился в Эрзинджане, юрист, писатель, министр почт и телеграфа (1913–1915), ушел в отставку в августе 1915 г. и позднее нашел убежище в Каире (1920).

⁸ Саргис Суин или Сункуджян (1870–1915), стамбульский врач, чиновник высокого ранга в Министерстве здравоохранения, журналист, депортирован и казнен в 1915 г.

⁹ Папазян В. Указ. соч., II. С. 182–183.

¹⁰ Там же. С. 183.

¹¹ Там же. С. 184. Таким образом, мемуары Вагана Папазяна — основной источник информации о тайных аспектах вопроса реформ.

¹² Rapport d'activité de la direction centrale de la nation pour la période 1912–1914. P. 49 sq.

¹³ Погос Нубар-паша (1851–1930) — инженер, сын египетского премьер-министра, возглавлял египетские железные дороги и был одним из основателей (в 1906 г.) Всеармянского благотворительного союза.

делегации. В конце 1912 г. Нубар поселился в Париже в целях проведения — в тесной координации с Константинополем и Тифлисом, где также была сформирована комиссия, — подготовительной работы, которая, как можно было надеяться, приведет к реализации реформ в Армении¹. Таким образом, возникло своеобразное разделение труда: Нубар отвечал за дипломатию и переговоры с правительствами европейских стран, в то время как политсовет, поддержанный комиссиями в Константинополе и Тифлисе, должен был вести переговоры по вопросу реформ с властями Османской и Российской империй.

В то же время Совет делал все возможное, чтобы обуздать массовую эмиграцию истощенного армянского крестьянства. Он обещал крестьянам, что система правосудия, достойная этого названия, будет скоро установлена, увещывая их оставаться в своих селениях; он направлял комиссии в поездки по сельским районам для оценки нужд крестьян; он призвал армянские общины за рубежом протянуть руку своим соотечественникам в Армении и пытался способствовать инвестициям в экономику с тем, чтобы побудить население оставаться на месте; он инициировал буллу патриарха с призывом к армянам оставаться на своей родине, которую читали в церквях; он разработал план создания сельскохозяйственного банка и инициировал перепись армян в феврале 1913 г., и так далее².

В то время как первые обращения Политсовета к кабинету Камилы встречались с приветственным энтузиазмом, ситуация радикально изменилась, когда в конце января 1913 г. Махмуд Шевкет взял бразды правления страной в свои руки: переговоры правительства с патриархатом немедленно прекратились³. Вплоть до мая 1913 г. Шевкет не встречался с руководством Политсовета. Караян, который был переизбран на

свой пост, воспользовался этой возможностью, чтобы представить великому визирию очень показательный меморандум⁴. В нем было заявлено, что армяне не понимают, почему пресса и подогреваемое ею общественное мнение обвиняют их в поражении на Балканах. Еще меньше энтузиазма у них, продолжал меморандум, вызывают намеки на то, что армянский элемент империи необходимо уничтожить, чтобы предотвратить вмешательство Европы.

И действительно, 21 апреля 1913 г. на заседании Палаты Караян, который при Камиле стал членом Государственного совета, воскликнул: «Все легальные каналы исчерпаны. Наше первоначальное впечатление об отношении правительства было положительным. Сегодня, однако, ситуация в Армении стала невыносимой и опасной. В этот самый момент мы видим непосредственную угрозу в регионе, простирающемся от Киликии до Вана»⁵. Ситуация в провинциях теперь казалась настолько напряженной, что Х. Хорасанджян, центрист и человек умеренных взглядов, заявил на заседании 7 мая 1913 г., что «если нам суждено погибнуть, давайте сделаем это с честью: возьмем на себя ответственность и умрем в окопах»⁶.

В Тифлисе на Кавказе глава Армянской церкви также создал постоянный комитет по образцу константинопольского. Он состоял из девяти членов, включая Александра Хатисяна, мэра Тбилиси, дашнакских лидеров Никола Агбальяна и Аршака Джамаляна, а также Ованеса Туманяна, поэта и общественно-го деятеля⁷. Примерно так же, как они это делали во время подготовки к Берлинскому конгрессу 1878 г., сейчас армянские власти пытались убедить царя Николая проследить за тем, чтобы вопрос о реформах в Армении был поставлен на повестку дня Конференции в Лондоне, которая была запланирована на апрель 1913 г.⁸.

¹ По-прежнему лучше всего вопрос освещен в статье Р. Дэйвисона: *Davison R.H. The Armenian Crisis, 1912–1914, The American Historical Review, LIII/3 (avril 1948)*. Pp. 481–505. См. подробности в: *Archives de la Délégation arménienne (Bibliothèque Nubar, Paris), dossiers 2 et 3, restent essentielles (далее: ADA/BNu)*.

² *Rapport d'activité de la direction centrale de la nation pour la période 1912–1914*. Pp. 73–9090. По этому вопросу см. также следующую главу.

³ *Папазян В. Указ. соч., II. С. 234*.

⁴ Протоколы Национальной палаты, Константинополь, 1913 г. Стенограммы заседания от 17 мая 1913 г., выступление С. Караяна. С. 49 и последующие.

⁵ *Папазян В. Указ. соч., II. С. 213*.

⁶ Там же. С. 216.

⁷ *Hovannisian R. Armenia on the Road to Independence, 1918, Berkeley-Los Angeles-Londres, 1967*. Pp. 32–35.

⁸ *Ibidem*. Именно Зограб вел переговоры — через российского посла в Турции Н. Чарикова — с Петербургом о дипломатическом вмешательстве, и именно под его руководством начались переговоры с пред-

Отношение армян к вопросу реформ

Со своей стороны, Погос Нубар, поселившись в Париже, постарался объяснить турецкому послу, что он собирается делать: постараться привести русских, англичан, немцев и французов к консенсусу по вопросу реформ¹. Уведомив таким способом о своих намерениях, он распространил меморандум, в котором обобщалась вся проблема. Примененная в нем аргументация призвана была показать, что реформы не только не подорвут интересы великих держав в регионе, но, наоборот, будут способствовать укреплению в нем мира и стабильности². Этот меморандум, который содержал конкретные предложения, был составлен специальной комиссией под эгидой политического совета, а затем представлен Андре Мандельштаму, дипломату и юристу, прикрепленному к российскому посольству в Константинополе³. После этого официально то, что на самом деле было «Русским планом», всеми сторонами рассматривалось как «план Мандельштама».

Основные положения этого плана можно резюмировать следующим образом:

- 1) объединение шести вилайетов, за исключением некоторых периферийных областей;
- 2) назначение христианского губернатора из Османской империи или Европы;
- 3) избрание административного совета и смешанного, то есть мусульманско-христианского, Собрания провинций;
- 4) создание смешанной жандармерии под командованием европейских офицеров;
- 5) роспуск корпуса «гамидие» (кавалерии);
- 6) легализация использования армянского, курдского и турецкого языков в работе местной администрации;
- 7) право каждой общины открывать свои собственные школы, администрация которых должна финансироваться из специального налога, который ранее собирался исключительно в интересах турецких школ;

8) создание специального комитета, которому будет поручено рассмотрение конфискаций земель, проведенных в последние десятилетия;

9) выселение из провинций мусульманских беженцев и иммигрантов, которые были размещены на землях, принадлежащих армянам;

10) применение аналогичных мер в Киликии;

11) обязательство со стороны европейских держав следить за тем, чтобы план был реализован.

С самого начала Англия и Франция вступили в дискуссию о конкретной реализации плана. Было понятно, что без согласия и поддержки этих двух держав любые реформы были обречены остаться на бумаге, даже если русские согласились с идеей их одностороннего вмешательства⁴. Немцы, изначально исключенные из переговоров, были, наконец, вовлечены в них в январе 1913 г., после того, как немецкий посол в Константинополе узнал о том, что затевается⁵.

Предварительные обсуждения реформ рельефно очертили разные точки зрения и противоречивые интересы великих держав. Так, Франция, основной кредитор Османской империи, в то же время вела переговоры о получении концессии на строительство железной дороги в Армении, что было прямой конкуренцией немцам. Англия, хотя и стала предусмотрительно свертывать свои инвестиции в Турции еще с 1880 г., обращалась с халифатом деликатно, чтобы исключить малейший риск исламистской заразы в своих собственных колониях в Египте и на Индийском субконтиненте, не говоря уже о первых концессиях, которые она старалась получить по месторождениям вблизи Мосула в этот ранний период эпохи «черного золота». Английские и французские дипломаты по-прежнему стремились сохранить территориальное статус-кво в Турции, что

ставителями великих держав: *Зограб Г.* Указ. соч. Дневник. С. 343. Следует также прочитать пассаж, который посвятил этому делу патриарх Завет Тер-Егияян. Указ. соч., и то, как это изложено в работе Л. Етмеқджяна: *Etmekjian L.* The Armenian National Assembly of Turkey and Reform, *Armenian Review* 29/1 (1976). Pp. 38–52. 36-й, 87-й и другие тома Архива внешней политики также позволяют проследить вопрос реформ с очень близкого расстояния: AMAE, Turquie, Correspondance politique, n. s.

¹ ADA/BNu, dossier 2. Письмо от 2 августа 1913 Погоса Нубара А. Вильямсу, президенту Британо-Армянского комитета, из которого также следует, что план был разработан патриархатом.

² *Hovannisian R.* Op. cit. P. 32; *Лазян Г.* Армения и армянский вопрос, Каир, 1957. С. 155 (на арм. яз.).

³ *Папазян В.* Указ. соч., II. С. 543–583.

⁴ *Davison R.* Op. cit. P. 500 sq.

⁵ *Ibidem.*

и Англия, и Франция считали очень важным для своих кратко- и долгосрочных интересов. Таким образом, они рассматривали инициативы России с некоторой опаской, соглашаясь участвовать в них только для того, чтобы держать их под контролем. Что касается Германии, которая была глубоко втянута в строительство железной дороги Багдад — Берлин, а также реорганизацию османской армии, то она была против самой идеи реформ, которые могли бы поставить под угрозу ее попытку укрепить свой экономический контроль над частью Анатолии. Действительно, Германия, чьи связи с младотурками неуклонно укреплялись, старалась, по их требованию, торпедировать «Русский план».

Таким образом, очевидно, что успех плана был отнюдь не предрешен, так что усилия Логоса Нубара, направленные на то, чтобы развеять опасения западных держав, были отнюдь не лишними. В меморандуме, который армянские лидеры направили в канцелярии европейских держав, они изо всех сил старались подчеркнуть «социальный аспект» реформ, чтобы развеять опасения о российской аннексии, возможность которой так беспокоила Францию и Англию. Их усилия, однако, не помешали этим двум державам объединиться в сдерживании амбиций России на Лондонской конференции в апреле 1913 г., даже отказываясь сплотиться против той позиции, которую отстаивали немцы, утверждавшие, что речь идет о вмешательстве во внутренние дела Османской империи и серьезном нарушении ее суверенитета, что откроет зеленый свет для разделения Анатолии и оставит дверь открытой для последующей российской аннексии. В противовес этой посылке, российские дипломаты утверждали, что если реформы не будут проведены немедленно, возникнет вероятность массовых беспорядков, которые неизбежно повлекут за собой вооруженную интервенцию со стороны России.

В конце концов реформы были поддержаны в принципе всеми державами, в том

числе Германией, при условии, что их осуществление будет поручено Блистательной Порте и что они будут проводиться под ее контролем или, при необходимости, под контролем великих держав. Естественно, что это новое предложение, одобренное Англией и Францией, было категорически отвергнуто Россией, которая увидела в нем не более чем закулисные пути, чтобы отказаться от поиска конкретных путей решения проблемы восстановления безопасности в Армении¹. Не желая более заниматься этим вопросом в рамках Лондонской конференции, державы решили, принимая предложение России, дать указание своим послам в Константинополе продолжить обсуждение. Тем временем, подкрепляя свои слова делами, царь Николай сосредоточил войска на границе с Турцией и приказал своим агентам организовать курдские провокации в Армении, для того чтобы усилить давление².

Пока шел этот торг, Нубар попытался, особенно в первые месяцы после Лондонской конференции, смягчить позиции разных сторон. Он искал поддержку своих усилий со стороны проармянских национальных комитетов, таких как Британо-армянский комитет, в котором лорд Брайс был одним из ведущих членов, и Армянский комитет в Берлине. Он также привнес в дело свои многочисленные личные отношения. И в своей переписке, и на всех встречах, на которых он присутствовал, Нубар настаивал прежде всего на том, что крайне важно, чтобы реформы проводились под контролем великих держав, если уж они не могут проводиться под контролем России, возможность чего категорически отвергалась Лондоном и Берлином³. Следует добавить, что Нубар не был по-настоящему расстроен этим коллективным решением, так как он сам был противником идеи российской гегемонии над армянскими провинциями. Для ведущих армянских кругов в Турции российский контроль был крайним случаем, если бы дело дошло до нормализации ситуации в самом Стамбуле. Из своей парижской штаб-квартиры Нубар, не коле-

¹ Ibid. Pp. 491–496.

² Ibid. P. 491.

³ ADA/BNu, dossier 2. Письмо Б. Нубара В. Каранфилянцу от 16 июня 1913 г., в котором Нубар четко показал, что в апреле в кулуарах Лондонской конференции он обсудил с Иоганнесом Лепсиусом правильное направление, чтобы убедить западных дипломатов в точности своего анализа. Основными членами Британо-армянского комитета были лорд Дж.А. Брайс, Н. Букстон, сэра Е. Бейл, Т.П. О'Коннорс, А. Вильямс и А.Г. Симондс; президентом Французского комитета был Робер де Кэ; сопредседателями Германских групп были д-р Г.В. Гринфильд и Лепсиус; и президентом Швейцарского комитета был Леопольд Фавр: AMAE, Turquie, Correspondance politique, vol. 86. Pp. 253–255.

блясь, неоднократно ездил в Лондон, чтобы встретиться там с сэром Эдвардом Греем, британским министром иностранных дел¹. Хотя у Нубара была поддержка со стороны тех членов парламента, которые также входили в состав Британо-армянского комитета, ему трудно было убедить англичан в том, что его инициатива должным образом обоснована. Он был еще более шокирован пассивным отношением Англии к самому великому визирю Махмуду Шевкету, который считал требования реформ разумными, и, как стало известно незадолго до его убийства, был готов их поддержать².

Во всяком случае, в июне 1913 г. в Константинополе началась дискуссия, организованная послами великих держав. Их основой послужил текст меморандума 1895 г., дополненный тем, что только что направил им армянский патриарх³. Между тем Нубар проводил зондаж итальянских политических кругов в дискуссиях с Галли, итальянским парламентарием, который только что выступил перед римским парламентом со своим заявлением. Нубар заверил его, что армяне ни в коем случае не претендуют на получение автономии, которая была практически невозможна в тогдашней ситуации, а просто стремятся к такой администрации, которая способна защитить их жизнь и имущество⁴. Нубар также апеллировал к своим друзьям среди британцев, стараясь убедить финансовые круги в том, что очень важно продвигать реформы ради более надежных гарантий своих вложений в Турцию⁵. Он получил солидную поддержку от Армянского комитета в Берлине, где председательствовал Г. В. Гринфильд, чьи усилия объяснить ситуацию чиновникам на Вильгельмштрассе заключались прежде всего в поддержке армянского тезиса о том, что самый верный способ обеспечить российское невме-

шательство — это поддержать реформы⁶. В Константинополе пресса ухватилась за вопрос реформ в июле; некоторые круги выразили яростное противодействие плану реформ, а некоторые пошли настолько далеко, что сожгли дом возле собора Святой Софии, в котором тогда жил Талаат⁷. Погруженная в катастрофический финансовый кризис, империя надеялась получить материальную помощь из Европы, а Нубар посоветовал европейцам предоставлять ее в обмен на турецкие политические решения в пользу реформ. Этот призыв не был принят всерьез; европейские канцелярии не обратили на него практически никакого внимания. Очевидно, что Санкт-Петербург, где Армянский комитет возглавлял историк Никогойос Адонц, оказался единственной столицей, искренне заинтересованной в проведении реформ в Армении. Кроме того, несомненно с целью обострения антагонизма между державами, Блистательная Порта начала распространять слухи о том, что намерена назначить британских офицеров во главе жандармерии в Армении, а с другой стороны, утверждая, что армяне против контроля со стороны европейских держав⁸. Таким образом, мы видим, что лидеры армян отдавали себя полностью — и телом, и душой, чрезвычайно сложной игре, которая велась весь 1913 год; и они были заняты тем, что искали поддержку везде, где только возможно.

В конечном счете Блистательная Порта решила опубликовать встречный план, охватывающий все губернии азиатской Турции, включая армянские вилайеты. Идея состояла в том, чтобы создать сеть генеральных инспекторов, которые должны были решить все экономические и социальные проблемы региона, якобы с целью «децентрализации»⁹. В то же время посол Германии Ганс фон Вангенхайм продолжал торпедировать перегово-

¹ ADA/BNu, dossier 2. Письмо Б. Нубара А. Вильямсу от 19 июня 1913 г., в котором Нубар снова упоминает о результатах своей второй поездки в Лондон в середине мая.

² Davison R. Op. cit. Pp. 500–501.

³ ADA/BNu, dossier 2. Письмо Б. Нубара А. Вильямсу от 26 июня 1913 г.

⁴ Ibidem. Письмо Б. Нубара Галли от 25 июня 1913 г.

⁵ Ibidem. Письмо Б. Нубара А. Вильямсу от 6 июля 1913 г.

⁶ Ibidem. Письмо Б. Нубара Г. В. Гринфильду от 23 июня 1913 г.

⁷ Ibidem. Письмо Геворга Нубара Б. Нубару, Сан-Стефано, 3 июля 1913 г.

⁸ Ibidem. Конфиденциальное письмо от Вильямса Б. Нубару от 29 июля 1913 г.; см. также Les réformes arméniennes et l'intégrité de la Turquie d'Asie, Constantinople le 22 mars 1913, 4 pp.; Les réformes arméniennes et les populations musulmanes: les émigrants (mohadjirs) dans les provinces arméniennes, Constantinople le 5 mai 1913; Les réformes arméniennes et le contrôle européen, Constantinople le 14 juin 1913, 4 pp.

⁹ Ibidem. Обзор газет в период между 2 июня и 10 июля 1913 г.; Note sur quelques objections faites au projet de réformes arméniennes, Constantinople le 5 août 1913, 4 pp.

воры в Константинополе, в частности атакуя российских дипломатов, которых он обвинил в наличии скрытых мотивов. Поэтому в начале августа 1913 г. Нубар решил направиться в Берлин, чтобы встретиться с министром иностранных дел Германии и убедить его изменить свою политику по противодействию реформам¹. Этот его визит на Вильгельмштрассе оказался решающим, ибо разморозил ситуацию в Константинополе, где европейские послы сели за серьезные переговоры². Через несколько дней доктор Лепсиус направил Нубару телеграмму о том, что «ситуация благоприятна» для успешного завершения переговоров, и предложил Нубару как можно скорее прибыть в Константинополь для того, чтобы непосредственно наблюдать за тем, что там происходит³. Ответ Нубара немецкому протестантскому пастору гласил, что он не вправе заменить Политсовет, на который возложены обязанности заниматься этим вопросом⁴.

По-видимому, именно Лепсиус сыграл главную роль в активизации переговоров, выступив в качестве посредника между патриархатом и посольством Германии⁵ и действовал рука об руку с Григором Зограбом⁶. В конце сентября 1913 г. стало известно, что немецкие и российские дипломаты пришли к компромиссу: «Страна должна быть разделена на два сектора, один, охватывающий Трапезунд, Эрзурум и Сивас/Себастья; и другой, охватывающий все остальное. Бли-

стательная Порты просит великие державы назначить двух инспекторов — по одному на каждый сектор. Эти инспекторы вправе назначать и увольнять своих подчиненных. Участие в местных административных органах и представительстве в местных собраниях и советах должно быть наполовину христианским, наполовину мусульманским»⁷.

Эта новость, подтвержденная перепиской Армянского комитета из Санкт-Петербурга, показала неоднозначную, но решающую роль, которую российский дипломаты сыграли в достижении соглашения. Нубар сообщил Сергею Сазонову, министру иностранных дел России, что он удовлетворен встречей с ними 17 октября⁸. Некоторые детали плана, однако, оставались еще не определенными, в частности относительно исполнительных полномочий, которые должны быть возложены на генеральных инспекторов. После того, как немецкий посол Вангенхайм получил инструкции с Вильгельмштрассе о том, чтобы прийти к соглашению с российскими дипломатами, Зограб приступил к разработке этих деталей с доктором Шенбергом⁹. Франция и Великобритания, которые с интересом наблюдали за российско-немецким перетягиванием каната, также склонились к компромиссу. Французский министр Пишон даже пообещал активную поддержку со стороны Франции¹⁰.

В конце октября, после того, как «сделка была заключена», документы были переда-

¹ Ibidem. Письма от Гринфильда Б. Нубару от 31 июля и 5 августа 1913 г.

² Ibidem. Письма Б. Нубара А. Симондсу, члену Британо-армянского комитета, от 12 августа и Якубу Артин-паше в Лондон от 13 августа 1913 г.

³ Ibidem. Телеграмма от 14 августа 1913 г.

⁴ Ibidem. Письмо Б. Нубара И. Лепсиусу от 22 августа 1913 г.

⁵ Ibidem. Письмо Б. Нубара барону Роберту де Ка, генеральному секретарю Французского азиатского комитета, секция Леванта, 27 августа 1913 г.

⁶ Ibidem. Письмо от вардапета Григориса Балакяна секретарю специального комитета Константинопольского патриархата Нубару от 24 августа 1913 г., Берлин. Освещает закулисную роль, которую сыграл Зограб, видный член специального комитета.

⁷ Ibidem. Письмо Джеймса Гринфильда Б. Нубару от 28 сентября 1913 г. в Берлин.

⁸ Ibidem. Письма Б. Нубара Лепсиусу от 13 и 18 октября 1913 г., в которых раскрыт смысл замечаний Сазонова по поводу его [Нубара] интервью в Париже.

⁹ Ibidem. Письмо Лепсиуса Б. Нубару, октябрь 1913 г.

¹⁰ Ibidem. Письмо Б. Нубара Лепсиусу от 18 октября 1913 г., в котором он упоминает о своем разговоре с министром Пишоном, который состоялся 17 октября. *Weber G. F. Op. cit.* Pp. 20–21. В этой работе показано, что политика Германии изменилась в пользу армян и что отношение посла также поменялось. В тот момент, как считает Вебер, Берлин рассматривал возможность поддержки армянами своего плана экономического развития вокруг Багдадской железной дороги. Предполагается, что для того, чтобы помешать сближению немцев с армянами, османское правительство предложило, чтобы англичане направили в Армению своих инспекторов. Нам даже говорили, что министр иностранных дел Германии Готлиб фон Ягов приказал провести переговоры с курдскими лидерами, чтобы они прекратили «занятие своим любимым спортом — истреплять армян и сжигать их селения» (с. 24).

ны в канцелярии западных держав, которым теперь предстояло убедить Блистательную Порту выполнить соглашение. Чтобы ускорить этот процесс, Нубар организовал в Париже международную конференцию по армянским реформам. 30 ноября и 1 декабря 1913 г. ведущие представители Армянских комитетов Европы, а также проармянски настроенные ассоциации, дипломаты и политики из Германии, России, Англии и Италии

собрались во французской столице, чтобы координировать свои усилия¹.

25 декабря русские и немцы официально передали план реформ в Армении османскому правительству. 8 февраля 1914 г., после нескольких недель проволочек, Блистательная Порта наконец утвердила соглашение. Ей не удалось добиться отмены пункта о надзоре со стороны Запада, который, по ее мнению, был решающим².

Переговоры о реформах с османским Кабинетом министров и партией Иттихада

В предыдущем разделе мы рассмотрели общественные и дипломатические аспекты переговоров о реформах. Для ясности мы решили посвятить отдельный раздел происходящим в то же время неформальным, но очень важным переговорам между несколькими турецкими и армянскими приверженцами.

Как уже было сказано, когда армянская сторона решила воскресить идею реформ восточных провинций, либеральный кабинет Камиль-паши являлся идеальным собеседником по этому вопросу, и поэтому переговоры при его участии прошли достаточно живо. Не случайно Камиль-паша пригласил ряд армянских деятелей на заседание 21 декабря 1912 г., созванное по инициативе министра иностранных дел Габриэля Норатункяна, чтобы обсудить план реформ. Не только Политический совет, но и АРФ были исключены из переговоров. Их оппонентами стали бывший патриарх Магакиян Орманян, главный редактор газеты «Сабах» Диран Келекян, депутат парламента из города Сивас д-р Назарет Тагаварян, а также два сенатора, Азарян и Ерамян³. Этот обход законных властей вызвал такой переполох в армянских кругах, что Зограб и Ваган Папазян, бывший депутат парламента из Вана и исполнительный директор Комиссии по безопасности, потребовали объяснений от Келекяна и Орманяна. Келекян и Орманян подтвердили, что в своих беседах с великим

визирем они подчеркнули, что не уполномочены говорить от имени всего народа и что ему следовало бы «говорить с представителями армянской нации»⁴.

Иттихадисты, правившие государством после переворота 23 января 1913 г., получили призыв от своих тесных связей с дашнакскими лидерами, как только представили проект плана реформ, чтобы возобновить свои контакты с властями Армении, с которыми они порвали отношения некоторое время назад⁵. Как это часто бывает при таких обстоятельствах, Петрос Халаджян, депутат парламента и член партии иттихадистов, был подготовлен к роли посредника. Первая встреча была организована в его доме, вероятно, в конце января 1913 г. В ней приняли участие, с одной стороны, Мехмед Талаат, Халил, депутат от Ментеше, и генеральный секретарь партии «Единение и прогресс» Мидхат Шюкрю, и, с другой стороны, Акнуни, Вардгес и Армен Гаро. Все указывает на то, что иттихадисты были убеждены, что смогут в очередной раз разрушить единоподушие в отношении плана реформ, которое царило в рядах армян. Иттихадисты рассчитывали на силы убеждения Талаата, который напомнит своим армянским товарищам о давно объединяющей их дружбе. Чувствуя, однако, что дашнаков, которые молча перенесли так много унижений с 1908 г., не получится так легко уговорить, Талаат сообщил им, что он сам пожелал провести реформы по образцу

¹ Ibidem. См. переписку указанных лиц по подготовке Парижской конференции.

² Davison R. Op. cit. Pp. 501–503.

³ Папазян В. Указ. соч., II. С. 200.

⁴ Там же. С. 201–202.

⁵ Папазян В. Указ. соч., II. С. 190. Напомним, что АРФ официально прервала отношения с Иттихадом 5/18 мая 1912 г., опубликовав по этому поводу меморандум: «Позиция Дашнакцутюна по отношению к Иттихад», «Дрошак», № 9–10, сентябрь — октябрь 1913 г. С. 147 (на арм. яз.).

плана Румелии 1880 г. Он также указал, что все они были «детьми одной родины, связанными общим происхождением». Для того чтобы подчеркнуть идеологическую близость между Иттихадом и АРФ и соответствующее расстояние между ними и «консервативными» кругами, он атаковал Погоса Нубара, говоря о нем как об «инструменте в руках русских». В финальной речи, обращенной к присутствующим армянам, намекнув на то, что проект реформы был предложен Нубаром и что АРФ не имеет к этому отношения, Талаат предложил пригласить египетских государственных деятелей в Стамбул, чтобы они смогли представить свои требования непосредственно младотуркам¹. Еще одна встреча между руководством дашнаков и младотурецкими лидерами Исмаилом Хакки, Гусейном Кахидом и Мехмедом Талаатом состоялась 1–14 февраля в доме Зограба. На этот раз речь зашла о решающем значении вмешательства держав в проведение реформ. Иттихадисты, естественно, предложили урегулировать вопрос без внешнего вмешательства². Дашнаки парировали, что армяне предлагали этот вариант с 1908 г., но сменявшие друг друга правительства младотурок последовательно отвергали их предложения, хотя они и были весьма скромными.

Дашнаки были настроены более скептически, поскольку они видели стремление партии «Единение и прогресс» к радикальным мерам почти сразу после того, как был представлен план реформ. В конце 1912 г. их поддерживали организация из парламентской фракции курдских и турецких депутатов восточных провинций и организация союза по защите прав восточных провинций³. Но самым конкретным проявлением отношения партии «Единение и прогресс» явилась новая политика экономического бойкота армян и их продукции, подкрепленная целым арсеналом мер, таких как отказ выдачи банковских кредитов или административное преследование тех, кто занимался экспортом. Религиозные круги «тайно проповедовали», что все дела и торговля с армянами

должны быть прекращены. В начале 1913 г. коммерческие группы, состоящие исключительно из турецких купцов, рекомендовали людям покровительствовать им и только им, а не «покупать нечестные товары» у христиан⁴. Следует также отметить увольнение всех армянских государственных служащих в районах Акн, Арабкир, Диврик и других, не говоря уже о более впечатляющих актах, таких как поджог базара в Диарбекире, где почти всеми купцами и ремесленниками были армяне, или поджог армянского квартала в Эдирне⁵. В то время как все это имело место, Совет министров принял канон Ислахат, своего рода реформу *avant l'heure* («предварительную»), единственной целью которой было посеять замешательство и обеспечить условия для приостановления армянской инициативы. Мехмед Джавид был даже отправлен в восточные провинции в качестве инспектора для того, чтобы контролировать применение этого «закона»⁶.

Приглашая Погоса Нубара приехать для решения проблемы плана реформ «в семье»⁷, кабинет Шевкета стремился заставить его покинуть Париж и таким образом отказаться от работы, которую он проводил в западных канцеляриях. Другими словами, стратегия Иттихада и Кабинета министров в этот период состояла в уменьшении посреднической роли держав, силы которых должны были быть убраны из игры, если целью был срыв плана реформ.

Армянские круги отмечали, что, несмотря на давление партии «Единение и прогресс», АРФ поддерживала связь с младотурками. Также можно предположить, что у АРФ не было скрытых мотивов в сотрудничестве с Политическим советом и Комиссией по безопасности, в которой она принимала активное участие в лице Вагана Папазяна из дашнаков, который выступал в качестве исполнительного директора Комиссии. Именно поэтому Папазян отправился в Париж в феврале 1913 г., чтобы встретиться с Погосом Нубаром и выработать определенные критические точки меморандума, который

¹ Папазян В. Указ. соч., II. С. 190.

² Шарурян А. С. Указ. соч. С. 393; «Азатамарт», № 1127, 2/15 февраля 1913 г. (на арм.яз.).

³ Папазян В. Указ. соч., II. С. 197.

⁴ Там же. С. 198.

⁵ Там же. С. 198–199.

⁶ Там же. С. 199.

⁷ Там же. С. 215.

затем составят армянские организации¹. По воспоминаниям этого бывшего парламентского представителя из Вана, их переговоры, проведенные на французском языке (Нубар плохо говорил по-армянски), прошли очень хорошо: они добавили завершающие штрихи в свой совместный проект, который планировали предоставить властям. В нем говорилось, в частности, о назначении европейских инспекторов и консультантов и предоставлении гарантий со стороны европейских государств.

Посольство России в Стамбуле было еще одним чрезвычайно важным собеседником армянских организаций. Два человека из этих организаций играли особенную роль. Иван Завриев², лидер дашнаков, который был очень хорошо известен в правящих кругах Санкт-Петербурга (он был в Стамбуле в 1913 г.), сыграл решающую роль в переговорах с русскими, в то время как Григор Зограб был «полуофициальным голосом» армян³. В своем дневнике Зограб отмечает, что Завриев «был первым дашнаком, которого я когда-либо знал, признавшим истину, что, по мнению турецкого правительства, единственной судьбой армянского народа было уничтожение»; ему противопоставляется Акнуни, который «последним расстался со своими протурецкими мечтами»⁴. Зограб и Завриев провели много частных бесед с российским послом В. Чариковым и его советником Андре Мандельштамом, связанных с рассмотрением вопросов о реформах. Также были организованы рабочие сессии с участием различных экспертов, как, например, рабочая сессия, проведенная 12 апреля 1913 г., на которой Зограб, русский посол, представитель Патриархии, а также Л. Демиржибашян, Завриев и Заварян⁵ обсудили демографические проблемы, которые дипломат считал очень важными, а также пере-

пись населения Армении, которую начала проводить Патриархия во всех вилайетах Малой Азии в феврале⁶.

Весной 1913 г. после Лондонской конференции, на которой армянский проект сделал большой шаг вперед, иттихадисты, естественно, возродили практику регулярных встреч с дашнаками; Халаджян служил посредником и «барометром реакции» партии «Единство и Прогресс»⁷. В частности, в июне 1913 г. был организован обед на острове Принкипо, в котором приняли участие Ахмед Джемаль, военный губернатор столицы (в сопровождении Вагана Татевяна⁸, одного из его ближайших соратников), и все лидеры дашнаков: Армен Гаро, Акнуни, Вардгес, Грач Тиракян, Ваагн и Ваган Папазяны. Джемаль был более резким, чем Талаат, он не скрывал, что партия «Единение и прогресс» считает армянскую инициативу серьезной ошибкой. Он думал, что все сведется к работе на русских. Следовательно, его партия будет использовать все доступные средства, чтобы противостоять проекту. Он сказал: «На карту поставлена территориальная целостность Турции, которая из-за ваших действий находится под угрозой». Он с уверенностью согласился, что младотуркам не удалось осуществить необходимые реформы. Объяснение, по его словам, заключается в тяжелом экономическом и социальном положении страны. Он добавил: «Армяне должны были понимать это, а не загонять нас в угол». Наконец, он предложил, что «армянам не следует расширять существующую пропасть между турками и армянами... Последствия могут быть необратимыми»⁹. Папазян позже признался, что все присутствующие армяне очень хорошо понимали чуть завуалированные угрозы Джемалю, но они «были убеждены, что у Турции нет выбора»¹⁰.

¹ Там же. С. 223.

² Он основал клинику в Муше, где провел два года, прежде чем приехал в Стамбул в декабре 1912 г., вероятно, для того, чтобы участвовать в переговорах между русскими и армянами. Он встретился с Зограбом у него дома 9 декабря 1912 г., чтобы обсудить с ним этот вопрос: Зограб Г. Указ. соч. С. 343.

³ Папазян В. Указ. соч., II. С. 229.

⁴ Зограб Г. Указ. соч. С. 343.

⁵ Папазян В. Указ. соч., II. С. 267. Папазян извещает о смерти этого основателя АРФ в сентябре 1913 г. и его пышных похоронах в Галате.

⁶ Шарурян А. Указ. соч. С. 396–397.

⁷ Папазян В. Указ. соч., II. С. 191.

⁸ Там же. С. 191. Этот лидер дашнаков был повешен в Адане в июне 1915 г. вали Авни-беем. Его «друг» Джемаль, имевший влияние в этом регионе, не вмешался.

⁹ Там же. С. 191.

¹⁰ Там же. С. 192.

Во время своего визита в Париж в начале июля 1913 г. Мехмед Джавид, находившийся во Франции для обсуждения вопросов кредита, дал интервью стамбульской ежедневной газете «Азатамарт», в котором он высказался абсолютно другими терминами. Он заявил, что османское правительство решило удовлетворить требования армян, «потому что политический характер армянского вопроса изменился с момента последней [Балканской] войны и стал одним из основных вопросов, стоящих перед Империей»¹. В том же интервью он подтвердил, что встречался с Погосом Нубаром и что они достигли полного согласия почти на каждом этапе, «за исключением вопроса о гарантиях»². Однако этот позитивный диалог был, вероятно, вдохновлен проблемами, стоявшими перед османским министром финансов: убедить французское правительство выдать кредит Турции, которая была обескровлена и отчаянно нуждалась в наличных деньгах, чтобы возобновить войну с Болгарией. Этот приоритет, несомненно, объясняет тон Джавида и тот факт, что он взял на себя труд посетить Нубара, чей вес в политических кругах Франции был очень велик.

Впечатление, что Джавид хотел любой ценой убедить своих аудиторов в добрых намерениях его правительства и поддержать надежду о позитивных изменениях в вопросах реформ, подтверждается рядом факторов. Это находит свое объяснение прежде всего в контексте: неизбежная агрессия против Эдирне, о которой, вероятно, уже было принято решение; а также «Конференция послов», состоявшаяся в Йеникое в период с 3 по 24 июля, которая проводилась с целью добавления последних штрихов в план реформ в Армении, в соответствии с решением, принятым на Лондонской конференции.

Мы находим подтверждение временного изменения стратегии младотурок, которые, очевидно, пытались выиграть время, за которое можно реализовать свои краткосрочные проекты, в другом интервью, которое на этот раз предоставил министр внутренних дел Мехмед Талаат газете «L'Union» в начале июля 1913 г.³. В ответ на шекотливые вопросы (например, о причине того, что права на

конфискованное имущество армянских изгнанников до сих пор еще не были восстановлены, о безнаказанности преступников и о насильственном обращении в ислам) Талаат четко заявил, что он назначил более пятисот полицейских в восточных провинциях, что армия собирается помочь подавить бандитизм, что аграрный вопрос должен быть рассмотрен в ближайшее время, и что правительство показало, как оно изменило свое отношение и собирается создать комиссию по расследованию, чтобы изучить эти вопросы в самих восточных провинциях и принять меры для назначения опытных гражданских служащих в регионе. Другими словами, министр признал, что проблемы имели место (он уже не отрицал этот факт), но добавил, что сейчас поставил перед собой задачу их решения.

После неформальной встречи на острове Принкипо, участие в которой принял Ахмед Джемаль, Центральный комитет юнионистов также возобновил переговоры с Западным Бюро АРФ в начале лета 1913 г. сначала косвенно, через Зограба и Халаджяна, а затем в непосредственной встрече с Акнуни, Вардгесом и Арменом Гаро, которые встретились с Халилом [Ментеше], Мидхатом Шюкрю и Талаатом⁴. На этих встречах лидеры партии «Единение и прогресс» потребовали, чтобы армяне не пытались получить прибыль от сложной ситуации в империи и воздерживались от обращения к внешним силам, особенно к России, смертельному врагу Турции. Они заявили, что в обмен на это они готовы прийти к соглашению с АРФ и Патриархией о выходе реформ в жизнь. Но, по их словам, чтобы не всколыхнуть общественное мнение, армяне должны были отказаться от всех форм вмешательства извне во внутренние дела страны. Талаат выступил с замечанием, что, в любом случае, «они нашли бы средства, необходимые им для принятия плана, если бы армяне не согласились с их требованиями»⁵. В частном порядке, даже с бывшими союзниками-дашнаками, дискурс юнионистов был заметно менее доброжелательным, зато также отличался определенной последовательностью: теперь, когда конференция послов была неизбежной, они

¹ Там же. С. 192–193; «Азатамарт», 15 июля 1913 г. С. 1–2. Интервью, проведенное Барсегом Шахбазом.

² Там же.

³ Перепечатано в «Азатамарт», 25 июня/7 июля 1913 г. С. 1 (на арм. яз.); Папазян В. Указ. соч., II. С. 193.

⁴ Там же. С. 235. Встречи проходили по очереди дома у Зограба и Вардгеса; они оба жили в Пере.

⁵ Там же. С. 235–236.

хотели убедить армян отказаться от идеи посредничества со стороны властей. Армянские лидеры, наоборот, единогласно выступали за сохранение принципа переговоров, гарантированного европейскими государствами, поскольку они были убеждены, что это был единственный способ обеспечить подлинные реформы.

Параллельно с этими полуофициальными переговорами министр внутренних дел сделал ряд публичных выступлений, имевших целью произвести впечатление. Таким образом, 22 июня 1913 г. он нанес официальный визит патриарху. Он был принят в официальной приемной Патриархии, где торжественно объявил о реформе судебной системы и жандармерии в провинциях. Патриарх ответил, что он хотел бы верить, что будет положен конец насилию и грабежам, которые не прекратились в восточных провинциях и вызвали массовое бегство армянского населения. Он добавил, что если бы проблемы решались правительством по мере их возникновения, любое вмешательство извне было бы совершенно излишним¹.

Казалось, что лидеры дашнаков официально подтвердили, что они не были склонны пойти на новые уступки иттихадистам. В сентябре 1913 г. они напомнили своим читателям, что «партия "Единение и прогресс"», несмотря на ее невыразимо торжественные обещания, не выполнила самых простых требований армянского народа и Дашнакцутюна например, требований о гарантии личной безопасности, решении проблемы земель, перераспределении налогов для финансирования образования или пропорционального представительства Армении на

государственной службе на местном и национальном уровнях»².

Настоящие переговоры, однако, начались только после окончания конференции послов, то есть только после достижения 25 октября 1913 г. Германией и Россией договоренности по основным пунктам³. Первый вариант плана, одобренный послами в июле, предусматривал, что только люди с фиксированным местом жительства имели право голоса и что полки гамидие будут расформированы⁴. Русско-немецкий вариант однако не предусматривал реституции конфискованной земли, равно как и не запрещал заселение балканскими мухаджирами восточных провинций. Гамидие же были переименованы в «легковооруженные войска»⁵.

О последнем этапе переговоров, в которых Зограб был главным армянским участником, у нас теперь есть ценный источник информации в виде недавно опубликованного дневника, который открывает новую информацию о многих аспектах язвительных дискуссий между армянами и младотурками. Не случайно иттихадисты выбрали Халила [Ментеше], председателя Государственного Совета, чтобы выразить Г. Зограбу недовольство партии определенными аспектами плана, которые они категорически отвергли⁶. Эти два человека знали друг друга очень хорошо⁷. 20 декабря 1913 г. лидер младотурок нанес визит Зограбу и изложил позицию Иттихада, сведенную к следующей «formule» [формуле] (Зограб использует французское слово в своем дневнике): «Турки скорее умрут, чем примут любое вмешательство других держав в армянский вопрос, хотя они и

¹ «Когак», 23 июня 1913 г., № 31 (156). С. 307–308 (на арм. яз.).

² «Позиция Дашнакцутюна по отношению к Иттихаду». С. 147.

³ Папазян В. Указ. соч., II. С. 253.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 255.

⁶ Зограб Г. Указ. соч. С. 344–345, Дневник, 7/20 декабря 1913 г. AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, ff. 249–250. В письме французского посла Бомпара С. Пишону от 16 декабря 1913 г. рассказывается о публикации имперского письменного указа султана, который ратифицирует определенные изменения в статьи 81 и 103 закона вилайетов. Письменный указ султана, перепечатанный в коммюнике, опубликованном Османским Агентством, предусматривал: 1) использование местных языков в администрации; вербовку жандармов и полицейских среди мусульманского и немусульманского населения «пропорционально их численности»; 2) пропорциональное распределение бюджета на начальное образование между различными общинами; 3) атрибуции субсидий немусульманских начальных школ.

⁷ Зограб Г. Указ. соч. С. 305. Письмо на французском языке послу Германии Гансу Вангенхайму, Алеппо, 14/24 июня 1915 г.: однажды вечером в апреле 1909 г. во время событий 31 марта он привел с собой домой Халил-бея; «в течение двадцати дней мы принимали его у себя, чтобы защитить его от преследования со стороны хеласкяров». Автор проинформировал дипломата об этом, чтобы показать ему, как близок он был с иттихадистами.

знают, что страна умрет вместе с ними. Они рассматривают это как... вопрос жизни и смерти для всей Турции и их партии»¹. После года переговоров, колебаний, наступлений и отступлений, в зависимости от обстоятельств, обе стороны достигли конца пути. Зограб признал, что новую инициативу Иттихада следует интерпретировать как «финальный спор перед тем, как разлад между турками и армянами превратился в войну»². Именно поэтому Зограб и Халил искали пути снижения «растущего напряжения между армянами и турками» и сотрудничали по поводу претворения реформ в жизнь³.

Зограб писал: «Я бы предпочел, чтобы кто-то другой был на моем месте, тот, кто осознает свои обязанности и знаком со всеми обескураживающими подробностями нашей ситуации, тот, кто видел бы неизбежное столкновение армян и турок так, как если бы оно происходило прямо перед ним, и, как следствие, окончательный провал армянского вопроса»⁴. Такое мнение, исходящее из уст человека с таким большим опытом, как Зограб, свидетельствует о напряженности, которая ознаменовала последний этап переговоров. Он, несомненно, почувствовал невысказанную враждебность в комитете партии «Единение и прогресс» и отсутствие политической проницательности, характерной для некоторых армянских лидеров, которые ранее отказались вести переговоры с иттихадистами⁵.

Этот «тулик» в переговорах стал пунктом, «который составлял саму основу нашего вопроса» и «против которого они всегда выступали»⁶. По словам Зограба, вопрос состоял в «гарантии» властей, по формулировке Халила — в «контроле». В стремлении убедить своего собеседника принять условия, которые предпочли бы армяне, Зограб изложил ряд различных аргументов. Он сказал, что хорошо понимал, что Блистательная Порта могла выслушаться перед Россией и Герма-

нией, предоставив им определенные привилегии. Таким образом, армянский вопрос вполне мог быть похоронен. Он спрашивал, какой исход будет успешным для турок. Он предположил, что они должны, скорее, попытаться восстановить доверие армян и с этой целью проводить реформы без промедления, поскольку «нельзя было оставлять армян в таком недовольстве, в каком они находились»⁷. Что касается роли властей, Зограб утверждал, что это был вопрос не «иностранного контроля», но «гарантий», поскольку инспекторы будут официально «назначены Блистательной Портой», в то время как послы держав будут обозначать свое согласие в устной форме. Халил, однако, сказал, что эти соглашения были решительно отвергнуты его партией⁸. Зограб писал: «Я считаю, что мне удалось убедить его в том, что является краеугольным камнем нашего дела, точкой, которую [иттихадисты] никогда не принимали... Я подготовил его к приведению своей партии к соглашению ... к принципу «recommandation» [рекомендации] [в тексте на французском языке] властей... и вернуться к формуле европейского генерального инспектора, которому будут переданы полномочия»⁹.

Зограб пишет, что Халил затем обещал ему сделать все от него зависящее, чтобы убедить свою партию, но добавляет: «Было очевидно, что ему придется преодолеть ряд трудностей, много больше, чем мы думали. Военная фракция турок, во главе с Джемаль-беем, наиболее решительно выступала против, и комитет благосклонно относился к этой фракции. Халил-бей боялся, что фракция Джемала, даже будучи полностью осведомлена о последствиях своих действий, все равно останется непреклонной»¹⁰. Зограб, таким образом, осознавал наличие давления, которое эта военная фракция, связанная с Энвером, оказывала на Иттихад и правительство с целью полу-

¹ Там же. С. 344–345, 379.

² Там же. С. 379.

³ Там же. С. 345.

⁴ Там же. С. 379. Этот раздел дневника был написан через несколько недель после интервью, примерно в феврале 1914 г., после подписания официального указа о реформах.

⁵ Там же. С. 349. Дневник, 8/21 декабря.

⁶ Там же. С. 353. Дневник, с 8/21 по 11/24 декабря 1913 г., то есть на следующий день после его разговора с Халилом.

⁷ Там же. С. 351–356.

⁸ Там же. С. 353.

⁹ Там же. С. 379. Раздел дневника написан после интервью, примерно в феврале 1914 г.

¹⁰ Там же.

чения полного контроля над армией и принятия еще более радикального политического курса¹. Действительно, турецкая пресса в этот период яростно нападала на армян², в то время как Вардгес, который встретился с Ахмедом Джемалем, примерно 20 декабря слышал, как офицер младотурок выступал даже более откровенно, чем обычно, предлагая угрожать расправой армянам, которые не откажутся от статьи о гарантии властей³.

Зохраб был, однако, также встревожен курсом армянских политических партий на «подъем ставок» и их слепоту в отношении результатов, к которым могли привести их решения. Он полагал, что армяне должны были быть в состоянии признать возможность не «получить все» и относиться к реформам как к «стадии», как выразился посол Вангенхайм⁴. Уже на следующий день, 21 декабря, когда Зохраб рассказал о своей встрече с председателем Государственного Совета патриарху, Караяну, Папазяну, Бояджяну и Армену Гаро, он сделал акцент на «тупике» в вопросе «контроля» со стороны властей. Он с тревогой отметил непримиримость своих коллег и вздохнул: «Дай Бог, чтобы мы вышли из всего этого с возможно минимальным ущербом»⁵. Он напомнил им, что статья 61 Берлинского договора, основа плана реформ, предусматривала «международные гарантии», а не «международный контроль»⁶. Он призывал их пойти на уступки: это даст возможность «улучшить [их] отношения [с турками], которые стали чрезвычайно ожесточенными и принимали все более угрожающие формы». Ему ответили, что цель турок — урегулировать этот трудный момент, ускользнув от европейского «контроля», чтобы «оставить армян на время противостояния в одиночестве»⁷.

Провал Халила в достижении значительных результатов, без сомнения, побудил

министра внутренних дел вмешаться лично. 24 декабря 1913 г. Зохраб посетил резиденцию Халила: там он встретил Талаата, который подтвердил, что стремился к назначению генеральных инспекторов Блистательной Портой. Это свелось к окончанию европейского посредничества и ограничению европейского контроля или гарантий⁸. Зохраб ответил, что это было необходимо для успешных реформ; недостаточно было лишь объявить реформы, как это было в случае с армией, где не было никаких ощутимых результатов. Он сказал Талаату: «Вы будете представлять законность желанию армян быть в безопасности. Согласитесь, как минимум, утвердить десятилетний план по аграрному вопросу, языку, военной службе, налогу на школы и гамидие»⁹.

На следующий день Зохраб, Вардгес и министр финансов Мехмед Джавид, имевший репутацию политика умеренных взглядов, встретились за ужином, который являлся последним шансом достижения компромисса. Джавид заявил, что он утвердил реформы, но предложил армянам пойти на уступки иттихадистам¹⁰.

В своей записи в дневнике от 28 декабря/10 января 1913–1914 годов Г. Зохраб горько отметил, что ему приходилось мириться с антицарскими позициями дашнаков в течение пяти лет и что партия на текущий момент прервала переговоры с иттихадистами вопреки его совету¹¹. Его опасения были абсолютно неоправданны, поскольку возник новый фактор, осложнивший переговоры: язвительные дискуссии между русскими и немцами по вопросу о немецкой военной миссии в Турции во главе с Лиманом фон Сандерсом¹². Армяне, несомненно, считали, что если немцы показали готовность к компромиссу по этому вопросу, русские могут быть склонны идти на уступки по фундаментальным пунктам реформ.

¹ Turfan N. Op. cit. P. 353.

² Зохраб Г. Указ. соч. Дневник. С. 377.

³ Там же. С. 379. Раздел дневника написан после интервью, примерно в феврале 1914 г.

⁴ Там же. С. 385.

⁵ Там же. С. 346–347. Дневник 8/21 декабря 1913 г.

⁶ Там же. С. 386.

⁷ Там же. С. 349. Дневник 8/21 декабря.

⁸ Там же. С. 356–357. Дневник 11/24 декабря.

⁹ Там же. Дневник 12/25 декабря, в котором он закончил свои записи о предыдущем вечере.

¹⁰ Там же. С. 358–359. Дневник 13/26 декабря.

¹¹ Там же. С. 365. Дневник.

¹² Там же. С. 366. Дневник 2/15 января 1914 г. Weber F. G. Op. cit. Pp. 35–36. Он дает подробную информацию касательно обстоятельств должности Отто Лимана фон Сандерса, а также его неожиданного назначения

Нет никаких сомнений в том, что провал армяно-турецких переговоров в декабре 1913 г. имел серьезные последствия в то время, когда иттихадисты решили получить полный контроль над армией и государством. По мнению Зограба, армяне сделали серьезную политическую ошибку, и ничто теперь не могло ее исправить. Именно это он сказал Вагану Папазяну и Армену Гаро, когда они пришли к нему 17 января 1914 г. и объявили, что готовы пойти на компромисс, который они отвергли тремя неделями ранее. Урон уже был нанесен, и Зограб пришел в ярость, когда они предложили ему навестить Халила. Он критиковал их за отказ договариваться об условиях и, в частности, за то, что они отклонили предложение доставить в Турцию Погоса Нубара для того, чтобы провести прямые переговоры с правительством¹.

Зограб сообщил Папазяну и Гаро, что младотурки договорились применять принцип «пятьдесят на пятьдесят» в местных политических учреждениях, а также при назначении государственных служащих и полицейских в вилайетах Битлис и Ван; пропорциональная система также должна была быть применена и в других регионах. На заседании комиссии по безопасности, состоявшемся в тот же день, армянская сторона предложила решить проблему курдских полков гамидие, как минимум, включением этих полков в армию. Патриарх настаивал, что принцип «пятьдесят на пятьдесят» следует также применять в Эрзуруме². Но армяне должны были действовать быстро, поскольку посол России должен был позвонить в Блистательную Порту в три часа. Зограб успешно составил ответ Патриархата на предложения Блистательной Порты, как сообщил посол. Это была по меньшей мере странная ситуация, хотя, возможно, и не самая необычная для последних лет Османской империи: представитель иностранного государства действует в качестве посредника между партией власти и партией, представляющей османскую национальную группу.

Окончательные детали плана реформы были рассмотрены 4 февраля 1914 г. в присутствии Андре Мандельштама и Зограба на обеде, состоявшемся в резиденции российского посла. Телеграммой Санкт-Петербург поручил своим дипломатам настаивать на трех позициях: во-первых, что принцип «пятьдесят на пятьдесят» следует применять к вилайету Эрзурум, во-вторых, что мухаджирам необходимо запретить въезд в Армению и, в-третьих, что христианам гарантируется право присутствовать на общих советах в зонах, в которых они находились в меньшинстве (Харпут, Диарбекир и Сивас)³. Блистательная Порта отклонила первое требование, сделала устное обещание в отношении второго и приняла третье⁴. 8 февраля соглашение было официально подписано.

С весны 1913 г. армянское руководство также проводило переговоры в отношении армянского представительства в Османской Палате депутатов, нацеливаясь на предстоящие выборы⁵. Министерство юстиции, однако, дало понять, что избирательная система была непропорциональной: депутаты парламента избирались для представления не этнической группы, но всей османской нации, и министерство, следовательно, не видело причин выделять армянам количество мест пропорционально их удельному весу в составе населения. Кроме того, турецкие и армянские власти не сошлись во мнении о количестве армян, проживавших в империи. После многочисленных дискуссий, из которых Патриархия была официально исключена, хотя ее политическое руководство было официальным собеседником Порты — 18 декабря 1913 г. была проведена встреча при участии армянской стороны, национального руководства и нескольких армянских сановников. На встрече было принято решение требовать по крайней мере восемнадцать-двадцать мест в парламенте; депутаты должны были избираться по всей стране и распределяться между различными вилайетами в соответствии с демографическим весом армянского населения в каждом. Ит-

императорским указом от 4 декабря 1913 г. на должность командующего Первой армией, базирующейся в Константинополе. Это назначение вызвало резкую реакцию со стороны России и спровоцировало дипломатическую напряженность.

¹ Зограб Г. Указ. соч. Дневник. С. 367–368. Дневник 4/17 января 1914 г.

² Там же.

³ Там же. С. 370. Дневник 22 января/4 февраля 1914 г.

⁴ Там же. Дневник 24 января/5 февраля 1914 г.

⁵ Протоколы Национальной палаты. Стенограммы заседания от 3 мая 1913 г. С. 3 и последующие (на арм. яз.).

Отношение армян к вопросу реформ

тихадисты первоначально приняли эти предложения, но затем передумали, несомненно тогда, когда переговоры по плану реформ были прерваны. В феврале 1914 г., Степан Караян и новый патриарх Завен Тер-Егияян, избранный в августе 1913 г.¹, провели встречу с министром внутренних дел М. Талаатом и генеральным секретарем иттихадистов Мидхатом Шюкрю, на которой они, наконец, согласились установить количество армянских депутатов в числе шестнадцати человек. Однако было также предусмотрено, что кандидаты, рекомендованные Патриархией, сначала должны быть представлены в бюро Иттихада для «утверждения». В качестве «жеста доброй воли» министр даже пообещал, «в качестве демонстрации своего доверия армянам», что он будет избирать одного из этих кандидатов вице-президентом Османской Палаты; проводить реформы, которые необходимо было провести в Армении в кратчайшие сроки, и оживить экономику в этих регионах путем строительства там железной дороги². По воспоминаниям Вагана Папазяна, на этой встрече М. Талаат заявил, что нет никаких оснований для того, «чтобы они не могли прийти к соглашению по вопросу армянского представительства в Османском парламенте». Целью всех этих

заявлений М. Джавида, М. Талаата и даже Гусейна Джавита (в «Танине») было успокоить Европу, с которой османское правительство в течение нескольких месяцев вело переговоры для получения новых кредитов, тем более что Париж и Лондон дали понять, что одним из условий для получения желаемого кредита было быстрое осуществление армянских реформ. Папазян также сообщал нам, что ходили слухи о назначении Петроса Халаджяна генеральным инспектором. Папазян пишет: «Этим способом им удалось одурачить европейцев и пустить пыль им в глаза»³.

К концу этого поединка, который длился более года, официальные армянские организации добились своего по основным пунктам. В то же время, однако, власть перешла из рук либералов в руки радикального кабинета младотурок, который, в конечном счете, уступил только под сильным давлением со стороны европейских держав. Все указывает на то, что иттихадисты по-прежнему враждебно относились к реформам, которые они считали первым шагом сепаратистского процесса. Казалось, ничто не может примирить младотурок и армян, которые теперь находились в напряженном противостоянии, как пара, которая уже подала на развод.

¹ Там же. Стенограммы заседания от 30 августа 1913 г. С. 200 (на арм. яз.).

² Rapport de la Direction nationale. Pp. 98–99. Мы узнаем из этого отчета, что должности депутатов, представляющих армян, распределялись следующим образом: две для Константинополя, одна для Арганы, две для Битлиса, одна для Смирны, два для Эрзурума, одна для Кайсери, одна для Алеппо, одна для Мараша, одна для Исмиита, одна для Сиваса, две для Вана и одна для Козана. Ahmad F. Op. cit. P. 144. Автор ссылается на эти обсуждения о количестве армянских депутатов в османском парламенте, который в 1914 г. в общей сложности состоял из 259 членов, но включал только 14 армян, в противовес 144 туркам, 84 арабам, 13 грекам и 4 евреям.

³ Папазян В. Указ. соч., II. С. 194–195.

ГЛАВА 3

Установление диктатуры Иттихада и проекты «гомогенизации» Анатолии

С января 1913 г., когда комитет партии «Единение и прогресс» вернул власть в стране, до съезда Иттихада в октябре того же года «молодые офицеры» во главе с Энвером заняли доминирующее положение как в партии, так и в ведении государственных дел. Но это восхождение, сдерживаемое множеством различных оппозиционных тенденций, было еще далеко от своего апогея. Проект по реформированию армии, выдвинутый Махмудом Шевкетом, был направлен прежде всего на отстранение офицеров от политики, так же, как и реструктуризация Иттихада проводилась с целью уменьшения риска того, что армия возьмет Центральный комитет под свой контроль. Однако Энвер и его сторонники не сдавались, продолжая свое давление на партию и правительство. В конце 1913 г., когда вопрос армянских реформ вступил в критическую фазу, Центральный комитет иттихадистов оказался перед сложным выбором: он мог либо уступить офицерам в борьбе за влияние, с риском определенной анархии в армии, либо реорганизовать армию с целью деполитизации.

Тот факт, что Иттихад и кабинет Саида Халима действительно находились под давлением, был подтвержден, когда в середине декабря майор Энвер отправился к великому визирю Саиду Халиму, чтобы настоять на своем назначении в должности военного министра. Египетский принц отметил, что Энвер был еще слишком молод для должности такого рода, но предложил сделать его начальником штаба, чтобы показать, что он был в курсе растущего влияния молодого человека. Талаат, в свою очередь, не решался поддержать Энвера¹, вероятно, потому, что

он уже опасался амбиций Энвера и боялся оказаться в стороне в своей собственной партии.

Кроме вопросов личных амбиций, на карту была поставлена реорганизация армии, которая уже запускалась Шевкетом. Халил [Ментеше], к настоящему времени председатель Государственного совета, отмечает в своих мемуарах, что «вопрос о модернизации армии был включен в повестку после катастрофического поражения на Балканах. Список командиров, которые будут отправлены в отставку, уже был составлен»². Но не все в армии разделяли мнение о том, что эти должностные лица должны быть отправлены в отставку, начиная с действующего военного министра и начальника штаба Ахмеда Иззет-паши, который отказывался выполнять это решение. Согласно Халилу, Иззет оперировал фактом, что все эти высокопоставленные офицеры были «его друзьями»³. Более вероятно, он высказал мнение, что если он разжалует старую гвардию офицеров, то рискует, попросту говоря, обезглавить армию и усугубить дезорганизацию, которая уже царил в ней. Выступив, как и Шевкет, против политизации офицерского корпуса после убийства великого визиря, он, вне всякого сомнения, стал последним препятствием перед получением лидерами младотурок полного контроля над армией. Иззет, получивший образование в Германии, был близко знаком с генералом Лиманом фон Сандерсом, главой германской военной миссии, которому была поручена реорганизация османской армии. Именно Иззет отправился встречать фон Сандерса на вокзале Сиркеси, когда прусский гене-

¹ Turfan N. Op. cit. P. 351. 15 декабря Энвера представили к званию полковника.

² Цитирован: Ibid. p. 348.

³ Ibidem.

рал прибыл в Стамбул 14 декабря 1913 года¹. Можно разумно предположить, что, как многие гражданские и военные руководители в период правления Гаида, он питал серьезные опасения по поводу младотурок и их методов ведения государственных дел. Кроме того, Центральный комитет иттихадистов, по-видимому, пожелал убрать Иззета в сторону. Действительно, Халил сообщает, что «...однажды Талаат сказал: «Халил-бей, этим вечером мы навестим Иззет-пашу. Вам известно о проблеме. Я сделаю этому господину последнее предложение. Если он будет хоть немного колебаться, я предложу ему отставку»². Очевидно, что иттихадисты хотели не просто реорганизации османской армии: они стремились внедрить в нее своих командиров, чтобы больше не бояться удара с этой стороны. Армия стала крупным политическим аргументом, и контроль над ней стал необходимым условием для удержания власти. Комитет, несмотря на свое недоверие к полковнику Энверу, был вынужден использовать его и поддерживающих его офицеров, чтобы вывести из игры генерала Иззет-пашу.

Исмаил Энвер казался уверенным в успехе. 30 декабря 1913 г. он писал своей невесте, Наджие Султан, которая была членом императорской семьи, что его назначение на должность военного министра очевидно и что он был повышен до звания бригадного генерала. Тем не менее ежедневная газета «Танин» сообщила о его назначении военным министром лишь 3 января 1914 г., и официальное коммюнике, объявившее полковника Энвера бригадным генералом и военным министром, появилось только 4 января³.

В дипломатической депеше, сообщившей об отставке Иззета, с тревогой отмечалось: «Человек, которого Комитет назвал своим преемником, является угрозой: пока Энвер-бей занимает пост военного министра, мы можем с уверенностью предсказать ухудшение ситуации»⁴. Депеша также подтверждает важную роль Комитета в этом деле и известность Энвера, приобретенную им, несмотря на его молодость. Кроме того, есть все основания полагать, что Комитет также решил провести радикальную чистку армии, которая произошла несколько дней спустя: 280 офицеров старшего и 1100 офицеров младшего командного состава, «в которых [Энвер] увидел политических противников», были «поспешно отправлены в отставку» 7 января 1914 г.⁵.

«Скоро мы узнали, — пишет Лиман фон Сандерс, — что ряд должностных лиц, чьей реакции опасался Энвер, был заключен в подвале Военного министерства»⁶. Мы склонны полагать, что среди этих офицеров, «которые были не в состоянии больше служить или стали слишком старыми»⁷, некоторые играли решающую роль в группе «Халаяскяр Забитан» [Свободные Офицеры], которая свергла кабинет Саид-паши в июле 1912 г., и теперь иттихадисты наконец-то нашли возможность ликвидировать их.

Глава германской военной миссии с сожалением добавляет, что «он не получал никакого официального уведомления об этих мерах», несмотря на пункты контракта военной миссии, регламентирующие, что «должны были проводиться консультации по назначению старшего командного состава»; он пишет, что ему никогда не разреша-

¹ Sanders L. von. Cinq ans de Turquie, Paris, 1923. P. 12.

² Turfan N. Op. cit. P. 348.

³ Ibid. Pp. 352–353. Представление, однако, не было опубликовано в официальном вестнике, в то время как письменный указ султана от 5 января объявил о представлении полковника Джемаль-бея к званию бригадного генерала. Тот факт, что ни в одном письменном указе султана никогда не упоминалось повышение Энвера до звания паши, казалось бы, указывает, что решение было принято без согласия султана (с. 354). Это подтверждает Лиман фон Сандерс (Sanders L. von. Op. cit. P. 16), в книге которого цитируется реакция султана: «Я прочитал, что Энвер стал военным министром. Это просто невозможно, он по-прежнему слишком молод для этого». 8 января Энвер был назначен начальником штаба (ibid. P. 354).

⁴ AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 252. Телеграмма французского временного поверенного в делах Боппа С. Пишону, 3 января 1914 г.

⁵ Turfan N. Op. cit. P. 312: письменный указ султана от 7 января 1914 г. перечисляет командиров различных армейских корпусов, инспекторов четырех армий, генералов и высокопоставленных офицеров, отправленных в резерв (280 человек); они обвинялись в поражении на Балканах. Sanders L. von. Op. cit. P. 16. Автор приводит число 1100.

⁶ Ibid. P. 17.

⁷ Ibidem.

ли вмешиваться в эту сферу¹. На это была веская причина: все без исключения вновь назначенные офицеры состояли в партии «Единение и прогресс». Кроме того, фон Сандерс писал, что «позднее часто сталкивался с подтверждением того, что жаловаться на офицера, состоящего в Комитете, — это пустая трата времени», добавляя, что он «никогда не мог определить, сколько членов было в партии или кем они были, помимо основных лидеров, которых все знали»². Иными словами, на этот раз Комитет иттихадистов принял решительный шаг в своем стремлении подчинить государственные организации партии. Со времен основания Османской империи гражданские лица никогда не находились под тотальным контролем армии, даже несмотря на то, что в январе 1914 г. армия не имела полного инвентаря власти в своих руках³. С приходом Энвера к руководству вооруженными силами юнионистская идеология распространилась на турецкую армию и стала доминирующей на несколько десятилетий.

Согласно Турфану, для Энвера и его сторонников «реформирование вооруженных сил равнялось реформированию государства»⁴. 7 января 1914 г. Энвер выпустил декрет о роспуске Совета по военным вопросам⁵, что также послужило цели комитета партии «Единение и прогресс», которая заключалась в ликвидации всех альтернативных властей и риска вмешательства в его политику. С этого момента, но, без сомнения, в преувеличенной формулировке историка, «судьба Османского государства находилась под контролем Комитета «Единение и прогресс», Комитет «Единение и прогресс» находился под контролем Центрального комитета, Центральный комитет контролировался Триумвиратом [по-турецки «Üçler»; то есть Энвер, Талаат и Джемаль], а Триумвират находился под сильным влиянием военного министра Энвера-паши»⁶.

Судя по всему, стратегия партии «Единение и прогресс» заключалась в создании себе образа надежного партнера и первоклассного, надежного союзника для германских милитаристов. В своих военных мемуарах глава германской военной миссии, который также являлся генералом-инспектором армии Османской империи, подчеркивает, что турки систематически стремились скрыть от него плачевное состояние турецких войск путем систематической предварительной подготовки к его инспекционным визитам. Дабы пустить пыль в глаза, персонал Энвера передавал снаряжение одной части в другую, чтобы скрыть дефицит. Турки также «прятали больных, немощных и даже недостаточно образованных солдат», чтобы немецкий генерал не увидел ничего шокирующего или неприятного. «Во многих частях, — продолжает фон Сандерс, — люди были заражены паразитами, которые их нещадно кусали. Ни в одной казарме не было ванн... Невозможно представить себе такие примитивные кухни». И даже снаряжение, отправленное немцами, иногда оставалось нераспакованным и не использовалось в течение пяти лет. Кроме того, многие здания, принадлежащие службе корпуса армии, «изнутри представляли собой максимальную степень запустения с грудями мусора в каждом углу»⁷. Неряшливость и распущенность составляли явное препятствие для этой армии, которую ее лидеры-младотурки надеялись превратить в инструмент завоевания и вернуть то, что потеряла империя. В связи с этим фон Сандерс пишет следующее: «Больше, чем деньги, армии было необходимо чувство порядка, чистота и значимость работы. В те дни турки не любили, когда немецкий офицер говорил им, что надо работать, предпочитая находить всевозможные оправдания и предлоги для продолжения созерцательной жизни»⁸.

¹ Ibid. Pp. 16–17.

² Ibid. P. 16.

³ Turfan N. Op. cit. P. 315. Автор приписывает эти изменения прежде всего Энверу, тем самым преуменьшая роль Комитета в обеспечении этого сдвига.

⁴ Ibid. P. 355.

⁵ Ibid. Pp. 358–359; Sanders L. von. Op. cit. Pp. 17–18.

⁶ Ibidem; Weber F. G. Op. cit. Pp. 38–39. Автор цитирует немецкие дипломатические депеши, которые указывают, что Энвер навел российский посол Михаил Гирс сразу после своего назначения в январе 1914 г.; Гирс предложил ему деньги и поддержку в попытке свержения османской династии и правления вместо нее. Россияне также предложили поддержать его в деле Македонии против Австрии и содействовать созданию Албании под османским управлением (ibid. P. 47).

⁷ Sanders L. von. Op. cit. Pp. 18–19.

⁸ Ibid. Pp. 20–21. Автор также отмечает, что «ситуация была ужасной и в большинстве военных госпиталей. Антисанитария и всевозможные неприятные запахи не позволяли оставаться в переполненных палатах».

Последней важной мерой, принятой в декабре 1913 г., вскоре после прибытия германской военной миссии, было подчинение Министерству внутренних дел османской жандармерии, «элитной силы численностью более чем 80 000 человек». Официальной целью было предотвращение конфликтов между иностранными офицерами, служившими в жандармерии, среди которых был командующий жандармерией, глава германской военной миссии и французский генерал Бауманн¹. Однако более вероятно, что эта административная мера была призвана обеспечить министра внутренних дел военными силами, которые были нужны ему для решения таких внутренних вопросов, как вопросы, касавшиеся армянских гражданских лиц в восточных провинциях.

Последствия принятия реформ не заставили себя долго ждать. Вполне вероятно, что провинциальным властям было приказано преследовать армянское население. «Патриотическая» кампания по сбору средств, запущенная иттихадистским комитетом Трапезунда с официальной целью «приобрести линкоры», является хорошей иллюстрацией этой политики; задача сбора денег была возложена на местных преступников², которые получили возможность «вымогать крупные суммы у армян и греков, а иногда и грабить магазины»³. Официальное одобрение «плана проведения реформ в Армении» младотурецким кабинетом не исключало острого напряжения, вероятно, спровоцированного агентами Иттихада. Французский дипломат отмечал, что «правительство снова поддастся искушению разрешить менее влиятельным из тех, кто находился под его юрисдикцией, вмешиваться в общественные дела, чтобы затем использовать предполагаемое

сопротивление мусульман пристальному контролю [за реформами] для объявления себя бессильными к обеспечению их принятия»⁴.

В феврале 1914 г., как писал французский поверенный в делах в Константинополе, «антихристианская» агитация была в самом разгаре, и можно было наблюдать «отдельные попытки бойкотов». По данным того же источника, «шовинистические волнения, которые пропагандисты комитета небезуспешно пытались спровоцировать в массах, грозили привести к взрыву религиозного фанатизма и, в любом случае, к порождению антихристианских настроений. С этой точки зрения, пропаганда, которую агенты [партии] «Единение и прогресс» распространяли в провинциях, таила в себе опасность, которую было невозможно игнорировать»⁵.

Не возникает ни малейшего сомнения в намерении иттихадистского кабинета саботировать проведение реформ с помощью разжигания массовых беспорядков и других форм насилия, как Талаат фактически объявил несколькими месяцами ранее в беседе со своими армянскими «друзьями»⁶.

Верный своим обычным методам, Комитет партии «Единение и прогресс» объявил об одновременном назначении восьмидесяти гражданских инспекторов на должности в провинциях; их задачей был контроль и поддержание общественного порядка, организация жандармерии и полиции, вербовка в вооруженные силы и транспортировка в армию, поддержание электральной активности, переписи и приведение к оседлости кочевых племен⁷. В провинциях, однако, широко распространялось недовольство, отраженное в различных жалобах на администрацию младотурок, постоянно держащую

не говоря уже о том, что «образование, которое получали турецкие военные врачи... разительно отличалось [от немецкого]».

¹ Ibid. P. 23.

² AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 257. Сообщение французского консула в Трапезунде в адрес главы Совета и министра иностранных дел, Думерг, 2 февраля 1914 г.

³ AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 261. Письмо временного поверенного в делах в Константинополе Боппа в адрес главы Совета и министра иностранных дел Думерга, 14 февраля 1914 г.

⁴ AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 257. Сообщение французского консула в Трапезунде в адрес главы Совета и министра иностранных дел Думерга, 2 февраля 1914 г.

⁵ AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, ff. 261 et 262v. Письмо временного поверенного в делах в Константинополе Боппа в адрес главы Совета и министра иностранных дел Думерга, 14 февраля 1914 г.

⁶ См. выше, III, примечание 131.

⁷ AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 263. Письмо временного поверенного в делах в Константинополе Боппа в адрес главы Совета и министра иностранных дел Думерга, 14 февраля 1914 г. Шестеро из них были арабами, а большинство были лицами нетурецкой национальности. Среди последних было несколько армян: Грачья эфенди в Ване, Акоп эфенди в Стамбул-Исмиште, Григор Сидки-бей в Битлисе, Карниг Эмкри эфенди в Трапезунде (f° 265).

страну под жестким контролем. Массовая эмиграция была проблемой, преследующей не только армянские провинции, но и арабские регионы, вне зависимости от религиозных конфессий¹. Министр внутренних дел надеялся поселить иммигрантов из балканских стран в Сирии, но этот регион, как сообщил ему хорошо информированный собеседник, каждую неделю терял тысячи жителей, которые бежали от страшной нищеты. «Это христиане», вероятно, ответил Талаат-бей тоном, указывающим на то, что он был рад избавиться от них; однако он не знал, что мусульмане также переезжали за границу. Эмиграция проходила так быстро, что, по данным того же источника, «в регионе скоро больше не будут нужны ни фермеры, ни ремесленники». Законы, запрещающие людям определенных социальных категорий выезд из страны, были бессильны остановить эту тенденцию. Собеседник Талаата предположил, что «было бы желательно удерживать людей от эмиграции за счет улучшения администрирования, снижения налогов и развития сельского хозяйства»².

Более или менее постоянное недовольство курдов эксплуатировалось османским правительством, которое представило его как «направленное против реформ», в то время как это было прежде всего вопросом, как настаивал генерал Шариф-паша, антиправительственной агитации. Лидеру восстания Молле Селиму пришлось объяснять это в письме, адресованном архиепископу Битлисскому Сурену до того, как правитель-

ство перестало эксплуатировать эту проблему³. Последняя работа Танера Акчама⁴, основанная, в частности, на воспоминаниях Кушчубаши-заде Эсрефа [Сенджер] ⁵, главы «Специальной организации» в Эгейском регионе, рассказывает, что «план гомогенизации» Анатолии, очищения ее от немусульманских «опухолей» и устранения «скоплений лиц нетурецкой национальности» обсуждался в период с февраля по август 1914 г. в нескольких секретных заседаниях Центрального комитета иттихадистов в присутствии военного министра, хотя ряд других министров не был проинформирован об этом. Уже весной 1914 г. этот «план», центром которого была Смирна, был направлен в первую очередь против греков Анатолии и побережья Эгейского моря. Он включал в себя реализацию: 1) «общих мер», проводимых правительством (вали М. Рахми); 2) «особых мер», выполняемых армией (задача очищения региона было возложена на плечи Джафера Таяар-бея); 3) «мер», принятых Комитетом «Единение и прогресс» (под контролем делегата в Смирне Махмуда Джедала [Баяра]). Халил [Ментеше] отмечал в своих мемуарах, что это не должно было выглядеть так, как будто правительство и администрация были причастны к этим поборам, которые потом примут форму резни, депортации, вынужденного изгнания и ограбления сотен тысяч греков⁶.

По-видимому, этот план также предусматривал более позднее переселение армянского населения в Сирию и Месопотамию.

¹ Kouyoumdjian. Op. cit. Pp. 26–28. Он отмечает: «Эта революция сразу дала о себе знать в Сирии в виде мер, более или менее открыто направленных против национального чувства арабского народа. Была предпринята попытка продвижения использования турецкого языка в школах, муниципалитетах и судах, в смешном, напрасном намерении улучшить, во всем и сразу, «османский патриотизм». В этих целях были изменены школьные программы; знаки на углах улиц и в магазинах должны были быть написаны на диалекте правящих. Наконец, Комитет «Единение и прогресс», который запустил свои щупальца во все части империи и брал под контроль государство под видом гораздо более мощного, влиятельного государства, чем официальное, стал играть активную роль и в Бейруте, выворачивая все наизнанку и усложняя жизнь. Комитет оскорбил всех и противоречил интересам всех и каждого, вербуя своих сторонников и агентов из наименее уважаемого слоя населения, из деклассированных элементов».

² CADN, Ambassade de Constantinople, série E/86. Письмо французского консула в Дамаске французскому послу в Константинополе Бомпару, 21 марта 1914 г. о разговоре между Талаат-беем и владельцем и издателем газеты «Моктабай» Мохамедом эфенди Курд Али, который сообщил о содержании их разговора французскому консулу в Дамаске.

³ AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 284. Письмо генерала Шериф-паши, «главы проантантских либеральных оттоманов», министру иностранных дел, Париж, 16 апреля 1914 г. В этом же документе отмечается, что «Монсеньор Завен заявляет, что агитация направлена против правительства, а не армян».

⁴ Op. cit. Pp. 144–149.

⁵ Kutay C. Birinci Dünya Harbinde Teşkilât-ı Mahsusa ve Heyber'de Türk Cengi, İstanbul, 1962. S. 60–63.

⁶ Akçam T. Op. cit. P. 150.

От отмененных армянских реформ к аресту лидеров гнчаковцев

Как мы увидели, вопрос реформ на многие месяцы мобилизовал официальные армянские организации. Они были, однако, истощены подлинной битвой, которая противопоставила им иттихадистов. В армянских рядах даже наблюдалась некоторая озабоченность: некоторые армяне, такие как Зограб¹, понимали серьезность ситуации и с тревогой приняли к сведению радикализацию Иттихада.

Тем не менее 7 февраля, за день до подписания официального указа об объявлении реформ, Политсовет сделал публичное заявление перед Палатой депутатов. В нем Караян, председатель палаты, подтвердил, что подписание указа было неизбежным², и выступил с публичным описанием всех действий, принятых Советом и Комиссией по безопасности в тесном сотрудничестве с армянской национальной делегацией и комитетами Тифлиса и Санкт-Петербурга³. Все эти усилия, по мнению Караяна, увенчались глобальным положительным успехом, даже если принять во внимание необходимость разделения армянских провинций на два «губернаторства», а также включения в эти губернаторства регионов, которые располагались за пределами армянского высокого плато. Патриарх Завен Тер-Егияян выразил такой же осторожный оптимизм на первом весеннем заседании Армянской палаты 9 мая 1914 г.⁴

Задача нахождения кандидатов, способных осуществлять функции генеральных инспекторов в двух «губернаторствах», пред-

усмотренные договором реформ, была поручена Погосу Нубару, у которого было много связей в Европе⁵. Два человека, которых выбрал Нубар, прибыли в Стамбул в апреле. Их встретил Зограб. Голландец Луи Констан Вестененк, ранее главный администратор голландской Ост-Индии, был назначен в Эрзурум (северный сектор); майор Николе Хофф, норвежский офицер, был назначен в Ван (южный сектор, к которому также были добавлены вилайеты Битлис, Диарбекир и Харпут)⁶. Блистательная Порта довольно быстро подписала указ, подтверждающий назначение двух инспекторов, но только Хофф смог приступить к исполнению своих функций в Ване в начале августа 1914 г., после того, как он собрал вспомогательный персонал.

В 1914 г. Ван, казалось, оправился от бедствий, которые он недавно пережил. Вали Тахсин-паша восстановил законность и порядок в вилайете и показал пример хорошего отношения к армянам. Хофф, в свою очередь, приступил к сбору информации о текущей ситуации и сбору данных, необходимых ему для реализации реформ. Однако 16–29 августа 1914 г. Министерство внутренних дел приказало генеральному инспектору оставить свой пост и без промедления вернуться в Константинополь. Его отъезд совпал с приездом немецкого консула в Эрзурум, которому был посвящен военный смотр, где «двенадцать тысяч солдат маршировали гусиным шагом». Через несколько дней Тахсин-паша обнаружил, что он был полуофициально «заменен» на посту

¹ Дневник, 27 февраля/12 марта 1914 г. См.: Зограб Г. Указ. соч. С. 373.

² По предложению Зограба, Армянская палата приняла решение во время заседания 4 февраля 1914 г. создать должность юридического консультанта во всех епархиях; их задача состояла в участии в изучении случаев незаконных земельных конфискации, различных судебных процессов и изучении демографической статистики: Папазян В. Указ. соч., II. С. 264.

³ Протоколы Национальной палаты. Стенограммы заседания от 7 февраля 1914 г. С. 438 и последующие (на арм. яз.).

⁴ Там же. Стенограммы заседания от 9 мая 1914 г. С. 1.

⁵ Папазян В. Указ. соч., II. С. 271–272; Гаро А. [Гарегин Бастермаджян]. Наша последняя встреча с Талаатом-пашой, «Айреник» 2 (1922). С. 41 (на арм. яз.). Он указывает на то, что уехал в Европу с д-ром Завриевым, чтобы встретиться там с инспекторами и проинформировать их о ситуации в регионе. Именно по этой причине, по его словам, комитет партии «Единение и прогресс» сделал все возможное, чтобы не допустить его переизбрания.

⁶ Davison R. Op. cit. Pp. 504–505. Необходимыми для понимания ситуации, в которой находились два инспектора во время их пребывания в Константинополе, являются «Diary Concerning the Armenian Mission», Л. К. Вестененка, опубликованного в журнале «Armenian Review», 39/1 (spring 1986. Pp. 29–89) и статья В. ван дер Дуссена «The Question of Armenian Reforms in 1913–1914» (ibid. Pp. 11–28). Армен Гаро указывает, что он должен был стать советником майора Хоффа, но Талаат был против этого. Гаро А. Указ. соч. С. 41–42.

главы вилайета шурином Энвера, Джевдетбеем, который временно получил двойное звание: военного губернатора Вана и главнокомандующего турецкими войсками, массово расположенными на протяжении всей персидской границы¹. Трудно воспринимать эти события не иначе, как меры, принимаемые в преддверии созревания конфликта, что свидетельствует о намерениях и желании иттихадистов бросить Османскую империю в бой.

В ходе встречи, которую Хофф провел с министром внутренних дел Мехмедом Талатом после своего возвращения в Стамбул, армянский депутат Вардгес Серинголян, также приглашенный на встречу, отдал честь возвращению норвежца остроумным высказыванием: «Вы реформировали Армению, «иншалла», а теперь вы вернулись». В своем дневнике Зограб писал, что «Хофф вернулся, по крайней мере, убежденным в том, что Армении необходимы реформы и что турки не имели никакого желания их проводить»². Но армянские лидеры почувствовали угрозу, нависшую над их нацией. Тот факт, что султан никак не упомянул о «назначении двух европейских инспекторов в восточные вилайеты»³ в своей речи перед турецким парламентом при официальном введении его в новый законодательный период 14 мая 1914 г., сам по себе является очень показательным признаком.

Тем не менее до июля сотрудники Константинопольской Патриархии были очень активны в вопросах, связанных с реформами, о чем свидетельствуют многочисленные письма (о введении в действие плана реформ и мерах, которые необходимо принять,

чтобы облегчить его принятие), которыми они обменивались с епархиями в провинции (например, в Трапезунде или Гюрюне). Эти документы ссылались на циркулярное письмо от 17 февраля 1914 г., разосланное Патриархией⁴. Казалось, все силы были мобилизованы с целью установления основ порядка в армянских провинциях. Для успешного выполнения всех этих задач было жизненно необходимо установить тесные отношения с центральной османской администрацией. Однако после разрыва в декабре 1913 г. армянские столичные лидеры и даже Патриархия были попросту игнорированы и лишь изредка получали возможность диалога со своими младотурецкими оппонентами. Ситуация осложнялась тем, что османский парламент ушел на каникулы 2 августа, за день до провозглашения всеобщей мобилизации⁵, оставив кабинету право принимать «временные» законы. Восточный круг, место, где можно было встретить политиков, высокопоставленных чиновников и иностранных дипломатов и получить представление о ситуации в стране, в этот период часто посещали два его армянских члена, Г. Зограб и Б. Халаджян. Среди дашнаков Армен Гаро и Вардгес Серинголян поддерживали личные контакты с некоторыми министрами и членами Центрального комитета младотурок⁶.

4 июля того же года была проведена сессия армянской палаты, оказавшаяся заключительной. Габриэл Норатункян, председательствовавший на сессии, открыл дискуссию в полукруге в Галате в присутствии Григора Зограба и Вардгеса Серинголяна, корифеев армянской политики⁷. В то время, когда в результате ультиматума, выдвиг-

¹ APC/PAJ 7 470–471–472, Bureau d'information du Patriarcat, Faits et documents, № 37, l'affaire de Van. Французский посол подтверждает, что Хофф был отозван без предоставления точной информации и что Вестененк был переведен на «половинную оплату», а затем принудительно отправлен в отпуск: AMAE, Guerre 1914–1918, Turquie. Vol. 846, f° 234. Письмо французского посла в Константинополе Бомпара к главе совета и министру иностранных дел Думергу, 30 сентября 1914. А-До [Ованес Тер Мартиросян]. Крупные события в Вазпуракане, 1914–1915. Ереван, 1917. С. 72 (на арм. яз.). А-До указывает, что Хофф прибыл в Ван 4 августа, но официально не въезжал в город до 9 августа и был отозван в Константинополь 16/29 августа.

² Дневник, 3/16 ноября 1914 г. См.: Зограб Г. Указ. соч. С. 411. Лидер дашнаков Акнуни сообщает об этом разговоре, при котором присутствовал кто-то еще, рассказывал Зограб. Окончательный конец реформам был положен имперским указом только 16 декабря 1914 г.: *Dadrian V.* Op. cit. P. 349 et p. 1.

³ AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 290r-v. Письмо французского посла в Константинополе Бомпара главе совета и министру иностранных дел Думергу, 17 мая 1914 г.

⁴ APC/PAJ U 979–982, Archives du Patriarcat. Письма от 16 июля 1914 г. от епископства Эрзурума патриарху Завен Тер-Егияяну о реформах в армянских провинциях (№ 543 и второе от 2 мая 1914, APJ U 970–971–972; APC/PAJ, PCI Bureau, C 296, переписка от 8 июня 1914 между Всеармянским Благотворительным Союзом, с одной стороны, и католикосом Геворком V и патриархом Завенем, с другой стороны, о планах, которые будут осуществляться в связи с реформами в провинциях.

⁵ Папазян В. Указ. соч., II. С. 275.

⁶ Там же.

⁷ Протоколы Национальной палаты. Стенограммы заседания от 4 июля 1914 г. С. 15–20 (на арм. яз.).

нитою австрийцами Сербии в конце июня, тревожные признаки войны уже появились на горизонте, Политический Совет отметил первые меры, принятые в провинции в рамках плана реформ. И только в середине июля в армянских кругах было отмечено резкое изменение характера угроз, нависающих над армянами. Кампании прессы, которые были хоть и очерняющими, но безвредными, теперь выступали гораздо более тревожными темами: они изображали армян как по-эстанцев, состоящих в сговоре с политическими ссыльными и иностранными державами. Новая кампания, которая, кажется, была организована в высших эшелонах власти, началась с ареста 16 июля 1914 г. двадцати ведущих членов Социал-демократической партии Гнчак, оперативно последовавшим за ним лишением свободы около ста активистов более низкого ранга и поисков редакционных отделов и клубов партии, а также домов арестованных.

История гнчаковцев, которые были на политической сцене в течение полных одиннадцати месяцев, имела некоторые последствия; 15 июня 1915 г. она завершилась казнью через повешение двадцати из них. Хотя это событие мало изучено историками, оно является одной из главных составляющих официального дискурса, разработанного, чтобы оправдать меры государства по отношению к армянскому населению в 1915 г. Основанием для рассмотрения этого эпизода послужили, с одной стороны, объяснения, которые были даны самими гнчаковцами¹ и, с другой стороны, серьезные обвинения, которые выдвинул турецкий министр внутренних дел по поводу этих событий². Этот вопрос не может быть проигнорирован, тем более что он позволяет нам проследить за возникновением и эволюцией официального дискурса с целью обесчестить армян.

Мы уже поняли, что Социально-демократическая партия Гнчак была предметом ненависти младотурок в период, в котором антигамидская оппозиция находилась в изгнании, и не меньшим врагом во время «конституционных» лет из-за ее позиции, альянсов с либеральной оппозицией и политической борьбы против Иттихада. После того, как исторические лидеры партии Мецн Мурад (Амбарцум Бояджян) и Степанос Сапах-Гулян вернулись из изгнания, этот революционный комитет оказался перед сложным политическим выбором: стать легальной организацией или продолжать свою подпольную деятельность. На своем шестом Генеральном конгрессе, который состоялся в Стамбуле 12 июля 1909 г., гнчаковцы твердо выбрали законность и приступили к разработке проекта нового устава в соответствии с османскими законами. Официальное сообщение, опубликованное в конце этого съезда, тем не менее, указывает на ограниченность Конституции, консерватизм и невежество османского общества, а также религиозную ненависть, которые продолжали доминировать в нем, увеличивая количество столкновений между его составными группами, вместе с отсутствием «классового сознания»³. Другими словами, партия осталась критической, деляя мечту о том, что ситуация будет развиваться.

Дискурс партии мало изменился в течение ближайших нескольких лет. На своей второй Генеральной Ассамблее, созванной в Стамбуле 26 сентября 1912 г., партия осудила «националистическую, пантурскую» политику, осуществляемую Иттихадом, и подтвердила свой союз со странами Антанты⁴. Пакт, который партия подписала со странами Антанты, тем не менее защищал «целостность османского государства и права, гарантированные Конституцией» и «отвергал

¹ Арсен Гидур (изд.). История партии СД ГНЧАК, I, Бейрут, 1962 (на арм. яз.). Здесь представлена официальная история СДПГ. Редактор был секретарем III съезда филиалов Турции, который состоялся в Стамбуле в июле 1914 г., и был информирован о решениях своей партии. Другая, более подробная информация представлена в книге Амаяк Арамянца: *Арамянц А. Родовые схватки возрождения, I, Константинополь, 1918, 64 с.* (на арм. яз.); его же: *На пути к виселице, II, Константинополь, 1918, 48 с.* (на арм. яз.); его же: *Независимая Армения, III, Константинополь, 1919, 48 с.* (на арм. яз.). Исключенный из СДПГ на конгрессе в Константинополе в сентябре — декабре 1913 г., автор расходится с другим официальным источником в нескольких важных моментах.

² *La vérité sur le mouvement révolutionnaire arménien et les mesures gouvernementales*, Constantinople 1916. Эта брошюра была широко распространена в Европе и оправдывала меры правительства против османских армян.

³ Гидур (изд.). Указ. соч. С. 323–335. Центральный Комитет Турции был создан и провел свое первое общее собрание в 1910 г. (Там же. С. 336–338). СДПГ была официально зарегистрирована в Министерстве внутренних дел, получив его разрешение (№ 90) 26 января 1910 г.: Арамянц А. Указ. соч. С. 39. По шестому конгрессу см.: там же. С. 39–41.

⁴ Гидур (изд.). Указ. соч. С. 343–348.

все сепаратистские устремления» (статья 2), «защищал гражданские права всех наций, входящих в состав османского государства», в то же время «отвергая господство какой-либо из его частей над другими» (статья 3), а также призвал к разрешению аграрного вопроса и поселению мухаджиров на доступных землях¹.

СДПГ, кажется, сделала поворот на седьмом Генеральном конгрессе, который открылся 5 сентября 1913 г. в Констанце (Румыния)². В выводах, к которым пришел этот конгресс, мы читаем, что партия приняла легалистский курс на предшествующем конгрессе и приняла решение «выступать против политики сепаратизма». Тем не менее, наблюдая за предыдущие четыре года, что «обещания, содержащиеся в Османской Конституции, не имели конкретного эффекта и [не имели] никакого реального значения», а также за тем, что Иттихад, единственная политическая сила, «не имеет других принципов, кроме защиты турецкой бюрократии... и [что] явно установил цель не просто ассимилировать входящие в состав народы, но уничтожить и вырезать их», СДПГ решила, что настала необходимость бороться с младотурками незаконным путем, «пока не будут созданы более благоприятные политические и экономические условия». Следуя своей революционной логике, партия, которая осудила национализм младотурок, когда она еще находилась в изгнании в Париже, решила использовать «насильственную революционную тактику» в активной борьбе против Иттихада; это было, по ее мнению, единственным способом срыва преступных планов юнионистов³.

По словам автора официальной истории партии Гнчак, «всем подразделениям пар-

тии Гнчак в Турции, без исключения, было разрешено [решением] VII съезда, [использование] террора», в то время как были приняты все возможные меры предосторожности, чтобы сохранить последнее решение в тайне. Члены партии, выбранные для проведения террористических операций, были «отправлены в сельскую местность»⁴. Этот официальный источник, однако, оспаривается Амайаком Арамянцем, который утверждает, что большинство местных комитетов в Турции — 44 из 61 — не принимали участия в конгрессе и, соответственно, не поддержали его решения⁵. Чтение этих двух версий свидетельствует о существовании серьезных разногласий в СДПГ; вполне вероятно, что организаторы конгресса пытались исключить боевиков, которые были наиболее вероятными противниками крайних позиций. Исключение самого Арамянца, который явно был на стороне законников, как и большинство партийного руководства Стамбула, казалось бы, подтверждает эту гипотезу. Комитет Гнчака в столице, который, в лице одного из его лидеров Нерсеса Закаряна, члена Политического совета Патриархии, активно работал для решения вопроса о реформах, вместе со всеми другими армянскими политическими силами, выступал против решений, принятых в Констанце. Они привели к роспуску официальной партии в Турции, которая отныне находилась под опекой подпольного комитета.

Во всяком случае, партийным чиновникам Гнчака не было известно, что министру внутренних дел Талаату удалось внедрить в партию офицера из службы разведки. Этот офицер, Артур Есяян, известный также как Аршавир Саакян⁶, добился того, чтобы его от-

¹ Там же. С. 348–349. Соглашение было подписано 7 февраля 1912.

² Там же. С. 364–366. Пятьдесят девять делегатов, представляющих такое же количество региональных комитетов, присутствовали на открытии конгресса, но были представлены только семнадцать филиалов из Турции (в общей сложности шестьдесят один филиал).

О конгрессе было официально объявлено в стамбульской прессе и сообщено о его созыве Министерству внутренних дел: Арамянц А. Указ. соч. С. 46. Восьмой конгресс назначил следующих людей в ЦК СДПГ: С. Сапах-Гулян, Вараздат, Парамаз [Матэос Саргисян], Гагик Озаян и Сюник: Там же. С. 48.

³ Гидур (изд.). Указ. соч. С. 365.

⁴ Там же. С. 373.

⁵ Арамянц А. Указ. соч. С. 48–49.

⁶ В 1911 г. Аршавир Саакян оказался боевиком Гнчака в Каире и Александрии. В этом качестве он был выбран Комитетом Египта, чтобы представлять его на конгрессе в Констанце в сентябре 1913 г. Вскоре после возвращения в Каир он встретился в Александрии с Джемаль Азми-беем, главой государственной безопасности (который, будучи вали Трапезунда, организовал позднее искоренение армянского населения побережья Черного моря в 1915 г.). После разоблачения Саакяна он сумел пробиться в Стамбул благодаря османскому временному поверенному в делах в Каире (там же. С. 377–379). Он был казнен боевиками Гнчака в Адане 25 декабря 1919 г., вскоре после освобождения французскими властями: CADN, Mandat Syrie-Liban, 1er versement, Cilicie-administration, vol. 133.

от каирского комитета партии. Через Агаджа, османского консула в Деде, он предоставил Талаату подробное описание решений, принятых конгрессом, и список участников. Поскольку большинство армянских организаций находилось под наблюдением агентов министра, можно предположить, что СДПГ, бескомпромиссно противостоящая Иттихаду и состоящая из бесстрашных активистов, находилась под большим контролем, чем все остальные. Есть все основания полагать, что после обезглавливания либеральной османской оппозиции младотурки решили избавиться себя от гнчаковцев, которые неустанно осуждали их политические решения. Открытое письмо к европейским правительствам, опубликованное СДПГ в Париже в 1913 г., после конгресса в Констанце¹, должно быть, только усилило решимость младотурок, учитывая значительный эффект, который оно произвело в Европе. В этом письме партия критиковала Европу из-за колебаний ее дипломатии с момента принятия статьи 61 Берлинского трактата и указывала на разрушительное воздействие на османское армянское население невыполнения обещаний, содержащихся в договоре. Ряд европейских газет даже опубликовал передовые статьи по вопросу о «реформах в Армении»², напоминая своим читателям о «моральном» обязательстве держав положить конец поборам, которым сменявшие друг друга правительства подвергали армян или попросту закрывали на них глаза. Обращение гнчаковцев, написанное лицами с четкими социальными ценностями, осудило архаичность и консерватизм режима младотурок, сходство его методов с методами Абдул-Гаммеда и использование мусульман в качестве инструмента. Несмотря на то, что обращение было размещено в довольно сложных условиях, оно вряд ли послужило основой для обвинительного заключения в демократическом обществе, во всяком случае, обвинительного заключения в преступномговоре.

Более того, источником этого призыва был «внешний» Центральный комитет, от которого, в соответствии с уставом партии, турецкий комитет был независим, и утверждение, что турецкий комитет попустительствовал обращению, ничем не оправдано.

На данный момент в нашей дискуссии, очевидно, возникает вопрос: если документы, собранные Аршавиром Саакяном, были настолько опасны, как несколько позже заявляло османское правительство, почему оно ждало до ареста лидеров Гнчака 16 июля 1914 г. в Стамбуле³? Была ли причиной задержки неизбежность войны, которую младотурецкое руководство уже решило начать? Было ли это подготовкой к покушению на министра внутренних дел, на которое не было никакого намека до начала переговоров? В любом случае совершенно очевидно, что это было наиболее подходящим моментом, поскольку внимание всей Европы было приковано к австро-сербскому кризису. Из подробного отчета о допросах, которым подвергались лидеры Гнчака, и о характере преступлений, за которые им были впоследствии предъявлены обвинения, — Бедрибей, начальник полиции в столице, лично сообщил им о выдвинутых против них обвинениях, — возникает общее обвинение в сговоре с целью поставить под угрозу государственную безопасность; вовлеченность в преступление генерала Шериф-паши, во главе оппозиции в эмиграции в Париже; и покушение на убийство человека, чья личность не раскрывается⁴.

Обвинения, вероятно, были не особенно убедительны, поскольку ряд обвиняемых лиц был освобожден через несколько дней или недель допроса, хотя их освобождение можно также интерпретировать как тактическое решение Талаата накануне всеобщей мобилизации, которой подлежали все армяне призывного возраста⁵. Во всяком случае, этот первый предупредительный выстрел правительства встревожил орга-

¹ Гидур (изд.). Указ. соч. С. 371–373. Полный текст открытого письма.

² Этот призыв, наряду с другими доказательствами, явился основанием для обвинительного заключения в суде над гнчаковцами в апреле—мае 1915 г.

³ Арамянц А. Указ. соч. С. 56–59. Нерсес Закарян, Мурад, сам Г. Араянц, Мкртич Пнагнуни, Самюэль Тмаджян, Ардзруни (Акоп Аветисян), д-р Джалалян, Г. Джангулян, д-р Бенне и т.д., были первыми арестованными. Мурад и д-р Джалалян были освобождены в тот же вечер. В ближайшие несколько дней в общей сложности 120 боевиков были арестованы, в том числе Парамаз (Матэос Саргисян [1863–1915]), военный офицер СДПГ, уроженец Карабаха, который был казнен 15 июня 1915 г.

⁴ Там же. С. 61. Покушение на жизнь генерала Шерифа-паши, лидера оппозиции в изгнании, в 1913 г. было, вероятно, заказано Иттихадом: Сапах-Гулян С. Указ. соч. С. 267.

⁵ Арамянц А. На пути к виселице. С. 6–7. Менее двадцати обвиняемых оставались в тюрьме.

низацию СДПГ в Стамбуле, которая непрерывно отдалялась от решений конгресса в Констанце.

Возможно, с целью разъяснения своих позиций в результате этих обвинений, 24 июля 1914 г. турецкий филиал СДПГ провел третью сессию Генеральной Ассамблеи в Стамбуле. В ней принял участие тридцать один делегат из местных комитетов¹, и они избрали новый комитет в составе Мурада (Амбарцума Бояджяна), Нерсеса Закаряна², Вагана Зейтунцяна³ и Арутюна Джангуляна⁴. Скорее всего, эта инициатива была принята после того, как д-р Бене⁵, делегированный Центральным комитетом СДПГ с целью взять под контроль турецкий комитет, приказал партии самораспуститься и уйти в подполье, в соответствии с решениями, достигнутыми в Констанце⁶. Отделение партии в Стамбуле сочло необходимым помешать этому процессу и развеять серьезные подозрения, висящие над партией. В любом случае, к июлю 1914 г. османские сети гнчаковцев были практически нейтрализованы; они были заняты защитой своих арестованных товарищей, против которых были выдвинуты вполне реальные обвинения.

Армянские круги не остались равнодушными к этим событиям. Политический Совет и лично патриарх вмешались, чтобы попытаться добиться освобождения заключенных гнчаковцев или, по крайней мере, улучшить условия их содержания. Некоторые известные магистраты даже просили ходатайствовать от их имени. На Востоке бывало, что те, кому были предъявлены очень серьезные обвинения, обоснованно или нет, могли быть «помилованы» при наличии у них или их друзей необходимых средств и связей. Вполне вероятно, что некоторые гнчаковцы смогли получить свободу таким образом.

Вторым событием, эксплуатируемым иттихадистами для того, чтобы представить османских армян изменниками своей страны, стал VII съезд АРФ, который открылся в Эрзуруме в конце июля 1914 г. Дашнаки, которые до сих пор считали себя привилегированными союзниками Иттихада, были встревожены репрессиями гнчаковцев и способом их представления в стамбульской прессе. Они уже поняли, что, как и СДПГ, все армяне изображались предателями и мятежниками. Поэтому они добились исчезновения из поля зрения общественности конгресса своей партии, который был давно запланирован: делегаты рассредоточились после только лишь двух недель обсуждений. К тому времени они узнали, что началась война в Европе, что реформы были «приостановлены» и что 3 августа была провозглашена всеобщая мобилизация. Подтверждая, что в случае войны армяне должны исполнять свой гражданский долг в странах, гражданами которых они являлись, конгресс решил распустить Западное бюро АРФ в Стамбуле⁷ и добавил, что, если должно быть подтверждено, что правительство препятствует реформам, «партия должна противостоять методам, используемым правительством, чтобы помешать реализации плана и защищать права армянского народа»⁸. Специальная комиссия, состоящая из девяти членов, в том числе А. Врамяна, Ростома и Акунни, была выбрана для разработки политики партии в свете самых последних событий. Именно в эту комиссию вошли д-р Бехаэддин Шакир⁹ и два известных фидайи комитета партии «Единение и прогресс», Омер Начи и Ахмед Хильми, прибывшие в Эрзурум 8 августа¹⁰. Они прибыли не как эмиссары комитета партии «Единение и прогресс», но были обвинены в подготовке деятельности «Тешкилят-и

¹ Гидур (изд.). Указ. соч. С. 3.

² См. выше, с. 173, примечание 59.

³ Ваган Зейтунцяна (1882–1959), родился в г. Гюрюн; педагог, журналист, писатель: IBN, IV. P. 280.

⁴ Арутюн Джангуляна (1855–1915), родился в Ване, получил историческое образование в Париже, депутат османского парламента в 1908 г., казнен 15 июня 1915.

⁵ Д-р Бенне, псевдоним Петроса Манукяна (1881–1915), родился в г. Хусейник (Харпут), обучался на врача в Бейруте и США, член ЦК Гнчак, казнен 15 июня 1915.

⁶ Гидур (изд.). Указ. соч. С. 376, 380–381. Описание суда. См. с. 380–390.

⁷ *Dasnabédian H.* Histoire de la Fédération révolutionnaire arménienne dachnaktsoutioun, 1890–1924, Milan, 1988. Pp. 107–108.

⁸ Вращян С. Республика Армения. Париж, 1928. С. 6–7 (на арм. яз.).

⁹ *Dasnabédian H.* Op. cit. Pp. 107–108.

¹⁰ *Beylerian A.* Les Grandes puissances, l'Empire ottoman et les Arméniens dans les archives françaises (1914–1918), Paris, 1983. P. XXIV.

Махсуса» («Специальной организации»)¹. Шакир предложил своим армянским собеседникам принять участие в подрывной кампании, запланированной в то время на Кавказе, предлагая создать автономную Армению в обмен на армянскую помощь в дестабилизации области за линией российской армии². АРФ тогда разрывалась между двумя сторонами — российской и османской; ей предложили сделать невозможный выбор — предать одно из двух государств с армянским населением. Дашнакские лидеры вновь выступили с публичным призывом к армянам остаться верными подданными Османской империи, но этого было недостаточно для удовлетворения младотурок. Шакир сообщил Центральному комитету партии «Единение и прогресс» об отклонении армянскими делегатами их предложения³. В своем закодированном ответе, датированном 17 августа 1914 г. и озаглавленном «Намерения», Мидхат Шюкрю, генеральный секретарь Центрального комитета, писал: «Вне сомнения, армяне не склонны сотрудничать с нами. [Смотрите], чтобы наши намерения держались в секрете от них»⁴. Иттихадисты, чьи «намерения», кажется, уже были известны, вероятно, не ожидали, что АРФотреагирует по-другому, и не имели никакой другой цели, кроме заложения основы для будущей пропагандистской кампании правительства на тему предательства армян.

Как только лидеры АРФ вернулись с конгресса в Эрзуруме, они организовали ряд встреч, на которых присутствовали Зограб и чиновники стамбульского филиала партии. Тот же вопрос был рассмотрен со всех возможных углов: какую позицию должны занять армяне в ожидаемом конфликте, в котором армянским солдатам, призванным и в Турции, и в России, придется сражаться в османской и российской армиях? Дискуссии всегда приводили к одному и тому же выводу: армяне в Османской империи должны выполнять свой долг, подлежать призыву в вооруженные силы и платить особые налоги для финансирования военных действий⁵. Вечером 13 августа на борту парохода, направлявшегося на остров Кинали, Зограб сказал своему коллеге-депутату Вагану Папазяну, который должен был следующим утром уехать в свой избирательный округ Ван: «Вы можете быть уверены, что они собираются что-то нам сделать»⁶. Армянская элита уже поняла, что она была взята в заложники, и она была уже не в состоянии влиять на ход событий. Вардгес и Армен Гаро, которых Зограб пригласил к себе в летний дом на острове Принкипо 16 августа, отметили, что «турки хотят получить прибыль от этой войны. Цели некоторых из них являются скромными, у других они грандиозны»⁷. Эта незначительная фраза указала на вопрос, имевший решающее значение для

¹ Обвинительное заключение, составленное 12 апреля 1919 г. и представленное перед военным судом 27 апреля 1919 г., доказывает, что встреча главных лидеров партии в конце июля 1914 г. в офисах ЦК на улице Нури Османйе, является важным шагом в направлении «создания» новой «Специальной организации»: «Takvim-i Vakayi», № 3540, du 5 mai 1919. P. 6. Три члена Иттихада, должно быть, уехали в Эрзурум сразу после того, как партия приняла это решение. Подробнее мы рассмотрим этот вопрос позже. Beyerlian. Op. cit. P. XXIV, дает полную библиографию по этим предложениям.

² Beyerlian A. Op. cit. P. XXIV.

³ Согласно телеграмме д-ра Шакира от 15 августа 1914 г., которая была прочитана 12 мая 1919 г. на пятом заседании суда над юнионистами: «Takvim-i Vakayi», № 3554, du 21 mai 1919. P. 69; этот документ был представлен в начале допроса полковника Ахмеда Джевад-бея, который сменил Халила [Кут] на посту военного командира Стамбула и был членом исполнительного комитета «Специальной организации».

⁴ Зашифрованная телеграмма, прочитанная 14 мая 1919 г. на шестом заседании суда над юнионистами, опубликованная в «Takvim-i Vakayi» (№ 3557, 25 mai 1919. P. 98). На четвертом заседании суда Мидхат Шюкрю дал довольно похожее свидетельство об отношениях комитета партии «Единение и прогресс» с дашнаками: «Мы видели, что они не хотели принимать участие в войне, они хотели оставаться нейтральными»: SHAT, Service historique de la Marine (Château de Vincennes), Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 13V7 232, doc. № 676, Constantinople, mai 1919, le lieutenant Goybet, adjoint du chef du S.R. Marine. P. 2.

⁵ Папазян В. Указ. соч., II. С. 280. Папазян также указывает, что Талаат в разговоре со своим другом Арменом Гаро, который состоялся после возвращения Гаро в Эрзурум, дал ему понять, что он был недоволен позицией АРФ на конгрессе в Эрзуруме: там же. С. 276.

⁶ Там же. С. 280–281. Вардгес Серингюлян и Армен Гаро также присутствовали. В. Папазян сел на «последний итальянский корабль, направляющийся в Батуми» 14 августа.

⁷ Дневник, 3/16 августа 1914 г. См.: Зограб Г. Указ. соч. С. 383–384. В течение вечера Зограб отметил, что «все турки, как и евреи, германofilы».

армян: какие цели на самом деле преследовали иттихадисты, готовясь вступить в войну?

Дашнаки, в свою очередь, интересовались, как надвигающийся конфликт скажется на них. К ним приставали с разных сторон: и русские, и французы предлагали начать переговоры. Партийный чиновник Барсег Шахбаз вернулся из Парижа в начале августа 1914 г. Он сообщил своим товарищам, что Виктор Берар, проармянский боевик, встретился с французским премьер-министром Гастоном Думергом по просьбе последнего; Думерг спросил его, «будет ли АРФ готова помочь Антанте». Берар после этого установил контакт с редакцией «Дрошак» в Женеве; ее директор, Микаэл Варандян, отправил Шахбазу в османскую столицу¹. Малхас (Артасес Овсепян), который присутствовал на заседании 22 августа и которого позвали обсудить этот вопрос в редакции «Азатамарт», пишет, что члены комитета единогласно выступали за то, что армяне должны были остаться «лояльными гражданами, где бы они ни находились, особенно в Турции», добавив, что руководство выступает против создания групп добровольцев на Кавказе². Учитывая враждебность окружающего мира и обвинения в том, что они были настроены дружески по отношению к Антанте, дашнаки знали, что, умножая свои усилия, они должны были постоянно «доказывать» свою лояльность.

Статья, вероятно, за авторством Симона Врацяна, главного редактора «Дрошак», предоставляет нам возможность хорошо ощутить чувство дилеммы, стоящей перед АРФ, а также настроения лидеров иттихадистов в это время:

«Турция тоже бросилась в драку. Она, конечно, чувствовала, или, может быть, ее немецкие наставники пояснили ей, что для Османской империи тоже настал момент истины. Если французско-английско-русская Антанта победит Турцию, то она будет разделена между этими тремя победившими государствами. Если германо-австрийский альянс выиграет войну, Турция сможет получить обратно часть территории, которую она потеряла на Балканах, и, возможно, в Египте и на Кавказе». Таким образом, простой расчет убедил правительство иттихадистов

не теряя времени прыгнуть на подножку локомотива немецко-австрийского альянса, оправдывая свое решение доводами фракции, возглавляемой Энвер-пашой, который был очарован немцами. Турецкие войска соответственно продвигались к Кавказу, с одной стороны, и к Египту — с другой. Русская армия вступила в Турцию, выиграла несколько сражений, столкнулась с суровыми климатическими условиями, замедлила свое продвижение и даже останавливалась то тут, то там, но упорно продолжала свой марш на Эрзурум, цитадель Армении, где Турция сосредоточила значительные силы и создала мощную оборонительную систему под руководством немецких офицеров.

Когда русские возьмут Эрзурум? Как далеко Россия продвинется в Армению? Каковы планы Санкт-Петербурга в этом регионе? Эти вопросы сегодня являются важнейшими загадками для армян. В либеральной российской прессе слышатся голоса в поддержку армянской автономии, но нет никаких сомнений, что там есть круги, которые имеют абсолютно другое мнение. Царский Манифест был зачитан вслух заместником в Тифлисе перед аудиторией, состоящей из армянских сановников, но не стоит переоценивать значение этой формы декларации, полной обещаний. Манифесты такого рода были широко распространены среди других народов России. Они писались, чтобы быть забытыми. Мы не должны радостно и с энтузиазмом аплодировать таким заявлениям или обещаниям: существуют болезненные исторические прецеденты, например, русско-персидская война 1826 г., в ходе которой, следуя за своим духовным лидером, армянский народ поднялся как один человек и внес весомый вклад в русское завоевание двух ханств. Это оправдывает надежды Армении на получение, по крайней мере, ограниченной автономии. Однако эти надежды оказались тщетными... Два года спустя русская армия взяла Эрзурум, но затем быстро отказалась от него и ушла, оставив армянское население, которое оказало безоговорочную поддержку христианской армии, на милость мстительного местного населения».

Вспомнивая войну 1878 г., которая также привела к «актам насилия, изгнанию целых

¹ Лазян Г. Армения и Армянский вопрос. Каир, 1957. С. 175 (на арм. яз.).

² Там же. С. 176. Малхасу вскоре после этого удалось попасть на Кавказ; он выступил с докладом в восточном бюро в Тифлисе, в доме Аршака Джамалаяна, в присутствии Завриева, Ишхана и некоторой местной знати (там же. С. 177).

народов на Кавказ, голоду и бесконечным страданиям», автор призывает к сдержанности:

«Таким образом, у нас нет никаких оснований для встречи вчерашних захватчиков детскими проявлениями радости и благодарности... Основная цель легиона армянских добровольцев, которых с энтузиазмом рекрутировали отовсюду и ставили под командование первоклассных лидеров, заключалась в том, чтобы защитить армянское население в случае турецкой резни, особенно в регионах, где армяне слабы, безоружны и находятся в меньшинстве... Было бы преступно наивно полагаться на российскую армию, чтобы избежать расправы. Русские намеревались завоевать земли армян, и их

сердца не будут горевать, если армянская кровь вновь потечет обильно тут и там»¹.

Смешанные чувства дашнаков в отношении России прекарно проиллюстрированы здесь, так же как и их понимание намерений иттихадистов. Однако АРФ больше не была просто инструментом, который каждая из держав могла бы попытаться использовать в своих интересах. Хотя некоторые партийные чиновники, ответственные за военные вопросы, начали, в частности в 1912 г., предусматривать организацию системы самообороны в армянских провинциях, лидеры последовательно отвергли эту идею, продолжая преследовать легалистскую политическую линию, которая завершилась принятием «реформ в Армении».

Секретный договор между Турцией и Германией и всеобщая мобилизация

Переговоры между германским послом Гансом Вангенхаймом и кабинетом иттихадистов, в частности с военным министром Исмаилом Энвером², проходили в течение десяти дней, начиная с 24 июля³, то есть еще до начала войны в Европе. По воспоминаниям главы германской военной миссии Лимана фон Сандерса, до этого, как сам Сандерс, так и посол Вангенхайм выступали против союза с Турцией, поскольку они несколько не верили в возможность военной мощи армии, которая была бы оснащена и дисциплинирована так плохо, как турецкая армия⁴. Кроме того, уже в апреле 1914 г. правительство Саида Халима дало понять, что кабинет склоняется к Антанте. В середине мая Талаат даже плывал к Черному морю на императорской яхте, чтобы встретиться с царем и Сазоновым⁵. Его предложения были отклонены, но присутствие турецкой делегации не осталось незамеченным среди немцев Стамбула. Как же тогда мы должны объяснить подписание секретного договора, который был решающим шагом на пути вступления Турции в войну? Несмотря на то,

что традиция отдавать реорганизацию османской армии в руки немецких офицеров к этому времени процветала в течение десятилетий ввиду того, что некоторые лидеры иттихадистов искренне восхищались Германской империей и ее милитаристскими традициями, а также ввиду того, что Германия более или менее прикрывала Турцию по вопросу армянских реформ, этих факторов было недостаточно, чтобы объяснить заключение германо-турецкого договора, который многие наблюдатели, как внутренние, так и зарубежные, рассматривали как безответственный шаг, учитывая общее состояние страны. Однако залог, выданный Германией, чтобы обеспечить Турцию «массивной» экономической помощью, открыл перспективы, к рассмотрению которых мы сейчас перейдем.

В соответствии с показаниями бывших министров военных кабинетов на заседаниях, проведенных в ноябре — декабре 1918 г. перед Пятой комиссией Османского парламента, переговоры, которые состоялись в летнем доме Вангенхайма в Тарабии и в

¹ Отношение армян к русско-турецкой войне, «Дрошак», № 9–12, сентябрь — декабрь 1914 г. С. 129–130 (на арм. яз.).

² *Trumpener U. Germany and Ottoman Empire, 1914–1918*, Princeton, 1967. Автор дает подробное описание обстоятельств подписания договора. SHAT, Service historique de la Marine (Château de Vincennes), Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 236, doc. № 1593 B-9, Constantinople, 16 janvier 1920, le lieutenant Goybet, adjoint du chef du S.R. Marine, annexe 5, «Explications de Saïd Halim pacha» devant la Cinquième commission du parlement ottoman, le 24 novembre 1918.

³ *Weber F. G. Op. cit. Pp. 60–68.*

⁴ *Sanders L. von. Op. cit. P. 31.*

⁵ *Weber F. G. Op. cit. Pp. 54–55.*

резиденции великого визиря Саида Халима в Еникое, были проведены по настоянию Энвера-паши, который, скорее всего, взял на себя инициативу, приведшую к односторонности этих переговоров¹. Однако то, что мы знаем о методах иттихадистских кругов, делает это объяснение весьма неправдоподобным. Хотя Энверу действительно удалось получить резкое увеличение военного финансирования и денежные преимущества для армейских офицеров от министра финансов Мехмеда Джавида², невысказано, чтобы он действовал без одобрения Центрального комитета иттихадистов и великого визиря. Более того, сам Джавид отмечает, что 2 августа 1914 г., когда он отправился в резиденцию Саида Халима по приглашению Халима, он обнаружил там Талаата, Энвера и Халила [Ментеше], вместе с драгоманом посольства Германии Вебером. По мнению Джавида, переговоры были в самом разгаре³. Таким образом, существует вероятность того, что в этот короткий период, когда было принято много различных начинаний, была активирована вся сеть Иттихада. Как же иначе объяснить одновременное подписание в резиденции Саида Халима (вечером 2 августа) секретного германо-турецкого соглашения, а также указа об объявлении всеобщей мобилизации, а на следующий день подписание императорского письменного указа о парламентских каникулах⁴? Кроме того, в этот период прошло много встреч между младотурецкими лидерами; и это показывает, что дебаты были интенсивными, но решения принимались коллегиально. Таким образом, вечером 3 августа Талаат и

Джавид пошли на встречу с Энвером в конаке Ферид-паши, где тогда жил Энвер (здесь они узнали, что Вебер пришел тем утром, чтобы забрать договор, подписанный Халимом накануне вечером). 4 августа те же самые люди снова встретились в резиденции Халима⁵.

По словам министра общественных работ Чюрюксулу Махмуда-паши, «подписание договора так и не выносилось на обсуждение Совета министров»⁶ для того, чтобы сохранить договор в тайне и предотвратить сопротивление министров, выступающих против войны. Саид Халим, Джавид, Чюрюксулу Махмуд, Сулейман аль-Бустани и Осман-бей [Мартикян]⁷ не скрывали своего желания видеть Турцию нейтральной. Нота, в которой три державы Антанты обязались уважать территориальную целостность Османской империи, если она будет поддерживать «абсолютный нейтралитет», была обнародована 16 августа 1914 г.; в отношении нее велись переговоры между послами Антанты и министром финансов Джавидом⁸. Переговоры и публикация ноты, вероятно, предначались в качестве средства оценки преимуществ, которые Турция может получить от держав в этом контексте, но еще одной целью, возможно, было оказать давление на немцев. Важно отметить, что комитет партии «Единение и прогресс» «также провел в августе переговоры с Болгарией с целью вовлечь ее в войну на стороне Германии». Он также стремился обеспечить нейтралитет Румынии и Греции. 1 сентября Талаат вернулся из поездки в Румынию, а Халил вернулся из Болгарии⁹.

¹ Osman Selim Kocahanoglu (ed.). *Ittihat-Terakki'nin sorgulanmasi ve Yargilanmasi (1918-1919)*, Istanbul, 1998. Weber F. G. Op. cit. Pp. 63-65, показывает, что 22 июля Энвер угрожал Вангенхайму, заявив, что Турция примет сторону Антанты, если Германия отвергнет его предложение о союзе; на что кайзер Вильгельм дал «зеленый свет» 24 июля вопреки советам своего министра иностранных дел, в чем решающую роль сыграл военно-морской аташе Хуман, друг Энвера, благодаря своим отношениям с министром военно-морского флота Тирпицем, другом его отца.

² Turfan N. Op. cit. P. 360.

³ SHAT, Service historique de la Marine (Château de Vincennes), Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 236, doc. № 1593 B-9, Constantinople le 16 janvier 1920, annexe 4, «Explications fournies par Cavid bey, ministre des Finances», devant la Cinquième commission du parlement ottoman, le 25 novembre 1919. В то же утро Лиман фон Сандерс пошел в посольство Германии в Тарабии, где Вангенхайм и Энвер поинтересовались его мнением о плане секретного договора о союзе между Германией и Турцией: Sanders L. von. Op. cit. P. 31.

⁴ На четвертом заседании суда над иттихадистами генеральный секретарь партии Мидхат Шюкрю в конце концов подтвердил, что министры пошли в Центральный комитет, чтобы обсудить вступление Турции в войну: SHAT, Service historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 232, doc. № 676, Constantinople, mai 1919, le lieutenant Goybet, adjoint du chef du S.R. Marine. P. 3.

⁵ Ibid., annexe 4, «Explications fournies par Cavid bey, ministre des Finances». Pp. 2-3.

⁶ Ibid., annexe 6, «Déclaration du ministre des Travaux publics». P. 1.

⁷ Ibid., annexe 7, «Déclaration du ministre des Travaux publics», «Les dessous de la politique unioniste». P. 2.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

Совершенно ясно, что Турция рассчитывала на защиту Германии, чтобы вести свою собственную войну и тем самым приобрести статус и потенциал великой державы, которой она уже не являлась. Но что именно рассчитывали получить иттихадисты от этой авантюры? Ваган Папазян, депутат парламента из Вана, который в начале августа все еще находился в османской столице, цитирует упорные слухи о возможном вступлении Турции в войну и обретении утраченных территорий в Боснии и Герцеговине, потерянных во время Балканских войн, и даже о завоевании Кавказа¹. Некоторые авторы также считают, что вступление Турции в войну мотивировалось кроме территориальных амбиций, которые являются классическими в военное время, внутренними целями, в частности уничтожением османских армян. Многочисленные свидетельства немецких и австрийских офицеров и дипломатов, процитированные Ваагом Дадряном, обеспечивают прочную поддержку этому утверждению². В своих мемуарах маршал Помянковский, который был в течение длительного времени прикреплен к османскому генштабу, писал, что «мнения, спонтанно высказанные многими умными турками», заключались в том, что рассматриваемые народы должны были быть насильственно обращены в ислам или же «истреблены». «В этом контексте, — заключает он, — нет никаких сомнений в том, что правительство младотурок решило, задолго до начала войны, воспользоваться преимуществом первого подвернувшегося случая, чтобы исправить эту ошибку, по крайней мере, частично...». «Также очень вероятно, — добавляет он, —

что это обсуждение, то есть его проект, решительно повлияло на решение османского правительства заключить союз с Центральными державами»³. В дальнейшем, когда мы рассмотрим источники идеологии Иттихада, в частности условия, обуславливающие реализацию этого проекта для «национальной экономики», или военные операции, которые были проведены весной 1918 г., мы увидим, что юнионистский режим всегда отдавал абсолютный приоритет целям «внутренней безопасности», ставя их выше всех других военных и экономических соображений.

Приказ о всеобщей мобилизации, изданный 3 августа 1914 г., на следующий день после подписания секретного немецко-турецкого соглашения, не был результатом спешного решения. По заявлению Мехмеда Джавида перед Пятой комиссией османского парламента, решение о приказе не было принято на заседании Совета министров. Скорее всего, Энвер взял на себя инициативу, которая «заставила каждого из министров отдельно подписать проект письменного указа султана». Приказ был опубликован в «Официальном вестнике» только после публичного представления⁴. Эта быстрота может, несомненно, объясняться желанием военного министра воспользоваться эмоциями, порожденными объявлением войны в Европе, в целях получения всплеска национального чувства. Зограб, внимательный наблюдатель османского мира, заметил, с хорошей дозой фатализма и немалой дозой предвидения, что мобилизация прошла в чрезвычайно хаотических условиях, «больше похожих на сближение готовых к резне и грабежу сил, чем на обычную воен-

¹ Папазян В. Указ. соч., II. С. 276.

² Dadrian V. Op. cit. Pp. 335–344. Дадриан цитирует, в частности, посла Австро-Венгрии, который указал, что турки использовали союз в качестве «трамплина» к «самому суровому способу обращения» с армянами; германский консул в Алеппо отметил, что турки хотели «решить армянский вопрос, воспользовавшись войной и [что] их правительство использует союз с центральными державами для этой цели».

³ Pomiankowski J. Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches, Vienne, 1969. S. 162; Dadrian V. Op. cit. P. 341.

⁴ SHAT, Service historique de la Marine, Service des renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 236, doc. № 1595 B-9, Constantinople le 17 janvier 1920, le lieutenant Goybet, adjoint du chef du S.R. Marine, annexe 11 et 1BB7 236, doc. № 1651 B-9, Constantinople le 24 janvier 1920, annexe 14. P. 7, déposition du ministre des Finances. На четвертом заседании суда над иттихадистами генеральный секретарь комитета партии «Единение и прогресс» Мидхат Шюкрю подтвердил, что «приказ [о мобилизации] пришел неожиданно»: SHAT, Service historique de la Marine, Service des renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 232, doc. № 676, Constantinople, mai 1919, le lieutenant Goybet, adjoint du chef du S.R. Marine. P. 3. Отян Е. Проклятые годы, 1914–1919. Личные воспоминания. «Жаманак», 6 февраля 1919 г., № 3440 (на арм. яз.). Согласно Отяну, плакаты, объявляющие о мобилизации, были развешаны в провинции в тот же день, что указывает на то, что они были подготовлены и распространены заранее (ibid., № 1 du feuilleton).

ную организацию»¹. Хаос возник, вероятно, от успешного прививания османской армии других культурных ценностей.

Мужчины в возрасте от двадцати до сорока пяти лет были первыми, кого затронул приказ о мобилизации. Это также относилось и к восточным провинциям. Согласно сообщению, полученным от епархий в провинциях, по-видимому, мобилизация проводилась спокойно, но призыв на военную службу мужчин в возрасте от двадцати до сорока пяти лет привел к почти полному прекращению сельскохозяйственной и коммерческой деятельности². Эти отчеты также показывают, что армянским призывникам, которые не привыкли обращаться с оружием или к службе в армии, пришлось с трудом приспособиться к новым условиям³. Основной проблемой в восточных провинциях было отсутствие базовых структур и организации. Папазян, в середине ноября находившийся в Муше, видел группы молодых призывников, прибывавших ежедневно. Их размещали в мечетях, ханах или ветхих складах, где часто оставляли на произвол судьбы, в холоде и без еды. Дезертиры образовали легион среди всех групп населения Османской империи⁴.

Далее Папазян отмечает, что к началу декабря 1914 г. поборы достигли крупных масштабов, а Муш к тому времени стал крупным центром призыва и обучения, куда массово привозили бесправных призывников из Диарбекира, Харпута, Генца и Хазо. Склады были заполнены зерном и другими продуктами, которые были изъяты в армянских селах равнинного Муша или из магазинов на рынке, из которых были сметены товары⁵. В такой стране, как Османская империя, где чиновники славились нечестной репутацией, поборы, заказанные правительством, дали прекрасную возможность для злоупотребления полномочиями. В Эрзуруме, через несколько дней после всеобщей мобилизации, было установлено, чтобы военные власти реквизировали тележки, крупный рогатый скот, лошадей и продовольствие у жителей этого района, а также рис, пшеницу и сахар у армянских и турецких торговцев, не предлагая им какой-либо компенсации⁶. Армянский председатель отменил, что приближающаяся зима угрожает быть особенно тяжелой на равнинах Пасина, Кхнуса и Терджане, так как поборы оставили крестьян без ресурсов⁷.

Подготовка к войне: создание «Специальной организации»

Мы увидели, что после прихода к власти в 1908 г. Комитет «Единение и прогресс» часто использовал фидайи для грязной работы, борьбы с оппозицией, ликвидации критически настроенных журналистов, направления своих филиалов в провинциях и захвата кон-

троля над ключевыми постами в армии. Однако все указывает на то, что эта военизированная структура оставалась «любительской» организацией до времен Балканских войн. Различные источники, находящиеся в нашем распоряжении, подтверждают, что травма,

¹ Дневник, 3/16 августа 1914, *Зорраб Г.* Указ. соч. С. 383–384.

Potiankowski J. Op. cit. P. 162. Согласно Помянковскому, который был военным атташе Австро-Венгрии в Константинополе в течение десяти лет, в начале войны существовало около 120 христианских батальонов, состоящих в основном из армян.

Отян Е. Указ. соч., № 2. Согласно Отяну, большинство молодых призывников в столице были убеждены, что война долго не продлится, и предпочли записаться добровольцами, а не платить взятку в пятьдесят фунтов, чтобы избежать призыва.

² *Тер-Егияян З.* Указ. соч. С. 61. Письмо епископа Баязеда патриарху Завену от 19 августа 1914 г.

³ Там же. С. 60. Письмо от епископа Эрзурума, Смба́та Саадетяна, патриарху Завену от 28 сентября 1914 г.; APC/PAJ, № 334 (en français), № 35. Rapport sur Les événements de Keghi depuis la mobilisation jusqu'à la déportation (récit d'une rescapée). Этот рапорт подтверждает, что мобилизация проходила в хороших условиях.

⁴ *Папазян В.* Указ. соч., II. С. 312 et 316.

⁵ Там же. С. 326.

⁶ *Тер-Егияян З.* Указ. соч. С. 59. Письмо от епископа Эрзурума Смба́та Саадетяна патриарху Завену от 1/14 августа 1914 г.

⁷ Там же. Епископ Смба́т Саадетян утверждает, что конгресс АРФ оставил у местных властей очень плохое впечатление и что Акнуни, который выразил желание остаться в Эрзуруме в течение некоторого времени, велели покинуть город в течение 24 часов. Он считал недоверие властей тревожным.

вызванная Балканскими войнами, внесла решающий вклад в радикализацию Иттихада и побудила его участников создать «спецназ», который действовал бы в случае войны: то есть способный дестабилизировать тылы армии, подстрекать к восстанию или совершать саботаж, организовать сеть шпионов в тылу врага и бороться против «сепаратистских движений» внутри самой страны¹.

Первая, тогда еще находящаяся в зачаточном состоянии «Специальная организация» была особенно активна во время второй Балканской войны, во время кампании по возвращению Эдирне в июле 1913 г.² Эта первая группа, что неудивительно, состояла из молодых офицеров, фидайи Комитета «Единение и прогресс» и партизан Энвера. Она пополнялась в этом случае из рядов Комитета национальной обороны, возглавляли который известные офицеры Иттихада, такие как Халил [Кут], дядя Энвера, Филибели Ахмед Хильми, Йенибахджели Наил и Якуп Джемилъ³. Мы также знаем, что в течение года Халил-бей терроризировал греческие деревни Фракии, стоя во главе пяти тысяч чете; это означает, что организация уже была силой, с которой нельзя было не считаться. По словам другого источника, как только Энвер был назначен главой Военного министерства, то 24 января 1914 г. он приказал Кушчубашизиди Эшрефу [Сенджеру], одному из своих фидайи, основать филиал «Специальной организации» в Смирне; военный министр подтвердил, что греки и армяне превратили храмы этого города в арсеналы, которые должны быть «очищены» («темизлеме») ⁴. Французские консульские источники, в свою очередь, указывают, что

фидайи Комитета «Единение и прогресс» начали проникать в провинции Малой Азии уже весной 1913 г. Якуп Джемилъ, «который прибыл» в город Адана в Киликии «в 1909 г., незадолго до резни», вернулся 11 апреля 1913 г. в сопровождении трех «офицеров в штатском» на встречу с иттихадистом Шакиром эфенди и вали⁵. Это говорит о том, что лидеры «Специальной организации» нацелились на укрепление своих локальных сетей; мы, однако, не знаем, чего они пытались достичь. Хотя эта тайная организация, созданная по инициативе Энвера⁶, еще не приняла окончательный вид, эти примеры подтверждают, что она уже интересовалась не только проведением диверсионных и дестабилизационных операций за рубежом, но также вопросами «внутренней безопасности Османской империи»⁷.

Если судить по документальным доказательствам, представленным на судебном процессе против иттихадистов (на шестом заседании, проведенном 17 мая 1919 г.), то окажется, что эта первая «Специальная организация» контролировалась Энвером и армией и с конца июля 1914 г. стала дополнительным, вторичным подразделением армии⁸. Примерно в это же время, согласно обвинительному заключению лидеров Комитета «Единение и прогресс», основные лидеры Иттихада провели секретное собрание в штаб-квартире партии на улице Нури Османийе; решения, принятые на этом собрании, представляли собой решающий шаг к созданию новой организации «Тешкилят-и Махсуса» и определению ее задач⁹. По сведениям Арифа Джемилъ, чиновника новой организации, тайная встреча состоялась

¹ Stoddard P. H. The Ottoman Government and the Arabs, 1911–1918: Preliminary Study of the Teşkiât-ı Mahsusa, Ann Arbor, MI, 1963. Pp. 6, 50.

² Zürcher E. J. Op. cit. Pp. 114–115.

³ Halil Paşa. İttihad ve Terraki'den Cumhuriyet'e: Bitmeyen Savaş [De l'İttihad à la République: la lutte sans fin], ed. M. T. Sorgun, Istanbul, 1972. S. 125; Tunaya T. Z. Türkiye'de Siyasi Partiler [Les partis politiques en Turquie], 3 vol., 2e éd. complétée, Istanbul, 1984. S. 123 notamment.

⁴ Kutay C. Birinci Dünya Harbinde Teşkiât-ı Mahsusa ve Heyber'de Türk Cengi, Istanbul, 1962. S. 60–63.

⁵ AMAE, Turquie, Correspondance politique, n. s., vol. 86. P. 244. Письмо вице-консула в Адане министру Пишону от 19 апреля 1913 г.

⁶ Zürcher E. J. Op. cit. Pp. 114–115. Автор также указывает, что «Специальная организация» играла важную роль в ликвидации сепаратистских движений во время Первой мировой войны, особенно в арабских провинциях, а также в террористической кампании, направленной против греческих бизнесменов в западной Малой Азии.

⁷ Kutay C. Op. cit. P. 36.

⁸ Шестое заседание судебного процесса против юнионистов, 14 мая 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3557, 25 mai 1919. P. 98, заявление Мидхата Шюкря.

⁹ Обвинительное заключение, составленное 12 апреля 1919 г., было представлено военному суду 27 апреля 1919 г. вместе с серией писем и других документов, подтверждающих обвинение: «Takvim-i Vakayi», № 3540, 5 mai 1919. P. 6.

«вечером того дня, когда был опубликован приказ о мобилизации», то есть 3 августа¹. Далее Джемиль отмечает существование свирепого противостояния, бушевавшего в то время в Комитете «Единение и прогресс» за контролем над военизированными группировками, связанными с партией: Ахмед Джемаль контролировал «Турецкие очаги», в то время как Энвер стремился усилить свою личную власть с помощью «Специальной организации», которой он надеялся передать часть привилегий Комитета «Единение и прогресс»². Таким образом, мы не должны исключать возможность того, что вторая организация «Тешкилят-и Махсуса» родилась из желания Талаата и прежде всего Назима и Шакира сдержать манию величия Энвера. Джемиль также указывает, что с момента появления на свет «Специальной организации» ее «главной целью было [создание] исламского союза и объединение всех турок, проживающих за пределами границ Турции»³.

Судебный процесс против лидеров Иттихада также проливает свет на внутреннюю структуру второй «Специальной организации». Оказалось, что она походила на Центральный комитет Иттихада и контролировалась политбюро во главе с Бехаэддином Шакиром. Судебный процесс показывает также, что в состав политбюро входили пять членов, то есть половина Центрального комитета, отвечавшая за осуществление политического руководства Специальной организацией: д-р Назим, д-р Шакир, д-р Рюшухи⁴,

Юсуф Риза-бей⁵ и Атиф-бей [Камчил]⁶. Им помогали Азиз-бей (начальник управления госбезопасности Министерства внутренних дел) и полковник Джевад, который заменил Халил-пашу, дядю Энвера (после отъезда последнего в Ван и Иранской Азербайджан), на посту военного губернатора Стамбула и члена политбюро «Тешкилят-и Махсуса»⁷. Наконец, следует отметить, что главный офис «Специальной организации» находился в штаб-квартире Комитета «Единение и прогресс» на улице Нури Османийе⁸. Там Азиз-бей, Атиф-бей, Назим и Халил [Кут] исполняли свои обязанности вместе с полковником Джевадом и Халимоглу Юсуфом Зия-беем, который упоминается только один раз в ходе судебного разбирательства против юнионистов в качестве члена Центрального комитета иттихадистов и главы «Специальной организации» в Трапезунде⁹. Кроме того, все телеграммы и документы на имя сетей в провинциях, которые были представлены в качестве доказательств в ходе судебного разбирательства юнионистов, были подписаны этими должностными лицами, находящимися в штаб-квартире организации. Они показывают, что лица, которые работали на улице Нури Османийе, планировали и координировали операции, проводимые в этой области, в то время как председатель политического бюро «Специальной организации» Шакир проводил эти операции напрямую, вместе с Рюшухи и Юсуфом Риза-беем.

После зачитывания обвинительного заключения лидерам Иттихада председатель

¹ A. Mil [= Arif Cemil], *Umumi Harpte Teşkilât-ı Mahsusa* [L'Organisation spéciale dans la guerre générale], опубликовано отдельными частями (90 выпусков) в «*Vakit*», в период с 2 ноября 1933 г. по 7 февраля 1934 г., и практически одновременно перепечатано в переводе на армянский язык, осуществленном В. Ишханяном, в «*Naratch*» в период с 19 ноября 1933 г. по 7 апреля 1934 г. (92 выпусков), затем опубликовано отдельно как: *Cemil A. Dünya savası'nda Teskilat-ı Mahsusa* [L'Organisation spéciale durant la Première Guerre mondiale], İstanbul, 1997.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ Врач, прошедший подготовку в военно-медицинской школе Итанбуты, одноклассник Бехаэддина Шакира, казнен в 1926 г. в связи с заговором против Мустафы Кемалю.

⁵ Отставной офицер, инспектор Комитета «Единение и прогресс» в Бурсе, единомышленник Энвера, известный как «Севкиятчи Риза» за роль в депортации армян, один из членов-учредителей «Каракол», преемника «Специальной организации» после того, как последняя была официально расформирована.

⁶ Фидайи Комитета «Единение и прогресс» в 1908 г., депутат сначала от Чанакалле, потом от Ангоры, член Центрального комитета партии «Единение и прогресс».

⁷ Первое заседание судебного процесса против юнионистов, которое состоялось 27 апреля 1919 г. в 1:50 вечера: «*Takvim-i Vakayi*», № 3540, 5 mai 1919. P. 5.

⁸ Первое заседание судебного процесса против ответственных секретарей, 21 июня 1919, в «*Takvim-i Vakayi*», № 3586, 28 juin 1919. P. 168.

⁹ Первое заседание судебного процесса против юнионистов, которое состоялось 27 апреля 1919 г. в 1.50 вечера: «*Takvim-i Vakayi*», № 3540, 5 mai 1919. P. 5. Зия-бей не упоминается на следующих заседаниях.

Установление диктатуры Иттихада

военного суда подвел итоги предварительного следствия:

«Было установлено, что тайная сеть была создана лидерами комитета «Единение и прогресс» под названием «Тешкилят-и Махсуса», под предлогом, что она должна была участвовать в войне, как видно из обвинительного заключения. Ее возглавил д-р Назим, д-р Бехаэддин, Атиф-бей и Риза-бей, члены Центрального комитета, а также Азиз-бей, глава Департамента по уголовным расследованиям. Бехаэддин отправился в Эрзурум, чтобы оттуда управлять своими силами в восточных вилайетах. Риза-бей возглавлял силы в области Трапезунда. Азиз, Атиф и Назим-бей работали в Константинополе, где их решения должны были быть утверждены и исполнены местным военным командиром Джевадом. Это подтверждается тайным решением, документом № 150; он адресован Бехаэддину Шакиру и содержит слова «Комитет должен наказать Галатали Халила»... и подписан Азизом, Атифом и Назимом, а также одобрен печатью Джевада»¹.

Таким образом, структура «Специальной организации» и ее органичная связь с Центральным комитетом Иттихада проявляются достаточно четко. Позже мы рассмотрим эти вопросы более подробно.

Можем ли мы, в свете вышесказанного, говорить о двух специальных организациях, у которых были различные или даже конкурирующие между собой миссии? Судебный процесс против юнионистов и «ответственных секретарей», всемогущих представителей партии в вилайетах, позволяет нам дать лишь частичный ответ на этот вопрос, поскольку некоторые обвиняемые бежали из Турции до начала суда, в то время как остав-

шиеся явно не желали разглашать секретные мотивы своих действий.

Два видных члена комитета партии «Единение и прогресс» признали, хотя и весьма неохотно, существование действующих независимо друг от друга двух организаций: майор Юсуф Риза-бей, глава «Специальной организации» в регионе Трапезунда (17 мая 1919 г., на шестом заседании судебного процесса против юнионистов)², и полковник Джевад, военный губернатор Стамбула и член политбюро «Специальной организации» (8 мая, на четвертом заседании этого судебного процесса). Джевад добавил, что первая из Специальных организаций попала под юрисдикцию Военного министерства, а второй управлял Комитет «Единение и прогресс»³. Со своей стороны, генеральный секретарь Иттихада Мидхат Шюкрю признался (на седьмом заседании судебного процесса, состоявшемся во второй половине дня 17 мая), что некоторые члены Центрального комитета приняли непосредственное участие в создании «Тешкилят-и Махсуса». Остальные не отреагировали⁴: они либо отказались давать показания на эту тему под предлогом, что Военное министерство Энвера было органом, ответственным в таких вопросах, либо категорически отрицали наличие двух специальных организаций.

Мемуары Арифа Джемиля, хотя и написаны с большой осторожностью и кишат вопиющими ошибками, содержат информацию, которая проливает свет на вопрос о «Специальной организации». По данным этого иттихадистского офицера, Талаат очень быстро взял верх над Энвером в борьбе за контроль над второй «Тешкилят-и Махсуса». Первоначально, однако, когда Центральный комитет

¹ Ibidem, col. 1, lignes 1–28. Указ 59, подписанный Халилом, Назимом, Атифом и Азизом и адресованный Мидхату Шюкрю, доказывает, что Халил [Кут] был членом политбюро «Тешкилят-и-Махсуса», когда он командовал гарнизоном в Константинополе, прежде чем он отправился на иранскую границу для выполнения миссии.

² Шестое заседание судебного процесса против юнионистов, 14 мая 1919 г.: «Takvim-i Vakayi», № 3557, 25 mai 1919: déposition de Riza. Pp. 104–107.

³ Третье заседание судебного процесса против юнионистов, 8 мая 1335/1919, заявление полковника Джевада: «Takvim-i Vakayi», № 3547, 15 mai 1919. Pp. 63–66. В тот же день Юсуф Риза был допрошен председателем судьи (ibid. Pp. 59–62), но отказался сказать что-либо еще на эту тему.

⁴ Седьмое заседание судебного процесса против юнионистов, 17 июня 1919 г., заявление Мидхата Шюкрю: «Takvim-i Vakayi», № 3561, 29 mai 1919. Pp. 115–126. О декларации генерального секретаря Комитета «Единение и прогресс», см. с. 119. На суде обнаружилась информация о том, что Центральный комитет политического бюро «Специальной организации» состоял из пяти членов.

К термину «Центральный комитет» следует относиться с осторожностью, поскольку, по-видимому, он использовался для обозначения как Генерального совета из сорока человек, так и Центрального комитета или Южного Комитета «Единение и прогресс», в котором осенью 1914 г. состояло всего около десяти членов: *Trumpener U. Op. cit.* P. 44, n. 57. Автор цитирует секретный доклад, разъясняющий внутреннее функционирование партии.

Иттихада решил, в то время как реализовывалась всеобщая мобилизация, что члены комитета партии «Единение и прогресс» принимали участие в военных действиях «Специальной организации», две конкурирующие группы более или менее одновременно покинули Стамбул и направились в Эрзурум и Трапезунд. Первая, созданная по инициативе Талаата, возглавлялась Шакиром. По словам Джемиля, именно Талаат попросил Шакира направиться в Эрзурум, чтобы привести Специальную организацию в боевое положение (после напоминания ему, что он присутствовал при осаде Эдирне и таким образом имел необходимый опыт) вместе с Омером Наджи, генеральным инспектором Комитета «Единение и прогресс»; Филибели Ахмедом Химли, военным чиновником партии; Эмиром Халметом и черкесом Решидом, главарями групп чете, с их подчиненными; и, наконец, офицером Рюшди-беем¹. Вторая группа, включавшая фидайи Иттихада, была направлена на восток по инициативе Энвера и военного министра². Далее, следуя за изложением Джемиля, мы узнаем, что Центральный комитет назначил Омера Наджи и Рюшухи-бея управлять операциями на персидской границе. Сулейман Шефик-паша, Гусейн Рауф [Орбай] и Убейдуллах были отправлены в Афганистан; Ибрахим и Юсуф Риза были назначены на Кавказ; а Джелал-бей стал ответственным за Македонию³. Наконец, комитет направил ответственных секретарей, базирующихся в штаб-квартире партии, с миссиями в восточные провинции. Всем было поручено ехать инкогнито и раскрывать свою личность мест-

ным губернаторам только в случае крайней необходимости⁴.

Эти данные нельзя проигнорировать. Они показывают, что две структуры сосуществовали в начале августа 1914 г. Одна была основана по решению Центрального комитета Иттихада, с одобрения Талаата и Энвера, и отдана под ответственность Бехаэдина Шакира. Другая, которая существовала уже некоторое время, находилась в подчинении Военного министерства и, в частности, Энвера; ее возглавлял полковник генерального штаба Сулейман Аскери⁵, которого заменил Кушчубаши-заде Эшреф [Сенджер]. Можем ли мы в этом случае, говорить о различных, конкурирующих организациях? Обе организации действительно конкурировали до того момента, пока цели второй «Специальной организации» принципиально не отличались от первой. Они были различны, кроме восточных областей, в которых они сошлись весной 1915 г. На самом деле, первая «Специальная организация» преследовала одновременно две совершенно разные цели: она в первую очередь занималась военной контрразведкой и во вторую очередь «преследовала внутренних врагов», например в Македонии, Фракии и на побережье Эгейского моря. Вторая «Специальная организация» также проводила операции в тылу врага, за пределами границ Османской империи; она стремилась, в частности, разжечь восстание среди мусульманского и туркоязычного населения Кавказа, но затем быстро переключилась на ликвидацию или депортацию «внутренних врагов». Эта организация очень редко выполняла требования военных; пре-

¹ Cemil A. Op. cit., «Vakit/Haratch» 2 et 3 (n° 2350–2351, 21 et 22 novembre 1933). Группа Шакира («около двадцати замаскированных людей») выступила в Ангору за два дня до группы фидайи (которые добрались до города за три дня). Именно там, как утверждает Джемиль, он узнал, что два немецких линкора, переименованные в «Явуз» и «Мидилли», достигли Босфора (16 августа 1914 г.). Это позволяет нам сказать, что группа Шакира вышла из Константинополя около 11 августа, группа фидайи 13 августа.

² Ibid. «Vakit/Haratch» 3. Большинство этих военных кадров уже состояли в Комитете «Единение и прогресс» в 1908 г., в Салониках, и цитируются (см.: выше, II, примечание 137–143): Исмитли Мюмтаз, Хусрев Сами [Кизылдоган], Абдулкадир, Али [Четинкая], Атиф [Камчил], Сари Эфе Эдил, Сабанджали Хакки, Нури [Джонкер], Казим [Озалп], Йенибахчели Шюкрю и Якуп Джемиль. Упомянутые ответственные секретари: Кемаль Ферид, Гасан Басри, Мемдух Шевкет, Этхем и Ихсан-бей.

³ Ibid. «Vakit/Haratch» 3.

⁴ Ibid. «Vakit/Haratch» 3.

⁵ Сын генерала Вехиб-паши; младотурецкий фидайи до 1908 г., член Генерального штаба десятой армии на Балканах в 1913 г., под командованием Энвера. Будучи вали Басры в 1914 г., он вел неудачные бои против британских войск в Басорахе, покончил жизнь самоубийством в апреле 1915 г.: *Zürcher E. J. Op. cit. P. 48, p. 14* (из-за типографской ошибки его смерть датирована годом ранее, в апреле 1914 г.). Его описывают как лидера военного крыла «Специальной организации» осенью 1914 г.: *Cemil A. Op. cit., «Vakit/Haratch» 11*, утверждает, что этот близкий соратник Энвера потерял обе ноги в ходе боев с англичанами и после этого покончил с собой.

где всего, она осуществляла «внутренние» миссии, но иногда, в турецких условиях, и «внешние» миссии. Кушчубаши-заде Эшреф, глава «Специальной организации» в Военном министерстве, признается в своих мемуарах, что «Специальная организация была таинственным явлением, которое стало фундаментальной структурой обеспечения безопасности османского государства в стране и за рубежом... Для этой цели у нее были свои собственные офицеры, униформа, казначейство и секретный код; она была государством в государстве. Выполняя задания, выходящие за нормальные рамки, она приобрела определенный моральный облик. Преследуя три свои основные цели, а именно: унификацию Турции, Исламский союз и пантюркизм, организация осуществляла внутреннюю и внешнюю политику государства»¹.

По идеологической логике Иттихада, эти «внутренние» и «внешние» операции были двумя сторонами одной медали. Они являлись дополнительным вкладом в конечную цель господства тюркизма: навязать везде национальный идеал Иттихада. Другими словами, не было никакого противоречия в действиях Комитета «Единение и прогресс», поскольку он следовал своему курсу. Воспользовавшись условиями военного времени, он использовал свое секретное оружие, чтобы выполнить высшую миссию во имя нации.

Различие между Иттихадом и Военным министерством было поверхностным, хотя иногда это затрудняло понимание структуры и работы этого аппарата. Иттихад и его порождение, политбюро «Тешкилят-и Махсуса», сохранили, так сказать, эксклюзивный политический и оперативный контроль над деятельностью организации с помощью Министерства внутренних дел и органов местного самоуправления, находящихся под его эгидой. Военные власти, со своей стороны, были ответственны за вербовку, снаряжение, подготовку офицеров и, конечно, финансирование отрядов убийц из секретных

фондов, находящихся в распоряжении Военного министерства². Сотрудничество в этой области иногда было трудным, но примеры, приведенные в четвертой части этого исследования, показывают, что политические цели всегда брали верх над военными или этическими соображениями. Пересечение между двумя источниками власти, политическим и военным, и большое мастерство, с которым Иттихад маскировал операции «Специальной организации» как контрразведывательные мероприятия, без сомнения объясняют, почему некоторые ученые не смогли осознать существование второй «Специальной организации»³.

Существовало, однако, основное различие между первой «Специальной организацией» и второй, которая преследовала более узкие цели Центрального комитета партии «Единение и прогресс» с августа 1914 г. Это различие вытекает из введения критически важной инновации: масштабный наем осужденных, выпущенных из турецких тюрем, в состав второй версии «Специальной организации». Рассматривая то, как это нововведение работало на практике, а также характер миссий, возложенных на новую организацию, можно оценить геноцидальные намерения Иттихада. Это также позволяет нам точно определить период, в котором младотурецкий режим принял решение перевести свои планы в действие.

Телеграмма, отправленная комитетом Бурсы в Центральный комитет Иттихада, в ответ на приказы, переданные 15 сентября 1914 г., является первоисточником, упоминающим о наборе преступников. Этот документ показывает, что все местные комитеты были ознакомлены с просьбой нанять осужденных в Специальную организацию, но оказалось трудно «найти достаточное количество людей, которые были часто замешаны в убийствах и кражах». Местные иттихадисты тем не менее считали, что они могли бы представить от вилайета Бурса от

¹ Kutay. Op. cit. P. 36; Dadrian V. Documentation of the Armenian Genocide in Turkish Sources, in Genocide: A Critical Bibliographic Review, II, I. Charny (éd.), London, 1991. P. 126. Cemil A. Op. cit., «Vakit/Haratch» 69–70. Автор подтверждает, что Энвер вначале сопротивлялся абсолютному контролю Центрального комитета Иттихада над Специальной организацией, но поражение в Сарыкамыше уменьшило его влияние в Комитете, пошатнуло веру в него, и он был вынужден уступить.

² Dadrian V. The Role of the Special Organization in the Armenian Genocide during the First World War, in Minorities in Wartime, P. Panayi (ed.), Oxford, 1993. Pp. 50–82. Дадриан предоставляет ряд ссылок на эти вопросы, в частности в турецких источниках.

³ Zürcher E. J. Op. cit. P. 59. Его более позднее пособие по современной истории Турции предполагает, однако, что его подход к вопросу о «Специальной организации» развился.

пятисот до тысячи новобранцев с желаемыми навыками¹. Заметно, что обычные сети Комитета «Единение и прогресс» все еще использовались в первые недели кампании по набору рекрутов, вероятно потому, что политическое бюро «Специальной организации» еще не существовало или только организовывалось.

Более того, нет практически никакой документации о деятельности «Специальной организации» до начала осени 1914 г. После даты официального объявления о начале войны источники вдруг начинают размножаться. Шифрованная депеша от 13 ноября 1914 г., отправленная Халилом [Кут], который был назначен командиром пятого персидского экспедиционного корпуса лишь в декабре. Мидхату Шюкюрю, генеральному секретарю партии, приказывала ответственным секретарям в провинциях ускорить создание отрядов «Специальной организации». Этот документ был скреплен подписями д-ра Назима, Атиф-бея и Азиз-бея, начальника управления государственной безопасности²; это оправдывает подозрения, что к началу ноября политическое бюро «Специальной организации» уже действовало, в то время как все больше и больше осужденных были освобождены из-под стражи. Другие телеграммы, датированные серединой ноября, были зачитаны на заседании судебного процесса против юнионистов (во время допроса полковника Джевада); отправленные Бежаздинном Шакиром в Эрзурум или на имя Мидхата Шюкюрю, они пришли в филиалы комитета партии «Единение и прогресс» в Бурсе, Исмите, Бандырме и Балыкесире³, и они указывают, что председатель политического бюро «Специальной организации» вел переписку с генеральным секретарем Иттихада о вопросах, связанных с формированием отрядов, а также то, что члены политбюро из Стамбула работали не-

посредственно с ответственными секретарями, отправляемыми Комитетом «Единение и прогресс» во все регионы империи. 20 ноября 1914 г. шифрованная телеграмма от Мусы-бея, инспектора Комитета «Единение и прогресс» в Балыкесире, сообщила политбюро, что мутешариф 16 ноября 1914 г. получил зашифрованную телеграмму от министра внутренних дел, содержащую приказ о создании групп в недельный срок с привлечением осужденных, освобожденных из тюрьмы, и отправлении их на места, где они должны были служить⁴. Другими словами, министр внутренних дел и местные правительственные чиновники также помогали создавать отряды чете в тот же период.

Таким образом, ноябрь знаменует собой поворотный момент в реализации решений Центрального комитета Иттихада: именно в ноябре процесс освобождения преступников из тюрьмы был ускорен. Сто двадцать четыре человека были освобождены из тюрьмы Биньян (в вилаете Сивас) только в ноябре благодаря вали Муаммару, который договорился непосредственно с председательствующим судьей местного суда⁵. Исследование, проведенное Кригером, показывает, что не менее десяти тысяч заключенных по общему праву преступников, большинство из которых были убийцами, были отпущены на свободу и поступили в отряды «Специальной организации», начиная с осени 1914 г.⁶ Стоит отметить, что медицинские службы, армия, жандармерия и судьи участвовали в освобождении каждого из этих осужденных, как видно в случае с центральной тюрьмой Ангоры, двести сорок девять освобожденных преступников которой предстали перед комиссией, в состав которой входили Махмуд Джалаледдин-бей, глава департамента здравоохранения Ангоры; капитан Фехми-бей; полковник Мехмед

¹ Шестое заседание судебного процесса против юнионистов, 14 мая 1919 г.: «Takvim-i Vakayi», № 3557, 25 mai 1919. P. 98.

² Пятое заседание судебного процесса против юнионистов, 12 мая 1919 г., в 13:50: «Takvim-i Vakayi», № 3540, 5 mai 1919. P. 5, col. 2, lignes 8–14; cinquième séance, du 12 mai 1919: «Takvim-i Vakayi», № 3554, 21 mai 1919. P. 69.

³ Пятое заседание судебного процесса против юнионистов, 12 мая 1919 г.: «Takvim-i Vakayi», № 3554, 21 mai 1919. Pp. 67–69. Телеграмма от бюро, подписанная Азизом, Атифом, Назимом и Халилом, датированная 13 ноября 1914 г. Председательствующий судья приказал зачитать другую телеграмму, а затем спросил полковника Джевада, был ли он тем, кто написал «Уничтожить» на полях зашифрованной телеграммы, и получил ли он приказ сделать это (с. 68).

⁴ Шестое заседание судебного процесса против юнионистов, 14 мая 1919 г.: «Takvim-i Vakayi», № 3557, 25 mai 1919. P. 97.

⁵ APC/PAJ, PCI Bureau, U 497.

⁶ Кригер. Указ. соч. С. 215.

Васиф-бей, командующий жандармерией Ангоры, и Али Хайдар-бей, судья императорского апелляционного суда¹. Во всех регионах страны были созданы специальные комитеты для контроля процедуры выбора преступников, выпущенных из-под стражи и включенных в отряды. Генеральный секретарь Комитета «Единение и прогресс» Мидхат Шюкрю, отвечая на вопросы на шестом заседании судебного процесса против юнионистов, заявил, что после того, как чете были отпущены на свободу и интегрированы в отряды «Специальной организации», они считались «намуслу» (уважаемыми людьми), «ибо они служили отечеству, вырезая армянских женщин и детей»².

Таким образом, «Специальная организация» получила выгоду от активного сотрудничества с государственными организациями, особенно с Министерством юстиции, без одобрения которого было бы невозможно выпускать преступников из тюрьмы. Тем не менее, отвечая на вопрос Пятой комиссии парламента в ноябре 1918 г., министр Ибрахим Пири-заде заявил: «Я ничего не знал об этой организации. Совет министров также ничего не знал об этом. Мы находились в полном неведении об их целях и деятельности. Я абсолютно ничего не знал об этом и не обязан был знать»³. Далее депутат отметил, что «Омер Наджи-бей приступил к осуществлению мероприятий, связанных со Специальной организацией, и достаточно странно, что Ибрахим-бей, который был членом Совета министров, когда все эти события имели место, узнал о них только по факту». Загнанный в угол, Ибрахим-бей наконец сдался: «Я остался в кабинете, чтобы противостоять, в определенной степени, актам такого рода, о которых мне сообщали. Будьте уверены, что, когда я говорю, что мы не знали о «Специальной организации», я имею в виду, что ни одно решение не было принято Советом министров». Когда арабский депутат Фуад-бей спросил Ибрахим-бея, санкционировал ли он освобождение заключенных по общему праву, Ибрахим признался, в своем стиле,

что санкционировал: «Да. Я уже не помню, чтобы вилайет вмешивался. Но когда я узнал о намерении освободить осужденных в этом вилайете, чтобы отправить их на фронт, я категорически протестовал... Затем мы подготовили законопроект по этому вопросу, который был ратифицирован вашим почетным собранием»⁴.

Откровения полковника Джевада, военного губернатора (мухафиза) Стамбула и члена политического бюро «Специальной организации», показывают, что определенные провинциальные вали не желали выполнять приказы, которые они получили от руководства страны, а именно приказы о проведении депортации и резни. Как мы увидим, такие люди были быстро уволены, а иногда заменены ответственными секретарями, делегированными иттихадистами. Ответ младотурецкого правительства принял форму специального закона, принятого в декабре 1914 г., который легализовал вербовку осужденных преступников в ополчение⁵; закон был предназначен для преодоления угрызений совести некоторых официальных лиц. Другими словами, все знали, какие задания должны были выполнить чете. Телеграмма офицера генштаба, полковника Бехича Эркина к политическому бюро «Специальной организации» от 7 декабря 1914 г. является показательной в этом плане. Информировав политическое бюро о принятии закона о вербовке преступников, отправитель указывает, что губернаторы провинций будут отныне иметь возможность «действовать на законных основаниях»⁶.

Наконец, когда определена роль военного министра в операциях «Специальной организации», судебный процесс против иттихадистов показывает, что полковник Джевад выступал в качестве координатора между его собственным министерством и политическим бюро организации, в которой он состоял. Кроме надзора за деятельностью «Специальной организации», которая имела свои отделения в военном министерстве (первоначально задача наблюдения была

¹ Там же.

² Шестое заседание судебного процесса против юнионистов, 14 мая 1919 г., допрос Мидхата Шюкрю (с. 91–99): «Takvim-i Vakayi», № 3557, 25 mai 1919. P. 92.

³ SHAT, Service historique de la Marine, S.R. Marine, Turquie, 1BB7 236, doc. № 2054 B-9, Constantinople le 3 mai 1920, L. Feuillet, déposition d'Ibrahim bey. Pp. 40–42; Ittihat-Terakki'nin sorgulanması. S. 133–169.

⁴ Ibid. P. 42.

⁵ Второе заседание судебного процесса против юнионистов, 4 мая 1919 г., «Takvim-i Vakayi», № 3543, 12 mai 1919. Pp. 28–29; *Dadrian V. The Role of the Special Organization*. Pp. 30–31.

⁶ Ibidem.

возложена на Сулеймана Аскери, а затем и на Кушчубаши-заде Эшрефа [Сенчера]), Второе бюро, более известное как Департамент разведки, которое было подчинено высшему командованию Османской армии во главе с полковником генерального штаба Сейфи, играло видную роль в проведении пропагандистской работы, обеспечении материально-технической поддержки для «Специальной организации» и планировании депортаций. Это же агентство, как сообщал работающий в нем капитан, контролировало тайные средства, предназначенные для «Специальной организации»¹.

В своем выступлении перед пятой парламентской комиссией Саид Халим заявил в связи с созданием «Специальной организации»: «Она была претворена в жизнь военными властями... Правительство не имело с ней ничего общего. Этот вопрос не обсуждался на заседании Совета министров». Когда судья, председательствующий в военном суде, спросил Халима, был ли он проинформирован о «создании такой организации», он признал, что был, но только «после того, как все закончилось». И когда его спросили о том, что «никого никогда не критиковали в связи с этим делом», он ответил, продолжая говорить абстрактными терминами, что он сам высказывал такую критику. Затем он сделал ужасный вывод: «Но какой в этом смысл после всех уже совершенных бедствий!» Отвечая на последний вопрос о финансировании «Специальной организации», Халим подтвердил, что «военный министр имел в своем распоряжении большие суммы»².

Только что открывшиеся элементы позволяют сделать вывод, что «Специальная организация», основанная в 1914 г., должна была продолжить, в условиях полной независимости, выполнение задач, связанных с «внутренней» безопасностью государства и «внешними» интересами, используя

классическую формулу. Другими словами, она должна была взаимодействовать как с «внутренними врагами», так и с турецким населением за пределами Турции. Это была своего рода специализированная отрасль или военное расширение Центрального комитета иттихадистов. Это объясняет, почему «Специальная организация» зависела от поддержки локальных сетей Иттихада, особенно делегатов или ответственных секретарей, которых партия назначила в каждом регионе³: они были уполномочены использовать гражданские и военные власти для выполнения приказов, полученных от политбюро «Специальной организации».

Чтобы освободить преступников, которые затем поступали в отряды, политбюро полагалось на услуги министерств внутренних дел и юстиции; выбрать, обучить и оснастить убийц оно приказало Военному министерству. Каждое из этих учреждений имело своих представителей в специальных комиссиях, сформированных в каждом районе. В их состав, как правило, входили вали, военные власти, старшие судьи, полицейские начальники и руководители управлений здравоохранения, а также местные делегаты Комитета «Единение и прогресс».

Допрос важного члена политбюро, Атифбея [Камчила], предоставляет ценную информацию о властных отношениях или иерархии внутри этой сложной сети. Когда председательствующий судья спросил его, почему Центральный комитет иттихадистов и министр внутренних дел поддерживали прямой контакт с отрядами, которым они отдавали приказы через местные органы власти или делегатов Комитета «Единение и прогресс», хотя «Тешкилят-и Махсуса» официально находилась под юрисдикцией Военного министерства, Атиф уклонился от вопроса заметив, что «это было не насчет приказов, но рекомендаций в некоторых вопросах».

¹ Dadrian V. Op. cit. Pp. 26–27. Дадриан цитирует, в частности, откровения в стамбульской прессе, сообщения британской разведки и *Hatralar* (мемуары) Фуата Балкана: *Balkan F. II, Istanbul 1962. P. 297.*

² SHAT, Service historique de la Marine, S.R. Marine, Turquie, 1BB7 236, doc. № 1805 B-9, Constantinople le 26 février 1920, L. Feuillet, annexe 20, déposition de Saïd Halim. Pp. 18, 29–30.

³ Телеграмма, отправленная Рушдю, ответственным секретарем в Самсуне, в Центральный комитет партии «Единение и прогресс», и направленная 16 декабря 1914 г. Мидхатом Шюкрю д-ру Назиму, главе «Тешкилят-и Махсуса» (первое заседание судебного процесса против юнионистов, 27 апреля 1919 г.: «*Takvim-i Vakayi*», № 3540, 5 mai 1919. P. 6, col. 2, lignes 4–13), гласит: «Пятый отряд, под командованием Туфан-аги, включающий пятьдесят пять человек, был сегодня отправлен на автомобиле». Таким образом, «Единение и прогресс» и «Тешкилят-и Махсуса» тесно сотрудничали с целью сформировать отряды. Письмо от 20 ноября 1914 г. Мусы, инспектора партии «Единение и прогресс» в Баликесере, отправленное Мидхату Шюкрю и переправленное д-ру Назиму, также предполагает, что Министерство внутренних дел и «Единение и прогресс» принимали непосредственное участие в организации отрядов (*ibidem*).

Когда ему потом указали, что интервенции уполномоченных делегатов партии в местные органы власти явно имели форму приказов, а не выражения мнений, и, далее, что инструкции Министерства внутренних дел иногда отменялись Центральным комитетом партии, Атиф не дал никаких объяснений. Кроме того, телеграммы, зачитанные в ходе той же сессии, свидетельствуют, что некоторые делегаты прямо спрашивали, должны ли они подчиняться директивам Министерства внутренних дел или Центрального комитета¹. Другими словами, политбюро «Специальной организации» иногда объединялось с Центральным комитетом иттихадистов. Можно пойти еще дальше и сказать, что в лучшем случае существовало простое разделение труда между высшими членами партии.

Ничего не было сказано о природе «внутренних операций» «Тешкилят-и Махсуса» до пятого и седьмого судебных заседаний процесса против юнионистов. Именно на этих сессиях член Центрального комитета младотурок Юсуф Риза-бей, которого партия направила в Трапезунд, признал, что существовали две организации с одним и тем же названием, одна из которых действовала на передовой, а другая во внутренних провинциях. Он рассказал, что вторая была вовлечена в депортацию армян, «для выполнения этого задания не хватало жандармов («зинайров»)»².

Судебный процесс по делу лидеров «Специальной организации» также показывает, что были приняты меры, чтобы уничтожить распоряжения, относящиеся к чете. В ходе второго заседания полковник Джевад, член политбюро, ответственный за логистику, предъявил доказательство, благодаря которому выяснилось, что 21 января 1915 г. он получил циркуляр с требованием «организовать нерегулярные войска в первой, второй, третьей, четвертой и пятой армиях». Копия этого циркуляра, заверенная печатью генерального штаба армией в Военном министерстве, была направлена главнокоман-

дующему каждой армии. «После получения информации мы должны были отослать его по указанным адресам... После того, как приказ был разослан и исполнен, мы должны были уничтожить его». Такой же документ под номером 1117 также включал в себя следующие инструкции: «Послать отряды чете, профессиональная подготовка которых была завершена, в уже известные районы»³.

В письменных показаниях, представленных 5 декабря 1918 г. по делу Гасана Мазхара, экс-вали Ангоры, генерал Вехиб-паша, председатель комиссии по расследованию преступных деяний, созданной 23 ноября 1918 г., который 20 февраля 1916 г. принял на себя командование 3-й армией, представил подробный перечень запросов, которые он исполнил после своего прибытия в Эрзинджан. Он подтвердил, что Бехаэддин Шакир, пользуясь своей властью председателя «Специальной организации», освободил ряд заключенных и отправил их в отряды чете или, как выразился генерал, «мясников»⁴.

В заключительном заявлении прокурора в военном суде от 13 января 1920 г., в котором он потребовал, чтобы Шакира приговорили к смертной казни, он сослался на заявление генерала Вехиба о том, что «истребление армян и конфискация их имущества и земли произошли из-за решений, принятых Центральным комитетом партии «Единение и прогресс». Бехаэддин Шакир организовал батальоны «мясников» в районе, находящемся под контролем 3-й армии [включаящем вилайеты Эрзурум, Битлис, Ван, Диарбекир, Харпут, Трапезунд, Сивас и мутешарифат Джаник], и координировал все преступления, совершенные в этом регионе. Государство было соучастником этих преступлений. Ни один правительственный чиновник, ни один судья, ни один жандарм ни разу не вмешались, чтобы защитить население, которое пострадало от этих зверств»⁵.

Генерал добавил в «признании вины», содержащемся в полной, еще не опубликованной версии его показаний, что все рас-

¹ Шестое заседание судебного процесса против юнионистов, 14 мая 1919 г., допрос Атиф-бея (с. 99–104): «Takvim-i Vakayi», № 3557, 25 mai 1919. P. 102.

² Седьмое заседание судебного процесса против юнионистов, 17 июня 1919 г.: «Takvim-i Vakayi», № 3561, 29 mai 1919. P. 124; Пятое заседание судебного процесса против юнионистов, 12 мая 1919 г.: «Takvim-i Vakayi», № 3554, 21 mai 1919. Pp. 88–89.

³ Второе заседание судебного процесса против юнионистов, 4 мая 1919 г.: «Takvim-i Vakayi», № 3543, 12 mai 1919. P. 28. Председательствующий судья приказал, чтобы этот документ был зачитан перед судом.

⁴ Первое заседание суда над юнионистами, 27 апреля 1919 г., конспект доклада Вехиб-паши: «Takvim-i Vakayi», № 3540, 5 mai 1919. P. 7, col. 2.

⁵ «Takvim-i Vakayi», № 3771, 9 février 1920. P. 48, col. 2.

стройства и проблемы в [юрисдикции] 3-й армии были вызваны обманными действиями Бехаэддина Шакира. Путешествуя в специальном автомобиле, он перемещался от одного местного центра к другому, чтобы устно передавать решения, принимаемые партией «Единение и прогресс», и директивы, рассылаемые в филиалы партии и главам правительств [вали] в этих населенных пунктах... Зверства были совершены по

умышленному плану и с абсолютно очевидными намерениями, и были вначале организованы и сформированы в виде приказов делегатами партии «Единение и прогресс» и его высших органов, а затем осуществлялись руководителями губернаторств, которые стали податливыми инструментами, служащими умыслам и желаниям этой организации, которые не знали закона и не чувствовали угрызенной совести¹.

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 2 171-2 182, сообщение на двенадцати рукописных страницах на османском, на имя Emiyeti Umumiye Dairesinde, Sevkiyat Komisyonu Riyasetine, а затем французские и армянские переводы текста, вероятно, от информационного бюро армянской Патриархии в Константинополе, члены которой имели доступ к файлам предсудебного расследования до середины марта 1919 г., поскольку, как сотрудники Патриархии, они действовали от имени жертв и, следовательно, выступали на стороне истцов.

ГЛАВА 4

Разрушение как самосозидание: идеология у власти

В предыдущих главах мы выделили определенные существенные характеристики идеологии, которая преобладала среди младотурок, учитывая, в частности, что потребность в централизованном государстве была для них фундаментальным, неоспоримым принципом, иными словами, они были внутренне настроены против любых схем децентрализации, такой, как та, что была выдвинута принцем Сабахеддином и османскими либералами. Принимая во внимание то, что для либералов децентрализация была ценой сохранения целостности Османской империи, иттихадисты всех родов никогда не думали даже о малейших уступках группам населения нетурецкой национальности в стране: политика, которую они преследовали в Албании, Македонии и Йемене, напротив, свидетельствует о радикализации, которую коллективные неудачи только усиливали. Таким образом, вне целостности Османской империи, которая была преобразована в догму, прослеживается основательный проект зарождения турецкого народа. Этот проект должен был заменить имперскую модель, характеризующуюся космополитическим обществом и разделением труда, которое дало начало зарождающему процессу индустриализации, благоприятствующему христианам страны. Первоначально будучи чисто теоретическим, особенно в период оппозиции и изгнания, проект младотурецкого движения, естественно, столкнулся с суровой реальностью Османской империи, что сделало цели элиты иттихадистов практически недостижимыми. Соответственно, иттихадистам пришлось заключить «тактические» союзы с группами, которые были категоричны относительно своих стремлений на принципиальных основаниях, и иногда маскировать приемлемые, правдоподобные

рассуждения в отношении этих стремлений: идеология османизма, разработанная предшественниками младотурок, была в некотором роде популяризирована и адаптирована к потребностям младотурок. Надо признать, что османизм первоначально привлек внимание или даже принес пользу группам населения нетурецкой национальности Османской империи, во многом благодаря их воспоминаниям о тираническом режиме Гамида. В обычных кругах эгалитарный дискурс, который сопровождался османизмом, неизбежно привлек общество, не поддающееся эгалитарным перспективам, к агрессивным массовым протестам; однако, как это ни парадоксально, мы видим, что сами иттихадисты глубоко презирали эту концепцию, которую они считали пустой абстракцией. Мобилизуя националистические, исламские и эгалитарные темы по очереди, КЕП часто защищал явно противоречивые положения, разоблачаемые оппозиционными группами и, в иных случаях, отстраняемых от власти. Для комитета было не просто постепенно уничтожить всю оппозицию и взять под свой контроль государственный аппарат и армию. Хотя невозможно однозначно утверждать, что в период 1908–1918 гг. шаг за шагом достигалась высшая цель КЕП, состоявшая в создании «турецкой» нации с еще нечеткими границами, ход событий, а также решения, принятые элитой младотурок в этот период, создают впечатление, по крайней мере, что именно это и произошло.

В данном исследовании не ставится цель подробного рассмотрения истоков туркизма или, более обширно, идеологии младотурок, тем, относительно которых ученые разошлись в своих взглядах¹. Мы ограничимся рассмотрением вопроса, прямо или косвенно относящегося к нашему исследованию,

¹ Bozarslan H. Les Courants de pensée, Op. cit., 2 vol.; Hanioglu M. Ş. Preparation for a Revolution.

а именно вопроса концепции государства и армии, а также общества и государства, разработанного КЕП.

В Османской империи, которая основывалась на постоянных военных завоеваниях и на прошлых успехах ради достижения новых, — империи, в которой только кадровые военные могли надеяться на престижные социальные позиции, постепенно стало очевидным военное превосходство Запада. Это породило бесконечные потери территории и длительный внутренний кризис, кульминация которого может быть приблизительно датирована 1923 годом, когда империя прекратила свое существование. Такова была любопытная судьба государства, величие которого исходило из способности султанов мобилизовать все свои внутренние силы. В конце концов, оно неумолимо отклонило существенный сегмент этих сил. Легко себе представить, насколько ужасными были столкновения цивилизации середины девятнадцатого века для османской элиты, когда Запад, в которой Османская империя глубоко проникла и из которого взяла большую часть сущности, приобретенной за многие столетия, теперь оказался не объектом добычи, а хищником, прочно поддерживающим форму национального единства, неизвестного на Востоке. Элита, должно быть, задалась вопросом, в чем главный секрет силы власти и энергии Запада? Почему мы потерпели поражение и были поработаны этими странами, над которыми мы доминировали только вчера?

Все эти вопросы, разочарования и травмы образуют османское наследие, которое младотурки скорее отвергали, чем принимали. Как это ни парадоксально, колониальная империя и ее колониальный характер, смягченный исламской социальной базой, оказались противостоящей другому виду империализма — современному.

Хотя центральные элементы этого наследия можно проследить до царствования Абдул-Гамида, некоторые из его особенностей также можно отнести к самим младотуркам, особенно к их элитарной концепции общества и социальному консерватизму. Для юнионистов никогда не возникало вопроса об организации народной революции или воспитания неграмотных масс и предоставления им возможности непосредственно

участвовать в процессе принятия решений. Также не было и речи о создании массовой организации; их целью была элитарная, централизованная партия. По их мнению, общество имело смысл только в той степени, в которой оно служит интересам государства¹. Социальный дарвинизм был естественным законом, управляющим биологическими процессами, а также узаконенным социальным неравенством или, если угодно, презрением младотурок обществом. Поскольку лишь представители элиты, которых младотурки считали «социальными врачами» нации, были единственными, кто был способен просветить «массы»², при условии, конечно, что массы согласны подчиняться ей беспрекословно.

Многие, это верно для АРФ, обвиняли обстоятельства в авторитаризме КЕП, который давно воспринимался как конституционное движение. Тем не менее «изучение секретной переписки младотурок и публикаций, а также личных документов ведущих членов их организаций ясно показывает, что они считали себя прежде всего спасителями империи». По этой причине младотурки не связывали себя с положениями конституционного договора. В лучшем случае они использовали его, чтобы приобрести презентабельный имидж. Как отмечает М. Ш. Ханиоглу, «склонность младотурок к авторитарным теориям ни в коем случае не была случайностью»³. Все направления мысли, которые привлекли их внимание: биологический материализм, позитивизм, социальный дарвинизм, элитизм, — заинтересовали их до такой степени, что они хотели узаконить свою концепцию государства и общества в антиподах идее равенства всех граждан, которые они защищали публично. Их социальный дарвинизм был основан на идее «человеческого неравенства», в то время как социологические теории интересовали их лишь постольку, поскольку они позволяли понять массовую психологию и оправдать деятельность элиты, то есть их собственную деятельность. С этой точки зрения их понимание европейских авторов, особенно социологов, можно было бы назвать утилитарным. Они занимались своего рода поисками магических формул, которые они могли бы узаконить как свою собственную практику.

¹ Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 310.

² Ibid. P. 308.

³ Ibid. P. 313.

Г. Бозарслан уже выделил важнейший элемент в умственной «вселенной» этой младотурецкой элиты, ее принятие позитивистской концепции законов исторического развития. Это позволило им «принять участие в данной деятельности, но и также продолжать отрицать свою роль в качестве исторических субъектов»¹. Другими словами, их позитивизм позволил им действовать, не считая себя ответственными за свои действия, поскольку они выступали агентами высшей миссии.

Для узкого круга тридцати человек, которые контролировали Иттихад, идея о правах человека была абстракцией, как и лозунг республики. «Свобода, равенство, братство» — эти слова были архаичной «метафизической фантазией», не имевшей никакой другой цели, кроме как «привести различные османские этнические группы к идее османизма»². Еще большее значение, чем что-либо, включая общество, имело создание сильного авторитарного государства³, всецело контролируемого Комитетом и способного реализовать его цели. Ничто не должно было помешать этим историческим миссиям, особенно оппозиция, как мы могли заметить в обсуждении нападения на Блистательную Порту в январе 1913 г. и убийства военного министра. Если бы это не было непредвиденными обстоятельствами внутренней и зарубежной политики, то диктатура, провозглашенная в январе 1914 г., возникла бы намного раньше.

Таким образом, легко понять, что революция в июле 1908 г. представляла собой не что иное, как раскрепощение османского общества, хотя она и открыла пространство свободы, которого не было в условиях режима Абдул-Гамида. Кроме того, весьма характерно, что эта «революция» удалась только благодаря молодым офицерам. Как М. Ш. Ханиоглу уже авторитетно отмечал, когда д-ра Бехаэдин Шакир и Назим реструктурировали КПЕ в КЕП в период 1905–1907 годов, они оба очень хорошо понимали, что без армии их проекты никогда не смогли бы осуществиться и что сами они могли навсегда остаться в изгнании. После попытки

воздействовать на нескольких высокопоставленных чиновников администрации Гамида им пришлось открыть двери Центрального комитета для кадров вооруженных сил.

Объединение, придуманное этими младотурками в изгнании, формировалось под влиянием теоретических дебатов между Ахмедом Ризой и принцем Сабахеддином, а также под влиянием их частых контактов с армянскими изгнанниками, и таким образом представляло собой неоднородную среду. Более того, «порядок и прогресс», к которому младотурки призывали, требовали бы для их реализации социальную среду, которая не существовала во времена Османской империи. Таким образом, родилась социологическая странность, состоявшая из «замены офицеров рабочими промышленного класса», с ролью «одного актера», возложенной на армию⁴. Этот отпечаток Турция несет даже сегодня. Теории Кольмара фон дер Гольца, отца перестройки османской армии, который отводил военным особую роль в доиндустриальном обществе, пользовались большой популярностью у молодых офицеров, окончивших Военную академию Стамбула; они также польстились предубеждениям КЕП, который считал себя полувоенной структурой⁵ и ставил себя выше закона. М. Ш. Ханиоглу отмечает в этой связи, что действительно «в Османской империи военные традиционно играли более значительную роль в формировании политики, чем военные во многих европейских государствах, и возрождение военных как доминирующей силы было относительно легким переходом». Даже «гражданские» члены Центрального комитета иттихадистов были сконцентрированы на милитаристских традициях. А что было бы, если бы не д-ра Бехаэдин Шакир и Назим, эти два выдающихся основателя «реформированного» КЕП, окончившие Военно-медицинскую школу, и если бы они оба не были офицерами? Во всяком случае, в 1914–1916 годах они возглавляли Специальную организацию, которая выполняла «внутренние миссии» и имела довольно простую военизированную структуру, придуманную «спасителями нации»⁶. Однако

¹ Bozarslan H. Op. cit., I. P. 91.

² Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 295.

³ Bozarslan H. Op. cit., I. P. 95.

⁴ Ibid. P. 97.

⁵ Hanioglu M. Ş. Op. cit. P. 294.

⁶ Ibid. P. 295.

военной элиты было недостаточно для сохранения нации. Для этого нужны были люди исключительных способностей, «супермены», о которых Бехаэддин Шакир писал, с разочарованием и гневом, что «единственный турок, имеющий сильное желание стать "сверхчеловеком" [был] сам султан Абдул-Гамид»¹. Судя по всему, даже Энвер-паша не нашел признания в его глазах.

Отказ от османской модели и ее языкового и культурного плюрализма, который иттихадисты стремились заменить на «османизм», был еще одним ключевым моментом проекта младотурок. Однако то, что они предложили, в сущности, возможно, безальтернативно вернуться к тюркизму, столкнулось с прочно закрепленными группами: арабами, греками или армянами, и представляло недостаток предложения хрупких культурных оснований этим группам. Более того, вместо того, чтобы фактически стремиться включить группы нетурецкой национальности в свою среду, иттихадисты отвергали все формы партикуляризма. Назим не ходил вокруг да около: «Националистические протесты и стремления нас раздражают. На нашей земле должны существовать только одна нация и один язык»². «Османизм», конечно, был просто декоративным украшением, как это было в дискурсе о равенстве.

Возможно, это привело бы к риску медленного разрушения османского мира, который уступил место национальным государствам, наряду с частыми контактами иттихадистов с албанскими, македонскими и армянскими революционерами, наделенными основательным национальным самосознанием, которые помогли ускорить проект младотурок о создании турецкой нации. Как Г. Бозарслан был вынужден отметить, иттихадисты, поддерживающие этот проект, обнаружили, что, собственно говоря, не существовало турецкой «нации»³, живущей на ее исконных землях, а существовала доминирующая мусульманская османская группа, которая никогда не задавалась вопросом о своей идентичности и давно перестала следить за происхождением своих предков из Центральной Азии. Таким образом, по-

строение турецкой нации могло идти только путем оппозиции по отношению к другим группам, у которых, в свою очередь, были особенности, основанные на культуре и родине. Отказ от правил, определяющих жизнь в целом, соединительный элемент, который обеспечил бы сплоченность империи, не мог не привести к столкновению. Превращение мультикультурной империи в национальное государство было невыполнимой задачей и неизбежно источником антагонизма. Существуют все основания полагать, что антагонизм был вызван или, возможно, вскрыт националистической идеологией Иттихада.

Поскольку иттихадисты задумывали современность, к которой, как они утверждали, стремились с точки зрения создания турецкой нации, они проводили политику, основанную на отказе от групп, которые не вписывались в их идеологическую схему. Теперь речь шла не о доминировании над другими группами, как во времена Османской империи, а об их поглощении. Если считать это отправной точкой, можно ли было представить себе политическую арену, зону диалога? И одна, и вторая стороны руководствовались лишь существованием документов. Как многие уже подчеркивали, это тот редкий случай, когда власть перешла в другие руки в период младотурок; изменения произошли за счет использования силы, в результате государственного переворота. Важно отметить, что термин, принятый для обозначения «политики» («сияса»), обозначал искусство управления или контроля над лошадей⁴.

В этих условиях не могло быть и речи о предоставлении равного статуса лицам, не являющимся турками, не говоря уже о немусульманах. Обсуждая младотурок, Текин Альп, идеолог тюркизма, указывает на одну из проблем, стоящую перед ними: «Османизм был действительно невыгодной сделкой для них, они могли только проиграть от этого. Они не могли оставаться на том же уровне, что и их сограждане из других групп... Риск в том, что они могут оказаться младшими и не особенно блестящими партнерами в объединении, которое они пред-

¹ Hanioglu M. Ş. Bir Siyasal Örgüt Olarak Osmanlı İttihat ve Terakki Cemiyeti ve Jön-Türklük, İstanbul, s.d. S. 52-54; Bozarслан H. Op. cit., I. P. 102.

² Albert Fua, Dr. Refik Nevzad. La trahison du gouvernement turc Comité Union et Progrès, Paris, 1914. P. 13.

³ Bozarслан H. Op. cit., I. P. 113.

⁴ Ibid. P. 122.

ложили в условиях надежды и энтузиазма первого объятия»¹.

Хотя нельзя наверняка говорить, что иттихадисты когда-либо действительно предлагали вид объединения, о котором упоминает этот пророк турецкой нации, и очевидно, что идея уравнивать всех османских граждан открыла перед ними перспективы, которые не могли не встревожить менее радикально настроенных младотурок. Гусейн Джахит [Ялчин], иттихадист из узкого круга, чья газета «Танин» представляла собой хороший «барометр» настроений в столице, предложил следующую интерпретацию эгалитаризма: «Заявление о том, что немусульмане будут иметь те же права, что и мусульмане, подразумевает собой, что эта страна станет греческой, армянской или болгарской? Нет! Эта страна останется страной турок. Мы собрались вместе под именем «османы», но форма государства никогда не будет изменяться в ущерб особых интересов турецкой нации. Никогда не будет принято ни единой меры, подвергающей опасности жизненные интересы мусульман... Независимо от того, что бы ни говорили люди, турки являются доминирующей нацией в этой стране, и так будет всегда»²!

Все знали основные правила игры. Никогда не возникало вопроса о создании политического пространства для других групп, входящих в состав империи.

С другой стороны, проект младотурецкого движения включал принятие элементов европейской цивилизации и, как мы уже упоминали, социальные модели, описываемые европейскими социологами как европейское техническое ноу-хау. Полная смысла поэтическая формула Энвера-паши, произнесенная в разговоре с немцем, подытожила концепцию большинства младотурок: «Ваша цивилизация является ядом, но это яд, который оживляет человеческий дух... Поскольку мы признали свое превосходство над вашей цивилизацией, мы также терпим ее пороки»³. Иттихадисты знали, что их обществу не хватало вдохновения, словно их

мощь была на исходе, и что оно нуждалось в большей стимуляции. Они также знали, что их наиболее динамичные группы, те, что были самыми успешными в освоении западных достижений, оказались греками и армянами империи, в то время как зарождающаяся турецкая нация более всех сопротивлялась такого рода влиянию. Как особенности европейской цивилизации могли сочетаться с мусульманской османской цивилизацией? Как мусульманское османское общество могло стать современным, оставаясь при этом верным себе⁴? Таковы были вопросы, стоявшие перед младотурками.

Среди моделей, предложенных Западом, понятие «раса» явно привлекло младотурок, так как позволяло строить турецкую модель, превосходящую национальные границы. Использовать эту модель, однако, было проблематично, поскольку система классификации, принятая европейскими «учеными», поставила турок в нижнюю часть шкалы, обозначенную как «желтая раса». Кроме того, как подчеркивает Ханиоглу, понятие «турецкая раса» стало реже употребляться с 1907 г., поскольку оно слишком явно противоречило «османистской» пропаганде младотурок⁵. Идеологи Комитета не могли применять в империи европейские расовые теории, поскольку они привели бы к последствиям, противоречащим искомому, угрожая поставить нетурецких подданных выше турецких.

На самом деле, в своих поисках отчетливой турецкой нации иттихадисты неоднократно шли против очевидно неразрешимой проблемы многонационального османского наследия. После их прихода к власти иттихадистам не потребовалось много времени, чтобы понять, что отуречить греков и армян было, в сущности, невозможно. Действительно, по крайней мере для некоторых младотурок, «турецкость», вероятно, заменила идею братства между различными группами подданных Османской империи⁶ еще до революции 1908 г. Для того, чтобы повысить цену турецкой модели, надо было преуменьшить и отклонить альтернативы.

¹ *Risai P.* [Tekin Alp, autre ps. de Moïse Cohen], «Les Turcs à la recherche d'une âme nationale», in: *Jacob M. Landau, Tekin Alp. Turkish Patriot 1883–1961*, Istanbul, 1984. Pp. 66–67; *Bozarslan H.* Op. cit., II. P. 37.

² *Akşin C.* *Jön-Türkler ve İttihat ve Terakki*, Istanbul, 1980. S. 168–169.

³ Письма Энвера-паши: *O. Koloflu*, «Enver Paşa Efsanesinde Alman Katkısı, 1908–1913», «Tarih ve Toplum», № 78 (1989). S. 19.

⁴ *Zürcher E. J.* Op. cit. P. 133.

⁵ *Hanioglu M. Ş.* Op. cit. P. 297.

⁶ *Kuran A. B.* *İnkılâp Hareketleri ve Millî Mücadele*, Istanbul, 1956. S. 483; *Bozarslan H.* Op. cit., I. P. 207.

Младотурецкий поэт Мехмед Эмин подхватил эту идею в четырех строках, написанных им в 1910 г.: «Самое красивое лицо выглядит уродливо в наших глазах/Мы любим турецкое лицо/Лучшая сущность плоха в наших глазах/Мы хотим турецкую сущность»¹. Турецкость, таким образом, явно была связана с увлекательной западной моделью под названием национализм.

Национализм проявлялся, как отмечает Бозарслан, в «менее требовательных правах меньшинств, которые были немедленно идентифицированы как сепаратизм, и в неуверенном объединении, защищающем старую систему»². Однако поскольку младотурки хотели приобщить народ к турецкому патриотизму, подразумевающему переход к использованию турецкого языка, они также понимали, что должны были вести борьбу против османского космополитизма, в то время как модернизированный турецкий язык, о котором писал Омер Сейфеддин, «был катастрофическим, несчастным, губительным, нелогичным»³. Еще одна цель этих стремлений к современности и самобытности состояла в повышении статуса турок и повышении цены их славного прошлого. С этой целью необходимо было уничтожить османскую историографическую традицию, в которой Восток характеризуется как варварская родина кровожадных монголов. Другими словами, необходимо было порвать с унаследованной византийской имперской моделью и обратиться за вдохновением к знаменитым двоюродным братьям — монголам, а также татарам России. Заявление писателя Ахмеда Мидхата иллюстрирует это стремление. Мидхат заявил, что именно турецкость, а не ислам, придала «четыремстам палаткам племени Огуз, пришедшим из азиатских степей», стремление, необходимое для создания одной из величайших в мире империй⁴. В течение нескольких лет напряженная работа, проделанная младотурками, бесспорно, способствовала появлению в османском обществе более приукрашенного образа турок.

Следующий этап в формировании турецкого национализма, построенного как ре-

акция, несомненно, многим обязан Юсуфу Акчура (1876–1935), чистому продукту французской школы политологии. Он проповедовал единство всех турок, где бы они ни проживали, и решительно выступал против идеи «османской нации», которую он считал практически невозможной⁵. Ахмед Агаев/Агаоглу (1869–1939), который, как и Акчура, был татарин, вырос в армянской среде Шуши, «маленького Парижа» Карабахского района. Он также получил высшее образование в Париже и проповедовал турецкий национализм, и требовал его освобождения от давления ислама, или, по крайней мере, преобразования ислама в «национальную религию», то есть подчиненную турецкой нации⁶. Для Агаоглу универсальное распространение ислама было неприемлемым, поскольку противоречило проекту установления отчетливой турецкой культуры⁷. Как мы уже отмечали, тем не менее Агаоглу не колебался в отношении предупреждений, что ислам в опасности, призывая к джихаду в январе 1913 г., после катастрофы на Балканах⁸. Существовали очевидные противоречия в дискурсе всех этих пророков турецкого национализма, которые разрывались между патриотическими чувствами и исламским наследием, как это было в рамках движения младотурок. Среди татар России, которые, как мы уже отмечали, очень рано установили связи с младотурецким движением, Гусейн-заде Али [Туран] и Юсуф Акчура представляли собой яркие тому примеры. Ахмед Агаоглу особенно выделялся, ибо он довольно быстро обеспечил себе место в Центральном комитете иттихадистов. Он был единственным из членов комитета, кто не только имел достаточный опыт, но и принял непосредственное участие в столкновении с армянами на Кавказе в 1905 г. Агаоглу, по-видимому, можно смело отнести к типу турецких националистов, образованному в результате связи с русским империализмом, а также российскими и армянскими революционерами в Баку и Париже. Он вырос в Шуши, в одном из ведущих армянских культурных центров девятнадцатого столетия на Кавказе, в городе, который знаменит замечательной интеллектуальной

¹ Цит. по: *Ibid.*, II. P. 52. Мехмед Эмин [Юрдакул] (1869–1914), писатель и пантюрский поэт.

² *Ibidem.*

³ *Ibidem.*

⁴ *Ibid.* p. 54.

⁵ *Akçura Y. Yeni Türk Devletinin Kurucuları. 1928 Yazıları*, Ankara, 1981. S. 143; *Bozarslan H. Op. cit.*, II. P. 57.

⁶ *Agaoglu A. Islâm'da Davayı Milliyet*, in: *Kara İ. Türkiye'de İslâmcılık Düşüncesi? Metinler/Kişiler*, İstanbul, 1986. S. 452; *Bozarslan H. Op. cit.*, II. P. 58.

⁷ *Agayef A. «Türk Alemi»*, «Tarih ve Toplum», № 63 (1989). S. 18–21, in *Bozarslan H. Op. cit.*, II. P. 59.

⁸ См. выше, III, примечание 7.

элитой. Вероятно, именно там он открыл силу, заключавшуюся в культурной сплоченности нации, и, посредством контраста, путь, который его татарским соотечественникам придется пройти, прежде чем стать единой нацией. Цель, по его мнению, состояла в том, чтобы использовать в своих интересах территориальные приобретения османов в целях объединения турок. Тот факт, что он происходил из семьи «дёнме»¹, туркоязычных евреев Кавказа, которые приняли ислам, возможно, только усилил его решимость работать в этом направлении. Роль, которую он играл в июле 1911 г. в создании «Тюрк Юрду Джемете» («Ассоциация турецкой территории»), наряду с Мехмедом Эмином [Юрду-сулом] и Акчурой², также показывает, что он был не просто теоретиком и не колебался испачкать руки, в частности в массовых убийствах бакинских армян.

Зия Гёкальп — идеолог тюркизма и Бехаэддин Шакир — активист тюркизма

Все младотурки поддерживали принцип сильного, централизованного государства, в котором армии будет отводиться особая роль; однако бесчисленные противоречия, возникающие в результате идеологии пантюркизма, оставались предметами споров и источником беспокойства до тех пор, пока Мехмед Зия Гёкальп не придумал свое знаменитое обобщение, которое объявляло главенство общества над личностью. Однако дело еще более осложнилось тем фактом, что для Гёкальпа «общество» означало «нацию», а «нация» — «пантюркизм», или, другими словами, сочетание национализма и изгнания. Катастрофически тяжелое положение турецкого мира Гёкальп объяснял тем, что турки обладали высокоразвитой культурой, но эта культура была уничтожена исламскими арабами и византийской цивилизацией Средневековья. В качестве средства повторного открытия и регенерации он призывал к сочетанию современной европейской культуры и оригинальной турецкой культуры, и по этой причине он не исключил ислам из своего проекта.

Как отмечал Э. Цюрхер, наиболее националистически настроенные младотурки были родом из тех областей, которые характеризовались смешанным населением или которые располагались на границах империи; их прямое столкновение с многонациональным характером этих областей указало им на основные проблемы османского общества и ознакомило их с «вопросом национальностей»³.

Текин Альп, который родился в среде Серез, предложил «лучшее разоблачение»⁴ программы пантюркизма. Он воплощает собой особенно яркий пример позиции некоторых лиц «меньшинства», которые отождествляются с национальным идеалом. Хотя он не являлся турком и потому был исключен из руководства Иттихада, он вышел на передний план как пророк великого турецкого национального проекта.

Обобщение Гёкальпа было предназначено для младотурецкого движения, в котором состояло очень много военных и, следовательно, относилось к теоретическому рассуждению⁵, диктованному практически всеобщее согласие, ибо он поручил националистической настроенной элите миссию стремления к идеалу, общему для всех турок. Тот факт, что этот скромный парламентский представитель из Диарбекира, активно принимавший участие в осеннем конгрессе КЕП 1909 г. в Салониках, был избран членом Центрального комитета на следующий год⁶, показывает, насколько хорошо то, что он хотел высказать, отвечало ожиданиям юнионистской элиты, оправдывавшей однопартийный режим КЕП. Как отмечает Бозарслан, «обобщение» Гёкальпа «определенно исключает ислам как основу для узаконивания социального порядка, однако отводит большое место религии, поскольку с ее помощью комитет [может] надеяться переманить большую часть исламистской оппозиции на свою сторону, а также рассматривает турецкость и цивилизацию как буквально не отделимые

¹ Это указано в досье, которое британские власти подготовили в отношении него, когда он находился в заключении на Мальте весной 1919 г.: FO 371/6500, № 2764.

² См. выше, с. 149, примечание 2.

³ Zürcher E. J. Op. cit. P. 136.

⁴ Tekin Alp. Türkler bu Muharebede Ne Kzanabilirler?, Istanbul, 1914.

⁵ Bozarslan H. Op. cit., II. P. 81.

⁶ См. выше, с. 140, примечание 5.

от ислама. Исключение религии из политической области происходит ценой присвоения ей первостепенной роли в разработке турецкого сознания или даже определения политической области»¹.

Будучи далекой от чистой теоретики, модель Гёкальпа определяет практические области, такие, как контроль над экономикой, и ставит перед собой грандиозные цели завоевания российских туркоязычных провинций. По мнению Гёкальпа, единственный путь, которым турки могли восстановить наследственные достоинства турецкой нации, это ассимилировать западную культуру, позаботившись о том, чтобы не потерять в этом процессе свои души².

Как пишет Бозарслан, действительно, «до установления конституционного строя уже было много турок [в Турции]. Однако, поскольку отсутствовала идея «мы турецкая нация», то, соответственно, и не было никакой турецкой нации»³. С этого времени иттихадисты стремились строить эту нацию, борясь против «национального самосознания» других групп в империи. Цель состояла в установлении «Мешрутийета», «уникальной османской национальной индивидуальности»⁴, то есть в пакте сцепления с пантюркизмом. По мнению Гёкальпа, уже больше не было места для официальных представительств миллетов, немусульманских общин, чье существование было лишь историческим анахронизмом, не унаследованным от Османской империи. Миллет был «секретной государственной организацией, предназначенной для меньшинств», и, хотелось бы добавить, очень подозрительной⁵. Тем не менее было не так-то просто прекратить отношения с армянской и греческой патриархиями и создавать гомогенную нацию в пределах Османской империи, поскольку непременным условием была ассимиляция групп нетурецкой национальной идентичности, включая арабов и курдов. «Отуречивание ислама»⁶ действительно являлось частью программы Гёкальпа, и КЕП также предпринял попытку достижения этой цели. Результаты, однако,

были катастрофическими. В условиях проживания не в своей стране, но со своими собственными кодексами поведения, партия смогла, в лучшем случае, принять на работу маргинальные группы или правонарушителей, чуждых их собственному видению культурной среды⁷.

Существовало еще одно направление в идеологическом проекте Гёкальпа особой важности, узаконивающее деятельность младотурецкой элиты. Понятие нации подменялось понятием общества или, другими словами, отказом от личности как политического лица в пользу коллектива нации, с которой, как мы уже отмечали, КЕП безоговорочно себя идентифицировал. Надо отметить, что в этой покоренной массе Гёкальп различал понятия «героя» или «супермена». Герой, в отличие от массы, имел полную свободу действий, в том числе свободу «идти наперекор обществу и правовым институтам и ставить себя выше общества и особенно закона. Законность действий героя не исходит из соблюдения законов и тем более из их соответствия традиции; она исходит из исторического импорта своего проекта. Реализация этого проекта может призвать к использованию средств, одновременно исключительных и нетрадиционных и, таким образом, естественно способных подорвать любое социальное согласие; и в то же время они могут быть незаконными, если именно этого требуется»⁸.

Эта идеологическая проверка методов, уже прочно вошедшая в политику Иттихада, напоминает самооправдание некоторых армянских революционеров, которые выдавали себя за «героев», сражающихся за свой народ. Узаконивание деятельности героя, его убежденность в том, что он вынужден действовать вне закона на благо своего народа и на благо защиты будущего своей страны, сформировали ядро того, что Талаат должен был сказать западным дипломатам, а затем и его обвинителям. Заявление, которое сделал д-р Решид, вали Дيارбекира, незадолго до своего самоубийства в 1919 г.,

¹ *Bozarslan H.* Op. cit., II. P. 81.

² *Ibid.* P. 90. Он цитирует Зию Гёкальпа: *Gökalp Z. Makaleler IX*, ed. Ş. Beysanoğlu, İstanbul, 1980. S. 41.

³ *Ibid.* P. 28, цитирован Бозарсланом: *Bozarslan H.* Op. cit., II. P. 95.

⁴ *Gökalp Z. Makaleler I*, ed. Ş. Beysanoğlu, İstanbul, 1976. S. 70, цитирован Бозарсланом: *Bozarslan H.* Op. cit., II. P. 92.

⁵ *Gökalp Z. Külliyyati*, II, *Limni ve Malta Mektupları*, ed. F. A. Tansel, Ankara, 1965. S. LVI, цитирован Бозарсланом: *Bozarslan H.* Op. cit., II. P. 92.

⁶ В соответствии с формулой Г. Бозарслана: *Ibid.*, II. P. 93.

⁷ *Kouyoumdjian* Op. cit. Автор объясняет это очень хорошо в отношении Ливана и Сирии.

⁸ *Bozarslan H.* Op. cit., II. P. 100.

подпадает под эту категорию: «Армяне либо сметут турок прочь, либо будут сметены самими турками... Меня не очень волнует то, что другие народы пишут обо мне»¹.

Последний момент, популяризированный Гёкальпом, грандиозный план по объединению турок, который был принят иттихадистами как высший идеал в годы, непосредственно предшествовавшие Первой мировой войне, конечно, не был абсолютным новым. М. Ш. Ханиоглу хорошо показал роль журнала «Турк» в популяризации этой темы на заре XX века. Тем не менее с помощью Гёкальпа (который, следует напомнить, являлся членом Центрального комитета иттихадистов, где он некоторое время общался с Ахмедом Агаевым, еще одним идеологом тюркизма) эта теоретическая концепция, которая до того представляла собой форму боевого клича тюркизма, приобрела практический характер. Она больше была лозунгом не оппозиционной группы, но комитета, который стоял во главе политической программы и держал власть в своих руках. Гёкальп даже настаивал, что государство, которое «называется Туркия и турецкая нация», не будет жизнеспособным, если они не объединят всех турок и если все эти турки не будут говорить на одном языке, исламском и турецком, который должен быть создан; единое целое будет основываться на турецкой национальной экономике и разделении труда². Его проект представлял собой несколько этапов на пути к достижению идеала объединения турок: «Тюркияджылык» (объединение турками Турции), «Огузджулук» (объединение турками племен Огуз), и, наконец, «Туранджылык» (объединение всех турок)³. Это была обширная программа, которая, как можно увидеть, включала стремление реализовать первые османские военные операции на Кавказе. Проект пантюркизма, разработанный Гёкальпом, несомненно, объясняет, почему он одобрял по крайней мере искоренение армян, оправданное их «государственной

изменой»⁴. Наряду с д-ром Шакиром и Назимом Гёкальп, вероятно, принимал участие в военном «мероприятии», как и его дядя Фейзи Пиринчиадзе, депутат парламента Диарбекира⁵, главный приспешник вали д-ра Решида в ликвидации 120 000 армян в этом вилайете.

Национализм Гёкальпа, очевидно, выразил своего рода радикальное мнение о невозможности для турок сосуществовать с другими группами, составляющими империю. Эти нетурецкие группы составляли, по его мнению, основное препятствие для развития тюркизма и создания государства, в котором все было бы турецким: «Страна, в которой идеалы, язык и религия являются общими для всех/ Депутаты ее парламента являются ее собственными (т.е. турками)/ Страна, в которой такие, как Бошо⁶, не имеют права говорить./ В которой весь капитал, находящийся в обращении на рынке, является турецким,/ как и наука, и технология, продвигающие промышленность./ Ее предприятия помогают друг другу./ Арсеналы, заводы, корабли и поезда принадлежат туркам!/ Смотрите, сыновья турок... Вот ваша страна»⁷.

В основе тюркизма отчетливо лежала еще одна важная функция программы юнионистов и Гёкальпа, их главного идеолога, а именно исключение нетурецких групп из государства, которое строилось для турок. Иными словами, тюркизм подразумевал уничтожение или устранение всего, что стояло на пути построения турецкого государства.

Первая мировая война предоставила Центральному комитету юнионистов возможность реализовать свой план объединения. По мнению Арифа Джемиля, офицера «Специальной организации», «комитет решил осуществить свой план по объединению турок России с турками Турции при первом удобном случае. [Члены Центрального комитета] настолько склонялись к этой идее, что зашли так далеко, что составили планы

¹ Цитирован Мидхатом Шюкрю [Бледа]: *Midhat Şukrû Bleda, İmparatorluğun Çöküşü*, İstanbul, 1979. S. 58.

² *Gökalp Z. Makaleler*, éd. F. R. Tuncer, Ankara, 1981. S. 76, цитирован Бозарсланом: *Bozarşlan H. Op. cit.*, II. P. 103.

³ *Gökalp Z. Türkçülüğün Esasları*, İstanbul, 1976. S. 20, цитирован Бозарсланом: *Bozarşlan H. Op. cit.*, II, p. 103.

⁴ *Şapolyo E. B. Ziya Gökalp. İttihat ve Terakki ve Meşrutiyet Tarihi*, İstanbul, 1974, цитирован Бозарсланом: *Bozarşlan H. Op. cit.*, II. P. 103.

⁵ Акуни С. История погромов миллиона армян. Константинополь, 1921. С. 62 (на арм. яз.).

⁶ Греческий депутат, враждебно настроенный в отношении юнионистов: *Bozarşlan H. Op. cit.*, II. P. 104, p. 720.

⁷ *Gökalp Z. Yeni Hayat Doğru Yol*, éd. M. Cunbur, Ankara, 1976. S. 11, цитирован Бозарсланом: *Bozarşlan H. Op. cit.*, II. P. 104.

и сделали ее реальностью»¹. Тем не менее после провала кампании зимой 1914/15 г. «запланированные операции “Специальной организации” ... на Кавказе стали неуместными, поскольку экспансионистские стремления первых недель уступили озабоченности в отношении защиты государства»². После того как Комитет столкнулся с суровыми реалиями войны, второй элемент проекта, изгнание, по-видимому, был заменен на стремление к объединению. Будучи не в состоянии связаться с турками России, иттихадистское государство посвятило себя проекту, который был намного более ясен в пределах своей достижимости, поскольку был национальным.

Прежде чем председатель политбюро «Специальной организации» вернулся в Стамбул после своей миссии рекрутирования банды чете во всех восточных провинциях, он принял решение — в выражениях, которые хотя и носили общий характер, но являлись двусмысленными, «придать штабу Специальной Организации статус активного эффективного [центра]». Кроме того, он постановил, что «подготовка планов следует оставить местным властям. Необходимо, чтобы они, в частности, определили средства, которые необходимы для Организации. Очень важно, чтобы чете, отдельные лица и корпус, которые следует направить в восточную зону, непосредственно подчинялись восточному центру»³ «Специальной организации»⁴.

Ариф Джемилль ясно отмечает поворот иттихадистов к достижению государственных целей. «Что же касается д-ра Бехаэдина Шакира-бея, — пишет Джемилль, — то в Стамбуле тот решил, что больше не будет интересоваться операциями, направленными на иностранных врагов «Тешкилят-и Махсуса», но, скорее, обратит внимание на внутренних врагов страны». «Теперь Бехаэдин-бей убедился, — настаивает офицер Иттихада, — что нас должен волно-

вать вопрос о внутреннем противнике так же, как о внешнем враге»⁵. Вряд ли можно утверждать откровенно, что пришло время «беспokoиться» по поводу османских армян. Джемилль меньше всего беспокоит, что произойдет потом. Он осторожно замечает, что «когда д-р Бехаэдин Шакир-бей вернулся на Кавказский фронт через несколько месяцев, ситуация была разрешена. Но мы не будем вдаваться в подробности об этом»⁶. Вместе с тем, Джемилль отмечает, что «великое национальное пробуждение может позволить устранить иностранные вирусы, осевшие в исламо-турецкой группе»⁷.

По мнению Бозарслана, успех, достигнутый «обобщением» Гёкальпа, во многом обязан мастерству, с которым тот сочетал «элементы, поддержанные тремя различными течениями мысли, туркистами, исламистами и вестернистами, при этом умело преодолевая противоречия между ними. Один конкретный элемент имел для Гёкальпа решающее значение для успешной реализации его программы подавления «османского космополитизма». Задуманное как «хирургическая операция», искоренение иттихадистского «космополитизма» позволило его ведущему идеологу «навязать свою формулу “отуречивания, исламизации, вестернизации”, словно магическое заклинание»⁸.

В мае 1919 г., на судебном процессе против Центрального комитета иттихадистов, председательствующий судья неоднократно допрашивал Гёкальпа, спрашивая, в частности, о его деятельности во главе проверки «Ени Меджмуа», основанной его коллегой Бехаэдином Шакиром. Его спросили, он ли на самом деле «написал эссе, в котором он утверждал, что тюркизм должен стать программой Турции». Гёкальп подтвердил, что в некоторых из своих эссе он развил свои идеи о тюркизме, который он «считал полезным для османства». В ответ на вопрос, «не возмутило ли это немусульманские группы», он заявил: «Эти группы постоянно стреми-

¹ Cemil A. Op. cit., «Vakit/Haratch» 89. По словам Джемилля, пантюркистские проекты иттихадистов в отношении России, нацеленные на объединение «турок» Кавказа, бассейна реки Волга, Сибири, Туркестана и Крыма, были сорваны «вмешательством иностранных элементов, помешавших развитию турок, которым не были свойственны характерные черты нации»: Ibid., «Vakit/Haratch» 88.

² Ibidem. «Vakit/Haratch» 88.

³ Основанному в Эрзуруме.

⁴ Ibidem. «Vakit/Haratch» 88.

⁵ Ibid. «Vakit/Haratch» 83.

⁶ Ibid. «Vakit/Haratch» 88.

⁷ Ibidem.

⁸ Bozarslan H. Op. cit., II. С. 120.

лись к автономии. Тюркизм оставил другим национальностям свободу при одновременном укреплении турецкого элемента... Я не отрицаю существование и права других национальностей». Перед судьями идеолог отрицал, что он выступал за «изгнание» армян, которое он, тем не менее, защищал как крайне необходимую обязанность всех тех, кто стремился к идеалу «объединения турок». На вопрос о внутренней организации Центрального комитета Гёкальп предоставил подробную малоинтересную информацию: «До войны члены Центрального комитета зарабатывали тридцать фунтов в месяц. Во время войны они зарабатывали от пятидесяти до семидесяти фунтов». Раздраженный председателем судья приказал кому-то прочесть вслух несколько донесений, полученных Центральным комитетом, о связях Центрального комитета со Специальной организацией. Гёкальп наконец выпалил: «Когда было необходимо, Комитет оказывал поддержку». В ответ на предоставление подтверждения, «что решения о высылке были приняты в Центральном комитете» и, затем, действительно ли Центральный комитет приказал совершить «массовые убийства и акты грабежа», Гёкальп ответил, что они «узнали о них потом и подали жалобу на имя министра внутренних дел. Но было только один запрос, и все продолжалось, как было»¹.

В то время как Гёкальп много сделал для разработки и узаконивания проектов Центрального комитета иттихадистов, особенно его программы по искоренению армянского населения, нельзя не обратить внимания на определяющую роль, которую играл д-р Бехаэддин Шакир, другой член Центрального комитета, который претворил эту программу в реальность. До тех пор пока М.Ш. Ханиоглу не высказался о главной роли Шакира в эволюции движения иттихадистов в 1905–1908 гг., было известно очень мало фактов об этом «попечителе храма младотурок», отличающемся тем, что он никогда не выполнял министерские функции и не занимал высокопоставленные административные должности. Действительно, в турецкой историографии практически нет упоминаний о нем. Короткая биографическая заметка, не-

давно дополненная «исследованиями» одного из ученых, представляет его как «турецкого ученого», который родился в 1880 г. (на самом деле он родился в 1870 г. в Болгарии). Он окончил Военно-медицинскую школу в 1896 г. в звании капитана, а затем его назначили доцентом кафедры судебной медицины в этом же учебном заведении (1900 г.). Как сообщается, он продолжил работать личным врачом принца Юсуфа Иззеддина. Далее, биографические заметки сообщают нам, что, «поскольку он поддерживал республиканские идеи, его призвали в 3-ю армию, расположенную в Эрзинджане. Оттуда ему удалось бежать в Париж. Возвращаясь тайно в Стамбул в [1907 г.], он вступил в контакт с лидерами КЕП [у которого больше не было филиала в столице]. После провозглашения Конституции 1908 г. он вернулся на родину и снова приступил к исполнению своих обязанностей в Военно-медицинской школе. Через год он был назначен профессором судебной медицины на его же медицинском факультете. С 1910 г. по 1921 год он был генеральным секретарем этого факультета [на самом деле, он бежал в Берлин 30 октября 1918 г.]. В этот период он издавал газету «Шура-и Юммет» и основал периодическое издание «Ени Меджмуа» («Новое обозрение») [ультранационалистическое обозрение, поддерживающее пантюркизм, которое Шакир основал вместе со своим коллегой Зией Гёкальпом].

Наконец, биографическая заметка сообщает нам о том, что Шакир был «осужден силами коалиции», то есть англо-французским союзом, что следует понимать следующим образом: «приговорен к смерти военным судом, основанным в Константинополе вопреки советам британцев». «Спасаясь бегством из Стамбула, — сообщается в заметке, — он нашел убежище в Берлине. Там он был застрелен армянином. Он оставил после себя книгу под названием «Уроки судебной медицины»». Ближе к концу этой заметки сообщается, что «во время Первой мировой войны он отвечал за организацию миграции армян в пределах Турции»².

В докладе о д-ре Бехаэддине Шакире, подготовленном Информационным бюро

¹ Запись третьего заседания судебного процесса против юнионистов: SHAT, Service historique de la Marine, C. P. de la Marine, Turquie, 1BB7 232, doc. № 676, Константинополь, май 1919, лейтенант Гойбе, адъютант дю С.П. Марин. С. 3–5, допрашивавший Зию Гёкальпа.

² Мейдан Ларусс, турецкий вариант французского Ларусса, по-видимому, представляет собой единственный биографический словарь, в котором упоминается этот деятель, чье имя указывается как «Бахаит-тин Шакир». Arslan Terzioğlu [заведующий кафедрой истории медицины и медицинской этики на факультете медицины в Стамбуле, дипломат], The Assassination of Dr Bahaeddin Şakir in Berlin and the Armenian Relocation

Армянской патриархии в 1919 г., сделаны другие акценты. Информационное бюро упоминает о его работе как личного врача принца Иззеддина и его деятельности в Центральном комитете иттихадистов до начала войны, сначала в Париже, а затем и в Салониках. Информационное бюро также сообщает о том, что «Специальный совет [«инджуман»], включавший Талаата, Бехаэддина Шакира, Назима, Атифа, Ризу, Азиза и Джевдета», курировал все провинциальные «инджуманы», имеющие в своем составе подразделения чете «Специальной организации», и добавляет, что Шакир был членом Центрального комитета, ответственным за проведение ликвидации армян¹. В том же докладе указывается, что уже в августе 1914 г. Шакир отправился в Эрзурум в сопровождении черкеса Гусейна Хусни с целью учредить такие «инджуманы» в армянских провинциях и контролировать подготовку подразделений «Специальной организации». Ответственные секретари или специальные делегаты, которых КЕП направлял из каждой области, действовали как его посредники².

В зашифрованной телеграмме, которую д-р Бехаэддин Шакир отправил 4 июля 1915 г. из Эрзурума Сабит-бею, вали Мамурет уль-Азиза, с просьбой переслать ее Бошнаку Назим-бею (из Ресне), делегату Комитета в вилайете³, очень точно описывается, какую работу выполнял председатель политбюро «Тешкилят-и Махсуса»: «Номер 5, для Назим-бея. Вы уже начали ликвидацию армян, которые были высланы оттуда? Вы уничтожили врагов, о которых вы говорите, что их

выслали или изгнали, или же вы просто переселили их в другое место? Дайте мне полную информацию, брат мой». Этот документ, переживший чистку файлов «Специальной организации», показывает, что ее лидер не мог организовать все свои операции, путешествуя из одного места в другое на своем знаменитом «служебном автомобиле»⁴, но иногда использовал зашифрованные телеграммы для общения.

Далее, в докладе Патриархии обстоятельно проясняется, что Шакир не только нес основную ответственность за убийство 500 000 армян в шести вилайетах, но и непосредственно руководил ликвидацией сотен тысяч других депортированных, которых направили в лагеря Сирии и Месопотамии. В докладе также указывается, что «он также следил за тем, чтобы значительная часть конфискованного имущества армян осела в сундуках Центрального комитета иттихадистов», и, наконец, о том, что во время войны он провел агитационные туры в Персии и Афганистане в надежде на закладывание основы для обширного движения пантюркизма против британцев⁵.

Подробности биографии Шакира, опубликованные после его убийства в Берлине, дают нам лучшее представление об этом человеке. Таким образом, мы узнаем, что во время его изгнания и нахождения во французской столице в период 1905–1908 гг. он работал в парижских больницах в качестве ассистента в области судебной медицины до назначения его на преподавательскую должность в 1909 г.; он работал главным

in line with National and Foreign Sources of Information, site internet de l'auteur 2002. Что касается даты рождения врача, указывается, что дата «1878», выгравированная на его надгробной плите, очевидно, неверна. Шакир закончил свою учебу в школе медицины в 1896 г. Его семья, вероятно, эмигрировала в Стамбул после войны 1877–1878 гг., когда Болгария стала независимой. Тергиз-оглу отмечает, что он специализировался в области судебной медицины и психиатрии в Париже. Завершается заметка предположением, что останки этого «глиняного патриота» были репатриированы в Турцию.

¹ APC/PAJ, PCI Bureau, 2 947–950, Bureau d'information du Patriarcat arménien de Constantinople, dossier de Bahaeddin Şakir. Pp. 1–2.

² Ibid. P. 3.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XXIX, U 576, зашифрованная телеграмма № 5 главному «Тешкилят-и Махсуса» Бехаэддину Шакиру из штаба в Эрзуруме, 21 Газиран 1331 (4 июля 1915 г.), Сабит-бею, вали Мамурет уль-Азиза о переводе Реснели Назим-бея, делегата КЕП в Мамурет уль-Азиз, зашифровано, с расшифровкой, опубликовано в «Takvim-i Vaka'î», № 3540 (lu au cours de la séance du 12 avril 1919, 5 mai 1919. P. 6, col. 1–2, et № 3771, 13 janvier 1920. P. 48, col. 1 (со смертным приговором Бехаэддину Шакиру). Следует отметить, что этот документ часто датируется 21 апреля 1915 г., в то время как в телеграмме указана дата «21 Газиран 1331».

⁴ См. выше, с. 212, примечание 1.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien de Constantinople, 2 947–950, dossier de Bahaeddin Şakir. P. 3. «Босфор», 20 апреля 1922 г., вскоре после его убийства в Берлине 17 апреля 1922 г., цитирует доклад Вехиб-паши, чтобы упомянуть о преступной деятельности в Малой Азии и сподвижников д-ра Назима. Газета также ссылается на документ, обнаруженный генералом Назимом-пашой, военным министром

врачом в больнице Красного Полумесяца в Эдирне, когда осенью 1912 г. город был осажден болгарскими войсками, которые в конечном итоге взяли его в плен; занял пост директора морга в Стамбуле в следующем году и в 1913 г. занял пост председателя судебной медицинской комиссии министерства¹. В 1914 г. ему присвоили звание полковника². Таким образом, этот военный врач знал трудные времена: можно легко себе представить, как, должно быть, было унижительно для него быть захваченным в плен болгарскими войсками. Благодаря его профессии он был хорошо знаком с анатомией: освидетельствование трупов входило в его ежедневные

обязанности; один из его студентов рассказывал, что он практиковал вскрытия с большим мастерством. Удовольствие, с которым он освидетельствовал трупы во время убийства сотен тысяч армян, совершенные по большей части при помощи ножей, топоров или штыков, свидетельствует об отсутствии у него запретов, когда речь шла о совершении массового насилия, а также о полном отсутствии у него угрызений совести. Этот специалист в области судебной медицины был, несомненно, лучшим воплощением фракции Иттихада, управляемой расистскими, ксенофобскими, националистическими и криминальными импульсами.

«Милли иктисат» (национальная экономика), или Захват «брошенной» армянской собственности

Непросто понять или даже предположить, что экономический аспект разрушения османских армян, задуманный КЕП, был одной из основных материальных и идеологических целей, преследуемых Центральным комитетом иттихадистов и, соответственно, одним из факторов, которые привели в действие геноцид. Сами армяне явно почувствовали, что захват имущества, которому они подверглись, не был грабежом обычного типа, осуществляемым, например, под управлением Абдул-Гамида. Экономический бойкот армян 1913 г. уже помог наиболее пронизательным из них осознать, что они столкнулись со скоординированным движением, разработанным для разрушения их финансового положения. Однако отнюдь не очевидно, что они в полной мере предвидели последствия односторонней отмены капитуляций 1 октября 1914 г.³. Традиционно описываемый в турецкой историографии как признак намерения страны освободиться от кандалов, надетых государствами-колонизаторами, и

отмена этих двусторонних соглашений лишили иностранные инвестиции и иностранную собственность в Османской империи всех правовых гарантий и прежде всего освободили путь для их «национализации». С отменой капитуляций Центральный комитет иттихадистов запустил первый этап своего плана по «национализации» экономики. Цель второго этапа состояла в наложении ареста на имущество греков и армян.

Придя к власти после нескольких десятилетий экономического либерализма, основанного на модернизированном законодательстве, поощряющем торговлю и иностранные инвестиции, КЕП сразу выбрал «экономическую независимость»⁴. В соответствии с их националистической идеологией и тюркистским дискурсом младотурки решили строить национальную экономику. Э. Цюрхер отмечает, однако, что «наивность младотурецкой экономической политики»⁵ была вдохновлена, в частности, такой яркой фигурой, как Александр Гельфанд, который был сторонником создания отечествен-

в кабинете Камила, незадолго до его убийства 23 января 1913 г. иттихадистами. Этот документ, на котором стоит подпись Б. Шакира, гласит: «На данный момент, попытайтесь склонить армян на свою сторону. Мы знаем, что мы сделаем с ними позже».

¹ «Жоғоврди дзайн», 21 апреля 1922 г. (на арм. яз.) и «Vakit», 20 avril 1922. В 1909 г., Военно-медицинская школа и Медицинская Школа были соединены, и в Хайдарпаше было образовано новое учреждение: *Terzioğlu*. Op. cit.

² Bibliothèque Nubar, ms. 17 et 18, PJ 1–3, f° 53; Антонян А. Хронологические записи, 1914–1916 гг., написанные в 1925 г. (на арм. яз.). Указывается, что отец Шакира старел живьем в возрасте 83 лет, 30 июля 1915 г., в их семейном доме в Касим-Паше. В это время полковник был «на задании» в восточных провинциях.

³ Weber F. G. Op. cit. Pp. 77, 165. Автор указывает, что это также привело к проблемам с немцами и австро-венгерскими союзниками империи.

⁴ Zürcher E. J. Op. cit. P. 127.

⁵ Ibid. P. 129.

ной торговой и промышленной буржуазии. И все-таки именно Зия Гёкальп, человек, находившийся под сильным влиянием немецкой традиции социальной солидарности, убедил иттихадистов «национализировать» экономическую сферу, поскольку, как он писал, «любое современное общество, в котором преобладает органическое [то есть неэтническое] единение, подвергается риску распада»¹. Он прекрасно понимал, что без буржуазии было бы невозможно реализовать его турецкий национальный проект. Тем не менее, с точки зрения иттихадистов, османской буржуазии явно не хватало необходимых качеств: в основном османскую буржуазию составляли греки и армяне. Таким образом, это положение дел необходимо было исправить «национализацией» греческих и армянских предприятий, — то есть отдать их в руки турецких предпринимателей.

На самом деле, программа, которую защищал Зия Гёкальп, была гораздо амбициознее и основательнее. Он много думал о способе, с помощью которого турки могли бы получить доступ к цивилизации или, если угодно, приобрести «статус современной нации», и уловил «неразрывную связь между возникновением капитализма и доступом к цивилизации и формированием нации»². Он знал, что турки были настолько «сосредоточены на создании государства» «естественным путем», что даже их «революция» была делом «государства», которому было предопределено играть главную роль в экономике, формировании коммерческих организаций и создании общественного порядка. Это были все действия, которые «естественно вытекали из турецкого закона»³. Государственный интервенционизм, сторонником которого был Гёкальп, был явно направлен против классической политической экономии, и, казалось бы, это препятствовало развитию экономики страны. Программа Гёкальпа стремилась заложить основание зарождающейся нации, которой будут четко управлять представители ее элиты.

Текин Альп, еще один идеолог КЕП, прекрасно понимал, что вера в зарождающуюся индустриализацию Турции не подходила турецкой буржуазии, и он находил это обстоятельство весьма неблагоприятным. Он также сожалеет о том, что турки предпочитали карьеру в военной или гражданской службе⁴, и он считал это признаком того, что они рассматривали государство как источник всей инициативы. Юсуф Акчюра сформулировал стремление младотурецких кругов более разумно: «Мы тоже считаем турецко-османскую торговлю и промышленный класс рабочих способными конкурировать с нетурецкими османами, что необходимо для установления равновесия между различными группами, составляющими империю»⁵.

Бесспорно, в канун Первой мировой войны западные и нетурецкие компании в целом доминировали в османской экономической деятельности. Проблема, однако, была еще серьезнее. Даже в кустарных производствах в значительной степени были заняты греки и армяне. Для того чтобы оценить преобладающий перекос экономики, стоит пролистать большое количество каталогов османских предприятий, таких, как ежегодный каталог «Annuaire oriental de 1915». Они показывают, что европеизация общества, к которой настойчиво стремился КЕП, началась в первую очередь среди греков и армян, естественных партнеров или конкурентов западных предпринимателей. Даже Имперский Османский банк, который продолжал существовать как эмиссионный банк в годы войны, отличался тем, что большая часть его капитала оставалась в распоряжении двух таких вражеских стран, как Франция и Великобритания. Империя настолько зависела от иностранного капитала, что Совет министров, который 11 июля 1915 г. решил национализировать Имперский Османский банк, в итоге изменил свое мнение в связи с жесткой оппозицией немцев, а также в связи с риском обрушения курса национальной валюты в результате такого решения⁶.

¹ Bozarslan H. Op. cit., II. P. 87.

² Ibid., P. 91.

³ Ibid., P. 102.

⁴ Tekin Alp. Tesanütçülük, in Z. Toprak, Türkiye'de "Millî İktisat" (1908–1918), Ankara, 1987. S. 408–409, цитирован Бозарсланом: Bozarslan H. Op. cit., I. P. 215.

⁵ Akçura Y. Pour une bourgeoisie nationale, in: Georgeon F., Akçura Y. Aux origines du nationalisme turc (1876–1935), Paris, 1980. p. 129.

⁶ Autheman A. La Banque impériale ottomane. Paris, 1996. P. 239. Автор отмечает, что 9 января 1915 г. три члена совета, французские или британские подданные, были вынуждены уйти с постов по просьбе Талаата. Три высокопоставленных чиновника, все из которых являлись подданными Османской империи, Картали, глава банка, Ханемоглу, его генеральный инспектор, и Керестеджян, глава операционного отдела, за-

Когда разразилась война, иттихадисты, несомненно, пришли к выводу, что настало время положить конец зависимости от Запада и в то же время организовать передачу коммерческих предприятий страны турецкому среднему классу. Местные клубы иттихадистов также пытались открыть современные школы и заставить основных «христианских» ремесленников взять «турецких» подмастерьев, с единственной целью подготовки общества, которое было бы в состоянии обходиться без населения нетурецкой национальности. Результаты этих инициатив, однако, были неудовлетворительными. Повышение общеобразовательного уровня было необходимым условием развития турецкого общества. Тем не менее образование, предоставляемое престижными школами, такими как колледж Роберта или лицей в Галатасарае, приведем лишь эти два ярких примера, получали большей частью лица нетурецкой национальности, поскольку турецкие родители неохотно отдавали своих детей в зарубежные школы. В отношении экономического вопроса, который младотурки взяли на себя, чтобы спасти нацию, они столкнулись с фундаментальным культурным выбором.

Некоторые успехи были достигнуты в создании турецких акционерных обществ. В 1908 г. существовало только две таких компании; в 1909 г. их число возросло до тринадцати и до тридцати девяти в период с 1915 по 1917 год, сократившись до двадцати девяти в 1918 г.¹ Но эти цифры вряд ли представляли новую тенденцию, даже если Гусейн Джахид отмечал в своей статье, опубликованной 7 мая 1917 г. в газете «Тангин», то, что война, наряду с ее пагубными последствиями, оказала «очень положительное влияние на [Османскую империю], особенно в экономической сфере»². Как нам хорошо известно, османское население пережило острый дефицит в ходе конфликта, и несложно понять, что эта фраза прозрачно намекает на «источник» доходов, к которому младотурки имели легкий доступ в этот период, — армянские активы.

В повседневной жизни планы по созданию «национальной экономики» приняли конкретные формы. Не вызывает сомнений, что преобладающие политические условия, а также Балканские войны подготовили почву для бойкота греческих и армянских товаров и предприятий. В отношении армян доклады иностранных консулов в Турции изобилуют примерами таких бойкотов, особенно в период, когда переговоры о реформах были в стадии реализации. Так, портовая гильдия грузчиков Стамбула отказалась разгружать корабль, принадлежавший армянскому торговцу, когда он пришвартовался в гавани города. Причиной стала, как выразился дипломат, который сообщил об этом инциденте, «экономическая гражданская война, о которой повсеместно говорили в городе; и, согласно информации, предоставляемой нашим вице-консулом в Сивасе, она, по-видимому, была результатом приказов, полученных от Центрального комитета»³. Бомпар, посол Франции в Турции, провел встречу с Талаатом, на которой он обратил внимание министра на «бойкот христиан, а также на насилие и запугивание», которым они подвергались. Сообщая об этом в интервью, он отметил, что Талаат сказал ему, что правительство «искало способы, чтобы предотвратить распространение бойкота». Талаат, однако, добавил, что он «столкнулся с движением, которое имело основательные причины, начиная с негодования мусульман по поводу проживания греков на побережье, которых они подозревали в желании избавиться от османских правил, с тех пор как греки одержали победу. Более того, у турецкого населения было законное желание воспользоваться в своих интересах ситуацией, чтобы ослабить экономическую власть, которую приобрели греческие и армянские торговцы»⁴.

Принимая во внимание характер системы, есть серьезное основание подозревать, что приказы были отданы для того, чтобы обеспечить успех бойкота, который служил поводом для общего призыва «покупать турецкие товары». Закон, принятый в июне

тем сформировали коллегиальный совет, в котором Картали стал председателем. 17 июля 1915 г. Талаат, в это время временно исполнявший обязанности министра финансов, вызвал Картали в свой кабинет, чтобы сообщить ему о решении Совета министров, которое в конечном итоге осталось неприменяющимся (ibid. pp. 233–234).

¹ Bozarslan H. Op. cit., I. P. 217.

² Цитирован Бозарсланом: *ibidem*.

³ AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 252, телеграмма Боппа, поверенного в делах в Константинополе, С. Пишону, 3 января 1914.

⁴ AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, ff. 277–278. Письмо Бомпара, посла Франции в Константинополе, Думергу, председателю Совета и министру иностранных дел, 31 марта 1914 г.

1914 г.¹, был одним из первых проявлений государственного интервенционизма и прямо предназначался для формирования национальной буржуазии из предпринимателей из рядов провинциальных мусульманских торговцев, экономических гильдий и даже государственных служащих. Закон от июня 1914 г. стремился продвигать местную промышленность поощрением людей покупать османские продукты даже в случаях, когда они стоили на целых десять процентов больше, чем конкурирующие иностранные товары. Э. Цюрхер подчеркивает, что основными жертвами этой экономической политики стали городские потребители, а также греческие и армянские бизнесмены. Они были вынуждены принимать турок на работу в свои компании на руководящие должности, прежде чем они были сметены террористической кампанией, проводимой Специальной организацией во время войны. Когда некоторых из них депортировали, их предприятия были переданы предпринимателям, которые часто оказывались неспособными к управлению ими².

Программа по развитию «национальной экономики», запущенная осенью 1915 г., курировалась Кара Кемальем, членом Центрального комитета иттихадистов, который одновременно был и министром по снабжению, и инициатором национальных компаний под эгидой «Хейети Махсуса-и Тиджарийе» (Специального комитета по торговле)³. Кемалья в некотором смысле обвинили в конкретизации работы комиссий «эввали метруке», ответственных за «оставленное имущество», чью деятельность мы рассмотрим позже. В период 1916 и 1918 годов восемьдесят компаний были основаны при активной «поддержке» КЕП⁴; и их стартовым капиталом стали конфискованные армянские активы.

Благодаря всеобщей мобилизации и отмене капитуляций младотурки получили полный контроль над железнодорожными перевозками. По крайней мере, можно сказать, что они своеобразно воспользовались этим обстоятельством. Младотурки извлекли выгоду из своей монополии на получение полного контроля над торговлей, пользуясь случаем, чтобы собрать «десятину», что значительно превысило традиционные десять процентов. Как отмечает Э. Цюрхер, только провинциальные купцы, находившиеся в хороших отношениях с КЕП, получили возможность отправки своих товаров в столицу или армию. С помощью Национального комитета по обороне и Общества корпораций КЕП доминировал практически во всей торговле и распределении в городах. Следствием стало не «развитие турецкого капитализма», а масштабная коррупция. «Стали печально известны нувориши 1916 г., другими словами, военные спекулянты. Эту цену, конечно, оплачивали наемные работники в городах, которые были вынуждены покупать товары по баснословно взвинченным ценам (во время войны цены выросли более чем на 400 процентов)»⁵. Показания различных министров военных кабинетов на слушаниях в ноябре 1919 г. перед Пятой комиссией османского парламента раскрывают обширную экономическую коррупцию, которая стала возможной благодаря, в частности, монополии, которая принесла огромные деньги не только государству, но и КЕП⁶. Лиман фон Сандерс, тесно сотрудничавший с Исмаилом Хакки-пашой, членом Центрального комитета партии и старшим административным должностным лицом генерального штаба в Военном министерстве, сообщает, что Хакки, «его подчиненные, и агенты, которые работали на него повсюду в империи, реквизируют все, что попадалось на их пути. Поскольку он также являлся (насколько известно) казначеем

¹ Zürcher E. J. Op. cit. P. 130.

² Ibidem.

³ Ibidem; Akçam T. Op. cit. P. 141. Акчам указывает, что первым знаком плана «национальной экономики» стало создание 3 июля 1913 г. «Иштикляль-и Милли Джемийети» (Комитета национальной независимости), задачей которого было способствование созданию новых компаний. Крупнейшие компании были созданы Кара Кемальем, министром, ответственным за поставки продовольствия во время войны.

⁴ Zürcher E. J. Op. cit. P. 130. Ервант Отян отмечает, что, в конце июля 1915 г. власти начали арестовывать некоторых бизнесменов и коммерсантов в столице с целью получения контроля над их компаниями (Отян Е. Указ. соч., № 17). Отян также ссылается на свою беседу в мае 1915 г. с Осканом Мартикяном, бывшим министром, который давно вступил в ряды младотурок. Мартикян сказал ему, что он убежден, что лидеры КЕП собираются атаковать коммерсантов и предпринимателей: «Они намерены присвоить армянское имущество».

⁵ Zürcher E. J. P. 131.

⁶ Особенно: «Объяснения Джавида-бея, министра финансов»: le 25 novembre 1919: SHAT, Service historique de la Marine, Service des renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 236, doc. № 1593 B-9, Constantinople

Комитета и, стало быть, отвечал за оплату покупок, которые совершал Энвер, он также приложил руку к различным финансовым сделкам»¹.

Захват имущества армянских и греческих предприятий был совершен еще в самом начале войны под знаком военных реквизиций и, по-видимому, являлся первым этапом комплексного плана КЕП. Это проложило путь к официальной конфискации армянского имущества, проведенной несколько месяцев назад, когда начались депортации. Работая на ту же власть, что и «Специальная организация», КЕП контролировал, действуя через различные министерства, создание «комиссий по оставленному имуществу» во всех провинциях. Согласно Информационному бюро Армянской Патриархии в Константинополе, проводившему расследование по этому делу в конце 1918 г., Абдурахман-бей и его помощник Мумтаз-бей были специальными делегатами, направленными Центральным комитетом иттихадистов для создания «эмвали метруке», комиссий по оставленному имуществу, в каждой провинции и «соблюдения» закона, известного как закон «об оставленном имуществе»².

Из другого документа мы узнаем, что предшествующие процедуры были детально проработаны Мустафой Резадом, «киами сиаси», главой департамента национальной полиции по политическим вопросам (с начала 1915 г. до июня 1917 г.). Резад, в частности, отвечал за составление списков предпринимателей, подлежащих аресту, и создание «эмвали метруке», комиссий по оставленному имуществу³.

Документ, который наиболее убедительно иллюстрирует связь между политикой КЕП по созданию «национальной экономики», с одной стороны, и конфискацией «оставленного» армянского имущества, с

другой стороны, представляет собой директиву, датированную февралем 1916 г. и подписанную самим министром внутренних дел: «Цель директивы о создании мусульманских предприятий и помощи и средствах, которые будут им предоставлены, состоит в том, чтобы вовлечь мусульман в коммерческую деятельность и увеличить количество исламских коммерческих компаний. Однако мое внимание привлек тот факт, что этот приказ был неправильно истолкован; что в некоторых регионах была совершена попытка передать все оставленное имущество только этим компаниям; что все торговые фирмы и магазины были переданы этим компаниям, в то время как остальная часть населения не была допущена к участию в аукционах; что многие из этих компаний распускались сразу после продажи приобретенных таким образом активов по цене в несколько раз выше [покупной]. Следовало предоставить помощь и средства мусульманам для поощрения их создавать коммерческие фирмы; меры для защиты отдельных предприятий и специальные меры для обеспечения гарантии помощи, распространенной на компании, не должны были привести к возникновению коммерческих привилегий или спекуляции. Оставленные товары должны выставляться на аукционе и продаваться отдельно. В частности, остальной части населения должна предоставляться возможность участвовать в аукционах так же, как и лицам, занимающимся торговлей. Министр Талаат»⁴.

Ожесточение министра, несомненно, отразило жалобы, которые поступили в Стамбул от лиц, которым не была предоставлена возможность принять участие в «аукционах» по армянскому имуществу.

Вскоре после того было опубликовано временное постановление о депортации, директивой от 15 июня 1915 г. было узаконено

¹ 16 janvier 1920, annexe 4. Стоит отметить, что Джавид являлся главой Османской национальной кредитной компании, которую он основал, будучи министром, после отставки из кабинета, до возвращения в правительство в январе 1917 г.: *Autheman A. Op. cit.* P. 240.

² АРС/РАJ, PCI Bureau, P 125–128–129–130. Список военных преступников, замешанных в совершении массовых убийств и депортаций.

³ АРС/РАJ, PCI Bureau, Э 202, file № 31/1–2. Турки, ответственные за злодеяния против армян. Уроженец Ортакей. Решат учил армянский язык. Он был каймакамом в вилайете Эрзурум, временно исполняющим обязанности мутесарифа в Баязете, и в 1913 г. он отвечал за реорганизацию полиции в три управления. Одно из них стало Управлением по делам полиции, в котором он занял должность помощника начальника столичной полиции Бедри. В июне 1917 г. он был назначен мутесарифом Айдына. При кемалистском режиме он принял имя Мимароглу и продолжил занимать важные посты до избрания депутатом парламента.

⁴ АРС/РАJ, PCI Bureau, Z 144. Заверенные копии шифрованной телеграммы Талаата, министра внутренних дел Блистательной Порты, в вилайет Конья, 6 февраля 1916, заверено 27 марта 1919 г. управлением Министерства внутренних дел, опубликовано в «Takvim-i Vakayi», № 3540. Pp. 1–14.

создание местных комиссий, отвечающих за «защиту» «оставленного имущества»¹. Эта простая административная мера послужила основой для конфискации, проведенных до осени 1915 г. Таким образом, можно сказать, что закон, который на административном уровне придал официальный статус разграблению армянского имущества, был принят постфактум. Стоит отметить, что этот «Временный закон об имуществе, обязательствах и долгах депортированных лиц» от 13/26 сентября 1331/1915 гг. (17 зилкаде 1333)² был разработан управлением по расселению племен и беженцев, учреждением, подчиняющимся Министерству внутренних дел и отвечающим за планирование депортаций. Он был дополнен «Положением о выполнении временного закона от 13 сентября 1331/1915 гг. о комиссиях, ответственных за ликвидацию имущества, оставленного депортированными, и об их ответственности» от 26 октября/8 июля 1331/1915 гг. (30 зилхидийе 1333)³. Это положение стало основой для создания «эввали метруке», комиссий по оставленному имуществу; это сопоставимо с указами, которые разрешают применение закона во французской правовой системе.

Первая статья закона указывает непосредственно на физические лица, депортированные в соответствии с временным законом 14/27 мая 1331/1915 гг.⁴, но не ссылается на директиву от 10 июня 1915 г., условия которой, безусловно, оказались недостаточными. Первый этап депортаций был фактически почти завершен к тому времени, когда закон «об оставленном имуществе» и соответствующий указ о его применении, датированные 26 сентября 1915 г. и 8 ноября 1915 г., соответственно, были опубликованы. Таким образом, можно предположить, что эта «батарея законов» была нацелена на

«легализацию» захвата имущества, который уже имел место, и обеспечила порядок разрешения споров, которые могли возникнуть в связи с этим.

Ни в одном из этих документов не упоминается армянское население. В статье 1 закона, однако, говорится, что «активы и обязательства, оставленные физическими или юридическими лицами, должны быть ликвидированы судами на основании *мазбата* рассматриваемого отдельно в каждом случае комиссиями, созданными для этой цели»⁵. «Денационализация» собственности, таким образом, касается как физических, так и юридических лиц; то есть она распространяется на «неотчуждаемое» национальное имущество, собственность религиозных организаций, или вакифов. Это явно доказывает, что закон был разработан, чтобы грабить армян в индивидуальном порядке, а также «реквизировать» их историческую вотчину, в том числе сотни с многовековой историей храмов и монастырей. Статья 2 закона предусматривает, что «должностные лица из отдела земельной регистрации должны взять на себя роль притивной стороны в случае подачи жалоб или иных судебных разбирательств, начатых в связи с вышеупомянутыми активами»⁶. Другими словами, предусматривалось положение на тот случай, если «депортированные лица могли подать иск в суд!»

Другой пункт документа касался мошенничества, а именно, возможности того, что собственники «в течение двух недель, предшествующих их изгнанию», могли «отчуждать свое недвижимое имущество посредством фиктивной продажи или по мошеннически низким ценам». Это означает, что у собственника не было права продавать свою недвижимость до депортации. Косвенно документ подтверждает, что в условиях, в которых ока-

¹ «Askeri Tarîh Belgeleri Dergisi», № 81 (décembre 1982), doc. 1832.

² Оригинал на османском языке: «Takvim-i Vakayî», № 2303, du 14 septembre 1915. Pp. 1–7; армянская редакция: APC/PAJ, Ը 177–179, Bureau d'information du Patriarcat; французская редакция, опубликовано 2 апреля 1923 г.: supplément B, de La Législation turque, Constantinople, édition Rizzo & Son. Pp. 1–6 (conservé dans les archives du SHAT, série E, carton 320, Turquie, 260, ff. 49–51v).

³ Оригинал на османском языке: «Takvim-i Vakayî», № 2343, du 28 octobre 1915, en 25 articles; APC/PAJ, Ը 205, Bureau d'information du Patriarcat; французская редакция опубликовано 2 апреля 1923 г., supplément B de La Législation turque, Constantinople. Pp. 7–15. SHAT, série E, carton 320, Turquie, 260, ff. 52–56. *Dadrian V. Histoire du génocide arménien*. P. 361. Дадрян говорит о комплементарном законе от 26 сентября на основе ошибочного источника, который не указан.

⁴ Оригинал на османском языке: «Takvim-i Vakayî», № 2189, du 19 mai/1er juin 1915/2 Moharrem 1333. Мы рассмотрим положения этого закона позже.

⁵ Французская редакция закона от 13/26 сентября 1915 г., опубликовано 2 апреля 1923 г.: supplément B de La Législation turque, Constantinople. P. 3.

⁶ *Ibidem*.

зались продавцы, они могли распродавать свое имущество только по очень низким ценам; такое действие наносило ущерб интересам государства, которое желало стать бенефициаром продаж такого имущества.

Статья 3 закона, касающаяся «денежных средств и имущества, оставленных депортированными, а также их депозитов и долгов», предусматривает, что председатель комиссии, отвечающей за «оставленное имущество», обязан собирать эти активы. Это было равносильно замораживанию всех банковских счетов (контролировать наличные было труднее). Закон также гласит, что «все оставленное имущество не может быть предметом судебного разбирательства и должно продаваться на открытом аукционе, а вырученные деньги от его продажи отдаются на хранение в казну от имени законных владельцев»¹. Статья 9 предусматривает, что собственность вакиф «может, согласно Положению об иммигрантах, быть продана и распределена иммигрантам [мухаджирам] бесплатно»². Другими словами, изгнание депортированных лиц, хотя и было «временным», должно было освободить место для мухаджиров. Можно только сделать вывод о том, что, те, кто издавал этот закон, понимали положение дел, что такой уход был «окончательным»³.

Указ о применении, провозглашенный 5 ноября 1915 г., также заслуживает тщательного изучения. Он предусматривает, что в состав комиссий, созданных в каждом районе для управления активами депортированных лиц, должны были входить должностные лица из налогового управления, отдела по земельной регистрации, регистратуры и Эвкафа. Статья 1 предусматривает, что факт депортации лица должен быть подтвержден письменным заявлением, поданным самому высокопоставленному правительственному чиновнику в области»⁴. Статья 2 предусматривает «срочное» создание реестров всего имущества, принадлежащих как физическим, так и юридическим лицам, «в форме

зданий или в любой другой форме». Статья 2 также предписывает создание «списков сел, которые были полностью эвакуированы в результате депортации их жителей»⁵, после чего документы должны быть переданы «комиссии по ликвидации» «имущества в случае отказа наследников». Статья 5 разъясняет, что в состав этих комиссий должны входить председатель, назначенный Министерством внутренних дел, и два члена, назначенных министерством юстиции и финансов⁶. Статья 7 предусматривает, что запись «документов [мазбата], связанных с ликвидацией имущества, должна быть зарегистрирована в гражданских судах с юрисдикцией законного места жительства депортированного лица»⁷. Последующие статьи устанавливают процедуры, при которых кредиторы депортированного лица, в случае, если у того есть невыплаченные долги, могут подавать председателям местных комиссий иски в отношении «движимого или недвижимого имущества, оставленного депортированным лицом» (статья 12)⁸.

Статья 13 носит решающий характер, поскольку она разрешает комиссии «принимать поставку наличных денег от депортированных лиц и товаров, вверенных на хранение правительству, и других видов имущества, принадлежащего вышеупомянутым депортированным лицам», а также «требовать от частных лиц, банков и других финансовых учреждений проведение инвентаризации денежных средств и имущества, оставленного депортированным лицом»⁹. Далее, статья 16 предусматривает, что «должна быть проведена инвентаризация объектов, изображений и священных книг, найденных в церквях, и вышеупомянутые объекты подлежат охране». Право распоряжаться школами, монастырями и всеми материалами этих учреждений должно переходить к Министерству народного просвещения»¹⁰.

Статья 18 рекомендует продажу имущества на аукционе «по цене, наиболее близкой

¹ Ibid. Pp. 3–4.

² Ibid. P. 6.

³ Ibid. P. 6. На документе стоит подпись султана Мехмеда Решада и «Ибрагима, министра юстиции, Талафа, министра внутренних дел, Мехмеда Саида [Халима], великого визиря, Хаири, министра Эвкафа».

⁴ Ibid. P. 7.

⁵ Ibid. Pp. 7–8.

⁶ Ibid. P. 9.

⁷ Ibid. P. 10.

⁸ Ibid. P. 11.

⁹ Ibid. P. 12.

¹⁰ Ibid. P. 13.

к ее реальной стоимости». И, наконец, статья 22 предусматривает, что «деятельность комиссий» должна осуществляться под руководством «центральной администрации»¹. «Нет необходимости изучать положения закона более подробно, чтобы понять, что именно они означали в стране, администрация которой, как единодушно согласны современные историки, «заразилась» вирусом жадны наживы.

Свидетельства большинства дипломатов показывают, что формальная сторона этих законов подразумевает совсем другую реальность. В Бурсе, где работало много преуспевающих армян, владельцев шелкопрядильных фабрик, австрийский консульский чиновник Л. Трано сообщил о депортации армян и ликвидации их землевладений «эвали метруке», комиссиями по оставленному имуществу, 16 августа 1915 г.² Три дня спустя он отметил, что армяне были депортированы в двухъярусных вагонах для перевозки скота и что комиссия конфисковала их фабрики и другие активы³. В конце августа австрийские дипломаты отметили, что имущество армян было скуплено членами местного клуба юнионистов и другими турецкими видными деятелями Бурсы⁴. В конце сентября тот же источник проинформировал Вену о том, что власти передают армянские дома мухаджирам⁵.

Текст закона «об оставленном имуществе» и соответствующий ему указ о применении не оправдал экономические цели иттихадистов. Истребляя армян, они очевидно создавали экономическую цепь, которая оказалась «национализированной», переданной турецким предпринимателям. Колоссальные суммы также влились в государственную казну и казну КЕП, и эти средства помогли финансировать истребление армян.

Источник из Имперского Османского банка отмечает, без комментариев, резкое увеличение цен на продукты питания и товары первой необходимости с августа 1915 г.; к февралю 1918 г., расходы на питание выросли более чем в двадцать раз по сравнению с довоенным периодом⁶. Здесь следует сделать два замечания. Доступ к европейской выпускаемой продукции сократился, и внутренний османский рынок вернулся к товарам собственного производства, который обвалился в августе 1915 г. после депортации армян. Что касается повышения цен на продукты питания, это повышение возникло из-за монополии на торговлю зерновыми культурами, удерживаемой компаниями, связанными с КЕП. Тот же историк Имперского Османского банка отмечает, что, начиная с сентября 1915 г., Османское государство, которое в то время финансировало войну за счет крупных заимствований у Германии, не нуждалось в кредитах Имперского Османского банка и даже смогло расплатиться с долгами⁷. Указанный экономический эксперт, по-видимому, не подозревал об источнике этих средств, которые также помогли финансировать в дальнейшем турецкое участие в войне.

Далее в 4-й части данного исследования мы подробно рассмотрим методы работы «эвали метруке», комиссий по оставленному имуществу, в регионах, и также назовем по возможности отдельных членов этих комиссий. Здесь также следует отметить, что в данном исследовании появляются определенные социальные профили: местная знать, тенденциозные члены комитета иттихадистов и высокопоставленные гражданские чиновники, которые сыграли ключевую роль в этих комиссиях и были первыми, кто сколотил личные состояния.

¹ Ibid. P. 14. Этот декрет был также подписан, кроме министров, имеющих отношение к самому закону, Энвером (военным министром), Халилом (министром иностранных дел), Ахмедом Шюкрю (министром народного просвещения), Аббасом (министром общественных работ) и Ахмедом Несими (министром торговли и сельского хозяйства).

² Österreichisches Staatsarchiv, HHStA PA Beilage, dossier 69 D, dépêche № 441 P., ff. 333–334. От Л. Трано, австрийского консульского сотрудника в Бурсе, 16 августа 1915 г., послу в Константинополе и барону Буриану, министру иностранных дел.

³ Österreichisches Staatsarchiv, HHStA PA Beilage, dossier 70 B, dépêche № 453 P. От Л. Трано, австрийского консульского сотрудника в Бурсе, 16 августа 1915 г., послу в Константинополе и барону Буриану, министру иностранных дел.

⁴ Österreichisches Staatsarchiv, HHStA PA XII 209, № 71 P-B, f° 352. Денеша Паллавичини, австрийского посла в Константинополе, министру Буриану, 31 августа 1915 г.

⁵ Österreichisches Staatsarchiv, HHStA PA XII 209, № 7P P-A, f° 367. Доклад Паллавичини, австрийского посла в Константинополе, министру Буриану, 30 сентября 1915 г.

⁶ Autheman A. Op. cit. P. 242.

⁷ Ibid. Pp. 244–245.

ГЛАВА 5

Вступление Турции в войну

Статус Германии

Тайный договор, который Османская империя заключила с Германией, обычно рассматривается в качестве отправной точки процесса, который привел к вступлению империи в Первую мировую войну. Далеко не все представители османской элиты одобрили это решение. Некоторые даже посчитали данное мероприятие самоубийством. 3 ноября, во время своего визита в Кавид, депутат Григор Зограб, который только что ушел в отставку с поста министра финансов, отметил, что вступление империи в войну может иметь ужасные последствия для Турции и что турки могут даже потерять свою столицу. Ему сказали, что «Талаат и его помощники, как предполагается, сказали, что в нынешней войне будет «только один победитель, и он получит все»¹. Этот комментарий подытоживает душевное состояние большинства членов Центрального комитета иттихадистов: они рассматривали войну как возможность восстановления потерянного величия империи, на этот раз под знаменем турецкого национализма.

В ходе той же беседы Джавид рассказал армянскому адвокату, что Талаат был самым ярким сторонником вступления в войну: он был убежден, «что эта война [позволила бы] Турции стать панисламской мировой империей»². Вместе с тем есть указания на то, что военный министр Энвер был на стороне Талаата; он тоже рвался в бой. Также известно, что на военном совете, созванном 13 сентября 1914 г., в котором принял уча-

стие адмирал Сушон, прибывший с линкорами «Гёбен» и «Бреслау» месяц назад, Энвер пообещал немецкому коллеге направить восемьсот тысяч мужчин в распоряжение новой коалиции³. Скрупулезное изучение источников убедило Фрэнка Вебера в том, что в октябре 1914 г. турки хотели идти на войну «любой ценой»⁴. Хотя обещание Германии оказать финансовую поддержку турецкому военному удару, вероятно, имело некоторое отношение к решению Турции; также следует помнить, что младотурки были прежде всего мотивированы своими «национальными» целями, их тюркистской идеологией. Союз с Германией был лишь возможностью для их реализации.

Еще один момент, которому уделялось меньше внимания, чем следовало бы: секретное немецко-турецкое соглашение 2 августа 1914 г. было направлено только против России. 11 января 1915 г. это соглашение было расширено и включило Великобританию, Францию и возможную балканскую коалицию⁵. Другими словами, цель турок состояла прежде всего в войне против России в надежде применить свой план пантюркизма на практике путем создания физического соединения с мусульманско-турецким населением царской империи. В этом можно не сомневаться, зная, что сливки КЕП, включая выдающихся членов Центрального комитета, были направлены в Трапезунд, Эрзурум и Ван уже в августе 1914 г., или рассмотрев военные приготовления турок в этой обла-

¹ Дневник, 3 ноября 1914 г.: Зограб Г. Указ. соч. С. 400–401. Зограб сообщает, что Джавид подал в отставку для того, чтобы быть в состоянии «что-то предпринять в случае катастрофы».

² Там же. С. 403 (тот же день, около полуночи).

³ Weber F. G. Op. cit. P. 73.

⁴ Ibid. P. 82.

⁵ Ibid. P. 64, n. 14; Trumpener U. Op. cit. Pp. 108–112.

сти, на которых мы остановимся немного позднее. Упрямое отрицание министрами иттихадистов и партийными лидерами того факта, что война с Россией была развязана при нападении линкоров «Гёбен» и «Бреслау» на Одессу и другие российские населенные пункты 29 ноября 1914 г., можно объяснить их желанием скрыть свои реальные намерения. Реакция Ахмеда Шюкрю, министра народного просвещения, члена Центрального комитета, перед Пятой комиссией Османского парламента в ноябре 1918 г., показывает, насколько тщательно младотурки стремились замаскировать свою главную военную цель: Шюкрю отрицал, что кабинет младотурок не нес никакой ответственности за вступление Турции в войну, утверждая, что «черноморский флот был атакован русскими» перед лицом всех доказательств («все знают, что все было наоборот», парировал председатель комиссии)¹. Младотурки стремились сделать вид, что их военные действия были не более чем простым военным маневром.

Также был поднят вопрос о точной роли комитета во вступлении Турции в войну. По мнению Турфана, это была «война Энвера-паши», поскольку именно Энвер выбрал лагерь империи и 25 октября 1914 г. отдал приказ атаковать Россию². Установлен факт, что военный министр сделал решительный шаг в инициировании нападения и переговоров с немцами в июле — августе. Однако, учитывая тот путь, который прошли иттихадисты, практически невозможно представить, чтобы Энвер действовал в одиночку. Более того, на четвертом судебном заседании иттихадистов генеральный секретарь партии Мидхат Шюкрю неохотно подтвердил, что министры правительства отправились в Центральный комитет, чтобы обсудить вступление Турции в войну³. Другими словами, было принято коллективное решение, которое комитет впоследствии одобрил. Казалось, это больше соответ-

ствовало его обычным методам работы и нежеланию играть слишком заметную для себя руководящую роль.

Много чернил было пролито над другим вопросом: какую роль играла Германия и какой статус она имела в войне на Востоке. Мы уже приняли к сведению скептицизм посла Вангенхайма о военных силах в Турции, а также оговорки Отто Лимана фон Сандерса, лидера немецкой военной миссии, с которым Энверу пришлось немало побороться, чтобы одолеть. Последовало ли за этим «предоставление неравных сил», которое оставило Турцию обязанной Германии, то есть сделало ее партнером второго ранга, который должен был соответствовать германским требованиям? Это вполне правдоподобно. Тем не менее подробные исследования немецко-турецких отношений, проведенные Вебером и Трумпенером, показывают не только то, что турки никогда не намеревались уступить даже толику власти иностранцам⁴, но и что им часто удавалось выбивать огромные суммы у немцев, не всегда оправдываемые военными усилиями; что они преследовали немецких бизнесменов, работавших в восточных провинциях, и что они никогда не позволяли немецким дипломатам или военным вмешиваться в их «внутренние» дела. Другими словами, в то время как выводы Ваагна Дадриана не являются необоснованными, он отмечает большое влияние немцев, что делает их соучастниками преступлений младотурок, по крайней мере в той степени, в которой они «закрывали глаза» на происходящее или отказывались вмешиваться⁵. Они не должны исключать тот факт, что именно Центральный комитет младотурок применил план геноцида на практике. Вебер, в свою очередь, отмечает, что Вангенхайм не был столь неблагоприятно настроен в отношении османских армян, как об этом часто говорили, хотя люди из его ближайшего окружения, включая очень влиятельного Ганса Хьюмана, военно-морского

¹ SHAT, Service historique de la Marine, Service des renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 236, doc. N° 1662 B-9, Constantinople le 19 mars 1920, le lieutenant de vaisseau Feuillet, annexe 20.

² Turfan N. Op. cit. P. 363; Weber F. G. Op. cit. Pp. 83–85. Вебер подтверждает на основании различных многочисленных источников, что именно Энвер отдал приказ атаковать флотилию.

³ SHAT, Service historique de la Marine, Service des renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 232, doc. N° 676, Constantinople, mai 1919. P. 3. Trumperner U. Op. cit. P. 56, n. 85. Трумпенер отмечает, что Генеральный Совет, то есть более обширный руководящий орган КЕП, в состав которого теоретически входило сорок членов, был созван утром 30 октября и что по итогам голосования 17 против 10 он принял решение вступить в войну на стороне Германии.

⁴ Weber F. G. Op. cit. P. 65; Trumperner U. Op. cit.

⁵ Dadrian V. German Responsibility in the Armenian Genocide, Watertown, 1996.

этапе при посольстве Константинополя, или некоторые немецкие туркофилы, такие как Эрнст Яек или даже кайзер Вильгельм собственной персоной, питали настоящую ненависть в отношении армян.

Это влияние, которое нельзя сбрасывать со счетов, было уравновешено немецкими миссионерскими сетями, подчинявшимися д-ру Йоханнесу Лепсиусу и лидеру немецкого центра Маттиасу Эрцбергеру. Миссионеры пользовались поддержкой немецкого общественного мнения, которое было настроено неблагоприятно в отношении союза с турками¹. История немецко-турецких отношений в годы Первой мировой войны была длинным путем успешных попыток шантажа, искусно сплетенных Центральным комитетом младотурок, которые цепко держали добычу в своих руках и постоянно меняли свои взгляды в зависимости от того, как этого требовали обстоятельства, вызывая тревогу при каждом удобном случае. Ввиду непримиримой ирредентистской природы турецкого национализма в начале XX века, закаленной в переговорах, даже в самых чрезвычайных ситуациях (незвизирая на очевидное ослабление ее позиций), мы склонны полагать, что КЕП всегда был в состоянии отклонить или преуменьшить обвинения или критику, выдвигаемую против них немецкими дипломатами, используя угрозы или бойкоты, когда это было необходимо. Дело в том, что каждый из двух этапов геноцида совпал с крайне напряженной военной ситуацией, которая оставила Германии не слишком много места для маневра. Первым

этапом был бой за Дарданеллы, который начался в конце апреля 1915 г. и продолжался до осени. Вторым этапом был захват русскими войсками Эрзурума в середине февраля 1916 г. Это повлекло создание кампании по искоренению армян, которых «переселили» в сирийские пустыни Месопотамии, и призыв к резкому замедлению усилий парламентской делегации, тщательно подготовленной лидером центристской партии Эрцбергером, который встретился с Энвером и Талаатом 10 февраля 1916 г. с требованием, чтобы турки немедленно отказались от политики «преследования» армян². Очевидно, стратегические соображения взяли верх. Первые военные операции на Кавказе, запланированные главой генерального штаба Османской империи Фрицем Бронзартом фон Шеллендорфом³, предусматривающие нападение на российское Закавказье, — цель, которая не удовлетворяла ни Энвера, ни его коллег по комитету. Кроме военного преимущества, которое Германия предполагала получить, захватив русские дивизии в Закавказье, «великий замысел» тюркистов, наконец, должен был быть применен на практике, более того, при поддержке со стороны великой державы. Объединяясь с Германией, младотурецкая Турция сама в какой-то степени достигала статуса великой державы и получала прибыль от материальных преимуществ, которые приносил этот статус. Соответственно, мы склонны полагать, что КЕП вступил в войну на стороне альянса, который был в лучшем положении для продвижения пантюркистских проектов комитета.

Армяне в столице: август 1914 г. — апрель 1915 г.

Всеобщая мобилизация и аресты лидеров Гнчака в османской столице спровоцировали значительное волнение в армянских кругах. Оно было подкреплено известием, что пожар уничтожил базар Диарбекира в ночь на 19 августа 1914 г.⁴ Другие известия, в результате подстрекательства столичной прессой, привели к росту этих волнений. Например, Вестененк был вызван в

Министерство внутренних дел и уведомлен о своем увольнении министром Талаатом⁵; публикация имперского письменного ираде 23 сентября об амнистии курдов, которых признали виновными в убийстве [армян] в селах Азым (Битлис) и нахиэ Гаргар (Ван)⁶; закрытие 1 октября иностранной почтовой связи в Стамбуле, мера, которая действительно привела к большей изоляции армян,

¹ Weber F. G. Op. cit. Pp. 184–187.

² Ibid. P. 65; Trumpener U. Op. cit. Pp. 234–236.

³ Zürcher E. J. Op. cit. P. 119.

⁴ Агуни С. Указ. соч. С. 60.

⁵ Антонян А. Хронологические записи, 1914–1916 гг. Ibid. С. 10.

⁶ Там же. С. 12.

которые чаще, чем другие группы населения, использовали этот более эффективный, не подвергаемый цензуре сервис¹.

Несмотря на все это, настроение армян наполнялось более мрачным предчувствием, которое люди оправданно испытывали скорее оттого, что страна находилась на грани войны, чем от идентифицированных угроз. Даже публикация 9 октября обращения царя Николая к армянам (подписанного 28 августа) в газете «Танин», официальном органе КЕП, не смогла запустить антиармянскую пропагандистскую кампанию. Молодотурецкая газета зашла так далеко, что выразила надежду на то, что этот призыв не будет иметь никакого влияния на османских армян, более того, в документе отмечено, что армянская пресса в столице отреагировала на это скептически². В этой подготовительной фазе войны, в ходе которой мобилизация все еще продолжалась, предписания поступали быстрыми темпами, и расстановка сил младотурок во главе с Бехаэддином Шакиром распространилась на все восточные провинции, и КЕП, очевидно, счел необходимым не нагнетать напряженность в столице без нужды.

Новости о продолжающемся насилии в провинции или соседних странах, тем не менее, продолжали проникать, создавая совершенно иную картину намерений правительства. Покушение на жизнь Ноэля Бакстона и его брата Гарольда 16 октября в Бухаресте, где они пошли на похороны короля Кароля, было красноречивым свидетельством грядущих событий. Ответственным за этот поступок был албанский журналист по имени Гасан Тахсин, репортер иттихадистской газеты «Тасфири Эфкяр». Тахсин лишь недавно приехал в Бухарест из Стамбула и Салоников, что позволяло предположить — покушение было совершено по приказу иттихадистов. Кроме того, константинопольская пресса не упустила возможность отметить, что два брата только что опубликовали книгу «Путешествия и политика в Армении» (Лондон, 1914), которые «Иктам» описал как «враждебную по отношению к планам реформ правительства

в восточных провинциях». Книга сравнивает положение армян Турции с армянами России не в пользу первых³. Почтенный приходский священник Ерванд Пердахджян отмечает в своих мемуарах: «Несмотря на то, что молодые армяне покорно идут на службу в армию по призыву, армянских торговцев буквально грабят в рамках закона о военных реквизициях. И, несмотря на линии поведения, принятые Патриархией, [армянскими] депутатами парламента и политическими партиями и на их образцовую лояльность, нам сообщили из достоверных источников, чьи сообщения позже подтвердились, что правительство занимается вербовкой чете (банд преступников) из числа осужденных убийц (которые были, в принципе, освобождены от военной службы) и направляют их со специальными приказами в провинции, заселенные армянами»⁴.

Таким образом, начали поступать первые, еще смутные сообщения о преступных действиях правительства, хотя никто еще не подозревал о существовании «Специальной организации». Приходский священник также отмечал, что чете направляли во все «провинции, которым обещали реформы, особенно в деревни». Там совершались убийства, похищения молодых женщин и девушек, а также грабежи. Наконец, Пердахджян отметил, что даже до объявления войны «Патриархия ежедневно получала сообщения из провинций о новых злодеяниях и убийствах»⁵.

Эти обстоятельства в конечном итоге привели Политический совет к созыву заседания для обсуждения плана действий и следования ему в дальнейшем. На заседание был приглашен ряд лиц со стороны, в том числе Григор Зограб, Аристакес Гаспарян, Амбарцум Бояджян, Мигрдат Айказн, Давит Тер-Мовсесян, Нерсес Органян, Рубен Зардарян, Акоп Аветисян, Геворг Симкешиян, Арам Антонян, Саргис Минасян, Микаэл Натанян и епископ Амаяк Тимаксян⁶. Таким образом, были хорошо представлены все столичные армянские группы. 30 октября 1914 г. патриарх Завен по пути во дворец по

¹ Там же. С. 13.

² Там же. С. 13–14.

³ Там же. С. 14–16.

⁴ Perdahdjian Y. Evénements et faits observés à Constantinople par le vicariat [patriarcal] (1914–1916), traduit et annoté par Kévorkian R.H. Revue d'Histoire Arménienne Contemporaine I (1995). Pp. 251–252.

⁵ Ibid. P. 252.

⁶ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 72.

традиции выразил свои наилучшие пожелания султану по поводу праздника Байрам и узнал, что накануне вечером произошло военно-морское столкновение между русскими и турками¹.

В своем дневнике Зограб пишет: он был срочно проинформирован, что в срочном порядке весь кабинет встретил этот день в резиденции Саида Халима в Йеникой. Два дня спустя, после официального объявления войны, Зограб встретился с Мехмедом Джавидом, который только что ушел в отставку. Джавид сказал ему: «Иностранцы авантюристы работают на нашу страну; пресса находится в руках татар и дёнме; у нас есть Ака Гюндюз в газете «Танин», Агаев в газете «Терджумару Хакикат», Зеки в Национальной обороне и дёнме Юнус Нади в газете «Тасвири Эфкяр»². Несмотря на то, что это несомненное заявление сделано человеком, который сам происходил из семьи дёнме, то, что Джавид признался Зограбу, характерно для слухов, которые, должно быть, циркулировали по столице в то время. Их можно сравнить со слухами о немцах, которые распространились чуть позже: их обвинили в поражениях на поле боя и даже в уничтожении армян.

В Патриархии все четко воспринимали опасность. Состоялось еще одно заседание Политического совета, снова при участии внешних представителей, которое прошло 2 ноября в церкви в Галате, где обычно собирался Совет. Среди приглашенных были Зограб, Петрос Халаджян, д-р Сегпосян, Манук Азарян, Бюзанд Кечян, Амбарцум Бояджян, Давит Тер-Мовсесян, Гайк Ходжасарян, Вардгес Серингюлян, Диран Келекян, Акоп Аюпов, Мкртич Манукян, Арутюн Шахристан, Мигран Мурадян и епископ Тимаксян³. Отметим, что Халаджян, который сам был младотурком и министром до дня, предшествовавшего проведению заседания, Диран Келекян, уважаемый редактор газеты «Сабак» и близкий друг Бехаэддина Шакира, а также сенатор М. Азарян также приняли приглашение участвовать в заседании, хотя они редко посещали армянские национальные собрания. Таким образом, их официально

известили о серьезности ситуации. После долгого обсуждения собрание постановило, что крайне важно продемонстрировать правительству лояльность армян. Было принято решение опубликовать циркулярное письмо для направления во все области, призывая всех подтвердить свою верность османскому отечеству и исполнить свой долг. На собрании также было принято решение поддерживать хорошие отношения с правительством и КЕП и учредить полевой госпиталь за счет армянского народа⁴. Задача о возрождении отношений с КЕП, естественно, была доверена Халаджяну. В частной беседе патриарх попросил его заверить лидеров иттихадистов в том, что армяне будут выполнять свои гражданские обязанности. 8 ноября 1914 г. Халаджян нанес визит патриарху и подтвердил, что он передал послание о том, что младотурки пообещали по-прежнему проявлять безоговорочно добрую волю по отношению к армянам⁵.

Стоит обратить внимание на циркулярное письмо патриарха, датированное 10 ноября, поскольку оно показывает, как армяне воспринимали ситуацию: «Наша страна, к сожалению, не осталась не затронутой всеобщей войной, которая разразилась среди европейских держав три месяца назад. Объявив призыв к всеобщей мобилизации, царское правительство поставило армию под ружье. Все телеграммы и письма, дошедшие до нас в течение последних трех месяцев из всех провинций, показывают, что наш народ выполнил приказ о мобилизации, ответив на призыв... о службе в вооруженных силах, с соблюдением военных реквизиций и других правительственных директив. Армяне также с готовностью ответили на призыв о выделении средств для нужд армии и разнообразных потребностей государства. Ход событий до сих пор показывает, что армянский народ, как неотъемлемая часть османского отечества, готов, как диктуют обстоятельства, идти на любые жертвы, чтобы продемонстрировать свою лояльность и патриотизм»⁶.

Патриарх соответственно призывал свой «народ» «выполнить свои обязательства в

¹ Там же. С. 73.

² Дневник, 30 октября и 1 ноября 1914 г.: Зограб Г. Указ. соч. С. 392, 396–397.

³ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 74.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 74–75.

⁶ Чами полностью опубликован французский перевод: Perdahdjian Y. Op. cit. Pp. 250–251.

османском отечестве», как это делалось «на протяжении многих веков»; «ответить искренне на призывы со стороны правительства во имя отечества <...>, пожертвовать своей жизнью, даже не привыкнув к военной жизни»; «организовать благотворительные общества... проявить внимание к потребностям семей мобилизованных солдат без других средств к существованию... и потребностям больных и раненых солдат, в частности даже давать им приют и заботиться о них в своих собственных домах». «Разумеется, нет необходимости, — продолжал патриарх, — говорить о том, что акты сострадания должны быть выполнены без учета религиозной или национальной принадлежности человека, ибо мы все дети одного и того же отечества».

Патриарх также призвал «верующих поддерживать дружеские отношения со своими соседями и соотечественниками; самоотверженно помогать им и высказывать дух самопожертвования, уважать их чувства, высказывать больше дальновидности и осмотрительности, чем когда-либо; не оставлять дверь открытой для недоразумений; и, в более общем смысле, проявлять осторожность в словах и делах, ибо хорошо известно, что в обстановке такого рода люди становятся более нервными и раздражительными»¹.

Само собой разумеется, что этот призыв к османскому патриотизму, сопровождаемый четкими рекомендациями быть более осторожными и избегать провокаций, был очень хорошо принят младотурецкой прессой в Стамбуле, которая опубликовала его с хвалебными комментариями, в особенности в еженедельнике «Младотурки»². В своих мемуарах патриарх подчеркивает, что этими инициативами власти Патриархии стремились убедить правительство в доброй воле армян. Школа ускоренных учебных курсов для будущих медсестер, основанная д-ром Ваграмом Торгомяном и Рубеном Севаком (Чилингирином), была открыта 29 ноября

1914 г. в городе Пера. В провинциях армяне взяли на себя обязательство производить теплую одежду для солдат, в том числе носки и даже нижнее белье, «которого у них раньше не было»³. Патриарх отмечает, что все эти усилия были хорошо восприняты, «хотя все указывало на то, что признательность турок была простым притворством». Мобилизация проходила во все более сложных условиях⁴.

Объявление джихада, священной войны против «неверных», официально провозглашенной 13 ноября 1914 г. шейх-уль-исламом Хайри эфенди, иттихадистом, который не являлся священнослужителем, свидетельствует о дискурсивной радикализации. Надо отметить, что генерал Лиман фон Сандерс отметил в своем описании «демонстраций» в ответ на это объявление на следующий день, в субботу, 14 ноября, что «турецкая полиция организовала, как обычно, марши на улицах; обычные демонстранты и несколько отдельных лиц, которые, как оказалось, получили доступ к нескольким пиастрам вознаграждения»⁵. В прессе сообщалось, что эти демонстранты направились к мавзолею султана Фатиха, ко дворцу султана и даже к посольству Германии, которое по этому случаю было освобождено от религиозной анафемы. Более того, д-р Назим⁶ горячо высказывался о своем уважении к немецким союзникам Турции. Зограб, как человек, имеющий опыт в османской политике, писал в своем дневнике, что в субботу [14 ноября] «была поставлена великая комедия. Турки торжественно провозгласили джихад против четырех воюющих государств: России, Франции, Великобритании и Сербии. Первые, кто посмеялись над этим фарсом, были сами турки... На мой взгляд, жители города не принимали участия в этой демонстрации... [которая допускала] нападения на коммерческие фирмы, принадлежащие ряду вражеских держав, и достигла своего пика в сносе отелей Токатлянов».

¹ Там же.

² Тер-Егиян З. Указ. соч. С. 76–77; Антонян А. Указ. соч. С. 20–21. Автор указывает, что 6 ноября 1914 г. в «Бюзандионе» было опубликовано оригинальное циркулярное письмо с призывом к армянам демонстрировать «лояльность и чувство патриотизма»; он отмечает, что оно было тепло встречено прессой.

³ Тер-Егиян З. Указ. соч. С. 77. Антонян А. Указ. соч. С. 22: д-р Торгомян запустил проект создания школы медсестер 13 ноября.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Sanders L. von. Op. cit. P. 45. С оттенком юмора он добавляет: «Именно по этой причине эти демонстрации в Константинополе — неважно, по какой причине они проводятся, — практически всегда собирают одних и тех же людей».

⁶ Антонян А. Указ. соч. С. 22.

Зограб также отмечает, что полиция играла «свою традиционную роль» и на этот раз облегчила путь для вандалов. «Бедный Токатлян, — добавляет он, — который в течение пяти лет беззаветно служил всем членам Иттихада, крупным и мелким... все, которые были его почетными гостями», был наказан, несмотря на его усилия¹.

Глава германской военной миссии, свидетель этих событий, отмечал, что «эти демонстрации не были восприняты серьезно ни иностранцами, ни самой Германией, в силу тенденциозного сообщения о них»², что, вероятно, следует отнести к кому-то из сотрудников посольства Стамбула.

Мы не должны, однако, недооценивать влияние призыва шейх-уль-ислама, который преследовал панисламистские цели и, вероятно, далеко идущие последствия в мусульманском мире. После долгого внедрения строго религиозного вдохновения этот документ заявляет в более конкретном, откровенно антиимпериалистическом тоне, что «в течение прошлого века группа из угнетателей, известных как Тройственный союз — Антанта, не только отняла у мусульманских народов Индии, Центральной Азии и большинства регионов Африки их политическую независимость, их государства и даже их свободу, но уже более полувека, благодаря поддержке, которую каждое из трех государств оказывало остальным, отняла у нас самые ценные части Османской империи».

В тексте также упоминается о ранах «недавнего прошлого — можно сказать, о вчерашних. Во время Балканской войны, которую [Антанта] спровоцировала, поощряя и защищая наших соседей, это стало моральной и материальной причиной уничтожения сотен тысяч невинных мусульман, изнаси-

лования тысяч мусульманских девственниц и фанатичного осквернения предметов, священных для ислама»³.

Подлинная боль дает о себе знать, несмотря на определенные риторические противоречия. Начнем с боли, вызванной потерей большей части европейской Турции, а также полуколониальной ситуации, которую воспринимали турки.

Интересно отметить реакцию армянской элиты Константинополя на эти демонстрации. Акнуни, лидер дашнаков, признался во время своего визита к Зограбу 16 ноября, что он взял на себя последствия своего неуместного доверия к иттихадистам, «этим непростительным авантюристам», и его отрицания либеральных кругов, которые стремились сохранить Турцию⁴. Два дня спустя он сообщил Зограбу, на этот раз в присутствии депутата парламента Вардгеса Серингюляна, что он надеялся покинуть страну и что он намерен «обратиться [так в оригинале!]» к Талаату за разрешением на отъезд. Эта обезоруживающая наивность принесла ему лишь саркастические комментарии двух его друзей, которые напомнили большие надежды, с которыми он возвращался обратно в Стамбул. «Что можно ожидать от этой страны, — отмечает Зограб, — когда ее лидеры Талаат, д-р Назим, Бехаэддин Шакир, Мидхат Шюкрю и Халил, а ее амбициозные сотрудники Энвер, Джемаль, Фэтхи и Хакик Хёскен, которые только вчера были новичками... И второй скрипкой [являются] нахлебники, такие как Ахмед Агаев, теперь известный как Агаоглу, Ака Гюндюз или Юнус Нади, этот пьяный редактор газеты»⁵.

Тем не менее, отмечает Зограб, очень мало турок выступало против объявления войны. В личном сообщении редкой откро-

¹ Дневник, 16 ноября 1914 г.: Зограб Г. Указ. соч. С. 408–409; Sanders L. von. Op. cit. P. 46. Сандерс также указывает, что именно эти «демонстранты разбили все окна и зеркала в отеле Токатляна» (Сандерс ошибочно датирует событие 20 ноября).

² Отян Е. Указ. соч., № 6. Отян сообщает, что демонстрации были организованы КЕП совместно с членами тех гильдий, лидеры которых находились под контролем иттихадистов, особенно гильдий мясников и грузчиков.

³ Sanders L. von. Op. cit. P. 46.

⁴ Текст призыва к джихаду был зачитан на первом заседании судебного процесса над кабинетом, 3 июня 1919 г. (3 Haziran 1335) и опубликован в «Takvim-i Vakiyi» (№ 3571, 11 июня 1919. С. 127–140). Текст был опубликован лишь 23 ноября 1914 г.; Информационное бюро Патриархии подготовило досье Хайри эфенди, в котором он описывается как член Центрального комитета: АРС/PAJ, Э 139, с переводом на французский язык полного текста объявления джихада, подписанного шейх-уль-исламом Хайри, Зияэддином и Мусой Кяшимом. Впоследствии Кязим сменил Хайри на посту шейх-уль-ислама и издал еще более явный призыв к убийствам армян.

⁵ Дневник, 16 ноября 1914 г.: Зограб Г. Указ. соч. С. 409–410.

⁶ Дневник, 18 ноября 1914 г.: там же. С. 412–413.

венности, дух которого, вероятно, разделяла часть армянской элиты, он объясняет это как следствие того факта, что «турки, которые были воспитаны, вскормлены и возвращены на войну, ожидают от войны, в самый разгар нынешнего спада, реабилитации. Они не поняли, что лень привела их к грани вымирания и что только тяжелая работа может их спасти. Но работа не для них, они скорее умрут, чем будут работать. Именно поэтому они идут на войну так легко, считая, что на войне важно только мужество и немного удачи. Это психология неисправимого игрока»¹.

Весь культурный разрыв и разница в менталитете между турками и армянами заключены в этой неистовой вспышке, написанной под непосредственным влиянием событий дня.

По общему настроению армянской элиты в то время она являлась свидетелем «начала последнего этапа провала Турции». Зограб даже ожидал, что ему вновь придется предоставить убежище некоторым из этих лидеров в своем доме, как он это сделал для Халила в апреле 1909 г., «когда они были в бегах»². Его слова свидетельствуют о тесных отношениях некоторых армянских лидеров с младотурками и о толерантности, которую он проявлял по отношению к ним.

История, связанная с Зограбом, подытоживает ситуацию, в которой османское армянское население оказалось в начале войны. Армянин среднего класса навестил Вардгеса Серингюляна, чтобы рассказать ему о своих опасениях и попросить совета. Вардгес сказал ему, что ничего не может быть проще; у него есть очень хорошее решение, которое будет стоить не более пяти «курушей»: «Держите белый батист в своем кармане. Как только турки начнут резню, достаньте его и оберните его вокруг «фески», чтобы сделать тюрбан. Тогда объявите, что вы мусульманин. Никто не тронет ни волоса на вашей голове». Армянин ответил: «Я никогда не сделаю ничего подобного, Вардгес. Когда армяне Сасуна подверглись массовой резне, разве они отреклись от своей веры?»³

«Есть и другое решение, — ответил Вардгес. — Купите оружие и защищайте себя в случае необходимости». После минутного раздумья мужчина ответил: «Я не буду делать ничего подобного, Вардгес, потому что тогда они уничтожат моих родных и соседей в придачу».

Вардгес спросил его: «Что вы тогда собираетесь делать?» — «Бог милостив», — ответил мужчина. Вардгес закончил их разговор следующими словами: «Все так говорят. Мир купается в крови, и Бог милостив. Что делать, если Бог безжалостен?» У армян было несколько вариантов: принять ислам или притвориться принявшим ислам, защищать себя или довериться Божьей милости. Другая история, которую рассказывали в столице, иллюстрирует царящее настроение: двенадцатилетняя турецкая школьница в немецкой школе в Стамбуле сказала одному из ее армянских одноклассников: «После того как мы выиграем войну, сначала мы вырежем всех греков». Сбитый с толку молодой армянин спросил ее: «И что вы собираетесь делать с нами?» Звонок, объявляющий перерыв на обед, прервал их разговор⁴.

В течение нескольких месяцев после вступления Турции в войну Зограб часто встречался с людьми из младотурецких кругов, которые выступали против войны, в частности с бывшим министром финансов Мехмедом Джавидом. Теперь, когда безжалостная система цензуры была введена в действие, Джавид был для него неоценимым источником информации⁵. Так, Джавид сообщил о встрече 4 декабря 1914 г., состоявшейся в его доме; ее участники являлись «важной турецкой средой». Обсуждения проходили вокруг политики немцев и критики Иттихада АРФ, которую они обвинили в организации групп армянских добровольцев на Кавказе; также обсуждались слухи о грабежах и резне в регионе Эрзурум⁶. 17 декабря Зограб встретился с Нами-беем, зятем Саида Халима, а также Джавидом, который сообщил, что сразу после начала военных действий в Европе турецкий кабинет мини-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 414.

⁴ Дневник, 19 ноября 1914 г.: там же. С. 419. Зограб отмечает, что со времени объявления джихада предпочтительно не выглядеть, как европеец. Он отмечает, что на улицах Перы шляпы были заменены фесками: Там же. С. 415.

⁵ Дневник, 5 декабря 1914 г.: там же. С. 419.

⁶ Дневник, 7 декабря 1914 г.: там же. С. 421.

стров обязался принять участие в войне на немецкой стороне. Христианские министры и даже некоторые мусульмане, которые выступали против турецко-немецкого альянса, не были приглашены на эти заседания кабинета. По информации Джавида, Саид Халим, Талаат, Энвер и Халил урегулировали последние штрихи в соглашении с немцами. Что касается вступления Турции в войну, то такое решение было принято в ходе заседания Совета министров, на котором также присутствовали Халил и некоторые члены Центрального комитета иттихадистов. Для бывшего министра финансов Талаат был «необходим для надлежющего функционирования Комитета». Без него члены Комитета разорвали бы друг друга в клочья. Талаат следил за всем. Выказывая кроткий нрав, он, тем не менее, был самым влиятельным из всех¹.

Армянский адвокат имел дело с иттихадистами в течение семи лет и знал их уже очень хорошо. Он отмечает, что они ввели методы, характерные для чете (преступников), которыми они управляли. Таким образом, «в каждой области тактика "сильной руки" была единственным способом, который они когда-либо использовали»², и это объясняется их «психологическим родством с немцами, которые применяли подобные методы правления. Между иттихадистами и немцами существует "солидарность"³, своего рода "соучастие"⁴, которое всегда сильнее всех других связей». Зограб также отмечал, что главы государств Антанты были не в состоянии понять это и сделать из этого соответствующие выводы⁵.

В период, когда ему не хватало внутренней информации, Зограб вспомнил, получив письмо от д-ра Вагана Папазяна, который был тогда в Муше и писал ему, чтобы сообщить о ситуации там, что потребовалось три года усилий, чтобы убедить АРФ участвовать в плане реформ⁶. Эта деталь имеет свое значение. Она говорит о том, что АРФ уже дав-

но отвергла план, как она обещала сделать это в пакте, заключенном с КЕП, и знала, насколько враждебно были настроены младотурки в отношении плана реформ.

Среди мер, предпринятых иттихадистами в первые месяцы войны, одной следует уделить особое внимание. Хотя ежегодная сессия османского парламента под председательством Халила [Ментеше] была открыта 14 декабря 1914 г., она завершилась 1 марта следующего года после того, как 11 февраля 1915 г. на собрании была принята поправка, предложенная генеральным секретарем иттихадистов Мидхатом Шюкрю, резко сократить сессию на полтора месяца⁷. В своих мемуарах Мехмед Талаат не отрицает, что приостановление деятельности парламента было непосредственно связано с мерами, направленными против армян⁸. Следует также отметить, что военные операции в период с декабря по февраль, которые не дали ожидаемых результатов, привели к уничтожению гражданского населения в Ардагане, Арвине, Алашкерте, Диядине, Баязеде, Калакилисе и восточных предместьях Ван. Убийство священника Эрзинджана Саака Одабашяна также привлекло внимание в Константинополе. Одабашян был убит вместе со своим кучером утром 1 января 1915 г. на дороге Сивас—Эрзинджан, в месте под названием Канлыдере в районе Сушехир. Он находился на пути в Эрзинджан, чтобы занять пост, на который его только что назначили, и вскоре было установлено, что он стал жертвой чете, которые покинули Сивас 23 декабря⁹. Патриархия, однако, воздержалась от каких-либо выводов из этого убийства, тем более что власти, очевидно, решили не предпринимать никаких действий, которые могли бы встревожить армян в самой столице. Главным образом, «Agence d'informations ottomane» указывала на скрытые угрозы с середины декабря 1914 г. Что касается девятнадцати армянских купцов, которых пытались обвинить в укрытии групп

¹ Дневник, 17 декабря 1914 г.: там же. С. 421–422.

² В оригинале на французском языке.

³ В оригинале на французском языке.

⁴ В оригинале на французском языке.

⁵ Дневник, 18 ноября 1914 г.: там же. С. 416.

⁶ Дневник, 20 декабря 1914 г.: там же. С. 424–425.

⁷ *Dadrian V.* Op. cit. P. 382, n. 6.

⁸ *Kutay C.* Talât paşanın Gurbet Hatıralar, II, 1983. S. 907; *Dadrian V.* Op. cit. P. 382, n. 5.

⁹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier № 23. Les signes prédisant les horreurs futures à Swas; infra. Pp. 535–536.

фидайи, то их оправдали в уголовном суде Константинополя после блестящей защиты Г. Зограба¹.

Назначение 18 марта 1915 г. Б. Халаяна османским делегатом Международного суда ООН в Гааге было более тревожным². Попытка вывести из игры этого верного иттихадистам человека, который часто служил в качестве посредника между КЕП и армянами во времена кризиса, может быть истолкована как часть мер, предпринимаемых младотурками, контактирующими с армянами. Во всяком случае, этот шаг устранил один из армянских постоянных каналов связи в диалоге с правительством. Приостановление выхода ежедневной газеты дашнаков «Азатамарт», с другой стороны, не казалось отступлением от обычной практики, поскольку газета возобновила публикации 4 апреля³.

Если необходимо назвать точную дату начала кампании против «внутренних врагов», это, несомненно, было бы 21 апреля 1915 г., когда газета «Танин» опубликовала статью под названием «Сообщники». В статье описывались ужасающие подробности преступлений, которые, как утверждалось, были совершены против мусульманского населения русской армией на Кавказском фронте. «Самое удивительное, — пишет автор статьи, — в том, что... армяне Кавказа, невзирая на долгие годы преследований со стороны россиян, также играют не менее главную роль в этом маскараде. На самом деле удивительно, что эти кавказские армяне должны сотрудничать с кровавыми рука-

ми, которые в Сибири душат и заставляют замолчать их братьев, которые сражаются за свободу и цивилизацию. Как быстро они забыли тех, чьи глаза были вывешены на виселице с витыми заостренными железными прутьями»⁴.

Газета «Танин» установила связь между операциями на Кавказе и убийством Махмуда-аги и четырнадцати других лиц в деревне Перкри (вилайет Битлис, каза Гаргар) и обвинила в преступлении «сообщников» русских, то есть армян.

Битва за Дарданеллы, которая началась в этот период, естественно, также оказала влияние на столицу, и когда возник вопрос о перенесении правительства и султана в Конью, патриарх проинформировал нас, что армянский Политический совет и Армянская палата решили следовать за ними в случае необходимости. Министр юстиции был проинформирован об их решении и представил вопрос на рассмотрение Совета министров. Совет, как предполагается, принял предложение армян и запросил список людей, которых было бы целесообразно направить в Конью⁵.

Еще 2/15 марта 1915 г. католикос Саак сообщил Патриархии о депортациях, которые были проведены в Зейтуне, подтвердив тем самым слухи, которые уже дошли до Стамбула. Однако, как патриарх писал позднее, все коммуникации с провинциями были объявлены вне закона и все его просьбы об общении с ними на турецком языке были отвергнуты⁶.

¹ Агуни С. Указ. соч. С. 25. 5 января 1915 г. стамбульская пресса вскрыла мрачное дело: в казармах Сиваса солдатам выдавали отравленный хлеб. В преступлении обвинили армянских пекарей. Позднее расследование показало, что пекари, которые были подвергнуты пыткам, стали жертвами ложных слухов и были оправданы. Это дело является показательным в отношении общественного мнения в тот период.

² Антонян А. Указ. соч. С. 33.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 34–35.

⁵ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 77.

⁶ Там же. С. 79.

ГЛАВА 6

«Специальная организация» на Кавказском фронте и первые военные действия

В главе 3 данной части мы рассмотрели обстоятельства, приведшие к созданию «Специальной организации», и увидели, что ее активность была сосредоточена на Кавказском фронте. Сейчас мы должны обратить внимание на то, что «Специальная организация» сделала в районе проведения боевых действий с августа 1914 г. по начало марта 1915 г. с установлением личности ее лидеров и изучением природы действий, проведенных во время первых боевых действий зимой 1914/15 г.

Воспоминания Арифа Джемиля, которые мы уже использовали для определения целей «Специальной организации», являются тут чрезвычайно ценными. Они подтверждают, в какой поспешной манере офицеры, «Фидай Энвера», были отправлены на восток без точного задания. Эта кратковременная неопределенность, возможно, была результатом борьбы между Центральным комитетом и военным министром за контроль над Специальной организацией. Поспешное отбытие «фидай Энвера» находит объяснение в том факте, что двумя днями ранее конкурирующая организация Центрального комитета, возглавляемая Бежаэддином Шакиром, также отправила людей на восток. Кроме того, Джемиль утверждает, что его группе пришлось ждать в Эрзуруме семнадцать дней до того, как штаб в Стамбуле отдал ей приказ двигаться в Трапезунд. Другими словами, во второй половине августа 1914 г. конфликт между Энвером и Центральным комитетом был закончен и задачи «Специ-

альной организации» были четко определены. Прибытие в Трапезунд две недели спустя Кара Кемалья, члена Центрального комитета и главы партии столицы, было, несомненно, связано с желанием Центрального комитета восстановить порядок в «Специальной организации». Энвер, несомненно, имел преимущество над соперниками потому, что рано утром направил в Трапезунд двух офицеров, Йенибахджели Наила и Юсуфа Риза-бея, уважаемых фидайи Иттихада¹. Поскольку Талаат со своей стороны принудил Бежаэддина Шакира идти в Эрзурум, фактически возникают следующие зоны влияния: сторонники Энвера контролировали район Трапезунда, в то время как сторонники Талаата контролировали область вокруг Эрзурума. Две группы все же освоили процедуры вербовки, пополнив свои ряды бандитами и уголовниками, освобожденными из тюрем согласно специальному разрешению. Это означает, что они работали на основании таких же распоряжений. Джемиль также сообщает нам, что когда Кара Кемаль прибыл в Трапезунд, полковник общего штаба Сулейман Аскери был только что назначен главой боевых действий. Он добавляет, что лидер столичного КЕП прибыл в сопровождении двух немцев — Луиса Мозеля и капитана Освальда фон Шмидта. Немцам было поручено обучение шестнадцати грузин, которые недавно вернулись в район из Стамбула и должны были проводить военные действия за линией фронта русских².

По словам Джемиля, группы в Трапезунде и Эрзуруме не сработали эффективно, тогда

¹ Cemil A. Op. cit., «Vakit/Haratch» 4–5. Вероятно, прибытие Кара Кемалья также объясняет тот факт, что Национальный комитет по обороне, видным членом которого был Кара Кемаль, предоставлял финансовую поддержку «Специальной организации»: см. заявление от 12 мая 1919 г., сделанное на пятом заседании суда против юнионистских лидеров Атифом-беем, делегатом КЕП, и, позднее, вали Ангоры, который был избран в Центральный комитет иттихадистов в сентябре 1917 г.: «Takvim-i Vakayi», № 3554, 21 mai 1919. Pp. 6–8.

² Ibid. «Vakit/Haratch» 4–5.

как национальное руководство войсками не торопилось в улаживании конфликта между ними. Ситуация была настолько напряженной, что Сулейман Аскери был вынужден вмешаться и потребовать проведения собрания для обсуждения координирования мер. Собрание прошло в Байбурте, на полпути между Трапезундом и Эрзурумом, и было проведено Шакиром и его помощником Филибери Ахмедом Хильми, с одной стороны, и Кара Кемалем и Юсуфом Ризой, с другой стороны. Они решили представителей своих сетей в России собрать в Трапезунде и Эрзуруме для того, чтобы спланировать с ними, среди других военных действий, диверсионные акции на складах боеприпасов, а также восстания, которые турки надеялись поднять¹.

Первые действия «Специальной организации» были, таким образом, четко спланированы для того, чтобы проложить путь для наступления на русский Кавказ, что, вероятно, уже было предусмотрено. Война, тем не менее, еще не была объявлена; следовательно, русские консулы все еще находились в Трапезунде и Эрзуруме, и руководители «Специальной организации» были вынуждены действовать с осторожностью. Их первые контакты с туркоговорящими жителями долины Чорук были, несомненно, ободряющими: эти люди проявили готовность восстать. Используя Риз как базу военных действий, Йенибахджели Наил сосредоточился на вербовании глав местных банд². Деятельность Шакира протянлась до Персидского Азербайджана, где он завербовал важное местное лицо, Хока Али Хана, «очень влиятельного» в Хое и Салмасте³. Это знак не только военной цели Специальной организации в области, но также и масштаб тюркизма в его действиях. Согласно информации, отправленным д-ром Шакиром в Стамбул, грузины были готовы восстать, как только начнутся военные действия. Его прямой агент Шакир Ниязи, русскоговорящий, регулярно перемещался взад и вперед между пограничными зонами, где он встречался с информаторами «Специальной организации». Шакир

также получал информацию от лиц, которых он внедрил в массы греческих и армянских эмигрантов, уже направлявшихся на Кавказ⁴.

Следует уделить внимание еще одному случаю: попытке убийства последних дашнакских делегатов, которые должны были уехать с конгресса в Эрзуруме на Кавказ. Джемилль дает нам четкий отчет в отношении этого. В письме от 3/16 сентября 1914 г. своему начальнику Ахмед Хильми подтверждает, что получил его недавнюю зашифрованную телеграмму о «покидающих Эрзурум» и что «отданы приказы там, где это нужно, чтобы проследить за ними [...] Цели должны достигаться за пределами страны, также внутри страны имеются люди, которые должны быть уничтожены. Это наша точка зрения»⁵. Пока не было принято окончательного решения в определении судьбы армянского населения, эти два высокопоставленных члена партии «Единение и прогресс» демонстрировали, по меньшей мере, враждебное отношение к активистам, которые были самыми надежными сторонниками комитета с 1908 г. Далее Джемилль утверждает, что Шакир лично потребовал, чтобы вали Эрзурума выгнал последних делегатов АРФ, которые задержались в городе, и добавляет, что Центральный комитет поручил Омеру Наджи увлекать их разговорами, несомненно, потому что Наджи и руководители дашнаков были старыми знакомыми. Однако кавказские делегаты, которые очень хорошо знали своих младотурецких друзей, вышли из города обходными путями, сумев сбежать от чете Хильми⁶.

В докладе, отправленном Талаату в середине сентября, Шакир описывает инспекционные поездки, совершенные им в район Нарман, «где убийцы действовали эффективно», а также в Гасанкале. Тем не менее главным предметом его доклада явилась кража у армянских крестьян, живущих на другой стороне границы, более чем тысячи овец, четырехсот коров и буйволов. Это событие обрадовало Шакира, предполагавшего развивать успех, даже если учесть риск убийственных перестрелок с казаками на границе⁷.

¹ Ibid. «Vakit/Haratch» 6–7. Кемаль довольно быстро вернулся в Стамбул.

² Ibid. «Vakit/Haratch» 8.

³ Ibid. «Vakit/Haratch» 9–10, ссылается на телеграмму Шакира от 23 августа/5 сентября 1914 г. в адрес Аскери, в которой он сообщает ему о грядущем прибытии азербайджанского высокопоставленного сановника.

⁴ Ibid. «Vakit/Haratch» 11.

⁵ Ibid. «Vakit/Haratch» 12.

⁶ Ibid. «Vakit/Haratch» 13.

⁷ Ibid. «Vakit/Haratch» 13 et 14.

По информации Джемиля, солдаты уже провели боевые действия против неприятелей в сентябре 1914 г. Представители «Специальной организации» сменили свои посты в регионе: д-р Шакир, Филибери Ахмед Хильми и Шакир Ниязи оказались в центре управления в Эрзуруме, Халил-бей был направлен в Кетек и Нарман, а д-р Фуад-бей и Неджати переехали в Баязед. Неджати прибыл туда в первую неделю сентября и завербовал свои отряды чете из местных курдских жителей, которым пообещали, что взамен им предоставят амнистию за совершенные преступления¹. Другой фидайи Иттихада, Абдул Гафар, который был недавно направлен в район из Стамбула, встретился с Ростомом в Эрзуруме в конце августа и предложил как можно скорее провести обыски в деревнях, чтобы обезоружить население. Для этой цели он просил денег для себя и Омера Наджи², работавшего иттихадистским инспектором в районе Вана с конца августа. Он уверяет, что завербовал нуждавшихся в работе людей из неавтономных курдских племен, и добавляет, что армяне из Вана «спокойнее армян из Эрзурума»³. В результате, в телеграмме от 6/19 сентября 1914 г., Талаат рекомендует Наджи ускорить формирование «Специальной организации» в Персии и зажечь искру восстания, вспыхнувшую возле Урмии⁴. В течение последующих недель, несколько курдских племен Персидского Азербайджана, возглавляемых Сеидом Тахой, восстали; они начали представлять проблему для российских войск,

уже присутствующих в районе, а также для местного христианского населения⁵.

В Трапезунде вали Джемаль Азми играл значительную роль в вербовке чете из числа бандитов, живущих в горных районах вилаета, добываясь для них амнистий⁶. Единственным осложнением проведения здесь боевых действий была вражда между Йенибахджели Наилом и майором Юсуфом Риза-беем, соперничавшими за звание командира отрядов «Специальной организации» в регионе⁷. Их конфликт был окончательно разрешен в пользу Ризы, являвшегося членом Центрального комитета иттихадистов. Наил, однако, сумел собрать к началу ноября семьюсот чете, все из которых были освобожденными из тюрем преступниками, и приготовился ввести их в приграничную зону по побережью⁸.

По словам Джемиля, Шакир тогда сосредоточил усилия на районах Олти и Артвина, но также инспектировал силы «Специальной организации» в Баязед. Заметив здесь армянских призывников в рядах служащих, охраняющих границы рот, он предложил перевести их в гарнизоны «во внутренних областях»⁹. Наш очевидец и участник событий Джемиль утверждает, что «Специальная организация» находилась в боевом составе до конца октября, и добавляет, что министр внутренних дел Талаат предложил Шакиру занять должность вали Эрзурума или продолжить службу в качестве руководителя «Специальной организации»¹⁰. В любом случае, иттихадистский специалист по судебной

¹ Ibid. «Vakit/Haratch» 15. Эти методы рекрутирования косвенно подтверждаются депутатом парламента Багазом Папазяном, который был в Баязед в сентябре. Там он встретился с Дро, бывшим лидером фидайи, знакомом, который был хорошо известен и уважаем курдами за его прошлое. Дро сообщил ему, что ряд лидеров отрядов гамидие останавливались в Баязед на несколько дней: Папазян В. Указ. соч., II. С. 285.

В письме от 17 сентября 1914 г. представителя Эрзурума Сибата Саадетяна патриарху Завену указывается, что в Кыги/Кифли, иттихадист по имени Мидхат, ранее прибывший из Эрзурума, организовал собрания и формировал отряды милиции, которым он раздавал оружие, привезенное с собой: Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 67.

² Ibid. «Vakit/Haratch» 14. Он также предложил сместить главного комиссара Эрзурума Егише, который оказался армянином; он пожаловался, что Исмаил Джамболат, глава госбезопасности и второй командующий Министерства внутренних дел, не отвечал на его предложения в отношении этого вопроса.

³ Ibid. «Vakit/Haratch» 17 et 34. О его роли руководителя «Специальной организации» в Ване. На пути в Ван в Берки, В. Папазян встретился с Мехмедом Садыком, своим старым знакомым, одним из лидеров курдской Хайдаранлы; Садык сказал ему, что его клану сказали подготовиться ко всем возможным событиям. Как он сказал, его самого вызвали в Баязед: Папазян В. Указ. соч., II. С. 285.

⁴ Cemil A. Op. cit., «Vakit/Haratch» 17.

⁵ Ibid. «Vakit/Haratch» 23.

⁶ Ibid. «Vakit/Haratch» 27.

⁷ Ibid. «Vakit/Haratch» 32.

⁸ Ibid. «Vakit/Haratch» 37.

⁹ Ibid. «Vakit/Haratch» 33.

¹⁰ Ibid. «Vakit/Haratch» 22 et 23.

медицине остался бы в важном региональном центре, на севере от которого, в Тортуме, 3-я армия разместила штаб с юрисдикцией над шестью восточными вилайетами. В телеграмме от 17 ноября 1914 г. министр внутренних дел в ответ на сообщение д-ра Шакира просит его прибыть в Трапезунд, где, по его словам, Якуб Джемиль даст ему очень важные устные указания¹.

Нам неизвестно содержание послания, которое Талаат направил своему товарищу, члену Центрального комитета. Однако он, вероятно, известил Шакира о его назначении председателем Политического бюро «Специальной организации». Джемиль говорит, что Шакир был его председателем в феврале 1915 г., добавляя, что вице-председателем был Филибели Ахмед Хильми². Но возможно, что решение о том, чтобы предоставить эту должность Шакиру, было принято ранее.

В районе проведения боевых действий первые операции, проводимые отрядами «Специальной организации», возглавляемыми майором Юсуфом Ризой, продвинулись до деревни Марадиди, доминировавшей над Батумом. Он и его люди вскоре присоединились к 700 чете под командованием Наила, который раздал оружие грузинам, чтобы они могли защитить эту горную местность³. Из других источников известно, что в начале декабря 2000 чете под командованием

Якуба Джемиля прибыли из Стамбула в Бортчку, недалеко от Марадиди. Их планом было присоединение к отрядам, которые Шакир собрал в Артвине, Ардануше (захваченном Юсуфом Ризой 3 декабря) и Олти⁴. К 5 декабря 1914 г. Шакир разместился в Артвине, оккупированном 24 ноября. Оттуда он полагал провести атаки на Ардаган⁵. С помощью отрядов Джемиля и восьмого пехотного полка под командованием полковника Стэнжера⁶ войска Шакира начали атаку на Ардаган, обороняемый казаками. Они захватили город 29 декабря⁷, но почти сразу же отступили в Юсуфели⁸.

Немного далее к юго-западу 3-я армия, возглавляемая генералом Хавизом Исмаилом Хакки⁹, в ноябре отбила краткую атаку, начатую русскими силами в Кёпрюкёе, между Карсом и Сарыкамышем¹⁰. Это наступление, которое военный министр лично начал во главе 3-й армии в конце декабря — операция, описанная Лиманом фон Сандерсом как «чрезвычайно сложная либо совершенно невозможная»¹¹ — определило результат военной кампании. Почти полное уничтожение девяностотысячной армии, направлявшейся в Сарыкамыш 4 января¹², оставило неизгладимый след в сознании людей. В Сарыкамыше Энвер в некоторой степени утратил свой престиж и влияние в партии «Единение и прогресс»¹³, но главное, что устремления Иттихада в регионе стали скромнее. По-

¹ Документ зачитан во время пятого заседания суда против юнионистов, 12 мая 1919 г.: «Takvim-i Vakayi», № 3554, 21 mai 1919. P. 70.

² Cemil A. Op. cit., «Vakit/Haratch» 82.

³ Ibid. «Vakit/Haratch» 37 и 43. Джемиль добавляет, что эти грузины оставили свои позиции сразу после подхода русских войск.

⁴ Ibid. «Vakit/Haratch» 44; Dadrian V. The Role of the Special Organization... P. 13.

⁵ «Vakit/Haratch» 46, в письме своей супруге он пишет, что надеется вскоре увидеть весь Кавказ под контролем турок; Dadrian V. Op. cit. P. 13.

⁶ Dadrian V. Documentation of the Armenian Genocide in German and Austrian Sources Pp. 110–111. Дадриан ссылается на доклад Стэнжера от 23 августа 1915 г. об операциях, проводимых во время этой кампании и массовых убийствах, совершенных чете «Специальной организации», к которой он был приписан для проведения диверсионных операций на Кавказе.

⁷ Cemil A. Op. cit., «Vakit/Haratch» 51–52.

⁸ Ibid. «Vakit/Haratch» 54. Турецкий офицер, захваченный русскими, подтверждает, что русская армия, действующая в регионе, состояла из казаков и регулярных войск, включая туркоязычные войска Кавказа: там же, «Vakit/Haratch» 57.

⁹ Джемиль указывает, что Хакки умер от тифа спустя чуть более месяца после назначения командующим 3-й армией; его смерть, как утверждает Джемиль, стала большим ударом для Шакира, который был очень близок с генералом.

¹⁰ Sanders L. von. Op. cit. P. 47.

¹¹ Ibid. P. 48.

¹² Ibid. P. 50.

¹³ Среди его наиболее жестких критиков был подполковник Шериф-бей из генерального штаба, который резко критиковал его метод проведения наступления: Turfan N. Op. cit. P. 357.

спешное возвращение в Стамбул в середине января вице-генералиссимуса, несомненно, становится поворотным моментом в психологическом развитии Иттихада. По словам фон Сандерса, «размер этого проклятого поражения» долго не разглашался. «Лишь малая толика информации об этом событии, — позже писал он, — когда-нибудь достигнет Германии»¹.

Как мы видим, все только что проведенные операции были военными по своему характеру. Точнее, в районах, где действовала «Специальная организация», чете совершили массовые убийства армянских жителей, похищения и грабежи. Обзор сообщений по этим поборам, подготовленный военными и дипломатическими немецкими и турецкими источниками², тем не менее, не оправдывает утверждение о том, что описанное представляло собой преднамеренные действия или установленный заранее план.

В начале декабря 1914 г. немецкий вице-консул города д-р Паул Шварц сообщил о совершенных в деревнях долин Эрзурума³ преступлениях, убийствах священников и крестьян и попыток вымогательства денег угрозами, которые должны расцениваться, даже при их повторном совершении, как вызванные присутствием большого числа войск в регионе. Напротив, преступления, совершенные отрядами «Специальной организации» под командованием Шакира в конце ноября — начале декабря в деревнях Пертус и Йорук, возле Ардануша и Олти, более подходили на масштабные побоища. В этих деревнях было уничтожено 1276 армян и похищено 250 молодых женщин и девушек⁴. Чете, на этот раз сопровождаемые аджарцами, совершили другие злодеяния в Артвине и Ардануше. По сведениям Иоганнеса Лепсиуса, в период с ноября по декабрь 1914 г. число армянских жертв в этих приграничных

зонах достигло семи тысяч⁵. Большинство массовых убийств произошло до того, как Энвер начал наступление. На наш взгляд, они отражали логику двойной цели, о которой мы говорили в главе 3 данной части. В то время предпочтение отдавалось наступлению на Кавказе. «Внутренний враг», однако, никоим образом не игнорировался.

Вымогательства, совершаемые в районе Башкале, к юго-востоку от Вана, в декабре 1914 — январе 1915 гг., были схожи с совершаемыми далее к северу. В течение первой недели декабря массовые убийства совершались в деревнях Паз, Арак, Пис, Аланиан, Алас, Соран, Расулан и Авак, общее население которых насчитывало 3500–4300 армян⁶. В основном жертвами пали мужчины.

Эпицентрами убийств, грабежей и похищений людей, совершенных в районе Сарай-Мушмыдие, расположенном к северу от района Башкале на персидской границе, были наиболее отдаленные армянские деревни региона: Хасаран (15 декабря), Сатманц (20 декабря), Ахориг и Гасан Тарман (30 декабря), а также Авзариг (14 января 1915 г.)⁷. Эти преступления, совершенные в основном курдскими чете, скорее всего, были плодом работы, совершаемой Омером Наджи в регионе с августа 1914 г. с намерением формирования отрядов чете для «Специальной организации», но они также относились к начатым против иранского Азербайджана наступлениям. Они затронули изолированные армянские поселения, располагавшиеся на границе с Персией, но не центры внутренних районов страны с большим количеством населения.

Дезертирство армянских солдат из 3-й армии во время битвы при Сарыкамыше, подтвержденное турецкими и немецкими источниками⁸, так же как и тот факт, что два батальона армянских добровольцев вступили в сражение бок о бок с русскими силами,

¹ Sanders L. von. Op. cit. P. 51.

² Dadrian V. The Role of the Special Organization... Pp. 12–14; Kaiser H. A Scene from the Inferno, The Armenians of Erzerum and the Genocide, 1915–1916, in Kieser H.-L. and D. J. Schaller (éd.). Der Völkermord an den Armeniern und die Shoah, Zürich, 2002. S. 130–131.

³ Dadrian V. Op. cit. P. 12; Kaiser H. Op. cit. P. 130.

⁴ Lepsius J. Rapport secret sur les massacres d'Arménie, Paris, 1919. P. 90; Dadrian V. Op. cit. Pp. 13–14.

⁵ Lepsius J. Op. cit. P. 90; Dadrian V. Op. cit. P. 14.

⁶ BNU/ Fonds A. Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 40, Déportations à Başkale, ff. 1–12; Barby H. Au Pays de l'épouvante, Paris, [1917]. Pp. 234 234; Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 564 (авторы указывают число армян в районе равным 3.505 человек); Karpat K. Ottoman Population, 1830–1914, Demography and Social Characteristics, Wisconsin, 1985. С. 182 (автор указывает число 4 297 человек).

⁷ Barby H. Op. cit. Pp. 235–240; Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 544 (по оценкам, в 1914 г. в этих городах и деревнях проживало 800 армян).

⁸ Bloxham D. Op. cit. P. 115, n. 97–98.

дают объяснение этим массовым убийствам, описанным как карательные меры. Предположительно, дезертирство глубоко поразило генеральный османский штаб и усилило их недоверие по отношению к армянским солдатам. Однако в обсуждении проблемы дезертирства османской армии во время Первой мировой войны Э. Цюрхер отмечает, что дезертирство, начиная с 3-й армии¹, было широко распространенным явлением во всех османских армиях и что на то были различные причины: плачевные жилищные условия солдат, нехватка питания и военной техники. Хотя он не представляет результатов зимнего наступления 1914/15 г., в котором выжило относительно малое число османских солдат (по оценкам, около двенадцати тысяч избежали смерти), он отмечает, что при захвате Трапезунда и Эрзурума русскими зимой 1916 г. 3-я армия, в которой больше не было армянских рот, в результате дезертирства потеряла пятьдесят тысяч человек — большую часть своих сил². Кроме того, значительное количество солдат 3-й армии было взято в плен и интернировано в Сибирь; возможно, эти люди считались убийцами или дезертирами. Османских солдат держали в Сибири в одинаковых условиях с другими османскими солдатами, и они были освобождены только в июне 1916 г., после того, как католикос Армении неоднократно вступался за них перед российским военным руководством. В общей сложности, они провели восемнадцать месяцев в качестве военнопленных³. В конечном счете сам Энвер пережил ад Сарыкамыша только потому, что армянский офицер из Сиваса, ветеран балканской войны, вынес его на спине во время всеобщего панического бегства. Вице-генералиссимус обращает на это внимание в похвальном письме, которое он написал

армянскому предстоятелю Коньи Гарегину Вардапету⁴. Со своей стороны, Джемилъ сообщает, что много случаев дезертирства было даже в рядах «Специальной организации». Начальник отрядов чете Топал Осман, ставший известным весной 1915 г. благодаря боевым действиям против армян Трапезунда, предстал перед военным судом Ризы, учрежденным Юсуфом Ризой. Он обвинялся в том, что покинул фронт вместе со своим чете. Он был приговорен к пятидесяти ударам палками⁵. Лазские дезертиры из «Специальной организации» также были наказаны: им сбрили усы, что являлось высшим оскорблением в лазском обществе⁶. Когда 23 марта 1915 г. «Специальная организация» под давлением России приняла решение об освобождении Артина, ее временный председатель сообщил Шакиру о том, что чете массово дезертировали⁷. Таким образом, обвинения в дезертирстве, широко распространенном в то время явлении, должны рассматриваться с осторожностью.

Д. Блоксхэм отмечает в связи с вовлечением батальонов армянских добровольцев в боевые действия против османских сил, что большинство сражений ноября — декабря 1914 г. и января 1915 г. проходили в зонах сражения добровольцев на фронте, например в Каракилисе и Баязедде, где после русского отступления восемнадцать деревень пострадали от вымогательства чете «Специальной организации», проведенных в качестве карательных мер⁸. Этого, конечно, недостаточно для объяснения около шестнадцати тысяч жертв в пограничной полосе в период между ноябрем и январем. Большинство жертв массовых убийств в самых северных регионах возле Абрахама, например, было убито в районах, где начатое турецкими силами наступление было встречено

¹ Zürcher E. J. Between Death and Desertion. The Experience of the Ottoman Soldier in World War I, Turcica 25 (1996). Pp. 235–257.

См. Обзор операций, проводимых армянскими добровольцами. *Golnazarian-Nichanian M.* Les Arméniens d'Azerbaïdjan: histoire locale et enjeux régionaux, 1828–1918, thèse de doctorat, Université Paris, III, 2002. Pp. 145–152.

² Ibid. P. 244, n. 29.

³ «The liberation of the Armenian prisoners». Статья, опубликованная в тифлисской ежедневной армянской газете «Горизонт», 30 июня 1916.

⁴ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 96; Кригер. Указ. соч. С. 29. Этим солдатом был лейтенант Ованес Агинян, который вскоре погиб на фронте.

⁵ Cemil A. Op. cit., «Vakit/Haratch» 58–59.

⁶ Ibid. «Vakit/Haratch» 77.

⁷ Ibid. «Vakit/Haratch» 82.

⁸ Bloxham D. Op. cit. P. 117.

сопротивлением только казаков. Наиболее вероятно, что эти злодеяния явились выражением враждебного отношения к армянам, которое глубоко укоренилось в «Специальной организации», даже несмотря на бесспорный факт, что план систематического уничтожения армян еще не существовал.

Очернение армянского населения очевидно в докладе Арифа Джемиля о произошедших событиях. Он обращает внимание на то, что чете «Специальной организации», отступившие перед продвигающимися в Чалдыран русскими войсками, обнаружили у армянского аптекаря в Арджише «большое количество документов», «указывавших на то, что армяне планировали свое движение в сотрудничестве с русскими, и раскрывавших их план выполнения концепции истребления»¹. Джемиль придает этим «документам» большое значение и без замедления обнаруживает их, поскольку они кажутся ему материальным доказательством армянского предательства. «Армяне внутренних районов страны, — пишет он, — пытались с помощью организованных солдат подвергнуть опасности тыл нашей армии и заблокировать пути отступления. Некоторое количество важных приказов в отношении армянских чете попало в наши руки. Эти приказы, касающиеся их будущего продвижения, заключали в себе абсолютно все, в мельчайших подробностях»².

Хотя данный отрывок был написан более чем через пятнадцать лет после события и, несомненно, находился под влиянием армянской государственной измены, сфабрикованной Стамбулом после события, он отражает настроение духа, объединявшее турок. Не подлежит сомнению тот факт, что Джемиль и его товарищи были уверены в армянской измене, и именно это заставило его полностью огласить «важные приказы»³. Внимательное чтение, однако, показывает, что в действительности содержание брошюры, ее

смысл немного искажены военным переводчиком. Брошюра «Правила сражения», написанная известным Андроником, была создана в дни султана Абдул-Гамида и предназначалась для армянских фидайи⁴. Вот так, в кратком изложении Джемиля описано осознание младотурками возникновения тайного сговора армян. Трудно сказать, чем являлось это осознание — обычной пропагандой или истинным осуждением, характерным для искаженного восприятия реальности.

После разгрома под Сарыкамышем «Специальная организация» ясно осознала, что это было тяжелым ударом. Отряды чете были собраны в Мело по приказу Филибели Ахмеда Хильми-бея, в то время как Кара Кемаль направился обратно в Константинополь, а Шакир Ниази-бей, помощник Бехаздина Шакира, уехал «отдохнуть»⁵. 11 февраля 1915 г. д-р Шакир сам отвел войска в Юсуфели в окрестностях Артина и попытался снова привести свои отряды в порядок⁶. Но, по сообщению Джемиля, эпидемия тифа достигла такого масштаба, что Шакиру было поручено создать на его базе в Эрзуруме центр медицинского обслуживания и координировать усилия врачей города⁷.

В это время «Специальная организация» представляла собой, несмотря на дезертирство, одну из немногих сил, все еще способных на сопротивление русским, которые осторожно ждали конца зимы, чтобы продолжить наступление. Джемиль, кроме того, высказал симпатично мрачное предчувствие: «Не было сомнения в том, что если русские смогут отобрать назад завоеванные нами земли, они не оставят в живых не единого турка или мусульманина»⁸. Невозможно категорично утверждать, что это мрачное предчувствие было прямым следствием вымогательства, совершенных чете в этих регионах, но это вполне вероятно.

Не называя определенной даты, Джемиль указывает, что в конечном счете «председа-

¹ Cemil A. Op. cit., «Vakit/Haratch» 71.

² Ibid. «Vakit/Haratch» 83.

³ Ibid. «Vakit/Haratch» 83–85.

⁴ Оригинальное название работы: «Правила сражения», Женева, 1906 (на арм. яз.). Эти инструкции для солдат фидайи рекомендуют, например, передвигаться по ночам, сохранять дисциплину в группах и подчиняться командующему офицеру. Использовались в период гамидовского правления, когда АРФ сохраняла небольшие отряды в регионах Ван и Битлис.

⁵ Cemil A. Op. cit., «Vakit/Haratch» 83.

⁶ Ibid. «Vakit/Haratch» 73.

⁷ Ibid. «Vakit/Haratch» 77.

⁸ Ibid. «Vakit/Haratch» 82.

тель «Специальной организации» д-р Бе-хаэддин Шакир покинул Эрзурум и, спасая положение, уехал в Стамбул; он называет Хильми-бея временным председателем организации»¹. Другой военный офицер утверждает, что председатель «Специальной организации» уехал из Эрзурума в Стамбул 13 марта 1915 г.²

Хильми поддерживал контакт со своим начальником и неоднократно обращался к нему за помощью, в частности, когда он столкнулся с желанием армии объединить существующие отряды чете — планом, который, на его взгляд, мог только помешать достижению их целей. Очевидно, что армии были не по вкусу автономные действия «Специальной организации». Вопрос, вероятно, обсуждался в верхах, поскольку Авни-паше и Кара Васифу, двум высокопоставленным членам Иттихада, было поручено наложение дисциплинарного взыскания на Специальную организацию «как на регулярную армию»³.

Здесь следует сослаться на выводы Джемиля, поскольку они подытоживают развитие Иттихада после возвращения Шакира в Стамбул. По словам Джемиля, «многочисленные документы выявили [отчетливо показали], что внутренние враги готовились напасть на нашу армию с тыла. После того, как Бехаэддин Шакир представил все это

вниманию Центрального комитета иттихадистов в Стамбуле, Комитет работал совместно с ним над определением необходимых для принятия мер; благодаря им турецкая армия избежала огромной опасности. Результатом их сотрудничества стал закон о депортации»⁴.

Хотя нельзя с уверенностью сказать, что Шакир инициировал решение Центрального комитета обратить слова в действия, просто показав эти «многочисленные документы», наверняка его доклад оказал огромное влияние на это решение. Коллеги по комитету, без сомнений, более обычного склонялись обратить внимание на его доводы.

Очевидно, что «многим доверенным лицам, направленным в Персию или Батум для создания там организаций», как бывшему министру общественных работ Чюрюксулу Махмуду-паше, смещенному с должности перед пятой комиссией Османского парламента⁵, была поручена миссия развития экспансионистских планов Иттихада в туркоязычном окружении, тогда как деятельность Шакира в области, подконтрольной 3-й армии, попала в категорию внутренней османской политики в армяноязычном окружении. Провал операций вне территории Турции явно ускорил реализацию плана демографической гомогенизации восточных провинций.

¹ Ibid. «Vakit/Haratch».

² Dadrian V. Op. cit. P. 18. Дадриан ссылается на *Ali Ihsan Sabis, Harp Hatiralarm [Mes memoirs de guerre]*, II, Ankara, 1951. S. 192.

³ Cemil A. Op. cit., «Vakit/Haratch» 82.

⁴ Ibid. «Vakit/Haratch» 88.

⁵ SHAT, Service des renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 236, doc. N° 1689 B-9, Constantinople le 2 février 1920, le lieutenant de vaisseau Goybet, annexe 18, complétant les annexes 6 et 7, «Déposition de Tchuruk Soulou Mahmoud pacha».

ГЛАВА 7

Первые акты насилия

Военные действия и массовые убийства в иранском Азербайджане: сентябрь 1914 г. — апрель 1915 г.

Мы уже знаем, что Иттихад поручил д-ру Рушухи и Омеру Наджи, бывшему члену Центрального комитета и известному фидайи, сформировать отряды чете «Специальной организации» Ванского региона и иранского Азербайджана¹; что Наджи было поручено ведение диалога с лидерами дашнаков в регионе²; и, наконец, что 19 сентября 1914 г. министр внутренних дел приказал Наджи ускорить вербовку лидеров курдских племен в иранском Азербайджане³ с целью преследования русских войск, размещенных в районе. В депеше от 26 сентября 1914 г. Барта де Сандфора, французского вице-консула в Ване, сообщалось о распространении в Персии печатного обращения к мусульманскому населению с призывом проявить «исламскую солидарность, чтобы прогнать врага с наших земель»⁴. Французский дипломат утверждал, что «три турецкие банды», каждая из которых включала 150 человек, «до настоящего времени отправленные» в Персию, были «очень хорошо вооружены и снабжены бомбами» и что «обращение», переданное членам этих банд для распространения в Персии [было подписано] персидским революционером и имело цель — поднять восстания в Азербайджане»⁵. Далее в его сообщении говорится, что «три тысячи четыреста

курдских кавалеристов должны были собраться здесь под командованием бывшего инспектора вилайета Абдулкабера-бея», которого произвели в бригадные генералы. Таким образом, мы видим, что лидеры «Специальной организации» были особо активны в провинции Ван, что они зависели от поддержки местной знати, которую они просили о помощи во имя религиозной солидарности, а также то, что Вану была отведена главная роль в этих маневрах.

Боевые действия начались всерьез в ноябре — декабре 1914 г., когда русские войска, расположившиеся в Хое, атаковали османскую территорию, непосредственно угрожая Вану, хотя их собственному тылу угрожали курдские племена, привлеченные Специальной организацией на свою сторону. Турецкая контратака была направлена в Котур, крепость возле границы. В середине декабря пришли новости о том, что двести армянских беженцев из региона Башкале прибыли в Салмаст, так же как и двести военнопленных, в большинстве армян или сирийских католиков, взятых в плен русскими⁶. Здесь нас интересует военная кампания, проводимая в конце декабря турецкими силами на озере Урмия, очевидно, скоординированная с энверской кампанией на севере,

¹ См. выше, с. 198, примечание 1. Они прибыли с д-ром Шакиром.

² См. выше, с. 208, 246.

³ См. выше, с. 247, примечание 2.

⁴ AMAE, Perse, n.s., vol. 18, ff. 112, 113 (для прокламации).

⁵ Ibid., f° 112.

⁶ AMAE, Perse, n.s., vol. 18, f° 201v. Письмо Никола, французского консула в Тавризе, в Министерство иностранных дел, 14 декабря 1914. Подробнее см.: *Golnazarian-Nichanian M.* Op. cit. Pp. 109 и следующие страницы. Мы получили большую часть этой информации от Мэри Шауффер Платт из пресвитерианской миссии в Урмии: эти сведения освещают события в период с 9 января по 3 июня 1915 г. Опубликовано в: *Brace V.* The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, 1915–1916, London, 1916.

которая вынудила русских оставить Урмию 2 декабря, Салмаст — 3 декабря и Тавриз — 5 декабря¹. Первый личный состав Турции был вскоре подкреплён шурином Энвера Джевдетом, который 20 декабря был официально назначен начальником военной администрации Вана и командиром турецких войск на персидской границе². Официальное заявление, сделанное в Тавризе 25 января 1915 г.³ Ибрагимом Фузи, «командующим османскими войсками и мусульманскими муджахидами, присланными из Мосула», показывает, как эти «солдаты ислама» вербовались иттихадистами, планируемыми иметь дело с армянами:

«Армяне, подданные иностранной державы, которые в данное время оказывали сопротивление и сражались с исламскими армиями, атаковали имущество мусульман, их жизнь, репутацию и честь: с религиозной и правовой точки зрения их имущество — законная цель исламских солдат. Их активы представляют собой законные трофеи: реализованные в них ценности должны быть потрачены на приобретение товаров, необходимых армии. Согласно полученному нами отчету, некоторые жители города, некоторые торговцы сохраняют имущество армян, иностранных подданных, на предприятиях и в домах. Таким образом, мы информируем всех жителей города, что любое лицо, заполучившее товары из коммерческих запасов или иностранных армян... рискует подвергнуться суровому наказанию и конфискации своего имущества».

Другое обращение, недатированное, но выпущенное приблизительно в это время и подписанное Хаджой Мирзой Абулом Гасаном, гласит: «Во имя Бога, будь он прославлен. Вышеупомянутые личности должны быть убиты, а их имущество должно стать добычей мусульман. Бог лучше знает»⁴. Эти откровенные панисламистские призывы были типичны для интервенций турецкой армии и «Специальной организации» в иранском

Азербайджане. Они не оставляли сомнений относительно намерений Иттихада в этом регионе в январе 1915 г.; они также показывают, что цели Иттихада не были исключительно военными. Наконец, нужно сказать, что человек, подписавший первый из этих двух документов, был одним из пропагандистов, завербованных Иттихадом для продвижения панисламистской кампании.

Продвижение турок, естественно, посеяло панику среди азербайджанских христиан, которые недавно, при султানে Абдул-Гамиде, пережили захват турок. 25 декабря началось массовое бегство этих христиан по мосту Джулфа в направлении долины реки Аракс на Кавказе. По информации совпадающих источников, собранной Магдаленой Голназарян-Ничанян, в общей сложности, по состоянию на 30 января 1915 г., на Кавказ направилось 53 437 армянских и 9658 сирийских беженцев⁵. Только в конце апреля 1915 г. и в начале наступления русских эти беженцы начали возвращаться домой. Несколько сотен армян умерло в пути; другие сохранили свои жизни благодаря бегству. Экономические последствия нашествия турок были катастрофическими: все деревни были разграблены и сожжены дотла. Ситуация усложнялась тем, что в тот же короткий период несколько сотен беженцев из сельских местностей Ванского вилайета заполнили Салмаст-Дилман, спасаясь бегством от массовых убийств, сопровождавших вывод войск Джевдета из Азербайджана в начале апреля⁶.

Однако панисламистских призывов и разрешений атаковать христиан, изданных для правоверных, было недостаточно для того, чтобы спровоцировать восстание среди местного населения, которое не привыкло к так называемым обрядовым бойням, частым в Османской империи. Грязная работа выполнялась турецкими силами, чете и их местными союзниками. С прибытием 8 января 1915 г. турецких оккупационных войск

¹ *Golnazarian-Nichanian M.* Op. cit. Pp. 110–111. *Sanders L. von.* Op. cit. P. 57. Сандерс подтверждает, что турецкие войска заняли Тавриз 15 января. Однако ссылка, вероятно, идет на войска Джевдета.

² *Антонян А.* Указ. соч. С. 24. Антонян утверждает, что он уже занимал должность, но не подтвердил свои функции немедленно.

³ AMAE, Perse, n.s., vol. 18, f° 142.

⁴ AMAE, Perse, Perse, n.s., vol. 18, f° 142.v. А-До. Указ. соч. С. 97–98. А-До указывает, что Врмян, депутат из Вана, получил каблогранму от Омера Наджи 17 декабря, отправленную из Базергана, на турецко-персидской границе; Наджи находился там с «армией Мосула», вероятно, сформированной из местных чете.

⁵ *Golnazarian-Nichanian M.* Op. cit. Pp. 111–114.

⁶ *Ibid.* Pp. 127–130.

в Тавриз, наблюдатели, дипломаты и миссионеры обнаружили выдававшую себя за регулярную армию «банду курдов всех возрастов и положений, некоторые из них были на лошадях, другие на мулах и остальные на ослах. Почти все эти животные были нагружены ящиками, узлами с одеждой, коробками и коврами»¹. Это указывало на то, что эти нерегулярные войска захватывали все, что им попадалось на их пути в христианских деревнях. Во время трехнедельной оккупации Тавриза, однако, господствовал порядок; не совершалось злодеяний, и лишь незначительное преследование армян имело место. Такая ситуация, по-видимому, сложилась благодаря присутствию в городе иностранных наблюдателей, чего нельзя сказать об Урмии, месте оседания крестьян из деревень на равнинах, которые не смогли вовремя сбежать на Кавказ. Более 17 000 христиан, включая 2000 армян, нашли прибежище в пресвитерианской миссии в Урмии; еще 3000 человек, большей частью сирийцы, заполнили Лазаристскую миссию в начале января 1915 г. Пресвитерианцы, как граждане нейтрального государства, избежали ярости войск. Лазаристам не так повезло; их резиденция была атакована 11 февраля «под предлогом», что «они прятали там оружие и мундир»². Произошло только несколько убийств, большинство жертв — старики, отказавшиеся покидать свои дома, но в намерениях совершения массовых убийств явно не было недостатка.

В Салмасте, маленьком городке, расположенном недалеко от Дилмана на равнине, к северу от той, где расположена Урмия, армян не трогали до 14 февраля, поскольку в этом обществе без иностранной миссии их приютили соседи-мусульмане. Именно здесь во второй половине февраля были совершены самые массовые боины. Военная житрость командира Ростомы Бега позволи-

ла арестовать около 800 армян и отослать их в соседние деревни Хафтеван и Хосрова; после пыток и нанесения увечий их убили и бросили в колодцы и водоемы³. Согласно немецкому источнику, 21 000 христиан стали жертвами турецких боевых действий в Азербайджане в период с ноября 1914 г. по декабрь 1915 г., большей частью на равнинах Салмаста и Урмии, не говоря о похищенных и увезенных курдскими племенами женщинах и детях⁴.

Последняя крупнейшая османская атака была проведена Хали-беем [Кутум], дядей Энвера, в апреле 1915 г. Он уступил свой пост начальника военной администрации Стамбула и члена исполнительного комитета «Специальной организации» полковнику Джеваду, чтобы принять командование пятым экспедиционным османским корпусом, созданным для атаки иранского Азербайджана⁵. Исход турецкой атаки был подведен в Дилмане, где боевые действия начались 18 апреля/1 мая, когда сопротивление армянского города Вана уже началось. Халил и 12 000 его людей при поддержке 4000 курдских нерегулярных войск противостояли 6-й российской дивизии генерала Назарбекова, подкрепленной первым батальоном добровольцев под командованием Андраника⁶. Турецким войскам было нанесено поражение; они отступили к Ванскому вилайету, где ситуация была накалена до предела.

Носила ли жестокость азербайджанской кампании тот же характер, что и совершенная в то же время дальше к северу, на русско-турецкой границе? Здесь также злодеяния совершали чете «Специальной организации», возглавляемые Омером Наджи, но состоявшие из курдских гамидие, черкесов и национальных войск из Азербайджана. Следует также отметить, что, по словам иностранных свидетелей, такие действия были узаконены панисламистской идеологией.

¹ Ibid. Pp. 132–134.

² Ibid. Pp. 136–139.

³ Ibid. Pp. 139–140, cites ACEHA, fonds 121, vol. 2, liasse 153, f°, publié in extenso. P. 305.

⁴ Ibid. Pp. 140–142.

⁵ См. выше, с. 209–210.

⁶ *Golnazarian-Nichanian M.* Op. cit. Pp. 151–153. То есть 8 000 человек регулярных русских войск, включая многочисленных казаков-кавалеристов и 1000 армянских добровольцев.

Себух А. Страницы из моих воспоминаний, I, Бостон 1925. С. 188–243 (на арм. яз.). Себух, бригадный командир этой кампании, подробно описывает сражения, в которых принимал участие Первый батальон, а также зрелище, представляемое деревнями, армянские жители которых пали жертвами массовой резни во время похода на османскую территорию со стороны района Нордуз.

Ситуация в Ване: от приказа о мобилизации до осады в апреле 1915 г.

В конце 1914 г. Тахсин-бей, имевший репутацию человека, придерживающегося умеренных взглядов, все еще оставался губернатором Вана. Во всей северной части вилайета, где армяне составляли большинство и где АРФ имела значительное политическое влияние, власти продолжали относиться к лидерам дашнаков с уважением; отношения дашнаков с местной группировкой младотурок, возглавляемой полковником Джафаром Тайаром и Кючюком Кязимом, оставались лояльными¹. Арам Манукян, Ишхан (Никол Микаэлян) и депутат парламента Аршак Врамьян, избранный весной 1914 г., позаботились о смягчении проблем, возникших ввиду декларации приказа об общей мобилизации и первых реквизиций. Армянские лидеры были даже приглашены на церемонию по случаю отбытия войск на Кавказ в октябре². Однако произошло несколько происшествий, которые нарушили спокойствие в Ване: отзыв в Стамбул 29 августа Н. Хоффа, положивший полуофициальный конец армянским реформам; убийство в Баязде местного лидера дашнаков в сентябре 1914 г.; арест трех лидеров гнчаковцев в городе Ван. В личной беседе с В. Папазяном Вахи Тахсин оправдал этот арест на том основании, что эти три гнчаковца провели тайные встречи в Румынии и готовили заговор против режима³. Однако в то же время он старательно отмечает, насколько власти оценили верноподданническую политическую линию АРФ.

Одно событие служит барометром ситуации в Ване — это общая мобилизация. В Ване она прошла очень рано, начавшись при особых обстоятельствах в воскресенье 9 августа. Войска заняли свои позиции на широкой площади напротив собора Арарок незадолго до окончания церковной службы, и все покидающие церковь мужчины, так же как все торговцы, имевшие магазины на площади, были задержаны и выведены прямо к городским казармам. Поскольку не соблюдалось возрастного деления, отбор мужчин призывного возраста занял несколько дней. Некоторые призывники вскоре дезертировали и подверглись активному преследованию властей. Тем временем армия начала реквизировать телеги и тягловый скот в деревнях.

Такая ситуация наблюдалась везде, мобилизация крестьян приостановила полевые работы в тот самый момент, когда урожай начал поспевать. Непосредственным результатом стал существенный рост цен на хлеб. Для решения этих проблем прелатство и местные власти пришли к соглашению о предоставлении увольнения крестьянам для того, чтобы те могли собрать урожай, а также учителям хотя бы для временного проведения занятий. Армянские депутаты и представители наставляли население беспорочно подчиняться приказу о мобилизации⁴. Приказ командующего 3-й армией Ахмеда Иззет-паши, бывшего военного министра, был издан в конце августа; в дополнение к десяти 2,5 процента урожая надлежало отпра-

¹ Папазян В. Указ. соч., II. С. 291–292.

² Там же. С. 293.

³ Там же. С. 295.

⁴ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 52. Письмо архиепископа Вана в адрес Патриархии, 27 сентября 1914. Первоначально мобилизация затрагивала всех мужчин в возрасте до 45 лет, но местные власти взяли на себя инициативу снизить верхнее ограничение до 42 и затем до 36 лет, чтобы не парализовать местную экономику. Однако из Стамбула поступали приказы о соблюдении верхнего ограничения в 45 лет; А-До. Указ. соч. Эта книга представляет собой наиболее полный армянский источник касательно событий в Ване. А-До подтверждает, что население противилось призыву и что Арам принял на себя обязательство собрать 300 молодых мужчин перед конаком для зачисления в армию (там же. С. 71); Ussher C. D. *An American Physician in Turkey*, London, 2002 (2e éd.). Pp. 116–118. Автор отмечает, что жандармы вошли в деревни в южной части вилайета и забрали армянских призывников без лишнего шума в рекрутинговый центр в Ван; ответственные за вопросы логистики, однако, не были готовы предоставлять питание и снаряжение для вновь прибывших. А-До также отмечает, что доля турок и курдов, которые отказывались исполнять свой военный долг и таким образом считались дезертирами, превышала долю армян-отказников. Армяне, призванные из Вана, служили на Кавказском фронте (с. 117).

⁵ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 52.

ехать прямо ему в Эрзурум. Для исполнения приказа были мобилизованы фактически все еще доступные транспортные средства¹. Как почти во всех восточных вилайетах, уход всех мужчин на военную службу привел к серьезным проблемам безопасности в не обороняемых на тот момент деревнях. Соответственно, прелат попросил вали разместить охрану в этих деревнях. Другая проблема, ставшая особо актуальной в ноябре, связана с реквизициями для армии. Не приходится говорить, что эта операция местных властей проходила при далеко не идеальных условиях. Война предоставила исключительную возможность для разграбления армянского имущества и получения реальных доходов при малых затратах, и совсем не обязательно, что именно армия получала выгоду от этих конфискации. 2 декабря 1914 г. ванские торговцы направили в патриархию петицию с просьбой обратиться к министру юстиции от своего имени. Петиция была передана в министерство 14 декабря. В ней торговцы жаловались на то, что местные власти реквизируют товар стоимостью 20 000 турецких фунтов, без предложения малейшей компенсации взамен (в нарушение установленных правил), в результате чего они были не в состоянии платить военные налоги, налагаемые на них².

Ситуация стала еще более напряженной после прибытия в конце сентября Джевдета, шурина Энвера. Джевдет был более радикально настроен, чем вали Тахсин-бей. Являясь албанцем по происхождению, он был сыном Тахира-паши, бывшего вали Вана, и часть своей юности он провел в городе. Он также был близким другом Аршака Врмяна, с которым учился в одном классе в стамбульском «Мюлькйе». Таким образом, он детально ознакомился с ситуацией в Ване и осознал, что необходимо поддерживать дружеские отношения с местными руководителями АРФ, которые на протяжении долгого

времени занимались решением повседневных проблем в области.

Вступление турок в войну привело, наряду другими значительными событиями, к изгнанию 21 ноября 1914 г. из города всех французских миссионеров; американские миссионеры, однако, остались³. В тот же самый период первые военные действия привели к прибытию в город беженцев, спасавшихся бегством от боевых действий или пострадавших от жестокости чете «Специальной организации», которые нанесли удар по армянским деревням восточных районов Башкале и Махмудие⁴. Приютившие выживших с ужасом слушали подробные описания злодеяний, совершенных чете «Специальной организации». Те, кому удалось спастись, говорили, что чете убивали с «рафинированной беспрецедентной суровостью». Приготовления, проводимые Омером Наджи с намерением сформировать отряды чете, не остались незамеченными руководителями дашнаков. Их приоритетом, однако, было избежать всех провокаций и поддержать диалог с вали и народными властями.

Еще несколько серьезных случаев произошло в Ванском вилайете в период с декабря 1914 г. по март 1915 г. Каждый раз армянские лидеры были вынуждены вмешиваться для умиротворения ситуации. В Пелу/Пили, деревне, находящейся на границе районов Гарзан и Геваш, в начале декабря был обрублен телеграфный кабель. Каймакам, прибывший в сопровождении жандармов, обвинил жителей деревни и приказал сжечь деревню дотла, хотя большинству жителей удалось спастись бегством⁵. Другой случай произошел в середине февраля в Гаргаре, на границе вилайетов Вана и Битлис. Здесь при атаке жандармов молодые мужчины нанесли ответный удар. Деревня была в конечном счете разграблена курдскими чете, в то время как ее жители бежали в

¹ Там же. С. 53; *Ussher C. D.* Op. cit. P. 118. Автор подтверждает, что призыв и реквизиции запустили в регионе «экономический кризис» и что все транспортные средства были конфискованы властями.

² *Тер-Егияян З.* Указ. соч. С. 54.

³ АРС/РАЖ, З 470–471–472, Bureau d'information du Patriarcat, Faits et documents, № 37, L'affaire de Van.

⁴ См. выше. С. 278, 287–288. *А-До.* Указ. соч. С. 80 Автор указывает, что Наджи отправился в Персию перед войной и был провозглашен главой нескольких отрядов чете, состоявших из черкесов и лазов, а также представителей курдских племен, «известных своей жестокостью».

⁵ *А-До.* Указ. соч. С. 132–133 (Пелу). С. 134–136 (район Гаргаг, середина февраля).

В официальной брошюре, опубликованной в 1916 г., это событие описывается следующим образом: «В конце года [1914] жандармы были атакованы вооруженными людьми в Муше и Хизане. Связь между Ваном и Битлисом была оборвана, и телеграф был выведен из строя». (*La vérité sur le mouvement révolutionnaire arménien et les mesures gouvernementales*, Constantinople, 1916. Pp. 16–17).

районы Мокс или Геваш¹. Деревня Ардзге, расположенная в районе Адисеваз, к северо-востоку от озера Ван, где армянский каймакам Петрос Мозян был уволен в августе 1914 г., стала местом действия третьего эпизода². Члены курдского племени чато, которые уже опустошили Мелазкирт, Эрджиш, Перкри и Арджак, 25 февраля 1915 г. атаковали деревню Коджер, разграбляя ее, насилюя женщин и похищая молодых девушек и скот. Для защиты других деревень области была немедленно сформирована группа самообороны из пятидесяти молодых мужчин. 26 февраля, когда те же курды атаковали две соседних деревни в районе Адилджеваз, они были встречены обстрелом и понесли потери в несколько погибших. Заключительный случай произошел 24 марта в районе Тимар, к северо-востоку от озера Ван, где солдаты и жандармы окружили группу самообороны, пришедшую из Адилджеваза. Арам поспешил на место бойни, чтобы восстановить порядок и предупредить столкновение³.

Эти события поддерживали напряжение. Очевидно, они были истолкованы местными властями и представителями армян с диаметрально противоположных сторон. В марте Врмян послал министру внутренних дел меморандум о массовых убийствах, совершенных в районах Башкале и Махмудие, и, вообще о небезопасной обстановке, царившей в регионе. Этот документ представляет особый интерес, поскольку в нем выражено мнение армянских представителей о событиях зимы 1914–15 г. и рассмотрен вопрос об обоснованности обвинений, выдвинутых военными и гражданскими властями. Врмян начал с замечания о том, что 150 гамидие из курдского племени мазрик, возглавляемые Сарифом-беем, принимали участие в атаке на армянские деревни Башкале. Турецкие военные источники, продолжал он, указывали на сопротивление армян успешной попытке турок отвоевать небольшой город, чтобы оправдать это вмешательство, в то же время критикуя армян за очевидное следование за отступающими русскими войсками. Врмян указывает на это противо-

речие, спрашивая, как это возможно, чтобы армяне оставили свои семьи и пошли за русскими. Он добавляет, что «местные власти в Башкале сообщили только о том, что они приказали арестовать одиннадцать человек, имена которых упоминаются в их докладе. Этим людям было приказано поехать в Ван, и они были убиты в пути. По этой причине я отправил несколько жалоб в адрес Махмудие Шефика-бея, временного вали, прося его дать разрешение навести справки для составления списка убитых и пропавших без вести и предоставления помощи их нуждающимся семьям».

Врмян отмечает, что его жалобы не нашли какого-либо отклика, как и его предложение перевезти в Ван нескольких «этих несчастных, которые могли бы дать нам информацию о ситуации». Он отмечает, что постепенно получал подтверждение того факта, что сотни женщин и детей остались «в руинах и пепле деревень», одетыми в лохмотья и умирающими от голода⁴.

Переходя к обсуждению бойни в деревнях казы Сарай: Ахориге, Гасан Тамране Харабсореке и Дашоглу, совершенной в конце декабря, армянский делегат напомнил предлог, под которым жандармы Сарая, возглавляемые Абдулом Гадиром и Явером Расимом, появились в Ахориге. По приказу каймакама всех мужчин Ахорига жандармы повели в небольшой город Сарай для восстановления там разрушенных барачков. За день до этого им было приказано не покидать Ахориг до получения дальнейших указаний. Врмян пишет, что «это было доказательством заранее продуманного умысла». Эти люди не попали в Сарай, продолжает он: они были убиты двумя группами курдов в Авзариге. В тот же день сотни армян убили в Гасан Тамране. Затем каймакам приказал изгнать триста уцелевших в Персию. Не имея возможности перейти занесенные снегом горы, они повернули обратно и искали прибежища в Ингизе и Тархане. Жандармы, однако, не допустили их к этим двум деревням. Около 70 или 80 человек смогли достигнуть Салмаста. Врмян описывает все это

¹ Ibid. Pp. 134–136.

² Ibid. Pp. 136–141.

³ Ibid. Pp. 141–145.

⁴ APC/PAJ, PCI Bureau, 2 58. Меморандум Врмяна, представителя Вана, Талаат-бею, министру внутренних дел, март 1915 г. Автор утверждает, что очень большое число женщин и молодых девушек подверглись изнасилованию, их заставили принять ислам и увезли по разным областям.

Когда Тахсин-бей, вали Вана, был переведен в Эрзурум и сменил на посту Джевдетом, новый вали был в Персии; он назначил временного вали вести дела в его отсутствие: *Ussher C. D. Op. cit. P. 126.*

детали для того, чтобы известить министра внутренних дел о жестокости, совершенной в отношении армян. Наконец, он описывает смерть священника по имени Вардан, которому отрезали нос и уши и выкололи глаза перед тем, как его застрелили, а его жену заставили выйти замуж за привратника¹.

Далее армянский делегат описывает бойни и грабежи, прошедшие в Хазарене 15 декабря: «5610 голов скота (овец, быков, коров, телят, буйволов и лошадей), зерно и все сельскохозяйственное орудие было вывезено из деревни», в которой затем была разрушена церковь. То же самое произошло в Сетибеге, где, как отмечает Врамян, «был поставлен вопрос о наличии жандармов среди курдов». «Те же сцены, — пишет он, — повторялись везде; хорошо организованные бойни и грабежи, разрушенные деревни». После перечисления злодеяний, совершенных в ноябре и декабре, повторившихся 9 января 1915 г. в Кангаре и еще позже в Нордуже, Эрсисе, Ардзге и на северных берегах озера Ван, Врамян спрашивает, почему «местные власти» поддержали такого рода действия. Он отмечает, что его требования объяснений получили следующие ответы: 1) армяне Башкале шпионили в пользу врага; 2) некоторые армяне, предположительно, ограбили склад турецкого войска, когда русские вторглись в страну; 3) некоторые мужчины присоединились к русской армии; 4) другие показали вооруженное сопротивление после вступления русских; 5) если сотни женщин уехали, то они поступили так добровольно, из страстного желания поехать в Салмаст к своим мужьям; и 6) курды были настроены против армян². Уверив Талаата в том, что все эти обвинения были необоснованными, Врамян писал: «Антихристианская стратегия не поможет спасти страну... Правительство должно прекратить воспринимать армян в империи как врагов... Если правительство сейчас не способно гарантировать армянскому народу соблюдение их неприкосновенных прав на жизнь, уважение, религию и собственность, то оно должно разрешить этому самому защищать эти права. Предполагается, что нижестоящие чиновники неверно поняли приказы центрального правительства

и ничего не поняли из его стратегии. Затем, должно быть, эти чиновники были наказаны и принудительно направлены на верный путь».

Подчеркнув, что прекращение насилия в интересах страны, депутат парламента предложил: 1) направить в район следственную комиссию и собрать «женщин и детей, покинутых без источника поддержки в разрушенных деревнях; женщин, насильно обращенных в ислам...»; 2) возместить крестьянам в разрушенных деревнях их стада и их имущество; 3) собрать «винтовки, выданные оседлым курдам по инициативе государства»; 4) вооружить отряды милиции только после их вступления в вооруженные силы; и 5) вернуть армянам «оружие, изъятое у них силой»³.

Вышеприведенное краткое изложение полного меморандума Аршака Врамяна пролило свет на проведенную местными властями кампанию террора; оно также дает нам некоторое представление о его странном диалоге с национальным правительством. У армянских лидеров, по-видимому, не было другого выбора, кроме как поверить в то, что они были свидетелями отклонения местных властей от договора. Здесь может наблюдаться другое интересное явление: рассуждения коллективно обвиняли армян приграничных областей и одновременно оправдывали жестокость по отношению к ним, описывая ее как возмездие. Мы должны, однако, отметить, что эти местные рассуждения еще не были опубликованы в столичной прессе. Таким образом, складывается впечатление, что иттихадистское правительство провоцировало армян с целью заставить их отказаться от публичного заявления преданности и восстать. Симптоматическим является тот факт, что Врамян сам составил список различных требований местных властей, которые в совокупности стремились показать, что армяне были предателями своей страны, чтобы затем переопределить проблему как вопрос защиты гражданского населения. В письме, адресованном министру внутренних дел, Тахсин-бей писал: «Вместо того чтобы депортировать армян в середине войны, со своей стороны, я предлагаю удержать их в

¹ APC/PAJ, PCI Bureau, ♀ 58. Меморандум Врамяна, представителя Вана, Талаат-бею, министру внутренних дел, март 1915 г. Врамян отмечает, что в деревне остались лишь Петрос, мельник в Ахориге, и Йего, еще один ремесленник: «В них нуждались».

² Ibidem.

³ Ibidem.

их теперешнем положении впредь до дальнейшего уведомления и не подталкивать к восстанию незаконным применением силы. Положение наших войск хорошо известно»¹. Высказывание человека, которому отлично знакома местная ситуация, не оставляет никакого сомнения в желании правительства «незаконным применением силы подтолкнуть к восстанию». Поведение властей Ван отражает эту логику, которая может быть внушена указаниями национального правительства. Замена Тахсина-бея радикальным приверженцем режима Джевдетом-беем, шурином военного министра, была, вероятно, рассчитана на то, чтобы облегчить стратегию провокации. Есть достаточные основания верить тому, что перевод Тахсина в Эрзурум в феврале 1915 г. был подстрекательством Омера Наджи, инспектора партии «Единение и прогресс» в Ване и главы «Специальной организации» в регионе.

Ссылаясь на вспыхнувшее 19 апреля 1915 г. «восстание» в Ване, Тахсин-бей пишет: «В Ване не случилось бы восстания, если бы мы сами не создали его своими руками, применяя силу, эту невыносимую обстановку, из которой мы неспособны выпутаться, и также трудное положение, в которое мы поставили наши войска на восточном фронте. Пройдя это тяжелое испытание и его беспощадные последствия, мы, боюсь, совершили ошибку, поставив наши войска в непригодное для обороны положение, как та женщина, что повредила глаз, пытаясь нарисовать веки тушью»².

Другими словами, стратегия, применяемая партией «Единение и прогресс», была ошибкой, которая только привела турецкие войска в еще большее замешательство. Тем более, Тахсин-бей утверждал, что армяне «обеспечивали продовольственное снабжение войск их хлебом и транспортированными средствами». «Этот пункт, — настаивал он, — должен быть достаточно обоснованным, поскольку сегодня мы едва ли способны сохранять продовольственное снабжение войск ценой множества препятствий», не говоря уже о том, что «армяне составляли де-

вянсто процентов ремесленников, крайне необходимых населению и армии. Кроме одного или двух бакалейщиков и мясника, среди турок не было ремесленников. Это также имело значение»³. В своей телеграмме от 26 марта 1915 г., адресованной его другу Джевдету, все еще находившемуся на персидской границе, Врамян напомнил, что он и его товарищи сделали все возможное, чтобы избежать насилия; раскритиковал его за принятие мер, необходимых для предотвращения выходов отрядов милиции и жандармов, совершивших преступления против «имущества и людей» под предлогом поиска дезертиров; отметил, что поэтому у него не было выбора, кроме как поставить в известность Талаата; и пожаловался, что власти не среагировали на убийство пятнадцати человек в деревне Агчаверан, совершенное Эджем-беем и его отрядами милиции. В конце концов, Врамян потребовал, чтобы несколько сожженных деревень Эзер, Дилмахен, Аднагац, Пайраг и другие получили компенсацию для восстановления и, наконец, попросил Джевдета засвидетельствовать его почтение Наджи-бею⁴.

В ответном письме, написанном 26 марта в монастыре Святого Варфоломея, где он располагался в то время, Джевдет сообщает Врамян о том, что они оба вскоре смогут обсудить этот вопрос лично, поскольку на следующий день он уезжает в Ван во главе войска. «Оставайтесь уверенным, — писал он, — в честной и справедливой установке правительства и информируйте об этом население»⁵.

30 марта 1915 г. Джевдет был принят в делегацию правительственных чиновников и местных сановников, собравшихся встретиться с ним. Арам Манукян и Врамян были среди них. Врамян подмечает, что он был одет в военную форму «чете» цвета хаки и его сопровождали шестьсот «элитных» чекетов, снаряженных по его повелению тремя пушками. Как только Джевдет и Врамян достигли конака, они исчезли в управлении. Армянский депутат покинул собрание с чувством того, что он должен осмыслить

¹ Шифрованная телеграмма Тахсин-бея, вали Эрзурума, в Министерство внутренних дел, 13 мая 1915 APC/PAJ, PCI Bureau, file XLIX, U 285, оригинал на османском языке, транскрипция армянским алфавитом и французский перевод.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ А-До. Указ. соч. С. 146–148. Так, делегат КЕП и глава «Специальной организации» в регионе возвратились из персидской кампании вместе с Джевдетом.

⁵ Там же. С. 148–150.

предмет обсуждения и развеять «опасения» Джевдета. В пасхальное воскресенье, 4 апреля, Джевдет, в свою очередь, нанес Врамяну дружеский визит; они провели вместе два часа. В тот же день, однако, 300 чете, вернувшихся из Персии, прибыли в город¹.

Как только вали вернулся из Азербайджана, где Джевдет и Омер Наджи устроили бойню на равнинах Салмаста и Урмии, он потребовал мобилизации еще трехсот армян. Он казался непреклонным касательно этого вопроса. Армянские светские и религиозные лидеры неохотно согласились с этим новым требованием. Все знали, что армянские призывники больше не будут посылаться на сражения, а будут в лучшем случае распределены в трудовые военные батальоны, с ними будут плохо обращаться, а могут и убить. «Однажды принятые [положения] отвергались на следующий день». Эти переговоры тянулись до середины апреля 1915 г. без видимых результатов².

Тем временем Джевдет уверился в том, что может рассчитывать на сотрудничество с начальником жандармерии Ахмедом и капитаном Ускударли Арабом Яшаром. Он также вооружил племена черкесов в регионе Вана, особенно племя Топала Расула³, и попросил поддержки у нескольких проверенных убийц Иттихада: черкеса Ахмеда, Чолака Хафеза, Селаникли Шевки, черкеса Исмаила, черкеса Рашида и Бандермали Хаджи Ибрагима, который когда-то служил шофером Талаата⁴.

11 апреля в Шатахе, в районе к югу от озера Ван, произошел избивающий случай: Овсеп Чолоян, школьный учитель и лидер дашнаков, живший в административном центре района, был неожиданно арестован вместе с пятью молодыми людьми. На следующий день магазины городка остались закрытыми. Люди были удивлены новостя-

ми. До того дашнаков никогда не трогали, и они часто выступали в роли миротворцев. Все знали, что мужчин не могли бы арестовать, если бы Джевдет не был проинформирован об этом заранее. Врамян приехал встретиться с ним, и они приняли совместное решение послать в Шатах миротворца. Объединенный Армянский совет, занимавшийся такими ситуациями, также был согласен охладить пыл и «попытаться оттянуть время»⁵. Ишхану была назначена роль примирителя. Днем 16 апреля он отправился в деревню в сопровождении трех опытных активных членов партии⁶, Вафика-бея и трех жандармов; несколько миль их сопровождал почетный караул, предоставленный вали. Восемь человек остановились заночевать в деревне Гирдж (в Айоц Дзор). Ишхан и его люди остановились в доме их друга курда Каримоглу Рашида. Той ночью группировка черкесов вломилась в дом и убила четырех армян⁷. Есть все основания полагать, что не кто иной, как Джевдет, руководивший этими черкесами, приказал совершить эти убийства. Возможно, он пришел к выводу, что в городе, в котором преобладают армяне, он не сможет ничего сделать, пока не избавится от трех лидеров дашнаков. Его поведение на следующий день подтвердило это подозрение. Рано утром он вызвал двоих ведущих армянских горожан Вана в конак вместе с Арамом и Врамяном. Он сделал два телефонных звонка, хотя мужчины жили в одном квартале. Врамян сразу же принял приглашение, но оставил Араму сообщение, в котором рекомендовал ему в случае получения приглашения от вали отклонить его⁸. Врамяна больше не видели, кроме случая тем вечером, когда кто-то увидел его мимолетом, охраняемого пятьюдесятью жандармами в порту Арганц, где депутаты парламента погрузили на борт судна, отбывающего в неизвестном направлении⁹. Вскоре после этого

¹ Там же. С. 150–151.

² APC/PAJ, PCI Bureau 3 470–471–472, Bureau d'information du Patriarcat, Faits et documents, N° 37, L'affaire de Van; *Ussher C. D.* Op. cit. P. 126. Он указывает 4000 дополнительных призывников.

³ Именно Топал Расул убил Ишхана несколько недель спустя.

⁴ APC/PAJ, PCI Bureau 3 563, Bureau d'information du Patriarcat, Rapport sur Cevdet bey.

⁵ А-До. Указ. соч. С. 152 и с. 372 для подробной информации.

⁶ Там же. С. 155: Погос Тутунджян, Ваган Хранян и Мигран Тер-Маркарян.

⁷ Там же. Агуни С. Указ. соч. С. 34; Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 92; Лепсиус опубликовал телеграмму от 16 апреля 1915 г. немецкого вице-консула в Эрзуруме Макса Эрвина Шойбнер-Рихтера, сообщавшую об убийстве Ишхана и осаде армянского квартала; *Ussher C. D.* Op. cit. P. 127.

⁸ А-До. Указ. соч. С. 156.

⁹ Там же. С. 158.

он был убит в Арапу Дзоре, недалеко от Битлиса¹.

Арам не поехал в конак. Вместе с оставшимися горожанами он вскоре узнал, что Ишхана убили. Эта новость шокировала и встревожила население². Д-р Кларенс Ашер и госпожа Грэйс Кнапп, американские миссионеры в Ване, которые стали свидетелями этих событий, рассказали подробности, не оставившие сомнений в намерениях вали. 18 апреля сам Ашер поехал к Джевдету, чтобы «выяснить, как успокоить мрачные опасения людей», напуганных «слухами о массовых убийствах». Пока американский доктор был у вали, вошел полковник из «полка вали»; сам Джевдет окристал этот полк «Касаб Табури», «батальоном мясников». Полковник получил приказ «выступить в Шатах и уничтожить его жителей»³.

17 апреля вали разместил 150 черкесов⁴ в бараках Хамута Аги, расположенных в армянской части Вана и остававшихся до тех пор незаселенными. Армяне восприняли это как еще одну угрозу. На следующий день председатель Эзник вардапет и два видных армянских деятеля, Геворг Джидечян и Аветик Терзибашян, пошли к Джевдету, который впервые заговорил угрожающим тоном⁵. В тот же день, 18 апреля, в армянских деревнях вилайета, начиная с Гирджа, где 17-го числа был убит Ишхан, были совершены массовые убийства. На следующий день, в понедельник, массовые убийства систематически чередовались по району на юге Вана, известному как Айоц Дзор, «долина армян». Систематические акты насилия произошли в тот понедельник также к северу от озера Ван, в районах Эрцис/Ариеш и Адилджеваз/Ардзге⁶, к востоку, в регионе Беркри; а также к югу, в районах Карджикан, Геваш/Востан, Шатак/Шатах и Мокс⁷.

Рафаэль де Ногалес, должностное лицо Венесуэлы, прикомандированный к 3-й армии, прибыл в Адилджеваз вечером 20 апреля. Он увидел сцену из дантова ада: повсюду вокруг озера Ван бушевал огонь. На следующее утро ему сообщили, что «армяне атаковали город». Вскочив на свою лошадь, Ногалес понесся по городу, где его взору представило совершенно иное зрелище: магазины были разграблены, а турки и курды преследовали армянское население. «Убийцы проникли в дома, — писал он, — и закалывали беззащитных жертв». Когда Ногалес приказал майору, возглавлявшему «орду преступников», немедленно прекратить, майор ответил, что получил от генерал-губернатора провинции однозначный приказ «уничтожить всех армян мужского пола старше двенадцати лет». «В конце полуторачасовой бойни в живых осталось только семь армян Адилджевуса [Адилджеваза]». Возвращаясь в конак, Ногалес пришел в замешательство от «наглости» каймакама, который «бурно поблагодарил меня за спасение города от ужасной атаки армян»⁸.

В субботу 17 апреля в Ване начальник жандармерии уже попросил Ашера дать ему разрешение разместить около 50 солдат и пушку «на десять дней» в «расположении [американской] миссии, находившейся на холме на доминирующей армянской территории Гарден Сити [Айгестан]». Официальная цель состояла в «защите [американцев], поскольку между курдами и армянами вспыхнула ссора», и курды, как было сказано Ашеру, «могут причинить вам вред»⁹.

В тот момент Ашер и итальянский вице-консул Сбордини поехали к Джевдету. Они рассказали ему, что вести об убийстве Ишхана и боях в деревнях, дошедшие до города, «взволновали» армян, которые никог-

¹ Там же. Нам неизвестно, где был убит Врамян. См. Более подробную информацию об убийстве Врамяна и участии Джевдета в преступлении: APC/APJ Э 561–562, Bureau d'information du Patriarcat, с приложенной статьей из ежедневной газеты «Ренессанс».

² APC/PAJ, Э 563, Bureau d'information du Patriarcat. Доклад о Джевдет-бее.

³ *Ussher C. D. Op. cit.* P. 127; см. более обобщенный обзор в: *Knapp G. X. The Tragedy of Bitlis/ London, 2002* (2e éd.). Pp. 13–27.

⁴ А-До. Указ. соч. С. 153.

⁵ Там же. С. 158.

⁶ *Nogales R. de. Four Years Beneath the Crescent*, trad. Muna Lee, London, 1926. Pp. 59–60.

⁷ А-До. Указ. соч. С. 168–190.

⁸ *Nogales R. de. Op. cit.* Pp. 59–61. В течение последующих недель Ногалес принял участие в осаде Асмянского квартала; в частности он отвечал за артиллерийские батареи, расположенные в цитадели.

⁹ *Ussher C. D. Op. cit.* P. 129.

да не согласятся на расположение солдат и пушки на высоте, откуда просматривается их квартал¹. На следующий день Сbordони объяснил вали, что «выбранный им ход событий был рассчитан на то, чтобы поднять оппозицию, а не ослабить ее сопротивление». По словам Ашера, Джебдет, очевидно, 19 апреля изменил свое решение и даже заставил армян открыть свои магазины, но также приказал окружить окрестности Айгестана, как только наступит вечер. Именно девятнадцатого числа город узнал о том, что тысячи «беззащитных человек» в провинции пали жертвами массовых убийств².

На рассвете 20 апреля 1915 г. был атакован армянский квартал Айгестан. Арам Манукян, однако, уже подготовился к тому, чтобы отразить атаку и предотвратить вступление турецких войск в армянский квартал. В последующие несколько дней около 15 000 крестьян нашли убежище в Айгестане. 21 апреля новость об «армянском восстании» в Ване была опубликована на первых страницах стамбульских газет. Спустя

несколько месяцев в официальной публикации министра внутренних дел события были представлены следующим образом: «В марте снова вспыхнуло восстание армян в районе Тимар, административно прикрепленном к Вану. Затем движение распространилось на казы Гваш и Шатак. В самом городе Ван повстанческое движение было еще более жестоким: большая территория города была сожжена и сотни людей, горожан и военных, были убиты... После краткосрочного сопротивления русские и армяне оккупировали Ван. Оставшееся в городе мусульманское население было безжалостно убито»³.

Это фактически единственная известная нам официальная версия «восстания» в Ване. «Восстание» описывается в этой публикации как одна из причин, по которой «командующий имперской армией, подметивший, что армяне, действующие сообща с вражескими войсками, был вынужден для защиты своего тыла приказывать переместить группы армян, осевшие в районах, считавшихся военными зонами, к югу»⁴.

Ситуация в Муше: сентябрь 1914 г. — май 1915 г.

Как и регион Вана, санджак Муш был районом, где преобладало армянское население и в котором в 1915 г. АРФ являлась значительным политическим фактором. Как таковой, Муш представляет собой еще один исключительный пункт для наблюдения и оценки развития политической ситуации в восточных регионах империи с начала войны в мае 1915 г. Как и везде, призыв на военную службу проходил в невообразимом замешательстве, но при отсутствии существенных конфликтов. Тем не менее примерно в середине октября 1914 г. местные власти начали распространять слухи о том, что дашнаки организовали в регионе банду чете и что эти нерегулярные силы готовятся присоеди-

ниться к армянским добровольцам с Кавказа в атаках на мусульманские деревни⁵. Безусловно, эти слухи официально настойчиво отрицались председателем Битлиса⁶, однако они вызвали сильное беспокойство.

Когда депутат парламента Ваган Папазян прибыл в Битлис «в день объявления войны» (2 ноября 1914 г.), он узнал, что восстание шейха Саида Али Хизана было подавлено, и увидел, что шейх Селим, один из главных вдохновителей восстания, был повешен на центральной городской площади. Он также заметил, что центр города был заполнен отрядами курдских гамидие, призванных в Битлис властями⁷. Их присутствие вызвало подозрение у армянских лидеров. Военные

¹ Ibid. P. 130.

² Ibid. P. 131.

³ La vérité sur le mouvement révolutionnaire arménien et les mesures gouvernementales. Pp. 17–18.

⁴ Ibid. P. 15.

⁵ Тер-Егизян Э. Указ. соч. С. 68 Автор ссылается на письмо от 21 ноября 1914 г., которое он получил от председателя Муша Нерсеса Хараханяна.

⁶ Там же. С. 69.

⁷ Папазян В. Указ. соч., II. С. 303.

реквизиции также проложили путь тому, что нельзя назвать иначе как разграблением бизнеса и имущества, в то время как отношение к призывникам, отправленным на ремонт дорог, послужило поводом для громкого протеста¹.

Папазян был ответственным за донесение жалоб армянского населения местным властям. По прибытии он был принят вали Битлиса, Мустафой Абдулхаликом, зятем Талаата, «образованным, воспитанным человеком». Папазян, в частности, описывает судьбы семей, у которых из-за попытки их членов избежать воинского призыва конфисковывали имущество, сжигали дома и брали в заложники их родителей².

К середине декабря 1914 г. Папазян приехал в Муш. Он был принят комитетом дашнаков, которые собрались в лазарете, созданном д-ром Завриевым в 1912 г. Главой комитета был Рубен Тер-Минасян³. В маленькой городке Муш армяне и курды жили бок о бок. Котаны, род курдов, господствовали в местном Комитете «Единение и прогресс». Мать главы объединения Ходжи Хаджи Илиаса Сями, депутата из Муша, была армянкой (она была похищена и обращена в ислам), и он хорошо говорил по-армянски. Он был в городе лидером; Сервет-бей, младотурецкий мутесариф, «воспитанный молодой человек», «получивший образование у Филибели [Ахмеда] Хильми»⁴, был вынужден принимать во внимание его взгляды. Другой выдающейся персоной был армянский командир Васиф-бей, также имевший определенное влияние в Муше. Он отличался тем, что не был связан с младотурецкой партией⁵.

Равнина Муша и ее горные окрестности, Сасун, имели своих революционных предшественников, которые оставались у всех в памяти. Сопrotивление 1894 г. и подвиги армянских фидайи, совершенные в дни правления султана Абдул-Гаида, помогли армянам Муша приобрести достойную репутацию за

храбрость. Даже несмотря на то, что активисты АРФ стали учителями и уважаемыми политиками после 1908 г., они все еще вызывали подозрение среди высокопоставленных турецких чиновников в Муше. Имеется прекрасная иллюстрация этого явления с учетом того, что архиерей Муша Нерсес Хараханя передал патриарху Завену его беседу с немецким консулом в Мосуле Голштейном, который совершил путешествие по региону в 1914 г. Консул сказал ему, что государство совсем не верит армянам, и добавил, что курдские бандиты, находящиеся в районе Сасуна в Хойте и в других местах, были вызваны в Муш и продемонстрировали искреннюю гостеприимность по отношению к людям архиерея. «Ясно видно, — писал архиерей, — что государство пыталось найти повод обрушить несчастья на армян региона»⁶.

Как и в Ване, эти мрачные предчувствия, вне всяких сомнений, мешали властям повседневно поддерживать отношения с армянскими лидерами. 25 ноября состоялась встреча, в которой участвовали Папазян, два лидера местного объединения Иттихада: Диндо Решид, ответственный секретарь, делегированный Комитетом «Единение и прогресс», и Парамаз, родственник Илиаса Сями. Все трое подтверждали необходимость совместной работы, чтобы организовать тыл армии и собрать и транспортировать провизию и снабжение. Вместе с тем также обсуждался вопрос в отношении армянских добровольцев с Кавказа, чье сотрудничество с русскими привело в ярость Комитет «Единение и прогресс»⁷. Будучи депутатом парламента и руководящим членом АРФ, Папазян фактически играл роль посредника. Он, как только мог, занимался такими неоднозначными вопросами, как призыв и реквизиции, которые набирали темп в начале декабря⁸. К началу войны Муш стал центром обучения и призыва, в который потоком поступали призывники из Диарбекира, Харпуга, Генсе и Хазо. Тем не

¹ Там же. С. 304.

² Там же. С. 305–306. Вали Битлиса пребывал в должности с 19 марта 1914 г. по 1 сентября 1915 г. Вследствии он стал министром финансов и затем председателем Великой Турецкой Ассамблеи.

³ Там же. С. 320.

⁴ Помощник Бехаэддина Шакира, вице-председателя «Специальной организации», располагавшейся в Эрзуруме.

⁵ Там же. С. 322–323.

⁶ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 71. Автор ссылается на письмо от 21 ноября 1914 г., которое он получил от председателя Муша Нерсеса Хараханя.

⁷ Папазян В. Указ. соч., II. С. 325.

⁸ Там же. С. 326.

менее в городе не хватало основных видов обслуживания и зданий для размещения этих солдат, поэтому их селили в мечетях, школах и ханах. Вести о маршруте кавказской армии в январе породили беспорядочную ситуацию в городе, а также массовое дезертирство батальонов гамидие, которые вынуждены были латать свои потери. По словам Папазяна, эти дезертирства были спровоцированы Хаджи Мусой, братом депутата Хаджи Илиаса Сями¹.

Недоверие турок по отношению к армянам в Муше, однако, не привело АРФ к изменению стратегии сотрудничества с властями. Армянский депутат даже принял предложение мутесарифа стать председателем комиссии из восьми человек, включившей двух чиновников и ответственной за организацию снабжения фронта. В своих воспоминаниях Папазян отмечает, что это поставило его в такое положение, когда он должен был устанавливать правила, контролирующие то, как призывники используются для транспортировки, — главным средством транспортировки в то время являлась человеческая сила. В этих правилах были указаны максимальный уровень нагрузки и необходимое время отдыха². Однако, поскольку зима все еще продолжалась, чрезвычайно жесткий климат региона затруднял такую транспортировку, в то время как армянские солдаты в трудовых батальонах подвергались чрезвычайному риску: часто их убивали в деревнях, через которые они проходили. Папазян отмечал, что недовольство постоянно возрастало, но армянские представители продолжали советовать выполнять требования государственных властей как можно полнее. Армяне не приняли во внимание тот факт, что мутесариф Муша организовал прекрасный прием для руководителей курдского племени дибран, хотя эти чете грабили деревни, расположенные на равнине³. Армянский представитель пожаловался на это мутесарифу, обращая внимание на то, что власти только подстрекали бандитов поддерживать преобладающую анархию, оказывая такое отношение и усиливая риск дестабилизации

османского тыла, что влекло за собой такую анархию⁴.

После этой бурной встречи в архиепископской епархии было проведено тайное совещание армянских руководителей. На совещании было принято решение «не поддаваться провокациям, но мириться с ними... и не высказывать [армянского] недовольства в излишне демонстративной манере»⁵. Празднования нового, 1915 г. послужило поводом для восстановления дружеских отношений: мутесариф, армейские начальники, судьи и видные деятели Муша явились к своим несколько скептически настроенным армянским коллегам, чтобы поздравить их с Новым годом⁶. Цинизм властей стал еще более явным в январе, когда мутесариф предложил Корюну, хорошо известному представителю АРФ из района Тарон, согласиться возглавить армяно-курдский отряд милиции, который мутесариф хотел создать для «нужд охраны равнины Муш». Ответ Корюна был таким же абсурдным, как и само предложение: он предложил создать полностью армянский отряд милиции, снаряжаемый вооруженными силами. Мутесариф благодарно пообещал «передать предложение вали Битлиса»⁷.

Армянские лидеры, конечно, оценили ситуацию и обсудили организацию их собственной обороны. К февралю 1915 г. этому вопросу были посвящены довольно серьезные обсуждения. Они в точности описаны Папазяном, сообщившим нам о том, что первыми поставили вопрос бывшие фидайи, жившие в деревнях на равнине, которые жаловались на постоянный надзор. Депутат и другие, чьи мнения совпадали с его мнением, отмечали нехватку людей для защиты, а также нехватку оружия: у них было в лучшем случае 700–800 охотничьих винтовок и 150–200 винтовок, «более-менее подходящих, но для которых, однако, было мало патронов». Другими словами, их оружия и патронов было достаточно только для недолгой самозащиты. Однако различные обмены письмами с комитетом Эрзурума и Вана, как и с коми-

¹ Там же. С. 327.

² Там же. С. 327. Тыловое обеспечение 3-й армии, по-видимому, координировалось из Гниса, расположенного примерно на полпути между Эрзурумом и Мушем.

³ Там же. С. 328.

⁴ Там же. С. 329.

⁵ Там же. С. 332.

⁶ Там же. С. 333.

⁷ Там же. С. 335.

тетом в Стамбуле, убедили их в том, что они поступают разумно, принимая меры самозащиты в случае необходимости¹. Очевидно, армянские лидеры не были склонны доверять добрым намерениям властей.

Февральская поездка Рубена и Корюна по деревням региона была совершена с целью исполнения распоряжений их партии. Однако их отъезд не прошел незамеченным. Согласно информации, дошедшей до объединения дашнаков Муша, семь или восемь курдских жандармов были направлены в Гомс, родную деревню Корюна. Папазяну, вызванному в конак следующим утром вместе с архиереем Хараханяном, мутесариф сообщил о том, что накануне вечером Корюн и Рубен сожгли заживо капрала Мустафу Фахи и нескольких жандармов. Сервет-бей угрожал сжечь деревню, где это произошло, если два армянских лидера не придут сами. Он объявил о том, что планирует взять армянского депутата в заложники и держать до тех пор, пока они не появятся².

Тем не менее эти угрозы должны учитываться в будущем. Так, Папазян отмечает, что мутесариф пригласил его на ужин к себе домой, где он «был взят под надзор начальника полиции», а также согласился разрешить депутату поехать в деревню, где произошел инцидент, чтобы провести следствие с Васифом-беем, военачальником Муша. Казалось, в этом странном противостоянии обе стороны пытались избежать окончательного раскола. Папазян и Васиф-бей без промедления пустились в путь в сопровождении каймакама Буланика Эсада-бея, мюдира Хазо Сулеймана и конвоя из семи или восьми полицейских. По прибытии в Гомс они застали сотни курдов из близлежащего района, разграбляющих деревенские дома и похищающих зерно. Эти отряды гамидие взяли в заложники около пятидесяти мужчин и женщин, позволив остальным убежать. Беженцев допрашивали перед Папазяном, который пытался заставить их почувствовать себя и говорить свободно. Затем деревенские жители сказали, что жандармы приехали накануне вечером «собрать налоги». Соглас-

но традиции, Корюн позаботился о жилье и еде для них. Вскоре после этого один из курдских жандармов, старый знакомый Корюна, приехал к нему домой и предупредил его о «дьявольских планах» капрала Фахи, планировавшего убить его и Рубена «по приказу комитета иттихадистов в Муше». Вслед за этим Корюн поджег хлев, в котором ночевали жандармы, и блокировал выходы из него; жандармы, которые смогли выбраться через крышу, были расстреляны. По словам Папазяна, расследование завершилось выводом, что была поставлена «ловушка», и спустя день заложники были освобождены³. После возвращения Папазяна и Васифа в Муш мутесариф прослушал отчет о решении вопроса «не моргнув глазом». Папазян даже говорит, что был удивлен объективным отношением Сервет-бея, признавшись, что не понимал до более позднего времени, что поведение мутесарифа объяснялось тем фактом, что он надеялся заставить Корюна и Рубена, двух главных военных лидеров, вернуться в Муш, где он смог бы заключить их в тюрьму⁴. Несколько дней спустя полиция провела обыск в комитете АРФ. Однако прежде чем их комитет был закрыт и двери опечатаны, боевики партии смогли похитить спрятанное там оружие и архив партии⁵.

Среди других признаков возрастания напряженности был случай в феврале, когда призванные в трудовые батальоны солдаты, получившие задание перевезти запасы с равнины Муш на фронт, начали исчезать вначале один за другим, а затем целыми группами. Когда их семьи и друзья пытались получить о них какую-либо информацию, мутесариф неизменно отвечал, что дороги занесло снегом или что мужчины «были вынуждены преодолеть более протяженные, чем ранее, дистанции, чтобы не отставать от продвижения османской армии» (очевидно, никто не знал об отступлении армии). Кроме того, видные деятели деревень равнины были арестованы под разными предлогами — например, они отказались отдать войскам требуемый ими урожай — и помещены в тюрьму Муша. Мутесариф оставался веж-

¹ Там же. С. 336–337.

² Там же. С. 338–339.

³ Там же. С. 338–340.

⁴ Там же. С. 340. В другом докладе сообщается, что Мехмед Эмин, возглавлявший отряд курдских чете, последовал за Корюном в Гомс и был убит там: BNU/ Fonds A. Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 51, Mouch-Daron, f° 4, в соответствии с информацией, предоставленной Мушером Турняном.

⁵ Папазян В. Указ. соч., II. С. 341.

живым, тем не менее, объявляя в ответ на жалобы Папазяна, что у него не хватает отрядов, необходимых для восстановления порядка в стране, которая погрязла в анархии, что необходимо проявить терпение и помочь ему выполнить задание и что побег Рубена вызвал гнев мусульманского населения¹. В то же время он продолжал набирать больше и больше людей для службы грузчиками. Папазян не отказал ни одной его просьбе. Для удовлетворения требований мутесарифа ему нужно было обратиться либо к крестьянам, которым было пятьдесят или даже шестьдесят лет, или к юношам пятнадцатилетней или шестнадцатилетней. Один из этих новых призывников, 60-летний мужчина, затем клятвенно утверждал, что его батальон, состоящий из 250 грузчиков-армян, покинул Муш в январе 1915 г. в сопровождении двадцати хандармов, ехавших верхом. Несмотря на сильный снегопад, он добрался до Гасанкале, перенеся множество трудностей. К этому времени в батальоне насчитывалась только сотня мужчин, чья выносливость поразила хандармов. Остальные погибли в пути от переохлаждения или истощения².

Как и в Ване, ситуация существенно не ухудшалась до марта. В регионе Муша преследования, направленные против армянских деревень санджака, начались с призывной кампании известного курдского руководителя Хаджи Мусы Бега, получившего дюрную славу в 1890-х гг. за злодеяния, совершенные на равнине и в Сасуне. Хаджи Муса был, в частности, ответственным за нападение на Мушагшен, где он убил несколько деревенских жителей и сжег дома³, а также за убийство членов семьи мэра Авзуда, председателя Малхаса, заживо сгоревшего в их амбаре⁴. В ответ на эти вторжения

старые фидайи потребовали от их руководителей позволить им уйти в горы. Около тридцати из них, не ожидая указаний отряда, ретировались в Монастырь Апостолов, откуда открывался вид на город. Когда об этом сообщили мутесарифу, он немедленно отправил лейтенанта черкеса Ахмеда и несколько сотен всадников, чтобы взять в плен или убить этих людей, бросающих вызов его власти. На очень крутой дороге, ведущей к монастырю, первый выстрел посеял панику среди лошадей. Лейтенант свалился в пропасть на обочине дороги⁵.

Несмотря на вызванное этим инцидентом напряжение, д-р Папазян продолжал регулярно встречаться с Сервет-беем, иногда разговаривая с ним на французском языке. Все еще существующие вежливые отношения не помешали армянскому доктору потребовать от мутесарифа навести порядок на равнине и прекратить разграбление деревень, если он хочет предотвратить уход людей в горы⁶.

Рассказанный Папазяном факт позволяет нам заострить внимание на случае, когда Сервет-бей получил приказ от его начальников перейти к более репрессивному этапу в отношении армян его санджака. В конце марта Сервет был вызван в Битлис вали Мустафой Абдулхаликом⁷. Хотя нам не известна сущность их бесед, период их проведения более-менее совпадает с неделей, когда Центральный комитет иттихадистов пришел к решению «депортировать» армян. В начале апреля Папазян узнал практически случайно, что русские войска дошли до Буланика, расположенного на северо-востоке вилаята Битлис, в шестидесяти милях от Муша⁸, и что кампания по вербовке отрядов курдских гамидие теперь распространялась на сан-

¹ Там же. С. 341.

² BNU/ Fonds A. Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 51, Mouch-Daron, f° 2, в соответствии с информацией, предоставленной Мушегом Турняном.

³ Папазян В. Указ. соч., II. С. 341; в другом источнике утверждается, что большинство завербованных курдских лидеров были преступниками, разыскиваемыми годами и «амнистированными» по этому случаю. Эти банды чете совершали «скрытые массовые убийства», которые мутесариф описывал как «акты бандизма». Он никогда не наказывал их, ограничиваясь направлением жандармов в города и села, в которых чете не преуспели в том, для чего они были направлены»: BNU/ Fonds A. Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 51, Mouch-Daron, f° 3, в соответствии с информацией, предоставленной Мушегом Турняном.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Папазян В. Указ. соч., II. С. 341. По нашим оценкам, глубина пропасти на середине пути к монастырю составляла 150 ярдов.

⁶ Там же. С. 343.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 345.

джак Хаккари и находилась под контролем немецких чиновников, отвечавших за обучение этих новобранцев¹.

Патриарх Завен Тер-Егиян ссылаясь на «подготовленный высокопоставленными чиновниками доклад» по результатам встречи, начавшейся 25 апреля 1915 г. и продолжавшейся два или три дня. На встрече, проходившей на дороге между Битлисом и Сииртом, присутствовали д-р Назим, член «Специальной организации», вали Мустафа Абдулхалик и командир батальона жандармерии в Сиирте. Первые сообщения о том, что армяне подняли восстание в изолированном горном регионе Хизан, были распространены во время этой встречи; в результате несколько сотен конных жандармов, а также призвынков нерегулярной армии из курдских племен, живущих в области, были направлены в Хизан. Проведенное позднее расследование показало, что эти «повстанцы» на самом деле были двадцатью курдскими бандитами, устраивавшими разрушительные действия в регионе. Министр внутренних дел, однако, распространил вести об армянском восстании в районе Хизана². Стамбульская пресса опубликовала официальную версию этих событий, превращенную в свою очередь в брошюру, изданную несколько месяцев спустя Министерством внутренних дел, о нападении на жандармов, совершенном «вооруженными людьми в Муше и Хизане»³. Очевидно, местные власти не преуспели в подстрекании армян вилайета к «восстанию». Даже личное вмешательство д-ра Назима не смогло произвести правдоподобную отговорку для последующих «актов возмездия».

Беседа Папазяна и мутесарифа, происходившая поздним вечером 10 апреля, стала решающим моментом в развитии отношений между государством и армянами. Согласно отчету врача, Сервет-бей, носящий пистолет в заднем кармане брюк, намеревался лично его арестовать. Однако в этом напряженном столкновении Папазян ясно ссылаясь на то,

что он также был вооружен, и дал турецким чиновникам понять, что его друзья ждали его снаружи⁴. Переломный момент неумолимо приближался, но Сервет, вероятно, не чувствовал себя в состоянии уничтожить последнего армянского представителя региона, притом депутата парламента.

Таким образом, когда в середине апреля Папазян подхватил тиф, мутесариф наблюдал за ним, в то же время отмечая, что активисты дашнаков тщательно следили за состоянием своего прикованного к постели лидера. Сервет даже взял на себя труд дважды навестить его, пока он болел, чтобы лично узнать о состоянии его здоровья. Во время их второй встречи, прошедшей в мае, мутесариф поведал ему, что во время краткой остановки в Битлисе он столкнулся с Аршаком Врамьяном, только что вернувшимся в Битлис из Стамбула — несмотря на то, что на самом деле Врамьян был убит месяцем ранее⁵. Эта ложь, предназначенная для того, чтобы успокоить Папазяна, покаывает, насколько регион был изолирован. В своих воспоминаниях лидер дашнаков отмечает, что до него доходили неясные сообщения о бойнях в окрестностях вилайета Вана; помимо этого ему было известно, что его арестуют, как только его физическое состояние будет считаться удовлетворительным. В середине июня, выздоравливая, он получил краткое послание от начальника телеграфной станции Муша с рекомендацией сменить место пребывания. В тот же вечер он был приглашен на встречу местных руководителей АРФ в доме Гайка Мириджяна, на которой обсуждались меры по защите 100 000 армян равнины Муша. Все присутствующие согласились в необходимости организации самозащиты армянам, но осознали, что было уже слишком поздно и что район Сасуна, защитить который было легче, чем равнину, не сможет помочь и обеспечить приют для многих людей⁶. В то время в Муше размещалось лишь незначительное число регулярных войск,

¹ Там же. С. 347. Будучи приглашенным Кристиной Швестер, которая руководила немецкой миссией в Муше, Папазян встретился с одним из этих офицеров, который принял его за турка; несколько дней спустя он познакомился с Хольштайном, немецким консулом в Мосуле, который «хотел получить неофициальную информацию касательно военной ситуации».

² Тер-Егиян З. Указ. соч. С. 72.

³ La vérité sur le mouvement révolutionnaire arménien et les mesures gouvernementales. Pp. 16–17.

⁴ Папазян В. Указ. соч., II. С. 350.

⁵ Там же. С. 351–354.

⁶ Там же. С. 355.

мучесариф, очевидно, предпочитал подождать прибытия других войск для ареста Папазяна и его товарищей. Среди дашнаков мнения относительно дальнейшего курса разошлись: должны ли армяне попытаться взять контроль над городом до прибытия войск или отступить в горы Сасуна с людьми, способными к бою. Нехватка оружия и боеприпасов убедила их выбрать второй вариант. 20 июня около 15 полицейских захватили дом, где официально Папазян восстанавливался после болезни¹. Это положило начало операциям, направленным против армян, проживавших на равнине Муша и в горах Сасуна. Папазян и его товарищи ушли к партизанам², оставив равнину и город захотиться о себе самим.

В Битлисе 20 апреля, в день, когда армяне вступили в сопротивление, «сливки молодежи Битлиса» Арменак Хохигян, Гегам Басмаджян и Ованес Мурадян были арестованы по приказу вали Мустафы Абдулхалика. Они прошли по городу цепью и подверглись «оскорблениям турецкого населения», затем их вывели за город, где были установлены виселицы. Их тела провисели две недели и были частично истерзаны собаками³.

Осуждая совершенные в вилайете Витлиса преступления, генерал Вехиб-паша позднее напишет, что «Мустафа Абдухалик-бей, бывший вали Битлиса, человек без недостатков, наделенный гражданскими добродетелями, не был готов положить конец этим событиям, которые я никогда не смогу одобрить»⁴.

На наш взгляд, немало уроков может быть вынесено из этих событий, произошедших в вилайетах Вана и Битлиса вплоть до весны 1915 г. Начнем с того, что, оказывается, ар-

мянские лидеры и местные власти ежедневно поддерживали контакт, пока правительство не решило разделаться с армянами. Очевидно, что армяне терпеливо пытались разрядить обстановку и избежать провокаций; что информация, сообщаемая Стамбулу местными властями в попытке представить армян предателями, сговорившимися с русскими войсками, была поспешно использована османским правительством, которое никогда не пыталось проверить полученные данные; что столь раздутые армянские «восстания» были всего лишь в тех редких случаях, когда армяне в них участвовали, действиями самозащиты, осуществленными в крайних случаях, как в городе Ван; что местные насильственные действия вплоть до апреля не носили систематичного характера, обретенного позднее, за исключением, возможно, иранского Азербайджана; что совершенные в этот период бойни были сконцентрированы в приграничных районах и были связаны с военными наступлениями, а также, хотя и в меньшей степени, с оборонительными действиями; что большинство этих преступлений было совершено чете «Специальной организации» и прежде всего завербованными лазаками, черкесами и курдами, некоторые из них вели себя как «жандармы» или, по меньшей мере, носили униформу жандармов.

Сохранение своего рода санитарного кордона, препятствующего связи между регионами, вкупе со стратегией сокрытия настоящих целей партии «Единение и прогресс» являлись двумя необходимыми условиями для успешного выполнения плана истребления армян без провоцирования сопротивления.

Мобилизация армянских солдат: между фронтом и трудовыми военными батальонами

В предыдущих главах мы увидели, что мобилизация мужчин в возрасте от 20 до 45 лет быстро стала в восточных провинциях камнем преткновения между местными властями и армянскими лидерами. Мы также отметили,

что воинская повинность породила жестокость в сельскохозяйственных регионах и что с марта 1915 г. тема армянского дезертирства и предательства стала одним из аргументов, регулярно выдвигаемых властями

¹ Там же. С. 356–363.

² Там же. С. 357.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcate, 3 529–530, dossiers № 26 et 27.

⁴ Первое заседание судебного процесса против юнионистов, 27 апреля 1919 г., выдержка из показаний Евлампаша 5 декабря 1918 г.: «Takvim-i Vakayi», № 3540, 5 mai 1919. P. 7, col. 2 и полные показания, соб-сенноручно им написанные: APC/PAJ, 2 171–2 182, 5 décembre 1918 (на французском языке).

для оправдания карательных мер. Официальный памфлет Министерства внутренних дел, выпущенный зимой 1916 г., обобщает позицию властей следующим образом: «Большинство молодых армян, принятых в армию для выполнения их военных обязанностей, не только дезертировали, но и, после получения от русских оружия, присоединились к вражеским силам в атаках на их родину. Эти молодые армяне убивали мусульманское население приграничных регионов, в которых враг успешно продвигался вперед»¹.

Эти серьезные обвинения, выдвигаемые авторами пропагандистского памфлета во время войны, отражали официальную позицию, остающуюся до настоящего времени основным дискурсом, с которым турецкие власти узаконили жестокость, применяемую против армян. По этой причине структура этого дискурса заслуживает отдельного исследования.

Очевидно, набор на военную службу не везде проводился прямолинейно. Призывники из столицы Западной Анатолии (под контролем 4-й армии) были мобилизованы при относительно хороших условиях, тогда как призыв на военную службу в восточных провинциях (под контролем 3-й армии) страдал от недостаточной подготовки и недостатка зданий, необходимых для размещения и обучения призывников. Социально-экономический уровень населения, из которого была набрана первая группа призывников, был определено выше: много молодых людей в западной части империи уплатили выкуп и таким образом законно избежали призыва либо благодаря своему уровню образования были произведены в офицеры. Из-за худших условий жизни группы из восточной части, здешние молодые армяне не так часто могли избежать призыва; и такие вилайеты, как Ван и Битлис, в которых проживали необразованные армяне, предоставили большое количество солдат. Таким образом, в одном только Битлисе в первом потоке мобилизации было набрано 36 тыс. человек. Из числа

мужчин в возрасте от 20 до 45 лет, попавших под призыв, 24 тысячи были армяне. Все эти 24 000 армян были отправлены в Эрзурум и оттуда на русский фронт. Во время сражения в Сарыкамыше, по меньшей мере, не все из них служили в трудовых батальонах. Многие служили в боевых подразделениях, и чаще на линии фронта, чем вне ее². Кроме того, мы уже видели, что несколько сотен османских армянских солдат были взяты в плен русскими. Их продержали в Сибири восемнадцать месяцев вместе с их боевыми товарищами-мусульманами³.

Призывники из вилайета Ван, со своей стороны, составляли не меньше 20 батальонов, в которых армяне «составляли две трети». Размещенные в Беркри (4-й батальон), Адилджевазе (15-й и 16-й батальоны), Хошабе (17-й и 18-й батальоны) и Башкале, они едва не были отправлены на сражение против русских войск возле Кёпрюкёя, когда поступил приказ разоружить армянских солдат и перевести их в трудовые батальоны, поручив им содержание дорог, рытье окопов и транспортировку снабженческих грузов⁴.

Таким образом, армянские призывники определялись в трудовые батальоны относительно не систематично, даже хотя некоторые из них были разоружены в самом начале. Мы даже можем утверждать, что в регионах Западной Анатолии под контролем 5-й армии довольно много призывников были распределены в боевые подразделения. В то же время, как подчеркивает Цюрхер, от 70 до 100 соединений трудовых батальонов, обычно занятых этой вспомогательной службой армии, ответственные за транспорт и строение дорог, в основном состояли из крестьян — в одном из документов даже говорится, что 75 процентов из них были армяне⁵ — это не стало общим правилом Первой мировой войны до окончания первой кавказской кампании. Это говорит о том, что не может быть сомнения, что солдаты-христиане — армяне, греки и сирийцы с самого начала подозревались в предательстве.

¹ La vérité sur le mouvement révolutionnaire arménien et les mesures gouvernementales. P. 15.

² BNU/Fonds A. Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 51, Mouch-Daron, f° 1, в соответствии с информацией, предоставленной Мушером Турьяном. Практика отправки солдат, набранных из «меньшинств», в наиболее опасные зоны военных действий до сих пор распространена в некоторых странах.

³ См. ниже, с. 311–312.

⁴ А-До. Указ. соч. С. 99–100.

⁵ Zürcher E. J. Ottoman Labour Battalions in World War I, in H.-L. Kieser et D. J. Schaller (éd.), Der Völkermord an den Armeniern und die Shoah, Zürich, 2002. S. 190–192.

Таким образом, когда 25 февраля 1915 г.¹ Энвер постановил разоружить армянских солдат, этот приказ мог затронуть только несколько тысяч из них, в большинстве своем призывников 3-й армии. В конечном счете, был вовлечен ограниченный контингент, поскольку понятно, что армяне из Стамбула, Адабазара, Исмиита и других мест воевали в рядах османской армии во время сражения при Дарданеллах, начавшегося в середине апреля 1915 г., и на палестинском фронте до 1918 г.², значительно позже издания указа. Поэтому приказ о разоружении армян имел, на наш взгляд, скорее символическую, чем практическую ценность. Он был рассчитан в некотором смысле на подкрепление обвинений в том, что армяне были предателями, что едва ли было возможно в случае трудовых батальонов, поскольку они служили за линией фронта. Это также представило, по-видимому, долгожданную возможность считать «предателей» ответственными за неудачи армии, в которых, как считают наблюдатели, нужно было винить лично Энвера.

Согласно сообщениям Гайка Агабабяна армянского солдата из Муша, служившего в регулярной армии, пять-десять или даже двадцать армянских солдат из его подразделения, базировавшегося в Эрзуруме, были ночью похищены из их лагеря и больше их никогда не видели. Смбат Саадетян, председатель Эрзурума, попросил звали Тахсин-бея исправить ситуацию. Вали признал, что такие действия на самом деле имели место, но добавил, что отдал распоряжения прекратить их. «Тем не менее это продолжалось, пока не пропали все армянские солдаты»³. Фактически у нас есть лишь скудная информация о судьбе солдат, служивших в боевых подразделениях. Это одно сообщение не позволяет нам сделать общие выводы; однако оно, по крайней мере, указывает на то, что бойцы, разоруженные после 25 февраля на Кавказском фронте, не зачислялись в трудовые батальоны, а достаточно быстро уничтожались небольшими

группами. Похожий случай произошел в начале декабря. В Кёпрюкёе, после столкновения между русскими и турками и отступления османских войск в деревню Эган, пятьдесят армянских солдат были казнены за то, что они оставили свой пост. Это, несомненно, было скорее дисциплинарной мерой, чем свидетельством общей стратегии. Тем не менее остается фактом, что лишь армянские солдаты были наказаны за расформирование целой бригады⁴.

Другое явление также едва ли подвергалось исследованию: волны успешной мобилизации и постепенное изменение характера боевых задач в каждой волне⁵. Призвав мужчин в возрасте от 20 до 45 лет, — они все были призваны до начала ноября — власти постепенно призывали мужчин другого возраста, особенно с января 1915 г. Вторая волна мобилизации охватила мужчин старше 45 лет; их брали на службу как «прикрепленных к жандармерии солдат». Однако существовало два вида батальонов, стационарный и мобильный; большинство армян было прикреплено к последнему, с более жесткими условиями, поскольку призывникам в этих батальонах приходилось служить далеко от дома, тогда как крестьяне оставались в частях, расположенных близко от тех мест, где они жили⁶.

Несколько разных сообщений указывают на то, что недавно призванные части трудовых батальонов, которые, как говорилось в предыдущей главе, использовались для транспортировки снабженческих грузов и вооружения (например, из Муша в Гасанкале), насчитывали, в среднем, 250 человек каждая. Это были, как правило, крестьяне в годах или 16-летние юноши. Вес поднимаемых ими грузов не так строго регулировался, как хотелось бы думать Папазяну. Каждую неделю такие колонны покидали Муш и двигались в Хнус. По-видимому, именно из этих частей дезертировало наибольшее количество тех, кому было поручено заниматься дорожными работами⁷, хотя, очевид-

¹ Ibid. P. 187.

² Ibid. P. 192.

³ BNU/Fonds A. Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 51, Mouch-Daron, f° 1.

⁴ А-До. Указ. соч. С. 101.

⁵ Akçam T. İnsan Hakları ve Ermeni Sorunu. İttihat ve Terakki'den Kurtuluş Savaşına, Ankara, 1999. S. 243. Цитирован в кн.: Zürcher E. J. Op. cit. P. 187, n. 2.

⁶ А-До. Указ. соч. С. 78.

⁷ BNU/Fonds A. Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 51, Mouch-Daron, f° 2; Папазян Е. Указ. соч., II. С. 304, 307.

но, не намного больше, чем в среднем по Османской империи.

Можем ли мы в свете только что сказанного толковать приказ Энвера 25 февраля как одно из первых проявлений намерения иттихадистского руководства уничтожить армян? Это мнение Ваагна Дадряна¹, которое мы также уже некоторым образом подтвердили². В свою очередь, Цюрхер отмечает, что хотя документ, на который ссылается Дадриан, предполагает такую точку зрения — более известную как «Десять заповедей» — сам имеет «довольно сомнительное происхождение», тем не менее «неоспорим» тот факт, что состояние дел, вызванное приказом Энвера, подтверждает выполнение стратегии гонения, выбранной государством в отношении армян³.

Касательно обвинений, выдвинутых младотурецким кабинетом против армянских добровольцев, сражавшихся бок о бок с русскими войсками против турецких сил во время зимней кампании 1914–15 г., надо сказать, что вклад четырех армянских батальонов — в общей сложности, от 2000 до 2500 человек — в успехи русских на этой линии фронта был значительно преувеличен. Добавим, что фактически в кавказской русской армии не было армянских солдат, поскольку 120 000 армян, сражавшихся за царя, служили на фронте в Галиции против Австро-Венгрии. Что касается 75 000 «азиатских» (османских) армян, чей переход к русским и участие в войне на их стороне были объявлены австро-венгерскими источниками в феврале 1915 г., то это оказалось сознательной дезинформацией⁴. Если даже посчитать женщин и детей, 75 000 армян не могли уехать из Турции в Россию в этот период, поскольку русские войска еще недостаточно далеко продвинулись на османскую территорию, чтобы это стало возможным. А-До, имевший в распоряжении официальные русские источники, отмечает, что после отступления русских из

региона Басина в начале декабря армянское население региона ушло с русскими войсками в Карс и Сарыкамыш, за ним последовали армяне Алашкерта, Тутака, Дядина и Баязеда. В русских статистических данных по османским армянам, нашедшим убежище на Кавказе к концу января 1915 г., места их происхождения установлены следующим образом: район Басин 12 914 беженцев (1551 семья); Нарман 655 беженцев (84 семьи); Баязед 1735 беженцев (224 семьи); Дядин 1111 беженцев (130 семей); Каракилиса 6034 беженца (781 семья); Алашкерт 7732 беженца (956 семей); Башкале 2897 беженцев (385 семей). Всего — 33 078 беженца (4111 семей)⁵. Среди этих армян редко находились люди, годные к призыву в армию по состоянию здоровья или по возрасту, поскольку большинство из них составляли женщины, дети и старики; мужчин, подходящих для призыва, но избежавших его путем уплаты выкупа, было мало.

В общем, принятые турецкими властями меры были направлены против активных сил армянского населения, оказавшегося в этой связи изолированным и чрезвычайно уязвимым: мужчины ушли и оставили семьи полностью во власти вражеских племен и властей, которые редко были благосклонно настроены по отношению к армянам. Это, без сомнений, объясняет тот факт, что было очень мало «восстаний»; иначе говоря, способность армян организовать попытки самозащиты была жестко ограничена, если не отсутствовала вовсе. Меры предосторожности, предпринимаемые местными властями для ограничения деятельности групп армянских лидеров, такой как умиротворение ситуации депутатами парламента или политическими лидерами — то есть нейтрализация провокаций, — в итоге оказались действенными. Одним возможным исключением был Ван, отличающийся тем, что примыкал к приграничным регионам.

¹ *Dadrian V. The Secret Young-Turk Ittihadist Conference and the Decision for the World War I Genocide of the Armenians, in Holocaust and Genocide Studies, 7, 2 (automne 1993).*

² «Recueil de témoignages sur l'extermination des amele tabouri ou bataillons de soldats-ouvriers de l'armée ottomane pendant la Première Guerre mondiale», RHAC I (1995).

³ *Zürcher E. J. Op. cit. P. 187.*

⁴ *HNSA, PA XL 272, Constantinople, le 23 février 1915. Цитирован в кн.: Bloxham D. Power Politics, Prejudice, Protest and Propaganda: a Reassessment of the German Role in the Armenian Genocide of WWI, in: H.-L. Kieser et D. J. Schaller (éd.). Der Völkermord an den Armeniern und die Shoah. Zürich, 2002. S. 220, n. 47.*

⁵ А-До. Указ. соч. С. 107–108, 113–114 (для статистики).

ГЛАВА 8

Приведение плана в действие и «Закон о временной депортации»

Историк, которому приходится иметь дело с таким деликатным вопросом, как массовые убийства, стремится найти неопровержимый документ(ы), который позволил бы ему точно определить время, когда было принято решение о массовых убийствах, а также те соображения, которыми исполнители оправдывали претворение в жизнь этого решения. Такой историк, однако, также в курсе того, что рассматриваемые преступники тщательно прикрывали свое преступление под маской законного акта, продиктованного высшими интересами государства. Иными словами, у такого историка едва ли имеются какие-либо иллюзии относительно шансов найти «тот самый» документ, который ему нужен. Но в случае с армянами такой документ переходит из рук в руки вот уже около двадцати лет. В январе 1919 г. глава службы разведки Отдела уголовных расследований Министерства внутренних дел Османской империи Ахмед Есаду продал этот документ британскому офицеру Артуру Калторпу, работавшему на Верховный Комиссариат Великобритании в Константинополе¹. Названный британцами «Десятью заповедями», этот документ представлял собой краткое изложение десяти мер, которые необходимо принять для искоренения армянского населения Османской империи. Этот документ на самом деле был опубликован в стамбульской прессе² в

начале марта 1919 г., и уже тогда в конкурирующем издании был поставлен вопрос, не является ли этот документ фальсификацией³. Проданные за десять тысяч фунтов стерлингов «Десять заповедей» также позволили Ахмеду Есаду избежать судебного преследования за его участие в массовых убийствах, организованных правительством иттихадистов⁴. Если этот документ является фальсификацией, что весьма вероятно, то все же неизменным остается тот факт, что он был составлен неким младотурком, полномочия которого предоставляли ему доступ к секретным документам и который точно знал, что нужно было британцам. Иначе говоря, фальсификатор, вероятно, изготовил «аутентичную подделку», в которой были подытожены направленные на ликвидацию армянского населения меры, в отношении которых на самом деле было принято решение в высших эшелонах КЕП.

Имеются небольшие сомнения относительно того, что центральный комитет иттихадистов улучшил схему осуществления геноцида в ходе ряда координационных совещаний. Как мы видели ранее, КЕП наметил реализацию начиная с января 1914 г. «плана гомогенизации» Анатолии и предусмотрел способы «зачистки» ее «немусульманской опухоли». Однако согласно данному плану эта операция должна была начаться с греков Западной Анатолии, а затем армянское

¹ *Beylerian A.* Op. cit. Pp. XXIX-XXX. Бейлерян опубликовал французский перевод «Десяти заповедей», из № 371/ 4172/31307; *Dadrian V.* The Secret Young-Turk Ittihadist Conference and the Decision for the World War I Genocide of the Armenians, *Diary of Political and Military Sociology* 22/1 (été 1994), pp. 173–201.

² Французский перевод данного документа: SHAT, Service historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 508, Constantinople, 27 mars 1919. См. армянский перевод в газете «Верджин лур», 25 марта 1919 г.

³ *Ibidem*, la «Yeni Gazetta» от 26 марта. Газета публикует текст документа, с комментариями, выражающими ее скептицизм по отношению к его достоверности.

⁴ *Dadrian V.* Op. cit. P. 175.

население должно было быть переселено в Сирию и Месопотамию. В действительности этот «секретный» план был доведен до сведения общественности в конце января 1914 г. в статье, опубликованной в русской газете «Голос Москвы», которая не осталась без внимания в Турции. Наоборот, эта статья привлекла столько внимания, что турецкое ежедневное издание «Иктам» сочло себя обязанным дать опровержение в своем номере 17/30 за январь 1914 г. Это младотурецкое издание опровергло информацию о существовании какого-либо плана, «направленного на выселение армян из провинций, в которых они проживают, и их депортацию в Месопотамию [для того, чтобы] армянский народ и мусульмане, по всей видимости, могли объединиться с мусульманами Кавказа и оказать серьезное сопротивление наступлению славянских народов». Также, скорее в наивной манере, издание «Иктам» добавило, что «правительству Османской империи не требуется предпринимать каких-либо действий такого рода, так как в населенных армянами районах преобладает мусульманское население». Наиболее примечательным в данной статье является следующий вывод: «В самом деле, представляется ли возможным сослать в Месопотамию несколько сотен тысяч армян? Даже если бы армяне согласились уйти, то [такой план] было бы невозможно реализовать на практике. Какой толк от публикации такой непосредственной информации, как эта?»¹

После вступления Османской империи в войну имела место радикализация КЕП: теперь армян следовало уничтожить, нежели просто куда-либо выслать. Т. Акчам установил, что примерно в середине марта 1915 г. состоялся ряд заседаний центрального комитета иттихадистов с целью «оценки» развития «угрозы» армян². Согласно заявлениям д-ра Джемиля, именно в ходе этих заседаний, состоявшихся после серьезного поражения турок в битве под Сарыкамы-

шем, лидеры иттихадистов ознакомились с содержанием отчета, подготовленного Бахаеддином Шакиром, который вернулся в Стамбул после шести месяцев в Эрзуруме и на Кавказском фронте. Отчет Шакира акцентировал внимание на «внутренних врагах», которые «готовятся атаковать армию [Османской империи] с тыла». Джемиль также указывает на то, что глава «Специальной организации» после возвращения в столицу (он покинул Эрзурум 13 марта) сотрудничал с центральным комитетом с тем, чтобы определить «меры, которые необходимо принять для того, чтобы устранить большую угрозу для турецкой армии. Результатом такого сотрудничества явился закон о депортации»³. На этих небезызвестных заседаниях, которые, по всей видимости, проводились начиная с 20–22 марта 1915 г., д-р Шакир, вероятно, потребовал, чтобы были приняты «меры» для устранения «армянской угрозы». Иными словами, КЕП решил осуществить не просто «переселение» в пустыни Сирии и Месопотамии согласно плану, подготовленному в начале 1914 г., а провести кампанию, которую следовало реализовать в несколько этапов.

Джей Винтер пытается объяснить радикализацию КЕП, указывая на ситуацию «тотальной войны», сложившуюся во время Первой мировой войны. Если самой этой ситуации не было достаточно для осуществления «геноцида», — отмечает он, — то, такая ситуация породила военный, политический и культурный плацдарм для того, чтобы эта радикализация могла произойти⁴. Так, он проводит связь между битвой при Дарданеллах⁵, наметившейся к концу марта, и решением, принятым центральным комитетом младотурок. Далее он отмечает, что первое использование немцами смертельно ядовитого газа, имевшее место в апреле 1915 г., во время битвы у реки Ипр в Бельгии, возможно, помогло развеять последние сомнения в стане высокопоставленных младотурок⁶.

¹ См. выше, с. 192, примечание 197; статья в «Иктам» перепечатана в книге Теодика: *Теодик*. Памятник мученикам интеллигенции, Константинополь, 1919. С. 114–115 (на арм. яз.).

² *Akçam T.* Armenien und der Völkermord, Hamburg 1996. P. 43; idem: *From Empire to Republic*. Pp. 166–167.

³ *Cemil A.* Op. cit., «Vakit/Haratch» 88.

⁴ *Winter J.* Under Cover of War: the Armenian Genocide in the context of Total War, in Jay Winter (ed.), *America and the Armenian Genocide of 1915*, Cambridge, 2003. P. 39.

⁵ *Efraim Karsh & Inari Karsh.* Empires of the Sand, The Struggle for Mastery in the Middle East, 1789–1923, Cambridge, 2001. Pp. 142–146. Автор дает хорошее описание общей обстановки, в которой проходила битва.

⁶ *Winter J.* Op. cit. P. 41; *Bloxham D.* Op. cit. P. 106. Автор также упоминает данное расширение средств, используемых для ведения войны.

И наоборот, нет сомнений в том, что «тотальная война» содействует предрасположенности к совершению чудовищных преступлений, в том числе геноцида, и выливается в «культурную подготовку к ненависти» в обществе, которая может быть связана с «инфекционной болезнью» с одновременным снижением терпимости и узакониванием насилия¹.

Эти достаточно инновационные подходы к рассматриваемому вопросу ни в коей мере нельзя отбрасывать, но и они, на наш взгляд, не являются достаточными для объяснения причин радикализации иттихадистов, начавшейся в конце марта 1915 г. Они не учитывают идеологическую составляющую акта геноцида и, в частности, его турецкий аспект, о котором мы уже говорили. В нашем случае имела место идея младотурок о контроле над турецкой национальной территорией, что непосредственно и являлось проблемой, наряду с желанием иттихадистов осуществить тюркизацию восточных районов за счет устранения «иностранных элементов». Разумеется, эта этнодемографическая обеспокоенность младотурок уже проявлялась в решениях об основных принципах, принявших в начале 1914 г.; однако во время заседаний в конце марта 1915 г., возможно, под влиянием «тотальной войны», она приняла более радикальный уклон. Более того, в обвинительном акте, зачитанном главным прокурором Гайдаром-беём в июне 1919 г. в ходе первого слушания дела в отношении членов кабинетов военного времени, отмечается, что «кровавая расправа и уничтожение всей общины, а также конфискация имущества могли происходить лишь в результате кровавых мер, предпринятых секретной организацией... Все это произошло во исполнение обнаруженных зашифрованных депеш»².

Тот факт, что «закон о временной депортации» не был принят до конца мая³, указывает либо на то, что требовалось время для реализации мер, принятых центральным комитетом, или на то, что КЕП почувствовал необходимость создания правового оправдания своих планов. Существенным моментом также является и то, что официальное опубликование этого постановления, принятого на основе государственного закона, произошло через месяц после его принятия и что оно было опубликовано в самой неприглядной форме⁴. Пять из восьми параграфов данного закона (те, в которых речь шла о конфискации имущества армян и о заселении мухаджиров в дома армян), похоже, подверглись цензуре⁵. До принятия этого закона 26 сентября 1915 г.⁶ правительство Османской империи не облекало в надлежащую правовую форму конфискации имущества армян, вплоть до времени, когда процесс депортации был уже практически завершен. Хотя об армянах никогда не упоминалось, смысл подвергшихся цензуре параграфов «временного закона», безо всяких сомнений, был предельно ясен: вероятно, закон зашел далеко вперед, отражая истинные цели иттихадистов. Опубликование правил о немедленном заселении мухаджиров в дома армян означало принятие того, что «перемещение армян за границу государства» не имело ничего общего с «временным» характером закона и что это «перемещение» следовало понимать как постоянное.

Огромная масса документов, всплывших наружу в ходе судебных процессов в Константинополе в 1919 г., подтвержденных местными очевидцами событий, указывает на то, что указы о депортации были изданы задолго до опубликования временного закона, утвержденного постановлением⁷. Следовательно, эти два закона о депортации

¹ Winter J. Op. cit. P. 42.

² Première séance du procès du Cabinet, tenue le 3 juin 1919 (3 Haziran 1335): «Takvim-i Vakayi», № 3571, 11 juin 1919. P. 141.

³ Dadrian V. Histoire du Génocide. Op. cit. P. 362. Дадриан показывает, что новость о законе была распространена прессой Стамбула даже до того, как Совет министров его принял.

⁴ «Takvim-i Vakayi», № 3586, 21 juin 1919.

⁵ Казарян Г. К. Геноцидальный турок. Бейрут, 1968 (на арм. яз.). Казарян, который был агентом британской разведки в Стамбуле в 1919–1920 гг., подтверждает, что у него был доступ к этому документу в архиве Министерства флота Османской империи, в котором находилась штаб-квартира его отделения разведывательной службы (там же. С. 27–28). Ссылка, вероятно, дается на директиву от 10 июня 1915 г., согласно которой создавались комиссии по «защите» «брошенного имущества»; текст директивы был опубликован довольно поздно, в «Askeri Tarih Belgeleri Dergisi», № 81 (décembre 1982), doc. 1832.

⁶ См. выше, с. 232.

⁷ См. ниже, часть 6 данного исследования.

и о конфискации имущества армян следует считать механизмами, призванными не усугублять правила для регулирования данной ситуации, а узаконить зачастую идущие полным ходом действия или же, наоборот, уже свершившиеся действия. Непреодолимое стремление узаконить или обосновать эти действия отчетливо продемонстрировано в брошюре, распространенной Министерством внутренних дел в 1916 г.: «Армяне, оставшиеся в разных частях страны, — говорят там, — довели свою дерзость до того состояния, при котором они начинают устраивать бунты и вносить хаос. Командир имперской армии, наблюдавший за тем, как армяне объединялись с вражескими силами, с целью защиты тылов своей армии, был вынужден отдать приказ о переводе на юг групп армян, селившихся в областях, считающихся военной зоной»¹.

Что касается способа реализации закона о временной депортации, то в приказе, представленном перед всеобщим военным трибуналом в июне 1919 г., подчеркивается ведущая роль, которую КЕП «играл во время исполнения закона о депортации». Эти «единообразно проводимые» операции контролировались делегатами и ответственными секретарями партии «Единение и прогресс» под руководством Бехаэددина Шакира, который был назначен «Специальной организацией», состоящей из лидеров партии «Единение и прогресс», в качестве руководителя операций в данных регионах, в восточных вилайетах. Таким образом, все эти чудовищные преступления, имевшие место на территории этих районов, были задуманы и подготовлены партией «Единение и прогресс»². Можно с уверенностью говорить о том, что КЕП не только принял решение о применении мер геноцида, но также и о том, что его члены были непосредственно вовлечены в ход реализации этих решений на местном уровне. Что касается аргумента о безопасности тылов армии Османской

империи, который правительство иттихадистов привело для обоснования депортаций, то при более внимательном рассмотрении этот аргумент не отражает реального положения дел армянского населения. Длинная телеграмма, отправленная вали Эрзурума Ташсином министру внутренних дел 13 мая 1915 г., иллюстрирует сдержанность некоторых высокопоставленных правительственных чиновников, которые были в курсе тех недостатков, которые могли быть вызваны этими мерами, и которые знали, что это не пошло бы на пользу военным целям. Ташсин предложил, чтобы правительство отказалось от идеи депортации тех армян, которые не представляют угрозы, поскольку «они заняты в основном в торговле и многие из них имеют представление о тех последствиях, которые могут наступить в случае, если они предпримут какие-либо действия»³. Ташсин также отметил, что «Эрзурум представляет собой укрепленный город с сильным гарнизоном. Горстка армян не может создать проблем. Что касается [других] районов [данного вилайета], то они заселены небольшим числом армян, проживающих в плачевных условиях»⁴.

Еще одну важную частичку информации мы получили от Ташсина-бея, который напомнил Талаату о том, что бывший командир 3-й армии Хафиз Исмаил Хакки лично огласил свои «опасения» по поводу того, что могло бы случиться, если бы армян депортировали из вилайета Эрзурум. Это демонстрирует то, что идея депортации армян из данного региона уже обсуждалась в феврале 1915 г., на момент переезда Ташсина из Вана в Эрзурум⁵. Вали очень ясно говорит в своей телеграмме: «На данный момент я убедил Его Превосходительство в том, что если бы мы решили депортировать армян за пределы страны, то мы бы получили тот риск для армии, которого армия хотела бы избежать... Эти соображения сегодня актуальны как никогда ранее»⁶. Можем ли утверждать,

¹ La vérité sur le mouvement révolutionnaire arménien et les mesures gouvernementales. P. 15.

² Première séance du procès du Cabinet, tenue le 3 juin 1919 (3 Haziran 1335): «Takvim-i Vakayi», № 3571, 11 juin 1919. P. 141.

³ Шифрованная телеграмма вали Эрзурума Ташсин-бея министру внутренних дел от 13 мая 1915 г.: APC/PAJ, dossier XLIX, U 285. Оригинал на османском языке, транскрипция армянским алфавитом и французский перевод.

⁴ Ibidem.

⁵ См. выше, с. 259. Хакки умер от сыпного тифа 12 февраля, а на смену ему пришел одноклассник Энвера Махмуд Камиль (Sanders L. von. Op. cit. P. 61).

⁶ Шифрованная телеграмма вали Эрзурума Ташсин-бея министру внутренних дел от 13 мая 1915 г.: APC/PAJ, dossier XLIX, U 285 (указ. док).

что правительство и военное руководство заранее рассматривали возможность истребления армянского населения, в контексте проведения «депортации для обеспечения безопасности»? Такое заявление определено можно сделать. Тем не менее в высшей степени возможно и то, что иттихадисты тогда еще не приняли решения о проведении этих мер в других районах кроме восточных вилайетов.

После получения приказа о депортации армян своего вилайета Ташсин-бей проинформировал министра внутренних дел о том, что главнокомандующий 3-й армией настойчиво продолжает поднимать вопрос «о депортациях» и что он, Ташсин, «объяснял ему, что этот вопрос не такой простой, как тому кажется... и указывал на опасности, которыми это чревато... Нельзя просто взять и депортировать шестьдесят тысяч человек с границ Кавказа в Багдад или Мосул при помощи пустого звука»¹. Так, Ташсин занял позицию тех вали, мутесарифов и каймаканов, которые проявляли некоторую нерасторопность в исполнении приказов о депортации, поскольку они прекрасно осознавали, что это означает для людей, которых касались эти приказы. Ташсин также задавался вопросом относительно того, «кто бы защитил [армян] и кто бы отвечал за их имущество и земли?» Он даже предположил, что «если военное руководство в состоянии успешно осуществить эту операцию, то и ответственность должно нести оно»². И тут мы сталкиваемся с еще одной проблемой, с которой иттихадистам пришлось столкнуться во время начала депортаций: конфликт компетенции военного и гражданского руководства. Этот вопрос был решен путем направления в провинции центральным комитетом ответственных секретарей, поскольку они обладали полномочиями в отношении всех вопросов, касавшихся «отношений с армянами».

Создание «Специальной организации» и обращение с армянскими новобранцами — важные аспекты, в свете которых мы можем изучить эволюцию процесса принятия центральным комитетом иттихадистов решений, — оказалось гораздо более сложным вопросом, чем казалось на первый взгляд.

Собранные здесь фрагменты не позволяют нам сделать утверждение о том, что решение об утверждении плана ликвидации армянского населения было принято уже к концу марта 1915 г. С другой стороны, можно говорить о том, что несмотря на все усилия, предпринятые частью армянского руководства для того, чтобы избежать всех провокаций и продемонстрировать свою верность правительству Османской империи, «Специальная организация» начала проводить операции по зачистке приграничных зон от армян очень рано, без какого бы то ни было обоснования действительной военной необходимости. Что же касается участи, которая ждала призывников-армян зимой 1914–15 г., то в разных районах она была разная. В любом случае невозможно говорить о наличии в этом отношении единой политики искоренения. Даже декрет от 25 февраля 1915 г., постановляющий разоружить армянских солдат, который, как мы видели, имел более символическое значение, чем что-либо иное, не может, на наш взгляд, быть сочтен признаком окончательно согласованного решения, поскольку на сей счет не имеется достаточно ясных указаний. В лучшем случае он отражает глубокое недоверие генерального штаба армии Османской империи к своим солдатам-армянам.

В действительности тут имеется гораздо больше указывающих признаков. Одним из таких признаков является увольнение или перевод многих высокопоставленных чиновников в провинции, которые охватывались планами КЕП в отношении геноцида, и начало их замещения «стойкими» младотурками в конце марта 1915 г. Наиболее значимый и яркий пример был продемонстрирован в вилайете Диарбекир, куда 25 марта 1915 г. был назначен один из исторических основателей КЕП д-р Мехмед Решид вместо Гамида-Бея [Капанджи], который, по мнению его преемника, был слишком склонен к дружелюбию³. Других вали, таких как Гасан Мазар в Ангоре, постигла та же участь в течение следующих нескольких недель, когда он был замещен человеком, скинувшим его с поста, Атифом-Беем, делегатом Комитета «Единение и прогресс» в вилайете Ангора: Атиф заметил, что Мазар отказывается исполнять приказ

¹ Ibidem.

² Ibidem.

³ Kieser H.-L. Dr. Mehmed Reshid (1873–1919): A Political Doctor, in H.-L. Kieser et D. J. Schaller (ed.), *Der Völkermord an den Armeniern und die Shoah*, Zürich, 2002. S. 245–280 (в частности. С. 261).

о депортации¹. Также были освобождены от должностей ряд мутесарифов, как, например, Джемаль-бей, мутесариф Йозгата, которого ответственный секретарь вилайета Ангора Неджати-бей снял с должности, просто отправив указание в Стамбул. Иногда для устранения зарождавшегося неповиновения было достаточно властного приказа: так, в Кастамуни местный ответственный секретарь успешно принудил вали Решид-бея выслать небольшое количество армян, проживавших в его вилайете². Были, однако, и гораздо более суровые случаи. Такие, как, например, убийство вали Диарбекира — д-ра Мехмеда Решида, каймакама Бехсири — Наджи-бея, уроженца Багдада, и каймакама Лице — Неджими-бея. Оба отказывались от массовых убийств (вместо всего лишь депортации) курдоговорящего армянского населения своих каз³.

Назначение 18 марта 1915 г. Петроса Халаджяна в качестве делегата Османской империи в международный суд справедливости в Гааге⁴ может служить еще одной хронологической отправной точкой и доказательством смены руководством иттихадистской партии курса. Убрав его с политической сцены, КЕП избавился от единственного армянина члена Генерального совета КЕП, в который Халаджян был избран в ноябре 1913 г.⁵ Этим самым Комитет «Единение и прогресс» эффективным образом покончил с одним из самых влиятельных посредников, способным поддерживать отношения между Патриархатом и комитетом младотурок.

Еще один момент, указывающий на радикализацию КЕП, можно отметить как меру явно отвлекающего характера: «снятие» в апреле 1915 г. инспекторов-армян, работавших в почтово-телеграфной конторе⁶. Это решение можно также расценить как меру,

направленную на обеспечение «безопасной» коммуникации между столицей и провинциями в то время, когда правительство готовилось передавать конфиденциальные указания.

Чтобы подвести итог нашей дискуссии о процессе принятия решений, нам также следует упомянуть про информацию, опубликованную двумя журналистами того времени. Оба ссылаются на одно или несколько секретных заседаний центрального комитета младотурок или, по меньшей мере, на тех членов, которые присутствовали в Стамбуле в феврале или марте 1915 г. Позвольте нам начать с прояснения того факта, что никто из этих двух авторов не уточняет источник, из которого получена эта информация. В 1920 г. Себух Агуни, бывший редактор стамбульской газеты «Жаманак», опубликовал по просьбе Армянского патриархата свою «Задокументированную историю массового убийства одного миллиона армян», первую такую работу в своем роде. Автор, один из членов армянской элиты, депортированный 24 апреля 1915 г., заявляет, что его работа основана «на большом количестве документов, доступных патриархату»⁷. Иными словами, Агуни был в состоянии использовать материалы, собранные справочным бюро Армянского патриархата в Константинополе⁸, персонал которого до марта 1919 г. имел доступ к материалам в отношении лиц, фигурировавших в качестве обвиняемых в судебных разбирательствах в Стамбуле. Другой журналист, Мевлан-заде Рифат, являлся либералом, который свободно заигрывал с иттихадистами, прежде чем стать одним из их основных противников⁹. Он утверждает, что имел доступ к известным документам, всплывшим на свет в ходе обыска, проведенного начальником полиции

¹ Вердикт суда над ответственными секретарями и представителями КЕП, вынесенный военным судом Константинополя, 8 января 1920 г.: «Takvim-i Vakayi», № 3772, février 1920. P. 2, col. 2. P. 3, col. 1 et pp. 53–66.

² Ibidem.

³ Убийство двух каймакамов было упомянуто на первом заседании суда над юнионистами, 27 апреля 1919 г.: «Takvim-i Vakayi», № 3540, 5 mai 1919. P. 8, col. 1, lignes 15–20. По данному вопросу мы также располагаем докладом комиссии по расследованию в отношении вымогательств, совершенных д-ром Решидом: APC/PAJ, bureau d'information du Patriarcat arménien de Constantinople, L 119 (османский оригинал) and L 465 (транскрипция).

⁴ См. выше, с. 242, примечание 2.

⁵ См. выше, с. 163–164.

⁶ Кригер. Указ. соч. С. 30.

⁷ Агуни С. Указ. соч. С. 25.

⁸ Об информационном бюро см. выше, Введение.

⁹ Мевлан-заде Р. Темные стороны османской революции. Армянский перевод издания на османском языке, осуществленный в Алеппо в 1929 г. (Türkiye İnkilabinin iş yüzür), Бейрут, 1968.

Приведение плана в действие

Константинополя в доме Ахмеда Рамзиса-бея, зятя Бехаэددина Шакира, в Пере. Эти документы поступили из штаб-квартиры Нури Османийе, принадлежащей КЕП, и включили в себя файл, содержащий протокол секретного заседания центрального комитета данной партии¹. Оценка Рифата содержит элементы, кажущиеся правдоподобными, а также предположения², в силу которых его заявление в меньшей степени заслуживает доверия, но, как бы то ни было, его заявление указывает на один источник среди прочих. Опубликовано в 1929 г. в Сирии при мандате Франции, когда армянский вопрос был похоронен и торжествовал кемализм, это журналистское исследование не имеет своей целью сведение счетов, но оно непосредственное и потому непригодно для использования. Разоблачительная статья Агуни является заметно более обстоятельной, но автор подчеркивает то, что он публикует протокол одного тайного заседания иттихадистов «на основе точной информации, специально полученной для этих целей», и единственная дата, которую он приводит, это первый триместр 1915 г.³ Тем не менее с оговоркой о том, что здесь мы приводим перевод протокола данного заседания, можно предположить, что оно проходило в штаб-квартире Нури Османийе под совместным председательством Мехмеда Талаата и Зии Гёкальпа. Присутствовали Мидхат Шюкрю, Бехаэддин Шакир и Мехмед Назим — Шаюк и Назим выступали за систематическое уничтожение армян, тогда как «Хусейин Джаид, Кара Кемаль и Халил [Ментеше] предлагали ограничить [операции] границами трех провинций — Эрзурума, Вана и Битлиса, армянское население которых следовало депортировать на запад».

Талаат: «Я бы хотел напомнить своему брату Джахиду, что мы вступили в войну в полной уверенности в том, что мы выйдем из нее победителями. Сегодня немцы просят нас о помощи, но какие у нас есть гарантии в том, что после победы в войне они не оставят нас и не протянут руку помощи армянам и грекам? Ибо мы не должны закрывать глаза на то, что они сосредоточили жизненные

силы в этой стране, в силу их интеллекта и, в равной мере, их изобретательности и деловой хватки, фактически, во всем. Мы, с другой стороны, являемся служащими или должностными лицами».

Зия Гёкальп: «Мы должны учитывать, что Греция никогда не внушала нам доверия и рано или поздно она соберется пойти войной против нас. Если мы покончим с армянами, этим самым мы заставим замолчать всех наших врагов, и политика, которую мы проведем в отношении армян, станет ночным кошмаром для Греции, которая, безусловно, не захочет, чтобы свыше двух миллионов греков, проживающих в Турции, постигла судьба армян».

Кара Кемаль: «Я согласен с тем, что и Талаат, и вы можете быть правы, но также мы должны учитывать и противоположные мнения. Если мы, боже упаси, будем вынуждены проиграть войну, мы просто-напросто погубим себя своими собственными руками. Я знаю армян намного лучше вас: если мы пойдем им на небольшие уступки, выполняя одно из каждых пяти их требований, которые они могут предъявить, все еще остается возможность склонить их на свою сторону. Да, для подстраховки давайте организуем их депортацию, но давайте не будем уничтожать народ, который в один прекрасный день станет нам полезным после его обращения в ислам. Не забывайте, что согласно одному из положений устава нашей партии мы не можем заставить наших ответственных представителей в провинциях привести в исполнение решение, принятое здесь, если они откажутся. Давайте сначала узнаем их мнение, а потом примем важные решения».

Д-р Бехаэддин Шакир: «Я уже убедил своего брата Кемалья, что наши представители в провинциях одобряют наше решение, так как мы поддерживаем систему децентрализации».

Д-р Низим: «Удивительно слышать, что некоторые из наших товарищей все еще заступаются за армян, когда именно армяне делают жизнь нашей армии невыносимой в приграничных районах и мешают нам

¹ La Renaissance, № 7, 15 décembre 1918. P. 1; «Ариамарт», 18 декабря 1918 г. С. 2 (на арм. яз.), сообщает о полицейском обыске и характере конфискованных документов.

² Кригер. Указ. соч. С. 76–77. Автор отмечает, что Агуни сообщает только об одном собрании, тогда как Мевлан-заде Рифат, который дает более длинные выдержки, очевидно, объединяет протоколы нескольких разных собраний.

³ Агуни С. Указ. соч. С. 26.

продвинуться на российскую территорию. В России, помимо регулярных, в армию вступают тысячи добровольцев, чтобы воевать против нас, в то время как тысячи армянских дезертиров просто встали и испарились. Мы обязаны решить армянский вопрос раз и навсегда, а именно стереть эту нацию с лица земли. Я считаю, что я также могу высказаться за Беха-бея: двое из нас могут выполнить это задание. Вы должны только принять это решение».

Халил: «Не забывайте, что эта война — игра в покер, в которой вам также нужно принимать во внимание такой вариант, что вы можете проиграть. Болгария все еще не прояснила свою позицию. Завтра она может встать против нас, и Антанта, благодаря путям сообщения, которыми владеет Болгария, и средствами, которые она может предоставить Антанте в распоряжение, сможет не только оказать на нас давление, но и с помощью пути на Константинополь открыть дорогу Берлину и выиграть войну. Что мы выиграем, уничтожив армян? Радикальное решение армянского вопроса? Не правда ли, что, если Антанта одержит победу, Анатолия попадет в руки России? Я считаю, что истребление армян мы только ухудшим послевоенное положение нашей страны, и в результате наша страна окажется в еще более жестких условиях».

Зия Гёкальп: «Германия заверила нас, что Болгария будет сражаться бок о бок с нами. Я даже не беспокоюсь на этот счет. Но что, если армянами манипулируют русские,

разжигая внутренние беспорядки и усложняя нам задачу?»

Талаат: «Как министр внутренних дел я несу личную ответственность за те средства, которые я решу необходимым использовать для решения армянского вопроса. Это правда, что сегодня они кажутся преданными нам, но завтра Дашнакцутюн может изменить свою тактику. Когда эта партия собиралась отложить проведение своего конгресса в Эрзуруме, мы спросили, собирается ли она выступить вместе с нами против России, если мы начнем с ней войну. Ответ, который мы получили, не обнадежил нас. Дашнакцутюн категорично ответила, что она не в состоянии поднять восстание против России на Кавказе. Что касается ее роли в Турции, она только советует армянам вступать в армию и помогать нашему правительству всеми возможными способами. Однако та же самая Дашнакцутюн тайно отравила добровольцев на Кавказский фронт в распоряжение ее основных лидеров»¹.

Турецкие источники подтверждают, что изменение мнения некоторых членов Центрального комитета, таких как Зия Гёкальп, Мидхат Шюкрю и Кара Кемаль, которые выступали против «депортации армян», а также Халила (Ментеше) и Саида Халима², по всей видимости, отразилось на перебранке, которая, предположительно, произошла на этом собрании. Если то, что было сказано, является выдумкой, то ее автор был как минимум очень хорошо знаком с участниками этой дискуссии.

Ужесточение мер против армян и реакция Патриархата в марте — апреле 1915 г.

Тщательное изучение степени насилия, совершаемого за пределами зон военных действий в марте — апреле 1915 г., является другим важным способом оценки постепенного изменения политики, применяемой властями Османской империи к армянам. Самым важным в этом отношении является особый режим, применявшийся в Зейтуне, городе, который никогда не отходил от своих принципов защищаться до последнего. В первый раз армия вторглась в Зейтун

13 марта. Официальная причина заключалась в том, чтобы заставить дезертиров из города сдаться. Эти дезертиры защищали не только себя, но также убили несколько солдат. 12 марта армия заняла другой знаменитый кликийский город — Дёртёл, — который оказал довольно упорное сопротивление во время «событий» 1909 г. Несколько взрослых мужчин были арестованы и отправлены в трудовые батальоны в Алеппо. Больше их никто никогда не видел. Таким

¹ Там же. С. 26–29.

² *Astourian S. The Armenian Genocide: An Interpretation, The History Teacher, 23/2 (February 1990). Pp. 138–140, p. 116–117, 122–123.* Автор указывает на факторы, свидетельствующие о том, что официальные лица КЕП, такие как Сабанджали Хакки и Хусрев Сами, также были против «депортаций» (р. 141, п. 124–125).

Приведение плана в действие

образом, кажется, что где-то в середине марта власти, в рамках своей стратегии постепенного наращивания усилий, решили прежде всего нейтрализовать два армянских поселения, которые имели репутацию мятежных. Изучение фактов выявило усиление репрессии, сопровождавшейся довольно технически грамотными, дозированными угрозами. Следовательно, Саак Хабаян, католикос Киликии, не имел другого выбора, как заставить лидеров Зейтуна подчиниться требованиям властей. Другими словами, Зейтун попросили не сопротивляться, чтобы не подвергнуть опасности все армянское население Киликии в целом. Новый этап начался 31 марта, когда турецкие войска вошли в Зейтун и арестовали несколько местных видных деятелей и учителей¹.

Другой важный звоночек, указывающий на намерения властей иттихадистов, прозвучал, когда Омер Наджи, один из основных лидеров КЕП, выехал из провинции Ван в Киликию. Там он провел несколько общественных собраний, а именно в Адане и Алеппо, на которых он убеждал мусульманское население мобилизоваться против «внутреннего врага». Следующий этап начался 29 марта в Алеппо, где Ахмед Кемаль осудил «восстание» армян Зейтуна и объявил, что он требует от военных властей предпринять меры, чтобы «наказать» их. В армянский город, в котором уже базировались турецкие войска с января — февраля 1915 г., было отправлено несколько отрядов. Жители Зейтуна, помнящие о своем обещании, которое они дали католикосу Сааку (который позже ругал себя за то, что попросил их разоружиться), сдались без битвы. Начиная с 8 апреля, 22 456 женщин и детей из города и окрестностей² были депортированы в центральную Анатолию, в район Коньи/Султании³, или, в случае тех, кто был депортирован позже, в Алеппо и Дер Зор, в сердце сирийской пустыни. Были ли эти первые меры насильственного переселения результатом решений, принятых КЕП в конце марта? Мы полагаем, что да. Дер-эз-Зор, выбранный в качестве конечного пункта назначения для мужчин, оставляет мало сомнений относи-

тельно судьбы горцев из Зейтуна. Хотя КЕП продолжал маскировать свои намерения путем представления этих операций в качестве особых вмешательств, очевидно, что в первую очередь он пытался уничтожить районы, которые, вероятнее всего, оказали бы сопротивление после того, как цели партии стали бы известны.

Что касается главарей младотурок, первая половина апреля 1915 г. была своего рода интерлюдией, во время которой они предприняли предварительные меры, необходимые для их плана по уничтожению армян. Однако они постарались сделать так, чтобы они были не такими очевидными. К таким мерам, несомненно, относится обыск армянских домов в Мараше и Хаджине, проведенный 3 апреля в поисках оружия, за которым последовал арест многих местных сановников, прибытие 8 апреля эмигрантов из Боснии в деревни, расположенные вокруг Зейтуна, и пожар, разбушевавшийся в тот же день в знаменитом монастыре, высоко расположенном над городом⁴.

На протяжении всего апреля количество жестоких насильственных деяний, происшедших в вилайете Сивас, неуклонно росло, включая незаконные аресты политических лидеров и методические грабежи деревень бандами уголовников⁵. Впечатление, что эта постепенно нарастающая жестокость была неотъемлемой частью политики провокаций, контролируемой властями страны, усилилось и окончательно сложилось, когда события, происходящие одновременно в вилайетах Эрзурум, Ван и Битлин, были соединены воедино.

По крайней мере, таковым было чувство, которое преобладало в Армянском патриаршестве, которое получало все в большей степени тревожные донесения из своих епископств в провинциях. Патриаршество потребовало у властей объяснений или возлагало надежды на немцев в том, что они помогут им. Среди редких зарубежных контактов лиц армянского руководства был доктор Мордтманн, переводчик из немецкого посольства, который занимался делами армян. Он часто встречался с патриархом

¹ Письмо католикоса Саака патриарху Завену от 21 апреля 1915 г.: *Lepsius J. (éd.), Archives du génocide des Arméniens*, Paris, 1986, doc. 34. Pp. 79–84; Агуни С. Указ. соч. С. 47.

² *Kévorkian & Paboudjian*. Op. cit. P. 313. К 20 апреля депортация армян Зейтуна и окружающих областей была завершена.

³ Как мы увидим, их позже отправили в направлении Дер-эз-Зора и убили.

⁴ См. ниже, с. 664–666.

⁵ См. ниже, с. 486–488.

Завеном, чтобы проверить настроение армян. Во время одной из их бесед Мордтманн спросил патриарха, почему армяне симпатизируют Тройственной Антанте¹. В другой раз он предложил патриарху опубликовать бюллетень, призывающий армянских добровольцев на Кавказе отказаться сражаться в российских войсках². Однако наиболее разоблачающим действием, предпринятым Мордтманном, было то, когда 24 апреля он пришел к Завену в апартаменты в Галате, чтобы предложить ему отправить представителей турецко-армянско-немецкого пропагандистского комитета в провинции для проведения там работы по восстановлению дружественных отношений между турками и армянами³. Это могло быть показателем того, что Мордтманн все еще не знал о намерениях министра внутренних дел Талаата-паши, который этим вечером готовился к арестам столичной армянской элиты. Однако немецкий дипломатический документ указывает на то, что 24 апреля в посольстве Германии в Константинополе между Мордтманном и генералом Пассельтом, командующим гарнизоном в Эрзуруме, состоялся разговор. Генерал подтвердил, что армяне могут оставаться в своих домах, «если турки не окажут на них давления», так как их поведение является «безупречным»⁴. То есть переводчик уже знал о правительственном плане депортации. Несомненно, он пытался решить, является ли эта мера оправданной, когда он делал свое предложение патриарху и Зограбу. Должно ли его вмешательство считаться последней попыткой спасти армян? Сомнительно. Наиболее вероятно, что он хотел проверить настроение армянских лидеров или пытался выяснить, как много они знают.

«События», происходящие в Киликии и в других местах, вынудили патриарха вызвать Петроса Халаджяна 1 апреля 1915 г.

и попросить его поговорить с партийным руководством младотурок, чтобы «они пощадили гражданское население»⁵. Из этого мы можем сделать вывод, что патриарх уже знал, хотя это и не точно, что планировали в кабинетах на улице Нури Османйе. 9 апреля 1915 г. П. Халаджян снова пришел на встречу с патриархом, чтобы сообщить ему об ответе Талаата. Министр внутренних дел сказал, что он с глазу на глаз поговорит с Энвером насчет политики, которой нужно придерживаться в отношении армян. 13 апреля Халаджян встретился с патриархом еще раз. У него была новая информация: он снова виделся с Талаатом. Министр, который, как он сказал, обсудил этот вопрос с Энвером в промежутке между сессиями, сообщил ему с определенной долей цинизма: «В провинциях не могут происходить убийства, потому что правительство не потворствует им»⁶. Однако, как позже писал патриарх, информация, которую получало патриаршество через различные каналы (в некоторой степени запоздалая), несмотря на строгую цензуру, указывала на обратное. Армянское население все еще продолжало обеспечивать армию одеждой и различного рода поставками, также оказывая солдатам медицинскую помощь и помогая им заботиться о раненых. В то же самое время жесткие реквизиции, сравнимые с грабежами, только набирали свой ход⁷. Разговор с министром внутренних дел, который запросил патриарх, состоялся через несколько дней, 21 апреля 1915 г. Талаат заверил Завена, что иттихадистская организация не намеревается проводить такую политику в отношении армян, что армянские солдаты были разоружены в результате недобдуманного решения и что у него нет никаких сведений об убийствах, совершенных в провинции Эрзурум⁸. Эти заверения не убедили прелата, который 23 апреля 1915 г. созвал собрание Смешанного совета, на ко-

¹ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 84.

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 86, отрывок из его дневника. Патриарх утверждает, что Зограб получил такое же предложение; было установлено, что армянские депутаты должны обсудить вопрос с правительством с тем, чтобы получить его разрешение.

⁴ Lepsius J. (ed.). Deutschland und Armenien, Berlin-Potsdam, 1919. S. 51–52, doc. 31. Папорт Мордтманна. Константинополь, 26 апреля 1915 г. Кроме того, генерал отрицал, что армяне открыли огонь по своим турецким товарищам и что они всегда служили в тылу противника.

⁵ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 93. После назначения османским представителем в Гааге 18 марта он отказался покинуть Турцию.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 93.

⁸ Там же. С. 94–95.

тором также присутствовали депутаты парламента и сенаторы Зарех Дильбер, Григор Зограб, Вардгес Серингюлян, Арутюн Бошгезенян и Овсеп Мадатян. Патриарх рассказал обо всех расправах, которые недавно произошли в Кайсери, Муше, Битлисе, Ване, Дёртёле и Зейтуне. Он подчеркнул, что это является очевидным доказательством неприязни и злого умысла и что это обусловлено тем, что правительство не доверяет армянам. Все присутствующие повторно подтвердили, что необходимо продолжать убеждать правительство, как это делает патриарх, в том, что армяне преданы Османской империи. Зограб призвал всех присутствующих делать все возможное, чтобы уменьшить степень враждебности правительства к армянам. Он предложил им составить меморандум, чтобы его подписали все депутаты и сенаторы, в котором будут перечислены

все недавние события с подтверждающей документацией. В конце этого дня Зограб и Дильбер были назначены для написания этого текста¹. Составленный ими документ, представленный на собрании, проводившемся 26 апреля 1915 г. в Галате, начинался с перечисления арестов, которые только что произошли в Стамбуле. «Армянский народ, — гласил этот документ, — не понимает, почему правительство относится к нему с подозрением», добавляя, что «это ошибка — приписывать политическую подоплеку случаям дезертирства армянских солдат» и что армяне «боятся, что насилие, причиняемое им, ведет к всеобщему уничтожению»². Следует отметить, что кампания в прессе против армян еще не началась, даже если описание правительством иттихадистов проблем, возникающих в провинциях, характеризовалось незамаскированной необъективностью.

Аресты армянской элиты 24 апреля 1915 г.

Облава на армянскую элиту столицы, имевшая место 24–25 апреля, коснулась нескольких сотен человек; не только активистов партий Дашнак, Гнчак и Рамгавар, но также и наиболее выдающихся армянских журналистов, а также писателей, юристов, врачей, директоров средних школ, священников и торговцев³. Нескольким лицам, включая Себуха Агуни и Ерванта Отияна, удалось избежать этой облавы: их арестовали позднее. На свободе оставили двух знаменитых армянских лидеров, депутатов парламента — Зограба и Серингюляна. Ранним воскресным утром 25 апреля оба эти депутата, которых проинформировали о произведенных этой ночью арестах, в частности об арестах лидеров дашнаков Акнуни, Р. Зардаряна и К. Пашаяна, вместе пришли в дом Талаата с просьбой об аудиенции с целью получения объяснений. Талаат тянул время. Зограб с некоторой горечью написал в своем дневнике, что «АРФ, после работы бок о бок с иттихадистами и в их интересах, теперь получает от них удары»⁴. Он бился об заклад, что знает, по какой причине он все

еще на свободе, но не указал эту причину. Мы склонны полагать, что его вместе с его коллегой Вардгесом держали в запасе, так как правительство опасалось того, что события могли принять неблагоприятный для империи оборот: 25 апреля французские и британские войска начали высаживаться в проливе Дарданеллы, в Галлиполи и были ускорены приготовления к переводу правительства в Эскишехир. После увиливаний и маскировки своих истинных целей в течение нескольких недель с целью прояснения вероятности реакции армян, иттихадисты в конце концов решили перейти к действиям. Первым шагом была нейтрализация армянской элиты.

Вполне очевидно, что эта операция, в которой были задействованы несколько сотен государственных представителей, была тщательно подготовлена. Согласно отчетам, которые справочное бюро Патриархата добыло после Мудросского перемирия, министр внутренних дел создал (в неустановленную дату; мы можем предполагать, что это было в феврале — марте) специальный

¹ Там же. С. 95–96.

² Там же. С. 86.

³ Теодик. Указ. соч. С. 20–70. Автор приводит биографические данные 143 арестованных в Константинополе и казненных, а также о еще 618 задержанных и казненных в провинциях, но он ничего не говорит о выживших (с. 71–111).

⁴ Зограб Г. Указ. соч. Дневник, 25 апреля 1915 г. С. 431–432.

комитет, ответственный за контроль в столице и провинциях всех этих аспектов плана младотурок, которые касались административных и полицейских методов. Данный комитет непосредственно подчинялся КЕП¹, а в его состав входили наиболее известные члены КЕП: генеральный директор бюро государственной безопасности, а позднее — глава столицы — Исмаил Джанболад², глава отдела государственной безопасности при Министерстве внутренних дел Азиз-бей, заместитель министра этого же министерства Алиф Мюниф, начальник полиции столицы Бедри-бей, помощник Бедри — Мустафа Решад³, с начала 1915 г. по июнь 1917 г. занимавший пост главы департамента по политическим вопросам при национальной полиции, еще один соратник Бедри — помощник начальника полиции в Константинополе Мурад-бей⁴. Именно эти государственные служащие ответственны за составление списков членов армянской элиты, которых надлежало арестовать 24 апреля. По правде говоря, за этими армянами следили неделями. Согласно мемуарам журналиста Ерванда Отяна, арестованного несколькими неделями позднее, слухи по поводу того, что полиция составляет «список армян, подлежащих высылке», уже передавались из уст в уста в армянской общине Стамбула⁵. Отян также сообщает, что когда он узнал об арестах в городе дашнаков, включая членов редакционной коллегии «Азатамарта», он предположил, что это были просто «частные случаи». Но в ходе следующего воскресного дня, 25 апреля, его иллюзии постепенно развеялись, когда он узнал, что среди арестованных прошлой ночью лиц есть такие известные личности, как Теодик, Барсег Шахбаз, Даниэл Варужан, депутат парламента Саргис Минасян, Назарет Тагаварян, д-р

Торкомян, Бюзанд Кечян, Тигран Калекян, Арам Антонян. Себух Агуни, Акнуни, Хажак, Микаэль Шамданджян, д-р Джелал, директор психиатрической клиники при госпитале Сурб Пркич — д-р Погосян, Гайк Ходжасарян, отец Григорис Балакян, отец Комитас и другие⁶.

26 апреля 1915 г. объединенный совет рассмотрел меморандум, подготовленный Зограбом. Он обращался к правительству с просьбой менее жестокого обращения с армянами «из уважения к памяти о тысячах армянских солдат, погибших, защищая османскую родину». Затем совет избрал четырех делегатов для встречи с великим визирем Саидом Халимом — патриарха, президента политического совета д-ра Григора Давидяна, Григора Зограба и президента религиозного совета — архиепископа Егише Туряна⁷. Отвечая на протесты армянских лидеров, Халим заявил, что в разных населенных пунктах, в частности в Ване, были обнаружены оружие и боеприпасы и что правительство с учетом этой угрозы приняло решение о нейтрализации политических активистов. Зограб возражал, указывая на то, что несправедливо было так обращаться с армянами в то время, как армянская община с момента всеобщей мобилизации демонстрировала глубочайшее осознание своих обязательств и что армяне исполняли свои обязанности как граждане и как солдаты, что, несмотря на претерпеваемые ими обиды, они зачастую решали не протестовать, что несправедливо было заставлять гражданское население страдать за небольшие нарушения и что этих людей не следовало так излишне оскорблять⁸.

Сразу же после этого спора с великим визирем делегация встретилась с министром внутренних дел Талаатом, который встретил

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 202, dossier № 31/1–2, Turks Responsible for the Armenian Atrocities.

² Исмаил Джанболад (1880–1926): см. выше, I, примечание 162; Рожденный в Косово, черкес по происхождению, граф Харбие, депутат из Константинополя, Джанболад был членом Центрального комитета итихадистов; он отвечал за депортацию армян из провинций, живших в Константинополе, и за убийство заключенных в Чанкири: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier № 13/1, Э 144 and 1 279–280 (на английском языке).

³ См. выше. С. 231, примечание 3.

⁴ Рожденный в Смирне, юрист по профессии, Мурад-бей после 1908 г. стал начальником полиции Салоник, а затем помощником Бедри-бея в Константинополе; он был одним из организаторов облавы 24 апреля: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat de Constantinople, dossier 3/1, Э 822.

⁵ Отян Е. Указ. соч. «Жаманак», № 7.

⁶ Там же, № 8.

⁷ Тер-Егияян Э. Указ. соч. С. 98.

⁸ Там же. С. 99.

армян в компании председателя Сената — Рифат-бея. Талаат избрал уверенный тон. «Все те армяне, — заявил он, — которые своими речами, письмами или действиями шли или однажды могут прийти к созданию Армении, должны рассматриваться в качестве врагов государства и, с учетом сложившихся обстоятельств, должны быть изолированы». Когда же делегаты указали на то, что среди депортированных 24 апреля были люди, которые не имели ничего общего с национальным вопросом, министр ответил, что ему не было известно о том, «были ли допущены ошибки», как в случае с незадачливым поваром Абрахамом-пашой, и что этот вопрос будет изучен, а невинные освобождены. Он удосужился добавить, что он продолжает верить в армян и что «принятые меры касаются лишь членов политических партий». «Очевидно, — заявил он, — у нас нет признаков наличия действительных действий против государства, но в интересах государственной безопасности было принято решение об изолировании партийных активистов и о роспуске партий». Армянские делегаты указали на то, что «бессмысленно было изучать дело каждого отдельного депортированного в условиях отсутствия доказательств того, что политические партии строили заговор против государства», и что, соответственно, они ратуют за «возвращение их всех». «По этому поводу, — пишет патриарх, — Талаат звывал начальника полиции в присутствии армян, и было заявлено, что впредь больше не должно быть никаких арестов»¹.

Было установлено, что аресты были не так хорошо подготовлены, как они могли бы, и что среди задержанных были люди, чьи имена случайно совпали с именами тех, кто был истинной целью этих репрессий, равно как другие люди, не имевшие никакого отношения к кругам армянских активистов, которые были арестованы и депортированы беспричинно. Более того, список арестованных включал ряд очень известных лиц, в отношении которых можно было говорить о том, что они вне всяких подозрений: например, главный редактор выходящей на турецком языке газеты «Сабах» Диран Келекян, который, как мы знаем, сотрудничая с Бежаэдином Шакиром, оказывал Комитету партии/КЕП

немалые услуги, когда эта партия была в оппозиции². Что же касается заявлений о том, что министр внутренних дел сделал с армянскими делегатами, то они демонстрируют классическую стратегию КЕП, направленную на осуществление его плана «не раскрывая свои карты» с тем, чтобы переубедить своих жертв или заставить их строить.

Как только армян Константинополя арестовали и запретили им находиться в империи, их направили в два места для заключения. Одно из них, Айяш, представляло собой вилайет Ангоры, в двенадцати милях к западу от города, другое место находилось в Чанкири, в шестидесяти милях на северо-восток от Ангоры, в вилайете Кастамону. Эти операции проходили в несколько этапов: арест, дома или на работе, агентами бюро национальной безопасности и департаментом полиции; подтверждение личности в штабквартире бюро национальной безопасности; задержание на сутки и более в центральной тюрьме Стамбула; перевод под escortом полиции на железнодорожную станцию Хайдар Паша в азиатской части столицы; перевозка железной дорогой в Ангору за счет депортированного.

В Ангоре армян, которым запретили оставаться в стране, делили на две группы: «политические пленные» или те, кого таковыми считали — около ста пятидесяти человек — направлялись в Айяш; «интеллигенция» — которых также было около ста пятидесяти человек — находилась под наблюдением в Чанкири, но им было позволено свободно передвигаться по городу при условии ежедневного отчисления в местном отделении полиции. Таких важных людей, как Акнуни, Рубен Зардарян, Арутюн Шагригян, Гайк Тирякян, д-р Левон Пашаян, Хажак, Мурад (Бояджян), Арутюн Джангюлян и Нерсес Закарян — лидеров дашнаков и гнчаковцев — а также депутата парламента Назарета Тагаряна интернировали в Айяш. Этих интернированных лиц селили в многочисленные бараки, которые несколькими разделительными стенками делились на две «спальни». Согласно заявлениям Бюзанда Бозаджяна, одного из выживших из группы из Айяша, выходит, что в Айяш был направлен некий делегат иттихадистов для бесед с лидерами

¹ Там же. С. 100.

² См. выше, с. 41–44.

дашнаков — Акнуни и Пашаяном. Содержание их бесед осталось в секрете, но Бозаджян указывает на слухи о том, что этот делегат от младотурок вновь предложил лидерам армян сотрудничать с турками в борьбе против русских. Предположительно, Акнуни ответил, что прежде всего их следует освободить. Однако эта информация противоречит показаниям еще одного задержанного — д-ра Погосяна: по его мнению, это было лишь обычным допросом, целью которого, вероятно, являлась проверка того, действительно ли интернированный является дашнакским лидером Акнуни¹.

Для прояснения картины обстоятельств, при которых проходили аресты элиты армян в столице, нам следует рассмотреть случай д-ра Погосяна, врача, арестованного в своем доме 25 апреля, примерно в два часа ночи. Трое «полицейских» «вывели его», проведя в офис начальника полиции под предлогом того, что тот болен и нуждается в оказании неотложной помощи (разумеется, в ходе тех арестов часто использовались такие уловки, выдуманные для сокрытия истинных целей полиции). Производившие арест полицейские, встретив нежелание Погосяна покидать свой дом в столь поздний час, в конце концов продемонстрировали свое намерение применить силу. В аресте Погосяна проявляется коварство Османской империи. Поскольку он имел ранг офицера в органах системы здравоохранения, его доставили в тюрьму Министерства военных дел на площади Султан Баязед и содержали в помещении для офицеров. Там к нему присоединился д-р Бардизбания, главный редактор «Азатамарта» (позднее эти двое снова увидятся в Айяше). Затем Погосян предстал лично перед Исмаилом Канболатом, генеральным директором бюро государственной безопасности и человеком, который охарактеризовал Погосяна как «природно-рожденного преступника». Когда же доктор выразил

протест по поводу своего ареста, который был абсолютно незаконным, так как в его обоснование не было предъявлено никаких обвинений, Канболат пришел в ярость: «Если бы я убил тебя здесь как пса, кто бы стал тебя искать? Если бы уничтожил всю армянскую расу, что я и намереваюсь сделать, кто бы привлек меня к ответственности? Я полагаю, что ваш народ разумный. Но вы все тупые, один глупее другого. И вы думаете, что Европа собирается призвать меня к ответу? Вовсе нет: европейцы не такие безрассудные, как вы. Выметайся отсюда». Погосян, видимо, будучи не особо задет этими словами, ответил: «Ты можешь убить меня и всех армян. Но будь уверен в том, что если ты сделаешь это, то этим самым убьешь Турцию»².

Такой, по всей видимости, достоверный разговор явным образом отражает взгляды лидеров младотурок по состоянию на конец апреля 1915 г. Вынужденные долгое время скрывать свои эмоции, дабы избежать подозрений со стороны армян, теперь они, похоже, почувствовали, что настало время развеять иллюзии, которыми долгие годы жили их жертвы.

В четвертой части данного исследования мы увидим ту часть, которая была уготована элите армян провинций, а также всем депортированным в Айят и Чанкири. В этом мы можем убедиться сами, изучив «секретную» информацию, поступившую 1 мая 1915 г. в Патриархат из провинций: там прокатилась огромная волна арестов. Зограб, которого не депортировали вплоть до 2 июня, задавался вопросом, «на какое же число запланированы массовые убийства армян?»³ «Ибраносан и Братья», одна из крупнейших компаний Турции, вдруг обнаружила 9 мая, что директора всех ее подразделений в провинциях были арестованы⁴. Это послужило знаком того, что теперь иттихадисты приступили к претворению в жизнь своих «экономических» планов.

¹ Данное обобщение основано на данных Бюзанда Бозаджяна: *Теодик*. Указ. соч. С. 113–125; *Д-р Погосян*. Одно исправление для истории, «Пайкар», 16 июля 1927 г. (на арм. яз.).

² Д-р Погосян, *Идеал Исмаила Джанболада*, «Арев», № 2267, 3 августа 1926. С. 1 (на арм. яз.).

³ *Зограб Г.* Указ. соч. *Дневник*, 1 мая 1915 г. С. 432.

⁴ Там же. *Дневник*, 9 мая 1915 г. С. 432.

Суд над гнчаковцами, или «Вина» армян

По словам патриарха Завена, все меры предосторожности, принятые правительством, чтобы избежать волнений среди армян столицы, оказались бесполезными из-за объявления о «мятеже» в Ване¹. Если бы нас попросили назвать событие, побудившее Иттихад привести в действие свою программу геноцида именно 24 апреля, нам бы пришлось ответить, что «мятеж», который он запланировал в Ване, представлял собой идеальное алиби для них. Другими словами, КЕП выбрал, по его мнению, подходящий момент для решения проблемы, которую представляло в их глазах присутствие армян в Турции. В этой связи он собрал материал, который дал ему возможность дополнить свои действия сильной пропагандистской кампанией. Данная пропаганда даже сегодня составляет ядро «турецкой версии истории», которую некоторые иначе называют ревизионистской позицией.

Первый признак того, что власти намеревались продемонстрировать, что «армяне» виновны в противоправном поведении и разыгрывании протеста против перехода на сторону политического противника и в мятеже в Ване, появился 28 апреля 1915 г., когда председательствующий судья военного суда Стамбула объявил о том, что лидеров Гнчака, большинство которых находилось за решеткой с конца июля 1914 г., обвинили в «нарушении общественного порядка и подрывной деятельности»². В каком-то смысле это был суд над всеми армянами. Это придавало действиям властей юридическую законность, также предоставив им возможность формального выражения критики в отношении армянского народа.

Незадолго до полудня 11 мая двадцать восемь обвиняемых, двое из которых, Степанос Сапах-Гулян и д-р Вараздат, были «беглецами от правосудия» и поэтому осуждены заочно, предстали перед военным судом под руководством генерала Нафиза-бея. Двое говорящих по-армянски переводчиков также заняли свои места в зале,

Сурейя-бей и Мустафа Решад-бей, глава Департамента по политическим делам национального управления полиции³. Обвиняемых удивило присутствие «личного судьи» («техарри мемури»): им был Артур Есяян, также известный как Аршавир Саакян⁴, человек, раскрывший секретные решения конгресса Гнчака в Констансе в декабре 1913 г. Министерству внутренних дел. В своей вступительной речи председательствующий судья выразил сожаление о том, что обвиняемым пришлось десять месяцев ждать суда в тюрьме; он также напомнил им, что «поскольку османское правительство предоставило всем османцам право свободного выбора политической партии, я заявляю, что мы не считаем факт принадлежности к партии Гнчак [основанием] для обвинения». Сочетая обходительность с настойчивостью в соответствии с буквой закона, он также пообещал обвиняемым, что у них будет право на объяснение своих действий и защиту и что суд будет справедливым. Активисты Гнчака в ответ отметили, что выдвинутые против них обвинения основаны по большей части на содержании их устава и программы в форме, которую они избрали до восстановления Конституции в июле 1908 г.⁵ Однако во время второго заседания суда, состоявшегося 15 мая, в судебный протокол были внесены некоторые крайне компрометирующие документы: из них выяснилось, что некоторые члены СДПГ планировали организовать самооборону среди армян и что они также стремились свергнуть иттихадистское правительство⁶.

Обвинение, зачитанное на пятом заседании суда, включало следующие пункты: 1) сепаратистский заговор; 2) план по созданию «автономной или независимой Армении»; 3) заговор по организации мятежей; и 4) заговоры с целью террора, тщательно разработанные при пособничестве «предателей» (намек на полковника Садыка и генерала Шериф-пашу). Тем не менее на шестом заседании суда, состоявшемся 26 мая,

¹ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 97.

² Антонян А. Указ. соч. С. 36.

³ Полный отчет о процессе предоставлен одним из двух обвиняемых, в конечном счете амнистированных судом: Арамянц А. На пути к виселице, II, Константинополь, 1918. С. 41–42.

⁴ См. выше, с. 197, примечание 1.

⁵ Арамянц А. Указ. соч. С. 43–44.

⁶ Там же. С. 44–46.

в судебный протокол была внесена важная информация о несогласии центрального комитета Гнчака Турции с решениями конгресса Констанса. На его третьей генеральной ассамблее, проходившей в Стамбуле с 24 июля по 8 августа 1914 г. с участием тридцати одного делегата от местных комитетов, СДПГ Турции объявила конгресс Констанса вне закона; она не набрала кворума, поскольку из шестидесяти четырех ветвей СДПГ в Османской империи на нем было представлено всего семнадцать¹. Можно, конечно, предположить, что позиции, принятые на этой третьей генеральной ассамблее, которые были озвучены в августе 1914 г. и еще раз официально известили о желании Гнчака Турции действовать в рамках закона, были мотивированы арестами активистов партии в середине июля. Но это означает игнорирование того факта, что конгресс Констанса четко исключил большинство турецких ветвей партии и пытался навязать позиции, с которыми, и это было абсолютно понятно, не согласятся османские активисты. Суд признал эти факты, вместе с тем отметил, что некоторые турецкие ветви партии поддержали позиции Констанса.

Последнее заседание заслуживает особого внимания, поскольку оно дает абсолютно четкую иллюстрацию характера антагонизма между «турками» и «армянами». В своей вступительной речи заместитель председателя военного суда, Черкез Хуршид, сказал, что его тронул «безграничный патриотизм» обвиняемых, хотя он и не понимал, что заставило людей, «полных жизни и энергии», пробить «тупик». «Вы, — добавил он, — страдали ради борьбы против несправедливости; мы, со своей стороны, всегда считали, что частные тенденции должны отдавать дань тягостным обязанностям, которые руководят миром. Именно в этом наши пути расходятся»². Данная неожиданная формулировка точно суммирует две столкнувшиеся логики: логика государства или тех, у кого в руках власть, — это всегда та логика, «которую стоит уважать».

Уважение, которое таким образом суд продемонстрировал в отношении обвиняемых, не могло остаться без их внимания. В своем ответе Парамаз, который находил-

ся на скамье подсудимых в качестве лидера гнчаковцев, признался, что он был тронут словами Хуршида-бея. Он также отметил, что как усердно сражались он и его товарищи «за счастье своей бедной страны», сколько крови они пролили и сколько они понесли жертв «для того, чтобы сделать братство между турками и армянами реальностью» и «создать атмосферу взаимного доверия между ними». «Тем не менее, — продолжил он, — вы, своим безразличием, осудили наши огромные усилия как бесплодные и намеренно преследовали [цель] истребить нас, забывая, что ликвидация армян равносильна уничтожению Турции. Именно вы повторствовали преступлениям и грабёжам и стремились подавить любое выражение нами протеста. Веками вы жили за счет нашей крови, но никогда не хотели дать фонтан, из которого бьет право оставаться твердыми и создавать. Вы подавляли нас, когда, будучи слабобольными райа [членами порабощенной группы], мы переносили все это низкопоклонство с терпением отчаявшихся людей. Вы терроризировали нас в тот день, когда мы решили потребовать средств к существованию за половину жизни от наших хозяев. Вы пришли в ярость, когда мы стремились взрастить семена западной цивилизации на востоке с тем, чтобы обеспечить и наше, и ваше будущее. Вы начали убивать нас, когда в один прекрасный день мы решили занять позицию, которая позволила бы нам уважать себя. Вы объявили нас вне закона, когда мы стремились воспользоваться правами, которые нам дала урезанная конституция Мидхата. Среди групп, составляющих Турцию, мы были самыми преданными и продуктивными, и именно нас вы больше всего заставляли страдать. Даже сегодня, размахивая обвинением в том, что мы стремимся создать независимую Армению, вы хотите нас подавить»³.

Трудно найти лучшее описание характера отношений между армянами и турками в последние годы Османской империи, сочетания близкой привязанности и взаимного раздражения. Но такой красноречивый обмен между судьей и лидером Гнчака был также похож на последний обмен перед разрывом, навязанным Центральным комите-

¹ Там же. С. 276; Арамянц А. Независимая Армения, III, Константинополь, 1919. С. 30–32 (на арм. яз.).

² Там же. С. 37–38.

³ Там же. С. 39–40.

том младотурок. Двадцать обвиняемых были приговорены к смерти за «государственную измену и сепаратизм». Около половины четвертого утра 15 июня 1915 г. они были повешены в суде Военного министерства в атмосфере стражайшей секретности. Более того, смертный приговор был официально объявлен только 17 июня¹.

Во время суда гнчаковцев была запущена серьезная кампания в прессе. Во главе прессы, конечно, стояла младотурецкая ежедневная газета «Танин». Руководимая влиятельным Гусейном Джалидом, она стремилась показать опасность, которую представляли армяне как группа. 9 мая «Танин» начал публикацию серии статей под названием «Грандиозный заговор»; он вращается вокруг плана, не принятого лидером оппозиции в изгнании, генералом Шериф-пашой, и его сторонниками, по свержению иттихадистского правительства и убийству младотурецких министров. Статья утверждает, что данный «заговор» был разработан по инициативе видных антитурецких европейцев, которые хотели «вбить клин между Турцией и Арменией». Но прежде всего, в ней говорилось о том, что армяне были сильно вовлечены в заговор: гнчаковцы Степанос Сапах-Гулян, Парамаз и Вараздат были, по общему мнению, ключевыми игроками, наряду со знаменитым полковником Садыком, организатором государственного переворота в июле 1912 г. и возмездия иттихадистов². Арам Антонян отмечает, что публикация этих статей, обвиняющих гнчаковцев — «армян» — в участии в заговоре против «государственной безопасности», расшевелила уже тлеющую враждебность в отношении армянского населения столицы, отравляя атмосферу. Статьи обвиняли Сапах-Гуляна, в частности, в отправке террористов в Стамбул, по требованию Шериф-паши, чтобы убить иттихадистских лидеров и захватить власть; за «оказанные услуги он получил экономический и финансовый портфель в новом правительстве»³. Не трудно догадаться о цели

этих статей, изобилующих неправдоподобными деталями: младотурки пытались дискредитировать как оппозицию, так и армянских «конspirаторов», раскрывая обширный «сценарий», срежиссированный против их партии. Одновременная публикация в той же газете нескольких статей некоего Мехмеда Мидхата (в действительности псевдоним, использованный «предателем» Аршавиром Саакяном), который настаивал на соучастии лидеров Гнчака и Шериф-паши⁴, вероятно, не имела никакой иной цели, кроме как подчеркнуть ключевую роль, которую сыграли в этом деле армянские активисты.

Со своей стороны, Сапах-Гулян, который был одной из главных мишеней этих обвинений и был приговорен к смерти заочно военным судом Стамбула в мае 1915 г., подтверждает, что после покушения на жизнь Шериф-паши в Париже в 1913 г., которое, вероятно, устроил Иттихад, принц Сабахеддин установил дружеские отношения с иттихадистами; ему позволили жить, поскольку он считался возможной альтернативой правящему султану. Что наиболее важно, Сапах-Гулян также рассказывает о том, что весной 1915 г., когда Османская империя была погружена в кризис, Талаат вызвал Сабахеддина и Шериф-пашу в Вену, где Сабахеддин и его сторонники должны были принять власть, если Антанта сумеет взять под контроль столицу. Сапах-Гулян даже разъясняет, что «именно их арабский друг Назир Азури» сообщил им об этих закулисных маневрах⁵.

У нас нет других источников информации по этим переговорам; однако в свете того, что мы знаем об обычных методах работы младотурок, оценка Сапах-Гуляна вызывает доверие. Добавим, что попытка убийства Талаата и Энвера была задумана в конце 1913 — начале 1914 г., после покушения на Шерифа, но что война вспыхнула до того, как ее можно было бы осуществить. Другими словами, Иттихад запустил кампанию в прессе вокруг дела, которому было уже больше года; целью было, без сомнения, поддер-

¹ Виселицы Константинополя, «Гнчак», № 3, август 1915 г. С. 1 (на арм. яз.); Антонян А. Указ. соч., армянский перевод извещения высшего военного командования Константинополя на двух склеенных листах. С. 49.

² Антонян А. Указ. соч. С. 38–46. Автор приводит длинные выдержки их данной серии статей; Агуни С. Указ. соч. С. 30. Агуни также упоминает эти статьи.

³ Там же. С. 39–40.

⁴ Арамянц А. Родовые схватки возрождения. С. 51.

⁵ Сапах-Гулян С. Ответственные. С. 267–268. Нам не удалось получить информацию об Азури.

жать пропаганду, направленную на то, чтобы сделать армян «внутренним врагом», давая контекст для суда Гнчака, законного компонента кампании Иттихада. Для младотурок оказалось трудным разыграть спектакль в зале суда, который помог бы им избавиться от своих дашнакских «союзников». Дашнаки неуклонно стремились сгладить провокации, организованные представителями Иттихада в провинциях; таким образом, Иттихад был вынужден прибегнуть к менее «правовым» методам, чтобы уничтожить лидеров АРФ, таким как уловки или тонко завуалированные убийства посреди хаоса войны.

Из длинного списка обвинений, официально выдвинутых против армян османским Министерством внутренних дел, упомянем для примера очевидные факты, приведенные для оправдания, без сомнения, самых страшных из крупномасштабных расправ, совершенных летом 1915 г. в отношении армян казы Богазлян и окружающих областей, включая вилайет Ангора. «Внушительные армянские банды атаковали мусульман. Перед переселением армяне пытались уничтожить дома и города, которые они покидали, разжигая огромные пожары»¹. Автор этих строк явно не напрягал воображение. На суде над ответственными за эту резню, во время которой в течение нескольких дней было убито более шестидесяти пяти тысяч человек, — этот суд начался в феврале 1919 г. и был менее напряженным, чем те, что прошли в дни «национального движения» в Анатолии, — важный свидетель дал показания в пятницу, 21 февраля 1919 г., значительно пролившие свет на «армянский мятеж». Когда один из судей спросил полковника Шахабеддина, начальника 5-й дивизии, приписанной к этой территории, сколько солдат он отправил для подавления мятежа после того, как он о нем узнал, Шахабеддин признал, что отправил двести солдат. Когда председательствующий судья затем спросил о характере этого мятежа и количестве мятежников, Шаха-

беддину потребовался перерыв, чтобы он смог собраться и признать, что «было пять или шесть армянских мятежников, которые нашли убежище в горах»². Кроме того, дальнейший допрос показал, что «мятеж» из пяти или шести человек произошел после «перемещения» армянского населения³.

Еще одно серьезное обвинение имело отношение к армянам региона Кайсери, где в соответствии с отчетом официальной пропаганды: «Власти Империи обнаружили бомбы, оружие, порох и коды для шифрования секретной корреспонденции, предназначенные для революционеров, а также иные документы. Было доказано, что движение возглавлял армянский примас; кроме того, обвиняемые признались, что конфискованные бомбы предназначались для борьбы за независимость Армении»⁴. Информация, собранная во время досудебного расследования о данном «викарии», епископе кесарийском Хосрове, была, тем не менее, не столь категоричной. В начале лета 1914 г. Хосров отправился в Эчмиадзинский монастырь для посвящения в епископы армянским католикосом. Именно на этом основании — поездке во вражескую страну, как было указано в обвинении, — почти год спустя, весной 1915 г. «армянский епископ Кайсери, Хосров эфенди», попал под подозрение в «сотрудничестве с революционными движениями». Военный суд опасался, что его «прерогативы в части юрисдикции» были слишком узкими, чтобы позволить ему рассмотреть это дело — что Хосров не может быть привлечен к суду из-за своего статуса духовного лица⁵. Тем не менее, ожидая начала процесса в отношении епископа, военный начальник Кайсери выразил опасения, что прелат использует время, имеющееся в его распоряжении, «чтобы посеять беспорядок и провести пропаганду». Поэтому он предложил отправить Хосрова в изгнание⁶. Довольно быстрый суд над епископом завершился через неделю после его ареста; выяснилось, что «армян-

¹ *La vérité sur le mouvement révolutionnaire arménien et les mesures gouvernementales*. P. 19.

² Отчет восьмого заседания процесса над убийцами Йозгата: «Жаманак», 22 февраля 1919 г. С. 4, кол. 1–4 (на арм. яз.).

³ Там же.

⁴ *La vérité sur le mouvement révolutionnaire arménien et les mesures gouvernementales*. P. 17.

⁵ АРС/РАЈ, РСІ Bureau, U 451., Шифрованная телеграмма временно исполняющего обязанности командующего [XV^е] дивизией Кайсери Шахабеддина главнокомандующему [V^е] армией (Ангор), Халилу Реджайи от 2 июня 1915 г. [2 Газиран 1331], № 945/1/2 (В 58, французская версия).

⁶ Шифрованная телеграмма главнокомандующего [V^е] армией (Ангор), Халила Реджайи военному министерству от 3 июня 1915 г. [3 Газиран 1331].

ский епископ Кайсери, Хосров эфенди, был информирован о революционных приготовлениях¹, что означает, что он не находился «во главе армянских революционеров», как об этом заявила правительственная пропаганда через несколько месяцев после суда над ним. На этом основании суд выяснил, что в деле священника «были смягчающие обстоятельства», и «приговорил его к 13 годам заключения в крепости»². Странно, но когда начальник 5-го армейского корпуса сообщил военному министру о вердикте, вынесенном по делу армянского епископа Хосрова эфенди, он изобразил епископа как «одного из тех, кто вдохновлял подготовку к революции и революционные движения, созданные для определения будущего армянского государства», опровергая условия решения суда в отношении священника³. Это дополнительное решение суда, несомненно, было разработано, чтобы удовлетворить военного министра, поскольку он изменил данный приговор на смертный приговор вскоре после суда, после чего Совет министров, в конце концов, заменил наказание священнику на пожизненное заключение 20 июля 1915 г.⁴ В любом случае, Хосров был одним из большого количества духовных лиц, убитых в последующие месяцы⁵.

Революционеры Кайсери, упомянутые в официальной брошюре Министерства внутренних дел, были сами активистами Гнчака. Согласно отчету Мануэля Мкряна, аптекаря из Эверека, примерно триста этих армян содержались в гражданской тюрьме Кайсери в апреле — мае 1915 г.; ноги большинства из них были отбиты дубинками. Где-то в мае Мкряна также отправили в военную тюрьму Кайсери для лечения серьезных ранений заключенных. Там он обнаружил парламентского депутата и лидера Гнчака Мурада (Амбарцума Бояджяна), которого недавно перевели в Кайсери из Аяша, где содержались

«политические» заключенные, депортированные из Стамбула. Мурад отказался от нового раунда допроса со стороны мутесарифа, отметив, что он уже сказал Талаату все, что он мог сказать. За такой возмутительный поступок его пытали раскаленным утюгом. Аптекарь предоставил нам детальное описание последствий⁶. Бояджян получил некоторое лечение перед тем, как его повесили немного позже ночью⁷.

Кого-то может удивить то, как армяне Кайсери, говорящее по-турецки меньшинство, в окружении мусульман, превратились в разрушительную силу и вступили в борьбу «за независимость Армении».

Формулировки, использованные для описания сопротивления со стороны некоторых армянских жителей Шабин Карахисара, также несколько своеобразны: «В начале июня этого года армяне атаковали город Шарки Карахисар, внезапно и без каких-либо причин, сжигая мусульманские районы. Восемьсот мятежников, которые забаррикадировались в городской цитадели, отказались слушать отеческий совет и примирительные предложения имперских властей. Они несли ответственность за смерть ста пятидесяти человек, включая начальника жандармерии»⁸. Мы еще вернемся к судьбе этих людей, которые, как говорят, атаковали собственный город, окопавшись в его цитадели.

В заключение, кампания младотурок по представлению армян, как коллективно виновных, часто эксплуатировала старые факты, — иногда обращаясь к периоду до революции 1908 г., — которые обновлялись, где это было необходимо, чтобы адаптировать их к настоящим целям; младотурки также применяли все доступные средства, чтобы использовать самую незначительную деталь, способную доказать «предательство» армян. Таким образом, Иттихад сумел не только нарисовать правдоподобную картину

¹ APC/PAJ, PCI Bureau U 452, Шифрованная телеграмма временно исполняющего обязанности командующего [XVe] дивизией Кайсери Шахабеддина главнокомандующему [V^e] армией (Ангора), Халилу Реджайи от 9 июня 1915 г. [9 Газиран 1331].

² Ibidem.

³ Шифрованная телеграмма главнокомандующего [V^e] армией (Ангора), Халила Реджайи военному министру от 25 июня 1915 г.

⁴ APC/PAJ, PCI Bureau, U 757, № 48. P. 43.

⁵ Теодик. Указ. соч. С. 110.

⁶ Книга воспоминаний, посвященная сорокалетию Социал-Демократической Гнчаковской партии. Париж, 1930. С. 234–235 (на арм. яз.).

⁷ Там же. С. 238.

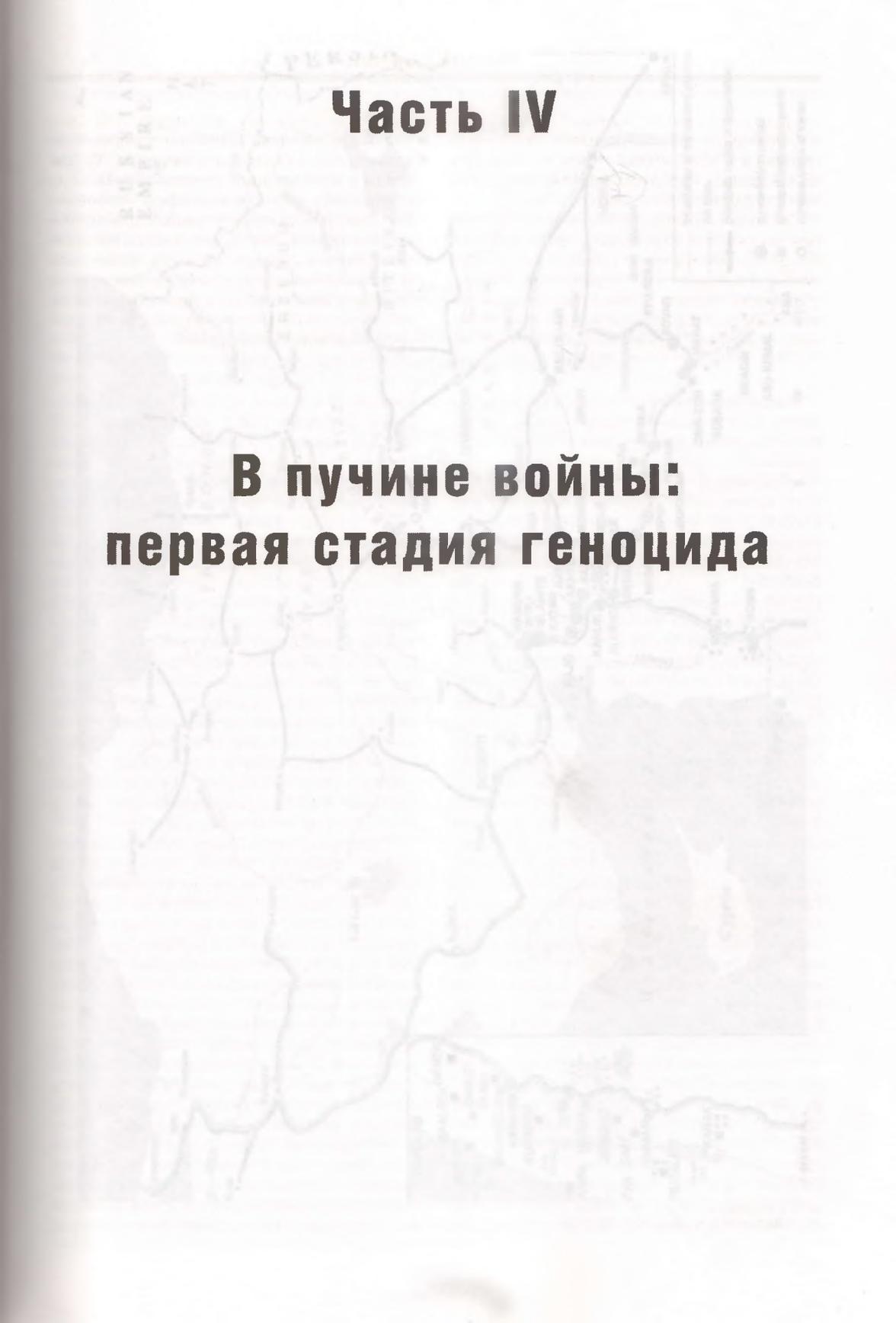
⁸ La vérité sur le mouvement révolutionnaire arménien et les mesures gouvernementales. Pp. 18–19.

«внутреннего врага», но также и настроить население против «предателей», тем самым готовя их к тому, чтобы стоять и наблюдать за массовым насилием без растерянности или даже участвовать в нем.

22 апреля и 6 мая, то есть дважды в течение двух недель, был провозглашен декрет о конфискации оружия у гражданского населения; в декрете также говорилось, что все, у кого есть оружие, должны передать его военным в течение пяти дней, за исключением лиц, имеющих специальные разрешения,

выданные военными властями¹. Это было реальным началом кампании по преследованию армян Османской империи. С приказом о конфискации, который официально применялся в отношении всего населения, был фактически найден предлог для легализации насилия. Теперь участились полицейские рейды в столице, а также в провинциях. И снова Иттихад продемонстрировал великодушное воображение в деле сокрытия целей за тем, что может показаться почти стандартными военными мерами.

¹ Антонян А. Указ. соч. С. 37.

Часть IV

В пучине войны: первая стадия геноцида

ГЛАВА 1

Армянское население империи накануне войны: демографический состав

Расселение армян в Османской империи перед самой войной представляло достаточно пеструю картину. Хотя большая часть армянского населения по-прежнему жила на Армянской возвышенности (известной в то время как восточные вилайеты), уже с давних времен общины с большим или меньшим населением селились в западной Малой Азии, Европейской Турции и Константинополе. Безусловно, столица империи всегда привлекала людей из провинций, но демографическая ситуация на армянских землях менялась также из-за войн между османами и сефевидами, а позднее между османами и русскими. На рубеже XVII столетия депортации, проводимые шахом Аббасом, и восстания джалали привели к крупным демографическим сдвигам и появлению практически безлюдных земель, особенно на расположившейся полукругом территории от Эрзинджана до Араратской равнины. Благодаря этим событиям среда обитания армянского населения постепенно разделилась на ее исторические полюса, север и юг, чему также способствовало разделение нагорной области на персидскую и османскую части. Общей тенденцией стало почти непрерывающееся перемещение населения на запад. Наряду с этим в XVII столетии начали возникать общины к югу и юго-востоку от Мраморного моря в исторической Вифинии, понесшей в предшествующем столетии огромные демографические потери.

Все это привнесло в армянское общество ряд острых противостояний: крестьяне, живущие на своих исконных землях, выступали против городских жителей, населявших столицу. Образ жизни и культурные основы этих групп радикально различались. Можно было бы даже говорить о совершенно чуждых друг другу мирах, если бы массовый уход сельских жителей из деревень не пополнял армянское

население столицы людьми, поддерживающими семейные узы с областями, из которых они вышли. До Берлинского конгресса 1878 г., не только ускорившего конец османского присутствия в Европе, но и обозначившего Армянское нагорье на политической карте, существование этого христианского населения в восточных районах Османской империи, по всей вероятности, не слишком беспокоило османских правителей. Но как только судьбой восточных провинций «озаботились» европейцы, особенно Россия, последовала незамедлительная реакция султанов. Во второй части настоящего исследования мы постоянно обращали ваше внимание на проблему территориальной целостности империи, которая постепенно становилась навязчивой идеей османской элиты, и каждая новая территориальная потеря еще больше травмировала и унижала господствующую верхушку. Радикализация возникла не сразу, но от этого не стала менее мощной.

Одержимость территориальной целостностью империи, которая была напрямую связана с вопросом ее демографического состава, преследовала движение младотурок в такой же степени, как и режим Абдул-Гамида. В их планах по модернизации империи не было радикальных отличий. В любом случае, демографические вопросы повлияли на формирование политики султана в отношении армян, даже когда он выдавал погромы, совершенные между 1894 и 1896 годами, за наказание «бунтовщиков». Дополнительным доказательством может служить тот факт, что гамидиевская политика была открыто направлена на вынуждение армян к эмиграции. Уничтожение орудий труда, разграбление лавок и мастерских, увеличение налогов и постоянное чувство незащищенности из-за налетов сформированных султаном кавалерийских формирований гамидие

Армянское население империи

снимали с места сотни тысяч людей, опустошая города и села.

Со дня возникновения армянского вопроса проблема демографического веса армян в составе населения приобрела политический характер и всегда рассматривалась с этой точки зрения. Поэтому неудивительно, что османские власти систематически фальсифицировали итоги проводимых ими переписей населения. Их целью было показать, что никакого армянского вопроса не существует, поскольку армяне составляют лишь незначительное меньшинство в

океане турецкого населения. Для достижения этой цели они строили разные препятствия, затрудняющие точную оценку динамики движения населения в империи. Чаще других использовался метод постоянного перекраивания административных границ армянских вилайетов, благодаря чему последующие переписи учитывали население не в прежних, а в других региональных единицах. Это затрудняет изучение демографического развития региона, влияния на него массовых погромов и последствий эмиграции.

Административное деление

На административном уровне эялет Эрзурум (бывшая губерния Эрменистан) был в 1864–1866 гг. под предлогом проведения Танзимата (реформ) разделен на семь мутесарифликов (Эрзурум, Чалдыран, Карс, Баязет, Муш, Эрзинджан и Ван). Они занимали почти все Армянское нагорье. В эялет Эрзурум не входили такие области, как Харпут, Аргана, Балу, Акн и Арабкир, а также районы Сасун, Ширван и Хизан, относящиеся к эялету Диарбекир. Вот полезный комментарий по поводу такого административного деления одного из европейских дипломатов: «В Азии основное [административное] деление соответствовало территориальному делению, сложившемуся во время завоевания, и административные единицы, как и европейские провинции, носили названия общин, первоначально населявших эти территории: например, эялет Эрзурум (Армения) или эялет Курдистан. Эти названия сохранялись вплоть до правления султана Махмуда II. Но, начиная с этого периода, диван стал преследовать политику уничтожения названий основных районов, т.к. они слишком сильно напоминали об историческом значении по-

бежденных народностей, <...> заключавшуюся в раздроблении эялетов»¹.

И все-таки после административного деления 1864–1866 гг. процент армян в отдельных регионах оставался слишком высоким. Тогда Стамбул в 1878 г. (т.е. сразу после Берлинского конгресса, ратифицировавшего передачу России городов Батум, Карс и Ардаган) решил разделить вилайет Эрзурум, заменив одни целые районы другими. Были созданы четыре новых вилайета: Эрзурум, Ван, Хаккари и Муш. В следующем году османские власти учредили два автономных санджака Дерсим и Харпут, а в 1880 г. Дерсим был присоединен к Харпуту, а Хаккари к Вану. Цель состояла в разделении двух армянских регионов на две населенные курдами зоны. Позднее, т.е. в 1886 г., османские власти снова решили разделить Армянское нагорье, на этот раз на более мелкие административные единицы. Бассейн Евфрата оказался поделенным между новыми вилайетами Эрзурум, Харпут (Мамурет-уль-Азиз), Диарбекир и Сивас, к которым присоединили районы Дерсим, Хаккари, Битлис и Ван.

¹ Ministère des Affaires étrangères, Livre jaune, documents diplomatiques, 1875–1877, Paris, 1877. P. 135, annexe I au 7e protocole de la Conférence de Constantinople, séance du 11 janvier 1877. Отметим, в связи с эялетом Эрменистан, что название «Армения» в последующих изданиях турецких авторов XVII и XVIII веков, опубликованных в последние несколько десятилетий, достаточно просто превратилось в «Восточную Анатолию». Это примечательно, в частности, для второго издания работы автора XVII века Кятиба Челеби (Hayatı ve eserleri hakkında incelemeleler, Ankara, 1957. P. 127), в которой название главы 41, «О землях Армении», было заменено на «Восточной Анатолии» (ср. первое издание: Constantinople, 1732. P. 227). Подробнее см.: Палазян А. Кятиба Челеби «Джиган Нуман», как источник для исторической географии Армении, «Историко-филологический журнал», 1983, № 3. С. 229–232 (на арм. яз.). Подробнее об административном делении империи см. прекрасную статью Г. Бадаляна: Ванский вилайет в период с 1840 по 1914 г. (административно-политическое и демографическое исследование), Вестник Ереванского университета, 1986, № 3. С. 13–20 (на арм. яз.), которую систематически использует османский ежегодник.

Последнее значительное деление состоялось в 1895 г. накануне кровавой бойни. На этот раз из восьми существующих вилайетов сделали шесть новых административных единиц: Ван, Битлис, Диарбекир, Харпут, Сивас и Эрзурум. Районы Дерсим и Хаккари перестали существовать, войдя в Харпут и Ван.

Теперь, помня об этих манипуляциях, попытаемся разобраться с вопросом переписей населения и другой статистикой армянского населения в Османской империи. Все изучавшие эту проблему специалисты пришли к некоторым одинаковым выводам. Самые известные из них, В. Кине¹, Г. Ролин-Жакмин² и А. Убичини³, уверенно заявляют о «безразличии турок к демографическим наукам», использовании правительственными чиновниками Османской империи сомни-

тельных методов, о чрезвычайных трудностях, с которыми им пришлось столкнуться, чтобы получить эти неточные цифры, и, наконец, о субъективном характере использованных методов измерения. В одном случае переписчики считали домашние хозяйства, в другом армян аккуратно отделяли от греков или сирийцев и отдельно подсчитывали католиков, протестантов и православных, и одновременно старательно избегали отделять турок от турков, курдов, кызылбашей, зазеидов и других национальностей. Таким образом, мусульмане были представлены монолитной группой на фоне многочисленных христианских конфессий. Демография в Османской империи была подчинена чисто политическим целям, а статистические данные выпускались лишь для создания международного общественного мнения.

Переписи населения до 1895 г.

Первая попытка проведения в Турции переписи населения была предпринята в 1844 г. военным министром Рыза-пашой. Она показала, что в азиатской части Турции в то время проживало около двух миллионов армян⁴. В 1867 г. для Всемирной выставки в Париже по указанию правительства Турции была издана книга о Турции, в которой также говорилось о двух миллионах армян, проживающих в Малой Азии, и еще четырехстах тысячах в европейской части Турции⁵. Накануне Берлинского конгресса патриархия подготовила предварительный баланс, основанный на данных официального Салнаме (ежегодника. — *Прим. пер.*) империи за 1294 год по календарю Хиджра (1878 г.). В нем количество армян, проживающих в то время в Ос-

манской империи, равнялось трем миллионам⁶: четыреста тысяч в Европейской Турции (преимущественно в Константинополе, Фракии, Болгарии и Румынии); шестьсот тысяч в западной Малой Азии (вилайеты Ангора, Айдын/Смирна, Конья, Адана, Алеппо, мутесарифлик Измит и т.д.); шестьсот семьдесят тысяч в вилайетах Сивас, Трапизон, Кайсери и (южный) Диарбекир; один миллион триста тридцать тысяч на Армянском нагорье, т.е. в вилайетах Эрзурум (исключая регионы, присоединенные к России) и Ван, а также в северной части вилайета Диарбекир, включающего, с одной стороны, районы Харпут, Эгин, Арабкир и Аргана и, с другой стороны, северную часть санджака Сиирт, в который входили районы Сасун, Ширван и Хизан.

Население	Эрзурум и Ван	Диарбекир (северн.)	Всего
Армяне	1 150 000	180 000	1 330 000
Турки	400 000	130 000	530 000
Курды	80 000	40 000	120 000
Греки	5 000	—	5 000

¹ La Turquie d'Asie, 4 vol., Paris, 1890–1895, во введении к первому тому.

² Armenia, the Armenians and the Treaties, London 1891. Pp. 8–10.

³ Lettres sur la Turquie, Paris, 1853.

⁴ Ibid. Pp. 20–27. Убичини также указывает, что количество армянского населения в Константинополе в 1844 г. составляло 222 000 человек, из которых 17 000 — католики, из-за чего общее число населения составило 866 000 жителей.

⁵ *Salaheddin Bey*. La Turquie à l'exposition universelle de 1867, Paris, 1867. Pp. 214–217.

⁶ *Projet de règlement organique pour l'Arménie turque*, Constantinople, 1878. Pp. 18–23; *Rolin-Jaequemyns*. Op. cit. Pp. 8–10; майор Ахмед Джевад, позже великий визирь империи, также говорит, что в 1873 г. насчитывалось три миллиона армян (cf. *Malûmat-i el-Kâfiyê fi Memalik-i el-Osmaniye*, Istanbul, 1298/1873, s. 85 (цитирован А. Бейлерьяном: *Beylerian A.* Op. cit. P. XXII).

Армянское население империи

Население	Эрзурум и Ван	Диарбекир (северн.)	Всего
Халд.-сирийцы	14 000	8 000	22 000
Заза	35 000	2 300	37 300
Езиды	13 000	2 000	15 000
Цыгане	3 000	—	3 000
Всего	1 700 000	362 300	2 062 300

Как ни странно, «официальные» результаты переписи, опубликованные Кемалем Карпатом, дают совершенно другие цифры за 1881/1882–1893 годы¹, период, когда административная организация армянских провинций подверглась значительному изменению: почти все прежние мутесарифлики Халдир, Карс и Баязет перешли под управление России, а границы эялетов Эрзурум и Диарбекир были перекроены. В соответствии с этими документами армянское население распределялось следующим

образом: 179 645 армян жили в Европейской Турции (156 032 в Константинополе); 270 183 в западной Малой Азии (вилайеты Ангора, Айдын, Конья, Адана и Алеппо, мутесарифлик Измит и др.); 227 202 в вилайетах Сивас, Трапизон и Диарбекир (исключая северную часть) и санджаке Кайсери; и 371 113 в Эрзуруме, Битлисе, Ване, Харпуте и северной части вилайета Диарбекир. Армянское население, проживающее в пяти вилайетах, распределялось следующим образом:

	Эрзурум	Битлис	Диарбекир	Харпут	Ван	Всего
Армяне	107 868	106 306	22 464	75 093	59 382	371 113
Мусульм.	445 548	167 054	101 065	300 188	54 582	1068 437
Греки	3356			812	543	4711
Всего	556 772	273 360	124 341	375 824	113 964	1 444 261

Наряду с этими цифрами можно привести два других ряда статистических данных, полу-

ченных в тот же период времени. Первый выполнен патриархией и датируется 1878/1879 гг²:

	Эрзурум	Битлис	Диарбекир	Харпут	Ван	Всего
Арм.	280 000	250 000	150 000	270 000	400 000	1 350 000

Второй — это статистические данные Кине, взятые за период 1890 г. из ежегодника и

других документов, представленных османской администрацией³:

Население	Эрзурум	Битлис	Диарбекир	Харпут	Ван	Всего
Армяне	135 087	131 390	83 226	69 718	80 000	499 421
Мусульм.	500 782	257 863	388 644	504 366	241 000	1 892 655
Гр. и сир.	3725	210	53 420	650	99 785	157 790
Всего	639 594	389 463	525 290	574 734	420 785	2 549 866

¹ Karpat K. Op. cit. Pp. 122–146.

² Эта перепись проводилась с апреля 1878 г. по конец 1879 г. архиепископом Гарегином Срвандзтянцем по просьбе патриарха Нерсеса Варжапетяна. Армянские переписчики, однако, не смогли поехать в некоторые регионы, которые стали небезопасными из-за курдов. На основе этих статистических данных Срвандзтянец опубликовал два тома в Константинополе в 1879 г. (Торос Агпар). Переписи Басена, Держдана, Кемаха, Баязета, Алашкерта, Испира, Кескина и Эрзурума, а также епархий остались в архивах в рукописной форме, они были только недавно опубликованы Эммой Костандян: *Костандян Э.* Из статистик, составленных Г. Срвандзтянцем о населенных армянами территориях Западной Армении, Вестник архивов Армении, 1976, № 45/2. С. 62–93 (см. также: Réponse au mémoire de la Sublime Porte, Constantinople, 1919. P. 43, «Ararat», 1914, № 9. P. 808 sq.) Протокол заседания национальной палаты Армении от 12 декабря 1908 г. (Протоколы Национальной палаты. Указ. соч. С. 152) также показывает, что епископу Срвандзтянцу и двум его помощникам были предъявлены обвинения в проведении этой переписи, которую он провел с помощью от епархиальных управлений.

³ Эти цифры обобщают информацию, доступную в четырех томах: Кине La Turquie d'Asie. Le Livre jaune français использует те же цифры, но добавляет: «Вообще говоря, к предыдущим цифрам следует относиться с осторожностью, потому что статистическая информация у нас на Малой Азии является, как известно, наименее достоверной» (подробнее см. с. 1–8).

При изучении представленных выше цифр обнаруживаются большие расхождения. Так, официальные турецкие источники подтверждают, что в период с 1844 по 1867 г. всего в империи проживали 2 400 000 армян, 2 000 000 из которых в Азиатской Турции. Однако в данных переписи, проводимой между 1881 и 1893 гг., число армян неожиданно уменьшается наполовину и составляет 1 048 143 (156 032 из которых в Константинополе). Такое возможно только за счет политических подтасовок. Иначе трудно объяснить столь большую разницу между двумя последовательными переписями, даже если принять во внимание исключение в 1878 г. Карса и Ардагана и уход нескольких десятков тысяч османских армян в Россию.

Салмане 1294–1878 г., представленный армянской патриархией Берлинскому конгрессу, был не менее официальным документом Османской империи. Он был подготовлен с экономическими целями до указанных выше «корректировок» и должен был гораздо лучше отражать демографическое развитие региона. В нем число армян, проживающих в Турции, равняется трем миллионам. Эта цифра указывает на 25%-й прирост населения за 13-летний период в противовес 50%-му снижению, показанному в другой официальной османской статистике. Аналогичным образом, соответственно османской переписи 1881–1893 гг. на Армянском нагорье (определение которому дано выше) всего проживали 1 500 000 человек, из них 1 068 437 мусульман и 371 113 армян, в то время как статистика, опубликованная в ежегоднике 1294/1878 г. патриархией, дает совершенно другие цифры: 1 330 000 армян, 650 000 курдов и турок, 27 000 греков и сирийцев-христиан и 55 300 заза, езидов и цыган. Если мы поместим турок, курдов, заза, езидов и цыган в одну категорию (хотя цыгане часто были христианами), как, возможно, поступала османская администрация, мы получим 705 300 из общего числа жителей, равного 2 062 300. Но и в этом случае мы будем далеки от общей цифры, даже если сопоставим османскую перепись и перепись, проведенную патриархией в 1882 г. Перепись патриархии, учитывающая армян из Карса и Ардагана, ушедших в 1878 г. под правление России,

показывает, что в восточных провинциях того времени все еще продолжали жить 1 350 000 армян. Внимательное изучение статистических данных Салахеддин-бея проливает некоторый свет на данный вопрос. Они показывают, что из общего числа населения, равного 16 383 000 человек во всей азиатской части Турции проживало всего 13 223 000 мусульман¹. 10 907 000 человек из этого общего числа жили в Западной и Центральной Анатолии и на Кипре: 1 000 000 греков, 80 000 евреев, 700 000 армян и 9 127 000 мусульман. В Сирии и Ираке 2650 000 арабов, турок, друзов и курдов жили бок о бок со 100 000 христиан, и еще 900 000 арабов населяли Хиджаз и Йемен. Если сложить эти цифры, получится, что из 13 223 000 мусульман, проживающих, как указано, в османской Азии, 12 677 000 жили за пределами «Восточной Анатолии», общее население которой, по данным Салахеддин-бея, равнялось 1 906 000 человек. Проведая вычитание, обнаружим, что эту провинцию, включающую вилайеты Ван и Эрзурум, Курдистан и Харпут, населяли 1 300 000 армян, 60 000 других христиан и 546 000 курдов, турок, тюрков, черкесов и т.д. Данные статистического ежегодника Османской империи 1294–1878 г., представленного Берлинскому конгрессу армянской патриархией, лишь немногим отличаются от этих цифр. В ежегоднике указаны 1 330 000 армян, 650 000 курдов, турок и т.д., а также 82 000 человек, принадлежащих к другим различным группам (при учете только северного Курдистана в вилайете Дيارбекир). Перепись, проведенная патриархией в 1882 г., дала аналогичные результаты: она показала, что в этом регионе проживали 1 350 000 армян.

Еще раз напомним, что официальные Салмане ручаются за достоверность данных армянских переписей. Ежегодник 1298–1882 г. опубликовал государственный бюджет за 1296–1880 год, установленный Советом министров. Согласно этому документу, налог, известный как «бедели-аскери», уплачиваемый мужчинами-немусульманами в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет, ежегодно давал казне всей Турции доход в 462 870 турецких лир. И тем не менее, согласно этому же документу, Совет министров принял решение об увеличении дохода от данного налога в два раза².

¹ Karpat K. Op. cit. P. 25; Salaheddin bey. Op. cit. Pp. 210–214.

² Léart. Op. cit. Pp. 10–11 et annexe 1. P. 64 (extrait du Salname de 1298 (1882). Pp. 413–414.

Иначе говоря, государство тем самым признало, что налог собран лишь с половины немусульманского населения, учтенной в его переписи.

Поскольку фальсификация официальной статистики является установленным фактом, важно определить степень ее фальсификации. В нашем случае фактические размеры фальсификации можно установить только путем тщательного изучения данных всех регионов, имеющих отношение к нашим расчетам. Такое исследование могло бы, например, дать неопровержимое доказательство существования значительной части армянского населения, проигно-

рированной или уменьшенной османской переписью 1891–1893 гг. Среди очевидных фальсификаций можно привести данные переписи по Скутари, показывающие отсутствие армянского населения в этом регионе¹, хотя известно, что армянские христиане населяли там целые районы и что в них было много армянских церквей и школ². В Мерсине, сердце Киликии, османские переписчики насчитали 438 армян и 19 737 «мусульман»³. В казе Зир поблизости Ангоры турецкая перепись зафиксировала 2214 армян⁴, хотя в одной лишь деревне Станоз, населенной исключительно армянами, проживало 3000 человек⁵.

Переписи населения после 1896 г.

В этой посвященной демографии главе мы различаем периоды до и после 1895 г., по вполне понятной причине: такое разделение облегчает оценку прямых последствий массовых убийств 1894–1896 гг., оказавших значительное влияние, в частности, на население Армянского нагорья.

Незадолго до начала резни в 1894 г. османская перепись обнародовала цифры, аналогичные полученным в 1881/2–1883 гг. (с разницей менее ста человек). По большому счету, статистические данные за 1894 год не отличались от данных за период с 1881 по 1894 г.⁶, приводимых в обеих официальных публикациях и документах, предназначенных для иностранных государств и специалистов уровня Кине. О демографическом развитии населения на Армянском нагорье можно судить только по документу, выпущенному, как известно, в 1897 г., но фактически основанному на данных, полученных в 1895 г., т.е. накануне самых крупных погромов⁷. Любопытно, что в этом документе открываются радикальные изменения, которые якобы произошли за один год: в вилаете Эрзурум число мусульман

подскочило с 445 648 до 509 948 человек; в Ване количество армян (60 448 чел.), зафиксированное как в переписи 1894 г., так и в предыдущих переписях, упало до 59 433, а число нехристиан резко выросло с 59 412 до 80 773 человек. У нас нет никаких сведений о пережитых в 1895 г. жителями этого региона событиях, которые могли бы объяснить этот 36%-й прирост мусульман в течение одного года. Из этого совершенно очевидным образом вытекает, что на протяжении нескольких десятилетий власти не проводили никаких серьезных переписей, а вместо них просто регулярно перерабатывали старые цифры, методически завышая число мусульман и так же методически занижая число христиан. Здесь, однако, следует различать методы, используемые османскими властями для разработки статистики по европейской части Турции и Западной Анатолии, и методы, применяемые ими для подготовки данных по Армянскому нагорью: если в первом случае расхождений в цифрах значительно меньше, то во втором результаты переписей преднамеренно подвергались искажениям.

¹ В переписи 1881/1882–1893 годов: *Karpat K. Op. cit.* Pp. 126, 152.

² *Kévorkian & Paboudjian. Op. cit.* P. 75.

³ *Karpat K. Op. cit.* P. 124.

⁴ *Ibid.* P. 126.

⁵ Фотографические документы того периода, которые опубликованы в книге Кеворкяна и Пабуджяна (*Kévorkian & Paboudjian. Op. cit.*), в главе о вилаете Ангора, многое рассказывают о важности деревни и числа содержащихся в ней хозяйств.

⁶ Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить показатели в переписях, опубликованных в книге Карпата: *Karpat K. Op. cit.* Pp. 122–146 (*statistiques 1881/2–1893*). P. 152 sq.

⁷ *Ibid.* Pp. 196–197 et note de bas de page.

Османская перепись 1906/1907 гг. оставляет не меньше сомнений. Согласно ее данным, армянское население в вилайетах Эрзурум, Битлис, Ван и Мамурет уль-Азиз составляло 354 577 (352 035 в 1895 г.), а мусульманское 1 194 778 (1 139 041 в 1895 г.) человек¹. Это означает почти полное отсутствие на протяжении одиннадцати-двенадцати лет каких-либо демографических изменений, что равносильно утверждению о том, что массовых погромов 1895 г. попросту не было и они существовали лишь в воображении армян и репортеров западных газет, утверждавших, что они были свидетелями массовой резни, организованной султаном Абдул-Гамидом. На самом деле бюро переписей министерства внутренних дел решило проблему, повторно выпустив цифры за предыдущие годы, которые, по нашей оценке, были сокращены уже на двести процентов. Учитывая значение демографического веса данной группы в урегулировании территориального конфликта (на примере Болгарии, Румынии и Греции в 1878 г.), было просто невозможно получить цифры, точно отражающие реальное положение дел в указанных государствах. Без сомнения, армянской патриархии было известно об этом, поэтому она и проводила свои собственные переписи.

Ранее мы уже касались переписей патриархии 1878–1882 гг., которые, следует заметить, обычно определяли только общую численность армянского населения без точной разбивки по казам. Кроме того, очевидно, что армяне при Абдул-Гамиде старались не привлекать к себе внимания. В то время не могло быть и речи о том, чтобы они проводили хоть какую-нибудь перепись. Только с приходом к власти младотурок в 1908 г. у них появилась возможность участвовать в такого рода мероприятиях. В 1912 г. патриархия подготовила предварительную оценку, едва ли более точную, чем в 1878–1882 гг., численности армян, проживающих в вилайетах Ван, Битлис, Мамурет уль-Азиз, Диарбекир и Эрзурум, давшую цифру 804 500 человек².

Возможно, неточные данные этого документа заставили патриархию провести вторую перепись, вызванную необходимостью реформирования восточных провинций. По словам Вагана Папазяна, занимающего, как было сказано, должность исполнительного секретаря Комиссии по безопасности, несущей прямую ответственность за проведение армянских реформ³, Комиссия взяла на себя инициативу⁴ по организации переписи 1913 г.⁵ Можно не сомневаться, что правительство и патриархия вели в то время ожесточенную борьбу вокруг статистики населения, поскольку будущее плана реформ было неразрывно связано с численностью армян, проживающих в восточных провинциях⁶. Главный аргумент, выдвигаемый кабинетом младотурок в оправдание своего отказа от проведения реформ в «Армении», заключался в том, что армяне представляют там очень незначительное «меньшинство» и, следовательно, нет достаточных оснований для внесения изменений в местную администрацию и тем более для передачи армянам рычагов местного управления. Папазян отмечает, что пока он ждал результатов еще незаконченной переписи, одним из лучших источников информации в его распоряжении было обследование населения, проведенное по разрешению султана с целью сбора «еще одного процента» с каждой армянской семьи для оплаты огромного долга иерусалимской патриархии. В архивах патриархии в Стамбуле сохранились данные этого обследования со списками собранных сумм⁷.

20 февраля 1913 г. патриаршество разослало циркуляр и необходимые анкеты во все епархии империи, которым поручалось распространить эти документы в приходских советах, собрать и объединить полученные сведения, после чего направить их в Константинополь. Предполагалось закончить перепись к маю, но анкеты, скрепленные подписями архиепископов и членов епархиальных советов, продолжали поступать в Константинополь еще и летом 1914 г.⁸

¹ Ibid. Pp. 162–167; Ararat, 1914, № 1–2. Pp. 49, 132.

² Léart. Op. cit. Pp. 60–61; Réponse au mémoire de la Sublime Porte. Op. cit. Pp. 44–45.

³ См. выше, с. 172–173.

⁴ Папазян В. Указ. соч., II. с. 232.

⁵ Перепись доступна в архивах библиотеки Нубара: APC, DOR 3/1–3/4.

⁶ Папазян В. Указ. соч., II. с. 231.

⁷ Там же. С. 233.

⁸ Письмо, сопровождающее перепись: Bibliothèque Nubar, APC, DOR 3/1–3/4.

Правда, большая часть работы уже была к тому времени закончена¹.

Поскольку структура переписи состояла главным образом из общин и, в частности, из тысяч приходских советов империи, в некоторых регионах она проводилась более тщательно, чем в других. Однако несмотря на недостатки и пробелы, получившийся в результате документ представляет огромный интерес, поскольку в тот период ничего подобного просто не существовало. Он является единственным источником для определения доли армянского населения, в частности на территории Армянского нагорья. Более того, перепись проводилась именно в тот период, когда было решено, что за реформами в восточных вилайетах будут наблюдать два европейских инспектора. Следовательно, патриархия не была заинтересована в подтасовке цифр, которые, как ей было известно, будут незамедлительно проверяться двумя упомянутыми чиновниками.

Приведенные выше цифры очень наглядно показывают, что проживающее на возвышенности армянское население не только не выросло за период между 1874 и 1914 гг., но и резко сократилось. Действительно, без поправки на возможный рост населения при нормальных условиях армянская статистика демонстрирует снижение численности населения более чем на миллион человек в течение 37-летнего промежутка между этими двумя датами. Такое сокращение нельзя объяснить только массовыми погрома-

ми 1894–1896 гг. Сюда следует включить 300 000 зарегистрированных в этот период «эмигрантов»², а также большое количество сельских жителей, насильно обращенных в ислам³. Следует также отметить, что у представителей епархий, проводящих переписи, не всегда был доступ к населенным армянами территориям, особенно когда там управляли курдские племена. Следовательно, были учтены не все армяне. Это касалось, в частности вилайета Диарбекир, из которого турки, к собственному удивлению, изгнали весной 1915 г., 120 000 армян⁴, хотя согласно статистике патриархии 1914 г. их было в вилайете только 106 867, а по данным османской переписи того же года, и вовсе 73 226 человек⁵. Не меньшее значение имеют опубликованные министерством финансов империи цифры по налоговым поступлениям за 1914–1916 гг. Они показывают, что в целом пять восточных вилайетов внесли в бюджет Османской империи различных налогов и сборов на сумму более 110 миллионов пиастров: 64 683 935 пиастров в 1915 г. и несколько в 1916 г.⁶ Даже учитывая, что война могла помешать сбору налогов в зонах боевых действий, трудно понять, почему южные территории, где бои не велись, не внесли никакой лепты в поддержку военных усилий. Объяснить это можно только тем, что погромы и депортация армянского населения этих вилайетов, значительно заниженные в статистике, привели эти регионы и их мусульманских обитателей к финансовому краху.

¹ Мы опубликовали эту работу в 1992 г.: *Kévorkian & Paboudjian*. Op. cit. P. 75. Чтобы воспользоваться этой переписью, нам пришлось преодолеть препятствие в лице неадекватности или полного отсутствия показателей для отдельных регионов. Поскольку проблема относилась к вилайету Ван и некоторым районам Западной Анатолии, мы решили заполнить эти лакуны по мере возможности данными, предоставленными епархиями и опубликованными в различных источниках, чтобы прийти к наиболее значимым результатам. Число школ и школьников, церквей и монастырей было установлено на основе официальной статистики 1913/1914 годов или более ранних документов, опубликованных патриархатом.

² Амбарян А. К вопросу о численности западных армян, Вестник Ереванского университета, 1969, № 2. С. 98–113 (на арм. яз.).

³ Там же.

⁴ «Takvim-i Vakayi», № 3540. P. 7, col. 1. Газета опубликовала шифрованную телеграмму от 15 сентября 1915 г., посланную вали, д-ром Мехмедом Решидом, министерству внутренних дел; она указывает, что 120 000 армян вилайета были депортированы.

⁵ APC/BNU, DOR 3/2, f° 47; *Karpat K*. Op. cit. P. 176.

⁶ Bulletin trimestriel de statistique, 6e année, Constantinople, X-XII (1332/1916). Pp. 30–31.

Армянское присутствие в Османской империи накануне войны согласно переписи, проведенной патриархией

Хотя структура проводимой патриархией переписи определялась епархиями, приведенные ниже статистические таблицы отражают административную организацию империи в том виде, в котором она существовала накануне Первой мировой войны¹. Иными словами, мы перегруппировали указанные в переписи патриархии населенные пункты по казам с некоторыми, надо признать, сомнениями в отношении сел, расположенных между двумя казами. Некоторые из приведенных

здесь цифр отсутствуют в документах, хранящихся в библиотеке Нубар в Париже. Они были взяты из документов, собранных информационным бюро Константинопольской патриархии, которые сейчас хранятся в архивах монастыря Святого Иакова в Иерусалиме или из других источников (они указаны в сносках к таблицам). Наши последующие оценки достоверности информации о количестве депортированных, найденной в других источниках, основаны на приведенных ниже данных.

Административная единица	нас. пункты	армяне	церкви/монастыри	школы
1. Константинополь	43	161 000	47	64 (25 000)
— Гелиболу/Дарданеллы	6	2670	6	
Всего	49	163 670	53	64 (25 000)
2. Фракия				
— Эдирне и 3. Фракия	5	7948	7	6 (565)*
— Текирдаг и Восточная Фракия	4	22 368	7	9 (1873)*
Всего	9	30 316	14	15 (2438)*
3. Санджак Измит				
— Измит	12	25 399	14	18 (3000)
— Адабазар	6	15 169	8	16 (2000)
— Кандира/Кандере	9	3652	8	7 (480)
— Гейве	7	8628	10	6 (1000)
— Карамюрсель/Ялова	8	8827	11	6 (1000)
Всего	42	61 675	51 и 1	53 (7480)
4. Вилайет Бурса/Хюдавендигар				
Б. Санджак Бурса		16 (2078)*		
— Бурса	4	10 000	6	
— Базаркёй	6	22 209	11	—
— Гемлик	3	12 100	2	—
— Мухалик	6	3218	1	—
— Кирмасти	1	1016	1	—
Эдренос/Атарнос	3	4225	1	—
Б. Санджак Эртургул/Биледжик	10 (1263)*			
— Биледжик	5	13 110	5	—

¹ APC/ВNu, DOR 3/1–3/3, детали, касающиеся значений, приведенных в таблицах ниже, см.: *Kevorkian & Paboudjian*. Op. cit. Статистические данные о школах, которые обозначены звездочкой, взяты из официальной публикации патриархата от 1901/1902 гг. Там, где не хватало количества церквей и монастырей, мы использовали перепись населения, проведенную патриархатом в 1912–1913 гг. по просьбе министерства юстиции и религий. Мы предпочли использовать работу Кемаля Карпата, а не Джастина Маккарти (*McCarthy J. Muslim and Minorities. The Population of Ottoman Anatolia and the End of Empire, New York-London, 1983*) при сравнении или подсчете некоторых значений, которые мы публикуем здесь.

Армянское население империи

Административная единица	нас. пункты	армяне	церкви/монастыри	школы
— Енишехир	3	4750	3	—
— Инегёль	2	5350	2	—
— Сёгют	5	6872	5	—
В. Санджак Кютахья	5 (1174)*			
— Кютахья	5	3578	6	—
— Ушак	1	1100	1	—
— Эскишехир	3	4510	3	—
Г. Санджак Афьон-карахисар	3	7448	3	7 (850)*
Е. Санджак Караси/Балыкесир	8	20 006	4	8 (1334)*
Всего	58	118 992	54	50 (6699)*
5. Вилайет Айдын/Смирна				
А. Санджак Смирна	8	13 679	17	—
В. Санджак Маниса	5	5875	6	—
С. Санджак Айдын	2	1043	2	1
Д. Санджак Денизли	1	548	1	—
Всего	16	21 145	26	1 27 (2935)
6. Вилайет Конья				
А. Санджак Конья	6	11 650	6	—
В. Санджак Нигде	5	5727	4	1
С. Санджак Испарта/Бурдур	2	2600	2	—
Д. Санджак Текке/Эльмалы	2	761	2	—
Всего	15	20 738	14	1 26 (4585)
7. Вилайет Кастамону				
А. Санджак Кастамону	5	3978	4	7
В. Санджак Чанкыры	1	1000	1	1
С. Санджак Инеболу	6	3217	7	6
Д. Санджак Синоп	6	5266	5	4
Всего	18	13 461	17	18 (2500)
8. Вилайет Трапизон/Трабзон				
А. Санджак Трабзон		116 (6000)		
— Трапизон, Акчаабат, Сюрмене	37	20 158	25	1
— Гёреле	2	562	3	—
— Тиреболу	1	868	1	—
— Гиресун	2	2335	3	—
— Орду	30	13 565	25	—
Б. Санджак Самсун/Джаник				
— Самсун	1	5315	1	3 (610)
— Бафра	1	2035	1	3 (374)
— Чаршамба	21	13 316	21	33 (1160)
— Терме	5	3427	6	8 (310)
— Унье	11	7700	14	21 (?)
— Фатса	3	1330	3	3 (?)

Геноцид армян

Административная единица	нас. пункты	армяне	церкви/монастыри	школы	
В. Санджак Гюмюшхане	3	2749	3	3 (?)	
Г. Санджак Ризе/Лазистан	1	35	1		
Всего	118	73 395	106	31	90 (9254)
9. Вилайет Ангора					
А. Санджак Ангора					
— Ангора	2	11 319	72	15 (2000)	
— Каледжик	1	830	1	1	2 (120)
— Станоз/Зир	1	3142	3	2 (500)	
— Наллихан	1	1030	1	2 (220)	
— Михаличик	1	272	1	1 (59)	
— Сиврихисар	1	4265	1	2 (990)	
Б. Санджак Киршехир	2	4400	2	4 (990)	
В. Санджак Йозгат					
— Йозгат	4	13 969	5	6 (3300)	
— Сунгурлу	1	1936	1	2 (170)	
— Чорум	6	3520	4	6 (380)	
— Богазлиан	32	35 825	36	1	22 (с. 5000)
— Акдагмаден	5	3361	3	6 (450)	
Г. Санджак Кайсери	31	52 000	40	7	56 (7119)
Всего	88	135 869	105	11	126 (21 298)
10. Вилайет Сивас					
А. Санджак Сивас					
— Сивас	37	31 185	13	4	19 (1980)
— Йенихан	2	2175	3	3 (186)	
— Шейхкешла/Тонус	26	21 063	20	22 (1988)	
— Азизие	1	1106	1	2	8 (412)
— Буньян	5	4781	6		
— Гюрюн	7	13 874	10	12 (1120)	
— Даренде	2	3983	2	1	2 (220)
— Кангал	9	7339	7	1	8 (1152)
— Дивриги	18	10 605	18	2	10 (857)
— Кочгири/Зара	9	7651	10	2	7 (590)
— Кочхисар	30	13 055	30	2	28 (2483)
Б. Санджак Шебинкарахисар					
— Шебинкарахисар	9	9104	8	1	9 (1085)
— Сушехир	35	13 430	24	1	23 (1815)
— Алуджра/Мехсудье	3	627	3	2 (75)	
— Кёйюлхисар	2	190	2		
— Гамидие/Алуджра	2	520	2	2 (65)	
В. Санджак Токат					
— Токат	18	17 480	17	2	11 (1400)
— Никсар	3	3560	3	2 (715)	
— Эрбаа	9	6948	6	2 (460)	
— Зиле	4	4283	2	3 (600)	
Г. Санджак Амасья					
— Амасья	1	13 788	5	2	12 (1325)
— Мерзифон/Марзован	3	10 666	1	8 (1221)	
— Ладик	2	350	1	1 (40)	

Армянское население империи

Административная единица	нас. пункты	армяне	церкви/монастыри	школы
— Хавза	1	333	1	1 (35)
— Визиркёпрю	1	1612	1	2 (150)
— Гююшхаджикей	1	4064	2	6 (550)
— Меджидёзю	1	700	1	1 (75)
Всего	241	204 472	198	21 204 (20 599)
11. Вилайет Адана				
А. Санджак Адана	6	27 990	4	25 (2755)*
Б. Санджак Мерсин	3	6987	4	
В. Санджак Ичел	2	466	2	
Г. Санджак Сис/Козан				
— Сис	11	5600	2	1 7 (641)*
— Феке/Вахка	8	4948	7	1 9 (661)*
— Хаджин	5	27 850	8	1 4 (577)*
— Карсбазар	6	5645	4	
Д. Санджак Джебел-Берекет	29	39 928	13	2 18 (1200)*
Всего	70	119 414	44	5 63 (5834)*
12. Вилайет Алеппо				
А. Санджак Мараш				
— Мараш	23	32 844	20	2 23 (1629)*
— Базарджик	1	1500	1	
— Гёксун	18	9505	12	1
— Зейтун	18	22 456	14	3 10 (690)*
— Эльбистан	4	5838	4	4 (265)*
Б. Санджак Айнтаб				
— Айнтаб	3	36 448	8	25 (5000)
— Килис	1	7966	1	1 (380)
В. Санджак Урфа				
— Урфа	10	38 680	6	6 20 (?)
— Биреджик	2	1600	2	
— Румкале/Хромгла	4	1460	3	2
Г. Санджак Антиох/Антакья				
— Антиох	8	8532	7	2 10 (487)*
— Шугур/Кесаб	9	8736	9	8 (?)
— Искендерум/Александретта и Бейлан	16	14 000	6	12 (?)
Всего	117	189 565	93	16 113 (8451)
13. Вилайет Харпут/Мамурет уль-Азиз				
А. Санджак Харпут				
— Харпут	57	39 788	67	9 92 (8660)
— Кебан Маден	3	789	3	2 (122)
— Арабкир	5	10 880	9	14 (862)
— Пётюрге	1	679	1	1 (120)
— Акн/Эгин	25	16 741	25	3 20 (1300)
Б. Санджак Дерсим				
— Хозат	16	2299	18	11 5 (180)
— Кызылкилисе/Назимие	1	89	5	
— Медзгерд/Мазгирт	9	1835	14	22 2 (155)

Геноцид армян

Административная единица	нас. пункты	армяне	церкви/монастыри	школы
— Чарсанджак	43	7940	51	15 23 (1114)
— Чемишкезек	22	4494	19	2 17 (729)
— Оваджик	1	50	—	
В. Санджак Малатья				
— Малатья	5	17 017	7	2 8 (1370)
— Кяхта	57	10 245	11	
— Хасанмансур/Адыяман	21	5202	5	4 (370)
— Бехисни	8	4550	3	1 4 (320)
— Акчадаг/Арга	5	1691	4	4 (330)
Всего	279	124 289	242	65 204 (15632)
14. Вилает Диарбекир				
А. Санджак Диарбекир				
— Диарбекир	25	16 352	10	1 11 (1300)
— Сиверек	8	9275	8	3 (250)
— Дерик	3	1782	2	1 1 (50)
— Вираншехир	1	1339	1	2 (100)
— Беширди/Джерниг	40	5038	15	14 (700)
— Сильван	70	13 824	28	2 35 (1600)
— Лисе	33	5980	24	1 5 (305)
Б. Санджак Аргана Маден				
— Аргана Маден	11	10 559	10	2 7 (700)
— Балү	37	15 753	38	2 26 (2050)
— Чермик/Джермуг	3	12 418	5	1 5 (900)
В. Санджак Мардин				
— Мардин	2	7692	3	4 (800)
— Нусайбин/Нисибин	1	90	1	
— Джезире/Джизре	12	4281	1	5 (500)
— Мидьят	1	1452	1	2 (210)
— Савур	1	1032	1	2 (195)
Всего	249	106 867	148	10 122 (9660)
15. Вилает Эрзурум				
А. Санджак Эрзурум				
— Эрзурум	53	37 480	43	3 52 (6355)
— Хыныс/Хнус	25	21 382	21	4 17 (871)
— Кыгы/Кгы	51	19 859	45	5 63 (2925)
— Терчан/Мамахатун	41	11 690	36	2 27 (1187)
— Байбурт/Палерт	30	17 060	5	3 9 (844)
— Испир/Спер	17	2602	17	1 13 (459)
— Тортум	13	2829	14	1 3 (?)
— Кескин	13	8136	14	5 (?)
— Нарман	2	748	2	2 (160)
— Басенлер/Пасен	57	16 740	16	1 20 (940)
Б.— Санджак Эрзинджан				
— Эрзинджан	38	25 795	53	24 37 (3863)
— Пюлумур/Полормор	4	862	4	3 3 (103)
— Кемах/Гамакх	15	6396	37	6 13 (802)
— Куручай	6	2989	6	5 (?)
— Рефахие/Гержанис	3	1570	3	2 3 (?)

Армянское население империи

Административная единица	нас. пункты	армяне	церкви/монастыри	школы		
В. Санджак Баязет						
— Баязет	25 (2839)	5	4884	14	8	6 (684)
— Диядин		8	1649	6	11	2 (200)
— Каракилисе		12	8180	9	1	4 (?)
— Элешкирт/Алашкерт/Топракале		12	9914	13	1	11 (960)
— Тутак		20	1624	7		2 (?)
Всего	425	202 391	406	76	322	(21 348)
16. Вилайет Битлис						
А. Санджак Битлис						
— Битлис		57	23 899	57	8	15 (979)
— Ахлат/Хлат		22	13 432	23	4	15 (898)
— Хизан		76	8207	48	10	14 (500)
— Модган/Мутки		27	5469	26	4	1 (14)
Б. Санджак Муш/Мусх						
— Муш/Мусх		103	75 623	113	74	87 (3057)
— Сасун		156	24 233	127	6	15 (1300)
— Малазгирт/Маназкерт		39	11 931	25	45	15 (527)
— Буланык/Пуланег		30	25 053	29	3	14 (575)
— Варто		9	4649	7	3	4 (210)
В. Санджак Гендж/Ардушен						
Г. Санджак Сиирт/Сегерт						
— Сиирт/Сегерт		9	4437	3	1	2 (330)
— Харзан/Карзан		76	8343	22	1	14 (392)
— Первари		15	2538	7		2 (72)
— Эрух/Бохтан		20	3393	4		2 (120)
— Ширван		19	2853	11		2 (60)
Всего	681	218 404	510	161	207	(9309)
17. Вилайет Ван						
А. Санджак Ван						
— Ван		116	53 589	200		19
— Беркри		41	5152	40		8
— Эрджиш/Аржеш		54	10 381	24		4
— Адылджевас/Ардзге		25	6460	19		3
— Махмудие		4	826	3		
— Каваш/Воштан		25	6851	30		15
— Карджикан/Гаржиган (+ Нижний Гаргар)		36	7281	26		7
— Мокс		45	4459	36		14
— Шатах (+ Нордуз)		65	8433	49		5
Б. Санджак Хаккари						
— Чуламерк/Чуламерг		5	534	2		
— Хошаб		12	1746	7		2
— Эльбаг/Агпаг		20	3505	19		3
— Киавар/Гевар		2	1680	2		
Всего	450	110 897	457	80	192	
ВСЕГО	2925	1914 620	2538	451	1996	(173 022)

ГЛАВА 2

Социально-экономическое положение армян в Османской империи накануне войны

В соответствии с представленной выше статистикой из 2925 городов и сел империи, в которых жили армяне, не менее 2084 располагались на Армянском нагорье, а точнее сказать, в вилайетах Эрзурум, Ван, Битлис, Мамурет уль-Азиз и Диарбекир. В этих по большей части сельских регионах 762 848 армян, 90% из которых были крестьянами, жили бок о бок с турецким населением и беспокойными курдскими племенами. В сопредельных районах, в вилайетах Сивас, Трапизон и Ангора, 413 736 армян жили вместе с турками, греками и курдами. В этих провинциях крестьяне представляли несколько меньшую часть населения: согласно данным переписи патриархии 1913–1914 гг. здесь в сельской местности жили приблизительно 80% армян. На юге в Киликии, в вилайетах Адана и северной части вилайета Алеппо, эта цифра доходила до 60%. Из полумиллиона остальных армян, разбросанных по другим регионам империи, 180 667 человек жили в городах и селах Вифинии, на территории от Измита до Кютахьи и далее до Бурсы; 60% из них зарабатывали на жизнь земледелием. Еще около 215 130 армян преимущественно жили в городских условиях в Константинополе, Смирне и Фракии. Из всего вышесказанного ясно, что армянское общество перед Первой мировой войной состояло в основном из сельских жителей, проживающих не только на нагорье, но и за его пределами.

До настоящего времени не проводилось серьезного исследования социально-экономического положения вилайетов Армянского нагорья в начале XX столетия. Мы практически ничего не знаем о существующем в то время макроэкономическом равновесии, за исключением сведений о том, что армяне жили в сельском, преимущественно автаркистском обществе, несмо-

тря на то, что у них все же было несколько городских центров, экспортировавших промышленные изделия. Мы также не знаем, сколько средств каждый из этих регионов отчислял в бюджет османского государства. Для проведения модернизации государства потребовалась регулярная статистика. Первые данные были выпущены за 1326 и 1327 финансовые годы по хиджрскому календарю (14 мая 1909 г. — 13 мая 1910 г. и 14 марта 1910 г. — 13 марта 1911 г.); они были опубликованы в «Ежегодном статистическом бюллетене» (позднее квартальном), выпускаемом министерством финансов. На основании данной официальной статистики можно сделать некоторые заключения об экономике. Расходы и доходы в пяти армянских вилайетах были более сбалансированы, чем в других районах. В 1326 г. по хиджрскому календарю (1910–1911 гг.) вилайет Эрзурум (имевший, согласно официальной статистике за этот год, 781 071 жителей) внес в государственный бюджет 48 324 826 и израсходовал 49 040 755 пиастров. Вилайет Битлис (410 079 жителей) уплатил 20 756 439 пиастров и взамен получил 19 316 833 пиастров; вилайет Диарбекир (424 760 жителей) внес 27 840 936 и получил обратно 24 184 027 пиастров; провинция Мамурет уль-Азиз (455 579 жителей) заплатила 21 842 050 и вернула 22 050 358 пиастров; и, наконец, вилайет Ван (285 947 жителей) внес 12 998 311 и истратил 18 623 690 пиастров. Невооруженным глазом видно, что среднедушевые отчисления в бюджет в разных вилайетах почти не отличаются друг от друга, чего нельзя сказать о расходах, которые в этих восточных вилайетах оказались в два раза выше, чем в других провинциях империи, за исключением Албании, области Эдирне и некоторых арабских провинций. По идее, это должно было способствовать раз-

витию базовых структур и экономики данных регионов. Но при более близком рассмотрении расходов в восточных областях можно понять, почему этого не происходило: из общей суммы выделенных региону средств, составившей 133 215 663 пиастров, не менее 58 136 107 пошло на покрытие расходов военного министерства в этих пяти вилайетах, 17 010 324 пиастров направили в жандармерию и еще 10 655 062 выделили местным органам министерства внутренних дел. Таким образом, 85 801 493 пиастров (т.е. две трети всех расходов пяти вилайетов) пошли исключительно на финансирование репрессивного аппарата: армии, жандарме-

рии и других органов министерства внутренних дел. Это как нельзя лучше характеризует политику, проводимую Османской империей в восточных вилайетах. Совершенно ясно, что такие непродуктивные «инвестиции», в три раза превышающие расходы остальной части империи, не оставляли средств на общие или социальные программы. Отсутствие государственных инвестиций, скорее всего, отражает намерение государства блокировать экономическое развитие этих самых запущенных в империи регионов, в которых половина всех налоговых поступлений приходилась на сельскохозяйственный сектор¹.

Семья и общины: организация и экономика

Семья в армянском обществе — это не просто ячейка, состоящая из людей, объединенных кровным родством. Это, по сути, целое самостоятельное сообщество со строгой иерархией, еще не утратившей отпечатков индоевропейского наследия². Оно носит патриархальный характер, где самая главная роль уготована главе домашнего хозяйства, «танутеру». Именно он решает, как следует распорядиться землей и другим имуществом семьи. Вокруг него собираются все потомки по мужской линии, включая жен его младших братьев и их сыновей. Организованная таким образом семья жила по прочно установленным правилам и строго соблюдала иерархию. Если бы не столь жесткая форма социальной организации, выжить в суровом климате, характерном для многих армянских провинций, было бы практически невозможно, что на протяжении всей истории подтверждалось разными кочевыми племенами. Это, бесспорно, объясняет, почему некоторые регионы оставались армянскими вплоть до начала двадцатого столетия, несмотря на то, что османские власти предпринимали попытки их колонизации начиная с XVI века. Частичная ассимиляция курдских кочевников стала возможной только благодаря навязываемому национальным правительством «симбиозу». Разве Восточная Турция не является малонаселенной даже в наше время? Судя по всему, попытки привести потомков курдов к оседлому образу жизни оказались безуспешными

везде, где они предпринимались. Для этого потребовался весь предыдущий опыт такой древней сельскохозяйственной цивилизации, какой была Армения, производившая все необходимое для выживания в этих климатических условиях.

В регионе Кайсери на семейную пару в среднем приходилось «лишь» немногим более четырех детей. В Эрзуруме в семье было по пять детей, а в Басене, Байбурте, Кемахе, Хизане, Генче, Муше, Сасуне и вилайете Ван по восемь. Соответственно хозяйства были большими. В некоторых горных районах, например, в Сасуне и Моксе, в одном хозяйстве жили до семидесяти человек. Такая семья состояла из нескольких супружеских пар и их детей. В равнинной части и в долинах в одном хозяйстве в среднем проживало от тридцати до сорока его членов. В городских поселениях, где традиции были слабее, братья или младшие сыновья часто заводили собственные хозяйства. И наконец, в таких городах, как Смирна или Константинополь, многие семьи состояли лишь из супружеской пары и ее детей. Старший сын в таких семьях продолжал жить с родителями или они с ним.

Как показывают данные переписи населения 1913–1914 гг., средняя численность жителей в селах также сильно варьируется в зависимости от региона. Во многих селах горных районов проживало приблизительно от двухсот пятидесяти до пятисот человек. Хотя там нередко встречались семьи размером от пятидесяти до ста членов. На рав-

¹ Bulletin trimestriel de statistiques, 2e année, Constantinople 1913.

² Mahé J.-P. Structures sociales et vocabulaire de la parenté en arménien contemporain, REArm, 1984, № 18. Pp. 339–340.

нинах Муша и Харлута, наоборот, села были значительно больше и содержали в среднем 700–800 жителей. В таких селах чаще, чем в горах, население было смешанным и состояло как из христиан, так и из мусульман.

В селах с населением менее тысячи человек не было османских органов управления. Социальная иерархия здесь строилась вокруг «старейшины», духовенства и «совета мудрецов». После 1908 г. более важную роль в социальной жизни сельских общин стали играть школьные учителя как просветители и активные члены политических партий. «Старейшина», или «танутер», был, как видно из самого названия, главой хозяйства, т.е. самым богатым или наиболее уважаемым его членом. На него и других старейшин возлагалась обязанность по управлению делами общины, начиная с вопросов, касающихся справедливого распределения воды для полива полей, и заканчивая отношениями с представителями власти Османской империи в казе, в которой состояло село, решением споров между крестьянами, распределением общей налоговой нагрузки на отдельные хозяйства, ремонтом деревенской церкви и строительством школы. Такой «совет мудрецов» поддерживал тесные связи с сельским священником, который, помимо выполнения своих религиозных обязанностей, был, как и другие, земледельцем и главой семейства. Сельские жители, глубоко преданные своей христианской вере, жили размеренной жизнью, ритм которой определялся религиозными праздниками, зависящими, в свою очередь, от времени года, а следовательно, от заведенного порядка сельской жизни. Когда кочевые курдские разбойники нападали на деревню, церковь как самое прочное здание в деревне служила убежищем для ее жителей.

Конечно, сельское хозяйство в каждом регионе имело свой, отличный от других регионов характер. В горных районах, таких как Сасун, Мокс или Шатах, крестьяне разводили овец, свиней, лошадей и буйволов. Они вели эту экономически выгодную деятельность наравне с земледелием. Долгие холодные зимы на несколько месяцев в году отрезали большинство деревень этих регионов от остального мира, благодаря чему в них развивались разные ремесла, в частности ковроткачество, гончарное дело, плотничество и т.д. Сельскохозяйственные

инструменты обычно изготавливали из дерева, но также использовали и металлические детали. Как и на равнинных землях, в плуги впрягали скотину, как правило, быков и буйволов. Земледелие, естественно, лучше всего было развито на равнинных участках. Здесь обычно выращивали зерновые культуры, виноград, фрукты и овощи. Целью всей этой деятельности было автономное производство сельскохозяйственной продукции для собственного потребления, а не для продажи. Закончить этот список можно пчеловодством, дававшим сахар и воск для свечей, а что касается необходимой для сохранения продуктов соли, ее находили в открытых карьерах или на берегах озера Ван. Необходимые кузнецам, жестянщикам, зеркальщикам и прочим ремесленникам железо и медь добывали из жильных месторождений известными с древних времен примитивными способами. Одним словом, суровый климат и сложный рельеф сумели за многовековой период выковать почти самодостаточное общество, ориентированное на собственное развитие, приверженное традициям и, самое главное, стремящееся создать безопасные условия для жизни.

Постоянные поиски путей обеспечения безопасности для жизни, почти непрерывно подвергающейся угрозам, заставляли армян покидать свои земли либо, как в XVI веке, вследствие насильственного выдворения и специально спровоцированного голода либо в результате проводимой Абдул-Гамидом, а затем и младотурками политики систематического истребления населения. Особую опасность для сельских районов представлял «талан», ежегодный набег, чаще всего осуществлявшийся курдскими кочевниками, которые не всегда ограничивались сбором дани. В конце концов это превратилось в устоявшийся ритуал, и крестьяне каждый год подвергались нападкам со стороны своих кочевых соседей, привыкших на протяжении веков жить за счет оседлых жителей своего региона.

Армяне, хоть и были крепкой нацией, все-таки жили в суровом климате. Окружающая среда и особенно эпидемии уничтожили самых слабых. До 1844 г., чума регулярно свирепствовала в Армянском нагорье, иногда выкашивая до половины жителей в городских поселениях и немногим меньше в сельской местности¹.

¹ Tholozan J. D. Histoire de la peste bubonique au Caucase, en Arménie et en Anatolie, Paris, 1876.

Городские центры и начало индустриализации

В армянских провинциях деревни часто были полностью заселены армянами или армянами и курдами, реже армянами и турками. В городских поселениях, где стояли военные гарнизоны и размещалась османская администрация, наблюдалась совершенно иная картина: здесь христиане не всегда были в большинстве и жили бок о бок со своими соседями-мусульманами. Армяне, жившие за пределами городских стен в своих армянских кварталах, посещали центральные части города только для работы в своих кустарных мастерских или торговли на базарах. В начале века они фактически сохранили монополию на местную и межрегиональную торговлю и безраздельный контроль над ремесленными цехами. Они свято хранили традиции и передавали из поколения в поколение наработанные веками секреты ремесла. Правда, в небольших городах значительная часть населения занималась сельскохозяйственными работами: большей частью они возделывали сады, огороды и виноградники, что придавало городской жизни некоторую сельскую окраску.

Что касается развития ремесленничества, в каждом регионе были свои ремесла. Так, Эгин/Ан славился своими ювелирами, которые работали также и в Константинополе; Ван был известен искусными портными, жестянщиками, ювелирами и шорниками; в Сивасе трудились опытные кузнецы, оружейники и ткачи; прекрасной репутацией пользовались архитекторы, каменщики, плотники, камнерезы и шпалерники Кайсери, а также сапожники из Харлута; Амасья, Малатья и Хаджин славилась своими тканями, Муш и Битлис шерстяными изделиями, в Гюмюшхане и Эрзуруме успешно работали с серебром, а в Эрзинджане и Кемахе процветала оптовая торговля. Эти мастера, «эснафы», состоявшие на протяжении столетий в гильдиях со своими уставами, также играли в Османской империи значительную политическую и социальную роль.

В Константинополе в начале XX столетия армяне все еще активно занимались ремеслами. В районах Бююкчарши, Везирхан, Чухаджихан, Кюркчюхан и Чарсамбазар было не менее 1850 армянских мастерских, в которых трудились около пятнадцати тысяч мастеровых, кустарей и их учеников. Всего в городе было пять тысяч мастерских и 35 979 ремесленников различных специальностей. Однако необходимость конкурировать с западной продукцией настоятельно

требовала индустриализации страны. Уже в 1870-х стали исчезать некоторые виды кустарной продукции, в частности текстильные изделия, т.к. не выдерживали конкуренции с европейскими товарами. В этих условиях в Османской империи появилось первое «промышленное» предприятие. Армяне вполне естественно приняли новые веяния, без колебаний внедряя технические новшества Запада. В первых рядах этого движения была армянская буржуазия Константинополя и Смирны, но и знать Вифинии, Киликии и несколько в меньшей степени Армянского нагорья тоже не отставала. Армянское нагорье, при отсутствии транспортных средств и нормальных дорог, жило, как уже отмечалось, в состоянии перманентной опасности и поэтому не столь охотно шло на крупномасштабную индустриализацию.

В империю постепенно проникают паровые двигатели, механические ткацкие станки, металлургические печи и прочие новшества. Табачные фабрики, мукомольные заводы, ткацкие предприятия (выпускающие хлопчатобумажную, шелковую и шерстяную пряжу), а также верфи были по большей части в руках армян.

Армяне также активно участвовали в торговой и финансовой сферах. Они зарекомендовали себя монополистами местной и внешней торговли на востоке, но были не менее известны этим и в Стамбуле, Смирне и других западных городах империи. Эти отдельные примеры успешной деятельности, которые нередко принимают за доказательство благосклонного отношения к армянам османских властей, никоим образом не отражают политики султаната по отношению к армянскому населению.

В силу сложившейся для армянского населения обстановки и его зависимого положения на протяжении столетий даже зажиточные армяне редко демонстрировали свое богатство, и их дома снаружи не выглядели роскошными. Зато изнутри они часто были отделаны с большой изысканностью: имели уютные внутренние дворики, декорированные фресками стены и библиотеки с искусной стеной обшивкой. Великолепные дома в армянском квартале Кайсери, которые снесли совсем недавно, свидетельствовали о богатстве и вкусах этой провинциальной буржуазии, как и многие еще сохранившиеся, хотя и приходящие в упадок, а порой и полностью заброшенные особняки в Сивасе, Эрзуруме или Карсе.

ГЛАВА 2.1

Истребление армянского населения в провинциях Османской империи: причины регионального подхода к теме

Перед тем как приступить к четвертой части, посвященной первому периоду геноцида, наверное, следует объяснить, почему мы поместили такой обширный материал в середину книги, тем более что он в значительной мере носит эмпирический характер. Конечно, можно было бы его опустить и вместо этого продолжить исследование механизмов, используемых режимом младотурок для истребления населения в армянских провинциях. Но в таком случае нам было бы сложнее, если вообще возможно, понять разницу между методами, к которым они прибегали в разных регионах, и оценить сложность самого аппарата уничтожения. Если бы мы опустили этот раздел, мы не смогли бы дать точную оценку роли местных правительств и армии, а также показать деятельность «Специальной организации», особенно в восточных провинциях. Без изучения ситуации в регионах у нас мог бы возникнуть соблазн использовать приблизительные или обобщенные величины. Нашего внимания избежали бы проблемы социально-экономического значения геноцида, в частности деятельность комиссий по «оставленному имуществу», и у нас не было бы возможности точно оценить демографические проблемы, связанные с выселением армян из их домов и расселением в них «турецких» мухаджиров. Кроме того, при региональном подходе гораздо легче дать оценку тому, что пережили жертвы в каждом отдельном районе. Наконец, такой подход позволяет нам точно обозначить исторический момент, когда армянский народ перестал существовать — насильственное исчезновение армянского присутствия на землях, где они жили на протяжении трех тысяч лет.

Очевидно, что предлагаемый здесь региональный подход предполагает знание механизма уничтожения. Однако не стоит начинать с изучения «инструкций по эксплу-

атации». Хотя с педагогической точки зрения начинать нужно именно с них, существуют методологические возражения, основанные на том, что макроисторическое наблюдение возможно только при изучении микроисторического опыта. Поэтому мы решили извлечь главные уроки из эксперимента младотурок только после тщательного изучения событий в провинциях. Кроме того, наши рассуждения в третьей части настоящего исследования о характере «Специальной организации», ее иерархии и деятельности в первые месяцы войны наряду с рассмотрением функций комиссий «Emvali Metruke», являющихся аппаратом разрушения и конфискации, вскрыли основы процесса геноцида. Под таким же структурным углом зрения мы проанализировали роль КЕП, деятельность правительственных министерств, местных чиновников и координаторов, выступающих в качестве ответственных секретарей и делегатов этого комитета от провинций. Таким образом, четвертая часть нашего исследования является своего рода демаркационной линией между силами, разработавшими и приведшими в движение программу уничтожения, и конкретными структурами, воплотившими ее в жизнь. И наконец, рассмотрение вопроса под таким углом зрения привлекает наше внимание к тем же проблемам, с которыми столкнулся Центральный комитет Иттихада, когда принял решение о выполнении плана по уничтожению армян в самый, на его взгляд, благоприятный момент. Мы в некотором роде еще раз извлекли этнографические карты, которые они использовали при планировании ликвидации армян и гомогенизации Анатолии.

Для освещения всех граней этого сложного вопроса нам пришлось изучить не только сведения, оставленные самими участниками событий (жертвами и их палачами), но и свидетельства «сторонних» очевидцев.

по-разному воспринимавших происходящее. У американских миссионеров или дипломатов, а также немецких или австро-венгерских чиновников и консулов были разные взгляды в зависимости от их личного опыта и положения государства или организации, которым они служили. Конечно, жертвы и палачи при оценке событий исходят также из собственного положения и вероисповедания. Иными словами, участники, наделенные государственной властью, будут стремиться к узакониванию своих действий, объясняя их высшими интересами государства, в то время как жертвы будут осуждать своих «прирожденных» преследователей, тем более что они фактически не могут оценить реальную причину направленных против них операций.

Историк часто имеет дело с описаниями одних и тех же событий с совершенно противоположных точек зрения, когда «судьями» (что характерно для Османской империи того времени) выступали западные наблюдатели, обремененные собственными религиозными убеждениями и особыми военными или политическими интересами. Несмотря на всю непривлекательность империи того времени, в ней практически не было города, где не находились бы американские или немецкие очевидцы происходящих событий, хотя очень немногие из них хорошо (иногда в течение длительного времени) знали страну, а следовательно, могли увидеть происходящее «изнутри». Несмотря на очевидную слабость некоторых из этих оценок, они по-прежнему незаменимы при установлении достоверности свидетельских показаний очевидцев. У них, однако, есть другое, очень ценное достоинство: они являются принципиально важными свидетельствами действий местных гражданских и военных властей, к которым дипломаты и миссионеры часто обращались в качестве делегатов от армянского населения.

Что же касается представленной жертвами информации, которой исследователи долгое время пренебрегали, сразу следует заметить, что здесь используются только свидетельства, полученные по «свежим» следам, т.е. непосредственно после войны. Эти материалы были собраны Армянской патриархией в Константинополе и армянскими национальными союзами, созданными в тот

период для оказания помощи депортированным лицам, а также получены из свидетельств очевидцев погромов в 1919–1920 гг. в Стамбуле на первых судебных процессах над младотурками, замешанными в военных преступлениях и массовых убийствах армян. На основании таких материалов, полученных из очных ставок палачей и их жертв в зале суда, зачастую можно сделать ценные заключения о психологии палачей. Некоторые из этих документов опубликованы на национальном языке, но большая часть остается в виде рукописей.

В официальных и полуофициальных документальных источниках младотурок много белых пятен. Известно, что некоторые документы, касающиеся обращения с армянами, выпущенные министерством внутренних дел или стамбульским штабом КЕП, были уничтожены или исчезли. Эту проблему мы подробно рассмотрим в части VI. Однако лидером юнионистов, несмотря на все предпринятые ими предосторожности, не удалось уничтожить все правительственные документы просто в силу технических причин. Говоря иначе, сейчас можно получить доступ лишь к небольшой части этих материалов, хотя даже эта малая часть дает представление о том, как действовал механизм геноцида.

Обвинительное заключение и подтверждающие доказательства, предъявленные военному трибуналу 27 апреля 1919 г., показывают, что в соответствии с выводами проведенного расследования многие «документы, касающиеся этой организации, а также документы Центрального комитета были украдены»¹. Вероятно, архивы Специальной организации и Центрального комитета Иттихада, чьи связи мы уже касались, были похищены из штаб-квартиры на улице Нури Османйе одним из партийных функционеров сразу после отставки правительства Талаата 7 октября 1918 г. По сведениям бюро информации патриархии документы из штаб-квартиры партии похитил Мидхат Шюкрю².

В том же заключительном обвинении упоминается докладная записка (№ 31) министра внутренних дел, «доказывающая, что дела с важной информацией и корреспонденцией организации были изъяты Азиз-беем, начальником отдела уголовного розыска [департамента государственной

¹ Обвинительное заключение, составленное 12 апреля 1919 г., было представлено в военном суде 27 апреля 1919 г. вместе с целой серией писем и других документов, подтверждающих обвинение: «Takvim-i Vakayi», № 3540, 5 mai 1919. P. 6.

² APC/PAJ, Э 152, Г 281 (en anglais), doc. № 14/1, dossier sur Midhat Şükrü bey.

безопасности], перед отставкой Талаата»¹. Речь, возможно, идет о тысячах инструкций, циркуляров и шифрованных телеграмм, рассылаемых министерством внутренних дел и военным министерством вали провинций и армейским начальникам, а также о статистических данных в отношении депортированных и убитых армян. Эти материалы, согласно тому же судебному источнику, скорее всего, хранились в кабинетах политического отдела министерства внутренних дел, куда были сданы в виде дел «Специальной организации», известных как «специальные секретные архивы» («Mahrim dosieler»). Они также были изъяты в начале октября 1918 г., за два дня до того, как Талаат подал в отставку, затем погружены в легкие деревянные ящики и вывезены в неизвестном направлении. По крайней мере, такой ответ дал министр внутренних дел военному трибуналу при повторном допросе².

Как было сказано выше, несмотря на предпринятые руководством младотурок предосторожности, все следы массовых убийств было невозможно уничтожить в силу технических причин³. Первая категория документов, включающая шифрованные оригиналы, встречается крайне редко, поскольку такие документы очень короткое время хранились в делах почтово-телеграфного агентства, после чего передавались в министерство внутренних дел или в департамент государственной безопасности в Константинополе под названием «Mahrim dosieler». Чаше встречается вторая категория материалов, в которую входили шифрованные телеграммы, отсылаемые администрацией почтово-телеграфного агентства и подлежащие раскодированию на местах. Они расшифровывались людьми, знающими шифр (как правило, вали провинций, куда направлялись телеграммы, или их личными секретарями), и содержали сообщения в закоди-

рованной форме, а также расшифровку, написанную между строк, если хватало места, или, при отсутствии места, внизу или на обратной стороне страницы с закодированным текстом. Вали или его помощник подписывали или визировали расшифрованные телеграммы, и тот же вали и/или начальник бюро по делам депортированных лиц, отвечавший за выполнение полученных приказов, оставлял на полях одну или несколько пометок. Иногда это делал начальник полиции или командир жандармерии.

Третья категория документов — еще более распространенная: в нее входят копии шифрованных телеграмм, сопровождаемые другими копиями шифрованного и расшифрованного или только расшифрованного текста. Это копии оригиналов шифрованных телеграмм, заверенные генеральным секретарем вилайета перед передачей в министерство внутренних дел, председателю следственной комиссии (комиссии Мазхара) или судье, председательствующему в военном трибунале.

Следственный архив, подготовленный комиссией Мазхара и военным трибуналом, включает материалы двух последних категорий. Эти документы поступили практически из всех провинций, где, очевидно, не удалось совсем «замести следы». В этот следственный архив входили доступные для истцов документы, которые Армянская патриархия Константинополя в качестве представителя общины получила в свое распоряжение на законных основаниях в виде заверенных копий.

Материалы в ответ на запрос, направленный османскими правовыми институтами, представили лишь некоторые вилайеты, в частности Конья и Ангора⁴. Но поскольку эти документы рассылались как циркуляры по всем провинциям, полученные Стамбулом материалы этих вилайетов считаются первоисточником.

¹ Обвинительное заключение, представленное военному суду 27 апреля 1919 г. вместе с другими документами, подтверждающими обвинение: «Takvim-i Vakayi», № 3540, 5 mai 1919. P. 6.

² Ibid.

³ Длинное свидетельство капитана Фазиля, судьи в военном суде Малатлои, отставника и представителя знати Малатлои, а также свидетельство генерала Вехиб-паши входят в состав двух основных турецких счетов. Свидетельство Фазиля было завершено 30 ноября 1918 г. и позже отправлено с курьером великому визирю, министру внутренних дел и юстиции, главе Сената и «различным заинтересованным сторонам». Это ясно показывает, как приказы передавались из Константинополя: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat de Constantinople, dossier XXIII, Э 432–464, копия на османском и перевод на английский язык, вероятно, сделаны информационным бюро.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien de Constantinople, L 183–185, документы, переданные в военный суд властями в Конье, утвержденные 27 марта 1919 г. в департаменте министерства внутренних дел; ответ Зами-бея, вали из Ангоры, от 9 февраля 1919 г. на шифрованную телеграмму председателя военного суда Константинополя от 2 февраля 1919 г., подтверждающую, что заверенные копии документов и телеграмм были отправлены ему в тот же день.

ГЛАВА 3

Депортация и погромы в вилайете Эрзурум

Эрзурумский вилайет был главным театром военных действий между Россией и Турцией и, следовательно, центральной стратегической вехой Первой мировой войны. Крепость Эрзурум и окружающая ее равнина стали тыловой базой 3-й армии, штаб которой располагался в Тортуме, к северу от столицы региона. После провала турецкого наступления зимой 1914–1915 гг., в котором Третья армия понесла тяжелые потери, османской генеральной ставке пришлось предпринять огромные усилия для формирования новых подразделений. В феврале Энвер предложил главе немецкой военной миссии Лиману фон Сандерсу принять командование этим фронтом, но немецкий генерал отказался от предложения, т.к. войска, которыми он должен был восстановить армию, пребывали в катастрофическом состоянии: «Приблизительно одна треть войск, находившаяся в учебных лагерях провинции, была больна, а другая треть дезертировала на пути к вербовочным пунктам»¹. Поэтому командование 3-й армией поручили Камилу, бывшему однокашнику военного министра². Новому вали

Эрзурума Тахсин-бею³ с момента его вступления в должность в мае пришлось бороться с эпидемией тифа, сеющей хаос среди солдат и гражданского населения. Как мы видели, ему на новой должности совсем короткое время до отъезда в Стамбул 13 марта 1915 г. помогал председатель «Специальной организации» («Тешкилят-и Махсуса») Бехаеддин Шакир⁴. В связи с этим обязанности председателя Специальной организации временно взял на себя Филибели Ахмед Хилми-бей, известный фидайи комитета «Единение и прогресс».

Следует заметить, что насилие, совершавшееся над армянским населением во время военных операций зимой 1914–1915 гг., происходили в приграничных зонах, что можно объяснить стратегическими соображениями и желанием Иттихада устранить потенциальных врагов⁵. В других частях Эрзурумского вилайета погромы, в общем, случались не так часто. С другой стороны, в некоторых казах вилайета были замечены эксцессы, сопровождавшие военную реквизицию, а также акты насилия, что подтверждали немецкие дипломаты⁶. Инциденты были настолько серьезны

¹ Sanders L. von. Op. cit. P. 61. Немецкий вице-консул в Эрзуруме, Макс Эрвин фон Шойбнер-Рихтер, сообщил ему о состоянии войск.

ВNU/ Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 59, Erzerum, f° 58. Свидетельство Погоса Варданяна из Эрзурума от 5 августа 1916 г. показывает, что армянские солдаты составляли лишь 10% призывников, служащих в боевых частях, но составили 100% батальонов рабочих-солдат.

² Ibid. Pp. 127–128; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien de Constantinople, Э 165–166, dossier du général Mahmud Kâmil, né à Alep, d'origine arabe.

³ Тахсин-бей занимал свой пост до 14 июля 1916 г.

⁴ См. выше, с. 313–314. Lettre de Hans von Wangenheim, au chancelier Bethmann Hollweg, Péra le 30 décembre 1914.

⁵ См. выше, с. 311 и 313.

⁶ Письмо Ганса Вангенхайма канцлеру Бетману Гольвегу, Пера. 30 декабря 1914 г.: Lepsius J. (ed.), Archives du génocide des Arméniens, Paris, 1986, doc. 14. Pp. 68–69. Больница с вместимостью от 350 до 400 коек была, тем не менее, построена властями Армении в Эрзуруме, чтобы обеспечить уход за солдатами: ВNU/ Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 59, Erzerum, f° 63v. Свидетельство Погоса Варданяна из Эрзурума от 5 августа 1916 г.

ми, что немецкий дипломат Вангенхайм счел необходимым «сообщить о них в разговоре с Высокой Портой... Великий визирь думает, что эти инциденты были вызваны провокациями со стороны армян». Тем не менее немецкий консул Пауль Шварц в своем донесении послу от 5 декабря 1914 г. отметил, что армяне очень напуганы некоторыми инцидентами, «которые они считают предупреждением перед новыми погромами». Он, в частности, доложил об убийстве приходского священника в Одзни, совершенном 1 декабря «тремя турецкими ополченцами», ночевавшими в его доме, а также о насильственных поборках со стороны других чете «Специальной организации», например, в селе Тевфик, где дюжина ополченцев незаконно держала в заточении деревенских мужчин за то, что те не смогли выплатить вымогаемых у них 100 турецких лир¹. Насилия совершали и регулярные турецкие войска, компенсировавшие нехватку казарм захватом домов в армянских селах, из которых изгоняли их обитателей и забирали продовольственные запасы для собственных нужд².

Торжества и патриотические манифестации, организованные в столице по случаю взятия Ардагана³, ушли в прошлое, как и поздравления, которые Энвер-паша направил армянскому представителю Конья в связи с действиями армянских солдат на Кавказском фронте⁴. Более того, военный министр при отступлении к Эрзуруму взял в заложники двести армян из Олти, которых сначала заключили под стражу в Эрзуруме, а затем казнили⁵. Точно так же Энвер после поражения в Сарыкамыше взял в заложники тридцать армянских гражданских лиц из Ардагана, которые были затем повешены под крепостными валами Эрзурума у Стамбульских ворот⁶. Разумеется, для оправдания этого акта говорилось о якобы враждебной деятельности данных иностранных граждан, но это не сильно успокоило армянское население Эрзурума. Они восприняли эти действия как явный знак намерений правительства младотурок.

Усиление враждебности по отношению к армянам достигло своего пика 10 февраля 1915 г., когда среди ясного дня два сол-

¹ Ibid. P. 69. Населенные пункты в российских зонах, оккупированные на ранних стадиях конфликта, были также отданы на разграбление: церковь в Олти, например, была уничтожена сразу после оккупации: BNU/ Fonds *Andonian A. P.J. 1/3, liasse 59, Erzerum, ff. 39–45*, свидетельство Рубена Торояна из Эрзурума от 5 февраля 1917 (f° 39).

² Ibid., f° 39v. Это произошло, например, в Мансуре, где церковь была преобразована в склад древесины, или в деревне Одзни, где полк Рубена Торояна занял поселок после изгнания крестьян: Ibid., f° 41.

³ Отян Е. Указ. соч., «Жаманак», № 7.

⁴ Ibid., № 48. Гарегина вардапета не было в Конье, когда Энвер проехал через город на обратном пути с Кавказа: он извинился за свое отсутствие в вежливой форме, и военный министр извинения принял.

⁵ BNU, Fonds *Andonian A. P.J. 1/3, liasse 59, Erzerum, ff. 39–45*, свидетельство Рубена Торояна из Эрзурума от 5 февраля 1917 (f° 39); BNU/ Fonds *Andonian, P.J. 1/3, liasse 59, Erzerum, f° 61v*, свидетельство Погоса Варданяна от 5 августа 1916 г. показывает, что Энвер прибыл в Эрзурум одним вечером в середине января, разбитый и тихий, и провел там ночь, прежде чем отправиться в столицу.

⁶ Агуни С. Указ. соч. С. 139.

дата убили на улице помощника директора эрзурумского филиала Османского банка Седрака Пастермаджяна. Как стало известно директорам банка в Константинополе, местные власти объявили, что Пастермаджян умер от тифа¹, свирепствовавшего в регионе в то время. Однако в обществе и дипломатических кругах ходили тайные слухи о том, что он был убит из-за брата, бывшего депутата парламента, который работал на русских. Начальник гарнизона генерал Поссельт, заинтересовавшись этим вопросом, обнаружил, что не скрывавшиеся убийцы не были арестованы². Это свидетельствовало о том, что солдаты действовали по приказу. По словам известного в Эрзуруме греческого деятеля Константина Трианфидили, после объявленной 3 августа всеобщей мобилизации значительно больше турок, чем христиан, отказывались поступать на службу в армию, но преследованиям за это подвергались только христиане. Этот же свидетель утверждал, что С. Пастермаджяна убили для того, чтобы посмотреть на реакцию армян, которые даже не пошевелились в ответ³. Альфонс Аракелян, со своей стороны, замечает, что «депортации не возникли как гром среди ясного неба. Сначала правительство прибегло к провокациям». Четыре насильовали и грабили сельские районы, все чаще случались убийства солдат⁴: «тем не менее не последовало никакой реакции». По словам того же свидетеля, многим армянам в Эрзуруме было известно о том, что на территории вилайета разбили лагеря многочисленные воинские части. «Более того, почти все молодые армяне уже состояли в армии»⁵. Таким образом, здесь, как и в вилайете Ван,

провокации начали случаться с февраля 1915 г., хотя это явление не было таким крупномасштабным, как там.

Как уже было сказано, довольно большое количество армянских жителей каз Басен (12 914 чел.), Нарман (655 чел.), Баязет (1735 чел.), Диадин (1111 чел.), Каракилиса (6034 человека) и Алашкерт (7732 человека), всего 30 181 крестьянин (из всех 3726 хозяйств), последовали за отступающими силами русских в конце декабря и начале января⁶. Правда, в казе Басен был эвакуирован только район Нижнего Басена. На территориях к западу, недалеко от Эрзурума остались четыре тысячи человек, в частности — в Экабаде, Хертеве, Хасанкале и Бадиаване⁷. В конце марта крестьян из этих деревень в окрестностях Басена депортировали под предлогом, что «они живут слишком близко от границы, а это является веским основанием для подозрения»⁸.

Несмотря на эти провокации, до апреля армян Эрзурума практически не трогали. Когда началось настоящее насилие, председатель Смбат Саадетян и еще несколько известных людей подали жалобу вали Тахсину, который «в зависимости от обстоятельств прикидывался то немым, то глухим»⁹. Первое предупреждение об опасности пришло в конце февраля, когда были арестованы семьдесят знатных армян Эрзурума. 60 из задержанных освободили после того, как за них вступился прелат, но десять членов редакционной коллегии дашнакской газеты «Арадж», в том числе Арама Адруни и его соратников, бросили за решетку, а затем увезли в неизвестном направлении¹⁰. Совер-

¹ Autheman A. La Banque impériale ottomane, Paris, 1996. P. 235; Агуни С. Указ. соч. С. 138.

² Kaiser H. "A Scene from the Inferno", The Armenians of Erzerum and the Genocide, 1915–1916, in H.-L. Kieser et D. J. Schaller (éd.), Der Völkermord an den Armeniern und die Shoah, Zürich 2002. S. 130–131.

³ BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, ff. 35–36, свидетельство Константина Трианфидили, записанное Гр[игор] Гамаряном из Эрзурума от 16 января 1917 г.

⁴ См. примеры, которые мы дали ниже, с. 314.

⁵ BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, f° 3v°, свидетельство Альфонса Аракеляна, «Армяне, депортированные из Эрзурума, очевидцы большинства событий, описанных в рассказе», Алеппо, 24 февраля 1919 г.

⁶ См. ниже, с. 344.

⁷ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 83.

⁸ BNU/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, f° 35, свидетельство Константина Трианфидили, записанное Гр[игор] Гамаряном из Эрзурума от 16 января 1917 г. Позже стало известно, что эти крестьяне были убиты в районе Малаты, где было расположено большинство мест совершения массовых убийств специальной организации; Kaiser H. Op. cit. P. 134. Автор цитирует депешу вице-консула Шойбнера от 14 мая, в которой говорится, что эти депортированные были отправлены в Терджан.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid., f° 36.

шенно ясно, что целью этих действий был комитет дашнаков. Однако в то время местным властям, скорее всего, было достаточно мер запугивания.

Как и в других местах армянскую элиту арестовали 24 и 25 апреля 1915 г. Было схвачено около двухсот человек, включая лидеров дашнаков Гегама Баласаняна, Степана Степаняна (известного как Марал), Пилоса и Миграна Терлемизяна¹. На следующий день было приказано перевезти Арама Адруни, Степана Степаняна, Гранта Косеяна, Левона Баласаняна и Погоса Папакяна (всего 30 чел.) в Эрзинджан, по дороге куда они были убиты². Других поместили в центральную тюрьму Эрзинджана, где допрашивали под пытками о тайных складах оружия и якобы существующих планах восстания³. В тесных грязных камерах держали от четырехсот до пятисот узников. По официальной версии, это были меры предупреждения всеобщего мятежа. На самом же деле цель заключалась в получении с помощью пыток компрометирующих «признаний», которые должны были заранее оправдать грядущие события.

В телеграмме, которую д-р Бежаеддин Шакир направил 21 апреля 1915 г., из Эрзурума ответственному делегату вилайета Мамурет уль-Азиз Реснели Бошнак Назим-бею, сказано, что глава Специальной организации возвратился в регион во второй половине апреля⁴. Он поспешно учредил специальный комитет по депортации, председателем которого стал генеральный секретарь вилайета (своего рода вице-вали) Джемаль-бей, влиятельный член эрзурумского клуба Иттихад. Ему помогали каймакам Хасанкале

Тахир-бей, шеф полиции Хулуси-бей, иттихадист Мустафа-эфенди Али Гузельзаде и командир батальонов «Специальной организации» в Эрзуруме Жафер Мустафа-эфенди. Все приказы о депортации выполнялись под руководством этого комитета, который вел список депортированных лиц⁵, тогда как бандами чете руководил помощник д-ра Шакира Филибели Ахмед Хилми-бей. Из информации, предоставленной послу Вангенхайму немецким вице-консулом Шойбнер-Рихтером, который докладывал о полученных от вали Тахсина объяснениях, следует, что приказы о депортации отдавались военными властями (точнее, командиром 3-й армии Махмудом Камилем), в то время как гражданские власти, особенно вали, не проявляли особого рвения к их исполнению⁶.

Благодаря сведениям, предоставленным одним из оставшихся в живых армянским жителем Эрзурума Погосом Варданяном, мы можем дать более полную картину процесса, кульминационной точкой которого стало принятие решения об истреблении армян. По свидетельству Варданяна, Высшая Порта направила в Эрзурум телеграмму с требованием принятия мер в отношении армянского населения. Для ее обсуждения в резиденции вали Хасана Тахсина с 18 по 21 апреля 1915 г. было проведено секретное совещание, на котором присутствовали местные лидеры Иттихада и известные люди города, всего около ста двадцати человек. Присутствующие разделились на три группы. Группа из сорока человек выступала за ограничение мер выселением армян из пограничных зон. Вторая группа, состоящая из двадцати человек, рекомендовала оставить

¹ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, f° 19, свидетельство Х. Осканяна, Сарикамыш, 3 ноября 1916 г.; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien de Constantinople, № 348–349, Sur le chemin du calvaire: Erzerum; Агуни С. Указ. соч. С. 139; Kaiser H. Op. cit. P. 133. Автор использует прежде всего депешу немецкого вице-консула к немецкому послу в Стамбуле.

² Ibid. P. 134, депеша Шойбнера в посольство от 9 мая 1915 г.

³ Агуни С. Указ. соч. С. 139; Х. Осканян, арестованный в Трапезунде, был заключен в тюрьму вместе с Вардазаром Дакесяном, Амбарцумом Баласаняном, Хачиком Гукасяном, бывшим активистом из Трапезунда и Аршаком Зеллишигяном: BNU/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, f° 19.

⁴ APC/PAJ, шифрованная телеграмма № 5 от 21 апреля 1915 г. из Эрзурума, от главы «Специальной организации» Бежаеддина Шакира вали Харпугта Сабит-бею, для передачи делегату КЕП, 21 апреля 1915 г., зашифрованная и расшифрованная версии: «Takvim-i Vakayi» № 3540. P. 6, col. 1–2; ibid. № 3771. P. 48, col. 1.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien, № 775, doc. № 14 (en anglais), № 347 (en français), № 89, Report about facts to prove the Culpability of Cemal bey in the Deportation of Armenians of Erzerum and Dersan; Kaiser H. Op. cit. Pp. 141–142. Автор выявляет роль Хулуси в уничтожении полей Терджана и Кемаха.

⁶ Ibid. P. 134.

⁷ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, f° 62, свидетельство Погоса Варданяна от 5 августа 1916 г.

армянское население в покое. Третий блок, который возглавили вали, депутат парламента Сейфуллах и городская верхушка младотурок, потребовал «истребить всех армян, выселить их из их домов и затем уничтожить всех до одного». Дата проведения этого тайного совещания позволяет предположить, что Шакир и Филибели Хилми тоже участвовали в дискуссиях, внося на рассмотрение своих эрзурумских друзей «патриотические» соображения Центрального комитета младотурок. Вполне возможно, что в процесс принятия решения были втянуты местные правящие круги и элита во всех вилайетах. Это предположение подкрепляется содержанием сообщения, которое Шакир направил из Эрзурума представителю комитета «Единение и прогресс» в Харпуте Реснели Назиму в последний день эрзурумского совещания 21 апреля 1915 г.¹

Далее, телеграмма, посланная вали Тахсином министру внутренних дел 13 мая 1915 г.², подтверждает, что армия играла центральную роль в первых операциях, направленных на очистку региона от армян. Точнее, она подтверждает, что комитет «Единение и прогресс» предпочел отдавать свои приказы о депортации военному начальству с целью узаконивания своих заявлений об обеспечении безопасности армейского тыла. Однако за этим официальным фасадом, как видно из рассылаемых министром внутренних дел инструкций, прятались, с одной стороны, административный аппарат, а с другой, сеть младотурок. В то же время не следует забывать о настоящей враждебности некоторых высокопоставленных правительственных чиновников по отношению к применяемым мерам, которую они испытывали либо из-за нежелания выполнять такие задания, либо, как в случае с Хасаном Тахсином, потому что осознавали все негативные последствия депортации для местной

экономики, обеспечения армии и, в целом, для поддержания социальной стабильности в вилайете. Тахсин, кроме того, испытывал неловкость от заявлений об армянском мятеже, который он считал невозможным. Он предлагал разрешить гражданскому населению оставаться в собственных домах³. Но в официальном ответе министра внутренних дел от 23 мая гражданским властям восточных вилайетов было рекомендовано подчиняться приказам военных⁴, иначе говоря, командиру 3-й армии, полномочия которой распространялись на шесть восточных вилайетов.

К сожалению, в сборнике документов за 1915–1920 гг., изданном главным управлением Государственного архива, отсутствует направленный вали приказ о депортации, возможно, из-за его неофициального характера. По свидетельству Себуха Агуни, в распоряжении которого в свое время побывало множество документов, этот приказ поступил в Эрзурум 5 мая 1915 г.⁵, еще до того, как кабинет министров принял 13 мая⁶ официальное решение о депортации армянского населения и 27 мая издал «закон»⁷. Таким образом, между политическими решениями Комитета партии «Единение и прогресс», их обсуждениями в провинциях и официальным принятием прошел заметный промежуток времени. Единственным косвенным источником информации о содержании разосланного местным правительствам сообщения является постановление Совета министров, которое еще несет отпечаток воинственных настроений Иттихада и имеет менее официальный характер, чем опубликованный двумя неделями позже «закон о временной депортации». Это постановление фактически выполняло функцию пропагандистского заявления и объявляло армян «замешанными в опасных операциях, сотрудничающими с врагами, уничтожающими невинное (му-

¹ «Takvim-i Vakayi», № 3540. P. 6, col. 1–2 (cf. p. 69).

² Зашифрованная телеграмма вали Эрзурума, Тахсин-бея, министру внутренних дел от 13 мая 1915 г.: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XLIX, U 285, оригинал на османском, армянская транскрипция и перевод на французский.

³ См. выше, с. 259–260.

⁴ BOA, DH. şfr № 53/93, телеграмма Талаата в вилайеты Ван, Эрзурум и Битлис от 23 мая 1915 г.: Osmanlı Belgelerinde Ermeniler (1915–1920), T.C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, Armenians in Ottoman Documents (1915–1920), № 25, Ankara, 1995, s. 36–37.

⁵ Агуни С. Указ. соч. С. 134.

⁶ BOA, Meclis-i Vükelâ Mazbatası, 198/163, решение кабинета о депортации от 13 мая 1915 г.: Armenians in Ottoman Documents (1915–1920). Op. cit. Pp. 33–35.

⁷ См. выше, с. 232, примечание 4.

сульманское) население и устраивающими мятежи»¹.

Возможно, лидеры Иттихада после опубликования их постановления, которое было предназначено для внутреннего использования, пришли к заключению, что оно, скорее всего, не будет выглядеть убедительным за пределами Османской империи. Во всяком случае, приказы о депортации в трех восточных провинциях Ван, Битлис и Эрзурум были отданы до принятия кабинетом министров какого-либо решения. Центральный комитет использовал для распространения приказов свои каналы, но там скоро осознали, что, несмотря на присутствие в провинциях своих представителей, программу по уничтожению нельзя приводить в движение без предоставления местным властям юридического обоснования планируемых действий. Иными словами, вначале комитет «Единение и прогресс», безусловно, планировал проводить операции по своей обычной схеме, т.е. тайно и без малейшего юридического основания, но затем отменил это решение.

Не случайно, что в тот самый день, когда Талаат утвердил депортации из вилайета Эрзурум, т.е. 23 мая, министр почтово-телеграфного агентства приказал уволить всех своих армянских сотрудников в провинциях

Эрзурум, Ангора, Адана, Сивас, Диарбекир и Ван². Несомненно, такие меры предосторожности диктовались стремлением обеспечить конфиденциальность распоряжений и скрыть характер приказов.

Первые операции в отношении армянского населения были настолько жесткими, что, несмотря на многочисленные меры, предпринятые для их сокрытия от общественности, немецкий вице-консул Шойбнер-Рихтер был вынужден предупредить свое посольство. В свою очередь д-р Мортдманн, ответственный в посольстве за «армянское дело», потребовал объяснений от министра внутренних дел. Талаат ответил, что против армян в Эрзуруме, вовлеченных в заговор, были выдвинуты очень серьезные обвинения³. Доказательством вины он называл обнаружение «бомб», формулировка, к которой министр внутренних дел часто прибегал в своих разъяснениях, хотя в донесениях немецкого дипломата и официальной корреспонденции, опубликованной главным управлением Государственного архива, изобилующей такого рода обвинениями, нет упоминания о «бомбах» в Эрзуруме. Это, конечно, были измышления Талаата. Вместе с этим он не упустил возможности сообщить немцам, что решение о депортации армян является окончательным.

Депортации из Эрзурума и окрестных деревень

Сразу после принятия решения власти Эрзурума приступили к депортации армян согласно заранее разработанному плану. Как достаточно ясно представлено в порегиональной хронологии депортации, стратегия заключалась в том, чтобы сначала эвакуировать восточные казы вилайета, а затем сельские районы вокруг столицы провинции с целью изоляции армянского населения Эрзурума и устранения любой возможности оказания ему помощи извне. На основании исследованных фактов можно также сделать вывод о том, что организаторы депортации не только стремились очистить города и деревни, располагающиеся вдоль намеченных маршрутов, но и

меняли эти маршруты, чтобы как можно дальше отделить колонны депортируемых друг от друга и таким образом снизить риск оказания сопротивления. Помимо этого, в Эрзуруме комитет по депортации решил включить в первый конвой людей определенной социальной категории, в частности крупных купцов и торговцев. В нашем распоряжении нет источников, объясняющих такое предпочтение, но поспешное изгнание именитых людей, которые были обузой для Тахсина и наверняка имели поддержку среди местного турецкого населения, кажется достаточно предусмотрительным шагом после ареста в конце апреля политической и интеллекту-

¹ BOA, Meclis-i Vükelâ Mazbatası, 198/163, решение кабинета о депортации от 13 мая 1915 г.: Armenians in Ottoman Documents (1915–1920). Pp. 33–35.

² BOA, DH. şif № 53/89, рассылка из офиса министерства почты и телеграфа от 23 мая 1915 г.: Armenians in Ottoman Documents (1915–1920).

³ Kaiser H. Op. cit. P. 137, цитирует два письма от Мортдманна и Вангенхайма вице-консулу в Эрзурум от 29 и 30 мая 1915 г.

альной элиты. Тем не менее у постепенной изоляции Эрзурума были и свои недостатки. Новости о массовых погромах сельских жителей на равнине или в отдаленных казах быстро дошли до армянских властей. Архиепископ Смбат Саадетян, как было принято в Османской империи, отправился на прием к вали, чтобы узнать, какая участь ждет Эрзурумских армян. Он спросил Тахсина, почему были убиты многие призывники, включенные в состав трудовых батальонов (*amele taburisi*) с 14 мая, и почему армянские крестьяне с Эрзурумской равнины, которых 16 мая отправили в Мамахатун в трех больших караванах, подвергались систематическим погромам в окрестностях Эрзурума¹. Как это случилось раньше (мы уже знаем, что вали и мутесарифы в Ване и Битлисе/Муше до последнего момента изображали дружеские отношения с армянскими гражданскими и религиозными лидерами), Тахсин приложил все усилия, чтобы разуверить прелата и выразить сожаления

о прискорбных инцидентах, которые никогда более не повторятся, поскольку им приняты все необходимые меры для предотвращения нападений «курдских бандитов» на конвои депортируемых армян.

Немецкий вице-консул Шойбнер-Рихтер тоже сообщил вали о своем осуждении массовых погромов, которые учинялись против депортируемых. В ответ Тахсин-бей выразил сожаление и заверил, что такое больше не повторится. Одновременно он оправдался тем, что «реальной властью» в регионе обладает Махмуд Камилъ². И все-таки высшему эшелону власти не хватило всех этих ухищрений для того, чтобы скрыть истинные цели Иттихада. Правда, ни прелат, ни дипломат не могли знать одной вещи: за официальной фигурой Тахсида стоял хорошо организованный аппарат, подчиненный «специальной организации», которым руководил один из лидеров Центрального комитета младотурок Бехаеддин Шакир.

Первый конвой из Эрзурума

Очевидно, что отправка первой группы 14 июня не осталась без внимания немецкого вице-консула, тем более что в нее входили наиболее влиятельные армянские семьи Эрзурума³. Правда, он обладал лишь очень скудной информацией: на самом деле ему было известно только, что в пути убили мужчин из обоза. Описания того, как палачи вершили свои дела, нам могут дать только свидетельства людей из той группы, оставшихся в живых. Шушаник М. Тигранян

и Аделина Мазманян были в том конвое и переносили вместе со всеми выпавшие на их долю тяжкие испытания. Показания этих двух женщин взаимно подтверждают дату отправления, 16 июня 1915 г., и число семей в конвое — 25, т.е. всего около 150 человек⁴. Они, правда, расходятся в числе жандармов, сопровождавших конвой. Одна называет 30, а другая — 50, но обе одинаково указывают имя командира жандармов — капитан Нусрет⁵. Мазманян даже называет почти все

¹ BNu/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, ff. 64–67, свидетельство Погоса Варданяна от 5 августа 1916 г.

² Kaiser H. Op. cit. P. 139, депеша в посольство от 22 июня 1915 г. Сулейман Нуран-паша, врач-дёнме, родился в Салониках, член генерального совета Иттихада, в то время был официальным директором военных служб здравоохранения 3-й армии; вероятно, однако, что он также был в Эрзуруме для помощи доктору Бехаеддину Шакиру. Он, кроме того, считается ответственным за казнь армянских военных врачей и за проведение экспериментов над гражданским населением, когда пациентам вводили зараженную тифом кровь, проводимых в регионах Эрзурум, Сивас и Эрзинджан: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien de Constantinople, Э 154–156, dossier de Süleyman Nuran paşa.

³ Ibid. P. 139 et n. 64. BNu/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, ff. 56–70, 78–91, f° 65 v°, свидетельство Погоса Варданяна от 5 августа 1916 г.: крупнейшие семьи получили приказ готовиться к отъезду 28 мая.

⁴ BNu/Fonds Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, ff. 9–17, свидетельство Шушаник М. Тигранян, Les premiers exilés partis d'Erzerum; BNu/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, ff. 52–55, свидетельство Аделины Мазманян.

⁵ Согласно Шойбнер-Рихтеру, в конвое было 15 жандармов и 500 депортированных: Kaiser H. Op. cit. P. 139. Выживший из пятого конвоя, Арменак Мадатян, который покинул Эрзурум в начале июля, дает ошибочную дату отправки — 14 июня: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien de Constantinople, Э 107 APJ, doc. N° 56.

семьи, находившиеся в обозе: Мазманяны, Казаняны, Оганяны, Жанисяны, Арушаняны, Сеферяны, Тиграняны, Налбандяны, Оскерджаны, Месрияны, Степаняны, Сарафьяны, Даниеляны, Мовсесяны, Мушегяны, Самуэляны (две последние семьи из Кыгы), Караюляны, Тер-Мелкисетегяны, Кеосеяны, Мозяны и Джирегяны. Эти семьи везли с собой на мулах тридцать выюков с вещами. Вначале они разбивали лагерь, при этом соблюдался следующий ритуал: каждый жандарм выбирал семью и садился трапезничать за стол, который они накрывали под навесом. Этот первый конвой был в какой-то степени особым, поскольку продвигался в достаточно комфортных условиях. Кроме того, он шел не северо-западным маршрутом по направлению Эрзинджана, где можно было наткнуться на «поля смерти», находившиеся под контролем «батальонов мясников» «Специальной организации», а юго-западным, ведущим в Кыгы и Балу.

На третий день отношения между жандармами и подконвойными стали меняться. Капитан Нусрет предложил своим «подзащитным» выделить ему шестьсот турецких лир, чтобы откупиться от курдских бандитов, преследовавших конвой¹. Через одиннадцать дней пути обоз прибыл в казу Кыгы недалеко от деревни Шог, где им стали угрожать курдские чете. По свидетельству Мазманян, староста соседнего села Хуснибей пообещал за 260 турецких лир взять их под защиту от курдов на одну ночь. Именно в Шог караван был ограблен и были убиты трое мужчин: Мушегян, Акоп Самуэлян и Назарет Кегишян (уроженец Арабкира)². Тигранян отмечает, что во время первого акта разворачивающейся трагедии чете напомнили им, что революционеры вырезали население Вана, «вырвав плоды из утроб матерей и обесчестив молодых женщин». Они воспользовались этими ложными слухами,

которые распространяла турецкая пресса для оправдания своих собственных преступлений.

Однако худшее было еще впереди. На следующий день в часе ходьбы от Шога, когда конвой пробирался через густой лес, армянских выслаемых окружили не менее тысячи курдов под командованием двух главарей чете из «Специальной организации» Зийя-бега из Башкэй³ и Адиль-бея (его настоящее имя Адиль Гюзель-заде Шериф)⁴, которые выжили за определенную плату проводить их до Харпута. Еще они обещали привести из Кыгы пятьдесят жандармов для обеспечения защиты каравана от местных курдских и турецких простолюдинов. Вскоре после этого раздался свист. Руководивший конвоем капитан жандармерии Нусрет отступил в сторону, началась резня⁵. По свидетельству Мазманян, чете убили одного из редакторов газеты «Арадж» Арташеса Кагакяна, а также Галуста Карапетяна. Среди других убитых: Ованес Арменак, Диран и Рубен Ханесян и трое детей Ханесян; Мхитар, Арам, Мушег и Сатеник Месрыгян и двое их детей Месрыгян; Левон и Ваган Мазманян (их сестры, наша свидетельница и ее младшая сестра Вардануш, были похищены курдами); Акоп Карагулян и его жена Армик (двое их детей, Нвард и Григорий, пропали); Ерванд Кеосеян и его дети Арам и Тигран; братья Андраник; Мартирос Гарниг Тигранян, их замужняя сестра Агави Мнацаканян и двое ее детей; Аршак, Саркис и Григор Сеферян; Карапет, Левон и Сираган Арзанян; Баграт Даниелян; Торос Оганян (его дочь Майрануш похищена Зийя-беем); Сираган Геогушьян; Петрос из Харпута; Акоп Налбандян и его сын; Арутюн и Акоп Алзугян; Ованес Тер-Мелкисетегян, его сын Амбарцуми и его внук; Тигран Оскерджан и его сыновья Ерванд и Арутюн; Арутюн Сарафьян; Арутюн Степанян; Геворг Газигян; Карапет Акоп Зерегян, а также другие старики, же-

¹ Свидетельство Шушаник М. Тигранян, doc. cit., f° 9v.

² Свидетельство Шушаник М. Тигранян, doc. cit., f° 10; свидетельство Аделины Мазманян, doc. cit., f° 52; предложения брака и обращения, естественно, последовали, но были отклонены.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien, № 348–349, Sur le chemin du calvaire: Erzerum, утверждает, что одним из лидеров чете в вилайете был курд Зия-бек, родственник депутата парламента Эрзурума, Сейфуллаха.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien, № 218–219, лиц, ответственных за депортацию резню в Эрзуруме.

⁵ Свидетельство Аделины Мазманян, doc. cit., f° 53. Резня в Шог также описывается свидетелем, родившимся в Кыгы, который утверждает, что главы семьи были убиты чете под командованием Язылчи-заде Хусни-бея: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 351–356, отчеты на английском языке о массовых убийствах в Эрзуруме.

щины и дети, чьи имена наша свидетельница «не помнит»¹.

По свидетельству Шушаник Тигранян, чете скоро сменили курдские женщины, вооруженные ножами. Они налетели на оставшихся людей с криками «пара, пара» [деньги, деньги], а затем начали обыскивать и грабить трупы². Обе женщины подтверждают, что в этой резне удалось уцелеть двум мужчинам благодаря тому, что они были одеты в женское платье. Это были Ваган Тигранян, он был ранен, и слуга по имени Барсег, уроженец Вартага. Шушаник добавляет, что перед тем, как с мужчинами расправились, они защищались и убили семнадцать курдов³. Нескольким женщинам и их детям удалось укрыться за капитаном Нусретом и тем самым избежать резни, но не оскорблений палачей и их рассказов, как они «кромсали мужей и детей [этих женщин] на куски». Несколько молодых женщин, которых раздели донага, отказывались следовать за Нусретом в таком виде. В конце концов, жандармы принесли им одежду, испачканную кровью других убитых людей из обоза. Несколько курдов продолжали избивать ребенка. Старик попросил оставить ребенка в покое, он сказал: «Жаль его, оставьте его мне, зачем убивать? Он вырастет и сможет что-нибудь делать». В итоге ребенка оставили в обозе. Из всех выживших еще десять женщин забрали курды. Среди них были: Нвард Карагулян, Майрануш Оганян («она сейчас с чете Савином в деревне в районе Диарбекира») и Вардануш Мазманян.

После того как миновали Балу, тридцать или около того оставшихся в живых прошли через деревню Базу, где земля была усеяна трупами и практически не было никаких признаков жизни. Выжил только один 25-летний мужчина, который спрятался в шелковице⁴. Когда группа достигла Харпутской равнины (обратите внимание на интересную деталь) и добралась до небольшого городка Хьюсейниг, армянское население там еще не депортировали. Когда жители, по словам Шушаник Тигранян, увидели состояние своих соотечественников из Эрзурума, они начали понимать, что их ждет. Депортация населе-

ния из главного города вилайета Харпута началась именно с прибытием этой группы оставшихся в живых армян. Сразу отправили по этапу прелата Бсага Вардапета и других сановных лиц. Депортируемые поняли, что их надежды на помощь соотечественников были напрасными. Вскоре оставшиеся тридцать женщин и детей были обращены в ислам и распределены по разным турецким домам, где некоторые (Гаянэ Налбандян и Назениг Зерегян) обрели новых мужей⁵. После того как депортированные женщины пробыли там сорок дней, они были схвачены полицией в домах, куда их разместили. Единственный выживший мужчина Ваган Тигранян был брошен за решетку к еще девятистам армянам, находившимся в тюрьме Харпута. По свидетельству Шушаник Тигранян, каждую ночь из тюрьмы забирали небольшую группу из этих людей, выводили за пределы города и убивали. Однажды ночью в тюрьме вспыхнул пожар. Власти заявили, что за пожар несут ответственность фидайи. И в этом была доля правды: огонь распространился от костра, в котором горели трупы двадцати армянских «фидайи»⁶.

Шушаник Тигранян несколько раз пыталась спасти своего деверя Вагана Тиграняна, апеллируя к военным властям. Оказалось, что командир гарнизона в Мамурет-уль-Азизе Сулейман Фаик знал ее семью, Тер-Азарянов. Фаик пообещал проследить, чтобы Вагана Тиграняна не убили, при этом (чтобы продемонстрировать благородство своего поступка) напомнил Шушаник о том, что местные власти получили «приказ из Стамбула, повелевающий [туркам] стереть с лица земли всех армян до одного». Тогда Шушаник Тигранян спросила, почему в таком случае оставили в живых ее и других женщин. Ответ бригадного генерала был прозаичным и в некотором роде характерным для тюркизма иттихадистов: «Потому что наши женщины совершенно необразованны, и мы хотим использовать армянских женщин для улучшения нашей семейной жизни». Шушаник самой пришлось на практике столкнуться с воплощением в жизнь взглядов этого функционера младотурок. Одна турецкая

¹ Ibid.

² Свидетельство Шушаник М. Тигранян, doc. cit., ff. 10–11.

³ Ibid.

⁴ Ibid., f° 12v°.

⁵ Свидетельство Аделины Мазманян, doc. cit., f° 55.

⁶ Свидетельство Шушаник М. Тигранян, doc. cit., f° 13.

семья захотела женить своего сына на ее двенадцатилетней дочери. Девушка воспротивилась, оправдываясь тем, что люди, желающие взять ее в свою семью, убили ее отца. Фактически около двухсот женщин и девушек из разных мест, нашедших к тому времени приют в Харпуте, склонили к принятию ислама¹. Власти организовали специальную церемонию, в ходе которой турецким семьям была предоставлена возможность выбрать себе невестку.

На примере этих действий можно оценить характер отношений, которые впоследствии установились между семьями молодых людей. Например, родня со стороны зятя Шушаник потребовала, чтобы она достала средства для продолжения его обучения в Константинополе. Очевидно, некоторые люди были осведомлены о том, что у этих богатых семей есть счета в эрзурумском

филиале Османского банка. Они, однако, не знали, что директора этого банка в Константинополе установили лимит для армянских депортированных лиц, позволяющий одному человеку снимать не более двадцати пяти турецких лир². Запрос Шушаник Тигранян о выдаче ей денег, который она сделала от своего прежнего имени, банк удовлетворил через две недели, прислав ей пятьдесят турецких лир, которых было достаточно, чтобы отделаться от «родственников». Эти формы давления вынудили армян обратиться в американское консульство, где их, по всей вероятности, хорошо приняли. С приближением даты церемонии обрезания ее сына Петроса Шушаник решила бежать в Алеппо³. А Аделина Мазманян приняла решение вернуться в Эрзинджан, а затем через Дерсим в Эрзурум, который, как она узнала, покорился русским⁴.

Второй конвой из Эрзурума

После того как был отправлен первый конвой, председатель Эрзурума Смба́т Саадетян, получивший точные сведения о массовых убийствах в санджаке Эрзинджан, отправился на прием к вали и немецкому консулу. Вали дал обещание, что армян Эрзурума не тронут и что случаи, о которых он только что узнал, никогда не повторятся. Немец, в свою очередь, пообещал предоставить армянскому епископу защиту. Предстоятель позволил себя уговорить и призвал свою паству к повиновению. Второй конвой вышел 18 июня 1915 г. по направлению к Байбурту. Он был сформирован из тысячи

трехсот семей среднего класса, к которым по пути присоединились еще триста семьдесят семей из небольшого городка Гармирак (в казе Киским), в целом около десяти тысяч человек. Их конвоировали сотни жандармов под командованием капитанов Муштага и Нури, которые подчинялись двум главарям Специальной организации, каймакаму Кемаха и Козукджи-оглу Муниру⁵. Два оставшихся в живых участника этого конвоя Карапет Деирменьян и Арменаг Сирунян позже рассказывали о своем прибытии в Пирнагабан, деревню на полпути между Эрзурумом и Байбуртом: «Нам встретился автомобиль,

¹ Ibid., f° 12v°-13. Другие армянские источники вкратце рассказывают о судьбе этого конвоя и о том, что случилось с выжившими в Харпуте: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien, t. 358-360, rapport на английский язык о массовых убийствах в Эрзуруме, § 723-726, Faits et documents, doc. № 29, Les déportations des Arméniens d'Erzerum; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien, t. 348-349, Sur le chemin du calvaire: Erzerum; BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 59, Erzerum, f° 3, свидетельство Альфонса Аракеляна из Эрзурума, Алеппо от 24 февраля 1919 г.

² Автор исследования об Османском банке отмечает, что общая сумма, которая могла быть выплачена клиентам «в настоящее время путешествующим», была ограничена 1500 фунтами, потому что «без сомнения, решение о предоставлении аванса было сделано в конце дня», и потому, что счета были заморожены в феврале 1916 года: *Autheman A.* Op. cit. P. 238.

³ Свидетельство Шушаник М. Тигранян, doc. cit., f° 13. Когда она написала это свидетельство, некоторые из этих женщин по-прежнему держали в Харпуте.

⁴ Свидетельство Аделины Мазманян, doc. cit., f° 55.

⁵ Агуни С. Указ. соч. С. 141; BNU/Fonds Andonian, P.J. 1/3, liasse 59, Erzerum, ff. 3-4v°, свидетельство Альфонса Аракеляна, Алеппо, от 24 февраля 1919 года; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien de Constantinople, t. 358-360, § 723-726, Faits et documents, doc. № 29, Les déportations des Arméniens d'Erzerum.

Депортации и погромы: Эрзурум

в котором сидели известный д-р Бехаеддин Шакир и Отуракджи Шевкет... Позднее мы узнали, что они возвращались из Испира, где провели операцию по истреблению всех живущих в этом районе армян»¹. Караван прошел через Байбурт, в котором уже не было армянского населения, и без препятствий достиг моста, соединяющего берега Евфрата у входа в Кемахское ущелье. Здесь банды чете под руководством Отуракджи Шевкета и Хурукджи-заде Вехиба разделили депортируемых на группы. Несколько сотен мужчин отделили от остального состава, и караван в сопровождении чете продолжил свой путь на юго-запад в район под Гасанова. Ополченцы Специальной организации отобрали деньги у депортированных, которые перемещались пешком или на телегах и каждую ночь раскидывали свои шатры, после чего приступили к первой резне. После этого конвой отправился дальше, миновал Эгин/Акн и Арабкир и, наконец, прибыл в Малатю. Депортированные разбили лагерь в местечке под названием Бей Бунар, где охрана из Эрзурума передала их местным властям, прежде всего, мутесарифу Малатю Решид-бею².

Когда караван добрался до горного района Кяхта южнее Малатю и восточнее Адиямана, перед людьми неожиданно предстала ужасающая картина: ущелье, расположенное в непосредственной близости к Фиринджилару, было заполнено трупами армян из предыдущих конвоев. На самом деле они пришли на одно из главных «полей смерти», регулярно используемых «Специальной организацией». Оно находилось в распоряжении депутата парламента из Дерсима Хаджи Балаш-заде Мехмеда Нури и его брата Али-паши, в подчинении у которых были два курдских главаря из рода Решван Зейнел-

бей и Гаджи Бедри-ага, а также отставной офицер жандармерии Битлисли Эмин³. Как только караван достиг ущелья, Зейнел-бей начал с вершины руководить операцией, следуя хорошо отлаженному ритуалу. Сначала он приказал отделить от конвоя и предать смерти мужчин. Операция длилась целых полтора часа. По свидетельству находившегося в караване Альфонса Аракеяна, было убито три тысячи шестьсот человек, и около сотни мужчин остались в живых⁴. Позднее один из спутников Аракеяна Саркис Манукян назвал другую цифру. По его свидетельству, в тот день в Кяхтинском ущелье погибли 2115 мужчин⁵.

На следующий день депортированные, к которым присоединились оставшиеся в живых мужчины, лицом к лицу столкнулись с вновь прибывшим надзирателем (муфетиш), «официальным» представителем мутесарифа Малатю и каймакама Адиямана. Муфетиш приказал обыскать депортированных и конфисковать «шатры, ковры и все, что может представлять ценность», в том числе часы, украшения, деньги и чеки. Затем подконвойные снова отправились в путь. В этот раз они встретили каймакама из Адиямана Нури-бея, который, возможно, прибыл, чтобы оценить последствия проведенной над армянами операции, а также чтобы потребовать причитающуюся Специальной организации долю имущества армян. Установленный маршрут привел караван обратно к берегам Евфрата в Самсад, где жандармы бросили «больных и увечных» в реку и ушли с молодыми женщинами и детьми. Через четыре месяца после выхода из Эрзурума второй конвой, а точнее, «то, что осталось от приблизительно шестидесяти семей», прибыл в Сурудж (в санджаке

¹ Ibid. На окраине Эрзинджана, на пути в Кемах, где конвою пришлось остановиться на некоторое время, депортированные также видели вали Эрзурума и Трапезунда, каймакама из Байбурта, а позднее и вали Сиваса, а также различных мутесарифов и каймакамов. Эти чиновники, вероятно, находились в этом районе, чтобы скоординировать свои действия: BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, f° 68v°, свидетельство Погоса Варданяна от 5 августа 1916 г.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien de Constantinople, t. 358–360, § 723–726, Faits et documents, doc. № 29, Les déportations des Arméniens d'Erzerum.

³ BNU/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, f° 4v°, свидетельство Альфонса Аракеяна. Колонны депортированных из регионов Эрзурум, Сивас, Битлис и Харпут почти все проходили через ущелье Хахта, где их уничтожали те же отряды.

⁴ Ibid; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien, t. 358–360, § 723–726, Faits et documents, doc. № 29, Les déportations des Arméniens d'Erzerum.

⁵ Kaiser H. Op. cit. P. 157, n. 152, свидетельство германского консула в Алеппо, Вальтера Рёсслера Бетману Гольвегу от 30 ноября 1915 г.

Урфа), откуда их увели в направлении Ракка и Сирийской пустыни¹.

Благодаря свидетельству Погоса Варданяна мы знаем, что случилось с мужчинами, которых отделили от конвоя в Кемахе. В этой группе было приблизительно от девяти сот до тысячи человек. Конвоиры подвергли их на дороге тщательному обыску и отобрали принадлежавшие им вещи. Триста человек сразу же загнали в хлев и оставили без пищи и воды. Им приходилось подкупать охранников, чтобы те открыли двери, иначе нечем было дышать, или дали им воды из Евфрата, которую те продавали по стакану. У другой группы, состоящей из ста шестидесяти мужчин, запертых в церкви, охранники изъяли чеки на две тысячи турецких лир в обмен на обещание их освободить. Ранним утром по прибытии командира был составлен список присутствующих с указанием их возраста и происхождения. Тот же офицер сообщил, что их приписывают к трудовым батальонам и в целях безопасности им выгоднее оставить деньги и ценные вещи у него. Едва ли поверив этим обнадеживающим обещаниям, депортированные отдали ему только 14 турецких лир вместе с кольцами и 14 часами. Тогда чете стали выводить людей из хлева, связав их в группы по 15–30 человек. Самых богатых связали по парам, спина к спине, так, что они едва могли передвигаться. Это было 18 июля. Тюрьму тоже освободили от последних узников, около двадцати дашнаков: Вагаршак Зоригян, Петрос Багдигян, Шах-Армен, Ваган Дандигян и другие, попросившие, чтобы их связали и убили всех вместе.

Затем этих связанных мужчин под конвоем повели в сторону Евфрата к мосту через Кемахское ущелье. Операцией руководил известный в районе четебаши Жафер Мустафа, выбравший в горах скалы, на которых мужчин убивали перед тем, как сбросить в бурные воды Евфрата².

Вардан Тер-Азарян должен был погибнуть одним из первых. Он попросил, чтобы

те, кому удастся выжить, рассказали его семье, где он был убит. Чете шныряли среди групп, ожидающих своей очереди на казнь, забирая у них деньги, которые им больше не понадобятся. Некоторые из этих ополченцев, наверное, даже сожалели о том, что им приходится делать такую работу. «Мы всего лишь выполняем приказ правительства», — оправдывались они. Некоторые даже уверяли, что собирают деньги, «чтобы передать их семьям [этих мужчин], удерживаемым в других местах».

К наступлению темноты осталось только десять «связанных групп». Главарь чете Жафер приказал своим людям отказаться от обычных методов, когда они убивали людей по одному, а вместо этого убить всех одновременно. Когда группу мужчин, в которой находился наш свидетель, подтолкнули к краю нависающего над Евфратом утеса, они увидели внизу сотни безжизненных тел. Чете их осматривали и приканчивали раненых штыками³. Из этой последней группы, которую расстреливали уже в сумерках и не осматривали так тщательно, как днем, уцелели четверо раненых мужчин: Погос Варданян, наш свидетель, Петрос Багдасарян и двое крестьян с равнины Ерванд Клоян и Арутюн Мнацаканян. Сначала они пробирались на восток по левому берегу Евфрата, а затем решили пойти в Дерсим, где, как им точно было известно, армянские депортированные находятся под защитой местных курдов. Петрос, в конце концов, упал в песок, так как у него не было сил идти дальше⁴.

22 июля после четырех дней пути мужчины добрались до Дерсима, где курды накормили их и отправили на свои горные пастбища. Григор, армянский сирота десяти-двенадцати лет, встретившийся им на пути, проводил Погоса Варданяна и отдал ему в дорогу весь свой хлеб. Продвигаясь в глубь дерсимского района, Погос встретил шестнадцать армян из Кампоса/Когха (в казе Испир/Спер), а затем 28 июля две семьи из Эрзинджана. Жен-

¹ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, f° 4v, свидетельство Альфонса Аракеляна; Зашифрованная телеграмма от 23 июня 1915 г. [23 Haziran 1331] от каймакама из Байбурта вали Эрзурума, кажется, имеет отношение ко второму конвою. Она содержит информацию об отслеживании депортаций со стороны местных органов власти. «Сообщаю вашему превосходительству, что конвой из Эрзурума, который был здесь до недавнего времени, вышел сегодня под руководством императорского окружного прокурора и сопровождается значительным эскортом»: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, t 758, № 49.

² BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, ff. 84–85, свидетельство Погоса Варданяна от 5 августа 1916 г.

³ Ibid., f° 85 r°-v°.

⁴ Ibid., f° 86–87.

щины накормили его и обработали раны¹. Эта семья была не единственной, нашедшей убежище в Дерсиме. Варданян встретил там и других армян, например, священника Арсена Аршакуни из деревни Эрганс (в казе Эрзинджан), который жил в то время в ла-

гере Али Саид-ага. Наш свидетель оставался в этом же лагере на протяжении десяти месяцев до весны 1916 г., когда Эрзинджан взяли русские. Когда он вернулся в Эрзурум, армянские районы были в руинах, а дома его бывших соседей сожжены до основания².

Третий конвой из Эрзурума

Третий караван вышел из Эрзурума 29 июня 1915 г. Его сформировали приблизительно из семи-восьми тысяч человек, включая пятьсот семей из района Хоторджур, и направили к Байбурту и Эрзинджану. В Ичкале, в десяти часах ходьбы от города, отобрали из каравана и убили триста мужчин. Позднее в Кемахе от конвоя отделили всех оставшихся

мужчин и погнали их в ущелья Евфрата, где, скорее всего, тоже убили. Но перед тем как окончательно сдаться, сотни мужчин из этой группы защищались от чете. Впоследствии известный нам Зейнел-бей уничтожил оставшихся в живых в ущелье на юге Малатьи. До Мосула добрались лишь несколько десятков женщин и детей из этого конвоя³.

Четвертый конвой из Эрзурума

Четвертый караван вышел из Эрзурума на Байбурт 18 июля. В его состав входили от семи до восьми тысяч человек, в основном рабочие военных заводов, семьи солдат, военные врачи и аптекари, вместе с которыми шли архиепископ Смбат Саадетян, председатель епархии, и отец Нерсес, прелат Гасанкале⁴. Саадетян оказался в числе первых жертв этой группы. Чете заставили его рыть собственную могилу на эрзинджан-

ском кладбище, а затем «разорвали на куски и бросили в нее» под пристальным наблюдением ветеринарного врача греческой армии М. Николаи⁵. Далее начал действовать хорошо отлаженный механизм Специальной организации: мужчин отправили в Кемах, а женщин и детей в Харпут. Около трехсот человек, включая двух переодетых в женскую одежду мужчин, сумели добраться живыми до Джезире, а затем до Мосула⁶.

Депортация с Эрзурумской равнины: казы Басен, Тортум, Испир и Эрзурум

Из предыдущего материала очевидно, что сельские районы освободились от армянского населения гораздо раньше, чем города. Большая часть населения санджака Баязет нашла убежище на Кавказе, а в конце марта начали «перемещать внутрь» послед-

них сельских жителей района Басен⁷. Тем не менее лежащим вдоль русской границы городам и селам, население которых было эвакуировано в декабре 1914 или январе 1915 г., не удалось избежать разбоя. Осенью 1914 г. в процессе военной реквизиции у крестьян

¹ Ibid., ff. 88v-89.

² Ibid., f° 91.

³ Агуни С. Указ. соч. С. 142; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien, № 348-349, Sur le chemin du calvaire: Erzerum; BNu/Fonds *Andonian* A. P.J. 1/3, liasse 59, Erzerum, f° 4v, свидетельство Альфонса Араке-ляна.

⁴ Агуни С. Указ. соч. С. 142-143; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien, № 348-349, Sur le chemin du calvaire: Erzerum.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien, L 107 APJ, doc. №. 56, The Murder of the Bishop Smpad Saadetian, prelate of Erzerum, свидетельство выжившего Арменака Мадатяна.

⁶ Kaiser H. Op. cit. P. 159.

⁷ См. выше, с. 321. APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 321, предоставляет список тех, кто взял на себя ответственность за депортации в конце марта 1915 г. в районе Басена: Керим сын Мехмед-бея, Бехди-бек, Ахмед-бек, Решад сын Абдуллы.

села Хосроверана, сорок семей которого в основном зарабатывали на жизнь животноводством, конфисковали половину поголовья скота (800 овец, 1400 коров и 230 буйволов) без выплаты предусмотренной законом компенсации. Одиннадцать мужчин убили во время отступления турецкой армии, семью Мкртчян обратили в ислам, семь человек уничтожили, когда они спасались бегством к российской границе, и бросили на дороге пятерых детей¹. В соседнем селе Ишху, где до войны проживали тысяча сто армян, в самом начале мобилизации для нужд армии было конфисковано семьдесят процентов принадлежащего общине скота (2600 коров и 2700 овец). В дополнение сорок пять мужчин из села призвали на военную службу и от тридцати до сорока на обеспечение военных действий. Последние носили припасы и военное снаряжение к линии фронта на своих плечах. Кроме того, тридцать взрослых людей были убиты на месте во время разгрома в январе 1915 г., еще сорок пять человек умерли по пути на Кавказ и 8 детей были брошены на дороге².

У нас нет прямых сведений о казе Испир, в которой было семнадцать небольших селений с общим армянским населением 2602 чел. Мы знаем только, что жителей этих селений уничтожили где-то в середине июня 1915 г., под непосредственным руководством Бехаеддина Шакира и главаря чете Отуракджи Шевкета³. У нас нет совершенно никаких сведений о судьбе тринадцати сел в казе Тортум (население 2829 чел.), где располагался штаб 3-й армии, и о соседних населенных пунктах в казе Нарман (население 458 чел.)⁴. Самое большое, что мы можем, это предположить, что присутствие армянских крестьян в непосредственной близости к штабу армии не могло просуществовать долго. Полное отсутствие свидетельств говорит о том, что в этих районах вообще не осталось живых и что их постигла судьба Испира.

Нам больше известно о судьбе пятидесяти трех сел Эрзурумской равнины с общим населением 37 480 человек⁵. Если население окрестностей, находящихся в непосредственной близости от Эрзурума, депортировали одновременно с населением самого города, то остальных людей, приблизительно тридцать тысяч, начиная с 16 мая 1915 г.⁶ отправили в направлении Мамахатун в трех конвоях. Учитывая географическое положение депортируемых деревень, создается впечатление, что один из выбранных маршрутов не поддается никакой логике. Так, жителей населенных пунктов к западу от Эрзурума определили в тот же караван, что и жителей населенных пунктов, расположенных к северу от города. Вероятно, стратегия властей (как и в случае с Эрзурумской равниной, который мы рассмотрим позже) заключалась в достижении неуязвимости своей системы за счет отсеечения сел друг от друга, одновременной концентрации сил лишь на нескольких селах или городках и эвакуации жителей сел, расположенных далеко друг от друга, скорее всего, чтобы предотвратить объединение жителей для оказания сопротивления.

В первый конвой входили жители из сел Джифтлиг, Гез, Карарз/Гарарз и Одзни, которые, вероятно, добрались до Эрзурума без потерь. Второй состоял из жителей таких сел, как Илия, Тсидог, Мудурга, Хинтск и нескольких других мест. Их уничтожили, как только они прибыли в Мамахатун. В третьем и последнем конвое эвакуировали крестьян из Умудамы, Бадишена, Таркуни, Угдатсора, Норшена, Ергниса и нескольких других сел. Многие из них порезали в Пиризе, местечке, расположенном поблизости от Евфрата на небольшом расстоянии к северу от Держана. Нескольким жителям все-таки удалось выжить, и они вернулись на равнину, где, в конце концов, нашли убежище в кафедральном соборе Эрзурума⁷.

¹ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, f° 71, свидетельство 55-летнего Никогаяса Базаряна из деревни Хосроверан.

² BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, f° 72, свидетельство 55-летнего Арутюна Минасяна из деревни Ишху.

³ См. выше, с. 362; *Kévorkian & Paboudjian*. Op. cit. P. 442.

⁴ Ibid. Pp. 442–443, 449.

⁵ Ibid. Pp. 429–433.

⁶ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, f° 64, свидетельство Погоса Варданяна от 5 августа 1916 г.

⁷ Ibid., ff. 64–65.

В отличие от конвоев, вышедших из города в июне, эти караваны направлялись через Мамахатун напрямик на Эрзинджан, не заходя в Байбурт. Кроме этого различия, с подконвойными обращались так же, как и с другими армянами вилайета. Сначала часть людей уничтожили при переходе через Кемахское ущелье. Затем оставшихся в живых повели в сторону Эгина и Малаты и убили в Кяхтинском ущелье. Остатки каравана прибыли в пустыни в окрестностях Ракки, Мосула или Дер-Зора. Дерсим был совсем рядом, благодаря чему нескольким сотням людей удалось бежать и укрыться у населения курдских заза/кызылбаеш, проживающих в этом районе¹. Несколько свидетельств жителей этих сел, уцелевших после перехода, которые были получены весной 1916 г., после прибытия в регион русских войск, дают представление о том, что пережили

дерсимские беженцы. Теперь мы знаем, что из двух тысяч пятидесяти человек, населявших село Мудурга до войны, тридцать шесть спаслись, бежав в Дерсим. Население села Шехнотс до депортации составляло семьсот человек. Год спустя не было обнаружено ни одного признака, что хоть кто-то из его жителей остался в живых. Очевидно, лишь нескольким женщинам из Туанджа, где ранее проживало шестьсот девяносто пять армян, пятьдесят из которых были призваны в армию, удалось спастись в пустынях Сирии и Месопотамии. Что касается уцелевших жителей Хинска, нам известно только о трех обратенных в ислам семьях, вернувшихся к своей первоначальной вере после прихода русских, и о тридцати трех беженцах, спасшихся в Дерсима. Семьдесят пять оставшихся в живых жителей Отсни/Одзни ушли в Сирию, и еще двое нашли убежище в Дерсима².

Каза Байбурт

В этой северной казе, включающей примерно тридцать армянских поселений с общим христианским населением 17 060 человек³, правительство младотурок назначило на должность каймакама одного из своих самых известных боевиков Мехмеда Нусрет-бея, выходца из Жанины. Специальная организация, со своей стороны, направила в Байбурт свои войска под командованием лейтенанта Пири Неджати-бея⁴. Этот район, через который пролегали дороги от берегов Черного моря на юг, а также проходила главная дорога, соединяющая Эрзинджан и Эрзурум, был очищен от армян раньше других. Уже 2 мая 1915 г. банды чете захватили армянские села в северной части казы. На следующий день военные власти издали приказ о «перемещении» армянского населения из всех районов, находившихся в пределах семидесяти пяти километров от границы. Первыми были арестованы и убиты знатные жители сельских общин.

Особый поворот в событиях мая—июня 1915 г., объясняется тем фактом, что опе-

рациями того периода непосредственно руководил Бехаеддин Шакир, приехавший из Эрзурума в Байбурт, чтобы лично установить порядок проведения депортации и уничтожения сначала в селах, а затем в более крупных поселениях и городах. Он назначил Нусрет-бея начальником комитета по депортации, в который входили Пири Мехмед Неджати-бей, правительственный служащий Индже Араб Мехмед, начальник полиции Арнавуд Полис, Кефели-оглу Сулейман Паша-заде Хасиб, Вели-заде Тосун, Шахбандар-заде Зийи, Мусух-бей-заде Несиб, Карали Камил, Кондолати-заде Хаси-бей и Индже Араб Йогун Несиб⁵.

Судебный процесс по делу организаторов и исполнителей массовых убийств в Байбурте, который проходил в июле 1920 г. в военном трибунале № 1 в Стамбуле, дает нам сведения, отсутствующие по другим районам вилайета Эрзурум. По свидетельству Адиль-бея, капитана размещенной в Эрзуруме жандармерии, погромы в казе Байбурт были организованы Бехаеддином Шакиром, «председателем Специальной ор-

¹ Агуни С. Указ. соч. С. 141.

² BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, ff. 47–51, села на равнине Эрзурума.

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 439–442.

⁴ В первые месяцы войны Исмаил-бей Арпачи и его сын Ибрагим организовали отряды чете в районе Байбурта.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, @ 322, 325, @ 336–337 (rapport en français): Responsables des déportations et des massacres dans la région de Bayburt.

ганизации и членом Центрального комитета партии, Филибели Ахмед Хилми-беем, представителем партии в Эрзуруме, Саади-беем, племянником сенатора Ахмеда Риза-бея и лейтенантом запаса, и Неджати-беем. Окончательный вердикт, вынесенный военным трибуналом, гласит, что совершенные в этом регионе погромы были первыми преступными действиями, которые обсуждались и по которым выносились решения «штабом [Центрального комитета] партии «Единение и прогресс» и которые проводились под командованием Бехаеддина Шакира¹.

В ходе этого процесса было установлено, что лейтенант Мехмед Неджати умышленно перевел большинство подвижных батальонов жандармерии на фронт, чтобы самому иметь возможность сопровождать конвои депортированных. Иначе говоря, Специальная организация считала, что жандармы могут помешать реализации их планов. Конечно, на процессе Неджати и Нусрет решительно заявили о своей невинности в совершении предъявленных им преступлений. Однако их опроверг Салих-эфенди, бригадный командир жандармерии в Байбурте, давший показания следственной комиссии о том, что некоторым из его людей было приказано арестовывать армейских дезертиров и уклонистов. Жандармы в регионе все-таки не сопровождали караваны депортированных армян, находившихся в руках Неджати-бея, которые так никогда и не дошли до Эрзинджана².

Другие свидетели, например, Хасан-оглу Омер, ответственный за обеспечение снабжения Байбурта, заявил перед комиссией, что лейтенант рабочего батальона Кефали-оглу Кияшиф, Ильяс-оглу Сабит и другие выводили армян из Байбурта несколькими конвоями: «на расстоянии двух часов пути

от Байбурта они отобрали из караванов детей от одного г., до пяти лет и отправили их назад в город». Али Эсад-оглу Эфенди, уроженец Баштукара (в казе Сурмене), добавил, что Нусрет был близким другом Тахсин-бея и послал в Бинбашихан сто пятьдесят сирот, где предложил жителям села «усыновить» понравившихся детей. Все свидетельства сходятся в том, что местечко Дейирмендере, расположившееся у первых отрогов Понтийских гор к северу от города, было местом казни большинства депортированных армян³.

Получается, что комитет «Единение и прогресс» с самого начала планировал сохранить детей до пяти лет с целью их ассимиляции в больших турецких семьях. Установленный возрастной предел предполагал, что дети в столь юные годы не запомнят своего происхождения. Интересно, что армянские женщины и дети были востребованным товаром. При «отбраковке» армян критерием была их индивидуальность. Следует отметить, что Нусрет-бей, 44-летний каймакам Байбурта, «совершавший преступления во время депортации армян из его казы», завладел 24-летней Филоменой Нурия из Трапизона и ее младшей сестрой Найме⁴. Как показывают свидетельства оставшихся в живых, Нусрет отправил депортированных в Бинбашихан и Хиндихан, где конфисковал у них все деньги, он лично присутствовал при совершении массовых убийств и с помощью жандармов выбирал себе и увозил самых красивых девушек и молодых женщин. Тем не менее Нусрет утверждал, что конвои депортируемых из Байбурта были отправлены в Эрзинджан. В ответ на это суд указал, что они туда так никогда и не добрались⁵.

Проведенная на этой стадии экспериментирования операция аналогична тем,

¹ Смертный приговор военного суда от 20 июля 1920 г. «Мехмеду Нушрет-бею, каймакаму Байбурта и позже мутесарифу из Арганы, и лейтенанту Нечати-бею, лидеру отряда чете, оба из которых несут ответственность за резню в Байбурте» был опубликован в газете: «Tercüman-ı Hakikat», № 14 136, 5 août 1920. Распространение данного номера издания, однако, блокировалось цензурой. Айказн Казарян, который работал на британские власти в Константинополе в то время, сохранил версию журнала, а затем опубликовал ее факсимильное воспроизведение и армянский перевод в своей книге о геноциде: *Казарян А.* Указ. соч. С. 292–300.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. Свидетелями были Шушаник, Агавни, Варсеник, Арменуи, Хачатур Сеферян и подросток по имени Амбарцум. Нусрет был приговорен к смерти и повешен 5 августа 1920 г. в 5 часов утра на площади Баязида: *La Renaissance*, № 522, 6 août 1920. Приговор военного суда также отмечает, что Нусрет был назначен на

которые будут проводиться в других районах в последующие недели. Первой конкретной акцией стал арест 18 мая 1915 г., известных личностей Байбурта: председателя Анании Хазарапетяна, а также Андраника Бойяна, Акопа и Смбата Агабабянов, Аршака и Мануга Симонянов, Оганеса и Серопа Балянов, Закеоса Айвазяна, Хачига Погосяна, Акопа и Арама Амазаспянов, Вагаршака Дадуряна, Вагаршака Лусигяна, Андраника Сарафьяна, Григора Кейнагеузяна, Амазаспа Шаламяна и еще шестидесяти человек. Арестованных, охраняемых отрядом турецких и курдских чете под личным командованием Нусрета, отправили в село Тигунк, где заперли в принадлежавшем муфтигу Куруджа Коругу хлевце, сначала отобрав у них пожитки. 21 мая каймакам приказал их повесить под бой барабанов на берегу реки Чорох¹.

24 мая начались первые нападения на села: Арук/Арюдзга (население 370 чел.), Джахмантс (население 502 человека), Маласа (население 380 чел.), Хайек (население 361 чел.) и Липан; 25 мая Тумель (население 204 человека), Лесонк (население 981 чел.) и еще не менее десятка сел. Всего было эвакуировано и отправлено в ущелье Хус/Кхус 1775 армян, где они были уничтожены под прямым руководством Нусрета и Неджати бандами чете, которыми командовали Хулуки Хафиз-бей, Касаб Дурак, Дервиш-ага, Касаб Эго, Аттар Фейзи и Лазе Ильяс. 27 и 28 мая 1915 г., были эвакуированы и отправлены в направлении ущелья Хус/Кхус жители еще двадцати четырех сел, которых казнили в более отдаленном месте, поблизости от села Янбасди².

По свидетельству оставшегося в живых участника событий по имени Мкртич Мурадян, турецкое население Байбурта было против депортации армян. Предполагают, что каймакаму пришлось казнить трех турок, чтобы урезонить людей³. И все-таки 4 июня 1915 г., из Байбурта отправился первый караван, за которым 8 июня последовал второй, а за ним 14 июня третий. Всего было

выслано около трех тысяч человек. 11 июня Исмаил-ага, Ибрагим-бей и Пири Мехмед Неджати-бей приступили к разрушению монастырей Сурп Кристапор в Байбурте и Сурп Григор в Лесонке, предварительно подвергнув их ограблению. Конечно, прежде всего, они хотели завладеть монастырскими сокровищами, но одновременно и запустить машину скорейшего уничтожения всех следов тысячелетнего пребывания армян в этом регионе, особенно грандиозных архитектурных памятников раннего Средневековья.

Как свидетельствует Мкртич Мурадян, находившийся в одном из конвоев, вышедших из Байбурта в первой половине июня, они шли по дороге, ведущей из Эрзинджана в Арабкир по мосту через Кемахское ущелье, пока не добрались до Гюмушмадена. Там курдские чете начали методично вырезать депортированных. Нескольким женщинам и детям удалось бежать в село Хуликёй, расположенное между Арабкиром и Харпутом, откуда курдские ага перевезли их в Дерсим. Таким образом спаслись человек восемьдесят. В конце концов, они нашли убежище в Эрзинджане после захвата города русскими войсками⁴.

Кегварт Лусигян, возможно, шедшая в одном караване с Мурадяном, рассказывает, что в двух часах пути от Байбурта мужчин из их группы отделили от остальных и убили. В Плуре на караван напали курдские чете, которые перерезали горло последним мужчинам из их группы Акопу Агабабяну, Закару Шейраняну и брату Кегварт Каралету Лусигяну. Затем чете ограбили депортированных и увезли несколько молодых женщин. В Кемахе женщин, девушек и детей собрали в отдельную группу и раздаривали туркам, специально приехавшим для этого из Эрзинджана. Отобрали четыреста женщин и девушек, но некоторым удалось броситься в воды Евфрата. По словам Лусигян, приблизительно триста женщин из Эрзурума «выдали замуж» за офицеров в Эрзинджане, и еще двести стали «женами» правительственных

должность мутесарифа Арганы и — позже — Урфы, где «он совершил ужасные преступления по отношению к пятнадцати-двадцати тысячам армянских беженцев из различных регионов; он получал повышение после совершения каждого преступления, как доказано неопровержимыми документами».

¹ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 258, Constantinople, 7 février 1919. P. 1 du rapport sur Les Responsables des massacres de Bayburt.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 322, 325, № 336–337.

³ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 11, Bayburt, f° 1, свидетельство Мкртича Мурадяна.

⁴ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 11, Bayburt, ff. 1v²-3, свидетельство Мкртича Мурадяна.

чиновников. Сама она «принадлежала» одному кади по имени Шакир¹.

По-видимому, на этом участке Евфрата

неподалеку от Кемахского ущелья утопили 2833 детей из казы Байбург², вышедших из возраста, пригодного для «усыновления».

Каза Хыныс/Хнус

В двадцати пяти армянских селах казы Хыныс/Хнус, которая располагалась на изолированной территории в южной части санджака Эрзурум, проживало 21 382 человека³. Жители этих селений избежали судьбы других армянских мест региона: они были убиты на своей исконной земле. Как и в других местах, операции начались с ареста элиты. В Хнусе, административном центре казы, был сформирован комитет по депортации под руководством Шейха Саида, в который входили Нусреддин-эфенди, Хаджи Иса, Фехим-эфенди, Шюкрю Махмуд Ага-оглу и Эгид Юзуф Ага-оглу. Этот комитет набрал чете из местного турецкого населения и выступил с публичным заявлением об угрозе исламу со стороны армян, которые якобы готовятся к «воссоединению со своими русскими братьями для уничтожения мусульман»⁴. Первые погромы в казе были проведены в апреле, когда команди отряда чете Ходжа Хамдибей повел своих людей, расквартированных в армянском селе Гопал на востоке казы, в атаку на два соседних населенных пункта Карачобан (с населением 2571 чел.) и Гёвендуг/Геовендуг (с населением 1556 чел.). Чете убили многих крестьян, похитили молодых женщин и ограбили села⁵. Каймакам Хнуса Тахир-бей оказался не менее рьяным исполнителем, когда дело дошло до ликвидации армянских крестьян. Именно он принял на себя командование шестью или семью сотнями чете, набранных комитетом по депортации. В этих отдаленных сельских горных районах тюркская идеология стамбульской знати была менее влиятельной, чем османский ислам, поэтому для мобилизации местных сил прибегали именно к не-

му. Тахир являл собой классический пример правительственного служащего среднего уровня с начальным образованием, питавшего глубокую ненависть к много о себе возомнившим армянам, пытавшимся дать своим детям приличное образование и сделать общественную жизнь хоть немного менее грубой. Точно следуя стратегии, выработанной «Специальной организацией», каймакам начал преследовать слабейших. Первыми жертвами начатой 1 июня 1915 г.⁶, «депортации» стали жители Карачобана или того, что от него осталось. Их согнали в пробитые тающими снегами щели Чагского ущелья, где перерезали горло. В тот же день там же самое проделали с жителями соседнего села Геовендуг. После этого чете напали на села Бурназ/Пурнак (население 449 чел.) и Каракёprü (население 1161 чел.), жители которых были заколоты и забиты до смерти в отдаленных местах⁷.

Задачу по уничтожению оставшегося населения поручили курдскому командиру отряда чете Фейзулле, который начал проводить кампанию в селе Херт (население 408 чел.), после чего напал на село Хозлу (население 1770 чел.), которым управлял курд по имени Моро. Сначала Фейзулла и его чете убили мужчин, а затем начали вырезать женщин и детей, оставляя «самых красивых для себя». Жителей села Еникёй (население 451 чел.) вырезали в курдской деревне Бурхана, куда их позвали соседи, чтобы спрятать. Некоторые жители села Чевирме (население 1361 чел.) нашли свою смерть в селе Кизмуса, в то время как остальных истребили банды Фейзуллы. Самая мучительная смерть выпала на долю жителей Эльбиса

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcate, № 343–344 (en français), dos. № 101, Le récit navrant d'une survivante à Bayburt.

² Krieger. Op. cit. P. 10.

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 434–435.

⁴ BNU/ Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, свидетельство Вагана Миракенца, «Как были истреблены хнусцы», Константинополь, 1919. С. 1 (на арм. яз.).

⁵ Там же. С. 2.

⁶ Kaiser H. Op. cit. P. 138, цитирует немецкие консульские источники.

⁷ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, свидетельство Вагана Миракенца. P. 2.

(население 608 чел.): их «защитник» Шюкрю-бей сжег их заживо в сарае¹.

В первые дни мая отряды Фейзуллы напали на села Агджамелик (население 318 чел.), Газкиг (население 876 чел.), а затем Шабдин (население 391 чел.), Маруф (население 338 чел.) и Думан (население 398 чел.). Все жители этих сел были убиты.

Армян села Яхья (население 305 чел.) уничтожил сформированный в этом же селе гарнизон. Села Хырымкая (население 425 чел.), Салвори (население 245 чел.), Дорухан и Гопал (население 1375 чел.) были стерты с лица земли солдатами под командованием Хаджи Хамди. Благодаря свидетельствам трех человек нам известно, что семьдесят пять мужчин (в т.ч. Израэль Сарксян, Тигран Авдалян, Тико Геворгян и Эго Баригян) из Гопала, села с большим поголовьем скота, арестовали и расстреляли во время наступления русских войск в конце апреля 1915 г. и что остальных жителей

уничтожили расквартированные в этом селе солдаты. Нескольким людям удалось бежать к русским, а одного мальчика, Арутюна Серобяна, усыновили и обратили в ислам курды².

Вероятно, депортации подверглись только жители сел Сарлу (население 540 чел.) и Мезхенгерд (население 75 чел.), расположенных недалеко от Хнуса, которых увели в неизвестном направлении³. Жители последнего, подвергшегося нападению села Харамиг (население 898 чел.), мужественно отбивали атаки чете, под командованием Акопа Харпертси, врачавателя (хекима), практикующего традиционную народную медицину. Жители Харамига продержались две недели, пока у них не кончились боеприпасы. Они несли курдам тяжелые потери.

Нескольких стариков и детей, переживших эту бойню и оставшихся бродить по деревням, собрали в одну группу и через несколько недель депортировали⁴.

Каза Держжан/Мамахатун

Накануне войны по обе стороны южной дороги Эрзурум—Эрзинджан располагалась сорок одна армянская деревня⁵. Они входили в казу Держжан/Мамахатун, и общее армянское население составляло 11 690 человек. Депортация жителей из этих сел началась 30 и 31 мая. Ею руководил депутат парламента от Кемаха Халет-бей, сын бывшего вали Эрзурума Сагара-заде, который сразу после объявления общей мобилизации сформировал отряды чете из мусульман Кемаха и Эрзинджана⁶. Эти банды под

командованием главы рода Балабана Гюлоага были переданы в совместное подчинение мутесарифу Эрзинджана Мемдух-бею и каймакаму Держжана Аслану Хафизу⁷.

По свидетельствам очевидцев, мужчины убивали на месте или в пятнадцати милях к югу в Готер/Готир Кёпрю, где их поджидал отряд под командованием Гюлоага. Там у них отбирали принадлежащие им вещи, перерезали горло и бросали в Евфрат⁸. Оставшиеся в живых свидетели из сел Пулк (население 778 чел.)⁹, Пакарий

¹ Ibid. P. 5.

² BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, f° 74, свидетельство Шаро Назаряна, f° 75, свидетельство Симона Мехитаряна, f° 75v, Арутюн Серовпян из Гопала. Несколько жителей Ашхалу, турецкой деревни, спасли себе жизнь благодаря переходу в ислам в Серинчеке: BNU/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, f° 76, свидетельство Аршага Дердеряна из Ашхалу.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 6.

⁵ Kevorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 437–438. Некоторые из мужчин этих сел иммигрировали в Румынию и Болгарию; меньшее число поселилось в Соединенных Штатах: BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 15, Tercan, ff. 1–3, свидетельство о положении в районе после прибытия русских.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 588, ff. 327–328 (en français), Les exploits du député de Kemah Halet bey.

⁷ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 15, Tercan, f° 2v.

⁸ Ibid; BNU/ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 15, Tercan, f° 10v, свидетельство отца Амбарцума Арутюняна, сельского священника из Вартига (Терджан).

⁹ Ibid., f° 11.

(население 1060 чел.)¹, Сарга/Сарикайя (население 695 чел.)² и Пириз (население 855 чел.)³ позднее утверждали, что некото-

рых из переживших эти погромы погнали в Эрзинджан и убили на Кемахском перевале.

Каза Кыгы/Кгы

Мобилизация и реквизиция в пятидесяти армянских селах казы Кыгы с общим армянским населением 19 859 человек⁴ проходила в достаточно спокойной обстановке, главным образом, благодаря доброжелательному отношению каймакама. Однако в мае на его место назначили командира отряда чете из Особой организации Лазе Мидхат Мехмед-бей⁵, который сформировал комитет по депортации. В составе комитета находились: председатель местного клуба Иттихад Чина-заде Мустафа, уроженец Карса Мехмед-заде Хилми, помощник каймакама Хусни Исмаил Чавус-заде Шакир, муфтий Хаджи Ахмед-заде Мюдад и Давуд-заде Хафиз. В убийствах высланных из Кыгы принимали участие главари отрядов чете Зейнел-заде Хасан; Эрзрумлы Ёмер; Шейх-заде Неджибет и его сыновья Хафиз, Тевфик, Риза, Бейти и Махмуд, а также Деде и Али Хамди Абид-оглу из Оснага, Исмаил Хюсейн, Ахмед-оглу из Хогаса, глава (мюдир) волости (нахие) Чилхидер Осман-бей, Фазил-бей из Орора, Джемал-бей из Тармана, Караман Эфенди, Улаш-заде Мустафа и Иззет-ага из Кармруга. Здесь также зверствовали уроженец Башкёй Зийя-бег и Адыл Гюзель-заде Шериф, принимавшие участие в погромах депортированных из Эрзурума⁶.

8 июня 1915 г., новый каймакам Лазе Мидхат Мехмед-бей вызвал председателя Гегама Тивекеляна и еще двадцать пять известных людей и зачитал им приказ о депортации армян из зоны боевых действий.

Он заверил присутствующих в обеспечении безопасности выслаемых армян. Муэдзин помог распространить этот приказ, добавив, что депортация армян начнется через три дня. Было также велено собрать в церкви запасы продовольствия. Одновременно был отдан приказ расквартировать в Кыгы, административном центре казы, за счет армян батальон из Диарбекира⁷.

За несколько дней до объявления приказа о депортации обстановка в селах казы была очень напряженной, так как власти направили туда чете для сбора у жителей их оружия под угрозой расстрела за неподчинение. Однако армяне предъявили им только свои охотничьи ружья, а остальное оружие спрятали в полях. Оставшиеся в селе молодые люди собирались защищаться, но председатель Кыгы уговорил их этого не делать. Каймакам послал в село адвоката по имени Торос Садгигян для изучения ситуации, но тот был убит Зейнел-заде Гасаном⁸ в селе Сергевил.

По словам очевидца этих событий Вагана Постояна, уроженца села Хупс, курдский главарь боевиков из Дерсима Хиде Ибиз напал 3 июня 1915 г. на село Акраг (население 350 чел.), подверг его разграблению и убил нескольких человек. 5 июня под тем же предлогом поиска оружия аналогичные зверства были совершены в смешанных селах Хубег (население 200 чел.), Карикёй/Хасгерд (население 122 чел.) и Холхол/Кулкум (население 53 человека). 6 июня бандиты напали на

¹ Ibid., f° 12v, свидетельство Вардана Аветисяна из Пакариджа.

² Ibid., f° 13, свидетельство Ованеса Расяна из Саржи.

³ Ibid., f° 13, свидетельство Ованеса Гозегхяна из Пириза.

⁴ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 435–437.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 334, dossier № 35, rapport sur Les événements de Keghi depuis la mobilisation jusqu'à la déportation; Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 180. Автор цитирует свидетельство г-жи Агассер, жены директора армянских школ региона.

⁶ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 61, Kiği, f° 16v-17, свидетельство Вагана Постояна; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 321, ответственные за регион Кгы.

⁷ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 61, f° 16v, Kiği, свидетельство Вагана Постояна; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, P 334, dossier № 35, rapport sur Les événements de Keghi depuis la mobilisation jusqu'à la déportation; Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 180.

⁸ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 61, ff. 2–4, Kiği, свидетельство Вагана Постояна.

село Сергевил (население 658 чел.) и находящийся в нем средневековый монастырь Сурп Пргидж, в результате чего были казнены три четверти населения села. 7 июня та же участь постигла село Хердиг/Хердиф (население 700 чел.)¹.

Однако когда банды чете в шесть часов утра 7 июня 1915 г. ворвались в деревню Хупс/Чанадж (население 1216 чел.), крестьяне, организованные в шесть групп самообороны, встретили их ружейным огнем. Этими группами руководили Сурен Постоян, Месроп Матосян, Ованес Хотеян, Манук Элегиан, Багдасар Тер-Карапетян, Еразайиг Холхолтси и Закар Постоян. После двух дней непрерывных боев, которые стоили жизни сорока курдским чете и одному армянскому крестьянину (Киракосу Багдигяну), жители села приняли решение прорываться через линию фронта, что им удалось. Однако их все-таки убили за селом в помещении мельницы, откуда они отстреливались до последнего патрона².

В первые дни июня аресты прошли и по другим селам казы. Среди арестованных в Дзирмаке были: Мелкон Алоян, Карапет Тджавушьян, Ованес Калайян и Григор Магоян и в Тармане — Саркис Эндроян, Саркис Саркесян, Арсен Варжапетян, Мамбре Партизпаян и другие. Этих мужчин заковали в цепи и переправили в город Кыгы, где казнили отсечением головы³. В конце концов, город и оставшиеся села в казе были окружены иррегулярными войсками. По свидетельству Вагана Постояна, первые операции, проведенные чете из Специальной организации в селах вокруг Кыгы, привели к гибели тысячи пятисот человек⁴.

10 июня 1915 г. власти арестовали глав влиятельных семейств города⁵. Их определили в первый караван, насчитывавший тысячу двести человек, который в сопровождении архиепископа Тивекеляна вышел

11 июня из Кыгы в южном направлении. 13 июня караван добрался до Тепе в Дели Мизи по дороге на Балю. Архиепископа и нескольких влиятельных людей, включая Смбата Мушегяна, Андраника Есаяна, директора городских армянских школ Агасера, а также Ованеса Погосяна, Овакима и Акопа Ованисянов, Тирана, Армена Срабяна, Степана Куркияна, Ваграма Котана, Есайи Есаяна, Вагана и Саркиса Думаньянов, Аветиса и Гегамы Каджберуни, Арутюна Ойнояна, Геворга Тджеогуряна и Сенекерима Харпертси, отделили от остального каравана якобы для встречи с только что прибывшим председателем комитета по депортации каймаком Кыгы. Акоп Ованесян был первым, кого подвергли пыткам. Затем Исмаил Чавус-заде убил его выстрелом в голову и проделал то же самое с остальными арестованными, включая председателя и юношей из сел Тджан/Чанет и Джанакьи/Чанаджиги⁶.

Депортированные из первого конвоя ничего не знали о судьбе пропавших известных людей. На следующий день они продолжили свой путь и как только подошли в мосту в Балю, мужчин отделили от каравана, согнали на берег Евфрата и уничтожили, после чего разграбили весь караван. Все следующие караваны также шли через это место, где в течение нескольких последующих дней было убито более половины всех высланных из Кыгы⁷.

По свидетельству шедшей в обозе женщины госпожи Агасер, многие женщины прыгали в реку с моста Балю, предпочитая утонуть, чем «лишиться чести». Таким образом, из тысячи двухсот человек, отправившихся в путь с первым караваном, осталось приблизительно от двухсот до двухсот пятидесяти человек. Эти выжившие в переходе люди напрасно искали возможности остаться в Балю. Их отправили в Харпут, куда они добрались через двадцать один день, оборванные и

¹ Ibid., f° 64 r°-v°, ff. 72v°-73v°, свидетельство Саркиса Арсияна, которое гласит, что Исмаил-ага, местный курдский бек, предложил жителям деревни прийти в его деревню, чтобы он мог защитить их, но потом передал их чете.

² Ibid., f° 65 r°-v°.

³ BNU/ Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 61, f° 16r°-v°; еще одно свидетельство посвящено резне в селе Лиг, 12 июня 1915 г.: BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 61, Kigi, ff. 68v°-70v°.

⁴ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 61, f° 66v°, Kigi, свидетельство Вагана Постояна.

⁵ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 61, ff. 2-4, Kigi, свидетельство Вагана Постояна.

⁶ Ibid., f° 16, 66v°; Тер-Егиян Э. Указ. соч. С. 181.

⁷ Ibid.; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 334 (en français), № 35, rapport sur Les événements de Keghi depuis la mobilisation jusqu'à la déportation.

голодные. Всех уцелевших отправляли в направлении Диарбекира и Алеппо, но госпоже Агасер и еще четырем женщинам удалось остаться в Харпуте, так как ей повезло найти работу смотрительницы в турецком сиротском приюте, организованном Иттихадом для «воспитания» армянских детей в духе туркизма. Под присмотром армянских женщин в приюте оставили семью сирот. Однако очень скоро каймакам пришел к заключению, что они «воспитывают врагов», и приказал закрыть заведение. Как свидетельствует госпожа Агасер, он отправил детей в Малатю, где их бросили в воды Евфрата¹.

Во втором конвое, вышедшем из Кыгы 11 июня, было две тысячи крестьян, из них семьсот мужчин. Людей собрали из двенадцати разных мест в западной части района. 15 июня они под присмотром всем известного члена комитета по депортации города Кыгы Мехмет-заде Хилми прибыли в местечко под названием Дабалу недалеко от Балу². Над этой группой издевались и грабили ее еще более жестоко, чем первый караван. Люди, практически нагие, были в ужасающем состоянии. На окраине Дабалу недалеко от моста в Балу отряды чете убили мужчин, а затем позволили местному населению близко подойти к лагерю³.

Третий конвой, вышедший 12 июня, состоял из жителей других сел и самого города. В трех часах пути от Балу чете, конвоирующие ссыльных, отобрали у них три или четыре тысячи турецких лир. На следующий день караван попал под сильный артиллерийский обстрел. Тогда чете напали на него с ножами и похитили молодых женщин. Это был первый случай в этом регионе, когда женщинам вспороти животы, потому что узнали, что некоторые из них во время обыска

проглотили свои золотые монеты. 16 июня тех, кто уцелел после резни (приблизительно одна четверть), объединили в Балу с оставшимися в живых из двух предыдущих караванов. 18 июня их всех погнали по дороге, ведущей на юг⁴.

13 июня под командованием главаря чете Карамана Улаш-заде Мустафы, уроженца Кармруга, в путь отправился четвертый конвой (последний из Кыгы), состоящий из правительственных служащих и коммерсантов. Его направили прямо в Харпут. К вечеру 13 июня в городе осталось не более десятка мастеровых и других необходимых для города людей, в частности — городской врач д-р Меликян и служащий городского управления здравоохранения Баркев Ненежан⁵.

Последний конвой, сформированный из жителей тридцати пяти населенных пунктов, в том числе из Темрана, Орора и Арека, отправился 16 июня 1915 г., Первый раз на него напали и ограбили в местечке под названием Сарпичай Акпунарской казы. Нападение было совершено под командованием мюдира волости Чилхедер Осман-бея, приказавшего своим курдским чете уничтожать ссыльных. Последовала стрельба, в результате которой погибли отец и дядя Саркисяна⁶. Позднее он вспоминал о наступлении невообразимой паники среди ссыльных, которые стали разбегаться в разные стороны. Ночью чете обыскали трупы и прикончили раненых. Конвоиры, угрожая расправой жителям близлежащей курдской деревни, которые укрыли женщин и детей, вернули последних в караван и погнали их по дороге в Балу. Как и в предыдущих случаях, караван остановился на привал в окрестностях города недалеко от села Дабалу, которое было усеяно трупами. Церковь была сожжена,

¹ Тер-Егиян З. Указ. соч. С. 181; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, P 334 (en français), № 35, rapport sur Les événements de Keghi depuis la mobilisation jusqu'à la déportation, указывает, что число сирот составило 400 чел.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, t 351–356, свидетельство о массовых убийствах в Эрзуруме (на англ. яз.).

³ Ibid; BNu/ Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 61, ff. 2–4, Kiği, свидетельство Вагана Постояна.

⁴ Ibid; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, t 351–356, свидетельство на английском о массовых убийствах в Эрзуруме (на англ. яз.).

⁵ BNu/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 61, ff. 2–4, 16v, Kiği, свидетельство Вагана Постояна; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, t 351–356, свидетельство на английском о массовых убийствах в Эрзуруме: Трое мужчин, Мигран Варданян, Саркис Григорян и Абраам Симонян смогли бежать в лес Дарман, где они жили в пещере в течение четырех месяцев (на англ. яз.).

⁶ BNu/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 61, Kiği, ff. 46–49, история Ованеса Саркисяна из Темрана; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, t 351–356, свидетельство о массовых убийствах в Эрзуруме (на англ. яз.).

а дома разграблены. Людей из каравана рубили топорами и сбрасывали в Евфрат. Наш свидетель во время своего отчаянного бегства в Дерсим, казавшийся единственным местом, где беглецы могли найти убежище, видел рабочих, разрушающих церкви и кладбища. Курд, который некоторое время был его попутчиком, объяснил, что приказы о разрушении церквей отдавало правительство, «чтобы не осталось даже следов, что когда-то на этом месте были армянские поселения»¹.

20 июня 1915 г. приблизительно две тысячи пятьсот человек из последних конвоев, среди которых прятались триста пятьдесят переодетых в женскую одежду мужчин, были отправлены в южном направлении к печально известному мосту Балу. Через три дня пути они добрались до места в трех милях от Аргана Маден, где после проведения тщательного досмотра были зарезаны последние мужчины, а молодых женщин продали местному населению². Последние ссыльные добрались до Диарбекира после пятидесятидневного перехода. Их оставили под стражей за городскими стенами, где их посетили вали д-р Мехмед Решид и местные сановники, отобравшие себе несколько мо-

лодых женщин. Когда подконвойные, лишенные в пути своей одежды, дошли до Мадена, сирийские христиане одели их, накормили и разместили в полусгоревших домах, подвалы которых были доверху заполнены обгоревшими трупами. Еще через двадцать дней пути караван прибыл в Рас уль-Айн, где черкесы расправились с последним в этой группе мужчиной³.

Из всех отправленных из Кыгы разными конвоями армян до Рас уль-Айна добрались примерно три тысячи человек. Через месяц их уже осталось не более семисот, остальных унесли голод и тиф. Черкеста человек отправили по железной дороге в Хама и Хомс, а триста других в Дер-Зор, где в конце 1916 г. еще оставались в живых от пятнадцати до двадцати человек⁴.

По свидетельству Вагана Постояна, полторы тысячи человек были уничтожены в селах еще до начала депортации, а после прихода в регион русских войск из мусульманского плена были вызволены четыреста шестьдесят одна женщина и ребенок⁵. Людей вырезали в Джан/Чане (3000 чел.), Тете (2500 чел.), на мосту перед Балу (10 000 чел.) и в Касрмадене недалеко от Харпута (13 000 чел.)⁶.

Депортация из казы Киским-Ходорджур

Армянское население Кискимской казы, в которой располагались тринадцать сел Ходорджур, составляло 8136 человек, большинство из которых были католиками⁷. Пригодный для разведения овец горный район Киским был одной из самых изолированных каз Эрзурумского вилайета. Жители Ходорджур были зажиточными и миролюбивыми. После объявления всеобщей мобилизации они решили вместо службы в османской армии заплатить выкуп за себя и работающих за границей эмигрантов, выходцев из этой местности. Кроме того, начиная с кон-

ца августа 1914 г., они принимали на постой и кормили несколько османских дивизий и лишь выразили слабый (и безрезультатный) протест, когда армия реквизировала у них всех лошадей и мулов. В декабре 1914 г. в небольшой городок Гармирк нагрянули около тридцати чете, которые ограбили и избили его жителей, требуя от них выплаты налога в триста турецких лир. Но такое поведение, в конце концов, было обычным явлением. Более пугающими стали обыски домов в поисках оружия, проведенные жандармами в феврале 1915 г., особенно по-

¹ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 61, Kigi, ff. 46–49, история Ованеса Саркисяна.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, t. 351–356, свидетельство о массовых убийствах в Эрзуруме (на англ. яз.).

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 61, Kigi, ff. 67v–68, список деревень, с количеством пострадавших и выживших в каждой.

⁶ Ibid., f° 66v.

⁷ Kevorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 446–447.

тому, что они сопровождалась пытками и арестами влиятельных людей, например, в Мохрагуде (Арутюн Дзаригян) и Ходорджуре (Иосиф Мамулян)¹.

Поскольку большинство армян в Ходорджуре были католиками, они до сего времени пользовались покровительством французских и австро-венгерских дипломатов. Поэтому, когда они получили приказ о депортации, они, скорее всего, понадеялись на защиту посла Австро-Венгрии. Интересно, что переговоры, которые по просьбе австрийского посла вел в Эрзуруме немецкий вице-консул, несмотря на то, что они тянулись с июня по сентябрь 1915 г., закончились спасением всего не более десяти армянских сестер Непорочного Зачатия и нескольких монахов-мхитаристов². Других католиков Ходорджура не пощадили. Совсем наоборот, в мае 1915 г. местные власти арестовали двадцать семь священников, получивших образование в Риме или семинарии Сен-Сюльпис в Париже, в том числе председателя Арутюна Туршяна, а также около тридцати школьных учителей³. В конце мая каймакам Неджати-бей созвал известных людей Ходорджура и объявил им о депортации, добавив, что они лишаются права распродавать свое имущество. Тем не менее кое-кто из местных авторитетов предложили армянам доверить им свое имущество до возвращения. Среди главных организаторов депортации и грабежа армянского населения, кроме Неджати, можно назвать и других местных сановников, таких как Алибег, Сахуз-оглу Дурсун, Кюрд-оглу Махмуд и Ёмер-заде Мехмед⁴.

Армян Ходорджура ссылали пятью конвоями. Два первых конвоя были отправлены в начале июня. В первый входили триста семей из ходорджурских сел общим количеством 3740 человек. Во втором было двести семей (около 1500 чел.), почти все из Кудрашена и Кискима. Их вырезали между селением Касаба и Эрзинджаном⁵.

Третий конвой, состоящий из жителей Гармирка (население 600 чел.) и Хидгантса, отправился 8 июня 1915 г., Вскоре его соединили со вторым караваном из Эрзурума, и он разделил его судьбу. 22 декабря 1918 г., в Алеппо зарегистрировали всего двадцать человек, оставшихся в живых после перехода через Байбурт, Эрзинджан, Кемах, Эгин, Малатью, Арабкир, Самсад, Сурудж, Раффу, Биреджик и Урфу⁶.

Четвертый конвой, состоящий из жителей сел Мохргуд (население 350 чел.), Коткан, Атик, Грман, Суник, Гахмухуд, Кегуд, Жияроз/Жиябаг, Гисаг, Миджин Таг и Хантатсор, дошел до Самсада почти таким же маршрутом, как и третий конвой. Он был истреблен на берегах Евфрата между Гантата и Гаванлугом регулярными войсками и чете под командованием Самсадли Хаджи Шейх Ичко⁷.

Пятый и последний конвой состоял всего из нескольких ссыльных, оставшихся жителей сел, уже опустошенных четвертым конвоем, главным образом, из стариков и инвалидов. Их вырезали в Пошине Севереки Ахмед Чавуш и его чете по приказу мутесарифа Северека. Восьмерым из этого конвоя удалось выжить. Из всех армянских поселений этой казы остались в живых около ста человек⁸.

Депортация из санджака Эрзинджан

В санджак Эрзинджан входили шестьдесят шесть армянских сел с населением 37 612 человек. Он не был густонаселенным, но зато, как мы видели, играл важную

роль в качестве транзитной зоны для конвоев с депортированными, покидающих вилайет, а Кемахское ущелье служило «полем смерти». Главными организаторами массо-

¹ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 24, f° 11r²-v¹, свидетельство, составленное комитетом по депортации района Дайк, Constantinople, août 1919.

² Kaiser H. Op. cit. Pp. 145–146.

³ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 24, Khodorchur, свидетельство, составленное комитетом по депортации района Дайк, Constantinople, août 1919, f° 12.

⁴ Ibid., f° 12v¹-13v¹.

⁵ Ibid., f° 15v¹.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.; см. Raffaëlle Gianighian, Khodorciur, Venise, 1992. Pp. 51–69. Автор из села Гисаг/Кисак был в этом конвое.

⁸ Ibid., f° 16. Среди выживших было и 1540 человек из Ходорчура, которые работали на Кавказе до войны.

вой расправы здесь были мутесариф санджака Мемдух-бей и депутат парламента от Кемаха Халет-бей. Им активно помогали командир жандармерии Эрзинджана Мухтар-бей, секретарь мутесарифа Меджид-бей и командиры отрядов чете из Специальной организации Зийя-бег, Адыл Гюзель-заде Шериф, Назыф-бей, племянник Назыфа Мазхар-бей, Эчзаджи Мехмед, двоюродный брат Халет-бея Кюрд Арслан-бей и Кемаль Ванлы-бей¹. В письменных показаниях, представленных комиссии Мазхара, генерал Вехиб-паша, сменивший Махмуда Камиля на посту командующего 3-й армией, заявил, что офицеры жандармерии получили приказ о депортации армян от «Мемдух-бея, бывшего мутесарифа Эрзинджана» и что «люди, совершавшие убийства, получили инструкции от д-ра Бехаеддина Шакир-бея»².

И общая мобилизация, и реквизиции проводились в этом санджаке с особой жестокостью. По свидетельству одной из жительниц, когда реквизиции проводились в ее селе, в котором проживали триста армянских и пятьдесят турецких семей, «было ясно, что у турок почти ничего не забирали»³. Как и в других местах, в апреле 1915 г. здесь крайне жестоко выполнялись приказы о сборе оружия. Операции сопровождалась пытками, избиениями и арестами. Ни одно из сел Эрзинджанской равнины не избежало этих операций⁴.

В воскресенье 16 мая в соборе Эрзинджана совершили последнее богослужение. Отец Месроб сообщил людям о том, что правительство приняло решение о депортации и что шестнадцать самых влиятельных семейств должны отправиться в Конью. Во

вторник 18 мая были высланы семьи Тер-Серян, Папазян, Бойитян, Сусигян и другие. 21 мая за ними последовали еще шестьдесят семей, фамилии которых занесены в списки, составленные местными властями. Через несколько дней армянский епископ Эрзинджана получил телеграмму из Эгина, сообщавшую о благополучном прибытии этих семей на место⁵. Власти Эрзинджана реквизировали и закрыли три из четырех городских церквей, оставив армянам только собор Сурп Пргидж⁶. По свидетельству Гурдена Кесеряна, армянский квартал Эрзинджана был повергнут в настоящий хаос. Школы и церкви систематически подвергались грабежу⁷. За неделю до депортации армян из Эрзинджана Халет-бей приказал арестовать самых авторитетных людей города, среди которых были Григор Джаян и Абгар Ташьян. Вскоре после ареста их убили в Кемахе и Санса Дере⁸.

Вечером 23 мая мутесариф казы Мемдух прибыл в Эрзинджанскую равнину во главе отряда вооруженных жандармов, чете и турецких крестьян из окрестных сел общей численностью около двенадцати тысяч человек, которые окружили села и монастыри. Нескольким юношам удалось бежать в горы, но других мужчин на равнине методично уничтожили в воскресенье 23 мая и вторник 25 мая, а женщин и детей согнали на армянское кладбище Эрзинджана⁹. По словам очевидцев, проводившие эту операцию силы сначала осмотрительно изолировали села друг от друга, а затем совершали на них внезапные нападения. Мужчин уничтожали небольшими группами. Их либо расстреливали, либо перерезали

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, n° 221, p. 322, ответственные за депортацию и резню в Эрзинджане.

² Выписка из показаний Вехиб-паши от 5 декабря 1918: «Takvim-i Vakayi», № 3540, 5 mai 1919. P. 7, col. 2 et déposition complète de 12 pp. manuscrites: PAJ/APC, Bureau d'information du Patriarcat, L 171–182.

³ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 16, Erzincan, f° 83, свидетельство Геворга Мартиросяна из Мегуцига.

⁴ Ibid., f° 83v; BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 16, Erzincan, ff. 19–20, свидетельство Гургена Кесеряна, Les déportations et massacres à Erzincan.

⁵ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 16, Erzincan, ff. 85–86. Главный свидетель заявил, что позже он узнал, что власти разместили эту ложную информацию для того, чтобы успокоить местное население. Триста семей, которые согласились обратиться в другую веру, по идее, должны были быть освобождены от депортации.

⁶ Ibid., f° 88.

⁷ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 16, Erzincan, f° 28, свидетельство Гургена Кесеряна, ответственные за депортацию и резню в Эрзинджане.

⁸ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 4 588 (en anglais), p. 327–328 (en français), The Exploits of an Deputy, Halet bey.

⁹ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 16, Erzincan, ff. 83–84, свидетельство Геворга Мартиросяна из Мегуцига, 89v–90.

им горло и сбрасывали в вырытые заранее ямы¹.

После окончания этой операции власти начали во вторник 25 мая сгонять армянское население Эрзинджана на армянское кладбище Куйубаши, расположенное в пятнадцати минутах пути от города. К вечеру 27 мая там под охраной чете было собрано все население города и близлежащих сел. Единственным исключением были известные своей непокорностью армяне из окрестности Сурмен: их постигла особая судьба. Депортированных разбили на группы по прежнему месту проживания². Жандармы и чете отделили от групп и убили мужчин от сорока до пятидесяти лет³. 28 мая под руководством депутата парламента Халет-бея оставшихся людей погнало небольшими группами с часовым интервалом по дороге, ведущей в Кемах⁴. Это делалось для того, чтобы группы не видели друг друга. Караван, в котором оказался один из уцелевших свидетелей, добрался до караван-сарая, принадлежавшего брату Халета Хаджи-бею. Там отряды чете были усилены курдами из семи сел района Джеферли. К каравану присоединили ссыльных из сел Карни, Тортан и Комар. Позже на этот конвой, сопровождаемый капитаном Мустафа-беем, напал отряд чете под командованием Демала Ванлы-бея, Кюрда Аслан-бея и двоюродного брата Халета Мазхар-бея, которые изъяли у депортированных крупные суммы денег и увели шесть самых красивых молодых женщин⁵. Ущелье, начинающееся на расстоянии трех часов пути от города и простирающееся до Кемаха, что в восьми часах пути, стало могилой для ссыльных из Эрзинджана и с Эрзинджанской равнины, куда их сбросили убийцы. Только нескольким похищенным и помещенным в окрестные турецкие села женщинам удалось временно избежать смерти⁶.

Группы депортированных одну за другой сбрасывали в Кемахское ущелье, представлявшее в действительности цепь ущелий, простирающихся на расстояние четырех часов ходьбы. Армян будто загнали в ловушку, из которой не было выхода: с одной стороны бурные воды Евфрата, а с другой — скалы горного хребта Себух. Когда депортированные вошли в ущелье, чете под командованием Джафера Мустафы-эфенди, в распоряжении которого были отряды Специальной организации, отобрали у них принадлежавшие им вещи. В глубине ущелий были устроены настоящие бойни, в которых за один день было истреблено почти двадцать пять тысяч человек. Сотни женщин и детей, взявшись за руки, прыгали вместе вниз. Некоторым молодым женщинам даже удалось утащить за собой в воды Евфрата чете, пытавшихся их изнасиловать. Время от времени мясники спускались вниз к реке, чтобы прикончить там на берегу раненых, не уснувших течением⁷. Почти все конвои с ссыльными из Испира, Хыныса, Эрзурума, Держана и Басена прошли через эти ущелья, ставшие одним из главных «полей смерти», устроенных чете из Специальной организации.

Совсем маленьких детей, по-видимому, постигла другая участь. Один призывник, выполнявший вместе со своим товарищем Карапетом Вардапетяном функции секретаря армейского капитана, заметил, что турки подбирали «брошенных» детей на улицах Эрзинджана и уводили к себе домой. На следующий день тот же очевидец получил разрешение покинуть свою казарму и сходить к себе домой в армянский квартал города. По пути он проходил мимо армянского городского парка, где было собрано порядка двухсот или трехсот детей от двух до четырех лет, которым не давали ни еды, ни питья. а некоторые уже были мертвы⁸. Аптекарь из

¹ Ibid., f° 90v.

² Ibid., ff. 31, 91–92.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 588.

⁴ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 16, Erzincan, ff. 31, 92.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 588.

⁶ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 16, Erzincan, ff. 32–34.

⁷ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 16, Erzincan, ff. 93–94. Секретарь комиссии по здравоохранению центрального госпиталя 6-го армейского корпуса (Сивас) передает слова майора Рифат-бея, врача, который был свидетелем преступлений, совершенных в Кемахе: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, З 732. Faits et documents, № 36, Les atrocités de Kemah.

⁸ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 16, Erzincan, ff. 34–35, свидетельство Гургена Кесеряна, Les déportations et massacres à Erzincan.

Эрзурума Тигран Дердзакян, служивший в эрзинджанском гарнизоне, рассказал нашему свидетелю, что 6–7-месячным младенцам повезло меньше: их собирали по селам в мешки и бросали в Евфрат¹. Всю неделю после массовой резни полицейские и жандармы выслеживали людей, прятавшихся в садах и полях Эрзинджанской равнины. В одном из домов двое юношей приняли бой с сотней жандармов, убив семерых из них, прежде чем сами были сожжены заживо².

В понедельник 14 июня в Эрзинджане все еще оставались восемьсот армян, работавших в армейских мастерских, расположенных на окраине города. Еще сто пятьдесят армян убирали улицы, и еще триста служили санитарями в военном госпитале. Они ничего не знали о судьбе своих семей. Других мужчин, арестованных еще до депортации, по-прежнему гноили в тюрьмах. Им говорили, что депортированные переправлены в Мосул, где находятся в полной безопасности³. Именно в этот день 14 июня Махмуд Камиль приказал запретить всех армянских призывников, работающих в госпиталях, военных мастерских и уборочных бригадах, в эрзинджанских казармах под охраной чете. Некоторых призывников оставили там, а других постепенно день за днем связывали в небольшие группы и увозили на восток к мосту у Джербелега, где расстреливали и бросали в заранее вырытые ямы⁴.

Призывников из этой области, служивших в трудовых батальонах, уничтожали в двух разных местах. Приблизительно пять тысяч из них вырезали на равнине, лежащей на востоке недалеко от Эрзинджана, а их тела бросили в общие могилы⁵. Другую группу приблизительно такого же размера уничтожили в Сансарском ущелье, расположенном в восьми часах пути к востоку от Эрзурума на границе казы Дерджан в начале горного перевала. По-видимому, там же нашли свою смерть пятнадцать тысяч стариков вилайета⁶.

По свидетельству призывника, пережившего резню, когда весной 1916 г. в этот район вошли русские войска, здесь в живых осталось лишь несколько десятков женщин, которых забрали в услужение жандармы и сановники, принявшие активное участие в погромах и получившие в результате разрешение «жениться» на армянских женщинах⁷. Также уцелели около трехсот мастеровых, без которых нельзя было обойтись. Среди них были ювелир Аветис Куйумджян и семь членов его семьи и портной Ншан Булудян и шесть членов его семьи. Эти мужчины руководили казенными мастерскими. Еще в штате эрзинджанского госпиталя осталось около пятидесяти врачей, среди которых были офтальмолог из Константинополя Саркис Сертлян и д-р Микаэл Асланян из Харпута. Власть направили Асланяна в Харпут и Сивас как раз перед сдачей Эрзинджана русским⁸.

Депортация из каз Кемах, Рефахие/Гержанис, Куручай и Козичан

В начале июня нападению подверглись еще пятнадцать армянских городов и сел в казе Кемах с общим населением 6396 человек⁹. Нападавшими отрядами чете, каждый из которых состоял приблизительно из двухсот боевиков, командовали Армеданли Ис-

маил, Эрзинганли Касаб Мемдух, Зийя Хасан Чавус-оглу и Бояглы Сефер, принимавшие участие и в массовых погромах в Дерджане, Кыгы и Эрзинджане. Жертв уничтожали прямо на месте. Но все-таки нескольким молодым армянам удалось пересечь линию

¹ Ibid., f° 37.

² BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 16, Erzincan, ff. 38–39, свидетельство Гургена Кесеряна, Les déportations et massacres à Erzincan.

³ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 16, Erzincan, f° 95.

⁴ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 16, Erzincan, ff. 38–39, свидетельство Гургена Кесеряна, Les déportations et massacres à Erzincan.

⁵ Ibid., ff. 39–40. Было семнадцать выживших.

⁶ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 16, Erzincan, ff. 85–86, 91.

⁷ Ibid., f° 68.

⁸ Ibid., ff. 63, 69, 94v°.

⁹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 455–456.

фронта чете и бежать в Дерсим, как это сделали двести женщин из городка Кемах¹.

В казе Рефахие/Гержанис истребление армян началось 3 июня 1915 г. Чете окружили три армянские деревни, Гержанис, Хоропель и Мелик Шериф, с общим населением 1570 человек², которых убили тут же на месте³.

Жителей шести сел Куручаевской казы с армянским населением 2989 человек (Большой Армдан, Малый Армдан, Апшда, Хасанова, Тугуд и Дантси) и шести городов и сел Козичанского района с армянским населением 4700 человек⁴ не стали вырезать в их селениях, а выслали из них. Большин-

ство мужчин убили у моста Леджки (Леджки кёпрю), а женщинам и детям перерезали горло в окрестностях Аджем Дага под непосредственным руководством Халет-бея, депутата парламента от Кемаха, а также его сообщников Шевки Аббас Оглу, Гусейна-ага из Гержаниса, Элиаса Оглу Мехмеда-ага и Гусейн-бея-заде Хасана. Шевки Аббас Оглу лично убил братьев Барсега и Маркара Авоянов и послал их головы мутесарифу Мемдуху в знак уважения⁵.

В конце мая в казе Пюлумур/Полормор (в деревнях Беркри, Герснуд и Дантсег) были уничтожены восемьсот шестьдесят два армянских жителя⁶.

Роль армии в массовом уничтожении армян и судьба призывников из Эрзурумского вилайета

Как мы уже отмечали, армянских призывников из восточных провинций, которых четко выделяли среди уроженцев других вилайетов, в первые месяцы войны приписали к боевым и транспортным частям. Сейчас нам следует остановиться на отношении к ним после депортации и массовых погромов населения, начавшихся в Эрзурумской области. Начнем с того, что их судьба находилась в руках главнокомандующего 3-й армии Махмуда Камилля, как и судьба гражданского населения, поскольку правительство официально предоставило армии возможность решать, насколько «срочным» было «перемещение подозреваемых лиц» из зон военных действий в «тыл». До сих пор содержание войск османской армии, дислоцированных в Эрзурумском вилайете, главным образом лежало на армянском населении. Армяне расквартировывали их в своих селах (отсутствие казарм ни для кого не было секретом), кормили, обеспечивали рабочим скотом, подвозили провиант, предоставляли медицинскую помощь и снабжали продукцией, изготовленной их мастерами. Как отметил вали Эрзурума Тахсин, «перемещением» армянского населения в тыл, а значит, и со-

кращением этого источника материального обеспечения Махмуд Камиль рисковал в очень короткий срок сделать Третью армию небоеспособной. Иными словами, с чисто военной точки зрения, устранение гражданского армянского населения рассматривалось как чистейшее безумие. Что же касается политической и идеологической стороны этого процесса, он полностью совпадал с целями Центрального комитета младотурок, стремящихся к очистке восточных провинций от нетурецкого населения. Вместе с тем можно ли хоть на мгновение представить, что решение армянского вопроса было действительно доверено Махмуду Камиллю или армии? В системе, где все решения принимались Центральным комитетом партии, это было исключено. Более вероятно, что «безопасность тыловой базы» была лишь алиби, придуманным для узаконивания политики уничтожения путем придания ей правового прикрытия, тем более что принимаемые Стамбулом политические решения расходились с непосредственными интересами военных.

С другой стороны, мы обязаны задаться вопросом, кто вершил судьбы десятков ты-

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien, t. 364–365, The Deportation in the Sancak of Erzincan: BNu/ Fonds Andonian A. P. J. 1/3, liasse 25, Kemah/Gamakh, свидетельство Арутюна Альтиоганяна.

² Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 455–456.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien, t. 364–365, The Deportation in the sancak of Erzincan.

⁴ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 456.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, t. 364–365, The Deportation in the sancak of Erzincan.

⁶ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 455.

сяч армянских призывников, вырванных из естественных условий и разлученных со своими семьями. Именуящиеся у нас примеры показывают, что армия отставала свое право на пересмотр решений, касающихся этих солдат, по крайней мере до мая 1915 г., хотя мы видели, что начиная с зимы 1914/15 г. отношение к ним граничило с политикой уничтожения от истощения или, для менее покорных, с подстрекательством к дезертирству. В период проведения депортаций власти иногда даже рассматривали возможность не подвергать депортации солдатские семьи, хотя это касалось только рекрутов из провинций Западной Анатолии, воевавших в Дарданеллах или на сирийско-палестинском фронте. Ни одно из имеющихся у нас свидетельств не предполагает применения аналогичных мер в отношении восточных вилайетов. Такое впечатление, что у армян, проживавших на своих исконных землях, и тех, которые были разбросаны по западным областям, совершенно разные судьбы.

Нам известно, что начиная с конца февраля новобранцев боевых частей, призванных из вилайетов Эрзурум и Битлис, собирали в небольшие группы и казнили. Судьба этих бойцов, бывших в меньшинстве среди других армянских призывников, отличается от судьбы солдат, отбывавших службу в трудовых батальонах, которым, казалось бы, была предназначена судьба гражданского населения. Так 15 мая было принято решение об их ликвидации в районе, находящемся в ведении 3-й армии¹. Чаще всего их разбивали на группы по 200 или 300 человек и передавали чете, которые и приводили приговор в действие на «полях смерти», о которых мы уже говорили. Так было, например, с двумя сотнями призывников из Хыныса, которых вырезали в Чане недалеко от Кыгы², и с четырьмя тысячами солдат-рабочих из Харлута, работавших на дороге между Хошматом и Балу. Один спасшийся ссыльный видел их трупы, еще только начавшие разлагаться,

когда пробивался в Дерсим³. Были также и промежуточные случаи, как, например, с призванными мастерами, нанятыми непосредственно армией или работающими в военных мастерских. В отношении этих людей не было никакого системного подхода. Так, 60-летний Эгия Торосян из Мамахатуна, призванный на службу, несмотря на возраст, сначала работал в эрзинджанском госпитале, а затем в мае 1915 г. его перевели в 35-й рабочий батальон, состоящий из восьмисот человек. Рабочие батальона трудились в военной компании, располагавшейся в двадцати минутах от центра города Мамахатуна⁴. Несмотря на огромный спрос на опытных мастеров, даже этот батальон постепенно лишился большинства своих членов, которых ночами в группах по 15–20 человек выводили за город, где их убивали чете из Специальной организации. И все-таки 235 рабочим удалось выжить⁵.

Мы также знаем о деле Рубена Торояна, призывника из Эрзурума. Вместе со своими мусульманскими напарниками он отвечал за транспортировку боеприпасов из Эрзурума на фронт. Он был свидетелем разграбления армянских деревень в районе Пасун, разгрома церкви в Олти, только что захваченном османской армией, и жестокого обращения с двумястами армян, взятых в Олти в заложники⁶. В Одзни, где базировался его полк, он видел, как армянских крестьян изгоняли из их домов с целью захвата и разграбления продовольственных запасов⁷. В расположенной неподалеку деревне Илия он стал свидетелем того, как жандармы выгнали из деревни ее жителей, которые безропотно сносили свои страдания за околицей в течение шести дней до того, как их всех отвели на небольшое расстояние и убили. Один из его турецких товарищей, капрал Ибрагим, подтвердил, что Тороян видел, как он жаловался, что ничем не поживился во время разграбления этих армян, у которых много золота, «особенно у женщин»⁸.

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arménien, № 348–349, Sur le chemin du calvaire: Erzerum.

² Ibid.

³ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 61, Kiği, ff. 46–49, история Ованеса Саркисяна из Темрана (на армянском).

⁴ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 15, Tercan, f° 8, свидетельство Егии Торосяна.

⁵ Ibid., f° 9.

⁶ BNU/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, f° 39, свидетельство Рубена Торояна от 5 февраля 1917 г.

⁷ Ibid., f° 41.

⁸ Ibid., f° 41v'.

После возвращения в Эрзурум Тороян стал свидетелем отправки конвоев с депортированными. До тех пор его не трогали. Капрал Торояна предложил ему спасение, если тот приведет ему «красивую девушку». Торояна арестовали, как и всех других армянских призывников, и направили в конвой, содержащий около тысячи людей, которых охраняли шесть жандармов. На следующее утро недалеко от Ашкале чете и солдаты окружили караван и отобрали у подконвойных пожитки и личные вещи и заключили двести или триста призывников из конвоя в тюрьму Ашкале. Ежедневно четверо или пятеро из них умирали от голода. Через несколько дней призывников из Эрзурума (эта деталь в свидетельстве Торояна говорит о том, что в тюрьме были и другие солдаты) направили на дорожные работы. Их присоединили к другим армянским рабочим и приставили охрану: по одному солдату на десять рекрутов. Тороян отмечает, что он работал в таких условиях в течение пяти месяцев и за это время многие армяне, включая его брата, умерли, не выдержав столь жестокого обращения. Потом командующие отделили таких, как Тороян, мастеров, а остальных отправили «на бойню в Кемах Дереси».

Двумстам оставшимся мужчинам, продолжавшим работать в ужасающих условиях, было предложено принять ислам. Вопрос прошел все ступени иерархической лестницы, пока не дошел до вали. Через два дня был получен положительный ответ, и к ним для обращения их в новую веру прибыл мулла. Спустя три месяца поступил приказ о сборе всех новообращенных армян в Ашкале для перемещения в Эрзурум. Некоторое время Тороян и еще семь мастеров работали на государственном металлургическом заводе в Эрзуруме. Но в конечном итоге всех их согнали в ущелье недалеко от Ашкале, где 15 февраля 1916 г. были расстреляны сотни призывников. Торояну вместе с одним его товарищем из Битлиса удалось спастись, потому что их не нашли под трупами других людей. Ему повезло укрыться у одного турка из Ашкале, который ему сказал: «Отныне ты будешь защищать меня от русских»¹. Существуют все основания полагать,

что внезапное продвижение русской армии окончательно решило судьбу армянских призывников, все еще используемых местными властями — их уничтожили, несмотря на обращение в мусульманскую веру.

Сохранился целый ряд историй о случаях спасения призывников. Одна из них принадлежит Григору Кешишяну из Пакария. Когда была объявлена общая мобилизация, Кешишян был в тюрьме. И хотя в ноябре его выпустили, статус бывшего заключенного по закону не позволял ему служить в армии. Тем не менее его призвали и отправили в Мамахатун, где определили во фронтовую бригаду, подносившую на глечах боеприпасы. Имея прагматичный склад ума, Кешишян посчитал непрактичным так использовать труд людей и привел для перевозки боеприпасов трех мулов. Судя по всему, военные власти не оценили его инициативы: они конфисковали мулов, а Кешишян дезертировал. Родители просили его сдаться, т.к. знали, что, если он этого не сделает, их дом будет разрушен. 24 января 1915 г., дом Кешишянов был сожжен вместе с его обитателями, кроме мужчин, которым удалось бежать. По свидетельству Кешишяна, триста шестьдесят шесть человек из сел Терканского района, заплативших выкуп за освобождение от службы в армии, были арестованы как дезертиры и 15 февраля отправлены в Эрзурум².

Очевидно, что командиры 3-й армии сотрудничали со «Специальной организацией», руководящей выполнением приказов физического уничтожения армянских призывников в трудовых батальонах. Однако в определенных случаях военным разрешалось оставить минимальное число рабочих для материально-технического обеспечения армии.

У нас не так много материалов о передаче приказов, касающихся депортации населения из области, в ведомство 3-й армии. Тем не менее вероятно, что, по крайней мере до середины лета, главнокомандующий 3-й армии Махмуд Камиль рассылал многочисленные телеграммы с приказами об уничтожении армян, как позднее признал командир гарнизона в Мамурет уль-Азизе генерал Сулейман Фаик-паша³. Но начиная с 8 августа 1915 г.

¹ Ibid., f° 42r'-v'.

² BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 15, Tercan, ff. 4-7, свидетельство Григора Кешишяна, который признается, что выжил за счет ограбления турецких дезертиров и захвата их оружия до апреля 1916 г., когда русские прибыли в регион.

³ La Renaissance, № 144, 20 avril 1919.

военные власти получили приказ не касаться вопросов депортации, а только сотрудничать с представителями местной власти. Похоже, что такое решение было принято после совещания в Эрзинджане 18/31 июля 1915 г., на котором присутствовали вали Эрзурума, Трапизона, Харпуга и Сиваса, а также большое число мутесарифов и каймаков, в их числе каймак Байбурта¹. Совещание, без сомнения, проводилось под председательством Бехаеддина Шакира. Мы, конечно, не знаем содержания дискуссий, проходивших в поместье главного сообщника Шакира в том самом санджаке, где были осуществлены самые массовые убийства армян вилаета. Но, учитывая дату совещания, можно с уверенностью предположить, что оно было созвано для подведения предварительного баланса уничтожения армянского населения в восточных провинциях и, возможно, постановки перед гражданскими властями задачи по завершению задуманного Центральным комитетом Иттихада проекта. Говоря точнее, цель заключалась в «зачистке» территории от последних армян, которым каким-то образом удалось ускользнуть от запущенной Стамбулом машины уничтожения.

Циркулярная телеграмма, которую командующий 3-й армией Махмуд Камиль разослал 10 июля 1915 г. из своего штаба в Тортуме вали Сиваса, Трапизона, Вана, Мамурет-уль-Азиза, Диарбекира и Битлиса², является единственным в нашем распоряжении официальным документом, касающимся данного вопроса. Представленная военному трибуналу на заседании 27 апреля 1919 г., она имеет огромное значение, поскольку является доказательством намерения иттихадистов продолжать их разрушительный проект до тех пор, пока не будут уничтожены последние армяне, даже если они приняли

магометанство или «влились» в турецкие или курдские семьи: «Нам стало известно, что в некоторых селах, население которых было выслано в тыл, некоторые [элементы] мусульманского населения дали армянам приют в своих домах. Так как это является нарушением постановлений правительства, главы хозяйств, приютивших или защищающих армян, должны подвергаться казни перед своими домами, которые в обязательном порядке подлежат сожжению. Настоящий приказ надлежащим образом поступает к сведению всех заинтересованных лиц. Вам необходимо проследить за тем, чтобы в регионе не осталось ни одного не высланного армянина, и сообщить нам о принятых мерах. Обращенные армяне также подлежат депортации. Если лица, пытающиеся защищать армян или поддерживающие с ними дружеские отношения, являются военными, их связи с армией после надлежащего оповещения их начальства следует немедленно прервать, а самих привлечь к ответственности. Если они являются гражданскими лицами, их следует освободить от занимаемых должностей и передать военному трибуналу.

Командующий 3-й армией Махмуд Камиль. 10 июля 1915 г.».

На телеграмме есть компрометирующая пометка, датированная 12 июля и, вероятно, принадлежащая вали или другому высокопоставленному лицу Сивасского вилаета, в которой выражается просьба о передаче настоящего приказа «секретным образом, а в письменной форме только в исключительных случаях»³.

Содержание этого циркуляра не оставляет никаких сомнений в отношении намерений командующего 3-й армией, который, возможно, только выполнял полученные из Стамбула приказы о задержании армян,

¹ BNu/Fonds *Andonian A.* P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, f° 20v, свидетельство Х. Осканяна из Сарикамиша от 3 ноября 1916 г.; ff. 67–68, свидетельство Логоса Варданяна из Эрзурума от 5 августа 1916 г.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, L 133, 154, Direction de la Sûreté nationale, ministère de l'Intérieur, письмо председателю военного суда Константинополя от 23 февраля 1919 г., которое является заверенной копией: «Ваше Превосходительство: Ниже прилагается, в соответствии с вашими приказами, копия зашифрованной телеграммы о депортации армян, написанной бывшим командующим 3-й армией Камилем-пашой. Мы нашли эту телеграмму, которая может оказаться полезной, среди документов, переданных префектурой Диарбекира».

APC/PAJ, L 155, копия зашифрованной телеграммы Махмуда Камилея, опубликованная в «*Takvîm-i Vakayî*», № 3540, Sublime Porte, Sublime Porte, ministère de l'Intérieur, Direction de la Sûreté générale, является верной копией документа, отправленной ему властями Сиваса 23 февраля 1919 г. по просьбе министерства внутренних дел, и направлена в военный суд.

³ Ibid. В телеграмме есть слова: «Копия верна, 23 февраля 1919 г.», а также печать специального бюро начальника безопасности, обвиняемого в подделке официальных документов.

избежавших депортации через обращение в ислам, побег или каким-либо иным образом. Жестокость наказания, предназначенного для мусульманских семей, подавших желанию защитить армян, ясно демонстрирует стремление иттихадистов к полному уничтожению всего армянского населения без всяких исключений. Показательным в этом отношении может считаться пример двух близких к немецкому вице-консулу в Эрзуруме армян, владельца здания, в котором располагалось консульство, Саркиса Солигяна и бывшего переводчика Эльфасяна. Вице-консул Шойбнер-Рихтер в течение нескольких недель подвергался преследованиям начальника полиции Эрзурума Хулуси-бея, требующего срочной депортации этих двух его протеже. В конце концов, 1 июля 1915 г. их арестовали. Несмотря на обращения Шойбнер-Рихтера к вали Тахсину, ему не удалось спасти этих армян, которые, как всем было известно, были его единственными независимыми

источниками информации о происходившем в области. Как отмечает Хилмар Кайзер, этим власти хотели показать местной общественности, что даже немецкий вице-консул не в состоянии кого-либо защитить¹.

Понятно, что меры, принятые гражданскими и военными властями в середине июля 1915 г., были продиктованы желанием провести депортацию в указанные сроки, не оставив в вилаете ни одного армянина. Свидетельством этого являются две циркулярные телеграммы, направленные 20 июля министром внутренних дел местным властям, включая власти Эрзурума. В них запрашивалась точная оценка демографической ситуации в этих областях до и после проведения депортаций, а также информация о количестве армян, принявших ислам, и отношении к ним местных правительственных чиновников. Цель, без сомнения, заключалась в проведении оценки результатов проделанной работы и выработке с их учетом новых мер².

Обращение в ислам или борьба за выживание

В предыдущих разделах мы уже останавливались на (наиболее распространенных) примерах принятия мусульманской веры в период проведения депортаций. Они, главным образом, касались женщин и детей, «усыновленных» турецкими или курдскими семьями. Мы не уделяли внимания семьям, согласившимся принять ислам, чтобы избежать депортации или сохранить свое имущество. Хотя некоторых из таких семей предали смерти всего через несколько недель после их соотечественников, были и другие, особенно в сельской местности или среди ремесленного люда в городах, которым действительно удалось уцелеть. Легко представить, что эти новообращенные, получившие разрешение остаться в своих домах, не часто рассказывают о произошедшем. Одним из редких исключений стал Ованес Ханзарлян, уроженец Эрзурума, который признался, что «его принудили отказаться от христианства и принять ислам»³. Предвидев осуждения

в свой адрес, Ханзарлян говорит, что осуждающие не знают, какво проводить дни напролет в тюрьме, заполненной тошнотворным зловонием, ежедневно подвергаться пыткам или видеть, как душат или отправляют на смерть твоих сокамерников: «Простые смертные вроде меня легко отказываются от своей религии, если понимают, что другого выхода нет, а обращение дает хоть какой-то проблеск надежды». Правда, Ханзарлян при этом отмечает, что почувствовал неопишуемый стыд, когда пришел в первый раз в мечеть и начал молиться. У него было чувство, что «его прародители содрогнулись». Наш свидетель объясняет это не только своим происхождением. Он также вспоминает, чему его учили его учителя, и утверждает, что его национальные чувства не позволили ему оставаться мусульманином. Он вполне разумно подчеркивает, что «в этой проклятой Турции национальность и религия неразрывно связаны». Он также напоминает о жесто-

¹ Kaiser H. Op. cit. Pp. 146–149. Автор цитирует, в частности, переписку между вице-консулом и послом Германии в Стамбуле.

² Ibid. P. 151, n. 127–128. Автор упоминает эти два официальных документа.

³ BNU/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 59, Erzerum, ff. 189–190, свидетельство Ованеса Ханзаряна из Эрзурума от 2 мая 1917 года: «Почему я не смог остаться мусульманином?»

«ости по отношению к его родным, добавляя, что не мог примириться с фактом, что носит имя тех, «кто убил его отца и изнасиловал его сестру». Он почувствовал, что как будто «предал» память о них. Последний выдвинутый Ханзаряном аргумент, является, по сути, теоретическим. Он ясно показывает, как армяне в провинциях воспринимали мусуль-

манскую культуру и последствия возможного обращения в ислам: «Я собирался лишиться себя привилегии общения с великими умами»¹. Иными словами, он считал, что если он примет закон Пророка, то будет лишен всякого доступа к современным взглядам и миру идей, т.е. именно к тому, к чему в тот период стремились османские армяне.

Османский банк, местные власти и разграбление армянской собственности

Конфискация армянской собственности в Эрзурумском вилайете, скорее всего, осуществлялась в несколько этапов в зависимости от вида конфискуемого имущества. Нет сомнения в том, что сначала именно секретные положения Закона о временной депортации² обеспечивали официально признанную, в отличие от правовой, базу для операций местных властей, поскольку Закон об оставленной собственности и декрет о его применении были введены в действие только осенью 1915 г., т.е. значительно позже проведения депортации армянского населения³. Вполне вероятно, что вымогательство и различные злоупотребления, приносившие личную выгоду гражданским и военным чиновникам, а также распристраненная неопределенность относительно принадлежности имущества, заставили руководство Иттихада принять основные законы для защиты интересов государства и партии, по крайней мере, в отношении недвижимости. Генерал Вехиб-паша в представленных комиссии Мазхара письменных показаниях откровенно сообщил, как делились деньги и другие принадлежащие депортированным из Эрзурума и Трапизона ценности в Кемахском ущелье: «После того как [у депортированных] на краю ущелья отбирали деньги и драгоценности <...>, [а затем] убивали и сбрасывали в воды Евфрата <...>, собранные суммы делили следующим образом: одна треть для партии «Единение и прогресс», одна треть для правительства и

одна треть для главарей банд, совершивших убийства»⁴. Говоря иначе, тем, кто проводил депортацию, в некотором роде, разрешалось получать за это плату из того, что они отнимали у ссыльных армян.

Особую роль в организации изъятия имущества у армян в Эрзурумском вилайете сыграли два человека: Хакки-бей, директор таможенного управления и будущий председатель местной комиссии по оставленной собственности («Emvali Metruke»), и Гусейн Тосум-бей, делегат Иттихада в Эрзуруме и одновременно глава агентства Милли («Milli agens müdiri»)»⁵. Оба эти иттихадиста проявляли особый интерес к зажиточным семьям областного центра, т.е. к их недвижимости, товарным запасам и банковским счетам.

Как показывает обнаруженная Кайзером информация об имуществе этих влиятельных семей (в частности материалы из архивов немецкого консульства)⁶, в начале июня, когда стало известно об их депортации, местные власти оказались явно неготовы к решению вопросов относительно их собственности. Когда возник вопрос о конфискации вкладов этих семей, директор местного отделения Османского банка Пьер Балладур отправился к вали Тахсину с предложением о создании смешанной комиссии с целью сохранения средств депортированных, но без страхования их от потерь⁷. Совет директоров в Стамбуле незамедлительно одобрил предложенный Балладуром план. Одобрения от начальства Тахсин-бея при-

¹ Ibid.

² См. выше, с. 274–275.

³ См. выше, с. 221–232.

⁴ Выписка из показаний Вехиб-паши от 5 декабря 1918: «Takvim-i Vakayi», № 3540, 5 mai 1919. P. 7, col. 2 и полные показания в письменной форме: PAJ/APC, Bureau d'information du Patriarcat, Z 171–182.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, h 218–219, ответственных за депортацию и резню в Эрзуруме.

⁶ Kaiser H. Op. cit. Pp. 152–155.

⁷ Ibid. P. 152.

шлось дожидаться несколько дольше: 9 июня Тахсин получил от министерства внутренних дел достаточно точные инструкции о том, что все принадлежащее армянам имущество необходимо продать с аукциона¹. Однако, по утверждению Османского банка, средства основных оптовых торговцев Эрзурума уже были переведены армянскому собору². Вероятно, что именно совет Османского банка в Стамбуле, состоящий из трех администраторов, двое из которых были армяне³, обратился к министру финансов (после отставки Джавида временным министром стал Талаат) с просьбой урегулировать спор относительно принадлежавших банку армянских активов. Совет требовал «создания руководства по защите банковских интересов»⁴. Андре Отерман в своей истории Османского банка отмечает, что в Эрзуруме по сравнению с другими местами вопрос стоял наиболее остро, поскольку здесь банк владел «значительной» собственностью (товарами на сумму более 400 тыс. турецких лир), в то время как «средства армян после их депортации попали в руки местных властей на неопределенных условиях»⁵.

Иными словами, идея о принятии Закона об оставленной собственности, несомненно, возникла у Талаата после обращения Османского банка. Несмотря на то, что вверенную банку «значительную» собственность, в конце концов, конфисковали после создания в октябре 1915 г. местной комиссии по оставленной собственности («Emvali Metruke») (при упорном сопротивлении Пьера Балладура)⁶, властям стало гораздо сложнее прибирать к рукам банковские счета армян, депортированных из Эрзурума и других мест. Это можно было сделать только национализировав Османский банк, главным отличием которого было то, что большая часть его капитала принадлежала двум вражеским государствам, Франции и Великобритании, в то время как он продолжал выполнять важней-

шую функцию эмиссионного банка. 11 июля 1915 г. Совет министров действительно решил взять на себя управление банком, но не для того, как достаточно наивно полагает Отерман, «чтобы получить от этого выгоду»⁷, а скорее, чтобы иметь возможность по своему усмотрению обращаться с армянскими счетами. Следует добавить, что Османский банк в феврале 1916 г. принял решение заморозить счета этих «в настоящее время путешествующих» клиентов, некоторым из которых удалось ранее получить авансы в филиалах банка в Сирии и Месопотамии⁸.

Как видно из отчета, написанного после войны хорошо осведомленным жителем Эрзурума, пережившим армянские погромы, армяне Эрзурумского вилайета контролировали 80% внутренней торговли, а также торговлю с другими провинциями империи и внешнюю торговлю. Им принадлежали около шестидесяти торговых компаний с годовым оборотом более 30 тыс. турецких лир, 500 компаний с годовым оборотом 10–15 тыс. турецких лир и 2,5 тыс. компаний с оборотом 800–1000 турецких лир. Автор доклада также обращает внимание на в целом высокий образовательный уровень армянского населения, высокое мастерство ремесленников и значительную собственность, принадлежащую национальным организациям, особенно монастырским общинам, таким как Кармир ванк и Лусаворичи ванк, а также Эрзурумский собор⁹.

По данным Альфонса Аракеяна, стоимость «оставленного» армянами вилайета имущества составляла в общем 17 503 000 турецких лир. Купцы владели 7 300 000 турецких лир, государственные служащие 1 000 000 турецких лир, три крупных религиозных учреждения и тридцать семь монастырей 850 000 турецких лир, епархия Армянской апостольской церкви Эрзурума 310 000 турецких лир, епархия Армянской католической церкви Эрзурума 50 000

¹ BOA, DH, sfr № 53/303, телеграмма министра внутренних дел Тахсин-бею от 9 июня 1915 г.: Armenians in Ottoman Documents (1915–1920), № 25, Ankara, 1995. P. 40.

² Kaiser H. Op. cit. P. 153.

³ Autheman A. Op. cit. Pp. 233–234.

⁴ Ibid. P. 239.

⁵ Ibid.

⁶ Kaiser H. Op. cit. Pp. 153–154.

⁷ Autheman A. Op. cit. P. 239.

⁸ Ibid. P. 238.

⁹ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 59, f° 2, Erzerum, свидетельство Альфонса Аракеяна, армянина, депортированного из Эрзурума, Алеппо, от 24 февраля 1919 г.

турецких лир и Армянская протестантская церковь 10 000 турецких лир. К этим суммам еще следует добавить 372 сельские церкви с их имуществом стоимостью 581 000 ту-

рецких лир, 19 000 крестьянских хозяйств стоимостью 5730 000 турецких лир и имущество городских ремесленников стоимостью 1672 000 турецких лир¹.

Человеческий баланс

В феврале 1916 г., когда русская армия заняла большую часть Эрзурумского вилайета, в нем насчитывалось лишь несколько десятков армянских мастеровых и врачей и еще двести или триста человек, большинство из которых удалось выжить благодаря тому, что они сумели укрыться в дерсимских горах. Как уже упоминалось, тридцать три тысячи жителей вилайета, почти все из

санджака Баязет, бежали на Кавказ, и многим более пяти тысяч женщин и детей остались в местах, куда их депортировали (в Мосуле 1600 человек, Урфе 300 человек и в Алеппо 1000 чел.). Еще две тысячи двести армян разметало по Сирии и Месопотамии. Из всего мужского населения в живых остались только сто двадцать человек².

¹ Ibid., f° 6v.

² Ibid., f° 6.

ГЛАВА 4

Соппротивление и погромы в Ванском вилайете

В Ванском вилайете до войны было четыреста пятьдесят городов и сел, и армянское население составляло 110 897 человек. Благодаря многочисленным горам и изрезанному рельефу местности он не был густонаселенным, правда, армяне в нем представляли большинство. В Ванской казе с его ста шестнадцатью армянскими селами и 53 589 жителями проживала почти половина всего армянского населения¹. При таком положении дел армянские комитеты имели значительное влияние на решения местных властей. Как известно, до самого начала апреля 1915 г. армянское население за пределами пограничных зон каз Махмудия/Сарай и Башкале² страдало только от бесчинств, связанных с военными реквизициями, хотя они, в конечном итоге, были неизбежны в конфликтах такого рода.

Изучение событий, приведших к тому, что армянское население Вана утром 20 апреля 1915 г. укрепились в древнем городе Айгестане³, указывает на то, что шурин Энвера Джевет, по всей вероятности, вернулся в конце марта из Персии с заданием раз и навсегда покончить с ванскими армянами и начать эту операцию с ликвидации трех армянских лидеров, которые до сей поры играли роль посредников и помогали сглаживать мелкие конфликты, то и дело вспыхивающие на территории вилайета. Вали определенно знал, когда отдал 18 апреля приказ о сдаче

населением оружия, что ставит армян перед трудным выбором. Они понимали, что обречены на повиновение, т.к. в ином случае у вали появится необходимый предлог для нападения на христианские кварталы города и сельские поселения. Иными словами, выжидательно-приспособленческая стратегия армянских лидеров уже более не действовала. Возможно, убийство Ишхана в ночь с 16 на 17 апреля и арест Аршака Врамяна (в Ванае еще не знали о его убийстве) убедили последнего из оставшихся в живых лидера армян Арама Манукяна в необходимости пренебречь запретами властей и готовить город к обороне от неизбежного теперь погрома.

При рассмотрении разворачивавшихся в Ванае событий нельзя не обратить внимания на инциденты, начавшие происходить с 11 апреля в административном центре казы Шатах Тахе⁴, небольшом городке с исключительно армянским 2-тысячным населением, который располагался в горах, возвышающихся к югу от озера Ван. Здесь 11 апреля 1915 г. по приказу каймакама Гамиди-бея арестовали Овсеп Чолояна и еще пятерых молодых людей. Жители Таха восприняли этот арест как провокацию. Чолоян был руководителем отдела армянских школ района и одновременно главой местного комитета дашнаков⁵. Это был первый случай, когда власти арестовали армянского лидера из

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 507–513. Вилайет также мог похвастаться 457 церквями и 80 монастырями, некоторые из них были очень старые.

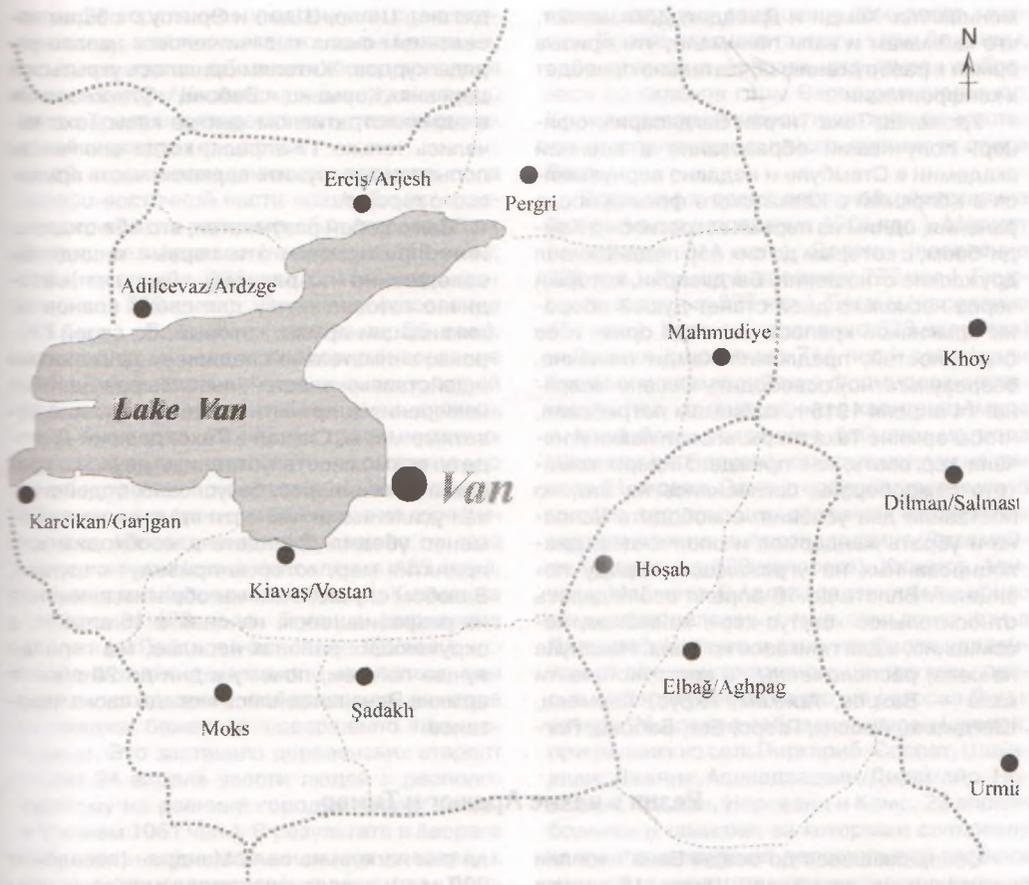
² Четыре армянских города и деревни в восточной части Махмудия (население 826 чел.) были сожжены в конце декабря 1914 г., а их жители были убиты или депортированы: см. выше, с. 249.

³ См. выше, с. 256–263.

⁴ А-До. Указ. соч. С. 168–190.

⁵ Там же. С. 371–372. Хамди-бей, образованный уроженец Стамбула, который провел несколько лет в Европе, сделал себе имя за счет формирования отрядов чете, отправленных в бой в иранский Азербайджан, в связи с началом войны. В борьбе против армян Шатаха ему помогал генеральный секретарь супрефектуры Шевкет-бей, судья Ахмед Тефик и муфтий Хасан.

Соппротивление и погромы: Ван

рядов АРФ. Поскольку для ареста не было никаких видимых причин, со стороны жителей Таха последовал резкий протест. По свидетельству А-До, чья книга о событиях в Ване, написанная по горячим следам, является наиболее полным достоверным исследованием, именно Джевдет приказал Гамиди-бею арестовать Чолояна и еще пятерых активистов. А-До считает, что каймакам никогда бы не принял такого решения самостоятельно¹. Начальник американской больницы в Ване д-р Клэрэнс Ашер, в свою очередь, подтверждает, что Джевдет «счел этот арест подходящим случаем», чтобы предложить Ишхану отправиться в Шатах для выяснения обстоятельств и по дороге убить его². Иначе

говоря, Джевдет инсценировал эту провокацию с целью уничтожения областного лидера дашнаков, чтобы усилить давление без немедленного разрыва с АРФ в Ване. Кроме того, есть свидетельства, что каймакам Хамди в конце марта приказал местным отрядам курдов, недавно вернувшимся с Кавказского фронта, «быть наготове»³.

12 апреля власти в Тахе потребовали от армянского населения сдачи оружия. Все прекрасно знали, что кочующие по провинции отряды курдов вооружены, следовательно, подчинение приказу, по словам А-До, было равносильно «самоубийству»⁴. Обнаруженные в префектуре после эвакуации из района турок сообщения, которыми об-

¹ Там же. С. 372.

² Ussher С. Op. cit. P. 127. Ашер встретился с Джевдетом 18 апреля, после того как узнал о преступлении.

³ А-До. Указ. соч. С. 380.

⁴ Там же. С. 381.

менивались Хамди и Джевдет, доказывают, что каймакам и вали понимали, что призыв армян к разоружению обязательно приведет к конфронтации¹.

Уроженец Таха Тигран Багдасарян, офицер, получивший образование в военной академии в Стамбуле и недавно вернувшийся в Кёпрюкёй с Кавказского фронта после ранения, одним из первых встретился с Хамди-беем, с которым до сих пор поддерживал дружеские отношения. Багдасарян, который через несколько дней станет душой обороны армянской крепости «гнездо орла» и ее окрестностей, предложил Хамди (конечно, безрезультатно) освободить Овсеп Чоляна. 14 апреля 1915 г. каймакам потребовал, чтобы армяне Таха открыли свои лавки и начали торговать, как прежде. Лидеры комитета самообороны согласились на это, но поставили два условия: освободить Чоляна и убрать жандармов и ополченцев, дислоцированных на угрожающих городу позициях². Вплоть до 16 апреля соблюдалось относительное «статус-кво»: каймакам, несомненно, ждал приказов из Вана. Накануне на села, расположенные в восточной части казы — Вахров, Ариком, Акрус, Керменц, Шегджанц, Аросги, Гверс, Баг, Бабонц, Паг-

джганц, Шино, Шамо и Эритсу с общим населением около тысячи человек напали отряды курдов. Жителям пришлось укрыться в деревнях Керменц и Бабонц³. Столкновения в административном центре казы Тахе начались только 17 апреля, когда ополченцы попытались окружить верхнюю часть армянского города⁴.

Само собой разумеется, что обе стороны интерпретировали эти первые инциденты совершенно по-разному. Джевдет методично готовил почву для своих планов по ликвидации армян, которые, со своей стороны, внимательно следили за движениями и действиями властей, пытаясь разгадать их намерения и принять соответствующие ответные меры. Случай в Тахе, давший Джевдету возможность устранить двух из трех армянских лидеров, безусловно, содействовал усилению активности армян и одновременно убедил Джевдета в необходимости принятия мер, которые приведут к взрыву. В любом случае, если мы обратим внимание на разразившееся, начиная с 18 апреля, в окружающих районах насилие, мы гораздо лучше поймем, почему в дни до 20 апреля армяне Вана готовились к осаде своих кварталов.

Резня в нахие Арджаг и Тимар

Совершавшееся до осады Вана насилие не ограничивалось казой Шатах. 16 апреля влиятельный курд Нуру Писогланы, имевший тесные связи с армянскими кругами, принес в нахие Арджаг (Эрджек), расположенную на берегах озера Арджаг в двух часах пути к северо-востоку от Вана, весть о том, что каймакам Беркри Зия-бей созвал собрание старост (мухтаров), чтобы предупредить их, что в случае погромов курды под страхом смерти не должны укрывать или защищать армян. Каймакаму Махмудие Камиль-бею была поставлена задача разделить с жителями волости. В этом ему помогли сто пятьдесят жандармов, подкрепленных курдским контингентом под командованием главарей Шарафа-бега из Ханасора, Наджиба-ага из Мугура и Арифа-бега из Шава. 18 апре-

ля они напали на село Мандран (население 390 чел.), известное успешным отражением прошлых нападений курдов. Село было безжалостно разграблено и пятнадцать его жителей убито, но женщинам и детям удалось бежать без серьезных потерь. 19 апреля чете под командованием каймакама Беркри Зия-бея напали на Арджаг. Здесь истребили сто человек, сожгли дома и подвергли насилию многих женщин⁵. Однако когда во второй половине того же дня эти же ополченцы напали на село Харагонис (население 1525 чел.), где вместе с беженцами из Мандрана, Хазара и Богазкиасана было сконцентрировано порядка двух тысяч человек, их встретили интенсивным орудийным огнем. 20 апреля все силы под командованием каймакамов Беркри и Сарая были стянуты к Харагонису, но

¹ Там же. С. 383–384.

² Там же. С. 382–383.

³ Там же. С. 389.

⁴ Там же. С. 382.

⁵ Там же. С. 192–193.

когда 21 апреля они предприняли свою вторую атаку, в селе оставались только старики, женщины и дети, а большая часть населения бежала в горы Кызылджа к северу от озера. Чете вырезали пятьдесят из оставшихся жителей и сожгли село дотла¹.

19 апреля нападению подверглись села северо-восточной части нахичеванской Тимар, расположенные на восточном берегу озера Ван. Жители сел Ардавез (население 118 чел.), Гой (население 137 чел.), Атикеозал (население 226 чел.), Гиуснец (население 825 чел.), Сейдыбег (население 56 чел.), и еще двух деревень Кеапариг (население 379 чел.) и Харашиг, граничащих с казой Беркри, также искали убежища на склонах горы Кызылджа. 22 апреля триста курдских чете попытались атаковать их с севера, но были встречены сильным ружейным огнем. 23 апреля к скоплению беженцев на горе Кызылджа присоединились бежавшие от чете крестьяне из Напата (население 165 чел.), Ялгузараджа (население 49 чел.), Кызылджа (население 423 чел.), Боганца (население 451 чел.) и Пайтага (население 195 чел.).

Однако антисанитария и отсутствие еды делали положение собравшихся на горе Кызылджа беженцев совершенно невыносимым. Это заставило деревенских старост утром 24 апреля увести людей к расположенному на равнине городку Авераг (с населением 1061 чел.). В результате в Авераге собралось около восьми тысяч человек, к которым присоединились еще жители Шахпага. В этот день Авераг окружили отряды иррегулярных войск и жандармы, которым было оказано мощное сопротивление². Ночью семь тысяч человек под прикрытием нескольких вооруженных юношей предприняли успешную попытку прорвать окружение и дойти до Вана³. 25 и 26 апреля силы, окружавшие Авераг, продолжали атаковать Тарман и Гохбанц, где укрылись жители сел Лим (население 143 человека), Заранц (население 240 чел.), Севан (население 439 чел.), Эрманц (население 24 человека), Бахезег (население 98 чел.), Фаруг (население 210 чел.) и Осгергаг (население 270 чел.), благодаря чему население выросло до 3000 че-

ловек, которых защищали семьдесят мужчин. Применяв ту же тактику, что и беженцы, собравшиеся в Авераге, эта группа добралась до склонов горы Вараг дальше на юг. К ним присоединились еще жители местечек, расположенных на юго-востоке от озера Ван⁴.

Погромы в селах северной части нахичеванской Тимар Алиур (население 1955 чел.), Мармет (население 811 чел.), Эерин (население 938 чел.), Хжышг (население 775 чел.), Гиуснец (население 825 чел.), Боганц (население 451 чел.), Хавенц (население 633 человека) и Джаник (население 714 чел.) совершали боевики и кавалерийские формирования гамидие под командованием капитана Амара и Ариф-бега, усиленные бойцами из рода Шаветли (из Беркри), которые напали на эти села 21 апреля. Однако собравшиеся вместе жители окружающих деревень оказали им сопротивление в Асдвадзадзине/Дирамайре (население 462 человека), Хжышге, Алиуре и Мармете. В Асдвадзадзине было убито семьдесят человек и еще семьдесят три в Джанике⁵. Именно в этом наиболее удаленном от административного центра казырайоне на берегу озера напротив острова Лим к вечеру 21 апреля собрались тысячи людей, пришедших из сел: Пиргариб, Сосрат, Шахалди, Джаник, Асдвадзадзин/Дирамайр, Норашен, Коджан, Норованц и Комс. 22 апреля боевики и гамидие, за которыми следовала толпа, привлеченная перспективой грабежа и захвата молодых женщин, двинулась на лагерь, спешно сооруженный на берегу озера Ван⁶. Несколько десятков вооруженных мужчин отражали атаки нападавших, а в это время крестьяне переправлялись на лодках на остров. Потребовалось три полных дня, чтобы переправить эти двенадцать тысяч человек на остров Лим, где из-за нехватки продовольствия ситуация очень быстро стала критической.

25 апреля после погромов армянских сел Верхнего Тимара каймакам Беркри Зиябей со своими боевиками и чете предпринял осаду Алиура, крупнейшего поселения в районе. В нем под защитой ста шестидесяти вооруженных мужчин собрались жите-

¹ Там же. С. 194.

² Там же. С. 195.

³ Там же. С. 196.

⁴ Там же. С. 197.

⁵ Там же. С. 210–211.

⁶ Там же. С. 212.

ли сел Пайлаг/Пайтаг (население 195 чел.), Аднаганц (население 247 чел.) и Дерлашен (население 657 человек)¹. Не сумев сломить сопротивление, каймакам пообещал пощадить людей, если село покинут вооруженные мужчины. Как и в других местах, предводители села согласились на такое предложение. Тогда ополченцы и курды заперли сто шестьдесят мужчин в церкви и начали грабить город. Население бежало. 28 апреля мужчин в церкви связали в небольшие группы и погнали в местечко под названием Эмбаг, где с ними расправились обычным

способом: с помощью ножей, штыков и топоров². 27 апреля боевики, принимавшие участие в этом нападении, во главе с Алибегом из рода Шаветли начали штурм поселения Мармет, мэром которого Раис Ованес решил договориться с нападающими. Он попросил шестьдесят вооруженных мужчин оставить село. В ответ на это боевики арестовали сто мужчин, заперли их в церкви, а затем отвели в Джагатси Цор, что в часе пути от Мармета, где они и были уничтожены одновременно с двадцатью пятью мужчинами из Джирашена³.

Массовые погромы в казе Эрджиш

В расположенной на северо-восточном берегу озера Ван казе Эрджиш/Аржеш перед войной было пятьдесят четыре армянских поселения общей численностью 10 381 человек⁴. Каймакам административного центра казы Аганца (2078 чел.) Али Риза-бей, младотурок из Стамбула, приказал 19 апреля собрать всех армянских мужчин перед префектурой. В этот же день в городскую тюрьму были брошены четыреста мужчин. Вечером жандармы и ополченцы связали их в группы по десять человек и конвоировали в сторону гавани недалеко от деревни Харген (население 285 чел.), где и расстреляли⁵. В тот же день семьсот или восемьсот мужчин из окрестных сел, которых заперли в казармах рядом с юго-западными воротами города, постигла та же участь. Среди заключенных в городской тюрьме и казенных вечером узников были помощник предстоятеля отец Егише и другие известные жители города: Никола и Саркис Шальяны, Арутюн Ншан, Хосров и Сероп. Один из очевидцев

отмечает, что этим вечером каймакам произнес перед собравшимися на центральной площади Аганца боевиками торжественную речь, призывая их продолжать начатое дело во имя спасения отечества⁶. В течение дня эти чете из Специальной организации совершали систематические нападения на села казы и истребляли остатки населения⁷.

По свидетельству А-До, к 19 апреля из армянского населения казы, составлявшего 10 381 человек, 2378 было уничтожено, 518 (в основном молодых женщин и детей) похищено, 953 погибли от болезней или голода и 693 пропали без вести. Это в общей сложности 4542 человека, т.е. около 45% всего армянского населения⁸. Оставшимся в живых удалось бежать на северо-восток за линию фронта русских войск, которая тогда проходила через Дядин. Таким образом, здесь был применен метод, который в последующие недели будет использоваться и в других местах: сначала истребить мужчин, а затем стереть с лица земли города и села.

¹ Там же. С. 213.

² Там же. С. 214.

³ Там же. С. 215.

⁴ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 542–544.

⁵ А-До. Указ. соч. С. 169–173. Учет этих событий впоследствии предоставил один из немногих оставшихся в живых из этой группы людей, Мкртич Ованесян, уроженец села Панон (население 180 чел.). Ованесяну позже удалось достичь позиций русской армии возле Дядина вместе с 23 жителями деревни Сосгун.

⁶ Там же. С. 175. 60 человек из села Арагха также были задержаны в тюрьме в Аганце.

⁷ Там же. С. 176–177.

⁸ Там же. С. 186–188.

Массовые погромы в казе Беркри

По свидетельству очевидца Мушега Мкртчяна из села Егмал казы Беркри, большинство мужчин из городов и сел (всего 41 поселение) казы Пергри/Беркри с общей численностью населения 5152 человека¹ со времени всеобщей мобилизации в августе 1914 г. работали в трудовых батальонах. И тем не менее в начале апреля жандармы прочесали самые отдаленные села этой казы на северо-востоке от озера Ван, чтобы «мобилизовать» всех лиц мужского пола старше пятнадцати лет «для усиления рабочего контингента». Тот же очевидец сообщает, что в это время в трудовых батальонах было занято около тысячи мужчин, которые ремонтировали дороги в Абагской долине, где уже начал таять снег. 19 апреля этих мужчин истребили группами по двадцать пять человек в самой узкой части ущелья Панте Маху, простиравшегося до точки «две версты» на юго-западе от Беркри недалеко от средневекового моста Голод. Их палачами были жандармы и боевики под командованием Милиса Исо Телуна. Курдского командира кавалерийского формирования гамидие Тахар-бега отравили во время застолья с каймакамом и командиром жандармов Амар-беем за попытку защитить кого-то из этих мужчин². В тот же день в селе Хаджан (население 600 чел.) уничтожили восемьдесят человек, включая мастера (уста) Мко, его пятерых братьев, двух сыновей и нескольких племянников³. Утром 19 апреля село Кордзот (население 790 чел.), расположенное на границе с нахией Тимар, посетили каймакам Зия-бей и командир жандармерии Амар-бей

в сопровождении двухсот мужчин и помощника предстоятеля Тер-Манвела. Жители села собрали пятьдесят турецких лир и десять винтовок в надежде откупиться от властей. Но это не помогло, и восемьдесят шесть мужчин арестовали и заперли в доме Мелояна. Утром 20 апреля жандармы погнали их в сторону Егунатсора, где всех уничтожили⁴.

Утром 20 апреля триста боевиков и гамидие по приказу Сулеймана из Иришада (Аржеша) заняли соседнее село Бэзиг Киуг (население 447 чел.), где арестовали и затем расстреляли недалеко от села сто двадцать мужчин, а само село разграбили и вырезали еще шестьдесят человек. Тех, кто попытался уйти по дороге на Беркри, расстреляли там же или на мосту Голод в ущелье Панте Маху. Далее нападению подверглись села Энгизаг (население 311 чел.), Сурп Татос (население 211 чел.), Анцав (население 108 чел.) и Панз. 60 мужчинам из этих сел перерезали горло, а села разграбили и сожгли⁵. Некоторые жители этих сел сумели укрыться в Кордзоте. Среди них были 50 вооруженных мужчин. Когда 25 апреля курдские чете вошли в Кордзот, чтобы изъять запасы пшеницы, их встретили сильным ружейным огнем. Все это время занятый истреблением других сел этого района командир жандармов Амар-бей и несколько сотен его боевиков 7 мая снова напали на село. На этот раз им было оказано сильное сопротивление, продолжавшееся три дня. Когда 15 мая в село прибыли армянские добровольцы, перед ними предстала ужасающая картина: центральная площадь была усеяна трупами⁶.

Массовые погромы в казе Адылчеваз

В 1915 г. в казе Адылчеваз/Ардзге, самой западной казе на северном берегу озера Ван, было двадцать пять армянских сел с общей численностью населения 6460 человек⁷. Как известно, капитан Рафаэль де Ногалес,

приписанный к 3-й армии, прибыл в Адылчеваз вечером 20 апреля, где стал свидетелем расправы над пятьюстами армянскими жителями административного центра казы. На следующее утро он наблюдал, как гра-

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 542.

² А-До. Указ. соч. С. 179, 184. В административном штабе региона Беркри было 110 курдских и 25 армянских семей. Горстке выживших удалось бежать в Маку на турецко-персидской границе.

³ Там же. С. 181.

⁴ Там же. С. 208–209.

⁵ Там же. С. 209–210.

⁶ Там же. С. 216.

⁷ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 544.

бят и сжигают армянские кварталы по непосредственному приказу каймакама, который «бурно меня благодарил за спасение города от страшного наступления армян»¹.

Погромы в селах казы Адылчеваз начались уже 19 апреля. Сорока мужчинам из Норшеджюра удалось бежать в смешанную курдско-армянскую деревню Кызыл Юсуф,

расположенную в соседней казе Маназгерд/Мелазкырт (вилайет Битлис), где еще не было погромов. Но каймакам Адылчеваза послал за ними жандармов, которые и убили всех сорок беженцев². Очевидно, поступавшие из Эрзурума и Стамбула приказы касались только армянского населения Ванского вилайета, а не всех соседних районов.

Массовые погромы в казе Геваш/Киаваш и Айоц Цор

В казе Киаваш/Востан, куда входили двадцать пять армянских сел с общей численностью населения 6851 человек³, массовые погромы начались 18 апреля в Хирдже (население 205 чел.), где накануне был вероломно убит Ишхан. Здесь вырезали сорок шесть мужчин. В тот же день подверглись нападению и были сожжены другие села в восточной части казы Атанан (население 372 человека) и Спидаг Ванк (население 124 человека). Через день в Ван прибыл капитан жандармерии Эджем с тремястами боевиками и двумя пушками, из которых они обстреляли Белтенц (население 386 чел.). 18 апреля курдский главарь Лазкин Шакироглу напал на два поселения в Айоц Цоре по дороге на Нордуз. В Ангшданце (население 411 чел.) были застрелены известные личности, включая мэра Мурада, пытавшегося договориться с курдским главарем. Однако группа мужчин из двадцати человек достаточно успешно отбивалась и не дала нападающим взять верх над селом⁴.

В тот же день Лазкин и его люди ограбили соседнее село Эремери (население 432 человека), которое оказалось без защиты, и расправились там с восьмьюдесятью мужчинами. Сопротивлялся чете только один молодой мужчина по имени Сааг Габриелян, который забаррикадировался в своем доме и убил семь курдов. После наступления темноты он вывел оставшихся в живых в Гурубаш⁵.

На следующий день 19 апреля Ангшданц был снова окружен. Его защитники бежали той ночью, оставив путь в село открытым для Лаз-

кина Шарир-оглу и его чете. Семьдесят человек из села были убиты, а остальные бежали на северо-восток в горный район Вараг и курдскую деревню Темкос. Третьей целью Лазкина была деревня Гзы (население 312 чел.), которая рассчитывала на защиту местного курдского-бей Махмада Шарифа. Шариф вступился за армян, но безрезультатно: во второй половине дня 19 апреля шестьдесят жителей Гзы были убиты, среди них Овсеп Алоян, Арутюн Карапетян, Вардан Манукян и отец Мкрдич. Восемь молодых мужчин засели в доме и сопротивлялись до наступления темноты, после чего бежали в Пертаг и Вараг⁶.

20 апреля Лазкин вместе с двумя другими главарями чете Джиханкиром и Садулом напали на села Гем (население 547 чел.) и Анхк (население 678 чел.), расположенные к югу от Вана в Айоц Цоре. В их распоряжении было две пушки. В Гем пришли искать защиты еще жители сел Мусгавенц/Машдаг (население 394 человека) и Гзлташ/Кызылташ (население 314 чел.). Защитников было шестьдесят мужчин, и они не смогли противостоять чете. Толпа уцелевших людей хлынула на дорогу в Анхк, где нашли свою смерть сто пятьдесят человек⁷. В тот же день очередь дошла и до Анкха, где были вырезаны двести семьдесят жителей, а триста оставшихся в живых бежали в сторону реки Хошап, где погибли еще сто человек. Таким образом, 20 апреля, в общем, было уничтожено семьсот человек⁸. Остатки населения из близлежащих сел собрались в деревне Ишхани Гом (население 409 чел.), распо-

¹ См. выше, с. 262; *Nogales R. de*. Op. cit. Pp. 59–61.

² А-До. Указ. соч. С. 189.

³ *Kévorkian & Paboudjian*. Op. cit. Pp. 545–548.

⁴ *Ibid.* Pp. 197–199.

⁵ *Ibid.* Pp. 200–201.

⁶ *Ibid.* P. 201.

⁷ *Ibid.* Pp. 202–203.

⁸ *Ibid.* Pp. 204–205.

ложенной между каналом Семирамис и Хошапом. После полудня 20 апреля Лазкин, Джиханкир, Садул и их чете, к которым приурединился контингент под командованием капитана Эдхема, что вместе составило почти тысячу человек, в снаряжении которых было четыре пушки, напали на село, которое обороняли восемьдесят человек. Восемьсот мужчин всех возрастов отступили к Варагу на восток, а женщины и дети направились в Ардамед, где триста из них были зверски убиты. Трех тысячам человек все же удалось добраться до Вана или Варага¹.

Массовые погромы и сопротивление в нахии Вараг

Горный район Вараг, лежащий в чаше пути к востоку от Вана, с монастырем Святого Григория и селами Тарман (население 482 человека), Гохбанц (население 218 чел.), Цорованц (100 армян и 240 курдов) и Шушанц (население 559 чел.), дал в первые дни начавшейся в этом районе резни убежище тысячам жителей как из окрестных селений, так и из Айоц Цора. Этот горный район был очень удобно связан с нахией Арджаг и персидской границей, а кроме того, по нему проходила дорога Хошап/Хошаб-Башкале, которую жители Вана считали одним из возможных путей для спасения³. Неудивительно, что в самом начале боевых действий приблизительно тридцать жандармов заняли позиции в монастыре Варага. Вечером 20 апреля они убили двух монастырских монахов отца Аристакеса и отца Вртанеса вместе с их четырьмя слугами, после чего, как это ни странно, бросили свои позиции и вернулись в город. Именно в это время до этих горных мест добрались три тысячи беженцев из сел Айоц Цора Нор Гюг (население 413 чел.), Лим (население 143 человека), Заранц (население 240 чел.), Севан (население 439 чел.), Эрманц (население 24 человека), Бахезег/Багезиг (население 98 чел.), Фаруг (население 210 чел.) и Осгераг/Осгипаг (население 270 чел.), которых защищали шестьдесят мужчин. Этим шести тысячам беженцев на горе Вараг да-

же удалось поддерживать в ночное время связь с городом⁴. Если в начале массовых погромов погромщики не добрались до этого горного района, то 8 мая по приказу вали Джевдета на его штурм были брошены значительные силы, т.н. «Эрзурумский батальон», состоящий из трехсот кавалеристов и тысячи боевиков и чете, оснащенных тремя батареями пушек. Противостоявшие им армянские защитники заняли три оборонные позиции: пятьдесят мужчин под командованием Акопа Блгояна укрепились в Гохбанце, двести пятьдесят по приказу Тороса были размещены в Варагском монастыре, и еще двести пятьдесят под командованием Ширина Акопяна из Арджага заняли позиции в Шушанце. Первое наступление было предпринято на Шушанц, который после слабого сопротивления был взят и предан огню. Затем нападавшие повернули на Гохбанц и его монастырь Святого Григория, который также сдался. Древний монастырь Варага и его коллекции средневековых рукописей были преданы огню. Скопившиеся в этом районе шесть тысяч человек в течение трех ночей пробирались к Вану⁵. Один армянский источник свидетельствует, что Джевдет не предпринял никаких попыток, чтобы помешать беженцам добраться до города, т.к. там «ему было проще умирить людей голодом и гораздо быстрее сломить упрямство защитников»⁶.

¹ Ibid. Pp. 205–206.

² Ibid. Pp. 207–208.

³ Ibid. Pp. 216–217.

⁴ Ibid. Pp. 217–218.

⁵ Ibid. P. 219, утверждает, что турецкое наступление на Вараг началось 8 мая; *Nogales R. de. Op. cit.* P. 92 (он датирует уход «эрзурумского батальона» на гору Вараг 3 мая); *Ussher C. Op. cit.* Pp. 143–144.

⁶ M. G. La défense héroïque de Van (Arménie), Genève 1916. P. 10; А-До. Указ. соч. с. 300–301. Также считает, что вали таким образом надеялся подчинить Айгестан.

Осада Вана

Хотя большинство армян Вана были сосредоточены в квартале под названием Айгестан («Сады»), расположенном в восточной части города сразу под крепостью, некоторые жили в укрепленном старом городе, где находились магазины и основные правительственные учреждения. Между этими двумя районами лежала практически необитаемая территория. Таким образом, движения сопротивления, с которыми турецкие войска сражались в течение трех недель (одно в старом городе, а другое в Айгестане), были фактически разобщенными¹. Первые столкновения произошли в Айгестане на рассвете 20 апреля. Когда тремя часами позже Ван был обстрелян из западной части урартской цитадели, в которой находились городские казармы и склад боеприпасов, армяне забаррикадировались в старом городе².

Д-р Кларенс Ашер, который был личным врачом Тахир-паши, бывшего вали Вана, хорошо знал его сына Джевдета в дни его молодости, а также его жену, сестру военного министра Энвера. В своем описании этого современного утонченного младотурка американский врач отмечает, что тот «показал себя непревзойденным мастером маскировки и притворства», когда убедил армян в своих благородных намерениях для того, чтобы облегчить себе вероломное убийство Ишхана, или когда поддерживал «хорошие общественные отношения» с миссионерами прежде, чем расстрелять это «логово неверных» и честно признать в своих истинных чувствах по отношению к ним³. По мнению миссионера, все делалось для того, чтобы показать, что Джевдет «планировал на 19 апреля массовую резню всех армян вилайета». Но по настоянию миссионеров он согласился обсудить с ними свое предложение о том, чтобы оставить в американской миссии жандармов для «обеспечения [их] защиты», и даже отложил на двадцать четыре часа выполнение своих планов относительно города с целью «обеспечения

эффективной защиты»⁴. Из всех участников тех событий такую гипотезу выдвинул только Ашер. Однако хронология погромов во всех казах Ванского вилайета, за исключением резни в селе Шатак/Шатах, скорее всего, ее подтверждает.

У защитников Вана, при их недостаточной численности и плохом вооружении, было преимущество: они находились в плотно застроенной городской среде. Но в нем же крылись и недостатки: их позиции непосредственно примыкали к правительственным зданиям в городе, таким как управление государственного долга, суд, отделение полиции и региональная администрация, откуда их могли атаковать турецкие войска. Именно поэтому руководители сопротивления в первый же день столкновений решили отправить десантников на задание с целью поджога этих зданий⁵.

Вскоре после начала боевых действий в ночь с 21 на 22 апреля в городской порт вошло судно, на борту которого находился очевидец и один из главных участников ванских событий Рафаэль де Ногалес, венесуэльский офицер, прибывший в распоряжение вали Вана. Став накануне свидетелем резни армян Адилджеваза, он, уже находясь на судне, видел отблески яркого пламени, расходящиеся от «горящих деревьев», особенно из села Ардамед, в котором проводили лето влиятельные семьи Вана. Деревенская церковь пылала «как факел»⁶. На следующее утро во время осмотра позиций в обеих частях Вана он заметил прибытие нескольких сотен курдов, которые должны были «оказать помощь в уничтожении всех армян» и принять участие в «зверской вакханалии» — облаве на армян, не сумевших пробраться в занявшие оборону кварталы. Несмотря на смелую попытку, Ногалесу не удалось спасти двух молодых людей от курдских чете, проигнорировавших его приказы прекратить преследование и настигших обоих⁷. На окраине Айгестана перед американской миссией ему пришлось отве-

¹ А-До. Указ. соч. С. 219–224.

² Там же. С. 274–275.

³ *Ussher C.* Op. cit. P. 141.

⁴ *Ibid.*

⁵ А-До. Указ. соч. С. 281–282.

⁶ *Nogales R. de.* Op. cit. P. 63.

⁷ *Ibid.* Pp. 64–65.

сти взгляд, чтобы не видеть, как собаки раздвигаются с трупами. Затем он стал свидетелем того, «как мусульманское население рьяно занималось поисками сокровищ» в армянских домах, находившихся вне зоны боевых действий. Он также отметил беспокойство властей о том, чтобы все жертвы насилия были сожжены и не осталось никаких «других следов их преступлений»¹.

Когда чуть позже Ногалес отправился на обед с вали Джевдетом, он нашел эту «пантеру в человеческом обличье» в его роскошной вилле, одетого «по последней парижской моде». Джевдет находился под прикрытием некоего капитана Решида с его батальоном лазов «Янычары». Задача Решида заключалась в выполнении всех «секретных приказов» вали. Венесуэльский офицер был шокирован контрастом между насилием, творящимся на расстоянии десятков ярдов отсюда, и изысканностью обстановки резиденции вали, бывшего образованным человеком. Среди гостей был один «джентльмен по имени Ахмед-бей», счаровавший Ногалеса. Он был одет в хорошо сшитый английский твидовый костюм и бегло говорил на нескольких языках «в своей аристократической манере и в достаточно скептических выражениях». И это был «не кто иной, как отъявленный бандит» черкес Ахмед, главарь отряда «черкесских» чете². Уроженец Сереза в Македонии, этот фидайи Центрального комитета Иттихада в звании майора несколькими годами ранее получил широкую известность в связи с убийством высокопоставленных правительственных чиновников и журналистов, осудивших политическую деятельность младотурок, а также с участием в государственном перевороте 23 января 1913 г., стоившем жизни военному министру³. Какое-то время майор скрывался, после чего был назначен одним

из командиров Специальной организации и направлен со своим отрядом «мясников» в Ван для оказания помощи Джевдету⁴.

Ногалесу было хорошо известно, что «единственным политическим преступлением... сотен невинных женщин и детей была их принадлежность к христианству». Это никоим образом не помешало ему принять предложенную Джевдетом миссию: он должен был взять на себя «командование осадой» и координацию действий двух дислоцированных в крепости артиллерийских рот⁵.

Ему были предоставлены значительные силы, в которые входили отряды черкесских и турецких добровольцев, жандармские батальоны, включая конный батальон, регулярные войска, а также 1200–1300 курдских чете, большинство из которых «привлекала возможность грабить город». Таким образом, в его распоряжении находились от десяти до двенадцати тысяч человек, т.е. практически целая дивизия⁶.

Одной из главных проблем, которую пришлось преодолевать армянской стороне, была турецкая артиллерия, без остановки обстреливающая две ее отходные позиции. Сеть глубоких вырытых армянами траншей решала только часть проблемы: каждую ночь бригады каменщиков латали дыры, сделанные турецкими снарядами в линии обороны. Другая значительная проблема, с которой столкнулись защитники Айгестана, заключалась в том, что казармы Хамудага плотно примыкали к восточной стороне армянского квартала, и турецкие силы постепенно наступали на армянские позиции. Но, несмотря на это, несколькими отчаянным армянским солдатам удалось пробраться в подвалы казарм, которые были построены в 1904 г. для осуществления контроля за Айгестаном. Они проползли через сеть туннелей (кана), обычно используемых для

¹ Ibid. Pp. 66–67.

² Ibid. Pp. 72–74. Несколько недель спустя черкес Ахмед убьет парламентских депутатов Зограба, Вардеса и Тагаваряна (см. ниже, с. 700).

³ См. выше, с. 159.

⁴ Dadrian V. Documentation of the Armenian Genocide in Turkish Sources. Pp. 118–120. Дадрян предоставляет аннотированную библиографию преступной деятельности черкеса Ахмеда сначала в Ване, а затем в Дيارбекире. APC/PAJ Э 563, Bureau d'information du Patriarcat, Свидетельство о Джевдет-бее, вали, который попросил, чтобы майор освободил его от обычных обязательств и командировал в Ван.

⁵ Nogales R. de. Op. cit. P. 74. Единственными армянами, которых он встретил, были разоруженный жандарм, который служил дворецким вали, и торговец Тержибашян, который время от времени служил в качестве переводчика (Ibid. P. 88).

⁶ Ibid. Pp. 75–76.

подачи воды в город. 22 апреля в 4 часа дня взорвались мины, точно установленные под фундамент казарм. От взрыва начался пожар, полностью уничтоживший здание и заставивший турок отступить от соседней позиции на улице Шахбендер¹. Этот быстрый успех принес армянам облегчение и дал некоторую надежду. Ногалес, со своей стороны, отмечал, что «сопротивление армян было потрясающим... Каждый дом представлял собой крепость, которую приходилось отвоевывать отдельно». У него даже появилось ощущение, что армянам всегда удавалось отгадывать его намерения, поскольку позиции, которые он решал атаковать, всегда оборонялись значительными силами².

По собственному признанию венесуэльского офицера, Джевдет был обескуражен «героическим сопротивлением Вана» (точное выражение Ногалеса), выдержавшим яростные атаки регулярных войск и чете, а также обрушившийся на город «огненный ливень». После пяти дней боев и далеко не малых людских потерь турецкие и курдские добровольцы были явно деморализованы. Их командир видел, что «по мере продления осады курды исчезали десятками, а к концу и сотнями»³. Среди прочих предпринятых Джевдетом действий Ногалес отмечает его приказ обстрелять американскую миссию, и хотя сам вали заявлял, что обстрел произошел в результате ошибки, последующие события показали, что он имел твердое намерение ликвидировать «американских гяуров»⁴. Джевдет также приказал обстрелять собор святых Петра и Павла, историческое здание в старом городе, имеющее «неоспоримую историческую ценность»⁵.

Безусловно, власти и армянская сторона прекратили всякие отношения в первые же дни после начала боевых действий. В Ване продолжал работать только один европейский дипломат — консульский представитель Италии Г. Сбордони. Прежде он был с Джевдетом в дружеских отношениях и по-

этому 24 апреля решил обратиться к нему с просьбой о примирении сторон⁶. Он заверил вали, что его единственной целью является желание восстановить мир и что он во время их недавних бесед уже привлекал внимание Его превосходительства вали к тому факту, что «достойные сожаления инциденты могли возникнуть вследствие неправильного отношения и отсутствия такта со стороны милиционных формирований», поскольку они в своих действиях «отступали от строгого выполнения приказов [Джевдета]». Заверив вали в своем полном доверии к нему в связи с его огромным опытом и выразив надежду на то, что он обязательно найдет «нужное решение», Сбордони добавил, что убежден в том, что его предложения «будут хорошо встречены в армянских кругах». Но при этом подчеркнул, что вряд ли армяне «в сложившейся обстановке» примут предложение о сдаче оружия «и безоговорочной капитуляции». «Если армяне взялись за оружие, — сказал итальянец вали, — значит, они уверены, что правительство, используя в качестве предлога воинскую повинность, намеревается уничтожить их всех до одного [и поэтому приняли решение] защищать свои семьи». «Пять пушечных ядер, — продолжил он жаловаться, — разбомбили наше консульство». Но это только материальный ущерб, и консул с радостью узнал, что вали приказал развернуть пушки в другом направлении. Наконец, выступая от имени американской и немецкой миссий, он заверил вали, что они не давали убежища «вооруженным лицам», а только женщинам, детям и больным, и нижайше просят его принять «меры по обеспечению их защиты»⁷.

В Айгестане к этому времени был создан Комитет по обороне, которому еще пришлось обустроить семь тысяч беженцев, прибывших 25 апреля из сел Арджакской и Тимарской нахие и окрестных территорий. В первую очередь было необходимо накормить всех этих людей. Кроме того, комитету

¹ А-До. Указ. соч. С. 250–253. *Ussher C. Op. cit. P. 137.* Дает перекрестное свидетельство об этих событиях.

² *Nogales R. de. Op. cit. P. 80.*

³ *Ibid. Pp. 76, 81.* Дезертирство увеличилось с 25 апреля.

⁴ *Ibid. P. 78.* Как мы знаем, 17 апреля Джевдет попросил миссионеров разместить в их здании, которое возвышалось над Айгестаном, пятьдесят жандармов и пушку.

⁵ *Ibid. P. 82.*

⁶ Архив итальянского МИД, письмо итальянского консула в Ване Г. Сбордони Джевдет-бею от 11/24 апреля 1915 г.

⁷ *Ibid.*

было нужно пополнить запасы боеприпасов, поэтому были наскоро устроены мастерские по производству патронов, пороха (под руководством специалиста-химика) и оружия. Даже кузницу переоборудовали в пушечное производство. И хотя эта затея носила чисто символический характер, она, возможно, сыграла свою роль для поддержания морального духа населения, пожертвовавшего своими медными кастрюлями и сковородами, чтобы переплавить их в «армянскую пушку», которая обстреляла 4 мая казармы Хаджибекир, правда, без особого эффекта¹. Кроме стрельбы из этой созданной с такими трудностями пушки, в сердцах людей, включая Ногалеса, остался еще один ратный подвиг: 28 апреля армяне прорыли туннель и взорвали казармы Решадие, где разместились со своими чете печально известный «аймакам Беркри, о злодеяниях которого в районе Беркри мы уже говорили»². В ответ на эти действия Джевдет приказал черкесу Ахмеду и его чете напасть на села в окрестностях Вана и уничтожить еще оставшихся там женщин и детей. По свидетельству Ногалеса, этот отряд так зверствовал, что Джевдет почувствовал необходимость хорошенько «отчитать» майора Ахмеда («искренне или нет») за совершенные им ужасы³.

В начале мая, когда с фронта стали поступать тревожные для турок новости и курдские чете и турецкие добровольцы начали покидать город, Джевдет предпринял последний маневр: он сказал Ногалесу, что только что подписал «амнистию» с армянской стороны⁴. Положение армян тоже было критическим: к этому времени город заполнили пятнадцать тысяч беженцев из сельских районов Ванского санджака⁵. Именно по этой причине армяне согласились обсуждать условия «амнистии», хотя понимали, что это просто еще одна уловка вали. Джевдет, со своей стороны, 3 мая приказал прекратить огонь во всех зонах боевых действий⁶. Имеет смысл подробнее рассмотреть письменное предложение, которое он направил армянской стороне, поскольку оно хорошо ото-

бражает ход его мыслей и используемые им способы дезинформации. Сохранив обличительный тон, вали пожаловался на армянский «мятеж», который спровоцировал кровавую бойню. «Район Арджак и часть района Тимар были наказаны по заслугам», — продолжал он, пытаясь таким образом создать впечатление, что массовые убийства в этом регионе были ответными мерами, хотя на самом деле все произошло 19 апреля, т.е. до того, как армянское население Вана окопалось в своих кварталах. При этом он принял великодушную позу, объявив, что предоставляет «беженцам на острове Лим и в Тимаре передышку». Он обещал, что в случае их подчинения «женщинам и детям не будет причинено никакого вреда», хотя сам прекрасно знал, что двенадцать тысяч беженцев на острове Лим были обречены на гибель из-за отсутствия еды⁷. Затем он вновь обратился к «мятежу» в Ване, пускаясь в рассуждения, оправдывающие его действия и представляющие их законными мерами. Сначала он вопреки всякой логике утверждал, что отдал приказ не отвечать на «огонь повстанцев», но когда стало очевидным, что «эти глупцы продолжают палить под звуки труб и барабанов», он «отдал приказ ответить на огонь». Иными словами, нападение на Айгестан 20 апреля было ответным ударом. Продолжая в том же духе, вали обвинил армян в том, что они «открыли огонь по охране» и застрелили «нескольких полицейских и прохожих», не оставив ему иного выбора, кроме применения пушек. Чтобы обосновать свое утверждение об агрессивности армян, он добавил: «Я знаю, что в городе сейчас много сельских жителей, которые, я в этом убежден, хотят взять крепость». И это несмотря на то, что армянский квартал был в осаде и спасся только благодаря оборонительной тактике.

В оставшейся части своего послания Джевдет прибегнул к угрожающему тону: «Предупреждаю, что артиллерия в пути... Как только пушки придут в город, они начнут палить по городу, пока от него не останется лишь гряда камней»⁸. Затем вали перечис-

¹ А-До. Указ. соч. С. 340–341.

² Nogales R. de. Op. cit. Pp. 85–86.

³ Ibid. P. 86.

⁴ Ibid. P. 89.

⁵ Ussher C. Op. cit. P. 149.

⁶ Nogales R. de. Op. cit. P. 90; А-До. Указ. соч. С. 320–321.

⁷ См. выше, с. 355.

⁸ Это были современные пушки Круппа гораздо большего калибра, чем у находившихся там.

лил свои военные подвиги, как будто пытаться убедить себя самого в собственной мощи. Он заявил, что захватил села Тарман и Гохбанц, жители которых, как мы знаем, бежали на гору Вараг, и затем описал подвиги своих войск, взявших под контроль участок от казарм Хамудага до улицы Креста. Здесь, по его словам, «мы также были сильнее и сожгли все дотла». Однако вопрос с городом, по существу, оставался нерешенным.

Мешая угрозы с ложью, он сообщил армянам, у которых не было внешнего источника информации, что войска Халил-бея накануне, «сметая со своего пути встречные русские силы, вошли в Хой». На самом же деле экспедиционный корпус Халила отступил после тяжелого поражения в Дильмане¹. В заключительной части ясно проступает настоящая цель этого послания: «Поймите, что вы должны оставить все надежды на спасение». Она состоит из ряда предложений, которым предшествует преамбула, сформулированная в классическом османском стиле: «До настоящего времени мы любили и защищали этот народ как свет очей наших, а в ответ получили лишь неблагодарность и предательство, которые должны быть наказаны. Подумайте о ваших невинных семьях. Какой грех они совершили? Если вам не жалко себя, то пожалейте хотя бы их». Говоря иначе, если защитники Вана не сдадутся, «невинные семьи», которые уже стали жертвой массовой резни по всему вилайету, будут подвергнуты официальным репрессивным действиям, спровоцированным «мятежом». Исходя из этого, Джевдет предложил армянской стороне «1) сдать все оружие и 2) сдаться самим, уповая на великодушные правительства, которому они поклялись в верности»².

Викарий Езник, кому Джевдет официально адресовал послание, в своем ответе

от 4 мая подтвердил, что армяне никогда не прекращали признавать верховной власти султана³ и что они просто отреагировали на встречные угрозы. Рафаэль Ногалес добавляет, что армяне хотели покинуть город и направиться в Персию, но потребовали, чтобы для обеспечения безопасности их сопровождал сам вали. Ногалес предложил сопровождать их вместо вали, но безрезультатно. «Мы все знали, — отмечает венецуэльский капитан, — что Джевдет намеревался «разделаться с армянами в пути»⁴.

Даже во время переговоров Джевдет приказал казнить семь армян, служивших в конной жандармерии, без малейшей на то причины⁵. Еще он приказал казнить армянских заключенных, начиная с Гнчаковцев, которых арестовал задолго до начала военных действий. Им перерезали горло в окрестностях города⁶.

Сбордони предоставляет нам информацию, совершенно опровергающую утверждения вали, который, как писал итальянский консул, «стремился создать впечатление, что правительство предоставило мирному населению свою великодушную защиту». «К сожалению, — продолжает он, — мы получаем из внешних источников сообщения об актах неслыханной жестокости, творимых в селах с совершенно безоружными жителями. Когда армяне узнали об этих сообщениях, они потеряли всякое доверие к правительству. Теперь они все больше убеждаются в том, что власти проводят программу их полного уничтожения, и все больше склоняются к мысли о необходимости защиты». В заключение Сбордони изобличает вали во лжи, когда тот отрицает намеренный обстрел американцев, в чем он убедился, лично осмотрев «ущерб, нанесенный снарядами американской церкви»⁷.

¹ *Nogales R. de. Op. cit. P. 93.* Автор отмечает, что известие о поражении Халила в Дильмане достигло Вана в начале мая. О военной кампании см. выше, с. 256.

² *А-До. Указ. соч. С. 325–326.* Автор дает полный текст письма вали Джевдета епископу и прелату Езнику вардапету от 20 апреля / 3 мая 1915 г.

³ Точные слова Езника: «Мы не повстанцы. Мы всегда подчинялись османскому государству, мы всегда уважали его законы; мы хотим продолжать так же, как и в прошлом». *А-До* утверждает, что никто не поверил предложению Джевдета, но старый город надеялся, что можно, таким образом, узнать, что происходит в Айгестане. Он также выразил надежду, что эмиссарами Джевдета будут полковник Ахмед и Галуст Жидеян, знатный армянин, которому не досаждали власти (*А-До. Указ. соч. С. 324*).

⁴ *Nogales R. de. Op. cit. P. 90.*

⁵ *А-До. Указ. соч. С. 327.* *А-До* отмечает, что одному из них, уроженцу Хиниса, удалось бежать на армянские позиции.

⁶ *Ibid.*

⁷ Архив итальянского МИД, письмо итальянского консула в Ване, Г. Сбордони, Джевдет-бею от 20 апреля / 3 мая 1915 г.

Ногалес тоже стал свидетелем действий местных властей, когда 1 мая посетил военный госпиталь Вана. Там две медсестры, немка по имени Марта и американка Грисел Мак Ларен, рассказали ему о том, что главный врач госпиталя Иззет-бей «избавился» от армянского персонала и оставил пациентов-христиан умирать от гангрены, отказав им в самом минимальном уходе¹. Но Ногалесу предстояло столкнуться с еще более шокирующим событием. Джевдет приказал доставить женщин и детей, захваченных его чете во время налетов на села, в город, где они были казнены на виду у осажденных армян².

В своем последнем письме к Джевдету от 4 мая армянский прелат дал ему понять, что не поверил разговорам вали о возможной «амнистии». Он напомнил ему об ее истинном значении: «Если Вы на самом деле хотите спасти мою несчастную страну, положите конец массовым убийствам женщин и детей — самой невинной части населения»³. Проблема армян заключалась в том, что между комитетами в старом городе, где жил прелат, и в Айгестане, где находился Арам Манукян, не было никакой связи, и они ничего не знали о настроении и намерениях друг друга. О происходящем они могли судить только по заявлениям вали, которому, как нам известно, не очень доверяли, и, возможно, по сообщениям итальянского консула, которого Джевдет пригласил для ведения переговоров с Айгестаном. Когда вали предупредил прелата о том, что ожидает получения «окончательного ответа» на следующий день 6 мая, напомнив, что «как ему хорошо известно, правительству не удалось заключить соглашения со своими субъектами», положение на фронте для турецкой стороны было тревожным⁴. Халил и его экспедиционный корпус после поражения при

Дильмане отступили к Башкале и развернули свой штаб южнее в Токарагуа, в верховьях долины Заб⁵. Кроме того, генерал-майор Николаев, командир корпуса русской армии, действовавшей в районе Игдыра, санкционировал наступление батальона армянских добровольцев под командованием Вардана, подкрепленного несколькими бригадами казачков, на Беркри, где в начале мая произошли ожесточенные бои⁶. Как мы отмечали, Джевдет, возможно, оставивший надежду преодолеть сопротивление в Ване, приказал 8 мая «Эрзурумскому батальону» атаковать позиции армян на горе Вараг. И хотя прибытие в Ван из этого горного района нескольких тысяч беженцев усложнило санитарное состояние и обострило нехватку продовольствия, у Джевдета оказалось недостаточно сил для подавления сопротивления армянского населения. Все свидетельствует о том, что к 7 мая или на следующий день вали осознал свою неспособность поставить город на колени. Во всяком случае, Ногалес пришел к такому заключению и попросил Джевдета освободить его от командования, но не получил разрешения покидать город до 14 мая⁷.

Именно 14 мая мусульманское население и османские войска начали покидать Ван. Последние военные оставили город 16 мая после того, как сожгли свои казармы. По свидетельству Ногалеса, Халил приказал Джевдету оставить Ван и через Хошаб соединиться с его экспедиционным корпусом⁸. Армянские источники сообщают о радости армян при известии, что турки покинули город, но и об их ужасе при виде разграбленных и опустошенных турецких кварталов⁹. Вали явно ожидал 18 мая прибытия с севера русского авангарда с батальоном добровольцев под командованием Вардана. На следующий день прибыла дивизия генерал-майора Ни-

¹ *Nogales R. de. Op. cit. P. 91.*

² *Ibid. P. 93.*

³ А-До. Указ. соч. С. 328.

⁴ Там же. Письмо Джевдета Езнику от 5 мая 1915 г. Вали отмечает в своем письме, что Сбордини уже передал свои условия в Айгестан. Переговоры были прерваны 6 мая.

⁵ *Nogales R. de. Op. cit. P. 104.*

⁶ А-До. Указ. соч. С. 319–320.

⁷ *Nogales R. de. Op. cit. P. 96.* Благодаря неосмотрительности офицера, Ногалес узнал, что Джевдет отдал приказ убить его в пути.

⁸ *Ibid. P. 107; Ussher S. Op. cit. P. 153.* Он также отмечает, что российские и армянские заключенные были казнены за день до отъезда Джевдета.

⁹ А-До. Указ. соч. С. 360.

колаева. Во избежание политического вакуума русский командующий назначил Арама Манукяна временным губернатором Вана и

поручил ему создать местные органы управления, которые функционировали до конца июля¹.

Сопrotивление в казе Шатак/Шатах и судьба армян Мокса

Каза Шатак/Шатах с ее сложным рельефом, перерезанным глубокими ущельями, располагалась в предгорье Тавра. В 1915 г. в ней было шестьдесят пять армянских поселений с общей численностью населения 8433 человека². В ее административном центре Тахе, который разместился по обе стороны восточного рукава Тигра, проживало немногим более тысячи человек, почти все из них армяне. Там же жили некоторые представители официальных властей, включая каймакама Хамди-бея³. Именно в Тахе возникли первые напряженности в отношениях между властями и местным населением, начало которым положил арест Овсеп Чолюяна 11 апреля и последующая попытка каймакама конфисковать у населения оружие⁴. И хотя мир при наличии у населения оружия продержался здесь до 17 апреля, 16 апреля до Таха докатились слухи о нападении курдских чете на армянские села в восточной части казы, которые только усилили недоверие жителей к властям. Тогда Тигран Багдасарян, офицер, прошедший обучение в военной академии Стамбула, принял решение о начале подготовки Таха к защите в случае нападения. По свидетельству А-До, в его распоряжении было семьдесят армянских бойцов против ста пятидесяти находившихся в селе жандармов и ополченцев⁵. 16 апреля все население собралось в самом большом квартале на левом берегу восточного Тигра, напротив которого на правом берегу располагался квартал под названием «Мельницы», где находились местные власти и подчинявшиеся им вооруженные силы⁶. Иными словами, обе стороны укрепились на своих позициях,

и любая попытка пересечь границу между кварталами могла быть воспринята только как акт агрессии. Равновесие было нарушено 17 апреля, когда молодые люди, контролировавшие доступ в верхний квартал, т.е. три моста, соединявших обе части города (только центральный мост был каменным), отказались пропустить ополченцев на один из мостов. Последовавшая за этим перестрелка стала началом военных действий. Связь в верхнем квартале городка, где окопались его жители, осуществлялась через дыры в противопожарных стенах между соседними домами⁷.

Возглавляемый Тиграном Багдасаряном комитет самообороны разработал общий план обороны, включавший защиту не только жителей Таха, но и сельских жителей казы. Чтобы отсечь доступ к защищаемой территории с юга, комитет решил взять под контроль мост Кхлкдун/Хлкдун, пересекавший верхний Тигр. Проживающие на юге курдские племена халилы, хавшдун, эзины и аланы могли попасть в Тах только по этому мосту, находившемуся в двух часах пути к югу от него. Таким образом обеспечивалась безопасность всех сел, расположенных на правом берегу восточного Тигра⁸.

В Полсе к северо-западу от Таха была создана еще одна оборонительная позиция. Она контролировала дорогу из Мокса и других северных районов, а также две плотины, одну недалеко от Хашганца, в часе пути на север, и другую около Созванца, в полчаса пути на запад. Только по этим маршрутам можно было попасть в глубь района, в частности на северо-восток в Пешанташдскую равнину, соединяющую все его части⁹.

¹ Там же. С. 436.

² Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 550–555.

³ А-До. Указ, соч. С. 365.

⁴ См. выше, с. 261 и 352.

⁵ А-До. Указ, соч. С. 375.

⁶ Там же. С. 390.

⁷ Там же. С. 391.

⁸ Там же. С. 378. Еще два деревянных моста было уничтожено, поэтому невозможно было пересечь реку на юге.

⁹ Там же. С. 379.

20 апреля армяне в Тахе сожгли деревянный мост, ведущий к «Мельницам», чтобы предупредить нападение с тыла. 22 апреля их северную позицию в Хашганце захватили курдские чете, но Полс продолжал сопротивляться благодаря мосту на выходе из Хашганца, сдерживающему наступление курдских племен вплоть до 1 мая. Каймакам оповестил население о том, что в этот же день в тахской тюрьме были казнены Овсеп Чолоян и пять его товарищей¹.

К началу мая давление со стороны турок настолько усилилось, что комитет самообороны решил перегруппировать свои силы, к которым присоединились сельчане из долины Гахби (к юго-востоку), в районе поблизости Дзидзанца в часе пути на запад от Таха с целью уменьшения линии фронта². 19 апреля каймакам Нордуза Халет-бей прибыл в Таху с подкреплением из шестидесяти человек. Сосредоточение армян из близлежащих сел в Тахе и на других оборонительных позициях привело к дезертирству среди курдских боевиков, что, однако, не уменьшило давления на армянских защитников³. 29 апреля военные действия ужесточились, когда печально известный курдский главарь Лазкин Шакир-оглу, только что закончивший свои дела в селах казы Геваш, прибыл через Нордузу в Шатах и взял Ариком, а затем Крменц, заставив их жителей бежать в Тах⁴. Однако Джевдет, по всей вероятности, запаздывал с доставкой боеприпасов и двух пушек, обещанных каймакамам Хамди и Халету. Только 5 мая он сообщил о скором прибытии этой техники и поручил обоим оказывать в этом районе поддержку Лазкину и его чете⁵.

На этом этапе противостояния контроль над северным фронтом, являвшимся ключевым входом в Пешанташдскую равнину, на которой собралось большое количество беженцев из казы Геваш, играл решающую роль в сражении. Значение этой позиции

еще усиливалось тем, что через нее проходил путь из Востана и Вана. Начиная с 17 апреля, здесь шли ожесточенные бои, которые продолжались до 20 апреля, несмотря на то, что в этом районе искали убежища тысячи беженцев из южных сел казы Геваш, таких как Нор Гюх, Мохраберд, Кантсаг, Варенц и Энтсаг. К концу месяца к ним присоединились беженцы из Айоц Цора и Тимара, увеличив общее число перемещенных лиц в районе почти до 6 тысяч человек. Здесь сопротивление, осуществляемое бойцами из казы Геваш, возглавил Левон Шагоян. Они перекрыли направляемый из Вана пополнимением прямой путь к Таху, вынуждая их идти обходными маршрутами⁶. Бои в долине были сосредоточены в двух основных точках: в замке Шахрур, который 29 апреля был подвергнут Гусейном-ага жесточайшей атаке, и в Паратодиге, который в тот же день атаковали пятьсот вооруженных пушкой боевиков, направленных из Вана для усиления правительственных войск. Не сумевшие сломить сопротивление в этих двух точках подкрепления были вынуждены пробираться в Тах по опасным тропам долины восточного Тигра и поэтому попали туда только 18 мая⁷.

Действия на других фронтах также не останавливались. В Полсе к северо-западу от Таха и на Хашганском мосту по дороге из Мокса курдские силы оттеснили армянских бойцов к Дзидзанцу, где 9 и 10 мая произошли особенно ожесточенные бои. А 11 мая пал расположенный к западу от Таха Созванц, что дестабилизировало армянское сопротивление и привело к полному окружению Таха. Прорвать эту блокаду смогли только силы, дислоцированные к северу в Синдгине и на Пешанташдской равнине⁸. 18 мая эти силы попытались отбить Созванц. Тем временем в Тах, наконец, прибыли отправленные из Вана пушки, которые сразу пошли в действие⁹.

¹ Там же. С. 392.

² Там же. С. 393.

³ Там же. С. 396. Хамди-бей, в письме вали Вана от 19 апреля, отметил, что племена покидали свои позиции, чтобы пойти грабить брошенные армянами деревни; поэтому он прислал в свое распоряжение регулярные войска и пушку.

⁴ Там же. С. 398–399. А-До отмечает, что курды, сражающиеся в Тахе, снова покинули свои позиции, чтобы пойти грабить эти две деревни.

⁵ Там же. С. 400.

⁶ Там же. С. 402–407.

⁷ Там же. С. 411–412.

⁸ Там же. С. 416.

⁹ Там же. С. 429.

Несомненно, что их позднее прибытие помешало каймакаму воспользоваться своим преимуществом. Утром 21 мая арьергардные силы армян отбили Созванц и тем самым сняли осаду с города. 23 мая Хамдибей и мюдир Алани Шевкет отказались от взятия Таха, поскольку батальон Дро, состоящий из армян-добровольцев с Кавказа, уже достиг Синдгина¹.

К концу дня, когда Шатахом овладели русские, все восточные и западные села казы оказались пустыми. Их население со-

бралось в Тахе. А сельчане из южных районов казы либо переместились в Гашби, Гайэт и Армшад, либо бежали в Мокс и Синдгин². Судьба сорока пяти сел Мокской казы и его 4459 армянских жителей³ ясно показывает, насколько значительным здесь было влияние местных властей или племенных вождей: эти армяне никогда не подвергались нападениям благодаря защите курдского главаря Муртула-бега, отказавшегося выполнять полученные из Вана приказы⁴.

Баланс событий апреля—мая 1915 г.

Согласно общему балансу, составленному русской армией после занятия ею Ванского вилайета, наступающие русские войска обнаружили в мае 1915 г. пятьдесят пять тысяч трупов, которые они сжигали по мере продвижения⁵. Эта цифра немногим превышает 50% армянского населения вилайета. В дополнение к человеческим потерям

систематически грабились и выжигались армянские села, оставляя в плачевном состоянии беженцев, сосредоточенных в Ване, Шатахе и Моксе. Действительно, население региона фактически было подвергнуто полному истреблению, поскольку его мусульманские жители покинули его вслед за отступающей турецкой армией⁶.

Отступление турок и наступление русских

Военная обстановка в мае развивалась очень быстро. После поражения 5-го экспедиционного корпуса Османской армии войска под командованием подполковника Халила (Кут) были вынуждены отступить к Токарагуа на юг от Башкале⁷, защищаясь по пути от 6-й русской дивизии генерала Назарбекова и вспомогательных войск первого батальона армянских добровольцев⁸. Срочно направленный из Стамбула экспедиционный корпус Халила был вооружен значительно лучше других турецких войск⁹,

но это не помогло ему добиться ожидаемых результатов. Как раз наоборот, он потерпел второе значительное для турецкой армии поражение на восточном фронте, лишив младотурок надежды на достижение их главной цели — объединения местных ирано-азербайджанских военных формирований в рамках их пантурецкой стратегии, которой они придали панисламистский налет.

Когда Рафаэль де Ногалес прибыл 15 мая в Токарагуа, фанатичный и завистливый Халил¹⁰ только что отдал приказ о перемеще-

¹ Там же. С. 432–433. Этот батальон вошел в Тах 25 мая.

² Там же. С. 434. В Пешанташде выжило 7000 беженцев.

³ *Kévorkian & Paboudjian*. Op. cit. Pp. 549–550.

⁴ *Ussher C.* Op. cit. P. 143; *А-До*. Указ. соч. С. 427.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 549–551, *Les massacres d'Arméniens dans le vilayet de Van*; *Ussher C.* Op. cit. P. 143. Автор пишет: «У нас есть неопровержимое доказательство того, что пятьдесят пять тысяч человек были убиты в вилайете Ван».

⁶ *Nogales R. de*. Op. cit. P. 98. По пути к штаб-квартире Халила Ногалес пересек Айоц Цор, где он увидел пепелища армянских сел. В Башкале он стал свидетелем казни трехсот-четырехсот женщин и детей, а также нескольких ремесленников, которых до этого оставили в живых, чтобы удовлетворить потребности армии (*Ibid.* P. 100).

⁷ *Ibid.* P. 104.

⁸ *Агуни С.* Указ соч. С. 218–219. Себух, который участвовал в этих боях, утверждает, что русские войска упустили возможность уничтожить османский экспедиционный корпус, когда не отрезали ему пути для отступления. Он приписывает эту ошибку Андранику.

⁹ *Nogales R. de*. Op. cit. P. 105.

¹⁰ *Ibid.* P. 104.

нии своего штаба далее на юг в Шову (ныне Синову), поскольку там было легче обороняться¹. 6-я русская дивизия в это время находилась в Башкале. Ногалес, отступавший вместе с головным отрядом экспедиционного корпуса, отмечает, что 26 мая они выехали в направлении гор Нордуз и останавливались по пути в селе Кишхам, жители которого вели полукочевой образ жизни, были иудейской веры и говорили на смеси курдского и армянского языков. 29 мая они прибыли в Шагманис². 29 мая русский авангард все еще находился в соприкосновении с османским экспедиционным корпусом в ущельях гор Нордуз, но Халил, вероятно, уже отказался от идеи сопротивления, выбрав быстрый отход на запад к Сиирту³. Для ускорения отступления экспедиционный корпус освобождался по пути от своих военных трофеев. У Себуха, который вместе с русским передовым отрядом преследовал турецкие войска, было впечатление, что они передвигаются по открытому базару: по обочинам дороги были разбросаны дорогие персидские ковры, домашняя утварь, одежда и многое другое⁴.

Взвесив свои шансы на возвращение в Востан, Халил, вероятно, с учетом продвижения русских к северному побережью озера Ван, решил перемещаться по долине восточного Тигра к югу от Шатаха⁵. По пути в районе Хошаба экспедиционный корпус соединился с войсками вали Вана⁶. По свидетельству Себуха, турецкие войска постоянно устраивали резню во всех стоящих на их пути армянских селах⁷.

Пройдя несколько обходных путей на юго-запад с целью дальнейшего ухода от русских частей, турецкие войска 7 июня пересекли реку Тигр, прибыв 9 июня в Ххизгир/Хизгир одновременно с полковником Исаком и «известным трибуном» Омером Наджи⁸, выдающимся членом Особой организации, который, скорее всего, возвращался в Турцию из Персии, чтобы принять участие в операциях, запланированных для Битлисского вилайета. По пути в Сиирт в казе Ширван турки лишили жизни около двадцати армяноязычных несториан, проживавших в селе Гундеш/Гунде Дегхан⁹. Это насилие стало предвестником преступлений, совершенных по всему Битлисскому вилайету в последующее недели.

Отход русских и эвакуация населения Вана и его окрестностей

Достаточно неожиданно 24 июля 1915 г., когда русские войска, продвигавшиеся по северному и южному берегам озера Ван, встретились в его крайней западной точке Татване, наступление внезапно остановилось, и русские с 27 июля начали отступать к Ахлату и Сорпу¹⁰. По свидетельству А-До, на северном фронте поблизости от Олти и Сарыкамыша сконцентрировались многочисленные турецкие силы. 30 июля российский генеральный штаб отдал приказ об эвакуации региона, выдвинув в качестве официаль-

ной причины такого решения необходимость избежания окружения¹¹.

И хотя предусмотрительность русских можно было бы объяснить требованиями военного времени, по-прежнему остается загадкой, почему Санкт-Петербург приказал эвакуировать все армянское население Ванского вилайета, включая его столицу Ван. Более того, решение российских властей, которое можно назвать, по меньшей мере, неожиданным, вызвало недоумение также и у некоторых экспертов того времени. Так,

¹ Ibid. P. 109.

² *Nogales R. de. Op. cit. Pp. 110–112.*

³ Агуни С. Указ соч. С. 230–233.

⁴ Там же. С. 236.

⁵ *Nogales R. de. Op. cit. P. 114.*

⁶ Ibid. Pp. 107–108.

⁷ Агуни С. Указ соч. С. 237.

⁸ *Nogales R. de. Op. cit. Pp. 119–121.*

⁹ Ibid. P. 121. Ногалес не отделяет этих несториан от армян.

¹⁰ А-До. Указ. соч. С. 466–467.

¹¹ Там же. С. 468–469.

американский военный атташе Е.Ф. Риггз упомянул в своем рапорте о присутствии целых батальонов армянских добровольцев, готовых на все ради оказания помощи Вану, и о двух ненужных, «возможно, специально организованных отступлениях. В течение 24 часов турки находились в городе, где они отыгрались на его жителей. Оставшиеся в городе были подвергнуты не поддающимся описанию страданиям, а те, кто пытался бежать, были настигнуты на пути в Россию курдами. В результате этих действий около двухсот шестидесяти тысяч человек, в основном женщины и детей, стали на Кавказе лицами, находящимися на попечении государства по причине бедности, а если бы их оставили под защитой в собственной стране, они могли бы оказывать помощь русской армии, обеспечивая ее продовольствием из своих хозяйств»¹.

Русские войска покинули Ван 3 августа, вынудив армянские власти эвакуировать население города и окрестных сел. Несколько десятков тысяч человек двинулись на север. В ущелье в районе Беркри на них напали курдские чете и турки, уничтожившие

более тысячи шестисот человек². Джевдет-бею даже удалось снова захватить Ван силами от четырехсот до шестисот черкесских и турецких чете, которые вырезали несколько сотен стариков и больных, не сумевших уйти из города³. Однако новое поражение турок на фронте Олти—Сарыкамыш—Алашкерт несколькими днями позже изменило общую ситуацию, и русские снова взяли контроль над Ванской областью, которая теперь была обезлюдившей.

Вновь прибывшие на Кавказ беженцы из Васпуракана и оставшиеся в живых из Маназгерта и Муша пополнили ряды тех, кто уже нашел там приют — бывших жителей восточных районов Эрзурумского вилайета и армян, бежавших от приближавшихся турецких войск в иранский Азербайджан. Это привело к ужасающей гуманитарной катастрофе⁴. В течение двух последних недель августа и в начале сентября только в одном Эчмиадзине было зарегистрировано 2613 смертей, в основном вызванных эпидемией. Положение людей, бежавших в Ереван и Игдыр, было не лучше⁵.

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 908–909–910–913, свидетельство американского военного атташе посольства Петрограда, лейтенанта Е.Ф. Риггза, послу, Одесса, 26 апреля 1917 г. С. 4.

² *Ussher C. Op. cit.* Pp. 167–168 указывает, что число армян, погибших во время отступления русских, составило 7000; *А-До. Указ. соч.* С. 480.

³ Там же. С. 480–481. Ашер указывает, что страшная эпидемия тифа резко сократила количество турецких беженцев, которым было дано убежище в американской миссии в Ване в июне. Его жена, которая ухаживала за ним, сама умерла от тифа 14 июля (*Ussher C. Op. cit.* Pp. 160–161).

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.* Pp. 485–486.

ГЛАВА 5

Погромы и депортация в вилайете Битлис

Принято считать погромы армянского населения в Битлисском вилайете прямым следствием «событий», происходивших в соседней Ванской провинции, мстью за военные поражения, понесенные турецкими войсками в персидском Азербайджане и во время последующего отступления экспедиционного корпуса Халиля. Однако из имеющейся у нас обрывочной информации известно, что у д-ра Назима и вали Битлиса Мустафы Абдулхалика¹, с 25 по 27 апреля 1915 г., на полпути между Сииртом и Битлисом состоялась продолжительная встреча, что дает нам основания предполагать о гораздо более ранних обсуждениях приказа об истреблении армянского населения провинции и рассмотрении пригодных для этого методов.

В конце апреля вали Битлиса Мустафа Абдулхалик приказал арестовать и казнить трех местных армянских лидеров². Этот акт уже не был обычным притеснением или насилием, всегда сопровождавшим военные реквизиции и всеобщую мобилизацию. Он был нацелен на психологическое подавление населения. Его непосредственным объектом были дашнаки, хотя, как ни странно, в Муше к ним по-прежнему относились с уважением. После принятия решения об истреблении армян нужно было найти средства для выполнения этой операции. То, что подходило для Битлиса, было совершенно непригодно для Мушской равнины. В Битлисе из-за отсутствия там настоящей сети АРФ практически не существовало опасности, что армяне при нападении на них окажут сопротивление. Мушская равнина, на-

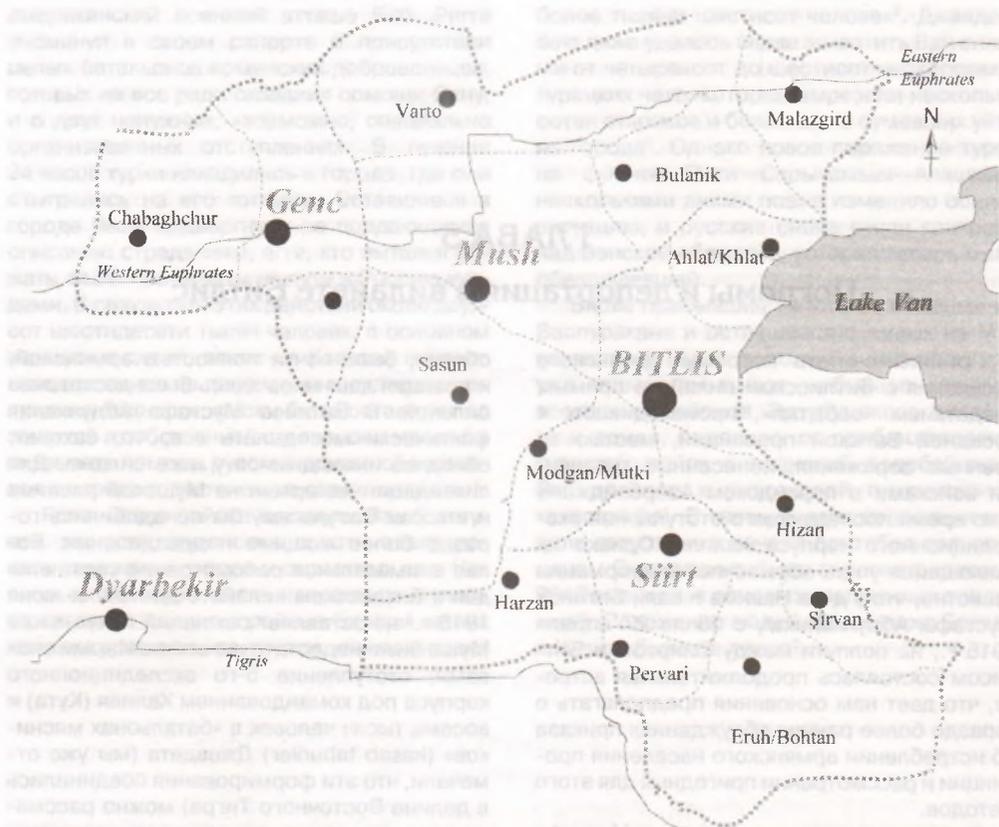
оборот, была почти полностью армянской, и позиция дашнаков здесь была достаточно сильной. В Битлисе Мустафа Абдулхалик фактически мог делать все, что захочет, обходясь имеющимися у него силами. Для ликвидации же армян на Мушской равнине и в горах Сасуна ему бы понадобились гораздо более мощные подразделения. Более внимательное рассмотрение состояния дел в Битлисском вилайете до начала июня 1915 г.³ не оставляет сомнений в том, что в Муше было недостаточно войск. Иными словами, отступление 5-го экспедиционного корпуса под командованием Халиля (Кута) и восемь тысяч человек в «батальонах мясников» (*kasab taburiler*) Джевдета (мы уже отмечали, что эти формирования соединились в долине Восточного Тигра) можно рассматривать как результат решения, принятого после консультации со Стамбулом. Оно давало серьезную возможность претворить в жизнь планы относительно Битлисского вилайета. Единственный иностранный свидетель отступления Джевдета и объединения его формирований с силами Халиля капитан Ногалес описывает поведение обоих лидеров младотурок и массовую резню, которую творили их подчиненные при отступлении через казу Хизан/Кхызан. 12 июня, когда основные войска двинулись на северо-запад к Сиирту⁴, несколько офицеров батальона из Башкале вместе с венесуэльцем взяли другое направление. «С чувством большого удовлетворения» они рассказали Ногалесу, что власти Битлиса готовились к массовым убийствам и ждали только последнего приказа Халиля.

¹ См. выше, с. 268.

² См. выше, с. 268, примечание 3.

³ См. выше, с. 326–340.

⁴ *Nogales R. de. Op. cit. P. 122.*

То, что последовало дальше, было не актом мести, а выполнением заранее разработанного плана, которое стало возможным с прибытием войск Халилия и Джевдета, о связи которых с «Специальной организацией» было всем известно. Когда Ногалес приближался к Сиирту, 18 июня, погромы, впрочем, были уже начаты. Он увидел «тысячи полураздетых и еще кровоточащих трупов» всех возрастов. Их было так много, что ему и его спутнику пришлось «перепрыгивать на лошадях через горы трупов, преграждавших дорогу»¹. В городе венесуэльский офицер стал свидетелем разграбления «домов христиан» полицией и «простым народом». Во дворце он попал на совещание, на которое были созваны все каймакамы провинции. Собрание вел командир жандармерии Сиирта Эрзрумли Назим Хамди, лично руково-

дивший массовыми зверствами. Не сложно догадаться, о чем шла речь. Ногалес признается, что только теперь понял истинное значение откровений, сделанных накануне сопровождающими его офицерами².

Очевидно, что присутствие иностранца, хотя бы и из правого лагеря, не ускользнуло от внимания военных командиров младотурок, которые, возможно, специально организовали для него особый маршрут, чтобы он не стал свидетелем случаев массовой резни, подобных тем, что происходили в Сиирте. По словам Ногалеса, Халил, как и Джевдет в Ване, пытался его убить, чтобы «предотвратить мои последующие разоблачения в Константинополе или за границей»³. Венесуэльский офицер заявляет, что Халил планировал разделаться с ним через два-три дня после его отправления из Сиирта с тем, чтобы убий-

¹ Ibid. P. 123.

² Ibid. P. 124.

³ Ibid. Автор утверждает, что о намерениях Джевдета его предупредили офицеры, с которыми он бок о бок сражался в Ване.

ство можно было приписать «бандитам или армянским мятежникам»¹. Понимая, что он является «единственным христианином... ставшим свидетелем того, чего ни один христианин знать не должен», Ногалес, не теряя времени, покинул город. По пути он обогнал группу армянских и сирийских детей и стариков, которых выводила из города охрана². Однако побег из города еще не означал, что этому неудобному свидетелю удалось вырваться из тисков Халил-бея. Сообщая о своем более позднем разговоре с главой села Синан, расположенного в нескольких милях к югу от Бешири, Ногалес вспоминает, что его собеседник настоятельно пытался узнать его «личное мнение о происходящих убийствах». Заметив, что Ногалес не склонен раскрывать свои впечатления, он, считая, что Ногалес не понимает по-турецки, приказал своему секретарю немедленно связаться с военным министром и предупредить его о предстоящем прибытии этого иностранца и о том, что он «все знает» (*hepsi biler*)³. В конце концов, Ногалесу удалось уйти невредимым, но случившееся показывает, на что главы Специальной организации были готовы пойти, чтобы действовать без свидетелей или избавиться от свидетелей, которые могут заговорить.

Погромы в санджаке Сиирт

Как мы только что отметили, событие, положившее начало массовому истреблению армян Битлисского вилайета, произошло в Сиирте. Население горного Сииртского санджака, зажато между армянскими и курскими поселениями, было смешанным: армянское присутствие было наиболее заметным в северных казах санджака, а в южных, где кроме них еще проживали пят-

У нас есть еще одно доказательство того, что «кровавый генеральный штаб»⁴ прибыл в Битлисский вилайет с целью проведения методической ликвидации проживающих в нем армян. Вали Мустафа Абдулхалик, приходившийся шурином Талаату (братом его жены), в течение нескольких недель набирал себе ополченцев среди курдских чете и прочих группировок. Новобранцев отдали под командование Беджет-бея, главного командира Особой организации («Тешкилят-и Махсуса») в Битлисе⁵. В первой половине июня по приказу Абдулхалика во всем вилайете систематически проводились аресты видных армянских деятелей, а в северных казах Битлисского санджака постоянно совершались массовые убийства⁶.

Со слов «иностранцев резидентов», переданных Ногалесу, Абдулхалик говорил им, что Халил лично отдал приказ об истреблении армян, а так называемое «возмездие» на самом деле было выполнением «тщательно продуманного плана»⁷. В период между серединой июня и концом июля турки должны были с особой жестокостью стереть с лица земли шестьсот восемьдесят одно армянское поселение с общим населением 218 404 человека, пятьсот десять церквей, сто шестьдесят один монастырь и двести семь школ⁸.

надцать тысяч сирийцев, как православных, так и католиков, они были более рассредоточены. Накануне войны в санджаке существовали сто сорок шесть городов и сел, в которых проживали 21 564 армянина. Они содержали сорок пять церквей и три монастыря⁹.

Наряду с «кровавым генеральным штабом» активную роль в осуществлении мас-

¹ Ibid. P. 126. Поэтому Ногалес решил направиться в другую сторону и отправился в Диарбекир. Когда двигался через уезд Бешири, он столкнулся с караваном из нескольких сотен женщин и детей в ужасном состоянии; правительственный чиновник «сказал мне по секрету, что несколько подобных караванов в течение недели прошли в сторону Синана» (Ibid. Pp. 130–131).

² Ibid. P. 125.

³ Ibid. P. 132.

⁴ Это имя использовал оставшийся в живых, чтобы описать тройку Халил—Джевет—Наджи: «Récit d'un témoin oculaire sur les premières victimes de Bitlis». La Renaissance, № 39, samedi 18 janvier 1919.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 506–507, ответственные за депортацию и резню в Битлисе.

⁶ BNU/ Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 43, Bitlis, f° 3v°; см. ниже: с. 416–417.

⁷ Nogales R. de. Op. cit. P. 134, 136.

⁸ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 463.

⁹ Ibid. P. 502; BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 43, Bitlis, f° 8 v°.

совой резни в этом регионе играла местная организация иттихадистов, руководимая Ихсаном и Сервет-беом. Действия этой организации направляли представители власти: мутесариф Сиирта Серфишели Хилми-бей, командир жандармерии Эрзрумлу Назим Хамди-бей, жандармский офицер Рифат-бей, капитан жандармерии Эмин Басри, Арслан-бей¹ и начальник полиции Битлисли Али-эфенди, а также некоторые главы отрядов чете Специальной организации (Али Зийя, Хаджи Мустафа-заде Ахмед, Абдулла Садык), в целом около сорока представителей местной власти². Именно благодаря активному участию этих людей Джевдет и его «мясники» приступили к выполнению полученных от Халиля приказов, который, совершенно очевидно, превосходил по рангу вали Джевдета и вали Абдулхалика.

По пути в Битлис Халил и Джевдет провели в районе Сиирта операции по массовым ликвидациям армянского населения. Войска под командованием Халиля и Джевдета буквально стерли с лица земли тридцать пять сел самых восточных каз вилайета Первари, Бохтан/Эрух и Шарнаг, население которых составляло около шести тысяч армян. Жителей сел вырезали на месте. Местные власти Сиирта подготовились к прибытию Джевдета и его «мясников». За четыре дня до их прибытия 9 июня они арестовали и на следующий день казнили в получасе от города предстоятеля армянской епархии Егише, сирийского католического епископа Аддая Шера, православного сирийского митрополита Ибрагима и еще десять известных людей Сиирта. 11 июня шестьсот семьдесят мужчин из общего армянского населения,

составлявшего 4032 человека, были вызваны в казармы под предлогом доставки в Битлис военных припасов. Их арестовали и на следующий день расстреляли в ущелье Веди Эзреб на расстоянии получаса пути от города. Джевдет после своего прибытия 13 июня завершил дело: в течение нескольких последующих дней он собрал оставшихся стариков и приказал перерезать им горло на центральной площади города.

Через несколько недель женщин и детей согнали к выходу из города и отдали курдам, которых специально пригласили «угоститься» молодыми женщинами и детьми. Некоторых из не понравившихся курдам забивали на месте топорами и ножами, но все-таки приблизительно четыреста человек депортировали в Мардин и Мосул. Однако ни одному из отправившихся в направлении Мардина не удалось спастись — последним из оставшихся в живых перерезали горло недалеко от города. Пятьдесят депортированных, шедших в другом караване, сумели добраться до Мосула³.

Неизвестно, что случилось с несколькими сотнями жителей восьми сел, расположенных в окрестностях Сиирта, или с 2853 армянами из деревень и городков казы Ширван⁴. Известно только, что пять тысяч сирийцев Сииртского санджака, как католики, так и православные, разделили судьбу армян⁵. 8343 жителя из семидесяти пяти поселений казы Арзан⁶ бежали в горы соседнего Сасунского района, где их постигла такая же участь, что и местное население. Следует, однако, заметить, что согласно открывшимся в ходе судебных разбирательств в 1919 г. в Стамбуле фактам мутесарифа Сиирта Сер-

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 509–510, ответственные за депортацию и резню в Сиирте.

² BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 43, Bitlis, f° 7 v°.

³ Ibid. Отец Жак Пето (Les chrétiens aux bêtes ! Souvenirs de la guerre sainte proclamée par les Turcs contre les chrétiens en 1915. Pp. 295–299, ms. conservé à la bibliothèque du Saulchoir, à Paris), подтверждает, что 15 000 сирийцев-католиков и 20 000 сирийцев-православных санджака ждала та же участь, что и армян. Ternon Y. *Mardin 1915*, RHAC, V (2002). Pp. 207–213 et annexe. Pp. 368–370. Тернон цитирует сирийские источники, как католические, так и православные, в которых говорится, что сирийцы Сиирта были депортированы в трех караванах с 11 июля, в частности вместе с конвоями армян, которые приходили с севера. Некоторые люди из этих трех караванов были убиты в пути. Казалось, что не было никакой разницы в том, как в этом санджаке относились к армяно- и сирийскоговорящему населению; была только разница в месяц между датами отправления конвоев депортированных.

⁴ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 502–506. Деревни уезда Сиирт: Тиль, Дершимш, Хушенан, Тихок / Дехок, Держалиб, Кочи, Бекенд, Зусеник. Деревни Ширвана: Кефра, Гунде-Дежан, Журинан, Гели, Бирке, Дерик, Хандак, Смхор, Кикан, Байтарун, Жерян, Авин / Теравель, Нибин, Сисерк, Юм, Пул, Дерзин, Дераба, Мнар-эт-Мадар.

⁵ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 43, Bitlis, f° 8.

⁶ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 504–505.

Фичели Хилми-бея перевели в Мосул, поскольку тот не проявил энтузиазма в устранинии армян и сирийцев в своей префектуре. Позже он составил полный отчет о массовых

убийствах в Диарбекире и Мардине и передал его немецкому вице-консулу Вальтеру Гольштейну для дальнейшего представления немецкому послу Гансу фон Вангенхайму¹.

Погромы в санджаке Битлис

После достаточно быстрой, учитывая все обстоятельства, зачистки Сиирта от армян и сирийцев Джевдет и его отряды «мясников» при неотступно следовавшем за ними экспедиционном корпусе Халиля сразу двинулись на Битлис, поскольку русские войска тоже взяли курс на город. В столице вали Мустафа Абдулхалик уже проявил инициативу и развязал кампанию уничтожения сел на севере. Свидетелями развернувшихся в регионе событий стали члены большой американской миссии в Битлисе, куда входили госпиталь и школа для армянских девочек, а также недавно прибывшая из Вана медсестра военного госпиталя Грейс Дж. Кнапп. Она единственная оставила письменные свидетельства того, что ей пришлось увидеть².

16 мая судно, на котором ехала Кнапп, вошло в Татван, расположенный на самом западном побережье озера Ван. Одновременно с ней сюда прибыли тысячи раненых и истощенных сельчан из пятидесяти шести деревень Битлисской казы, общая численность населения которого составляла 16 651 человек, и двадцати двух деревень северной казы Ахлат, в которых жили 13 432 армянина³. Эти армяне, среди которых практически не было мужчин, бежали от посягательств курдов в Билис искать защиты у властей. «Они не могли представить, — писала Кнапп, — что злодейства совершались по приказу правительства». На самом деле американка стала свидетельницей последствий первых массовых убийств в северных районах Битлисского санджака. Она также

отмечает, что отряды курдов каждый вечер возвращались из деревень, где они выполняли «свою работу убийства и разрушения»⁴. Всего за несколько дней Битлис заполнили почти двенадцать тысяч беженцев, многие из которых были ранены. Семьсот из них приняла американская миссия⁵, а остальные в последние дни мая 1915 г. нашли приют в армянских учреждениях. Епархия и миссия кормили беженцев и, насколько было возможно, заботились о них.

Когда миссионеры попросили объяснений по поводу совершающихся против армян зверств, вести о которых приходили из всех сельских районов санджака, вали подтвердил, что знает о творимых курдскими бандитами беспорядках и делает все возможное, чтобы «положить им конец». Несмотря на это, в начале июня большие толпы беженцев в сопровождении жандармов начали постепенно выходить из города по дороге на юг. Одна женщина, которой удалось бежать из такого конвоя и спастись в американской миссии, рассказала, что по пути на конвои нападали курды и убивали людей. Во время совещания с Мустафой Абдулхаликом отец Грейс Джордж Кнапп, глава американской миссии и протестантский священник, а также армянский протестантский священник в Битлисе Хачик Варданян попросили его отправлять конвои на Муш, где они могли бы избежать нападений курдов, но просьба осталась без ответа⁶.

22 июня, когда Битлис находился под серьезной угрозой наступления русских войск

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 321–322. Хильми был вали Эскишехира, когда в октябре 1919 г., Халил-паша и Кучук Талаат, спасаясь из Стамбула, присоединились к кемалистам, которые только что захватили город. Но Хильми сообщил военному суду о том, что совершил Халил. Халил приказал своим людям найти его и убить, что и произошло через три дня по дороге к коняку.

² Knapp Grace. H. The Tragedy of Bitlis, London, 2002 (2 ed.) Кнапп, которую направили на лодке в ближайший порт Битлиса Татван, стала свидетелем убийства монахов на острове Ахтамар и сирот, которым там дали убежище (Ibid. P. 29).

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 469, 472–474.

⁴ Knapp Grace. H. Op. cit. P. 31.

⁵ Ibid. P. 33.

⁶ Ibid. Pp. 34–35. Ситуация к тому же осложнялась эпидемией тифа, которая распространилась на город и, прежде всего, беженцев-депортированных, чьи трупы были сожжены.

и вали вместе с местными властями уже готовился оставить город, жителей охватила паника в связи с прибытием курдских главарей из Модгана/Мутки. Позднее стало известно, что незадолго до вхождения в Битлис курды уничтожили в своих казах двадцать семь армянских сел, вырезав в них 5469 жителей¹. В тот же день началось истребление армян Битлиса. Первым шагом стал арест епископа Варданяна, за которым на следующий день последовала операция, направленная против американской миссии: ее окружили солдаты и жандармы, арестовавшие несколько работавших там армянских аптекарей, медсестер и учителей². Очевидно, что присутствие этих иностранных миссионеров очень досаждало властям. Как только они начали в тот же день арестовывать всех мужчин Битлиса, преподобный отец Дж. Кнапп посетил Мустафу Абдулхалика и потребовал от него объяснений. Как всегда вежливо вали обосновал аресты, ссылаясь на информацию о том, что «некоторые армяне» в городе получили письма из Вана. Иначе говоря, «цель арестов всех мужчин состояла в обнаружении получателей [этих писем]»³. Эти слабые, опирающиеся на официальные заявления отговорки едва ли могли скрыть настоящую цель систематических, сопровождавшихся беспрецедентными актами насилия облав на всех армян мужского пола старше десяти лет, совершавшихся на улицах, базарах, в школах и домах Битлиса⁴. Цель арестов заключалась в том, чтобы в самом начале

устранить любую возможность сопротивления. Начиная с 22 июня, мужчин стали под конвоем выводить из города группами из десяти-пятнадцати человек, в зависимости от длины связывающей их веревки. Затем их расстреливали или забивали топорами, лопатами и острыми кольями. Для уничтожения армянского мужского населения Битлиса потребовалось две полных недели⁵. Полковник Нусухи-бей, свидетель обвинения, служивший в Битлисском регионе, представил в 1919 г. военному суду показания о деятельности главнокомандующего 3-й армии Махмуда Камиля, в которых попутно указал, что армян в Битлисе убивали «в долине в полчасовом расстоянии от города», где «их обливали керосином и сжигали»⁶.

25 июня в Битлис прибыл Джевдет с восьмью тысячами «мясников». Его цель состояла в том, чтобы не дать русским, находившимся на тот момент в Хан Аламе⁷, в часе пути от города, войти в него, а также, чтобы перекрыть все связи города с внешним миром и дать властям возможность безнаказанно творить свои дела. Джевдет как нельзя лучше отметил свой приезд, сразу же подвергнув пыткам Охикяна и еще нескольких дашнакских лидеров, которые впоследствии были повешены поблизости на мысе Тахи Клух⁸. Затем его внимание привлекли находившиеся в заточении влиятельные люди армянской общины, от которых он вымогателем получил 5000 турецких лир⁹, после чего у двоих из них, Аракси и Арменуи, потребовал «руки» их дочерей¹⁰.

¹ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 43, Bitlis, f° 6; по количеству армян, см. *Kévorkian & Paboudjian*. Op. cit. P. 477.

² *Knapp Grace*. H. Op. cit. P. 31.

³ *Ibid*. Pp. 36–37. Во время обмена Абдулхалик, как говорят, предупредил Кнапп: «Считайте, что Вас ждет такая же участь». *La Renaissance*, № 39, samedi 18 janvier 1919, «Récit d'un témoin oculaire sur les premières victimes de Bitlis».

⁴ *Knapp Grace*. H. Op. cit. Pp. 36–37.

⁵ *Nogales R. de*. Op. cit. P. 133; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 524–527; *La Renaissance*, № 39, samedi 18 janvier 1919; BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 43, Bitlis, f° 11, свидетельство Карапета Сарояна из Битлиса.

⁶ *Кригер*. Указ. соч., примечание. С. 20.

⁷ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 43, Bitlis, f° 11, свидетельство Карапета Сарояна из Битлиса. По словам свидетеля, русские к этому времени отступили на север.

⁸ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 524–527; *La Renaissance*, № 39, samedi 18 janvier 1919, утверждает, что их тела висели в течение двух недель, но не дает имя лидера дашнаков; *Nogales R. de*. Op. cit. P. 133, подтверждает эти факты, но дает неправильное имя (Какигян); *Toynbee A.* *Le Traitement des Arméniens dans l'Empire ottoman (1915–1916)*, Livre Bleu du gouvernement britannique, Laval [1917]. P. 206, interview de Roubèn Ter Minassian transcrite par A. S. Safrastian, le 6 novembre 1915, à Tiflis. Мы находим правильное написание, Охикян.

⁹ *Nogales R. de*. Op. cit. P. 133. Джевдет поделился деньгами с Халилом.

¹⁰ *La Renaissance*, № 39, samedi 18 janvier 1919. Газета утверждает, что девушки, «на которых женился Джевдет», уже были с ним.

Чтобы как можно быстрее завершить начатое, люди Джевдета согнали семьсот мужчин к месту в шести милях от города, где их убили и сбросили в вырытые ими же самими ямы¹. Не пожалели даже самых маленьких детей: всех мальчиков от одного года до десяти лет забрали из семей, вывели за город, бросили в огромную яму, облили керосином и сожгли заживо «в присутствии вали Битлиса»². Для женщин и детей из города и окрестных деревень, не попавших в эту категорию, в целом около восьми тысяч человек, была заготовлена иная судьба. 29–30 июня их начали сгонять в одно место. В первые два дня их держали в нескольких вместительных домах в городе и во дворе собора, а затем в начале июля отвели под конвоем жандармов и полицейских к южному выходу из Битлиса в начало ущелья Араби возле моста под таким же названием, где они оставались в течение двух недель. Ущелье служило рынком, где каждый желающий мог выбрать себе понравившуюся женщину, девочку или ребенка. После этой массовой распродажи, на которой было разобрано две тысячи человек, на рассвете на шесть тысяч оставшихся напали чете Джевдета и вырезали несколько сотен несчастных. Тех, кто остался в живых, жандармы и полицейские погнали по дороге в Сиирт. В Дзаг Каре караван подвергся еще одному налету чете. Остатки каравана, не заходя в Сиирт, добрались до Мидьята, где было уничтожено еще около тысячи депортированных, после чего путь смогли продолжить не более тридцати оставшихся в живых³.

К середине июля в Битлисе осталось не более десятка армянских мужчин, мастеровых, без которых не могла обойтись армия⁴, а также женщины и девочки, принадлежавшие бывшему депутату парламента Садулле, начальнику почты Хакки, владельцу бани

и другим горожанам⁵. Кроме того, властям пришлось выслеживать немногих детей, все еще скитавшихся по городским улицам. Их отлавливали и бросали в реку или ямы с крутыми стенками, чтобы они не могли выбраться наружу⁶. Наконец, Джевдет и Абдулхалик настояли на выдаче нескольких женщин, нашедших убежище в американской миссии, и девушек из американской школы. Подробный отчет Грейс Кнапп о преследованиях, которым подвергалась миссия, свидетельствует о решимости двух лидеров младотурок во что бы то ни стало выполнить свои намерения — стереть даже следы армянского присутствия в Битлисе⁷. Так жандармы регулярно посещали миссию с целью ареста нашедших там приют женщин. Некоторым удавалось избежать ареста, подкупив жандармов. Но это спасало их лишь на несколько дней, после чего их постигала общая для всех участь⁸. Арест в американской миссии сироты двух или трех лет, дочери армянского школьного учителя из Татвана, свидетельствует о проявляемом местной полицией рвении. Ведь девочка всем, кто об этом спрашивал, называла имя курда, убившего ее отца⁹. Хорошо образованные, говорящие на многих языках девушки из американской школы привлекали недвусмысленное внимание офицеров организации младотурок, которые даже пытались оказать влияние на вали (по крайней мере, это утверждают американцы), чтобы заполучить девушек¹⁰. Однако вероятнее всего, им было бы суждено исчезнуть, как и всем другим, несмотря на то, что распространенная в то время биологическая концепция тюркизма не исключала таких связей. В итоге девушки остались в живых благодаря действиям главного врача турецкого военного госпиталя Мустафы-бея, араба, получившего об-

¹ Knapp Grace. *H. Op. cit.* P. 40.

² BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 43, Bitlis, f° 10, свидетельство Софии Егиазарян, жены русского [экс-] посылного в Алеппо, 13 декабря 1918.

³ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 43, Bitlis, f° 5; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 524–527; *La Renaissance*, № 39, samedi 18 janvier 1919; Knapp Grace. *H. Op. cit.* Pp. 42–47.

⁴ Nogales R. *de. Op. cit.* P. 133.

⁵ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 43, Bitlis, f° 6–7, перечисляет имена семидесяти восьми похищенных молодых женщин и девушек и, в некоторых случаях, имена их владельцев.

⁶ *La Renaissance*, № 39, samedi 18 janvier 1919.

⁷ Knapp Grace. *H. Op. cit.* Pp. 42–44.

⁸ *Ibid.* P. 44.

⁹ *Ibid.* Pp. 44–45.

¹⁰ *Ibid.* Pp. 45–47.

разование во Франции и Германии. Понимая, что «присутствие этих девушек было бельмом на глазу правительства», он упорно продолжал сопротивляться их депортации, ссылаясь на невозможность наладить нормальную работу в госпитале без их помощи, чем вызывал враждебность со стороны турецких офицеров, нетерпеливо ожидавших получения своего приза¹. Благодаря упорству Мустафы-бея дело приняло серьезный оборот, и у Мустафы Абдулхалика не осталось иного выбора, как обратиться к Джевдету, изредка навещавшемуся в Битлис из-за неотложности других дел на Мушской равнине. Этот случай, хоть и не явно, свидетельствует о том, что Джевдет превосходил Абдулхалика по рангу как в военном отношении, так и в гражданском, будучи в прошлом вали. Как бы то ни было, Джевдет решил вопрос в пользу армейского врача².

Приблизительно 15 июня, когда ликвидация армянского населения санджака была практически завершена, русские войска усилили давление, и местные власти всерьез задумались об эвакуации города. В связи с этим на юг был направлен батальон армянских призывников в составе тысячи человек, сопровождавший библиотеку и архив вали. Все эти люди были убиты недалеко от Битлиса, а архивы уничтожены³. Позднее власти обвинят Джорджа Кнаппа, вывесившего американский флаг на крыше госпиталя, в котором лечились раненые солдаты и мусульманское население, страдавшее от тифа, с целью «направления врага». Тем не менее турки первыми удивились, когда 24 июля уз-

нали об отступлении русских войск⁴. После этой кратковременной паники два сотрудника местного филиала Императорского османского банка вернулись в Битлис и сообщили об ужасных сценах, свидетелями которых они стали на дороге, ведущей на юг. Берега реки Битлис Чай были завалены горами гниющих трупов. Дорога во многих местах была перегорожена горами мертвых тел, а на обочинах лежали останки депортированных из Битлиса и его окрестностей⁵.

У нас мало информации о судьбе сел в окрестностях Битлиса, за исключением сведений о городке Хултиг с армянским населением 2598 человек⁶, лежавшем в южном направлении на расстоянии двух часов от Битлиса. В мае жандармы прибыли в Хултиг для сбора оружия, в обмен которого они обещали жителям защиту. При первых актах насилия в Битлисе 25 июня некоторые из жителей Хултига бежали из городка, но были застигнуты в сельской местности и уничтожены. До 2 июля в Хултиге стояла сотня солдат и курдских ополченцев. Хумашли Фарсо и его люди согнали жителей в два сарая и сожгли заживо⁷. Тридцати юношам удалось бежать. Позже они присоединились к отрядам добровольцев. Около ста женщин и детей этого городка были позднее найдены в курдских племенах этой области, а еще пять женщин и десять осиротевших девочек отыскались в Битлисе после прихода в 1916 г. в город русских⁸.

Таким образом, оценка Рафаэля де Ногалеса об уничтожении в одном Битлисском санджаке пятнадцати тысяч армян выглядит вполне правдоподобной⁹.

¹ Ibid. P. 89.

² Ibid. Pp. 90–91. В январе 1916 г., когда русские практически взяли Битлис, Джевдет не забыл приказать Мустафе-бею «предать смерти» этих женщин (Ibid. Pp. 95–96).

³ Ibid. P. 87. Джордж Кнапп был ранен в ходе этих событий и отправлен властями в Диарбекир для лечения. Официальная версия заключается в том, что он умер от острого несварения в тот же день, когда он прибыл: «Témoignage d'un Allemand, témoin oculaire des événements». Этим немцем на самом деле был Алма «Йохансон» (такая орфография используется в документе, хранящемся в Американском национальном архиве: RG59/867. 4016/226), Constantinople, 9 November 1915 (ср. V. Bryce [= A. Toynbee], *The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, 1915–1916*, Uncensored Edition, ed. by A. Sarafian, Princeton, 2000. P. 124, et note; Toynbee A. Op. cit. P. 212. Более вероятно, что этот случайный свидетель резни в Муше был ликвидирован по приказу д-ра Решида, вали Диарбекира, с одобрения Халила и Джевдета.

⁴ Ibid. Pp. 49–50.

⁵ Ibid. P. 86.

⁶ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 469.

⁷ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 43, Bitlis, ff. 6, 13, свидетельство сорокалетнего Асбадура Бруяна из Хултига.

⁸ Ibid., f° 14.

⁹ Nogales R. de. Op. cit. P. 133.

«Мясники» Битлиса

В первые дни июля, когда в Дзгаг Каре (в переводе с армянского «Пористый камень») уничтожали последние конвои женщин и детей, главные виновники этих преступлений дядя военного министра подполковник Халил, брат министра Джемдет-бей, шурина министра внутренних дел Мустафы Абдулхалик и шеф полиции Турфан присутствовали на банкете с главными мясниками в гостинице, расположенной недалеко от места творимой резни. Чтобы развлечь гостей и достойно завершить свою работу, жандармам было приказано этой ночью расстрелять армянского прелата и нескольких известных людей города, которых до тех пор не трогали¹.

Массовые убийства в Битлисском вилайете нельзя считать следствием действий только этих высокопоставленных личностей, близких к кругам высшей государственной власти. На совершение этих злодеяний была мобилизована вся политическая, административная, военная и местная правительственная иерархия. Безусловно, самые главные палачи состояли в руководстве местных организаций комитета «Единение и прогресс»: это депутаты иттихадистского парламента Муфти-заде Садулла и Гидо-заде Ресул, а также депутат и председатель организации Муфти-заде Насрулла. Среди гражданских лиц, игравших важную роль, кроме Мустафы Абдулхалика, можно назвать главу администрации города Хамди-эфенди и директора благотворительного фонда (Evkaf) Шемеддина Фатуллу, оба были членами Комиссии оставленной собственности (Emvali metruke) и принимали непосредственное участие в разграблении имущества армян. Среди военных и связанных с военными ведомств на роль главного организатора погромов справедливо претендовал командующий отрядами Специальной организации в Битлисе Беджет-бей, недалеко от которо-

го ушел шеф полиции Битлиса Турфан-бей, организовавший аресты в городе и направлявший своих людей на истребление армянского населения. Непосредственную помощь ему оказывал капитан полиции Ахмед Рефик. Начальник жандармерии Эджем-бей и его помощник Фаик-бей формировали конвои депортированных и обеспечивали им сопровождение, т.е. принимали непосредственное участие в массовой резне.

В Битлисском регионе, населенном преимущественно армянами и курдами, массовые погромы проводились по прямым указаниям племенных вождей и глав местных кланов. Среди них были: Илик-заде Абдурахман-оглу Шемседдин Шамо, Ярали-заде Мехмед Салих, Ибрагим-заде Хаджи Абдул Гани, Юсуфпаша-заде Муса Эфенди, Хаджи Мелик-заде Шейх Абдул Бек Эфенди, Тюфреви-заде Шейх Абдул Бак Эфенди, Хазнодар-заде Тевфик Эфенди, Кадри Шейх Хаджи Ибрагим, Терзи Надер-заде Хаджи Шемседдин, Фуадага-заде Хаджи Шемседдин, Карсондли-заде Хаджи Касим, Карсондли-заде Хаджи Фато и Молла Саид².

Некий капитан из штаба османской армии на Кавказе, посетивший Битлис осенью 1915 г., после истребления армянского населения, сообщает о том, что в городе еще оставались триста молодых армянских женщин. Их держали под охраной в армянском соборе Битлиса и использовали для увеселения офицеров и солдат, направившихся через город на фронт. Во время пребывания этого капитана в Битлисе большинство женщин уже были заражены венерическими болезнями. Местный военачальник был вынужден искоренить это зло, наносившее вред солдатам. С одобрения главнокомандующего 3-й армии Махмуда Камиля он приказал отравить молодых женщин или уничтожить их иным способом³.

События в Спаргерде казы Хизан

В 1915 г. в казе Хизан, разместившейся в Битлисском и Ванском вилайетах, было не менее семидесяти шести армянских сел

с населением 8207 человек. Во всех имеющих источники упоминается район Спаргерд, находившийся на самом юге казы, в

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 524–527; La Renaissance, № 39, samedi 18 janvier 1919.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, t 224, 3 506–507, ответственные за депортацию и резню в Битлисе.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 2 107, Faits et documents, Les trois cents vierges.

двадцати шести селах которого проживали приблизительно 2600 армян¹. Существуют все основания полагать, что жителей других районов казы постигла такая же судьба, как и жителей Спаргерда.

По информации нашего главного свидетеля, набор на военную службу в этом районе проходил достаточно болезненно, т.к. многие мужчины призывного возраста работали вдали от дома или даже за границей, как было принято в сельской местности Армении. Призывников отправляли в Ван, а оттуда на Кавказский фронт. Никто из них не вернулся живым. Несмотря на возникшую во время военных реквизиций напряженность, руководителю местного комитета АРФ Лато удалось сохранить отношения с мюдиром Спаргерда и получить от него гарантии того, что сформированные в районе отряды ополченцев не будут плохо обращаться с армянским населением². Как и в других местах, в конце марта местные власти приступили к проведению второй призывной кампании, цель которой заключалась в мобилизации мужчин старше сорока пяти лет, предназначавшихся для службы в военных трудовых батальонах³. После событий в Ване местные курды, скорее всего, по приказу своих начальников, начали готовиться к войне. В это же время Лато собрал сто двадцать вооруженных мужчин для

обеспечения защиты населения. Приблизительно 20 мая район оказался под угрозой со стороны «бегущих из Вана турок и курдов». Но армянские фидайи остановили наступление, сохранив контроль над перевалом в южной части района, который являлся единственным входом в нахичевань. В конце концов, мюдир и Лато заключили соглашение, тем самым прекратив конфликт. Наш свидетель сообщает, что в это же время батальон добровольцев с Кавказа продвинулся до соседней Мокской казы, но жители Спаргерда об этом не знали вплоть до прихода в Спаргерд частей Дро⁴.

Российские войска почти два месяца с конца мая по июль успешно контролировали регион. Но в конце июля генеральный штаб русской армии приказал эвакуировать все население Спаргерда и Хизана. Вполне вероятно, что российских военачальников встревожило возвращение объединенных сил Халилы и Джевдета, и они предпочли эвакуировать села, чтобы спасти их жителей от верной смерти. Проведя в ожидании три недели в Востане на берегу озера Ван, армяне из Хизана начали массово пробиваться на Кавказ⁵. Как и беженцы из Вана, они пали жертвой массовой резни в ущелье Беркри. Другие беженцы нашли приют в Эчмиадзине, где в течение последующих недель умерли от эпидемии⁶.

Погромы в санджаке Муш

Уничтожение 141 489 армян Мушского санджака и разрушение двухсот тридцати четырех сел, в которых они проживали⁷, оказалось для турецких властей гораздо более сложной задачей, чем истребление армянского населения в Битлисе и Сиирте. Как мы уже отмечали⁸, две призывные кампании в

августе 1914 г. и марте 1915 г. лишили регион его жизненных сил и значительно сократили способность армян защищаться. Очевидно, что власти предпочитали истребить население Сасуна и взять под контроль его горные крепости. В мае они совершили первое нападение на этот район при поддержке

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 475–477. Этими селами были Яжван (население 300 чел.), Годенц-Верин (350 чел.), Годжнц-Неркин (80 чел.), Пазенц/Бахенц (120 чел.), Луар (45 чел.), Шевкар (120 чел.), Таж (20 чел.), Гежис/Кервис (11 чел.), Данцис/Танзик (35 чел.), Досу/Дору (120 чел.), Таларс/Кепарис (100 чел.), Харкин/Аракен (32 чел.), Хожант/Оканд (90 чел.), Хюрюк-Верин/Уре (325 чел.), Хюрюк-Неркин/Уре (85 чел.), Усп/Эсб (80 чел.), Бадрананц/Бедран (100 чел.), Хойт (70 чел.), Сюзанц (75 чел.), Амчиг (90 чел.), Ташд/Киш (90 чел.), Мад (80 чел.), Мадацмин/Цмен (73 чел.), Дважус (75 чел.), Гран/Керан (9 чел.), Нерпан (25 чел.).

² ВNu/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 43, Bitlis, f° 15r°-v°, свидетельство Тороса Ованяна, записанное Суреном Мелояном.

³ Ibid., f° 15v°.

⁴ Ibid., f° 16.

⁵ Ibid., f° 16v°.

⁶ Ibid., ff. 16v°-17; свидетельство Микаэла Гукасяна, ff. 18–21.

⁷ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 477–501.

⁸ См. выше, с. 263–265.

курдских племен (белеков, бекранов, шегов и т.д.), которых снабдили оружием. Нападение было отражено¹. Эти операции осуществлялись одновременно с операциями против гражданского населения южных каза Сильван и Бешири к югу от Сасуна² и на севере Мушского санджака в Буланике. Одновременность этих действий предполагает, что следующим шагом плана была ликвидация «большого куска в середине», включавшего сто три села Мушской равнины с армянским населением в них, составляющим 75 623 человека³. Провал наступления курдских чет на Сасун, вероятно, убедил младотурок в том, чтобы одержать верх над этим плотным скоплением армян, необходимо привлечь исключительно «регулярные» войска. Без сомнения, этим объясняется временное июньское затишье в Муше: «Неожиданно повсюду прекратились преследования и разграбления сел, и в Муше воцарился идеальный порядок». Затишье просуществовало три недели⁴, в течение которых войска Халиля и Джевдета проводили ликвидацию армянского населения в Сииртском и Битлисском санджаках. Они освободились только в начале июля, и тогда Джевдет и подполковник Касим-бей с дивизией оставили Халиля заканчивать дела в Битлисе, а сами занялись Мушской равниной⁵. Халил и его экспедиционный корпус, оснащенный горными орудиями, присоединился к ним не ранее 8 июля 1915 г.⁶ Но для повышения своих шансов на успех властям было необходимо мобилизовать и местные силы. В этом им оказал существенную помощь приезд в июне в Муш важного религиозного сановника и члена Османского национального собрания Ходжи

Ильяса Сами, воодушевивший мусульманское население провинции. Его возвращение из Константинополя не было случайным. Один из историков утверждает, что его на выручку позвал мутесариф Сервет⁷. На самом деле, его только что назначили инспектором КЕП в Муше. Как и в других вилайетах, здесь был создан оперативный комитет, который возглавил Сами. Другими его членами были: Сервет, Халил [Кут], двоюродный брат Ходжи Ильяса Фаламаз-бей, Дервиш-бей, дядя Ходжи Ильяса Хаджи Муса-бег, в Муше Дидо Решид и Салих-бей, ответственный секретарь КЕП⁸. Все они были вождями племен и принадлежали к мушской организации младотурок⁹. Комитет мог также рассчитывать на поддержку гражданских чиновников, таких как начальник бюро по регистрации земельных участков Бедирхан Эфенди, начальник госпиталя Ибрагим-эфенди, каймакам Буланика Эсад-паша, начальник полиции Махмуд-эфенди, офицеры полиции Казим-эфенди и Риза-эфенди, а также таких военных, как командир жандармерии Беджет-бей и военный аптекарь д-р Асаф¹⁰.

В распоряжении Специальной организации были курдские кавалерийские формирования, а также собранные командующим иррегулярных войск Хаджи-бегом мужчины из местных племен. Хаджи Муса-бегу оказывали поддержку командиры отрядов чете: Рустам-оглу Хайрулла, сыновья Хаджи Ясин, Казаз Махмуд, Котунли Дурсун, Шюкрю, Мустафа и Ариф из Хаджи Али, Абдул Керим, сыновья Топала Гото, Котунли Ахмед, Шейх Ниази и его брат Джемил-эфенди из Бейракадара, Рухеддин из Сло, Ариф из Асада, Хаджи Ибрагим, Бакдур Гусейн и Дели Решид-

¹ Toynebee A. Op. cit. P. 207, интервью Рубена Тер-Минасяна.

² Ibid.

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 477–485.

⁴ Toynebee A. Op. cit. P. 207, интервью Рубена Тер-Минасяна.

⁵ Ibid. Он упоминает только о прибытии Казима с «10 000 человек»; Nogales R. de. Op. cit. P. 134. Автор утверждает, что Джевдет и Казим прибыли вместе в Муш, чтобы «покарать бунтовщиков». Позже Джевдет сказал ему, что он там сделал.

⁶ BNu/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 51, Les massacres du Daron, f° 5, свидетельство Мушега Турняна из Муша; Knapp Grace. H. P. 91. Кнапп упоминает об их выезде из Битлиса в начале июля.

⁷ Агуни С. Указ. соч. С. 162.

⁸ Meclisi Mebusan Zabıt Ceridesi [Procès verbaux des sessions du Parlement ottoman], 3e législature, 5e session, vol. 1, 14e séance, le 18 novembre 1334 [1918]. Pp. 143–161, 109. Цитирован Дадрином. См.: Dadrian V. Op. cit. Pp. 21–42, n. 17.

⁹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 561–562, L'organisateur des massacres de Mouch, le député Hoca İlyas.

¹⁰ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 508–509, ответственные за депортацию и резню в Муше; BNu/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 51, Les massacres du Daron, f° 7.

оглу Махмуд¹. Некоторые из этих членов Специальной организации, например, Дидо Решид и его отряд в пятьсот человек, уже участвовали в военных операциях в Ване. Другие впервые прибыли к месту действия. Однако все получили оружие, боеприпасы и денежное содержание от префектуры и считались наемными «регулярными войсками» на задании².

Ходжа Ильяс Сами по-прежнему оставался центральной фигурой Муша. Будучи высокопоставленным религиозным сановником, он обладал значительным авторитетом, который использовал для проповедования джихада в городской соборной мечети³. Хотя на самом деле он, как и другие местные влиятельные лица, только выполнял приказы одного из лидеров Специальной организации («Тешкилят-и Махсуса»), подполковника Халиля [Кута]. Первое, что было сделано после прибытия 8 июля экспедиционного корпуса Халиля в Муш, это взятие под контроль всех подъездных путей к городу и перекрытие всех каналов связи между населенными пунктами равнины. На следующий день они были атакованы отрядами чете под командованием Хаджи Мусыбега⁴. В предшествовавшие этим погромам дни те же самые чете подвергали жителей деревень систематическим попыткам в поисках спрятанных ими винтовок и конфисковывали их. Иными словами, были приняты все возможные меры, чтобы по первой же команде верхних эшелонов Специальной организации сразу приступить к действиям. Задача чете облегчалась тем, что в селах, на которые они должны были напасть, почти не осталось молодых мужчин⁵. Мы распо-

лагаем многочисленными свидетельствами участников этих событий, которые показывают, что аналогичные методы применялись по всей равнине. Чете окружали село, устраивали облаву на мужчин, связывали их группами по десять-пятнадцать человек, уводили их из села и убивали поблизости в саду или в поле. Затем они закрывали женщин и детей в одном или нескольких сараях, отобрав «самых красивых» для себя, обливали постройки керосином и сжигали их вместе с живыми людьми. После этого они грабили село и сжигали его дотла⁶.

Один из очевидцев рассказал французскому корреспонденту, присутствовавшему на судебном процессе над лидерами младотурок в Стамбуле, о двух тысячах женщин, которых эти курдские чете взяли в окружение, а затем «опозорили и ограбили». Женщин подозревали в том, что они «проглотили свои драгоценности, чтобы скрыть их от бандитов». Для вспарывания животов у бандитов не было времени. Поэтому они облили женщин керосином и сожгли их заживо. На следующий день они просеяли их прах через сито⁷.

Для истребления армян на Мушской равнине и в северо-западной казе Варто (девять сел с общей численностью армянского населения 649 чел.) потребовалось не менее шести дней с 9 по 14 июля. Приблизительно двадцати тысячам человек удалось бежать в Сасунское нагорье недалеко от Хавадорига, где они попали в настоящую ловушку, окруженные на пятачке от трех до трех с половиной миль по периметру, и разделили судьбу других жителей горного района Сасуна⁸.

Нескольким жителям из северо-восточных сел равнины, таких как Вартенис, уда-

¹ Ibid.

² BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 51, The massacres in Daron, f° 4, свидетельство Мушега Турняна из Муша.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 561-562, L'organisateur des massacres de Mouch, le député Nosa Ilias.

⁴ Палазян В. Указ. соч., II. с. 365; BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 51, Les massacres du Daron, ff. 20-21, свидетельство Сероба Арутюняна из села Мкраком, единственного оставшегося в живых из семьи в тридцать шесть человек. Чете выкололи глаза отцу Керовпу, отрезали нос и ухо и вырвали ногти.

⁵ Тер-Ананян М. Страницы ужасов истребления армян, 1914-1920, Арадж, 10 апреля, 1934, № 3 (на арм. яз.).

⁶ Палазян В. Указ. соч., II. с. 365; BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 51, Les massacres du Daron, ff. 20-21, свидетельство Сероба Арутюняна из Мкракома; ff. 17-19, свидетельство Смбага Хандиляна из Зиарата (из более чем тысячи пятисот жителей спаслось только 12 чел.); ff. 22-28, свидетельство отца Григора Тер-Григоряна от 25 января 1917 г. из Цети Ханка.

⁷ La Renaissance du vendredi 31 janvier 1919, № 52, correspondance de Maurice Prax pour Le Petit Parisien.

⁸ Палазян В. Указ. соч., II. с. 365-370; BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 51, Les massacres du Daron, f° 17v, свидетельство Смбага Хандиляна из Зиарата относится к нападению на монастырь Святого Карапета, убийству всех монахов, семинаристов, учителей и его главы, вардапета Вардана, который был сожжен заживо со своим другом вардапетом Егеше.

лось бежать к русской линии фронта вблизи Азлата¹. Полковник Нусухи-бей в своих свидетельских показаниях о насилии, творимом на Мушской равнине, которые он представил военному суду в 1919 г., утверждает, что предлагал Махмуду Камилю «оставить в покое» женщин и детей. Но по возвращении в Муш обнаружил, что подготовка к совершению насилия идет полным ходом, а главарь чете Муса-бег и его банда «получили задание уничтожить армян»². По всей видимости, приказы об истреблении армян отдавались не армейским начальством, а скорее всего — руководителями Специальной организации, самым высокопоставленным представителем которой в провинции был Халил [Кут].

Более того, хронология событий показывает, что Халил лично руководил операциями. После того, как 9 июля начались погромы в селах, он 10 июля отдал своим людям приказ захватить армянские дома на возвышающихся над городом холмах в районе «Цитадель», известном своим стратегическим местоположением, с целью размещения там горных артиллерийских орудий³. 11 июля местные власти объявили, что все лица мужского пола старше пятнадцати лет обязаны во исполнение приказа правительства зарегистрироваться вместе со своими семьями для отправления в Урфу. На следующий день двести человек, явившихся для регистрации, были арестованы и ночью отправлены в село Ализрнан на равнине, где их уничтожили⁴.

Накануне мутесариф Сервет-бей расстрелял на дороге в Чабакчур (Генчский санджак) триста солдат-рабочих из Муша, которые ранее были зачислены в трудовые батальоны. Кроме того, он отдал в руки шефа полиции Казима батальон из семисот солдат-рабочих, которых в течение двух дней держали под замком без воды и пищи, а затем связали и отправили в Гармир, где

расстреляли⁵. Эти первые операции должны были завершить мероприятия по устранению всех, кто мог оказать сопротивление действиям по истреблению армянского населения. После того, как приходской священник и некоторые известные люди в городе обратились к мутесарифу с просьбой пощадить женщин и детей, он, в конце концов, согласился дать им отсрочку на три дня до 14 июля⁶. Однако есть основания предполагать, что состоявшийся 12 июля арест епископа Муша преподобного Вардана и около сотни других людей, которых впоследствии конвоировали в Хаскиуг и расстреляли, был частью общего плана, проводимого властями, которые вовсе не собирались депортировать армянское население из провинции, а имели намерения ликвидировать его на месте⁷.

Только после завершения этих предварительных операций и начала истребления армянского населения в расположенных на равнине селах лидеры младотурок в Муше 12 июля отдали приказ об обстреле армянских кварталов города, после чего направились туда армейские подразделения и отряды чете. Первыми были окружены и конвоированы в Аринчванк к северо-западу от города три тысячи жителей кварталов Чикрашен и Пруди из нижнего города. Там их разделили на две части: мужчин расстреляли в сельском саду, а женщин и детей заперли в сараях и подожгли⁸. Чете и солдаты проходили кварталы дом за домом, взламывали двери и без всяких объяснений забивали топорами и штыками всех, спрятавшихся в домах⁹.

Части населения Муша и окрестных деревень удалось бежать в Вери Тах, Цори Тах и Санкт Маринэ, где вокруг ядра из шестидесяти вооруженных мужчин под руководством Акопа Годояна сплотилось сопротивление. Пушки в верхнем городе обстреливали эти

¹ Папазян В. Указ. соч., II. с. 381.

² Кригер. Указ. соч., примечание. С. 20.

³ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 43, Bitlis, f° 6; BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 51, Les massacres du Daron, f° 5, свидетельство Мушега Турняна из Муша. Отец свидетеля был казнен во время этой операции.

⁴ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 43, Bitlis, f° 6v; BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 51, Les massacres du Daron, f° 6, свидетельство Мушега Турняна относится к тем же самым фактам, но рассказывает о мужчинах в возрасте от пятнадцати до семидесяти.

⁵ Ibid.

⁶ Aramais. Les massacres et la lutte de Mousch-Sassoun, 1915, trad. by Arev in Baku, Genève 1916. Pp. 16–17.

⁷ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 51, Les massacres du Daron, f° 7. К викарию отнеслись по-особому: он был сожжен заживо вместе с епархией.

⁸ Ibid, f° 6v; BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 43, Bitlis, f° 6.

⁹ Aramais. Op. cit. Pp. 20–22.

районы, а регулярные войска и чете уверенно продвигались вперед, захватив сначала Санкт Маринэ, а затем Вери Тах. Гражданское население в панике бежало в последний армянский анклав Цори Тах, называемый «кварталом малой долины». Многих беженцев хватили при попытке к бегству и либо убивали на месте, либо запирали в домах, «обливали керосином» и сжигали заживо¹. Одну группу из тысячи ста армянских женщин и детей удерживали во дворе полицейского участка, а затем отправили в Карист, заперли в сараях и сожгли заживо по приказу начальника жандармерии Беджет-бея, который проследил за тем, чтобы из пепла были собраны оставшиеся золото и драгоценности².

После нескольких дней отчаянного сопротивления защитники квартала Цор 17 июля оставили свои позиции, предоставив чете и регулярным войскам свободу действий. За солдатами следовала толпа с намерениями разграбления квартала. Многие армяне погибли в ночь с 17 на 18 июля при попытке бежать в горы. Оставшихся в живых конвоировали в Комер, Кашкиуг, Норшен, Аринчванк и Алирнан, где заперли в сараях и сожгли заживо пять тысяч человек³. Некоторые мужчины предпочли принять яд и отравить всех членов своих семей, другие сумели скрыться в горах Сасуна. Отставших от своих и раненых согнали в кучу и сожгли на «огромном костре». Этот цикл насилия закончился, когда армянские кварталы были выжжены до основания⁴. Около десяти тысяч женщин и детей из деревень Мушской равнины Сорадер, Пазу, Хасанова, Салехан, Варс, Мехд, Баглу, Уруй, Зиарет, Хебян, Дом, Эргерд, Нораг, Аладин, Гомс, Хачхалдук, Сулук, Хоронк, Карцор, Кызыл, Агач, Комер, Шейхлан, Авазагпиур, Плел и Курдмейдан были под конвоем курдов «депортированы» на запад

по долине Восточного Евфрата (в Мурат Су). Некоторые женщины умерли или были похищены в пути. Других прибывших из Ябачура курды вырезали в ущельях Мурат Су к западу от Генча. Это были единственные армяне санджака, нашедшие смерть за пределами своих родных мест⁵.

Уничтожению подлежали даже дети и воспитатели немецкого приюта в Муше, где работала шведская женщина-миссионер Алма Йохансен (1880–1974). К ней был направлен отряд кадровых солдат во главе с командиром для вручения «письменного распоряжения правительства» на «передачу» ему армянских девочек-сирот и женщин, находившихся в учреждении (многие женщины нашли там убежище во время массовой резни), для «отправки в Месопотамию»⁶. Не сомневаясь в уготованной этим женщинам и девочкам судьбе, Йохансен не подчинилась приказу командира. На следующий день она узнала, что кроме небольшого числа ее протеже, «нашедших в ней защитника», несколько сотен других «согнали в дом и сожгли заживо» или заживо закопали в больших братских могилах за городом⁷. Когда она металась по улицам города в поисках уцелевших, она услышала, как один жандарм хвастался, что сжег заживо «маленьких девочек» из ее приюта⁸. Власти попытались соблудить некоторые формальности в отношении этой честной женщины-миссионера, единственной «иностранной» свидетельницы происходивших в регионе событий, которая, к тому же, работала в немецком учреждении, предьявив ей официальное письменное распоряжение. Однако это не смогло остановить ее от описания кровопролитных действий правительства и армии, которые стали послушным орудием в руках Центрального комитета Иттихада. Йохансен отмечает, что Сервет-бей пытал-

¹ Ibid. Pp. 25–26.

² ВNu/Fonds Andonian, P. J. 1/3, liasse 51, Les massacres du Daron, f° 6, свидетельство Мушега Турняна.

³ ВNu/Fonds Andonian, P. J. 1/3, liasse 43, Bitlis, f° 6; Папазян В. Указ. соч., II. с. 377; Aramais. Op. cit. Pp. 27–29.

⁴ Ibid. Pp. 26–29; Johannsen A, Ett folk i Landsflykt [Un peuple en exil], Stockholm, 1930. Pp. 28–29, traduction arm. de Bédros Zartarian, publiée en feuilleton in Achkhar, du 29 mars au 28 juin 1980.

⁵ Toynbee A. Op. cit. Pp. 216–218.

⁶ Johannsen. Op. cit. Pp. 28–29.

⁷ Ibid. P. 32.

⁸ Ibid. P. 34. Алма Йохансен проигнорировала другое, более общее, свидетельство, которое было опубликовано анонимно в кн.: Toynbee A. Op. cit. Pp. 211–213, «témoignage d'un Allemand, témoin oculaire des événements»: il s'agit en fait d'Alma «Johanson» (orthographe du document conservé dans les National Archives américaines: RG59/867. 4016/226), daté de Constantinople, le 9 novembre 1915 (cp. V. Bryce [= A. Toynbee]. Op. cit. P. 124, n. de bas de page).

ся эвакуировать в Харпут немецкую женщину и еще одну шведку, которые работали с ней в немецком приюте, но только немка подчинилась его приказу и уехала. Описания нескольких переговоров, которые Йохансен провела с мутесарифом, дают нам ясное представление о настроении этого воинствующего младотурка. Йохансен пыталась спасти своих сирот, получив у Сервета разрешение взять их с собой в Харпут. Он согласился, но добавил, что «поскольку они армянки, они по дороге могут лишиться головы»¹. Итак, пелена спала. Более не предпринималось никаких попыток скрыть истинные намерения комитета «Единение и прогресс». Как отмечает эта шведская свидетельница, после окончания резни «все офицеры хвастались тем, сколько жертв они уничтожили лично, помогая турецкому правительству избавиться от армянской расы»².

Здесь, как и везде, следует учитывать экономический фактор плана по уничтожению армян. Некоторым местным деятелям, таким как депутат парламента Ходжа Ильяс Сами, даже удавалось примирить свой «патриотический» долг с личными интересами. Будучи в дружеских отношениях с влиятельными армянами Муша, Сами в самом начале массовых убийств в городе предложил некоторым из них переехать жить в его дом, где они будут в безопасности. Назарет Кешишян, Тигран Мезригян, Арам и Петрос Бадузяны и Мкртич Амригян с семьями приняли это предложение. Таким образом, наложив руку на имущество своих гостей, Сами сдал их властям, которые казнили их на городской окраине³.

Такие материальные блага, как товары, которые сборище мародеров уносили из армянских домов и лавок, не шли ни в какое сравнение с львиной долей богатства, награбленного четырьмя людьми, организовавшими и осуществившими эту массовую резню. Очевидец рассказывает, что после того, как «мясники» выполнили свою работу, Абдулхалик, Ходжа Ильяс, Джевдет и Халил отправились из города «в сопровождении

длинного каравана верблюдов, нагруженных огромными узлами, покрытыми яркими цветными тканями. Эти восемнадцать узлов были заполнены золотом, серебром, драгоценностями и антикварными предметами». Караван направлялся в Константинополь⁴. Можно легко представить, какие драгоценности были похищены при разграблении больших монастырей, где они порой накапливались в течение пятнадцати столетий. Эти сокровища были бесценными, не говоря уже об уникальных коллекциях средневековых рукописей, от которых, благодаря мужеству отдельных людей, сохранились хотя бы фрагменты. Очевидно, что большая часть награбленного предназначалась Центральному комитету Иттихада и его отдельным членам.

И все-таки как объяснить слабое сопротивление в Муше? Начнем с того, что в отличие от равнины большинство населения в Муше было мусульманским, а количество дислоцированных там регулярных войск намного превышало войска в Ване. С учетом отрядов чете в городе было более двадцати тысяч солдат. Ваган Папазян, оставшийся в Муше до середины июня, пишет в своих мемуарах о расхождении взглядов у лидеров дашнаков в Тароне относительно принятия мер по защите населения. Они раздумывали над тем, что выгоднее: попытаться взять контроль над городом до прихода турецких регулярных сил или уйти в Сасунские горы, собрав способных бороться мужчин⁵? Вероятно, армянские лидеры так и не определились с решением, но сочли, что власти планируют сначала атаковать Сасун, а затем Мушскую равнину. Поэтому они предпочли уйти с бойцами и всем имевшимся оружием в горы, тем более что этот горный район в любом случае мог служить убежищем для сельских жителей равнины. Следует также учитывать влияние, которое оказывало на действия как армян, так и властей приближение русской армии. В конце июня русские войска заняли Маназгерд/Мелазкирт, дойдя 18 июля до нахие Лиз (в казе Буланик), са-

¹ Ibid. P. 212.

² Ibid. P. 213.

³ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 51, Les massacres du Daron, ff. 6–7, свидетельство Мушера Турняна из Муша; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 561–562, L'organisateur des massacres de Mouch, le député Hoca Ilyas.

⁴ APC/PAJ, bureau d'information du Patriarcat, Э 528, La Renaissance, «Bitlis-Mouch, Les Chameaux chargés d'or».

⁵ Папазян В. Указ. соч., II. с. 363.

мой западной точки, достигнутой на первом этапе войны, откуда до Муша оставалось шестнадцать часов пути¹. Даже если у дашнакских лидеров провинции не было точных сведений, особенно после того, как они ушли в Сасун, они возлагали свои надежды на быстрое спасение со стороны своих северных собратьев, хотя совсем недавно у них были весьма напряженные отношения.

Рафаэль де Ногалес, продолжавший в последующие годы встречаться с Джевдетом и Халилем, несмотря на свой печальный опыт в Ване и Смирте, оценил число уничтоженных в Муше и на равнине армян в пятьдесят тысяч. Но он не учел тех, кто бежал в Сасун, не зная что всего через несколько недель найдут там свою смерть².

Погромы и эвакуация в казе Маназгерд

В казе Маназгерд, находившейся на северо-востоке Мушского санджака и имевшей в своем составе тридцать девять армянских сел с общей численностью христианского населения 11 930 человек³, призыв в армию, как и в других районах, проходил с крайней жестокостью. По свидетельству одного армянского очевидца, мужчин от 18 до 35 лет зачисляли в боевые части, а от 35 до 50 — в транспортные подразделения. Большинство последних после возвращения с фронта приняли смерть от курдских бандитов⁴. Оружие в Маназгерде, не проявляя особого насилия, изъяли еще в середине апреля. В тот период турецкая армия поспешно отступала под давлением русских войск, которые продвинулись до Тутака на северо-востоке Маназгерда. Армия при отступлении систематически грабила армянские села и пополняла свои ряды, забирая в среднем по тридцать-сорок мужчин из каждого села⁵.

Под руководством каймакама Халет-бега и двух офицеров кавалерийских формирований гамидие Сарти-бега и Сулейман-бега армия подвергала методическому грабежу следующие деревни: Норадин (население 1671 чел., 70 убито), Караба-Касмиг (население 234 чел., 20 убито), Эрзаги-Касмиг (население 663 чел.), Султанлу (население 116 чел.), Молла-Мустафа (население 217 человек, двадцать убито), Котанли (на-

селение 400 чел., двадцать убито), Териг/Герег (население 922 чел.), Ханогли (население 234 чел.), Рздамгедиг (население 1800 человек, 30 убито), Тундрас (население 171 чел.), Акнер-Шейтанава (население 421 чел.), Перт/Маназгерд (население 945 чел.), Экмаль (население 160 чел.), Айнахойя/Экнахойя (население 360 чел.), Огсхан/Охкин (население 90 чел.), Моллапаг (население 110 человек, 10 убито), Каракая (население 725 чел.), Мармус (население 300 чел., двадцать убито), Долазбаш (население 300 чел.), Пакран (население 155 чел.) и Панзден (население 237 чел., 30 убито)⁶. Все убитые в этих селах были молодыми людьми, как правило, подростками. Командир чете Хаджи Хамди-бег «вербовал» их, по официальной версии, для службы в военнотранспортных подразделениях. По свидетельству нескольких уцелевших, их уводили под конвоем в местечко поблизости от Котанли в долине Мурад Су, расстреливали и сбрасывали в реку⁷.

Два курдских командира, Абдулла и Гусейн, сыновья Ибрагим-бека, собрали в Акнере и взяли под свою защиту сто семей из административного центра казы Перта/Мелазкирта и еще двести пятьдесят из указанных выше деревень. Когда провинцию в мае заняли русские войска, они бежали в Александрополь на Кавказе. Так же поступили армяне из сел Хассе (население 72 чел.), Гуш-

¹ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 51. Les massacres du Daron, ff. 43v, свидетельство Карапета Сарояна и Мхитара Оханяна, учителей начальной школы в Гопе, от 20 августа 1916., Караван-сарай; BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 51, Les massacres du Daron, f° 9.

² Nogales R. Op. cit. P. 135.

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 497–498.

⁴ BNU/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 32, Manazgerd, ff. 1v–2v, свидетельство Мгера Айвазяна из Норадина.

⁵ Ibid., f° 2r–v.

⁶ Ibid., f° 2v.

⁷ Ibid., f° 1v.

Дян (население 52 чел.), Хасан Паша (население 47 чел.), Ганигор (население 54 чел.), Дупнуг (население 438 чел.), Эндрис (население 105 чел.), Харали (население 58 чел.), Ярамиш (население 73 человека), Сардавуд (население 49 чел.), Премасян (население

27 чел.), Хаджипот (население 79 чел.), Ханек (население 51 чел.), Керанлег/Кирали (население 82 человека), Мкчин (население 145 чел.), Хошаджин (население 43 человека), Пойи-Чабгун (население 57 чел.) и Дорокхан (население 268 чел.)¹.

Погромы и эвакуация в казе Буланик

В казе Буланик, граничившей с казой Мелазкирт, накануне войны было тридцать поселений с очень плотным армянским населением 25 053 человек². Мобилизация мужчин в возрасте от двадцати до сорока пяти лет проходила здесь без особых происшествий. Как и в других местах, более молодых призывников зачисляли в боевые подразделения, а других в трудовые батальоны для обслуживания военного транспорта. В этих курсировавших между Булаником и Хынысом трудовых батальонах зимой 1914–1915 гг. был высокий процент смертности³. В дополнение реквизиции в Буланике, осуществляемые под руководством хаймакама Эсат-бея⁴, были настолько крупными, что оставили район практически без зерна⁵.

Благодаря быстрому продвижению в этот регион в мае 1915 г. русских войск население сел верхнего Буланика избежало массовой резни: армяне административного центра Гопа (пять тысяч человек), с 14 по 16 мая бежали в Мелазкирт после того, как туда вошли русские войска. То же самое сделали жители поселений Ёнжели (население 1560 чел.), Караба Шехир (население 572 человека), Мирибар (население 472 человека), Шейх Якуб (население 1200 чел.), Блур (население 182 человека), Однчур (население 1295 чел.), Тегуд (население 1168 чел.), Латар (население 700 чел.), Егмаль (20 хозяйств), Кекерлу (население 1306 чел.), Хачлу (население 39 чел.), Ширван Шейх (население 1300 чел.) и Малтлу (195 хозяйств)⁶.

Единственным исключением стали Карагель и Хамза Шейх. На Хамза Шейх с армянским населением 1299 человек напали курды из племени джебран и местные черкесы, которые вырезали его жителей на месте, оставив в живых только четырнадцать человек⁷. Жители села Карагель (с населением 1312 чел.) бежали по берегу Восточного Евфрата (в районе Мурад Су) под защитой тридцати вооруженных мужчин, которыми командовал Геворк Хлгатян. Из-за волнения на реке им не удалось сразу переплыть ее. Укрывшись на острове, они в течение двух недель отражали атаки курдских племен и, в конце концов, сумели перебраться на другой берег Евфрата, цепляясь за бурдюки, которые они сделали из овечьих шкур⁸.

Когда мужчины Гопа узнали о прибытии русской армии в Мелазкирт, они решили отвести своих женщин и детей к линии русского фронта, пока городок под командованием Княиша Мхитаряна, Петроса Маркаряна и Мушега Серопяна отбивал атаки Мусы Казима. В ходе этих боевых действий погибли около ста армян, но остальным позднее удалось бежать⁹. Жителям одиннадцати сел нижнего Буланика, расположенных в дальней юго-западной части — Лиз (население 1499 чел.), Керолан, Абри (население 203 человека), Хошкалди (население 1018 чел.), Адгон (население 754 человека), Пркашен (население 517 чел.), Гогхаг (население 472 человека), Акраг (население 267 чел.), Мулакенд (население 200 чел.) и Пионк (население 457 чел.), повезло гораздо

¹ BNu/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 32, Manazgerd, f° 1, свидетельство Акопа Хочянца из Маназгерда.

² Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 498–500.

³ BNu/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 51, Les massacres du Daron, f° 42v, свидетельства Карапета Сарояна Мхитара Оханяна, указ. док.

⁴ Агуни С. Указ. соч. С. 161.

⁵ BNu/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 51, Les massacres du Daron, f° 43.

⁶ Ibid., f° 42.

⁷ Ibid., f° 44.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

меньше¹. Хошкалди подвергся налету курдов под командованием вождя племени джебран Мусы Касим-бега, Гайдара и хорошо известного бандита Дженди. Сначала курды вырезали мужчин и мальчиков старше пяти лет, а затем приступили к женщинам². Членов шестидесяти семей Керолана уничтожили курды под командованием местного курдского шейха. В живых остались только несколько молодых женщин и девушек, которых их мучители увезли в Лиз.

Некоторые из жителей сел Абри, Адгон, Пркашен, Гогхаг, Акраг и Мулакэнд были убиты шейхом Хазретом и Мусой Казимом приблизительно 10 мая. Оставшиеся в жи-

вых после тщетной попытки пересечь турецкую линию фронта бежали в Лиз, главный городок нахие, где находились под защитой командира местного гарнизона до 18 мая, когда в Верхний Буланик вошли русские войска. В эти дни на расстоянии версты от Лиза были закованы в цепи и расстреляны тысяча двести мужчин. Солдаты регулярных войск сбросили их тела в две огромные братские могилы³.

Эти убийства, без сомнения, стоят в одном ряду с операциями, проводимыми в это же время в соседней казе Ахлат (в Битлисском санджаке). Их цель состояла в уничтожении армянского населения до прихода русских.

Партизанская война и погромы в казе Сасун

Высокогорный Сасунский район, северная часть которого нависла над Мушской равниной, а южная возвышалась над долинами в северной части Диарбекирского вилайета, вопреки ожиданиям, не стал первым районом в Мушском вилайете, подвергшимся погрому. Даже наоборот, летом 1915 г. Сасун служил убежищем для десятков тысяч армян, бежавших сюда из соседних мест от депортации и резни. Вероятно, стратегия властей строилась на том, чтобы заманить оставшихся в живых в это «горное убежище», а затем перекрыть все выходы из него. Как нам известно, 2 июня 1915 г.⁴ курдские иррегулярные войска начали наступление на юге Сасуна в районе Псанк/Бузанк с целью изъятия оружия у сельских жителей. Провал этого наступления сделал власти более осторожными. Кроме того, они извлекли уроки из поражения Джевдета в Ване. На этот раз они предприняли все предосторожности для успешного воплощения своих планов. Алма Йохансен во время ее посещения османского генерального штаба в Муше, где

она надеялась найти оставшихся в живых воспитательниц из своего приюта, наблюдала, как все эти высокопоставленные офицеры «очень гордились тем, что смогли так быстро разделаться с армянами... и сожалели по поводу принятия таких масштабных подготовительных мер»⁵.

Для уничтожения 80 233 армян Сасунского района, не один раз доказавших, особенно в 1894 г.⁶, что они не собираются сдаваться без боя, власти предприняли ряд специальных мер. Им удалось призвать в армию около трех тысяч армян, которые, по официальной версии, зачислялись в военно-транспортную службу, а на самом деле были конвоированы в Лиз, где их разделили на три части и убили между Харпутом и Балу в мае 1915 г.⁷

В начале мая операции по массовому уничтожению армян были проведены также в казах Сильван и Бешери к югу от Сасуна, возможно, чтобы отрезать южные пути подхода к Сасуну, в котором тем не менее сумели найти приют несколько тысяч армян из Сильвана/Бешери⁸. Это означает, что власти пыта-

¹ Ibid., f° 42.

² Ibid., f° 43v°. Среди жертв были Ованес Бояджян и Сагател, школьный учитель.

³ Ibid., f° 44v°.

⁴ Агуни С. Указ. соч. С. 164. Четырем тысячам жителей района Псанк, на тот момент, удалось сбежать в глущь района Сасун, но половина из них были затем убиты курдскими чете (Aramais. Op. cit. P. 35).

⁵ Johannsen A. Op. cit. P. 35.

⁶ Kévorkian R. H. The Armenian Population of Sassoun and the Demographic Consequences of the 1894 Massacres, *Armenian Review* vol. 47/1-2, Spring-Summer, 2001. Pp. 41-53. Отметим, что из двухсот девяти деревень, упомянутых в переписи 1894 г., пятьдесят три уже не существовали в 1914 г. (Ibid. Pp. 42-43).

⁷ Агуни С. Указ. соч. С. 164; Aramais. Op. cit. P. 33.

⁸ Nogales R. de. Op. cit. P. 134; Toynebee A. Op. cit. P. 207, интервью Рубена Тер-Минасяна от 6 ноября 1915 г. в Тифлисе. Эти две области населяли 13 824 и 5038 армян соответственно.

лись взять под контроль все пути сообщения в Сасуну, не препятствуя, однако скоплениям там уцелевших жителей равнины. Они рассчитывали в этом горном районе уморить армян голодом, как они пробовали сделать в Ване. Хотя в Сасуне было много мяса (в районе занимались разведением крупного скота и овец), он полностью зависел от поставок зерна и соли из соседних районов¹. Если к этим беженцам добавить более восьми тысяч армян из Харзанской казы (в Сиджотском санджаке), которые бежали от первых массовых погромов, совершенных в их провинции Халилем и Джевдетом в середине июня, и нашли приют в Сасуне², можно легко представить, в каких ужасных санитарных условиях находились эти люди. Положение еще более обострилось через месяц, когда в середине июня сюда через Хавадоригский перевал хлынул поток беженцев с Мушской равнины, включавший приблизительно двадцать тысяч сельских жителей³.

Сразу по прибытии в Муш подполковник Халил [Кут] направил часть своих сил (несколько кавалерийских отрядов) на укрепление осады Сасуна, которую до этого самостоятельно проводили курдские иррегулярные войска. В любом случае, массовое прибытие регулярных войск для подавления сопротивления в Сасуне состоялось только после того, как они закончили зачистку от армянского населения Мушской равнины. Введенная в действие операция по уничтожению десятков тысяч нашедших здесь убежище армян была похожа на настоящую военную кампанию. Племена шег, бедер, бозек и джалал заняли позиции к востоку от гор, курды из Кульпы под командованием Гусейн-бега и Хасан-бега укрепились на западе вместе с курдами из Генча и Лче, Хатибей из Маяфаркина и племена хианк, бадкан и багран заняли свои позиции на юге, а, наконец, регулярная армия, оснащенная горными орудиями, двинулась на взятие Сасуна с севера. Для подкрепления уже задей-

ствованных сил из Диарбекира и Мамурет уль-Азиза были посланы дополнительные войска⁴. По оценке одного из двух лидеров армянского сопротивления Рубена Тер-Минасяна, курдско-турецкие силы, окружившие Сасун, составляли около тридцати тысяч человек⁵. В осажденном районе было приблизительно двадцать тысяч уроженцев казы и около тридцати тысяч беженцев с Мушской равнины и из южных областей. По словам другого армянского лидера Вагана Папазяна, силы самообороны составляли около тысячи мужчин, у которых почти не было современного оружия, зато было много охотничьих ружей⁶.

18 июля 1915 г. началось первое общее наступление. На следующий день оно было возобновлено со стороны Шенека. Нападавшие оттеснили армян к их второй линии обороны на гору Андок, где они твердо продержались в течение нескольких дней. К 28 июля Сасун стал испытывать нехватку боеприпасов, а голод начал уносить жизни, особенно среди беженцев. 2 августа защитники приняли решение уходить вместе со всеми осажденными людьми. Нескольким тысячам армян удалось пересечь курдско-турецкую линию фронта и пробиться к русским позициям в самой северной части Мушского санджака, но подавляющее большинство было уничтожено, особенно в Горшикской долине после последних рукопашных боев 5 августа, в которых приняли участие и вооруженные кинжалами женщины⁷.

За несколько дней до этого, в конце июля некоторые беженцы в отчаянии вернулись на равнину. Они были убеждены, что указ султана, в котором он даровал армянам «свое прощение» и обещал сохранить жизнь тем, кто вернется в свои дома, не был пустым обещанием. Через несколько дней вся равнина была заполнена клубами зловонного дыма от костров в Норшене, Хаскиуге и Мгракоме, в которых горели трупы этих доверчивых селян⁸. Еще несколько тысяч

¹ Ibid. P. 209.

² См. выше, с. 373–374.

³ См. выше, с. 383–384.

⁴ *Aramaïs*. Op. cit. P. 39.

⁵ *Toynbee A.* Op. cit. P. 210, интервью Рубена Тер-Минасяна.

⁶ *Папазян В.* Указ. соч., II. с. 365–370.

⁷ *Aramaïs*. Op. cit. Pp. 57–63; BNU/ Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 47, Sassoun, ff. 1–9, отчеты, составленные в Алеппо в феврале 1919 г. отцом Фкртичом Мурадяном, Тиграном Еретяном, Мануелом Мартиросяном и Мовсесом Степаняном; *Toynbee A.* Op. cit. P. 210.

⁸ *Папазян В.* Указ. соч., II. с. 391–392.

армян депортировали, а несколько сотен «приняли» в курдские семьи или захватили в качестве военных трофеев офицеры. В это время русская линия фронта, проходившая через Мелазкерт, была всего в двадцати пяти милях от Муша. Беженцы проходили ночью это расстояние и, если их не перехва-

тывали, добирались до фронта. Вагану Папазяну, Рубену Тер-Минасяну и нескольким бойцам сопротивления удалось проделать этот путь через горный район Немруд в середине июля¹. К этому времени в Сасуне не осталось жителей, а окрестные деревни лежали в руинах.

Погромы в санджаке Генч

Генчский санджак, пересеченный Восточным Евфратом, находился в самой северо-западной части Битлисского вилайета. Основная масса его армянского населения была уничтожена во время резни и исламизации 1895 г. В 1915 г. в санджаке оставалось лишь двадцать три небольших армянских поселения с населением всего 4344 человек², что облегчало задачу главных местных лидеров младотурок депутата парламента черкеса Ахмеда Эмин-бея, Хасан-

бея и Ахмед-бея, организовавших массовую резню в казах Чабагдур и Пасур под руководством Абдулхалика и при прямой поддержке армии. У нас нет никаких свидетельств от очевидцев событий в этом районе. В нашем распоряжении только скудные описания обстоятельств, сопровождающих массовую резню, полученные от местных турок, которых жители Муша позже встретили в Алеппо. Большая часть депортированных была уничтожена на мосту в Балу³.

Баланс погромов армян в Битлисском вилайете

В отличие от Эрзурумского вилайета, из Битлисской провинции депортировали очень мало армян. Одной из причин особой жестокости, с которой здесь расправлялись с армянами, была плотность армянского населения, особенно в Мушском санджаке. Но главное объяснение, несомненно, заключается в характере осуществляющих эти операции лидеров младотурок, которые были связаны семейными узами с военным министром и министром внутренних дел, а также в родовых традициях, чтимых в этой провинции. Привлечение чрезмерных военных сил также указывает на то, что руководство Иттихада опасалось провала своего плана по истреблению армян в этом регионе, учитывая угрозу со стороны русских войск.

Статистические данные, собранные армянскими учреждениями после войны, показывают, что почти все армяне Битлисского санджака были убиты в самом санджаке. 6000 человек, из которых выжили

только 130, были депортированы в Мосул, две тысячи пятьсот молодых женщин и детей «внедрили» в мусульманские семьи, и приблизительно шести тысячам человек из казы Хизан/Кхызан удалось бежать к русской линии фронта (только половина из них уцелела после преследований, которым они подверглись при отступлении на Кавказ). Около двадцати пяти тысяч армян Мушского санджака, в основном из северо-восточных каз, выжили благодаря наступлению русских войск, еще пять тысяч, потому что им удалось после снятия осады Муша добраться до русской линии фронта, и еще несколько сотен благодаря тому, что их депортировали в Сирийскую пустыню, где они смогли спастись, несмотря на нечеловеческие условия. В Сииртском санджаке остались в живых не более ста пятидесяти депортированных (здесь тоже подавляющее большинство населения было вырезано на месте) да еще, возможно, несколько десятков жителей

¹ Там же. С. 397–399.

² *Kévorkian & Paboudjian*. Op. cit. P. 502.

³ ВNu/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 43, Bitlis, f° 8; Пираяну Н. Погромы Харпута, Бостон, 1937. С. 168–169 (на арм. яз.). Автор был в плену в «Красном конаке» в Межрехе/Мамурет уль-Азизе, когда, 21 или 22 июня, прибыли два человека из Ябагчура в цепях и под охраной. Они рассказали автору, как армия окружала местное население, которое было депортировано и убито, по большей части — на мосту Балу (о массовых убийствах, совершенных на этом мосту или в области вокруг него, см. ниже. С. 411).

Харзанской казы, которым удалось бежать от резни в Сасуне. Известно, что в Генче в живых остались только несколько ранее похищенных женщин и детей¹.

В своих письменных показаниях от декабря 1918 г. генерал Вехиб-паша при описании творимого в одном из сел Битлисского вилайета насилия подчеркивал, что оно было «примером жестокости, никогда ранее не виданной в истории ислама». Характеризуя роль, которую играл Мустафа Абдулхалик-бей, «невиновный и наделенный гражданскими добродетелями человек», Вехиб утверждает, что «он был не в состоянии положить конец этим событиям, которые я никогда не смогу оправдать». Генерал даже описывает, как этот человек, которого он называет «решительным, заботливым,

смелым, милосердным и гуманным, преданным, патриотичным и религиозным», начал «со слезами на глазах распевать молитвы из Корана, когда узнал об упомянутых ранее фактах, свято веря в то, что божий гнев, вызванный этими зверствами, ввергнет страну в несчастья и суровые испытания, которые он пытался предотвратить своими молитвами». И тем не менее в конце Вехиб задается вопросом: «Разве Мустафа Абдулхалик-бей не мог остановить или предотвратить эти зверства в своей провинции?»²

Какой бы ни была истина, Совет министров 17 октября 1915 г. назначил Мустафу Абдулхалика вали Алеппо³. А это значит, что ему была предоставлена ответственность за сотни тысяч армян, депортированных из Западной Анатолии в Сирию.

¹ BNU/ Fonds Andonian, P.J. 1/3, liasse 43, Bitlis, f° 8.

² Extrait de la déposition de Vehib pacha, datée du 5 décembre 1918: «Takvim-i Vakayi», № 3540, 5 mai 1919. P. 7, col. 2 et déposition complète de 12 pp manuscrites: PAJ/APC, Bureau d'information du Patriarcat, Z 171-182.

³ Антонян А. Указ. соч., f° 56.

ГЛАВА 6

Погромы и депортации в вилайете Диарбекир

В 1914 г. в Диарбекирском вилайете было смешанное население, состоявшее из курдов, православных и католических сирийцев и армян. Армяне были в основном сосредоточены в северных и северо-восточных районах вилайета, т.е. на самых южных территориях их проживания. В соответствии с проводимыми Константинопольской патриархией переписями населения, в вилайете было двести сорок девять армянских городов и сел, в которых проживало 106 867 человек¹. Армяне из северо-восточных каз Лче, Бешери и Силван говорили по-курдски. Их родовой образ жизни предполагает, что они адаптировались к своему преимущественно курдскому окружению. Эти, в основном неподконтрольные центральным властям, районы с плотным армянским населением с давних пор служили источником сильного раздражения для КЕП. В мае 1913 г. французские дипломатические источники отмечали значительное увеличение случаев различного вида притязаний курдских родов к армянскому населению. Жестокость, с которой проводились эти действия, можно было объяснить только тем, что они выполнялись по приказу вышестоящих инстанций². В столице вилайета Диарбекире ситуация была менее напряженной. Со времени прихода к власти младотурок лидеры партии АРФ подерживали дружеские отношения с город-

ской организацией Иттихада и местными властями. В общей численности населения, равнявшейся сорока пяти тысячам человек, армяне составляли около одной трети. Но экономическая значимость армян компенсировала их малую численность; это делало их монополистами в профессиональном ремесленничестве и торговле. И хотя в начале 1910 г. на базе диарбекирской организации комитета «Единение и прогресс» с целью овладения местной экономикой была создана «Всемумульманская ассоциация возрождения» (Intibah Şirketi), это не привело к ожидаемым результатам³. Говоря иначе, претворить в жизнь одну из главных целей Иттихада, а именно, создать турецкую национальную экономику (Millî İktisat), в провинциях было не легко из-за отсутствия деловых людей. Однако объявленная в Диарбекире 3 августа всеобщая мобилизация и последующие за ней военные реквизиции предоставили местным кругам младотурок возможность подорвать социальное положение армянских предпринимателей. Благодаря мобилизации в городе не стало экономически активной части армянского населения. Был оставлен только мастерской люд, бесплатно обслуживающий армию и государство. Призыв на военную службу в деревнях и городах вилайета проходил под сильным давлением жандармерии⁴. Две тысячи молодых людей из Диарбекира

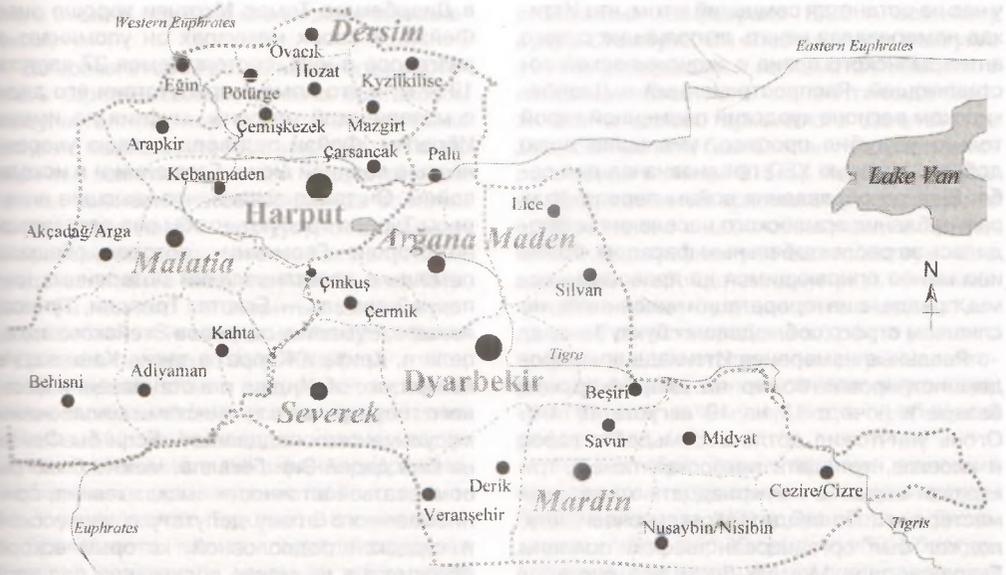
¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 392–416, имели 148 церквей, 10 монастырей и 122 школ (9660 учащихся), не считая исламизированных армян и других армян, которые не были включены в приход. Приложением к обвинительному заключению лидерам младотурок является телеграмма от 15 сентября 1915 г. от д-ра Решида, информирующая министра внутренних дел о том, что 120 000 армян вилайета были депортированы («Takvim-i Vakayi», № 3540, daté du 5 mai 1919. P. 7, col. 1): этот показатель выше, чем цифры армянских переписей; факт, который показывает, как ненадежны официальные статистические данные, опубликованные такими авторами, как Джастин Маккарти (McCarty J. Op. cit. Pp. 69–70). Погрешность этих цифр у Маккарти чрезвычайно неправдоподобна (от 73 000 до 89 000).

² AMAE, Correspondance politique, Turquie, n. s. vol. 87. Pp. 31, 69.

³ Мкртчян Т. Погромы в провинции Тигракерт [Диарбекир], Каир, 1919. С. 20–21 (на арм. яз.). Автор в то время был британским вице-консулом в Диарбекире.

⁴ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 55.

Депортации и погромы: Диарбекир

были зачислены в трудовые батальоны для обслуживания фронта в Хасанкале и Караджасуне¹, а остальные работали в самом регионе. Методы, к которым прибегали во время реквизиций, лучше всего иллюстрируют желание Иттихада разрушить местную экономику. Наряду с военной комиссией, отвечающей за «военные контрибуции» (teklif-i harbiyye), был создан гражданский комитет (Ahz ve Sevki Asker), цель которого, по официальной версии, состояла в сборе продовольствия и другой продукции для «удовлетворения нужд военнослужащих»². Все члены гражданского комитета были тщательно отобраны представителями младотурок в Диарбекире ответственным секретарем Иттихада Аттаром Хакки и делегатом партии Джирджисага-заде Кёр Юсуфом. Они, в свою очередь, создали во всех казах вилайета отделения этого комитета, которые, по сути, несли ответственность за сбор военных контрибуций³. Иными словами, Иттихад, взяв на себя функцию выполнения этих операций, заменил собою военные власти.

В письме к патриарху Константинополя армянский викарий Мкртич Члгядян осудил

произвол, с которым комиссии опустошали лавки и склады диарбекирских христиан, и особенно жестокость, с которой власти провели в ста десяти селах Беширийской и Силванской каз конфискацию запасов пшеницы, муки, овса и масла, а также лошадей, мулов, овец и коров. Он также осудил активизацию совершаемых курдами грабежей и опустошение полей табака, главного ресурса провинции, в районе между Бешири и Битлисом⁴. Более того, в некоторых селах жителей облагали налогом в «десятину» (а фактически восьмую часть урожая) три раза в течение нескольких месяцев, и, конечно, как всегда, во имя патриотизма и поддержки военных усилий⁵. Как следует оценивать эти методы в стране, где произвол корнями врос в культурные нормы? Следует ли отнести их к исключительным обстоятельствам, вызванным войной, или считать одним их первых проявлений плана КЕП по истреблению армян? Если взять для примера методы, использованные в три первые месяца 1914 г., против греческого населения побережья Эгейского моря (сочетание депортации и изгнания в Грецию наряду с конфискацией имущества),

¹ BNu/Fonds Andonian, P. J. 1/3, liasse 54, Diyarbakir, f° 7, свидетельство Н. Шапорламажяна и З. Басмажяна.

² Ibid. Pp. 18–19.

³ Ibid. P. 19.

⁴ Тер-Егиян З. Указ. соч. С. 54–55, письмо викария Диарбекира Мкртича Члгядяна от 27 сентября 1914 г.

⁵ Там же. С. 57.

у нас не останется сомнений в том, что Иттихад намеревался начать выполнение своего антиармянского плана с экономической составляющей. Распространенный в Диарбекирском регионе курдский племенной строй только усугубил процесс, уменьшив долю добычи, которую КЕП предназначал для себя. Еще до объявления войны первая фаза разграбления армянского населения проводилась за респектабельным фасадом, более или менее опирающимся на правовые нормы, правда, в интерпретации чиновников, не слишком строго соблюдавших букву закона.

Реальные намерения Иттихада ярко продемонстрировал пожар на диарбекирском базаре в ночь с 18 на 19 августа 1914 г. Огонь уничтожил дотла восемьдесят лавок и киосков, тридцать пекарских печей, три караван-сарая и четырнадцать столярных мастерских. По свидетельствам очевидцев, поджог был организован шефом полиции Гевранли-заде Мемдух-беом под руководством председателя «Ассоциации возрождения» (Intibah Şirketi) и депутата парламента из Диарбекира Пиринджи-заде Фейзи¹ (который, кстати говоря, был дядей члена Центрального комитета Иттихада Зии Гёкалпа)² и двух местных лидеров младотурок Атара Хакки и Джирджисага-заде Кёр Юсуфа. Судя по всему, ничего не предпринималось для тушения огня. Наоборот, полиция и жандармерия не давали владельцам лавок заливать пламя и спасать товары³. Новый вали Гамид-бей, получивший назначение 1 октября 1914 г., уволил начальника полиции Мемдуха, чья причастность к поджогу ни для кого не была тайной, но не посмел наказать трех других главных виновников случившегося.

Мемдух, несмотря на предъявление ему официального обвинения, был освобожден по просьбе депутата парламента Фейзи⁴, который в то время был самым влиятельным лицом в вилайете. Британский вице-консул

в Диарбекире Томас Мкртчян хорошо знал Фейзи. В своих мемуарах он упоминает о разговоре с ним, состоявшемся 27 августа 1914 г., в его доме в присутствии его дяди с материнской стороны, муфтия по имени Ибрагим. Фейзи подтвердил свою уверенность в военной мощи Германии и в исходе войны. Он также заявил, что «высшие интересы Турции требуют, чтобы она оставалась на стороне Германии», которая обещала помощь в восстановлении потерянных империей земель — Египта, Триполи, Туниса, Алжира, Румелии, островов Эгейского архипелага, Крита и Кипра, а также Кавказа, не говоря уже об Индии, и в становлении мощного государства с тремястами миллионами мусульманских подданных⁵. Если бы Фейзи не был дядей Зии Гёкалпа, можно было бы сомневаться в точности высказывания, приписываемого этому депутату с черкесской и курдской родословной, который вскоре обратился к не менее волнующей для него «армянской» теме. Британский вице-консул из первых уст узнал, как сильно огорчил Фейзи отказ армян участвовать в разжигании антироссийского мятежа на Кавказе. Это указывает на то, что ответ дашнакских лидеров на недавние предложения Омера Наджи и д-ра Шакира достаточно быстро распространились в кругах младотурок. Вопрос о недавно принятых реформах также вызвал очень живую реакцию со стороны депутата Иттихада: «Если армяне продолжат идти по этому пути, это обойдется им очень дорого. Англия, Франция и Россия уже более не в состоянии спасать их или помогать им, в то время как мы можем оказывать на них влияние и проявлять свою волю. Наши немецкие и австрийские союзники не скажут и слова⁶. Заметив удивление дипломата такой откровенностью, Фейзи сообщил ему, что весной ездил с делегацией Османского национального собрания в Германию и что все, что стало ему известно в ходе

¹ Мкртчян Т. Указ. соч. С. 21–22; Faits et documents. Épisodes des massacres arméniens de Dyarbékir. Pp. 6–7; Агуни С. Указ. соч. С. 60–61.

² См. выше, с. 279. Ариф, отец Фейзи, сам был одним из главных организаторов массовых убийств в Диарбекире в 1895 г.; он был избран депутатом в парламент от младотурок в 1908 г., оставив свое место сыну на выборах весной 1914 г. (Faits et documents. Épisodes des massacres arméniens de Dyarbékir. P. 8).

³ Ibid. P. 6.

⁴ АРС/РАЖ, Bureau d'information du Patriarcat, З 786–787, Massacres de Dyarbékir: Фейзи-бей Пиринджи-заде, 18 февраля 1920 г., свидетельство бывшего гражданского инспектора вилайетов Битлис и Мосул.

⁵ Мкртчян Т. Указ. соч. С. 22–23.

⁶ Там же. С. 24.

этого визита, привело его к таким заключениям¹.

Во время второй встречи, которая состоялась через несколько дней в британском консульстве (на ней присутствовал также депутат парламента Камиль-бей), Томас Мкртчян заметил, что при существующих темпах комиссия, отвечающая за военные контрибуции (*teklif-i harbiyye*), скоро закончит разорение армян; что им как депутатам, представлявшим всех жителей вилайета, было бы неплохо поговорить с двумя руководителями этой комиссии Аттаром Хакки и Джирджисага-заде Кёр Юсуфом; и что, разоряя армян, власти разрушают торговлю и сельское хозяйство, основу процветания региона. Мкртчян сказал, что это приведет к «уничтожению источника финансирования, необходимого для ведения войны, а значит, к уничтожению Турции». В ответе Фейзи проявляется логика, господствовавшая в кругах младотурок накануне объявления войны: «Армянам следует хорошо подумать, ведь их не так много. Если их ликвидируют, они прекратят свое существование. А нас, наоборот, очень много. И если исчезнет половина из нас, всегда останется вторая, тем более что мы собираемся вернуть себе то, что потеряли за двести лет, и кое-что еще». Вице-консул ответил, что удивлен агрессивностью высказываний Фейзи, а затем достаточно недипломатично добавил: «Германия проглотит вас и сделает одним из своих лакеев»². Характер этого диалога между младотурком, разделявшим надежды на возрождение Османской империи, которую его партия сделала главной целью своей программы, и британским дипломатом, родившимся в этой стране, но отказавшимся от статуса османского гражданина в силу своих обязанностей, без сомнения, отражает общее настроение, господствовавшее в восточных провинциях непосредственно перед вступлением Турции в войну, которое как нельзя лучше отображает угрозы, нависшие над армянским населением.

Намерения КЕП подтверждаются в показаниях бывшего гражданского инспектора Битлисского и Мосулского вилайетов, пред-

ставленных 18 февраля 1920 г. военному суду в Стамбуле. Он сообщает, что в августе 1914 г. возвращался из Константинополя в компании известного члена Иттихада Фейзи-бея и одного армянского депутата из Диарбекира (это был Степан Чраджан, которого убили в июне 1915 г.). По пути в столицу Фейзи заметил армянскому депутату, что армяне «плохо с нами обошлись... и призвали к иностранному вмешательству». «Это вам дорого обойдется, друг мой, — заключил он, — ваше будущее в опасности». Когда они 7 августа прибыли в Урфу и узнали о произошедшем отстранении двух инспекторов Хоффа и Вестенека, Фейзи воскликнул: «Вот видите, к чему приводят требования реформ»³.

10 сентября Томас Мкртчян навестил председателя комиссии по военным контрибуциям делегата КЕП в Диарбекире Джирджисага-заде Кёр Юсуфа, чтобы обратить его внимание на то, что из представленных его комиссией отчетов видно, что мусульманские и христианские налогоплательщики облагаются налогами неодинаково: христиане, составляющие одну треть населения, должны оплачивать пять шестых всех военных расходов. В ответ Кёр Юсуф заявил, что «армяне богаче, в их руках находится весь городской рынок и рынок всего вилайета, а также торговля, ремесла и сельское хозяйство. У них много денег, и поэтому они должны их отдать». Ответ вице-консула, что де крупные курдские землевладельцы, паша и беи, гораздо богаче армян и владеют огромными денежными резервами, скорее всего, не изменил мнения его собеседника, так же, как не изменило его и сделанное Мкртчяном заключение: «Разоряя армян, [турки] убивают курицу, несущую золотые яйца»⁴.

Очевидцы сходятся во мнении, что вали Гамид-бей в течение шести месяцев его пребывания на этой должности (с октября 1914 по март 1915 г.) пытался сделать все возможное, чтобы ограничить неумеренность диарбекирских младотурок, но оказался беспомощным перед такими персонами, как депутат парламента Фейзи, который пользовался поддержкой Центрального ко-

¹ Там же. С. 26.

² Там же. С. 26–27.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 786–787, Massacres de Dyarbakir: Фейзи-бей Пиринджи-заде, 18 февраля 1920 г., свидетельство бывшего гражданского инспектора вилайетов Битлис и Мосул.

⁴ Мкртчян Т. Указ. соч. С. 27.

митета младотурок. Официальное назначение 25 марта 1915 г.¹ д-ра Решида, черкеса по национальности, одного из вошедших в историю отцов-основателей КЕП и выпускника Стамбульской военной медицинской академии, на пост вали Диарбекира, без сомнения, было связано с только что принятыми Центральным комитетом Иттихада решениями, касающимися судьбы армянского населения. Решид, еще будучи мутесарифом Кареси (в Баликесирском вилайете), принимал активное участие в проведении политики ликвидации «рум» (греков) Эгейского побережья в первые месяцы 1914 г. У него в запасе была целая батарея довольно эффективных политических и экономических мер, разработанных КЕП для ликвидации сосредоточения греческого населения². Что касается его практических действий, он принимал участие в деятельности Специальной организации («Тешкилят-и Махсуса»), которая все еще наращивала опыт, и постигал эффективность ее методов запугивания. Его назначение советником генерального инспектора в Ване Никола Хоффа было признанием доверия, которым младотурки пользовались в этих высокопоставленных официальных кругах. Хотя его пребывание в Ване было слишком коротким для оценки его деятельности (13 августа его отозвали в министерство, которому он подчинялся)³, можно предположить, что М. Талаат поставил ему задачу саботировать армянские реформы, которые КЕП по-прежнему считал неприемлемым вмешательством властей во внутренние дела Турции. Иными словами, когда Решид прибыл 28 марта 1915 г., в Диарбекир, у него, вероятнее всего, были точные инструкции в отношении проведения готовящихся операций. Тот факт, что его со-

проводжали черкесский полковник Рушди-бей, который был назначен начальником жандармерии вилайета, «адъютант» черкес Шакир, генеральный секретарь (mektubci) вилайета Бедреддин-бей (позднее мутесариф Мардина) и около пятидесяти присланных из Мосула черкесских чете⁴, дает нам некоторое представление о характере его миссии. То, что у него были связи со «Специальной организацией» («Тешкилят-и Махсуса»), едва ли подлежит сомнению. В докладе от 20 декабря 1915 г., представленном Мазхар-беем, председателем следственной комиссии, учрежденной в Мамурет уль-Азизе и Диарбекире, вали Решид прямо обвиняется в незаконной организации отрядов нерегулярных войск, совершавших грабежи и массовые убийства⁵. Документ, представленный 27 апреля 1919 г. на судебном процессе над юнионистами, также свидетельствует о том, «что массовые убийства и злодеяния, творимые в Диарбекире, совершались по наущению Талаата»⁶. Армянский источник даже утверждает, что Решид установил в своей губернаторской резиденции телеграфную станцию, чтобы напрямую связываться с министерством внутренних дел⁷.

Одним из его первых действий на посту вали стало создание «милиции», что подтверждено многими очевидцами и самим Решидом⁸. Эта «милиция» была не чем иным, как формированием из нескольких отрядов чете Специальной организации. В начале апреля он дал задание двум хорошо известным диарбекирским преступникам Джемил-паша-заде Мустафе и полковнику Ясин-заде Шевки сформировать одиннадцать батальонов чете из правонарушителей и уголовных преступников региона. В этих батальонах в среднем было по пятьсот человек, за исклю-

¹ Kieser H. Op. cit. P. 261; См. выше, с. 278.

² Ibid. P. 257. Автор ссылается на широкий спектр источников. О гонениях, целью которых было изгнание греков из региона, см. Akçam T. İnsan Hakları ve Ermeni Sorunu. İttihat ve Terakki'den Kurtuluş savaşı'na, s. 178–179.

³ Kieser H. Op. cit. Pp. 260–261.

⁴ Мкртчян Т. Указ. соч. С. 36. Автор утверждает, что они были одеты в полицейскую форму.

⁵ АРС/РАЖ, Bureau d'information du Patriarcat, L 113, 119, доклад комиссии по расследованию в Мамурет уль-Азизе, оригинал на османском и транскрипции в латинице, подписанный Мажаром 20 декабря 1915 г., предлагает Решид-бею, вали Диарбекира, предстать перед военно-полевым судом.

⁶ Первое заседание суда над юнионистами, 27 апреля 1919 г.: «Takvim-i Vakayi» № 3540, 5 mai 1919. P. 6 col. 1, телеграмма мутесарифа Зора, Али Суата, министру внутренних дел.

⁷ Faits et documents. Épisodes des massacres arméniens de Dyarbékir. P. 13.

⁸ Reşid M. Hayati ve Hâtralari, éd. Necet Bilgi, İzmir, 1997, s. 89, in Mülâhazât: Ermeni Meselesi ve Dyarbékir Hatıraları, цитируется: Kieser H. Op. cit. P. 264; Faits et documents. Épisodes des massacres arméniens de Dyarbékir. P. 13.

нием одиннадцатого, прозванного «батальоном мясников»¹. Офицеров для командования этими подразделениями тщательно выбирали по их склонности к насилию. По свидетельству гражданского инспектора, всем процессом руководил полковник Рушди-бей, правая рука вали и начальник жандармерии, а местные лидеры Иттихада во главе с депутатом Фейзи принимали активное участие в формировании этих батальонов Специальной организации («Тешкилят-и Махсуса»)². Командирами этих чете были: Ферид-заде Эмин-бей, Шейх-заде Кадир, Мосули Ехия Муштак-бей, Фатихпаша-оглу Хаджи Бекир, Аллахутгон-оглу Салих, Мардинкапули Тахир-бей, Абдулкадир-заде Кемаль-бей, Осман Канон Забити, Джемилпаша-заде Омер-бей, Муфти-заде Шериф-бей, Мосули Мухамед, Деллал-заде Эмин-бей, Заза-заде Мухамед, Касад Нико, Касаб Шехо и «адъютант» вали черкес Явер Шакир³. Через некоторое время Пиринджи-заде Фейзи взял на службу двух офицеров Специальной организации из района Чесире Омера и Мустафу, известных бандитов из рода Ферикхан-оглу, терроризировавших район в течение двадцати лет и неоднократно приговариваемых заочно к смертной казни⁴. Еще Решид вызвал из Аданы шефа полиции Гевранли-заде Мемдуха, роль которого в организации пожара на диарбекирском базаре нам уже известна⁵. Армянские эксперты указывают, что эти батальоны состояли в основном из курдов и черкесов, прибывших из вилайета.

Следующим шагом было создание «Высшего совета» (*meclisi ali*) под председательством самого вали. Заместителем председателя совета стал Пиринджи-заде Фейзи, а другими членами командир чете Джемилпаша-заде Мустафа и местные лидеры Иттихада и делегаты национального правительства: племянник Фейзи Пиринджи-заде Седжи, Муфти-заде Шериф, Харпоутли Гусейн,

Ясинэфенди-заде Шефки, Велибаба-заде Вели Неджет, Зулфи-заде Адил-бей, Катиб-заде Шевкет, депутат парламента иунионистов Зулфи-заде Зулфи-бей, Джирджисага-заде Абдул Керим, Дирегджи-заде Тахир, Хаджигани-заде Сервет, Мосули Мехмед, Мехмед Эмин, Джирджисага-заде Кёр Юсуф и Аттар Хакки⁶. Создание такого совета (как нам известно, подобный совет существовал и в Эрзуруме) было частью общей системы, несомненно, разработанной Центральным комитетом Иттихада для постоянного контроля над политической ситуацией в регионе и, конечно, для координации антиармянских действий и обеспечения им юридических оправданий. При отсутствии достаточной документации трудно дать точную характеристику деятельности Высшего совета, но можно предположить, что это был своего рода руководящий политический орган, расширенный за счет участия правительственных чиновников и армейских офицеров, в котором были представлены как КЕП, так и правительство, и наделенный функциями выполнения решений национальных властей.

Поездка Пиринджи-заде Фейзи в Дезиру с 19 апреля по 12 мая показывает, что этот совет играл главную роль в распространении общей пропаганды КЕП и правительства. По свидетельству очевидцев, депутат парламента заезжал во все встречавшиеся по дороге села и убеждал курдские племена в необходимости совершения их «религиозного долга». Он подстрекал людей на действия против «неверных», делая упор не на тюркскую идеологию, а на их веру и поддержку ходжи. Повсюду повторялся один и тот же призыв: «Боже, сделай их детей сиротами, их жен вдовами и отдай их имущество мусульманам». В дополнение к этой молитве объявлялись законными грабеж, убийство и похищение людей: «Мусульманам дозво-

¹ Агуни С. Указ. соч. С. 61–62; Reşid. Op. cit. Pp. 103, 107, он дает только имя Джемилпашазаде Мустафы; Мкртчян Т. Указ. соч. С. 37–38.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 786–787, Massacres de Dyarbakir: Фейзи-бей Пиринджи-заде, 18 февраля 1920 г., свидетельство бывшего гражданского инспектора вилайетов Битлис и Мосул.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 537–541, 544, Liste des coupables pour le vilayet de Dyarbakir, dossier N° 29; Агуни С. Указ. соч. С. 62.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 542–543, 546, Les terreurs de Dyarbakir (dépositions des témoins turcs et arméniens), liasse 8.

⁵ Мкртчян Т. Указ. соч. С. 37.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 537–541, 544, Liste des coupables pour le vilayet de Dyarbakir, dossier N° 29; Faits et documents. Épisodes des massacres arméniens de Dyarbakir. Pp. 14–15; Мкртчян Т. Указ. соч. С. 40–42.

ляется забирать у «неверных» имущество, жизнь и женщин» (*giavurlann mali, cani ve namuze helal dir islamlara*). Последний используемый в пропаганде младотурок элемент — одобрение союзниками Турции Германией и Австрией политики истребления армян¹ — показывает эффективность этого союза в глазах турецкого общественного мнения.

Прибывший в Джезиру 8 мая 1915 г. гражданский инспектор сообщает, что каймакам Халил Саами был чрезвычайно встревожен действиями Фейзи. Депутат к этому времени

находился в городе уже около двух недель. Получив от «вали Диарбекира» особое задание, Саами созвал вождей курдских родов региона на предварительное собрание, состоявшееся в Джезире 10 мая, на котором, по свидетельству гражданского инспектора, провел обсуждение, описанное Мкртчяном. Предполагается, что каймакам отказался поддержать предложенный план и освободить от занимаемых должностей армянских и сирийских гражданских чиновников. Его самого уволили 1 мая 1915 г.²

Подготовка к погромам в Диарбекире

В первой половине апреля власти начали в городах и селах Диарбекирского вилайета охоту на дезертиров. 16-го числа преследования приняла совершенно иной масштаб: армянский квартал города Диарбекир был окружен жандармами, полицейскими, черкесскими чете и «милиционерами». Цель мероприятия состояла в том, чтобы арестовать дезертиров, нашедших убежище на примыкающих террасах (плоских крышах) армянского квартала, а также отыскать хранящееся в частных домах оружие, во исполнение отданного вали в начале апреля приказа о сдаче населением оружия. Армянские очевидцы свидетельствуют, что арестовывали совсем молодых людей, некоторые были непризывного возраста, и что обыск в домах сопровождался чрезвычайно жестоким обращением, в частности стало известно о серии насилий. По сведениям тех же источников, в ходе этой операции были арестованы и брошены в центральную городскую тюрьму триста мужчин, включая некоторых влиятельных горожан. Через три дня 19 апреля были арестованы и заключены в тюрьму за «дезертирство» или помощь и пособничество дезертирам члены епархиального совета, приходских советов и гуманитарных организаций³.

В ответ на эту первую волну арестов 20 апреля в армянском прелатстве состоя-

лось собрание под председательством викария епархии, на котором присутствовали руководители политических партий и другие влиятельные армяне, а также представители католических и протестантских общин Диарбекира. Собрание должно было разработать необходимые в сложившихся обстоятельствах меры и, главное, решить, должны ли армяне «всецело довериться обещаниям властей и позволить себя разоружить». Обсуждение затянулось на двадцать четыре часа. Викарий, французский вице-консул, Арутюн Касабян, переводчик вилайета Тигран Илванян, а также представители партий Дашнакцутюн, Гнчак, Рамкавар наряду с другими лидерами выступали за организацию самообороны, т.е. призывали «продать свои шкуры подороже». По их мнению, армяне не должны всецело, как прежде, доверять обещаниям правительства или комитета «Единение и прогресс». Но другие известные лица во главе с членом городского совета (*Meclisi Idare*) Хачатуром Тиграняном утверждали, что в их распоряжении очень ограниченные средства защиты и что они, в лучшем случае смогут продержаться не более месяца. Вторая группа одержала победу, и армяне решили ничего не предпринимать⁴.

Наутро 21 апреля лидеров политических партий арестовали. Среди них были члены

¹ Там же. С. 46–47; Агуни С. Указ. соч. С. 62.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 786–787, Massacres de Dyarbekir, Фейзи-бей Пиринджи-заде, 18 февраля 1920 г., свидетельство бывшего гражданского инспектора вилайетов Битлис и Мосул.

³ Мкртчян Т. Указ. соч. С. 48; Агуни С. Указ. соч. С. 62. Доктор Флорид Смит, который был на службе американского совета уполномоченных для иностранных миссий (ABCFCM), был свидетелем этих ранних операций; он утверждает, что «ложное обвинение в дезертирстве» использовалось для оправдания ареста знати: Archives of ABCFCM, lettre à James Barton, du 18 septembre 1915, цитирован: *Kieser H.* Op. cit. Pp. 264–265.

⁴ Мкртчян Т. Указ. соч. С. 49–53; Агуни С. Указ. соч. С. 64.

партии Дашнакцутюн Мигран Басмаджян, Киракос Оганесян и Тигран Чакеджан, депутат парламента от партии Гнчак Степан Чраджян и его сын Карапет, мундир района Тур Абдин, а также судья диарбекирского суда Хосров, члены партии Рамкавар Акоп Огасаян, переводчик вилайета Тигран Илванян, Степан Матосян и уполномоченный представитель производственной компании «Зингер» Мисак Ширигджян¹. Американские и турецкие очевидцы свидетельствуют о том, что этих людей подвергли пыткам, а затем выставили на всеобщее обозрение на городских улицах². Жестокость, проявленная учителями, которыми руководил начальник полиции Ресул Хайри, характеризует ширившую тогда в Диарбекире атмосферу. Эти пытки следует трактовать как подготовительные меры, выполняемые по приказу д-ра Решида, цель которых заключалась в ликвидации армянской политической элиты перед вступлением в основную фазу плана по истреблению всего населения.

Поэтому массовые аресты местной армянской элиты начались только через двадцать дней 11 мая 1915 г. Мишенями стали известные и менее известные государственные чиновники, юристы, интеллектуалы, купцы, банкиры, архитекторы, инженеры и землевладельцы. В числе последних были арестованы викарий Мкртч Члгадян, католический архиепископ Андреас Челебян, протестантский священник Акоп Антонян и другие церковные служители³. По официальной версии, применение пыток было вызвано необходимостью узнать, где арестованные спрятали оружие, и раскрыть их планы по совершению «мятежа». На самом

же деле власти жгли их каленым железом, вырывали им ногти, зажимали головы в тисках и забивали гвозди в подошвы ног или после признания их «вины» выставляли на показ на улицах Диарбекира для устрашения десяти тысяч армян, еще находившихся в городе. Такая жестокость, возможно, была агрессивным выражением коллективного разочарования, имевшего множество давних причин. Для вали пытки могли также послужить доводами для обвинения, дающими возможность задним числом узаконить применение грубой силы. Так, д-р Флорид Смит отмечает, что работник американской миссии под пытками «сознался» в том, что Американская коллегия комиссаров зарубежных миссий готовила мятеж в Диарбекире, а сам он был их «агентом»⁴. Абсурдность и грубость этого эпизода не должны скрыть его идеологической подоплеку — отрицания всего иностранного — или желания младотурок устранить потенциальных свидетелей накануне массовой резни⁵.

Телеграмма д-ра Решида вали Аданы Исмаилу Хакки⁶ от 17 мая 1915 г. раскрывает преступные намерения младотурецкого врача. После извещения своего коллеги о ситуации в Ване (Джевдет только что покинул город) Решид настаивает на необходимости истребления армян, подчеркивая, что он сам уже начал проводить в жизнь эту политику. Но это было только начало. 27 мая 1915 г., была проведена тщательная проверка девятисот восьмидесяти человек, все еще находившихся в диарбекирской центральной тюрьме (некоторые узники уже умерли от пыток)⁷. Был подготовлен список, включавший шестьсот тридцать шесть мужчин, на которых у Пирин-

¹ Мкртчян Т. Указ. соч. С. 49–53; Агуни С. Указ. соч. С. 64.

² Archives of ABCFM, lettre à James Barton, du 18 septembre 1915, цитирован: *Kieser H.* Op. cit. P. 265, n. 104; «Rapport de Rifaat effendi, "defterdar hakani Mémouri"... sur les massacres... à Diarbékir et Mardine»: SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 65, Constantinople, le 2 janvier 1919. Автор отмечает, что «каждую ночь их раздевали, оставляли голыми, поливали холодной водой и избивали».

³ Мкртчян Т. Указ. соч. С. 53–55; Агуни С. Указ. соч. С. 63; *Faits et documents. Épisodes des massacres arméniens de Dyarbékir.* Pp. 21–23. Основными армянскими лидерами, которых пытали в центральной тюрьме, были Мигран Басмаджян, Киракос Оганесян, Тигран Чакеджан, депутат Диарбекира Степан Чраджян, Акоп Огасаян, Тигран Илванян и муниципальный советник Степан Матосян: головы одних раздавили в тисках, некоторых распяли; другим ампутировали руки и ноги.

⁴ Archives of ABCFM, lettre à James Barton, du 25 août 1915, цитирован: *Kieser H.* Op. cit. P. 265, n. 105.

⁵ Ibid.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, L 253, шифрованная телеграмма от 17 мая 1915 г. № 38, мундешара министерства внутренних дел главе военного суда, подписанная вали Диарбекира Решидом и адресованная вали Аданы Исмаилу Хакки.

⁷ Агуни С. Указ. соч. С. 63.

джи-заде Фейзи были особые планы. 30 мая на рассвете этих людей вывели из города и направили в сторону Тигра, где погрузили на двадцать три келека (плоты на надутых бурдюках). По официальной версии, этих людей выслали в Мосул¹. Решид попросил своего «адъютанта» Явера Шакира сопровождать их с его отрядом черкесских чете. При перекличке обнаружилось, что в списке отсутствует викарий Члгядян. После отплытия келеков его вернули в тюрьму. Нанесенные ему затем увечья могли появиться только в результате чьей-то неподдающейся объяснению патологии: его мучители вырвали ему зубы, пронзили его виски каленым железом, выдавили глаза, после чего вывели его в мусульманские кварталы на всеобщее обозрение, которое проходило в атмосфере общего ликования под бой тамбуринов. Это тяжкое испытание закончилось для него во дворе главной диарбекирской мечети в присутствии правительственных чиновников и церковных властей: его медленно по капле окропили керосином, после чего подожгли. Д-р Смит обнаружил его лежащим в агонии в конюшне турецкой больницы, но уже не смог спасти. На следующий день вали получил подписанное несколькими врачами свидетельство, констатирующее, что прелат умер от тифа².

9 июня караван плотов добрался до места вверх по течению от Бешери после того, как курдские «разбойники» напали на него с единственной целью — добыть у депортированных для Шакира 6000 турецких лир за «защиту» и вынудить их оставить плоты

и продолжить путь пешком по берегу реки. 636 мужчин высадились на берег и отправились в направлении села Шкавтан/Чаликан, принадлежавшего братьям Омер (по кличке Амеро, а иногда — Ёмери) и Мустафе Ферихан-оглу, вождю клана племени рамма, которого Фейзи взял на службу для расправы с армянской элитой Диарбекира. Депортированных раздели донага, тщательно обыскали и связали в небольшие группы, после чего конвоировали в ущелье Резвани, где их расстреляли или перерезали им горло члены клана Ферихан-оглу и чете «адъютанта» вали Шакира, лично наблюдавшего за этой трехчасовой операцией. Среди последних жертв были депутат Степан Чрадзян, Тиран Казарян, Аталян, Карапет Ханданян и другие. Их палачи, по всей вероятности, хотели, чтобы они перед кончиной увидели это зрелище³. Позднее немецкий вице-консул в Мосуле подтвердил этот акт массового уничтожения⁴.

Эпилогом уничтожения армянской элиты Диарбекира можно считать циничное поведение Решида. Приблизительно через две недели после массовых убийств 24 июня вали и Пиринджи-заде Фейзи пригласили в Диарбекир главного исполнителя массовой резни Ферихан-оглу Амеро (Омер), чтобы наградить его за службу. Для его встречи за город выехала группа около десяти черкесов. По приказу Решида они убили приглашенного недалеко от фонтана Анбар Чау⁵. Вероятно, вали не понравилось, что курды оставили себе все имущество армян.

¹ Мкртчян Т. Указ. соч. С. 59; Агуни С. Указ. соч. С. 66; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 7 542-543, 546, Les terreurs de Dyarbekir (dépositions des témoins turcs et arméniens), dossier № 8.

² Ibid. Доктора Смита изгнали несколько дней спустя по приказу вали: Faits et documents. Épisodes des massacres arméniens de Dyarbékir. P. 27. Автор брошюры утверждает, что американский врач также подписал свидетельские показания, чтобы избежать когтей вали.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 542-543, 546, «Les terreurs de Dyarbekir (dépositions des témoins turcs et arméniens)», liasse 8; Мкртчян Т. Указ. соч. С. 58. Автор утверждает, что Амеро был с почестями принят вали, который одарил его и попросил принять этих людей в своем регионе; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 786-787, Massacres de Dyarbekir: Фейзи-бей Пиринджи-заде, 18 февраля 1920 г., свидетельство бывшего гражданского инспектора вилайетов Битлис и Мосул, подтверждает роль Ферихан-оглы в этих массовых убийствах; Агуни С. Указ. соч. С. 66.

⁴ Телеграмма В. Гольштейна в посольство Стамбула от 10 июня 1915 г.: Lepsius J. (ed.), Archives du génocide des Arméniens, 1986, doc. 78. P. 93. Гольштейн пишет, что 614 человек были убиты и что он видел, как «пустые» плоты прибыли в Мосул.

⁵ Агуни С. Указ. соч. С. 67; Мкртчян Т. Указ. соч. С. 61.

Применение процедур уничтожения и сопротивление местной администрации

Через несколько дней после этих событий депутат Фейзи собрал в мечети Улу Джамии общее собрание, на котором присутствовали все влиятельные горожане Диарбекира. Цель, по-видимому, состояла в том, чтобы приобщить местную элиту к решениям о ликвидации в вилайете армянского населения. Во время собрания у муфтия Ибрагима попросили разъяснений, не противоречит ли убийство женщин и детей заповедям Корана. Священник порекомендовал оставлять детей до двенадцати лет с целью обращения их в ислам, а также самых красивых молодых женщин, т.к. они могут пригодиться для гаремов. Вопреки его мнению собрание постановило оставлять в живых только привлекательных молодых женщин¹.

Хотя в Диарбекире были созданы необходимые условия для ликвидации армянского населения, д-р Решид знал, что некоторые каймакамы и мутесарифы в провинции вряд ли согласятся приводить его программу в действие. Первым отказался выполнять его приказы мутесариф Мардина Хилми-бей. 25 мая он был освобожден от должности², которую исполнял с 30 ноября 1914 г., и заменен Шефик-беем, которого через месяц уволили по той же причине³. На этот раз д-р Решид не стал рисковать и назначил исполняющим обязанности мутесарифа Мардина свою правую руку Ибрагима Бедреддин-бей⁴, а капитана Гевранли-заде Мемдуха сделал начальником полиции Мардинского

санджака⁵. Если мутесариф Мардина еще легко отделался, учитывая его дерзость, то некоторым другим каймакамам повезло гораздо меньше. Так каймакама Дерика Решид-бей (находившегося в этой должности с 12 октября 1914 г. по 2 мая 1915 г.) не только уволили за то, что он потребовал письменного приказа от центрального правительства, но убили по дороге в Диарбекир руками черкесов Решида⁶. Гусейн Незими-бей и уроженец Багдада Наджи-бей, каймакамы Лче и Бешири, соответственно, также были убиты по приказу вали Диарбекира⁷. Преемник Наджи был назначен на должность 20 июня 1915 г., и оставался на этом посту вплоть до 1 июля 1917 г., что, по меньшей мере, свидетельствует о том, что министр внутренних дел оправдывал методы вали и был готов заменять чиновников, испытывающих угрызения совести. Опровержения д-ра Решида не удовлетворили судей учрежденной после перемирия следственной комиссии и не стали оправданием совершенных им преступлений. Сын Гусейна Незими Абдин рассказал комиссии, как его отец был вызван в Диарбекир и убит в пути офицером Специальной организации, которую в Диарбекире возглавлял сам вали⁸.

Вполне возможно, что радикальные методы д-ра Решида напугали каймакамов и мутесарифов провинции, и многие потребовали приказа центрального правительства относительно исполнения его инструкций.

¹ Ibid. Pp. 61–63; Агуни С. Указ. соч. С. 68.

² *Armalto I. Al-Gosara fi nakabat annasara* [Les Calamités des chrétiens], Beyrouth, 1970 (перепечатка анонимного издания 1919 г.), P. 145; *The Disasters of Mardin during the Persecutions of the Christians, Especially the Armenians*, 1915, Haigazian Armenological Review XVIII (1998), цитирует свидетеля, сирийца-католика, который заявил, что д-р Решид попросил одного из своих коллег из Месопотамии убить Хильми по дороге в Мосул.

³ *Rhétoré, Les chrétiens aux bêtes...*, ms. cit. Pp. 200–201.

⁴ Бедреддин вступил в должность 12 сентября 1915 г. и занимал свой пост до 11 января 1916 г.

⁵ *Мкртчян Т. Указ. соч. С. 65.*

⁶ *Armalto*. Op. cit. P. 149. Отметим, что человек, который его заменил, Хамид-бей, не был назначен до 30 июня 1915 г. (он оставался на своем посту до 2 мая 1916 г.) — то есть в день, когда закончилась ликвидация христиан в Дерике.

⁷ Убийство двух каймакамов упоминалось на первом заседании суда над юнионистами, 27 апреля 1919 г.: «*Takvim-i Vakayi*», № 3540, 5 mai 1919. P. 8, col. 1, lignes 15–20; на эту тему также есть доклад комитета по расследованию во главе с Мазхар-беем о поборах, совершенных д-м Решидом: АРС/РАУ, Bureau d'information du Patriarcat, L 119 (оригинал на османском), 465 (транскрипция).

⁸ *Reşid M. Hayati ve Hâtıraları*, ed. Necet Bilgi, Izmir, 1997, s. 79–91, in *Mülâhazât: Ermeni Meselesi ve Dyarbekir Hatıraları*, цитирован в кн.: *Kieser H. Op. cit. P. 265, n. 109.*

Иными словами, приказы вали были настолько чреватые последствиями, что эти чиновники старались защититься от возможных обвинений в совершении преступлений. Только этим можно объяснить исключительно высокий процент уволенных или казненных каймакамов в этой провинции. Кроме трех казенных супрефектов, преследова-

ниям подверглись и другие: глава каза Чермик Мехмед Хамди-бей был 1 июля 1915 г. заменен Ферик-беем, каймакам Савура Мехмед Али-бей оставался на своем посту только с 2 мая по 1 октября 1915 г., а Ибрагим Хакки-бей, исполнявший обязанности каймакама в Силване, был уволен 31 августа 1915 г.¹

Погромы и депортации в санджаке Диарбекир

В две первые недели июня армянских мужчин в Диарбекирском санджаке систематически сгоняли в одно место и ежедневно уводили в группах по 100–150 человек к Мардинским воротам или к дороге на Гозл (сейчас Гозалан), где им перерезали горло. Таким же образом были ликвидированы еще тысяча человек, направленных на ремонтные работы и проведение военных реквизиций².

После того как систематическое истребление мужчин было закончено, д-р Решид разработал способ уничтожения оставшегося населения, оказавшийся гораздо более изощренным и эффективным, чем те, к которым прибегали некоторые из его коллег в других провинциях. По свидетельствам армянских очевидцев, каждое утро во второй половине июня полковник «милиции» Ясинзаде Шевки в сопровождении двух других людей отбирал около сотни домов христианских семей в Диарбекире и подвергал их методическому «обыску»³. Охрана не позволяла жильцам выходить из дома до наступления темноты. В установленное время к указанным домам подъезжали предназначенные для военных реквизиций транспортные средства, в которые загружали жителей этих домов (порядка ста семей); и очень организованно увозили из Диарбекира. Такая система гасила возможные волнения в городе и давала другим христианским конфессиям надежду, что их самих не тронут. Благодаря этому порядку практически никому не удавалось вырваться из ловушки, а власти могли привлекать к депортации минимальное количество персонала.

В первую группу конвоируемых в сторону Мардина входили женщины и дети знатных семей Диарбекира Газазянов, Терпанджянов, Егианянов и Ханданянов, которым обещали воссоединение с мужчинами—главами их семейств. Членов самых богатых семей отделили от остальных и задержали в селе Алипунар, расположенном к югу от города. Их не отпускали до тех пор, пока они не признавались, где спрятали свои ценные вещи, после чего их отводили в сторону и убивали, перерезав горло. Других людей из этого каравана, пятьсот десять женщин и детей, убили и сбросили в подземные цистерны в Даре, останки византийского периода, расположенные по дороге в Джезиру⁴.

Следующие конвои направляли либо в юго-западном направлении на Карабахче, Северек и Урфу, либо прямо на юг в сторону Мардина, Дары, Рас-аль-Айна, Нисибина и Дер-Зора. Вероятно, место, расположенное на расстоянии часа пути к югу от Диарбекира недалеко от села Чаракили/Козандере стало главным местом кровопролития на южном направлении. Около этого поля смерти, введенного в действие со времени второго конвоя депортированных из Диарбекира, постоянно стояли курды из региона и банды чете из Специальной организации⁵. Массовые убийства этих армян проводились в рамках развернутой д-ром Решидом пропагандистской кампании, но, без сомнения, по приказу из Стамбула. Село Козандере являло собой сцену ужасного спектакля: на трупы убитых после пыток армян надевали мусульманские одежды и тюрбаны и фотографировали⁶. Затем эти снимки тиражиро-

¹ *Reşid M. Hayati ve Hâtraları*. Op. cit. Pp. 87–89.

² *Faits et documents. Épisodes des massacres arméniens de Dyarbékir*. P. 38.

³ *Мкртчян Т.* Указ. соч. С. 68–70; *Агуни С.* Указ. соч. С. 69.

⁴ *Hyacinthe Simon, Mardine, la ville héroïque. Autel et tombeau de l'Arménie durant les massacres de 1915, Jounieh, s. d.* Pp. 137–138.

⁵ *Агуни С.* Указ. соч. С. 69; *Мкртчян Т.* Указ. соч. С. 74–75.

⁶ *APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 542–543, 546, «Les terreurs de Dyarbékir (dépositions des témoins turcs et arméniens)», dossier № 8; Агуни С.* Указ. соч. С. 67; *Мкртчян Т.* Указ. соч. С. 74–75.

зали и распространяли сначала в Диарбекире, а позже в Стамбуле и даже Германии, чтобы показать жертвы зверств, творимых армянскими «мятежниками»¹, и «настроить население против армян»². Рафаэль де Ногалес, проведший несколько дней в конце июня в казармах Диарбекира, отмечает, что д-р Решид, которого он сравнивает с «гигантом», «убивал, нисколько не рискуя собственной жизнью», и что начальник жандармерии Мехмед Асим-бей предложил ему две фотографии, отображавшие композицию, которую он «полностью соорудил из едва замаскированных охотничьих ружей» с единственной целью «поразить общественность» и убедить ее, что русские еще задолго до начала войны обеспечили «армян, халдеев и несториан Ванской, Битлисской, Диарбекирской и Урфской провинций значительным количеством оружия и боеприпасов»³. Этот документально подтвержденный, вероятно не единственный, пример дает нам представление о методах пропаганды, которые использовали младотурки при совершении своих преступлений.

Другое поле смерти находилось на востоке в Бигутланском ущелье между деревнями Шейтан Дереси и Кайнаг. На этом контролируемом курдским племенем тиркан участке предположительно нашли смерть семьдесят тысяч депортированных⁴. К сожалению, нам неизвестно, были ли это армяне из других вилайетов или христиане из северных частей Диарбекира. Вторая гипотеза выглядит более вероятной.

Большинство депортированных погибли задолго до прибытия в место своей официальной депортации. Некоторые из много-

численных документов, касающихся пустынь Сирии и Месопотамии, куда в первую очередь сослали несколько сотен тысяч депортированных из западной части Малой Азии, свидетельствуют, что осенью 1915 г.⁵ в Ракке были зарегистрированы восемь женщин из Диарбекира, в Алеппо был зарегистрирован 12-летний ребенок из этой провинции⁶, и в конце августа 1915 г. до Дер-Зора добрались несколько женщин и маленьких девочек⁷. Согласно местному источнику, к маю 1916 г. в Дер-Зор прибыли двенадцать тысяч депортированных из Диарбекирского вилайета⁸. С прибывшими в Рас-аль-Айн расправились черкесы этого городка, которые затем сплели из волос убитых ими молодых женщин веревку длиной двадцать пять ярдов и послали ее в качестве подарка своему командиру с Кавказа депутату парламента Пиринджи-заде Фейзи⁹.

Из Диарбекира были также депортированы несколько сотен сирийцев, как православных, так и католиков, вместе со всеми священниками из обеих конфессий. По свидетельству отца Жака Реторе, более трехсот армянских семей и несколько сирийских католических семей в городе обратили в ислам. Муфтий Ибрагим, вероятно, заработал целое состояние на свидетельствах об обращении в ислам, которые он продавал за существенное вознаграждение. Через несколько недель этих вновь обращенных мусульман все-таки депортировали вместе с их соотечественниками, судьбу которых они разделили¹⁰. Нескольким мастеровым, согласившимся принять мусульманскую веру, разрешили остаться в Диарбекире и некоторых окрестных селах¹¹.

¹ Полуофициальные младотурецкие публикации и стамбульская пресса, распространяющие эти фотографии, использовались, чтобы начать кампанию, представляющую армян преступниками. См.: *La vérité sur le mouvement révolutionnaire arménien et les mesures gouvernementales*.

² «Les terreurs de Diarbékir (dépositions des témoins turcs et arméniens)»: SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. N° 279, Constantinople 1919 f° 2.

³ *Nogales R. de*. Op. cit. Pp. 139–140.

⁴ *Мкртчян Т.* Указ. соч. С. 75; *Агуни С.* Указ. соч. С. 69.

⁵ *BNu/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 58, Rakka, ff. 1–15*, свидетельство Григора Анкута; *Kévorkian R. H.* «L'extermination des déportés arméniens ottomans dans les camps de concentration de Syrie-Mésopotamie (1915–1916)», *la Deuxième phase du génocide, RHAC II* (1998). P. 165.

⁶ *BNu/Fonds Andonian, P.J.1/3, liasse 52, Der Zor, ff. 108–110*, свидетельство Арама Антоняна; *R. H. Kévorkian R. H.* Op. cit. P. 215.

⁷ *Ibid.* P. 220.

⁸ *Ibid.* P. 224.

⁹ *Агуни С.* Указ. соч. С. 69.

¹⁰ *Rhétore J.* Ms. cit. Pp. 35–36; *Faits et documents. Épisodes des massacres arméniens de Dyarbékir*. Pp. 40–41.

¹¹ *Агуни С.* Указ. соч. С. 70.

Около четырехсот детей от одного до трех лет собрали в одном месте и сначала поместили в разные учреждения, в частности в бывшую протестантскую школу. Но, вероятно, первоначальные намерения воспитать этих детей по канонам Иттихада оказались недолговечными. Осенью их депортировали в двух конвоях. Тех, что были в первом, сбросили со старого моста через Тигр на выходе из Диарбекира. Детей из второго конвоя отправили в Карабаш, что в одном часе пути от города, где их разрезали на куски и скормили окрестным собакам¹.

Когда Р. де Ногалес в двадцатых числах июня прибыл в Диарбекир, базар обезлюдил, а шелкоткацкие мастерские и ковровые лавки закрылись. Экономическая жизнь столицы провинции была парализована из-за отсутствия рабочих². Уже началось разграбление армянского имущества, организованное специальным комитетом под руководством вали. В него входили: Неби-заде Хаджи Саид, Мосули Мехмед, бывший шеф полиции Харпутли Гусейн, делегат КЕП в Диарбекире Джирджисага-заде Кёр Юсуф, заведующий финансами (*defterdar*) вилайета Ферид-бей, Муфти-заде Шериф, Хаджи Гусейн, главный обвинитель апелляционного суда Нуман-бей и директор специальной школы Неджими. Командующий военными силами Специальной организации Ясин-заде Шевки и начальник жандармерии полковник Рушди сами принимали участие в грабеже армянских домов, зачастую в компании с племянником депутата парламента Фейзи и двоюродным братом Зии Гёкалла Пиринджи-заде Седки. Они присваивали золото, серебро и драгоценности. Движимое имущество хранилось в соборе Святого Киракоса и соседних зданиях, а затем выставлялось на аукцион по «смехотворным ценам». Недвижимость в первую очередь доставалась «туркам», а местные младотурки делили между собой самые роскошные дома: дом

Газазянов перешел в руки Рушди, дом Минаянов присвоил Бедреддин, а дом Трпанжанов — Вели Неджет-бей³. Хотя едва ли можно сомневаться в получении Решидом личной выгоды, но, судя по всему, он организовал отправку в Стамбул двадцати автомобилей, груженных драгоценностями, продал их с аукциона и передал выручку в кассу Иттихада⁴. Действительно, существуют показания, что выдвинутые в 1916 г. против него обвинения в личном обогащении, оказались безосновательными. По информации, представленной Хансом-Лукасом Кизером, он, возможно, был одним из тех редких младотурок, которые боролись с коррупцией, и проявил себя как верный слуга строящегося турецкого государства⁵.

В досье, которое д-р Решид направил министру внутренних дел 15 сентября 1915 г., сообщается о «депортации 120 000 армян» из его вилайета⁶. Эта цифра превышает все армянское население Диарбекира. Известный своим холодным расчетом, Решид не мог дать такие приблизительные цифры. Иное дело, если он включил в них не только армян, но и всех других христиан, пострадавших от принятых «мер». В этой провинции власти, очевидно, не делали различия между католиками и православными сирийцами, с одной стороны, и армянами, с другой⁷, даже если есть основания полагать, что были депортированы и убиты лишь отдельные сирийцы.

Ни для кого не было секретом, что деятельность д-ра Решида направлена на геноцид. Мировой судья из Мардина, принадлежавший к младотуркам, прислал ему 19 октября 1915 г. поздравительную телеграмму по случаю исламского праздника Курбан-байрама, которая, по сути, знаменует окончание ликвидационной кампании. Халил Эдип, хотя и слишком оптимистично, но в стиле божественного откровения, воодушевлявшего элиту младотурок и побуждав-

¹ Faits et documents. Épisodes des massacres arméniens de Dyarbékir. Pp. 51–52.

² *Nogales R. de*. Op. cit. P. 145.

³ Faits et documents. Épisodes des massacres arméniens de Dyarbékir. Pp. 45–48.

⁴ «Rapport de Rifaat effendi, defterdar hakani mémouri à Mardin, démissionnaire, sur les massacres d'Arméniens, de Grecs et de Syriens à Diarbékir et Mardine»: SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. N° 279. Constantinople, le 2 janvier 1919.

⁵ *Kieser H.* Op. cit. Pp. 268–269.

⁶ Приложение к обвинительному заключению лидеров КЕП. Телеграмма д-ра Решида от 15/28 сентября 1915 г. министру внутренних дел: «Takvim-i Vakayi», N° 3540, 5 mai 1919. P. 7, col. 1.

⁷ *Naayeim J.* Les Assyro-Chaldéens et les Arméniens massacrés par les Turcs, Paris, 1920. P. 138.

шего их к их действиям, приписывает д-ру Решиду освобождение «шести вилайетов» как достижение, «открывающее путь в Туркестан и на Кавказ»¹.

Даже совершая все эти зверства, турецкая администрация согласно заведенному порядку демонстрировала соблюдение определенных юридических и административных формальностей. Вероятно, посол Вангенхайм в июле 1915 г. принял всерьез полученную информацию о рассле-

довании, проводимом судом Диарбекира по делу «нескольких лидеров партии Дашнакцутюн, обвиняемых в государственной измене», а также о «самоубийстве» городского армянского архиепископа². В отличие от него, вице-консул в Мосуле Вальтер Гольштейн после опубликования в немецкой прессе официальных опровержений выразил удивление «наивности Порты, считающей, что она сумеет скрыть реальные преступления, совершенные с помощью грубой лжи»³.

Массовая резня и депортации в казах Диарбекирского санджака

Когда 27 июня капитан де Ногалес выехал из Диарбекира в Урфу, он во всех встречавшихся ему по пути селах видел обугленные и заброшенные дома армян⁴. В июне все армянское и сирийское население в казах Диарбекирского санджака подверглось такому

же насилию, как и христианское население в столице региона. В первую очередь это относится к двадцати четырем населенным пунктам, где проживали несколько тысяч армян, а также к сирийским деревням.

Каза Вираншехир

Армянское присутствие в казе Вираншехир было ограничено административным центром с тем же названием. Здесь проживали тысяча триста тридцать девять армян⁵ и не менее такого же количества сирийцев разной конфессиональной принадлежности. Христиане Теллы (сирийское название городка) жили изолированно, практически в курдском окружении и чаще всего были ремесленниками и купцами, очень немногие из которых были уроженцами Теллы. Первые знаменательные события произошли 1 и 2 мая: полиция провела обыск в армянской и сирийской католической церквях. Мы не знаем, что стало причиной этих операций, но, по всей видимости, они были осуществлены против воли каймакама Ибрагима Халиля, занимающего эту должность с 19 февраля 1913 г. 2 мая 1915 г. его сменил Джемаль-бей, вероятнее всего, по инициативе д-ра Решида. Вслед за этим, как

и везде, события последовали одно за другим. 13 мая были арестованы и обвинены в принадлежности к революционному комитету влиятельные армяне и сирийцы-католики. 18 мая была задержана и заключена в тюрьму вторая группа мужчин. 28 мая первую группу подвергли казни. 7 июня «черкесы» (термин, возможно, изобретенный черкесами Решида) приступили к арестам всех лиц мужского пола от двенадцати до семидесяти лет, задержав в общей сложности четыреста семьдесят человек. 11 июня всех этих мужчин конвоировали в близлежащую деревню Хафдемари, где предали смерти. В тот же день часть оставшегося армянского населения согнали в пещеры на окраине и уничтожили. 14 июня та же участь постигла второй конвой, состоявший из женщин. 16 июня третий и последний конвой отправился в Рас-аль-Айн, куда фактически добрались лишь несколько человек⁶.

¹ Телеграмма Халила Эдипа от 17 октября 1915 г. д-ру Решиду, цитируется в Necet Bilgi (ed), Reşid, Hayati ve Hâtraları. Op. cit. P. 29.

² Телеграмма Вангенхайма от 9 июля 1915 г. канцлеру Бетманну Гольвегу: *Lepsius J.* (ed.). Op. cit., doc. 108. Pp. 102–103.

³ Телеграмма Гольштейна в посольство Константинополя от 14 августа 1915 г.: *Ibid.*, doc. 139. P. 134.

⁴ *Nogales R. de.* Op. cit. Pp. 147–148.

⁵ *Kévorkian & Paboudjian.* Op. cit. P. 400; *Karpat K.* Op. cit. P. 176. Автор дает официальную цифру — 1128 армян в 1914 г.

⁶ *Armalto I.* Op. cit. Pp. 350–359; *Rhétoré J.* Ms. cit. Pp. 39–42; *Simon H.* Op. cit. Pp. 82–83; *Ternon Y.* Op. cit. Pp. 98–100.

Эти операции довел до конца главный судья военного суда в Диарбекире Тевфик-бей, уполномоченный на это Решидом. Позднее он продалал то же самое в Дерике. Имущество католических и православных сирийцев подвергалось систематическому разграблению, но до июня 1915 г. их не убивали. По свидетельству отца Армальто, некоторых из них изгнали и отправили в Мардин, куда 25 августа дошли двое «мужчин, женщин и детей»¹. Таким образом, обращение с сирийцами несколько отличалось от обра-

нения с армянами: через два месяца после армян их депортировали семьями в такие административные центры, как Мардин. Их лишали имущества, но не подвергали методическому уничтожению, а оставляли на произвол судьбы без средств к существованию. Между прочим, этот «мягкий» метод будет, начиная с 1923 г. использоваться кемалистами для освобождения Диарбекирского региона от последних христиан и выдавливания их в Сирию, находившуюся тогда под мандатом Франции.

Каза Северек

Северек, или средневековый Севаверак («Черные руины»), был главным городом в казе. Накануне Первой мировой войны в нем проживало армянское население численностью 5450 человек, что было более половины всего населения. В семи других населенных пунктах (Карабахче, Чатак, Мезре, Симаг, Харби, Гори и Ошин) этого в основном сельского района, славившегося своим красным вином, проживали 3825 армян².

В нашем распоряжении очень мало документов, подтверждающих произошедшие в казе Северек события. Но нам точно известно, что каймакам Ихсан-бей, находившийся в этой должности с 1 мая 1914 г. по 3 ноября 1916 г., сыграл решающую роль в уничтожении армянского населения с помощью сил Специальной организации под командованием капитана Юзбаши Шевкета, которого поддерживали такие командиры отрядов чете, как Ахмет Чавуш, Бичакджи Мехмед Чавуш, Бичакджи Кёр Омер Ага и Хаджи Теллал Хаким-оглу по прозвищу Хаджи Онбаши. Прямое участие в массовых убийствах и разграблении имущества армян прини-

мали такие вожди родов, как Рамазан-ага, Кадыр-ага и Калп-оглу, а также городские влиятельные лица, например, муфтий Северека Аджем-оглу Хаджи Весил, Терзи Осман, Осман-оглу Або, Касан-оглу Зило и Ибрагим Халил-оглу Махмут³.

Согласно дошедшим до нас скудным источникам⁴, в мае 1915 г. начались обыски в домах и истребление мужчин, за которыми последовала депортация женщин и детей. Несколько уцелевших жителей добрались до Урфы и Алеппо. Единственное заслуживающее внимания свидетельство араба бедуина Фаиза-эль-Гусейна, бывшего депутата парламента и каймакама⁵, дает представление о Северике и его окрестностях сразу после уничтожения армянского населения (возможно, в июле)⁶. Эль-Гусейн сообщает, что дорога между Урфой и Севериком была завалена множеством трупов, в основном женских и детских. Армяне, тела которых он увидел на следующий день по дороге в Диарбекир, возможно, были не из Северика, а из регионов, население которых ссылали на север.

¹ *Armalto I.* Op. cit. P. 94.

² *Kévorkian & Paboudjian.* Op. cit. P. 400; *Karpat K.* Op. cit. P. 176. Автор дает официальную цифру — 2853 армян в 1914 г.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 537–541, 544, Liste des coupables pour le vilayet de Dyarbekir. Severek. Гаджи Теллал Хакимоглу, по прозвищу Гаджи Онбаши, убил шесть ведущих политических заключенных, содержащихся в Айесе: Рубена Зардаряна, д-ра Назарета Тагаваряна, Гарегина Хажага, Акнуни, Арутюна Жангуляна и Саркиса Минасяна. Они были убиты в месте, известном как Каракур, на полпути между Урфой и Севереком: BNU/Fonds Andonian, Matériaux pour l'histoire du genocide, P.J. 1/3, liasse 3, les détenus d'Ayas, ff. 48–52 (см. ниже. С. 652).

⁴ *Ternon J.* Op. cit. Pp. 101–102.

⁵ Faiez el-Ghocein, Les Massacres en Arménie, traduit de l'arabe par A. El-G, 2e éd., Beyrouth, 1965. Pp. 16–18; Fa'iz el-Ghusein, Martyred Armenia, Bombay, 1916. Pp. 22–27, перепечатано Ричардом Кляном, The Armenian Genocide. News Accounts from the American Press (1915–1922), Berkeley, 1985.

⁶ По дороге из Северека в Диарбекир свидетель столкнулся с караваном из женщин и детей этого города, из которого большинство армян были депортированы в июле.

Каза Дерек

Армянское население казы Дерек, располагавшейся на расстоянии приблизительно пятидесяти восьми миль к югу от Диарбекира, составляло в 1914 г. 1782 человека, 1250 из которых проживали в административном центре казы. Остальные жили в Байракли, или Байруке по-армянски, в получасе пути от города¹. Как мы уже знаем², каймакам Рашид-бей (занимавший эту должность с 12 октября 1913 г. по 2 мая 1915 г.) был уволен со своего поста, потому что отказался депортировать армянское население без письменного приказа от центральных властей. Позднее черкесы д-ра Решида убили его на пути в Диарбекир. В его убийстве обвинили армян Дерек, что дало возмож-

ность вали направить в Дерек Тевфик-бей, судью военного суда в Диарбекире³. Тевфик, только что завершивший расправу над армянами в Вираншехире⁴, применил обычные приемы. Сначала с 20 по 30 июня он небольшими группами уничтожил мужчин, а затем принял за женщин и детей, которых депортировали и вырезали недалеко от города. 27 июня судья закончил свою деятельность публичной казнью через повешение священнослужителей разных конфессий⁵.

Интересно, что новый каймакам Хамди-бей был назначен на должность 30 июня 1915 г., т.е. в тот день, когда операции в Дерек уже были завершены.

Казы Силван и Бешири/Джерниг

Сто десять армянских, говорящих на курдском языке деревень сельских каз Бешири и Силван с численностью армянского населения 5038 и 13 824 человек соответственно располагались на восточной границе диарбекирского вилайета к югу от Сасуна⁶. Ранние погромы в этих деревнях можно объяснить их местонахождением. Как уже отмечалось при описании операций, проводимых в Мушском санджаке, в мае власти обратились к курдским племенам белек, бекран, шегро и другим с просьбой совершать налеты не только на Сасун, но и на гражданское население каз Силван и Бешири⁷. Хотя большинство сельских жителей стали жертвами устроенной курдами массовой

резни, нескольким тысячам армян из этой местности все-таки удалось бежать в Сасун, где в августе они погибли вместе с его жителями⁸.

Среди многочисленных жертв д-ра Решида был каймакам Бешири Наджи-бей, уроженец Багдада. Как уже ранее говорилось, его вероломно убили по приказу вали⁹ и только 20 июня 1915 г., когда район был очищен от армянского населения, на его место назначили Расим-бея, прослужившего в этой должности до 1 июля 1917 г. Каймакама Силвана Хакки-бея, назначенного 4 октября 1914 г., нигде не переводили до 31 августа 1915 г., т.к. он принимал участие в совершаемых здесь преступлениях.

Каза Лис

В 1914 г. около половины из 5980 армян казы Лис были жителями административного центра казы, носившего такое же название. Вместе с ними проживали

1980 православных сирийцев. Другая половина была рассеяна по тридцати двум небольшим горным селениям и глубоким ущельям¹⁰.

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 400.

² См. выше, с. 401, примечание 6.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 537–541, 544, Liste des coupables pour le vilayet de Dyarbekir, dossier N° 29.

⁴ См. ниже, с. 504.

⁵ Armalto I. Op. cit. P. 345; Rhétoré J. Ms. cit. P. 43; Ternon I. Op. cit. Pp. 100–101.

⁶ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 400–402.

⁷ Toynbee A. Op. cit. P. 207, интервью Рубена Тер-Минасяна.

⁸ Nogales R. de. Op. cit. P. 134; Toynbee A. Op. cit. P. 207.

⁹ См. выше, с. 401, примечание 7.

¹⁰ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 402.

Очевидно, каймакам Лиса Гусейн Незимибей также сопротивлялся мерам, принимаемым в отношении армян, за что и был казнен по приказу вали Диарбекира¹. Последующие события, похоже, развивались по обычной схеме. Согласно секретному досье руководителя администрации государственного долга в Лисе сирийца-католика Намана Адамо, все началось с обысков в домах с целью поиска

оружия. За ними последовали аресты влиятельных людей, которых зверски убивали в пещерах Даштапизе в южном направлении. Затем истребили всех мужчин старше десяти лет, и в завершение депортировали женщин и детей. Мужчин, еще оставшихся в горных селениях в Таврских горах, вероятнее всего, убивали на месте. Что стало с женщинами и детьми этих селений, нам неизвестно².

Массовая резня и депортации в санджаке Аргана

Армянское население санджака Аргана-Маден проживало приблизительно в пятидесяти городах и селах и составляло 38 430 человек. Территория санджака занимала южные склоны Таврских гор. На севере ее пересекал восточный рукав Евфрата (Мурад Су), а на востоке брал начало Тигр.

Благодаря этому регион был пригоден для земледелия и животноводства, кроме того, в нем велась разработка медных рудников. Префектура находилась в Аргана-Мадене, небольшом городке, лежавшем на правом берегу верхнего Тигра, с численностью армянского населения 3300 человек.

Аргана/Аргын

Первый мутесариф военного времени армянин Тигран-бей пробыл в этой должности весьма недолго, с 20 августа по 28 октября 1914 г. 30 декабря 1914 г. его сменил Назми-бей, который руководил ликвидацией армянского населения в регионе вплоть до своего отъезда 24 августа 1915 г. В июле 1915 г. было истреблено 10 559 армян из административного центра и десяти других поселений казы³. Их уничтожили одновременно с жителями Чнкуша в местечке Юдан-Дере, в глубоком ущелье, разделявшем Аргнийский и Джермикский казы, где подземная река питает верховье Тигра⁴. Правда, никаких свидетельств об этих преступлениях не осталось, кроме рассказов одного очевидца событий в городке Гольжук, располагавшемся на берегу горного озера, дающего начало Тигру⁵. Гольжук/Цовк (по-армянски «море»), еще с античных времен известный разведением породистых лошадей, лежал на полпути между Харпутом и Диарбекиром. Это был

единственный проезжий путь между двумя казами, и по нему отмечалась административная граница между ними. После объявления всеобщей мобилизации в городке Гольжук, расположенном на южном берегу озера, все оставалось спокойным. Только в апреле власти начали здесь сбор оружия у армян и приступили к арестам влиятельных людей. В пятницу вечером 4 июня Гольжук окружили пятьдесят кавалеристов и еще семьдесят «бойцов милиционных формирований» под командованием мюдира Бег-заде Али прибыли из Харпута. Они арестовали всех мужчин старше 16 лет, которых заключили под стражу в конюшню и систематически пытали. По официальной версии, от них добивались признания, где спрятаны их тайники с оружием⁶. Один из самых известных людей Гольжука Торос Тороян покончил жизнь самоубийством, когда его похитители стали угрожать ему отправкой в Аргана-Маден⁷. Григоря Мардикяна, М. Булудяна, Шахбаза Вардапедяна⁸

¹ См. выше, с. 401, примечание 7.

² Naayeiim J. Op. cit. Pp. 169–176; Rhétore J. Ms. cit. P. 49; Ternon Y. Op. cit. Pp. 102–103.

³ Kevorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 403–406. Этими деревнями были Гольжук, Топелан, Пимушан, Паям, Гильг/Анх, Айпега/Иредан, Тильбахдад, Пиран и Гаплан.

⁴ Геворгян Г. История Чнкуша, Иерусалим, 1970. С. 92–101 (на арм. яз.).

⁵ Хряян Г. Цовк и Гелджик, Марсель, 1927 (на арм. яз.).

⁶ Там же. С. 145–158.

⁷ Там же. С. 159–162.

⁸ Там же. С. 165. Его обвинили местные курды в том, что у него была пушка. На самом деле речь шла о до сих пор используемом приспособлении для приготовления ракии; эти необразованные люди, вероятно, ошиблись, ища оружие.

«всех других взятых под стражу мужчин отправили в неизвестном направлении под именем «милиционеров» и офицера полиции¹. Приходский священник отец Погос Жамкочян был отправлен в Харпут и впоследствии убит в Девебойну неподалеку от села Карасаг².

В среду 7 июля в Гольжук прибыли чиновники, отвечавшие за организацию депортации из города, в сопровождении турецких и курдских чете. Они приступили к переписи армянских домов, конфискации у них имущества и продуктовых запасов, а затем объявили о депортации жителей в Алеппо. Руководили этой операцией Хали-ага и двое его сыновей Махмед и Абдулла в сопровождении охранников. Первый конвой, состоявший из семидесяти семей, начал двигаться на восток, огибая озеро, в пятницу 9 июля. Второй, содержавший тридцать оставшихся хозяйств, отправился в дорогу на следующее утро³. Затем из столицы вилайета якобы пришел приказ, разрешавший местному населению «усыновлять» детей мужского пола до двенадцати лет и женщин независимо от возраста при условии, что они согласятся сразу же обратиться в мусульманскую веру и что у них нет родственников за границей, «особенно в Америке». Состоялась церемония «усыновления», которую проводил чиновник, оформлявший регистрацию но-

вообращенных⁴. Шестеро «усыновленных» и оставшихся в городе жителей встретили двух внезапно вышедших из озера девочек и одиннадцатилетнего мальчика Арама Мардикяна, ушедших накануне вечером с первым конвоем. Дети рассказали, что их спутники зарубили топорами в Гапане, в нескольких часах пути от Гольжука⁵.

Остров неподалеку от южного берега озера, на котором находился монастырь Святого Ншана, в конечном итоге стал убежищем десяткам армян из сел Харпутской равнины и еще более южных районов⁶. До вторника 2 ноября 1915 г. их практически не трогали. Но в этот день на остров прибыла бригада военных. Эмиссар заверил людей, что султан объявил перемирие со всеми «сирийскими армянами». Лишь нескольким юношам удалось спастись от последовавшего налета и скрыться в горах⁷. Мы располагаем очень подробным свидетельством, в котором есть такая достаточно любопытная информация: армянами с южного берега озера, который, как мы увидим из следующей главы, служил огромной бойней для армян с Харпутской равнины, «занимались» власти вилайета Мамурет уль-Азиз, хотя официально они были под юрисдикцией д-ра Решида. Единственным исключением стали некоторые известные люди, которых отправили в направлении Аргана-Мадена или Диарбекира.

Чермик

Каза Чермик, расположенная на юго-западе Арганы, была малонаселенной. В 1914 г. армяне жили здесь только в трех местах: в административном центре Чермуг («горячие источники»), где численность армянского населения составляла приблизительно две тысячи человек и, главным образом, в Чнкуше (сейчас Чунгуш), гдe на внушительном скалистом плато, возвышающимся над долиной Евфрата, обосновались более десяти тысяч

армян⁸. Стратегия властей в этом отдаленном районе, скорее всего, заключалась в истреблении армян непосредственно в местах их проживания. Сведения о наличии депортированных из этой казы в концентрационных лагерях Сирии и Месопотамии отсутствуют.

Нам хорошо известно о событиях в Чнкуше благодаря рассказам пяти очевидцев, записанным Гарником Геворгияном⁹. После призыва на военную службу в городе не ста-

¹ Там же. С. 165–166.

² Там же. С. 167–170.

³ Там же. С. 171–179.

⁴ Там же. С. 180–184.

⁵ Там же. С. 184–187.

⁶ Там же. С. 204–227.

⁷ Там же. С. 229–251.

⁸ *Kevorkian & Paboudjian*. Op. cit. Pp. 400–402, в общей сложности 12 418 армян, учитывая 280 жителей соседних сел Чнкуш, Адиш.

⁹ *Геворгиян Г.* Указ. соч. С. 92–101.

ло мужчин от восемнадцати до сорока пяти лет, включая тех, кто заплатил выкуп за освобождение от военной обязанности. Реквизиции привели к финансовому разорению кожевников и торговцев мехами (два развитых городских ремесла) и оставили без скота погонщиков мулов, но до июня 1915 г. царившее в городе спокойствие практически не нарушалось. Антиармянские притеснения начались после того, как Решид освободил от должности мюдира Караламбоса, грека из Мадена, занимавшего этот пост с сентября 1909 г., за его отказ проводить обыски в армянских домах. Однажды утром двенадцать кавалеристов вывели его из дома и заставили следовать за ними. 1 июля на его место был назначен более податливый Ферик-бей, который оставался на этом посту до 25 июня 1917 г., Вскоре после этого начались систематические обыски армянских домов. Были арестованы армянский прелат Егия Казанян, протестантский священнослужитель Петрос Хачатрян и католический священник отец Паскал Накашян. Первым погиб, не выдержав пыток в «тюрьме» Чнкуша, протестантский священнослужитель. Апостольский пастор был зверски убит вместе со своей паствой, а католического священника депортировали в Диарбекир, где через некоторое время он был казнен¹. Арестовали также других известных армян, среди которых можно назвать Абраама Галояна, Акопа Гуляна и Овсепя Тер-Карапетыана. Их отослали в административный центр санджака Аргана-Маден². Сорок других арестованных

были отправлены в Диарбекир, чтобы предстать перед военным судом, где они были объявлены «революционерами»³.

В июле продолжился методический арест всех оставшихся мужчин. Затем пришел черед женщин и детей. Всех в нескольких конвоях согнали в глубокое ущелье Юдан Дере (которое армяне называли «дудан») в двух часах пути к северу от города. По дороге к ним присоединились депортированные из соседних районов, в частности из Аргана-Мадена. Редкие очевидцы свидетельствуют, что эшелоны конвоировали черкесские жандармы, которые на самом деле были переодетыми в жандармскую форму черкесскими бандитами Специальной организации, возможно, присланными из Диарбекира. Позиции таких же жандармов стояли на мысе, возвышающемся над ущельем Юдан Дере. Сначала по классической схеме разделились с мужчинами: их связывали в группы до десяти человек и передавали «мясникам», которые закалывали их штыками или забивали топорами, после чего сбрасывали тела в пропасть. С женщинами поступали почти так же, только их сначала раздевали и обыскивали, затем перерезали им горло, а тела тоже сбрасывали вниз. Некоторые сами прыгали в бездну, увлекая за собой своих детей и тем самым лишая убийц части их добычи⁴.

Согласно сведениям Гарника Геворгияна, всего в живых осталось тринадцать человек: несколько укрывшихся в горах мужчин и совсем небольшое число молодых женщин, похищенных в Юдан Дере⁵.

Балу

В 1914 г. в казе Балу, расположенной в самой северной части Диарбекирского вилайета, которую пересекал восточный рукав Евфрата (Арзания), было тридцать семь армянских городков и сел с населением 15 753 человека⁶, и он не считался важным стратегическим объектом. В административном центре Балу проживали десять тысяч жи-

телей, из которых 5250 составляли армяне. Как и в других местах, всеобщая мобилизация лишила регион жизненных сил: одних новобранцев отправили на Кавказский фронт, других на фронты Палестины, за исключением жалкой кучки мужчин, заплативших выкуп⁷. Насколько нам известно, единственной неприятностью до весны 1915 г. была жесто-

¹ Ibid. Pp. 94–95; *Naslian J. Les Mémoires de Mgr Jean Naslian, I, Vienne, 1951. Pp. 302–304.*

² К. Минагян, Погромы в Чнкуше, «Паак», 29 августа 1919 г. С. 1.

³ Геворгиян Г. Указ. соч. С. 95–96.

⁴ *Naslian J. I. Op. cit. Pp. 344–345, témoignage d'une rescapée, publié en annexe; Геворгиян. Указ. соч. С. 94–99.*

⁵ Там же. С. 100–101.

⁶ *Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 406–408.*

⁷ Крисян М. Балу, Антилиас, 1965. С. 495 (на арм. яз.).

ность, с какой проводились военные реквизиции, да еще в конце февраля новый набор армянских призывников в трудовые батальоны¹. В это же время без видимой причины из жандармерии уволили двух единственных служивших там армян. Но для страны, не привыкшей к тому, чтобы оружие носили немусульмане, это не было чем-то необычным. Первый тревожный сигнал пришел в апреле 1915 г., когда арестовали и выслали в Диарбекир уважаемого в городе человека — провизора Гарегина Киуреяна. За ним последовали аресты двух активистов партии Гнчак братьев Амбарцума и Мкртича Козигянов². Вскоре после этого каймакам Кадри-бей издал приказ о проведении в домах обысков с целью изъятия оружия³. Для выполнения этого задания в тридцати шести армянских селах казы были назначены два курдских главаря Хашим и Теффур-бег⁴. Первую облаву устроили на самое крупное армянское село Хавав, в котором проживали 1648 человек. Его окружили сто пятьдесят вооруженных мужчин под предводительством градоначальника Балу. Были арестованы и заключены в тюрьму Балу семьдесят влиятельных людей, в том числе Томас Желалян, Ваган Тер-Астуриян, Манук Навоян и Сисак Мхитар Багдзенгян. Впоследствии их в составе конвоя из двухсот человек отвели на мост Балу и зарезали в ближайшем ущелье Корнак дере, после чего чете под командованием Тейфеш-бега сбросили трупы в реку⁵. Другие армянские деревни изолировали друг от друга, а затем в первой половине июня чете под командованием Ибрагима, Тушди и Тейфеш-

бега устроили в них погромы. Всех мужчин раздели и расстреляли на берегу Евфрата, а их тела сбросили в реку. В деревне Тил, о которой у нас есть точные сведения, в живых оставили только мельника, чтобы он продолжал поставлять в город муку⁶.

1 июня восемьсот мужчин из трудовых батальонов, стоявших в Хошмате к северу от Балу, все уроженцы Эгина или Арабкира, и еще четыреста солдат-рабочих, базировавшихся в Нирхи, где они работали в течение семи месяцев, связали и вырезали ножами «человеческие мясники»⁷.

Тюрьма в Балу быстро наполнялась школьными учителями и торговцами, арестованными в административном центре казы. Но главным местом развернувшейся в казе системы геноцида стал знаменитый средневековый мост с восьмью арками, соединявший берега Восточного Евфрата рядом с выходом из города. Там на трех полях смерти действовали отряды чете под непосредственным командованием каймакама Кадри-бея, который иногда собственноручно обезглавливал своих жертв. Он любил подбадривать своих людей лозунгом: «Тело народу, а голова государству»⁸. Здесь уничтожили всех мужчин Балу⁹. В первой половине июня мост Балу служил также местом перехода или массового убийства почти десяти тысяч депортированных из Эрзурумского вилайета, особенно из казы Кыгы¹⁰. Главари «мясников», выполнявших свою работу на мосту, были Зейнал-заде Мустафа и его сыновья Хасан и Хусни, Махмуд Чавуш из Норберда, Шейх-заде Хафиз, Сулейман-

¹ Там же. С. 502.

² Там же. С. 505.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 537–541, 544, Liste des coupables pour le vilayet de Dyarbekir, Palou.

⁴ Краляян М. Балаовит, София, 1938. С. 71–72 (на арм. яз.).

⁵ BNU/Fonds Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 12, Palou, f° 2v; свидетельство Геворга М. Карапетяна; Краляян М. Балу. С. 508–509.

⁶ Краляян М. Балаовит. С. 77–78; BNU/ Fonds Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 12, Palou, f° 2, свидетельство Геворга М. Карапетяна. Деревня Нирхи была окружена 21 мая капитаном жандармерии и двенадцатью мужчинами, которые пытали деревенского священника и влиятельных людей, а затем напились: BNU/ Fonds Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 12, ff. 4–7, свидетельство Захара П. Фндхяна из Нирхи.

⁷ Ibid., f° 2v; Simon H. Op. cit. P. 82; Краляян М. Балу. С. 509.

⁸ BNU/Fonds Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 12, Palou, f° 7, свидетельство Захара П. Фндхяна. Могло даже показаться, что этот всеильный чиновник имел ярко выраженное пристрастие к мальчикам; он пришел к мосту, чтобы забрать их.

⁹ BNU/Fonds Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 12, Palou, f° 11.

¹⁰ BNU/Fonds Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 61, Kifif, ff. 66v.

бей, Саид-бей, Казим Али Мустафа-Ага и Мусрумли Караман¹. Ими руководил Кадри-бей, возглавлявший также городскую организацию младотурок².

Женщин и детей из сельских районов сначала перевезли в Балу и держали под стражей в течение двух недель во дворе церкви Святого Григория Просветителя, куда приходили местные мужчины, выбирали себе молодых женщин, насиловали их и через день или два возвращали. Затем пришла очередь семей из Балу: их дома подвергали систематическому грабежу, за исключением нескольких особняков, которые приглядела

для себя турецкая знать. Самых маленьких детей отбирали у матерей, запихивали в бочки и бросали в Евфрат. Нескольким юношам и отдельным семьям удалось бежать в горы, где они спасались в пещерах, пока не добрались до Дерсима в начале зимы 1915 г.³. Несколько сотен женщин, стариков и детей, в конце концов, в начале июля были отправлены конвоем через Маден, Северек, Урфу и Биледжик⁴. Епископа Езника Калпакяна и отца Мушега Гадаригяна арестовали только в конце июня. Они были убиты недалеко от Балу в окрестностях Синама известным Решидом⁵.

Погромы и депортации в санджаке Мардин

В Мардине, который находился в самом сердце сирийской территории, проживали 12 609 православных сирийцев и 7692 армянина, в большинстве католики. Все говорили на арабском языке⁶.

Призыв на военную службу в этом далеком от фронта районе проходил достаточно сложно. Поиск бунтарей принял жесткие, хотя в целом классические формы. Первый по-настоящему тревожный для христианского населения знак явился только в конце февраля 1915 г., когда со своих постов были уволены все немусульманские гражданские чиновники. С другой стороны, несомненно, для того, чтобы успокоить христиан и создать впечатление, что все в порядке, султан даровал армянскому католическому епископу Игнасу Малоюна высокую османскую награду, которая была ему торжественно вручена 20 апреля⁷. 22 апреля поползли первые слухи об организации тайных собраний у мусульман как в Диарбекире, так и в деревнях.

Обыск, проведенный полицией в армянской епархии 30 апреля, только подтвердил опасения Малоюна по поводу насилия против христиан. Судя по тому, что 1 мая он написал завещание, оказанные ему властями почести его не обманули, и он не ждал от них ничего хорошего⁸.

Но, как нам уже известно, д-ру Решиду, прежде чем он смог приступить к выполнению своего плана по истреблению армян в Мардинском санджаке, пришлось избавиться от мутесарифа Мардина Хилми-бея, которого он уволил 25 мая, и его преемника Шефик-бея, отстраненного месяцем позже, и назначить на должность исполняющего обязанности мутесарифа одного из своих ставленников Ибрагима Бедреддин-бея. Назначениями двух людей из Диарбекира — капитана полиции Гевранли-заде Мемдуха на должность начальника полиции Мардина, ответственного за конвоирование депортированных, и своего «адыютанта» черкеса

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, t. 351–356, свидетельство на английском о массовых убийствах в Эрзуруме; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, n° 334 (en français), n° 35, rapport sur Les événements de Keghi depuis la mobilisation jusqu'à la déportation.

² Краян М. Указ. соч. С. 514–515.

³ BNU/Fonds Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 12, Palou, f° 3, свидетельство Гевора М. Карапетяна.

⁴ Краян М. Указ. соч. С. 519.

⁵ Там же. С. 515–516.

⁶ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 412–415.

⁷ Congregatio de causis sanctorum. P.N. 1704. Ciliciae Armenorum seu Mardinensium. Beatificationis seu Canonizationis servi Dei Ignatii Choukrallah Maloyan, archiepiscopi mardinensis in opium fidei, uti fertur, interfecti (1915); Positio super vita, martyrio eiusque causa necnon super fama martyrii ex testibus et documentis historicis, I, Roma, 1998. Pp. 98–100.

⁸ Для полного обзора источников этих событий, а также завещания архиепископа Малоюна на арабском см. Ternon Y. Op. cit. Pp. 110–111.

Шакира на должность начальника городской жандармерии — д-р Решид завершил формирование своего аппарата в Мардине¹.

Эти три человека, Бедреддин, Мемдух и Шакир, образовали ядро местного «комитета исполнения», в который также входил мировой судья Мардина и член местной организации младотурок Халил Эдип-бей. Перед этим комитетом была поставлена задача создания отрядов чете². Однако в конце концов именно депутат парламента Фейзи иговорил знатных мусульман на собрании, которое он созвал в городе 15 мая в резиденции Абдо Хадж Кармо Каснм-оглу³.

Пятьсот человек, которых Халил Эдип-бей забрал в милицию «Аль-Хамсим», на самом деле были чете Специальной организации и старшими офицерами у них были: Абдурахман Касаб, Мухамед Хубаш, Челеби Шахпири Абдулреза, Абдулла Хедер, шейх Касур эль Инсари, начальник мардинской тюрьмы шейх Тахир эль Инсари и шейх Нури эль Инсари⁴. «Комитет по исполнению» мог также рассчитывать на поддержку таких влиятельных лиц, как начальник жандармерии Абдулкадир-бей и его помощники Фаик-бей и Харун-бей, градоначальник Мардина Хидир Челеби, налоговый инспектор Неджип Челеби-бей, ответственный за отправку конвоев (под командованием Мемдух-бея) Абдулкерим-бей, муфтий Мардина Гусейн, а также главари племен и кланов Абдельрахман эль Кавас, Абдельразак Шатана, Давуд Шатана, Муса Шатана, Фарес Челеби, Мехмет Али, Мехмет Раси, Абдалла Эфенди, вождь племени дашие Хадж Асад эль Хадж Кармо, Ахмет-ага, Ибн Нури Битлиси и Осман-бей⁵.

В течение всего мая власти занимались главным образом проведением обысков в

домах христиан в поисках оружия (которое, без сомнения, не было найдено ни у кого в этой законопослушной среде сирийцев-католиков), арестами известных людей из всех групп населения и применением к ним пыток в надежде, что они покажут воображаемые тайники с оружием. Крайне необычный случай с оружием, которое «милиционеры» пытались спрятать около сирийской католической церкви в ночь с 26 на 27 мая, проливает свет на методы, которыми пользовались власти, чтобы узаконить приближающееся кровопролитие. В тот раз фальсификация была разоблачена, т.к. чете застали врасплох, когда они рыли канаву для предполагаемого оружия. Однако эту неудачу очень скоро исправили, обнаружив тайник с оружием на земле, принадлежавшей курду по имени Мохамед Фарах, благодаря признанию, вырванному у армянина Хабиба Юне. Полиция, не теряя времени, сфотографировала это оружие и отправила снимки в министерство внутренних дел в сопровождении информации о том, что данное оружие принадлежит мардинским армянам⁶. Любые методы пускались в ход, например, для доказательства, что армянский католический прелат Игнас Малоян участвовал в мнимом заговоре против государственной безопасности. Так был обнаружен фиктивный документ, удостоверяющий, что в «армянскую католическую епархию Мардина» было доставлено «двадцать пять винтовок и пять взрывных устройств»⁷.

Двух этих «обличительных» эпизодов оказалось достаточно для того, чтобы решить судьбу армян и их прелата. Вечером в четверг 3 июня жандармы и «милиционеры» перекрыли все подъездные пути к городу, а уличные глашатаи объявили, что никто не

¹ См. выше, с. 401, примечания 2–5.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 539, Liste des coupables pour le vilayet de Dyarbekir, Mardin. Халил Эдип позже приказал сжечь Тэль Армена и Эль Кушру.

³ Ibid.

⁴ Офицерами и ведущими членами специальной организации были: Хайдар Зейхефенди оглы, Мехмед Кабуло, Мехмет эль-Мулли, Шевкет-бей Мехмет-ага оглы, Мехмет-бей, брат Шевкет-бея Мехмета-ага оглы, Бесо Шарак, сыновья Шейха Хаттапа, Садик Али Терзи-оглы, Надж Джелдо, Кади Амшаки, Хамди эль-Шараби, Халил Халафо, Фарис-паша Фамей-оглы, Омер, дядя Фарис-паши Фамей-оглы, Васи Мухар Сайзага, Али Байракдар, Осман, Мустафа, Азиз Айо, Дервиш Амо, Юсуф-кавуш, Гусейн Белало, Гусейн Белало Халил, Гусейн Белало Осман, сын Али Мемо, Мехмет-шериф, Фарани-оглы, семья Каде Бакир, Азиз Бери Гусейн-бей оглы, Халил, «Хало», и Хаджи Абделкадыр: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 539, Liste des coupables pour le vilayet de Dyarbekir, Mardin.

⁵ Ibid.

⁶ Op. cit. Автор цитирует сирийца-католика, ставшего свидетелем этого мошенничества; Ternon Y. Op. cit. P. 117.

⁷ Ibid.

может покинуть Мардин под страхом смерти. Именно этой ночью была произведена первая облава на известных в городе армян. Операцией руководил только что прибывший Мемдух-бей. Были заключены под стражу в префектуре епископ Малоян и шесть священников его епархии¹.

4 и 5 июня за первыми арестами последовали новые облавы, в результате которых были арестованы шестьдесят два человека, как церковных служителей, так и мирян. Не все были армяне, хотя их было большинство².

Кроме дела с «армянским оружием», власти как по волшебству обнаружили еще два случая, привлечших пристальное внимание, так как они являли собой прекрасный пример психологического давления, который режим младотурок фабриковал из воздуха. Младотурки соединяли религиозные предрассудки с невежеством, чтобы легче манипулировать населением, которое, мягко выражаясь, было неискушенным. Местные члены братства Святого Франциска, членские списки которых на арабском языке были найдены во время обыска церкви капуцинов, были представлены активистами «французской организации», т.е. пособниками Франции. Выражение «пречистая кровь» (очевидная ссылка на жертву Христа) была истолкована не иначе, как «пить кровь мусульман»³. В тогдашнем обществе настолько укоренилось неприятие «инога», что нельзя исключать возможности того, что местные сановники, кроме нескольких «просвещенных» младотурок, были искренне убеждены в справедливости выдвигаемых против «христиан» обвинений.

Православные сирийцы, из числа которых восемьдесят пять самых уважаемых были арестованы, приложили немалые усилия, убедили власти в своей лояльности и глубокой неприязни и к католицизму, и к Франции. Благодаря этому им удалось избежать судьбы, постигшей других христиан Мардина.

По сведениям «католических» свидетелей, некоторые из этих православных сирийцев даже подписали совместно с влиятельными мусульманами декларацию о «виновности» армян⁴. Эти маловероятные обвинения показывают, что власти очень умело использовали давние разногласия среди различных христианских конфессий и прибегали к тактике давления, не оставлявшей их жертвам иного выбора, как дистанцироваться от других групп.

Стремление властей младотурок всеми возможными способами доказать, что их действия являются законной ответной реакцией на подрывную деятельность «внутренних врагов», проявилось в карикатурной форме на «судебном процессе» по обвинению епископа Малояна. Епископу предъявили известный документ, «доказывающий», что ему было доставлено двадцать пять винтовок и пять взрывных устройств. Некий Саркис, подписавший этот донос, не смог явиться в суд, потому что очень кстати был убит неизвестными лицами⁵. На основании этого документа начальник полиции Мемдух обвинил прелата в том, что он возглавлял революционную организацию «Федави»⁶. Неизвестно, верил ли Мемдух-бей в это обвинение или просто был циничным. Иными словами, непонятно, по каким причинам ему доверили выполнение этой миссии: потому что он был близоруким, но преданным, или потому что его считали достаточно хитрым для убедительного предъявления надуманных обвинений? Ответ на этот вопрос помог бы нам лучше понять критерии, которые использовал режим младотурок при отборе местных коллаборационистов в регионе, известном своим трайбализмом.

В итоге рано утром 10 июня 1915 г. под конвоем сотни чете и жандармов из города вышли приблизительно четверьста узников (некоторые из арестованных, например, православные сирийцы, были по разным причинам освобождены)⁷. Отправка город-

¹ *Positio super vita...*, I. P. 353, свидетельство Ибрагима Каспо.

² См. многочисленные источники по этим событиям, перечисленные в кн. И. Тернона: *Ternon Y. Op. cit.* Pp. 118–119, n. 3 à 6.

³ *Positio super vita...*, I. P. 133, перевод рассказа Исхака Армальто, *Les Calamités des chrétiens*.

⁴ *Ibid.*, I. P. 389; *Rhétoré J. Ms. cit.* P. 68; *Op. cit.* P. 263, свидетельство халдея; *Ternon Y. Op. cit.* P. 120.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.* P. 123, n. 20. Автор каталогизирует различные источники, в которых говорится о цифрах от 404 (Симон) до 480 человек (свидетельство «халдея»), из которых 35 были сирийцы-католики, 20 протестанты, остальные — армяне. В колонне также было одиннадцать священнослужителей.

ской знати была обставлена как спектакль: людей заковали в цепи и в таком виде провезли сначала по мусульманским, а затем по христианским кварталам. Объяснения этому нет. Возможно, вид этих влиятельных людей в цепях должен был показать населению, что у властей достаточно средств для нейтрализации ее «внутренних врагов», которые сейчас с трудом передвигались под надежной охраной в колонне, замыкаемой епископом Малояном. Методы, использованные для уничтожения этих людей (с первой партией расправились в Ахрашке по дороге в Диарбекир, а с другими в Адиршеке недалеко от Шейхана), не отличались от тех, что применяли в других местах. Сопровождение конвоя давала шефу полиции Мемдуху, возглавлявшему эскорт, возможность реквизировать у депортированных немалые суммы денег, особенно у Наума Джинайи, принадлежавшего к одной из самых богатых семей Мардина, а кроме того, это был повод проявить свои риторические способности. Он обратился к депортированным, как будто зачитывал им приговор: «Вчера империя предоставляла вам тысячу привилегий, а сегодня она дарует вам три пули»¹.

Этих известных горожан разделили на три группы: одну группу из ста человек убили в пещерах Шейхана, еще ста мужчинам перерезали горло и сбросили их в «римские колодцы» в Зирзаване в часе пути от Шейхана, оставшихся двести человек убили на следующее утро 11 июня в ущелье, расположенном дальше на север. Малоян принял смерть последним от рук начальника полиции Мемдуха поблизости Каракопру. Только через год информация о постигшей этих людей судьбе просочилась наружу. Власти даже взяли на себя труд предъявить подписанную судебно-медицинским экспертом справку о том, что Малоян умер в пути от сердечного приступа².

Разделавшись с элитой, власти приступили к ликвидации остальных людей. 11 июня были задержаны двести шестиде-

сят шесть мужчин, в том числе сто восьмидесят армян. Сначала их подвергли пыткам, а затем 14 июня тоже отправили по дороге в Диарбекир под конвоем начальника жандармерии Абдулкадир-бея. Когда колонна добралась до пещер Шейхана, мужчин раздели и планомерно отобрали у них ценные вещи. 15 июня на рассвете с ними расправились курды из близлежащих районов. Остальных повели в Диарбекир: неармяне попали под «амнистию», а армян снова вернули в мардидскую тюрьму. В свидетельстве сирийских очевидцев, подробно описывающих этот эпизод, говорится, что в Шейхан в сильной спешке прибыли жандармы из Диарбекира с приказом отложить уничтожение оставшихся в конвое людей³. Ив Тернон, цитируя телеграмму министра внутренних дел от 12 июля⁴, утверждает, что центральное правительство, возможно, не отдавало приказа об уничтожении сирийцев-христиан, а это была скорее инициатива местных властей, проявивших в этом случае определенную самостоятельность. Вероятнее всего, решение правительства младотурок о приостановлении операций против неармянского населения было вызвано резкой критикой в определенных дипломатических кругах в Константинополе, получивших информацию о расправе с католиками. По крайней мере, операции были приостановлены в городах, где имелись иностранные свидетели⁵.

Внезапная приостановка операций 15 июня в любом случае свидетельствует о том, что приказы центрального правительства исполнялись. Тот факт, что выполнение программы уничтожения было возобновлено только 2 июля, также подтверждает, что Стамбул расстроил планы мардинского «комитета по исполнению», которому, вероятно, следовало дожидаться инструкций до того, как приступить к действиям. 2 июля все вернулось на круги своя: шестьсот мужчин, среди которых находились несколько оставшихся в живых мужчин из второго конвоя, отвели под охраной к городским стенам, где без долгих колебаний казнили⁶.

¹ Ibid. Pp. 124–125, n. 22 à 27 для сносков.

² Ibid. Pp. 126–127.

³ Ibid. Pp. 134–135.

⁴ Тернон цитирует ее, ссылаясь на кн.: *Aydin S.* Op. cit. Оригинал, см.: BOA, DH. şfr № 54/406, шифрованная телеграмма министерства внутренних дел в вилает Диарбекир от 12 июля 1915 г.: *Armenians in Ottoman Documents (1915–1920)*. P. 75.

⁵ *Ternon Y.* Op. cit. P. 136.

⁶ Ibid. P. 139.

Дальше все происходило по классической схеме: 13 июля Мемдух-бей начал вызывать женщин и вымогать у них крупные суммы денег в обмен на их «спасение». Суммы составляли от 350 до 750 турецких лир золотом и присваивались тремя мардинскими главарями, т.е. самим Мемдухом, Бедриддином и Шакиром¹. 15 июля женам известных людей, включая женщин из двух самых богатых семей в Мардине Джинайи и Каспо, предложили воссоединиться с их мужьями в Диарбекире. Им разрешили взять с собой деньги и драгоценности. Как и в Диарбекире, за женщинами, детьми, стариками и еще несколькими мужчинами, избежавшими облавы, прислали казенные автомобили. 17 июля в сопровождении жандармов под командованием черкеса Шакира в путь тронулся последний конвой, состоявший из двухсот пятидесяти человек. Однако на выходе из города их остановил начальник полиции Мемдух, предложивший депортированным отдать ему деньги и драгоценности, чтобы не дразнить «курдских и арабских грабителей», после чего конвой продолжил свой путь на юг². Вечером он прибыл в Имам Абдул близости Тел-Армена, где его ждал главный судья военного суда в Диарбекире Тевфик-бей (о роли которого в массовых убийствах в Вираншехире и Дерике нам уже известно)³. Тевфик начал с убийства нескольких человек, в том числе Погоса Каспо и Тиграна Джинайи, а затем приказал уничтожить всех остальных. Бандиты Тевфика и жандармы методично уничтожали одну семью за другой: сначала у них отбирали последние вещи, потом вытаскивали из машины, раздевали, иногда подвергали насилию, а затем резали ножами или расстреливали. Госпожу Джинайи подвергли более изощренной пытке: сначала ей отрубили кисти рук, а затем обезглавили. Пока шла резня, курдские чете похитили нескольких молодых женщин и детей, а позднее продали часть своей добычи. К полночи с конвоем было полностью покончено⁴.

Четвертый конвой, состоявший приблизительно из трехсот мужчин, в том числе людей, уцелевших после резни 15 июня и узников Тел-Армена, отправился из Мардина 27 июля. Этим людям убили, а их тела сбросили в подземные цистерны Дары с их прекрасными каменными сводами. Последних оставшихся в живых мужчин, которые были призваны на военную службу, уничтожили позднее малыми группами по дороге на Нисибин: пятьдесят из них убили 12 августа за крепостью и еще двенадцать 24 августа у близлежащего монастыря Мар-Микаэл. Семнадцать армяно-каменщикам, строившим минарет мечети эль-Шахия, была дарована отсрочка — с ними покончили только в октябре 1915 г.⁵.

Остальное армянское население Мардина постепенно депортировали с конца июля до конца октября 1915 г. Часть депортированных во втором конвое семей добралась до Рас-аль-Айна, а затем и Алеппо. Третий караван, состоявший из около 600 человек, вышло 10 августа; четвертый, содержащий 300 депортированных, 23 августа; пятый, состоящий из 125 женщин и детей, вышел 15 сентября. Большинство депортированных были убиты по дороге, особенно в Салахе и Харине. Некоторые добрались до Мосула или Алеппо, а другие сумели пойти менее смертельным маршрутом, ведущим в Хомс, Хаму и Дамаск⁶.

На фоне этого разгула насилия были и отдельные гуманные поступки. Так чеченцы из Рас-аль-Айна спасли от четырехсот до пятисот армян, отведя их в горный район Синджар, населенный езидами. Разумеется, чеченцы, активно участвовавшие в операциях д-ра Решида и сыгравшие главную роль в кампании осенью 1916 г., по уничтожению десятков тысяч депортированных в концентрационных лагерях Рас-аль-Айна и Дер-Зора, получили «награду» в десять или двадцать турецких лир на каждого⁷, однако в других случаях обещанных или отданных денег было недостаточно для спасения чело-

¹ Ibid. Pp. 140–141.

² Ibid. Pp. 142–143.

³ См. выше, с. 407.

⁴ Ternon Y. Op. cit. Pp. 143–144.

⁵ Ibid. Pp. 145–146; Simon H. Op. cit. Pp. 89–90.

⁶ Ternon Y. Op. cit. Pp. 146–147; Ретор и Симон являются главными источниками сведений об этих событиях.

⁷ Op. cit. P. 266, свидетельство «халдея».

Депортации и погромы: Диарбекир

веческих жизней. Как бы то ни было, прочие христианские конфессии в Мардине, за редким исключением, избежали участи армян.

Следует отметить также, что размещенные в Мардине чете и курдские племена принимали активное участие в ликвидации конвоев депортированных, приходивших с озера. Отец Гиацинт Симон составил наглядную хронологию: с 1 по 5 июля в Мардин после тридцати пяти дней пути прибыли два каравана, в составе которых было от двух до трех тысяч женщин. На несколько часов их оставили во дворе армянской католической церкви, после чего отправили по южной дороге на верную смерть¹. 20 июня между Диарбекиром и Мардином было уничтожено двенадцать тысяч женщин и детей. 7, 8 и 9 июля на небольшом расстоянии от Мардина под непосредственным командованием Мемдух-бея были убиты конвои с женщинами из Диарбекира и Харпута². 10 сентября между Диарбекиром и Мардином вырезали восемь тысяч женщин и детей из Харпута и Эрзурума. Еще две тысячи людей из этого же конвоя истребили на окраине Нисибина 14 сентября³.

Разграбление имущества армян в Мардине породило немало абсурдно-комических сцен и сделала город похожим на строительную площадку. Целые толпы людей усердно копали землю вокруг и внутри армянских домов в поисках спрятанных сокровищ. Миф о золоте армян, продолжающий существовать и в наши дни, возбуждал в людях жадность к наживе. После того, как с окончанием первой волны массовых убийств закончился период легкой добычи денег, наиболее предприимчивые перекинулись на торговлю женщинами. 15 августа 1915 г. в Мардине впервые провели открытую продажу молодых армянских женщин. Покупателям пришлось раскошелиться и заплатить от одной до трех турецких лир за голову, в

зависимости от возраста и красоты предлагаемой женщины⁴.

Единственное в Мардинской казе армянское село Тел-Армен населяли мусульмане и более тысячи двухсот католиков, в основном — армян. Только 11 июня здесь арестовали несколько уважаемых сельчан и двух армянских приходских священников отца Антона и отца Минаса. Их предали смерти в Шейхане в тот же день, что и известных горожан из Мардина. Аресты мужчин от десяти до семидесяти лет начались по приказу мюдира Тел-Армена Хыдыр-оглу Дервиша 18 июня и продолжались в течение нескольких последующих дней. После заключения под стражу в одной из двух армянских церквей этих мужчин отвели под конвоем на дорогу в Гулие [Ксор], где их убили местные курды. С некоторыми женщинами и детьми расправились в другой армянской церкви или в открытом поле⁵. 9 июля 1915 г. немецкий посол сообщил канцлеру Бетманну-Гольвегу о массовой резне в Тел-Армене⁶. Он, правда, не знал, что городок был полностью разграблен и затем предан огню по приказу видного члена мардинского «комитета по исполнению» Халила Эдип-бея, который взял на себя труд лично руководить этой операцией⁷.

Как мы видим, во всей Мардинской казе удалось спастись только части христианеармян, проживавших в административном центре. В сельских районах жителей сирийских деревень постигла та же судьба, что и армян. Повсюду использовались одинаковые методы. Ив Тернон составил опись массовых убийств: например, 3 июля в Гулие [Ксоре] — более одной тысячи православных и католических сирийцев; 16 июня и позднее в Мансуриехе — более шестисот сирийцев, как католиков, так и православных, а также в Калат-Маре, Масерте, Бафуа и, наконец, в Бенебиле, где налетам чете было оказано сопротивление⁸.

¹ Simon H. Op. cit. P. 55.

² Ibid. Pp. 56, 85.

³ Ibid. P. 90.

⁴ Ibid. P. 78.

⁵ Ternon Y. Op. cit. Pp. 158–161. Автор приводит многочисленные данные, в частности отца Симона, которые указывают на 1500 армян-католиков, которые были казнены начиная с 1 июля.

⁶ Телеграмма Вангенхайма от 9 июля 1915 г. канцлеру Бетманну Гольвегу: *Lepsius J. (ed.). Op. cit., doc. 106. Pp. 102–103.*

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 539, Liste des coupables pour le vilayet de Dyarbekir, Mardin.

⁸ Ternon Y. Op. cit. Pp. 161–166.

Мидьят и сирийский «мятеж» в Тур-Абдине

В Мидьяте, административном центре казы, проживало приблизительно семь тысяч человек. Большую часть жителей составляли православные сирийцы, а еще там было 1452 армянина-католика и несколько протестантов¹. Каймакам Шукри-бей, назначенный на этот пост 28 февраля 1915 г. и остававшийся в этой должности до 10 июля 1917 г., был настроен к ним доброжелательно вплоть до начала июня. 21 июня он отдал приказ о проведении в домах христиан обысков и арестовал около ста мужчин, включая д-ра Намана Карагуляна (протестанта), которых затем убили за городом в местечке «Родники Сайты»². Когда новость об их смерти дошла до города, его жители оказали сопротивление, которое продержалось до конца осени. Батальоны курдских ополченцев, многие из которых прибыли издалека, не сумели взять Мидьят³. Жители других мест казы, например, две тысячи православных и католических сирийцев из Кырбурана, шестистам из которых удалось бежать, а также сирийцы-католики из Кырзхауса, Баты, Киллета и Хисн-Кайфы были убиты или скрылись в горном районе Тур-Абдин в июне 1915 г.⁴.

Если мы хотим понять причины отчаянного сопротивления, которое православные сирийцы Тур-Абдина оказывали с июля 1915 г., мы должны рассматривать события в Айнварде, православной сирийской деревне в восточной части Мидьята, и в Азахе в контексте массовой резни, творимой властями в Мардинском санджаке. Это сопротивление, получившее официальное название «мятеж в Мидьяте», показало, что курдским регулярным и иррегулярным войскам не удалось достичь своих целей, а именно — истребления этого сельского населения, которое быстро осознало, что их готовят к уничтожению. В октябре в Мидьят были на-

правлены контингенты 3-й, 4-й и 6-й армий, которые должны были покончить с этими «мятежниками». Даже турецко-немецкий экспедиционный корпус под совместным командованием члена Центрального комитета Иттихада и офицера Специальной организации Омера Наджи и немецкого вице-консула в Эрзуруме Шойбнер-Рихтера был отвлечен от своей первоначальной цели — Тавриза для оказания помощи при наступлении на этот анклав православных сирийцев, которые будто бы «жестоко разделались с мусульманским населением региона»⁵.

Эти обвинения, к которым прибегали и на севере для легализации творимого государством насилия, конечно, не подтвердил ни один другой источник. Более того, Наджи, от которого исходило обвинение, не называет деревень, уроженцами которых были эти предполагаемые мусульманские жертвы. В очередном донесении немецкому канцлеру Макс фон Шойбнер-Рихтер, безусловно, не подозревавший, что Наджи передал такие примитивные обвинения в Стамбул, отметил, что «мнимые «мятежники», представленные ему как «армяне», окопались в городе, потому что боялись массовой резни»⁶. Наджи, которого немецкий офицер описал как одного из умеренно настроенных членов Центрального комитета Иттихада, тем не менее, заставил Шойбнер-Рихтера поверить, что защитники Азаха являются «армянскими мятежниками» и ему следует вместе с его немецким контингентом принять участие в их ликвидации⁷. Шойбнер-Рихтер, однако, понял, что этот маневр, который он приписывает Халилю [Куту], был придуман просто для того, чтобы склонить его к принятию «соглашательской позиции в армянском вопросе»⁸. Этот эпизод из истории германо-турецкого военного сотрудничества характеризует методы дезин-

¹ *Kévorkian & Paboudjian*. Op. cit. P. 415.

² *Simon H.* Op. cit. P. 87.

³ *Ternon Y.* Op. cit. Pp. 167–170.

⁴ *Ibid.* Pp. 170–173.

⁵ Телеграмма полковника Омера Наджи от 12 октября 1915 г. главнокомандующему; шифрованная телеграмма Айдар-бея, вали Мосула, от 12 октября 1915 г., генеральному штабу: *Ataşe Arşivi, KOL: BDH, KLS: 17, dos.: 81/FIH: 27*, цитирован в кн.: *Isra Israfil Kurtcepe, «Birinci dünya savaşında bir süryani ayaslanması», Osmanlı Tarihi Arastırma ve Uygulama Merkezi Dergisi 1993/4, s. 291–296.*

⁶ Свидетельство Шойбнера-Рихтера от 4 декабря 1916 г. канцлеру Бетманну Гольвергу: *Lepsius J. (ed.)*. Op. cit., doc. 309. Pp. 234–240 (в частности с. 236).

⁷ *Ibid.* P. 236.

⁸ *Ibid.* P. 236. В шифрованной телеграмме от военного министра Энвера от 28 октября 1915 г. коменданту 3-й армии Махмуду Камилу действительно упоминаются сирийские повстанцы, которые сражались бок с

формации, которые использовали руководители младотурок, чтобы вовлечь немцев в применение насилия против армян. Он показывает, как было трудно немецкому офицеру осмыслить сложность ситуации. В данном случае он понял, что им манипулируют, но так и остался в неведении, что «мятежники» были не «армянами», а православными сирийцами. Он также подтвердил, что пропаганда младотурок, касающаяся «внутренних врагов», была направлена исключительно против «армянских мятежников». Прилагательное «армянский» некоторым образом придавало планируемой против сирийцев Тур-Абдина военной операции более законный характер. Обвинение в массовом убий-

стве мусульман, исходившее от «умеренного» Омера Наджи, тоже, без сомнения, было рассчитано на ретроспективное оправдание уже совершенных в Диарбекирском вилайете преступлений. То, что немецко-турецкий экспедиционный корпус был отвлечен от его первоначальной цели, еще более характеризует приоритеты турецкого генерального штаба, гораздо более озабоченного «своими» христианами, наступления со стороны которых вряд ли можно было опасаться, чем военными целями. Задержанный проведением этих операций, экспедиционный корпус Наджи и Шойбнера был вынужден с приходом зимы отказаться от идеи наступления на Тавриз.

Савур

В казе Савур, как и в Мидьяте, армяне жили только в административном центре, где накануне войны их было едва ли больше тысячи человек¹. Каймакам Явер-бей, находившийся в этой должности с 15 января 1914 г., 2 мая 1915 г. был от нее освобожден, вероятно, по просьбе д-ра Решиды и по тем же причинам, что и его коллеги в других районах Диарбекирской провинции. В тот же день на его место был назначен Мехмед Али-бей, про-

служивший там очень недолго, до 1 октября 1915 г. Однако ему хватило этого времени, чтобы арестовать и уничтожить всех мужчин этого небольшого городка, как армян, так и православных сирийцев. Убийство свершилось за городом в июне 1915 г. После него начался вывод из Савура детей и женщин, который закончился в Карабхонде недалеко от Нисибина, а точнее, в огромном колодце, куда сбросили тела последних сосланных².

Джезира/Джизре

В Джезире, самой восточной казе Диарбекирского санджака, концентрация армян была выше, чем в других его районах. Кроме 2716 армян, проживавших в Джезире и одиннадцати окрестных деревнях, по казе странствовали еще 1565 армянских кочевников, христиан, ведущих курдский образ жизни³. Каймакам Джезиры Халил Сами, служивший в этой должности с 31 марта 1913 г., был освобожден от нее 2 мая 1915 г. и сразу заменен Кемаль-беем, выполнявшим обязанности каймакама до 3 ноября 1915 г. Сопротивление в Тур-Абдине, без сомнения,

затянуло нападение на этот район. Уничтожение сельских жителей началось 8 августа и продолжалось в течение нескольких дней. Выжили единицы⁴. Административный центр, тоже под названием Джезира, не трогали вплоть до 28–29 июня. В первый день были убиты православные и католические сирийские священники. На следующий день арестовали, подвергли пыткам и убили всех армянских мужчин и многих православных сирийцев и католиков⁵. В этом племенном регионе жизнь вращалась вокруг оружия, и властям всегда приходилось учитывать силу

бок с армянами: Ataş Arşivi, KOL: BDH, KLS: 17, dos.: 81/Fhr. 32, цитирован в кн.: İsrail Kurtcephe, «Birinci Dünya savaşında bir süryani ayaslanması», s. 293.

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 415.

² Ternon Y. Op. cit. Pp. 175–176, цитирован в кн.: Armatto I. Op. cit. P. 413.

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 415. Этими деревнями были: Арнабад, Мезер, Тильдар, Перек, Бебет, Джерахи, Хнтук, Дждер, Кеошер и Захо.

⁴ Simon H. Op. cit. P. 88.

⁵ Свидетельство Гогенлоэ от 11 сентября 1915 г. канцлеру Бетманну Гольбергу: Lepsius J. (ed.), Archives du génocide des Arméniens. Op. cit., doc. 167. Pp. 146–147; Ternon Y. Op. cit. Pp. 179–180.

влияния местных племен. Здесь, более чем где-либо, население, которое современники называли «примитивным», было втянуто при подстрекательстве властей и при «участии регулярной армии» в безграничное насилие, едва сдерживаемое религиозными представлениями. Здесь мужчинам-христианам перерезали горло на окраине города, как если бы совершили ритуальное жертвоприно-

шение, а их тела сбросили в Тигр. Женщин и детей 1 сентября отправили на плотах в сторону Мосула. Некоторым повезло больше, т.к. их похитили курды. Остальные утонули¹. 22 сентября на расстоянии трех часов пути от Джебзир на глазах у Халилия [Кута] были ликвидированы двести солдат-рабочих из Эрзурума. Легко представить, какую роль играл Халил в этих последних массовых убийствах².

Нусайбин/Нисибин

В южной Нисибинской казе в Месопотамии было всего девяносто армян. Все они жили в административном центре с тем же названием³. Среди других жителей были православные и католические сирийцы, курды и около шестисот евреев. Каймакам Назим, занимавший этот пост со 2 марта по 17 сентября 1915 г., 16 августа арестовал известных христиан, включая православного сирийского епископа, и в тот же день приказал казнить их недалеко от города. Их тела были сброшены в шестьдесят пять колодцев, в которых также нашли место своего последнего упокоения тысячи депортированных, прибывших с севера⁴.

Местечко Дара в северной части Нисибина стало ареной непрекращавшихся кровопролитий. Видимо, руины древнего города были выбраны в качестве «поля смерти». В дополнение к описанным выше массовым убийствам следует упомянуть массовое уничтожение семи тысяч депортированных из Эрзурума, совершенное в Даре 11 июля 1915 г. Тела погибших были сброшены в огромные цистерны византийского города⁵. Согласно данным, собранным британской разведкой, ответственность за совершенные в Нисибинском районе массовые убийства полностью лежит на Али Ихсан-паше, который в то время служил в Месопотамии в составе 6-й армии⁶.

Вопросы, касающиеся погромов в вилайете Диарбекир

Неоднократные замены каймакамов и мутесарифов, которые происходили преимущественно в курдской Диарбекирской провинции в мае-июне 1915 г., говорят о том, что центральным властям и ее представителю в Диарбекире д-ру Решиду было нелегко находить среди местных правительственных чиновников поддержку своей политике истребления армянского и сирийского населения. Курдско-черкесскому роду Зи́и Гёкалп, в частности Пиринджи-заде Фейзи, пришлось приложить немало личных усилий⁷, чтобы добиться сотрудничества от

вождей курдских племен. Однако предпринятые д-ром Решидом в его вилайете действия оказались наиболее эффективными. В предъявленных в апреле 1919 г. военному суду Стамбула показаниях генерала Вехиба говорилось: «Преступления, совершенные в Диарбекирской провинции, по своему масштабу и трагизму не могут сравниться ни с какими другими, упомянутыми мной преступлениями. Как нам теперь известно, жертвами этих преступлений стали даже сирийцы и греки, а такие известные роды как Шазазбанис, которые на протяжении веков

¹ Ibid. Pp. 180–182.

² Simon H. Op. cit. P. 91.

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 415.

⁴ Ternon Y. Op. cit. Pp. 182–184; Simon H. Op. cit. P. 12.

⁵ Ibid. P. 86.

⁶ Public Record Office, F.O. 371/6503, № 264, файл заключенного № 2667, Али Ихсан, стажировался на Мальте, обвиняется в совершении массовых убийств в регионах Ван, Нисибин и Урмия, где он лично убил в больнице американского пациента Джона Нуши.

⁷ APC/PAJ, З 158, досье Зи́и Гёкалпа, родившегося в Диарбекире, член ЦК Иттихада.

демонстрировали преданность государству и верно ему служили, были убиты вместе с детьми, а их имущество было незаконно изъято¹. Однако, как подчеркивает Ганс-Лукас Кайзер, Решид не был исключением среди младотурецкой элиты того времени. Напротив, он был ее типичным представителем вопреки утверждениям многих современных турецких ученых². Крайние меры насилия, к которым он прибегал для устранения нетурецкого населения в его вилайете, были, по его мнению, оправданы высшими интересами его партии и всей «турецкой нации».

Зверства, творимые в Диарбекирском вилайете, вызывают также вопрос о характере преступлений, совершенных против католических и православных сирийцев в районе их преимущественного проживания, сохранившего их главные исторические памятники. Имеющиеся свидетельства этих событий показывают, что в результате проведенных местными властями преследований в среднем было ликвидировано 60% этих групп населения. Однако значение имеет не только масштаб этого преступления, а, что еще более важно, стоящая за ним намерения, направленные на геноцид. Иными словами, следует определить, принял ли Центральный комитет младотурок решение об истреблении этого населения, как в случае с армянами. Как мы уже отмечали, Ив Тернон склоняется к тому, что решение исходило от местных властей, которые, по его мнению, обладали самостоятельностью, хотя бы и не в полной мере. Действительно, содержание телеграммы, направленной Мехмедом Талаатом д-ру Решиду 12 июля 1915 г.³, создает впечатление, что местные власти превысили свои полномочия. Но здесь также следует учитывать, что приказ Талаата о приостановлении массовых убийств сирийского населения мог быть вызван бурной реакцией

в дипломатических кругах, особенно со стороны австро-венгерских дипломатов и Ватикана, на преступления против католиков и монофизитов⁴. Центральным властям было гораздо сложнее получить одобрение рассуждений о «внутреннем враге» в отношении этих христиан, у которых, в отличие от армян, не было своего политического представительства в Стамбуле, а также значительного экономического и демографического веса или большой территории расселения.

Тот факт, что массовые убийства в Мардине были приостановлены почти на месяц до поступления «официальной» телеграммы из министерства внутренних дел, даже несмотря на то, что они продолжали свирепствовать на периферии и в сельских районах, является достаточной причиной, чтобы узнать, не была ли пощада неармянских христиан в Мардине (следует напомнить, что их элита погибла вместе с армянской) попыткой Талаата скрыть цели своей партии в отношении сирийцев и представить последствия собственных приказов как превышение полномочий местными властями. Тюркистская идеология иттихадистов, их стремление искоренить или уничтожить нетурецкое население склоняет нас к мнению, что Центральный комитет младотурок принял решение об истреблении сирийского населения вместе с армянским в качестве дополнительной меры. Характер д-ра Решиды исключает возможность необдуманного шага с его стороны. Он был одним из основателей движения младотурок, дисциплинированным, честным чиновником высокого ранга, который неустанно боролся с халатностью и продажностью османской администрации и моментально принимал решения об увольнении тех, кто не подчинялся его приказам. Можно даже сказать, что он был из числа редких высокопоставленных

¹ Extrait de la déposition de Vehib pacha, datée du 5 décembre 1918: «Takvim-i Vakayi», № 3540, du 5 mai 1919. P. 7, col. 2, et déposition complète de 12 pp. manuscrites: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, L 171–182.

² Kieser H. Op. cit. P. 268.

³ BOA, DH, sfr № 54/406, шифрованная телеграмма министерства внутренних дел от 12 июля 1915 г. в вилайет Диарбекир: Armenians in Ottoman Documents (1915–1920). P. 75.

⁴ См., в частности, переписку между дипломатами, опубликованную в Константинополе и Берлине, особенно письмо Гогенлоэ от 4 сентября 1915 г. канцлеру Бетманну Гольвегу, в котором Гогенлоэ сообщает канцлеру, что он получил немецкий перевод «различных телеграфных приказов», изданных Талаатом: «Он сам стремился доказать, что центральное правительство делало серьезную попытку положить этому конец». Тем не менее, только несколько дней назад, добавляет Гогенлоэ, министр заявил в его присутствии: «Армянского вопроса больше не существует»: Lepsius J. (ed), Deutschland und Armenien, Berlin-Potsdam, 1919, doc. 160. S. 147; Weber F. G. Op. cit. Pp. 150–152.

чиновников, до конца исполнявших все приказы центральных властей, поскольку верил в их полезность. Следует также иметь в виду, что д-р Решид одновременно исполнял обязанности руководителя Специальной организации в Диарбекире и, следовательно, нес ответственность за две иерархические структуры власти, по крайней мере одна из которых, Специальная организация, доказала свою эффективность и способность недвусмысленно навязывать свои решения. Хроническое насилие, характерное для этого региона, можно было бы, хотя и с натяжкой, объяснить местными притеснениями, вызванными в том числе жаждой наживы, но

этим никак не могут объяснить те программные методы, которые были применены к сирийскому населению.

Говорящее на сирийском языке население было разделено на множество разных общин, и у каждой конфессии были свои предубеждения по отношению к другим. Но это не должно скрыть того факта, что все сирийцы в целом оказались жертвами геноцида. Истребление сирийцев, не запятнанных обвинениями в ирредентизме, гораздо очевиднее, чем в случае армянского населения, свидетельствует об идеологической природе геноцида, организованного Центральным комитетом младотурок.

С.С. Арутюнян, кандидат исторических наук

ГЛАВА 7

Депортации и погромы в вилайете
Харпут/Мамурет уль-Азиз

Существует множество самых разных источников, касающихся обстоятельств, сопровождавших истребление армянского населения в вилайете Харпут. В дополнение к многочисленным свидетельствам очевидцев¹ у нас имеются официальные османские документы, обнаруженные Константинопольским военным судом во время «Харпутского» процесса² в ноябре 1919 г. — январе 1920 г., и другие документы, опубликованные в сборнике, выпущенном Главным управлением Государственного архива Турции³. Кроме того, в нашем распоряжении подробные отчеты, составленные консулом Соединенных Штатов Лесли Дэвисом⁴ и американскими миссионерами, ставшими свидетелями этих событий⁵. Присутствие в регионе многочисленных граждан нейтрального государства создавало властям Харпута дополнительную, менее знакомую другим регионам проблему, так как им приходилось одновременно следить за выполнением своей программы по истреблению армянского

населения и сводить на нет усилия американцев по спасению как можно большего числа армян. Иначе говоря, при изучении событий 1915 г. в вилайете Мамурет уль-Азиз следует принимать во внимание проблему турецко-американского антагонизма, оказавшего непосредственное влияние на судьбу армян. Этот антагонизм важен для нас еще и потому, что ответы, которые местное правительство давало на ежедневно задаваемые американскими представителями вопросы, помогают нам постичь некоторые стороны организационного аппарата геноцида, ускользающие от нас в других обстоятельствах. Пусть даже американское вмешательство приносило спасение только одной части армянского населения, а именно членам протестантской общины, оно вынуждало вали принимать некоторые предосторожности и тщательно продумывать оправдания жестким мерам и массовым преступлениям, поскольку консул и миссионеры были их непосредственными свидетелями. Надо отме-

¹ *Пираян Н.* Указ. соч. С. 541. Написанная бывшим учителем Евфрат-колледжа, эта книга является наиболее полным и надежным источником. BNu/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, classe 23, Harput. Имеющиеся здесь свидетельства (70 с.) также однозначно освещают события, которые произошли в городах и селах на равнине Харпута, и массовые убийства, совершенные в районе озера Гольхук. Также важны следующие книги: *Гжигян Л.* Моремик и его черный год, Антилиас, 1969 (на арм. яз.); *Миракян А.* Раны и боли, Антилиас, 1960 (на арм. яз.).

² Документы, зачитанные во время процесса 12 апреля 1919 г. и опубликованные в газете: «Takvim-i Vakayi», № 3540, 5 mai 1919. Pp. 4–6, особенно в приложении к предварительному акту обвинения младотурок «Takvim-i Vakayi», № 3771, 13 janvier 1920. Pp. 48–49; особенно обвинительный акт суда Харпута против Бехаеддина Шакира.

³ *Osmanli Belgelerinde Ermeniler (1915–1920)*, T. C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Osmanli Arşivi Daire Başkanlığı, Armenians in Ottoman Documents (1915–1920).

⁴ *Davis L. A.* The Slaughterhouse Province, An American Diplomat's Report on the Armenian Genocide, 1915–1917, ed. By Susan K. Blair, New Rochelle, New York, 1989; (ed.), United States Official Documents on the Armenian Genocide, III, The Central Lands, Watertown, 1995.

⁵ *Riggs H. H.* Days of Tragedy in Armenia, Personal Experiences in Harpoot, 1915–1917, Ann Arbor, 1997; *Maria Jacobsen*, Diary of a Danish Missionary, Harpoot, 1907–1919, ed. *Sarafian A.* Princeton-London, 2001.

тить, что вали иногда удавалось убедить своих западных собеседников в существовании армянского «революционного заговора», но он полностью потерял доверие, когда, например, выдвинул свои обвинения перед преподавателями главного американского образовательного учреждения в Харпуте, Евфрат-колледжа, поскольку миссионеры были лично знакомы с армянами и знали, что те никак не могли быть замешаны в «заговоре». Именно благодаря этим живым картинам из личного опыта американцев можно оценить, насколько согласованными были аргументы, используемые властями для оправдывания своих преступлений.

Другая особенность вилайета Мамурет уль-Азиз состоит в том, что он играл роль опорного или транзитного пункта для депортированных: в 1915 г. почти все караваны депортированных из Трапизона, Эрзурума, Сиваса и восточной части Анкары прошли через эту «кровавую провинцию»¹ и потеряли там многих своих попутчиков. Концентрация в санджаке Малатъя большого числа полей смерти, к которым были надолго приписаны некоторые отряды Специальной организации, дает нам представление об используемых властями методах уничтожения депортированных, о проводимых бандитами операциях и о маршрутах конвоев. Мезре использовали также как главную тыловую базу 3-й армии. Сюда направляли раненых солдат с Кавказского фронта, а кроме того, он служил убежищем для гражданского мусульманского населения, спасавшегося от наступления русских.

Третьей отличительной чертой этого вилайета можно назвать его северный район, Дерсимский санджак. Практически неподконтрольный в то время властям, он был единственным возможным убежищем для армянских беженцев, которые шли из провинции Харпут или через нее. Такое положение вещей заставило власти разработать механизм, позволявший им контролировать хотя бы доступ к Дерсиму (раз уж они не смогли установить военное превосходство над всем районом), чтобы исключить для депортированных возможность ускользнуть из их системы.

Относительная удаленность вилайета Мамурет уль-Азиза от зон военных действий сводит на нет заявления о необходимости обеспечения безопасности, которые применялись по отношению к другим районам. При ближайшем рассмотрении их явно недостаточно, чтобы скрыть стремление младотурок к достижению «однородности» населения. Расположенный в точке слияния двух рукавов Евфрата, этот регион накануне Первой мировой войны включал двести семьдесят девять городов и сел с общей численностью армянского населения 124 289 человек. В нем было двести сорок две церкви, шестьдесят пять монастырей и двести четыре школы, в которых учились 15 632 ученика². За этой статистикой скрывается достаточно неоднородное общество: большую часть населения составляли крестьяне, производившие основной объем сельскохозяйственной продукции вилайета; также немалый слой представляли ремесленники и торговцы, установившие практически полный контроль над местным рынком; и, наконец, в это общество входил целый пласт настоящей интеллигенции, большинство из которой получили образование в американском Евфратском колледже Харпута или Армянском центральном колледже. В вилайете существовала очень большая армянская протестантская община. Но ее значение измерялось не столько размерами, сколько, что гораздо важнее, образовательным уровнем ее членов. Культурный разрыв между армянским и турецким (особенно курдским) населением в предвоенные годы все расширялся, как и социально-экономическое неравенство этих двух групп. Регион был тесно связан со своими 26 917 эмигрантами, большинство из которых обосновались в Соединенных Штатах³, что объясняет ускоренную модернизацию армянского общества, по крайней мере его городской части.

Сердце вилайета, его экономический и политический центр, формировали четыре соседствующих города: Харпут, Гусейниг, Кесриг и Мезре. В них было смешанное население, состоящее из 17 198 армян и 13 206 турок⁴. В Мезре/Мамурет уль-Азизе, который располагался на равнине, разме-

¹ Это выражение часто повторяется в свидетельствах Дэвиса: *Davis L. A. Op. cit.*

² *Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 353–391. Karpat K. Op. cit. P. 182.* Автор дает число армян в 1914 г. равное 87 864 чел.

³ *Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 358.*

⁴ *Ibid. P. 360.*

шался целый ряд учреждений: органы государственного управления вилайета, 11-й армейский корпус под командованием бригадного генерала, переведенный в Мезре 25 июля/8 августа, американский госпиталь, мемориальная больница Анни Трейси Риггз, возглавляемая д-ром Генри Аткинсоном, американское консульство и немецкая миссия, возглавляемая Йоханнесом Эйманном, бывшим офицером, который стал протестантским священником.

Всеобщая мобилизация, начавшаяся 3 августа 1914 г., повергла город в хаос. Глава американской миссии Генри Р. Риггз дает нам подробное описание царившего беспорядка. Он вспоминает, что в городе были расклеены объявления и глашатаи сообщали о мобилизации мужчин от двадцати до сорока пяти лет (в других районах соответствующие ограничения по возрасту были от восемнадцати до сорока пяти), которым завалось пять дней для зачисления в армию. По словам Риггза, массы «быстро и лояльно» ответили на призыв, но призывные комиссии работали медленно и демонстрировали некоторую «расхлябанность»¹. После нескольких дней ожидания сбора многие курды из Дерсима просто вернулись домой и уже больше не появлялись. Без сомнения, самыми занятыми офицерами были доктора, направо и налево раздававшие освобождения тем, кто не пожалел денег. Риггз объясняет сопутствующие мобилизации беспорядки неопытностью офицеров. В частности, он видел, как одни приказы противоречили другим, и если одни требовали в первую очередь призывать мужчин до тридцати одного года, то другие — до сорока лет. В списках людей, освобожденных от военной службы, было невозможно разобрать причину освобождения: по здоровью ли, в результате уплаты выкупа или в силу возрастных ограничений. Основной причиной был царивший в призывном пункте «хаос», где в один прекрасный день «был утерян подготовленный

накануне список прошедших регистрацию», в результате чего некоторые получившие освобождение от службы мужчины попали в дезертиры и были арестованы². Офицерская несообразительность или пренебрежение по отношению к крестьянам, особенно курдам, не понимавшим по-турецки, совершенно не соответствующее жилье для новобранцев, зависимость продовольственного снабжения солдат от щедрости местного населения и нехватка оружия и снаряжения — все это привело к тому, что на фронт фактически прибыли «только пятнадцать процентов мужчин»³. Риггз также отмечает, что между армянскими и мусульманскими призывниками существовала некая связывающая их «солидарность», так как они испытывали одинаковый страх перед предстоящими боями, который не могло побороть объявление священной войны⁴.

Местное население было возмущено злоупотреблениями, сопровождавшими военные реквизиции, что заставило армянского архиепископа Бсага Тер-Хореняна подать местным властям официальный протест⁵. В результате реквизиций стали возможными массовые незаконные присвоения продовольствия, сельскохозяйственных животных, одежды, шерсти и всего прочего⁶. Этой коррупцией управляла комиссия, отвечавшая за «военные контрибуции» (*teklif-i harbiyye*), которая была создана осенью 1914 г., под покровительством местной организации иттихадистов⁷. Руководил этой организацией Бошнак Реснели Назим-бей, инспектор КЕП в Мамурет уль-Азизе. Его поддерживали ответственный секретарь КЕП и глава школьной системы вилайета Ферид-бей, член местного совета Иттихада Шедих-заде Фехми, депутат парламента от Дерсима и глава регионального отделения Специальной организации Наджи Балаш-заде Мехмед Нури-бей, депутат юнионистов Балаш Мустафа-эфенди, муфтий Ходжа-бей-заде и член общего совета вилайета Хаджи Фейзи⁸.

¹ Riggs H. H. Op. cit. Pp. 3–4.

² Ibid. Pp. 4–6.

³ Ibid. P. 7.

⁴ Ibid. P. 15. Автор упоминает, в частности, случай турецкого солдата из Эгина, которого, «как брата», спас соратник-армянин.

⁵ Гайк В. Харпут и его золотое поле. Нью-Йорк, 1915. С. 1415 (на арм. яз.).

⁶ Пираниян Н. Указ. соч. С. 73–74.

⁷ Там же. С. 78.

⁸ АРС/РАЖ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 430, 467, 474, ответственные за депортации и погромы в регионе Харпута.

У нового вали, Сабита Джемал Шагир-оглу, назначенного на эту должность в начале сентября 1914 г., была довольно интересная биография¹. Если такие же посты в Ване, Битлисе и Диарбекире занимали близкие друзья или родственники Энвера и Талата, образованные люди, говорившие по-французски, то вали Сабит был воспринят американским консулом как «чрезвычайно невежественный и некультурный человек... с грубыми манерами», правда, «с достаточной природной проницательностью»². Дипломат даже сообщает нам, что новый вали провел всю свою жизнь среди курдов и «единственной государственной должностью», которую он занимал до получения поста в Мезре, была должность мутесарифа Дерсима³. С другой стороны, Дэвис не знал, что Сабит Джемал Шагир-оглу происходил из феодальной семьи, проживавшей в районе Кемах⁴. Его знакомство с курдами Дерсима и его социальное положение доходчиво объясняют, почему правительство сделало такого человека вали региона, в котором значительный политический вес принадлежал турецким ага и курдским бекам.

11 сентября 1914 г. у американского консула Лесли Дэвиса и главы американской миссии в Харпуте Генри Риггза появился шанс познакомиться с новым вали. Они были представлены вали в тот же день, когда агентство «Милли» объявило об отмене капитуляций (решение должно было вступить в силу 1 октября), что привело его в очень хорошее расположение духа. Риггз не ошибся, когда сказал, что отмена этих привилегий ставит американские благотворительные учреждения в зависимость от милости турецких властей⁵. Действительно, после отмены капитуляций начался постепенный захват американской собственности, которую власти изымали шаг за шагом под тем или иным

ложным предлогом. Основное намерение заключалось в устранении этих «иноземцев» и сокращении их влияния в регионе. В последующие недели консулу и миссионерам, напуганным полной потерей своих зданий и земли, оставалось только через некоторых османских друзей взывать к «милостивому великодушию вали»⁶. Усилия, направленные на завладение американским имуществом, были направлены, в первую очередь, на Евфрат-колледж в Харпуте, символ американского влияния в регионе. Была высказана «очень вежливая» просьба о возможности использования одного из зданий колледжа, «зрительного зала», который армия собиралась превратить в казармы. Через несколько недель были конфискованы школа для девочек и семинария. В качестве оправдания этой конфискации вали указал риск эпидемии тифа, заставивший его принять профилактические меры и закрыть американские школы. Усилия правительства завершились только 26 марта, когда власти получили в свое распоряжение Евфрат-колледж (по мнению Риггза, не представлявший для армии никакого интереса) и издала приказ об окончательном закрытии школ. Американский консул попытался вмешаться и направил обращение в посольство в Стамбуле, но его вмешательство не остановило полковника и шефа полиции, лично явившегося взять на себя ответственность за здания, которые американцы отказались сдать «добровольно»⁷.

Другому престижному американскому учреждению, Мемориальной больнице Анни Трейси Риггз, находившейся в Мезре, частично удалось избежать судьбы колледжа в Харпуте благодаря тому, что Американский Красный Крест объявил в декабре 1914 г., что возьмет на себя обязательства по обслуживанию ста койко-мест, предназна-

¹ Сабит, также известный как Сагир-заде, родился в Кемахе (в Эрзинджанском санджаке) в 1881 г. При кемалистском режиме он служил в качестве вали Эрзурума и был основателем и директором Зираат Банкаси. В течение нескольких сроков он был депутатом парламента от Эрзинджана, а затем и Эль-Азига. Он умер в Стамбуле в 1960 г.: Adnan İşik, Malatya, Adıyaman, Akçadağı, Arabkir, Besni, Darende..., 1830–1919, İstanbul, 1998, s. 761, n.

² Davis L. A. Op. cit. Pp. 107–108: доклад Госдепартаменту от 9 февраля 1918 г.

³ Ibid.

⁴ İşik, Malatya. Op. cit. P. 761, note.

⁵ Riggs H. H. Op. cit. Pp. 32–33; Davis L. A. Op. cit. P. 107; Jacobsen M. Op. cit. P. 36. Автор дает дату интервью, в котором также участвовал М. Пирс.

⁶ Riggs H. H. Op. cit. P. 33.

⁷ Ibid. Pp. 34–35. Однако власти в конечном счете уступили один этаж школы для девочек; Davis L. A. Op. cit. P. 117.

ченных для раненых солдат, прибывших с Кавказского фронта¹. Таким образом, больница до зимы 1915–1916 гг. служила убежищем для ее армянского персонала. Правда, доступ в нее тщательно контролировался постоянно находившимся на территории отрядом солдат. Кроме того, армянам, сумевшим доказать свое американское гражданство, а также некоторым другим членам протестантской общины, рекомендованным консулу миссионерами, было разрешено остаться в американском консульстве или, в крайнем случае, в большом окружающем его дворе. Постепенную конфискацию зданий, в которых размещались американские учреждения, можно объяснить желанием властей устранить иностранное влияние в стране и, во вторую очередь, нехваткой помещений для казарм и служебных кабинетов. Однако изъятие американских школ по приказу от 26 марта 1915 г. было, без сомнения, спланировано с целью уничтожения любых неподконтрольных властям зон, чтобы перекрыть армянам любую возможность спасения. Об этом свидетельствует и тот факт, что первым действием вали стал арест большинства армянских преподавателей этих школ².

Рост смертности в конце зимы 1915 г. среди призывников, занятых на доставке грузов в Эрзурум, Битлис и Муш, должен был стать причиной для беспокойства среди армян³, как и публичная казнь трех крестьян из деревни Корпе, расстрелянных комендантским взводом перед военным госпиталем за «помощь и пособничество дезертирам»⁴. Риггз, представитель того поколения американских миссионеров, которые родились в Турции и знали турецкий и армянский языки, отмечает, что в предшествующие годы

«существовали некоторые предпосылки приближающейся бури», но это было совершенно нехарактерно для 1915 г., когда «отношения армян к их мусульманским соседям было более дружелюбным и взаимным, чем раньше»⁵. Риггз также отмечает, что настроение изменилось в апреле, когда поползли слухи о «подрывной деятельности», за которыми последовали сообщения о зверствах, совершаемых по отношению к мусульманскому населению русскими и армянами в приграничных районах. Он добавляет также, что слышал «фантастические рассказы» подобного рода от самого вали. Конечно, эти истории вызывали у турок определенное возмущение, но следует отметить, что они никогда не распространялись в официальных изданиях⁶.

Вероятно, армяне почувствовали угрозу гораздо раньше. Во всяком случае, 5 февраля 1915 г. в доме Жана Ширваняна в Мезре состоялось собрание главных армянских политических лидеров, цель которого состояла в оценке ситуации и обсуждении возможности организации самообороны в случае ее ухудшения. Собравшиеся пришли к единодушному заключению, что у армян нет для этого соответствующей подготовки⁷. Возможно, они не знали, что вали Сабит уже начал формировать отряды чете для Специальной организации, о чем свидетельствует телеграмма от 15 февраля 1915 г., на имя мутесарифа Малатьи⁸, дававшая ему три дня для направления чете в Мезре. Армяне, конечно, не могли знать, что вали 16 марта в разговоре с проезжавшим через Мамурет уль-Азиз немецким дипломатом заявил, «что армяне в Турции должны быть и будут уничтожены. Они богатели и прибавляли в численности, пока не превратились

¹ Ibid. P. 117. Зимой 1915 г. тиф опустошил ряды солдат, а затем и население Мезреха. Ситуация была настолько серьезной, что власти назначили врача общей практики Артина Хельваджяна, уроженца Диарбекира, прошедшего подготовку в военно-медицинской школе Константинополя, на должность главного врача больницы вилайета, требуя принять необходимые меры, чтобы остановить распространение эпидемии: *Пираниян Н.* Указ. соч. С. 73–74, 77–78, 84.

² Там же. С. 36, 43–58.

³ Там же. С. 79.

⁴ Там же. С. 82–83.

⁵ *Riggs H. H.* Op. cit. P. 45.

⁶ Ibid. P. 47.

⁷ *Гайк В.* Указ. соч. С. 1417. Автор цитирует мнение одного из участников встречи, Арутюна Пекмежяна.

⁸ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcate, dossier XXIX, U 579/4, копия шифрованной телеграммы от вали Сабит-бека от 15 февраля 1915 г. (2 Şubat) мутесарифу Малатьи: «Как продвигается подготовка отрядов? Успешна ли она? Я хотел бы попросить вас направить всю свою энергию и сосредоточить все свои усилия [на их обучении], а также на отправке людей в столицу вилайета максимум через три дня».

в угрозу для правящей турецкой нации. Исправить ситуацию может только их истребление»¹.

Как бы то ни было, вали Сабит Шагираоглу вплоть до начала апреля поддерживал отношения с влиятельными армянами вилаета. Дела приняли менее дружественный оборот, когда он собрал этих политических и религиозных лидеров в свой офис, чтобы объявить о начале сбора оружия у населения. Несмотря на вежливое обхождение со своими собеседниками, он очень скоро развязал кампанию против армянских политических активистов: «Вскоре после Пасхи» (4 апреля) 1915 г. в армянских организациях прошли обыски, а их лидеры были арестованы. Среди первых арестованных в Мезре были: члены партии Дашнакцутюн Карапет Демирян, Тигран Асдигян, д-р Ншан Нахигян, Арам Срапян, Карапет Геогушян, члены партии Гнчак Арутюн Семерян и Карапет Ташян, а также либералы Хосров Тембекиян и Смбат Арсланян². Поползли слухи о том, что «у некоторых людей, считавшихся членами армянских революционных организаций, замышлявших заговор против турецкого правительства, найдены бомбы и ружья». «Глядя на это в свете последующих событий и в сравнении с тем, что происходило в это время в других частях Турции, — добавляет консул. — Я считаю вполне возможным, что во многих случаях найденные во дворах у людей бомбы были, на самом деле, зарыты там полицией ради доказательства виновности армян»³. Арестованных политических активистов поместили в центральную тюрьму Мезре, где подвергли пыткам с целью, как утверждает официальная версия, получения от них сведений о спрятанных ими тайниках с оружием. Уже шедшие в городах и селах

повальные обыски превратились теперь в разрушение и грабеж. Власти не только искали оружие, но в поисках компрометирующих документов хватались за любую записку или клочок напечатанного текста, которые затем передавались на рассмотрение специальной комиссии⁴. В своем письме от 5 мая глава немецкой миссии в Мезре Иоганнес Эйманн сообщал немецкому послу в Константинополе о проведении обысков у жителей Харпута, Гусейнига и Мезре и о том, что «подозреваемых» арестовывают, несмотря на то, что население «подчиняется правительству» и безропотно отнеслось к мобилизации. Эйманн также отметил, что вали Сабит, с которым он встречался, «сам был убежден в миролюбии христианского населения в регионе»⁵.

Преподаватель Евфрат-колледжа Назарет Пирамян сообщает в этой связи о разговоре, который у него состоялся в середине апреля с местным либералом Фейми-беем в лавке аптекаря Гарегина Гурьяна в Мезре. Фейми-бей рассказал Пирамян и Гурьяну о своем недавнем присутствии на встрече властей с турецкой знатью, посвященной разоружению армян. Зная о вызванной предстоящими событиями тревоге, Эйманн, которого пригласили на эту встречу, предложил выступить в роли посредника, пользуясь своим статусом христианского священника⁶. Работавшая вместе с немецким пастором датчанка Хансина Марчер характеризует его роль в этом деле иначе. По ее свидетельству, это вали попросил Эйманна о посредничестве с армянами (что возможно), после чего священник собрал в городе известных армян и попросил их подчиниться требованиям властей⁷. Армянские источники, со своей стороны, указывают на

¹ Свидетельство мисс Хансины Марчер, датской миссионерки, работавшей в немецкой миссии Красного Креста в Харпуте, в котором она повторяет замечания, сделанные немецким вице-консулом, когда он ужинал с миссионерками вскоре после проведения беседы с Сабит-беем вечером 16 марта 1915 г.: Врусс [= *Toynbee*]. Op. cit., doc. 64. Pp. 286–287; французский перевод является неточным (*Toynbee A. Le traitement des Arméniens dans l'Empire ottoman*, doc. 22. P. 261); Агуни С. Указ. соч. С. 152.

² Пирамян Н. Указ. соч. С. 99–100; Davis L. A. Op. cit. P. 118: rapport au State Department, 9 février 1918. Хронологические детали представлены Марицей Кежежан: *Toynbee A. The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire*, doc. 68. P. 299.

³ Davis L. A. Op. cit. P. 118. Доклад Госдепартаменту от 9 февраля 1918 г.

⁴ Пирамян Н. Указ. соч. С. 100: многие даже сожгли свои Библии, чтобы не дать властям повод для насилия; Riggs H. H. Op. cit. P. 47.

⁵ Письмо директора немецкого дома сирот в Мезрехе, Йоханнеса Эйманна, от 5 мая 1915 г. Вангенхайму Lepsius J. (ed.). Op. cit., doc. 42. Pp. 86–87.

⁶ Пирамян Н. Указ. соч. С. 231.

⁷ *Toynbee A. Op. cit., doc. 64. P. 287.*

то, что бывший немецкий офицер сыграл гораздо более активную роль. Говорят, он отправился с проповедями в апостольские протестантские церкви Харпута, Мезре, Гусейнига, Пазмашена, Корпе, Хулагюга и т.д. В селе Базмашен, куда он пришел в сопровождении командира отряда Специальной организации Пулутли Халила и нескольких местных чиновников, он собрал людей в церкви и «очень искусно» прочитал «проповедь», в которой попросил армян отдать их оружие. Он поклялся на Библии, что лично гарантирует им безопасность¹. В Гусейниге от также пообещал, что добьется освобождения арестованных ранее мужчин². Пирянян даже утверждает, что священник пользовался цитатами из Библии и своим статусом христианского пастора в целях пропаганды в пользу властей и что, на самом деле, он служил в отделе военной пропаганды (как Шойбнер-Рихтер в Эрзуруме)³.

У проводимых в апреле обысков, вероятно, было несколько разных функций. Их целью было полностью разоружить население и постепенно нейтрализовать сначала армянскую элиту, а затем и все мужское армянское население и одновременно с этим найти обоснования обвинениям в существовании «армянского мятежа». Изучение того, как разворачивались события, показывает, что местные власти методично претворяли в жизнь план, который, вероятно, разрабатывался в Стамбуле. Он отличался тем, что одна ступень естественным образом выте-

кала из другой. Так, охота за оружием оправдывала аресты, пытки и обыски, которые, в свою очередь, делали правдоподобным заявление об армянском «заговоре». Существование «заговора» оправдывало меры, применяемые ко всем лицам мужского пола старше десяти лет, за которыми шли депортации всего населения. Это был почти идеальный механизм.

Те, кто до этих пор не разобрался в происходящем, после арестов 1 мая 1915 г. начали задаваться вопросами. Среди задержанных были деятели из армянской протестантской элиты, в частности преподаватели Евфрат-колледжа в Харпуте. Таким образом, эти аресты напрямую задевали американские учреждения и «людей, чье отношение ко всем политическим вопросам, как хорошо известно, было безупречно корректным»⁴. Без сомнения, неожиданный арест этой интеллигенции, «которой одинаково восхищались как мусульмане, так и христиане» и в отношении которой не было никаких «подозрений в какой-либо нелегальной деятельности против правительства»⁵, многое говорил о системе геноцида. Он не только лишал армян их просвещенных лидеров, но и, прежде всего, демонстрировал, что официальные разговоры о «заговоре» на самом деле являются лишь уловкой: и действительно, вали перестал даже делать вид, что его действия имеют законный характер. Из всех арестованных, среди которых были Хачатур Нахигян⁶, Никогос Тенекеджян⁷, Карапет Согигян⁸, Мкртич Ворберян⁹, Ованес Бужика-

¹ Пирянян Н. Указ. соч. С. 187–188. Автор утверждает, что деревня была атакована, как только население стало оружие.

² Там же. С. 219–220.

³ Там же. С. 229–233; BNu/Fonds *Andonian A.* P. J.1/3, liasse 23, Harput, ff. 49–50. Акопян, член немецкой миссии в Харпуте, утверждает, что армяне были убеждены, что меры, принятые властями, были направлены только на политических активистов и что армянскому населению нечего бояться. В. Акопян также чувствовал, что Эйманн в то время не подозревал о преступных намерениях турок (*Ibid.*, f° 49 v°).

⁴ Riggs H. H. *Op. cit.* P. 47; Jacobsen M. *Op. cit.* P. 61. Автор утверждает, что аресты были произведены солдатами, которые сопровождали их непосредственно в губернаторский дворец, добавив, что вечером этих людей отвели назад в их дома, чтобы они присутствовали при обыске.

⁵ *Ibid.*

⁶ Пирянян Н. Указ. соч. С. 43–44: учитель Евфрат-колледжа, родившийся в 1856 г., казнен 20 июня 1915 г. на северном берегу озера Гольжук, недалеко от Кезинхана.

⁷ Там же. С. 46–47: родившийся в 1864 г. глава протестантской общины с 1895 г., преподаватель Евфрат-колледжа, казнен 20 июня 1915 г. на северном берегу озера Гольжук недалеко от Кезинхана.

⁸ Там же. С. 48–49: родившийся в 1868 г. преподаватель Евфрат-колледжа, умер 25 января 1916 г. после года заключения в тюрьме.

⁹ Там же. С. 52–53: родившийся в Малатии в 1868 г. преподаватель Евфрат-колледжа, убитый во втором походе из Мезреха в начале июля.

нян¹ и Тонапет Лулеян², удалось спастись только одному Лулеяну.

Аресты и репрессии коснулись не только протестантской элиты Харпута, но и всех армянских лидеров, таких как руководитель Центрального колледжа («Кентронакан варжаран») в Мезре Ерухан (псевдоним писателя Ерванда Срмакешханяна), известный коммерсант Акоп Жанджигян, чьи служебные помещения были подвергнуты полицейскому обыску, д-р Артин-бей Хелваян, смещенный со своего поста, д-р Микаэл Акоюн из Мезре, руководивший полевым госпиталем во время первой Кавказской кампании, широко известный писатель Тлкатинци (чье настоящее имя Ованес Арутюнян), отец Вардан Арсланян из Харпута, Акоп Ферманян, Карапет Экмекян, Карапет Овсепян, Арменак Терзян, Эрзуман Эрзуманян, Хачатур Нахигян, Сероп Вардапетян, адвокат Алексан Налбандян, сделавший себе имя защитой мятежных курдов из Дерсима, Мартирос Мурадян, которого замучили до смерти в ночь после ареста, и т.д.³

Риггз, которому случилось поговорить с членом «комитета» по проверке «документов», найденных у арестованных подозреваемых, узнал от него, «что во всех проверенных бумагах не нашли абсолютно ничего предосудительного, но что другие члены комитета были полны решимости путем неправильного толкования и выдергивания отдельных слов искусственно раздуть против подозреваемых дело»⁴. В качестве примера такого неверного толкования он приводит обвинительный приговор преподавателю Никогосу Тенекеджяну, лидеру армянской протестантской общины. По информации, «раскрытой» ему депутатом парламента от Харпута Наджи [Балаш-заде] Мехмедом [Нури], Тенекеджян был осужден на основании документов, свидетельствующих о том, что он является президентом «кооперативного

комитета». Но, как замечает Риггз, всем без исключения было давно известно, что Тенекеджян возглавляет этот «церковный орган, состоящий из миссионеров и представителей протестантской религиозной организации с чисто духовными обязанностями», и чем он занимается. Это не помешало судье заявить, что Тенекеджян признался в «своем участии в нелегальных организациях»⁵. Материалы, собранные властями для оправдания арестов всем известных людей, вне всякого сомнения, должны были повлиять на местное общественное мнение и убедить общественность в законности принимаемых правительством антиармянских мер. Аресты от сорока до пятидесяти выдающихся армян в период с мая по начало июня⁶ помогли поддержать историю о заговоре, сплетенном сетью таких представляющих угрозу безопасности государства нелегальных организаций, как «кооперативный комитет». По свидетельству Риггза, развернутая властями кампания оказалась успешной: дружественное отношение мусульман к армянам сменилось серьезным подозрением⁷.

Что касается другой проблемы, заботившей власти, т.е. конфискации оружия, есть основания думать, что ни вмешательство Эйманна, ни пытки армянских арестантов и ни проводившиеся с апреля обыски в Мезре, Гусейниге, Харпуте и окрестных селах не дали ожидаемых результатов. Надо признать, что влиятельные армяне провели консультацию с «турецкими согражданами» на «совместном собрании», состоявшемся в первой половине мая, с целью обсуждения проблемы оружия и договорились о передаче своего оружия под гарантию турок об обеспечении им безопасности⁸. Вали, однако, заявил, что они передали не все оружие и оставили у себя современные ружья и «взрывные устройства». Угрозы Сабита и обещания влиятельных турок убедили еще

¹ Там же. С. 54–55. Родившийся в Чнкуше в 1873 г. преподаватель Евфрат-колледжа, казнен 20 июня 1915 г. на северном берегу озера Гольжук около Кезинхана.

² Там же. С. 57–58. Родился в 1875 г. в Харпуте, получил образование в Йеле и Корнелле, был арестован 1 мая, был беженцем в американском консульстве до февраля 1916 г., после этого беженцем в Эрзуруме, где он был директором детского дома, умер 22 марта 1917 г.

³ Там же. С. 101–102.

⁴ Riggs H. H. Op. cit. P. 47.

⁵ Ibid. Pp. 47–48.

⁶ Ibid. P. 48.

⁷ Ibid. P. 49.

⁸ Свидетельство мисс Хансины Марчер: *Toynbee A. Op. cit., doc. 64. P. 287; Toynbee A. Le traitement des Arméniens. Op. cit., doc. 22. P. 262.*

остававшихся на свободе армянских лидеров посетить тюрьму в сопровождении прилюдских священников и неизменного преподающего Эйманна, чтобы убедить арестантов рассказать, где они спрятали оружие. Арестантам сказали, что если они не сделают этого, «на них ляжет ответственность за уничтожение всей общины»¹. Вали пообещал также «иммунитет» всем, сдавшим оружие добровольно². В итоге был собран некий разнородный «арсенал», который выставили на обозрение в полицейском участке, что позволило депутату парламента Наджи Балош-заде Мехмеду Нури распространить сведения «о раскрытии опасного заговора и последовавших жестких преследованиях со стороны правительства»³. Вали Сабит, не теряя времени, сфотографировал эти военные трофеи и послал фотографии в Константинополь вместе с донесением о раскрытии им преступного заговора⁴. Консул Дэвис, со своей стороны, отметил отсутствие какой-либо информации относительно того, «сколько бомб могли подбросить сами полицейские и сколько оружия предварительно раздали невинным людям, чтобы они могли затем сдать его полиции»⁵.

Предварительный этап, который мы только что рассмотрели, продолжался с конца апреля до конца мая. За ним последовал второй, началом которого можно считать 6 июня 1915 г. Он характеризуется резким ростом числа арестов в городах Мезре и Харпут и систематическими обысками всех домов «без исключения», в том числе нескольких зданий, пока еще принадлежавших американским миссионерам⁶. Риггз сообщает, что

он гораздо позднее узнал о том, что местные власти проводили аресты по предварительным спискам⁷. 7 июня окружили Кесри и Гусейниг и арестовали там немало народа. 8 июня наступила очередь равнинных сел. 10 июня войска окружили Мезре. Власти закрыли все армянские магазины и арестовали всех известных в городе армян⁸. К 20 июня в тюрьмах Мезре скопилось несколько сотен человек, двести из них в этот день перевели в Харпут⁹.

Арестантов распределяли по разным тюрьмам. Политических заключенных, которых, по теории, должен был судить военный трибунал, содержали в одиночных камерах в центральной тюрьме Мезре, но большинство узников были заключены в «Красный конак» (Kirmizi Konak), находившийся вблизи западного выхода из Мезре. Пираниян, отсидевший в этих военных казармах с 14 по 28 июня 1915 г., описывает их как ад, через который прошли и солдаты трудовых батальонов, и граждане Мезре, Харпута и Гусейнига. В день, когда его заключили в тюрьму, там находились три тысячи рабочих из трудовых батальонов¹⁰. Всех их в течение тридцати часов держали без пищи и воды в страшной тесноте и невероятных антисанитарных условиях. 15 июня к ним добавили еще пятьсот новичков, по большей части, мастеровых из Харпута, работавших на правительство и армию. Каждую ночь около пятидесяти мужчин уводили в камеру пыток и возвращали ранним утром, как раз перед приходом сборщиков мусора, задачей которых было забрать тела умерших за ночь арестантов¹¹.

¹ Ibid. Jacobsen M. Op. cit. P. 67. Автор упоминает провозглашение вали, которое было зачитано в храмах 6 июня, чтобы побудить население сдать оружие.

² Davis L. A. Op. cit. P. 53. Письмо Дэвиса от 24 июля 1915 г. Моргентаяу.

³ Riggs H. H. Op. cit. P. 49.

⁴ Ibid. P. 77.

⁵ Davis L. A. Op. cit. P. 157. Письмо Дэвиса от 24 июля 1915 г. Моргентаяу.

⁶ Jacobsen M. Op. cit. P. 67.

⁷ Riggs H. H. Op. cit. P. 75.

⁸ Jacobsen M. Op. cit. Pp. 68–70; Пираниян Н. Указ. соч. С. 104. Автор выделяет в особенности арест Ованеса Харпутляна, интеллигенции, торговцев и всех остальных мужчины, выплативших налог, чтобы избежать изъятия.

⁹ Riggs H. H. Op. cit. Pp. 77–78.

¹⁰ Пираниян Н. Указ. соч. С. 117–118, 133–137.

¹¹ Там же. С. 137–138. Сестра автора, Сара, школьный учитель в немецкой школе Мезреха, обратилась к преподающему Эйманну, чтобы ходатайствовать от имени лиц, лишенных свободы, чтобы им по крайней мере разрешили пить; Эйманн отрицал, что власти могли быть настолько жестокими, чтобы не давать мужчинам пить (там же. С. 139); Atkinson T. The German, the Turk and the Devil Made a Triple alliance: Harpoot Diaries, 1908–1917, Princeton, 2000. P. 38.

Новость о заключении в тюрьму этих трех тысяч пятисот мужчин быстро разлетелась по окрестностям, и в результате к казармам пришли тысячи жен и матерей в надежде, что им будет позволено передать своим близким продукты и питье¹. На третий день заточения арестантам действительно разрешили взять воды и немного еды. Утром 18 июня Пираяню увидел, как в тюрьму прибыл один из командиров «милиционного формирования» Специальной организации Черкез Казим. Его сопровождали кавалеристы и двести пехотинцев, за которыми следовала телега, доверху нагруженная веревками. Власти, очевидно, решили освободить набитые до отказа казармы от более чем двух тысяч еще живых людей, которым было сказано, что их отправляют в Урфу на строительство железной дороги. После полудня они вышли в южном направлении, связанные по четверо, под конвоем, управляемым Казимом². Наш очевидец, которому удалось спрятаться за казармами, не знал, что затем случилось с этими людьми. До Риггза сначала докатились только слухи, но позднее он получил сведения о том, как расправились с этими мужчинами. Вали в разговоре с ним упомянул, что «те заключенные столкнулись с какими-то курдами, и дело закончилось некоторыми «неприятностями»³. Говоря иначе, он не отрицал, что этих людей убили, но переложил это совершенное чете и солдатами Черкез Казима преступление на курдов.

На следующее утро 19 июня казармы вновь заполнили людьми из окрестных сел с равнины, которых арестовали ночью. На следующий день к ним добавили мужчин из Мезре и Харпуга. К 22 июня в «Красном конаке» уже было около тысячи армян, как известных горожан, так и крестьян⁴. За две недели, проведенные там, Пираяню пришлось

наблюдать разные уловки, к которым прибегал командир гарнизона Мехмед Али-бей ради вымогательства денег у заключенных. Так он объявил, что те, кто заплатит выкуп сорок две турецких лиры золотом, будут немедленно освобождены, а остальных на следующее утро отправят в Урфу. И хотя до этого времени все контакты с внешним миром были под запретом, теперь мужчинам разрешили встретиться с женами, без всякого сомнения, для того, чтобы добыть у них требуемую сумму. Сто узников, сумевших найти деньги, поместили в отдельное помещение. Других, приблизительно девяносто человек, 23 июня отправили на юг под усиленной охраной⁵. В соответствии с приговором, вынесенным на суде над преступниками Мамурет-уль-Азиза, этих людей расстреляли 24 июня у подножия горы Херогли⁶. Риггз, наблюдавший эти события со стороны, отмечает, что, начиная с 24–25 июня, полиция систематически обходила все армянские дома и арестовывала всех мужчин, которых «толпой загоняли в тюрьму с тем, что, когда она заполнится, ее очистят таким же способом»⁷. Новость о том, что первые группы мужчин были уничтожены в окрестностях Харпуга, быстро достигла Мезре. Можно предположить, что после этого власти решили устраивать резню в более удаленных местах, в частности в ущелье Гюген Богази недалеко от Мадена⁸.

К 25 июня тюрьма была снова заполнена. Тюремная администрация объявила, что на этот раз военные власти набирают мастеровой люд. Лелея надежду избежать участи своих соотечественников, записалось восемьдесят кандидатов, включая нашего очевидца. Однако на следующий день армейские офицеры объявили, что им нужно только сорок человек, и приступили к отправке их на но-

¹ Ibid. Pp. 141–146.

² Ibid. Pp. 98–99, 151–157.

³ Riggs H. H. Op. cit. P. 78.

⁴ Пираяню Н. Указ. соч. С. 156–158, 167–168, 170.

⁵ Там же. С. 171–176. В ночь на 22 июня семьдесят пять человек, которые заплатили налог, были выведены из центральной тюрьмы Мезреха и вскоре убиты (там же. С. 177).

⁶ «Takvim-i Vakayi», № 3771, 13 janvier 1920. Pp. 48–49. См.: особенно обвинительный акт суда Мамурет-уль-Азиза; Davis L. A. Op. cit. P. 79: доклад Госдепартаменту от 9 февраля 1918 г. подтверждает уничтожение этого конвоя, в котором должна была находиться большая часть выдающихся людей Харпуга и Мезреха, включая председателя армянской апостольской церкви Бсага Тер-Хореняна, которого Дэвис не указывает, как и Аткинсон: Atkinson T. Op. cit. P. 38.

⁷ Riggs H. H. Op. cit. Pp. 77–78.

⁸ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, d 99, Э 229, Э 243–244–245 (en français), dossier des Turcs inculpés dans le procès des massacres de Mamuret ul-Aziz, daté du 13 septembre 1920, dossier № 2, liasse 2.

вые места назначения. Этот эпизод вряд ли стоил бы упоминания, если бы не был таким показательным примером той безжалостной «игры», которую военные затеяли со своими жертвами. После того как сорок счастливицев покинули тюрьму, офицеры обнаружили, что в тюрьме, на самом деле, остались те сорок человек, которых отобрали к отправке, а «счастливиц» отослали на бойню»¹.

27 июня в Урфу отправили еще пятьсот заключенных, которых успели арестовать за несколько предшествующих дней². Это был последний конвой, о котором нам известно, но есть все основания полагать, что и в других случаях использовалась та же процедура и что сердце вилайета Мамурет-уль-Азиз к концу июня было фактически освобождено от его мужского населения. Возможно, власти ожидали окончания этой стадии своего плана по уничтожению армян, чтобы приступить к следующей.

26 июня глашатай объявил, что все армянские кварталы Мезре, которые были полностью христианскими, будут отправлены на юг и первый конвой отправится через пять дней. Городской глашатай Мамо Чавуш начал свое оглашение такими словами: «Слушайте! Мое послание обращено к неверным, ко всем неверным... По приказу нашего возвышенного государства и короля из королев было решено отправить всех неверных Харпуга в Урфу. Все, от младенцев в колыбелях до последнего старца, должны уйти... Первая группа, куда войдут люди из районов Дервиш, Найил Бег и Рынок, должна выйти на рассвете первого июля»³. Как видно, из Харпуга депортировали не только армян, но

и сирийцев. Правда, Риггз сообщает, что в тот же день 26 июня решение о депортации сирийцев сначала было утверждено, а затем аннулировано⁴, возможно, после консультации с министром внутренних дел. На самом деле, как только был обнародован приказ о депортации (beyanname), все иностранные резиденты в Мезре и Харпуге объединились и потребовали встречи с вали. Риггз, как всегда, лучше других описывает царившее в городе настроение. Хотя мужчины и пропадали, город в основном ничего не знал о заготовленной для них судьбе. Все знали только о трагической участи первого конвоя, вина за которую была возложена на курдов. До объявления глашатаем приказа о депортации люди еще меньше знали о своем собственном будущем. Дэвис и Эйманн направили телеграммы своим послам с просьбой о заступничестве, но власти не одобрили этого. Телеграмма американского консула не дошла до адресата. Более того, миссионерам перекрыли телефонные линии. Вероятнее всего, когда программа по истреблению армянского населения вошла в свою критическую фазу, местные власти приняли все необходимые меры для изоляции иностранных граждан и прерывания их сношений с внешним миром⁵. По мнению Риггза, «нельзя было ничего изменить, потому что все происходящее делалось по приказу из Константинополя»⁶.

«Памятный визит», который 29 июня нанесли вали Сабиту все иностранные представители, начался в очень натянутой атмосфере. Единственный присутствовавший дипломат Дэвис старался подчеркнуть, что

¹ Пирамян Н. Указ. соч. С. 179–182.

² Там же. С. 185, 206–207; BNu/Fonds Andonian A. P. J. 1/3, liasse 23, Harpout, f° 53, свидетельство Аракса Мкртчяна указывает также на то, что в тот же период мальчиков 13–15 лет собирали в одном месте, заключали в тюрьму и депортировали.

³ Пирамян Н. Указ. соч. С. 206–207.

⁴ Riggs H. H. Op. cit. P. 119. Хотя православные сирийцы были официально освобождены от депортации, Пирамян отмечает, что их тем не менее лишили всех владений и некоторых убили: Пирамян Н. Указ. соч. С. 203; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, f° 99, § 229. § 243–244–245 (en français), dossier des Turcs inculpés dans le procès des massacres de Mamuret ul-Aziz, daté du 13 septembre 1920, dossier № 2, liasse 2, документ утверждает, что бригадный генерал Сулейман Фаик-паша потребовал, чтобы сирийцы-католики Харпуга, которых не депортировали, представили письменное заявление о том, что он относился к ним «с добротой».

⁵ Дэвис в депеше Моргентау от 6 сентября 1915 г., отправленной из Мамурет уль-Азиза, отмечает, что депешы, которые он отправлял после 29 июня, очевидно, не доходили до места назначения, и что даже «запечатанные» письма, которые он отправлял после этой даты, проходили через руки вали и не все доходили: Davis L. A. Op. cit. Pp. 67–69. Риггз также отмечает, что телефон американской миссии был отключен в начале июня: Riggs H. H. Op. cit. P. 64.

⁶ Ibid. P. 80.

его визит не носит официального характера и он пришел с единственной целью — попросить вали проявить «милосердие к несчастным армянам». По свидетельству Риггза, позиция, занятая вали, и сказанные им слова совершенно ясно дали понять, что их «вмешательство не приветствуется»¹. Дэвис уже встречался с Сабит-беем с глазу на глаз 27 июня и просил его разрешить американским миссионерам сопровождать конвой, но получил «категорический отказ»². Во время «памятного визита», о котором у Риггза и Дэвиса остались схожие воспоминания, иностранцы подошли к этому вопросу с другой стороны. Они предложили дать армянам дополнительное время для подготовки к «трудному путешествию». Этим они рассчитывали выиграть время в надежде, что «отсрочка даст возможность обратиться в Константинополь и отменить указ». Сабит-бей очень дипломатично ответил, что знает о трудностях, но не может ослушаться приказов. Больше, что он может сделать, это разрешить женщинам и детям, оставшимся без мужчин, которые могли бы их сопровождать, отправиться с последним конвоем, где «о них будут хорошо заботиться»³, а потому нет никакого повода для беспокойства. Риггз приводит заявление вали о том, что армяне сами виноваты в происходящем из-за своего «предательства», особенно в Ване, а также, что в Харпуте у них найдены «оружие и взрывные устройства». Тогда глава американской миссии спросил, является ли это достаточным основанием для осуждения на смерть стольких невинных женщин и детей. Вали «возмущенно» ответил, что «они осуждены не на смерть, а на ссылку».

Сабит-бей также заверил своих посетителей в том, что проследит о предоставлении депортированным транспортных средств и обеспечении их надежным сопровождением⁴.

Следует заметить, что наряду с этими безрезультатными обращениями к местным властям дипломаты в Стамбуле тоже пытались повлиять на правительство младотурок. Так Риггз подчеркивает, что посол Моргентуа добился согласия Высокой Порты об освобождении от депортации натурализованных американцев. Совместные усилия нунция Ватикана Его Высокопреосвященства Анджело Мария Дольчи и австро-венгерского посла Иоганна фон Паллавичини также были вознаграждены «царским помилованием» армян-католиков. Протестантам тоже было официально даровано освобождение от депортации⁵. Освобождение получили и сирийцы Харпута, особенно католики. Таким образом, не менее четырех категорий населения были исключены из обязательной депортации, как, в конце концов, и дети «без семей», которых министр внутренних дел Талаат в телеграмме Сабит-бею от 26 июня лично позволил оставить в городе⁶. Однако, как отмечает Риггз, приказ об освобождении католиков и протестантов был обнародован только после того, как эти группы населения были депортированы. Местные власти проигнорировали права, предоставленные натурализованным американцам⁷, так же, как и детям, оставшимся «без семей», которых сначала поместили в турецкий приют, а затем, как мы увидим позже, осенью убили. На данном этапе нашего исследования мы, опираясь на все, что нам известно о мето-

¹ Ibid. P. 81; Davis L. A. Op. cit. Pp. 126–127. Автор подтверждает, что в дополнение к американским миссионерам, участие в этом разговоре приняли преподобный Эйманн, глава немецкой миссии, и австриец Чарльз Пикиотто, помощник директора местного филиала Османского банка.

² Письмо Дэвиса Моргентуа от 30 июня 1915 г.: Ibid. P. 33; Sarafian A. (ed.), United States Official Documents on the Armenian Genocide, III, The Central Lands, Watertown, 1995. P. 3.

³ Доклад Госдепартаменту от 9 февраля 1918 г.: Davis L. A. Op. cit. P. 54.

⁴ Riggs H. H. Op. cit. P. 81.

⁵ Ibid. P. 103; свидетельство Дэвиса Моргентуа от 7 сентября 1915 г.: Davis L. A. Op. cit. P. 73.

⁶ BOA, DH., şfr. № 54/163, шифрованная телеграмма министра внутренних дел Талаата вали Мамурет уль-Азиза Сабиту от 26 июня 1915 г.: Osmanli Belgelerinde Ermeniler (1915–1920), T.C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Osmanli Arşivi Daire Başkanlığı, Armenians in Ottoman Documents (1915–1920), № 47. P. 56. Jacobsen M. Op. cit. P. 73, указывает, в свою очередь, что на «памятном столкновении» 29 июня вали обещал Эйманну, что старики и «женщины без мужей» будут освобождены от депортации; Пирянян Н. Указ. соч. Пирянян, который работал в американской больнице в течение следующих недель, часто упоминает эти две категории, а некоторые из этих людей по-прежнему жили в Мезрехе и Харпуте.

⁷ Riggs H. H. Op. cit. P. 103; свидетельство Дэвиса Моргентуа от 7 сентября 1915 г.: Davis L. A. Op. cit. P. 73. Дэвис, в свою очередь, отмечает, что приказы не прибыли вовремя.

лах младотурок, можем лишь сделать вывод о том, что выдача Константинополем этих освобождений использовалась исключительно, чтобы «пустить пыль в глаза» иностранным дипломатам в столице и скрыть настоящие цели КЕП. Существуют даже все основания полагать, что местным властям было приказано не учитывать эти дарованные привилегии и депортировать всех армян. Более того, даже небольшую кучку людей, воспользовавшихся этими полученными правами, поскольку им удалось спрятаться, когда началась депортация, в конце концов отследили и депортировали осенью 1915 г. Следует также обратить внимание на то, что уже 27 июня, т.е. еще до отправки конвоя с женщинами и детьми, министр внутренних дел приказал Сабит-бею принять необходимые меры по размещению мусульманских переселенцев (*muhacirs*) в сельские дома «эвакуированных» армян¹, иначе говоря, «произвести полную замену».

Имеющиеся в нашем распоряжении документы о событиях 1915 г. в Харпуге дают нам возможность взглянуть на процесс уничтожения населения изнутри. Они отражают ситуацию в городе за несколько дней до отправки конвоев. Едва ли стоит напоминать, что эта фаза характеризуется началом передачи имущества армян мусульманам и сирийцам. Она дает нам представление об умонастроении будущих депортированных и о мерах, принимаемых властями для того, чтобы не дать армянам ускользнуть от партийно-государственной машины и ее представителей. Она иллюстрирует готовность американских консулов и миссионеров выступить в роли банкиров и, наконец, показывает нам разное отношение турецкого населения к постигшей армян беде. По свидетельству Риггза, именно женщинам, чьи мужья были заключены в тюрьму или «депортированы», пришлось готовиться самим и готовить семью к отъезду. И хотя некоторые из них обладали мало-мальским опытом в коммерческих или экономических делах,

им приходилось ликвидировать движимое имущество или торговые запасы мужей в среднем за десятую долю их реальной стоимости². Для многих турок это, естественно, стало возможностью легкого обогащения. Некоторые из них не только посещали уличные распродажи, но приходили в дома и под разными предложениями, а иногда и с помощью прямых угроз вымогали у этих беспомощных женщин все, что могли. Правда, другие, особенно из «более благополучных» социальных слоев, были шокированы тем, как обращались с их армянскими соседями, и отказывались наживаться на «незаконном» (*haram*) приобретении чужих вещей. Некоторые даже бросали на несколько дней свои собственные дела, чтобы помочь вдове соседа распродать ее имущество, не прося за это ни малейшего вознаграждения. Но такие люди, конечно, были исключением, и это были лишь единицы³.

Если судьба мужчин была предрешена, то в отношении молодых женщин и девушек Стамбул, казалось, оставлял какие-то лазейки. Незадолго до отправки конвоев власти разрешили армянским женщинам принимать мусульманскую веру и «выходить замуж» за турецких мужчин, становясь их вторыми, третьими или четвертыми женами. Конечно, подавляющее большинство женщин отказались от такого предложения, но некоторые понимали, что это единственный путь для сохранения жизни. Наряду с этими происходящими по принуждению «браками» возникали и более необычные ситуации: например, случай с молодой женщиной, оставшейся в живых благодаря заключению фиктивного брака со служившим в полиции соседом-турком (возможно, за плату), или официально зарегистрированный союз молодой армянской женщины с малолетним сыном соседа-мусульманина⁴. Хотя в некоторых случаях договоренности выполнялись, большей частью они приводили к трагедиям, и как только молодые женщины отдавали мужу в качестве «приданого» свое семейное

¹ BOA, DH., şfr. № 54/189, шифрованная телеграмма вице-министра внутренних дел Али Мюнифа вали Мамурет уль-Азиза Сабиту от 27 июня 1915 г.: *Osmanlı Belgelerinde Ermeniler (1915–1920)*, T.C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, Armenians in Ottoman Documents (1915–1920), № 51. Pp. 58–59. Этот документ не устанавливает, откуда пришли эти эмигранты. Вполне вероятно, что они были жителями восточных провинций, которые спасались от наступающей русской армии.

² Riggs H. H. Op. cit. Pp. 84–85.

³ Ibid. Pp. 85–86; доклад Госдепартаменту от 9 февраля 1918 г.: *Davis L. A. Op. cit. Pp. 54–55*. Автор использует выражение «стервятники, нападающие на жертву».

⁴ Riggs H. H. Op. cit. Pp. 98–99.

имущество, их изгоняли из принявшего их семейства и депортировали.

В отличие от многих других проблем, связанных с депортацией, отношение местных властей к стихийным продажам армянского имущества развивалось достаточно быстро. В первый день они согласились на обложение всех коммерческих операций официальным 5-процентным налогом. Но за день до отправки первого конвоя глашатай объявил о том, что «все что-либо покупающие или продающие будут преданы военному суду»¹. Вероятно, вали и его администрация или даже национальное правительство сначала установили несколько расплывчатые правила без анализа их экономических последствий и только потом поняли, что при таких условиях им будет нелегко наложить руку на движимое имущество армян. Дебиторская задолженность армянских «налогоплательщиков» по счетам и долгам также стала источником определенных злоупотреблений. На них обрушился шквал претензий со стороны настоящих и мнимых кредиторов. Это были обычные уплачиваемые коммерческими фирмами задолженности, составлявшие лишь незначительную долю товарооборота или общей стоимости продаж, но они послужили предлогом для многочисленных финансовых нарушений, приведших в итоге к полной конфискации коммерческой собственности. Банк Османской империи сыграл в этом вопросе решающую роль. Он очень «оперативно» приобрел бизнес и магазины армян и продал их сразу после депортации их владельцев. По словам Риггза, Османский банк после уплаты долгов этих предприятий (оставивших незначительную долю стоимости проданной собственности) положил оставшиеся средства «в правительственную казну»².

Крупные суммы наличных денег, иногда доходившие до нескольких тысяч лир золотом, которые появились у людей, сумевших

распродать свое имущество, также представляли проблему, поскольку банкам не разрешалось принимать вклады. Им, правда, разрешили принимать «переводы», которые некоторые армяне оформляли через банк или почту на свое имя, чтобы получить деньги в том месте, куда их якобы депортировали³. Некоторым уцелевшим позднее удалось вникнуть в тонкости установленных властями банковских правил, и отдельные лица (спасшиеся от резни или прибывшие в предполагаемое место депортации) все-таки воспользовались полученными деньгами, хотя большая часть этих «переводов» была передана в пользу государства. Отправляться в путешествие с наличными деньгами было по меньшей мере неблагоразумно, и это было известно почти всем армянам, знавшим свою страну. Эти соображения и объективная оценка положения дел убедили многих будущих депортированных в необходимости сохранения значительных сумм денег у американского консула и американских миссионеров, находившихся в Харпите/Мезре. По свидетельству Дэвиса, вали во время «памятного визита» 29 июня не возражал против того, чтобы армяне «оставили свои деньги», драгоценности, ценные вещи и документы у американцев. Некоторые даже дали консулу или миссионеру адреса своих родственников в Соединенных Штатах, чтобы в случае отсутствия от них известий в течение полугода деньги были отправлены их родственникам. Как писал в своем донесении Дэвис, «все предчувствовали, что отправляются на верную смерть, и у них была для этого веская причина»⁴.

Некий порядок был восстановлен после создания комиссии по оставленной собственности, начавшей свою работу с попыток вернуть средства, которые армяне отправили почтой или положили на банковские счета, а также получить доступ к запасам товаров на их предприятиях⁵. По официаль-

¹ Ibid. P. 89.

² Ibid. P. 89.

³ Риггз использует термин «ремитирование», хотя операции, описанные здесь, больше подходят на денежные переводы: Ibid. P. 89; в докладе Госдепартаменту от 9 февраля 1918 г.: *Davis L. A. Op. cit.* P. 54. Автор подтверждает то, что говорит миссионер, добавив, что некоторые армяне уехали с большими суммами денег и «были ограблены, почти все без исключения, вскоре после ухода».

⁴ Письмо Дэвиса Моргентгау от 30 июня 1915 г.: *Davis L. A. Op. cit.* Pp. 36–37. Вся вторая часть свидетельства Дэвиса от 9 февраля 1918 г. рассказывает о трудностях «управления» этими суммами денег и реакции на требования депортированных, которые прибыли в Сирию или Месопотамию.

⁵ Доклад Госдепартаменту от 9 февраля 1918 г.: *Davis L. A. Op. cit.* Pp. 128–129. Автор приводит случай убийства американца в Карсанаке, Карапета Урфаляна, жена которого, в сопровождении консула, заметила.

ной версии, комиссия была создана с целью обеспечения «охраны» собственности армян во время их отсутствия. По свидетельству Пираяна, который оставался в Мезре после отправки конвоев, власти во избежание мажордерства опечатали двери в армянских домах. Затем они наперегонки с турецким населением начали растаскивать все, что можно было унести: двери, окна и все остальное. Под охраной властей остались только дома, расположенные в непосредственной близости от префектуры¹. Комиссии было известно о крупных суммах денег, оставленных американского консула и миссионеров. В связи с этим она от имени правительства потребовала возвращения армянского имущества. В сентябре 1915 г. сам вали потребовал того же в письме, адресованном консулу, который оставил его без внимания². Миссионеры прибегали к разным уловкам, чтобы обеспечить армянским вкладчикам или беженцам доступ в здания миссии в Харпуте и Мезре и поэтому у них скопилось гораздо больше оставленных средств, чем у Дэвиса (Риггз пишет, что он был «просто завален деньгами»). И хотя миссия в столице была полностью изолирована и оставалась в течение июня без защиты, она после оглашения приказа о депортации была окружена солдатами, не спускавшими глаз с ее главного входа³. Несмотря на сторожайший, хотя и запоздавший, запрет вали, Генри и Эрнест Риггзы, а также Генри Аткинсон продолжали принимать от армян их средства. Согласно ходившим в Мезре слухам, в руках миссионеров находились «баснословные суммы», хотя называемые сплетниками величины «никогда не превосходили» суммы, которую Риггз действительно передал своему казначею в Константинополе через местный банк. Казначей, в свою очередь, взял на себя от-

ветственность по передаче этих денег в Америку. Полиция так и не узнала, сколько же денег было на самом деле⁴. Когда вали через шефа полиции направил Риггзу требование о возвращении ему армянских средств, глава американской миссии ответил, что уже перевел деньги в Соединенные Штаты. В качестве «официального» документа у офицера полиции было только требование, заполненное некой молодой женщиной, чья семья доверила средства американцам. Она находилась в гареме в Мезре... Риггз замечает, что содержавшие армянских женщин турки постоянно закидывали его требованиями такого рода, но неизменно получали одинаковый ответ⁵.

Чтобы оценить умонастроение армян накануне депортации, необходимо учитывать очень важную особенность — их абсолютную неосведомленность о преступлениях, совершаемых в других провинциях. Первые караваны из северных вилайетов прибыли в Мезре сразу после отправления двух первых конвоев, что, скорее всего, не было случайным. Пираяна, познакомившийся во время своего заключения в «Красном коняке» во второй половине июня с двумя беженцами из Ябагчура, отмечает, что только после того, как услышал их историю, начал в полной мере понимать план младотурок, в частности то, что ожидало депортированных по дороге в «ссылку»⁶. Мы можем судить о настроении армян по случаю, происшедшему накануне отправки первого конвоя. В этот день власти произвели реквизицию Армянской апостольской и Армянской протестантской церквей, поэтому ночное богослужение проводилось в здании немецкой миссии. Темой богослужения, которое проводил преподобный Ован Синянян из Мезре, было «помолитесь, чтобы зло сгинуло с

что 150 турецких лир с банковского счета мужа были выплачены комиссии, ответственной за оставленное имущество. Для оценки работы этой комиссии консул отправился к ее главе и вали в качестве представителя интересов американского гражданина и потребовал, чтобы сумма была выплачена вдове и ее детям, которые нашли убежище в Харпуте. «Запросы» были приняты «для проверки» того, что покойный не оставил долгов; было обещано, что, если он этого не сделал, его вдова получит 5–10 турецких лир. Тем не менее, отмечает консул, после шести месяцев усилий комиссия до сих пор ничего не заплатила вдове...

¹ Пираяна Н. Указ. соч. С. 238.

² Ibid. P. 133. Автор утверждает, что на его счетах было целых 200 000 долларов.

³ Riggs H. H. Op. cit. Pp. 66–67.

⁴ Ibid. Pp. 91–92. Риггз утверждает, что армянский кассир банка, которому он доверил эти суммы, уважал право клиентов на секретность и «имеет основание» не разглашать суммы вкладов по запросу.

⁵ Ibid. Pp. 92–93. Пастора Эйманна также попросили принять вклады: Ibid. P. 94.

⁶ Пираяна Н. Указ. соч. С. 203; см. выше, с. 390, примечание 4.

армянской земли»¹. Во время службы Синалян повернулся к Эйманну и спросил его с сарказмом, хотел ли бы тот отправиться с депортируемыми в пустыню проводником. Он сказал: «пришло время доказать искренность вашей апостольской души»². Эйманн не принял вызова.

Консул Дэвис по-своему оценил последствия депортации армянского населения. Он

отмечает, что согласно официальной статистике девяносто процентов «торговли и коммерции, осуществлявшей операции через банк, принадлежат армянам», чья деятельность теперь была обречена на разрушение «без возможности восстановления». Из его уст прозвучало пессимистическое пророчество о возвращении к мрачному Средневековью³.

Каза Харпут

До сих пор мы рассматривали события, происходившие в Мезре, Харпуте и их окрестностях, т.е. в административном и экономическом центре вилайета Мамурет ул-Азиз. Следует, однако, помнить, что судьба этих городов была тесно связана с судьбой пятидесяти сел Харпутской равнины с общей численностью населения 20 590 человек⁴.

В первый конвой входили люди из трех районов Мезре: Девриш, Наил Бег и Рынки. Общее количество депортированных составляло около двух тысяч пятисот человек. Они шли в сопровождении охраны из пеших и конных жандармов под командованием капитана Адам-паши. 1 июля конвой отправился по дороге на Диарбекир. Кроме женщин и детей, представлявших основную массу, в караване также шли несколько пожилых глав семейств. Среди депортированных можно, в частности, назвать семьи Махманянов, Истамбулянов, Дзэртелянов, Ханигянов, Даракянов и Калпакянов. За конвоем следовала телега, груженная веревками, которые были использованы по назначению вскоре после того, как депортированные покинули Мезре, когда мужчин отделили от остальных и приставили к ним отдельную охрану⁵. На следующий день депортированные миновали озеро Гёлюк и вечером добрались до Аргана-Мадена в

Диарбекирском вилайете. Через неделю они достигли Диарбекира, где их оставили на кладбище за городскими стенами. После смены охраны караван на нанятых в Мезре телегах снова пустился в путь. Всю неделю, в течение которой конвой переходил из Диарбекира в Мардин, подконвойные неоднократно подвергались грабежу со стороны чете. Молодых женщин и детей похищали или продавали местным жителям. Самых маленьких и самых старых бросали по обочинам дороги. Через две недели оставшиеся в живых добрались до Рас-аль-Айна. Еще через две недели жалкая кучка уцелевших прибыла в Дер-Зор⁶.

2 июля 1915 г. из Мезре отправился второй конвой, на этот раз в Малатью. В его составе было приблизительно три тысячи депортированных из районов Карачёл, Иджадие и Амбар. Это были представители самых богатых семей: Фабрикаторяны, Харпутляны, Зарифяны, Сарафяны, Дингиляны, Гуряны, Арпиаряны, Тотвяны, Карабогсяны и Демиряны. В этом же конвое шел и прееподобный Ован Синалян⁷. Большое количество автомобилей и присутствие многих мужчин—глав семей, конечно, объяснялось богатством этих армян. Мужчин отделили от остальных только после прихода в Малатью. У нас нет сведений о том, как они погибли. Оставшиеся в караване продолжили свой

¹ Пирапян Н. Указ. соч. С. 208–210. Министр был эрудированным; он знал греческий, латинский, итальянский, французский, английский, турецкий, фарси и арабский. Его очень уважали в Мезре.

² Там же. С. 211.

³ Письмо Дэвиса Моргентау от 30 июня 1915 г.: Davis L. A. Op. cit. P. 148.

⁴ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 353–373.

⁵ Письмо Дэвиса Моргентау от 11 июля 1915 г.: Davis L. A. Op. cit. Pp. 41–43; Пирапян Н. Указ. соч. С. 212–214, свидетельство Агавни Бояджяна.

⁶ Пирапян Н. Указ. соч. С. 215–219; BNU/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 23, Harput, ff. 13–15, свидетельство Гохара Халаяна.

⁷ Ibid. Pp. 222–225.

путь в Урфу. Некоторые из них несколько недель спустя добрались до Дер-Зора¹.

4 июля пришла очередь населения Гусейнига, которых депортировали в одном конвое по направлению в Малатью². Депортацию армян Харпута отложили до конца июля. По свидетельству Риггза, каймакам Харпута старался оттянуть отправку населения бывшей столицы провинции в надежде выиграть время для изъятия у депортируемых денег и ценных вещей. Но более вероятно, что власти, возможно, из-за нехватки кадров, решили сначала покончить с Мезре и Гусейнигом, а затем сконцентрироваться на Харпуте. Аресты всех мужчин старше тринадцати лет начались только в первые дни июля, кроме представителей элиты, которых арестовали гораздо раньше. В субботу 6 июля Мария Якобсен и Трейси Аткинсон узнали о смерти двухсот арестованных, убитых накануне вечером в ущелье близости Ханкёя сопровождавшим их отрядом чете. Вместе с ними были убиты мужчины из Мезре — в общей сложности восемьсот человек³. В этот же день глашатай объявил жителям Харпута о требовании открыть магазины и мастерские. Все обнаруженные мужчины были арестованы солдатами регулярных войск и следующей ночью высланы из города. И наконец, вечером датчанка узнала, что всех мужчин и юношей старше девяти лет согнали в мечеть и отправили из города в субботу 6 июля. Охранявшие их «курды и жандармы» вернулись в воскресенье из Ичме в одежде, запятнанной кровью их жертв⁴.

После отправки из Мезре первых конвоев власти, по-видимому, решили обратить внимание на людей, получивших официаль-

ное освобождение от депортации. Начиная с 8 июля пожилые мужчины, которым ранее было позволено «остаться», начали получать повестки, после чего их тоже отправили в ссылку⁵. Якобсен вспоминает случай, как старика восьмидесяти лет Акопа Беннеяна убили пришедшие за ним солдаты прямо перед его домом. Нескольким женщинам и девушкам, получившим разрешение остаться, предложили немедленно принять ислам⁶. Мальчиков от четырех до восьми лет тоже не обошли вниманием. Их собрали, подвергли обрезанию и поместили в два «турецких» приюта, которые открыли в десятых числах июля⁷. Власти даже попросили консула Дэвиса пожертвовать на их содержание⁸.

В Харпуте приказ о депортации был обнародован только 10 июля, когда населению было предложено принимать ислам⁹. В этот же день в сопровождении «курдов и жандармов» был отправлен первый конвой, состоявший из ста пятидесяти семей из «Нижнего квартала» (Вари гар)¹⁰. Бывший каймакам Харпута практикующий врач д-р Артин-бей Хелваян, которого освободили от должности в мае и заменили Асим-беем, тоже был депортирован 14 июля вместе с со-рока другими известными людьми. Их везли в запряженных лошадьми экипажах и всем выдали официальную «охранную грамоту», а также гарантировали абсолютную безопасность. По официальной версии, д-ра Хелваяна отправили в Алеппо, в котором якобы не хватало врачей. Вместе с ним ехала его семья, а также католический предстоятель харпутской епархии архиепископ Степан Исраэлян, отец Саркис Хачатурян, отец Гевонт Минасян и четыре монахини из Конгрегации

¹ Ibid. Pp. 226–227.

² Ibid. Pp. 219–220; *Atkinson T. Op. cit.* P. 40.

³ *Jacobsen M. Op. cit.* P. 73. Она была проинформирована о судьбе этих людей фармацевтом из больницы «Бароном Мельконом» [Люлежан, один из выживших этого конвоя]; *Atkinson T. Op. cit.* P. 40; *Riggs H. H. Op. cit.* P. 103.

⁴ *Jacobsen M. Op. cit.* P. 75.

⁵ Ibid. Pp. 76–77.

⁶ *Atkinson T. Op. cit.* P. 46.

⁷ Ibid. Письмо Дэвиса Моргентау от 11 июля 1915 г.: *Davis L. A. Op. cit.* P. 46. Дэвис отмечает, что накануне встретился с вали и пытался убедить его разрешить открытие приюта для всех детей, которые скитались по области или оказались в Харпуте.

⁸ Письмо Дэвиса Моргентау от 11 июля 1915 г. (с. 7) включает свидетельство Моргентау госсекретарю от 1 августа 1915 г.: National Archives (Washington), RG 59, 867. 4016/122 (microfilm 353, bobine 43). Их депортировали в начале сентября (Ibid. P. 73, Дэвис Моргентау, 6 сентября 1915 г.). В свидетельстве от 9 февраля 1913 г. Дэвис отметил, что эти мальчики были отправлены на бойню на озере Гольжук: Ibid. P. 142.

⁹ *Jacobsen M. Op. cit.* Pp. 76–77. Миссионеры с облегчением поняли, что было не так много новообращенных.

¹⁰ Ibid. P. 78; *Atkinson T. Op. cit.* P. 46.

непорочного зачатия. На следующий день 15 июля конвой остановили вблизи Казим-Хана, в десяти часах пути к югу от Харпута, и сопровождавшие его жандармы вырезали всех подконвойных, о чем свидетельствовала одна из трех оставшихся в живых женщин и вернувшиеся в Мезре жандармы из сопровождения¹.

Второй конвой из Харпута, состоявший приблизительно из трех тысяч человек, был отправлен по малатийской дороге в направлении Урфы 18 июля. Его сопровождали сто жандармов и три офицера². На рассвете армия окружила Верхний квартал города и начала выгонять жителей из домов. Только пяти армянским ремесленникам и их семьям было разрешено остаться в их домах, как сирийцам и грекам. Якобсен отмечает, что уже к 21 июля офицеры и государственные чиновники переехали в армянские дома в районе Евфрат-колледжа³. Согласно свидетельству шедшего во втором конвое Мушега Ворберяна, караван достиг Малатьи через неделю, потеряв по пути всего двадцать пять человек. В дороге сопровождавшие караван офицеры отобрали у подконвойных деньги. На расстоянии трех часов пути от Малатьи в местечке под названием Чифтлик всех мужчин старше двенадцати лет отделили от остальных и заперли в ближайших казармах, где уничтожили. Четырнадцатилетнюю сестру нашего свидетеля «взял в жены» один из сопровождавших караван офицеров, других женщин и детей отдали в пользование мужчинам⁴.

В своем донесении от 24 июля консул Дэвис указывает, что к этому времени из Мезре и Харпута было сослано от двенадцати до пятнадцати тысяч армян и от одной до полутора тысяч осталось в городе «по разрешению, благодаря взятке или потому, что удалось спрятаться»⁵. Он добавляет, что в ссылку были уже отправлены тысячи других людей из окрестных сел⁶.

Сразу после завершения депортаций Дэвис выразил удивление «полному отсутствию сопротивления» со стороны депортированных армян, которое, по его мнению, «в большой степени было вызвано продуманным выполнением разработанного плана». Составленный им обзор происходивших событий, несомненно, является одним из наиболее поучительных документов об истреблении армянского населения империи. Дэвис находился в самой гуще событий и прекрасно понимал, в чем заключается главная особенность плана по уничтожению населения: каждая его стадия переходила в последующую почти с точностью часового механизма. Это привело его к заключению, что «все, наверняка, было спланировано еще несколько месяцев назад». Он также понял, что предпринимаемый властями первый шаг, арест «нескольких лиц, как будто бы замешанных в революционном заговоре»⁷, с самого начала устанавливал доказательство «виновности армян», делая законными подозрения властей. Власти же на самом деле настолько мало верили в свои собственные оправдания, что пытались вырвать уличающие показания у иностранцев. Дэвис, например, сообщает, что на встрече с вали, к которому он обратился с просьбой оставить в покое еще не сосланных армян, тот попросил его представить письменный запрос, который, как он сказал, будет воспринят благосклонно, если дипломат напишет, что власти депортировали только «тех, кто был в чем-нибудь виновен»⁸. Вали даже предложил прислать Дэвису начальника полиции, чтобы тот «объяснил все более подробно». Дальше намерения вали приобрели более отчетливую форму: начальник полиции должен был попросить Дэвиса подчеркнуть тот факт, что «были вместе с семьями наказаны армяне, замешанные в революционном заговоре», а другим разрешили остаться⁹. Этот записанный по горячим следам эпизод по-

¹ Ibid. Pp. 46–47; *Пирания Н.* Указ. соч. С. 236–238; Дэвис Моргентау, 24 июля 1915 г.: *Davis L. A. Op. cit.* Pp. 55–56; француженка Маргерит Гамет, которая не смогла покинуть Харпут в начале войны, была в числе жертв.

² BNU/Fonds *Andonian A.* P. J. 1/3, liasse 23, Harpout, f° 47, свидетельство Мушега Ворберяна.

³ *Jacobsen M.* Op. cit. Pp. 78–79; *Riggs H. H.* Op. cit. P. 103.

⁴ BNU/Fonds *Andonian A.* P. J. 1/3, liasse 23, Harpout, f° 48, свидетельство Мушега Ворберяна.

⁵ *Davis to Morgenthau, Harput, 24 juillet 1915: Davis L. A. Op. cit.* P. 157.

⁶ *Jacobsen M.* Op. cit. Pp. 82–83. 869. Дэвис Моргентау, 24 июля 1915 г.: *Davis L. A. Op. cit.* P. 157.

⁷ Ibid. P. 157. Дэвис утверждает, что вали попросил Эйманна и Пиккиотто сделать то же самое.

⁸ Ibid. P. 161.

⁹ Ibid. P. 73. Дэвис отмечает, что глава полиции «тем вечером сидел в моем кабинете <...>, почти до двух часов ночи... Он хотел, чтобы я написал в письме о бомбах и оружии», — если бы он этого не сделал, то около

«зывает, что министр внутренних дел велел высокопоставленным чиновникам в провинции создать легенду об армянском «тайном заговоре», используя, если возможно, «свидетельства» иностранных граждан. Возможно, этим можно объяснить, почему начальник полиции Мезре ответил на отказ консула усилением давления и угрозами применить жесткие меры против натурализованных американцев и прочих лиц».

После отправления крупных конвоев произошло последнее знаменательное событие — загорелась центральная тюрьма в Мезре. В этом учреждении, располагавшемся неподалеку от резиденции правителя Сабита, с апреля по июль содержались влиятельные граждане Мезре, Харпута и Гусейнига, которых власти считали наиболее «опасными». Их систематически подвергали пыткам с целью получения от них «признаний», дающих возможность предать их военному суду. Но к началу августа власти сочли эти юридические ухищрения излишними. Пришло время ликвидировать этих людей таким же образом, как были ликвидированы другие менее важные заключенные «Красного конака». Однако, когда солдаты в ночь с 3 на 4 августа объявили этим арестантам об их немедленной отправке в Урфу, д-р Ншан Наигян отказался подчиниться приказу и потребовал, чтобы всем заключенным разрешили покинуть тюрьму днем, «когда все смогут их увидеть», или, если им предназначена смерть, казнь должна быть публичной. Это свидетельствует о том, что до узников

к этому времени дошла хоть какая-то информация о судьбе армянского населения и они знали, что отправление в Урфу означает смерть. Политическая элита Харпута и Мезре предпочла поджечь тюрьму и погибнуть в огне, но не дать палачам распорядиться их судьбой².

Оставшиеся в провинции армяне исчислялись единицами, они прятались в степи или в брошенных домах, либо жили в больницах, или в американском консульстве. Те, кто находился в больнице, были врачами или сестрами, уважающими за солдатами с фронта, а в консульстве приютили родственников убитых американских граждан³ или дипломатов, например, британского вице-консула из Диарбекира Томаса Мкртчяна с семьей⁴.

Пятьсот мальчиков от четырех до восьми лет, которых после депортации в июле отловили за городом или в опустевших городских кварталах⁵ и поместили в так называемые приюты, на самом деле затолкали в брошенные дома в Мезре и оставили без еды и воды. В течение трех дней двести из них умерли. Аткинсон отмечает, что миссионерам запретили посещать эти «учреждения». Исходящее от детских разлагающихся тел зловоние вызвало недовольство турецкого населения, потребовавшего от властей довести этот эксперимент до конца. В итоге 22 октября оставшихся в живых детей отправили на юг. Тех, кто не умер по дороге, сбросили в Евфрат в местечке Изоли недалеко от Малатьи⁶.

тысячи армян, которые по-прежнему находились в городе, столкнулись бы с «более суровыми, чем когда-либо, меры» начиная со следующего дня.

¹ Ibid. Pp. 61–62.

² Jacobsen M. Op. cit. P. 84; Пираниян Н. Указ. соч. С. 296–300. В число заключенных, погибших в огне, входят: отец Вардан Арсланян, Акоп Ферманян, Акоп Наджарян, Мартирос Мурадян, Арутюн Тер-Габриелян, Тигран Асдигян, д-р Ншан Нахигян, Айрапет Овсепян, Мелкон Френгян, Шапаз Петросян, Торос Даниелян, Левон Тотовенц, Эдварт Тачджян, Карапет Геогюшан, Карапет Демирчян, д-р С. Желалян, Асатур Даракджян, Жан Паракян, Жан Ширванян, Никогос Календерян, Акоп-ага, Пилипос Налбандян, Ованес Даниелян, Карапет Бояджян и др.

³ BNu/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 23, Harput, f° 50v, свидетельство преподобного Петроса Акопяна, члена немецкой миссии в Харпуте, включает довольно суровые слова о Дэвисе, который закрыл двери для нескольких натурализованных американцев. Один из них, Симон Саргавакян, порвал американский паспорт и бросил его консулу в лицо.

⁴ BNu/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 23, Harput, ff. 51v–56, Аракс Мкртчян, дочь консула, изображает Дэвиса как человека, который не желал рисковать и поэтому отказался принять семью своего коллеги в самый ответственный момент. Семья была спасена в конце концов д-ром Аткинсоном в американской больнице.

⁵ Atkinson T. Op. cit. P. 46.

⁶ Пираниян Н. Указ. соч. С. 247–248; Jacobsen M. Op. cit. P. 99.

Села казы Харберд

У нас нет информации о событиях, происходивших в 1915 г. в каждом отдельном селе Харбердской равнины, но, судя по существующей документации, можно предположить, что везде применялись те же самые методы. Осенью 1914 г. призвали в армию и отправили на фронт мужчин от восемнадцати до тридцати лет. Некоторым мужчинам от тридцати пяти до сорока лет удалось избежать призыва за счет уплаты выкупа, а остальных использовали на работах по транспортировке военных грузов. В начале апреля призвали также подростков от пятнадцати до семнадцати лет, которых приписали к транспортным подразделениям и трудовым батальонам. В начале мая в селах начались систематические обыски. Солдаты или чете арестовали и подвергли пыткам известных сельчан. В июне оставшихся мужчин заключили под стражу в «Красном конаке» в Мезре или убили в уединенных местах недалеко от их сел. Так произошло, например, в Ичме и Хабуси. 26 июня несколько женщин из этих сел пришли в Мезре и рассказали, что их мужей и братьев убили в горах на расстоянии часа пути от этих двух сел¹.

Как уже ранее отмечалось, глава немецкой миссии в Мезре Йоханнес Эйманн постоянно помогал проводить конфискации оружия в селах Харбердской равнины, таких как Размашен, Корпе, Хулакюг и т.д. Немецкий пастор в присутствии главаря чете Пулутли Халиля и нескольких правительственных чиновников поклялся на Библии, что, если сельчане сдадут свое оружие, им сохранят жизнь. Те послушались, после чего их арестовали и уничтожили². Нам известно только об одном случае сопротивления в местечке Морениг, где человек десять подростков забаррикадировались в церкви и отбивались, сумев нанести некоторые потери «жандармам», приехавшим в село арестовать мужчин, до тех пор, пока их всех не перестреляли³.

Самый полный отчет нам оставил натурализованный американский гражданин Григор Егоян из села Хуйлу, в котором в 1915 г. было двести сорок армянских (1201 чел.) и десять турецких дворов. Расположенное в двух часах пути к югу от Мезре, это село славилось кожаным ремеслом и апостольской школой, чьи текущие расходы оплачивались фондом, учрежденным эмигрантами, обосновавшимися в Соединенных Штатах⁴.

Во время всеобщей мобилизации двадцать три жителя Хуйлу заплатили выкуп, а тридцать шесть были призваны в армию. Некоторых новобранцев отправили на фронт, а остальных в город. В апреле 1915 г. призвали еще тридцать четыре юноши и старика для перевозки военных грузов в Муш вместе с двумястами шестьдесятю другими сельчанами с равнины, включая одного турка. На обратной дороге в Муш через Битлис и Дирбекир их постепенно уничтожали. 65 мужчин, не убитых в пути, затем расстреляли по дороге в Харпут, оставив только старика 65 лет и двух 15-летних мальчиков. Их поместили под стражу и через несколько недель депортировали вместе со всеми другими мужчинами Хуйлу⁵.

В начале мая село Хуйлу окружили семьдесят пять солдат и десяток жандармов под командованием Зунгулдагли Гайдара. Жандармы провели обыски в домах, где они искали оружие. Известных сельчан подвергли пыткам. Хуже всего пришлось священнику. После этого настала очередь остальных мужчин, которых отправили в «Красный конак». Наш свидетель сумел на время спрятаться в немецком приюте, пока его не обнаружил Эйманн и не приказал убраться из помещения. Однако краткий перерыв, последовавший за объявлением в середине апреля высочайшего «помолования» католикам и протестантам, дал ему возможность покинуть город и с помощью курдов добраться до Дерсима.

¹ Atkinson T. Op. cit. P. 38.

² Пирянян Н. Указ. соч. С. 187–188.

³ VNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 23, Harput, f° 42, свидетельство Михрана Загаряна; Левон Гжигян. Указ. соч.

⁴ VNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 23, Harpout, ff. 65–66, свидетельство Григора Егояна, уроженца села Хуйлу, вернувшегося туда из США 25 декабря 1913 г.

⁵ Ibid, f° 69v; Дэвис Моргентгау, 30 декабря 1915 г.: Davis L. A. Op. cit. Pp. 178–183, подтверждает, что такая судьба была у этих водителей.

16 июля женщин и детей Хуйлу якобы отравили в Урфу, но на самом деле конвоиры-чете изрубили их топорами в ущелье недалеко от села Кюрдемлик вскоре после депортации¹.

Пиранян, бежавший в деревню на северо-западе от озера Гёлюк, 16 июля прошел

через заброшенное село Егеки, а позднее через разрушенное село Эртмнег, в котором не осталось жителей. Там он наткнулся на умирающую старую женщину, рядом с которой сидели трое детей от четырех до восьми лет, нагие и со вздутыми животами².

Судьба солдат—рабочих трудовых батальонов из вилайета Мамурет уль-Азиз

Согласно армянскому источнику, осенью 1914 г. около пятнадцати тысяч новобранцев из вилайета Мамурет уль-Азиз были либо отправлены на Кавказский фронт, либо обеспечивали тыл в своей родной провинции³. В начале апреля семь тысяч из них обезоружили и под охраной вернули в вилайет, где прикомандировали к трудовым батальонам⁴.

Судьбой этих мужчин распоряжались военные власти, и она была иной, чем у гражданского населения. Главную роль в ней сыграл бригадный генерал Сулейман Фаикпаша, командовавший 11-м армейским корпусом, базировавшимся в Мезре с 8 августа 1914 г. Этот боснийский выпускник военного училища (Harbiye) вступил в эту должность в мае 1915 г., а также заменял вали Сабит-бея, когда тот в начале августа 1915 г. ездил по заданию в Дерсим, и еще раз в ноябре того же года, когда Сабит принимал участие в совещании вали восточных провинций в Эрзуруме.

Из документов, собранных во время проведения предварительного следствия в отношении лиц, ответственных за массовую резню в Мамурет уль-Азизе, явствует, что

все военные вопросы решались под непосредственным руководством Сулеймана Фаика и что он «не мог отрицать, что приказал казнить семь тысяч армянских призывников»⁵. Сразу после своего назначения в мае 1915 г. он приказал подчиненным составить список всех армянских солдат независимо от звания, служивших в разных полках и военных формированиях вилайета. Кроме того, он мобилизовал всех армян, которые не были призваны по возрастным причинам, т.е. юношей от шестнадцати до восемнадцати лет и мужчин от сорока пяти до шестидесяти, и отправил их в трудовые батальоны⁶. По свидетельству очевидцев из этих батальонов, основные подразделения солдат-рабочих базировались в Хабуси, Хогге и Алишами по дороге в Балу⁷. Одному из наших армянских источников, Назарету Пираняну, бывшему преподавателю Евфрат-колледжа, и еще трем турецким офицерам поручили разработать план проведения строительных работ в Хогге⁸. 26 мая он прибыл в свой трудовой батальон, состоящий примерно из двух тысяч человек, в сопровождении трех молодых людей из Мезре. Хотя в Хогге была создана служба для отслежива-

¹ Ibid., ff. 67–68v'.

² Пиранян Н. Указ. соч. С. 256–259. Пиранян отмечает, что жителей Хуйлу депортировали, когда он проходил через область 16 июля (Ibid. P. 259). Консул Дэвис позже посетил несколько сел на равнине и отметил, что они были в руинах и что церкви были уничтожены, как если бы хотели «уничтожить все следы» армянского присутствия: доклад Дэвиса госдепартаменту от 9 февраля 1918 г.: Davis L. A. Op. cit. P. 79.

³ BNu/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 23, Harput, f° 39, свидетельство Миграна Закаряна, студента теологии Евфрат-колледжа.

⁴ Ibid., f° 49v'. Консул Дэвис отмечает, что несколько батальонов рабочих-солдат, которые прибыли из Эрзурума в ноябре и декабре, были казнены: Дэвис послу Моргентуа, 30 декабря 1915 г.: Davis L. A. Op. cit. Pp. 178–183.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, d° 99, Э 229, Э 243–244–245 (en français), dossier des personnes inculpées dans le procès des massacres de Mamuret ul-Aziz, daté du 13 septembre 1920, N° 2, liasse I et II.

⁶ Ibid.

⁷ Пиранян Н. Указ. соч. С. 111–118.

⁸ Джизмеджян М. Харберд и его дети, Фрезно, 1955. С. 434–435 (на арм. яз.).

ния списков призывников под командованием турецкого офицера Гусейникли Гусейна, в районе не было никаких казарм. Поэтому солдаты из трех трудовых батальонов расселялись, где могли. Пираниян отмечает, что они в то время были в полной изоляции и не представляли, что происходит в городе. Они даже не знали об аресте известных армян. Он также отмечает, что один из офицеров трудового батальона, Карапет Касоян, был армянин¹.

Следуя описаниям Пиранияна, 11 июня на рассвете батальон в Хоге был окружен отрядом кавалеристов под командованием Черкеза Казима. Но только в понедельник 14 июня военных рабочих под конвоем отвели в поле, где к ним присоединились батальоны из Хабуси и Алишами². Черкез Казим, у которого был список этих солдат, конвоировал их под охраной двухсот пехотинцев и сорока кавалеристов в «Красный конак», куда загнали все три тысячи человек³.

Информация, собранная в ходе предварительного следствия по делу преступников Мамурет уль-Азиза, показывает, что Сулейман Фаик-паша провел личный осмотр этих трех тысяч мужчин перед своей официальной резиденцией в особняке Кирмизи. Он сказал им, что, будучи «другом армян», собирается отправить их «в хорошее место»⁴. В ожидании отправки в «хорошее место» людей в течение тридцати часов держали без воды и еды. Ежедневно около ста трупов сваливали в мусоровозы и увозили за город, где сжигали. Пираниян сообщает, что каждую ночь вводили на пытки приблизительно пятьдесят человек. Для пыток часто использовали большие клещи, с помощью которых отрывали пальцы рук и ног или полоски кожи. Раскаленным железом пробивали головы или протыкали животы, а пилами вскрывали скальпы или отрезали члены и изощренно орудовали топорами⁵.

Как мы уже знаем⁶, 18 июня этих людей отправили по дороге на Диарбекир, а затем уничтожили. В обвинительном заключении по делу преступлений в Мамурет уль-Азизе четко прописано, что все военные рабочие, отправленные в Урфу «на строительство железной дороги», на самом деле были разделены на отдельные группы и казнены в ущелье Деве Бойну или местечке Гюген Богази в нескольких минутах пути от Мадена. Их убивали либо их охранники, либо находившиеся там для этой цели чете⁷.

Шифрованная телеграмма, посланная Сулейманом Фаиком командующему 3-й армией в Тортум и позже обнаруженная военным судом, дает прекрасное представление о применяемых османской военной элитой методах. Ее стоит привести полностью: «Имею честь представить Вам следующую информацию из донесения уполномоченного, отвечающего за конвой батальона рабочих, предоставленных в распоряжение вилайета. Этот батальон, отправленный на Диарбекир, без происшествий прибыл в Маден. После того как он оставил Маден, недалеко от местечка, известного как Гюген Богази, внезапно появились банды армян и открыли огонь с обеих сторон, мешая организованному продвижению конвоя. Все рабочие из батальона дезертировали и примкнули к бандам. Так как они отказались выполнить приказ «стой!», против них и банд было применено оружие. Несмотря на усилия охраны конвоя и предоставленного местными властями подкрепления, было невозможно остановить такую массу людей из батальона и бандитов, тем более что побегу способствовали условия пересеченной местности. Тем не менее подразделения с бойцами продолжали их преследовать. В ближнем бою погиб один солдат, уничтожены три единицы оружия и сломаны ножны сабли. Сопровождавший конвой уполномо-

¹ Пираниян Н. Указ. соч. С. 111–118.

² Там же. С. 120–122.

³ Там же. С. 127–128.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcate, d 99, E 229, E 243–244–245 (en français), dossier des personnes inculpées dans le procès des massacres de Mamuret ul-Aziz, daté du 13 septembre 1920, dossier № 2, liasse II.

⁵ Пираниян Н. Указ. соч. С. 132–133.

⁶ См. выше, с. 431–432.

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcate, d 99, E 229, E 243–244–245 (en français), dossier des personnes inculpées dans le procès des massacres de Mamuret ul-Aziz, daté du 13 septembre 1920, dossier № 2, liasse I.

«...ный посчитал ненужным оставаться до-
лее в этом районе и вернулся домой»¹.

Взяв этот редкий документ за отправную точку, председательствующий судья военного суда Немруд Курд Мустафа-паша под-
верг Сулеймана Фаика перекрестному до-
просу. Он, в частности, спросил, как конвою
удалось уничтожить всех этих людей и не
поплатиться потерей, если бандиты были воору-
жены². Такой странный способ донесения
главнокомандующему об истреблении бата-
льона, безусловно, не мог обмануть генера-
ла османской армии.

Материалы предварительного расследо-
вания показывают также роль, какую играл
Исхак Бей-заде Мехмед, главарь отряда
«Четыре», базировавшегося в Ташпинаре на рас-
стоянии часа пути от Малатьи, в убийстве
тысячи двухсот армянских рабочих в Изоли

11 июня 1915 г. Сначала их заперли в мече-
ти села Пирот, а затем вывели небольшими
группами к Евфрату, где убили и сбросили в
реку. Убийства, вероятно, совершались по
приказу Сабит-бея и мутесарифа Малатьи.
Хотя к этому обвинению следует отнести с
некоторой долей скептицизма. Вполне воз-
можно, что сделавший это заявление воен-
ный хотел обвинить в данных преступлениях
гражданские власти, не зная, была ли у них
реальная возможность распоряжаться воен-
ными формированиями. Конечно, нельзя ис-
ключать возможности, что Сабит взял на се-
бя роль посредника, но уж никак не мутеса-
риф Малатьи Наби-бей³, которого в начале
мая 1915 г., освободили от этой должности,
а 20 июня, когда в районе Малатьи началась
настоящая кровавая баня, заменили Решид-
беом⁴.

Конвои депортированных из северных от Харпута районов

До сих пор мы редко обращались к опи-
саниям недельных переходов, совершаемых
депортированными, которые дошли до нас
не из армянских источников. Благодаря сви-
детельствам, оставленным американскими
миссионерами и консулом в Харпуте, у нас
есть описание таких переходов по дорогам
элайета Мамурет уль-Азиз.

Состав караванов, вышедших с севера в
середине мая, ко времени их прибытия на
равнину Мезре совершенно менялся. Как
правило, эти караваны формировали заново
из остатков разных вырезанных по доро-
жке партий. Первый конвой, следовавший с
севера в Харпут и прибывший туда 2 июля,
включал восемь тысяч депортированных из

Эрзурума и Эрзинджана. Люди находились в
пути около шести недель, они вышли в раз-
ных конвоях, и по дороге их переводили из
одной группы в другую. Среди них не было
мужчин, только малолетние мальчики⁵. Груп-
пы из разных мест все чаще соединялись в
один караван. Так, прибывший 9 июля кон-
вой из трех тысяч человек включал партии
людей из Орду, Кирасона, Трапизона, Кыгы,
Эрзинджана и Эрзурума. Депортированные
оставались в районе Харпута в среднем не
более двух дней на окраине Мезре, извест-
ной как «Четыре фонтана»⁶. Туда приходили
миссионеры, предлагая посильную помощь.
Эти остановки использовались также неко-
торыми турками из Мезре для приобрете-

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 360, шифрованная телеграмма № 33, отправленная Сулейманом Фаик-пашой, военачальником Харпута, 16/29 августа, командующему 3-й армией в Туртуме; Barton J. L. «Turkish Atrocities». Statelets of American Missionaries on the Destruction of Christian Communities in Ottoman Turkey, 1915–1917, Ann Arbor, 1998. P. 33, свидетельство Марии Риггз, которая говорит о трупах людей, которые были застрелены прямо перед тем, как она прошла через область в начале ноября 1915 г.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 99, Э 229, Э 243–244–245 (en français), dossier des personnes inculpées dans le procès des massacres de Mamuret ul-Aziz, daté du 13 septembre 1920, dossier № 2, classe I. Глава заявил, что у него была дополнительная информация о том, что не только один конвой, но, скорее всего, все они были уничтожены в условиях, подобных описанным Сулейманом Фаиком. Поэтому он решил немедленно арестовать Фаика.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 465, doc. № 3, эпизод свидетельства Фазила о Сабит-бее. 22-летний Лазар, родом из Арабкира, избежал казни и смог достичь Малатьи, где он дал показания об этих событиях.

⁴ Агуни С. Указ. соч. С. 158–159.

⁵ Atkinson T. Op. cit. Pp. 40–42; этот конвой снова отправился в путь 9 июля; Barton J. L. Op. cit. P. 42, сви-
детельство д-ра Трейси Аткинсона.

⁶ Пирянян Н. Указ. соч. С. 243.

ния женщин в свои гаремы¹. Лесли Дэвис, несколько раз посетивший лагерь «Четыре фонтана», дает наглядное описание условий, в которых содержались депортированные: в лохмотьях, не имевшие возможности помыться или сменить одежду, истощенные. По его словам, «увидевший их едва ли мог поверить, что перед ним человеческие существа»². Сотни людей умирали в этом импровизированном лагере от изнеможения, а их трупы сбрасывали в общие могилы или просто оставляли брошенными. Трудоспособных снова отправляли в путь. Дэвис отмечает, что метод был безотказным, позволявшим «избавиться ото всех в относительно короткое время»³. Нескольким людям все-таки удалось избежать общей участи благодаря миссионерам, приютившим их в американском госпитале или немецком приюте в Мезре. Некоторым женщинам даже повезло поселиться в каком-нибудь бро-

шенном городском доме, «выйдя замуж» за офицера, как, например, Сирануш Хогрогян, которая в свои тринадцать уже была беременна⁴.

Когда эти конвои с севера покидали Мезре, их направляли в сторону одного из двух полей смерти. Первое, как мы знаем, находилось в восьми часах пути на юго-запад от Малати в ущельях за Фырынджиларом недалеко от Каты. Здесь заправляли отряды чете под командованием двух курдских главарей племени решван Зейнел-бея и Гаджи Бедри-ага, действиями которых руководили депутат парламента от Дерсима Хаджи Балаш-заде Мехмед Нури-бей и его брат Али-паша⁵. Другое поле смерти состояло из многочисленных небольших лощин в скалах, спускавшихся к озеру Гёлюк (сейчас озеро Хазар), которое лежало в тридцати милях к юго-востоку от Харпута неподалеку от дороги на Диарбекир.

Кровавая бойня на Гёлюке

Когда Назарет Пираниян нашел убежище в курдской деревне Хавтасар, расположенной на горных склонах, выходивших на северо-западный берег озера Гёлюк, спрятавший его курд Ганли Джемю рассказал ему, что в это же утро (сразу за Рамаданом, который в 1915 г. закончился 12 августа) в долину прибыли четыре турецких офицера и попросили собрать ага из курдских деревень. Они привели на берег озера караван, состоявший из трех тысяч депортированных из Трапизона, Эрзурума и Эрзинджана, который охраняли двести чете, и предложили сельским жителям помочь им «закончить» их работу. Курдские сельчане приняли предложение и, вооружившись топорами и ножами и разбившись на семейные группы, напали на конвой. Пираниян отмечает, что после окончания бойни в деревню привели несколько детей с физическими и психологическими травмами. Все они в течение недели умерли. Ког-

да Пираниян через несколько дней покинул свое убежище и спустился к берегу озера, он обнаружил там огромную общую могилу: одна из небольших лощин, спускавшихся к озеру, была наполовину заполнена телами этих трех тысяч депортированных⁶. Но даже это свидетельство очевидца не дает представления о размахе совершенных на берегу озера преступлений. Здесь основным источником информации является рассказ консула Дэвиса, который 24 сентября 1915 г., после того, как некий турок сообщил ему о том, что озеро завалено трупами, решил объехать его верхом и осмотреть территорию⁷. Отправившись тайком в четыре часа утра, консул и его турецкий провожатый в течение четырех часов ехали по направлению к Курдемлику, встречая по пути сотни наполовину засыпанных тел с торчащими из земли руками и ногами, в некоторых случаях изуродованных животными, а также обгоревшие тела людей.

¹ Atkinson T. Op. cit. P. 40.

² Davis to Morgenthau, Mamuret ul-Aziz, le 11 juillet 1915: Davis L. A. Op. cit. P. 150.

³ Ibid. P. 151. Конвои, которые прибыли в августе, были первоначально размещены в районе села Хулаюк/Хулакой, находящегося в часе езды западнее Харпута, чтобы в конце сентября переместиться на окруженную стеной кладбище армянской церкви Мезреха: Barton J. L. Op. cit. P. 57, свидетельство Рут А. Пармелее.

⁴ Ibid. P. 160.

⁵ См. выше, с. 327.

⁶ Пираниян Н. Указ. соч. С. 256.

⁷ Аткинсон дает точное время путешествия (Atkinson T. Op. cit. P. 55); рапорт Дэвиса госкомитету, 9 февраля 1918 г.: Davis L. A. Op. cit. P. 166.

ожженных «с целью обнаружения проглоченного ими золота»¹. Когда они добрались до озера, консул решил осмотреть скалы на северо-западном берегу, изрезанном «глубокими лощинами». Вероятно, чаще всего чете сбрасывали депортированных с высоких утесов в лощины с крутыми стенками, представлявшие собой настоящие ловушки, из которых не было иного выхода, кроме как в озеро. В этой первой части своего путешествия Дэвис увидел две лощины, заполненные трупами: около тысячи тел в одной и полторы тысячи в другой. Он встретил и множество других, не до конца заполненных ущелий, но долго не мог приблизиться к ним из-за невыносимого зловония².

Местные турки подтвердили консулу, что «жандармы» (на самом деле — чете) действительно переложили задачу по уничтожению депортированных на курдов, живущих в местных селах. «Жандармы» за определенную сумму в зависимости от размера конвоя отдавали его в распоряжение курдов, которые, в свою очередь, отбирали деньги у своих жертв. Дэвис также отмечает, что тела, которые он видел, были нагими. Это указывает на то, что жертв, перед тем как уничтожить, скорее всего, раздевали. Он даже высказывает предположение о том, что именно так поступали во всех восточных провинциях. А еще он отмечает, что почти никто из жертв не был застрелен³.

Возвращаясь в Мезре через Кегванк на юго-западе от Гёлюка, Дэвис обнаружил трупы нескольких тысяч наполовину закопанных людей в другой общей могиле. Они уже превратились в скелеты. По его предположениям, это были останки мужчин из Харпугута и его окрестностей, которых отправили на смерть до снаряжения больших конвоев с женщинами и детьми⁴.

Во время своей второй поездки в этот район, которую он предпринял вместе с д-ром Аткинсоном 24 октября, американский консул решил осмотреть восточный берег озера. В окрестностях села Гёлюк

он увидел разлагающиеся трупы сотен людей, убитых совсем недавно. Проезжая по горным тропам, он обнаружил небольшое ущелье, заполненное телами сотен недавно убитых женщин и детей, на которых были видны следы ран от штыков. Покинув южное побережье, Дэвис и Аткинсон доехали до долины, расположенной на северо-западной оконечности озера, где обнаружили «гораздо больше мертвых тел, чем я [Дэвис] когда-либо видел в обеих поездках». Оба оценили количество тел, покрывавших эти несколько акров земли, в две тысячи. Найденные документы указывали, что жертвы были из Эрзурума и других провинций. В конце своего отчета о второй поездке Дэвис указывает, что в общих могилах вокруг озера Гёлюк лежат останки десяти тысяч загубленных армян: «Это мирное озеро, расположенное внутри Азиатской Турции... вдали от глаз цивилизованных людей, как нельзя лучше подходило для осуществления злодейского плана турок по истреблению армянского населения»⁵.

Стоит остановиться еще на одном рассказе очевидца, «французского протезе» из Смирны С. Падова, изгнанного из Битлиса вали Рами-беем вместе с А. Амадо и Д. Ардитти. 17 сентября 1915 г. эти три человека стали свидетелями массовой резни трех тысяч армян, которая произошла на берегу озера Гёлюк. Они выехали из Харпугута в Битлис 15 сентября. По пути к южному берегу озера они «почти на каждом шагу» наткнулись на трупы. На берегу им встретился караван. Банды курдов, дислоцированных в горах над озером, открыли огонь по депортированным, а затем окружили их. Падова пишет, что «это походило на нападение разъяренных животных на беззащитных людей». «Жандармы», конвоировавшие караван, стоя наблюдали, как депортированных рубили топорами. Через полчаса эти три тысячи людей уже «тонули в лужах крови». Тогда с гор быстро спустились курдские женщины и начали раздевать трупы⁶.

¹ Ibid. P. 167. Дэвис указывает, что он изначально считал, что это было «санитарной мерой», но вскоре узнал правду о методах убийц.

² Ibid. Pp. 168–169.

³ Ibid. Pp. 82–83. Наблюдения Дэвиса, кажется, указывают, что эти люди были в пути в течение нескольких недель и были, следовательно, не армянами из Харпугута.

⁴ Ibid. P. 84.

⁵ Ibid. Pp. 86–87; точная дата выхода двух человек дана в кн.: *Atkinson T. Op. cit.* P. 58.

⁶ *La Renaissance*, № 43, mercredi 22 janvier 1919, article de S. Padova, «Le lac ensanglanté», repris de *La Liberté de Smyrne*; BNU/ Fonds *Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide*, P.J.1/3, liasse 23, Harpout, ff. 25–26, doc. 45, «Le lac ensanglanté».

Заключительные меры по истреблению армян

В телеграмме от 18 сентября 1915 г., адресованной министру внутренних дел, Сабит-бей представил первый баланс проведенных в его провинции операций. По его оценке, из вилайета была депортирована пятьдесят одна тысяча армян и четыре тысячи еще прятались в селах¹. С середины августа до середины ноября власти сосредоточили усилия на поимке армян, сумевших так или иначе избежать депортации. Но для того, чтобы найти этих беглецов и выманить их из укрытий, вали Сабиту было необходимо восстановить относительное доверие к властям. Поэтому 18 августа, менее чем через месяц после последних конвоев с депортированными глашатай объявил, что протестанты (фактически, уже все выселенные) могут оставаться в своих домах². Дэвис отмечает, что власти два раза, в частности 26 сентября, объявили о том, что более не будет никаких депортаций³. И действительно, в течение двух недель не было проведено ни одного примечательного мероприятия, за исключением рейда в американский госпиталь, организованного полицией с целью обнаружения там «нелегальных армян»⁴. Некоторые деревни на равнине, в частности Хабуси, теперь населяли черкесы, турки и курды из восточных провинций, правда, в других, таких как Хоге под Харпутом, по-прежнему жили армяне⁵.

Однако 4, 5 и 6 ноября депортированных из Трапизона, Эрзурума и Орду, нашедших

убежище в Верхнем квартале Харпута, армян и сирийцев из города и людей, вернувшихся в деревни на равнине, выловили и согнали в полицейский участок⁶. 4 ноября американский госпиталь был окружен войсками, а за консульством Соединенных Штатов установлено наблюдение. Работавшие в госпитале армяне, за исключением нескольких врачей, были женщины, выхаживающие турецких солдат, такие как школьная учительница Анна, овдовевшая мать троих детей, которая усыновила еще шестерых детей своих погибших сестер. В час тридцать дня полиция ворвалась в госпиталь и потребовала выдать всех находившихся там мужчин и мальчиков. Одна из матерей отдала жандарму свою старшую дочь, чтобы он помог ей и остальным детям остаться в городе⁷. В итоге 8 ноября были депортированы четыреста тридцать пять человек, арестованных за несколько предшествующих дней⁸. По оценкам же Дэвиса, в начале ноября «жандармы» увели и уничтожили в «скрытых от глаз ложбинах» от тысячи до двух тысяч армян⁹.

Эти действия совершались по приказу генерала Сулеймана Фаика, командующего 11-м армейским корпусом и исполняющего обязанности вали¹⁰ в отсутствие Сабита, выехавшего 19 октября в Эрзурум¹¹. Сабит вместе с вали Эрзурума Тахином, вали Сиваса Муаммером и вали Трапизона Джемалем Азми принимал участие в собрании, органи-

¹ BOA, DH. EUM, 2 şb. № 68/70, телеграмма вали Мамурет уль-Азиза Сабита министру внутренних дел Талаату от 18 сентября 1915 г.: Osmanlı Belgelerinde Ermeniler (1915–1920), T.C. Başbakanlık Devlet Arşivi Genel Müdürlüğü, Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, Armenians in Ottoman Documents (1915–1920), № 114. P. 106. Эта оценка правдоподобна, если добавить к ней рабочих-солдат, с которыми разобрались отдельно; мужчины убили до начала официальной депортации, население расстреляли там, где находили, и армян, которым удалось бежать в район Дерсим. Еще один документ, находящийся в APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse 57, свидетельство министра внутренних дел, упоминает 50 024 армян, депортированных в санджак из Харпута, и 74 206 во всем вилайете.

² Jacobsen M. Op. cit. P. 89.

³ Dépêche de L. Davis à Morgenthau, du 30 décembre 1915: Davis L. A. Op. cit. Pp. 87–89.

⁴ Jacobsen M. Op. cit. Pp. 91–92, Journal du 25 septembre.

⁵ Ibid. P. 100; свидетельство Дэвиса госкомитету, 9 февраля 1918 г.: Davis L. A. Op. cit. Pp. 85–86.

⁶ Barton J. L. Op. cit. P. 57, свидетельство Рут А. Пармелее и свидетельство Изабеллы Харлей (с. 70); Дэвис Моргантау, 30 декабря 1915 г.: Davis L. A. Op. cit. Pp. 178–183. Жители Харпута были окончательно освобождены при условии «перехода к туркам».

⁷ Jacobsen M. Op. cit. Pp. 105–106.

⁸ Ibid. P. 108. Тридцать пять человек в конвое стали мусульманами несколькими неделями ранее.

⁹ Дэвис Моргантау, 30 декабря 1915 г.: Davis L. A. Op. cit. Pp. 180–183.

¹⁰ Jacobsen M. Op. cit. P. 99.

¹¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, d 99, 3 229, 3 243–244–245 (en français), dossier des Turcs inculpés dans le procès des massacres de Mamuret ul-Aziz, daté du 13 septembre 1920, dossier № 2, liasse 1. Генерал был обвинен, в частности, во входе в американский госпиталь, аресте армянского персонала и в убийстве.

зованном Камиль-пашой. По свидетельству армянского очевидца Миграна Закаряна, значительная часть обсуждений была посвящена принятию мер по обращению конфискованного имущества в собственность государства¹. Из-за отсутствия полной информации об этом совещании мы не можем подтвердить заявление Закаряна, но учитывая, что оно проводилось после завершения первой фазы истребления армян, скорее всего, его задачей было дать оценку результатам проведенных операций и, возможно, принять решение о дальнейших мерах по завершению всего плана. Таким образом, октябрьская встреча была своего рода продолжением другого собрания, состоявшегося в Эрзинджане в конце июля². По крайней мере, такое впечатление создают две телеграммы, представленные стамбульской следственной комиссией в 1919 г. Первая, датированная 3 ноября, очевидно, касается призывников, считавшихся «дезертирами», поскольку им удалось избежать участи, угрозанной военным рабочим: «Нам известно, что в ваших провинциях повсеместно армянские мужчины живут с армянскими женщинами без охраны, которая прибыла из разных мест. Такая ситуация порождает беспорядок. В течение одного-двух дней эти лица должны быть отслежены и высланы под конвоем в направлении Диарбекира»³. Эту первую телеграмму можно также трактовать как приказ о депортации оставшихся в Харпуте/Мезре армян. По крайней мере, так ее воспринял генерал Фаик, в тот же день отправивший вали Сабиту такой ответ: «Соз-

дана поисковая группа, которой поставлена задача найти армян, укрывающихся в городе или иных местах. Один конвой недавно отправлен. В будущем, подчиняясь приказу Вашего Превосходительства, мы ускорим проведение операций и доведем ситуацию до конца»⁴. Другие документы, касающиеся санджака Малатья, гораздо менее расплывчаты. В них четко прописано, что «в соответствии с последними приказами не оставлен ни один местный [армянин]. Равным образом, ни одному лицу, прибывшему из другого места, не разрешено остаться»⁵.

В свете вышеизложенного есть основания считать, что участники совещания в Эрзуруме наряду с прочим приняли решение о ликвидации последних армян в восточных провинциях. После депортации в начале ноября одной тысячи армян, еще находившихся в Мезре и Харпуте, там осталось всего сто пятьдесят девушек под защитой американских миссионеров⁶, от трех до пяти сотен детей в немецком приюте в Мезре⁷ и горстка сирот, бродивших по городу и случайно попавших в миссию в поисках еды. Это были остатки от группы тех детей, которых 22 октября забрали из турецкого приюта в Мезре и бросили в реку у Изоли⁸.

После отъезда 15 ноября некоторых американских миссионеров власти усилили преследования и потребовали, чтобы американцы сдали им девочек из их учебного заведения⁹. Что касается подопечных немецкого приюта, его датский директор Дженни Янсен сообщает, что в январе 1916 г. власти направили преподобному

¹ BNU/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 23, Harput, f° 42 v°, свидетельство Миграна Закаряна, студента-теолога Евфрат-колледжа.

² См. выше, с. 347.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIX, U 578, заверенная копия расшифрованной телеграммы, и U 577, копия шифрованной телеграммы вали Мамурет уль-Азиза Сабит-бея от 3 ноября 1915 г. в Эрзинджан. С учетом даты телеграммы можно предположить, что Сабит воспользовался встречей, чтобы навестить свою семью в Кемахе, недалеко от Эрзинджана, после окончания работы. Он вернулся в Мезре 16 ноября с двумя сотнями молодых армян, которых он приказал заключить в «Красный конак»: *Jacobsen M.* Op. cit. P. 110.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIX, U 578, заверенная копия расшифрованной телеграммы, U 577/2, копия шифрованной телеграммы временного вали Мамурет уль-Азиза Сулеймана Фаика Сабит-бею от 3 ноября 1915 г.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIX, U 579/3, копия шифрованной телеграммы каймака Кахты мутесарифу Малатья от 12 декабря 1915 г.

⁶ Доклад Дэвиса госкомитету, 9 февраля 1918 г.: *Davis L. A.* Op. cit. Pp. 79–80.

⁷ *Ibid.* P. 94.

⁸ *Jacobsen M.* Op. cit. Pp. 99, 112.

⁹ *Ibid.* P. 110.

Эйманну официальное требование о передаче детей в их распоряжение для того, чтобы «отправить их в места пребывания их родителей». После получения «клятвенных заверений о том, что дети будут доставлены по месту назначения целыми и невредимыми», немецкие сотрудники приюта поручили триста мальчиков приехавшим за ними «специальным агентам»¹. Спустя два дня два мальчика вернулись в немецкий приют «в поту от долгого бега» и сообщили своим

бывшим заступникам, что «их товарищей сожгли заживо» на расстоянии двух часов пути от Мезре. Янсен признается, что сначала не поверила ни одному слову из этой «невероятной истории», но когда на следующий день она с немецкими монахинями отправилась в указанное сиротами место, она увидела «еще тлевшую черную кучу» и «обугленные скелеты бедных детей»². Власть безжалостно устраняли последние следы армянского присутствия в регионе.

Казы Кебан Маден и Пётюрге

Мы обладаем очень скудной информацией о судьбе семисот восьмидесяти девяти армян, проживавших в Кебан Мадене, административном центре казы с тем же названием, и в селах Аргован и Ашван³. Сведения об оставшихся в живых отсутствуют. В официальном отчете, составленном, возможно, в сентябре 1915 г., кратко указано, что из казы Кебан Маден было депортировано триста восемь армян⁴. Отсюда следует, что более чем четверемстам человек было разрешено остаться в казе или, что более вероятно, их уничтожили в их родных селах по указанию каймакама Тевфик-бея, занимавшего эту должность со 2 мая по 1 июля 1915 г.

В горной казе Тепюрге/Пётюрге все шестьсот семьдесят девять армян были сосредоточены в селе Варденик⁵. Согласно официальной статистике шестьсот двадцать два из них были депортированы летом 1915 г.⁶ Их отправили в одном конвое по просьбе каймакама Рушди-бея, которого, возможно, специально назначили для выполнения этого задания, так как он пробыл в этой должности всего с 8 июля по 31 октября 1915 г. Учитывая близость этих районов к более населенным казам Арабкир и Эгин, разумно предположить, что их армянские жители постигла та же участь, что и жителей густонаселенных районов.

Каза Арабкир

В этой сельскохозяйственной казе, расположенной на берегах Евфрата, армяне были сосредоточены в административном центре Арабкире, население которого составляли девять тысяч армян и семь тысяч турок. В казе было еще четыре армянских деревни: Амбрга в окрестностях Арабкира (население 250 чел.), Шепиг (население 468 чел.), Ванк (население 129 чел.) и Антшинти (население 510 чел.)⁷. Как и в других

восточных провинциях, армяне занимались торговлей и ремеслами, особенно здесь было развито шёлкоткачество. В сельской местности жили в основном оседлые курдские крестьяне, а управление и администрация находились в руках турок. После погромов 1895 г. приблизительно четыре тысячи армян из Арабкира эмигрировали в Америку и Египет, но поддерживали тесные связи со своей родиной⁸.

¹ BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 23, Harput, doc. 19, f° 27, «Un Autodafé».

² Ibid.

³ Kevorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 373–375.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier 57, недатированный рапорт, адресованный министерству внутренних дел.

⁵ Kevorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 377; Karpat K. Op. cit. P. 182, дает официальное число — 679 армян.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse 57, недатированный рапорт, адресованный министерству внутренних дел.

⁷ Kevorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 375–376, или 10 880 армян; Karpat K. Op. cit. P. 182, дает официальное число — 10 091 человек.

⁸ BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 10, Arapkir, f° 5, свидетельство Галуста Галояна от 17 июня 1917 г.

Во время всеобщей мобилизации из Арабкира в османскую армию были направлены две тысячи триста из трех тысяч мужчин призывного возраста¹. Поданные армянами жалобы указывают, что все военные реквизиции были произведены только у них, в то время как богатых турок они не затронули². В течение зимы жандармы и полицейские регулярно наведывались в армянские дома в поисках дезертиров и возможности чем-нибудь поживиться. По свидетельству Хачика Кардашяна, 26 апреля 1915 г. арестовали армянских коммерсантов, которые убежали призыва в армию, уплатив выкуп. На следующий день глашатай объявил о том, что люди должны в течение пяти дней сдать хранившееся в их домах оружие. Кардашян также сообщает, что в это время начали ходить слухи о том, что армяне и курды вырезали турок³. Галуст Галоян, в свою очередь, отмечает, что у властей не хватало людей для проведения обысков в домах, поэтому на представителей самых богатых турецких семей были сформированы отряды чете для борьбы с «армянскими коммерсантами». Эти отряды были усилены жандармами, полицейскими, бывшими солдатами и авторитетами из окрестных деревень⁴. Они начали прочесывать районы и проводить обыски в домах, которые фактически подвергали полному грабежу. Каждую ночь кто-то из этих чете пытал людей, заключенных под стражу в соответствии с установившимся порядком. Поиск оружия давал повод для шантажа жителей, которые иногда предпочитали заплатить взятку, чтобы избежать разорения дома⁵. Тем не менее только 19 июня из тюрьмы вывели тридцать арестованных мужчин

в цепях и конвоировали за пределы города. По официальной версии, их, по просьбе вали, переводили в Мамурет уль-Азиз⁶. Только позже жители Арабкира узнали, что этих людей привели на берег Евфрата, сгрузили на плот и утопили в реке⁷.

Через два дня 21 июня вторая группа из трехсот мужчин, также закованных в цепи, была отправлена якобы в Малатью, а на самом деле, как и прежняя, исчезла в водах Евфрата. Два последних конвоя, по двести пятьдесят человек в каждом, вышли 23 и 24 июня и разделили участь первых двух конвоев⁸. Иными словами, к этому времени вряд ли в Арабкире остался хоть один мужчина от восемнадцати до сорока пяти лет. Последними арестовали и отправили вторым конвоем католического священника преподающего Крашяна, помощника председателя отца Корюна и городского врача д-ра Акопа Абраамяна, уроженца Кютахы и единственного гражданского врача в городе⁹. Жители ничего не знали о судьбе этих людей, но стали в двадцатых числах июня свидетелями прихода колонны депортированных из Эрзинджана, состояние которых не оставило сомнений в том, что должно было с ними случиться¹⁰.

В воскресенье 27 июня глашатай объявил об отправке армян Арабкира в Урфу и о предоставлении им одной недели для распродажи имущества и подготовки к переезду. Распродажа проходила на площади перед супрефектурой под наблюдением правительственных чиновников, а милиция в это время патрулировала городские кварталы в целях предотвращения мародерства¹¹. Несколько пожилых людей предприняли по-

¹ Ibid., f° 5v°.

² Ibid.

³ BNU/Fonds *Andonian* A. P. J. 1/3, liasse 10, Arapkir, f° 17, свидетельство Хачика Кардашяна, родившегося в Арабкире, получившего образование в колледже Евфрата, курсанта офицерского училища Эрзинджана с сентября 1914 по февраль 1915 г., лечился от тифа в Арабкире.

⁴ BNU/Fonds *Andonian* A. P. J. 1/3, liasse 10, Arapkir, свидетельство Галуста Галояна, ff. 6v°-7.

⁵ BNU/Fonds *Andonian* A. P. J. 1/3, liasse 10, Arapkir, свидетельство Хачика Кардашяна, f° 17v°.

⁶ BNU/Fonds *Andonian* A. P. J. 1/3, liasse 10, Arapkir, свидетельство Галуста Галояна, f° 7v°, и свидетельство Хачика Кардашяна, f° 19, дают дату отправления.

⁷ Ibid., f° 8.

⁸ Ibid., ff. 8, 19, 20v°. Эти события были связаны с жандармами сопровождения вскоре после их появления.

⁹ BNU/Fonds *Andonian* A. P. J. 1/3, liasse 10, Arapkir, свидетельство Хачика Кардашяна, f° 19v°-20. *Jacobson* M. Op. cit. P. 65, сообщает, что 3 июня миссионеры получили сообщение, информирующее их об аресте армянских министров Пери и Арабкира.

¹⁰ BNU/Fonds *Andonian* A. P. J. 1/3, liasse 10, Arapkir, свидетельство Хачика Кардашяна, ff. 20v°-21.

¹¹ Ibid., f° 21.

следнюю попытку спасти армянское население Арабкира от депортации: они написали телеграмму, в которой предлагали властям все свое имущество и права собственности, умоляя их о позволении остаться в своих домах. Но каймакам отказался посылать эту телеграмму¹.

Единственный конвой из Арабкира, в котором было более семи тысяч человек, двести пятьдесят из которых взрослые мужчины, вышел 5 июля 1915 г. под охраной приблизительно ста пятидесяти чете и жандармов². Через пять часов пути конвой остановили и сообщили депортируемым, что они в случае принятия ими ислама могут вернуться домой. Полиция уже составляла списки семей с их решениями, когда поступил встречный приказ. Руководители иттихадистской организации Арабкира нашли такой выход неприемлемым. Для разрешения возникшей проблемы из Мезре даже прибыл инспектор КЕП (возможно, это был Реснели Назим). По-видимому, у муфтия состоялся с иттихадистами резкий разговор, но он не возымел действия: приказ о депортации получил подтверждение³. В день отправки конвоя дома и магазины депортированных опечатали. Представителей самых богатых семей, в частности С. Чагацпаняна, тщательно обыскали, а затем полиция и некоторые члены местной организации Иттихада подвергли их пыткам с целью получения от них признания о тайниках с деньгами и ценными вещами⁴.

После четырех дней пути командовавший конвоем капитан жандармерии потребовал у депортируемых 8000 турецких фунтов золотом, угрожая в случае неповиновения отдать мужчин на растерзание курдам. Люди собрали и отдали ему драгоценности, а также золотые и серебряные монеты. На шестой день, когда конвой подошел к Евфрату на полпути до Малатьи, депортированные увидели на берегах реки трупы армян из предыдущих караванов⁵. На седьмой день

двести пятьдесят мужчин и мальчиков старше одиннадцати лет отделили от остального каравана и повели вниз к Евфрату в сопровождении всей охраны. Оставшаяся часть каравана продолжила путь под присмотром курдов, пока не добралась до моста Кирк Гёз («Сорок сводов»)⁶ через Тома Чай, северный приток Евфрата. Это был один из центров истребления, действовавший под контролем начальника эвакуации (Sevkiyat memurü). Здесь чете, иногда переодетые в форму жандармов, а иногда без формы, перевозили группы ссыльных на другой берег реки. Через этот пункт в основном шли караваны с берегов Черного моря или из вилайетов Ангора и Сивас. По обоим сторонам Тома Чай можно было увидеть сотни полузахороненных трупов. На вершине перед караульным постом отдыхали несколько тысяч депортированных, почти одни женщины и дети. Это был караван из городских жителей Сиваса, находившихся в пути уже тридцать дней⁷. Охрана прибыла немного позже и заняла свои посты вокруг стоянки, как она делала каждый вечер, «чтобы курды не напали» на депортированных. На рассвете было объявлено о возвращении в караван «мужчин». На деле же это оказалась кучка из приблизительно тридцати мальчиков в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет, которых накануне вместе со взрослыми мужчинами якобы переправили на лодках в Харпут. Немного погодя жандарм рассказал, что их расстреляли и бросили в реку⁸.

На восьмой день, когда караван из Арабкира был на расстоянии менее четырех часов пути до Малатьи, охрана направила его на юг в обход города. Этой ночью был инсценирован налет курдов, что дало возможность офицерам из охраны потребовать у людей дополнительного «вознаграждения» за предоставленную защиту. На десятый-одиннадцатый день караван снова отправился на восток к Евфрату. К моменту, когда он достиг села Фырынджилар, находившегося на рас-

¹ Ibid., f° 21v°.

² Ibid., ff. 21v°-22; Atkinson T. Op. cit. P. 39. Автор отмечает, что миссионеры узнали о расправе над людьми Арабкира 26 июня.

³ BNu/Fonds *Andonian A.* P. J. 1/3, liasse 10, f° 22, Arapkir, свидетельство Хачика Кардашяна.

⁴ Ibid., f° 22v°.

⁵ BNu/Fonds *Andonian A.* P. J. 1/3, liasse 10, Arapkir, f° 9, свидетельство Галуста Галояна.

⁶ Ibid., ff. 9r°-v°, 22v°.

⁷ Ibid., f° 9v°.

⁸ Ibid., f° 10.

стоянии около трех часов пути к юго-востоку от Малатьи, он потерял уже четверть своего состава. В селе скопилась огромная масса народа из недавно прибывших караванов из Токата, Амасьи, Акна, Самсуна, Трапизона и Сиваса¹.

Территория была покрыта разлагающимися трупами, от которых исходило ужасное зловоние. Пожилой турок объяснил нашему свидетелю, что самое плохое начнется на следующий день, когда караван отправится по «маршруту смерти», проходившему по другой стороне вершин Малатъя Даглари². Многие торговцы, привлеченные таким количеством караванов, открыли в селе Фырынджилар магазин, где продавалось все, что угодно, но по непомерным ценам. Галоян также заметил, что здесь наготове стоял батальон «жандармов» во главе с мудиром, регулярно получавшим приказы по телефону³. Это был командный пункт Специальной организации, где происходила координация отправки конвоев по «маршруту смерти». Наш свидетель, кроме того, отмечает, что «жандармы» достаточно вежливо приказали депортированным оставить здесь свои вещи, поручив их комиссии, ответственной за «военные контрибуции» (*teklif-i habriyye*). По его оценке, у подножия гор скопилось от восьмидесяти до ста тысяч человек⁴.

На двенадцатый день 16 июля власти приказали семьям отдать в их распоряжение девочек в возрасте до пятнадцати и мальчиков до десяти лет. Их должны были поместить в приют, специально открытый для них в Малатье. От трех до пяти тысяч детей погрузили на повозки и увезли. По мнению Галояна, некоторых из них отловили в ходе предыдущих рейдов⁵.

Конвои по очереди направлялись в ущелье за селом Фырынджилар, где находилось одно из главных полей смерти Специальной организации. Здесь всем управляли депутат парламента от Дерсима Хаджи Балашаде Мехмед Нури-бей и его брат Али-паша. В их подчинении были два курдских главаря племени решван Зейнел-бей и Гаджи Бедри-ага со своими отрядами чете⁶.

Кардашян, один из семнадцати военных рабочих, трудившихся в казармах Арабкира, которым разрешили остаться в городе после депортации армянского населения благодаря благосклонному отношению офицера Гусейна, видел, как через Арабкир один за другим следовали конвои с депортированными из Эрзурумской и Трапизонской провинций. Он также сообщает, что этот старый офицер не стал наживать на конвоях, «как другие турки»⁷. Проходя через Арабкир, конвои оставляли за собой погибших, а также брошенных на произвол судьбы детей. Кардашян указывает, что в связи с этим власти решили открыть «приют», который больше походил на «бойню для детей». Ежедневно в течение нескольких недель его существования оттуда увозили около пятидесяти трупов. После его закрытия оставшихся в живых детей якобы направили в приют в Малатье, а на самом деле их отвели на мост Кирк Гёз и бросили в Тогму⁸. Но более всего курсанта Кардашяна поразил конвой из Эрзурума, перемещавшийся на повозках, оснащенный палатками и в сопровождении хорошо вооруженных жандармов. Он про себя подумал, что эти люди, несомненно, были хорошо защищены в пути и являлись странным исключением в том потоке горя и отчаяния, который проходил через Арабкир⁹.

¹ Ibid., f° 11r°-v°.

² Ibid., f° 12.

³ Ibid., f° 12v°.

⁴ Ibid. Их эскорт отправился назад в Арабкир.

⁵ Ibid., f° 13. На данный момент сестра свидетеля была передана молодому капитану, который согласился взять Галуста с собой. Армянское население Малатьи еще не было депортировано.

⁶ См. выше, с. 327, на счет уничтожения конвоя из Эрзурума в этом ущелье. BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 10, Arapkir, ff. 1-4, свидетельство трех выживших из конвоя из Арабкира, которые добрались до Урфы, а затем до Алеппо после пересечения ущелья Кахта.

⁷ BNU/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 10, Arapkir, свидетельство Хачика Кардашяна, f° 23r°-v°. Горстка ремесленников, которым было разрешено остаться после принятия ислама, большинство из которых были мусонами, в конечном итоге были депортированы.

⁸ Ibid., f° 23v°.

⁹ Ibid., ff. 23v°-24. Принимая во внимание их маршрут, это был «второй конвой» из Эрзурума. Позже он был уничтожен в ущелье Кахта, хотя заплатил Гаджи Бедри-ага 30 000 турецких лир золотом за защиту (Ibid., f° 25) см. выше, с. 327.

Далее Кардашян отмечает, что каждый раз, когда очередной конвой проходил через Арабкир, власти старались зарегистрировать всех, у кого были разрешения на поселение там, с целью возмещения мастеровых людей, отсутствие которых стало заметным после депортации из города армянских жителей. Правда, разрешения на жительство, которые им выдавали, были действительными лишь в течение нескольких недель. Таких мастеров регулярно отсылали в «Урфу»¹. Наш свидетель сообщает также о слухах, которые начали распространяться в Арабкире к концу лета, о том, что «правительство высылало армян в ссылку, но курды вырезали их по пути». Такие слухи должны были вызвать раздражение у курдов и настроить их против армян, искавших у них спасения².

Кампания по уничтожению армянского населения в казе Арабкир была, без сомнения, развернута каймакамом Хилми-беем, который был назначен на эту должность 2 марта 1915 г. (и 19 декабря того же года, переведен в другое место). Ему оказывали поддержку такие правительственные чиновники, как начальник жандармерии Кадри-бей, комиссар полиции Хоршид-бей, регистратор (*nufus memuri*) Мехмед-эфенди, начальник телеграфного отделения связи Решид-бей и начальник почтового отдела-

ния Бекир-эфенди³. Но нам также известно, что в этом провинциальном городе значительное, если не сказать решающее, влияние имели лидеры Иттихада, которые были набраны из рядов местной знати⁴: адвокат Риза эфенди, землевладелец Нагиб Хамди-эфенди, бывший начальник телеграфного отделения связи Шакир-бей и священнослужитель молла Ахмед-заде Тевфик Эфенди. Эти люди, по меньшей мере, были связаны с процессом принятия решений и старались заручиться поддержкой турецкого населения в пользу политики правительства младотурок. Среди самых известных преступников против армянского народа можно назвать: Деревбейоглу Али-эфенди, Чуши Агаси Мустафу, Шеирли Мехмед-бей, Пашеки-заде Луфти-бей, Кучубей-заде Мехмед-бей, Кучубей-заде Тевфик-бей, Кучубей-заде Хаджи-бей, Параджукли Хаджи Мехмеда-эфенди, Хиранли Бекира, Шотигули Мустафу-эфенди и нескольких «полицейских»: Селамли-заде Шериф-ага, Денизли Фазли, уроженца Малатья Бекира, Османа Мехмеда, Шабана, Этхема и Мехмеда из Шейлера⁵. Согласно данным упомянутого выше отчета, представленного министру внутренних дел осенью 1915 г., из Арабкира было выслано восемь тысяч пятьсот сорок пять армян⁶.

Каза Эгин/Акн

В казе Эгин/Акн, по всей территории которой проходил Евфрат, в 1914 г. было двадцать пять армянских городов и сел с общей численностью армянского населения 16 741 человек. Население административного центра, известного как Акн по-армянски и переименованного в Эгин, было смешанным и состояло из 7720 армян и приблизительно шести тысяч турок⁷. Главными

занятиями были виноделие и кожевенное ремесло. В этом горном районе, села которого располагались, главным образом, на склонах возвышающихся над Евфратом гор, не хватало пахотной земли, и его уроженцы столетиями уходили в другие места в поисках работы. Так, многих армянских выходцев из Акна можно было встретить среди банкиров и ювелиров в столице Османской

¹ Ibid, f° 25.

² Ibid., f° 26.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, n° 215, Э 469–470, 473 (en arm.), список ответственных за погромы и депортации в Арабкире.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse 57, недатированный рапорт, адресованный министерству внутренних дел.

⁷ *Kevorkian & Paboudjian*. Op. cit. Pp. 377–381; *Karpat K*. Op. cit. P. 182. Автор дает официальную цифру — 9888 армян и 676 «греков». Армянскими деревнями были Абушер/Апчака (армянское население 1920 чел.), Гамарагаб (1260 чел.), Гуршла (256 чел.), Лижж (526 чел.), Перга/Пекир (1,170 чел.), Нарвид/Наврил (207 чел.),

империи, а также среди высокопоставленных правительственных чиновников. Самым известным государственным деятелем из армянских армян был Габриэль Норатункян, который с 1912 по 1913 г. находился на посту министра иностранных дел в последнем либеральном османском правительстве.

Первые беспричинные аресты в казе произошли 22 апреля. В этот же день глашатай объявил об обязательной сдаче оружия властям. За этим приказом последовали систематические обыски и новые аресты¹. По сведениям нашего очевидца, в течение двадцати часов только в одном Акне арестовали двести сорок восемь человек. То же самое одновременно происходило и в селах казы². По окончании этой первой фазы насилия власти уже по известному сценарию 1 июня приступили к выполнению второй части своего плана, а именно арестовали помощника прелата отца Петроса Каряна и еще тридцать известных горожан, включая налогового инспектора Срапиона Папазяна, члена районного совета Маркоса Нарляна, директора армянского приюта Мартироса Семеряна, а также Б. и Г. Дирадурянов, Г. Вардапетяна, Б. Ханаряна, К. Ардзруни, Аветиса Балушяна, Аветиса Гананяна и д-ра Саага Чолакяна. Этим арестованных и еще девяносто других мужчин сразу отправили в Кебан Маден, погрузили на плот и утопили в Евфрате³. Но Акн ничего не знал об их судьбе.

7 июня глашатай объявил о расширении границ призывного возраста, который теперь включал лиц мужского пола от шестнадцати до восемнадцати и от сорока пяти до шестидесяти лет. Это была новая хитрость властей, придуманная для истребления ар-

мянских мужчин. В результате было «мобилизовано» четыреста человек, которых под конвоем связанными по пять человек отвели в три места на берегу Евфрата и сбросили в реку. Поскольку годом раньше в Акне уже проводилась призывная кампания, здесь практически не осталось взрослых мужчин, за исключением нескольких стариков⁴.

В конце июня вышел приказ о депортации. Правда, власти объявили о намерении оставить в своих домах семьи, согласившиеся принять исламскую веру. Почти пяти процентам населения удалось избежать депортации таким образом⁵.

Были сформированы три конвоя. Первый включал сельское население. Во второй входили люди из окрестностей Акна и одного из городских кварталов. Третий и последний был составлен из остатков армянского населения Акна, в целом около 7700 человек⁶. Он вышел 5 июля в сопровождении тридцати «жандармов» под командованием Халиля Чавуша⁷. Сразу после отправки конвоев все дома и лавки на базаре опечатывались.

Наш главный свидетель, 17-летний юноша по имени Левон Погосян, вышел из Акна с последним конвоем и шел с ним до самого Фырынджилара, куда четыреста уцелевших подконвойных из его партии добрались за двадцать семь дней, т.е. приблизительно 1 августа 1915 г.⁸. Рассказ Погосяна позволяет нам проследить, как день за днем людей из каравана уничтожали и подвергали методичному грабежу. Так, он отмечает, что в самый первый раз, когда подконвойные разбили лагерь, были похищены молодые привлекательные женщины, а с семей собрали по 2070 турецких лир золотом в уплату

Банк (150 чел.), Цораг (70 чел.), Шрзу (320 православных армян), Мушага/Меченкана (164 православных армян), Акн/Эгин(319 чел.), Вагшен/Вакшен (276 чел.), Кушна/Совук (397 чел.), Дзаблар/Забиляр (16 чел.), Грани/Кир Али (92 чел.), Хасгни/Хаскини (70 чел.), Эхнециг/Ихнесик (231 чел.), Хороч/Хорух (115 чел.), Дзак/Эин (687 чел.), Машгерд/Машгир (496 чел.), Сагмга/Самуку (279 чел.).

¹ Агуни С. Указ. соч. С. 174.

² BNU/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 2, Agn, f° 1, свидетельство Левона Погосяна.

³ Агуни С. Указ. соч. С. 175.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid; Atkinson T. Op. cit. P. 38. Аткинсон отмечает, что миссионеры в Харпите узнали 26 июня, что массовые убийства произошли в районе Акна: она, вероятно, ссылается на убийства мужчин в городе, а также в селах. BNU/Fonds Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 2, Agn, ff. 2–5, свидетельство Левона Погосяна.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid, f° 6.

«за защиту от курдов». Через неделю в конвое уже оставалось менее тысячи человек¹. От обезвоживания, недоедания и истощения погибли самые юные и самые старые члены каравана. Нередкими были и самоубийства, главной причиной которых, без сомнения, было отчаяние. Но среди решивших покончить с жизнью было также много молодых женщин, которые предпочли погнубнуть в водах Евфрата, чем отдаться насильникам. Матери тоже часто отказывались подчиниться воле своих мучителей и убивали себя и своих детей.

Погосян также отмечает, что из Акна до моста Кирк Гёз через Тома Чай можно было добраться за четыре-пять дней, в то время как их караван находился в пути двадцать четыре дня. Вероятно, сопровождающим приказывали искусственно продлевать маршруты и нахождение в пути с целью увеличения людских потерь. Предоставленное Погосяном описание пересыльного лагеря в Кирк Гёзе дает основания предполагать также, что огромная скученность депортированных на территории вынуждала власти «менять маршруты» конвоям. Он пишет: «Там проходил целый людской поток, состоящий из жителей всех городов Турции: тысячи людей, из которых ежедневно умирали от четырехсот до пятисот человек»².

Некоторые подробности из описания Погосяном жизни лагеря просто шокируют. В частности, он вспоминает, как в лагерь пришли двенадцатилетние турецкие и курдские мальчишки, чтобы выбрать себе девочек для утех³. Скорее всего, крайняя жестокость, развязанная правительством младотурок, сняла все запреты и дала волю сдерживаемому в обычных условиях поведению до такой степени, что дети решили, что могут делать с этими девочками, все что захотят, потому что те входят в категорию людей, официально объявленных вне закона.

Среди правительственных чиновников, причастных к совершенным в Акне престу-

плениям, в первую очередь следует назвать каймакама Асим-бея (занимавшего эту должность с 23 июля 1913 г. по 15 октября 1915 г.) и начальника жандармерии Абдулкадир-бея, отвечавшего за отправку всех конвоев и местные массовые убийства мужчин. Асиму и Абдулкадиру оказывали поддержку лейтенант жандармерии Арнавуд Мустафа, лейтенант жандармерии Мустафа-бей и начальник полиции Хуршид-бей, проводившие аресты, пытки и обыски. Местная организация Иттихада, в которую входили Нурзадеоглу Бекир Чавуш, Муса Реджебоглу Муса, Абджугали Мустафа и член регионального совета вилайета д-р Шериф, отличилась показательным проведением антиармянской пропаганды, в ходе которой они зорко следили за выполнением разработанной их партией программы истребления армянского населения и создали комиссию по оставленной собственности во главе с Тевфик-беем и его помощником Ахмед-беем, отцом Тавтили Яшара и Тевфика⁴.

Среди тех, кто играл особенно заметную роль в массовом истреблении людей из Акна и окрестных сел были: Хаджи Мехмед Келешага-заде, Хаджи Хасан-заде, Ибрагим-ага, Джемал Хасан-заде Осман-ага, Акракли Садик Чавуш, Паракоч Омер-ага, Хезини Кель Ахмед-ага, Дарадаган-заде Халид-ага, Курд Али-ага, Кель Хаджи-заде Мехмед-ага, Кёр Хаджи-ага, Осман-ага, Хаккы-ага, Бабаоглу Али-ага, Арсланоглу Мехмед-ага, Курд Османоглу Реджеб-ага, Чисеноглу Мевлуд-ага, Богойи Хасаноглу Мехмед-ага, Ибооглу Яшар-ага, Исмаил Агаоглу Мемо и Село и трое его сыновей⁵. Среди этих преступников были лишь отдельные представители курдской знати. Согласно сведениям Армянской патриархии в Константинополе, в конце 1918 г. в турецких семьях Акна росли приблизительно четыреста армянских детей. Кроме них, в живых остались девятьсот армян, половина из которых были сельскими жителями казы⁶.

¹ Ibid., f° 5r°-v°.

² Ibid., f° 6.

³ Ibid., f° 6v°. Левон Погосян успешно сбежал в Малатю. Там он собрал, как мы увидим, ценную информацию о центральной тюрьме и государственном «детском доме».

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, t° 215, Э 468–469 (en français), список ответственных за погромы и депортации в Эгине/Акне.

⁵ Ibid. Большинство из этих преступников были влиятельные турки из Акна и окрестностей; среди них было также несколько курдских вождей.

⁶ Агуни С. Указ. соч. С. 176.

Депортации и погромы в санджаке Малатья

Ранее уже упоминалось о том, что санджак Малатья играл ключевую роль в истреблении конвоев с армянскими ссыльными, которые приходили сюда с четырех сторон Малой Азии. Отсюда естественным образом следует, что сам город Малатья был координационным центром в созданной правительством младотурок системе. В городе проживал только один иностранец, немецкий пастор Ганс Бауернфейнд, который возглавлял учреждение для слепых под покровительством «Немецкого союза помощи христианским деятелям на Востоке». Бауернфейнд был очевидцем событий и вел дневник, в котором описал их¹. Патриот и сторонник германо-турецкого альянса, он сначала скептически отнесся к происходящему и назвал мэра Малатвии «сумасшедшим», когда тот объяснил ему, что на самом деле скрывается за успокаивающими рассуждениями властей. И все-таки ему пришлось признаться, что он «от начала и до конца был самым жестоким образом обманут». Его весьма точное описание событий дает нам возможность проследить предварительную стадию геноцида, начиная со второй мобилизации до реквизиций и с арестов мужчин до их уничтожения, с такими мельчайшими подробностями, которых не встретишь при изучении других регионов.

Что представляла собой Малатья накануне войны? Начнем с того, что это был самый крупный город в вилайете Мамурет уль-Азиз с общей численностью населения от тридцати пяти до сорока тысяч человек, в том числе пятнадцать тысяч армян². Хотя армяне были в меньшинстве, экономическое развитие региона, славившегося своими текстильными изделиями, красками, коврами и золотыми украшениями, в основном зависело от них. Следует добавить, что они еще получали

постоянные денежные средства от уехавших в Соединенные Штаты армянских эмигрантов. Все это закончилось с началом войны³. Если рассматривать население окрестностей Малатвии, тысяча четыреста армян все еще жили в Мелитине или в том, что осталось от этого древнего города, а также в селах Ког Лур (население 150 чел.), Ордуз (население 400 чел.) и Чермек (население 67 чел.). Погромы 1895 г. Малатвию практически не коснулись, чего нельзя сказать о сельской местности, где были уничтожены едва ли не все армяне⁴.

Во время всеобщей мобилизации значительная часть армян Малатвии освободилась от военной службы, заплатив выкуп. Была создана комиссия по «военным контрибуциям» (*teklif-i habriyye*), сразу приступившая к реквизициям, которые один армянский источник описал как «разграбление» фактически только армянской собственности⁵. Эти операции наряду с ростом цен на продукты питания стали одной из причин быстрого обнищания армянского населения. Из-за тяжелых условий, а прежде всего из-за эпидемии тифа, разразившейся в 3-й армии в феврале 1915 г., участились случаи дезертирства, сначала среди курдских новобранцев, а затем и среди армян и турок. Как утверждает армянский источник, больше дезертиров было среди турок, но дисциплинарные меры были направлены прежде всего на армян. Так, были сожжены дома, в которых жили семьи двух армянских дезертиров, а их самих вернули в казармы⁶. Вскоре после этого почтовое министерство запретило переписку на армянском языке. 19 апреля разоружили армянских новобранцев⁷. Тем не менее в мае власти начали призывать мужчин из возрастных групп, которые раньше не трогали, в частности 18-летних и 19-летних, а также от

¹ *Bauernfeind H.* Journal de Malatia 1915, édité par Méliné Péhivianian et Tessa Hofmann, in: *Kévorkian R. H.* L'Extermination des déportés arméniens ottomans dans les camps de concentration de Syrie-Mésopotamie (1915-1916), la Deuxième phase du génocide, RHAC II (1998). Pp. 245-325.

² *Kévorkian & Paboudjian.* Op. cit. Pp. 387-391. То есть 17 017 в 1914 г.

³ BNU/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 31, Malatia, f° 2v, свидетельство Ованеса Хангларяна.

⁴ *Kévorkian & Paboudjian.* Op. cit. Pp. 387-391.

⁵ BNU/Fonds Andonian A. doc. cit., liasse 31, f° 2, свидетельство X. Хангларяна, указывает, что помощники прелатов протестовали против этих поборов, только чтобы получить выговор от капитана Джавида, который описал армян как «предателей».

⁶ *Ibid*, f° 3.

⁷ *Ibid*; *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 270. Автор отмечает этот факт в своем дневнике от 19 апреля 1915 г.

сорока шести до пятидесяти лет¹ и отправлять их в трудовые батальоны на дорожные работы между Малатъей и Харпутом, в трех часах пути на север². Османское информационное объявило, что «армянские мятежники устроили диверсии на горных перевалах, и это затруднило продвижение солдат». Совершенно очевидно, что мусульманское население принимало эти заявления за чистую монету, что поднимало градус напряженности в городе³.

4 мая Бауернфейнд написал: «По-видимому, правительство совершенно утратило доверие к армянам»⁴. Очевидец событий в Малатъе Ованес Хангларян, в свою очередь, отмечает, что полиция устраивает обыски в армянских домах с целью конфискации писем, газет и любых печатных документов на армянском языке. Обладателей таких материалов объявляют подозреваемыми, арестовывают и заключают в тюрьму⁵. Бауернфейнд сообщает об аресте молодой протестантки Вероники Бонапартян за то, что у нее нашли «армянские песни, сочиненные ее пастором и написанные его рукой»⁶. Как и везде, первая фаза заключалась в коллективном обвинении всех армян. За ней 20 мая последовало объявление о сдаче властям хранившегося в домах оружия «в целях самообороны государства»⁷. После этого указа город захлестнула вторая волна обысков, которая, в свою очередь, обеспечила основу для ареста еще большего числа мужчин. 22 мая взяли под стражу всех армянских

правительственных чиновников, а также других известных лиц, включая армянского помещика архиепископа, членов районного совета, лидеров политических партий и некоторых состоятельных людей⁸.

Второй этап гонений получил дополнительный импульс с приездом в Малатъю инспектора КЕП Бошнак Реснели Назим-бея. Он остановился у депутата парламента Хашим-бея, богатого землевладельца, жившего неподалеку от немецкой миссии⁹. По свидетельству судьи военного суда Малатъи капитана Фазиля, инспектор организовал в доме Хашим-бея собрание, на которое созвал всех городских лидеров младотурок¹⁰: члена регионального совета Талаат-бея, Хаджи Чакирдегина-эфенди (впоследствии похоронившего заживо несколько сотен детей), сыновей Хашима Мехмед-бея и Фаик-бея, депутата парламента от Малатъи Эшаф-бея и коммерсанта Мехмеда-эфенди¹¹. Реснели Назима, конечно, также интересовало отношение к происходящему немецкого резидента в Малатъе, которому он тоже уделил время. Бауернфейнд описывает его как «самого приятного, хорошо образованного и мужественного представителя турецких властей, которого я когда-либо видел». Это указывает на то, что боснийцу удалось очаровать немецкого священника¹². С визитом Назима, несомненно, связано внезапное увольнение мутесарифа Наби-бея, происшедшее 3 июня, и его временное замещение Васифи-беем, каймакамом села Акчадаг/

¹ Ibid. Pp. 259, 272. Автор говорит об обитателе миссии, 17-летнем Григоре; его «мобилизация» приняла форму лишения свободы в казармах Малатъи; BNU/Fonds Andonian A. doc. cit., liasse 31 свидетельство X. Хангларяна, f° 6v, подтверждает, что была составлена вторая возрастная группа.

² BNU/Fonds Andonian A. doc. cit., liasse 31, f° 3v, свидетельство X. Хангларяна.

³ Ibid., ff. 3v-4.

⁴ Bauernfeind H. Op. cit. P. 271.

⁵ BNU/Fonds Andonian A. doc. cit., liasse 31, f° 4, свидетельство X. Хангларяна.

⁶ Bauernfeind H. Op. cit. P. 271, journal du 16 mai.

⁷ BNU/Fonds Andonian A. doc. cit., liasse 31, f° 4, свидетельство X. Хангларяна.

⁸ Ibid, f° 4.

⁹ Bauernfeind H. Op. cit. P. 272, journal du 26 mai. Министр не называет Назима, он описывает его как «представителя, [Müfetisch] отправленного в Константинополь».

¹⁰ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, files XIX, XX/3, XXIII, Э 432 — (transcription en turc moderne et traduction anglaise), свидетельство капитана Фазиля, отставника и представителя знати Малатъи и бывшего члена суда города от 30 ноября 1918 г., на имя великого визиря, министерств внутренних дел и юстиции и главы Сената. [Доклад был позже отправлен нарочным по только что упомянутым адресам и ряду других заинтересованных сторон, таких как армянский патриархат и католический патриархат], № 45 из списка 567 преступников, проверенного капитаном Фазилем, в котором говорится, что Назим взял 20 000 турецких лир золотом для личного использования.

¹¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIII, Э 470-471, responsables pour le sancak de Malatia.

¹² Bauernfeind H. Op. cit. P. 272, journal du 26 mai.

Арга¹. Вероятно, Назиму не понравилось, что Наби не проявляет должной инициативы. Но также возможно, что мутесариф стал жертвой интриг местных кругов младотурок. В любом случае, у нового префекта Решид-бея², прибывшего из Стамбула 20 июня, было преимущество: он был курдом, что немало важно для региона с преобладающим курдским населением. Следует еще отметить, что власти приблизительно 6 июня освободили из тюрьмы уголовников, чтобы включить их в отрядов чете. Отзываясь об этих нерегулярных силах, немецкий священник пишет, что «сначала был удивлен тем, что этим людям немедленно выдали оружие, хотя они были грабителями и убийцами»³. Без всякого сомнения, этот отряд Специальной организации формировался по прямой инициативе Реснели Назима. Трудно представить, чтобы временно исполняющий обязанности мутесарифа мог распахнуть тюремные ворота без приказа сверху. Однако в партийно-государственной системе того времени инспектор КЕП не просто обладал полномочиями для этого, но также обладал правом на создание таких отрядов. Тот факт, что командиром этого отряда (который, как мы увидим дальше, сыграл ведущую роль в массовых убийствах) был назначен Мехмед-бей⁴, сын депутата парламента и лидера местной организации младотурок Хашим-бея, подтверждает, что эти нерегулярные формирования не подчинялись никаким властям, кроме Специальной организации. 9 июня перед отъездом Реснели Назима в Жерпут в школьном дворе состоялась церемония прощания при участии всех влиятельных граждан Малатья. Она демонстрирует степень влияния младотурок или даже страх, внушаемый ими провинциальной знати. Как пишет Бауернфейнд, Назим в качестве официального жеста продемонстрировал аудитории «копию дешевого низкопробного издания с иллюстрациями большого коли-

чества винтовок, бомб и аналогичных предметов, якобы обнаруженных в домах армян из Кухареа [возможно, Кютахья], Диарбекира и т.д.». Временно исполняющий обязанности мутесарифа увенчал речь Назима последним штрихом, когда сообщил немецкому священнику, что накануне «в Мезре было обнаружено около пяти тысяч бомб»⁵. Возмутительный характер обвинений не уступал творимому властями насилию.

Требование сдачи оружия вызывало у армянского населения Малатья серьезные затруднения. С началом войны они добросовестно выполняли свой долг османских подданных в надежде, что власти оставят свои тайные подозрения. Но когда дело дошло до сдачи оружия, встал вопрос о намерениях правительства в отношении армян: если они сдадут оружие, у них не будет никакой возможности защищаться. Это воскрешало в памяти резню 1895 г., которая, конечно, никогда не отпускала армян. Заточенные в тюрьму армянские лидеры были очень обеспокоены этой проблемой. Эти люди, ежедневно подвергаемые крайне изощренным пыткам, посоветовавшись, приняли решение сделать властям следующее предложение: если их отпустят, они соберут и доставят властям оружие армян. 27 или 28 мая четверых из них отпустили. Среди них был лидер дашнаков в Малатье аптекарь-протестант Хосров Кешишян. Остальные остались за решеткой. Армяне, без сомнения, передали властям все свое оружие⁶ (под «оружием» здесь понималось все — от охотничьих ружей до более или менее современных винтовок). Те, у кого не было оружия, «тайно покупали ружья на случай, если их будут требовать под угрозой заточения в тюрьму или наказания дубинками»⁷. Проще говоря, правительство стремилось нейтрализовать армянское население, которое, со своей стороны, имело сомнения относительно истинных намерений властей. Обвинения армян в заговоре, которые более

¹ Ibid. Pp. 261–262. Автор не знает имя временного мутесарифа, описывая его как каймакама «Арга» [то есть Арга, административный штаб уезда Акчадаг].

² Агуни С. Указ. соч. С. 158–159. Автор подтверждает, что префекта заменили.

³ *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 279, journal du 25 juin.

⁴ BNU/Fonds Andonian A. doc. cit., liasse 31, f° 6.

⁵ *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 274, journal du 9 juin.

⁶ Ibid. Pp. 257, 272, journal du 26 mai. Автор указывает, что Кешишян был арестован 25 мая, а затем освобожден; Хангларян сообщил, что четверо мужчин приняли основной ход действий в тюрьме: BNU/Fonds A. Andonian, doc. cit., liasse 31, f° 4v°.

⁷ *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 273, journal du 28 mai.

или менее официально распространялись среди населения, слишком хорошо вписывались в стратегию младотурок, чтобы восприниматься всерьез. С другой стороны, само собой разумеется, что здесь, как и в других местах, армянских лидеров волновал вопрос самообороны. Но, вероятнее всего, стратегия постепенного подрыва сил армян сделала возможность сопротивления практически неосуществимой.

Как свидетельствует дневник Бауернфейнда, с 27 мая начались аресты людей из всех слоев населения¹. Хангларян, в частности, упоминает аресты подростков, стариков, а также ремесленников и базарных торговцев. В результате к концу мая в заточении находилось уже тысяча триста мужчин². Служащий правительственного финансового управления (*muhasebeci*), близкий друг Бауернфейнда, живший напротив тюрьмы, где держали арестованных армян, просил немецкого священника взять его на несколько дней к себе, так как не мог долее выносить криков от побоев, первой жертвой которых стал «пожилой» католический священник³ Степан Багдасарян⁴. Палачи требовали от заключенных признания, где они прятали «динамит, бомбы, запасы оружия и пушки»⁵. Шесть недель спустя Бауернфейнд выразил сомнение в том, «что все эти рассказы о бомбах и погромах были основаны на правде». «Армяне здесь, — продолжал он, — не сделали ничего, что могло бы беспокоить правительство»⁶. По свидетельству Хангларяна, власти в конце концов представили сто четырнадцать «нелегальных» ружей и пистолетов, разложили их рядом с «оружием из казарм», сфотографировали все это и отправили фотографии в Стамбул. Разумеется, «они не нашли бомб»⁷, которые, казалось, были их навязчивой идеей. Ко времени окончания кампании по конфискации оружия под пытками погибли шестьдесят

армян, включая Манука Хантсыяна, Хосрова Кешишяна и Наполеона Бонапартияна [sic], который из-за пыток выбросился с верхнего этажа тюрьмы⁸.

На основании имеющихся источников можно сделать вывод о том, что сразу после сбора оружия власти перешли к выполнению третьего этапа своего плана, т.е. к систематической ликвидации мужчин, как призывников новых возрастных групп от 18 до 19 и от 45 до 50 лет, мобилизованных в мае и отправленных на дорожные работы в Харпут в составе трудовых батальонов (им дали некоторую отсрочку)⁹, так и тех мужчин, которые были арестованы в конце мая или начале июня и заключены в центральную тюрьму Малаты. Теперь речь шла не о пытках, а о массовых казнях. 16 июня Бауернфейнд записал в своем дневнике: «Сейчас мы признаем как установленный факт то, что заключенные в тюрьмах умирают, и их тайно хоронят. С другой стороны, мы не верим, что правительство содействует их смерти. Сейчас нам стало известно, где они хоронят людей». Первые жертвы были по недосмотру захоронены в юго-западной части территории, принадлежавшей немецкой миссии, в вырытой за ночь общей могиле¹⁰. Повторение этих бесчеловечных ночных сцен и исходившее от гниющих трупов зловоние, наконец, разбудили совесть немецкого пастора и он попросил у нового мутесарифа Решид-бея «тайной встречи». Рассказ Бауернфейнда об этой «двухчасовой беседе по армянскому вопросу» меняет его первоначальные сомнения по поводу намерений властей в отношении армянского населения. Он сообщает, что мутесариф послал полицейского (*saptieh*) осмотреть прилегающий к миссии участок с общими могилами. Объяснение, которое он получил (что «кто-то похоронил там свою лошадь»), едва ли могло быть достоверным. Поэтому Решид-бей прибег

¹ Ibid, journal du 27 mai.

² BNU/Fonds Andonian A. doc. cit., liasse 31, f° 4v°.

³ *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 273, journal du 28 mai.

⁴ BNU/Fonds Andonian A. doc. cit., liasse 31, f° 5.

⁵ Ibid., ff. 4v°-5.

⁶ *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 287, journal du 10 juillet.

⁷ BNU/Fonds Andonian A. doc. cit., liasse 31, f° 5v°.

⁸ Ibid., ff. 5v°-6.

⁹ Ibid., f° 6. Автор оценивает число рабочих-солдат из Малаты, приписанных к этому трудовому батальону, в тысячу двести человек, добавив, что большинству из них было «от 20 до 35 лет».

¹⁰ Ibid. P. 277, journal du 16 juin.

другой стратегии: он сказал преподобному, что «не в его власти изменить положение вещей», установившееся «до его назначения на эту должность и что он не утверждал, будто до него не было совершенно ничего противозаконного». Решид-бей сказал, что убийства были совершены «по наущению некоторых богатых людей», более того, что его предшественник «сделал кое-что, чтобы помочь [заклученным] умереть». После этих признаний Решид торжественно заявил, что до тех пор, пока он будет находиться на этом посту, подобные незаконные действия не повторятся»¹.

После встречи с этим хорошо образованным, недавно присланным из Стамбула мутесарифом у пастора состоялась беседа с еще одним важным лицом, градоначальником (belediye reisi) Мустафой-ага Азизоглу, который не делал секрета из своего неодобрения применяемых к армянам мер и часто передавал информацию о преступлениях властей. Так, на следующий день после визита Бауернфейнда к Решид-бею градоначальник рассказал ему, что «в шести могилах были тайно захоронены более сотни тел». Ему также стало «достоверно» известно, что 11 июня 1915 г. недалеко от села Пирот были убиты тысяча двести армянских военных рабочих, занятых на дорожных работах в Джифтлике, расположенном на берегу Евфрата между Малатъей и Джоглу. Преступление совершил базировавшийся в Ташпинаре отряд чете, который был недавно сформирован по приказу Хашим Бейзаде Мехмеда, сына депутата парламента Хашим-бея². Этот же отряд в ночь на 13 июня ликвидировал в присутствии Хашима второй контингент военных рабочих из Малатъи. Двести четырнадцать из них зарубили ножами и топорами в каменоломне Таш

Тепе, после чего сбросили их тела в карьеры. Еще семьдесят четыре человека убили в Кызыл Гёле, в полутора часах пути от Таш Тепе, где их тела сбросили в водоем для разведения рыбы³.

По городу поползли слухи о первых массовых убийствах. Хангларян отмечает, что властям пришлось приложить немалые усилия, чтобы приостановить их и оставить людей в неведении. 26 июня власти, наконец, объявили приказ о депортации армянского населения в течение трех дней. Однако на следующий день было объявлено, что депортации не подлежат семьи молодых людей, добровольно вступивших в трудовые батальоны. Записалось четыреста молодых людей младше восемнадцати лет. Их разделили на три группы. Первая группа из Индере, что в часе пути от Малатъи, должна была снабжать водой казармы в Малатъе. Вторую отправили на строительство здания для городской организации комитета «Единение и прогресс». Третья шила обмундирование в мастерской некоего османа⁴. Есть все основания думать, что этих юношей завербовали для того, чтобы удалить из города. Более того, произошедший 1 июля случай показывает, что власти хотели до начала депортации убедиться в отсутствии возможности самообороны со стороны армян. В тот день армянские кварталы окружили конные отряды, которые начали имитировать нападение, очевидно, чтобы понять, будет ли вооруженный отпор. Отпора не было⁵.

За ликвидацией военных рабочих последовала расправа с мужчинами, еще остававшимися в тюрьме Малатъи. 2 июля Бауернфейнд записал в своем дневнике: «Случилось самое страшное: резня». Он еще раз попросил встречи с мутесарифом и, по его словам, мог говорить с ним «бо-

¹ Ibid. P. 278, journal du 24 juin. «Когда я упорно настаивал, — пишет Бауернфейнд, — чтобы бедные жены должны быть проинформированы, по крайней мере, о том, где были их мужья, он дал мне понять, что не мог, потому что это было гиблое дело».

² Ibid. P. 278, journal du 25 juin, эта резня была представлена военному суду в 1919 г.; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 465, doc № 3, свидетельство капитана Фазила о Сабит-бее; BNU/Fonds A. Andonian, doc. cit., liasse 31, f° 6;

Жестокие погромы, организованные в Малатъе иттихадистами, «Дашинк», 31 мая 1919 г. (на арм. яз.). Связанных одной веревкой в группы по десять человек, их отвели к берегу Евфрата; там чете перезали им штаны и скинули в реку.

³ Ibid.; BNU/Fonds Andonian A. doc. cit., liasse 31, f° 7r°-v°.

⁴ Ibid., ff. 8–9. Автор сообщает, что добровольцы должны были заплатить взятку в размере десяти турецких лир, чтобы записаться в трудовые батальоны.

⁵ Ibid., f° 10.

лее откровенно», т.к. они были одни. Тем не менее Решид-бей начал пересказывать ему ложную версию о судьбе стюарда миссии, армянина. В конце он, однако, перешел на доверительный тон: «Никому не говорите: они убили Карапета и не только его, но еще триста других людей прошлой ночью и еще сто восемьдесят позапрошлой. Всех их отправили в Индару [Индире] и там... Мне не хватило мужества спросить, задушили их или расстреляли»¹. Откровение мутесарифа должно было создать впечатление, что он не замешан в убийстве «всех заключенных, иначе говоря, почти всех мужчин», находившихся в тюрьме². Но Бауернфейнду было известно, что «на языке действующих условных обозначений» «отправлены по месту назначения» означает «убиты» и что «здесь все происходило по тому же сценарию, как и в Мезре, Сивасе, Эрзуруме, Джесаре и т.д. Должно быть, сверху поступил приказ, конечно, тщательно подготовленный. Поэтому нас уже давно не посещали турки... Нас гнусно обманули и предали с дьявольски злым умыслом и коварством»³. 5 июля немецкий священник выразился еще яснее: «Особую боль нам причиняет то, что наши "союзники и братья" предали нас самым подлым и отвратительным образом. Это предательство... разрушило наше доверие к правительству»⁴.

По сведениям, собранным градоначальником Мустафой-ага Азазоглу, «в течение двух предшествующих недель было уничтожено более двух тысяч армян. Большинство из них убиты и похоронены в Индере... Таш Тепе и поблизости от Кюндебега»⁵.

В других провинциях завершение массового уничтожения мужчин, как правило, означало начало депортации. Почему же тогда депортация в Малатье началась только в середине августа? Отсрочку в несколько дней можно было бы объяснить тем, что этой префектуре предназначалась роль бойни. Она должна была в первой половине июня выдержать массовое прибытие караванов депортированных с запада и севера. Но это не могло стать причиной для отсрочки на почти шесть недель. Бауернфейнд был убежден, что мутесариф «делает все возможное, чтобы оставить дома женщин»⁶. Но он не знал, что этот «акт гуманизма» был вызван желанием заполучить от армян крупные суммы денег для личной выгоды, как нам стало известно из представленного военному суду 25 ноября 1915 г. отчета о следствии по делу «о незаконных доходах мутесарифа Малатьи Решид-бея»⁷.

В июле и начале августа Бауернфейнд наблюдал непрерывный поток караванов с севера и запада. 12 июля он увидел первый караван из Сиваса, состоявший из двух тысяч человек, а затем конвой из Мезре и его окрестностей, включавший от трех до четырех тысяч депортированных⁸. 17 июля он наблюдал, как проходил караван из двух тысяч крестьян Сивасского региона. Садовник-турок сказал ему, что этот караван еще полчаса будет идти на север до места, где «вырыта большая могила». «Там они все и "останутся"»⁹, сказал садовник. 21 июля «еще одна или две тысячи» людей, также из Сиваса, разбили лагерь вдоль дороги¹⁰. 22 июля десять тысяч депортированных из

¹ *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 280, journal du 2 juillet.

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.* P. 282, journal du 5 juillet.

⁵ *Ibid.* P. 283, journal du 7 juillet.

⁶ *Ibid.* Он также сообщает, что «Мехмед-бей подарил лошадь, принадлежавшую убитому муниципальному врачу, кому-то из Мезре; лошадь, которая принадлежала католическому епископу, который был убит ночью, было отдана Мустафе-ага: он уже ездил на ней сегодня».

⁷ АРС/РАЖ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIX, L 138, 139 (dossier XXIII), шифрованная телеграмма главы комиссии по запросам Х. Мазхара Блистательной Порте, министерству внутренних дел от 9 декабря 1915 г.

⁸ *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 289, journal du 12 juillet.

⁹ *Ibid.* P. 292, journal du 18 juillet. Министр утверждает, что отряд чете (он использует термин «башибузук») следовал за конвоем, «вероятно, потому, что эскорту жандармов не удалось бы вырезать такую большую группу людей без посторонней помощи».

¹⁰ *Ibid.* P. 294, journal du 24 juillet.

Сиваса подошли близко к Малатье, но были перенаправлены в сторону равнины Фырынджилар¹. 29 июля от десяти до пятнадцати тысяч человек, пришедших с севера, остановились недалеко от миссии². 30 июля Бауернфейнд увидел конвой, «включавший от одной до полутора тысяч» депортированных с северо-запада. В один день 1 августа он встретил два каравана из Сивасского региона по тысяче и две тысячи человек, соответственно³. И наконец, 3 и 4 августа немецкий пастор увидел караван, в котором шла тысяча депортированных, и еще один «не кончавшийся в течение двух часов»⁴.

Безусловно, все эти пришедшие по дороге из Сиваса колонны представляли только часть всех конвоев, прибывавших в район Малатьи. Хотя все караваны проходили через мост Кирк Гёк, многие обходили город Малатью и направлялись прямо на равнину Фырынджилар. Более того, вследствие изоляции, в которой оказалась немецкая миссия, и очевидного незнания окружающей среды немецкий священник не смог изучить ситуацию со всех сторон. После первого шока, вызванного массовым убийством мужчин, ему еще понадобилось некоторое время, чтобы осознать значение проводимых депортаций. В своей записи от 22 июля он сообщает о своем состоявшемся накануне разговоре с прадоначальником Мустафой-ага, отмечая, что «в нем снова проявилось отсутствие способности делать правильные выводы, он заявляет, что Малатья является ловушкой, что людей сгоняют сюда отовсюду, чтобы убить, что никто из них никогда не доберется до Урфы, и т.д.»⁵. Очевидно, Бауернфейнду было трудно принять суровую действительность

создавшегося положения, хотя он уже отмечал, что проводимые властями операции приняли «форму масштабного легального убийства, представленного общественной как патриотическая необходимость и узаконенного, при крайне малом для этого основании, ссылками на немецкий пример в Бельгии»⁶. Вскоре после этого он задался вопросом, «учитывалось ли это при проведении всех конфискаций оружия»⁷.

Наблюдения священника подтверждает и дополняет армянский свидетель. Описывая одновременное прибытие 12 июля первого конвоя из Сиваса и конвоя из Мезре, Ованес Хангларян сообщает, что «поприветствовать» депортированных из второго конвоя вышли мутесариф, знатные турки и отряд чете в полном составе. Конвоируемых тщательно обыскали и отобрали у них вещи, после чего отвели на площадь перед казармами, где оставшихся мужчин отделили от остальных и заперли в гарнизонной тюрьме, а мальчиков младше десяти лет оставили в городе. Наш свидетель, который в то время находился в одном из трех батальонов, сформированных из юношей в конце июня, на следующее утро увидел, что обитателей тюрьмы за ночь эвакуировали⁸. Караван из Сиваса, прибывший через два часа после каравана из Мезре, теперь почти полностью состоял из женщин, стариков и нескольких юношей. Он в течение нескольких дней оставался в караван-сараях на рынке, где большинство женщин подверглись насилию⁹. Хангларян не дает подробного описания всех последующих конвоев, но отмечает, что они, как правило, не заходили в Малатью, а шли по дороге, ведущей на равнину Фырынд-

¹ Ibid. P. 295, journal du 22 juillet. Министр говорит, что группа направлялась к «Фрудширу». «Мисс Граффен», американский миссионер из города Сивас, чье настоящее имя было Мэри Л. Граффам, ехала с этой группой.

² Ibid. P. 306, journal du 29 juillet.

³ Ibid. P. 307, journal du 1er août.

⁴ Ibid. P. 307 journal du 5 août.

⁵ Ibid. P. 300, journal du 22 juillet. Бауернфейнд также отмечает, что Мустафу-ага «в любом случае ненавидели, потому что он является неверующим [gâvur] и находился в постоянной опасности» (Ibid. P. 283, journal du 7 juillet).

⁶ Ibid. P. 285, journal du 2 juillet. Имеются в виду, очевидно, зверства, причиненные гражданскому населению Бельгии немецкими войсками.

⁷ Ibid. P. 287 journal du 10 juillet.

⁸ BNu/Fonds Andonian A. doc. cit., liasse 31, f° 10. Эти люди, разделенные на три группы, были убиты в Таш Теле, в бассейне Кызыл-Гол и огромном колодце в Кюндебере (ibidem).

⁹ BNu/Fonds Andonian A. doc. cit., liasse 31, f° 10v°. Солдаты сопровождения потребовали по пять куришей с человека за посещение хана...

джилар, где недалеко от моста Кирк Гёз под-вергались грабежу¹. Вполне вероятно, что из-за большого скопления депортированных и, возможно, из соображений гигиены власти в середине июля отказались от провода депортированных через город. С другой стороны, они решили собрать в Малатье девочек младше пятнадцати и мальчиков младше десяти лет. 16 июля они отобрали в Фырынджиларе² первую группу малолетних ссыльных, которая, по некоторым оценкам, содержала от трех до пяти тысяч детей. Такие отборы продолжались всю вторую половину июля и начало августа. По свидетельству Хангларяна, детей в то время разместили в пяти городских армянских апостольских церквях, а также в протестантской церкви, армянских школах и в нескольких больших домах под присмотром еще остававшегося в городе армянского населения. Всего отобрали более четырех тысяч детей, самым удачливым повезло некоторое время пожить в армянских семьях. Туркам и курдам официально разрешалось выбирать себе детей. Освободившиеся места быстро заполнялись новыми детьми из следующих конвоев.

В общей сложности через «приюты» в Малатье прошли сорок тысяч детей³. Бауернфейнд, в дневнике которого вспышки прозрения перемежаются с провозглашениями веры властям, пишет, что этих детей «матери добровольно передали правительству. Таким образом, это следует рассматривать как акт социальной благотворительности»⁴. Действительность же была гораздо более жестокой, чем ему хотелось думать. По словам очевидцев, у импровизированных заведений, в которых власти надеялись воспитать «настоящих турок», никогда не было средств для содержания их подопечных, санитарные условия в них были катастрофическими, дети страдали от хронического недоедания.

К тому же многих детей унесла страшная эпидемия. Инфицированных детей и трупы умерших сбрасывали без разбора в общие могилы в Гёз Теле. На их место немедленно поступали партии вновь прибывших⁵. По воспоминаниям юноши, мать которого работала в одном из таких домов, на пятьдесят детей приходилась одна «мать», а сам он в течение нескольких недель занимался перевозкой детей в турецкие и курдские села, где раздавал их сельчанам⁶. В результате этих многократных перераспределений образовалось излишнее количество детей (опять по свидетельству Левона Погосяна), что заставило власти принять более радикальные меры для освобождения мест в приютах. Поэтому по ночам жандармы грузили детей на телеги и везли их на берег Тома Чай, в водах которой топили это «потомство неверных»⁷. Опираясь на эту информацию, можно рискнуть предположить, что, вероятно, идеал отуречивания, намеченный в высших эшелонах партии иттихадистов, столкнулся с суровыми жизненными реалиями, а точнее, с безответственностью местных правительственных чиновников, которые вместо того, чтобы тратить выделяемые для этих целей ограниченные средства на проживание и питание потенциальных «турок», предпочли прибрать их к рукам.

Но власти занимались не только детьми. В начале августа девять дней подряд в тюрьме Малатьи вырезали юношей из трудовых батальонов и их старших товарищей. Тела свозили на телегах к Томе и сбрасывали в воду. Расправа проходила со средней скоростью триста жертв за ночь. Чтобы после резни не оставалось следов, пришлось вырыть каналы, отводящие потоки крови от бойни за город. Погосян дает нам поистине дантовское описание этих ночей: когда он зашел во двор префектуры, он увидел сотни

¹ Ibid. Автор подтверждает свидетельства других выживших о том, что оставшиеся в живых мужчины и подростки были убиты там и брошены в Тома Чай (см. выше, с. 443–454). Имущество, взятое у депортированных, было доставлено в государственный склад возле Малатьи.

² См. выше, с. 454; *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 291, journal du 16 juillet. Бауернфейнд стал свидетелем прибытия «девяти повозок, полных детей из области Сивас. Дети подтвердили, что они были разлучены со своими родителями по пути, чтобы они могли ходить в школу здесь; они не знают, что стало с их родителями».

³ BNu/Fonds Andonian A. doc. cit., liasse 31, f° 12.

⁴ *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 300, journal du 22 juillet.

⁵ BNu/Fonds Andonian A. doc. cit., liasse 31, f° 12v°.

⁶ BNu/Fonds Andonian A. P. J. 1/3, liasse 2, Agn, ff. 8v°–9, свидетельство Левона Погосяна. Его младший брат и сестра умерли там от голода. Он сам принял ислам, чтобы получить эту должность водителя.

⁷ Ibid., f° 9r°–v°. Бауернфейнд также отмечает, что около восьмисот сирот бродили по городу 29 июля. *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 306, journal du 29 juillet.

молодых тел, плавающих в собственной крови. От трупов исходило ужасное зловоние, воздух был настолько сильно пропитан этим смрадом, что мгновенно обволакивал посетителей¹.

Армяне Малаты тоже не сидели сложа руки. Приблизительно 16 июля 1915 г. они сформировали делегацию, чтобы подать прошение лично мутесарифу. Тот, «как говорят, проявил большую доброту и был тронут» их инициативой². На самом же деле есть основания полагать, что к прошению прилагался денежный «подарок», способный убедить Решид-бея оставить просителей в покое. Чтобы избежать депортации, люди прибегали и к разным другим методам: некоторые женщины находили убежище в домах своих турецких знакомых³, пообещав хозяину дома взамен все свое имущество. Но как только началась депортация, практически все турки сдали своих «протезе» властям⁴. Другие армяне искали спасение в принятии ислама, но, по словам Баурнфейнда, власти «не были заинтересованы в обращении армян, им хотелось побыстрее убрать их с дороги»⁵. В отличие от них греков и «сирийцев» не трогали. Что же касается немцев, Баурнфейнд считает, что они «были в наихудшем положении, потому что могли поплатиться только за то, что являлись досадными свидетелями»⁶.

Священник указывает на некоторые достаточно красноречивые признаки, характеризующие царившее в городе настроение: так, «среди горожан было прочно распространено мнение о том, что немцы приняли или собираются принять мусульманство»⁷. Возможно, оно возникло в результате слухов, распространяемых властями, желавшими убедить население в законности и силе правительства младотурок, которому якобы

удалось, в некотором смысле, взять верх над своим могущественным союзником. Такие слухи также льстили общественному мнению консервативных мусульман, которые с трудом принимали альянс с христианским государством, в то время как значительная часть населения участвовала в физическом устранении христиан. Власти могли воспользоваться и другим стимулом в виде идеи о том, что «собственность убитых армян на законных правах принадлежит туркам». Эти слова, произнесенные приблизительно 7 июля муллою и депутатом парламента от Малаты Эшаф-беем⁸, красноречиво характеризуют методы приведения населения к согласию на преступления, которые принимали массовый характер⁹. Что касается экономических аспектов этих преступлений, в дни до 15 августа, когда был отправлен первый конвой, чаще всего использовался метод, заключавшийся в требовании от депортируемых погашения ими фиктивных долгов, учитывая желание властей узаконить такие требования. Более обходительные граждане предлагали своим армянским соседям забрать их имущество, дабы спасти его от конфискации в пользу властей, раз уж им все равно придется умереть¹⁰. Баурнфейнд отмечает, что «важную роль в этом бизнесе сыграла» решительность некоторых представителей местной знати, «таких как Хашим-бей и его сыновья, пытавшиеся разбогатеть на приобретении собственности (якобы военных трофеев) убитых армян»¹¹.

Первый конвой из Малаты был сформирован за три дня. Утром 15 августа армия окружила три квартала в окрестностях Малаты, в том числе район Нияли, и отправила их население по дороге в местечко Сюрю, которое находилось приблизительно в соро-

¹ BNU/Fonds *Andonian A.* P. J. 1/3, liasse 2, Agn, f° 8r°-v°, свидетельство Левона Погосяна.

² *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 290, journal du 29 juillet.

³ Ibid.

⁴ BNU/Fonds *Andonian A.* doc. cit., liasse 31, f° 13.

⁵ *Bauernfeind H.* Op. cit. Pp. 290, 294, journal des 8 et 20 juillet.

⁶ Ibid. P. 294, journal du 18 juillet.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. P. 283, journal du 7 juillet. Автор не указывает его имя, которое может быть найдено в списке лиц, ответственных за массовые убийства и депортации в Малаты: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIII, Э 470–471.

⁹ *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 281, journal du 4 juillet. Автор отмечает: «Согласно Хабешу [турку, служащему в миссии], только 80% турок одобряют меры, принятые в отношении армян».

¹⁰ BNU/Fonds *Andonian A.* doc. cit., liasse 31, f° 13.

¹¹ *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 286, journal du 8 juillet.

ка милях к юго-западу от Малатьи, недалеко от Бехесни/Бесни. 16 августа депортировали жителей районов Чавушоглу и Хараза, на следующий день за ними отправились жители района рынка¹. Эту первую партию депортированных ограбили и частично вырезали в долине Беглер Дереси на расстоянии двух часов пути от Малатьи. Несколько южнее дело завершили курды из Акчадага. Они похитили девушек и женщин, а остальных зарезали².

Второй конвой также формировали в течение трех дней, начиная с 23 августа. Этим ссыльных отправили не в Сюрю, а скорее в сторону Фырынджилара, откуда несколькими оставшимся в живых удалось добраться до Кахты, а затем до Самсата/Самосата³.

Последнюю большую партию депортированных, состоявшую из четырехсот завербованных в июне рабочих-добровольцев, вечером 17 августа заключили в тюрьму Малатьи. Нескольких попавших в группу сирийцев освободили по высочайшему указу, даровавшему им «помилование». 27 августа эти рабочие узнали, что в городе не осталось ни одного армянина, а значит, их семьи, до этого пользовавшиеся освобождением от депортации, также были «высланы». 29 и 30 августа этих рабочих забили на тюремной бойне⁴.

30 августа власти провели обыски в домах мусульман в поисках армян старше десяти лет. Мусульманам за неподчинение грозило суровое наказание. Семьи с маленькими детьми должны были их зарегистрировать, а те, у кого были старшие девочки, были обязаны оформить с ними брак (nikah). Нескольким оставленным в городе ремесленникам приблизительно 30 сентября предложили

принять ислам⁵. Эти мероприятия означали конечный этап программы по ликвидации армянского населения. Через месяц 31 октября заменивший Решид-бей Гусейн Серри-бей составил баланс депортационных мер и отчет об оставшихся в городе семьях: «В 1582 домах Малатьи было зарегистрировано 3341 лицо мужского и 3594 лица женского пола. Жители 1550 домашних хозяйств, 3246 лиц мужского и 3492 лица женского пола депортированы. Жителям оставшихся тридцати двух домов, девятюста пяти мужчинам и ста двум женщинам было разрешено остаться, т.к. они занимались ремеслом. Кроме того, в городе находятся отдельные лица [подлежавшие депортации] и прибывшие сюда беженцы, всего тридцать мужчин и шестьдесят женщин. Они были арестованы и подлежат депортации. Имеются также дети мужского и женского пола без опекунов, приблизительно шестьсот мальчиков и четыреста девочек, прибывших из разных мест и помещенных в приюты или проживающих в семьях. В итоге, вследствие отсрочки и в соответствии с полученными приказами начальником жандармерии оставлены сто тридцать мужчин-католиков и сто восемьдесят пять женщин-католичек, пятьдесят мужчин-протестантов и восемьдесят протестантских женщин, а также тридцать мужчин-левантинцев и двадцать семь левантинских женщин»⁶.

С другой стороны, приказ, датированный 12 ноября, отражает более жесткую политику ограничений: «У нас нет возражений против присутствия женщин-ремесленниц, особенно из числа католиков или протестантов, при обязательном условии, что их число не превысит десяти-пятнадцати человек»⁷.

¹ BNU/Fonds *Andonian A.* doc. cit., liasse 31, f° 13v°. Автор утверждает, что семьи молодых людей, служившие в трудовых батальонах, образованных в конце июня, были спасены, также было несколько семей, которым удалось подкупить местных чиновников, добавляя, что двери домов армян были опечатаны и вокруг них были размещены охранники.

² Ibid., f° 14.

³ Ibid., f° 14r°-v°.

⁴ Ibid., ff. 15–16v°.

⁵ Ibid., f° 16v°.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIX, U 578, заверенная копия расшифрованной телеграммы, U 577, копия шифрованной телеграммы мутесарифа Малатьи Гусейна Семи-бея в вилайет Мамурет аль-Азиз от 31 октября/13 ноября 1915 г. (trad. en français: Ibid. № 150).

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIX, U 579/2, копия шифрованной телеграммы вали Мамурет аль-Азиза Сабит-бея мутесарифу Малатьи от 12/25 ноября 1915 г. (trad. en français: Ibid. № 152).

Каза Хюсни Мансур/Адыяман

В каза Хюсни Мансур/Адыяман в 1914 г. было двадцать одно армянское поселение с общей численностью населения 5202 человека. В административном центре казы Адыямане проживало 3390 человек. Особенностью региона было то, что его северные сельские зоны были населены исламизированными с давних времен армянами¹.

Первое шокирующее событие в казе произошло 14 мая 1915 г., когда чете² под командованием Хаджи Мехмед Али-бея³ уничтожили четыреста армян из каз Бехесни и Адыяман. Супрефект Нури-бей был назначен на эту должность 27 июня 1915 г. и пробыл на ней только до 17 декабря. Он и главарь чете Хаджи Мехмед Али-бей входили в четверку главных преступников региона. Были и другие: начальник жандармерии Мехмед-эфенди, начальник полиции Васфи-бей, Мехмед Алиоглу Хаджи Мустафа-эфенди и главарь чете (*çetebaşi*) Нуреддиноглу Сыддык, под руководством которого совершались массовые убийства тысяч проходивших через этот район депортированных⁴. Сыддык мог рассчитывать на поддержку племен зырафкан и зейнел из Колыка. После ареста и уничтожения мужчин оставшее население 28 июля отправили в сторону

Самсата а затем в Урфу. Двести человек, юношей и нескольких стариков, вырезали в ущелье Каракаик⁵.

В телеграмме от 3 ноября каймакам общал мутесарифу Малаты, что «местных армян не осталось: есть только четыре или пять хозяйств, принадлежащих армянским ремесленникам, пришедшим сюда вместе с семьями и после выполнения необходимой религиозной повинности принявшим ислам»⁶. Нури-бей также отмечает, что есть несколько мальчиков и девочек, которых «разместили у благонамеренных людей». «Что же касается молодых девушек, которые хотят выйти замуж, — добавляет он, — процесс почти завершен». При этом он сообщает, что не будет обращать в ислам выразивших желание пожилых женщин, т.к. предпочитает выдавать замуж «более молодых женщин»⁷.

Таким образом, большинство армян, которым разрешили остаться в Адыямане, прибыли из других регионов, в частности «женщины из разных мест, которые после обращения в ислам вышли замуж». Другая менее откровенная телеграмма сообщает о том, «как следует обращаться с заключенными»⁸.

Каза Кахта

В 1914 г. в административном центре казы Кахта, носившем такое же название, в составе общего населения размером четыре тысячи триста человек проживали две тыся-

чи двести пятьдесят армян. В казе было пятьдесят шесть поселений, располагавшихся в нахие Широ, Гергер, Мердеси и Зеравикан, где более десяти тысяч армян жили рядом

¹ *Kevorkian & Paboudjian*. Op. cit. P. 391; армянские деревни: Вардан, Кевик/Гевриг, Самосат/Самсат, Кантара, Храфи, Шаби, Килисан, Дардган, Гозан, Мармара, Гельбунар, Хайг, Зурна, Бешрин, Тавдир, Уремн, Зарков, Ишек, Терпетил и Бозук; *Karpat K*. Op. cit. P. 182. Автор утверждает, что в казе было 3384 армян.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 432-466, doc. cit., свидетельство капитана Фазиля.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIII, Э 470-471, ответственные за санджак Малаты, список палачей Адыямана.

⁴ *Ibid.*

⁵ APC/PAJ, liasse XXX, Э 432-466, doc. cit., свидетельство капитана Фазиля; *Калигян К.* История погромов Малой Армении и ее столицы Себастии, Бостон, 1924. С. 258-260 (на арм. яз.).

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIX, U 577, заверенная копия расшифрованной телеграммы, U 577/1, копия шифрованной телеграммы каймакама Хусни Мансура мутесарифу Малаты Гусейну Серри-бею от 3 ноября 1915 г. (приложение к телеграмме от 31 октября).

⁷ *Ibid.*

⁸ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIX, U 578, заверенная копия расшифрованной телеграммы, U 579/1, копия шифрованной телеграммы каймакама Хусни Мансура мутесарифу Малаты Гусейну Серри-бею от 5 ноября 1915 г. (приложение к телеграмме от 31 октября), подтверждает эти данные.

с католическими сирийцами, курдами и небольшой популяцией турок¹. Расхождение в цифрах между переписью, проведенной здесь патриархией, и официальной переписью огромно: в одних только армянских школах училось больше детей, чем официальная статистика показывала для всего армянского населения казы. Тем не менее сводка о депортациях, представленная мутесарифу Малатьи в сентябре 1915 г., содержала цифры, соответствовавшие данным официальной переписи: в ней говорится о 791 армянине, из которых 715 были высланы, а также о 74 мальчиках и 15 девочках «без отцов или матерей», отданных под опеку «благочестивым людям»². Более девяти тысяч человек, по-видимому, просто испарились без какого-либо объяснения.

Главная вина за совершенные в регионе преступления лежит на каймакема Хакки-бее, назначенном на этот пост 9 апреля 1915 г. и остававшемся на нем до 12 июня 1916 г. Он несет ответственность не только за ликвидацию местных армян, как бы много их ни было, но и за операции в полях смерти, находившихся в ущельях самой северной части казы, непосредственно примыкавшей к равнине Фырынджилар. В докладе от 9 декабря 1915 г., представленном Высокой Порте, Хасан Мазхар прямо упоминает «преступления, совершенные каймаком Кахты». Однако речь идет не о его роли в уничтожении депортированных. Его, скорее, обвиняют в захвате контроля над конвоем армян из Эрзурума, который был в ведении каймакама Хюсни Мансура, т.е. в «превышении своих прав». Мазхар отмечает, что

эти двое рассорились, потому что не могли договориться, как «поделить» имущество ссыльных из этого конвоя. Дело еще более осложнилось, когда в него «сунул свой нос» Гаджи Бедри-ага³, принадлежавший к племени решван, принимавший участие в «проводах» депортированных, после чего Хакки-бее пришлось отдать ему «часть трофеев, чтобы тот успокоился». Доклад Мазхара возлагает на каймакама Кахты «ответственность за существенный материальный урон», а также за присвоение «законными или личными средствами крупных сумм денег и значительного количества имущества». В соответствии с информацией и доказательствами из самых надежных источников, он передал в казну только десять тысяч пиастров». Мазхар отмечает, что «разграбление армянского имущества в казе как официальными лицами, так и населением, приняло невероятные размеры»⁴.

Таким образом, как мы только что увидели, расследование, проведенное Стамбулом, касалось грязного дела о незаконном личном обогащении за счет государственной казны и, прежде всего, депортированных. Тот факт, что Гаджи Бедри-ага и его подчиненные убили этих людей в ущелье Кахта недалеко от Фырынджилара, кажется, не очень сильно расстроил центральные власти. Ясно, что их главной заботой было вернуть отнятое у депортированных имущество, где бы они ни находились. Дело жандармского офицера Джафара Абдаллы, обвиняемого в организации массового убийства полутора тысячи армян в Карлыке, тоже не привлекло должного внимания военного суда⁵.

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 390–391; Район Широ: Кефердиз (400 армян), Агван (400 чел.), Умрун (350 чел.), Дамлу (30 чел.), Мамаш (40 чел.), Тепехан (100 чел.), Край (130 чел.), Кявуз, Деретепе, Шамшик, Арчужай; Район Гергер: Гаргар (450 чел.) и 2400 армян Комика, Карун, Кардиги, Байки, Бизман, Тилло/Даро, Теркидин, Мишракли, Пютюрге, Темшас, Ванк, Хечдур, Корагли, Джермекан, Чапан, Пирахи, Шафкан, Аркавуни, Азмай и Халур; Район Мердеси: в Боюк Баге, Хасандигине, Хоресе, Хелиме, Каратюльбе, Тельтеле, Тиле, Салмадине, Нарнке, Пераге/Пирисе, Ульбише, Кульбудже, Кекердише, Хуте, Кордие было 2425 армян (312 хозяйств); Район Зеравикан: в Берведоле/Бавдоле, Геикане, Колике, Карачоре, Хаванке, Блике, Мешраге, Каратуре, Гудише, Пердесо/Бербендере, Сейд Махмуде было 820 армян (100 хозяйств); *Karpat K.* Op. cit. P. 182, дает число армян в казе, равное 750 человек.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIX, U 578, заверенная копия расшифрованной телеграммы, U 578/1, копия шифрованной телеграммы временного каймакама Кахты мутесарифу Малатьи от 15 сентября 1915 г.

³ См. выше, с. 327 и 446.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIX, L 138 et 139 (dossier XXIII), шифрованная телеграмма главы комиссии по запросам Х. Мазхара Блистательной Порте и министерству внутренних дел от 9 декабря 1915 г.

⁵ APC/PAJ, files XIX, XX/3 et XXIII, Z 432–466, doc. cit., копия рапорта капитана Фазиля, обвиняемого № 475.

Эта удаленная каза, где в Карлыкском ущелье были ограблены и уничтожены тысячи ссыльных, почти карикатурно отображает правительство младотурок и османское общество в восточных вилайетах. Два супрематиста поссорились из-за имущества депортированных из Эрзурума, которых вскоре уничтожили. Проведенное расследование касалось только имущества, не попавшего в государственную казну. Курдский главарь, которому поручили «отправку» депортированных, т.е. грязную работу по их уничтожению, настаивал на получении своего куска «пирига». Финансовые злоупотребления и

личное обогащение, кажется, были единственным преступлением, за которое можно было предстать перед военным судом, как будто массовые убийства были узаконены загодя. Телеграмма от 12 декабря 1915 г., вероятно, указывает на то, что пока эти дела расследовались, министр внутренних дел издал новые инструкции по «высылке» тех немногих армян, которые еще оставались в своих домах: «В соответствии с последними полученными приказами здесь не был оставлен ни один местный [армянин], равно как не разрешено остаться ни одному лицу, прибывшему из других мест»¹.

Каза Бесни/Бехесни

В административном центре казы Бехесни, граничившей с казой Хахта, в 1914 г. проживали 3750 армян, одна треть общей численности населения. Еще приблизительно восемьсот армян были жителями семи других населенных пунктов: Кесун, Сурфаз, Шамбойд, Тут, Рабан, Овасе и Хочгаши². Каймакам Эдхем Кадри-бей, назначенный на эту должность 11 апреля 1915 г., и оставшийся на посту до 6 марта 1916 г., в начале мая приказал арестовать отца Клемента Сингирияна и еще двадцать влиятельных горожан Бехесни. Их отправили в Кюндебег, где 13 мая с ними расправились чете³. Как и его коллега из казы Хахта, Эдхему Кадри-бею после проведенного Мазхаром осенью 1915 г. расследования было предъявлено судебное обвинение⁴. Председатель местной комиссии по оставленной собственности (Mahalli Emvali Metruke) Кадри обвинялся в учинении «значительной утраты собственности, оставленной депортированными армянами, и в злоупотреблениях, связанных с данной собственностью». «Из четырехсот домов и ста двадцати восьми магазинов, оставленных армянами каз», были опечатаны только десять домов и

столько же магазинов, а остальная недвижимость оставлена «без надзора». Мазхар обвинил его в найме сотрудников с «заведомо дурной репутацией», что привело к исчезновению большого количества «оставленной собственности», а также в отсутствии «протоколов, на основании которых можно было бы провести инвентаризацию оставленной собственности, и в распродаже имущества, хранившегося в церкви, «служившей складом», приведшей к «незаконному обогащению некоторых лиц». Обвинение также касалось участия в аукционах правительственных чиновников, которые «продали в кредит товаров стоимостью 13 232 пиастра» и никогда не пытались взыскать с покупателей долг. В заключение в обвинении указывалось, что каймакам «не учитывал интересы казначейства». Он обвинялся в фальсификации аукционов, «безвозмездной реквизиции мебели и оборудования одного из самых богатых домов в Бехесни» в собственное пользование и, в общем, в «незаконном получении выгоды от участия в армянских делах»⁵.

Таким образом, представленный осенью 1915 г. доклад Мазхара разоблачает

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIX, U 578, заверенная копия расшифрованной телеграммы, U 579/3, копия шифрованной телеграммы каймакама Хахты мутесарифу Малаты от 12 декабря 1915 г. (на французском: Ibid., V 153).

² Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 391; Karpat K. Op. cit. P. 182. Автор дает официальную цифру — 1970 армян в казе.

³ Текеян А. Голгофа армян Бехесни, Бейрут, 1956 (на арм. яз.).

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIII, L 156, телеграмма № 545 главы комиссии по запросам Х. Мазхара Блистательной Порте и министерству внутренних дел от 30 декабря 1915 г., свидетельство о каймакаме из Бехешти, Эдхем Кадри-беем, и его незаконных доходах за счет комиссии, ответственной за оставленное имущество.

⁵ Ibid.

яроостную борьбу, которую вели между собой, с одной стороны — казначейство, а с другой — местная знать и правительственные чиновники, за легализацию получения «оставленной собственности» армян. Реальное положение сильно отличалось от офи-

циальных заявлений властей, обещавших защищать эту собственность, а действовавших хищническими методами. В своем отчете от 5 ноября 1915 г. мутесариф Малатьи лаконично доложил: «В Бехесни армян нет»¹.

Места массового кровопролития в казе Акчадаг

Присутствие армян в казе Акчадаг было чисто символическим — общее количество армян составляло 1691 человека. Армяне жили в Арге (137 чел.), преимущественно в курдском селе Ансар, являвшемся административным центром казы (167 чел.), Мушовге (380 чел.), Хекимхане (770 чел.) и Хасанчелеби (237 чел.)². Но, как мы знаем, через этот уезд проходил один из главных маршрутов для депортации армянского населения, поэтому большое значение имел выбор каймакама Акчадага. Васфи-бей, назначенный 27 марта 1914 г., был отстранен от должности 23 июля 1915 г. и сразу же заменен Асим-беем (остававшимся в должности до 12 июня 1915 г.). Замена была неожиданной, т.к. именно в это время в Акчадаг стекались десятки конвоев с севера и запада. Можно объяснить это тем, что Васфи-бей недостаточно рьяно выполнял приказы. Но, вероятнее всего, каймакам стал жертвой решения финансовых вопросов, заключавшихся в том, как разделить экспроприированные у депортированных лиц средства. Али Амруш, начальник жандармерии в Акчадаге/Арге, выполнял также функции финансового инспектора в Хекимхане, месте многочисленных погромов. Замешанный вместе с Хаджи Кариб Ага, начальником отряда чете на этом участке, в убийстве нескольких тысяч депортированных, он предстал перед военным судом в Малатье и был осужден за «злоупотребления» (т.е. финансовые на-

рушения), но, в конечном счете, оправдан военными властями³. Хаджи Халил Кёр, открыто хваставшийся, что убил сорок девять армянских мужчин, никогда не привлекался, возможно, потому что поделился награбленным у депортированных со своим начальством⁴. Таяр-бей, секретарь жандармерии в Малатье, обвиняемый в том, что он командовал «переодетыми в жандармов» чете, которые стояли в Кирк Гёзе на Тома Чай, ограбил депортируемых, убитых по его приказу, на 5000 турецких лир, но не был осужден⁵. Согласно отчету капитана Фазиля, заседавшего в военном суде в Малатье, единственным основанием для обвинительного заключения была личная выгода, но ни в коем случае не убийство или насилие.

Как нам известно, мост Кирк Гёз, который депортированные из Нигде, Токата, Самсуна, Амасьи, Гюрюна, Арабкира, Сиваса и Эгина пересекали на пути к одному из полей смерти, находился под контролем начальника эвакуации (*sevkiyat memuri*)⁶. Под его руководством чете, переодетые в форму жандармов или без формы, отделяли от караванов мужчин от двенадцати до шестидесяти пяти лет, а остальных группами переводили на другой берег реки. Мужчин убивали на берегу и сбрасывали в воду, а женщин и маленьких детей снова гнали по направлению к равнине Фырынджилар к месту, находившемуся в шести часах пути от этого моста.

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIX, U 578, заверенная копия расшифрованной телеграммы, U 579/1, копия шифрованной телеграммы мутесарифа Малатьи Гусейни Серри-бея в вилайет Ма-мурет уль-Азиз от 5 ноября 1915 г. (на французском: *ibidem*, § 152).

² *Kévorkian & Paboudjian*. Op. cit. P. 391; *Karpat K*. Op. cit. P. 182. Автор дает официальную цифру — 466 армян в казе.

³ APC/PAJ, liasse XIX, XX/3 et XXIII, § 432–466, doc. cit., копия рапорта капитана Фазиля, обвиняемого № 102.

⁴ *Ibid.*, обвиняемый № 406.

⁵ *Ibid.*, обвиняемый № 438.

⁶ См. выше, с. 454.

Главные организаторы массовых убийств в Малатье

Отчет, составленный капитаном Фазилем, бывшим судьей военного суда в Малатье, бесспорно, является самым ценным из имеющихся документов в отношении совершенных в этом санджаке преступлений. Фазиль перечисляет имена пятисот шестидесяти семи военных преступников, которые в той или иной степени были замешаны в зверствах и преступлениях, совершенных в Харпутском вилайете. В дополнение информации, которую Фазиль получил во время судебных разбирательств по делам о финансовых злоупотреблениях некоторых из этих лиц, он в своем отчете от 30 ноября 1918 г., составившем восемьдесят две страницы, описывает также преступления и доносительства, свидетелем которых был сам и которыми в его присутствии хвастались их исполнители.

Отчет Фазилия о событиях 1915 г., произошедших в вилайете Мамурет уль-Азиз, и в частности в санджаке Малатья, начинается с небезынтересной общей оценки: «Преступления, совершенные в 1915 г. против христиан восточных провинций, представляют одну из самых черных страниц в истории... Эти отвратительные, противоречащие справедливости и цивилизации деяния ранили ислам в самое сердце. Эти тысячи христиан никогда не проявляли ни малейшего неповиновения приказам правительства... Их высылали отовсюду, конвой за конвоем. Все их личные вещи и имущество были разграблены и более миллиона человек уничтожены ради удовлетворения жадности крови чужки бандитов... Тысячи детей были разбиты о стены и камни. Подвергшиеся насилью оные девушки бросались в воду. Сотни тысяч мужчин и женщин зарубили саблями или топорами и сбросили в канавы или колодцы. Другие тела разбросали по горам и равнинам как корм для хищных птиц»¹.

В отчете капитана упоминаются дела, представленные на рассмотрение военному

суду в Малатье по запросу военного министра, а также министров юстиции и внутренних дел. Но суд, как он отмечает, никогда не выносил приговоров людям, замешанным в погромах, он рассматривал только злоупотребления с собственностью, от которых пострадали армяне, случаи конфискации недвижимости и движимого имущества. По свидетельству Фазилия, представленные на рассмотрение военному суду дела, в частности, касались лиц, подозреваемых в мошенничестве по отношению к КЕП или правительству. Даже в тех случаях, когда судебное разбирательство подтверждало участие в массовых убийствах, приговор по этому вопросу не выносился. По мнению Фазилия, между правительством, КЕП и лидерами Специальной организации существовало молчаливое согласие о том, что военный суд будет рассматривать только преступления, связанные со «злоупотреблениями». Более того, когда все было закончено, прозвучало очень мало реальных осуждений, а наказание, вынесенное обвиняемым, часто ограничивалось конфискацией незаконно приобретенного ими имущества.

Фазиль приводит примеры обычных уголовных преступлений, совершаемых исключительно из жадности наживы. Так некий Февзи-заде Муфти-заде эфенди, обвиняемый в краже ковров и других вещей у армянского врача, которого он якобы приютил ради его спасения, а на самом деле убил, был осужден не за убийство, а за кражу². У Ходжи Мехмеда эфенди Деллал-заде, убившего армянскую женщину ради овладения ее тремя домами, государство конфисковало имущество, но не осудило за совершение убийства³. Хаджи Ахмед, сын Хаджи Колагаси, признался военному суду в том, что застрелил из револьвера нескольких армян, чтобы завладеть их имуществом. Суд постановил конфисковать у него имущество и приговорил его к двенадцати годам заключения за

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XIX, XX/3 et XXIII, З 432-466. Копия рапорта капитана Фазилия, отставника и представителя знати Малатьи, бывшего судьи в военном суде Малатьи, адресованного великому визирю, министерствам внутренних дел и юстиции, президенту Сената, завершено 30 ноября 1918 г. («Преступления, совершенные в Мамурет уль-Азизе»), который затем разносчиком был отправлен вышеуказанным лицам и различным заинтересованным кругам, как напр. армянский и католический патриархаты.

² Ibid, обвиняемый № 122.

³ Ibid, обвиняемый № 125.

кражу (позже военные власти смягчили приговор)¹. Зия Харарджи, главный секретарь суда и инспектор конвоев депортированных, сопровождал караван, включавший полторы тысячи армян, в Индере, располагавшемся в часе пути от города, где приказал чете убить всех, вырыть яму и сжечь в ней трупы. Но суд не нашел причины для предъявления ему обвинения².

Этот общий, созданный в высших эшелонах иттихадистского партийного государства механизм обусловленной безнаказанности ставит вопрос о персональной юридической ответственности правительственных чиновников, которые в отличие от членов парламентских групп, таких как Специальная организация, по закону пользовавшихся иммунитетом от любого наказания, не имели такого иммунитета. Трудно представить, чтобы Константинополь мог назначить на должность мутесарифа, представлявшего высшую ступень в иерархии местной власти, человека, подозреваемого в противодействии его политике истребления армян. В Малатье Решид-бей, несмотря на неожиданную симпатию к нему преподобного Бауернфейнда, имел самое непосредственное отношение к гонениям на армян, хотя и не обязательно был их главным зачинщиком. Длительное присутствие в Малатье инспектора Иттихада Реснели Назима свидетельствует о том, что главной фигурой, возможно возглавлявшей Специальную организацию в регионе, был не кто иной, как депутат парламента Хашим-бей, руководитель отделения Иттихада в Малатье. Богатый землевладелец и очень влиятельный человек, Хашим, по свидетельству градоначальника Мустафы-ага, был одним из «главных виновников» гонений, инициатором арестов и погромов городских армян. Бауернфейнд указывает, что он и его сыновья извлекли «большую личную выгоду» из захвата собственности убитых армян³. Роль, которую сыграл его сын Мехмед, командовавший действовавшим в Малатье и ее окрестностях отрядом чете, наложила на всю семью Хашима огромную ответственность за убийство армян. Эта же

семья получила самую большую прибыль от захвата их имущества. Тем не менее обыски в домах, конфискация оружия у армян, пытки и депортация, в общем, все предварительные «административные» действия, выполнялись руками гражданских и военных чиновников. Немецкий священник точно охарактеризовал ответственность государства младотурок за эти массовые преступления, а также его двуличие: «Внешне все безупречно: законное осуждение тех, кто подстрекал к мятежу, и изгнание остального населения в Урфу. Однако большую часть людей тайно убивают в пути или даже непосредственно на местах. Женщинам, как правило, даруют жизнь, что означает погибель. У детей та же участь — либо их обращают в турок»⁴.

К этим преступлениям были причастны следующие военные и гражданские чиновники: мутесариф Решид-бей (№ 42); преемник Решид-бея мутесариф Серри-бей (№ 77); начальник жандармерии Хамди-бей (№ 69); преемник Хамди начальник жандармерии Абдулкадир (№ 38); секретарь жандармерии Таяр-бей; лейтенант жандармерии Назим (№ 69); инспектор жандармерии Тевфик (№ 60); каймакам Акчадага Васфи-бей; заместитель мутесарифа Салих-бей; бывший мутесариф Кербалы Тахир (№ 72); начальник полиции Хринк Кёйлю Абдулла (№ 52); начальник жандармерии Эрганы Али Чавуш (№ 106); помощник начальника полиции Эгинли Садык-бей (№ 65); капитаны полиции Айвасин Хасан-эфенди, Халил-эфенди и Хаджи Ибрагим; начальник тюрьмы Ширроли Махмуд (№ 53); Мухезин Юсуф (№ 54); помощник начальника тюрьмы Сулейман-эфенди (№ 59); начальник сельскохозяйственной службы Ахмед-эфенди; служащий отдела земельной регистрации Арабкир Джемал (№ 74); депутат парламента Эшрес Ходжа; муфтий, написавший фетву об истреблении армян в Малатье; судья Эрзрум-ли Масуд-эфенди (№ 41); переводчик Гускоглу Ахмед и учитель Ходжа Али (№ 17)⁵. Среди подчиненных, выполнявших приказы, многие были выходцами из разных племен, например, такие как: убийца католическо-

¹ Ibid, обвиняемый № 126.

² Ibid, обвиняемый № 282.

³ *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 245, journal du 8 juillet.

⁴ Ibid. P. 291, journal du 8 juillet.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIII, 3 470–471, список ответственных за санджак Малатья. Цифры соответствуют рапорту капитана Фазиля: APC/PAJ, dossiers XIX, XX/3 et XXIII, 3 432–466.

священника Сариканли Касаб Гусейн; Бедже-заде Тахир (№ 35); Демирджи Али Ахмед-ага; полицейский Хасим Эфенди; Агджагла Велиоглу Гусейн-ага; полицейский Хакки-эфенди; Велиоглу Кёр Али-ага; Бедри-ага, сын Курбагли Кёсе; Сулейман сын, Курбагли Кёсе; начальник жандармерии Аджедага Али Амруш (№ 62); Дедешархин Юсуф-ага; полицейский Беджет (№ 57); Делибашли Сулейман-ага; Бойразин Хасан-ага; Магмурлиоглу Юсуф-ага; Муфти-заде Фазиледдин Фейзи-эфенди; Хаджи Хасан, сын Томмо; Хасан Онбаши (№ 71); Чологлу

Махмуд-ага; Боранли Курд Хамо-ага; отставной каймакам Луфти-бей; Гусейн-ага, сын Чешо; Кючюгюн Вахаб-ага; Тортунли Хаджи Хафиз-ага; Теллал-заде Ходжа Мехмед-эфенди; Кеседжиоглу Касаб Сулейман; Бедри-ага Хахтали; Хаджи Абдулла-заде Хасан-бей (№ 81); Селуки-заде Ахмед-ага; Решувалоглу Хаджи Эфенди; Хаджи Паша; Хаджи Рол Агасинеоглу; Хаджи Ахмед; Кандароглу Хаджи Абдулла; мюдир Сулейман-заде Кадир; Алибей-заде Хаджи Решид; Мехмед Эфенди; Эрдегунуниоглу Абдулла; Мафузэфендиоглу Юсуф и Эрзрумли Фаик¹.

Санджак Дерсим — убежище депортированных армян

Дерсимский санджак играет особую роль в тысячелетней истории Малой Азии. Эта затерявшаяся в горах, покрытая лесом территория почти всегда находилась на задворках истории. Население санджака оставалось в изоляции и отличалось особым местным колоритом, сохранившимся с незапамятных времен. Разделенный в древние времена на несколько армянских княжеств, этот регион никогда не был полностью армянским, хотя руины внушительного количества церквей (107) и монастырей (50) свидетельствуют о широком распространении в нем христианства. Отрезанный от внешнего мира и неподвластный внешним влияниям, Дерсим никогда не подчинялся Османскому государству, которое не собирало в этом районе никаких податей и было не в состоянии навязать ему свою власть. Хотя район считался опасным для чужаков, несколько армянских торговцев и смелых священнослужителей отважились проникнуть в него под защитой местных беев.

Благодаря нескольким свидетельствам таких людей мы можем дать приближенное описание общественно-политической ситуации, сложившейся в Дерсиме накануне Первой мировой войны. В этот период там проживали 16 657 армян наряду с двумя популяциями, которые вместе составляли большинство: на юге и юго-востоке селилось племя сеид хасан, которое, предположительно, пришло из персидского Хорасана, а в другой части санджака, в самых его недоступных местах, племя дерсимли. Оба

народа, особенно дерсимли, несмотря на частичную отуреченность, создали под влиянием различных течений очень особый религиозный синкретизм, который стал религией преобладающего большинства населения обоих племен. В нем были соединены несколько направлений: язычники, последователи Заратуштры, христиане и мусульмане. Из-за тайного отправления религиозных обрядов последователи кызылбаши (Kızılbaş) в этой вере считались «неверными» (gâvurs), как и христиане. Действительно, одних церемониалов и внешних атрибутов веры кызылбаши было достаточно, чтобы привести в замешательство ортодоксального мусульманина. Наряду с праздниками в честь Святого Сержа, которому предшествовало семь дней поста, или Двенадцати Апостолов, Святого Креста и «Гаке сун» (праздник «красных яиц»), т.е. Пасхи, которые кызылбаши праздновали вместе с армянами, последователи этой синкретической религии поворачивались во время молитвы на восток и отправлялись в паломничество по монастырям, которые они защищали от любых нашествий, как если бы они были частью их собственного наследия. Это не мешало им поклоняться Али, Гусейну и Моисею, но совершенно игнорировать Рамадан. В то же время у них был собственный ритуал, который, по сведениям хорошо информированных источников, состоял из песен и танцев, тайно исполняемых ночью в соответствии с детально разработанными правилами. Члены религиозной касты, все из одного племени, следили

¹ Ibid. Цифры в скобках относятся к виновным из списка, предоставленного Фазилем: имена без цифр приведены в докладе патриарха.

за исполнением этих правил. Среди сорока проживающих в Дерсиме племен армянскими были племена миракян и тер-ованцик. Миракяне, чья территория лежала вблизи Дуика, Чукура, Экеза и Торуда, могли мобилизовать три тысячи бойцов. Этих горцев, занимавшихся главным образом разведением овец, а также изготовлением ковров и килимов, частично ликвидировали в 1915 г., но меньшинству все-таки удалось укрыться в Дерсима¹.

Поэтому неудивительно, что во время событий 1915 г., этот регион должен был стать убежищем для десяти-пятнадцати тысяч армян с Харпутской равнины и западных районов Эрзинджанского санджака², а также многочисленных жителей соседних каз, особенно армян из Парди/Оваджика (население 50 чел.) или Назимье/Кызылкилисе (население 89 чел.)³. Имело ли оказанное этим беженцам гостеприимство политический оттенок? Возможно, нет. И преподобный Риггз, и Назарет Пираниян свидетельствуют, что эти перемещения населения осуществлялись за высокую плату. Первые беженцы платили по сто турецких лир за возможность попасть на эту территорию, хотя позднее курдские беи снизили цену до десяти лир. С другой стороны, были случаи, когда в Дерсима принимали людей, не имевших средств. Правда, жизнь там была тяжелой для всех без исключения, и многие армяне выжили только благодаря тому, что работали на местных богатеях. При этом курдские вожди из Дерсима никогда не позволяли властям вторгаться в их владения. Вероятно, 10-дневная поездка вали Сабита в Дерсим, которая началась 31 июля 1915 г.,

имела целью убедить курдских вождей сдать армян⁴.

В административном центре Хозате скверном селе с населением не более тысячи человек, в 1914 г. было триста пятьдесят армян. Еще здесь были смешанные села, где вместе жили армяне и кызылбаши, общее население армян в которых составляло 1949 человек⁵. Согласно данным официального доклада, из казы Хозат было депортировано 1088 армян⁶. Если верить официальным цифрам в отношении численности армянского населения, которые лишь немногим выше, то получается, что все армяне казы были убиты или депортированы. При учете географического расположения района это выглядит маловероятным. Скорее можно предположить, что около половины армян стали жертвами преследований, а другая сумела скрыться в Дерсимских горах.

Из 1835 армян казы Медзгерд/Мазгир тысяча двести человек жили в Хозате, который в Средние века был важным крепостным армянским городом. Другие жили в восьми деревнях со смешанным населением армян и кызылбаши: Лазван, Дилан-Огче, Тамудат, Дана-Буран, Шордан, Хозенкиуг/Кушду, Пах и Чукур. Рядом с этими селами должны были находиться руины около пятнадцати средневековых монастырей⁷. Здесь, согласно официальной статистике, депортация также унесла практически всех армян, т.е. 1423 человек⁸. Эта цифра в первую очередь свидетельствует о рвении людей, отвечавших за депортацию в районе. Они, без сомнения, более стремились продемонстрировать Стамбулу свое усердие, чем установить точное количество депортированных.

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 381–382.

² Riggs H. H. Op. cit. Pp. 108–117; Пираниян Н. Указ. соч. С. 516, 522.

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 382, 387.

⁴ Jacobsen M. Op. cit. P. 83. Автор дает дату отъезда и заявляет, что «никто не знал истинных причин этого путешествия».

⁵ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 382. Этими деревнями были: Энжегаг (240 армян), Эрган (30 чел.), Агзуниг/Арсуник (65 чел.), Хавшакар (260 чел.), Пеиг (35 чел.), Сигедиг (66 чел.), Сорпян (130 чел.), Земб (81 чел.), Ташдаг (135 чел.), Син (55 чел.), Хальвори (32 чел.), Халвориванк (78 чел.), Хагтуг (297 чел.), Ахса (42 чел.), Декке (42 чел.); Karpat K. Op. cit. P. 182, дает официальную цифру — 1151 армян казы.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier 57, на датированный рапорт, адресованный министру внутренних дел.

⁷ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 383; Karpat K. Op. cit. P. 182. Автор дает точную цифру — 1483 армян казы.

⁸ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier 57, на датированный рапорт, адресованный министру внутренних дел.

Каза Чарсанджак

В 1915 г. в Пери, административном центре, было 1763 армянина, и еще 6200 жили в сорока двух селах¹. Каймакам Али Реза занимал эту должность с 2 марта по 15 июля 1915 г., а значит, первые погромы 26 июня в Портаге/Портаке, недалеко от переправы через Евфрат между Харпутом и Дерсимом,

происходили при нем². Официальная цифра депортированных из этой казы, 6537 человек³, выглядит в сравнении с указанными выше данными переписи совершенно нереальной, если учитывать количество призванных в трудовые батальоны и людей, сумевших укрыться в Дерсимских горах.

Каза Чемишкезек

В административном центре Чемашгадзаке/Чемишкезекке проживало 1348 армян, что составляло около трети общей численности населения казы. Еще 3146 армян были жителями двадцати одного села. Особенной эту казу в 1915 г. делало то, что к концу XVIII века в ней было 4935 армян, принявших ислам. Большинство из них проживали в нахие Святого Тороса, находившегося в северо-западной части района вблизи небольшого городка Барасор на левом берегу Евфрата. В казе были также православные армяне (в османской статистике их называли «греками»), которые были жителями сел Мамса, Хнтриг и Сетрга, где они жили вместе со своими апостольскими соотечественниками. Названия других деревень: Дзагари, Ардга, Сисна, Стрех, Гармри, Миадун, Пазапон, Моршка, Харасар, Мезра, Багча/Бардизаг, Экрек/Ерицакраг, Мурна, Брекхи и Цнцор⁴.

Первые слухи о разоружении армянских солдат, служивших в войсках, дислоцированных в Эрзурумском и Эрзинджанском регионах, докатились до Чемашгадзака во время пасхальных каникул приблизительно 4 апреля. Вскоре после этого начали распространяться истории об армянских солдатах, перешедших на сторону врага и вы-

дававших «военные тайны»⁵. Как раз в это время каймакам Селим Ахмед начал первый этап преследований армян. 1 мая 1915 г. были проведены обыски в армянских школах, домах служащих и лавках на базаре. Арестовали восемнадцать известных горожан. Особенно властей интересовали официальные печати партий Гнчак и Дашнакцутюн, а также предполагаемые тайники с оружием. На следующий день за решеткой оказались не менее ста человек⁶. пытки, которым их подвергли, наверное, были гораздо более жестокими, чем в других местах (несколько мужчин прибили гвоздями к стене), и продолжались до 20 июня, когда каймакам объявил, что заключенных отправляют в Мезре, чтобы судить⁷.

1 июля 1915 г. глашатай огласил приказ о депортации и незаконности продажи недвижимого и движимого имущества, которое впредь объявлялось «государственной собственностью». В пятницу 2 июля около тысячи человек были отправлены по дороге на Арабкир, после того как турецкие семьи забрали себе нескольких детей и молодых женщин. Конвой шел до Арабкира четыре дня и после трехдневной остановки был направлен в Харпут. Обычно до Харпута можно было добраться за полтора дня, но караван

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 383; Karpat K. Op. cit. P. 182. Автор дает точную цифру — 7105 армян казы.

² Atkinson T. Op. cit. P. 39.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier 57. Датированный рапорт, адресованный министру внутренних дел.

⁴ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 386–387; Karpat K. Op. cit. P. 182. Автор дает точную цифру — 3772 армянина и 215 «греков» казы.

⁵ BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 39, Tchémchgadzak, f° 14, свидетельство Шаварша Сгерибармаляна.

⁶ BNU/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 39, Tchémchgadzak, f° 1, свидетельство В. Папазяна.

⁷ Ibid., f° 2. BNU/Fonds BNU/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 39, Tchémchgadzak, f° 17. Согласно свидетельству Шаварша Сгерибармаляна, эти люди были убиты на берегу Евфрата на следующий день после отъезда, около 20 июня.

невероятными обходными путями шел туда три недели. Он остановился в Мезре на расстоянии часа пути от города, а затем двинулся по дороге на Диарбекир через Ханли Хан, где от него отделили и расстреляли в караван-сараях всех лиц мужского пола от десяти до пятнадцати и от сорока до семидесяти лет. Остатки каравана отправились дальше, пока не достигли Аргана Мадена, где перед ними предстала ужасающая картина: сотни разлагающихся трупов на берегах Тигра¹.

После 6-недельного марша конвой добрался до Северека, где депортированных подвергли грабежу, а некоторым перерезали горло. Следующей промежуточной остановкой была Урфа. Там остатки каравана разделили на две группы: одну направили на юго-запад в Сурудж, а другую прямо на юг в Ракку. Наш очевидец отмечает, что к этому времени в конвое не осталось стариков. До Алеппо, пройдя через лагеря Мумбудж и Баб, добрались сто пятьдесят женщин².

У нас есть информация о событиях, происходивших в сельских районах казы, полученная от трех свидетелей из деревни Гармриг, располагавшейся в одной-двух милях к западу от Чмашгадзака³. Здесь поиски

оружия проходили 19 июня. В воскресенье 4 июля к арестованным накануне мужчинам Гармрига присоединили двести мужчин из окрестных деревень. Их в сопровождении жандармов и чете «послали на работу»⁴. В этот же день из семей забрали всех мальчиков младше десяти лет. 5 июля женщины создали в церковь, чтобы до подготовки к отправке в Урфу зарегистрировать их вещи. Конвой женщин из деревень Чмашгадзака отправился в путь 10 июля. Когда они эти же вечером дошли до Евфрата, охранники показали им окровавленную одежду их мужчин⁵.

По словам свидетелей, в Арабкире их конвой соединили с другим, более крупным конвоем сельских жителей Чмашгадзака. Несколько недель спустя в Алеппо через Урфу, Мумбудж и Баб пришли двенадцать из ста женщин, отправившихся из Гармрига 5 июля⁶.

Нескольким сельчанам, особенно из северных поселений, удалось укрыться в курдских районах, где они выживали, как могли, до весны 1916 г., когда русские войска взяли контроль над регионом, они перебрались в Эрзинджан⁷.

Уничтожение следов

Архив досудебного следствия по делу преступников, обвиняемых в совершении массовых убийств и депортации населения, включает переписку между вали Мамурет уль-Азиза и мутесарифом Малатьи, а также между Сабит-беём и министром внутренних дел. Единственный, волнующий их вопрос заключается в том, как скрыть следы преступлений и, в частности, как захоронить разбросанные по дорогам трупы. Первая телеграмма на эту тему была направлена Сабитом мутесарифу Малатьи Решиду

21 августа 1915 г., т.е. вскоре после того, как основные конвои депортированных с севера и запада дошли до санджака Малатья. Из нее мы в первую очередь узнаем, что в этом санджаке «вдоль дорог разбросано много трупов со всеми вытекающими отсюда последствиями». Сабит также дает понять, что эти трупы были похоронены без должной «осмотрительности» и что «виновные в этой халатности лица» должны немедленно понести наказание⁸. Однако, вероятно, его указания не возымели действия.

¹ BNu/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 39, Tchémchgadzak, ff. 2–3.

² Ibid., ff. 4–5.

³ BNu/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 39, Tchémchgadzak, ff. 6–8, свидетельства Азнива, Аннига и Марты Мардикян.

⁴ Ibid., f° 6.

⁵ Ibid., f° 7.

⁶ Ibid.

⁷ BNu/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 39, Tchémchgadzak, ff. 18–22, свидетельство Шаварша Сгерибар-малаяна.

⁸ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIX, U 578, заверенная копия расшифрованной телеграммы, U 578/3, копия шифрованной телеграммы вали Мамурет уль-Азиза Сабит-бея мутесарифу Малатьи от 21 августа 1915 г.

10 сентября он повторяет свои наставления Решиду. Он писал: «Нам стало известно, что на границе между [казами] Хюсни Мансур и Сабит имеются разлагающиеся трупы... Недопустимо, как с точки зрения правительства, так и из соображений гигиены, чтобы трупы оставались под открытым небом»¹. Справедливости ради следует признать, что многократные переходы конвоев по одним маршрутам вынудили мутесарифа Малаты прибегнуть к регулярной очистке дорог, и эта неприятная работа, что любопытно, была поручена жандармам. «С точки зрения правительства», эти разлагающиеся трупы слишком откровенно выдавали истинные цели депортации.

Спустя три месяца и, конечно, в ответ на

информацию, дошедшую до Стамбула по дипломатическим каналам, министр внутренних дел сделал выговор вали Мамурет уль-Азиза, выразив недовольство тем, что «все еще в открытую лежат трупы... или останки»². Вероятно, каймакамы и жандармские начальники, получив эти указания, угрожавшие им военным судом³, в конце концов, решили «вскрыть каналы и закопать трупы поглубже, чтобы их не могли достать собаки»⁴. Обычно конвои с армянским населением гнали пешком, что, безусловно, снижало проблемы, связанные с обеспечением их транспортными средствами, но в то же время создавало некоторые побочные эффекты: за конвоируемыми катилась волна эпидемий, захватывавшая и гражданское население.

Ответственные за погромы в вилайете Харпут

Если мы совершенно четко можем определить роли, которые вали Сабит Джемаль Сагироглу⁵, командующий 11-м армейским корпусом генерал Сулейман Фаик Паша⁶ и начальник полиции Решид-бей играли в организации арестов, пыток и обысков, а также проведении депортации населения, устройстве «приютов» и обеспечении «защиты конвоев», то оценить их участие в зверствах, которым подвергали заключенных и депортируемых, гораздо сложнее. Очевидно, национальные власти стремились отделить административные меры, для которых создавалась видимость законности, от погромов, порученных отрядам Специальной организации и обычно совершав-

шихся в отдаленных районах в отсутствие свидетелей.

В вилайете Мамурет уль-Азиз некоторые влиятельные члены организации младотурок принимали активное участие в секретных операциях, сопровождавшихся массовой резней. Из ряда виновников этих преступлений выделяется их вдохновитель и инициатор — депутат от Дерсима Хаджи Балаш-заде Мехмед Нури-бей⁷, которому помогал его брат Али Паша. Это тот самый Мехмед Нури-бей, кто сформировал и руководил отрядами чете под командованием двух курдских главарей из племени решван Зейнел-бей и Гаджи Бедри-ага. Полем их действий была равнина Фырынджилар и непосредственно

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIX, U 579/3, копия шифрованной телеграммы вали Мамурет уль-Азиза Сабит-бея мутесарифу Малаты от 10/23 сентября 1915 г.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 578, заверенная копия расшифрованной телеграммы, U 578/4, копия шифрованной телеграммы министра внутренних дел Талаата вали Мамурет уль-Азиза Сабит-бею от 19 декабря 1915 г.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIX, U 578, заверенная копия расшифрованной телеграммы, U 578/2: копия шифрованной телеграммы мутесарифа Малаты командирам жандармерий в районах, подчиненных Малаты от 20 декабря 1915 г.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 578, заверенная копия расшифрованной телеграммы, U 578/5, копия шифрованной телеграммы вали Мамурет уль-Азиза Сабит-бея мутесарифу Малаты от 20 декабря 1915 г.

⁵ P.R.O., FO 371/6500, Turkish War Criminals, dossier d'accusation de l'interné à Malte № 2686, Sabit bey, reproduit dans: *Yeghiayan V. British Foreign Office dossiers on Turkish War Criminals*, La Verne, 1991. Pp. 20–38.

⁶ Ibid., dossier d'accusation de l'interné à Malte № 2807. Pp. 358–370.

⁷ См. выше, с. 446 и 455; Ibid., dossier d'accusation de l'interné à Malte № 2816, Mehmet Nuri bey. Pp. 413–428.

примыкающие к ней ущелья¹. На нижестоящем уровне аналогичные функции в этом санджаке выполняли депутат от Малаты Хашим-бей и его сын Хашим Бей-заде Мехмед, начальник отряда чете, дислоцированного в Ташпинаре, на расстоянии часа пути от Малаты². Труднее оценить преступную деятельность других сторонников младотурок в Мезре и Малатье, имена которых мы перечислили ранее³. Еще больше вопросов вызывает деятельность инспектора КЕП в вилайете Мамурет уль-Азиз Бошнака Реснели Назим-бея. Несмотря на то, что в столице вилайета проживало достаточно иностранцев, никто из них ни разу не упомянул его имени в своих свидетельствах. Все, что нам известно благодаря записям немецкого священника Ганса Бауернфейнда и из отчета судьи, заседавшего в военном суде Малаты, — это то, что он провел в этом городе более двух недель, организовал собрание всех лидеров младотурок в доме Хашим-бея, где остановился, и содействовал подготовке того отряда чете, который затем вырезал военных рабочих из трудовых батальонов региона⁴. Есть все основания полагать, что он занимался тем же самым в Мезре, где он, однако, подвергся критике (как и Хаджи Балаш-заде Мехмед Нури-бей) со стороны генерала Сулеймана Фаик-паши и других офицеров, обвинявших обоих в том, что они, пользуясь своим положением, вымогали крупные суммы «от имени комитета «Единение и прогресс» и тем самым «обогащались за счет армянских депортированных и сирийцев». Эти офицеры даже требовали отзыва Реснели Назима и наказания депу-

тата от Малаты Хашим-бея, предлагая вали довести эти требования до сведения «достопочтенного Комитета»⁵.

Мы также располагаем очень скудными сведениями об отношениях Назима с обеими иерархиями, от которых он зависел, т.е. с Центральным комитетом Иттихада и политическим руководством Специальной организации. Существует телеграмма, датированная 21 июня (Газиран по-турецки)/4 июля, которую руководитель Специальной организации Бехаеддин Шакир, направил Назим-бею. Подлинность этой телеграммы была дважды засвидетельствована военным судом Стамбула в 1919 г. Видимо, она никогда не подвергалась исследованиям историков, которые, цитируя ее, один за другим повторяют ошибочную дату 21 апреля, лишая тем самым эту телеграмму ее значимости. Реальная дата показывает, что она была отправлена на следующий день после того, как из Мезре вышел второй конвой с депортированными. Сообщение недвусмысленное и дает ясное представление о том, как глава Специальной организации Бехаеддин Шакир руководил из Эрзурума преступными операциями на территории, находившейся в юрисдикции 3-й армии: «№ 5. Назим-бею. Провел ли ты ликвидацию депортированных из провинции армян? Истребляешь ли ты опасных людей, которых ты депортировал или выслал, или ограничиваешься их переселением? Дай ясный ответ, брат мой»⁶. Здесь отчетливо проявляется связь между «Специальной организацией» и Центральным комитетом Иттихада, как и характер их отношений.

¹ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 314, Constantinople, le 14 février 1919, свидетельство д-ра Завена Ваграма, врача военного госпиталя Мезреха (в тексте — «Харлута»), подтверждающий роль Бедри в массовых убийствах в Малатье.

² См. выше, с. 445, 459, 461, 466, 472.

³ См. выше, с. 472–473.

⁴ См. выше, с. 459–460. Отметим, что Бауернфейнд, хоть и ошибочно считал Реснели Назима правительственным чиновником, предоставляет важные сведения о его деятельности в Малатье; APC/PAJ, liasse XIX XX/3 et XXIII, Э 432–466, копия рапорта капитана Фазила, отставника и представителя знати Малаты: уточняет, что Назим-бей № 45 из списка 567 преступников, которых взял на учет Фазиль, украл 20 000 турецких лир.

⁵ P. P. R. O., F. O. 371/6500, Turkish War Criminals, dossier d'accusation de l'interné à Malte № 2686, Sabit bey, annexe C, письмо Фаика Сабиту [датированное, вероятно, началом августа]: *Yeghiayan V. Op. cit.* Pp. 31–32.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, liasse XXIX, U 576, шифрованная телеграмма № 5 главы «Специальной организации», Бехаеддина Шакира вали Мамурет уль-Азиза Сабит-бею, для передачи делегату «Единение и прогресс» Реснели Назим-бею, шифрованная, с расшифрованной версией, 4 июля 1915 г. (21 Haziran 1331), «Takvim-i Vakayi», № 3540 (на заседании суда 12 апреля 1919 г.), 5 mai 1919. P. 6, col. 1–2, и в приложении к заключению суда Мамурет уль-Азиза, «Takvim-i Vakayi» № 3771, 13 janvier 1920. P. 48, col. 1. После опубликования приговора суда Мамурет уль-Азиза стамбульская пресса ошибочно датировала этот документ 21 апреля; ошибка сохранилась и по сей день, что делает содержание этого документа невероятным.

Находившиеся в этом регионе офицеры часто становились свидетелями того, как на практике проводилась политика государства в отношении армянского населения. Не все из них непременно одобряли эти меры, многие по меньшей мере имели о них ясное представление. Аракс Мкртчян, дочь бывшего британского вице-консула в Диарбекире Томаса Мкртчяна, 21-летняя выпускница Евфрат-колледжа, сообщает о разговорах, которые она вела или которые слышала, ухаживая за турецкими офицерами в американском госпитале в Мезре летом 1915 г. Отвечая на вопрос сослуживцев, спрашивавших, не самом ли деле армяне виновны в том, что им инкриминирует правительство, капитан Ахмед Риза хитро заметил: «Даже армяне начали интересоваться, действительно ли они виноваты в изготовлении бомб и динамита. Несчастные идиоты!»¹ В другом случае Мехмед Али, офицер, насильно «взявший в жены» дочь профессора Ворберяна, преподавателя Евфрат-колледжа, воскликнул: «Неужели вы думаете, мы не смогли бы наказать только тех, кто был виновен (если таковые вообще были)? Почему, по вашему мнению, гражданский суд не стал этим заниматься, а предоставил все военному суду, который на этой войне действовал без всякой пощады? Этому плану уже четыре года»². Такие заявления, возможно, не столь редкие среди османских офицеров, показывают, до какой степени пропаганда, предназначенная сплотивить «конкретных» армян, повлияла на широкие слои населения, пока не коснулась самих армян.

Среди гражданских служащих, работавших с вали и до той или иной степени замешанных в гонениях на армянское население, были: ответственный секретарь вилайета Джемаль-бей, начальник почтового управления Мектубджи Шевки-бей, являвшийся также влиятельным членом организации младотурок, начальник тюрьмы в Мезре Хасан-эфенди, каймакам Харпуга до августа 1915 г., Асим-бей, глава управления по

разрешению хозяйственных споров (umum hukukiye) Хикмет-бей и каймакам Бехесни Эдхем Кадри-бей. Среди военных чиновников и жандармских офицеров, сыгравших ключевую роль в арестах и пытках людей, особенно в «Красном конаке», известны: командующий Одиннадцатым армейским корпусом Сулейман Фаик-паша, дивизионный командир майор Ферид, секретари жандармерии Арабкирли Мехмед, Арабкирли Али-эфенди и полковник Мехмед Вехиб, заместивший Сулеймана Фаика в конце ноября 1915 г. Комиссия, отвечавшая за оставленную собственность, во главе с Мехмедом Али при содействии Сулеймана Судиефенди, Кухеддин-бея и его сына, а также Шериф-бея и его двух сыновей руководила конфискацией армянского имущества и, конечно, не без личной выгоды для ее членов. Среди исполнителей массовых убийств были командиры отрядов чете Специальной организации: Мулазим Этхем Шевкет, Хаджи Кахья из Изоли, Акчадагли Синаноглу, Пулугли Халил, Хаджи Шейх-ага, Мехмед-бей и главари племени решван Зейнел-ага и Гаджи Бедри-ага. Им оказывали всяческую поддержку некоторые главари банд: Араб Мустафа-эфенди, Арабкирли Генджо-ага, Хаджи Фейзи, Арабкирли Чобан-заде Халил-паша, Асим-бей, Арабкирли Кенан и Арабкирли Налбандбаши Мехмед Али³.

Фазиль в выдвинутом против Сабит-бея обвинении указывает, что вали взял у Ованеса Харпугяна 15 000 турецких лир золотом, после чего убил его и отправил в ссылку его семью⁴. Другой документ обвиняет Сабита в хранении в Эрзурумском почтовом отделении крупных сумм, а также платежных поручений, подписанных людьми, депортированными и убитыми по дороге в Малатью. Вали также обвинялся в том, что в октябре 1915 г. приказал начальнику почты положить на его счет 8000 турецких лир золотом⁵. Судебный приговор, вынесенный генералом Вехибом-пашой в отношении совершенных в вилайете Мамурет

¹ BNU/Fonds Andonian A. P.J.1/3, liasse 23, Harput, f° 54, свидетельство 21-летней Аракс Мкртчян, получившей образование в колледже Евфрата, дочери британского вице-консула в Диарбекире Томаса Мкртчяна.

² Ibid.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 430, 467, 474, ответственные за вилайет Харпуг.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 465, doc № 3, отрывок рапорта капитана Фазила о Сабит-бее.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 99, Э 229 и Э 243–244–245 (en français), dossier des Turcs inculpés dans le procès des massacres de Mamuret ul-Aziz, daté du 13 septembre 1920, dossier № 2, liasse 2.

уль-Азиз преступлений, подтверждает, что местные чиновники под защитой высших органов партийно-государственной власти действовали с полной безнаказанностью: «Злодеяния, совершенные в Мезре, Харпуте и их окрестностях, в частности в Малатье, в высшей степени заслуживают выделения в отдельное производство и протоколирования. Тот факт, что этот смертоносный аппарат, не пощадивший даже женщин и детей, иногда действовал под самым носом у руководителей исполнительной власти и ответственных государственных чиновников и с их ведома, как и то, что несмотря на веские для того основания, ни жандармерия, ни судебные органы не провели никаких уголовных преследований, по меньшей мере, означает, что руководители правительства и государственные чиновники закрывали на происходящее глаза. Подстрекаемые таким положением преступники без всяких ограничений вершили свои преступления, поскольку власти их считали допустимыми»¹.

Поэтому не удивительно, что на судебном процессе (проходившем с 20 ноября 1919 г. по 14 января 1920 г.) из всех людей, причастных к депортациям из вилайета Мамурет уль-Азиз², на скамье подсудимых оказались только два виновника этих преступлений³: депутат парламента Мехмед Нури

и руководитель отдела образования Ферид. Не более удивительно, что на процессе не присутствовали Бехаеддин Шакир, приговоренный к смертной казни «по статьям 171 и 181 Османского уголовного кодекса», и Реснели Назим, приговоренный к пятнадцати годам тюремного заключения. Что касается Хаджи Балаш-заде Мехмед Нури-бея, он был оправдан⁴.

Поскольку к этим действиям были подключены все механизмы партийного государства, приговоры были предсказуемыми. Более того, когда военный министр Энвер-паша проезжал в мае 1916 г. через Мезре в сопровождении немецкого военного атташе Ганса Хуманна, он дал понять американскому консулу, что знал о донесениях, касающихся творимых в этом регионе злодеяний против армян, которые консул посылал в Стамбул. Он также не мог не знать, что люди, принимавшие его в этот день как почетного гостя, убили хозяев дома, в котором его принимали (позднее его приобрел Сабит-бей)⁵. Еще одна деталь характеризует стремление младотурок ликвидировать всех армян до последнего мужчины, женщины и ребенка: когда Лесли Дэвис 16 мая 1917 г. уезжал из Мезре, ему не разрешили взять с собой «американских» граждан, живших в его доме с начала лета 1915 г.⁶

¹ Extrait de la déposition de Vehib pacha, datée du 5 décembre 1918: «Takvim-i Vakayi», № 3540, du 5 mai 1919, P. 7, col. 2 et déposition complète de 12 pp. manuscrites: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, L 171-182.

² Le Spectateur d'Orient, 13 juin 1919: «Предварительное расследование», другими словами, досудебное следствие по делу было прекращено в июне, и в этот период Реснели Назим, Бехаеддин Шакир и Мехмед Нури «сбежали от правосудия», в то время как англичане переправили Сабит-бея на Мальту.

³ La Renaissance, № 302, vendredi 21 novembre 1919, «Procès de Mamuret ul-Aziz», annonce le début du procès, le 20 novembre, de Nuri, ex-député de Dersim, et de Ferid bey, directeur de l'Instruction publique, «pour massacres et déportations».

⁴ Verdict du procès de Mamuret ul-Aziz, rendu le 13 janvier 1920, publié dans le «Takvim-i Vakayi», № 3771, du 9 février 1920. Pp. 48-49.

⁵ Davis L. A. Op. cit. Pp. 223-224.

⁶ Ibid. Pp. 229-231.

ГЛАВА 8

Депортации и погромы в вилайете Сивас

В обширном вилайете Сивас, одном из самых густонаселенных вилайетов Малой Азии, по состоянию на 1914 год проживал примерно один миллион жителей, в том числе 204 472 армянина и около ста тысяч греков и сирийцев. Самыми приметными обитателями городских центров были армяне, но значительное их количество населяло также и сельскую местность; они проживали в двухстах сорока деревнях и селениях, являясь прихожанами 198 церквей, двадцати одного монастыря и 204 школ, и составляя в общей переписи населения 20 599 человек¹. В отличие от исследованных нами до этого времени вилайетов армяне здесь жили бок о бок скорее с говорящими на турецком языке мусульманами-суннитами, нежели с говорящим на курдском языке населением, исключавшим десять тысяч мугаджиров, наваливших этот регион в результате Балканских войн².

Назначение 30 марта 1913 г. нового вали, Амеда Муаммера-бея, который находился на данном посту до 1 февраля 1916 г.³, похоже, ознаменовало собой ухудшение положения немусульман. После поражения Османской империи от рук Балканской коалиции и в угоду желанием младотурецких кругов, вали, едва приняв свой пост, иници-

ировал политику бойкотирования христианских предпринимателей и торговцев. Ахмед Муаммер-бей, уроженец Сиваса и сын магистрата, сыграл решающую роль в создании, начиная с 1908 г.⁴, сети клубов иттихадистов в своем родном вилайете. Будучи на момент вступления в должность в возрасте тридцати двух лет, этот вали представлял собой образец человека нового типа, который был нужен организации КЕП для осуществления ее политики создания в данных провинциях «национальной экономики»: он одновременно являлся и вали, и представителем центрального комитета юнионизма в данном вилайете и в центре Малой Азии, по которой он активно путешествовал с целью расширения количества активистов иттихадистской партии и пропаганды ее идей⁵. Согласно армянским источникам, настоящие проблемы возникли лишь после принятия реформ в восточных провинциях. Также как и греки, проживавшие на побережьях Эгейского региона, армяне Сивасского вилайета были жертвами все ужесточающейся политики младотурок. В частности, Ахмед Муаммер привел в действие план экономических преград, который имел своей целью положить конец «процветанию» армян и создать объединения турок⁶. Похоже, что он даже

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 261–263.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Г 370. Также здесь отмечались кызылбаши и курдское меньшинство.

³ P.R.O., FO 371/6500, Turkish War Criminals, dossier d'accusation de l'interné à Malte № 2719, Muammer bey. Перепечатано в кн.: Yeghiayan V. Op. cit. La Verne, 1991. P. 89.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 23, Les signes prédisant les horreurs futures à Sivas; ENu/ Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 49, Sébaste, ff. 1–103. [Папорт] Карапета Капигяна, составленный в 1919 г., перепечатанный и дополненный в кн.: Капигян Г. Указ. соч. С. 17, 24. Капигян добавляет, что Муаммер ранее служил помощником префекта в Кангале, Азизийе и Кайсери в качестве губернатора Аданы и впоследствии Коньи.

⁵ Там же. С. 18–19.

⁶ Там же. С. 21. Муаммер создал кооперативы в Азизийе.

призывал ходжей проводить свои проповеди в соответствующем ключе¹. Этот целеустремленный вали также учредил школы, в которых ученики обучались армянскими учителями². Этим самым он пытался искоренить то, что, на его взгляд, представляло собой монополию армян на ремесленное производство. Однако Муаммер также напал и на религиозные учреждения: так, он конфисковал расположенную возле города землю, принадлежащую монастырю Святого Ншана, с целью строительства на ней барачков для корпусов 10-й армии³. Завуалированный экономический бойкот со стороны властей, по всей видимости, не полностью разорил армян. В апреле и мае 1914 г. на базарах городов Мерзифон, Амасья, Сивас и Токат один за другим случилось несколько пожаров подозрительного происхождения. В городе Токат, со слов армянского учителя в средней школе, 1 мая 1914 г. пожаром, бушевавшим на Багдад Кадеси — улице, на которой располагалось много городских бизнес-заведений, было сожжено дотла восемьдесят пять магазинов, сорок пять домов и три караван-сарая⁴. В городах Мерзифон, Амасья и Сивас пожаром также было уничтожено три больших мукомольных завода⁵. У нас нет доказательств того, что местные власти приложили руку к этим криминальным поджогам, но армянские круги небезосновательно полагали, что эти пожары были организованы по инициативе Ахмеда Муаммера. Когда 3 августа в Сивасе был оглашен приказ о всеобщей мобилизации (*seferbelik*), каждый достигший призывного возраста мужчина пошел записываться в центр рекрутирования, организованный в Улу ками (храме), ранее являвшемся церковью Святого Ераноса. Спустя следующие

несколько недель церковь Святого Креста и несколько школ, принадлежавших двадцати тысячам армян Сиваса, такие как Армянская средняя школа или Санасарянский лицей, были постепенно конфискованы военными властями, пожелавшими использовать их в качестве барачков⁶. Заплатив выкуп, некоторые армянские призывники смогли избежать мобилизации или были приписаны к Красному Кресту. Как и в других местах, в «Теклиф-и Харбийе» (*Teklif-i Harbiyye*) были созданы условия для явно противоправного использования имущества армянских торговцев: были реквизированы все транспортные средства в городах и селах⁷. Более того, национальный армянский госпиталь взял на себя затраты на содержание ста пятидесяти переданных в распоряжение армии больничных коек⁸.

Среди впечатляющих мер, наблюдавшихся в Сивасе после вступления Османской империи в войну, была отправка на Кавказский фронт корпусов 10-й армии, сформированных из рекрутов из данного вилайета. Эта армия насчитывала порядка пятнадцати армянских докторов и бесчисленное количество армянских солдат⁹. Кроме того, в два рабочих батальона было назначено две тысячи пятьсот солдат-рабочих. Первый батальон улучшал дорогу, ведущую из района Конак к каменному мосту в Кизыл-Ирмаке, второй батальон строил трубопровод протяженностью два километра для снабжения города питьевой водой¹⁰. Город Сивас также служил в качестве тыловой базы для Кавказской армии; в частности солдаты, ставшие жертвами эпидемий дизентерии и тифа, захлестнувших эту армию из-за катастрофических санитарных условий, отправлялись именно сюда¹¹. После ухода священников

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 23, doc. cit.

² Капигян Г. Указ. соч. С. 21.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 23, doc. cit.; Капигян Г. Указ. соч. С. 27.

⁴ «Бюзандион», № 5340, 2 мая 1914 г. (на арм. яз.); Капигян Г. Указ. соч. С. 23; Патрик А. (ред.), История армян в Себастии и ее провинциях, I, Бейрут, 1974. С. 717–718 (на арм. яз.).

⁵ Капигян Г. Указ. соч. С. 24.

⁶ Там же. С. 30; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 23, doc. cit.

⁷ Капигян Г. Указ. соч. С. 31–33. Капигян утверждает, что склады армянских купцов подвергались беспощадному разграблению.

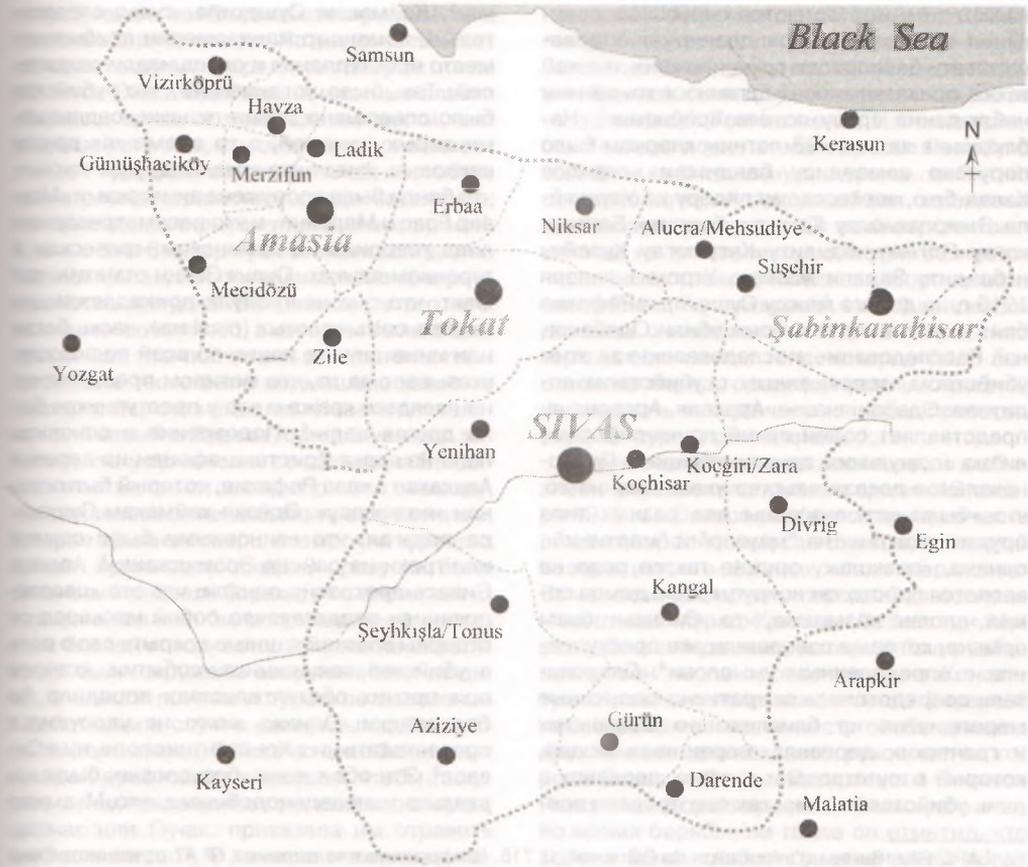
⁸ Там же. С. 42.

⁹ Там же. С. 34–35. Несколько недель спустя поступила новость о практически полном уничтожении этого армейского корпуса.

¹⁰ Там же. С. 44–45.

¹¹ Там же. С. 43–44.

Депортации и погромы: Сивас

французской иезуитской церкви¹, единственным оставшимся в городе Сивас иностранным учреждением стала американская миссия Эрнеста Партриджа. Национальный армянский госпиталь и учреждение американского Красного Креста, возглавляемые доктором Кларком, играли ведущую роль в борьбе с этими эпидемиями; тем не менее официально было зарегистрировано двадцать пять тысяч жертв эпидемии².

Два события, произошедшие в Сивасском вилайете, характеризуют царившую в этом административном центре напряженную атмосферу. Поскольку никто в данном регионе не занимал пост архиепископа, Армянский патриархат назначил двух архиепископов-викарных в епархии городов Сивас и

Эрзинджан — епископа Гнела Галемкаряна и отца Саага Одабашяна. В этот сложный период патриархату представлялось необходимым поддержание своего официального присутствия в этих районах, в которых власти признали его право представлять армянскую общину. 20 декабря оба этих священника прибыли в Сивас. Одабашян, будучи уроженцем этого города, остался на несколько дней со своей семьей в ожидании, пока найдется транспорт, который доставил бы к месту его нового назначения. Однако, похоже, что у министра внутренних дел возникли сомнения по поводу истинной цели назначения указанного священника. Направленная Муаммеру 21 декабря 1914 г. зашифрованная телеграмма информировала

¹ Там же. С. 39–40. Их недвижимость сразу была конфискована, и иезуитская часовня была преобразована в мечеть. Временный вице-консул Франции Манук Ансурян был принужден вали сдать ключи консульства властям (там же. С. 40–41).

² Там же. С. 42–44.

вали о том, что «имеются серьезные основания полагать, что он планирует спровоцировать беспорядки среди армян», и в ней также приказывалось «организовать за ним наблюдение сразу по его прибытии»¹. Наблюдение за этим 38-летним клерком было поручено командиру бандитских отрядов Халал-бею, черкесскому лидеру из Узуньяйла Эмирпасаоглу Гамиду, бандиту Баканкоглу Эдгему, бандиту Кутушогулу Хусейну и бандиту Зарали Магиру. Утром 1 января 1915 г. на дороге между Сушехир и Рефахие близ деревни Агванис они убили Одабашяна². Расследование, последовавшее за этим убийством, сопряженным с убийством водителя Одабашяна — Аракеля Арсланяна, представляет собой яркий пример формализма и двуличия администрации³. Первоначальное доказательство указывало на то, что «были использованы два разных типа оружия, похожих на “маузер” и “мартини”», однако, «поскольку оружие такого рода не валяется просто так вокруг, кроме домов армян, вполне возможно, что убийцами были армяне, которые совершили это преступление с определенным умыслом»⁴. Следователи сосредоточили оперативно-розыскные мероприятия на близлежащих армянских и греческих деревнях, опрашивая людей, которые отсутствовали в своих деревнях в день убийства, о том, «как они провели вре-

мя»⁵. Каймакам Сушехира, судья-следователь, и командир жандармерии прибыли на место преступления и опрашивали свидетелей. Так, было установлено, что «убийство было совершено двумя лицами, седлавшими серых лошадей, в то время как другие верховые животные имели другой окрас», что банда была вооружена винтовками «Маузер Грас и Мартини» и что рассматриваемые лица говорили на армянском, греческом и турецком языках. Судья Зехни отметил «тогда факт, что они не тронули принадлежавшие жертве семь золотых (piasters), часы, багаж или иные личные вещи, по всей видимости, указывает на то, что мотивом преступления не являлась кража и что у преступников была другая цель»⁶. Подозрение в основном пало на грека Кристаки-эфенди из деревни Алакахан в каза Рефахие, который был опознан «по голосу». Однако каймакам Сушехира полагал, что «виновными были армяне или греки из района Эрзинджана»⁷. Армяне Сиваса прекрасно поняли, что это «расследование» представляло собой маскарад со стороны властей с целью скрыть свою роль в убийстве священника, событии, которое при прочих обстоятельствах породило бы беспорядки. Однако никто не удосужился протестовать ни в Константинополе, ни в Сивасе⁸. Эти обвинения, безусловно, были настолько неправдоподобными, что Муаммер

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 716. Шифрованная телеграмма № 47 от министра внутренних дел Талаата в адрес вали Сиваса Муаммера, 8/21 декабря 1914 г. (8 Kanuni Evvel 1330), перевод на французский язык: там же. С. 32.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 23, doc. cit. Источник отмечает, что армянский священник Сушехира сообщил, кого это касается об обстоятельствах убийства. Прелат Сиваса епископ Галекарян немедленно прибыл с визитом к вали, который сказал ему: «У нас нет официальной информации; однако, я незамедлительно сделаю запрос, обращайтесь за ответом»; Капигян Г. Указ. соч. С. 46–47; Егияян Э. Указ. соч. С. 66; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 720. Шифрованная телеграмма от судьи Хюсейна Зехни в казу Сушехир от 20 декабря 1914 г./2 января 1915 г. (20 Kanuni Evvel 1330), перевод на французский язык: там же. С. 36–37.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 718 (original ottoman, № 230). Шифрованная телеграмма каймакама Сушехира Ахмеда в адрес мутесарифа Карахисара, № 230, 2 января 1915 г. (20 Kanuni Evvel 1330), перевод на французский язык: там же. С. 34.

⁴ Там же.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 719. Шифрованная телеграмма мутесарифа Карахисара Хильми в адрес вали Сиваса от 20 декабря 1914 г./2 января 1915 г. (20 Kanuni Evvel 1330), перевод на французский язык: там же. С. 35.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 720. Шифрованная телеграмма судьи Хюсейна Зехни в казу Сушехир, 20 декабря/2 января 1915 г. (20 Kanuni Evvel 1330).

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 728. Шифрованная телеграмма каймакама Сушехира Ахмеда в адрес мутесарифа Карахисара. 25 декабря/7 января 1915 г. (20 Kanuni Evvel 1330); U 729. Шифрованная телеграмма каймакама Сушехира Ахмеда в адрес мутесарифа Карахисара, 26 декабря 1914 г./8 января 1915 г.

⁸ Капигян Г. Указ. соч. С. 48–49.

чувствовал необходимость прибегнуть к более жестким тактикам. Патриарх Завен отчитывается в своих мемуарах, что сразу же после прибытия Саага Одабашяна местные власти обвинили армян в совершении мести, вызвавшейся в том, что они отравили поставленный турецким солдатам хлеб; это обвинение распространилось среди населения, что привело к открытому неприятию армян¹. В ночь с 5 на 6 января у нескольких солдат из бараков Кавакузи появились признаки расстройства желудка. Виновником этого «отравления» сочли хлеб, в котором были синие прослойки, что посчитали доказательством того, что в тесто было подмешано какое-то подозрительное вещество. Незамедлительно прибывший в бараки Ахмед Муаммер заметил, что у армянских солдат не наблюдались этих же симптомов, и пришел к выводу, что случившееся явно было преступлением, которое армяне совершили против турецких солдат. Армянские солдаты сразу же были заточены в подвале барака, в то время как их турецкие коллеги были приведены в состояние боевой готовности; армянские окрестности были окружены вооруженными людьми, а власти призвали турецкое население к действиям в случае «мятежных действий» со стороны армян. Той же ночью обвиненных пекарей арестовали и пытали, чтобы получить от них показания о том, какая из сторон, дашнак или Гнчак, приказала им отравить хлеб для солдат². В течение нескольких часов Сивас превратился в город с осадным положением; пожалуй, дошло бы и до массовых убийств, если бы не вмешался Константинополь и не наложил на них запрет. Исследование, проведенное на следующий день военным врачом Хаси Хусни, д-ром Арутюном Шириняном и турецкими и армянскими фармацевтами, показало, что рассматриваемый хлеб изготовлен из смеси пшеничной и ржаной муки, что привело к появлению в

нем синих прослоек, и который был абсолютно безопасен для употребления в пищу. Затем они отметили, что появившиеся прошлой ночью симптомы исчезли и что никто не отравился³. Тем не менее местная пресса, а вскоре после этого и пресса Стамбула огласили официальную версию событий, согласно которой солдаты были отравлены армянскими пекарями. От этой версии так и никогда не отказались, несмотря на многочисленные призывы к вали со стороны епископа Гнела Галемкаряна⁴. Некий свидетель доложил о найденном в окрестностях Нортара искалеченном теле, которое было выставлено перед городской администрацией на двадцать четыре часа «с целью провоцирования турак против армян»⁵.

Случившееся вскоре после этого событие не улучшило положения армян: 18 января 1915 г. в Сивасе состоялся прием в честь вице-генералиссимуса Энвера, который возвращался с фронта после поражения Османской империи у города Сарыкамыш. Известный Мурад Хримян (Себастаци Мурад), бывший дашнак, который был реабилитирован после провозглашения Конституции⁶, вышел поприветствовать Энвера и побеседовал с ним; министр особо отметил двух членов дашнакского руководства города Сивас — Вагана Варданяна и Ованеса Полдяна, которые проявили большую отвагу во время борьбы, но также он отметил, что войска были слабо подготовлены⁷. Когда же Энверу нанесли визит армянские религиозные и политические лидеры, он также напомнил им о том, что несколькими днями ранее он был спасен лейтенантом Ованесом Агиняном, который вскоре после этого скончался от ран, и добавил, что армянские солдаты сражаются отважно⁸. Эти замечания, однако, не вышли за рамки данного визита вежливости. Как и в случае с другими провинциями, в течение первых нескольких

¹ Егияян З. Указ. соч. С. 66.

² Капигян Г. Указ. соч. С. 49–50; Агуни С. Указ. соч. С. 77–78.

³ Капигян Г. Указ. соч. С. 50–51.

⁴ Там же. Ссылается на газету «Кизил Ирмак»; Агуни С. Указ. соч. С. 25.

⁵ Там же. С. 30; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 23, doc. cit.

⁶ Мурад Хримян (1874–1918), уроженец Говдуна, был с 1907 г. был одним из лидеров АРФ в восточных провинциях. В то время он жил в Говдуне, армянской деревне, располагавшейся недалеко от Хафика, около сорока километров к востоку от города Сивас. Вероятно, именно там Мурад вышел навстречу Энверу.

⁷ BNU/Fonds *Andonian* A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 49, Sébaste, [Себастия и ее деревни], f° 10v°.

⁸ См. выше, с. 249, примечание 7; Капигян Г. Указ. соч. С. 52–53; BNU/Fonds *Andonian* A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 49, Sébaste, doc. cit., f° 10v°.

месяцев войны дашнаки оставались предпочтительными собеседниками для местных властей. Мурад Хримян часто встречался с Муаммером для внесения ясности по поводу «недопонимания» с ним — то есть для сглаживания провокаций. Так, весной 1914 г. он смог договориться с властями о поэтапной мобилизации когорт различного возраста, несмотря на отрицательное отношение со стороны вали к этой идее¹. И все же недоверие с обеих сторон продолжало расти. Как и вали Диарбекира и Трапезунда, Ахмед Муаммер также являлся лидером местной ячейки. И именно по его приказу в ноябре 1914 г. председатель вилайетского суда освободил из тюрьмы Бюнян сто двадцать четыре преступника; они вошли в состав сформированного в последующем подразделения². Армянский источник отметил, что отряд бандитов, сформированный в конце осени 1914 г., изначально проводил операции «в режиме максимально возможной секретности, а затем и в открытую»³. Однако Сивас также являлся городом, через который из западных частей империи переправлялись нерегулярные войска. Например, 10 декабря 1914 г. в Сивас прибыло подразделение из тысячи двухсот преступников, двигавшееся на Эрзурум; турецкое население приветствовало их как героев. Воспоминания армянских сельских поселенцев о прохождении этих людей по указанной местности, наоборот, были гораздо менее приятными, поскольку те творили бесчинства в деревнях указанной долины⁴. Группа Бекира Сами-бея, насчитывавшая восемьсот солдат нерегулярных войска, из которых двадцать офицеров, весь январь провела в деревне Говдун близ города Хафиз, в котором жил Мурад Хримян. Однако эти чете были достаточно осмотрительны, чтобы плохо обращаться с жителями, у которых они были расквартированы, они даже выказывали уважительное отношение к бывшему фидайи, пользовавшемуся большим уважением⁵. Бо-

лее того, перечень отмеченных за данный период времени преступлений мог попросту быть сведен к предыдущему криминальному прошлому этих людей. Сивасский вилайет по-настоящему не начал ощущать влияние войны до момента, последовавшего за неудачным нападением на Сарыкамыш. Так, начиная со 2 февраля армянские деревни на равнине города Сивас были отданы в распоряжение остатков расквартированной здесь 3-й армии. Среди солдат бушевал тиф, который распространился и на жителей этих деревень. Деревни Кизибаса также были вынуждены оказывать помощь в предоставлении продовольствия и крова этим людям. Турецкие же поселения были от этого освобождены⁶. Похоже, что от деревни Говдун потребовали сделать серьезный вклад в обеспечение военной кампании, возможно потому, что здесь жил Мурад. Хотя в данной деревне уже было расквартировано полтора батальона регулярной армии, 30 января из Стамбула на расквартирование прибыл новый отряд чете. Но теперь тон сменился: командующий данным подразделением черкесский офицер сразу же бросился с нападками на Мурада за противодействие «исламу на протяжении двадцати лет» и начал угрожать жителям деревни. Партизан ответил, что единственной целью его борьбы было принятие «конституции», добавив, что «данная деревня не находилась в состоянии переворота»; он призвал к сотрудничеству офицера, ответственного за войска расквартированной в этой деревне регулярной армии. На следующий день, когда Мурад пришел к находившемуся в данном секторе бригадному офицеру просить об отправке обратно этих преступников, ему было сказано, что этот отряд подчиняется непосредственно вали, а не военному командованию⁷. Затем Мурад покинул Сивас с тем, чтобы увидеться с Муаммером; он описал плачевное положение сельских поселенцев данного вилайета, от которых

¹ Ibid., ff. 5v-6.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 497, документ, переданный из вилайета Сивас Административной следственной комиссии, возглавляемой Гасаном Мазхаром.

³ BNU/Fonds *Andonian A.* Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 49, Sébaste, doc. cit., f° 9.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 23, doc. cit.

⁵ BNU/Fonds *Andonian A.* Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 49, Sébaste, doc. cit., f° 11. Среди офицеров, командующих этими людьми, были Муавинли Сидки-бей и Мухеддин-бей, а также д-р Рюшди-бей, который «говорил по-французски».

⁶ Ibid., f° 11v.

⁷ Ibid., f° 12. Это означает, что батальон находился под командованием «Специальной организации».

оказалось, что они смогут прокормить и квартировать тысячи солдат. В своем ответе вали заметил: «Похоже, что армяне недовольны нашими успехами». Иными словами, «успехи» Османской империи — о поражении при Сарыкамыше еще не было объявлено публично — якобы должны были раздражать армян, которые подозревались в выказывании симпатии русским. Мурад принял послание очень отчетливо и сразу же созвал собрание армянских представителей всех конфессий для оценки намерений властей, которые казались настораживающими. Армянские лидеры решили быть бдительными, дабы избегать провокаций¹, которые они уже наблюдали, когда в январе 1915 г. близ дороги между Эрзинджаном и Сивасом были убиты армянские солдаты, отвечающие за транспорт; власти на это не среагировали². Обеспокоенность армян возросла, когда они узнали о том, что 8 февраля деревня Пьюрк, расположенная в казе Сушехир, была разрушена при загадочных обстоятельствах недавно сформированной группой чете, в которую входил Зарали Макио, один из людей, убивших Саага Одабашяна³. Это убийство, в ходе которого было убито несколько человек, было особенно символическим потому, что оно было совершено в деревне Пьюрк, которая во времена Абдул-Гамида являлась центром партизан⁴. Согласно д-ру Хайраняну, военному врачу, получившему образование в Германии, который являлся другом д-ра Пауля Рорбаха, армяне также были обеспокоены и по поводу тех замечаний, которые, как предполагалось, должны были сделать находившиеся в Сивасе немецкие офицеры⁵. Немецкий врач, которого Хайранян попросил обратиться к властям после атаки на Пьюрк, от-

ветил: «Что мы можем сделать? Что я могу сказать? Лучше подумай о том, как умереть с честью»⁶.

Прибытие в первой половине января в долину Сиваса от 1500 до 1700 русских военнопленных дало властям еще одну возможность выставить армян в качестве подозреваемых. От некоторых деревень потребовали предоставить этим русским кров и продовольствие. Восемь человек, которые прибыли в тяжелом состоянии и страдали тифом, умерли в первую же ночь, несмотря на уход за ними со стороны жителей деревни. Тем не менее сопровождавшие этих пленных солдаты противились тому, чтобы похоронить умерших. Армянские поселенцы, которые проигнорировали запрет на захоронение, сразу же были обвинены в мятеже и с ними поступили соответствующим образом⁷. Власти решили сослаться на то, что им не было известно то, что для похорон мертвых, даже если их личность не установлена, требуется совершение христианского похоронного обряда. Однако эти события можно списать на озлобленность, порожденную поражением при Сарыкамыше.

В марте ответственный секретарь КЕП Эрзумли Гани пригласил в Сивас младотурецких членов парламента из Чангири, Харпута и Эрзурума для того, чтобы те выступали перед младотурецкой организацией и в мечетях⁸. Согласно ряду подтверждающих друг друга источников Фазил Берки, представитель от Чангири, заявил: «Истинные наши враги рядом с нами, среди нас — это армяне... которые подрывают основы нашего государства. Именно поэтому мы сначала должны выдворить этих врагов государства»⁹. Эти замечания, основывавшиеся на речи, произнесенной в тот же период Беха-

¹ Ibid., f° 12v. Эта встреча должна была состояться в начале февраля.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 23, doc. cit.

³ BNU/Fonds *Andonian A.* Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 49, Sébaste, doc. cit., ff. 12v-13; Агуни С. Указ. соч. С. 79.

⁴ Там же. С. 80.

⁵ Рорбах был убежденным сторонником немецкого проникновения в Малую Азию и возглавлял ассоциацию, которая способствовала этому; Хайранян был членом этой ассоциации: см. *Dadrian V.* German Responsibility in the Armenian Genocide, Watertown, 1996. P. 114.

⁶ BNU/Fonds *Andonian A.* Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 49, Sébaste, f° 13.

⁷ Ibid; Капигян Г. Указ. соч. С. 55. Автор отмечает, что 300 человек из этих пленных выжили и были переведены в Санасарян-лицей или же в монастырь Святого Ншана, конфискованный военными властями и преобразованный в тюрьму.

⁸ Там же. С. 53; Агуни С. Указ. соч. С. 79.

⁹ Там же; Капигян Г. Указ. соч. С. 53; P.R.O., F.O. 371/6501, dossier d'accusation de l'interné à Malte № 2719, Muammer bey. P. 92.

еддином Шакиром¹, ходили по Сивасу настолько открыто, что священник Галемкарян ощутил необходимость встретиться с вали и попросить разьяснений того, что имелось в виду². Именно здесь впервые проявляется роль ответственного секретаря иттихадистов Эрзрумли Гани-бея. Этот лидер младотурок, уроженец Эрзурума, выучившийся на офицера в Стамбульской военной академии (Харбийе), прибыл в Сивас осенью 1914 г.³. Тут, вероятно, возвращаясь в Стамбул в начале марта 1915 г., он написал лекцию, которую д-р Бехаеддин Шакир читал в клубе иттихадистов⁴. Работа над планом по искоренению армян, Гани сотрудничал с вали Муаммером и его ставленниками: с представителем парламента из Чангири д-ром Фазилем Берки, с представителем из Сиваса Разимом-беем и полковником Али-эфенди, заместителем командира корпусов 10-й армии⁵.

Однако же в марте 1915 г. задачу по организации новых отрядов чете в этом вилайете Муаммер поручил представителю парламента Разиму-бею⁶. Было рекрутировано и снабжено униформой жандармов примерно четыре тысячи чете; они отбирались предпочтительно из курдского населения Даренде, пришедших с Кавказа карапапахов и освобожденных преступников. Две тысячи этих «жандармов» предполагалось направить в Сивас, тогда как остальные должны были отправиться в близлежащие деревни⁷. В тот же период было отмечено резкое количество случаев дезертирства среди армянских новобранцев, которые пострадали от усилившихся случаев насилия и гонений. Духовные училища городов Шифахдийе и Гок были

превращены в места предварительного заключения армянских солдат⁸. Так, к марту уже можно было распознать первые признаки грядущих событий. Наиболее значимым явлением был имевший примерно 15 марта арест семнадцати политических лидеров и учителей в городах Мерзифон и Амасья; среди них были Гагик Озанян, Мимикон Варжапетян и Хачик Адамян, которые немедленно были доставлены в Сивас и интернированы в духовное училище города Шифахдийе⁹. В армянских источниках ничего не говорится о мотивах, которыми власти обосновывали эти аресты, однако отмечается, что аресты политической и интеллектуальной элиты Сиваса продолжались две недели. Якобы случившаяся в столице провинции драка русского офицера послужила основанием для ареста хозяина гостиницы Манука Белеряна, Чолака Амбартцумяна и ареста 28 марта фармаколога и дашнакского лидера Вагана Варданяна и его коллег — Ованеса Паладяна и Арутюна Вартигяна, членов партии Гнча Григора Кара-Манукяна, Мурада Гуригяна и Тиграна Апеляна, а также переводчика данного вилайета Мартироса Габриеляна. Все эти лица были отправлены на встречу с Муаммером, а затем сразу же взяты под арест. 7 мая, по прошествии сорокадневного срока ареста в центральной тюрьме, эти люди были закованы кандалы и направлены в Йене Хан, расположенную на дороге Сивас—Токат—Самсун. Вали Муаммер, ответственный секретарь КЕП, Гани-бей и командир корпусов 10-й армии полковник Пертев присоединились к ним в местечке, именуемом Масадлар Ери, где они допрашивали армянских лидеров об их планах мятежа и количе-

¹ См. выше, с. 224.

² Капигян Г. Указ. соч. С. 53.

³ Bureau d'information du Patriarcat arménien de Constantinople, Liste des responsables des massacres et des déportations: BNU, ms. 289, ff. 27–33, Les responsables de Sivas.

⁴ АРС/ПАУ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 168. Досье Гарни-бея, ответственного секретаря КЕП в Сивасе, родом из Эрзурума. Не надо его путать с Абдул-Гани, ответственным секретарем в Эдирне, обвиненным в 1919 г. Вердикт процесса ответственных секретарей и делегатов КЕП, освобожденных 8 января 1920 г. («Takvim-i Vakayi», № 3772, февраль 1920, с. 1–5).

⁵ АРС/ПАУ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 23, doc. cit.

⁶ R.O., F.O. 371/6500, Turkish War Criminals, dossier d'accusation de l'interné à Malte № 2726, Gani bey. Перепечатано в кн.: Yeghiayan V. Op. cit. P. 105; BNU, ms. 289, ff. 27–33, Les responsables de Sivas.

⁷ АРС/ПАУ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 23, doc. cit.

⁸ Капигян Г. Указ. соч. С. 57.

⁹ BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 6, Amasia, f° 2, свидетельства Елены Бемян; Агуни С. Указ. соч. С. 81; Капигян Г. Указ. соч. С. 58. Эти люди будут убиты в начале апреля в местечке Черчи Дереси, на расстоянии двух часов от Сиваса, на дороге к Кейсари (там же).

стве имеющегося оружия, а затем убили их¹. Обращенные к вали протесты священника Галемкаряна оказались тщетными, равно как и просьбы армейского врача Хараняна освободить задержанных; наоборот, смелое вмешательство Хараняна стоило ему жизни². Но наибольшую обеспокоенность у Муаммеда вызывал Мурад Кримян. В понедельник 29 марта, то есть на следующий день после ареста лидеров Сиваса, вали направил в этот город командира жандармерии Келес-бея в сопровождении отряда. Келес-бей приказал Мураду идти с ним в Сивас, поскольку Муаммер «хотел» видеть его. После дачи

распоряжений о накрытии для своих гостей шикарного стола этот партизан бесследно исчез³. Отправленные на поиски Мурада силы жандармерии арестовали все мужское население деревни Ханджар, в которой, как предполагалось, его укрывали. Затем этих мужчин убили в месте, расположенном в двух часах пути к востоку от указанной деревни, в каньоне Сейфе⁴. Этот погром, имевший место в начале апреля, ознаменовал конец первого этапа операций, главной целью которых стала политическая элита Сиваса и призывной контингент из этого города.

Депортации и массовые убийства в санджаке Сивас

В 1914 г. армянское население санджака одного лишь города Сивас насчитывало 116 817 человек. Эти армяне проживали в широка шести городах и деревнях⁵. В Сивасской казе насчитывалось тридцать семь городов и деревень с общим армянским населением, равным 31 185 человек, из которых почти двадцать тысяч проживали в столице данного региона⁶. Пожалуй, демографические соображения объясняют, почему первые операции, целью которых было отслеживание дезертиров и сбор оружия, были начелены лишь на долину Халис/Кизилирмак, с акцентом на деревни северной части этой долины. Более того, в начале апреля 1915 г. власти предприняли все меры, необходимые для полного прерывания связей и сообщения между Сивасом и близлежащими деревнями: «никто не знал, что про-

исходит, даже в деревне, расположенной в одном часе пути⁷.

Мы располагаем информацией об одном из батальонов чете, созданном по инициативе Муаммера, которым руководили Кутушоглу Гусейин и Харали Магир — убийцы отца Саага Одабашяна⁸. Этот батальон проводил свои операции в окрестностях долины Кизилирмак начиная со 2 апреля⁹. Его задача заключалась в аресте не призванных на военную службу подростков, деревенских священников, школьных учителей и выдающихся жителей деревень. Согласно армянским источникам, эти операции сопровождались грабежами, изнасилованиями и убийствами, после чего имело место перемещение арестованных мужчин в Зару/Кошисар или в Сивас. Некоторые из этих людей были убиты в каньоне Сейфе или в районе моста Бо-

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 23, doc. cit.; Агуни С. Указ. соч. С. 81–82; Капигян Г. Указ. соч. С. 59–60. Город узнал об этих убийствах от греческих лесорубов, которые работали рядом с тем местом, где было совершено массовое убийство. По сведениям Лусабер Погосян, жены муниципального врача, именно Гани приказал арестовать двенадцать видных деятелей из Сиваса и организовал их казни: R.O., F.O. 371/6500, Turkish War Criminals, R.O., F.O. 371/6500, Turkish War Criminals, dossier d'accusation de l'Interné à Malte № 2726, Gani bey. Перепечатано в кн.: Yeghiayan V. Op. cit. Pp. 104–105.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 23, doc. cit.

³ BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 49, Sébaste, f° 13v, [«Sébaste et ses villages»]; Агуни С. Указ. соч. С. 82–83; Капигян Г. Указ. соч. С. 62–63.

⁴ Там же. С. 64.

⁵ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 233; Karpat K. Op. cit. P. 178. Автор полагает, что число армян в санджаке составляло 82 915 человек.

⁶ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 235; Капигян Г. Указ. соч. С. 64.

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 23, doc. cit.

⁸ См. выше, с. 483.

⁹ BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 49, Sébaste, f° 14, «Sébaste et ses villages»; Капигян Г. Указ. соч. С. 67.

газ; другие же были интернированы в город, в духовные училища городов Шифахдийе и Гок¹. Также нам известно, что в этой долине проводил операции батальон жандармов под командованием Али Сксерифа-бея. Именно они убивали людей в деревнях Хорасан и Агдк, расположенных в окрестностях Кошисара. Жители этих деревень были убиты в каньоне Бунаг². Вполне возможно, что в рамках этих майских и апрельских операций четырем тысячам чете, останавливавшихся по всей территории этого санджака, давались аналогичные задания в иных районах. В окрестностях Сиваса, на берегу реки Кизилирмак, в местечке под названием Паса Кайири даже стоял отряд, превратившийся в лагерь для пыток заключенных, интернированных в столицу этого региона³.

До мая 1915 г. на армян Сиваса по-настоящему не нацеливались. Одна из первых предпринятых мер затронула армянских работников почтовой и телеграфной службы: соответствующий министр дал по телеграфу указание, призывающее к их немедленному увольнению⁴, после чего эта же мера коснулась и всех армянских гражданских служащих, таких как муниципальные врачи и фармакологи, жандармы и т.д.⁵. Монастырь Святого Ншана перешел под полный военный контроль. Наконец, власти приказали населению сдать свое оружие под угрозой осуждения военным трибуналом. По просьбе вали священник Гнел Галемкарян на воскресной службе призывал свою паству слушаться приказов правительства. Армяне и турки сдали свое оружие, так как для вида этот декрет касался всего населения. Разумеется, Муаммер использовал недостаточное сотрудничество армян в качестве оправдания начала кампании массовой кон-

фискации имущества, что, в свою очередь, привело к арестам знатных людей города. Одним из первых заключенных стал известный сивасский ремесленник Мкртич Норхадян⁶. Правительственная пропаганда обрела теперь более резкий тон. Власти начали выкладывать на всеобщее обозрение сданное армянами оружие; к общей куче они добавили и боевое оружие, а затем сфотографировали. Вали направил в Высокую Порту отчет, в котором обвинял армян в измене⁷.

Также имеются отчеты о собрании, проведенном в Сивасе в мае. На нем присутствовала турецкая знать и черкесские и курдские руководители (из казы Кочкири), которые вали дал указания по поводу обращения с армянским населением. После очернения армян на протяжении нескольких недель ситуация, похоже, обострилась до перехода к стадии практического истребления. Турецкий либерал Эллез-заде Халил-бей сказал одному из своих армянских друзей: «Ты даже представить не можешь, что они собираются сделать с вами»⁸. Среди армян эти слухи породили молву о том, что по каждому кварталу города были составлены «черные списки» с именами жителей, которых следует арестовать в первую очередь. Казалось, будто этот общий список был составлен путем совмещения материалов из трех источников: правителей различных соседних районов, объединений ремесленников, которых организация иттихадистов попросила предоставить имена, и полиции. Были обысканы организации партии Гнчах и партии Дашнакцутюн, а их архивы — конфискованы⁹. До самого конца мая по всему вилайету проводились аресты, которые затронули от четырехсот до пятисот человек¹⁰. Наконец, имеются указания на то, что в кон-

¹ Ibid.

² Ibid. P. 68.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 70.

⁶ Ibid. Pp. 70–71.

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 23, doc. cit.

⁸ Капигян Г. Указ. соч. С. 76.

⁹ Там же. С. 77–78.

¹⁰ BNU/Fonds *Armenian A. Matériaux pour l'histoire du génocide*, P.J.1/3, liasse 49, Sébaste, f° 14v, «Sébaste et ses villages». Многочисленные шифрованные телеграммы от 2, 3 и 4 мая 1915 г. о числе армян, арестованных в районе Сиваса, которые теперь удерживались в Иерусалиме: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 457; существует также список, заранее подготовленный комиссией, утвержденный вали [Сиваса] и подписанный капитаном Фазилем, включавший сто шестьдесят армян, которые были депортированы в ночное время к месту, где они были убиты: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 440.

мая — начале июня Муаммер совершал обездвиженный проезд каз данного вилайета, в особенности Мерзифона¹ и Токата².

Первыми жертвами этой фазы операции здесь также стали люди, которые были более всего вовлечены в местную политическую и социальную жизнь, или же те, кто был связан с иностранными учреждениями, такие, как например, врачи армянской больницы или учителя в Мерзифонском отделении колледжа Анатолии. Так власти постарались изолировать эти учреждения: они постепенно девизировали их здания, а затем вынудили миссионеров покинуть этот район³. 15 июня было публично повешено двенадцать человек. Повешенными были политические активисты, четверо дезертиров из Диврига и люди, обвиненные (очевидно, незаконно обвиненные) в совершенном несколько лет тому назад убийстве⁴. Этот спектакль был разыгран незадолго до начала систематических операций, проводившихся полицией и жандармерией, которые начались в среду 16 июня 1915 г. В этот день на рабочих местах или в домах было арестовано и интернировано в центральную тюрьму или в камеры духовных училищ городов Шифахдийе и Гок от трех до трех с половиной тысяч человек⁵. Среди них были учителя из лицеев Арамяна и Санасаряна, в том числе Мигран Мелирян, Мигран Чукасезян, Агоп Мнджулян, Гайк Срапян, учитель американской средней школы Микаэль Френгилян, Аветис Самерян, Григор Гдигян и Сеник Балиозян из иезуитской средней школы, а также члены епархиального совета, включая ведущих членов — Воксана Аслана и Беньямина Топалаяна, персонал благотворительных орга-

низаций, политические активисты, врачи, фармакологи и все те, с кем считались в Сивасе, как, например, офицеры полиции Ара Балиозян и Мкртич Буджаджян, инспектор Серопе Одабашян, юрист Мкртич Поладян, работник отделения телеграфной службы Арам Агинян, городской архитектор Ованес Френгилян, фотограф Х. Энкабабян и бывший переводчик французского консульства Манук Ансурия⁶. Эрнест Партридж отмечает, что не было предоставлено никаких доказательств вины этих людей, они ниогда ранее не осуждались, и никто не знал, почему власти арестовали их. Вали неоднократно уверял американского министра, что «они будут освобождены и отправлены к своим семьям»⁷. Американскому священнику было дано более оригинальное объяснение: Муаммер сказал ему, что он заключил этих людей под стражу для того, чтобы защитить от возможности массового убийства, так как «тюрьма — самое безопасное место» для них. Он также посоветовал священнику не вмешиваться в эти дела, поскольку тот еще не сталкивался с армянами из Сиваса и лишь он, вали, знает «насколько опасным элементом они являются»⁸.

За первой операцией последовала вторая волна арестов, начавшихся 23 июня, которая привела к задержанию около тысячи человек. Всего в центральную городскую тюрьму и камеры духовных училищ было заточено около пяти тысяч человек⁹. Аналогичные операции были проведены во второй половине июня в Токате, Амасье, Мерзифоне, Зиле, Никсаре, Хереке и других городах: задержанные люди были немедленно убиты на окраинах своих селений¹⁰. Однако в Сивасе

¹ P.R.O., F.O. 371/6500, Turkish War Criminals, dossier d'accusation de l'interné à Malte № 2719, Muammer bey. Перепечатано в кн.: *Yeghiayan V.* Op. cit. Pp. 93–95, свидетельство Арусяка Искяна.

² «Как был убит лидер Токата, отец Шаварш Саакян», «Жоговурд», № 41, 13 декабря 1918 г. С. 1 (на арм. яз.).

³ Liliane Sewny, an American who was married to an Armenian doctor, wrote about this to James Barton, 10 March 1916: *Toynbee A.* The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, 1915–1916. P. 336.

⁴ Агуни С. Указ. соч. С. 86.

⁵ Там же. С. 87; Капигян Г. Указ. соч. С. 79; BNU/ Fonds *Andonian A.* Matériaux pour l'histoire du génocide, P. J. 1/3, liasse 49, Sébaste, f° 179, «Обвинительный рапорт о вилайете Себастьян»; «Sébaste et ses villages». Согласно данным пастора Эрнеста С. Партриджа, директора американской миссии в Сивасе, «вали ему обещал хорошо относиться» тогда к жителям от полутора до двух тысяч (письмо Эрнеста С. Партриджа от 13 июля 1915 г.: см.: *Toynbee A.* The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, 1915–1916. P. 326), однако он не располагал описями патриархата.

⁶ Ibid. P. 87; Капигян Г. Указ. соч. С. 79–81.

⁷ Эрнест С. Партридж от 13 июля 1915 г.: см.: *Toynbee A.* The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, 1915–1916. P. 326.

⁸ Капигян Г. Указ. соч. С. 82. Автор отмечает, что большинство полицейских были из Румелии.

⁹ Там же. С. 85.

¹⁰ Там же. С. 86.

се Муаммер, по-видимому, предпочел другой метод: как мы увидим ниже, к счастью пленников, в начале августа они были лишь депортированы по указанию самого Муаммера. Армянский национальный госпиталь Сиваса, который отдал в распоряжение армии 150 коек и играл важную роль в борьбе с эпидемией тифа, несмотря на свою значимость, подтвержденную на практике, был конфискован властями, а большая часть его персонала была арестована¹ и вскоре после этого убита.

В материалах досудебного расследования Гани-бея, ответственного секретаря КЕП в Сивасе, упоминается о поездке, которую тот совершил в Стамбул во второй половине июня 1915 г. с целью участия в координационном совещании с коллегами и других вилайетов². Мы не располагаем более подробной информацией касательно того, какие инструкции были даны представителем иттихадистской организации, однако логично предположить, что они касались депортаций, начавшихся в многочисленных населенных пунктах в начале июля.

Первыми были депортированы жители деревень, расположенных в верхней части долины Кизилирмак, в казах Кошисар и Кошкири. Они были отправлены в путь во второй половине июня до официальной публикации декрета о высылке. Здесь, как и везде, сначала арестовали и убили подростков и взрослых, после чего женщины и дети были отправлены на юг. К 29 июня депортация поселенцев из долины Кизилирмак была завершена³.

Официальный приказ о депортации не был обнаружен до конца июня, если быть точным — до 30 июня⁴. 1 июля Ахмед Муаммер вызвал первосвященника ортодоксальной армянской церкви, священника Галемкаряна, а также его коллегу, католического священника Левона Кечаряна с тем, чтобы

проинформировать их о том, что первый конвой должен покинуть город в понедельник 5 июля и держать курс на Месопотамию. В присутствии Галемкаряна вали обосновал эту меру тем, что армяне жили «шестьсот лет под славной защитой Османской империи и пользовались терпением султана, что позволило им сохранить свои язык и религию и достичь такого уровня процветания, что «торговля и ремесло оказались полностью в их руках». Наконец, Муаммер отметил то, что если бы не его бдительность и предпринятые заблаговременно действия, «разгорелся бы мятеж и вы — не приведи Господь — нанесли бы удар по тылам Османской армии»⁵. Такой насыщенный исторический экскурс, безусловно, отражал господствовавшее в то время в среде младотурок отношение, равно как и лейтмотив официальной пропаганды.

Армянские источники описывают отчаянные попытки некоторых армянских женщин увидеться с вали и турецкими высокопоставленными лицами Сиваса, которые советовали им сменить свои взгляды, пока «этот шторм не разрушил все». Не более чем несколькими десяткам ремесленников было бы позволено остаться в городе после того, как они согласились бы обратиться в мусульманство. В любом случае такая возможность избежать депортации пусть вкратце, но непременно обсуждалась⁶ задержанными, которые свели эти обсуждения к семейному кругу, как только поняли, что появилась такая полуофициально анонсированная соблазнительная возможность. В воскресенье 4 июля в костеле была проведена последняя служба, по завершении которой священник передал ключи от этого здания вали, который отказался их принять⁷. Со слов Г. Капигяна, который с некоторой проницательностью наблюдал эти события, Муаммер искусно воспользовался этим общим отчаянием для того, чтобы пустить слухи о том, что эти анти-

¹ Там же. С. 89.

² P.R.O., F.O. 371/ 6500, Turkish War Criminals, dossier d'accusation de l'interné à Malte № 2726, Gani bey. Перепечатано в кн.: *Yeghiayan V.* Op. cit. P. 103.

³ BNU/Fonds *Andonian A.* Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 49, Sébaste, f° 178v; «Обищательный рапорт о вилайете Себастья, Аленпо, 27 февраля 1919 г.; Капигян Г. Указ. соч. С. 90–91.

⁴ BNU/Fonds *Andonian A.* Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 49, Sébaste, f° 179, «Dossier d'accusation-rapport sur le vilayet de Sivas», doc. cit.

⁵ Капигян Г. Указ. соч. С. 91–92. Также среди лиц, созданных вали и присутствовавших на этой сцене, были Хачатур Тандерджян, Каралет Шагинян и Мириджян Одабашян, а также депутаты парламента Ходжа Эминджедип и Расим, командующий жандармерией Халил Рифат, начальник полиции Рифат: Воспоминания Гнела Галемкаряна, изд. Аракемом Патриком, II, Нью-Джерси. С. 11–12 (на арм. яз.).

⁶ Там же. С. 95–96.

⁷ Там же. С. 98.

армянские меры носят временный характер, даже позволил депортированным надеяться на обратное возвращение. Все указывало на то, что Муаммер до последнего момента опасался, что армяне могут восстать к революции, даже несмотря на то, что наиболее видные члены их общества уже были за решеткой. Как и в Элязыге, армяне старались передать свои самые ценные вещи на хранение американским миссионерам, в особенности д-ру Кларку и Мэри Граффман, но полиция ограничила им такую возможность, перекрыв вход в здание американской миссии. Также по приказу Муаммера были заморожены, а затем конфискованы средства, хранившиеся в Банке Османской

империи. Вали рекомендовал армянам зарегистрировать свое имущество и передавать на хранение костелу, который к тому времени превратился в склад. Однако же многие армяне предпочли зарыть свои сбережения. Ко всему прочему стоит добавить, что власти заранее запретили продажу движимого имущества; это постановление в целом соблюдалось¹. Иначе говоря, имущество армян было полностью передано комиссии, уполномоченной им «управлять». Наконец, стоит отметить, что незадолго до отправки первого конвоя в районе Шабин Карахисара расположились три полка под командованием Неседа-паши для подавления организованного здесь восстания армян.

Депортация из Сиваса пяти тысяч восьмисот пятидесяти семей

В период с понедельника 5 июля по воскресенье 18 июля в четырнадцати конвоях из Сиваса было депортировано 5850 армянских семей, с периодичностью один конвой в день, причем в каждом караване в среднем насчитывалось по четыреста домохозяев². Эта операция проводилась от округи к округу, даже от улицы к улице, в порядке, предполагавшем депортацию более зажиточных семей в первую очередь, а самых бедных семей — в последнюю. Однако было позволено остаться примерно семидесяти домохозяевам ремесленников, девяти студентам Санасарянского лицея, учителю сына вали К. Кояняну, преподававшему игру на виолончели, четырем врачам — Арутюну Шириняну, Гарегину Суни, Н. Баендеряну и Гозмазу Мессияяну; восьмидесяти сиротам швейцарского детского дома, трем офицерам (Тиграну Кийюмджяну, Вардану Парунагяну и Вардану Телаляну), фармакологам Ованесу Мезяляну и Арташесу Айвазяну, а также

примерно четырем тысячам новобранцев из этого района, которые были направлены в рабочие батальоны³. Жителям расположенной возле города деревни Тавра также было позволено временно остаться, поскольку те были мельники, снабжавшие город и армию мукой. То же самое касается и крестьян из Пркеника, Улаша и Тетмадж, которые снабжали этот вилайет пшеницей⁴.

Утром 5 июля с балкона своей резиденции Муаммер наблюдал за отправкой первого конвоя. Большая толпа с очевидным удовольствием наблюдала за этим действием, восклицая: «Нахлебники уезжают». Мост, известный как Скрученный Мост, послужил в качестве отправной точки: стоявшие на нем правительственные служащие записывали в отдельные списки имена мужчин, женщин, мальчиков и девочек⁵.

Первой предпринятой вали мерой была отправка эскадрона Специальной организации к оврагу Йирихи Хан, на другую сторо-

¹ Там же. С. 100–101.

² Там же. С. 103–104. 5 июля — четыреста семей из Кучук Бенгилер; 6 июля — пятьсот семей из Бююк Бенгилер; 7 июля — пятьсот пятьдесят семей из нижнего квартала Бююк Бенгилер, а также протестантская община и мужчины и женщины, являвшиеся студентами американской средней школы; 8 июля — четыреста пятьдесят семей из Бююк Бенгилер, а также католической общины; 9 июля — четыреста семей из окрестностей Хогтан и Ард; 11 июля — триста пятьдесят дворов из Козе Дере и Давшан Баир; 12 июля — четыреста семей из Пекмез Джюкак и Блейентс; 13 июля — четыреста семей из Кайсери Капы, Адже Махале и Чавуш-паши; 14 июля — триста пятьдесят семей из прихода Св. Саркиса; 15 июля — четыреста семей из Карод Джюк, Дзадзуг Агхпюр, Святого Спасителя, Ганлы Багдже, Гасанлы, Тайкесенс и Хин Паси; 16 июля — пятьсот дворов из квартала вокруг собора, Хендек Кенар, Гуршунлу и Дживани Дзаг; 17 июля — двести пятьдесят семей из Эрмени Махале; 18 июля — четыреста семей из Сари Шейх, Балдир Пазар и Сев Хогх.

³ Там же. С. 104–105.

⁴ Там же. С. 106–108. Они будут убиты после уборки урожая.

⁵ Там же. С. 108–110.

ну реки Кизилирмак. Эта группа, названная «Комиссией безопасности», возглавлялась главой черкесов из Узуныялы Эмирпасоглу Гамидом, командующим отрядами бандитов и помощником Муаммера Халил-беем, Бекаканоглу Эдемом, Кутушоглу Гусейном, который говорил по-армянски и был самым осведомленным насчет армян Сиваса, а также Тутнчи Гаджи Халилом. Задача этих бандитов состояла в том, чтобы выделять из конвоя людей, особенно молодых, и убедиться в том, что депортируемые оставили все деньги и ценности. Первую группу депортируемых они обыскали даже до того, как их отправили в путь¹. Все конвои депортируемых из Сивасского санджака проходили примерно по одному и тому же маршруту и всех ждала одна и та же участь. Эти депортации производились по маршруту, который пролегал через Сивас, Тесирчан, Манагу, Кангал, Алакахан, Котихан, Насанцелеби, Некимхан, Насанбадриг, Азури Язи, мост Крик Гоз, Фиринцилар, Зейдаг и Гергердаг (горы Канли Дер, где официально правили курдские правители племени ресван — Зейнел-бей и Гаджи Бедри-ага), далее маршрут вел к Адьяману и Самсату, пересекал Евфрат возле Гозена и пролегал через Сурук, Урфу, Варансегир и Рас-эль-Айн или по дороге на Мосул, либо по дороге, ведущей обратно в Алеппо через Баб и Мумбик. Немногие уцелевшие, о которых известно, достигли Хамы, Хомс, или же наименее удачные — Ракка или Дер-Зор². Ниже подробно описывается судьба, которая постигла одиннадцатый караван, отправившийся из Сиваса 15 июля. Караван этот состоял из четырехсот семей из Карод Соака, Даадзуг Агхпьюра, Холи Савьора, Ганли Багше, Гасанли, Тайкесенс и Хан Паси. Среди них была и семья Карапета Капигяна, привилегированные очевидцы событий, о которых стало известно в Сивасе. Капигян, бывший активист партии Гнчак, долгое время жил в Стамбуле и был одним из тех немногих людей в возрасте за сорок, которые все еще были «свободны». Эскортом жандармов командовал Али Кавус, турок, который был хорошо известен определенному числу депортированных³. Будучи впервые обысканными на окраинах Сиваса, депор-

тированные продолжили свой путь через селения Марага и Кангал, армяне из которых к тому времени уже были депортированы. Однако Капигян отмечает, что банкир из Сиваса Гхазар Тандерян, ушедший в первом конвое, смог остаться в Кангале и вернуться ко всей своей семье. В поле у этой деревни, которое служило в качестве лагеря, депортированные из Сиваса встретили два каравана, которые пришли днем ранее из Самсуна, Мерзифона, Амасьи и Токата. Та скудная информация, которую они выудили у этих депортированных, подтверждает, что то же самое происходило и в их городах. Стоит, однако, отметить, что по приказу командира бандитских отрядов Халил-бея из этих конвоев были выведены все лица мужского пола старше восьми лет и убиты в Саркисле поселенцами турками и черкесами. Перед тем как конвой ушел, Капигян видел, как прибыла бригада армянских солдат-рабочих, которым было поручено взорвать церковь в Кангале⁴.

24 июля одиннадцатый конвой из Сиваса прибыл к оврагу Йирихи Хан, расположенному за деревней Алакахан. Как и предыдущие группы, этот караван не проходил через место досмотра, где их ожидали бандиты под командованием Эмирпасоглу Гамид-бея. Гамид сразу же приказал всем мужчинам выйти из конвоя и построиться в линию перед ханом, так как тот желал к ним обратиться с речью. Его замечания, по словам Капигяна, заслуживают непродолжительного молчания. Очень вежливо этот лидер преступников извинился за то, что они не смогли уберечь эти дороги «от постоянных набегов курдских дикарей». Именно из-за этих атак он здесь появился, так как правительство «всегда радуется о вашем благополучии» и именно поэтому оно отправило «Комиссию безопасности» к оврагу Йирихи Хан и предоставило ему полномочия зарегистрировать и переписать на имена депортированных все имеющиеся у них с собой золото, деньги, драгоценности и иные ценные вещи: «Все, что у вас имеется». Гамид-бей пообещал, что эти вещи будут возвращены их владельцам, как только конвой достигнет Малатья. И менее дружелюбным тоном он

¹ BNU/Fonds *Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 49, Sébaste, f° 179r°-v°*, «Dossier d'accusation-rapport sur le vilayet de Sivas», doc. cit.

² *Ibid.*, ff. 179v°-180v°; Капигян Г. Указ. соч. С. 115–120.

³ Там же. С. 115–127.

⁴ Там же. С. 129–133.

предупредил, что периодически будут проводиться личные досмотры и что любой, кто попытается спрятать даже мелкую монету, будет застрелен на месте. Капигян отмечает, что еще до того, как эта группа растворилась в толпе, на поляну галопом на лошади ехал «жандарм» и объявил, что конвой из Самсуна, выехавший этим утром, был атакован курдами, которые обыскали депортированных и убили несколько человек. Это постановочное шоу, имевшее своей целью продемонстрировать депортированным те опасности, которые поджидали их в окрестностях Йирихи Хан, с трудом могло убедить депортированных, и, по словам Капигяна, это скорее озадачило их¹. Как при таких условиях им следовало спрятать свои сбережения — средства, являвшиеся гарантией их выживания? Очевидно, что все депортированные или, по крайней мере, те, у кого имелись средства, были озадачены этим вопросом. В этой любопытной игре, заключавшейся в том, чтобы избавить депортированных от их пожитков и тем самым лишить средств существования, жертвы и их палачи стояли лицом к лицу. Капигян перечисляет улики, которыми прибегали армяне: одни глотали монеты, другие прятали драгоценности в детях, в то время как прочие поспешно закапывали свои кошельки. В этот момент просьба правительства исчезла. Чете перешли к систематическим личным обыскам депортированных. Уже умудренные опытом, они лучше своих жертв знали различные способы утаивания монет и драгоценностей. Угрозы, шантажа и насилия было достаточно для того, чтобы заставить передумать депортированных, которые пытались придержать хоть что-то из своих пожитков, чтобы быть в состоянии продолжить свой путь.

Так, «Комиссия безопасности» выступала в качестве прикрытия для официального грабежа депортированных перед тем, как их отдавали в руки мародерам. Иначе говоря, система, приведенная в действие Муаммером и Йирихи Хан, была задумана для того, чтобы обеспечить переход львиной доли богатств депортированных к иттихадистской партии прежде, чем те депортированные попадали в руки чете или мобилизованных крестьян на всем пути следования конвоя. Официальным органам КЕП, однако, в вопросе рекрутиро-

вания предстояло решить проблему бестактности и алчности «гражданского населения», которое выступало в качестве официальных механизмов отчуждения имущества армян. Этим объясняется необычный формализм, свойственный операциям, в ходе которых депортированные обдирались до нитки, и тот факт, что это обычно было на руку приближенным к вали лицам, которые, как правило, контролировали ход таких операций. Капигян отмечает ту тщательность, с которой комиссия зарегистрировала имущество депортированных, подсчитывая и пересчитывая наличные деньги и очень подробно описывая их драгоценности.

Однако этот формализм давал возможность применять силу к вызываемым одному за другим главам семейств. Мужчины редко выступали в качестве таковых, чаще перед возглавляемой Гамидом-беем комиссией являлись именно женщины — чтобы оставить свои сбережения. Им систематически говорили, что они отдали далеко не все, чем владеют, и для пущей убедительности комиссия прибегала к битью дубинками, в результате чего у депортированных находились еще какие-то ценности. Комиссия работала намного лучше оттого, что ее члены лучше знали жертв, были осведомлены о позиции, которую те занимали в обществе и, соответственно, имели более ясное представление об имеющихся у них средствах. После этого ритуала, который длился несколько часов, чете проводили обыски членов конвоя, вплоть до обыска самых интимных частей тела. На последнем этапе этой операции знатных людей, избжавших облав в городе, вывели из конвоя и бесцеремонно убили². Сделанное Капигяном краткое описание текущего и последующего конвоев демонстрирует, что всегда применялась одна и та же процедура.

Когда конвой достиг Коту Хан на границе между вилайетами Сиваса и Мамурет-эль-Азиз, конвой был распущен. На место турецких жандармов прибыли курдские жандармы. По словам Капигяна, обычного количества кувшинов вина было недостаточно для того, чтобы удовлетворить новый конвой и убедить его вступаться за депортированных в случаях, когда местные жители во время прохода армян по их территории пытались

¹ Там же. С. 139–141.

² Там же. С. 142–149. Капигян отмечает, что председатель комиссии предоставил колонне «исключительную амнистию», ни один мужчина из этой колонны не погиб (там же. С. 149).

разжиться ценностями или похитить какую-нибудь девушку. Однако вмешательство муллы помогло обуздать их аппетиты: местные зарабатывали на продаже свежего провианта, отпускавшего по явно завышенной цене¹.

Лишь после того, как они достигли Гасаншелеби в северной части санджака Малатья, конвой стали систематически подвергать децимации. Теоретически это был 30-часовой поход из Сиваса в Гасаншелеби, но одиннадцатому конвою из Сиваса понадобилось не менее пятнадцати дней на то, чтобы совершить этот переход, что говорит о том, что отдельные этапы этого пути не были долгими и, пожалуй, были по силам даже для пожилых людей. Более того, во время первого этапа данного пути человеческие жертвы сводились к лицам, убитым в Йирихи Хан. Все обстояло так, словно прежде, чем приступить к этапу истребления депортированных в настоящем смысле этого слова, их было решено вывести из родного санджака: все было так, будто местные власти желали возложить вину за запланированные убийства на гражданских служащих соседнего региона или на курдское население, которое систематически выступало в роли «паршивой овцы».

Гасаншелеби был заведомо выбран в качестве места для систематического истребления всех лиц мужского пола из конвоев, шедших из Самсуна и каз Сивасского вилайета. Преимущество данной долины, тянувшейся от расположенной на ее окраине деревни, заключалось в том, что она проходила между высоких гор: депортированные лица из конвоев, прибывавших в предыдущие дни из Самсуна, Токата, Амасьи, Сиваса и примыкающих к ним сельских окраин, скапливались в расположенном в этой долине лагере в огромном множестве. В неописуемом хаосе эти группы останавливались в двух различных районах. Курдские бандиты из всей этой массы выбирали детей, подростков, взрослых и стариков. Этот контингент малыми группами выprovождался из лагеря и вскоре интернировался в места, служившие в качестве тюрем. Со слов Капигяна начальство лагеря дало вновь прибывшим

день передышки, то есть время, которое им требовалось для того, чтобы разгрузить свои повозки и установить палатки. Именно так обращались с примерно тремястами людьми из одиннадцатого конвоя из Сиваса². Указанная процедура здесь тоже была доведена почти до автоматизма. Каждую ночь арестованные утром люди выводились из конюшни, вызывались по двое и препровождались к месту в овраге, расположенному за холмом. Здесь палачи убивали своих пленников ножами или топорами, а тела сбрасывали с холма. На следующее утро приводили новых арестантов и так далее. По оценке Капигяна в Гасаншелеби было убито более четырех тысяч лиц мужского пола из четырнадцати конвоев из Сиваса. Тем не менее мальчиков до десяти лет не тронули³.

Реверенд Бауернфейнд, покинувший свою миссию в Малатье 11 августа, прибыл в Кирк Гёз на рассвете того же дня⁴ и прекрасно понял «почему наши наставники-проводники хотели любой ценой достичь Гасаншелеби до наступления полуденной жары. Вонь от трупов, которая слишком хороша нам знакома, — около сотни, или, возможно, более чем сотня отдельных и массовых захоронений слева и справа, трупы в которых были настолько неглубоко закопаны, что тут то там из земли виднелись отдельные части тел. Далее нет могил, но есть трупы мужчины, женщины и дети плотной вереницей лежали вдоль дороги, в пыли, в ломотях или голые, в ужасном состоянии, и тела уже начали разлагаться. В четырех часах пути от Гасанбадрига (примерно в двадцати километрах) мы насчитали сто трупов. Не стоит и говорить, что в этих местах много долин, и наши взоры не достигли многих трупов». Дальше на север, недалеко от Хекимхана, Бауернфейнд снова увидел трупы: «как правило, снова по парам лежали трупы мужчин — в состоянии, непременно дающем повод думать, что они умерли насильственной смертью. Поскольку эта местность имела неровный рельеф, мы не могли видеть остальное множество трупов, но мы чувствовали их вонь». Последующие наблюдения, сделанные немецким министром, который пошел по иному маршруту, нежели маршрут

¹ Там же. С. 163–166.

² Там же. С. 173–178.

³ Там же. С. 179–201. Автор перечисляет имена сотен людей из города Сивас, которые были казнены в Гасаншелеби.

⁴ *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 308, journal du 11 août.

конвоев, подтверждают, что за пределами Гасаншелеби к депортированным насилие было не применяться¹.

Хекимхан — следующая остановка — вероятно всего служил в качестве места для сокращения избытка лиц мужского пола, которым удалось избежать участи быть убитыми в Гасаншелеби². В свою очередь, пересыльный лагерь, расположенный дальше на юг близ моста Кирк Гёз над водопадом Токма, где секретарь жандармерии Малаты Таяр-бей руководил операциями отряда «переедетых в жандармов»³, предназначался для регулирования потока конвоев, прибывавших сюда из района побережья Черного моря, Эрзурума и северной части Эрпута. Это, несомненно, объясняет, почему власти назначили сюда «Sevkiyat Memuri» (директора по вопросам депортации)⁴. Начиная с этого места конвои из Самсуна и различных каз Сиваса следовали по тому же маршруту, что и остальные, и разделяли ту же судьбу.

Депортированные из Сиваса, равно как и их соотечественники из других регионов, также скапливались в многолюдном лагере в Фиринциларе, являвшемся одним из основных полей для убийства, выбранным «Специальной организацией». Этот лагерь контролировался Гаджи Балаш-заде Мехмедом Хури-беем, парламентским представителем из Дерсима, и его братом Али-пашой⁵. Как и в случае с другими группами, власти исключили мальчиков до десяти лет и девочек до пятнадцати лет из конвоев с тем, чтобы отправить их в Малатю, где они сразу же были убиты⁶. Капигян, выживший в этом лагере благодаря тому, что переоделся в женщину, подтверждает плачевное состояние этих изгнанников, которые ослабели за время перехода, лишились транспортных средств и распрощались со всеми своими пожитками в результате многочисленных актов мародер-

ства, которым они подвергались⁷. Именно в Фиринциларе депортированные из Сиваса лишились транспортных средств, которые, согласно официальной формулировке, были конфискованы реквизиционной комиссией для удовлетворения нужд армии⁸.

Здесь Капигян наблюдал за прибытием караванов с побережья Черного моря, в частности из Кирасона, Орду и Каршамбы, а также из деревень Шабин Карахисара. Они были в более плачевном состоянии, так как женщины — в этих группах не было ни одного мужчины — весь путь прошли пешком. Фиринцилар также служил в качестве места захоронения самых пожилых депортированных, которые были не в состоянии продолжить путь, а также малых детей, которых оставили их матери, ибо больше не могли их нести⁹.

Конвой Капигяна покинул Фиринцилар 18 августа, как раз перед самым прибытием третьего каравана из Эрзурума. Все группы выдвинулись на горную тропу, известную как Нал Токен («та, что заставляет подковы слетать»), а затем пошли в соответствующим образом названный овраг Канли Дерек («кровавая долина»), где их ожидали два курдских вождя племени ресван — Зейнельбей и Гаджи Бедри-ага вместе со своими отрядами бандитов¹⁰. С депортированных по очереди снимали всю одежду и отбирали последние ценности. Все те немногие мужчины, которые еще находились среди них, были убиты, а самых привлекательных девушекек и молодых женщин увели¹¹. Окрестности Фиринцилара и Канли Дерек перестали использоваться в качестве площадки для проведения этой операции в сентябре, когда истощился поток конвоев. Со слов господина Аристакесяна, работавшего поваром для командира, руководившего «лагерем» Фиринцилар, последние ушедшие отсюда депортированные, как правило, больные и

¹ Ibid. Pp. 309–310.

² Капигян Г. Указ. соч. С. 208–213.

³ См. выше, с. 471.

⁴ См. выше, с. 454.

⁵ См. выше, с. 327, 425, 431, 446, 455, 477, 478.

⁶ См. выше, с. 468, 476; Капигян Г. Указ. соч. С. 243. Автор говорит о не достигших восьми лет.

⁷ Там же. С. 232–235.

⁸ Там же. С. 237.

⁹ Там же. С. 236, 238.

¹⁰ См. выше.

¹¹ Капигян Г. Указ. соч. С. 241–242.

пожилые, были умерщвлены в близлежащей долине¹.

Депортированные, прибывшие на следующую остановку, Самсат, были физически ослаблены и психологически надломлены, если не травмированы. Из Самсата они направились в Урфу через овраг Каракайик. По пути эти группы подвергались атакам в определенных местах и в определенной степени

подверглись децимации: убийства происходили в основном на берегах Евфрата к югу от Самсата, возле деревни Осин. Некоторым уцелевшим из этих конвоев все же удалось достичь Сурука, Урфы, а затем Рас-эль-Айна или Дер-Зора². В пятом разделе данного исследования мы станем свидетелями той судьбы, которая была уготована выжившим на втором этапе геноцида.

Каза Кошисар

Эта каза, расположенная на границе Сиваса, находилась в верхней долине Халис/Кизилирмак. В 1914 г. в ней насчитывалось тридцать армянских населенных пунктов с 13 055 жителями и двадцатью восемью школами с общим количеством учащихся, равным 2483 человека. Главный город данной казы — Кошисар — едва ли насчитывал три тысячи жителей, из них 2037 составляли армяне³.

Основными организаторами депортаций и массовых убийств здесь были временный каймакам Вефа-бей, глава и член иттихадистской ячейки Кукушоглу Шюкрю, сержант жандармерии Кошисара Салахэддин, работник табачного предприятия Мустаф, Адали Гасан, лично организовавший депортации в этой казе, турецкие знатные граждане Хамди-эфенди, Риза-эфенди и Сехид Осман Нури, а также главарь чете Мехмед Чавуш⁴.

Как уже было отмечено⁵, первые аресты здесь имели место в самом начале апреля, в городе и в деревнях. Аресты проходили под руководством главаря чете Кутушогулу Хусейина и Захара Махира. Некоторые из арестованных были убиты в овраге Сейфе или возле моста Богаз, другие же были интернированы в город — в бывшие духовные училища городов Шифахдийе и Гок. Однако систематические аресты мужского населе-

ния не начинались до июня, особенно в деревнях, когда наряду с обычной процедурой две тысячи человек, включая всех священников данной казы, были отправлены в тюрьму Кошисара, а затем убиты до начала депортаций. Каждую ночь этих людей забирали из городов группами по сто человек и убивали в овраге Сейфе или возле моста Богаз⁶.

Первый состоявший из жителей деревень конвой ушел примерно 20 июня. За ним последовал караван, состоявший из жителей Кошисара, среди которых было пятьсот лиц мужского пола. После первой атаки черкесов из Кустепе этот конвой достиг деревни Улаш, населению которой было позволено остаться до этого времени для того, чтобы они присоединились к этому конвою. В деревне Улаш конвой пополнился еще одной тысячей женщин и двумя сотнями мужчин из остальных районов этой казы. Спустя два дня эта группа прибыла в Гасаншелеби, где из конвоя вывели и убили двести подростков. На следующий день в Хехихмане из конвоя были выведены и убиты пожилые мужчины. Через тридцать шесть часов после пересечения на пятый день моста Кирк Гез депортированные достигли Фиринцилара. Здесь они находились семь дней: было похищено некоторое количество мальчиков и

¹ Там же. С. 263–264.

² Оставшиеся в живых из этих конвоев пошли двумя различными маршрутами: один во главе с Биреджи через Ниссбин, Румкале, Айнтаб, Бабу, Мумбудж, Алеппо и Ракка на Дер-Зор, и другой из Урфы в Рас-эль-Айн через Вираншехир.

³ *Kevorkian & Paboudjian*. Op. cit. Pp. 247–248; *Karpat K.* Op. cit. P. 178. Автор утверждает, что армянское население казы составляло 11 376 человек. Армянские деревни: Говдун (население 1901 чел.), Тавшанлу (114), Тужисар/Агхдк (2077), Акпунар (853), Котни (770), Тороси (202), Хорсана (1335), Гавдара (600), Хандзар (790), Гавра (783), Йение (226), Ярхисар/Чейгхениг (1250), Праперт (622), Вогхновид (130), Багхчейджи (600), Хорохон (458), Тодораг (720), Шахин/Йенджин (278), Кемерис (673) Боразур (34), Станоз (710), Ттмай (780) и Сарыхасан (151).

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcate, Э 168, dossier № 37, Les criminels de Koçhisar.

⁵ См. выше, с. 489–490.

⁶ BNU/Fonds *Andonian A.* Matériaux pour l'histoire du génocide, P. J. 1/3, liasse 49, Sébaste, f° 123.

девочек¹. На самом деле этот конвой, перебрывая горы Нал Токен, одним из первых привнес на себе приведенную в действие властями систему. Со слов выжившего именно Зейнел-бей, а не Гаджи Бедри-ага, приказал убить все еще находившихся в живых двести мужчин, ограбить депортированных, раздеть женщин в овраге Канли Дереве, где к тому времени на земле уже виднелись тысячи трупо². Пройдя через Адийаман, конвой достиг Гоксу близ Аксадага. Здесь курды бросили в

реку некоторое количество женщин, других похитили. После того как конвой выдвинулся на Сурук, уцелевших объединили с выжившими из других конвоев, сформировав тем самым караван из тысячи пятисот человек. Около половины их них остались в Суруке, тогда как остальные продолжили свой путь к Биресику, Бабу и, наконец, Гаме — их «месту жительства», куда с осени 1915 г. смогли добраться несколько десятков женщин из Кошисара³.

Каза Кошгири/Зара

В этой преимущественно горной казе, расположенной в верхней долине Хэйлиса, в 1914 г. находилось не более дюжины армянских селений с общим населением, равным 7651 человек. Главный город данной казы — Зара — насчитывал шесть тысяч жителей, из них три тысячи — армян. Пересекаемый дорогой из Сиваса в Эрзурум, Зара в основном был фермерским городом, но он также служил в качестве промежуточной станции, располагая огромным караван-сараем, который принадлежал Чилу Ованесяну⁴.

Как видно, армяне этого региона очень рано начали подвергаться атакам чете, в основном из отряда, возглавляемого Заран-Магиром, уроженцем этих мест, который начиная со 2 апреля 1915 г. играл ключевую роль в убийстве людей из этой казы в овраге

Сейфе или возле моста Богаз⁵. Нам не известна точная дата, когда эти конвои покинули Зару, это было между 20 и 29 июня. Нам известно, что они шли маршрутом, отличным от маршрута, которым шли депортированные из Сиваса, так как они направлялись в Дивриг, а затем в Харпут, Маден, Северек, Урфу, Вираншехир и Ракку⁶.

Не считая чете Магира, среди основных виновников убийств были каймакам Хусейин Хусни (служивший на этом посту с 13 октября 1912 г. по 5 августа 1916 г.), Кор Хакки, Кебабци Ахмед и Беккальчи Ахмед⁷. Нескольким ремесленникам, в частности кузнецам, было позволено остаться в этой казе при условии их обращения в ислам, поскольку армия нуждалась в их услугах⁸.

Каза Йени Хан

Два армянских селения данной казы — столица Йени Хан (с населением, равным 1461 чел.) и Кавак (с населением, равным 530 чел.) располагались возле дороги, ведущей из Сиваса в Самсун⁹. Ответственным за организацию депортаций, осуществ-

лявшихся вплоть до конца июня 1915 г., с последующим убийством этих людей в Масадлар Йери, возле Йени Хан, был каймакам Йени Хан — Решид-бей, занимавший свой пост со 2 декабря 1914 г. по 12 ноября 1915 г.

¹ Ibid., f° 124.

² Ibid., ff. 124–125. Возможно, что два курдских главаря были бы заменены в Канли Дереве.

³ Ibid., f° 125.

⁴ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 247; Karpat K. Op. cit. P. 178. Автор насчитал 6 056 армян в казе. Там были следующие армянские села: Алакилисе (1146 армян), Кархад (718), Текели (168), Карабогаз (462), Ке-еюрд (1100), Чайкой (95), Эмин Чифлик (60) и Миадун.

⁵ См. выше, с. 489–490.

⁶ Капигян Г. Указ. соч. С. 234.

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, t° 168, список ответственных, Зара.

⁸ Сведения Саага Ованесяна, племянника кузнеца, переданные им внуку в августе 1973 г.

⁹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 240; Karpat K. Op. cit. P. 178. Автор здесь насчитал 1379 армян.

Каза Саркисла/Тенус

Эта расположенная недалеко от Сиваса земледельческая каза, пересекаемая рекой Хэйлис, в 1914 г. насчитывала двадцать шесть армянских населенных пунктов с общим населением, равным 21 063 человека. Наиболее важным армянским населенным пунктом был Гемерек, дававший кров не менее чем 5212 армянам. В этой казе находилось около двадцати церквей и двадцать одна школа, которые посещали 1988 человек¹.

Каймакам Джемил-бей, служивший с 8 мая 1914 г. по 4 сентября 1915 г., впервые организовал арест четырехсот сельских жителей в окрестностях Шаркишлы. Этим жителей убивали ночь за ночью, группами по двадцать человек. Депортации начались в начале июля. В Кангале один из первых конвоев был объединен с караваном из Сиваса, в результате чего была образована группа из пяти тысяч армян. Затем этот конвой пошел обычным маршрутом, проходя через Алакахан, где мужчин выделяли из толпы и убивали, и через Коту Хан, где его ожидали чете Эмирпасоглу Гамид-бея. Здесь было схвачено, связано и приведено к Гамиду две тысячи армян из Сиваса и окрестностей Шаркишлы. Гамид знал большинство людей из Сиваса и то, сколько имущества было у каждого из них. Перед тем как отправить

армян на Гасанцебели, Хекимхан, Гасанбадриг, Кирк Гёз и Фиринцилар, он умудрился изъять у них семь мешков с золотом. Во время этих этапов своего пути почти все из них были истреблены, никто не достиг Самсата².

В Гемереке, окруженном деревнями и формировавшем густонаселенную зону обитания армян, было особое обращение. Его правитель — черкес по имени Юсуф-эфенди — был призван своими соотечественниками черкесами из Яйлы (в казе Азийийе) на помощь в деле убийства людей из Гемерека. Цисанлу и Карапунара. Несколько заметных жителей Гемерека даже были публично повешены, после чего женщин и детей отправили в путь на Кангал, присоединив их к веренице лиц, депортированных из Сиваса и расположенных севернее районов³. Помимо правителя нахие Гемерека, основными организаторами массового убийства лиц мужского пола (подростков старше тринадцати лет ждала та же участь, что и взрослых) — были Кор Велиоглу Уммет, Кайсерли Джемал-эфенди, Таласли Мюкремин, Шаркишлы Мехмед-эфенди, полковник Талаш Бехсет-бей и местный правитель Ахмед-эфенди⁴.

Около трех тысяч армян из деревень Шепни, Дендел, Бурхан и Текмен укрылись

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 240–241: основными селами были Шаркитла (нас. 257), Темеджи (227), Япалтун (1386), Карапугар (690), Чисанлу (1516), Карагёл (2040), Алакилисе (275), Схепни (1350), Дендел (1989), Бурхна (1016), Текмен (819), Паша (383), Топадж (656), Куртлакая (316), Кантароз (463), Патренос (845) и Газимагара (790); Karpat K. Op. cit. P. 178. Автор здесь насчитал 13 694 армян.

² BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 49, Sébaste, f° 127.

³ Ibid., f° 129.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier 33. Pp. 1–25, рапорт о погромах и депортациях в вилайете Сивас, составленный в Алеппо, 27 февраля 1919 г. С. 1: «Организаторы и местные турецкие чете, которые организовали погромы в Гемереке и в его окрестностях» (на арм. яз.). Известно, что в совершении массовых убийств были вовлечены следующие лица: Гаджибей-оглу Арслан-бей, Гаджибей-оглу Адиль-бей, Гаджибей-оглу Шевки-бек, Джадидей-оглу Яхья-бей, Джадидей-оглу Махил-бей, Джадидей-оглу Осман-бей, Махмуд-оглу Фазла, Махмуд-оглу Мехмед-бей, Махмуд-оглу Хафи, Мулазим Бахри, Дели Бешир-оглу Омер, Дели Бешир-оглу Сейфи, Дели Бешир-оглу Фикри, Дели Бешир-оглу Мухтар, Кёзе Ахмед-оглу Саркис, Мехмед, Сарнин-оглу Эмир, Сарнин-оглу Гасан, Кайсери Джемаль-оглу Кенан, Джабар-оглу Юсуф, Джабар-оглу Гаджи Незир, Сейидага-оглу Сейфи, Сейидага-оглу Хусни, Тютюнджи-оглу Шехир Али, Бейлер-оглу Омер, Джюджюкджи Исмаил и его сыновья, Джюджюкджи Шабан (брат Исмаила), Ходжа Ахмед-оглу Файх, Шабан-оглу Бахри, Джафар-оглу Сейди Халил, Исамоглан Гаджи Мустафа, Кор Вели-оглу Бешир Чавуш, Ходжа Мехмед, Бирадери Гаджи курд, Калфа Ахмед-оглу Бехран, Джирих-оглу Мустафа, Азкагла-оглу Бекир и Келтесал, Казикджи-оглу Мехмед и его сыновья, Казикджи-оглу Халил, Абди-оглу Али, Тютюнджи-оглу Ариф и его братья Тютюнджи-оглу Кадир Осман, Бостанджи-оглу Сансар, Бостанджи-оглу Бахар, Чопюр-оглу Омер, Мустафа, Куюджи Ибрахим и Гамид, Сивасли Ладикер, Шаркишлайли Гусейн Чавуш, Эйерджи Адиль Чавуш, Кареозли Махмуд и Кенан Пехливан, Кор Музайир-оглу Омер Осман, Кор Музайир-оглу Кагаз Фазли, Экизджели Вели и его сыновья, Теркянли-оглу Вели Мехмед.

в огромной пещере в горах около Ак Дага, где в течение нескольких дней сражались с двумя тысячами человек регулярной армии, которых прикрывали еще и нерегулярные

войска. Последовавшее за этим сражением массовое убийство пережили около пятнадцати человек. Женщины и дети были депортированы¹.

Казы Бунян и Азизийе

Накануне Первой мировой войны в казах Бунян и Азизийе насчитывалось лишь 5837 армян: 1106 проживали в последней из указанных каз, и почти все из них — в главном городе². Здесь арест видных армянских жителей проходил под контролем главы местной ячейки иттихадистской организации Хазасоглу Гаджи Хусейина при поддержке каймакама Гамида Нури-бея (который занимал свой пост с 17 октября 1914 г. по 22 октября 1915 г.). Решение о разграблении имущества армян принял Хайреддин-бей — глава «Оставленного имущества». В выгоде от этого остались несколько турецких знатных лиц из данного округа: Софойоглу Мехмед, Фейзи-эфенди, Хазнадар-заде Кадар, Имам-за-

де Хакки, Гаджи Ахмед Ариф, Юсуфбей-заде Адил, Юсуфбей-заде Садик, Царци Гасанин Али и Хацимусаоглу Начи Омер³. Маршрут для депортации проходил через Гурун и Аксадаг и лежал в Фиринджилар.

Армяне из пяти прилегающих к казе Бунян населенных пунктов: столицы данной казы — Буняна (где проживало пятьсот армян), Гиджи (с населением, равным 350 чел.), Сариоглана (с населением, равным 336 чел.), Севегхена (с населением, равным 829 чел.) и Экрека/Акарага (с населением, равным 2700 чел.) — также были депортированы в Гурун по приказу каймакама Наби-бея, занимавшего свой пост с 4 июня 1915 г. по 31 августа 1916 г.⁴.

Каза Кангал

В 1914 г. каза Кангал насчитывала 7339 армян. Тысяча из них проживали в столице данной казы — Кангале, из которой они были депортированы в конце июня. Остальные проживали в деревнях данного округа — Магахаре (с населением, равным 951 чел.), Яршисаре (с населением, равным 703 человека), Бозармуте (с населением, равным 224 чел.), Комсуре (с населением, равным 343 человека) и Манциликке (с населением, равным 1919 чел.)⁵. В последней из указанных деревень ликвидация жителей проходила в мае и начале июня. Одного известного жителя этой деревни, Степана Хекимяна, даже прибили к кресту и пронесли через всю

деревню. За казнь примерно сотни человек в Дашли Дере лично следил глава отряда чете Сиваса Кутушогулу Хусейин. Среди убитых оказались Мурад, Асатур и Ованесс Караманукяны, Мисак Дзерюнян и Вардан Степанян. Остальное население, в том числе мужское, было депортировано 14 июня. На время были оставлены лишь две тысячи жителей Улаша для того, чтобы те могли предоставить необходимый для армии урожай пшеницы. В сентябре 1915 г. и они были депортированы в сирийские пустыни через Малатью, Адийман и Сурук по приказу каймакама Мохамеда Али-бея, занимавшего свой пост до 11 марта 1917 г.⁶

¹ Патрик А. (ред.). Указ. соч., II, с. 434–436.

² Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 241; Karpat K. Op. cit. P. 178. Автор указывает наличие 1102 армян в Буняне.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, n° 4, список ответственных в вилайете Сивас.

⁴ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 241.

⁵ Ibid. P. 244.

⁶ BNU/Fonds *Armenian*. A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 33, Mancılık, ff. 1–6. Для Улаша, см. выше, с. 493.

Каза Дивриг

Население административного центра казы — Диврига — насчитывало около двадцати тысяч человек, почти треть из которых составляли армяне. Армянское население восемнадцати армянских деревень этого округа насчитывало 10 605 человек¹. Среди разбросанных по этому району бесценных пережитков средневековой эпохи был монастырь Святого Григория Просветителя — шедевр средневековой армянской архитектуры, построенный в XI веке. Этот монастырь был возведен на выходящей наружу горной породе в трех часах пути к северу от Диврига, близ деревни Норадунганцев (с населением, равным 320 чел.). В соседней деревне Кесмех (с населением, равным 580 чел.), родной деревне Норадунганцев тоже имелась средневековая церковь, также как и в деревне Зимара/Зммара (с населением, равным 1250 чел.). Деревня Бинга (с населением, равным 1300 чел.), расположенная на правом берегу реки Евфрат, представляла собой почти недосыгаемую крепость, так как она стояла у самой скалы, расположенной возле Евфрата. Единственный путь в эту крепость проходил через подвесной мост, построенный в XI веке. В юго-западной части данной казы по обоим берегам Лик Су вереницей располагались армянские деревни: Аршушан (население — 310 чел.), Куресин (население — 240 чел.), Одур (население — 215 чел.), Парзам (население — 510 чел.) и деревня вокруг монастыря Святого Якова, которую турки называли Венк (население — 290 чел.) (от армянского слова «vank», монастырь). И наконец, на правом берегу Чалдичай, в самой восточной части данной казы, располагались пять армянских деревень: Армдан (население — 1605 чел.), Паланга (население — 480 чел.), Синяя (население — 395 чел.), Мрвана и Шигим². Когда был издан приказ о всеобщей мобилизации, новобранцы из округа Дивриг были назначены в рабочие батальоны, расположенные в Заре³.

В конце марта архиерей Григор Зардарян был вызван в столицу данной казы — Дивриг — на аудиенцию к каймакаму Абдул-мешид-бею (который занимал этот пост с 1 марта 1914 г. по 29 ноября 1915 г.). Абдул-мешид потребовал, чтобы в течение одной недели армяне сдали ему имеющееся у них в этом городе и в деревнях оружие, а также выдали дезертиров. По всей видимости, ответ армян был расценен как неудовлетворительный, так как помощник архиерея отец Серовпе Пригян, некоторые политические лидеры, такие как Хачатур и Арменак Менендьяны, Карапет Айруаян, Мкртич и Акопос Келеджяны, Григор, Тигран и Мкртич Каканяны, Мелкон и Суюрен Гюзеляны, Мигран Доктора, Геворг, Гайк, Торос и Татул Найраняны, Ншан Тахмазян, Сакрис Люсигян, Оване, Шахбелян, Хачатур Деомбелекян, Гарегин и Арам Торигяны, среди прочих — всего срок пять человек — были арестованы, две недели подвергались пыткам (некоторые, в том числе помощник архиерея, в результате умерли), а затем были отправлены в Сивас⁴.

Жертвами второй волны арестов стали ремесленники и торговцы Диврига, а также их дети допризывного возраста, общей численностью около двухсот человек. После длившихся несколько дней подряд пыток этих людей увели из деревни, связали и отправили в находящийся в часе пути овраг Дерен Дере, где их убили топорами. Со слов нашего свидетеля, так поступили со всеми этими людьми, за исключением двух сотен человек, которым удалось сбежать в горные деревни, населенные племенем алев. Некоторые из них пережили совершавшиеся турками акты мародерства деревень данного региона⁵.

Депортации из деревень данной казы начинались до 28 мая 1915 г. Поначалу крестьян собирали в Дивриге, где подростков и мужчин от четырнадцати до восемнадцати вывели из общей массы и, прежде чем убит

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 245–247; Karpat K. Op. cit. P. 178 (включая 8354 армян).

² Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 247.

³ BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 55, Divrig, f° 23, свидетельство Амайака Зардаряна (Константинополь, 10 сентября 1919 г.).

⁴ Ibid., ff. 24–25; BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 55, Divrig, ff. 2v°-3, свидетельство Вардана Шахбаза, составленное 11 января 1917 г. Эти люди были казнены позднее в августе, вместе со всеми заключенными из города.

⁵ Ibid., ff. 6–7; BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 55, Divrig, ff. 25–26, свидетельство Амайака Зардаряна.

терли в церкви. Остальное сельское население депортировали в Малатью через Акн и Арабкир¹. Жителей Диврига отправили в путь немного ранее. 28 июня в этом городе практически не осталось мужчин. 29 июня городские глашатаи огласили приказ о депортации, который давал людям три дня на то, чтобы собраться и покинуть город. 1 июля дома армян Диврига были окружены войсками регулярной армии, которые начали выдворять жителей. Их перегруппировали возле юго-западного выхода из города и отправили на Арабкир, после того, как похитили молодых женщин и девушек для гаремов местной знати. Вскоре после остановки у Сари Шишек конвой подвергся акту мародерства со стороны курдского населения из прилегающих территорий².

Согласно свидетельству Амайака Зардаряна, антиармянские операции в этих местах проводил отряд чете под командо-

ванием Кора Адила, уроженца Трапезунда. Ему помогли: Шадироглу Абдулла, Топкуоглу Гусейн, Гасаб Сулейман Чавуш, Хафиз-эфенди, Леблебци Болис Мохамед, Короглу Полис Юлуси, Ксзет-бей, Сивасли Кюрегриз Хафиз и другие³.

Благодаря свидетельствам выжившего Л. Гошгаряна нам также известно о судьбе 1300 армян из деревни Бинга, располагавшейся на правом берегу реки Евфрат. Со слов Гошгаряна, сто новобранцев из этой деревни были назначены на работы на дороге Эрзинджан—Эрзурум в местечке под названием Санса Дерё. Здесь они разделили судьбу четырех тысяч солдат-рабочих, назначенных в находившийся в этом регионе рабочий батальон. Однако нескольким молодым парням и взрослым мужчинам удалось сбежать в горы и попасть в Дерсим, остальных 23 июня 1915 г. депортировали в Арабкир⁴.

Каза Даренде

В 1914 г. армянское население казы Даренде составляло лишь 3983. Чуть более двух тысяч из них проживали в столице казы, носившей название Даренде, тогда как еще одна тысяча сто человек проживали в соседней деревне Ашоди⁵. Назначенный 8 февраля 1913 г. каймакам Решеб-бей был снят с поста и 14 июня того же года замещен Сулейман-беем. Это может указывать на то,

что Решеб отказывался исполнять приказы Муаммера. Нам вообще ничего не известно об обстоятельствах, при которых избавлялись от армянского населения казы Даренде. Однако тот факт, что эти жители лежат на дороге между Гуруном и Малатьей, позволяет сделать предположение о том, что их постигла та же участь, что и армян из расположенных к северу от них окрестностей.

Каза Гурун

В казе Гурун, насчитывающей пять сугубо армянских деревень и еще с дюжину разбросанных по другим деревням армянских общин, в 1914 г. население армян составляло 13 874 человека. В столице данной казы, Гуруне, который в самой узкой своей части был изолирован долиной с крутыми обрывами, проживало 12 168 жителей, 8406 из которых составляли армяне. Этот город стоял на двух берегах реки Мелос/Тохмак и был обра-

зован путем слияния окрестностей, простиравшихся вдоль этих малых долин. В Гуруне у армян было двенадцать школ. В городе со времен его славы сохранялись руины средневековой крепости, восстановленные в начале XI века, а также «приют» Святой Матери Господней в Сагхлу. Это место славилось не только своей торговлей и ремеслом, но также и производством ковров, хлопчатобумажной ткани и изделий из шерсти. В непосред-

¹ Ibid., ff. 4v^o-5, свидетельство Вардана Шахбаза.

² Ibid., ff. 26-27, свидетельство Амайака Зардаряна.

³ Ibid., ff. 30-31.

⁴ BNU/Fonds *Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide*, P.J.1/3, liasse 13, Pinguian, ff. 2-8, папорт Л. Гошгаряна, Эрзинджан, 16 января 1917 г.

⁵ *Kévorkian & Paboudjian. Op. cit.* P. 244; *Karpat K. Op. cit.* P. 178, по данным авторов, число армян казы составляет 2862.

ственной близости от Гуруна располагались три армянские деревни: Кавак (население — 220 чел.), Карасар (население — 410 чел.) и Кристианйорен (население — 80 чел.), и еще две деревни севернее, на дороге в Манцилик: Карайорен (население — 560 чел.) и Цахиринкой (население — 140 чел.)¹.

В отличие от того, что происходило во многих других районах, каймакам Сахиб-бей, занимавший свой пост с 30 августа 1912 г. по 7 ноября 1915 г., по всей видимости, не играл определяющей роли в преследовании армян. Согласно армянским источникам, такую роль играл военачальник из Сиваса Пертев-бей, лично прибывший в Гурун для того, чтобы передать приказ о начале операций против армянского населения. Знатный турок этого города Авундук-заде Мехмед-бей и трое его сыновей: Озер, Хусейин и Есреф организовали митинг, на котором с помощью клуба иттихадистов была сформирована местная ячейка Специальной организации под названием «Милли Джандарма». Командиром данной дружины был назначен капитан Ибрагимоглы Мехмед. К данному отряду, уполномоченному осуществлять массовые убийства и депортации, присоединились и другие знатные члены организации младотурок: Ибрагимбейоглы Дилавер, Куцукали-заде Бахри, Эминбейоглы Мехмед, Мамоага-заде Эмин, Косеахмед-заде Абдулла, Садик Кавус, бывший также главарем отряда чете, Ехуаоглы Мехмед, Карамевутоглы Талаат-эфенди и Накар Ахмед Абдулла Карпузаде². Данный комитет уполномочил командира жандармерии и хорошо известного младотурка Камиля-эфенди на составление списков подлежащих аресту известных армян. Первые аресты состоялись в мае, а первыми задержанными стали армянский архиерей Хорен Тимаксян и преподобный Петрос Мугхалян³, после чего последовали аресты знатных горожан, которые были заточены в Минасян хан, расположенной в окрестностях Сагха, а также в турецких

банях в Каратепе. В частности, Делибекироглы Мехмед Онбаси был уполномочен надзирать за пытками, которые здесь также были призваны заставить жертв дать показания о местах нахождения возможных тайников с оружием и о характере «замысла», для которого они предназначались.

Убийства видных горожан Гуруна начались 10 июня 1915 г. Двенадцать облаченных в униформу жандармерии чете под предводительством Шендарма Али Чавуша убили 74 мужчин из поселка Улаш близ деревни Кардаслар. 27 июня та же участь постигла еще сорок видных граждан возле Цаликогы⁴. 22 июня 1915 г. на дороге в Албистан Тутунци Гусейн Чавуш и его войска регулярной армии убили еще около двадцати человек⁵. Лидер отряда бандитов Ибрагимоглы Мехмед, а также Гурунли Узейер-эфенди, Омер-ага из Сетрака (деревни в Албистане) и Хакки-эфенди, уроженец Айнтаба, также играли заметную роль в уничтожении мужского населения из района Гуруна, а позже и Акшекира⁶.

Затем комитет решил арестовать и убить всех мальчиков в возрасте от десяти до четырнадцати лет. Касап Осман, один из убийц из Специальной организации, наоборот, согласился на задание отвести группу из ста мальчиков в долину Сачджигаз, в турецкую деревню неподалеку от Гуруна, где они были убиты при помощи ножей и топоров⁷.

Куцукали-заде Бахри, один из самых влиятельных членов местной ячейки иттихадистов «Милли Джандарма», лично убил в Теле, близ Арянпунара, трех главных армянских лидеров главного города данной казы — Гаджия Акопа Булдукаяна, Акопа Шахбазяна и Гаджия Артина Гергеряна. И снова Бахри надзирал за актами мародерства двух конвоев депортированных из казы Кавак, турецкой деревни, расположенной на дороге в Албистан. В начале июля, после убийства мужчин, депортации проходили под надзором Бахри при содействии мест-

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 243; Karpat K. Op. cit. P. 178, по данным авторов, число армян казы составляет 8905.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier 59, список ответственных лиц в Гюрюне.

³ Капигян Г. Указ. соч. С. 86.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier 59, список ответственных лиц в Гюрюне.

⁵ Позднее двое уцелевших дали показания об этом массовом убийстве: Анян Мависакалян и Нагапет Нагапетян (Ibid.).

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

... полицейских (Абдуллы, Хамди и Сабри). Эти конвои вели инспектор этих конвоев Ка... ши Нури-эфенди и Дели Бекир Мустафа... содействию Гаджиоглы Юсуфа¹. Первый конвой проходил через Албистан, Канли Дее, Канли Даг, Айранбунар, Сагин Богаз,

Азизийе, Гобег Ёрен и Фиринцилар, а затем через Айнтаб, Мараш, Урфу и Карабрийк до Дер-Зора. Второй конвой шел тем же маршрутом, но потом взял направление на Хаму, Хомс и Хауран. Многие депортированные из Гуруна были убиты в окрестностях Мараша².

Депортации и массовые убийства в санджаке Токат

Собранная патриархатом статистика указывает на то, что в 1914 г. армянское население санджака Токат составляло 32 281 человек, которые проживали в двадцати семи городах и деревнях, на территориях которых имелись двадцать восемь церквей, два монастыря и четырнадцать школ с общей численностью прихожан и учащихся, равной 3175 человек³. Так, присутствие армян в этом западном округе Сивасского вилайета было достаточно скромным, хотя, с экономической точки зрения, оно было спорным. Токат, где находилась префектура, простирался вдоль по долине на два километра, а его многочисленные пригороды располагались по краям долины, формируя нечто вроде амфитеатра. Накануне войны в данном городе насчитывалось 11 980 армян и 15 000 турок. В остальной части казы Токата проживало еще 6500 армян. Они проживали в семнадцати сельских общинах: к востоку от города, в долине Тозанлу Су и на равнине Ганова; таким образом, численность армянского населения в этой местности составляла: в Эндизе (280 чел.), Гесаре (100 чел.), Сонгуре (160 чел.), Варазе (90 чел.), Шерши (220 чел.), Бискуршуке (550 чел.), Базаркое (130 чел.), Курши (80 чел.); южнее города, в долине Артова, на дороге в Йени Хан, в Болусе (300 чел.), Яртмесе (400 чел.), Кервансерае (350 чел.), Шифлике (326 чел.), Таштебаге (262 человека), Гедагазе (308 чел.); и к востоку от города, возле дороги между Токатом и Никсаром — в Григоресе, на левом берегу реки Ирис (600 чел.), в Бизери, на правом берегу (280 чел.)⁴.

Самым шокирующим событием в предвоенные месяцы был пожар в Токате, захлестнувший 1 мая 1914 г. улицу Багдад Кадеси, на которой располагалось много коммерческих заведений. Как мы могли видеть, это не было единичным актом⁵. Имеются даже все основания полагать, что эти события отражают принятую в феврале 1914 г. иттихадистами общую стратегию, направленную на снижение экономической роли греков и армян. Когда была оглашена всеобщая мобилизация, многие армяне во избежание внесения их в списки призывников платили выкуп. Так, в рабочем батальоне, сформированном для строительства барачков в Токате, было всего двести восемьдесят рабочих-солдат из Токата и Григореса. Изданные патриархатом директивы наряду с реквизициями имущества со стороны армии, дававшими повод для превышения полномочий, все же не вызвали протестов⁶. Ситуация усугубилась в конце апреля 1915 г., когда КЕП направил в провинции Малой Азии своих парламентских представителей с целью произнесения речей об искоренении «внутреннего врага». Несколько армян-свидетелей присутствовало на митинге, организованном в Паса Ками, на котором представители клуба иттихадистов нападали с речами на «тех, кто, находясь среди нас, кажутся нашими друзьями», но от кого «турецкий народ должен очиститься в первую очередь»⁷. Это заявление привело к тому, что молодой армянский архидиакон отец Шаварш Саакян обратился к местным властям, ссылаясь на неоднократные проявления воли Господней. Декрет, призываю-

¹ Ibid.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier 33, doc. cit. Pp. 20–21.

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 251.

⁴ Ibid. Pp. 251–254; Karpat K. Op. cit. P. 178, по данным авторов, число армян казы составляет 12 925.

⁵ См. выше, с. 482; «Бюзандион», № 5340, 2 мая 1914 г. (на арм. яз.); Капигян Г. Указ. соч. С. 23; Патрик А. (ред.). Указ. соч., I. С. 717–718. Редактором этого тома была школьная учительница в Токате, которая стала свидетелем пожара.

⁶ Аллояджян А. История армян Токата, Каир, 1952. С. 1224–1225 (на арм. яз.).

⁷ Там же. С. 1228.

ший население взяться за имеющееся у них оружие, вывешенный во всех общественных заведениях, побудил этого архиерея организовать обсуждение с лидерами всей армянской общины. Согласно свидетельству Ованеса Йотгханджяна, который присутствовал на этом митинге, все были поставлены в известность о приближающейся угрозе, однако имелись разногласия по поводу того, что в этой связи предпринять. Шаварш Саакян и лидер местной ячейки Гнчак М. Арабян противились тому, чтобы сложить оружие, и предлагали предпринять меры для организации самозащиты близлежащих армянских селений. Большинство присутствующих, однако, отметили, что в городе нет армянских борцов, кроме нескольких нашедших в нем убежище дезертиров. В конце концов все оружие было сдано церкви Святого Степаноса и передано властям.

Последующие события повторяют все то, что мы наблюдали в других местах. В сельской местности силы нерегулярной армии проводили операции по поиску и облавам, тогда как жандармы или солдаты обыскивали хозяйства армян в Токате на предмет наличия оружия, а также любых документов, напечатанных на армянском языке. В начале мая были арестованы, подвергнуты пыткам и казнены в тюрьме лидеры партии Гнчак Бейекх Симон и Карапет Говян и лидеры партии Дашнакцутюн Хачик Сераядарян (военный врач) и Карапет Арендерян¹. Во время визита в Токат Муаммера, совершенного в этот же период времени, вали потребовал от архиерея армян сдать «привезенное оружие», а также уволил всех гражданских служащих-армян из полиции и жандармерии. Очевидно, что власти сочли имевшуюся на тот момент ситуацию достаточно взрывоопасной, и поэтому 18 мая 1915 г. они произвели аресты всех видных армянских граждан и учителей-армян Токата. Исполнованный властями во время этих облав метод также был скорее классическим. Мутесариф Джеввед-бей (занимавший свой пост со 2 мая 1915 г. по 4 февраля 1916 г.)² в очень вежливой форме вызвал к себе всех знатных армян — Геворга Пасбаняна, Акопа

Бояджана, Ованеса Казаняна, Аветиса Хедеряна, Назара Шишманяна и прочих — в конак, а по окончании встречи арестовали их и направили в полицейские участки. В течение этого дня на улицах также были арестованы подростки, которых направили на склад продовольствия возле центральной площади, где их подвергали систематическим пыткам³. Замечания, сделанные в начале июня армянскому архиерею Ахмедю Муаммером в ходе своего рабочего визита в Токат, ясно демонстрируют, что власти сочли конфискованное к тому времени количество оружия недостаточным. Вали потребовал, чтобы священник, «от которого все зависит» сделал все необходимое для того, чтобы убедить свою паству сложить оружие. В воскресенье 13 июня Саакян во время своей последней службы высказал перед находившейся в смятии толпой свои соображения как есть: он сказал, что трижды встречался с Муаммером, что вали пытался убедить его «сдать оружие и дезертировать», что главы армянской общины решили исполнить приказы правительства «для того, чтобы предотвратить эту угрожающую опасность», но он по-прежнему не мог произнести «ни единого слова об объединении, ибо мы потеряны»⁴. По всей видимости, этот священник очень точно оценил ситуацию. На следующее утро, когда перед церковью собрались три сотни готовых сдать дезертиров, он отказался идти с ними к военному командованию «дабы не быть их палачом». В среду 16 июня новый этап гонений начался с систематических арестов мужчин, первым из которых был арестован отец Саакян. В полдень того же дня Саакян был доставлен в конак, где начальник полиции Мемед-эфенди сообщил, что тому немедленно следует отправляться в Сивас для встречи с вали. Тем же вечером на пути туда, в Кизил-Энисе, священник был убит⁵.

Аресты продолжались 17 июня. 1400 человек, связанные в группы по десять, были выведены из города в конвоях на Ардову, Газсун и Бизери, где они были застрелены. Со слов Люсии Жамгочян, 18 июня в цитадели Токата после изощренных пыток были убиты семнад-

¹ Там же. С. 1230–1233.

² Он заменил Джемала-бея в его должности 24 октября 1914 г.

³ Аллояджян А. Указ. соч. С. 1233–1234.

⁴ Там же. С. 1234–1235; «Как был убит лидер Токата, отец Шаварш Саакян». С. 1.

⁵ Там же.

... священнослужителей, включая епископа ... Антона Серайдаряна. Также были убиты ... двадцати лет. К концу июня на свободе по ... оставались лишь 280 рабочих-сол ... занятых на строительстве баракос Шубе, ... военных врача: Серайдарян, Эминян и ... Паносян, и несколько крестьян, рабо ... на армию, где власти имели «свободу» ... действий¹.

Оставшееся население депортировалось ... не все сразу, и исходя из возрастных кате ... торий. Азар-хан служил местом заключения ... жимых женщин, которые были арестованы ... полицией, а через два дня были отправлены ... в путь, за ними последовали более молодые ... женщины, а затем — остальные армяне, ко ... торых отправляли ниже по дороге Сиваса в ... направлении Шифтлик-Йени Хан до Саркис ... та-Мараш или, чаще всего, до Кангал-Мала ... та².

Помимо мутесарифа Джевдеда-бея, ос ... новными ответственными за насилие в То ... кате лицами являлись депутат парламента и

член клуба иттихадистов Хока Фехми, коман ... дир жандармерии Осман-бей, начальник по ... лиции Мехмед-эфенди, знатный гражданин ... и член комиссии, ответственной за «оста ... вленное имущество» Мутевели Нури-бей, член ... клуба иттихадистов Латифоглу Ибрагим, по ... лицейские Юзун Махмуд, Нури, Зийя и Ибра ... гим, жандармы Ресидоглу Фехми (сержант), ... Салих, Муфтиоглу Асем и Хайреддин, муди ... р Газовы Гурчи Ахмед, который надзирал за ... массовыми убийствами в своем округе; бан ... диты особой организации Салих-ага, «мяс ... ник» черкес Мирза-бей, черкес Осман-бей, ... черкес Махмуд-бей, черкес Элмайли-заде ... Гаджи-эфенди, Салих Мехмед-бей, Алипа ... са-заде Энус-бей, Дебеледже-эфенди, Эл ... майли-заде Изет, Элмайли-заде Тевфик, ... Элмайли-заде Осман, Карадервис Шюкюрю, ... Экмеджи Гюзеллер, Гаджи-бей Апулкавусо ... глы Мустафа, Гепроглы Осман Назиф, Аб ... дулла, Кор Бинбаси Ферид, Цинкоглы Ахмед, ... Латиф-заде Осман, Латиф-заде Филми, ... Каймакам-заде Тацир-бей, Целани Гаджи, ... Истамболу Хикмет-бей, Муфти-заде и Шиге ... роглы Осман-бей, сын Осман-бея³.

Каза Никсар

Из 3560 армян казы Никсар 2830 прожи ... вали в главном городе, также называемом ... Никсар. Город Никсар, в античные времена ... называвшийся Неокесария, располагается в ... тридцати шести километрах к северо-запа ... ду от Токата в плодородной равнине Келкит ... Шау. Почти все здешние армяне были турец ... коговорящими. За исключением немногих, ... все они зарабатывали на жизнь ремеслом, ... торговлей или фермерством. 8 июня 1896 г. ... на армянскую общину обрушились массовые ... убийства, а имущество систематически заби-

рали мародеры. После этих событий армяне ... более никогда не достигали того уровня проц ... ветания, который был присущ им в прошлом. ... В этой казе также находились две армянские ... деревни: Капуагли (с говорящим на армян ... ском языке населением, равным 650 чел.) ... и Карамесе (население — 80 чел.)⁴. Здесь в ... конце июня мужчины были убиты, а остальное ... население депортировано в конце июня⁵. Эти ... операции проводились под началом каймака ... ма Рахми-бея, который занимал свой пост с ... 4 мая 1914 г. по 8 августа 1915 г.

Каза Эрбаа

В данной расположенной в северной ... части вилайета казе, длинной как часть ви ... лайета Трапезунда, в 1914 г. располагалось ... девять армянских населенных пунктов с на ... селением, равным 6948 человек. Половина ... армян этой казы проживали в главном горо-

де, Хереке, расположенном на левом берегу ... реки Ирис, в пятидесяти пяти километрах от ... Токата. Помимо занятия своими традицион ... ными видами ремесла, армяне Херека, ко ... торые говорили на турецком языке, выращи ... вали коноплю и опиум. Восемь армянских дере-

¹ Там же. С. 1240–1242.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 23, doc. cit. P. 19.

³ Ibid.

⁴ *Kévorkian & Paboudjian*. Op. cit. P. 254; *Karpat K.* Op. cit. P. 178. По данным авторов, число армян казы составляет 3183.

⁵ *Алпояджян А.* Указ. соч. С. 1249.

вень данной казы были полностью населены армяноговорящим населением из Хамсина, осевшим в этих местах в начале XVIII века: Агабаг (279 чел.), Цозлар (292 человека), Айваза (313 чел.), Сарикайя (263 человека), Сахарцал (180 чел.), Хаятгериз (120 чел.), Герасан (220 чел.) и Цибраил (320 чел.)¹. Власти следовали той же процедуре, что применя-

лась и в других местах: здесь также женщины и детей отправили в путь по маршруту Сивас—Кангал—Хасенчелеби—Фиринцилар и далее². По всей видимости, назначенный на свой пост 19 апреля 1914 г. каймакам Абдель Сеттар-бей не выполнял приказы, так как 1 июня 1915 г. он был замещен прибывшим из Никсара Рахми-беом.

Каза Зиле

В 1914 г. в казе Зиле, расположенной в тридцати километрах западнее Токата, проживало 4283 турецкоговорящих армян. Все они проживали в столице казы, а основным родом их занятий являлось ковроделие³.

В июне эти люди, среди которых был врач и член партии Гнчак Тигран Серайдарян, были арестованы, отправлены (вместе с ведомым во главе процессии мемтным священником) в путь на Газ Гол и убиты⁴.

Депортации и массовые убийства в санджаке Амасья

Санджак Амасья с населением приблизительно в двести тысяч жителей, из которых 31 717 были армяне, а 39 676 — греки, — накануне Первой мировой войны это был своего рода музей национальных обычаев народов Малой Азии. В одноименной казе, которая располагалась в узкой долине, пересеченной рекой Ирис, проживали 13 788 армян. Самое крупное армянское сообщество, известное как Савайид, проживало на обоих склонах этой небольшой долины. Здесь находились: собор Богоматери, епархия, церковь Святого Якова, армянская больница, большая бартевианская средняя школа, протестантская церковь, иезуитская средняя школа и армянский костел. Большое число армян проживало также в общине Деве. Всего в округе было двенадцать школ, которые посещали более тысячи шестисот детей. В то время своему процветанию Амасья в значительной мере была обязана ткачеству, которое армяне частично механизировали⁵.

Как мы уже отмечали, в Амасье первые аресты случились рано, приблизительно 15 марта. Целями были политические лидеры и учителя: Григор Джерян, Минас Ипекджян, Арутюн Бахчегулян, Ншан Адзигян, аптекарь Торос Каймакян, Татеос Мсерян, учителя младших классов Григор Вардапетян и другие. Этим людям систематически пытали, чтобы вынудить их выдать архивы своих партий и раскрыть местоположение тайников с оружием, которое предположительно у них было вскоре после этого их перевели в Сивас и содержали в духовном училище Шифахдийе. Другие видные люди Амасьи были арестованы 18 мая, их несколько дней пытали, а затем казнили 23 мая в уединенном месте Саз Дар в трех часах ходьбы от города. Сразу после неожиданного визита вали в город 14 июня начались массовые аресты, пытки и убийства мужчин, в особенности ремесленников. 29 июня триста шестьдесят ремесленников, связанных в группы по четыре человека, вывели из города под покровом ночи. Таких

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 254–255; Karpat K. Op. cit. P. 178, по данным авторов, число армян казы составляет 3704.

² Алпояджян А. Указ. соч. С. 1249.

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 255; Karpat K. Op. cit. P. 178, по данным авторов, число армян казы составляет 2921.

⁴ Капиgian Г. Указ. соч. С. 23.

⁵ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 255–60; Karpat K. Op. cit. P. 178, по данным авторов, число армян казы составляет 9979.

⁶ См. выше, с. 392–394; BNu/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse E. Amasia, f° 1, свидетельство Елены Бегян. Алеппо, 24 января 1919 г.

⁷ Ibid., ff. 14–15, свидетельство Тиграна и Керопэ Теллалянов.

процедуру повторили еще четырежды, прежде чем истребили их всех¹. В городе, тем не менее, не знали о том, какая судьба была уготована для этих людей. Ходили слухи, что они целы и невредимы. Были даже разговоры об имперской амнистии, но, в конце концов, временный губернатор Джелал-бей объявил приказ о выселении своему помощнику Мамбур Фахрияну, Фахирян приказал звонить в соборные колокола, жители устремились в собор, где и узнали о необходимости в кратчайшие сроки покинуть город².

Выселение началось 3 июля: по одному каравану в день в течение пяти дней. В последнем караване, в котором был и наш свидетель, насчитывалось около тысячи человек, из них двести подростков и стариков, которых же убили вместе с остальными мужчинами³. После прохождения Кангала приблизительно 15 июля в Шаркышле все лица мужского пола старше 8 лет были убиты турками и черкесами по приказу Халил-бея, командира ополченцев в вилайете Сивас, убийства происходили в присутствии местного каймакама⁴. Впоследствии этот караван проследовал тем же маршрутом, что и предыдущие, однако прибыл в Гасанчелеби лишь 28 августа, а в Фырынджидар — 7 сентября, что показывает, насколько медленно власти его вели⁵. Зейнел и Бедри ожидали их дальше, в ущелье Канли Дерге, где, по свидетельствам очевидцев, никто из мужчин старше восьми лет не был оставлен в живых⁶. Остаток пути для караванов из Амасьи проходил по одной и той же схеме: сначала они проделывали путь до Сурудж и Арабпунара, после чего горстка выживших двигалась в Баб, Алеппо или Мескене-Дер-Зор⁷.

Как можно догадаться, определенный интерес для властей представляли материаль-

ные выгоды от дележа армянской собственности. Джелал-бей, временный губернатор, Серри-бей, член комиссии по депортации (стал мутесарифом Чанкыры в 1919 г.); Осман Нури, известный как Кёргузи Раши Нури, командующий жандармерией; Мюневер-заде Гаджи Тевфик Хафиз и Гёзлуглу Хафиз Ходжа, муфтии; Рюшди Хафиз; Салим или Салех-бей, президент местного иттихадского клуба; Налбанд Иззетоглу Камил; Тинтин Гасан и Гаджи Тевфик, профсоюзные деятели; Налбанд Иззет-заде Гаджи Кизмил, профсоюзный деятель и мэр Амасьи; Нафиз-бей, парламентарий от Амасьи, Фатар Резми, инженер; Хамди-бей, глава Беледийе; Топчоглы Мустафа, генеральный секретарь в городской ратуше; Кюрдоглы Серхос Гасан, бывший депутат от Амасьи, и Али-эфенди, директор приюта. Все эти люди несут ответственность за аресты, обыски, пытки и мародёрство в отношении армян⁸.

Представитель Специальной организации в Амасье, Тимарханеджи Халил, который был видным членом местного иттихадского клуба и был ответственным за отряд чете, разместившийся в городе, а также Топчоглы Шюкрю, офицер группы, сыграли главную роль в расправе над мужчинами и мальчиками из Амасьи. Их главными пособниками были: Топчи-заде Халил, Осман, Конфиктен Риза, Тлатис Гасан, Контраджи Гасан и его брат Габас Али; Джин Сарак; Татар Арабаджи Мехмед; Топчоглы Зия; Гёв Омероглы Гасан, Бакал Кёр Ахмед, Кел Османоглы Бесим; Арпаджи-заде Гаджи Осман и четверо его сыновей; Тутунджи Мустафа; Базадоглы Мехмед и его брат, Дели-бейлер; Сайджи-заде Нури-бей; Абдоглы Хулуси и Ладикли Экизлер⁹.

¹ Ibid., ff. 2v^o-3, свидетельство Елены Бегян; f° 14, свидетельство Тиграна и Керопэ Теллалянов.

² Ibid., ff. 3v^o-4, 15.

³ Ibid., ff. 4v^o-5, 15.

⁴ Ibid., ff. 7-9; см. выше, с. 401.

⁵ BNU/Fonds *Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide*, P.J. 1/3, liasse 6, Amasia, ff. 10-12, свидетельство Елены Бегян; ff. 15-16, свидетельство Тиграна и Керопэ Теллалянов.

⁶ Ibid. Свидетели спасли им жизнь, заплатив по 300 турецких фунтов золота двум курдским лидерам чете.

⁷ Ibid., ff. 18-19.

⁸ Bureau d'information du Patriarcat arménien de Constantinople. Список ответственных за погромы и депортации: BNU, ms. 289, ff. 27-33, Les assassins de Sivas.

⁹ Ibid; BNU/ Fonds *Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide*, P.J. 1/3, liasse 6, Amasia, f° 15, свидетельство Тиграна и Керопэ Теллалянов, подтверждающее, что это были те люди, которые убили людей из Амасьи и Саз Даха.

Каза Мерзифон

В 1914 г. в административном центре казвы Мерзифона/Марзевана насчитывалось 10 381 армян, 11 школ с 1221 учащимися. Также в округе были две небольшие армянские деревни: Йенис (население 140 чел.) и Лидзь/Коркёй (население 145 чел.), что находились возле монастыря Богоматери, который служил резиденцией для епископа объединенной епархии Амасьи и Мерзифона¹.

Благодаря более полному документальному свидетельству, найденному в других населенных пунктах, мы можем рассмотреть конкретный случай грабежа армян в пользу местных вельмож, который имел место еще до войны. Когда осенью 1914 г. начались реквизиции для армии, четверо мужчин попытались присвоить от восьми до десяти тысяч мешков с мукой, произведенной на семи мельницах армян из Мерзифона. Салихбей-заде Хусейин, председатель муниципалитета, ответственный секретарь местной ячейки «Единение и прогресс», командующий жандармерией Махир-бей и младотурецкий купец Киремиджи-заде Хади официально конфисковали эти запасы для «нужд армии», вскоре перепродали их «по высоким ценам» и разделили прибыли между собой². Есть все основания полагать, что за одним задокументированным эпизодом скрываются массовые злоупотребления властью со стороны младотурок, которые пользовались своим статусом активистов правящей партии.

Первые аресты в Мерзифоне произошли в апреле: целями были пятьдесят видных де-

ятелей, которых либо замучили до смерти, либо сослали в Сивас, как ответственных за угрозу государственной безопасности. В мае местные власти рекрутировали из жителей ополчение в сто человек. В это же время вышло постановление, предписывавшее жителям сдать всё имевшееся оружие, что позволило ополченцам проводить обыски и аресты членов армянской общины³. Муаммер после визита в Амасью 14 июня также посетил и Мерзифон, видимо, с целью ускорить ликвидацию армянского населения. Более того, 1200 жителей, арестованных 12 июня, незадолго до его прибытия в город были убиты в понедельник 15 июня⁴. Первую группу, состоявшую из трехсот молодых парней, под непосредственным контролем Файк-бея, каймакама⁵, и Махир-бея, командира жандармерии, сопроводили до Еле Дезе, что возле деревни Теник по дороге в Корум. Там их раздели и казнили при помощи топоров. Оставшихся мужчин ожидала та же судьба в течение нескольких последующих дней⁶.

Приказ о депортации был предан огласке вскоре после этого, 21 июня. Наспех были собраны караваны, которые проследовали тем же путем, что и караваны из Амасьи. До Алеппо добрались около двадцати мужчин и чуть менее сотни женщин и детей⁷. Согласно анонимному свидетелю, оставшемуся в городе, «оставленную мебель и прочее имущество без всякой инвентаризации грузили на телеги и сгружали в городской армянской церкви, в то время как в армянских лавках мародерствовали турецкие чиновники и

¹ Kevorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 261–263; Karpat K. Op. cit. P. 178. По данным авторов, число армякы составляет 9726.

² SHAT, Service Historique de la Marine (Château de Vincennes), Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 326, Constantinople, le 15 février 1919, rédigé par le colonel Foulon, attaché naval. Pp. 1–2.

³ Ibid. P. 2; P.R.O., FO 371/ 6500, Turkish War Criminals, dossier d'accusation de l'interné à Malte № 2719. Muammer bey. Перепечатано в кн.: Yeghiayan V. Op. cit. Pp. 94–95, свидетельство Арусйака Искяна из Мерзифона.

⁴ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 326. P. 3; Barton J. L. Op. cit. Pp. 75–86, notamment p. 78, déposition du D'George E. White, directeur de l'Anatolia College de Merzifun, doc. 818.

⁵ Он занимал эту должность с 29 апреля 1913 г. по 2 августа 1916 г.

⁶ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 326. P. 3; P.R.O., F.O. 371/6500, Turkish War Criminals, dossier d'accusation de l'interné à Malte № 2719. Muammer bey. Перепечатано в кн.: Yeghiayan V. Op. cit. Pp. 94–95.

⁷ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 326. P. 4.

простые жители. Опустошенные магазины тем не менее печатались как «оставленное имущество»¹.

Кроме немногих армян, которым было разрешено остаться в городе за переход в ислам, в городе оставалось значительное число школьников, учителей и медперсонала из Колледжа Анатолии, которым руководил д-р Джордж Е. Уайт. Этим людям спасла жизнь со стороны американского посольства и консула в Самсуне Уильяма Петера, который был ответственным за соблюдение интересов этих учреждений и неоднократно посещал Мерзифон для переговоров с каймакамом². Вскоре местные власти нацелились на Колледж Анатолии, который находился под управлением американского совета комиссаров по делам зарубежных представительств. Они хотели взять его под контроль и избавиться от находившихся там армян. Для американцев было неприемлемо даже малейшее вторжение местных властей в дела колледжа. Д-р Уайт и д-р Марден, ответственные за колледж и госпиталь, письмом напомнили каймакаму Мерзифона о том, что «посольство сообщило по телеграфу, что министерством внутренних дел и пашой вооруженных сил местным властям были отданы четкие указания по обеспечению необходимой защиты нашему учреждению, колледжу, а также всем связанным с ним лицам без исключения»³. Турецкая администрация отказывалась сделать исключение для Колледжа Анатолии и требовала, чтобы все армяне, входящие в состав персонала, а также армянские студенты были депортированы вместе со своими соотечественниками. Как следствие этот запрос был направлен в Сивас, которому Уайт и Марден ото-

слали телеграмму следующего содержания: «В связи с тем, что всем армянам предписано следовать в определенный пункт назначения, каймакам сообщил нам касательно определенных наших работников, прислуги и профессоров, которые долгие годы были частью нашего коллектива и являются выпускниками высших школ, что местные власти не могут сделать для них исключения»⁴. Марден и Уайт также пытались в тот же день отправить телеграмму американскому послу Моргенту. Каймакам, однако, отказался передать их сообщение, в котором указывалось, что «сотрудники нашего госпиталя будут включены в общую высылку армян», и далее, что «если эти люди будут высланы, невзирая на нужды организации, все наши здания, построенные в благотворительных целях, а также места для богослужений будут закрыты за ненадобностью»⁵.

31 июля Уильям Петер прибыл в Мерзифон в надежде повлиять на позицию местных властей, в особенности каймакама Файкбея, и избавиться армян, работавших в колледже, от обязательной депортации. Записи его переговоров с каймакамом, тщательно и подробно изложенные американским консулом в отчетах для Моргенту, отражают ту настойчивость, с которой местные власти хотели добиться выдачи учителей, медицинского персонала и молодых девушек из колледжа⁶.

В большом отчете, который Петер адресовал Моргенту после первого визита в Мерзифон⁷, он отмечал, что профессор Манисаджян и профессор Акопян, оба из Колледжа Анатолии, арестованные одними из первых, были позднее «отпущены на свободу после соответствующего вмешательства, но только

¹ Ibid. P. 4. Салих-бей, комиссар полиции, играл очень активную роль в этих операциях.

² Мы располагаем его корреспонденцией с американским послом в Константинополе, перегруппированной под шифром Record Group 84, в Национальном архиве (Washington D.C.). Record of Foreign Service Posts of the Department of State, Consular Posts, Samsun, Turkey, Miscellaneous Documents, c. 49, s. 8. 1, box 5, 6 and 7, для тех лет, которые нас интересуют (US NArch., RG 84, Samsun, c. 49, s. 8. 1).

³ US NArch., RG 84, Samsun, c. 49, s. 8. 1, box 5.

⁴ US NArch., RG 84, Samsun, c. 49, s. 8. 1, box 5, английский перевод телеграммы (депеша тогда могли быть отправлены только на турецком языке), адресованной вали 4 июля 1915 г. докторами Марденом и Уайтом.

⁵ US NArch., RG 84, Samsun, c. 49, s. 8. 1, box 5, английский перевод телеграммы, адресованной Моргенту 4 июля 1915 г. «передача которой [была] запрещена каймакамом».

⁶ В своем дневнике, сохранившемся в «The Papers of Henry Morgenthau, Sr.» (reel number 5–6), в библиотеке Конгресса (Manuscripts Division, Washington D.C.), американский посол уделяет значительное внимание делу Американского колледжа. Он отмечает, в частности, что он приказал Петеру прибыть в Мерзифон 23 июля и что он лично вел переговоры о судьбе этих молодых женщин с военным министром Энвером-пашой. Некоторые из них в результате были спасены.

⁷ US NArch., RG 84, Samsun, c. 49, s. 8. 1, box 5, письмо Уильяма Петера Г. Моргенту, Самсун, 12 августа 1915 г., «Concerning Hôpital-Collège Merzifoun».

на некоторое время», т.е. после того как он «подмазал» командира жандармерии Махир-бея, передав через их адвоката 275 турецких фунтов». Кажется, американец был уверен в том, что в результате «армянский вопрос был решен ровно настолько, насколько он их касался, но это было огромной ошибкой, так как это было лишь прелюдией к последующим действиям». Каймакам обвинил американцев в согласии защищать «множество объектов армянской собственности», а также предоставить убежище «многим беженцам». Согласно отчетам американских врачей каймакам, командующий жандармерией Махир и мэр Хусейн-эфенди «успокоили армян», утверждая, что «они могут остаться, а в это время вытрясали из них столько денег, сколько возможно, и затем, когда взять с них было уже нечего, подвергали их высылке». Эмин-бей, командующий войсками, также указывал на некоторые методы, которые использовались этими бесчестными чиновниками для грабежа армян: «эти трое совершили вымогательство в размере 500 турецких фунтов с тридцати пяти жителей, что в итоге дает кругленькую сумму в 17 500 турецких фунтов». Эмин, видимо шокированный этими методами, заявил, что он может засвидетельствовать эти факты, и предложил американскому дипломату проинформировать об этом своё руководство. Отчет консула показывает, что каймакам некоторое время держал в монастыре — несомненно, речь идет о монастыре Богоматери в Коркёй — «несколько сотен армян», где из них «нещадно вытряхивали деньги перед высылкой»¹.

В разговоре, который имел место 2 августа, Петер попросил каймакама впредь не вмешиваться в «интересы Америки», на что Файк ответил, что ему предписано выслать «всех армян из колледжа и госпиталя — медсестер и прочий персонал — и он ничего не

может с этим поделать». Замечание Петера о том, что в таких условиях д-ру Мардену придётся закрыть госпиталь и тем самым оставить Мерзифон «без медицинской помощи», не оказало на собеседника должного эффекта. «Более того, он недоумевал по поводу того, что заставяет иностранцев в это ввязываться, и я видел, что мы имеем дело с фанатиком»². Казалось, власти Мерзифона применяют методы, опробованные ранее где-то еще и нацеленные на то, чтобы ускорить отъезд миссионеров, затем занять их помещения и ликвидировать армян, занятых в учреждениях. 10 августа начальники полиции и их люди неожиданно появились в Колледже Анатолии и потребовали выдать армян из колледжа и госпиталя. Согласно свидетельствам Уайта, семьдесят два человека, включая профессоров, сдались добровольно, чтобы предотвратить вторжение полиции в учреждение; их сразу же направили в Зиле в сопровождении жандармов. Мужчин вывели из группы в Йени Хате, связали и убили³.

Согласно информации, собранной Петером, каймакам «запросил дополнительно: от двух до трех тысяч турецких фунтов в обмен на освобождение школьников», дипломат же был убежден, что «давать ему деньги не имело смысла, так как в конечном счёте высылке подвергались все без исключения»⁴. Его предсказание оказалось верным: утром 12 августа полицейские и жандармы силой вошли в колледж и взяли под стражу 73 студентов-пансионеров, а также некоторых учителей. Петер отмечает, что «каймакам, командующий жандармерией и мэр, по-видимому, не смогли договориться о разделе денег и, пока они спорили, девушек отправили в путь»⁵. Согласно Уайту, каймакам пришел к нему лично и предложил «сменить девушкам имена», что означало бы переход

¹ Ibid. Петер также отмечает, что «эти люди не получали еды, что привело к вспышке болезней. Д-р Марден хотел направить медсестру, но ему запретили это делать». Ibid.; Barton J. L. Op. cit. P. 79, рапорт д-ра Джорджа Е. Уайта.

² US NArch., RG 84, Samsun, с49, с8. 1, box 5, письмо Петера послу Моргентая, Самсун, 12 августа 1915 г.

³ Barton J. L. Op. cit. pp. 80–81, рапорт д-ра Джорджа Е. Уайта; US NArch., RG 84, Samsun, с. 49, с. 8. 1, box 5, письмо Петера послу Моргентая, Самсун, 13 августа 1915 г. Он отмечает, что «каймакам, должно быть указал в своем докладе вали о 600 армянах в колледже, но это не соответствовало действительности, поскольку на самом деле их было лишь всего двести двадцать» (Ibid., письмо Петера послу Моргентая, 12 августа 1915 г.).

⁴ US NArch., RG 84, Samsun, с. 49, с. 8. 1, box 5, рапорт Петера послу Моргентая, Самсун, 13 августа 1915 г.

⁵ US NArch., RG 84, Samsun, с. 49, с. 8. 1, box 5, рапорт Петера послу Моргентая, Самсун, 26 августа 1915 г.; Barton J. L. Op. cit. pp. 82–83. Рапорт д-ра Уайта подтверждает, что были депортированы 72 человека.

Депортации и погромы: Сивас

ислам и, как следствие, «под покровительством турецкого правительства и чиновников», раз уж у большинства из них уже не было родителей.

По всей видимости, офицеры, жандармы и чиновники, работавшие в Мерзифоне, выражали желание «приютить» школьников из американской школы, которые имели репутацию благовоспитанных; тем не менее ни одна из них не согласилась сменить веру, и «они были посланы в Амасью». Мисс Гейдж, Уиллард и д-р Уайт смогли проводить своих подопечных в Амасью, где мутесариф Джелал-бей попытался их арестовать, американцам удалось, однако, продолжить свой путь до Сиваса¹.

После ликвидации Колледжа Анатолии остался только американский госпиталь, который еще функционировал благодаря персоналу из пятидесяти двух армян, за которых перед властями ходатайствовали Уайт и Пе-

тер, указывая на то, что их депортация будет означать закрытие госпиталя. Тем не менее в ночь с 18 на 19 августа была сделана первая попытка арестовать этих армян. «Однако в моем присутствии, — отмечает Петер, — они на это не решились»². Однако вторая попытка была успешной. В письме, которое Петер отправил вали 26 августа, он сообщил, что «глубоко сожалеет о том, что для американского колледжа и госпиталя, которые приносили округу только благо и выгоду, не было сделано исключение. Так много ваших солдат было принято здесь прошлой зимой и обеспечено полным уходом»³.

Согласно Петеру и Уайту, около тысячи армян, в основном девочки и девушки, согласились «зарегистрироваться» как мусульманки и пошли в гаремы, чтобы избежать депортации⁴.

Казы Везиркёпрю и Гюмюшгаджикой

Построенная на руинах древнего Неаполя каза Везиркёпрю, также называемая Везиркёпрю, насчитывала лишь 6300 жителей в 1914 г., из которых 1612 были армяне. У армян было две школы (всего 150 учеников) и церковь Св. Георгия. Каймакам Бекир-бей, который занимал свой пост с 16 мая 1914 г. по 21 января 1916 г., организовал здесь истребление мужчин и впоследствии депортацию остального населения в Сивас и Мала-

тью через Хавзу, Амасью и Токат⁵. В 1914 г. все 4064 армян из казы Гюмюшгаджикой жили в её столице поблизости с Мерзифоном. В городе было две церкви и шесть школ. Округ был известен своими серебряными и медными шахтами. Каймакам Ибрагим Ниязи-бей, занимавший эту должность с октября 1914 по 2 июля 1916 г., контролировал массовые убийства и депортацию армян по тем же маршрутам, что и в Мерзифоне⁶.

Казы Ладик, Хавза и Меджитузу

В казе Ладик, которая находилась по дороге из Амасьи в Самсун, находилось триста пятьдесят армян, триста из которых жили в Ладике, а пятьдесят — в Яремчакое, в часе

ходьбы от Ладика. Еще триста тридцать три армянина проживали в казе Хавза, известной своими минеральными источниками на месте бывших римских бань. Семьсот ар-

¹ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5, рапорт Петера послу Моргентая, Самсун, 26 августа 1915 г.; Barton J. L. Op. cit. P. 83, сообщение д-ра Уайта, где он замечает: «Я думал о разнице, которая существует между американской старшеклассницей, живущей в безопасности, комфорте и счастье, и армянской девушкой из хорошей семьи, с образованием и характером, попавшей в руки чиновников турецкого правительства.

² US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5, рапорт Петера послу Моргентая, Самсун, 26 августа 1915 г. Петер дает список учителей, принявших участие в «сборе» на пользу «трио» Мерзифона: Миграна Дадеряна, Пероса Пираняна, Мисака Испиряна (находящихся еще в госпитале) и профессоров Маниседжяна, Даглияна, Миксаряна, Акопяна, Аросяна, Миракяна, Костшяна, Нерсо и Гюрекяна, «отправленных в тыл».

³ Ibid. Письмо Уильяма Петера вали Сиваса, Самсун, 26 августа 1915 г.

⁴ Ibid.; рапорт Петера послу Моргентая, Самсун, 26 августа 1915 г.; Barton J. L. Op. cit. P. 81. Рапорт д-ра Уайта.

⁵ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 263; Karpat K. Op. cit. P. 178. По данным авторов, число армян казы составляет 1632.

⁶ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 263; Karpat K. Op. cit. P. 178. По данным авторов, число армян казы составляет 3722.

мян проживали в последней казе санджака Амасья — Меджитузу, причем все — в Гаджикое¹. У нас нет данных о судьбе этих

небольших общин. Они, по всей видимости, затерялись в потоке караванов из Самсуна.

Сопrotивление и погромы в санджаке Шабин-Карахисар

В 1914 г. в санджаке Шабин-Карахисар, расположенном в самой восточной части вилаяета Сивас, проживало 23 169 армян. Они проживали в сорока четырех городах и деревнях, находившихся под юрисдикцией епархиального совета, основанного в Шабин-Карахисаре; в ведении совета находилось тридцать восемь церковных приходов, два монастыря и тридцать шесть школ, рассчитанных на 3040 учащихся. В этом горном лесистом регионе находилась единственная равнина, имеющая большое значение, — равнина Акшари/Садага, расположенная к югу от Шабин-Карахисара; в восточной части этой равнины находился город Эндерес/Сушехир. Здесь было сосредоточено почти все армянское население санджака².

Накануне Первой мировой войны в Шабин-Карахисаре, в котором располагалась префектура, проживало 4918 армян; армянское население здесь преобладало. Армяне были сосредоточены у подножия средневековой крепости, расположенной на скалистой поверхности, в верхних кварталах, окружающий собор Богоматери. Их дома, нагроможденные друг на друга, с соприкасающимися плоскими крышами были взаимосвязаны друг с другом: крыши одного ряда домов выполняли функцию улиц для жителей верхнего ряда. В конце XIX века на северо-западе сформировалось новое армянское поселение, известное как Копели.

В 1914 г. в непосредственной близости от Шабин-Карахисара располагалось пять больших армянских поселений, общая численность которых составляла 9104 человека. Поселение Тамзара располагалось в четырех километрах к северо-западу от города (в нем проживало 1518 армян). Бусейид (510 чел.) и Анерджи (646 чел.) распо-

лагались в пяти километрах на юго-западе Зибера (752 человека) и Ширдака (667 чел.) располагались на юге³.

По утверждению нашего основного свидетеля, который принимал участие в сопротивлении в Шабин-Карахисаре, в ноябре 1914 г. после всеобщей мобилизации триста армянских призывников отправились в Эрзинджан и Байбурт; довольно большое количество стариков имели возможность выплатить налог, освобождающий от призыва, который составлял сорок три турецкие лиры. В своем донесении Патриарху Константинопольскому Вагинак Ториджян, архиепископ Шабин-Карахисара, отметил, что «каждый день приносит новое доказательство ненависти по отношению к армянам» в виде реквизиций, больше напоминающих мародерство, особенно в деревнях, находящаяся в непосредственной близости от города. Власти требовали, чтобы жители этих деревень доставляли реквизируемые продукты своими собственными силами, несмотря на то, что большинство их повозок, лошадей и быков уже забрала армия⁴. Однако это едва ли можно было назвать ужасающим в стране, в которой руководство имело репутацию грабителя. Новость от 1 января 1915 г. об убийстве Саака Одабашяна, назначенного архиепископом Эрзинджана, расположенного между Сушехри и Рефахие⁵, то есть в непосредственной близости от города, встревожила армянских руководителей Шабин-Карахисара. Более того, именно архиепископ Шабин-Карахисара отец Ториджян приехал на место преступления, чтобы организовать похороны жертв⁶. По возвращении священник сообщил политическим лидерам о своих опасениях. Массовое убийство армянских солдат, которое произошло

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 263.

² Ibid. P. 248.

³ Ibid. Pp. 248–249; Karpat K. Op. cit. P. 178. Число армян, по подсчетам авторов, достигает 8494; APC, P. Bureau d'information du Patriarcat, Ч 564, № 123, "Şabinkarahisar or Karahisar Şarki".

⁴ Айказ А. Шабин-Карахисар и его героическая борьба, Нью-Йорк, 1957. С. 138–141 (на арм. яз.).

⁵ Егияян З. Указ. соч. С. 62.

⁶ См. выше, с. 483.

⁷ Айказ А. Указ. соч. С. 143.

на дороге из Эрзинджана в Сивас в январе 1915 г. после поражения под Сарыкамышем, в котором последовало уничтожение прилегающих областей в марте. 4 февраля чете-хана Пиюрк, расположенной в соседней деревне Сушехир¹, убедили армян Шабин-Карахисара в том, что все это было подготовкой к прибытию их самих. Однако, по мнению А. Айказана, никто не представлял себе масштабов геноцида младотурок по уничтожению людей. Армянские лидеры ожидали скорее «традиционной» резни гамидие, которые обычно длились в течение одного-трех дней; хорошо организованное сопротивление таким действиям могло бы возыметь эффект, если бы сопротивляющиеся продержались до тех пор, пока из столицы не поступили приказы положить конец этому насилию².

Убийство отца Сепония Кариняна, священника из близлежащей деревни Анерджи, произошедшее в мае³, арест и убийство Назарета Хюсисяна, знаковой фигуры в городе, а также арест таких хорошо известных личностей, как Асатур Тютюнжан, Арташес и Мирижан Бурназян, Григор Дакесян, Каспет Кармирян, Рафаэль Одабашян и Каспет Схдорджян, вынудили армянских лидеров укрыться в кварталах, окружающих крепость. Хосров Медзадурян, Гмаяк Маркосян, Питса, Гюкас Деовлетян, Гмаяк Карагезян, Ваган Хюсисян и Шапук Озаниян жили в подполье⁴. После этого власти приступили к следующему этапу операций, которые заключались в конфискации оружия и отслеживании перебежчиков. Это привело к довольно жестоким поисковым операциям и задержаниям. Ториджян встретился с мутесарифом Мектубджи Ахмедом-беом, чтобы положить этому всему конец. Он предложил мутесарифу лично поприсутствовать при конфискации оружия⁵, очевидно, что это имело огромное значение для обеих сторон. В конечном итоге армяне решили отдать свое личное огнестрельное оружие, охотничьи ружья, а также несколько винтовок «Мартини-Генри»; они доставили их

в префектуру в повозке, которую сопровождали два жандарма. А. Айказан интересуется, на самом ли деле власти поверили, что этот фарс означал то, что армяне сложили оружие. То обстоятельство, что власти приступили к вербовке ополчения «волонтеров» (gönüllüler), состоявшего из социальных отбросов общества, жалкое положение которых было предметом обсуждения свидетелей⁶, указывает на то, что мутесариф посчитал необходимым увеличить численность своих войск до того, как перейти к каким-либо новым действиям. Однако слабый потенциал этих новобранцев заставил его освободить нарушителей закона, чтобы увеличить военную мощь ополчения⁷. Эти действия поставили под сомнение его намерения, которое усилилось, когда в субботу вечером 6 июня 1915 г. мутесариф вызвал своего традиционного собеседника священника в конак, чтобы «посоветоваться с ним»⁸. Он «посоветовался» с Ториджяном, задержав его по прибытии и подвергнув пыткам в подвалах дворца. После того, как священник прошел эти суровые испытания, двое полицейских — Заза и Черкез — затащили его в кабинет Ахмеда-бея⁹. Вместе с мутесарифом в кабинете находился представитель Центрального комитета младотурок Нури-бей, «высокообразованный житель Стамбула», который только недавно прибыл в Шабин-Карахисар. Ахмед-бей с издевкой спросил у священника, как он себя чувствует, но он не добился от него какой-либо реакции. Тогда он с большей агрессивностью потребовал, чтобы Ториджян назвал имена повстанцев и сказал, сколько у него есть оружия. Следующий диалог показал, что каждый из мужчин прекрасно осознавал свое положение. Ториджян: «Паша, я знаю, что ты собираешься сделать»; отдай приказ убить меня прямо сейчас». Ахмед-бей: «Мы допрашиваем тебя». Ториджян: «Я не в состоянии отвечать». Ахмед-бей: «Отказ отвечать представителям закона является государственным преступлением, которое

¹ См. выше, с. 489.

² Айказан А. Указ. соч. С. 145.

³ Там же. С. 146, 361.

⁴ Там же. С. 146–147.

⁵ Там же. С. 148.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 149.

⁸ Там же. С. 150.

⁹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, n 234, список убитых, вилайет Сивас, Шабин-Карахисар.

заслуживает соответствующего наказания». Ториджян: «Господа, чего вы ожидаете от жалкого клирика, который был сломлен, раздавлен и обесчещен? Вы говорите именем закона. Но какой закон дал вам право передать священника полиции и приказать избить его до смерти? По какому праву вы обвиняете весь народ в преступлениях, которых он не совершал? На протяжении столетий армяне не один раз испытали на себе правосудие этой страны и убедились, что в Османской империи справедливости никогда не было и не будет... Мы, армяне, виновны в том, что по прошествии веков не поняли, что эта система находилась в действительности с самого начала. После восстановления конституции были одурачены не только обычные люди, но даже наши революционеры Гнчаковцы и дашнаки; они поверили, что несправедливости будет положен конец... Но события в Киликии показали, что в этой стране, в которой не существует ни совести, ни Бога, не может быть справедливости»¹. Удары иттихадиста, сопровождаемые восклицанием «Заткнись, собака!», заставили священника снова заговорить: «Вы видите, эфенди, вы доказали, что я прав. Образованный, культурный молодой человек, бывший официальным представителем Иттихада Стамбула, поднял руку на священника»². Не было бы преувеличением сказать, что эта беседа выражает общую ненависть армян по отношению к этому режиму и мышлению предателя, молодого представителя Иттихада, и высокопоставленного чиновника, которые полностью осознают, какой огромной властью они обладают.

Армянский священник, которому было сорок пять лет, прекрасно знал, какая судьба ему уготована, и отказался продолжать играть роль виновной стороны. В понедельник 7 июня он покинул город в сопровождении пятнадцати жандармов и в этот же день был убит Куджур-заде Камилем-бегом возле Эндереса, административного центра казы

Сушехир³. Только утром 16 июня жители Шабин-Карахисара узнали, что случилось с их предстоятелем⁴.

В этом густонаселенном городе, в котором основную часть населения составляли армяне, систематический арест мужчин в начале депортации требовали от властей демонстрации определенных тактических ухищрений. Неутешительные результаты поисков, которые велись в верхних кварталах, окружающих крепость, вынудили мутесарифа установить срок проведения операции против центра ремесла и торговли, сосредоточенного в нижней части города. 14 июня солдаты и бандиты окружили эти строения и в спешке арестовали триста мужчин, которых заточили в подвалах дворца. Отряд бандитов под командованием человека, известного как Кел Гасан, также отправился в нижние кварталы города и произвел аресты ночью. Однако Гасан не смог проникнуть в кварталы, окружающие крепость⁵. Утром 15 июня армянские военные попытались освободить заключенных, которые находились в конаке; однако заключенных казнили, когда военные добрались до места их заключения⁶. 16 июня жители Шабин-Карахисара увидели, что горит деревня Анерджи, в то же самое время до них дошли слухи об убийстве священника. По словам Айказ, жители города забаррикадировались в своих домах; жители близлежащих деревень, в которых напали нерегулярные войска, укрылись в городе; а армяне из нижнего квартала города, известные как «орхарды», начали подниматься вверх⁷. Более того, между отрядом чете под командованием Кела Хасана и армянскими рабочими завязалась перестрелка в центральном квартале города. В четверг 17 июня все больше жителей близлежащих деревень прибыли в Шабин-Карахисар. Был создан военный совет, в который вошли Гукас Деовлетян, Амайак Карагемян, Ваан Хюсисян, Гмяг Маркосян, Григор Баронвартян, Алексан Дакесян и Дивриг

¹ Озаян С. Мученичество лидера Шабин-Карахисара (на арм. яз.): BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 36, Şabinkarahisar, ff. 1–2.

² Ibid. P. 2.

³ Айказ А. Указ. соч. С. 150. Автор, который состоял в трудовом батальоне, утверждает, что убийца лихорадочно хвастался ему о своих деяниях.

⁴ Озаян С. Указ. соч.: BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 36, Şabinkarahisar, f. 3.

⁵ Айказ А. Указ. соч. С. 151–153.

⁶ Там же. С. 167.

⁷ Там же. С. 171–174.

...ист из Хосрова¹. Пожар, который в этот день разбушевался в нижних кварталах, преобладали деревянные дома, распространился на верхние кварталы, в которых находилась большая часть армян, а затем пожар проник в крепость, где, согласно армянским источникам, находилось от пяти до шести тысяч беженцев, три четверти из которых составляли женщины и дети². Внезапный порыв ветра направил пламя в сторону соседних кварталов; были разрушены все представительные здания, расположенные в нижних кварталах города³. Однако армяне не подозревали о масштабах паники, которая накрыла местные органы власти. Далее следует отметить то, что во время убийства заключенных во дворце некто по имени Карниг Бейлерян схватил винтовку жандарма и убил начальника жандармерии и его помощника, мутесариф и мэр сбежали⁴.

Основной проблемой, с которой столкнулся военный совет, состоящий из местных знати, была нехватка бойцов, особенно молодежи. Согласно Айказу, насчитывалось менее пятисот людей, способных «держать оружие». У них было только две сотни ружей, включая сотню винтовок системы Маузер⁵. Другой проблемой было отсутствие воды: армяне каждую ночь были вынуждены спускаться к источнику, чтобы набрать такое количество воды, которого хватало, чтобы удовлетворить минимальные нужды⁶.

Спустя пять дней относительного спокойствия 20 или 21 июня в Шабин-Каракесар прибыл Муаммер, вали Сиваса. Его сопровождала армия, вооруженная артиллерийским оружием. Он прибыл для того, чтобы взять крепость в осаду. Муаммер немедленно направил повстанцам сообщение с требованием сложить оружие и сдаться;

взамен он пообещал сохранить им жизнь⁷. Военный совет отверг это предложение, и османская артиллерия начала обстреливать позиции армян. Однако оказалось, что этот артобстрел не привел к ожидаемым результатам; напротив, куски металла от сотни артиллерийских снарядов, которые сыпались на крепость, использовались в качестве материала, из которого делали пули⁸. Части армии, которые пришли из Сушехира, начали первый штурм 25 июня⁹. Они решительно атаковали в течение нескольких дней, давая армянам возможность забрать оружие и боеприпасы у атакующих бойцов, убитых у подножия крепости. 27 июня Муаммер отправил военному совету новое сообщение с угрозой применить карательные санкции в отношении мужчин, которые были виновны в этих «беспорядках» и несут ответственность за пожар и разрушение города¹⁰. Таким образом, он обвинил в пожаре армян, несмотря на то, что пожар начался в армянских кварталах, разрушив их до того, как распространился на нижнюю часть города.

Поскольку речь идет о стратегии, примененной обеими сторонами, может показаться, что Муаммер одобрил массивную атаку, направленную на то, чтобы быстро сломить сопротивление армян, принимая во внимание тот факт, что местная знать хотела провести классическую осаду, которая неизбежно привела бы к нехватке воды и продуктов питания. В любом случае власти ожидали прибытия нескольких батальонов, которых отправили из Эрзинджана вместе с несколькими эскадронами бандитов¹¹ и тремя сформированными полками из Сиваса, которыми командовал Нешед-паша¹², чтобы начать штурм и сломить сопротивление армян. Наступление началось в воскресенье 4 июля; в битве участвовало

¹ Там же. С. 184.

² Там же. С. 176–178, 180, 191; Агуни С. Указ. соч. С. 216. Жителям Зибера, деревни, лежавшей ниже цитадели к югу, также удалось присоединиться к жителям города в убежище (Айказ А. Указ. соч. С. 191).

³ Там же. С. 178. Среди зданий, которые были спасены от огня, были мечеть, собор, два коммерческих здания и несколько десятков домов, построенных из камня (там же. С. 187).

⁴ Там же. С. 183.

⁵ Там же. С. 192.

⁶ Там же. С. 208–209.

⁷ Там же. С. 206–207.

⁸ Там же. С. 216–217.

⁹ Там же. С. 222.

¹⁰ Там же. С. 226.

¹¹ Там же. С. 228, 232; Агуни С. Указ. соч. С. 216.

¹² См. выше, с. 493.

шесть тысяч человек¹. Около трех сотен армянских бойцов и, возможно, более чем три сотни атакующих погибло в процессе этих жестоких сражений. Теперь крепость защищали только две сотни мужчин, большинство из которых были подростками². Ночью 8 июля последние армянские бойцы, которые оставались без еды и боеприпасов, попытались совершить вылазку; утром 11 июля, на двадцать седьмой день осады над крепостью поднялся белый флаг³. Поколебавшись, солдаты и чете вошли в крепость: несколько подростков в возрасте от пятнадцати лет были застрелены на месте, в то время как около трех сотен мальчиков в возрасте от трех до пятнадцати лет были отделены от всех остальных⁴. По словам нашего свидетеля, который был в этой группе, за этим последовали горячие споры о том, что делать с этими детьми, которые в конце концов были вторично интегрированы в группу женщин, собравшихся в соборе и

прилегающих к собору зданиях. В этих спорах принимали участие ходжа, военные и местная знать. Некоторые из женщин приняли яд. Остальных сослали в пустыню через Агн и Фырынджилар⁵.

Среди тех, кто взял на себя главную ответственность за то, что произошло в санджеке Шабин-Карахисар, помимо мутесарифа Мектубджи Ахмеда-бея, были представитель иттихадистской организации Нури-бей, юрист Эджем-бей, Пел Гасан, Гугуг Мустафа, Татар Халиоглы Тахсин, Гаджихалиоглы Махмуд, Джигулоглы Шериф, Айдиноглы Шериф, Салех Касаб Асим, Карамил Азим-заде Исмаил, Фаик Чавуш, Тамзарали Мюдир али Осман, Омер Фейзи (депутат Османского парламента) и Токас Комисер Самии. Они участвовали в аресте и жестоких убийствах жителей города, а также в грабежах и депортациях, которые происходили в остальных районах⁶.

Каза Сушехир

В 1914 г. тридцать пять армянских деревень, входящих в казу Сушехри, почти все из которых располагались на равнине Садага к востоку от Андреаса/Эндереса, административного центра казы, насчитывали 13430 человек. Эндерес, расположенный в 30 километрах к юго-востоку от Шабин-Карахисара, в 1914 г. насчитывал 2784 армян. Вместе с жителями восемнадцати крупнейших армянских деревень в казе — Сис (785 чел.), Пиюрк (1716 чел.), Мшагноц/Мушагемиз (844 чел.), Гтаноц/Кртанос (325 чел.),

Аламлик (219 чел.), Эзбидер (352 чел.), Джараш (104 чел.), Севиндиг (375 чел.), Азиллер (2489 чел.), Абана (444 чел.), Енкой (214 чел.), Тмлудж (173 чел.), Агхвани (700 чел.), Комешдун (107 чел.), Бейчифтлик (76 чел.), Агхравис (923 чел.), Аванд (126 чел.) и Хамам (197 чел.) — армяне Эндереса были убиты или депортированы через Агн и Фырынджилар во второй половине июня 1915 г. под руководством каймакама Ахмеда Хилми, который занимал свою должность с 10 ноября 1913 г. по 23 ноября 1915 г.⁷

Каза Мехсудие

Армянское население этой казы, основанной в 627 г., главным образом было сосредоточено в административном центре казы Мехсудие (140 жителей), а также в Карамахмуде

(350 жителей). Эти армяне также были убиты или депортированы в конце июня 1915 г. каймаком Нафи Беем, который занимал свою должность с 9 апреля 1914 г. по 19 июля 1916 г.⁸

¹ Айказ А. Указ, соч. С. 232–234.

² Там же. С. 243.

³ Там же. С. 256–258. Нескольким десяткам человек удалось бежать в горы, «где располагались греческие деревни». Некоторые из них были убиты в стычках с жандармами, другие не выжили в Понтийских горах до прихода русских весной 1916 г.

⁴ Там же. С. 260–263.

⁵ Там же. С. 264–282.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier 33, doc. cit. Pp. 22–23.

⁷ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 249–250.

⁸ Ibid. P. 250.

Казы Койюлхисар/Кизилхисар и Гамидие

К 1914 г. в этих двух районах, расположенных в западной части санджака Шабин-Кархисар, оставалось только несколько десятков армянских домов: двадцать в Койюлхисаре, административном центре казы (100 чел.), пятнадцать в Мушале (90 чел.) и семьдесят в Масудии, административном центре казы Гамидие¹.

Каймакам Кизилхисара Сермед Яшар, находившийся в этой должности с 1 июня 1915 г. по 9 июля 1916 г., и каймакам Гамидие Селал Бэй, занимавший эту должность с 7 апреля 1914 г. по 11 апреля 1916 г., организовали массовое убийство мужчин и депортировали остальную часть населения через Агн и Фырыджилар в эти две казы².

Сивас после депортации

Как мы увидели, система, которую использовали для уничтожения армян вилайета Сивас, имела отличительную черту: около пяти тысяч мужчин содержались в центральной тюрьме и подвалах духовных училищ Шифахдие и Гек в Сивасе почти на протяжении месяца после отправки колонны депортированных³. Мы не знаем, что заставило Ахмеда Муаммера держать их живыми на протяжении такого длительного времени и у нас нет сведений об условиях, в которых они содержались в тюрьме. Однако мы знаем, как этих людей методично убивали: в два этапа, в двух местах, расположенных в относительной близости от Сиваса. Тех, кого отправили в духовное училище Гека, убили первыми. С 2 по 7 августа группы, включающие в себя от сотни до двух сотен мужчин, каждую ночь забирали из духовных училищ и доставляли в Карлик, на гору, на которой размещался монастырь Святого Хагора, на равнине Челебилер, примерно в четырех часах езды к северо-западу от Сиваса; там они были убиты посредством топоров⁴. Вторая группа, в которую входили заключенные, которые содержались в духовном училище Шифахдие, были убиты между 8 и 12 августа. Этим мужчин группами по двести–триста человек

доставляли в школу подмастерьев, расположенную возле фермы в трех часах езды от Сиваса. Их убивали под наблюдением ответственного секретаря Иттихада Гани-бея⁵, Шекеоглы Исмаила, Халиса-бея, Собаджи Шюкрю — мудира Шджджакишлы), Джарза Дюргера Гасана (Шюкрю и Гасан уничтожили деревни Дендил, Бурхан, Карагель и Чепни), а также командира гарнизона Алибея; Гаджи Омера, сыновей Омера Вейсела и Ханифа; Нуриоглы Сулеймана; Теккешина Ибрагима; Эвиля-эфенди; Тайиба Эфенди; бакалейщика Нури; Арпаджи Шюкрю; Зия-эфенди, директора средней школы Султаныи; и профсоюзных деятелей Бакала Азиза и Бакала Бехджета⁶.

По словам исламизированных ремесленников, которым разрешили остаться в Сивасе, примерно в середине августа Муаммер организовал большой банкет после ликвидации всех армянских мужчин, выражая свое удовлетворение этой операцией⁷. Возможно, что убийство этих мужчин было отложено до возвращения вали из Эрзинджана, где он участвовал во встрече вали Эрзурума, Трапезунда, Харпута и Сиваса. Встреча произошла примерно 31 июля под руководством Бехаеддина Шакира⁸. Резонно предполо-

¹ Ibid.

² Капигян Г. Указ. соч. С. 234.

³ См. выше, с. 491.

⁴ Капигян Г. Указ. соч. С. 569.

⁵ Симптоматично, что представитель Иттихада Гани-бей был одним из первых, кто извлек выгоду из ликвидации армян. В 1919 г. Лусабер Погосян свидетельствовала перед следственной комиссией, что Гани и его жена часто посещали ее дом, который, кажется, был им по вкусу, поскольку они переехали туда, после того как д-р Погосян был казнен, а его жена была депортирована: P.R.O., F.O. 371/6500, Turkish War Criminals, dossier d'accusation de l'interné à Malte № 2726, Gani bey, reproduit dans: Vartkès Yeghiayan. Op. cit. Pp. 104–105.

⁶ «Как была осуществлена депортация Себастии», «Жоговурд», № 41, 13 декабря 1918 г. С. 2 (на арм. яз.).

⁷ Капигян Г. Указ. соч. С. 570.

⁸ См. выше, с. 347.

жить, что эта встреча проводилась для того, чтобы оценить первый этап операций и принять решение в отношении дополнительных мер, например, принять решение о судьбе рабочих-солдат.

Преподаватель Бауернфейнд, который проезжал через Улаш и Сивас 16 августа 1915 г., писал в своем дневнике о том, что «здесь больше нет трупов, а взрослые армяне трудятся на уборке урожая». Конечно, Бауернфейнд мог не знать, что спустя несколько дней эти крестьяне из Улаша будут вывезены на юг после уборки урожая¹. На входе в город он наблюдал за тем, что «дорогу ремонтировали армяне» (которые будут убиты в следующем году) и что «армянские рабочие мужского и женского пола, включая взрослых мужчин, все еще работают в [американской] больнице», но будут «вынуждены покинуть ее через несколько дней»². Следовательно, немецкий священник видел последние следы присутствия армян в Сивасе, вали которого, Муаммер, осмотрительно воспользовался армянами как рабочей силой, а теперь готовился к их уничтожению путем преодоления сопротивления американских миссионеров³.

Направляясь в Гемерек, по дороге в Кайсери 18 августа 1915 г. Бауернфейнд обнаружил город, «армянское население которого было депортировано»; город «показался ему опустошенным и разрушенным». Несмотря на это, он смог поговорить «с командиром и армейским врачом на французском и турецком языках», армянином, «который принадлежал к батальону армянских рабочих». В Гемереке Бауернфейнд встретил трудовые батальоны, насчитывающие девятьсот мужчин из Кайсери⁴. 28 сентября 1915 г. Муаммер отправил министра внутренних дел шиф-

рованную телеграмму, в которой сообщал ему о том, что 136 084 армянина из Сиваса и областей, в административном порядке прилегающих к нему, были депортированы в Месопотамию (вали написал «Джизре»)». Учитывая тех, кто был убит на месте, призывников, отправленных в трудовые батальоны, и исламизированных молодых женщин и детей, эта цифра кажется правдоподобной.

В декабре 1918 г. генерал Вехиб-паша, который сменил Махмуда Камиля в должности командующего 3-й армией, в своих письменных показаниях под присягой, с которыми он обратился к Мазхарской комиссии, писал: «В провинции Сивас были депортированы все армяне, за исключением тех, кто обратился в ислам... Чиновники, взятые на службу в этой провинции, имеют непосредственное отношение к совершенным преступлениям и осознанно помогали совершать их. Я убежден в этом»⁵. Также он отметил, что так называемое «оставленное имущество, собранные деньги и ценные вещи и драгоценности, переведенные в деньги, были собраны и сохранены, и, следовательно, не были украдены»; это, по его словам, подтверждает то, что Муаммер, человек с «обостренным чувством порядочности, чести и преданности», следовал инструкциям, полученным из столицы⁷. Безусловно, другие источники заставляют нас дать менее приукрашенную оценку деятельности Муаммера. Тогда как это кажется установленным фактом, что вали, защищая интересы партии и государства, сумел предотвратить грабежи в области, находящейся под его юрисдикцией, которые происходили везде, как мы увидели, все указывает на то, что он все-таки уподобился своим коллегам, лично присваивая имущество людей, которые

¹ *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 311, journal du 16 août.

² *Ibid.*

³ *Récit de Liliane Sewny, Américaine mariée à un médecin arménien, adressé à James Barton, le 10 mars 1916. Toynbee A.* The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, 1915–1916. P. 337. Сюни утверждает, что армянские сироты в американском детском доме были депортированы или были вынуждены выйти замуж за турок; офицеры даже взяли с собой нескольких из них с целью направить их в Стамбул.

⁴ *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 311, journal du 18 août.

⁵ BOA. DH. EUM, 2.Şb. 68/84, in The Armenians in Ottoman Documents (1915–1920), doc. № 122. P. 111. Это был ответ на телеграмму, которую он получил 24 июня 1915 г. от Али Мюнифа, назира министерства внутренних дел, с просьбой предоставить информацию о количестве населенных пунктов и людей в вайлаете, подлежащих депортированию [sevki]: BOA. DH. Şfr. nr.54/136, in The Armenians in Ottoman Documents (1915–1920), doc. № 44. P. 54.

⁶ Extrait de la déposition de Vehib pacha, datée du 5 décembre 1918: «Takvim-i Vakayi», № 3540, 5 mai 1919. P. 7, col. 2 et déposition complète de 12 pp manuscrites: PAJ/APC, Bureau d'information du Patriarcat, Z 171-Z 182.

⁷ *Ibid.*

находились под его руководством. С помощью своей недюжинной смекалки ему также удалось скрыть убийства, совершенные по его приказам, таким образом, создав впечатление, что он провел административную депортацию надлежащим образом. С этой точки зрения Муаммер-бей изобразил себя единственным, кто выполнял приказы, получаемые им из столицы, с великой преданностью, за исключением неудачи, которую он потерпел в Шабин-Карахисаре.

Вскоре после подписания Мудросского перемирия, в тот момент, когда Турция все еще пыталась свести счеты с элитой младотурок, турецкий чиновник, находившийся во время войны в Сивасе, написал открытое письмо бывшему вали Сиваса: «Я имею право допрашивать Вас от имени человечества и от имени людей, которых Вы убили»¹. Чтобы сделать свои слова более правдоподобными, этот свидетель напомнил вали обо всех случаях воровства, которые он совершил «и оставил совершить других», и продолжил спрашивать его о том, «где находятся двадцать восемь ковров, которые принадлежали меняле Тиграну-эфенди? Или восемнадцать ювелирных изделий, которые принадлежали Багхчеюлюану-эфенди? Или драгоценности, которые стоили четыре тысячи лир, принадлежавшие мисс Вирджинии, золовке Мкртича эфенди Мардикяна?» Наконец, этот чи-

новник, которого Муаммер предал военному суду Сиваса, напомнил, что он находился в кабинете вали, когда Муаммер вызвал «ювелира Лифтера и попросил его оценить стоимость драгоценностей, находившихся в одиннадцати сундуках», угрожая Лифтеру убийством, «если тот осмелится рассказать кому-либо об этом»².

В своем донесении военному суду Стамбула капитан Фазиль едва ли сдерживал себя, описывая вали Сиваса: он изобразил его как главного зачинщика уничтожения армян, человека, который отдавал «жандармам» приказы убивать и который сколотил состояние в шесть тысяч турецких лир за счет депортированных³.

Эти разоблачения, несомненно, вызванные больше желанием отомстить, чем моральными принципами, не только бросили тень на блестящий образ образцового вали; также они изобразили то, чем каждый день занималась большая часть лидеров младотурок. То, что генерал Вехиб благосклонно отозвался об Ахмеди-бее, остается загадкой, особенно учитывая ту горячность, с которой генерал рассказывал о роли вали в уничтожении армян этого региона, а также учитывая серьезный конфликт, возникший между ними после убийства нескольких тысяч армянских рабочих-солдат в овраге, расположенном между Саркишлой и Гемереком, в июле 1916 г.

Ликвидация трудовых батальонов Сиваса в июле 1916 г.

Мы заметили, что большая часть армянских рабочих-солдат, которые служили в трудовых батальонах пяти восточных вилайетов, включая мужчин в возрасте до восемнадцати и после сорока тысяч лет, которых завербовали слишком поздно, были убиты после депортаций. Необходимо обратить внимание на то, что армян из трудовых ба-

тальонов, которые были убиты в вилайете Сивас, в отличие от других вилайетов, уничтожались в течение всего года после того, как депортации прекратились.

Помимо трудового батальона, насчитывающего девятьсот мужчин из Кайсери, которые работали в Гемереке⁴, трудовой батальон, насчитывающий пятьсот мужчин,

¹ *Modenizâde F.* «Les vols de Muammer», in *Söz*, 19 janvier 1919.

² *Ibid.* Председатель правительственной следственной комиссии, созданной в ноябре 1918 г., Мазхар-бей запрашивал некоторую дополнительную информацию о событиях у начальника полиции Сиваса. Мазхар упомянул, в частности, батальон Хулуси-бей, включавший пятьсот бандитов чете, которые преследовали колонну женщин весь путь до Кангала и наложили руки на драгоценности и другие ценные предметы, заполнившие три вагона; часть этой добычи была доставлена в местную префектуру. Мазхар запрашивал более точную информацию о количестве предметов, отданных на хранение властям: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 317.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 465, doc. № 2, отрывок из рапорта капитана Фазиля, члена военного трибунала Малаты, относящийся к Агмеду Муаммеру.

⁴ См. с. 520, примечание 4.

располагался в Ханли, лежащем на полпути между Сивасом и Гемереком¹. Кроме того, значительное число ремесленников-солдат были заняты в армии, особенно в Сивасе. Этими подразделениями командовал полковник Бехджет-бей, а также командиры Никмет-бей, Нури-бей и Али Шефик-бей².

До тех пор, пока 3-я армия находилась под командованием Махмуда Камиля, казалось, что уничтожение рабочих-солдат не представляло собой никакой проблемы для военного руководства. Но когда генерал Вехиб-паша стал командующим 3-й армией, стало ясно, что Специальная организация, представители иттихадистской организации и вали больше не могли решать судьбу этих людей, не посоветовавшись сначала с верховным командующим офицером, под чьим командованием находились эти рекруты. По сути, у нас нет официальных документов, в которых говорится об условиях, в которых происходило уничтожение трудовых батальонов осенью 1915 г.; фактически вся наша информация поступила к нам из воспоминаний выживших. Следовательно, военное расследование об убийствах рабочих-солдат из вилайета Сивас, которое проводилось осенью 1916 г. по приказу Вехиба и возобновленное Мазхарской комиссией в ноябре 1918 г., представляет собой даже больший интерес, чем можно было представить.

В своих показаниях Мазхарской комиссии Вехиб указал на то, что «военный долг вызвал необходимость отправить армян, служивших в трудовых батальонах, в Четвертую армию. Было решено собрать их в Сивасе, чтобы отправить их отсюда в Алеппо. С этой целью эти приказы были отданы вали»³. Из этой формулировки следует, что военные власти считали необходимым убрать этих людей с линии фронта, которая в то время пролегла между Эндересом и Сушехиром. Муаммер, который часто появлялся в штабе 3-й армии для решения вопросов, связанных со снабжением войск продовольствием, во

время принятия решения находился в Заре. Согласно армянским источникам, даже из Зары он отдавал приказы по телефону, чтобы собрать армянских рабочих-солдат в Сивасе, в духовном училище Шифахдие и Гек, чтобы отправить их в Бозанти и Сирию⁴. В то время как серьезные обвинения вменялись главе жандармерии Месджи-заде Нури, который осуществил убийство армянских рабочих-солдат Сиваса, вали Сиваса также находился под подозрением. Таким образом, Нури заявил, что Муаммер позвонил ему и приказал отправить эти трудовые батальоны «в Кайсери через час»⁵. В переводе на незашифрованный текст это был приказ ликвидировать их (это был поход из Кайсери в Сивас, занявший несколько дней). В ответ на расследование в отношении смерти этих людей, начатое Мазхарской комиссией, Вехиб заявил, что он потребовал у Нури объяснений и что Нури «сказал ему, что приказ ему отдал Муаммер-бей в устной форме в ходе телефонного разговора»; однако Вехиб добавил, что Муаммер отрицал тот факт, что «он вообще отдавал такой приказ»⁶. Принимая во внимание особое положение вали, который также был главой Специальной организации в регионе, находящемся под его юрисдикцией, наиболее вероятно, что Муаммер все-таки отдавал приказы убить эти тысячи мужчин, после того, как сам получил такие приказы от своих начальников. Решение командующего 3-й армией собрать рабочих-солдат в вилайете Сивас, находящемся под его юрисдикцией, с намерением предоставить их в распоряжение Кемал-паши, было, конечно, воспринято младотурками как возможность уничтожить их. Несомненно, Стамбул полагал, что командующий 3-й армией не будет выяснять судьбу этих людей, которые, как предполагалось, были отправлены в Сирию. Однако через три месяца после депортации этих трудовых батальонов Вехиб, который «не получил никаких новостей о том, прибыли они в Алеппо

¹ *Bauernfeind H.* Op. cit. P. 311, journal du 17 août.

² «Как была осуществлена депортация Себастии», «Жоговурд», № 41, 13 декабря 1918 г. С. 2 (на арм. яз.).

³ Отрывок из свидетельского показания Вехиба-паши от 5 декабря 1918 г.: «Takvim-i Vakayi», № 3540, 5 mai 1919, p. 7, col. 2 и полное рукописное свидетельское показание из 12 страниц: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Z 171–Z 182.

⁴ Капиgian Г. Указ. соч. С. 570.

⁵ Там же. С. 571.

⁶ Письмо Гасана Мазхара, президента следственной комиссии, генералу Вехибу-паше от 22 декабря 1918 г., приложенное к следственному делу обвиняемых Эрзинджана: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 372–374, 376–401, 555–570, dossier XXIII, № 151.

нет», начал интересоваться, что с ними случилось¹. Он попросил у Ахмеда Кемаля, главнокомандующего 4-й армией, «объяснений»; Кемаль ответил, что эти «солдаты под его командование не поступали». Тогда Вехиб обратился к Муаммеру, который «сообщил [ему], что все армянские солдаты были убиты между Шаркишлой и Гемереком Нури эфенди, капитаном жандармерии, который получил приказ отправить их [в Алеппо]». В ходе проведенного расследования Вехиб установил, что он намеренно убил этих солдат². Нури-бей был вызван в штаб 3-й армии в Сушехире и предстал перед Военным советом, который приговорил его к казни. Вехиб писал: «Я взял на себя ответственность перед моей совестью издать приказ привести этот приговор в исполнение, чтобы это послужило примером для остальных»³.

Но Вехиб не удовлетворился наказанием тех, кто выполнял эти приказы. Он потребовал, чтобы человек, который отдал этот приказ, Ахмед Муаммер, предстал перед военным судом. По словам епископа Гнела Галемкаряна, который в этой связи встретился с Талаатом, тот факт, что министр внутренних дел и Исмаил Хакки 29 ноября 1916 г. прибыли в Сивас, был напрямую связан с этим вопросом⁴. Под предлогом «общей инспекционной поездки» оба лидера младотурок «на самом деле прибыли, чтобы сгладить конфликт между Вехибом-пашой и Муаммером». Предположительно Вехиб потребовал, чтобы столичные власти «немедленно освободили [Муаммера] от должности», и считается, что он «упорно стоял на своем», поэтому министр внутренних дел был вынужден доставить вали в Конюю⁵.

После Мудросского перемирия, когда правительственная следственная комиссия начала расследовать деятельность Муаммера во время войны, ее президент Гасан Мазхар обратился к Вехибу за дополнительной информацией о роли вали в убийстве рабочих-солдат. Он спросил у него непосредственно о том, действительно ли открылись «обстоятельства, имеющие отношение к Муаммеру-бею, во время допроса Нури эфенди» и, более того, действительно ли вали «просил за него», когда был вынесен смертный приговор. Генерал отвечал: «Нури-бей просто сказал, что он получил приказ о ликвидации Муаммера-бея». Но далее Вехиб сказал о том, что Нури-бей не имел возможности показать ему письменный приказ, следовательно, «заявление Нури оставалось просто словами, без малейших доказательств, чтобы подтвердить их, а также эти слова не имели какого-либо законодательного или официального характера; следовательно, они были признаны не имеющими какой-либо силы»⁶. Однако предусмотрительный генерал ничего не расскал о мерах, которые он предпринял в Стамбуле, с целью добиться отставки Муаммера после «прискорбной кончины» армянских солдат. Впрочем, он смог доказать, что, когда попросил вали прислать капитана Нури в штаб, Муаммер хотел «знать, для чего его вызвали». Через несколько дней, когда Муаммер прибыл в штаб в Сушехире, чтобы решить с ним «проблемы, связанные со снабжением армии продовольствием», вали «в устной форме заявил, что расследование, которое он провел, выявило, что Нури эфенди был автором расследуемого

¹ Орывок из свидетельского показания Вехиб-паши от 5 декабря 1918 г.: «Takvim-i Vakayi», № 3540, 5 mai 1919, p. 7, col. 2 и полное рукописное свидетельское показание из 12 страниц: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, L 171-L 182.

² Ibid.

³ Следственное дело обвиняемых Эрзинджана: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 372-374, 376-401, 555-570, dossier XXIII, № 151. Согласно отчету Вехиб-паши, документы, касающиеся этого процесса, хранятся в архивах президента военкомата 9-го армейского корпуса Алаэддин-бея, который также был президентом военного совета. Эти документы были позже перенаправлены в судебный департамент 3-й армии, но, поскольку это подразделение было позже расформировано, военный министр взял эти материалы себе.

⁴ «Le martyrologe des Arméniens de Sébaste», manuscrit du primat de Sébaste, Mgr Knêl Kalemkarian, rédigé en 1919, 51 pp., chapitre XV: «Recueil de témoignages sur l'extermination des amele taburi», éd. par Kévorkian R. H. Revue d'Histoire arménienne contemporaine, I (1995). Pp. 299-300. Другой отрывок о его беседе с Талаатом был опубликован Патриком. Патрик А. Указ. соч. С. 16-18.

⁵ «Le martyrologe des Arméniens de Sébaste». Pp. 299-300.

⁶ Ответ Вехиба-паши Гасану Мазхару, президенту следственной комиссии, от 24 декабря 1918 г., написанный в Кадикойе, приложенной к следственному делу обвиняемых Эрзинджана: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XXII, № 151, U 372-374, 376-401, 555-570.

преступления... и что он сообщил об этом министру внутренних дел»¹. Безусловно, этих конфиденциальных сообщений, представленных в виде доказательств, было недостаточно, чтобы убедить генерала. Они отражают конкретную ситуацию, за которой у нас нет возможности наблюдать, где лидер младотурок, внезапно столкнувшийся с ситуацией, когда он должен был принять на себя ответственность за издание приказов совершить преступление, не колеблясь, принес в жертву одного из своих подчиненных, чтобы защитить себя и свою партию.

По слухам, собранным Н. Капигяном, пятьсот ремесленников-солдат из города Сивас, из трех тысяч человек, помещенных в городское духовной училище в начале июля 1916 г., были освобождены в довольно короткие сроки. Других по приказу капитана Нури отправили в овраг, расположенный на южных склонах горного хребта Дардашлар и убили в Ташли Дере, по дороге в Шаркишлу, возле Гемекека². Оказалось, что немецкие офицеры стали свидетелями этих казней³. Епископ Галемкрян сообщил, что он в сопровождении вице-консула Германии Карла Верта отправился на встречу с вали, который вернулся из штаба 3-й армии днем ранее, чтобы спросить у него, почему армяны заключили в тюрьму. Вали заявил, что «командующий 4-й армией попросил отправить этих солдат к нему, чтобы они могли поработать на строительстве железной дороги в Бозантийском районе», но в итоге «они были убиты с невообразимой жестокостью топорами, мечами, дубинами и пулями,

либо были сброшены с обрыва преступниками»⁴.

Согласно документам, собранным британскими властями, Гани-бей, ответственный секретарь иттихадистской организации в Сивасе, лично участвовал в ликвидации другого трудового батальона в Ен Юкуше, расположенном в трех часах езды от Сиваса⁵. В то же самое время в Кайядипи, расположенном в семи часах езды от Сиваса, было убито пятьсот рабочих-солдат, работающих возле Ханли⁶, в то время как девятьсот мужчин из батальона, базировавшегося в Гемеке, постигла такая же участь весной возле Ортакаю⁷.

Трое военных врачей д-ра Багдасар Ваданян, Максуд и Хайранян стали последними жертвами этих массовых убийств; они были первыми, кого освободили от должности, а затем убили в центральной тюрьме Сиваса. Высокопоставленные друзья Хайраняна из Германии, которые тесно общались с немецкими офицерами, базировавшимися в городе, просили за него у самого Энвер-паша. Но даже этой влиятельной защиты оказалось недостаточно, чтобы сдержать Муаммера⁸. Все говорит о том, что вали не хотел оставлять врача, который находился в хороших отношениях с немецкими союзниками Османской империи, в живых, тем более что Хайранян был свидетелем преступной деятельности вали.

Таким образом, в общей сложности около пяти тысяч армянских рекрутов, которые могли рассматриваться как остатки трудовых батальонов 3-й армии, были уничтожены в июле 1916 г.

¹ Ibid.

² Капигян Г. Указ. соч. С. 571.

³ BNU/ Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 49, Sébaste, f° 14v, Sébaste et ses villages, doc. cit.

⁴ «Le martyrologe des Arméniens de Sébaste». Pp. 299–300.

⁵ P.R.O., F.O. 371/6500, Turkish War Criminals, dossier d'accusation de l'interné à Malte N° 2726, Gani bey, reproduit dans: Yeghiayan V. Op. cit. Pp. 100–106.

⁶ См. выше, с. 521–522; Капигян Г. Указ. соч. С. 571.

⁷ Там же. С. 772; см. выше, с. 521–522.

⁸ Капигян Г. Указ. соч. С. 572. В письме от 10 марта 1916 г. в адрес Джеймса Бартона Лиана Сьюни, американка, вышедшая замуж за врача-армянина, подтверждает, что эти трое врачей стали последними жертвами Муаммера: Toynbee A. Op. cit. P. 336; BNU/ Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide P.J. 1/3, liasse 49, Sébaste, f° 136.

Ответственные за погромы в вилайете Сивас

В документе, адресованном в декабре 1918 г. Рифату-бею, начальнику полиции Сиваса. Гасан Мазхар, глава правительственной следственной комиссии, задал тридцать девять вопросов, которые фактически образовывали базовую структуру программы по ликвидации армянского населения этого региона¹. Мы не знаем, ответил ли Рифат-бей на эти вопросы. Однако некоторые из этих вопросов, по существу, сами по себе являются ответами; они не только повторяют события, с которыми мы только что ознакомились, но также дают более точные сведения об этих событиях, показывая при этом, насколько Гасан Мазхар был знаком с механизмом, применяемым иттихадистской организацией. Ниже мы перечисляем все эти вопросы; за некоторыми из них следует начало ответа или более подробные сведения, когда мы были в состоянии ее предоставить.

1) Кто возглавляет Комитет «Единение и прогресс» в Сивасе? Шеркерлиоглы Исмаил². 2) Кто является членами комитета «Единение и прогресс» в Сивасе? Кол Агаси Али эфенди, Сопаджи Шюкрю, лейтенант полиции Хафиз, лейтенант полиции Махмуд, помощник Муаммера, его убийца по поручению, Черкез Махмуд, который убил Мануела Дедеяна и его учеников в лицее Сана-саряна, Али Шериф-бей, который контролировал аресты и пытки, а также заведовал поисковыми операциями и задержаниями в деревнях, Садеклах-бей, Бехчет-бей, командир трудового батальона, и Пертев-бей, командир 10-м армейского корпуса, базировавшегося в Сивасе³. 3) Вали Муаммер-бей посещал Комитет каждый день? Вероятнее всего, да. 4) Сколько дней д-р Бехаеддин Шакир, член Центрального комитета, провел в Сивасе и у кого он останавливался? Это подтверждает то, что глава Специальной организации оплатил поездку в Сивас. 5) Что он говорил, когда был там? 6) Сколько дней Талаат-бей, министр внутренних дел, провел в Сивасе и у кого он останавливался? Мы не знаем, связано ли упоминание о визите Та-

лаата в ноябре 1916 г. с решением о судьбе Муаммера, или это был его более ранний визит. 7) Кто сформировал банды уголовников, известных как Специальная организация? Муаммер вместе с Расимом-беем, депутатом парламента из Сиваса, который организовал группы бандитов в вилайете⁴. 8) Как звали депутата парламента из Кангаля, который произнес речь перед Комитетом «Единение и прогресс» и в мечети [в Сивасе]? Он сказал: «О, мусульмане, ваши враги — не иностранцы, не русские или англичане. Ваши враги находятся среди вас». Наиболее вероятно, что это был д-р Фазиль Берки-бей, депутат из Чанджкери, который произнес практически такую же речь в Улуджами⁵. 9) Как Муаммер-бей отреагировал на речь Талаата, которую он произнес в мечети и перед членами Комитета? Он сказал: «О, мусульмане, мы полностью искоренили армян; мы отдаем вам все их имущество, их лавки, магазины и дома. С этого момента торговля в ваших руках и будет исключительно вашей». 10) Кто выпустил преступников [из тюрьмы], в результате чего они смогли вступить в Специальную организацию? 11) Сколько заключенных было завербовано «Специальной организацией» и сколько было завербовано жандармерией? 12) Какие задачи стояли перед батальонами рабочих-солдат? 13) Сколько церквей было разрушено в Сивасе? 14) Почему Муаммер-бей разрушил все дома в деревне Тавра и сделал из этой деревни, насчитывающей триста домашних хозяйств, сельскохозяйственные земли? 15) В чем был секрет разрушения больших армянских церквей и от трехсот до пятисот домов квартала Хюллуклик [в Сивасе]? 16) Вы или Муаммер-бей отдал приказ заменить кресты на колокольных церквей на полумесяцы и заставил людей молиться на эти колокольни? 17) Надгробные плиты на [армянском] кладбище были разрушены, а надгробные надписи были затерты определенными людьми. Затем эти памятники и камни из разрушенных церквей были пере-

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 317, «Questions au préfet de police du vilayet de Sivas adressées par la commission d'enquête, décembre 1918».

² BNU/ Fonds *Andonian A.* Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 49, Sêbaste, f° 135v'.

³ *Idibem.*

⁴ Bureau d'information du Patriarcat arménien de Constantinople, Liste des responsables des massacres et des déportations, BNU, ms. 289, ff. 27–33, Les assassins de Sivas.

⁵ См. выше, с. 390.

везены на площадку перед зданием префектуры, где был построен отель Туран, Комитет «Единение и прогресс», типография префектуры и кабинет чертежника. Это все было сделано по приказу Муаммера-бея? 18) Работали ли рабочие-солдаты [при этом]? Когда, до их депортации и убийства, их вызвали в Сивас строить эти здания? 19) Не по приказу ли Муаммера-бея пятьдесят двух армянских солдат, сражавшихся в Чанаккале и раненых в битве, заставили присоединиться к трудовому батальону? 20) Кто председательствовал на церемонии закладки фундамента отеля Туран и Комитета «Единение и прогресс»? 21) Кто председательствовал на торжественном открытии этих зданий, когда их строительство было завершено? 22) Кто посетил церемонию закладки фундамента и торжественное открытие этих зданий? 23) Когда вы узнали об убийствах и ликвидации рабочих батальонов в Сивасе, которые совершил Нури эфенди в районе Тенус? 24) Когда Муаммер-бей узнал об этих тяжких преступлениях? Он приказал провести расследование, и было ли оно проведено? 25) Опрашивали ли мутесарифов Азизие, Кердуна и Тенуса? 26) Если расследование проводилось на самом деле, чем оно было вызвано? 27) Когда собирали оружие? Через сколько дней после депортации началась эта процедура? 28) Нам сообщили, что во время депортации армян из Сиваса Муаммер-бей объявил населению: «Любой мусульманин, который спрячет армянина в своем доме, будет повешен перед этим домом». Это официальное объявление было опубликовано в провинциальной газете «Шейх». У вас есть эта газета? 29) Находясь в должности начальника полиции, вы выдали разрешения на поездку девяти лицам, которые вместе с епископом господином Гарником Тугхладжяном и Арамом Мушегяном хотели воспользоваться этими разрешениями, чтобы выехать в Константинополь? 30) Что произошло в монастыре Святого Ншана? 31) Какова была роль Специальной организации? Какова была позиция д-ра Бе-хаеддина Шакира, главы этой организации? 32) В какой день начальник почтовой службы между Кайсери и Сивасом сложил свои полномочия? 33) Сколько армянских чинов-

ников служило в администрации вилайета? Сколько армянских судей входило в состав суда? Назовите их имена. 34) Кто был переводчиком в вилайете? 35) Кто из судей был освобожден от своих должностных обязанностей и депортирован вместе с Оксаном Асланом эфенди, ответственным за лесное хозяйство и рудники? 36) Почему эти судьи и Оксан Аслан эфенди были взяты под стражу до депортации? Кто приказал депортировать их? 37) Это правда, что Варданян, Вартоян и Манук Бейлерян, переводчик вилайета, были депортированы и убиты вместе с другими четырьмя или пятью армянами? 38) Они были депортированы спустя двадцать или двадцать пять дней, другие мужчины были арестованы и заключены в тюрьму? 39) Хулуси-бей вместе со ста пятьюдесятью мужчинами прибыли в Кангал, чтобы найти армянских женщин, депортированных из Сиваса; он дурно обращался с ними и отобрал у них значительное количество золота и драгоценностей, которые были погружены в три повозки, одна была оснащена ресурсами, остальные две — нет. Какую часть награбленного получил вали? Вы знаете, был ли заведен журнал, в котором отмечалось количество золота и драгоценностей? 40) Представителем Комитета «Единение и прогресс» в Сивасе был Гани-бей. Кто прислал вас включить его в состав полицейского трибунала?

Этот «опросник» воссоздает механизм, который был приведен в действие на региональном уровне, тем самым описывая роль, которую играла администрация, с одной стороны, и, тайные центры, с другой стороны, в плане ликвидации армян и присвоения их собственности. Он дополняется списком тех, кто несет основную ответственность за убийства и депортации, происходившие в вилайете². Кроме лидера местной партии Иттихад вали Муаммера и представителя иттихадистской организации Гани, ответственность несут также следующие лица: глава муниципалитета Баджанак-заде Хамди; Мустафа Ходжа де Туркаль, член Депортационного комитета, который составил список армянской городской элиты, которую собирались ликвидировать; полковник Али эфенди, член Депортационного комитета.

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 317, «Questions au préfet de police du vilayet de Sivas adressées par la commission d'enquête, décembre 1918».

² Bureau d'information du Patriarcat arménien de Constantinople, список ответственных за погромы и депортации, BNu, ms. 289, ff. 27–33.

Али эфенди, брат полковника Али, глава отряда чете; муллы Дериндели Ходжа, Гамали Ходжа, Иззет Ходжа и Оченоглы Мустафа, который настаивал на том, чтобы армяне были вычеркнуты из проповедей, которые они читали в мечетях; Халил-бей, начальник жандармерии; Али Шевфик, майор жандармерии, один из тех, кто организовал убийства в казе Сушехир; Рифат-бей, начальник полиции, который арестовал армянскую знать и организовал присвоение их имущества; казначей Тевфик, член комиссии, ответственной за оставленное имущество; Акипаша-заде Муртеза, секретарь Тевфика; Иср-бей, главный редактор газеты Сиваса, который опубликовал множество статей о злодеяниях армянских банд, учиненных над турками»; финансовый инспектор Эмин-бей; Хайри эфенди, чиновник из комитета по продаже «оставленного имущества», который отвечал за ограбление домов, которые принадлежали армянам; Махмуд Чете, лейтенант полиции, этапировавший депортированных, участвовавший в грабежах и совершивший убийства около Гасанчелеби; Джелал, помощник Муаммера, который совершил убийства в Челебилере и Тавре; Калеш-бей, офицер жандармерии, который приказал убивать и наблюдал за убийствами; Халис-бей, офицер из отряда бандитов, председатель комиссии Специальной организации в вилайете; Эмирпашаоглы Гамид, глава черкесов Узуньялы; бандит Баджанаоглы Эдхем; бандит Кутугюноглы Хюсейн; бандит Зарали Махир (пятеро последних перечисленных лиц участвовали в убийстве приходского священника Саака Одабашяна); перевозчик Джизмеджи Гаджи; Черкез Кадир, бандит, вместе с пятью последними перечисленными лицами обвиняемый в получении и отправке сорока восьми мешков с драгоценностями и мешка с тридцатью тысячами лир золотом из Гасанчелеби и Хекимхана в Сивас, где эти мешки были переданы Муаммеру; Собаджи Чил Шюкрю,

помощник жандарма, которому предъявили обвинение в выдаче местонахождения людей, которых необходимо было арестовать; правители Улаша/Улаша и Агджакишлы, которые участвовали в убийствах в их районах; Джарга Дурджере Гасан, бандит, который совершил убийства в армянских деревнях возле Улаша; чете Гаджиемероглы Вейсел; Ханиф; Нурибейоглы Сюлейман и Нурибейоглы Казим, которые перерезали горло заключенным тюрьмы Сиваса возле фермы Балахор, на дороге, ведущей из Эни Хана в Сивас вместе с курдскими эмигрантами; Текешен Ибрахим, сообщник только что перечисленных лиц вместе с Тайибом эфенди, чиновником из мэрии; бакалейщик Нури; Арпаджи Шюкрю; Бакал Азиз; Бакал Бехджет; Бербер Шюкрю (один из тех, кто убил Мензюкяна, учителя лицея Санасаряна).

Также мы должны упомянуть деятельность Садуллаха, офицера жандармерии и начальника тюремной стражи крепости Сиваса (тюрьма военного суда), где он убил армянских заключенных в июле 1916 г., а также полковника Пертева-бея, командующего 10-м армейским корпусом Тевфика-бея, заведующего фермой [çiftlik müdürü]; Ахерпаша-заде Халида, его секретаря, который принимал участие в убийствах рабочих-солдат в овраге Челебилер; Ахерпаша-заде Муртеза, одного из тех, кто присвоил себе собственность армян в Сивасе; Авндук-заде Нусина и Хандене-заде Гасана, которые грабили магазины; Казима, помощника вали и бандита, который участвовал в убийствах в Кангале; а также Ахмеда-бея, начальника турецкого приюта Сиваса, который участвовал в убийстве армянских детей¹.

В пятом номере франкоязычной ежедневной стамбульской газеты, вышедшем в пятницу 13 декабря 1918 г., сообщалось, что Муаммер-бей был арестован в столице Османской империи. Он и его коллега из Диарбекира д-р Решид были первыми из обвиняемых, которых взяли под арест.

¹ Ibid.

ГЛАВА 9

Депортации и погромы в вилайете Трапезунд

Зажатый между Черным морем и Понтийским хребтом, вилайет Трапезунд, площадью в 32 400 квадратных километров и с населением в один миллион пятьсот тысяч жителей, являлся одним из самых густонаселенных регионов Османской империи накануне Первой мировой войны. В то время он был разделен на четыре санджака: Трапезунд, Джаник, Лазистан и Гюмюшхане. Его население состояло главным образом из греков, турок, лазов, аджарцев и абхазов, а также в нем присутствовало процветающее армянское меньшинство численностью в 73 395 человек. Они жили в ста восьмидесяти городах и деревнях, в которых находилось сто шесть церквей, три монастыря и сто девять школ с общим количеством учащихся 9254 человека, а также несколько католических и протестантских школ¹.

В одном Трапезунде, где находилась резиденция вали, насчитывалось 5539 армян, в том числе семьсот пятьдесят католиков и сто пятьдесят протестантов². Город являлся важным транзитным портом, в котором размещалось большое количество ханов, консульства всех ведущих держав того времени, конторы судовладельцев и дома богатейших греческих и армянских торговцев, расположенные рядом с портом вокруг центральной площади, известной как Гяур Мейдан.

В первые годы конституционного режима армянские политические партии начали

играть все более важную роль в делах армянского сообщества. Во время выборов в законодательные органы АРФ также установила тесные связи с местными младотурками, у которых была очень узкая социальная база вне аристократических кругов. Среди армян АРФ также столкнулась с оппозицией консервативных кругов и даже архиепископов, которые часто менялись до тех пор пока 8 июля 1913 г. не был выбран молодой прелат Геворг Турян³. Балканская война дала трапезундским армянам возможность показать свою преданность своей османской родине службой в армии. Трапезундские дашнаки даже предложили жилье османским офицерам⁴. Когда новоизбранный патриарх Завен Тер-Егиян, ехал через порт в декабре 1913 г., прелату был оказан вежливый прием со стороны местных властей и представителя КЕП Омера Наджи⁵.

Однако одновременно с договоренностью о реформах в армянских провинциях была инициирована политика преследования армянского населения Трапезунда. Она приняла различные формы. Так, «патриотическая» кампания по сбору средств, которая в феврале 1914 г. запустил трапезундский клуб Иттихада и официальной целью которой являлась «закупка военных кораблей», была поручена местным преступникам⁶, которые «вытягивали большие суммы денег у армян и греков, порой грабя их склады».

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 179–181; по подсчетам Карпата, количество армян в вилайете в 1914 г. составляло 68 813 человек: Karpat K. Op. cit. Pp. 180, 184.

² Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 187.

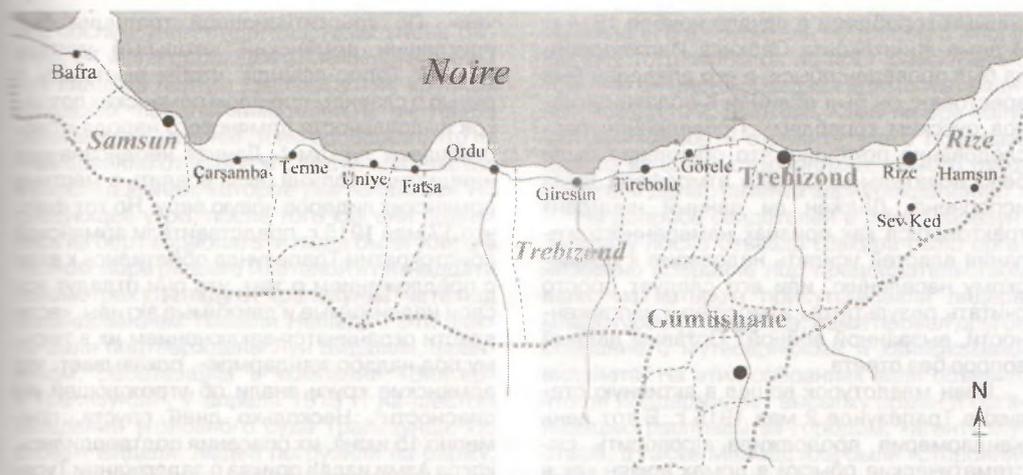
³ Овакимян О. История армян Понта, Бейрут, 1967. С. 205–206. (на арм. яз.).

⁴ Там же. С. 208.

⁵ Там же.

⁶ AMAE, Turquie, Politique intérieure, n. s., vol. 9, f° 257, rapport du consul de France à Trébizonde au président du Conseil et ministre des Affaires étrangères, Doumergue, daté du 2 février 1914.

⁷ Ibid., f° 261, lettre du chargé d'affaire à Constantinople, Boppe, au président du Conseil et ministre des Affaires étrangères, Doumergue, datée du 14 février 1914.

Создавалось впечатление, что в столице были даны указания бойкотировать греческих и армянских торговцев в Трапезунде, так же как и в других местах¹.

Когда вспыхнула война с Россией, Трапезунд явно стал для османцев стратегическим портом первоочередной важности; руководство младотурок планировало вынести крупномасштабные операции из города. Кроме того, мы видим, что даже до начала военных действий КЕП направила сюда некоторых самых видных членов: майора Юсуфа Ризабея, члена Центрального комитета Иттихада, который был назначен руководителем «Специальной организации»², и Енибахчели Наиля, известного фидайи партии, как представителя в Трапезунде³. Оба оказались втянуты в конфликт по поводу того, кто из них должен командовать отрядами «Специальной организации» в регионе; победителем из данного конфликта вышел майор Риза⁴. Наиль к началу ноября сумел собрать семь-

сот отрядов, причем все они состояли из освобожденных из тюрьмы преступников⁵. Настоящим политическим лидером вилайета тем не менее оказался вали Джемаль Азми, который также играл важную роль в вербовке отрядов бандитов путем привлечения чете, группировок, которыми кишели горные районы вилайета, и получения амнистии для них. Назначенный на свою должность 7 июля 1914 г., незадолго до всеобщей мобилизации (занимал он свой пост до 2 февраля 1917 г.), Азми должен был стать одним из главных вершителей ликвидации армянского населения своего вилайета⁶.

Как бы предвещая грядущие события, одно из зданий армянской средней школы, примыкавшее к консульству России, было сожжено за несколько дней до приказа о всеобщей мобилизации. Под серьезное подозрение попали местные младотурки⁷. Но первым признаком враждебности в отношении армян стал обстрел города русскими во-

¹ См. выше, с. 240; *Овакимян О.* Указ. соч. С. 214–215.

² См. выше, с. 206, примечание 4, 5 и 9, с. 207, примечание 2.

³ См. выше, с. 245–247.

⁴ См. выше, с. 246–248.

⁵ См. выше, с. 248–249.

⁶ Мехмед Джемаль Азми (родился в Диарбекире и убит в Берлине в апреле 1922 г.) был выпускником Мулкие (1891), главой юридической школы в Салониках до 1908 г. и членом КЕП, депутатом парламента от Превезе (1908–1909 г.), вали Бурсы, депутатом парламента от Чорума в 1914 г., вали Коньи (1914): *Ahmad F. Or. cit.* P. 167; полицейский префект в Стамбуле в 1908 г.: *Zürcher E. T. Or. cit.* P. 107; когда он был убит, стало известно, что он был вали Болу до того, как он поселился в Берлине в начале 1918 г. (не указывается, в какой должности он туда отправился); большинство стамбульских газет утверждало, что он и д-р Шакир были реальными лидерами КЕП и что Талаат и Энвер относились к ним с уважением, потому что «они их боялись»: *Vakit*, 20 avril 1922.

⁷ *Овакимян О.* Указ. соч. С. 215–217.

енными кораблями в начале ноября 1914 г. В доме аристократа Саркиса Инджеарабяна был проведен обыск, а его владелец был арестован; он был обвинен в подаче сигналов русским кораблям¹. Проведенное расследование показало, что обвинения были безосновательны, однако атмосфера была испорчена. Должен ли данный инцидент трактоваться как признак намеренного желания властей усилить недоверие к армянскому населению, или его следует просто считать результатом атмосферы напряженности, вызванной войной? Оставим данный вопрос без ответа.

План младотурок вошел в активную стадию в Трапезунде 2 мая 1915 г. В тот день жандармерия продолжила проводить систематические обыски в домах армян как в городах, так и в деревнях; они искали возможных дезертиров, оружие и «русских шпионов». Операция оказалась безуспешной, но Джемаль Азми отказался сделать публичное заявление по данному вопросу, о чем его просил архиепископ Турян. Однако операция помогла посеять атмосферу террора среди армянского населения². Вероятно, для того чтобы уменьшить свои страхи, вали принял решение создать пропагандистский комитет из представителей аристократии и духовенства, включая Туряна; он потребовал, чтобы представители комитета отправлялись в армянские города и деревни и убедили их жителей в «благожелательности правительства»³.

5 июня представитель КЕП, Наиль, организовал встречу в городском парке. Там он произнес речь тюркистского и исламистского характера, в которой он сослался на Тамерлана: «Русский язычник и его друзья; настало время показать им силу наших ме-

чей». По конституционной традиции был приглашен армянский школьный учитель дашнак Торос-эфенди, чтобы выступить с речью о славном прошлом османских потомков и «лояльности армянского народа к бесстрашным туркам»⁴. Данная неоднозначная инициатива должна была вселить в местных армянских лидеров новую веру. Но тот факт, что 17 мая 1915 г. представители армянской аристократии Трапезунда обратились к вали с предложением о том, что они отдадут все свои недвижимые и движимые активы, «если власти ограничатся заключением их в тюрьму под надзор жандармов», показывает, что армянские круги знали об угрожающей им опасности⁵. Несколько дней спустя, примерно 15 июня, их опасения подтвердились, когда Азми издал приказ о задержании Туряна⁶ и доставке его в военный суд в Эрзуруме «для дачи показаний», и по его приказу сопровождающие жандармы убили священника по пути между Эрганой и Гюмюшхане⁷. Несколько турецких и армянских свидетелей подтвердили, что ход событий ускорился после того, как Бехаеддин Шакир посетил Трапезунд примерно 22/23 июня. По словам д-ра Авни Бехаеддин Шакир «поддерживал постоянную связь с вали Наиль-беем, пока находился там; затем он уехал»⁸. Филомене Нурян со своей стороны подтверждает, что «вали, после долгой беседы с Бехаеддином Шакиром, приехавшим из Эрзурума, издал приказ об изгнании армян»⁹. Сирануш Манукян даже утверждает, что д-р Шакир приехал в Трапезунд «с запечатанным конвертом. Комитет по депортации начал работать в соответствии с инструкциями, содержащимися в конверте»¹⁰. Очевидно, рабочий визит лидера трапезундской «Специальной организации» не прошел незамеченным, и

¹ Там же. С. 218.

² Там же. Несколько человек были арестованы, а читальный зал АРФ был тщательно обыскан.

³ Там же. С. 219.

⁴ Там же. С. 219–220.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 363–364, № 3, «Comment les Arméniens de Trébizonde furent anéantis?»

⁶ Рожденный в Родосто в 1872 г., этот прелат изучал теологию в университете Рочестера в Соединенных Штатах Америки и участвовал в большом количестве археологических раскопок до того, как его избрали примасом Трапезунда: Овакимян О. Указ. соч. С. 220–221.

⁷ Там же. С. 220; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 618, № 69, Bloody pages of Trébizonde.

⁸ Показание д-ра Авни, инспектор санитарной службы Трапезунда во время четвертого судебного заседания процесса криминальных элементов Трапезунда 3 апреля 1919 г.: La Renaissance, 4 avril 1919.

⁹ Свидетельство Филिमоне Нуряна в Константинополе 1 мая 1919 г.: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 34, Э 769–770.

¹⁰ Свидетельство Сирануша Манукяна, прочитанного во время четвертого судебного заседания процесса в Трапезунде 3 апреля 1919 г.: La Renaissance, 4 avril 1919.

его последствия стали ощутимы очень быстро. 24 июня сорок два аристократа, включая лидеров партии Дашнакцутюн, крупных городских предпринимателей и учителей, были вызваны в конак, и им сообщили, что их немедленно отправят в Самсун для участия в расследовании, которое уже началось». На следующее утро, после того как они поднялись на борт корабля, эти люди были убиты в Черном море рядом с Платаной в пятнадцати километрах к западу от Трапезунда¹ чете под командованием Теккели Нешада². Эти факты были подтверждены Луи Видалем, французом, работавшим в компании «Зингер» в Трапезунде³, 7 апреля 1919 г. на шестом заседании уголовного суда Трапезунда. По словам Видаля, людей погрузили на баржу, которую отправили в открытое море и затем затопили. Однако «один из этих армян сумел доплыть до берега. Он сообщил, что все, кто был с ним, утонули». Он нашел убежище у моряка по имени Петрос; «затем полиция отвезла его в госпиталь», где «он был отравлен Али Саибом», начальником Департамента здравоохранения, об этом ему рассказал член медицинского персонала Тер-Давтян⁴. Назим-бей, бывший председатель комитета, отвечающего за «оставленное имущество», д-р Авни-бей, инспектор медицинской службы, предложили довольно похожую версию данного эпизода, которая завершилась тем, что армянская элита утонула в открытом море, а также рассказали о трагической кончине реставратора Вардана, который умер на следующий день после того, как его отправили в военный госпиталь Трапезунда⁵. Почти точным является то, что полиция от-

правила его в госпиталь не для чего иного, как для того чтобы он не смог рассказать о том, что он видел. Создав видимость гуманных намерений, Джемаль Азми теперь получил возможность отравить его с помощью одного из своих сторонников, самого руководителя Департамента здравоохранения.

На допросе свидетелей в суде Трапезунда сразу после отъезда Шакира было организовано собрание под председательством вали, на котором присутствовали лидеры младотурок Трапезунда; Азми провел другое собрание с мутесарифами и каймакамами вилайета. На этих собраниях вали объявил, что он поддерживает высылку армян и организацию расправы за городом; «агент» Муштафа, а также Мехмед Али были «сторонниками расправы здесь и сейчас, в то время как другие предлагали не устраивать расправу над армянами в вилайете»⁶. Данное наблюдение указывает на кое-что интересное в методах, выбранных местными лидерами Иттихада, разделившимися на тех, кто поддерживал радикальные методы, и приверженцев более сдержанного подхода. Сам Азми предлагал придать депортации армян подобие легальности и избежать тем самым расправы слишком близко от города, где очень много иностранцев могут стать ее свидетелями. Таким образом, он исполнил рекомендации Центрального комитета Иттихада. Внимания также заслуживает и то, что комитет, который решал судьбу армянского народа, почти полностью состоял из гражданских и военных руководителей, принадлежавших к трапезундскому клубу Иттихада. Кроме вали, в клуб входили представитель Иттихада

¹ Овакимян О. Указ. соч. С. 220–221; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 618, № 69, Bloody pages of Trébizonde; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, © 363–364, № 3, «Comment les Arméniens de Trébizonde furent anéantis». Среди убитых были Седрак Есаян, чиновник в Управлении по государственно-му долгу и лидер дашнаков, Бюзанд Жермегян, продавец книг и лидер дашнаков, Аршак Петросян, портной и лидер дашнаков, Шаген Азалларян, бухгалтер и лидер дашнаков, Врен Гаспарян, торговец и лидер дашнаков, Гарник Жизмеджян, Сурен Карагеозян и пятеро его братьев, российские граждане, четверо братьев Мегхаворян, Грант Малхасян, Гнчакист, Манук Балоян, Арам Ворперян, Левон Тиратуриян, Грант Сарафян, Ахон Кедешян и трое братьев Сарян.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, h 214, © 354–355, 358, список ответственных за погромы и депортации в Трапезунде в июне—июле 1915 г.

³ «Нор кеанк», № 168, 8 апреля 1919 г. (на арм. яз.); La Renaissance, № 109, 8 avril 1919.

⁴ Ibid.

⁵ Показания Назим-бея на пятнадцатом заседании суда Трапезунда 30 апреля 1919 г.: «Нор кеанк», № 182, 1 мая 1919 г. (на арм. яз.); La Renaissance, № 132, 6 mai 1919; Показание д-ра Авни, инспектора санитарной службы Трапезунда во время четвертого судебного заседания процесса криминальных элементов Трапезунда 3 апреля 1919 г.: La Renaissance, № 104, 4 avril 1919.

⁶ Отчет Филомене Нуриян, Константинополь, 1 мая 1919 г.: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 34, © 769–770; La Renaissance, № 49, mardi 28 janvier 1919.

Енибахчели Наиль-бей¹; Имам-заде Мустафа, который заведовал оружейным складом «Специальной организации» в Лазистане, а затем и в Трапезунде²; Мехмед Али, главный таможенный инспектор, председатель местного отделения Красного Полумесяца; Пири-заде Шевки, чиновник; Талаат-бей, начальник жандармерии; д-р Юнуз Васфи-бей, руководитель отдела здравоохранения³.

Правовое основание для преследования армян, организованное местными иттихадистами, было представлено официальным декретом, опубликованным 26 июня 1915 г., который содержал приказ о том, что армяне должны быть изгнаны в течение пяти дней⁴. Армянская аристократия Трапезунда, а также немецкий, австро-венгерский и американский консулы, которые были проинформированы об условиях, при которых данный декрет был изложен в соседнем Эрзуруме, взывали к благоразумию министров Талаата и Энвера или ходатайствовали перед вали в надежде на более благоприятные условия для людей определенных категорий — таких как женщины, дети, старики, католики и протестанты. Как мы уже видели в других местах, местные власти и представитель КЕП Наиль дали им основание надеяться на то, что старики, католики и протестанты будут освобождены⁵. Однако здесь наблюдалось заметное отличие от других вилайетов: здесь не было систематических арестов людей до начала депортации. За исключением политических активистов, арестованных 24 июня, всего триста молодых людей были арестованы в день издания приказа о депор-

тации; их посадили на грузовой корабль, который бросил якорь рядом с Платаной. Четверо, которые должны были убить этих людей и бросить их в море, были доставлены на место на моторных лодках⁶.

Среди других организационных мер, принятых в Трапезунде, которые значительно отличались от мер, принятых где-либо еще, был тот факт, что армянскому населению не разрешалось продавать движимое имущество или приобретать любые транспортные средства до депортации⁷. Напротив, было разрешено, «когда бы ни захотели родители», оставлять детей — девочек до пятнадцати и мальчиков до десяти лет — в домах, названных «приютами у турок»⁸. Греческий митрополит, епископ Хризантос, который, как казалось, знал о характере приказов, изданных д-ром Шакиром, ходатайствовал перед вали накануне отправки первой группы депортируемых с целью убедить его освободить детей и создать для них приют; его прелатство и греческое сообщество были готовы возглавить данное учреждение. Чтобы организовать работу приюта, был создан комитет под председательством самого Джемалю Азми, а епископ Хризантос стал его заместителем. Однако местный клуб Иттихада и его лидер Наиль-бей выступили против данной инициативы и успешно приют закрыли. Дети были распределены по турецким «домам»⁹. Со своей стороны д-р Кроуфорд, директор американской школы в Трапезунде, и его жена приняли несколько десятков армянских детей в свое учреждение, а также принимали взносы в виде денег и ювелирных изде-

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, n° 214, pp. 354–355, 358, список ответственных за погромы и депортации в Трапезунде в июне—июле 1915 г.

² Допрос Имама-заде Мустафа во время четвертого судебного заседания процесса криминальных элементов Трапезунда 3 апреля 1919 г. *La Renaissance*, № 104, 4 April 1919.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, n° 214, pp. 354–355, 358, список ответственных за погромы и депортации в Трапезунде в июне—июле 1915 г.

⁴ Показание д-ра Авни, инспектора санитарной службы Трапезунда во время четвертого судебного заседания процесса криминальных элементов Трапезунда 3 апреля 1919 г.: *La Renaissance*, 4 avril 1919; интервью Г. Горрини, генерального консула Италии в Трапезунде 25 августа 1915 г.: *Toynbee A. Le Traitement des Arméniens*, doc. 27. Pp. 285–287; письмо германского консула в Трапезунде д-ра Бергфелда от 9 июля 1915 г. канцлеру Бетману Гольвегу: Lepsius J. (ed.), *Archives du génocide des Arméniens*. Op. cit., doc. 109. Pp. 104–107; письмо американского консула в Трапезунде Оскара С. Гейзера от 7 июля 1915 г., in: *Sarafian A. (ed.), United States Official Records on the Armenian Genocide, 1915–1917*. Princeton, 2004. Pp. 126–127.

⁵ См. ссылку примечания 4.

⁶ Овакимян О. Указ. соч. С. 227.

⁷ Письмо консула Гейзера Моргентау от 28 июля 1915 г. *Sarafian A. (ed.)*. Op. cit. Pp. 178–179.

⁸ Письмо консула Гейзера Моргентау от 7 июля 1915 г.: *ibid.* Pp. 126–127.

⁹ Овакимян О. Указ. соч. С. 227–228.

от будущих изгнанников, нарушая права, установленные властями. Вследствие этого власти успешно потребовали, чтобы дети и армянские ценности, оставленные в качестве взносов, были переданы им¹. Другими словами, гуманные инициативы вали были быстро преобразованы в возможность укрепить программу «отуречивания» детей, поддерживаемую Центральным комитетом митихада в Стамбуле. Узнав о недавней расправе в соседнем Эрзуруме, армяне Трапезунда не питали никаких иллюзий в отношении ожидающей их судьбы и охотно передали своих детей, когда греческий митрополит

и американский миссионер предложили им эту альтернативу. Показное великодушие Джемалю Азми, восхваляемое епископом Хризантосом, оказалось в конечном счете всего лишь уловкой, придуманной, чтобы получить контроль над детьми, которых Наиль распределил по «домам», известным как *баш баба* или *орта баба*². Они также иногда попадали в турецкие семьи как усыновленные дети или как объекты сексуального рабства, или их еще забирали в госпиталь Красного Полумесяца, где они получали «медицинскую помощь», или приглашали совершить последнее путешествие по Черному морю.

Функционирование младотурецкого механизма истребления в Трапезунде

Суд над преступниками Трапезунда, проходивший в стамбульском военном суде № 1 с 27 марта по 22 мая 1919 г., привел к открытиям, которые пролили свет на роль лидеров трапезундских младотурок и «комитета по депортации». Показания главных инициаторов этих массовых преступлений, подтвержденные показаниями высокопоставленных должностных лиц и чиновников, а также выживших армян и иных османских фигурантов, составляют самый полный объем информации по одному региону, который у нас есть. Это дает возможность понять вну-

тренний механизм функционирования местных структур, созданных для истребления армянского населения.

Следует, однако, заметить, что из девятнадцати заседаний трапезундского суда только конечный вердикт, объявленный 22 мая 1919 г., был опубликован в «Таквим-и векаи» [«Официальная газета»] 6 августа 1919 г. (№ 3616)³. Судебный протокол и обличающие показания, представленные во время разных заседаний суда, были опубликованы, целиком или частично, в полуофициальных или независимых турецких газетах⁴.

Отравления в трапезундском госпитале Красного Полумесяца и утопление в море

Когда начались депортации армян из Трапезунда, госпиталь Красного Полумесяца, очевидно, служил приемным пунктом для армянских стариков и нетрудоспособных людей или беременных женщин, а также для армянских детей. Эти «госпитализации» были, вероятно, нацелены на то, чтобы до-

казать иностранным дипломатам, которые, как мы видели, ходатайствовали перед вали, и их соответствующим посольствам, что власти принимали во внимание проблемы самых слабых. Эти гуманные аспекты, однако, не удержали младотурок от стремления достичь своей первоначальной цель — си-

¹ Письмо консула Гейзера Моргентау от 7 июля 1915 г.: Ibid. Pp. 126–127.

² Свидетельское показание Нури-бея, начальника полиции Трапезунда во время первого заседания суда Трапезунда 26 марта 1919 г.

³ Вердикт суда Трапезунда, 22 мая 1919 г.: «Takvim-i Vakayi», № 3616, 6 août 1919. Pp. 50–52. Вердикт приговорил к смерти Джемалю Азми-бея и Енибахчели Наиль-бея в отсутствие обвиняемых, Мехмеда Али, начальника таможни, к 10 годам каторжных работ, а остальных обвиняемых к менее суровым наказаниям. Bureau d'information du Patriarcat de Constantinople: APC/PAJ, dossier XXXII.

⁴ Судебные материалы, связанные с судом Трапезунда, собраны информационным бюро патриархата в Константинополе: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XXXII, № 540–570, 811–833 (газеты на османском, армянском и французском языках о суде Трапезунда).

стематического уничтожения армян. Лицом, которое несло основную ответственность за убийства, совершенные в госпитале, был, бесспорно, Мехмед Али, являвшийся одновременно главным таможенным инспектором, председателем местного отделения Красного Полумесяца, начальником госпиталя и одним из лидеров Иттихада в Трапезунде¹. Вторым главным действующим лицом был д-р Али Саиб, инспектор медицинской службы и член комитета по депортации. Еще одним участником событий был д-р Юнуз Васфи-бей, начальник Управления здравоохранения².

На четвертом заседании трапезундского суда, проходившем 3 апреля 1919 г., Абдулкадер, солдат и коренной житель Трапезунда, который руководил отделом снабжения госпиталя Красного Полумесяца, рассказал председательствующему судье военного суда о том, что «многих армян привезли в госпиталь, а затем перевезли куда-то в другое место... Я знаю, что осмотры и назначения производились д-ром Авни и д-ром Али Саибом. Были смертельные случаи»³. Однако когда судья отметил, что «некоторые армяне были отравлены в госпитале», Абдулкадер ответил: «Я ничего не видел; я ничего не знаю». Он согласился тем не менее, что персонал подчинялся требованиям начальника госпиталя, Мехмеда Али, «который получал приказы от вали»⁴.

София Махохян, член самой богатой армянской семьи в Трапезунде, на третьем заседании суда показала, что она оставалась в госпитале до того, как ее «удочерил» Мехмед Али. Затем она рассказала, как людей, «часто престарелых», выбрасывали из госпиталя и отправляли «в Дейрмен Дерэ, где они были убиты все без исключения»; она отметила, однако, что «другие были отравлены». Когда судья спросил ее, что позволяет ей «утверждать, что они были отравлены», она

ответила: «Потому что у них у всех были одни и те же симптомы перед смертью. Их тела были черными. Д-р Али Саиб приказал их отравить; медсестры отказались выполнить его приказ, и тогда какой-то человек по имени Шати-заде Кенан стал заставляя их пить предложенное им зелье». Когда д-р Саиб заявил о своей невиновности, Махохян добавила, что «среди отравленных в госпитале были четырех- и пятилетние дети». Тогда Саиб спросил ее, сколько пациентов было в госпитале. Девушка ответила: «В моей палате было двадцать женщин, но терраса был полна пациентами, которых Саиб приказал депортировать». Саиб подтвердил ее слова, но отметил, что вали приказал ему «осмотреть госпитализированных людей, чтобы отделить от остальных тех, кто не был болен. Я посчитал состояние некоторых из них пригодным для перевозки и сообщил об этом вали». Эта очная ставка продолжилась в том же характере; она пролила свет на то, что «тела тех, кто был отравлен», например Аракси и Грануш Есяян, «были брошены в море» (Аракси Есяян была беременна) и что пятнадцать мальчиков также были «погружены на баржу и утоплены в море Инсели Мехмендом»⁵.

На этой стадии судебного процесса неожиданно появился еще один человек, Ниязи-эфенди, хозяин гостиницы, который попал под официальное обвинение. Его основной задачей была транспортировка имущества армян по морю⁶, но он также отвечал и за отправку групп армян в море. Во время его допроса на четвертом заседании суда 3 апреля 1919 г. Ниязи отверг обвинения в свою сторону, как и остальные обвиняемые, и даже заявил, что военно-морское управление может установить, что его «не было в Трапезунде, когда произошли эти события». Эта стратегия защиты, однако, существовала недолго; официальный отчет

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, n° 214, ff 354–355, 358, список ответственных за погром и депортации в Трапезунде.

² Ibid; См. также информацию, собранную на суде, которая проливает свет на ответственность каждого.

³ Свидетельское показание во время четвертого заседания суда Трапезунда 3 апреля 1919 г.: La Renaissance, n° 104, 4 avril 1919.

⁴ Ibid.

⁵ Свидетельство Софии Махохян перед военным трибуналом Стамбула во время третьего заседания суда Трапезунда 1 апреля 1919 г.: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. n° 34, ff 769–770. Свидетель заявил, что обвиняемые также «захватили запасы из магазина ее отца».

⁶ Мы рассмотрим этот вопрос немного позже, главным образом по отношению к 6-му заседанию суда Трапезунда, 7 апреля 1919 г.

Депортации и погромы: Трапезунд

военно-морского управления подтвердил, что Ниязи на самом деле был в Трапезунде, когда были совершены действия, о которых идет речь¹. Показания Сатеник, местной жительницы Гюмюшхане, на заседании 1 апреля 1919 г. подтвердили, что ее посадили на борт баржи вместе с другими девушками «по приказу Ниязи» и что она выжила только потому, что человеком за штурвалом корабля, на котором она оказалась, был Али-бей из Сюрмене, друг ее отца, который ее спас². Допрос д-ра Авни, инспектора медицинской службы, выявил принципиально важные детали. Авни, военный врач, отвечавший за карантин больных, рассказал, что он не видел «депортаций по морю», потому что «армян не сажали на баржи в порту». Другими словами, их предусмотрительно сажали на корабли в более уединенном месте, чтобы не было свидетелей. Когда судья спросил Авни, производил ли морские депортации Ниязи-бей, он ответил: «Я думаю, что эти депортации производились людьми из "Специальной организации"». Не отрицая роли хозяина гостиницы Ниязи, врач возложил вину за утопление этих групп в море на организацию, которую и обвинил в их ликвидации. Когда судья спросил Авни, почему он никак не отреагировал на эти «неприятные события», врач ответил: «Это было невозможно. Комитет «Единение и прогресс» управлял городом, а я не был в хороших отношениях с ее [членами]. Я ходатайствовал перед Наиль-беем и просил его спасти некоторых женщин. Он отказался»³. Д-р Али Саб в этом месте прервал ход допроса и спросил, правда ли, что д-р Авни, живший в армянской семье, обнаружил у них «какие-то документы». Когда настояли на том, чтобы он ответил, врач подтвердил, что он нашел некоторые документы, подписанные Наиль-беем и «некоторыми другими людьми»,

которые содержали приказ: «Выделить такому-то лицу столько-то девушек»⁴.

Имам-заде Мустафа, который заведовал оружейным складом «Специальной организации», был допрошен 1 апреля 1919 г. на третьем заседании суда⁵. Его показания также содержали некоторые разоблачения. После отрицания своего участия каким-либо образом в «депортациях» агент Мустафа, который, как известно, был близким другом вали, признал, что он видел баржи с пятьюдесятью или шестьюдесятью армянами на борту, отправлявшиеся в Самсун. Однако когда судья сказал ему, что «утонувшие были жертвами не несчастного случая, а умышленного убийства», Мустафа ответил, что «он не знал»⁶. Священник Лоран, который находился в Трапезунде во время депортаций, был допрошен 8 апреля 1919 г.; он утверждал, что он видел, как «многих женщин и детей посадили на баржи, которые затем вышли в открытое море». Он показал, что он знал, что эти корабли «вернулись в порт пустыми»⁷.

Мехмед Али, председатель местного отделения Красного Полумесяца и начальник его госпиталя в Трапезунде, также был одной из ключевых фигур Иттихада. На четвертом заседании, когда перед судом предстал хозяин гостиницы Ниязи, выяснилось, что он сказал «армянкам [которые искали убежище в госпитале], "мы не собираемся превращать город в кладбище; уезжайте", давая им тем самым понять, что их убьют не в городе, а за его пределами»⁸. Все это говорит о том, что он просто-напросто отслеживал ликвидацию армян, которых принимали в его больницу, путем отравления или утопления; об этом, в частности, свидетельствует вопрос судьи, который на том же заседании суда спросил у него: «Почему вы эвакуировали госпиталь? Не было ли это связано с предоставлением убе-

¹ Показания во время четвертого заседания суда Трапезунда 3 апреля 1919 г.: La Renaissance, № 104, 4 avril 1919.

² Показания во время третьего заседания суда Трапезунда 1 апреля 1919 г.: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 34, Э 769–770.

³ Свидетельское показание во время четвертого заседания суда Трапезунда 3 апреля 1919 г.: La Renaissance, № 104, 4 avril 1919.

⁴ Ibid.

⁵ Свидетельское показание во время третьего заседания суда Трапезунда 1 апреля 1919 г.

⁶ Там же.

⁷ Свидетельское показание во время седьмого заседания суда Трапезунда 8 апреля 1919 г.: La Renaissance, № 110, 9 avril 1919.

⁸ Свидетельское показание во время четвертого заседания суда Трапезунда 3 апреля 1919 г.: La Renaissance, № 104, 4 avril 1919.

жища армянам?» Мехмед Али ответил: «Мы эвакуировали только нижнюю палату»¹, — это была палата, в которой были собраны беременные женщины. Когда на десятом заседании суда генерал Мустафа Назим спросил Али о расправе над армянами и жесткости изданных приказов, начальник госпиталя за-

явил, что, если бы он не «подчинился, его бы тут же убили»². Поскольку такая реакция исходила от одного из главных преступников Трапезунда, это дает определенное представление о давлении, которое оказывалось даже на высокопоставленных членов Иттихада.

Необычный случай д-ра Али Саиба, «преследуемого» чиновника

Затем был допрошен д-р Али Саиб, которого, как «члена комитета по депортации», председательствующий судья спросил³, что стало с детьми после депортации? Инспектор ответил: «Сначала... Я распределил их по [мусульманским] деревням. Позже, некоторые мусульмане взяли девочек в свои дома. Я взял девочку, Сатеник Гюлян. Больше бездомных армян в городе не было. Девушки были замужем, а дети были распределены по приютам». Когда его спросили о судьбе «четырёх- и пятилетних детей», о которых, как отметил судья, «не было вообще никакой информации», Саиб сказал: «Я не знаю, я был всего лишь медицинским инспектором». Судья напомнил ему, что в конечном итоге «детей передали в госпиталь Красного Полумесяца». «Где они сейчас?» — спросил он. Ответа не последовало. Явно раздраженный, военный судья воскликнул: «Удивительно. Вы inspectировали самые незначительные вещи; вы изучали вопросы на два или три пиастра, и вы не проявили никакого интереса к ни в чем не повинным детям, которых безжалостно уничтожали. Как, — продолжал он, — учреждение, призванное служить народу, превратилось в дом смерти? Почему вы не вмешались?»⁴

На тринадцатом заседании суда 19 апреля 1919 г. Виргине Одабашян, которая преследовала за тридцатью—сорока мальчиками в возрасте от одного до четырех лет, которых приняли в американскую школу, показала, что д-р Али Саиб лично их нашел и затем «отправил их в море»⁵. Отчеты о следствии, составленные инспектором Зия Фуадом-беем и Аднаном-беем, начальником Департамента здравоохранения, которые были прочитаны суду на третьем заседании, усилили обвинения против д-ра Али Саиба, который отреагировал тем, что спросил, почему не было упомянуто имя его преемника, д-ра Садреддина-бея. Это, спросил он, «из-за того, что он и сейчас является секретарем партии «Тешеддют»⁶ в Трапезунде?»⁷, другими словами, д-р выразил удивление, что его просили объяснить действия, совершенные по приказам КЕП, в то время как одного из его коллег даже не трогали, потому что он все еще принадлежал к иттихадистскому движению. Саиб также потребовал, чтобы бывший военный начальник Трапезунда Авни-паша, который стал одним из личных помощников султана, и д-р Юнуз Васфи-бей, начальник Департамента здравоохранения, выступили в его защиту; они «могли подтвердить, что все зверства в отношении армян были ре-

¹ Ibid. В номере «Верджин лур» от 4 января 1919 г., в статье, подписанной «д-ром А. Х.», упоминается Васфи-бей, медицинский инспектор в Трапезунде, который травил сирот в госпитале Красного Полумесяца. Но это единственное обвинение в адрес Васфи-бея.

² Допрос во время десятого заседания суда Трапезунда 12 апреля 1919 г.: La Renaissance, № 114, 13 avril 1919; «Нор кеанк», № 168, 13 апреля 1919 г. (на арм. яз.).

³ Допрос д-ра Али Саиба перед военным трибуналом Стамбула во время третьего заседания суда Трапезунда 1 апреля 1919 г.: («Нор кеанк», 4 января и 25 февраля 1919 г. (на арм. яз.), свидетельство, которое касалось Аднан-бея: La Renaissance, 14 février 1919.

⁴ Ibid.

⁵ «Нор кеанк», № 174, 20 апреля 1919 г. (на арм. яз.); La Renaissance, № 120, 22 avril 1919.

⁶ После отъезда своих лидеров КЕП организовал свой последний конгресс 1 ноября и принял решение о самороспуске 5 ноября для создания «Teceddüt Firkası» («Партии Возрождения»), официально зарегистрированной 11 ноября 1918 г.: Zürcher E. T. Op. cit. P. 73.

⁷ «Нор кеанк», 4 января и 25 февраля 1919 г. (на арм. яз.) свидетельство, которое касалось Аднан-бея: La Renaissance, 14 février 1919).

результатом решений, принятых Центральным комитетом партии «Единение и прогресс», и осуществлялись правительством»¹. Кроме того, Али Саиб пожаловался на то, что «за всю мою жизнь я и полгода не прожил спокойно с этим правительством». Он даже утверждал, что он подвергался преследованию со стороны комитета с 1908 г., в частности из-за того, что он был издателем газеты *Hukuki Muhimieh*². Линия его защиты снижает роль ЕП в этих преступлениях; она также рассматривает душевное состояние исполнителей, «что среди них преобладало чувство того, что они действовали законно, потому что так велела партия.

Это «преследование», однако, не помешало врачу извлечь пользу из своего положения и улучшить свою жизнь. Председательствующий судья, генерал Мустафа Назим-паша, прекрасно это понимал, когда спросил его, проявлял ли он интерес к «жене покойного д-ра Лео Арсланяна». Саиб отрицал этот факт. Однако показания других его коллег значительно проливают свет на методы, которые использовали многие из этих сотрудников, чтобы легко получать женщины или обогащаться. Лишь изредка к нам попадает надежная документация, дающая возможность увидеть методы, которые использовали эти хищники, чтобы лишиться одну из своих жертв ее имущества или, возможно, прибрать к рукам члена его семьи. Тем не менее из хорошо составленного досье судебного процесса в Трапезунде мы узнаем в деталях, как упорно Али Саиб и Имам-заде Мустафа, член «Специальной организации», преследовали д-ра Арсланяна, несмотря на то что он был всего лишь городским врачом, известным тем, что открыл большое количество госпиталей Красного Полумесяца³, и еще больше его жену, которая, очевидно, была более желанной наградой.

На шестом заседании суда Трапезунда Луи Видаль, француз, работавший в компании «Зингер», рассказал, что его шурин Арсланян, у которого была жена и двое детей — мальчик десяти и девочка семи лет — был довольно состоятельным и что его жена

также имела наследство в 1200 фунтов золотом. Прозванная «красавицей», г-жа Арсланян, по словам Л. Видаля, была «жертвой своей красоты»⁴.

Тот же свидетель также сообщил, что Арсланяна назначили на должность военного врача в Эрзуруме, хотя он к тому времени подхватил тиф. Несмотря на его слабое здоровье, д-р Авни, инспектор военной медицинской службы, «дал ему две недели» на то, чтобы собрать вещи. Этот мнимый перевод привел прямо в пустоту: врач был депортирован и убит по дороге», скорее всего по приказу его начальства в Трапезунде. Поскольку данная новость была неофициальной, Видаль был удивлен, когда узнал, что г-жу Арсланян арестовали; жена действующего офицера в теории должна была быть освобождена от депортации. Но он был еще более ошеломлен, когда он пошел «в отделение полиции, где ему сказали, что д-р Арсланян был в Сивасе и что его жена и дети присоединятся к нему там». Ложь оказалась еще более грубой, поскольку жена Арсланяна скорее выбрала бы дорогу, идущую вдоль побережья Черного моря, а не ведущую в Сивас. Видаль пришел к выводу, что «теперь настала очередь его жены». Исходя из этого, он решил «спасти его двоих детей, когда узнал, что они были еще живы». Для этого он отправил прошение вали, который ответил: «Мать, которая заботилась о них, убита; какой смысл оставлять этих детей в живых?»⁵ Но случай «красавицы» гораздо более запутанный. Допрос главных фигурантов этой драмы, проведенный на пятом заседании суда 5 апреля 1919 г., дает некоторое представление о роли, которую играл каждый из них в тяжелых испытаниях этой женщины. Агент Мустафа почти все время встречал вопросы судьи своим «я не знаю». В частности, он отрицал, что г-жа Арсланян просила его помочь ей, а именно «принести деньги, которые она держала в своем доме, и отдать их ей». Самым серьезным, что он признал, было то, что он знал, что «ее выслали. [Он] больше ее не видел». Судья обратил его внимание на то, что «люди говорят, что г-жа Арс-

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Показания отца Лорена на седьмом заседании суда Трапезунда 8 апреля 1919 г.: *La Renaissance*, № 110, 9 avril 1919.

⁴ Показания Луи Видаля на шестом заседании суда Трапезунда 7 апреля 1919 г.: «Нор кеанк», № 168, 9 апреля 1919 г. (на арм. яз.); *La Renaissance*, № 109, 8 avril 1919.

⁵ Ibid.

ланян, ее сын и вы сами вышли на корабле в открытое море... Вы и Али Саиб-бей выслали эту женщину с тайным намерением». Мустафа это отрицал. Дальнейшие допросы свидетелей показали, однако, что «г-жа Арсланян находилась в семье агента Мустафы». Саиб, когда его об этом спросили, сказал, что он не знал, правда ли это, но добавил: «Я слышал, что какой-то мужчина был готов заплатить 300 или 400 пиастров за то, чтобы жениться на ней и тем самым получить контроль над ее наследством». Он признал, что после этого он поговорил с Нури-беем, лейтенантом полиции, который ему рассказал, что этот мужчина был родственником Мустафы по имени Рушди, но вали «проноухал» об этой афере и дал приказ «выгнать г-жу Арсланян из дома Мустафы». Саиб тем не менее верил, что в распоряжении г-жи Арсланян находятся «семьсот или восемьсот турецких фунтов». Видя нежелание обвиняемого говорить, судья в конце концов воскликнул: «Некоторые люди говорят, что вы хотели жениться на красивой женщине и что она вам отказала. Мустафа положил глаз на ее наследство. Затем вы вдвоем решили выслать г-жу Арсланян»¹.

На следующий день мужчина, обвиненный в этом, Абдулла Рушди, 65-летний житель Дагестана, был допрошен судом. В ходе допроса выяснилось, что г-жу Арсланян депортировали дважды. В первый раз она «вернулась в город с сыном, и у нее с собой было письмо от Наиля-бея». То есть посланник Иттихада лично вмешался, чтобы ее спасти, вероятно, по просьбе Мустафы или Саиба. Также можно предполагать, что

Мустафа поселил эту женщину в доме своих родственников, чтобы спасти ее от других хищников, интересовавшихся ее состоянием или внешностью. Рушди рассказал, что жандармы приехали за ней, но ее не взяли и сказали ему, чтобы он ехал с ними к вали «который хотел поговорить с ним». Далее он сказал, что «по приказу вали матросы отвезли ее в море и выбросили за борт»². Выдавая один секрет за другим, Рушди также сказал, что он знал, «что у нее есть наследство», потому что в семье, где она жила, был «девятителетний мальчик, мать которого была прислугой в доме медицинского инспектора». В завуалированных выражениях свидетель рассказал суду, что Саиб знал о финансовом положении г-жи Арсланян и был очарован не только ее красотой³. Несколько дней спустя последний свидетель майор Эдхем-бей, «который был председателем комитета по депортации и организовывал отправки в глубь страны», признался, «что он слышал, как г-жа Арсланян кричала с корабля, который направлялся в открытое море; она звала о помощи». Из всех этих эпизодов становится понятно, что между вали и его коллаборационистами была сильная конкуренция за контроль над имуществом вдов, таких как г-жа Арсланян, которую ее вернули после депортации явно по содействию представителя (КЕП. — *Примечание.*) Наиля, чтобы отобрать то, что ей принадлежало; но что личные амбиции Мустафы и Саиба придержал Джемаль Азим, который казнил «красавицу», возможно, заставив ее перед этим отдать ему ее имущество.

Роль правительства и партии «Тешкилят-и Махсуса» в ликвидации армян

Согласно показаниям, которые командир 17-го батальона, базировавшегося в Трапезунде в июне 1915 г., полковник Васфи, дал в военном суде Стамбула 3 апреля 1919 г., «трапезундской ячейкой «Специальной ор-

ганизации» командовал Бежаеддин Шакир, который «встал на пути военных операций [вооруженных сил]. Изначально, все вали подчинялись ему, наряду с отрядами «Специальной организации», которые оказали

¹ Допрос на пятом заседании суда Трапезунда 5 апреля 1919 г.: La Renaissance, № 108, 6 avril 1919. «Нор кеанк», № 162, 6 апреля 1919 (на арм. яз.).

² Показания Абдуллы Рушди на шестом заседании суда Трапезунда 7 апреля 1919 г.: «Нор кеанк», № 162, 8 апреля 1919 г. (на арм. яз.); La Renaissance, № 109, 8 avril 1919. Свидетель отмечает, что его жена хотела пойти за теми, кто его уводил, но что ей не дали этого сделать.

³ Ibid.

⁴ Показания Эдхем-бея на пятнадцатом заседании суда Трапезунда 30 апреля 1919 г.: La Renaissance, № 132, 6 mai 1919; «Нор кеанк», № 182, 1 мая 1919 г. (на арм. яз.).

его юрисдикции. Мы выступили против этого, но не совсем преуспели [в том, чтобы положить этому конец]»¹. Д-р Авни, медицинский инспектор, добавил, что эти «банды» выехали вместе с депортируемыми армянами. Люди повсюду говорили о расправе над армянами на шоссе и о том, что на них грабали и грабили»². Американский консул Оскар Хейзер также имел свое мнение по данному вопросу: «Создается впечатление, что реальная власть здесь находится в руках комитета, который возглавляет Наиль-бей, и он, очевидно, получает приказы из Константинополя, а не от вали»³.

«Специальная организация» и представитель КЕП в Трапезунде явно играли ключевую роль в преследованиях армян, получая приказы из столицы. Ариф-бей, каймакам Кирасона, однако утверждал, что именно звали Джемаль Азми дал ему «приказ депортировать армян в направлении Мосула по Черному морю», то есть утопить их⁴. Кенан-бей, судебный инспектор округа, заявил, что он хорошо знал Джемалья Азми, который раньше был мутесарифом Лазистана, и что вали «отвечал за депортации и расправы над армянами»; он также отметил, что доклады, которые местные судьи направили в министерство юстиции, не дали «результатов», и что вали «делал, что хотел; он мог предать военному суду того, кого хотел». Он еще добавил, что «каймакам Бафры, который попытался заступиться за депортируемых, был убит»⁵.

Юсуф Риза-бей, член Центрального комитета Иттихада и на то время глава ячейки «Специальной организации» в Трапезунде, предстал перед судом юнионистов. В показаниях, которые он дал на первом заседании суда в Трапезунде, он заявил, что решение

депортировать армян было принято не Центральным комитетом партии, а скорее «его приняло правительство». Более того, его не было в Трапезунде, когда происходили депортации; «комитет в этом регионе представлял Наиль»⁶. Следуя его рассуждениям, можно сделать вывод, несмотря на то что Иттихад не имел никакого отношения к данному делу, он не был его представителем в Трапезунде, им был Наиль; подразумевается, что Наиль несет ответственность за массовое насилие. Вслед за Наилем Талаат-бей, инспектор жандармерии, также отклонил любую связь с данными событиями⁷, хотя на него была возложена миссия наблюдения за безопасностью депортируемых групп. У Талаата возникли трудности с ответом, когда его спросили, «не по приказам ли правительства производились разделение мужчин и женщин и конфискация имущества депортируемых». «Это не в моей компетенции, — ответил он. — Я не знаю»⁸.

Опровергнув тот факт, что он является податливым инструментом в руках вали, агент Мустафа утверждал, что он «не имел никакого отношения к депортациям»; напротив, он сказал, что он «пытался спасти всех [своих] друзей, но безуспешно... Я работал в интересах армян». Он сказал, что его друзья «Ибраносян и братья Камбурян» могли дать показания в его пользу; они «назначили его охранять их имущество»⁹, ожидая, без сомнения, маловероятного возвращения из изгнания. На повторном допросе на четвертом заседании суда Юсуф Риза, хоть и являвшийся членом Центрального комитета юнионистов, просто «решил», что КЕП в лице Гаджи Адилля-бея назначил его ответственным секретарем в Трапезунде «по приказу съезда или устно». Он заявил, что он «зани-

¹ Показания полковника Васфи, 39 лет, в отставке, на четвертом заседании суда Трапезунда 3 апреля 1919 г.: La Renaissance, № 104, 4 April 1919.

² См. с. 532, примечание 2.

³ Письмо консула Хейзера Моргентау 10 июля 1915 г.: Sarafian A. (ed.). Op. cit. P. 146.

⁴ Показания Ариф-бея на четырнадцатом заседании суда Трапезунда 26 апреля 1919 г.: La Renaissance, № 125, 27 avril 1919; «Нор кеанк», № 179, 27 апреля 1919 г. (на арм. яз.).

⁵ Показания Кенан-бея на шестнадцатом заседании суда Трапезунда 5 мая 1919 г.: La Renaissance, № 134, 141, 8, 16 mai 1919; «Нор кеанк», № 186, 6 мая 1919 г. (на арм. яз.).

⁶ Показания Юсуфа Риза-бея на первом заседании суда Трапезунда 26 марта 1919 г.

⁷ Показания Талаат-бея на первом заседании суда Трапезунда 26 марта 1919 г.

⁸ Свидетельское показание на четвертом заседании суда Трапезунда 3 апреля 1919 г.: La Renaissance, № 104, 4 avril 1919.

⁹ Свидетельское показание на четвертом заседании суда Трапезунда 3 апреля 1919 г.: ibidem.

мался открытием школ и «интеллектуальным совершенствованием населения»¹, и сказал, что он собрал «значительные суммы денег» для создания «материальной базы для школ». Судья, явно не убежденный данными аргументами, спросил его, вел ли он учет своей деятельности, и если да, то кто этим занимался. Риза заявил, что учет данной деятельности вел Тали, казначей, а «позднее Наиль-бей и другие»¹. Больше ему об этом сказать было нечего.

Начальник военного комиссариата Неджмеддин-бей на пятом заседании суда сообщил, что «военные начальники получили приказ не вмешиваться в депортации». Когда судья спросил, «давал ли он разрешение на розыск дезертировавших армянских солдат», Неджмеддин-бей это подтвердил, вместе с тем добавив, что «жандармы вернулись ни с чем». Судья спросил почему, и не настаивал ли его этот факт, явно, чтобы заставить его признаться, что жандармы убили дезертиров, которых они нашли, но Неджмеддин-бей, преодолев себя, ответил: «Я узнал, что их изгнали». Это спровоцировало язвительный ответ со стороны Мустафы Назима: «Армян убили и ограбили. Разве вы ничего об этом не слышали?» Не теряя самообладания, офицер ответил: «Я знал, что армян депортировали по земле или по морю. Своими глазами я этого не видел, но об этом ходило очень много слухов». Военный судья был сильно удивлен его неосведомленности, потому что в Трапезунде существовал военный суд, который лично возглавлял vali; Неджмеддин-бей, по его собственным словам, был работником суда. Он, однако, припомнил, что одним из главных сотрудников «комитета по эвакуации» (то есть комитета по депортации) был начальник полиции Нури-бей и что он «отчитывался» перед своим начальником, военным командиром Тра-

пезунда Авни-пашой, который «рассказывал ему, что он записал» по данному вопросу. Таким образом, информация о массовых убийствах, совершенных в регионе, просачивалась лишь в очень завуалированном виде.

Завершая свой доклад, обвинитель, Феридун-бей подвел итог судебного процесса. Он отметил, что «правительство младотурок приняло решение депортировать армян. Сначала были депортированы мужчины, затем — женщины и дети. Большинство мужчин были убиты в месте, известном как Дейримен Дерэ. Некоторых женщин и детей отправили в море на баржах и утопили; другие дети были переданы в госпиталь Красного Полумесяца и там отравлены. Драгоценности и иное имущество, принадлежавшее депортируемым армянам, было разграблено. Некоторые виновные в этих преступлениях скрываются от правосудия. Джемаль Азми и Наиль-бей считаются главными обвиняемыми: чтобы осуществить свои криминальные планы, они собирали отряды бандитов и вербовали сообщников»².

Заявления адвокатов защиты, сделанные на восемнадцатом заседании суда, состоявшем в целом из сплошных отрицаний обвинений, сопровождаемых выражением сожаления по поводу «совершенных злодеяний»³. Вердикт, вынесенный в четверг, 22 мая 1919 г., установил, что двое главных обвиняемых, находящихся на скамье подсудимых, издавали «тайные приказы ликвидировать армян» и формировали отряды чете⁴. 17 мая 1919 г. на шестом заседании суда над лидерами иттихадистов Юсуф Риза, которого судили как бывшего члена Центрального комитета младотурок, а также как человека, организовавшего и возглавлявшего отряды «Специальной организации» в Трапезунде, не отрицал, что организация, которой он руководил, «функционировала независимо» от одноименной организации.

¹ Свидетельское показание на четвертом заседании суда Трапезунда 3 апреля 1919 г.: *ibidem*. Чтение доклада генерала Вехиба-паши о зверствах, совершенных в Трапезунде и Эрзуруме, вызвало недовольство Юсуфа Ризы, который заявил, что КЕП сыграл «знаменательную роль в [османской] истории» и что преступления совершались без ведома Центрального комитета: вторая сессия суда Трапезунда, 28 марта 1919 г. *La Renaissance*, № 102, 30 mars 1919.

² Показания Неджмеддин-бея на пятом заседании суда Трапезунда 3 апреля 1919 г.: *La Renaissance*, № 108, 6 avril 1919; «Нор кеанк», № 162, 6 апреля 1919 (на арм. яз.).

³ Обвинение поддерживал генеральный прокурор Феридун-бей на семнадцатом заседании суда Трапезунда, 16 мая 1919 г.: *La Renaissance*, № 144, 146, 20, 22 mai 1919. Прокурор также указал их главных сообщников: агент Мустафа, Ниязи-бей, Мехмед Али и д-р Али Саиб, отметив, что тот факт, что д-р Али Саиб совершал отравления, в которых его обвиняли, не доказан.

⁴ Выступление защиты на восемнадцатом заседании суда Трапезунда 18 мая 1919 г.

⁵ Приговор суда Трапезунда 22 мая 1919 г.: «*Takvim-i Vakayi*», № 3616, 6 août 1919. Pp. 50–52.

вовлеченной в организацию саботажа в тылу врага¹. В итоге оказалось, что местные власти и сеть младотурок (на уровне ли местного клуба Иттихада или «Специальной организации»), несмотря на частые конфликты интеллигентов, якобы разделили работу между собой. Задача по координации операций легла на вали Джемалю Азми; их исполнение было отдано представителю КЕП, Енибахчели Наилю-бею, который во время суда был в Баку вместе с Нури-бей младшим братом Энвера.

Среди государственных чиновников Мехмед Али, главный таможенный инспектор и председатель отделения Красного Полувесяца, который был приговорен к десяти годам каторжных работ, играл важную политическую роль и напрямую участвовал в принятии решений; д-р Али Саиб, медицинский инспектор и член комитета по депортации, и принимал решения, и исполнял, вероятно, именно он травил детей по приказу комитета по депортации; д-р Юнуз Васфи, руководитель Управления здравоохранения, всего лишь исполнял приказы; д-р Садреддин, приемник Саиба, по всей видимости, не принимал участия в этом деле, потому что его назначили на должность позже². Среди военных и полицейских командиров, Авни-бей, военный начальник региона, который в период судебного разбирательства был личным помощником султана, скорее всего не имел отношения к массовым расправам, но был предусмотрителен, чтобы не быть обвиненным. Приговоренный к одному году тюрьмы,

Нури-бей, начальник полиции, который отвечал за аресты аристократии в Трапезунде, вероятно, помогал составлять списки тех, кого необходимо ликвидировать, и помогал комиссии, занимавшейся «брошенным имуществом», в конфискации ценностей армян. На седьмом заседании суда он заявил, что он «не имеет никакого отношения к депортации»; казначей Луфти-бей, однако, возразил ему, утверждая, что «он играл главную роль. Он был в хороших отношениях с вали и [был] одним из его близких товарищей»³. Майор Талаат-бей, начальник жандармерии, был оправдан; тем не менее он играл ключевую роль в организации депортации мужчин в Гююшхане и расправе над ними при содействии майора Ибрагима-бея, начальника склада снабжения. Рублис Эсад-бей, командующий трудовыми батальонами, напрямую отвечал за ликвидацию армянских рабочих-солдат.

Среди местного гражданского населения, вовлеченного в расправы, совершенные «Специальной организацией», самыми известными были Пири-заде Шевки, Мустафа (которого депортировали на Мальту), Киришлайе Ариф, Абдулла-бей, Мехмед Али-бей, Хакки Гаджи Али Хафи-заде, Кахияй Реис, Зекерия, Арслан Файикси, Индже Мехмед Тахир, Иззет Чавуш, Теккели Нешад, Керестеджи Хафиз Джемаль, Шекерджи Мустафа, Кель Мустафа, обвиненный в утоплении детей, Кеchedжи-заде Ахмед, Эсад-бей, Абдулкерим, Исмаил-эфенди и Мирза-эфенди⁴.

Решение вопросов, связанных с «брошенным имуществом»

Для захвата армянского имущества, экономического аспекта плана по уничтожению армян, имелся свой вооруженный орган, комиссия по «брошенному имуществу», одним из председателей которого в Трапезунде был Луфти-бей, который также

был казначеем вилайета. Как председатель данной комиссии, Луфти также был допрошен военным судом Трапезунда на восьмом его заседании. Он вначале рассказал, что «брошенное имущество собирал» комитет по депортации. Иными словами, его комис-

¹ «Takvim-i Vakayi», № 3557, 25 mai 1919. Pp. 91–113 (в частности, с. 104–107 в связи с допросом Юсуфа Риза и с. 113 в связи с независимым функционированием организации).

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcate, n° 214, p. 354–355, 358, список ответственных за погромы и депортации в Трапезунде.

³ Показания Луфти-бея на седьмом заседании суда Трапезунда 8 апреля 1919 г.: La Renaissance, № 110, 9 avril 1919. Нури-бей признал во время допроса на девятом заседании суда Трапезунда, 10 апреля 1919 г. «Нор кеанк», № 166, 11 апреля 1919 г. (на арм. яз.); La Renaissance, № 112, 11 avril 1919), что полиция приложила руку к «делу» депортаций: «Армяне были арестованы на основании переданных нам списков. Два батальона солдат уже ждали там; полиция передала армян этим солдатам. Это происходило изо дня в день. Больше полиция ни в чем не участвовала».

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcate, n° 214 and p. 354–355 and 358, список ответственных за погромы и депортации в Трапезунде.

сия была чем-то вроде специализированной ветви местного управления младотурок, управлявшего комиссией на политическом уровне. Луфти также отметил, что «брошенное имущество», собранное комиссией, хранилось на «специальных складах; вещи грудами складывались в армянской церкви»; он добавил, что «детальной описи» этих вещей сделано не было, поскольку в приказы это не входило. Он также отметил, что именно «полиция отвечала за склады» и за «охрану» их до тех пор, пока другая комиссия, ответственная за их ликвидацию («тас-фийе»), не продаст их с аукциона. Луфти отрицал получение хоть какой-либо суммы «денег, конфискованных у депортируемых». Нури-бей, начальник полиции, а также член комиссии, понял, что его роль суд ставит под сомнение; возмущенный, он «полностью отрицал эти обвинения», осторожно подчеркнув после этого, что «жители Трапезунда — благородные, добродетельные и честные. Они не брали вещей армян». Он отметил, однако, что «во время депортации армян вещи, которые перевезли на склады, были беспорядочно свалены; поэтому было невозможно зарегистрировать эти вещи по именам хозяев», несмотря на то что «охрана» располагалась «у дверей» армянских домов. Луфти в заключение отметил, что «приказы, которые нам давали, были благоприятными для армян, но выполнить их оказалось невозможно»¹. Затем судья спросил его, несли ли ответственность полиция, «когда грабили хозяйство, если семья, которой оно принадлежало, покидала дом, оставляя его». Ответ Нури, который подчеркнул тот факт, что в Трапезунде «тысячи хозяйств, двадцать тысяч домов», означал, что, несмотря на то что он заявил вначале, он не мог защитить эти дома от грабежа теми силами, которые были в его распоряжении. В этот момент вмешался Луфти и сказал, что «некоторые армяне испугались и убежали в горы. Некоторые полицейские в гражданском воспользовались этим обстоятельством» — другими словами, прикарманили все, что хотели. Он также подтвердил, что население «не участвовало в грабеже имущества армян» и что это делали

«в частности члены комитета по депортации, правительственные чиновники, полицейские и некоторые привилегированные лица». В качестве доказательства своих слов Луфти зачитал одну из телеграмм, отправленных им министру финансов, «обвиняющую в финансовых злоупотреблениях и иных незаконных действиях вали и его сообщников»². Допрос на пятнадцатом заседании суда Назима-бея, бывшего председателя комиссии по «брошенному имуществу» в Трапезунде, вызвал разочарование. Показания его преемника Хилми-бея были более информативными. Хилми заявил, что он не мог «оказать противодействие», потому что вали контролировал военный суд, так что ему пришлось бы «рисковать» своей жизнью, если бы он это сделал. Он также признал «конфискацию из американской школы» армянского имущества, но не смог вспомнить, проводилась ли «инвентаризация». Он тем не менее оценил стоимость «этих драгоценностей» в сумму «от четырех до пяти тысяч фунтов золотом». Затем генерал Мустафа Назим обратил его внимание на то, что драгоценности «стоимостью в одну тысячу семьсот фунтов золотом были перевезены в Константинополь». «Что, — спросил он, — стало с остальными?». За его словами последовала долгая пауза. Здесь мы имеем классический случай дележа трофеев между местными действующими лицами и КЕП, который потребовал свою долю награбленного, оцененного в треть реальной стоимости.

Другие показания, полученные на разных заседаниях суда в Трапезунде, предоставляли дополнительную информацию о методах, которые использовались для «продажи» конфискованного имущества. По словам хозяина гостиницы Ниязи, задачей которой была организация транспортировки армянских товаров на кораблях и утопление депортируемых армян в море, «по приказу военного начальника» аукционы «контролировал» полицейский Али-эфенди. «Брошенные товары продавались без списка. Они складывали их на складе; торговцы предлагали цену и покупали их»⁴. Складывалось ощущение, что помимо контроля со стороны

¹ Показания Луфти-бея на седьмом заседании суда Трапезунда 8 апреля 1919 г.: La Renaissance, № 111, 10 avril 1919; «Нор кеанк», № 165, 10 апреля 1919 г. (на арм. яз.).

² Там же.

³ Показания Назим-бея на пятнадцатом заседании суда Трапезунда 30 апреля 1919 г.: «Нор кеанк», № 182, 1 мая 1919 г. (на арм. яз.); La Renaissance, № 132, 6 mai 1919.

⁴ Допрос Ниязи на шестом заседании суда Трапезунда 7 апреля 1919 г.: «Нор кеанк», № 168, 8 апреля 1919 г. (на арм. яз.); La Renaissance, № 109, 8 avril 1919.

«комитета по депортации, комиссии по «брошенному имуществу» помогала полиция и что она получала приказы от военных, когда распродала данное имущество. Трудно объяснить, почему военный начальник Авни участвовал в этом, если не предположить, что военные были также заинтересованы в результатах этих продаж.

Значительное количество имущества, разграбленного со складов армянских торговцев, по информации, полученной в ходе судебного разбирательства, было вывезено в Самсун или Стамбул под надзором Ниязи, особенно после того как захват Трапезунда русскими стал неизбежен. Тем не менее Ниязи сказал, что он не знал, «перевез ли вали сорок две баржи, загруженные товарами, до оккупации города»¹. Луфти, однако, подтвердил, что Ниязи «тайно организовал перевозку товаров... он перемещался между городами по побережью черного моря... Он был особенно близок к вали... Он участвовал во всем»². Допрос Нури также открыл, что хозяин гостиницы скопил личное состояние в несколько тысяч фунтов золотом, купив из запаса магазина Тахмазяна «тканей на сумму от пяти до шести тысяч фунтов золотом всего за двести фунтов золотом по приказу вали»³. Сам Нури, как мы прочитали, «лично присвоил [товаров] на сумму в три тысячи фунтов, а также восемьдесят драгоценных камней»⁴. На девятом заседании стало также известно о том, что агент Мустафа, который был начальником порта⁵, «передал вали

ящик, принадлежавший Вартивару Мурадяну», а взамен получил от Джемалю Азми «пятьсот фунтов золотом и драгоценности»⁶. Нури сказал, что этот ящик сначала по приказу вали был открыт в полицейском участке; он точно не помнит, сообщал ли он об этом комиссии по «брошенному имуществу»⁷. Вали явно получил личную выгоду от этого подарка одного из своих подчиненных. Арусяк Килиян, 18-летняя сирота, «взятая» Азми, которая уехала с семьей Азми из Трапезунда в Стамбул, сообщила, что дом вали был полон «украденных вещей, ковров и пр.», часть которых он забрал с собой в столицу⁸.

Авни, медицинский инспектор, был в конце концов обвинен в том, что он требовал пятьсот фунтов золотом у семьи Махохян в обмен на спасение, и в том, что он был среди тех, кто грабил склады Махохянов. Он отрицал какое-либо участие в грабежах, хотя председатель комиссии по брошенному имуществу подтвердил, что склады Махохянов не передавались ему для охраны. Последующие расспросы также выявили, что дочь Махохянов стала объектом страсти некоторых людей. Ее на время поместили в госпиталь Красного Полумесяца, а затем заставили принять ислам, перед тем как ее «удочерил» начальник госпиталя Мехмед Али⁹. На одиннадцатом и двенадцатом заседаниях суда свидетели один за другим утверждали, что они или некоторые иные названные люди отсутствовали в Трапезунде в момент депортаций¹⁰.

¹ Ibid.

² Показание Луфти-бея на седьмом заседании суда Трапезунда 8 апреля 1919 г.: La Renaissance, № 110, 9 avril 1919.

³ Допрос Нури-бея на девятом заседании суда Трапезунда 10 апреля 1919 г.: «Нор кеанк», № 166, 11 апреля 1919 г. (на арм. яз.); La Renaissance, № 112, 11 avril 1919.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. Допрос агента Мустафы.

⁷ Показание Нури-бея на седьмом заседании суда Трапезунда 8 апреля 1919 г.: La Renaissance, № 110, 9 avril 1919.

⁸ Показание Арусяк Килиян на третьем заседании суда Трапезунда 1 апреля 1919 г.: APC/PAJ, Bureau d'Information du Patriarcat, doc. № 34, 3 769-770.

⁹ Показание Др. Авни на восьмом заседании суда Трапезунда 9 апреля 1919 г.: La Renaissance, № 111, 10 avril 1919; «Нор кеанк», № 165, 166, 10, 11 апреля 1919 г. (на арм. яз.). Впоследствии Мехмед Али забрал дочь Махохяна в Самсун, а затем в Константинополь.

¹⁰ Одиннадцатое заседание суда Трапезунда 13 апреля 1919 г.: «Нор кеанк», № 169, 14 апреля 1919 г. (на арм. яз.); La Renaissance, № 115, 15 avril 1919; двенадцатая сессия, 16 avril 1919: «Нор кеанк», № 171, 17 апреля 1919 г. (на арм. яз.); La Renaissance, № 117, 17 avril 1919. Это дело Немли-заде Джемаль-бея и трапезундского депутата Наджи-бея.

Казы Траpezунд, Сюрмене и Акчабат

Согласно докладу американского консула Оскара Хейзера, первая группа армян была отправлена 1 июля 1915 г. В тот день войска окружили некоторые армянские кварталы Траpezунда и начали изгонять из города две тысячи жителей, которых небольшими группами отправляли в место, известное как Дейримен Дерэ, расположенное в десяти минутах от города, а оттуда направляли в сторону Гюмюшхане. В общей сложности шесть тысяч человек покинули город в промежутке между 1 и 3 июля; примерно на четыре тысячи человек больше покинули близлежащие деревни¹. Вначале власти объявили, что католиков и протестантов, а также нетрудоспособных пожилых людей, детей и беременных женщин «оставят». В конечном счете, однако, никаких исключений сделано не было, и эти «освобожденные» люди были отправлены с последней группой, уехавшей 5 июля².

Помимо 5539 армян Траpezунда, данные меры были применены в отношении 17 779 армян из сельской местности вилайета. Затронутыми сначала оказались двадцать деревень, расположенных к востоку от Траpezунда, недалеко от города, на территории между Дейримен Дерэ и рекой Ямбол, сконцентрированных возле небольшого порта Дрона (184 чел.), в предгорье Понтийских гор: Зифанус (951 чел.), Комра (147 чел.), Шана (600 чел.), Калафка (400 чел.), Сюрмене (1210 чел.), Сифтер и Абион (церковь Святого Григория) с общим армянским населением более чем 6500 человек, из которых 323 жили в трех остальных деревнях казы Сюрмене³.

Депортации также были применены к шестнадцати районам, расположенным к

югу и западу от Траpezунда, армянское население которых составляло семь тысяч человек; 3517 из этих армян жили в казе Акчабат. Однако в отличие от того, что происходило в Траpezунде, местные мужчины, судя по всему, были убиты в своих деревнях отрядами чете, принадлежавшими к «Специальной организации», как в Тотсе⁵.

По словам Луи Видаля, француза, которому разрешили остаться в Траpezунде, дававшего показания перед военным судом в Стамбуле 7 апреля 1919 г., около пятнадцати тысяч армян были депортированы из Траpezунда и окрестностей; «не осталось никого, но «некоторое количество сирот остались в деревнях, в мусульманских семьях, потому что моряки иногда брали их на побережье и отвозили в свои дома»⁶. Тахсин-бей, вали Эрзурума, который давал показания на третьем заседании суда в Траpezунде, сказал, что, по его мнению, на армян, депортируемых из Траpezунда, нападали по дороге в Гюмюшхане⁷.

По сообщениям выживших, пятнадцать тысяч депортируемых из области Траpezунда были отправлены тремя группами от четырех до шести тысяч человек каждая. Эти группы были сформированы на выезде из Траpezунда, в Дейримен Дерэ, где находился сборный пункт⁸.

По показаниям 42-летней Нварт Махочян из Траpezунда, пятьсот мужчин были отобраны из ее группы в пять тысяч человек возле Гюмюшхане — это явно была первая группа — и убиты в получасе ходьбы от данного места, а караваны были разграблены бандами. После Фырынджилара, в ущелье Калли Дерэ, где делами заправляли курдские

¹ Письмо консула Хейзера Моргентхау, 28 июля 1915 г.: *Sarajian A. (ed.). Op. cit. Pp. 178–179.*

² Letter from the consul Heizer to Morgenthau 12 июля 1915 г.: *Ibid. P. 146.*

³ *Kevorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 189–190.*

⁴ Заврия (403), Мала и Орус (325), Сатари (130), Анифа (221), Азрет (95), Элманос (124), Тотс (149), левый дом армян Траpezунда, Иле (101), Итчакса (150), Иланос (130), Илана (40), Лагхана (400), Харага (40), Хоргоруд (20), Кавлала (114), Кухла (67), Кроби (147), Джочара (363), Махмад (60), Махтеле (300), Манчелер (160), Мимира (186), Мантчелер (84), Нохадзана (134), Бодамия (17), Самараха (289), Верана (115), Пирван (180), Калойна (40) и Оласа (42): Там же. С. 190.

⁵ Письмо консула Хейзера Моргентхау, 28 июля 1915 г.: *Sarajian A. (ed.). Op. cit. Pp. 178–179.*

⁶ Показания Луи Видаля на шестом заседании суда Траpezунда 7 апреля 1919 г.: «Нор кеанк», № 168, 8 апреля 1919 г. (на арм. яз.); *La Renaissance*, № 109, 8 avril 1919.

⁷ Свидетельское показание на третьем заседании суда Траpezунда 1 апреля 1919 г.

⁸ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 363–364, № 3, Comment les Arméniens de Trébizonde furent anéantis.

завари клана Решван, Зейнель-бей и Гаджи Бедри-ага¹, полторы тысячи мужчин, все еще находившихся в группе, были отделены от остальных Зейнелем-беем и его отрядом курдских партизан и убиты на глазах своих семей. После четырех месяцев дороги, потеряв мертвыми сотни человек и подвергаясь постоянным грабжам, Нварт Махохян и ее спутники достигли Алеппо².

Филомене Нуриян покинула Трапезунд с третьей группой из шести тысяч человек (все армянские католики, охраняемых жандармами под командованием Исмаила-эфенди из Платаны. По ее словам, мужчины шли впереди женщин, девушек и детей где-то в восьми-десяти часах; в Гюмюшхане Исмаил передал мужчин отряду бандитов под командованием Мирзы-эфенди, которые убили их в окрестностях³.

Третий караван из Трапезунда достиг входа в ущелье Кемах 22 июля. Там его ограбили, а затем отправили в Харпут. Американские миссионеры и американский консул отмечают, что это было в месте, которое называется «Четыре источника», на выходе из Мезреха; говорят, что депортируемые были в плачевном состоянии⁴. Филомене Нуриян также отмечает, что после 3-дневного путешествия мальчиков отделили от остальных и убили на глазах их матерей. На следующее утро отделили католиков от апостольских армян; Нуриян сказала, что она «не знает, что с ними стало». Она также не знает, где это все произошло, но есть достаточные основания полагать, что это были окрестности озера Гельюк, куда, по сообщениям, привезли депортируемых из Трапезунда и убили⁵. Депортируемым католикам, колонной кото-

рых командовал лейтенант Харпутлу Гасан-эфенди, приказали, по словам Нуриян, раздеться, «чтобы более тщательно их обыскать на предмет денег, которые нам удалось спрятать. Затем [Гасан] передал нас курду по имени Исмаил-бей, который ждал нас со своим отрядом чете. Именно тогда мы поняли, что наш час настал: они бросились на нас, и началась резня⁶.

Мать и младший брат Нуриян были убиты железными прутьями у нее на глазах; ее саму несколько раз ударили ножом, но ее вместе с младшей сестрой спас Исмаил-бей. По пути жандарм Шефик-бей, «знавший [ее]», забрал ее у курдов и передал своей матери, с которой она поехала в Аргана Маден, где она провела год, оставив свою религию — «меня называли Наджие» — и постоянно меняя хозяев, «чтобы сохранить [ее] моральную целостность». В начале марта 1916 г. она попала в руки Мехмеда Нусрет-бея из Янины, который стал мутесарифом Аргана Маден⁷, «бесчеловечное существо, типичный представитель своих хозяев»; Нусрет-бей также забрал ее сестру, которую теперь называли Найиме, «под предлогом того, что ее необходимо было отправить в Алеппо. Больше я сестру не видела». Позже Филомене Нуриян смогла найти убежище в Кутахии, где она выживала, давая уроки игры на фортепиано; она приехала в Константинополь в октябре 1918 г. «без чьей-либо помощи»⁸.

До сих пор у нас было немного случаев, чтобы обратить внимание на поведение жандармов, охранявших группы, или на поведение отрядов чете, за исключением разве что сообщений выживших. Материалы следствия, собранные для военного суда

¹ Депортируемые из других регионов отмечали, что эта колонна из Трапезунда была в Фырынджиларе; см. выше, с. 453. Мы уже упоминали о делах Зейнель-бея и Гаджи Бедри в этом ущелье.

² Свидетельское показание на третьем заседании суда Трапезунда 1 апреля 1919 г.

³ Показания Филомены Нуриян на четвертом заседании суда Трапезунда, Константинополь, 1 мая 1919 г.: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, doc. № 34, 3 769–770; La Renaissance, № 49, 28 janvier 1919.

⁴ См. выше, с. 446. Так случилось, что несколько депортируемых из Трапезунда смогли на некоторое время спрятаться в верхнем квартале Харпута; они были депортированы оттуда в ноябре 1915 г.: см. выше, с. 451.

⁵ См. выше, с. 447.

⁶ См. с. 545, примечание 3.

⁷ См. выше, с. 331–332; вердикт военного суда, датированный 20 июля 1920 г., который приговорил к смерти «Мехмеда Нусрет-бея, каймакама Байбурта и позже мутесарифа Аргана Маден, и лейтенанта Неджати-бея, лидера отряда чете, они оба несут ответственность за расправы в Байбурте», был опубликован в «Tercüman-ı Hakikat» № 14 136, 5 Frürio 1920. Нусрет был повешен 5 августа 1920 г., в пять часов утра, на площади Баязид; La Renaissance, № 522, 6 août 1920.

⁸ См. с. 545, примечание 3.

29-го округа, размещавшегося в Эрзинджане, в июле—августе—сентябре 1915 г. дают нам представление об условиях, при которых группа из Трапезунда была ограблена и некоторые ее члены были убиты. Может показаться удивительным, что такое расследование было проведено сразу после депортаций, если мы не примем во внимание, что определенный правовой режим все-таки существовал в Османской империи. Фактически провинциальные военные суды были крайне активны во время Первой мировой войны, и значительное количество людей представляло перед ними. Тем не менее, как указано в некоторых документах, о которых нам известно, эти военные суды рассматривали дела не о массовых убийствах, а о «злоупотреблениях», так сказать, захватах имущества армян в ущерб либо местным иттихадистским лидерам, либо самим КЕП. Все указывает на то, что от высших эшелонов власти исходили распоряжения о назначении жестких наказаний за экономические преступления. Как бы то ни было, дело о колоннах из Трапезунда дает нам возможность проследить, исключая случаи личного обогащения, как относились к армянам, депортируемым из Трапезунда, и попутно оценить роль отрядов чете, базировавшихся в Гюмюшхане, задачей которых была ликвидация мужчин возле Теке, в ущелье около Мадеринкила¹.

Объектом расследования, проведенного военным судом Эрзинджана, была вышеупомянутая группа жандармов, сопровождавшая первую колонну депортируемых из Трапезунда. Эта колонна покинула город под охраной по приказу капитана Агах-бея, командующего второй ротой 1-го батальона полка конной жандармерии Трапезунда². Официально председательствующий судья военного суда 29-го округа, размещавшегося в Эрзинджане, лейтенант-полковник

Фехми, открыл процесс в отношении людей «ограбивших караван». Некоторые из людей были задержаны в Эрзинджане. Фехми-бей потребовал, чтобы вали Трапезунда передал ему двух других подозреваемых «немедленно и в обязательном порядке» и спросил его, были ли бандиты наняты в его регионе³. Джемаль Азми ответил: «Мы подтверждаем, что до настоящего времени ни один бандит не был нанят в столице или иных районах вилайета и что там не было ни единого грабежа»⁴. Несколько дней спустя он сообщил корреспонденту о том, что жандармы, о которых он спрашивал, покинули Трапезунд 19 июля⁵. Эти короткие обмены информацией создают впечатление, что Азми был в некотором замешательстве, вероятно, из-за строгости, с которой председательствующий судья военного суда Эрзинджана вел следствие. В этом мы также можем заметить возможность манипуляций со стороны КЕП и его сети, которые официально дали армии право «вытеснять гражданское население» с тем, чтобы прикрыть истребление, совершаемое «Специальной организацией». В любом случае стоит отметить, что капитана Агаха, чья роль в ликвидации мужчин возле Гюмюшхане была отмечена обвиняемыми, никогда не выводили из равновесия военные суды. Самым выскопоставленным военнослужащим среди обвиняемых был Османоглу Мехмед Фаик, 24-летний неженатый младший лейтенант второй роты первого батальона полка конных жандармов в Трапезунде. Его допрос выявил, что у депортируемых было отобрано приблизительно две тысячи фунтов золота; что в получасе ходьбы от Гюмюшхане они были «разграблены» жандармами; и что на следующий день мужчин отделили от женщин. «В Гюмюшхане, — сказал Фаик, — было две банды, задачей которых было убийство армянских мужчин. Одна была из Трапезун-

¹ Мы уже отмечали, что Джемаль Азми использовал отряды чете «для совершения зверств и что многие депортируемые были убиты на дороге между Трапезундом и Гюмюшхане». Показания Нури-бея на первом заседании суда Трапезунда 26 марта 1919 г.: La Renaissance, № 99, 27 mars 1919.

² Показания, которые дал военному суду Мехмед Фаик, сын Османа, младший офицер второй роты 1-го батальона трапезундского полка конной жандармерии, родом из Трапезунда, 24 г., не женат, 21 и 22 июля 1915 г. (8/9 по юлианскому календарю): APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XXXII, U 561-562.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XXXII, U 563/2, telegram № 1700, из допроса в Трапезунда Джемалья Азми председателем суда Эрзинджана 5/18 августа 1915 г.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XXXII, T 563/1, из допроса вали Трапезунда Джемалья Азми председателем суда Эрзинджана 5 августа 1915 г.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XXXII, U 563/3, telegram № 1453, из допроса в Трапезунда Джемалья Азми председателем суда Эрзинджана 9 августа 1915 г.

другая была организована курдской бандой под командованием Микхо-бея [Мирзы]. Ограбление проходивших армян. У главы трапезундской банды состоялся разговор с командиром роты. Командир тогда сказал пойти и собрать деньги во время следующего этапа. Одну треть мы должны были оставить себе; вторая треть предназначена бандам, остальная часть — общине... Было также установлено, что правительство будет требовать их денег; оно только хочет бросить их в Евфрат»¹. Таким образом, допрос младшего офицера Фаика показывал, что сотрудничество жандармерии с лидером чете явно имело место. Еще один свидетель Осман, жандарм, отметил, что чете по имени Ризели Исмаил, член «банды Мурада-бея», «который присоединился к нашей группе по требованию властей», также принимал участие в уничтожении мужчин из колонны². Фаик отметил, что командир его роты после «разговора с мутесарифом Гюмюшхане «Мирзой-беем» приказал «отвести мужчин в одну сторону, а женщин в другую, только сильные мужчины остались с женщинами». «Банда из Трапезунда [Мурад-бей вместе с Ризели Исмаилом]» отправилась «в долину Мадеренкил, чтобы убить мужчин и забрать им деньги». В следующей фразе Фаик рассказал, что количество убитых этими двумя отрядами чете мужчин в этом единственном месте «превысило три тысячи»³. Таким образом, мы видим контуры системы ликвидации мужчин, установленной «властями» Гюмюшхане. Есть достаточные основания полагать, что комитет по депортации Трапезунда предпочел уничтожать мужчин за пределами города, чтобы избежать обвинений, которые неизбежно возникли бы у иностранных свидетелей, если бы вали последовал примеру Мезре и Харпута.

Важно отметить, что признаки того, что произошло с мужчинами, которые в ходе допроса в военном суде упоминались в показаниях фигурантов дела, были сконцентрированы на ограблениях депортируемых. Также можно заметить определенную неприязнь между жандармами и чете: жандармы, так сказать, были недовольны тем фактом, что только чете получала выгоду от имущества, отобранного у депортируемых. Аюб Сабри, жандарм, отметил, что он и его товарищи выразили своему начальству протест; они потребовали объяснить, «почему чете забирают деньги, которые мы собираем». Фаик ответил, по словам Сабри, «что эти деньги предназначались не для них, а для правительства, флота и национальной организации освобождения», хотя он и выделил «каждому жандарму по одному фунту»⁴. Ход опроса Сабри показывает, что этот жандарм был неудовлетворен своим одним фунтом золотом, потому что, когда его арестовали, выяснилось, что ему предназначались «пятьдесят три османских фунта, чек на сто фунтов, одиннадцать с половиной русских фунтов, три с половиной фунтов стерлингов, золотые часы, серьги и другие золотые украшения»⁵. Что касается механизма, который использовался для того, чтобы отобрать имущество у депортируемых из Трапезунда, Осман, жандарм, отметил, что Ризели Исмаил и Фаик-эфенди «обыскали армян и забрали у них деньги и ценности... сказав им, что они действуют по приказу правительства; что каждый из них может оставить себе не более шестидесяти пиастров, а остальные деньги и ценности они должны отдать им и что правительство их накормит, когда они достигнут места назначения»⁶. Как будет отмечено, эта речь часто использовалась в других регионах, также чтобы оправдать захват имуще-

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier, U 561–562, показания, которые дал военному суду Мехмед Фаик, сын Османа, младший офицер второй роты 1-го батальона трапезундского полка конной жандармерии, родом из Трапезунда, 24 г., не женат, 21 и 22 июля 1915 г.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XXXII, U 558–560, показания, которые дал военному суду обвиняемый Осман, сын Рушена, из Имарета, пригорода Трапезунда, выпускник 3-й степени Школы экономики, гражданский служащий, 22 г., не женат.

³ См. с. 547, примечание 1.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XXXII, U 560, показания, которые дал военному суду обвиняемый Ейюб Сабри, сын Мудифа Хасана, офицер второй роты 1-го батальона трапезундского полка конной жандармерии, 20 лет, женат.

⁵ Ibid.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XXXII, U 558–560, показания, которые дал военному суду обвиняемый Осман, сын Рушена, из Имарета, пригорода Трапезунда, выпускник 3-й степени Школы экономики, гражданский служащий, 22 г., не женат.

ства армян и заставить их еще больше зависеть от своих палачей. Более того, Осман подтверждает, что «большую часть денег забрали чете; остальное осталось у Фаика-эфенди»¹. Хафиз Сейфеддин, жандарм, также отметил, что Ризели Исмаил и Фаик угрожали депортируемым, которые не выполняли приказы, говоря им, что «те, кто не отдаст [свои деньги], будут убиты»².

Осман раскрывает еще одну интересную деталь: из пятидесяти жандармов, покинувших Трапезунд колонной, двадцать три сопровождали караван до самого Эрзинджана; «остальные остались с армянскими мужчинами, которых отделили в Гюмюшхане»³. Другими словами, «остальные» жандармы с большой долей вероятности участвовали в ликвидации мужчин вместе с двумя группами чете, размещавшимися в Гюмюшхане.

Допрос младшего лейтенанта Мехмеда Фаика в конечном счете предоставляет графическую иллюстрацию редко поощряемого аспекта насильственного похищения молодых женщин их палачами. Так, Фаик сообщил, что по пути он «встретил девушку из семьи Арабян; она мне показалась привлекательной; я хотел на ней жениться по мило-

сти Божией. Отец и мать девушки дали согласие». Фаик также сказал, что «ее отец был убит в Гюмюшхане, и, поскольку она была слишком маленькая, она плакала и не хотела покинуть свою сестру». Занятый выполнением своих профессиональных обязанностей, младший лейтенант передал «двух девушек жандарму из охраны, попросив отвести их в дом фотографа Кадуса-бея [в Эрзинджане] и оставить их там», пока он будет сопровождать конвой в Кемах. Он также «планировал отдать» сестру своей будущей жены «врачу или лейтенанту»⁴.

После завершения своей миссии в Кемахе Фаик, не теряя времени, воссоединился с дочерью Арабянов, которая все это время находилась в доме Кадуса-эфенди. Он был там, когда жандармы пришли его арестовывать. Перед военным судом Фаик оправдал свои действия следующим образом: «Что касается девушек, я вас уверяю, что можно было найти в каждом доме, по всему пути. Что до меня, я не читал никаких приказов правительства [по данному вопросу]. Я делал то, что делало все население: я хотел защитить эту девочку, которую я знал и [этих событий]»⁵.

Каза Орду

Армяне казы Орду, у большинства из которых были корни в Хамшине и чьи предки поселились в этом месте относительно поздно, насчитывали около 13 565 человек. Три тысячи армян казы жили в административном центре, также известном как Орду; остальные были разбросаны по двадцати девяти деревням. Развитие административного центра казы датируется второй половиной XIX века, когда армяне, пришедшие из Тамзары и Кирасона, поселились в квартале, известном как Бозтепе. Именно эти армяне начали культивировать фундук в этом районе, основали городской недельный рынок, и разработали месторождения, и наладили

экспорт известняка, серебра и марганца. Что касается двадцати девяти деревень в отдаленных районах (расположенных минимум в четырех и как максимум в десяти часах от Орду), они были сгруппированы в шесть сельских блоков к югу, юго-западу и западу от Орду, особенно в долинах рек Мелет и ее притоков: Ак Пунар (109 чел.), Кульсорен (476 чел.), Кара Типи (263 чел.), Кара Кираз (93 чел.), Кесаджик (219 чел.), Кызылен (680 чел.), Каденджик (240 чел.), Кран (105 чел.), Колоджа (96 чел.), Ка-Кей (156 чел.), Тепе Кей (753 чел.), Таллулук (762 чел.), Ходжоглы и Язык (303 чел.), Гюгёрен (271 чел.), Мусакилыдж (584 чел.)

¹ Ibid.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XXXII, U 558, копия показаний, которые дал военному суду обвиняемый Хафиз Сейфеддин, сын Ибрагима, офицер второй роты 1-го батальона трапезундской полка конной жандармерии, 22 г., женат.

³ См. с. 548, примечание 1.

⁴ Показания, которые дал военному суду Мехмед Фаик, APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XXXII, U 561–562 (цитированный документ).

⁵ Ibid.

Девилер (116 чел.), Узунмуса (66 чел.), Махмуд (388 чел.), Чавушлар (727 чел.), Чаллы (114 чел.), Бултан (55 чел.), Базарсу (154 чел.), Сайаджа (581 чел.), Серайджик (336 чел.), Дарыкджа (182 чел.), Опрама (224 чел.), Кираз Дерэ (327 чел.) и Ходжоглу (вместе восемь дворов)¹.

По сообщению Е.Б. Андреасяна, в первые месяцы войны Орду были постепенно изолированы от остальной страны. Первые аресты прошли приблизительно в середине июня 1915 г. Пятьсот солдат регулярной армии взяли под контроль армянские поселения и начали арестовывать большое количество мужчин, которых содержали в тюремных бараках. Эта операция длилась примерно шесть дней; только после ее окончания вышел декрет о депортации армянского населения в сторону Мосула. Первыми должны были отправить мужчин, связанных в группы по четыре человека и собранных в колонны по восемьдесят до ста человек каждая. По словам нашего свидетеля, о том, что этим мужчинам перерезали горло в лесных долинах неподалеку, стало известно гораздо позже².

Некоторым заключенным, однако, удалось добиться освобождения посредством взятки и, таким образом, покинуть Орду вместе с семьями в колоннах, которые ушли на несколько дней позже. В первом караване были семьи арестованных и убитых мужчин. Все эти группы отправившись по дороге, которая вела из Месудийе в Сушехир, лежавший в тридцати километрах к западу от Шабин-Карахисара. Возле Сушехира, в нахии Элбедир, многие из депортируемых были убиты, а большое количество девочек и женщин увезли насильно³. Лишь небольшая группа смогла продолжить путь. Преподобный Ганс Бауернфейнд встретил эту группу возле Кангала, к югу от Сиваса, 14 августа 1915 г. вместе с депортируемыми из Трапезунда⁴.

Пожилые, больные и слабые, которых приняли в госпиталь или иные учреждения, вскоре после этого были официально отправлены на корабле в Самсун. В действительности их утопили в море при условиях, похожих на те, которые мы наблюдали в Трапезунде⁵. Группа женщин и особенно детей обоих полов в возрасте от трех до двенадцати лет скрывались от преследования в домах своих греческих, грузинских или турецких друзей; эти люди оставались в Орду после ухода колонн. Очевидно, угрозы властей убедили их друзей от них избавиться; власти либо распределили их по семьям в Кирасоне, либо отправили в море и убили. 26 апреля 1919 г. на четырнадцатом заседании суда в Трапезунде Гусейн-эфенди, торговец из Орду, подтвердил, что Фаик-бей, каймакам Орду, отправил две баржи с армянскими женщинами и детьми в сторону Самсуна: «Два часа спустя они вернулись пустыми»⁶. Эти корабли не могли дойти до Самсуна и вернуться обратно за такое короткое время; их пассажиры, другими словами, «потерялись в море». Несколько десятков молодых людей, однако, смогли сбежать в районе Понтийских гор, где они пытались выжить в течение трех лет⁷.

Следующие правительственные чиновники несут на себе ответственность за антиармянские преследования: Али Фаик-бей, который был каймаком Орду с 29 января 1913 по 5 июля 1915 г.; Посту-заде Юсуф, мэр; Рахми-эфенди, судебный секретарь; Рюстем-эфенди, следственный судья; Мустафа-бей, глава службы обеспечения; Осман-эфенди, директор компании «Тобако Регие»; Салим-эфенди Башизаде; и Чапаноглу Кючюк Гусейн и Гурджи Мурад-эфенди, сборщики налогов. Среди представителей аристократии, зарегистрированных в «Специальной организации», особую роль сыграли следующие: Мустафаага-заде Рушди-бей; Муста-

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 196; Овакимян О. Указ. соч. С. 488–518.

² Там же. С. 519–520.

³ Там же. С. 520–521. Свидетель отметил, что юрист Геворг Бюбюлян поспешно уехал в Мосул, «чтобы найти там дом». Это в значительной мере свидетельствует о психологическом состоянии некоторых армян Орду, которые были убеждены в благих намерениях властей.

⁴ Bauernfeind H. Op. cit. P. 308, journal du 15 août.

⁵ Овакимян О. Указ. соч. С. 522.

⁶ Отчеты в газетах «Нор кеанк», № 179, 27 апреля 1919 г. (на арм. яз.) и La Renaissance, № 125, 27 avril 1919.

⁷ Овакимян О. Указ. соч. С. 523–525, свидетельства многочисленных выживших.

фаага-заде Мехмед-бей; Гаджикода-заде Гаджи Бекир-эфенди; Гаджикода-заде Кючюк Мехмед; Акак-заде Абдулла; Корахмед-заде Мустафа; Атта-бей; Гаджи Теза-бей; Катиб-заде Тевфик; Рафик-заде Тевфиоглу; Авундук-заде Гусейн-бей; Мумджи-заде Али; Молла Вели-заде; Иззет-бей, глава брошенного имущества; Джела-заде Гаджи Кадербей; Сабахеддинага-заде Алаэддин; Махмудбей-заде Бекир; Нечат-заде Мустафа. Среди главарей чете наиболее вовлеченны-

ми в расправы были Фоту-заде Гаджи Харок Фоту-заде Гаджи Али Осман; Бойрас-заде Иззет-ага; Алайбей-заде Мехмед-ага; Алайбей-заде Садик-ага; и Бозули-заде Гайдар-ага¹.

В заключение следует отметить, что после захвата Трапезунда русскими хозяевами гостиницы Ниязи был отправлен Джемал Азми в Орду с заданием депортировать греков и распродать их имущество «по справедливо низким ценам»².

Казы Кирасон, Тиреболи и Гореле

Как и во многих других черноморских портах, армянские колонии Кирасона образовались после 1850 г. с прибытием армян из Танзары и Шабин Карахисара. Накануне Первой мировой войны армян насчитывалось 2075 человек плюс сорок семей в периферийной деревне Буланджак; они занимались торговлей, выращиванием фундука и черешни, а также ловлей анчоусов. Армянские общины Тиреболи и Гореле были еще более незначительными: триста двенадцать армян в Элу, административном центре казы Гореле, и двести пятнадцать в деревне Элев. Восемьсот шестьдесят пять армян жили в Тиреболи, где они активно занимались торговлей³.

26 апреля 1919 г. на четырнадцатом заседании суда в Трапезунде Ариф-бей, каймакам Кирасона, подтвердил, что он получил приказ от вали Джемала Азми депортировать армян из своего региона в направлении Мосула «по Черному морю»⁴. Короткий путь, предложенный его непосредственным начальником, не позволяет, однако, считать, что каймакам просто выполнял приказы вали. Окруженный убежденными младотурками, такими как Сари Махмуд-заде Гасан, председатель местного клуба Иттихада, или Эшреф Сари Махмуд и Таргин-заде

Хакки, влиятельные члены клуба, и правительственными чиновниками, которые были не менее усердны, среди них Сыдык-бей, главный таможенный инспектор; Хусни-бей, мудир Икису; Салих Чавуш, мудир Кулаккайя; Хайри-бей, главный прокурор; Хасан Ибрагим-заде Зийя, генеральный секретарь супрефектуры; и Мехмед-бей, главный вице-прокурор, Ариф-бей разработал план ликвидации армян своей казы⁵.

Процедура, которая использовалась для уничтожения армянского населения, была классической. Во второй половине июня 1915 г. полиция провела обыски в домах армян Кирасона, официально они искали оружие и дезертиров. Мужчины от шестнадцати до пятидесяти лет были арестованы и помещены во внутренний двор здания городской администрации. Следующей ночью за пределами города было убито от ста пятидесяти до ста шестидесяти представителей армянской аристократии; остальных мужчин освободили. Лишь после окончания этой операции был объявлен приказ о депортации⁶.

Караван, в котором оказалась наша главная свидетельница, четвертый и последний охранялся жандармами по приказу Гасана Сабри; он состоял из тысячи двухсот человек, пятьсот из них были мужчины. Муж-

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 359–360, латинскими буквами — списки имен ответственных за депортацию в каза Орду.

² Показания Луфти-бея на восьмом заседании суда Трапезунда 9 апреля 1919 г.: La Renaissance, № 10 avril 1919; «Нор кеанк», № 165, 10 апреля 1919 г. (на арм. яз.).

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 192–195; Овакимян О. Указ. соч. С. 462–477.

⁴ Отчеты в газетах «Нор кеанк», № 179, 27 апреля 1919 г. (на арм. яз.) и La Renaissance, № 125, 27 апреля 1919.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 217 и № 358, список ответственных за погромы и депортацию в Кирасоне.

⁶ Овакимян О. Указ. соч. С. 477–481.

были отделены от остальных возле Ики Су, на пути к Шабин-Карахисару, и убиты восьмидесятью двумя «жандармами» возле Эй-Эболи. Затем колонна отправилась по дороге в Тамзару и была ограблена в курдской деревне в окрестностях Шабин Карахисара, где девочек и женщин насильно увели. В Кавалыке, возле Эзбидера, колонна была атакована бандитами из Кирасона под командованием Сари Махмуд-заде Эшрефа и его брата Гасана; Катиба Ахмеда; Кемаль-бея, начальника жандармерии; майора Фаика; и Османа, офицера; они сожгли оставшихся восьмерых живых мужчин. После 28-дневного перехода, когда наша свидетельница достигла Куручая, между Шабин Карахисаром и Дивригом, в караване оставалось всего пятьсот депортируемых; они были жителями Кирасона и каз Тиреболи и Гореле. По словам Мариам Кокмазян, их снова атаковали курдские крестьяне по приказу каймакама; затем сорок выживших в караване отправились в Демир Магара, расположенный к югу от Диврига, в место, которое местные жители прозвали «скотобойня армян», потому что здесь несколько тысячам армян перерезали горло. На тридцать шестой день выжившие добрались до Акн/Эгын. Нашу

свидетельницу поместили в турецкий приют, где в ужасных условиях содержались пятьсот армянских детей. Когда несколько позже этих детей отравили и бросили в Евфрат, Мариам удалось сбежать. Сначала она выживала, работая в городе у портного; позже она отправилась в Сивас, переодевшись в турчанку, затем далее в Конью и в конце концов в Стамбул¹.

Кроме упомянутых выше младотурок, несколько офицеров армии и жандармерии также сыграли важную роль в уничтожении армян в Кирасоне и окружающих казах: Фаик-бей, начальник жандармерии; Кемаль-бей, лейтенант жандармерии; Арап Мустаф-бей, майор жандармерии; и Нихад-бей, начальник военного комиссариата. Из городской аристократии Гаджи Али Агайаде Киагифи сыграл ведущую роль в разграблении имущества армян, будучи председателем комиссии по «брошенному имуществу». Главарями отрядов бандитов, наиболее вовлеченных в расправы и утопления были Топал Осман и Исхак Чавуш; им помогали Кызылчоглу Буни Гасан Гусейн; Харпутлу-паша Реис; Эгинли Гусейн; Эшреф Челеби; Колчи Юсуф-заде Юсуф; Буланоглу Шабан; и Пехливан Исмаил².

Погромы и депортации в санджаке Гюмюшхане

Анклав в Понтийских горах, санджак Гюмюшхане, который переживал долгий период расцвета благодаря серебряным рудникам, потерял значительную часть своего армянского населения после Русско-турецкой войны 1828 г. В 1914 г. 1817 армян все еще жили в городе Гюмюшхане. Еще четыреста пятьдесят в Шейране, административном центре одноименной казы, и четыреста восемьдесят два в Кельките, в самом южном районе санджака³.

Мутесариф Гюмюшхане, Абдулкадер-бей, занимавший эту должность с июня 1915 по 16 января 1917 г., играл, как мы видели, решающую роль в ликвидации мужчин, депортированных из Трапезунда⁴, и, естественно, армян своего района. Ему помогли Назми-бей и Рефик-паша, которых поддерживали два отряда чете, размещавшихся там, под командованием Мирзы-бея и Мурада-бея⁵.

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 365, «L'extermination des Arméniens de Kirason, récit d'une rescapée»; BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 27, Kirason (почти односторонние тексты); детали отчета Мариам Кокманян из Кирасона, опубликованные в выпуске газеты «Жаманак» (№ 54) от 17 января 1919 г., свидетельствуют о том, что Кокманян является тем автором, на которого ссылались в двух вышеупомянутых документах.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 217, № 358, список ответственных за погромы и депортации в Кирасоне.

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 202–204; Овакимян О. Указ. соч. С. 543–554.

⁴ Там же. С. 737, 740. Он сменил Миграна Зограба (брата депутата парламента Григора Зограба), освобожденного от должности 2 июня 1915 г., в день ареста своего брата: Шарурян А. Указ. соч. С. 467.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 216, список ответственных за погромы и депортации в Гюмюшхане.

Санджак Ризе — прибежище для немногочисленных армянских беженцев

Согласно переписи населения Османской империи 1914 г., во всем санджаке Ризе насчитывалось всего тридцать пять армян¹. Эта статистика, однако, скрывает более сложную реальность, поскольку горный регион Хамшин был домом армяноязычного населения, которое силой заставили принять ислам между 1680 и 1710 годами, и отличался заметными культурными особенностями.

Несмотря на деятельность мутесарифа Сулеймана Сами-бея (который занимал эту должность с 16 июля 1914 г. по 16 июля 1915 г.), эти жители без колебания приняли большое количество армян из регионов Кисским, Байбурт и Эрзурум, которые сделали эти горы местом сопротивления силам правительства, начавшим преследовать армянских беглецов².

Погромы и депортации в санджаке Джаник/Самсун

Согласно статистике патриархата и переписи населения Османской империи 1914 г., в санджаке Джаник насчитывалось 35 907 армян. Они жили в городах — Самсун, Бафра, Чаршамба, Уние и Фатса — и в сельской местности, в десяти деревнях вокруг Уние — четыре в окрестностях Терме и двадцать в районе Чаршамба; почти все они были основаны в начале XVIII века беженцами из Хамшина. В 1914 г. санджак мог похвастаться сорока девятью церквями и семьюдесятью четырьмя школами.

Развитие порта Самсун во второй половине XIX века было в значительной степени обусловлено открытием дороги, по которой можно было доехать в фургоне из Самсуна до внутренней части страны. В 1914 г. армянское население здесь насчитывало 5315 человек; они жили в армянском квартале, расположенном в северо-западной части города, на побережье. Целиком основанный в прибрежной зоне, город экспортировал главным образом табак, хлопок, жемчуг и древесину³.

Немногочисленные известные источники информации по депортации армян Самсуна представлены в основном немецкими источниками⁴, и тем ценнее сохранность имеющейся в избытке корреспонденции на французском языке благодаря американскому консулу в Самсуне Уильяму Петеру⁵. Она еще более важна, поскольку большая часть американских консульских документов была уничтожена по требованию Госдепартамента, когда Соединенные Штаты вступили в войну в 1917 г. По словам американского консула в Алеппо Д. Б. Джексона: «У нас не было выбора, так как уже имелся печальный опыт генерального консула Франции в Бейруте, Сирии, в результате чего его архивы были захвачены турками, и более шестидесяти уважаемых людей Сирии были повешены, и более 5000 человек были депортированы, а все их имущество было конфисковано турецким правительством. Поскольку это все происходило на моих глазах, я не хотел, чтобы какое-либо бездействие с моей стороны стало причиной подобной трагедии»⁶.

¹ Karpat K. Op. cit. P. 184.

² Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 204–205.

³ Ibid. Pp. 196–202.

⁴ Два доклада, отправленные непосредственно имперскому канцлеру Бетман-Гольвегу вице-консулом Германии в Самсуне Кучкоффом, 27 июня и 4 июля 1915 г.: см. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Türkei 183, band 36, J. nr. 269. Второй в кн.: Lepsius J. Deutschland und Armenien. S. 104–106; idem. Archives du génocide des Arméniens. Op. cit. Pp. 108–111. Эти доклады подтверждают информацию, предоставленную американским консулом: «Все без исключения армяне должны были покинуть город... По словам мутесарифа, депортируемые, покинувшие Самсун, были отправлены в направлении Урфы. Вполне понятно, что один из армян так далеко не ушел» (Ibid. Pp. 109–110).

⁵ У нас в распоряжении есть его переписка с американским послом в Константинополе, доступная под шифром «Record Group 84» в Национальном архиве (Вашингтон), Record of Foreign Service Posts of the Department of State, Consular Posts, Samsun, Turkey, Miscellaneous Documents, c. 49, c. 8. 1, box 5, 6 and 7 — интересные нас годы.

⁶ US NArch., RG 59, 867. 4016/373.

У. Петер, являясь гражданином Швейцарии, приступил к обязанностям консула в Самсуне весной 1915 г.¹; как на представителя нейтральной страны, на него также была возложена ответственность по представлению интересов Англии, Франции, России, Италии и т.д. Уже значительно загруженный работой по защите коммерческих интересов имущества этих стран в Самсуне в конце июня 1915 г., Петер внезапно столкнулся, по его словам, с «армянским вопросом». Консул сначала пришел в недоумение от «мер перемещения внутрь страны» армянского населения. Некоторые признаки, однако, указывали на то, что операция турецких властей была неизбежна. В письме от 11 мая 1915 г. американский консул в Трапезунде Оскар Хейзер сообщил Петеру, что, «согласно инструкциям посольства, я прилагаю к письму копию словесной ноты от Блистательной Порты, датированной 18 апреля, требующей от сотрудников американского посольства воздержаться от поездок в регионы, в которых вооруженные силы Османской империи проводят операции»². Тон этой «повторяющейся словесной ноты» от Высокой Порты, датированной 18 апреля 1915 г., был обличительным: «Согласно информации от заместителя начальника Имперской армии, министр иностранных дел с почтением просит, чтоб посольство Соединенных Штатов Америки было настолько любезным и прислало необходимые американским консулам инструкции о том, чтобы они воздерживались от поездок в зоны, в которых армия Османской империи проводит операции с особой целью»³. Что это были за «операции [приводимые] с особой целью»? Ответ пришел 26 июня 1915 г., когда Петер телеграфировал американскому послу Генри Моргентау о том, что «власти требуют интернирования армян, женщин, детей. Поскольку мера эта слишком серьезная, требую вмешательства правительства, чтобы сохранить свободу невинных людей»⁴. Двумя днями ранее Петер уже отправил такую телеграмму: «Власти требуют интернирования армян [под]

американской защитой, остановите. Сверх того, власти требуют ключи от монастыря, латинская церковь, посоветуйте. Петер»⁵. Другими словами, от Петера потребовали оставить идею защиты американских граждан армянского происхождения и передать имущество, принадлежащее враждебным странам.

Американский консул в Самсуне хоть и являлся гражданином нейтрального государства, но оказался под гораздо более серьезным наблюдением, когда у него возникли трудности в общении с посольством в Стамбуле. В августе 1915 г. даже были разногласия между Петером и мутесарифом Самсуна, который, «вероятно, получил инструкцию из Сиваса, больше не принимать мои запечатанные письма... Я бы сообщил вам об этом телеграфом, но мое отправление вряд ли дошло бы. Две мои поездки в Мерзинфун дали туркам понять, что я ездил туда только из-за армян, чтобы убедиться в реальности вопроса на месте. Более того, каймакан Мерзинфуна сказал об этом одному из моих турецких друзей»⁶.

Не менее интересно наблюдать за тем, как консул, у которого изначально отсутствовало глобальное видение развивающихся событий, постепенно изменил лексикон, который он использовал для описания ликвидации армян. Убежденный сначала в правдивости заявлений местных властей поставленным ими спектаклем — депортируемые армяне покидали город на повозках, запряженных волами, — он написал в своем докладе 27 июня 1915 г.: «По приказу из Константинополя мутесариф вечером в четверг, 24 числа этого месяца, издал декрет о том, что население, независимо от социального положения, вероисповедания [sic] или иностранной защиты, должно в течение пяти дней покинуть город и приготовиться к депортации. Этот спонтанный приказ, составленный в чрезвычайно жесткой форме, не только ошеломил всех армян и заставил их испытывать мучения, но также и глубоко тронул человеколюбивые чувства всех остальных

¹ У. Петер некоторое время жил и работал предпринимателем в Самсуне.

² US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5, письмо из Трапезунда 11 мая 1915 г., [ref. №] 811.1.

³ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5, [Copy] of the "Circulaire, note verbale" № G1. 64141 and № S1.85 из Блистательной Порты, от министра иностранных дел американскому послу в Константинополе, 18 апреля 1915 г.

⁴ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5, телеграмма У. Петера послу Моргентау 26 июня 1915 г.

⁵ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5, телеграмма У. Петера послу Моргентау 24 июня 1915 г.

⁶ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5, письмо Петера послу Моргентау, Самсун, 31 августа 1915 г.

ных христиан и значительной части мусульман, которые все еще разделяли правоверное суждение, что, к сожалению, происходит не со всеми из них». Особо жестокой консул нашел «высылку в грузовых фургонах женщин, детей и стариков, сопровождаемую запретом что-либо продавать с целью получения финансовых средств, необходимых для выживания в путешествии, длина и место назначения которого неизвестны»¹. К 10 июля, используя уже более категоричный язык, он заявил: «Они собрали в группы армянских мужчин и отдали их на растерзание крестьянам. Они, несомненно, применяют такие меры против женщин и детей, которые заставят их умереть от голода или безысходности, ужасную расправу, напоминающую период, когда они очистили Константинополь от собак и оставили их всех на острове умирать»². Информация, содержащаяся в его докладе от 26 августа, еще более точна: депортируемые из «Самсуна, Амасии, Мерзифуна все были собраны в Амасии. Затем мужчин отделили, связали, некоторых забили дубинами до смерти между Амасией, Турчалом, Токатом. Все, кого привезли в Токат, были отправлены из Токата в Чифлик или Гишгишу и убиты. Женщин и детей отвезли на повозках, запряженных волами, в Шаркышла [возле Сиваса], затем отправили пешком в Малатью обходными путями, а затем бросили в Кирк Гёз или Евфрат»³. В этих же документах, оставив общий сдержанный тон, который он использовал, когда писал послу, Петер дал выход своему негодованию в таких выражениях: «Если бы Турция в целом находилась на должном уровне в вопросах организации и способности, в этот раз, когда дело уже дошло до резни, грабежа и прочего, она бы показала хорошо скоординированную, безупречную ловкость в скорейшем

перемещении сотен тысяч человек в мир иной»⁴.

Таким образом, создается впечатление, что в течение двух месяцев Петер сумел оценить событие. В его корреспонденции содержится ценная информация о методах, которые использовали власти, чтобы замаскировать свои преступления. Сначала это был вопрос временного изгнания армянского населения и отправки его на повозках, запряженных волами, «в глубь страны», до Амасии, чтобы усилить убежденность иностранных наблюдателей в том, что это не более чем предупредительные меры безопасности, несомненно, болезненные, но не бесчеловечные. Армянских католиков и протестантов чья судьба интересовала некоторые западные консульства, не пожалели на этом первом этапе, но власти до последнего момента выражали сомнения в том, оставить ли их. Только «те, кто пожелает принять ислам, могут остаться здесь; целью данного решения правительства было не что иное, как стереть армянскую расу»⁵. Нужно было подождать не более двух недель, чтобы узнать, что «даже новообращенные, по словам мугесарифа, не могут остаться здесь, а должны уехать в Трапезунд, Керасунд, Мерзифун, Бафру и т.д. Турки усердно стараются обратить людей в свою веру. Большое количество уехавших людей с большой долей вероятности [последуют] примеру ста пятидесяти семей, принявших мусульманство, но, похоже, что уже поздно и что им не разрешат вернуться, даже если они его примут»⁶. Что касается «американских граждан [sic] армянского происхождения, [они], вероятно, будут изгнаны», написал Петер 4 июля 1915 г. в телеграмме Моргентау⁷.

Теперь начался более длинный второй этап; его целью было закончить работу, т

¹ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5, письмо Петера послу Моргентау 27 июня 1915 г., стр. 3.

² US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5, письмо Петера послу Моргентау 10 июля 1915 г., стр. 1.

³ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5, письмо Петера послу Моргентау 26 августа 1915 г., стр. 5. Это подтверждается «докладом американца из Самсуна, который прибыл в Дедеагач 27 октября 1915 г., который сообщил, что «по всему пути из Самсуна в Ангору можно было обнаружить большое количество тел армян (см. *Beylerian A. Op. cit.* P. 139).

⁴ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5, письмо Петера послу Моргентау 26 августа 1915 г., стр. 6.

⁵ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5, lettre adressée à l'«Honorabile légation du royaume de Roumanie [à] Constantinople», par W. Peter, Samsun le 30 juin 1915, «Concerne affaires arméniennes».

⁶ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5, письмо Петера послу Моргентау, Самсун, 10 июля 1915 г. «concerne expulsion Arméniens».

⁷ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5.

Есть депортировать тех, кто остался или сумеет избежать облавы. Этот этап детально раскрывает намерение властей закончить то, что они начали, путем безжалостного преследования горстки людей, воспользовавшихся разного рода защитой. Письма из Константинополя в архивах консульства в Самсуне о том или ином «протееже» под угрозой не поддаются подсчету. Чтобы продемонстрировать жестокие намерения и цинизм турецких властей, достаточно привести пример одного человека, драгомана русско-го консула в Трапезунде Г. Токатляна. Сначала, по настоянию американского посольства (которое также защищало интересы и русских), Токатляна поместили под домашний арест в Кайсери. «Двое его сыновей, Грация и Мишель, жили с сестрой г-на Токатляна. Когда началась депортация армян, мутесариф пообещал оставить этих двух детей здесь, но позже он внезапно захотел отправить их в Урфу, и мне стоило очень больших усилий добиться разрешения оставить их в Самсуне. Когда я был в Мерзифуне, мутесариф все равно их депортировал; в настоящий момент мы не знаем, где его сестра и двое детей»¹. На дворе стоял декабрь 1915 г.; Токатлян был все еще жив. Несколько месяцев спустя, в октябре 1916 г., Петер сообщил американскому послу, что он до настоящего времени отправлял Токатляну «его обычную зарплату через банк Османской империи в Сивасе, то есть до конца июня. Но деньги за июль мне вернули, и банк написал мне о том, что Токатлян покинул Кесарию двумя месяцами ранее и не оставил никаких данных»². Токатлян в самом деле «покинул» Кесарию в июле в сопровождении охранников. Абрам Элькус даже подтвердил это в письме Петеру: «В ответ на ваш запрос относительно господ Симеонидиса и Токатляна, бывших драгоманов русского консульства в Самсуне, могу вам сообщить, что посольство получило доклад, утверждающий, что

примерно 9 июля их отправили в окопах из Кесарии в Буниан. Оттуда под охраной они отправились в направлении Азизие. Больше ничего о них неизвестно, кроме стандартного сообщения о том, что они были убиты возле Буриана [Буниана]. Есть веские основания предполагать, что так все и было, хотя местное правительство утверждает, что их депортировали в Дер-Зор»³.

Как и Л. Дэвис в Мезре, американский консул в Самсуне отвечал на запросы информации, которые направляли в посольства родственники армян, живущих в Самсуне. Архивы Вашингтона полны такого рода писем, ответы на которые, как правило, были идентичными: «Сообщите, пожалуйста, М. Георгию Кхеряну, главе Международной Транспортной Компании в вашем городе, что семью Мурада Кхеряна отправили в глубь страны вместе с большим количеством армянских семей»⁴. Или еще в ответ на запрос информации из Американского дипломатического агентства в Каире: «Я бы хотел вам сообщить, что г-жа Филомениш Г. Хекимян с дочерью, а также г-жа Антуанетта М. Хекимян, девичья фамилия Мисир, находятся в Алеппо, где они живут с г-ном Нуряном. Двое детей г-жи Антуанетты Хекимян умерли по пути туда. О судьбе мужчин, Оника, Мыгердича [то есть Мкртича] и [X] агопа никакой информации нет, предположительно они отправились той же дорогой, что и многие другие»⁵.

В нескольких редких случаях консул сумел кое-кого спасти, пустив властям пыль в глаза. Так, он сумел отправить Гоарик Камберян, сестру румынского гражданина, в Румынию; в противном случае «она бы тоже была депортирована или закончила свою жизнь внутри страны... Нам пришлось так поступить, чтобы спасти жизнь человеку; было бы удобно, если бы у этого человека был с собой паспорт»⁶.

Один из главных вопросов, который должно было решить американское консуль-

¹ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5, письмо Петера послу Моргентая 4 декабря 1915 г.

² US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 7, письмо Петера А. Элькусу, новому американскому послу, 14 октября 1916 г. 1915 г. «G. Tokatlian et Dr Siméonides du consulat de Russie» [à Samsun].

³ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 6, письмо Элькуса Питеру 2 декабря 1916 г.

⁴ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5, письмо Петера Ф. Б. Кину, американскому консулу в Женеве, Самсун, 28 июля 1915 г.

⁵ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5, письмо Петера послу Моргентая, 17 декабря 1915 г.

⁶ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5, письмо Петера румынскому генеральному консулу в Константинополе, 13 ноября 1915 г.

ство, связан с экономическими последствиями войны и, в частности, с задолженностью армян. Экономическая жизнь в Самсуне динамичная, несмотря на войну, кажется, внезапно остановилась в конце июня 1915 г.; у нас в распоряжении имеются письма по данному вопросу, которые не лишены определенной остроты. Главное управление Банка Салоник, расположенное в Константинополе, воспользовалось результатами депортации армян и сообщило своим корреспондентам уже 6 июля, что «г-н Д. Земян, бывший кассир нашего филиала в Самсуне, покинул наше учреждение по собственному желанию; таким образом, его подпись больше недействительна»¹. Конечно, не все армяне удостоились такой милости оставить должность «по собственному желанию»; большинство из них ушли, не оставив адреса. Это породило любопытные эпистолярные обмены, затрагивающие в особенности американскую компанию в Ричмонде, постоянно беспокоившую консула Петера из-за того, что примерно пятьдесят семей армянской аристократии в Самсуне брали у нее напрокат пианино, но перестали платить ежемесячную арендную плату с июля 1915 г. Руководство компании в Ричмонде, несомненно, слабо информированное о ходе войны в этой части света, требовало как можно скорее вернуть им их имущество. Не сложно догадаться о содержании ответа Петера, который подтвердил, что эти люди были депортированы и, вероятно, были мертвы, а также что «частные дома армян и их хранилища и склады были опечатаны правительством, и уже началось вселение эмигрантов в большое количество этих домов, которые уже разбираются этими людьми»². Эти замечания демонстрируют другую сторону геноцида: захват армянского имущества центральными

или местными властями и частными лицами.

Документы американского консульства в Самсуне затрагивают еще один деликатный момент, вопрос полисов страхования жизни, оформленных армянами в компаниях различных стран: Британия (Стар и Экуитабл³ в Лондоне); Соединенные Штаты (Компания по страхованию жизни Нью-Йорка)⁴; Венгрия и т.д. В большинстве случаев на требование Петера, чтобы эти компании выплатили компенсации, был получен один и тот же ответ: «Мы бы просили считать вышеупомянутый страховой полис утратившим силу, потому что страховой взнос не оплачен». Петер неизменно отмечал, что единственный выживший член той или иной семьи в настоящее время живет в невообразимой бедности в каком-то уголке сирийской пустыни и что, выплатив компенсацию, «компания в любом случае сделает доброе дело»⁵. Этот вопрос даже стал предметом циркуляра 29 декабря 1915 г., который министр торговли Османской империи направил всем страховым компаниям, осуществлявшим деятельность в Турции, держась за счет армян, «которые куда-то перевезли». Целью было расширить уже действующие меры по окончательному захвату имущества армян: «Согласно инструкциям министерства внутренних дел, мы обязаны предоставить список, отражающий все вклады, ссуды и компенсации армян этой компании, включая провинции Родос, Адана, Джебель Берекет, Козан и Самсун»⁶.

Из мемуаров одного из выживших П. Каптаняна⁷, видно, как обращались с солоннами депортируемых, покинувших Самсун, по пути через Токат, Сивас и Малатья Фырынджилар. Различные записи указывают на то, что конвои депортируемых в Самсуну прошли через Кангал⁸, юг Сиваса

¹ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 7, циркуляр Banque de Salonique своим корреспондентам в Самсуне, Константинополь, 16 июля 1915 г.

² US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 5, переписка Петера и компании из Ричмонда.

³ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 6, письмо NY Life Insurance Элькусу 21 декабря 1916 г. о тракте Ovakin Kevork Masatian.

⁴ US NArch., RG 84, Samsun, c49, c8. 1, box 7, письмо NY Life Insurance Элькусу 21 декабря 1916 г., письмо Элькуса Петеру 5 января 1917 г., письмо Петера Элькусу 25 января 1917 г.

⁵ Там же, письмо NY Life Insurance Элькусу 21 декабря 1916 г.

⁶ Archives du ministère des Affaires étrangères (Paris), Guerre 1914–1918, Turquie, vol. 888, f° 16, in Beyers. Op. cit. Pp. 175–176.

⁷ *Captanian P. Mémoires d'une déportée arménienne*, Paris, 1920. Каптанян был одним из немногих выживших в Самсуне, которые добрались до Алеппо.

⁸ См. выше, с. 494.

Атаджакхан¹, Гасанчелеби², Кирк Гёз³ и Фыльчджилар⁴. Они показывают, что самсунские мужчины после Токата были ликвидированы в Чифтлике, возле Тонуза; что старики и подростки были убиты в Гасанчелеби; и что нескольким десяткам выживших удалось добраться до временного пункта назначения, Алеппо⁵.

Вехиб-паша заявил после прекращения военных действий, что мутесариф Джаника, Сулейман Несми-бей, «благодаря своей сообразительности, чувству справедливости и благожелательности, сумел доставить все караваны армян к границам своей юрисдикции живыми и здоровыми»⁶. Он, однако, заметил, что «гражданское население попало в руки безответственных мерзавцев, которые не имели представления ни о чести, ни о достоинстве государства»⁷.

Чего не знал американский консул, так это того, что мутесариф Сулейман Несми-бей и председатель местного клуба Итти-

хада, Сыдкы, координировали операции во всем санджаке Джаник. В Самсуне начальник полиции Сабри-бей следил за отправкой колонн, вместе с армянским священнослужителем Амазаспом вардапетом, который ушел с первой колонной, возглавив ее, за ним последовал священник Мкртич Мегхмуни, католический экзарх. Многие мужчины были убиты к югу от Токата, возле деревни Чифтлик, пункта назначения караванов из Самсуна, Бафры, Чаршамбы, Мерзифуна, Амасии и сельских районов⁸.

В октябре 1915 г. в Самсуне оставалось всего одиннадцать семей, принявших ислам, две армянские семьи, члены которых были гражданами Персии, семьи двух врачей, работавших на фронте, д-ра Касабяна и д-ра Аджемяна, и около ста детей от трех до шести лет, которые сначала были взяты в греческие семьи, а затем отобраны властями и переданы в турецкие семьи⁹.

Каза Бафра

В этой самой западной казе Черноморского побережья лишь одна местность была заселена армянами в 1914 г.: Бафра, город, лежащий в устье реки Кызыл¹⁰, армянская община которого насчитывала две тысячи человек. Этим армян депортировали одновременно с армянами Самсуна. Согласно показаниям Кенана-бея, судебного инспек-

тора данного региона, на суде в Трапезунде, каймакам Бафры был убит после того, как он попытался вступить за армян, депортируемых из его казы¹¹. Нескольким подросткам тем не менее удалось сбежать в Понтийские горы, где они вместе с другими молодыми людьми организовали группу сопротивления¹².

Каза Чаршамба

Чаршамба, бывшая резиденция правительства санджака Джаник, была основана армянскими крестьянами из Ханшина, которые колонизировали эту область с

1710 г. Армянское население казы Чаршамба, расположенной в четырех часах от Черного моря, на берегах реки Ешил, в 1914 г. насчитывало 1800 человек, живших

¹ См. выше, с. 494.

² См. выше, с. 495.

³ См. выше, с. 453, 463–464.

⁴ См. выше, с. 453.

⁵ *Captanian*. Op. cit.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 167–168, dossier de Safet pacha, commandant militaire de Samsun.

⁷ Ibid.

⁸ Овакимян О. Указ. соч. С. 677–679.

⁹ Там же. С. 683–684.

¹⁰ *Kevorkian & Paboudjian*. Op. cit. P. 201.

¹¹ Допрос Кенан-бея на шестнадцатом заседании суда Трапезунда 5 мая 1919 г.: «Нор кеанк», № 186, 6 мая 1919 г. (на арм. яз.); *La Renaissance*, № 134, 141, 8, 16 mai 1919.

¹² Овакимян О. Указ. соч. С. 725–733.

в западной части города. Но этот регион также мог похвастаться двадцатью армянскими деревнями, также основанными людьми из Хамшина, с общим населением 13 316 человек, двадцатью одной церковью и тридцатью тремя школами: Гуршунлу (2800 чел.), Кхапак, Ортаоймак, Эринчак, Кыйыкли, Мартел, Теквари, Такхатлык, Одийбель, Конаклык, Капалак, Агладж, Ка-

баджниз, Эйридере, Олунпар, Кёкдже, Акджагёне, Чешмесу, Дасджигидж, Кыстан Кыриш¹.

Все население Чаршамбы было депортировано, за исключением нескольких сотен человек, которые нашли убежище в горных группах под предводительством П. Калена, Хачика Тулумджяна, Абраама Хачатуряна и Акопоса Кехияяна².

Казы Терме и Уние

Из 3427 армян, живших в этой казе в 1914 г., всего около сотни жили в главном городе казы Терме. Большая часть армянского населения была сконцентрирована в четырех деревнях, расположенных неподалеку: Коджаман (1965 чел.), расположенная в получасе от моря, Алемдаз (560 чел.), Сулуджа (200 чел.) и Хойла³. Нам неизвестно, что стало с жителями этих деревень.

В 1914 г. в казе Уние насчитывалось 7700 армян. Всего семьсот человек жили в административном центре казы, порте Уние. Кроме этого, армянское население можно было найти в десяти деревнях прибрежной зоны, заселенных каменотесами, ткачами и крестьянами, которые выращивали табак и фундук: Озаны, Ямурджан, Ейрубейлы, Текедамы, Дюзтарлан, Хачдур, Юсуфлар/Кёклюк, Сейлен, Гёздерен и Манасдере⁴. Благодаря докладу двух юношей, которым на тот момент было пятнадцать и шестнадцать лет, Серопа Каракехияяна и Галуста Косяна⁵, у нас есть кое-какая информация об условиях депортации армян данного региона. В отсутствие мужчин, которые были мобилизованы, у властей не возникло никаких проблем с изгнанием этих людей из их домов.

Еще до обнародования приказа о депортации двадцать пять представителей аристократии из центра казы и из деревень были вызваны к каймакаму, который от-

правил их в тюрьму, а затем расстрелял в Алачами; выживший из этой группы Зака Туманян дал описание того, что произошло. Армян депортировали в четырех караванах, за исключением жителей деревни Кёклюк, которые были убиты там, и нескольких стариков, которым разрешили остаться в своих домах. Около ста пятидесяти человек ушли в горы под предводительством Аветиса Чакряна, Карапета Тахмазяна, Геворга Косяяна и Тиграна Зейтуняна; им удалось спасти нескольких депортируемых⁶. В течение нескольких лет эта группа выжила в прибрежной зоне Понтийских гор, периодически проводя операции в турецких деревнях по захвату продуктов питания и иногда сталкиваясь с правительственными войсками. Одна из таких перестрелок, произошедшая возле Кёз Тепе в конце сентября 1915 г., весьма показательна. Отрядом под командованием некоего Гюрджю Торун-оглу Сулеймана застал армянских беглецов врасплох; их задачей определено было выслеживание сбежавших армян. Во время перестрелки Сулейман был убит Тиграном Зейтуняном⁷. В процессе других операций эти группы освободили девушек и детей, которых держали в деревнях, казнили тех, на кого возложили ответственность за насилие над своими земляками. Не будет преуменьшением сказать, что э-

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 201

² Овакимян О. Указ. соч. С. 713–714.

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 201.

⁴ Ibid.

⁵ Овакимян О. Указ. соч. С. 726–741.

⁶ Там же. С. 726. Среди застреленных были: Саркисян, Сирагян, Мкртич Ексерян, Оник Барсегян, Назар Мутафян, Вардан Симонян, Арменак Еокусыян, Саркис и Никогос Мутафяны.

⁷ Там же. С. 728.

⁸ Там же. С. 731.

⁹ Там же. С. 732–733.

Депортации и погромы: Трапезунд

Люди были полны сильного чувства мести. Самый серьезный инцидент произошел 23 и 24 февраля 1916 г. на перевале Кёз Тепе, в прибрежной зоне Уние: около ста пятидесяти мужчин столкнулись с несколькими отрядами регулярной армии, присланными из Сиваса. Неожиданное прибытие двух со-

тен армянских борцов сопротивления из соседних регионов Фатса, Чаршамба и Бафра позволило группе из Уние оказать сопротивление. Несколько лет спустя, в условиях кемалистского режима, эти армяне были вынуждены покинуть этот регион и отправиться в Абхазию¹.

Каза Фатса

3330 армян казы Фатса жили в административном центре казы Фатса и деревнях Чубуклук и Кайя Арди². Похоже, что часть населения согласилась принять ислам, чтобы избежать депортации, но в конце концов всех этих людей позднее депортировали на

юг, за исключением мельника³. Как и в казах Бафра, Чашамба и Уние, здесь тоже от ста до двухсот человек ушли в партизаны под командованием Ягхиджяна, Минасяна и Хамаляна. После войны было обнаружено несколько выживших из этой группы⁴.

¹ Там же. С. 733–738.

² Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 202.

³ Овакимян О. Указ. соч. С. 721, 723.

⁴ Там же. С. 729.

ГЛАВА 10

Депортации и погромы в вилайете Ангора

В 1914 г. густонаселенный и расположенный на обширной территории вилайет Ангора насчитывал 105 169 армянских жителей. Их поселения располагались в 88 городах и деревнях, в которых армянами было построено 105 церквей, 11 монастырей, а также 126 школ, рассчитанных на 21 298 учащихся. Несмотря на то что армяне населяли санджак Ангора с давних пор, на тот момент они были сосредоточены всего в пяти административных центрах: в самой Ангоре, а также в городах Каледжик, Станоз, Наллыхан, Мухалыдж и Сиврихисар. В санджаках Йозгат и Кайсери, напротив, армян не было, за исключением небольшого числа сельских поселений, появившихся там еще в Средние века.

В санджаке Ангора в 1914 г. проживало 20 858 армян. Более половины из этого числа жили в самой Ангоре, где находилась резиденция правителя вилайета — вали. Здесь армяне объединялись в союзы для организации совместной торговли, надомного производства, плетения ковров и т.д. На фоне других армянских поселений в Турции армяне Ангоры выделялись за счет размеров своей католической общины, в которой состояло 70% из 11 246 жителей города. Они приняли католичество в начале XVIII века под влиянием французских миссионеров. Красный монастырь Святой Богородицы служил центром епархии Армянской апостольской церкви с XIV века. Эта была процветающая община. На ее средства было открыто множество школ, в которых на начало Первой мировой войны обучалось более двух тысяч учащихся¹.

Во многих отношениях вопрос истребления этой общины представляет особый интерес, принимая во внимание ее нахождение в самом центре Анталии и остального католического сообщества. Эти два фактора могли бы помочь армянам вилайета избежать «вытеснения во внутренние земли». Тем более, как известно, эти армяне, которые говорили на турецком языке и писали турецкие слова армянскими буквами, не интересовались политикой и чувствовали себя вполне спокойно под защитой австрийско-венгерской и римской нунциатуры. Следовательно, это сообщество не было подвержено тому давлению, которое имело место в восточных вилайетах. Так, например, переселение 10 000 мусульманских мухаджиров, которое произошло уже после Балканских войн, повлекло за собой передел земель².

Этот пример, вероятно, больше, чем любой другой, опровергает всякие доводы, в которых армян пытаются назвать нацистскими мятежниками. Не разделяя этого мнения, правитель вилайета Хасан Мазхар-бей, назначенный на пост 18 июня 1914 г., отказался исполнять приказы Министерства внутренних дел о депортации армян. Однако ответ Стамбула был не менее жестким. В начале июля 1915 г. Центральный комитет младотурок отправил в Ангору в качестве делегата одного из своих выдающихся членов — Атиф-бея [Камджыла] (чью роль на посту одного из лидеров организации «Тешкилят-и Махсуса» мы уже рассматривали)³. Такой выбор красноречиво говорил о намерениях

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 207–210; Karpat K. Op. cit. Pp. 172, 182, 186.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, n° 370, «Musulmans qui ont émigré pendant la guerre balkanique et la guerre générale».

³ См. выше, с. 206, 265. Уроженец Макрикёй, небольшого городка к западу от Стамбула, Атиф-бей, сын царя и фидайи КЕП, впоследствии должен был стать депутатом парламента от Ангоры или Бига. Будучи членом Центрального комитета иттихадистов, он стал одним из пяти лидеров «Специальной организации» осенью 1914 г. После службы в качестве временного вали из Ангоры он был назначен вали Кастамону. Его роль

Депортации и погромы: Ангора

младотурок в столице. По примеру Бехаедина Шакира в Эрзуруме или Юсуфа Риджи в Трапезунде лидеры «Специальной организации» нередко отправлялись в конкретную местность, чтобы собственноручно проследить за приведением приказов в исполнение. Однако более интересным в случае Ангоры было то, что в результате прямого вмешательства представителя Центрального комитета младотурок 8 июля 1915 г. Министерство внутренних дел немедленно

отстранило Мазхара от обязанностей, назначив Атиф-бей временным исполняющим обязанности вали¹. В период своего нахождения на посту, с 14 июля по 3 октября 1915 г., Атиф-бей приводил в исполнение миссию, возложенную на него Иттихадом. Данная миссия состояла в полном уничтожении армян в вилайете Ангора. По словам Мехмеда Неджиб-бей, представителя компании «Tobacco Régie» в Ангоре, «кровавые преступления, совершенные вали, останутся

«Специальной организации» была выявлена в ходе второго судебного заседания на судебном процессе против юнионистов, состоявшемся 4 мая 1919 г. («Takvim-i Vakayi», № 3543, 12 mai 1919. Pp. 29–31) и в ходе допроса Атиф-бей о кодексе, используемом «Специальной организацией», и в ходе допроса Джевад-бей на четвертом судебном заседании на судебном процессе против юнионистов, состоявшемся 8 мая 1919 («Takvim-i Vakayi», № 3549, P. 63). Джевад назвал лидеров «Специальной организации»: председателя Департамента государственной безопасности Азиз-бей, д-ра Назыма, Атиф-бей и прочих.

¹ Допрос Мидхата Шюкря, генерального секретаря КЕП, на пятом заседании судебного процесса над юнионистами, состоявшийся 12 мая 1919 г., ясно показывает, что КЕП напрямую вмешивался в местные дела: «Takvim-i Vakayi», № 3554, 21 mai 1919. P. 85.

в памяти навсегда. Атиф-бей проявил в этом деле непревзойденное мастерство»¹.

Даже армяне были удивлены приездом в июле в Ангору этого 27-летнего чиновника в сопровождении «еще одного юнца 25 лет, движимого такой же ненавистью к христианам и желанием завладеть любым их имуществом». Сопровождающим Атиф-бей был некто Бехаеддин-бей, которого партия отправила в Ангору с целью возглавить полицейские силы вилайета². Кажется, что КЕП был вынужден отправить в регион своих представителей власти, т.к. местные чиновники, член местного партийного клуба и генерального совета вилайета Шемседдин и ответственный секретарь КЕП в Ангоре Неджати-бей³, не смогли сместить Мазхара с должности.

Тем не менее эти два представителя комитета не бездействовали. Под руководством специальной комиссии 3 марта 1915 г. из центральной тюрьмы Ангоры было освобождено 249 заключенных. В состав комиссии входили Махмуд Селахеддин-бей, глава Департамента здравоохранения Ангоры; капитан Фехми-бей; полковник Мехмед Тевфик-бей, начальник жандармерии в Ангоре, и Али Хайдар-бей, судья апелляционного суда. Из числа этих преступников были сформированы отряды чете «Специальной организации», которые отправились в район Чорум со специальной миссией, о которой мы узнаем позже. Согласно свидетельскому показанию, подписанному членами комиссии, заключенные согласились примкнуть к «армии». Заключенных подвергли медицинскому осмотру, озвучили их имена, перечень совершенных ими преступлений и принятых

в их отношении судебных приговоров⁴. Эта комиссия продолжала свои действия и весной 1915 г. Так, 15 мая того же года, при ее содействии для аналогичных целей было освобождено еще 65 убийц⁵. Позже временный губернатор Йозгата Кемал-бей подтвердил прямое отношение к этому делу ответственного секретаря партии «Единение и прогресс» в Ангоре Неджати-бея. В ходе допроса, проводимого Хасаном Мазхаром 16 декабря 1918 г., он не отрицал, что Неджати отправился в Йозгат еще «до начала депортации армян, устно сообщал секретные приказы и инструкции, касающиеся высылки армян, а также проводил собрание в Йозгате с членами и главами партии «Единение и прогресс» и «Специальная организация»⁶.

Очевидно, что лидеры младотурок и центральные власти предпочли стратегию, согласно которой уничтожению сначала подвергалось армянское население санджака Кайсери и Йозгат, а уже затем санджака Ангора. Вероятно, узнав в мае 1915 г. о вымогательствах и поборах, проводимых в пограничных районах, армяне в Ангоре в течение некоторого времени полагали, что они останутся в безопасности благодаря заступничеству Мазхара и некоторых иностранных дипломатов. Однако спустя несколько дней после вступления в должность в середине июля Атиф-бей провел массовые аресты знатных армян среди некаатолического населения Ангоры. Тогда католики внезапно осознали свою уязвимость. Согласно показаниям иностранных свидетелей, в течение пяти дней силами полиции и жандармерии было арестовано пятьсот человек, и в частности глава Имперского Османского Банка Шнорхе-

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 370, досье Атиф-бея, который занимал пост вали Кастамону и также был временным вали Ангоры.

² BNU/Fonds Anonjian A. P.J. 1/3, liasse 7, Angora, «Angora, récit du massacre et de la déportation des Arméniens», Aleppo, 17 février 1919, par huit rescapés, le P. G. Kassabian et al., f° 1. Эти свидетели подтвердили, что Хасан Мазхар сопротивлялся приказам.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 396, Ч 19, список ответственных лиц в вилайете Ангора, № 451, 460, Ч 179–180, список ответственных лиц в вилайете Ангора.

⁴ Rapport daté du 12 mars 1915, signé par Ali Haydar, le colonel Mehmed Vasif, le capitaine Fehmi et Mahmud Celaleddin: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 733; Кривер. Указ. соч. С. 215. Мы располагаем списком лиц, выпущенных из тюрьмы: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XLIV, U 532, панорамный отчет в Стамбул Али Хайдаром 5 февраля 1919 г.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XLIV, U 534, список лиц, выпущенных из тюрьмы 15 мая 1915 г. для принятия в ряды «Специальной организации»: Кара Халил-оглу Мехмед Али, Бебек-оглу Халил, Вели Кехиа-оглу Мустафа, Хюсейн-оглу Мехмед Магдюлмамак, Коч Оглан-оглу Ахмед и пр.

⁶ Вердикт суда над ответственными секретарями и делегатами КЕП 8 января 1920 г.: «Takvim-i Vakayî» № 3772, février 1920. P. 2, col. 2. P. 3, col. 1; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XLIV, U 482–494, examination of Kemal by Hasan Mazhar, 16 December 1918.

«зн. Аресты проводились под наблюдением нового начальника полиции Бехаеддин-бея, а также ответственного секретаря КЕП Неджати-бея при содействии муфты Киршемира Муфида Хоки, Шемседдина и Чынгене Хакки¹. В течение следующих нескольких дней список задержанных пополнялся новыми именами и в конечном итоге насчитывал около двухсот человек². Также известно, что 14 августа группа активистов КЕП покинула город на машине, вооружившись заступами и кирками. В тот же день, около полуночи, несколько сотен связанных попарно армян вывели из города под конвоем полиции и жандармов. На рассвете конвоиры передали этих людей бандитам, которые ожидали их в отдаленном месте³. Согласно другому источнику, эти наемники «Специальной организации» были мясниками и кожевниками Ангоры, которым пообещали «щедро заплатить» за убийство армян при содействии местных крестьян. В течение пяти или шести дней они убили около 1200 армян⁴. Армянские свидетели утверждали, что после совершения этих зверских убийств Осман-бей, начальник жандармерии, немедленно подал в отставку, а наемники «Специальной организации» вернулись в город с трофеями — ботинками и штанами своих жертв. Слухи о депортации католиков начали передаваться из уст в уста⁵. Епископ Грегуар Баабанян, а также несколько видных католических деятелей обратились к Атиф-бею, предполагая, что он потребует от Стамбула разъяснений по факту депортаций, однако вали заверил их, что властям не поступало никаких жалоб по этому поводу, и поэтому нет оснований для того, чтобы обращаться в Константинополь⁶.

Тем временем в пятницу 27 августа жандармы и полицейские окружили армянские районы, а также летние дачные поселки, где на тот момент находилось множество армян. В тот же день приблизительно 1500 католиков-мужчин, в том числе епископ и семнадцать священников, были арестованы и отправлены в город⁷. После напрасных предложений принять другую веру и взгляды эти люди были лишены своих владений, а 29 августа связанные парами отправлены в дорогу. Они шли пешком 18 часов, пока не пришли в деревню Карагедик, куда «галопом примчался офицер и сообщил [им] встречное распоряжение правительства: он сказал, что приказ о всеобщей казни отменен в [их] пользу и что [их жизням] больше ничего не угрожает»⁸. Казалось, что судьба этих мужчин уже была предрешена, но вмешательство папского нунция Анджело Мария Дольчи сделало возможным их спасение⁹, которое подразумевало депортацию в пустыни Сирии вместо физической расправы. Немецкое посольство¹⁰, а также посол Австро-Венгрии Паллавичини вскоре были извещены о депортации католиков. Паллавичини проинформировал министра Австро-Венгрии о том, что он обращался к Талаату с просьбой «сохранить жизнь армянских католиков и протестантов, на что Талаат ответил обещанием написать префектам и супрефектам провинции... соответствующие поручения в отношении этого вопроса»¹¹. Таким образом, вероятно, что конвой из полутора тысяч католиков из Ангоры на какое-то время был освобожден по приказу, отданному Талаатом, с целью удовлетворить просьбы Паллавичини и Дольчи. После чего люди продолжили свой путь через Киршехир, Кай-

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, З 458–461, Р 420–423 (продолжение с. 2–5), Faits et documents, № 46, Angora, signé J. Valence.

² BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 7, Angora, «Angora, récit du massacre et de la déportation des Arméniens», rédigé à Alep, le 17 février 1919, f° 1v°.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, З 458–461, Р 420–423, doc. cit., Дж. Валенс отмечает, что русские подданные остались за решеткой.

⁴ BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 7, doc. cit., n. 1694, ff. 2–3.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, З 458–461, Р 420–423, doc. cit., doc. n. 1693.

⁶ Ibid., BNU/Fonds Andonian, P.J. 1/3, liasse 7, doc. cit., f° 1v°.

⁷ Ibid., f° 2; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, З 458–461, Р 420–423, doc. cit., 15/28 августа указываются как даты ареста армян-католиков (примерно 2000).

⁸ BNU/Fonds Andonian, P.J. 1/3, liasse 7, doc. cit., ff. 2–3.

⁹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, З 458–461, Р 420–423, doc. cit., n. 1693.

¹⁰ Письмо от 4 сентября 1915 года, Пепэ: *Lepsius J.* (ed.), Archives du génocide des Arméniens. Op. cit., doc. 160. Pp. 144–145.

¹¹ Письмо Паллавичини министру Буриану 3 сентября 1915 г.: Österreichisches Staatsarchiv, HHStA PA LX, interna, dossier 272, № 72 A-H, f° 346.

сери, Бигу и дальше до «Киликийских ворот» в Позанты¹. По словам выживших в этом походе мужчин, им пришлось почти месяц добираться до города Тарсон, а затем до деревни Катма, находящейся недалеко от сирийского города Алеппо. Затем большинство из них по поручению Хакки-бея, «инспектора по ссыльным в Сирию», были отправлены в другие места, такие как Рас-эль-Айн или Дейр-эз-Зор. Четверо священников и около тридцати простых мужчин выжили в Мескене, добравшись до Алеппо, после того как Хакки был смещен с должности².

В начале сентября полиция выселила армянских женщин, детей и стариков, проживавших в Ангоре, среди которых были католики и протестанты, опечатав их дома. Тысячи этих людей привели на вокзал недалеко от выезда из города, где они находились ровно 25 дней — время, которое потребовалось для того, чтобы отобрать у них все имущество и убедить наиболее красивых женщин отречься от католичества и выйти замуж за мусульман. Тем, кто согласился принять предложение, позволили вернуться в город. А остальных в конечном счете депортировали в Эскишехир и Конью, откуда их должны были депортировать в Сирию. Нескольким сотням семей все же позволили остаться в Ангоре как «семьям военнослужащих». Однако люди, вызывающие сомнения, были подвергнуты «убийствам и высылке»³. Вполне возможно, что эти исключения были сделаны для того, чтобы ввести в заблуждение иностранных дипломатов и предотвратить возможные протесты с их стороны. В сущности, действия, проводимые местными властями в санджаке Ангора, можно рассматривать как локальные проявления общей политики, адаптированные под местные условия, но сохранившие направленность на полное искоренение армянского населения Ангоры. Менее радикальные меры, принятые в пре-

делах района, могли лишь замедлить процесс полного уничтожения армян.

Методы, используемые для присвоения армянского имущества, нельзя назвать уникальными. С этой целью проводились систематические конфискации движимого и недвижимого имущества. Более того, дома знатных и богатых армян предоставлялись в распоряжение городских и военных властей. Пожар, который бушевал в армянских окрестностях в течение восьми месяцев после депортаций, не был случайным происшествием. Не менее четырех дней потребовалось для того, чтобы претворить в жизнь план, целью которого было, несомненно, сокрытие следов массовых грабежей и набегов, которые проводились в личных интересах отдельных личностей⁴. Некоторые свидетели отмечали, что журналы учета оставленного имущества очень своевременно были уничтожены огнем. 10 ноября 1918 г. членами Пятого комитета Оттоманского парламента, которое было создано для расследования преступлений, совершенных во время войны, был устроен допрос бывшего министра юстиции Ибрагим-бея. Во время допроса члены комитета пытались выяснить причину, по которой ответственные за этот пожар, устроенный с целью «завладеть чужим имуществом», не были арестованы⁵.

Среди младотурок, причастных к массовым убийствам и депортациям, помимо Шемседдин-бея и Неджати-бея, чьи роли мы уже упоминали, одними из главных зачинщиков были также Кара Мехмед; Муфти Хока, муфтий Киршехира; Табиб-эфенди, депутат османского парламента; Чынгел Хакки-бей; Шевкет-бей, городской аптекар; и Ахмед Нешед, глава лесничества. Из числа правительственных чиновников, кроме Атиф-бея, временного правителя Ангоры, члена центрального комитета «Специальной организации» и специального де-

¹ Доклад Франсез Гаж и письмо Генри Моргентау в госдепартамент 22 декабря 1915 г.: *Toynbee A. The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, doc. 96. P. 404; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 458-461, № 420-423, doc. cit., n. 1693.*

² BNU/Fonds *Andonian A. P.J. 1/3, liasse 7, doc. cit., n. 1694, ff. 3-4.*

³ *Ibid.*, f° 6.

⁴ *Ibid.*, f° 7.

⁵ SHAT, Service Historique de la Marine, S.R. Marine, Turquie, 1BB7 236, doc. № 2054 B-9, Constantinople le 3 mai 1920, L. Feuillet, déposition d'Ibrahim bey. Pp. 12, 27-28; Ittihat-Terakki'nin sorgulanması. Op. cit. Pp. 133-169.

⁶ BNU/Fonds *Andonian A. P.J. 1/3, liasse 7, Angora, ff. 9-10, «Angora, récit du massacre et de la déportation des Arméniens», rédigé à Alep, le 17 février 1919, par huit rescapés, le P. G. Kassabian et al., «Liste des principa-*

дегата КЕП, организаторами депортаций и убийств были Зия Топджу, глава комитета по расселению мусульманских иммигрантов; Расим-бей, председатель муниципалитета; Бехаеддин-бей, который прибыл в вилайет по поручению Иттихада, чтобы возглавить полицейские силы региона после «отставки» его предшественника; Мустафа Турхан-бей и Рахим Ибрагим-бей, полицейские лейтенанты; Ибрагим-бей, начальник тюрем; Кара Бобрек Хасан-эфенди, заместитель директора Оттоманского банка; и Черкез Камы, начальник жандармерии. Членами комиссий

по оставленному имуществу, под надзором которых проводились грабежи армянской собственности, были Карабекир Хасан-бей; Финджанджи-заде Мехмед Шемседдин-бей; и Насреддин-бей, депутат парламента города Сивас, который покинул свой пост главы администрации Чорума, чтобы возглавить комитет по «оставленному имуществу» в Ангоре. Наконец, ответственные за формирование отрядов уголовников и организацию массовых убийств — Кютюкдж-оглу Зия-бей, аптекарь из Сиврихисара; Измаил-бей; Туфенкджи Али-бей; и Экзаджи-заде Шевкет¹.

Казы Ангоры

Каза Станоз/Зир

Находясь в 30 километрах к западу от Ангоры, Станоз накануне Первой мировой войны был исключительно армянским поселением, которое насчитывало 3142 армяноговорящих жителя. Поселение образовалось только в конце XIV века, и его можно было назвать процветающим. Здесь были построены три церкви, включая одну протестантскую, а также две школы, рассчитанные на 500 учеников. С XVII века Станоз получил известность в основном благодаря производству софэ — особого вида ткани, изготавливаемой из шерсти ангорских овец. Также город славился мастерами по плетению ковров, вышиванию, крашению и выделке кожи².

Уже в августе 1914 г. большая часть экономически активного населения Станоза была мобилизована и введена в состав 3-й армии³. Благодаря близкому расположению к железнодорожной станции Синджана жители поселения были хорошо осведомлены о ходе войны и даже узнали о том, что от 120 до 150 членов армянской элиты Стамбула будут отбывать заключение в тюрьме, находившейся всего в 15 километрах к западу, в

Аяше. Начальник станции Хорен Авагян был поблизости в то время, когда их доставили к месту заключения, и смог сообщить об этом семье д-ра Назарета Тагаваряна⁴. Именно жители Станоза снабжали заключенных в Аяше провиантом и другими предметами первой необходимости, пока последние не выехали в неизвестном направлении. В мае в Станозе начались массовые обыски домов. Первым арестованным стал отец Хорен. Позже, в этом же месяце, пятнадцать видных деятелей Станоза, включая Киракоса Кабземаляна, Арсена Туркменяна и Арутюна Авагяна, были арестованы и отправлены в бараки Зенджырлы Гуу⁵.

За ними уже 15 августа последовали юноши старше пятнадцати лет. Около семисот человек были собраны во внутреннем дворе резиденции местных властей, где их арестовали и под стражей отправили в Ангору. Несколько дней спустя протестантские армяне были освобождены. Остальных отвели в долину Чаяш Бахджесы и убили. Протестантам было предложено принять ислам; когда же они отказались, их отвезли в место под названием Сейридже, расположенное

meneurs de la déportation et du massacre d'Angora»; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, D 19 et P 396, «List of responsables in the vilayet of Angora», P 451 et 460 et X 179–180, «Liste des responsables dans le vilayet d'Angora».

¹ Ср. с. 564, примечание 6.

² Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 210–212.

³ Терзян К. История армян Станоза, Бейрут, 1969. С. 56–61 (на арм. яз.).

⁴ Там же. С. 63–64.

⁵ Там же. С. 66–67.

недалеко от деревни, где они были зарезаны¹.

Многие женщины и дети были обязаны жизнью мюдиру Ибрагиму Шаху. Он добился того, чтобы семьи призывников остались в

деревне, а также нашел дома для остальных жителей турецких поселков нахии². В отличие от жителей многих других поселений в санджаке жители Станоза были в конечном счете частично спасены.

Казы Наллыхан и Михалыччык

В 1914 г. на территории районов Наллыхан и Михалыччык осталось всего два небольших армянских поселения, которые располагались к северу от санджака Ангора. В Наллыхане проживало 1030 армян, Михалыччыке — всего 272³.

По словам одного из выживших в Наллыхане, слухи о депортации армян начали распространяться среди турок еще в августе, однако некоторые представители местной знати уже заранее начали объявлять некоторые дома своей собственностью⁴. И тем не менее только 2/15 августа в Наллыхан прибыл полковник, назначенный начальником по депортациям. Вскоре после этого по звону церковных колоколов все армяне были собраны в церкви, где полковник сообщил им, что семьи военнослужащих могут остаться в городе и что, кроме юношей старше четырнадцати лет, все остальные вольны самостоятельно решать, оставаться им или нет. По словам очевидца, почти сразу представители турецкой знати приказали установить контрольно-пропускные пункты на всех подъездах к городу, чтобы не допустить приезжих к участию в аукционах по продаже армянской недвижимости, которую они сами собирались купить по низким ценам. В течение трех дней по инициативе бейжада Ахмед-бея все армянское имущество перешло в руки турок. Следует также отметить, что турецкая знать предлагала «выкупить» армянскую недвижимость еще до того, как она будет выставлена на аукцион⁵.

6 августа все юноши четырнадцати лет и старше были арестованы и отправлены в

ссылку вечером того же дня. Также вместе с ними были отправлены примерно три сотни женщин и детей. Они шли в сопровождении военного эскадрона под командованием Абдула Сельмы Тевфика. Через десять часов дороги жители деревень Ярдиб, Кор Гаджи, Саид Копеджлы и других турецких деревень, находящихся поблизости, несколько раз осуществили нападение на конвой, отобрав у армян продукты, которые были у них с собой. После этого армянам разрешили продолжить путь⁶. По словам М. Манукяна, который также был в этом конвое, им потребовалось тринадцать дней, чтобы достичь Ангоры, где их заперли в амбаре. Турецкие офицеры и знать, не теряя времени, пришли туда с целью предложить наиболее привлекательным девушкам и женщинам принять ислам и уйти с ними⁷. Двести шестьдесят мужчин были отделены от остальной группы, после чего их отвели в резиденцию местных властей, а затем заперли в центральной тюрьме, где несколько «личностей» периодически обыскивали их и отбирали все, что у них было: деньги, часы и т.д.

23 августа эти мужчины были выведены из тюрьмы, связаны попарно и строем отправлены в Киршехир. Пятеро из них погибли в первый же день, включая двух католиков из Ангоры, забитых до смерти конвоирами среди которых были полицейский лейтенант, еще трое полицейских и двадцать жандармов⁸. В Киршехире выживших мужчин удерживали в здании военного склада, прежде чем отправить их дальше через Кайсеру, Инджесу, Эйделу, Позанты и, наконец, Та-

¹ Там же. С. 67–69.

² Там же. С. 71.

³ Kevorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 212.

⁴ BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 7, f° 11, Angora. Свидетельское показание Манука Манукяна 28 декабря 1918 г.

⁵ Ibid., f° 12; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 426, ответственные за депортации в Наллыхане.

⁶ Ibid.

⁷ BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 7, ff. 13–14, Angora. Свидетельское показание Манука Манукяна 28 декабря 1918 г.

⁸ Ibid., ff. 14–16.

В Тарсоне они должны были провести месяц и после этого отправиться в города Мама или Мескена, расположенные в пустыне Сирии¹. О том что случилось с женщинами и детьми, оставленными в Ангоре, не осталось никаких сведений. Вполне разумно предположить, что некоторые из них «объединились» с мусульманскими семьями, а остальные были отправлены в Сирию с другим, более многочисленным конвоем. Тем

не менее доподлинно известно, что людям, которым позволили остаться в Наллыхане, в основном — семьям военнослужащих, вскоре выделили земельные участки в турецких деревнях, расположенных в окрестностях². Основным получателем награбленного армянского имущества стал некий Саид, который «забрал себе ферму Манукяна вместе со стадами овец, гусей и коров, принадлежащих армянам Наллыхана»³.

Каза Сиврихисар

Сиврихисар — город в юго-западной части санджака, расположенный посреди огромной равнины в долине реки Сакарья. Как и в других западных регионах вилайета Ангора, армянское население Сиврихисара начало формироваться не раньше начала XVII века, когда там впервые поселились армяне из Канстага/Ганджи и Карабаха. К 1914 г. это поселение насчитывало уже 255 армян. При этом жители Сиврихисара были довольно зажиточными, некоторые зарабатывали на жизнь, возделывая землю на окраинах города⁴.

Из воспоминаний отца Ованеса Кизаряна было известно, что ситуация оставалась вполне спокойной вплоть до конца июля. Представители армянской знати часто проводили теплые, дружественные встречи с властями города: каймакамом Али Риза-беем, военачальником Бесым-беем и начальником жандармерии Джемаль-беем⁵. Тем не менее 12 августа был подписан приказ о депортации. 14 августа Кизарян со всеми почестями был принят в резиденции Али Риза-бея, где тот сообщил ему, что у армянских жителей есть неделя, чтобы подготовиться к высылке. Священник пытался добиться послабления приказа для семей военнослужащих, но безрезультатно. Сам он покинул город 19 августа с последним конвоем, наблюдая в течение этих нескольких дней, как

армянские дома подвергались разорению и грабежам⁶. Все караваны были приведены на железнодорожную станцию в Эскишехире, где в палатках под открытым небом уже находились тысячи ссыльных армян с запада. К тому моменту поступил приказ, согласно которому семьи военнослужащих должны быть расселены в соседних деревнях⁷. Дальнейшая участь армян Сиврихисара мало чем отличалась от участи других ссыльных. Одни были отправлены в Позанты к «Киликийским воротам» по железной дороге в двухъярусных вагонах, изначально предназначавшихся для перевозки овец, другие — пешком. По словам выживших, конечным пунктом депортации армян Сиврихисара были города Ракка и Дейр-эз-Зор. Большинство тех, кого не убили непосредственно перед началом пути, погибли в дороге. При этом массовые убийства продолжались вплоть до осени 1916 г.⁸.

Помимо каймакама, начальников жандармерии и армии, к депортациям в разной степени также имели отношение и другие правительственные чиновники: Якуп Чавуш и Бесым Чавуш, офицеры жандармерии; Шакир-эфенди, правительственный служащий; Хасан Тахсым, городской доктор; и Поти-зади Ахмед-эфенди, член Благотворительного фонда⁹. Среди представителей младотурецкой знати наиболее активное участие в депортации армян принимали такие лица,

¹ Ibid., ff. 16–17.

² Ibid., f° 18; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 426, ответственные за депортации в Наллыхане.

³ Ibid.

⁴ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 213.

⁵ Тер-Ованесян Г. История армянского Сиврихисара, Бейрут, 1965. С. 328 (на арм. яз.).

⁶ Там же. С. 330–331.

⁷ Там же. С. 333–335.

⁸ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 549, № 80/3, Э 523.

⁹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 396, Ч 19, «List of Responsibles in the Vilayet of Angora», и на французском № 457–459, 432, dossier 70.

как Нишан-заде Мехмед-эфенди, секретарь клуба партии Иттихад, а также члены этого клуба: Нишан-заде Али-эфенди, Хаджи Чакыр, Катыбы, Мехмед Али-эфенди, Али Канлы-эфенди, Заде Хаджи Бекир, Амасиалы-заде Сабит Али-эфенди, Чарпык-заде Али-эфенди, Зафер Гамид Харизэлы Эдхем ага, Арыф-эфенди и Невзат-эфенди¹. Конфискация армянской собственности проводилась под надзором Комиссии по оставленному имуществу, возглавляемой Ахмедом Хусны-эфенди, при содействии служащего Центра земельного кадастра Нуреддина-эфенди; муфтия Мехмеда-али-эфенди; государст-

венного секретаря Амасиалы-заде Талаата-эфенди; Фуад-заде Мустафа-эфенди, Санапаша-заде Абдулах-эфенди; сборщика налогов Джан-заде-али-эфенди и Джан-заде Тахыр-эфенди².

В деревне Балахисар, расположенной к юго-западу от Сиврихисара, в 1914 г. насчитывалось около трехсот армянских семей. По приказу каймакама Кемал-бея мужчины деревни были арестованы и убиты неподалеку от места под названием Коурукой в августе 1915 г. при участии служащего Бюро по найму Файк-бея и представителя Центра земельного кадастра Мемед-бея³.

Каза Каледжик

В районе Каледжик, расположенном к северу от Ангоры, накануне войны проживало только 830 армян. Все они были сосредото-

чены в городе Каледжик, на берегах притока реки Кызыл-Ирмак. Об их судьбе ничего не известно⁴.

Погромы и депортации в санджаке Йозгат

На высоте около полутора тысяч метров изобилующий многочисленными долинами находился санджак Йозгат, знаменитый своими плодородными землями. Население санджака больше, чем в любой другой области вилайета, состояло из сельских жителей. Они проживали примерно в пятидесяти деревнях, сосредоточенных в южной части санджака, в окрестностях районов Йозгат и Богазлыян. Это скопление деревень являлось северным продолжением населенных армянами территорий Каппадокии. Тем не менее некоторые армяне проживали и в центральных городах других районов, таких как Чорум, Сунгурлу и Акдагмадени. Согласно местным армянским источникам, общая численность армян в санджаке составляла 58 611 человек, в то время как, по данным Османской переписи населения того же года, численность армян составила всего 36 652 человека⁵.

Одноименный главный город санджака — Йозгат был основан в начале XVIII века армянскими ремесленниками. В 1914 г. 9520 проживающих в городе армян составляли 40% его населения. В окрестности Йозгата также находилось несколько деревень: Инджырлы (население около 1000 армян), Данешман (население около 250 армян) и Кохне (население около 2000 армян). Наконец, немногочисленные армянские общины были разбросаны по всему району⁶.

Прежде всего следует сказать, что события, связанные с истреблением армянского населения в этом районе, повлекли за собой серию судебных разбирательств, которые были проведены под руководством военного трибунала Стамбула. Первые слушания по факту уничтожения армян начались 5 февраля 1919 г. и продолжались до 8 апреля того же года. Следственная комиссия, созданная при турецком правитель-

¹ Ibid.

² Ibid. В январе—феврале 1920 г., в военном трибунале Эскишехира состоялся судебный процесс против 40 человек, которые осуществляли массовые убийства в Сиврихисаре, присутствовали четверо обвиняемых, кто был на подчиненных ролях. Остальные продолжали угрожать армянам, которые по-прежнему присутствовали: *La Renaissance*, № 383, 27 février 1920.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 448, 451, «Déportation du village de Balahisar».

⁴ *Kévorkian & Paboudjian*. Op. cit. P. 210.

⁵ Ibid. Pp. 213–214; *Karpat K.* Op. cit. P. 172.

⁶ *Kévorkian & Paboudjian*. Op. cit. P. 214.

ше и возглавляемая Хасаном Мазхаром, в короткие сроки смогла провести досудебное расследование, в результате которого участникам удалось собрать начальные доказательства и свидетельства граждан, военных должностных лиц и выживших, которые затем были переданы на рассмотрение в военный трибунал. Как часто бывает в случае проведения повторных слушаний, материалы первых восемнадцати заседаний Йозгатского судебного процесса не были опубликованы в газете «Таквим-и векаи», за исключением приговора, вынесенного военным трибуналом 8 апреля 1919 г.¹ Газеты Стамбула тем не менее опубликовали полностью или частично документы и вещественные доказательства, представленные до начала судебного заседания². Таким образом, мы имеем достаточно большое количество документов, проливающих свет на события, происходившие в этом регионе. Так же как и в Ангоре, губернатор Йозгата, мутесариф Джемаль-бей, назначенный на пост 27 мая 1915 г., отказался от участия в истреблении армян, за что был снят с должности 5 августа временным правителем Атиф-беем. В тот же день на его место был назначен каймакам — губернатор санджака Богазлыяна — Кемал-бей³, который к тому времени уже рьяно исполнял приказы в своем районе. В случае с Йозгатом мы располагаем документами, позволяющими разобраться в обстоятельствах, благодаря которым местные члены партии Иттихад смогли добиться отстранения губернатора. Согласно показаниям Азнив Ибраносян, жены директора фирмы «Братья Ибраносян» в Йозгате, которые она дала 28 марта 1919 г. на

пятнадцатом заседании судебного процесса над участниками убийств в Йозгате, глава министерства финансов Вехби-бей организовал в своем доме тайное собрание, на котором местные представители младотурок договорились взять эту операцию под свой контроль⁴. В эту операцию были вовлечены Али Муниф, корреспондент Неджати-бея в Йозгате; Ешил Имам-оглу Кади, Хусейн Имам-оглу Кади, Омар Луфти, учитель в одном из турецких лицеев; Акиф-паша, Кытабджи Асым, Черкез Сари Ахмед, Риза, Шейх Ахмед, Дыванлы-заде Ахмед, Мехмед-эфенди, управляющий сиротскими приютами в Турции; Джерид-заде Хусны, Узун Ахмед, ответственный секретарь муниципалитета; и Узун Рахджет⁵. Однако, как оказалось, мутесариф Джемаль-бей и ответственный секретарь префектуры Мустафа-бей не согласились с этим решением. По словам директора турецкого сиротского приюта Шевки-бея, ни для кого не было тайной, что Джемаль был отстранен по причине того, что отказывался выполнять приказы «правительства и комитета»⁶. Более того, есть все основания полагать, что местные младотурки обратились за решением этого вопроса к своему вышестоящему руководству в Ангоре. Поскольку во вторник 5 августа в Йозгат прибыл Неджати-бей, который организовал тайное собрание с лидерами партии «Единение и прогресс» и «Специальной организации», где устно передал им необходимые инструкции и приказы. Этот факт подтвердил Кемал-бей, временный губернатор Йозгата⁷. Согласно информации, которую ответственный секретарь префектуры «конфиденциально сообщил» Ибраносян, Вех-

¹ Перепечатано в газете «Жаманак», 4 января 1919 г. (на арм. яз.).

² Вердикт суда над ответственными секретарями и делегатами КЕП 8 января 1920 г. [Kanunusanı 1336]: «Takvim-i Vakayi», № 3772, février 1920. P. 2, col. 2. P. 3, col. 1; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, classe XLIV, U 482–494, допрос Кемала Хасаном Масхаром, 16 December (Kanunuevvel) 1918.

³ Ата-бей был официально назначен на свой пост только после 26 сентября 1915 г., то есть после того, как закончились массовые убийства; он оставался в должности до 15 марта 1917 г.

⁴ «Жаманак», 29 марта 1919 г. С. 1, полоса 3–4. С. 4, полоса 1–3. (на арм. яз.). Эти замечания были оспорены временным мутесарифом Кемаль-беем, который возражал против того, что Азнив Ибраносян не могла знать о таких вещах; Ибраносян парировала, что у нее была «возможность встретиться с женой Вехби-бея, директора казначейства (мухасебеджи)», в то время как Кемаль и Тевфик, командующий жандармерией, «беседовали с Вехби».

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 560, № 452–453, список ответственных лиц в районе Йозгат.

⁶ Перепечатано «Жаманак», 4 января 1919 г. (на арм. яз.).

⁷ Вердикт суда над ответственными секретарями и делегатами КЕП 8 января 1920 г. [Kanunusanı 1336]: «Takvim-i Vakayi», № 3772, février 1920. P. 2, col. 2. P. 3, col. 1; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XLIV, U 482–494, допрос Кемала Хасаном Масхаром, 16 December (Kanunuevvel) 1918.

би говорил, что «мутесариф Джемаль-бей не настоящий турок и он должен покинуть Йозгат». По показаниям другого чиновника, который стал свидетелем разговора, состоявшегося в тот же день между Джемалем и Неджати, в этом разговоре иттихадист якобы заявлял, что «несмотря на то что приказы правительства касаются депортации армян, настоящая цель комитета партии «Единение и прогресс» и Министерства внутренних дел — полностью искоренить армянское население, оказав, таким образом, услугу своей стране»¹.

Предположительно это и были те устные инструкции, которым мутесариф отказался следовать и в результате которых Атиф и Неджати в тот же вечер освободили его от должности, чтобы получить полную свободу действий.

Заявление, сделанное военачальником Йозгата, генералом Салимом Мехмедом, также проливает свет на то, каким образом иттихадисты вмешивались в местные дела и как «закон о временной депортации» служил прикрытием для осуществления преступлений². В первую очередь генерал упомянул первые две статьи «закона о депортации», переданного ему Шахабеддином — командующим 15-й дивизией, базирующейся в Кайсери. Эти статьи наделяли военачальников полномочиями «немедленно применять военную силу» против всех, чьи действия «противоречат интересам или угрожают безопасности страны»; также военачальники получали право депортировать группы людей, если они «подозревались в шпионаже или измене». Мехмед также отметил, что, согласно телеграмме № 193 от 18 июля 1915 г., «государственные служащие не имеют права вмешиваться в дела общественного порядка и дисциплины; полная ответственность по этим вопросам ложится на представителей военной власти». Тем не менее «люди, которые гордо заявляли о том, что являются членами партии «Единение и прогресс», вмешивались в эти вопросы, без

тени сомнений присваивали себе чужое имущество, нарушали закон и порядок в санджаке». По словам генерала, эти люди искали возможности «скомпрометировать армян и «переложить на них ответственность за подрывные действия». В связи с этим они периодически отправляли правительства «фальшивые официальные и полуофициальные свидетельские показания, в которых содержались сведения, достаточные для того, чтобы статьи вышеупомянутого закона были применены в отношении армян». Однако многочисленные запросы, осуществленные полицией и жандармерией «в ответ на постоянно возникающие вопросы» показали, что армяне Йозгата не имеют никакого отношения к комитетам партий Дашнакцутун и Гнчак. Тем не менее при участии Неджати те же самые люди предъявили обвинения командующим армейскими войсками дивизиями, желая уличить их в сотрудничестве с выдуманным армянским комитетом, который, по мнению представителей власти, действительно существовал. По их приказу был проведен обыск с целью поиска оружия и единственное оружие, которое удалось найти, было то, которое подложили сами обыскивающие. В конечном счёте они получили приказ о депортации армян³.

В то время как «закон о временной депортации» довольно успешно применялся в восточных регионах, для центральной части Малой Азии, его принятие вызвало определенные трудности, т.к. обосновать приказы о высылке цивилизованных жителей этого региона было гораздо сложнее. Таким образом, вмешательство местных иттихадистов в данном случае было как нельзя более необходимо, особенно когда потребовалось разработать документ, который узаконит бы порядок осуществления депортаций. Эти трудности объясняют, почему в таких случаях, как Ангора, проявления геноцида имели место позже.

Позиция, которую занял мутесариф Джемаль, свидетельствует о том, что

¹ Письмо каймакама Силивке Джеббар-заде Эдиб-бея из Йозгата мутесарифу Йозгата, 10 февраля 1919 г., в котором автор утверждает, что именно Джемаль-бей сообщил ему о сути замечаний Неджати APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 534. В письме прибытие Неджати в Йозгат датировано 3 августа.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 574–577, заявление генерала Салима Мехмеда, военачальника Йозгата, перед судьей предварительного расследования в Йозгате, 9 декабря 1918 г.

³ Ibid. Его показания являются более правдоподобными в том, что он сам отказался «принять участие в программе». Седьмое заседание судебного процесса в Йозгате, 18 февраля 1919 г. Свидетельское показание Халила Ибрахима Реджайи-бея, 45 лет, из Монастира, командующего 5-й армией.

не существовали границы, которые некоторые государственные служащие не хотели переступать. Так, вступив в должность в мае 1915 г., Джемаль наложил ограничения на перемещения между деревнями, а также ввел запрет на выпас скота на пастбищах. Также именно под его руководством начиная с конца мая в армянские деревни санджака периодически наведывались отряды «Специальной организации». На вопрос епископа Нерсеса Даниеляна, прелата Йозгатской епархии, о том, с какой целью в деревнях наводятся эти преступники, Джемаль ответил, что они нужны для того, «чтобы охранять их [армян] от турецких соседей».¹ Однако когда местные младотурки под предводительством начальника жандармерии Мехмеда Тевфик-бея задались целью расправиться с двенадцатью тысячами армянских военных санджака Йозгат, за которыми на тот момент был закреплен рабочий батальон 5-й армии², Джемаль предотвратил эту попытку. Согласно показаниям генерала Салима Мехмеда, 1 июля 1915 г. иттихадисты представили ему «свидетельское показание, в котором они рекомендовали перевести армянских солдат 9-го рабочего батальона в такой же батальон 2-й и 4-й бригад в Киршехире; иначе они могут спровоцировать беспорядки, которые нарушат общественное спокойствие в санджак»³. По словам еще одного свидетеля, несмотря на то что Тевфик получил от мутесарифа приказ «действовать в пределах полученных инструкций», Тевфик «проигнорировал его и обратился к генерал-губернатору Сиваса, Мухаммер-бею с жалобой на мутесарифа и за получением дальнейших инструкций»⁴. На основе этих показаний можно предположить, что Мухаммер-бей, учитывая его положение в качестве главы «Специальной организации» в данном регионе, принимал непосредственное участие в уничтожении армянских рабочих-солдат в Йозгате. Более того, Сами Мехмед отмечает, что Тевфик «переступил границы», рас-

правившись с тринадцатью армянами во время инцидента на ферме Сарыхамза», а затем по приказу Мухаммер-бея убил еще двадцать два человека⁵. Другими словами, стоявшие во главе иерархии члены КЕП, изменяли порядок административного подчинения и сменяли представителей власти всякий раз, когда им это было необходимо. Очевидно, что если им удалось заменить Мазхара в Ангоре, то с таким же успехом они могли избавиться от Джемалья в Йозгате.

Назначение Кемал-бея на пост временно-го губернатора по распоряжению Атиф-бея не оставляет сомнений в том, что представители КЕП стремились поставить у власти своих людей всякий раз, когда правитель от государства отказывался подчиняться партии в вопросах уничтожения армян. Это также говорит о том, что представители этой партии имели полномочия вмешиваться в вопросы местного самоуправления. Кемал-бей, бывший каймакам Богазлыяна, был назначен главой района с самым многочисленным армянским населением, которые к тому же были крестьянами. С середины мая и до конца июля под непосредственным руководством Кемал-бея сорок восемь деревень санджака, в которых проживало более сорока тысяч армян, были сначала очищены от мужчин, а затем от женщин и детей⁶. По словам генерала Мехмеда, Тевфик-бей, начальник жандармерии, собственной персоной совершил объезд этих армянских деревень и приказал убить большое количество людей «без какой-либо причины, а лишь под предлогом того, что они якобы были членами комитета»⁷. Стоит, однако, отметить, что, в отличие от других регионов, фактически ни один человек из этих деревень не был депортирован. Кемал превратил окрестности деревни Келлер в огромную бойню, где десятки тысяч мужчин и женщин всех возрастов были зарезаны с помощью ножей, сабель и топоров. Таким образом, можно сделать вывод, что Атиф и Неджати обратились к чиновни-

¹ BNU/Fonds *Andonian A. P.J.* 1/3, liasse 17, f° 28, Yozgat, свидетельское показание д-ра Мкртича Кечяна (санджак Йозгат).

² *Ibid.*, f° 27.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 574–577, заявление генерала Салима Мехмеда, военного коменданта Йозгата, 9 декабря 1918 г.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.*

⁶ BNU/Fonds *Andonian A. P.J.* 1/3, liasse 17, f° 35, Yozgat, свидетельское показание д-ра Мкртича Кечяна.

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 574–577, заявление генерала Салима Мехмеда, военного коменданта Йозгата, 9 декабря 1918 г.

ку, который, по их же собственному мнению, был «достойным подражания», несмотря на то что он даже не прибегнул к стандартным административным формальностям, чтобы

скрыть свои преступления. После уничтожения армян в сельской местности Кемал и его люди завершили свою задачу, полностью истребив армян в районе Йозгат.

Погромы и депортации в казе Богазлыян

В 1914 г. район Богазлыян насчитывал 32 населенных пункта с общей численностью населения — 35 825 армян, говоривших на армянском языке. Основанная недавно и расположенная в центре огромной равнины деревня, где проживал префект, также носила название Богазлыян. Две тысячи армян, имевших корни в Венгрии и Сивасе, жили в «верхнем квартале» этого поселения. На юге к нему примыкали еще две деревни: Бейлорен (750 чел.) и Гурден (1000 чел.). На северо-востоке находилась деревня Румдыгын. Две тысячи армян, проживавших в этой деревне, составляли две трети населения региона. В северной части региона можно было найти еще одну деревню Киуркджи (200 чел.).

В тридцати километрах от Богазлыяна находилась деревня Эйделы с населением около полутора тысяч человек, большинство из которых занимались виноделием. В двух шагах от нее находились еще несколько деревень: Карахалы, которая насчитывала 2000 жителей, Узунлу — 3000, Гёвенджи — 550 человек. Среди наиболее крупных деревень другой части района можно назвать: Чакмак (1000 чел.), Чокрадан (1000 чел.), Факралы (800 чел.), Мелез (350 чел.), Брункишла (2000 чел.), Келлер (1500 чел.), Ейлендже (600 чел.), Кюмкую (900 чел.), Кедылер (500 чел.), Шатлы (500 чел.), Сачлы (600 чел.), Магар-оглу (450 чел.), Карабюк (800 чел.), Пёренк (800 чел.), Чат (3500 чел.), Терциллы (2000 чел.), Бебек (1300 чел.), Караягуб (900 чел.), Сарыхамза (1250 чел.), Дашлыгетчыт (250 чел.), Ментеше (1100 чел.), Урнек (1200 чел.) и Чатак (1025 чел.)¹.

По словам одного из жителей деревни Пёренк, который в первой половине апреля 1915 г. находился в Йозгате, в это же

время туда приезжал Энвер. Вскоре после его визита солдаты и жандармы, чтобы «собрать оружие», объехали большинство армянских деревень. Свидетель сообщал, что эти действия сопровождались крайней жестокостью, в частности изнасилованиями молодых девушек, а также грабежами. Другой целью этих набегов был сбор всех мужчин младше двадцати и старше сорока пяти лет. По этой причине были запрещены любые перемещения между деревнями². Этот же свидетель утверждал, что некто из этнотурецких знакомых говорил ему, что «рано или поздно турки убьют всех армян, но переложат выполнение этой задачи на отряды башибузукков, чтобы у правительства была возможность впоследствии оправдать себя». По некоторым данным, раскрытым 28 марта 1919 г. на пятнадцатом судебном заседании по делу об убийствах в Йозгате, одна из первых операций действительно была проведена 19 апреля 1915 г. в казе Богазлыяна. В тот день каймакам Кемал, начальник жандармерии Тевфик и мюлла Шаир Шейлы в сопровождении двухсот жандармов провели массовые обыски домов в деревне Чат. Согласно официальному приказу, они должны были собрать оружие и найти преступников. Не сделав ни того ни другого, они принялись за массовые аресты мужской части населения, совершая при этом «все мыслимые и немыслимые жестокости»³.

В свидетельском показании майора Тевфика, которое было зачитано 28 марта 1919 г. на пятнадцатом судебном заседании, он сообщал о некоем восстании «бандитов» из деревни Чат, в связи с чем предлагал депортировать армян из этой деревни, а в их дома поселить мусульман. Джемаль-бей, бывший мутесариф Йозгата, тем не менее

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 215–216; Karpat K. Op. cit. P. 172. Авторы указывают общее число армян в районе — 15 670.

² BNu/Fonds Andonian A. P. J. 1/3, liasse 17, f° 1, Yozgat. Свидетельство Мовсеса Папазяна из Пёренка (сказка Йозгат).

³ Свидетельства, опубликованные в газете La Renaissance, № 122, jeudi 24 avril 1919.

Депортации и погромы: Ангора

сказал Тевфику, что армяне, которых он тогда называл «бандитами», в прошлом были беженцами и жертвами депортаций¹. На допросе по делу о вышеупомянутом восстании, проведенном 21 февраля 1919 г. на восьмом судебном заседании, полковник Шахабедзин, командующий 15-й дивизией, базирующейся в Кайсери, подтвердил, что майор Тевфик действительно просил его «предоставить ему солдат для подавления восстания» и что он направил в Богазлыян двести человек. Когда же адвокат со стороны защиты Левон Ремзи спросил у него, «сколько армян принимало участие в восстании», полковник попросил разрешения выйти, чтобы «подышать свежим воздухом». Вернувшись в зал суда, он ответил, что «армянских повстанцев было всего пять или шесть человек и они укрывались в горах»². Этот эпизод с группой скрывающихся беженцев служит явным доказательством того, что майор Тевфик «выдумал» историю о восстании с целью заранее оправдать проведение насильственных поборов с населения, которые он осуществил сначала в деревне Чат, а затем и в других армянских деревнях.

Фактической же датой начала операции по уничтожению мужского населения в сельской местности можно назвать 28 июля 1915 г., когда Тевфик в сопровождении «батальона» жандармов вернулся в Чат, также побывав в расположенной неподалеку деревне Терциллы. В каждой из деревень глашатай объявил, что все мужчины в возрасте от пятидесяти до шестидесяти пяти лет обязаны присоединиться к армии: 1150 человек подчинились. Они немедленно были связаны парами и разделены на две группы. Первая группа, под руководством сержанта Кемаля, была отправлена к Кемалю Гоазы, где мужчины были убиты бандитами. Вторую

же группу мужчин Тевфик собственноручно сопровождал в деревню Ешиклы, где им перерезали горло, а тела сбросили в общую могилу³.

Две недели спустя представители власти вернулись в деревню и пообещали пощадить женщин, если они отдадут им от десяти до пятидесяти тысяч турецких лир. Каймакам Кемал, снова вернувшись в район Богазлыян, приехал в деревню Чат в сопровождении пятнадцати жандармов. Там он отобрал 995 женщин и детей, которые были впоследствии отведены в долину реки Акдере и убиты⁴.

Согласно показаниям индийского полковника Мехмеда, британского подданного и военнопленного, которые он давал 28 марта 1919 г. на пятнадцатом судебном заседании, в Богазлыяне по объявлению глашатая армяне должны были вписывать свои имена в специальный журнал, после чего они были взяты в плен и выведены из деревни маленькими группами. Через несколько дней полковнику стало известно, что «всех пленных отвели в горы и убили». Чтобы проверить эту информацию, полковник сам отправился по следам этих людей, «которые были убиты в долине неподалеку». Он также сообщил, что по информации, полученной им от турецких путников, которые приехали в Богазлыян из соседних деревень, «вся территория была буквально усеяна трупами армян, а воздух наполнен ужасным зловонием, из-за чего передвигаться по этой местности было практически невозможно»⁵. По просьбе председательствующего судьи предоставить более подробные сведения Мехмед сообщил, что в тот день действительно было убито от пятидесяти до шестидесяти человек, а на следующий день в этом же месте расправе подверглись женщины и дети. По его сло-

¹ Ibid.

² Свидетельства, опубликованные в газете «Жаманак» 22 февраля 1919 г. С. 4 (на арм. яз.).

³ Свидетельства, опубликованные в газете *La Renaissance*, № 122, jeudi 24 avril 1919; APC/PAJ, Bureau d'Information du Patriarcat, U 350–351. Свидетельское показание Муфтери Рифата из Йозгата от 1 декабря 1918 г. в адрес министра внутренних дел, в котором подтверждалось, что были совершены нападения на две деревни. В свидетельском показании добавляется, что турки из окрестных деревень посетили деревни, подвергшиеся нападению, поскольку стоны и запах, ассоциировавшиеся с массовой резней, стали непереносимыми. Они сказали Тевфику, что он идет против традиций шариата. Тот ответил, что они вмешиваются в его работу, выхватил револьвер из кобуры и выстрелил по делегации, ранив нескольких человек: BNu/Fonds Londonian A. P.-J. 1/3, liasse 17, f° 1v°, Yozgat, свидетельство Мовсеса Папазяна из Пёренка (санджак Йозгат). Автор утверждает, что вторая группа людей была убита в Кадылы.

⁴ Ibid., f° 6.

⁵ Свидетельства, опубликованные в газете *La Renaissance*, № 122, jeudi 24 avril 1919.

вам, убийцы были одеты в военную форму и действовали под руководством Ихсана Чавуша. Это показание противоречило словам Кемалю, который утверждал, что индийский военнопленный «не мог покидать город», а следовательно, не мог отправиться за конвоем. На это полковник возразил, что «он обладал абсолютной свободой передвижений и мог посещать Богазлыян тогда, когда ему это было нужно». В качестве доказательства своей правоты он заявил, что может отвести любого в то место, где были совершены эти преступления: «кости армян там можно увидеть и сейчас»¹.

Один из представителей турецкой знати из Йозгата также дал показания, согласно которым майор Тевфик отдал приказ сжечь деревню Кюмкую в середине ночи, пока ее жители спали. В ту ночь погибло шестьсот человек². Нет сомнений, что именно после этих показаний 4 февраля 1919 г. военный трибунал отправил губернатору Йозгата письмо, в котором потребовал предоставить подробные сведения о том, кто еще, помимо Тевфика, принимал участие в этом преступлении. В письме было сказано, что майор «разложил вокруг деревни Кумкую легковоспламеняющийся материал... поджег его... затем зарезал выживших детей прямо в их колыбелях и приказал остальным сделать то же самое»³.

Согласно другому источнику, жители двадцати трех деревень в районе Богазлыян подвергались массовым убийствам начиная с 5 июля⁴. Еще один источник сообщает об убийстве рабочих, которые перевозили урожай пшеницы в Ангору. Нападение на них было совершено, когда они возвращались назад⁵. Также этот источник сообщает о том, что отряды преступников «Специальной организации», чете объезжали деревни Сарыхамза, Дашлыгетчят и Пёренк, чтобы

«пополнить ряды армии», что на самом деле подразумевало арест всех мужчин и совершение над ними физической расправы в какой-нибудь отдаленной долине⁶. По словам коренного жителя деревни Пёренк Мовсеса Папазяна, около тысячи чете, сопровождаемых жандармами, принимали участие в этих операциях, целью которых было очищение деревень от армянского населения⁷. Во время допроса на предварительном судебном заседании военного трибунала Стамбула майор Тевфик косвенно указал на то, что являлся «председателем бюро «Специальной организации», т.е. фактически главой «Специальной организации» в данном регионе, в что в его подчинении находилось несколько офицеров, командующих отрядами чете Сукру, Джерид-заде Хасан и Ибрагим⁸. Однако есть вероятность того, что Тевфик намеренно скрыл личности своих сообщников, имена которых удалось узнать из других источников: Ая-бей, лидер партии юнионистов в этой казе, майор Сукру-бей и заместитель государственного прокурора Рефик-бей, которые также помогали Кемалю-бею в организации массового истребления армянского населения данной казы. В свою очередь, оказывали содействие следующие главы чете: Иззетбей-оглу Ибрагим; Зеки-оглу Орманджи Хасан; Кади-оглу Хайдар-бей; Мехмед-оглу Ибрагим-бей; Мехмед-оглу Саид; Хасан-бей; Тевфик-бей; Али-бей; Фахри-бей; Катиби Ахмед Даманджи; Хасан Абенди-заде Тевфик; Мазхар-бей, судебный пристав; Шевкет-бей, бывший начальник жандармерии; Низами Али-бей; Кара Сабри-бей; Абдуллах-эфенди; Селимли Юсуф Бакырджи-заде Махмуд; Тевфик-заде Абдуллах; Ахмед-заде Абдуллах; Арап-оглу Абдурахман; Чапанлардан Дервиш-бей; Шевкет-бей; Авадаллу-оглу Мехмед; Сукру Чавуш; Емениджи Ахмед Юста; Черкез Кет-

¹ Ibid.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 350-351, свидетельское показание Муфтери Рифата Йозгата от 1 декабря 1918 г. в адрес министра внутренних дел.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XXVI, L 326, письмо военного трибунала Константинополя мутесарифу Йозгата от 4 февраля 1919 г.

⁴ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, № 312, Constantinople, février 1919, «Boghazlian, sandjak de Yozgad (vilayet d'Angora)».

⁵ BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 17, Yozgat, f° 2, свидетельство Мовсеса Папазяна из Пёренка (с. 10) джак Йозгат).

⁶ Ibid., ff. 2r°-v° et 4v°.

⁷ Ibid., f° 4v°.

⁸ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 324, допрос Тевфик-бея.

Кюрт Хусейн и Зейн-ага Ахмед. Эти люди считаются главными виновниками погромов, жертвами которых в казе Богазлыян стало около 30 000 армян¹.

По словам одного из армянских свидетелей, каждый день преступники приходили в ту или иную деревню и по одному к тому же сценарию чинили расправу над ее жителями. Они обошли не мене пяти деревень. Сначала они арестовывали освобожденных от военной службы мужчин, а также знатных жителей. Этим мужчин связывали и предавали смерти за пределами деревни, после чего с них снимали одежду, а тела сбрасывали в общую могилу. Затем бандиты собирали мальчиков старше двенадцати лет и отвозили их в «место бойни для подростков», которое находилось в Хаджиларе, на полпути между Акрак Маденом и Богазлыяном². После этого остальных жителей деревни — женщин и девочек всех возрастов, стариков, мальчиков двенадцати лет и младше — собирали в поле рядом с деревней. Здесь бандиты отнимали у матерей их детей; а женщин, которые пытались вмешаться, убивали на месте. Вслед за этим отряды кызылбашей и черкесов из соседних деревень могли свободно грабить покинутые дома. Нагружая вьючных животных, они вывозили из деревень все возможные товары, а затем помогали убивать выживших и сжигать трупы³. Некоторых мальчиков и девочек в возрасте до одиннадцати лет отвозили в город и сда-

вали в приютские дома⁴. По словам д-ра М. Кечана, операции по истреблению армян в сельской местности закончились только 7 августа. Число жертв, по его подсчетам, достигло 40 000 человек⁵.

Казалось, военные власти в особенности интересовались судьбой людей, арестованных в сельской местности. Судя по телеграммам, которыми обменивались между собой военные 5-й армии, ее главнокомандующий лично выяснял место прибытия каждой из групп людей, даже самой немногочисленной, а также интересовался числом убитых, чтобы затем сообщить министру точные данные. Другими словами, армия по меньшей мере имела отношение к уничтожению мужчин независимо от того, были они военными или нет. Так, например, в телеграмме от 27 июля 1915 г. военачальник Бошазлыяна сообщает своему командиру, что каймакам публично объявил об уничтожении полутора тысяч армян, чьи имена были внесены в журнал. Военные власти дважды пытались получить у Кемал-бея этот список, но безуспешно⁶. В другом документе упоминается об аресте четырнадцати «подозреваемых», которые были схвачены в окрестностях Богазлыяна и в тот же вечер «депортированы под конвоем военных»⁷. Временный главнокомандующий Пятой армией Халил Реджайи остался недоволен этим ответом и потребовал от своего подчиненного, чтобы тот как можно быстрее сообщил ему точное место, куда «были от-

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 560, список ответственных лиц в казе Богазлыян, Дамаск, 5 марта 1919 г.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 446–447, dossier № 71, «L'extermination des Arméniens de Bozuk et Çakmak». В источнике отмечается, что массовые убийства мужчин совершались чете, возглавляемые Ибрагимом-беем из Богазлыяна и Ахмедом-беем из Козана; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 324, допрос Тевфик-бея. В источнике отмечается, что подросток регулярно сгоняли в группы и большинство из них были «брошены в тюрьмы и подвалы» до их убийства.

³ BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 17, Yozgat, ff. 1–21, f° 5, свидетельство Мовсеса Папазяна; BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 17, Yozgat, f° 29, свидетельство д-ра Мкртича Кечяна.

⁴ Ibid., ff. 29–30. Кечян отмечает, что большинство «смешленных и подающих надежды» детей, обращенных в ислам, позже были переведены в приют Шифы Юрдиси в Талисе, но те из них, кто остался в Йозгате, были в таком состоянии, что никто из них не «пережил» лишения, которым они были подвергнуты.

⁵ Ibid., f° 35; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 446–447, dossier № 71, «L'extermination des Arméniens de Bozuk et Çakmak». В источнике отмечается, что Кулис-бей, сотрудник департамента военной безопасности, контролировал операции вместе с Кемаль-беем.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 511, шифрованная телеграмма Мустафы-бея, военному коменданту Богазлыяна, временному командующему Пятой армией, через Шахабеддина, в Кайсери от 14/27 теммуз/июля 1915 г., № 18; ходатайство № 377, от 12/25 июля и № 379 от 13/26 июля.

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 511, телеграмма Мустафы-бея, военного коменданту Богазлыяна, временному командующему 5-й армии в Ангоре Халилу Реджайи-бею, 22 теммуз/4 августа 1915 г., № 16.

правлены арестованные»¹. В его телеграмме от 5 августа временному командующему 15-й дивизией в Кайсери, полковнику Шахабеддину, приводятся слова военачальника Богазлыяна Мустафа-бея, который сообщил Халилу Реджайи, что эти армяне были убиты жандармом Гусейном Авни, «поскольку представляли опасность»². На седьмом заседании суда по делу об убийствах в Йозгате, которое состоялось 18 февраля 1919 г., Халил Реджайи признался в том, что [государственная] следственная комиссия расспрашивала его «о телеграммах, касающихся убийства армян в Богазлыяне». В особенности их интересовала информация о сообщении, полученном им от полковника Шахабеддина, согласно которому сто тридцать армян из Йозгата, направлявшихся в Богазлыян, были убиты жандармами недалеко от города Джевизли³. Благодаря содействию нового губернатора Йозгата 8 февраля 1919 г. военный трибунал смог передать суду заверенные копии шестнадцати телеграмм от Шахабеддин-бея и каймакама Богазлыяна. Однако, судя по всему, эти телеграммы так и не были обнародованы⁴. Их содержание было озвучено только на шестнадцатом судебном заседании 29 марта 1919 г. во время оглашения обвинительного приговора. В отношении этих телеграмм судья сказал, что они «содержат больше ужасных доказательств организации массовых убийств армян, чем все заслушанные показания». Несмотря на эти неопровержимые доказательства, 21 февраля 1919 г. на восьмом судебном заседании полковник Шахабеддин настаивал на том, что «не получал официального приказа о депортации армян Йозгата, равно как и каких-либо других поручений от властей этого города». На седьмом заседании суда 18 февраля 1919 г., вероятно в попытке защитить себя от возможных обвинений, временный командующий Пятой армией Халил Реджайи-бей заявил, что сообщал вышестоящему руководству о преступлениях, совершенных в районе Богазлыян. Однако в ответ на эти сообщения руководство лишь приказывало

ему «не вмешиваться в вопросы, связанные с депортациями, потому что это дело городских властей».

На основе этих немногих документов мы можем выдвинуть предположение, что армия при содействии местных структур «Специальной организации» принимала участие в уничтожении мужского населения вилайета, в то время как работа по истреблению женщин и детей оставалась в зоне ответственности «Специальной организации».

Что касается роли государственных властей в этих событиях, то причастность каймакама Кемал-бея к убийствам в Богазлыяне подтверждена многими свидетелями. На 15-м заседании суда 28 марта 1919 г. он пытался отрицать выдвинутые против него обвинения, однако его же «коллегами» были даны показания, подтверждающие, что «большинство депортированных из Богазлыяна армян были убиты». Когда председательствующий судья спросил у него, «получал ли он по этому поводу приказы от министерства», Кемал ответил, что не получил подобных приказов. Наоборот, по указанию правительства ему должны были перечислить деньги, как только он доставит армян в места отбывания ссылки. Кемал также заявил, что депортация армян производилась в военных целях.

На четвертом заседании суда 11 февраля 1919 г. депутат парламента из Йозгата Шакир-бей сообщил, что он «отправил протест вали Ангоры Атиф-бею», однако Атиф-бей не принял его «во внимание». Такой протест был отправлен Талаату, однако тот не только не принял его во внимание, но и оскорбил депутата, «не занял ли он позицию слабых». Что касается чете, Шакир не отрицал, что «они действительно были освобождены из-под стражи», однако, по его словам, «они убедили, что этих людей отправят на фронт».

Со стороны жертв известен только один случай сопротивления. Это случилось в деревне Кюмкюю вблизи города Акдагмаде. После того как деревню сожгли, несколько молодых людям удалось сбежать и прятаться

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 511, шифрованная телеграмма Халила Реджайи-бея Мустафа-бею, Ангора, 22 теммуз/4 августа 1915 г., № 16.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 540, шифрованная телеграмма Халила Реджайи-бея временному командующему 15-й дивизией полковнику Шахабеддину в Кайсери, Ангора, 23 теммуз/5 августа 1915 г.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, L 631.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 478, dossier XXXV, шифрованная телеграмма мутеса-апа Кайсери Кемал-бея председателю военного трибунала в Константинополе, 8 февраля 1919 г.

к отряду маки (партизан. — Прим. пер.). Как мы уже видели, Тевфик-бей использовал этот случай, чтобы обосновать необходимость вмешательства армии, усиленной отрядами чете, восстаниями армянского населения¹. Свидетель, который также принимал участие в этих событиях, Мовсес Папазян, считал, что вскоре их группа насчитывала около тридцати человек. Однако 25 ноября 1915 г. в районе горы Акдаг они были атакованы отрядом жандармов, состоявшим из 50 человек. Еще через некоторое время, 30 декабря 1915 г., в районе Маден на них снова напали, на этот раз четыре батальона регулярных войск под предводительством военачальника Йозгата. В обоих случаях им удалось сбежать². Прибегая к насильственным методам, некоторые члены группы даже смогли освободить из деревень своих близких³. В течение следующих нескольких

месяцев их ряды пополнялись сбежавшими рабочими трудовых батальонов района Кайсери до тех пор, пока они не достигли размеров полноценного воинского подразделения⁴. Чтобы расправиться с этой группой сопротивления, 15 июня 1916 г. в район Мадена, возглавляя многочисленный военный отряд, прибыл военачальник города Кайсери. В этот раз не всем удалось бежать от преследователей⁵. Десятки тех, кто смог спастись, решили направляться в Самсун. 1 июля 1916 г. в форме жандармов они покинули район через город Зела. Через пять дней они беспрепятственно перешли мост в Амасье. После тринадцатидневного похода, покупая еду и предметы первой необходимости у турецкоговорящих жителей греческих деревень, которые встречались им по пути, они наконец присоединились к отрядам сопротивления Самсуна, Орду и Синопа⁶.

Погромы в казе Йозгат

Как мы уже говорили ранее, 5 августа 1915 г. считается датой окончания операции в деревнях района Богазлыян. В этот же день Кемал-бей был назначен на пост временно исполняющего обязанности мутесарифа Йозгата, в связи с чем теперь под угрозой оказались жизни девяти тысяч армян, проживавших в этом городе и его окрестностях. Уже 8 августа епископ Даниелян и видные жители города в количестве 471 человека были арестованы и «депортированы»⁷. В Йозгате, по показаниям Азнив Ибраносян, жандармы заставили армян доложить о своем прибытии директору казначейства Вехби-бею, после чего они были арестованы прямо на рыночной площади⁸.

Один из армян, служивший в армии под командованием капитана Хусны-бея, стал свидетелем случайной встречи его капитана с ответственным секретарем муниципалитета Узунум Ахмедом, который, в свою очередь, возглавлял отряд наемных чете. Производя аресты армян прямо в их домах, этот человек громко заявлял: «Наши матери нас родили именно ради этого дня»⁹. Помимо временно исполняющего обязанности мутесарифа Кемала и начальника жандармерии Тевфика, еще одним человеком, принимавшим активное участие в уничтожении армян, был служащий бюро земельного кадастра, участник Благотворительного фонда — Фаяз Али-бей. Согласно сведениям, полученным

¹ См. выше, с. 573.

² BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 17, Yozgat, ff. 5v^o-7v^o, свидетельство Мовсеса Папазяна из села Перенка.

³ Ibid., ff. 8v^o-9.

⁴ Ibid., f° 18v^o.

⁵ Ibid., f° 19.

⁶ Ibid., ff. 19v^o-20v^o. Был привлечен свидетель, его брат Аристакес, его двоюродные братья Овсеп и Амбарцум Стамболян, а также Барсег Барсегян, Бенджамин Карадедеян, Замита Балиозян, Даниел Торосян и Рафаэль Арзуманян.

⁷ Согласно данным директора турецкого сиротского дома Йозгата Шевки-бея. Перепечатано в газете «Джакатамарт», 4 января 1919 г. (на арм. яз.).

⁸ Показания Азнив Ибраносян из Йозгата на пятнадцатом заседании суда Йозгата 28 марта 1919 г.: «Жайманак», 29 марта 1919 г., с. 1. (на арм. яз.): «Жайманак», 29 марта 1919 г. С. 1. (на арм. яз.).

⁹ Показания на восьмом заседании суда Йозгата 21 февраля 1919 г.: «Жаманак», 22 февраля 1919 г. С. 4 (на арм. яз.).

из письма, которое председательствующий судья отправил мутесарифу Йозгата 4 февраля 1919 г., Феяз-бей во время депортаций возглавлял комитет по оставленному имуществу, члены которого «проводили собрания и осуществляли работу в здании армянской церкви»; этот комитет единственный, кто обладал правом выпускать документ с грифом «подлежит депортации» («vesikat»)¹. Мы располагаем информацией, которая позволяет дать полное описание процедуры, предшествовавшей непосредственно аресту армян и последующей физической расправе. Согласно показаниям майора Тевфика, «имена армян, подлежащих депортации, вначале вносили в специальный журнал». На четырнадцатом судебном заседании, которое состоялось 26 марта, Кемал даже назвал имя одного из тех, кто «отвечал за подготовку таких журналов». Это был лейтенант жандармерии Хулусы-бей². Далее, согласно показаниям Тевфика, после внесения имен в соответствующие списки он должен был «проинформировать высшие органы власти о количестве человек, высылаемых в Дер-Зор»; затем «раздать поручения и инструкции мюдирам нахий, чтобы те, в свою очередь, передали их офицерам соответствующих подразделений жандармерии, руководствуясь составленными заранее журналами»³. Таким образом, организация депортации армян проходила по четкому плану. С одной стороны, этим процессом управляли городские и военные власти, с другой — «Специальная организация», параллельная структура, которая интересовалась нелегальной стороной процесса.

На этом же заседании прокурор представил на рассмотрение суда документ, составленный временным исполняющим обязанно-

сти мутесарифа Йозгата. Документ находился в конверте, на лицевой стороне которого были изображены три красные полосы. Между полосами была надпись, в которой сообщалось, что по прибытии в деревню Батта письмо должно быть доставлено эфенди Бақырджи-заде Махмуду, Абдуллаху и Мехмеду. Конверт следовало вскрыть только после того, как будут зафиксированы день, время, а также данные на печати. В конверте находилось два письма: первое было адресовано начальнику жандармерии Шюкрю и предписывало ему подчиняться приказам трех вышеперечисленных людей; второе содержало приказ, по которому «принадлежащие женщинам и девушкам личные вещи следовало изъять и перевезти в Йозгат». Прокурор обратил внимание на содержащееся в приказе противоречие. По его словам, «личные вещи у женщин и девушек отбирали еще в городе, из которого они были депортированы. Следовательно, требование перевести вещи в Йозгат фактически означало то, что женщины и девушек следовало сначала убить, а уже затем собрать и отправить в город вещи»⁴. Насколько нам известно, это единственный документ, сохранившийся до наших дней. Он составлен в характерной для младотурок манере, которая подразумевала использование официально-делового стиля для описания преступных намерений. Вопреки доказательствам Кемал-бей значительно заявлял, что печать, о которой шла речь, принадлежала не ему, а надпись на конверте написана не его почерком. Более того, он утверждал, что «не давал таких приказаний», поскольку «его приказы были направлены на защиту армян»⁵. Вместе с тем стоит отметить, что одному из трех упомянутых в письме человек, Бақырджи-заде

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Z 326, dossier XXVI, № 74, письмо председателя суда Йозгата 4 февраля 1919 г.

² «Жаманак», 27 марта 1919 г. (на арм. яз.).

³ Там же.

⁴ Там же. Правительственные чиновники часто использовали в приказах об уничтожении формулировки такого рода, внося бессвязность, которую могли отметить только корреспонденты. В данном конкретном случае обвинитель ясно понимал, что приказ об отправке «пожитков» женщин и девушек в Йозгат подразумевал — с учетом того, что они уже были извлечены от своих пожитков до отправки в Йозгат, что их собирались убить.

⁵ Там же. Председательствующий судья напомнил Кемалю, что в своем первом заявлении (сделанном в декабре 1918 г.) он сказал, что им было сожжено много документов, относящихся к депортациям. Он сказал: «Вами было подписано заявление для этой цели». Кемаль ответил, что он очень сильно устал и что сделал заявление «в слешке». Обвинитель, который являлся членом правительственной следственной комиссии, отметил, что Кемаль писал свои показания в течение трех-четырех часов.

Мумлу, который возглавлял отряд чете¹, Кемал-бей, вероятно, поручил уничтожить армян в одной из деревень. Данный пример прямо свидетельствует о наличии тайного соглашения между городскими властями и вооруженными формированиями «Специальной организации». Главными действующими лицами со стороны правительства здесь были: Нуман-бей; Нухлыс-бей и Хулусы, капитанты жандармерии; Хаджи Абенди-еве Тевфи, судебный секретарь из Йозгата; Шаххар, судебный пристав [бейлиф]; и Дагистанлы Исмаил, руководитель депортаций². Вскоре после первого в дорогу был отправлен второй конвой в количестве трехсот мужчин. Пунктом их назначения была деревня Даре Мумлу, находившаяся в четырех часах езды от города. По прибытии туда все мужчины подверглись физической расправе, заключением нескольких выживших, в числе которых был и наш свидетель³. По словам того же свидетеля, шесть сотен арестантов из Йозгата все еще находились в городской тюрьме, где вместе с ними отбывали заключение сорок два жителя Стамбула⁴, которые, вероятно, входили в круг столичной элиты и были депортированы 24 апреля 1915 г. Другой свидетель отмечает, что Кемал-бей лично присутствовал при отправке первого конвоя, который направлялся в долину неподалеку от деревни Келлер. Мужчин привязали друг к другу, после чего они отправились в путь в сопровождении жандармов, которые были вооружены винтовками с примкнутыми к стволам штыками⁵. В феврале 1919 г. председательствующий судья военного три-

бунала Стамбула обнаружил, что журнал, содержащий имена более чем полутора тысяч армян, убитых в окрестностях Богазлыяна, находился в Йозгате в распоряжении городского военачальника. Однако, несмотря на неоднократные, настойчивые требования, получить этот журнал не удалось⁶.

Что касается роли жандармерии, и в частности, ее начальника Тевфик-бея, то, согласно показаниям иностранного свидетеля, большинство конвоев под его командованием было отправлено в районы деревень Келлар и Таш Пунар, где людей жестоко убивали, используя в качестве орудий убийства топоры и ножи⁷. Один из выживших в этих смертельных походах, Симон, отмечает, что жители Йозгата, описывая участь армян, не использовали слово «tehcir» (депортация). Для большинства участь этого народа ассоциировалась исключительно со словом «kasim» (погромы)⁸. Так, например, Азнив Ибраносян оценила роль двух сообщников мутесарифа Кемаля следующим образом: «Тевфик отвечал за убийство армян, а Фаяз — за разграбление их имущества»⁹. Тщательный допрос, которому Тевфик подвергся на тринадцатом заседании суда, не открыл ничего нового. Он настаивал на своем показании, согласно которому он лишь выполнял приказ о депортации армян, полученный им сверху. Также он утверждал, что комитет по сбору денежных средств депортированных армян был создан исключительно для того, чтобы «защитить их от возможного грабежа, а затем вернуть деньги их владельцам». Он заявил, что «не несет никакой ответствен-

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 560, список ответственных лиц в казе Богазлыяна, Дамаск, 5 марта 1919 г.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 560, № 452–453, список ответственных лиц в санджаке Йозгат.

³ BNU/Fonds *Andonian* A. P. J. 1/3, liasse 17, Yozgat, f° 38, свидетельство д-ра Мкртича Кечяна.

⁴ Ibid.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, д 478–479.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 266, телеграмма председателя военного трибунала вали Ангоры, 22 февраля 1919 г.

⁷ Свидетельские показания Кристаки, сотрудника немецкой компании, и Симона, 22-летнего депортированного из Харпута, изучавшего право в Константинополе, которые были в Йозгате в 1915 г., на седьмом заседании судебного процесса в Йозгате, проведенном 18 февраля 1919 г.; свидетельское показание Азнив Ибраносян на пятнадцатом заседании судебного процесса в Йозгате, проведенном 28 марта 1919 г.: «Жаманак», 29 марта 1919 г. (на арм. яз.).

⁸ Свидетельское показание Симона, 22-летнего депортированного из Харпута, на седьмом заседании судебного процесса в Йозгате, проведенном 18 февраля 1919 г.

⁹ Свидетельское показание Азнив Ибраносян на пятнадцатом заседании судебного процесса в Йозгате, проведенном 28 марта 1919 г.: «Жаманак», 29 марта 1919 г.

ности за депортации, осуществленные в период нахождения Кемала на посту мутесарифа Йозгата», он «руководил депортациями, когда мутесарифом был Джемаль-бей». По словам Тевфика, он всего лишь выполнял свой «долг». В ответ на замечание о том, что «люди были лишены даже предметов первой необходимости», он отвечал, что «не получал инструкции раздавать депортируемым пищу», однако предполагал, что «в Анатолии на помощь им придут жители города»¹. Его противоречивые показания, очевидно, были направлены на то, чтобы снять с себя ответственность за массовые убийства, совершенные по распоряжению Кемала, даже несмотря на то что большинство показаний свидетельствовали против него как лидера подразделения «Специальной организации» в санджаке Йозгат.

Суд над участниками убийств в Йозгате пролил также свет на деятельность комитета по оставленному имуществу, возглавляемого лидером младотурок в Йозгате — Фаяз-беем. В число его помощников входило несколько представителей местной знати: Кара Салих, Джарши Агасы Шевкет, Камбур Калфа Нури, Савфет, Назиф и Низанин Али Кара Фабри². Нам известно, что штаб-квартира этого комитета располагалась в здании армянской церкви³, в которой хранились вещи, конфискованные у депортированных или убитых армян⁴. Во время допроса на тринадцатом заседании суда Фаяз-бей отрицал, что состоял в КЕП или принимал какое-либо «участие в массовых депортациях». Когда же председательствующий судья спросил, как у него оказалось «кольцо Йозгатского архиепископа Армянской церкви», он ответил, что «выкупил кольцо у ликвидационной комиссии», а не «снял с пальца архиепископа»⁵. В результате расследования,

проведенного уже после окончания военных действий, удалось выяснить, что, будучи ферме Эллин в деревне Эшекджилер, находящейся неподалеку от деревни Келле, Фаяз «присвоил себе деньги и ценности некоторых депортированных армян из числа убитых или погибших». Также в этом деле участвовали: мастер по изготовлению жестяных изделий Махмуд, майор Тевфик и его помощники Хайдар и Гусейн, а также жандармы Адил, Абдуллах, Нури, Хакки, Мустафа, Хасан, Имам-заде Шакир и Кара Али⁶.

Согласно показаниям д-ра Мкртича Кечяна, только 20 августа, т.е. уже после уничтожения мужской части населения, остальные жители Йозгата сообщили о том, что все они подлежат депортации, за исключением семей военных. Узнав об этом, женщины распродали принадлежащее им имущество по низким ценам, после чего комитет отдал распоряжение немедленно опечатать дома⁷. Первый конвой, состоящий примерно из 2000 женщин и детей, покинул Йозгат 2 августа по дороге, ведущей на юг⁸. На пути в Армаган, который находился в часе езды от Йозгата, конвой ожидал товарищ Фаяз Вехби-бей (мы уже говорили об его участии в отстранении мутесарифа Джемаль-бея и также о его влиянии в местном клубе партии Иттихад)⁹. Уполномоченный главой комитета по оставленному имуществу, Вехби мог отнять у ссыльных деньги и любые материальные ценности. Как и в случае других городов Вехби, а также его помощник по имени Эраш были хорошо осведомлены о достатке в семье, предполагая, что армяне оставили им свое имущество на сохранение, чтобы его не смогли отобрать на дороге. Столкнувшись с сопротивлением со стороны депортируемых лиц, они приказали сформировать несколько бригад, которые систематически

¹ «Жаманак», 25 марта 1919 г. (на арм. яз.); La Renaissance, № 97, 25 mars 1919; «Джакатамарт», 25 марта 1919 г. (на арм. яз.); «Нор Кианк», 25 марта 1919 г. (на арм. яз.); APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 324, Допрос Тевфик-бея в военном трибунале.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 560, № 452–453, список ответственных лиц в санджаке Йозгат.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 326, dossier XXVI, № 74, письмо председателя военного трибунала мутесарифу Йозгата, 4 февраля 1919 г.

⁴ Свидетельские показания Кристакки, сотрудника немецкой компании, на седьмом заседании судебного процесса в Йозгате, проведенном 18 февраля 1919 г.

⁵ См. с. 580, примечание 1.

⁶ См. с. 580, примечание 3.

⁷ BNu/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 17, f° 45, Yozgat, свидетельство д-ра Мкртича Кечяна.

⁸ Ibid., f° 47.

⁹ См. выше, с. 569.

обыскивали этих людей¹. По меньшей мере пять дней потребовалось злоумышленникам для того, чтобы отнять у ссыльных большую часть их имущества. После этого конвой был отправлен в деревню Инджырлы. Некоторое время спустя, 27 августа, этих женщин и детей привели в деревню Карахаджылы, находящуюся несколько южнее. Там они были окружены турецкими и черкесскими жителями, которые устроили над ними кровавую расправу. В этой бойне выжило всего несколько девушек и детей, которых тем не менее забрали, чтобы потом продать².

Второй конвой покинул Йозгат 27 августа. Он насчитывал около 1700 женщин и детей. В Армагане они также подверглись обыскам, после чего их отправили в направлении деревни Келлер, которая находилась в нескольких километрах в стороне от дороги на Богазлыян. Эта деревня, жители которой были уничтожены еще месяц назад, теперь служила лагерем для нескольких отрядов черкесов, нанятых «Специальной организацией» и возглавляемых командиром по имени Ильяс. Около тысячи женщин и детей были убиты здесь, за исключением нескольких из них, которым сохранили жизнь только для того, чтобы потом продать туркам в Богазлыяне по цене от восьми до десяти месидов за человека. Только один случай сопротивления имел место во время этой массовой бойни. Молодой человек по имени Тигран проник в конвой в женском облике и убедил нескольких женщин дать отпор конвоирам, бросаясь в них камнями или кусаясь³.

Один из крестьян деревни Эшекджилер, Степан, который был депортирован в Келлер, вспоминает, что перед тем как отдать приказ о начале резни, Кемал трубил в специальный рог⁴. Это означает, что мутесариф собственноручно присутствовал при уничтожении армян, подлежащих депортации. Одна из жительниц Йозгата, Евгения Варварян, подтвердила перед судом, что Кемал, получивший среди местного населения прозви-

ще Kasab Kaymakam [Каймакам убийца], организовывал массовые убийства совместно с майором Тевфиком⁵. За этим показанием между выжившей девушкой и чиновником последовал обмен резкими заявлениями, в ходе которого Кемал полностью отрицал выдвинутые против него обвинения. Он утверждал, что «никогда не покидал Йозгат в период осуществления депортаций» и что «девчонка не знает, о чем говорит». В ответ на это девушка сказала, что «Кемаль лжет, заявляя о своей непричастности к убийствам, т.к. чем иначе объяснить такое большое количество смертей. Не могли ведь все армяне покончить жизнь самоубийством». При этом она, конечно, признала, что он не убивал их «собственноручно», но рассказала о том, что слышала, как он кричал своим подчиненным, чтобы те убивали армян, иначе он убьет их⁶. После этой кровавой бойни Кемал продолжил разбираться с армянскими семьями, которые были обращены в ислам. Так, Якуб Хока, священнослужитель из деревни Паша, а также некоторые другие свидетели, например парикмахер Мисак из деревни Инджырлы, дали показания, которые председательствующий судья местного военного суда Фаик-бей сообщил мутесарифу Йозгата. Согласно этим показаниям, Кемал убил 70% протестантских семей в деревне Инджырлы, пока не переключил свое внимание на 250 армянских семей из деревни Карабуюк, которые были обращены в ислам Якубом Хока. Мусульманский священник был категорически против этих убийств, поскольку это противоречило заповедям ислама. Однако в ответ на его протесты Кемал ответил: «Вы обращаете армян в ислам в соответствии с исламскими законами, а я уничтожаю их в соответствии с собственными убеждениями»⁷. Инспектор Недим-бей по результатам проведенного в декабре 1918 г. в данной местности расследования — «вполне осознанно и без всяких сомнений» заявил, что «армяне истребля-

¹ Ibid., f° 46.

² Ibid., f° 47.

³ Ibid., ff. 47–48.

⁴ Свидетельское показание Степана на пятом заседании судебного процесса в Йозгате, проведенном 5 февраля 1919 г.

⁵ Свидетельское показание Евгении Варварян, 18-летней уроженки Йозгата, чей караван был разграблен в Чифтлике и вырезан в окрестностях Келлера, на 5-м заседании судебного процесса в Йозгате, проведенном 11 февраля 1919 г.

⁶ Ibid.

⁷ Показания на восьмом заседании суда Йозгата 21 февраля 1919 г.

лись группами, а человек, ответственный за эти преступления, был не кто иной, как каймакам Кемал-бей. В частности, именно Кемал-бей отдавал секретные приказы и вызывал начальников жандармерии для осуществления этих приказов¹.

По официальным данным, представленным до начала судебного процесса по делу об убийствах в Йозгате, около 33 000 армян были депортированы из санджака Йозгат. При этом большинство из них были убиты в Богазкемине, расположенном в долине недалеко от деревни Келлер, где наемные бандиты также были причастны к изнасилованиям маленьких девочек и убийствам младенцев². Позже капитан Шюкрю, который служил в жандармерии Йозгата, в своих «признаниях» сообщил, что убийства осуществлялись по приказу министра внутренних дел. Чтобы скрыть следы этих преступлений, в конце октября они начали копать огромные могилы, куда потом сваливали, а затем поджигали тела убитых армян, однако зимние дожди смыли насыпанную землю, открыв разлагающиеся трупы и кости. Шюкрю подтвердил, что за исключением первого конвоя, отправленного из Чорума в начале июля 1915 г., немногие депортированные армяне смогли избежать смерти. В суде он сказал следующее: «Всем было известно, что в нашем санджаке было убито 62 000 армян. Это удивило даже нас, потому что правительство и само не могло сказать, сколько именно армян проживало в вилайете Ангора. Что касается нескольких тысяч армян, которые пришли из других вилайетов, то мы также предприняли меры, чтобы наши маршруты могли пересечься и у нас была возможность их убить. Из штаб-квартиры комитета Иттихада и от министра внутренних дел мы получали приказы, в которых говорилось, что мы должны

высылать армян или, если следовать точной формулировке, выводить их из городов и деревень, а затем убивать»³.

Шюкрю также отметил, что, когда новости об убийствах в Ангоре достигли Константинополя, «немецкое посольство вызвало протест и власти отправили в Ангору следственную комиссию для расследования этого вопроса, однако всем было хорошо известно, что истинная причина создания этой комиссии заключалась в том, чтобы показать непричастность правительства к происходящим убийствам». Соответственно, добавляет он, «инструкции, полученные из Константинополя, заключались в том, чтобы были приняты все возможные меры по недопущению распространения информации о совершаемых в Ангоре убийствах среди европейской и особенно американских посланников»⁴.

Согласно заключению следственной комиссии, которая была отправлена в Йозгат в конце 1915 г., «незаконные присвоения собственности» осуществлялись «под прикрытием комитета по оставленному имуществу». За эти действия Кемал и его сообщники были осуждены, однако комиссия предъявила им обвинения за совершенные убийства⁵. После того как в первоначальных показаниях Кемал признался в том, что был судим только за незаконное присвоение имущества, он вскоре отказался от этих заявления и стал утверждать, что он так и не привлекался к суду за совершение убийств и теперь не понимает, почему ему снова пытаются предъявить обвинение по делу, которое уже было рассмотрено в суде. Военный трибунал Стамбула потребовал разъяснений по этому вопросу. На это следственный судья процесса по делу о преступлениях в Йозгате Недим-бей ответил, что «никакого расследования по факту совершения убийств

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 350, письмо инспектора Недим-бея Элмин-бею в рамках расследования преступлений в Йозгате 28 декабря 1918 г.

² SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, dossier № 259, Constantinople, 7 février 1919, «rapport sur les atrocités de Yozgat, dressé par un fonctionnaire le 30 décembre 1918».

³ Confessions de Şükrü, capitaine de gendarmerie à Yozgat, recueillies et publiées par Balakian. Op. cit. Pp. 221–230. Миссия второй комиссии, возглавляемой Хулуси-беем, состояла в расследовании злодеяний совершенных в регионах Ангоры и Коньи. Хулуси-бей, судебный инспектор, шурин Тахсина-бей, вали Чорума и члена комитета партии иттихадистов с 1908 г., по-видимому, покрывал массовые преступления совершенные в регионе, и принимал во внимание, что несколько жандармов были наказаны за «злоупотребления»: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Z 25–34, «Second report on Turks responsible for the armenian atrocities of the Bureau of Information: the question of Turkish witnesses (Part 1)».

⁴ Ibid.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Z 326, dossier XXVI, № 74, письмо председателя суда Йозгата 4 февраля 1919 г.

не проводилось и не могло проводиться, поскольку, согласно приказам, полученным от высших органов власти, он должен был заниматься только вопросами присвоения имущества». Недим впоследствии говорил, что Кемал предстал перед судом, будучи на свободе. Но он не мог находиться на свободе, если бы обвинялся в убийствах. В этом случае его бы взяли под стражу¹. Однако, как мы уже упоминали ранее, судебные процессы над Кемалом, проводимые в 1916 г., иной раз подтверждали, что у военного трибунала были инструкции, согласно которым государственные чиновники могли быть осуждены только за «незаконное присвоение имущества», игнорируя массовые убийства, совершенные по их вине.

Несмотря на то что грабежи армянского имущества в Йозгате проводились так же, как и в любом другом месте², следует отметить, что в этом санджеке мутесариф лично принимал в них участие. На пятнадцатом заседании суда по Йозгатскому делу, которое состоялось 28 марта 1919 г., Вехби-бей, председатель комитета по оставленному имуществу, утверждал, что мутесариф Кемал-бей «сначала отправил ему списки армян, подлежащих депортации, и только после получения этих списков [он] изъясил у армян избыточные денежные средства, зафиксировав сумму этих средств в специальном журнале»³. На следующем заседании он также подтвердил, что армяне, которые отказались доверить ему свои сбережения, были подвергнуты дополнительному обыску. Однако на вопрос о том, были ли эти действия законными, Вехби-бей лишь произнес несколько неразборчивых слов.

Среди тех, кто незаконно наживался на армянах, был также майор Тевфик. Он обвинялся в том, что брал по пять турецких лир с каждого из тысяч призывников или дезертиров любых конфессий в обмен на то, что не отправит их на фронт⁴. Благодаря показани-

ям одного хорошо проинформированного свидетеля удалось узнать о подарках, которые Тевфик сделал своим братьям; товарах, вывезенных в Константинополь и Эскишехир; коврах и килимах, вывезенных в Чорум; и, наконец, о распроданной недвижимости, как, например, ферма Апракян в Йозгате, которую Тевфик продал за 5000 турецких лир. Как отмечает Муфтери Рифат, по соглашению с Неджати Тевфик завладел многими предметами армянской собственности, которые он записал на имя своего брата Хосров-бея⁵. На седьмом судебном заседании 18 февраля 1919 г. стало известно, что этот человек, занимавший пост простого майора жандармерии, приобрел в собственность ферму стоимостью от 30 000 до 40 000 турецких лир⁶. Другой член комитета по оставленному имуществу Назиф-бей был обвинен в «накоплении огромного богатства» и передал 36 000 лир в Константинополь⁷.

Несмотря на многочисленные обвинения в грабежах и массовых убийствах, Кемал привел линию защиты, которая полностью отражала настроения того времени. На шестнадцатом судебном заседании 29 марта 1919 г. он обосновал свои действия тем, что «армяне всегда были внутренними врагами турецкого народа и мусульманской религии, а члены армянских политических партий были приверженцами сепаратизма». Следуя младотурецкой идеологии, он более не отрицал свои поступки, но объяснял их тем, что он всего лишь претворял в жизнь политику государства. В таком же духе выстроил стратегию защиты и адвокат майора Тевфика — Хами-бей. В первую очередь он объяснил конфискации армянского имущества заботой государства о том, чтобы депортированные армяне не страдали от нападений и грабежей по дороге. Но больше всего он акцентировал внимание на том, что армяне сами спровоцировали эти убийства своими вызывающими революционными действия-

¹ Ibidem.

² BNU/Fonds *Andonian* A. P.J. 1/3, liasse 17, Yozgat, ff. 48–49, свидетельское показание д-ра Мкртича Кечяна.

³ Расследование, опубликованное в газете «Жаманак» 29 марта 1919 г.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 350–351, свидетельское показание Муфтери Рифата из Йозгата от 1 декабря 1918 г. министру внутренних дел.

⁵ Ibid.

⁶ Свидетельские показания Кристакки, сотрудника немецкой компании, на седьмом заседании судебного процесса в Йозгате, проведенном 18 февраля 1919 г.

⁷ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 259, Constantinople, 7 février 1919, «rapport sur les atrocités de Yozgat, dressé par un fonctionnaire turc», 30 décembre 1918.

ми. Он также утверждал, что «армяне убили около миллиона мусульман, в то время как турки уничтожили всего двести тысяч [армян]». Газеты Стамбула не без участия иттихадистов подавали информацию примерно с таким же подтекстом.

Как стало известно, на пиршестве, посвященном окончанию очередной операции, Кемал-бей, майор Тевфик и Фаяз-бей поднимали бокалы «за здоровье армян»¹.

По данным нескольких источников, вторая волна убийств прошла в феврале 1916 г. под предводительством последователя Кемала — Агах-бея, который также был приверженцем политики объединения. На этот раз пострадало от 1300 до 1500 женщин и детей, работавших прислужкой во многих турецких домах. Выжившие, которым удалось спастись, были арестованы по инициативе мутесарифа, а позже убиты².

Казы Сунгурлу, Чорум и Акдагмадени

Основное армянское население в Сунгурлу численностью в тысячу человек было сосредоточено в административном центре казы, находившемся в ее южной части. С учетом нескольких небольших поселений, разбросанных по району, общая численность армян составляла 1936 человек³. Все они были уничтожены на территории района в течение июля 1915 г.⁴

Что касается Чорума, то 3520 его жителей проживали в пяти населенных пунктах казы: 1020 в Чоруме, 1500 в Экреке, остальные в городах Бозок, Хусейнабад и Аладжа (400 чел.)⁵. За исключением первого конвоя, который еще в начале июля был отправлен через Богазлыян и Позанты в пустыни Сирии⁶, другие группы изгнанных армян были убиты наемными бандитами из Ангоры под руководством каймакама Нуреддин-бея, ко-

торый находился на посту с 22 ноября 1913 г. по 27 марта 1916 г.⁷

Армяне казы Акдагмадени в количестве 3361 человека жили преимущественно в его главных городах: Акдаг (1300 чел.), Дельхамза (250 чел.) и Карачаер (300 чел.). Майор Ахмед, военачальник Акдагмадени 11/12 июля 1915 г. отправил мутесарифу Джемалю телеграмму, в которой сообщал, что никаких нарушений «общественного порядка» в районе не наблюдалось. Нападение со стороны «армянского отряда» не было, за исключением ограбления жандармской деревни Терциллы, после которого жители сбежали и укрылись в горах⁸. Однако вопреки этим заявлениям майор Тевфик прибыл в район Акдагмадени в сопровождении отряда чете, которые по его приказу сожгли армянские дома и уничтожили население⁹.

¹ Свидетельское показание Вехби на пятнадцатом заседании судебного процесса в Йозгате, проведенном 28 марта 1919 г.: «Жаманак», 29 марта 1919 г. (на арм. яз.)

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 433, dossier № 45–46; SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 312, Constantinople, février 1916 «Boghazlian, sandjak de Yozgad (vilayet d'Angora)».

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 214.

⁴ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 312, Constantinople, février 1919, télégramme du 11/12 juillet 1915 (11/12 Temmuz), du major Akdamad, commandant militaire d'Akdafimaden, au mutesarif Cemal bey.

⁵ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 215.

⁶ Confessions de Şükrü, capitaine de gendarmerie à Yozgat, recueillies et publiées par Balakian. Op. cit. Pp. 221–230.

⁷ См. выше. Pp. 620–621; SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 312, Constantinople, février 1919.

⁸ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 216.

⁹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, L 599, телеграмма от 11/12 июля 1915 г. (11–12 Temmuz) майора Ахмеда, военачальника Акдагмадени, мутесарифу Джемаль-бею. Вероятно, об этой группе упоминали выше на с. 631.

¹⁰ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 350–351, свидетельское показание Муфтери Рифата в Йозгате от 1 декабря 1918 г. министру внутренних дел.

Погромы и депортации в санджаке Кайсери

Расположенный в дальней части на юго-западе вилайета Ангора и частично покрывающий территорию древней провинции Каппадокии, санджак Кайсери был населен армянами с давних времен. По этой причине Кайсери отличается от других санджаков в вилайете. Появление армян в данной местности относят к III и IV векам нашей эры. С течением времени численность армянского населения здесь увеличивалась. После того как арабы захватили некоторые территории Малой Азии, византийцы отправили сюда армянских поселенцев, чтобы укрепить подступы к горам Тавр. Накануне Первой мировой войны этот санджак состоял из тридцати одного города и деревень, в которых проживало более 52 000 армян. На его территории находилось 40 церквей, 7 монастырей и 56 школ, в которых обучалось 7119 учащихся¹.

Город Кайсери, расположенный в центральной части района, в 1914 г. насчитывал 18 907 армян. Из 114 кварталов города армяне проживали в 28, составляя приблизительно 35% от общего населения. Экономическое значение Кайсери едва ли стоит упоминать. К тому времени объемы внешней торговли города резко сократились, однако это сокращение было в некоторой степени компенсировано торговлей с Анатолией. Особенно процветающими промыслами в то время были добыча золота, дубление кожи и плетение ковров. В пяти километрах от Кайсери находилась деревня Талас, в которой в начале XX века, несмотря на упадок, все еще проживало 1894 армянина, составлявших 42% общей численности населения. Верхний квартал, где проживали представители богатых сословий, изобиловал величественными домами, а улицы носили имена наиболее знатных семей: Гюльбенкянов, Турабянов, Селянов и других. Деревня Дереванк (310 чел.), расположенная к северо-востоку от деревни Талас, возвышалась над долиной, в которой была сосредоточена группа других армянских деревень: Тавлусун (115 чел.); Гермир (365 чел.); Балагес (923 чел.), на окраинах которой находился величественный монастырь Святого Даниила, построенный в середине XI века и разрушенный через несколько дней после того,

как все жители Балагеса были выселены; Манджесен (386 чел.); Нирзе и прилегающая деревня Дарсиак (835 чел.), в четверти часа езды от которой находился другой монастырь — монастырь Святого Григория, основанный в 1206 г. Деревни Манджусун (1669 чел.) и Эфжере/Гасы (2154 чел.) замыкали северную оконечность долины, которая начиналась на возвышении над деревней Талас, где находился знаменитый монастырь Святого Карапета. Этот монастырь был главным духовным и образовательным центром, а также местом пребывания архиепископа епархии начиная с XII века. Последняя из деревень этой долины Эржелет (300 чел.) располагалась в северной части района². Таким образом, армянское население в большинстве своем состояло из сельских жителей, особенно в районе Кайсери.

Как и во многих других регионах восточной части Анатолии, назревающая враждебность по отношению к армянскому народу с особой силой вспыхнула после подписания плана реформ в феврале 1914 г. Более всего она проявилась в экономическом бойкоте, который был начат местными младотурецкими лидерами. Помимо запрета на покупку товаров в армянских магазинах, чьи витрины были помечены красным крестом, армяне часто получали почти открытые угрозы, которые напоминали им, как сильно их судьба зависит от «*milleti hakime*» [правящей нации]. Любопытно, что в это же время на выборах в османский парламент Иттихад согласился поддержать кандидатуру учителя Карапета Туманяна на пост депутата от Кайсери. Избрание Туманяна состоялось 20 марта 1914 г.³ В течение недель, следовавших за всеобщей мобилизацией, армянский народ столкнулся с более серьезными проявлениями дискриминации. По словам армянских свидетелей, требования о предоставлении продовольствия, одежды или денег на нужды войны мало чем отличались от обычных грабежей, а отношение к военным весьма напоминало отношение к жертвам депортаций, которые также страдали от грубого обращения и недостатка еды. В отличие от северных регионов вилайета в санджаке Кайсери действовали хорошо организован-

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 217–220.

² Ibid. Pp. 220–225.

³ Аллояджян А. Указ. соч., II, Каир, 1937. С. 1435 (на арм. яз.).

ные структуры партий Гнчак и Дашнакцутюн, которые объясняли такое отношение местных властей желанием спровоцировать армян на агрессию. Смешанный комитет, в состав которого вошли члены партии Гнчак: М. Минасян, Г. Чидемян, Х. Газазян, Е. Сутчян, а также члены партии Дашнакцутюн: К. Вишабян, Г. Хаерлян и К. Босданян, был сформирован для того, чтобы организовать взаимодействие между центральными комитетами партий и их активистами на местах. Члены упомянутого комитета должны были осуществлять действия согласно инструкциям, которые они получали от вышестоящего руководства своих партий. Целью этих действий было «предотвращение восстаний при соблюдении требований правительства»¹.

По-видимому, во время всеобщей мобилизации все армяне призывного возраста соглашались идти в армию без каких-либо возражений, а соответственно, отсутствовали и случаи нарушения общественного порядка в регионе. Тем не менее следует сказать, что в апреле все армяне, занимавшие государственные посты, были освобождены от своих должностей². Однако, судя по всему, причиной начала проведения репрессивной политики, которая отличалась крайней степенью жестокости, стал случай, произошедший в феврале в деревне Эверек. Один молодой человек Геворг Дефджян, недавно вернувшийся из Америки, случайно подорвался в процессе осуществления манипуляций с самодельным взрывным устройством. Практически сразу же каймакам казы Девели был смещен с должности, а на его место поставлен Салых Зеки-бей, которому было поручено провести расследование, получившее широкую публичную огласку³. Вполне вероятно, что, согласно инструкциям, полученным Зеки, он должен был использовать этот инцидент, чтобы оказать давление на армянских партийных лидеров. В первой половине марта по его приказу в Эверек целым рядом армянских домов под-

вергся обыску, а многие политические деятели и представители знати были арестованы и помещены в тюрьму при конаке. Как свидетельствуют очевидцы, каждый вечер жандармы до смерти избивали заключенных во внутреннем дворе резиденции. Все это происходило на глазах местных младотурок и самого каймакама Зеки, который наблюдал за этим действием с бутылкой коньяка в руке, видимо, находя его увлекательным. Ованес Барзамян и Оваким Чилингирян погибли от пыток; Акоп Бозакян был четвертован; Асатуру Минасяну убийцы положили на грудь раскалённые угли, на которых они готовили себе кофе; к стопам Акопа Мадагджяна гвоздями были прибиты подковы, и он пытался покончить жизнь самоубийством, чтобы положить конец своим мучениям⁴. Официально эти пытки проводились с целью заставить людей признаться, где они прячут оружие. 30 марта 1915 г. Зеки-бей отдал приказ арестовать также нескольких видных жителей соседних деревень, в частности Чомахлу и Инджесу; вторая волна арестов, осуществленных по его приказу, прошла 14 мая в ходе которых всех арестованных в Эверек посадили в тюрьму, где их пытали для того, чтобы они открыли местонахождение спрятанного оружия⁵. Некоторые события, произошедшие в данном районе, позволяют сделать вывод о том, что местные власти пытались настроить мусульманское население против армян. Например, во внутреннем дворе конака на всеобщее обозрение была выставлена своего рода «адская машина». Многочисленные массы народа были приглашены посмотреть на нее. На самом деле это был аппарат для получения сахара, привезенный из Европы. Однако Зеки сказал всем и каждому, что эта машина используется для двух вещей: во-первых, с ее помощью можно «отправлять сообщения по радиосвязи», во-вторых, «производить тысячи винтовок в день». Владельца аппарата, который был арестован, заставили признаться в том,

¹ Там же. С. 1437–1438.

² BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 26, f° 42, Kayseri, показания Ерванта Тер-Мардиросяна из Таласы 25 лет, учащегося американского колледжа в Таласе.

³ Калфаян А. Чомахлу. Нью-Йорк, 1930. С. 81; Алпояджян А. Указ. соч., II. С. 1445; BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 26, Kayseri, f° 4v°, свидетельство Галуста Мерджикяна, составленное в Бассорахе в 1917 г.: «Ce qui s'est passé à Césarée».

⁴ Калфаян А. Указ. соч. С. 84; BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 20, Tomarza, ff. 20v°-21. Коллективное свидетельство, составленное в Аленпо 25 декабря 1918 г.: «Rapport succinct sur le district d'Everek».

⁵ Ibid., f° 22.

«... это действительно так и было¹. Второй пример демонстрирует, какая атмосфера царила в то время и как использовали проводимые операции, чтобы вызвать его агрессию. На деревню Ташкан было совершено нападение, но власти объявили, что нашли и конфисковали в этой деревне пушку, хотя зазначенный предмет на самом деле оказался пустым котлом. Результатом этой истории стало осуждение 42 человек военным судом Кайсери².

Очевидно, что эти события не могли не вызвать эффект в Кайсери, где мутсаффиф Ахмед Мидхат ловко воспользовался всем этим для того, чтобы произвести нападения на представителей армянской элиты. Первым был арестован видный общественный деятель, председатель Епархиальной Ассамблеи и местного отделения Всеармянского Благотворительного Союза, Карапет Джамджиян. Этот уважаемый деятель был арестован 29 апреля в своем собственном доме в Кайсери. На него надели оковы и в таком виде провели по мусульманским кварталам города как опасного сепаратиста под градом оскорблений, доносившихся из толпы³. Вероятно, что выбор властей не случайно пал на Джамджияна, который занимался исключительно гражданскими делами, не проявляя никакого интереса к местным армянским политическим партиям. Есть все основания полагать, что, нейтрализовав кого-то, кто мог пользоваться доверием у властей, Мидхат хотел в самом начале нанести обществу жестокий удар и показать, что даже настолько уважаемый человек может быть участником армянского сепаратистского движения. Сообщение о том, что за день до ареста Джамджияна 28 апреля 1915 г. лидеры партии Гнчак были преданы суду в Стамбуле, вызвало «массовые беспорядки и мятежи»⁴. Этот же день ознамено-

вал начало операции по истреблению в провинциях армянской элиты. Аресты лидеров партии Дашнакцутюн и Гнчак в Кайсери: Георгия Вишабяна и Минаса Минасяна⁵, соответственно, ясно свидетельствовали о том, что власти все же старались сохранить хотя бы подобие законности в своих действиях для того, чтобы раньше времени не вогнать армянский народ в отчаяние и не спровоцировать преждевременное восстание, в котором армяне уже заранее были обвинены. Вне всякого сомнения, именно этот прием убедил остальных армянских лидеров в том, что единственными мишенями этих операций было несколько высокопоставленных политических деятелей, следовательно, им нужно продолжать оставаться осторожными и подчиняться приказам властей, чтобы обеспечить безопасность нации. По неподтвержденным данным, до сведения обществу немедленно был доведен приказ о сдаче оружия. На общем собрании армянских лидеров, которое было проведено в промежутке между 20 и 25 мая в Кайсери, большинство присутствующих поддержали идею повиновения этому приказу и согласились сдать все имеющееся у них оружие. Один из свидетелей Ваган Элмаян отмечает, что оружие было сдано, «несмотря на то что теперь ждать помощи было не от кого»⁶. По словам американской миссионерки Клары С. Ричмонд, которая к тому времени уже несколько лет работала в Таласе и Кайсери, в распоряжении армян действительно находилось большое количество оружия, которое они приобрели после резни 1909 г. в Киликии, чтобы в следующий раз в случае необходимости иметь возможность защитить себя⁷. Вполне возможно, что властям стало об этом известно, и поэтому они искали способы завладеть запасами армянского оружия, прежде чем открыть свои истинные цели.

¹ Ibid., f° 22v°.

² Ibid., ff. 22v°-23. Станок для вязания носок также был представлен как смертоносное приспособление, и его владелец был арестован в Кайсери: BNu/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 26, Kayseri, f° 34, свидетельство Ованеса Асатрянца, составленное в Константинополе в 1919 г.: «Les sauvageries commises a Kayseri».

³ Алпояджян А. Указ. соч., II. С. 1412, 1439–1440.

⁴ См. выше, с. 287.

⁵ BNu/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 26, Kayseri, f° 42v°, свидетельство Ерванда Тер-Мартirosяна, указ. документ.

⁶ Алпояджян А. Указ. соч., II. С. 1442.

⁷ Barton J. L. Op. cit. P. 121, свидетельство Клары С. Ричмонд, миссионерки в Таласе и Кайсери, 11 мая 1918 г.

В процессе, в котором турки неоднократно пытались вменить армянам вину за возможные преступления против турецкой нации, весьма существенное значение, без сомнения, имело сфабрикованное буквально из воздуха дело архиепископа Хосрова Бехригяна, детали которого мы уже обсуждали¹. Обвиненный в середине июня в тайном сговоре с врагами, а также в «причастности... к революционному движению»², архиепископ Кайсери стал еще одной мишенью турецкого правительства. В связи с отсутствием конкретных улик военный суд в Кайсери в конечном итоге согласился «упростить наказание Бехригяна, приняв во внимание смягчающие обстоятельства»³. Но в официальном докладе его тем не менее все так же представляли как «одного из тех, кто способствовал началу революционного движения и подготовки к революции, целью которой было создание в будущем армянского государства»⁴. Обвинения в сепаратизме, предъявляемые армянскому народу в разгар войны, отражали суть младотурецкой идеологии. Очевидно, что действия властей в Кайсери были направлены на то, чтобы создать основания для этих обвинений. «Обнаружение пушек» и других предположительно смертоносных машин также имело целью поддержать пропагандистскую кампанию правительства, в рамках которой Бехригян спустя несколько месяцев был назван лидером «движения за независимость Армении»⁵. Повешение на рыночной площади деревни Комюр одиннадцати членов армянской элиты 15 июня⁶ — в день, когда архиепископ был осужден, а двадцать гнчакских лидеров подверглись казни в Стамбуле, — было, возможно, еще одним шагом, направленным на укоренение в со-

знании людей мысли о наличии среди армянского геноцида. Политический и социологический профиль одиннадцати мужчин, приговоренных к смерти в Кайсери, среди которых было всего два политических лидера партии Дашнакцутюн (АРФ) и Гнчак (СДПГ): Геворк Вишабян и Минас Минасян, лишний раз подтверждает, что власти стремились обвинить в сепаратизме представителей любых слоев армянского населения, чтобы доказать всеобщее распространение данного явления. Так, например, в числе повешенных были четыре важных предпринимателя: Акоп Хаярлян, Аветис Замбакяни, Гарник Куомджян, Карапет Джамджян; банкир Акоп Мердинян; производитель обуви Карапет Шидемян; торговец коврами Акоп Суджиян; мастер по изготовлению изделий из золота Карапет Мурадян и Ованес Невшехирлян; музыкант Мириджан Йогуралашян⁷.

С июня 1915 г., после вынесения приговора архиепископу Бехригяну, работа военного суда в Кайсери практически не прекращалась. В составе полковника Шахабедина в роли председательствующего судьи — подполковника Тевфик-бея, Зия-бея в роли главного обвинителя, управляющего военным комиссариатом и руководителя департаментов — капитана Кучука Казыма в роли судьи и начальника жандармерии Гюбгюб-бея Сурия по прозвищу Топал Луфти военный суд в быстрой последовательности признал виновными всех членов армянской политической и экономической элиты Кайсери под непосредственным надзором специального делегата партии Иттихад Джемиль-бея⁸.

В конечном итоге в результате работы военного суда в Кайсери пятьдесят четыре человека были приговорены к смерти. Еще

¹ См. выше, с. 391.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 541, шифрограмма исполняющего обязанности командующего XV дивизиона полковника Шахабедина Халил Реджаи-бею в Ангору 2/15 июня 1915 г. [2 Газиса 1331], № 945/1/2.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 452, шифрограмма исполняющего обязанности командующего XV дивизиона полковника Шахабедина Халил Реджаи-бею в Ангору 9/22 июня 1915 г. [9 Газиса 1331].

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 456, шифрограмма исполняющего обязанности командующего 5-й армией Халил Реджаи-бею в Военное министерство 25 июня 1915 г.

⁵ La verité sur le mouvement révolutionnaire arménien et les mesures gouvernementales, Constantinople, 1915. P. 17.

⁶ BNu/Fonds Andonian A. P.-J. 1/3, liasse 26, Kayseri, f° 9, свидетельство Мелкона Асатура, Константинополь, 1919: «L'abbatoir de Césarée avec des noms seulement»; Аллояджян А. Указ. соч., II. С. 1447.

⁷ BNu/Fonds Andonian A. P.-J. 1/3, liasse 26, Kayseri, f° 41, статья Тируни Сафростян в газете «Жаманак» 5 февраля 1919 г.

⁸ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Q 19, № 396, List of responsables in the vilayet of Angora. В турецком языке: № 457–459, 432; Кригер. Указ. соч. Арис Калфаян, школьный учитель в Чомахлу, который был брошен 26 мая 1915 г. в «накопитель» в Кайсери, военную тюрьму рядом с конаком, предостере-

девять мужчин в основном из деревни Эверек стали жертвами второй волны казней, среди которых были: судья Григор Мунжиганян; Григор Гачрекан; Арутюн Даян; фотограф Асатур Минасян; купец Арутюн Келеян; Карапет Ахчарян; Манук Эухаджиян; Акоп Чибухджиян; депутат партии Гнчак Мурад (Амбарцум Бояджян). Все они были казнены на крепостной площади в три часа ночи 24 июля 1915 г.¹ Пятнадцать видных жителей Кайсери погибли во время третьей волны казней, которая состоялась 13 августа: врач Торос Назлиян; торговец коврами Григор Кююмджиян; купец Карапет Неврузян; плотник Мартирос Зурнаджян; учитель Ваган Амадуни; торговцы коврами Аветис Элмаджиян, Арутюн Йогуралашян и Геворг Туркеджиян; Барсег Мутафян; Лазарь Маисян; Акоп Казазян; Ованес Зейтунцян; Ованес Тавитян; отец Гевонд Гемджиян; и Саркис Тулумджиян. Во время четвертого этапа казней, состоявшегося 2 сентября, шесть мужчин были повешены: учитель Ваган Кююмджиян; Акоп Урзанджиян; учитель Ованес Бояджян; Акоп Балукчян; Карапет Узуноглыян и учитель Акоп Есяян. 17 сентября был повешен д-р Сурен Ншанян; 26 сентября — адвокаты Каракет Ташджян и Мартирос Кундакджиян, а также владелец предприятия по производству спичек Саркис Атмачян. 28 ноября пришла очередь учителя Акопа Берберяна и Саага Кайзерляна из Румдыгына. Во время последней волны казней, которая состоялась 16 декабря 1915 г. погибли шесть армян из деревни Эверек: купец Мигран Кузян; архитектор Левон Варжапетян; мясник Седрак Чечеджян; фермер Саркис Карагозян; свелеры Мисак Баханян и Гарник Шамшян².

К концу сентября военный суд в Кайсери приговорил к смерти еще 1095 человек, из которых 857 были казнены в тот же период³. Ночью 21 июля 1915 г. двадцать четыре осужденных были отправлены в Диарбекир через Гемерек; ночью 11 июля восемьдесят

три осужденных отправились в Алеппо через Нигде и Сивас; 12 июля четырнадцать мужчин были отправлены в Алеппо через Азизе; 13 июля сорок шесть мужчин — в Чорум через Эркилет; 17 июля шестеро — в Диарбекир через Гемерек; 19 июля таким же маршрутом ушли еще тридцать шесть человек; 21 июля сто тридцать четыре осужденных были отправлены в Алеппо через Эльбистан; 22 июля пятьдесят четыре — в Алеппо через Азизе. В этот же день вторая группа в количестве двадцати восьми человек ушла в Алеппо через Сивас; 23 июля двадцать один и 26 июля двадцать два человека — в Алеппо через Азизе; 27 июля семьдесят три — в Диарбекир через Сивас; 28 июля восемь — в Алеппо через Азизе. В августе 4 числа двадцать два осужденных отправились в Алеппо через Сивас; 15 августа пятеро — в Диарбекир через Гемерек. В Алеппо через Севизлихан отправились три отряда: 25 августа одиннадцать человек, 26 августа — восемь и 28 августа — сто тридцать. В сентябре изгнания продолжались. Так, в Алеппо через Диарбекир были отправлены тридцать мужчин 4 сентября и четверо 7 сентября. В Диарбекир через Азизе 8 сентября отправились четверо мужчин; 15 сентября еще четверо в Алеппо через Диарбекир; 24 сентября — двадцать один в Алеппо через Нигде. Наконец, 5 октября шестьсот двадцать заключенных отправили в Азизе через Гамиде. В числе этих заключенных были молодые люди в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, большинство из них католики или протестанты, работавшие в трудовых батальонах. Их вели в долину Каядиби, находящуюся между деревнями Гемерек и Шаркышла, где должны были убить. В этом же месте были убиты все мужчины, осужденные в Кайсери⁴. Немецкий министр Ганс Бауернфелд, проезжая через Гемерек 18 августа, встретил на пути девятьсот рабочих из Кайсери, работавших в трудовых батальонах. «Большинство из них

подробную информацию о формах пыток, используемых там, и об отважном поведении Мурада Бояджяна (СДПГ), Карапета Джамджяна (АДЛ) и Геворга Вишабяна (АРФ), которые поддерживали моральный дух своих товарищей по заключению. Он также описывает преданность врачей Карапета Демирджяна, Тороса Назляна и Левона Паносяна, которые также сами были заключенными, а также провизора Саркиса Торосяна, которые оказывали медицинскую помощь лицам, подвергшимся пыткам, и услуги, предоставляемые юристами Арсеюном и Маттеосом Калфаряном, Арамом Мендикяном, Карапетом Тачджяном. Указ. соч. С. 101–102.

¹ Аллояджян А. Указ. соч., II. С. 1416–1417.

² BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 26, Kayseri, f° 41, статья Тируни Сафрастян опубликованная в газете «Джакатамарт», 5 февраля 1919 г.

³ Там же. Аллояджян А. Указ. соч., II. С. 1421–1422.

⁴ Там же; BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 26, Kayseri, f° 54, свидетельство д-ра Арутюна Саркисяна из Кайсери подтверждает, что определенные группы мужчин были уничтожены между Гемереком и Шаркышлой.

были купцами», остальные четыре или пять сотен «пришли из города Нигде, как и те, кто накануне пришел из Кайсери»¹. Мы не знаем, что случилось с этими мужчинами, вероятно, они также были убиты по дороге в Сивас по приказу Мухамера, чье кратковременное вмешательство в соседнем районе мы уже описывали.

По словам американской миссионерки Теды Феллс, мальчики старше четырнадцати лет подвергались арестам с первой половины июля. В связи с этим все чаще можно было наблюдать, как небольшие караваны отправляются каждую ночь без лишних церемоний².

Мануэл Мкрян, врач из деревни Эверек, отмечает, что три сотни армян, находившихся в качестве обвиняемых, в мае 1915 г. держали в гражданской тюрьме в Кайсери, где они подвергались самым жестоким формам пыток. Вызванный в военную тюрьму для оказания помощи серьезно раненному человеку, он обнаружил, что лидер партии Гнчак Мурад (Амбарцум Бояджян) также находился в этой тюрьме, куда он был переведен из Аяша наряду с другими активистами партии, которых власти держали в отдельных тюремных камерах³. Гюбгюб-заде Сурейя-бей, капитан жандармерии и глава отрядов чете и «Специальной организации» в Кайсери, осуществлял надзор за проведением пыток при содействии Кучука Казым-бея и его 165 чете; Али Гариб-бея, депутата парламента из Кайсери; Катиб-заде Нуха; и Джамиз Имамзаде Решида⁴. Как только представители армянской элиты были осуждены и уничтожены, начальник полиции Мехмед Зеки-бей и мутесариф Кайсери Ахмед Мидхат сменили направление работы военного суда. Зеки составил списки людей, которых, по его мне-

нию, нужно было казнить. Мидхат одобрил их, а военачальник, полковник Шахабеддин, отдал приказы, согласно которым осужденные должны были депортированы и убиты. Для этой цели он связался с жандармерией и «Специальной организацией», которыми управлял Гюбгюб-заде Сурейя-бей.

После трех месяцев тюрьмы и пыток армянский архиепископ Хосров Бехриг 26 августа был отправлен в ссылку в Урзуфа вместе с Петросом Гумшяном, Барсегом Табибяном, д-ром Степаном Табибяном и Барсегом Токатляном. Спустя несколько дней все пятеро мужчин были убиты вместе между Урфой и Алеппо. Помощник архиепископа отец Аристакес Тимарян, Панос Куюнджян и Акоп Балежджян были убиты 2 сентября в окрестностях Сиваса. Большинство же армянских мужчин региона были убиты в долине Канлы Дере, расположенной в ущелье, которое окаймляет вытянутую равнину Фырынджилар на юге Малатья.

Принимая во внимание вышесказанное, следует сказать, что масштабы режима установленного КЕП в Кайсери, дают основания полагать, что лидеры партии поторпелись с выбором Нури Османии как места, подходящего для осуществления действий, которые позволили бы уличить армян в многочисленных преступлениях. Так, например, один из свидетелей отмечал присутствие в Кайсери высоких особ, таких как специальный делегат партии Якуб Джемиль-бей, бывший фидайи КЕП и один из военачальников «Специальной организации»⁵; Имамзаде Омер Мумтаз-бей, депутат парламента от партии объединения; и Драчзаде Нусрулла-бей, ответственный секретарь КЕП. Три упомянутых иттихадиста пользовались поддержкой представителей местной

¹ *Bauernfeind H.* Op. cit., journal des 18 et 20 août. P. 312.

² *Barton J. L.* Op. cit. P. 133, свидетельство Теды Феллс, миссионерки в Таласе, Филадельфия, апрель 1919 г.

³ Книга воспоминаний (или Мемориальная книга), посвященная 40-летию Социал-демократической партии Гнчак, Париж, 1930. С. 234–235 (на арм. яз.); BNu/ Fonds *Andonian A.* P. J. 1/3, liasse 26, Kayseri, свидетельское показание Галуста Мерджикяна, Бассорах, 1917 г. («Ce qui s'est passé à Césarée»), предоставляющее информацию о формах пыток, применяемых в военной тюрьме.

⁴ *Алпояджян А.* Указ. соч., II. С. 1420, 1442–1443.

⁵ BNu/Fonds *Andonian A.* P. J. 1/3, liasse 26, Kayseri, f° 55, свидетельство д-ра Арутюна Саркисяна из Кайсери, там же; свидетельство Ованеса Асатряна, составленное в Константинополе в 1919 г.: «L'abbatör de Césarée avec des noms seulement», ff. 14–15. Ни в одном источнике не утверждается соучастие Якуба Джемиля, чья деятельность в Киликии в 1909 г. уже обсуждалась (с. 205), в «Специальной организации» (с. 235), в частности в Трапезунде. Однако, учитывая его роль в регионе, остается мало сомнений, что это был именно Джемиль.

элиты, среди которых можно назвать Гюбюб-заде Рифат-бея, председателя местного иттихадистского клуба, Ибрагима Сафа-бея, Чалык-оглу Рифат-бея, председателя муниципалитета и одного из основателей подразделения «Специальной организации» в Кайсери; Катиб-заде Нуха; Гозубюк-заде Садета; Имам-заде Решид-бея; Талашлы-заде Шабана; Акчи Каялы Рифата; Карабей-заде Муфтафы; Джамиза Имам-заде Решид-бея; д-ра Фейзулла, городского врача; Драч-заде Самия; Накыб-заде Ахмеда; Ташчы-заде Омера; Ташчы-заде Мехмеда; Хаджыларлы Мустафы¹.

Тот факт, что в организацию депортаций и убийств были вовлечены вышеупомянутые гражданские лица и военные чиновники, занимавшие различные посты в Кайсери, говорит о том, что решение членов партии «Единение и прогресс» поставить дело в регионе именно так, было правильным. Среди чиновников, имевших отношение к убийствам в Кайсери, были: Али Сабри-бей, «mektubci» [председатель бюро корреспонденции]; толковник Шахабеддин, командующий 15-й дивизией; полковник Сахаб; подполковник Тевфик, председательствующий судья военного суда; капитан Кучук Казым, руководитель депортаций и командующий отрядом из 165 чете; майор Луфти Гюбюб-заде Сурейя, начальник жандармерии; майор Нуреддин, который убил множество членов армянской элиты; Мехмед Зеки-бей, начальник полиции и его помощники Гиритлы Сами-бей, Черкез Ахмед Асим-бей, Бесым-бей, Йеген-оглу Мустафа и Элджи-заде Мухеддин².

Как только факт уничтожения мужчин получил подтверждение, государственная машина была приведена в действие. Генеральный приказ о депортациях был обнародован в Кайсери и Таласе 8 августа 1915 г.³ Через пять дней депортации начались в прилегающих территориях, закончившись в Талдоне и центральных районах. Армянское имущество подвергалось конфискации. Монастырь Святого Карапета превратился в приют для «армянских детей, принявших ислам», в то время как некоторые другие церкви (например, церковь Святого Григория) были преобразованы в мечети или военные склады. Следует сказать, что католиков и протестантов пощадили: они были выселены на окраины города, а имущество оставлено в их распоряжении⁴. В целом примерно 20 000 человек было депортировано из Кайсери и Таласа⁵. Караваны шли под личным наблюдением делегата КЕП Якуба Джемиль-бея по маршрутам, проходящим через города и деревни Инджесу, Девели, Нигде, Бор и Улукышла⁶. Американская миссионерка Клара Ричмонд отмечала, что женщинам, которые соглашались принять ислам, было позволено вернуться в Кайсери и Талас; детей, обучавшихся в армянских школах, забирали оттуда и помещали в турецкие приюты, за исключением старших подростков, которых переводили в школу в Адане. Тем не менее многим школьникам удалось сбежать в горы, где они постепенно сформировали группу из двухсот детей, которых впоследствии преследовали и убивали⁷. В конце августа и начале сентября американские миссионеры

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Q 19, № 396, «List of responsables in the vilayet of Angora», и на французском языке: № 457–459, 432. Кроме лидеров «Специальной организации» Гюбюб-заде Сурейя-бея, Катиб-заде Нуха и Имам-заде Решида, несколько местных видных деятелей принимали участие в операциях по уничтожению армянских мужчин: Хаджилерди-заде Мустафа, Мехтир-заде Осман, Шахит-оглу Мустафа, Бынакджи-оглу Мехмед, Ушаки-заде Осман, Дургар-заде Хильми-бей, Молла-заде Ахмед Эмин, Ах Алинин-заде Хаджи Али, Дикли-заде Омер-бей, Фейзи-заде Осман-бей, Имам-заде Осман, Дедестени-заде Мехмед, Дедестени-заде Мустафа, Дедестени-заде Джемаль-бей, Дедестени-заде Махмуд, Имам-заде Мехмед, Яхия-бей Кадир, Имам-оглу Али, Черкезофилу Мустафа, Огулдуги Катиб Мехмед, Карахимсели Мехмед, Ягмур-заде Исмаил, Чавуш-заде Гамид, Агап-заде Абдулламан.

² Ibid.

³ Barton J. L. Op. cit. Свидетельское показание Теды Б. Фелпс, женщины-миссионера в Таласе, Филадельфия, апрель 1918 г. С. 134.

⁴ BNu/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 26, Kayseri, f° 6, свидетельство Галуста Мерджикяна, составленное в Бассорахе в 1917 г.: «Ce qui s'est passé à Césarée».

⁵ Barton J. L. Op. cit. Свидетельское показание Клары С. Ричмонд, женщины-миссионера в Таласе и Кайсери, 11 мая 1918 г. С. 124.

⁶ BNu/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide. P.J. 1/3, liasse 26, Kayseri, f° 54, свидетельство д-ра Арутюна Саркисяна из Кайсери.

⁷ Barton J. L. Op. cit. Свидетельское показание Клары С. Ричмонд, женщины-миссионера в Таласе и Кайсери, 11 мая 1918 г. С. 127.

смогли спасти нескольких женщин и детей, отправив их в госпиталь в Кайсери. Однако в феврале 1916 г. власти наложили арест на американские строения, призвав последних оставшихся армян принять ислам¹.

Выжившие, которым удалось добраться до сирийской границы, были в большинстве своем отправлены в города Хама, Дамаск, Маан, Деръа и Керек. Из мужского населения в Кайсери благодаря отречению от христианства смогли остаться только несколько врачей, среди которых д-р Абраам Гочеян и Саркис Калтакчян².

Конфискации армянской собственности были поручены комиссиям по «оставленному имуществу», возглавляемым Нагыб-заде

Ахмедом и Кадылы Даниш-беем. Тринадцать их соучастников — Мурад-бей, служащий бюро земельного кадастра; Абдулазиз-бей Ташчы-заде Мехмед; Аттар-заде Камиль; Бохджели-заде Ахмед; Имам-заде Решид; Имам-оглу Али; Электжи-оглу Хусезин; Хаджыларлы Мустафа; Ибрагим Сафа; Шейх Ибрагим-оглу Фуад; Катиб-заде Нух и Кюркджу-заде Омер Хулуси — организовали общество *Birlik Cemiyeti*, которое за бесценно скупало объекты армянской собственности, выставленные на продажу. Вначале они избрали председателя, а затем постепенно «выкупили» промышленные предприятия, принадлежавшие Язечяну, Мендигяну, Баяну и братьям Чамчян³.

Погромы и депортации в Таласе и соседних деревнях казы

В деревне, расположенной в окрестностях Таласа, жители которого были довольно состоятельными и мало интересовались политикой, тем не менее имели место серьезные противоречия между известным младотурком и главой бюро корреспонденции Кайсери Сабри-беем и мюдиром деревни Фаиком. Сабри было поручено убить мюдира, поскольку тот отказывался исполнять приказы, касающиеся проживающих на его территории армян. В свою очередь, Сабри обвинялся в пособничестве Якубу Джемилю, а также непосредственной организации убийств в деревнях неподалеку от Кайсери. Наконец, на его счету были убийства таких известных деятелей в Таласе и Кайсери, как Ваган Джанджян, Габриэль Куркджян, Маркар Язеджян, Ваган Кехаян и Геворг Джанджян⁴. Помимо этого, было очевидно, что благосостояние армян в Таласе вызывало у некоторых видных жителей деревни желание завла-

деть их богатствами. В числе таких жителей, по армянским сведениям, были Таладжлы Хаджи Ахмед-эфенди; Заде Осман; Салех Мехмед; Сеетдин Эвландвари Али; Мехмед Тафиль-оглу Тевфик; Али-заде-оглу Казим; председатель муниципалитета в Таласе, Али Махмуд, сержант жандармерии; Хеким Баглихин Хасан и Эли Кючюк Мехмед. Эти люди не только принимали участие в уничтожении армян в Таласе, но стали главными обладателями отобранного имущества⁵.

По словам американской миссионерки Клары Ричмонд, работавшей в американской школе в Таласе, аресты видных армянских жителей начались 13 июня в воскресенье⁶. Первым был арестован Погос-ага. Вскоре после этого были арестованы армянские учителя американской школы. Сначала их держали под стражей в Кайсери, затем они были переведены в Гемерек и там расстреляны⁷.

¹ Там же, свидетельское показание Теды Б. Фелпс, миссионерки в Таласе, Филадельфия, апрель 1916 г. С. 136–137.

² BNU/Fonds *Andonian A. P. J.* 1/3, liasse 26, Kayseri, ff 17–18, свидетельство Мелкона Асатура, Константинополь, 1919: «L'abattoir de Césarée avec des noms seulement».

³ *Ibid.*, f° 13; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 19, № 396. Список ответственных лиц в вилайете Ангора, на французском языке, № 457–459, 432.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 427, свидетельское показание Сабри-бея, начальника бюро корреспонденции в Кайсери.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 560, на армянском языке, свидетельское показание, Дамаск, 5 марта 1919 г.: «Les massacreurs et accapareurs de Talas».

⁶ *Barton J. L.* Op. cit. Свидетельское показание Клары С. Ричмонд, миссионерки в Таласе и Кайсери, 11 мая 1918 г. С. 121.

⁷ *Ibid.* P. 122.

В июле власти переключили свое внимание на мужчин деревни Дереванк, расположенной в двадцати минутах пути от Таласа, и других деревень долины. Однако здесь в отличие от ситуации в Кайсери приказ о депортации не был издан вплоть до 8 августа. 11 августа, накануне отправления первого конвоя армян, были освобождены католики и протестанты¹. Как свидетельствуют армянские источники, благодаря вмешательству д-ра Рингейта отправление первого конвоя было отложено до 18 августа. После чего армяне одного района за другим были депортированы в составе трех конвоев. Наиболее богатые семьи были высланы 18 августа; бедные (примерно 1000 мужчин, женщин и детей под надзором жандармов) — 28 авгу-

ста. Наконец армяне, оставшиеся в Таласе, были отправлены в ссылку 29 августа. Наш свидетель и еще примерно десять молодых людей смогли остаться в городе, добровольно вызвавшись нести военную службу. По его словам, несколько женщин-протестанток также смогли избежать депортации, устроившись в знатные дома служанками или сиделками². Наконец следует отметить, что администрация американской средней школы для девочек в Таласе защищала своих 150 учениц вплоть до февраля 1916 г. Однако когда им предложили принять ислам и выйти замуж за турецких мужчин, те отказались и все вместе покончили с жизнью, приняв яд, «чтобы уйти от своих жестоких наставников»³.

Каза Эверек/Девели

В пяти часах пути от Кайсери, на южном склоне горы Аргус, в начале XX века располагался небольшой район, состоявший из семнадцати населенных пунктов, в которых проживал 19 841 армянин. Главный город казы Эверек/Девели — Эверек-Фенесе являлся фактически объединением двух деревень, которые с течением времени превратились в один населенный пункт. В 1914 г. в нем проживало 8305 армян, включая жителей небольшого селения Илиб. В настоящее время близлежащая деревня Девелу, являющаяся местом пребывания каймакама, также включена в армянскую агломерацию с центром в Эвереке. В то время агломерация делилась на четыре квартала: 1) Эверек Эрмени (1000 армянских семей); 2) Эверек Ислам или Девели (120 турецких семей); 3) Фенесе (700 армянских семей); 4) Айкостан (120 греческих семей)⁴.

Накануне войны это был процветающий город, в котором развивались различные виды промышленности, в частности производство вин и ликеров, а также разведение тутового шелкопряда, которое позволяло

обеспечивать сырьем местные шелковые фабрики. Приют, созданный в 1910 г. американскими миссионерами для детей, чьи родители стали жертвами произошедшей годом ранее резни в Киликии, был закрыт в 1914 г. по приказу властей. Деревня Чомахлу, расположенная в 1,5 часа езды от Эверека, у подножия горы Аргус, в 1914 г. насчитывала 1679 жителей-армян, в основном фермеров и ремесленников из Киликии. Неподалеку от Чомахлу находилась деревня Инджесу, в которой проживало 1202 армянина, говоривших на турецком языке. В деревне Гомеди, расположенной на юго-востоке, проживало всего 273 армянина; остальные турецкоговорящие армяне из Киликии в количестве 1115 человек жили в деревне Джуджун⁵.

Мы уже упоминали, что случайный взрыв самодельной бомбы, произошедший в Эвереке, повлек за собой волну преследований армян, главным организатором которых был новый каймакам Салих Зеки. В этом ему способствовали местные государственные служащие и члены младотурецкой элиты, как,

¹ Ibid. Pp. 122–123.

² BNU/Fonds *Andonian A. P.J.* 1/3, liasse 26, Kayseri, f° 43r°-v°, свидетельское показание Ерванда Тер-Мартirosяна, 23-летнего уроженца Таласа, который проходил учебу в американском колледже Таласа.

³ BNU/Fonds *Andonian A. P.J.* 1/3, liasse 26, Kayseri, f° 7, свидетельское показание Галуста Мерджикяна, Бассорах, 1917 г.: «Ce qui s'est passé à Césarée».

⁴ *Kevorkian & Paboudjian*. Op. cit. Pp. 225–227; Григорян А., Карагезян С. Воспоминания об Эверек-Фенесе, Париж, 1963 (на арм. яз.).

⁵ Там же. С. 227–229.

например, Зиялы Тосун¹; Осман-бей, мэр Эверек, и несколько других видных деятелей, которые были материально заинтересованы в ликвидации армян: Хафиз-эфенди; Кантарджи Али; Кантарджи Мустафа; Пиринджи Мехмед Уста; Хока Абдуллах; Пурунджу Али Уста-оглу; Мехмед Тахрират; и Кантарджи Осман-эфенди². Однако главными организаторами массовых убийств и депортаций были члены местного клуба иттихадистов в Эверек, которые для этих целей создали «секретный комитет»³: председатель клуба Хаким-бей; Сулейман Вехби, одно из руководящих лиц в компании «Режи»; Муфти Хаджи-эфенди; Ангор-али Омер; Хафиз-эфенди; Хаджи Джафар Абдуллах; Мустафа-эфенди; и Стамболу Ахмед⁴.

Начало арестов пришлось на март 1915 г., когда Салих Зеки заключил под стражу нескольких представителей местной элиты, в частности политических деятелей. Затем он предъявил обвинения в «разжигании массовых беспорядков» видным жителям деревни Инджесу и арестовал председателя и священника этой деревни. Последние были подвергнуты жестоким пыткам для того, чтобы они «выдали» имена «нарушителей порядка». Приблизительно в середине мая Зеки в сопровождении отряда жандармов лично прибыл в деревню. Священник и его семья были убиты. Такая же участь постигла и жителей других домов. Их тела погрузили в тележки, перевезли в другое место и оставили на земле, разбросав вокруг них ружья и разряженные обоймы. Эта сцена должна была служить доказательством того, что в этом месте жандармы устранили банду армянских повстанцев. Вернувшись в Эверек, Салих Зеки проинформировал свое руководство о том, что ему только что пришлось подавить восстание армян в Инджесу. Он сформировал следственную комиссию и подготовил отчет⁵, после чего он продолжил системати-

ческие аресты мужчин, сопровождающиеся конфискацией оружия. Некоторые из них погибли, находясь в тюрьме и страдая от пыток; другие были отправлены в Кайсери, где предстали перед военным судом. В результате одни были приговорены к смертной казни через повешение в Кайсери вместе со своими соотечественниками, другие — депортированы в Диарбекир», иначе говоря, убиты конвоирами практически сразу после отправления. Две группы приговоренных мужчин были убиты непосредственно в день отправления: Егия Юсуфян, Карапет Гелдерян, Аветис Вердян, Григор Мелегян, Егия Чибукджян, Карапет Шалдибян, Торос Кешишян, Ованес Казанджян и Аветис Мкртчян, а также Акоп Черкезян, Акоп Калайджян, Григор Калайджян, Карапет Кебредонян, Ованес Окнян, Мариам Джерунян и Агавни Джерунян⁶.

В июле Зеки отдал приказ о депортации сельского населения района. По его распоряжению маршруты, по которым шли караваны, пролегали через горную местность, в результате чего люди были вынуждены избавляться от вещей, которые они взяли с собой в дорогу. В Эверек приказа о депортациях не поступало до начала августа. Однако после его получения 18 августа все население было выслано, за исключением двадцати протестантских семей, которым позволили остаться. По словам выживших, караван достиг Тарсона через шестнадцать дней. В некоторых местах местные власти заставляли армян подписывать документы, подтверждающие то, что им была оказана необходимая помощь. Как можно догадаться, эти документы были фикцией. На самом деле многие погибли от болезней и голода, хотя большинство было убито в Дер-Зоре⁷. Из 13 000 людей, депортированных из района, примерно 600 выжили в Алеппо, а другие 400 — в Дамаске⁸.

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Q 19 и P 396, List of responsables in the vilayet of Angora (Everek), и на французском языке, P 451, 460, 432, T 179–180.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Z 560, на армянском языке, свидетельское показание, Дамаск, 5 марта 1919 г.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, P 443, 452, dossier 111, Everek.

⁴ BNU/Fonds *Andonian* A. P.J. 1/3, liasse 20, Tomarza, f° 23, коллективное свидетельство, составленное в Алеппо 25 декабря 1918, «Rapport succinct sur le district d'Everek».

⁵ Ibid.

⁶ Ibid., f° 23v°.

⁷ Ibid., ff° 24r°-v°. В документе отмечается, что во время паники, посеянной этими департаментами, местные иттихадисты похитили несколько молодых женщин, которых они изнасиловали и убили.

⁸ Ibid., f° 25.

Один из выживших говорит, что «они прекрасно знали, что турки не станут их убивать, т.к. по их же словам опасались восстания армян». В подтверждение своих слов он приводит речь, которую предположительно сказал Зеки, когда один из представителей знати в Эверекке пришел к нему с просьбой отказаться от своих планов. Доказательств того, что такая речь действительно имела место, нет. Тем не менее эта речь ясно дает понять, какая царила атмосфера среди многих находящихся у власти турок:

«Вы, армяне — народ, который не любит стоять на месте; вы энергичны и трудолюбивы. Я бы хотел, чтобы турецкий народ был таким же. Я ценю ваши качества, но какая в них польза, если они не отвечают нашим интересам. Неужели можно представить, что турки — хозяева этой земли, будут служить вам? Здесь, как и во многих других местах, я вижу, что у вас красивые дома, в то время как турки живут в лачугах; вы хорошо одеваетесь, в то время как турки ходят в лохмотьях; вы хорошо питаетесь, в то время как турки довольствуются коркой хлеба. Поэтому, коль скоро у нас есть возможность, мы хотим искоренить весь ваш народ по трем причинам: 1) из-за вашей культуры; 2) вашего богатства; 3) сотрудничества с Антантой. Да, мы поклялись уничтожить вас, но мы не хотим убивать вас быстро. У нас есть для этого достаточно времени. Мы можем подвергнуть вас пыткам, заставить вас страдать. Когда же русская армия перейдет в наступление, избавиться от вас не составит большого труда»¹.

Политическая борьба, которая происходила между Шахабедином, командующим 15-й дивизией в Кайсери, и каймакамом, объясняет решимость, с которой Зеки выполнял задачу по полному уничтожению армянского населения в его районе. Полковник Шахабеддин, несмотря на свою роль в военном суде в Кайсери, о которой мы уже говорили, противился возложенному на него приказу депортировать среди прочих семьи солдат и военных. В связи с этим Зеки

обратился в Стамбул за получением распоряжения о выселке этих армян в Мескену, сирийскую пустыню, где большинство из них погибли².

В 1914 г. город Томарза, расположенный в восточной части района Эверек, выделялся на фоне других городов за счет существующего в нем социального строя и режима управления. 4388 жителей этого города были сосредоточены в четырех кварталах, каждым из которых управляла одна из четырех «царских» семей, где власть переходила по наследству с XII или XIII века: Дедеян, Калайджян, Магакян и Тамузян. В окрестностях Томарзы находилось также семь армянских деревень: Союдлу (481 чел.), Чайриолук (100 чел.), Ташхан (750 чел.), Енидже (473 чел.), Яддибурун (227 чел.), Караджирен (275 чел.), Мусахаджили (173 чел.), Сазак (400 чел.)³.

Среди тех, кто принимал участие в зверствах, учиненных в Томарзе и его окрестностях, можно назвать мюдира Али-эфенди, генерального секретаря муниципалитета города Буюка Эмина Хаджи Омера, капрала Кайсерли Али, жандармов Мехмеда, Хасана, Исмаила Исмета, Халила Чавуша, Хаджи Бекира, Ахмеда Чавуша и Сулеймана Чавуша и др. — в общей сложности 32 человека⁴. Они проводили обыски армянских домов и арестовывали проживающих в них армян. Всего под стражу заключили более двухсот видных жителей города, которых впоследствии пытали и угрожали смертью. Двадцать человек из числа арестованных были освобождены за дачу взятки, остальные были отправлены к каймакаму Эверекка. В результате, власти конфисковали семьдесят винтовок Мартини-Генри. Однако Зеки не был удовлетворен результатом. Мюдир Али был уволен, а на его должность поставлен некий Осман-эфенди, который приказал повторно обыскать все дома. В ходе этой второй операции еще 196 мужчин было арестовано и депортировано в Хаджын той же ночью. Только после уничтожения порядка четырехсот мужчин

¹ Ibid., f° 25r°-v°.

² Ibid., f° 31. В этой группе было десять женщин — школьных учителей, работавших в американской школе в Кайсери. Ни одна из них не выжила. *Калфаян А.* Указ. соч.; Перевод на английский язык: Aris Kalfayan, Chomaklu, New York, 1982. Автор приводит подробное описание того, как Салих Зеки уничтожил армянское население небольшого города, и несколько опубликованных официальных документов; вполне правоподобно, что они подлинны.

³ *Kévorkian & Paboudjian.* Op. cit. Pp. 228–230; *Торосян О. Т.* История армян Томарзы. Т. 1–3, Бейрут, 1959–1969 (на арм. яз.).

⁴ BNU/Fonds *Andonian A.* P.J. 1/3, liasse 20, Tomarza, f° 1, свидетельское показание Карапета Зораджяна.

был издан приказ о депортации остальной части населения. 27 августа 1915 г. жители Томарзы были отправлены в Алеппо через Хаджын, после того как недалеко от города, в поселке Чибараз, они под надзором вышеперечисленных чиновников были лишены своих вещей¹. Деревни, расположенные в окрестностях, например Ташхан², постигла такая же участь.

К тому времени, когда конвой прибыл в Алеппо, в живых осталось только триста человек. Их отправили дальше в Дер-Зор,

Раффу и Мескену, однако до этих городов добрались совсем немногие³.

По словам некоторых выживших, рабочие трудового батальона, которые прокладывали телефонные линии в этом районе, также были убиты недалеко от Томарзы⁴.

Из всех людей, которые принимали участие в уничтожении армянского населения санджака Кайсери, только полковник Шакир-бей был осужден военным трибуналом Стамбула в 1920 г. Однако в конечном счете он был оправдан⁵.

Погромы и депортации в санджаке Киршехир

В санджаке Киршехир, расположенном между районами Ангоры и Кайсери, имелось всего два населенных пункта с относительно большим армянским населением: префектура Киршехир, в котором проживали 7150 человек, и главный город района Денек Маден Кескин, расположенный в северной части района, в котором проживали 2650 человек⁶.

В июне и июле в армянских домах неоднократно проводились обыски, однако властям так не удалось обнаружить следов оружия или «революционеров». Несмотря на это, они начали арестовывать молодых людей в возрасте от 15 до 17 лет. Эти люди были отправлены в военный суд в Ангору под надзором Ахмеда Чавуша, т.к. подозревались в том, что деньги, которые они собирали для бедных каждое воскресенье, на самом деле использовались в революционных целях⁷. Однако по прибытии в Гюльхисар они были убиты. Жертвами второй операции стали четырнадцать представителей городской знати, которые были депортированы в Арпачху, где с ними расправился Садир-бей, глава военного комиссариата Мунджур. Затем последовала новая волна арестов: 65 взрослых мужчин были взяты под стражу, а затем убиты наемниками Шакиром

Реджебом и Хасаном Чавушем. Последняя группа из 135 мужчин была арестована и под стражей отведена в Гюльхисар — место, находящееся в двадцати минутах пути от города рядом с Мунджуром, где мужчины были уничтожены наемниками при содействии жителей соседних турецких деревень⁸.

В самом городе, в Киршехире, мутесариф распорядился о том, чтобы девочки и женщины были переселены в бараки, в то время как детей отвели на пустынное поле за городом, куда они шли пешком около часа и где их оставили одних умирать от голода. Далее власти опечатали армянские дома, после чего чиновники и представители знати опустошили их, забрав все ценное и оставив все остальное комитету по оставленному имуществу. Награбленное имущество они разделили между собой. По словам некоторых свидетелей, женщинам и девушкам, находящимся в бараках, в обмен на их жизнь предлагали сменить веру и принять ислам. Давление стало еще более сильным, когда в город пришли тысячи жителей соседних турецких деревень, чтобы «получить женщин». Однако после того как женщины и девушки отдали все свои украшения и драгоценности членам местного клуба партии «Единение и

¹ Ibid., ff. 2–3.

² См. выше, с. 586.

³ BNU/Fonds Andonian A. P. J. 1/3, liasse 20, Tomarza, f° 4, свидетельское показание Карапета Зораджяна.

⁴ Ibid., f° 25, коллективное свидетельство, составленное в Алеппо 25 декабря 1918, «Rapport succinct sur le district d'Everek».

⁵ La Renaissance, № 410, mercredi 31 mars 1920.

⁶ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 213.

⁷ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, dossier № 340, Constantinople le 19 février 1919, «Les massacres de Kirchehir et de ses dépendances, déposition d'un témoin»; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, P 463–464, dossier № 16, La déportation de Kirşehir.

⁸ Ibid., f° 1.

прогресс», их оставили в покое на некоторое время¹. Семнадцать подростков в возрасте от пятнадцати до девятнадцати лет, которые все еще находились в городе, по распоряжению членов местного клуба партии собрали в одном месте и также предложили им принять ислам. После жесткого отказа молодые люди были отправлены в Чаллыгедик, где с ними расправились несколько чете под предводительством Шакира Реджеба. К тому времени, когда эти операции были закончены, из армян в Киршехире остались только пять или шесть семей рабочих и несколько женщин, которые согласились принять ислам².

По завершении массовых убийств в августе 1915 г. члены местного клуба партии Иттихад: Рэмзи-бей, начальник почтового отделения, Бахир-заде Зия, Мусыр-оглу Сулейман, Кара Мухаммер-бей и Осман Саиб-бей с позволения мутесарифа Хилми-бея сформировали комитет по оставленному имуществу, председателем которого стал Осман Саиб-бей, и занялись конфискацией армянского имущества³.

Среди государственных чиновников наиболее активное участие в массовых преступлениях принимали такие деятели, как Бурханеддин Румли, командующий батальоном Киршехира (был арестован полицией союзников 4 марта 1919 г.); Ассадуллах-бей, начальник жандармерии; Али Назим-бей, помощник государственного прокурора и председатель местного клуба партии Иттихад (был сослан на о. Мальта в 1919 г.); Хами-бей, начальник полиции; Кадир-бей, глава службы по набору и организации отрядов чете; Хилми-бей, мутесариф (также сослан на о. Мальта в 1919 г.); Али Риза, помощник начальника полиции; и помощники Ризы: Нури, Хусны Бахир-заде Зия, Исмаил Хакки, директор компании «Тобако Режи». Из числа видных жителей, которые руководили отрядами чете, в убийствах армян в Киршехире участвовали: Казим, директор школы (он был впоследствии переведен в Смирну,

где был назначен директором лицея), Иззет-бей, Саркичир-заде Вехби, Шакир Реджеб-бей, Хасан Чавуш, Сейфали-оглу Кара Ахмед, Молла Ахмед, Нури-заде Мехмед-ага и Асет-ага Кара Факинин Мухаррем⁴.

Когда вечером 26 августа 1915 г. в Киршехир прибыли коренной житель Таласа Ерванд Тер-Мартirosян и его военный конвой, они увидели отряд из 900 рабочих, которых чете и несколько турецких подростков собирались убить. В городе Тер-Мартirosян заметил, что «все мужское население старше двенадцати лет» было уже уничтожено, в то время как женщины и дети депортированы⁵.

В Кескине действия разворачивались по аналогичному сценарию. Каймакам Талаат-бей распределил оружие между жителями соседних деревень с тем, чтобы они также могли принимать участие в массовых убийствах. Член городского совета Борзакян, осознавший всю серьезность ситуации, поговорил с Талаат-беем, после чего дал ему крупную сумму денег, чтобы предотвратить «опасность». Неделию спустя Талаат-бей, несмотря на это, продолжил массовые аресты армян: 480 мужчин содержались под стражей в караван-сараяе, пока местное население разворовывало армянские кварталы. Первый конвой в составе 130 мужчин был отправлен в дорогу под надзором капитана жандармерии Урфан-бея, по приказу которого они практически сразу были убиты недалеко от города. Вторая, третья и четвертая группы были тоже отправлены в дорогу на тех же условиях. Они были сформированы на основе списков, составленных членами местного городского совета под контролем каймакама⁶. Кроме Талаат-бея, в состав этого совета входили: Ирфан-бей, начальник полиции; Хафиз-бей, глава военного комиссариата; Балтали-заде Нури-бей, мэр; Садик-эфенди, муфтий; Шевкет, помощник начальника полиции. Непосредственно убийства исполнялись руками чете, которые действовали по приказам Хаджиали-заде Мехмеда, Хаджиали-заде Камила, Алишан-

¹ Ibid.

² Ibid., ff. 2–3.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 560, на армянском языке, свидетельское показание, Даваск, 5 марта 1919, на французском языке, № 459–460—461, список лиц, ответственных за массовые убийства и депортации в Киршехире.

⁴ Ibid.

⁵ BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 26, Kayseri, f° 45. Свидетельское показание Ерванда Тер-Мартirosяна, 23-летнего уроженца Таласа, который проходил учебу в Американском колледже Таласа.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 395, Les massacreurs de Keskin/Denek Maden.

бея и Али Риза-бея¹. В связи с этим, вернувшись в Кескин 2 августа, Тер-Мартirosян обнаружил, что город практически полностью очищен от армянского населения, за исключением нескольких женщин и детей.

Один человек по имени Осман-эфенди, который принял его за турка и предложил пожить в его доме, рассказал ему, как он принимал участие в убийствах и похищениях наиболее красивых женщин².

Судьба представителей армянской элиты в Аяше

Как мы уже говорили, Аяш — это город, расположенный недалеко от железнодорожной станции в Синджане, в пятнадцати километрах от армянского городка Станоз и приблизительно в пятидесяти километрах к западу от Ангоры. Именно этот город был выбран в качестве места заключения армянской политической элиты Стамбула, которая насчитывала от 120 до 150 человек. Заключенные прибывали в Аяш в несколько этапов, после остановки в центральной тюрьме Стамбула, время пребывания в которой различалось для разных узников. Как свидетельствует один из выживших Вртанес Мардикян, он прибыл в Ангору вечером 5 мая поездом вместе с сорока другими узниками, а через два дня его перевезли в Аяш на машине³. Всех заключенных держали в огромных бараках, находящихся прямо напротив резиденции, в стеснённых условиях: из-за недостатка свободного места мужчины спали по двое в кроватях, которые были расставлены одна за другой. После неоднократных просьб им разрешили покидать бараки на час или два в день и прогуливаться на свежем воздухе под надзором жандармов⁴. Несмотря на то что эти люди были отрезаны от внешнего мира и не имели средств к существованию, Хорен Авагян, начальник станции в Синджане, сумел передать в столицу информацию о судьбе этих мужчин. Через некоторое время жители городка Станоз, до которого еще не докатилась волна убийств и депортаций, начали снабжать политических заключенных предметами первой необходимости⁵. Хотя

довольно скоро заключенные получили разрешение каждое утро отправлять двух людей на рынок за продовольствием.

Судя по нескольким деталям, рассказанным Вртанесом Мардикяном, заключенные не утратили чувства юмора. Каждое утро начальник полиции Али Риза собственноручно будил заключенных, что служило поводом для возникновения различных комичных ситуаций. Из-за обилия прозвищ, которыми заключенные в Аяше называли друг друга, их сложно было идентифицировать, учитывая тот факт, что начальнику полиции было трудно произносить их имена (например, «Маризабад» вместо Марзбед). Каждое утро бывали ситуации, когда кому-то приходилось объяснять, что его арестовали по ошибке только потому, что его имя было похоже на имя человека, который на самом деле подлежал аресту. Это также было поводом для веселья. Так, например, каждое утро Ншан Отян, которого Али Риза постоянно принимал за Ерванда Отяна, напоминал начальнику полиции, что он не тот человек и тем более он не состоит в социал-демократической партии Гнчак⁶. Заключенные, среди которых были политики, все мастеры, писатели и журналисты, жили более или менее в согласии друг с другом, совместно пели в хоре, ходили на гимнастику, проводимую юристом Шаваршем Кризьяном. Д-р Аветис Накашян отмечает, что члены этой элиты, которые ранее принадлежали к враждующим политическим партиям и течениям, теперь понимали, что их судь-

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 449, Keskin/Denek Maden.

² BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 26, Kayseri, f° 45, свидетельское показание Ерванда Тер-Мартirosяна.

³ Теодик. Указ. соч. Автор представляет список задержанных в Аяше и их биографии; BNU/ Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 3, f° 6, les détenus d'Ayaş, письмо В. Мардикяна Араму Антоняну, Брюссель, 26 апреля 1947 г. Среди наиболее известных прибыли более семидесяти мужчин.

⁴ Д-р Погосян. Одно исправление в истории. «Пайкар», 16 июля 1927 г. (на арм. яз.).

⁵ Терзьян К. Указ. соч. С. 61–67.

⁶ BNU/ Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 3, ff. 6–7, les détenus d'Ayaş, письмо В. Мардикяна Араму Антоняну, Брюссель, 26 апреля 1947 г.

Это более не зависит от положения, которое они занимали ранее, а исключительно от их принадлежности к армянской нации. «Представителей» интернированных лиц даже отпускали на некоторое время, чтобы они могли направить письменный запрос министру внутренних дел с просьбой начать судебное разбирательство по их делу. Ситуация изменилась после того как пришли известия о повешении двадцати активистов партии Гнчак¹. Мурад (Амбарцум Бояджян), лидер партии, был переведен в Кайсери 11 мая для того, чтобы предстать перед военным судом. Неделей позже в Кайсери был также отправлен его товарищ Марзбед². Уже 2 июня были высланы первые шесть политических лидеров: Рубен Зартарян, Назарет Тагаварян, Гарегин Хаяг, Акнуни (К. Малумян)³, Арутюн Джангулян и Саркис Минасян, это ознаменовало начало уничтожения армянской элиты Стамбула. Официально эти шестеро были отправлены в Диарбекир, поскольку там они должны были предстать перед военным судом⁴. Но на самом деле после прохождения Алеппо, где они остановились на короткое время, эти мужчины были убиты в месте под названием Кападжур, находящемся между городами Урфа и Северек. Убийства были совершены по приказу капитана Шевкета под предводительством

Хаджи Теллаля Хакима-оглу, известного как Хаджи Онбаши⁵, командира отряда чете «Специальной организации» в Севереке⁶.

Более того, нам известно, что Барсег Шабаз, один из гнчакских лидеров, был вызван в военный суд Мезреха/Харпута 19 июня. А также то, что армяне, которые были арестованы по ошибке или которых должны были освободить, благодаря вмешательству представителей высших кругов общества, таких как Мардикян или Накашян, не принадлежащих к какой-либо партии депутатов парламента, были все-таки освобождены⁷. Мардикян подтвердил, что психиатр Погосян, который был позже отправлен в Алеппо в качестве городского доктора, был переведен в Чанкыры. При этом он отмечал, что, когда он покидал Аяш, там все еще находилось 53 или 54 заключенных, среди которых был поэт Сиаманто⁸. Вскоре после этого заключенным (никто из них не выжил) сообщили, что они будут освобождены и отправлены в Ангору, откуда они смогут уехать на поезде. Однако на некотором расстоянии от древнего города Анкира, в долине Элмадагри, Арутюн Шахригян, Грач (Айк Тиракян), д-р Карапет Пашаян, Нерсес Закарян и еще порядка тридцати других узников были подвергнуты пыткам, а затем убиты отрядом наемников «Специальной организации»⁹.

¹ Накашян А. Тюрьма Аяша. Бостон, 1925. С. 32–42 (на арм. яз.).

² См. выше, с. 598, примечание 6, ф° 8 и выше, с. 578.

³ В это время Акнуни продолжал защищать свои прежние позиции; он был уверен, что Талаат отличался «благородным характером», ссылаясь в доказательство на то, что Талаат пришел навестить его двумя неделями ранее, когда Акнуни был болен и соблюдал постельный режим: Накашян А. Указ. соч. С. 43–44.

⁴ Ibid; BNu/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 3, les détenus d'Ayaş, f° 40. Немецким кругам довольно быстро стало известно об их отъезде, как это видно из письма д-ра Лепсиуса в адрес немецкого министерства иностранных дел, 15 июня 1915 г.: Lepsius J. Deutschland und Armenien. S. 85.

⁵ BNu/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 3, les détenus d'Ayaş, f° 48.

⁶ См. выше, с. 406, примечание 3.

⁷ См. выше, с. 598, примечание 6. Накашян А. Указ. соч. С. 47–48. Отмечается, что П. Шабаз, интеллект, получивший образование в Париже, был сначала интернирован в тюрьму в Айнтабе, затем отправлен в Аддыман и в итоге казнен недалеко от Малатьи в устрашающей обстановке.

⁸ См. выше, с. 598, примечание 6, ф° 8.

⁹ Ibid., f° 9.

ГЛАВА 11

Депортации и погромы в вилайете Кастамону

В этом огромном вилайете, занимающем площадь 60 000 квадратных километров и растянувшемся вдоль побережья Черного моря, к началу Первой мировой войны еще оставались армянские поселения, в которых проживали общей численностью 13 461 человек. Зажиточные армяне вилайета содержали семнадцать церквей и восемнадцать школ, в которых обучалось около 2500 тысяч мальчиков и девочек. Большинство армянских общин вилайета были основаны армянами из Нахичевани и Еревана еще в XVII столетии¹.

Санджак Кастамону насчитывал восемнадцать армянских общин. Их можно было встретить в главном городе казы (653 чел./140 хозяйств), г. Кадинсарай (154 чел./35 хозяйств), г. Мурурин (35 чел./6 хозяйств), г. Куречик (800 чел./130 хозяйств), г. Дадай (208 чел./40 хозяйств), г. Геризкёй (102 чел./20 хозяйств), г. Карабуйюк (238 чел./45 хозяйств), г. Деврекяну (183 чел./38 хозяйств), г. Ташкопру (1250 чел./250 хозяйств) и в окружающих деревнях Чуруш (33 чел./6 хозяйств), Беленчай (95 чел./18 хозяйств), Гуджуксу (79 чел./16 хозяйств), Ирегюль (91 чел./17 хозяйств), Малакой (77 чел./14 хозяйств), Араджи (97 чел./18 хозяйств) и Юмаджи (99 чел./18 хозяйств)².

Санджак Инеболу, расположенный на побережье Черного моря, насчитывал четы-

ре армянских прихода: Инеболу (198 чел. г. Дашкопру, расположенный в тридцати километрах к северо-востоку от Кастамону (1497 чел.), Эскиатфа (434 чел.) и в юго-западной части санджака г. Тося (130 чел.). В самом южном санджаке Чанкыры проживало менее одной тысячи армян, большинство из них жили в префектуре, остальные жили в казах Кошисар и Тухтенли (129 чел.).

Иными словами, в вилайете находились только замкнутые общины, обладающие незначительным демографическим весом, расположенные в туркоговорящем регионе, отдаленном от театра военных действий. Это, вне сомнений, объясняет, почему в конце апреля 1915 г. КЕП принял решение интернировать большую часть армянской элиты Константинополя в один из городов региона, Чанкыры, расположенный в сотне километров к югу от Кастамону³. Более того, Иттихад отправил в Чанкыры одного из своих лидеров, Кемаля Огуза, в качестве ответственного секретаря партии, в частности для того, чтобы наблюдать за тем, как будут приняты интернированные армяне⁴. Он также направил в Кастамону своего инспектора Хасана Фехми, одного из виднейших пропагандистов партии⁵. Именно Фехми по указанию вали Рашид-бею начать ликвидацию армян, проживающих в вилайете. В конечном итоге добился его отставки, когда

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 175–178; Karpat K. Op. cit. Pp. 180, 184, приводит те же цифры APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 544, статистика вилайета.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 789–790, Arméniens avant la guerre dans le vilayet de Kastamonu.

³ Ibid.

⁴ Ibid.; Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 175–178.

⁵ См. выше, с. 285–286.

⁶ Procès de Cemal Oğuz, secrétaire-responsable du CUP à Çangiri: La Renaissance, № 330, vend. 24 décembre 1919, № 365, 6 février 1920.

⁷ Отмечалось, что Фехми был одним из ораторов на собрании, организованном комитетом партии иттихадистов на площади Байязид 21 сентября 1912 г., накануне первой Балканской войны. См. выше, с. 154. Он был признан виновным на судебном процессе против ответственных секретарей и приговорен к десяти годам каторжных работ, 8 января 1920 г. «Takvim-i Vakayi», № 3772, février 1920. P. 2, col. 2. P. 3, col. 1.

тот отказался подчиниться его приказу¹. Назначение Атиф-бея, который исполнял обязанности вали Ангоры до 3 октября 1915 г., на пост вали Кастамону взамен Рашид-бея, подтверждает, если в этом вообще есть необходимость, реальные цели предводителей младотурок в регионе. Более того, по словам одного из служащих компании «Тобако Режи»², своим назначением Атиф был обязан «осуществлению программы истребления армян» в Ангоре. Некоторое время при поддержке представителей юнионистов Насана Фехми и Кемаля Огуза³ обязанности вали исполнял генеральный секретарь вилайета (казначей) Фуад-бей. Иногда для наблюдения за депортацией политических заключенных в Кастамону прибывал специальный представитель КЕП д-р Фазиль Берки. Армянское население вилайета, однако, было истреблено еще до прибытия Атифа. Изначально Атиф рассчитывал на помощь местного клуба Иттихад в ликвидации армян Кастамону, во главе клуба в то время на-

ходились Султан-эфенди; Васфи-эфенди; Мехмед Экши-оглу, глава муниципалитета; Хасан Фахри-бей; Мустафа-эфенди, начальник полиции вилайета; Нуреддин, начальник полиции в Кастамону; и Долмашизад Кемал, член совета региона⁴. Армяне Чанкыры избежали первой волны депортаций, выплатив Кемалю Огузу и его людям⁵ сумму в размере 460 турецких лир. Однако в начале октября, спустя неделю после того, как Атиф вступил в должность, было депортировано около двух тысяч человек, триста из них были из Кастамону. Путь депортированных лиц из районов Кастамону и Чанкыры прошел по следующим городам: Чорум, Йозгат, Инчирли, Талас, Томарза, Хаждин, Османие, Хасанбейли, Ислахия и, наконец, Мескен, Дер-Зор и Абухарар. В их рядах также оказался двадцать один политический ссыльный из Чанкыры, в том числе Ваграм Астурийский, Азариг, Ерванд Чавушян и Хачатур Хачатрия⁶. Клара Ричмонд подтверждает, что в октябре 1915 г. они миновали Талас⁷.

¹ Допрос Атиф-бея, одного из лидеров «Специальной организации», в отношении обстоятельств вокруг отрыва Рашид-бея, который «отказался выполнять его приказы»: шестое судебное заседание процесса юнионистов, le 17 mai 1919, «Takvim-i Vakayi», № 3557, daté du 25 mai 1919. Pp. 99–104. По сведениям армянского источника, Рашид блокировал депортацию армян вилайета BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 38, Çangırı, f° 34.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 495, «Document sur l'ex-вали de Kastamonu, Atif bey», signé Mehmed Necib.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, сд 95–98, «List of responsables in the vilayet of Kastamonu».

⁴ Ibid.

⁵ BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 38, Çangırı, f° 25.

⁶ Ibid., ff. 37–39; BNU/ Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du genocide, P.J. 1/3, liasse 38, Çangırı, f° 107 v°, письмо отца Вардана Карагезяна Араму Антоняну от 25 февраля 1947 г.

⁷ Barton J. L. Op. cit. Свидетельское показание Клары С. Ричмонд, миссионерки в Таласе, от 11 мая 1918 г. С. 126.

Судьба армянской интеллектуальной элиты в Чанкыры

Вне сомнений, именно судьба, выпавшая на долю полторы сотни представителей армянской знати, сосланной в Чанкыры, стала поворотной точкой в событиях, произошедших в вилайете. Ранее мы отмечали, что эти представители интеллигенции находились под домашним арестом в отличие от политических заключенных Аяша, которые содержались в бараках¹. Каждый такой заключенный должен был самостоятельно обеспечивать себя, а также платить за жилье, сдаваемое местными домовладельцами. Несколько свидетелей отмечают, что узники образовывали группы, основанные на личных симпатиях, каждый человек играл определенную роль в таких восстановленных хозяйствах. После короткой остановки в Чанкыры 11 мая восемь человек получили разрешение возвратиться в Стамбул, среди них были д-р Ваграм Торкомян, журналист Бюзанд Кетчюян, музыковед Комитас Вардапет, фармацевт Акоп Наргеледжян, журналист Ерванд Толайян, министр Керопян, д-р Мисак Дджевахирджян и дантист Зарех Партизпанян². Вскоре после этого вернуться в столицу было разрешено еще одной группе, включающей в себя около двадцати человек³. В различных источниках даются различные толкования причин того, почему были отпущены эти люди. Например, в случае Комитаса или Торкомяна, утверждается, что за них заступились дипломатические или придворные круги. Возможно, также, что после того как органы КЕП или министр внутренних дел изучили вопрос, ими был сделан вывод о поспешности их включения в списки запрещенных лиц. Армянские источники утверждают, что пересмотр дел интернированных в Чанкыры был поручен члену Центрального комитета юнионистов Исмаилу Джанбола-

ту⁴; возможно, именно он позволил вернуться в Стамбул тем армянам, кого он считал наименее опасными. Стоит также отметить, что один из задержанных, Степан Татарян, в начале июля был отправлен в Кайсери, чтобы предстать перед судом, в тот же период еще четверым было разрешено вернуться из Аяша — д-ру Погосяну, Мелкону Гиулесаряну, Онику Магазаджяну и Жирари (Онику Голнагдаряну) — возможно, потому, что они не имели никакого отношения к политическим заключенным⁵.

После того как были сделаны эти поправки, было принято решение о начале ликвидации оставшихся депортированных лиц. По словам одного из выживших армян, первая группа тех, кто был сослан в Чанкыры, состоящая из пятидесяти шести человек, 11 или 18 июля 1915 г. была выслана из города, а вскоре после этого все до одного были убиты⁶. Вторая группа представителей интеллигенции выдвинулась в путь 19 августа. В этой группе среди остальных были Баруйр Арзуманян, д-р Степан Мискджан, фармацевт Григор Мискджан, Григор Есаи Н. Тер-Габриелян (Шахнур); преподаватель и писатель Мигран Табакян, фармацевт Акра Терзян; Арутюн Калфаян; журналист Арам Антонян; Мигран, Левон, и Геворг Каекджяны; фармацевт Асатур Арсенян; переводчик русского консульства Момджан и Паруйр Сарухан⁷. О судьбе второй группы депортированных известно гораздо больше, это связано с тем, что в то время как ни один представитель первой группы не выжил, среди второй группы в живых осталось двое. Благодаря этому нам известно, что эти люди были препровождены в тюрьму Ангоры с 20 на 24 августа, а также то, что вечером 24 августа все они, кроме Антоняна, сломавшего

¹ См. выше, с. 285–286.

² BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 38, Çangiri, ff. 1 et 21.

³ Ibid., ff. 21–22: д-р Григор Джелал, д-р Барсег Динанян, Вртанес Папазян, Гайг Ходжасарян, Ншан Кафаян, Арменак Барсегян, Карапет Деовлетян, Вагинак Пардизпанян, Норик Тер-Степанян, Акоп Бейлеса, Ваган Алтунян, Манук Пасмаджян, Акол Корян, Ованес Терлемезян, Самуэль Томаджян, Симон Мелконян, Апиг Джамбаз, Мелкон Гулесерян, Аветис Зарифян.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcate, Э 144, dossier sur İsmail Canbolat, ¶ 279–280, dossier 13 (на английском языке); черкесского происхождения, родился в Косово, выпускник Харбийе и депутат парламента от Константинополя.

⁵ BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 38, Çangiri, ff. 29–30.

⁶ Ibid., f° 26; BNU/ Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 38, Çangiri, f° 107, письмо отца Вардана Карагезяна Араму Антоняну из Каира от 25 февраля 1947 г. Источник отмечает, что эта группа отбыла 11 июля.

⁷ BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 38, Çangiri, f° 23.

ного и отправленного в госпиталь Ангоры, были отправлены в путь и убиты несколько дней спустя на подходе к Йозгату¹.

Похоже, для пяти человек, среди которых были врач и писатель Рубен Севак (Чилингириан) и поэт Даниел Варужан, была уготована особая судьба. Эти двое были высланы после того, как вторая группа депортированных была отправлена и убита 26 августа двадцатью чете в шести часах от Чанкыры, возле хана Туней². К тому времени, когда Атиф-бей в начале октября был назначен вали Кастамону, в Чанкыры оставалось только тридцать семь интернированных³. Среди них был и Диран Келекян, чья ситуация была особой. Официально Келекяну было разрешено покинуть Чанкыры, однако он не мог съехать в Стамбул. Будучи близким другом Атифа, Келекян воспользовался его назначением и попросил разрешения поселиться

в Смирне⁴. По словам одного из служащих компании «Тобако Режи» Мехмеда Неджиба, именно Атиф принял решение о высылке и убийстве этого профессора из Мулкийе⁵. Однако Арам Антонян утверждает, что Атиф не причастен к убийству Келекяна. Он сообщает, что начальник жандармерии Нуреддин и пять его человек пришли в дом Келекяна в Чанкыры с обыском, затем арестовали его и ночью 20 октября выслали, официально для того, чтобы он предстал перед судом в Чоруме. По свидетельствам капитана военно-морского флота Мустафы Этхема и его сослуживца из числа работников госпиталя № 2, фармацевта Арутюна Беширяна, Диран Келекян был убит той ночью в восемь часов на дороге между Йозгатом и Кайсери, рядом с мостом Чокгез через реку Кызыл-Ирмак⁶. Возможно, приказ о его убийстве пришел из Стамбула.

Главные виновники депортации в Чанкыры

Среди тех, кто более всего причастен к насилию в отношении армян санджака Чанкыры, помимо Кемаля Огуза, ответственного секретаря КЕП, следует подчеркнуть роль, которую играли муфтий Атта-эфенди, президент местного клуба иттихадистов; глава муниципалитета Сурури; член городского совета курдских жителей Хасан-эфенди; Паланчи-заде Хаджи Шакир; Долмачи-заде Кемал; Чинчирчи-заде Измаил; Абдулла-эфенди; Ачиефе-заде Измаил; Али-эфенди; начальник жандармерии Нуреддин-бей и Манасебечи Рифат. Среди знати, воспользовавшейся членством в комитете, ответственном за «покинутое имущество», для того чтобы обогатить себя, были Сари Ясеф-оглу Ясеф, Иззет-эфенди, Юзбаши-заде Хамди, Халвач-оглы Джавад, Хаси-эфенди-заде, Хаси Измаил-эфенди, Теллал Ахмед и Семерчи Дживи-

чи Мехмед Уста. Глава санджака Шюкрю-бей; имам Абдулрахим; муэдзин Хафиз Ахмед; а также государственные служащие Салих-эфенди, Мехмед Фахри и Салих Сабри также принимали участие в разделе имущества армян. Среди военных и служащих жандармерии командир жандармерии Бинбаши Лютфи; глава Военного комиссариата Изет; начальник полиции Ремзи и его помощники Вехиб и Фехми вместе со своими подчиненными сержантом Хусни, сержантом Салихом, сержантом Сулейманом и Лутфи Шюкрю руководили депортацией и отдельными массовыми убийствами. Местные операции «Специальной организации» находились под контролем Османа Талаата, юриста; Омер-оглы Зеки; бывшего главы санджака Ширри-бей; наемника Арабачи Имайла и Али, убившего Рубена Севака (Чилингириана)⁷.

¹ Ibid., f° 28.

² BNU/Fonds *Andonian A. P.J.* 1/3, liasse 38, Çangiri, f° 107, письмо отца Вардана Карагезяна Араму Антоняну из Каира от 25 февраля 1947 г. Во втором письме от 1 апреля 1947 г. Антоняну отец Вардан отмечает, что они видели, как охранники Севака и Варужана вернулись в Чанкыры вечером того же дня: Ibid., f° 113.

³ Ibid., f° 107v.

⁴ Ibid., f° 110. См. выше, с. 25, примечание 2. О роли Д. Келекяна в движении младотурок.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcate, № 495, «Document sur l'ex-veli de Kastamonu, Atif bey», подписанный Мехмед Неджибом.

⁶ BNU/Fonds *Andonian A. P.J.* 1/3, liasse 38, Çangiri, f° 62. Список интернированных из Чанкыры, составленный А. Антоняном.

⁷ Ibid., f° 34; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcate, № 95–96–97–98, «List of responsables in the vilayet of Kastamonu, çangiri; BNU/ Fonds *Andonian A. P.J.* 1/3, liasse 38, Çangiri, f° 34.

После окончания военных действий только Кемал Огуз понес ответственность за свои действия. Военный суд Стамбула приступил к рассмотрению его дела в декабре 1919 г. Он, в частности, был обвинен в «совершении серьезных злоупотреблений, связанных с обеспечением поставок»¹. На сессии суда, состоявшейся 3 февраля 1920 г., он отрицал «любую свою причастность к армянскому вопросу». Однако один из свидетелей, указав на значительное влияние, которое обвиняемый оказывал на государ-

ственных служащих, рассказал о том, как он вместе с исполняющим обязанности вали и командиром жандармерии принял несколько сотен фунтов золота от армянского населения в обмен на обещание не депортировать их, что не помешало ему, продолжал свидетель, депортировать всех армян из Чанкыры. Все они были убиты неподалеку от хана Туни². Огуз был признан виновным и приговорен к пяти годам каторжных работ, однако ему было разрешено остаться в госпитале Гюмюшсу³.

Погромы и депортации в санджаке Болу

В 1914 г. численность армянского поселения в Болу едва достигала 1220 человек. Благодаря выгодному географическому положению города на основном пути через Малую Азию его жители вели прибыльную торговлю. В Дузче, городе, находящемся к северо-западу от Болу, армянское население составляло 392 человека; в Девереке, расположенном в пятидесяти километрах дальше на восток, насчитывалось 670 армян; армянская община приморского города Зонгулдак состояла из 512 членов, и наконец, в Бартине проживало 420 армян⁴.

Уничтожение людей прикрывалось судебными процессами. В Болу была создана «следственная комиссия», возглавляемая неким Мехмедом Али-беом. Ее главным членом был начальник полиции Иззет-бей, именно он нес ответственность за обыски и аресты. Военный суд под председательством судьи Сопакки Мехмеда отвечал за вынесение приговоров обвиняемым, его деятельность находилась под контролем д-ра Ахмеда Мидхата, начальника полиции Константинополя, который был отправлен в Болу для руководства депортацией 24 сентября и уничтожением армянского населения санджака, ему также помогали в этом член общего районного совета Сурайя-эфен-

ди, депутат парламента из Болу Халиб-бей, Ибрагим-бей (участвовавший в погромах в г. Адана в 1909 г.) и Тахир-бей, оба — лидеры эскадрона наемников, в рядах которого, в частности, числились Нафиз Али, Саркис Мехмед, Ростачи Нури и жандарм Канчарси Эмин⁵.

Один из выживших армян, удерживаемый в тюрьме Болу до конца судебного процесса 23 января 1916 г., сообщает, что некоторые из подсудимых были обвинены в участии в Армянском обществе взаимопомощи и приговорены к каторжным работам, остальные же были приговорены к смерти по столь же незначительным обвинениям. Он отмечает, к примеру, расстрел Сирагана Папазяна, уроженца Адабазара, и Алехсана Арутюняна 28 сентября/11 октября 1915 г.; Степана Ахтзайна, Ншана Маркаряна, Мкртича Партевяна, Саркиса Лазяна, Гарегина Папелана и Стефания (грека) 21 декабря/3 января 1915 г.; отца Корюна из Адабазара, Саркиса Козайяна, Ованеса Козайяна, Назарета Ташджяна, Миграна Ташджяна, Карапета Хастзяна, Миграна Киремиджяна и других 28 декабря 1915 г./10 января 1916 г.; Петросе Генджяна, Логоса, Ованеса Мурадяна, Хачика Мартиросяна и Амбарцума Чейяна 21 марта/3 апреля 1916 г.; и 3/16 октября 1916 г.

¹ Procès de Cemal Oğuz, secrétaire-responsable à Çangiri: La Renaissance, La Renaissance, № 357, 27 janvier 1920.

² Procès de Cemal Oğuz, secrétaire-responsable à Çangiri: La Renaissance, № 363, 4 février 1920.

³ Verdict du procès de Cemal Oğuz: La Renaissance, № 369, 8 février 1920.

⁴ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 177–178; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 789–790. армяне накануне войны в вилайете Кастамону. Лишь армяне Зонгулдака спаслись благодаря каймакаму Ибрагим-бею, у которого был хорошо знакомый армянин в порту. Агуни С. Указ. соч. С. 289.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, сЧ 95–96–97–98, «List of responsables in the vilayet of Kastamonu», Bolu, et h 212.

Сирагяна Стамболцяна, Армаша, Акопа Биджояна, Кангала, Искандера Туманяна и Кадзета Зеняна¹.

По другим сведениям, начальник полиции Иззет-бей сыграл ключевую роль в фабрикации обвинений, подбрасывая «запрещенные предметы: оружие, бомбы и т.д., а также английские, французские и российские флаги» в дома армян. Предполагается также, что он созвал армянскую знать в префектуру, где все ее представители были арестованы и переданы наемникам². Возможно, именно начальство Иззета в Стамбуле требовало

фабрикация ложных обвинений для оправдания приказа о депортации, исполнение которого было доверено Ахмеду Мидхату. Тот же источник утверждает, что понедельники были «праздничными днями для турок, потому что понедельники были днями повешений». На площади, где находилось правительство, была сооружена виселица, которая собирала вокруг себя «толпу, переполненную зловещей радостью». Многие армянские дети были «взяты на воспитание» турецкими семьями, а молодые армянские женщины «были заключены в гаремы»⁵.

Погромы и депортации в санджаке Синоп

В Синопе, занимающем лесистый полуостров, в 1914 г. располагалось три армянских поселения: в Куйлучи, Алисейлике и Гольдаге, общей численностью населения в них 1125 человек. В Герзе, расположенном на побережье Черного моря, проживал 491 армянин. Однако наиболее густонаселенные армянами районы санджака находились в центре, в Бойабаде и окружающих деревнях: общая численность армянского населения в них составляла 3650 человек⁴. Именно Бойабад и был первой целью Атифа. Сразу же после своего назначения в начале октября 1915 г. он отдал приказ об аресте восьмисот человек, которых поместили в

мечеть. Некоторые из них были отправлены в Ангору, официально для того, чтобы предстать перед судом; однако они исчезли на пути к ней⁵. Остальное население было депортировано через Чанкыры, находящиеся там заключенные из Стамбула видели их проходящими через город в середине октября. Скорее всего они были убиты на подступах к Йозгату, как и многие другие депортированные из прибрежных районов⁶.

До нас не дошло никаких свидетельств о судьбе армян Синопа и Бартина. Известно, однако, что оставшееся население этих двух мест было депортировано через Сивас⁷ и пережило ад Фырынджилара.

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 489, Les condamnations de Bolu. Свидетельство одного выжившего об Ахмед Мидхате, бывшем начальнике полиции Стамбула: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 19, № 396, «List of responsables in the vilayet of Angora», № 457–459, 432, dossier 70 (на французском языке).

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 491–492, Le rôle d'Izzet bey, chef de la police à Bolu.

³ Ibid.

⁴ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 177–178; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 789–790, армяне накануне войны в вилайете Кастамону.

⁵ BNu/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 38, Çangırı, f° 36.

⁶ BNu/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 38, Çangırı, f° 107v, письмо отца Вардана Карагежняна Араму Антоняну от 25 февраля 1947 г.

⁷ BNu/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 38, Çangırı, f° 37.

ГЛАВА 12

Константинополь во время депортаций и погромов (май 1915 г. — август 1916 г.)

Ранее мы обсуждали обстоятельства, окружающие аресты армянской знати столицы Османской империи, а также ухудшение ситуации, вызванное судебным процессом над гнчаковцами, прошедшем в мае—июне 1915 г.¹ Официальные заявления правительства и кампании в печати, организованные тем же правительством с целью создания образа армян как «изменников», несомненно, были призваны убедить общественность в необходимости происходящего и будущего насилия.

К началу мая 1915 г. из всей армянской знати Константинополя в столице оставались только две значительные фигуры: депутаты парламента Григор Зограб и Вардгес Серингулян. Однако их вмешательство совместно с министром внутренних дел и великим визирем не принесло ожидаемых результатов; напротив, похоже, им удалось убедить двоих армян в реальных намерениях младотурецкой власти. Окружение обоих — и Зограба, и Серингуляна — уговаривало их покинуть страну, однако оба они реагировали на такие советы почти одинаково, отказываясь даже думать об отъезде. 18 мая в разговоре с Мартином Акопяном, одним из влиятельных лиц, предложившим ему помощь в отъезде, Зограб сказал: «На кого ты хочешь чтобы я оставил этих людей, без лидера или предводителя? Я не хочу покидать эту страну, это мой долг — оставаться на передовой до конца»². 27 мая был опубликован временный закон о депортации, до патриархата стали доходить слухи о массовых убийствах в провинциях, что не оставило сомнений о

реальных намерениях младотурок. В ходе весьма бурного разговора между Талаатом и генеральным секретарем КЕП Мидхатом Шюкря, состоявшемся 1 июня, Зограб потребовал объяснений тем преступлениям, что совершались против армян восточных провинций. Он указал министру внутренние дела на то, что рано или поздно тому придется расплачиваться за свои действия и, когда этот день придет, он не сможет «оправдать свои преступления». Уверенный в себе, Талаат ответил, что не видит того, кто мог бы потребовать у него отчета о его действиях. Тогда армянский адвокат сказал: «Я могу сделать это, будучи депутатом парламента»³. На следующий день Зограб, сенатор Зарех Дилбер, депутат парламента Петрос Аладжян и недавно ушедший в отставку министр Оскан Мардикян встретились в «Маленьком клубе»; целью встречи этих людей, приближенных к младотурецкой власти, была оценка ситуации⁴. Есть все причины полагать, что эти люди, лучше других знавшие политические нравы лидеров КЕП, пришли к выводу о том, что программа ликвидации армянского населения была приведена в исполнение. Несмотря на это, в тот же вечер Зограб отправился в «Серкль д'Ориент», где он играл в карты с министром внутренних дел. Спустя два часа после того, как он вернулся домой, к нему в дверь постучал начальник полиции Перы Кел Осман; он обыскал квартиру Зограба, конфисковал его личные бумаги и затем попросил его следовать за ним. В то же самое время в своем доме был арестован и Варткес⁵. После короткого пре-

¹ См. выше, с. 360–368.

² Шарурян А. Указ. соч. С. 465.

³ Там же. С. 466–467.

⁴ Там же. С. 467.

⁵ Там же. С. 467–468.

бывания в полицейском управлении Галатая, а также обоим армянам на лодке под конвоем оттащивали на железнодорожную станцию Хайдарпаша¹. Официально они направлялись в Диарбекир, чтобы предстать перед судом.

Они были убиты знаменитым Черкезом Ахмедом², который возглавил группу черкесских наемников³, 19 июля на пути к Диарбекиру, вскоре после того, как они покинули Урфу.

Невыполнимые обещания патриарха Завена

Как говорит об этом сам патриарх, после депортации Зограба и Варткеса он оказался совершенно изолированным на политической сцене Стамбула⁴. На многочисленных запросы (takrir), которые патриархат направлял правительству начиная с конца апреля 1915 г., министр юстиции неизменно давал один и тот же устный ответ, доводимый до главного секретаря Армянского патриархата Камера Ширинаяна. По словам министра юстиции, устав патриархата не наделял его правом на «подобные политические» запросы⁵. Из всех дипломатов, находящихся в Стамбуле, чаще всего с патриархом Завеном виделся д-р Мордтманн, служивший переводчиком при германском посольстве и отвечавшим за все армянские вопросы там; похоже, что он весьма проникся настроениями, царящими в армянских кругах⁶. Его посещение армянского прелатства 10 июня 1915 г. имело особую важность прежде всего потому, что оно состоялось вскоре после высылки Зограба и Варткеса — то есть как раз в тот момент, когда власти приняли решение полностью перекрыть все каналы диалога с армянской элитой. Кроме того, это посещение совпало с прибытием в Стамбул в начале июня д-ра Иоганнеса Лепсиуса⁷, что позволило патриарху надеяться на то, что немцы занимают несколько менее враждебную позицию по отношению к армянам

или, возможно, готовы даже вступить за них. Вероятно, для того чтобы развеять опасения патриарха, Мордтманн предположил, что депортация армянского населения Эрзурума «на юг, подальше от линии фронта», начавшаяся 1 мая, была необходимой и желательной мерой в сложившейся на фронте военной ситуации. «Информация», которой он располагал в отношении следственной комиссии, направленной в Зейтун с целью «оценки стоимости земли, находящейся в собственности населения города и его предместий», задачей которой якобы являлось справедливое «возмещение», скорее всего была продиктована тем же желанием успокоить страхи патриарха. Завен Егияян, со своей стороны, указал немецкому дипломату на то, что посол Вангенхайм заверил его в том, что никакой резни не будет, однако «то, что происходит сейчас, гораздо хуже любой резни». В действительности армянские круги столицы были в курсе событий, происходящих в провинции, до самого конца мая благодаря телеграммам, приходящим от местных прелатов. Однако этот источник информации иссяк вскоре после того, как любая телеграфная связь с провинцией была запрещена. После этого любые оценки ситуации основывались только на свидетельствах людей, прибывающих из провинций⁸. Возможно, имея в своем распоряжении

¹ Там же. С. 469.

² См. выше, с. 453. В соответствии с *Отян Е.* Указ. соч., № 17, Талаат или его помощник в министерстве внутренних дел Али Мюниф лично позвонил супруге Г. Зограба, чтобы сказать ей, что «ее супруг скончался от сердечного приступа в Урфе».

³ *Шарурян А.* Указ. соч. С. 492–493. Следует вернуться к проезду двух депутатов через Алеппо, это поможет понять реакции в провинциях на политику комитета партии иттихадистов.

⁴ Среди уполномоченных на возвращение в Стамбул д-р В. Торгомян и Гайк Ходжасарян были единственными, кто оказал помощь патриархии, причем последний посетил патриархию для получения помощи, предназначенной для школьных учителей, живущих в подполье (Саркиса Сренца, Акола Кюфеджяна, также известного как Ошаган, и прочих). *Тер-Егияян З.* Указ. соч. С. 101.

⁵ Там же. С. 103.

⁶ См. выше, с. 352.

⁷ Письмо Вангенхайма канцлеру Гольвегу, Пера, 17 июня 1915 г.: *Lepsius J.* (ed.). Op. cit., doc. 81. P. 96. Автор приводит комментарии в отношении указанного визита; *Weber F. G.* Op. cit. P. 151.

⁸ *Тер-Егияян З.* Указ. соч. С. 103–104.

только эти обрывочные сведения, патриарх не мог оценить весь масштаб планов по ликвидации армянского населения, поэтому у него все еще оставались слабые сомнения насчет истинных намерений младотурецкого правительства. Даже обнародованная 24 мая 1915 г. правительствами стран Антанты совместная декларация, объявлявшая османское правительство ответственным за «преступления против человечества», совершенные в отношении армян¹, может рассматриваться как классический пропагандистский шаг во время военных действий. Реакция младотурецкого правительства, заключавшаяся в полном отрицании фактов резни и предъявлении Великобритании и России обвинений в подстрекательстве армян к мятежу, перешла в настоящую антиармянскую кампанию. Более того, позже патриарх Завен признал, что во время его разговора с Лепсиусом, состоявшегося в середине июня, он все еще имел весьма слабое представление о событиях в провинции; он смог оценить весь масштаб преступлений только после того, как в августе 1915 г. в столицу прибыл его племянник Тигран, бывший на тот момент студентом Евфрат-колледжа Харпута². Именно от своего племянника патриарх узнал о том, как были арестованы и убиты многие знаменитые люди города, такие как председатель Бсаг Тер-Хоренян или учитель Николас Тенекеджян, о состоянии, в котором находились прибывшие с севера депортированные, или, опять же, о том, что вся дорога, идущая через Малатю, по которой его племянник и приехал в столицу, устлана телами убитых армян³.

После нескольких безрезультатных попыток попасть на встречу к министру внутренних дел патриарх в конце концов обратился к министру юстиции и религиозных конфессий Ибрагиму Пиризаду, который принял его 8 июля 1915 г. Другими словами, власти дали понять, что готовы слушать Завена только как духовного главу. Более того, министр изначально отказался сообщать что-либо о судьбе гражданского населения, хотя и при-

знал факт депортаций, заявив при этом, что они проходили «в наилучших условиях, так как правительство издало соответствующие указы»⁴. Ответ патриарха, гласивший, что «все эти меры показывают, что правительство не верит своему народу и хочет уничтожить его»⁵, свидетельствует о том, что он имел ясное представление о сложившейся ситуации. По словам Ибрагима Пиризада, «все это — действия военных властей, которые принимали те меры, которые считали необходимыми... В то время как император предпринимает огромные усилия для того, чтобы выжить и проливает кровь своих подданных, следует быть осторожным и не идти ей наперекор». Ответом патриарха было указание на то, что армяне также «проливают свою кровь за отечество», в то время как «жен и детей «выслали в пустыню». Он также добавил, что понимает, что военным властям приходится использовать «в военной зоне» средства, которые они считают нужными, однако не понимает, почему они должны использовать их «везде, обрекая тем самым смерть более миллиона людей». В конце концов спросил у министра: «Почему власти наказывают женщин и детей, которые не могут быть обвинены в деятельности против правительства?»⁶ Ответ министра был составлен, чтобы оправдать решения властей: он ответил, что они не хотели «лишать семьи своих мужчин» и поэтому избрали «коллективное переселение». Такой ответ показывает, что мало доверия могут вызывать выдвигаемые правительством оправдания. Пиризад также напомнил патриарху, что это был вопрос мер, принимаемых военными властями в свете военной необходимости, перед лицом которой они оказались⁷.

Спустя два дня, 10 июля 1915 г., патриарху была дарована аудиенция у великого визиря Саида Халима, с самого начала их разговора патриарх поведал ему все свои страдания. Обещание, данное им своим людям, говорил патриарх, вынуждает его «просить милости у правительства». Он оказался совсем одиноким, продолжал он, и вынужден гадать, почему

¹ Там же. С. 105.

² Там же. С. 110–111.

³ Там же. С. 113. Письмо Вангенхайма канцлеру Гольвегу, Пера, 17 июня 1915 г.

⁴ Там же. С. 116–117.

⁵ Там же. С. 118.

⁶ Там же. С. 119.

⁷ Там же. С. 120.

правительство уготовило людям такую судьбу, «почему они обречены на смерть»¹. Ответ Саида Халима был тем более интересен, что он позволял проследить все шаги властей, направленные против армян, начиная с реформ в восточных провинциях. Не отрицая «болезненный характер» ситуации с армянами, великий визирь в то же время подчеркивал, что вина за нее лежит на их собственных плечах, ибо они требовали реформ и «одна часть народа подняла оружие» против империи. Завен Егияян, конечно, отверг обвинение во «всеобщем восстании», заметив, что «стчеты, направляемые в правительство, искажают факты или намеренно вводят власти в заблуждение». Он прежде всего сожалел о том, что власти наказывают «весь народ», и предположил, что они берут пример с «султана Абдул-Гамида, довольствуясь уничтожением всех мужчин»². Халим отрицал, что правительство поставило перед собой «задачу уничтожить все армянское население», но признал, «что в связи с отсутствием транспорта, muhaciret [миграция] оказалась трудноосуществимой». Оставшаяся часть их беседы, описанная в воспоминаниях патриарха, показывает нам прелата, безнадежно пытающегося убедить власти отказаться от идеи депортации армянского населения, проживающего за пределами приграничных регионов. Саид Халим, однако, поведальное, что «правительство приняло окончательное решение» и, «что бы ни случилось, им придется покинуть родные места». В конце разговора великий визирь спросил патриарха, почему тот не направился к Талаату, давая тем самым понять, что именно Талаат был наделен властью прекратить преследования армян. «Когда я сказал ему, что он бы не принял меня, — писал Завен, — он ответил: все-то этого никогда не должно было случиться»³.

Егияян также обратился за помощью к президенту османского парламента Халилу [Ментеше]⁴, одному из младотурецких руководителей, имевшему репутацию наименее радикального из них, поскольку, по словам

Вангенхайма, похоже, что патриарх «оставил надежду изменить к лучшему ситуацию с помощью турецкого правительства»⁵. По свидетельствам патриарха, после объявления войны Халил принял у себя Зограба, Варткеса и Аладжана с целью убедить их в необходимости подумать о том, что сейчас армяне будут «беззащитны». Однако после возвращения из Германии, писал патриарх, он обнаружил, что ситуация только ухудшилась, и попытался спасти Зограба и Варткеса «хотя бы тем, чтобы их отправили в Алеппо»⁶. Как и Саид Халим, он предложил, чтобы патриарх «обсудил этот вопрос» с Талаатом, «тут же позвонив ему» и назначив с ним встречу на следующий же день, пообещав, помимо прочего, «сделать все, что в его силах». 2 октября 1915 г. патриарх отправился на встречу с министром внутренних дел. В самом начале их разговора Талаат заявил, что «ответственность за ситуацию» несут сами армяне и что он знает, что они решили «ускорить революцию» и «поддержать русских», запасая с этой целью «оружие и бомбы». Он также обвинил их в том, что «они несут ответственность за то, что часть страны попала в руки к России». В ответ Егияян отметил, что «эти вещи стали результатом действий нескольких лиц», вызвав тем самым такой резкий ответ: «Не просто нескольких, или нескольких тысяч, или даже нескольких сотен тысяч. Сегодня — одна политическая партия, завтра ей на смену придет другая. Те, кто не принадлежит к ней, должны будут к ней присоединиться»⁷. Вне сомнений, в своих словах Талаат выражал главное опасение КЕП, он видел в армянах будущую угрозу своей стране. Патриарх возразил, что, даже если все его обвинения оправданны, ничто не может оправдать ту участь, на которую власти обрекли женщин, или тот факт, что «детей отнимали у родителей и отдавали чужим людям», наказание, добавил он, должно быть «соразмерно злодеянию». На что Талаат заявил, что «ничего подобного не происходило», патриарх же, в свою очередь, возразил, что достаточным

¹ Там же. С. 121.

² Там же. С. 121–122. Саид Халим вспоминал: «В прошлом году я сказал господину Гирсу, русскому послу: «Армянский народ относится к нам, и к нашим обязанностям относится поощрение его процветания».

³ Там же. С. 123.

⁴ Антонян А. Указ. соч., ф 51.

⁵ Письмо Вангенхайма канцлеру Гольбергу, Пера, 17 июня 1915 г.: Lepsius J. (ed.). Op. cit., doc. 81. P. 96.

⁶ Тер-Егияян Э. Указ. соч. С. 124.

⁷ Там же. С. 124–125.

тому доказательством служит то, скольких из этих детей можно найти сейчас в столице. Министр дал обещание провести расследование этих фактов и наказать «виновных». Завен также сказал ему, что «армяне были глубоко разочарованы, видя, что этот удар судьбы исходит от того, кого они более всего почитали». Талаат заверил, что «любит армян, потому что знает, как полезны они были для страны», добавив, однако, что он «любит свою родную страну даже больше, чем армян».

После этих слов патриарх обратил внимание министра на ситуацию депортированных армян из Родосто/Текирдага; Талаат обвинил этих армян в «зверствах и жестокостях по отношению к мусульманскому населению во время болгарской оккупации», отвечая на заявление патриарха о том, что «некоторые из депортированных семей оказывали в то время финансовую помощь семьям переселенцев». Он также утверждал, что власти оказывали помощь депортированным и не оставляли молодых девушек, чтобы те «не слонялись по деревням», беззащитные и беспомощные¹. Министр пообещал, что правительство рассмотрит данный вопрос при условии, что патриарх не станет больше в него вмешиваться. Что касается судьбы армянского духовенства, Талаат заявил, что многие его представители, такие как, например, прелат Кайсери (суд над которым мы рассматривали ранее)², были изменниками и членами политических партий³. Таким образом, он ясно указал на причину того, почему духовные лидеры армян были «наказаны».

Летом и осенью 1915 г., помимо обращений к ключевым политическим лидерам младотурок, армянский патриарх искал совета у людей, приближенных к КЕП, в частности у бывшего министра почтово-телеграфной службы Оскан-бея Мардикяна. Мардикян предложил ему обратиться к исламскому шейху Мусе Казиму, убежденному члену Иттихада; Казим, однако, в помощи отказал⁴. Патриарх также просил помощи у прибли-

женных султана и прежде всего у его прямого наследника Юсуфа Иззеддина, сенатора Абраама-паши Ерамяна; Ерамян снял с себя всякую ответственность за происходящее, заявив, что его вмешательство не принесет никаких результатов⁵. Среди уцелевших армянской знати, похоже, единственным человеком, действующим на стороне патриарха, был д-р Ваграм Торкомян, который был задержан на короткое время в Чанкыре. По просьбе Завена Торкомян, будучи на то время личным врачом принца Абдулмеждида, второго в очереди на трон, отправился 22 августа 1915 г. на встречу с ним, чтобы убедить его заступиться за армян перед султаном. По словам Егиаяна, Абдулмеждид не виделся с султаном Решидом, чтобы поднять вопрос о положении армян, до 8 октября предположительно султан пообещал «сделать все необходимое», сказал, что «он неоднократно говорил с Талаатом», однако тот «оставался глух» к его просьбам⁶. В своих мемуарах патриарх с горечью отмечает, что люди, такие как член Государственного совета Грант Асатур, откровенно игнорировали его, а Петрос Аладжян, депутат из Константинополя, бывший министр и член Иттихада избегал его и палец о палец не ударил, чтобы спасти кого-нибудь. Среди оставшихся в живых армянских депутатов только Оник Исмаилян, избранный от Смирны, делал попытки спасти некоторых людей, иногда это удавалось ему. Гегам Тер-Карапетян, депутат из Дашнакцутюн, избежавший преследования благодаря своей болезни; епископ и бывший патриарх Егише Турян; президент Армянской палаты Гайк Коджасарян; президент Политического совета д-р Григор Давтян; патриархальный викарий Ерванд Пердахджян и главный секретарь патриархата Камер Ширинян, имевший репутацию туркофила, также зрительно помогли патриарху, оказав ему «жестовую услугу»⁷.

Несмотря на то что ему так и не удалось смягчить позицию младотурок, патриарх тем не менее взял на себя задачу до-

¹ Там же. С. 126.

² См. выше, с. 366–367 и ниже, с. 724

³ Патриарх отмечает, что Хосров Бехригян, студент, его товарищ по семинарам в Армаше, ни в коем случае не был «приверженцем». *Тер-Егиаян З.* Указ. соч. С. 127.

⁴ Там же. С. 129.

⁵ Там же. С. 130.

⁶ Там же. С. 130. Патриарх также отмечает роль профессора А. Хачатуряна, директора школы Кедровая, который связывался с ним во время поездки в Галату до его депортации; очевидно, у него имелись средства передачи информации в Центральный комитет АРФ.

⁷ Там же. С. 189–190.

внешнего мира ту информацию, которой располагал, о положении армян. В своих воспоминаниях он отмечает, что направлял через итальянское посольство неподписанные донесения епископу армян Болгарии Леониду Туряну¹. Он получал информацию из различных источников: они включали сведения, поступавшие от одной обращенной в ислам женщины из Байбурта, молодой девушки из Зиле, похищенной турецким офицером и жившей в Стамбуле, мусульманского путешественника, пришедшего из Харпута, иностранцев, прибывающих из Эрзинджана, и так далее². Сведения, которые он поставлял, показывают, что с начала осени 1915 г. патриарх был осведомлен о судьбе армян из Алайетов Эрзурума, Трапезунда, Сиваса, Мамурет ул-Азиза, Битлиса и Диарбекира, а также о судьбе солдат из трудовых батальонов, расположенных в регионах Эрзурума, Диарбекира и Харпута, как и о ситуации в Алеппо, Рас-эль-Айне и Дер-Зоре. В донесении, датированном 15 августа 1915 г., он писал о том, что число человеческих жертв уже достигло пятисот тысяч человек³.

Более того, патриарх также помог организовать сеть помощи депортированным, достигшим Сирии. В этой связи он утверждает, что юридический советник американского посольства Аршаг Шмавонян играл решающую роль в освобождении Комитаса, чего также добивались и иные лица, а также что именно он, помимо прочего, убедил Американский Красный Крест отправить депортированным материальную помощь. Первоначально эта материальная помощь была направлена в турецкую организацию Красного Полумесяца согласно стандартной процедуре, принятой в Красном Кресте; однако американские представители заметили, что турецкая сторона так и не передала помощь по назначению⁴. По этой причине в Алеппо при поддержке консульств США и Германии был создан специальный комитет, в который вошли американские и немецкие миссионе-

ры. Он служил проводником для помощи, направляемой константинопольским патриархом и американо-армянским сообществом. Известно также, что посол Моргентау ходатайствовал за депортированных, даже несмотря на то что его действия не приносили желаемого результата⁵.

Однако когда речь заходила о папском нунции Анджело Мариа Дольчи, патриарх высказывал гораздо меньшее снисхождение; он отмечал, что Дольчи был не способен получить доступ к Высокой Порте и защищать депортированных⁶. С другой стороны, он высказывал хвалебные слова в адрес австро-венгерского посла Иоганна фон Паллавичини, с которым он смог связаться благодаря монаху-мхитаристу из Вены отцу Хорену. И хотя австрийский дипломат так и не преуспел в том, чтобы склонить власти позволить еще не депортированным армянам остаться на своих местах, улучшить положение армян в концентрационных лагерях, чтобы избежать новых депортаций, обеспечить перевод средств, предоставить возможность запрашивать материальную помощь, положить конец принудительному обращению в веру или освободить женщин и детей, удерживаемых в мусульманских семьях, он тем не менее смог оказать некоторую помощь отдельным категориям населения, особенно армянским католикам⁷.

С другой стороны, было бесспорно установлено, что немецкий посол Ганс фон Вангенхайм, будучи единственным человеком, который, по словам армянского посла, «мог положить конец этим преступлениям», до самой своей смерти 24 октября 1915 г. почти не делал попыток помочь армянам, которых он считал «не чем иным, кроме как коварными вредителями»⁸. Смерть этого влиятельного дипломата и назначение на смену ему графа Пола Вольф-Меттерниха, чьи взгляды, как говорили, следовали позиции высшего немецкого руководства менее жестко, придали патриарху решимости обратиться

¹ Там же. С. 131 и 142. Он отмечает в особенности свое свидетельское показание от 7 июня и 15 августа 1915 г., которое достигло Франции и Великобритании за подписью Высокопреосвященства Туряна.

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 137–149.

⁴ В шестой части настоящего исследования отмечается, что Красный Полумесяц был трансформирован в агентство, служащее комитету иттихадистов, поскольку его глава назначался членами партии.

⁵ Там же. С. 154–158; Агуни С. Указ. соч. С. 100. Автор отмечает, что патриарх обратился к Моргентау в попытке предотвратить депортацию армян из столицы.

⁶ Там же. С. 159.

⁷ Там же. С. 160.

⁸ Dadrian V. Histoire du Génocide. Pp. 429–434: цитаты, с. 432, 434.

к новому послу. В своем письме Меттерниху от 23 ноября 1915 г. Егиаян в очередной раз призвал немцев заступиться за армян перед Блистательной Портой¹. Четыре или пять дней спустя д-р Мортдманн встретился с ним в Армянской Палате Галаты, чтобы передать ему просьбу посла получить более подробный отчет о положении армян. Два дня спустя патриарх передал в посольство первый документ, а затем следующий, озаглавленный «Уничтожение армянского населения в Турции»². Переписка Меттерниха с Берлином свидетельствует о том, что немецкий посол быстро вник в армянский вопрос, встретился с некоторыми высокопоставленными младотурецкими лидерами и «серьезно обсудил уничтожение армян» с ними³.

Имущество армян и сеть солидарности

По воспоминаниям Завена Егиаяна, уже в начале 1916 г. патриархат знал, что все армянские вклады, хранящиеся в османских государственных банках, будут конфискованы. 29 января политический советник принял решение немедленно перевести все средства, принадлежащие образовательным или гуманитарным учреждениям, таким как «Дпроцасер», «Азганвер», фондам «Заварян», «Огненк Сасунин» и др., на счета патриархата. Поэтому когда неделю спустя правительство направило в государственные банки запрос о состоянии счетов названных учреждений и ассоциаций, оно получило ответ, гласящий, что на счетах указанных организаций не хранится никаких средств. Опасаясь конфискации государственных облигаций и других активов, которые патриархат, приходские советы, гуманитарные организации патриархата и его священнослужители хранили в банках, Завен принял решение изъять все ценные бумаги и остальные активы и временно поместить их на хранение в американское посольство. «Образовательная ассоциация миациал» подверглась нескольким полицейским обыскам. Тогда патриарх предложил оставшимся ее членам распустить ассоциацию

Егиаян подтверждает, что в декабре 1915 г. немецкий и болгарский послы ходатайствовали перед османским правительством о «прекращении преступлений против армян». По его словам, информация, просочившаяся в западную прессу, поставила Германию в сложное положение. Немецкая социал-демократическая партия также опубликовала открытое обращение к правительству Германии вслед за статьей, появившейся в газете «Volkszeitung» 11 января⁴.

К концу 1915 г. армянский патриарх никогда более изолированный, оставив последнее законным представителем армян, все еще предпринимающим активные действия, даже несмотря на чрезвычайную ограниченность поля для своих действий.

цию и передать все ее архивы в патриархат вместе с архивами ассоциации «Азганвер». Вскоре после этого Завен передал в американское посольство два полотно кисти Аязовского вместе с архивами, содержащими планы реформ в армянских провинциях. Оставшаяся часть активов и архивов была передана, как пишет патриарх, на хранение в шведское посольство⁵.

После арестов 24 апреля и последующей депортации Варткеса из всех стамбульских дашнакских лидеров, все еще находившихся в Стамбуле, остались только Саркис Срептыш, Шаварш Мисакян и Акоп Сируни, которые успели скрыться и создать подпольный комитет. По свидетельству патриархата, они создали сеть солидарности, возглавляемую Ованесом Чеугиуряном, целью которой было предоставление финансовой помощи семьям депортированных партийных активистов, помогать людям, разыскиваемым полицией, бежать из города и освобождать армянских детей, удерживаемых в турецких домах. Однако переводя на имя патриархата все счета «Огненк Сасунин» или «Заварян», Егиаян тем самым невольно разрушил сеть главного источника средств. Когда представители комитета потребовали

¹ Тер-Егиаян З. Указ. соч. С. 161–162.

² Там же. С. 164.

³ Письмо Меттерниха канцлеру Гольвегу, Пера, 7 декабря 1915 г.: *Lepsius J.* (ed.). Op. cit., doc. 235 Pp. 185–186.

⁴ Тер-Егиаян З. Указ. соч. С. 165–166.

⁵ Там же. С. 182.

вернуть деньги на счет, патриарх оказался в сложнейшей ситуации: «Очевидно, — писал он — что любая попытка перевести такую сумму денег поставит патриархат в опаснейшую ситуацию; в действительности не представляется возможным провести подобную операцию втайне, мы со всех сторон окружены правительственными информаторами, не говоря о том, что некоторые из них являются сотрудниками администрации патриархата». После нескольких безрезультатных переговоров и грозного письма, отправленного комитетом, было решено, что патриархат будет направлять финансовую помощь непосредственно нуждающимся семьям на основе предварительно утвержденного списка, требуя расписки в получении¹.

В своих воспоминаниях патриарх также касается вопроса ареста Шаварша Мисакяна, который тайно готовился к отъезду в Болгарию, чтобы увезти местные архивы дашнакской партии, переданные начальнику Политического отдела (*Kisim Siasi*) Решад-бейю для перевода. Документы эти, похоже, не содержали никаких шокирующих доказательств предполагаемой измены АРФ. Было, однако, установлено, что была обнаружена копия отправленного патриарху письма с угрозами, что вынудило власти опубликовать заявление, в котором они утверждали, помимо прочего, что «патриархат находится под каблуком у революционеров»².

До нас дошло только несколько сообщений о тайных организациях армян, действующих в Стамбуле во время Первой мировой войны, среди них — отчет одного из ведущих дашнакских активистов Марзпета³ и воспоминания Перджуи, жены журналиста и политического активиста Саркиса Барсегиана⁴. Сеть, к которой принадлежал Марзпет [Газарос Газаросян]⁵, активно действовала на железной дороге, пересекающей Малую Азию

от Стамбула до Киликии. Большую часть поддержки эта сеть получала от служащих на железной дороге людей, она насчитывала в своих рядах людей из самых разных слоев общества.

По свидетельствам автора монографии о Марзпете, душой этой сети в столице был патриарх, тогда как на другом конце железной дороги, в Мосуле, на нее работал глава полиции Мехмед-эфенди — обращенный армянин из Кхнуса⁶. По словам Перджуи, стамбульская сеть прежде всего пыталась укрыть тех людей, которым удалось скрыться во время облавы 24 апреля и которые теперь находились в розыске. Убежища, которые они находили, чаще всего представляли собой частные дома, предпочтительно принадлежащие неармянам. Когда беглецы попадали в такие дома, обычно их скрывали под маской «турецкой женщины» или бородатого «старика». Беглецы никогда не проводили больше недели на одном месте. Примечательно, что связь внутри сети поддерживали молодые девушки, они же перевозили оружие, предназначавшееся для преследуемых активистов⁷.

Существуют также свидетельства того, что сеть получала поддержку со стороны дипломатических миссий некоторых нейтральных стран, которые щедро поставляли в сети паспорта, благодаря которым многие молодые армяне смогли покинуть страну. Неписаное правило гласило спасать в первую очередь молодых, тогда как старшие оставались там же, где и были⁸.

Еще одна сеть, состоящая из женщин, стоявших во главе семей, также пыталась помочь детям из провинций, удерживаемым в турецких семьях⁹. Было, однако, невозможно найти и освободить тысячи мальчиков и девочек, привезенных в столицу. Поэтому сеть решила вести список домов, в которых

¹ Там же. С. 183. Приблизительно 1000 турецких лир.

² Там же. С. 184. Источник подчеркивает, что Решад-бей был довольно хорошо расположен к армянам и спас несколько человек, в том числе Ерванда Пердаджяна, Геворга Месропа, Месропа Нарояна и Апига Мубахиаджяна.

³ Чарек Г., Хусейн М. Х. Т. 1–2, Бейрут, 1945 (на арм. яз.).

⁴ *Berdjouhi. Jours de cendres à Istanbul*, trad. française d'Armen Barseghian, Marseille, 2004.

⁵ Барсегиан, уроженец Томарзы и член АРФ в Персии, Ване и Битлисе, был депортирован в 1915 г.; однако, ему удалось убежать и устроиться на работу на строительство Багдадбана под вымышленным именем: См. выше, с. 75, примечание 6.

⁶ Чарек. Указ. соч., I. С. II–III.

⁷ *Berdjouhi. Op. cit.* P. 55.

⁸ *Ibid.* P. 56.

⁹ *Ibid.* Pp. 60–62. Источник ссылается на случай маленькой девочки трех или четырех лет из Тамарзы, которую увез в Стамбул убийца ее родителей и преподнес своей жене в качестве подарка.

жили такие дети, включив в него как можно больше известной информации о них. Перджу отмечает, что после перемирия эта ин-

формация помогла многим выжившим матерям найти своих детей, а патриархат смог освободить многих сирот¹.

Депортация армян Константинополя и его окрестностей

Армяне проживали в Константинополе едва ли не с того дня, как город захватили турки. Во времена правления турецких султанов в результате нескольких депортаций армян (в XVI столетии) или миграции (в XVII столетии) в городе образовалось шесть армянских общин. Первые переселенцы создали известные «шесть общин» [alti semât]: Саматия, Балат, Гумгапу, Ланга, Хасантипи и Галата, каждая из них состояла из эмигрантов какого-то одного региона. На рубеже XVII века столичные предместья стали населять новые волны армян, вызванные турецко-персидскими войнами: Эдирне Капи, Топ Капи, Эюб, Бешикташ, Ортакой, Куручешме, Ушудар и Кадикой.

По свидетельствам патриархата, в 1912 г. в Стамбуле проживала 161 000 армян без учета эмигрантов, прибывших из провинций недавно². Турецкая перепись населения 1914 г. оценила количество армян всех конфессий, проживающих в столице, в 84 093 человека³ — цифру, которая была значительно ниже всех известных оценок. Плотность армянского населения в сочетании с влиянием определенных кругов, а также церковной иерархией, учрежденной турецкими властями, и составляли основу для сохранения и укрепления армянской идентичности в столице. Жизнь армянской общины была сосредоточена главным образом в сорока семи приходах⁴. Разбросанные вдоль европейской и азиатской частей побережья Босфора накануне Первой мировой войны, поселения армян имели сорок две начальные школы, десять средних школ и десяток католических и протестантских средних школ и лицеев, насчитывающие, в общем, двадцать пять тысяч учеников⁵.

Центром политической и религиозной жизни армянской общины являлся патриархат, находившийся с 1614 г. в Гумгапу, и Палата избранных депутатов, собиравшаяся

в Галате. Администрация патриархата издавала еженедельную «Официальную газету», в которой публиковались протоколы заседаний Палаты, финансовые отчеты, результаты работы комиссий и итоги выборов. Другим важнейшим армянским учреждением был Национальный госпиталь Святого Спасителя в Йедикюле, один из самых современных медицинских центров в Константинополе: он занимал площадь в несколько акров и состоял из десяти строений, огромного парка, часовни, фермы, профессионального училища, школы медсестер, приюта, дома для престарелых и психиатрической лечебницы. В госпитале практиковали ведущие врачи турецкой медицины, получившие образование почти исключительно во Франции.

В самом Константинополе армяне в основном селились в южной части города, приближенной к морю, в районах Гедик Паса, Гумгапу, Йени Махале, Саматия, Нарликапи, Алти Мермер, Топкапи и Сальма Гомрок, а на севере — в Балате. Вне старого города поселения армян находились в Эюбе, Беликли, Едикюле, Макрикюе, Сан-Стефанос и дальше на запад — Силиври. На другой стороне Золотого Рога они размещались в Хазкое, Касим Пасе, Галате, Пере, Пангати и далее на север — в Шишли, Долаб Дереси, Ферикой, Бешикташе, Ортакой, Куру Чешме, Бебек, Румели Хисар, Боячиной, Стения Енликкой, Тарабия, Бюйюк Дереси и Сарийяр-Бен Махале. В азиатской части города армяне были в Бейкозе, Кандили, Кузгунчуке и Ушударе, в кварталах Меламихе, Исадийе и Ени Махале, Кадикой. К востоку от Скютары, в Алемдаге, располагалась целая «Армянская деревня» (Ermeniköy), населенная владельцами гостиниц и постоялых дворов и лесорубами. Наконец, значительные поселения армян находились на побережье Мраморного моря: в Картале, на Принцевых островах, в Проти (Кенали) и Принкипо (Буюкада). Та-

¹ Ibid. Pp. 70–71.

² Орманян М. The Church of Armenia, London, 1912, annexe II. Pp. 239–240.

³ Karpat K. Op. cit. Pp. 170, 184–186. На тот момент в городе насчитывалось около 800 000 жителей.

⁴ Сафрастьян А. Такиры и списки армянских церквей и монастырей, представленных Министерством юстиции и культов Турции Армянским патриархатом Константинополя, 1912–1913, Ечмиадзин, 1965. Pp. С. 43–45 (на арм. яз).

⁵ Patriarcat arménien de Constantinople, статистика районных школ Константинополя, январь, 1907.

Константинополь во время депортаций и погромов

Все сухое перечисление районов, в которых проживало армянское население Великого Константинополя, дает нам довольно слабое представление об обособленной общине со своим особым образом жизни. Объединяясь вокруг своих церквей, возглавляемые своими депутатами и духовенством, управляемые приходскими советниками, армяне держали в своих руках почти всю торговлю в городе, от носильщиков (*hamal*), только что прибывших из Муша, до членов правительства, происходивших из одного из древнейших аристократических родов столицы. Многие армяне были ремесленниками: в основном это были ювелиры, серебряных дел мастера, пекари, ткачи, портные, наборщики, сапожники, каменщики, кафельщики, плотники, краснодеревщики, гончары и керамисты. Армянская знать активно проявляла себя в международной торговле, мореплавании, банковском деле и промышленности, а также в свободных профессиях, таких как медицина, архитектура и право. Промышленные и торговые ежегодники дают нам хорошее представление о тех ключевых позициях, которые занимали армяне в этих областях. Интеллектуальные и художественные профессии, в свою очередь, также переживали резкий подъем с середины девятнадцатого столетия: увеличение количества школ, газет, издательств, появление профессиональных театров предлагали молодым людям, избравшим интеллектуальные профессии, новые возможности. Наконец начиная с 1850-х гг. значительно возросло число армян, занимающих высшие должности в турецком правительстве, особенно в технических, экономических и дипломатических ведомствах. Кроме того, армянские депутаты попадали в турецкий парламент и Армянскую палату из финансовых кругов, свободных профессий, высших уровней управления и прессы.

Столица Османской империи, находясь в постоянных отношениях с Европой, была, несомненно, подвержена влиянию западного образа жизни, особенно среди состоятельных и интеллектуальных кругов. Представители этих кругов почти все владели французским языком, увлекались французской культурой, носили европейскую одежду и в целом, вели образ жизни «à la française», выражаясь бессмертными словами извест-

ного юмориста Акопа Пароняна. Они были завсегдатями модных ресторанов Босфора и проводили свои отпуска на Островах (армяне, в частности, ездили на Проти, где размещалась летняя резиденция патриарха).

Являясь центром политической и интеллектуальной жизни армян Османской империи, а также местом самого большого городского скопления армянского населения, Константинополь оказывал значительное влияние на провинции, в том числе и на население, проживающее в районе Высокого плато. Когда позволяли обстоятельства, особенно после 1908 г., политические партии размещали здесь свои представительства и печатные органы. В таких обстоятельствах и появились первые размышления о будущем армян и их развитии¹.

Наконец 2300 армян проживало в Картале, на северо-восточном побережье Мраморного моря. В основном они занимались виноделием, особенно в Малтепе и Картале².

По свидетельствам одного хорошо осведомленного армянского источника, патриарх обратился к немецкому послу, затем к епископу Дольчи и, наконец, к американскому послу, с просьбой об их вмешательстве, когда примерно 15 мая Иттихад стал готовиться к депортации армян из столицы. Похоже, однако, что Хусейн Кахид, Кара Кемал и Энвер высказались против такого решения. По свидетельствам надежных источников, приводимых Агуни, Энвер даже выступил на собрании Совета министров, где, как говорят, описал разрушительные последствия такого рода действий на западные круги столицы³. Писатель Ерванд Отян, избежавший облавы 24 апреля и находящийся на полулегальном положении, отмечает в своих записях, что в мае 1915 г. в Стамбуле власти объявили мобилизацию мужчин младшего поколения, а также мужчин, которые ранее были освобождены от призыва на основании уплаты выкупа. Эти стихийные уличные наборы были призваны пополнить ряды солдат, отправляемых на Дарданеллы, где в то время велись активные боевые действия⁴.

По словам Агуни, патриархат по различным каналам «узнавал в течение часа» обо всех решениях правительства, затрагивающих армян столицы. Он также отмечает, что великий визирь Саид Халим приложил

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 87–91.

² Ibid. P. 93.

³ Агуни С. Указ. соч. С. 100. Автор был редактором в ежедневнике «Жаманак».

⁴ Отян Е. Указ. соч., № 13.

немало усилий, чтобы свести патриарха с сенатором Зарехом Дилбером для того, чтобы тот предупредил его о том, что армяне Константинополя не будут депортированы¹. С определенной долей уверенности можно утверждать, что острые споры о судьбе армян Стамбула бушевали как в правительстве, так и в Центральном комитете юнионистов. Отнюдь не гуманистические соображения, а скорее опасения негативных последствий открытого преследования армян в самом Константинополе говорили в пользу решения позволить как минимум части армянского населения столицы остаться в городе. Стоит также отметить, что после принятия такого решения министр внутренних дел Талаат объявил, что «все армяне, которые посредством слова или действия будут уличены в намерении создания Армении и будут считаться опасными», должны быть депортированы. Другими словами, все активные представители армянского населения должны быть уничтожены. Власти внесли в списки подлежащих депортации всех армян, прибывших из провинций для работы в столице, прежде всего мужчин. Списки дополнялись квартал за кварталом, и в июне начались депортации; они затронули прежде всего низшие слои армянской элиты: юриста Тирана Еркяна, Акопа Арджруни, Саркиса Сюни². В отличие от знати, депортированной в конце апреля, эти представители были отправлены железной дорогой в Сирию, через Конью и Бозанти.

По свидетельствам армянских источников, к депортации уроженцев провинций, проживающих в столице, был причастен Исмаил Джанболат, член Центрального комитета юнионистов, глава Департамента государственной безопасности и губернатор столицы, он также отдавал приказы об уничтожении армян, интернированных в Чанкыры³. Ключевую роль в этих операциях играли начальник полиции Константинополя Бедри-

бей, один из организаторов депортаций в провинциях; помощник начальника полиции Мурад-бей⁴, глава Управления поселения и эмиграции [İskân-ı Aşâyirîn ve Muhâcîrât Müdüriyeti] Муфизад Шюкрю-бей, являвшийся также осенью 1915 г. представителем КЕП в провинциях Аданы и Алеппо, начальник стамбульских тюрем Ибрагим-бей⁵. На низшем уровне активную роль в проведении депортаций и организации убийств представителей армянской знати играл начальник полиции округа Баязид в Константинополе Тевфик Хади, работавший в основном в полицейской администрации⁶.

Е. Отян был арестован в своем доме Шишли 26 августа, в тот же день был арестован историк Аршак Алпояджян. Вскоре Отян оказался в тюрьме вместе с д-ром Келедером, известным терапевтом, и журналистом Себухом Агуни. Несколько дней спустя всех в сопровождении охраны отправили поездом в Конью⁷. Похоже, что Мехмед Талаат не отказался от идеи выселить всех армян из столицы. Как бы то ни было, в сентябре 1915 г. Халил с помощью внутренней оппозиции в самом Иттихаде смог взять под свой контроль министерство иностранных дел. До этого момента оно находилось под контролем Саида Халила. Халил был одним из главных противников политики ликвидации армян. Результатом этого стало то, что в период между сентябрем 1915 г. и маем 1916 г. сторонники депортации армян из столицы вели ожесточенную борьбу с противниками этой идеи. В самом правительстве борьба велась между Талаатом — с одной стороны, и Энвером и Халилом — с другой; в Центральном комитете Иттихада Талаату противостоял Назим⁸.

8 сентября 1915 г., когда многие группы были уже высланы, посол Паллавичини заметил, что «высылка армян из Константинополя зашла в тупик благодаря активным действиям американского посла, о чем сви-

¹ Агуни С. Указ. соч. С. 101.

² Там же. С. 102.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 144, dossier sur İsmail Canbolat и Ч 279–280, dossier 13 (на английском языке): черкесского происхождения, родился в Косово, выпускник Харбийе и депутат парламента от Константинополя.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, д 60–62, списки осужденных, «секретно-конфиденциально».

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, н 125–128–129–130.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 197, dossier 30/1, Dossiers of Turks Responsible for the Armenians Atrocities. По-видимому, Тевфик был армянским сиротой из Амасы, похищенным после погрома 1895 г. и усыновленным турецкой семьей в столице.

⁷ Отян Е. Указ. соч., № 17, 19, 22, 23.

⁸ Агуни С. Указ. соч. С. 105.

дательствовали слухи, циркулировавшие по комитету «Единение и прогресс». Хотя члены упомянутого комитета заявляли: «Мы сделали паузу, но в конце концов мы найдем способ избавиться от всех армян»¹. Несколько недель спустя эти угрозы были претворены в жизнь. «По свидетельствам достоверного источника», немецкий поверенный в делах Нейрат писал, «турецкое правительство, несмотря на все свои заверения, приняло решение депортировать всех армян из Константинополя»². 7 декабря 1915 г. немецкий посол Вольф-Меттерних сообщал в Берлин, что «по информации, предоставленной начальником полиции, четыре тысячи армян были высланы из Константинополя и отправлены в Анатолию; восемьдесят тысяч армян все еще ожидали своей очереди на постепенное выселение, не говоря о тридцати тысячах армян, депортированных в течение лета и еще тридцати тысяч армян, покинувших свои места»³. Эрнст фон Нахмер, репортер из *Kölnische Zeitung*, писал в секретном отчете, датированном 5–6 сентября 1915 г., что целью первых депортаций были уроженцы провинций, затем неженатые мужчины, а также женатые мужчины вместе с семьями; он также добавлял, что «самых безобидных людей высылали без разбора, как, например, двоих работников из моего пансионата. Они просто исчезали после того как их вызывали в местное отделение полиции... Такая свобода действий, с которой они [аресты] проводились, находит свое объяснение в присутствии послов»⁴. Случай Ерванда Тер-Мартirosяна, уроженца Таласа, учившегося в Военной академии в Стамбуле и поступившего в вооруженные силы вместе с еще сорока молодыми армянами из провинций, наглядно демонстрирует всю сложность ситуации, в которой оказались молодые армяне. Как и его сокурсники, Тер-Мартirosян согласился сменить веру, тем самым спасая себе жизнь. Однако остальные кадеты продолжали демонстрировать

открытую враждебность к сменившим веру армянам, что отражало влияние пропаганды, которая велась среди турок. Более того, каждый день вплоть до их отъезда из столицы в январе 1916 г. Тер-Мартirosян и его сокурсники были свидетелями домашних обысков, которые полиция проводила в домах армян Стамбула, а также систематических арестов молодых людей и уроженцев провинций⁵.

Помимо обитателей «Армянской деревни» в Алемдаге, расположенной за пределами Ушкудара, активнее остальных высылали также армян, проживающих в деревнях в окрестностях столицы. Судебный процесс над Бюйюкдере/Сан-Стефано, завершившийся приговором, вынесенным 24 мая 1919 г., основывался исключительно на обвинениях в финансовых нарушениях, как бы то ни было, он показывает нам, каким образом Селаникли Рефик-бей, префект Бюйюкдере, Хафиз Мехмед, лейтенант полиции Абдул Керим и Ризели Селал-эфенди «сократили срок, установленный властями для депортации немусульманского населения из Бюйюкдере и присвоили имущество депортированных»⁶. Обвиняемые стремились показать, что они пытались «защитить жизнь и имущество депортируемых», однако в одних случаях они были приговорены к штрафам и тюремным срокам от одного до двух лет, а в других случаях оправданы. В любом случае вопрос об ущербе, понесенном депортированными армянами, никогда не поднимался⁷.

В заключение этой главы, посвященной османской столице, хотелось бы отметить, что, несмотря на человеческие и материальные потери, понесенные армянами Стамбула, около сотни тысяч из тех, кто смог остаться в столице или найти в ней убежище до тех пор, пока не закончится война, оказались неоценимую помощь выжившим депортированным, влчавшим свое существование в Сирии или Месопотамии.

¹ Österreichisches Staatsarchiv, HHStA PA XL, dossier 273, № 327.

² Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes [A.A.], Türkei 183/40, A33705.

³ A.A. Türkei 183/40, A36184, опубликован Лепсисисом: *Lepsius J. Deutschland und Armenien*. S. 187; Archives du génocide des Arméniens. P. 185.

⁴ A.A. Türkei, 183/38, A30432. Пр. 3–4, цитирован в книге: *Dadrian V.* Op. cit. P. 371, п. 2.

⁵ BNU/Fonds *Andonian A.* Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 26, Kayseri, f° 45v', свидетельство Ерванда Тер-Мартirosяна из Таласа.

⁶ Verdict du procès des déportations de Büyükdере/ San Stefano, le 24 mai 1919 «Takvim-i Vakayi», № 3618, du 3 août 1919. Pp. 6–7.

⁷ Агуни С. Указ. соч. С. 105.

ГЛАВА 13

Депортации в вилайете Эдирне и мутесарифате Бига/Дарданеллы

История армянского сообщества вилайета Эдирне берет свое начало в XVI столетии, когда знаменитый архитектор Селим призвал двести пятьдесят своих соотечественников помочь в возведении мечети султана Селима в Эдирне. На рубеже XVII столетия в Текирдаг/Родосто и Малкаре, на побережье Мраморного моря и дальше на запад в Чорлу и Силиври стали селиться армяне из районов городов Кема и Эрзинкан, пострадавшие после нескольких голодных лет, последовавших за грабежами джеляли.

Накануне войны в Эдирне, где находилась администрация одноименного вилайета, проживало восемьсот армянских семей (4536 чел.)¹. В основном они жили в двух районах в центральной части города — Кале Ичи и Ат Базар, а также в пригороде Кара Агач. Обитатели Кара Агача были в основном фермерами, тогда как армяне, проживающие в центральных районах города, были ремесленниками, торговцами, железнодорожными служащими или рабочими табачной фабрики². Самое крупное армянское поселение находилось в портовом городе Родосто, главном городе казы Текирдаг; около семидесяти тысяч проживавших там армян составляли половину всего населения города. Армянское сообщество Родосто, основанное в 1606 г., проживало на побере-

жье, в юго-западной части города, в округе Такавор, а также на северо-востоке, в пригороде, известном под названием Чифтлик. Чье название свидетельствовало о том, что проживающие в нем люди в основном были заняты в сельском хозяйстве. Армяне, здесь проживающие, были жестянщиками, кузнецами, ювелирами и мельниками, однако среди них были и капитаны, и даже владельцы кораблей или банкиры³.

В 1914 г. в г. Малгара, лежащем на северо-западе от Родосто, проживало около трех тысяч армян. Почти все они были потомками уроженцев Пакариджа (район Кермаха), которые также поселились в 1606 г. в этом регионе⁴.

На юге, на полуострове, расположенном на небольшой возвышенности, находилась каза Галлиполи. Большую часть ее населения составляли греки, в 1914 г. там проживало всего 1190 армян⁵. В основном они занимались торговлей и ремеслами.

В Чорлу, лежащем на пути в Константинополь, в 1914 г. проживало от 1678 до 3005 туркоговорящих армян, чьи предки пришли из Йозгата. Наконец, одна тысяча армян проживала в Силиври, самой восточной части вилайета; они слыли одними из лучших *каукци* [моряков] на Мраморном море⁶.

Депортации в Эдирне

На протяжении всех Балканских войн г. Эдирне, отошедший к Болгарии, а затем отвоеванный младотурками, был ареной

боевых действий, которые затронули все население города. Ожесточенность, нарастившаяся за время этих событий в среде

¹ *Karpat K.* Op. cit. P. 170.

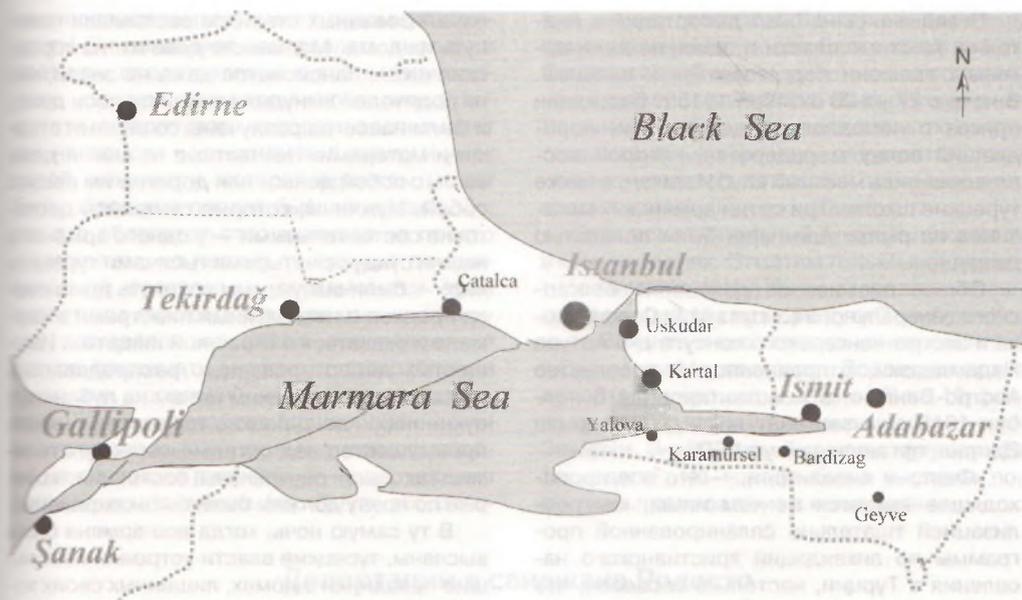
² *Kévorkian & Paboudjian.* Op. cit. P. 119.

³ *Ibid.* Pp. 120–121; *Karpat K.* Op. cit. P. 184, указывает число армян в вилайете — 10 289 человек.

⁴ *Ibid.* P. 170, указывает число армян в Малгаре — 2658 человек; *Kévorkian & Paboudjian.* Op. cit. P. 121.

⁵ *Karpat K.* Op. cit. P. 170.

⁶ *Ibid.* Pp. 170, 186; BNU/Fonds *Andonian A.* Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 18, Ed. n° 2. Документ, составленный 19 февраля 1919 г. в Алеппо уцелевшими из Эдирне, называет число 3500 армян в Чорлу и 3000 — в Галлиполи.

сультман, проявилась вновь осенью 1915 г., когда судьба армян Эдирне висела на волоске. Здесь распоряжение о депортации было оглашено 14 октября — гораздо позже, чем во всех остальных частях империи. Для этого была как минимум одна объективная причина. Позднее вступление Болгарии в войну на стороне Турции, возможно, вынудило младотурок отложить антиармянские операции в европейской части Турции, чтобы не сорвать переговоры о присоединении Болгарии к Турции. Более того, нота от австрийского посла от 24 октября 1915 г. гласила, что «после передачи Кара-Агача [Kara Ağaç] Болгарии все армянские семьи, проживающие там, были переселены в Анатолию»¹. Приказ об их выселении отдал вали Эдирне Гаджи Адил-бей [Арда]², юрист с Крита, депутат парламента от юнионистов в Эдирне, бывший генеральный секретарь КЕП и близкий друг Талаата, являвшийся некоторое время министром внутренних дел и бывший замешанным в киликийских событиях 1909 г.³ Назначение столь выдающегося деятеля КЕП на должность вали, вероятно, свидетельствовало также о боль-

шом значении, которое Иттихад придавал этому вилайету. Кроме Адил-бея, КЕП направил в Эдирне Абдулу Гани на должность ответственного секретаря и Хайрула-бея в качестве его помощника. Иттихад мог также рассчитывать на Хаси Али-бея, президента клуба юнионистов Эдирне, а также двух влиятельных младотурок из города — главу управления здравоохранения Изеддин-бея и майора Рифат-бея. Одним из военных, причастных к насильственным действиям против армян, был д-р Эртогрул-бей, военный врач, работавший в госпитале в Калайси, — он был причастен к ликвидации солдат трудовых батальонов. Среди гражданских государственных служащих к организации депортаций армян и разделу их имущества приложили руку Тевфик-бей, главный обвинитель военного трибунала, и член комитета оставленной собственности Эдрине; Шакир-эфенди, tektübsi [глава бюро корреспонденции]; Эмин-бей, *defterdar* [казначей] вилайета и президент комитета оставленной собственности, Тевфик-эфенди, помощник начальника полиции; лейтенанты полиции Нязи-эфенди и Нури-эфенди⁴.

¹ Österreichisches Staatsarchiv, HHStA PA LX, Interna, dossier 272, № 388.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 137, биография Гаджи Адил-бея.

³ См. выше, с. 101, примечание 2 (биография).

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, П 131, № 560 и № 160–161. Список ответственных лиц вилайета Эдирне.

Оглядываясь на опыт депортаций в Анатолии, местные власти и здесь не дали армянам времени подготовиться к высылке. В ночь с 27 на 28 октября 1915 г. был издан приказ о немедленной депортации, породивший волну мародерства, которой воспользовались местный клуб Иттихад, а также турецкие школы. Три сотни армянских магазинов на рынке Али-паша были полностью разрушены¹.

Общее письменное донесение болгарского генерального консула М.Г. Серафимова и австро-венгерского консула д-а Артура Надамленки, отправленное в посольство Австро-Венгрии в Константинополе 6 ноября 1915 г., описывает ликвидацию армян Эдирне, организованную КЕП².

«Факт, — писали они, — что все происходящее является не чем иным, как реализацией тщательно спланированной программы по ликвидации христианского населения в Турции, настолько серьезной, что нижеподписавшиеся убеждены в том, что их обязанность — донести об этом заинтересованным сторонам... Новая система, учрежденная правящими кругами и устрашающая не только евреев и христиан, проживающих здесь, но и подавляющее большинство мусульманского населения, показала себя во всей своей жестокости во время депортации армян Адрианополя... Действия, которые нижеподписавшиеся могли наблюдать, свидетельствовали о намерении не просто переселить, но, очевидно, уничтожить целый народ. В ночь с 27 на 28 октября полиция вламывалась в двери состоятельных армянских семей города и приказывала им без промедления оставить свои дома, имущество и все нажитое для того, чтобы быть отправленными в неизвестном направлении. Сцены, происходившие этой и следующей ночью, не поддаются описанию. Здесь происходили вещи, которые могли допустить только люди, абсолютно лишённые разума и обладающие варварской и жестокой душой.

Женщин, прикованных к постели после вчерашних родов, поднимали из их постелей; тяжелобольных маленьких детей насильно вывозили в их колясках; наполовину

парализованных стариков заставляли покинуть их дома. Маленькие девочки из городских школ, пансионатов даже не знали, что их родителей вынудили покинуть свои дома, и были всегда разлучены со своими отцами и матерями. Несчастные не могли даже взять с собой деньги или дорогие им вещи с собой. Мужчины, которые считались достаточно состоятельными — у одного армянина нашли сундук с четырьмя тысячами турецких лир, — были вынуждены покинуть дома своих предков с несколькими пиастрами в кармане и оказаться в страшной нищете... Имущество депортированных распродалось по смехотворно низким ценам на публичных аукционах, где турецкие покупатели имели преимущество над остальными покупателями. Так были растрчены состояния, которые по праву должны были быть сохранены.

В ту самую ночь, когда все армяне были высланы, турецкие власти устроили небольшие праздники в домах, лишенных своих хозяев: люди играли на пианино, опустошали подвалы и съедали всякие запасы, которые могли найти. Те же самые сцены повторялись и на следующий день. Абсолютно надежный источник информировал нас о том, что многие ценности и крупные суммы денег просто исчезли. Единственный путь спасения, который турки предлагали армянам, было принятие ислама! Ни одна армянская семья не пошла на это.

Вали и начальник полиции объявили, что пощадят вдов и их детей. Комитет младотурок нашел способ сделать несчастными даже этих людей. Он похищал молодых девушек и выдавал их замуж за турок. Двое дочерей Мензилджяна смогли избежать этой новой напасти только благодаря тому, что они учились в школе «Сестер Аграма» и находились под защитой консульства Австро-Венгрии. Болгарские власти делали все возможное для возвращения всех армянских семей, чьи мужья и сыновья сражались в болгарской армии. Тот факт, что детей, учащихся в турецких школах, и особенно в школах комитетов, заставляли смотреть, словно спектакль, то, как сотни армян, обезумевших от горя и отчаяния, покидают свои дома, по мне-

¹ АРС/ПАЖ, Bureau d'information du Patriarcat, № 568-69, Andrinople.

² Протокол, составленный по совместному соглашению генеральным консулом Болгарии [в Эдирне М. Г. Серафимовым и консулом Австро-Венгрии др. Артуром, имеющего звание кавалера Надамленки], ответственного также за германские интересы, [адресованного в посольство Константинополя 6 ноября 1915 г.]: Österreichisches Staatsarchiv, HHStA PA XII, dossier 209, Z.98/P.

нижеподписавшихся, имеет огромную важность! Он позволяет нам сделать выводы и дает нам представление о тайных намерениях, двигающих внутреннюю политику комитета младотурок, которая воспитывает дух ненависти к христианам в душах и умах детей, ненависти, которая однажды может быть обращена против бывших друзей. То, что это обстоятельство является не просто инцидентом, но частью тщательно спланированной программы, доказывается всем известным фактом, что турецких школьников заставляли во время преследований греков принимать участие в разграблении греческих поселений на городских окраинах... Здесь, в вилайете Адрианополя, почти все крупные и состоятельные торговые дома находились в руках армян на протяжении последних нескольких лет. Почти все бога-

тые евреи, греческие банкиры и торговцы покинули вилайет после Балканской войны. С депортацией армян, работающих совместно с крупнейшими австро-венгерскими и немецкими заводами, Адрианополь покинули самые крупные торговцы, разумеется, так и не рассчитавшись со своими поставщиками, кредиторами или должниками¹.

Этот примечательный отчет не нуждается в комментариях. Отметим только, что депортированные армяне были отправлены пешком или поездом по маршруту Стамбул—Конья—Бозанти и оказались в конечном итоге в Сирии или Месопотамии. Последняя волна депортации прошла в ночь с 17 на 18 февраля 1916 г. по инициативе местного вали Зекерии Зихни-бея, бывшего мутесарифа Текирдага². Из города были высланы последние проживавшие в нем армяне.

Депортации в санджаке Родосто

В самом значительном поселении армян в регионе — Текирдаг/Родосто — общая численность армянского населения в котором составляла в 1914 г. около семидесяти тысяч человек, депортации предшествовало несколько тревожных событий. Мы должны вспомнить в первую очередь резню, учиненную военными в Родосто 1–3 июля 1913 г., которую стамбульские газеты быстро окрестили подавлением «восстания»³. Следует вспомнить и пожар в армянском квартале, который произошел 26 августа 1914 г. в разгар всеобщей мобилизации; его причины были по меньшей мере подозрительны⁴. Мы также не можем не упомянуть прямые угрозы, нависшие над армянским населением в это же время; они вынудили министра внутренних дел посетить порт лично в сопровождении патриаршего викария Перхаджяна, чтобы снизить существующую напряженность⁵. По словам одного из выживших, начиная с осени 1914 г. большинство

новобранцев из Родосто отправлялись в трудовые батальоны, очень немногим удалось избежать этой участи⁶. Однако первые аресты, затронувшие городскую знать, произошли не ранее понедельника 20 сентября. Официально их целью было «наказать» людей, якобы замешанных в «оказании помощи болгарским солдатам войти в Текирдаг» во время Балканской войны. На следующий день после ареста этих мужчин вместе с их семьями поместили в поезда, следующие в Анатолию⁷. В среду 22 сентября прокатилась вторая волна арестов, затронувшая опять же крупных предпринимателей, таких как братья Керемян, Григор Шушанян, братья Чамчян, Оваким Каранфилян, Ованес Папазян, или юриста Петроса; все они были тут же высланы⁸. Впоследствии депортации стали более систематическими. Они продолжались до 31 октября и затронули около десяти тысяч человек, высланных по маршруту Стамбул—Конья—Бозанти—Алеппо и ока-

¹ Ibid. Указанная информация подтверждается документом, составленным 19 февраля 1919 г. в Алеппо уцелевшими из Эдирне: BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 18, Edirne, ff. 2–8v'.

² Агуни С. Указ. соч. С. 258–259.

³ См. выше, с. 210.

⁴ Тер-Егияян Э. Указ. соч. С. 67.

⁵ Папазян С. Книга воспоминаний (или Мемориальная книга) армян Родосто, 1606–1922, Бейрут, 1971. С. 62 (на арм. яз.).

⁶ Там же. С. 63.

⁷ Там же. С. 65.

⁸ Там же. С. 65–66.

завшихся в сирийской пустыне. К 10 ноября было выслано еще три тысячи человек; решили остаться только семьям нескольких десятков солдат¹. 20 февраля 1916 г. морем в Измит была отправлена последняя группа из 120 армян, откуда ее отправили дальше в Сирию².

Душой этих операций был бывший мутесариф Текирдага и временный вали Эдирне Зекерия Зихни-бей, иттихадист с черкесскими корнями и выпускник Мулкийе³. Его помощниками были сотрудник эвказа и представитель КЕП в Родосто Исмаил Сидки-бей, а также два местных юниониста Ахмед Хилми-бей и Ибрагим-заде Ахмед Тевфик. Кроме того, с ним заодно действовали его помощник Казим-бей; муфтий Родосто Омер Наджи; гражданский служащий из канцелярии Мехмед-эфенди; капитан крепости Нахир-бей; глава отдела народного образования Ариф-бей; глава отдела сельского хозяйства Зийя-бей; глава отдела государственных долговых обязательств Ремзи-бей и Ферди-бей, глава компании «Тобако Режи». Среди лиц, причастных к разделу армянского имущества, стоит пре-

жде всего назвать Сахир-бея, являвшегося президентом комитета, ответственного за «оставленное имущество»; распорядителя торгов Ибрагима Назим-бея-заде, а также членов комитета Сулейман-бея, Фуад-бея, Хаси Мехмеда и Тутунси Эюб Османа. Среди военных в проведении депортаций участвовали начальник местной бригады Натан-бей; начальник военных мастерских Хусейн-бей; Бабан; начальник жандармерии Родосто Дервиш-бей и Мехмед-бей, начальник военного комиссариата. Аресты и пытки совершал также начальник полиции Родосто Тахир-бей, который отвечал за вербовку отделений «Специальной организации»; ему помогали Сулейман-бей и Али Риза-бей, служившие заместителями начальника полиции; Сандалчи Хасан-бей; Нусрет-бей; Фехми-бей, сын депутата парламента Хаси Адил-бей; юрист Хилми-бей; Хаси Нурсетдин; Селаникли Хаси Мехмед и Селаникли Хаси Хилми⁴.

Согласно статистике, опубликованной Армянским патриархатом, приблизительно три с половиной тысячи армян выжили в ходе депортаций⁵.

Депортации в казах Чорлу и Галлиполи

Все, что мы знаем о судьбе армян Чорлу, это то, что они также были депортированы, но гораздо позже — 15 октября 1915 г., сначала их отправили морем в Измит, а затем пешком или поездом в Бозанти и Сирию через Конью⁶. Среди тех, кто несет главную ответственность за события в Чорлу, были, конечно, юнионисты и чете, которые также действовали в Текирдаге. Среди иттихадистов главными виновниками этих событий были Сандалчи Хасан-бей; Нурсет-бей; Рахми-бей; сын депутата парламента Али-бей; Тахир-бей; юрист Илми-бей; Фурунчи-заде Фуад; Акинчи-заде Хаси Нусреддин; Селаникли Хаси Мехмед и Селаникли Канли Илми. Среди гражданских и военных чинов-

ников следует отметить ту роль, которую играли префект Чорлу Али Сакиб-бей; начальник жандармерии Кемал-бей; правая рука Кемала Эсреф Хасан-бей; начальник железной дороги генерал Осман Нури-бей; судья Мехмед Несип-бей; начальник полиции Шефик-бей; президент муниципалитета Энвер-эфенди; муниципальный врач Эфенди Мустафа и сборщик налогов Рахим-эфенди. Комитет, распорядившийся «оставленным имуществом», находился в руках юриста Зохи-бея; Мехмеда Назми Халима; Ага-заде и Мехмеда Шефика Егензада⁷.

Судьба армян полуострова Галлиполи была решена в апреле 1915 г. Когда началась битва за Дарданеллы, они были пре-

¹ Там же. С. 66.

² Там же.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, т 131, № 560, с 160–161, список ответственных лиц вилаете Эдирне.

⁴ Ibid.

⁵ Агуни С. Указ. соч. С. 262–263.

⁶ Österreichisches Staatsarchiv, HHStA PA LX, Interna, dossier 272, № 388; Агуни С. Указ. соч. С. 265.

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, т 134, № 564–565, список ответственных лиц в регионе Чорлу.

Депортации в Эдирне и Бига/Дарданеллы

енно перемещены в Бига и Лапсаки, а позже депортированы¹.

Согласно армянскому источнику, несколько тысяч из более чем тридцати тысяч

армян вилайета Эдирне избежали депортации благодаря активному вмешательству болгарских властей².

Депортации в мутесарифате Бига/Дарданеллы

Присутствие армян на Дарданеллах было довольно ограничено, в 1914 г. здесь насчитывалось около двух с половиной тысяч армян, половина из них проживала в Чанак Кале и его окрестностях. Этот порт, долгое время служивший только укреплением, защищавшим выход к Мраморному морю, постепенно вырос и приобрел значение, привлекая ремесленников и торговцев, которые пришли из Персии в первой поло-

вине шестнадцатого столетия. На остальной части полуострова в 1914 г. армяне проживали в Эзине (население 670 чел.), Айвачик, Байрамиш (население 200 чел.), Бига (население 409 чел.) и Лапсаки³. Как и в случае с армянами Галлиполи, битва за Дарданеллы стала причиной эвакуации гражданского населения всего района. Позже все армяне были депортированы в Сирию⁴.

¹ Агуни С. Указ. соч. С. 265.

² BNU, Archives de la délégation nationale arménienne, «Statistique de la population arménienne en Turquie [en 1920]», IV. 46. 2, f° 1.

³ Karpat K. Op. cit. P. 186; Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 118; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, ч 131, Dardanelles.

⁴ Агуни С. Указ. соч. С. 265.

ГЛАВА 14

Депортации в мутесарифате Измит

Как и армянские поселения во Фракии, поселения в Вифинии возникли между 1590 и 1608 гг. С прибытием крестьян с Агни, Арабкир, Сиваса, Кемаха и Эрзурума. Поселившись на этой плодородной, но бедно населенной земле, они образовали сплошную череду деревень, растянувшихся вдоль побережья Черного моря от Адабазара и Измита до Бурсы. В начале XX столетия Никомидия/Измит, бывшая столица Восточной империи, все еще оставалась административным и экономическим центром

региона благодаря своему выгодному географическому положению порта, открывающего вход в Анатолию. Однако ее главенствующему положению угрожал Адабазар, который благодаря железной дороге стал считаться новым центром движения товаров в Анатолию¹. Накануне войны в мутесарифате Измит насчитывалась 61 675 армян, проживавших в сорока двух населенных пунктах², а также пятьдесят одна армянская церковь, монастырь и пятьдесят школ³.

Каза Никомедия/Измит

Расположенная глубоко в Измитском заливе, в начале XX столетия Никомидия насчитывала двенадцать тысяч жителей. 4635 армян, проживавших в городе, располагались в округе Кадибайир/Карабаш вокруг собора Пресвятой Богородицы в западной части города. Армянское население Измита, говорящее на армянском языке, состояло из ремесленников и торговцев. Вместе с греками они занимали городской рынок, который располагался у подножия античного акрополя, смотрящего вниз на Никомидию. Основными видами экономической деятельности были производство шелка и торговля шелком, производство и продажа табака и соли. Одиннадцать армянских деревень, лежащих в радиусе от пятидесяти до двадцати километров от города, поддерживали с ним тесные отношения⁴. На юге последней точкой

на пути между Измитом и столицей был большой город Бардизаг/Баджечик, насчитывающий 9024 жителя. Расположенный в шести километрах от побережья возле горы Минас, окруженный лесами и плодородными землями, Бардизаг был известен прежде всего выращиванием шелкопряда, виноделием и садоводством. Накануне Первой мировой войны в городе активно действовала крупная армянская миссия, содержащая среднюю школу и госпиталь⁵. В полуторной езде от Бардизага располагалась деревня Донгель с населением 419 человек. На юге и юго-востоке лежали аграрные центры Заркар (население 404 чел.), Манушаг (население 591 чел.), Овачик (население 3303 чел.), Ямавайр (население 264 чел.); и Арсланбег (население 3218 чел.) на северо-востоке.

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 124.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arm. de Constantinople, APJ, 3 914, 4 627/3. Статистика армянскому населению в регионе Измит, 29 мая 1913 г.; Karpat K. Op. cit. P. 186. Автор указывает число 58 000 человек.

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 124.

⁴ Ibid. Pp. 124–128.

⁵ Мхалиян Г. Партизак и партизакцы, Каир, 1938 (на арм. яз.).

В северной части казы Измит располагался монастырь Армаш, основанный в 1611 г. Особое значение этого монастыря было связано с тем, что в нем находилась единственная во всей Западной Анатолии армянская семинария. В 1910 г. в деревне, прилегающей к семинарии, насчитывалось 1505 жителей; в основном они выращивали шелкопряд на землях, принадлежащих монастырю. В этой деревне находился мюдир нахие Армаша, Факреддин-эфенди, который впоследствии стал одним из главных организаторов выселения армянского населения из региона. В нескольких километрах на запад от Арма-

ша лежали деревни Даг (население 380 чел.) и совсем рядом Кач (население 202 чел.). В часе езды на северо-восток располагался Хазкал/Пирахмед (население 811 чел.)¹. Так, накануне войны общая численность армянского населения во всех населенных пунктах Измита (включая католиков и протестантов) составляла 25 399 человек при общей численности всего населения 70 000 человек, включая значительное количество черкесов, поселившихся в этом регионе в конце 1870-х годов², а также переселенцев из Салоников и Румелии, появившихся здесь после Балканских войн 1912–1913 годов³.

Каза Адабазар

В течение рассматриваемого нами периода Адабазар, расположенный в пятидесяти пяти километрах на восток от Измита в непосредственной близости от реки Сакария, без сомнения, являлся вместе с Бардизагом важнейшим региональным центром армян, составлявших половину населения города. Значительная часть из 12 240 армян проживала в центре города рядом с рынком, в приходе Святого Аршанга; остальная часть проживала в Немчелере и Малакиларе. Благополучное состояние города, приобретенное благодаря постройке азиатской железной дороги, достигшей Адабазара в 1898 г., приносило выгоду и армянским ремесленникам, и торговцам, обогатившимся за счет шелковых мануфактур, обеспечиваемых сырьем из окрестных деревень⁴. На юго-восток от Адабазара, на южном побережье озера Сабанка, в 1710 г. армяне основали одноименную деревню, вместе с южным «Новым кварталом» в ней насчитывалось триста шестьдесят жителей. К востоку от города в округе Хандик располагались еще две армянские деревни: Айоц Юг (население 1007 чел.) и Овив (население 288 чел.). Некоторое количество армян было разбросано по другим населенным пунктам. На юго-западе в округе Акьязи, в небольшой деревне Куп, проживало

1064 православных армянина, чьи предки пришли с Агни⁵.

До весны 1915 г. ситуация в этом регионе, расположенном близко к столице, оставалась относительно спокойной. Во время всеобщей мобилизации в августе 1914 г. большая часть молодых людей была отправлена в трудовые батальоны. Военные победы вызвали злоупотребления, однако ничто не указывало на скорое насилие. Мутесариф Измита Мазхар-бей, занимавший эту должность с 10 июня 1913 г. по 28 сентября 1916 г., был обычным чиновником, беспрекословно выполнявшим все приказы, поступающие из столицы. До весны 1915 г. было арестовано несколько представителей знати и политических активистов, однако, похоже, армяне были убеждены, что эти люди стали жертвами репрессий. Все изменилось с прибытием в Измит двоих представителей КЕП: бывшего начальника стамбульских тюрем Ибрагим-бея и Ходжи Рифата-эфенди⁶. Оба иттихадиста были направлены в этот регион для того, чтобы руководить депортациями.

Завершением двухмесячной активности, направленной на уничтожение армянского населения региона, стал приказ о депортации армян из сорока двух населенных пунктов санджака Измит, подписанный мини-

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 131–136; Фенерджян К. История Арслан-бека, Париж, 1971 (на арм. яз.).

² Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 136.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 914, свидетельское показание о ситуации в Измите от 30 сентября 1920 г.

⁴ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 136–138.

⁵ Ibid. Pp. 128–131.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, П 136, список ответственных лиц в регионе Измит.

стром внутренних дел 5/18 июля 1915 г.¹ Активность эта также заключалась в проведении кампании по конфискации оружия, которая служила прикрытием и оправданием той волны арестов, что прокатилась по всему региону. Ибрагим-бей и Хоса Рифат, которые являлись также офицерами «Специальной организации», могли распоряжаться несколькими эскадронами чете под предводительством Шевкет-бея. Начальник жандармерии Измита Фаик-бей, наемники Мехмед, Эдхем и Пехливан Хасан Чавуш также отвечали за проведение операций в регионе².

За «законную» сторону операций и, в частности, за аресты, отвечали майор Мустафа Эмир, начальники армейских подразделений Эсреф Адил-бей и Беха-бей, начальник ополчения Хусейн Чавуш и начальник полиции Измита Решид-бей. Захватом армянской собственности и проведением пропагандистских кампаний партии ведали юнионистские активисты Измита, состоявшие также в комиссии оставленной собственности — военный чиновник Измаил Али-бей, юрист Шериф-бей и фармацевт Джавид³.

Однако жертвами первых операций стали скорее армяне Адабазара, чем Измита. В начале мая около пятидесяти представителей армянских высших кругов Адабазара были заключены под стражу и доставлены в Султаные (в вилайете Конь) и Коичисар. Вскоре после этого в армянские кварталы были расквартированы солдаты из двух дивизий турецкой армии, очевидно, с одной только целью — обеспечить порядок в городе. После своего прибытия в город в конце мая Ибрагим-бей приступил к арестам второй группы знатных армян, включая крупного торговца Петроса Афеяна, банкира Петроса Мурадяна и главу муниципалитета Степана Демирчяна. По свидетельствам армянского источника, Ибрагим-бей вместе с начальником полиции Решид-беем посетили арестованных армян, удерживаемых в церкви Святого Аршанга; Ибрагим-бей представил-

ся «главой чете», долгое время служившим в Македонии и имевшим большой опыт в проведении домашних обысков. Он также утверждал, что работал бок о бок с гнчакскими ополченцами во время «реакции 31 марта» 1909 г. и поставлял им оружие. Поэтому он знает, у кого находится оружие, и требует, чтобы армяне выдали «двести пятьдесят маузеров» немедленно⁴. Наиболее вероятной причиной того, что Ибрагим обратился к армянам с такой речью о возврате оружия, поставляемого в армянские «комитеты» КЕП, было то, что она, как можно было наблюдать повсеместно, оправдывала проходившие в то время аресты. По свидетельствам того же армянского источника, в течение нескольких дней было арестовано от шестисот до семисот армян, которых поместили в церковь Святого Карапета. Первыми жертвами пыток, которым Ибрагим приказал подвергнуть арестованных армян, чтобы те признались, где они прячут оружие, стали второй председатель церкви отец Микаэл Ерамян и Андраник Чаркеджян. Две недели спустя десять представителей армянской знати были переданы в военный суд Стамбула⁵.

11 августа 1915 г. был опубликован приказ о депортации армян Адабазара и близлежащих деревень. Солдаты окружили армянские кварталы, не позволяя никому покинуть их и пресекая любые попытки бегства. Власти не позволили жителям взять с собой движимое имущество. В течение двух недель в Конью было выслано более двадцати тысяч человек, начиная с жителей кварталов Немсер и Малакки. Власти пощадили только двадцать пять семей ремесленников, работавших на турецкую армию — им было разрешено остаться в своих домах, так же как и одной семье — семье Хаси Ованеса Егияна, — согласившейся сменить веру⁶.

После того как город покинули последние депортированные, Неджати Сезайи-бей, занимавший должность префекта Адабазара в период с 19 января по 22 ноября 1915 г., и Решид-бей, глава округа Ханлик, приступили к методичному уничтожению армянских

¹ Т. С. Başbakanlık Arşivi, 22Sh1333, 5 Temmuz [Juillet] 1915 г., IAMM, circulaire of Ali Münif (nazir namina), [54/315], doc. № 63.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, n° 136–137, список ответственных лиц в регионе Измит.

³ Ibid.

⁴ Агуни С. Указ. соч. С. 266–267. Среди них были Григор Херха, Ованес Томбулян, Андраник Генджян, Амбарцум Демирчян, Зарех Кочян, Мисак Барсегян.

⁵ Там же. С. 268–270.

⁶ Там же. С. 270–271.

зовом и церквей — последние иногда превращали в конюшни или амбары, — а также передали все школы в собственность местных властей. Очевидно, что такие действия властей были продиктованы их желанием не допустить возвращения высланных армян¹. Гамид-бей, ответственный секретарь, направленный КЕП в Адабазар, а также члены городского клуба Иттихад Калибчи Хафиз, Мехмед Зийаеддин, Хаси Нуман и Арап-заде Саид содействовали Ибрагиму в проведении этих мероприятий и прежде всего раздела армянского имущества². В казе Измит насилие было направлено, в частности, на два армянских населенных пункта: Бардизаг и Арсланбег, похоже, власти считали, что они должны быть уничтожены в первую очередь. Первые проблемы возникли в Арсланбеге в мае, когда несколько десятков знатных армян было арестовано и заключено в тюрьму в Измите, где также находились армяне из Бардизага и Овачика. Вскоре после этого все эти люди были отправлены в казу Жейве, а оттуда интернированы в турецкую деревню Таракли, где уже находилась местная знать из Измита, Йаловы, Ченгилера и др.³ 18 июля 1915 г. по приказу начальника жандармерии Ибрагим-бея Арсланбег был окружен двумя сотнями солдат и жандармов. На следующее утро началась депортация, а сама деревня была разграблена черкесскими наемниками «Специальной организации», а затем и турецкими жителями окрестных деревень, которые и завершили уничтожение Арсланбега⁴. Как и остальных депортированных из этого региона, более двух тысяч уроженцев Арсланбега выслали по маршруту Эскишехир—Конья—Бозанти, а затем распределили по городам Ракка, Мескене, Дер-Зор, Мосул и Багдад. Очень немногие из них вернулись⁵.

Бардизаг/Баджечик ждала та же участь, что и Арсланбег. Около одной тысячи ново-

бранцев было отправлено на строительные работы; приблизительно двадцать докторов, учителей начальной школы, торговцев и ремесленников были арестованы и в мае депортированы; конфискация оружия служила поводом для арестов, домашних обысков и грабежей. В начале июля в Бардизаг прибыл представитель КЕП Ибрагим-бей, чтобы наблюдать за ходом операций⁶. Особой целью наемников, действующих вместе с иттихадистским лидером, повторяющим те же угрозы, что были озвучены им в Арсланбеге, сопровождаемые теми же самыми пытками, которые можно было наблюдать повсеместно, была армянская средняя школа. Обыски, проводимые в церквях, не принесли ожидаемых результатов: «обнаружение» фрагмента театрального реквизита доставило немало неприятностей отцу и предстоятелю Мадатию Кеондуряну, которого обвинили в хранении полотна, изображающего «короля Армении»⁷.

С 13 по 15 августа из Бардизага были высланы более восьми тысяч армян, вслед за ними были высланы жители Донгела и Овачика, которым прежде пришлось отдать ключи от своих домов местным властям. Только немногие армянские семьи приняли меры предосторожности и передали свои ценные вещи на хранение в армянскую миссию. Благодаря армянскому источнику известно также, что глава округа Баджечик Али Шухури, пообещал депортированным, что их не отправят дальше Коньи, возможно, для того, чтобы успокоить их и убедить повиноваться⁸. Изгнанникам, собранным в здании железнодорожной станции Измита, велели оплатить билеты на поезд до Коньи. Прибыл приказ о том, что семьям солдат разрешено вернуться в свои дома. Однако когда стало ясно, что под приказ подпадают почти все семьи, местные младотурецкие предводители решили не исполнять его. Скорее всего этот

¹ Там же. С. 271; *Биберян А., Егишян В.* Книга истории Богом созданного города Адабазара, Париж, 1960. С. 702–718 (на арм. яз.).

² *Агуни С.* Указ. соч. С. 271.

³ *Фенерджян К.* Указ. соч. С. 148–149. Этих людей затем отправили небольшими группами в Эскишехир, где они растворились в потоке депортированных, прибывавших на железнодорожную станцию.

⁴ Там же. С. 273–274; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 553–554, № 59. La déportation des Arméniens d'Arslanbeg; *Фенерджян К.* Указ. соч. С. 150–151. В источнике утверждается, что 700 молодых мужчин деревни были мобилизованы осенью 1914 г., многие из них работали на фабрике по производству изделий из шерсти в Измите (там же. С. 147).

⁵ Там же. С. 152–153.

⁶ *Мхалян Г.* Указ. соч. С. 624–626.

⁷ Там же. С. 627–632.

⁸ Там же. С. 635–636.

приказ был просто обходным маневром, призванным завуалировать действительные намерения властей по отношению к армянам¹.

В самом Измите, где армяне составляли лишь небольшую часть всего населения, в мае по приказу представителя КЕП Ибрагим-бея было арестовано тридцать восемь представителей армянской знати. Депортации, однако, не начинались до 6–9 августа, когда в Конью были отправлены три группы депортированных. Затем власти начали методично сжигать дома в армянском квартале и епархии; они разрушили кладбище и в целом стерли все следы армянского пребывания в городе².

Артур Райан, американский миссионер, находившийся в Бардизаге в период с 6 октября до 20 ноября 1915 г., пишет в донесении³, что в городе оставили только около шестидесяти армян, из которых тридцать были нетрудоспособны и находились на попечении армянской миссии. Райан также свидетельствует, что «турецкие чиновники изымали движимое имущество депортированных армян» и помещали его на хранение в армянскую церковь, а затем отправляли морем в Стамбул. Наконец, он отмечает, что в уцелевшие армянские дома заселилось

шестьдесят мусульманских семей, в то время как женщин и детей удерживали в окрестных деревнях, лишив их пропитания за то, что они отказались сменить веру⁴. Описание Измита, сделанное им во время нескольких посещений этого города на протяжении своего пребывания в Бардизаге, подтверждает, что магазины на рынке были полностью разграблены, а сам армянский квартал, сожженный сразу же после депортации, представлял собой груды камней. Он не нашел в городе никаких следов армян, кроме двух с половиной тысяч депортированных, разбивших на короткое время лагерь в церковном дворе перед продолжением пути в Конью⁵.

По свидетельствам очевидца, девятьсот армян, высланных из Измита и Ангосы, прошли через Киршехир, где и остановились, разместившись за городским замком. Триста восемьдесят армян было убито в близлежащем городе Мункур, а их тела были выброшены в озеро руками Иззета Хоса, Хеси Халила, Дервиша-эфенди и Нури-эфенди⁶. Жертвами могли быть и депортированные армяне, однако скорее всего это были солдаты рабочих батальонов, поскольку у нас нет доказательств того, что на пути Стамбул—Измит—Конья—Бозанти к мусульманам относились иначе, чем к женщинам.

Каза Кандере

В 1914 г. в каза Кандере на побережье Черного моря по обе стороны Сакарьи располагались две группы армянских деревень. Первая, расположенная в двух часах езды на юг от Инчирли, состояла из четырех сельских поселений, основанных в середине девятнадцатого столетия «армянскими лазами», то есть уроженцами Хамсина: в Акамбаси проживали сорок две семьи, принявшие ислам; в Кегхаме насчитывалось

596 жителей — армян христианской веры; в Чукруе было сорок хозяйств, и в Араме/Казилчи проживали 347 человек. Вторая группа деревень, лежащая на северо-востоке от Кандере на левом берегу Сакарьи, состояла из пяти небольших деревень, основанных в XVII столетии: Финдикли (население 500 чел.), Феризли (население 872 чел.), Тамлек (население 416 чел.) и Альмалу (население 471 чел.). Так, накануне войны в

¹ Там же. С. 636–637; SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 280, Constantinople, 1919, «Ali Chououri, gouverneur de Bardizag, 1914–1918» [это был Али Шухури, мюдир нахиз Бардиз-ага] представляет информацию, по-видимому, основанную на данных из армянского источника, о поборах и «злоупотреблениях», совершенных правительственным чиновником.

² Агуни С. Указ. соч. С. 266–267.

³ Barton J. L. Op. cit. Pp. 181–185, донесение Артура С. Райана, миссионера в Стамбуле, составлено 28 марта 1918 г.

⁴ Ibid. P. 182.

⁵ Ibid. P. 183.

⁶ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 340, Constantinople, 19 février 1919, «Les massacres de Kirchehir et de ses dépendances, déposition d'un témoin», ff. 1–2.

казе Кандере проживало более 3500 армян. Они были высланы по маршруту Конья—Бозанти в августе 1915 г. под руководством

каймакама Кандере Камиль-бея, который занимал эту должность с 9 января 1913 г. по 10 марта 1917 г.¹

Каза Гейве

Каза Гейве, расположившаяся по обе стороны Сакарьи в юго-восточной части санджака Измит, в 1914 г. насчитывала семь деревень, где население полностью или частично составляли армяне. В городах Гейве и Эшме, располагавшихся на реке, проживало 2168 «армяноговорящих греков», или православных армян, чьи предки пришли из Агни; рядом в горах находились Ортакей и Саракли Карьеси; на другом берегу Сакарьи, напротив Эшме, стояла деревня Кинчилар, в которой проживало 2265 армян, чьи корни также были из Агни.

На юге, по обе стороны от железной дороги, располагались деревня Курдбелен на

левом берегу реки, и Гёкгёз на правом, с общей численностью населения 3923 человека. Последняя деревня, Акисар, лежала на левом берегу Сакарьи в часе езды на юг от Гёкгёза; в ней насчитывалось 272 жителя. Как и в остальной части санджака Измит, проживавшие здесь армяне были также депортированы в августе 1915 г. Каймакам Гейве Саид-бей (занимавший эту должность в период с 19 сентября 1913 г. по 21 августа 1915 г.) отказался выполнять приказ о депортации и был заменен Тахсин-беем (который оставался губернатором до 5 сентября 1916 г.)².

Казы Карамюрсель и Ялова

Располагаясь вблизи от Константинополя, каза Карамюрсель и далее на запад каза Ялова поддерживали тесные отношения со столицей благодаря морскому судоходству, служившему прежде всего Ялове. В Карамюрселе насчитывалось 1378 армян. В Ялакдере и Мердекое, стоящих в двух километрах от побережья, проживало 1125 и 3000 армян соответственно. Ялова состояла из группы деревень на побережье Черного моря: Саксак, Куручесме и Килик, в которых проживало 1640 армян. В пяти километрах южнее, на пути в Бурсу, располагались еще две армянские деревни: Чукур, где проживало 420 говорящих на курдском языке армян, пришедших из южного Вана, и Картси/Лалидере, насчитывающая 1264 жителя³. Депортации этих армян проводились под руководством каймакама Карамюрселя Неиб-бея, который занимал эту должность с 27 мая по 2 октября 1915 г., его помощниками были начальник жандармерии Мехмед Кемал-бей; муфтий Ахмед, имам Салахеддин-эфенди, члены местной комиссии оставленной собственности Нури-

бей и Тахир-бей, заместитель главы округа Мазлум-бей и его помощник Ахмед-эфенди и офицеры-наемники Токатли Ахмед Чавуш, Бурсали Ахмед Онбаси, Боснак Хафиз Онбаси и Туфенкджи Мустафа⁴. В самой Ялове и ее окрестностях организацией депортаций и контролем над разделом армянского имущества занимался Русди-бей, каймакам с 9 февраля 1913 г. по 31 декабря 1917 г. На протяжении периода с ноября 1919 г. по февраль 1920 г. перед военным судом в Стамбуле предстало несколько лиц, ответственных за депортации и раздел армянского имущества в санджаке Измит. Первый из обвиняемых, Гамид-бей, являвшийся ответственным секретарем КЕП в Адабазаре, предстал перед судом 6 ноября 1919 г. за приобретение армянского имущества по «заниженным ценам»; свидетелем обвинения был бывший каймакам Неджати Сезайи-бей⁵. Во вторник 17 февраля 1920 г. военный суд под председательством судьи Эсата оправдал Гамида⁶.

Судебный процесс над виновниками насилия и «злоупотреблений» в казах Из-

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 139.

² Ibid. Pp. 139–140.

³ Ibid. Pp. 140–141.

⁴ PCI Bureau, список ответственных лиц за погромы и депортации: BNU, ms. 289, f° 15, Karamursal.

⁵ La Renaissance, № 290, vendredi 7 novembre 1919.

⁶ La Renaissance, № 375, mercredi 18 février 1920.

мит и Карамюрсель, который проходил с 15/28 января по 29 февраля/16 марта 1920 г., завершился приговором, вынесенным представителю КЕП в Измите Хоса Рифату, который на тот момент находился на острове Мальта и был приговорен заочно; Ибрагим-бею (приговоренному к пятнадцати годам заключения), арестованному 4 марта 1919 г. в Стамбуле, и еще несколькими менее значительным преступникам: имаму Салахеддину; Али и штурману Измаил-бею; мюдиру нахие Баджечик Али Шухури-бею (приговоренному к двум годам тюрьмы); Фаику Чавушу (приговоренному к трем годам и двумстам дням заключения);

Ахмеду Чавушу и Хасану-эфенди (приговоренным к четырем месяцам заключения и двадцати ударам розгами каждому). Свидетели, дававшие показания в суде, признали, что имам Салахеддин «не совершал преступлений против армян, однако он не посещал мечеть и употреблял алкоголь, не соблюдая пост»¹. Единственная важная информация, ставшая известной в ходе этого «судебного процесса», касалась главы округа Баджечик Али Шухури-бея, который, по словам нескольких свидетелей, нес ответственность за систематический раздел армянской собственности лицами, отвечавшими за организацию депортаций².

¹ La Renaissance, № 347, vendredi 16 janvier 1920 (première audience); La Renaissance, № 369, mercredi 11 février 1920; La Renaissance № 386, mardi 2 mars 1920 (verdict d'Ismit donné le 29 février); La Renaissance № 387, mercredi 3 mars 1920.

² La Renaissance № 382, 26 février 1920 (procès de Bahçecik et Arslanbeg).

ГЛАВА 15

Депортации и погромы в вилайете Бурса и мутесарифате Кютахья

На заре XX века армянское население вилайета Бурса составляло, согласно статистическим данным, собранным армянским патриархатом, 82 350 человек. До 1915 г. в городе Бурса, расположенном примерно в двадцати километрах от Мраморного моря у подножия горы Олимп, армянское население составляло 11 500 человек, которые в основном селились в районах Сетбаши и Эмир Султан. Городские армяне и греки составляли более одной трети населения города, которое также включало большое число мухаджиров, недавно прибывших с Балкан. Армянская колония Бурсы, основанная до XV века, значительно выросла в начале XVII века с прибытием эмигрантов, которые бежали от турецко-персидских войн.

В центре района Сетбаши процветающей армянской общине Бурсы принадлежала группа зданий, в том числе здания кафедрального собора, большого лицея и начальных школ. Основными видами экономической деятельности армян были изготовление шелковых тканей и гобеленов, огранка алмазов, а также производство изделий из золота. Их летние резиденции были расположены в пригороде Джекирге, известном своими горячими источниками и курортом. Также в окрестности города существовали две армянские деревни, Мулул и Серахкёй¹.

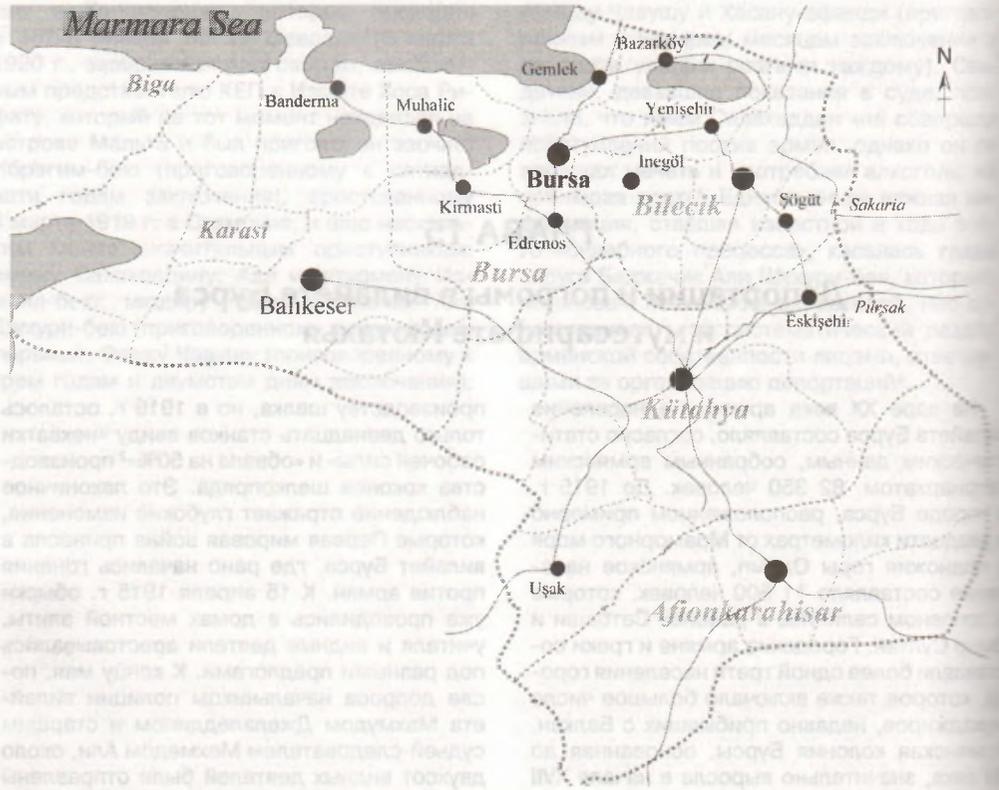
По информации источника из французского военного ведомства, до войны в Бурсе функционировало сорок два станка по

производству шелка, но в 1919 г. осталось только двенадцать станков ввиду «нехватки рабочей силы» и «обвала на 50%»² производства коконов шелкопряда. Это лаконичное наблюдение отражает глубокие изменения, которые Первая мировая война принесла в вилайет Бурса, где рано начались гонения против армян. К 15 апреля 1915 г. обыски уже проводились в домах местной элиты, учителя и видные деятели арестовывались под разными предлогами. К концу мая, после допроса начальником полиции вилайета Махмудом Джелаледдином и старшим судьей-следователем Мехмедом Али, около двухсот видных деятелей были отправлены в Орханели к югу от Бурсы возле Атраноса; остальные были отправлены в Бандырма для предания военно-полевому суду³. По словам армянского свидетеля, местные судьи заявили: «Вы не сделали ничего плохого; однако, учитывая помехи, создаваемые вашим присутствием в Бурсе, вы будете депортированы в Атранос, где вы будете находиться в течение пятнадцати—двадцати дней». Приезд в Бурсу в начале июля юниониста Мехмедже-бея из Первого отдела Департамента государственной безопасности положил начало настоящему изгнанию армян из региона. Более того, прибытие Мехмедже, вероятно, было приурочено к приказу, направленному вали (правителю вилайета) Бурсы 5 июля 1915 г. о депортации армянского населения из азиатских об-

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 143–146.

² SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 574, Constantinople le 15 avril 1919, «Information sur la situation à Brousse à la date du 10 avril», подписано лейтенантом военно-морского флота Ролленом.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcate, © 518, dossier № 24; BNU/ Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 45, Bursa, свидетельское показание Рубена Тонапетяна от 4 января 1919 г., «Déportation et massacre des Arméniens de Brousse»; Агуни С. Указ. соч. С. 239.

ластей вблизи Стамбула¹. В любом случае можно предположить, что иттихадистский делегат считал, что подготовительные действия, включая конфискацию оружия или систематические аресты мужского населения, не зашли достаточно далеко для того, чтобы оправдать стремление немедленно изгнать армян. В начале июля Мехмедже вызвал греческих и армянских прелатов города Бурса, Доротеоса и Паргева Даниеляна, а также некоторых видных деятелей, включая Микаэла Нештерияна, и приказал им сдать «оружие революционных комитетов» властям. Казалось бы, армяне подчинились, но не в той мере, которая могла быть достаточной для того, чтобы удовлетворить иттихадистского делегата, который продолжал арестовывать сотни людей. Их держали взаперти в здании, известном как Кирмизи Фенер, где методично подвергали пыткам².

22 июля Мехмедже-бей, сопровождаемый карателями из «Специальной организации», отправился в Орханели, где около четырехсот человек содержались под стражей. На следующий день началось их уничтожение. Ежедневно в группах по сорок человек их вывозили в ущелье Каранлик Дереси, где каратели расстреливали их и сжигали тела. Среди жертв было много купцов: Андраник Ганиян, Оник Балтаян, Абраам Нарбандян, Акоп Капуджян, Торос Пекмез, Гарник Пекмезян, Степан и Левон Динджюляны, Людвиг Лутфян, Минас Кеулеян, Грант Арабян, Азнив Филибелян, Оник Филибелян, Габриэль Мичигян, отец и сын Лапатыан, Сименет Петрос Шамамян. Среди расстрелянных были также государственные чиновники и члены свободных профессий, учителя и ремесленники: Минас Финдеклян (сотрудник Банка Оттоман), Арутюн Язезян, Арутюн и Арменак Лутфяны (провизоры), Мигра

¹ Т. С. Başbakanlık Arşivi, 22Sh1333, 5 Temmuz [Juillet] 1915, IAMM, circulaire of Ali Münif (nazir namı), [sf 54/315], doc. № 63.

² Агуни С. Указ. соч. С. 241–242.

Луфтян (учитель начальных классов), Артине Узунян (юрист), Степан Гисян (секретарь), Микаэл Ганджян, Саркис Мичигян (студент), Бюзанд Морусян (студент), Эдуард Беязян (чиновник из Департамента государственного долга), Гарник и Карапет Пачаджяны (мясники), Арам Камбурян (секретарь), Сарим Келеджян (кузнец), Карапет Эбе-оглу (секретарь) и Григор Антонян (чиновник из Департамента государственного долга)¹.

Примерно в то же время сто человек, интернированных в тюрьму военного суда в Бандырма, включая двадцать видных деятелей из Бурсы, которые находились под стражей с конца апреля, были приговорены к смерти или различным срокам тюремного заключения. Прелат Бурсы Паргев Даниелян и Сукиас Дюлгерян были приговорены к пяти годам тюремного заключения и затем депортированы в Дер-Зор, где они умерли от тифа несколько недель спустя. Что касается приговоренных к смерти, то они были доставлены обратно в Бурсу и повешены 24 октября 1915 г.² Среди повешенных были д-р Степан Меликсетян (врач), Парунаг Айемян (провизор), Симоник Сеферян (комиссионер), Мисак Мермерян (ювелир), Мисак Тер-Керовпян, Григор Беолукян и четверо крестьян. Они были демонстративно повешены на мосту Сетбаши, у входа в старинный армянский квартал³.

Приказ о депортации, который был опубликован 14 августа 1915 г., дал армянам три дня на подготовку к отъезду. Разграбления армянских домов начались еще до депортации. Первая колонна покинула Бурсу и направилась в Эскишехир 17 августа.

1800 семей покинули город в течение трех дней, и сто пятьдесят домашних хозяйств протестантов и католиков были освобождены от депортации по приказам из Стамбула⁴. Как и все конвои депортированных, конвои из Бурсы следовали по железной дороге до Коньи и Бозанти, затем пересекали Киликию и направлялись в Алеппо; самые несчастные были отправлены в Дер-Зор⁵. По данным армянского источника, нескольким сотням депортированных удалось уйти в подполье в регионах Коньи и Кютахья. Большинство выживших после войны мужчин из Бурсы были из их рядов⁶.

Австро-венгерский консул Л. Трано объявил о скорой депортации армян из вилайета и создании комитета, отвечающего за «оставленное имущество» еще до 16 августа⁷. В другом сообщении для австро-венгерского посла в Стамбуле, направленном три дня спустя, консул Трано заявил, что около 9000 человек были депортированы через Биледжик и Конью, из них более 7000 человек были погружены в двухуровневые грузовые вагоны и около 1800 человек были отправлены пешком. Консул также отметил, что комитет, ответственный за «оставленное имущество», немедленно приступил к «конфискации мануфактур и другого имущества армян»⁸. Что касается таких «конфискаций», в своей телеграмме от 31 августа в адрес министра Буриана австро-венгерский дипломат Иоганн фон Паллавичини указывал на основании информации, представленной консулом Трано 23 августа, что «армянское имущество было захвачено членами организации «Единение и прогресс» и некоторыми

¹ Там же. С. 242; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, @ 518, dossier № 24; BNU/Fonds *Andonian A.* P.J. 1/3, liasse 45, Bursa, свидетельское показание Рубена Тонапетяна от 4 января 1919 г.

² «Жаманак», 13 ноября 1919 г. (на арм. яз.), «Траурная церемония в Бурсе».

³ Там же; Агуни С. Указ. соч. С. 242.

⁴ Консул Соединенных Штатов Америки прибыл в Бурсу в то время, когда депортации только начинались; по-видимому, это побудило «турок» несколько «умерить свои действия и отказаться от идеи депортации армянских протестантов и католиков»: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, @ dossier № 24; BNU/ Fonds *Andonian A.* Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 45, Bursa, свидетельское показание Рубена Тонапетяна от 4 января 1919 г.

⁵ Ibid.

⁶ Агуни С. Указ. соч. С. 244.

⁷ Österreichisches Staatsarchiv, HHStA PA XII 209, депеша № 441/Р консульского представителя в Бурсе Л. Трано от 16 августа 1915 г. в адрес посла в Константинополе Паллавичини. С. 333–334, с депешей № 69/Р-Д посла Паллавичини в адрес барона Буриана от 24 августа 1915 г.

⁸ Ibid., депеша № 53/Р консульского представителя в Бурсе Л. Трано от 19 августа 1915 г. в адрес посла в Константинополе Паллавичини. С. 336–338, с депешей № 70/Р-В посла Паллавичини в адрес барона Буриана от 27 августа 1915 г.

другими турецкими видными деятелями» из Бурсы¹. Кроме того, консул Трано подробно расписал методы, используемые членами комитета, ответственного за «оставленное имущество», чтобы заполучить имущество армян еще до депортации владельцев. Сначала армяне вызывались в кабинет генерального секретаря вилайета в конак. На столе в этом кабинете возвышался мешок с деньгами. Государственный чиновник требовал от вызванного человека подписать подготовленный документ, указывающий, что он добровольно уступает свое имущество турецкому покупателю, присутствующему в кабинете, который отсчитывал содержимое кошелька и передавал ему деньги. Когда «вынужденный продавец» выходил из кабинета, его перехватывал другой чиновник, который отнимал у него деньги и клал их обратно в мешок на столе в кабинете, и так происходило со всеми вызванными². Благодаря этому исключительному документу мы можем собрать некоторое представление о методах, используемых младотурками Бурсы; и представляется разумным предположить, что такая практика сочетания формализма и цинизма широко применялась для того, чтобы прибрать к рукам имущество наиболее крупных армянских бизнесменов. Скорее всего члены КЕП не случайно направляли Мумтаз-бея в Бурсу и другие места для создания «комитетов, ответственных за оставленное имущество» с помощью двух других партийных кадров, Абдурахман-бея и Реджеп-бея, которые также приехали из столицы³, а также с помощью депутатов парламента Мемдух-бея и Гамид Риза-бея⁴.

В данном случае лучше, чем когда бы то ни было, можно наблюдать, с какой точностью столица организовывала операции, направляя своих делегатов контролировать тот

или иной аспект общего плана депортации населения и захвата его имущества. Ответственность за политическую составляющую плана несли вали Али Осман, иттихадистский инспектор Ибрагим-бей, президент родского совета Мухтар-бей и Исмаил Хакки, командующий жандармерией. Начальник полиции Махмуд Джелаледдин-бей, иттихадистский делегат Мехмедже, судья Мехмед Али и лейтенант полиции Тевфи взяли на себя ответственность за арест мужчин, допросы и пытки, которые шли рука об руку с арестами. Мумтаз-бей и его люди, как было уже отмечено, отвечали за экономические аспекты программы⁵.

Д-р Ахмед Мидхат, бывший начальник полиции Константинополя, о чьей роли в депортации из Болу уже говорилось⁶, также был делегирован КЕП в Бурсу следить за ходом операции⁷. Это лишний раз показывает, какие предосторожности комитет младотурок предпринимал, чтобы убедиться, что ничто не будет препятствовать реализации его плана. Но такое увеличение присутствия партийных кадров в области также вызывает, насколько глубоко иттихадистские лидеры были обеспокоены теми препятствиями, которые местные круги могли бы поставить на пути этого плана, особенно в силу финансовых причин. Похоже, в КЕП не доверяли членам местного иттихадистского клуба Хаджи Селиму Семерджи, Баюму Неджипу, главе Дойче Банка Хаджи Сабию Дефтердару Арифу, Аттару Хаджи-Сабихею, Хаджи Абдулла-бею, Сфаханли Хаджи Эмину, Ургалджи Абдулле, Хафизу Сабихею, Джелалу Салиху и Сфаханли Хакки, которые по сути, первыми извлекли выгоду из грабительства армян⁸.

Правительственные чиновники также, кажется, воспользовались данными обстоя-

¹ Ibid., депеша № 464/P консульского представителя в Бурсе Л. Трано от 23 августа 1915 г. в адрес консула в Константинополе Паллавичини. С. 342–344, с депешей № 71/P-В посла Паллавичини в адрес барона Энгельмана от 31 августа 1915 г.

² Ibid.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 518, dossier № 24.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 202, список ответственных лиц Бурсы.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 518, dossier № 24.

⁶ Ср. выше, с. 604.

⁷ Допрос др. Ахмета Мидхата на втором заседании суда 23 июня 1919 г.: «Takvim-i Vakayi», № 3589, 23 июня 1919. Рр. 172–173; Мидхат был приговорен к десяти годам каторжных работ: приговор по делу против ответственных секретарей и делегатов комитета иттихадистов, вынесенный 8 января 1920 г. «Takvim-i Vakayi», № 3772, février 1920. P. 2, col. 2. P. 3, col. 1. Pp. 53–66.

⁸ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 202, список ответственных лиц Бурсы.

тельствами для собственного обогащения. Кроме вали Али Осман-бея, следующие лица также участвовали в организации депортации и были в то же время основными приобретателями имущества армян: директор администрации вали Сеид-бей, мэр Ахмед Мухтар-бей, директор религиозных и благотворительных учреждений Ниязи-бей, сборщик налогов Решад-бей, судья-следователь Ахмед Хаджи-эфенди, директор лицея Сафет-эфенди, директор сельского хозяйства Гейдар-бей, генеральный секретарь мэрии Нуреддин-эфенди, глава Табак Режи Эдиб-бей, судьи Али Гулви и Хасан Фехми, директор образования Хулуси-бей, командующий жандармерией Исмаил Хакки, военачальник Зия-бей, офицер жандармерии Арап Фуад, начальник полиции Махмуд Джелаледдин, помощник начальника полиции Джеркез Тевфик, полицейские Хаджи Тевфик и Хидайет Тевфик¹.

В ходе суда над лицами, ответственными за гонения против армян, проведенного в военном суде в городе Бурса, два человека, ко-

торые получили наиболее тяжкие приговоры, — иттихадистский делегат Мехмедже-бей, который был приговорен к смерти, и иттихадистский инспектор Ибрагим-бей, который был приговорен к восьми годам тюремного заключения, были осуждены заочно. Аналогичным образом лейтенант полиции Гаджи Тевфик, полицейские Яхья и Садик Сулейман Февзи и жандарм Хасан действительно были приговорены к наказанию в виде десяти лет каторги, но были официально объявлены «лицами, скрывающимися от правосудия», в то время как лица, которые присутствовали на суде и которые были наиболее активно вовлечены в осуществление депортаций и применение насилия, были оправданы². Кроме того, доклад, подготовленный разведкой Военно-морских сил Франции в апреле 1919 г., показывает, что все указанные лица находились в городе Бурса, где они жили, не будучи выставляемыми напоказ новыми властями. Вероятно, они даже были причастны к убийствам армян, возвратившихся из изгнания, которые происходили ежедневно³.

Каза Базаркёй

Располагаясь в северной части санджака Бурса, в районе озера Изник, шесть армянских поселений в казе Базаркёй составляли крупнейшую демографическую концентрацию в регионе. В 1910 г. в регионе проживало в общей сложности 22 209 армян; их предки поселились здесь в период между 1592 и 1607 годами, прибыв из Акна, Арапкюра, Балу, Харпуга и Эрзурума⁴.

К северо-востоку от озера Изник располагалось поселение Керамет с 1215 жителями; в двух часах пути далее к западу лежало поселение Мец Нор Гюг, зарегистрированное в записях османской администрации как Джедик Карие с 2937 жителями-армянами,

почти все из которых зарабатывали на жизнь выращиванием винограда и маслин или занимались различными ремеслами. В трех километрах к западу располагалось поселение Мичагюх/Ортакёй с тремя тысячами жителей. Большая деревня Ченгилер с пятью тысячами жителей, также располагавшаяся в близлежащих окрестностях, была известна своими шелковыми мастерскими, на которых трудились несколько сотен человек, и 500–600 колесами, приводимыми в движение паровым двигателем. До 1914 г. из деревни ежегодно экспортировалось более двух тысяч килограммов шелка-сырца в Марсель, Лион, Милан и Лондон через коо-

¹ Ibid.

² Отчет процесса: *La Renaissance*, № 402, 20 mars 1920. Также стоит отметить, что юнионист Зия Шакир, редактор издания «*Ertogrul*» в Бурсе, который также был вовлечен в проведение депортаций, был оправдан судом Чорума (*La Renaissance* № 340, mercredi 7 janvier 1920), и, кроме того, Осман-бей, бывший вали Бурсы, Ибрагим-бей, ответственный секретарь комитета иттихадистов в Бурсе, и их товарищи, которые были интернированы в тюрьму военного трибунала, были переведены в Бурсу для предания военному трибуналу: *La Renaissance*, № 132, mardi 6 mai 1919.

³ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 574, Constantinople, le 15 avril 1919, «Information sur la situation à Brousse à la date du 10 avril».

⁴ *Kévorkian & Paboudjian*. Op. cit. Pp. 146–147; *Karpat K.* Op. cit. P. 176. Авторы упоминают общую численность — 22 883 армянина и 11 884 турка.

ператив, основанный местными ремесленниками для обеспечения поставок и стимулирования продаж. Тысяча жителей деревни Бенли/Гюрле на юго-западном берегу озера зарабатывали на пропитание в основном рыбной ловлей. Наконец деревня Сёлёз, расположенная в двух часах пути к югу, могла похвастаться населением в четыре тысячи человек¹. В августе 1914 г. всеобщая мобилизация, когда юноши и молодые мужчины были призваны на фронт, очень быстро опустошила все эти армянские поселения. Вместе с тем нет никаких сведений об особых проблемах в какой-либо из указанных деревень вплоть до конца мая 1915 г., когда начались обыски домов и аресты, официальной целью которых было заставить население сдать оружие властям².

Первой мишенью этих операций стало поселение Ченгилер. 4 августа 1915 г. деревню³ окружили две тысячи солдат и жандармов под командованием Хаджи Алаэддина, временного делегата КЕП и члена иттихадистского комитета в Базаркёй, а также Абдул Гамид-бея, военного коменданта города Бурсы, который был обвинен в проведении депортации в Ченгилер⁴. После короткой встречи с местными видными деятелями они отправили около 1200 семей в дорогу со значительным сопровождением; при этом депортированным армянам не разрешили взять с собой их движимое имущество. Мужчины были отделены от остальной части колонны в полчаса пути от деревни и убиты на берегу ручья в месте, известном как Барзудаг⁵. Около ста мужчин были оставлены в деревне для перевозки имущества, принадлежавшего армянам, к церкви, где оно было

поделено между крестьянами, солдатам и жандармами. После этого деревня была методично разграблена и затем предана огню. Сто мужчин были под стражей выведены из деревни и безжалостно убиты⁶.

Жители селений Ортакёй, Мец Нор Гюх, Керамет, Сылыз и Бенли были депортированы вскоре после жителей деревни Ченгилер⁷. Приказ о депортации жителей Мец Нор Гюх был отдан 16 августа, и жителям дали три дня для подготовки в дорогу под присмотром мюдир-Мехмеда Фазл-хана. 19 августа эти колонны были направлены в сопровождении батальонов чете в Эскишехир, а оттуда пешком по линии Конья—Гюзанты—Алеппо⁸.

Стоит отметить, что несколько десятков молодых новобранцев из селений Ченгилер, Ортакёй и Сёлёз ушли в партизаны, когда узнали о депортации их семей, и что жители Бенли оказали некоторое сопротивление, предавая огню свои пожитки, прежде чем покинуть свои дома. По информации журналиста Себуха Агуни, в течение года армянские призывники оказывали сопротивление в предгорном районе; они обеспечивали себя продуктами питания, совершая набеги на турецкие деревни, и иногда наносили потери регулярным войскам, направляемым для их поиска. Многие из них погибли в бою на ферме в Сёлёз, где попали в окружение⁹.

Армянские источники называют имена тех, кто несет основную ответственность за зверства, совершенные в районе Базаркёй: это офицер жандармерии курд Саман-бей, бывший директор департамента государственного долга Рефик-бей, секретарь полка Тахир-эфенди, Софта-оглу Мехмед

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 146–147.

² Агуни С. Указ. соч. С. 245.

³ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, dossier 367, Constantinople, le 24 février 1919, «La déportation des Arméniens de Tchinguiler».

⁴ Bureau d'information du Patriarcat arménien de Constantinople, список ответственных лиц за погромы и депортации: BNU, ms. 289, f° 13, çenkiler; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat d'information du Patriarcat, 197, № 561–562. Список ответственных лиц в Ченгилер.

⁵ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, dossier 367, Constantinople, le 24 février 1919; Агуни С. Указ. соч. С. 247. Автор подтверждает, что Саар Трайе и Уста Давид были среди жертв массовых убийств.

⁶ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, dossier 367, Constantinople, le 24 février 1919.

⁷ Агуни С. Указ. соч. С. 248.

⁸ Там же. С. 249. Нескольким солдатским семьям было разрешено поселиться в населенных пунктах Эскишехира после поступления соответствующего приказа из Стамбула (там же. С. 247).

⁹ Там же. С. 246.

Депортации и погромы: Бурса и Кютахья

Али-бей, Гусейин-бей, Гиридли Адыл-бей, Реджеп-оглу Салих, Уруфат, Табук Ибрагим,

Халил-эфенди, Кючук Ахмед и Онбаш Муса Али¹.

Каза Гемлик

Накануне войны в районе Гемлик, лежащем к западу от района Базаркёй, на побережье недалеко от города Бурсы, располагались три армянские деревни общей численностью населения 12 100 человек. В греческом, по сути, порту Гемлик проживало менее сотни армян. Большая деревня Бейли, располагавшаяся в трех километрах к западу, была напротив, полностью армянской, и семь тысяч

жителей деревни были кузнецами, животноводами, фермерами и ремесленниками, чьи предки прибыли из Агна и поселились в Бейли примерно в 1600 г. В двух километрах пути к югу располагались поселение Карсак с пятью тысячами человек армянского населения. Жители этих трех поселений были депортированы в то же время, когда и армяне из казы Базаркёй в середине августа 1915 г.²

Казы Мухалидж, Кирмасти и Эдрэнос/Атарнос

Накануне войны Мухалидж, Кирмасти и Эдрэнос/Атарнос — три района, расположенные к западу и к югу от города Бурсы, могли похвастаться общей численностью армянского населения в 8459 человек. В главном городе района Мухалидже, небольшом греческом городе с восемью тысячами жителей, проживало четверста армян. Кроме того, также насчитывалось еще пять сельских общин, разбросанных по всему району. В густонаселенной казе Кирмасти была только одна скромная армянская община с населением около тысячи человек, которые проживали в городе, являвшемся местом пребывания администрации района. Более

четыре тысяч армян, однако, проживали в трех поселениях в районе Эдрэнос к югу от Бурсы, и большинство из них были крестьянами, которые зарабатывали на жизнь выращиванием шелкопряда³. В указанных трех казах депортации были проведены в августе 1915 г. местными властями, действовавшими по указаниям из Бурсы. В Кирмасти, каймакам Кямиль-эфенди, муфтий Осман-эфенди, мухтар (староста) Камбур Реис, Айашкёйлу Мехмед-бей, Зия-эфенди, муэдзин Мехмед и Хаджи Мухарым организовали депортацию армянского населения в Эскишехир и далее по линии Конья—Позанты⁴.

Депортации в санджаке Эртугрул

В санджаке Эртугрул тринадцать армянских поселений были также основаны на рубеже XVII столетия. По данным переписи населения Османской империи, проведенной в 1914 г., общая численность армянского населения в указанных поселениях составляла 25 380 человек. Согласно статистике Константинопольского патриархата, численность армянского населения была несколько выше — 28 629 человек. В отличие от армян, проживавших в санджаках Измита и Бурсы,

большинство армян округа Эртугрул были туркоязычными армянами⁵.

В 1914 г. численность населения Биледжика — города, расположенного на склоне холма на левом берегу реки Карасу и являвшегося местом пребывания мутесарифа, — составляла немногим более десяти тысяч человек, 4800 из которых были армяне, проживавшие по соседству в районе Балипаша. В основном они были заняты выращиванием шелкопряда и прядением шелка на семнад-

¹ Bureau d'information du Patriarcat arménien de Constantinople, Liste des responsables des massacres et des déportations: BNU, ms. 289, f° 13, çenkiler; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat d'information du Patriarcat, т 197, р 561–562, список ответственных лиц в Ченгилер.

² Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 147; Karpat K. Op. cit. P. 176. Авторы отмечают общую численность в районе — 3348 человек.

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 147; Karpat K. Op. cit. P. 176.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, т 197, р 561–562, список ответственных лиц в Кирмасти.

⁵ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 147; Karpat K. Op. cit. P. 176.

цати шелковых мануфактурах, из которых почти все принадлежали армянам.

Небольшое число армян также проживало в северной части казы: в Мекедже, на правом берегу реки Сакарьи, в Лефке в десяти километрах к югу и в Гёлбазаре или Нор Гюге, деревне с численностью армянского населения в пять сотен человек. Далее, к юго-западу, располагались деревня Гёлдай с численностью армянского населения в 2200 человек и большая деревня Деджир Ханлар с численностью армянского населения в 2500 человек. В десяти километрах дальше к востоку располагалась деревня Туркмен, заселенная, несмотря на свое название, исключительно армянами, с численностью населения в 2630 человек¹.

В августе 1915 г. эти 13 110 человек были депортированы в течение нескольких дней. КЕП для проведения этой операции направил в Биледжик Ахмеда Мерджимек-заде в качестве ответственного секретаря; там он мог рассчитывать на поддержку Али Кемальбея, председателя местного иттихадистского комитета, и других влиятельных членов комитета, а именно: Фуада Мерджимек-заде, Хаджи Ахмеда и Сарафа Имама Абдуллы². Административному плану по искоренению армянского населения следовали мутесариф Джемаль-бей, каймакам казы Биледжик Теймуз-бей и Бинбаши Рифат, командующий жандармерией округа Эртугрул, который в течение некоторого времени выступал в качестве временного исполняющего обязанности каймакама³.

Монах-мхитарист, который был свидетелем событий, отмечает, что он находился в Биледжике 16 августа 1915 г., в день, когда видные армянские деятели и заместитель председателя отец Симон были вызваны мутесарифом Джемаль-беем. Им было

сказано, что они должны покинуть город в течение трех дней. Монах отмечает, что в городе было очень мало мужчин, поскольку большинство из них были мобилизованы на фронт, и что было невозможно выехать за пределы города в течение недели. Монах также отмечает, что армяне Биледжика были свидетелями следования колонн с депортированными армянами на запад в состоянии, которое дало им некоторое представление о том, что их ожидает. Как только приказ о депортации был обнаружен, армяне начали продавать свою мебель соседям, которые кинулись покупать все, что могли, по крайне низким ценам. Число погромов армянских домов начало расти с 17 августа, когда жители окрестных деревень приехали за своей долей добычи⁴. По информации монаха-мхитариста, который спасся, поскольку был католиком, 18 августа прихожане заполнили армянскую церковь, где проводилось последнее богослужение. На следующее утро все армяне Биледжика покинули город в единственной колонне, направлявшейся в Эскишехир. Школьникам было предложено оказать содействие в сносе армянского квартала. В частности, им было дано задание вынести из домов окна и двери; женщины последовали за ними в опустошенные дома. Такие погромы и разграбление армянского квартала продолжались в течение десяти дней. Избежали уничтожения лишь собор, который был преобразован в склад, и дома нескольких видных армянских деятелей, которые были заняты правительственными чиновниками. Сады, окружавшие город, и армянское кладбище также подверглись разграблению⁵. За исключением нескольких католических семей, армянское население Биледжика было полностью истребовано.

Казы Енишехир, Инегёл и Сёгют

В 1914 г. в районе Енишехир, располагавшемся на обоих берегах восточной части озера Изник, насчитывалось три армянских поселения общей численностью населения 4750 человек. Двести пятьдесят армян про-

живали в Нор Гюг (Новое село) недалеко от Ниджеи/Изника; 2500 человек проживали в деревне Мармараджик; и, наконец, в городе Енишехир со смешанным населением, являвшемся местом пребывания администра-

¹ Ibid.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat d'information du Patriarcat, n°198, n° 144 (версия на английском языке), n° 562–563, список ответственных лиц в Биледжике.

³ Ibid.

⁴ Отец И. П. «Катастрофа Биледжика», «Базмавеп», 1921. С. 117 (на арм. яз.).

⁵ Там же. С. 118–119.

ми района, проживало более двух тысяч армян, большинство из которых зарабатывали себе на пропитание фермерством¹.

В 1914 г., в лесистой местности, лежащей в сорока километрах к востоку от Бурсы, на полпути между Бурсой и Биледжиком, в казе Инегель насчитывалось два армянских поселения Енидже (с населением 2000 чел.) и Джеран (с населением 2500 чел.)².

В самой западной части района, в санджаке Эртугрул и казе Сёгют, до геноцида насчитывалось четыре армянских поселения, расположенных по обе стороны реки Сакарья. На юге, в селении Чалгара, проживало девятьсот человек. На правом берегу реки располагались поселения Мураджа с населением 2600 человек, Асарджик с населением 1200 верующих и Енибазар (с населением 700 чел.). В городе Сёгюте, являвшемся местом пребывания администрации

района, проживало 1472 армянина, включая горстку протестантов³. Депортацией этого населения и захватом его имущества руководили младотурки из Биледжика, которые делегировали Эмина-эфенди, ответственного секретаря иттихадистского комитета, а также Мехмед-бея, депутата из Инегеля, для надзора за проведением операций. Им помогли члены местного комитета Ахмед Али-заде Али-эфенди, Садык-заде Хаджи Гусейин-эфенди, Сабри-эфенди и Тюфенк-джибаши-заде Молла Юсуф. Среди правительственных чиновников — каймакам Инегеля Саид-бей, чиновник Департамента финансов Нури-эфенди, Сулейман-эфенди, директор Управления государственного долга Мустафа-эфенди и командующий местной жандармерией Осман Нури сыграли решающие роли в депортации, проведенной в августе 1915 г.⁴

Депортация в санджаке Караси/Балыкесер

Согласно переписи патриархии, проведенной в 1913–1914 гг., в санджаке Караси насчитывалось около двадцати тысяч армян, почти все из которых проживали в районах Бандырма и Балыкесер. Поселения в этом округе, который имел тесные связи со Стамбулом и Бурсой в силу их географического положения, были основаны в начале XVII столетия⁵.

В 1914 г. в префектуре Балыкесер, известной своим производством хлопка, насчитывалось 3684 жителя армянской национальности, которые жили в районе Алифакие. В окрестностях располагались лишь две деревни, населенные армянами, — Бали Маден (с населением 480 чел.) и Бабакёй/Бурхание (с населением 320 чел.)⁶.

Располагаясь в глубине залива Кизик, город Бандырма служил портом округа Караси, и между портом и столицей пролегал паромный маршрут. В 1914 г. здесь проживало 3450 армян, большинство из

которых зарабатывало на жизнь выращиванием шелкопряда, ткачеством, вышивкой или торговлей шелком. В северной части района, в Эрдеке, на полуострове с одноименным названием община численностью в тысячу армян была основана в среде греков. Напротив Эрдека, на побережье, порт Эйдинджик включал армянскую общину численностью 1470 человек. Наконец, к югу от озера Маньяс, в окрестностях города с таким же названием насчитывалось 1200 человек армянского населения; еще 1302 армянина проживали в деревне Эрменикёй, расположенной на берегу Мраморного моря. К этим цифрам мы должны добавить несколько тысяч армян, которые проживали разрозненно во всей остальной части округа, например, в Султанчайр Маден (с населением 450 чел.), Сусурлу (с населением 100 чел.), Армудове (с населением 250 чел.) или Эдремиде (с населением 65 чел.)⁷.

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 150; Karpat K. Op. cit. P. 176.

² Ibid; Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 150.

³ Ibid; Karpat K. Op. cit. P. 176.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat d'information du Patriarcat, n° 198, список ответственных лиц в Инегеле.

⁵ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 157; Karpat K. Op. cit. P. 186.

⁶ Ibid; Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 158–159.

⁷ Ibid; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat d'information du Patriarcat, n° 627/2 и Э 989, Balikeser, bilan.

В этой местности депортации были организованы также в августе 1915 г.¹ под руководством мутесарифа Балыкесера Ахмеда Нидхат-бея, генерального секретаря санджака Диарбекирли Джемаль-бея, главы государственной администрации Неджиб-бея и Риза-бея, отставного командира батальона. Убийства нескольких десятков человек и захват собственности армян были делом рук членов комитета младотурок в Балыкесере, а именно: председателя местного иттихадистского комитета Арап-заде Сабахеддин-бея при содействии Афит-бея, депутата парламента из города Бийи, Гасана Беду-бея, Реджайи Шюкрю-бея и Лаз Хаджи Мустафы-эфенди².

В Бандырме главными организаторами депортации армян из региона были Омер Лютфи-бей, ответственный секретарь КЕП, Сервет-бей, председатель муниципалитета и председатель комитета, ответственного за «оставленное имущество», а также местные видные деятели из числа младотурок: Мехмед-бей Мулки-заде, Мехмед-бей Велибей-заде, Хаджи Сами-бей, Гиритли Джелал-бей, Селаникли Сабри-бей, Решад-бей Ташджи-заде, Мехмед-бей, Балыклы Тахир, Исмаил-эфенди Хакки-заде, Эберлерин Ичак Хади, Хаджиназым-бей-заде

Теза-бей, Муса-заде Тевфик-бей и Дабал Дервиш-оглу Ахмед. Из числа правительственных чиновников: каймакам Бандырме Низамеддин-бей, председатель коммерческого суда Тахтаджи Исмаил-эфенди, командир местной жандармерии Гусейин Чавуш, начальник полиции Решид-бей следили за административными аспектами операции, предоставив иттихадистскому комитету и «Специальной организации» совершить массовые убийства. Местную «Специальную организацию» возглавляли командиры отрядов чете, а именно: Адал Хаджи Ахмед, Теллал Исмаил-бей, Ханджи Али Чавуш и Бойкотджи Мехмед³.

В поселении Эйдинджик депортации были организованы мюдиром Неджипом-эфенди, мэром Хаджи Юсуфом, Бехчетом-эфенди, чиновником «Тапу» (Бюро земельной регистрации), татаринном Мустафой Чавушом, командующим жандармерией, служащим телеграфной конторы Вели-эфенди и Али-эфенди, чиновником, работавшим в Управлении государственного долга. Их пособниками были местные видные деятели партии юнионистов, которые совершили несколько убийств, а именно: Кара Мустафа-бей, Нур Омер-эфенди-заде, Рамзи Абдо Молла-оглу и Карабаш-оглу Рагиб⁴.

Депортации в мутесарифате Кютахья

Армянская община в Кютахье, основанная на рубеже XV столетия, была одной из старейших в регионе. Прежде всего она была знаменита своим производством фаянса. В непосредственной близости от Кютахьи также существовало два небольших сельских поселения, Алинджа и Арсланик Яйла, а также две армянские колонии в северо-западной части района, Тавшанлы (с населением 320 чел.) и Виранджике (с населением 200 чел.). Таким образом, общая численность армянского населения в Кютахье составляла 3578 человек⁵. Располагаясь в самой южной оконечности

округа Кютахья, армянская община района Ушак с населением 1100 человек была сосредоточена в основном в городе, являвшемся местом пребывания администрации, который также назывался Ушак, и экономическая деятельность здесь была организована вокруг плетения ковров и изготовления изделий из шерсти⁶.

Армянское население санджака Кютахья не было подвергнуто депортации, и это достаточно редкий факт, достойный упоминания. Мутесариф Фаик Али-бей был одним из тех государственных чиновников, кто

¹ Агуни С. Указ. соч. С. 287–288; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat d'information du Patriarcat, p. 920.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, p. 138–139, p. 556–557, список ответственных лиц в Балыкесере.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, p. 138, p. 558–559, список ответственных лиц в Бандырме.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, p. 138, p. 558–559, список ответственных лиц в Эйдинджике.

⁵ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 150–151; Karpat K. Op. cit. P. 186. Авторы отмечают общую численность 3449 чел.

⁶ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 150–151.

казался выполнять приказ, полученный из Стамбула, и все же вопреки ожиданиям он не был уволен. Из информации журналиста Себуха Агуни, который лично спрашивал мутесарифа после войны, как тому удалось сохранить армян региона в их домах, следует, что местное турецкое население, поддерживаемое двумя влиятельными семьями Кермиян-заде и Ходжа-заде Рашик, решительно выступило против депортации армян. Этот факт и повлиял на центральное правительство. Тем не менее, несмотря на то что Мехмед Талаат угрожал мутесарифу и влиятельным семьям возмездием, он, похоже, предоставил определенные поблажки в данном конкретном случае, своего рода исключение, которое подтверждает правило. Хотя изначально менее пяти тысяч человек попадали под это исключение, несколько тысяч депортированных из Бандырмы, Бурсы и Текирдага также попали под благожелательное отношение мутесарифа и местного населения и избежали, таким образом, судьбы, которая ожидала их на пути по линии Конья—Позанты—Алеппо. В конце концов этот оазис жизни был ликвидирован несколько лет спустя решением Великого

Собрания Анкары после вымогательства обременительно высокой контрибуции «на защиту отечества»¹.

Истории нескольких лиц, задержанных в Чанкыры, которые попали в число редких освобожденных заключенных с условием, что они обоснуются в каком-либо другом месте, кроме Стамбула, архитектора Симона Мелконяна, Саркиса Арентса, провизора Хаяна, Гаспара Череза, Микаэла Шамданяна и духовного отца Вардана Карагезяна иллюстрируют уникальность случая санджака Кютахья. После следования через Эскишехир и депортации из Смирны 31 октября 3 ноября эти лица прибыли в город Ушак. Население этого города также не было депортировано в силу того, что город входил в административный состав мутесарифата Кютахья. Благодаря начальнику станции М. Дедеяну и священнику, духовному отцу Арутюняну, которые поручились за прибывших армян перед властями, местная полиция выдала им разрешение на поселение в городе Ушак, где они оставались в течение трех лет, будучи единственными депортированными армянами, присутствующими в городе, и даже основали там школу для армянских детей².

Депортации в санджаках Эскишехир и Афион-Карахисар

Показательно, что, несмотря на все вышесказанное, армянское население санджака Эскишехир не смогло воспользоваться привилегией армян из соседних округов, хотя Эскишехир входил в административный состав мутесарифата Кютахья. В армянском квартале Эскишехира, основанном в начале XVII столетия, едва насчитывалась одна тысяча армян, которые работали в основном на базаре, которым они управляли вместе с греками. В оставшейся части района располагались еще три армянских села — Артаки Чифтлик, Карахарадж и Бей Яйла; в целом

армянское население района составляло 4510 человек³. Эти армяне были депортированы 14 августа 1915 г. в крайне тяжелых условиях, и им вообще не разрешили брать с собой личные вещи⁴. Мутесариф города Эскишехир Рифат-бей и мэр Халид Зия сыграли важную роль в проведении административной фазы операции, но настоящим организатором депортации был д-р Бесим Зюхтю, ответственный секретарь КЕП в Эскишехире⁵. Д-р Бесим Зюхтю получил поддержку членов местного комитета партии юнионистов: Абдуллы Сабри-бея, который

¹ Агуни С. Указ. соч. С. 287–288; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 920.

² BNu/Fonds *Andonian* A. P. J. 1/3, liasse 38, çangiri, ff 107v¹, 112–113, письмо Вардана Карагезяна Араму Антоняну от 25 февраля 1947 г.

³ *Kévorkian & Paboudjian*. Op. cit. Pp. 150–151; *Karpat K.* Op. cit. P. 186. Авторы отмечают общую численность 3449.

⁴ Агуни С. Указ. соч. С. 286.

⁵ Допрос д-ра Бесима Зюхтю, ответственного секретаря в Эскишехире, на втором заседании судебного процесса против ответственных секретарей, 23 июня 1919 г. (23 Haziran 1335): «Takvim-i Vakayi», n° 3589, Э juillet 1919. Pp. 171–171; д-р Бесим Зюхтю был освобожден: вердикт суда на судебном процессе против ответственных секретарей и делегатов комитета иттихадистов был вынесен 8 января 1920 г.: «Takvim-i Vakayi», n° 3772, février 1920. P. 2, col. 2. P. 3, col. 1 et. Pp. 53–66 (полный вердикт).

также был членом Комитета оставленного имущества, председателя местного иттихадистского комитета Дереджи-оглу Али Велиоглу и Решид-бея. Среди правительственных чиновников решающую роль в подготовке депортации сыграли Эдхем-эфенди, директор Департамента народного образования, и Зеки-бей, глава Комитета по вопросам эмиграции. Начальник полиции Решид-бей, помощник начальника полиции Исмаил Хакки, командующий жандармерией Бесим-бей и офицер жандармерии Омер Лютфи в основном отвечали за проведение депортаций. Захват армянского имущества организовали Эльвадджи-заде Абдулрахман, Тельджи-заде Хаджи Хакки, Мустафа Бесим (юрист), Факреддин Хаджи Нэби, Эмин-бей, Ходжа-заде Ариф, Кенан-заде Сулейман, Абдулла Сабри-бей, Кяни-заде Халил Ибрагим, Мегалиджи Халил, Байракдар-заде Али Ульви, Хаджи Чакерлар, Хаджи Хафиз Омер, Явер Ходжа, Гасан-эфенди, Хафиз Осман Нури, Хаджи Эдхем-бей-заде Фаик, Деделик-заде Ариф, Эрдем-заде Муслин и Хаскёйлы Ибрагим¹.

Когда примерно 25 октября духовный отец Вардан Карагезян пересекал Эскишехир, армянское население города было полностью выдворено, за исключением нескольких католических семей².

Санджак Афион-Карахисар пострадал от депортаций не менее Эскишехира. В 1914 г. армянская община префектур Афиона могла похвастаться населением в 6500 человек; она была известна своим производством мебели и изделий из дерева с серебряной инкрустацией. Существовали также две не-

большие общины в казе Азизие к северу от Афиона, в Музлидже и Сандыклы (с населением 170 чел.). Таким образом, в целом в санджаке проживало 7448 армян, и все они были туркоязычными³. Население поселений казы Азизие было депортировано 13 августа 1915 г., за исключением двадцати семи ремесленников и их семей, которые были вынуждены принять другую веру. Армяне Афиона были депортированы 15 августа⁴.

Насилие и депортации были организованы д-ром Моктаром Бесимом, ответственным секретарем комитета КЕП в Афионе. Атом Осман-заде, председателем местного комитета, и другими юнионистами города большинство из которых были боснийскими мухаджирами, среди них: Бошнак Мухаджир Салих, Памбук Мехмед-эфенди, Бошнак Мехмед Али, Бошнак Хильми и Бошнак Мехмед-эфенди. Мутесариф Хаким-бей мэр Риза-заде Алаэддин-эфенди, директор Сельскохозяйственного банка Ибрагим, судья Эльмас-эфенди, муниципальный совет д-р Мустафа и Хайреддин-эфенди, председатель Комитета оставленного имущества. Они проводили административные операции, в то время как командующий жандармерией Бахаэддин-бей, офицер Осман Нури, начальник полиции Гасан Фазли и главный помощник начальника полиции Мустафа-эфенди реализовывали приказ о депортации. В результате разграбления армянская собственность отошла к видным турецким деятелям, среди которых в основном были Няси, Бошнак Эйба, Керем Халил-ага, Гюбеле-оглу Ахмед и Шейх Давидиш⁵.

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, n° 201, f° 177–178, список ответственных лиц Эскишехира.

² BNU/Fonds Andonian A. P.-J. 1/3, liasse 38, çangır, f° 110, письмо отца Вардана Карагезяна Араму Антонину, Каир, 1 апреля 1947 г.

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 156; Karpat K. Op. cit. P. 182.

⁴ Агуни С. Указ. соч. С. 286; SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. n° 257, Constantinople le 6 février 1919, «Déportations d'Afionkarahissar».

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, n° 198 и n° 147 (редакция на английском языке), список ответственных лиц Афион-Карахисара.

ГЛАВА 16

Депортации и погромы в вилайете Айдын

Во время войны случаи применения насилия против армян в Смирне были крайне редки. Те, кто принимал участие в событиях тех дней, объясняют этот факт энергичной деятельностью вали Мустафы Рахми [Евраноса], одного из основателей КЕП в Салониках и ее влиятельного члена¹. Корреспонденция Джорджа Гортон, генерально-го консула США в Смирне², как и его коллеги Владимира Радинского, который возглавлял консульство Австро-Венгрии³, доказывает, что армяне вилайета Айдын обязаны своим выживанием также влиянию Рахми-бея, который, как предполагается, воздерживался от выполнения приказов, получаемых им из Стамбула. Такого же мнения придерживаются оба источника, близкие к патриархии, и в особенности журналист Себух Агуни, который тем не менее отмечает, чего это «стойло» богатым семьям Смирны⁴.

Однако случай Смирны, очевидно, нельзя объяснить лишь деятельностью одного человека, каким бы влиятельным он ни был и какую бы личную выгоду он, возможно, ни извлек из своих действий. Тот факт, что такой влиятельный член КЕП, как Мустафа Рахми, должен был быть назначен на должность вали Смирны в период после Балканских войн, вероятно, был связан с планами младотурок по «гомогенизации» регионов побережья Эгейского моря, принадлежавшего Османской империи. Этот план, который был пре-

творен в жизнь весной 1914 г. по решению Центрального комитета младотурок и цель которого заключалась в искоренении греческого населения побережья, был поручен «административному» руководству Рахми⁵. Существуют все основания полагать, что вали сам участвовал в разработке этого плана. Иными словами, это была греческая составляющая плана по этнической «гомогенизации» Анатолии, который в то время представлял собой центр забот Рахми, а также генерала Пертев-паши [Дермирхана], главнокомандующего 4-м армейским корпусом. Если эти операции и были замедлены накануне войны, то важная доля причины этого, несомненно, заключалась в нейтралитете Греции или даже ее вступлении в войну на стороне Германии. Более того, изгнание десятков тысяч греков в Грецию и депортация сотен тысяч других греков во внутренние районы страны позволили КЕП реализовать свои основные политические и экономические цели: изъять имущество этой группы населения. Добившись этой цели, иттихадистская партия-государство могла и, по сути, вынуждена была пощадить Смирну и оставшееся греческое население вилайета. Рахми продвигал эту политику и мастерски манипулировал местной прессой⁶. Австро-венгерский дипломат отмечал, что «Рахми-бей имеет репутацию закоренелого грекофоба еще со времен изгнаний греков

¹ См. выше.

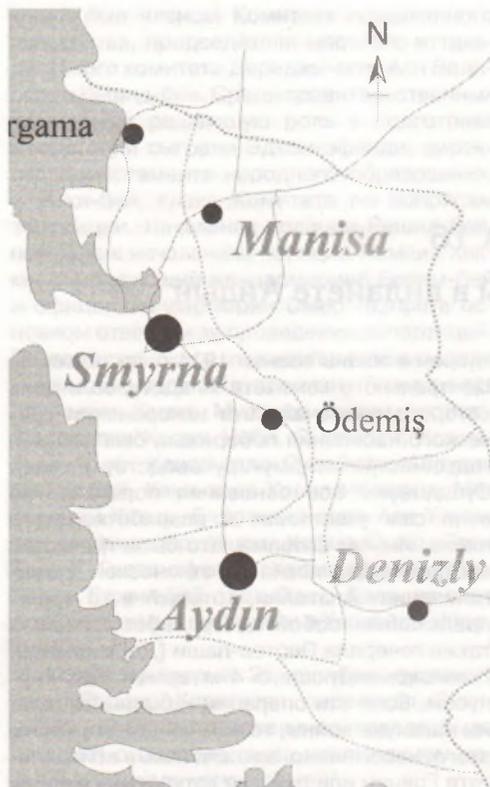
² Письмо Джорджа Гортон Генри Моргентау, Смирна, 30 июля 1915 г. (U.S. State Department Record Group 59, 867 4016/130: *Sarafian A.* (ed.). *United States Official Documents on the Armenian Genocide, II, The Peripheries*, Watertown, 1994. Pp. 107–109.

³ Письмо Владимира Радинского Степану Туряну, Смирна, 30 июля 1915 г.: Staatsarchiv, HHStA PA 1915.

⁴ Агуни С. Указ. соч. С. 279.

⁵ *Akçam T.* *From Empire to Republic: Turkish Nationalism & the Armenian Genocide*, London & New York, 2004. Pp. 144–146; George Horton, *The Blight of Asia*, London, 2003. Pp. 24–33. Он сообщает о своих впечатлениях от этих событий.

⁶ *Georgelin H.* *La fin de la Belle-époque à Smyrne*, doctoral thesis, II, Paris/EHESS 2002. Pp. 378–379. Автор ссылается на австро-венгерского консула Владимира Радинского.

из прибрежной полосы, [но] он знает, как заставить главного редактора газеты «Реформа» публиковать хвалебные статьи, утверждающие, что православные греки Смирны и окрестностей довольны своим правительством»¹. Вали также выказывал доброжелательное отношение к англичанам, которых война застала врасплох в Смирне. По сути, он настолько в этом преуспел, что английское Министерство иностранных дел видело в нем «потенциального собеседника», находящегося в натянутых отношениях со столицей Османской империи»². Соответственно,

в течение первого года войны в Смирне господствовал своего рода вооруженный мир с греками, которые были начеку и в целом были враждебно настроены в отношении младотурецкого режима.

В таком контексте ликвидация армянского города, без сомнения, породила напряженность в греческих кругах, где она была воспринята как опасность, которая может угрожать также и грекам. По данным османской переписи населения 1914 г., подтвержденным в этом случае статистикой патриархии, в вилайете Айдын насчитывалась почти двадцать одна тысяча армян, более одиннадцати тысяч из которых жили в Смирне и ее пригородах Бурнабаде и Джорделе. В ноябре 1914 г., разыгрывая, насколько этого стоило, козырную карту верности Османской империи, армянский архиепископ организовал церковную службу за победу османской армии, на которой также присутствовали вали и Пертев-паша; после церковной службы последовал прием, на котором Рахми постарался отметить, что всякий раз, когда правительство провозглашает патриотический призыв, «армяне всегда были первой группой христиан, которая наотзывалась»⁴. Само собой разумеется, завления такого рода были предназначены для того, чтобы успокоить армян, а также указать, насколько греки были менее заинтересованы в судьбе «отечества». Это состояние благодати завершилось в апреле 1915 г., когда Рахми потребовал от архиепископа Матеоса Инджеяна и некоторых видных армянских деятелей уничтожить все оружие и боеприпасы, находившиеся в их владении. А 2 и 3 мая полиция провела обыски в домах армянских политических лидеров; сто человек были арестованы и двадцать предстанут перед военно-полевым судом в Смирне»⁵. Эта информация, переданной американскими и австро-венгерским консулами, были най-

¹ Письмо Владимира Радинского Степану Турыну, Смирна, 10 января 1916 г.: Staatsarchiv, HHStA PA 1915, цитирован в кн.: Georgelin H. Op. cit. P. 379.

² FO. 371 2772, телеграмма № 19 547 Адама Блока МИД, от 28 января 1916 г., цит. в кн.: Georgelin. Op. cit. P. 379, примечание 4.

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 156; Karpat K. Op. cit. Pp. 182, 184.

⁴ Письмо Владимира Радинского Паллавичини, Смирна, 1 декабря 1914 г.: Staatsarchiv HHStA K 405, цит. в кн.: Georgelin. Op. cit. P. 381, примечание 12.

⁵ Georgelin H. Op. cit. P. 393.

⁶ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 245, doc. 109, Smyrne, 29 avril 1919, «Rapport sur les actes injustes et criminels perpétrés par le gouvernement turc unifié sur les Arméniens de la province de Smyrne», rédigé par Garabéd Balabanian. Pp. 5–6; письмо Владимира Радинского Степану Турыну, Смирна, 3 мая 1915 г.: Staatsarchiv, HHStA PA 1915.

Депортации и погромы: Айдын

взрывчатые вещества и гранаты. Однако, похоже, что взрывчатка, о которой идет речь, была передана местным клубом КЕП АРФ в Смирне во время «контрреволюции» 1909 г. в целях борьбы с «реакционерами». Более того, взрывные устройства были заложены шесть лет назад и, очевидно, уже не могли быть взорваны¹. Хорошо известно, что между местными комитетами КЕП и АРФ были установлены тесные взаимоотношения и что в апреле 1909 г. местный комитет «Итихадистов» обратился к партиям АРФ и КЕП с призывом «сформировать группы добровольцев в течение последующих двадцати часов»².

Тем не менее после предварительного следствия, продолжавшегося в течение двух месяцев, и двух судебных заседаний, состоявшихся 4 и 5 июля 1915 г., военно-полевой суд Смирны приговорил семерых обвиняемых мужчин к смерти за хранение боевых взрывчатых веществ³. Видные армянские деятели Смирны пытались получить для них «имперское помилование», утверждая, что мужчины были несправедливо осуждены. С этой целью они обратились к вали Рахми и иностранным дипломатам, размахивая «Меморандумом» в поддержку своей позиции. Этот призыв к милосердию, похоже, был вдохновлен опасением, что угрожающие «казни могут «создать впечатление среди самих невежественных турецких фанатиков, что армяне замыслили заговор против правительства и это может спровоцировать резню»⁴. Вали сообщил видным армянским деятелям, что он сделает все, что в его силах, но при этом добавил, что решение об исполнении приговора в руках Пертев-паши, командующего 4-м армейским корпусом. Наконец 4 августа 1915 г. султан заменил смертный приговор на пятнадцать лет каторжных ра-

бот, и пять осужденных были направлены в Конью для дальнейшего отбывания наказания⁵.

Этот эпизод показывает, что власти использовали в Смирне обычные методы, чтобы изобразить армян заговорщиками и предателями, и при этом тем не менее превращая скрытую угрозу в действие, осуществляя депортации. Вполне вероятно, что, как и в Стамбуле, власти инсценировали этот спектакль, чтобы оправдать действия, которые они предпринимали в других местах, и в то же время показать свое великодушное иностранное наблюдателям. Похоже, Мустафа Рахми чрезвычайно хорошо сыграл роль защитника и, таким образом, гарантировал себе щедрость видных армянских семей Смирны.

Однако армяне вилайета Айдын еще не отдавали себе отчета об угрозе, нависшей над ними; они подвергались регулярным преследованиям до осени 1918 г. В этой связи следует напомнить, что все неженатые мужчины из других регионов, проживавшие в Смирне, были постепенно арестованы и высланы в сирийские пустыни⁶ начальником полиции Енишехирлы Хильми и двумя его приспешниками Базарли Хаджи Абдуллой и Спаханлы Хаджи Эмином⁷. Следует также отметить тот факт, что 1 ноября 1915 г. Хайноц, основной армянский район города, где был расположен кафедральный собор Святого Степана и прилегающие архиепископства, был окружен войсками, которые продолжили проведение систематического обыска и арестовали около двух тысяч человек⁸. Поводом к проведению этих операций стали анонимные прокламации, написанные на турецком и французском языках, которые выражали несогласие с прогерманской политикой правительства

¹ «Mémoire» прилагается к письму Дж. Гортон Г. Моргентая, Смирна, 5 августа 1915 г.: *Saraflan A.* (ed.). Op. cit. Pp. 112–113; письмо Владимира Радинского Степану Турияну, Смирна, 21 мая 1915 г.: *Staatsarchiv, HNStA PA 1915*, цит. в кн.: *Georgelin*. Op. cit. P. 393, n. 44.

² См. выше, с. 645, примечание 1.

³ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 245, doc. n° 109, Smyrne, 29 avril 1919, «Rapport sur les actes injustes...» Pp. 8–9.

⁴ Ср. примечание 2206 для «Mémoire» и письмо Дж. Гортон Г. Моргентая, Смирна, 30 июля 1915 г.: *Saraflan A.* (éd.). Op. cit. P. 108.

⁵ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 245, doc. n° 109, Smyrne, 29 avril 1919, «Rapport sur les actes injustes...». P. 9.

⁶ Агуни С. Указ. соч. С. 280.

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 539, n° 12, «Список ответственных лиц юнионистов вилайета Айдын».

⁸ Агуни С. Указ. соч. С. 281; SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 245, doc. n° 109, Smyrne, 29 avril 1919, «Rapport sur les actes injustes...». P. 9.

и которые были расклеены в Смирне в нескольких местах. Автор этого памфлета, некто Степан Налбандян, был определен в достаточно короткие сроки. Последовавшее за этим расследование показало, что он действовал по своему собственному усмотрению. Это, впрочем, не помешало вали депортировать несколько сотен человек и отправить их в разных колоннах по разным направлениям 28 ноября, а затем 16 и 24 декабря. Среди них оказалось значительное число британских, итальянских и российских подданных, многие из которых скончались по дороге. Предполагается, что Рахми извлек прибыль из повода устранить этих «иностранцев» и наложить руки на их имущество, распределив его часть в пользу сотрудников полиции и членов иттихадистского комитета, среди которых были Али Фикри и Махмуд-бей¹.

После каждой полицейской акции архиепископ Матеос Инджеян и видные армянские деятели Тиран Ачнан, Мисак Морукян и Назарет Хильми Нерсесян усердно ходатайствовали о вмешательстве вали, не считаясь с расходами, чтобы спасти членов своей общины. Рахми пользовался каждым таким случаем и клал в карман большие суммы². Армянские апостольские круги, однако, были не единственной мишенью. Армяне-католики, которые ранее избежали гонений благодаря относительно хорошей защите австро-венгерского консула, подверглись

атаке в сентябре 1916 г. 16 и 17 сентября полицейские обыскали католическое кладбище и заявили о том, что нашли там бомбы. Есть основание полагать, что это была провокация, подстроенная вали и юнионистами города-порта, поскольку такая «находка» предоставляла основание для ареста трехсот армян-католиков из Смирны, Джорджиано и Караташа, некоторые из которых были депортированы в Афион-Карахисар, вали за которыми 9 и 10 ноября было депортировано от трехсот до четырехсот человек из зажиточных классов³. Скорее всего, подлежащие депортации, выбирались в зависимости от имущества, которым они обладали и которое становилось предметом раздела того или иного местного видного турецкого деятеля или правительственного чиновника.

Эти депортации затронули не только армян из Смирны. В остальной части округа тысяча армян из Пергамона и полторы тысячи армян из Одемиша, а также жители некоторых больших поселений Менемен, Кушадасы, Байындыр и Сёке также стали мишенью депортации⁴. Армяне Сёке, как и Пергамона, были тихо депортированы в середине августа 1915 г.; вслед за ними в феврале 1916 г. были депортированы армяне из Одемиша. Депортации были проведены под руководством Фарах-бея, каймакама Кушадасы, Зикилы и Ариф Хикмет-бея, каймакама Пергамона⁵.

Депортации в санджаке Маниса

Расположенный к северо-востоку от Смирны санджак Маниса мог похвастаться сильной армянской общиной с численностью населения 2875 человек; армяне сосредоточенно проживали в нижнем квартале города, известном как Мальта, и в верхнем квартале, который был полностью армянским. В остальной части округа также были

небольшие общины Касаба, Ахисар и Кьонгадж, население каждой из которых достигало тысячи человек⁷.

В «Магнезии» армянский свидетель утверждает, что мутесарифу Тевфик-бегу удалось спасти армянское население только путем выполнения ходатайств об исполнении его приказов. Сравнительно поздно

¹ Ibid. Pp. 10–11, со ссылкой на Даниэля, Карапета и Берджа Бали, граждан Великобритании, Арташеса Каруняна и Арташеса Исаакяна, граждан России, Джованни Шаоума, гражданина Италии, все из которых умерли в Ислахийе, Биреджике или Дер-Зоре.

² Ibid. P. 12.

³ Ibid. Pp. 12–14; Агуни С. Указ. соч. С. 282–284.

⁴ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 169–170.

⁵ Агуни С. Указ. соч. С. 282; SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 245, doc. n° 109, Smyrne, 29 avril 1919, «Rapport sur les actes injustes...». Pp. 17–19.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcate, № 539, n° 12, «Список ответственных лиц юнионистов в санджаке Айдин».

⁷ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 170–171.

Депортации и погромы: Айдын

15 октября 1916 г., четыреста человек были изгнаны из своих домов по инициативе командующего жандармерией Фехми-бея¹. Кроме того, мастерская ткачества, принадлежавшая М. Саряну, который был депортирован из Смирны 24 декабря 1916 г., 29 декабря была передана двум влиятельным

членам комитета юнионистов Смирны Хусни-заде али Фикри и офицеру Ахмед-бею по «приказу из Смирны». Тем не менее в других городах и селах округа армян пощадили², за исключением армян из Кыркагадж, которые были депортированы в Конью в ноябре 1915 г.³

Депортации в санджаках Айдын и Денизли

В южной части вилайета Айдын проживало немного армян; их можно было найти в городе, являвшемся местом пребывания администрации округа, также именуемом Айдын (с населением 500 чел.), а также в Назиллы (с населением 543 человека) и в двадцати пяти километрах к востоку, в Денизли (с населением 548 чел.)⁴. Эти армяне, однако, уже частично были изгнаны вместе с греческим населением весной 1914 г. Как и в округе Маниса, местному чиновнику Нури-бею удалось удержать мутесарифа Решиб-бея, бывшего главу политического под-

разделения стамбульской полиции, от проведения депортаций⁵. В Денизли несколько десятков человек были арестованы во время обысков, проведенных в начале мая 1915 г., и один из них был даже публично казнен 16 сентября 1916 г. В целом, однако, община была спасена⁶. Другими словами, антиармянская политика иттихадистов в регионе была смешанной и сбалансированной и служила главным образом для передачи в турецкие руки греческих и армянских предприятий и унаследованного богатства видных семей.

¹ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 245, doc. n° 109, Smyrne, 29 avril 1919, «Rapport sur les actes injustes...». Pp. 19–20.

² Ibid. Pp. 20–21.

³ Агуни С. Указ. соч. С. 282.

⁴ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 171–172.

⁵ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 245, doc. n° 109, Smyrne, 29 avril 1919, «Rapport sur les actes injustes...». P. 21.

⁶ Ibid. Pp. 21–22.

ГЛАВА 17

Депортации и погромы в вилайете Конья

Во время депортаций, проведенных летом и осенью 1915 г., все депортированные лица из Фракии и Западной Анатолии, которые следовали по линии Адабазар—Конья—Позанты в изгнание в Сирию, были сосредоточены в вилайете Конья. Железнодорожная станция Конья, которая лежала на последнем отрезке железной дороги, также служила в качестве транзита или центра перегруппировки депортированных лиц, а также по той же причине она сыграла решающую роль в системе, созданной правительством для изгнания армян из Западной Анатолии. Исследование методов, используемых здесь местными властями и делегатами КЕП, направленных в Конью, дает возможность понять, как «Специальная организация» и министерства, ответственные за вооруженные силы и полицию, вмешивались в эти операции. Такое исследование легко провести, поскольку, согласно статистике патриархата, в вилайете Конья насчитывалось двадцать четыре тысячи местных армян (согласно османской переписи населения — около четырнадцати тысяч)¹, даже если большая часть из них была депортирована. Сообщения этих армян вилайета Конья, а также наблюдения американских миссионеров или депортированных лиц, которые провели некоторое время в Конье, могут пролить свет на систему, созданную правительством Османской империи.

В городе Конья, являвшемся местом пребывания вали, 4440 армян проживало в верхнем квартале, известном как Аллаздин; пять тысяч армян проживало в Акшеере, в северо-западной оконечности округа, и немного более одной тысячи армян проживало в Карамане, к югу, и еще тысяча в Эрегли, на юго-востоке. Начиная с 6 августа 1914 г. вали Азми-бей, бывший префект полиции Стамбула², применял жестокое обращение по отношению к армянскому населению вилайета и вымогал у армян крупные суммы «для военных нужд». В начале 1915 г. он организовал обыски, которые продолжались в течение нескольких ночей, преимущественно в армянских школах и домах знати. По официальной версии, целью этих операций был поиск незаконно хранящегося оружия, в действительности же, вероятно, Азми-бей получил инструкции подготовить дискредитирующее дело против армян для оправдания арестов армянской элиты³. На основе списка, очевидно составленного ранее местным комитетом иттихадистов, 110 купцов, финансистов и учителей начальной школы были вызваны в полицейский участок, затем доставлены на железнодорожный вокзал и отправлены в Султанйе, к востоку от Коньи. В тот период четыре тысячи депортированных армян из Зейтуна прибыли в Конью в плачевном состоянии после пересечения Тарса

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 780, vilayet de Konya; *Karpat K.* Op. cit. Pp. 180, 182. Автор отмечает о 13 855 армянах.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 780, vilayet de Konya. Источник оценивает армянское население этого санджака в 14 809 человек, включая две колонии в Сейдишехире (с населением 175 человек) и Илгуне (с населением 142 человека).

³ Азми оставил свой пост 18 июня и незамедлительно приступил к исполнению обязанностей вали в Ливане, казнив одиннадцать арабских националистов 21 августа 1915 г. на площади Джанона в Бейруте.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 388–389, n° 85, La déportation de Konya; *Кайтзак* (Мартин Парсамян). Трагедия армян Коньи (в соответствии с записями свидетеля), «Жогувурд», 20 декабря 1915 г. (арм. яз.). Автор являлся директором армянского колледжа в Конье в тот период.

Депортации и погромы: Конья

Позанты, находясь совершенно без средств к существованию. На встрече с вали, которая состоялась 6 мая, д-р Уильям С. Додд, главный врач больницы Американского Красного Креста в городе Конья, спросил у Азми-бея разрешения встретить депортированных лиц и снабдить их продовольствием и предметами первой необходимости, но вали категорически отказал¹. В свою очередь, армянский предводитель Гарегин Хачатрян пошел на все, чтобы отвоювать право депортированных мужчин на возвращение домой. Он обратился с этой целью к Азми-бею, который только что вернулся из поездки в Стамбул. Вали ответил: «Политику, проводимую в отношении армян, теперь никто не может изменить. Армяне Коньи должны быть счастливы, что их депортировали не далее соседней провинции»².

18 июня 1915 г. Азми-бей, назначенного на должность вали Ливана, сменил Джелал-бей, который ранее занимал пост в Алеппо (с 11 августа 1914 г. по 4 июня 1915 г.). В результате произошел сдвиг в политике вла-

стей Коньи. Новый губернатор был благонамеренным человеком, который отказался депортировать армян из своей провинции. В его отсутствие, примерно 15 августа, когда вали уезжал в Стамбул «на лечение», первые колонны депортированных армян из Адабазара прибыли в Конью, после того как подверглись грабегам в пути. Д-р Додд, описывая их физическое состояние, также отмечает, что две тысячи из них были размещены в духовном училище в Конье и оставлены там совсем без пищи. В этой связи он писал: «Все сообщения о том, что власти предоставляют им еду, абсолютно неверны; те, у кого есть деньги, могут купить продукты, а те, у кого нет денег, вынуждены попрошайничать или голодать [...] Сколько человек сможет выжить?»³

Срочная отправка в столицу нескольких сирийских подразделений вынудила власти временно прекратить движение колонн депортированных⁴. Воспользовавшись тем, что Джелал-бей был в Стамбуле, 21 августа местные младотурки поспешили отправить

¹ Письмо д-ра У. Додда Г. Моргентау, 6 мая 1915 г., *Sarafian A. (ed.)*. Op. cit. Pp. 37–38.

² Ср. с. 648, примечание 4, цит. статья, «Жоговурд», 20 декабря 1918 г. (на арм. яз.).

³ Письмо д-ра У. Додда Г. Моргентау, 15 августа 1915 г., *Sarafian A. (ed.)*. Op. cit. Pp. 192–195, notamment pp. 192–193.

⁴ *Ibid.* P. 194.

в дорогу около трех тысяч армян из Коньи¹. Хотя Азми-бей уже приступил к выполнению своих новых функций в Бейруте, есть указания на то, что он продолжал оказывать большое влияние в городе Конья. Эти депортации были организованы Ферид-беем, известным как Хамал Ферид, ответственным секретарем КЕП в Конье. Ему помогли главные видные деятели из числа юнионистов в городе: мэр и председатель комитета иттихадистов Муфти-заде Камил-бей, председатель «Комитета по национальной обороне» Гайдар-бей-заде Шюкрю-бей, Кёзе Ахмед-заде Мустафа-бей, Аканс-заде Абдулла-эфенди, Хаджи Кара-заде Хаджи Мехмед-эфенди, д-р Рифки, которому был поручен контроль за депортациями, Хамал-заде Ахмед-эфенди, Момджи-заде Али-эфенди, Шюкрю-заде Мехмед-эфенди и д-р Сервет, ответственный за массовые убийства рабочих-солдат в рабочих батальонах². Среди государственных чиновников, от которых он получал поддержку, были Эдиб-эфенди, генеральный секретарь мэрии Рифат-эфенди, архивариус Мехмед-эфенди и глава администрации Исмаил Хакки. Али Васфи, начальник Управления призыва на военную службу, начальник полиции Саадэддин и помощник начальника полиции Гасан Басри проводили процедуры депортации³. Среди видных деятелей наиболее активны, особенно в захвате имущества армян, были Хаджикара-заде Хаджи Бекир-эфенди, Молла Вели-заде Омер-эфенди, Катиб-заде Тевфик-эфенди, Рушдидебей-заде Мустафа-эфенди, Аллаэддин-ага, Мустафа Ага-заде Бедреддин-эфенди и Хаджикарансин-оглу Дели Ахмед-эфенди⁴.

За несколько дней, которые предшествовали отправлению первой колонны из Коньи, город был превращен в рынок. Импровизированные продажи проводились везде. Часто турецкие жители города шли осматривать дома армян и предлагали владельцам домов отдать им свое имущество, которое

они бы не использовали в дальнейшем, поскольку [они] оставались бы в живых в другом случае еще в течение несколько дней⁵. Архиепископ Хачатрян в сопровождении преподобного Амбарцума Ашяна тщетно пытался уговорить вмешаться командира немецкого контингента, дислоцированного в Конье. Даже американские миссионеры могли лишь беспомощно стоять и смотреть, как уничтожалось армянское присутствие в Конье. Члены комитета, ответственного за «оставленное имущество», прибрали к рукам дома депортированных армян и организовали перевод банковских счетов и ценностей, хранившихся в банках, прежде чем идти смотреть на разрушение армянского собора по приказу лидера чете Муаммера⁶.

Вторая колонна, состоявшая из последних трехсот армянских семей из Коньи, была собрана на железнодорожной станции и готова к отправке, когда примерно 23 августа вали Джелал-бей вернулся из Стамбула. Спасенные благодаря его вмешательству армянские семьи получили разрешение вернуться в свои дома, из которых уже была вынесена добрая часть мебели. До тех пор пока Джелал-бей занимал свою должность, то есть до начала октября, эти люди оставались в Конье и бок о бок с американскими миссионерами оказывали помощь десяткам тысяч армян из западных провинций, которые провозили через железнодорожную станцию Конья. Как только вали бей переведен в другое место, они были, в свою очередь, депортированы по инициативе Ферид-бей ответственного секретаря КЕП⁷. Однако стоит отметить, что списки людей, подлежащих депортации, регулярно составлялись еще ранее, и Джелал-бей не смог спасти этих людей от депортации⁸. В этой связи д-р Додда пишет: «Вали — хороший человек, но почти бессилён. Всем заправляют комитет иттихадистов и клика из Салоников. Похоже, реальный глава — это начальник полиции»⁹.

¹ BNU/Fonds *Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide*, P.J. 1/3, liasse 14, f° 6, коллективное свидетельство, Алеппо, 14 декабря 1918 г. Они были переведены в Абухарар; после заключения перемирия в Алеппо было найдено 200 уцелевших (ibidem); APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 388–389. «La déportation de Konya».

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, n° 4, список ответственных лиц вилайета Конья.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ср. с. 648, примечание 4, цит. статья, «Жоговурд», 20 декабря 1918 г. (на арм. яз.).

⁶ Там же; Письмо Вильфреда М. Поста Г. Моргентау, 3 сентября 1915 г., *Sarafian A. (ed.) Op. cit.* Pp. 246–250.

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 388–389, n° 85. *La déportation de Konya*.

⁸ Ср. с. 648, примечание 4, цит. статья, «Жоговурд», 20 декабря 1918 г. (на арм. яз.).

⁹ Письмо д-ра У. Додда Г. Моргентау, 8 сентября 1915 г., *Sarafian A. (ed.) Op. cit.* P. 254.

Каза Караман

В соответствии с графиком антиармянских операций, проводимых в других местах, дома армян в Карамане подверглись обыскам в воскресенье 23 мая 1915 г., и несколько мужчин были арестованы. Операция была организована и контролировалась местными комитетами юнионистов, который находился под контролем мэра Черкез Ахмед-оглу Рифата, Хелвады-заде Хаджи Бекира и Хаджи-заде Энвера. Огромная взятка, вы-

плаченная младотуркам, тем не менее позволила ограничить число мужчин, которые были «отправлены в изгнание». Настоящая депортация армянского населения началась 11 августа 1915 г. Колонна взяла курс по линии Эрегли—Позанты—Тарс—Османийе—Катма—Алеппо и в конце концов достигла Мескене в Сирийской пустыне. Имущество армян в Карамане было разграблено сразу после высылки депортированных¹.

Казы Акшехир и Эрегли

В основном городе района Акшехир, так же носившем название Акшехир, с многочисленным армянским населением депортации начались 20 августа и продолжались до октября. Несчастные из первой колонны, после короткой поездки по железной дороге в Эрегли, где каймакам Фаик-бей, начальник полиции Иззет-бей, командующий жандармерией Мидхат-бей и Мустафа Эдхем-бей отобрали их личные вещи, продолжили свой путь пешком до Османийе. Там они оставались до 23 октября. Затем они были отправлены в Катму и Сирийские пустыни. Из пяти-шести тысяч армян Акшехира только семистам было позволено остаться в городе. В 1919 г. девятьсот шестьдесят человек остались в живых, почти все из них женщины и дети, которые были похищены: триста в Алеппо, четыреста шестьдесят в Дамаске, и еще двести были разбросаны по всей Сирии. Сто молодых девушек также были задержаны семьями в Акшехире².

Как и везде, ответственный секретарь СЕП Гайдарбей-заде Шюкрю-бей и его местные приспешники курд Топал Ахмед-оглу Омер и Фехми-эфенди, мюдир из нахие Джихан-бей сыграли решающую роль в де-

портации армян Акшехира. Среди государственных чиновников, оказывавших им активную помощь, прежде всего упоминаются каймакам Ахмед Рифат-бей, директор сельскохозяйственного банка Кютахьялы Тахир, судья Назим-бей, чиновник казначейства Изет-бей, начальник полиции Гасан Васфи-эфенди, секретарь каймакама Омер-эфенди, начальник телеграфной станции Камиль-эфенди, генеральный секретарь муниципалитета Рифат-эфенди, директор турецкого приюта Камиль-эфенди и Мехмед-эфенди³.

Когда преподобный Ганс Баурнфейнд пересекал железнодорожную станцию Эрегли во второй половине дня 23 августа 1915 г., он отметил, что «здесь все просто ужасно. Армяне тысячами живут в палатках без крова, у богатых есть жилье в городе... Они не подозревают о непосредственной опасности [в которой они находятся]»⁴. Тысяча армян из общины Эрегли была выслана в Сирию несколькими днями ранее каймаком Фаик-беем, начальником полиции Иззетом-эфенди, начальником Управления депортации Юсуф-заде Надимом и майором Гасан-беем, военным комендантом Улукышлы⁵.

¹ BNu/Fonds *Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide*, P.J. 1/3, liasse 14, Konya, f° 10, свидетельство Т. Таджиряна, уроженца Карамана, составленное [в Алеппо в 1919 г.].

² BNu/Fonds *Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide*, P.J. 1/3, liasse 14, Konya, f° 2v коллективное свидетельство уроженцев Акшехира, составленное в Алеппо в 23 февраля 1919 г.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, n° 4, список ответственных лиц в вилайете Конья. Основными получателями армянского имущества стали Мустафа Ага-заде Рушди-бей, Хаджи Кура-заде Хаджи Бекир-эфенди, Хаджи Кура-заде Хаджи Русчук Ахмед, Акага-заде Абдулла, Кюсе Ахмед-заде Мустафа, Атта и его брат Хаджи Риза, Катиб-заде Тевфик, Раиф, Исмаил Хакки, директор Régie, Авиндик-заде Хусейн-бей, Момджи-заде Али, Молла Вели-заде, Иззет-бей, директор собственности (mai müdürü), Джелалбей-заде Хаджи Кадри-бей, Сабаздинага-заде Алаэддин, Махмудбей-заде Бехир, Наджар-заде Мустафа.

⁴ *Bauernfeind H. Op. cit.*, journal du 23 août. P. 312.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, n° 4, список ответственных лиц в Эрегли.

Депортации в санджаках Бурдур, Нийдэ, Испарта и Адалья

В 1914 г. армянское присутствие в этом округе в юго-западной части вилайета было сосредоточено в городе Бурдуре (с населением 1420 чел.)¹. В середине августа мутесариф Джелаледдин-бей (который занимал эту должность с 23 апреля 1915 г. по 27 августа 1916 г.) вызвал к себе викария, отца Арсена, и сообщил ему, что он должен будет покинуть город со своей паствой в течение двадцати четырех часов. Армянская собственность была конфискована на месте и продана за бесценок. Колонна была сначала отправлена в Конью, где армяне оставались в течение двух недель на территории «Севкياتа» (организации, ответственной за проведение депортации), пока шла политическая борьба между Джелал-беем, который пытался отправить армян домой, и начальником полиции Саадэдином, юнионистом, который в конечном счете получил разрешение из Стамбула на депортацию армян. Пешком или по железной дороге, эта тысяча депортированных армян перемещалась через Ракку и Рас-эль-Айн, затем они были отправлены в направлении Дер-Зора. К январю 1919 г. только семь семей оставались в живых². Председатель местного комитета иттихадистов Хаджи Ахмед, начальник военкомата майор Мурад-бей и начальник полиции Мехмед-бей помогли мутесарифу в проведении этих операций³.

В префектуре санджака Нийдэ 1500 армян зарабатывали себе на жизнь животноводством. Армянское население поселения Бор, располагавшегося по соседству, насчитывало почти 900 человек, 1500 армян

проживало в Аксараяе, расположенном в северной части округа, и, возможно, еще тысячи армян проживало в Невшехире. Таким образом, общее число армянского населения округа составляло более шести тысяч человек⁴.

Ганс Бауернфейнд, который проезжал через Нийдэ 22 августа, отметил, что «все армяне были отправлены в изгнание», и наблюдал то же самое в Боре. По дороге наткнулся на «группу армянских мужчин». Протестантский священник писал: «Два молодой умный Чавуш, сопровождавший нас, придерживается мнения, что все они будут убиты»⁵. Каймакам Нийдэ Назми-бей и подполковник Абдул Фетах, глава управления депортации Аксарая, организовали резню в Аксараяе в конце августа⁶. Армяне Невшехира были депортированы в Сирие в середине августа 1915 г. каймакамом Сеид-беем, который занимал эту должность с 17 апреля 1914 г. по 17 ноября 1915 г.

Вероятно, двести армян из Адальи, пятисот из Элмалы и 1180 из Испарты были спасены благодаря мутесарифу Адальи Самил-бею (который занимал эту должность с 3 сентября 1913 г. по 3 апреля 1916 г.) и мутесарифу Испарты Хакки Килич-бею (который занимал эту должность с 5 ноября 1914 г. по 28 декабря 1915 г.)⁷.

По словам д-ра Додда, многие черкезы, проживавшие в провинции, составляли костяк батальонов чете, которые преследовали, грабили и резали депортированных армян в колоннах, которые пересекали регион на пути к Позанты⁸.

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 780, vilayet de Konya. Источник указывает 132 армян в Амидийе.

² La Renaissance, n° 48, lundi 27 janvier 1919: «La déportation des Arméniens de Burdur».

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 4, список ответственных лиц в Бурдуре.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 780, vilayet de Konya.

⁵ Bauernfeind H. Op. cit., journal du 23 août. P. 312.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 4, список ответственных лиц вилайета Конья.

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 780, vilayet de Konya.

⁸ Письмо д-ра У. Додда Г. Моргентау, 8 сентября 1915 г., Sarafian A. (ed.). Op. cit. P. 254.

ГЛАВА 18

Депортированные армяне на пути Стамбул–Измит–Эскишехир–Конья–Позанты и вдоль линии Багдадбана

Железная дорога, общеизвестная под немецким названием Багдадбан, связала Стамбул и Позанты, где железнодорожная линия прерывалась. Железнодорожные пути были вновь проложены к северу от Аданы и протянулись далее на юг в район Аманос, где железнодорожная линия вновь прерывалась. Во время Первой мировой войны Багдадбан служил важнейшим инструментом в германо-турецких военных действиях на Восточном фронте и составлял также один из ключевых элементов в плане депортации, разработанном партией-государством младотурок. Исследование этой железной дороги является более чем целесообразным, поскольку она иллюстрирует противоречия между военными требованиями и политическими целями, между стратегической целью империи и ее политикой искоренения армянского населения.

С самого раннего этапа его строительства Багдадбан представлял собой предприятие с доминированием немецкого капитала, принадлежавшего «Дойче банку». Однако «Дойче банк» был не просто финансовой компанией. Его предназначением было также служить в качестве инструмента немецкой политики для проникновения в Турцию, одновременно вдыхая жизнь в экономические амбиции Германии, осуществляемые в регионе. Будучи тесно связанным с правительством Германии, «Дойче банк» был подвержен ограничениям, налагаемым альянсом между Германией и Турцией. Более того, посредством Багдадбана, компания,

владеющая им, была вовлечена в конфликт и совершенно против ее воли в геноцид, направленный против армян, депортированных из Фракии и Западной Анатолии, а также против собственных сотрудников¹.

Во время войны Совету директоров Багдадбана пришлось преодолеть три основных препятствия, которые создали так много помех для нормального функционирования компании: 1) угрозу депортации, нависшую над головами армянских сотрудников, 2) прерывание работы по прокладке туннелей через Аманос из-за депортации армянских рабочих и менеджеров и 3) авторитарное неоплачиваемое использование транспортных средств компании для высылки армянского населения в сирийские пустыни.

Немецкие источники предполагают, что решение о депортации из Багдадбана менеджеров, конторских служащих и работников физического труда было принято военным министром в мае 1915 г. Еще в июле работники из Килиса, которые были заняты на строительстве Аманосского отрезка железной дороги, были вынуждены покинуть свои рабочие места и присоединиться к своим семьям, получившим приказ о депортации. В Османские военные власти прибегли к другому методу: они конфисковали имущество армян, работающих на строительстве железной дороги, чтобы заставить их покинуть регион. Надо отметить, что М. Винклер, инженер, отвечавший за строительство железной дороги в вилаете Адана, связался с вали и указал ему на все негативные послед-

¹ *Feldman G. D. The Deutsche Bank from World War to World Economic Crisis, 1914–1923 // The Deutsche Bank, 1870–1995. London, 1995. Pp. 138–139; Kaiser H. The Bagdad Railway and the Armenian Genocide, 1915–1916 // R. G. Hovannissian (éd.). Remembrance and Denial: the Case of the Armenian Genocide, Detroit, 1998. Pp. 78–92 notamntment.*

ствия, которые повлечет за собой перерыв в строительных работах. Вали, однако, ответил инженеру, что он ничего не мог сделать, поскольку приказы исходили от министра внутренних дел Талаата и военного министра Энвера¹. Дальнейшие события показали, что приказ о депортации был также нацелен на армянских рабочих, занятых на строительстве Аманосского отрезка железной дороги: 7 и 8 июля 1915 г. все сотрудники компании из Зейтуна, Хаджина, Гасан Бейли, Интилли и Бахче были депортированы, и их дома были переданы мусульманским мухаджирам. На самом деле вали предложил Винклеру нанять этих мухаджиров вместо депортированных армян, то есть предпринять шаг, который Хилмар Кайзер толкует следующим выражением: «Ясно, что деятельность компании стала мишенью шовинизма партии итихадистов»². Кратковременное прерывание работы на железнодорожной линии, вызванное депортацией армянских работников, а также отставкой некоторых инженеров, похоже, не слишком тревожило правительство. Напротив, правительство угрожало конфисковать железнодорожную линию, если компания не в состоянии возобновить работу на ней. Угрозы были настолько серьезными, что Франц Гюнтер, директор компании Анатолийской железной дороги, потребовал, чтобы Винклер любой ценой возобновил работу на строительной площадке. Эта тактика, которая заключается в создании проблемы, чтобы затем эксплуатировать ее в своих целях, иллюстрирует методы, которые лидеры младотурок использовали для национализации экономики, невзирая на любые возможные последствия. Для выполнения своих обязательств Винклер был вынужден набрать квалифицированный персонал из рядов депортированных армян, которые в то время начали прибывать с запада, то есть нарушить запрет правительства нанимать армян на работу. Многие из армян были наняты под вымышленными именами или под присвоенной фиктивной национальностью. Врачи были наняты для поддержания работы госпиталя компании в Интилли; инженеры, бухгалтеры, секретари, мастера, плотники и другие работники были приглашены на работу на строительство Аманосского отрезка

железной дороги. Это было более чем актуально, поскольку эта работа предвосхищала поражение Сербии в октябре 1915 г., которое открыло прямое железнодорожное сообщение с Германией, что можно было бы использовать для перемещения войск и техники. Единственным препятствием на пути таких перемещений в направлении египетского фронта был незавершенный отрезок железнодорожной линии, представляемый запланированными Таврским и Аманосскими туннелями; и завершение строительства этих туннелей стало теперь для Германии стратегическим приоритетом³. Несмотря на свое навязчивое желание довести до конца программу по истреблению армян, младотурецкие власти временно закрывали глаза на незаконную кадровую политику по найму работников, действовавшую на строительстве Аманосского отрезка железной дороги. Тем не менее они отказались спасти работников и менеджеров, занятых на строительстве железнодорожной линии Багдадбана. Как и в случае с армянскими государственными служащими, власти распорядились также депортировать этих армян. Они, однако, еще раз столкнулись с сопротивлением Совета Багдадбана, который указал, что не может обеспечить надлежащее функционирование железнодорожной линии без своих компетентных работников. Стремясь осуществить «национализацию» в отношении персонала железной дороги и исключить работников, не являющихся турками, правительство постановило, что корреспонденция компании и бухгалтерские книги должны вестись на турецком, а не французском языке; иными словами, правительство постановило уволить сотрудников-армян и заменить их мусульманами⁴. Среди мер, принятых с этой целью, местные власти впервые отделали работников от их семей и затем депортировали их отдельно. Таким образом, 3 сентября в Ангоре вали Атиф-бей позволил арестовать девятнадцать армян-сотрудников Багдадбана и депортировать их. По словам свидетелей, на самом деле они были преданы смерти рядом с железнодорожной станцией. Эта акция, естественно, привела к протестам представителя компании. Атиф-бей ответил: «Вернуть их невозможно. Не-

¹ Ibid. P. 78 et n. 45.

² Ibid. P. 79.

³ Ibid. Pp. 85–86.

⁴ Ibid. P. 79.

возможно, ты меня слышишь? Они никогда не вернутся»¹.

Встревоженный размахом акции, Гюнтер просил о встрече с министром внутренних дел для того, чтобы убедить его, что систематическая депортация армян, работающих на железной дороге, может парализовать транспортные потоки. Этот аргумент, кажется, убедил Талаата, который в своем письме от 25 сентября приказал местным властям приостановить депортацию персонала определенных категорий и ожидать, пока специальный комитет вынесет решение по этому вопросу. Винклер, однако, подозревал, что Талаат издал тайный приказ противоположного значения, поскольку отметил, что местные власти и комитеты партии иттихадистов продолжали депортировать семьи его сотрудников, которые не могли бросить своих близких². Специальный комитет подтвердил приказ о депортации на заседании, проведенном 17 октября; однако вместе с тем он предоставил отсрочки в зависимости от специальностей работников, чтобы Совет Багдадбана организовал обучение «турецкого» персонала на смену армянам³. Учитывая военное значение Багдадбана, совета спросили у подполковника Бёттриха, руководителя управления железнодорожного транспорта османского Генерального штаба. Бёттрих не только высказал положительное мнение о депортации, но и подписал документ, закрепив это официально. Гюнтер сообщил в Совет директоров «Дойче банка» и посольство Германии в Стамбуле, что управление совершило акт крайней безответственности, подписав документ, который вовлекает немцев в «гонения армян»⁴.

Кроме заботы о судьбе работников физического труда и конторских служащих, занятых на строительстве Аманосского участка железной дороги, Гюнтер, директор компании Анатолийской железной дороги, был также обеспокоен использованием средств компании для транспортировки депортированного армянского населения с запада.

В августе 1915 г. он получил много сообщений от своих коллег о случаях вымогательства у депортированных армян, имевших место на железной дороге. В своем письме от 17 августа 1915 г. в адрес Артура фон Гвиннера, президента «Дойче банка», Гюнтер использует термин «звериная чудовищность» для описания «истребления армян в современной Турции»⁵. Он также обращает внимание своего руководства на ответственность компании, невольно превратившейся в инструмент программы уничтожения армян, разработанной младотурками. Похоже, что Артур фон Гвиннер, однако, не представлял полного размаха преступлений, совершаемых в Турции, и их последствий для его предприятия. Поэтому 30 октября 1915 г. Гюнтер отправил фон Гвиннеру фотографию армян, вагонов, битком набитых армянами. При этом он так описывает изображение: «Прилагаю для Вас фотографию, показывающую, как Анатолийская железная дорога становится носителем культуры в Турции. Это наши так называемые вагоны для овец, в которых, к примеру, 800 человек перевозят в 10 вагонах». Это письмо возымело эффект. Гюнтер получил от «Дойче банка» финансовую помощь для депортированных армян, сопровождаемую рекомендациями проводить гуманитарные акции таким образом, чтобы не создать впечатление враждебности «Дойче банка» по отношению к «правительству союзника»⁶.

Военный комиссар, который отвечал перед военным министерством, нес ответственность за информирование Совета Восточной железной дороги о правилах, которые должны были применяться при замене армянского персонала. Например, письмо от 7 ноября 1915 г. поручало властям вилайета Эдирне отложить депортацию трех менеджеров по транспортировке, которые уже были высланы и в тот момент находились в Текирдаге⁷. Тот же офицер потребовал, чтобы ему предоставили в соответствии с решениями комитета список

¹ Письмо Франца Гюнтера президенту «Дойче банка», 4 сентября 1915 г.: Ibid. Pp. 79–80, n. 49.

² Ibid. P. 81.

³ Ibid. P. 82.

⁴ Ibid.

⁵ Feldman G. D.. Op. cit. P. 142.

⁶ Ibid. Pp. 142–143.

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 2 575, телеграмма № 1068 от 25 октября 1915 года от помощника военного комиссара железных дорог (Военное министерство) лейтенанта Сюкрю Совету директоров Восточной железной дороги.

сотрудников «категорий, занятых на вашей железной дороге, а также список тех, кто был уволен из вашей компании после истечения срока действия отсрочки, им предоставленной»¹. По-видимому, власти особенно внимательно следили за армянами, работавшими на Багдадбана. В циркуляре военного комиссара по железнодорожным перевозкам, выпущенном 8 ноября, излагались общие правила, установленные специальным комитетом². Убедившись, что «правительство занимается изменением места жительства армян, проживающих в определенных частях империи», комиссар также заявляет о планах по депортации армян, работающих на железной дороге компании, «численность которых значительна». Однако, отмечает он, «в связи с тем что это будет мешать службе по эксплуатации железной дороги, мое министерство считает... что здоровый метод и заранее установленные правила были бы более предпочтительными». В соответствии с решениями комитета «армянские сотрудники, занятые на железной дороге», были разделены на две различные категории: «Первая категория подлежит замене в течение двенадцати месяцев, вторая категория подлежит замене в течение двух-четырёх лет». Следовательно, железнодорожные компании должны «нанять сотрудников (естественно, из числа мусульманского населения или других благонадежных групп) до истечения установленных сроков, без исключений». Осознавая проблемы, которые эта программа могла бы вызвать, комитет предусмотрел, «вне зависимости от приложения максимальных усилий для привлечения работников вместо тех, кто должен быть заменен <...>, позволить последним продолжать работать в компании в течение определенного периода времени. Однако это отступление ни в коем случае не может быть применено по всем направлениям»³.

В тот же день министр внутренних дел утвердил решения комитета (который вслед

за этим прекратил свою деятельность) о «[постепенной] замене армянских сотрудников, работающих во всех железнодорожных компаниях, включая Анатолийскую компанию, таким образом, чтобы не прерывать железнодорожное сообщение»⁴. В поединке между немецкой администрацией Багдадбана и турецкими властями принятые решения могут быть квалифицированы как компромиссы. Очевидно, нельзя сказать, насколько строго такая программа «замены» осуществлялась на практике, но есть все основания полагать, что заменить многочисленных квалифицированных конторских служащих оказалось невозможно и что главными жертвами программы пали неквалифицированные работники.

Упрямое желание младотурецких властей депортировать как тех армян, которые работали на строительстве Аманосского отрезка железной дороги, так и армян, работавших на Багдадбана, проявляется, несмотря на некоторые уступки, которые стали необходимы как одно из самых ярких выражений младотурецкой политики геноцида и проекта «национальной экономики». Эти цели имели приоритет над всеми другими соображениями, включая военные действия. Этот опыт также показал младотуркам, какое время требуется, чтобы «заменить» армян, которых они решили изгнать.

Если эта ситуация и вызвала некоторую напряженность в отношениях между немецким правительством и его турецким союзником, она в конечном итоге показала младотуркам, что немецкие политические и военные круги были готовы закрывать глаза на преступления, совершаемые в отношении армянского населения, даже если эти преступления наносили ущерб немецким интересам. Самое большее, что можно сказать, — это то, что инженеры Багдадбана и менеджеры, которые ежедневно становились свидетелями ужасных сцен, выказывали определенную озабоченность в отношении депортированных армян.

¹ Ibid.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 2 576, телеграмма от 8 ноября 1915 г. от Военного комиссара железных дорог Совету директоров Восточной железной дороги.

³ Ibid. В конечном счете комиссия рекомендовала «рассматривать дело непрерывно», «чтобы обеспечить, что указанные пункты полностью вносятся и исполняются».

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 2 577, телеграмма министра внутренних дел от 8 ноября 1915 г. военному министру.

Путь депортации Стамбул–Измит–Ескишехир–Конья–Позанты

Тот факт, что армяне работали на отрезке железной дороги Стамбул—Позанты—Алеппо, явился весьма полезным для депортированных армян. В многочисленных источниках мы можем прочесть о том, что начальники станций, инженеры или врачи, работавшие в компании, оказывали помощь своим соотечественникам. Сеть, основанная в Конье, а затем и в Алеппо, служила прежде всего для передачи подробных сообщений в Константинополь и извлечения нескольких депортированных из колонн¹. Благодаря действиям вали Джелал-бея, который занимал свой пост в Конье с 18 июня по начало октября 1915 г., десятки тысяч депортированных армян смогли хотя бы ненадолго остаться в Конье².

Число депортированных армян, которые прошли это путь в августе, сентябре и октябре, могло достигать около четырехсот тысяч человек. Некоторые из них следовали по железнодорожным путям пешком и потом сели на поезд до Позанты. Другие передвигались по железной дороге. Третьи шли пешком всю дистанцию, держась железнодорожных путей, насколько это позволяла цепь Таврских гор. Очевидно, что использование транспортных средств депортированными армянами определялось наличием в их распоряжении денег или ценностей. Во то время как немецкие администраторы Багдадбана жаловались, что власти требовали от них бесплатно осуществлять транспортировку депортированных армян, что вело к финансовым потерям для компании³, тот факт, что депортированных армян перевозили бесплатно, был находкой для жандармерии или местных властей, которые систематически заставляли депортированных армян платить за их «билеты», иногда требуя оплату, в четыре раза превышающую официальные тарифы⁴. За исключением нескольких «по-

литических» депортированных, которые находились под неусыпной охраной, те, кто был в состоянии сесть на поезд, путешествовали в двухуровневых вагонах для овец, по восемьдесят человек в одном вагоне⁵. В нормальных условиях поезд мог проделать путь из Гайдар Паши в Позанты менее чем за двадцать четыре часа; однако война и передвижения войск значительно мешали движению на этой линии, которая во многих местах состояла из одной колеи, и поэтому колонны депортированных часто были вынуждены оставаться посреди поля в течение нескольких часов подряд, без еды или, что еще хуже, без воды⁶.

Депортированные транспортировались не напрямую и не без перерывов, а в несколько этапов. Это привело к формированию импровизированных транзитных лагерей вокруг главных железнодорожных станций. Эскишехир стал первой, самой северной станцией, где был разбит такой лагерь. В конце августа д-р В. Пост, который приехал в город Конья, насчитал от двенадцати до пятнадцати тысяч депортированных армян, оставшихся в тяжелых условиях в палаточном лагере. Он отметил, что местная полиция «защищала» депортированных армян в течение дня, но каждую ночь помогала местному населению грабить лагерь и похищать или насиловать молодых девушек. По информации американского медика, в лагере Эскишехир ежедневно умирало от тридцати до сорока человек⁷. Д-р В. Пост отметил, что более пяти тысяч депортированных армян, большинство из которых были выходцами из Бурсы, оказались в аналогичных условиях в ловушке на железнодорожной станции Алаюн. По состоянию на 2 сентября далее к югу, в городе Конья, насчитывалось уже от пяти до десяти тысяч депортированных армян из Бурсы, Измита и

¹ Чарек Г. Указ. соч. С. 9–13.

² Там же. С. 9–10; Тер-Егиянц З. Указ. соч. С. 115.

³ Feldman. Op. cit. Pp. 138–142.

⁴ Отян Е. Указ. соч., п^o 26. Отян утверждает, что ему также пришлось заплатить за билеты для полицейских, которые его конвоировали, и предоставить им ежедневную зарплату; письмо д-ра У. Додда Г. Моргентая, 8 сентября 1915 г., Sarafian A. (ed.). Op. cit. P. 254. Он упоминает, что плата за проезд в вагоне для овец в четыре раза превышала обычный тариф.

⁵ Фотография с посвящением отправлена директором Багдадбана президенту Deutsche Bank: Feldman G. D. Op. cit. P. 142.

⁶ Свидетельское показание д-ра У. Додда, врача американского госпиталя в Конье, составленное 21 декабря 1917 г. в Монктлере (Нью-Джерси): Barton J. L. Op. cit. Pp. 145–146.

⁷ Письмо д-ра В. Поста Г. Моргентая, 3 сентября 1915 г., Sarafian A. (ed.). Op. cit. P. 246.

Бардизага, и среди них свирепствовали дизентерия и малярия¹. К середине сентября число депортированных армян там возросло примерно до пятидесяти тысяч, и они жили в огромном «палаточном» лагере². Отсутствие элементарных санитарных условий, отсутствие питания, и прежде всего воды, привело к тому, что ежедневно гибло много людей, их тела были сожжены на армянском кладбище города³. По словам д-ра В. Поста, ответственный секретарь КЕП и его приспешники воспользовались отсутствием вали в конце сентября и отправили большинство из этих пятидесяти тысяч депортированных армян в Киликию и Сирию. Д-р В. Пост отмечает, что два немецких офицера, разместившиеся на постой рядом с железнодорожной станцией, были свидетелями используемых методов и протестовали против них, но тщетно. Через несколько часов эта человеческая волна была направлена пешком в пустыню Конья. Несколько семей, у которых еще оставались деньги или ценности, выторговали себе право путешествовать по железной дороге с жандармами или полицией⁴.

Д-р Додд, директор американского госпиталя в Конье, сообщает, что «комитет, ответственный за высылку», прибыл из Стамбула. О его прибытии было объявлено в телеграмме от Энвера, заявлявшей о том, что комитет получил задание размещения депортированных армян в вилайете. Тем не менее, отмечает Додд, вскоре стало очевидно, что эти люди были направлены из столицы, чтобы расчистить путь и «ускорить движение» из Позанты и Аданы. Додд пишет: «Он сообщил, что в настоящее время местом назначения является Аравия»⁵. Учитывая известные методы работы иттихадистов, кажется разумным предположить, что министр внутренних дел и военный министр решили

направить эти партийные кадры, чтобы организовать отправку колонн на юг и отозвать непослушного вали Конья в Стамбул.

Наши источники не позволяют нам утверждать, какое число депортированных армян направлялось пешком. Один из оставшихся в живых сообщает, что одиннадцать тысяч человек из его колонны — выходцы из Балыкесера, Бандырмы, Эрэнджика, Бурсы, Гемлика, Бенли, Мармаджика, Гюрле, Енидже, Адабазара, Дарасу, Ялова, Дженгилера, Ортакея и др. городов прошли пешком весь путь до Конья, поскольку поезда были реквизированы армией⁶. Из других источников нам стало известно, что десятки тысяч мужчин, депортированных из Стамбула, «прибыли в Конью после пешего путешествия в 400 миль», где они некоторое время жили на средства, присланные их семьями⁷. Именно эти колонны пеших людей прибыли последними в Конью во второй половине октября. Примером может служить группа из шестнадцати тысяч депортированных армян, на которую недавно было совершено нападение в Афион-Карахисаре с целью ограбления⁸.

К концу октября лагерь вокруг железнодорожной станции Конья опустел. Нескольким тысячам армян удалось скрыться в городе, управляемом новым вали. Это были прежде всего богатые семьи из Бурсы, которые ежемесячно платили чиновникам определенную сумму в обмен на право остаться. Однако среди них были также протестанты, которые пришли с Запада, и католики из Ангоры, которым иногда удавалось поселиться там на основании приказа министра внутренних дел в отношении этих групп населения. По словам Додда, чтобы «ослабить перегруженность, создавшуюся в городе таким образом», власти расселили депортированных армян по сельской местности, где

¹ Ibid. P. 247.

² Свидетельское показание д-ра В. Поста, врача американского госпиталя в Конье, составленное 11 апреля 1918 г., Лоуренсвил (Нью-Джерси): *Barton J. L. Op. cit.* P. 155. Д-р Пост отмечает, что закон о временной депортации применялся для отправки французских и британских граждан из столицы «во внутренние районы страны» (Ibid. P. 153); Свидетельское показание д-ра В. Додда, 21 декабря 1917 г. (Ibid. Pp. 145–148), указывает число депортированных в Конье в 45 000 человек.

³ Ibid.

⁴ Ibid; Свидетельское показание д-ра В. Додда, 11 апреля 1918 г., Лоуренсвил (Нью-Джерси): *Barton J. L. Op. cit.* P. 156.

⁵ Письмо д-ра В. Поста Г. Моргентау, 8 сентября 1915 г., *Sarafian A. (éd.) Op. cit.* P. 255.

⁶ Анонимное письмо, Афио-Карахисар, 23 сентября 1915 г.: *Toynbee A. Op. cit., doc.* 106. P. 431.

⁷ Свидетельское показание д-ра В. Додда, 21 декабря 1917 г.: *Barton J. L. Op. cit.* P. 147. Додд лечил многих из этих армян, у которых, в частности, пострадали ноги.

⁸ Письмо д-ра В. Поста Г. Моргентау, 27 октября 1915 г.: *Toynbee A. Op. cit., doc.* 111. P. 445.

⁹ Свидетельское показание д-ра В. Додда, 21 декабря 1917 г.: *Barton J. L. Op. cit.* Pp. 147–148.

на них нападали чете, которые похищали молодых женщин, находившихся среди них. Некоторым из депортированных армян удалось найти работу, которая позволила им выжить; другие не имели доступа к своим банковским счетам, которые были заморожены. Похоже, местные турецкие бизнесмены дали строгий приказ не принимать на работу депортированных¹. Многие турецкие семьи тем не менее нанимали девушек и женщин в качестве домашней прислуги².

Далее к югу железнодорожная станция Эрегли, как и железнодорожная станция в городе Конья, была местом огромного палаточного лагеря. В начале сентября там проживало пятнадцать тысяч депортированных армян. Мужчины из Коньи, которые давно содержались в Султанйе, были отправлены в этот лагерь в тот же период и включены в «девятую колонну», отправленную в Позанты³. Д-р Пост, который ездил в Позанты 20 ноября, насчитал там двести пятьдесят «беженцев» и почти две тысячи на близлежащем вокзале Эрегли; это были в основном ремесленники, которые работали на армию⁴. Д-р Пост также отмечает, что, согласно статистике, собранной сотрудниками Багдадбана, через Позанты было пропущено пятьсот тысяч депортированных армян. Если к четыремстам тысячам армян, депортированным с запада, прибавить колонны, прибывавшие с севера и направлявшиеся через этот город, цифры д-ра Додда представляются разумными. Муниципальный врач д-р Манук, который был завербован из числа депортированных, по словам очевидцев, спас в пути много депортированных армян, оказывая им медицинскую и материальную помощь⁵. Муса, командующий жандармерией, присвоил себе право грабить колонны, следовавшие через Позанты⁶; последнюю железнодорожную станцию, которую депортированные армяне видели прежде, чем штурмовать горные перевалы области Таврских гор.

Сохранилось очень мало сведений от депортированных армян об их следовании по линии Стамбул—Позанты. Тем не менее нам известно, что они редко несли потери из-за физического насилия. Скорее они умирали от голода и жажды.

Другой американский врач д-р Гувер, который возвращался в Стамбул по железной дороге, был свидетелем зрелища транспортировки депортированных армян на каждой железнодорожной станции. В частности, он наблюдал похищение пятнадцатилетней девушки капитаном, который пытался оправдать себя на том основании, что, похищая девушку, он спасал ей жизнь. По его собственным словам, только тогда доктор начал «осознавать всю чудовищность преступлений». Он спросил капитана: «Почему вы предпринимаете такие жестокие меры для достижения ваших целей?» Офицер ответил: «Ну как вы не понимаете, мы не хотим повторять это снова через несколько лет. В пустынях Аравии жарко, нет воды, и эти люди не смогут выжить в жарком климате, разве вы не понимаете?»⁷

Большинство из доступных свидетельств о линии Стамбул—Позанты связаны с членами элиты Константинополя, которые были депортированы гораздо позже, чем их несчастные товарищи, которые были арестованы 24 апреля 1915 г. Эти люди были депортированы по железной дороге в сопровождении полицейских, и их помещали в тюрьму на каждой станции их следования. К примеру, нам известно о деле журналиста Левона Мозяна, который следовал через Конью в июле под охраной двух полицейских и получал помощь от прелата Гарегина Хачатряна и директора армянской средней школы Мкртича Парсамяна до высылки в Эрегли и Позанты⁸. То же самое касается Григора Зограба и Вардгеса Серингюляна, которые были в Конье 9 июня 1915 г. Отправляя письмо из этого города, Зограб сообщил своей жене, что встретил в отеле «Багдад» своего това-

¹ Ibid.

² BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 14, Konya, f° 7, коллективное свидетельство, Алеппо, 14 декабря 1918 г.

³ Ibid. P. 148; Письмо д-ра В. Поста Г. Моргентау, 8 сентября 1915 г. Op. cit. P. 254.

⁴ Письмо д-ра В. Поста Уильяму Петеру, 25 ноября 1915 г.: *Taynbee A. Op. cit.*, doc. 112. Pp. 447–448.

⁵ Ibid. P. 449.

⁶ BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 14, Konya, коллективное свидетельство, Алеппо, 14 декабря 1918 г.

⁷ Отчет Гувера Дж. Бартону, б. д.: *Taynbee A. Op. cit.*, doc. 104. Pp. 426–427.

⁸ Мозян Л. Одиссея ссыльного, Бостон, 1958. Автором является репортер константинопольского ежедневника «Азатамарт».

рища депутата Мустафу Февзи, представителя из Сарухана, которого он попросил ходатайствовать за него¹. В письме к своему другу, министру внутренних дел, он выразил удивление в связи с планами отправить его в Диарбекир без предварительного информирования его о выдвинутых против него обвинениях. Он писал: «По информации, передаваемой из уст в уста, [меня отправляют в Диарбекир за] подготовку заговора против правительства и проявление недоброжелательного отношения. Я не принимаю это обвинение ни в каком виде»². Стамбульский юморист и писатель Ерванд Отян, который был депортирован в начале сентября вместе с журналистом Себухом Агуни и провизором Нерсесом Чакряном, также следовал по железной дороге под охраной полиции в то время, когда по линии Стамбул—Позанты осуществлялось интенсивное движение транспорта³. В тюрьме в Конье он встретил Вагана Балабанияна, дашнакского боевика из Смирны, который был приговорен к смертной казни, а затем помилован⁴. На станции, в караван-сараях, три спутника столкнулись с толпой семей из Адабазара и Бандырмы, лейтенанта Гранта Сэмюэля, бывшего ре-

дактора ежедневника «Жаманак», в офицерской форме, а также депутатов парламента Арутюна Бошгезеняна из Алеппо и Матеоса Налбандяна из Аданы, которые направлялись в Стамбул для участия в открытии новой парламентской сессии⁵. Вся сложность системы, созданной младотурками, обобщается в таких необычных встречах. Среди всех этих изгнанников только два депутата и офицер, представлявшие собой остатки, так сказать, нормальной жизни, могли свободно приходить и уходить, как им заблагорассудится. Далее к югу, в Эрегли, Ерванд Отян был свидетелем страдания, царящего в сотнях палаток, в которых жили депортированные армяне, включая многочисленных государственных чиновников и юристов из Бурсы и Измита. Он также встретил бизнесмена из Стамбула, который все еще мог общаться с патриархией благодаря армянским служащим, работавшим на железной дороге⁶.

24 сентября Ерванд Отян беспрепятственно прибыл в Позанты благодаря доброжелательному отношению армянского начальника станции и кондукторов. Он присоединился к массе депортированных армян, сосредоточенной там⁷.

¹ Письмо Григора Зограба Кларе Зограб, Конья, 9 июня 1915 г.: *Зограб Г.* Указ. соч., IV. С. 290–291.

² Письмо Григора Зограба министру внутренних дел, Талаат-бею, Копуа, 27 мая/9 июня 1915 г.: там же. С. 292–296.

³ Отян Е. Указ. соч., n° 23, 26.

⁴ Там же, n° 29.

⁵ Там же, n° 30–32.

⁶ Там же, n° 34.

⁷ Там же, n° 37.

ГЛАВА 19

Депортации из Зейтуна и Дёртьёла: репрессии или программа геноцида?

Мы уже видели, как были восприняты в Стамбуле события, которые произошли в Зейтуне и Дёртьёле в марте и апреле 1915 г.¹ Теперь мы более подробно рассмотрим, как происходили эти события, с целью оценки достоверности обвинений, которые были выдвинуты против армянского населения этих регионов местными, а затем и имперскими властями.

Начнем с того, что отметим, что регион Мараш, в состав которого входил Зейтун, был возведен в ранг мутесарифата в начале марта 1915 г.² До тех пор санджак Мараш находился под юрисдикцией вали Алеппо Джелал-бея, который, казалось, сам полагал, что центр предоставил этому району автономию с единственной целью — помешать ему вмешиваться в проводящиеся там операции³. Таким образом, Джелал-бей скрыто полагал, что «инциденты», которые имели место в Зейтуне, проистекали из общего плана, разработанного в Стамбуле. Даты, в которые они произошли, также позволяли предположить, что их целью было обвинить армян, то есть подготовить «правовую» основу для применения мер геноцида в будущем. Действительно, в столице не случайно уделяли особое внимание армянам Зейтуна. В XIX столетии жители этого горного региона заявляли о себе не единожды, они последовательно демонстрировали сильный дух независимости и способности к самообороне, которые принесли одному из предшествующих султанов немало неприятностей. В 1618 г. в обмен на ежегодную дань султан Мурад IV подтвердил автономию Зейтуна,

армянской Улнии, современного остатка армянского Киликийского царства. Такое положение дел сохранялось до 1862 г., в течение которого жители Зейтуна успешно отразили нападение нескольких десятков тысяч солдат Османской империи. Во время погромов 1895 г. они также успешно отбили крупные силы, направленные Константинополем для их сокрушения. Очевидно, КЕП извлек уроки из этих военных передраг и сделал Зейтун одной из своих главных целей в 1915 г.⁴

Накануне Первой мировой войны в районе Зейтун, который был почти полностью армянским, насчитывалось более двадцати двух тысяч жителей; они проживали в городе Зейтун и шести сельских общинах. Расположенный у подножия южного склона горы Берид, город был построен уровнем за уровнем на склонах двух долин. На севере, на высотах, расположился монастырь Пресвятой Богородицы. В 1914 г. население города Зейтун насчитывало 10 600 человек. Город был разделен на четыре зоны (расположенные в двух верхних и двух нижних кварталах), управляемые городским советом во главе с епископом региона. Город славился мастерами подковки лошадей, резьбой по камню и производством сельскохозяйственных инструментов; жители города также выращивали оливковые и фруктовые деревья и несколько различных видов зерновых культур; они также разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец и коз и производили коньяк, вино, изюм, мед, шерсть и кожу.

В одном часе пути к юго-востоку от Зейтуна располагались деревни Авакенк, Калу-

¹ См. выше, с. 280–282.

² Письмо Кэйта Е. Эйнсили Бартону, 6 июля 1915 г.: *Tounbee A. Op. cit., doc. 121. P. 484.*

³ Письмо консула в Алеппо Дж.Б. Джексона Г. Моргентау от 21 апреля 1915 г.: *Sarafian A. (éd.). Op. cit. P. 13.*

⁴ *Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 313.*

стенк, Хаджидере, Авахал/Мехал и Алабаш (с армянским населением 3200 чел.). Наконец, в самой северной части района располагалась деревня Ярпуз (с армянским населением 1100 чел.)¹.

В августе 1914 г. призыв на военную службу мужчин, достаточно взрослых, чтобы носить оружие, состоялся без сопротивления, хотя горцы, призванные на службу в армии в первый раз, вряд ли привыкли к воинской дисциплине. По словам священника Тиграна Андреасяна, проповедника Зейтуна, немало мужчин Зейтуна все же избежали военной службы, и это обстоятельство не преминуло привести к напряженности². Мутесариф Али Хайдар-паша лично отправился в Зейтун в сопровождении армейской бригады. Там он вызвал видных армянских деятелей, которые были арестованы и подвергнуты пыткам в казармах, расположенных на высотах города. Официально речь шла о том, чтобы заставить их признаться, что они готовят бунт, и заставить их сдать оружие. В общей сложности сорок два видных армянских деятеля, и среди них, в частности, Назарет Енидунуиан, видный харизматический лидер жителей Зейтуна, были доставлены в Мараш в цепях. Большинство из них были отравлены или убиты каким-либо другим способом в течение следующих недель³. Другими словами, в Зейтуне власти использовали методы, которые собирались задействовать в других регионах в следующем году. Эти события не могли не вызвать определенное возмущение в Зейтуне, но Католикос Великого Дома Киликийского Сааг I Хабаян немедленно отреагировал, дав понять верующим Зейтуна, что малейшие признаки восстания будут иметь «катастрофические последствия для всех армян». Осенью свидетели отметили, что жандармы, располагавшиеся в городе, открыто провоцировали инциденты: они врываются в дома без предупреждения, совершали кражи и неуважительно относились к женщинам⁴. Ввиду отсутствия мужчин бо-

еспособного возраста, которые либо были мобилизованы на фронт, либо бежали, чтобы избежать призыва в армию, естественно, у жандармов и солдат создавалось впечатление, что они были вольны поступать так, как им заблагорассудится. Тем не менее нельзя исключить вероятность того, что они получили инструкции из Мараша провоцировать население. Тот факт, что оружие, принадлежавшее жителям Зейтуна, было изъято в августе 1914 г., указывает по крайней мере на то, что город был под пристальным наблюдением с самого начала, если только не предположить, что Стамбул тем самым прокладывал путь для операций, которые собирались осуществлять позднее.

Выбор Зейтуна в качестве регионального центра по вербовке в армию, в который потоки новобранцев поступали со всех сторон⁵, был, вероятно, не случаен и помог сохранить там напряженность на высокой ноте. Количество изнасилований, совершенных жандармами⁶, возможно, также способствовало в некотором роде росту мощного чувства раздражения среди армянского населения. Первоначально каймакам Хюсни-бей (который занимал эту должность с 15 июня 1914 г. по 14 марта 1915 г.) и военные власти закрывали глаза на сто или двести дезертиров из Зейтуна, которые бродили по региону и совершали набеги, чтобы добыть себе пропитание. Однако в начале 1915 г. число стычек между такими беглецами и силами власти начало увеличиваться. Тем не менее только в марте ситуация стала действительно напряженной: в понедельник, 8 марта, в окрестностях Зейтуна армейский батальон был атакован группой дезертиров. По информации Агаси, участника этих событий, нападавшие стремились получить оружие, и они убили двенадцать солдат, прежде чем отступили в неприступный монастырь, расположенный на высотах с видом на северную сторону Зейтуна⁷. Американский консул в Алеппо Дж. Джексон уточняет в своем письме, что

¹ Ibid. Pp. 314–318.

² Краткое изложение истории преподобного Тиграна Андреасяна из Зейтуна отцом Стивеном Трубриджем, Каир, 6 июля 1915 г.: *Toynbee A. Op. cit., doc. 121. P. 489.*

³ *Агаси. Зейтун и его окрестности, Бейрут, 1968. С. 386–289 (на арм. яз.); Агуни С. Указ. соч. С. 46.* Впоследствии Гайдар был назначен вали Мосула и принимал участие в уничтожении депортированных, прибывших в его регион: *La Renaissance, n° 153, vendredi 30 mai 1919.*

⁴ *Агуни С. Указ. соч. С. 46.*

⁵ *Агаси. Указ. соч. С. 389.*

⁶ *Агуни С. Указ. соч. С. 47.*

⁷ *Агаси. Указ. соч. С. 390–391.* Краткое изложение истории преподобного Тиграна Андреасяна из Зейтуна отцом Стивеном Трубриджем, Каир, 6 июля 1915 г.: *Toynbee A. Op. cit., doc. 121. P. 489.*

эти двадцать пять дезертиров были рабочими-солдатами, которые работали на участке в Базарджике между Айнтабом и Марашем, прежде чем принять решение о дезертирстве из армии¹. Убийство солдат, очевидно, посеяло панику среди населения Зейтуна, которое единодушно осудило этот акт и направило делегацию к дезертирам, чтобы попросить их прекратить нападения на армию или жандармерию. Вечером 9 марта прибыл два батальона из Мараша, и 13 числа прибыл сам мутесариф². Вмешавшись так стремительно, как они только могли, несомненно, армянские круги надеялись ограничить возмездие, которое неизбежно ожидало армянское население региона. Спешное снятие с должности каймакама Хюсни-бея 14 марта, который 7 апреля был заменен Хильми-беем, возможно, создало у них впечатление, что власти поняли, что многочисленные провокации, организованные этим высокопоставленным чиновником с осени 1914 г., внесли свой вклад в ухудшение ситуации. Делегации из города, которые одна за другой отправлялись к повстанцам и уговаривали их сдать власть, возможно, также были призваны заставить людей считать, что власти хотели бы урегулировать этот вопрос без применения силы. Тем не менее, по информации Агаси, лидеры Зейтуна уже поняли, что власти нашли основательный предлог для ликвидации их города и что после извлечения выгоды из ситуации с двадцатью пятью дезертирами они, несомненно, собираются «также уничтожить [их]». Они лелеяли единственную надежду ограничить репрессивные меры в отношении мужчин путем демонстрации непоколебимой благонадежности и предостеречь «превращение города в пепел»³.

Кроме того, намерения властей явствовало из постепенного прибытия пятитысячного войска из Алеппо в период между 17 и 22 марта 1915 г.⁴ Более чем очевидно отсутствие необходимости в такой многочисленной силе для контролирования двадцати пяти дезертиров, забаррикадировавшихся в монастыре. В ночь с 23 на 24 марта жители Зейтуна отметили, что все государственные чиновники «бежали» в казармы с видом на город, что указывало на приближение грядущих событий. Жители города немедленно вступили в контакт с мутесарифом, с которым они провели импровизированное собрание. На собрании было принято решение подключить патриарха Завена и католикоса Саага Хабаяна и просить католикоса направить своих представителей в Зейтун, которые бы смогли убедить дезертиров сдаться. Осознавая всю серьезность ситуации, католикос с одобрения мутесарифа Мараша уже отправил делегацию из пяти человек в Зейтун, которая прибыла утром 24 марта. Делегация включала заместителя председателя Саага Тер-Петросяна, католического священника Хорене, протестантского священника Аарона Шираяна и директора немецкой больницы и детского дома в Мараше преподобного Х. Бланка⁵. Хотя члены делегации и имели возможность встретиться с видными деятелями Зейтуна, которые убедили их, что проблема была связана с людьми, забаррикадировавшимися в монастыре, членам делегации не разрешили встретиться с повстанцами, и вскоре их твердо попросили уехать⁶. Вполне вероятно, что мутесариф и генерал Хуршид, командующий войсками, направленными в Зейтун, уже получили приказ начать штурм, который и начался на

¹ Письмо консула в Алеппо Дж. Б. Джексона Г. Моргентаяу от 21 апреля 1915 г.: *Sarafian A. (ed.)*. Op. cit. P. 10.

² Агаси. Указ. соч. С. 390–391.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 392. Письмо, написанное Волффскилем фон Райхенбергом его отцу Карлу из Дамаска 30 марта 1915 г. (*Kaiser H. (ed.)*, Eberhard Count Wolffskeel von Reichenberg, Zeitoun, Mousa Dagh, Ourfa: Letters on the Armenian Genocide, Princeton, 2001. P. 4). Автор указывает, что немецкий главнокомандующий Четвертой османской армией направил четыре батальона, несколько дивизий и пушечную батарею, чтобы окружить Зейтун и справиться с дезертирами; Краткое изложение истории преподобного Тиграна Андреасяна из Зейтуна отцом Стивеном Трубриджем, Каир, 6 июля 1915 г.: *Toynbee A. Op. cit.*, doc. 121. P. 489.

⁵ Письмо консула в Алеппо Дж.Б. Джексона Г. Моргентаяу от 21 апреля 1915 г.: *Sarafian A. (ed.)*. Op. cit. P. 10; Агаси. Указ. соч. С. 392.

⁶ Там же. С. 393–394. По сведениям автора, который по прибытии присутствовал на собрании, Х. Бланк был убежден, что был вовлечен в восстание. Это предполагает, что власти преувеличивали важность этого события (там же). Краткое изложение истории преподобного Тиграна Андреасяна из Зейтуна отцом Стивеном Трубриджем, Каир, 6 июля 1915 г.: *Toynbee A. The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire*. Op. cit., doc. 121. P. 489.

рассвете 25 марта¹. Около двадцати человек, большинство из которых были членами семьи Енидуниаян, объединили свои силы с дезертирами, озлобленные совершенным ранее убийством Назарета Чавуша, члена их семейного клана. Обстреляв монастырь из пушки и уничтожив часть внешней стены, турецкие войска поднялись вверх по склону с намерением захватить монастырь, но, встретив упорное сопротивление, они отступили, оставив за собой погибшего капитана Сулеймана и еще несколько десятков погибших². На следующий день, когда войска начали вторую атаку, они обнаружили, что ночью повстанцы сожгли монастырь и бежали³. Сразу после этого армейские бригады окружили Зейтун. Горожане подняли белый флаг, чтобы показать, что они не намеревались сопротивляться⁴. Католикос связался с командующим 4-й армией Ахмедом Джемалем и умолял его приказать турецким войскам пощадить население Зейтуна. Армянские источники сообщают, что Джемаль согласился удовлетворить просьбу армянского прелата и с этой целью 31 марта послал телеграмму в адрес военных властей Зейтуна⁵. Тем не менее есть все основания полагать, что младотурецкий генерал отдался чисто формальной декларацией, если только не предположить, что позже из столицы поступил противоположный приказ. 8 апреля началась депортация армян из Зейтуна. Тридцать пять видных армян города, включая нашего свидетеля и директора детского дома, были отправлены в путь до Османийе со своими семьями, и оттуда они были отправлены далее в Конью. Вторая колонна, включая трех священников, прибывших в Мараш в понедельник 11 апреля,

и третья колонна с «подозреваемыми» прибыла в среду 13 числа⁶. В своих мемуарах патриарх отмечает, что «это был блестящий повод для изгнания всех армян из Зейтуна»⁷. Таким образом, в общей сложности около восемнадцати тысяч человек были отправлены в путь в течение трех дней: почти шесть тысяч человек были отправлены пешком в направлении Коньи и Эрегли и затем в Султанийе⁸, другие пять тысяч человек были отправлены в Алеппо, и все остальные — в Ракку, Дер-Зор, Мосул и даже в окрестности Багдада⁹. Во второй половине апреля, в свою очередь, было депортировано армянское население двух соседних каз Гёксуна и Эльбистана¹⁰.

В районе Гёксун, располагавшемся в Антитаврских горах и занимавшем всю северо-западную часть мутесарифата Мараш, от депортаций пострадали девять тысяч пятьсот человек, проживавших в восемнадцати населенных пунктах. В главном городе района и окрестных деревнях проживало в общей сложности около трех тысяч человек армянского населения. Гёксун (с населением 380 чел.), Хюкюк (с населением 120 чел.), Киредж (с населением 650 чел.), Гёлпунар (с населением 150 чел.), Ташолук (с населением 600 чел.) и Сейирмендере (с населением 400 чел.) вместе с отдаленными фермами стали первыми населенными пунктами, пострадавшими от депортаций. Далее к югу депортация затронули город Гебен с туркоязычным армянским населением, насчитывающим три тысячи человек, а также жителей деревень Дейирменбаши, Чукур Бундук (с населением 245 чел.). Последней большой группой армянских деревень, пострадавших от депортаций, располагалась

¹ Ibid; Агаси. Указ. соч. С. 394; Агуни С. Указ. соч. С. 47.

² Свидетельское показание д-ра Дж. Р. Мерила о ситуации в Зейтуне и Мараше, Айнтаб, 14 июня 1915 г.: Sarafian A. (ed.). Op. cit. P. 67, упоминает о сотне погибших и таком же числе раненых среди турок.

³ Краткое изложение истории преподобного Тиграна Андреасяна из Зейтуна отцом Стивенем Трубрижем, Каир, 6 июля 1915 г.: Toynbee A. Op. cit., doc. 121. P. 489.

⁴ Агуни С. Указ. соч. С. 48.

⁵ Агаси. Указ. соч. С. 396.

⁶ Письмо консула в Алеппо Дж. Б. Джексона Г. Моргентау от 21 апреля 1915 г.: Sarafian A. (ed.). Op. cit. P. 11.

⁷ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 91; Это также являлось мнением Волффскиля: Kaiser H. (ed.). Op. cit. P. 14, письмо его супруге, 24 апреля 1915 г.

⁸ В свою очередь, в августе 1915 г. уцелевшие в лагере в Султанийе были отправлены в пустыни Сирии.

⁹ Агуни С. Указ. соч. С. 48–52.

¹⁰ Письмо Кэйта Е. Эйнсили Бартону, 6 июля 1915 г.: Toynbee A. Op. cit., doc. 121. P. 484; Письмо консула в Алеппо Дж. Б. Джексона Г. Моргентау от 21 апреля 1915 г.: Sarafian A. (ed.). Op. cit. P. 7, подводит итог депортации по ситуации в мутесарифате Мараш, подготовленный преподобным Джоном Меррилом в тот же день, подтверждается, что армяне были депортированы из этих областей.

недалеко от города Фурнуз в южной части района. В общей сложности там проживало три тысячи армян, включая жителей шести отдаленных деревень, среди которых были Чайлайан и Телемелик, и триста человек проживало на примерно пятнадцати фермах, расположенных несколько поодаль¹. Каймакам Гариб-бей, который занимал эту должность с 7 февраля 1914 г. по 25 октября 1915 г., играл центральную роль в организации этих операций, проведенных армией. Д-р Фред Шепард из американской больницы в Айнтабе отмечает, что, к примеру, в Гебене женщины занимались стиркой в прачечной, когда поступил приказ о немедленной депортации, так что они были вынуждены покинуть город, не имея возможности взять с собой что-либо вообще; при этом их мужья были депортированы отдельно².

В районе Эльбистан, располагавшемся в северо-восточной части мутесарифата Мараш, депортации коснулись почти шести тысяч армян, около четырех тысяч из которых проживали в городе, являвшемся местом пребывания администрации района, и в соседней деревне Бавуркёй. Операции там проводились под контролем каймакама Гусейина Дервиш-бея³. Миссионер Кейт Эйнсли отмечает, что власти заставили депортированных армян из Эльбистана отправиться особой горной линией в обход Зейтуна, так что им потребовалась почти неделя, чтобы достичь Мараша⁴. Оттуда они были отправлены в Айнтаб и Алеппо⁵.

Несколько свидетелей указали, что армянские населенные пункты района, такие как Зейтун, Гёксун и Эльбистан, были тут же заняты мусульманскими мухаджирами из Македонии и Румелии. Миссионер Кейт Эйнсли отмечала, что, когда она покинула Мараш 14 июня, Зейтун был уже населен македонцами, которые порубили фрукто-

вые деревья на дрова⁶. Преподобный Джон Меррил из Мараша отмечал, что мухаджиры, которые заняли место армян в Фурнузе и Гебене, были временно оставлены в Айнтабе в ожидании, пока армянские дома будут освобождены от их обитателей. Он утверждает, что «из конфиденциальных источников в Мараше стало известно о секретном сообщении, представлявшем собой намерение депортировать христианское население всех деревень Мараша, простирившихся далеко на север до Гасан Бейли»⁷.

Арнольд Тойнби совершенно справедливо отметил, что тот факт, что мухаджиры, таким образом, были предварительно размещены в непосредственной близости от города Зейтун еще 8 апреля, «представляет собой характерную особенность реализации плана в Киликии, из которого видно, что он был проведен сознательно и продуман далеко вперед. Армяне были выселены из своих деревень без промедления, и их дома были переданы мусульманским беженцам [...] из вилайетов Румелии», в то время как эти беженцы, бежавшие от Балканских войн, до тех пор висели бременем «на руках правительства» в лагерях во Фракии или на побережье Эгейского моря. Другими словами, высокопоставленные чиновники организовали переезд этих мухаджиров «из западной окраины империи в другую оконечность Анатолийской железной дороги» таким образом, что они были готовы «занять дома армян в Киликии немедленно после того, как их законные владельцы начали свой путь к изгнанию»⁸. В стремлении спровоцировать реакцию со стороны жителей Зейтуна, власти, несомненно, изолировали жителей, уверяя их в наилучших шансах на успех. Однако какой бы сдержанной ни была реакция на провокацию, это предоставило младотурецкому правительству возможность разжечь пламя

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 311–312.

² Письмо д-ра Шепарда, миссионера в Айнтабе, 20 июня 1915 г.: Toynbee A. Op. cit., doc. 120. P. 482.

³ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. P. 318.

⁴ Письмо Кэйта Е. Эйнсли Бартону, 6 июля 1915 г.: Toynbee A. Op. cit., doc. 121. P. 484. Она также стала свидетелем прибытия супруги министра Гёксуну.

⁵ Дж. Меррил встретил этих депортированных на пути между Айнтабом и Алеппо; он отмечает, что они были отправлены в иракском направлении: Письмо консула в Алеппо Дж.Б. Джексона Г. Моргентая от 21 апреля 1915 г.: Sarafian A. (ed.). Op. cit. P. 11.

⁶ Письмо Кэйта Е. Эйнсли Бартону, 6 июля 1915 г.: Toynbee A. Op. cit., doc. 121. P. 484. В письме в адрес Моргентая от 28 мая 1915 г. (Sarafian A. (ed.). Op. cit. P. 49), консул Мерсины Эдвард И. Натан подтверждает, что в окрестностях Мараша и Зейтуна поселились мухаджиры из Македонии.

⁷ Письмо консула в Алеппо Дж.Б. Джексона Г. Моргентая от 21 апреля 1915 г.: Sarafian A. (ed.). Op. cit. P. 11.

⁸ Toynbee A. Op. cit. P. 397.

беспорядков, впоследствии тщательно им поддерживаемое.

Что касается судьбы армян, депортированных из Зейтуна, свидетель-европеец видел некоторых из них пересекающими станцию Адана на поезде, направлявшемся в Кони, в «вагонах для свиней». Он видел также и других, которые направлялись в Алеппо дорогой «Аравии». Последняя колонна таких депортированных армян проследовала в середине мая и состояла из стариков и детей, находившихся в плачевном состоянии¹. По словам одного из выживших, жители Зейту-

на, которых держали в Султанийе, потеряли около семисот человек в течение двух месяцев, прежде чем их снова отправили в путь. 8 августа по направлению в пустыни Сирий и район Дера через Адану и Алеппо².

Решение о переименовании Зейтуна в Сулейманлы в честь офицера, который был убит во время нападения на монастырь, без сомнения, символизирует начало программы отуречивания Анатолийского региона путем ликвидации его армянского населения и изменения местных географических названий³.

Депортации из Дёртьёла

Когда Османская империя вступила в войну, санджак Джебелберекет, как и весь регион Александреттского залива, оказался под давлением со стороны британского и французского флотов. Корабли союзников базировались недалеко от берега и регулярно обстреливали железную дорогу, которая вела на юг, гнилая побережье. Обстрел глубоко тревожил местное население, которое опасалось англо-французского десанта. Другим фактором, способствующим сохранению напряженности, царящей в регионе, было присутствие около сорока тысяч армян, которые проживали в двадцати девяти городах и селах данного прибрежного санджака; они подозревались в затаенной симпатии к Тройственному союзу. С самого начала войны жители каз, располагавшихся на побережье, Юмурталыка и особенно Паяса, попали под пристальное наблюдение со стороны армии. Паяс, который располагался в нескольких километрах от моря на западных склонах горной гряды Аманос, мог похвастаться численностью армянского населения в одиннадцать тысяч человек, которые проживали в трех населенных пунктах все в том же районе: Дёртьёле (с населением 7000 чел.), Оджаклы (с населением 2545 чел.) и Озерли (с населением

1560 чел.)⁴. По данным армянских историков, с ноября 1914 г. побережье в районе Александретты, Паяса, Дёртьёла и Аман находилось под наблюдением британского военного корабля «Дорис». В результате османские военные власти создали систему обязательных пропусков, передвигаться без которых запрещалось. В начале ноября каймакам вызвал заместителя председателя отца Месропа Эсефяна, двух членов епархиального совета и четырех старост, чтобы сообщить им о том, что существует риск того, что англичане попытаются высадиться на берег десант; как следствие, каймакам предложил армянам «временно искать убежища» в регионе Аман, как и другим жителям прибрежного региона. Он предупредил их, что, если они не сделают этого «добровольно», власти без колебаний применят силу. Эта угроза не была осуществлена; однако она была воспринята армянами как явное предупреждение. В феврале 1915 г., после того как порт Александретты и его железная дорога были обстреляны, власти мобилизовали шестьсот армян из Дёртьёла для исправления повреждений⁵.

Как и в Зейтуне, события ускорили инцидент. В конце февраля некто Сальян, уроженец региона, который построил дом

¹ Journal de Pierre Briquet, du Saint-Paul Institute de Tarse, du 14 mars au mois de mai 1915: *Toynbee A. Op. cit.* Pp. 492–494.

² «Депортации жителей Зейтуна», «Жоговрди дзайн», 15 мая 1919 г. (на арм. яз.).

³ «Верджин лур», 26 мая/8 июня 1915 г. (на арм. яз.), повторяет информацию, приведенную в «Официальном вестнике» от того же дня, который опубликовал указ, объявляющий об изменении наименования: Короткое изложение истории преподобного Тиграна Андреасяна из Зейтуна отцом Стивеном Трубриджем. Казань, 6 июля 1915 г.: *Toynbee A. Op. cit.*, doc. 121. P. 489.

⁴ *Kevorkian & Paboudjian*, *Op. cit.* Pp. 302–303.

⁵ *Егиаян Б.* (ред.). История армян Аданы. Антилиас, 1970. С. 320 (на арм. яз.).

⁶ *Агуни С.* Указ. соч. С. 294.

на Кипре, был арестован войсками, охраняющими побережье, сразу после того как британский военный корабль высадил его на берег¹. Власти сразу же приступили к аресту армян, проживавших в прибрежных районах, и организовали публичную казнь крестьян из деревень в окрестностях Паяса, обвиняемых в создании шпионской сети. Переводчик из немецкого вице-консульства в Александретте избежал подобной участи только благодаря заступничеству посла Германии в Константинополе². Как и в случае с городом Зейтун, предстоятель Адана отец Геворк Арсланян был вызван вали, полковником Исмаилом Хакки, который попросил его прислать надежного представителя в Дёртьёл, чтобы убедить местное население подчиниться властям. Для выполнения этой миссии был выбран главный секретарь католикосата. До своего отправления он узнал, что полковник Гусейин Авни-бей, командующий жандармерией вилайета и председательствующий судья Аданского военного суда, сам отправился в Дёртьёл, где приступил к аресту всех мужчин в возрасте от восемнадцати до шестидесяти пяти лет «для их отправки во внутренние районы страны» и изъятия оружия³. Главный секретарь написал в своем докладе о своей миссии, что он сел на поезд до станции Топраккале и продолжил свое путешествие оттуда на машине, осторожно пробираясь через военные контрольно-пропускные пункты, тут и там понатыканные на дороге. В Оджаклы он встретил два автомобиля, в которых сидели отец Месроп и горстка видных армянских деятелей из Дёртьёла, они были вызваны, чтобы предстать перед военным судом в Эрзине, инициированным боснийским полковником Гусейином Авни⁴. После краткой беседы с каймакамом полковником Авни и

Черкезом Мурад-беем, командующим жандармерией в Дёртьёле, главный секретарь католикосата убедил видных армянских деятелей города сложить оружие, которое, по существу, было представлено охотничьими ружьями и кинжалами⁵. В письме, адресованном своему послу, немецкий консул в Адане выразил сомнения в реальности мнимой революции, в планировании которой власти обвинили армян Дёртьёла, и задался вопросом, было ли законно арестовывать всех мужчин в городе, когда они «продемонстрировали свое повиновение властям и не оказали им ни малейшего сопротивления»⁶. 1600 взрослых мужчин были отправлены в район Османйе, в Гасан Бейли, для работы на строительстве участка дороги протяженностью двадцать три километра; и лишь горстка из мужчин в Дёртьёла избежала этой участи. Обвинение в «подрывной деятельности» было явно необоснованным, ничто не указывало ни на малейшие признаки подготовки к вооруженному сопротивлению. С другой стороны, именно сам Талаат-бей отдал приказ начать операцию против Дёртьёла в своем письме от 2 марта 1915 г., адресованном вали Аданы⁷. Весьма вероятно, что весь план был разработан в столице. Далее следует отметить, что главными среди тех, кто предстал перед военно-полевым судом в Адане, были видные армянские деятели Дёртьёла, которые были осуждены и публично повешены в течение следующих недель⁸. Османага-заде Гасан, Деллал-оглу Исмаил, который организовал батальоны смерти «Специальной организации» в регионе в начале января 1915 г., мутесариф Джебелберекета Шюкрю-бей, председательствующий судья Аданского военного суда Гусейин Авни-бей, муфтий из Дёртьёла Хаджи-али-эфенди, Дивлим-оглу Хаджи,

¹ Письмо консула Германии в Александретте П. Гофмана Вангенхайму, 7 марта 1915 г.: *Lepsius J.* (ed.). Op. cit. Pp. 72–73.

² *Kaiser H. Bagdad Railways. Politics and the Socio-Economic Transformation of the çukurova*, doctoral thesis, European University of Florence, 2001. P. 308.

³ *Егиаян Б.* (ред.). Указ. соч. С. 321–322.

⁴ Там же. С. 323 (л. 186–190 рукописи доклада).

⁵ Там же.

⁶ Рапорт свидетеля, составленный 12 марта и прикрепленный к письму др-а Ойген Бюге, консула Германии в Адане, Вангенхайму, 13 марта 1915 г.: *Lepsius J.* (ed.). Op. cit., doc. 19. Pp. 74–76.

⁷ *Егиаян Б.* (ред.). Указ. соч. С. 321–322; *Kaiser H. Bagdad Railways*. P. 309; шифрованная телеграмма министра внутренних дел вилайету Адана, 2 марта 1915 г.: BOA.DX. şfr, nr. 50/141 (Osmanli Belgelerinde Ermeniler (1915–1920), Armenians in Ottoman Documents (1915–1920), doc. n° 2. P. 22).

⁸ *Агуни С.* Указ. соч. С. 295. Автор указывает следующих видных деятелей: Ованеса Баляна, Григора Гёкпаносяна, Ованеса Абраамяна, Тиграна и Саркиса Балянов, Багдасара Баляна и Акопа Кучукяна.

Кёйсен-оглу Ахмед, Кёйсен-оглу Мевлат-эфенди, Муфти-заде Мустафа-эфенди и Хаджи Хамди-эфенди возглавляли эту операцию, прежде чем отправить этих людей вновь в Дёртёёл для того, чтобы выслать их с семьями в Адану и затем в Мескене, Ракку, Рас-эль-Айн и Хаму. В общей сложности двадцать тысяч армян из районов Паяс, Юмурталык и Хасса было депортировано на юг в конце апреля. Около 3500 из них, в основном армяне, которые были депортиро-

ваны в область Дамаска, еще оставались в живых, когда было подписано перемирие¹.

Следует отметить, что в ходе этих операций произошло очень мало случаев местной массовой резни. Тем не менее в силу методов, используемых при проведении таких операций, и в особенности в силу методов подготовки к ним, они стали прототипом программы истребления, осуществленной в других местах в последующие недели.

¹ Там же.

ГЛАВА 20

Депортации в мутесарифате Мараш

После операций, которые рано утром затронули армянское население в таких казах, как Зейтун, Гёксун и Эльбистан, в регионах Мараш и Базарджик стали появляться жертвы плана по уничтожению армян. Регион, образующий своего рода мост между Киликийей, Каппадокией и Армянским нагорьем, расположенный в анклав между хребтами Антитавр и Тавр, являющийся мутесарифатом Мараша, в 1914 г. был населен более чем семьдесятю тысячами армян, которые жили в шестидесяти четырех городах и деревнях. Когда в двух последних районах начали избавляться от армян, то в двадцати четырех населенных пунктах их было уже меньше тридцати пяти тысяч. Большинство армян жили в г. Мараше, в 1914 г. 22 500 армян составляли около пятидесяти процентов жителей этого города. Почти все они были сконцентрированы в окрестности на западе от цитадели, которая тянулась до территории ниже монастыря Святого Якова (окраина города). По периметру здесь находились не менее пяти церквей, несколько армянских школ, американский колледж, немецкий госпиталь и сиротский приют.

Другими армянскими населенными пунктами были Финдикджак, расположенный в двадцати двух километрах от Мараша, здесь проживало 2500 армян; Кишифли (560 чел.), Дерекёй (1000 чел.), Джамустул (250 чел.) и Дёнгел (1500 чел.). Вторая группа армянских деревень находилась около Ениджекале (800 чел.) и Муджукдере (500 чел.), между этими населенными пунктами был расположен Красный монастырь города Кесун: Арабли (100 чел.), Кётекли (150 чел.), Ейялар (150 чел.), Чуруккёз (300 чел.), Демерек, Пу-

нарбаши (100 чел.) и Дикилиташ (100 чел.). Еще дальше на юго-запад, на пограничной линии района, около Эндеруна (70 чел.) расположились еще три деревни: Аджемли (84 чел.), Диртадли (280 чел.) и Дейирмендере (140 чел.). Последняя армянская деревня Джживидги, лежащая в северном продолжении горной цепи Эндерун, насчитывала 1760 армян¹.

Рассматривая южную часть мутесарифата Мараш, можно отметить, что каза Базарджик была домом для 1500 армян, все они жили в административном центре, который также назывался Базарджик².

Немецкий консул в Алеппо Вальтер Ресслер, посещая город Мараш 31 марта 1915 г., отметил царившее здесь напряжение после событий, которые произошли в соседнем городе Зейтун. В городе было объявлено осадное положение, сформирован военно-полевой суд³. По словам двух американских докторов, мусульманские лидеры Мараша воспользовались положением, потребовав у мутесарифа жестокого обращения с армянским населением. Приблизительно 7 апреля в город был отправлен военный комитет, который был призван искать в армянских учреждениях и домах известных людей свидетельства готовящегося восстания. Комитет дал населению три дня (9–11 апреля) на передачу оружия властям. 8 апреля Акоп Хорлакян [Херлакян], известный человек, у которого даже были связи с императорским дворцом, был вызван в суд, чтобы предстать перед этим комитетом. Комитет, в свою очередь, требовал у него присматривать за тем, как армянское население выполняет приказы правительств-

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 305–311.

² Ibid. P. 311.

³ Телеграмма консула Ресслера Вангенхайму, Мараш, 31 марта 1915 г.: Lepsius J. (ed.). Op. cit., doc. 22. Pp. 76–77.

ва¹. Существуют все основания полагать, что военный комитет начал очень тесно сотрудничать с местными лидерами младотурок. Д-р С.Ф. Гамильтон и д-р С.Ф. Ранней сообщили, что 13 апреля армяне г. Мараша узнали о циркулирующем в городе «черном списке, состоящем из 300 имен (некоторые упоминают 600)». Некоторые известные представители армян преувеличивали значимость этого документа, пытаясь угадать, кто попал в список.

Аресты в Мараше принимали разные формы. Одним из наиболее известных методов был призыв на службу военнообязанных мужчин (даже тех, кто оплатил «бедель»). Военная кампания, которая проходила 15, 16 и 17 июля 1915 г., фактически позволяла властям изолировать этих мужчин, а в лучшем случае — уничтожить². Среди первых арестованных были одиннадцать известных личностей, включая помощника архиепископа, отца Гевонда Нахабедяна, протестантского священника Агарона Ширидждяна, Карапета Налчаяна, Арменака и Назарета Билезиджи, Констанана и Овнана Варжапетяна — все они были арестованы в Алеппо³. В ходе беседы с правителем вилайета Джелалом-беем, которая состоялась 21 апреля, протестантский священник Джон Меррил узнал о существовании плана по депортации «беженцев» из Зейтуна, в то время как политикой правительства было «прекращение такой публичной и беспорядочной жестокости». Однако большой опыт американского миссионера позволил ему перевести такое высказывание в следующем русле: «Это план по уничтожению христианского населения без кровопролития, с оттенком законности». Он заметил, что «фальшивые» сообщения, касающиеся армян, были уже отправлены в

Стамбул и стали «основой для приказов, которые теперь претворяются в жизнь». В заключение он отметил, что первыми депортированными стали лучшие образованные мужчины города, в особенности те, кто имел отношение к миссионерским кругам⁴.

В соседних населенных пунктах, где депортации проводились в то же время, что и депортации армян в Мараше, сопротивление оказали только жители Финдикджака. Его быстро подавила армия, которая устроила резню части населения прямо на месте событий, а женщины и дети были депортированы⁵.

Около тридцати мужчин организовали бригады эскадронов, каждая бригада состояла из двадцати солдат нерегулярной армии, которые сеяли панику в регионе. Эти тридцать мужчин также контролировали погромы и были членами комитета ответственного за «бесхозную собственность». Среди них были Али Хайдар-паша, правитель Мараша; Коджабаши-заде Омар-эфенди, депутат парламента от Мараша; Гари-заде Хаджи-эфенди, бывший депутат парламента от Мараша; Дайи-заде Ходжа Баш, улем (авторитетный знаток ислама); Хаджи-бей, мэр Мараша; Эджзаджи Луси, фармацевт; Саруктиб-заде Мехмед; Эшб-заде Хаджи Гусейин; Булгариз-заде Абдул Хаким; Сарук-заде Халил Али; Шисман-заде Хаджи Ахмед; Шисманхаде Нури; Ап-Аджуз Хаджи-эфенди; Мазман-заде Мустафа Эвлия-заде Эвлия; Ходдайи-заде Тахсин-бей; Ходайихаде Ахмед; Назиф-заде Ахмед; Ходжабфш-заде Ахмед; Караючюк-заде Мехмед; Дервиш-эфенди, бывший мэр; Саатбей-заде Шюкрю; Эвилия-заде Ахмед, имам; Баязид-заде Ибрагим-бей; Чушадар-заде Мустафа и Чушадар-заде Мехмед⁷.

¹ Доклад д-ров Каролины Ф. Хамильтон и С. Ф. Ранни, врачей американского госпиталя в Айнтабе, прилагаемый к письму американского консула в Алеппо Джексона послу Моргентау от 21 апреля 1915 г.: *Sara* (éd.). Op. cit. P. 9. В этом докладе Херлакян упоминается как «Хорлкахян».

² Ibid. Pp. 11–12.

³ Агуни С. Указ. соч. С. 298.

⁴ Ср. выше примечание 4. С. 12–13.

⁵ Агуни С. Указ. соч. С. 298. По данным из армянских источников, было убито и депортировано 900 мужчин, 328 были повешены и 314 рабочих-солдат были расстреляны в июне—июле 1916 г.: BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 34, Marach, f° 31, итог депортаций и погромов, составленный в Алеппо, 23 декабря 1918 г.

⁶ Ibid. P. 301. Волффский отмечает, что армяне собрали деньги для подкупа судьи, председательствовавшего в военном трибунале (*Kaiser H.* (éd.). Op. cit. P. 15, письмо его супруге, 24 апреля 1915 г.), что благодаря взяткам определенное число жителей Мараша смогло обеспечить себе более благоприятные условия депортации или избежать смертельной приговора.

⁷ BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 34, Marach, f° 32, итог депортаций и погромов, составленный в Алеппо, 23 декабря 1918 г.

Депортации: Мараш

Главными местными лидерами «Специальной организации» были Вехби-заде Хасип-эфенди; д-р Мустафа; Кочабаш-заде Джемил-бей; Ходдайи-заде Окбеш; Мазман-заде Мустафа; Мазман-заде Гасан; Хаджи Ниази-бей, секретарь Министерства финансов; Шакир-эфенди; Джевет-бей, заведующий корреспонденцией; Атиф-эфенди из Килиса; Омер-эфенди, служащий жандармерии; два сына Омера и Фатмалу-оглу Мустафа. Следующие лица были главным образом ответственными за незаконное

взыскание налогов: Баязид-заде Шюкри-бей; Баязид-заде Касим-бей; Баязид-заде Керим-бей; Баязид-заде Гасан-бей; Бухари-заде Абдул Хаким-эфенди; Коджабаш-заде Хаджи Ибрагим; Айнтабли-оглу Ахмед, помощник начальника полиции; Чушадар-заде Мехмед (член местного КЕП); Сафиенин-оглу Ахмед, полковой секретарь; Куся Курек-заде Ахмед, муниципальный инспектор; Джемал-бей, судья криминального суда; Хайруллах-эфенди, учитель идадской средней школы¹.

¹ BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 34, ff. 6–9, список ответственных лиц депортаций в Мараше и в его окрестностях.

ГЛАВА 21

Депортации в вилайете Адана

Согласно переписи населения, проведенной католикосатом Великого Дома Киликии, в 1913 г. в Аданском вилайете проживало более восьмидесяти тысяч армян. Они жили в семидесяти городах и деревнях, почти двадцать тысяч из них проживали на правой стороне Аданы в уединении.

Город Адана, в котором накануне Первой мировой войны армянское население насчитывало более двадцати шести тысяч, занимало важное место в политической и экономической жизни вилайета. В его окрестностях располагалось небольшое количество армянских деревень: в северной части — Кристианкёй (190 чел.), в восточной — Инджирлик (250 чел.), находящиеся возле городов Багдадбахн и Мисис (480 чел.), на юго-востоке — Абд-оглу (340 чел.) и Шейхмурад (300 чел.)¹.

Казалось, что начиная с апреля 1909 г. убийства в Киликии, уносившие особенно много жизней в Адане, никогда не утихнут, а напряженная ситуация в прибрежном регионе, не защищенном от вмешательства военно-морского флота Франции и Великобритании, никогда не ослабеет. Местные лидеры младотурок во главе с Исмаилом Сафой [Озлером], чье участие в злодеяниях 1909 г. мы уже обсуждали², по-прежнему проводили политику невмешательства. Еще до вступления в войну Османской империи, Сафа на совещании 10 сентября 1914 г. задал ход событий того времени. Сафа, президент профсоюза Аданы, был активным сторонником односторонней отмены капитуляции (официально отмена произошла 1 октября) и «национали-

зации» экономик³. Другими словами, Сафа выступал за уничтожение среднего предпринимательского класса, т.е. основных партнеров европейских предприятий, действующих в Киликии. Этот социальный слой состоял в основном из греков и армян, которые жаловались на экономический кризис, порожденный войной, в которой они винили немцев. Возможно, именно по экономическим причинам их критика не осталась незамеченной. По словам немецкого консула в Адане, немецкий служащий посчитал такой поступок «государственной изменой», которая требовала наказания⁴. В это время дипломаты в отличие от военных имели другое мнение. Эта ситуация еще раз показывает какими подозрительными греки и армяне выглядели в глазах Османской империи и ее союзников.

Свидетельство американского жителя г. Аданы позволяет нам понять причины горечи греческих и армянских бизнесменов. Докладчица отметила, что мобилизация и поборы стали настоящей катастрофой для них, в частности, «армянские магазины грабились, некоторые лица по желанию не совершали оплату»⁵. Не принимая во внимание «дело Дёртьёла», частые публичные казни осужденных армян, последствия событий в Зейтуне нарушившие покой некоторых армян Аданы, необходимо отметить, что конкретные меры не предпринимались в их отношении до конца апреля. Первым предвестником будущего гонений стал арест четырехсот представителей элиты Аданы, в основном учителей и предпринимателей, таких как Самуэль Авестисян, Есайи Безидигян, Карапет Джолу-

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 265–278.

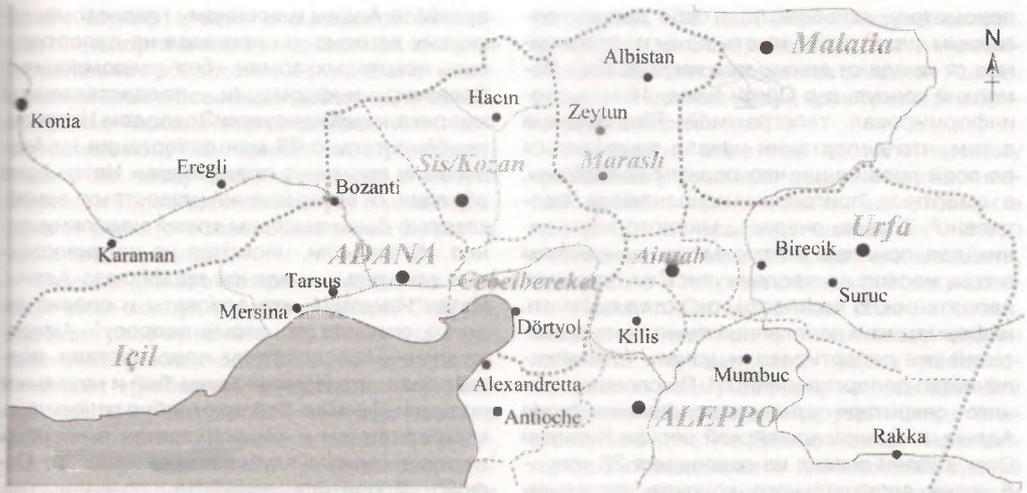
² См. выше, с. 105–106 и последующие.

³ Kaiser H. Op. cit. P. 306.

⁴ Доклад от 14 декабря 1914 г. с письмом Бюге Вангенхайму от 2 февраля 1915 г.; письмо генерала Сандерса Вангенхайму от 8 февраля 1915 г.: Kaiser H. Op. cit. P. 308.

⁵ Toynbee A. Op. cit., doc. 129. P. 515.

Депортации: Адана

Мигран Бойаджян и братья Петросян. Уильям Чемберс, который работал в Турции на протяжении тридцати семи лет, отметил, что арестованы были одни из самых выдающихся людей, которые остались в живых после массовых убийств 1909 г. и находились под пристальным контролем властей¹. В противовес тому, что происходило в других регионах, этих людей освободили после недели заключения². Правитель вилайета Исмаил Хаккибей, албанец, с репутацией человека умеренных политических взглядов³, возможно, знал, что необходимо предпринять; Джемал-паша, главнокомандующий 4-й армией, также вовлеченный в дело с большой долей вероятности, сам в течение года после погромов 1909 г. был правителем вилайета, поддерживал отношения с несколькими известными армянскими семьями. Также есть причины полагать, что вилайет получал поддержку Джемала, что было ему необходимо для удержания власти и противостояния давлению местного профсоюза. Можно отметить, что Хакки не всегда стремился выполнять прика-

зы, которые он получал из столицы. Несмотря на то что он организовал депортацию более четырехсот тысяч «армян-нерезидентов» в Бозанти в мае 1915 г., он успешно вернул их назад спустя несколько недель⁴. Свое расположение он также доказал поступком, когда в начале мая он депортировал тридцать богатейших семей Аданы, большинство которых вернулись через три недели, но здесь скорее всего не обошлось без вмешательства американского посла в Константинополе⁵. Еще одним свидетельством великодушного отношения Хакки к армянам стал случай, произошедший в конце апреля 1915 г., когда военный суд Стамбула прислал Хакки депешу с требованием срочно отправить в столицу примаса Аданы, архиепископа Хачатура Арсланяна. В ответ на это Хакки проинструктировал врача, проводящего осмотр, выдать справку о том, что прелат физически неспособен совершить поездку в Стамбул⁶.

Первый конвой депортированных из Аданы состоял более чем из четырех тысяч армян, которые покинули город 20 мая под

¹ Доклад Уильяма Н. Чемберса, британского миссионера, который работал в Адане в Американском совете Турции на протяжении 37 лет, 3 декабря 1915 г.: *Toynbee A. Op. cit., doc. 128. P. 511.*

² Агуни С. Указ. соч. С. 305.

³ Занимал должность с 4 апреля 1914 г. по 22 февраля 1916 г.

⁴ Агуни С. Указ. соч. С. 305.

⁵ Дневник мисс Г.Е. Уаллис, *doc. cit.: Toynbee A. Op. cit., doc. 129. P. 515*; письма консула в Мерсине Эдварда И. Натана Г. Моргентау от 18 и 28 мая 1915 г.: *Sarafian A. (ed.). Op. cit. Pp. 43, 46; Егиаян В. Указ. соч. С. 340–341.* Автор указывает тем не менее, что в последнюю неделю мая 1915 г. в армянских поселениях и учреждениях проводились систематические обыски с целью обнаружения оружия и каких-либо компрометирующих документов.

⁶ Там же. С. 323.

присмотром полиции, при себе депортированным разрешили иметь деньги, полученные от продажи движимого имущества¹. Немецкий консул, д-р Ойген Бюге, 18 мая проинформировал телеграммой Вангенхайма о том, что депортации начали проводиться по всей провинции, что тюрьмы заполнены, а смертные приговоры исполняются ежедневно². В свою очередь, министр внутренних дел прислал запрос местным властям о том, насколько продвинулись их планы по депортации. В частности, он хотел получить информацию о населенных пунктах, чьи жители уже депортировали, узнать точное количество депортированных³. По словам главного секретаря армянского архиепископа Аданы, патриарх армянской церкви Киликии Сааг Хабаян позвал на совещания 23 мая — 5 июня епархиального консула, служащих Османского банка и Табачной государственной монополии. Во время совещания он высказал предположение о том, что депортация армян вилайета ему кажется неизбежной, что армянским предпринимателям следовало бы трансформировать свои акции в наличные деньги. Он также добавил, что решил переехать в Алеппо, чтобы помочь организовать программу помощи для депортируемых, проезжающих через город⁴. Арест восемнадцати известных людей Аданы, произошедший сразу после совещания, начавшиеся депортации в остальных частях вилайета побудили армянских жителей Аданы отправить главного секретаря архиепископа Керовпэ Папазяна встретиться с патриархом и попросить его вступить за армян вместе с главнокомандующим 4-й армией Джемалом-пашой⁵. С помощью заместителя члена парламента Артина/Арутюна Бошгюзезяна Сааг I написал письмо Ахмеду Джемалу. В начале июня Папазян смог встретиться с Джемалом в Алейе (Ливан) и передать ему сообщение патриарха. В свою очередь, Джемал незамедлительно отправил телеграмму правителю

вилайета Аданы и военному главнокомандующему региона, он приказал не депортировать некоторых армян «без уведомления». Согласно информации, предоставленной американским консулом Эдвардом Натаном, приблизительно 28 мая депортации из Аданы были временно прекращены. Натан даже объявил о возвращении известных семей, которые были высланы тремя неделями ранее. Их вернули, несмотря на противодействие влиятельных членов профсоюза Аданы. Натан намекнул, что адвокаты и оппоненты долго спорили по этому вопросу⁷. Американские исследователи впоследствии подтвердили, что Исмаил Хакки-бей и начальник полиции Джемал-бей враждебно относились к депортациям и конфликтовали с членами иттихадистского клуба, возглавляемого Сефой⁸. Правитель вилайета, по-видимому, имел достаточную власть, чтобы противостоять давлению местного профсоюза. Он также имел дополнительное преимущество в том, что КЕП не имел секретаря в Адане. Возможно, также, что вмешательство Джемала-паша упростило его задачу.

Без сомнения, это можно было рассмотреть как попытку положить конец ситуации, которая сделала Адану исключением — в промежутке между апрелем и июлем армянское население Дёртьёла, Хаджина, Зейтуна, Гасан Бейли и Сиса было полностью депортировано, — вот почему в город был отправлен заместитель командира Талаата Али Муниф, который был также заместителем члена парламента от Аданы. Его присутствие стало заметным практически в первую ночь: в конце июля сотни «подозреваемых», включая Н. Геокдереляна и юриста Карачалаяна, были арестованы и депортированы в Алеппо. Начали исполняться смертные приговоры. Четырнадцатилетний юноша Дёртьёла был казнен вместе со взрослыми после приговора военно-полевого суда, возглавляемого полковником Гусейном

¹ Свидетельство Арриета Дж. Фишера, миссионера в Адане, составленное 13 апреля 1917 г., Уитон-Линной): *Barton J. L.* Op. cit. P. 161.

² Дешеша Бюга Вангенхайму, 18 мая 1915 г.: *Kaiser H. Bagdad Railways*. P. 311.

³ Телеграмма Али Мюнифа в вилайет Аданы, 25 мая 1915 г.: BOA. DX. şfr, nr. 53/113, // *Osmanli Belgeleri Ermeniler (1915-1920), Armenians in Ottoman Documents (1915-1920)*, doc. n° 21. P. 38.

⁴ *Егиаян Б.* Указ. соч. С. 342. Источник ссылается на неопубликованные мемуары главного секретаря Керовпэ Папазяна, f° 210, как указание, что католики отправились в Алеппо 25 мая.

⁵ Там же. С. 343-344, неопубликованные мемуары главного секретаря Керовпэ Папазяна, ff. 210-211.

⁶ Там же. С. 344-345, ff. 211-213.

⁷ Письмо Натана Генри Моргентау, 28 мая 1915 г.: *Sarafian A.* (éd.), II. Op. cit., doc. n° 44. Pp. 78-79.

⁸ *Агуни С.* Указ. соч. С. 306.

Лани¹. Муниф, «член специальной комиссии по депортациям, находившийся там для управления процессом», официально известил жителей о всеобщей депортации армян из Аданы, Тарса и Мерсина. Двести пятьдесят семей получили приказ покинуть Адану, такому же числу было приказано покинуть Мерсин и Тарс, где снова из уст в уста передавали слухи о новых обвинениях армян в шпионаже и мятеже².

Примерно в это же время австро-венгерский вице-консул в Адане Ричард Стёкель сообщил своему начальнику о том, что в населенные пункты, «оставленные» армянами, начинают прибывать мусульманские эмигранты³. «Нерезидентов», которых вначале оставили, депортировали в середине августа; 2–3 сентября 1915 г. за ними последовало армянское население Аданы, католики и протестанты. Восемь конвоев, состоящих из пяти тысяч семей, были оставлены на дороге, все это совершалось под руководством Мунифа и начальника полиции Адилабея, в промежутке между началом сентября и концом октября. Около тысячи ремесленников и квалифицированных кадров, а также члены их семей, работающие на армию и правительство, были освобождены от депортации вместе с еще сорока людьми, согласившимися принять ислам⁴. По словам миссионера Уильяма Чемберса, армянам Аданы было разрешено продать перед отъездом свое движимое имущество, в то время как их недвижимость была конфискована до того, как они уехали⁵. По оценке одного из иностранцев, из Аданы в последние дни августа 1915 г. было депортировано двадцать тысяч армян, город можно было сравнить с массовой распродажей⁶. Еще один очевидец

утверждал, что вдобавок к недвижимости, армянским школам и церквям власти конфисковали банковские депозиты армян Аданы, а также их ценные вещи, хранившиеся в банковских сейфах⁷.

Интересно отметить, что «по личному требованию Джемал-паши ничтожно малый процент армян Аданы был отослан в регион Дамаскуса и дальше на юг⁸. И это снова заслуга бывшего правителя вилайета, помнящего о тех, кем он еще совсем недавно управлял. Он также явно спас их жизни, позволив некоторому количеству армян избежать «путешествия» через расположенные по всему Евфрату концлагеря. Эта особая привилегия для «друзей» свидетельствовала о том, что Джемал-паша был очень хорошо осведомлен о дальнейшей судьбе депортируемых, которых по большей части отправляли в лагерь Сирийской пустыни. После путешествия на поезде в лагерь города Османийе депортированные обнаружили, что их ждало здесь, и продолжили свой путь пешком до концлагерей Интилли и Катма, а затем до транзитного центра Карлик, расположенного близко к железной дороге г. Алеппо. Позже мы увидим роль, которую сыграл Карлик во время второго этапа геноцида⁹.

Среди армян, у которых было право остаться в городе, за исключением ремесленников и квалифицированных специалистов, необходимых армии, были те, кого смог спасти заместитель члена парламента от Козана/Сиса Маттеос Налбандян. Он представил нескольких людей в качестве членов своих семей¹⁰. Американской миссии Аданы также удалось спасти нескольких маленьких девочек, посещавших школу миссии¹¹.

¹ Там же; в письме Моргентау от 11 сентября 1915 г.: *Sarafian A. (éd.)*. Op. cit. P. 270. Консул Натан подтверждает, что Али Муниф ответственен за новую, более жесткую политику, поскольку он принял решение о том, что «исключений не будет».

² Письмо консула в Мерсине Э. Натана Г. Моргентау, 26 июля 1915 г.: *Sarafian A. (éd.)*. Op. cit. P. 89.

³ Деша, 7 июля: *Kaiser H. Bagdad Railways*. P. 314.

⁴ Агуни С. Указ. соч. С. 307; Уильям Н. Чемберс, миссионер в Адане, в своем докладе от 3 декабря 1915 г. (*Toynbee A. Op. cit., doc. 128*. P. 513), подтверждает, что протестантов не пощадили.

⁵ *Ibid.* P. 512.

⁶ Доклад мисс Г.Е. Уаллис, с сентября 1914 г. до сентября 1915 г.: *Toynbee A. Op. cit., doc. 129*. Pp. 516–517; Элизабет С. Уэбб, миссионер в Адане, подтверждает число 20 000 депортированных в докладе, подготовленном 13 апреля 1917 г. в Уитоне, Иллинойс (*Barton J. L. Op. cit.* P. 169).

⁷ *Ibid.* P. 169.

⁸ Доклад Элизабет С. Уэбб, миссионера в Адане, 13 апреля 1917 г., Уитон (Иллинойс): *Barton J. L. Op. cit.* P. 170.

⁹ Егияян Б. Указ. соч. С. 337, 347–349.

¹⁰ Агуни С. Указ. соч. С. 308.

¹¹ Письмо Натана Генри Моргентау, 11 сентября 1915 г.: *Sarafian A. (éd.)*. Op. cit. P. 270.

В докладе 1916 г. австро-венгерский вице-консул в Адане Р. Стёкель составил список из двухсот пяти армянских предпринимателей в Адане и Мерсине, которые прекратили свою деятельность из-за депортаций; многие из них сотрудничали с немецкими и австро-венгерскими фирмами. Таким образом, закрытие армянских фирм повлекло за

собой значительные потери у европейских компаний. Стёкель также отметил, что отделение немецкого банка Deutsche Orientbank в Мерсине потерпело огромные убытки, после того как правительственные комитеты конфисковали армянские активы (они служили залогом по кредитам) и передали их эмгрантам из Македонии¹.

Аданский регион, место транзита депортируемых

Процессию из сотен тысяч депортируемых из провинций Западной Анатолии, проходящую через вилайет Аданы, возглавляла армянская элита г. Стамбула. Они проходили через региональную метрополию в июне 1915 г., т.е. задолго до того, как было депортировано местное население.

Один из наиболее надежных свидетелей, главный секретарь архиепископа Аданы, Керовлз Папазян, сообщает об обстоятельствах, при которых Назарет Тагаварян, Рубен Зардарян, Гарегин Хажак, Акнуни, Арутюн Джангилян, Саркис Минасян и еще пятеро его компаньонов, изгнанных из Аяша 2 июня, провели несколько дней во дворце². Папазян рассказывает о том, как по дороге к правителю вилайета для урегулирования определенных административных вопросов его окликнул Тагаварян, его старый знакомый, который просил патриарха Саага I и правителя вилайета разрешить совершить ему и его компаньонам молитву в кафедральном соборе. Исмаил Хакки быстро согласился на их трехчасовое отсутствие. Депортированные политики были немедленно доставлены к архиепископу «в двух закрытых машинах»³. Фактически было похоже на то, что настоящей целью Тагаваряна, помимо всего остального, была встреча с патриархом. Главный секретарь, присутствовавший во время разговора, который проходил между этими мужчинами с прелатом после короткой молитвы, отметил, что заместитель члена парламента от Сиваса казался самым спокойным и бесстрашным человеком в группе, несмотря на то что он достаточно был осведомлен о ждавшей их судьбе. По словам Папазяна, дашнак Рубен

Зардарян и Саркис Минасян, напротив, были очень взволнованны и не говорили с публикой⁴. Нетрудно представить, что подавленное состояние этих закостенелых активистов партии было связано с горечью, которую они чувствовали по поводу политики, проводимой их бывшими союзниками — младотурками, чьи идеологические взгляды они понимали лучше, чем кто-либо, а также с ощущением того, что их обманули.

Остановка в Адане Григора Зограба и Вардкеза Серингилян, прибывших сразу после этих событий, помогает нам угадать психологическое состояние этих двух армянских лидеров. Их содержали в комнате местных барачков, сюда им приносили еду и пресласть, здесь их также мог навещать секретарь архиепископа. Зограб казался Папазяну депортированным и боявшимся больше за судьбу своей семьи, чем за свою собственную. Вардкез, бесстрашный человек, веривший в судьбу, больше волновался за свою репутацию и совсем немного за явную возможность неизбежной смерти⁵.

Другим депортированным из Стамбула повезло больше, т.к. над ними было меньше надзирателей: они могли перемещаться с места на место при помощи армянских работников железной дороги или местных предпринимателей, работающих на армяков. Например, однажды писателю и публицисту Ерванду Отяну и журналистам Левону Мезяну, Араму Антоняну и Себуху Агуни помог врач Погосян, которого временно держали в транзитный лагерь Тарса. В конце сентября 1915 г. благодаря Погосяну эти четверо интеллектуалов нашли убежище вместе

¹ Деша Стёкеля Паллавичини: *Kaiser H. Bagdad Railways*. Pp. 314–315.

² Егияян Б. Указ. соч. С. 335. Автор ссылается на неопубликованные мемуары главного секретаря Керовлз Папазяна, ff. 198–201.

³ Там же. С. 336.

⁴ См. выше, с. 805.

⁵ Неопубликованные мемуары главного секретаря Керовлз Папазяна, ff. 201–203; там же. С. 336–337.

с братьями Шалварджян, которые владели мукомольным заводом, снабжающим мукой двадцать пять тысяч воинских частей региона. У братьев Шалварджян было разрешение отправлять и получать деньги по телеграфной связи; армянские работники железной дороги и местные предприниматели разрешали депортированным пользоваться этой возможностью, обналичивая от своего имени деньги, которые депортированным присылали из столицы или из какого-либо другого места. Таким образом, их деятельность помогла продлить или спасти жизни многим армянам в этом транзитном регионе. Эти армяне жили в лагере, состоящем из шести тысяч палаток, принадлежащих депортированным из Бардизага, Измита, Адабазара, Бурсы, Едирне, Родосто, Бандирмы и т.д.; они выжили, работая парикмахерами-любителями, бакалейщиками или продавцами спиртных напитков (раки). Этот лагерь находился недалеко от железной дороги г. Гулек, в часе езды от Тарса. Д-р Погосян, не жалея сил, тратил бесконечно много своего времени на лечение больных, в особенности жертв эпидемий. По словам Отыана, за день в лагере умирало приблизительно семьдесят человек; их тела хоронили на близлежащих полях¹. Г.Е. Уаллис, очевидец тех событий, говорит, что в лагере под открытым небом проживало от десяти до пятнадцати тысяч человек; никто не имел права подходить к ним, тем более оказывать материальную помощь. Глубоко шокировала иностранных очевидцев картина, когда люди, набитые битком в автомобили для перевозки овец (им не разрешалось покидать автомобиль), просили прохожих о глотке воды². Отыан, который сам провел несколько недель в лагере до того, как его спасли, отмечает, что каждый день, утром и вечером, агенты Севкията, проводящие депортацию, уводили в сторону г. Османийе около тысячи людей.

Руководил агентами некий Хатси-бей. Во время октябрьских дождей лагерь превратился в сцену смерти, где депортированные с трудом перебирались по грязи³. Елизавета Узбб отмечает, что лагерь, впрочем, как и другие лагеря, постоянно атаковали, молодых женщин и девушек похищали жители соседних деревень⁴.

Одним из немногих мужчин, которому разрешили остаться в городе, был печатник, издающий ежедневное Оттоманское периодическое издание; он был, вероятно, единственным человеком в городе, который знал все азы современной печатной торговли. Еще несколько депортированных спасли греческие бизнесмены Симеон Оглу и Трипани. Они представили депортированных в качестве греческих работников своих фирм⁵. В конце октября лагерь вблизи станции поездов г. Гулек был закрыт навсегда. Депортированных, которые находили пристанище в городе, во время систематических полицейских облав возвращали обратно⁶. Так были пойманы четыре интеллектуала, упомянутые выше. Во время последнего приезда Арам Антонян смог найти жилье вместе с греком из Тарса после короткой остановки на станции поезда; позже он смог присоединиться к Себуху Агуни и Левону Мозьяну, которые смогли арендовать комнату⁷ Ерванду Отыану, который каким-то образом смог найти приют на промышленном мукомольном заводе, принадлежащем братьям Шалварджян, Араму и Арташу; завод находился в часе езды от города, выпускал для нужд армии пятьдесят—шестьдесят тонн еды ежедневно⁸.

Американская миссия в Адане также предоставляла временное убежище нескольким депортированным, остальным оказывала материальную помощь. Елизавета Узбб рассказывает о судьбах нескольких людей, с которыми ей пришлось столкнуться в то время,

¹ Отыан Е. Указ. соч., п¹ 39–40.

² Доклад мисс Г.Е. Уоллис, с сентября 1914 г. до сентября 1915 г.: *Toynbee A.* Op. cit., doc. 129. Pp. 515–516.

³ Отыан Е. Указ. соч., п¹ 40–41.

⁴ Доклад Элизабет С. Узбб, миссионера в Адане, 13 апреля 1917 г., Уитон (Иллинойс): *Barton J. L.* Op. cit. P. 170.

⁵ Агуни С. Указ. соч. С. 308.

⁶ Отыан Е. Указ. соч., п¹ 45.

⁷ Там же, п¹ 43. Отыан сообщает, что Антонян покинул Чанкыры с группой других интеллектуалов, но выпал из вагона и сломал ногу; вследствие этого он попал в госпиталь в Ангоре, где главный врач отказался лечить его, узнав, что он армянин. Он лечился сам и пытался достать костыли, и позднее, в августе, он смог покинуть госпиталь и влиться в колонну депортированных из Ангоры. Его компаньоны были преданы смерти в окрестностях Йозгата.

⁸ Там же, п¹ 44. Отыан отмечал, что два брата обещали оплатить все сопутствующие расходы за четырех человек.

среди них была молодая женщина из Измита Осанна и четверо ее детей, они пришли из Аданы пешком (двое детей погибли в пути), затем женщина устроилась на работу в качестве прислуги в иранскую семью, живущую в городе; или, к примеру, тринадцатилетняя девочка из Текирдага, которую араб из Расэль-Айна продал «за два доллара» турку, который пытался заставить ее «выйти замуж» за него до тех пор, пока девочка не нашла убежище у миссии; или «приключения» двух сестер, Мариамы и Хатуны, из деревни возле Сиваса, которые пришли в Адану в таком состоянии, что им понадобилось несколько недель для «восстановления физического и морального равновесия»; и в заключение история Мариам из Муша, которую похитили и «выдали замуж» за курда, который позволил девушке убежать вместе с его ребенком, который в итоге умер во время их бегства¹.

Американские источники также описывают судьбу школьников американской школы в Таласе, которых перевели в турецкую школу в Адане²; школьная администрация «делала большие усилия», чтобы перевоспитать мальчиков, но затем старшего решили убить, так как он сопротивлялся «отуречиванию», младших дали турецкие имена и отправили в другое учреждение. Сиротский приют для армянских детей, который основал Ахмед Джемал (будучи правителем Аданского вилайета), тоже образовали в «турецкий сиротский приют» сразу же после того, как его директор был уволен, потому что находился «под влиянием двух пагубных армянских книг»³.

19 марта 1916 г. для руководства Аданским вилайетом был назначен Джемдет-бей, бывший вали Вана, это назначение означало прекращение описанных выше исключений и было прелюдией ко второму этапу геноцида

Депортации в санджаках Мерсина и Ичила

Мерсин, который был для киликийской столицы Аданы транзитным портом, развивался поздно, но быстро. В 1914 г. здесь проживали две тысячи триста армян; еще тысяча армян жила в соседних деревнях. В городе также проживали иммигранты из Сирьена и Черкеза, а также греки из Кипра. Находящийся на равном расстоянии между Мерсином и Аданой, Тарс, известный как Тарсон по-армянски, в 1914 г. насчитывал немногим больше трех тысяч армян; такая цифра была очевидным свидетельством погромов 1909 г., которые также унесли жизни жителей Козолука (армянское население — 290 чел.), деревни вблизи Тарса⁴. Всего депортации подверглись 6987 армян, проживающих в санджаке Мерсин. Решения по депортации принимались в Стамбуле. Во время как правитель Аданы относился к армянам с некоторой благосклонностью, мутесариф Тевфик-бей, президент профсоюза, д-р Хайри, на-

чальник полиции, Мехмед-бей, командир жандармерии, Чалип-бей (брат лидера мэдотурок Кючюка Джемала) и еще несколько известных людей, таких, к примеру, как Галиб-эфенди, Хока Ахмед, Калауджи Абдулла и Хамди-эфенди, напротив, придерживались другой позиции, они неукоснительно работали, чтобы уничтожить богатейшую в порту общину армян, причем эти люди не скрывали своих финансовых мотивов⁵.

В конце апреля шестеро «подозреваемых» стали жертвами первой волны арестов: они были высланы в Адану, там их заключили в бывшее французское лицее вместе с еще тридцатью мужчинами из города⁶. Американский консул Эдвард Натан рассказывает о депортации еще нескольких семей из Мерсина и Тарса приблизительно 18 мая 1915 г.⁷ В августе и сентябре 1915 г. из Мерсина было постепенно депортировано шестьсот семей, таким образом, осенью здесь проживало около

¹ Доклад Элизабет С. Уэбб, миссионера в Адане, 13 апреля 1917 г., Уитон (Иллинойс): *Barton J. L. Op. cit.* Pp. 171–172.

² См. выше, с. 728.

³ Доклад Элизабет С. Уэбб, миссионера в Адане, 13 апреля 1917 г., Уитон (Иллинойс): *Barton J. L. Op. cit.* P. 173.

⁴ *Kévorkian & Paboudjian. Op. cit.* Pp. 279–286.

⁵ Агуни. Указ. соч. С. 297.

⁶ Там же. С. 296. Среди шести арестованных были три важных предпринимателя: Абраам Элагёзян, Абраам и Карапет Абраамяны.

⁷ Письмо консула в Мерсине Эдварда И. Натана Г. Моргентау, 18 мая 1915 г.: *Sarafian A. (éd.). Op. cit.* P. 43, в соответствии с информацией, полученной от д-ра Кристи, директора американской миссии в Тарсе

тридцати ремесленников и членов их семей, включая единственного армянина Хорена Сарафяна, который пересмотрел свои взгляды¹. Вторая волна депортаций, организованная в феврале 1916 г., после того как Мерсин был обстрелян англичанами, положила конец присутствию армян в городе².

Помимо известных людей, депортированных приблизительно 18 мая, началась высылка армян из Тарса и Аданы, исключение составили семьи ремесленников, а также работников городских предприятий. Братьев Шалварджян, которые были мельниками, также помилвали; каждый из них гордился щедростью, которую показал как упомянутым выше интеллектуалам, так и депортированным в лагерь вблизи станции поездов Гулек, через которую поездом до Османийе проходили все конвои³.

В сентябре 1915 г. американский консул все еще надеялся спасти оставшихся армян, учеников Института Святого Павла г. Тарса, их искала полиция, используя все имеющи-

еся в ее распоряжении средства⁴. Префект Ибрагим Эдхем-бей, который вступил в должность в ноябре 1911 г., имел репутацию слишком мягкого человека; поэтому 4 ноября 1915 г. его сменил бывший префект Адабазара Неджати Сезайи-бей, который доказал, что обладает требуемыми качествами для этой должности. Сезайи мог рассчитывать на сотрудничество с Ахмедом Эмином-беем; Куркли Ходжа-эфенди; Садиком Паксха, заместителем члена парламента из Тарса; Хамди-беем, начальником полиции; Ахмедом Шукру и Ибрагимом Чавушем, полицейскими; Хакки-беем, членом городского совета. Перечисленные лица также были главными получателями средств от ограблений армян⁵.

Армянское присутствие в соседнем санджаке Ичила было ограничено двумя колониями: Селефке (371 чел.), античная Селевкия, и Мала (95 чел.). Здесь армянские жители были высланы в сентябре под надзором Атабея, который был назначен на замену Рауфубею 17 сентября 1915 г.

Депортации в санджаке Сиса/Козана

Сис, расположенный в самом сердце Киликии, в 1914 г. был центром санджака Козан. Древняя столица армянского королевства Киликия, официальная резиденция патриарха, все это формировало монументальный архитектурный ансамбль. Рассматривая город на заре XX столетия, можно было отметить королевскую цитадель, окруженную величественной стеной с сорока четырьмя башнями. В 1914 г. в Сисе проживало около восьми тысяч человек, армянское население насчитывало пять тысяч шестьсот человек, что составляло три четверти от общего количества жителей, город по-прежнему сохранял свой средневековый статус. В окрестностях Сиса было несколько армянских деревень, наиболее важными из которых считались Караджалин и Гедик. В древней столице династии Рубинян Анаварзе, которая лежит в тридцати километрах к югу, еще можно увидеть остатки необычной крепости, построенной на ска-

ле, возвышающейся над равниной, усеянной греко-римскими руинами⁶.

Каза Феке, расположенная в северной части санджака Козан, в предгорье горной цепи Антитавр, насчитывала в 1914 г. около пяти тысяч армян, из них тысяча сто пятьдесят проживали в самом Вахке/Феке, т.е. в административном центре. Деревушка Еребакан, расположенная в трех часах езды на юг, на берегах реки Сарос, насчитывала семьсот тридцать пять турецкоговорящих армян. Расположенная на одинаковом расстоянии между Феке и Еребакан, деревня Каладере была домом для трехсот турецкоговорящих армян. В 1914 г. еще существовали три армянские деревни, они расположились в десяти часах езды на север, в лесах Антитавра. Ими были: Каракей, Дикмен и Сазак (349 чел.). В четырех часах езды на юго-восток от Феке располагалась деревня Тапан (267 турецкоговорящих армян)⁷.

¹ Агуни С. Указ. соч. С. 297.

² Там же.

³ Там же. С. 308–309.

⁴ Письмо Натана Генри Моргентау, 11 сентября 1915 г.: *Sarafian A.* (éd.). Op. cit. P. 43.

⁵ Агуни С. Указ. соч. С. 270, 310.

⁶ *Kévorkian & Paboudjian.* Op. cit. Pp. 290–293.

⁷ *Ibid.* P. 292.

Еще дальше на север, в долине Шатак Су, расположился Хаджин, административный центр одноименной казы. Город располагался на местности, похожей на амфитеатр, на вершине горного хребта, который лежал на пересечении двух долин. Горные породы были устойчивыми, что отлично помогало при самообороне. Хаджин располагался на одной из трех дорог между Киликией и Каппадокией. Согласно переписи Османской империи, проводимой в 1914 г., в казе проживало 13 550 армян, но по епархиальной статистике, которую подтверждают миссионерские источники, только в Хаджине проживало 26 480 армян¹. Еще дальше на север от Хаджина расположился Румлу (состоящий из трех деревень: Кёр-оглу, Секи и Кушкая), затерянный среди лесов Антитавра, город насчитывал две тысячи армян. Возле северной границы казы Шар находился древний город Комана, где все население состояло из армян до 1915 г. (1120 чел.).

Другими словами, Сис и Хаджин, оказавшие успешное сопротивление погрому в 1909 г., были двумя армянскими городами, на которых власти сосредоточили свое внимание после уничтожения армян Зейтуна и Мараша. Первый инцидент здесь произошел в январе 1915 г.: на стене внутреннего двора собора Святого Георгия нашли листовку, где по-турецки армянскими символами (армяне здесь были турецкоговорящие) было написано предупреждение армянам. Их призывали «быть бдительными» и «сосредоточить свои усилия на самозащите». Примат епископ Петрос Сараджян попытался умолчать об этом случае, но власти все же начали подозревать неладное². Примат был вызван в конак, где каймакам Кемал-бей (занимал свой пост с 15 февраля 1914 г. по 13 апреля 1915 г.) дал ему два дня для того, чтобы найти авторов листовки и сдать им. Расследование велось местными лидерами Гнчака под руководством Карапета Кизиряна. Оно вскоре выявило, что провокационный документ был напечатан по инициативе начальника поли-

ции, а наклеить листовку в церкви доверили ребенку по имени Арам Бояджян. Предполагалось, что переданный полиции юноша не сможет сказать полиции, что велелшие ему наклеить листовку в церкви — гнчаквцы. Никого не волновало, каким образом раскрыть дело. Однако это было предложено для мандатур арестовать тридцать пять высокопоставленных гнчаквцев. Из них двадцать четыре отпустили, одиннадцать представили перед судом в Адане по делу «организации восстания». Четырех человек из одиннадцати приговорили к смерти и повесили; остальные приговорили к пожизненному заключению³.

По словам различных очевидцев этих событий, власти Хаджина применяли специфический метод, т.е. депортировали малые группы армян, чтобы избежать «всеобщего восстания». Тот факт, что задания по контролю за операциями в регионе были доверены полковнику Гусейину Авни, командиру жандармерии вилайета и председательствующему судье Аданского военного суда, чьи действия 7–12 марта⁴ в Дёртьёле, в Джебель-Брекета мы уже обсуждали, свидетельствует о том, что все приказы по этому делу приходили из столицы. Боснийский полковник прибыл в Хаджин 14 мая в сопровождении судьи военного суда Аданы Алайя-бея. В пять часов здесь было оставлено несколько бригад солдат. По словам Эдиты Колд, американской миссионерки в Хаджине, Авни и Алай тут же провели несколько собраний с начальниками полиции и местными известными людьми. Затем они вызвали примата Сараджяна и дали ему три дня на то, чтобы передать дезертиров и оружие, хранившееся у населения. На одном из длительных совещаний указанные выше известные люди решили согласиться с требованиями властей, таким образом, они лишили властей предлога для обвинения их в восстании, кроме всего этого, они отвратили угрозу интервенции от тридцати тысяч человек, вернувшихся из Зейтуна⁵. Понуждаемые старшими повиноваться приказам властей, дезертиры сбе-

¹ Ibid. Pp. 297–300.

² Погосян А. Всеобщая история Хаджина, Лос-Анджелес, 1942. С. 585–586 (на арм. яз.).

³ Там же. С. 586–587. К смерти были приговорены Карапет Кизирян, Назарет Шекердемян, Трдат Мелконян и молодой Арам Бояджян, чьих «признаний» оказалось недостаточно для его спасения.

⁴ См. выше, с. 590.

⁵ Агуни С. Указ. соч. С. 305–305; свидетельское показание Эдиты М. Колд, миссионерки в Хаджине, 16 декабря 1915 г.: *Toynbee A. Op. cit., doc. 126. P. 502; Погосян А. Указ. соч. С. 588–590*. Автор дает полное представление о собрании, организованном в архиепископской епархии предстоятелем, на котором присутствовали от семидесяти до восьмидесяти видных деятелей города.

лись 23 мая, в это же время было сдано оружие (всего было передано около семидесяти боевых средств). В этот же день кавалерийские и пехотные эскадроны, которые пришли из Зейтуна, осадили Хаджин и потребовали выдать им мальчиков из армянской школы, монастырского дома-приюта и американского института, который они превратили в бараки¹. Протесты миссионеров против конфискации армией их собственности не увенчались успехом. Их собеседник Шами-бей, командующий кавалерийским эскадроном, был, конечно же, «учтив», но не удовлетворил ни одной жалобой².

Как только эти подготовительные операции были завершены, 27 мая начались аресты местной элиты общества. Две тысячи известных людей были заключены в монастыре Святого Якова, более пятидесяти человек поместили в тюрьму дворца, где их систематически пытали³. На следующий день американские миссионеры попросили о встрече с военными Гусейином Авни и Галиб-беем, которые были ответственными за эти операции. В ходе встречи миссионеры хотели получить объяснения по поводу случившихся арестов⁴. Переговоры оказались бесплодными, они не помешали властям издать указ о массовой депортации 3 июня. Первый конвой состоял только из тридцати наиболее влиятельных апостольских и протестантских армянских семей, среди которых были люди, работающие на американскую миссию. 10 июня было выслано только сто пятьдесят семей, однако конвои отправлялись в течение всего лета по приказу каймака Кемала-бея. Он был назначен на должность 13 апреля 1915 г. К началу октября в Хаджине осталось только несколько семей ремесленников, около пятидесяти вдов и жен

солдат⁵. Все депортированные были отправлены пешком по направлению к Османийе и Алеппо, по горной дороге Кираз, вместо того чтобы идти по дороге г. Сиса, которая была приспособлена к передвижению на автомобиле; это обстоятельство было явным намерением не допустить использования депортированными транспортных средств⁶. Эдита Колд сообщает, что американские миссионеры отказались позволить армянам оставить им на хранение ценные вещи, т.к. у них не было никаких инструкций по этому поводу⁷. Она также рассказала, что муфти Хаджина не давал своего согласия на депортации и даже взял на хранение имущество одного из своих друзей, чтобы оно не было расхищено⁸. Колд на примере двух мужчин также рассказывает о том, что депортация затрагивала даже тех, кто верно и преданно служил своей стране. Первый мужчина — Петрос Терзян, выпускник константинопольской юридической школы, сражался в императорских кавалерийских войсках зимой и весной 1915 г., он вернулся в Хаджин в отпуск в мае, а 3 июня его депортировали вместе с первым конвоем. Второй — Петрос Бояджян, государственный служащий в Хаджине, был в командировке в деревне, когда он узнал, что его жену приказали выслать из города; он вернулся в город через несколько часов после того, как ее депортировали⁹. В других армянских населенных пунктах депортации начались сразу же после операций в Хаджине¹⁰; конечными точками всех конвоев были: Рас-эль-Айн, Ракка, Мескене или Дер-Зор¹¹. По словам Себуха Агуни, пять тысяч из более чем двадцати восьми тысяч армян казны Хаджин выжили после депортаций¹². Пять тысяч армян казны Феке были депортированы относительно позже и смогли получить помощь американской

¹ Ibid. P. 590; свидетельское показание Эдиты М. Колд, миссионерки в Хаджине, 16 декабря 1915 г.: *Toynbee A. Op. cit., doc. 126. P. 502.*

² Ibid. Pp. 502–503; *Погосян А. Указ. соч. С. 590.*

³ Там же. С. 592.

⁴ Свидетельское показание Эдиты М. Колд, миссионерки в Хаджине, 16 декабря 1915 г.: *Toynbee A. Op. cit., doc. 126. P. 503.*

⁵ Там же. С. 504; *Агуни С. Указ. соч. С. 305.*

⁶ Ibid; *Погосян А. Указ. соч. С. 592.*

⁷ Свидетельское показание Эдиты М. Колд, миссионерки в Хаджине, 16 декабря 1915 г.: *Toynbee A. Op. cit., doc. 126. P. 505.*

⁸ Ibid. P. 507.

⁹ Ibid. P. 509.

¹⁰ Ibid. P. 505.

¹¹ *Погосян А. Указ. соч. С. 593.*

¹² *Агуни С. Указ. соч. С. 305.*

миссии в Хаджине¹. По словам Эдиты Колд, мусульмане Феке и Еребакана враждебно отнеслись к депортациям; а турки Феке вели себя уважительно с депортированными².

После обеспечения контроля по заданию о разоружении и депортации армян Хаджина полковник Гусейин Авни напал на армян Сиса и казы Козан. 2 мая 1915 г. мутесариф Сафват-бей (который вступил в должность 2 декабря 1914 г.) был отстранен от должности, возможно, по причине ненадежности, в этот же день его сменил Салих-бей. В Сисе боснийский полковник также заручился поддержкой местных государственных властей и знати, в частности Гусейина-бея, главы муниципалитета; Али-бея, его секретаря; Халила-заде Хаджи; Кямила-эфенди; Халила-

эфенди; Еген-заде Мехмеда; Хайта Чавуса; Ярум-заде Ахмеда и бригад чете³, набранных по инициативе Авни.

Официальный приказ депортировать армян Сиса, подтвержденный лично министром внутренних дел, достиг префектуры 17 июня 1915 г. Как и жителей Хаджина, жителей города и близлежащих деревень постепенно высылали в направлении Османийе и Алеппо; откуда их направляли уже по разным линиям депортации⁴.

Более чем пять тысяч пятьсот армян казы Карсбазар проживали в шести населенных пунктах: Карс/Кадирли (1800 чел.), Гамидийе, Чокак (650 чел.). Акдам (420 чел.); а также в общинах Бойазделик и Куйумджан. Их депортировали в течение июня 1915 г.⁵

Депортации в санджаке Джебелберекет

Мы уже видели, что в конце апреля 1915 г. вслед за «событиями», имевшими место в Дёртёле, двадцать тысяч армян из прибрежных каз Пайяс, Юмурталики и Хаса были отправлены на юг. В районе Аманос, охватывающем казы Ярпуз, Ислахийе, Бахче и Османийе, проживали еще двадцать тысяч армян, которые были депортированы несколько позже. Эти армяне в основном проживали в северной части данного санджака, в северной части казы Ярпуз, вокруг Гасан Бейли и в округе Банце, расположенном на северной окраине этой казы. В восточной казе Ислахийе и в западной казе Османийе их было намного меньше⁶. Многие, как мы уже

видели, были заняты на строительстве ряда тоннелей, проходящих через горный район Аманос, но даже их не пощадили. 7 и 8 июля 1915 г. все лица из Гасан Бейли, Интили и Бахче, работавшие на данных площадках по строительству туннелей, были депортированы вместе со своими семьями. А их дома были немедленно переданы мусульманскому мухаджиру⁷. Отчет, подготовленный тремя высокопоставленными (ranking) армянскими работниками Багдадбана, предусматривает более полный перечень мер насильственных взысканий, чем меры, совершенные должностными лицами и чете «Специальной организации» против армянского населения

¹ Свидетельское показание Эдиты М. Колд, миссионерки в Хаджине, 16 декабря 1915 г.: *Toynbee A. Op. cit.*, doc. 126. P. 505.

² *Ibid.* P. 507.

³ АРС/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier 59, список ответственных за депортации в Киликии, Хаджине и Сисе: Асум-эфенди, Гасанага-заде-али, Шади-эфенди, Мафа-заде Ибрагим, Мафа-заде Сулейман, Сузек-заде Гасан, Сузек-заде Хаджи Али, Сузек-заде Мустафа, Джемаль-заде Мустафа, д-р Али-эфенди, Мухтар Хаджи-эфенди и сыновья, Хаджи Махмуд-эфенди и его сын, Кюр-заде Хулис, Чулхаджи-заде Хаджи Халил, Ярим-заде Ибрагим, Кисаджик-заде Али, Кисаджик-заде Ахмед, Хаджи Гасан-эфенди, муниципальный врач, Фодош Ахмед, Деде-эфенди-заде Шейх Ча, Хаджи Мехмед-заде Джемиль-эфенди, Хаджи Мехмед-заде Махмуд, Тотал Мустафа-бей, юрист, Ашук Юсуф-оглу Хакки, Абдурахман Чавуш, Лепеджи-заде, Везир-заде Махмуд, Юрик Вели-заде Ибрагим, Муфти Хафиз, Кусаджик-заде Махмуд, Шамлы-заде Мехмед, Шамлы-заде Дурмуш, Муаллим Ибрагим, Гёк Мустафа-эфенди, Гёк Джемиль, Топал-оглу Молла Халил-эфенди, Ючтатлы Шюкрю, Хамамкёйли Хаджи-бей, Шейх Али-оглу Тахир, Анкуз-оглу Ахмед, братья Хёкеш, Хаджи и Юсуф, Орманджи Мехмед, Фекели Уммет чавуш, Кёсе-заде Ахмед, Курд Кузу-оглу Мехмед, Чмурдан-заде Мехмед.

⁴ Телеграмма Талаата в санджак Козан, 17 июня 1915 г.: BOA.DX. Şif, nr. 54/51: Armenians in Ottoman Documents (1915–1920), doc. n° 37. P. 50; *Келешян М.* Книга Сиса, Бейрут, 1949. С. 553–561 (на арм. яз.).

⁵ *Kévorkian & Paboudjian. Op. cit.* P. 300.

⁶ *Ibid.* Pp. 300–301.

⁷ *Kaiser H.* The Bagdad Railway. P. 79. См. выше, с. 799.

данного региона¹. Армяне недооценивают ту роль, которую играл, в частности, присланный из Аданы капитан жандармерии Рахми-бей, а также местные должностные лица: каймакам Бахче Вехиб Руми-бей, каймакам Ислахийе Нурсейт-бей, каймакам Османйе Фетих-бей, директор департамента государственного имущества в Бахче Али Мумтаз и сборщик налогов в Бехче Мустафа-эфенди².

Пожалуй, Гасан Бейли стал первым населенным пунктом, которого коснулись депортации. Наши свидетели отмечают, что там арестовали и пытали около шестидесяти человек, после чего восьмерых из них предали военному суду в Адане³. Затем они отмечают, что наблюдать лично за ходом июльских операций прибыл полковник Гусейин Авни, вероятно, после завершения своей миссии в Хаджине и Сисе⁴. У нас нет документов, подтверждающих, что председательствующий судья военно-полевого суда в Адане являлся главой ячейки «Специальной организации» всего вилайета Адана. Однако следует отметить, что этот судья присутствовал во время всех депортаций и лично контролировал их во всех округах данного региона. Аманосе его роль, несомненно, была более очевидной. Ведь именно здесь под его началом были лидеры отрядов чете. У нас имеется список этих лидеров чете по каждому региону.

В Гасан Бейли: Хаджи Омер-оглы Осман, братья Акса и Гасант-бей, Ханефр-оглы Нури, Кайоп-оглы Халил, Мустафа-эфенди, Джани Бекир, Абдуррахман-эфенди, Абдиджи-оглы Мустафа, Гасан-оглы Нури, Аликехуа-оглы Кара Мехмед, Кол Ходжа.

В Бахче: Мехмед-эфенди; судья Кади-эфенди, Хаджи Али, Бербер Али, сборщик налогов Мустафа-эфенди, Омер-эфенди, член комитета по оставленной собственности Саид-эфенди, Фарсах Али, «прокурор» в «Табак-Режи» Хусейин-эфенди, должностное лицо «Режи» Кел Хусейин, Хджи Риза, командир жандармерии в Бахче Ясар-бей, Текен-оглы Мустафа Цавус, Муса Онбаси, Кара Итли Мехмед Али, Цил Ахмед-оглы Кара Мехмед,

Халил Онбаси, Абус-эфенди, Хаджи-эфенди, Али Цавус, Кара Осман, Оклес Ахмед-оглы Гасан, Хаджи Омер и Мехмед Али, Цакол-оглы Хаджи Мехмед, Арнавуд Хаджи Юсуф, Тахсилдар Бурду, Тахсилдар Хаджи, Курт Оклес, Назир-эфенди, Колак Али, Али-оглы Сукру, Цавус Хусейин-оглы Мехмед, Молла Гасан-оглы Абдулла, должностное лицо бюро переписи Сулейман-эфенди, Куцук Хаджи Ахмед и его сын, Али Цалали, Бикир, Агил Али, Фаттух-заде Али.

В Ислахийе: Мустафа-ага, Хурсид-ага, Сулейман-ага, Баланин-оглы, Церци Оглы, Амирсин-оглы Мустафа, Есбас-заде Мехмед, Гасан, Алис-оглы Мехмед, Сари Кади, Ахмед-эфенди, Мурад-ага, Сейх-ага, Кесацки Ибо, Гасан-ага, судья суда в Ислахийе Мехмед-эфенди, Сих Ка. В сельских районах: Гайдар Кехья, Акце Кехья из Кисниза, Исмаил-ага из Калтана, Салман Цавус из Фолана, Милла Халил-оглы из Арикли Касли, Омер-эфенди, Миктат-ага.

В Османйе: каймакам Фетих-бей, Хаджи Хусейин, Феттух-оглы Ахмед, Хаджи Кехья-оглы Хаджи Кехья из Аданы, Цалик-оглы Хаджи Ахмед, Цалик-оглы Сулейман, Мубасир Кадир-оглы Тахак, Мубасир Кадир-оглы-ага, Полис Омер, Семерци Кор Ахмед Цавус, Мехмед-эфенди, Курт Хусейин, Хамисли Дели Мехмед-оглы Дели Мехмед, Мулазим Хаджи Али-ага из Аданы, Ахмед Цалик-оглы, Арабаджи Хаджи Оксен-эфенди, Арап-оглы Мехмед Али, Топал Хаджи Ахмед, Топал Хаджи Куцук Онбаси, офицер жандармерии Халил-оглы Торун, член комитета по вопросам депортации данного города Кизил-ага, Мехмед-эфенди из Ёзгата, Ит Бербер Куцук-оглы, Долам-оглы Хаджи-эфенди, Курд Хаджи Али-ага, Ибисин-оглы Муса, Цунаки Кара Гасан, Хаджи Оклес, Дивилим Хока-оглы Хока-эфенди, Кара Ягит-оглы Мехмед, Инце Арап, Сабан Цавус, Топал Хаджи Махмуд-оглы Диде, Ахмед-эфенди⁵.

После перемирия в Мудросе никто из преступников, действовавших в Киликии или Сирии, не предстал перед судом. Расследова-

¹ SHAT, Syrie-Liban, 1-V, b.d., dossier 2351, «Rapport sur les mesures d'anéantissement prises contre les Arméniens des régions des monts de l'Amanus», подписан д-ром Ф. Овнаняном, врачом, работавшим на Багдадбан в Интилли, Вардиваром Кабаяном и Карапетом Геукджеяном, которые осуществляли поставки на Багдадбан, Алеппо, 5 января 1919, 11 с. и 8 приложений.

² Ibid. P. II.

³ Ibid. Демирджи Ходжа, Харманда Самуэль, Лапаши Овсеп, Симон-оглу Бениамин, Хаджи Маттеос, Даракджи Ованес-оглу Аракель и Даракджи Багдасар. Трое из них были повешены, один убит и четверо отправлены в Дер-Зор.

⁴ Ibid. Pp. IV, VII.

⁵ Ibid., annexe.

ние, начавшееся здесь 21 сентября 1915 г. по приказу министра внутренних дел, предположительно не пролило свет ни на одно из нарушенных судебных процедур¹. Аим-бей², назначенный вести расследования четвертого следственного комитета и наделенный полномочиями по ведению следственных действий в провинциях Адана, Алеппо и Дамаск, был лазом из Соппы, так называемым приближенным членом руководства иттихадистского клуба. Возможно, именно поэтому его миссия в большей степени походила на местные проверки демографических результатов этих депортаций, нежели на судебное расследование возможных преступлений. Так, Аим объяснил Талаату, что он сперва получил информацию о количестве депортированных армян и о «том, были ли от кого-то из них какие-либо жалобы на сей счет». Он отметил, что суммарное количество депортированных из вилайета Адана, указанное в официальных реестрах (47 258), и количество оставшихся армян (18 000) не совпадают с данными «реестров» за 1915 г. «Иными словами, переписчики явным образом недооценили количество армян данного вилайета, если только эта разница не была добавлена, — с юмором пишет он, — для того, чтобы показать чрезвычайно высокую рождаемость начиная с 1915 г. и в последовавшие за депортацией годы среди определенной категории лиц». Согласно данным местных органов власти, из этих двух версий последняя была более правдоподобной. «Нужно было предоставить обоснования, — пишет Аим, — посредством многочисленных, частых приказов от вашего министерства, министерства военных дел, генерального управления военного оборудования и имперского командования 4-й армии в отношении того, чтобы семьи солдат и родственники армян, занятых на строительстве и эксплуатации багдадской железной до-

роги, находились там, где они были, вместе с членами семей владельцев заводов, работающих на военные власти, то есть людьми, занятыми обеспечением армии продовольствием и припасами, людьми, нанятыми железнодорожной компанией для вырубкой и транспортировки леса, а также семьями депутатов парламента»³. Этот перечень категорий населения, не подлежащих депортации, подтвержден показаниями выживших: это подтверждает тот факт, что с населением вилайета Адана обращались достаточно снисходительно в сравнении с тем, что было в других регионах. Это также демонстрирует то, как столица была обеспокоена вопросами демографических изменений, которые на местном уровне были реализованы сразу же, как только был выработан план депортации.

В этом же отчете говорится о наличии «семей трех сотен солдат, тысячи пятисот католических и протестантских изгнанных армян — работников заводов, производящих товары для армии, а также многочисленных ремесленников в казе Тарс», о «шести хозяйствах, состоящих из семей пяти солдат и семьи ремесленника» в казе Джихан, о «нескольких ремесленниках и плотниках и их семьях, а также о четырех сотнях работников, работающих на строительной площадке Интилли по особым заказам» в казе Ислахийе, о семи сотнях двадцати пяти «лицах обычной категории» в Козане/Сисе, о тридцати восьми в Карсбазаре, о восьми сотнях шестидесяти трех в Хаджине, включая семьи солдат, ремесленников и обращенных в другую веру лиц, и о двух сотнях двадцати восьми лицами в Феке, к которым следует добавить людей других категорий, которые в общей численности составляют восемьсот шестьдесят восемь армян «плюс те, что проживают в Дёртьёле»⁴. Если оценки количества армян, которым было позволено остаться здесь, и в

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XXIII, doc. n° 158, телеграмма n° 67 от Асим-бея, председателствующего судьи в апелляционном суде в Константинополе, министру внутренних дел Адана, 14/27 ноября 1915 г.

² Асим-бей занимал пост председателствующего судьи трибунала при Абдул-Гамиде в Дамаске. Салониках и Ускубе. В 1908 г., будучи членом комитета иттихадистов, он служил инспектором в Салониках временных вали в Косово. Впоследствии он был повышен до звания директора департамента уголовных расследований в Министерстве юстиции, члена комиссии, которая назначала государственных служащих. Наконец, до поста председателствующего судьи в уголовном суде и апелляционном суде: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 25–26–27–28–29–30–31–32–33–34, «Second report on Turks responsible for the armenian atrocities».

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier XXIII, doc. n° 158, телеграмма n° 67 от Асим-бея, председателствующего судьи в апелляционном суде в Константинополе, министру внутренних дел Адана, 14/27 ноября 1915 г.

⁴ Ibid.

вилайте, вероятнее всего, слишком низкие, то это опять же указывает на то, что власти желали ограничить их количество, за исключением жителей, крайне необходимых для нужд армии. Так, в отношении одного лишь города Сиса (в казе Козан) крайне точные армянские источники, созданные католикосатом, говорят о четырех тысячах депортированных против двух тысяч пяти сотен тридцати лиц, которым было позволено остаться в этом городе¹, что почти в четыре раза превышает показатель для всей этой казы, зафиксированный судебным инспектором Асимом. Тот факт, что администрация, закрепленная за католикосатом, была сохранена в Сисе, сам по себе не является достаточным для того, чтобы объяснить разовую щедрость, от которой выиграли жители бывшей армян-

ской столицы, или значительное неравенство между членами правительства Османской империи и правительства католикосата. Наиболее вероятное объяснение заключается в том, что определенные должностные лица в почти исключительно армянском городе Сисе предоставили правительству Аданы уменьшенные данные, — иными словами, стало возможным подкупить этих лиц с целью искажения реальных показателей. Хотя, исходя из этого задокументированного дела, сложно сделать общие выводы, вполне вероятным кажется тот факт, что одной части армянского населения Киликии было позволено остаться дома, а другая была депортирована в менее важные районы, являясь результатом полномасштабного подкупа должностных лиц местного правительства.

¹ Келешян М. Указ. соч. С. 562–563.

ГЛАВА 22

Депортации в санджаках Айнтаб и Антакья

В этом регионе, разместившемся между горными цепями Тава и Аманоса, армяне жили с X столетия: их прибытие сюда совпало с созданием военных округов армянскими солдатами-колонистами. В 1914 г. в санджаке Айнтаб, который в административном плане подчинялся вилайету Алеппо, проживало 44 414 армян, более тридцати шести тысяч из которых проживало лишь в казе Айнтаб, тогда как остальные восемь тысяч находились в казе Килис¹.

Из восьмидесяти тысяч жителей Айнтаба тридцать шесть тысяч составляли армяне различных конфессий, четыре тысячи были протестантами. Армянская община насчитывала несколько церквей и двадцать пять школ общей численностью прихожан, равной пяти тысячам человек. Еще несколько сотен молодых мужчин и женщин посещали центральный турецкий колледж, который был основан в 1876 г. американскими миссионерами и включал в себя медицинскую школу, а также госпиталь. Армянское население Айнтаба, которое с середины XVIII века было турецкоговорящим, частично возродило свой родной язык благодаря интенсивному развитию образования при содействии патриархата Константинополя вплоть до 1915 г., по крайней мере это касалось самой юной части населения. Армяне Айнтаба — особенно активная часть населения этого города — в основном были заняты торговлей и ремеслом и занимали ключевое место в экономической жизни города.

Вторая каза в данном санджаке — Килис — насчитывала восемь тысяч армян. Почти все из них были сконцентрированы в столице казы — городе Килисе, который раскинулся на дороге в Алеппо. В самом начале XX века Килис был процветающим городом, славящимся своим производством изделий из луженой меди, текстиля и ковров².

Хорошо осведомленный армянский свидетель сообщает, что накануне войны в Айнтабе депутатом парламента Али Дженан был основан клуб *Türk Yurdu* (младотурецкая организация, имевшая клубы в провинциях. — *Прим. пер.*). Главная задача данного клуба состояла в том, чтобы скоординировать притеснения армянских учреждений, содействовать конфискации ферм под различными предлогами и в целом продвигать туркизм³. Этот же источник сообщает, что в самом начале войны клуб младотурок запустил яростную кампанию против французских и британских организаций, а затем в начале весны провел в деревнях тур армянской пропаганды. Иттихадисты также порекомендовали турецким должникам не погашать их задолженность перед армянами и прекратить обработку принадлежащих армянам земель, «так как в скором времени в Айнтабе больше не будет ни одного армянина». В городских мечетях шла такая же молва⁴.

Как и весь остальной вилайет Алеппо, санджак Айнтаб не был одним из районов, изначально включенных в план депортации.

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 318–323. На пути, ведущем в Румкале и Нисибин, располагались еще две армянские деревни, Арел и Орул, с восемью и пятьюдесятью армянскими дворами, соответственно.

² Ibid. P. 323.

³ BNU/Fonds *Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide*, P. J. 1/3, liasse 4, Ayntab, «La déportation des Arméniens d'Ayntab», f° 1r°-v°. Источник отмечает, что большая часть земли, на которой располагалось армянское кладбище, была конфискована накануне войны; было начато судебное разбирательство, которое так и не было завершено.

⁴ Ibid.

Армянские жители Айнтаба, как и Алеппо, должны были остаться в своих домах. В то время как различные факторы, в особенности наличие множества иностранных свидетелей и острые дебаты внутри самих учреждений клуба иттихадистов, могут объяснить такое решение относительно таких городов, как Стамбул, Смирна или Алеппо, то причины такого решения относительно армян городов Айнтаб и Килис сложно найти. Разумеется, обе эти группы были изолированы в турецко-арабском окружении и уж явно не представляли собой значительного скопления армян. То, что граничащему санджаку Мараш в начале весны 1915 г. был предоставлен статус административной автономии, по всей видимости, указывает на то, что клуб иттихадистов с самого начала планировал оставить армян вилайета Алеппо, что заставило наиболее упертые юнионистские круги прибегнуть к различным уловкам для того, чтобы исключить эти изначально исключенные из их программы зоны. Согласно заявлениям нашего главного армянского свидетеля, лидеры клуба иттихадистов города Айнтаб пользовались поддержкой депутата парламента Али Дженани и бывшего каймакама Килиса Фадила-бея, которые часто обращались в столицу с просьбой о депортации армян из данных районов. Однако мутесариф Шюкрю-бей, и в особенности военный командир Хилми-бей, будут всегда упорно сопротивляться этой программе¹. Этих юнионистов, которым по всей видимости не хватало опыта в организации провокаций, предположительно подталкивали их коллеги из Мараша с целью отправки телеграмм в Стамбул, в которых провозглашалось, что армяне делают приготовления «для атаки мечетей, убийства турок, изнасилования женщин, а также разграбления и поджога турецких домов». Эти факты достигли ушей более высоких чинов, в том числе военного командира Хилми, который запросил, чтобы командующий Четвертой армией Джемаль-паша санкционировал такие провокации. Джемаль отправил в эту

область Фахри-пашу для оценки ситуации, то есть для установления факта того, являются ли истинными обвинения, выдвинутые против армян. Проведенные полицией обыски армянских окрестностей не подтвердили эти обвинения². Армянские источники также указывают на то, что в конце апреля в Айнтаб прибыл высокопоставленный член «Специальной организации» Четебаши Али-бей с отрядом чете, который совершил первые убийства за пределами данного города. 1 мая 1915 г. полицией были проведены частичные обыски и было арестовано около десяти человек, которые предстали перед военным судом в Алеппо. У главы местного отделения Османского банка Тиграна Керлякяна не было иного выбора, кроме как бежать из города, после того как в его адрес поступили угрозы от Али-бея³. Примерно в то же время, 3 мая 1915 г., армяне Айнтаба увидели первый проходящий через их город конвой из тех сотен депортированных, который состоял исключительно из женщин и детей из Зейтуна. В последующие недели за этим караваном последовали караваны, в каждом из которых насчитывалось по несколько сотен депортированных из городов Зейтун, Мараш, Элбистан, Гурун, Сивас и Фурнуз⁴. Первые систематические аресты и обыски полиции начались 12 мая — в течение трех дней было арестовано около двух сотен человек⁵, хотя вали Алеппо Джелал-бей смог добиться освобождения большинства этих задержанных⁶. Два американца из Айнтаба предоставили некоторые подробности о караванах с депортированными, прибывших с севера и прошедших через этот город. К ним было трудно приблизиться или освободить их. Мисс Фирсон отмечает, что армяне смогли создать для депортированных комитет по освобождению, тогда как Элвеста Лели отмечает, что Дж. Мерил и д-р Гамильтон наряду с медсестрами американского госпиталя приложили немало усилий для того, чтобы оказать помощь этим изгнанникам, большинство из которых, включая детей, постра-

¹ Ibid., f 3.

² Ibid. Волффскил подтверждает, что определенные круги в Мараше отправили крикливую «декоративную телеграмму» в Стамбул, в которой они утверждали, что армяне «заняли мечеть» и «начали убивать мусульман»: Kaiser H. (ed.). Op. cit. P. 14, письмо его супруге, 24 апреля 1915 г.

³ Ibid., f 3v. Среди арестованных были отец Мовсес, Грант Сюлахян, Назарет Манушакян, Акоп и Назар Газаряны, Мовсес Вартаварян, Овсеп Бюлбюлян, Аветис Ханзадян и Хорен Минасян: Агуни С. Указ. соч. С. 310.

⁴ Сарафян Г. (ред.), История армян Айнтаба, I. Лос-Анджелес, 1953. С. 1019 (на арм. яз.).

⁵ Там же. С. 1020.

⁶ BNU/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide. P.J. 1/3, liasse 4, Ayntab, f 4.

дали от серьезных ножевых ранений¹. Эти депортированные остановились в пятнадцатиминуте пути от города в местечке под названием Каваклик, близ обширного ручья, к которому они могли подойти лишь в случае, если заплатили охранявшим их жандармам «четверть меджидие (название серебряной монеты в 20 курушей. — Прим. пер.) за стакан». Ночью, со слов армянского свидетеля, их атаковали и ограбили, тогда как молодых женщин изнасиловали или похитили для городских гаремов, и это происходило при активном содействии жандармов и правительственных должностных лиц².

Вид этих конвоев регулярно подчеркивал жизнь в городе Айнтаб до конца июля, то есть до момента, когда в город прибыл ответственный секретарь клуба иттихадистов в Алеппо Джемал-бей. Этот иттихадист, несомненно, прибыл с целью убедить знать запросить у Стамбула издания приказа о депортации. Проведенное 29 июля местными младотурками собрание подтвердило принятие изданного в Стамбуле приказа о депортации. На собрании был подготовлен список армян, подлежащих первоочередной высылке³. Эту информацию подтвердил немецкий консул в Алеппо, который на следующий день проинформировал свое начальство о том, что «только что был издан» приказ о депортации армян с прибрежных зон вилайета Алеппо и Килиса⁴. Американские представители передали эту новость своему послу несколькими днями позднее, добавив, что данный приказ также применим к Антакье, Александретте и Кесабу⁵.

Мутесариф и военный командир демонстративно ушли в отставку с тем, чтобы не выполнять этот приказ о депортации⁶, ко-

торый был опубликован и провозглашен городским глашатаем утром 30 июля⁷. Первый конвой, состоявший главным образом из знатных армян и членов комитета по освобождению депортированных⁸, покинул город через западные ворота в тот же день. Там на члена городского совета Назарета Манушакяна напали и убили люди из «Специальной организации». Вторым конвоем был методически ограблен еще менее чем через день после выхода из Айнтаба⁹. Каждый день в дорогу отправляли от сотни до трех сотен семей. В то же самое время армянские окрестности города были превращены в огромные базары. Как и везде, пожитки продавались по смехотворным ценам. Тех, кто пытался передать ценности на хранение американской миссии, перехватывали на улице и отбирали имущество. Власти реквизировали все нетурецкие школы и церкви. Они конфисковали товарные запасы магазинов, взяли самые красивые дома «за крайне низкую плату», а другие передали турецким семьям. Армянский собор был превращен в склад для хранения оставленного имущества, а затем, после того как хранившиеся в нем вещи были распроданы, был превращен в конюшню¹⁰. Для упрощения ряда сделок основные выгодоприобретатели от этих актов грабежа ходатайствовали о скорейшей депортации директора подразделения «Дойче банка» в Айнтабе Левона Саагяна. Саагян позднее был убит в Дер-Зоре¹¹.

За исключением первых двух групп, которые были отправлены в Дамаск, всех депортированных из Айнтаба армян отправили на железнодорожную станцию Акчакоюн, где их поместили в огражденный колючей проволокой пересылочный лагерь в ожидании погруза-

¹ Свидетельство мисс Фирсон, жительницы Айнтаба, написанное в сентябре 1915 г., после ее отъезда из Турции: *Toynbee A. Op. cit., doc. 137. Pp. 541–550*; свидетельское показание Элвесты Т. Лесли, помощницы американского вице-консула в Урфе, составленное 11 апреля 1918 г.: *Barton J. L. Op. cit. P. 107*.

² *BNu/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 4, Ayntab, f° 9*.

³ *Ibid., f° 4*.

⁴ Телеграмма немецкого консула в Алеппо Вальтера Рёслера в посольство в Константинополе, 30 июля 1915 г.: *Lepsius J. (ed.). Op. cit., doc. 125. Pp. 119–120*.

⁵ Письмо консула Джексона Моргентау, 3 августа 1915 г.: *Sarafian A. (ed.). Op. cit. P. 169*.

⁶ Агуни С. Указ. соч. С. 310; *BNu/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 4, Ayntab, «La déportation des Arméniens d'Ayntab», f° 4v'*.

⁷ Сарафян Г. (ред.). Указ. соч. С. 1024.

⁸ Свидетельство мисс Фирсон, жительницы Айнтаба, написанное в сентябре 1915 г., после ее отъезда из Турции: *Toynbee A. Op. cit., doc. 137. Pp. 543–544*.

⁹ *BNu/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 4, Ayntab, f° 4v'*.

¹⁰ *Ibid., f° 6*; свидетельство мисс Фирсон: *Toynbee A. Op. cit., doc. 137. P. 544*.

¹¹ *BNu/Fonds Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 4, Ayntab, f° 7*.

зи в товарные телеги и отправки в Алеппо, а затем их отправили пешком в район Зор¹. Консул Джексон отмечает, что в период между 1 и 19 августа через Алеппо прошло девять поездов, на некоторых из которых перевозили тысячи армян из Айнтаба, которых посадили на поезд в Акчакоюне, где их ограбили сельские жители, что было, как он описывает, «огромнейшей схемой грабежа, равно как и завершающим ударом с целью уничтожения этой расы». Джексон отмечает, что в отличие от прочих конвоев в пришедших из Айнтаба конвоях имелись мужчины, женщины и дети старше десяти лет². Вали Алеппо Бекир Сами также в сообщении от 1 сентября проинформировал министра внутренних дел о том, что на железнодорожной станции Катма находятся несколько тысяч депортированных из Килиса и тысячи семей из Айнтаба на станции Акчакоюн³.

Лишь после того как были высланы относящиеся к римской церкви армяне, власти 19 сентября издали приказ о депортации нескольких сотен католиков из Айнтаба, которых изначально планировали оставить⁴. К концу сентября три четверти армянского населения уже было депортировано. Однако стоит отметить, что протестанты по-прежнему были исключением, и это обстоятельство не могло не раздражать турецкую знать Айнтаба⁵. Имеются указания на то, что центральные власти хотели временно оставить армян-протестантов с целью их более эффективной ликвидации в более подходящий момент. Личность нового временного мутесарифа Ахмеда-бея, который был лично назначен министром внутренних дел, сама по себе говорит об этом. Новый вали было высокопоставленным чином полиции в Стамбуле⁶, который к тому же прибыл в Айнтаб с депутатом парламента и представителем КЕП

в этом регионе Али Ченани. Ахмед быстро организовал вторую волну депортаций в Дер-Зор по принципу «если виновен один — виновны все»⁷. Первой предпринятой им в середине октября мерой была мобилизация все еще находившихся в этом вилайете лиц мужского пола в возрасте от шестнадцати до двадцати лет и назначение их в рабочие батальоны, отправленные на работу на строительную площадку Багдадбан в Раджо⁸. Он также посодействовал тому, чтобы полиция произвела обыски в домах протестантов. Это произошло сразу после прибытия 13 декабря 1915 г. Галиба-бея, который играл ведущую роль в осуществлении погромов в Урфе⁹. Первым протестантом, которого коснулась эта мера, стал уважаемый фармацевт и бывший депутат парламента д-р Мовсес Безджян. Его дом обыскали снизу доверху и даже перекопали участок вокруг дома¹⁰. Галиб-бею и мутесарифу, однако, предстояло столкнуться с враждебностью новых военных руководителей — Юсуфа и Османа-бея, которые возражали против депортации протестантов. Галиб-бей, прибывший с пятью сотнями чете и горными пушками, которые по его приказу были расположены в замыкающих город окраин, угрожал стереть с лица земли все еще населенные армянами селения. В тот день был предоставлен именно этот аргумент¹¹. Протестанты 19 декабря 1915 г. — в день, следующий за днем похорон д-ра Шепарда, при падающем снеге были насильственно депортированы через железнодорожную станцию Акчакоюн¹². Согласно показаниям мисс Фирсон, сын мутесарифа лично принимал участие в грабеже конвоев протестантов, которые были депортированы на глазах у миссионеров, а также учителей и медицинского персонала миссии. Американский житель города Аюнтам отмечает, что

¹ Сарафян Г. (ред.). Указ. соч. С. 1026. Командовал депортацией некто по имени Ясин; он организовал грабеж в отношении армян, ожидавших поезд.

² Письмо консула Джексона Моргентау, 19 августа 1915 г.: *Sarafian A. (ed.)*. Op. cit. P. 207.

³ Телеграмма вали Алеппо Бекира Сами министру внутренних дел, 1 сентября 1915 г.: BOA.DH. EUM, 2. Şb, nr. 68/76: *Armenians in Ottoman Documents (1915–1920)*, doc. n° 105. P. 100.

⁴ Сарафян Г. (ред.). Указ. соч. С. 1026.

⁵ Там же. С. 1027.

⁶ Агуни С. Указ. соч. С. 312.

⁷ ВNU/Fonds *Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide*, P.J. 1/3, liasse 4, Ayntab, f° 5.

⁸ Сарафян Г. (ред.). Указ. соч. С. 1026.

⁹ Там же. С. 1029–1030.

¹⁰ Там же. С. 1032.

¹¹ Там же. С. 1033.

¹² Там же. С. 1031–1035; доклад Элвесты Т. Лесли, составленный 11 апреля 1918 г.: *Barton J. L.* Op. cit. P. 107, указывает дату 1 декабря как дату отбытия первой колонны.

депортированные платили «заоблачные суммы» для того, чтобы их отправили на юг Дамаска — то есть куда-нибудь, лишь бы не в Дер-Зор¹. Очевидно, что до декабря у протестантов Айнтаба было достаточно времени, чтобы понять, что значит быть «сопровожденными» в Дер-Зор, и они не колеблясь собирали все имевшиеся в их распоряжении средства для того, чтобы вместо этого быть депортированными в направлении Хомс—Хама—Дамаск.

В том, что касается увлеченности захватом имущества армян, армянские источники отмечают, что власти запретили депортированным перед своим отъездом продавать свою недвижимость². Новый директор местного отделения Османского банка Леон Махер даже, по всей видимости, играл большую роль в конфискации имущества армян. После воодушевления владельцев бизнеса на размещение в своем банке наиболее ценных активов, таких как золото, серебро, драгоценные изделия, бухгалтерские книги и долговые расписки, он совместно с турецкими партнерами основал компанию и выкупил эти активы за одну пятидесятую их реальной стоимости, обеспечив тем самым свое собственное благополучие³. Метод, который «официально» использовался для получения контроля над недвижимым имуществом, проиллюстрирован на примере случая с братьями Минасом и Овсепом Кендерджянами, которые годами жили в Адане, но владели большой фермой в Айнтабе. Будучи вызванными в город, они были депортированы, вероятно, после того как передали свои свидетельства о собственности государству или какому-либо частному лицу. Мутесариф Ахмед-бей выказал свое удивление тем фактом, что «две сотни мусульман могут работать, в то время как христиане пожинают плоды их труда»⁴. Такое замечание скорее всего было основано на доктрине «национальной экономики», согласно которой активы следует передать турецким предпринимателям. В любом случае получается так, что знать из Айнтаба о-

тела удостовериться в том, что она сможет использовать имущество депортированных армян по своему усмотрению, несмотря на идущую войну. Так, члены иттихадистского клуба и местная знать непосредственно приложили руку к ликвидации порядка пятнадцати тысяч армян из Айнтаба, которые были депортированы в Дер-Зор. С этой целью они организовали состоящий из Даббага Кимазаде, Нурибей-оглы Кадира и Хаджихали-заде Зеки исполнительный комитет, который отправился в Дер-Зор для того, чтобы убедиться, что этих армян на самом деле убили⁵ и что не стоит беспокоиться по поводу возвращения им их имущества.

Но депортация армян проходила не без происшествий. Для оказания минимальных услуг и удовлетворения потребностей армии власти решили освободить от депортации три основные категории армян⁶. Первая насчитывала триста семьдесят человек и состояла из работников, работающих на заводе, который отвечал за снабжение армии одеждой, обувью и металлическими изделиями. Во вторую категорию вошли от шестидесяти пяти до семидесяти врачей, фармацевтов, дантистов, ювелиров, жестянщиков, мастеров по изготовлению котелков и пекарей вместе с их семьями, чьи услуги город считал необходимыми для удовлетворения своих ежедневных нужд, но которые не жили среди турок⁷. В третью категорию лиц, освобожденных от депортации, вошли лишь от тридцати до тридцати пяти хозяйств, семей «крещеных» солдат. Естественно, что в отношении армянских призывников термин «солдат» мог применяться лишь к работникам рабочих батальонов не старше восемнадцати лет, что свело к минимуму число возможных исключений из списка лиц, подлежащих депортации.

Таким образом, на период войны или всего на несколько месяцев, в зависимости от обстоятельств, в Айнтабе было позволено остаться примерно двум тысячам человек⁸. С января по июль 1916 г. под различными

¹ Свидетельство мисс Фирсон, жительницы Айнтаба, написанное в сентябре 1915 г., после ее отъезда из Турции: *Toynbee A. Op. cit., doc. 137. Pp. 546–549.*

² BNU/Fonds *Armenian A. Matériaux pour l'histoire du génocide*, P.J. 1/3, liasse 4, Ayntab, f° 9.

³ *Ibid.*, f° 7v. Странно, но в источниках, находящихся в нашем распоряжении, нет ни одного упоминания о комиссии, ответственной за «оставленное имущество», хотя встречаются упоминания аукционов.

⁴ *Ibid.*, f° 5v.

⁵ *Ibid.*

⁶ Сарафян (ред.). Указ. соч. С. 1036–1037.

⁷ Там же. С. 1037–1039.

⁸ Там же. С. 1039–1040.

предлогами мутесариф продолжил депортацию армян малыми группами на юг, в то же время насильно отправляя пекарей в Урфу и Биреджик, так как после массовых убийств, имевших место в этих городах, там осталось очень мало пекарей¹. Случай с архиепископом викарным отцом Карапетом Кизирияном, страдающим параличом нижних конечностей стариком, которого изгнали в Дер-Зор за освящение свадьбы, является собой характерное отношение местных властей к лицам, освобожденным от депортации. Когда же к мутесарифу пришла дочь этого священника с тем, чтобы просить его о том, чтобы смилостивиться над ее отцом, он ответил: «Таково уж наказание, которое я применяю к любому, кто пытается увеличить число тех, от кого я изо всех сил стараюсь избавиться». Армянские источники отмечают, что этот священник умер во время депортации, а его дочь сделала какого-то турецкого офицера очень счастливым человеком². В действительности власти в Айнтабе проявили гораздо больше снисхождения к проходившим через этот город депортированным из севера, чем власти других районов. Многие женщины и дети пытались найти убежище в этом городе или были «приняты» турецкими семьями, хотя в то же время на них систематически устраивали облавы. Как правило, власти довольствовались проведением случайных рейдов, отправляя словенных на юг. Однако же армянам этого города приходилось проявлять огромную осторожность и демонстрировать крайнее благоразумие при организации освобождения своих испытывающих нужду соотечественников³. Наконец, следует отметить, что мухаджиры из Румелии не настолько систематически осели в Айнтабе, как, насколько нам известно, они осели в Зейтуне и любых других местах. Тем не менее в конце осени 1915 г. в окрестных армянских селения этого города проживало не менее пятисот таких семей⁴.

Единственная имеющаяся у нас информация о судьбе солдат-рабочих из Айнтаба, занятых в двух рабочих батальонах, касается соответственно восьми сотен молодых людей и девяти сотен мужчин в возрасте от тридцати

до сорока пяти лет. Оба эти рабочих батальона были направлены в район возле Урфы и исчезли во второй половине июня 1916 г.⁵.

Наконец, согласно данным армянских источников, войну и депортации пережили примерно двенадцать тысяч армян из Айнтаба. Особенно много выживших было среди тех, кого направили в направлении Хомс—Хома—Дамаск⁶. За организованными в этом санджаке депортациями наблюдал *Sevkiyat komisioni* (Комитет по вопросам депортации), состоящий из возглавлявшего его мутесарифа и шести членов: судьи Бирила Хилми, лидера отряда чете (400 чел.) Хаджи Фахлизаде Нури-бея, муфтия Айнтаба Моллашейзаде Ариф, шейха Убедиета и Хаджи-агазаде Ахмеда. Помимо второго мутесарифа Ахмеда-бея основными ответственными за депортации и грабеж армян лицами были глава муниципалитета Мустафа-эфенди, глава казначейства Бесим-бей, судья Билал Хилми-бей, должностное лицо бюро переписи Казим-эфенди, секретари департамента финансов Эюб Сабри-бей и Хаджи Юсуф, командир жандармерии Кемал-бей, Билазик-заде Ариф, бывший муфтий Булбул Ходжа-эфенди, шейх базара Мехмед-эфенди, улема Хабаб-заде Мустафа, улема Батамзаде Мехмед, первый секретарь суда Фахреддин Ходжа, командир полка Кизилхисар майор Бекир-бей, член генерального штаба Касим-бей, секретарь полка Хакки-бей, муниципальный врач Гамид-бей, судья Керим-бей, магистрат из Урфы Касим-бей, директор Сельскохозяйственного банка Эмин-эфенди, секретарь Эвкафа (религиозные благотворительные учреждения) Израп-заде Вахид-эфенди, муниципальный казначей Махмуд-эфенди, директор турецкого сиротского приюта Шахин Хафиз-эфенди, глава кабинета мутесарифа Талип-заде Ариф, лейтенанты полиции Февзи-эфенди, Корукци Хафиззаде Мустафа и Хаджи Сабит-заде Ахмед, сержант жандармерии Мусла-заде Мехмед, служащие налогового департамента Неджип-эфенди, Базарбаси Мехмед и Эмин-эфенди, служащий почтового отделения Налчаджи Али, служащий суда Абдалла Агха, командир жандармерии Хаджи Халил-эфенди, тюрем-

¹ Там же. С. 1041.

² BNU/Fonds *Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide*, P.J. 1/3, liasse 4, Ayntab, f° 6.

³ Сарафян Г. (ред.). Указ. соч., с.1043–1044.

⁴ Там же. С. 1042.

⁵ Там же. С. 1045.

⁶ BNU/Fonds *Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide*, P.J. 1/3, liasse 4, Ayntab, f° 10v°.

ный надзиратель Хаджи Халил-эфенди Оглы, юрист Омар Шевки, имам нахие Козанли Ахмед-эфенди, имам нахие Алайбея Сейх Мустафа Баба, чете Шейх Мустафа Баба-оглы, староста Алабея Хафиз Ахмед-эфенди, депутат парламента от Айнтаба Али Дженани-бей, брат Али Дженани — Риза-бей, лидер юнионистов Дайи-заде Садик-оглы Гасан Садик и президент комитета «Единение и прогресс» Айнтаба Ташджи-заде Абаллах¹.

Что касается шести тысяч армян из Килиса, судьба которых была тесно связана с их соотечественниками из Айнтаба, то следует отметить, что накануне депортаций в Килис также прибыл второй по важности главнокомандующий 4-й армией Фахри-паша. Здесь он провел переговоры с армянской знатью, гарантировавшие безопасность их жизни и имущества, однако вечером того же дня он провел «тайное совещание в «Доме учителей» с лидерами юнионистов и местной знатью, на котором в принципе были санкционированы депортации армян, с благословения ответственного секретаря иттихадистского клуба в вилайете Алеппо Джемала-бея»². Спустя два дня самый выдающийся армянин города Геворг Кешишян был арестован на своей ферме и после публичных унижений заключен в тюрьму в Килисе³.

Следует подчеркнуть, что депортации армян в Килисе начались в тот же день, что и

в Айнтабе, 30 июля 1915 г. Первоначально конвои шли до железнодорожной станции Катма, где был наскоро разбит простой лагерь. Затем конвои из Килиса сливались с потоком из сотен тысяч депортированных со всех четырех сторон света Малой Азии, которые проходили через этот лагерь, большинство из них пешком, и лишь немногие на поездах. В Килисе на некоторое время было позволено остаться примерно трем тысячам человек, в основном рабочим с целью «удовлетворения (местных) потребностей» после чего они обычно и их депортировали⁴. У церкви были изъяты все ее христианские символы и предметы ритуала. Недвижимое имущество было конфисковано, после чего его владельцы убиты под наблюдением местных юнионистов с тем, чтобы никто в будущем не смог предъявить права на имущество⁵.

Следует добавить, что во время войны Килис прославился из-за красоты армянских женщин, которые были похищены из конвоев депортированных и переданы в бордель для юнионистов Килиса и проходящих через город солдат⁶. Выжившие армяне из Килиса составили список из ста семи человек, в высшей степени ответственных за преступления, совершенные в ходе этих депортаций и которые были главными выгодоприобретателями от изъятия имущества армян⁷.

Депортации в санджаке Антакья

Грубо говоря, санджак Антакья/Антиохия занимал всю южную часть горного региона Аманос и Средиземноморского побережья от Александретты до устья реки Оронтес. Накануне Первой мировой войны в этом регионе проживала тридцать одна тысяча армян. Они проживали главным образом в двух только что названных горных регионах, а также в нескольких городах, начиная с Александретты и

Бейлана. Префектура Антиохии насчитывала немногим более двухсот армян, но на западе у подножия горы Моисей (Муса-Даг), там располагались шесть небольших городов и несколько маленьких деревушек, в которых проживали восемь тысяч пятьсот армян: Егюнлук, Хадж-хабиби, две близлежащие деревни Тржник и Карачай, Битиас, Нор Зейту, Шалихан, Кидирбек, Вакиф, Кебусия/Керде-

¹ Ibid., ff. 11–17.

² BNU/Fonds *Andonian* A. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 60, Kilis, rapport (8 ff.), поданный Комитетом депортированных из Килиса от 18 декабря 1918 г., f 1. На собрании присутствовали: Хаджи Мустафа, депутат Килиса; Хюсни, председатель комитета партии иттихадистов Месуд, член Регионального совета; Хаджи Ахмед, председатель муниципалитета; Мухтар, директор Эвафа; Рази, государственный служащий; Нихад, директор Режи, и все высокопоставленные государственные служащие казы.

³ Ibid.

⁴ Ibid., f 2.

⁵ Ibid., ff. 3–4.

⁶ Ibid., f 5.

⁷ Ibid., ff. 7–8.

реси и небольшой порт Чевлик, служивший деревням, расположенным у горы Моисей, выходом к морю. С начала второй половины июля 1915 г. армяне этого горного региона сдерживали атаки и обстреливали турецкие войска в течение сорока дней, а затем были спасены благодаря внезапному вмешательству французских военных кораблей¹.

На другом берегу Оронтеса в горных регионах, огибающих гору Кассиус (Джебелакру), в западной части казы Шугур лежала вторая группа из девяти армянских деревушек, расположенных вокруг небольшого городка Кесаб. В 1914 г. в этих населенных пунктах проживало почти девять тысяч армян: Кесаб (4760 чел.), Карадуран (1505 чел.), Экизолук (560 чел.), Кулкене (525 чел.), Каяджик (119 чел.), Эскийорен (245 чел.), Чакалчик (140 чел.), Чинарджик (350 чел.) и Дузагадж (532 человека). Гора Кассиус, являясь своего рода убежищем, имела другое преимущество: она простиралась до Средиземного моря и, следовательно, обеспечивала доступ к хорошо защищенной небольшой гавани, до которой было невозможно добраться с берега. Относительную безопасность, обеспечиваемую этими горами, усиливал тот факт, что все эти деревушки были изолированы от остального мира и существовали сами по себе. Связь с Антакьей и Латакией поддерживалась только благодаря узким тропинкам, по которым можно было проехать только на муле².

Несмотря на то что в казах Искендерум/Александретта и Бейлан проживало более четырнадцати тысяч армян, важных колоний насчитывалось только две. Они были основаны в главных городах двух каз, Александретте и Бейлане, а также в нескольких сельских населенных пунктах, расположенных на большом расстоянии друг от друга. В городе Александретта проживало около двух тысяч армян, но каза также включала в себя несколько

армянских деревень: Наргеллик (180 чел.), Кишла (60 чел.) и Фартинли (200 чел.). Накануне войны в Бейлане, который располагался в глубине страны, между Александреттой и Алеппо, проживало 1800 человек. В непосредственной близости от города лежало несколько армянских деревень: Атик (231 чел.), Кирикхан (176 чел.), Канлидере (127 чел.), Гюзели (121 чел.) и Соуклук (174 чел.)³.

Как мы уже отметили⁴, армяне, проживающие в этих прибрежных районах вилайета Алеппо, сначала были освобождены от депортации. Но в конце концов во второй половине июля 1915 г. власти издали приказ и об их депортации⁵.

Утром 9 мая регулярные войска и жандармы вошли в армянские деревушки Муса-Дага. Их целью был обыск домов, церкви, школы и всех остальных мест, в которых могло быть спрятано оружие. По-видимому, операция была начата после того, как мусульмане, проживающие в этих деревнях, донесли на своих соседей-армян. Однако за исключением нескольких старых охотничьих ружей обыски не принесли никаких ощутимых результатов, только усилили уже существующие подозрения армян⁶.

Свидетель и участник событий, которые произошли в Муса-Даге, Тигран Андреасян, протестантский священник из Зейтуна, который прибыл из Еохунолука, рассказывал о том, что, когда 30 июля был издан приказ о депортации жителей деревень этого региона, многие, как, например, Арутюн Нокхудян, протестантский священник из Битиаса, решили, что сопротивляться будет «глупо»⁷. Таким образом, триста тридцать две семьи из Кебусии/Кердереси (240 чел.), Еохунолука (2 чел.), Хаджихабибли (80 чел.) и Битиаса (10 чел.) подчинились приказу и позднее были отправлены в Антакью. Затем оттуда их депортировали в Дер-Зор по дороге, идущей параллельно Евфрату⁸. Но священник из

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 343–348.

² Ibid. P. 348.

³ Ibid. Pp. 349–351.

⁴ См. ниже, с. 840–843.

⁵ Телеграмма Рёслера в посольство в Константинополе, 30 июля 1915 г.: Lepsius J. (ed.). Op. cit., doc. 125. Pp. 119–120.

⁶ Искендерян Э. Почему народ взялся за оружие? В кн.: Кушақджян М., Мадурян Б. (ред.). Мемориальная книга Муса-Дага. Бейрут, 1970. С. 315 (на арм. яз.).

⁷ Доклад преподобного Тиграна Андреасяна [октябрь 1915 г.]: Touynbee A. Op. cit., doc. 130. P. 522. Протестантский священник ошибочно называет 13 июля как дату депортации. По-видимому, он использовал юлианский календарь, но этого недостаточно для объяснения этой даты.

⁸ Доклад епископа Торгома Кушагяна, предстоятеля армян в Египте, 28 сентября 1915 г.: Ibid., doc. 131. Pp. 528–529.

Зейтуна не сказал о том, что после того как он 25 июля наконец-то вернулся в свою родную деревню Еохунолук благодаря заступничеству американских миссионеров из Мараша, он рассказал своим соотечественникам, что Зейтун опустел¹. По-видимому, эти сведения оказали решающее воздействие на решение лидеров армянской деревни уйти в горы вместе с жителями деревни, которые захотели уйти вместе с ними — восемьсот шестьдесят восемь семей или около 4200 человек, которые ушли в маки (партизаны) утром 31 июля². По словам преподобного Андреасяна, в распоряжении армян, решивших обороняться, было сто двадцать современных винтовок, а также старых охотничьих ружей, которые была способна держать в руках половина мужчин (среди них было 1054 человека старше четырнадцати лет)³. Все эти люди немедленно приступили к организации обороны горного района, а именно к рытью окопов в стратегических точках и назначению Комитета обороны⁴. После того как недельный срок, данный им властями на сборы, истек, две сотни солдат из регулярной армии предприняли первую атаку. Это случилось 8 августа. Несмотря на то что нападение длилось в течение шести часов, атакующие не смогли сломать оборону армян. Через несколько дней в этот район были отправлены две тысячи солдат из Антиохии. Они расположились биваком у горы, на шестьсот метров ниже армянских линий. Комитет обороны немедленно решил нанести ночью внезапный удар, который вверг солдат в панику и привел к тяжелым потерям. Также атакующие захватили оружие и боеприпасы⁵.

На данном этапе власти применили новую тактику. По словам Андреасяна, около пятнадцати тысяч человек из близлежащих деревень были вооружены и расставлены вокруг горного района, обороняемого армянами, образовав плотный щит. Затем во втор-

ник 10 августа, после того как позиции армян подверглись артиллерийскому обстрелу, была предпринята вторая атака⁶. Андреасян сообщает, что на этот раз окруженные армяне рассматривали вариант нахождения тропы, по которой они могли бы добраться до берега и сбежать по морю. До того момента, пока они не были полностью окружены, они отправили связного во внешний мир с мольбой, написанной Андреасяном на английском языке в которой говорилось о том, что в результате «политики истребления, которую турки применяют к нашему народу», жители Муса-Дага ушли в горы, где они находятся в осадном положении⁷. Были шшиты и водружены на вершину, чтобы их было видно с моря, два огромных белых флага. На одном были написаны слова «Христиане в беде: спасите», на втором был изображен красный крест. Утром 10 сентября броненосный крейсер «Гюишен» заметил этот призыв о помощи от окруженных армян Муса-Дага, которые отправили на борт своего гонца. В следующие двадцать четыре часа в этот район прибыли еще три крейсера, включая «Жанну д'Арк», и приняли на борт более чем четыре тысячи человек. У них заняло менее тридцати шести часов на то, чтобы завершить эту операцию, и два дня, чтобы добраться до Порта-Саида, Египет⁸.

Помимо военных подвигов этого армянского сопротивления, необходимо отметить, что внезапное спасение жителей Муса-Дага во многом обусловлено географическим положением этих армянских деревень, а именно: недалеко от побережья. Более того, мы не можем игнорировать тот факт, что решение сопротивляться было принято только после того, как лидеры сопротивления поняли, что власти планируют отправить их на смерть. Другими словами, жители деревень Муса-Дага были среди тех единиц армян, которые догадывались о реальных намерениях властей в отношении их, именно это за-

¹ Искендерян З. Указ. соч. С. 316.

² Там же. С. 327. Доклад епископа Торгома Кушагяна: *Toynbee A. Op. cit., doc. 130. P. 522, doc. 131. Pp. 528–529.*

³ Доклад преподобного Тиграна Андреасяна [октябрь 1915 г.]: *Toynbee A. Op. cit., doc. 130. P. 522.*

⁴ *Ibid.* Pp. 523–524. В состав Комитета обороны входили преподобный Тигран Андреасян, Микаэл Геганджян, Хетум Филиян, Сааг Андекян, Хачер Мардирян, Овнан Искендерян, Искендер Келемян, Джабра Казанджян, Погос Кабаян, Ованес Кебуриян, Мовсес Тер-Галстян, Мелкон и Григор Куюмджяны, Григор Товмасян, Есаяи Ибрагимян, Симон Шемасян и Томас Азяян: *Кушагджян М., Мадурян Б. (ред.). Указ. соч. С. 329, 336.*

⁵ Доклад преподобного Тиграна Андреасяна [октябрь 1915 г.]: *Toynbee A. Op. cit., doc. 130. Pp. 524–525.*

⁶ *Ibid.* Pp. 525–526.

⁷ *Ibid.* Pp. 525–527.

⁸ *Ibid.* P. 527; Доклад епископа Торгома Кушагяна: *Ibid.* P. 530.

Депортации: Айнтаб и Антакья

ставило их бороться любой ценой. Поздняя зата, на которую власти отложили решение с этим районом, а также просчет, который они допустили в случае с преподобным Андреасяном, который стал свидетелем событий в Зейтуне, также помогают объяснить, почему обычных мер предосторожности, которые они предприняли, чтобы скрыть свои истинные намерения, не было достаточно, чтобы убедить армян подчиниться депортации, как они это делали везде. Аресты армянской знати Антакьи, города, с которым Муса-Даг имел тесные отношения, произошедшие 1 августа, только усилили доводы партизан о вооруженном сопротивлении¹.

По словам Мартироса Кушакджяна, когда начали ходить слухи о том, что армян этого района собираются депортировать, а преподобный Андреасян прибыл за день до этого, 26 июня в Антиохии армянские лидеры из деревень Муса-Даг и Кесаб немедленно провели собрание. Лидеры деревень, рас-

положенных на правом берегу Оронтеса, предложили своим соседям с левого берега, жителям деревни Кесаб, принять участие в обороне, если информация, которой они владели, подтвердится. Но знать Кесаба отвергла это предложение и решила подчиниться всем приказам, которые могли издать власти. Они хотели продемонстрировать преданность, демонстрировать которую при любых обстоятельствах от них требовали армянские политические и религиозные лидеры с начала войны². Следовательно, в первой половине августа 1915 г. все население Кесаба было депортировано в направлении Хомса и Хамы, как это было с жителями Александретты под руководством каймакама Фатиха-бея (который занимал свой пост с 14 апреля 1913 г. по 15 ноября 1915 г.) и жителями Бейлана под руководством каймакама Ахмеда Рефика-бея (который занимал свой пост с 28 февраля 1915 г. по 21 января 1916 г.).

¹ Искендерян З. Указ. соч. С. 318. Среди главных армянских деятелей, арестованных в Антиохии, были: Сааг Арамян, юрист Тигран Арамян, Седрак и Мисак Искендеряны, Мухтар Акоп, Мовсес Казанджян, Абраам Ренджилян, Керовлэ Асланян, Хачер Акопян, Мовсес Бояджян, Ованес Зарарсиз, Степан Мовсесян. Только Александру Искендеряну удалось ускользнуть от полиции и бежать в Муса-Даг.

² Там же. С. 327.

ГЛАВА 23

Депортации в мутесарифате Урфа

Древний город Едессия долгое время был политическим и культурным центром, имеющим большое значение. Этот город представлял собой своего рода мост между Месопотамией и Малой Азией, его населяли разнообразные народности. В начале XX века армяне и сирийцы, которые жили в этом городе и у которых все еще было общее культурное наследие Ближнего Востока, которое они усердно передавали от поколения к поколению. Армяне прибыли в район Едессии очень поздно, а именно в начале XI столетия. Накануне Первой мировой войны мутесарифат Урфы, который был отделен от вилайета Алеппо в 1908 г., насчитывал почти сорок две тысячи армян, двадцать пять—тридцать тысяч из которых проживали в Урфе и его окрестностях. Сам город располагался на огромной плодородной равнине, за исключением армянских кварталов, большая часть из которых поднималась вверх по склону горы Тельфедур, образуя ряды домов, возвышающихся друг над другом. Эти кварталы находились в северной части города. Над нижней частью армянского квартала возвышались собор Божьей Матери, архиепископская епархия и армянская средняя школа.

Торговлей в Урфе, хозяйственном центре Верхней Месопотамии, занимались преимущественно армяне, которые также входили в ремесленные гильдии: каменотесов, сапожников, жестянщиков, ювелиров, ткачей и кузнецов. Плодородие близлежащей равнины, орошаемой Бериком, позволяло возделывать бескрайние поля виноградников и фруктовые сады, а также выращивать зерновые культуры и хлопок. Развивалась промышленность, в частности ткачество, производство

ситца и окрашивание. Накануне погрома 1915 г. армяне, проживающие в Урфе, больше чем когда-либо являлись динамическим звеном этого региона. В то время ничто не предвещало того, что эти законопослушные граждане могут превратиться в участников сопротивления после получения приказа о депортации и вместе с ним новостей об убийстве 1500 молодых новобранцев из города, которым, разбив их на небольшие группы, перерезали горло.

В северной части Месопотамии проживало немного армян: поселение Гармудж, расположенное на северо-востоке, в полушаговой от Урфы (5000 чел.), Манкуш (шестьдесят хозяйств), Тлбашар (сто семей). Также армяне проживали в Бозове, Хохине и Хованге. Турецкоговорящие жители этих поселений занимались виноделием и выращивали шелковичных червей¹. В памяти армян Урфы навсегда отпечаталась дата 28 и 29 декабря 1895 г., когда их собор был преднамеренно уничтожен в огне, который унес жизни трех тысяч человек, а также убийство пяти тысяч армян в самом городе². Несмотря на это, они приняли участие во всеобщей мобилизации, через несколько месяцев после того как Османская империя вступила в войну, и внесли свой вклад в военную экономику, чего от них требовали власти. Как и везде, армянские предприниматели подвергались открытым грабёжам; как правило, ничего нельзя было поделывать с армейскими нуждами, которые в первую очередь служили интересам горстки офицеров и государственных служащих³. По словам одного из выживших, в то время, когда армяне ожидали погромов, аналогичных тем, которые произошли в 1895 г.

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 323–336.

² Jernazian E. K. Judgement unto Truth. Witnessing the Armenian Genocide, transl. Alice Haug, New Brunswick & London, 2003. P. 3.

³ Ibid. Pp. 46–48.

им не пришло в голову, что на этот раз правительство могло применить другую программу, отличную по своему масштабу и характеру. Таким образом, когда весной 1915 г. военный суд Битлиса потребовал, чтобы перед ним предстали двое молодых людей, Мкртич Наджарян и Геворг Шадаревян, армянские власти убедили в том, что это просто «недо-разумение». Арам Шахаджян обращает внимание на то, что новость о том, что армянская столичная элита арестована, удивила жителей Едессии, которые были шокированы, когда в конце апреля в город прибыла колонна женщин, детей и стариков из Зейтуна, следовавшая в Зор через Рас-эль-Айн¹. Карен Епле, миссионерка из Дании, которая пыталась оказать депортированным помощь, отмечала, что их вид глубоко поразил армян Урфы, вызвав в них протест, особенно у молодежи. Все пытались помочь депортированным из Зейтуна, несмотря на то что приближаться к ним было категорически запрещено². На протяжении недель армяне Урфы прятали тысячи депортированных с севера в своих домах. Предстоятель Артавазд вардапет тщетно пытался получить разрешение от мутесарифа на оказание помощи депортированным³. Австрийский инженер, отдыхающий вместе со своей семьей на виноградниках Урфы, писал о том, что «бандиты залегали в ожидании колонны армян» между Урфой и Арабпунаром, нападая на них, когда они проходили мимо. Также он писал о том, что конвоиры берут взятку в обмен на то, чтобы они могли зайти в хан или палатку, чтобы «забрать оттуда» депортированных «женщин или девушек»⁴.

С мая по октябрь 1915 г. Урфа превратилась в транзитный центр для колонн депортируемых. В этот период город пережил несколько тревожных событий: 27 мая полиция начала проводить систематические обыски домов в армянских кварталах. По официальной версии, они искали оружие и доказательства возможного тайного сговора⁵. Эти

первоначальные меры, во всех отношениях похожие на те, что мы наблюдали везде, кажется, были вызваны назначением нового мутесарифа Али Хайдара, младотурка⁶, который, возможно, получил приказ ускорить эти операции. Мутесариф и начальник полиции Шакир-бей, который также приходился зятем депутату парламента Махмуду Недиму, приказали Ебрайиму Джерназяну, который в то время был главой сирийских протестантов, перевести документы, конфискованные у армян, с армянского, французского и английского языков на турецкий. Ибрагим Фазил, в то время заведующий школами, который наряду с сирийским владел и английским языком, получил приказ работать на недавно созданный военный комитет⁷. По словам Джерназяна, власти пытались найти доказательства участия армян в заговоре против государства, но документы, переданные ему, не представляли собой никакого интереса⁸. После этой первой серьезной оскорбительной атаки, совершенной властями, в архиепископстве состоялось несколько собраний армянских лидеров под руководством предстоятеля Артавазда Календеряна. Была собрана большая сумма денег и отдана предстоятелю, чтобы в случае необходимости он мог подкупить правительственных чиновников. Это был способ, которым знать собиралась воспользоваться, чтобы отразить возможную угрозу⁹. Они вступили в жаркий спор с Мкртичем Еотнехперяном, разыскиваемым властями, который пытался убедить их поднять восстание, если аресты не прекратятся. Однако большинство присутствующих знатных лиц, а также представителей политических партий отказались рассматривать этот вариант. Мкртич, его брат Саркис и Аруш Расткеленяны занялись подготовкой восстания¹⁰. По словам Джерназяна, на следующий день в суд пришел письменный приказ о проведении второй волны арестов. Это было через неделю после того, как он

¹ Саакян А. Героическая Урфа и ее армянские сыновья. Бейрут, 1955. С. 763–764 (на арм. яз.).

² Там же. С. 765.

³ Там же. С. 766.

⁴ Телеграмма Вальтера Рёслера в посольство в Константинополе, 13 августа 1915 г.: *Lepsius J.* (ed.). *Op. cit.*, doc. 137. Pp. 130–132. Инженер также видел, как трупы депортированных сжигали на дороге между Урфой и Арабпунаром (*Ibid.* P. 133).

⁵ *Jernazian E. K.* *Op. cit.* P. 48; Саакян А. Указ. соч. С. 774–776.

⁶ Там же. С. 771.

⁷ *Jernazian E. K.* *Op. cit.* P. 49.

⁸ *Ibid.* Pp. 50–54.

⁹ Саакян А. Указ. соч. С. 771.

¹⁰ Там же. С. 772–773; *Jernazian E. K.* *Op. cit.* P. 54.

вступил в должность переводчика, а именно 3 июня. Мишенями стали армянские политические лидеры. Джерназян предупредил об этом Андраника Фериды Бозаджяна, местного лидера АРФ и директора армянских школ, и предложил ему немедленно покинуть город. Но Бозаджян сказал, что опасность ему не грозит, так как городские младотурки являются его друзьями¹. Утром 4 июня полиция окружила монастырь Святого Саркиса, расположенный у входа в город, где проживали Бозаджян и Гаспар Ршдигян, учитель дашнака. Полицейские арестовали этих двух мужчин и забрали архивные документы. Начальник полиции Шакир-бей вручил Джерназяну записную книжку Бозаджяна и приказал ему перевести ее. По признанию самого священнослужителя, этот документ «содержал все, что было нужно турецкому правительству», а именно: список всех местных членов АРФ, а также наброски плана обороны армянского квартала, который был составлен после погромов в Киликии в 1909 г.² Это открытие бросило переводчика в «холодный пот». В тот же вечер он отправился к армянскому председателю Артавазду Календеряну, чтобы предложить тому подкупить Шакира-бея или сжечь комнату, в которой хранилась эта записная книжка. Они выбрали первый вариант. Оба деятеля отправились к Шакиру и Ибрагиму Фазилу, которые приняли их предложение³.

Массовые аресты начались 8 июня. Было арестовано шестнадцать знатных людей и высокопоставленных чиновников: глава епархиального совета Карапет Измирлян, Согомон Кнаджян, городской казначей Хосров Дадян, Аруш Сарафян, Аруш Кагхталян, Геворг Донавакян, Геворг, Нерсес и Ованес Еотнехперяны (братья Мкртича), Агаджан

Тер-Петросян, Акоп и Назар Кулахяны, Саркис Еджаджи, Эзекиель Бойаджян, Карапет Катароян, Казанджи Камбур. Мкртич Еотнехперян, переодетый бедуином, пробрался в тюрьму, где держали этих людей, с предложением освободить их, но они отказались, так как боялись, что это приведет к другим убийствам⁴. В своем письме от 14 июня Франсис Лесли, миссионер, выступающий в качестве американского консула, подтвердил, что «террор начался и в этом городе», что полиция и жандармерия провели жесткие обыски в домах армянского квартала в поисках оружия, что одни видные армянские деятели предстали перед военным судом, а остальных пытали раскаленным железом, что в общей сложности сотня «наилучших жителей города» к середине июня оказалась в тюрьме⁵.

Шестнадцать знатных людей, арестованных 8 июня, пытали, а затем 13 июня депортировали в Ракку. Их семьи присоединились к ним через несколько дней⁶. 26–27 июня некоторых из них доставили обратно в Урфу, а других убили в часе езды от Раки, в месте под названием Джир Тосун⁷. Эта новость быстро достигла Урфы. В архиепископстве состоялось второе собрание, в этот раз созванное АРФ. Единственным вопросом на повестке дня было то, как организовать самооборону. Мкртич Еотнехперян снова предложил больше не ждать, он считал, что власти пытаются обессилить армян постепенно, арестовывая мужчин. Но присутствующие члены АРФ решили не предпринимать никаких действий до опубликования приказа о депортации и готовиться ко всем непредвиденным обстоятельствам⁸. Еотнехперян был прав: 25 июня в течение двух часов было арестовано около ста армян. На этот раз

¹ Ibid. P. 56.

² Ibid. Дата была определена на основании указания, представленного свидетелем, который показал, что приказ о депортации был выпущен «через неделю» после того, как он приступил к работе в новой должности.

³ Ibid. P. 56.

⁴ Ibid. P. 59; Саакян А. Указ. соч. С. 776–777.

⁵ Письмо от Франсиса Лесли, американского вице-консула в Урфе, консулу Джексону, Урфа, 14 июня 1915 г.: *Tounbee A. Op. cit., doc. 133. P. 536.*

⁶ Саакян А. Указ. соч. С. 776–777. Мутесариф вызвал их жен и приказал им признаться, где спрятано оружие, если они хотят, чтобы их мужья вернулись домой живыми (там же. С. 777); Элвеста Т. Лесли, помощник американского вице-консула в Урфе, сообщает (рапорт 11 апреля 1918 г., *Barton J. L. Op. cit. P. 109*), что Якоб Кюнцлер и Франц Экарт, а также Франсис Лесли и д-р Шепард предприняли усилия для обеспечения того, чтобы эти семьи не были депортированы в Ракку, что, вероятно, казалось более безопасным для них.

⁷ Саакян А. Указ. соч. С. 778–779; *Jernazian E. K. Op. cit. P. 60.* Автор указывает, что дашнакский лидер Андраник Бозаджян был привлечен к суду военным трибуналом в Алеппо вместе со школьным учителем.

⁸ Саакян А. Указ. соч. С. 780–781.

арестовывали предпринимателей, ремесленников, мастеров и т.д.¹

По словам Кейт Айнсли, которая покинула Мараш 14 июня, «человек», который депортировал и убивал армян в Диарбекире, был переведен в Урфу в середине июня «с явно выраженной целью позволить ему продолжить здесь свою работу»². Миссионер не указал имени этого «человека». Это мог быть депутат парламента Пиринджи-заде Фейзи, который сыграл главную роль в преступлениях, совершенных в вилайете Диарбекир наравне с вали провинции Решидом. В любом случае замечание Айнсли указывает на то, что лидеры иттихадистской организации теряли терпение и решили отправить в Урфу опытного человека. На самом деле Мкртич Еотнехперян и несколько десятков мужчин, преданных ему, безнаказанно проникли на оружейный сад и завладели оружием. Властям не удалось поймать их³. На этот раз напряжение достигло такого предела, что председатель Календерян предложил Еотнехперяну покинуть город и не возвращаться до тех пор, пока все не успокоится. Фидайи и его люди скрылись в местечке возле Гармуджи, в армянской деревушке, расположенной недалеко от города. 6 июля их обнаружили и окружили. Им удалось бежать. Отряд сорвал свою злость на жителях Гармуджи: в отместку мэр Геворг Нерсесян был убит, а деревня разрушена до основания⁴.

Следующий этап — конфискация оружия — начался 10 июля, когда мутесариф вызвал к себе армянского председателя и дал ему сорок восемь часов на то, чтобы сдать оружие его людям. Согласно армянским источникам, люди сдали несколько старых охотничьих ружей, которые сложили во внутреннем дворе собора. Офицер артиллерии Мигран Херардян предполагал, что армяне не повторяют ошибки, которую они допустили в 1895 г.: после того как армяне Урфы сдали свое оружие, их убили⁵. В этом странном противостоянии, в котором каждая из сторон была прекрасно осведомлена о намерениях

другой стороны, тактика, предпринятая властями, все же убедила некоторые армянские общественные круги подчиниться. Между этими общественными кругами и партизанами разгорелись жаркие споры относительно самообороны, несмотря на то что аресты не прекращались. Предстоятель дошел до того, что предложил властям взятку, чтобы они отпустили арестованных. Мутесариф ответил тем, что 26 июля пригласил его на встречу и немедленно бросил в тюрьму. Таким образом, Календерян присоединился к сотням армян, которые были арестованы в течение предыдущих недель и подвержены пыткам, после которых некоторые из них, как, например, оружейный мастер Назар Туфенкджян, покончили с собой. С помощью всех средств, которые были в их распоряжении, власти пытались заставить этих людей сказать, где спрятано их оружие. По словам датской миссионерки Карен Еппе, никто из них не сказал ни слова⁶. Несмотря на неудачу, власти приступили к выполнению следующего этапа своего плана: 28 июля они отправили всех заключенных в Диарбекир. Среди них были председатель, Согомон Кенаджян, самый состоятельный председатель епархиального совета и член регионального совета Карапет Измирлян, Киракос Дерцагян, ремесленник Геворг Черчян, кузнец Геворг Еотнехперян, брат Мкртича, а также предприниматель Акоп Кулахян и Арутюн Тер-Хоренян⁷. Эти люди были убиты 30 июля на пути в Диарбекир, в местечке под Урфой, известном как Шейтан Дереси⁸.

Вероятно, тот факт, что двое высокопоставленных офицеров «Специальной организации», подполковник Халил-бей [Кут], дядя Энвера, и Черкез Ахмед, прибыли в Урфу из Диарбекира, был связан с этими убийствами⁹. По словам армянского свидетеля, Халил пообещал предстоятелю перед самым арестом последнего спасти жизни большинства этих людей в обмен на 6000 турецких лир. Он взял деньги и приступил к организации ликвидации заключенных, о которых шла

¹ Там же. С. 781; *Jernazian E. K. Op. cit. Pp. 59–60.*

² Письмо Кейт И. Айнсли Дж. Бартону, 6 июля 1915 г.: *Toynbee A. Op. cit., doc. 121. P. 484.*

³ *Jernazian E. K. Op. cit. Pp. 60–61.*

⁴ *Ibid. Pp. 62–63, 70; Саакян А. Указ. соч. С. 782.*

⁵ Там же. С. 788–789.

⁶ Там же. С. 790–792.

⁷ Там же. С. 793–795.

⁸ Там же. С. 797; Доклад Элвесты Т. Лесли, помощницы американского вице-консула в Урфе, 11 апреля 1918 г.: *Barton J. L. Op. cit. P. 110.*

⁹ *Саакян А. Указ. соч. С. 771; Jernazian E. K. Op. cit. P. 71.*

речь¹. По-видимому, после проведения кампании по искоренению армянского населения в вилаете Битлис в первой половине июля Халил и его экспедиционный отряд чете направились в южные регионы, чтобы провести подобные кампании и там. Более того, Черкез Ахмед, убийца, уполномоченный иттихадистской организацией, чью роль в Ване мы уже увидели², лично присутствовал во время убийства двух армянских депутатов парламента Зограба и Вардкеза, которые прибыли в Урфу из Алеппо 1 августа³. Принятые со всеми почестями своим коллегой, депутатом Махмудом Незиром, который пригласил их на обед, двое армянских лидеров были перехвачены Мкртичем Еотнехпяряном, который предложил помочь им бежать. Зограб ответил следующим образом: «Наш побег приведет к тому, что положение населения станет еще хуже»⁴. Как многих других видных деятелей Урфы, двух депутатов больше заботила безопасность населения, чем их собственная судьба. 2 августа Зограб и Вардкез отправились в обратный путь в сопровождении начальника полиции Шакира-бея. Они были убиты Черкезом Ахмедом и его людьми в глубоком овраге, лежащем в двух часах езды от города Шейтан Дереси, фактически в том же самом месте, в котором были убиты знатные армяне Урфы⁵. Не может быть никаких сомнений в том, что оба лидера младотурок действовали заодно и по приказу из столицы.

Следующая операция, проведенная Халилем [Кутум] и Черкезом Ахмедом, была характерной для специальных миссий, доверенных «Специальной организации»: 10 августа по приказу Халиля прибыл дивизион

членов «Специальной организации», чтобы расстрелять полторы тысячи армянских и сирийских рабочих-солдат из двух трудовых батальонов, работавших в Каракепрю и Кудеме, расположенных рядом с Урфой. После того как чете окружили лагерь в Каракепрю, они связали этих людей, выстроили их в ряд перед траншеями, которые были вырыты заранее, и расстреляли⁶. Но когда на следующий день чете атаковали лагерь в Кудеме, несколько рабочих-солдат защищались с помощью своих инструментов или голыми руками. Некоторые даже смогли отобрать у своих палачей оружие и занять позицию на холме, на котором они держали оборону на протяжении трех дней, пока не покончили жизнь самоубийством. Двое выживших из трудовых батальонов, братья Саркис и Григор Дарагхджяны из семьи Сандерчонт, смогли вернуться в Урфу и рассказать населению об убийствах, которые произошли в Каракепрю и Кудеме⁷. Очевидно, что после новостей об этих преступлениях лагерь тех, кто выступал за сопротивление, пополнился новыми людьми. По словам Джерназяна, Джемаль-паша, который также имел власть над автономным мутесарифатом Урфы, который находился в пределах вилаета Алеппо, не был в восторге от этого насилия. Вскоре он предал Черкеза Ахмеда военному суду и казнил его за совершенные преступления. Чтобы преодолеть препятствие, установленное Джемалем, «фанатичные члены Иттихада» — кажется разумным предложить, что Халил взял инициативу на себя, — обратились к министру внутренних дел, который принял решение отделить район Урфы от Алеппо и присоединить его к вилаету Диарбекир⁸. Тот же самый сви-

¹ Ibid; Саакян А. Указ. соч. С. 782.

² См. выше, с. 361, примечания 2–4; *Dadrian V. Documentation of the Armenian Genocide in Turkish Sources*. Pp. 118–120. В источниках представлена биография с примечаниями, в которой описывается преступная деятельность Черкеза Ахмеда в Ване и, соответственно, в вилаете Диарбекир.

³ *Kieser H.-L. Der Verpasste Fiede. Mission, Ethnie und Staat in den Ostrprovinzen der Turkey, 1839–1933*. Zürich, 2000. S. 470, n. 692.

⁴ Саакян А. Указ. соч. С. 801–802.

⁵ *Dadrian V. Op. cit.* Pp. 119–120. Представлен список турецких источников по этим убийствам, а также комментарии о майоре Ахмеде в книге: *Nogales R. de. Op. cit.* P. 73. На следующий день часы и кольцо Зограба продавались в Урфе: Саакян А. Указ. соч. С. 802.

⁶ Там же. С. 803, упоминается ликвидация 4 августа двух рабочих батальонов; *Kieser H.-L. Der Verpasste Fiede*. S. 471, n. 693, автор цитирует свидетельства Кюнцлера и Экхарта; *Jernazian E. K. Op. cit.* P. 73, также говорится, что «жандармы» Халил и Ахмед покинули Каракепрю 4 августа, и далее отмечается, что сирийцы, которые спаслись, сообщили об этих событиях после своего возвращения.

⁷ Ibid. Pp. 73–74; Саакян А. Указ. соч. С. 804–806, 812.

⁸ *Jernazian E. K. Op. cit.* P. 74. Элвеста Т. Лесли, помощница американского вице-консула в Урфе (*Bar-ton J. L. Op. cit.* P. 110) подтверждает, что об Урфе сообщалось вместе с вилаетом Диарбекир в ее докладе от 11 апреля 1918 г.

детель, который, как мы помним, работал в военном суде, слышал о приказах и видел их, которые приходили из столицы, отметил, что после принятия этого решения в здании муниципалитета провели собрание среди турецкой знати Урфы и чиновников, которые прибыли из Стамбула. Также он указал на то, что один из участников, который его не знал, рассказал ему, что на собрании был зачитан «секретный приказ из Константинополя», в котором говорилось о том, что правительство решило «избавиться от всех армян [...]», так как родина находится в большой опасности», и что мэр заставил всех присутствующих внести списки своих друзей-армян в «официальный реестр» в качестве доказательства их преданности¹. Возможно, что армянская знать Урфы пресекала все попытки поднять восстание только после того, как получила заверения от своих турецких друзей в том, что их пощадят. Несомненно, они надеялись уберечь армянское население от судьбы их соотечественников из других регионов. Также не исключено, что многие турки из Урфы пытались защитить своих друзей-армян, так как у них были общие финансовые интересы или они получали взятки. Вероятно, что для того чтобы преодолеть это пассивное сопротивление, напряженность которого сложно оценить, иттихадистская организация взяла дело в свои руки и в августе направила в этот район своих доверенных людей.

В своих мемуарах Ебрайим Джерназян пишет о том, что в то время он надеялся, что «армяне Урфы наконец поймут, что политика умиротворения и уступчивости приведет только к усилению гнета и постепенному уничтожению лидеров и молодежи»². На самом деле по мере появления новых фактов даже самые осторожные убедились в том, что «все надежды на выживание были потеряны. Выбор лежал между унижительным изгнанием и убийством или благородной

смертью посредством активного сопротивления»³.

19 августа Мкртича Еотнехперяна и его правую руку Арутюна Расткеленяна, которые занимались организацией обороны армянских кварталов, понесших потери в связи с арестом большинства мужчин, обнаружили и окружили в одном из домов в Урфе. Атака, предпринятая Черкезом Ахмедом и начальником тюрьмы Урфы Бакиром Чавушем против этих двух мужчин, объявленных вне закона, ознаменовала собой начало боевых действий. Обоим борцам армянского сопротивления удалось скрыться из виду, после того как они убили охрану и заставили Черкеза Ахмеда и его головорезов сбежать⁴. По утверждению Франца Эххарта, на следующий день чете, которые наводнили Урфу, убили несколько сотен армян⁵. Д-р Дж. Ванс, покинувший американский госпиталь для того, чтобы добраться до города, увидел множество трупов армян на улицах, а также заметил, что первые колонны депортируемых в Мардин уже отправились в путь⁶. Американский консул Джексон получил такую же информацию от Франсиса Лесли, своего вице-консула в Урфе, которая не заметила никакого сопротивления со стороны армян⁷.

Вопреки ожиданиям тогда, когда ситуация способствовала систематическим депортациям или поднятию восстания в армянских кварталах, казалось, что приказ из Стамбула положил конец всем этим начинаниям. По словам Джерназяна, этот приказ был вызван «серьезными нуждами» армии, которую могли удовлетворить только армянские ремесленники⁸. Однако мы не знаем, чьи «серьезные нужды» это были: командующего 4-й армией Джемалья или 3-й армии, которой командовал Мустафа Камил. 29 сентября в армянском квартале зазвонили церковные колокола: после погромов, произошедших в декабре 1895 г., их запретили использо-

¹ Ibid.

² Ibid. P. 75.

³ Ibid.

⁴ Саакян А. Указ. соч. С. 807; интервью с миссис Дж. Ванс Янг, женой д-ра Ванса, врача американского госпиталя в Урфе, в «Egyptian Gazette», 11 октября 1915 г.: *Toynbee A. Op. cit., doc. 135. P. 539.*

⁵ Доклад Элвесты Т. Лесли, помощницы американского вице-консула в Урфе, 11 апреля 1918 г.: *Barton J. L. Op. cit. P. 110.*

⁶ Интервью с миссис Дж. Ванс Янг в «Egyptian Gazette», 11 октября 1915 г.: *Toynbee A. Op. cit., doc. 135. P. 539.*

⁷ Письмо Джексона Моргентау, 25 августа 1915 г.: *Sarafian A. (ed.). Op. cit. P. 234; Jehan de Rohé [псевд.: Jean-Baptiste Rebourts]. Chouchanik, la jeune Arménienne, Paris, 1928. P. 115, француз, удерживаемый в Урфе вместе с подданными других государств, стал свидетелем нескольких массовых убийств.*

⁸ *Jernazian E. K. Op. cit. P. 75.*

вать, что объясняло, почему армяне выбрали именно этот символический сигнал для объявления о начале восстания в Урфе. Восстание длилось двадцать пять дней. За несколько недель до этого Мкртич Еотнехперян реорганизовал оборону армянских кварталов и произвел перегруппировку своих людей, оружия и боеприпасов во многом благодаря девушкам и женщинам, которые переносили оружие под чадрой¹. Спустя месяцы подготовки, направленной на обезглавливание армянского сообщества Урфы, власти были удивлены, когда встретили сопротивление. Воинская повинность, ликвидация верхушки власти, убийство рабочих-солдат и первые депортации оставили город практически без мужчин. В Урфе осталось лишь несколько сотен мужчин, способных сражаться². Удивили девушки и женщины, которые принимали непосредственное участие в боевых действиях, не говоря уже об их роли в организации поставок боеприпасов для самообороны. Эта «последняя битва отчаяния»³, как ее назвала Карен Еппе, заставила каждого собраться с силами, чтобы бороться до самого конца: сопротивляться до тех пор, пока не падет последний боец.

Мутесариф Али Хайдар через старика-сирийца передал Мкртичу Еотнехперяну сообщение. В этом сообщении он ссылаясь на недавно произошедшие «печальные события», перекладывая вину на «жандармов», то есть головорезов, которые не «выполняли свои обязанности должным образом». Также он пообещал сохранить армянам жизнь и оставить им их имущество, если они сдадутся⁴. Очевидно, что обещания такого рода, которые можно было бы назвать визитной карточкой Иттихада, не произвели должного эффекта на Еотнехперяна, чей здравый рассудок и тактическая логика будут доказаны в ходе последующих событий. Вместо того чтобы воздвигнуть баррикады перед главными воротами, ведущими в армянские кварталы, он решил оставить их без охраны. Он по-

просил военных руководителей этих кварталов — Геворга Алахайдояна, обороняющего район отца Абраама, Саркиса Еотнехперяна, отвечающего за район Пос Пахенц, Арутюна Расткеленяна, обороняющего район Масмана, Вагарша Месропяна и Арутюна Симона, обороняющих район Тлфидур, в котором располагались американские учреждения, и Мовсеса Сюджяна, обороняющего Самсатские ворота, — разместить своих бойцов в домах, которые смотрели на эти ворота. На следующее утро тысячи жителей города, вооруженные шашками и винтовками, розданными властями, атаковали три главных армянских района. По-видимому, мутесариф завел традиционную пружину религиозного фанатизма, призвав мусульманское население наказывать неверных: во главе колонн шли церковники, взывающие к Богу. Защитники, позволив атакующим прорваться в глубь армянского квартала, бросали в толпу самодельные бомбы: в результате поднялась паника, во время которой четыреста пятьдесят человек стали жертвами взрывов или, получив ранения, были затоптаны толпой⁵. 1 октября власти применили новую тактику. Извлекая уроки из своей первой неудачи, власти приняли решение сфокусировать свой удар на одной точке, квартале, расположенном рядом с католической церковью, и нанесли удар ночью. Должно быть, Еотнехперян узнал об этом плане заранее, потому что у церкви он устроил им настоящую ловушку. Позволив атакующим взять контроль над церковью и ее широким двором, защитники обрушили на них гранаты и тяжелые артиллерийские снаряды, что привело к новым жертвам⁶. Следующее нападение произошло 3 октября. Тем утром Сулейман-бег, вождь курдов из Суруджа, прибыл с шестью сотнями людей из своего племени. Первые снаряды, выпущенные из крепости, упали на армянские кварталы, подготавливая почву для нападения, которое в районе отца Абраама начали курды, более закаленные в боях. Им помогали только что

¹ Саакян А. Указ. соч. С. 810–812. По сведениям Джерназяна, решение было принято, когда отряд жандармов вошел в армянский квартал для, как было сказано, поиска там дезертиров: *Jernazian E. K.* Op. cit. P. 83.

² Саакян А. Указ. соч. С. 817.

³ Там же. С. 818.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 819.

⁶ Там же. С. 821. В состав «военного комитета», отвечавшего за координацию обороны, входили Мкртич Еотнехперян, Арутюн Расткеленян, Арутюн Симиян, Хорен Купелян, Левон Эгперлерян, Ованес Измирлян и Арменак Аттарян (там же. С. 823).

⁷ Там же. С. 824–825.

прибывшие части регулярной армии. Атакующие, которые, вероятно, были убеждены в том, что артиллерийский обстрел уничтожит позиции армян в этих частях города, прежде всего пытались целиться в дома. Армяне, занимавшие свои позиции на крышах домов, снова воспользовались гранатами, чтобы разогнать врагов, вторгшихся на их территорию¹. Немецкий капитан Вольфскил, член генштаба 4-й армии, в письме к своей жене от 1 октября писал о том, что его послали в Урфу, чтобы «установить там порядок», и что он лично командовал атакой в тот день, столкнувшись с «прекрасно подготовленной обороной»². 4 и 5 октября турки удовлетворились тем, что обменялись с армянами несколькими выстрелами, вероятно, по причине того, что они ожидали прибытия шести тысяч человек, вооруженных современными немецкими пушками, под командованием неизменного генерала Фахри-паши, о чем было объявлено ранее³. По утверждению Хильмара Кайзера, Эберхард Каунт Вольфскил фон Райхенберг был «единственным известным немецким офицером, носившим форму Османской империи и непосредственно участвовавшим в убийстве армян»⁴.

Фактически войска генерала Фахри-паши прибыли в Урфу только 6 октября и не начинали свою первую атаку до утра 8 октября, когда армянские кварталы подверглись тяжелому артиллерийскому обстрелу. По словам капитана Вольфскила, благодаря батарее орудий, которыми он командовал, турецкие войска смогли постепенно сократить периметр обороны; теперь бои ограничивались несколькими очагами сопротивления⁵. Правда, армянам удалось провести несколько эффективных операций. Так, например, 6 октября отряд из 6 человек, переодетых курдами, обстрелял батарею орудий до того, как их доставили в город⁶, но их судьба уже была предрешена. Безо всякой спешки Фахри-паша установил свои пушки, затем отправил Еотнехперяну сообщение, в котором выразил свое восхи-

щение действиями повстанцев, но добавил, что теперь они должны сдаться. Между ними на линии фронта даже состоялась беседа, в это время каждого из них с позиций прикрывали свои войска. На обещание Фахри, который дошел до того, что предложил повесить Еотнехперяна до звания капитана, последний ответил перечислением всех преступлений, совершенных в течение последних недель, таких как убийство рабочих-солдат, а также еще раз сказал о том, что он не может поверить ни единому слову высокопоставленного офицера Османской империи. «Вы знаете, — закончил он, — что мы будем сражаться до тех пор, пока не умрет последний человек»⁷. После первой неудачной попытки Фахри попытался убедить Ф. Экхарта и Дж. Кюнцлера выступить в качестве посредников. Также он дал Франсису Лесли несколько часов — до полудня 8 октября — на эвакуацию американской миссии вместе с четырнадцатью иностранными гражданами, которые находились здесь⁸. Безусловно, положение Лесли и его товарищей было по меньшей мере двусмысленным. С одной стороны, они были заложниками армян; с другой — они были друзьями, защищающими сотни женщин и детей, которые нашли убежище за стенами миссии. Вполне возможно, что Лесли собирался притвориться заложником армян, чтобы оправдать свое присутствие здесь, несомненно, в надежде на то, что его миссия будет спасена благодаря его статусу работника консульства нейтрального государства. Также разумно предположить, что генерал Фахри не был доволен существованием этого потенциального убежища армян, даже несмотря на то что там находились только женщины и дети. По словам неизвестного американского миссионера, Лесли не собирался покидать свою миссию⁹. Дж.-Б. Ребуа более точен: он отметил, что американская миссия, в которой укрылись «несколько женщин и детей», стала прямой мишенью артиллерийского обстрела¹⁰. Другими словами, Ребуа подтвердил то,

¹ Там же. С. 827–829.

² Kaiser H.-L. (ed.). Op. cit. Pp. 20–21, письмо его супруге, 1 октября 1915 г.

³ Саакян А. Указ. соч. С. 831; Меморандум американского миссионера в Урфе [октябрь 1915 г.]: *Tounbee A. Op. cit., doc. 136. P. 540; Jehan de Rohé. Op. cit. P. 115*, стал свидетелем прибытия регулярных войск.

⁴ Kaiser H.-L. (ed.). Op. cit. P. V.

⁵ Ibid. Pp. 20–21, письмо его супруге, 16 октября 1915 г.; *Jernazian E. K. Op. cit. P. 85*.

⁶ Ibid; Саакян А. С. 832.

⁷ Там же. С. 833–835; *Jernazian E. K. Op. cit. P. 85*.

⁸ Ibid; Саакян А. С. 835–840.

⁹ Меморандум американского миссионера в Урфе [октябрь 1915 г.]: *Tounbee A. Op. cit., doc. 136. P. 540*.

¹⁰ *Jehan de Rohé. Op. cit. P. 120*.

что миссия была одной из главных мишеней, выбранных генералом Фахри, возможной целью которого было заставить иностранцев покинуть эту территорию. Капитан Вольфскил фон Райхенберг, который встретился с Лесли 15 октября, когда американцы решили покинуть миссию, отметил, что «турки» подозревали его в том, что он помогал армянам, но все еще верили, что он «невиновен»¹. 30 октября, а именно через неделю после окончания боевых действий было официально объявлено о том, что Лесли покончил жизнь самоубийством!² Существуют обоснованные причины подозревать, что Фахри-паша и местные власти убили одного из основных и наиболее осведомленных свидетелей событий, которые разворачивались в Урфе с начала кризиса.

Со стороны мятежников во время атаки 9 октября, которую удалось отразить, был ранен Мкртич Еотнехперян³. 11 октября прибыл Франц Экхарт, который надеялся уговорить армян сложить свое оружие. Они отказались и даже обвинили его в коллаборационизме⁴. С этого момента Фахри начал уничтожать армянские кварталы, методично подвергая их тяжелым артиллерийским обстрелам. 13 октября после суточной бомбардировки турецкие войска совершили жестокое нападение, захватив несколько армянских позиций. Второе общее наступление, начатое 19 октября, оставило большую часть армянских кварталов в руках противника⁵. К вечеру 23 октября, через двадцать пять дней борьбы, армия захватила все армянские позиции⁶. Большая часть защитников погибла в схватке или покончила жизнь самоубийством, начиная с Мкртича Еотнехперяна, который выстрелил себе в голову, после того как пал последний бастион⁷. Некоторые выжившие, как, например, Саркис Еотнехперян, брат Мкртича,

были повешены перед конаком. Преподобный Согомон Акелян, чья веревка дважды оборвалась, воскликнул: «Все деяния вашего государства такие же, как эта веревка — гнилые»⁸. Элвеста Лесли, осведомительница американского вице-консула, открыто обвиняла капитана Вольфскила, который командовал артиллерией, в том, что он участвовал в убийствах⁹. Она также отметила, что несколько женщин и детей были заперты в городских ханах, многие из них умерли от голода и брюшного тифа, что солдаты, офицеры, жандармы и гражданское население приходило в ханы, чтобы забрать девушек, как на рынке рабов, и что остальные умирали как мухи, после того как их отправляли в путь. Только единицам удалось спрятаться в арабских деревнях¹⁰. Вольфскил хладнокровно рассказывал своей жене, что после падения города «снова началась неприятная часть. Эвакуация жителей и военные суды», и что все, что он видел, «не имеющее ничего общего со мной», было «не очень приятным»¹¹. Также он отметил, что все промышленное и ремесленное производство пришло в полный упадок в городе Урфа¹². По свидетельствам отца Гиацинта Симона, 20 октября колонна из двух тысяч женщин и детей из Урфы проходила через Мардин. 28 октября последовала вторая колонна, насчитывающая три тысячи пятьсот человек. Официальным пунктом назначения был Мосульский регион¹³. Невозможно определить количество человек, убитых в кварталах, которые армия окружала с 13 октября. Также невозможно определить количество тех, кто на самом деле депортирован в пустыни Сирии и Месопотамии.

Поскольку комиссия, отвечающая за ликвидацию армянских активов, была создана довольно поздно — в декабре 1915 г.¹⁴,

¹ Kaiser H.-L. (ed.). Op. cit. P. 28, письмо жене, 16 октября 1915 г.

² Саакян А. Указ. соч. С. 943.

³ Там же. С. 843.

⁴ Там же. С. 847.

⁵ Там же. С. 856.

⁶ Там же. С. 858.

⁷ Там же. С. 1015.

⁸ Там же. С. 947; Сарафян Г. (ред.). Указ. соч. С. 1031. Отмечается, что именно Галиб-бей отдал приказ о повешении преподобного Согомона Акеляна.

⁹ Доклад Элвесты Т. Лесли, 11 апреля 1918 г., Barton J. L. Op. cit. P. 110.

¹⁰ Ibid. P. 111.

¹¹ Kaiser H.-L. (ed.). Op. cit. P. 25, письмо его супруге, 16 октября 1915 г.

¹² Ibid. P. 28.

¹³ Simon H. *Mardine, la ville héroïque. Autel et tombeau de l'Arménie durant les massacres de 1915*, Journal s. d. P. 91.

¹⁴ Künzler J. *Im Lande des Blutes. Erlebnisse in Mesopotamien während des Weltkrieges (1914–1918)*, introduction by Hans-Lukas Kieser, Zurich, 2004. S. 92.

жется, что эту задачу упрощал тот факт, что армяне позаботились о том, чтобы съечь все свое имущество в последние дни осады¹, оставив властям совсем немного в плане добычи. Более того, Джерназян отмечает, что защитники швыряли золотые монеты на мостовую и подзадоривали солдат, чтобы те бросались собирать их². Это говорит о ярости, которая душила армян, а также об осознании того, в каком тяжелом положении они находились. Франц Экхарт, член немецкой «Ориент миссии» Урфы и директор фабрики по производству ковров, неоднократно подвергался разнообразной критике со стороны выживших армян. В частности, его обвиняли в том, что он позволял армянским предпринимателям и семьям оставлять свое имущество на хранение в его доме, а затем доносить на них властям, чтобы потом он мог присвоить себе их активы. Другие обвиняли его в сотрудничестве с капитаном Вольфскилом во время осады, а также в присвоении части денег золотом, которые присылали из Америки, Германии и Швейцарии для помощи депортируемым, которые укрылись в городе³.

На протяжении всех событий, описываемых здесь, Урфа продолжала быть транзитным городом для десятков тысяч депортируемых. В середине июня через Урфу проходило около двух тысяч депортируемых из Зейтуна, которым жители города попытались помочь⁴. В последующие недели город наводнили армяне, пребывавшие в состоянии крайней нищеты. В частности, их поместили в большой хан, расположенный на выходе из города, откуда шла дорога на Алеппо, по которой ходили все караваны. Внутренний двор этого хана постепенно превратился в морт на открытом воздухе⁵. После падения армянских кварталов некоторым депортированным удалось укрыться в городе. Позже их отправили на юг после внезапной облавы, устроенной местными властями в июне 1916 г.⁶

Остальные покидали Урфу, часто становясь жертвами эскадронов чете, которые обосновались у Шейтан Дереси. Наконец, было объявлено о том, что несколько тысяч армянских рабочих-солдат со строительных площадок Багдадбана⁷, проходивших через Шейтан Дереси в июле 1916 г., были ликвидированы недалеко от города.

Помимо уже названных городских и военных чиновников в список людей, участвовавших в гонениях армян этого региона⁸, входят Шейх Савфет, депутат парламента Куркджи-заде Махмуд Недим, Омер Эдир, Арабистан Хаджи Али, Фесади-заде Хаджи Халил, Хаджи Камиль Дели-заде Хаджи Мустафа, Дждедави-заде Мехмед, Дждедави-заде Омер, капитан жандармерии Гусейин Фехми, Халил Аджа Хаким, начальник полиции Шакир-бей, Расдгельме-заде Гусейин, Хаджи Эсад-эфенди, Бейаз-бей-заде Хаджи-бей, Али-эфенди из Северека, Басмаджи-заде Гасан Чавуш, Басмаджи-заде Халил-эфенди, Пармазкшкес-заде Сейх Муслим, Калабойунда Араби-заде Решид, Каралек-заде Хаджи Мехмед, Казаза Ирван-заде Хаджи, Казаза Хаджи Муслима-заде Хаджи, Хаджи Камиль-заде Кючук Хаджи Мустафа, Барутджу-заде Хаджи Имам, Барутджу-заде Муслим, Густонун-оглы Омер, Иса-эфенди, Араби-заде Мехмед, лейтенант полиции Кеманджи Али-заде Кадри, Хаджиджоме-заде Хаджи Мехмед, Кеклик Эмин, Саатджи-заде Мехмед, Бинбаши-заде Халил, Хаджи Саидага-заде Мехмед, Пармаксуз Мехмед Али, Диши Курукун Халил, Диши Курукун Шейх Муслим, Хаджи Капламаз-заде Яхья, Мусурла Хаджи Али-заде Хасим, Мусурла Хаджи Али-заде Халил, Кирисджи-заде Хаджи Ахмед, Ходжа-заде Ченесиз Халил, Ходжа-заде Ченесиз Абдурахман, начальник жандармерии Лютфи-бей, вождь курдов Джекоглы Халил, Биречикли Бахкер, главный прокурор Имам-эфенди, Зазанун-оглы Мехмед, Деллаль Кючук Ахмед, Джурналлу-заде Камер Усту, Накар Махенин-оглы Хаджи Решид, Накар Ма-

¹ Rohé J. de. Op. cit. P. 121.

² Ibid. Pp. 833–835; Jernazian E. K. Op. cit. P. 86.

³ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. n° 299, Constantinople, 11 février 1919, «Les crimes de Franz Ec[k]art à Ourfa». Он был арестован в Константинополе британскими оккупационными силами в феврале 1919 г. на основании этих обвинений: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 327–328, dossier n° 34, rédigé par Gabriel Dagharvian, Constantinople, le 15 janvier 1919.

⁴ Письмо Ф. Лесли Дж. Джексону, Урфа, 14 июня 1915 г.: *Toynbee A. Op. cit.*, doc. 133. P. 536.

⁵ Rohé J. de. Op. cit. P. 111.

⁶ Künzler J. Op. cit. P. 98.

⁷ Ibid.

⁸ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, dossier 59, список лиц, ответственных за массовые убийства и депортации в Урфе и окрестностях.

хенин-оглы Хаджи Мустафа, Текайид Юзбаши Джуман, председатель муниципального совета Ягличи Хаджи, Хаджи Гасан Зеден-заде Хаджи Муслим, Софит-заде Осман, Муллу Осман-заде Мехмед Чавуш, Араб Али-заде Мехмед, Хаджи Карааз-заде Юсуф Хаджи, Бозунту-заде Сандук Эмини Кадри, Осро Кучи-заде Фуад-бей, Хаджи Мумбарек-заде Мустафа, Алай-бей-заде Махмуа, жандарм Хаджи Надир (который был ответственным за сожжение собора в 1895 г.), полицейский Нури, Хаджи Фазла-заде Фазла, главарь головорезов Атеш-бей-заде Али Тахир, Хаджи Иса-заде Хато, Диммо-заде Баклор Агху, Али Балли-заде Ибрагим Курдо,

Бедир-ага-заде Халил Агу, Гайдар-заде Ариб, Гюллю-заде Ходжа Ибрагим, Гюллю-заде Ходжа Абдулла, Шекерджи Эйюп-эфенди, Шекерджи Мехмед Эмин, Бекир Хатибин-оглы Назим, Неби-бей Заде Хючейн-паша из Суруджа, Курджи-заде Недимин-оглы Джелаль, Чибукджи Хасан, Хаджяли-заде Джелаль, управляющий имущественными делами в Сурудже, вождь курдов Хаджи Чадер-заде Салих-бей, Хаджи Камиль-заде Хаджи-бей, Гариб-бей-заде Гесте Осман, Гариббей-заде Мустафа, Мехмед Касей, курд Салих-бей, Гюллю-заде Мустафа, Немук-ага, курд из Самсата, Зейнел-бей из Кахты и Сиза Бекир-ага из Чибы.

Казы Биреджик и Румкале

В 1914 г. в административном центре казы Биреджик, расположенном на полпути из Айнтаба в Урфу, на берегу Евфрата, проживало полторы тысячи армян. Биреджик, расположенный на берегу Евфрата, был обязательной промежуточной остановкой на пути в Месопотамию. В нескольких километрах к западу на пути в Айнтаб, в местечке Нисибин проживала примерно сотня армян. В этом местечке оставались следы присутствия древних армян. Каза Румкале, расположенная на севере, насчитывала полторы тысячи армян, которые проживали преимущественно в Энеше, Джибине и Румкале (армянское название — Хромгла), который с 1151 по

1292 год был центром католиков¹. Согласно информации, переданной американскому консулу Джексону американским миссионером, самая большая группа армян из Биреджика была депортирована в середине августа, после того как им предложили перейти в другую веру. К ним применили такой же «метод», который применялся в Диарбекире². Армяне Энеша и, вероятно, Джибина в Румкале также были депортированы в середине августа после уничтожения последних мужчин³. Все это происходило под руководством каймака Мидхата-бея, который занимал свой пост с 22 августа 1913 по 24 февраля 1916 г.

¹ Kévorkian & Paboudjian. Op. cit. Pp. 337–340.

² Письмо Дж. Джексона Х. Моргентау, 25 августа 1915 г.: Sarafian A. (ed.). Op. cit. P. 234, письмо Джона Меррилла, президента Центрального Турецкого Колледжа в Айнтабе, 17 августа 1915 г.

³ BNU/Fonds Andonian A. P.J. 1/3, liasse 4, Ayntab, ff. 26–30, о депортации армян Энеша.

Часть V

ГЛАВА I

Субдиректорат по работе с депортируемыми города
Алеппо: агентство по реализации партийно-государственной
депортационной политики

Вторая стадия геноцида. Осень 1915 – декабрь 1916 года

В начале 1909 года процесс геноцида в Османской империи достиг своей второй стадии. В этот период депортация армян из городов и селений стала массовым явлением. В 1915 г. удалось сосчитать лишь около 100 тысяч депортированных, хотя по оценкам экспертов их количество достигало нескольких миллионов. Депортация армян в 1915 г. удвоила количество беженцев, тогда же около двух миллионов армян погибли в результате истребления. Но в этот период не происходило систематического депортирования армян. Только депортируемые, которые оказались в Сирии или Месопотамии, представляли собой лишь десятую часть от первоначально запланированного депортируемого населения. Субдиректорат по работе с депортируемыми, созданный в Алеппо осенью 1915 г., стал одним из основных органов, занимавшихся организацией депортации армян в Месопотамию. В этот период депортируемые армяне и эмигранты («босны» и «ахиджры» во Мухаджирин Мухаджирате) которых в свою очередь, отправлялось перед министрами внутренних дел. Вальтер ИАММ были организованы депортации, а также передача имущества армян Мухаджирин, или других областей, расположенных в окрестности в месте, где была земля. Имя ИАММ координировал, например, депортацию му-

сульманов из Румелии или Малой Азии в Месопотамию. ИАММ был тем органом, который занимался реализацией политики Центрального правительства по депортированию армян. ИАММ организовало депортацию армян в Месопотамию, а также, главным образом, содействовало в координации его депортации, процесс, который, как мы уже видели, велся в той области, где были депортируемые армяне. Таким образом, если мы посмотрим на хронологию депортаций мусульман, происходящих в территорию мухаммидов, оказавшись, что этот процесс осуществлялся фактически параллельно и одновременно с депортацией армян в регион, куда должны были отправиться мусульмане, переселенцы ИАММ. Связь Директората с комитетом «Единение и прогресс» была отмечена самим характером его миссии по депортированию армян, а также выбором его членами, Муфти-ага Шахна-Кайа-Бек, икхаджурка, бейлика в Мехиди Талману, которого КЕП отпустил как своего представителя в Валахеты Адана

¹ Бюканн Р. *История Турции*. М.: Издательство «Восток-Запад», 1975. С. 101. В. 90-174. См. также карту на с. 31.

² Бюканн Р. 201-225. ИСАИ ГАМ. Бюканн Р. *История Турции*. М.: Издательство «Восток-Запад», 1975. С. 101. В. 90-174. См. также карту на с. 31. Бюканн Р. 201-225. ИСАИ ГАМ. Бюканн Р. *История Турции*. М.: Издательство «Восток-Запад», 1975. С. 101. В. 90-174. См. также карту на с. 31. Бюканн Р. 201-225. ИСАИ ГАМ. Бюканн Р. *История Турции*. М.: Издательство «Восток-Запад», 1975. С. 101. В. 90-174. См. также карту на с. 31.

³ Бюканн Р. 201-225. ИСАИ ГАМ. Бюканн Р. *История Турции*. М.: Издательство «Восток-Запад», 1975. С. 101. В. 90-174. См. также карту на с. 31. Бюканн Р. 201-225. ИСАИ ГАМ. Бюканн Р. *История Турции*. М.: Издательство «Восток-Запад», 1975. С. 101. В. 90-174. См. также карту на с. 31.

ГЛАВА 1

Субдиректорат по работе с депортируемыми города Алеппо: агентство по реализации партийно-государственной депортационной политики

В течение всего процесса, кульминацией которого стала ликвидация армян Османской империи, возможности избежать всеобщей судьбы были крайне редки, если они вообще были. Как известно, незначительному количеству армян удалось выжить благодаря дипломатам, представлявшим Болгарию, на тот момент союзника Османской империи; кроме того, некоторым представителям интеллигенции, депортированным 24 апреля 1915 г., удалось спастись благодаря тому или иному дипломатическому или политическому вмешательству. Но общей массе из нескольких сотен тысяч депортируемых, которые оказались в Сирии или Месопотамии, предстояло заполнить десятки спешно организованных концентрационных лагерей, которыми заведовал Субдиректорат по работе с депортируемыми, созданный в Алеппо осенью 1915 г. Это была официальная организация, подчинявшаяся Директорату по расселению племен и эмигрантов («Искян-и Ашайирын ве Мухаджирын Мюдырийети»), который, в свою очередь, отчитывался перед министром внутренних дел. Задачей ИАММ была организация депортаций, а также передача имущества армян *мухаджирам*, или, другими словами, расселение *мухаджиров* в места, где жили армяне. Именно ИАММ координировал, например, депортации му-

сульманских эмигрантов из Румелии или Черкеза, из Палестины в те части Малой Азии, которые были свободны от своих греческих или армянских жителей¹. Таким образом, ИАММ был тем органом, который занимался внедрением политики Центрального комитета Иттихада по «демографической гомогенизации». Официальное название указывало на то, что его задачей являлось расселение сорванных со своих мест мусульман, а также, главным образом, он отвечал за насильное выселение армянского населения и координацию его депортации, термин, значение которого, как мы уже знаем, менялось в тех областях, где жили депортируемые армяне. Таким образом, если мы посмотрим на хронологию передвижений мусульман, производившихся авторитарно по приказам ИАММ, оказывается, что этот процесс осуществлялся фактически параллельно и синхронно с этническими чистками армян в регионах, куда должны были отправиться мухаджиров, переселенных ИАММ². Связь Директората с комитетом «Единение и прогресс» была отмечена самим характером его миссии по отуречиванию страны, а также выбором его начальника, Муфти-заде Шюкрю-[Кайа]-бея, младотурка, близкого к Мехмеду Талаату³, которого КЕП отправил как своего представителя в вилайеты Адана

¹ *Dündar F. İttihat ve Terakki'nin Müslümanları İskân Politikası (1913–1918)*. İstanbul, 2001. S. 92–174. См. также карту на с. 93.

² *Ibid.* P. 201–225; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 1370, «Musulmans qui ont émigré pendant la guerre balkanique et la guerre générale», дает следующее разделение: вилайет Андрианополь 132 500; вилайет Адана 9059; вилайет Ангора 10 000; вилайет Айдын 145 868; вилайет Алеппо 10 504; Вилайет Бруссе 20 853; вилайет Сивас 10 806; вилайет Конья 8512 и т.д., в общей сложности 413 922 человека.

³ FO 371/6500, личные дела главных турецких военных преступников, и в частности, Шюкрю-бея, изданные Вардесом Егияном: *Yeghiayan V. British Foreign Office Dossiers on the Turkish War Criminals*. Op. cit. Pp. 143–146. Шюкрю-бей стал министром во время кемалистского периода.

и Алеппо летом 1915 г.¹, как и большое количество его коллег из Стамбула, которых отправили в провинцию, когда ситуация потребовала срочного вмешательства и внедрения политики, выбранной центральными органами Иттихада.

Бесчисленные телеграммы, которые отправлял сам министр внутренних дел, касались правил по обращению с депортируемыми армянами; с большой долей уверенности можно утверждать, что эти правила были детально разработаны службами ИАММ. Приказ, переданный 23 мая 1915 г., к примеру, установил, что депортируемых можно поселить в вилайете Мосул, за исключением северной части вилайета, граничившей с провинцией Ван; в нем также говорится о том, что области, «в которых надлежит поселить армян», должны располагаться «по меньшей мере в двадцати пяти километрах от Багдадской железной дороги или ее ветвей»². Директива от 7 июля расширила зоны, где предполагалось «приютить» армян до «южных и западных частей вилайета Мосул», областей в санджаке Киркук «на расстоянии как минимум в восемьдесят километров от иранской границы, южных и западных частей санджака Зор, по меньшей мере в двадцати пяти километрах от границ вилайета Диарбекир, включая деревни в бассейнах Евфрата и Кабура, всех деревень и городов западной части вилайета Алеппо, а также регионов на юге и востоке, за исключением северной части вилайета и сирийских земель, и санджаков Хавран и Керек, за исключением территорий менее чем в двадцати пяти километрах от железной дороги. Это регионы, по которым должны быть разбросаны и расселены армяне в пропорции, равной десяти процентам от мусульманского населения»³.

Доклад Йохана Х. Мордтмана, дипломата, работавшего в посольстве Германии в Константинополе и следившего за ходом армянских дел, которым он обменялся 30 мая 1915 г. с Исмаилом Джанполатом, начальником Службы безопасности Министерства внутренних дел, иллюстрирует иттихадистский подход к гомогенизации страны. Мордтман отмечает, что у Джанполата-бея на рабочем столе была карта, которая показывала, как далеко продвинулись депортации. Это доказывает, что план депортации координировался на самом высоком государственном уровне, а также подтверждает ее систематическое измерение, что ни в каком смысле «не оправдывалось военными оценками»⁴.

Муфти-заде Шюкрю-бей, назначенный в общем порядке начальником Управления депортации — *Sevkiyat Reisi Umumisi* («Севкийят Реиси Умумиси»), был также назначен на должность специального представителя КЕП⁵, чтобы он мог организовывать расселение депортируемых, достигших Сирии. Это доказывает прямую роль, которую играл КЕП в проведении этих операций, а также тесные связи между Центральным комитетом юнионистов и некоторыми управлениями, над которыми он получил контроль, направив туда своих сотрудников.

При этом хронология депортаций показывает, что существовал промежуток времени между операциями, проведенными в мае и июне в восточных провинциях, и операциями против населения Западной Анатолии и Киликии, которое было изгнано в августе и сентябре 1915 г. Методы, использованные в каждом из этих регионов, кроме того, объясняют, почему доля депортируемых из восточных провинций, которые достигли ворот Сирии, была значительно

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, P 125–128–129–130.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 456, № 24. Шифрованная телеграмма министра внутренних дел Талаата в префектуру Эрзурума от 10/23 мая 1915 г.

³ Т. С. Başbakanlık Arşivi, 22 Sh 1333, IАММ, circulaire d'Ali Münif. S. 54/ 315, doc. № 63; APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 455, № 51, указание в шифрограмме исполняющего обязанности командующего XV дивизиона Кайсерии, полковника Шахабеддина, главнокомандующему III армии, от 24 июня 7 июля 1915 г. [24 Газиран 1331]. По словам Фуата Дюндара, ИАММ был переименован в *Aşâyir ve Muhâfız Müdriyeti Umumiyesi* (АММУ) в 1916 г.

⁴ Рапорт Й. Мордтмана, Пера, 30 июня 1915 г.: J. № zu. 4018 AA-PA Konstantinopel 169, in: *Kaiser H. Op. cit.* Pp. 321–322, et p. 790. Фуат Дюндар совсем недавно обнаружил этнографические карты и данные переписей населения, собранные перед или во время Первой мировой войны, о которых мы до этого знали только из отчетов свидетелей, таких как Мордтман: *Dundar F.* «La dimension ingénierie de la Turcisation de l'Anatolie: Les cartes ethnographiques et les recensements», conference, Salzburg, 14–17 avril 2005.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, S 313. Список виновных в погромах в зоне Алеппо—Дер—Зор—Моссул.

Субдиректорат Алеппо по депортации

же — приблизительно от десяти до двадцати процентов, — чем доля армян из Западной Анатолии, которая составляла примерно от восьмидесяти до девяноста процентов. Таким образом, очевидно, что между началом июня, когда первые депортируемые с востока прибыли в Сирию (за ощутимым исключением депортируемых из Зейтуна), и сентябрем центральные власти нашли причину выстроить схему управления потоками депортируемых, которую они не обязательно намечали сначала. Миссия, возложенная на Муфти-заде Шюкрю-бея, вероятно, не имела иной цели, кроме как приезд Бахазддина Шакира в вилайеты Адана и Алеппо в течение лета 1915 г.¹ Авторитарные выражения, использованные в телеграмме, отправленной д-ром Шакиром Джемалю-паше, телеграмме, на которую ссылался руководитель администрации Джемала, даже служат основанием для гипотезы, что начальник «Специальной организации» выступал какое-то время в качестве реального руководителя депортаций, вызывая глубокое раздражение главы региона, Джемала². Как мы уже видели, вмешательство КЕП и ее представителей породило определенный антагонизм с местными гражданскими и военными властями. В Алеппо Шюкрю-бей столкнулся с этически мотивированной скрытностью вали, Джелала-бея, переведенного вскоре в Конья, и его преемника, Бекира Сами, который был переведен из Бейрута в Алеппо и оставался в этой должности всего с 24 июня по 25 сентября 1915 г. Другими словами, простого присутствия руководителя депортаций было недостаточно, как, например, в провинциях,

родом из которых были депортируемые, чтобы справиться с серьезнейшей ситуацией, возникшей к лету 1915 г. Необходимо было создать такую организацию, как Субдиректорат по работе с депортируемыми. Такой была задача, возложенная партией на Шюкрю-бея.

Свидетели — дипломаты и депортируемые, упоминают двух «Севкийят мюдюрю» (руководителей депортаций) в Алеппо: Ахмеда Ейюба Сабри, которого отправили в Стамбул в июне 1915 г.³, и Абдуллахада Нури. Однако при том, что первый носил тот же титул, что и второй, складывается ощущение, что в его распоряжении не было материально-технической базы, соответствующей званию, с которой можно было выполнить задачу; существуют признаки того, что эта материально-техническая база была создана только после того как Нури был назначен главой Субдиректората по работе с депортируемыми осенью 1915 г. Нури, который был братом государственного секретаря Министерства юстиции, депутата парламента младотурок Юсуфа Кемаль⁴, рассказал каймаку Килиса, принимая на себя свои обязанности, что у него была «связь с Талаат-беем» и что он получал «приказы о ликвидации лично от Талаата»⁵. Депутат с широкими полномочиями Аветис Накашян⁶, выдвигая обвинения против Нури в июле 1920 г., подчеркнул, что этот человек, «задачей которого была отправка всех армян в пустыни Мескене и Дер-эз-Зор», совершил «умышленное преступление», отправив их туда, прекрасно зная, что их там ждет⁷. В письме от 31 ноября 1915 г. посол Австрии сообщил о том, что

¹ Atay F. R. Zeytindağı, Istanbul, 1981. S. 64. Автор, офицер Четвертого армейского корпуса, который ехал на поезде в Алеппо вместе с младотурецким феминистом Халидом Эдибом, видел, как он сел в поезд на станции Адана, и слышал рассказы о его подвигах в провинциях.

² Erden A. F. Birinci Dünya harbinde Suriye hatıraları [Воспоминания о Первой мировой войне в Сирии], Istanbul, 1954. S. 217, цитируемый Дадрианом в статье Documentation of the Armenian Genocide in Turkish Sources, pp. 118–119.

³ Kaiser H. At the Crossroads of Der Zor, Death, Survival and Humanitarian Resistance in Aleppo, 1915–1917, Princeton, 2001, p. 15, n. 25 et 26. Хильмар Кайзер предоставляет перечень различных депеш о новых прибытиях, которые Рёсслер отправил своему послу в июне 1915 г.

⁴ Мы рассмотрели роль, которую играл Кемаль в мае 1909 г. в качестве члена парламентской комиссии по расследованиям после расправ в Киликии. Именно Кемаль от имени правительства защищал закон, разрешающий «Специальной организации» вербовать преступников, перед Сенатом на его заседании 12/25 сентября 1916 г. (два года спустя!): Dadrian V. The Complicity of the Party, the Government, and the Military, Journal of Political and Military Sociology 22/1 (summer 1994). Pp. 57–59.

⁵ Заявление Ихсан-бея, главы кабинета Министерства внутренних дел и бывшего помощника префекта Килиса на первом заседани суда над иттихадистами 27 апреля 1919 г.: «Takvim-i Vakayi», № 3540, 5 mai 1919. P. 5.

⁶ См. ниже, с. 736.

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 104–105. Mémorandum to the British Intelligence, colonel Ballard, à Galata, du Dr A. Nakachian, daté de juillet 1920.

ему рассказал «Нури-бей, бывший генеральный секретарь Махсуса»: «В Алеппо создан всеобщий директорат по эмиграции; его задача состоит в организации отправки всех армян в Месопотамию... Это следует из бесповоротного решения комитета «Единение и прогресс». После того как мы закончим с армянами, мы приступим к массовому изгнанию греков»¹. Это определенно подтверждает прямую роль Центрального комитета и «Тешкилят-и Махсуса», откуда и был Нури, в организации концентрационных лагерей. Кроме того, если изучить то, как функционировали эти лагеря в Бабе, Мунбудже, Рас-эль-Айне, Дер-эз-Зоре и так далее, выяснится, что отряды «Специальной организации» были напрямую вовлечены в ликвидацию депортируемых; это показывает, что деятельность «Специальной организации» и Субдиректората по работе с депортируемыми была переплетена. Также можно заметить переплетение функций в случае с полковни-

ком Хусейном Авни, начальником жандармерии вилайета, и председательствующим судьей военного суда Аданы, который также являлся главным координатором депортаций в северных регионах вилайета и командиром отрядов бандитов.

Другими словами, только после приезда Муфти-заде Шюкрю в Алеппо там был образован настоящий субдиректорат «Севкийята». В этом субдиректорате Ейюб Сабри был помощником Нури, как нам дал понять консул Германии Рёсслер². Разумно предположить, что Нури имел некоторое отношение к тому факту, что вали Джелаль-бей и после него Бекир Сами были переведены в другое место, пусть даже и очевидно, что сам Мехмед Талаат определил своего шурина, бывшего вали Битлиса, Мустафу Абдулхалика, в Алеппо. Абдулхалик вступил в должность 17 октября 1915 г.³. Эта дата ориентировочно совпадает с назначением Нури главой «Севкийята»⁴.

¹ Osterreichisches Staatsarchiv, HHSa PA LX, Interna, dossier 272, № 397.

² Dadrian V. The Na'im-Andonian Documents on the World War I Destruction of the Ottoman Armenians. *International Journal of Middle Eastern Studies*, vol. 18/3 (1986), pp. 331–332 et n. 55.

³ FO 371/6501, War Criminals, file of the prisoner Mustafa Abdülhalik: *Yeghiayan V.* Op. cit. Pp. 305–319.

⁴ Дж. Хероян, который был определен в лагерь Рас-эль-Айн в конце октября 1915 г., представил верительные грамоты, подписанные Нури, «главой Директората по работе с депортируемыми»: см.: Kévorkian R. H. *L'Extermination des déportés arméniens ottomans dans les camps de concentration de Syrie-Mésopotamie (1915–1916), la Deuxième phase du génocide*, Paris, RHAC II, 1998. P. 110.

ГЛАВА 2

Перемещенное население и основные маршруты депортации

В более поздней ноте, датированной 4 февраля 1917 г., посол Австрии в Константинополе выражает доверие инспектору Армии Османской империи, Намику-бею, который совершил поездку по вилайету Сивас «во время недавних высылки и расправ над армянами». В своем отчете, который был просто помещен на хранение в архив Управления инспекции — так сказать, похоронен в молчании, — Намик-бей написал: «Семьсот тысяч армян в крайне плачевном состоянии прошли через Ак-Кышла [Кышла] по пути в изгнание в санджак Зор. Банды, возглавляемые каймакамом Азизие, отобрали буквально все, что у них было. В вилайете Сивас не было ни одного турецкого дома, в котором бы не было девочек, отобраченных у своих родителей, а также собственности, принадлежавшей армянам»¹. Данный отчет относится, конечно, к депортируемым из регионов северной и северо-восточной Малой Азии, колонны которых встретились возле Ак-Кышла, около восьмидесяти километров к юго-востоку от Сиваса; это дает грубое представление о размере изгоняемых потоков, но никаким образом не может быть принято в качестве основания для определения количества депортируемых, которые действительно достигли Сирии или Месопотамии. Роль мест совершения массовых убийств, таких как участок в Фырынджиларе, возле Малаты, функционирование которых мы уже изучили, расправ, совершенных в пути отрядами «Специальной организации» или простыми деревенскими жителями, а также условия транспортировки, унесшие много жизней, делают точные расчеты невозможными. Оценка местных условий, проведенная в четвертой части данного исследования, однако, позволяет нам рассчитать

пропорцию депортируемых, которые прибыли «в свои регионы ссылки».

Из почти семисот сорока тысяч армян из вилайетов Трапезунд, Ангора, Сивас, Мамурет-эль-Азиз и Эрзурум примерно сорока тысячам удалось бежать и пересечь российскую границу. Мы также знаем о судьбе, уготованной десяткам тысяч мужчин, которые были мобилизованы и, по большей части, постепенно ликвидированы, а также о систематических расправах, объектом которых стало мужское население старше десяти или двенадцати лет. В конце концов, мы знаем, что во многих регионах некоторые или все депортируемые были ликвидированы в местах массовых расправ возле их пункта назначения: например, армяне Трапезунда были утоплены у побережья Черного моря, армянам из Йозгата перерезали горло в Богазлыне, а депортируемые из Эрзинджана были убиты в ущелье Кемах. Зная о расстояниях, которые этим людям пришлось пройти пешком, и нападках, которым они подвергались в пути, мы можем определить количество тех, кто достиг пустынь Сирии по маршруту через Урфу или Биреджик, как двадцать процентов (около 130 000 человек, главным образом женщины и дети). В докладе от 16 октября 1915 г. под названием «Массовое переселение армян из Харпута» американский консул Джесс Б. Джексон с точностью, день за днем, описывает маршрут передвижения трехтысячной колонны депортируемых, которая вышла 1 июня 1915 г. из Харпута и присоединилась на пятнадцатый день суровых испытаний к гораздо более крупному каравану из восемнадцати тысяч человек (мужчин из которых было всего триста), шедших из Сиваса, Агна и Токата. На шестьдесят пятый день пути, после систематических нападений от-

¹ Österreichisches Staatsarchiv, HHStA PA XL, dossier 275, № 26.

рядов «Специальной организации», депортируемые прибыли в Рас-эль-Айн, где последних выживших отправили поездом в Алеппо. Прибыв на семидесятый день в сирийский мегаполис, караван теперь включал всего тридцать пять женщин и детей из Харпута и сто пятьдесят женщин и детей из основной группы, то есть менее одного процента депортируемых¹. Это, несомненно, чрезвычайный случай, который не следует относить ко всем колоннам, избравшим тот же маршрут. Соотношение выживших временами было немного выше: из колонны в четыреста человек из Аргана Маден в Алеппо прибыли тридцать два; из группы в двести сорок человек, высланных из Чемешкадзага в регионе Дерсим, до Алеппо добрались трое².

Второй депортационный маршрут затронул примерно четыреста двадцать пять тысяч армян из вилайетов Диарбекир, Битлис и южной части вилайета Ван, некоторые из которых были отправлены в Рас-эль-Айн в Сирию по маршруту через Диарбекир и Мардин, остальные же были убиты прямо на месте или смогли сбежать. В этом случае определить количество депортируемых легче. Мы знаем, что чуть меньше двадцати тысяч человек были депортированы из региона Ван и что чуть меньше половины из них достигли пункта назначения, в то время как около пятидесяти пяти тысяч деревенских жителей из окрестностей города Ван были убиты в апреле 1915 г.³, а некоторые из оставшихся добрались до Роккии или были убиты по пути. Мы также видели, что в вилайете Битлис несколькими тысячам армян, преимущественно уроженцам Сасуна, удалось укрыться от депортаций и расправ, проводимых армией и местными курдскими племенами на равнине Муш и в регионе Сиирт⁴. По самым крайним подсчетам, шестьдесят тысяч человек из Битлиса были отправлены на юг; менее половины прибыли в Месопотамию. Этот маршрут фактически был основным для армян Диарбекира, коли-

чество депортируемых из которого, как мы заметили, оказалось значительно выше, чем согласно статистике Армянского патриархата: Патриархат определил количество армян в Диарбекире как сто шесть тысяч, тогда как официальные цифры правительства Османской империи свидетельствуют о том, что количество депортируемых из этого вилайета составило сто двадцать тысяч⁵. Таким образом, мы приходим к тому, что общее количество депортируемых армян, достигших границ Сирии или Месопотамии, составило сто пятьдесят тысяч человек.

Третий депортационный маршрут, который проходил по направлению движения Багдадской железной дороги, затронул около трехсот тысяч армян из Фракии, Константинополя, Дарданелл, мутесарифата Исмид и вилайетов Бурса, Конья, Айдын, Кастамону и западной части вилайета Ангора (армяне из остальной части этого вилайета, включая Йозгат, были убиты на месте или отправлены по первому маршруту через Малатью). Эти депортируемые были отправлены по железной дороге или пешком в направлении Сирии через Конья до конечной станции железной дороги, Бозанты.

В заключение следует вспомнить, что около двухсот тысяч армян из вилайета Адана и северных районов вилайета Алеппо — за исключением тех, кому разрешили остаться — были начиная с июня 1915 г. отправлены по железной дороге или пешком в направлении Сирии вслед за теми, кто был отправлен одним из двух основных маршрутов. Первый, которым были отправлены депортируемые с запада и армяне из вилайета Адана, вел в Бахче; вторым были отправлены депортируемые из разных регионов, которые соединились в Айнтабе и проследовали в Килис. Депортируемые армяне, отправленные этим третьим маршрутом, по причине того, что они ехали по железной дороге или жили в непосредственной близости от Сирии, понесли относительно небольшие потери в пути. По-

¹ US National Archives, State Department Record Group 59, 867 4016/225, № 278. Письмо консула в Алеппо Джексона от 16 октября 1915 г. и прикрепленный рапорт, адресованные Государственному департаменту. *Sarıfian A. Op. cit.*, t. 1. Pp. 105–108.

² *Ibidem*. State Department RG 59, 867 4016/219, № 382. Письмо Джексона от 29 сентября 1915 г. и прикрепленный рапорт, адресованные Моргентая: *Sarıfian A. Op. cit.* Pp. 100.

³ BNU, Archives de la délégation nationale arménienne, «Statistique de la population arménienne en Turquie [en 1920]», IV. 46. 2, ff. 1–3.

⁴ *Ibidem*.

⁵ T. C. Başbakanlık Arşivi, 9Za1333/18 Eylül [septembre] 1915, DN. Ответ префекта Диарбекира Решид-бей циркуляру [полученному 12 августа 1331/1915 г.], DH.EUM, 2 şube, 68/71, doc. № 112.

тери, которые они понесли, были, главным образом, связаны с эпидемиями и голодом, достигшими крайней степени, в особенности в транзитных лагерях Конья и Бозанти, а также с расправами, совершенными в Дёртёле, Зейтуне и Урфе. Таким образом, справедливо предположить, принимая во внимание женщин и детей, насильно похищенных по пути, что около шестисот армян, отправленных третьим депортационным маршрутом, добрались до Сирии.

Другими словами, около восьмисот восьмидесяти тысяч армян оказались, в одних

случаях в начале лета 1915 г., а в других осенью 1915 г., «переселенными» в Сирию. Это более половины армян, живших в Османской империи в канун Первой мировой войны. Из оставшихся миллиона ста тысяч армян Османской империи около трехсот тысяч не были депортированы или смогли скрыться. Это означает, что осенью 1915 г., во время первого этапа геноцида, около восьмисот тысяч армян, большинство из восточных провинций, были ликвидированы или, в случае нескольких тысяч женщин и детей, были отданы в семьи, гаремы или племена.

Прибытие первых депортируемых и создание первых лагерей на севере Алеппо

Между депортациями, проведенными в армянских провинциях в апреле — мае 1915 г., и созданием Субдиректората по работе с депортируемыми и сети его концентрационных лагерей начиная с сентября 1915 г. довольно большой поток изгнанных достиг в течение лета северной части Месопотамии и Сирии. Конечно, для их приема заранее не было создано никаких структур. В самом деле, создается впечатление, что Министерство внутренних дел начало думать о материальном обеспечении выживших, только когда оно обнаружило, что они сильно дезорганизовали стратегический маршрут, которым южный фронт сообщался с Малой Азией. Растущее количество разлагающихся тел по сторонам дороги и последующая эпидемия тифа, который быстро распространился среди местного населения, также насторожили префектов и супрефектов, на которых посыпались жалобы со всех сторон. Таким образом, министерству стало совершенно необходимо «продезинфицировать» регион и принять меры, необходимые для наведения порядка в царствующей там анархии. Человек, наиболее вовлеченный в эти преобразования, Джемаль-паша, писал в своих мемуарах: «Я был взбешен, когда узнал, что идущие из Тарсона и Аданы изгнанные должны пройти через Бозанти по пути в Алеппо; поскольку любое вмешательство в линии связи может иметь самые тяжелые последствия для отправки через [Суэцкий] канал»¹.

Фактически первыми прибывшими были

трупы, принесенные течениями Тигра и Евфрата, в зависимости от регионов. К 10 июня 1915 г. консул Германии в Мосуле, Гольштейн, уже писал своему послу о том, что «614 армян (мужчины, женщины и дети), высланных из Диарбекира и отправленных в направлении Мосула, были убиты во время путешествия на плоту [по Тигру]. Плоты вернулись вчера пустыми. Уже несколько дней трупы и части тел плавали по реке. Другие колонны армянских «переселенцев» в данный момент находятся в пути, и их, вероятно, ждет та же судьба»². Ситуация на Евфрате была еще хуже, как утверждает в своем докладе немецкий консул в Алеппо Рёсслер: «Вышеупомянутое присутствие тел в Евфрате, которые были замечены в Румкале, Биреджике и Джераблусе, продолжалось двадцать пять дней, насколько мне сообщили 17 июля. Тела были связаны друг с другом одним и тем же способом, парами, спина к спине. Данная методичная подготовка указывает на то, что это были не случайные убийства, а общий план истребления, детально разработанный властями... Тела стали появляться снова после перерыва в несколько дней в еще больших количествах. В этот раз это были в основном тела женщин и детей»³. Таким образом, в то время как Евфрат позволил избавиться от тел, загромаждавших северные провинции, малыми жертвами, они создавали проблемы для местных властей в Сирии и Месопотамии. Некоторые заверенные документы, упомянутые во время суда над младотурками, которые подтверждают

¹ *Djemat Pasha. Memories of a Turkish Statesman, 1913–1919, London, 1922. P. 277.*

² A.A., *Türkei* 183/376, K169, № 48: *Lepsius J. Op. cit. P. 93.*

³ A.A., *Türkei* 183/38, A23991: *Lepsius J. Op. cit. Pp. 112–113.*

сведения, предоставленные немецким консулом, показывают, что такой метод пришелся не по душе Джемалю-паше, главнокомандующему Четвертым армейским корпусом, который имел власть во всем регионе. В телеграмме вали Диарбекира Решиду от 14 июля 1915 г. министр флота пожаловался на то, что по Евфрату плавали тела. Два дня спустя Решид ответил: «Евфрат практически не относится к нашему вилайету. Тела, плывущие по реке, вероятно, принесло из провинций Эрзурум и Харпут. Тех, кто умер здесь, либо бросили в глубокие заброшенные пещеры, либо, как это часто случается, сожгли. Нет причины хоронить их»¹.

К концу июля колонны депортируемых из северных регионов начали прибывать в пункты назначения. 27 июля Рёсслер заявил: «Недавно армяне из Харпута, Эрзурума и Битлиса прошли через Рас-эль-Айн (в настоящий момент они находятся на конечной станции Багдадской железной дороги). Отчеты об армянах из Харпута свидетельствуют о том, что мужчин отделили от женщин в деревне в нескольких часах пути к югу от города. Они были убиты, а их тела были сложены по обеим сторонам дороги, по которой позже прошли женщины»². 30 июля тот же Рёсслер вновь оценил количество депортируемых, прибывших в Алеппо, в десять тысяч, а количество тех, кто достиг Дер-эз-Зора, в пятнадцать тысяч человек³. В докладе от 24 июля М. Гюйс, французский консул в отставке, сообщил «о проходе тысяч людей, все армян-

ские григориане, через город Алеппо». Далее он отметил, что «после двух- или трехдневного пребывания в специально отведенных для них местах эти несчастные, большинство из них мальчики, девочки, женщины и пожилые люди (для молодых людей были определены другие пункты назначения, где они якобы должны были исполнить свои военные обязательства), были отправлены в Идлиб, Марру, Ракку, Дер-эз-Зор, Рас-эль-Айн или пустыню Месопотамии, в места, которые, по общему предположению, должны были стать их могилами»⁴. В конце мая 1915 г. первый импровизированный лагерь для киликийских депортируемых из Зейтуна, Дёртёля и Хасан Бейли появился на севере Алеппо, в Бабе⁵. Основная масса колонн, однако, прибыла в июле и августе: «Тысячи вдов, без единого взрослого мужчины, прибыли в Бабу, они прибыли из регионов Армении по дороге Мунбудж, в ужасном состоянии, полураздетые. Они должны были отправиться в Алеппо. Количество первых прибывших говорит нам о том, что они были уроженцами Киргара, расположенного в вилайете Ван. Эти люди, а также от десяти до двадцати групп, прибывшие после них, были колоннах от пятисот до трех тысяч человек, включая несчастных детей в неподдающемся описанию жалком состоянии»⁶. 31 августа, по точным подсчетам Джесса Б. Джексона, американского консула в Алеппо, 32 751 депортируемый прибыли в Алеппо только по железной дороге; 23 675 из них были взрослые и 9076 — дети⁷.

Сеть транзитных и концентрационных лагерей на севере Алеппо

Перед прибытием в Алеппо колонны проходили через транзитные лагеря. То, через какой лагерь они должны были пройти, зависело от выбранного маршрута. Таким образом, депортируемые из Западной Анатолии или Фракии, прибывшие по третьему

маршруту в конце лета и осенью 1915 г., находились в лагерях Конья и Бозанти перед отправкой далее в Османие, расположенной у подножия Аманосских гор в самой восточной части Киликийской равнины⁸. Транзитный лагерь был создан в месте, известном

¹ Французский перевод обвинительного акта процесса над иттихадистами: *Fisch M. Justicier du génocide arménien, le procès de Tehlirian*, Paris, 1981. P. 266.

² A.A., *Türkei* 183/38, A23991: *Lepsius J.* Op. cit. Pp. 114.

³ Телеграмма посольству. Там же. С. 120.

⁴ *Beylerian A.* Op. cit. P. 51.

⁵ *Kévorkian R.* Op. cit. P. 78. Текст о лагере в Бабе.

⁶ *Ibid.* P. 79.

⁷ US National Archives, State Department RG 59, 867 4016/219, № 382, письмо Джексона от 29 сентября 1915 г. и прикрепленный рапорт, адресованные Моргентая: *Sarafian A.* Op. cit. Pp. 94–98.

⁸ SHAT, Syrie-Liban, 1-V, b.d., dossier 235, 111 p. III–VI. «Rapport sur les mesures d'anéantissement prises contre les Arméniens des régions des monts de l'Amanus» [Доклад о мерах по уничтожению армян в горных регионах Амануса], подписанный д-ром Ф. Овнаняном, врачом на Багдадской железной дороге в Интили,

как Канлыгечит, возле железнодорожной станции Мамура: в августе, сентябре и октябре 1915 г. через него прошло в среднем несколько десятков тысяч депортируемых. «Многие из них голодали, многие были больны, а санитарные условия можно себе представить [...] В какой-то момент все палатки были на месте, а уже в следующую минуту можно было видеть только массу бегущих людей. Кого-то гнали штыками и убивали, семьи разделялись и теряли друг друга, грудных детей и стариков бросали»¹. Этот импровизированный лагерь регулярно опустошался в период между июлем и декабрем 1915 г. по приказам Субдиректората по работе с депортируемыми, который, таким образом, выдавливал выживших в направлении Ислахие, на восточные склоны Аманосских гор. Начальник управления по депортации [«Sevkiyat müdürü»] отправился в Канлыгечит, чтобы лично контролировать эвакуацию: «Он дал распоряжение большому количеству полицейских и сотням ополченцев окружить эту несчастную толпу практически умирающих людей и, под угрозой кнутов и дубинок, приказал отправляться в Ислахие»². По словам Ерванда Отяна, прошедшего через этот лагерь в октябре, из сорока тысяч депортируемых, отправленных в Ислахие, на другую сторону Аманосского хребта дошла только половина³. Однако согласно сообщениям Паулы Шафер и Беатрис Ронер, которые в течение нескольких недель занимались тем, что обеспечивали депортируемых Мамуры едой и медицинской помощью, в лагере снова появились «тысячи крошечных низких палаток, сделанных из тонкого материала» в период между серединой ноября и серединой декабря⁴. Похоже, что около сорока тысяч депортируемых нашли там свое последнее пристанище на протяжении осени 1915 г.

Чтобы добраться до Ислахие, а затем до Сирийской равнины, им нужно было идти

маршрутом, который обязывал их пересечь Аманосские горы. По сообщениям швейцарских миссионеров, он был усыпан гниющими телами. Выжившие отправлялись дорогой, которая вела по горным вершинам через Хасанбейли, а затем спускалась на равнину, где снова начиналась Багдадская железная дорога. Ислахие был первым концентрационным лагерем в вилайете Алеппо. «Это, — как сказал немецкий миссионер, — самое печальное, что я видел. Прямо на входе лежала гряда мертвых тел [...] в непосредственной близости от палаток больных смертельной дизентерией. Количество грязи в палатках и вокруг них невозможно было описать. Только за один день погребальная служба похоронила ни много ни мало 580 человек»⁵. Священник Григорис Балакян, который провёл в регионе несколько месяцев и посещал лагерь осенью 1915 г., сообщает, что Субдиректорат по работе с депортируемыми, используя недостаток ополченцев и средств транспортировки как предлог, намеренно позволил непрерывно прибывавшим колоннам заполнить лагерь, делая невозможным обеспечение депортируемых предметами первой необходимости и создавая условия для распространения эпидемий: «Люди прибывали в Ислахие тысячами; а уходили ежедневно всего несколько сотен... Были дни, когда депортируемые умирали десятками палаток, даже не десятками, а сотнями, в то же время невозможно было найти здоровых людей, которые могли бы собрать и похоронить умерших... Жертвами были в первую очередь армянские дети... Территория, которая развернулась перед нами, была похожа на поле сражения. Равнина выше Ислахие была покрыта многочисленными земляными насыпями, большими и маленькими. Это были могилы армян, от пятидесяти до сотни тел каждая... Некоторые, к сожалению, были такими же высокими, как холмы»⁶. По нашим

Вартиваром Кабяном и Каралетом Геукджеяном, который снабжал Багдадскую железную дорогу продовольствием, Алеппо, 5 января 1919 г.

¹ Рапорт Элизабет С. Вебб, миссионерки в Адане, составленный 13 апреля 1917 г., Уейтону (Иллину): Barton J. L. Op. cit. Pp. 170–171; Balakian O. Op. cit. P. 238. Данная информация подтверждается отчетом Алесана Тарпиняна (Kévorkian R. H. Op. cit. Pp. 63–64), который проходил через Османье/Мамуру в начале сентября; по его словам, количество депортируемых составляло 37 000 человек.

² Balakian O. Op. cit. P. 238.

³ Отян Е. Указ. соч. № 45.

⁴ Рапорты Паулы Шафер и Беатрис Ронер от 16 и 26 ноября, 1 и 13 декабря 1915 г. о посещении лагеря Мамуры: Toylnbee A. Op. cit., doc. 117. Pp. 469–472.

⁵ Рапорт Паулы Шафер от 1 декабря 1915 г. о посещении лагеря Мамуры. Ibid., doc. 117. С. 470–471.

⁶ Balakian O. Op. cit. P. 253; Отян Е. Указ. соч. № 47. Ерванд Отян подтверждает, что в конце ноября 1915 г. движению по дороге препятствовали трупы, брошенные дети и плачущие младенцы, лежащие рядом с безжизненными телами матерей. В Хасанбейли Отян встретил рабочих-солдат из трудового батальона, которые

подсчетом, шестьдесят тысяч депортируемых умерли от голода или тифа за десять месяцев, которые действовал лагерь Ислахие, с августа 1915 по весну 1916 г.¹

Лагерь в Ражо, Катма и Азае, расположенные в двадцати километрах к югу от Ислахие на пути в Алеппо, действовали недолго, в пределах осени 1915 г., хотя в течение этого короткого времени значительное количество людей там лишились жизни. В телеграмме от 18 октября 1915 г. временный консул в Алеппо, Хоффман, сообщил своему послу о том, что, по подсчетам начальника Управления по политическим вопросам вилайета [Алеппо], в лагерях Ражо и Катма было сконцентрировано сорок тысяч депортируемых и что другие колонны «из Западной, Центральной и Северной Анатолии были на пути к ним. Триста тысяч человек вынуждены будут продолжить свой путь в южном направлении»². Лагерь в Ражо располагался примерно в одном километре от железнодорожной станции. В то время это была огромная болотистая местность, усеянная палатками. Депортируемый из Бандырмы рассказал: «Тела грудями были сложены в палатках. Те, у кого не было палаток, укрылись от холода под железнодорожным мостом. Сильный поток, вызванный дождями, внезапно залил это место и вымыл их оттуда: все они утонули. Тела были везде. Выжить удалось лишь немногим»³.

В соседнем лагере Катма, который располагался рядом с железной дорогой, зрелище было аналогичным. Ваграм Дадян, приехавший сюда 6 сентября, отметил, что на каждый десяток депортируемых, которые покинули лагерь и отправились на юг, «приходилась тысяча прибывших»⁴. Нехватка еды и полное отсутствие гигиены, царствовавшие в этом палаточном городе, естественно вызвали вспышку болезни, которая привела к значительным человеческим потерям. При виде такого зрелища наш свидетель понял,

что, если ему не удастся покинуть лагерь в очень спешном порядке, его ждет всеобщая судьба, то есть смерть от голода или болезни⁵. 9 сентября католикос Саак Хабаян побывал в лагере Катма, но, по его признанию, все его попытки похоронить перед властями о смягчении доли депортируемых были безуспешны⁶.

Отчеты свидетелей создают впечатление о том, что стратегией руководства «Севкийята» было довести депортируемых до истощения в лагерях, чтобы создать благоприятные условия для распространения эпидемий. Таким образом, колонны не покидали регион сразу после прибытия: для дальнейшей отправки на юг «Севкийят» отбирал тех, кто был уже достаточно ослаблен продолжительным пребыванием в лагере. Через два месяца после визита католикоса, 8 ноября, Рагслер сообщил канцлеру Германии, Бетман-Гольвегу, что «концентрационный лагерь в Катма представляет собой неопишущее зрелище»⁷. За несколько недель количество депортируемых там значительно выросло, достигнув за короткий срок максимума в двести тысяч интернированных. В конечном счете, этих людей «перевезли в течение нескольких дней в Азаз, находившийся в часе ходьбы»⁸. Скопление тел и общие условия в Катма, несомненно, убедили руководство «Севкийята» перенести лагерь в Азаз, чтобы возобновить работу в чистом месте.

Концентрационный лагерь в Азае действовал немного дольше, до весны 1916 г., но депортируемых в нем было меньше. Один из выживших отметил, что после создания лагеря он не мог «точно» сказать, сколько там было палаток, но, по некоторым подсчетам, их было от пятнадцати до двадцати тысяч: «Это количество я не считал преувеличенным, потому что... невооруженным глазом невозможно было целиком увидеть этот гигантский палаточный лагерь».

строили дорогу; среди них были два наборщика из стамбульской ежедневной газеты «Жаманак». Из восьмисот мужчин, которые изначально входили в трудовой батальон, осталось всего сто шестьдесят; они жили на открытом воздухе и работали по десять часов в день.

¹ Там же, по его словам, уровень смертности в лагере Ислахие составлял сто пятьдесят человек в день. *Balakian O. Op. cit. P. 253.*

² *Lepsius J. Op. cit., doc. 185, p. 161.*

³ *Kévorkian R. H. Op. cit. Pp. 68–74.*

⁴ *Dađian V. To the Desert.* Страницы из дневника, trad. H. Hacıkyan, Princeton & London 2003. P. 51. Его колонна покинула Чорум 30 июля. *Ibid. P. 20–21.*

⁵ *Ibid. P. 52–53.*

⁶ *Ibid. P. 54–55.*

⁷ *Lepsius J. Op. cit., doc. 193, p. 164.*

⁸ *Kévorkian R. H. Op. cit. P. 72.*

котором повсюду царил дизентерия, «абсолютная» бедность, а количество умерших «не поддавалось подсчетам»¹. Выживший сообщил: «По ночам [население лагеря] подвергалось нападениям грабителей... Земля под провисшими палатками, сделанными из того, что попадалось под руку, была завалена умершими и еще живыми. Многие люди валялись среди экскрементов, пораженные голодом. Запах смерти царил повсюду. Кто-то использовал мертвых как подушки; другие накрывались телами умерших, чтобы хоть как-то защититься от холода... Могильщики были не в состоянии даже убрать все тела... Каждый день колонны уводили силой»². По словам Арама Антоняна, осенью 1915 г. в этих двух лагерях от голода или болезней погибли шестьдесят тысяч депортируемых³. Ейюб Сабри, один из руководителей Субдиректората по работе с депортируемыми, похоже, лично контролировал отправку колонн из этих лагерей. Один из свидетелей так описывает один из случаев вмешательства Сабри: «Я еще никогда и нигде не сталкивался с теми методами, которые Ейюб-бей использовал в отношении небольшого числа колонн, сопровождаемых им. Верхом на лошади, окруженный своими людьми, он нападал на палатки, растапывая больных, лежащих на земле, лошадиными копытами... Но этого Ейюб-бею оказалось недостаточно; возбужденный этим зрелищем, он время от времени доставал из кобуры свой револьвер и разряжал его в толпу депортируемых»⁴.

Эти лагеря были закрыты в конце осени 1915 г., а выжившие были депортированы по причинам, которые не ушли от внимания консула Германии Рёсслера. «В ноябре и начале декабря [1915] г., — пишет он, — депортируемых собирали в шеренги, равные по длине железной дороги между Аданой и Алеппо, особенно в Ислахие и Катма [-Азас]. По военным причинам власти хотели убрать их из этого района, чтобы расчистить тыл армии и защитить ее от эпидемий. Они начали

эвакуировать их в Рас-эль-Айн по железной дороге, но, поскольку ожидало их не что иное, как смерть, а также, поскольку на поезде невозможно было перевозить и солдат, и армян, последних, в конечном счете, отправили пешком из Ислахие и Катма в Ахтерим, а оттуда в Баб»⁵. Другими словами, жалобы со стороны военных помешали «Севкийяту» выполнить свою миссию в регионе.

Лагерь в Бабе — это отдельный случай. Транзитный лагерь был создан в получасе от города еще до притока депортируемых, начавшегося в конце мая 1915 г.; он принимал депортируемых, которые до июля были спешно разбросаны по окружающим арабским деревням. Лагерем руководили каймакам Шафи-бей, который занимал эту должность с 15 октября 1914 по 27 марта 1916 г., и «Севкийятом мемури», Мухаррим-бей. В августе, когда количество депортируемых стало расти, им больше не разрешили селиться в близлежащих арабских деревнях⁶, а держали в концентрационном лагере, созданном Мухарримом. Созданный на глинистом участке, во время дождя лагерь превращался в настоящее озеро. «Палатки погружались в воду и наполнялись снегом», — отмечал выживший, который прибыл в лагерь в конце декабря 1915 г.⁷ В июле и августе население лагеря мгновенно увеличилось по причине прибытия «тысяч вдов без единого взрослого мужчины; они пришли из регионов Армении по Мунбуджской дороге в ужасном состоянии, полуголые... Эти вдовы, а также от десяти до двадцати колонн, прибывшие вслед за ними, были в караванах, в которые входило от пятисот до трех тысяч человек, включая несчастных детей в неопишимо жалком состоянии, напоминавших человеческих монстров»⁸. Они проследовали своим маршрутом в направлении Алеппо и сирийских пустынь после того как провели в лагере несколько дней или недель. По словам Антоняна, именно в октябре 1915 г. Баб получил статус транзитного лагеря для колонн, прибывающих с севера. Первым на-

¹ Kévorkian R. H. Op. cit.

² Ibidem.

³ Andonian A. Documents officiels concernant les massacres arméniens, Paris, 1920. P. 20.

⁴ Kévorkian R. H. Op. cit. P. 73.

⁵ Рапорт Рёсслера от 9 февраля 1916 г. Волфу-Меттерниху: *Lepsius J.* Op. cit., doc. 235. P. 198. Тер-Егиян З. Указ. соч. С. 205. Завен Тер-Егиян ехал через Катма, по дороге в ссылку, примерно 10 или 11 ноября 1916 г.; он видел там депортируемых, по-прежнему живших на открытом воздухе.

⁶ Kévorkian R. H. Op. cit. Pp. 77–78. Свидетельство Арама Антоняна.

⁷ BNU/Fonds A. Andonian. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J. 1/3, liasse 14, Konya, f° 3. Коллективное свидетельство лиц, родом из Акшехира, составленное в Алеппо, 23 февраля 1919 г.

⁸ Kévorkian R. H. Op. cit. P. 75. Свидетельство Ованеса Хачеряна.

чальником лагеря был некий Джафер; вскоре его сменил Шевкет-бей¹.

С началом зимы и с прибытием депортируемых из лагерей Ислахие и Катма-Азас эпидемия тифа вспыхнула и в Бабе. Ежедневно здесь умирало от четырехсот до пятисот человек. Каждый день сюда прибывало столько депортируемых, что не хватало колонн, которые отправлялись на юг, чтобы уменьшить население лагеря². Глава Субдиректората по работе с депортируемыми, Абдуллахад Нури, начальник лагеря, Шевкет-бей, и новый вали Алеппо, Мустафа Абдулхалик, подвергли критике работу каймакама Баба, Шафи-бея, за то, что депортируемых отправляли на юг слишком медленно; это было, вероятно, из-за того, что каймакам вымогал у них деньги. Более решительному начальнику соседнего лагеря Ахтерим, Мухаррим-бею, понадобилось всего два с половиной месяца, чтобы освободить лагерь³.

В системе, созданной руководством «Севкийята» с целью продвижения депортируемых из одного лагеря в другой, Баб и Ахтерим в конце осени 1915 г. были последними пунктами на пути в Алеппо. После эвакуации лагерей в Мамуре, Ражо и Катма все депортируемые, прибывавшие с севера, содержались там вместе в санитарных условиях, которые свидетели описывают, как что-то из Данте; это повлекло большое количество смертей. Все говорит о том, что, вынуждая депортируемых жить такими крупными группами, руководство «Севкийята» не имело никакой иной цели, кроме их уничтожения, надеясь на последствия таких огромных концентраций людей и природных явлений. Система, которая, безусловно, была эффективной, тем не менее вызвала нежелательные побочные эффекты, похожие на те, которые наблюдались в северных лагерях. Эпидемии, вспыхнувшие в регионе, захватили гражданское население и армию. Мы знаем, например, что от двадцати до тридцати арабских деревенских жителей ежедневно умирали от брюшного тифа в Бабе зимой 1915/16 г., несмотря на снегопады, которые были необычно сильными для этих южных областей. Руководство «Сев-

кийята», должно быть, поэтому получило категорический приказ улучшить катастрофические санитарные условия, которые они сами искусственно создали. Чтобы исправить бедственное положение, Нури назначил Мухаррима начальником лагеря в Бабе, поручив ему ликвидировать его; для выполнения задачи ему понадобилось несколько месяцев. По словам Арама Антоняна, в январе 1916 г. руководство Алеппо решило «полностью очистить всю провинцию Алеппо от армян». Даже первых депортируемых, которые нашли убежище в деревнях региона, выгнали «и отправили на скотобойню в Дер-эз-Зор». Следует, однако, добавить, что деятельности Мухаррима в Бабе самой по себе было недостаточно для того, чтобы воплотить это решение в жизнь. Поэтому Нури-бей назначил себе в помощь военного командира Сулеймана-бея наряду с двумя сотнями погонщиков мулов, а также с каймаком Мунбужа, Нехихом-беом. Нехих «совершил значительный подвиг, за неделю выполнив приказ об отправке всех депортируемых своего региона Алеппо в Мескене», будучи в должности особого представителя [«мемури максус»]. Каймаку Килиса также была поручена особая миссия. Таким образом, получается, что, предоставив депортируемым возможность селиться по мере их сил в деревнях к северу от Алеппо, власти решили отправить их дальше на юг, в Мескене, тем самым не давая им пройти через Алеппо⁴.

По самым скромным подсчетам, от пятидесяти до шестидесяти депортируемых оставили свои жизни в Бабе между октябрём 1915-го и началом весны 1916 г., согласно отчету священника Даджада Арслана, который взял на себя обязанность хоронить мертвых в период между концом ноября 1915-го и началом февраля 1916 г.⁵ Эти цифры подтверждают как главный могильщик лагеря, некий Хагоп (могильщикам, набранным из рядов депортируемых, разрешалось оставаться со своими семьями до закрытия лагерей), который насчитал 1209 умерших за два дня, 11 и 12 января 1916 г., так и консул Германии, Рёсслер, который в своем отчете

¹ Ibid. P. 79. Свидетельство Арама Антоняна.

² Ibid. P. 77–85.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem. «Именно в ходе этой операции, — отмечает Антонян, — нас также отправили в Мескене».

⁵ Ibid. P. 87–88 (его же свидетельство). Kaiser H. Op. cit. P. 58, p. 120. Кайзер приводит многочисленные телеграммы Рёсслера послу Меттерниху, отправленные в январе и феврале 1916 г., в которых упоминается эвакуация лагеря в Бабе.

от 9 февраля отметил, что в том же лагере за два дня умерло 1029 человек¹.

Смертельные ловушки Лале и Тефресе, расположенные неподалеку, на второстепенной дороге, соединявшей Баб и Мескене без прохода через Алеппо, были, по словам одного из депортируемых, «настоящим кладбищем». Люди, «вероятная продолжительность жизни которых в целом равнялась в лучшем случае нескольким дням», сгонялись сюда «для того, чтобы судьба этих многих тысяч людей решалась подалеке от центров». По словам Ованеса Хачеряна, уроженца Бардизага, едва ли двадцать процентов людей, которые прошли через эти лагеря, достигли Мескене². Этот тип промежуточного лагеря, по сути, представлял собой отрезок заброшенной земли, который контролировался лишь небольшой группой, состоявшей из нескольких ополченцев или жандармов. Это дало возможность сконцентрировать умирающих в одном месте, чтобы властям не пришлось оставлять такое большое количество тел лежащими по обеим сторонам дороги. Имеющаяся в нашем распоряжении информация свидетельствует о том, что эти два места, деятельность которых была тесно связана с деятельностью лагерей в Ахтериме и Бабе, действовали с декабря 1915-го по март 1916 г.

Последний из лагерей, расположенных к северу от Алеппо, Мунбудж, также случай особый, потому что его главной задачей с момента создания было служить местом интернирования армянского духовенства, от простого деревенского священника до предстоятеля епархии. Расположенный в нескольких десятках километров к северо-востоку от Алеппо по пути в Рас-эль-Айн, лагерь

был открыт осенью 1915 г. по требованию Джемал-паши, с целью отделить духовенство от общего населения. В момент наивысшей активности в нем находилось не менее тысячи «каханас» (женатых священников) и их семей. Он был окончательно эвакуирован в январе и феврале 1916 г. каймакамом Мунбуджа, Небихом-беем, который лично наблюдал за перемещением интернированного духовенства в Мескене по линии Евфрата³. В 1917 г. здесь в живых оставалось всего от семидесяти до восьмидесяти армян благодаря армянскому заступнику, который регулярно давал властям взятки.

Ерванд Отян, оказавшийся в этом людском потоке в конце ноября 1915 г., сообщает, что, по слухам, которые в то время ходили среди депортируемых, им необходимо было любой ценой остаться в Алеппо и избежать попадания в Дер-эз-Зор и лагеря в Катма и Ражо⁴. Это свидетельствует не только о том, что информация все-таки ходила среди изгнанных, но также и о том, что некоторые из них все еще были способны избежать судьбы, уготованной им «Севкийятом». Несмотря на расслабленность местных властей, вероятно, мотивированных взятками, которые они получали, некоторые приказы нарушить было трудно. Например, была запрещена продажа билетов на поезда в Алеппо армянам; этот приказ добросовестно соблюдался. В город невозможно было попасть тайно, потому что, как пишет Отян, на каждой железнодорожной станции проводились очень тщательные обыски. Поэтому депортируемым приходилось идти пешком, не заходя в город; еще труднее им было останавливаться в гостиницах, владельцы которых получали строгий приказ не размещать их у себя⁵.

¹ Там же; *Lepsius J.* Op. cit. P. 199.

² *Kévorkian R. H.* Op. cit. Pp. 76–77.

³ *Ibid.* P. 93–97. Свидетельства относительно Мунбуджа.

⁴ Отян Е. Указ. соч. № 48.

⁵ Там же.

ГЛАВА 3

Алеппо, центр системы геноцида и деятельности по оказанию помощи депортируемым

Попасть в Алеппо и найти там убежище для депортируемых было вопросом жизни и смерти. Они надеялись слиться с толпой жителей этого города и воспользоваться помощью, которую им могли оказать армянская община и иностранные дипломаты или миссионеры, жившие там. Что касается властей, то после импровизаций первых нескольких недель, в течение которых тысячи депортируемых просочились в город, они быстро поняли, что было необходимо, если они хотели, чтобы их план уничтожения дал результат, мобилизовать все имеющиеся средства, чтобы закрыть для депортируемых въезд в сирийский мегаполис.

Примерно 5 июня 1915 г. консул Джексон заметил, что несколько потоков депортируемых из Мараша, Зейтуна, Хасанбейли, Османие, Бахче, Аданы, Дёртьёлы и Хаджына прибывали в Алеппо пешком и что две тысячи шестьсот беженцев получили разрешение остаться в городе¹.

Когда Кеворпэ Папазян, главный секретарь архиепископства Аданы и представитель католикоса у Джемалья-паши, проезжал через Алеппо, возвращаясь из Алея в середине июня, он стал свидетелем прибытия первых депортируемых с севера, в основном «женщин и детей от восьми до десяти лет»; они расположились на внутренних дворах церквей и школ, а главным образом, монастыря, принадлежавшего конгрегации Св.

Джеймса в Иерусалиме («Хокедун»). Католикос Саак приложил большие усилия, чтобы облегчить долю депортируемых, даже писал кайзеру Вильгельму по совету консула Германии, Рёсслера. Ежедневно от пятидесяти до семидесяти человек в Алеппо умирали от сыпного или брюшного тифа, несмотря на усилия армянского комитета по оказанию помощи, созданного под руководством Саркиса Джиреджяна для обеспечения депортируемых предметами первой необходимости и медицинской помощью. Эти депортируемые по большей части были в Алеппо только транзитом; полиция следила за тем, чтобы их как можно быстрее отправляли из города². По словам Рёсслера, эти первые группы изгнанных были рассредоточены по деревням на востоке³, вероятно, по инициативе вали Джемалья или его преемника. Только в начале июля американский миссионер Кейт Эйнсли видела колонны, прибывающие в Алеппо, в особенности группы депортируемых из Хаджына⁴.

Переписка депутата парламента Григора Зограба с женой во время его месячного пребывания в Алеппо (с 16 июня по 16 июля 1915 г.), где его сопровождал Вардгес Серингюлян, дает представление о том, что начинало происходить в регионе. Зограб совершенно ясно писал о том, что «занавес опускается»⁵. Пока Зограб был в Алеппо, Джелала перевели в Конья, после того как он

¹ Письмо консула Алеппо Дж. Джексона от 5 июня 1915 г., адресованное Г. Моргентау: *Sarafian A. Op. cit.* P. 57.

² *Егияян П.* (ред.). История армян Аданы. С. 345. Пузант Егияян приводит неопубликованные «Воспоминания» главного секретаря, Кеворпэ Папазяна, фолио 214.

³ *Kaiser H. Op. cit.* P. 15, n. 25.

⁴ Письмо Кей Е. Эйнсли от 6 июля 1915 г. Дж. Бартону: *Toynbee A. Op. cit.*, doc. 121, p. 485. Она уточняет (*Ibid.* P. 486), что лошади, мулы и ослы были «конфискованы» властями «для армии», в результате чего в распоряжении армян осталось очень мало животных.

⁵ *Зограб Г.* Указ. соч. Т. IV. С. 304–345. Письма из Алеппо от 16 июня и 12 и 15 июля 1915 г. к Кларе Зограб. Зограб написал завещание, датированное 15 июля, и передал его консулу Германии д-ру Рёсслеру. Там же. С. 319–321 (текст завещания).

отказался выполнять приказы, полученные из столицы.

С этого момента события начали развиваться быстрее. Все больше и больше депортируемых ежедневно прибывало в город. По словам американского и немецкого консулов Джексона и Рёсслера, двух людей, которые, несомненно, больше других знали о методах, которые использовало правительство Османской империи в отношении депортируемых армян, власти Алеппо постепенно потеряли контроль над ситуацией. Далее Рёсслер отметил, что не со всеми депортируемыми обращались одинаково, а зависело все от того, откуда они были: киликийцам власти помогали, хотя и не регулярно, тогда как армянам из восточных провинций никакой помощи не оказывалось¹. В этих условиях эпидемия холеры, вспыхнувшая в северных лагерях, в сентябре достигла Алеппо, вынудив власти эвакуировать депортируемых из города примерно по четыре-пять тысяч человек в неделю; их грузили в вагоны для перевозки скота или в товарные вагоны и отправляли в Дамаск или Хавран². В сентябре 1915 г. д-р Мартин Нипаге, немецкий учитель германской Реальной школы (*Deutsche Realschule*) в Алеппо, отметил следующее: «Мне рассказали, что в различных кварталах Алеппо было огромное количество голодающих людей, жалкие остатки которых называли «колонны депортации»... Чтобы подтвердить мнение, которое у меня сложилось на основании данной информации, я побывал в каждой части города, где можно было найти армян — точнее, то, что осталось от колонн депортации. В полуразрушенных караван-сараях [ханах] я обнаружил груды разлагающихся тел и среди них еще живых людей, делавших свои последние вздохи. В других местах я нашел большое количество больных и голодающих людей, оставленных на произвол судьбы. Возле нашей школы было четыре таких хана, в которых находилось от семисот до восьмисот голодающих армян... Напротив нашей школы, в одном из этих ханов, были остатки одной из этих колонн депортации, около че-

тырехсот истощенных людей, среди которых было примерно сто детей от пяти до семи лет. Большинство из них страдали от сыпного тифа или дизентерии. Когдаходишь во внутренний двор, создается впечатление, что тыходишь в сумасшедший дом. Если приносишь им еду, складывается ощущение, что они забыли, как нужно есть. Их желудки, ослабленные месяцами голодания, были не способны переваривать еду. Если им давали хлеб, они равнодушно его откладывали; они там лежали тихо, ожидая смерти... А что будет с теми несчастными, а сейчас это только женщины и дети, которых преследовали по всему городу и его окрестностям и отправляли в пустыни тысячами? Их перегонают с места на место до тех пор, пока тысячи не станут сотнями, а сотни маленькими группами, и эти группы гонят еще дальше, пока, наконец, от них ничего не остается. Таким образом, цель поездки была достигнута»³.

Только в начале ноября 1915 г. власти закрыли депортируемым доступ в Алеппо, запретив им также отправляться по железной дороге на юг, в направлении Гамы и Хаврана. С этого момента их стали систематически отправлять, пешком или на поездах, либо «по маршруту движения Багдадской железной дороги» в направлении Рас-эль-Айна, либо по «течению Евфрата» в направлении Дер-эз-Зора⁴. Эти радикальные меры, вероятно, не могли не быть связаны с одновременным приездом, двумя неделями ранее, нового вали, Мустафы Абдулхалика, и Абдуллахада Нури, который теперь возглавлял усилившийся Субдиректорат по работе с депортируемыми. С этого момента мы уже имеем дело не просто с представителем стамбульского отделения ИАММ, как во внутренних провинциях, хоть он даже и имел звание «Севкийят мюдюрю», а с настоящим административным аппаратом, который продолжил создание сети концентрационных лагерей вдоль Евфрата. Не дать депортируемым отправиться дорогами, ведущими на юг, которые считались менее смертоносными, потому что вдоль них не было вереницы концентрационных лагерей, и заменить эти до-

¹ Телеграмма Рёсслера от 15 августа 1915 г. посольству из Алеппо: *Kaiser H.* Op. cit. P. 18, n. 33.

² *Ibid.* P. 24. Автор приводит многочисленные телеграммы Рёсслера и Джексона по данному вопросу.

³ Первичный доклад Мартина Нипаге, отправленный в посольство Германии в Константинополе через консула Рёсслера, 15 октября 1915 г., был опубликован Дж. Лепсиусом (*Deutschland und Armenien. S. 165–167, doc. 182*). Этот второй доклад, в котором отмечается участие Германии, был опубликован только во французском переводе книги Тойнби: *Livre bleu du gouvernement britannique, Paris 1916 (réédition 1987)*. Pp. 507–516.

⁴ *Kaiser H.* Op. cit. P. 28.

роги маршрутами следования Багдадской железной дороги и течения Евфрата — так — были меры, единственной целью которых было более эффективное уничтожение депортируемых. Более того, в депеше своему посольству от 8 ноября 1915 г. вице-консул Германии в Александrette, Хоффман, передал замечания недавно назначенного помощника Абдуллахада Нури, Ахмеда Ейюба Сабри, которые не оставили сомнений относительно политики, которую избрало правительство: «Вы по-прежнему не понимаете, чего мы хотим; мы хотим стереть “армянскую” расу», — сказал Нури¹.

Несмотря на надежды, которые Алеппо вселял в депортируемых, желавших избежать отправки в лагеря на востоке и юго-востоке, этот город был труднодостижим. Город кишел полицейскими и тайными агентами, которые держали руку на пульсе благодаря широкой сети информаторов, включая ар-

мян, таких как Аршавир Саакян. Однако если кому-то удавалось попасть в город, всегда можно было найти убежище. На практике присутствие тысяч армян, живущих тайно, охотно принималось, так как это предоставляло множеству должностных лиц, полицейских и даже военным неожиданный источник доходов. Постепенно сложилось то, что можно назвать правилами игры, и очень редко случалось так, что кто-то, кому удавалось сохранить деньги или ценности, не мог найти общего языка с властями. Во всяком случае, такая ситуация существовала, пока не вступили в должности Абдулхалик и Нури в октябре 1915 г. Однако их прихода оказалось недостаточно для того, чтобы положить конец корыстной благожелательности местных властей. Им пришлось вступить в не менее чем десятимесячную борьбу, чтобы остановить поток депортируемых, которым удалось спрятаться в Алеппо.

Официальные и тайные армянские сети информации и помощи, которые действовали в Алеппо и его окрестностях

Ранее по инициативе католика Саака II Хабаяна, нашедшего убежище в Алеппо в конце июня, видными членами армянского сообщества был сформирован Комитет по оказанию помощи беженцам², который насчитывал около тринадцати тысяч человек и имел репутацию хорошо организованной структуры. Члены комитета, прожившие не менее десяти лет в сирийском мегаполисе, освобождались от депортации. Деятельность Комитета по оказанию помощи беженцам состояла в том, чтобы давать приют сиротам и подыскивать жилье для депортируемых, которые добрались до Алеппо. Саак II в этот период неоднократно встречался с Джемалем-пашой; и каждый раз он призывал его принять меры для облегчения страданий депортируемых. Армянская про-

тестантская и католическая церкви создали свои организации по оказанию помощи беженцам³.

Однако в начале ноября, возможно, по инициативе нового вали, Абдулхалика, Саак II и его окружение вынуждены были переехать в Иерусалим⁴. В то же время прибытие в Алеппо большого количества депортируемых из Стамбула, таких как д-р Погосян, назначенный временным городским врачом, сделало возможным создание подпольной сети, которая постепенно укрепила свою структуру и стала проводить свои операции не только в Алеппо, но и в соседних регионах; более того, у них были связи, которые дотягивались до столицы. Помимо Погосяна, психиатра, в эту группу входили опытные боевики, такие как Марзбед и Газар Чарек. Наконец, она

¹ Ibid. P. 29.

² Членами комитета являются отец Арутюн Есяян, Т. Джидеджян, Ваан Кавафиан, Саркис Джиреджян, Х. Барсумян и преподобный Рубен Гедждаджян: *Тер-Егияян З.* Указ. соч. С. 178–179.

³ *Егияян Б.* Современная история армянского патриаршества в Киликии. Бейрут, 1975. С. 46–56 (на арм. яз.).

⁴ Телеграмма Рёсслера от 27 октября 1915 г. из Алеппо, посольству: *Kaiser H. Op. cit.* P. 27. Вместе с Сааком II в Иерусалим были посланы такие религиозные сановники, как епископ Егише Гароян, Епрем Дохмуни Куд Мхитарян, отцы Кхат и Гирагос Маркаряны. В последующие месяцы в Иерусалим прибыли другие представители армянского апостольского и католического духовенства, которые были депортированы из различных провинций Малой Азии. Патриарх Завен рассказал о том, что Саак сначала был изолирован в деревне возле Алеппо. 21 октября он отправился в Идлиб, хотя вали хотел отправить его в Мунбудж (где было сконцентрировано все духовенство), а 9 ноября 1915 г. в Иерусалим. Предполагается, что Джемаль протасил решение об изгнании его в Иерусалим на заседании в Стамбуле осенью 1915 г.: *Тер-Егияян З.* Указ. соч. С. 175.

могла рассчитывать на помощь представителей местной аристократии, таких как братья Оник и Арменаг Мазлумян, владельцы знаменитого отеля «Барон» и близкие друзья Джемалю-паши; целого ряда сотрудников армянской железной дороги¹, без которых не могло обойтись правительство, и очень уважаемых людей, таких как протестантские священники Агарон Чираджян, приехавший из Мараша, и Ованес Ескиджян. Между этими людьми сложилось что-то вроде разделения труда: некоторые занимались сиротами (оба священника), другие спасением и предоставлением укрытия для молодых людей и интеллигенции, собирая информацию и создавая сеть, которая оказывала прямую помощь депортируемым на территории вплоть до самого Дер-эз-Зора. Благоклонное отношение консула Джесса Джексона и, с некоторыми вполне понятными оговорками, Вальтера Рёсслера, облегчило перевод значительных сумм, которые требовались сети для помощи депортируемым. Швейцарская миссионерка Беатрис Ронер и ее коллега Паула Шафер сыграли крайне важную роль в организации операций по оказанию помощи и получении значительной финансовой помощи. Обе они были членами немецкой миссионерской организации, известной как *Deutscher Hilfsbund für christliches Liebeswerk* (Немецкий христианский благотворительный фонд. — *Прим. пер.*); это, а также содействие Фреда Шепарда, врача американского госпиталя в Айнтабе, помогли им получить необходимые средства, которые были собраны в США Американской коллегией комиссаров зарубежных миссий².

Несмотря на то что министр внутренних дел обнаружил в конце июля 1915 г., что два армянских эмиссара, отправленные из Алеппо в Дер-эз-Зор, передавали деньги депортируемым, и издал приказ об их аресте³, многие из них остались нераскрытыми и выполняли свои миссии, не вызывая подозрений. Так, Марзбед выдал себя за курдского торговца животными из Битлиса по имени Хаджи Хусейн. Он отправился на строитель-

ную площадку Багдадской железной дороги в Интилли, где его в качестве финансового контролера наняла немецкая фирма⁴. Получивший образование в Германии и хорошо говорящий по-немецки, Марзбед под именем Хаджи Хусейна и под защитой руководства немецкой компании использовал свое привилегированное положение для свободного передвижения и тайного оказания помощи своим соотечественникам.

Писатель Ерванд Отян, например, сумел попасть в Алеппо благодаря помощи Пилига Арпиаряна, сотрудника железной дороги; затем он попал к д-ру Погосяну, который нашел ему убежище в городе. Там он часто находился в компании преподобного Крузяна, руководителя приюта под покровительством немецкой женщины, подруги Джемалю, которая толерантно относилась к данному армянскому учреждению. Там он также встретил одного из депортированных из Трапезунда, который сумел безопасно добраться до Алеппо, Кайтзага Арабяна. Когда он столкнулся с проблемами, он обратился, как и следовало ожидать, к Онику Мазлумяну, чей отель «Барон», будучи часто занятым сотрудниками генерального штаба 4-й армии, был раем для интеллигенции, выметенной из потока депортируемых⁵. Одним из видов деятельности сети было спасение жизней литераторов, исходя из понимания того, что «выживание нации» может быть обеспечено, только если у них будет преимущество над другими.

Арам Антонян, который под защитой братьев Мазлумян скрывался в течение нескольких месяцев, начал заблаговременно собирать материалы, касающиеся ликвидации его соотечественников; эти материалы подробно использовались в четвертой части данного исследования. В отеле «Барон» Антонян видел, как главные инициаторы геноцида прогуливались и обедали за счет владельцев отеля. Некоторые из них без колебания заявляли о том, что привело их в Сирию.

¹ Charek, Marzbed (*Haji Hüseyin*). Op. cit., t. I. Pp. 26–27.

² Kaiser H. Op. cit. P. 31–57. Он предоставляет хорошие краткие отчеты о том, что они делали в Алеппо и его окрестностях, отмечая, что вся работа, связанная с распределением финансовой помощи, осуществлялась армянской сетью.

³ Т. С. Başbakanlık Arşivi (телеграмма министра внутренних дел от 22 июля 1915 г. в вилайет Алеппо), EUM BOA.DH.şfr 54A/71 (и телеграмма Талаата от 24 июля 1915 г. в Зор), EUM Special 28 BOA.DH.şfr 54A/91: Kaiser H. Op. cit. P. 17 et n. 31. о русск. EUM Special 28 BOA.DH.şfr 54A/91: Kaiser H. Op. cit. P. 17 et n. 31.

⁴ Charek, Marzbed (*Haji Hüseyin*). Op. cit., t. I. Pp. 26–28.

⁵ Отян Е. Указ. соч. № 49 и 50.

Конечно, такие активные усилия братьев Мазлумян, «Баронов», не могли остаться незамеченными администрацией младотурок. Когда братьев раскрыли, они были высланы в Захле, на равнине Бекаа, в сентябре 1916 г. Другая заметная фигура, д-р Самуэль Шмавонян, который оказывал бесплатную медицинскую помощь сиротам в приюте, созданном преподобным Агароном Шираджяном, предстал перед судом и был приговорен к пятнадцати годам тюрьмы. После регулярных пыток он был «освобожден», но в таком состоянии он вскоре умер от ран¹. Его ликвидация привела к закрытию некоторых источников помощи.

Репрессивные действия, предпринятые вали Абдулжаликом, полностью не отрезали поток беженцев в Алеппо из-за больших размеров города, которые не позволяли властям контролировать все. Кто-то сумел попасть в город тайно; более состоятельные давали взятки должностным лицам. Однако наибольшей группе депортируемых удалось спастись благодаря, прежде всего, сплоченности сети, созданной в Алеппо при активной поддержке американских дипломатов и миссионеров. Эта сеть действовала настолько эффективно, что к концу 1915 г. в Алеппо насчитывалось сорок тысяч нелегально проживающих депортированных армян². Власти, узнав о поддержке, которую иностранные консульские службы оказывали этим людям, дали им строгое указание не оказывать никакой помощи армянам. Несмотря на этот запрет, некоторые западные дипломаты и миссионеры, в особенности американские, без колебания взяли на себя личные обязательства по оказанию помощи жертвам. Американские миссии даже смогли собрать сто тысяч долларов для «жертв чрезвычайной обстановки» на Ближнем Вос-

токе³. Этим фондом руководил американский консул Джесс Джексон.

Однако самой важной задачей было спрятать тысячи вдов и детей, нашедших убежище в городе. Многие из них были помещены в семьи, христианские семьи в целом и армянские семьи в частности; девушек и женщин чаще всего нанимали в качестве домработниц. Тем не менее нехватка еды, имевшая место в городе, помешала развитию этой системы, которой также препятствовало преследование со стороны властей, которые всеми возможными способами пытались пресечь гуманитарную деятельность по оказанию помощи армянам⁴.

Американский консул финансировал немецкий «Hülfbund» (Благотворительный фонд. — *Прим. пер.*) и выплачивал ежемесячное жалование Комитету по оказанию помощи, созданному армянским прелатством в Алеппо. Джексон отмечает, что в одно и то же время двое представителей армянской аристократии из Алеппо похоронились перед Ахмедом Джемалем, командующим Четвертым армейским корпусом, от имени своих соотечественников, нашедших убежище в городе. Они предложили Джемалю взять депортированных на бесплатную работу в армию. Американский консул не сказал, кто были эти аристократы, но армянские источники сообщают, что одним из них был д-р Алтунян⁵. Джемаль-паша принял предложение и в течение двух месяцев заработал шесть предприятый, нанявших более десяти тысяч человек, в основном женщин и девушек¹. Они пряли шерстяную ткань и шили одежду для нужд армии; что же касается немногочисленных армянских мужчин, они работали кузнецами, портными или плотниками. С ними обращались как с рабами и заставляли работать в ужасных условиях, а единственное, что

¹ Archives centrales de l'Égypte/le Caire, Alep, № 23, avril 1910-décembre 1919, C8. Письмо Степана Маргаряна (племянника д-ра Шмавоняна) от 2 мая 1916 г. в центральную штаб-квартиру Каира.

² По словам епископа Егише Чилинкиряна, который жил в Алеппо с ноября 1916 по февраль 1917 г., количество депортированных армян в городе составляло от двадцати пяти до тридцати тысяч человек: *Чилинкирян Е.* Описание различных событий и обстоятельств, касающихся беженцев и монахов в Иерусалиме, Алеппо, и Дамаске, 1914–1918, Александрия, 1922. С. 31 (на арм. яз.).

³ *Kerr S. E. The Lions of Marash: Personal Experiences with American Near East Relief, 1919–1922*, New York, 1973. P. 28. По словам Завена Тер-Егиаяна, патриархат отправлял большие суммы в Алеппо и другие регионы, используя пожертвования, которые в основном были неотчуждаемыми, и используя сеть, созданную д-ром Питом, главой Библейского дома в Стамбуле, которым управляли американские миссионеры. См.: *Тер-Егиаян З.* Указ. соч. С. 171 и 173–174.

⁴ Рапорт Дж. Джексона от 4 марта 1918 г. из Вашингтона государственному секретарю. См.: *Sarafian A.* Op. cit. Pp. 149–152, *The Armenian atrocities*.

⁵ «Д-р Алтунян», «Вератзнунд», III год, № 12, 12 июля 1919 г. С. 203 (на арм. яз.).

им за это давали, это немного еды, чтобы они не умерли от голода¹.

Эпидемия сыпного тифа, привезенная в Алеппо большим количеством армян, естественно, привлекла внимание командующего Четвертым армейским корпусом и немецких офицеров из его генерального штаба, особенно когда она начала поражать солдат и вызвала настоящую санитарно-гигиеническую катастрофу². Были необходимы срочные меры, чтобы преодолеть это бедствие. В результате, у Джемала не было другого выбора, кроме как одобрить решение открыть больницу под руководством д-ра Алтуняна для лечения депортированных армян³.

Другой серьезной проблемой было катастрофическое положение тысяч сирот, скопившихся в Алеппо, где они были оставлены на волю судьбы. Эти дети скитались по улицам, голодные и больные. Некоторых брали местные семьи, но большинству приходилось обходиться без какой-либо помощи. Один из них, Андраник Дзаругян, позднее писал, что для того, чтобы добыть еду, они собирались в банды и грабили магазины города, иногда ценой собственных жизней⁴. Самой важной в этом вопросе инициативой, принятой в Алеппо, было, вне всякого сомнения, создание преподобным Агароном Шираджяном приюта 31 июля 1915 г. Тот факт, что такого рода учреждение может быть создано в период, когда власти воплощали в жизнь свой план по уничтожению армян, может показаться парадоксальным. Однако приют был открыт в то время, когда потоки депортируемых прибывали в Алеппо, и до назначения Абдулхалика на пост вали; что более важно, инициативу поддержали немецкий и американский консулы, а также немецко-швейцарская миссия. Так как именно они ходатайствовали перед Джемалем-пашой о создании этого учреждения⁵. Но оно было создано, прежде всего, благодаря смелости и решительности

Шираджяна. Депортированный из Мараша, нашедший убежище в Алеппо, он, не теряя времени, организовал гуманитарную деятельность, собирая брошенных детей, как правило, больных или умирающих, в доме, расположенном рядом с консульством Германии в окрестностях Акабы, который был ему бесплатно предоставлен швейцарским бизнесменом, работавшим в Алеппо, Эмилем Золингером⁶. Каждый день дети, страдающие от холеры, сыпного тифа, трахомы или дизентерии, от которых часто оставались кожа и кости, поступали в приют, куда Шираджян принимал их всех без исключения, а д-р Шмавонян лечил их, пока его не арестовали. Этот импровизированный приют на самом деле представлял собой скромное здание с соломенной крышей, которое служило спальным помещением. Хотя дети часто здесь умирали, приют, тем не менее, оказывал значительную помощь. В течение последующих месяцев Шираджян расширил свое учреждение, сняв еще два дома, главным образом благодаря д-ру Асатуру Алтуняну, армянскому аристократу, который, как известно, был в дружеских отношениях с Джемалем. Алтунян, будучи начальником авторитетного госпиталя, в котором лечились некоторые высокопоставленные лица Османской империи, имел многочисленные связи, которые он мог использовать на протяжении всей войны, чтобы защитить приют Шираджяна. Вышестоящие чиновники Османской империи предпринимали многочисленные попытки закрыть приют, а самого Шираджяна неоднократно сажали в тюрьму и угрожали депортацией. Как-то раз представители местного правительства побывали в некоторых из этих зданий и забрали восемьдесят сирот, которых затем отправили в пустыню⁷. Каждый раз, однако, Алтунян и консул Германии ходатайствовали перед Джемалем, и им удавалось спасти приют и его директора.

¹ Эти сотрудники имели свидетельство, выданное Джемалем-пашой, которое освобождало их от депортации: *Sarafian A. Op. cit. P. 152.*

² Archives centrales de l'ugab/le Caire, Damas, №12, 21 juillet 1910–26 mars 1931, CII-1. letter from the Comity of Damascus to Central Board in Cairo, 13 November 1918: Письмо из комитета Дамаска от 13 ноября 1918 г., в Центральную штаб-квартиру Каира; *Чилинкирян Е. Указ. соч. С. 32–33.*

³ *Kaiser H. Op. cit. P. 27.*

⁴ Там же.

⁵ *Дзаругян А. Люди без детства. Ереван, 1985. С. 64–66 (на арм. яз.).*

⁶ Рапорт Джексона «Армянские зверства». См. *Sarafian A. Op. cit. P. 154.*

⁷ *Бойаджян Э. Эпизоды из жизни армянского сиротского приюта. «Джанасер», № 19, 1 октября 1964 г., с. 415 (на арм. яз.); Meyer K. L'Arménie et la Suisse, s.l., 1986. P. 287.*

Кроме того, на протяжении всей войны дочь Алтуняна, Нора, оказывала священнику квалифицированную помощь в управлении приютом, проводя кампании по сбору средств среди армянского сообщества². Когда количество детей в учреждении увеличилось до такой степени, что этой помощи стало не хватать для их содержания, девушка обратилась напрямую к Джемалю, который после этого приказал армии обеспечить приют едой и необходимыми ресурсами. Но самый важный шаг в истории приюта был сделан, несомненно, когда Джемаль подписал декрет, приказывающий местным властям перестать вмешиваться в его деятельность³. Конечно, было невозможно себе представить, что такое благотворительное учреждение смогло выжить на территории Османской империи без активной помощи немцев и американцев Алеппо. Золлингер, который хоть и был гражданином Швейцарии, но служил консулом Германии в Алеппо, играл важную роль посредника между американцами, немцами и швейцарцами, с одной стороны, и Ширадджаном — с другой, обеспечивая возможность перевода в приют значительных сумм денег⁴. В конце войны количество сирот в учреждении достигло тысячи пятисот⁵. Во всей этой ситуации есть один показательный момент: все попытки Ширадджана ввести в приюте обучение на армянском языке были строго пресечены властями. Их недобровольная толерантность, очевидно, имела свои границы.

Поддавшись настойчивым требованиям со стороны швейцарских миссионерок немецкого «Hilfsbund» (Благотворительного

фонда. — Прим. пер.), Паулы Шафер и Беатрис Ронер, Джемаль разрешил им в конце декабря 1915 г. открыть еще один приют в Алеппо; ему тоже приходилось принимать брошенных армянских детей, хотя и под контролем местных властей. Необходимость улучшения санитарно-гигиенических условий в городе была главным аргументом, который использовали две миссионерки, чтобы переубедить пашу⁶. Около четырехсот детей нашли приют в этом учреждении; оно имело поддержку консула Германии Ресслера и пользовалось американской финансовой помощью⁷. Однако легко себе представить, что гуманитарная деятельность немецкой миссии в пользу депортированных армян центральными властями Османской империи воспринималась как угрожающий прецедент, который нужно было остановить любой ценой. Вероятно, именно для того чтобы положить конец этому предприятию, министр внутренних дел Мехмед Талаат отправил две телеграммы, датированные 23 марта и 3 апреля 1916 г., в адрес местных властей, «напоминая» о том, что только османское правительство имеет право оказывать помощь депортируемым и что, следовательно, все права, предоставленные иностранцам, незаконны. Телеграммы призывали наказывать всех ответственных чиновников, кто нарушит это правило⁸.

Комитет по оказанию помощи депортируемым в Алеппо также заботился о нескольких сотнях сирот в школе, примыкавшей к церкви Сорока Великомучеников. Эти сироты находились под контролем К. Крузьяна⁹.

¹ Бойаджян Э. Указ. соч. С. 416.

² «Армянский сиротский приют в Алеппо», «Джанасер», № 19, 1 октября 1964 г. С. 414 (на арм. яз.).

³ «Д-р Алтунян». С. 202.

⁴ Meyer K. Op. cit. P. 117.

⁵ Archives centrales de l'ugab/Le Caire, С 6, «Rapport sur l'orphelinat arménien (du 31 juillet 1915 au 30 septembre 1919). Составленный пастором Агароном Ширакяном, Алеппо, 30 ноября 1919 г.

⁶ Kaiser H. Op. cit. P. 54.

⁷ Ibid. P. 59. Хэрриет Дж. Фишер, миссионерка в Адане, которая ехала через Алеппо 1 января 1916 г., встретила протестантского священника из Аданы, преподобного Сисака, работавшего в сиротском приюте, возглавляемого Б. Ронер. По подсчетам Сисака, количество детей в приюте составляло семьсот человек. См. рапорт Арриета Дж. Фишера, миссионера в Адане от 13 апреля 1917 г., составленного в Вейтоне (Иллинойс). Barton J. L. Op. cit. P. 62.

⁸ T. C. Başbakanlık Arşivi, телеграммы Министерства внутренних дел в регионы от 23 марта 1916 г. (EUM général 44298 BOA.DH.şfr 62/ 90) и 3 апреля 1916 г. (EUM Special 71 BOA.DH.şfr 62/ 210). Там же. С. 61, прим. 127 и 128. Приют, которым руководила Беатрис Ронер, был окончательно закрыт в феврале 1917 г. Около семидесяти детей были отправлены в турецкий приют в Айнтуре, в Ливан; триста семьдесят других детей сбежали в город, чтобы избежать отправки туда. Там же. С. 69–70.

⁹ Чилинкирян. Указ. соч. С. 34. Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 179. Завен Тер-Егияян отмечает, что в этом учреждении находилось восемьсот детей, триста из которых в декабре 1915 г. попали к Беатрис Ронер.

Транзитные лагеря в окрестностях Алеппо

Если первые депортируемые, прибывшие в Алеппо летом и ранней осенью 1915 г., временно расселялись по караван-сараям, то с ноября, как мы видели, вали Мустафа Абдулхалик запретил впускать колонны в город и систематически перенаправлял их вдоль Евфрата или Багдадской железной дороги в направлении Мосула. Вероятно, именно по его приказу Субдиректорат по работе с депортируемыми создал первый транзитный лагерь в часе езды к востоку от города, на Сибиле, огромной равнине, ведущей к сирийской пустыне. Надзор за этим лагерем был поручен Селаникли Ейюбу-бею, лидеру чете и помощнику начальника по депортациям («Севкийят мюдюри»). А управлял им Джемиль Хаким-бей, «Севкийят мемури»¹. Каждый день одна колонна прибывала в лагерь, а другая его покидала, направляясь в Мескене и Дер-эз-Зор. Таким образом, на Сибиле всегда было несколько тысяч депортируемых.

Учреждение, предназначенное для армян, тем не менее в городе существовало: огромный караван-сарай в окрестностях Акиола. Во внутреннем дворе этого караван-сарая, названного Кашлдых, стояло большое количество огромных палаток, служивших ранее тюрьмой. Этот лагерь предназначался для взрослых армянских мужчин, которые каким-то чудом оказывались в колоннах, прибывающих в Алеппо, и людей, скрывавшихся в городе, которых задержала полиция или жандармерия во время одной из бесчисленных ночных облав. После трехнедельного пребывания в ужасающем окружении этих людей также отправляли в путь под усиленной охраной². В Кашлдыхе умерло столько людей, пишет Рёсслер, что «в середине октября было решено сделать новое кладбище за городом. Однако прежде чем власти смогли начать хоронить там умерших, тела пролежали в одной большой куче на открытом воздухе несколько дней»³.

Второй лагерь был открыт рядом с Алеппо, в Карлыке, возле деревни на северной

окраине города; лагерь был окружен железной дорогой. По словам американского консула Джексона, в Карлыке в любой период времени в среднем находилось пятьсот палаток. От двух до трех тысяч депортируемых жили в них в ужасных условиях, практически без воды. Каждый день умирало сто человек⁴.

Ерванд Отян, находившийся на Сибиле в конце ноября 1915 г., видел там тысячи палаток, в которых жили армяне из Бардизага, Родосто, Адабазара и Эдирне, а также «небольшое количество» армян из Харпута, Диарбекира и Афионкарахисара⁵. По словам Отяна, Джемаль разрешил трем сотням семей отправиться в «Шам», то есть в направлении Хомса-Гамы и Дамаска, для работы ремесленниками на военных предприятиях. Портные, сапожники, лудильщики и другие мастера пользовались большим спросом. Конечно, каждый пытался найти свое имя в списке людей, которые отправятся на юг, поскольку это было все равно, что получить паспорт на жизнь. Этот административный «везикат» так стремились получить, что «везикаты», выданные людям, которые впоследствии умерли, как утверждает турецкая книга, продавались по очень высоким ценам. Отян, который не владел никакими ремесленными навыками, изменил имя на Асатура и выдал себя за уроженца Бахчеджика/Бардизага.

Ожидая своей очереди покинуть лагерь, Отян стал свидетелем ужасных сцен. Он упоминает, в частности, котлован, вырытый на краю лагеря, в который каждое утро бросали тела тех, кто умер ночью; умершие были прежде всего жертвами эпидемии дизентерии, вспыхнувшей на Сибиле в начале декабря 1915 г. Он также отметил, что турки, арабы и евреи из Алеппо, которые хотели детей, приезжали в лагерь и покупали мальчиков и девочек у их родителей. Бури, холод и дождь уничтожали, прежде всего, тех, у кого не было палаток; отсутствие еды — остальных. В таких условиях этические и моральные стандарты ушли на второй план. Матери ча-

¹ BNu/Fonds A. Anonian. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 14, Konya, f° 2v'. Коллективное свидетельство лиц, родом из Акшехира, составленное в Алеппо 23 февраля 1919 г.

² Kévorkian R. H. Op. cit. P. 27.

³ Рапорт от 8 ноября 1915 г. См.: Lepsius J. Op. cit. P. 164.

⁴ US National Archives, State Department RG 59, 867 4016/373. Рапорт от 4 марта 1918 г. См.: Sarafian A. Op. cit. P. 146.

⁵ Отян Е. Указ. соч. № 51.

сто отказывались продавать своих детей и не всегда поддавались уговорам потенциальных покупателей, которые утверждали, что они все равно умрут и что хотя бы их дети будут спасены. Некоторые матери, которые соглашались на такие продажи, сходили с ума или теряли рассудок вскоре после того как они отдавали своих отпрысков. Наибольшим спросом пользовались дети от семи до десяти лет, особенно девочки. Тысячи мальчиков и девочек были проданы таким образом своими родителями¹. Некоторых счастливых из Харпуга спас д-р Кледжян, городской врач в Алеппо и уроженец Харпуга, который взял их к себе домой². В какой-то степени Комитет по оказанию помощи Алеппо сумел облегчить страдания армян, находившихся в городе транзитом, мобилизовав различные ресурсы для передачи им финансовой помощи, которую Армянский патриархат в Константинополе регулярно отправлял Комитету по различным каналам туда, где руководители лагерей соглашались брать взятки — что происходило, по сути, везде³.

В лагере в Марра, немного к западу от Алеппо, зимой 1915/16 г. в среднем в любой период времени содержалось шестьсот семей депортируемых — то есть где-то от трех до четырех тысяч человек — под управлением каймакама Тевфика-бея. Расселенные там по приказу Джемаля-паши, который также приказал раздать депортируемым пшеницу, эти люди стали примером «перемещения» населения; этот лагерь был совсем не похож на типичные огромные лагеря, которые являлись не чем иным, как смертельными ловушками. Несмотря на приказы Джемаля, каймакам организовал некоторое количество небольших колонн и отправил их в сирийские пустыни, вероятно, в результате вмешательства Сублидиректората по работе с депортируемыми. Существует вероятность того, что это было сделано также для того, чтобы напугать других депортируемых и вытянуть из них значительные суммы в обмен на обещание не отправлять их. Это продолжалось лишь до следующей весны, когда Рёсслер, немецкий

консул в Алеппо, сообщил своему послу, что «16 апреля армян, «расселенных» в Марре соседних деревнях, силой отправили в управление Дер-эз-Зора»⁴.

Препятствуя проходу депортируемых через Алеппо, власти, вероятно, стремились как можно надежнее скрыть свои действия от глаз иностранных свидетелей. В этой связи мы видели, что благодаря подпольной работе армян патриарх продолжал получать информацию о ситуации и мог передавать полученную информацию дипломатическим кругам. Завен сообщает, что он регулярно получал новости от Коңья от Месропа Нарояна благодаря сотрудникам армянской железной дороги и об Алеппо, хоть и не так часто, благодаря католикосу Сааку II. Например, Саак смог передать патриарху с помощью жены Рёсслера и драгомана немецкого посольства, Гайка Тайкесеняна, точное описание ситуации в тот момент, когда колонны перестали прибывать в Алеппо⁵. В телеграмме своему шуруину Мустафе Абдулхалику от 1 декабря 1915 г. Мехмед Талаат жаловался, что «американские консулы получают информацию подпольным путем», данное утверждение ставит под сомнение правдивость его высказывания о том, что он не знал об условиях, в которых осуществлялась депортация. «Сейчас, — писал он, — для нашей политики важнее всего убедить иностранцев, бывающих в этом регионе, в том, что единственная цель депортации состоит в изменении места жительства людей. Поэтому важно в данный момент демонстрировать тактичное поведение, чтобы сохранить формы, и применять известные методы только в тех местах, где это уместно. В этой связи я настоятельно рекомендую вам арестовать людей, которые разглашают информацию, или провести расследование и привлечь их под другими предлогами к суду». Здесь следует отметить интересную деталь: этот документ содержит заметку на полях, сделанную субдиректором [по работе с депортируемыми] Абдуллахадом Нури, которому была отправлена телеграмма⁶.

¹ Там же.

² Там же, № 54.

³ Kévorkian R. H. Op. cit. Pp. 98–104. Свидетельства об Алеппо.

⁴ Ibid. P. 104–105. Папорт от 27 апреля 1916 г. См.: Lepsius J. Op. cit. P. 203.

⁵ Тер-Егиянц З. Указ. соч. С. 175.

⁶ Шифрованная телеграмма министра внутренних дел Талаата, адресованная вали Алеппо. APC/PAJ Bureau d'information du Patriarcat, liasse B. 54, p. 7. На штемпеле, который свидетельствует о том, что Нури получил телеграмму, стоит дата «21 ноября/4 декабря 1915 г.» и приписка от руки: «Я был уверен, что такие люди были, и несколько раз требовал от начальника полиции заняться ими, но расследования не дали результатов».

ГЛАВА 4

Лагеря в Суруке, Арабпунаре и Рас-эль-Айне и зоны высылки в вилайете Мосул

Когда депортации были завершены, депортируемые армяне были собраны в нескольких центрах вдоль восточной ветки Багдадской железной дороги. Одним из таких центров был Сурук, небольшой город с десятью тысячами жителей, расположенный в нескольких десятках километров к югу от Урфы, в десяти часах от железной

дороги. Здесь в 1915 г. были поселены семьи примерно тридцати армянских ремесленников из Урфы. Помимо мужчин, которые были мобилизованы, около дюжины глав семей были убиты задолго до того, как прибыли колонны депортируемых; женщин и детей призвали сменить вероисповедание¹.

Депортируемые Сурука

Свидетель из Сиваса, Г. Капигян, рассказал о том, как он три месяца жил в этом преимушественно курдском городе, административном центре казы, которая была присоединена к мутесарифату Урфа. Колонна «есир» (военнопленных) — так местное население называло депортируемых армян, — которая прибыла в Сурук 5/18 сентября 1915 г., была размещена на поле, расположенном на выезде из города, где было установлено четыре большие палатки. Установка палаток — это было практически все, что сделали власти, чтобы разместить этих «есир», многие из которых были больны. Городской врач лишь напомнил им о том, что «нам запрещено лечить больных депортируемых»². Также было невозможно отправить телеграмму друзьям или родственникам в столицу о том, чтобы они прислали денег. У выживших в этой колонне, которых ограбили по пути, практически не оставалось средств, и они понимали, что их ждет та же участь, что и группу из нескольких сотен женщин и детей, прибывших

до них, чьи тела гнили за городским «ханом», то есть стать кормом для собак³. «Хан», состоящий из очень маленьких клеток, был фактически смертельной ловушкой, в которую власти упаковывали депортируемых, пораженных вшами и болезнями, которым оставалось жить несколько часов⁴. Это были армяне, депортированные из Сиваса и Зары, которых привели в Сурук через Фырынджилар, где Капигян пересекся с ними несколькими неделями ранее. Он иронично выразил свое удивление блистательному «созданию научной атмосферы», которую излучал «инкубатор микробов», изобретенных младотурками⁵. У Капигяна не было сомнения в том, что такие заведения, как «хан» в Суруке, который власти окрестили «госпиталем», задумывались как фабрики микробов для уничтожения их «пациентов»⁶. Как только еще здоровые депортируемые попадали в эти дома смерти, они быстро теряли свои способности и погружались в физический и моральный упадок, результат у которого мог быть только

¹ Капигян Г. Указ. соч. С. 346–347.

² Там же. С. 351–352.

³ Там же. С. 353–354.

⁴ Там же. С. 356–357.

⁵ Там же. С. 358.

⁶ Там же. С. 358–359. Согласно заверениям городского врача Сурука, двадцать семь тысяч армянских «пациентов» умерли в городском «госпитале» между июлем и декабрем 1915 г. Там же. С. 380.

один. Непрерывно повторяющиеся запросы министра внутренних дел в адрес местного правительства о том, сколько недавно прибыло депортируемых, откуда они прибыли и сколько из них живы, были, несомненно, мотивированы лишь одним желанием: оценить последствия геноцида и обновить статистику министерства.

Лагерь для депортируемых посетили два человека. Одним из них был городской врач, еврей, который рассказал заключенным лагеря о том, что у местных властей недостаточно средств, чтобы кормить их, и что им придется самим о себе заботиться до тех пор, пока они не доберутся до Алеппо. Несколько дней спустя Капигян случайно встретился с шестью армянскими женщинами, которых врач держал у себя дома. Вторым посетителем был начальник жандармерии, который удовлетворился прогулкой по лагерю и тем, что взял одну или двух девушек для своего гарема, который уже достиг внушительных размеров. У самого каймакама было пять таких девушек. Кроме того, многие турецкие и курдские семьи брали себе детей, особенно девочек до десяти лет¹. Это явление было настолько распространенным, что возникает вопрос, не была ли такая страсть к молодым армянкам, с ее биологической подоплекой, результатом кампании, проводимой властями.

Факт прибытия второго каравана из Эрзурума, состоящего из армян со всех районов Эрзурума, в Сурук в конце ноября был любопытным сам по себе. Изначально составленная из десяти тысяч человек, которых отправили в путь 18 июня 1915 г.², эта колонна была, конечно, частично очищена от мужчин, убитых после прохода через Фырынджилар, в Калындере, лидером отряда чете Зейнелем³; тем не менее колонна достигла Сурука лишь с минимальными потерями, в хорошем состоянии и вроде бы даже сохранив здоровье, по крайней мере по сравнению с депортируемыми из Сиваса. Этот случай, который доказывает, что в действительности было возможно «переместить» армянское население, не уничтожая его, является свидетельством того, какие требовались условия, чтобы избежать общей участи.

Первым доводом, который привели члены конвоя, были деньги: будучи депорти-

рованной очень рано, когда центральными властями еще не были приняты некоторые меры в отношении имущества армян, эта группа получила некоторое снисхождение со стороны вали, Тахсин-бея, который предложил депортируемым вложить свои деньги в банк и взять с собой чеки. Тем самым он оградил их от ограблений по пути, и у них появилась возможность использовать свои средства как можно более эффективно для того, чтобы давать взятки различным правительственным чиновникам и вождям племен, с которыми они сталкивались в разных частях своего путешествия. Депортируемым, которые несли с собой наличные, с большой долей вероятности приходилось платить, но их все равно убивали, тогда как армяне из Эрзурума сохранили возможность вести переговоры благодаря своей финансовой независимости.

Второй решающий фактор касался транспорта, который депортируемые могли получить при отправке и пользоваться до тех пор, пока они не достигнут Сурука. Благодаря фургонам с запряженными в них лошадьми или телегам, запряженным волами, они могли взять с собой то, что им было нужно в дороге: постельные принадлежности, палатки, еду и запасы продовольствия. А самое главное, им не нужно было идти тысячи километров пешком, пытаться сохранить хоть какое-нибудь здоровье, и им удалось избежать эпидемий⁴. Другими словами, эта группа, в отличие от подавляющего большинства других колонн, не оказалась в спирали, ведущей к моральной и физической деградации. Капигян отмечает, что находчивость людей, которые имели опыт ведения сложнейших переговоров, дает дальнейшее объяснение их успеху. Зная об опасности, ждущей их в пустынях Сирии или Месопотамии, представители второй колонны из Эрзурума нанесли каймакаму Сурука «визит вежливости». Посоветовавшись, эти люди пришли к заключению, что они будут вести переговоры с местными властями о праве остаться там, где они были. Они смогли «убедить каймакама в преданности своей родине и предоставить свидетельство своего уважения к нему», тактично предложив ему подарки вдали от множества любопытных глаз. Каймакам Сурука,

¹ Там же. С. 358–359.

² См. выше, с. 362.

³ Капигян Г. Указ. соч. С. 368–369.

⁴ Там же. С. 376.

разумеется, не мог издать «официальный приказ», разрешающий этим избранным лицам оставаться столько, сколько они пожелают, но он мог, например, закрыть глаза на то, что эти семьи снимают жилье в городе — тем более что местное население также выигрывало от этого неожиданного источника дохода. «Благожелательностью» каймакама также пользовались депортируемые из других регионов, которые смогли убедить из лагеря в Арабпунаре и найти убежище в Суруке. В конце декабря они даже смогли воспользоваться услугами Сельскохозяйственного банка, чтобы обналичить чеки и уредить коммерческие предприятия¹. В некоторых случаях, в частности когда власти решили уничтожить армян в соседнем городе Урфа, в Суруке возрастало напряжение, и примерно пятнадцати тысячам армян города пригрозили изгнанием в пустыню². Они даже почти на целый месяц разбили лагерь в получасе от города. Многим из них, однако, удалось вернуться в Сурук и его окрестности после того как напряжение спало³. Зимой 1915/16 г. местным властям пришлось организовать несколько колонн в пустыню, вероятно, чтобы избежать санкций, которыми им угрожала столица; они, однако, не освободили город от депортируемых полностью. Капигян отмечает, что большое количество людей из самых бедных семей стали жертвами недоедания и болезней. Вследствие этого министр внутренних дел потребовал произвести точный подсчет армян в регионе⁴. Некоторые депортируемые попытались подчеркнуть свою незаменимость, создав

ремесленное училище, в котором молодые жительницы города могли приобрести практические навыки и научиться читать и писать. Несмотря на то что эти планы было трудно согласовать с местной социальной практикой и у многих они вызывали удивление, другие, к примеру, мэр Сурука, использовали это событие в своих интересах, поддержав данную инициативу⁵.

В связи с этим с течением времени Сурук в результате давления со стороны депортируемых был преобразован в зону высылки, более или менее безопасную для них. По словам Капигяна, из почти семисот армян, вышедших из Сиваса и указанных в его отчете под именами их семей, выжило сто двадцать, а затем их изгнали из Сурука навсегда⁶. Но в конце концов даже эти остатки колонн привлекли внимание центральных властей. Военный инспектор, отправленный судом в Урфу, после возвращения провел расследование в Суруке. Опасность в первую очередь угрожала каймакаму и начальнику жандармерии: их обвинили в том, что они пользовались щедростью армян. Приказ о депортации был в конечном счете опубликован 1 января 1916 г.: он применялся в отношении беженцев и небольшого количества (обращенных в ислам) местных семей, которым было приказано отправляться в Ракку не позднее чем через пять дней⁷. Даже предприниматели из Эрзурума не смогли избежать этой решительной облавы. В воскресенье 9 января колонна, в состав которой входил 1851 человек, отправился в Ракку в сопровождении жандармов⁸.

Транзитный лагерь в Арабпунаре

Где-то в десяти километрах далее на юг, возле железнодорожной станции Арабпунар, был открыт еще один транзитный лагерь, рядом с небольшим озером⁹. Примерно 25 сен-

тября 1915 г. пятнадцать тысяч депортируемых, большинство из вилайета Сивас, находились здесь в сомнительных условиях, если не сказать больше. Вскоре после этого вспых-

¹ Там же. С. 376–377.

² Там же. С. 381–382.

³ Там же. С. 383. Капигян отмечает, что аптекари Трдад Тарпинян из Амасии и Арутюн Бакалян из Самсуна, «единственные представители своих городов мужского пола», смогли вылечить 15 000 жителей лагеря и предотвратить эпидемию в этом разрушающем хаосе. Несколько колонн женщин без сопровождения были также отправлены в Биреджик, Нисиб и Айнтаб.

⁴ Там же. С. 394–395.

⁵ Там же. С. 397–398.

⁶ Там же. С. 401–402.

⁷ Там же. С. 403–404.

⁸ Там же. С. 409–410. Капигян отмечает, что около пятнадцати армян из деревни возле Евфрата, которые приняли курдскую веру и ислам во время расправ 1895 г., были присоединены по пути к этой колонне и затем депортированы в Ракку.

⁹ Там же. С. 364.

нула эпидемия, уносившая от ста двадцати до ста семидесяти жизней ежедневно; Капигян утверждает, что за шесть недель здесь умерло четыре тысячи человек. К середине ноября

лагерь опустел. Часть его обитателей отправили в Рас-эль-Айн, Дер-эз-Зор или Мосул, другим удалось на некоторое время скрыться в Суруке и окрестных деревнях¹.

Лагерь в Рас-эль-Айне

Расположенный к востоку от Урфы и к югу от Дيارбекира, в безлюдном месте недалеко от внешних границ Сирии и Месопотамии, Рас-эль-Айн был до того, как до него дошла Багдадская железная дорога, обычным местом, где находилось около двадцати хозяйств чеченцев, которых сюда поселили османские султаны после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1914 г. это был просто малый центр казы; на следующий же год он стал одним из главных концентрационных лагерей для депортируемых армян. Будучи уединенным местом, далеким от любопытных глаз, деревня постепенно превратилась в огромный центр «переселения» в конце лета и осенью 1915 г. В начале, однако, бесконечные колонны из армянских провинций проходили через него; их маршруты сходились возле Урфы и Рас-эль-Айна. Первые депортируемые прибыли сюда в середине июля; это были уроженцы Харпута, Эрзурума и Битлиса². Примерно в то же самое время американский консул в Багдаде, Чарльз П. Бриссел, отметил в своем рапорте, что вали Багдада, когда он еще был префектом санджака Мардин, «начал преследовать армян в Мардине и его окрестностях и отправлять их в Рас-эль-Айн. В Багдаде прошло сообщение о том, что армяне, отправленные в Рас-эль-Айн, были убиты через некоторое время после прибытия туда или по пути»³. Впоследствии многие другие колонны из Урфы, где пересекались первый и второй депортационные маршруты, прибыли в Рас-эль-Айн. Однако об операциях, проведенных в этом регионе, у нас меньше информации, чем об операциях в западных лагерях, поскольку дипломаты, которые размещались

ближе всего к Рас-эль-Айну, консул Германии Гольштейн и американский консул Бриссел, жили в Мосуле и Багдаде, соответственно более чем в 300 и 500 километрах от города, на краю месопотамской пустыни, а Рёсслер и Джексон сочли крайне трудным следить за событиями из Алеппо. В своем рапорте от 13 августа 1915 г. Рёсслер, тем не менее, рассказал, что он «смог получить точную информацию о другой группе, которая покинула Адыяман [к северо-востоку от Урфы]. Из шестисот девяноста шести отправившихся человек триста двадцать один прибыли в Алеппо: двести шесть мужчин и пятьдесят семь женщин были убиты»⁴. Данные цифры свидетельствуют о нападениях, которым подвергались депортируемые на этой дороге, связывавшей Малатью, место соединения караванов депортируемых, с Урфой и Рас-эль-Айном через Адыяман. В том же рапорте Рёсслер писал: «Группа из Сиваса, прибывшая сюда [в Алеппо] 12 августа, прелевала в пути три месяца и была крайне истощена. Несколько человек умерли почти сразу после прибытия»⁵. Единственный доклад из внешнего мира предоставлен Лисмайером, австрийским офицером, знавшим турецкий язык, который в течение двадцати лет работал на строительстве железной дороги в регионе. По понятным причинам его имя не упоминают ни Рёсслер, ни миссиснер из Урфы, Якоб Кюнцлер, передававший информацию, которую он получал от своего инженера, в Алеппо⁶. Однако Балакян, встретившийся с ним несколько недель спустя, раскрыл его имя, когда он упомянул о его докладе⁷: «Это было в последние дни октября [1915 г.]. Когда Лисмайер занимал-

¹ Там же. С. 365–367.

² A. A., *Türkei* 183/38, A23991. Рапорт Рёсслера канцлеру Бетману Гольвегу от 27 июля 1915 г. См.: *Lepsius J. Op. cit.*, doc. 120, p. 114.

³ US National Archives, State Department RG 59, 867 4016/191, № 372. Рапорт от 29 августа 1915 г., адресованный послу Г. Моргентау См.: *Sarıfian A. Op. cit.* Pp. 262–263. Интересующим нас вали был Хайрет-бей, бывший мутесариф Мараша, который занимал свой пост с мая 1915 по август 1917 г.: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3314, список виновных в погромах Мосула.

⁴ *Lepsius J. Op. cit.*, doc. 137, p. 130–131.

⁵ *Ibidem.*

⁶ *Ibid.* Pp. 131–133, неподписанный рапорт Лисмайера.

⁷ *Balakian O. Op. cit.* P. 294.

ся строительством узкоколейной железной дороги между Соряной и Рас-эль-Айном, он увидел большую колонну, пришедшую с севера и медленно спускавшуюся в направлении Рас-эль-Айна... Эта масса людей медленно двигалась вниз по дороге, и только когда она подошла ближе, австриец понял, что это была не армия солдат, а огромная колонна женщин в сопровождении жандармов. По некоторым подсчетам, в колонне было не менее сорока тысяч женщин... Среди них не было ни единого мужчины»¹. Другой инженер, работавший на Багдадской железной дороге, М. Грейф, сообщил д-ру Нипаге, профессору из Алеппо, что «по всему пути следования железной дороги, ведущей в Тель Абиду и Рас-эль-Айн, лежали горы обнаженных трупов изнасилованных женщин», а немецкий консул в Мосуле, который ехал по дороге между Мосулом и Алеппо, «видел в нескольких местах по пути столько отрубленных детских рук, что ими можно было бы вымостить всю дорогу»². Другой немецкий консул и военный офицер, Шойбнер-Рихтер, в рапорте от 5 ноября 1915 г. сообщает: «Когда я ехал из Эрзурума в Мосул через Хинис, Муш, Битлис и Сирут, я увидел, что все деревни и дома, когда-то заселенные армянами, были разграблены и абсолютно пусты. Я не увидел ни одного живого армянина»³.

В противоположном направлении, Субдиректорат по работе с депортируемыми в Алеппо выполнял приказы, полученные из столицы: начиная с ноября — декабря 1915 г. тенденция изменилась, и армяне, интернированные в лагерях в Исхалие, Катма и Азазе, были отправлены в Рас-эль-Айн, чтобы очистить и продезинфицировать стратегический маршрут между Аданой и Алеппо. «Они начали отправлять их по железной дороге в Рас-эль-Айн», — пишет один из выживших⁴. Кроме того, у города была очень плохая репутация, — по причине того, что несчастные колонны из внутренних провинций [то есть те, что шли из Урфы], отправленные в этом направлении, все без исключения были убиты. Та же участь ждала депортируемых, прибывших по маршруту Конья—Бозанти, которые, к своему несчастью, были отправлены в Рас-эль-Айн. Арабские жандармы, чиновники

и даже значительная часть населения язвительно дали им понять, что их ждет. Некоторые из них вспоминали эпизоды предыдущих расправ... Было невозможно получить информацию о первых убийствах в Рас-эль-Айне. Остатки колонн из внутренней части страны, проделавшие столь долгий путь, в основном были убиты. Свидетелей не осталось»⁵.

По сообщениям Дж. Херояна, который в конце октября 1915 г. был назначен главой концентрационного лагеря в Рас-эль-Айне при довольно странных обстоятельствах, в лагере на момент его вступления в должность было десять тысяч палаток — то есть около пятидесяти тысяч депортируемых армян, — установленных на высоте в десяти минутах от деревни⁶. Как везде, депортируемые ставили свои палатки практически вплотную друг к другу из соображений безопасности. Каймакам Юсуф Зийя-бей, занимавший свой пост до февраля 1916 г., оказался, помимо всего прочего, благонамеренным человеком; его доброжелательность содействовал мутесариф Дер-эз-Зора, Али Суад-бей, который в то время имел власть над всем Рас-эль-Айном. Зийя, контролировавший всех чиновников, включая нанятых Субдиректоратом по работе с депортируемыми, даже разрешил тем армянам, которые могли себе это позволить, жить в городе; он также толерантно отнесся к мелкому предпринимательству на местном уровне и приложил усилия для защиты лагеря от арабских мародеров, которые, бывало, забирали у депортируемых все, что хотели. В течение четырех месяцев, с ноября 1915 г. до конца февраля 1916 г., лагерь в Рас-эль-Айне действовал почти в нормальных условиях для такого рода учреждений по сравнению с другими. Колонны, разумеется, регулярно выслались в Дер-эз-Зор, но без особой жестокости. Однако случайный визит Джевдета, зятя вице-генералиссимуса Энвера, похоже, отрицательно повлиял на лагерь в Рас-эль-Айне. Джевдет, ехавший в Адану, чтобы вступить в должность, как предполагалось, должен был быть шокирован по приезду в Рас-эль-Айн условиями, в которых содержались в лагере депортируемые армяне: уровень смертности в то время составлял всего сто человек в

¹ Ibidem.

² См. выше, с/ 723, примечание 3, ссылки, относящиеся к докладу Мартина Нипаге.

³ Lepsius J. Op. cit., doc. 195. Pp. 166–167.

⁴ Kévorkian R. H. Op. cit. Pp. 65–66 Свидетельство Галуста Азарапетяна.

⁵ Ibid. Pp. 107–108. Свидетельство Арама Антоняна.

⁶ Ibid. Pp. 110–114. Свидетельство Дж. Херояна.

день¹ (от тринадцати до четырнадцати тысяч человек, однако, лишились жизни за четыре месяца, в течение которых лагерь функционировал «нормально»)². Важность вмешательства Джевдета, являвшегося ключом к объяснению того, почему депортируемые в лагере в Рас-эль-Айне были ликвидированы, не следует переоценивать. На суждение Херояна повлияла репутация вали, как кровавого убийцы, приобретенная в регионе Ван. Конечно, Хероян не мог знать, что в то же самое время, как мы увидим, в Стамбуле начиналась вторая фаза геноцида, как и в Малой Азии и Сирии—Месопотамии.

Однако можно утверждать, что вали Вана имел какое-то отношение к тому, что каймакам Рас-эль-Айна был уволен через десять дней после того как Джевдет прошел через этот регион. Его заменил закоренелый младотурок Керим Рефик-бей. Эта мера была необходимой предпосылкой для осуществления запланированных действий. Рефик вступил в должность в середине марта и сразу же приступил к осуществлению поставленной перед ним задачи: ликвидации депортируемых в лагере Рас-эль-Айн. Подготовка началась 17 марта 1916 г. и продолжалась до 21 марта, когда и началась операция, целью которой было систематическое уничтожение сорока тысяч интернированных, которые все еще там находились³. Каймакам получил хорошую поддержку от Адлия-бея, начальника по депортациям, «образованного» уроженца Стамбула; местных чеченцев, лидером которых был не кто иной, как мэр Рас-эль-Айна, Арслан-бей; и вице-мэра, брата Арслана, Хусейн-бея⁴. Официально эти ополченцы должны были защищать депортируемых, отправленных на юг. В действительности же

они выполняли решения, принятые Субдиректором по работе с депортируемыми. Несколько месяцев спустя эти ополченцы продолжили играть видные роли в расправе июля 1916 г. над армянами в Дер-эз-Зор.

Первые отчеты о ликвидации депортируемых в лагере Рас-эль-Айн добрались до Алеппо только в начале апреля. Первое официальное донесение от консула Рёсслера, датированное 6 апреля 1916 г., относится лишь к расправе, совершенной «черкесом»⁵. В своем рапорте от 27 апреля консул был более точным: «По сообщению абсолютно надежного немецкого гражданина, который провел несколько дней в Рас-эль-Айне и его окрестностях... каждый, или почти каждый, день от трехсот до пятисот человек уводили из лагеря в место, находившееся примерно в десяти километрах от Рас-эль-Айна, и убивали. Тела бросали в реку, известную как Джирджиб-эль-Хамар... Чеченцы, жившие в регионе Рас-эль-Айн, играли роли палачей»⁶. Сформировать какое-то представление о размерах этого побоища можно на основании отчетов немногочисленных выживших. Так, начальник лагеря Хероян заявляет: «К 23 апреля [6 мая] осталось всего несколько сотен человек: большие, слепые, инвалиды и несколько детей... После отправки каждой колонны мы насчитывали сотни жертв, для которых копали большие групповые могилы». Хероян заключает: «Через несколько дней после отправки последнего конвоя по приказу каймакама было объявлено, что операции в концентрационном лагере прекращены; он потребовал от меня передать ему журналы учета»⁷. Самые везучие прожили на несколько дней больше, так как их отправили в Шеддадие в долине Кабур, где они были убиты»⁸.

¹ *Lepsius J. Op. cit.*, doc. 137. Pp. 130–131.

² Эту цифру приводит Наим-бей в своих мемуарах: *Andonian A. Op. cit.* P. 39.

³ *Kévorkian R. H. Op. cit.* Pp. 107–109. Текст Арама Антоняна о Рас-эль-Айне.

⁴ Там же.

⁵ Информация, предоставленная Антоняном, подтверждается этой телеграммой от Рёсслера: *Lepsius J. Op. cit.*, doc. 257, p. 200.

⁶ A. A., *Türkei* 183/38, A27200: там же. С. 203–205. Эти информации подтверждаются кратким отчетом, написанным американским консулом Джексоном: US National Archives, State Department RG 59, 867 4016/ 373. Рапорт от 4 марта 1918 г. См.: *Sarafian A. Op. cit.* Pp. 148–149. Эти информации дополнены отчетом Карапетя К. Мурадяна: *Kévorkian R. H. Op. cit.* Pp. 119–120. В своем отчете, написанном 11 апреля 1918 г., Элвеста Т. Лесли, миссионерка в Айнтабе (*Barton J. L. Op. cit.* P. 109), приводит показания кучера, который рассказал ей, что осенью 1915 г., на дороге между Урфой и Раккой, на берегах Евфрата, от четырехсот до пятисот мусульманцев были разом похоронены заживо и что в марте 1916 г. «тридцать тысяч» депортируемых из лагеря в Рас-эль-Айне были убиты.

⁷ *Kévorkian R. H. Op. cit.* Pp. 113–114.

⁸ *Andonian A. Op. cit.* P. 48. consul à Mosul, à l'ambassade à Constantinople, daté du 21 juillet 1915.

Депортируемые, «высланные» в Мосул

Вилайет Мосул был частью зоны, официально выделенной в качестве места «высылки» для депортируемых армян. Из-за особого географического положения на краю месопотамской пустыни он должен был служить местом изгнания для депортируемых, отправленных по второму депортационному маршруту, то есть армян из вилайетов Битлис и Диарбекир и южной части вилайета Ван, наряду с остатками двух колонн, отправленных из Эрзурума. Другими словами, Мосул был предполагаемым пунктом назначения для депортируемых из зон, где расправы *на месте* были особенно частыми, а процент выживших, которые добрались до официального пункта назначения, был крайне низким. Наш основной источник информации о регионе, консул Германии в Мосуле Гольштейн, 21 июля с трудом насчитал в городе шестьсот женщин и детей из Сиирта и Мардина¹. По словам патриарха Завена, который провел последние месяцы войны в Мосуле, количество депортируемых, прибывших сюда по маршруту, ведущему через Рас-эль-Айн и Джебзире, было минимальным², вероятно, потому что те, кто шел этим маршрутом, пали жертвами отрядов *чете*, которых направил вали Диарбекира, д-р Решид, чтобы их перехватить. Третья и четвертая колонны из Эрзурума, которые прибыли в Мосул более южным путем, понесли гораздо меньше потерь, но среди них не было ни единого мужчины, только женщины и дети³. Согласно армянским источникам, в феврале 1916 г. в городе Мосул насчитывалась тысяча шестьсот депортируемых из Эрзурума и на две тысячи двести больше в регионе⁴.

По словам Гольштейна, пятнадцать тысяч депортируемых достигли региона к концу сентября 1915 г. Вторая волна депортируемых, состоящая из армян из всех регионов

Малой Азии, в особенности ее восточной части, прибыла в Мосул и его окрестности весной 1916 г.; отправлена она была из Дер-эз-Зора. Гольштейн сообщает, что всего две тысячи пятьсот депортируемых, которые, когда Али Суад еще был мутесарифом, были отправлены из Дер-эз-Зора по пустынной дороге, ведущей из Зора через Сувар, Седдадие, Хассиче и Замукха в Мосул, прибыли в Мосул 22 мая 1916 г.⁵, тогда как все те, кто отправился следом, под управлением Салиха Зеки, были убиты в пути. В это же время, американский консул Джексон сообщил, что в Басре было около пяти тысяч депортируемых⁶.

Информация, предоставленная Гольштейном в докладе от 4 мая 1916 г., сделанном в ответ на анкету со стороны швейцарской благотворительной организации *Schweizerisches Hilfswerk 1915 für Armenien* (Швейцарская организация помощи армянам 1915. — *Прим. пер.*), свидетельствует о том, что уровень смертности среди депортируемых был около шестидесяти-семидесяти. По подсчетам Гольштейна, количество депортируемых из Эрзурума и Битлиса, попавших в Мосул, Киркук или Сулеймание, составило от четырех до пяти тысяч. Он также предоставляет ценный внутренний взгляд на то, как обращались с группами; они «[состояли] в основном из женщин и детей [в] отчаянном состоянии». «Если удачно вмешаться, — добавил он, — то у депортируемых, по крайней мере, появлялось право остаться раз и навсегда в одном месте и не метаться взад и вперед — как это было и оставалось — с места на место, по прихоти турецких «специальных комиссий», которым было поручено заниматься этими вопросами, которые они решали без малейших колебаний... Любого рода помощь только прод-

¹ Телеграмма консула в Мосуле Гольштейна от 21 июля 1915 г. посольству в Константинополе. *Lepsius J. Op. cit.*, doc. 118, p. 111. Согласно армянским источникам, количество выживших во второй колонне из Сиирта, которые добрались до Мосула, составило пятьдесят человек, а количество выживших из Битлиса — сто тридцать человек.

² *Тер-Егияян З.* Указ. соч. С. 237.

³ Там же.

⁴ См. выше, с. 351, примечание 2.

⁵ Репорт от 5 сентября 1916 г. *Lepsius J. Op. cit.*, doc. 298, p. 227; *Тер-Егияян З.* Указ. соч. С. 237. Завен Тер-Егияян подтверждает данные факты, добавляя, что эти депортируемые были впоследствии переведены в Киркук.

⁶ National Archives, State Department RG 867. 48/271. Делеша Джексона от 8 февраля 1916 г. к Моргентау, № 534.

левала их суровые испытания и откладывала печальный конец на несколько дней»¹. Другими словами, власти применяли те же методы обращения, что и в концентрационных лагерях: изгнанники не оставались долго на одном месте, их регулярно переводили из одного лагеря в другой. Есть все основания полагать, что эта процедура была разработана для того, чтобы не дать депортируемым приобрести средства к существованию после их знакомства с новым окружением.

Вали Хайрет-бей, бывший мутесариф Мараша, занимавший эту должность с мая 1915 по август 1917 г., вместе со своим преемником Мемдух-беем были главными творцами постепенного уничтожения этих групп². Капитан Невзаде-бей, военный начальник в Мосуле, и полковник Абдулкадри Хилми-бей лично занимались казнью армянских рабочих-солдат, которые строили автомагистраль между Мосулом и Джемизирой³. Капитан Назим-бей, начальник жандармерии Мосула, Мехмед Камиль, юнионистский журналист, и Нури-бей, мутесариф Киркука, также были вовлечены в эти убийства⁴.

В марте 1917 г., когда Багдад был захвачен Британией, несколько тысяч армян кое-как перебивались между Мосулом и Басрой, разбросанные тут и там по деревням и городам. Патриарх Завен, который отправился в Мосул незадолго до захвата города британцами, видел армянских женщин (а конкретно из Эрзурума) и детей, просящих подаяния на улицах. С помощью пожертвований, полученных от католика Саака Хабаяна, он смог облегчить их участь, накормить их и одеть. Несмотря на то что халдеи не оказали ему никакой помощи, патриарх отмечает, что си-

рийские яcobиты даже отдали свои церкви в распоряжение депортируемых. Завен также указывает на активную роль начальника полиции Мехмеда Халида, обращенного в ислам армянина, в операциях по оказанию помощи армянам Мосула⁵. Далее он отмечает, что езиды также проявили доброжелательность к депортируемым и что шейх езидов Исмаил-бей регулярно их навещал во время своего пребывания в Мосуле; он добавляет, что езиды Синджара предоставили приют и защиту многим армянам⁶. И наконец, патриарх отмечает, что от пятидесяти до шестидесяти мужчин, которые сумели выжить в Мосуле, были схвачены во время облавы и определены в рабочие отряды для строительства дороги. Депортируемые женщины из Эрзурума и Сиирта в лучшем случае были наняты в качестве прислуги немецкими и австрийскими офицерами или местными правительственными чиновниками⁷.

Вскоре после захвата Багдада, в марте 1917 г., Халил-паша прибыл вместе со своим штабом; вскоре за ним приехал Джевадет, которого назначили начальником региона в июне⁸. Создается впечатление, что эти двое, которые уже до этого тесно сотрудничали, уничтожая армян в вилайете Битлис, снова объединились с целью проведения еще одной подобной операции. Согласно данным, полученным во время суда в апреле 1919 г. над Невзаде-беем, бывшим военным начальником, Халил сразу после прибытия в регион начал проводить жесткие репрессии в отношении не только депортируемых армян, но также и еврейских и курдских беженцев, живущих в Мосуле. Согласно показаниям нескольких офицеров, кампания началась

¹ Lepsius J. Op. cit., doc. 263. Pp. 211–212. dossier du colonel Abdülkadri Hilmi, natif de Kastamonu, membre de l'état-major général ottoman, également impliqué dans des massacres à Alexandropol au cours de l'été 1915.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3314. Список виновных в погромах Мосула.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 382. Дело полковника Абдулкадри Хилми, родом из Кастамону, члена османского Генерального штаба, также вовлеченного в погромы Александрополя летом 1915 г. Согласно армянским источникам, из батальона в четыреста рабочих-солдат, находившегося под его командованием, на момент прибытия англичан в Мосул в живых оставалось от шестидесяти до восьмидесяти человек «в ужасающем состоянии» (APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3321–3322).

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3781, Cevdet bey et les massacres arméniens de Mosul. В оригинале такого предложения нет.

⁵ Тер-Егияян Э. Указ. соч. С. 230–233. Мехмед Халид также занимал пост в Ване, когда он оказывал значительную помощь своим соотечественникам и участвовал в работе подпольной сети, которая базировалась в Алеппо и Бозанти.

⁶ Там же. С. 235.

⁷ Там же. «Ренессанс» предоставляет отчет о третьем заседании суда над Невзаде-беем, близким товарищем Халила; на этом заседании суда выяснилось, что большинство этих людей организовали собственное дело в Мосуле и что депортировал их, а затем убил именно Халил. См.: La Renaissance, № 113, 13 avril 1915.

⁸ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3781, Cevdet bey et les massacres arméniens de Mosul.

с того, что были повешены пять евреев; тела их бросили в Тигр. Существует предположение, что полковник Абдулкадри Хилми-бей также осуществлял жестокие нападения на депортируемых армян в ущелье Закхо, расположенном чуть дальше к северу¹.

Самым важным преступником, привлеченным к суду, был Невзаде-бей, бывший фидайи КЕП, который, по словам главного прокурора Решада-бея, совершил несколько политических убийств. Он обвинялся в организации расправы над депортируемыми в Мосуле, «где он оказался в последний раз», а также над армянскими солдатами из трудового батальона². По показаниям Шериф-бея, драгомана начальника военной администрации Мосула, Невзаде, который «был фаворитом Халила», сделал состояние на ограблениях депортируемых перед «высылкой их в отдаленное место», а также на том, что посадил в тюрьму несколько городских торговцев, которых каждую ночь «страшно» пытали. Второй свидетель, офицер по имени Бекир-бей, рассказал суду, что Невзаде пользовался в Мосуле дурной славой за зверства, которые он совершил в отношении «тысяч курдов, эмигрировавших из Битлиса и Эрзурума. Он отрезал им доступ к продуктам и обрек тем самым на голодную смерть». Можно добавить, что обвиняемые не протестовали, когда председательствующий судья спросил, правда ли то, что, действуя сообща с Халилом-пашой, он конфисковывал все запасы продовольствия, поступающие в город, и продавал, а прибыль делил с Халилом³. Другими слова-

ми, Халил, который, очевидно, руководил этими операциями, не ограничивался нападениями на депортируемых армян, но также инициировал политику уничтожения курдов, вдохновленный «Туркизмом», сторонником которого он являлся.

Пик репрессий наступил в сентябре 1917 г., когда Халил приказал своему помощнику, лейтенанту-полковнику Басри-бею, продолжить расправы над депортируемыми армянами, расселенными по всему региону Мосул⁴. Очевидно, Джевдет тоже был глубоко вовлечен в эту новую ликвидационную кампанию, которая началась 11 сентября 1917 г.⁵. Согласно отчетам, собранным швейцарским историком С. Зурлинденом по мере развития событий, Халил убил пятнадцать тысяч армян за две ночи силами курдов и ополченцев; их связали в группы по десять человек и бросили в Тигр⁶. Эти детали напоминают нам о том, что Халил, хоть и носил военную форму, тем не менее работал на «Специальную организацию».

Патриарх Завен Егиян, помещенный под домашний арест в Багдаде с 9 октября 1916 по начало 1917 г., отмечает, что несколько представителей армянской аристократии из Багдада были депортированы в Рас-эль-Айн и Дер-эз-Зор летом 1915 г., но что они смогли вернуться домой несколько недель спустя благодаря ходатайству Тер Гольца. По словам патриарха, приход Али Суада-бея на должность вали Багдада — в Дер-эз-Зоре его сменил Салих Зеки — в начале лета 1916 г. облегчил страдания армян города⁷.

¹ La Renaissance, № 115, 15 avril 1919, et № 120, 22 avril 1919.

² La Renaissance, № 111, 10 avril 1919.

³ La Renaissance, № 113, 13 avril 1919.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, З 239–240. Дело подполковника Басри-бея из генерального штаба Халил-паши.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, З 781, Cevdet bey et les massacres arméniens de Mosul.

⁶ Zurlinden C. Der Weltkrieg, II, Zurich 1918. S. 707. Dadrian V. Documentation of the Armenian Genocide in Turkish Sources. Pp. 116–117. Следует отметить, что в то время как еще один соратник Халила, Ферид-бей, в прошлом второй начальник в Мосуле, предстал перед военным судом в Стамбуле в декабре 1919 г. (La Renaissance, № 332, 27 décembre 1919), сам Халил так и не был привлечен к суду.

Начальник генерального штаба Халила-паши, Эрнест Паракуин, далее отмечает, что весной 1918 г. армян Мосула отправили работать «на строительство дорог в пустыню»: SHAT, Service Historique de la Marine, Politique de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 235, doc. № 1992, Constantinople, 16 avril 1920, «La politique pantouranienne», d'Ernest Paraquin, p. 5.

⁷ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 220–221. Осенью 1916 г. Халил также занимал пост в Багдаде. Там же. С. 222.

ГЛАВА 5

Концентрационные лагеря вдоль «линии Евфрата»

Официально линия течения Евфрата являлась, как мы уже заметили, основным регионом, куда власти Османской империи решили «поселить» армян, «перемещенных в глубь страны». Теоретически имущество, конфискованное у армян, должно было использоваться для того, чтобы поселить новых мигрантов в этих пустынных районах Сирии и Месопотамии, населенных несколькими тысячами оседлых арабов и черкесов, а также мелкими племенами кочевых бедуинов.

Депортируемые должны были быть на линии Евфрата уже с первого дня. В начале августа 1915 г. их там было уже пятнадцать тысяч¹; к концу сентября их количество увеличилось до двадцати трех тысяч трехсот², а затем выросло до трехсот десяти тысяч к началу февраля 1916 г.³ Эти депортируе-

мые были разделены между Мескене и Дер-эз-Зором. В течение всего данного периода эта линия являлась синонимом смерти для всех депортируемых. Вдоль этой линии растянулась вереница лагерей: Мескене, Дипси, Абухарар, Хамам, Себка/Ракка и, наконец, лагеря Дер-эз-Зор/Марат. Количество интернированных в них, однако, к зиме 1915/16 г. выросло незначительно: как мы уже отмечали, именно в январе 1916 г. власти решили очистить Северную Сирию от депортируемых. Лагеря Мамура, Ислахия, Ражо, Катма, Азаз, Баб, Ахтерим, Мунбудж и Марра, расположенные на окраине или относительно недалеко от Алеппо, закрылись один за другим, а выжившие были отправлены по линии Евфрата или по маршруту движения Багдадской железной дороги в направлении Рас-эль-Айна.

Лагерь в Мескене

Лагерь в Мескене был первым важным пунктом на пути в Зор; он находился в точке, где дорога из Алеппо пересекается с Евфратом. Поначалу слабонаселенный, этот лагерь очень быстро вырос зимой 1916 г. Когда Ходжа-заде Хусейн-бей, черкеса из Мунбуджа, в январе 1916 г. назначили «Севкийят мемури» Мескене — а сменил он Мухтар-бей, — в ла-

гере уже было двадцать тысяч депортируемых; в последующие недели его население выросло до ста тысяч⁴. Субдиректорат по работе с депортируемыми впоследствии решил добавить в штаб несколько офицеров, в том числе Наима Сефа, известного тем, что он являлся информатором Арама Антоняна, и другого черкеса из Мунбуджа, некоего Оме-

¹ Рапорт Дж. Джексона от 3 августа 1915 г. Государственному департаменту: *Toynbee A. Op. cit.*, doc. 139, p. 55. Мугесариф Зора, тогда в Алеппо, сообщил, что в Зоре в то время было около пятнадцати тысяч армян. В телеграмме, которую Рёсслер отправил в посольство из Алеппо в июле 1915 г. (*Kaiser H. Op. cit.* P. 16), он более точен, оценивая количество армян в Зоре в конце июля в 15 328 человек.

² US National Archives, State Department RG 59, 867 4016/219. Письмо и приложение консула Джексона в Моргентау от 29 сентября 1915 г.: *Sarafian A. Op. cit.* Pp. 100–101.

³ US National Archives, State Department RG 59, 867.48/271. Письмо и приложение от 8 и 3 февраля 1915 г. там же. С. 112–113.

⁴ *Kévorkian R. H. Op. cit.* Pp. 128–129. Свидетельство Арама Антоняна. Начальником лагеря был «мужчина шестидесяти лет, «женами» которого были несколько молодых армянок из Зейтуна»: BNU/Fonds *Andonian A. Matériaux pour l'histoire du génocide*, P.J.1/3, liasse 14, Konya. Коллективное свидетельство, составленное в Алеппо 14 декабря 1918 г.

ра. После года руководства лагерем Хусейн был освобожден от должности в декабре 1916 г., в тот момент, когда лагерь был фактически очищен от интернированных; ему на смену пришел другой Хусейн, известный как Одноглазый [Кёр]. Кёр Хусейн уже отличился в качестве ведущего колонны в лагере в Карлике, на окраине Алеппо, «где за свою жестокость он приобрел репутацию человека, приносящего ужас. Это был низкорослый, тучный, крепко сложенный, одноглазый человек, притом крайне безнравственный»¹.

Лагерь в Мескене был одним из самых смертоносных на линии Евфрата. По официальным подсчетам Хусейн-бея, количество армян, умерших здесь в 1916 г. по причине сыпного тифа, холеры или голода, составляло восемьдесят тысяч, «хотя реальная цифра было намного выше, чем та, которую дают известные “*çeles*”², хранившиеся у главного могильщика [“мезарчи баши”]. Поскольку главный могильщик был неграмотным, он “довольствовался”, писал Антонян, “тем, что делал зарубки на одном из своих “*çeles*” о каждом трупе, к которому он имел отношение. Некоторым людям стало известно от него, что количество просто похороненных тел не включало утопленных в Евфрате: примерно сто тысяч человек, по самым крайним подсчетам». Антонян также указывает на то, что в апреле 1916 г. в лагере в Мескене было всего две тысячи сто человек³, большинство из них ремесленники, которые должны были быть ликвидированы Кёром Хусейном в начале 1917 г. Немецкий консул Рёсслер подтверждает, что «турецкий военный аптекарь, прослуживший в Мескене шесть месяцев, рассказал [ему], что в одном Мескене было похоронено 55 000 армян. Кроме того, ту же цифру озвучил и турецкий заместитель командующего»⁴. Эти подсчеты количества людей, похороненных в городе или утопленных в Евфрате, говорят о том, что количество погибавших ежедневно было таким же высоким, как и в других лагерях на севере Алеппо, где происходило интернирование депор-

тируемых. Американский консул Джексон в депеше от 10 сентября 1916 г. передает схожие цифры: «Данные, полученные на месте, позволяют мне утверждать, что здесь похоронено около 60 000 армян, жизни которых унесли голод, всякого рода нужда, кишечные болезни и сыпной тиф. На территории, которую только позволяет увидеть зрение, можно видеть насыпи, под которыми беспрядочно похоронены от 200 до 300 тел, женщины, дети и старики из различных семей»⁵. Патриарх Завен, который вскоре после этого, 22 сентября 1916 г., ехал через Мескене, видел там в основном «тела и кости»⁶. Два доклада армян из Конья свидетельствуют о том, что «главный инспектор» «Севкийята», Хакки-бей, главарь отряда чете из Стамбула, прибыл в Мескене 16 августа 1916 г. и захватил в результате облавы две сотни сирот и «выслал» их в Дер-эз-Зор. Хакки напомнил депортируемым, что теперь он был их «вторым богом», то есть что он решал, жить им или умереть. Не успел поступить приказ, как он, возглавив отряд чете, начал расправу на берегах Евфрата над всеми мужчинами колонны⁷. Хакки воплощает в себе симбиоз руководителей «Севкийята» и «Специальной организации». Он делает это настолько явно, что возникает резонный вопрос, не является ли первый более широким вариантом второго, адаптированным в контексте лагерей и замаскированным под организацию в составе Министерства внутренних дел.

По сообщению Гарегина Ованесяна, уроженца Сиврихисара, депортированного 5 августа 1915 г. и прибывшего в Мескене в начале декабря, некоторые колонны были отправлены на юг на «шахтурах» — «двух лодках, связанных друг с другом», которые депортируемым пришлось взять напрокат у арабского лодочника за свой счет — в то время как остальные либо отправились вдоль правого берега Евфрата, через Дипси, Абухарар, Хамам и Себка, или, реже, вдоль левого берега Джебзире. Второй маршрут являлся кошмаром для депортируемых, поскольку

¹ Kevorkian R. H. Op. cit. P. 129. Свидетельство Арама Антоняна.

² Бруски, на которых делались насечки для подсчета умерших.

³ Kevorkian R. H. Op. cit. Pp. 124–125. Свидетельство Арама Антоняна.

⁴ Lepsius J. Op. cit., doc. 290, p. 219.

⁵ US National Archives, State Department RG 59, 867 4016/302: Sarafian A. Op. cit. P. 131.

⁶ Тер-Егиян Э. Указ. соч. С. 208.

⁷ BNu/Fonds A. Andonian. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 14, f° 8, Konya. Коллективное свидетельство, составленное в Алеппо 14 декабря 1918 г. Там же, свидетельство Т. Таджиряна родом из Карамана, составленное [в Алеппо в 1919 г.] (f° 12).

они должны были идти вдоль горных хребтов, где вообще не было никаких источников воды и где они находились во власти местных кочевников, имевших плохую репутацию¹.

Как и многие другие стоянки, Мескене был и концентрационным, и транзитным лагерем. В начале интернированных селили в лагере рядом с шоссе, на возвышенности. Впоследствии Хусейн-бей переместил их на берег Евфрата, а транзитный лагерь остался на возвышенности, возле бараков и палаток ремесленников. Теоретически интернированные должны были провести в этом месте, как и во всех остальных, всего несколько недель или даже пару дней, это время требовалось для очистки конвоев от самых слабых; затем они должны были отправиться в следующий пункт назначения и так далее, пока они не достигнут Зора. Однако, как правило, в интересах начальников лагерей было оставить у себя интернированных, которые могут запла-

тить что-то вроде «вознаграждения» за право остаться. Чем больше было «вознаграждение», которое получал начальник лагеря, тем дольше эти люди оставались в нем. Кроме того, начальники лагерей нередко жаловались, что их коллеги слишком долго держали самых богатых депортируемых, у которых все еще были средства оплаты, требующие их подписи. До того как в июне 1916 г. Салим Зеки-бей был назначен мутесарифом Зора среди «должностных лиц» Субдиректората по работе с депортируемыми наблюдалась некоторая расслабленность по только что упомянутым причинам. Тем не менее каждую неделю в направлении Зора уходили по две-три колонны по несколько сот человек каждая. Они в основном состояли из наименее «интересных» депортируемых, поскольку Хусейн-бей проследил за тем, чтобы его самые богатые подопечные оставались в Мескене, пока из них можно было что-то выжать².

Лагерь в Дипси

Находившийся в пяти часах от Мескене, лагерь в Дипси располагался на правом берегу высохшего русла реки, «которое в результате ураганов и ливней превратилось в огромный поток, впадающий в Евфрат»³. Переходы из Мескене в Дипси, как правило, осуществлялись по суше в условиях, кратко описанных Григором Анкутом, молодым представителем интеллигенции из Стамбула, который провел в регионе больше года: «В середине марта [1916 г.] нас перевели из Мескене в Дипси. Около тысячи человек шли пешком, а также было примерно пятьдесят телег... На каждом шагу нам попадались трупы, а также умирающие или обесиленные мужчины и женщины, у которых не было сил идти; и они просто ждали своей смерти, измученные голодом и жаждой. На дороге, ведущей из Мескене в Дипси, мы видели перемещающихся могильщиков, которые занимались тем, что хоронили мертвых. Они были настолько безжалостны, что вместе с мертвыми хоронили еще живых, чтобы не выполнять одну и ту же работу дважды. Нам постоянно попадались тела с изуродо-

ванными головами. Там было много собак, они питались телами»⁴.

В этот период, по словам Анкута, лагерь состоял из двух тысяч палаток, то есть где-то от десяти до двенадцати тысяч человек. «Во всех без исключения палатках были бедные люди; ни одного состоятельного. В каждой палатке было от двух до десяти больных людей, лежавших бок о бок и ждавших смерти. Это место было известно как «Хастахане» [госпиталь]. Всех несчастных, которых отправляли из Мескене пешком или в фургонах, приводили в это место, названное госпиталем, и бросали. Они оставались здесь, голые и страдающие от голода и жажды, до тех пор, пока их не настигала смерть. На каждом шагу мы видели трупы их было так много, что могильщики были в состоянии всех похоронить. В этом месте царствовала абсолютная бедность, достигшая беспрецедентного уровня. Каждый день с прибытием людей из Мескене количество палаток в госпитале росло. Бедные люди довольствовались тем, что ели без соли растение под названием гибискус, ко-

¹ Kévorkian R. H. Op. cit. Pp. 125–127. Его свидетельство.

² Там же. С. 121–143. Многочисленные свидетельства выживших из лагеря в Мескене.

³ Там же. С. 144–146. Свидетельство Григора Анкута.

⁴ Там же. С. 144.

Концентрационные лагеря

торое росло весной в огромных количествах на берегах Евфрата»¹.

Было понятно, что Дипси являлся местом, куда приводили людей из Мескене умирать; он функционировал тем же образом, что и Сурук. Этот лагерь работал всего шесть месяцев, с ноября 1915 по апрель 1916 г., тем

не менее, по словам Анкута, здесь умерло тридцать тысяч человек. К концу апреля прибыли примерно двадцать «жандармов», чтобы окончательно очистить лагерь; они отправили одну последнюю колонну в Абухарар, а затем сожгли палатки вместе с теми их жителями, которые не могли идти².

Лагерь в Абухараре

Теоретически колонны, отправленные из Мескене, должны были делать остановку в Абухараре после почти девятичасового пути. Место, известное как Абухарар, в действительности состояло из не более чем двух полуразрушенных караван-сараев, расположенных высоко на берегах Евфрата. Концентрационный лагерь располагался на участке земли, находившемся очень близко к реке. В среднем здесь находилось от пяти-

сот до шестисот палаток, или примерно три тысячи человек, хотя изначально Абухарар должен был быть транзитным лагерем; причиной этому было то, что те, у кого были хоть какие-нибудь средства, также могли купить право остаться здесь подольше, дав взятку руководившему лагерем сержанту, некоему Рахмеддину Чавушу, который отправлял депортируемых, только забрав все, что у них было³.

Лагерь в Хамаме

Отправленным из Абухарара нужно было пройти еще девять часов до Хамама по дороге, расположенной в часе от Евфрата, на которой не было ни единого водоема. Хамам был незначительной деревней, которая располагалась на высоте в пяти часах от Ракки. Этот лагерь был исключительно транзитным. Он был размещен на огромной равнине, которая простиралась на большое расстояние перед деревней; колонны останавливались здесь на один или два дня. Лагерем управлял черкес по имени Исак

Чавуш⁴. К весне 1916 г. лагерь был полностью очищен. Нескольким семьям удалось выжить благодаря тому, что они работали на строительстве военных лагерей, которые начали обустривать на линии Евфрата с мая 1916 г. в предвкушении нового наступления британцев на Багдад⁵. Патриарх Завен, который проезжал через Хамам в ночь с 23 на 24 сентября 1916 г., насчитал всего сто пятьдесят палаток с депортируемыми, в основном женщинами из Мараша и Айнтаба⁶.

Город Ракка и лагерь в Себке

К 1915 г. Ракка был уже довольно большим городом, лежащим на плато, расположенном недалеко от левого берега Евфрата, в полчаса от реки. Первыми депортируемыми, добравшимися до него осенью 1915 г., были армяне из областей Сиваса (Зара, Кангал, Йенихан, Кочхисар), Фракии и Урфы, а также армянки-цыганки из Токата, мужчины

которых были убиты. В общей сложности от семи до восьми тысяч депортируемых одновременно смогли найти жилье в городе, дав взятку местным властям (каймакаму и начальнику жандармерии) и главе «Севкийя-та», который управлял лагерем в Себке на противоположном берегу реки. Эти первые прибывшие армяне предоставили городу

¹ Там же.

² Там же. С. 146–149. Свидетельство Григора Анкута.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 155–156. Свидетельство Григора Анкута.

⁵ Там же.

⁶ Тер-Егиян З. Указ. соч. С. 210.

существенную рабочую силу, более значительную, по мнению населения и местных властей, чем распоряжения, полученные из Алеппо. В марте 1916 г., когда Григор Анкут жил в Ракке, в город приехал военный инспектор, чтобы расследовать наиболее вопиющие случаи коррупции¹. Был назначен новый каймакам, Дели Фахри [Безумец], но, в обмен на небольшое количество более чем скромных подарков, он продолжал защищать депортируемых, даже когда из Дер-эз-Зора пришел приказ об их депортации. Поскольку город Ракка, расположенный на левом берегу Евфрата, был официально независимым от Урфы, Фахри отказался выполнить этот приказ, обратившись за защитой к мутесарифу, который не желал подчиняться приказам из Зора².

Официально Ракка был одной из зон высылки для депортируемых. Тогда теоретически они должны были выиграть от помощи, которую обещало выделить правительство на их переселение. В действительности же та малая толика помощи, которую они получали, поступала, как мы уже видели, от сетей организаций по оказанию помощи, созданных армянами в Алеппо при поддержке швейцарских и американских дипломатов и миссионеров. Тем не менее Ракка представляла собой во многих отношениях скорее исключение, в том смысле, что несколько тысяч депортируемых были действительно переселены туда, пусть даже власти и не имели к этому отношения. Любой депортируемый хорошо понимал суть дела: получить доступ в Ракку означало избежать отправки в Дер-эз-Зор и смерти. По крайней мере, до июня 1916 г. эти люди еще раз насладились в некотором роде нормальными условиями существования, и у них сложилось ощущение, что они продолжают жить в городе на постоянной основе³.

Совершенно иная ситуация была на противоположном берегу реки, в Сибке. Колонны последних выживших из Малой Азии, которые проводили недели в пути, сменяли друг

друга в гораздо более ужасающих условиях. Наш свидетель, Григор Анкут, сообщает, что каждый день можно было наблюдать большое количество новых трупов и что голод довел некоторых людей до каннибализма. По сравнению с этим Ракка казалась раем: все искали возможность попасть туда, давая взятки начальникам лагерей или должностным лицам «Севкийята». В марте 1916 г., когда Стамбул решил избавиться от последних депортируемых на линии Евфрата, лагерь в Сибке был окончательно очищен, а его последние обитатели отправлены в Зор. Армянское население Ракки поначалу столкнулось с этим же, но моментально этой судьбе избежало благодаря каймакаму Фахри (который был вскоре освобожден от должности), а также местному населению, не желавшему отказываться от ресурсов, которые давали их городу депортируемые. Некоторые изгнанники, самые нуждающиеся, были наняты на работу ремесленниками или отправлены на строительство военных лагерей на линии Евфрата. В результате к осени 1916 г. в Сибке осталось всего от восьми до девяти тысяч армян⁴. Когда 25 сентября 1916 г. патриарх ехал через этот регион, он видел в Сибке всего шесть семей, все из Карсбазара⁵.

Каралет Капигян, который жил в Ракке несколько месяцев, предоставил весьма ценную информацию о жизни депортируемых армян в городе⁶. Капигяну, приехавшему в Сурук 18 января 1916 г., а также примерно тысяче восьмистам других депортируемых, посчастливилось оказаться на правой стороне Евфрата и находиться в колонне, в которую входили армяне из Эрзурума, все еще имевшие в своем распоряжении какие-то средства. Он видел, как на противоположный берег каждый день прибывали колонны с севера, а другие отправлялись на юг. Он вскользь отмечает, что тех, кто мог заплатить один фунт золотом, отправляли на юг на плотах⁷.

Сначала группе Капигяна предложили разбить лагерь в трех часах от Ракки. Ар-

¹ Kévorkian R. H. Op. cit. Pp. 158–173. Свидетельство Григора Анкута.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Эта информация подтверждается в докладе Огюста Берно от 10 сентября 1916 г.: US National Archives, State Department RG 59, 867 4016/302; Sarafian A. Op. cit. Pp. 132–133. В Ракке в то время оставалось от пяти до шести тысяч армян: «Несмотря на то что в Ракке с армянами обращаются лучше, чем в других местах, их страдания ужасны».

⁵ Тер-Егияян Э. Указ. соч. С. 211.

⁶ Капигян Г. Указ. соч. С. 415–503.

⁷ Там же. С. 415.

стократия Эрзурума, однако¹, быстро получила разрешение на вход в Ракку, где они начали готовиться к тому, чтобы обратиться к каймаку Фехми-бею, который согласился разрешить депортируемым из Эрзурума, и только им, поселиться в городе в обмен на 500 турецких фунтов золотом, оплаченных наличными. Другими словами, четыреста депортируемых из Сиваса, Токата, Амасии, Самсуна, Бафры, Никсара и Сурука не охватывались этим соглашением и поэтому были отправлены в лагерь в Себке на противоположном берегу реки, откуда они были высланы в Дер-эз-Зор². Наш свидетель с горечью отмечает этот инцидент³, открывший некоторые черты характера людей из Эрзурума. Отсутствие солидарности и ограниченность их интересов в данных обстоятельствах нашли естественное выражение.

В Ракке в то время было три тысячи домов; меньшая их часть принадлежала черкесским мухаджирам, которых поселили в отдельном квартале за двадцать лет до этого. Когда больше тысячи армян из Эрзурума вошли в город, он уже был населен примерно пятнадцатью тысячами депортируемых, «отобранными» каймаком Фехми и главой местного «Севкийята» Абидом Агха: каждый день эти чиновники пересекали Евфрат и возвращались с семьями, готовыми заплатить от пяти до десяти фунтов золотом за голову. Для них это была «золотая жила», как отмечает Капигян⁴. Эти армяне были из Фракии (Родосто, Малгара, Эдирне), Бифинии (Исмит, Адбазар, Бардизаг, Бурса, Биледжик, Бергаме, Эшкисехир), Ангоры, Конья, Испарты, Бурдура, Сиврихисара, Невшехира, Йозгата, Кайсери, Эверек, Томарзы, Мараша, Айнтаба, Биреджика, Аданы, Хаджина, Антиоха, Кесаба, Дёртьёла и Кастамону и близлежащих областей; то есть из регионов Западной Малой Азии, жители которой в гораздо меньшей степени пострадали от расправ и грабежей, чем их соотечественники из восточных провинций. По словам Капигяна, местное арабское на-

селение, в особенности аристократия Ракки, оказало депортируемым армянам хороший прием и сразу же воспользовалось всеми преимуществами, которые они только могли получить в результате их неожиданного прихода. Капигян также подчеркивает, что городские предприятия и ремесленные мастерские также выиграли от выдержки приезжих, которые, очевидно, были готовы работать за минимальную зарплату. Получив возможность воспользоваться услугами почты, Сельскохозяйственного банка и Департамента по государственному долгу, депортируемые, имевшие родственников в столице, получали денежные переводы, которые наряду с помощью, прибывавшей по разным каналам из Алеппо, приносили выгоду коммерции Ракки⁵. Такое совмещение интересов поспособствовало укреплению связей между арабами и армянами; ситуацию не изменило даже назначение одного за другим трех новых каймаков.

Состояние людей в сообществе депортируемых было очень разным. Женщины, в одиночку растившие детей, были, естественно, самыми уязвимыми: у этих недоходящих семей не было средств, чтобы снять жилье, и они в некоторых случаях жили на улице. Именно эта группа, в которой невозможно было поддерживать минимальные санитарные стандарты, больше всего пострадала от эпидемий. На этих людей часто устраивали облавы на улицах, отправляли на противоположный берег реки, а затем в Зор⁶. Тем не менее нескольким аптекарям и врачам, оказавшимся среди депортируемых, под руководством д-ра Саркиса Селяна из Арсланбета, которого назначили городским врачом, а также Арутюна Бакаляна из Амасии, удалось победить болезнь и установить базовый санитарный режим. Наш свидетель, в частности, подробно останавливается на преданности д-ра Селяна, который оставался в Ракке до весны 1919 г.⁷. В этом относительно спокойном, пустынном мире депортируемые не были полностью

¹ Там же. С. 416.

² Там же. С. 416–417. Капигян избежал их судьбы, наряду с еще несколькими армянами, которые пришли не из Эрзурума, присоединившись к семьям двух своих коллег-учителей Саркиса Манукяна и Левона Каракашяна. Имя каймака приводится. Там же. С. 430.

³ Там же. С. 418–419.

⁴ Там же. С. 430–431.

⁵ Там же. С. 432–433.

⁶ Там же. С. 440–442.

⁷ Там же. С. 442–443. Весной 1919 г. д-р Селян организовал перевод оставшихся депортируемых в Алеппо, а также кампанию по освобождению женщин и детей, которых удерживали местные племена бедуинов.

отрезаны от остального мира. Им было решено вести переписку, хотя и только на турецком языке, а некоторые даже получали газеты, такие как ежедневная стамбульская газета «Жаманак»¹ — одна из редких газет на армянском языке, которую разрешалось печатать во время войны. В повседневной жизни депортированные из одних и тех же мест обычно объединялись и брали на себя любую работу, которая помогала им прокормиться. Например, бывший учитель из приюта в Сивасе работал грузчиком, обеспечивая тем самым и свою семью, и семью своего покойного брата².

Данное армянское сообщество являлось фактически разрозненным образованием, состоявшим из представителей армянских общин из провинций Малой Азии и Фракии, которые разговаривали на разных диалектах и происходили из разных социальных классов. Общим у них было то, что они все были вырваны из своего окружения, с которым они были очень близки, и жили вместе в мире, перестроенном депортациями. Искусственный отчет Карапета Капигяна оставляет читателя с впечатлением, что все они знали о том, что были последними представителями своего общества, которое закончилось в сирийской пустыне, где от дороги смерти их отделял лишь Евфрат. Со временем эти селяне и городские жители узнали друг друга лучше, и между ними установились родственные отношения. В этом рождающемся сообществе явно выделялись несколько фигур: молодой Гнчак из Стамбула, Гарник Шахбазян, который каким-то чудом попал в Ракку и освоил профессию ювелира; борец сопротивления из Урфы Мкртич Киулахян, которого с особым отношением приняли депортируемые³.

Брак стамбульского партийного активиста и девушки из Эрзурума, без сомнения, стал новым этапом в жизни сообщества. Капигян и члены его семьи, в которой жил жених, выступили в качестве родителей и в этой роли обсудили условия брака. Одновременно с этим они добились согласия родителей невесты на то, чтобы церемония проходила по правилам, привычным для Сиваса. Засвидетельствовать союз взялся де-

ревенский священник из Эскишехира, отец Казорос, который жил в Ракке под своим мирским именем. Депортируемые хорошо понимали символическое значение этого действия. С помощью библейских источников они сравнивали свою историю с историей евреев, изгнанных из Вавилона; развалины древнего города находились не так уж и далеко от Ракки⁴.

Другая, более трагическая история, представляющая всеобщий интерес, которая развернулась весной 1916 г., характеризует атмосферу, преобладавшую в Ракке. В 1916 г. воды Евфрата поднялись необычно высоко; это, а также последовавший за этим ураган, привело к смерти 18 апреля немецкого офицера, который служил на корабле, перевозившем боеприпасы и продовольствие в Багдад. Армянский священник вел религиозную церемонию, кульминацией которой стала хвалебная речь, произнесенная на немецком языке профессором Саркисом Манугяном, учителем лица Санасарян в Эрзуруме, перед оцепеневшими немецкими офицерами, которые присутствовали на похоронах⁵. Можно себе представить, что происходило в головах двух немцев, которые были находящимися под защитой свидетелями вымогательств в отношении депортируемых на другом берегу Евфрата, и с другой стороны, тех армян, которые продолжали удивляться очевидному равнодушию немецких военных к этим преступлениям.

Г. Капигян, будучи очень внимательным наблюдателем, отмечает приезд весной 1916 г. четырех турок в охотничьем обмундировании. По его мнению, они, возможно, были военными или представителями Иттихада, отправленными, чтобы оценить ситуацию с депортируемыми. Он нашел подтверждение своей теории в том, что во время их недельного пребывания эти люди систематически посещали базар, занятый преимущественно армянами, а также кафе, открытые армянами⁶. Понятно, что это предположение проверить невозможно, но легко себе представить, что столица хотела получить точную оценку последствий своей политики для депортируемых, как указано во многих запоро-

¹ Там же. С. 444–445.

² Там же. С. 450–452.

³ Там же. С. 454–456.

⁴ Там же. С. 457.

⁵ Там же. С. 458–459.

⁶ Там же. С. 460–461.

сах информации в адрес местных властей со стороны министра внутренних дел.

Капигян также подтверждает, что каймакам Фахри был занят соревнованиями по борьбе с новым мутесарифом Зора, Салихом Зеки, в течение всего лета 1916 г.; он также упоминает о том, как арабская аристократия Ракки сопротивлялась приказу о депортации армян из города¹. Он также в значительной степени проливает свет на неприязнь, возникшую между армией и администрацией «Севкийята» в связи с решением вопроса о депортируемых армянах: другими словами, между, с одной стороны, высокопоставленными турецкими и немецкими офицерами, защищавшими иракский фронт, и, с другой стороны, людьми «Севкийята», которые, естественно, выполняли приказы КЕП и ее парламентской ветви, «Специальной организации». Понятно, что под угрозой находилась рабочая сила и выдержка депортируемых армян, необходимые военным, если они собирались строить основные конструкции, в особенности фортификационные сооружения, простирающиеся от одного конца Евфрата до другого, которые должны были использоваться для хранения продовольствия и боеприпасов. Армяне Ракки сразу поняли, что к чему, и в период, когда уже начались «большие расправы» в Дер-эз-Зоре (в июле), стали давать взятки военному командованию и одновременно «Севкийят мемури», чтобы быть уверенными, что их включают в трудовые батальоны². Не нужно и говорить, что вопрос по цепочке дошел до властей в Стамбуле. «Главный инспектор» «Севкийята», Хакки-бей, направленный центральными властями, прибыл на линию Евфрата в августе 1916 г.³. У Хакки, должно быть, были приказы верхушки партийного начальства, поскольку он сумел найти подход к военным и лично координировал систематическую ликвидацию всех концентрационных лагерей, от Мескене до самого Зора. Операция осуществлялась крайне агрессивно, как отмечают все свидетели. Особый случай, который представлял собой город Ракка, явно не

ушел от внимания «инспектора», вероятно, узнавшего о решительном несогласии местной аристократии. В ноябре 1916 г., когда ликвидация депортируемых, отправленных в Зор, была фактически завершена, он отправился в Ракку и попытался убедить нового каймакама Али Кемалья передать ему армян города. Для обоснования отказа каймакам сослался на декрет, согласно которому Ракка являлась зоной высылки для депортируемых⁴.

Подсчет беженцев, проведенный по просьбе мутесарифа Урфы, приводит к интересным рассуждениям о составе данной группы населения. Из общего населения, составлявшего от восьми до девяти тысяч человек, было всего лишь четыреста армян из вилайетов Сивас, Харпут и Диарбекир, в том числе шестнадцать мужчин от шестнадцати до шестидесяти лет и сорок четыре мальчика до пятнадцати лет⁵.

Сообщество в Ракке было полностью сформировано о расправах, совершаемых в Зоре, жертвами которых, как мы увидим, стали двести тысяч человек. Они знали об этом благодаря отчетам черкеса из Ракки, который участвовал в этих актах насилия, а также благодаря выжившим, которые нашли убежище в городе. Вскоре после этого муфтий пригласил группу, чтобы обратить их в ислам в качестве «гарантии» их общего будущего. В общей сложности тридцать семей приняли его приглашение. Доктор Левон Охнигян, уроженец Сиваса и бывший студент Карапета Капигяна, не сомневаясь, рассказал своему учителю о том, сколько ему пришлось перенести после того как он таким образом поддался своим страхам⁶. Как бы то ни было, армянскому сообществу Ракки разрешили остаться в городе; его засосал серьезный кризис, затронувший регион, когда сражение с британскими силами возле Багдада стало более напряженным. Наряду с местным населением армяне также стали жертвами военных реквизиций, которые буквально опустошили продовольственные резервы Ракки, вызвав ужасный голод. В результате

¹ Там же. С. 462–465.

² Там же.

³ Там же. С. 468–469; APC/PAJ, APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, ч 611, «Accusations against Ismail Hakki bey, the tormenter of Der Zor» (французская версия: 3 323).

⁴ Капигян Г. Указ. соч. С. 470–471.

⁵ Там же. С. 471–472.

⁶ Там же. С. 472–473. Капигян приводит фамилии семей, принявших ислам: братья Чакмаджян из Невшехира, две семьи в Эрэйли, протестантская пара из Йозгата, Эфтияны из Эрзурума, две из Биреджика, две из Кастамону, одна из Бардизага, д-р Левон Охнигян из Стамбула и Ованес Зеки из Дарданелл.

большое количество детей вынуждены были сами о себе заботиться; самые добрые депортируемые забирали их к себе. Турецкие и немецкие офицеры по пути на Багдадский фронт также проявляли великодушие к этим детям, но такой случайной помощи было недостаточно для спасения их жизней¹. Миссионерка Элвеста Лесли, которая ехала через Ракку в начале весны 1917 г., отмечает, что депортируемые умирали как мухи².

В январе — феврале 1917 г. мутесариф Урфы приехал в Ракку, чтобы нанять ремесленников; его город, по его словам, отчаянно в них нуждался. От семи до восьми сотен женщин и несколько мужчин, доведенных до ужасной нищеты, добровольно согласились уехать. В часе от Урфы эту колонну задержали в хане и предложили сменить вероисповедание, чтобы не «обижать» религиозные чувства турецкого населения. Тем не менее даже после того как эта коллективная операция была выполнена, вновь прибывших приняли не очень хорошо. Был ли приказ объявить им бойкот? За исключением нескольких специалистов, необходимых Урфе, и людей, которых рекрутировало городское правительство и армия, все армяне были

отправлены в Каракёпру «строить дорогу». Создается впечатление, что эта операция была уловкой, единственной целью которой было убрать часть депортируемых армян из Ракки.

Последним достойным упоминания событием была мобилизация в июне 1917 г. людей обоих полов в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет. Операция Йилдырым, целью которой была оборона иракского фронта, требовала большого количества средств перемещения по Евфрату, в качестве которых военные предполагали использовать «шахтур», широко известный «плот», применявшийся в античности для перемещения по реке. Вероятно, никто не знал, как сделать это примитивное судно, и две тысячи пятьсот депортируемых из Ракки были отправлены в Биреджик и Джераблус для выполнения этой задачи. Еще пятьсот человек были отправлены с той же целью в Мескене. Из оставшихся депортируемых шестьсот были призывного возраста³. Последние депортируемые из Ракки подверглись нападкам нового каймакама; некоторые сбежали в Алеппо. К октябрю 1918 г. в Ракке осталось всего двести семей⁴.

Дер-эз-Зор, последняя остановка на «линии Евфрата», и кульминационная точка второй стадии геноцида

С лагерей Дер-эз-Зора и его окрестностей мы начинаем рассказ о финальном эпизоде расправ 1915–1916 годов, кульминации второй стадии геноцида. Эта стадия началась после шести месяцев относительной стабильности, которая вполне могла создать впечатление того, что антиармянские преследования закончены. Зор являлся последней остановкой для выживших армян, добравшихся до него после пересечения пустыни, перед тем как встретить трагический конец в сирийской пустыне. Несмотря на убийства, которые уменьшили количество депортируемых в группах, перемещавшихся лагерь за лагерь из одного конца линии

Евфрата в другой, десятки тысяч депортируемых прибыли в Зор. По словам немецкого свидетеля, рассказавшего о своей поездке туда консулу Германии Рёсслеру, уже в начале ноября 1915 г. около пятнадцати тысяч армян находились в этом углу сирийской пустыни, в котором «ежедневно умирало от ста пятидесяти до двухсот человек. Это, кстати, объясняет тот факт, что город был способен принимать депортируемых, которые продолжали прибывать тысячами»⁵. В результате естественной убыли, вызванной убийствами, а также голодом и эпидемиями, Зор в общем и целом выполнял приказ о поддержании «приемлемой» пропорции армян

¹ Там же. С. 475–479.

² Рапорт Элвеста Т. Лесли от 11 апреля 1918 г.: Barton J. L. Op. cit. P. 113.

³ Капигян Г. Указ. соч. С. 484–486. Весной 1917 г. около пятнадцати мальчиков были также схвачены в Ракке и отправлены в Урфу. Там же. С. 496.

⁴ Там же. С. 496–498.

⁵ Там же. С. 504.

⁶ Рапорт, прикрепленный к депеше Рёсслера от 16 ноября 1915 г. к Бетману Гольвергу: Lepsius J. Op. cit. doc. 203, p. 182.

в регионе. Если наблюдалось превышение нормы, местные власти решали проблему, отправляя небольшие колонны в Мосул для восстановления баланса. Такая ситуация продолжалась до тех пор, пока приток новых армян не был, так сказать, компенсирован более или менее временным размещением депортируемых в концентрационных лагерях в регионе Алеппо и Рас-эль-Айн. В результате около пятнадцати тысяч армян смогли поселиться в Зоре и даже там обосноваться, в то время как на левом берегу Евфрата, как и в Ракке, продолжал работать транзитный лагерь.

Арам Антонян утверждает, что до войны в Зоре существовала армянская католическая церковь, которая обслуживала около ста пятидесяти семей, а также другие церкви, принадлежавшие яacobитам и сирийским несторианам. Он добавляет, что местный сирийский аристократ, Жорж Севкар, проявил к депортируемым особое великодушие и использовал все свое влияние для их защиты¹. Более того, Зор отличался от других тем, что начальником его полиции был назначен Нерсес Киурдян — что-то вроде пережитка прошлого. Как и в Ракке, армяне вскоре оживили местное ремесленничество и торговлю при поддержке мутесарифа Али Суад-бея, которого большинство источников описывают как хорошо образованного и великодушного человека. Наряду с гибкими людьми, которые быстро адаптировались к новым обстоятельствам и нашли какое-либо занятие, также было значительное количество женщин и стариков вместе с детьми, которые кое-как перебивались в ужасных условиях на левом берегу Евфрата, за пределами города, в хижинах из ветвей. Когда Салих Зеки сменил Али Суада в июле 1916 г., он решил, что их ситуация была по-прежнему слишком завидной: «В день своего приезда он совершил поездку по окрестностям, в частности, он проехал вокруг рынка, где он был особенно раздражен тем, что армяне процветали. Они фактически создали настоящую Армению, и

рынок был почти полностью в их руках. Большинство из них были ремесленниками, которые, в общем, были очень активны, местами контрастируя с местным населением»². Левон Шашиян, молодой стамбульский интеллигент и приятель Арама Антоняна, вместе с которым Антонян организовал сеть передачи информации, связавшую различные концентрационные лагеря — знаменитые «живые газеты», состоявшие из детей-сирот, которые перемещались между Мескене, Раккой и Зором³, — организовал систему покупки и продажи имущества депортируемых; благодаря этому армянам не нужно было продавать свое имущество почти даром. Расположенное возле здания администрации города небольшое агентство Шашияна являлось к тому же службой по оказанию социальной помощи самым нуждающимся. В обмен на несколько подношений Шашиян смог завоевать доверие некоторых влиятельных людей Зора, став неуязвимой фигурой, эффективно выполнявшей роль главы армянской колонии⁴. Таким образом, депортируемые армяне постоянно находились в процессе обустройства в этом маленьком городе сирийской пустыни. Однако, как показал ход событий, правительство младотурок не собиралось разрешать им пускать здесь корни.

Ввиду отсутствия источников, которые могли бы пролить свет на цели КЕП, мы можем только расшифровать стратегию, разработанную и внедренную Субдиректоратом «Севкийята», через изучение их операций на месте. Формирование в октябре — ноябре 1915 г. операционных структур «Севкийята» в Алеппо, наряду с созданием концентрационных лагерей, являлось первым этапом их плана. Несомненно, целью было уничтожение депортируемых, создав такие санитарные условия, которые вызовут катастрофу.

Второй этап, совершенно очевидно, наступил в январе 1916 г., когда власти решили закрыть концентрационные лагеря на севере Алеппо и начать отправку интернированных

¹ Kévorkian R. H. Op. cit. P. 174. Его свидетельство.

² Там же. С. 175. Свидетельство Арама Антоняна.

³ Там же. С. 137–141. Свидетельство Арама Антоняна.

⁴ Зеки начал с того, что лично убил Левона Шашияна и его ближайших соратников: «Группа Шашияна состояла из пятнадцати человек под охраной пяти чеченцев и семи жандармов. Их всех связали, а затем раздели [...] Они жестоко пытали Левона-эфенди: они вырвали ему зубы плоскогубцами, выдавили глаза и положили их ему в руки, отрезали уши, нос и яички, выдрали плоскогубцами куски плоти из ягодиц четыре раза и отрубили руки по запястьям, пока он, наконец, не издал последний вздох (это случилось возле Марата)»: Там же. С. 178. Свидетельство Арама Антоняна. APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 304–305–309. Mémorandum contre Mustafa Sidki, commissaire à Zor, de 1914 au 20 octobre 1918.

по линии Евфрата¹. Третий этап, целью которого было физическое уничтожение выживших, вероятно, обсуждался и решался в период между концом февраля и началом марта 1916 г. Формулировка, использованная в телеграмме от 22 февраля 1916 г. от министра внутренних дел², которую обвинение привело в качестве доказательства на суде над лидерами младотурок, является одним из свидетельств этого: «Текст официального коммюнике о прекращении депортации армян в некоторых местах был истолкован таким образом, что с этого момента ни один армянин не должен быть изгнан. По этой причине большое количество опасных лиц среди этих людей не было отправлено». Явно имея признаки административного формализма, этот документ в конечном счете является не чем иным, как приказом о продолжении отправки людей на юг; он объясняет о втором этапе плана. Архивы Османской империи содержат записи, показывающие, что в общей сложности четыре тысячи шестьсот двадцать депортируемых прибыли в Зор 20, 21, 24 и 25 февраля 1916 г.³ Эти цифры дают некоторое представление о том, какими объемами отправлялись люди в начале операции, разработанной для концентрации их в Зоре. Первые крупномасштабные расправы, которые начали проводиться в Рас-эль-Айне с 21 марта, унесшие сорок тысяч жизней, представляют собой исполнение, несомненно, принятого ранее решения⁴. Множественные приказы о депортации, затронувшие в феврале и марте 1916 г. те категории армян, которым до этого было разрешено остаться в своих домах, такие как семьи солдат или протестанты, католики, ремесленники и так далее, — мы уже отмечали затронутые регионы в четвертой части данного исследования — являются еще одним свидетельством того, что решение было принято на высшем уровне партийно-государственной системы. Однако масштаб операции и огромное количество армян, которых нужно было пере-

местить, говорят о том, что им нужно было гораздо больше времени, чтобы завершить операции, чем предполагалось изначально: они длились восемь месяцев, то есть до декабря 1916 г.

По информации, переданной турецким офицером немецкому консулу Рёсслеру, в середине апреля в городе Зор было всего пятнадцать тысяч депортируемых⁵, то есть почти столько же, сколько и осенью 1915 г. Однако эта цифра, вероятно, не учитывает количество интернированных в лагере на левом берегу реки. Мутесариф Али Суад старался соблюдать правила, согласно которым минимально допустимое количество депортируемых в различных местах региона не должно превышать десяти процентов. Вице-консул Германии в Мосуле сообщил в Алеппо, что из двух колонн, покинувших Зор 15 апреля 1916 г., отправившихся двумя разными маршрутами, 22 мая в Мосул прибыли две тысячи пятьсот человек, но что с того момента ни одной колонны больше отправлено не было⁶, хотя летом 1916 г. двадцать одна группа все-таки отправилась в этом направлении. Другими словами, пункта назначения достигли только колонны, отправленные, когда Суад был мутесарифом. А случай, когда две тысячи человек, которые ушли в Мосул в середине июня и вернулись обратно в Зор по требованию Салиха Зеки, несмотря на то, что они после месячного пути были уже в регионе Синджар, на полпути к Мосулу, похоже, свидетельствует о том, что новый мутесариф получил распоряжение не дать ни одному армянину сбежать⁷.

Ликвидация весной и летом 1916 г. концентрационных лагерей, расположенных по пути в Зор, конечно, привела к значительному увеличению количества прибывавших туда колонн. Кроме того, основа для этого последнего этапа была заложена приказом, который Талаат-бей направил 29 июня в префектуру Алеппо, о том, что последние армяне должны быть отправлены в направлении

¹ См. ниже, с. 779.

² Документы, опубликованные в «Takvim-i Vakayi», № 3540 (прочитанные на заседании суда 12 апреля 1919 г. и датированные 5 мая 1919 г. (с. 5), в качестве приложения к обвинительному заключению в отношении младотурецких лидеров.

³ Т. С. Başbakanlık Arşivi, 2R1334, 3R1334, 6R1334, 7R1334, 7, 8, 11 et 12 Şubat 1916, DN, телеграмма от Али Суада [DN. EUM, 2.Ş.69/6, 7, 8, 9], doc. № 158, 159, 161, 160.

⁴ См. ниже, с. 782. То, что эти расправы произошли столь рано, можно объяснить тем, что депортируемые здесь были сконцентрированы в одном месте; на линии Евфрата все было далеко не так.

⁵ Lepsius J. Op. cit., doc. 260, p. 203.

⁶ Там же. С. 227. Рапорт от 5 сентября 1916 г.

⁷ Kévorkian R. H. Op. cit. P. 177. Свидетельство Арама Антоняна.

Евфрата¹. Вероятно, именно с целью управления данным скоплением людей в Зоре, оцененным тогда примерно в двести тысяч депортируемых², министр внутренних дел в начале июля призвал Салиха Зеки, о деятельности которого в Евереке мы уже говорили, на смену мутесарифу Али Суаду. Приезд в августе на линию Евфрата «главного инспектора» «Севкийята» Хакки-бея также, скорее всего, был вспомогательной мерой, принятой центральными властями, чтобы быть уверенными, что их приказы надлежащим образом исполняются³. Действуя под видом государственного чиновника, этот лидер отряда чете, по сообщениям Артина Манасяна из Адабазара, Арама Манукяна из Асланбега и Овсепя Синаняна из Кютахии, был главным организатором депортаций из Алеппо в Мескене и далее в Зор. Они обвиняют его в совершении преступлений против колонн депортируемых, поджоге палаток, отправке армянских детей под охраной из Мескене в Зор, где их сожгли заживо, и, наконец, в организации убийства тысячи пятидесят детей из приюта в Зоре⁴.

Перед поездкой в Зор для вступления в должность Зеки провел несколько дней в начале июля 1916 г. в Алеппо (где он останавливался в отеле «Барон») ⁵, чтобы встретиться с вали Абдулхаликом и главой Субдиректората по работе с депортируемыми, Нури. После этого он отправился в Мескене. По словам Антоняна, Зеки встретился там с начальником лагеря Хусейном, а затем с начальниками всех остальных концентрационных лагерей, расположенных вдоль линии Евфрата до самого Зора⁶.

Согласно американским источникам, Зеки считал первоочередной задачей после приезда ликвидацию мужчин, которые еще были в Зоре, но столкнулся с несогласием по этому поводу военных властей, которые, как и их коллеги в Ракке, как мы уже видели, отбирали физически крепких людей для строительства основных конструкций,

необходимых для осуществления операции «Йилдырим». По информации, собранной Антоняном, когда начальник военной администрации Зора узнал, что первая колонна из восемнадцати тысяч человек уже была готова для отправки в Марат — то есть в направлении полей смерти в долине Кабур — Нуреддин-бей телеграфировал своему начальнику, генералу Халилу-паше, с просьбой разрешить безотлагательно создать батальон рабочих солдат. Тысяча двести глав семей добровольно согласились вступить в батальон. Собранные в Салихие, в самом северном конце Зора, они должны были отправиться в Хамам и соединиться с рекрутами из Ракки. Однако, похоже, Зеки отказался выполнить приказ военных. Следует обратить внимание на то, что он приказал запереть этих призывников в госпитале в Салихие, а затем издал приказ отправить их в Марат вместе с семьями — другими словами, убить их. Вторая попытка набрать солдат из депортируемых, которая затронула пятьсот пятьдесят молодых людей в возрасте от двадцати одного до тридцати лет, провалилась таким же образом. Собранные в Кишле в бараках, которые также нашлись в Салихие, эти люди были оставлены без воды и пищи на семь дней; выжившие были отправлены цепочками в Сувар прямым пустынным маршрутом. По пути чеченские чете, нанятые Зеки в Рас-эль-Айне, убили их небольшими группами, несмотря на попытки сопротивления⁷. Замаскированные под призывные кампании, эти две операции, вероятно, не имели никакой иной цели, кроме ликвидации всех взрослых армян в Зоре, одновременно устраняя риск сопротивления. Нельзя, однако, исключать того, что военным властям действительно нужна была рабочая сила, но они столкнулись с обратными приказами министра внутренних дел.

Избавившись от этих людей, Зеки, конечно, извлек урок из этих первоначальных расправ, придя к выводу, что для окончания

¹ T. C. Başbakanlık Arşivi, 16Ş1334, 16 Haziran [June] 1916, IAMM, Talât au vilayet d'Alep, [Şfr 65/32-1], document № 187.

² Цифры приведены в обвинительном заключении, прочитанном на заседании суда над иттихадистами 27 апреля 1919 г.: «Takvim-i Vakayı», № 3540, 5 мая 1919 г.

³ См. выше, с. 741, примечание 7. См. также: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ş 332, «Le fameux Zeki».

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 611, «Accusations against Ismail Hakki bey, the tormenter of Der Zo» (французская версия: Ş 323).

⁵ Kévorkian R. H. Op. cit. P. 183–184. Свидетельство Арама Антоняна.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 175 и последующие. Свидетельство Арама Антоняна.

работы ему потребуются дополнительные рекруты. В ходе короткой поездки в Рас-эль-Айн он отобрал еще сто чеченских чете из рядов тех, кто участвовал в расправе над обитателями лагеря в Рас-эль-Айне несколькими месяцами ранее¹. После чего машина уничтожения была приведена в действие. По мере того как десять тысяч депортируемых были сконцентрированы на другой стороне моста Зора, Зеки организовал их отправку в Марат, другой лагерь, расположенный в пяти часах к югу, поодаль от Евфрата. Согласно общему правилу, жандармы передали депортируемых в руки чеченцев Зеки, который стал отбирать тех, у кого еще были финансовые средства: этих людей постепенно освободили от их имущества и убили на месте, чтобы не рисковать, оставляя эти ресурсы бедуинам, которым была поручена окончательная ликвидация этих колонн глубже в пустыне. Марат был лагерем, в котором депортируемых сортировали и составляли новые группы. Большие колонны разбивались на группы от двух до пяти тысяч человек и постепенно отправлялись в Сувар, место в долине Кабур в двух днях ходьбы по пустынному маршруту. В Суваре последних выживших мужчин отделяли окончательно — то есть убивали неподалеку — от женщин и детей. После этого, продолжая сортировать и разделять, власти группировали людей по месту их происхождения². Женщин и детей после десятидневной скудной диеты в этих пустынных регионах отправляли по дороге в Шеддадие, где их, как правило, убивали за холмом, с которого была видна эта арабская деревня. В общей сложности двадцать одна колонна была отправлена из Зора — шесть больших и пятнадцать маленьких. Первая колонна, состоявшая примерно из восемнадцати тысяч человек, покинула лагерь возле моста Зора где-то 15 июля 1916 г. и отправилась в Марат. Общей участи избежала только одна группа женщин: отправленные в Хасеке, к северу от Шеддадие, они были переданы местным племенам, вероятно, как трофеи³. Эти операции выполняли чеченцы; их, однако, было недостаточно для ликвидации десятков тысяч депортируемых. Поэтому Зеки призвал в помощь кочевые племена, жившие в регионе, расположенном между

Маратом и Шеддадие, «главным образом, Беггара, живших между Зором—Маратом и Суваром, Аджейдидов, которые кочевали между Суваром и Шеддадие, и Джебури, обосновавшихся в Шеддадие и его окрестностях; он привлек их возможностью грабить»⁴.

Зеки пришлось бороться не только с проблемой координации колонн, которые прибывали с севера и, по большому счету, располагались на другой стороне моста Зора, но и столкнуться с неотложной задачей очистки города Дер-эз-Зор от тысяч депортируемых, которые жили там уже не один месяц. Он, разумеется, уже избавился от их лидера, Левона Шашияна, и большинства глав семей, но оставалось большое количество женщин и детей, которые полностью влились в социальную и экономическую жизнь города. Арам Антонян приводит краткое изложение того, как Зеки справлялся со своей работой: «[Зеки] приказал городским глашатаям объявить о том, что город был полон мусора, который может вызвать эпидемии; что регионы Шеддадие и Рас-эль-Айн выделены под зону расселения [депортируемых]; что они больше не будут испытывать нужду; что те, у кого есть деньги, могут построить там дома и что правительство обеспечит самых бедных. Городские глашатаи также объявили о том, что в такой-то день людям, живущим там-то и там-то, предстоит поездка, и что им, соответственно, необходимо к этой поездке подготовиться. Сначала он выгнал из своих домов уроженцев Зейтуна, собрав их на улице под проливным дождем. На другой стороне моста [Зора] как муравьи собирались чеченцы, но никто ничего об этом не знал, поскольку они находились под пристальным надзором, и никто не имел права покидать [свой район]. Зеки также прислал группу чеченцев в город и поручил им охранять свою резиденцию. Неделю или две спустя арабы сообщили армянам, что чеченцев мобилизовали для их ликвидации. В течение примерно двух недель все армяне города были постепенно перемещены на другую сторону моста. Остаться разрешили только армянским женщинам, которые были замужем за мусульманами или работали прислугой в домах мусульман. В домах местных арабов уже

¹ Там же. С. 178.

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 177.

⁴ Там же. С. 185.

находилось значительное количество армян, и они могли взять еще. Однако в результате очень тщательных обысков эти армяне были обнаружены. [Зеки] опубликовал приказ о том, что арабам запрещено иметь более одной [армянской] женщины в качестве жены или прислуги; те, у кого их будет больше, предстанут перед судом. Остальных зарегистрировали. Прислуге просто дали пропуска, гарантирующие им безопасность, в то время как жены получали документы, идентифицирующие их как мусульманок. Впоследствии, когда армянских женщин замечали на рынке, их сразу же арестовывали и делали служебный запрос¹. Таким образом, Зеки сумел выслать большое количество депортируемых, осевших в Зоре. Тем не менее он не смог очистить город от всех армян. Оставшиеся еще несколько недель подвергались нападкам.

В депеше от 29 июля 1916 г. консул Рёсслер утверждает, что Зеки действовал довольно быстро. «16 июля, — писал Рёсслер, — мы получили телеграмму, в которой сообщалось, что армянам приказали покинуть город. 17-го числа все духовенство и аристократия оказались в тюрьме... Оставшиеся будут ликвидированы в свою очередь. Вполне возможно, что эта мера связана с прибытием нового, безжалостного мутесарифа². Позже, в августе, временный консул Хоффман сообщил, что «по официальной версии, они были отправлены в Мосул (маршрутом, в котором только у небольшой части был какой-то шанс добраться до пункта назначения); по общему мнению, однако, они были убиты в небольшой долине, расположенной к юго-западу от Дер-эз-Зора, недалеко от места, где Кабур впадает в Евфрат. Постепенно все армяне были отправлены в группах, по несколько сот человек каждая, и убиты черкесскими бандами, специально нанятыми с этой целью. Один [немецкий] офицер получил подтверждение данной информации от арабского свидетеля, который совсем недавно присутствовал при подобных событиях³. Эти депеши, однако, представляют лишь небольшие остатки того, что

на самом деле произошло; только рассказы выживших очевидцев могут дать правдивую картину событий. Мы опубликовали значительное количество таких рассказов⁴.

Стоит также остановиться на ликвидации при ужасающих условиях двух тысяч сирот из Зора и нескольких сот других людей, которых Хакки-бей собрал на линии Мескене—Зор. Один из свидетелей описал условия, в которых эти дети жили в «приюте» в Зоре: «Их жалкое положение не поддается описанию. Они по большей части ходили босые и голые, с грузом усталости за плечами, не имея даже моральных сил убежать и просить подаяния в окрестностях. Руки и ноги, а также покрасневшие плечи многих из них были покрыты бесчисленными ранами, которые превратились в ужасные язвы. Поскольку эти раны не лечили, язвы выедали черви, которых бедные дети вытаскивали руками. Однако перед тем как бросить их на землю, они неподвижно стояли в сомнении, рассматривая жирные тела этих червей, которые обочивались вокруг кончиков их пальцев. Они смотрели на них так, как будто чувствовали, что это были страшные паразиты, но как будто они хотели съесть их: так голодны они были... За небольшой промежуток времени они перенесли огромные трудности в этом аду, который окрестили приютом, а затем их... упаковали в телеги и отправили в путь⁵.

Находясь долгое время под защитой мэра Зора, Хаджи Фадила, эти дети выживали за счет своего ума — они искали еду, к примеру, в мусоре и экскрементах животных — перед отправкой в Сувар. Там некоторые из них были взорваны в своих телегах динамитом в отдаленном месте пустыни, а остальных бросили в естественные впадины в земле, облили керосином и сожгли заживо. «Зеки-бей нашел законную причину для их отправки», — пишет Антонян. «Он заставил мудира Зора, турка по национальности, написать отчет, свидетельствующий о том, что при увеличении количества сирот есть риск распространения ими инфекционных болезней. В этой резне выжили всего двое детей. Одним из них был мальчик тринадцати или

¹ Там же. С. 179–180.

² *Lepsius J. Op. cit.* P. 219.

³ Там же. Депеша от 29 августа 1916 г., с. 223–224. Доклад Огюста Берно, предоставленный американскому консулу Джексону 10 сентября 1916 г., свидетельствует о том же.

⁴ *Kévorkian R. H. Op. cit.*

⁵ Там же. С. 186. Свидетельство Арама Антоняна и, в частности, свидетельство директора приюта М. Агазаряна. С. 219–227.

четырнадцать лет из Родосто [Текирдаг] по имени Оник, который не задохнулся в дыму, потому что ему удалось забраться в дальний угол впадины, а затем выбраться на поверхность. Этот мальчик смог сам вернуться в Зор, однако был настолько болен и изранен, что прожил всего три или четыре месяца. Вторым выжившим была девочка из Шапин Карахисара по имени Анна, сестра какого-то офицера. Она избежала смерти таким же образом и смогла сбежать в Урфу»¹. Расследования, проведенные после Мудросского перемирия, показали, что именно начальник полиции Мустафа Сидки, который контролировал убийство этих детей из приюта в Зоре 9 октября 1916 г., был повинен в убийстве 24-го числа того же месяца еще двух тысяч сирот, которых Хакки собрал в северных лагерях; их связали парами и бросили в Евфрат².

По информации, собранной Арамом Антоняном, 192 750 человек стали жертвами расправ в Зоре за пять месяцев, которые понадобились Салиху Зеки, чтобы очистить город, с июля по декабрь 1916 г.³. В обвинительном заключении в отношении лидеров младотурок, прочитанном 27 апреля 1919 г. на первом заседании суда, утверждается, что 195 750 человек были убиты в Зоре в 1916 г.⁴: 82 000 из них были ликвидированы между Маратом и Шеддадие, а еще двадцать тысяч в форте Рав возле Аны под надзором лейтенанта Турки Махмуда⁵. Отчет, составленный Информационным бюро Армянского патриархата в Константинополе, свидетельствует о том, что, помимо мутесарифа Зора, Салиха Зеки-бея, еще и черкес, представитель младотурок из Зора, Мухаммад Нури; Шюкрю-бей, помощник Зеки; Тики Махмуд, местный глава «Севкийята»; Мухаммад, муфтий; Хасим Хатар, мировой судья; Али Саиб, секретарь мутесарифа;

Мухаммад Эль Кедер, мудир Хиндина; Абдулла-паша; Айнтабли Мустафа Сидки, начальник полиции; Бедри и Махмуд Абады, лейтенанты полиции; Салахеддин, военный начальник; и Мухаммад Эль Сеня, офицер жандармерии, несли основную ответственность за организацию ликвидации более чем 195 000 депортированных армян. Им помогали и подстрекали к совершению данного преступления несколько представителей аристократии Зора: Ясин, сын муфтия Мухаммада; Хасан Мухаммад; Халиф Абдулла; Хелаль Эль Керзат; Халид Тетарие; Хамад; Мустафа Натар и Япусли Абдулла. Отряды чете, осуществлявших расправы, возглавляли Еас Екта (чеченец из Хеджзета), Сулейман Садулла (из Феврена), Мухаммад Газа (из Мурада), шейх Сулейман (из Сивада), Реббан Лефе и шейх Егидар⁶.

Патриарх Завен проезжал через Зор 27 сентября, по пути к месту высылки; он был размещен в здании городской администрации и получил долю почтения от Салиха Зеки. Там он даже случайно встретился с дюжиной священников из Западной Анатолии, очевидно, последних выживших армянских мужчин в Зоре⁷. С другой стороны, южнее, в Миадине, куда Завен прибыл 29 сентября, он заметил, что все армяне высланы, так же как и в Абукемале, где он встретил (в воскресенье, 1 октября) только мальчика из Асланбега, кузнеца из Адабазара и нескольких пекарей, которым разрешили остаться, потому что они были необходимы. На следующий день он обнаружил сначала в Кайиме, а затем в Нехие шестерых рабочих солдат из батальона, состоявшего из ста пятидесяти армян и ста греков, в основном из Афионкарахисара и Кутахии, которые строили дорогу в Ану. Он узнал, что двумя месяцами ранее тысяча шестьсот армян были депор-

¹ Там же. С. 188–189.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, З 301–309, Mémorandum sur les poursuites judiciaires contre Mustafa Sidki, un des responsables des massacres de Zor, devant la cour martiale N° 1. В данном документе упоминаются имена выживших свидетелей из Родосто, Гейве, Эрзинджана и Адабазара, а также османских офицеров, которые служили в регионе.

³ *Kévorkian R. H. Op. cit.* P. 190. Свидетельства Арама Антоняна и М. Агазаряна. С. 224. Можно предположить, что данная информация была взята из источника, указанного ниже, но с типографской ошибкой в отношении количества.

⁴ «Takvim-i Vakayi», N° 3540, 5 мая 1919 г.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, З 304–309, Mémorandum contre Mustafa Sidki. Данные о количестве убитых между Маратом и Шеддадие были предоставлены главой Управления статистики Зора, Урфали Махмуд-беем.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, З 314, Liste des coupables des massacres à Der Zor; Тер-Егиян З. Указ. соч. С. 214–215.

⁷ Там же. С. 217–218.

тированы в Дер-эз-Зор. Восьми пекарям, кузнецу, а также каменщикам и их семьям, однако, разрешили остаться, вместе с тремя «служанками» каймакама из Урфы и двумя кучерами из Айнтаба и Тарсона¹. Другими словами, многие армяне, отправленные в направлении Мосула, были собраны в этой местности перед их уничтожением в 1916 г.

В последующие месяцы, однако, власти вернули депортируемых с линии Гама—Хомс—Дамаск обратно в регион. Отян, проведший больше года в Гамае, был сам депортирован в Зор по маршруту через Алеппо в начале 1917 г. По пути туда он заметил, что тысяча пятьсот армян все еще жили в Мескене²; это были, предположительно, депортируемые из Ракки, работавшие на армию. Южнее, в Хамаме, он встретил Гайга Гошгаряна, продавца книг и редактора юмористического журнала «Гиго», а также Саака Месропа, который только что прибыл³. В Зоре эти люди работали уличными мастерами, хотя им более привычно было орудовать пером⁴. Армянское присутствие в Зоре к тому времени было сокращено до одной девушки из Адабазара, спрятавшейся от расправы в Марате и ставшей женой цыгана, с которым они показывали обезьяну и медведей, и ста изнуренных армян, которых держали в конюшне в Зоре в ожидании отправки в Ану⁵. Отян и его товарищи, высланные позже в Миадин, где также жили сто выживших во время расправы в Марате, кое-как перебивались в этой деревне посреди пустыни⁶. В мае 1917 г. правительство перевело Отыана в Бусару, в нескольких десятках километров к югу от Зора. Он позже писал, что годом ранее небольшой городок мог похвастаться тем, что в нем жили от восьми до десяти тысяч армян; они были убиты в Суваре и Шеддадие чеченскими чете, хотя несколько армян все еще там оставались. У мудира, к примеру, была молодая женщина, маленькая девочка и четырнадцатилетняя девушка

из богатой семьи из Бурсы, которая была убита; все трое были проданы чеченцами⁷. Отяну, не знавшему арабского языка и не привыкшему к образу жизни этой страны, было трудно найти свое место в обществе. Как и многие другие, он узнал о доброжелательности, с которой Езидис из Синджара относился к армянским беженцам, и мечтал попасть туда. Несмотря на риск, он отправился в это длинное путешествие, которое приведет его под видом арабского нищего по берегу Евфрата в Багдад. Там его сразу же ограбили два бедуина, которые забрали его деньги и табак, после чего его раздели и заставили вернуться голым в Бусару, где этот интеллигент буквально умирал от скуки⁸. Вторая попытка избежать горькой судьбы привела его 31 августа 1917 г. в Зор, где все еще жили его друзья Саак Месроп и Гайг Гошгарян. С их помощью он нашел работу на военном предприятии, на котором около двадцати армян из Айнтаба занимались изготовлением униформы. В городе все еще находились около четырехсот женщин, в основном вдов⁹. Вскоре после этого Отян был взят на работу переводчиком к военному начальнику Зора, который не мог общаться со служившими там немецкими офицерами¹⁰. Теперь, когда Отян носил униформу, он пользовался хорошим знанием французского языка на встречах турецких и немецких солдат¹¹. Немного позже он завоевал *расположение* военного начальника Эдваля, бывшего шведского офицера иранской жандармерии и начальника немецкого гарнизона в Зоре¹². Можно себе представить всю странность его ситуации, которая сделала армянского изгнанника незаменимым переводчиком на встречах турецких и немецких военных. Кроме того, Отян был свидетелем острой напряженности между немецкими офицерами и гражданскими властями Турции, в особенности в отношении армянских кучеров, которые отвечали

¹ Там же. С. 218.

² Отян Е. Указ. соч. № 75–76.

³ Там же, № 77.

⁴ Там же, № 80.

⁵ Там же, № 82.

⁶ Там же, № 83.

⁷ Там же, № 85–86.

⁸ Там же, № 86–90.

⁹ Там же, № 96–100.

¹⁰ Там же, № 102.

¹¹ Там же, № 103.

¹² Там же, № 104–105.

за военные перевозки между Алеппо и Зором, вопреки желаниям властей¹. Власти также запрещали армянам, работающим в немецких бараках, покидать город или даже пересекать мост через Евфрат². Мутесариф неоднократно требовал, отмечает Отян, чтобы армян, работавших на немцев, передали ему, напоминая турецким офицерам о том, что армянам запрещено служить в армии. Антагонизм между гражданскими и военными властями в отношении статуса армян был вполне осязаем. Более того, местный начальник обратил внимание высокопоставленных гражданских чиновников на то, что в османской армии служило много армян докторами, аптекарями и зубными врачами и что у военного министерства не было никаких возражений по этому поводу³. По словам Отяна, племянник бывшего депутата парламента Армена Гаро был последним из депортированных из Стамбула, которого убили в тюрьме в Зоре по приказу начальника полиции Айнтабли Мустафы Сидки; он был убит в январе 1918 г., в тот момент, когда новость о падении Иеруса-

лима достигла города. Голод, начавшийся здесь, далее сообщает Отян, заставил многих женщин и детей, живших среди бедуинов, собраться в Зоре. Оказав помощь изнуренной женщине из Стамбула, Отян взял на себя ответственность за трех братьев из Смирны, Адамян, которые до этого времени жили в качестве беженцев в Суваре. Когда британские войска достигли Аны, а немцы начали эвакуировать свой гарнизон в Зоре, жизни работавших там армян оказались в опасности, тем более что немцы не собирались брать их с собой⁴. Основывая свои расчеты на «доступных источниках», Отян оценивает количество армян, живших в то время в арабских и турецких домах в Зоре, таких как дома начальника почты или мэра, примерно в две тысячи человек, к которым следует добавить около десяти тысяч обращенных в мусульманство детей. Не было ни одного полицейского офицера или правительственного чиновника, в доме которого не было бы женщины из Харпута, Бурсы, Бардизага, Адабазара, Исмиита или Айнтаба⁵.

Мир концентрационных лагерей

Наше описание примерно двадцати концентрационных лагерей, созданных Субдиректором «Севкийята» в северной части вилайета Алеппо, по обеим сторонам Аманосских гор, по маршруту движения Багдадской железной дороги, в Рас-эль-Айне и на линии Евфрата, не дало возможности затронуть некоторые ключевые моменты: кто управлял этими лагерями, как они были организованы или какой была их социальная жизнь. Не претендуя на исчерпывающий характер темы, которая требует гораздо более досканаль-

ного изучения, мы считаем нелишним обрисовать несколько важных пунктов, подсказанных многочисленными отчетами выживших, которые мы опубликовали⁶. Изучив в четвертой части данной книги повседневную жизнь колонн депортируемых, запертых на юге, нам необходимо изнутри рассмотреть концентрационные лагеря, которые функционировали как система сообщающихся сосудов. Данное исследование необходимо еще и потому, что через эти лагеря прошло около семисот тысяч человек.

Руководители лагерей

В большинстве отчетов выжившие называют вооруженных людей, сопровождавших колонны, «жандармами» или черкесскими или чеченскими чете. Однако на основании

информации, найденной в этих отчетах, можно сказать, что общее понятие «жандарм», используемое депортируемыми, относится в данном случае к людям, набранным на месте,

¹ Там же, № 112–113.

² Там же, № 114.

³ Там же, № 116.

⁴ Там же, № 117.

⁵ Там же, № 121.

⁶ Kévorkian R. H. Op. cit.

в Сирии или Месопотамии, Субдиректоратом по работе с депортируемыми в Алеппо, в качестве «жандармов», ведущих колонн или начальников лагерей. Те же отчеты показывают, что такой набор осуществлялся в соответствии с теми же методами, которые использовались и Специальной организацией: нерегулярные боевики и помощники отбирались из числа обычных преступников, аристократии и местных арабских, черкесских или чеченских племен. Другими словами, Субдиректорат по работе с депортируемыми действовал в этом отношении так же, как и Специальная организация, прикрываясь законом: она предположительно отчитывалась перед Министерством внутренних дел, хотя вполне ясно, что в действительности она напрямую подчинялась Центральному комитету партии «Единение и прогресс» или «Специальной организации». В этой связи неудивительно, что в собрании документов, опубликованных «Başbakanlık Devlet Arşivleri» (Государственным архивом) практически отсутствуют телеграммы начальника по депортациям Шюкрю-бея своему подчиненному Нури. Это свидетельствует, по крайней мере, о том, что приказы, полученные в Алеппо, поступали напрямую из другой организации.

Набранный таким образом персонал в основном делился на два корпуса: один отвечал за колонны, а другой — за лагеря. Колонны сопровождали ведущий и группа помощников, которых депортируемые называли «жандармами». Что касается лагерей, они управлялись начальником («севкийят-и мюдюрю»), при поддержке сотрудников, присланных из Алеппо или набранных на месте. Кроме того, начальник выбирал надсмотрщика и охранников из рядов депортированных армян, обещая за это обеспе-

чить их едой и гарантировать им жизнь. Эти армяне отвечали исключительно за охрану лагерей ночью. Логика такого отбора надсмотрщиков, похоже, состояла в том, чтобы отбирать их из самых скромных социальных слоев, чтобы усилить уже существующую вражду между богатыми депортируемыми, то есть теми, кто еще мог купить себе еду, и остальными, которые буквально умирали от голода. Согласно всем отчетам, эти армянские помощники были такими же жестокими, как и их «османские» коллеги, и чрезвычайно агрессивными по отношению к своим соотечественникам. Не стоит и говорить, что такого рода особые обстоятельства способствовали проявлению самых основных инстинктов и возбуждали беспредельную агрессивность среди депортируемых. Эта агрессивность стала вершиной традиционных социальных противоречий и прошла через все социальные группы, словно жертвы обвиняли друг друга в тех несчастиях, которым их подвергли их палачи.

Наконец, были сотрудники, к которым депортируемые относились менее критично: могильщики, задачей которых было каждое утро ходить от палатки к палатке и собирать тела — в среднем по две сотни в день с одного лагеря — людей, умерших предыдущей ночью, чтобы похоронить их в групповых могилах, выкопанных в непосредственной близости от каждого лагеря. За работу могильщикам давали еду и временно освобождали от дальнейшей депортации. Очевидно, информация, предоставленная этими сотрудниками, является одним из самых надежных источников в том, что касается оценки количества жертв в их лагерях. Если в лагере находились священники, они совершали упрощенные похоронные обряды.

Организация лагерей и социальная жизнь в них

За исключением двух транзитных центров в непосредственной близости от Алеппо, все концентрационные лагеря были расположены в пустынных областях, причем всегда за пределами городов и деревень, доступ в которые строго контролировался, поскольку попасть в город означало получить шанс исчезнуть в толпе и в особенности дать взятку кому-нибудь из живущих там, чтобы они тебя спрятали. Фактически лагеря представляли собой лишь голые участки земли без каких-либо удобств; они обычно располагались в

четверти или полчаса ходьбы от небольших деревень или городов и были покрыты многочисленными «палатками», сделанными из разных кусков ткани, сшитых вместе, которые находились очень близко друг от друга по соображениям безопасности. Мы уже отмечали, что на лагеря по ночам часто нападали местные племена и что не все начальники лагерей одинаково эффективно следили за безопасностью тех, кто находился под их «надзором».

Что касается еды и запасов, то обеспечение ими депортируемых не предусматри-

валось за редким исключением; изгнанники были вынуждены сами доставать предметы первой необходимости у местного населения. В обмен на щедрое вознаграждение начальнику лагеря новоиспеченные торговцы продавали муку, хлеб или даже воду по заоблачным ценам армянам, которым ничего не оставалось, кроме как покупать то, что им предлагали, по любой цене, просто чтобы выжить. Таким образом, сформировалось что-то вроде иерархии бедности. Только самые «обеспеченные» могли есть столько, сколько хотели; остальные были вынуждены нищенствовать почти безуспешно.

Что касается жилья, наименее нуждающиеся могли также купить себе приличную палатку, то есть кров, способный как-то защитить их от бурь или палящего солнца в этих суровых районах, характеризующихся резкими изменениями климата. Мы также знаем, что некоторым удавалось спрятаться в арабских деревнях, если они платили своим «хозяевам» солидную ренту.

Деньги также были причиной значительных различий в обращении с депортируемыми. Самые состоятельные, выплачивая начальнику лагеря что-то вроде вознаграждения за право остаться, могли избежать немедленной отправки в одной из колонн, которые регулярно отправляли на юг, к смерти, чтобы освободить место для вновь прибывших, особенно когда «уровень естественной смертности» был недостаточен высок, чтобы значительно уменьшить население лагеря. Каждый раз, когда устанавливалось время отправки колонны, у начальника появлялась возможность заработать. Исходя из этого, между начальником и некоторыми из тех, кто находился под его «надзором», сформировались отношения взаимного интереса: у начальника был очевидный интерес в том, чтобы задержать эти семьи в лагере как можно дольше или, по крайней мере, пока у них есть средства для удовлетворения его appetitов. Поэтому начальники очень часто нарушали приказы, полученные из Алеппо, оставляя депортируемых в лагере, даже несмотря на то, что им приказывали его очистить. Эту ситуацию можно сравнить с проблемами, с которыми столкнулись сотрудники Субдиректората по работе с депортируемыми, когда они пытались выгнать десятки тысяч армян, нашедших «убежище» в арабских деревнях на севере Алеппо и которых местные крестьяне отказались передать, потому что они представляли существенный

источник дохода. Антонян также избежал общей участи, потому что его, как он охотно признается, защитила состоятельная семья, которая сумела договориться о том, чтобы ему дали убежище в Алеппо. А сколько в дополнение к этим исключениям, среди которых было много выживших, бедных людей закончили свою жизнь в групповых могилах в Ислахие, Мескене или Рас-эль-Айне после тяжелых месяцев ада в случае самых молодых и самых гибких, проведенных в ежедневном поиске хоть какой-нибудь еды? Сколько было случаев каннибализма? Сколько было матерей, которые ели своих детей или продавали их какому-нибудь кочевнику за кусок хлеба? Голод, истощение и непередаваемые санитарные условия, похоже, были в арсенале мер, которые использовались для уничтожения этих «новых мигрантов» Субдиректоратом по работе с депортируемыми, которому власти официально поручили сделать так, чтобы пустыни Сирии и Месопотамии расцвели, хотя там смогли выжить только несколько тысяч бедуинов. Сам по себе образ осиротевших и брошенных детей, копающихся в экскрементах животных в поисках нескольких зерен ячменя, которые помогут им выжить, ярко характеризует жизнь интернированных в пустыне.

Наряду с драмами повседневности, смерти, преследующей свои жертвы днем и ночью и мучившей сознание людей мелких постыдных действий, которые были ценой жизни, мы должны также обратиться к некоторым аспектам, раскрывающим довольно впечатляющее желание выжить, а также чувство организованности и способность приспосабливаться, которые, стали второй натурой многих депортируемых. Предоставленная Антоняном информация о системе связи, организованной несколькими умными людьми, — «живые газеты», дети от десяти до двенадцати лет, которые перемещались между лагерями для обеспечения обмена информацией, — является яркой иллюстрацией такой организованности, которую проявляли депортируемые, несмотря на ужасающие условия существования в лагерях, в попытках избежать расставленных для них моральных ловушек. В тот же ряд мы также можем поставить блестящую работу, проделанную в Дер-эз-Зоре молодым стамбульским интеллигентом Левонтом Шашияном, который руководил чем-то вроде гуманитарной организации, помогавшей выжить депортируемым.

Наконец, как можно не поразиться, как это произошло с Джеветом, когда он проезжал через регион в конце февраля 1916 г., горстке армян Рас-эль-Айна, которые, обратив себе на пользу благожелательность каймакама или его личные интересы, сумели за несколько предоставленных им месяцев осесть и даже вселить жизнь и движение в маленькую бедствующую деревню? Даже если чрезвычайные политические обстоятельства и повлияли на их судьбу, то «армяне Джемалья-паши», историю которых мы изучим позже, были, вероятно, частично помилованы, потому что они представляли собой существенный потенциал для развития

в этих зонах, которыми мечтал управлять турецкий генерал. Отправляемые в колоннах, состоявших из людей из одного города или деревни, подвергаемые постоянным нападкам со стороны чете или племен, живущих в регионах, через которые они проходили, выжившие в пустынях Сирии и Месопотамии всегда поддерживали, несмотря на обстоятельства, в пределах разумного, сильное чувство солидарности с соотечественниками из того же региона. Географические корни являлись в эти тяжелые годы чем-то вроде основного справочно-информационного ресурса в социальной организации депортируемых армян.

ГЛАВА 6

Депортируемые на линии Гама–Хомс–Дамаск– Деръа–Иерусалим–Амман–Маан

Как мы уже видели, из системы, созданной в октябре 1915 г. Субдиректором по работе с депортируемыми, вскоре была исключена отправка колонн на юг, после того как в этом направлении ушли колонны, состоящие в основном из киликийцев. На этом маршруте, который находился под более прямой юрисдикцией Джемал-паши, главнокомандующего Четвертым армейским корпусом, никогда не стоял вопрос создания концентрационных лагерей; депортируемые просто распределялись по сельской местности, а следили лишь за тем, чтобы они составляли не более десяти процентов от общего населения. Этот дополнительный депортационный маршрут, который также начинался в Алеппо, проходил через Гама, Хомс, Дамаск, Иерусалим и Амман, именно в таком порядке; кроме того, он заходил в Джебель-Друз и западный Хавран. Уже 18 июля 1915 г. в циркуляре правая рука Мехмеда Талаата сообщил префектам района о том, что южная часть вилайета Алеппо и западные регионы Хаврана и Керека (или Карака — местность, расположенная немного к югу от Мертвого моря) были выбраны в качестве зон высылки для депортированных армян¹. Похоже, что это распоряжение добросовестно исполнялось: телеграмма от 2 октября 1915 г., отправленная, вероятно, вали Шама, то есть Дамаска, министру внутренних дел, раскрывает тот факт, что в вилайет прибыла двадцать одна тысяча депортируемых: 8858 человек

были отправлены в Керек и 10 289 в Хавран, а 494 женщины были распределены по казам Кунейтра, Балбек, Тебек и Дома². Рапорт американского консула в Дамаске Грегга Янга от 20 сентября 1915 г. подтверждает эти официальные факты и цифры: в рапорте отмечается, что с 12 августа каждую неделю прибывало две-три колонны в количестве от нескольких сотен до двух тысяч депортируемых, которые концентрировались на окраине Дамаска, в Кахдеме. Кахдем, огромное сухое поле, для Дамаска представлял то же самое, что и лагеря Сибил и Карлик для Алеппо³. По словам Янга, который ездил в этот лагерь, поскольку он хотел более точно оценить положение депортируемых, — начальник лагеря принял его с «вежливостью», но не разрешил ему войти в лагерь — там было всего несколько самодельных палаток, многие из которых были порванными. Информаторы Янга оценивают количество депортируемых, прибывших к этому времени в Дамаск, в двадцать две тысячи человек. Наконец, в той же депеше консул сообщил о том, что, по словам «хорошо информированных источников», в лагерь в Хомсе было интернировано еще тридцать тысяч армян⁴. В рапорте от 28 октября 1915 г., со ссылкой на доклад арабских депутатов османского парламента, утверждается, что «на поезде прибывает большое количество армян в горные районы, и их оставляют там без еды и воды... Мы видели много женщин, стариков и детей, умирающих от голода по всей

¹ Т. С. Başbakanlık Arşivi, 22Şh1333, 5 Temmuz 1915 г., IAMM, circulaire d'Ali Münif, [Şf 54/315], doc. № 63.

² Т. С. Başbakanlık Arşivi, 10Za1333, 19 Eylül 1915 г., DN, [DH. EUM, 2 Şube, 68/ 78], doc. № 116.

³ US National Archives, State Department RG 59, 867 4016/212. Депеша, адресованная из Дамаска Моргентаву: *Sarafian A.* Op. cit. P. 82–86; данный документ был опубликован анонимно в 1916 г. во французской версии книги *Livre bleu du gouvernement britannique: Toynbee A.* Op. cit. Pp. 497–500.

⁴ Там же. С. 500.

длине железной дороги»¹. Более того, американский консул в Алеппо Джексон в рапорте, который он отправил своему послу 29 сентября, интересовался, какую помощь он может оказать депортируемым, в свете того, что «их быстро вытесняли дальше в Гама, Хомс, Дамаск и другие города, а также в Амман»². В приложенных к этому рапорту документах американский дипломат предоставил расчеты, согласно которым количество депортируемых, отправленных в район Дамаска до конца сентября 1915 г., составило сорок тысяч триста человек, а количество детей среди них — шесть тысяч сто пятьдесят³. Кроме того, скорость, с которой колонны отправлялись на юг, похоже, оставалась в последующие недели довольно высокой, поскольку, опять же по подсчетам Джексона, на основе информации «от надежных источников», в феврале 1916 г. количество депортируемых составило сто тридцать две тысячи человек, более ста тысяч из которых оказались в регионах, растянувшихся от Дамаска до Маана (вероятно, в это число входили депортируемые из лагерей Джебель-

Друза, западного Хаврана, Иерусалима, Керека и Аммана), еще двенадцать тысяч в Гама и ее окрестностях, и еще двенадцать тысяч в Хомсе и его окрестностях⁴. В отличие от своих соотечественников с линией Евфрата и Рас-эль-Айн—Мосул эти депортируемые не подвергались систематической ликвидации.

Потребность 4-й армии в квалифицированных кадрах поспособствовала тому, что еще несколько тысяч депортируемых были переведены на юг, несмотря на введенный в ноябре запрет. Ерванд Отян, который в конце ноября 1915 г. провел некоторое время в лагере в Сибиле, смог добиться того, чтобы его включили в колонну, в которую входили тысяча сто ремесленников, отобранных для армии, а также их жены и дети⁵. Эти депортируемые из Эдирне, Бардизага, Аданы, Айн-таба и Кайсери, с их разными диалектами, были отправлены на юг в товарном поезде, по сто человек в вагоне, то есть огромной толпой: было невозможно сидеть, а также в группе было много больных. Все они хорошо понимали, что обманули смерть⁶.

Депортируемые армяне в Дамаске

Дальше на юг, в Дамаске, также наблюдалась высокая концентрация депортируемых, которые сумели избежать попадания на линию Евфрата или в месопотамскую пустыню. Как в Хомсе, так и в Гама некоторых депортируемых, обладавших ремесленными навыками, отбирали для службы на севере по приказу командования 4-й армии и отправляли в Дамаск, чтобы помочь османской армии справиться с нехваткой различного оборудования. Все знали, что попасть в Дамаск было привилегией, залогом выживания⁷, тем более что до войны город мог похвастаться армянским сообществом, насчитывавшим около четырехсот человек⁸, которые были готовы помочь вновь прибывшим.

Армянская церковь и ее надворные постройки вскоре заполнились огромным количеством беженцев. Во время визита в Дамаск в ноябре 1916 г. епископ Егише Чилингирян оценил количество депортируемых в городе в более чем двадцать тысяч человек. Год спустя, в ноябре 1917 г., он оценил их количество уже в тридцать тысяч и заметил, что депортируемые хорошо приспособились к местной жизни. Так, он отметил, что на рынке в Баб Тума, в христианском квартале, довольно серьезно доминировали армянские торговцы⁹. Подавляющее большинство депортируемых, однако, работали на предприятиях, которыми руководила армия или которые, по ее мнению,

¹ Там же. С. 166–167. *Mémoire* de source bien informée.

² US National Archives, State Department RG 59, 867 4016/219. Делеша, адресованная из Дамаска Морган-тау: Sarafian A. Op. cit. Pp. 94–95.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же. С. 112–113.

⁵ См. выше, с. 729. Отян Е. Указ. соч. № 51.

⁶ Там же, № 52.

⁷ Archives de la Bibl. Nubar, A. Гюенджян. Армяне в Дамаске до и после освобождения. С. 1 (на арм. яз.). Ваге Тахджян любезно согласился предоставить мне упомянутые здесь материалы.

⁸ Орманян М. Размышления и слова. Иерусалим, 1929. С. 352 (на арм. яз.).

⁹ Чилингирян Е. Указ. соч. С. 29 и 42.

были необходимыми, например Багдадская железнодорожная компания. Одним из известных предприятий такого типа был завод по производству железнодорожного оборудования, на котором работали сто пятьдесят армян; они составляли пятую часть всей его рабочей силы¹. После нескольких месяцев, в течение которых эти депортируемые жили в Дамаске более или менее спокойно, они столкнулись с болезненным выбором: принять ислам или отправиться в неизвестном направлении².

Как и Ахмед Джемаль, вали Дамаска Тахсин-бей, который раньше был вали Эрзурума, был больше заинтересован в использовании депортируемых в качестве рабочей силы, чем в их ликвидации. Чилингирян отмечает, что вали открыл приют для бездомных детей, а также приют для вдов, где женщины занимались вышиванием или изготовлением ковров³ без угрозы быть изгнанными⁴. По словам патриарха Завена, Патриархат Константинополя отправил вардапету Аристакесу Хачатряню из иерусалимской конгрегации деньги для оказания помощи самым нуждающимся армянам, к которым относились, по его словам, несколько сотен интеллигентов, писателей и учителей начальной и средней школы⁵. Это свидетельствует о том, что подпольная сеть Алеппо сумела предотвратить отправку этих людей на линию Евфрата, отправив их вместо этого в Дамаск. Помимо созданных вали

учреждений, в которых заботились о вдовах и сиротах, сообществом была организована комиссия по социальному обеспечению, которая взяла на себя заботу о самых бедных семьях и одиноких женщинах⁶.

В ноябре 1917 г. в свете объединенного арабско-британского наступления на палестинском фронте власти перевели патриарха-католикоса Саака Хабаяна и бывшего патриарха Магакья Орманяна из Иерусалима в Дамаск⁷. Хабаян стал главой армянской миллы после распада патриархата Константинополя (об этих изменениях мы поговорим ниже). Однако в феврале 1918 г., после того как османская армия потерпела ряд поражений, опасность стала угрожать в свою очередь и Дамаску, и положение его жителей внезапно ухудшилось. В результате Арабского восстания стало трудно доставлять продовольствие в город, и цены взлетели. Утром 2 марта полиция и армия согнали всех армян города без предупреждения под предлогом приказа о мобилизации. Тысяча семейств женщин и сирот, которые до этого момента жили за счет государственной помощи, перестали получать еду⁸. В том, что приюты для сирот и вдов перестали получать продукты, можно обвинить военное положение, но факт «мобилизации» мужчин в свете арабско-британского продвижения, похоже, свидетельствует о том, что гражданские и военные власти решили ликвидировать их еще до прихода врага.

Армянский патриархат Иерусалима и депортируемые

В Иерусалиме накануне войны Армянский патриархат находился в остром кризисе, характерном для этого уважаемого учреждения. Бывший патриарх, Малакья Орманян, был делегирован армянскими властями в Константинополе в качестве инспектора в Иерусалим; его миссией было восстановление порядка в монастыре Святого Иакова,

а также его финансового состояния. После остановки в Александрии, где его с 3 по 16 мая 1914 г. принял Погос Нубар, Орманян принялся выполнять свою задачу⁹. Осенью 1915 г. ему пришлось забрать из Аданы восемьдесят аристократов с их семьями: в качестве особой привилегии Джемаль разрешил этим армянам переехать в апартаменты

¹ Гюенджян А. Указ. док., с. 5.

² Там же. С. 2.

³ Чилингирян. Указ. соч. С. 30.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Тер-Егиянян Э. Указ. соч. С. 173 и 180.

⁶ Орманян М. Указ. соч. С. 353.

⁷ Там же. С. 348. Оба продолжили получать ежемесячную зарплату от государства. Там же. С. 304 и 350. Этим религиозным сановникам назначили резиденцию в пресвитерии церкви Святого Саркиса в Дамаске.

⁸ Там же. С. 353–354.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 318.

патриархального монастыря, которые были традиционно зарезервированы для паломников¹.

9 ноября 1915 г. католикусу и его окружению, изгнанным из Алеппо вали Мустафой Абдулхаликом, в конце концов разрешили по особому распоряжению Джемалья-паши расположиться в монастыре Святого Иакова². Выходит, что до апреля 1917 г. данное учреждение было более или менее свободным. 25 апреля все студенты Патриархальной семинарии были «мобилизованы», а

сама семинария в результате закрыта³; как только что было отмечено, армянские религиозные сановники были эвакуированы в Дамаск в ноябре того же года. По информации, предоставленной учителем, нашедшим убежище в Иерусалиме, в марте 1918 г. на городских улицах жили сотни сирот без какой-либо помощи, и это продолжалось до конца войны⁴. Предположительно отсутствие руководства конгрегации Святого Иакова не позволило этому уважаемому учреждению взять этих детей под опеку.

Армянские сироты в Айнтуре

До войны Бейрут наряду с Дамаском был одним из редких городов региона, который мог похвастаться армянской колонией; небольшое сообщество здесь насчитывало тысячу пятьсот человек. Недалеко от города, в Айнтуре, власти открыли «турецкий» приют, который раньше был французским монастырем; он был отдан в руки одной из муз младотурецкого движения, Халиде Эдип. Это хорошо поддерживаемое образцовое учреждение было чем-то вроде лаборатории, в которой Эдип пыталась отучивать детей, которых передали ей под опеку: то есть около тысячи «повторно крещенных» армянских

сирот, а также несколько курдских детей. Миссионерка Харриет Фишер, которая посетила этот приют в январе — феврале 1916 г., сообщает, что в ходе разговора о судьбе, выпавшей на долю армян, младотурецкая феминистка сказала ей: «Наша эта нация или армяне (It is our nation or the Armenians). — Это дети, — добавила Эдип, — они не знают, какую религию исповедуют»⁵. Именно в это учреждение в феврале 1917 г. были переведены дети из приюта в Алеппо, которым руководила Беатрис Реннер, после того как он был закрыт османским правительством в феврале 1917 г.⁶.

Депортируемые армяне в Гама и Хомсе

Существенно отличалась ситуация в таком арабском городе, как Гама, в котором насчитывалось от шестидесяти до семидесяти тысяч жителей, многие из которых были православными сирийскими христианами⁷. Большинство депортируемых, оказавшихся здесь осенью 1915 г., были из Киликии.

Значительное их количество были жертвами эпидемий и недоедания; другие находились под жестким давлением со стороны властей, целью которых было силой заставить их принять ислам⁸.

Отян, прибывший в Гама 21 декабря 1915 г., отмечает, что до него сюда приби-

¹ Bibl. Nubar, Archives de l'Union, correspondance du siège, vol. 25, ff. 339–341. Письмо от 29 марта 1918 г. Центрального комитета Союза профессору Мурадяну; *Тер-Егияян З.* Указ. соч. С. 177.

² См. выше, с. 724, примечание 5. По словам патриарха, Саак сразу после прибытия в Иерусалим отправил ему доклад, свидетельствующий о том, что десятки тысяч армян были в пути; они жили на открытом воздухе и страдали от голода; *Тер-Егияян З.* Указ. соч. С. 177.

³ *Орманян М.* Указ. соч. С. 346.

⁴ Bibl. Nubar, Archives de l'Union, correspondance du siège, vol. 25, ff. 339–341. Письмо от 29 марта 1918 г. Центрального комитета Союза профессору Мурадяну.

⁵ Рапорт Харриет Фишер, миссионерки в Адане, составленный 13 апреля 1917 г., Уейтону (Иллинуа); *Barton J. L.* Op. cit. Pp. 164–165.

⁶ *Kaiser H.* Op. cit. Pp. 69–70. В конце 1916 г. братьев Мазлумян самих депортировали из Алеппо, но их друг Джемаль сумел отправить их в Бейрут, в Захле, вместе с Арамом Антоняном; *Отян Е.* Указ. соч. № 63.

⁷ *Отян Е.* Указ. соч. № 55.

⁸ Archives du Catholicoscat, Antélias, 26/1, Homs-Nama (1916–1940), II/22. Письмо высокопреосвященства Епише Гарояна Сааку II, Гама, 27 июня 1916 г., любезно предоставленное мне Ваге Тахджяном.

ло около пяти тысяч армян из Аданы, Кайсери, Айнтаба и Антиоха¹. Вскоре половина всех магазинов на базаре оказались в руках армян из Аданы и Айнтаба, которым не пришлось переносить страдания, в отличие от остальных, и они даже сумели перед отъездом продать некоторое свое имущество. Аптекари, зубные врачи, лудильщики и другие оказывали услуги городу, который испытывал нехватку квалифицированных кадров. В тот же период армянами были открыты первая фотомастерская и первый ресторан. Отян отмечает, что когда Энвер или Джемаль проезжали через Гаму, местные власти обращались к армянам с тем, чтобы они организовали прием. А сколько, в отличие от этих находчивых депортируемых, оказались в ужасном положении — например тридцать три девушки из Самсуна, которые добрались до Гамы, пройдя несколько месяцев суровых испытаний²? Наш свидетель также указывает на некоторые исключительные случаи, такие как случай с колонной из тридцати мужчин из Кайсери, зубных врачей и ремесленников, жены которых все еще оставались в их домах, которые были обращены в мусульманство или депортированы в Ракку. Из-за того что важнейшим приоритетом было выживание, а также ввиду того, что такая специальность, как врач, часто являлась билетом в жизнь, один мужчина даже выдал себя за врача и, пишет Отян, выписал своим восхищенным пациентам лекарства, которые были вполне обычными. Этот полный решимости шарлатан имел такой успех, что был назначен на должность городского врача в Гаме. Там Отян также пересекся с семьями из Исмиита и аристократами из Аданы³.

Депортируемые здесь были едва ли не отрезаны от внешнего мира. Редкая информация, которая доходила до них, это была информация, содержащаяся во франкоязычных депешах Османского агентства, которые кабинет по чтению, созданный немцами, делал доступными для депортируемых,

знавших французский язык, а также для армянских офицеров, врачей и особенно аптекарей, которые заезжали из Константинополя по пути на палестинский фронт⁴.

В Гаме было несколько сотен армянских мужчин. Им дали всего месяц передышки. В начале апреля 1916 г. военным начальником города, Осман-беем, на улицах Гамы были организованы облавы на армян: официальной целью этих действий была мобилизация мужчин в возрасте от восемнадцати до сорока пяти лет. Однако она была отложена по приказу Джемалей⁵. В июле 1916 г. депортируемые внезапно столкнулись с другой угрозой. Она исходила от председателя клуба младотурок, Шевкет-бея, который предложил исламизировать их. Мутесариф, Хайри Ферузан, бывший полковник, который считался благонамеренным человеком, а также человеком, «чье сообщение открыло опасность, грозящую депортируемым», указал армянским аристократам на то, что если они откажутся от этого предложения, они больше не смогут оставаться в Гаме. В то время как у нас есть точная информация об обращениях в ислам, организованных в том или ином месте, отчет Отяна позволяет нам рассмотреть в деталях то, как депортируемые в Гаме реагировали на это предложение, а также методы, которые использовались для их убеждения. Сам по себе тот факт, что предложение исходило от местного лидера младотурок, говорит о многом.

На принятие решения депортируемым дали два дня. Вначале они приняли коллективное решение отказаться от предложения. По словам Отяна, мутесариф решительно настаивал, признаваясь своим собеседникам в том, что ему было стыдно просить их об этом, но добавляя, что это был единственный выход, чтобы спасти их, и что переход в ислам в любом случае будет временным. В то же время депортируемые в Гаме узнали, что в Хомсе коллективные обращения уже начались⁶. Конечно, все

¹ Отян Е. Указ. соч. № 54–55. Отян утверждает, что он смог уехать в Гаму с семьей из Аданы, потому что Оник Мазлумян ходатайствовал от его имени перед Джемалем.

² Там же, № 55. Отян упоминает, в частности, случай Марицы Мсерян, жены производителя табака, которая рассказала ему, что тридцать ее спутников выжили, проглатывая свои золотые монеты день за днем, чтобы избежать обысков, которым их ежедневно подвергали их мучители. Другие члены колонны умерли в пути.

³ Там же, № 56. Отян утверждает, что среди тех, кого он встретил, были Мигран Бояджян, Самуэль и Аветис Аветисяны, Артин Нерсесян, уроженец Тарсона, Саркис Канцабедян и юрист Амбарцум Сарафьян.

⁴ Там же, № 56–57.

⁵ Там же, № 58.

⁶ Там же, № 59.

ждали патриарха Завена: он признается в своих мемуарах, что предложил депортируемым принять предложение и ждать грозы¹. Отян не рассказывает нам, стало ли мнение патриарха решающим, но отмечает, что большинство армян выразили готовность принять предложение, чтобы «спасти свои шкуры». Член Центрального комитета юнионистов, находившийся в Дамаске, Али Кема, лично съездил в Гамау, чтобы понаблюдать за обращениями, что, несомненно, может рассматриваться, как знак преданности туркизму. Больше всех были обеспокоены мужчины, которые были главами семей; они, очевидно, боялись, что их дочерей вскоре насильно выдадут замуж.

Под принуждением Отян стал Азизом Нури и даже получил документы, удостоверяющие личность, под этим именем. В какой-то степени как акт неповиновения и, несомненно, даже больше как насмешку, все мужчины, отмечает Отян, брали имя Абдулла. Три католических и два протестантских священника, которых подозревали в призыве к своим соотечественникам отказаться от обращения, были арестованы непосредственно перед началом процедуры исламизации, проходившей в клубе младотурок в Гамае². Из пяти тысяч депортируемых города всего тридцать армянских женщин из Самсуна категорически отказались от предложения: «Они убили наших мужей и детей, — восклицали они, — и увели наших дочерей; пусть они теперь убьют и нас». Арабское население, очевидно, было шокировано такими методами и отказалось предоставить доступ в мечети этим обращенным, которых на некоторое время освободили от обрезания, так как этот обряд назначили на март или апрель³. Случай Левона Мозяна, который описывает Отян, один из самых интересных. Мозян, который принадлежал к подпольной сети, работавшей на строительной площадке Интилли Багдадской железной дороги, сумел сбежать во время ликвидации армянских рабочих и найти убежище в

Гамае в августе 1916 г.⁴. После того как Отян был арестован в Мерсине, — считавшийся дезертиром, он был также обвинен в шпионаже в пользу Британии — и интернирован в Тарсон вместе с немецким шофером, которого также арестовали как английского шпиона, хотя никто не мог с ним говорить, его талант переводчика спас ему жизнь. В Адане он встретил Левона Закаряна, под именем Али Хайдара, инспектора Департамента по государственному долгу, который ездил туда и обратно между Аданой и Бейрутом или Дамаском. Благодаря Закаряну, Мозян смог уехать в Гамау, где под именем Али Нуреддина он стал учителем математики в единственной школе в городе⁵. Передвижения этого преданного журналиста, говорившего по-французски и умевшего изворачиваться, несомненно, дают некоторое представление о том, как выживала эта категория депортируемых.

Еще одна группа выживших состояла из 2–3 тыс. детей, в основном девочек от четырех до восьми лет, которые находились в арабских семьях Гамау, а также уличных беспризорников, пытавшихся выжить любыми способами. Среди них внимание Отяна привлек 11-летний мальчик: он выживал тем, что продавал свою младшую сестру парам, которые хотели детей, а затем возвращал ее и продавал снова⁶.

Многие одинокие женщины выживали, работая прислужой в домах греческих мельников и сирийцев. В начале 1917 г. новый мутесариф собрал их всех под предлогом того, что они были обращены в ислам и им нельзя было больше работать в христианских семьях⁷. Последняя группа была разбросана по Гамае в конце 1916 г. К ней относились несколько человек, которым чудом удалось избежать расправ в Дер-эз-Зоре⁸; их рассказы о том, что они перенесли, напугали армян, посланных в Гамау.

Ситуация с этими депортируемыми тогда была особенно ненадежной. Все они были во власти местного руководства, а главным

¹ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 177. Есть все основания полагать, что именно подпольная сеть помогала ему оставаться в курсе событий и передавать его рекомендации депортируемым.

² Отян Е. Указ. соч. № 60.

³ Там же, № 60/1.

⁴ Там же, № 60/2.

⁵ Там же, № 61.

⁶ Там же, № 61 и [62] (обозначенный 61).

⁷ Там же, № [62] (обозначенный 61).

⁸ Там же, № 63.

образом, приказов центральных властей, которые продолжали пристально следить за судьбой «счастливых», отправленных по маршруту, ведущему на юг.

Несмотря на местные условия, которые едва ли способствовали осуществлению гуманитарной деятельности, в 1917 г. около ста пятидесяти сирот Гамы были взяты на попечение самими депортируемыми. Они жили в самодельном приюте. И снова вмешался Золлинггер, филантроп из Алеппо, чтобы их спасти: ежемесячные пособия в размере от шестидесяти до ста турецких фунтов, которые он предоставил для под-

держки сирот, сыграли решающую роль в их выживании. Из-за отсутствия средств примерно такое же количество детей были обречены на скитание по улицам города¹. Когда было объявлено перемирие, количество депортируемых армян в регионе Гама насчитывало десять тысяч человек².

В соседнем городе Хомсе в тот же период количество выживших армян составляло от двух до трех тысяч человек. Эти армяне также были насильно обращены в ислам. Большинство из них выживало, работая на военных предприятиях, пока в регион не пришли британские и арабские войска³.

Депортируемые, высланные в Иорданию и Хавран

Помимо зон высылки в Сирии, о которых только что шла речь, депортируемых отправляли и в некоторые другие регионы еще южнее. Патриарх Завен сообщает, что тысяча семей были разбросаны по регионам Салт, Керек, Амман и санджаку Сарай⁴. По словам Хасана Амджа, черкесского офицера, работавшего в службе Джемал-паши, в мае 1916 г. в нескольких областях Хаврана и Джебель-Друзе их насчитывалось от двадцати до тридцати тысяч. Амджа был лучше информирован о судьбе этих депортируемых, потому что Джемаль поручил ему организацию их перемещения в Бейрут и Джаффу летом 1916 г.⁵ Именно для выполнения этого распоряжения он отправился в Деръа, главный город Хаврана, в конце августа, в качестве представителя Специальной комиссии, ответственного за депортируемых в Хавране. Там он столкнулся с враждебностью главы дамаскского отделения «Севкийята», Нашада-бея, который также являлся региональным представителем Иттихада. Нешад отрицательно отнесся к идее перемещения

во многом потому, что он только что завершил процедуру обращения депортируемых в ислам. «Один армянский священник, — вспоминает Амджа, — за систематические отказы принять ислам был заморен голодом до смерти»⁶. В первых же областях, которые он посетил, он обнаружил тысячи людей, от которых остались кожа и кости, «с вставшими щеками, с руками и ногами, похожими на палки, сами похожие на мумий и близкие к смерти»⁷. Позже, в Джебеле, месте с очень изрезанным рельефом, с которого видна пустыня Хавран, он натолкнулся на ряд деревьев, где «от тридцати до сорока тысяч депортируемых умерли от сыпного тифа, повторной лихорадки или малярии, свирепствовавших в регионе». В Хазракое, в часе от Кефренсе, он узнал, что из пятисот человек, высланных в эту деревню, четыреста семьдесят умерли: «Живые трупы с огромным трудом, опираясь на костыли, двигались по узким тропам деревни»⁸. Амджа, тем не менее, сумел забрать четыреста вдов и сирот из горного региона, известного как Джебель-

¹ Archives du Catholicosstat, Antélias, 26/1, Homs-Hama (1916–1940), II/13. Письмо отца Нерсеса Тавукджяна Сааку II, Гама, 3 ноября 1918 г.

² Bibl. Nubar, arch. de la DNA, 1–15, correspondance février-mars 1919, lettre № 32 de l'UNA de Beyrouth à Boghos Nubar, datée du 2 décembre 1918.

³ Там же.

⁴ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 177.

⁵ После Перемирия, в июне 1919 г., Хасан Амджа опубликовал серию из четырех статей в стамбульской ежедневной газете «Alemdar», в которых он рассказывал о судьбе этих депортируемых; реакции «общественного мнения» вынудили газету приостановить публикацию этой серии. Во франкоязычной стамбульской ежедневной газете «La Renaissance» был опубликован полный перевод этих статей, под названием «Faits et documents» в № 186, с. 3, 8 июля 1919 г., № 189, с. 2, 11 июля 1919 г., № 192, с. 2, 15 июля 1919 г. и № 198, с. 2–3, 22 июля 1919 г.

⁶ Там же, № 186, 8 июля 1919 г., с. 3.

⁷ Там же, № 189, 11 июля 1919 г., с. 2.

⁸ Там же, № 192, 15 июля 1919 г., с. 2.

и вернуть их в Деръа; оттуда они тремя колоннами отправились в Дамаск, Триполи (Сирия), Хайфу, Джаффу и Аккию. Эта незапланированная операция, которую Джемаль-паша решил осуществить в тот момент, когда Стамбул занимался ликвидацией депортируемых в лагерях на линии Евфрата, привела к серьезному конфликту между Амджой и представителем Иттихада в Дамаске, Нешадом-беем. По слухам, Нешад дал Амдже письменный приказ остановить операцию, но столкнулся с резким отказом офицера его выполнить; оба они отправились в Дамаск и вынесли данный вопрос на суд Джемая. Отчет Амджи о встрече, похоже, подтверждает, что командующий 4-й армией твердо решил осуществить свой план по переселению депортируемых армян из Хаврана в Ливан и Палестину. Действительно, Джемаль сумел освободить представителя Иттихада от должности и назначить вали Дамаска Тахсин-бея

на должность начальника по депортациям. По словам Амджи, он отправился в Деръа с Тахсином 25 сентября 1916 г., и колонны снова двинулись на юг¹.

Хотя этот план прошел не так, как ожидалось, — слишком много депортируемых уже умерли, и в Хавране остались всего от трех до четырех тысяч армян, — он свидетельствует о том, что существовала явная оппозиция между Джемалем и руководством Иттихада. Когда мы вспоминаем о репрессивной деятельности Джемая в отношении арабской элиты Сирии и Ливана, вполне справедливым кажется вопрос, что заставило его начать кампанию, которая шла вразрез с курсом партии. В своих мемуарах он удовлетворился утверждением: «Я считал, что лучше перевести большинство из них в сирийские вилайеты Бейрут и Алеппо», ни слова не говоря о целях, которые он преследовал².

¹ Там же.

² *Djemat pasha*. Op. cit. P. 279.

ГЛАВА 7

Особый случай Ахмеда Джемаля: независимый дух Иттихада или действующая сила геноцида?

Ахмед Джемаль, который одновременно занимал посты министра флота и главнокомандующего Четвертым армейским корпусом, теоретически был единоличным хозяином Сирии, Ливана и Палестины. Тем не менее мы уже отмечали, что у него часто не было выбора, кроме как подчиниться требованиям радикальной ветви КЕП. Создается впечатление, что его политические прерогативы почти всегда блокировали военные приоритеты, за которые он отвечал вместе с немецкими союзниками империи. Может, однако, возникнуть вопрос, одобрял ли он ликвидацию армян. Перед тем как попытаться на него ответить, нам следует вспомнить, что политика Джемаля в отношении арабского населения, как мусульман, так и христиан, была, по крайней мере, жесткой и что общеизвестным секретом было то, что ликвидация арабской элиты была, по мнению младотурок и особенно самого Джемаля-паша, еще одним «национальным приоритетом». В своих мемуарах Оганес-паша Куйумджян, последний османский правитель Ливана (1913–1915) и известный обозреватель ситуации первого года войны, практически не оставляет сомнений намерений Джемаля и младотурецкого режима в отношении арабов в целом и ливанцев в частности¹.

Информация, которую он предоставил во время дискуссии о голоде в Ливане, подкрепляет тезис о том, что имела место намеренная сухопутная блокада — блокада железной дороги — с целью истребления ливанского населения, которое обвиняли в профранцузских настроениях и побуждении к восстанию. Здесь, как и в случае с армянами, жестокий национализм младотурок стремился нака-

зать этих неассимилированных «изменников». Отговорка о том, что британский флот организовал морскую блокаду, на которую часто ссылаются историки, объясняя голод в Ливане, предоставила КЕП великолепную маскировку. Лишь тот факт, что Джемаль чувствовал себя обязанным опубликовать в 1916 г. памфлет на французском языке с оправданиями своей антиарабской деятельности², говорит о том, что генерал беспокоился о своей репутации, а также хотел дистанцироваться от деятельности своих коллег по Центральному комитету юнионистов. Ничто, однако, не говорит о том, что Джемаль был против политики этнической гомогенизации, осуществляемой его партией, включая ликвидацию армянского населения. Скорее его противопоставление доминирующей политике имело определенную военную подоплеку, состоявшую в том, чтобы использовать в своих интересах рабочую силу депортируемых армян перед их ликвидацией. Частые случаи заступничества Джемаля за своих армянских «друзей» в Адане или в Алеппо, многие примеры которых мы уже приводили, не обязательно означают, что он не был приверженцем туркизма Иттихада. Старая дружба начавшаяся еще в те дни, когда он был вале Аданы, может в достаточной степени объяснить его щедрость по отношению к некоторым киликийцам, которые, наверное, были также щедры к нему, играя на самолюбии человека, испытывавшего неудовольствие из-за большого влияния со стороны Энвера. Роль которую он играл в расстановке ловушек для людей из Зейтуна, показывает, что совместно с партией он участвовал в разработке сценария восстания, а затем лично осуществлял военные операции.

¹ Kouyoumdjian. Op. cit.

² Djemal pacha. La vérité sur la Question Syrienne, Istanbul, 1916.

Вместе с тем следует отметить, что от ста тридцати до ста пятидесяти тысяч армян на южном депортационном маршруте, который находился в прямой юрисдикции Джемалы, не были полностью ликвидированы в отличие от тех, кто был на линии Евфрата или Багдадской железной дороги. В самом деле, летом 1916 г. Джемаль даже предпринял настоящую спасательную операцию для нескольких тысяч депортируемых в Хавране, как мы только что видели. С другой стороны, политика систематических насильственных обращений в ислам, которая применялась с мая 1916 г. к депортируемым армянам с линии Алеппо—Дамаск—Иерусалим—Маан, похоже, не встретила неодобрения с его стороны. Ранее возможность, которую власти ни много ни мало закрепили законодательно, опубликовав что-то вроде книги инструкций с требованиями, сформулированными таким образом, что всегда можно было отказаться от принятия ислама¹, помогла лишь нескольким армянам из разных мест, разбросанным по Западной Анатолии. Весенняя кампания 1916 г. имела, однако, совершенно разные размеры, потому что она затронула всех «армян Джемалы», то есть около ста пятидесяти тысяч человек.

Как бы то ни было, эта операция не ускользнула от внимания дипломатических кругов. По словам посла Меттерниха, именно в мае 1916 г. сообщения о насильственных обращениях в ислам периодически доходили до посольства Германии. Тем не менее Меттерних пишет: «Центральное правительство в Константинополе всякий раз отрицало правильность этих сообщений. Халил-бей и Талаат-бей неоднократно уверяли меня, что у них не было ни малейшего намерения нанести вред христианским началам армянского населения»². 26 июня 1916 г. консул в Иерусалиме, д-р Броне, сообщил своему начальству, что депортируемые из Трансиордании были силой обращены в мусульманство, три тысячи пятьсот видных людей, живущих в Деръа³. Такие сообщения ходили также и в Дамаске, где консул Лойтвед отметил в ноте от 20 июня, что «практически все армяне обязаны стать мусульманами»⁴. Пре-

менный консул в Алеппо сообщил о фактах, свидетельствующих о том, что планомерная кампания запущена: «В течение нескольких прошедших недель в Гама, Хомсе, Дамаске и других городах, депортируемые, столкнувшиеся с угрозой отправки в еще более отдаленные регионы, вынуждены были массово принять ислам (информация поступила одновременно из нескольких источников). Процедура чисто бюрократическая: подается ходатайство, затем меняется имя... Очевидно, те, кто осуществлял этот план, держали в уме примеры времен османских завоеваний»⁵.

Эти телеграммы, которые полностью подтверждают слова Отыана, не оставляют сомнения в том, что здесь имела место спланированная операция и что решение принималось на высшем государственном уровне — вне всякого сомнения, Центральным комитетом Иттихада — в марте или апреле 1916 г. Есть даже вероятность того, что оно совпало с планом ликвидации армян, которых держали в концентрационных лагерях на линии Евфрата, и закрытия всех иностранных гуманитарных учреждений, оказывающих помощь сиротам и другим депортируемым. Другими словами, метод, использованный для того, чтобы «армяне Джемалы» исчезли, был гораздо менее радикальным. Можем ли мы приписать такое великодушное Джемалю-паше? Это вполне возможно. Мы даже склонны предполагать, что именно в свете этого решения Джемаль поручил Хасану Амдже спасти несколько тысяч армян, скрытым мотивом чего было показать, что он, на руках которого было немало арабской крови, не подписывался под политикой геноцида своей партии, заранее вооружаясь тем самым против новых обвинений в военных преступлениях.

Кроме того, известно, что католикосу Сааку Кахабагану дали резиденцию в Иерусалиме благодаря командующему 4-й армией, который позже разработал официальный декрет от 30 июля 1916 г. о слиянии Армянского патриархата Иерусалима и Константинополя под руководством Саака II, получившего сан Патриарха-Католикоса всех армян империи, с резиденцией в Иерусалиме.

¹ Закон от 26 октября 1915 г. *Lepsius J. Op. cit. P. 282.*

² Делеша от 11 мая 1916 г., адресованная императорскому канцлеру. Там же. С. 212–213.

³ Делеша, адресованная Меттерниху. Там же. С. 214.

⁴ Цитата, заимствованная Меттернихом в депеше от 10 июля 1916 г., адресованной императорскому канцлеру. Там же. С. 216–217.

⁵ Делеша Гоффмана от 29 августа 1916 г., адресованная Меттерниху. Там же. С. 223–225.

Вполне разумно предположить, что эта мера устраивала КЕР, поскольку она делала уничтожение армян Малой Азии официальным, сохраняя подобие легальности. Этот патриарх-католикос, очевидно, руководил остатками армянского населения, осевшими в арабских провинциях Османской империи. В своих мемуарах патриарх Завен не отрицает, что депортируемых, в общем, шарили в регионах, находящихся под контролем Джемалю. По словам Завена, Джемаль исполнил только решение, принятое Советом министров — убрать армян из приграничных зон, — но не решение их ликвидации, которое было «принято Иттихадом и исполнено министром внутренних дел»¹.

Постоянное вмешательство представителей Комитета унионистов или министра внутренних дел в местные дела, как в Дерья, несомненно, также помогли сделать отношения Джемалю с КЕР более натянутыми. Телеграмма, которую Талаат отправил Джемалю 18 февраля 1916 г., свидетельствует о том, что они разошлись во взгля-

дах на судьбу депортируемых². В этой телеграмме министр внутренних дел потребовал от командующего 4-й армией перестать выселять депортируемых армян из «мест их жительства». О каких депортируемых идет речь, не указано, но можно предположить, что Талаат имел в виду ремесленников или специалистов, отобраанных для нужд армии. Во всяком случае, это был способ напомнить Джемалю, что он выходил за рамки своих прерогатив и замедлял работу, контролируя депортируемых, которые не попадали под его юрисдикцию. Более того, мы увидим, что Джемаль также пытался в декабре 1915 по весну 1916 г. предотвратить немедленную ликвидацию рабочих армян, которые копали тоннель через Аманос. Хотя эти решения можно объяснить непредвиденными военными обстоятельствами, они предположительно подкреплялись еще и личными амбициями. Это, однако, нельзя отнести к моральной антипатии в отношении криминальных действий коллег Джемалю в Стамбуле.

Переговоры между Ахмедом Джемалем и властями Антанты

Исследование различных западных архивов, проведенное в течение последних нескольких лет, дает нам сегодня возможность указать на возможное объяснение особой позиции Джемалю. Документ Министерства иностранных дел³, а также странный обмен письмами между д-ром Иваном Завриевым⁴, одним из лидеров дашнаков, близким к имперским кругам в Санкт-Петербурге, и Погосом Нубаром, председателем Нацио-

нальной делегации Армении, базирующейся в Париже⁵, дополненный нотами, хранящимися в Архивах министерств иностранных дел Франции и России⁶, свидетельствуют о том, что в декабре 1915 г. Ахмед Джемаль провел переговоры в атмосфере секретности с намерением совместно с англичанами, французами и русскими дестабилизировать Османскую империю изнутри. Среди тем, обсуждавшихся на данных переговорах, сле-

¹ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 177. В анонимном докладе жителя Атлита (возле Кармеля в Сирии), который Военное министерство передало французскому военному атташе в Лондоне в ноябре 1916 г., упоминается о предполагаемой поездке Джемалю в Стамбул, во время которой, по слухам, он должен был призвать к прекращению расправ, что позволило бы использовать рабочую силу депортируемых. В Константинополе говорится в докладе, его в результате этого прозвали «армянским пашой». Тот же документ подтверждает, что в Хавране проводилась кампания по спасению нескольких тысяч человек, переживших геноцид: SHAT (Vincennes), carton 7N1253. Рапорт, прикрепленный к письму полковника Пануса к военному министру, Лондон, 1 декабря 1916 г., 8 с.

² Т. С. Başbakanlık Arşivi, 30Ra1334, 5 Şubat [février] 1915, EUM, [Dh. Şfr, 60/239], doc. № 167.

³ Public Record Office, FO 371/2492, file 200 744. Рапорты от 29, 30 и 31 декабря 1915 г.

⁴ См. выше, с. 181, примечание 2.

⁵ Bibliothèque Nubar, Archives de la Délégation nationale arménienne, P. I. 1er février, Correspondance Arménie I, lettre de Y. Zavriev à Boghos Nubar; Arménie III, janvier-mars 1916. Письма Завриева к Нубару; G. Gavelin, «Sazonov, Zavriev and Cemal pacha», Erevan du 5 juin 1927.

⁶ *Beylerian A. Op. cit. Pp. 156–162; Smith C. J. The Russian Struggle for Power (1914–1917), New York, 1956; documents publiés dans «Раздел азиатской Турции» (RAT), Moscou, commissariat du peuple aux Affaires étrangères. Pp. 141–151; éd. en allemand, Die europäischen Mächte und die Türkei während des Weltkrieges Konstantinopel und die Meerengen, éd. E. A. Adamov, 4 vol., Dresde, 1930–1932.*

дует прежде всего отметить, что Джемаль выразил готовность провести военную операцию в Константинополе, очевидно, с целью свержения младотурецкого режима, в обмен на гарантии территориальной целостности Азиатской Турции — то есть «Сирии, Палестины, Месопотамии, Аравии, Армении и Киликией и Курдистана» — и еще одно обещание, что он будет провозглашен султаном вместо палаты Оттоман с наследственными правами для своей семьи. Более того, один из пунктов этого предложения имеет отношение к судьбе депортируемых: Джемаль предложил «незамедлительно принять меры к спасению армянского населения и обеспечению их предметами первой необходимости до конца войны»¹. План из семи пунктов, хранящийся в архивах Министерства иностранных дел Франции², а также письма, которыми обменивались русские, французы и англичане, четко свидетельствуют о том, что инициатива исходила от русских, но стимулировалась армянскими кругами в России. Однако в эту попытку вмешались франко-английские переговоры Сайкс-Пико о будущем Ближнего Востока.

Душой этой операции был д-р Иван Завриев, московский аристократ с необычным для армянских кругов происхождением³. Завриев уже сыграл очень важную роль в Санкт-Петербурге во время переговоров, которые привели 8 февраля 1914 г. к опубликованию Декрета Османской империи, предусматривающего реформы в восточных провинциях. В 1915–1916 гг. он усилил свою активность. Зная о депортациях и расправах, которым с весны 1915 г. подвергались османские армяне, он принялся, с одобрения своей партии, искать меры спасения того, что еще можно было спасти. Для этого он отправился в Лондон в августе 1915 г., но конкретных результатов не добился⁴. Однако похоже, что ситуация не-

сколько улучшилась в декабре 1915, в момент, когда Завриев был в Будапеште. Первая порция информации по этому вопросу пришла от российского посла в румынской столице, С. А. Поклевского, который отметил в телеграмме министру иностранных дел России Сазанову от 11 декабря 1915 г., что «Завриев получил информацию о только что произошедшем разрыве между Джемалем-пашой и турецким правительством; это открывает возможности, которые можно использовать против Константинополя, если власти Антанты пообещают ему, что он будет управлять Ближним Востоком. Завриев хочет знать, в какой степени эта мера соответствует смелым [планам] имперского правительства. Если она соответствует, то армяне могут начать переговоры с Джемалем»⁵. Этот подход вскоре дал результат. В течение последующих нескольких дней Сазанов дал распоряжение российскому послу во Франции Александру Извольскому связаться с французами и англичанами, чтобы выяснить, согласны ли они на российское лидерство в этом вопросе⁶. Хотя предложение было небезынтересным, у него, очевидно, был недостаток — оно противоречило «организационным мероприятиям», организованным членами Антанты для расчленения Османской империи. Обещание отдать Джемалу восточные регионы империи сводилось к лишению Франции и Англии их «продвижения». Так, изначально враждебная реакция Аристиды Бриана, председателя Совета министров Франции, а также министра иностранных дел, не вызвала удивления⁷. Ответ французского посла в Петрограде, Палеолога, Аристиду Бриану показывает, что «предложения Джемала-пашы были доведены до сведения российского правительства одним из его тайных агентов в Армении, врача [Завриева], который временно живет в Бухаресте»⁸. Представленное

¹ *Beylerian A. Op. cit. P. 156.*

² AMAE, Guerre 1914–1918, Turquie, vol. 871, 125 r°-v°: там же.

³ В качестве армейского врача Завриев с 1912 по 1914 г. играл ключевые роли в деятельности вокруг реформ в восточных провинциях империи, а затем и в качестве вице-губернатора османских провинций, оккупированных русской армией: Габриэл Лазян, *Революционные фигуры, Каир, 1945. С. 250–258* (на арм. яз.).

⁴ Bibliothèque Nubar, Archives de la Délégation nationale arménienne, P. I. 1er février, Correspondance Arménie, I, lettre-rapport de Zavriev à Nubar de Londres le 9 août 1915, 15 p.

⁵ Лазян Г. Указ. соч. С. 259.

⁶ AMAE, Guerre 1914–1918, Turquie, vol. 871, f° 125 r°-v°: *Beylerian A. Op. cit. Pp. 156–162.*

⁷ AMAE, Guerre 1914–1918, Turquie, vol. 871, ff. 128–129. Письмо от 28 декабря 1915 г. к французским послам в Риме, Лондоне и Петрограде. Там же. С. 157–159.

⁸ AMAE, Guerre 1914–1918, Turquie, vol. 871, f° 132. letter from Pétrograd, 30 December 1915 Письмо из Петрограда от 30 декабря 1915 г. Там же. С. 159.

поначалу как план России, дело в конечном счете было описано как «армянский план... который никоим образом не предполагает принятие всех пунктов, выдвинутых армянами»¹. Из этих первых подходов ясно, что именно Завриев сумел установить прямой контакт с Джемалем в Бухаресте, как только он почувствовал разногласия между ним и его коллегами из Иттихада. Без сомнения, он также понял, что, если позволят обстоятельства, Джемаль позаботится о том, чтобы урвать собственный кусок, который охватит арабский мир и Малую Азию. Взяв на себя эту инициативу, Завриев, очевидно, надеясь спасти сотни тысяч армян, которые все еще были сконцентрированы в сирийских и месопотамских пустынях, где они медленно умирали. Его переписка с Погосом Нубаром и отголоски их бесед в феврале 1916 г. в Париже свидетельствуют о том, что национальная делегация Армении, возглавляемая Нубаром, и руководство партии дашнаков, которые передали это дело в руки Завриева, работали рука об руку. В письме, отправленном из Стокгольма 8 февраля 1916 г., Завриев сообщил Нубару, что он собирается в Париж «в связи с делом, которое интересует наше правительство, с согласия [его] товарищей»². Прибыв в Париж несколькими днями позже, он сразу провел деловую встречу с Александром Извольским³. В ноте Нубару от 24 февраля он сообщил о своей беседе с российским послом и надеждах, которые она в нем пробудила⁴.

Все это свидетельствует о том, что в начале 1916 г. произошёл разрыв между Иттихадом, возглавляемым Мехмедом Та-

лаатом, и Ахмедом Джемалем, и что он усилился до такой степени, что Джемаль мог обдумывать маловероятную возможность выступить против Стамбула, если он получит гарантии. В его мемуарах ни слова не говорится о прохладе в их отношениях, так же как и в мемуарах Талаата. Поэтому мы не знаем скрытых мотивов его поведения, которые, вероятно, не имели отношения к судьбе депортируемых в Сирии и Месопотамии, ставших теперь разменными монетами. Возможно, из-за того что Джемаль рассчитывал снова поднять этот вопрос, он и решил не иметь никакого отношения к ликвидации армян и даже организовать спасательную операцию в Дерья.

Вместе с тем следует отметить, что нежелание Аристиды Бриана и лорда Грея поддержать этот план побороть так и не удалось. Их российский коллега Сазанов не сумел убедить их вступить в переговоры с Джемалем, хотя соглашение с ним дало бы им очень немного, в то время как возможность дестабилизации режима младотурок вряд ли можно было игнорировать. Конечно, русские войска к этому моменту уже взяли под контроль Трапезунд и Эрзурум; русские были наиболее заинтересованы в конфликте между Джемалем и центральными властями, который мог открыть для них ворота в Константинополь. Но англичане и французы определенно не могли позволить столице Османской империи попасть в руки русских. Это, вероятно, было решающим элементом, приведшим к провалу плана Завриева, который окончательно решил судьбу депортируемых армян⁵.

¹ AMAE, Guerre 1914–1918, Turquie, vol. 871, f° 134r°-v°. Нота из посольства России в Париже от 31 декабря 1915 г. Там же. С. 159.

² Bibliothèque Nubar, Archives de la Délégation nationale arménienne, P. I. 1/2, Correspondance Arménie, janvier-mars 1916.

³ Там же. Письмо из Парижа от 18 февраля 1916 г.

⁴ Там же.

⁵ Jay Smith. Op. cit. Pp. 354–358.

ГЛАВА 8

Депортируемые армяне на строительных площадках багдадской железной дороги, в Таврских и Аманосских горах

Мы видели, что османское правительство оборудовало Багдадскую железную дорогу и в июле 1915 г. приступило к депортации армян, работавших на строительных площадках в регионах Таврских и Аманосских гор. Мы также отметили, что у руководства предприятия, несмотря на угрозу конфискации, не было другого выбора, кроме как нарушить запрет на наем армян, если оно хотело продолжить строительство железнодорожных магистралей, идущих через горы.

На строительных площадках Тавра, где копали около десяти тоннелей, работали сотни русских, грузинских, румынских, французских, английских и армянских (из России) военнопленных, а также тысячи османских подданных, армян, турок и греков¹. Расположенные в непосредственной близости от мест, через которые проходили депортируемые из Западной Анатолии, строительные площадки Тавра олицетворяли для армян надежду на выживание. По словам Сепуха Агуни, который сам работал на одной из этих площадок табельщиком, между Бозанти и Дораком работали три тысячи армян². Два брата из Аданы, д-р Беньямин Бояджян, главный врач немецкого госпиталя в Белемдике, и Геворг Бояджян, управляющий, нанятый немецкой компанией, работавшей на строительстве Багдадской железной до-

роги, сыграли важную роль в наборе армян, особенно интеллигентов, и в предоставлении убежища сотням депортируемых³.

Помимо братьев Бояджян, которые были близкими друзьями начальника стройплощадки, благожелательное отношение неоднократно демонстрировал и швейцарский инженер Лютнегер. Начальник «Технического бюро», Гайг Календерян, а также переводчики, такие как Торос Аветисян, управляющий, ответственный за снабжение, Григор Чакерян из Эдирне, аптекарь Оник Папазян, инженер и топограф Сепух Сайябальян, контролер точечной камеры Ерванд Папазян и заместитель казначея Оник Постагян были агентами армянской сети, которые тратили все свое время и силы на спасение своих соотечественников⁴.

В районе Аманоса, где копали несколько тоннелей, осенью 1915 г. для работы на строительных площадках Интилли, Айран, Йенис, Бахче и Келлер было набрано около двадцати тысяч депортированных армян⁵. Это были плотники, столяры, кузнецы, квалифицированные рабочие, землемеры и чертежники из Исмита, Бардизага, Адабазара, Биледжика, Эскишехира, Конья или Эрегли — то есть регионов Западной Малой Азии, — отобранные прямо из лагерей Мамура или Ислахие мастерами немецкой компании, которые

¹ Теодик. *Нация не умерла и невозможно, чтобы умерла. Годы тюрьмы и ссылки. Антилиас, 1985 (на арм. яз.)*. С. 69.

² Акуни. *Указ. соч.* С. 292.

³ Там же. С. 292–293. Геворг предстал перед военным судом Аданы за два месяца до перемирия вместе с восьмьюдесятью другими армянами, занимавшими руководящие должности, но избежал смертного приговора, дав взятку судьям (там же, с. 293). Теодик встретил, к примеру, отца Григориса Балакяна, переодетого мирянином (и без бороды), а также Агуни в Белемдике: *Теодик. Указ. соч.* С. 60 и 66.

⁴ Там же. С. 62–63.

⁵ *Kévorkian R. H. Op. cit.* P. 66. Свидетельство Галуста Азарапetyана.

разрешили им взять с собой их семьи. Так, довольно быстро в районе Аманоса появились два лагеря. По словам Агуни, инженер Филипп Хольсман, фирма которого отвечала за строительство двух аманосских тоннелей, проявив инициативу, набрал депортируемых армян и впоследствии делал все возможное, чтобы спасти их жизни¹. Тот же свидетель рассказал о том, что с динамитом работали депортируемые, «поскольку больше никто не захотел заниматься столь опасным делом»². По инициативе инженеров в Интилли был даже создан сиротский приют для заботы о бездомных детях, скитавшихся по региону³. Доктор П. Ховнаниян, врач, работавший на Багдадской железной дороге в госпитале в Интилли, а также Вартивар Кабаян и Карапет Гевкджеян, отвечавшие за снабжение строительных площадок Аманоса, сыграли главные роли в отборе депортируемых⁴.

В то время как Франц Гюнтер, глава Железнодорожной компании Анатолии, осенью 1915 г. получил поддержку военной иерархии Германии и военного министра в том, чтобы возобновить работу строительных площадок Тавра и Аманоса, наняв депортируемых, М. Уинклеру, инженеру, ответственному за строительство в вилайете Адана, приходилось ежедневно справляться с нападками со стороны местных правительственных чиновников⁵. К организационной работе, на которую военные закрывали глаза, гражданские власти, очевидно, относились терпеливо только временно. Когда в январе 1916 г. министр внутренних дел узнал, что вокруг строительной площадки Аманоса было сконцентрировано от пятнадцати до двадцати тысяч депортируемых, он провел «расследование» и потребовал, чтобы тех, кто находится там «нелегально», депортировали в «предусмотренное для них место»⁶. Присутствие двадцати тысяч депортируе-

мых вокруг Бозанти и строительных площадок Тавра — некоторые из которых работали на этих площадках — также попало в поле зрения Талаат-бея, который приказал их «отправить, колонна за колонной, туда, где им надлежит быть». министр также потребовал от «компетентных лиц» предоставлять ему «информацию о количестве армянских эмигрантов, обнаруженных в этих местах, и о том, как и откуда они туда попали»⁷. Понятно, что эта процедура была частью операции, которую в то же время запустило правительство, чтобы очистить лагерь севера Алеппо и переместить депортируемых в направлении линии Евфрата и Рас-эль-Айна. Однако из-за того, что в данном конкретном случае эта процедура затронула рабочих строительных площадок Багдадской железной дороги, она вызвала несогласие со стороны германского руководства компании, а также германского Генерального штаба⁸. Германские источники говорят о том, что Уинклер и его инженеры нагнали страху на жандармов, которые пришли на строительные площадки, чтобы арестовать депортируемых. Однако в конце концов они согласились составить список своих сотрудников⁹.

Все дело, похоже, было в том, что Талаат ни в коем случае не хотел оставлять свой план по ликвидации последних депортируемых в районах Тавра и Аманоса, он просто его приостановил. Назначение 19 марта 1916 г. Джемдет-бея, бывшего вали Вана, главой вилайета Адана, несомненно, было связано с этим планом, тем более что Джемдет прибыл с батальоном курдских чете, которые сотрудничали с ним со времен Вана¹⁰. Джемдет в сотрудничестве с полковником Хусейном Авни, начальником жандармерии вилайета, председательствующим судей военного суда Аданы, местным главой «Специальной организации», и полковником

¹ Агуни. Указ. соч. С. 289.

² Там же. С. 290–291.

³ Kaiser H. Art. cit. P. 87.

⁴ SHAT, Syrie-Liban, 1-V, b.d., dossier 2351, «Rapport sur les mesures d'anéantissement prises contre les Arméniens des régions des monts de l'Amanus», signé par le Dr. Ph. Hovnanian, médecin du Bagdadbahn à Intilli, Vardivar Kabayan et Garabed Gueukdjeian, fournisseurs du Bagdadbahn, Alep, le 5 janvier 1919, 11 pp.

⁵ См. выше, с. 716–717.

⁶ Kaiser H. Art. cit. P. 87.

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, L 185: Sublime Porte, copie du télégramme chiffré N° 2676 du ministre de l'Intérieur, Talât, à la préfecture de Konya, daté du 7/20 janvier 1916. Certifié conforme le 27 mars 1335 [1919] («Takvim-i Vakayii», N° 3540).

⁸ Balakian O. Op. cit. P. 303.

⁹ Kaiser H. Art. cit. P. 87.

¹⁰ Агуни. Указ. соч. С. 290–291.

Шекерджи Агия-беем, командиром аманосских трудовых батальонов¹, принялся в следующие месяцы организовывать ликвидацию армянских рабочих на строительных площадках Багдадской железной дороги. 28 апреля 1916 г. он отправил полковника Авни на эти площадки, чтобы произвести официальный подсчет рабочих². Эта операция, занявшая недели, не имела иной цели, согласно объяснениям, которые дали германским инженерам чиновники, кроме выдачи этим депортируемым легальных документов, удостоверяющих личность, которые предположительно их защитят³. Агуни пишет, что только после того как власти взяли тысячу шестьсот британцев и индийцев в плен в Кут-эль-Амаре, они решили депортировать армянских рабочих и заменить их этими пленными⁴.

Германские источники рассказывают о том, что дополнительные отряды жандармов под командованием полковника Хусейн-бея прибыли в регион в начале июня 1916 г. и окружили лагерь, в которых жили рабочие. 13 июня была отправлена первая колонна депортируемых, приостановив работу площадки с 19-го числа. По подсчетам Уинклера, количество армян, отправленных к 17 июня, составило две тысячи девятьсот человек⁵. Прекращение работы на строительных площадках предсказуемо повлияло на военную деятельность; это и, вероятно, недовольства со стороны высокопоставленных германских офицеров заставили Энвера издать в отношении вали Аданы ответный приказ. Эффект, однако, был лишь кратковременным. Первая колонна прошла через Ислахие, где один британский офицер узнал от сопровождающих, что этих депортируемых отправили на смерть и заменили британскими и индийскими пленными⁶. Обсуждение, вероятно, проходило внутри руководства Иттихада, поскольку, в соответствии с ответным приказом от 29 июня 1916 г. со стороны Энвера, оставшиеся пятнадцать тысяч рабочих были отправлены незамедлительно. Последними, кто покинул площадки,

были квалифицированные рабочие из Килиса и Мараша, семья которых были депортированы в начале июля⁷.

Галуст Хазарабетян, оказавшийся в третьей колонне, сообщает, что едва они покинули Бахче, как увидели «обнаженные тела, разбросанные по обеим сторонам дороги; некоторые из них были убиты с особой жестокостью, и их тела окружили собаки и грифы». «Я знал, — продолжает Хазарабетян, — о судьбе, уготованной предыдущим колоннам. Состояние этих тел полностью подтвердило информацию, которую я получил. Наша охрана уже начала свое кровавое дело. Тех, кто не успевал за группой, из-за того, что они были больны или слишком стары, убивали сразу, либо выстрелом, либо, чаще, закалывали до смерти штыками... Мы дошли до границ территории Орчан, потеряв большое количество людей. С этого момента ситуация стала еще хуже. С саблями, винтовками, лопатами, вилами, кольями или палками в руках на группу напали Орчань и начали убивать и грабить. Охранники были довольны их вмешательством. Они не только не пытались их остановить; наоборот, они потворствовали им. Это были по большей части преступники, отпущенные из тюрьмы явно с целью разобраться с армянами... Остановив продвижение колонны и построив ее в одну шеренгу, они провели осмотр всех его членов, одного за другим. Они стали отбирать, в частности, молодых мужчин, одежда и лица которых выглядели чистыми и которые казались более или менее обеспеченными. Они отделили их от остальных и тотчас застрелили»⁸.

По словам того же свидетеля, подавляющее большинство депортируемых, работавших между Ислахие и Ярбаши, было убито между Бахче и Марашом «чуть меньше чем за месяц». Других отправили в Биреджик, Вераншехир, Урфу или даже, в случае последних из них, в Мардин⁹. Минас Тилбеян, оказавшийся в одной из следующих колонн, однако, сообщает, что его группа была ликвидирована гораздо дальше, в окрестностях

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, З 169, dossier d' Agia bey, officier circassien.

² Kévorkian R. H. Op. cit. Pp. 63–65. Свидетельства Алехсана Дарбиняна и Саака Чегекджяна.

³ Kaiser H. Art. cit. P. 87.

⁴ Агуни. Указ. соч. С. 290–291.

⁵ Kaiser H. Art. cit. Pp. 88–89. Даже доктора Интилли были депортированы.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 90 и примечание 93.

⁸ Kévorkian R. H. Op. cit. Pp. 65–66. Его свидетельство.

⁹ Там же; Kaiser H. Art. cit. P. 91.

Мардина¹, возможно, из-за того, что она состояла из более крепких одиноких мужчин. Само собой разумеется, что ликвидация этих рабочих, осуществленная местными племенами, а главным образом, жандармами и чете под командованием полковника Авни, была частью огромной кампании, которую координировал Талаат летом 1916 г., нацеленной на уничтожение последних групп выживших, достигших юга. Следует добавить, что рабочих-солдат *трудовых батальонов*, работавших в регионе, также ждала смерть летом 1916 г.²

Паула Шафер, швейцарская миссионерка из Аданы, подтверждает, что рабочие Багдадской железной дороги были депортированы вместе с семьями в июле 1916 г. под непосредственным надзором вали Аданы, Дживдет-бея³. Три высокопоставленных сотрудника германской компании, работающей в районе Аманоса, представили подробный отчет об обстоятельствах ликвидации рабочих строительных площадок Багдадской железной дороги⁴.

Теодик и Агуни, работавшие на строительных площадках Тавра, утверждают, что рабочих с площадки Белемедик, совсем рядом с Бозанти, ожидала та же участь, но д-р Боуджан и швейцарский инженер, ру-

ководивший площадкой, смогли убедить полковника Шекерджи Агия-бея, которому, собственно, и поручили ликвидацию таврских площадок, отложить исполнение приказа. В конечном счете депортированы были только армяне, работавшие на второй ветви магистрали, за исключением нескольких конторских рабочих⁵. Дживдет-бей даже лично «вел дело» с Еравандом Папазяном, одним из управляющих сотрудников площадки⁶. Несколько тысяч мужчин, работавших на первой, третьей и четвертой площадках, избежали этой операции⁷. По словам Теодика, в начале 1918 г. двухкилометровая ветвь магистрали, на которой он работал, была практически завершена с минимальными потерями⁸.

Настойчивость, с которой столица проводила эти операции, вопреки советам некоторых военных властей — в особенности командующего Четвертым армейским корпусом — и вопреки всякой логике, иллюстрирует, возможно, даже лучше, чем крупномасштабные расправы в Зоре и Рас-эль-Айне, желание гражданских властей — безжалостно довести до завершения свой план по уничтожению армянского населения Османской империи.

¹ Kevorkian R. H. Op. cit. Pp. 67–68. Его свидетельство.

² Kaiser H. Art. cit. P. 92.

³ Рапорт Арриета Дж. Фишера, составленного 13 апреля 1917 г. в Вейтоне (Иллинуа): Barton J. L. Op. cit. P. 163.

⁴ SHAT, Syrie-Liban, 1-V, b.d., dossier 2351, «Rapport sur les mesures d'anéantissement prises contre les Arméniens des régions des monts de l'Amanus», signé par le Dr Ph. Hovnanian, médecin du Bagdadbahn à Intill, Vartivar Kabayan et Garabéd Gueukdjeian, fournisseurs du Bagdadbahn, daté d'Alep, le 5 janvier 1919. Pp. VI–X.

⁵ Теодик. Указ. соч. С. 65; Агуни. Указ. соч. С. 292.

⁶ Там же. С. 294.

⁷ Там же. С. 292.

⁸ Теодик. Указ. соч. С. 72.

ГЛАВА 9

Вторая стадия геноцида: распад Армянского патриархата и решение о ликвидации последних депортируемых

Декретом, опубликованным в «Journal officiel» 28 июля 1915 г., османское правительство изменило внутреннюю конституцию армянского сообщества¹. После очистки Малой Азии от армянского населения и ликвидации депортируемых, прибывших в Сирию и Месопотамию, младотурецкое правительство просто решило воспользоваться последствиями этих демографических изменений. Изданный им декрет предусматривал уничтожение Армянского патриархата Константинополя вместе с его представительным органом, Палатой депутатов, и его Политическим советом, основной миссией которого было служить в качестве официального собеседника османских властей. Уничтожив патриархат, правительство просто утвердило свершившийся факт. Для новой структуры Армянские патриархаты Иерусалима и Константинополя должны были объединиться под руководством Саака II Хабаяна, который получил звание Патриарха-Католикоса армян; его резиденция должна была находиться в Иерусалиме. По словам бывшего патриарха Малакья Орманяна, который был в Иерусалиме, когда 11 августа 1916 г. пришла телеграмма, объявившая о назначении Саака II, именно Джемаль-паша предложил назвать его католикосом Киликии и разместить свою резиденцию в Священном городе².

Наряду с мемуарами патриарха Завена Константинопольского³ отчет, переданный нам патриархальным викарием Ервандом Пердахджяном⁴, является источником особой важности в том, что касается понимания

обстоятельств, окружающих это событие, и ситуации, сложившейся в Стамбуле накануне распада патриархата. Пердахджян отмечает, в частности, что петиция, составленная секретарем Центрального управления полиции, была подана в начале 1916 г. на подпись высшему духовенству и влиятельным мирянам под давлением. Основной целью петиции было осуждение «армянских нарушителей спокойствия»; вполне вероятно, что она была направлена на опровержение информации о массовых убийствах, совершенных в Турции, которая просочилась в европейскую и американскую прессу. По словам Пердахджяна, патриарх, председатель Религиозного совета, архиепископ Егише Турян и председатель Политического совета Григор Тавитян «в некотором роде узаконили петицию, подписав «такрир», сопровождавший ее. Патриарх лично передал петицию премьер-министру, который выразил свое удовлетворение». Этот текст, отмечает Пердахджян, «обвинял всех армян Турции и оскорблял память всех невинных мучеников без всякого намека на улучшение положения тех, кто выжил в этой катастрофе»⁵. С лета 1915 г., очевидно, ходили слухи о том, что Национальная Конституция Армении будет запрещена и что даже патриархат может быть переведен в Сирию, «по крайней мере, на время войны», но никто не верил, что власти зайдут так далеко, чтобы упразднить Патриархат армян Турции. Первые признаки, указывающие на отмену Конституции, появились, когда патриархат попросил разрешения начать организацию

¹ Takvi-i Vakayi, № 2611, 28 juillet 1916. Pp. 1–5.

² Орманян М. Указ. соч. С. 342.

³ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 191 и следующие.

⁴ Преподобный отец Ерванд Пердахджян. События и происшествия в Константинополе, замеченные патриархальным викарием (на арм. яз.). См.: Bibl. Nubar, ms. 288 (P.I. 2/6). Текст переведен на французский и издан Р.А. Геворгяном в Revue d'Histoire Arménienne Contemporaine, I (1995). Pp. 247–287. Рукопись была закончена в Иерусалиме 14 февраля 1918 г.

⁵ Там же. С. 270–271.

выборов, чтобы обновить Религиозный и Политический советы в мае — июне 1916 г.¹. Перед тем как «придать официальную форму» этой просьбе, секретарь главы патриархата выслушал начальника по религиозным культам, который обещал прийти к «соглашению». Но после того как официальное ходатайство было подано, оказалось, что «разрешение от правительства» должно быть получено до того, как будет собрана Национальная палата. Более того, к патриарху пришел лейтенант полиции от имени главного директората полиции, чтобы сказать ему, что, поскольку сроки действующих членов Палаты истекли, они «не смогут впредь созывать собрание»². Другими словами, патриархальные органы, начиная с Политического совета, оказались парализованы. По словам Е. Пердахджяна, патриарх, «тем не менее, продолжал заниматься делами нации до упразднения патриархата, до момента своего ухода», причем практически в одиночку: «Четыре члена Политического совета были депортированы», один умер, и только его председатель, д-р Тавитян, «дважды в неделю приходил в патриархат». «После депортации интеллигенции и политиков, — отмечает викарий, — никто не решался связываться с руководством патриархата». По словам «Мюдур-и мезахиб» [начальника по религиозным культам], эти ограничения были вызваны шагами, предпринятыми армянскими властями³. Гораздо более вероятно, что правительство просто воспользовалось этим случаем, чтобы привести в действие свой план по упразднению патриархата.

Смертельный удар был нанесен днем 28 июля/10 августа 1915 г. Начальник по религиозным культам Беха-бей и начальник полиции Ахмед-бей прибыли в патриархат «без предупреждения», а ближайшие дороги были перекрыты полицейскими⁴. По словам викария, который при этом присутствовал, начальник по религиозным культам передал патриарху официальный документ, подписанный министром юстиции и религиозных культов. На конверте с ним было написано «Бывший патриарх Завен-эфенди». Содержание

этого документа было примерно следующим: «В соответствии с положениями закона, опубликованного в сегодняшней «Journal officiel», католикосаты Киликии и Ахтамара, а также патриархаты Константинополя и Иерусалима объединяются под руководством католикоса Саака; ваша должность упразднена»⁵. Далее чиновники потребовали, чтобы все двери «официальных помещений патриархата» были опечатаны «штампами патриархата и начальника полиции» до назначения нового викария. Персоналу патриархата было предложено забрать личные вещи из письменных столов, а помещение осталось под охраной трех полицейских, которые периодически сменялись⁶.

13 августа «бывшему патриарху Завену» сообщили, что ему необходимо отправиться в Багдад «в течение трех дней» и что его резиденция взята под охрану полиции⁷. Неизбежная высылка патриарха, которая была логическим последствием упразднения патриархата, привлекла внимание дипломатического корпуса Константинополя, особенно американское посольство и папского нунция, который, по словам Пердахджяна, «неоднократно» ходатайствовал «перед министром внутренних дел, чтобы предотвратить свой уход и получить обещание, что ему позволят жить после отъезда на одном из островов в Константинополе». Дипломаты, однако, смогли лишь получить гарантии того, что «патриархат останется в живых». Со своей стороны, главный секретарь патриархата Камер Ширинян переговорил с государственным секретарем в Министерстве юстиции Халил-беем, который предположительно сказал ему: «Патриарху не стоит беспокоиться. Совет министров не принимал решения его убить. Если бы нам нужно было лишить жизни архиепископа Завена, мы бы убили и патриарха, а это вызвало бы реакцию за рубежом. Скажите ему, что он прибудет на место живым и здоровым»⁸. Завена Египта в конце концов отправили в понедельник, 4 сентября, по направлению к железнодорожной станции Хайдарпаша под охраной двух официальных лиц; толпа смотрела и плакала⁹. Об осталь-

¹ Там же. С. 273.

² Там же.

³ Там же. С. 273–274.

⁴ Там же. С. 274–275.

⁵ Там же. С. 275. Пердахджян отмечает, что «Journal officiel» распространяется только вечером, «чтобы никто не мог бы получить информацию о том, что могло бы произойти».

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 276.

⁸ Там же. С. 278.

⁹ Там же. С. 279.

Вторая стадия геноцида

ной части пути патриарха в Багдад мы знаем из его мемуаров, благодаря которым также стало возможно оценить последствия второй стадии геноцида на маршруте, которым он отправился¹. После его отъезда все суммы, поступившие из неотчуждаемых фондов

в распоряжение патриархата, были заморожены, в частности, благодаря одному из директоров Банка Оттомани, Берджу Керестеджяну. Денежные переводы, приходившие в Алеппо через доктора Пита, прекратились раз и навсегда².

Решение о ликвидации последних депортируемых

Мы рассмотрели вопрос о том, какая судьба была уготована для депортированных армян, добравшихся до Сирии и Месопотамии, главным образом из Западной Анатолии. В частности, мы увидели, что в начале весны 1916 г. была проведена методичная кампания по ликвидации депортируемых, которые содержались в концентрационных лагерях на севере Алеппо; ее кульминацией стало начавшееся в июне — июле 1916 г. уничтожение изгнанников в Зоре и рабочих на строительных площадках Багдадской железной дороги. Хронология этих событий свидетельствует о том, что решение о начале второй стадии геноцида было принято, вероятно, в первой половине марта 1916 г. Однако, как и в случае с первой стадией, приведенной в действие во второй половине марта 1915 г., у нас нет материалов, которые позволили бы нам установить точную дату встреч, на которых был утвержден запуск этой завершающей стадии геноцида. Чтобы вскрыть проблему, мы должны еще раз тщательно изучить ситуацию и отметить некоторые демаскирующие признаки.

Следует вспомнить, что незадолго до принятия этого решения, в феврале 1916 г., около пятисот тысяч депортируемых были еще живы, разбросанные между Алеппо и Дамаском или Евфратом и Зором. Более ста тысяч были разбросаны между Дамаском

и Мааном, двенадцать тысяч были в Гаме и окружающей местности, двадцать тысяч в Хомсе и близлежащих деревнях, семь тысяч в Алеппо, пять тысяч в Басре, восемь тысяч в Бабе, пять тысяч в Мунбудже, двадцать тысяч в Рас-эль-Айне, десять тысяч в Ракке и триста тысяч в Дер-эз-Зоре и его окрестностях³. Эти цифры, разумеется, соответствуют положению вещей на определенную дату; количество депортируемых, так же как и география их передвижений, постоянно подвергались изменениям.

Другими словами, более трехсот тысяч депортируемых из общего количества в восемьсот пятьдесят тысяч умерли осенью 1915 и зимой 1915/16 года на маршрутах в направлении Сирии и Месопотамии или в концентрационных лагерях. События, которые мы обсудили выше, свидетельствуют о том, что к концу 1916 г. количество погибших превысило шестьсот тысяч⁴. По крайней мере, около двухсот пятидесяти тысяч человек в начале второй стадии геноцида были еще живы: от двадцати до тридцати тысяч девушек и детей, которые были проданы местным селянам или насильно узевены племенами; сорок тысяч человек, которым удалось скрыться в деревнях в северной части вилайета Алеппо; тридцать тысяч человек, живших подпольно; около пяти тысяч в районе Басры и большин-

¹ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 191 и следующие.

² Там же. С. 174.

³ National Archives, State Department, R. G. 867.48/ 271. Письмо Дж. Джексона Г. Моргентау от 8 февраля 1916 г. № 534.

⁴ Лагерь в Бозанти (лето — осень 1915 г.): около 10 000 умерших; Мамура (лето 1915 — осень 1915 г.): около 40 000 умерших; Ислахие (август 1915 — начало 1916 г.): около 60 000 умерших; рабочие лагеря возле аманосских тоннелей (май — июнь 1916 г.): 20 000 умерших; Ражо, Катма и Азас (осень 1915 — весна 1916 г.): около 60 000 умерших; Баб и Ахтерим (октябрь 1915 — весна 1916 г.): от 50 000 до 60 000 умерших; Лале и Тефрис (декабрь 1915 — февраль 1916 г.): около 5000 умерших; Мунбудж (осень 1915 — февраль 1916 г.): Алеппо и лагеря в его окрестностях (лето 1915 — осень 1918 г.): около 10 000 умерших; Рас-эль-Айн (лето 1915 — апрель 1916 г.): около 13 000 умерших от голода и эпидемии и 40 000 убитых в окрестностях; Мескене (ноябрь 1915 — апрель 1916 г.): около 30 000 умерших; Дипси (ноябрь 1915 — апрель 1916 г.): около 30 000 умерших; Абухарар (ноябрь 1915 — апрель 1916 г.): ?; Хамам (ноябрь 1915 — апрель 1916 г.); Себка (напротив Ракки, ноябрь 1915 — июнь 1916 г.): около 5000 умерших; Зор-Марат (ноябрь 1915 — декабрь 1916 г.): 195 750 убитых между Суваром и Шеддадие; регион Мосул (осень 1915–1917 гг.): 15 000 человек, убитых генералом Халилом; регионы Гама/Хомс/ Дамаск/Амман/Хавран/ Маан (осень 1915 — лето 1916 г.): около 20 000 умерших, особенно в Хавране.

ство «армян Джемал», которые официально приняли ислам, на линии Гама—Хомс—Дамаск—Бейрут—Хайфа—Джаффа—Иерусалим—Триполи—Деръа—Амман—Салт—Керек—Маан.

Первоначальный план КЕП, без сомнения, не предусматривал, что столько армян окажется в живых. Это, вероятно, вызвало дискуссию внутри правительства младотурок. По нашему мнению, стоит изучить события, предшествующие этой дискуссии.

Вероятно, одним из главных вопросов на повестке дня ежегодного конгресса Иттихада, который открылся в клубе на улице Нури Османье 23 сентября 1915 г., была осуществляемая в данный момент программа ликвидации армянского населения Османской империи. Для сравнения, когда османский парламент открыл свою осеннюю сессию 28 сентября под председательством Халила [Ментеше], этот вопрос вообще не упоминался, пусть даже и отсутствие большинства армянских депутатов, которые были казнены в отдаленных уголках Малой Азии палачами из КЕП, не прошло незамеченным. 4 ноября Тахсин-бей, вали Эрзурума, и Джевдет, бывший вали Вана, были приглашены в Стамбул для получения награды; несложно догадаться за что. Единственным диссидентским голосом среди этого принужденного единодушия был голос наследника трона Юсуфа Иззедина, который осмелился публично сказать, что Энвер-паша несет главную ответственность за поражение при Сарикамише¹. 1 февраля 1916 г. стамбульская пресса объявила о «самоубийстве» наследного принца, который однажды нанимал доктора Бехазддина Шакира в качестве личного врача.

На зарубежном фронте, после смерти Ганса фон Вангенхайма 24 октября, его преемник, граф Пауль Вольф-Меттерних, оказался более сознательным: после прибытия в Стамбул 14 ноября он постоянно вмешивался в деятельность Высокой Порты, особенно в вопросе насильных обращений в мусульманство. Многократные осуждения в прессе стран Антанты зверств со стороны младотурок в отношении армянского населения — ак-

ты жестокости, с которыми ассоциировалась Германия — вызвали немногочисленные реакции. Граф Э. Р. Роуэнтлоу опубликовал длинную статью в «Deutsche Tageszeitung» от 19 декабря 1915 г., в которой, перечислив обвинения в криминальной деятельности, опубликованные в американской, швейцарской и британской прессе, писал: «Турция не только имела право, но и была обязана наказать кровожадных армян... Сколько нам еще нужно времени, чтобы понять, что это не наше дело оплакивать армянских ростовщиков и революционеров, которые представляют смертельную опасность для наших верных турецких союзников и являются инструментами в руках наших злейших врагов, Англии и России... Вы знаете причину, по которой мы, немцы, должны считать армянский вопрос предметом интереса не только для Турции, но и для всех ее союзников, и защищать Турцию от внешних атак»².

Такая реакция в форме, напоминающей последующие события в Германии, не была, однако, достаточной, чтобы скрыть тот факт, что самые высокопоставленные люди Германии начинали испытывать тревогу в отношении последствий их «вялости» на фоне преступлений, совершенных их турецким союзником. Отчеты Вольф-Меттерниха не имели ни малейшего отношения к этому новому осознанию³. Телеграмма, которую министр внутренних дел Талаат разослал по османским провинциям, может, без сомнения, быть отнесена к обеспокоенности, выраженной немецкими дипломатическими кругами; Талаат здесь ссылается на «слухи», которые циркулировали «в определенных местах о том, что депортации армян осуществляются под давлением со стороны правительства Германии. Нужно понимать, что средства, одобренные имперским правительством, и только им, применяются только по причинам и в результате обязательств военного характера, а также по причинам безопасности и что ни одно иностранное правительство не может вмешиваться в ситуацию и наши внутренние дела. Это должно быть передано в форме циркуляра с использованием соответствующих средств всем ответственным государственным

¹ BNU/Fonds Andonian. Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 59, f° 61 v°, Erzerum. Свидетельства Гогоса Варданяна из Эрзурума от 5 августа 1916 г. С другой стороны, мы отметили непубличную оппозицию нескольких членов Центрального комитета в отношении ликвидации армян (см. выше, с. 278–279).

² Дешети Меттерниха Бетману Гольбергу от 9 и 21 декабря 1915 г. и 24 января 1916 г.: *Lepsius J. Op. cit.*, doc. 210, p. 203, doc. 217, p. 208, doc. 230, p. 229.

³ *Weber F. G. Op. cit.* Pp. 159–167.

ным чиновникам»¹. Но общественные дебаты в Германии, отложенные из-за войны, в конце концов вспыхнули в конце 1916 г. Немецкие миссионерские круги — а точнее, «Deutsche Orient Mission» (*Немецкая Восточная миссия*) д-ра Лепсиуса и не менее влиятельная организация «Deutscher Hilfsbund für christliches Liebeswerk im Orient» (Германский христианский благотворительный фонд. — *Прим. пер.*) д-ра Фридриха Шукхарда — получили информацию от своих учреждений в Османской империи, которая почти не оставила сомнений относительно характера событий, происходящих там. Поездка этих двух руководителей миссионерских организаций в Стамбул и беседы, которые они провели с армянскими кругами и американскими миссионерами, убедили их обратиться к общественному мнению своей страны². Вслед за публикацией статьи 11 января в газете «Volks Zeitung» депутат-социалист Либкнехт в тот же день в Рейхстаге задал вопрос правительству об армянском вопросе, вызвав серьезное замешательство³. Талаат опубликовал интервью в газете «Ikdam» от 24 января, в котором заявил: «Я подтверждаю, что замечания по поводу армян во вражеской прессе обосновательны»; он, однако, придерживался официального доклада, который обвинял «конкретных» армян в сотрудничестве с врагом. Позднее министр внутренних дел опубликовал брошюру под названием «Vérité sur les mouvements révolutionnaires arméniens» («Правда об армянских революционных движениях»). — *Прим. пер.*)⁴.

Столкнувшись с несогласием христианских благотворительных организаций, работающих в Османской империи, дипломатия Германии отреагировала на кампанию по насильственному обращению в мусульманство, проводимую младотурками. Министр иностранных дел Германии, который не считал нужным отреагировать на гораздо более жесткую ликвидационную кампанию, которая ей предшествовала, зашел так далеко, что дал распоряжение посольству Германии в Константинополе рассказать в высоких кругах о том, что «несмотря на все отрицания Турции, депорти-

рованные армяне все еще насильно принимают ислам»⁵. Эти претензии, сформулированные довольно поздно, были, вероятно, простой *формальностью*, поскольку в феврале в Константинополь прибыла правительственная делегация Германии под руководством депутата Маттиаса Эрзбергера. Эрзбергер последовательно приняли министры Талаат и Энвер, что красноречиво свидетельствует о важности, которую лидеры младотурок представляли для своего немецкого союзника. Им ничего не оставалось, кроме как выслушать критику немецкого центристского депутата, который предложил им прекратить насильные обращения в ислам и преследования⁶. Нет сомнений в том, что такое внешнее давление, которое, конечно, напомнило двум младотурецким лидерам о довоенной ситуации, лишь обострило их легкоуязвимый национализм.

Следует также отметить, что в первые дни февраля как гром среди ясного неба пришла новость о неожиданном падении Эрзурума, вслед за которым произошло падение Трапезунда. После победы Турции над французскими и британскими силами у Дарданелл, вхождения в войну Болгарии на стороне союзников и в результате введения прямого железнодорожного сообщения с Германией, самые безумные надежды, похоже, оправдавались; сейчас это болезненное поражение, новость о котором не предавалась гласности до конца войны, затуманило военный горизонт Османской империи. При этом уже не было внутреннего врага, которого можно было обвинить в неудаче, были лишь внешние слабости. Наше знакомство с вовлеченными лицами приводит нас к мысли о том, что идея покончить с армянами, которые достигли Сирии и Месопотамии, материализовалась с неожиданным падением Эрзурума в феврале 1916 г., в некоторой степени в форме радикализации, на которую это особое событие может вдохновить отдельных лиц. Следуя этой логике, то, что было потеряно на одном фронте, должно быть восполнено «положительной» операцией на другом, лучше контролируемом поле военных действий.

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, L 183: Высокая Порта, копия зашифрованной телеграммы от 3/18 декабря 1915 г., № 2351, министра внутренних дел Талаата в префектуру Кони [Заверенная копия, 28 марта 1335 (1919) г.] (опубликована также в «Takvim-i Vakayi», № 3540. Pp. 8–14).

² Kaiser H. Op. cit. Pp. 36–37.

³ Weber F. G. Op. cit. P. 184.

⁴ Istanbul, 1916.

⁵ Деша от 25 декабря 1916 г: Lepsius J. Op. cit. P. 240.

⁶ Weber F. G. Op. cit. Pp. 184–186.

Принимая во внимание роль, которую играл Джевдет, бывший вали Вана, в «Специальной организации», а также его семейные связи с вице-генералиссимусом Энвером, можно сделать предположение о том, что его назначение 19 марта на должность главы вилайета Адана являлось *исходным пунктом* решения о ликвидации депортируемых на юге. Последующие директивы, которые Талаат направил местным властям в этих регионах с целью ликвидации концентрационных лагерей на севере Алеппо в марте 1916 г., а затем и очистки лагеря в Рас-эль-Айне в конце того же месяца, перед тем как перейти к уничтожению депортируемых на линии Евфрата с июня по декабрь 1916 г., составляют группу хронологических признаков, выдающих методичное выполнение заранее продуманного плана. Нападки в адрес иностранных гуманитарных организаций, помогавших продлить жизнь депортируемым, и захват сирот, которые жили в приютах этих организаций, могут трактоваться как доказательство желания показать дипломатам и миссионерам, что все их усилия были напрасны. Кампания, запущенная во внутренних провинциях Малой Азии в конце февраля 1916 г., по депортации последних армян, которым по разным причинам разрешили остаться в своих домах — из-за того что они были протестантами, католиками, членами солдатских семей, ремесленниками, врачами, аптекарями и так далее — после нескольких месяцев спокойствия является, по нашему мнению, меткой начала второй стадии геноцида.

Решение Императорского Османского банка в феврале 1916 г. заморозить счета этих «путешествующих клиентов», некоторые из которых к этому времени сумели снять свои средства со счета в отделениях банка в Сирии и Месопотамии¹, вероятно, было также делом рук временного министра экономики Мехмеда Талаата, частью его политики истребления депортированных армян.

В рамках германо-турецких отношений Вольф-Меттерних не смог долго выдерживать давление со стороны Высокой Порты,

требовавшей его отзыва². По словам бывшего вали Конья, Джелал-бея, который опубликовал серию статей в газете «Vakit», граф Меттерних был отозван в Берлин после того как Халил-бей совершил поездку в Германию, во время которой он выразил решительное недовольство поведением посла. Посол «оскорбил» Высокую Порту своими частыми вмешательствами в судьбу армян³.

Вступление Мехмеда Талаата 22 января 1917 г. в должность великого визиря представляется в этом свете чем-то вроде награды за все, чего он добился к этому моменту. Добравшись до верхушки государственной иерархии, глава Иттихада продемонстрировал в узком кругу если не великодушное, то, по крайней мере, положительное отношение. «Что касается армян, он сделает все возможное, чтобы удовлетворить их: он позволит выселенным армянам вернуться в те провинции, в которые только возможно», сообщил австрийский посол в ноте от 14 февраля 1917 г.⁴. Ничто, казалось, не может возмутить дух Комитета «Единение и прогресс», который, по словам австрийского дипломата, не колебался, три дня спустя «провозглашая в своей программе справедливость для всех османцев выдвигать тех, кто помогал высылать и уничтожать армян, выполняя его приказы. Так, вали Алеппо Мустафа Абдулхалик-бей (Алеппо был центральным пунктом, через который проходили все армяне во время высылки в санджак Зор) станет заместителем министра внутренних дел. Затем Хамди-бей, помощник начальника центрального управления по эмиграции в Константинополе, близкий друг Абдулхалика и одна из важнейших фигур в уничтожении армян, был назначен начальником этого управления»⁵.

Во время своей ссылки в Дамаск бывший патриарх Орманян писал в марте 1918 г.: «Я уже говорил и повторю еще раз: «Камень, из которого сделан имперский дворец, турецкий; известь — армянская. Без извести здание будет неустойчивым, да его и не построишь»»⁶.

¹ Autheman. Op. cit. P. 240.

² Weber F. G. Op. cit. Pp. 201–202.

³ Акуни. Указ. соч. С. 98–99.

⁴ Österreichisches Staatsarchiv, HHStA PA XL, dossier 275, № 34. Замечания, сделанные «спонтанно» в присутствии депутата парламента Натаниана эфенди, которые османская пресса предусмотрительно не придала гласности. Посол, однако, добавляет, что «этот крутой поворот Талаата произошел благодаря, главным образом, Джавид-бею, который, как предполагается, согласился присоединиться к кабинету только на этом условии».

⁵ Österreichisches Staatsarchiv, HHStA PA XL, dossier 275, № 39.

⁶ Орманян М. Указ. соч. С. 338.

ГЛАВА 1

Новая Турция великого визиря Талаат-паши, или Реанимация пантюркизма

Вступление Мехмета Талаат-паши в должность великого визиря 22 января 1917 г. знаменует собой поворотный момент в истории Комитета «Единение и прогресс». После длительного этапа ежедневного управления делами руками великих визирей и министров, которые были то более, то менее покорными, КЕП публично подтвердил свою власть, поставив своего председателя во главе правительства. В своем поступательном движении по направлению к строительству новой Турции комитет имел возможность подвести баланс своей работы на своем ежегодном конгрессе, который состоялся 24 сентября 1917 г. в Стамбуле под председательством Мидхата Шюкрю, его генерального секретаря. Состав нового кабинета, избираемого Ассамблеей, не выявил никаких разительных перемен. Генеральный совет избрал свой кабинет, включавший Мусу Кязима, Саида Халима (бывшего великого визиря), Хайри-эфенди (шеих-уль-ислам), Хаджи Адиля (вали Эдирне, который организовал депортацию во Фракии осенью 1915 г.), Исмаила Энвер-паши (военного министра), [Гиритли] Ахмеда Насими [Саймана]¹, Ахмеда Джемаль-пашу (министра военно-морского флота), Мехмеда Джавида (министра экономики), Халил-пашу [Ментесе] (министра иностранных дел), Ахмеда Шюкрю (министра образования), Мустафу Ше-

рефа, Гусейна Чахида (вице-председателя парламента) и Атиф-бей² (первого делегата комитета иттихадистов, позже назначенного на должность вали Ангоры и Кастамону, армянское население которых он приказал депортировать или уничтожить)³.

Центральный комитет также оставался стабильным по составу. Кроме Мехмеда Талаат-паши и Мидхата Шюкрю, генерального секретаря, были избраны или переизбраны: д-р Назим, [Кара] Кемаль (министр снабжения, который был обвинен в создании «турецких» предприятий), [Юсуф] Риза⁴ (который занимался активной деятельностью в районе Трапезунда), Зия Гёкалп (идеолог комитета), Эйюб Сабри [Аггёль]⁵ (федаи, который был постоянным членом Центрального комитета с 1908 по 1918 г.), д-р Рюсуги⁶ (который занимался активной деятельностью в Азербайджане и области Ван), д-р Бахаэддин Шакир (председатель Особой организации) и Филибели Ахмед Хильми⁷ (вице-председатель Особой организации, который отвечал за операции в Эрзуруме)⁸. Единственным примечательным продвижением в высшем органе партии было продвижение Хильми, который был правой рукой д-ра Шакира. Кроме того, следует отметить, что Центральный комитет теперь стал состоять из десяти членов и что лица, которые предположительно выступали против

¹ См. выше, с. 139, примечание 3.

² См. выше, с. 206, примечание 6.

³ AMAE, Série Guerre 1914–1918, vol. 862. Доклад, приложенный к депеше от 28 ноября 1917 г., направленной французским послом в Берне в адрес министра иностранных дел, с. 49.

⁴ См. выше, с. 529.

⁵ См. выше, с. 50, примечание 4.

⁶ См. выше, с. 227 и 229.

⁷ См. выше, с. 50, примечание 4.

⁸ AMAE, Série Guerre 1914–1918, vol. 862. Доклад, приложенный к депеше от 28 ноября 1917 г., направленной французским послом в Берне в адрес министра иностранных дел, с. 49.

уничтожения армянского населения, теперь входили в состав как кабинета генерального совета, так и Центрального комитета. Даже Мехмед Джавид, который дистанцировался в начале войны, снова вошел в состав кабинета. Таким образом, не следует придавать слишком большое значение возражениям некоторых лидеров партии против антиар-

мянских мер, тем более что наши знания о таких возражениях в основном базируются на сведениях, полученных позже некоторыми из их сторонников¹. Также возможно, что к началу осени 1917 г. армянский вопрос стал считаться закрытым, и казалось благо-разумным больше на уровне правительства его не поднимать.

Обращение великого визиря, или Узаконивание государственного насилия

Обращение, с которым выступил Талаат-паша, может представить лишь косвенные признаки характера дебатов, имевших место внутри партии, поскольку оно должно было быть обнародовано на следующий день². Прежде всего министр повторил в присутствии всех доказательств официальный тезис об условиях, на которых Турция вступила в войну: «Морская атака русских в Черном море и нападение на суше на наши границы заставило нас принять сторону, к которой наша историческая судьба подтолкнула нас и занять наше место в одном ряду с великими державами»³. Что же касается главного обвинения против Османской империи в государственном насилии, Талаат-паша чувствовал необходимость уделить больше половины своего обращения позиции правительства в отношении его нетурецких субъектов. Стоит остановиться на его замечаниях, которые представляли собой резюме и оправдание. «Наши враги, — начал он, — повсюду говорят, что мы плохо обращаемся с воюющими сторонами и вражескими комбатантами и что мы совершили всевозможные зверства в отношении армян и евреев, живущих в империи. К счастью, однако, люди, проживающие в разных местах, начинают понимать возмутительную пагубность таких сообщений, которые мы и многие стороны, соблюдающие нейтралитет, оскариваем во имя гуманности и справедливости». По информации великого визиря, американский посол Авраам Элкус и американские консу-

лы Джексон и Бордон разоблачили клеветнический характер обвинений, выдвинутых против страны⁴. Эти утверждения, опровергаемые депешей вышеупомянутых дипломатов, были неотъемлемой частью метода оправдания младотурок, в котором те систематически обращались к «иностранным» свидетелям. При этом было не важно, что такие свидетели высказывали противоположное тому, что затем утверждали младотурки. В данном случае Талаат-паше было легче сделать такое заявление, поскольку дипломаты, упомянутые им, не посещали Турцию со времени вступления США в войну и поэтому не были в состоянии возразить ему. Апелляция к «человечности» и «справедливости» раскрывает еще одну характерную черту младотурецких лидеров: обращение к ценностям, к которым они были совершенно нечувствительны, чтобы убедить своих собеседников в своей этической чистоте. На самом деле младотурецкий режим никогда не связывал свою идеологию исключительно с насилием; младотурки последовательно укрывались за «настоятельной необходимостью военного времени», как если бы им было стыдно за идеологического монстра, которого они взрастили и оживили.

«Армяне, — напомнил великий визирь своим слушателям в длинном историческом экскурсе в отношении армянского вопроса, — на протяжении столетий представляли жизненно важный элемент под флагом империи; будучи трудолюбивыми мирными гражд-

¹ Astourian A. Art. cit.. Pp. 138–40, n. 15–16, 122–123. Представляет исчерпывающий перечень данных источников.

² Опубликовано в полном объеме в выпуске «Икдама» от 25 сентября 1917 г. Французский перевод прилагается к депеше от 28 ноября 1917 г., направленной французским послом в Берне в адрес министра иностранных дел: AMAE, Série Guerre 1914–1918, vol. 862. Pp. 50–60.

³ Там же. С. 51.

⁴ Там же. С. 52–53. Отголоски этой речи можно найти в R.L.C., «L'Arménie et l'Allemagne», La Croix, 13 octobre 1917; La Suisse, 7 octobre 1917.

данами, они в полной мере пользовались благами заботы государства, до тех пор, пока они не увлеклись сепаратистскими идеями, пришедшими извне»¹. Затем Талаат-паша привел неизбежный аргумент: «Армяне, которых мы не считали способными на дерзость совершения актов измены отечеству в период текущей мировой войны, были интегрированы, как и другие группы, в подразделения армии, и им также выдали оружие. «Комитаджи», которые молчали, пока мы не вступили в войну, перешли от спокойствия к революции, от лояльности к призывам к бунту, как только русские пересекли наши границы и заняли некоторые из наших городов и сел. В третий месяц войны Врамян, депутат парламента из Вана, представил вали этого вилайета меморандум с подробным изложением армянских претензий; и этот меморандум был идентичен тому, что был ранее представлен Блистательной Порте. За представлением этого меморандума последовали дезертирство армянских солдат, завербованных в армию, которые бежали в горы с оружием, и нападения на жандармов и мусульманское население. В этой связи правительство империи объяснило патриарху и депутатам комитета в Константинополе всю серьезность ситуации, советуя им принять превентивные меры. Полтора месяца мы ждали результата. И только после восстания в Ване, до фронтовой линии, и в Зейтуне, за ней, повсюду полиция провела обыски, поскольку командиры армии указали на необходимость их проведения. Оружие, бомбы и взрывчатые вещества были найдены в Диарбекире, Урфе, Кайсери, Исмите, Адабазаре, Байчеджике, Амасии, Сивасе, Мерзифуне, Трапезунде, Самсуне, Арабкире, Малатьи, Дёртьёле, Хаджине, Бурсе, Эрзуруме, Эрзинджане и других населенных пунктах. В основном вышеупомянутые устройства были обнаружены в монастырях и церквях»².

Придерживаясь этой демонстрационной линии, Талаат-паша сделал вывод: «После того как стало очевидно, что фланги и тыл армии находятся в опасности, мы продолжили проводить депортацию из зоны боевых действий на благо войск. Мы не можем утверждать, что депортация происходила в нормальных условиях, поскольку большая

часть жандармов была мобилизована в армию, и было невозможно выполнить приказ таким образом, как мы того желали. Центральное правительство, однако, направило несколько следственных комиссий, которые привлекли всех, кто совершил акты насилия, к военному трибуналу. Те, кто был признан виновным в преступлениях, были осуждены и приговорены к жесточайшим видам наказания, таким как смертная казнь или каторжные работы. Каждое правительство имеет право защищаться от тех, кто готовит вооруженные восстания»³.

Эти утверждения, точность которых мы оценили в четвертой части настоящей научной работы, требуют некоторых замечаний. Талаат-паша не отрицает, что имело место несколько эксцессов в связи с нехваткой «жандармов... мобилизованных в армию»; он четко понимает: общее отрицание массовых преступлений, которые он координировал, поставило бы его в нелегкое положение. Тем не менее он ограничивает это многообещающее признание, подчеркивая, что центральные власти сурово наказали виновных и зашли достаточно далеко, чтобы приговорить некоторых из них к смертной казни. В своем выступлении он скрывает первоначальные цели комиссий, направленных для проведения расследований, единственная функция которых, как мы видели, состояла в том, чтобы выявить гражданских и военных чиновников, которые воспользовались обстоятельствами для извлечения личной выгоды за счет партии-государства. Судебные процессы, вероятно, также преследовали цель запугивания лиц, искушенных этими примерами. Во всяком случае, судьи провозглашали только мягкие приговоры, и никто, насколько нам известно, не был приговорен к смертной казни.

Ссылаясь на право на законную самооборону перед лицом вооруженного восстания, Талаат-паша вопрошал о том, что «разве англичане, которые совершали различные акты жестокости в отношении ирландцев, совершенно не думая о жизнях их женщин и детей, не депортировали бы их за зону боевых действий, если бы там разразилась революция и распространилась до флангов и тыла армии, ведущей бои с немцами?»⁴

¹ AMAE, Série Guerre 1914–1918. Vol. 862. P. 54.

² Там же. С. 55–56.

³ Там же. С. 56–57.

⁴ Там же. С. 57.

Принимая за точку отсчета действия великой державы, мало заботящейся о жизнях «женщин и детей», Талаат-паша также утверждал право применять государственное насилие и стремился узаконить насилие, совершаемое по его приказам. Он даже упомянул о «концентрационных лагерях в Трансваале», в котором англичане позволяли женщинам и детям «умирать с голоду» без каких-либо угрызений совести из «гуманитарных соображений»¹. Эта риторика, которая закладывает основу для оправдания преступлений, совершенных лидерами КЕП и при поддержке администрации, безусловно, является ответом не только на настойчивые обвинения, высказанные за пределами страны, но и приглушенные слухи, которые, должно быть, также распространялись в пределах страны. Извлекая выгоду из возможности выразить

себя в первый раз перед КЕП в качестве великого визиря, Талаат-паша стремился разорвать все связи с прошлым и убедить скептиков в том, что действия партии были оправданными.

В заключение своего обращения он постарался донести до сознания своих слушателей идею, что «в нашей стране партия "Единение и прогресс" приносит новые идеи и представляет собой фактор прогресса... Социальный опыт ясно показывает, что торжество "права" в стране может быть гарантировано только правом знания и нравственности. Существенная миссия государства заключается в установлении справедливости и свободы на основе закона»². Талаат-паша таким образом описывает «священную» цель комитета КЕП, которая явилась призванием для достижения элитой партии.

Военная кампания на Кавказе, или Возрождение пантюркизма (1918 г.)

Очевидно, «священная» цель партии состояла не только в амбициях в отношении социального прогресса, но также и в объединении туркоязычных народов под своими знаменами. Мы видели, как сторонники пантюркизма, начиная с Энвер-паши, освободились от своих иллюзий и потеряли влияние после кровавого поражения в Сарыкамыше. Теперь на повестке дня был пантюркизм и гораздо более доступная цель «гомогенизации» Анатолии. Октябрьская революция 1917 г. и ее военные последствия, однако, снова вынесли на повестку дня проект, который до сих пор был недостижим для младотурецкого режима. Поспешная эвакуация фронта русской армии была воспринята Стамбулом как неожиданная возможность объединения с «турками Кавказа». Ариф Джемил, офицер «Специальной организации», отмечает в этой связи следующее: «Вновь всплыл вопрос в отношении турок, проживающих в России. Те, кто был хорошо осведомлен о ситуации в отношении турок в России,

представили доклады в Центральный комитет партии «Единение и прогресс», в которых они объяснили, как можно было извлечь выгоду из этой исторической возможности»³. После того как 18 декабря 1917 г.⁴ Турция и большевики заключили перемирие в Эрзинджане, правительство Закавказья, которое заполнило политический вакуум, также столкнулось с тем, что в середине января командующий 3-й армии Вехиб-паша предложил подписать соглашение о перемирии⁵. Все это, несомненно, имело целью просто успокоить опасения кавказских лидеров и выиграть время для реорганизации 3-й армии, которая была очень слабой в момент подписания перемирия в Эрзинджане⁶. Лидеры младотурок не теряли времени. Военный министр продолжил осуществление полномасштабной реорганизации Армии Кавказа, которая была первоначально преобразована в три армейских корпуса: первый, по приказу Кязима [Карабекира], был нацелен на Эрзурум и Карс; второй, во главе с Якубом

¹ Там же.

² Там же. С. 60.

³ *Arif Cemil*. Art. cit., Vakıf/Haratch 89.

⁴ *Hovannisian R.* Armenia on the Road to Independence. Pp. 109–110. Телеграмма от 8 декабря 1917 г., направленная генералом де Ла Панузом, французским военным атташе в Лондоне, в адрес Жоржа Клемансо, объявляет о переговорах в отношении заключения соглашения о перемирии: AMAE, Guerre 1914–1918, Turquie, vol. 894, f° 57; *Beylerian A.* Op. cit. P. 431.

⁵ Там же. С. 119–120.

⁶ Там же.

Шевки-пашой, на Трапезунд и Батум, и третий, под командованием Али Ихсан-паши, на Северную Персию. Позднее эта армия была преобразована в четыре армейских корпуса под командованием Халил-паши [Кута], дяди военного министра: 1) остатки 3-й армии во главе с генералом Эсадом; 2) «Ислам Орду» [Армия ислама] во главе с генералом Нури [Киллигилем], сводным братом Энвер-паши, 3) Девятая армия под командованием генерала Якуба Шевки-паши и 4) 6-я армия, подчинявшаяся приказам генерала Али Ихсан-паши [Сабиса]. Другими словами, две турецкие дивизии, которые были размещены на Галицком и Молдавском фронтах, не были сразу после их высвобождения в результате подписания Брестского мира отправлены на укрепление палестинского и месопотамского фронтов; более того, 6-я армия была переброшена с месопотамского фронта и использована для усиления Армии Кавказа¹. Дальнейший ход событий походил на заранее написанный сценарий. В феврале Вехиб-паша, который еще не был смещен Халил-пашой, послал командиру Армии Кавказа генералу Лебединскому несколько нот протеста, в которых обвинил «армянские банды», возглавляемые Мурадом Себастици, в массовом убийстве пятнадцати тысяч турок. Эти обвинения, которые, кажется, несли на себе психологический налет, послужили поводом для разрыва перемирия. 13 февраля в Эрзинджане началось наступление, и это привело к паническому бегству нескольких тысяч армян, переживших геноцид и вернувшихся в регион весной 1916 г.².

Турецким войскам противостоял армянский корпус из двадцати тысяч человек, который был спешно сформирован с начала декабря 1917 г. и возглавлен генералом Назарбековым после того, как Верховный главнокомандующий Армии Кавказа генерал Лебединский одобрил эту идею³. Этот корпус должен был защищать линию долгосрочного прекращения огня, которая достигалась от

Эрзинджана до Вана, а также поддерживать порядок на Кавказе. Закавказская федеративная республика, в которой сосуществовали армяне, азербайджанцы и грузины, по своей природе должна была гарантировать отсутствие сплоченности этого невероятного импровизированного государства, которое, кроме всего прочего, находилось под давлением двух антагонистических русских блоков большевиков и белогвардейцев. Ситуация армян, безусловно, была самой сложной. Кавказская Армения должна была обеспечить безопасность для почти двухсот тысяч беженцев из Османской империи и обеспечить безопасность в стране, в том числе для многочисленного туркоязычного национального меньшинства, которое не было глухо в отношении сладких песен пантюркизма.

После февральского перемирия в Эрзинджане Энвер-паша начал общее наступление, которое завершилось захватом Трапезунда и Эрзурума 12 марта⁴. 25 апреля турецкие войска взяли Карс, открыв путь к Закавказью⁵, и 4 апреля Ван, предвкусывая общее наступление Османской армии в Азербайджане. Таким образом, когда 11 мая 1918 г. открылась Батумская «мирная конференция», генерал Халил-паша [Кут], полномочный представитель Османской империи, находился на позиции силы и мог диктовать свои условия закавказским делегатам. Тем более что 15 мая, в самый разгар переговоров, Армия Кавказа начала наступление на Александрополь⁶. Тем не менее следует помнить, что хотя очевидной целью этих военных операций было отвоевать обратно османские территории, они также заняли свое место, как мы увидим позже, в плане пантюркизма, целью которого, среди прочего, было ликвидировать последних уцелевших армян, будь-то османские беженцы или русские подданные на Кавказе. Генерал фон Лоссов, представитель Германии на Батумской конференции, писал в этот период, что турки предприняли «тотальную ликвида-

¹ Там же. С. 121–122; *Dadrian V. Histoire du génocide arménien*. P. 550. Вновь созданная Девятая армия состояла из четырех дивизий общей численностью 30 000 человек, а также включала вспомогательную группу численностью 20 000 милиционеров и жандармов: *Zürcher E. T.* Op. cit. P. 94.

² *Hovannisian R. Armenia on the Road to Independence*. Op. cit. P. 121–123.

³ Там же. С. 113–115. *Poidebard A. Rôle militaire des Arméniens sur le Front du Caucase après la défection de l'Armée russe*, Paris 1920. P. 13. Этот корпус включал в себя три подразделения под командованием генерала Арешяна, генерала Силикова и генерала Андраника, а также кавалерийские бригады под командованием полковника Корганова.

⁴ *Hovannisian R.* Op. cit. P. 131–137.

⁵ Там же. С. 172.

⁶ Там же. С. 172–174.

цию армян также и в Закавказье»¹. В течение следующих недель генерал фон Лоссов обозначил этот вопрос более подробно: «Цель политики Турции, как я всегда считал, состоит в завладении армянскими районами для того, чтобы искоренить население, проживающее в них»²; «правительство Талаат-паши хочет уничтожить всех армян не только в Турции, но и за ее пределами»³; «после полного окружения остатков армянского народа в Закавказье турки намерены... замучить армянский народ голодом до смерти, это очевидно»⁴. Генерал Фридрих барон фон Кресс Крессенштайн, бывший начальник военной операции в османском Военном министерстве, который был назначен главой немецкой имперской делегации на Кавказ в июне 1918 г., был сам убежден, что «турецкая политика, которая состоит в провоцировании голода, ясно свидетельствует и не требует дальнейшего доказательства стремления к уничтожению, которое турки замыслили по отношению к армянским подданным»⁵. Он видел доказательство своих слов в отказе генерала Эсада по «малоубедительным предложениям» от его предложения предоставления помощи армянам; и он полагал, что это было не более чем вопросом изменения метода⁶. В течение подготовительных этапов, сообщает Кресс фон Крессенштайн, турецкие гражданские и военные власти вернулись к опробованной верной риторике в своих докладах в Стамбул о видах «военной необходимости» или «угрозе нашим линиям связи и нашему тылу», что должно было «оправдать убийство сотен тысяч людей»⁷. Здесь просматривается сходство в методах, используемых для представления фактов, с клеветнической кампанией, которая предшествовала преступлениям 1915 г. Лидеры кавказской кампании провоцировали проблемы военной безопасности в своих связях с начальниками для того, чтобы узаконить поборы, на совершение которых они шли по поручениям, получаемым от этих начальников. Единственное примечательное

отличие, наблюдавшееся в 1918 г., состояло в методическом использовании армии, которая одновременно представляла собой и орудие завоевания, и машину для уничтожения.

Однако невозможно понять значение Кавказской операции, если не помнить о том, что КЕП воспользовался уходом русских войск для того, чтобы предпринять попытку реализовать план пантюркизма, который провалился в начале 1915 г. Подполковник Эрнест Паракуин, который был начальником штаба Халил-паши [Кута] сначала в Ираке, а затем на Кавказе, «воспользовался» откровенностью вышеупомянутого генерала, который основал «Специальную организацию» и позже почувствовал необходимость сделать это откровение достоянием обществу. Будучи знакомым с военными младотурецкими лидерами, немецкий офицер указывает, насколько глубоко такой человек, как Халил-паша, был одержим «Тураном», «границы которого он очертил синим карандашом» в английском атласе⁸. Военная и демографическая оккупация пространства, о котором он мечтал, проявляется как новая форма колониализма «а-ля тюрк», теперь основанная, однако, на «расовой» однородности, которая была узаконена мифом о возвращении к истокам расы. Для Халил-паши «завоевание Туркестана, колыхание тюрков, было самым важным пунктом повестки дня», отмечает Эрнест Паракуин. В глазах Халил-паши «татарам Кавказа, связанным с турками своим происхождением», было суждено «быть включенными» в «федерацию», создание которой он намечал. Что касается «национальных меньшинств в странах, расположенных между ними», они должны были «покориться». Халил-паша также отметил, что «армянский вопрос» был на «границе решения благодаря войне путем полного уничтожения армянской расы. Все заинтересованные турецкие подразделения работают в этом направлении с непреклонной решимостью»⁹.

¹ A.A. Türkei 183/51, A21877, 23 mai 1918: *Dadrian V.* Op. cit. P. 552, n. 2.

² Deutsches Zentralarchiv (Postdam), Bestand Reicheskanzlei, № 2458/9, Blatt 292. Папорт от 3 июня 1918 г., с. 2. Там же. С. 552, примечание 3.

³ A.A. Türkei 183/53, A32123. 10 июля 1918 г. Там же. С. 552, примечание 4.

⁴ A.A. Türkei 183/53, A32145, 11 июля 1918 г. Там же. С. 552, примечание 5.

⁵ A.A. Türkei 158/20, A31679, 13 июля 1918 г. Там же. С. 552–523, примечание 7.

⁶ Deutsches Zentralarchiv, Blatt 287, 31 июля 1918 г. Там же. С. 553, примечание 8.

⁷ A.A. Türkei 183/54, A39244, 3 сентября 1918 г.

⁸ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 235, doc. № 1992, Constantinople, le 16 avril 1920, «La politique pantouraniennne», de Ernest Paraquin, p. 1.

⁹ Там же. С. 2–3. В Персии, как сказал Халил, КЕП надеялся присоединить Азербайджан «в ближайшем будущем», несмотря на конфессиональные подразделения.

«Эти империалистические мечты, которые Халил-паша изложил мне однажды вечером, когда его глаза сверкали огнем энтузиазма, — пишет Эрнест Паракуин, — были не просто плодом очень богатого воображения человека с Востока; они реализовывались систематически и объективно». Более того, сообщение немецкого офицера подчеркивает, что младотурецкие лидеры были готовы на любые жертвы для достижения своего проекта пантюркизма, включая отказ от своих арабских владений¹.

По информации Эрнеста Паракуина, Энвер-паша послал своего младшего брата Нури, который был повышен в звании до генерал-лейтенанта в возрасте двадцати семи лет, в Баку для того, чтобы тайно заложить там основу. Он даже дает нам понять, что «Татарская Республика» была наречена младотурками «Азербайджаном»: «Название выбрано хорошо, не так ли?» Халил-паша, как предполагается, возроптал, «намекая на персидский Азербайджан, включение которого в новую республику было не только в планах, но уже инициировано всеми возможными средствами»². Задолго до того, как турецкие войска прибыли в Баку, Нури «был бесспорным хозяином нового татарского государства, так что, когда я посещал его летом и осенью 1918 г., у меня осталось четкое впечатление, что я был в турецкой провинции. Все стратегические точки в регионе, — продолжает Эрнест Паракуин, — были заняты турецкими войсками, которые получили название «Армия ислама», как того требовала ситуация». Военный министр, татарский юрист, щеголяя в униформе турецкого паши; повсюду турецкие офицеры и «софтас» проповедовали подчинение халифу в Стамбуле; турецкий полумесяц развевался над всеми общественными зданиями. Аналогичные процедуры были применены среди мусульманских народов Северного Кавказа»³.

«Азербайджан», который был включен в Закавказскую федеративную республику весной 1918 г., уже явно находился под

бесспорным контролем Стамбула и работал изнутри над реализацией проекта пантюркизма. Вполне вероятно, что Стамбул предложил руководству страны сохранить определенный запас, пока армянское убийство не будет полностью ликвидировано. Захват Александрополя и Карса в апреле — мае 1918 г. привел к массовому исходу армянского населения, которое переехало в Ереван, а также к массовым убийствам, совершенным при соучастии, в частности, полковника Абдулкадри Хильми, члена Генерального штаба Османской империи, отправленного для укрепления турецких сил⁴. Турецкая сторона апеллировала к условиям Брестского мирного договора (ратифицированного большевиками 15 марта 1918 г.), согласно которому туркам отходили районы Карса, Ардагана и Батума, а также к «военной необходимости» для доступа к железной дороге Карс—Джульфа—Баку для того, чтобы оправдать свое непреклонное наступление, вслед за которым план о ликвидации армян становился первоочередным. Изучение военных операций показывает, что Армия Кавказа стремилась вытеснить население, которое она изгоняла из собственных домов, в ограниченный район Еревана. После прибытия 16 мая в Аратскую равнину на левом берегу реки Аракс турецкие войска требовали свободного прохода к Джульфе. В случае непредоставления такого прохода они не могли гарантировать «неуязвимость населения»⁵. Обмениваясь нотами с Закавказской федеративной республикой, Халил-паша обещал «дружественное наступление» своих войск, при этом они должны были взять под контроль маршрут между Ереваном и Тифлисом и идти на Баш Абаран, расчищая путь на Ереван⁶. Даже теперь, когда Стамбул вел «переговоры» о мирном договоре в Батуме с Закавказской федеративной республикой, он ужесточил свой контроль над Грузией и Арменией; Стамбул наслаждался заметным преимуществом, получая ежечасные сообщения о природе дебатов, происходящих

¹ Там же. С. 3–4. Эрнест Паракуин отмечает, Мосул являлся стержнем для внешних пропагандистских кампаний, направленных на создание сети «беженцев национальных устремлений пантюркизма». Назначались «посланники». Среди них арабы использовались в качестве «пропагандистов пантюркизма на Кавказе, где они пользовались большим авторитетом, как представители народа, благословенного Пророком».

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 5.

⁴ APC/APJ, PCI Bureau, Э 82. Досье полковника Абдулкадыра Хильми, уроженца Кастамону и члена османского Генерального штаба, который был арестован британцами и отправлен на Мальту в мае 1919 г. Хильми также руководил проведением массовых убийств рабочих солдат в Мосуле. См. выше, с. 738, примечание 3.

⁵ *Hovannisian R.* Op. cit. P. 175–176.

⁶ Там же. С. 176.

в закавказской делегации благодаря азербайджанским членам этой делегации, которые тайно встречались с Халил-пашой¹. Для того чтобы узаконить эти операции, которые уже не могли быть признаны законными в качестве строгого применения условий Брестского мирного договора, 20 мая, обмениваясь сообщениями с немецкими собеседниками, Энвер-паша выдвинул двойной аргумент: наличие большевистской опасности на Кавказе и «страдания, которые невинные мусульмане пережили в руках порочных армян»². Есть все основания полагать, что стратегия турок состояла в то время в сокрушении Закавказской федеративной республики для того, чтобы лучше управлять местным населением. Ультиматум, который Халил-паша поставил 26 мая, вероятно, предназначался для использования в этой цели. Как и его племянник, он сослался на душевные страдания «сотен тысяч турок и мусульман в Баку и его окрестностях» и происходящую там «непоправимую трагедию», чтобы оправдать свое требование свободного доступа к Закавказской железной дороге. По его словам, ни одно правительство не может оставаться «равнодушным перед лицом таких злодеяний»³. Декларация Грузии о независимости, принятая 26 мая, и декларация о независимости «Южного и Восточного Закавказья», который должен был стать Азербайджанской Республикой, принятая на следующий день, положили конец существованию федерации и связям с Россией. Сам Нури-паша сформировал в Гяндже «азербайджанский» кабинет, который сразу же потребовал «помощи» от турецких войск в освобождении страны от большевиков⁴. Иными словами, формирование «независимых» республик было плодом турецкой инициативы; «освобождение» Закавказья от власти большевиков следует понимать как ликвидацию армян, которые занимали центральное место в экономике региона, а также представляли собой основной источник поддержки Октябрьской революции на Кавказе. Это была на самом деле странная ситуация, которая иллюстрировала крайнюю

раздробленность армянского общества, состоявшего из групп с различными интересами, перед лицом движения пантюркизма, которое было сплоченным, но сдерживалось тем фактом, что его возможности не были равны его амбициям.

28 мая армянский Национальный совет осторожно провозгласил себя «верховным» органом власти в «армянских провинциях» с прицелом на заполнение политического вакуума, создавшегося после ухода русских войск и внесения последнего квадрата территории вокруг Еревана хотя бы как минимального представителя. Этот новый орган власти приступил к организации обороны города. 24 мая армянские войска остановили турецкое наступление в нескольких десятках километров к западу от Еревана в Сардарабаде и на севере в Каракилисе, в тридцати километрах к востоку от Александрополя⁵. Такой неожиданный поворот в ходе боевых действий, несомненно, спас армян от попадания в совершенно изолированной анклав, который бы представлял собой обширный концлагерь, где они бы непременно умерли от голода. Тем не менее у армянской власти не было иного выбора, кроме как подписать 4 июня Батумский договор, что уменьшило «Армению» до территории площадью около десяти тысяч квадратных километров. Вехиб-паша, чьи замечания во время «переговоров» в Батуме приводит Хатисян, откровенно оправдывает инициативу Турции: «Здесь наша кровь, наша религия, наш язык. Это оказывает непреодолимое притяжение. Наши братья в Баку, Дагестане, Туркестане и Азербайджане [здесь термин «Азербайджан», несомненно, обозначает северо-запад Персии]»⁶.

Турецкие амбиции не ограничивались Арменией. Грузия, в которой армянское население было сконцентрировано в Ахалкалаке, Ахалцхике и Тифлисе, представляла собой еще одну цель для Армии Кавказа. Эрнест Паракун отмечает, что «неожиданный» приход немецких войск 10 июня «остановил победный турецкий марш на Тифлис». Напряженные отношения, которые возникли между турками и их немецкими союзниками

¹ Там же. С. 180.

² Там же. С. 178.

³ Там же. С. 182.

⁴ Там же. С. 188–189. 2 июня Вехиб-паша сообщил Энверу о том, что в ответ на просьбу Азербайджана турецкие войска присоединились к борьбе против большевиков.

⁵ Там же. С. 191–194.

⁶ Там же. С. 194–196.

в результате амбиций Турции в Закавказье, здесь переросли в вооруженный конфликт, после чего «победоносные турки проглотили свою гордость, громко скрежеща зубами при этом»¹. Хотя турецкой армии не удалось установить полную блокаду армянского анклава, она постаралась спровоцировать нехватку продовольствия, что привело к голоду и эпидемиям. В период с весны до осени 1918 г. как минимум около двух тысяч человек, в первую очередь армянские беженцы из Османской империи, лишились жизни в анклаве. Маршал Гинденбург, глава генерального штаба немецкой армии с 1916 по 1918 г., пишет, что «ужасные события, ... которые также происходили до конца войны в армянской части Закавказья, ... турки считали просто внутренним делом»². В конце мая 1918 г. австрийский дипломат заявил, что по информации, полученной из Берлина, «Тур-

ция хочет полностью присоединить Кавказ и истребить армян всеми мыслимыми средствами»³.

В августе вице-маршал Помянковски, австрийский полномочный представитель и военный атташе в Турции, отмечал, что необходимо «защитить армян на Кавказе не только от убийств, но и от голода»⁴. После турецкого весеннего наступления полмиллиона армян, в основном женщины и дети, разбросанно проживали по всему Северному Кавказу; Ереван пытался убедить немцев разрешить этим беженцам вернуться в свои дома до наступления зимы. Армения также обращалась в Берлин за помощью, чтобы заставить турок оставить некоторые районы Еревана и Александрополя, в которых имели место ежедневные поборы, и изо всех сил старалась получить поставки продовольствия, которые не могли достичь цели⁵.

Турецкие военные операции в иранском Азербайджане весной 1918 г.

Хотя первое наступление Османской империи в Азербайджане весной 1915 г. было остановлено русскими войсками и батальонами армянских добровольцев под командованием генерала Назарбекова, вакуум, создавшийся в конце декабря 1917 г. после отступления русской армии, привел к новой турецкой оккупации. Как и на Кавказе, младотурки вновь активизировали свои локальные сети и призвали иранских демократов поддержать их кампанию. Захват Вана 4 апреля 1918 г. положил начало

турецкому наступлению в Азербайджане и вызвал поспешное бегство двадцати пяти тысяч армян, которые летом 1916 г.⁶ вернулись в свои дома вместе с приходом русской армии. В феврале и марте 1918 г. османская 6-я армия под командованием генерала Али Ихан-паши [Сабиса], который был печально известен поборами, которые он совершил, в частности, в области Мосул⁷, наступала вдоль северных и южных берегов озера Ван; и генерал ускорил наступление с 1 апреля. После ухода русских войск на защите всего

¹ Там же. С. 204. Сообщается, что Берлин пригрозил вывести всех своих офицеров из турецкого контингента, что Энвер приказал освободить немецких пленных, удерживаемых в Карсе, и отказался от идеи взять под свой контроль грузинскую железную дорогу. SHAT, Service Historique de la Marine, Service de renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 235, doc. N° 1992, Constantinople, le 16 avril 1918, «La politique pantouranienne», d'Ernest Paraquin, p. 6.

² A.A. Türkei 183/51, A28553, N° 1178, 3 juin 1918 1918: *Dadrian V.* Op. cit. P. 555, n. 17.

³ Österreichisches Staatsarchiv, 10 Russland/155, N° 61/P.A. Делеша посла Гогенлое от 29 мая 1918 г. министру Буряну; Там же. С. 556, примечание 19.

⁴ *Ibid.*, n. 20; Kriegsarchiv, KM. Präs. 47/-I/26-1917. Делеша Помянковски от 20 августа 1918 г. начальнику австрийского Генерального штаба.

⁵ *Hovannisian R.* Op. cit. P. 216-18.

⁶ *Golnazarian-Nichanian M.* Op. cit. P. 173.

⁷ APC/APJ, PCI Bureau, d 60-61-62. Перечень обвиняемых, переданный британскому Верховному комиссару в феврале 1919 г., упоминающий массовые убийства рабочих-солдат и гражданских лиц в регионе Мосула. Лейтенант Люттихау, совершивший инспекционную поездку на Восток, упоминает о злодеяниях, совершенных Али Иль-Гасаном, который «в бесчисленных случаях намеренно дал немцам понять, что он не оставил бы в живых ни одного армянина в районе, находящемся под его контролем». A.A. Türkei 183/54, A44066. Pp. 12-13. Рапорт, составленный летом 1918 г. и цитированный Дадрианом: *Dadrian V.* Op. cit. P. 558, n. 25. В своих мемуарах Ихан утверждает, что операции, проводимые в Персии, были предназначены для оправдания Кавказской кампании в глазах немцев. *Zürcher E. T.* Op. cit. P. 95, n. 23.

региона стояло всего лишь две тысячи человек, которые оказали сопротивление только в двух местах, Востане и Ареше, и отступили перед многочисленным противником¹. 23 декабря 1917 г. Франция и Великобритания, несомненно, подписали соглашение, предусматривающее, что Закавказье станет частью британской сферы влияния, но Великобритания ограничилась установлением «Миссии Данстервилля», включавшей сто пятьдесят старших и младших офицеров, далеко на юге, в Хамадане, в целях обеспечения поддержания связи между Багдадом и Каспийским морем². Иными словами, от десяти до двенадцати тысяч солдат 6-й турецкой армии встретили лишь одну-единственную преграду во время их вторжения в Азербайджан: христианские батальоны, состоявшие из армян и сирийцев, которые были сформированы по британской инициативе. В конце марта небольшие силы турецких войск были замечены в Азербайджане, в Ошну. Несколько позднее сообщалось о присутствии тысячи мужчин в Сулдузе; их продвижение на Хой, по-видимому, встревожило местные власти. Иранские демократы, кажется, должны были что-то предпринять в отношении этой операции, которая, как сообщал наблюдатель, «теперь уже (больше) не угрожает никому и ничему, кроме персидской территории, которая не особенно их интересует, и христианскому населению, и это обстоятельство они находят приемлемым»³.

В период 14–27 февраля 1918 г. армяне Салмаста перехватили гонца, который доставлял письмо от местного курдского вождя Сымко, ссылавшегося на будущую интервенцию, которой «не сможет противостоять ни один христианин»⁴. Магдалена Голназарян отмечает, что турки «уже приобрели некото-

рый опыт в искусстве использования курдов для резни и грабежа христиан». Поэтому христиане попытались нейтрализовать Сымко, сделав ему интересные предложения⁵. Попытка, по-видимому, не удалась, поскольку Сымко, который некоторое время работал на русских, напал на двадцать пять тысяч армян из Вана, которые пытались добраться до Кавказа через Джульфу. Остановленные в Котуре, на границе, армяне были окружены Сымко и его людьми: «В тот день Сымко убивал до заката, и река Котур стала красной от крови убитых... Сымко не был удовлетворен всеми этими преступлениями. Он послал своих всадников в армянские деревни вокруг Хоя, чтобы убить больше армян»⁶. Это свидетельство очевидца, однако, не отмечает, что в число двадцати тысяч беженцев входил вооруженный состав, который оказал сопротивление 700–800 людям Сымко. По словам одного из армянских беженцев, четыре сотни заключенных, в основном гражданских лиц, были убиты в этот день, 11 апреля 1918 г., а остальные были отправлены на пополнение рядов османских армян, проживавших в армянских селах на равнине Салмаст⁷.

Основная часть турецких сил официально не вступала в Персию до мая; их официальной целью было «освободить персов от помехи в лице вооруженных христианских сил»⁸. Несколько десятков тысяч сирийцев, возможно, тридцать пять тысяч, проживали на равнине Салмаста и Урмии после их бегства из южной части вилайета Ван в 1915 г. там проживали по меньшей мере столько же армян, уроженцев и беженцев⁹, которые составляли преимущественную цель для османской 6-й армии. Благоприятный повод представляли имевшие место ожесточенные столкновения между несторианами

¹ *Arsen-Trchnig*. Les derniers événements au Vasbouragan et l'exode (en arménien), Bibl. Nubar, dossier P. 1/4, f° 1. По сведениям Арсен-Трчнига, от 3000 до 4000 человек, которые были не в состоянии ходить, были отправлены на остров Лим; ему неизвестно, что случилось с ними (ibid., f° 3).

² L.C. *Dunsterville*. Military Mission to North-West Persia, 1918, in *Journal of the Central Asian Society*, VIII/2 (1921), Pp. 79–98.

³ Telegram from Lecomte to the MAE, Tehran, 24 April 1918, Телеграмма Локонта из Тегерана от 24 апреля 1918 г. в МИД. AMAE, N. S. Perse, vol. 21, f° 317; *Golnazarian-Nichanian M.* Op. cit. P. 176.

⁴ *Vazgen*. Борьба за существование в Атрпатакане, Айреник, декабрь, 1930. С. 157 (на арм. яз.).

⁵ *Golnazarian-Nichanian M.* Op. cit. P. 171. Согласно источнику, сирийцы тщетно предлагали ему 300 винтовок.

⁶ Mohammad Amin Riāhi, *Târikh-e Khoi* [History of Khoi], Tehran 1372 (1993). Pp. 504–505. Автор использовал блокнот Моллы Джафара-э Хойи, свидетеля указанных событий. Источник сообщает о 7000 беженцев. Согласно другому источнику, их число равнялось 15 000 (ibid., p. 504, p. 7). По сведениям сестры Мари де Лапейриер, Сымко отправился из Маку в Салмас 8 апреля, сопровождаемый своими людьми. Archives de la Mission Lazariste, «Compte-rendu des événements qui eurent lieu en Perse, années 1918–1919». Pp. 37bis-40.

⁷ *Arsen-Trchnig*. Doc. cit., f° 3. Арсен-Трчниг утверждает, что при паническом бегстве в Салмас беженцы бросали свое имущество.

⁸ *Golnazarian-Nichanian M.* Op. cit. P. 169.

⁹ *Arsen-Trchnig*. Doc. cit., f° 3.

и мусульманами, происходившие на волне убийства 17 марта 1918 г. несторианского Мар Шимуна пресловутым Сымко; за ними последовали массовые убийства гражданского населения и грабежи, особенно в мусульманских селах Джара и Сома, где обычно прожигал Сымко¹. Можно, конечно, спросить, почему религиозный лидер Джелос был убит, и предположить, что эта провокация, которая породила спираль насилия, была организована младотурецкими сетями в Азербайджане. Как бы то ни было, местные армяне и османские беженцы, которые сначала пытались держаться на расстоянии от конфликта, в конечном счете были сметены во время наступления.

4 мая часть 6-й армии прямо угрожала Салмасту и его главному городу Дильману, а также городу Урмию. Турецкой армии противостояли силы, состоявшие из армянских добровольцев (прежде всего из Вана) и сирийцев, которые защищали город в течение более одного месяца. 21 июня их защита рухнула, что привело к массовому бегству десятков тысяч армян и сирийцев. Вскоре после этого батальон под командованием генерала Андраника достиг местности вблизи селения Хой, в тридцати километрах к северу от Салмаста, но к тому времени регион уже был покинут его христианскими жителями. Жители нескольких деревень пали жертвами массовой резни, и армяне из Салмаста и Хоя, а также беженцы из Вана бежали в Урмию². После первого столкновения с 6-й армией под командованием Али Ихсан-паши, которое произошло 23 июня, армянские силы возвратились в Джульфу вместе с беженцами, которых они встретили по пути.

Напрасное вмешательство генерала Андраника, совершенное вопреки советам Еревана, предоставило, по словам Магдалены Голназарян, «отличный повод для мобилизации персов против "захватчика"» и массовой резни местного армянского населения³. По словам М. Рияхи, прибытие генерала Андраника было объявлено во время торжеств, организованных в Хое 21 июня для празднования поражения христиан в Салмасте. В тот же вечер турецкие солдаты организовали антиармянскую облаву в Хое. Армян выгнали из их домов, вывели из города и жестоко убили всех до единого⁴.

В Урмии, где десять-двенадцать тысяч регулярных войск и около трех тысяч нерегулярных войск, которые были набраны из числа жителей области, столкнулись с немногим более четырех тысяч сирийских и армянских бойцов, ситуация была критической, тем более что город также подвергался давлению десятков тысяч беженцев с равнин, располагавшихся на севере. Начиная с 18 июля 1918 г. после нескольких дней боев шестьдесят-семьдесят тысяч беженцев покинули Урмию и направились в Хамадан, где, как они надеялись, англичане защитят их. 31 июля, когда турецкая армия вошла в город, там оставалась только одна тысяча христиан, которые недавно принимали беженцев в местных зарубежных миссиях. Епископ Зонтаг и около шестисот сирийцев, которые собрались во французской миссии, были уничтожены⁵. Кроме случая Хоя, казалось бы, регулярные турецкие войска не участвовали напрямую в массовых убийствах, а скорее стремились натравить местные племена против христиан.

Оккупация Тавриза турецкими войсками и захват армянских заложников

В 1918 г. Тавриз, резиденция правительства провинции Азербайджан, мог похвастаться крупной, давней, хорошо интегрированной армянской общиной, которая тем не менее не спаслась от турецкой власти в регионе. По современным данным, атмосфера в городе была напряженной после публика-

ции подстрекательских статей о событиях в Салмасте и Урмии в ежедневной газете «Келид-э Саадат», которая прилагала усилия к «разжиганию враждебности по отношению к христианскому населению Тавриза, крупнейшую часть которого представляли армяне»⁶.

¹ Там же.

² Там же. С. 168.

³ Там же. С. 169.

⁴ *Riāhi, Tārikh-e Khoi*. Op. cit. P. 508; *Golnazarian-Nichanian M.* Op. cit. P. 169.

⁵ Там же. С. 178–180; *Arsen-Trchnig*. Doc. cit., ff. 6–7. Под давлением французского и американского правительств в октябре 1919 г. власти Персии начали следствие для установления лиц, виновных в совершении указанных массовых убийств; в ходе следствия обнаружилось, что местное население было вовлечено в указанные злодеяния (*Golnazarian-Nichanian M.* Op. cit. Pp. 179–180).

⁶ Там же. С. 180–181.

Здесь пропагандисты пантюркизма были также активны. Врач из Баку, д-р Мелик-Асланов, провел в Армянском театре собрание перед взволнованной аудиторией на тему «Победа ислама над христианами». Чтобы противостоять провокациям подобного рода, армянская община немедленно организовала в том же театре вечернюю благотворительную акцию под названием «Шаб-э Иран» [Иранская ночь] в пользу бедных персов. Патриотические выступления и пение гимна конституционной революции, возможно, помогли преодолеть «негативные последствия турецкой пропаганды»¹. Во всяком случае, около сорока турецких солдат появились в Тавризе только 7 июня 1918 г. Через несколько дней иностранные граждане получили приглашение покинуть город, в то время когда турецкое присутствие там становилось все более заметным.

Первоначально турецкая армия повела себя дисциплинированно и следила за сохранением закона и порядка. В июне 1918 г. П. Франссен отмечает, когда турецкие войска с триумфом вступили в Тавриз, «армянским видным деятелям города было направлено письмо, подписанное так называемым Комитетом Отмщения, в первую очередь состоявшего из мусульман, которые пришли с Кавказа; авторы письма требовали от армян в течение двадцати четырех часов перевести десять тысяч туманов в пользу вышеупомянутого комитета, прибавляя, что в противном случае епископ и армянские видные деятели будут нести ответственность за все происходящее... Вечером следующего дня, в субботу, они начали нападать на армян». Несколько армян были убиты таким образом².

Территория нейтральной страны, такой как Персия, была, если можно так сказать, открыта для всех и каждого. Хотя Стамбул и нашел отличный предлог для военного вмешательства в регионах Хой, Салмаст и Урмия и изгнания их христианского населения, чиновникам становилось все труднее оправдать оккупацию Тавриза из опасений слишком открыто заявить об амбициях пантюркизма. Обращение за подписью Туфикбея, командира части, дислоцированной в Тавризе, было расклеено в городе 23 июня 1918 г. Это обращение дает некоторое представление об аргументах, выдвигаемых

младотурками: «Основная цель османской армии состоит в том, чтобы отодвинуть англичан от персидской территории, на которой проживают наши мусульманские братья под руководством правительства, которое также является мусульманским и в то же время чтобы прийти на помощь жителям Тавриды»³. Таким образом, это было обращение исламской солидарности перед лицом агрессора, преобладавшего там, без упоминания об идеях тюркизма. Безусловно, иранские демократы, такие как Белури, которые были верными союзниками турок, необязательно по достоинству оценили другую формулировку. Усилия младотурецких вербовщиков по набору из рядов структур, таких как «Эттехад-э Ислам» (Союз ислама), которые должны были подчиняться приказам турецких властей, не дали ожидаемых результатов⁴.

Другое обращение, опубликованное в Тавризе 30 июня 1918 г. османским военачальником Мунир-беем, иллюстрирует радикализацию дискурса исламской солидарности: «Само собой разумеется, что все мусульмане должны принять участие с преданностью и настроениями, достойными их, в священной войне, которая в настоящее время ведется против истинных врагов ислама, и должны вырезать их в целях предотвращения реализации ими своих коварных намерений и жестоких тиранических проектов»⁵. Магдалена Голназарян отмечает, что «официальные представители стран Антанты уже покинули Тавриз» и что «армяне, огулом отнесенные к "врагам ислама", составляли единственную крупную христианскую группу в городе»; как таковые, они были здесь основной мишенью. Зато военные власти были способны выразить себя с меньшими ограничениями. Эти едва завуалированные намеки приняли открытую форму в другом обращении, опубликованном 7 июля 1918 г. и снова подписанном Мунир-беем. Оно показало реальные цели военного вторжения в Азербайджан: «Проклятые бешеные армяне всегда делают все возможное, чтобы нарушать политические и религиозные права наших бедных братьев в Азербайджане. Более того, они пытаются захватить их земли. Победоносная армия Османской империи, которая стремится защитить нашу святую религию и освободить»

¹ Там же. С. 182.

² Там же. С. 185.

³ Отец Франссен дает перевод в своих *Mémoires d'un missionnaire*. P. 79. Там же. С. 185.

⁴ Там же. С. 186.

⁵ Там же.

наших братьев-мусульман в Азербайджане, а также ликвидировать армян, уже осадила город Урмию... Слава Аллаху, все они были убиты в результате небольшого нападения наших турецких героев»¹.

В соответствии с практикой, утвержденной в Османской империи, военные власти также угрожали наложить «жесткие санкции» на тех, кто осмеливался оказать неверным помощь любого рода². Такого подстрекательства к насилию, однако, было недостаточно для того, чтобы усилить враждебность к армянам более определенного уровня. Прибытию в начале августа Али Ихсан-паши предшествовало требование Мунир-бея, который потребовал, чтобы епископ Франссен предоставил ему 84 армянских заложника, отобранных из числа армянских видных деятелей, в соответствии с приказами, которые он получил от своего начальника. По информации Магдалены Голназарян, Ихсан-паша имел основания опасаться актов мести за массовые убийства, которые были совершены в провинции по его приказу. Армянская община восприняла это требование как первый акт предопределенной смерти. Армянам было трудно избавиться от образа внутреннего врага, навязанного младотурецкой пропагандой. Архиепископ Мелик Тангян и епископ Франссен тщетно пытались убедить турецких военачальников в бессмысленности захвата заложников. У них не оставалось иной альтернативы, как просить принца и губернатора Тавриза ходатайствовать перед турецкими властями и «поручиться за лояльность своих армянских подданных по отношению к оккупантам». В конечном счете Мохташаму оль-Салтане и Эхзаму оль-Молку, казначею принца, удалось сократить количество требуемых заложников до десяти³.

В течение девяти дней подряд Епархиальный совет поддерживал постоянный контакт с иранскими властями, которые в этом случае продемонстрировали свою явную готовность защитить своих армянских подданных. Магдалена Голназарян отмечает, что,

без сомнения, благодаря участию со стороны центральных властей «общине удалось избежать наихудшего, и заложники никогда не были в опасности»⁴.

Когда Ихсан-паша официально вступил в Тавриз 11 августа, среди встречающих была и делегация, представляющая армянскую общину. Речь, с которой генерал обратился к встречающим его делегатам, была предельно откровенна: «Я благодарю вас за то, что пришли, чтобы приветствовать меня, но послушайте то, что я собираюсь сказать вам: прежде всего, докажите истинность ваших слов вашими делами. Вам неизвестно обо всех страданиях, которые армяне Урмии, Салмаста и Хоя обрушили на мусульман... В качестве возмездия мы убили армян Хоя, и я отдал приказ вырезать армян Маку. Если вы хотите хорошего к вам обращения, обеспечьте обещания, которые вы только что дали. Если вы этого не сделаете, я не могу предложить вам никаких гарантий»⁵.

Сразу после прибытия Ихсан-паша справился о передаче заложников, которые до сих пор были в руках его демократических союзников, и потребовал, чтобы армяне Тавриза выплатили дань в сумме 60 000 туманов. Как и в случае заложников, власти выступили против этого требования со стороны оккупационных сил, поскольку, по-видимому, они опасались, что эта мера будет распространена и на персидских бизнесменов. Кроме того, в своем сообщении от 8 марта 1919 г. французский консул в городе Тавризе отмечает, что в ходе беседы с архиепископом Тангяном, которая состоялась через несколько дней после прибытия турецкого военачальника, Ихсан-паша заявил следующее: «По моему приказу вырезано полмиллиона ваших единоверцев. Я могу предложить вам чашку чая, если хотите»⁶. Хотя генерал явно стремился преувеличить свои деяния, он открыто выразил идею, оживляющую ряд младотурецких военных кадров. Подполковник Эрнест Паракуин, в свою очередь, отмечает желание комитета иттихадистов исключить немцев из своей деятельности в «персидском Азербайджане,

¹ Там же. С. 186–187.

² Там же. С. 187. Франссен представляет часть заявления Мунира, в котором упоминается о «шести врагах Ислама» из Джулфы, повешенных «османской армией» за предоставление помощи «неверным». (Mémoires, p. 82).

³ Там же. С. 188–189.

⁴ Там же. С. 190.

⁵ Mémoires, p. 92. Там же. С. 190. Текст речи упоминается в подтверждающем докладе французского консула Саугона, отправленном в Министерство иностранных дел Франции 8 марта 1919 г.; оценка Саугона незначительно варьируется. AMAE, série E. Levant, 1918–1940. Arménie 4, 1919, ff. 41–2.

⁶ Ibid., f° 43.

который, по мнению младотурок, был их собственной сферой влияния», до такой степени, что фактически немецкий посол Берншторфф был обеспокоен тем, что назначение немецкого консула в Тавризе могло «вызвать новые проблемы с турками»¹. Даже больше, чем на Кавказе, Стамбул хотел иметь возможность действовать в Азербайджане без вмешательства извне. Только после Мудросского перемирия, подписанного 30 октября 1918 г., турецкий экспедиционный корпус начал покидать Тавриз².

Человеческие и материальные затраты на оккупацию Азербайджана были обширны. Можно, не искажая факты, утверждать, что многовековому армянскому присутствию в регионах Урмии, Салмаста, Карадага и Маку был нанесен удар, от которого армяне так и не смогли оправиться³. В этом регионе Ихан-паша угрожал смертью «сардару» и другим ханам, поскольку они предоставили убежище армянам. В Кешмиш Тейп, как сообщает «сардар», «османские солдаты, прибывшие из Баязида, и османские эмигранты, проживавшие в Маку... совершили нападения и отвратительные деяния», вырезали пятьсот человек, а затем разграбили их имущество и близлежащий монастырь Св. Фаддея, который был захвачен турецкими солдатами⁴.

По сообщению М. Ряхи, в Хое и близлежащих деревнях, несмотря на вмешательство некоторых «мудрецов города», армянское население было вырезано в день прибытия турецких солдат курдом «Сымко и его

людьми, несколькими фанатиками в городе, и лицами, находящимися под влиянием османской пропаганды»⁵. Местные жители, оказавшие теплый прием своим турецким «освободителям», быстро озлобились, когда их заставили обеспечивать содержание этого экспедиционного корпуса. В своих мемуарах Молла Джафар, житель Хоя, пишет, что в среду, 10 июля 1918 г., «османские солдаты обнаружили семь армян в доме Мешади Халил-ага, сына Хаджи Фатх олла-э Маку-йи, который жил в доме на улице Макбаре. Солдаты обнаружили двух армян спрятанными в колодце и еще пять в подвале. Хозяин дома был в Маку. Солдаты арестовали его сына Хаджи-ага, начальника полиции, ...на той же улице они поймали пять других армян и убили их всех»⁶. Сообщение, которое архиепископ Тавриза Мелик Тянян представил католикосу 19 июня 1919 г., включает общий итог, подтверждающий информацию, доступную из других источников: пятьсот человек были убиты в районе Маку, где женщины и дети были обращены в ислам; тысяча человек были вырезаны в Хоя и окрестностях, и неопределенное число было обращено в ислам; пять тысяч жителей Салмаста, Урмии, Сулдуза и Совудж-Булака умерли во время перехода в Хамадан и Бакубу; тридцать деревень в районе Карадага были разграблены, и шестьдесят человек были убиты в Агагане. К середине июня 1919 г., почти половина из тридцати тысяч армян Азербайджана умерли или отправились в изгнание⁷.

Турецкие военные операции в провинциях Елизаветполя и Баку летом 1918 г.

Генерал Корганов, бывший заместитель начальника штаба на Кавказском фронте, считал, что турецкие войска потеряли драгоценные месяцы, поскольку хотели «заставить Армению сдаться», прежде чем вклю-

чить в свою «основную задачу» взятие под свой контроль региона персидского Азербайджана и Баку⁸. Мы можем добавить, что это сопротивление также сделало невозможным для турецких войск использовать

¹ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 235, doc. № 1992, Constantinople, le 16 avril 1920, «La politique pantouranienne», d'Ernest Paraquin, p. 12.

² *Golnazarian-Nichanian M. Op. cit.* P. 191.

³ Доклад, отправленный французским консулом Саугоном в Министерство иностранных дел Франции 8 марта 1919 г. (АМАЕ, Аsie 1918–1940, Perse, vol. 16, ff. 21–23), цитированный Голназарян-Нишанян (*Golnazarian-Nichanian M. Op. cit.* P. 200, n. 19), дает справедливую полную оценку в отношении потерь сирийцев и армян.

⁴ Там же. С. 200–201. Источник цитирует доклад от 27 декабря 1918 г. из архива армянского архиепископства Тавриза.

⁵ *Riâhi, Târikh-e Khoy. Op. cit.* P. 505; *Golnazarian-Nichanian M. Op. cit.* P. 201.

⁶ *Riâhi, Târikh-e Khoy. Op. cit.* P. 515; *Ibidem.*

⁷ Archives centrales d'état d'Histoire de l'Arménie, fonds 57, vol. 5, liasse 198, ff. 1a-2a: *Ibidem.* Pp. 202–203.

⁸ *Korganoff G. La participation des Arméniens à la Guerre mondiale sur le front du Caucase (1914–1918)*, Paris, 1927. Pp. 172–173.

железную дорогу, которая следовала вдоль реки Аракс, для быстрого наступления на Баку, заставляя их следовать по Северной Армении и делать бросок вниз по долине реки Куры к Елизаветполю (Гянджа), где заседало «азербайджанское» правительство, контролируемое Нури-пашой, братом Энвер-паши. Это вызвало задержку, которая, несомненно, позволила большевикам 25 апреля 1918 г. ненадолго взять под контроль Баку. Во время военной конфронтации турок и большевиков Комиссариат по делам Закавказья во главе со Степаном Шаумяном подал в отставку 31 июля, и войска большевиков покинули район¹. В результате противостояние между армянами и татарами приобрело характер столкновения. 5 августа генерал Мюрсель-паша попытался прорваться через линию фронта и сделать бросок на Баку, но был отброшен силами, которые почти исключительно состояли из армян. Прибытие британских подразделений, которые были заинтересованы в захвате города и его прибрежных запасов нефти, а также договор от 27 августа между большевиками и Германией, который, в частности, гарантировал немцам поставки нефти, значительно осложнили ситуацию. Большевики поставили условие, что немцы должны предотвратить оккупацию Баку «третьей силой» (Турцией). Иными словами, все стороны хотели контролировать город, или, точнее, хотели помешать «другим» его захватить; однако ни большевики, ни немцы не были способны его защитить. Судьба Баку была, так сказать, оставлена в подвешенном состоянии, и его большая армянская община, которая, с его крупными нефтяными магнатами и рабочим классом, будучи далека от того, чтобы быть единым целым, поняла, что ее физическое и экономическое существование находится под угрозой. Дело приняло форму перетягивания каната между немцами и турками; конфликт был настолько острым, что великому визирю Талаат-паше пришлось выехать в Берлин, чтобы договориться о признании «особых интересов» своей страны в отношении мусульман России и «османского» влияния в Закавказье².

В то время как Талаат-паша оформлял соглашение, предусматривающее создание «отдельных государств» «на Северном Кавказе и в Туркестане», признающее турецкие интересы в Крыму и призывающее к остав-

лению Персии и «Азербайджана» (после завершения операций против англичан), Энвер-паша приказал своему дяде Халил-паше взять бразды правления наступления на Баку. 14 сентября малочисленные британские силы генерала Данстервилля выдвинулись в Энзели, Персию, оставив город почти так же быстро, как и захватили, бросив гражданское население на произвол судьбы. Халил-паша, его племянник Нури-паша и генерал Мюрсель не спешили брать город. Есть все основания полагать, что они намеренно позволили Баку «урегулировать свои счета», иными словами, что они поощряли последовавшую кровавую резню, в результате чего были убиты от десяти до двадцати тысяч армян. Войска вступили в Баку лишь 16 сентября и не встретили сопротивления³. По сведениям из наиболее надежных источников, регулярные войска ограничили контроль простого народа. Дипломатическая нота большевиков, осуждавших военные преступления, совершенные турецкими войсками в районах Карса, Ардагана, Батума, судьба которых, как предполагалось, будет решена позднее путем проведения референдума, стала реакцией на нарушение турками дополнения к Брестскому миру, заключенному с Германией. В ноте также отмечалось, что вторжение в Закавказье представляет собой нарушение самого Брестского мира. Стамбул же утверждал, что поборы, совершаемые в Баку, были делом рук нелегальных бандитских группировок.

Такие дипломатические и военные жесты со стороны и определенное количество замечаний имели здесь место. В первую очередь необходимо отметить, что многие из участников тех событий, особенно Франция и Германия, не имели средств, соответствующих их амбициям, и что два истинных противника в этой борьбе, Турция и большевистская Россия, имели как сходные, так и различные интересы. Оба режима были заинтересованы, хотя и по разным причинам, в ограблении европейских и армянских нефтяных компаний. Русские, вероятно, не были слишком недовольны, видя, как турецкие войска и население делают вместо них их работу. Турки продолжали придерживаться идеи физической и экономической ликвидации армян, с тем, чтобы открыть путь их татарских братьям, теперь обращенным в веру «азербайджанцам», для того, чтобы

¹ Hovannisian R. Op. cit. P. 220–221.

² Ibid. P. 222–225.

³ Ibid. P. 225–227.

проложить путь аннексии Иранского Азербайджана.

Подполковник Эрнест Паракуин, начальник штаба группы Верховного главнокомандующего Восточной армии Халил-паши [Кута], сообщил своему начальству в отчете, написанном между 15 и 17 сентября 1918 г., что во время массовых убийств в Баку генерал Мюрсель, командир пятой дивизии, сообщил ему о планах татар по проведению массовых убийств. Эрнест Паракуин отметил, что только после того, как за армянами охотились на улицах на протяжении трех дней, командир «Армии ислама» ввел военное положение с одобрения Нури-паши. Эрнест Паракуин пришел к выводу, что «массовая резня была запланирована неделями ранее и не имела никакого отношения к тактическим операциям»¹.

Наиболее ярким симптомом логики геноцида, замаскированной под военные кампании, было присутствие Бахаэддина Шакира в Баку. Он прибыл сразу следом за Восточной группой войск для того, чтобы занять пост «генерального директора полиции» в Баку². Есть ли необходимость отмечать, что глава «Специальной организации» был там вместе с двумя своими товарищами по комитету иттихадистов с тем, чтобы подтвердить обещание, которое он дал своим кавказским собеседникам в 1906 г., что он «положит конец важности и влиянию армян на Кавказе»?³ Более чем вероятно, что Бахаэддин Шакир лично координировал бойню в Баку в течение трех дней, предшествующих вступлению регулярной армии в город. Могло даже показаться, что Бахаэддин Шакир стал очень популярен среди туркоязычного населения Баку благодаря «услугам», которые он оказал⁴.

После того как турецкие войска были размещены в Баку и было введено военное положение, правительство Азербайджана отдало приказ арестовать армянскую элиту города: юристов, инженеров, банкиров и бизнесменов. Более того, Нури-паша ввел части

«Армии ислама» в Карабах, где в селах были зарегистрированы массовые убийства⁵. Информация, полученная немецким представителем на Кавказе, указывала на создание системы вымогательства, нацеленной на богатые армянские круги, которые должны были платить деньги за защиту во избежание ареста⁶. Преступники, конечно, воспользовались ситуацией для извлечения прибыли; однако более вероятно, что правительство, контролируемое Стамбулом, начало кампанию, направленную на разорение армянских бизнесменов, поскольку оно не могло официально конфисковать их имущество.

Поражение Германии и марш британских сил по Сирии вызвали резкое приостановление формирования федерации пантюркизма с доминированием Стамбула. Однако вторжение в Закавказье и Персидский Азербайджан позволило Стамбулу приблизиться к завершению программы гомогенизации своей территории и помогло создать однородную туркоязычную единицу.

Данная глава истории подходит к концу описанием события, которое было, по меньшей мере, странным: невообразимого октябрьского визита Халил-паши в Ереван, где он был принят Арамом Манукяном, временно исполняющим обязанности главы Армении. Аршавир Шахатуни, военачальник Еревана, который присутствовал при встрече этих двух людей, предлагает довольно неожиданную версию мотивов, побудивших военного лидера младотурок прибыть в Ереван с выраженной просьбой к Араму о гарантии его безопасности⁷. В эти последние дни войны военное положение турок на Кавказе ни в коем случае не было катастрофическим, поскольку их силы контролировали регион и никакие внешние силы им не угрожали. В лучшем случае, они были обеспокоены по поводу неминуемого поражения своей страны и озабочены по поводу того, как дать отчет за преступления, которые они совершали или поощряли.

¹ А.А. Türkiye 183/54, A34707, 26 septembre 1918. Папорт, адресованный генералу Сеекту, начальнику Генерального штаба в Османской ставке. *Dadrian V. Op. cit.* P. 554, n. 12. Вскоре после этого Паракуин был освобожден Халилом от исполняемых им обязанностей за осуждение массовых убийств в Баку.

² Murat Çulcu, Ermeni Entrikalarının Perde Arkası. «Toriakyan Davası» [L'Histoire des intrigues arméniennes vues de l'intérieur. "Le procès Torlakyan"], Istanbul, 1990. P. 240.

³ См. выше, с. 57.

⁴ Muhittin Bergen, «Bizimkiler ve Azerbaycan [Nous autres et l'Azerbaïdjan]», *Yakın Tarihini* 2 (1962), p. 158. *Dadrian V. Op. cit.* P. 555, n. 15.

⁵ *Ви́рабян А.* Погромы армян в провинциях Баку и Елизаветполя, 1918–1920, Ереван, 203. С. 116, док. 107 (на арм. яз.). Делеша от 9 октября 1918 г. от Аршага Джамалаяна в адрес армянской делегации в Константинополе.

⁶ Там же, с 120–121, делеша от 19 октября 1918 г.

⁷ *Шахатуни А.* Встречи Халил-паши с Арамом. В кн.: Арам, Ереван, 1991. С. 495–506 (на арм. яз.).

ГЛАВА 2

Реорганизация младотурецкой партии незадолго до и вскоре после перемирия

Военные успехи, достигнутые на Кавказе и в Азербайджане, и народный взрыв радости при объявлении о том, что турецкие войска вошли в Баку, на мгновение скрыли тот факт, что для достижения таких результатов на севере Энвер-паша был вынужден ослабить силы на Палестинском фронте, что открыло дорогу британским войскам генерала Алленби. Заняв Иерусалим 9 декабря 1917 г., англичане топтались на месте в течение достаточно долгого периода времени, прежде чем захватить Дамаск 1 октября 1918 г. Падение Болгарии, о котором было официально объявлено 2 октября, вдруг напомнило младотурецкому режиму, что его десятилетняя авантюра нахождения во главе страны близится к концу, по крайней мере в иттихадистском обличье. Тем не менее существование обостренного турецкого этнического национализма на этом не завершилось. Почти все ключевые посты в гражданской и военной администрации страны как в Стамбуле, так и в провинциях, были заняты юнионистами, большинство из которых были назначены во время войны и приняли участие в общей авантюре по причинам, которые были приемлемы в некоторых случаях и в меньшей степени приемлемы в других случаях. 7 октября 1918 г. Талаат-паша и его кабинет ушли в отставку, и на следующий день новый султан Мехмед VI Вахидэддин попросил Тавфик-пашу, бывшего посла Турции в Великобритании, сформировать новый кабинет. По-видимому, султан предпочел закрыть глаза на тот факт, что для лидеров иттихадистов речь шла отнюдь не о передаче власти враждебному кабинету, а лишь о

том, чтобы спрятаться за командой с меньшим количеством крови на руках. Генералу Иззет-паше, бывшему военному министру и близкому соратнику Энвер-паши, было приказано 9 октября провести переговоры об условиях ожидаемого перемирия. Включив в свой кабинет несколько иттихадистов — Фетхи-бея [Ойкяра] в качестве министра внутренних дел, Мехмеда Джавида в качестве министра экономики, Хайри-бея в качестве министра юстиции и Гусейна Рауфа в качестве министра военно-морского флота, новый великий визирь заручился поддержкой младотурецких кругов. Не теряя времени. Центральный комитет иттихадистов организовал последний ежегодный съезд партии. С 21 октября по 3 ноября комитет партии «Единение и прогресс» проводил тщательный пересмотр своих структур как в столице, так и в провинциях. Затем он объявил о самороспуске и вновь организовался под названием «Теджеддют Фиркасы» [Партия Обновления]. Его активы были переданы новой партии, возглавленной Фетхи-беем¹.

Официально все отношения между новой партией и КЕП были разорваны. Кроме того, на съезде было ограничено членство бывших членов КЕП, которые были обвинены в «разрушении страны» посредством своих произвольных личных действий и в незаконном приобретении богатства или должностей². Националистическое движение было, очевидно, хорошо осведомлено, что теперь идентификация с КЕП ставила в невыгодное положение³. Поэтому оно было вынуждено дистанцироваться от иттихадистов, даже перенимая младотурецкое идейное насле-

¹ «Жоговурд», 23, 25 октября и 7 ноября 1918 г. (на арм.яз.); *Zürcher E. T. Op. cit.* P. 73. Новая партия была официально зарегистрирована 11 ноября (Ibid).

² Ibid.

³ Ibid. P. 68–69.

дие. Эрик Цюрхер отмечает, что партия «Теджеддют Фиркасы» в основном включала влиятельных членов комитета иттихадистов, отличающихся своими оппозиционными взглядами по отношению к политике, проводимой Энвер-пашой: депутата парламента из Айдына Юнуса Нади [Абах-оглу] (1880–1945), депутата парламента из Эдирне Фаика [Калтаккирана], Галипа Бахтияра, д-ра Тевфика Рюшту [Араса] и бывшего министра внутренних дел Исмаила Джанполата¹. Отметим, что из этих противников авантюризма Энвер-паши, двое последних были близкими соратниками Талаат-паши и были сильно вовлечены в ликвидацию армян. Ясно, что главари КЕП подготовили «вторую фазу войны» в провинциях с использованием как государственных учреждений, так и подпольных организаций². В этом деле они опирались, в частности, на мощную армию на Востоке, дислоцированную на Кавказе, и, в частности, на две дивизии, которые были возвращены из Галиции и Молдавии и соответствующим образом экипированы и подготовлены; они были практически недосыгаемы для войск Антанты³.

Возвращаясь к их практике, принятой в прошлом, лидеры КЕП растворились в кажущихся безобидными организациях с гуманитарной или культурной миссией, таких как «Хилали Ахмер» [Красный Полумесяц]. Председателем этой организации был д-р Эсад [Ишик], его казначеем был д-р Тевфик Рюшту [Арас], в то время как д-р Абдулхак Аднан [Адывар], бывший генеральный инспектор Департамента здравоохранения турецкой армии, служил там в качестве консультанта. Это уважаемое учреждение, по-видимому, обеспечивало прикрытия для тайных платежей и предоставляло средства общения с юнионистами, которые бежали за границу⁴. Другая организация, «Милли Талим ве Тербийе» [Национальная ассоциация обучения и воспитания], находилась под

контролем Эсада [Ишика] и бывшего генерального секретаря комитета иттихадистов Мидхада Шюкря [Бледа]. Эта организация собрала судей и преподавателей вузов, которые, после того как было заключено перемирие, приняли на себя инициативу создания «Милли Конгрэ» [Национального конгресса]⁵. «Тюрк Оджагы», чьим вдохновителем был Мехмед Зия Гёкальп, также спружинил обратно к существованию и сыграл главную роль в организации Национального конгресса с его двадцатью восемью региональными отделениями. Эсад-паша, Ахмед Ага-оглу, Халиде Эдип и Зия Гёкальп с его двоюродным братом Сулейманом Назифом (1870–1927), который занимал должность вали в нескольких регионах и направлял младотурецкие газеты, взялись за реорганизацию младотурецких сетей⁶.

Однако основное решение, принятое лидерами юнионистов, прежде чем они покинули страну, состояло в создании «Каракола» [охраны]. Его цели достаточно четко раскрыли идею, оживляемую в то время. «Каракол» стремился 1) защитить иттихадистов от возможного преследования за их участие в военных преступлениях, перенося их из столицы в провинцию, 2) организовать движение сопротивления в Анатолии и на Кавказе посредством перевода лидеров, денег, оружия и боеприпасов в провинции, и 3) обеспечить защиту прав турецкого населения в областях, которые греки, армяне, французы, итальянцы и англичане угрожали аннексировать⁷.

Именно Талаат-паша взял на себя инициативу основать «Каракол» в ходе встречи на вилле Энвер-паши в Куручесме в последнюю неделю октября 1918 г. Также в этой встрече участвовали выдающийся лидер КЕП полковник Кара Васиф⁸, несгибаемый Кара Кемаль, один из тех, кто руководил финансами партии и большой организатор «Национальной экономики»; полковник Баха Саид, ге-

¹ Ibid. P. 74. Большинство провинциальных комитетов было преобразовано в офисы «Теджеддют Фиркасы». Мазмут Джелал [Баяр] (1884–1987), ответственный секретарь комитета иттихадистов в Смирне и впоследствии член «Специальной организации», отвечал за создание «Теджеддют Фиркасы» в Смирне до того, как он присоединился к кемалистам в Анатолии. Завершил свою карьеру на посту президента республики (1950–1960).

² Ibid. P. 85.

³ Ibid. P. 95.

⁴ Ibid. P. 76–77.

⁵ Ibid. P. 77.

⁶ Ibid. P. 78.

⁷ Zürcher E. T. Turkey: A Modern History. P. 141.

⁸ См. выше, с. 86, примечание 6.

нерал Халил-паша [Кут] и «по данным из некоторых источников», д-р Аднан [Адывар]¹. Перед возвращением в подполье эти люди создали организацию, состоявшую из независимых ячеек, с двумя различными подразделениями, одно из которых стало городским подразделением с центром в Топкапи, возглавляемым подполковником Хюсамедином [Эртурком]. Другое подразделение, называемое «Мензил Хатти» [Линия сообщения], контролировалось Йенибахчели Шюкрю [Огузом]; эта организация запустила систему, которая перенесла кадры КЕП в Анатолию².

Перед тем как покинуть страну, Энвер-паша и Талаат-паша также отдали приказ «Специальной организации» накапливать оружие и боеприпасы в тайных складах в разных местах Анатолии, что было сделано до роспуска организации в октябре 1918 г., когда она была переименована в «Умум Алем Ислам Ихтиляль» [Общая революционная организация Исламского Мира]. По воспоминаниям одного из ее лидеров, Хюсамедина [Эртурка], Энвер-паша отдал приказ поддерживать организацию в неизменном виде и подготовить «вторую фазу войны» со своим дядей Халил-пашой [Кутом] и его братом Нури-пашой [Килигилом], которые имели под своим командованием значительные силы в восточных провинциях и на Кавказе. После перемирия «Специальная организация» оказывала помощь «Караколу», информируя эту организацию о месте, где были спрятаны оружие и боеприпасы, отправляя деньги и предлагая ей извлечь выгоду из умения выходить из трудного положения, когда дело доходило до подпольной деятельности или этнической чистки не-турецких групп населения³.

Тайные склады оружия, созданные по приказу Талаат-паши и Энвер-паши, были

организованы в Ангоре, Кайсери, Эрзуруме, Кастамону и Бандырме под контролем «Специальной организации». Они были предназначены для использования движениями сопротивления⁴.

По сведениям Эрика Цюрхера, подпольная деятельность юнионистов, членов комитета и офицеров османской армии, по-видимому, была согласована с генеральным планом, подготовленным заранее и претворенным в жизнь руководителями партии еще до их бегства из страны. Иными словами, сторонники зарождающегося движения национального сопротивления в Анатолии просто осуществляли план, составленный КЕП⁵. Тот же автор отмечает, что юнионистские политики и офицеры реагировали довольно единообразно: созданием концентрации в Анатолии, мобилизацией общественного мнения вокруг создания национального государства, отказом от демобилизации и разоружения, созданием сети сопротивления и убежденностью в том, что поражение носит лишь временный характер⁶.

Эрик Цюрхер убежден, что все меры, принимаемые Энвер-пашой и Талаат-пашой, были основаны на плане, разработанном еще в 1915 г. для защиты Анатолии, «истинно турецкого отечества». Эта схема, как предполагается, была продумана вплоть до мельчайших деталей, когда весной 1915 г. разразилась битва за Дарданеллы; эта схема предполагала возможный крах турецких сил с прицелом на продолжение войны в Анатолии. Иными словами, Талаат-паша и Энвер-паша просто реанимировали давний план накануне перемирия и доверили его реализацию «Караколу». По-видимому, генералы, такие как Кязим [Карабекир], Али Фуад, Мустафа Кемаль и Якуб Шевки, знали, что они действуют в соответствии с планом, заранее разработанным лидерами КЕП⁷. Это

¹ Zürcher E. T. The Unionist... P. 81–82. Источник ссылается в качестве примера на первую ячейку, созданную Баха Саидом и Кара Васифом в чайной, расположенной напротив мечети Махмуд-паша, и включавшую Кела Али [Четинкая], майора Йенибахчели Шюкрю [Огуза], майора Черкеса Решиды, Рефика Исмаила, майора Севкиятчи Али Ризу, и, по сведениям из некоторых источников, полковника Галаталы Шевкета (командующего Десятой дивизией Армии Кавказа) и Эдипа Сервета [Тёра], члена КЕП с 1906 г.

² *ibid.* P. 82–83. Халид Эдип [Адывар] играл важную роль в этой сети, которая организовывала побег до весны 1920 г., в ее борьбе с британской оккупацией.

³ *Ibid.* Pp. 83–84.

⁴ *Ibid.* Pp. 86. Черкес Этем (1885–1948), сотрудник «Специальной организации», сотрудничал с группировкой Рауфа [Орбея] в Бандырме, базировавшейся на ферме в Салихли, которая принадлежала бывшему лидеру «Специальной организации» Кушчубаши-заде Эшрефу и служила тайным складом оружия.

⁵ *Ibid.* P. 103.

⁶ *Ibid.* P. 104.

⁷ *Ibid.* P. 105. Указанный план детально описывается в мемуарах юниониста Шерефа [Чавуш-оглу].

сводится к тому, что существует связь кровного родства между режимом младотурок и началом националистического движения, слегка завуалированная несколькими косметическими штрихами. Или, если угодно, это означает, что младотурецкие кадры не стали ожидать прихода провиденциального лидера для того, чтобы поставить Анатолию в состояние, в котором она могла бы восстать. Турецкая историография стремится скрыть это явление, чтобы не подорвать образ Мустафы Кемалю, героя, который спас отечество.

Этот план финансировался из военной казны, которую КЕП накопила в ходе мировой войны благодаря теневой финансовой практике, приобретению монополий на зерно, табак, железнодорожные перевозки и, прежде всего, разграблению и присвоению армянских и греческих активов. Немецкий журналист Гарри Штюрмер, который жил в Стамбуле в течение двух лет, в 1915–1916 гг., раскрыл механизм, созданный двумя последующими руководителями Комиссии поставок, Исмаила Хакки и Кара Кемалю, для сохранения средства для Центрального комитета иттихадистов. Хакки и Кемаль основали «Бакалейный» союз [лавочников], полуофициальную организацию, которая искусственно создавала нехватку продовольствия, чтобы выгодно спекулировать на повышении цен; и результат принес огромные прибыли¹. В документе Британской секретной службы отмечается, что ос-

новными бенефициарами этих монополий были члены КЕП². Такая практика, достойная преступников, представляла собой один из главных пунктов обвинения младотурецких лидеров, когда Пятая комиссия османского парламента призвала их к даче показаний на слушаниях в ноябре 1918 г.³ Как мы видели, основная задача этого объединения «Эснафс» [Гильдии], основанной в 1915 г. для содействия формированию среднего класса турецких бизнесменов⁴, состояла в конфискации армянских и греческих активов во имя политики «Милли Иктисат» [Национальной экономики]⁵.

Британские источники опять же указывают, что некоторые активы и капитал, полученные в рамках этих операций, были конвертированы в иностранную валюту или французские и британские казначейские облигации в сентябре 1918 г. с помощью стамбульских ростовщиков, таких как Жак Манаш и Аслан Фреско. Эти ростовщики покупали облигации в Швейцарии или Нидерландах по распоряжению своих клиентов, в основном младотурок, чьи документы называются по именам: Мехмед Джавид, Исмаил Хакки, Энвер-паша и пр.⁶

Вполне вероятно, что эти люди осуществляли такие покупки с оглядкой на свою собственную финансовую безопасность. Тем не менее они, без сомнения, также рассматривали это способ для подготовки финансирования заранее задуманного движения сопротивления в Анатолии.

Мудросское перемирие, или Последствия поражения

Подписание Мудросского перемирия 30 октября адмиралом Кальторпом и Гусейном Рауф-беом ознаменовало начало второго этапа войны и передислокации сил,

имеющихся в распоряжении Иттихада. Хотя основные лидеры КЕП покинули Стамбул на немецкой подводной лодке в ночь на 1 ноября, факт остается фактом, что все ключе-

¹ *Stuermer H.* Deux ans de guerre à Constantinople, Paris, 1917. Pp. 107–109.

² Archives nationales (Paris), F12/7962, Turquie (secret) m.a. 44905, Financial, C.X.E.014722. Доклад об «экономических условиях» в Турции, Берне, от 11 января 1918 г. представляет указания на систему, которая была учреждена для обеспечения монополий. Мехмед Джавид и Рахми-бей, вали Смирны, по-видимому, наделили себя привилегией монополии экспорта опиума (*ibidem*, f° 2).

³ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 236. Протокол этих слушаний был частично опубликован в 1933 г. газетой «Vakit» в статье под заголовком «Harb Kabinelerinin isticvabi» [Слушания по делу членов Военного министерства]. Полностью опубликован на турецком языке латинскими буквами Османом Селимом Кочаган-оглу. См.: *Osman Selim Kocahanoğlu. İttihat-Terakki'nin sorgulanması ve Yargılanması (1918–1919)*, İstanbul, 1998.

⁴ *Zürcher E. T.* Op. cit. P. 83.

⁵ См. выше, с. 215 и другие.

⁶ Archives nationales (Paris), F12/7962, Turquie (secret) m.a. 57805, Financial, C.X.E.051596, Genève le 27 septembre 1918, Londres le 2 octobre 1918.

вые посты в государственном аппарате по-прежнему контролировались юнионистами, и эта ситуация поменялась только в начале 1919 г.¹

Список беглецов состоял из тех, кто был сильно вовлечен в поборы, совершенные против гражданского населения во время войны. Он включает следующих лиц: Мехмеда Талаат-пашу, Исмаила Энвер-пашу, Ахмеда Джемалю, д-ра Бахаэддина Шакира и Назима, Азиз-бею, Бедри-бею, Джемалю Азми, вали Трапезунда, Исмаила Хакки, Салиха Зеки-бею, мугесарифа Дер-Зора, Исмаила Мустак-бею, генерального секретаря Сената, Реснели Назим-бею, ответственного секретаря КЕП в Мамурет уль-Азизе и Хайдара Ибрагима, представителя Азербайджана в Стамбуле.

В своем исследовании истоков кемалистского движения Э. Цюрхер отмечает, что с самого начала руководители КЕП, «Специальной организации» и «Каракола» направили военные кадры в провинции, чтобы помочь организовать сопротивление в различных регионах. В частности, он приводит случай инспектора КЕП Енибахчели Нейля, который был направлен в Батум, и его коллеги Филибели Ахмеда Хильми в Эрзуруме². Напомним, что они являлись двумя видными членами «Специальной организации», которые уже активно действовали в Комитете национальной обороны во Фракии летом 1913 г. и в 1915 г. на Кавказском фронте, где Хильми служил помощником Бахаэддина Шакира³. Что касается судьбы турецких войск, которые в соответствии с условиями Мудросского перемирия должны были быть разоружены или размещены в Малой Азии, то следует отметить, что Якуб Шевки [Сюбаси], командир 9-й армии со штабом в Карсе, должен был покинуть Кавказ и провинции Карс, Ардаган, Батум, однако отказался выполнять эти положения соглашения. 26 ноября 1918 г. он даже приказал своим войскам защищать эти три провинции. Когда 25 января 1919 г. он получил второе предписа-

ние покинуть их, он подчинился только после того, как передоверил управление ими руководству «Милли Сура» [Национальный совет], который был только что образован младотурецкими сетями в Анатолии. Он также раздал оружие населению и передал запасы оружия и боеприпасов цитадели в Карсе «новым» властям. Покинув Эрзурум, он создал и вооруженные отряды ополченцев в соответствии с инструкциями, полученными им от иерархии иттихадистов⁴. Таким образом, влияние КЕП в Малой Азии, кажется, было непоколебимо и даже укреплялось непрерывным направлением офицеров-юнионистов, большая часть которых находилась в розыске за военные преступления и которые подтянулись в «Каракол» при соучастии османской администрации⁵.

Политическая реорганизация предприятия иттихадистов в Анатолии нашла выражение в созыве по инициативе «Каракола» «Милли Сура» [Национального совета] 11 декабря 1918 г. Совет собрал представителей шестидесяти трех политических, социальных, культурных и профессиональных ассоциаций, которые, очевидно, были вдохновлены иттихадистами, такими как «Тюрк Оджагы», «Теджедют Фыркасы» и «Милли Мюдафаа Джемийети» [Национальный комитет обороны]. Кроме того, на Совете присутствовали «региональные» организации с заметным исключением либералов⁶. Среди ассоциаций за «Оборону на Востоке» самыми важными являлись «Карс Ислам Шураши» [Совет мусульман Карса], который получил деньги и оружие от генерала Якуба Шевки и «Вилаяти Шаркийе Мюдафаай Хукуку Миллийе Джемийети» [Ассоциация для защиты национальных прав восточных провинций], инициированной Сулейманом Назыфом, двоюродным братом Зии Гёкальпа⁷. Здесь, пожалуй, не стоит отмечать, что цель этих двух организаций состояла в противостоянии созданию армянского государства в шести восточных вилайетах, армянское население которых заплатило за политику

¹ Zürcher E. T. Turkey: A Modern History. Pp. 138–140.

² Zürcher E. T. The Unionist... P. 87.

³ См. выше, с. 198, 246, 252.

⁴ Zürcher E. T. Op. cit. P. 98. Он был уволен лишь 18 февраля 1919 г. приказом генерала Джорджа Милне, гавнокомандующего Британской армией на Черном море.

⁵ Zürcher E. T. Turkey: A Modern History. P. 147.

⁶ Zürcher E. T. The Unionist... P. 75, 89.

⁷ Ibid. Pp. 90–91. Организация Vilayâti Şarkıye Müdafaa-i Hukuku Millıye Cemiyeti была создана 4 декабря 1918 г.; она включала многих депутатов парламента и префектов, и ее официальным печатным органом являлась газета Hadısat (Событие), публикуемая Сулейманом Назыфом.

гомогенизации КЕП своими жизнями и имуществом. Кроме того, младотурецкие сети были очень обеспокоены, как заставить замолчать газеты, которые теперь начали публиковать статьи о политике депортации [«техджир»]¹, осуществляемой младотурецкой партией-государством, то есть о ликвидации армянского населения.

Вся система, воздвигнутая КЕП, не только позволила партии сохранить свое присутствие на османской политической сцене, но в первую очередь работать над уменьшением распространения информации о совершенном геноциде и даже, как мы увидим, сорвать робкие попытки наказать виновных в геноциде, а также тех, кто исполнял их приказы. Турецкое национальное государство было построено в Анатолийском святилище на основе дискурса легитимизации насилия, что было одобрено многими. Конечно, основные лидеры движения и их объективные союзники, курдские и черкесские вожди племен и другие местные видные деятели много бы потеряли, если бы правосудие было осуществлено.

Иными словами, у правительств, которые сменяли друг друга в Стамбуле начиная с октября 1918 г., было чрезвычайно мало пространства для маневра. Султан Мехмед VI Вахидэддин, младший брат Абдул Гамида, который взшел на трон 4 июля 1918 г., провел большую часть своей жизни в своих четырех позолоченных стенах, но, кажется, был полон решимости подтвердить влияние османской палаты. Тем не менее он покорился без увиливания желаниям лидеров иттихадистов, которые навязали в 1913 г. генерала Ахмеда Иззет-пашу, военного министра, в качестве главы правительства. Иззет-паша созвал кабинет, который состоял прежде всего из юнионистов второго эшелона и включал Али Фетхи, Рауф-бея [Орбая] и Мехмеда Джавида. Можно предположить, что этот тщательно подобранный

младотурецкий кабинет не имел иной цели, кроме соглашения о перемирии до уступки своего места. После того как британские и французские Верховные комиссары поселились в Стамбуле, стало очевидно, что новый кабинет министров должен был быть сформирован без иттихадистов. 11 ноября 1918 г. новый Совет министров был сформирован Ахмедом Тевфиком [Окдаем] (1845–1936), который недолго занимал пост великого визиря в 1909 г. и имел политические симпатии, которые представили его подходящим образом. В османском парламенте, а также в верхах гражданского и военного управления по-прежнему доминировали младотурки, и это сделало кабинет и его преемников уязвимыми. КЕП, не колеблясь, угрожал султану и властям даже после того, как его члены были арестованы. Единственным великим визирем в истинном смысле этого слова, появившемся в ходе 1919 г., был Дамад Ферид-паша, который занимал этот пост с 4 марта по 10 октября 1919 г., после того как неоднократно сталкивался с восторгом недоверия², именно при его правительстве младотурки начали привлекаться к ответственности за свои поступки, аресты производились все чаще и чаще, и иттихадистские организации были брошены в изгнание³. По требованию французов и англичан 10 марта 1919 г. османская полиция приступила к арестам Саид Халима; Хайи-бея, бывшего шейха уль-ислам; Мусы Кязима, шейха уль-ислам; Рифат-бея, бывшего министра финансов; Халил-бея [Ментеше], бывшего министра иностранных дел; Ахмеда Шюкрю-бея, бывшего министра народного образования; Ахмеда Насими-бея, бывшего министра иностранных дел; Ибрагим-бея, бывшего министра юстиции; Исмаил Муштак-бея, генерального секретаря Сената; Халил-бея, депутата парламента из Болу; Али Мюнифа, бывшего госсекретаря Министерства внутренних дел; Хильми-бея, депутата

¹ Ibid. P. 91. Ходжа Райф [Динч] (1874–1949), юнионист, депутат парламента из Эрзурума, вернувшийся из Константинополя в конце декабря 1918 г., проявил особую активность в этом отношении.

² La Renaissance, № 80, 5 mars 1919; La Renaissance, № 142, samedi 17 mai 1919; La Renaissance, № 266, 10 octobre 1919. Источник объявил о падении правительства Фериды и его замены Али Риза-пашой. В статье под заголовком «La Dislocation de la Turquie», опубликованной 22 октября 1918 г. изданием *Matin*, генерал Шериф-паша описывает назначение кабинета Иззета как «последнюю маскировку, призванную создать впечатление изменения». Французская разведывательная служба отмечает, что «Комитет, по-видимому, высказал устные угрозы в адрес султана, которого они считал ответственным за судебное преследование партии». Также, вероятно, Файзи, военный комендант города, «был зависим от Комитета» и угрожал префекту полиции, «если аресты членов Комитета» будут продолжаться. SHAT, Service Historique de la Marine, Service de renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 43. Константинополь, рапорт от 21 декабря 1918 г.

³ Zürcher E. T. Op. cit. P. 75.

парламента из Ангоры; Ахмеда Эмин-бея, депутата парламента из Стамбула и главного редактора газеты «Ваки»; Джелал Нури-бея, главного редактора газеты «Атти»; Осман-бея, генерального секретаря Министерства внутренних дел; Фетхи-бея [Окяра], бывшего министра иностранных дел и председателя «Теджеддюза»; Салаха Джимджеза, бывшего депутата парламента; Фуад-бея, директора телефонной компании; Сабанджали Исмаила Хакки, издателя «Истикляль»; Иззет-бея, члена КЕР; Ходжу Гасана Фехми, депутата парламента из Синопа, и Мустафу Решад-бея, директора политического отдела Департамента полиции¹. Иными словами, «крупная рыба» была арестована только после прихода к власти Ферид-паши. Ранее, за исключением д-ра Решида, вали Диарбекира, и Исмаила Джанполата, которые были арестованы 29 января², только те, кто просто выполнял приказы о ликвидации армян, были взяты под стражу: майор Иззет-бей, директор больницы в Ване, был арестован 4 февраля³; Эммануэль Карассо, бывший юнионистский депутат из Салоник⁴, был арестован 6 февраля; Ахмед Джелаледдин-бей, мутесариф Томарзы, 9 февраля⁵; полковник Тевфик-бей, командир Рас уль-Айна, 19 февраля⁶; Назим-бей, глава приюта в Алеппо, 25 февраля⁷; Ибрагим-бей, лидер батальона чете в Измите, 3 марта⁸; и Сабур Сами-бей, мутесариф из Адалы, 11 марта⁹.

В марте и апреле правительство Дамад Фериды взялось за лиц еще более высокого ранга. Был отдан приказ об аресте членов

Центрального комитета иттихадистов и высокопоставленных партийных кадров: Ахмед Ага-оглу был арестован 20 марта¹⁰; Джевад-бей, военный комендант столицы; Юсуф Зия-бей, член Центрального комитета; Неджати-бей, 27 марта¹¹; Ильяс Сами-бей, депутат парламента из Муша, 1 апреля¹²; Нусрет-бей, мутесариф Урфы, 2 апреля¹³; Мидхат Шюкрю-бей, генеральный секретарь комитета иттихадистов; Кучук Талаат-бей и Зия Гёкальп, члены Центрального КЕР, 17 апреля¹⁴. Очевидно, в этот короткий период в определенных либеральных кругах Стамбула существовало реальное желание очистить страну от младотурок, которые оставались на прежних местах, чье криминальное прошлое запятнало образ Османской империи и которые также несли ответственность за свое предсказуемое расчленение государства и значительные человеческие потери. По информации Ахмеда Бедеви Курана, война привела к гибели около пятисот пятидесяти тысяч солдат, почти девятьсот тысяч сделала инвалидами. Более ста тысяч числились пропавшими без вести и еще два миллиона сто шестьдесят семь тысяч человек были ранены¹⁵. В свою очередь, М. Лархер оценивает число боевых потерь в семьсот двадцать пять тысяч (несомненно, включая пропавших без вести), и число тех, кто умер от болезней или чьи жизни были унесены эпидемиями, в двести сорок тысяч человек из общего числа в два миллиона восемьсот пятьдесят призывников¹⁶.

¹ La Renaissance, № 85, 11 mars 1919.

² La Renaissance, № 57, février 1919; SHAT, Service Historique de la Marine, Service de renseignements de la Marine, Turquie, 1B7 231, doc. № 200. Константинополь, рапорт от 30 января 1919 г.

³ Ibid.

⁴ La Renaissance, № 59, 7 février 1919.

⁵ La Renaissance, № 61, 8 février 1919.

⁶ La Renaissance, № 69, 20 février 1919.

⁷ La Renaissance, № 74, 26 février 1919.

⁸ La Renaissance, № 79, 4 mars 1919.

⁹ La Renaissance, № 86, 12 mars 1919.

¹⁰ La Renaissance, № 94, 21 mars 1919.

¹¹ La Renaissance, № 100, 28 mars 1919.

¹² La Renaissance, № 104, 2 avril 1919.

¹³ La Renaissance, № 105, 3 avril 1919.

¹⁴ La Renaissance, № 118, 18 avril 1919. В мае темп арестов замедлился. Среди других арестованных иттихадистов были Мустафа Абдулхалик, который был арестован 27 октября (La Renaissance, № 281, 28 octobre 1919) и д-р Али Саиб, который был арестован 16 декабря (La Renaissance, № 324, 17 décembre 1919).

¹⁵ Ahmed Bedevi Kuran. Osmanlı İperatorlugunda İnkılâp Hareketleri ve Milli Mücadele [Les mouvements révolutionnaires dans l'Empire ottoman et la lutte nationale], Istanbul, 1959. P. 772.

¹⁶ Larcher M. La guerre turque dans la Guerre mondiale, Paris, 1926. Pp. 540, 635. Источник отмечает, что из общего числа 2 850 000 османских солдат 1 565 000 стали дезертирами в ходе Первой мировой войны. La Renaissance, № 68 and 87, 18 février et 13 mars 1919. Источники дают сходную оценку.

Безусловно, эти аресты не помешали «Караколу» организовать побег многих подозреваемых, которые были отправлены «Караколом» в безопасное место в Анатолии. Могло даже показаться, что этой организации удалось внедрить информатора в резиденцию Ферид-паши¹ и что ее военные действия в Анатолии были поддержаны общим командованием армии, с которым организация находилась в «объективном сотрудничестве»².

Роспуск парламента, многие из членов которого были глубоко вовлечены в воен-

ные преступления, стал неизбежным, когда «Теджеддют» провел общее собрание 20 декабря/2 января и решил организовать вотум недоверия против кабинета Тевфик-бея³. На следующий день Мехмед VI подписал указ, объявляющий о роспуске османского парламента⁴. В ноябре — декабре 1919 г. выборы в законодательный орган стали откровенным знаком народной поддержки движения младотурок или его способности влиять на массы: они вернулись в парламент, в котором по-прежнему в большей степени доминировали торжествующие юнионисты⁵.

¹ Zürcher E. T. Op. cit. P. 85.

² Ibid. P. 101.

³ La Renaissance, № 12, 21 décembre 1918.

⁴ «Takvim-i Vakayi», № 3425, 22 Kanunuev.

⁵ Zürcher E. T. Op. cit. P. 80.

ГЛАВА 3

Дебаты в османском парламенте после Мудросского перемирия

Хотя основные иттихадистские преступники бежали в ночь с 1 на 2 ноября¹, Фуад-бей, арабский депутат парламента из Диванийе, подал ходатайство в османский парламента о приводе министров, которые занимали свои посты в годы войны, в Высокий суд Правосудия². Рассматривал ли парламента вопрос о судебном процессе против младотурецких лидеров, поднятый благодаря этому депутату или несколькими партийными кадрами, которые считали это собрание наиболее подходящим местом для инициирования правовых действий, которые можно держать под контролем? Мы попытаемся ответить на этот вопрос, анализируя ход дебатов и замечания, вносимые различными группами, присутствовавшими в османском парламенте.

В то время как большинство обвиняемых лиц действительно были министрами или высокопоставленными государственными чиновниками, и это обстоятельство служило обоснованием для их привода в Высокий суд, также необходимо отметить, что такой вариант развития событий предполагал много преимуществ: поскольку он может быть реализован очень быстро, это позволило парламенту перехватить инициативу, ориентировать дебаты в соответствии с пожеланиями большинства депутатов и тем самым сорвать законодательные инициативы, которые могли бы быть приняты гораздо менее расположенными кругами.

На самом деле османский парламента был на сессии с 10 октября 1918 г., и никаких

шагов не было предпринято еще в течение трех недель, предшествующих отъезду младотурецких лидеров. Об этом позаботился председатель собрания Халил-бей [Ментесе], видный член Центрального комитета младотурок и бывший министр иностранных дел. Помимо ходатайства Фуад-бея, он должен был рассмотреть пятибалльное требование, одобренное четырнадцатью депутатами³, включая двух уцелевших армян и двух греков. Это имело отношение к действиям, совершенным во время войны османским правительством, и привело, в частности, к ликвидации одного миллиона армянских подданных Османской империи, изгнанию 250 000 греков и конфискации их имущества в военное время; массовой резне 550 000 греков из Понта в конце войны, и убийству депутатов, таких как Григор Зограб и Вардгес Серингюлян, в 1915 г. Это требование, которое имело непосредственное отношение к военным преступлениям, совершенным младотурецким режимом в отношении гражданских лиц, оставляя османское государство ответственным за свои действия, было отклонено после бурных дебатов, которые продолжались в течение нескольких сессий, хотя ходатайство Фуад-бея было принято: восемь из десяти пунктов обвинения в обвинительном заключении, представленном в парламента, объявляли КЕП и его младотурецких министров виновными в захвате контроля над государственным аппаратом, решении вступить в войну, заключении тайного соглашения с Герма-

¹ Мустафа Сабри, председатель Хюрриет Иттилаф, объявил на еженедельном «Sabah» (перепечатано в «Нор Кианк» № 107, 3 февраля 1919 г.), что они смогли ускользнуть благодаря Иззету-паше.

² *Dadrian V.* Op. cit. Pp. 505–506.

³ *Meclisi Mebusan Zabıt Ceridesi [Minutes of the Sessions of the Ottoman Parliament]*, 3rd legislature, 5th session, vol. 1, 4 November 1334 [1918]. Pp. 95, 100, 109. См.: *Дадриан В.* Геноцид армян через призму парламентских и историографических обсуждений. Watertown, 1995. С. 7–8 и примечание 1 (на арм. яз.).

нией, вовлечения в финансовые бесчестные действия ради собственной выгоды, наложения цензуры, опубликования ложной информации о ходе войны и так далее. Тем легче отклонить требование, в котором два обвинения, которые более или менее непосредственно касались ликвидации армян и насилия в отношении греков и сирийцев (пятое, о «временном законе о депортации», и десятое, которое относится к созданию и осуществлению преступной деятельности «Специальной организации»), были сформулированы весьма расплывчато, без упоминания основных жертв, и фокусировались, что особенно касается первого обвинения, на арсенале законов, принятых самим младотурецким правительством для того, чтобы узаконить свои преступления или, по крайней мере, провести их как административные меры, обязательные в военное время. Как мы увидим позже, когда будем анализировать заявления, сделанные министрами перед Пятой парламентской комиссией, это был способ избежать привлечения слишком большого внимания общественности к массовым убийствам и упоминания группы, приносимой в жертву, по имени, и в то же самое время попытка провести дебаты на «своем поле», которое палачи подготовили заранее, чтобы оправдать свои действия.

Несмотря на очевидные преимущества такого ходатайства, младотурецкое большинство в парламенте оказывало сопротивление или делало вид, что оказывает сопротивление, прежде чем наконец принять его 4 ноября в качестве основы для своей работы. В ответ на «такрир» [ходатайства], заявленные редкими депутатами из групп меньшинств в парламенте, которые призвали правительство изложить свою позицию в отношении преступлений, совершенных его предшественниками, министр внутренних дел Фетхи-бей [Окяр] заявил, что среди жертв оказались не только армяне, греки или арабы, но также и турки и что правительство будет делать все возможное, чтобы исправить несправедливость и отправить депортированных лиц обратно в их дома¹. Таким образом, он заложил основу для той позиции, которую обвиняемые и, в более общем смысле, последующие турецкие пра-

вительства стали защищать любой ценой в ближайшие месяцы и годы. Это может быть истолковано следующим образом: мы все пострадали в войне; мы собираемся исправить нарушения, наказать виновных и убедиться в том, что такие вещи никогда не повторятся. Столкнувшись с таким подходом, который уже содержит зерно отрицания фактов, армянские депутаты призвали правительство к исполнению своих обязанностей. После принятия ходатайства Фуад-бея депутат из Сиса/Козана Маттеос Налбандян вместе с пятью своими коллегами подал письменное требование о том, чтобы правительство заявило, как оно рассматривает преступление, совершенные после принятия и введения в действие Закона о временной депортации (от 27 мая 1915 г.) и Закона об оставленной собственности (от 26 сентября 1915 г.). Таким образом, они затрагивали поле действий, намеченное ходатайством Фуад-бея, тактика, заслуга которой заключалась в призывании к ответственности их турецких коллег, поскольку она ссылалась на эти два закона, за которые парламент должен был проголосовать, что преступления были совершены. Вопрос, который эти депутаты поставили перед правительством, был более оправдан тем, что текст указа от 26 мая 1915 г. был передан председателю парламента через несколько дней после того, как указ был провозглашен, но был представлен депутатам только после проведения депортаций². Когда депутаты потребовали от правительства предпринять необходимые меры для возвращения оставшихся в живых, которые были разбросаны тут и там, в свои дома, министр внутренних дел отвел, что это займет некоторое время. Без сомнения, эти депутаты не были в курсе того, что закон о депортации, о котором идет речь, был опубликован в официальном виде, в котором умышленно были опущены четыре его статьи, переданные в виде рукописного циркуляра, доступного только для властей, которым были предъявлены обвинения в проведении депортаций. Это было не случайно: четыре секретные статьи содержали инструкции для властей о незамедлительной передаче домов армянских депутатов турецким беженцам и другим группам беженцев³,

¹ Там же. С. 100, 109.

² Там же. С. 12–13.

³ Хайказн К. Казарян, османский академик, который принимал участие в битве Галлиполи и впоследствии был офицером британских сил, особенно с марта 1920 г., в Генеральном штабе британских военно-морских

тем самым давая им понять, что возвращение таких «перемещенных лиц» не ожидается. В любом случае 4 ноября заседание парламента завершилось голосованием об отмене усеченного указа бывшего министра внутренних дел, который впоследствии был преобразован в имперский закон.

Конечно, есть нечто сюрреалистическое в том, что армянские депутаты, чьи очень важные коллеги были хладнокровно убиты, должны были контактировать с палатой, некоторые из членов которой непосредственно участвовали в ликвидации армян и которые, по большей части, извлекли личную выгоду за счет депортированных лиц. Более того, они сделали это для того, чтобы поднять вопрос, который никто не хотел услышать, но который должен был быть поставлен в соответствующей минимальной форме, отвечающей текущим потребностям.

К тому времени было проведено очередное заседание парламента, посвященное этому вопросу. 18 ноября 1918 г. состав кабинета, как мы уже говорили, изменился и больше не включал хорошо известных младотурецких лидеров. В теории, по новому правительству должен был быть проведен вотум доверия. Тем не менее армянские депутаты, в частности Артин Бошгезенян, младотурецкий депутат из Алеппо, чьи предшествующие выступления отличались особой осторожностью, решил поднять вопрос о коллективном убийстве своих соотечественников, задев за живое. В своей очень долгой речи Артин Бошгезенян прежде всего напомнил, что стране в скором времени будет предложено принять участие в Мирной конференции и что было бы лучше, если бы она не появилась там с пустыми руками; что турецкий народ находится в положении обвиняемой стороны и это утверждение вызвало резкие протесты, в ответ на которые говорящий парировал, что его коллеги должны сначала выслушать его и только потом побить, если они того пожелают; что они «сталкива-

ются сегодня с серьезной преступностью, одной из самых печальных кровавых страниц истории Османской империи... армянской резней; что страна в целом в настоящее время несет ответственность за эти действия; что, тем не менее многие турки и, в частности, жители такого города, как Конья, а также некоторых префектур, выступали против распоряжений правительства и пытались защитить армянских беженцев; что правительство придавало законную силу своим программам с помощью своих префектов, местных военных властей, жандармерии, групп чете (освобожденных осужденных, которые собрались в банды) и, в более общем смысле, государственных чиновников; и что поэтому было бы трудно сваливать вину лишь на младотурецких лидеров, тем более что в ряде населенных пунктов население приняло участие в актах насилия наряду с чете. Затем армянский депутат потребовал, чтобы страна перестала поощрять «бесчестных людей», которые продолжали организовывать провокации и выпускать пустые опровержения имевших место преступлений, хотя они их сами совершали. В заключение он сказал, что суть дела заключается в оценке, которая будет вынесена в отношении этих людей; что судьба Турции зависела от того, будут ли они наказаны и что необходимо арестовать виновных, большинство из которых по-прежнему свободно передвигались с полной безнаказанностью¹.

Впервые принимая несколько риторических мер предосторожности, депутат поднял вопрос о ликвидации османских армян. Это не было незначительным вопросом в обществе, характеризующемся тем, что его концепция справедливости и уголовные практики стояли довольно далеко от европейских стандартов. Сама идея о том, что османское государство могло быть обвинено в нарушениях, была для многих немислимой. Реакция некоторых турецких и курдских депутатов, которые вторили официальному дискурсу

сил, в Константинополе показывает в своей книге «Геноцидальный турок» (Бейрут, 1968, на арм. яз.), что Генеральный штаб создавал офисы на площадях Министерства османских военно-морских сил в Казым-паше (с. 6). Он работал под руководством Райана, офицера британской разведывательной службы «Интеллидженс сервис», над архивами «Evrak odasi». Казарян имел доступ и скопировал некоторые хранившиеся там документы, в частности редакцию закона о депортации, включавшую четыре параграфа, которые никогда не были обнародованы, в дополнение к четырем параграфам, опубликованным в редакции закона, подписанной султаном Решадом и великим визирем Саидом Халимом и опубликованной в «Takvim-i Vakayi» (там же. С. 179–180).

¹ Mecisli Mebusan Zabıt Ceridesi [Record of the Sessions of the Ottoman Parliament], 3rd legislature, 5th session, vol. 1, 18 November 1334 [1918]. Pp. 143–161, 109. In: *Dadrian V. The Treatment of the Armenian Genocide*. Указ. соч. С. 56–57.

младотурок о государственной измене армян, чтобы оправдать «наказание», которое было отмерено им, которые считали эти события вторичными, была симптомом неспособности османского общества принять меру массового убийства, которое только что было совершено от его имени. Почти то же самое можно было бы сказать и о согласованной реакции младотурецких депутатов, таких как Ходжа Ильяс Сами, курдский вождь племени из Муша, который, как это выяснилось, когда он был позже привлечен к суду, играл важную роль в убийствах армян его региона¹.

Заседание парламента, прошедшее 9 декабря, было столь же интересным. Все началось с чтения такира, представленного Тиграном Парсамяном, депутатом из города Сивас и бывшим иттихадистом, и Гегамом Тер-Карапетяном, депутатом из Муша, который спасся в 1915 г. Хотя их ходатайство было датировано 5 ноября, оно представляло собой ответ на выступление Ильяса Сами от человека, который хорошо его знал. Было выражено удивление по поводу статистики о количестве армян, которые, по информации их мусульманских коллег, стали жертвами поборов — сто тысяч — при том что как минимум столько же армян было убито только в прибрежной части Понта, от Самсуна до Трапезунда², и напомнил, как были убиты армяне, проживавшие на равнине Муша.

Теоретически заседание, прошедшее 11 декабря, должно было сосредоточиться на насилии, которому были подвергнуты греки, в частности в Текирдаге, Эдирне и Чатадже, но вскоре заседание перешло к рассмотрению армянского вопроса. Наконец, спросил слова Мехмед Эмин [Юрдакул], известный поэт и депутат из Мосула. Будучи талантливым уважаемым оратором, Эмин настойчиво повторил, что акты насилия, совершенные преступной группой, особенно ликвидация армян, не могут быть отнесены к вине правительства, не говоря уже о турецком народе, который, по сути, стал основной жертвой конфликта (он имел в виду,

в частности, боевые потери), и что невозможно сегодня винить за совершенные преступления³. Таким образом, Эмин выразил серьезную озабоченность парламента и его желание очистить имя государства от приписываемых ему преступлений, которые Эмин приписал, в отличие от некоторых своих коллег, группе, которая втянула страну в войну. По сравнению с обычным дискурсом турецких кругов это представляло собой своего рода концессию, которую не следовало воспринимать легкомысленно. На том же заседании депутат из Трапезунда Мехмед Эмин (которого не следует путать с депутатом из Мосула) заявил, что он лично был свидетелем убийства армян в Самсуне, которых губернатор утопил у побережья Черного моря. По его словам, Эмин также узнал о том, что губернатор Трапезунда Джемаль Азми сделал то же самое в своем вилайете⁴. Это сообщение, указывающее на то, что местные власти принимали непосредственное участие в организации массовых убийств, не осталось незамеченным: впервые депутат, который также имел репутацию блестящего юриста, говорил без ограничений.

На следующий день, 12 декабря, парламент снова обсуждал эти вопросы. Эфкалидис, греческий депутат из Текирдага, обратился к правительству, уделяя особое внимание сообщениям о событиях, которые произошли начиная с 1913 г. и все из которых отрицались либо были интерпретированы в тенденциозной форме по меньшей мере: изгнание, начатое в 1913 г., пятисот тысяч греков (и разграбление их имущества) было интерпретировано как добровольный отъезд мужчин, желающих служить в греческой армии; депортация армян, которая была представлена как средство наказания, сходное с проведенным в Ирландии англичанами; минимизация случаев насилия в отношении греческого и армянского населения, когда оказалось, что много жертв было также среди турок, хотя этот вопрос включал, с одной стороны, подданных империи, убитых властями, и, с другой стороны,

¹ Ibid., note 17. В. Дадриан предоставляет точную информацию о преступных действиях Сами и о похищениях им молодых девушек, которых он щедро предлагал своим коллегам в Константинополе. Будучи предан османскому военному трибуналу, Сами был арестован и затем освобожден после того, как он притворился душевнобольным. Впоследствии он был задержан британцами и выслан на Мальту для ожидания судебного процесса.

² Meclisi Mebusan Zabıt Ceridesi [Minutes of the Sessions of the Ottoman Parliament], 3rd legislature, 5th session, vol. 1, 9 December 1334 [1918]. Pp. 257–258, 109, in: *Dadrian V. The Treatment of the Armenian Genocide*. Pp. C. 56–57.

³ Ibid., 11 December 1334 [1918]. Pp. 286–301, in: *Dadrian V. Op. cit.* P. 61–74.

⁴ Ibid. P. 300–301, in: *Dadrian V. Op. cit.* Pp. 70–71.

солдат, павших на войне. Греческий депутат, решивший поставить своих турецких коллег в неудобное положение, спросил, не пытаются ли они убедить себя в истинности того, что они сказали, и не считают ли они, что могут обмануть весь мир таким образом.

Вмешательство Эфкалидиса представляло собой способ занять четкую позицию в то время, когда в столице проходили резкие дебаты против редакторов младотурецких газет в либеральных кругах, как армянских, так и греческих. В следующей речи Маттеос Налбандян, депутат из Сиса/Козана, также стремился отреагировать на статьи, которые выдвинули классический аргумент младотурок: они были предателями, мы должны были принять административные меры, чтобы удалить этих потенциальных предателей из зоны военных действий; нарушения были совершены, когда эти меры проводились, но, когда мы обнаружили их, мы наказали виновных, и так далее. М. Налбандян впервые представил исторический обзор произошедших событий, начиная с ареста и казни всей армянской элиты как в столице, так и в провинциях, систематической депортации всех групп населения, где бы они ни были найдены; ликвидации колонн в Черном море, Тигре и Евфрате и в сирийских пустынях. Непосредственно обращаясь к своим коллегам, Налбандян заявил: «Господа, это — не сказки из *«Тысячи и одной ночи»*, это факты, такие, какие они имели место, и наше уважаемое собрание должно выразить сожаление в связи с ними и заплакать». Депутат продолжил рассказывать, что его собственная семья была депортирована; что он сам выжил только благодаря заступничеству Халил-бея (председательствующему на заседании парламента), который был тогда министром иностранных дел; что в ходе своего путешествия в Константинополь он был свидетелем немислимых сцен — мужчин и женщин в смертельной агонии на дороге, детей, похищенных у своих матерей, и что по прибытии в столицу он описал свои впечатления Халил-бею. Обращаясь к Мехмеду Эмину [Юр-

дакулу], он спросил его, как тот мог сказать, что за эти ужасы несут ответственность лишь три-пять человек и что турецкий народ был жертвой, учитывая, что это был народ, который доминировал в империи, в то время как армяне были среди покоренных народов¹.

Ходжа Ильяс Сами взял слово после Маттеоса Налбандяна. На этот раз депутат из Муша не раскрывал обычный тезис об армянском заговоре. Обороняясь, он впервые разработал тему благожелательности, выказываемой по отношению к меньшинствам религиозными кругами, из которых он сам вышел, взяв в качестве своего (сомнительного) примера армянские погромы 1895–1896 гг. Он также попросил принять во внимание военное положение и уделить внимание причинам, которые привели к актам насилия, направленным против армян. При этом он сделал примирительный шаг, признав преступления, которые были совершены против армян, и в этой его речи отсутствовали обвинения в том, что армяне вырезали турок, обвинения, которыми была усеяна его первая речь. «Я должен, — заявил он, — говорить правду. Да, восточные провинции были преобразованы в кладбище. Тем не менее, — добавил он, — сейчас не время сводить счеты. Это должно быть сделано только после того, как отечество перевяжет свои раны».

Мустафа Ариф-бей, новый министр внутренних дел, который принял участие в этих дебатах, закрыл заседание с замечаниями, которые снова выявили главную заботу турецкой нации отмежеваться от младотурок с уголовно-исполнительной точки зрения: «Как ваше августовское заседание, так и правительство подтвердили, что некоторые из событий, связанных с этим вопросом, действительно имели место. Никто не говорит, что они не происходили. Я полагаю, однако, что если мы пойдем так далеко, чтобы признать, что из миллионов турок сто тысяч [были вовлечены], недопустимо возлагать на всю расу ответственность за действия, совершенные этими ста тысячами человек»².

Работа Пятой комиссии османского парламента

Параллельно с только что рассмотренными дебатами Османский парламента решил создать комиссию по расследованию, из-

вестную как Пятая комиссия. На основе десяти пунктов ходатайства Фуад-бея, которое было принято собранием, Пятая комиссия

¹ Ibid. P. 12, December 1334 [1918]. Pp. 305–317, in: *Dadrian V. Op. cit.* Pp. 74–86.

² Ibid. P. 322, in: *Dadrian V. Op. cit.* P. 86.

провела слушания министров военных кабинетов, все еще проживавших в столице. Насколько нам известно, эти слушания не были сразу опубликованы в «Официальном вестнике» османского парламента, но были скорее переданы в военный трибунал, который в некотором роде осуществлял работу Пятой комиссии в судебной области. Однако, как можно легко себе представить, британские и французские спецслужбы (соответственно SIS и морской SR)¹ с большим интересом следили за работой Комиссии, осуществлявшейся в период с ноября по декабрь 1918 г. В дополнение к официальным публикациям османского парламента, которые были проанализированы американским историком армянского происхождения Ваагом Дадряном, мы также обладаем благодаря этим спецслужбам полным отчетом о допросах пятнадцати министров. Анализ этих допросов богат уроками оборонной стратегии, принятой в младотурецких кругах, даже если эти материалы не раскрывают никаких новых фактов. Они также пролили свет на атмосферу, царившую в Пятой комиссии, и цели, которые парламент пытался преследовать при согласовании ссылок на «злоупотребления», совершенные в отношении армянских подданных империи, даже если эти ссылки утонули в море вопросов, возвращавшихся к методу ведения войны младотурками.

Прежде чем рассматривать работу Пятой комиссии, следует подчеркнуть, что министры, которых она могла допросить, то есть те, кто еще проживал в османской столице, принимали наименее непосредственное участие в преступлениях, совершенных против армян (даже если они были прекрасно осведомлены о фактах). Сами министры указывали на это при каждом удобном случае.

На одном из первых слушаний, состоявшемся 24 и 25 ноября 1918 г., Пятая комиссия допросила Мехмеда Джавида, бывшего министра финансов, который ушел в отстав-

ку в начале ноября 1914 г., как только Османская империя вступила в войну. Это дало ему возможность описать обстоятельства, которые привели ко вступлению Османской империи в войну и отметить, что «агрессия России была просто ложь, взятая из воздуха». Он добавил, что решения были приняты в частном порядке, в доме Саида Халима, а не на заседаниях Совета министров². Далее, в ответ на вопрос Шемшеддин-бея, депутата из Эртуйрула, Мехмед Джавид сделал заявление об условиях вокруг общей мобилизации в империи о том, что указ о мобилизации не был издан по решению Совета министров, а, судя по всему, был инициирован Энвер-пашой, который отдельно уговорил каждого министра подписать проект имперского ирада [письменного указа султана]. Указ был подписан и опубликован в «Официальном вестнике» только после его открытого провозглашения³. Что касается закона о временной депортации, «противоречащего господству закона и человечности, и нарушение буквы и духа нашей Конституции, которая превратила страну в поле трагедий», Мехмед Джавид указал, что он больше не являлся членом правительства, «когда происходили армянские события... Никогда и нигде я никоим образом не одобрял их; каждый раз, когда возникало подобное событие, я выносил эту тему на рассмотрение моих коллег»⁴. Мехмед Джавид продолжал подчеркивать, что после его возвращения на пост министра в 1917 г. он применял «законы и предписания, относящиеся к активам депортированных армян, как можно более великодушно. Я даже убеждал Талаат-пашу, — продолжал он, — разрешить армянам и арабам вернуться в их дома... Я не был министром, <...> когда применялись эти законы»⁵. На всякий случай, в заключение, Мехмед Джавид сказал, что он писал Талаат-паше, когда он был назначен великим визирем, и что Талаат-паша сообщил ему, что новый кабинет «будет следить за неукоснительным

¹ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 236. Эти слушания увидели свет только путем частичной публикации в 1933 г. в газете «*Vakit*» под заголовком *Harb Kabinelerinin Isticvabi* (Допросы сотрудников Военного министерства). Полностью опубликованы на турецком языке латинскими буквами в: *Osman Selim Kocahanoglu*. Op. cit.

² SHM, S.R. Marine, Turquie, 1BB7 236, doc. № 1651 B-9, Constantinople le 24 janvier 1920, le lieutenant de vaisseau Goybet: p. 3 de l'annexe 14; *Itihat-Terakki'nin sorgulanmasi*. Op. cit. Pp. 293–382. Источник также указывает подробности относительно состава комиссии, возглавляемой Абдуллой Азми, и даты слушаний.

³ Ibid. P. 7.

⁴ SHM, S.R. Marine, Turquie, 1BB7 236, doc. № 1654 B-9, Constantinople le 26 janvier 1920, le lieutenant de vaisseau Goybet, annexe 15, p. 10.

⁵ Ibid. P. 11.

соблюдением прав личности и что каждый османский подданный выиграет от прав, предоставленных ему конституционным законом. На данный момент армянский и арабский вопросы, добавил Талаат-паша, «будут решаться по мере того, как это позволяет военное положение, и в скором времени, прежде чем будет заключен мир, они будут решены фундаментальным образом»¹.

На последний вопрос, заданный председателем Пятой комиссии, «об участии в преступлениях, совершенных в результате беспорядочного управления и помощи, оказанной бандам, которые посягали на свободу, жизнь, честь и имущество населения — речь идет о «Специальной организации», Мехмед Джавид дал категорический ответ: «Это не было делом правительства»². Хотя, казалось, он стремился дистанцироваться от коллег по Центральному комитету младотурок, Мехмед Джавид ушел в отставку из правительства в начале войны и, не отрицая преступные планы, направленные против армян, против которых, как он дал своим слушателям понять, он выступал, Мехмед Джавид отметил с некоторым цинизмом, что в 1917 г. он даже помог восстановить права османских подданных, которые исчезли более года назад или проживали в суровых окрестностях в нескольких тысячах километров от их домов. Тем не менее в ответ на ключевой вопрос о «Специальной организации», о преступной деятельности которой он не мог не знать, Мехмед Джавид довольствовался утверждением, что правительство не имело ничего общего с этими бандами. Члены Пятой комиссии, казалось, нашли его ответ удовлетворительным.

Днем ранее, 23 ноября, Пятая комиссия заслушала показания Халил-бея [Ментесе], исполнявшего обязанности председателя парламента³. Сначала Халил-бей отрицал существование Закона о временной депортации, затем признал, что он был обнаружен до того, как он вошел в состав кабинета. На настойчивые вопросы членов Пятой комиссии он в конечном счете ответил, что когда он был председателем парламента,

он «использовал все свое влияние, чтобы улучшить судьбу депортированных...» Он добавил: «Когда я вернулся из Берна, депортации уже были *свершившимся фактом*, и оставались лишь единичные случаи... Если вы спросите армян об этом, я полагаю, что все они расскажут вам о моих усилиях в этом направлении». Наконец, когда его спросили о «Специальной организации», Халил-бей в свою очередь спросил, «в каких регионах были организованы эти банды?», поскольку он не помнил о создании такой организации. Когда ему сказали, что уголовные преступники были освобождены из тюрьмы и наняты с разрешения министра юстиции, он сказал, что он вошел в состав кабинета министров только в октябре 1915 г. и что «в период, в течение которого я был министром, ничего подобного не происходило»⁴. Халил-бей, важный член Центрального комитета младотурок, кажется, был одним из тех, кто выступал против плана ликвидации армян. Тем не менее здесь он ограничился уверением в своей невинности и покрыванием своих коллег.

Саид Халим, первый обвиняемый, который должен был давать показания перед Пятой комиссией, стал великим визирем только в начале 1917 г. Со своей стороны, он не мог прятаться под предлогом, что он поздно приступил к исполнению своих функций, и утверждать, что он ничего не знал. Саид Халим был единственным выдающимся членом военного кабинета в Константинополе, и его показания имели решающее значение. Отвечая на вопрос о его ответственности в государственных делах, он пытался изображать из себя человека, который не имел власти (при этом подразумевалось, что власть была в руках других младотурецких лидеров): «Великий визирь председательствует в Совете министров, но министры обращают на него внимание, только если он им угодит. Они могут быть совершенно глухи к его доводам под предлогом, что обязаны отчитываться только перед парламентом... Никто и никогда не спрашивал моего мнения»⁵. Когда Саиду Халиму был задан вопрос о «конкретных бес-

¹ Ibid. P. 12.

² SHM, S.R. Marine, Turquie, 1BB7 236, doc. N° 1687 B-9, Constantinople le 31 janvier 1920, le lieutenant de vaisseau Goybet, annexe 17, p. 17.

³ Ibid., doc. N° 1724 B-9, Constantinople le 7 février 1920, L. Feuillet, annexe 19, déposition de Halil bey. Pp. 4 et 6; Ittihat-Terakki'nin sorgulanması. S. 265–291.

⁴ Ibid. P. 22.

⁵ SHAT, SHM, S.R. Marine, Turquie, 1BB7 236, doc. N° 1805 B-9, Constantinople le 26 février 1920, Feuillet L. annexe 20, déposition de Saïd Halim. P. 18; Ittihat-Terakki'nin sorgulanması. S. 55–97.

человечных временных законах о транспортировке семей, проживавших вблизи границ или в стратегических местах», он повторил свое официальное утверждение: «Этот закон был принят в целях обеспечения безопасности армии в боевых условиях»¹. Тем не менее последовавшее обсуждение заставило великого визиря взять слово. Депутат Рагиб Нешашиби даже заявил: «Такой временный закон не был представлен парламенту, хотя я был на заседаниях в течение четырех лет подряд. Но такой важный закон должен был быть представлен парламенту ранее всех остальных. Правительство должно наказывать тех, кто мешает передвижениям армии, но почему оно наказывало людей, которые были бессильны отрезать тыл армии? Что побудило его к таким действиям?»

Рыза-бей (депутат от Бурсы), один из коллег Рагиба Нешашиби, напомнил ему, что «данный закон был представлен в парламент. Это закон о депортации». Не будучи убежденным или симулируя невежество, Рагиб Нешашиби тотчас описал тонкое различие: «Существует закон о депортации, но закон, который позволяет командирам армии вешать и убивать, не был представлен в парламент». Рыза-бей чувствовал себя обязанным отметить: «Закон тут ни при чем. Командиры могли, принимая первый закон в качестве основы для своих действий, применять наказание, которое они считали верным»². Упрямо следуя своей линии рассуждений, Рагиб Нешашиби ответил: «Военные трибуналы могли осудить и изгнать определенных лиц. Но разве закон говорит о том, что кто-то имеет право выслеживать женщин и детей в своих домах и казнить их?» Этот резкий обмен мнениями, наконец, заставил Саида Халима произнести после принятия определенных мер предосторожности: «Вы, несомненно, хотите поговорить об армянском вопросе».

Встревоженный председатель поправил формулировку: «Вопрос о депортациях». Тем не менее ответная реакция великого визиря была довольно поучительной: «Вице-генералиссимус [Энвер] и командиры заявили, что присутствие армян представляет опасность для армии и предложили транспортировать их в другое место. Но никто не говорил, что они должны быть убиты. Проблема заключается в том, как закон был применен». Это

был шаг вперед. Рагиб Нешашиби надавил на преимущество: «Но разве вы не слышали, что принятие закона сопровождалось зверствами?» Великий визирь тотчас принял на себя роль соломенного пугала, демонстрируя явные признаки амнезии: «Как и обо всем остальном, и только здесь я узнал об этих зверствах лишь после того, как все закончилось... Только военный министр может объяснить свои мотивы. Вы должны будете получить информацию от него, потому что я не могу сказать ничего такого, что вы сможете найти убедительным. Я больше ничего об этом не помню». В этой связи председатель указал ему на то, что закон был принят Советом министров и что «кто-то, должно быть, представил причины для его принятия. Обсуждался ли этот вопрос на заседании Совета министров?» Поскольку память великого визиря продолжала ему изменять, он наконец сказал: «Да, это все, что я знаю. Когда я вступил в должность великого визиря, я взялся проводить реформы в шести вилайетах... В момент, когда велись дискуссии с послами о законах, которые должны были применяться губернаторами, разразилась война. Так были сорваны важные реформы, которые имперское правительство намеревалось осуществить. Вполне естественно, что правительство, которое твердо решило обеспечить благополучие и счастье своих армянских подданных, должно было после войны осуществить те реформы, которые оно начало перед войной. Следовательно, подходящая политика должна была спокойно дожидаться конца войны. К сожалению, этого не произошло. Комиссии по расследованию были сформированы после того, как массовые убийства армян имели место. Эти комиссии вернулись в Константинополь после выполнения своей задачи. Несмотря на мою настойчивость, министр внутренних дел не захотел сделать результаты расследований достоянием общественности. Я понял, что, до тех пор, пока Талаат-паша возглавляет Министерство внутренних дел, расследования не будут служить никакой цели».

После долгого откашливания и бормотания и несмотря на некоторые эвфемизмы, Саид Халим наконец признался, намекая, что поиск преступников следует сосредоточить на Талаат-паше³.

¹ Ibid. P. 19.

² Ibid. P. 20.

³ Ibid. Pp. 21–22.

Еще один депутат, Нури-бей, тотчас принял эстафету от своего предшественника и спросил великого визиря, имели место события в Сирии и Ираке в силу решения Совета министров? Саид Халим, поправляя себя, сказал: «Эти события никогда и никоим образом не обсуждались Советом министров. Никогда Совет министров не вел переписку с Блистательной Портой в отношении армянского вопроса или сирийского и иракского вопросов». Нури-бей тотчас загнал его в угол: «Тем не менее когда армянский и арабский вопросы замаячили на горизонте, вы утверждали, что они явились для вас причиной для выхода из кабинета». Тогда Саид Халим сказал: «Да, я был шокирован этими двумя вопросами». Нури-бей настаивал: «Вы только что сказали, что арабский и армянский вопросы заставили вас покинуть кабинет». Саид Халим ответил: «Да, перегибы были совершены без моего ведома. Как я мог одобрить такие преступления, как то, что было совершено против несчастного [депутата парламента] Зограба-эфенди? Эта перепалка поставила великого визиря в неловкое положение, который в очередной раз высказал «с ужасом», что он назвал «эти два вопроса» эвфемизмом для ликвидации армян и преступлений, совершенных в отношении части сирийского населения, в частности, в отношении арабской знати Дамаска и христиан горы Ливан. Он пытался покрыть тех из своих коллег, которые были наиболее глубоко вовлеченными, и не смог признать, что он, как минимум, не сделал ничего, чтобы остановить происходящие события¹.

Хотя остальная часть допроса, который касался попыток скрыть военные поражения или территориальные потери, не имеет прямого отношения к нашей теме, ее стоит рассмотреть, поскольку она представляет собой разоблачение османских практик во время войны. Ссылаясь на захват Багдада, который не был обнаружен, Рагиб Нешашиби спросил Саида Халима: «Как могли такие события держаться в секрете от великого визиря»? Не уступая ни пяди, Саид Халим ответил тоном, которого он придерживался с самого начала слушаний: «Безусловно, могли. Они были скрыты от нас так же, как они были скрыты от всех вас». В этой связи Хильми-бей, еще один член Пятой ко-

миссии, заметил, что они все слышали, что «в такой-то и такой-то момент Басра пала и что противник достиг Курны и затем Амары. Правительство, безусловно, должно было быть проинформировано об этом». Он добавил, что он также отметил, что в Эрзуруме и Багдаде были назначены новые вали и что их имена были опубликованы в прессе. «Как, — сказал он, — можно было назначать вали в местах, которые были захвачены врагом?.. Но люди знали об этом»².

На десятый вопрос, поставленный перед ним и касающийся «Специальной организации», Саид Халим сначала ответил, повторив, очевидно, стандартную формулировку: «Здесь никак нельзя винить правительство. Этот вопрос не обсуждался на заседании Совета министров». Тогда председатель Пятой комиссии спросил его: «Но разве вам не сообщили о создании такой организации»? Тогда великий визирь изменил свою линию обороны: «Сообщили, но после того, как все было кончено... Как только я узнал о существовании организации такого типа, я принял меры: она прекратила действовать». Председатель преследовал свою линию допроса: «И никто не был подвергнут критике в связи с этим делом?» Саид Халим отвечал: «Конечно, мы сделали критические замечания. Но какое значение они имели уже после нанесения ущерба...? Я говорил Энвер-паше, что это были предосудительные действия. Я настойчиво говорил Энвер-паше прекратить все происходящее»³. В ходе этого слушания Саид Халим в итоге сказал о многом, но в завуалированной форме, и оставил своим слушателям извлекать уроки из его частичных признаний. Его замечания практически оставили впечатление, что он был единственным человеком в кабинете, который не знал о том, что происходит, и что он тем не менее осудил «причиненный ущерб».

Ахмед Шюкрю-бей, бывший министр народного просвещения (1913–1918), следующий обвиняемый, который должен был давать показания перед Пятой комиссией, был, несомненно, одним из наименее известных членов кабинета. Тем не менее он сыграл важную роль в ликвидации армян, поскольку он служил в Центральном комитете младотурок вместе с д-рами Шакиром и

¹ Ibid. Pp. 23–24.

² Ibid. Pp. 25–26.

³ Ibid. Pp. 29–30.

Назымом¹. Он был более чем кто-либо другой в Стамбуле в состоянии предоставить информацию о депортации и операционных методах «Специальной организации». На слушаниях 12 ноября он, однако, придерживался неубедительной линии защиты². Так, на первый вопрос, поставленный перед ним и касающийся вступления империи в войну, он не моргнув глазом ответил, что османский флот в Черном море был атакован русскими. Председатель Пятой комиссии не мог не отметить, что все знали, что дело обстояло противоположным образом. Отвечая на вопрос о пресловутом законе о депортации, Шюкрю-бей ответил, что было необходимо разработать проект закона для оправдания ожиданий армии и генеральных штабов, которые хотели убедиться в безопасности своего отступления. Затем он сослался на полученную информацию о «событиях в Ване, Битлисе, Кара-Гиссар-Шарки и на побережье Черного моря» для оправдания принятых мер. В этой связи Рагиб Нешашиби спросил: «Но как можно было применить их к женщинам и детям? Даже если эти вопросы не обсуждались Советом министров, министры не могли не знать о них. Принял ли Совет решение, которое могло означать одобрение действий военачальников?» Чтобы проиллюстрировать, что он имел в виду, Рагиб Нешашиби упомянул о случае «вали Диарбекира, который был снят с должности за его преступную деятельность в этой провинции. Менее чем через две недели после того, как он был уволен, он был назначен вали Сиваса по решению Совета министров. Тем не менее поскольку Решид-бей был уволен из-за его действий в Диарбекире, Совет министров не мог не знать о проступках, в которых вали был виновен! Как можно было назначить его на новую должность?» Не оспаривая эти обвинения, Шюкрю-бей отметил, что «Решид-бей был направлен в Ангору, но я не знаю, было ли это результатом той роли, которую он сыграл в зверствах». Следующий вопрос о том, что Решид-бей купил дом за 9000 турецких фунтов, когда «министр

внутренних дел знал, что этот человек оказался в очень деликатном положении», был прозрачным намеком на богатства, которые высокопоставленные государственные чиновники приобрели во время депортации армян. Реакция на этот вопрос, однако, была не более реакции на вопрос о «Специальной организации», ответ на который закрыл слушания: «Это вопрос для военного министра и командующих армиями, — ответил Шюкрю-бей, — поскольку Совет министров не принимал решений по этим вопросам. Поэтому я ничего не знаю о приписываемых им преступлениях»³.

С 12 по 13 ноября Пятая комиссия продолжала свою работу, допрашивая⁴ бывшего министра торговли и сельского хозяйства, затем бывшего министра иностранных дел Ахмеда Несими-бея, который с самого начала скрывал тот факт, что он вошел в состав кабинета 5 ноября 1914 г., после всеобщей мобилизации (проведенной в августе 1914 г.), с тем чтобы оправдать свое пренебрежение злоупотреблениями, совершаемыми во время военных поборов. Что касается закона о депортации, бывший министр озвучил классические оправдания, включая сотрудничество армян с русскими и регулярный шпионаж во время военного положения. На всякий случай он добавил: «Почти везде мы обнаружили оружие, бомбы, флаги независимой Армении и подготовку к восстанию... Люди настаивали на необходимости принятия чрезвычайных мер. Главнокомандующий предложил выселить местное население из зон военных действий, где оно представляло опасность для армии, и переселить его в другое место, в индивидуальном или в массовом порядке. Эта, а также все другие чрезвычайные меры того же рода должны были быть применены только в случаях крайней необходимости и пропорционально необходимости. По настойчивому настоянию главнокомандующего, который призывал к благополучию армии и безопасности ее операций, мы чувствовали себя вынужденными предоставить эти полномочия командирам

¹ Казарян А. Указ. соч. С. 34. Будучи бывшим мутесарифом Сереза, где он принимал участие в массовых убийствах македонцев в 1912 г., Шюкрю был замешан в убийстве журналистов и либеральных политиков.

² SHAT, SHM, S.R. Marine, Turquie, 1BB7 236, doc. № 1862 B-9, Constantinople le 19 mars 1920, L. Feuillet, annexe 20, déposition d'Ahmed Şükrü bey. Pp. 21–24; İttihat-Terakki'nin sorgulanması. S. 171–207.

³ Ibid. P. 25, 36.

⁴ SHAT, SHM, S.R. Marine, Turquie, 1BB7 236, doc. № 1968 B-9, Constantinople le 15 avril 1920, trad. L. Feuillet, déposition d'Ahmed Nesimi bey, devant la Ve commission de la Chambre. Pp. 1–2, 10; İttihat-Terakki'nin sorgulanması. S. 209–251.

различных армейских корпусов... Нас заверили, что, если эти меры не будут приняты, наша армия может фактически оказаться под перекрестным огнем... Таким образом, закон, о котором идет речь, представлял собой меру военной безопасности... Через некоторое время после того, как этот закон был обнародован, я направился в Карловы Вары по рекомендации моих врачей и оставался там с июля до конца августа. Поэтому я не был в Константинополе в течение большей части периода, в котором обсуждаемые события имели место. После своего возвращения я узнал, что после введения этого закона некоторые очень злые люди совершили все виды злоупотреблений».

Таким образом, Ахмед Несими-бей утверждал, что армия спровоцировала введение «мер». Как и другие, Ахмед Несими-бей спонтанно придумал алиби, по которому он был за границей летом 1915 г., для того чтобы обелить себя. Иными словами, он признал, что было совершено коллективное преступление, однако заявил, что он не имел ничего общего со всеми этими делами. Кроме того, добавил он: «Очевидно, что я ни в коей мере не несу ответственности за применение этих чрезвычайных мер»¹.

Пресловутый депутат Ильяс Сами, чью роль в ликвидации армян Муша мы уже рассматривали, тотчас перенял эстафету от своего коллеги, задав вопрос, который был, по меньшей мере, странным: «Как при принятии решения о депортации населения для спасения армии от опасности могло правительство не принять во внимание тот факт, что местное население проживало в регионе в течение многих лет? В результате женщины, невинные дети, беззащитные мусульманские [sic] жители были ликвидированы бандами. Прежде чем приступить к депортации, все вопросы должны были быть серьезно рассмотрены. Депортированные лица должны были сначала быть защищены от нападения со стороны вооруженных банд и только потом переселены. Именно эта небрежность привела к ликвидации половины общей численности населения. Ни одного мусульманина [?] не осталось».

Это выступление, которое поставило палача в роль жертвы и, похоже, вышло за рам-

ки приличий, не вызвало никакой реакции. После этого гротескного интермеццо Рагиб Нешашиби возобновил свой допрос, задав следующий вопрос: «На ваш взгляд, были ли меры по депортации применены в отношении всех, включая женщин и детей, или только в отношении мужчин-бойцов?» Ахмед Несими-бей подоспел с совершенно обезоруживающим ответом: «Что касается женщин, было указано, что будет хуже оставить одних в их деревнях, и это утверждение было на самом деле оправданно общим состоянием региона. Более того, было указано, что женщины будут заниматься шпионажем и что некоторые из них уже были арестованы. Однако закон оставил этот пункт на усмотрение тех, кто его применял, после принятия во внимание потребностей военного положения. Я обращаюсь к моим армянским коллегам. Вы знакомы с моими идеями и моим отношением. Если вы не знакомы с ними, вы можете узнать о них. Я изо всех сил противился принятию меры такого рода... Если нарушения были совершены и если депортация также состоялась и за пределами зоны военных действий и без учета необходимости военного времени, виновные должны понести наказание».

Посредством этого слушания был сделан шаг вперед. Хотя депутаты не всегда были очень пытливыми, им иногда удавалось вызвать замешательство министров. Показывая, что он боролся за предотвращение «мер такого рода», Ахмед Несими-бей явно подразумевал дискуссию вокруг этого вопроса в правительстве или партии младотурок. Остальная часть его фразы также осторожно указывает, что эта «мера» была применена «вне зоны военных действий и без учета необходимости военного времени». Его допрос завершился вопросами о «Специальной организации». Он сказал, что он «не знал о создании таких банд»².

Слушание, которое состоялось 10 ноября, кажется, отмечает дискурсивный сдвиг. Нельзя исключить, что этот сдвиг вытекает из подготовительных совещаний в младотурецких кругах. Слушание являлось достаточно важным, поскольку это был допрос Ибрагим-бея, бывшего министра юстиции³. Как и предшествующий свидетель, Ибрагим-бей

¹ Ibid. Pp. 11–12.

² Ibid. Pp. 13–18, 43.

³ SHAT, SHM, S.R. Marine, Turquie, 1BB7 236, doc. № 2054 B-9, Constantinople le 3 mai 1920, L. Feuillet, déposition d'Ibrahim bey. Pp. 12, 27–28; Ittihat-Terakki'nin sorgulanmasi. S. 133–169.

сначала заявил, что русские напали на Турцию. В отношении закона о депортации он напомнил, что в результате событий в Эрзуруме, Шабинкарахисаре и Битлисе, а также «прокламаций армянских комитетов, у правительства не осталось выбора, кроме как провозгласить закон о депортации. За этим последовало решение Совета министров о сумме, подлежащей взысканию с активов эмигрантов для обеспечения пропитания и комфорта депортированных лиц... Нам сообщили о некоторых злодеяниях, и я был глубоко встревожен, поскольку это было действительно неприемлемо».

Таким образом, появилась новая деталь: не утверждая, что Совет министров обсуждал закон о депортации, но упоминая, с долей цинизма и юмора, решение, предназначенное для обеспечения «комфорта депортированных лиц», Ибрагим-бей в конечном счете дал Пятой комиссии понять, что дебаты о судьбе армян действительно имели место, не рассказав никаких подробностей. Однако он пошел еще дальше, утверждая, что он создал комиссию по расследованию, состоявшую из гражданских чиновников, в том числе судебных чиновников, которых он сам выбрал, «включая Ассим-бея, председательствующего судью уголовного суда, очень благородного и честного человека, и Нихад-бея, заместителя Генерального прокурора... Эти комиссии были прикреплены к Министерству внутренних дел и направляли свои доклады в это ведомство». Вслед за этим Рагиб Нешашиби спросил: «Как армейские командиры могли позволить убивать людей?» Он был, однако, резко призван к порядку председателем Пятой комиссии, который, очевидно, опасался, что вопрос может привести к раскрытию информации, которое он до сих пор был в состоянии предотвратить: «Мы говорим не о массовых убийствах. Мы говорим о законе». В качестве министра юстиции Ибрагим-бей затем спросили, были ли законы представлены в Государственный совет и какие законы были оглашены без предварительного представления ему. Однако Ибрагим-бей также страдал амнезией. Его также спросили, принимал ли Совет министров решение, «имеющее отношение к депортации и другим злоупотреблениям. Поскольку этот вопрос имеет решающее значение и все министры несут за это ответственность». В этой связи бывший министр заявил, что «особое обращение, иногда проявлявшееся при применении за-

кона о депортации, имело место без ведома правительства». Однако Рагиб Нешашиби, ничуть не обескураженный такими ответами, упомянул случай д-ра Решид-бея, вали Диарбекира, «который был доставлен сюда для ответа на серьезные обвинения. Однако пятнадцать или двадцать дней спустя он был назначен вали Ангоры. Это назначение, несомненно, было сделано Советом министров». Снова Ибрагим-бей не смог «припомнить этого».

Фуад-бей, автор ходатайства из десяти пунктов, вступил в дискуссию. «Два из этих временных законов, — вспоминает он, — чрезвычайно важны. Первый из них это закон об оставленном имуществе, а второй разрешение на исполнение смертных приговоров без ираде». Он получил следующий ответ: «Действительно, существовал закон, касающийся активов депортированных лиц; однако цель этого закона состояла в том, чтобы сохранить их собственность и защитить ее от расхищения». Такое благородное старание, кажется, не убедило собеседников Ибрагим-бея. Харун Хильми-эфенди продолжил допрос обвиняемого: «Ибрагим-бей говорит, что депортация была проведена в военных зонах во имя безопасности армии». Ибрагим-бей ответил: «Мы не отдавали им приказы. Военные приказали им провести депортацию по этой причине». Хильми-эфенди продолжал использовать свое преимущество: «Командирам действительно были даны очень широкие prerogatives. В зонах военных действий они были уполномочены наказывать тех, кто находился под их командованием, как они считали нужным. Но многие люди были депортированы или казнены в районах, не входящих в зону военных действий». Это замечание, однако, не произвело никакого эффекта, Ибрагим-бей просто ответил: «Мы не знали об этом». Затем Хильми-эфенди затронул вопрос о позиции правительства, задав следующий вопрос: «После того как вы были проинформированы об этих событиях, провел ли Совет министров обсуждение с целью положить им конец?» Ибрагим-бей ответил: «Об этом не было сказано! И вообще ничего официального характера». Затем ему указали на то, что документы были опубликованы и распространены в парламенте. Ибрагим-бей отвечал: «Они были опубликованы не правительством, а Министерством внутренних дел». Это дало Рагибу Нешашиби возможность возобновить дебаты: «Разве

Министерство внутренних дел не являлось частью правительства? Люди рассказывают о гораздо более многочисленных случаях массовых убийств и о существовании многочисленных документов по этому вопросу. Как такое могло произойти?»

Ответ Ибрагим-бея огорошил аудиторию: «Министерство внутренних дел опубликовало документы о зверствах, совершенных армянами в отношении мусульман в восточных вилайетах. Этот вопрос не касается моего министерства, более того, он не обсуждался Советом министров. Документы были выданы как нам, так и депутатам... Я полагаю, что депутаты были информированы об этих вопросах лучше, чем правительство». Расследование преступлений, совершенных против армян, вдруг превратилось в разбирательство, сконцентрированное на «зверствах, совершенных в отношении мусульман», о которых министр юстиции был, однако, информирован не так хорошо, как парламент. Таким образом, Ибрагим-бей оказался в сложной ситуации. Хильми-эфенди продолжил атаку: «Люди рассказывают, что когда немусульмане были депортированы в Ангору, их кварталы были подожжены для облегчения разграбления их имущества. Это правда?» Бывший министр не знал.

Отвечая на вопрос о «Специальной организации», Ибрагим-бей ответил: «Я ничего не знал об этой организации, как и Совет министров. Мы абсолютно не имели понятия о цели и деятельности этой организации. Я абсолютно ничего не знаю об этом, и, более того, знать об этом не входит в мои обязанности». Раздраженный, без сомнения, уклончивыми ответами, даваемыми обвиняемым, Ильяс Сами сделал вывод: «На большую часть вопросов, поставленных перед ним, Ибрагим-бей ответил, что либо он не знал о фактах, либо они произошли после того, как он покинул министерство... Более того, весь кабинет должен ответить за событие, произошедшее осенью в Эрзуруме. Омер Наджи-бей начал применять меры, свойственные «Специальной организации». Весьма любопытно, что Ибрагим-бей, будучи членом Совета министров в то время,

когда произошли эти события, узнал о них только после свершившегося факта». Того не желая, депутат из Муша только что нарушил закон, налагающий молчание, и явно упомянул имя Омера Наджи-бея, главы организации (ее [главного] ш[таба]) в Эрзуруме. Когда несколько позже его спросили, почему при таких обстоятельствах он не ушел в отставку, Ибрагим-бей наконец выпалил: «Я остался в кабинете, чтобы предотвратить акты такого рода, о которых я был в курсе, в той степени, которая была в моей власти. Будьте уверены, что когда я говорю, что мы ничего не знали о «Специальной организации», я имею в виду, что ни одно решение не было принято Советом министров»¹.

27 ноября Пятая комиссия допросила Исмаила Джанполата, бывшего начальника полиции Константинополя и министра внутренних дел (1917–1918). Он был одним из последних министров, который должен был давать показания перед Пятой комиссией, и он должен был пролить свет на события, которые нас интересуют. Ведь именно при Исмаиле Джанполате армянская элита столицы была задержана в ночь с 24 на 25 апреля 1915 г. Тем не менее на вопрос о законе о депортации Исмаил Джанполат довольствовался тем, что, отвечая с редким цинизмом, сказал, что «в ходе заседания Совета министров 4 августа [1917 г.], [он] решил возвратить домой арестованных мужчин и что никто не возражал. Для выполнения этой меры были даже приняты первые шаги: Управление по делам эмигрантов начало осуществлять необходимые приготовления. Уже был издан приказ, разрешающий возвращение депортированных лиц из Самсуна и его окрестностей»². Возможно ли, что выдающийся член КЕП не знал о том, что армяне из Самсуна и близлежащего региона утонули в Черном море или были уничтожены на дорогах?

Хотя, как мы только что видели, расследование, проведенное османским парламентом и его Пятой комиссией, по крайней мере, инициировало дискуссии о преступлениях, совершенных против армянского населения, кабинет султана и великого визирия Тевфик-бея уже в ближайшее время

¹ Ibid. Pp. 27–41.

² SHAT, SHM, S.R. Marine, Turquie, 1BB7 236, doc. N° 2000 B-9, Constantinople le 21 avril 1920, trad. L. Feuillet, déposition de l'ancien préfet de police de Constantinople et ministre de l'Intérieur, Ismail Canbolat bey. Pp. 7–8; İttihat-Terakki'nin sorgulanması. S. 417–436. Подразделение этого Департамента по делам мигрантов Субдепартамент по делам депортированных лиц, базирующийся в Алеппо, управляло 25 концентрационными лагерями, где несколько тысяч армян лишились жизни.

пришел к выводу, что, учитывая характер текущего парламента, имевший в своих рядах отъявленных преступников, он не в состоянии вершить правосудие. Но тот факт, что Мирная конференция, по всей вероятности, должна была вскоре состояться, означал, что перед союзниками нужно было привести военных преступников к суду. Наконец, к этому следует добавить, что кабинет не был в состоянии обеспечить прохождение любого закона существующим парламентом. Соответственно, султан решил распустить его. При этом он намеревался принять из рук законодательного органа задачу вершить правосудие в отношении младотурок и тем самым лишить депутатов их депутатской неприкосновенности, что

привело к незамедлительным арестам не менее двадцати четырех из них¹. 21 декабря министр иностранных дел Мустафа Решад предстал перед парламентом с тем, чтобы ответить на вотум недоверия, объявленный Гусейном Кадри. В частности, он отметил, что действия предыдущих правительств были изучены «с помощью фонаря Диогена» и что амплитуда злоупотреблений, совершенных в отношении армян, теперь выходит из тени. «Зверства, которые, — как сказал министр, — вызвали возмущение всей человеческой расы. Страна, препорученная нашей заботе, была превращена в гигантскую бойню». «Таково официальное признание», — заключила ежедневная газета, издававшаяся на французском языке².

¹ Кригер. Указ. соч. С. 51.

² Отчет заседания: La Renaissance, № 13, du 22 décembre 1918. P. 1.

ГЛАВА 4

Мазхарская административная следственная комиссия и создание военных трибуналов

В довольно необычном контексте партии-государства, которое подписало Мудроское перемирие, хотя при этом организовало «второй этап» войны в Анатолии, правительство Тевфик-паши столкнулось с сильным сопротивлением, когда сняло с парламента обязанность вершить правосудие в отношении младотурецких преступников и постановило, чтобы они предстали перед специальным судом. Совершенно очевидно, что новые власти в Стамбуле были осведомлены об угрозе расчленения, повисшей над империей, и необходимости очистить страну от клики, которая привела к гибели и искоренению части ее населения. Преступления, совершенные во время войны, висели тяжелым бременем на будущем Турции, и были все основания полагать, что Высокий суд, контролируемый иттихадистскими депутатами, должен был завершиться, как показали слушания, проводимые Пятой комиссией, пародией на правосудие, и этого было бы недостаточно для того, чтобы успокоить великие державы и оправдать надежды проявления определенной щедрости с их стороны. Иными словами, проведение зачистки младотурецких чиновников, которые повсеместно заседали в правительстве и армии, и даль-

нейшее проведение эффективных судебных процессов являлись двумя необходимыми условиями для успокоения правительств западных держав и улучшения имиджа на предстоящей Мирной конференции.

Вариант свершения правосудия над преступниками в национальных судах, без сомнения, являлся как минимум непривлекательным в то время, когда победители рассматривали возможность создания международного Высокого трибунала. При выборе этого варианта правительство Тевфик-паши столкнулось бы с противостоянием младотурецкой сети, которая могла рассчитывать на поддержку сотен тысяч османских подданных во всех слоях общества, которые принимали участие в актах насилия, извлекли прибыль от разграбления армянского или греческого имущества или все еще держали в плену женщин и детей. Умело управляемая младотурками, эта сплоченная сеть представляла собой блок отказа, который отвергал свою ответственность по всем направлениям. Несмотря на этот барьер, правительство Тевфик-паши решило действовать быстро, не дожидаясь того, когда союзники создадут свой собственный правовой механизм на основе Гаагских принципов.

Расследование дел младотурецких преступников следственной комиссией и военным трибуналом

Без сомнений, султан учитывал эти соображения, когда 23 ноября 1918 г. создал правительственную следственную комиссию еще до роспуска парламента. Государственный совет, по-видимому, дискретно вынудил султана обнародовать фирман

(указ. — *Прим. пер.*) о создании такой следственной комиссии в рамках Департамента государственной безопасности. Гасан Мазхар-бей, бывший вали Ангоры, был назначен председателем комиссии¹. Сразу после ее создания Мазхарская комиссия

¹ *Akçam T. İnsan Hakları ve Ermeni Sorunu, Ankara, 1999. S. 445–446.* Источник подробно описывает, как формировалась следственная комиссия; в ее состав также входили Аврамакис, судья апелляционного суда

приступила к сбору личных сведений и других доказательств, фокусируя свои расследования, прежде всего, на государственных служащих, причастных к преступлениям, совершенным против армянского населения. Как показано в исследовании, проведенном Ваагном Дадряном¹, комиссия рассматривала пункты 47, 75 и 87 Уголовного кодекса Османской империи в качестве основы для своей работы и пользовалась довольно широкими прерогативами, поскольку могла вызывать в суд свидетелей, осуществлять обыск и изымать документы и даже арестовывать и заключать в тюрьму подозреваемых с помощью судебной полиции или других государственных органов. С самого начала Мазхар-бей направил официальный циркуляр губернаторам и вице-губернаторам провинций, требуя, чтобы они присылали ему оригиналы или заверенные копии приказов о депортации и массовых убийствах армян, которые были получены местными органами власти. Комиссия также приступила к допросу свидетелей под присягой. В течение периода чуть менее трех месяцев она составила сто тридцать дел досудебного расследования, которые постепенно передавала в военный трибунал, который был сформирован в то же самое время. Эти дела содержали многочисленные официальные или полуофициальные документы, лишь некоторые из которых были опубликованы в правовом приложении к «*Takvim-i Vakayi*» (Официальной газете), а также в ежедневной османской, турецкой, армянской или французской прессе². В провинциях, где многие вали, мутесарифы и каймакамы, назначенные во время войны, все еще оставались на своих должностях, некоторые из них сохранили приказы, полученные из столицы,

по неосторожности или в целях защиты себя от возможных обвинений, несмотря на инструкции, которые предписывали им уничтожить эти приказы или вернуть их обратно после прочтения. Таким образом, Комиссия смогла получить ряд телеграфных приказов, природу и происхождение которых мы рассмотрели³. Эти телеграммы были отправлены из провинциальных правительственных центров, располагавшихся, в частности, в Конье, Ангоре, Диарбекире и Сивасе.

Именно эти провинциальные материалы, послужившие основой для обвинительных актов, составленных в различных судах, были позже проведены перед военным трибуналом Стамбула. В обвинительном заключении и копии телеграмм, представленных в военном трибунале 27 апреля 1919 г., указывается, что в ходе расследования стало ясно, что многие важные «документы, касающиеся этой организации, и все документы Центрального комитета иттихадистов были украдены»⁴. Архивы «Специальной организации» и Центрального комитета иттихадистов, двух организаций, которые, как мы видели, были тесно связаны между собой, были изъяты из штаб-квартиры Нури Осман-паша после ухода правительства Талаат-паша в отставку, Мидхатом Шюкрю, его генеральным секретарем⁵. Примечание (№ 31) министра внутренних дел, прикрепленное к обвинительному заключению юнионистов, раскрывает факты, «доказывающие, что досье, содержащие важную информацию и переписку Организации, были изъяты Азиз-беем, директором Департамента уголовного розыска [из Государственной службы безопасности] перед уходом Талаат-паша в отставку»⁶. Иными словами, досье были зачищены в двух местах, где принимались

последней инстанции; Арти Мосджян, судья стамбульского апелляционного суда, и два гражданских инспектора Хусни и Эмин-бей: *Кригер*. Указ. соч. С. 305.

¹ *Dadrian V. Histoire du génocide arménien*. P. 507.

² *Кригер*. Указ. соч. С. 33. Источник цитирует турецкие газеты: «*Adalet*», «*Akşam*», «*Alemdar*», «*Sabah*», «*Peuyam*», «*Tasviri Efkar*», «*Vakit*», «*Yeni Gün*», «*Zaman*»; армянские газеты: «*Аравот*», «*Ариамарт*», «*Ардзаганк*», «*Азатамарт*», «*Тарагир*», «*Киликиа*», «*Горизон*», «*Най лур*», «*Тжакатамарт*», «*Жаманак*», «*Нор Кианк*», «*Нор ор*», «*Бюзандион*», «*Вератзнунд*», «*Верджин лур*»; французские газеты: «*Le Bosphore*», «*Le Moniteur Oriental*», «*La Renaissance*», «*Le Spectateur d'Orient*», «*L'Officiel*», которые делали сообщения о различных слушаниях на судебных процессах.

³ См. выше, с. 395–396.

⁴ Обвинительное заключение, вынесенное 12 апреля 1919 г., было зачитано в военном трибунале 27 апреля 1919 г., как и все письма и документы, на которых основывалось обвинение. «*Takvim-i Vakayi*», № 3540, du 5 mai 1919, p. 6.

⁵ APC/PAJ 7 152 et X 281 (en anglais), doc. № 14/1, dossier sur Midhat Şükrü bey.

⁶ Обвинительное заключение и различные документы, поддерживающие обвинение. «*Takvim-i Vakayi*», № 3540, du 5 mai 1919, p. 6.

решения, и, соответственно, где хранились директивы, циркуляры и телеграммы, разосланные Центральным комитетом иттихадистов и специализированными отделами Министерства внутренних дел. Также в начале октября 1918 г., за два дня до отставки Талаат-паши, были удалены статистические данные о депортированных и уничтоженных армянах, которые хранились, по данным того же судебного источника, на территории политического отдела Министерства внутренних дел, где они помещались вместе с досье «Специальной организации» (Mahrim dosieler), известными как «Специальный секретный архив»; эти документы были ночью упакованы в ящики и транспортированы в неизвестном направлении. Во всяком случае, такой ответ получило Министерство внутренних дел на неоднократные требования военного трибунала¹. Это дает понять, что среди других мер, предпринятых ими до бегства из страны, Талаат и Энвер отдали инструкции, необходимые для уничтожения следов своих преступлений. В статье, опубликованной в ежедневнике «Сабах», Мустафа Сабри, председатель «Хюрриет Иттилаф» (с либеральными тенденциями), заявил, что Иззет-паша незадолго до подписания Мудросского перемирия, на котором Иззет-паша возглавлял правительство, «позволил и создал необходимые условия для уничтожения большого количества официальных документов, связанных с военными событиями»². Хотя это заявление, сделанное членом оппозиции, может показаться сомнительным, тем не менее оно указывает, что оппозиция режима иттихадистов подозревала, что власти и администрация потворствовали беглецам.

Вполне вероятно, что некоторые из документов, похищенных иттихадистами, были уничтожены; однако есть указания на то, что другие документы были сохранены в

безопасном месте «Караколом» или вверены друзьям беглецов или членам их семей. Совпадающие сведения предполагают, что обыск штаб-квартиры КЕП в Нури Османийе был проведен полицией сразу после отъезда младотурецких лидеров. Они заверяют об обнаружении официальных документов и телеграмм; однако следователи, которые проводили обыск, по-видимому, не нашли более щекотливые материалы. С другой стороны, обыск в доме Ахмеда Рамиз-бея, зятя Бахаэддина Шакира, на улице Сабон Хан в Шишли, который был проведен в субботу 14 декабря 1918 г. начальником полиции Константинополя, похоже, был более плодотворным: здесь был обнаружен большой мешок, содержащий также много секретных досье, которые, очевидно, происходили из штаб-квартиры в Нури Османийе, среди которых были протоколы тайных заседаний комитета³.

Уничтожение или изъятие центрального архива, связанного с уничтожением армян, было не единственной мерой, предпринятой лидерами иттихадистов. Во время проведения операций, в частности, ответственным секретарям и делегатам партии были выданы строгие инструкции уничтожить телеграфные приказы, полученные ими сразу после их расшифровки. Здесь следует отметить, что процесс декодирования шифрованных телеграмм привел к возникновению нескольких различных типов документов⁴, и это затруднило уничтожение всех копий в провинциях, особенно циркуляров, которые были широко распространены в силу своего характера. Среди известных документов следует проводить различие между теми, которые исходили от лидеров «Специальной организации», и теми, которые были формалистическими и бюрократическими по форме и которые исходили, в частности, от Ми-

¹ Ibid. Выдержка из письменных показаний генерала Вехиба (с. 17), в которых также упоминается о большом количестве «директив, циркулярных писем и шифрованных телеграмм, направленных Министерством внутренних дел и Военным министерством в адрес вали провинций и военачальников о проведении быстрых массовых убийств всех армян без исключений». В показаниях Вехиба также утверждается, что Камил-эфенди, депутат парламента из Стамбула и председатель Второй парламентской подкомиссии, сообщил «Икдаму» об исчезновении досье, относящихся к расследованию Пятой комиссии, которые хранились в парламентском архиве после роспуска парламента. По запросу Мустафы Асима генеральный секретарь парламента передал этот архив правительству; по сведениям, собранным военным министром и военным трибуналом, среди украденных документов были документы, приложенные к протоколам допросов. «Жоғоврди дзайн», № 456, 6 апреля 1920 г. (на арм. яз.).

² «Нор кианк», № 107, 3 февраля 1919 г. (на арм. яз.).

³ La Renaissance, № 7, 15 décembre 1918, p. 1. См. также: et Ariamard, du 18 décembre 1918, p. 2. «Ариамарт», 18 декабря 1918 г., с. 2 (на арм. яз.).

⁴ См. выше, с. 395–396.

нистерства внутренних дел. У нас есть всего несколько документов из первой категории (мы описали их в части четвертой данной книги) и большее количество других документов. Тем не менее поскольку у системы истребления было два лица, одно из которых было государственным и общественным, в то время как другое было секретным и жестоким, первое и более полно документированное лицо позволяет нам оценить деятельность лиц, ответственных за второе. Меры предосторожности, которые были приняты, чтобы замаскировать приказы об уничтожении, чтобы только официальные приказы дошли до последующих поколений, отражают общий образ КЕП, обширную манипулятивную операцию, которую нелегко понять.

Судья, председательствующий в военном трибунале, перед которым предстали лидеры юнионистов, которых еще можно было найти в Стамбуле, был, вероятно, знаком с их практиками и иерархией, руководившей совершением этого преступления. 12 мая 1919 г., на пятом судебном заседании, он тщательно допросил полковника Ахмеда Дджевада¹, военного коменданта столицы и члена политбюро «Специальной организации», ибо ему было известно, что все приказы, направляемые в провинции, обязательно проходили через его руки². Председательствующий судья сначала позволил секретарю суда зачитать несколько телеграмм и затем спросил у него, действительно ли на них стоит его подпись. «Это возможно, — ответил полковник, — я не помню, много времени прошло с тех пор». В конце концов, однако, он согласился, что это именно он отметил на полях, что необходимо вернуть «оригиналы этих важных телеграмм» «в соответствии с правилами». Тем не менее он сослался на военные инструкции, когда председательствующий судья спросил его, было ли это одной из стандартных процедур «Специальной организации». Полковник подтвердил, что 21 января 1915 г. он получил приказ из Генерального штаба армии, «за-

печатанный печатью», предписывающий ему «вернуть документ, о котором идет речь... копия приказа министра была адресована каждому армейскому командиру. После получения информации она должна была быть отправлена обратно в указанные места... После распространения и исполнения приказа он подлежал уничтожению». Председательствующий судья, однако, указал Ахмеду Дджеваду, что в суде имеется копия этого циркуляра об организации батальонов чете, инициатива создания которых исходила из Военного министерства (№ 1117), и добавил, что «в нем ничего не говорится об уничтожении приказов». Он также спросил полковника, уничтожал ли тот приказы по своей «собственной инициативе». Ахмед Дджевад не смог ответить на этот вопрос³. Таким образом, из этого допроса выяснилось, что требовалось отправлять «оригиналы» обратно в Стамбул, в то время как «приказы», выпущенные в некодированной форме, должны были уничтожаться на местах. Отметим, что Ахмед Дджевад тщательно избегал упоминания «Специальной организации», систематически отсылая судью, ведущего допрос, к Военному министерству, хотя телеграммы, зачитанные на этом судебном заседании, были подписаны, как отметил председательствующий судья, лидерами «Специальной организации».

Военный трибунал установил стандартную процедуру для установления подлинности официальных или полуофициальных документов, отправленных министрами, государственными должностными лицами, чиновниками или лидерами «С[пециальной] о[рганизации]»: после зачитывания документа обвиняемого или свидетелей попросили подтвердить, что на нем действительно стоит их подпись. Если они это отрицали, трибунал обращался к получателям документа, о котором шла речь, и часто преуспевал в установлении их подлинности таким образом. Сравнивая и сопоставляя часто противоречивые заявления разных лиц, трибунал делал выводы, которые заслуживают

¹ Пятое заседание судебного процесса над юнионистами 12 мая 1919 г.: «Takvim-i Vakayi», № 3554, le 12 mai 1919. Pp. 67–69. Телеграмма бюро, подписанная Азизом, Атифом, Назымом и Халилом, датирована 13 ноября 1914 г. Судья, председательствующий на процессе, зачитал еще одну телеграмму и затем спросил полковника Дджевада, его ли руке принадлежит пометка «уничтожить» на полях телеграммы и получал ли он подобные инструкции (Ibid., p. 68).

² См. выше, с. 261–263.

³ См. выше, с. 826, примечание 1. Пометка на полях прочитанной одной телеграммы гласит: «Специальная организация». Согласно правилам, необходимо отправить обратно оригиналы телеграмм. 8-го числа сего месяца [ноябрь 1914 г.] Дджевад».

доверия. Следственные судьи военного трибунала и правительственной следственной комиссии смогли таким образом изучить двести девяносто три досье¹.

Инцидент, который произошел в феврале 1919 г. в Айнтабе, где британские военные власти захватили официальные документы, находившиеся во владении мутесарифа города, позволяет предположить, что были предприняты инициативы, хотя бы только и на местном уровне, уничтожить корреспонденцию между министром внутренних дел и провинциями, датируемую военными годами. Нота протеста Блистательной Порты от 17 июня 1919 г. указывает, что британский офицер направился с визитом к мутесарифу Айнтаба для того, чтобы «попросить его передать все телеграммы и письма, которыми обменивались вилает и имперское Министерство внутренних дел, с одной стороны, и мутесариф, с другой стороны, в период с 1330 до 1334 г. [1914–1919 годы]». Столкнувшись с отказом османского чиновника подчиниться, офицер приказал окружить здание и закрыть выходы из него, а затем захватил документы, о которых шла речь. Эта процедура была выбрана после отправки «циркулярной телеграммы главы телеграфа в Диарбекире с инструкциями для учреждений, находящихся под его юрисдикцией, уничтожить оригиналы устаревших документов»².

Провинциальные власти редко обращали внимание на требования документов от следственной комиссии или военного трибунала. Несколько вилаетов все же ответили на требования положительно и переслали

хранившиеся у них телеграммы и другие материалы. По данным британского документа разведки, который раскопал Ваагн Дадриан, только от одного вилаета Ангоры следственная комиссия получила сорок две зашифрованные телеграммы³. Вилает Конья также «провел поиск копий телеграмм» и выслал их в Министерство внутренних дел⁴.

Документы, собранные в отдельных вилаетах, были адресованы Министерству внутренних дел и правительственной следственной комиссии во главе с Мазхар-беем, представителям которой располагались в «специальном бюро штаб-квартиры Департамента государственной безопасности», иначе известного как «Генеральный директорат по расследованиям»⁵. Это бюро, в свою очередь, передавало их военному трибуналу после удостоверения их подлинности⁶. Письмо, датированное 2 апреля 1919 г., которое министр внутренних дел Джемаль-бей направил председательствующему судье военного трибунала⁷, напоминает ему, что «всем заинтересованным было сообщено, что оригиналы зашифрованных телеграмм, имеющих отношение к вопросу о депортации, отправленных министерством в адрес вали в период между маем 1331 [1915] г. и концом апреля 1333 [1917] г., которые должны быть доступны в телеграфных учреждениях, должны быть собраны и незамедлительно отправлены государственным должностным лицом, на это уполномоченным. Настоящим мы направляем вам при этом все документы, отправленные нам Министерством почтовой и

¹ Кригер. Указ. соч. С. 33.

² Public Record Office, FO 371/4174, № 102551. От Артура Калторпа, Верховного комиссара в Константинополе, лорду Керзону, Константинополь, 27 июня 1919 г., касательно официальных документов, находящихся во владении мутесарифа Айнтаба, захваченных британскими военными властями 4 февраля 1919 г. Телеграмма от 12 мая 1919 г., направленная делегатом в Трапезунде в адрес М. Дефранса, Верховного комиссара в Константинополе (CADN, Trébizonde, carton 77, № 38), указывает, что, по словам сирийского врача Решида Кавак-бея, часть архива Комитета «Единение и прогресс» могла бы быть отправлена в Нахичевань в прошлом декабре через Эрзурум и Трапезунд и все еще находится в этом городе, в доме некоего Джафар-бея.

³ Dadrian V. Op. cit. P. 507.

⁴ APC/APJ, PCI Bureau, L 186. Шифрованная телеграмма № 197 от секретаря вилаета Конья действующему вали, переданная в Министерство внутренних дел 27 марта 1335 (1919) г. или 24 Cemazi ul-Akher 1337.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, L 247–248. Письмо из Министерства внутренних дел председателю военного трибунала от 27 июля 1919 г., с приложенной расшифровкой телеграммы д-ра Решида в адрес Исмаила Хакки, вали Аданы, от 17 мая 1915 г.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, L 183–185. Письмо, подтверждающее получение документов, переданных властями Конья, удостоверено 27 марта 1919 г. министром внутренних дел.

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, L 146. Блистательная Порты, Министерство внутренних дел, специальное бюро дирекции общей безопасности, письмо Джемаль-бея председателю военного трибунала, от 30 Cemazi ul-Akhr 1337 (от 2 апреля 1335 [1919] г.).

телеграфной связи: сорок две телеграммы, отправленные в адрес префектуры Ангора в специальном досье и, в связи с тем же вопросом, корреспонденцию, которая была направлена нам префектурой Конья (содержащую копии шифрованных документов)».

По-видимому, Министерство почтовой, телеграфной и телефонной связи также по-

просило собрать и передать корреспонденцию, датированную военными годами. Таким образом, 17 апреля 1919 г. генеральная дирекция почтового отделения Диарбекира переслала в министерство, которому она подчинялась, телеграмму д-ра Решида Исмаила Хакки, адресованную вали Аданы и датированную 17 мая 1915 г.¹

Создание османских военных трибуналов

Формирование военных трибуналов стало, очевидно, логическим продолжением работы Мазхарской комиссии. В начале декабря апелляционный суд, кабинет главного прокурора Стамбула, сделал первые шаги в направлении их создания, которые приняли определенную форму на встрече директора отдела Министерства юстиции по уголовным делам и главного юрисконсульта Министерства внутренних дел. 13 декабря 1918 г. армянские круги, близкие к патриархии, заявили, что «лица, обвиняемые в участии в армянских погромах, чья вина была доказана следственной комиссией», предстанут перед внеочередным военным трибуналом под председательством Махмуда Хайрета Тиранли, состоявшем из пяти членов: трех военнослужащих и двух гражданских судей². 16 декабря 1918 г. султан официально учредил трибунал и 25 декабря 1918 г. уточнил, что для регионов, которые не были на военном положении, существующим судам вменялось в ответственность организовать судебные процессы. Однако чрезвычайный военный трибунал был официально учрежден только 8 января 1919 г.³ По указу султана было создано три военных трибунала в Константинополе, а также десять судебных ведомств в следующих провинциях, с их прокурорами и следственными судьями:

1) вилайет Ангора и Кастамону, санджак Болу;

2) вилайет Трапезунд и санджак Самсун (главный прокурор Нусрет-бей, следователь Геворг-эфенди);

3) вилайет Бурса и Эдирне, санджак Чаталджа;

4) вилайет Айдын (Смирна), санджаки Чанаккале и Караси (главный прокурор Мустафа Ремзи, следователь Арам Ипекян);

5) вилайет Конья, санджаки Эскишехир, Крахисар, Кютахья и Анталия;

6) вилайет Сивас, санджаки Кайсери и Йозгат;

7) вилайеты Харперт и Диарбекир;

8) вилайеты Эрзурум, Ван и Битлис;

9) вилайет Адана и санджак Мараш (главный прокурор Исмаил-бей, следователь Апостолаки-эфенди);

10) санджаки и мутесарифаты Урфа, Айнтаб и Зор (главный обвинитель Иззет-бей, следователь Григор-эфенди).

Каждое из этих судебных ведомств имело свой собственный операционный бюджет⁴. Стоит отметить, что в нескольких провинциальных военных трибуналах были назначены армянские следователи. Следует также отметить, что судебные ведомства самых восточных вилайетов оставались *формальными*, поскольку в них не были назначены прокуроры и судьи, исполнявших служебные обязанности. Представляется разумным предположить, что цель этих местных трибуналов состояла в проведении местных расследований в местах, где не могла функционировать правительственная следственная комиссия, и что в то время Блистательная Порта приняла твердое решение пролить свет на преступления, совершенные в некоторых регионах во время войны. В феврале

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Z 247–248. Письмо из Министерства внутренних дел председателю военного трибунала, от 27 июля 1919 г., с приложенной расшифровкой телеграммы д-ра Решида в адрес Исмаила Хакки, вали Аданы, от 17 мая 1915 г.

² La Renaissance, № 5, vendredi 13 décembre 1918. Двумя гражданскими мировыми судьями стали Шевкет-бей и Артин Мосдичян, оба из Апелляционного суда. Двое других судей должны были быть назначены военными властями (La Renaissance, № 8, 16 décembre 1918).

³ Dadrían V. Op. cit. P. 508–509. Источник цитирует имперские указы, опубликованные в «Takvim-i Vakayi», об официальном создании военных трибуналов.

⁴ La Renaissance, № 34, lundi 13 janvier 1919.

судья, председательствующий в военном трибунале, потребовал у Министерства внутренних дел передать его службам оригиналы или заверенные копии документов, относящихся к депортации армян. 3 марта 1919 г. отставка правительства Тевфик-бея и замена кабинета во главе с Дамад Ферид-пашой, по-видимому, произошла из-за его противостояния реализации проекта по созданию специального судебного ведомства для свершения правосудия в отношении иттихадистов. Уже 5 марта новый Совет министров рассмотрел доклад, составленный Сами-беєм, с предложением упразднить областные суды и направить все дела, связанные с массовыми убийствами и депортациями, исключительно в военные, а не смешанные трибуналы, базирующиеся в Константинополе¹.

8 марта 1919 г. султан ратифицировал аккредитацию этого нового военного трибунала с расширенными полномочиями и исключительно военными судьями². Кроме того, стоит отметить, что смешанный трибунал, который начал судить организаторов резни в Йозгате лишь двумя месяцами ранее, 6 марта вдруг приостановил свою деятельность в ходе двенадцатой сессии суда. Когда судебный процесс был возобновлен, судебная коллегия была составлена исключительно из военных судей. Самое основное изменение, однако, состояло в отсутствии истца, с того момента представляемого прокурором³.

По сведениям газеты «Сабах», суд разделил обвиняемых, которые должны были предстать перед судом отдельно по обвинениям в «массовых убийствах и незаконном личном обогащении», на следующие категории:

1) те, кто действительно инспирировал преступления против армян;

2) те, кто работал в тени главных преступников, таких как влиятельные члены Центрального Комитета «Единение и прогресс»;

3) члены тайных организаций, таких как «Специальная организация», а также высокопоставленные военные и уголовные преступники, выпущенные из тюрьмы;

4) депутаты парламента, которые не протестовали и молчаливо согласились с совершенными преступлениями;

5) журналисты, которые аплодировали и поощряли эти преступления и манипулировали общественным мнением посредством дезориентирующих провокационных статей;

6) те, кто воспользовались этими преступлениями для собственного обогащения;

7) легион из пашей и беев, руководивших этими преступлениями⁴.

Судебные процедуры были отчетливо ускорены, когда бразды правления принял Дамад Ферид-паша, и в это время младотурецкие лидеры, которые до этого избежали ответственности, были арестованы. Военная тюрьма Стамбула и тюрьма военного трибунала, известная как отдел Бекирага, где содержались подозреваемые и обвиняемые, оказались ненадежными. Соучастие людей в администрации позволило многим из обвиняемых скрыться, особенно из тюрьмы военного трибунала. Обстоятельства вокруг побега д-ра Решид-бея, бывшего вали Диарбекира, из отдела Бекирага, совершенного 25 января 1919 г., свидетельствуют, по меньшей мере, об определенной небрежности. Когда Решид-бей везли под охраной «в Хамам», трое мужчин схватили его и затолкали в «черный автомобиль», который исчез до того, как его охранники смогли отреагировать⁵. Очевидно, что это было делом рук сети «Каракола».

Стоит отметить, что впоследствии военный трибунал оправдал подполковника Али и лейтенанта Юсуфа Зию, соответственно надзирателя и помощника начальника арестного дома, прикрепленного к военному трибуналу. За оказание помощи Халил-паше [Куту] в осуществлении побега были привлечены к суду двое мужчин⁶.

Что касается компетенции трех военных трибуналов, созданных в Стамбуле, только военный трибунал № 1 судил лиц, обвиняемых в совершении преступлений против армянского населения. Военный суд № 2,

¹ La Renaissance, № 82, 7 mars 1919.

² В. Дадрян ссылается на два судебных заседания в марте 1919 г.: 1) судебное заседание, проведенное 8 марта, под председательством судьи Февзи-паши («Takvim-i Vakayi», № 3493); 2) судебное заседание, проведенное 19 марта, под председательством судьи Назым-паши («Journal d'Orient», 23 avril 1919; «Takvim-i Vakayi», № 3503).

³ Кригер. Указ. соч. С. 309–310.

⁴ La Renaissance, № 113, 12 avril 1919, p. 1.

⁵ La Renaissance, № 43, 26 janvier 1919. Этот учредитель адистов КЕП покончил с собой десятью днями позднее: Kieser. Dr Mehmed Reshid (1873–1919). P. 265.

⁶ La Renaissance, № 286, 4 novembre 1919.

по-видимому, специализировался на делах, связанных с незаконной конфискацией имущества. Имперский указ от 15 мая 1919 г. изначально учредил две комиссии, которым было поручено расследовать экономические злоупотребления и «внутренние вопросы»¹. По данным стамбульской прессы, тысяча семейсот офицеров, которые обогатились во время войны «ввиду финансово неблагоприятного действия», оказались под следствием в начале августа 1919 г.² Создание военного трибунала № 2 не было, однако, официально признано до 27 октября, когда были назначены главным прокурор Исмаил Васиф-бей и два следственных судьи Али Риза и Гусейн-бей. Этот военный трибунал занимался «делом о секретной военной комиссии Нигехбан» и делом о «Красном Ханджаре»³.

Военный суд № 3 судил старших офицеров. В частности, он провел предварительное следствие генерала Вехиб-паши⁴. Вехиб-паша, который предстал перед комиссией военного трибунала следственной комиссии в среду 3 декабря 1919 г.⁵, был заключен в тюрьму после того, как военный трибунал единогласно решил судить его⁶. Пресса не публиковала четких сообщений о причине такого обвинительного заключения; однако весьма вероятно, что это было связано с долгим докладом⁷, с которым Вехиб-паша предстал перед Мазхарской комиссией в начале декабря. Нарушая закон о молчании и откровенно рассказывая о преступлениях, совершенных КЕП, ответственное должностное лицо из числа младатурок совершило акт, граничащий с предательством, и его коллеги военного трибунала № 3, по-

видимому, желали заставить его заплатить за это.

Что касается провинциальных военных трибуналов, следует отметить, что в некоторых из них председательствующие судьи были назначены лишь в конце ноября или даже в начале декабря 1919 г.: подполковник Мустафа Тевфик-бей в Болу⁸, полковник Абдул Вахид-бей в Текирдаге и полковник Кемаль-бей в Самсуне⁹. В начале февраля 1920 г. генерал-майор Ибрагим-паша был назначен председательствующим судьей в военном трибунале Ангоры¹⁰. Можно, конечно, спросить, какую цель имели эти назначения, если вспомнить, что центральное правительство было не в состоянии утвердить свою власть в таких городах, как Болу, Самсун и Ангора, которые находились под контролем националистического движения.

Во всяком случае, эти кандидатуры были неразрывно связаны с отменой должностей начальника прокуратуры и следователей в провинциях¹¹, по-видимому, ввиду того, что они завершили свои расследования в отношении лиц, ответственных за массовые убийства армян и греков.

Сведения, предоставленные Сетрагом Карагезяном, назначенным в марте 1919 г. судьей-следователем в Трапезунде, представляют ценную информацию об атмосфере, которая царил в некоторых провинциях сразу же после перемирия¹². Нусрет-бей, коллега Сетрага Карагезяна, главный прокурор Трапезунда, который был назначен на должность на два месяца раньше и обличен ответственностью начать расследование. «не сделал ничего и даже не остался в го-

¹ La Renaissance, № 140, 141 et 142, des 15, 16 et 17 mai 1919.

² La Renaissance, № 208, 2 août 1919, reprend l'information dans Turkçe Stambul.

³ La Renaissance, № 281, 28 octobre 1919.

⁴ La Renaissance, № 307, 27 novembre 1919.

⁵ La Renaissance, № 313, 4 décembre 1919.

⁶ La Renaissance, № 318, 10 décembre 1919.

⁷ Выдержка из письменных показаний генерала Вехиба от 5 декабря 1918 г. «Takvim-i Vakayi», № 3540, du 5 mai 1919, p. 7, col. 2 и полный текст 12-страничных письменных показаний: APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 2 171–182.

⁸ La Renaissance, № 310, 30 novembre 1919.

⁹ La Renaissance, № 313, 4 décembre 1919.

¹⁰ La Renaissance, № 366, 7 février 1920.

¹¹ La Renaissance, № 323, 16 décembre 1919.

¹² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 662–666, dossier № 1. Письмо Сетрага Карагезяна от 1 июня 1919 г. о Трапезунде и расследованиях, проводимых там после заключения перемирия. CADN, Consulat de Trébizonde, carton 77. Телеграмма № 48 от 1 июня 1919 г. от делегата Верховного комиссара в Трапезунде в адрес М. Дефранса, Верховного комиссара в Константинополе. Автор ссылается на встречу с Карагезяном, который жаловался «конфиденциально на проблемы, с которыми он столкнулся при выполнении своей миссии, и высказывал намерение уйти со своего поста».

роде». Армянский судья-следователь, чья миссия состояла в проведении расследования преступлений депортации и массовых убийствах армян», сразу же начал сотрудничать со своим коллегой. Тем не менее по его словам, «ни одно из усилий, предпринятых мною, не произвело результата. После мучительных трех с половиной месяцев труда я пришел к следующим выводам: 1) османское правительство не намерено наказывать виновных в массовых убийствах или других преступников или убедиться в свершении правосудия. Его единственной целью было обмануть Европу и Америку и общественное мнение в цивилизованных странах; б) программа КЕП представляет собой кристаллизацию менталитета турецкого народа; в) подавляющее большинство государственных чиновников, жандармы, офицеры жандармерии, начальники полиции и полицейские, которые организовали и провели депортации и массовые убийства, по-прежнему занимают должности, которые они тогда занимали. Следовательно, они никогда не будут заинтересованы в успехе расследования. Государственные чиновники создали всевозможные трудности, чтобы свести нашу миссию на нет. Вместо ареста обвиняемых, привода свидетелей и исполнения приказов, им отданных, полиция и жандармерия предупреждают виновных, то есть своих бывших сообщников, обо всех ожидающихся действиях; г) с использованием средств, имеющихся в настоящее время, ничего нельзя сделать для применения принципов правосудия.

Вот несколько доказательств того, что я только что сказал. 1) Несчастливая гречанка, которая имела смелость рассказать мне все, что знала о массовых убийствах, была убита. 2) До сих пор ни один из виновных не был арестован полицией или жандармерией. Едва я вызвал двух преступников, не сообщая им о причине повестки, и приступил к их аресту, универсальное чувство гнева и раздражения дало о себе знать во всех классах народа, от губернатора до беднейшей крестьянской семьи. Полицейский, который работал на меня и оформил приводы на двух преступников, которых я уже арестовал, был немедленно заменен другим, якобы более компетентным. Теперь они заняты придумыванием тысячи различных способов освобождения арестованных. Само собой разумеется, я категорически отказался от всех предложений, которые были сделаны мне в этом отношении; однако они работа-

ют непрерывно для достижения своей цели. 3) 22 мая я приказал майору жандармерии привести восемь обвиняемых, один из которых, человек по имени Хаджи Мехмед, был получателем контрибуций. 23 мая мне пришлось снова отдать тот же приказ; тем не менее никакой реакции не последовало. В этой связи 25 мая я обратился к прокурору, и снова безрезультатно. Затем, 26 мая, я написал письменное обращение полковнику жандармерии. Наконец, 28 мая 1919 г., до меня дошел следующий ответ: «Один из восьми обвиняемых находится в Офе, второй уехал в Россию, третий умер, а остальные пять находятся под судебным процессом». Однако судебный процесс, о котором идет речь, до настоящего времени не дал никаких результатов. Я снова обратился в жандармерию Офа, однако даже не получил ответа на мои запросы. Разочарованный отношением жандармерии, я написал о двух случаях в полицию и потребовал арестовать и привести Хаджи Мехмеда, получателя контрибуций. Мне сказали, что его нет в деревне. Я снова написал в жандармерию, но не получил ответа. Наконец, 14 июня я написал непосредственно начальнику разыскиваемого лица («дефтердар») (казначей. — Прим. пер.). 6 июля он прислал мне ответ, датированный 21 июня, в котором говорилось: «Гаджи Мехмед болен, он вернется через несколько дней». Тем не менее никто не явился, и человек, который организовал массовые убийства, еще занимает свою должность, и он не потерял никаких неудобств. Я рассказал обо всем этом губернатору, который ответил мне: «Нам не хватает сотрудников, которые нужны для выполнения ваших приказов». Я ответил: «Но преступники, которые передвигаются по городу, как им заблагорассудится, даже не были арестованы, и обвиняемые государственные чиновники регулярно получают свою зарплату». Губернатор довольствовался тем, что ответил: «Я скажу кое-что об этом». Однако никаких изменений не произошло. Позже я сообщил главному прокурору обо всем, что произошло, но не увидел никаких результатов или его реакции. 4) Я вызвал известного юниониста и организатора массовых убийств по имени Келим, первого секретаря Администрации общественных работ. После его допроса я запросил от губернатора письменный приказ, уполномочивающий меня на его арест. Прокурор направил обвиняемого обратно домой, продержал его дело в течение двух

дней и позже направил его мне. Через два дня после этого я был обязан оформить заказ на арест, но Келим не был арестован. Он обвиняется в совершении преступления; есть ордер на его арест, он считается беглецом, но в то же время у него есть место работы. 5) 26 мая я потребовал копию нескольких приказов, касающихся массовых убийств, отданных предшествующим правительством. Мне просто сказали, что «таких приказов не существует». 6) Я издал приказ об аресте печально известного организатора массовых убийств по имени Хаккы. Через месяц мне сказали: «Десять дней назад Хаккы уехал в Эрзурум». Почему они дожидались его отъезда, прежде чем ответить мне? 7) Я издал приказ об аресте печально известных организаторов массовых убийств, таких как Решад, Кахиа, Омер, Хаккы, Хайреддин, Сулейман и Мурат, и я написал ряд писем на эту тему, но не добился вообще никаких результатов. 8) До моего приезда начальник полиции провел расследование преступлений, совершенных лейтенантом полиции Рауфом. Я три раза просил губернатора и начальника полиции прислать мне досье, но моя просьба осталась без ответа. Согласно информации, предоставленной свидетелями, досье было сожжено... 9) Хотя я издал приказ на арест Гаджи Али Хофуз-заде Ёмера, известного юниониста и организатора массовых убийств, он передвигается по городу в автомобиле, как ему заблагорассудится, он не арестован, и он не потерпел никаких неудобств. Недавно он приехал в город с Решадом, Кахья, Сулейманом и другими и зашел в здание правительства, чтобы поговорить с губернатором. 10) Известный

организатор массовых убийств и грабитель Топал Осман был официально назначен мэром Кирасона. Есть ли необходимость приводить дальнейшие доказательства?

Если правительство не подвергает аресту грабителей и людей, совершивших массовые убийства, если оно не наказывает преступников, если кровожадные монстры, которые должны быть арестованы по приказу компетентного органа, находятся на свободе и даже ведут беседы с чиновниками в официальных должностях, то зачем мы направлены сюда? Если цель не состоит в обмене Европы и Америки, то почему турки хотят устроить этот хорошо продуманный фарс? Но армянин никогда не может служить податливым инструментом в руках людей, которые хотят совершить постыдную несправедливость. Судья не может играть гнусную, подлую роль»¹.

Этот случай провинциального армянского судьи Османской империи, конечно, не был единичным случаем. Если власти Стамбула и имели объективные причины для привлечения лиц к ответственности, чтобы, так сказать, очистить государство и предстать в более презентабельном положении на Мирной конференции, очевидно, что провинции по-прежнему находились под контролем КЕП и что его элиты отнюдь не были настроены предстать перед судом. Какими бы ни были расхождения между различными турецкими националистическими течениями, они сошлись в одном: в категорическом отказе выполнять свои обязанности; непримиримом желании увидеть свой совместный проект строительства турецкого национального государства доведенным до конца.

¹ Ibid.

ГЛАВА 5

Уцелевшие армяне в местах их «изгнания» в последние дни войны

В ходе похода на север в конце 1917 г. и на протяжении 1918 г. британские войска под командованием генерала Алленби иногда встречали депортированных лиц, которые осели в разных местах Палестины и на Синае. Это были, по сути, уцелевшие армяне из колонн, которые три года ранее были направлены по маршруту Хама—Хомс—Дамаск—Аврана—Солт—Кереки—Маан—Синай.

Первая группа из сорока уцелевших была освобождена британскими войсками в ноябре 1917 г., в области Вади Муса Иордании, которая ознаменовала северные пределы зон изгнания. Они проживали в пещерных жилищах или на руинах города Петры¹. Постепенно другая информация об уцелевших, собранная армией генерала Алленби, достигла Каира², и египетская столица начала первые гуманитарные операции при поддержке британских военных властей³. Захват Иерусалима, произошедший 9 декабря 1917 г., привел, например, к обнаружению около пятисот депортированных лиц, которые нашли убежище в зданиях, относящихся к армянскому монастырю Святого Якова⁴. Три месяца спустя их число возросло до

шестисот пятидесяти⁵. Около ста детей-сирот, которые были найдены в районе Солта к западу от Аммана, были размещены в монастыре вскоре после этого. В ходе военных операций, проводимых в феврале 1918 г., девятьсот депортированных лиц были также найдены в Тафиле на южной оконечности Мертвого моря в ужасном состоянии здоровья. Они представляли собой остатки почти десяти тысячной колонны депортированных лиц из Гуруна, Мараша, Хаджина, Дёртьёля, Кайсери и Мардина, которые достигли Тафиля⁶. В апреле 1918 г. британцы оказали помощь одной тысяче пятистам депортированным из Киликии, которые владели свое существование в Солте, и некоторым другим дальше к югу, в Кереке, выходцам из Аданы, Мараша, Айнтаба, Кесаба и Карсбазара⁷.

Следует также отметить, что во время британского наступления армяне из другой категории попали в руки союзных войск: сотни армянских солдат, которые служили в османской 4-й армии, были взяты в плен в то же самое время, как и их османские товарищи, и были интернированы, как и те.

¹ Bibl. Nubar, Archives de l'Union, correspondance du siège, vol. 23, f° 225. Письмо из Центрального комитета в адрес полковника Дидса, руководителя Разведывательного управления Военного министерства, от 5 ноября 1917 г.

² Ibid, vol. 23, f° 272. Письмо из Центрального комитета в адрес полковника Бремона, от 16 ноября 1917 г.

³ Ibid, vol. 23, f° 276. Письмо из Центрального комитета в адрес руководителя Разведывательного управления в Каире, от 16 ноября 1917 г.

⁴ Ibid, vol. 24, f° 139. Письмо из Центрального комитета в адрес руководителя Разведывательного управления в Каире, от 31 декабря 1917 г.

⁵ Ibid, vol. 26, f° 48. Письмо из Центрального комитета в адрес Погоса Нубара, от 22 апреля 1918 г.

⁶ «900 déportés libérés à leur tour à Tafilé (Sinal)», Mioutioun, janvier-février 1918, № 61. P. 5.

⁷ Bibl. Nubar, Archives de l'Union, correspondance du siège, vol. 26, f° 91; SHAT, Service Historique de la Marine, Service de renseignements de la Marine, sous-série Q87. Доклад Гуассена, датированный 19 января 1919 г., Иерусалим, подтверждает на основании информации, переданной Ар. Миндикяном, что напряженность в этом регионе растет и что в гаремах удерживается много девушек и молодых женщин, которых армянские делегаты оказались не в силах спасти.

Первая большая группа депортированных лиц была обнаружена в Дамаске, который пал перед натиском арабских и британских войск 1 октября 1918 г.: тогда было обнаружено почти тридцать тысяч человек. Их положение было тем более ужасным, поскольку они выжили, до тех пор работая на османскую армию¹. Наконец, осенью 1918 г. французские силы обнаружили четыре тысячи армян в Бейруте, когда вступили в город 8 октября; еще одну тысячу они обнаружили в Баальбеке и Захле. В последующие дни две тысячи были найдены в Хомсе, пять тысяч в Мааре, и одна тысяча в Хаме². 26 октября был освобожден последний Алеппо и его окрестности. Там было найдено сорок тысяч армян. В целом, накануне перемирия, на оси Алеппо—Дамаск—Синай оставалось сто тысяч депортированных лиц.

В Алеппо отъезд вали Мустафы Абдухалика 26 сентября 1917 г. снизил опасность, которой подвергались депортированные лица. Ряд уцелевших армян, переживших массовые убийства в Зоре, и другие лица, которые прятались в близлежащих деревнях, постепенно стали искать помощи и убежища в областном мегаполисе. Немецкий приют Беатрис Ронер был закрыт, братья Мазлумян были сосланы в Захле, и отец Арутюн Есяян, заместитель епископа города, вдохновитель гуманитарных операций в Алеппо, был арестован в феврале 1917 г. Все эти события положили конец программам по оказанию помощи депортированным лицам и привели к роспуску комитета по подготовке и оказанию помощи³. Несколько частных инициатив, оказывающих помощь депортированным лицам, тем не менее позволили в некоторой степени компенсировать отсутствие организованных структур. Ерванд Отян, который вернулся в Алеппо в середине марта 1918 г., отмечает, что там были Арам Антонян, проживавший в отеле «Барон», а также д-р Погосян, д-р Хекимян, Микаэл На-

танян, Антон Рштуни и Григор Анкут; это означает, что подпольной сети удалось спасти этих интеллектуалов. Однако Ерванд Отян также отмечает, что власти устраивали на улицах облавы на армян призывного возраста и отправляли их в Бозанти⁴. Таким образом, ситуация была далека от нормальной. Печально известный информатор Аршавир Саакян, который донес властям на Гнчак, следил там за армянскими беженцами. Е. Отян, известный своей неосторожностью, попал в его руки и был приговорен к ссылке в Диарбекир⁵. В ожидании изгнания, благодаря участию армянского врача, который работал в полиции Алеппо, он наблюдал за действиями местной полиции и отмечал, как в Министерстве внутренних дел принимались решения в отношении отдельных случаев, таких, как случай молодой гречанки из Александрии, которая была описана как «опасная особа»⁶. Тот же свидетель описывает ситуацию армянских солдат, которые проходили службу на Сирийском фронте в течение более трех лет без отпуска⁷.

Вторая большая группа уцелевших армян была найдена в Месопотамии, в областях Мосул и Багдад. Турецкие войска оставили Мосул 21 октября; генерал Али Ихсан-паша пытался снова занять там позиции после возвращения из Азербайджана, но был изгнан британскими войсками⁸. Бывший патриарх Завен, который оказался в изгнании в Багдаде, теперь пытался вернуть женщин и детей, которые были разбросаны по всей области. Он арендовал пять домов, в которых размещал депортированных армян, прибывших из пустынь, в том числе молодых женщин, которые занимались проституцией, чтобы выжить⁹. В конце декабря были возвращены тысяча семьсот уцелевших армян; и к январю 1919 г. их число достигло четырех тысяч, включая тысячу сирот¹⁰.

Еще одна сложная проблема состояла в том, чтобы вернуть тысячи женщин и де-

¹ La Renaissance, № 46, samedi 25 janvier 1919.

² Ibid.

³ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 179.

⁴ Отян Е. Указ. соч. № 124, 134.

⁵ Там же, № 137–140.

⁶ Там же, № 145–147.

⁷ Там же, № 149.

⁸ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 242–24.

⁹ Там же. С. 247. Arch. de la B. Nubar, DNA, 1–15. В письме епископа М. Серопяна в адрес Погоса Нубара, Мосул, 6 января 1919 г., упоминается 100 проституток.

¹⁰ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 249–250, 269, 273. Отец Барсег Торосян из Арсланбега и отец Гевонт из Гейве помогали собирать этих уцелевших и предоставляли им кров и пищу.

тей, удерживаемых арабскими племенами в регионе Анезес, Альбу Дьябс и Зобас. Изначально местные религиозные лидеры и знаменитости, в частности в регионах Дехок и Захо, посредством совместной декларации обратились за помощью к Нолдеру, полковнику военной безопасности и британскому гражданскому губернатору, что позволило организовать кампанию по возвращению этих женщин и детей, для чего иногда приходилось применять силу¹. Британские власти, однако, вскоре взяли под контроль такие операции, особенно когда речь шла об армянах, обращенных в ислам, или «замужних» молодых женщин, чтобы не оттолкнуть местное население². В Багдаде, по оценкам патриарха, число депортированных армян достигло двух тысяч человек³.

Однако самая большая проблема состояла в семидесяти пяти тысячах армян и халдейских сирийцев с равнин Урмии и Салмаста, которые 18 июля 1918 г. бежали в Хамадан и Бакубу, чтобы избежать угрозы расправы со стороны османских войск под командованием Али Ихсан-паши. Покинув Иранский Азербайджан, эти христиане совершили долгий путь в поисках защиты. Будучи преследуемыми турецкими войсками, некоторые из них были убиты в окрестностях Хейдарабада или при нападениях курдских племен, которым они подвергались в пути. Другие умерли от истощения или пали жертвами хитросплетений, как в случае с четырьмястами всадниками, облаченными в британские мундиры, которые убили бывшего губернатора Вана Кости Амбарцумяна недалеко от горного перевала Сахин Галэ. Около пяти тысяч человек лишились жизни во время этой операции, осуществленной совместно турецкими войсками и курдскими нерегулярными частями⁴.

В сентябре 1918 г. полковник Шардиньи, глава французской военной миссии на Кав-

казе, оценил число христианских беженцев в Хамадане в пятьдесят тысяч человек⁵. Он также отметил, что они были постепенно эвакуированы в Багдад, за исключением мужчин, способных носить оружие: таким образом, семь тысяч человек, в том числе три тысячи армян, были «завербованы» британскими военными властями. По сведениям Апаратяна, полномочного представителя Республики Армения в Персии, из восемнадцати тысяч армянских беженцев, покинувших Азербайджан, двенадцать тысяч прибыли в Бакубу, большинство из Вана, и около четырех тысяч армян из Салмаста и Урмии остались в Газвине и Хамадане⁶.

К концу 1918 г. палаточный городок, который британцы заложили в Бакубе к северо-востоку от Багдада, был заселен примерно пятнадцатью тысячами армянских беженцев, большинство из которых происходили из Вана⁷. Фонд помощи лорда Мейера предоставлял значительные суммы на обеспечение пропитания этих депортированных лиц. Классификация армян, проживавших в Бакубе в декабре 1919 г., в зависимости от их места происхождения показывает, что 10 247 из них прибыли из региона Ван, 2530 из Иранского Азербайджана, 547 из Битлиса, 385 из Алеппо, и 290 из Киликии. В то же время некоторые другие были выходцами с Кавказа, из Эрзурума, Сиваса, Харперта, Бурсы, Ангоры и столицы⁸. В лагере также располагался приют, основанный в октябре 1918 г. и находившийся в ведении Ассоциации по защите армянских сирот («Вордахнам»), которая базировалась в Египте. Тысяча двести детей, в основном из регионов Вана и Азербайджана, жили здесь в палатках. Когда в январе 1919 г. патриарх Завен посетил лагерь на обратном пути в Константинополь⁹, он обсуждал с генералом Остеном условия, на которых англичане могли бы создать армянский батальон. Восемьсот пятьдесят армянских солдат отказыва-

¹ Там же. С. 254. Патриарх собрал временный сиротский приют в арендованном доме в Мосуле, 10 января 1919 г. Там же. С. 255.

² Там же. С. 256.

³ Там же. С. 270.

⁴ *Golnazarian-Nichanian M.* Op. cit. Pp. 198–199.

⁵ A.M.G., 16 N 3186: *Beylerian A.* Op. cit. P. 670.

⁶ Доклад в Министерство иностранных дел от 26 декабря 1918 г. Национальный архив Армении, ф. 276, т. 1, дело 79, № 1–7: *Golnazarian-Nichanian M.* Op. cit. P. 200.

⁷ Национальный архив Армении, ф. 57, т. 5, дело 198, л. 1а–2а: *Golnazarian-Nichanian M.* Op. cit. P. 202–203.

⁸ *Archives centrales de l'ugab, Bagdad, 1910–1937, CIII-7.* Письмо от 18 июня 1920 г. из Багдадского комитета в штаб-квартиру в Каире.

⁹ *Тер-Егияян З.* Указ. соч. С. 257.

лись служить где-либо, кроме своих родных регионов¹.

В Басре, где патриарх готовился вступить на пароход, следовавший в Константинополь, и возобновить свои функции, он обнаружил еще одну группу уцелевших армян из Вана, которым оказали помощь бельгийский консул Дервишян и Аршак Сафрастян, который, в свою очередь, был на пути в Париж для воссоединения с армянской национальной делегацией².

Армянское присутствие в Малой Азии вскоре после перемирия

Стамбульский ежедневник, выходящий на французском языке, делит уцелевших армян на следующие категории: 1) те, кто принял ислам и проживал в мусульманских поселениях, 2) те, кто был разбросан по всей империи, живя в изоляции и находясь в поиске своих семей, о чьей судьбе ничего не известно, и 3) те, кто вернулся в свои дома, которые они, как правило, нашли лежащими в руинах или заселенными «новыми владельцами, которые не намеревались уступить помещения»; 4) те, кто вновь вступил во владение своим имуществом (исключение); 5) те, у кого недостаточно средств для возвращения в свои родные регионы; 6) те, кто вернулся, но не смог восстановить свои дома и снова покинул их, направляясь в области, в которых их безопасность была обеспечена³.

При рассмотрении регион за регионом методов проведения депортации мы обнаружили, что некоторым категориям армян, в частности, тем, кто работал на армию или муниципалитеты, было разрешено оставаться в своих домах на более или менее временной основе, как правило, после их согласия принять ислам. Мы также отметили много случаев как в городах, так и в сельской местности, когда молодые женщины и дети были похищены, помещены в приюты или «приняты» в семьи. Наконец, мы не можем пренебречь ни населением, бежавшим на Кавказ в начале войны, которое ненадолго вернулось в свои дома в вилайетах Эрзурум и Ван до повторного бегства в начале 1918 г. во время турецкого наступления, ни армянами из Стамбула или Фракии, которые нашли убежище в первую очередь в Болгарии; в целом

Без сомнения, сто пятнадцать тысяч человек — это реалистичная оценка числа уцелевших армян, проживающих в районе, простирающемся от Синая через Сирию к Персидскому заливу, в момент, когда было подписано перемирие. Однако эта оценка не принимает в расчет одну категорию уцелевших: женщин и детей, удерживаемых в этих регионах бедунскими племенами. Эту категорию мы обсудим отдельно.

они решили, что легче всего вернуться домой. В общем, рассматривая ноябрь 1918 г., мы оказываемся перед сложной ситуацией: люди оказались разбросаны по обширной территории в резко противоположных жизненных ситуациях. Реконструкция довоенного армянского общества представляла собой проблему, решение которой затруднялось не только демографической катастрофой, ставшей результатом геноцида, но и новой ситуацией, сложившейся в ходе конфликта. Политика КЕП по расселению мухаджиров в бывшие армянские дома сделала изгнание армян необратимым. Захват армянского имущества локальными сетями младотурок стал еще одним свершившимся фактом, который было трудно повернуть вспять мирными средствами. Эта многогранная проблема до сих пор не подвергалась серьезному изучению, но заслуживает исследования, поскольку разоблачает атмосферу, царившую в провинциях Малой Азии, которые все еще находились под контролем младотурецких сетей.

По сведениям Ерванда Тер-Мартirosяна, молодого офицера из Таласа, который был зачислен в 19-ю бригаду по возвращении из Дарданелл, весной 1916 г. небольшие островки депортированных армян были разбросаны по всей Анатолии. 19 апреля, направляясь в Османийе со своим подразделением, Ерванд Тер-Мартirosян встретил там своего соотечественника Карапета Хергимяна, который рассказал ему, что его мать и два брата прошли этот путь до отправления в Зор. Прибыв в Мараш 29 мая, молодой человек стал свидетелем отправления ко-

¹ Там же. С. 262.

² Там же. С. 266–268.

³ La Renaissance, № 291, samedi 8 novembre 1919.

лонны двух тысяч депортированных армян к югу¹. В начале июня он столкнулся в Малатье с несколькими армянами из Трапезунда, обращенными в ислам, и увидел, что собор был преобразован в конюшню. Дальше к северу, в Харпуте, он отметил наличие горстки католических и протестантских семей, а также армян, обращенных в ислам, которые проживали в условиях крайней нищеты. Будучи в Палу 15 июня, он не упоминает ни об одной встрече с соотечественниками. Тем не менее он узнал, что молодые женщины удерживались в гаремах правительственных чиновников и офицеров, как это было в Ябагхуре и дальше на восток, где в то время пролегла линия фронта².

Ерванд Отян, чьим трехлетним странствиям из Стамбула в Дер-Зор мы следовали, отмечает, что весной 1918 г. пять-шесть тысяч выживших в Сирийской пустыне проживали в Султанье, к югу от Коньи. Вали Коньи Муаммер (который ранее занимал пост вали Сиваса) взял на вооружение по отношению к ним политику непрерывного преследования. Единственными присутствовавшими там армянскими мужчинами были депортированный из Бурсы Гарник Шишманян, у которого имелся бутик в Султанье, а также несколько фармацевтов и агрономов. Они, как могли, помогали женщинам и детям, которые нашли убежище в городе; эти люди пытались сводить концы с концами, принимаясь за небольшую работу³. Около шести тысяч выходцев из Зейтуна, которые были депортированы в Султанье в апреле 1915 г., умерли там от голода, и их тела были похоронены в братских могилах⁴. Отян провел последние месяцы войны в городе и все еще работал в качестве переводчика, когда немецкие офицеры, иногда принимаемые за англичан, следовали через город. Именно от немецких офицеров депортированные в Султанье однажды узнали, что Алеппо пал под натиском британцев. Из стамбульской прессы они узнали, что 14 октября правительство Иззет-паши издало указ о том, что депортированные армяне могут вернуться

домой. Тем не менее пишет Отян, это были «просто слова»⁵.

После окончания военных действий бесконечный поток солдат и гражданских лиц хлынул из Сирии в Малую Азию. Например, 19 января в Киликии «все поезда были подвергнуты тщательному досмотру; при обнаружении во владении турецких офицеров или солдат армянских женщин или сирот <...> последние были немедленно освобождены». Вновь образованный Национальный совет в Адане осмотрительно запретил армянам переступать пределы линии, проходящей через Бозанти, «в результате чего все армяне, которые оказались в Киликии, там и остались. Таким образом, в настоящее время там находится 35 000–40 000 депортированных лиц»⁶. Этот запрет был незамедлительно введен в ответ на участвовавшее убийства депортированных армян, вернувшихся домой. Конечно, ситуация не была одинаковой везде. В вилайетах Эрзурум, Битлис и Ван было спокойно, поскольку там уже невозможно было найти ни одного армянина. В других местах было очевидно, что младотурецким сетям не составляло труда проводить политику запугивания, противодействуя возвращению депортированных армян и, таким образом, предьявляя права на их собственность. Сообщения, поступавшие в патриархию в Константинополе, явно означали, что побои и убийства, совершенные в некоторых провинциях, были результатом скоординированного плана.

В феврале 1919 г. в вилайете Сивас группой чете под командованием Налбанда Иззедина Камиля, «печально прославившегося преступлениями, которые он совершил во время депортации», было убито двенадцать армянских беженцев, которые только что вернулись в Зару. Судья, председательствующий там в суде, который был дядей Камиля, не считал целесообразным заключить этих преступников под стражу. В Сивасе, когда Смирна была оккупирована греческими войсками, власти организовали митинги, на которых пропагандисты бывшего КЕП пробуждали

¹ BNU/Fonds A. Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide, P.J.1/3, liasse 26, Kayseri, f° 46. Доклад Ерванда Тер-Мартirosяна, двадцатитрехлетнего уроженца Таласа, который учился в Таласском американском колледже.

² Ibid, f° 46 v°.

³ Отян Е. Указ. соч. № 153, 159 и 164.

⁴ Там же, № 167.

⁵ Там же, № 170–171; Жаманак, 15 октября 1918 г. (на арм. яз.)

⁶ La Renaissance, № 47, dimanche 26 janvier 1919.

«мусульманский фанатизм» и проповедовали в мечетях священную войну против христиан. В июле в Инебазаре лидер чете Камилл напал на группу армянских беженцев, возвращавшихся в свои дома, и убил нескольких из них¹. Армянские источники отмечают, что сразу после окончания Конгресса в Сивасе, проведенного 4 сентября 1919 г., Мустафа Кемаль, Фахри-паша и Рауф-бей приступили к созданию временного правительства, доверив важные посты тем, на ком лежала основная ответственность за массовые убийства². Вполне очевидно, что Кемаль действовал по сценарию «сопротивления», инициированного КЕП³, даже несмотря на то что сподвижники Кемалья провозгласили свою независимость от младотурецкой сети⁴.

Ситуация в Токате была схожа с ситуацией в Сивасе. Местные юнионистские лидеры, непосредственно причастные к массовым убийствам, совершенным в 1915 г., Гурчи Ахмед, бухгалтер вилайета, Фаик, председатель «эмвали метруке», и имам Бекир, который завладел имуществом, принадлежавшим монастырю Святого Иоанна Златоуста, препятствовали возвращению уцелевших армян и реституции их конфискованного имущества⁵. Позднее в Мерзифуне две тысячи уцелевших армян, возвращавшихся в свои дома, пали жертвами массовой резни; «турки сожгли все, что осталось нетронутым в старом армянском квартале»⁶. Наконец, следует отметить, что военные трибуналы, созданные новыми «националистическими» властями, приговорили около двух тысяч армян к смерти в одном лишь только вилайете Сивас и что большое число молодых людей было зачислено в рабочие батальоны⁷.

По другим сообщениям, в вилайете Трапезунд призыв в рабочие батальоны греков в

возрасте 20–25 лет подтверждает, что в январе 1919 г. преступники, участвовавшие в массовых убийствах греков и армян, не были привлечены к ответственности и были даже назначены на важные посты⁸. Французский дипломат писал, что репатриантам «пришлось нелегко при восстановлении их собственности в силу молчаливой оппозиции со стороны низших турецких официальных чинов, которые имели поддержку со стороны руководителей местного отделения Комитета «Единение и прогресс». Те, кто принимал активное участие в армянских погромах, которые были пугающе жестокими в этом городе, и кто был заинтересован в сохранении украденного имущества и препятствовании возвращению свидетелей, пытались посредством террористических актов распространить тревогу среди возвращавшихся армян, некоторые из которых бежали во второй раз»⁹.

В марте младотурецкие сети раздали крестьянам оружие, в то время как три сотни солдат ушли в партизаны, подаввшись уговорам трех офицеров-юнионистов, к которым присоединились Экрем-бей и его группа чете. Аналогичная ситуация царяла дальше к западу, в Орду, Кирасоне, Бафре, Самсуне, Униве и Чарсамбе¹⁰. Хотя в Трапезунде убийства не были такими систематическими, как во внутренних районах страны, они были не менее частыми, как это отметил американец, который проезжал через город 21 июня 1919 г. Офицер также отметил, что недвижимое и движимое имущество вернувшихся армян до сих пор не было им возвращено¹¹.

В Измите, где во время войны мухаджеры из Салоник и Румелии были размещены и заменили армян, едва ли тридцать депор-

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 808–809. Поборы, совершенные в провинциях после заключения перемирия. В числе пострадавших оказались д-р Сисак, Аида Бояджян, Агавни и Акоп Киркирян и др. В Заре 140 уцелевших и 325 в округе Шабинкарахисар. APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 485–487. Статистика вилайета Сивас.

² Ibid.

³ Zürcher E. T. Op. cit. P. 69.

⁴ Ibid. P. 73. Различие между кемалистским и иттихадистским движениями, принятое в официальной турецкой историографии, кажется искусственным в отношении периода Сивасского конгресса (Ibid., p. 68–69).

⁵ См. с. 838, примечание 1.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 810.

⁷ Ibid. По данным доклада патриархии, было осуждено и казнено 2797 человек, из них 2040 армян и 757 греков.

⁸ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 811, «La situation des chrétiens dans le vilayet de Trébizonde depuis l'Armistice de Moudros».

⁹ CADN, Consulat de Trébizonde, carton 77. Телеграмма № 6 от 13 января 1919 г., направленная делегатом Верховного комиссара в Трапезунде в адрес М. Дефранса, Верховного комиссара в Константинополе.

¹⁰ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 815–829.

¹¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 101. Доклад, Трапезунд, 25 июня 1919 г.

тированных армян вернулись к 30 сентября 1920 г.¹, и ни одного армянина нельзя было найти в окружающем регионе, где акты грабежа и убийств участились в течение 1919 г.² После первого заключения в тюрьму местных руководителей младотурок военный трибунал в Биледжике освободил 15 октября 1919 г. «юнионистских лидеров города Мерджимак-заде Ахмеда, Дебе-оглу Али, Джади-заде Хаджи Ахмеда и их пособников». Эти люди сразу же «возглавили националистическое движение и сеяли страх среди армян». Наблюдатели также отмечали, что они организовали публичные демонстрации «с флагами и группой, с криками “Да здравствует Иттихад”».³

Ситуация в соседнем регионе Бурсы заметно отличалась. Первоначально новый вали приказал арестовать местных юнионистских лидеров, которые обвинялись, в частности, в массовом убийстве в Атраносе⁴: д-ра Мидхат-бея, адвоката Османа Нури, Мухеддина и Хакки Баха, Садык-бея, который сформировал батальон из трехсот чете, и других. Французская разведка, однако, отмечала образование «группировок, состоявших из офицеров запаса»⁵, иными словами, местные младотурки не выбросили белый флаг. В апреле 1919 г. вернулось 800–1000 депортированных армян, то есть около десяти процентов от довоенного населения⁶. Несколько месяцев спустя банды чете начали преследовать этих уцелевших армян, требуя с них деньги за защиту, в то время как местная пресса опубликовала о них подстрекательские статьи и самые молодые были призваны в состав сил Кемалю. Следует также отметить, что суд над лицами, ответственными за массовые убийства в Атраносе, завершился 8 марта 1920 г. вы-

несением оправдательного приговора, что привело к кампании репрессий, которая вынудила армян оставить Бурсу навсегда. Их незамедлительно заменили мухаджир⁷.

Единственная информация, которая имеется у нас в отношении ситуации в восточных провинциях, исходит из Харпута, где Геворг Агаронян, бывший переводчик французского консула, снова начал работать в качестве «информационного агента» в марте 1919 г.⁸ В своем первом сообщении, датированном 1 мая, он отмечает, что у него возникли проблемы, поскольку государственные чиновники, «все из которых являлись юнионистами», не были заменены. «Мы практически живем под властью Талаат-паши и Энвер-паши», пишет он. Он также подчеркивает, что вернувшиеся депортированные армяне столкнулись с огромными проблемами в связи с предъявлением своих прав на «недвижимое и движимое имущество, девочек и женщин, которые были похищены», и с поиском продуктов питания. В судах, добавляет он, иски христиан никогда не принимались во внимание. Он отмечает, что было совершено несколько убийств. Он также сообщает о том, что пять армянских заключенных, которые были арестованы Али Ихсан-пашой в Дерсиме в начале 1918 г. (Ихсан-паша приказал расстрелять большинство беженцев, захваченных в Дерсиме), были признаны виновными в «шпионаже» и все еще находились за решеткой⁹. Наконец-то узнали, что КЕП был реорганизован в Харпуте под новыми названиями, такими как «Хурриет Итилаф» (Либеральная Антанта) и «Ассоциация Курдистана», партиями, которые защищали турецкие и курдские интересы¹⁰. В августе Геворг Агаронян сообщил своему начальству об аресте Хулуси-бея¹¹, начальника полиции

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 2 914. Доклад о ситуации в Исмиште, от 30 сентября 1920 г. (на арм. яз.).

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 282–290. Доклад о мародерстве и поборах, имевших место в 1919–1921 гг. в районе Исмишта.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 4 851–856. Доклад о ситуации в вилайете Бурса в 1919 г.; о поборах в Ченгилере, см. Ibid., 4 856.

⁴ См. выше, с. 631, о массовых убийствах мужчин, задержанных в Орханели, в районе Атраноса.

⁵ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 1992. Доклад лейтенанта Роллена, Константинополь, 15 апреля 1919 г., с. 2–3.

⁶ Ibid. P. 4.

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 4 873, dossier № 144, Bursa.

⁸ CADN, Consulat de Trébizonde, carton 76. Телеграмма № 6, направленная делегатом Верховного комиссара в Трапезунде в адрес М. Дефранса, Верховного комиссара в Константинополе, июнь 1919 г.

⁹ CADN, Trébizonde, carton 77. Доклад № 1 агента Геворга Агароняна делегату Верховного комиссара в Трапезунде, 1 мая 1919 г.

¹⁰ Ibid. P. 3.

¹¹ CADN, Consulat de Trébizonde, carton 76. Доклад агента Геворга Агароняна делегату Верховного комиссара в Трапезунде, 15 августа 1919 г. Агент утверждает, что Хулуси был направлен в Эрзурум для привлечения к суду военным трибуналом. Он также добавляет, что, как он полагает, есть люди, которые собираются помочь ему бежать.

вилаята, бывшего лейтенанта полиции Эрзурума, где он, в частности, участвовал в массовых убийствах в ущелье Кема¹.

Статистические данные, подготовленные совместно Вселенской и Армянской патриархиями в начале 1919 г., показывают, что около 250 тысячам уцелевших греков и армян удалось вернуться в свои дома или осесть в следующих регионах: в Константинополе 2339 греков и 470 армян, в Эдирне 52 907 греков и 2355 армян, в Эрзуруме 6 греков и 3193 армянина, в Адане 133 грека и 45 075 армян, в Ангоре 140 греков и 1735 армян, в Айдыне 26 790 греков и 132 армянина, в Битлисе ни одного грека и 762 армянина, в Бурсе 20 034 грека и 13 855 армян, в Диарбекире ни одного грека и 195 армян, в Сивасе 731 грек и 2897 армян, в Трапезунде 10 890 греков и 2103 армянина, в Кастамону ни одного грека и ни одного армянина, в Конье 2346 греков и 10 012 армян, в Мамурет уль-Азизе ни одного грека и 1992 армянина, в Ване ни одного грека и 732 армянина, в Эскишехире ни одного грека и 216 армян, в Эрзинджане ни одного грека и 7 армян, в Урфе ни одного грека и 394 армянина, в Ичиле ни одного грека и ни одного армянина, в Исмирте 184 грека и 13 672 армянина, в Болу ни одного грека и ни одного армянина, в Теке ни одного грека и ни одного армянина, в Джанике 2286 греков и 801 армянин, в Чаталдже ни одного грека и ни одного армянина, в Айнтабе ни одного грека и 430 армян, в Карахисаре ни одного грека и 298 армян, в Дарданеллах 741 грек и 222 армянина, в Караси 32 165 греков и 899 армян, в Кайсери 14 греков и 47 армян, в Кютахье ни одного грека и 721 армянин, в Караси ни одного грека и 241 армянин, в Ментесе 804 грека и ни одного армянина, в Нийде ни одного грека и ни одного армянина. Это дает в общей сложности 152 510 греков и 103 456 армян². Само собой разумеется, что число репатриантов постоянно менялось в результате более поздних возвращений, особенно тех депортированных лиц, которые в начале 1919 г. все еще находились в Сирии, Месопотамии и Трансиордании, или, опять же, женщин и детей, которые лишь постепенно освобождались из семей,

которые их удерживали. После кампании репатриации, которая затронула в первую очередь депортированных в Сирии и Месопотамии, а также беженцев в Болгарии и, в меньшей степени, на Кавказе, репатриация армянского населения накануне Севрского договора представляла собой следующую картину³: в Константинополе 150 000, в вилаете Эдирне 6000, в мутесарифате Исмит 20 000, в вилаете Бурса 11 000, в санджаке Биледжик 45 000, в санджаке Караси 5000, в санджаке Афионкарахисар 7000, в вилаете Айдын 10 000, в вилаете Кастамону и Болу 8000, в санджаке Киршехир 2500, в санджаке Йозгат 3000, в санджаке Ангора 4000, в вилаете Конья 10 000, в санджаке Сивас 12 000, в санджаке Токат 1800, в санджаке Амасия 3000, в санджаке Шабинкарахисар 1000, в санджаке Трапезунд нет, в санджаке Лазистан 10 000, в санджаке Гююшхан нет, в санджаке Джаник 5000, в вилаете Эрзурум 1500, в Ване (только в городе) 500, в вилаете Битлис нет, в вилаете Диарбекир 3000, в санджаке Харпут 30 000, в санджаке Малатия 2000, в санджаке Дерсим 3000, в вилаете Адана 150 000, в санджаке Алеппо 5000, в санджаке Айнтаб 52 000, в санджаке Урфа 9000, в санджаке Мараш 10 000, в Иерусалиме 2000, в Дамаске 400, в Бейруте 1000, в Авране 400. Это дает в общей сложности 543 600 армян.

Эта разбивка требует некоторых замечаний. Двести тысяч из этих армян были сосредоточены в Киликии, куда их призвали вернуться британские, а затем и французские войска. По сведениям Ваге Ташджяна, путем репатриации уцелевших армян в Киликию Франция стремилась избежать рисков напряженности в Сирии, поскольку позволить депортированным лицам остаться там не было бы популярной мерой. В то же время французы были уверены, что они могут рассчитывать на поддержку армянского населения в Киликии, в частности, при достижении цели получения мандата на регион⁴. Как и в неоккупированных районах Малой Азии, репатриация такого большого числа армян, вне зависимости от того, являлись ли они выходцами из Киликии или нет, вызвала громкие протесты местных младотурецких сетей, которые извлекали свою выгоду

¹ См. выше, с. 320, примечание 5.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, ¶ 367. Перечень регионов, в которые вернулись армяне и греки.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, ¶ 543–544, Arméniens présents dans l'Empire ottoman lors du traité de Sèvres.

⁴ Tachjian V. La France en Cilicie et en Haute-Mésopotamie (1919–1933), Paris, 2004. Pp. 36–44.

из недовольства, вызванного вопросом о восстановлении прав на армянское имущество, присвоенное во время геноцида, а также освобождением молодых женщин и детей, которые были похищены¹. В течение двух и более лет, пока французы занимали Киликию, местные отделения «Каракола» систематически препятствовали усилиям французской администрации во главе с полковником Бремоном по содействию мирному сосуществованию различных групп, которые давно присутствовали в Киликии. Колониальная администрация, несмотря на свою добросовестность, едва ли могла обеспечить реституцию собственности, а также людей. Психологическое состояние армянских репатриантов, разъяренных, в частности, тем, что их жены, дочери и сестры по-прежнему удерживались в гаремах, также породило бесчисленные конфликты и привело к сведению счетов. Киликия стала ареной конфронтации между жертвами и мучителями, что усилило давнюю вражду, лежащую непреодолимой пропастью между этими двумя группами. Осознание армянами того, что к ним несправедливо отнеслись, проявилось здесь более свободно, нежели в других местах, благодаря французскому военному присутствию. С другой стороны, местные младотурецкие лидеры стремились сохранить то, что они приобрели, свергнуть французское колониальное иго как можно скорее и одновременно изгнать киликийских армян, которые во время геноцида подвергались лучшему обращению, чем остальные армяне. Представители местной турецкой элиты начали более тесно сотрудничать с движением младотурок, которое частично сплотилось под знаменем кемалистов².

Как блестяще показал Ваге Ташджян, движение кемалистов непреклонно придерживалось политики демографической гомогенизации КЕП. Насильственно или с помощью административных мер, оно методично стремилось сделать невозможным для репатриантов пребывание в их родных городах и селах, терроризируя этих нетурок в надежде вынудить их спасаться бегством. Его стратегия, направленная на преследование представителей Высокой комиссии по делам беженцев Лиги Наций, а также гуманитарных организаций, которые, как мы увидим, оказывали помощь беженцам, красноречивее всяких слов говорит о его желании очистить Турцию от «инородных тел». «Национально-освободительная война», подготовленная младотурками и проводимая Мустафой Кемалем, была, помимо нескольких стычек с французскими войсками и войны с Грецией, обширной операцией, целью которой являлось завершение геноцида путем изгнания уцелевших армян. Политика, принятая в отношении греков Малой Азии, лишь подтверждала существование этой политической цели, которая не могла помешать даже поражению Османской империи в войне. Согласно сведениям, предоставленным Армянской патриархией, 37 957 греческих и армянских переселенцев были убиты в вилайетах Конья, Сивас, Кастамону и Трапезунд, причем подавляющее большинство из них были убиты в Трапезунде³. Герберт Гиббонс, репортер, работавший в этом районе, телеграфировал: «Несмотря на повторные формальные изобличения, турки Ангоры сознательно проводят политику беспощадного истребления греков»⁴.

Политическое управление патриархата в послевоенный период

Сразу после подписания Мудросского перемирия институт Константинопольской Армянской патриархии, который был распущен властями в 1916 г., был восстановлен по требованию Антанты. Это было тем более актуально, что институт патриархии был в то время, когда перед сотнями тысяч

оставшихся в живых встал целый ряд вопросов, имевших жизненно важное значение. В декларации, опубликованной в ноябре 1918 г., французские и английские Верховные комиссары потребовали, чтобы правительство Османской империи позаботилось об осуществлении репатриации уцелевших

¹ Ibid. Pp. 45–53.

² Zarifian J. Le sancak de Sis/Kozan, Master thesis, University Paris VIII, 2003.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 543. Список репрессий против армянского населения после перемирия.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ц 375. Телеграмма Гиббонса в «Монитор» Бостона, Трапезунд, 24 мая 1920 г. О депортации греков в вилайете Сивас и поборах, которым они подверглись после войны. См. APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 793 и следующие.

депортированных греков и армян, передало им обратно их имущество, которое было конфисковано у них, вместе с банковскими депозитами, а также добилось освобождения женщин и детей, похищенных во время депортации¹. Приоритеты армянских лидеров заключались в восстановлении прав уцелевших лиц, которые возвращались в свои дома, обеспечении им надлежащей поддержки, а также установление средств судебного иска против тех, кто совершал насилие или захватывал имущество.

Армянский руководящий орган был создан еще до того, как патриарх Завен, который все еще находился в изгнании в Мосуле, вернулся в Константинополь. В январе державам Антанты был направлен меморандум, который отражал позицию армянского руководящего органа². В то время как нет никаких сомнений относительно «благих намерений великого визиря Тевфика», интересно, могут ли жертвы восстановить свои права, «в то время как восемьдесят процентов государственных служащих являются юнионистами и были глубоко вовлечены в одни и те же преступления». Проведение чистки в администрации казалось тем более необходимым для армянских лидеров, поскольку запросы в отношении военных преступлений не расследовались и предварительные досье, собираемые судьями, ведущими расследования, передавались в военный трибунал крайне медленно. В достаточно специфической ситуации, наступившей в результате назначения Верховных комиссаров Антанты, у армян возникало чувство, что военный опыт не изменил поведения властей. Армянские лидеры отмечали: «Само собой разумеется, что если бы союзные державы не были очевидцами этих трагедий, в соответствии с многолетней практикой власти бы заявили, что ничего подобного не имело места и что это были всего лишь ложные слухи либо что речь идет о незначительном происшествии, спротоцированном армянами». Они пошли еще дальше, объявив державам, что «правительство не собирается наказывать виновных»³. Скептицизм, озвученный

таким образом армянскими лидерами, лишь слегка прикрыв пропасть, которую насилие создало между османскими армянами и турецкими властями. Патриарх сомневался не в добросовестности правительства, а скорее в самом государстве, до сих пор полностью контролируемом младотурками. Соответственно, он отметил, что в случае, если не будет проведена радикальная чистка, не может быть и речи о том, что лидеры КЕП будут привлечены к суду. Еще один довод со стороны армянских лидеров в оправдание их скептицизма был не менее важен: то, что называлось «многовековой привычкой», состоявшей в рассмотрении массовых преступлений, совершаемых в отношении целых народов, в качестве законного «наказания». Автор передовых статей «Spectateur d'Orient» хорошо это понимал, когда писал: «Это первый случай в истории Турции, когда бывший великий визирь и бывшие министры были привлечены к суду и подверглись риску быть наказанными за преступления, совершенные против населения этой страны... Ныне бывшие турецкие лидеры подвергаются уголовному преследованию за то, что отдали приказ к массовой резне христиан. Это единственный случай в истории империи, когда это произошло, и представляет собой глубокие изменения в традициях этой страны. В чем кроется причина этого? Единственной причиной является исход мировой войны»⁴.

Иными словами, перспектива появилась оттого, что Османская империя была сдвинута с привычных позиций, что побудило новые власти привлечь иттихадистов к суду, несмотря на общественное мнение. Чтение стамбульской прессы убедило армянских лидеров, что у них нет шансов на возмездие посредством османских судов. С самого начала армянские лидеры выступали за создание Международного суда и начали работать в этом направлении. В публичном заявлении от 6 января 1919 г. д-р Давидян, председатель Политического совета, отметил, что, несмотря на отъезд тех, кто несет основную ответственность за массовые

¹ APC/PAJ, ¶ 368. Армяно-греческий комитет, созданный союзнической комиссией, постоянно встречался с представителями патриархии и «American Near East Relief» в период с 26 февраля 1919 г. до весны 1922 г. для наблюдения за реабилитацией уцелевших, спасения людей, которые были обращены в ислам, и пр. FO 371-3658, first session, 26 February 1919.

² La Renaissance, № 50, mercredi 29 janvier 1919.

³ Ibid.

⁴ Spectateur d'Orient, № 116, 29 avril 1919, «Le procès de l'Union et Progrès».

убийства, большинство турецкого населения не изменило свои взгляды и осталось настроенным агрессивно: «Мы видим, особенно в провинциях, ту же самую недобросовестность в отношении восстановления прав на «награбленное добро», сирот, девушек и женщин. Те же самые угрозы нависли над головами несчастных, бежавших от массовой бойни»¹.

Адмирал Калторп незамедлительно учредил греческо-армянский комитет², которому было вменено в обязанности проявлять внимание к проблемам беженцев, а также направил свои усилия по выявлению, аресту и обвинению авторов преступлений против человечности. Д-р Григор Давидян был представителем армян в этом комитете³. Однако необходимо было дожидаться возвращения патриарха Завена, который прибыл 19 февраля 1919 г. для цели создания Информационного бюро [«Дегаду диван»], которое было возглавлено Аршагом Алпояджаном (1879–1962) и отнесено под непосредственное руководство Армянского политического совета⁴. Завена Егияяна приняла большая толпа в условиях, которые «могли оскорбить религиозные и национальные чувства жителей Стамбула»⁵, как жаловались власти.

Информационному бюро была поручена миссия по сбору старых и свежих документов по демографическим вопросам, армянским гонениям, массовым убийствам, депортациям и захваченному недвижимому и движимому имуществу, а также фактов о тех лицах, на которых лежала основная ответственность за массовые убийства, свидетельств очевидцев, доказательств и статистики в отношении жертв похищений и секвестированных сирот⁶. Информационное бюро также регулярно готовило доклады о положении в провинциях и поборах, совершенных «националистическими силами». На

эту тему было отправлено три сотни отчетов в Верховную британскую комиссию. Прежде всего, Информационным бюро были подготовлены двести девяносто два досье на инициаторов депортации, «которых турки пытаются обелить»⁷. Таким образом, армянские лидеры решили собрать документы и другие доказательства в преддверии создания международного судебного органа, которому вменялось бы в обязанность судить преступления, совершенные османским государством.

В своих мемуарах патриарх отмечает, что новые власти не сделали ничего для того, чтобы помочь уцелевшим вернуться в свои дома, особенно в восточных вилайетах, в результате чего многие из них наводнили Стамбул, что еще больше затруднило задачу армянских лидеров. Он отмечает, что правительство не пыталось улучшить свою позицию и вело себя точно так же, как предшествующие правительства «поступали в прошлом, в дни Иттихада, за исключением того, что перестали совершаться массовые убийства»⁸. Завен резюмирует ситуацию следующим образом: «После поражения Турции мы были в состоянии предъявлять требования; у турецкого правительства, с его стороны, было ощущение, что мы работали против него, предъявляя обвинения против него перед европейскими державами». Он приходит к выводу, что в этих обстоятельствах трудно «выстраивать дружеские отношения», тем более что армянские круги в своем большинстве были настроены против восстановления отношений с Ближательной Портой, предпочитая выждать и посмотреть, что решит Антанта⁹. Одна попытка сближения была предпринята весной 1919 г. Сенатор Манук Азарян посетил патриарха от имени великого визиря Дамада Фериды, чтобы предложить восстановить отношения «в том виде, в

¹ La Renaissance, № 43, mercredi 22 janvier 1919.

² Public Record Office, FO 371/4174, № 118377. Письмо адмирала Калторпа лорду Керзону, 1 августа 1919 г.

³ АРС/РАУ, F 900–902. Доклад о деятельности Информационного бюро в 1919–1920 гг., представленный Карапетом Нурияном, членом Политического совета, июнь 1920 г.

⁴ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 301–302, 304.

⁵ Там же, с. 277; La Renaissance, № 71, samedi 22 février 1919.

⁶ Доклады Информационного бюро часто публиковались франкоязычной ежедневной газетой «La Renaissance», которая выходила с декабря 1918 г. до весны 1920 г. под руководством Тиграна Чааяна, бывшего члена Государственного совета, и Карапета Нурияна, с содействием д-ра Топджяна. Завен указывает, что публикация этой газеты финансировалась патриархией. Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 302–303.

⁷ Там же. С. 304.

⁸ Там же. С. 305.

⁹ Там же. С. 307.

каком они были до войны». В качестве жеста доброй воли великий визирь сообщил патриарху, что комиссия, которой вменяется в обязанность «урегулировать армянский вопрос», членом которой являлся Азарян, была создана при Блистательной Порте. Патриарх ответил, что великому визирю очень хорошо известно, что произошло с армянским народом и что в этих условиях он задавался вопросом, почему тот не предпринял ничего для того, чтобы помочь тысячам уцелевших, живущих в Константинополе в ужасных условиях; почему тот не пошевелил пальцем, чтобы предоставить им помощь и снабдить их продуктами питания, одеждой и жильем. Он отметил, что правительство не принесло «ни малейшей жертвы» для них и не выразило «ни малейшего сожаления за совершенные действия». «Как вы можете ожидать, — воскликнул он, — что мы будем развивать отношения с монархом и правительством, которые смертельно ранили нас и которые, похоже, не вложили меч обратно в ножны и не пожалели о том, что они натворили? Если великий визирь желает что-то сделать, пусть позаботится об этих людях. Если он это делает, я буду первым, кто выкажет ему свою благодарность»¹.

Позиция армянских лидеров при преследовании армянского населения в период военного времени четко изложена в докладе от 27 декабря 1918 г.², который заслуживает рассмотрения. Описание структур и методов функционирования КЕП, которое выступало введением к настоящей докладе, стремится показать, что «в каждом городе, большом или небольшом», «бюрократия», «армия», «все гражданские агенты правительства, полиция, жандармерия, все видные деятели, священнослужители, представители прессы и даже преступники» были допущены в комитеты, поскольку невозможно было «быть государственным служащим, не будучи юнионистом».

Центральный комитет был описан в докладе как «высший государственный совет», отвечающий за «все внутренние и внешние дела». В докладе также отмечается, что «комитет смог заручиться поддержкой всего турецкого народа, за исключением ничтож-

ного меньшинства, и по понятной причине: 1) комитет был единственной организацией, которая предложила должности всем своим членам, 2) комитет стремился укрепить экономическое положение турецких подданных за счет других; он предоставил все преимущества турецким торговцам, в то же время притесняя немусульман, 3) комитет поощрял турецкому сознанию с его панисламскими идеями и пропагандой пантюркизма, 4) комитет разбудил фанатизм турецких крестьян и населения, 5) путем отмены капитуляций комитет предоставил туркам неограниченную свободу действий».

Будучи изложенным в терминологии, принятой в то время, это описание не относится к нашему вопросу и показывает, что армяне хотели поделиться опытом своего столкновения с тюркизмом с представителями Антанты. Что касается «преступлений, совершенных против армян, греков и других народов», в докладе утверждается, что «программа была определена после долгих размышлений, и ее применение проводилось с непревзойденным мастерством». Доклад делит преступников на несколько различных категорий: 1) распорядители и организаторы, 2) кадры, которые предоставляли «средства для совершения массовых убийств, грабежей и насилия, 3) те, кто просто выполнял приказы. К первой категории доклад относит членов Центрального комитета и кабинеты военного времени, депутатов парламента, ответственных секретарей, «большинство» вали и мутесарифов, а также некоторых журналистов. Согласно докладу, подавляющее большинство гражданских и военных чиновников, начальников полиции и командиров жандармерии относятся ко второй категории. К третьей категории доклад относит все курдские, черкесские, чеченские и лазские батальоны чете, а также солдат и офицеров регулярной армии»³.

Это иерархизация преступников разработана в последующем докладе, содержащем список тех, кто являлся главным виновником «массовых убийств и депортаций»⁴. Изначально необходимо отметить, что патриархия, делегированная «народом», адресовала этот доклад непосредственно

¹ Там же. С. 308.

² АРС/РАЖ, № 578. Доклад Армянской патриархии в Константинополе, 27 декабря 1918 г.: «Ответственные за злодеяния, совершенные в отношении армян».

³ Ibidem.

⁴ АРС/РАЖ, Bureau d'information du Patriarcat arménien, p 114–125. Primary list of the chief instigators and perpetrators of the Armenian massacres and deportations of the Years of the Great War (1914–1918).

«правосудию союзных держав». Вводная часть текста настаивает на «морально-политическом эффекте», который «судебное решение и наказание» могут оказать на развитие «настроений в Турции», влияющих на «ее будущее поведение по отношению к «меньшинствам»». Мы не знаем, был ли этот документ подготовлен по запросу со стороны Верховных комиссаров Антанты, но он свидетельствует, по крайней мере, о последовательности политики, принятой армянскими лидерами, которые, видимо, никогда не предусматривали ничего иного, кроме международного суда. Более того, армяне не скрывали тот факт, что они стоят перед выбором: составить исчерпывающий список обвиняемых, «большой или малый», или «выбрать» наиболее глубоко вовлеченных организаторов вместе с их основными соучастниками. В первом случае объем преступлений и «десятки тысяч убийц», вовлеченных в злодеяния, останутся недостижимыми для «человеческого правосудия». Следовательно, заявляется в докладе, патриархия добровольно ограничилась представлением выбора «документов, которые находились в ее руках» и составлением списка главных виновников, игнорируя их «агентов»¹.

Информационное бюро также заявляет, что сделало выбор в пользу классификации по провинциям ответственных секретарей КЕП, губернаторов, военных командиров, начальников жандармерии, начальников полиции, высокопоставленных чиновников, священнослужителей и других видных деятелей, участвовавших на местах в «ликвидационных комиссиях», которые организовали разграбление армянского имущества или создание банд «Специальной организации», которые вырезали население².

Последующий доклад поднимает ключевую проблему, представленную необходимостью собирать «доказательства» виновности «высокопоставленных лиц», ныне находящихся в бегах, которые планировали, организовывали и отдавали приказы о депортациях, массовых убийствах и ограблении армян. Доклад указывает, что труд-

но найти «окончательное доказательство», «черным по белому», приказов, отданных ими, поскольку им ничего не мешало «уничтожить большинство таких доказательств до подписания перемирия». Информационное бюро также предлагает, чтобы «трибунал, назначенный Лигой Наций», допросил членов четырех комиссий по расследованию, направленных в провинции после депортации, в ответ на «возмущения», озвученные в Европе и Америке, когда их достигли «новости о зверствах», совершенных против армян³. После «официального заявления о том, что никаких массовых убийств не происходило, турецкое правительство» направило в провинции комиссии для подготовки «отчетов, подтверждающих официальные заявления».

Мы уже упоминали о некоторых докладах, подготовленных председателями этих следственных групп в конце 1915 или в начале 1916 г.; допросы этих людей Пятой комиссией доказывают, что доклады так и не были опубликованы и были «похоронены» в Министерстве внутренних дел⁴. Информационное бюро предлагало допросить членов этих комиссий с расчетом на то, что некоторые из них серьезно восприняли миссию, возложенную на них, и представили разрушительные отчеты. Это касалось Мазхарбея, который был выбран для проведения расследования в Харпуге и Диарбекире⁵. Очевидно, что выводы, которые он сделал, убедили Талаат-пашу держать их при себе. Функционирование второй комиссии по расследованию, уполномоченной проводить исследования в регионах Ангоры и Коньи, также привлекло внимание Армянского бюро. Согласно заявлениям, сделанным Радибеем перед трибуналом, судья Хулуси, председательствующий на суде, шурин Тахсинбея, удовлетворился допросом нескольких жандармов, которые были наказаны за «нарушения», оставив без внимания, как отмечает доклад патриархии, «бойню в Келлере и Богазяне, хотя для этих двух мест, во всяком случае, у нас имеется вопиющее доказательство происходивших там событий»⁶.

¹ Ibid., p 117–119.

² Ibid., p 124.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arm. de Constantinople, Э 25–34. Second report on Turks responsible for the armenian atrocities of the Bureau of Information: the question of Turkish witnesses (Part 1).

⁴ См. выше, с. 814.

⁵ См. выше, с. 396, примечание 5 (доклад от 20 декабря 1915 г. о Диарбекире), с. 468, примечание 3 (доклад от 9 декабря о Харберде) — 1090, с. 469, примечание 5.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arm. de Constantinople, Э 25–34, цитированный рапорт.

Что касается третьей комиссии, которая провела расследование в вилайетах Эрзурум, Ван и Битлис, «где были совершены самые варварские массовые убийства», Информационное бюро отмечает, что председатель комиссии Нихад-бей, шурин Исмаила Муштাকা, генеральный секретарь Сената, официально не обнаружил ни одного нарушения «в ходе депортаций». После подписания перемирия он также был приглашен на должность прокурора на первом военном трибунале, где Махмуд Хайрет-паша был председательствующим судьей, но «он отказался от этой должности, чтобы не быть вынужденным судиться со своими коллегами из Комитета «Единение и прогресс»¹. Сообщая эту информацию, Информационное бюро стремилось показать, как правило, эти запросы осуществлялись структурами, созданными КЕП. В этом отношении ситуация с Асим-беем, председателем четвертой и последней комиссии, отвечающей за проверку провинций Адана, Алеппо и Дамаск, была еще более вопиющей. Асим-бей, член КЕП, бывший инспектор суда в Салониках и бывший директор департамента Министерства юстиции по уголовным делам, представил отчет, в котором не было упомянуто ни одного правонарушения. Похоже, что именно Асим-бей обратил внимание Стамбула на то, что в регионе Дер-Зор депортированные армяне представляли от пятидесяти до шестидесяти процентов от общей численности населения, то есть долю, которая была «нежелательной». Согласно Информационному бюро, именно после подачи этого отчета Талаат-паша направил Зеки, мутесарифу Дер-Зора, приказ о ликвидации армян². Таким образом, можно утверждать, что лидеры патриархии сыграли важную роль в сборе информации о младотурецких преступниках и еще в 1919 г. имели точное понятие о фактах и соответствующих обязанностях главных лидеров КЕП.

Меморандум, направленный в адрес британских спецслужб д-ром Аветисом Накашяном, бывшим беспартийным депутатом пар-

ламента от столицы, разработал юридически обоснованные рассуждения относительно антиармянских поборов³. По его сведениям, если порядок ликвидации был сформулирован в специальном законе, то ситуация может рассматриваться как узаконенная, но можно было также считать, что речь шла о преступлении, вне зависимости от того, было ли оно совершено «по приказу, сформулированному как закон или нет». В первом случае только покойный султан и некоторые члены кабинета министров могли считаться ответственными, тогда как остальные лица лишь выполняли приказы и исполняли свой долг. Во втором случае речь идет о возникновении «коллективной ответственности», в отношении которой он считал необходимым сделать несколько замечаний.

1) Каждый чиновник, от министра до простого жандарма, прекрасно знал, что этот закон был не более чем предлог для убийства и грабежа целого народа. Все знали, что закон открыл двери тюрем для преступников, чтобы те могли быть зачислены в «Специальную организацию»; что эти банды базировались в определенных точках на дорогах для нападения на колонны, убийств, насилия и грабежей. Это было сделано открыто, и, следовательно, те, кто доставлял армян в лапы этих преступников, точно так же несут ответственность, как и те, кто совершал эти убийства.

2) Каждый турецкий чиновник был абсолютно уверен, что армяне, которых он отправлял в ссылку, умрут тем или иным образом; нельзя было ожидать, что человек преодолет путь от Самсуна до Мосула голодным и выживет. Нет никаких сомнений в намерении чиновников послать депортируемых на верную смерть, и, следовательно, нет никаких сомнений, что все, кто отправил этих людей в путь, являются такими же преступниками, как остальные.

3) Турки прекрасно знали, что в депортации армян не было никакой военной необходимости; однако такая военная необходимость изначально служила в качестве пред-

¹ Ibidem.

² Ibid. По данным того же доклада, некто Шевфик-бей, секретарь Асима, предоставил ценную информацию не только в отношении своей собственной деятельности, но также и в отношении деятельности вали Джевдет-бея в Адане и Абдулхалика в Алеппо, а также в отношении мутесарифов и военачальников этих вилайетов.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat arm. de Constantinople, Ч 104–105. Меморандум д-ра Накашяна в адрес полковника Баллара, сотрудника британской разведывательной службы «Интеллидженс Сервис», Галата, июль 1920 г.

лога для ликвидации народа. Это вопрос преступления, совершенного целым народом, и в его совершении участвовали все.

4) Никакие *форс-мажорные обстоятельства* не могут оправдать такие действия: некоторые вали и низшие чины подали в отставку, среди них Джелал-бей, Мазхар-бей и Решид-паша, вали Коньи, Ангоры и Кастамону, и не участвовали в совершении этих преступлений. Другие не подали в отставку, но и не подчинились приказам, как Фаик Али в Кютахье. Перед нами случай умышленного убийства, совершенного тысячами преступников.

5) Большинство чиновников, которые играли активную роль в мерах по ликвидации и грабежах, не выказали никаких признаков раскаяния.

Д-р Аветис Накашян пришел к выводу, что османское общество не имело «единого представления о справедливости». «В этой

стране миллионы людей, — писал он, — считают произошедшее наказанием, которое должно было быть назначено, как наказание животного»¹. Армянские лидеры также придерживались позиции, которая делала акцент на «коллективной ответственности». Для того чтобы защищать интересы жертв в один голос, патриархия заключила соглашение с католическими и протестантскими лидерами, которое привело к созданию совместного совета, в котором заседали лидеры всех трех общин². Этот совет также довольно тесно сотрудничал с Вселенской патриархией. Два прелата даже направили общую декларацию на Мирную конференцию 24 февраля 1919 г., в которой призывали к созданию судебного органа для осуществления правосудия над младотурецкими преступниками³. Это, конечно, не могло не пробудить враждебность в младотурецких кругах.

Восстановление прав на «оставленное имущество»

Второй сложный вопрос, которым занималась патриархия, был связан с восстановлением прав на имущество, незаконно изъятое во время геноцида. Это повлекло за собой вопрос о репарациях за материальный ущерб, причиненный армянскому населению. Иными словами, это ниспровергало идею построения «национальной экономики», а также передачу армянского имущества кругам, связанным с движением младотурок. Первым шагом на этом пути, очевидно, должна была стать отмена «Закона об оставленном имуществе», принятого 26 сентября 1915 г., который легализовал захват этого имущества⁴. В феврале 1919 г. смешанная комиссия, состоящая из представителей Армяно-греческого комитета, созданного англичанами, представила в Совет министров законопроект, отменяющий закон, принятый в сентябре 1915 г. Комиссия стремилась обеспечить правовой механизм для восстановления прав на имущество, незаконно удерживаемое государством или частными лицами⁵.

Легко представить себе множество проблем, которые породила такая мера, особенно в регионах, где в армянских домах поселились мухаджеры, и будет легко понять, что перспектива того, что права на имущество армян могут быть восстановлены, во многом сплотила местную знать и племенных вождей, удерживавших большую часть имущества, о котором шла речь. Убийства и запугивания, которым подверглись уцелевшие армяне, вернувшиеся в свои дома, можно объяснить, прежде всего, экономическими соображениями. Отмена «Закона об оставленном имуществе» была равносильна нападению на местную элиту, поскольку это ставило под сомнение право собственности на имущество, которое его владельцы считали уже окончательно приобретенным, и подняло шум и крик в этих кругах. Таким образом, удовлетворение прав уцелевших лиц представляло собой чрезвычайно опасную операцию для османского правительства. Поэтому правительство действовало осторожно, чтобы не

¹ Ibidem.

² Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 299–300.

³ Там же. С. 313–314.

⁴ См. выше, с. 232. Здесь патриарху оказывал помощь Армяно-греческий комитет, созданный союзнической комиссией, в котором эти вопросы решались в каждом конкретном случае в ходе 85 координационных собраний (которые проводились в период с 19 февраля 1919 г. по 29 марта 1922 г.), в которых принимали участие представители Греческой и Армянской патриархий и American Near East Relief: FO 371/ 3658, 371/4195, 371/4196, 371/4197, 371/5087, 371/5213, 371/5214, 371/6548, 371/6549, 371–7879.

⁵ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 321.

ратифицировать закон, который позволил бы уцелевшим вернуть свое имущество по всей империи, регулярно отодвигало дату вступления такого закона в силу, при этом делая вид, что действует добросовестно¹, и тем самым раздражало армян и греков. Далее следует подчеркнуть, что эти акты конфискации затрагивали не только личное имущество, но и «национальное достояние», в теории неотчуждаемое, законным собственником которого была константинопольская Армянская патриархия. Это имущество представляло собой хороший кусок: около двух тысяч пяти-сот церквей, четыре сотни монастырей с землями, принадлежащими им, две тысячи школ, а также земля и арендуемая собственность². В июле 1919 г. Политический совет патриархии направил правительству официальную ноту с требованием материальной помощи и передачи доходов, накопленных за счет национальной собственности, конфискованной во время войны, что могло повлечь огромные расходы, порожденные возвращением уцелевших лиц, сосредоточенных в столице. По словам патриарха, Совет так и не получил ответа от Блистательной Порты³.

В отсутствие закона патриархия прилагала все усилия для восстановления своего имущества. Когда патриархия стало известно о том, что в Стамбуле и провинциях все еще есть склады, в которых хранится армянское имущество, она, не колеблясь, использовала «неправомерные» методы для возвращения этого имущества. Но ей так и не удалось выиграть дело в отношении личного имущества⁴, тем более что державы Антанты продемонстрировали определенную сдержанность по этому вопросу, чтобы не способствовать развитию кемалистско-юнионистского движения и сохранить социальный мир.

Таким образом, доклад Информационного бюро указывает, что после перемирия, на складе Центральной комиссии по «оставленному имуществу», расположенном в Стамбуле по адресу: Большой Базар, Курджи Хан, второй этаж, все еще хранилось

около тридцати сейфов, оставшихся «без владельца», некоторые из которых не были взломаны. Также на том же этаже гостиницы хранились предметы древности, древние рукописи, священные вазы и некоторые предметы, награбленные во время войны⁵. Только после затягивания в течение года власти в конечном счете 8 (21) января 1920 г. в ответ на заключительную жалобу патриархии⁶ приняли Закон о восстановлении прав на оставленное армянское имущество, состоящий из тридцати трех статей⁷. Статьи, касающиеся движимого имущества, представляют своего рода правовой постгеноцидный «карманный справочник»:

Статья 1. Любое гарантийное письмо или расписка, выданное депортированным лицом армянской национальности, и любое отчуждение его движимого имущества, сделанное им собственноручно, являются недействительными, если такое гарантийное письмо или расписка были выданы или права на имущество были приобретены во время депортации или в месяце, предшествующем депортации.

Статья 2. Каждое депортированное лицо армянской национальности, и, в случае его смерти, его наследник, имеет право подать иск в отношении движимого имущества, которого он был лишен тем или иным способом администрацией или специальным комитетом, против лица, во владении которых он обнаруживает вышеуказанное имущество, но не против администрации или специального комитета.

Статья 3. Каждое депортированное лицо армянской национальности, и, в случае его смерти, его наследник, имеет право требовать компенсацию от правительства за любые убытки, которые он, возможно, понес в результате продажи его движимого имущества специальными комитетами. Комиссия в составе председательствующего судьи гражданского суда, председателя местного муниципалитета и делегата от Армянской патриархии должна оценить стоимость объектов, которых истец мог быть лишен.

¹ Там же. *La Renaissance*, № 140–141–142, 15, 16 et 18 mai 1919.

² *Kévorkian et Paboudjian*. Op. cit. P. 60.

³ *Тер-Егияян З.* Указ. соч. С. 312. Присутствовали: Степан Караян, д-р Григор Давидян, Давид Тер-Мовсесян, Гайг Ходжасарян, Нерсес Оганян, Хачик Севаджян и др.

⁴ Там же. С. 321–322.

⁵ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ч 126.

⁶ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, С 181–186, № 193. Письмо патриархии в адрес Министерства юстиции от 3 января 1920 г. касательно закона об «оставленном имуществе».

⁷ «Takvim-i Vakayi», № 3747, 12/25 janvier 1920, p. 6, col. 1 et 2.

Статья 4. Любое нарушение положений статей 1, 2 и 3 наказывается штрафом в сумме пятисот турецких фунтов и двумя годами лишения свободы¹.

Министр финансов направил текст этого закона провинциальным властям²; однако по понятным причинам этот закон никогда не

применялся в регионах, в которых центральное правительство уже давно уступило свои полномочия кемалистско-юнионистскому движению. Неприменение этого закона сделало необходимым включение специального положения об оставленном имуществе в Севрский договор³.

Армянские заключенные

Даже после подписания перемирия в османских тюрьмах оставалось значительное число «политических» заключенных, несмотря на четвертую статью перемирия, которая предусматривала их освобождение. Мы уже видели, что военные трибуналы непрерывно функционировали в течение всей войны и приговорили ряд армян к смертной казни или лишению свободы на различные сроки, которые, как правило, смягчались депортацией. По неясным причинам администрация продолжала удерживать в заключении несколько сотен людей (в первую очередь дезертиров) и несколько десятков женщин. В докладе за февраль 1919 г. упоминается двадцать пять заключенных, в том числе пять женщин, содержащихся в тюрьме Исмида, сорок восемь заключенных в Кайсери, приговоренных к срокам от пяти до пятнадцати лет лишения свободы, тридцать два заключенных в Конье, в том числе двадцать два заключенных, содержащихся в тюрьме за совершение «рядовых» преступлений, пят-

надцать заключенных в Болу; восемнадцать в Бурсе, и шесть в тюрьме стамбульского военного трибунала, называемой Отдел Бекирага⁴.

Эти случаи, следует отметить, в ограниченном количестве вызывают недоумение. Если бы речь шла об обычных заключенных, можно было бы предположить, что османская администрация просто исполняла приговор и что закон о депортации к ним не применялся. Тем не менее несколько деталей, содержащихся в досье, которое армянская организация направила турецким властям, указывают на то, что многие из этих заключенных были обвинены или осуждены за дезертирство. Это были исключительно заключенные, содержащиеся в Западной Анатолии, где армянские мужчины не были систематически вырезаны. Это может объяснить тот факт, что заключенные, о которых идет речь, содержались в тюрьмах до февраля 1919 г., словно в империи султанов не произошло никаких изменений.

Похищенные женщины и дети и формирование турецкой нации

Судьба, уготованная женщинам и детям, похищенным во время геноцида армян, представляет собой развитие плана младотурок, идеологические последствия которого

имеют важное значение для понимания фундаментального характера преступления. Турецкая программа призывала к демографической гомогенизации, которая также будет

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Ц 192, «Propriétés mobilières».

² La Renaissance, № 382, 26 février 1920, et № 388, 4 mars 1920. La Renaissance, № 355, dimanche 25 janvier 1920. Источник объявляет о вступлении в силу нового закона в отношении имущества жертв массовых убийств. По мнению, высказанному изданием, закон узаконил расхищение: «Никто не может принять, читаем мы здесь, идею о том, что турецкое государство должно наследовать все имущество жертв массовых убийств».

³ Во всяком случае, толкование патриарха состоит в следующем: *Тер-Егияян Э.* Указ. соч. С. 321; *Traité de paix entre les Puissances alliées et associées et la Turquie du 10 août 1920 (Sèvres)*, texte français, article 288. Pp. 107–108.

⁴ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 302, Constantinople, le 13 février 1919. Армяно-греческий комитет, а также представители Греческой и Армянской патриархий и American Near East Relief координировали операции. Британский Верховный комиссар претворял в жизнь их решения: FO 371/3658, 371/4195, 371/4196, 371/4197, 371/5087, 371/5213, 371/5214, 371/6548, 371/6549, 371–7879.

принимать форму политики ассимиляции, задуманной как альтернатива физическому устранению. Такая ассимиляция была основана на обращении в ислам, эквивалентном для младотурок принятию тюркизма, которое подразумевало, что жертвы отказываются от отождествления себя с армянской нацией с тем, чтобы влиться в доминирующую группу. Кроме того, следует отметить, что за рассуждениями о демонизации армянского народа скрывалось парадоксальное почтение по отношению к преследуемой группе или, по крайней мере, некоторым из ее членов, рассматриваемым индивидуально. Мы уже видели, какое обращение применялось к некоторым категориям женщин и детей, и в частности, что определенное число чиновников и должностных лиц юнионистов стремились «жениться» на образованных молодых женщинах для того, чтобы создать с ними «турецкие» семьи. Другими словами, тюркизм не накладывал никаких «расовых» запретов и даже поощрял модернизацию общества путем ассимиляции отдельных жертв. Определенное число иттихадистов было убеждено, что эти женщины могут создать идеальную семейную обстановку, в которой они смогли бы вылепить современную турецкую семью, о которой они мечтали. Иными словами, цель КЕП состояла в том, чтобы устранить армянскую идентичность и ее территориальную базу, при этом переняв ее культурные достижения, а также ее материальное имущество для построения тюркизма. Здесь применялась не идеология, основанная на уничтожении расы, а желание устранить основы идентичности, что подразумевает физическое устранение одних и ассимиляцию других. То, что не удалось осуществить посредством «османских» ценностей начала младотурецкой революции из-за отсутствия общего культурного основания, было достигнуто путем физического устранения или принуждения. Желание ассимилировать часть преследуемой группы представляет собой одну из особенностей геноцида армян. Следствие этой особенности проявилось в том, что некоторые из жертв стали частью частной жизни их му-

чителей, на основе временно или постоянно навязанной идентичности. Эта группа состоит по большей части из тех, кто дожил до конца войны. Другими словами, значительная часть людских ресурсов, посредством которых армянский народ реконструировал себя насколько возможно, ранее должна была быть направлена на формирование турецкой нации как фактор современности и элемент демографической политики иттихадистов.

Тем не менее следует отметить, что план по ассимиляции армянских женщин и детей не всегда давал ожидаемые результаты из-за сопротивления со стороны некоторых жертв или отсутствия энтузиазма некоторых мучителей.

Судьба депортированных армян зависела от категории, в которую они попали. Среди тех, кто выжил, можно выделить, с одной стороны, женщин и детей, похищенных во время первого этапа геноцида и удерживаемых в турецких и курдских семьях, и, с другой стороны, женщин и детей, захваченных в плен в ходе второго этапа геноцида арабскими семьями или бедуинскими племенами. Первые были, прежде всего, жертвами турецкой политики ассимиляции, а вторые воспринимались как товар, обладающий определенной коммерческой ценностью. Общим для людей обеих категорий было то, что они выжили по объективным причинам, идеологическим или материальным, хотя они испытали в корне различный опыт, в зависимости от среды, в которой они оказались.

Молодые женщины, которых неизменно обращали в ислам и трансформировали в рабынь, удерживаемых в гаремах, или «замужем», часто рожали детей, чьи отцы были одновременно мучителями этих женщин и их спасителями. Таким образом, в конце войны дети армянских матерей, обращенных в ислам, были разбросаны по всему Ближнему Востоку: их можно было найти в турецкой, курдской и арабской средах, в то время как похищенных детей постарше можно было найти в семьях или племенах, либо в турецких приютах.

Поиск женщин и детей, находящихся в Сирии и Месопотамии

Судьба армянских женщин и детей, удерживаемых в племенах или семьях, представляет собой один из аспектов геноцида, который был проигнорирован до работы Ваге

Ташджяна. Оказалось невозможным определить их число и местонахождения с географической точки зрения. Однако благодаря британской разведке существуют списки женщин

и детей, идентифицированных по именам, которые также содержат имена вождей бедуинов, которые отказались отдать своих заложников. С помощью этих документов мы можем установить характерные черты этих жертв. Они были по большей части молодыми женщинами около двадцати лет, удерживаемыми в Вади Муса, Маане или в других местах¹, которые служили в качестве объектов прибыльной торговли, которая вышла за пределы Трансиордании. Таким образом, эти молодые женщины часто продавались на невольничьих рынках в Аравии. Следы некоторых из них могут даже быть найдены в Тунисе или Алжире, куда они были доставлены паломниками, возвращающимися из Мекки².

На основе этой информации весной 1918 г. были сформированы разведывательные группы спасения, контролируемые египетскими армянами³, из дезертиров османской армии, большинство из которых были из Урфы⁴. Первая группа, во главе с Левонем Етнегперяном, солдатом, который служил в Четвертой османской армии в Дамаске⁵, пользовалась поддержкой эмира Файсала и британского Генерального штаба и могла продолжать свои операции после заключения перемирия⁶.

Далее к северу, в Сирийской пустыне вокруг Зора, в апреле 1919 г. была сформирована другая разведывательная группа спасения под командованием Рубена Геряна. При проведении своих поисковых операций эта группа встретила с нескрываемым нежеланием сотрудничать со стороны бедуинов. «Муфеттиш эль-Эрмен» («армянские реви-

зоры», как их прозвало коренное население) иногда были вынуждены использовать силовые методы, чтобы убедить племенных вождей отпустить армян, удерживаемых ими⁷. С июня по август 1919 г. Рубену Геряну удалось отправить не менее 533 женщин и детей обратно в Алеппо⁸. Он также выполнял миссии в непосредственной близости от Мосула, где он спас сотни людей, в том числе четырехста детей-сирот, поступивших в приют в Бакубе⁹.

В 1919 г. по инициативе французских военных властей армянские следователи были направлены в Верхнюю Месопотамию, чтобы продолжить там поиски армян, удерживаемых в неволе. Левон Аджемян, бывший персидский консул в Алеппо, таким образом, отвечал за спасение заложников, удерживаемых в Рас-эль-Айне и Нисибине¹⁰.

В июле 1920 г., накануне Севрского договора, по оценкам Константинопольской патриархии, число детей-сирот, все еще разбросано проживающих в пустынях Сирии и Месопотамии среди племен джибуров и шаммаров, достигало 5800¹¹. Патриархии не было известно, сколько молодых женщин по-прежнему можно было там найти. Дети были доставлены, в частности, в армянские учреждения¹² и Американский фонд помощи Ближнему Востоку, который открыл ряд детских домов в Алеппо, Бейруте и Иерусалиме¹³. Армянский благотворительный союз, в частности, взял на себя обязательство создать приюты для молодых женщин и их детей, на которые была возложена задача реабилитации этих глубоко травмированных людей¹⁴.

¹ Материалы, на которые мы ссылаемся в последующих тринадцати примечаниях, были любезно предоставлены В. Ташджяном. Bibl. Nubar, Archives de l'Union, correspondance du siège, vol. 26, ff. 61–63. Письмо Центрального комитета в адрес директора Разведывательного управления, 25 апреля 1918 г.

² Bibl. Nubar, Archives de la DNA 1–16. Корреспонденция, апрель—май 1919 г., докладная записка Армянского национального совета в адрес Погоса Нубара, 28 апреля 1919 г.

³ Bibl. Nubar, Archives de l'Union, correspondance du siège, vol. 26, ff. 163–164. Письмо Центрального комитета в адрес директора Разведывательного управления, 25 апреля 1918 г.

⁴ Yotnéghpérian L. Journal personnel (inédit). Pp. 26–30; Sahaguian. Op. cit. Pp. 1166–1177.

⁵ Yotnéghpérian L. Op. cit. Pp. 40–41.

⁶ Ibid. Pp. 43–48.

⁷ Archives Bibl. Nubar, Orphelins arméniens, «Dossier Hérian: extraits de journaux».

⁸ Kévonian D. Réfugiés et diplomatie humanitaire: les acteurs européens et la scène procheorientale pendant l'entre-deux-guerres, Doctoral thesis, University of Paris I, 1998. P. 106.

⁹ Archives Bibl. Nubar, Orphelins arméniens, «Dossier Hérian: extraits de journaux». Р. Херян скончался в 1921 году в Александрии.

¹⁰ Kévonian D. Op. cit. Pp. 105–106.

¹¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 7 543–544. «Arméniens présents dans l'Empire ottoman lors du traité de Sévres».

¹² Kévorkian R. & Tachjian V. Un siècle d'histoire de l'Union générale arménienne de bienfaisance, I, Paris, 2006. Pp. 64–89.

¹³ Barton J. L. Story of Near East Relief (1915–1930), New York, 1930.

¹⁴ Kévorkian & Tachjian. Op. cit. Pp. 60–68.

Поиск и уход за женщинами и детьми, находящимися в Малой Азии и Константинополе

В письме, написанном в январе 1920 г., то есть более чем через год после подписания перемирия, Армянская патриархия оценивает число детей-сирот, находящихся под ее заботой, на уровне около ста тысяч. По оценкам патриархии, сотни тысяч женщин и детей по-прежнему находились в плену¹. Несколько месяцев спустя, согласно патриархии, 6000 женщин и детей все еще удерживались против их воли в регионах Константинополя, Исмита, Бурсы и Эскишехира, 2000 удерживались в Карахисаре, 1500 в районе Болу, 3000 в Конье, 500 в Кастамону, 2000 в Трапезунде, 3500 в Сивасе, 3500 в Кайсери, 300 в Эрзуруме, 25 000 в Диарбекире-Мардине, 3000 в Харпуте, 5000 в вилайетах Битлис и Ван². В короткие сроки патриархии пришлось мобилизовать усилия по оказанию помощи беженцам, сосредоточенным в Стамбуле, и в то же время открывать детские дома. Чтобы выполнять такие обширные обязательства, патриархия основала Комитет помощи сиротам («Ворбахнам») и Центральный комитет для депортированных [«Таракрелоц кентронакан ханцнажогов»], которые в середине мая 1919 г. совместно создали Национальную миссию помощи [«Азгайин хнаматарутюн»], операции которой финансировались из доходов, получаемых от вновь установленного национального налога. В своих мемуарах патриарх Завен отмечает, что средств армянских общин Константинополя и Смирны, единственных, которые были на тот момент организованы, не хватало, чтобы покрыть значительные затраты на реализацию программы по реабилитации уцелевших³. К счастью, Американский фонд помощи Ближнему Востоку принял активное участие в операциях по оказанию помощи не только в Сирии, но и в Малой Азии, в частности, путем открытия

детских домов в Харпуте и Сивасе, в которых заботились о нескольких тысячах детей⁴. В 1919–1920 гг. Национальная миссия помощи основала около пятнадцати детских домов в Константинополе:

1) центральный приют для детей-сирот в Кулели, на азиатской стороне города, был открыт в июле 1920 г. и заботился в среднем о тысяче детей,

2) детский дом в Бейлербей, также на азиатской стороне города, представлявший собой бывшую спецшколу для полицейских и жандармов, реквизированную англичанами, предоставил убежище для около 250 детей,

3) детский дом при Национальном госпитале Сурб Пргич в Еди-Куле принял 300 детей, многие из которых были больны,

4) приют для девочек в Бешикташе (120 подопечных),

5) приют для девочек в Кумкапи (100 девочек),

6) приют для девочек в Ускударе (100 девочек),

7) приют для девочек в Хаскее (130 девочек),

8) приют для девочек и ремесленное училище в Арнавуд Кое (100 молодых женщин),

9) приют для девочек в Балате (100 девочек),

10) приют для девочек в Куручешме (50 девочек),

11) приют для мальчиков и девочек в Маркикее (прикрепленный к средней школе Безазяна, с 80 подопечными),

12–13) приюты Сестер Непорочного Зачатия в Пера и Самати (500 девочек),

14) сельскохозяйственный приют в Армаше (60 мальчиков).

Ассоциация «Дпроцасер» взяла на себя ответственность за сотни других детей-сирот, которые были помещены в приемные

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, D 181–186, № 193. Письмо патриархии в адрес Министерства юстиции от 3 января 1920 г.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, D 543–544, «Arméniens présents dans l'Empire ottoman lors du traite de Sévres».

³ Тер-Егиян З. Указ. соч. С. 279–280; Национальное попечение, Общий рапорт, 1 мая — 31 октября 1919 г., Константинополь, 1920. С. 3 (на арм. яз.).

⁴ Тер-Егиян З. Указ. соч. С. 283; Barton J. L. Op. cit. Pp. 207–214. Армяно-греческий комитет, созданный союзнической комиссией, решал эти вопросы совместно с представителями Верховного комиссара в ходе 85 координационных собраний (которые проводились с 19 февраля 1919 г. по 29 марта 1922 г.), в которых принимали участие представители Греческой и Армянской патриархий и American Near East Relief, проводимых совместно с союзниками, которые вмешивались везде, где могли это делать. FO 371/3658, 371/4195, 371/4196, 371/4197, 371/5087, 371/5213, 371/5214, 371/6548, 371/6549, 371–7879.

семьи. Еще два приюта находились в ведении Фонда лорда Мейера, британской благотворительной организации (позднее переведенной на Корфу) и швейцарско-армянской организации¹.

Все эти учреждения приняли детей, найденных в детских домах, созданных режимом младотурок или в мусульманских семьях, в столице или в провинции. 30 декабря 1918 г. доклад французской разведки представил первоначальный список, включавший более пятидесяти детей-сирот, удерживаемых в Стамбуле или в его окрестностях, как правило, должностными лицами или государственными чиновниками или даже пашами. Имена этих сирот обычно указывали, что они были обращены в ислам. Так, Азадухи/Айше, девочка около десяти лет, жила в доме Джемаль-бея № 31 по улице Бекмез Тарласи в Кадыкёй. Временами (см. № 24) такая пленница была молодой женщиной «замужем» за офицером, отец которого своими руками убил родителей своей армянской невестки².

Ситуации детей и молодых женщин, удерживаемых в турецких домах, были чрезвычайно разнообразны. В то время как некоторые из них были сексуальными объектами, другие официально состояли в браке, третьи были просто прислужкой или усыновлялись. Встревоженные приходом англичан, некоторые семьи спонтанно отдали детей, которых они удерживали. По сведениям патриарха Завена, британский Верховный комиссар сыграл ключевую роль в поиске этих сирот³. Тем не менее сами армянские лидеры были вынуждены организовать проведение спасательных операций, наподобие групп, работающих в Трансиордании, Сирии и Месопотамии.

Во главе группы, отвечающей за проведение этих операций, стоял Аракел Чакрян, молодой человек, бывший профессор химии

Стамбульского университета. В течение нескольких месяцев после перемирия он спас не менее 750 детей из государственных детских домов и турецких домов в столице⁴. Регистрационные книги, которые попали в руки лидеров патриархии, похоже, свидетельствуют о существовании организованной системы, поскольку они перечисляют первоначальные имена, места происхождения, а также новое отождествление армянских детей, которые были вручены турецким семьям⁵. Иными словами, безусловно, существовала официальная программа по усыновлению, и вместе с тем совершались нерегулируемые похищения.

Вскоре инициативы патриархии становятся предметом жалоб со стороны турецких властей, которые утверждали, в частности, что дети, которых забрали из семей, были «настоящими турками». Таким образом, Высокая комиссия решила создать «нейтральный дом», в котором в сомнительных случаях временно размещали детей в ожидании результатов расследования в отношении их происхождения. Этот дом находился в совместном ведении двух женщин, одна из которых была армянкой, а другая турчанкой. Согласно статистическим данным, собранным Армянской патриархией, около трех тысяч детей были таким образом спасены в течение трех лет. Найти или идентифицировать от одной до двух тысяч остальных детей оказалось невозможным⁶.

В начале июня 1919 г. в столичных газетах вспыхнула жаркая полемика в отношении этих детей. Она заслуживает пристального внимания, поскольку эта полемика была, несомненно, инициирована, как свидетельствует тон дискуссии, младотурецкими кругами. Первоначальная анонимная статья «Патриархия плохо обращается с детьми», которая была напечатана в ежедневнике «Илери» 3 июня 1919 г.⁷, стала

¹ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 284.

² SHAT, Service Historique de la Marine, Service de Renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 256, Constantinople. Письмо от 6 февраля 1919 г. и «Liste des orphelins qui se trouvent chez les Turcs».

³ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 287.

⁴ Там же. С. 289. Команда Чакряна была заинтересована добиваться освобождения заключенных,возврата церковного «конфискованного» имущества и нахождения тайников младотурок. La Renaissance, № 42, 19 janvier 1919, p. 2. Газета отмечает, что в Кайсери 500 молодых женщин, обращенных в ислам, «все еще не были выданы».

⁵ Тер-Егияян З. Указ. соч. С. 291.

⁶ Там же. С. 292–298. «Нейтральный дом» был закрыт в августе 1922 г. по требованию британского Верховного комиссара.

⁷ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, Э 260. Перевод статьи из «Илери» от 3 июня 1919 г. «Патриархия плохо обращается с детьми».

первым выстрелом клеветнической кампании, направленной против армянских лидеров; эта статья показала, что юнионисты вновь активизировались в столице. «Мы сообщали, пишет «Илери», что 220 мусульманских сирот, проживавших в Кайсери, были привезены в Константинополь и переданы патриархии. Вчера мы получили очень неприятную информацию по этому вопросу: персонал патриархии предпринял энергичные усилия, чтобы заставить этих детей признать, что они армянского происхождения, подвергая свои жертвы очень жестокому обращению, в результате чего у многих из них появились синяки и следы побоев. Персонал патриархии сказал этим детям, что все мусульмане убиты, что у них нет другого выбора, кроме как согласиться принять армянскую национальность и что в случае отказа они будут убиты. Один из наших редакторов, который видел некоторых из детей, о которых идет речь, отметил, что на их телах имеются синяки и что их лица покрыты ранами. Только 42 из общего количества детей настояли, что они являются турками, в то время как другие сдались в ответ на эти угрозы. В медицинском заключении утверждается, что детям, которые были избиты, потребовалась медицинская помощь и что они были госпитализированы. Мы хотели бы знать, какие меры правительство планирует принять перед лицом таких фактов, как вышеизложенные»¹.

Сообщения об угрозах убийства и других форм жестокого обращения, к которому патриархия якобы прибегала для обращения в свою веру этих «турецких» сирот, напоминают о тюркизме, в который кадры КЕП ушли с головой. Возмутительный характер обвинений предлагает довольно верное отражение состояния общественного мнения. Реституция детей, обращенных в ислам во время геноцида, была воспринята как серьезный удар по турецкой нации.

В качестве доказательства своих слов ежедневник «Илери» описывает случай молодой женщины двадцати двух лет, «Джемиле-ханум», которая была помещена в «нейтральный дом» по предположению, что она

являлась армянкой. По данным газеты, «чтобы убедить ее согласиться, что она была армянкой, пропагандисты обещали выдать ее замуж за богатого грека», но Джемиле «категорически отвергла это предложение». В заключение автор статьи спрашивает: «По какому праву армяне стремятся обратить в христианство молодую мусульманку двадцати двух лет, достаточно взрослую для того, чтобы иметь полную свободу совести?»². Кажется, можно предположить, что судьба этой несчастной тронула читателей газеты и помогла убедить их, что они стали жертвами угнетения, порожденного «этими» армянами. В обновленном виде эта дискуссия явно имела целью продлить кампанию по клеймению позором армянского населения, начатую в 1915 г. Это подтверждается цинизмом определенных кругов, которые отдали по сценарию роль жертвы «турецкой нации».

5 июня вышла статья Сулеймана Назифа, двоюродного брата Зии Гёкальпа и одного из иттихадистов, отвечавших за реорганизацию партии³. Она исключила все сомнения по поводу того, что эта кампания была организована «Караколом» или одной из его дочерних организаций⁴. В своей статье младотурецкий лидер описывает «трагическую историю» двенадцатилетнего мальчика родом из Шабинкарахисара, живущего в детском доме в Ортакёе, который говорит, что его зовут Салем. Ребенок якобы был первоначально принят в приют в Конье, а затем доставлен в Константинополь. «Когда они прибыли в Хайдарпашу, пишет Сулейман Назиф, они были встречены определенным числом армян, мужчин и женщин. Мусульманских детей, несмотря на их невинные протесты и слезы, увели вместе с армянскими детьми. Приют в Шишли стал для этих детей местом соблазнов и в то же время мучений. Маленькие шести- и семилетние дети, соблазненные пирожными и виноградом, сказали, что они были армяне. Эти дети были обласканы и получили коврик, на котором полагалось спать. Тех, кто не хотел отказаться от своей религии, избили и лишили пищи, их разместили на жестком диване и пытали. Нет никаких сомнений в этих фактах. Эти де-

¹ Ibid.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 266. Перевод статьи из «Илери» от 3 июня 1919 г. «Бедная Джемиле-ханум».

³ См выше, с. 802.

⁴ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, № 259–260–261. Перевод статьи из ежедневника «Хадисат», № 158 от 5 июня 1919 г.

Уцелевшие армяне в последние дни войны

ти, мальчики и девочки, в возрасте от шести до шестнадцати лет, подняли свои полные слез, дрожащие голоса и сообщили о своих злоключениях с выражениями боли и отчаянья. Невозможно переоценить чувства веры и собственного достоинства, которые развились в такую поразительную форму в этих нежных культивируемых сердцах. Они уже донесли свои мученичество до сведения общественности и потребовали освобождения тех своих товарищей, которых еще не удалось освободить из безжалостных рук. Среди тех товарищей не только братья по религии, но и кровные братья. «Я вырвался оттуда, но мой брат и моя сестра все еще в их руках», — некоторые из них сказали, вздыхая. Милосердная армянская миссия, которая якобы заботится о пропитании этих детей и следит за их благополучием, не имеет времени на то, чтобы озаботиться о физических условиях существования, канувших в дискуссии обсуждения веры и религии. Болезни, такие как проказа, заболевания глаз, и прочие, от которых страдают мусульмане, продолжают забирать свои жертвы и продлевают их тяжкое испытание. Кто-то может себе представить, что мы преувеличиваем, но дело было передано в полицию, и официальное расследование идет полным ходом. Мы были бы рады видеть иностранцев в нашем городе, проявляющих интерес к этим вопросам, но только по гуманитарным причинам. Тогда можно было бы дать миру справедливое, точное представление о турках и их врагах. Могут ли армяне, которые распространяют сетования о своих страданиях в четырех уголках земного шара для достижения своей цели, доказать свою невиновность в суде, к которому их привлекают эти маленькие невинные дети? Если это так, мы

отбросим все наши жалобы и признаем все обвинения»¹.

В завершение своей статьи Сулейман Назиф пишет об одном из своих визитов в приют в Айнтуре в ноябре 1918 г. Армянские дети «без поддержки... накормлены, утешены, получают образование в этом учреждении, которое сверкает безупречной чистотой»; это только «укрепило» его «любовь... и уважение к своей расе»². Основополагающие источники его дискурса напоминают обвинения в ритуальном убийстве детей, в котором в течение того же периода антисемиты обвинили евреев.

В выпуске «Тжакатамарт» от 6 июня 1919 г. армянский автор написал: «С того момента, как «Алемдар» также присоединился к «Тасвиру», «Илери», «Хадисату» и прочим, все, что остается — это кричать: «Продолжайте, господа, лгать, обманывать, резать и грабить, ибо таким образом вы непременно сможете сохранить все то, что осталось от вашего отечества»». В выпуске издания «Жаманак» от 6 июня 1919 г. отмечается, что «те, кто придумывает или повторяет всю эту ложь и клевету, это те же самые люди, которые вчера обвиняли армян в массовых убийствах миллиона мусульман»³.

Таким образом, мы видим, что далеко до начала с чистого листа младотурецкие круги продолжали проводить пропаганду тюркизма и крепко цеплялись за позиции, разработанные Центральным комитетом иттихадистов в 1915 г. Как и по другим вопросам, например, в отношении оставленного имущества или обвинительного акта партийным кадрам, которые являлись инициаторами геноцида, у них, очевидно, не было никакого намерения уступить претензиям потерпевших или победителей.

¹ Ibid.

² Ibid.

³ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, 3 261, «Réponse des journaux arméniens aux allégations des journaux turcs».

ГЛАВА 6

Великие державы и вопрос «преступлений против человечности»

В совместном заявлении, опубликованном 24 мая 1915 г., державы Антанты осудили первые массовые убийства, совершенные в сельских районах вилайета Ван, «это новое преступление против человечества и цивилизации, совершенное Турцией». Державы предупредили «Блистательную Порту, что они возложат ответственность за эти преступления персонально на всех членов турецкого правительства, а также государственных служащих, которые участвовали в массовых убийствах армян»¹. Хотя это предупреждение было вынесено в военное время, оно, бесспорно, является историческим, поскольку вводит в юридическую лексику понятие преступление «против человечности». Оно также является новаторским в том смысле, что указывает на коллективную ответственность правительства за массовое преступление. Тем не менее это вовсе не означает, что в момент принятия этого заявления Франция и Великобритания осознавали, что они сталкиваются с преступлением современности, вдохновленным националистической идеологией. С учетом ранней даты предупреждения даже логично предположить, что они имели в виду традиционные массовые убийства, которые были совершены в период правления Абдул-Гамида.

В конце войны победители имели гораздо более точное представление о событиях и, несомненно, задавались вопросом, как им следует относиться к актам такого рода и такого масштаба на политическом и правовом уровнях. Великобритания, которая вела переговоры о заключении Мудросского перемирия практически в одиночку, с самого начала октября 1918 г. задавалась вопросом о том, какие положения должны быть включены в условия перемирия. Первоначально Великобритания намеревалась, прежде всего, получить гарантии недопущения никаких «массовых убийств в будущем», особенно в восточных провинциях Малой Азии и на Кавказе, где не было значительных британских военных сил². В то время как стратегические цели по-прежнему являлись главными приоритетами для Англии и Франции, они также рассматривали вопрос о создании системы по задержанию военных преступников и преданию их суду³. Адмирал Калторп, Верховный комиссар Великобритании в Константинополе, быстро учредил армяно-греческую комиссию, чтобы она помогла ему собрать досье в поддержку обвинений младотурецких преступников⁴. Однако именно в рамках Мирной конференции было принято решение о процедуре, используемой в целях привлечения членов комитета КЕП к ответственности.

¹ AMAE, Guerre 1914–1918, Turquie, 887. I. Arménie (26 mai 1915); FO 371/2488/51010 (28 mai 1915); A.A. Turkey 183/37, A17667; Foreign Relations of the United States, 1915 Supp., p. 981 (1928); U.S. National Archives, RG 59, p. 867. 4016/67 (28 mai); *Dadrian V. Op. cit.* P. 356, n. 26. Eric Aveybury and Ara Saraf an (ed.), *British Parliamentary Debates on the Armenian Genocide, 1915–1918*, Princeton & London, 2003, Annexe I. Pp. 59–60. Источник отмечает, что в русскоязычной редакции декларации говорится о «преступлениях против христианского мира и цивилизации».

² *Nasibian A. Britain and the Armenian Question from 1915 to 1923*, London, 1984. Pp. 124–129.

³ PRO, FO 371/4141, file 71, № 6781. Письмо Калторпа в Министерство иностранных дел от 13 января 1919 г., содержащее рекомендации экстрадиции Энвера, Талаата «и прочим».

⁴ PRO, FO 371/4174, file 1270, ff. 251–262. Источник приводит описание организации деятельности Армяно-греческого комитета, функционировавшего наравне с британской Высокой комиссией.

Работа комитетов Предварительной мирной конференции

С самого начала, с января 1919 г., Предварительная мирная конференция учредила несколько специализированных комиссий, ответственных за рассмотрение комплексных вопросов и представление своих выводов в форме докладов¹. 3 февраля 1919 г. была создана Комиссия по ответственности инициаторов войны и по санкциям. Эта комиссия, в свою очередь, учредила несколько подкомиссий: 1) Подкомиссия по уголовным делам, которая должна была определить действия с представлением доказательств, которые привели к войне, а также действия, совершенные во время войны, и 2) Подкомиссия о военной ответственности, задача которой заключалась в рассмотрении «нарушения законов и обычаев войны и законов человечности». Еще одна рабочая группа, Комиссия по компенсациям и вознаграждениям, созданная 25 января 1919 г., отвечала, как следует из ее названия, за оценку материального ущерба, причиненного в результате войны².

Комиссия по ответственности инициаторов войны и по санкциям, которая представляет здесь для нас особый интерес, заявила о своих намерениях на первой же рабочей сессии, которая состоялась 3 февраля. Андре Тардые, ее временный председатель, напомнил, что Комиссия должна была «перевести принципы справедливости, равенства и мира в действия». «Как, — воскликнул он, — мы можем пропускать мимо ушей призыв из могил наказать виновных и защитить человечество от повторения преступления? Комиссия должна изучить факты с использованием сведений от потерпевших, с целью установления фактов, что виновные действовали преднамеренно и нарушили договоры, которые регулируют соблюдение прав человека и которые устанавливают законы и обычаи войны. Цель комиссии найти виновных за совершенные преступления, то есть тех, кто организовал их, и тех, кто выполнял их, и, наконец, установить правила, в

соответствии с которыми будут определены и применены санкции»³. Кроме «прав человека» и «законов войны», присутствовавшие юристы, несомненно, были осведомлены о необходимости установления норм для «новых» преступлений. По результатам двух Гаагских конференций (состоявшихся в 1899 и 1907 гг.) юристы понимали, что в соответствии с определением известной «оговорки Мартенса» они столкнулись со «случаями, не предусмотренными обычными положениями закона», поскольку эти случаи выходят за рамки военных преступлений, которые уже были систематизированы. В состав комиссии под председательством госсекретаря США Роберта Лансинга входили Николас Политис, министр иностранных дел Греции, который также являлся юристом, и генеральный докладчик, бельгиец Эдуард Ролен-Жекмен; они были прикомандированы сэром Эрнестом Поллоком и М. Амелио⁴. Отданная под руководство этой группы, третья Подкомиссия (известная как «Комиссия пятнадцати»), отвечавшая за рассмотрение нарушений законов и обычаев войны, провела шесть сессий в период с 14 февраля по 8 марта 1919 г. Очень быстро было принято единодушное решение требования применения санкций за совершенные преступления и нарушение законов и обычаев войны, определенных на Гаагской конференции⁵.

На сессии Подкомиссии по уголовным делам, проведенной 7 февраля 1919 г., Николас Политис взял слово для разъяснения, что «уголовные дела» следует понимать в более широком смысле преступных действий. В качестве примера он привел «массовые убийства, организованные турецкими властями в Армении», которые не входят «в категории, охватываемые положениями Уголовного кодекса». Поэтому Подкомиссии пришлось рассматривать «все действия, которые подлежали осуждению, даже если они не являлись преступлениями в смысле,

¹ AMAE, *Série Archives du Bureau français de la SDN (1920–1940)*, vol. 10, *Commission de la Société Des Nations*; vol. 11, *Conférence des préliminaires de Paix*. Эта обширная документация была исследована Селин Мурадян: *Mouradian C. Le traitement juridique et politique des crimes commis contre les minorités ottomanes de l'Armistice de Moudros jusqu'à la préparation du traité de Sèvres*, Master thesis, University Paris VII, 2003.

² AMAE, *Série Conférence de la Paix, Sous-Série Recueil des actes (1918–1932)*, vol. 40, *Commission des Responsabilités des auteurs de la guerre et Sanctions*, Paris, Imprimerie Nationale, 1922.

³ *Ibid.* Pp. 5–6.

⁴ *Ibid.* Альбер де Лапрадел, профессор международного публичного права, и подполковник О.М. Биггар были предоставлены в распоряжение этой комиссии.

⁵ *Ibid.* P. 324.

присущем этому слову; и одна из задач Подкомиссии состояла в определении для конференции лимитов на преследования и фактического преступного деяния или вины»¹.

В пункте 3 своего доклада от 5 марта 1919 г. Комиссия по ответственности дала определение «действиям, составляющим нарушения законов и обычаев войны», ссылаясь на нормы, уже установленные в разделе IV Е Гаагской конвенции 1907 г.: систематический террор, убийства и массовые убийства (статья 46), пытки (статья 46), использование гражданских лиц в качестве живого щита (статья 46), надругательство над женщинами (статья 46), конфискация частной собственности (статья 53), грабеж, коллективные наказания, в том числе захват и казнь заложников (статья 50), контрибуции без письменных приказов, квитанций или законных оснований (статья 51), предписания, ведущие к принудительному участию в военных операциях (статья 52), захват имущества, принадлежащего общинам или образовательным и благотворительным организациям (статья 56), произвольное уничтожение общественного или личного имущества, депортация и принудительный труд (статья 46) и казни гражданских лиц на основании ложных обвинений в военных преступлениях². В своих резолюциях доклад сообщает о целесообразности создания Высокого суда для наказания лиц, совершивших эти нарушения³.

В меморандуме, представленном 1 марта 1919 г. Б. Скоттом от имени Комиссии пятнадцати, были выявлены вопросы, до тех пор игнорировавшиеся или неадекватно учитывавшиеся в международных конвенциях: 1) массовое убийство и увечье людей, 2) случаи, когда методы лишения людей жизни и уничтожения их имущества считаются не имеющими оправдания, 3) необходимость использовать физическую силу для гарантии национальной безопасности или сохранения национальных прав, 4) предосудительный характер актов жестокости в степени, которая не может быть точно определена установленной линией, 5) критерий вины в выполнении деяния, которое является бесчеловечным или непозволительным, 6) утверждение лицом, совершившим деяние,

что оно было необходимо в силу военных причин, не освобождает его от вины, 7) самоуправное действие является преступлением против цивилизации и не допускает никаких извинений, 8) вопрос об определении, в какой степени такое действие и мотивы, приведшие к его совершению, является преступным⁴.

Работа этих комиссий свидетельствует о желании уточнить существующие правовые категории или разработать новые концепции. Тем не менее юристы затруднялись абстрагироваться от «действий, представлявших собой нарушения законов и обычаев войны», то есть в контексте, воспринимать преступления, совершенные против гражданского населения, в качестве автономных категорий.

В определенной степени меморандум от 14 марта 1919 г., представленный греческой делегацией, воспринимал эту проблему в изложении жалоб и различения «преступлений общего права, таких как убийства, изнасилования, поджоги, кражи или похищения» от «публично-правовых преступлений», таких как «поддержание голода, депортации, жестокое обращение, и «преступлений против законов и обычаев войны», таких как массовые депортации и незаконные похищения»⁵.

В меморандуме, который армянская делегация представила на Мирной конференции через греческую делегацию (армяне не были приглашены для участия в этой фазе работы Конференции), подчеркивалось, что объектом преступления, которые были совершены против них, была ликвидация всего гражданского населения. Армянская делегация, соответственно, настаивала, что виновные в этих массовых убийствах должны предстать перед судом правительств союзников в соответствии с категорией, в которую они попали: те, кто задумал план, те, кто отдавал приказы или организовывал убийства, те, кто направлял массовые убийства, и те, кто совершал их. По принципиальным соображениям армянский меморандум оспорил судебный порядок, введенный в действие османским правительством, и «искренне» взывал «к правительствам союзников как можно

¹ Ibidem. Procès-Verbal № 2, séance du 7 février 1919, p. 29. Н. Политис отмечает «действия, противоречащие человеческим и моральным законам».

² Ibidem. Rapport présenté par la Troisième sous-commission de la Commission des Responsabilités, 5 March 1919. Pp. 75–6.

³ Ibid. P. 78.

⁴ Ibid. P. 80.

⁵ Ibid. P. 431–455.

скорее принять задачу отправления правосудия в свои руки, с тем, чтобы предотвратить новую страшную катастрофу, угрожающую христианскому населению на Востоке»¹ в результате операций, проведенных Мустафой Кемалем. В своем заключительном докладе от 29 марта 1919 г. Комиссия по ответственности изложила свои взгляды на: 1) ответственность инициаторов войны, 2) нарушение законов и обычаев войны, 3) личную ответственность, 4) учреждение соответствующего судебного органа и его процедур и 5) вопросы, связанные с созданием Высокого суда². На третьем этапе в докладе был сделан вывод: «Все лица из враждебных стран, вне зависимости от важности их постов, вне зависимости от ранга, включая руководителей государств, которые несут ответственность за нарушение законов и обычаев войны или законов человечности, подлежат судебному преследованию»³. Главное нововведение в проекте, несомненно, состояло в том факте, что государственные чиновники, включая руководителей государств, также могли быть подвергнуты наказанию.

Проблема выбора компетентной юрисдикции для этого вида преступлений обусловила предложение о создании Высокого суда, уполномоченного выносить решения в отношении «обвинений, выдвинутых против лиц из враждебных стран, гражданских или военных властей». Проект предусматривал создание судебного органа, в состав которого входили бы судьи из США, Великобритании, Франции, Италии и Японии, а также судьи из небольших стран, отобранных из «членов их национальных военных или гражданских судов или трибуналов, уже суще-

ствующих или специально созданных»⁴. Кроме того, в докладе отмечалось, что «ни один из национальных судов не должен судить лицо, кем бы оно ни было, которое должно предстать перед Высоким судом». В заключение в докладе рекомендовалось предусмотреть в Мирном договоре, «что правительства враждебных стран должны даже после объявления мира признать юрисдикцию национальных судов и Высокого суда и что все граждане враждебных стран, предположительно виновные в преступлениях против законов и обычаев войны и законов человечности, должны быть исключены из любой амнистии, принятой воюющими сторонами, и что правительства стран, гражданами которых являются эти лица, должны доставить их в суд»⁵. Также были предложены правила требования от «правительств враждебных стран» сообщить имена лиц, уполномоченных отдавать команды или несущих ответственность», «все приказы, инструкции, копии приказов, доклады и документы, которые, как предполагалось, были отданы или исполнены в нарушение законов и обычаев войны или законов человечности», а также «информацию, содержащую указания, какие лица совершили эти действия или операции или несут за них ответственность»⁶.

Работа комиссий и их выводы, пока они не излагали открыто и исключительно санкционирование преступлений, совершенных против греческого, армянского, сирийского, или даже бельгийского гражданского населения, безусловно, зависела от информации, находящейся в распоряжении членов комиссии. Несколько пунктов даже, возможно, были вдохновлены опытом армян.

«Совет четырех» и судебный процесс против младотурецких преступников

Очевидно, на «Совет четырех», в состав которого входили Вудро Вильсон, Дэвид Ллойд Джордж, Жорж Клемансо и Витторิโอ Эмануэле Орландо, было де-факто возложено принятие решений, исполнение которых Мирная конференция будет налагать на побежденные страны, о переводе этих

правовых принципов в политическую практику. С 24 марта по 28 июня 1919 г. эти люди ежедневно обменивались идеями о будущем мира⁷. В то время как национальные интересы четырех держав составляли основную тему их обсуждений, им также не были чужды юридические и даже моральные вопросы. На

¹ Ibid. P. 511–514.

² Ibid. P. 162–179.

³ Ibid. P. 173.

⁴ Ibid. P. 176–177.

⁵ Ibid. P. 178–179.

⁶ Ibid. P. 178–179.

⁷ Mantoux P. Les délibérations du Conseil des Quatre (24 mars— 28 juin 1919), I, Paris 1955.

сессии, проходившей 2 апреля, был поднят вопрос об ответственности, и возникла дискуссия о принципе создания судебных органов, как это предлагалось в выводах Комиссии об ответственности. Ллойд Джордж согласился с принципом такого суда, заявив, что он не возражает «против идеи, что суд должен быть создан Лигой Наций». «Если мы хотим, — добавил он, — чтобы Лига Наций имела власть, на которую мы надеемся, она должна показывать с самого начала, что она способна наказать за преступление»¹. Когда вопрос о «наказуемых» преступлениях был вновь поднят 8 апреля, премьер-министр Великобритании предложил различать две категории наказуемых деяний: «Во-первых, преступные действия в собственном смысле слова, и, во-вторых, общие приказы в нарушении прав человека». Президент Вильсон занял позицию, которую он считал прагматичной: «Я боюсь, — сказал он, — что будет трудно наказать тех, кто действительно виновен, ибо нет ничего проще, чем уничтожить следы отданных приказов. Я боюсь, что у нас не будет достаточных доказательств»². Весной 1919 г. союзники знали, что им будет нелегко найти и предъявить обвинение преступникам, которые позаботились о том, чтобы уничтожить следы своих преступлений.

В середине июня Совету десяти пришлось столкнуться с непредвиденным прибытием османской делегации. 17 июня 1919 г. членам делегации было предложено высказать свое мнение. Этот первый контакт представляет особый интерес, поскольку позволяет нам рассмотреть позиции, принятые стамбульским правительством и реакцию на это Совета четырех. Во время встречи Совета четырех президент Вильсон отметил, что «своего рода общий протест, который мы только что слышали, абсолютно ничего не стоит. Турецкие делегаты говорят: “Не судите на основании того, что произошло в последние несколько лет, а судите на основании всей истории Османской империи”. Я полагаю, — замечает Вильсон, — что от этого было бы еще хуже». Это замечание много говорит о мнении союзников о Турции и о ее прошлом. Однако более всего Вильсона раздражало рассуждение, разрабо-

танное делегацией для того, чтобы снять с себя вину за события в прошлом. Делегация фактически утверждала, что «тираническое правительство одной партии несет ответственность за совершенные ошибки и преступления, а мы невиновны». Вильсон отмечал: «Все, что они делали, это жаловались. Это они напросились приехать сюда, чтобы представлять свое дело, и вот и все, что они сказали. Это ничего не дает». Ллойд Джордж предложил дать им ответ. Жорж Клемансо даже предложил «сделать это в письменной форме». По его мнению, это было необходимо, чтобы турецкие делегаты «уехали с ответом на свой документ, который является настоящим признанием»³. В отношении меморандума турецкой делегации Совет четырех отметил, что меморандум «прославлял прошлое Турции, напоминая, что Турция смогла создать великую империю и управлять ею и что она уважает существование всех религиозных сообществ». В ответ на это Ллойд Джордж воскликнул: «Эта делегация и ее меморандум представляют собой хорошую шутку». Ему вторил Вильсон, который добавил: «Я никогда не видел ничего глупее». «Это, — сказал Ллойд Джордж, — является наилучшим из возможных доказательств того, что турки проявили политическую несостоятельность»⁴.

Очевидно, стратегия либерального османского правительства, которое стремилось возложить всю вину за ликвидацию армян на Центральный комитет младотурок и представить политику, реализованную по отношению к меньшинствам как случайный инцидент, не убедила Совет четырех. Позднее, во время одного из своих окончательных обсуждений, которое состоялось 25 июня 1919 г., Ллойд Джордж показал, что он не питал никаких дальнейших иллюзий относительно намерений Турции. «Если мы скажем туркам: “С 1 июля Армения больше не ваша”, они немедленно отправят туда своих людей, чтобы снова начать резню»⁵.

Несколько месяцев спустя, в марте 1920 г., Комиссия по защите меньшинств в Турции, созданная Лигой Наций, представила ряд рекомендаций, которые она предложила включить в положение Мирного договора с Турцией⁶. В сопроводительном

¹ Ibid. P. 124.

² Ibid. Pp. 184–185.

³ Ibid., II. Pp. 445–446.

⁴ Ibid., II. P. 519.

⁵ Ibid., II. P. 517.

⁶ FO 371/5104, E 1477. Предложения, единогласно принятые Комитетом по защите меньшинств в Турции (Ibid. Pp. 6–16). Члены комитета, назначенные Лигой Наций: Р. Ванситтарт, Великобритания; Форбс Адам,

письме делегаты подчеркнули: «Опыт перемирия и особенно недавние массовые убийства армян ясно показывают, что существует необходимость определенных гарантий для эффективного осуществления во внутренних районах страны бумажных обещаний, подписанных правительством Константинополя»¹. Некоторые из предложенных статей подытоживали проблемы, стоящие перед пережившими геноцид, и выдвигали предложения. Статья 3 гласит: «В связи с тем, что с 1 ноября 1914 г. по дату подписания перемирия в Османской империи существовал террористический режим, и учитывая тот факт, что при нормальных обстоятельствах не могло совершаться никаких обращений в ислам, все обращения в ислам, имевшие место в период между указанными датами, признаются недействительными... Османское правительство оказывает всяческую помощь в возвращении мужчин, женщин и детей, полностью или частично немусульманского происхождения, которые приняли ислам с 1 ноября 1914 г. и которых ищут их общины или семьи. В силу настоящего договора оно также признает все права на посещение или обыск любых частных домов или учреждений любого рода для целей розыска пропавших без вести. Такие обыски осуществляются представителем заинтересованной общины и должностным лицом османского правительства, в присутствии делегата или представителя Лиги Наций (см. Статью 12)»².

Статья 5 гласит: «Османское правительство признает несправедливый характер закона 1915 г. в отношении оставленного имущества («Эмвали метруке») и соответствующих положений и объявляет их недействительными в прошлом и в будущем. Оно торжественно обещает как можно более полно облегчить возвращение в свои дома османских подданных нетурецких рас, которые были насильственно изгнаны из них, начиная с 1 августа 1914 г., будь то из страха быть убитыми или в силу любых иных форм принуждения, а также способствовать возобновлению их деятельности или коммерции. Оно признает, что права на недвижимое или движимое имущество указанных османских под-

данных нетурецких рас или общин, которым эти объекты собственности принадлежат, по мере того, как они могут быть обнаружены, вне зависимости от того, кто ими владеет, должны быть восстановлены в возможно короткие сроки, без каких-либо плат или залогов, которые могли возникнуть в отношении этих объектов собственности, и без какой-либо компенсации для нынешних владельцев этого имущества, сделок между нынешним владельцем и продавцом освобожденного имущества... Османское правительство допускает создание арбитражных комиссий, назначенных Лигой Наций или ее представителем (как это предусмотрено статьей 12) всякий раз, когда это представляется необходимым. В состав каждой из таких комиссий входит представитель османского правительства, представитель пострадавшей общины или один из пострадавших членов, и председатель назначается представителем Лиги Наций... Такие третейские комиссии имеют право санкционировать... удаление всех лиц, которые, после запроса признаны принимавшими активное участие в массовых убийствах или высылках, или ускоряли их проведение, с указанием мер, которые необходимо принять, чтобы его имущество, включая возможность приказа передачи всех товаров и имущества, принадлежавших какому-либо или всем членам общины, которые умерли или пропали без вести, начиная с 1 августа 1914 г., не оставив наследников, указанной общине, а не государству... Решения органов османской судебной или административной власти не могут противоречить решениям арбитражной комиссии»³.

Статья 6 также предлагает напомнить, что абсолютно необходимо, чтобы империя предоставила «всем османским гражданам равные права перед законом»⁴. Эти меры, которые стремились ввести реабилитацию оставшихся в живых, показывают, что через семнадцать месяцев после перемирия османское правительство и турецкое общество, будучи далеки от движения в направлении реформ, отказались решить основные вопросы и что союзники оказались перед «фронтом отказа», организованным младо-

США; М. Каммерер, Франция; полковник Кастольди, Италия; И. Йошида, Япония (Ibid., p. 6) [см.: французскую редакцию: FO 371/5105. Pp. 135–141].

¹ Ibid. P. 7.

² Ibid. Pp. 10–11.

³ Ibid. Pp. 11–15.

⁴ Ibid. P. 16. FO 371/5107, E 2409, document daté du 26 mars 1920. Проект договора о защите меньшинств в Армении, на английском и французском языках (13 с. и 12 статей), вероятно, принимался, чтобы показать, что эти принципы будут применяться повсеместно.

турецкой сетью, включая кемалистов. В самом деле, британский Верховный комиссар Джон де Робек отмечает в официальном доносении в Лондон от 17 марта 1920 г., что закон об оставленном имуществе, принятый османским правительством в январе, не дал «удовлетворительных результатов», и что он соответственно планирует рекомендовать включить в том числе и эти вопросы в Мирный договор, разрабатываемый в настоящее время¹.

Что касается наказания младотурецких преступников, на Лондонской конференции в феврале — марте 1920 г. было предложено, что державы представят османскому правительству проекты статей о санкциях для включения в будущий мирный договор. В первой статье такого договора османское правительство признает право на привлечение к суду военных трибуналов лиц, обвиняемых в совершении деяний, противоречащих законам и обычаям войны. Во второй статье османское правительство также торжественно обязуется «предать суду всех лиц, несущих ответственность за массовые убийства, которые были совершены в ходе войны на территории бывшей Османской империи и признать право союзных держав назначить трибунал, отвечающий за вынесение приговоров в отношении этих преступлений»². В марте 1920 г. союзные державы все еще продвигали свое намерение привлечь виновных в преступлениях «против законов и обычаев войны и законов человечности» к Международному высокому суду. В письме от 11 марта 1920 г. Жюль Камбон, министр иностранных дел Франции, представил «проект статей», суммирующих предложения, сделанные в Лондоне премьер-министру Великобритании Ллойд Джорджу, «для включения в условия мирного договора и представления Турции». Камбон обратил внимание Ллойда Джорджа, что статья 2 бис была составлена отдельно «на случай, если Верховный совет союзников намерен включить, среди прочих указанных условий мирного договора, пункт, санкционирующий поиск лиц, ответственных за массовые убийства, совершенные в Азиатской Турции». Казалось бы, из этого следует, что

была достигнута общая договоренность в отношении статей 1 и 2, но при этом французы обдумывали принятие более активной политики, обязывающей преследование беглых преступников. Статья 4 даже предусматривала нечто вроде обязательства выдавать преступников или «принять все необходимые меры по обеспечению, по просьбе союзных держав и с их согласия, преследования преступников в судебном порядке и их наказания». Статья 2 бис дополнительно предусматривала, что «союзные державы оставляют за собой право назначить суд, отвечающий за вынесение приговора в отношении... обвиняемых лиц. В случае создания Лигой Наций в соответствующий момент времени суда, наделенного компетенцией выносить приговоры за совершение вышеупомянутых массовых убийств, союзные державы оставляют за собой право привлечь вышеупомянутых обвиняемых лиц к этому суду»³.

В конечном счете 11 мая 1920 г. союзники направили османскому правительству проект договора, который, в сущности, содержал пункты, только что рассмотренные нами. В своем ответе в главе, посвященной «ответственности», османское правительство выразило свою точку зрения, которая достаточно четко показывает свою линию обороны: «Турция признает принцип существования обязательства предоставления компенсации на возмещение убытков, вызванных деяниями, нарушившими права человека... Если вопреки его воле и не менее его интересам турецкий народ был втянут в международный пожар войны, это не было связано с олигархией, которая принимала заказы из-за рубежа. И если бесчеловечные акты, для которых нет никакого оправдания, были совершены, то вина за их совершение полностью лежит на том же политическом клане. Они ни в коей мере не являлись проявлением религиозного фанатизма, а были лишь исключительно делом рук революционной фракции, которая привела к опустошению Турции... Тем не менее турецкий народ, даже если он признает эту ответственность в отношении прав человека, имеет право морально дистанцироваться от деяний, которые он решительно

¹ FO 371/5105, E 2109. Телеграмма № 241 адмирала де Робек в Министерство иностранных дел от 17 марта 1920 г. касательно закона об «оставленном имуществе», с нотой в адрес Блистательной Порты, 2 декабря 1919 г.

² FO 371/5105, f° 21.

³ FO 371/5105, E 2109, Cambon à Lloyd George, du 11 mars 1920.

осуждает. Предоставление компенсации за несправедливо причиненный ущерб и обеспечение предотвращения повторения таких деяний — таково двойное обязательство, признанное Турцией»¹.

Этот минималистский подход, заключавшийся в стремлении переложить ответственность на плечи лидеров юнионистов, которыми, как предполагается, манипулировала Германия, вызвал реакцию со стороны союзников, по-видимому, не склонных к проявлению снисходительности. 16 июля председатель Мирной конференции Ллойд Джордж направил язвительный ответ от имени всех союзников на «наблюдения» османской делегации: «Османское правительство, кажется, считает, что несет меньшую ответственность за войну, чем его союзники, и что оно может, следовательно, ожидать менее строго обращения. Союзники не могут принять эту претензию... Кажется, османская делегация не приняла полную меру потерь и страданий, которые вмешательство Турции навлекло на человечество... Союзникам ясно, что настало время положить конец, раз и навсегда, доминированию Турции над другими нациями. История отношений между Портой и великими державами в течение многих лет перед войной представляла собой не что иное, как серии повторяющихся тщетных попыток положить конец злодеяниям в Болгарии, Македонии, Армении и других странах, злодеяниям, которые потрясли и возмутили совесть всего человечества... В течение последних двадцати лет совершались массовые убийства армян в невыразимо варварских условиях. Во время войны деяния османского правительства на пути массовых убийств, депортации и жестокого обращения с военнопленными превзошли его прежние свершения преступлений такого рода. По оценкам, с 1914 г. османским правительством было убито под надуманным предлогом мнимого восстания, 800 000 армян — мужчин, женщин и детей... Турецкое правительство оказалось не толь-

ко не в состоянии выполнить свой долг по защите своих подданных нетурецких рас от грабежей, насилия и убийств: есть много доказательств того, что оно само организовало и возглавило самые зверские нападения на население, которое должно было защищать»².

Эти обмены мнениями показывают, что в преддверии заключения Севрского договора турецкое правительство и союзники занимали непримиримые позиции³.

Меморандум, который великий визирь Дамад Ферид-паша представил на Мирной конференции, не выявил никаких принципиальных изменений в позиции Турции. Он начал свое выступление с признания, что «в ходе войны практически весь цивилизованный мир был обеспокоен рассказами о преступлениях, предположительно совершенных турками. Я не хочу ни в коей мере пролить свет на эти преступления, от упоминания о которых человеческая совесть всегда будет трепетать. Я даже менее склонен преуменьшать вину организаторов этой великой трагедии». Однако великий визирь незамедлительно добавил, что он хотел «показать миру, предлагая доказательство [своих слов], кто действительно несет ответственность за эти ужасные преступления». Он «выразил сожаление по поводу убийства большого числа своих христианских соотечественников», но также и «по поводу убийства мусульман в собственном смысле этого слова»⁴. Такое признание, сделанное публично, даже с оговорками, требовало определенного политического мужества, которое, следует добавить, немедленно стоило Ферид-паше его поста. Это, несомненно, представляет собой, вплоть до наших дней, наиболее полное признание, высказанное должностным турецким лицом. В то же время это признание принимает тезис об ограниченной вине лидеров КЕП, которые, по словам Дамада Фериды, якобы также совершали массовые преступления против «мусульман в собственном смысле этого слова».

¹ FO 371/5109. Pp. 116 and sqq., «Observations présentées par la Délégation ottomane à la Conférence de la Paix», le 25 juin 1920.

² FO 371/ 5110, E 8687. Ответ председателя Мирной конференции Ллойда Джорджа на «Observations présentées par la délégation ottoman», Spa, 16 juillet 1920. Pp. 128–130.

³ Союзники последовательно внесли большинство рекомендаций Комитета по репарациям и Лондонской конференции в Мирный договор от 10 августа 1920 г. между Союзными и Соединенным державами и Турцией (Севрский договор), французская редакция, статьи 226–230. С. 83–84.

⁴ La Renaissance, N° 197, dimanche 20 juillet 1919. Текст меморандума, подготовленного великим визирем Дамадом Ферид-пашой к Мирной конференции.

Британцы и вопрос младотурецких преступников

В условиях, сложившихся в первые послевоенные годы, создание международного суда в значительной степени зависело от политической воли союзников, в частности от Великобритании и Франции. Как только в Константинополе была создана их Верховная комиссия, британцы продемонстрировали свою решимость привлечь младотурецких преступников к ответственности. 18 января 1919 г. адмирал Артур Калторп сообщил Блистательной Порте, что его правительство «приняло решение о том, что лица, ответственные за массовые убийства армян, должны быть должным образом наказаны»¹. Очевидно, что британская корона была полна решимости продолжать свою политику до конца, с участием или без участия международного сообщества, в отношении наказания отдельных преступников и коллективного наказания Османской империи путем раздробления ее на части².

Претворение этой политической воли в конкретные дела привело к необходимости создания какого-либо органа, способного проводить необходимые правовые меры. Как мы видели, работа комиссий и подкомиссий, которые действовали в рамках Предварительной мирной конференции с февраля 1919 г., завершилась рекомендацией создания Высокого суда под эгидой Лиги Наций. В той мере, насколько можно судить на основании имеющихся источников, британцы не противились этой идее, которая сделала бы возможным впервые в истории привлечение к суду политических лидеров за преступные деяния, совершенные в отношении части их собственного населения. Армяно-греческая комиссия, работавшая совместно с Верховной комиссией, должна была поддерживать усилия британской короны. Однако адмирал Калторп явно просил армянские и греческие власти следовать рекомендациям Министерства иностранных дел и ограничиться выявлением турецких

преступников и выполнением следственных задач³. Рекомендуемая процедура предполагала, что «в каждом случае» аресты должны проводиться турецкими властями по их собственной инициативе, «на основании нашего официального требования в письменной форме» или на «основании наших устных предложений», высказанных через г-на Райана (офицера британской разведки). Согласно рапорту Артура Калторпа, тридцать членов КЕП были задержаны «за соучастие в массовых убийствах путем прямого или косвенного участия», в то время как другие были арестованы по требованию его служб⁴. Он также напомнил официальному Лондону, что, в соответствии с указаниями, полученными от Министерства иностранных дел, он потребовал посредством телеграммы от 5 февраля (№ 233), чтобы турецкое правительство передало «заключенных, выбранных нами для содержания под стражей на Мальте», и что правительство не ответило на его требование, поскольку тогда находилось в процессе инаугурации своих судов перед военным трибуналом⁵.

Все эти очевидно незначительные детали показывают, что британские власти не желали, чтобы турецкий военный трибунал взял на себя задачу судить военных преступников; они лишь хотели, чтобы Константинополь сотрудничал с ними в предоставлении доказательств и задержании подозреваемых. Вероятно, именно факт первого судебного процесса против лиц, организовавших массовые убийства в Йозгате, который начался 5 февраля 1919 г., и побудил Министерство иностранных дел Великобритании потребовать, чтобы турецкие власти передали им заключенных для доставки на Мальту. В начале февраля официальный Лондон не придумал ничего иного, как создать Высокий суд, в то время как официальный Стамбул был демонстративно полон решимости сделать все от него зависящее, чтобы избежать созда-

¹ FO 371/4174, № 118377. Письмо Артура Калторпа лорду Керзону, 1 августа 1919 г., в котором Верховный комиссар рассматривает историю его посредничества в отношении турецких властей и упоминает о своей телеграмме от 22 января 1919 г. № 158 в Министерство иностранных дел, в которой он описывает свое посредничество в отношении Блистательной Порты.

² FO 371/4173/53351, ff. 192–193. Телеграмма помощника Верховного комиссара Ричарда Уэбба в адрес Мирной конференции, 3 апреля 1919 г. См.: *Dadrian V. Op. cit.* P. 486, п. 23.

³ FO 371/4174, № 118377. Письмо Артура Калторпа лорду Керзону, 1 августа 1919 г., с перечислением рекомендаций.

⁴ *Ibid.* P. 1.

⁵ *Ibid.* P. 2.

ния такого суда и проводить суды по своему усмотрению. Таким образом, он мог обосновать свой тезис о том, что ответственность лежала лишь на партии младотурок, тем самым оправдывая османское государство.

Несколько факторов позволяют предположить, что турецкое правительство затем пыталось сделать судебный проект более правдоподобным, чтобы более эффективно расстроить планы союзников. Это подтверждается тем фактом, что турецкое правительство обращалось с просьбой к таким странам, как Испания, Нидерланды, Дания, Швеция и Норвегия, направить двух судей, которые могли бы войти в состав стамбульского военного трибунала¹. Показательно, что европейские страны вежливо отклонили просьбу Турции, политическую подоплеку которой они, вероятно, поняли. С другой стороны, неизвестно, почему британцы ждали до мая 1919 г., прежде чем отправить обвиняемых обратно в Турцию и начать первый судебный процесс. Кроме того, адмирал Калторп отмечает в своем сообщении, которое он направил Бальфуру 26 марта 1919 г., что два члена следственной комиссии были причастны «к массовым убийствам армян»². Другими словами, некоторые судьи не были уполномочены председательствовать на судебных процессах такого типа или опять же администрация по-прежнему находилась под контролем младотурецких сетей. Действительно, заключил Верховный комиссар в августе 1919 г., что судебный процесс, проведенный «турецким» военным трибуналом, представлял собой не что иное, как «фарс и оскорбление нашему престижу»³. Он зашел так далеко, что назвал судей, председательствовавших на судебном процессе, «некомпетентными» и «методы охраны преступников неадекватными»⁴. Он также отметил, кроме того, что его французский коллега высказал мнение, что «судебный процесс и наказание этих преступников были делом турецких властей, осуществляемым под надзором и контролем союзных военных органов»⁵. Таким образом, суще-

ствует вероятность того, что британские планы привлечь младотурецких преступников к Высокому суду были сведены к нулю из-за отсутствия энтузиазма Франции в отношении этой идеи. Юристы из Министерства иностранных дел Великобритании также относились без энтузиазма к созданию британских военных трибуналов в зоне оккупации и уполномочивали проведение судебных процессов над подозреваемыми только в двух категориях: над теми, кто вмешивался в применение положений перемирия, и над теми, кто предположительно выказывал неповиновение британским офицерам. С другой стороны, юристы британской короны полагали, что эти военные трибуналы не могли судить лиц, обвиняемых в «грубом нарушении прав армян или других рас как в Турции, так и в Закавказье». Эти положения касались преступлений, совершенных после заключения перемирия⁶.

Возрастающая частота, с которой подозреваемые освобождались из тюрьмы (22 мая 1919 г. был освобожден сорок один обвиняемый), и побег, совершаемые при соучастии властей, побудили британского Верховного комиссара среагировать. Он предложил своему правительству депортировать преступников, содержащихся в тюрьме военного трибунала, в «безопасное» место⁷. 28 мая младотурецкие преступники были доставлены на борт военного корабля и отправлены на Мальту⁸. Эта операция привела к арестам еще нескольких десятков младотурецких преступников, которые также были депортированы на британский остров. Кажется разумным предположить, что официальный Лондон предпринял это, чтобы показать, что больше не будет мириться с тем, что все более и более походило на «фарс», подрывающий его авторитет. Британцы вряд ли могли примириться с тем, что турецкие власти, с одной стороны, арестовывали военных преступников, и, с другой стороны, освобождали их из тюрьмы, не говоря уже о «побегах», которые, несомненно, были организованы сетями «Каракола».

¹ FO 218/1552. Письмо адмирала Уэбба Балфуру, 25 февраля 1919 г.

² FO 371/4173, № 47293. Телеграмма адмирала Калторпа Балфуру, 26 марта 1919 г.

³ FO 371/4174. Доклад адмирала Калторпа, озаглавленный «Депортации», август 1919 г., с. 5.

⁴ FO 371/4174, № 98243. Доклад адмирала Калторпа о судебных процессах, 10 июля 1919 г., с. 6.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ FO 371/4174, № 88761. Телеграмма адмирала Калторпа лорду Керзону, 30 мая 1919 г. Первоначальными планами подразумевалось взять обвиняемого под охрану французских и британских солдат, однако это предлагаемое решение было отклонено из-за возражения французской стороны.

⁸ Ibid.

Своим незамедлительным вмешательством британцы хотели гарантировать, что иттихадисты предстанут перед судом, когда наступит нужный момент. Объяснения турецкого министра юстиции в связи с изгнанием иттихадистов на Мальту, согласно которым «британцы забрали заключенных юнионистов только потому, что мы судили их слишком медленно»¹, очевидно, не заслуживают доверия и не могут убедить слишком многих.

Более того, письмо, которое адмирал Калторп написал лорду Керзону 21 сентября 1919 г., показывает, что Верховный комиссар по-прежнему изучал дело «турок всех рангов, причастных к депортации и массовым убийствам христиан во время войны». Он напомнил своему начальству о «высокой важности получения инструкций касательно намерений правительства Его Величества и их союзников»², как если бы судебные процессы над лидерами младотурок не имели места. Более того, британцы сотрудничали с греческими и армянскими комиссиями, чтобы накопить как можно больше компрометирующих документов в ожидании судебных процессов над младотурецкими преступниками в высшем суде или в каком-либо ином трибунале³. В ходе дискуссии, которая состоялась в палате общин 4 марта 1920 г., был в очередной раз поднят вопрос о судебных процессах против турок, которые были депортированы на Мальту. Некоторые депутаты напомнили, что «большинство из интернированных лиц были причастны к массовым убийствам [...]. Вопрос о судебном процессе над ними находится на рассмотрении»⁴. В своей телеграмме в адрес лорда Керзона от 11 марта 1920 г. Верховный комиссар Джон де Робек «рекомендовал дальнейшее содержание под стражей [на Мальте] тех лиц, кто не мог быть привлечен к ответственности за участие в зверствах, но чье возвра-

щение в Константинополь было бы нецелесообразно в некоторых случаях»⁵.

По истечении восемнадцати месяцев, в течение которых британцы предоставили турецким властям определенную свободу действий выступать с инициативами, прожившие на их чувство ответственности, союзники пришли к выводу, что они не смогли бы навязать Турции ни малейшего мирного договора, если бы они оставили нетронутыми младотурецкие сети. Для борьбы с вездесущностью младотурок и прекращения их преступной деятельности в азиатских провинциях британцам пришлось отрезать их от баз в столице, взяв ее под военный контроль. По сведениям Э. Цурхера, британцам было давно известно, что военный министр сотрудничал с националистами. В январе 1920 г. британцы призвали к отставке министра Джемаль-паша и Джевад-пашу, начальника штаба. Телеграммы, которыми обменялись Военное министерство и провинциальные военачальники, иллюстрируют развитие сотрудничества с Анатолией и, в частности, с «Караколом», чьим связным в министерстве был не кто иной, как полковник Галаталы Шевкет. Более того, глава «Каракола» Кара Васиф непосредственно общался с Джемаль-пашой, когда тот был Военным министром⁶. В этих условиях, франко-британская оккупация столицы 16 марта 1920 г. пятьюдесятью тысячами человек⁷ была практически неизбежна, как и арест британскими спецслужбами Гусейна Рауфа и Кары Васифа, двух главных лидеров иттихадистских сетей вместе с одиннадцатью другими партийными лидерами, включая Джемаль-пашу, бывшего военного министра, и Гасана Тахсина, бывшего вали Эрзурума⁸. Джемаль-паша и Тахсин были отправлены на Мальту, куда за ними вскоре последовали Джелал Нури-бей, генерал Али Саид, Эбузия-за-

¹ Опубликовано в газете: La Renaissance, № 153, vendredi 30 mai 1919.

² FO 371/4174, № 136069. Телеграмма адмирала Калторпа лорду Керзону, 21 сентября 1919 г.

³ F.O. 371/6500, Turkish War Criminals: *Yeghiayan V.* (éd), British Foreign Office dossiers on Turkish War Criminals, La Verne, 1991.

⁴ FO 371/5089, № 1054, débat aux Communes du 4 mars 1920.

⁵ FO 371/5089, № 2293, f° 108. Джон де Робек, Верховный комиссар в Константинополе, лорду Керзону, 11 марта 1920 г. Среди заключенных категории «А/Т» (заключенных, задержанных «за прямое или косвенное участие в бесчинствах в отношении христиан»), Робек упоминает Али Ихсана-пашу, Хюсейна Джахида, Тевфика Хади, Юсуфа Ризу, Сабит-бея, Вели Неджеда, Фетхи-бея, Тахира Джемедета, Рахми-бея, Исмаила Джанболата, Невзаде-бея, Мумтаз-бея, Фазила Берки и Ибрагима Бедреддина.

⁶ *Zürcher E. T.* Op. cit. P. 101.

⁷ *Ibid.* P. 145.

⁸ FO 371/5089, № 2301, f° 91. Телеграмма Джона де Робек, Верховного комиссара в Константинополе, лорду Керзону, 20 марта 1920 г.

де Велид-бей и, самое главное, Сулейман Назиф-бей¹.

Позднее, 16 мая 1922 г., «Дейли телеграф» опубликовала заявление Чемберлена перед палатой общин, в котором он прочитал две телеграммы от британского Верховного комиссара в Константинополе, датированные 10 мая 1922 г. Одна из них была написана после разговора с д-ром Уордом, членом Комитета помощи Ближнему Востоку, который только что прибыл из Харпута. В этой телеграмме Верховный комиссар сообщил, что «турки, похоже, действуют в соответствии с продуманным планом, чтобы избавиться от национальных меньшинств... Турецкий чиновник, возглавляющий отдел образования в Харпуге, сказал д-ру Уорду, чтобы проиллюстрировать некомпетентность турок, что они не довели до конца работу по проведению массовых убийств до конца 1915 г., но что на этот раз они доведут дело до совершенства»².

В ходе дискуссии 9 апреля 1924 г. в палате общин о ратификации Договора Лозанны, Ллойд Джордж, несомненно, почувствовал необходимость оправдать политику своей страны в отношении Турции, а также тот факт, преуменьшенный успехом кемалистского движения, что она, наконец, была обезоружена. «Мы заключили, — сказал он, — серию договоров с Россией, Италией,

Францией, а также с арабами. Во всех этих договорах предусмотрено, что нетурецкие районы Малой Азии и Европейской Турции будут отделены от Турции. Я утверждаю, что это была правильная стратегия. Стало ли это резонансным решением? Я спрашиваю уважаемых членов, могут ли они показать мне хоть одну провинцию под управлением Турции, чье благосостояние, население, свобода, счастье, и все, что делает страну великой и процветающей, не пришло в упадок под властью Турции. Нет ни одной такой провинции! Могут ли они назвать мне хоть одну провинцию, отделенную от Турции за последние пятьдесят и более лет, которая стала богаче, в которой выросла численность населения, которая прибавила в мощности и процветании, и, прежде всего, стала более свободной? Нет ни одной такой провинции! Это является серьезным обвинением против империи»³.

Это заявление Ллойда Джорджа, перераспределенное в дебаты в отношении неспособности Турции уважать группы ее населения и повышать их благосостояние, едва ли скрывает горечь британского политика, которому так и не удалось добиться успеха в обеспечении принципа, к которому он взывает, и в наказании лиц, виновных в совершении преступлений «против прав человека».

Конвенция 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и опыт 1919 г.

Ряд авторов отмечают, что Рафаэль Лемкин знал о преступлениях, совершенных против армян в Первой мировой войне, и что он уделил особое внимание судебному процессу над Согомоном Тейлиряном⁴. Аннет Беккер отмечает, однако, что он не сде-

лал ссылку на эти вопросы в своей главной работе «Господство оси в оккупированной Европе», в которой он ссылается на «разрушение Карфагена в 146 г. до н.э.; разрушение Иерусалима Титом в 72 г. н.э.; религиозные войны ислама и крестовых походов; массо-

¹ FO 371/5089, № 2322. Телеграмма Джона де Робекка, Верховного комиссара в Константинополе, лорду Керзону, 27 марта 1920 г. 20 марта 1920 г. правительство Салиха-паши сменило правительство Али Ризы на десять дней. В свою очередь, оно пало после заявления Антанты о завоевании Константинополя. Дамад Ферид снова принял бразды правления в апреле 1920 г. FO 371/5046, № 328, f° 140. Шифрованная телеграмма Джона де Робекка в адрес Министерства иностранных дел от 5 апреля 1920 г. о назначении в тот же день Дамада Фериды, лидера Либеральной Антанты, на пост великого визиря. FO 371/5166, E 4278, 14 avril 1920. Доклады британских разведывательных служб лорду Керзону (с. 221) о составе кабинета Дамада Фериды, куда, в частности, вошел министр внутренних дел Решид-бей, либерал, который провел годы войны в Швейцарии.

² Bibl. Nubar, Archives de la Délégation nationale arménienne, chambre des Lords et chambre des Communes, ff. 116–117.

³ Ibid., f° 28.

⁴ Dadrian V. Raphael Lemkin, International Law and the Armenian Genocide, in The Key Elements in the Turkish Denial of the Armenian Genocide: a Case Study of Distortion and Falsification, Watertown, Zorian Institute, 2001, p. 37; Yves Ternon, «Comparer les génocides», dans Ailleurs, hier, autrement: connaissance et reconnaissance du génocide des Arméniens, Revue d'histoire de la Shoah 177–178 (2003), p. 41.

вые убийства альбигойцев», завершая свой список ужасами, совершенными Тамерланом¹. В статье, опубликованной два года спустя, Рафаэль Лемкин повторил свой список ранних случаев массовых убийств. В этот раз, однако, он добавляет: «И, ближе к нашему времени, преступления против армян»². Далее он отмечает, что «были и дипломатические представительства в пользу греков и армян, когда они погибли от рук разных государств, с указанием обязательств, которые они взяли на себя, чтобы продолжить режим в отношении своих граждан»³, при этом, однако, не добавляя, что эти преступления были также рассмотрены юристами комиссий, созданных Предварительной мирной конференцией. Тем не менее в (неопубликованном) интервью, которое он дал в Нью-Хейвене (Коннектикут) в 1949 г., в связи с принятием Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, он отметил, что «только после истребления 1 200 000 армян во время Первой мировой войны победившие союзники обещали уцелевшим в этой ужасной резне адекватный судебный процесс. Но этого не произошло». Ссылаясь на убийство Талаата-паши Согомоном Тейлиряном, в отношении которого суд признал, что он «не несет ответственности за свои действия» и который был оправдан, Рафаэль Лемкин подчеркнул иронию ситуации: «Человек, действующий от имени человеческого сознания, сознания, которое еще не нашло свое правовое выражение в международном праве, был объявлен душевнобольным»⁴. Таким образом, Рафаэль Лемкин отметил тот факт, что преступление, совершенное против армян, осталось безнаказанным, поскольку союзники не придерживались своей логики до конца, в то время как международное сообщество еще не представило юридического определения этого преступления.

Это последнее утверждение оспоримо. Изучение дискуссий и докладов комиссий

юристов, которые работали в рамках Предварительной мирной конференции, показывает, что эти делегаты явно знали, что они столкнулись со «случаями, не предусмотренными обычными положениями закона» и, следовательно, стремились определить «преступления против человечества», в дальнейшем отличающиеся от военных преступлений.

Кроме того, резолюция 96 (I), которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 11 декабря 1946 г., повторяет формулу «преступления против прав человека». Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. еще более непосредственно вобрала в себя выводы Комитета по ответственности, которые были опубликованы 29 марта 1919 г.: Статья 3 настоящей Конвенции представляет аналогичное определение категорий преступников, участвовавших в геноциде; Статья 4 излагает идею наказания виновных лиц вне зависимости от их ранга в государственной иерархии, и, наконец, Статья 6 предусматривает создание международного судебного органа, формирование и прерогативы которого описаны практически теми же терминами, как и те, которые были использованы в докладе от 29 марта 1919 г., предлагавшего создание «Высокого суда»⁵. Хотя рекомендации в отношении преступлений «против прав человека» не были осуществлены на практике в свое время, они послужили в качестве основы для правил, принятых ООН после Второй мировой войны. Есть все основания полагать, что провал попытки создать международный судебный орган сразу после Первой мировой войны был еще не забыт, когда союзники приняли решение не оставлять безнаказанным преступление, совершенное нацистами против евреев.

При всем том в межвоенный период Пятая комиссия Лиги Наций продолжала работать над этим вопросом. Без сомнений, известно, что некоторый прогресс был достигнут в 1919 г.⁶

¹ Becker A. «L'extermination des Arméniens, entre dénonciation, indifférence et oubli, de 1915 aux années vingt», *Revue d'Histoire de la Shoah* 177–178 (2003). P. 309; Lemkin R. *Axis Rule in occupied Europe, Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress*, Washington, 1944. P. 80.

² Lemkin R. «Le crime de genocide», *Revue de Droit international, des Sciences diplomatiques et Politiques*, № 24 (1946). Pp. 213–214.

³ Ibid.

⁴ Текст этой беседы можно найти в архиве Лемкина, который был передан в еврейско-американский архив в 1965 г. и который доступен в Интернете по адресу www.preventgenocide.org.

⁵ AMAE, *Série Conférence de la Paix, Sous-Série Recueil des actes (1918–1932)*, vol. 40, *Commission des responsabilités des auteurs de la guerre et sanctions*, Paris, Imprimerie Nationale, 1922. Pp. 176–177.

⁶ La Rosa A.-M. et Villalpando S. «Le crime de génocide revisité», in: *Boustany K. et Dormoy D.* (éd.), *Génocide (s)*, Bruxelles 1999 (Collection de droit international; 42). Pp. 56–57.

ГЛАВА 7

Первый судебный процесс против младотурецких преступников в военном трибунале Стамбула

В мае 1919 г., в то время как судебный процесс против членов Центрального комитета иттихадистов продолжался, писатель д-р Джемаль Шехабеддин-бей нашел немного времени и опубликовал в издании «Алемдар» один из редких материалов, который отразил то, что никто не осмеливался или не хотел сказать: «Те, чей разум хоть немного открыт, могут понять, что на всех уровнях страны продолжает бушевать смертная болезнь юнионизма»¹. Автор статей издания «Сабах», со своей стороны, стремился понять причины создания военного трибунала: «Нас обвиняют в совершении преступления, и мы страдаем от болезни хуже чумы... Да, мы заражены чумой. Человечество не решается приблизиться к нам... Именно поэтому мы организовали внеочередной военный трибунал для наказания виновных среди нас, в зависимости от степени их вины, в соответствии с требованиями правосудия»². Али Мюниф-бей, заключенный № 2762, бывший заместитель государственного секретаря³, который оказывал действительную помощь Мехмеду Талаату-паше во время геноцида, наивно пытался оправдаться в своем письме от 19 октября 1919 г. в адрес британских властей, написанном им на Мальте. Тем не менее он не стал отрицать, что партией-государством было совершено коллективное преступление: «Во время массовых убийств, имевших место в 1915 г., — писал он, — у меня не было полномочий принятия решений или совершения этих деяний, прямо или косвенно. Следовательно, я не могу нести за них ответственность; у меня не было ни полно-

мочий на принятие решений, ни средств для исполнения решений»⁴. Этот младотурецкий лидер, содержащийся под стражей британцами далеко от своего дома, понял, что в текущем контексте невозможно отрицать в обычной манере совершение преступления. Будучи не в состоянии утверждать, что он не занимал свой пост во время этих событий, он пытался убедить Верховного комиссара, что его пост в качестве заместителя командующего в Министерстве внутренних дел означал, что он был неспособен действовать.

Эти три реакции показывают, что общественное мнение в Турции было в некоторой степени осведомлено о последствиях массового преступления, организованного КЕП, и, в частности, о том, что необходимо дать отчет жертвам и великим державам. При этом, однако, нельзя было замаскировать существование лагеря отрицания, то есть сети КЕП, которые отвергли все обвинения по всем направлениям и сразу продумали планы по преобразованию судебных процессов в трибуну для защиты тюркизма, в то же время предотвращая откровения такого рода; предусмотренные ими методы включали угрозы и шантаж. Приняв во внимание это неослабное давление, мы сможем отследить работу стамбульского военного трибунала № 1, функционировавшего с февраля 1919 г., а также некоторые из его решений.

Тем не менее может возникнуть вопрос, почему военный трибунал решил начать с суда над организаторами массовых убийств в Йозгате, то есть с преступлений, совер-

¹ La Renaissance, № 151, mercredi 28 mai 1919. Перевод на французский язык статьи «Алемдара».

² La Renaissance, № 128, du jeudi 1er mai 1919. Из «Сабах».

³ См. выше, с. 284. Позднее Мюниф-бей взял фамилию Йегена. Также он, по-видимому, сыграл важную роль в организации голода в Ливане, занимая пост губернатора провинции.

⁴ FO 371/5091, № 11834/1670.

шенных в одной конкретной области, вместо того чтобы рассматривать дело в отношении лиц, принимавших решения с самого начала. Этот выбор можно объяснить размахом резни в Бозагляне, известной всем и каждому;

хотя этот выбор также, возможно, являлся результатом стратегии, которая имела целью возложить вину за «перегибы», которые имели место в ходе депортации, на органы местного самоуправления.

Судебный процесс в Йозгате

Мы уже рассмотрели обстоятельства истребления армянского населения в округе Йозгат и подчеркнули, что они заметно отличались от прочих, имевших место в Анатолии¹. Рассмотрим теперь судебный процесс в Йозгате с прицелом на линию обороны, принятую подсудимыми, юридическую тактику проволок, которой придерживалось правительство, а также на то, как общественное мнение реагировало на судебное разбирательство.

На самом первом судебном слушании, состоявшемся 5 февраля 1919 г., адвокат Кемаль-бей, временно исполняющего обязанности мутесарифа Йозгата, выразил протест о том, что военный трибунал является незаконным; он утверждал, что указ султана предусматривает создание десяти военных трибуналов для вынесения приговоров за деяния, совершенные в различных провинциях и, следовательно, что судебное разбирательство должно проходить там, где было совершено преступление, или там, где был арестован обвиняемый². Адвокаты защиты также оспорили легитимность адвокатов истца, особенно Гайка [Гмаяга] Хосровяна, который якобы не имел мандата на предоставление юридических консультаций его клиентам. В данном конкретном случае Армянская патриархия взяла на себя роль истца и представляла лиц, которые были ликвидированы, и дата и место смерти которых были, как правило, неизвестны³. После блокирования возражений обороны военный трибунал приступил к идентификации подсудимых: Кемаль-бей, тридцати пяти лет от роду, уроженец Бейрута, в недавнем про-

шлом выступавший в качестве генерального инспектора депортаций из Коньи; Мехмед Тевфик-бей, сорока четырех лет от роду, уроженец Стамбула, командующий жандармерией в Йозгате, и Фезз-бей, начальник Бюро земельной регистрации Йозгата. Все трое были обвинены в преступлениях, совершенных во время депортации армян. Затем председательствующий судья зачитал список армянских и турецких свидетелей, среди которых были Шакир-бей, депутат парламента из Йозгата, и Халил Реджайи, главный инспектор лагерей для военнопленных, после чего представил вещественные доказательства, включавшие, в частности, документы, отправленных Шакиром в адрес Мазхарской комиссии 8 декабря 1918 г.; эти документы были признаны подлинными гражданским инспектором в официальном документе № 233 от 14 декабря 1918 г. Наконец, прокурор Сями-бей зачитал обвинительное заключение, в котором отметил, что «продолжающееся развитие интеллектуального и финансового положения немусульманских подданных и религиозные привилегии, которыми они пользовались, не мешали им постоянно жаловаться на то, что они не имеют равных прав». За обзором исторического контекста, зачитанным прокурором, последовало несколько довольно откровенных высказываний в адрес движений, созданных «армянскими предателями», которые нарушили «общественный порядок». По словам прокурора, стало ясно, что они хотели освободиться от османского владычества; публикации армянских комитетов на иностранных языках способствовали созданию проблем

¹ См. выше, с. 568–584.

² Кригер. Указ. соч. С. 309–310. Первоначально судебное заседание 5 февраля было начато в 10.30 Махмудом Хайретом-пашой, судьей, председательствующим на внеочередном военном трибунале. Военные судьи были представлены генералом Али Назим-пашой и генералом Курдом Мустафой-пашой; гражданские судьи слева от председательствующего были представлены Арутюном Мостичяном, судьей Константинопольского апелляционного суда, и гражданские судьи справа от председательствующего были представлены Шевкет-беем, судьей Константинопольского апелляционного суда.

³ Ibid. Pp. 311–312, п. 5. Военный трибунал располагал списками убитых людей, но в списках не были указаны места и даты истребления. Сторона истца вновь была представлена Гайком [Гмаягом] Хосровяном, Акопом Бахри и Аветисом Суреняном, избранными Ассоциацией адвокатов Армении.

как внутри страны, так и в наших международных отношениях; на ранних этапах всеобщей мобилизации армяне оказали вооруженное сопротивление военной службе; группа армян пересекла границу, чтобы присоединиться к силам противника; они уничтожили мосты и подвергли опасности нашу военную технику и материальное обеспечение. Соответственно, власти предприняли превентивные меры. Решение о депортации армян было принято только в вилайетах Эрзурум, Битлис и Ван; однако 24 мая 1915 г. военные власти санкционировали депортацию немусульманского населения Кайсери». В этих условиях, продолжал прокурор, было «естественно, что определенные субъекты воспользовались ситуацией <...> для совершения грабежей и других преступлений»¹. Французские разведывательные службы, которые внимательно следили за этим первым судебным процессом, отмечали, что обвинительное заключение, зачитанное главным прокурором, было опубликовано в газетах на следующий день и «больше походило на обвинительное заключение в отношении жертв и в то же самое время проложило путь для оправдания или подтверждения смягчающих обстоятельств»².

На судебных слушаниях, состоявшихся 8 и 10 февраля, суд принял к сведению жалобу Карапета Куюмджяна: будучи силой обращенным в ислам, он потребовал возмездия за убийство его семьи. Три молодых уцелевших армянина, чьи интересы были представлены адвокатом Левонем Ремзи, также подали жалобы: во время депортации три брата служили солдатами, но их семьи были депортированы в нарушение официальных заказов. Свидетельские показания, представленные судьей Мустафой Ремзи на судебном слушании, состоявшемся 10 февраля, подтвердили роль ответственных секретарей, делегированных в каждую провинцию в качестве руководителей при истреблении местного армянского населения. Ремзи также свидетельствовал о криминальном характере этих партийных активистов, по-

казав, что Неджати-бей, ответственный секретарь КЕП в Ангоре, отправился в Йозгат за три дня до начала депортации, что он был гостем мэра во время его пребывания там и что он вернулся из Самсуна в компании Неджмеддин-бея, нового вали из Ангоры, после отправки депортированных лиц³.

На четвертом судебном слушании, состоявшемся 11 февраля, показания давал Шакир-бей, депутат парламента из Йозгата. Он показал, что «массовые убийства были уже свершившимся фактом», когда он попытался вмешаться в деяния Атиф-бея, временно исполнявшего обязанности вали Ангоры, который «не принял мой протест во внимание». Когда адвокат защиты Левон Ремзи спросил его, совершали ли армяне акты бандитизма в тот период времени, он ответил, что, насколько он может утверждать, это имело место «только недалеко от границы», как рассказали беженцы. Однако показания восемнадцатилетней Евгении Варварян, уроженки Йозгата, сделали позицию Феязя и Кемалья несостоятельной: девушка свидетельствовала, что ее колонна была разграблена в Чифтлике и вырезана в Келлере. «Касаб каймакам» («мясник каймакам») возразил, что «девушка лжет, она не знает, о чем говорит». Она ответила, напомнив ему о некоторых точных фактах, а затем спросила: «Разве все эти армяне покончили с собой? Где сейчас большинство из них?» Это противостояние лицом к лицу между жертвой и палачом было, однако, прервано прокурором, который предложил, чтобы молодая женщина прошла медицинское обследование. Саadedдин-бей, адвокат Кемалья, сказал, что «Евгении сейчас семнадцать лет, и она была слишком молода во время депортаций для того, чтобы помнить, что произошло». Тем не менее свидетельница продолжала называть имена многих преступников, «которые сегодня свободно перемещаются по Йозгату, как им заблагорассудится», и, в частности, упомянула имя Феязя, одного из лидеров юнионистов в Йозгате, отдававших приказы чете⁴.

¹ Ibid. Pp. 312–315.

² SHAT, Service Historique de la Marine, Service de renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 259, Constantinople, le 7 février 1919. «Rapport sur les atrocités de Yozgat, dressé par un fonctionnaire turc» [Доклад о злодеяниях в Йозгате, подготовленный турецким чиновником].

³ Кригер. Указ. соч. С. 224.

⁴ Quatrième audience, le 11 février 1919: Кригер. Указ. соч. С. 315–316. 15 февраля на пятом судебном слушании было представлено медицинское заключение о том, что Евгения Варварян несколько лет назад получила травму головы; согласно медицинскому заключению, девушке было 18 лет от роду.

15 февраля, на пятом судебном заседании, суд заслушал показания Степана, крестьянина из Элекджилера, который укрывался у грека в Анкаре в течение девяти месяцев после депортации в Келлер. Он объяснил, что Кемаль-бей протрубил сигнал к началу массовых убийств¹. На следующих судебных заседаниях давали показания несколько высокопоставленных военных, таких как Халил Реджайи, временно исполнявший обязанности командующего 4-й армии, базировавшейся в Ангоре, и полковник Шехабедин, находившийся в Кайсери; мы уже обсуждали телеграммы, которыми они обменивались, а также их признания². Допрос этих свидетелей показал, насколько тесно военное руководство и местные государственные чиновники были связаны с проведением операций. Наконец, судебный процесс в Йозгате указывает на то, что обещания армянам, которые согласились принять ислам, о том, что они не будут убиты, были, прежде всего, предназначены для облегчения ухода колонн, на то, что существовал план об истреблении этих новообращенных после ухода колонн, и на то, чтобы в любом случае соблюдалось следующее правило: доля армян, обращенных в ислам, которым было позволено остаться на местах, никогда не должна была превышать пяти процентов от общей численности населения.

Состав первого военного трибунала был изменен после подписания 8 марта императорского указа о его реформировании. Были ли эти изменения приняты в связи с инцидентами, которые произошли в ходе судебного процесса в Йозгате? Это маловероятно, так как реформа судебных уставов была готова к 5 марта³. Но мы можем, во всяком случае, наблюдать эффект, который указ возымел на этот судебный процесс: он был приостановлен в конце двенадцатого судебного заседания, проходившего 6 мар-

та 1919 г. после вмешательства адвоката Левона Ремзи, которое привлекло значительное внимание⁴.

По сведениям полковника Хюсамеддина Эртюрка, члена «Специальной организации», который помог организовать похороны Кемаль-бея, Махмуд Хайрет, председательствующий судья военного трибунала, был против приговора Кемаль-бея к смертной казни и в конечном счете решил уйти в отставку после острой дискуссии с полковником Реджебом Ферди⁵. Таким образом очевидно, что председательствующий судья одобрял позиции юнионистов о том, что не может быть и речи о наказаниях этих высокопоставленных чиновников или офицеров, которые просто выполняли приказы партии. По крайней мере, можно сказать, что он находился под давлением, которому, должно быть, подвергался со стороны этих кругов.

Когда судебный процесс возобновился 24 марта 1919 г., состав суда претерпел значительные изменения. Генерал Назым-паша стал новым председательствующим судьей, и его гражданские судьи были заменены военнослужащими. Кроме того, главный прокурор попросил адвокатов армянских истцов покинуть зал суда, поскольку теперь судебный процесс стал чисто военным, и главный прокурор принял на себя защиту их интересов. Адвокаты тщетно доказывали, что военный трибунал не был исключительно военным, даже если судьи были военными, поскольку перед судом должны были предстать не только офицеры, но и гражданские чиновники, министры и политики различных рангов, от вали до великого визиря, в соответствии с кодом гражданского права⁶. Затем адвокаты удалились.

26 марта 1919 г. четырнадцатое судебное заседание, во время которого были допрошены Кемаль-бей и Тевфик-бей, позволило установить обстоятельства дела. В частно-

¹ Cinquième audience, le 15 février 1919: *ibidem*.

² См. выше, с. 576.

³ См. выше, с. 829.

⁴ Кригер. Указ. соч. С. 312. Ремзи, выступая от своего имени, потребовал, чтобы суд присудил ему полтора миллиона турецких лир в качестве компенсации за ущерб в его качестве единственного оставшегося в живых и представителя семьи из региона. 117 членов которой были убиты. Суд отметил, однако, что из 8000 армян, проживающих в Йозгате до резни, 80 уцелели (*ibidem*, p. 311, n. 5).

⁵ Hüsameddin Ertürk. Jki Devrin Perde Arkası [Derrière le rideau durant deux époques], éd. par Samih Hafiz Tansu, Istanbul, 1964. S. 299.

⁶ *Ibid*; «Жаманак», 25 марта 1919, с. 3, кол. 5 и с. 4, кол. 1–3 (на арм. яз.). Суд был составлен из следующих лиц: генерала Мустафы Назим-паши, председателя суда, генерала Зеки-паши, генерала Мустафы-паши (известного как Немруд или Курд Мустафа), генерала Али Назима-паши и полковника Реджеба Ферди-бея; Сями-бея, прокурора, с тремя помощниками прокурора.

сти, оно показало, что «восстание», принятое для оправдания массовых убийств, было измышлением, тщательно подготовленным самим Кемаль-беём. Допрос других свидетелей на пятнадцатом, шестнадцатом и семнадцатом судебных заседаниях привели к противояниям с подсудимыми и болезненным взаимодействиям между жертвами и их мучителями. Выводы гражданского инспектора Недим-бея, который отвечал за расследование массовых убийств, совершенных в округе Йозгат, забили еще один гвоздь в гроб подсудимых. «Я торжественно заявляю с абсолютной уверенностью, — писал Недим, — что армяне были истреблены в группах и что каймакам Кемаль-бей был инициатором этих преступлений. В частности, именно Кемаль-бей отдавал секретный приказ и информировал командиров жандармерии, которые были постоянно призваны совершать эти преступления»¹.

8 апреля 1919 г. военный трибунал под председательством судьи генерала Мустафы Назим-паши удалился для обсуждения. Трибунал провозгласил вердикт, который вызвал сенсацию: он приговорил каймакама Кемаль-бея к смертной казни и командира жандармерии Тевфик-бея к пятнадцати годам каторжных работ². После повторения обычных формулировок трибунал отметил в приговоре, что, «хотя подсудимые и их защитники отрицали все правонарушения и требовали оправдательного приговора, суд уважает исламское право и особенно те его положения, которые защищают жизнь, честь и собственность всех подданных страны, без какой-либо дискриминации, против всех форм насилия и экспроприации, с тем, чтобы гарантировать справедливость для всех». Далее в приговоре объявлялось: «Приказ о депортации был передан Кемаль-бею, каймакаму Богазляна и временному мутесарифу Йозгата, а также майору Тевфик-бею, командиру жандармерии Йозгата. При осуществлении своих функций они ссылали беззащитных слабых женщин и девушек, которых они приказали депортировать; они ссылали лиц, которые были освобождены от депортации; они разграбляли деньги, драгоценности и другие ценные вещи, принадлежавшие депортированным лицам из армянских колонн без ува-

жения их прав личности; и они по своей прихоти ускоряли депортацию определенных лиц и отдавали секретные приказы и незаконные инструкции в отношении некоторых избрательных лиц. Они никогда не видели необходимости в принятии мер по сохранению и защите людей, которых они отправляли в изгнание. Они не только отказались принять даже минимальные меры такого рода, но и полностью лишили [депортированных лиц] всех средств их защиты. Они отделили мужчин от остальных депортированных лиц, чтобы иметь возможность совершать свои злодеяния. После совершения преступлений, когда от них потребовали дать объяснения, они отрицали правду. Вместо того чтобы применять положения закона, они приказали жандармам, не несущим ответственности, совершать злодеяния, гарантируя им полную безнаказанность... Они были ответственны за массовые убийства и грабежи, которые мусульмане считают величайшими из преступлений. Показания свидетелей доказывают, без малейшего сомнения, что некоторые военные чиновники обменивались многочисленными телеграммами, содержание которых подсудимые отрицали. Изучение различных вопросов, поставленных перед ними, доказывает, что женщины и дети в колоннах были лишены своих покровителей и родителей и что совершались преступления массовых убийств и грабежей... Защита утверждала, что имела место подрывная деятельность, и ссылаясь на то, что в районах, находящихся под вражеской оккупацией, некоторые члены [армянских] комитетов призывали [армянское население] перейти на сторону врага и принять участие в волнениях, в результате чего армяне восстали и преследовали коварные цели, поставленные перед ними их соотечественниками, проживающими по ту сторону османских границ. Случаи, на которые ссылалась защита, не являлись достаточным оправданием для совершенных преступлений. Даже если определенная часть армянского населения и присоединилась к ним, остальные армяне демонстрировали свою верность... В свою защиту Кемаль-бей обвинил армян в Ване, Эрзуруме и Битлисе в совершении актов жестокости по отношению к мусульманам. Что касается армян Йозгата,

¹ APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, U 350. Телеграмма гражданского инспектора Недим-бея, ответственного за проведение расследования в районе Йозгата, в адрес Эмин-бея, 28 декабря 1918 г.

² Приговор суда Йозгата, 8 апреля 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3617, du 7 août 1919, p. 2. Приговор был представлен султану, который незамедлительно его ратифицировал. «Жаманак», 9 апреля 1919, с. 1 (на арм. яз.).

в отношении подрывной деятельности которых у нас нет никаких доказательств, нет никаких правовых или нравственных оснований для утверждений, выдвинутых подсудимым. Помимо того, что он действовал в духе мести и в целях личного обогащения, он поступал так не только с намерением подстрекательства мусульман района, но и побуждения мусульманского населения в целом к убийствам армян; оно приняло массовые убийства как нечто естественное и необходимое. Содержание документов доказывает, что эти три лица, не несущие ответственности, контролировали деятельность правительственных чиновников, которые сопровождали колонны и выполняли приказы, которые они получили [от своих начальников]. Документы, подписанные ими собственноручно, доказывали, что жандармы сопровождали колонны для целей их ликвидации. Это было доказано без тени сомнения. Доказательства и документы, упомянутые ранее, определенно устанавливают вину обвиняемых. Аргументы, выдвигаемые защитой, бесполезны. Прокурор потребовал вынести приговор в отношении подсудимых в соответствии со статьей 56 Уголовного кодекса, но эта статья была признана неприменимой в данном рассматриваемом случае. Подсудимые Кемаль-бей и Тевфик-бей были осуждены на основании статьи 45. По единогласному решению судей, Кемаль-бей был приговорен к смертной казни и Тевфик-бей к пятнадцати годам каторжных работ, в соответствии со статьями 170 и 171 Военного кодекса¹.

Кроме приговора, председательствующий судья считал комментарий, который наводит на мысль, что обвиняемые были движимы желанием отомстить за страдания мусульман в вилайетах Ван, Битлис и Муш. Прежде всего, следует отметить, что приговор доказывает утверждение о местных злоупотреблениях, тем самым оправдывая центральные власти, и не говорит ни слова о роли, сыгранной КЕП и его ответственными секретарями, хотя доказательства, представленные в ходе судебного разбирательства, не оставляют сомнений в их причастности.

Этот первый судебный процесс, который состоялся в то время, когда националистическое движение еще не оправилось от влияния недавнего поражения, установил пределы, которые была готова принять османская судебная система. Действительно, реакция, наблюдаемая после казни Кемаль-бея, наиболее влиятельного из подсудимых, отмечает первое публичное выступление младотурецких сетей против самой идеи привлечения к ответственности лиц, которые исполняли приказы о ликвидации. Британские спецслужбы, как и пресса, превосходно поняли значение этой реакции. Кемаль-бей был казнен 10 апреля на площади Баязид, в присутствии командира константинопольской жандармерии и в сопровождении почетного караула. На казни также присутствовали начальник полиции Халил-бей, военный губернатор столицы генерал Осман Шакир в сопровождении большого числа высокопоставленных должностных лиц, префект столицы Юсуф Зия, председательствующий судья трибунала, мировые судьи, мэр Константинополя, ряд руководителей батальонов чете, религиозные лидеры, а также толпа, состоявшая из членов «Теджедют Фиркасы» [партии Обновления]. В целом более десяти тысяч человек стали свидетелями исполнения приговора смертной казни. «Мученик» был похоронен на следующий день на кладбище в Кадыкёй; в ходе организованной церемонии на его могилу был возложен букет с надписью «невинному мусульманскому мученику»². Все вышеупомянутые группы считали казнь Кемаль-бея несправедливостью, поскольку он повиновался приказам правительства и партии. Хюсамеддин Эртюрк, полковник кавалерии и офицер «Специальной организации», сделал заявление Самиху Хафизу Тансу, которое, вероятно, отражает то, что чувствовали все члены младотурецких сетей и, несомненно, часть общественного мнения: «Этот герой, сын турецкого народа, является жертвой вражеской оккупации. Он был повешен, но память о нем будет жить вечно в сердце страны»³. Мгновение спустя, однако, он оборвал эту шаблонную речь,

¹ Там же.

² Public Record Office, FO 371/4173, № 61185, 17 avril 1919. Телеграмма Верховного комиссара Калторпа в Министерство иностранных дел, представляющая описание казни Кемаль-бея. FO 371/4173, № 72536, 21 avril 1919. Письмо Калторпа в Министерство иностранных дел о похоронах Кемаль-бея. Доклад капитана Х.А.Д. Хойландта от 24 апреля 1919 г. в генеральный разведывательный штаб, 24 апреля 1919 г. По данным доклада французских разведывательных служб, «peine de mort n'aurait été prononcée qu'à une voix de majorité».

³ Hüsameddin Ertürk. Op. cit. P. 297.

чтобы объяснить, почему нашел казнь Кемаль-бея недопустимой. «Приказ исходил от высокопоставленных чиновников, — отметил он, — из штаб-квартиры партии “Единение и прогресс”. Никто не мог противостоять такому приказу»¹. «Как, — добавил он, — может каймакам из маленького городка выступить против приказа, отданного в этой шифрованной телеграмме? Как мог он не подчиниться этим указаниям? Вина каймака Богазлына [заключается в] следующем: он выполнил приказ»². Вопрос о личной ответственности, таким образом, был поставлен перед теми, кто одобрил план ликвидации и в патриотическом порыве приступил к его выполнению. Последние слова Кемаль-бея перед казнью несли следующее послание: “Уважаемые граждане, я турецкий чиновник. Я выполнял приказы, которые я получал, и я добросовестно исполнял свой долг. Я клянусь, что я невиновен. Это мое последнее заявление на сегодня и на будущее. Чтобы угодить чужим народам, [наше правительство] вешает меня. Если это справедливость, справедливость может погибнуть навсегда»³. Здесь лежит ядро критических замечаний, высказанных младотурецкими сетями в отношении правительств, которые сменяли друг друга в Блистательной Порте: а именно критических замечаний в отношении того, что они сотрудничают с «иностранцами». Стремясь свалить вину на лидеров КЕП, разные правительства надеялись спасти империю от радикального дробления ее на части. Национальное движение, со своей стороны, сделало выбор в пользу бескомпромиссного сопротивления и замаскированного отказа взять на себя ответственность. Хюсамеддин Эртюрк отмечает: «Юнионистские активисты волновались, что над их головами как дамклов меч нависла угроза ареста. Ожидается, что каждый юнионист, ответственный за депортации и массовые убийства армян, будет арестован в любой момент, брошен в тюрьму и повешен»⁴.

По сведениям французских спецслужб, некоторые «турецкие круги» приписали смертный приговор «давлению со стороны британцев и других иностранцев на османское правительство для обеспечения доказательств своей добросовестности путем наказания виновных». Армянская ежедневная газета «Тжакатамарт», со своей стороны, опубликовала статью под названием «Он поручил свою душу Богу». В этой статье автор напоминает, что у армян «[нет] уверенности в правосудии турецкого правительства, ибо они прекрасно понимают, что это означает всего лишь еще один хитрый трюк, задуманный, чтобы пустить пыль в глаза Европе... Мы не чувствуем радости... Тем не менее простое слово «хадисат» («он поручил свою душу Богу»), отражает турецкую ментальность, которая никогда не может изменить или простить тот факт, что турок, даже министр, должен быть повешен ради армян». Далее автор статьи отмечает, что «Сабах» «в связи с этим призывает к наказанию армян, которые вырезали тысячи мусульман. Таким образом, разворачивается освященный веками фарс обвинения жертв»⁵. По крайней мере, можно сказать, что казнь Кемаль-бея, первый и практически последний раз применение смертной казни, породила острую напряженность и, безусловно, способствовала возрождению младотурецкого движения в Анатолии.

Через несколько месяцев после этих событий курд Мустафа-паша, единственный член военного трибунала, который входил в его состав и до, и после 8 марта 1919 г., подвел итог хода событий и трудностей, с которыми столкнулись военные трибуналы, в своем заявлении, опубликованном в ежедневной газете «Пьям»: «[Члены] следственной комиссии были назначены заранее Министерством юстиции, Министерством внутренних дел и Военным министерством, и их выбор был утвержден великим визирем. Мы, члены суда, не имели права вмешивать-

¹ Ibid. P. 297–298.

² Ibid. P. 300.

³ Кригер. Указ. соч. С. 300. Французский источник указывает, что он добавил: «Да здравствуют мусульмане и Турция! Смерть армянам, вечным врагам империи». SHAT, Service Historique de la Marine, Service de renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 563, Constantinople. Папорт от 12 апреля 1919 г. озаглавленный «Казнь Кемаль-бея».

⁴ Hüsameddin Ertürk. Op. cit. Pp. 220–221. SHAT, Service Historique de la Marine, Service de renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 563, Constantinople, rapport du 12 avril 1919. Папорт от 12 апреля 1919 г. озаглавленный «Казнь Кемаль-бея».

⁵ SHAT, Service Historique de la Marine, Service de renseignements de la Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 563, Constantinople, rapport du 12 avril 1919, intitulé «L'exécution de Kemal bey».

ся в их прерогативы. Эти комиссии прислали нам свои следственные файлы на экспертизу; мы изучили их, чтобы сделать то, что было необходимо сделать сразу. Суд не упустил из внимания ни одного документа. Тем не менее всякий раз, когда мы начинали судебный процесс против [обвиняемого] государственного чиновника, обмен корреспонденцией и сообщениями значительно замедлял работу и мешал обычным процедурам. Ряд обвиняемых лиц, вызванных в суд, были либо возвращены нам слишком поздно, либо вообще не возвращены. Кро-

ме того, в результате прискорбных побегов из тюрьмы Военного министерства нам пришлось откладывать принятие определенных судебных решений и отступать в нашей работе все дальше и дальше. Я очень хорошо помню, как мы приказали привести определенное количество офицеров, которые должны были предстать перед судом: они обвинялись в депортации в Буюкдере. Однако эти обвиняемые офицеры не были переданы нам. Это лишь один незначительный случай. Имели место гораздо более серьезные случаи»¹.

¹ La Renaissance, № 232, 31 août 1919, p. 1.

ГЛАВА 8

Усеченный судебный процесс против главных младотурецких лидеров

Главный судебный процесс против тех, кто нес непосредственную ответственность за геноцид, над членами Совета министров и Центрального комитета иттихадистов, руководителями партии-государства был начат 27 апреля 1919 г. до стамбульского внеочередного военного трибунала. Эти судебные разбирательства должны были собрать двадцать три титулованных члена Центрального комитета иттихадистов и его Политического бюро, большинство из которых занимали посты министров или глав администраций. Тем не менее двенадцать из них: Мехмед Талаат (член Центрального комитета), Исмаил Энвер (член Центрального комитета), Ахмед Джемаль (член Центрального комитета), д-р Бахазддин Шакир (член Центрального комитета), д-р Назым (член Центрального комитета), Азиз-бей (глава Департамента государственной безопасности), Бедри-бей (префект столичной полиции), Джемаль Азми (вали Трапезунда), Исмаил Хакки (государственный секретарь Военного министерства, отвечавший за поставки продуктов питания), д-р Рюсухи (член Центрального комитета, который работал в Азербайджане и регионе Ван), Эйюб Сабри [Акгёл] (фидайи, постоянный член Центрального комитета с 1908 по 1918 г.), Филібели Ахмед Хильми (вице-председатель «Специальной организации», который отвечал за деятельность организации в Эрзуруме, и член Центрального комитета) бежали за границу или уже были отправлены в Анатолию. Тем не менее когда «судебный процесс против юнионистов» (выражение, широко используемое в прессе того времени) был начат 27 апре-

ля, на скамье подсудимых находились высокопоставленные лица: Халил [Ментеше] (бывший председатель парламента, бывший министр иностранных дел, член Центрального комитета), Мидхат Шюкрю (генеральный секретарь Центрального комитета), Зия Гёкальп (ректор Стамбульского университета и член Центрального комитета), Кара Кемаль (бывший министр снабжения и член Центрального комитета), Юсуф Риза (член Бюро Центрального комитета и глава «Специальной организации» в регионе Трапезунда), Саид Халим (бывший великий визирь и член Центрального комитета), Ахмед Шюкрю (бывший министр образования и член Центрального комитета), Гиритли Ахмед Несими [Сейман] (бывший министр иностранных дел и член Центрального комитета), Атиф-бей (делегат КЕП, позднее, вали Ангоры и Кастамону, член Центрального комитета), Ахмед Джевад-бей (военный комендант столицы), Ибрагим-бей (бывший министр юстиции и на то время председатель Государственного совета) и Кучук Талаат-бей (член Центрального комитета)¹. Несколько позднее, 3 июня, в эту группу были добавлены Хайри-эфенди (бывший шейх уль-ислам и член Центрального комитета), Муса Кязым (бывший шейх уль-ислам и член Центрального комитета), Мустафа Шериф-бей (бывший министр торговли и сельского хозяйства и член Центрального комитета), а также Исмаил Джанполат (генеральный директор Департамента государственной безопасности и кадровый работник КЕП), Аббас Халим-паша (министр общественных работ, брат Саида Халима), Али Мюниф-бей (бывший государственный

¹ Первое судебное слушание на суде против юнионистов, 27 апреля 1919. «Takvim-i Vakayi», № 3540, date du 5 mai 1919, p. 1. Список обвиняемых, присутствующих или находящихся в бегах от правосудия. Военный суд включал: председателя генерала Мустафу Назима-пашу, генерала Зеки-пашу, генерала Немруда Мустафу-пашу, генерала Али Назима-пашу, полковника Реджеба Ферди-бея, судей; Решат-бея, прокурора.

секретарь Министерства внутренних дел), Гусейн Хашим (министр почты и телеграфа) и Рифат-бей (председатель Сената)¹.

Эти два исчерпывающих списка показывают, что главный прокурор внеочередного военного трибунала изначально концентрировался на обвинении членов руководящих органов КЕП, включая руководство «Специальной организации»², вероятно, в соответствии со стратегией правительства Дамада Фериды, которая состояла в обвинении вышеупомянутых лиц в депортации и массовых убийствах армянского населения и реабилитации государства. Обвинительное заключение, которое было зачитано на первом судебном заседании, начиналось с указания на существование в составе КЕП двух «Специальных организаций», одна из которых была публично признана и, таким образом, была официальной, а другая была тайной и действовала на основании устных указаний. Из обвинительного заключения следовало, что «моральное лицо этого Комитета» обвинялось в «серии массовых убийств, актов грабежа и финансовых злоупотреблений», за которые несли ответственность ее «вожди»³. Иными словами, объектом обвинительного заключения было моральное лицо в лице Иттихада.

Остальная часть обвинительного заключения, своего рода подробная презентация нескольких десятков документов и показаний, стремилась проиллюстрировать методы, установленные КЕП для «достижения» своих «секретных целей», особенно создания «Специальной организации», чьи лидеры назывались по именам. Об этой организации, систематически рассматриваемой в части третьей и части четвертой настоящего исследования, в обвинительном заключении говорится: «Существенный момент, который вытекает из недавнего расследования, состоит в том, что преступления, совершенные в разных местах и в разное время во время депортации армян, не были отдельными местными случаями; скорее центральная организованная сила, состоявшая из вышеупомянутых лиц, запланировала их совер-

шение заранее и отдала секретные приказы или устные указания для их выполнения»⁴.

Последняя часть обвинительного заключения ответила на вопрос о компетенции внеочередного военного трибунала, который исходил от обвиняемых, осуществлявших административные функции. Их просьба быть судимыми Высоким судом, созданным парламентом, была отклонена на том основании, что их действия не представляли собой «преступления политического характера, совершенные во время выполнения ими своих функций», но являлись «преступлениями, подпадавшими под общее право», при судебном процессе в отношении которых они «не имеют каких-либо правовых привилегий»⁵.

Главный прокурор пришел к выводу, что «в связи с участием в массовых убийствах <...> обвиняемых Бахаэддина Шахира, Назыма, Атифа, Юсуфа Ризы, Джевада, Азизбея, а также Энвера, Джемала и Талаата, было принято решение судить их на основании обвинительного заключения за преступную деятельность», в соответствии с пунктом 1 статьи 45 и статьи 170 Уголовного кодекса. Со своей стороны, Мидхату Шюкрю, д-ру Рюсухи, Кучуку Талаату, Зие Гёкальпу, Кара Кемалу, Саиду Халиму, Ахмеду Насими, Ахмеду Шюкрю, а также Ибрагиму и Халилу [Ментеше] были предъявлены обвинения в соучастии, и их судили по части 2 Статьи 45 Уголовного кодекса⁶. Таким образом, с самого начала была создана четкая иерархия ответственности между теми, кто организовал преступление во время работы в тайной организации, и их пособниками, которые представляли официальное лицо КЕП. Однако, в отличие от слушаний, проведенных Пятой комиссией османского парламента, область, рассмотренная судьями в этом случае, в значительной степени ограничивалась истреблением армян. Тем не менее подсудимые также обвинялись в манипуляции общественным мнением с целью более эффективного исполнения своих секретных планов, применения в своих ин-

¹ Первое судебное слушание на суде против военных кабинетов, 3 июня 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3571, 11 juin 1919, p. 127. Наши расчеты показывают, что только трем из 23 членов Центрального комитета иттихадистов не были предъявлены обвинения: Хаджи Адилю, Мехмеду Джавиду и Хюсейну Джихиду.

² Это, вероятно, объясняет, почему нескольким лидерам «Специальной организации», включая Азиз-бея или Ахмеда Джевада, были предъявлены обвинения наряду с членами Центрального комитета.

³ Обвинительное заключение от 12 апреля 1919 г. зачитано на первом судебном заседании на судебном процессе против юнионистов. «Takvim-i Vakayi», № 3540, date du 5 mai 1919.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 17.

⁶ Ibid.

тересах всех внутренних механизмов государства, использования ситуации в целях личного обогащения, и, наконец, сокрытия катастрофического хода военных кампаний. Одним словом, иттихадисты обвинялись во втягивании империи в авантюру и нарушении всех статей Конституции Османской империи.

При оценке ситуации, составленной после первого судебного заседания, лейтенант Роллен, глава разведывательной службы французского флота, отметил: «В обвинительном заключении подсудимые обвиняются в совершении преступлений общего права или только преступлений без упоминания любых политических вопросов»¹. Он также отметил, что адвокаты защиты потребовали, несмотря на доводы, приведенные в обвинительном заключении, чтобы дело против их клиентов, большинство из которых были министрами, было передано на рассмотрение Высокого суда². В частности, адвокаты утверждали, что здесь речь шла о действиях государственной власти, которые должны рассматриваться как таковые. После совещания в течение нескольких дней суд провел второе судебное заседание 4 мая, на котором он отклонил аргументы защиты и опубликовал постановление о своей компетенции, которое представляет для нас интерес³. В день 4 мая 1335 [1919] г. этот документ напоминает, что именно «моральное лицо, представленное КЕП, которое [было] обвинено в совершении различных преступлений и в котором [были] обвинены подсудимые, явилось причиной этих преступлений в их качестве членов центрального органа Комитета». Постановление, соответственно, отклонило как неприемлемый такой довод защиты, в котором речь шла о «злоупотреблениях и ошибках, совершенных членами Совета министров при выполнении ими своих функций. Что касается специальных организаций [«Тешкилят-и Махсуса»], вне зависимости от того, находились ли они под непосредственным контролем центрального органа Комитета или были частью официального отдела, они, якобы преследуя цели войны, на самом деле занимались исключительно депортаци-

ей и массовыми убийствами». После отклонения четырех возражений защиты суд посчитал себя «компетентным для того, чтобы обнаружить и наказать исполнителей преступлений, которые потрясли всех подданных Османской империи и иностранцев»⁴. Признавая тот факт, что массовые убийства были продолжением депортаций, суд счел, что эти преступления не были вторичными, непреднамеренными последствиями действий государственной власти, а, напротив, представляли собой действия плановые и приказанные высшими властями страны в рамках комплексного плана, одной из целей которого было истребление гражданского населения. Подход, избранный военным трибуналом, несомненно, по поручению правительства Дамада Ферида, был, вероятно, предназначен для искоренения иттихадистских сетей и очистки администрации и армии от членов иттихадистских сетей и лиц, им сочувствующих.

Еще более удивительным является тот факт, что суд принял решение выделить судебный процесс против членов Центрального комитета из судебного процесса против бывших министров, которые также были связаны с высшим органом иттихадистов. Суд объяснил это решение, заявив, что хотел бы провести дополнительные расследования в отношении пособников наиболее влиятельных подсудимых, чтобы обеспечить одновременное проведение судебных процессов против них и против их руководителей. Французский офицер разведки писал: «Кажется, и таково общее впечатление, вызванное этой мерой, что они пытаются спасти шкуры бывших министров». Тот же свидетель отметил, что «это представляет собой порочный круг, характерный для судебного процесса, который ведется в настоящее время; это прослеживается достаточно ясно, чтобы позволить каждому тянуть свои каштаны из огня»⁵. Формально говоря, было принято решение судить отдельно за одни и те же деяния посредством двух разных судебных процессов: против КЕП, рассматриваемого как моральное лицо, с одной стороны, и членов правительства, с другой стороны.

¹ SHAT, Service Historique de la Marine. S. R. Marine, Turquie, 1BB7 231, doc. № 614, Constantinople, le 29 avril 1919, «Le procès des Unionistes». [Судебный процесс против юнионистов].

² *Dadrian V.* Op. cit. Pp. 519–522. Источник представляет описание процедуры с последующей защитой.

³ SHAT (см. выше, примечание 1), 1BB7 232, doc. № 658. Перевод указа о компетенции, прилагаемого к докладу от 8 мая 1919 г. «Судебный процесс против юнионистов».

⁴ *Ibid.* Pp. 1–2 (приложение).

⁵ *Ibid.* Pp. 1–3 (доклад).

Судебный процесс против юнионистов

С 4 по 17 мая 1919 г. состоялась семь заседаний суда над шестью членами Центрального комитета иттихадистов: Мидхатом Шюкрю, Зией Гёкальпом, Ахмедом Джевадом, Кучуком Талаатом, Юсуфом Ризой и Атиф-беем, все из которых еще находились в столице¹. Заключительная часть судебного заседания, проведенного 4 мая, была посвящена техническому допросу Шюкрю², Гёкальпа³, Кучука Талаата⁴ и Атиф-бея⁵, центральным вопросом которого были коды, используемые для приказов, направляемых в провинцию Центральным комитетом или «Специальной организацией». Следующее заседание суда, состоявшееся 6 мая, уже не имело фундаментальной важности, за исключением, пожалуй, того факта, что Атиф-бей подтвердил характер деятельности, осуществляемой Бахаэддином Шакиром и Юсуфом Ризой в Эрзуруме и Трапезунде⁶. Журналист описал это судебное заседание как «пантомиму... со словами», наблюдая несколько иронически, как Юсуф Риза, «который был членом «Специальной организации», не знает, принадлежал ли он к ней или нет». Атиф-бей возразил председательствующему судье, когда тот напомнил ему, что в Военном министерстве было сказано, что «эта организация имела два отдела: один в министерстве, а другой в самом Комитете»⁷.

На четвертом судебном заседании, прошедшем 8 мая, дебаты, кажется, оживились⁸. Гёкальп, которого допрашивали в первую очередь, заявил, что он ничего не знал о деятельности Атиф-бея в Ангоре, вмеща-

тельствах сильной руки в лице ответственных секретарей партии в Трапезунде, Эрзуруме, Эрзинджане или Сивасе и опять же о том, что Шакир использовал специальный код. Он также отрицал, что знает что-либо вообще об отношениях Комитета с предприятиями «Милли» или «гуманитарными корпорациями», которые занимались спекуляцией⁹. Его коллега Мидхат Шюкрю признал, однако, что Кара Кемаль получал приказы от Талаат-паши¹⁰.

В этом любопытном противостоянии с обвиняемыми лицами, которые якобы лишлись памяти, председательствующему судье тем не менее удалось на пятом судебном заседании, прошедшем 12 мая¹¹, заставить Джевада признать действительное существование системы в рамках «Специальной организации», в результате которой были отправлены оригиналы приказов и уничтожены их копии. Председательствующий судья смог этого добиться, держа перед Джевадом документы, подписанные тем собственноручно¹². Позднее, в тот же день, Шюкрю затруднился объяснить, почему он получил телеграммы от лидеров «Специальной организации», что свидетельствовало об отношениях, которые штаб Центрального комитета поддерживал с этой организацией¹³. Стенограмма разговора между председательствующим судьей и М. Шюкрю дает некоторое представление о позиции подсудимого. **Председатель:** Некоторые ответственные секретари приняли участие в массовых убийствах; при этом они направили секретные ин-

¹ Второе судебное заседание на судебном процессе против юнионистов, 4 мая 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3543, 12 mai 1919. Pp. 15–31.

² Ibid. P. 21, col. 2.

³ Ibid. P. 23, col. 2.

⁴ Ibid. Pp. 24–26.

⁵ Ibid. Pp. 29–31.

⁶ Третье судебное заседание на судебном процессе против юнионистов, 6 мая 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3547, 15 mai 1919. Pp. 33–36, допрос Мидхата Шюкрю; с. 37–41, допрос Зии Гёкальпа; с. 42–46, допрос Кучука Талаата; с. 47–48, допрос Атиф-бея; с. 49, допрос Юсуфа Ризы.

⁷ SHAT (cf. n. 485), 1BB7 232, doc. № 663. Constantinople, mai 1919, «Le procès des Unionistes» («Процесс юнионистов»).

⁸ Четвертое судебное заседание на судебном процессе против юнионистов, 8 мая 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3547, 15 mai 1919. Pp. 52–66

⁹ Ibid. Pp. 54–55; SHAT (cf. n. 485), 1BB7 232, doc. № 663, p. 3.

¹⁰ Ibid. Четвертое судебное заседание на судебном процессе против юнионистов, 8 мая 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3547, 15 mai 1919. Pp. 55–57.

¹¹ Пятое судебное заседание на судебном процессе против юнионистов, 12 мая 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3554, 21 mai 1919. Pp. 66–90.

¹² Ibid. Pp. 67–69.

¹³ Ibid. P. 85.

струкции в адрес вали провинций и мутесарифов. Они немедленно уволили вали, которые не желали им подчиняться. Известно ли вам обо всем этом? **Мидхат:** Да, мы уволили нескольких наших делегатов, которые вмешивались в государственную деятельность.

Председатель: Я спрашиваю вас не об этом. Например, Мазхар-бей, вали Ангоры, был уволен на следующий день, поскольку отказался выполнять полученные секретные приказы, и Атиф-бей был назначен на пост вали вместо него. То же самое произошло с Решидом-пашой, вали Катамону. **Мидхат:** Ваша честь, как может делегат уволить вали? Более того, секретари не имели права обращаться к министру внутренних дел. Если Бахаэддин Шакир-бей и д-р Назым обратились к нему, то это произошло без нашего ведома. **Председатель:** Вам известно, где в настоящее время находится Азиз-бей, бывший глава госбезопасности? **Мидхат:** Нет». Затем председательствующий судья представил письмо-карту, которую Азиз-бей направил Шюкрю из Вены, а также телеграмму, направленную в его адрес Муса-беем, инспектором КЕП в Балыкесир, и затем на-

правленную д-ру Назыму, чей ответ на нее гласил: «Собирайте деньги, переодевайте бандитов в форму солдат регулярной армии и отправляйте их в Константинополь. Здесь мы вооружим их. Якуб-бей скажет вам, когда их отправлять». После этого председательствующий судья сказал: «Эти документы очень точно доказывают, что вы были членом «Специальной организации»¹. Вечером председательствующий судья даже заставил Атиф-бея признаться, что «под прикрытием закона [юнионисты] выпустили из тюрем воров и других преступников»².

Несколько незначительных откровений также были сделаны на судебном заседании, прошедшем 17 мая. Юсуф Риза, наконец, признал, что действительно существовали две организации «Ташкилят-и Махсуса», функционировавшие «независимо друг от друга»³. Седьмое и последнее судебное заседание было более продуктивным: Мидхат Шюкрю признал, что трое из десяти членов Центрального комитета были причастны к созданию «Специальной организации», миссией которой было истребление армян, и что семь остальных никак на это не «отреагировали»⁴.

Судебный процесс против младотурецких министров

Когда 3 июня 1919 г. военный трибунал возобновил свою работу, ситуация значительно изменилась. Начнем с того, что генеральный прокурор Назми был уволен в силу неизвестных причин. Ходили слухи, что он принимал в своем доме родственников и представителей подсудимых и сотрудничал с ними, разрабатывая стратегию для облегчения обвинений, выдвинутых против них⁵. Произошло также второе, еще более решающее событие: 28 мая большинство младотурецких министров были задержаны англичанами и отправлены в Мудрос или на Мальту⁶. Как отметил на судебном заседа-

нии, прошедшем 3 июня, Феридун-бей, заменивший прокурора, из числа обвиняемых, отправленных обратно для привлечения к суду с министрами, на скамье подсудимых остались только «три вторые скрипки»: Муса Кязым, бывший шейх уль-ислам, Гусейн Хасим, министр почты и телеграфа, и Рифат-бей, председатель Сената⁷. Начатый судебный процесс теперь мог показаться только судебным «фарсом» в силу отсутствия Саида Халима, Хайри-эфенди, Халила [Ментеше], Ахмеда Насими, Исмаила Джанполата, Аббаса Халима, Ибрагим-бея, Али Мюнифа, Ахмеда Шюкрю, Мустафы Шерифа и Кара

¹ Ibid. Pp. 85–86.

² Ibid. P. 89.

³ Шестое судебное заседание на судебном процессе против юнионистов, 17 мая 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3557, le 25 mai 1919, p. 107.

⁴ Седьмое судебное заседание на судебном процессе против юнионистов, 19 мая 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3561, 29 mai 1919, p. 119. Пять членов бюро Центрального комитета направлены «Специальной организацией».

⁵ SHAT (cf. n. 8), 1BB7 232, doc. № 680, rapport de L. Feuillet, daté de Constantinople, le 13 mai 1919.

⁶ FO 371/4174, № 88761. Телеграмма Калторпа лорду Керзону, 30 мая 1919 г. См.: La Renaissance, № 153, 30 mai 1919, tiré de l'Alamdar.

⁷ Первое судебное заседание на судебном процессе против министров, 3 июня 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3571, 11 juin 1919. Pp. 128–131.

Кемаля, которые были главными в отсутствие Талаата, Джемалю, Энвера и Назыма¹. Поместив этих заключенных в место, недоступное для османских судов, британский Верховный комиссар отреагировал на решение правительства об освобождении сорок одного обвиняемого, последовавшее за демонстрациями, которые прошли на улицах столицы, начиная с 20 мая, решение, срочно принятое в связи с тем, что демонстранты угрожали взять штурмом Бекирага, тюрьму военного трибунала².

В этих условиях обвинительное заключение прокурора, представленное в зале суда, в котором обвиняемые больше не находились, получило еще большее подкрепление. Обвинения, выдвинутые против отсутствующих заключенных, укрепились и формулировались теперь в гораздо менее расплывчатых формулировках. Подчеркнув, что «правительство совершенно не позаботилось о предотвращении массовых убийств и актов мародерства или наказания лиц, виновных в их совершении», прокурор Хайдар-бей напомнил, что «резня и уничтожение целой общины и разграбление ее имущества могут быть только следствием кровавых мер, принятых тайным объединением». Затем последовал приказ о требовании к обвиняемым предстать перед военным трибуналом, который объявил, что «Талаат-паша, Джемаль, Энвер и другие ведущие члены партии «Единение и прогресс» призывают предстать перед военным трибуналом по обвинению в массовых убийствах, грабежах, предании огню зданий и трупов, опустошении деревень, изнасилованиях и пытках»³. В этом же документе утверждается, что «одним из проявлений деятельности Комитета является

роль, которую он играл во время исполнения закона о депортации. Депортации, особенно в местах, где они были проведены с большей интенсивностью, то есть в восточных вилайетах, приобретали тот же характер. Туда были направлены делегаты и ответственные секретари партии «Единение и прогресс». В этих районах восточных вилайетов задача контроля была поручена Бахаэддину Шакирбею, назначенному главой «Специальной организации», в которую вошли руководители партии «Единение и прогресс»⁴.

Таким образом, тот факт, что основные младотурецкие лидеры были преданы суду заочно, не выходил за рамки этих судебных процессов и находился в соответствии с дополнительными обвинениями, предъявленными прокуратурой. Допросы бывших шейхов уль-ислам Мусы Кязыма, Гусейна Хасима и Рифат-бея были, что неудивительно, в целом непродуктивны⁵. В отсутствие главных организаторов преступления на следующем судебном заседании, прошедшем 5 июня 1919 г., суд задал вопрос Гусейну Хасиму, почему Центральный комитет отдал приказ о депортации и сжег документы, однако не получил ответа⁶. Муса Кязым пришел в замешательство, когда председательствующий судья показал ему «приказ депортировать и вырезать армян» (*Ermenilerin Tehcir ve Taktili fetvasini*), который Муса Кязым издал во время своего пребывания на посту шейха уль-ислам⁷. Протоколы третьего⁸, четвертого⁹ и пятого¹⁰ судебных заседаний в рамках судебного процесса против министров, состоявшихся 9, 12 и 24 июня, не предоставляют существенной новой информации о фактах. Вдохновение суда, похоже, иссякло, наткнувшись на стену молчания, которую, ка-

¹ Суд принял решение об отдельном допросе Шакира вместе с теми лицами, которые устраивали массовую резню в Мамурет уль-Азиз.

² *Dadrian V. Op. cit. P. 488.*

³ Первое судебное заседание на судебном процессе против министров, 3 июня 1919 г. «*Takvim-i Vakayi*», № 3571, 11 juin 1919, p. 141.

⁴ *Ibidem.*

⁵ *Ibid.* Pp. 132–140.

⁶ Второе судебное заседание на судебном процессе против министров, 5 июня 1919 г. «*Takvim-i Vakayi*», № 3573, 12 juin 1919. Pp. 144, col. 2 et 145. Эсад-эфенди, бывший шейх уль-ислам, был прибавлен к списку обвиняемых.

⁷ *Ibid.* Pp. 147–148.

⁸ Третье судебное заседание на судебном процессе против министров, 9 июня 1919 г. «*Takvim-i Vakayi*», № 3575, 15 juin 1919. Pp. 149–155.

⁹ Четвертое судебное заседание на судебном процессе против министров, 12 июня 1919 г. «*Takvim-i Vakayi*», № 3577, 17 juin 1919. Pp. 157–159.

¹⁰ Пятое судебное заседание на судебном процессе против министров, 24 июня 1919 г. «*Takvim-i Vakayi*», № 3593, 9 juillet 1919 (10 Temmuz 1335). Pp. 177–183.

залось, ничто не могло пробыть. Следующее судебное заседание, состоявшееся 25 июня, оказалось более оживленным, поскольку на этом заседании появился главный прокурор Решиб-бей вместо своего заместителя Феридун-бея и представил обвинительное заключение, нацеленное не против виновников, а против жертв. Тем не менее это обвинительное заключение предусматривало, помимо прочего, доказательство того факта, что планы КЕП в отношении армянского населения были разработаны в первой половине февраля 1914 г., то есть сразу же после принятия плана реформы восточных провинций¹. Прокурор упомянул предшественников этого плана, массовые убийства «сотен тысяч мусульманских женщин, детей и стариков» (избегая упоминания, где они, как предполагается, имели место), но признал, что, «в свою очередь, это не является поводом для массовых убийств других невинных людей»².

Последнее слово взял Муса Кязым. На седьмом и последнем судебном заседании, состоявшемся 26 июня, он напомнил, что «кабинет министров и руководители партии, когда партия находится у власти, представляют не что иное, как “фонограф закрытых собраний [партии]”; министерство полностью лишено самостоятельности и ответственности. Парламентские дебаты являются просто формальностью; все решается заранее на закрытом собрании»³.

5 июля 1919 г., после более чем двух месяцев судебных разбирательств, отмеченных несколькими изменениями начального обвинительного заключения, суд вынес вердикт, который применялся только к обвиняемым в судебном процессе против министров⁴, игнорируя тех, кто предстал перед судом над юнионистами, чьи судьбы, кажется, исчезли в недрах турецкой судебной системы.

Приговор военного трибунала напоминает различные обвинительные заключе-

ния, утверждающие, что «организаторами этих преступлений являлось распущенное объединение, известное как “Единение и прогресс”, совершившее многочисленные правонарушения и преступления, и члены Генерального совета, представлявшие вышеупомянутое объединение». Затем документ пускается в длинный исторический очерк о последовательных неудачах, понесенных Османской империей. Он напоминает, что «турки, жаждущие свободы и справедливости, воспринимали движение, зародившееся 9 июля 1324 г., как манну небесную и как чистые воды свободы». Тем не менее они также видели «катастрофические последствия итальянских и балканских войн» и отмечали, что младотурки «ввели правительство в заблуждение и, делая вид, что уважают свободу, смогли собрать Комитет», который захватил власть и достиг своей «цели, подчинив Совет министров Генеральному совету, сделав первого рабом» решений последнего. «Как министр финансов Джавид-бей открыто высказал в заявлениях под протокол пятого собрания палаты депутатов, состоявшегося 24 и 26 октября 1334 г., эта группа активистов в составе партии “Единение и прогресс” была настолько смелой и непогрешимой в принятии решений, касающихся судьбы нации и страны, что они [КЕП] не считали нужным представить Совету министров решение об объявлении войны, хотя даже султаны не принимали такие решения самостоятельно. Поскольку каждый понимал, что этот метод правления не мог принести положительных результатов, деяния Комитета, который уважала даже оппозиция, казались спорными для здравомыслящих людей... Компетентные, честные и опытные государственные чиновники были уволены и заменены людьми из Комитета. Результатом стали обоснованные общие жалобы на правительство, настолько деспотичное и тираническое, что

¹ Шестое судебное заседание на судебном процессе против министров, 25 июня 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3594, 10 juillet 1919. Pp. 188–193.

² L'Entente, jeudi 26 juin 1919.

³ Седьмое судебное заседание на судебном процессе против министров, 26 июня 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3595, 12 juillet 1919, p. 198.

⁴ Кроме Мусы Кязима, Эсада-эфенди, Рифат-бея, Хюсейна Нашима, которые присутствовали, также были затронуты Талаат, Энвер, Джемаль, д-р Назым, Джавид-бей, Сулейман-эль-Бустани, Мустафа Шериф и еще одна странность этого судебного процесса Оскан-эфенди (Мардикян), бывший министр почты и телеграфа, который ушел в отставку со своего поста в начале войны (с. 1), приговор вынесен 5 июля 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3604, du 5 août 1919. Pp. 217–224. См.: переводы на английский и французский языки приговора военного трибунала от 6 шевала 1335 г. [5 июля 1919 г.], направленные лорду Керзону британским Верховным комиссаром 7 июля 1919 г.: FO 371/4174, № 1310.

оно заставляло людей сожалеть о деспотическом режиме, что оно совершало преступления, в частности, против немусульманских национальностей, и особенно, что оно заставило армян, которые тогда поняли, что их убеждение о свободе гарантии безопасности и правосудия ничем не подкреплялось, искать первого удобного случая, чтобы реализовать свои национальные чаяния, которые они лелеяли ранее. Тот факт, что национальный вопрос встал среди подданных и даже среди мусульман, посеял раскол и недоверие между ними. Таким образом, единству Османской империи был нанесен серьезный удар... Учитывая то, что эти факты были установлены посредством расследований, а также вышеупомянутых обвинительных заключений и что невозможно опровергнуть пять пунктов, раскрытых и проверенных нашим военным трибуналом, или утверждать, что они являются недействительными, мы единогласно пришли к важному убеждению, что вышеупомянутые личные преступления, приписываемые Комитету "Единение и прогресс", были совершены таким образом, что это пятнает честь Комитета... Таким образом, в результате обсуждения было решено, что, учитывая этапы этого судебного процесса, вышеупомянутые доводы защиты представляют собой адекватную защиту.

Пять обвинений включают следующее: 1) преступления, представляющие собой массовые убийства, реальность которых доказана перед трибуналом, массовые убийства, которые были совершены в Трапезунде, Йозгате и Богазляне, были организованы и совершены лидерами комитета "Единение и прогресс", 2) решение вступить в войну было принято Комитетом без «обсуждения

на заседании Совета министров»; 3) партия вмешивалась в государственные дела с целью добиться отставки военного министра Ахмеда Иззета; 4) съезд партии принял решение поручить [Кара] Кемаль-бею, «который отвечал в штаб-квартире комитета "Единение и прогресс" за контроль над вопросами, связанными с поставками», миссию создания «совета торговли и, позднее, нескольких компаний и объединений, которые получили монополию на коммерческие сделки, что позволяло им конфисковать все имущество населения»; и 5) партия вмешивалась в дела государства»¹.

В результате суд заочно приговорил Талаата, Энвера, Джемала и д-ра Назыма к смертной казни, а Джавида, Мустафу Шерифа и Мусу Кязыма к пятнадцати годам каторжных работ; Гусейн Хасим и Рифат-бей были оправданы². Единственный приговор, который мог быть приведен в исполнение, это приговор в отношении Мусы Кязыма, который, видимо, слишком свободно высказывался на последнем судебном заседании. Приговор военного трибунала вызывает несколько замечаний. Хотя суть судебного процесса состояла в пролитии света на массовые убийства, совершенные иттихадистскими лидерами, основное обвинение было включено в своего рода контекстуализацию их преступной деятельности; идентичность пострадавших групп армянских, сирийских и греческих была просто проигнорирована.

Этот судебный эпизод, который предвосхищает лейпцигские судебные процессы, показывает, что после совершения массового преступления, такого как геноцид, государство не может найти в себе силы, необходимые для того, чтобы отдать своих собственных граждан в руки правосудия.

¹ «Takvim-i Vakayi», № 3604, du 5 août 1919. Pp. 217–220.

² Ibidem.

ГЛАВА 9

Судебный процесс против ответственных секретарей и превратности судебных процессов в провинциях

Долгожданный судебный процесс против ответственных секретарей Комитета «Единение и прогресс» и делегированных инспекторов был начат 21 июня 1919 г.¹, до того как судебное разбирательство против министров было окончено. Однако этот судебный процесс был прерван 28 июня 1919 г., в конце третьего судебного заседания². Как справедливо отмечает Вагн Дадриан, только одиннадцать из двадцати девяти обвиняемых были ответственными секретарями, многие отсутствовали³.

21 июня на скамье подсудимых находились д-р Ахмед Мидхат, начальник полиции Константинополя, который был делегирован КЕП в Болу, а затем в Бурсу, чтобы контролировать там проведение депортаций⁴, д-р Бесим Зюхтю, ответственный секретарь в Эскишехире⁵, Авни-бей, ответственный секретарь в Манисе⁶, Абдул Гани-бей, от-

ветственный секретарь в Эдирне⁷, Гасан Салахеддин-бей, ответственный секретарь в Бейоглу/Стамбуле, Гусейн Джевдет-бей, инспектор в Мюргюне, и Мехмед Джемаль-бей, ответственный секретарь в Алеппо⁸.

Эти лица, которые принимали непосредственное участие в реализации политики своей партии в провинциях, могли бы предоставить существенные детали о методах истребления и конфискации имущества, и, вероятно, также могли бы сообщить точные статистические данные о проведенных ими операциях. Во всяком случае, на этом судебном процессе возникло много новых подробностей. Мы не знаем, почему судебный процесс был прерван 28 июня, возобновлен в ноябре и завершился вынесением приговора 8 января 1920 г.⁹. Этот приговор подтвердил, что Центральный комитет иттихадистов назначил исполнительных руково-

¹ Первое судебное заседание на судебном процессе против «*kâtibi mesullari*» (ответственных секретарей) состоялось 21 июня 1919 г. «*Takvim-i Vakayî*», № 3586, 28 juin 1919. Pp. 161–164, 168. В состав суда входили многие из тех же судей, которые судили министров.

² Второе судебное заседание на судебном процессе против «*kâtibi mesullari*» состоялось 23 июня 1919 г. «*Takvim-i Vakayî*», № 3589, 5 juillet 1919. Pp. 165–175. Третье судебное заседание против «*kâtibi mesullari*» состоялось 28 июня 1919 г. «*Takvim-i Vakayî*», № 3596, 13 juillet 1919. Pp. 205–215.

³ *Dadrian V.* The Turkish Military Tribunal's Prosecution of the authors of the Armenian Genocide: Four Major Court-Martial Series, *Holocaust & Genocide Studies*, vol. 11/1 (1997), p. 42. Осуждены заочно: Хильми-бей (депутат от Ангоры), Ага-оглу Ахмед (депутат от Карахисара), полковник Мюмтаз-бей (делегат комитета иттихадистов в Суваре), Гасан Фехми-бей (делегат в Кастамону) [см. выше, с. 600, примечание 7]; Сабри-бей (депутат от Сарухана), Хюсейн Тосун (делегат и депутат КЕП от Эрзурума [см. выше, с. 349]), Самих Рифат-бей (бывший вали Коньи), Хаджи Ахмед, отец Энвера, и пр.

⁴ См. выше, с. 604 и 634. Касательно Ахмеда Мидхата, бывшего начальника стамбульской полиции. APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, D 19 et P 396, «List of responsables in the vilayet of Angora», et P 457–459 et 432, dossier 70 (на французском языке).

⁵ См. выше, с. 641.

⁶ См. выше, с. 646–647.

⁷ См. выше, с. 619.

⁸ См. выше, сн. 1.

⁹ *La Renaissance*, № 295, du jeudi 13 novembre 1919. Источник сообщает, что судебный процесс против ответственных секретарей был продолжен в среду 12 ноября. Председательствующим судьей стал Эсад-паша.

дителей, отвечавших за истребление армян и «управление» их имуществом, которые общались непосредственно с ответственными секретарями и делегатами в целях реализации своих решений в области под юрисдикцией 3-й армии. Приговор также доказывает, что эти «ответственные секретари», которые направлялись непосредственно партией, также имели власть над вали и могли принимать все меры, необходимые для выполнения приказов, которые они получали: «Они могли свободно осуществлять свою преступную деятельность, как они считали необходимым; эти мероприятия [подразумевали] организацию и использование отрядов разбойников [чете], задачей которых было совершение массовых убийств»¹.

Среди тринадцати подсудимых, присутствовавших на судебном процессе в январе 1920 г.², только д-р Ахмед Мидхат и Гасан Фехми были приговорены к десяти годам тюремного заключения; Авни-бей к девяти месяцам, а суд над Гани-беем был отложен. Все остальные были оправданы³.

По причинам, которые нам неизвестны, Джемаль Огуз, ответственный секретарь в Чангксы, предстал перед судом отдельно и значительно позднее. Правда состояла в

том, что он организовал убийство представителей столичной армянской элиты, которые удерживались в течение нескольких недель в районе под его контролем⁴. Судебный процесс по его делу в военном трибунале на самом деле был начат только 26 января 1920 г. Он пытался выдать себя за сумасшедшего, затем за глухого, но свидетели подтвердили, что он был виновен в крупных злоупотреблениях, скандал с поставками⁵. Кроме того, его судили за участие в этом скандале. На судебном заседании, состоявшемся 3 февраля 1920 г., он утверждал, что никогда не имел ничего общего с «армянским делом»; судьи не видели необходимости разбираться в этом вопросе глубже. Однако свидетель напомнил о влиянии, которое подсудимый имел на государственных чиновников, и то, как он, совместно с временным вали и командующим жандармерии, выудил у армян от 600 до 800 турецких фунтов золотом в обмен на обещание не депортировать их. Несмотря на эту сделку, армяне были отправлены в путь и уничтожены на станции Тюней⁶. В итоге в вердикте, вынесенном 8 февраля 1920 г., военный трибунал приговорил Джемаль Огуза к пяти годам каторжных работ⁷; тем не менее подсудимый остался в больнице Гюмюш Су⁸.

Судебный процесс против организаторов массовых убийств в Трапезунде

Кроме судебного процесса против преступников в Йозгате, военный трибунал инициировал ряд различных судебных разбирательств против других лиц, ответственных за истребление армян в других регионах. Обвиняемые в Трапезунде были одной из первых целей этих судебных разбирательств. Присутствие в этом порту британских сил и значительного числа дипломатов частично объясняет поспешность, с которой был ор-

ганизован судебный процесс в Трапезунде. Начавшись в апреле, он продолжился и завершился 22 мая 1919 г. при обстоятельствах, которые мы уже обсуждали⁹. Кульминацией этого судебного процесса стал заочный смертный приговор Джемалю Азми-бею, бывшему вали Трапезунда, и Наил-бею, делегату КЕП в Трапезунде¹⁰. Следует добавить, что д-ра Али Саиба, которому было предъявлено обвинение в деле отравле-

¹ Приговор на судебном процессе против ответственных секретарей, 8 января 1920 г. «Takvim-i Vakayi», № 3772, février 1920, p. 2, col. 2, p. 3, col. 1.

² Ibid. В состав суда входили Эсад-паша (председательствующий судья), Ихсан-паша, Мустафа Керими-паша, Исмаил Хакки-паша, Сулейман Шакир-бей.

³ «Takvim-i Vakayi», № 3771, du 9 février 1920. Pp. 48–49.

⁴ La Renaissance, № 330, vendredi 24 décembre 1919. Источник сообщает о начале судебного процесса.

⁵ La Renaissance, № 357, mercredi 27 janvier 1920.

⁶ La Renaissance, № 363, mercredi 4 février 1920, № 365, vendredi 6 février 1920.

⁷ La Renaissance, № 369, 10 février 1920.

⁸ La Renaissance, № 374, mardi 17 février 1920.

⁹ См. выше, с. 533 и следующие страницы.

¹⁰ Приговор на судебном процессе в Трапезунде, 8 июля 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3616, du 6 août 1919. Pp. 50–52. Стоит отметить, что приговор был опубликован через два месяца после окончания судебного процесса и одного месяца после оглашения приговора.

ния в Трапезунде, судили гораздо позже, в период между 16 и 21 декабря 1919 г.¹, и что

майора Тевфика судили еще позже, в сентябре 1920 г.².

Судебный процесс против организаторов массовых убийств в Мамурет уль-Азизе

Несмотря на его отбытие в Германию, д-р Бахаэддин Шакир был самой важной персона из тех, кому грозило обвинение на этом судебном процессе³. Вместе с ним обвинялись Бошнак Реснели Назым, инспектор КЕП в Мамурет уль-Азизе, его помощник Ферид-бей, ответственный секретарь и руководитель отдела народного образования в регионе, Гаджи Балаш-заде Мехмед Нури, депутат парламента из Дерсима и региональный руководитель «Специальной организации»⁴, и вали Сабит Джемаль Сагир-оглу, позднее задержанный на Мальте⁵. На этом судебном процессе ни разу не был поднят вопрос о полях смерти к югу от Малатыи.

По данным стамбульской прессы, досудебное следствие было завершено к середине июня, и суд над этими лицами был неизбежным⁶: однако судебное разбирательство было начато в Военном трибунале № 1 лишь 22 октября 1919 г. в присутствии двух подсудимых, Ферид-бея и депутата Мехмеда Нури, которые обвинялись «в массовых убийствах и депортациях»⁷. Судебное разбирательство проводилось бодро, заседания проходили 30 октября, 21 ноября и 10 января, но факты по делу фактически не были подняты⁸. Единственной деталью, заслуживающей упоминания, является знаменитая телеграмма от 4 июля 1915 г., которую д-р Бахаэддин Шакир отправил в адрес Реснели Назыма, инспектора КЕП в Харпите и которая представляет собой один из редких документов из архивов

«Специальной организации», подлинность которого была удостоверена⁹. Вероятно, именно наличие этого вещественного доказательства в следственном досье, составленном для суда в Мамурет уль-Азизе, объясняет, почему дело д-ра Шакира было включено в эти судебные разбирательства.

Приговор, вынесенный военным трибуналом 13 января 1920 г., приговорил к смертной казни человека, который, бесспорно, был самым ревностным организатором истребления османских армян. Письменные показания под присягой генерала Вехиб-паши также в значительной степени способствовали доказательству роли Шакира, а также того факта, что эти преступления вытекают из решений, принятых Центральным комитетом «Единения и прогресса». Также в вердикте отмечалось, что «государство способствовало совершению этих преступлений. Ни один государственный чиновник, ни один судья, ни один жандарм ни разу не вмешался, чтобы защитить население, которое стало жертвой этих злодеяний»¹⁰. В тот момент, когда британский Верховный комиссар Джон де Робек узнал, что д-р Шакир был осужден, он полагал, что Шакир находится в Германии или в Голландии. «Бахаэддин Шакир, — писал он, — является одним из членов небольшого секретного комитета, известного как «Тешкилят-и Махсуса», или «Специальная организация», которая была создана Центральным комитетом «Едине-

¹ La Renaissance, № 324, 17 décembre 1919; № 329, mardi 23 décembre 1919.

² La Renaissance, № 605, 6 septembre 1920.

³ См. выше, в отношении его деятельности.

⁴ См. выше, с. 425.

⁵ По номером 2696. FO 371/6504, f° 348. Еще один документ, указывающий, что американские миссионеры д-р Х. Аткинсон и д-р Хенри Диггс выступали в качестве государственных свидетелей и давали показания против Сабита. FO 371/6503, № 264.

⁶ Le Spectateur d'Orient, 13 juin 1919.

⁷ La Renaissance, № 276, mercredi 22 octobre 1919.

⁸ La Renaissance, № 284, vendredi 31 octobre 1919, № 302, vendredi 21 novembre, № 344, mercredi 11 janvier 1920.

⁹ Шифрованная телеграмма № 5 Бахаэддина Шакира, главы «Специальной организации», Эрзурум, 21 хазирана 1331 г. (4 июля 1915 г.), в адрес Сабит-бея, вали Мумерт уль-Азиза, вниманию Реснели Назым-бея. «Takvim-i Vakayi» № 3540 (зачитано на судебном заседании 12 апреля 1919 г.), 5 mai 1919, p. 6, col. 1–2, et № 3771, 9 février 1920, p. 48, col. 1.

¹⁰ Ibid. Pp. 48–49.

ние и прогресс" для организации истребления армянского народа»¹. Реснели Назым, в свою очередь, был приговорен к пятнадцати

годам тюремного заключения, и двое из его подчиненных, которые присутствовали на суде, получили мягкие приговоры.

Судебный процесс против организаторов массовых убийств в Байбурте

После этих вторичных судебных процессов, в результате которых обвиняемые, присутствовавшие на судах, получили особенно мягкие приговоры, возвращение Дамада Фериды к власти 18 апреля 1920 г. позволило снова привести в движение судебную машину. Великий визирь незамедлительно назначил генерала Немруда Курда Мустафу² председательствующим судьей на внеочередном военном трибунале. Мустафа был единственным присутствующим членом коллегии судей, которая годом ранее приговорила к смертной казни Кемаль-бея, каймакама Богазляна. Первое дело, которое должен был рассматривать новый суд, предполагало судебный процесс против двух лиц, чья роль в массовом убийстве армян в Байбурте была широко известна: это были Мехмед Нусрет-бей из Янины, каймакам Байбурта и впоследствии мутесариф Аргана Маден, и лейтенант Пири Мехмед Неджати-бей, главарь батальона чете³, которые обвинялись в «совершении преступлений во время депортации армян казы, в том числе в совершении убийств, массовой резни, грабежей и похищений»⁴. Приговор, обнародованный 20 июля 1920 г. и провозгласивший в отношении Нусрета и Неджати смертную казнь, не явился сюрпризом; оба подсудимых были признаны виновными в совершении массовых убийств в районе Байбурта. В приговоре подчеркивалось, что массовые убийства, проведенные в этом районе, были первыми, которые обсуждались и принимались «штаб-квартирой партий "Единение и прогресс"», и

что они были организованы по распоряжению Бахазеддин Шакира. Далее, в приговоре отмечалось, что Нусрет-бей «впоследствии был назначен на должность мутесарифа в округе Аргана Маден (в вилайете Диарбекир); [там] он похитил 24-летнюю Филомену Нурян из Трапезунда и ее младшую сестру Найимэ». Что касается Мехмеда Неджати, «тридцати пяти лет от роду, офицера, который вышел в отставку и обвиняется в организации депортации и резни армян в районе Байбурта», суд отметил, что большинство мобильных подразделений жандармерии были добровольно переданы на фронт и что «задача сопровождения колонн была поручена Мехмеду Неджати-бею»⁵.

Следует отметить, что постановление, содержащее приговор военного трибунала, было опубликовано не в «Официальном вестнике», в отличие от других приговоров, а в стамбульской еженедневной газете «Терджуман-и Хакикат», и только двумя неделями позднее. Еще более показателен тот факт, что Бюро цензуры вмешалось, чтобы остановить распространение этого выпуска газеты⁶. Предположительно в разгар подготовки Севрского договора, правительство Дамиды Фериды было обеспокоено по поводу предсказуемых общественных реакций, которые мог вызвать новый смертный приговор, и решило исполнить приговор как можно тише. После того как Нусрет был повешен на площади Баязид, некоторые газеты подтвердили, что эти должностные лица были повешены по обвинению армянского патриарха Завена.

Судебный процесс против организаторов массовых убийств в Эрзинджане

Суд в Эрзинджане, еще один судебный процесс против местных чиновников, состоялся почти в то же самое время, что и судебный процесс в Байбурте; генерал Немруд Мустафа был также председательствующим

судьей на этом суде. Приговор, который был опубликован 27 июля 1920 г., подтвердил, что каймакам Эрзинджана Мемдух-бей приказал жандармам и полицейским вырезать армян в колоннах депортирован-

¹ FO 371/5089, № 949. От Робекы лорду Керзону, 18 февраля 1920 г.

² La Renaissance, № 423, vendredi 23 avril 1920.

³ См. выше, с. 331–333, в отношении их деятельности на практическом уровне.

⁴ Вердикт военного трибунала, 20 июля 1920 г. Tercüman-ı Hakikat № 14 136, 5 août 1920, p. 5.

⁵ Там же. Неджати не был казнен.

⁶ См. выше, с. 332, примечание 1. Kazarian A. Op. cit. Pp. 292–300.

ных лиц¹. Тем не менее на этом судебном процессе приговор к смертной казни был провозглашен только в отношении единственного присутствовавшего обвиняемого, Хафиза Абдуллы Авни, генерального секретаря жандармерии Эрзинджана (брата Абдула Гани-бея, ответственного секретаря партии в Эдирне), который был обвинен в «личном совершении ряда злодеяний, в

том числе детоубийства»². Авни был казнен 22 июля 1920 г., также на площади Баязид. Он успел воскликнуть: «Да здравствует партия "Единение и прогресс". Убивая армян, я оказал моей стране большую услугу»³. Авни стал третьим и последним «мучеником» на судебных процессах, прошедших в Военном трибунале № 1 в Константинополе.

Прочие вспомогательные судебные процессы, судебные «фарсы»

10 апреля 1919 г., Военный трибунал № 1 начал «Мосульский судебный процесс»; наиболее влиятельными из лиц, представших перед обвинением, были Халил-паша [Кут] и Невзаде-бей, которые обвинялись в организации резни депортированных лиц в Мосуле и армянских солдат в трудовом батальоне, а также в убийстве Бедирхан-заде Абдул Резак-бея⁴. Однако этот судебный процесс был приостановлен в начале июня в результате напряженности, порожденной депортацией младотурецких преступников в Мудрос и на Мальту. Когда судебный процесс был возобновлен, перед обвинением предстали лишь несколько низших чинов⁵; Халил-паше удалось ускользнуть из тюрьмы военного трибунала и бежать в Анатолию в августе 1919 г.⁶.

В ноябре 1919 г. началась череда судебных процессов против организаторов побегов, совершенных в районах Исмиты и Бурсы. С 6 ноября 1919 г. по 17 февраля 1920 г. военный трибунал, где председательствующим судьей теперь был Эсад-паша, рассматривал дело против Гамид-бея, обвинявшегося в том, что, действуя в качестве ответственного секретаря КЕП в Адабазаре, он приобрел имущество трех тысяч депортированных армянских семей по смехотворным ценам. Несмотря на изобличающие

улики, представленные бывшим каймаком Неджати-беом, 17 февраля 1920 г. обвиняемый был оправдан⁷. 15 января 1920 г. Военный трибунал № 1 начал судебный процесс по делу лиц, причастных к деяниям, совершенным в Исмите и Багчеджике⁸. В этом деле приговоры были несколько жестче. В приговоре, вынесенном в воскресенье 29 февраля 1920 г., суд приговорил Ибрагим-бея, начальника тюрьмы, к пятнадцати годам каторжных работ, Фаика Джавуса, его сообщника, к трем годам и двумстам дням тюремного заключения, Али Сурури-бея, мюдира из нахиэ Дербента, к одному году каторжных работ, Веджихи-бея, мюдира из нахиэ Багчеджика, к двум годам тюремного заключения, Ахмеда Джавуса и Гасана-эфенди к четырем месяцам тюремного заключения и двадцати ударам палками. Обвинения, указанные в данном приговоре, показывают, что эта группировка, которой было предъявлено обвинение в организации депортации, на самом деле систематически разграбляла армянское имущество в целях личной выгоды⁹. Другими словами, обвиняемые поступали вразрез с государственными интересами и были осуждены за «злоупотребления».

Одновременно проводился судебный процесс в Карамурсал-Ялакдере; подсуди-

¹ См. выше, с. 341, в отношении деятельности Мемдуха. Многочисленные доказательства, представленные на заседаниях, сохранились в архиве АРС/РАЖ, U 372–374, 376–401, 555–70.

² «Takvim-i Vakayi», № 3917, 31 juillet 1920. Pp. 5–6.

³ Le Bosphore, 23 juillet 1920.

⁴ La Renaissance, № 111, 10 avril 1919.

⁵ La Renaissance, № 156, 3 juin 1919.

⁶ FO 371/5043, E 1363, ff. 123–135. Дешета от 18 февраля 1920 г., с прилагаемым докладом от 4 февраля 1920 г., касающегося генерала Халила-паши. La Renaissance, № 332, 27 décembre 1919. Источник указывает, что судебный процесс Ферид-бея в военном трибунале начался 27 декабря 1919 г. Однако мы не располагаем информацией о приговоре.

⁷ La Renaissance, № 290, 7 novembre 1919, № 375, mercredi 18 février 1920.

⁸ La Renaissance, № 347, vendredi 16 janvier 1920.

⁹ La Renaissance, № 382, 26 février 1920, № 386, mardi 2 mars 1920.

мым также были предъявлены обвинения в совершении «злоупотреблений» в ходе депортаций. Поскольку самый важный обвиняемый, Ходжа Рифат, делегат КЕП в Исмите, был депортирован на Мальту, его судили заочно. Ибрагим-бей, начальник тюрьмы Исми-та, Имам Али Салахеддин и агент Исмаил-бей были обвинены, в частности, в том, что спекулировали на продаже пшеницы; однако против них не выдвигались обвинения в поборках депортированных армян¹. 3 марта военный трибунал вынес приговор. В отношении Ибрагим-бея, который был осужден судом Исми-та, не было вынесено тяжкого приговора. Двое из его сообщников были оправданы, и Имам Салахеддин, причастный к «делу о зерне», был передан в компетентный суд².

Суд также рассмотрел дела сорока лиц, причастных к депортации и массовым убийствам армян из Бурсы. Тем не менее среди обвиняемых лиц были осуждены только беглецы. Юнионистский делегат Мехмедже-бей, член Первого отдела Департамента государственной безопасности, был заочно приговорен к смертной казни; лейтенант милиции Гаджи Тевфик, полицейские Яхья и Садык Сулейман Февзи и жандарм Гасан были приговорены к десяти годам каторжных работ; Ибрагим, ответственный секретарь КЕП, был приговорен к восьми годам тюремного заключения³.

Среди критических замечаний в отношении военного трибунала, пока он еще не был прибран к рукам Немрудом Мустафой в апреле 1920 г., сенсацию вызвало оправдание 30 марта полковника Шакир-бея, который был обвинен в массовых убийствах армян в Кайсери⁴. Обвинительное заключение против Петроса Галаджяна, бывшего министра и бывшего члена Центрального комитета иттихадистов, за активное участие в депортации армян и «попытку изменения формы правления» демонстрирует цинизм

суда под председательством иттихадиста Эсада-паши. Суд оправдал бывшего депутата 5 февраля 1920 г. только после достижения своей цели: поощрения убеждения, что армянин мог участвовать в организации массовых убийств.

Следует также отметить отношение военного трибунала к депортациям в Буюкдере/Сан-Стефано. Приговор по этому делу, вынесенный 24 мая 1919 г., рассматривает только обвинения в финансовых «злоупотреблениях». Тем не менее он показывает, как Селаникли Рефик-бей, каймакам Буюкдере, Хафиз Мехмед, Абдул Керим, начальник полиции, и Ризели Джелал-эфенди «сократили период, установленный правительством для депортации лиц, не являвшихся мусульманами, из района Буюкдере и обращения в собственность имущества депортированных лиц»⁵. Военный трибунал не считал нужным рассматривать в этом деле существенный вопрос, то есть вопрос о депортациях и убийствах, и сделал все возможное, чтобы ограничить основания для обвинительного заключения; суд также опустил рассмотрение вопроса о возмещении убытков и потерь собственности, понесенных депортированными армянами.

Среди других юридических странностей стоит упомянуть дело Сабанджали Хаккы-бея, старшего офицера, который принадлежал к исключительному кругу военных кадров КЕП⁶. Среди редких лиц, которые продемонстрировали враждебность по отношению к плану своей партии депортировать армян⁷, Хаккы-бей предстал 9 августа 1919 г.⁸ перед Военным трибуналом № 1 в то время, когда десятки других партийных кадровых работников, причастных к совершению массовых убийств, остались незатронутыми. После пяти судебных заседаний, которые не вынесли на свет ни одного серьезного обвинения против офицера⁹, Хаккы-бей был оправ-

¹ La Renaissance, № 347, vendredi 16 janvier 1920, № 369, mercredi 11 février 1920, № 387, mercredi 3 mars 1920.

² La Renaissance, № 388, jeudi 4 mars 1920.

³ La Renaissance, № 402, samedi 20 mars 1920.

⁴ La Renaissance № 410, mercredi 31 mars 1920.

⁵ См. выше, с. 617. Вердикт суда по депортациям в Буюкдере/Сан-Стефано, 24 мая 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3618, du 8 août 1919. Pp. 6–7.

⁶ См. выше, с. 278–279.

⁷ См. выше, с. 280, примечание 2. Astourian A. Art. cit. P. 141, n. 23–24.

⁸ Первое заседание судебного процесса против Сабанджали Хаккы, 9 августа 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3623, 14 août 1919. Pp. 1–3.

⁹ Второе заседание судебного процесса, 12 августа 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3632, 25 août 1919. Pp. 5–17, pp. 12–17. Третье заседание судебного процесса, 27 августа 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3636,

дан¹. В свете методов, которых придерживались послевоенные турецкие правительства, мы склонны объяснять это обвинение как шоу для общественного потребления, предназначенное для доказательства, что важный лидер партии не был замешан в истреблении армян. Значительно позднее, в феврале 1921 г., перед роспуском Военного трибунала № 1, стамбульская пресса сообщала о других судебных процессах, основанных на событиях, которые имели место в Кочхисаре, Сивасе, Кыги и Агне, все из которых завершились вынесением оправдательных приговоров². Все это выглядело так, будто Турция чувствовала обязательство символически урегулировать свои счета с насильственным прошлым, или, если угодно, осуществить массовую реабилитацию обвиняемых лиц. Наконец, чтобы закруглиться с нашим кратким отчетом о результатах турецкого судопроизводства, мы должны взглянуть на работу провинциальных военных трибуналов. Документированный пример Трапезунда, где проведение предварительного следствия главным прокурором систематически срывалось местными властями³, показывает, что иттихадистские сети сделали проведение

всех действий на местном уровне практически невозможным. Из десяти региональных военных трибуналов, изначально созданных для вынесения приговоров за преступления, совершенные в провинции, нам известно лишь о двух, функционировавших на самом деле: суд в Чоруме, который судил и оправдал юниониста Зию Шакира, редактора «Эртогрул» в Бурсе, который был причастен к депортации местных армян⁴, и суд в Эскишехире, который предъявил обвинение сорока лицам, причастным к депортации в Михалычыке и Сиврихисаре. Четверо обвиняемых предстали перед судом в Эскишехире; однако те, кто приобрел самые большие состояния, как Саяклы Эмин, Чапутлы Гусейн и Михалычклы Сафет, не ощутили никакого беспокойства и даже угрожали уцелевшим, вернувшимся в город⁵. Еще более, чем в Стамбуле, невозможно было привлечь видных деятелей к суду в провинциях, за исключением непосредственной близости от столицы и зон, оккупированных союзниками. Не было и речи о том, что суды должны были потребовать от виновных лиц отчета за их преступления или за имущество, которое они приобрели за счет армян.

Судебные злключения председательствующего судьи военного трибунала и генерал Вехиб, свидетель, разрушающий планы

Как мы уже знаем, в декабре 1919 г. Вехиб-паша был задержан после того, как суд пришел к единому решению выдвинуть против него обвинение, одновременно тщательно избегая давать четкие объясне-

ния причин этого решения. Военный трибунал № 3, который отвечал за привлечение старших офицеров к суду, даже искусно создавал впечатление, что Вехиб-паша был замешан в организации армянских погро-

27 août 1919. Pp. 18–23. Четвертое заседание судебного процесса, 31 августа 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3637. Pp. 24–31. Пятое заседание судебного процесса, 10 сентября 1919 г. «Takvim-i Vakayi», № 3656. Pp. 32–39.

¹ La Renaissance, № 282, mercredi 29 octobre 1919.

² «Аравот», № 46, 7 февраля 1921 г. (на арм. яз.)

³ См. выше, с. 906–908.

⁴ La Renaissance, № 340, mercredi 7 janvier 1920.

⁵ La Renaissance, № 383, 27 février 1920; Le Spectateur d'Orient, 12 juillet 1919. 12 человек отправлены в Йозгат для предания местному суду, один человек отправлен в Амасию и двое в Акшехир. «Le Spectateur d'Orient» 14 июля 1919 г. сообщает о выдаче ордеров на арест Петроса Халаяна, Мансури-заде Саида (Сарухана) и Нори (Кербеле). «Le Spectateur d'Orient» 18 июля 1919 г. также сообщает, что запланированный суд над «лицами, причастными к массовым убийствам и депортации в Ангора, а также лицами, причастными к злодеяниям, совершенным в Керасунде, Сивасе, Адабазаре, Биледжике, Битлисе, Исмите, Мамурет уль-Азизе, Амасию, Дер-Зоре, Кыршехире, Диарбекире, Кайсери, Конье, Кангри, Андринопле, Карахисаре, Адане, Чаталдже, Дарданеллах, Бафре, Мараше, Аххисаре и. наконец, Константинополе. Среди людей, вовлеченных в злодеяния в Константинополе, оказались Бедри-бей, бывший начальник полиции, в то время скрывавшийся от правосудия, Решад-бей, бывший глава политического отдела департамента полиции, и Шехаб-бей, бывший военачальник в Константинополе... «Ждать никому не запрещено, — заявила газета, — и можно всегда надеяться».

мов¹. Однако сомнительно, что его младотурецкие коллеги пожелали «наказать» его таким образом за то, что он нарушил закон молчания. Еще более вопиющий случай вмешательства кемалистско-юнионистской сети в юридические вопросы произошел летом 1920 г., в ходе судебного разбирательства в военном трибунале, в котором в то время председательствовал генерал Немруд Мустафа, против лиц, причастных к массовым убийствам и депортации в регионе Алеппо. Одним из обвиняемых, арестованным в столице в августе 1920 г. по запросу Аветиса Накашяна, депутата парламента и врача, был не кто иной, как Абдуллахад Нури, бывший директор Подкомиссии по делам депортированных в Алеппо, роль которого в Сирии мы уже обсуждали². В то время Юсуф Кемаль, брат Нури, депутат и ответственный работник КЕП, работал вместе с Мустафой Кемалем в Ангоре. Учитывая особую роль, которую Нури сыграл в истреблении депортированных лиц в Сирии, многие ожидали, что Немруд Мустафа, председательствующий судья в военном трибунале, приговорит его к смертной казни. В самом деле, журналист сообщает, что Нури, перегруженный выдвинутыми против него обвинениями, разрыдался перед судом. В тот момент из Кастамону в Стамбул прибыл армянский священник с сообщением от «министра иностранных дел» в Ангоре, Юсуфа Кемалю, в котором он угрожал казнить от двух до трех тысяч армян, находящихся под его контролем, если его брат не будет освобожден из тюрьмы в кратчайшие сроки³.

Падение правительства Дамада Фериды, вызванное подписанием Севрского договора, и замена его правительством, благосклонным к движению «Милли», позволило изменить состав военного трибунала и «сохранить» в процессе оставшихся лиц, подвергавшихся преследованиям. Едва правительство Тевфика получило бразды правления в свои руки, оно заинтересовалось, в частности, делом генерала Мустафы. Мустафа, который заседал в военном трибунале с момента его создания в феврале 1919 г. и

имел блестящую репутацию за свою честность, был обвинен судом, членом которого он сам являлся и в котором теперь председательствовал Эсад-паша. В обвинительном заключении не было приведено никаких официальных причин. Обвиняемый воспользовался выступлением с трибуны, предложенной ему, чтобы прочитать меморандум, и сразу же заявил, что он, со своей стороны, «не полоскал рук в крови». Это скрытое обвинение в адрес своих коллег по судебной коллегии, по-видимому, вызвало желаемый эффект: судьи объявили себя некомпетентными для того, чтобы судить своего коллегу. Меморандум Мустафы был все же опубликован в двух стамбульских газетах, что вызвало переполох. В меморандуме мы читаем следующее: «Паши, которые совершили неслыханные, немислимые преступления и втянули страну в ее нынешнюю ситуацию, продолжают сеять хаос, чтобы защитить свои личные интересы. Они установили все виды тирании, организовали депортации и массовые убийства, жгли грудных младенцев в масле, насильовали женщин и девушек на глазах у их раненых родителей, предварительно связав их, разлучили молодых женщин с их матерями и отцами, конфисковали их недвижимое и движимое имущество и отправили их в Мосул в плачевном положении, подвергая их в процессе депортации всевозможным насильственным действиям. Они усадили тысячи невинных людей в лодки под парусами и отправили их в море; других они заставили принять ислам; они заставили голодных стариков находиться в дороге месяцами; они использовали их в качестве рабов; они бросили молодых женщин в бордели, созданные в ужасных условиях, беспрецедентных в истории любого народа на земле».

В заключении Мустафа-паша сказал, что в таких условиях он почел бы за честь быть судимым военным трибуналом⁴. Хотя генерал ни разу не произнес слова «армянин» в своей речи, юнионистская пресса не пренебрегла возможностью отметить, что он действовал как «защитник армян»⁵.

¹ La Renaissance, № 307, 27 novembre 1919, № 313, 4 décembre 1919, № 318, 10 décembre 1919. Его досье было передано Военному трибуналу № 3 в июне 1919 г. (Le Spectateur d'Orient, 25 juin 1919), что, очевидно, указывает на то, что даже правительство Дамада Фериды не оценило письменного заявления, представленного им Мазхарской комиссии в декабре 1918 г.

² См. выше, с. 830–833.

³ «Аравот», № 31, 25 октября 1920 г. (на арм. яз.)

⁴ «A la cour martiale, un réquisitoire éloquent», in La Renaissance, № 352, 22 janvier 1920; Le Bosphore, 22 janvier 1920.

⁵ Ibidem.

Безошибочно намекая на обвинительное заключение против генерала Немруд Мустафы, ежедневная газета «Пейам Эям» отмечала: «Мы не смогли привлечь кого-либо к ответственности за эти трагедии, которые заставили весь мир вздрогнуть, и мы не смогли никого наказать; мы помогли пашам и беям, которых мы случайно арестовали, совершить побег из тюрьмы либо освободили их на чисто формальных условиях и гарантиях. Если, исполнив свой долг по свершению правосудия в не особенно ревностной форме, или, говоря по правде, не исполнив его вовсе, мы собираемся осудить Мустафу-пашу за то, что французы называют "преступлением мнения", мы станем посмешищем для всего мира». Автор редакционной статьи заключает: «Первое преступление генерала Мустафы-паши состоит в том, что он не защищал интересы священного Комитета. Его второе преступление в том, что он, наоборот, действовал в диаметрально противоположном направлении». Более того, тот же источник указал, что «в тюрьме военного трибунала больше никого не было, но, [что] Вехиб-паша был оставлен там, потому что во время его содержания под стражей он осмелился выразить непочтительно о вышеупомянутом священном Комитете. В нашей стране все преступления можно простить, но такая дерзость непростительна... Наши суждения и решения не идут дальше нашего носа; вполне вероятно, что завтра они не найдут даже настолько далеко. Перед лицом такого злоключения нам бы не помешало дать себе встряску, отбросить наш знаменитый менталитет «оджак» и повести себя как мужчинам там, где встает вопрос о справедливости»¹.

Таким образом, можно легко понять, почему Дамад Ферид-паша, как только он снова взял бразды правления в свои руки, назначил 18 апреля 1920 г. генерала Немруд Мустафу председателем трибунала: несомненно, он питал надежду, что таким образом он сможет восстановить авторитет турецкого судебного аппарата. Также очевидно, после отставки Дамад Ферид-паши и назначения правительства, благосклонного к движению «Милли», дни Немруд Мустафы

как председательствующего судьи военного трибунала были сочтены.

В своем номере от 25 октября 1920 г. «Le Bosphore» отметил, что ходили слухи о скором «увольнении» этого судьи, который должен был «в ходе судебного разбирательства показать пример независимости духа и желание вершить правосудие, которые, хотя и они не выиграли битву, но тем не менее заслуживают самой высокой похвалы». Отвечая на вопрос, касающийся этого предмета, судья сказал, что он не получил о нем никакой информации. Тем не менее он заявил, что «такое решение, если оно будет принято Советом министров, может быть принято только по двум причинам: во-первых, поскольку [он был] курдской национальности, во-вторых, поскольку [он] считал [своим] долгом привлечь Авни-пашу, министра военно-морского флота и зятя Шакира-паши, военного министра, к длительным допросам в деле массовых убийств и депортаций в Трапезунде, в провинции, чьи военные силы находились под командованием Авни-паши, когда эти события имели место»².

Неопределенность длилась недолго. Императорским указом от 27 октября 1920 г., подписанным великим визирем Тевфиком и военным министром Зияэддином, генерал Хуршид-паша был назначен председателем судьи Военного трибунала № 1. В состав военного трибунала также вошли генерал Абдулкерим (который во время войны был командиром двенадцатого армейского корпуса на Кавказском фронте, а после представителем Османской военной миссии в Грузии), Тевфик-бей, генерал Омер Джемиль-бей (который служил в Третьей и Четвертой армиях) и пр.³

С 30 октября генерал Хуршид-паша и его команда приступили к выполнению своих функций в военном трибунале. Немруд Мустафа, в свою очередь, был арестован вместе с некоторыми из его сотрудников⁴ по запросу военного министра Шакир-паши.

6 ноября Военный совет допросил Мустафу-пашу, который «вновь выразил» свой протест против его «незаконного ареста» и потребовал своего освобождения⁵. Через несколько дней бывший председатель

¹ «Choses de Turquie, Autour d'un procès»: La Renaissance, № 354, samedi 24 janvier 1920, repris de «Peyam Eyam».

² «Le cas de Mustafa pacha»: Le Bosphore, 25 octobre 1920.

³ «Takvim-i Vakayi», № 3995, dimanche 31 octobre 1920; «Арают», № 31, 25 октября 1920 г. (на арм. яз.). Источник также подтверждает эти назначения.

⁴ Alemdar, 31 octobre 1920.

⁵ «Le procès de Mustafa pacha»: Le Bosphore, 8 novembre 1920.

ствующий судья военного трибунала и его коллеги были переведены в тюрьму «Сарескерат»¹. Постепенно стамбульская пресса выявила некоторые подробности о жизни генерала. Таким образом, выяснилось, что во время войны он отказался от всех командных постов, поскольку он был против вступления Османской империи в войну; что он уже подвергался аресту по обвинению в «подрывных» политических заявлениях, которое он публично отверг в прессе; и что он угрожал сделать «сенсационные откровения о массовых убийствах и депортациях». Репортер в «Ле Босфор» едва ли преувеличивал, когда писал, что «у бывшего председателя военного трибунала имеется много документов, относящихся к этой трагедии, документов, которые проливают свет в этом деле в отношении ответственности тех, кто несет ответственность». По сведениям «Ле Босфор», Мустафа-паша также заслужил враждебность некоторых юнионистских кругов, после того как он начал судебные разбирательства против организаторов краж из царской казны, совершенных в Йылдызе². Генерал явно был для младотурок предметом особой ненависти. Судебное разбирательство против него на этот раз проводилось Военным советом. Однако, похоже, это пришлось не по вкусу председателю Военного совета маршалу Кязыму-паше, который ушел в отставку, тем самым отложив ратификацию приговора³. Как и два других члена военного трибунала, Мустафа был обвинен в вынесении двух разных приговоров в судебном процессе в Байбурте, согласно одному из которых суд единогласно признал Нусрета виновным и приговорил его к смертной казни, и согласно другому, однако не единогласному решению, к пятнадцати годам каторжных работ. Наконец, 9 января 1921 г. Немруд Курд Мустафа, председательствующий судья Военного трибунала № 1, был приговорен к трем месяцам тюремного заключения; вердикт, вынесенный 20 июля 1920 г., был отменен, и Нусрет был официально реабилитирован посмертно в отношении предъявленных против него обвинений.

Нейтрализация генерала и назначение в состав военного трибунала лиц, преданных делу младотурок, отметило фактическое завершение символических усилий либеральных столичных кругов вершить правосудие в отношении нетурецких жертв. Среди конкретных последствий изменений состава военного трибунала стоит отметить тот факт, что Мустафа Абдулхалик, чья роль в уничтожении армян была известна всем и каждому, был освобожден после уплаты залога в сумме 1250 турецких фунтов⁴, как и Мустафа Решад-бей, бывший глава политического отдела полиции⁵.

Из эволюции различных видов юридических процедур, инициированных османскими властями после подписания осенью 1920 г. Мудросского перемирия, можно выделить несколько центральных особенностей. Различные правительства, которые сменяли друг друга в Константинополе с некоторыми незначительными вариациями, все из которых были заинтересованы преподнести Османскую империю в более приличном свете накануне Мирной конференции, решали судьбу своей страны. В глазах турецких политических лидеров, несмотря на сильное внутреннее противостояние, было бы более предпочтительно начать судебные разбирательства, которые, возможно, преуменьшили бы преступления или даже скрыли самые чудовищные эпизоды, чем быть вынужденными сотрудничать с иностранным судом и соблюдать его требования, например, предоставлять ему официальные документы, которые он мог запросить, и передать ему обвиняемых османских подданных.

Кампания преследования, организованная против генерала Немруда Мустафы и генерала Вехиб-паши, отметила границы, которые нельзя было преступать. Это показывает, что никогда не было и речи о выявлении в полном объеме преступлений, совершенных во время войны, и представляет собой показатель всеобщего мнения в турецком обществе, отказавшегося взять на себя ответственность, которое прочно укоренилось в его националистической логике.

¹ «Réparations, réintégrations, etc. Mustafa pacha»: Le Bosphore, 21 novembre 1920.

² «L'affaire du général Mustafa pacha»: Le Bosphore, 24 novembre 1920.

³ «Le procès de Mustafa pacha»: Le Bosphore, № 351, 21 décembre 1920.

⁴ La Renaissance, № 281, mardi 28 octobre 1919.

⁵ La Renaissance, № 282, mercredi 29 octobre 1919.

ГЛАВА 10

Мустафа Кемаль: от младотурок к строительству нации-государства

Очевидно, здесь не может быть и речи об обсуждении обширного предмета развития кемализма и формирования турецкого национального государства. Тем не менее данное исследование невозможно довести до конца без краткого изучения связи между кемализмом и движением младотурок, старательно игнорируемой официальной историографией. Не вдаваясь в создание мифа вокруг Мустафы Кемаля, эксцессы и молчание, которые раскрыл Эрик Цюрхер в своей новаторской работе, следует отметить, что сразу после возвращения в Стамбул в ноябре 1918 г. будущий турецкий лидер сблизился с младотурецкими лидерами, которым Талаат и Энвер вручили движение прежде, чем уйти в добровольное изгнание. Он присоединился к «Османлы Хюррийетпервер Авам Фиркасы» [Либеральной партии османского народа], преемнику КЕП, вместе с Али Фетхи, Гусейном Рауфом и Исмаилом Джамболатом, и сразу начал кампанию свержения правительства Ахмеда Тевфика¹. Он также установил отношения с Кара Кемалем, который отвечал за финансы КЕП, и Севкиятчи Рызой, который считался одним из членов-учредителей «Каракола», хотя и не было доказано, что он сотрудничал напрямую с этой подпольной организацией движения юнионистов². Во всяком случае, поборы, совершенные турецкими группами в отношении христианских деревень в регионе Самсун, не были связаны с его назначением на пост ин-

спектора Девятой армии. Предположительно Антанта потребовала, чтобы Дамад Ферид положил конец этим нападениям, после чего у Дамада Фериды возникла идея отправить в Самсун старшего офицера, способного навести порядок, то есть того, кто мог бы призвать прекратить операции, которые были, несомненно, запланированы юнионистской сетью³. Э. Цюрхер предполагает, что арест нескольких его ближайших соратников, таких как Али Фетхи (который был арестован 17 апреля), побудил его принять пост, вероятно, с одобрения «Каракола». Затем, по словам Шерефа [Чавуш-оглу], «Каракол» искал выдающуюся личность, способную возглавить сопротивление в Анатолии. Первый человек, подходящий для принятия на себя такой задачи, бывший великий визирь Ахмед Иззет, как говорят, отказался от этого предложения, прокладывая путь для выдвижения Мустафы Кемаля, которого, в частности, поддерживал д-р Эсад [Ишык], один из лидеров «Каракола»⁴. Мустафа Кемаль, который, как известно, был юнионистом с первых дней существования движения, но не принимал никакого участия в политике геноцида, осуществляемой Талаатом и Энвером, был логическим «вторым выбором»⁵. Но какие расчеты подвигли Дамада Фериды назначить младотурецкого инспектора в Анатолию и предоставить ему полные полномочия? Трудно себе представить, что великий визирь не знал о давних связях генерала с

¹ Zürcher E. T. Op. cit. P. 107. Доверив командование своей армией Нихату-паше [Анилмишу], Кемаль уехал из Аданы в столицу. По сведениям Цюрхера, он тщательно представил британцам план британского мандата над Анатолией; он выступил бы губернатором области под мандатом. Этот эпизод опущен в его мемуарах.

² Ibid. P. 114.

³ Ibid. Pp. 114–115.

⁴ Ibid. Pp. 111–112. Однако Кемаль, по-видимому, считал Эсада человеком «упрямым, с ограниченными способностями». Ibid. P. 79.

⁵ Ibid.

КЕП. Был ли он обманут своим окружением или находился под влиянием юнионистских сетей? Недооценил ли он потенциал Кемаля или он думал, что его авторитет приведет к конфликту с существующими сетями? Кажется, нет никакого удовлетворительного объяснения такому выбору, если только не предположить, что Дамад Ферид не был враждебно настроен к появлению движения сопротивления в Анатолии, даже если оно контролировалось младотурками. Он, несомненно, надеялся воспользоваться этой ситуацией, чтобы выторговать уступки у союзников во время Мирной конференции.

Во всяком случае, Конгресс в Эрзуруме, который Мустафа Кемаль созвал через два месяца после своего прибытия в Самсун 19 мая, состоялся символически 23 июля 1919 г., в годовщину революции 1908 г.¹ Поэтому можно с уверенностью сказать, что, учитывая остроту ситуации, генерал с самого начала оказал поддержку части юнионистского движения, которое было выведено в Анатолию, даже хотя движение не признало его своим законным лидером. По сведениям Э. Цюрхера, младотурецкие сети высказали мнение, что Кемаль обязан им своим положением и что такая беспрецедентная ситуация долго продолжаться не может. Кемаль, в свою очередь, был в курсе того, что у него не было легитимности в рамках движения юнионистов и что для того, чтобы приобрести авторитет, в котором он нуждался, ему придется постепенно устранить всех тех, кто оспаривает его власть: «Каракол» в апреле 1920 г., сторонников Энвера в 1921 г. и уцелевших юнионистских лидеров в 1926 г.²

Едва завершился Конгресс в Эрзуруме, как Кемаль столкнулся с инициативой «Каракола», который, без сомнения, рассчитывал напомнить ему, что только одна эта организация была законным преемником наследия младотурок и таким образом располагала значительными военными и финансовыми средствами. В августе 1919 г. «Каракол» направил циркулярное письмо во все воинские части, в которых объявил, что у него имелись свои гражданские и военные структуры с должностными лицами, центральными штаб-квартирами и генеральным штабом.

В то время Кемалю не было известно, что организация решила использовать его в качестве подставного лица в надежде обрести более респектабельный имидж. Вероятно, с некоторым раздражением генерал узнал от Кара Васифа, главы «Каракола», что он без ведома для самого себя стал командующим главной группы, которая получала приказы из Берлина, то есть лично от Талаата³. Таким образом, отказываясь подчиняться распоряжениям «Каракола», Мустафа Кемаль вступил в конфликт с членами Центрального комитета в изгнании. Таким образом, он фактически присоединился к уже существующему течению руководящих деятелей юнионистов, которые хотели освободиться от контроля старого руководства организации, которые работали под бременем своих недавних преступлений и чей авторитет был под вопросом. Можно подвести итог ситуации, сказав, что участники течения, которое объединилось вокруг М. Кемаля, хотели бы продолжить осуществление национального турецкого плана иттихада без необходимости брать на себя ответственность за зверства, совершенные его старейшинами. Стратегия сближения с большевиками, которую «Каракол» осуществлял на практике в январе 1920 г., несомненно, также способствовала акцентированию разрыва между двумя националистическими движениями. В этом случае кемалисты не обязательно относились враждебно к этой политике как таковой, которая обрела конкретную форму в отступлении из Азербайджана сил во главе с Нури-пашой и Халилом [Кутум], соответственно, братом Энвера и его дядей, оставив открытым путь для Красной Армии⁴. Эти уступки, налагаемые обстоятельствами, несомненно, были направлены на укрепление позиций Азербайджана в Москве и в то же время оставляли независимую Армению в нелегком положении накануне заключения Севрского договора. Заметное раздражение Кемаля, таким образом, было больше связано с формой, нежели с содержанием. Он, несомненно, считал недопустимым, что изгнанники продолжали оказывать влияние из-за рубежа на политику Турции и располагали организацией, которая должна была действовать, как и

¹ Ibid. P. 92.

² Ibid. P. 118.

³ Ibid. P. 119.

⁴ Ibid. P. 121. Баха Саид, представитель «Каракола» перед большевиками, 11 января 1920 г. подписал акт о взаимопомощи с представителем правительства большевиков.

он, в соответствии с их прямыми указаниями. При принятии решения о роспуске «Каракола» в апреле 1920 г.¹ Кемаль явно стремился утвердить свою власть и унифицировать националистическое движение. Делая это, он пошел на риск обидеть военных лидеров КЕП, особенно тех, кто работал в «Специальной организации» во время войны, среди которых Энвер все еще был очень популярен². Другими словами, в первый год своего существования кемалистское движение отнюдь не пользовалось единодушной поддержкой, и ему пришлось вести жесткую борьбу, чтобы утвердить себя по отношению к партизанам берлинских эмигрантов, которые были снова превращены в левых боевиков.

Злоключение Филибели Ахмеда Хильми, вице-председателя «С[пециальной] о[рганизации]» и правой руки д-ра Шакира в Эрзуруме в 1915 г., показывает, что Кемаль с подозрением относился к близким соратникам изгнанников. В ноябре 1920 г., когда Хильми прибыл в Трапезунд, намереваясь ехать на Кавказ, чтобы убедить Энвера не ввязываться в анатолийские дела, Кязим Карабекир, главнокомандующий на восточном фронте, помешал ему выполнить свой план³. Существует веская причина полагать, что Карабекир не дал ему двигаться на север по приказу Кемалю.

Результаты выборов в османский парламент, проведенных в январе 1920 г., однако, показывают, что сторонники изгнанников продолжали контролировать политическую жизнь как в провинциях, так и в столице. Кроме того, в докладе, исходящем от британских спецслужб, указывается, что из ста шестидесяти четырех вновь избранных депутатов большинство «как таковое одобрило политику истребления армянского населения, но их имена не были включены в этот список», и что двадцать четыре депутата были непосредственно причастны к насилию⁴: Адиль-бей и его сын Рахми, избранные в Текирдаге⁵, Сулейман Сири, освобожденный из тюрьмы

6 апреля 1919 г. и избранный в Исмиште⁶, Байракдар Гаджи Вели, избранный в Эскишехире, который убил [Серфичели] Хильми-бея, бывшего мутесарифа Сиирта⁷, Юсуф Кемаль, избранный в Кастамону, причастный, по данным отчета, полученного от лейтенанта Слейда 29 декабря 1919 г., «к политике депортации», Ахмед Шюкрю, член Центрального комитета, который был выслан на Мальту, избранный в Кастамону, Суад-бей, избранный в Кастамону, который приложил руки к депортациям, Бесим-бей, избранный в Кастамону, бывший секретарь Атиф-бея, вали Ангоры во время массовых убийств, Бафрали Эмин-бей, избранный в Самсуне, Киресунли Эшреф-бей, избранный в Трапезунде, который был замешан в зверствах, увековеченных в Кирасоне, Хильми-бей, избранный в Ангоре, который был арестован 16 марта 1919 г. и затем освобожден кемалистскими силами, Хамитли Али Рыза-бей, избранный в Кирсехире, глававарь чете, принадлежавших к «С[пециальной] о[рганизации]» и организатор массовых убийств, которые имели место в Гельбаши, Хаджи Тевфик, избранный в Чангксыры, который был также причастен к проведению депортаций в своем городе, Омер Лютфи-бей, избранный в Амасии, Халил-бей, избранный в Эрзинджане, Мустафа Кемаль, избранный в Эрзуруме, Джелал [Баяр], избранный в Сарухане, бывший делегат КЕП в Смирне, Ализаде Решид, избранный в Сарухане, бывший военный командир Эскишехира, участвовавший в массовых убийствах и депортациях, Хамдуллах Субхи-бей, избранный в Адалии, в изгнании в Германии, где он поддерживал связь Талаата со Стамбулом, Файл-бей, избранный в Денизли, Юнус Нади, редактор «Йени Гун», избранный в Смирне, Тахсин-бей, бывший вали Эрзурума, избранный в Смирне, Хайдар-бей, бывший вали Мосула и Битлиса, избранный в Ване, Хасим-бей, бывший начальник полиции Смирны, избранный в Караси, и Фуад-бей, бывший каймакам Бурхание, также избранный в Караси⁸.

¹ Ibid. Pp. 85, 122.

² Ibid. P. 123. Цюрхер упоминает о публичной демонстрации Энвера, имевшей место в Трапезунде в мае 1920 г.

³ Ibid. P. 130.

⁴ FO 371/5043, E 1363, ff. 123–124. Письмо от 18 февраля 1920 г. с докладом от 4 февраля 1920 г. о новоизбранных депутатах в османский парламент.

⁵ Ibid., f° 125.

⁶ Ibid., f° 126.

⁷ См. выше, с. 373–375. Доказательство, представленное им суду, напрямую изобличало Халила [Кута].

⁸ FO 371/5043, E 1363, f° 126.

Результат этих выборов представляет собой отличный показатель состояния турецкой общественности, которая массово сплотилась в националистическое движение и отказалась принять раздробление империи, запланированное союзниками. Выборы также санкционировали либеральную османскую Антанту и ее примирительную политику по отношению к победителям. Отнюдь не отрекаясь от кемалистско-иттихадистского движения, общественное мнение отдало свою поддержку политике движения в преследовании греков и армян, которые пытались восстановить права на свои дома и вернуть себе свое имущество. Если внимательно взглянуть на националистическое движение, то становится ясно, что удаление лиц, не являвшихся турками, из его анатолийского святилища продолжало быть одним из основных направлений деятельности: от заседания к заседанию, Греко-армянский комитет при британской Высокой комиссии составил список поборов, совершенных кемалистами-иттихадистами в провинциях¹. Стоит отметить, что в начале марта 1920 г. операции были проведены даже в непосредственных окраинах Стамбула, в Ускударе и Ялова, христианские жители которых продолжили движение к европейской стороне Босфора². Во внутренних районах страны преследование лиц, не являвшихся турками, приняло гораздо более жестокие формы: массовые убийства были зарегистрированы в Киликии в феврале — марте 1920 г., а акты грабежа и убийства совершались по всей стране³. В середине апреля в Богазляне и Кайсери кемалистские силы даже стали призывать армян в армию силой⁴. В Бурсе

движение «Милли» создавало комитеты, которые призвали налогоплательщиков и потребовали двадцать пять процентов от оценочной стоимости их имущества. Те, кто сопротивлялся, были переданы головорезам, которые приняты на себя задачу обеспечения исполнения директив⁵.

В отчете, датированном 10 марта 1920 г., британские власти попытались оценить возможные последствия жестких условий, установленных мирным договором с Турцией. Они высказали мнение о существовании серьезных угроз массовых убийств христиан в районах, контролируемых кемалистами⁶.

Иными словами, в середине марта 1920 г. у союзников войск не было иного выбора, кроме как взять Стамбул⁷ под военный контроль путем высадки своих войск и увеличения там численности своего флота⁸. Кроме вопросов безопасности, союзники также прекрасно понимали, что им придется продемонстрировать силу в случае, если Турция откажется подписывать Мирный договор⁹. Это развертывание союзных вооруженных сил, осуществленное утром 16 марта 1920 г., не встретило какого-либо реального сопротивления в Стамбуле, где во время посадки погибло пять турецких солдат¹⁰. Тем не менее развертывание французских и английских сил в столице и последующие аресты военных преступников не дестабилизировали националистическое движение. Очевидно, по мнению британских спецслужб, националисты, будучи уверенными в своих возможностях, не были убеждены, что союзники не были готовы занять больше, чем только лишь столицу¹¹. Также очень вероятно, что националистическое движение обернуло

¹ Греко-армянский комитет систематически занимался вопросами безопасности на 85 координационных собраниях, которые прошли в период с 19 февраля по 29 марта 1922 г. FO 371/3658, 371/4195, 371/4196, 371/4197, 371/5087, 371/5213, 371/5214, 371/6548, 371/6549, 371/7879.

² 34-е заседание, 10 марта 1920 г. FO 371/5087, ff. 141–145.

³ FO 371/5041, E 432. Доклад разведывательных служб. FO 371/5042, E 875, 16 March 1920. О выводе французских войск из Мараша и массовых убийствах армян, совершенных кемалистами.

⁴ FO 371/5046, E 3318, f. 89. Доклад от 15 апреля 1920 г.

⁵ FO 371/5045, E. 2804, ff. 191 and 196. Доклад от 25 марта 1920 г. «Вымогательство контрибуций националистами».

⁶ FO 371/5043, E 1297, ff. 35 et sqq. Доклад от 10 марта 1920 г.

⁷ FO 371/5043, E 1462, ff. 146–155. Письмо лорда Керзона Робеку от 12 марта 1920 г. о решении союзников оккупировать Стамбул.

⁸ FO 371/5043, E 1550. О морской тактике и дислокации линкоров.

⁹ FO 371/5043, E 1531. Доклад от 15 марта 1920 г. о пополнении британских войск в Турции. FO 371/5043, E 1642. Второй доклад от 15 марта 1920 г.

¹⁰ FO 371/5043, E 1693. Доклад от 17 марта 1920 г.

¹¹ FO 371/5046, E 3649. Доклад от 2 апреля 1920 г. о турецкой реакции на проведение военной оккупации столицы.

последствия этой операции в свою пользу для того, чтобы укрепить свои позиции в Анатолии, сделать свои действия более убедительными и отвлечь внимание от тяжелых обвинений, выдвинутых против большинства лидеров движения. Удивительно хорошо организованные связи анатолийского сопротивления с европейским империализмом позволили заставить многих забыть об обвинениях в массовых убийствах. Прогрессивная исламская позиция, принятая движением «Милли», также позволила мобилизовать поддержку Турции в мусульманских странах под игом европейского империализма. В соответствии с описанием британского дипломата, работавшего в столице Германии, позиция, занятая «правительством младотурок, в настоящее время располагавшемся в Берлине», была однозначной: «Страшная война, которая разразилась после перемирия в Азии, является результатом британской политики последних восемнадцати месяцев»¹. Иными словами, кемалистско-иттихадистское движение вызвало у британцев стремление раздробить Османскую империю, поскольку предпринимались попытки, в частности, дестабилизировать некоторые из британских колоний.

Здесь не может быть и речи о подробном рассмотрении этих вопросов. Однако можно отметить, что у французского дипломата, работавшего в Берлине, не было сомнений в фальшивости коалиции между кемалистско-иттихадистским движением и Советами, которые рассматривали нападение на Антанту «в двух направлениях: в сторону Азиатской Турции и Западной Персии через Азербайджан и Грузию и в сторону Восточной Персии и Индии через Туркестан». Обсуждались даже идеи передать «лидеров движения ... в руки турецких лидеров, которые уже присутствовали в этом районе: Энвера-паши в Ташкенте и его брата Нури-паши в Азербайджане». Также упоминалась «своего рода панисламистская конференция» в Мюнхене, в Баварии, и еще одна конференция «в Партенкирхене, небольшом городке недалеко от границы, где проживал Джемаль-паша»;

число участников включало Талаата, д-ра Назыма, Бахаэддина Шакира, Джемала Азми, Бедри-бея, Азиз-бея, «троих русских, в их числе двух офицеров, двух бывших немецких офицеров, тунисца, индуса, перса, египтянина, и болгарина». Во время заседания Центрального комитета иттихадистов, в котором также приняли участие лица, не являющиеся его членами, Талаат, как предполагается, заявил: «В договоре, заключенном с Энвером, Ленин и Троцкий согласились предоставить 150 000 человек для азиатской кампании», включая 40 000 туркмен, «которые Халил-паша, бывший командующий армии Месопотамии, в настоящее время организует с помощью нескольких немецких офицеров». Согласно информации, полученной от вышеупомянутого французского дипломата, Талаат, «как говорят, описал эту политику как революционный оппортунизм, утверждая, что младотурки попытались посеять смуту во всем мире таким образом, чтобы создать для британцев и французам как можно больше затруднений»². Также стоит отметить краткие путешествия, которые Талаат предпринял в Неаполь примерно 16 апреля 1920 г., а затем во Флоренцию с 22 по 24 апреля, где он должен был встретиться с Зами-беом, представителем Энвера, с целью координации их деятельности³. Эти большие исламско-прогрессивные маневры увенчались знаменитым Бакинским конгрессом, который, по сведениям британской разведывательной службы S.I.S. (Secret Intelligence Service. — Прим. ред.), служил, прежде всего, для укрепления сотрудничества между юнионистами и большевиками. Условия этого сотрудничества, по сведениям того же источника, были оговорены на переговорах в Баку Джемалем-пашой, Бедри-беом и Халилом [Кутум]; главной целью было восстание против англичан в Афганистане и вторжение в Северо-Западную Персию под командованием Халила. Кучук Талаат, еще один член Центрального комитета иттихадистов, был назначен главой Бакинского «бюро переводов», то есть пропагандистского органа⁴. Эти операции представляли собой

¹ FO 371/5173, № 6709, f. 100. Письмо британского посла в Берлин лорду Керзону, 14 июня 1920 г. Доклад о представителях младотурок (доклад на французском языке).

² FO 371/5173, E 4154. Из посольства Франции в Лондон в Министерство иностранных дел, 1 мая 1920 г.

³ FO 371/5173, E 3404. Телеграмма Робекка Г. Бучанану, британскому послу в Риме, 16 апреля 1920 г. Вероятно, итальянские власти закрывали глаза на эти движения и уже рассматривали сотрудничество с иттихадистско-кемалистскими силами.

⁴ FO 371/5171, E 12472. Доклад британских разведывательных служб (стамбульский офис S.I.S.) о недельном периоде, начиная с 9 сентября 1920 г., переданный Робекком лорду Керзону. С. 14–16.

не столько антиимпериалистическую кампанию, сколько расширение пантюрецких амбиций партии. В другом докладе британской разведывательной службы S.I.S., подготовленном на основе документов, изъятых у «турецкого агента, который недавно вернулся из Баку через Грозный, Новороссийск и Трапезунд», сообщалось, что анатолийское движение постоянно поддерживало связь с его кавказскими подразделениями¹. Этот доклад также показывает, ссылаясь на «информацию из первых рук», что соглашение между большевиками и турками предусматривает «одновременное нападение на Грузию и Армению советскими и турецкими силами [...] для того, однако, чтобы «ликвидировать» с соблюдением первенства Армении»².

Тем не менее это отнюдь не означает, что Мустафа Кемаль участвовал или хотя бы был проинформирован об этих проектах, которые показывают, что члены младотурецкого Центрального комитета в это время верили, что, хотя они и находятся в изгнании в течение короткого периода, они и только они одни имеют законную власть над Турцией. Тем не менее должна была существовать определенная степень сотрудничества между иттихадистским и кемалистским движениями в Анатолии, где Мустафа Кемаль имел влияние. С другой стороны, не факт, что Кемаль контролировал Османскую лигу, Генеральный секретариат которой, базирующийся в Женеве, стремился убедить Мирную конференцию в обоснованности турецкой точки зрения. В своем циркулярном письме от 6 января 1920 г. Османская лига заявляет, что «сегодня глаза 300 миллионов человек, от глубин Азии и Тихоокеанского региона до самых отдаленных частей Африки, глаза целого мира прикованы к Константинополю и его халифу; весь мир следит, затаив дыхание, за великой драмой, которая будет разворачиваться в Париже и судьбе, которую Конференция отмерит доблестному турецкому народу»³. Убийство великого

визиря Дамада Фериды, совершенное в июне 1920 г., показывает, что у кемалистской организации уже имелись активные подразделения в Стамбуле, которые были независимы от иттихадистских структур⁴. В 1920 г. борьба между иттихадистами и кемалистами стала очевидной. Среди документов, перехваченных британской разведывательной службой S.I.S. о «турецком большевистском делегате», который прибыл в Стамбул из Баку, сотрудники разведывательной службы обнаружили письмо, датированное 27 июля 1920 г. в Баку, адресованное на имя «господина Х.-Джафера Сайи», Харденбургштрассе, 4, Берлин. Этот адрес был известен как адрес Талаата. Письмо было отправлено неким «д-ром Мехмедом», британцы полагали, что под именем Мехмеда скрывался Бахаэддин Шакир. Письмо ссылается на деятельность некоего Али, скорее всего Энвера, и на план по созданию новых «информационных организаций», одна из которых располагалась в Берне, Швейцария⁵. Это говорит о том, что Иттихад также поддерживал свою структурированную сеть в Стамбуле, но не контролировал Османскую лигу, которая была основана в Женеве и деятельность которой направлялась скорее либералами.

Военные операции, осуществляемые осенью 1920 г. и направленные против Армении, напротив, четко проводились Четырнадцатым армейским корпусом под командованием Кязыма Карабекира, который получал приказы от кемалистского правительства. В то время как эти операции заняли свое место в стратегии, направленной на приведение положений Севрского договора в нерабочее состояние, у них также была другая, гораздо более амбициозная, хотя и завуалированная цель. «Армения должна быть устранена политически и физически», — гласил приказ в телеграмме, отправленной кемалистским правительством в адрес Кязыма Карабекира 8 ноября 1920 г.⁶. Другой приказ, изложенный в телеграмме, которая была перехвачена османской и бри-

¹ FO 371/5178, E 14638, f° 195, Constantinople, le 7 septembre 1920. Доклад британских разведывательных служб (стамбульский офис S.I.S.).

² Ibid., f° 196.

³ FO 371/5089, appendix. Копия циркулярного письма Османской лиги, Женеве, 6 января 1920 г.

⁴ FO 371/5050, f° 198. Выдержка из «Journal d'Orient», 3 июня 1920 г.

⁵ FO 371/5171, E 12803, f° 153. Доклад британских разведывательных служб (стамбульский офис S.I.S.) о недельном периоде, начиная с 21 сентября 1920 г., переданный Робехом лорду Керзону.

⁶ Телеграмма Ахмеда Мухтара, министра иностранных дел правительства Анкары, Кязиму Карабекиру от 8 ноября 1920 г., опубликованная в сборнике: *Kazım Karabekir, İstiklâl Harbimiz* (Наша война за независимость), Istanbul, 1969. S. 844–845, цитированный Дадрианом. См.: *Dadrian V. Op. cit.* P. 565, n. 4.

танской разведывательными службами, также предельно ясен, когда дело доходит до намерений кемалистского режима. Будучи датированным 25 сентября 1920 г. и подписанным собственноручно Мустафой Кемалем, этот приказ отдал командующим армиям инструкции об операциях, планирующих против Армении¹ (которая описывается в приказе как «препятствие для коммуникации с мусульманскими народами», которым Турция «обещала» помочь) и определил миссию «Армии Аракса», отвечавшей за «установление и поддержание коммуникаций с силами союзников на восточном и северо-восточном направлениях»². Эти приказы были дополнены шифрованной телеграммой от 8 ноября, в которой рекомендовалось «поэтапно идти к достижению нашей цели, действуя при этом так, как будто мы хотим мира»³. Военные операции, которые последовали вслед за этим и привели к советизации Армении, были просто логическим следствием этих приказов. Предложив себя большевикам, Кавказская Армения избежала третьего этапа геноцида, запланированного заранее, на этот раз кемалистским правительством. В определенном смысле приверженность кемалистов к акциям геноцида против кавказских армян ознаменовала переход от свидетеля первоначального движения младотурок к новой юнионистской волне, объединенной Мустафой Кемалем. Пока проявлялись мелкие различия между политиками этих двух иногда смешивавшихся между собой групп, обе группы в основном придерживались одной и той же этнонационалистической идеологии. Кемаль продолжал выстраивать турецкое национальное государство, о котором мечтали его предшественники, даже хотя бы и не в тех границах, которые предусматривались первоначально.

Убив Мехмеда Талаата в Берлине 15 марта 1921 г., Бахаэддина Шакира и Джемалея Азми в Берлине 17 апреля 1922 г. и Ахмеда

Джемалея в Тифлисе 25 июля 1922 г. (Энвер был убит 4 августа 1922 г. отрядом большевиков), армяне совершенно невольно оказали услугу кемалистам, избавив их от основных соперников-иттихадистов. Еще один момент, без сомнений, помог укрепить позиции Мустафы Кемалея в рамках движения младотурок: британцы освободили преступников, которых они держали на Мальте. Ведь именно от правительства Кемалея, которое провело переговоры об освобождении этих лиц, выиграли младотурки первого поколения. В середине июня 1921 г. британские военные предложили идею обмена пленных на британских дипломатов⁴. Политики пришли к соглашению об условии, что младотурки должны быть привлечены к ответственности в «турецких или других» судах, тем более что у британской разведывательной службы S.I.S. имелись «проблемы накопления доказательств», способных обеспечить оглашение «типичных приговоров» в соответствии с «пунктами о санкциях», предусмотренных в Севрском договоре. Несмотря на это, Х. Румбольд согласился в отношении необходимости освободить британских заключенных «до зимы»⁵. Непримиримость правительства в Анкаре окупилась; в конце концов, официальный Лондон согласился выпустить безоговорочно сто двенадцать лиц, находящихся в заключении на Мальте: во второй половине дня 25 октября семьдесят мужчин были доставлены на борт «Хризантемы» и еще сорок два на борт «Монтенола»; оба корабля направлялись в Стамбул⁶. Это безусловное освобождение усилило растущий престиж Мустафы Кемалея, но в то же время подвергло его обновленным амбициям иттихадистских лидеров, которые были освобождены благодаря ему. Когда Кара Кемаль встретился со своим тезкой-генералом в Исмите между 16 и 20 января 1923 г., Э. Цюрхер отмечает, что Мустафа Кемаль не обронил ни слова об этом в своих мемуарах, ибо он был пригла-

¹ FO 371/5178, E 14269, f° 226. Доклад британских разведывательных служб (стамбульский офис S.I.S.) о недельном периоде, начиная с 28 октября 1920 г., переданный Робеком лорду Керзону.

² Ibid., ff. 227–228.

³ *Kâzım Karabekir*. Op. cit. P. 845, цитированный Дадрианом. См.: *Dadrian V.* Op. cit. P.565.

⁴ FO 371/6503, № 6902. Письмо Военного министерства государственному секретарю (министру) Министерства иностранных дел, Лондон, 15 июня 1921 г.

⁵ FO 371/6506, f° 335. Шифрованная телеграмма сэра Х. Румбольда, 27 сентября 1921 г.

⁶ FO 371/6505, f° 93. Телеграмма губернатора Мальты Военному министерству, 29 октября 1921 г. Приглаемый доклад от 9 ноября 1921 г. напоминает, что эти люди были арестованы при Дамате Фериде в 1919 г. и отправлены на Мальту в мае — июне 1919 г., вторая группа в марте 1920 г. Статьи 225–230 Главы VII Севрского договора предусматривают, что турки, виновные в совершении актов насилия, должны предстать перед судом и пр.

шен обсудить с его друзьями будущую роль КЕП¹. В апреле 1923 г. в Константинополе был организован крупнейший Конгресс КЕП в доме Мехмеда Джавида. На этот Конгресс прибыли все члены Центрального комитета иттихадистов и Политического бюро, за исключением, конечно, тех, кто был убит армянами. Кроме Мехмеда Джавида, в доме которого состоялся Конгресс, в заседании приняли участие д-р Назым, д-р Рюсухи, Ахмед Шюкрю, Кара Кемаль, Гусейн Джахид [Ялчын], Филибели Ахмед Хильми, Йенибахчели Наил, Чолак Селяхеддин, Вехби-бей, Ахмед Несими [Сейман], Гусейин-заде Али [Туран], Рахми [Эвранос], Кучук Талаат [Мушкара], и, возможно, Исмаил Джанполат².

После двух дней обсуждений Конгресс решил не принимать участия в предстоящих парламентских выборах, а скорее создать новую программу для реформированного КЕП; было предложено сделать Мустафу Кемалю лидером партии в надежде, что таким образом партия получит шанс на возрождение. Он, очевидно, отказался, как можно было предвидеть. Он не упустил случая, чтобы напомнить, что КЕП был распущен в 1918 г., так что никто теперь не имел права выступать от его имени; это был один из способов, среди прочих, сказать этим преступным «патриотам», что их время прошло. Э. Цюрхер отметил, что новая оппозиция, принимая форму иттихадистской сети, тем не менее появилась вскоре после выборов в Великое собрание в июне 1923 г., хотя все выдвинутые кандидаты были одобрены Мустафой Кемалем лично³.

Авантюра КЕП фактически подошла к концу только в 1926 г., когда большинство его высокопоставленных лидеров было казнено. Официально в июне 1926 г. было раскрыто покушение на жизнь Мустафы Кемалю. Это привело к аресту лидеров иттихадистов и первому судебному процессу, который проходил с 26 июня по 13 июля 1926 г. в суде Смирны, где Кель Али [Четинкая]⁴, бывший член «Специальной организации», который перешел на сторону кемалистов, стал председателем судейей⁵. Зия Хуршид, человек, которому было поручено убить Кемалю, якобы признался, что он планировал покушение с Абдулкадыром и Ахмедом Шюкрю, и член Центрального комитета предположительно снабдил заговорщиков оружием и деньгами. Однако совершенно ясно, что этот «заговор» с участием членов Центрального комитета КЕП представлял собой не что иное, как шоу, спланированное кемалистами, которые хотели «юридически» избавиться от последних иттихадистов⁶. Первый судебный процесс завершился провозглашением смертных приговоров для одиннадцати лиц, которые были казнены 12 июля, в ночь после вынесения приговора, среди них были: Исмаил Джанполат, Ахмед Шюкрю, Зия Хуршид, Халис Тургут, полковник Ариф, Рюшю, Хафиз Мехмед, Расим и Абдулкадыр⁷.

Тем не менее вторая часть судебного разбирательства началась в Анкаре 1 августа 1926 г., что позволило навсегда покончить с КЕП. На скамье подсудимых в этот раз оказались Гусейн Рауф, Абдулхак Аднан, Мех-

¹ Zürcher E. T. Op. cit. Pp. 132–133.

² Ibid. P. 134. Первая статья программы объявляет, что «Единение и прогресс» представляет собой радикальную политическую партию, которая защищает все свободы».

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 143. Убийцы, включая Зию Хуршита, человека, который вынашивал план убийства, были обнаружены в отелях порта.

⁵ Ibid. 8 февраля 1925 г. Кель Али, лояльный последователь Мустафы Кемалю, лично убил Дели Халита, депутата от Ардагана, члена оппозиции, в разгар сессии Национального собрания (Ibid. Pp. 146–147). Этот приговор был нацелен на Али Фуада [Джебесой], Кязим Карабекира, Рефета [Белее], Джафер Тайята [Эгиль-мез], полковника Арифа (1882–1926), Рюшю (1873–1926), Бекир Сами (1867–1932), Сабита [Сагир-оглу] (1881–1960), Ахмед Шюкрю, Халида Тургута (1886–1926), Неджати [Куртулуш] (1882–1956), Харета [Сагир-оглу] (1880–1947), Мюнида Хюсрева [Гёле] (1890–1955), Халила [Ишик] (1879–1935), Зеки [Кадирбей-оглу] (1884–1952), Исмаила Джанболата, Камила [Митас] (1875–1957), Хулуси [Зарги] (1883–1968), Абидина (1890–1926), Бесима [Озбек] (1882–1965), Фаика [Гюндай] (1884–1964), брата Зии Хуршида, Ахмеда Мухтара [Джилли] (1871–1958). Ibid. Pp. 147–148. Дела других иттихадистов рассматривались на втором судебном процессе, который состоялся в Анкаре.

⁶ Ibid. Pp. 149–153. После возвращения с Мальты Ахмед Шюкрю был назначен вали Трапезунда и избран депутатом от Исмиты в Великое национальное собрание Турции. В своей заключительной речи прокурор нарек на двусмысленную связь с курдским восстанием 1925 г.

⁷ Ibid. P. 153. Кара Кемаль покончил с собой 27 июля до перевода в Анкару.

Мустафа Кемаль

мед Джавид, д-р Назым, Гусейин-заде Али [Туран], Йенибахчели Наил, Филибели Ахмед Хильми, Гусейн Джахид, Кучук Талаат, Гусейн Авни, Кара Васиф, Мидхат Шюкрю [Бледа] и Ахмед Несими [Сейман]. Особенно жесткое обращение было отмерено этим лидерам КЕП, которых судили по трем пунктам: 1) «безответственная политика военного времени, проводимая КЕП» и «злоупотребление властью», 2) планирование сместить Мустафу Кемалья в 1921 г., 3) планирование его убийства на Конгрессе юнионистов, проведенном в 1923 г.¹ Таким образом, Кемаль, не колеблясь, подверг сомнению действия лидеров КЕП во время Первой мировой войны. Поступая таким образом, он, очевидно, хотел свести счеты с этими преступниками и отделить от них свой режим, в то же время придавая правдоподобие тезису, что против него тайно готовился заговор. Повесив М. Джавида, д-ра Назыма, Йенибахчели Наила и Филибели Хильми 26 августа 1926 г. (другие подсудимые были приговорены к тюремному заключению), он наказал главных организаторов геноцида армян, которые еще оставались в живых, прямо не акцентируя на этом внимания. Э. Цюрхер, похоже, убежден, что «заговор Смирны» был лишь поводом для ликвидации первого поколения младотурок². Эта внутренняя чистка иерархической высо-

кой структуры иттихадистов, тем не менее не должна была скрыть тот факт, что сама такая чистка позволила КЕП выжить под новым названием «Народной республиканской партии». Руководящими кадрами партии были в основном младотурки, почти все из которых были причастны к истреблению османских армян: полковник Исмет [Иненю], премьер-министр и впоследствии президент республики, Али [Четинкая], председательствующий судья в Верховном суде, Джелал [Баяр], министр финансов и впоследствии президент республики, Тевфик Рюшту [Арас], министр иностранных дел, Джемил [Урбайдын], министр внутренних дел, Али Фетхи [Окяр], премьер-министр, Кязым [Озальп], председатель Национального собрания, Раджаб [Пекер], генеральный секретарь партии, впоследствии министр, и Шюкрю [Кая], министр иностранных дел и впоследствии министр внутренних дел³.

Мы могли бы назвать имена десятков депутатов и высокопоставленных государственных чиновников, в том числе Гусейна Джахита [Ялчына], бывшего члена Центрального комитета, Сабита Сагир-оглу, бывшего вали Мамурет уль-Азиза, и Мустафы Абдулхалика, бывшего вали Битлиса и Алеппо, который впоследствии стал министром финансов, а затем председателем парламента.

¹ Ibid. Pp. 154–157. Председательствующий судья Али [Четинкая] был связан с д-ром Назымом и являлся близким соратником Энвера.

² Ibid. P. 159.

³ Ibid. Дело Муфти-заде Шюкрю Кая, главы Департамента по делам переселений и эмигрантов в 1915 г., вероятно, является наиболее изобличающим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце утомительной задачи, которую представляет собой написание такой книги, как эта, у меня возникло чувство, что я сделал новый вклад в исследование по этому вопросу. Но я также прекрасно понимаю, что многие из исторических вопросов, затронутых здесь, будут призывать ученых к дальнейшей работе в течение длительного времени в будущем. Основной фонд документов, которые послужили основой для настоящего тома, без сомнения, обширен и помог мне пролить свет на доселе неизвестные аспекты этой вспышки массового насилия, но это не позволило мне проникнуть в глубины системы младотурок; остается много неизвестных. Я имел возможность наблюдать за деятельностью Центрального комитета младотурок только с помощью косвенных источников, как правило, европейских разведывательных служб, поскольку, в случае революционной организации, такой как комитет «Единение и прогресс», такая деятельность является тайной по своей природе. Аналогично, такой доступ, который мы имеем к внутренним процедурам «Специальной организации», по-прежнему зависит исключительно от воспоминаний бывших членов или иностранных наблюдателей. Для этих двух организаций, истинных подстрекателей и организаторов истребления османских армян, не существует известных архивных фондов, и это является одним из основных пробелов. Тем не менее некоторые намеки, как мы указывали время от времени в ходе этого исследования, предполагают, что материалы, исходящие от младотурецкого движения, сохранились и, вероятно, в настоящее время хранятся в Анкаре. Когда придет время, они, несомненно, прольют решающий свет на обстоятельства, связанные с истреблением армян.

С другой стороны, я считаю, что представил очень тщательный анализ строительства идеологии КЕП и радикализации этой этнонационалистической партии. Я также

полагаю, что я вынес на свет характер дружественных или конфликтных отношений между армянскими комитетами, гнчаками или дашнаками и движением иттихадистов. При сравнении этих переживаний можно обнаружить поразительную культурную и даже, в некоторых отношениях, идеологическую близость между группами, о которых идет речь. При открытии наиболее важных из текстов, которые выражают глубокие убеждения армянских революционеров, вплотную примыкающие к их младотурецким коллегам, и, наоборот, я полагаю, что я захватил их точки соприкосновения и, прежде всего, скрытый антагонизм, следующий за ними по пятам. Очевидно, что их соответствующие представления о будущем империи далеко не всегда различались и что в обеих группах были люди, убежденные в возможности совместного прохождения части пути, прежде чем сошлись обстоятельства для содействия радикализации Центрального комитета младотурок.

Тем не менее сегодня уже невозможно защитить тезис, что запланированное истребление армянского населения было приведено в движение Абдул-Гамидом и доведено до конца младотурками. Политика Абдул-Газида в проведении частичного урезывания армянской социальной массы с целью, так сказать, свести ее к политически приемлемым пропорциям, не может быть поставлена на тот же уровень, что и политика этнической гомогенизации, задуманная КЕП. Кроме того, установлено, что процесс, который завершился в совершении геноцида, был обозначен серией решений, которые указывают на постепенную радикализацию младотурецкой партии-государства, мотивированную, в частности, серьезными военными неудачами, понесенными на Кавказском фронте. Это утверждение, однако, должно быть смягчено с учетом уроков, представляемых при внимательном изучении идеологического развития людей под

контролем государства. Их желание гомогенизации Малой Азии и отуречивания этой территории, очевидно, прошло долгий путь и, несомненно, стало отправной точкой для коллективного мыслительного процесса, что в конечном счете завершилось, пройдя через ряд этапов, планом физического истребления османских армян. План депортировать греков с побережья Эгейского моря и армян из восточных провинций, разработанный Центральным комитетом младотурок в феврале 1914 г., по-видимому, был отражением, как это ясно показал Танер Акчам, его желания изменить демографический состав Малой Азии, чтобы сделать ее «турецкой» территорией и при этом не обязательно истреблять подданных нетурецких национальностей. Армяне, которые были первоначально одним из вторичных приоритетов партии после греков, предположительно изначально должны были заселить пустыни Сирии и Месопотамии, районы, считающиеся лежащими вне центра турецкой территории. Однако амбиции КЕП не ограничивались перемещением только этих групп населения. Мусульмане нетурецких национальностей, ранжировавшиеся в соответствии с их предполагаемыми возможностями ассимиляции в предлагаемую «турецкую» модель, также подверглись депортации, чтобы заполнить вакуум, образовавшийся в различных местах после депортации греческого и армянского населения. Это обширное внутреннее манипулирование историческими группами, отражающее националистическую идеологию и геостратегическую логику, заняло свое место в еще более амбициозном плане, который стремился создать географическую демографическую среду с мусульманскими или туркоязычными народами Кавказа. Горечь поражения османской армии в Сарыкамыше в конце декабря 1914 г. не только убедила Центральный комитет младотурок в невозможности достижения своих амбиций, но, несомненно, также подвигла его компенсировать эти неудачи, приняв более радикальную политику в отношении армянского населения. Этот этап в процессе радикализации может быть датирован 22–25 марта 1915 г. Хотя новая более радикальная политика не получила единодушной поддержки Центрального комитета младотурок, она также не вызвала сильного сопротивления.

Исследование процесса депортации и истребления региона за регионом также проявляет тенденцию к указанию того, что

изначально план младотурок по истреблению затрагивал только население шести восточных вилайетов, считавшихся историческими землями армян. Тем не менее оставание на два месяца в проведении операций, затрагивающих армянские колонии в Анатолии, которые были интегрированы в их преимущественно турецкую среду, также можно интерпретировать как позднее завершение программы истребления. Разница в обращении в отношении призывников, зачисленных в Третью армию и мужчин из восточных провинций, почти все из которых были уничтожены на месте, в то время как новобранцы из общин Анатолии служили на фронте в Дарданеллах или в 4-й армии без подвергания серьезным нарушениям в обращении к ним, ясно показывает, что младотурецкий план был детально разработан. В зависимости от происхождения лиц план предусматривал немедленное истребление мужчин, новобранцев и не являющихся таковыми, или рациональное использование их навыков и рабочей силы. Дифференциальное обращение также наблюдается в отношении остальной части населения, женщин, детей и стариков. Изучение методов и средств, используемых для их депортации, указывает, что колонны, отправляемые из восточных вилайетов, систематически уничтожались в пути и что лишь незначительное меньшинство из депортированных лиц прибыло в их «места ссылки». Напротив, армяне из колоний в Анатолии или Фракии были отправлены в Сирию со своими семьями, часто по железной дороге, и они достигли как минимум Киликии.

Конечная стадия процесса истребления, которую мы назвали «вторым этапом геноцида», была направлена именно на этих уцелевших лиц, большинство из которых прибыли из Анатолии или Киликии. Материальный контекст этих новых актов насилия, концентрационные лагеря в Сирии или Верхней Месопотамии долго оставались «terra incognita» для ученых. Возвращаясь к предварительному изучению этого вопроса, я определил место, на основании нескольких сходящихся показателей, окончательного решения по истреблению этих уцелевших депортированных лиц в конце февраля или в начале марта 1916 г. Это решение затронуло около 500 тысяч уцелевших депортированных лиц, которые достигли Сирии и Месопотамии шесть месяцами ранее и даже еще ранее, а иногда даже адаптировались

к новым условиям так хорошо, чтобы быть в состоянии зарабатывать там себе на пропитание. Именно в этом случае столкновение двух логик военных нужд и желания ликвидировать всех уцелевших без исключения можно четко различить на фоне соперничества между лидерами Центрального комитета и Ахмедом Джемалем, военным командующим региона. Прибытие делегатов партии младотурок в Сирию, а также тот факт, что Совет министров назначил главных палачей восточных вилайетов главами регионов, в которых можно было найти депортированных лиц, конкретно указывали на «второй этап геноцида», который имел место с апреля по декабрь 1916 г. Во многом, этот этап иллюстрирует желание геноцида Центрального комитета младотурок даже больше, чем первый этап, поскольку в этом случае Центральный комитет не может укрыться за дискуссией о безопасности и за теорией о заговоре против турецкого государства. А именно, комитет приступил к истреблению населения, подавляющее большинство которого составляли женщины и дети. Массовая бойня, организованная, в частности, в Сирии, также, по-видимому, вытекала из практически патологической враждебности к уцелевшим лицам.

В целом представляется, что процедура, разработанная Центральным комитетом, была плодом длительного размышления о демографическом составе Анатолии и Малой Азии, с амбициями реконструкции человеческой географии в этих регионах. Именно логика такого «географа», ставшая основой для концепции плана истребления, на которой мы сосредоточились для точного воссоздания самого процесса уничтожения, стала предметом рассмотрения части четвертой настоящего исследования.

Изучение массовых преступлений, таких как геноцид, не может, очевидно, быть ограничено рассмотрением деяний «преступного государства», даже если обстоятельства, которые привели к развязыванию такого насилия, неизбежно завораживают историков. Историография геноцида армян давно оставила опыт жертв на одной стороне. Ваагн Дадрян, которому мы очень многим обязаны, долго утверждал, что источники, предоставленные самими уцелевшими, не могут быть приняты во внимание в таком спорном деле. Сам он сознательно ограничил себя турецкими источниками, с одной стороны, и немецкими и австро-венгерскими источни-

ками, с другой стороны, для лучшего «доказательства» того, что геноцид действительно имел место. При этом он сосредоточил свой взгляд почти исключительно на палачах и игнорировал реальные судьбы жертв. Напротив, в моем общем проекте отведено место их судьбе. Цель состоит в том, чтобы дать жертвам возможность высказаться и тем самым узнать их жизненный опыт, то, что порой не требует каких-либо доказательств. После погружения в течение нескольких лет в источники, повествующие о том, «как разворачивались события», — это именно то, что определяется в настоящей работе, я пришел к выводу, что не только возможно, но и необходимо использовать армянские источники, сравнивая их с материалами, предоставленными дипломатами и миссионерами, а также друг с другом. Два основных архива, которые я использую в этой работе, хранятся, соответственно, в Армянской патриархии в Иерусалиме (монастыре Святого Якова) и библиотеке Нубар Армянского всеобщего благотворительного союза в Париже и составляют уникальное собрание, которое позволило мне провести комплексное исследование благодаря нескольким десяткам тысяч страниц рукописных документов, посвященных географии геноцида. Иными словами, вышеупомянутые архивы позволили мне составить отчет об убийствах в восточных районах, о каждой колонне депортированных лиц, об их маршрутах, о полях смерти, через которые они прошли, и в целом об опыте «долгого похода»; он показал естественный отбор, который имел место в пути, и характеристики тех категорий армян, которых Центральный комитет младотурок оставил в живых, чтобы лучше интегрировать их в свой план отуречивания Малой Азии. Маленькие дети, предпочтительно маленькие девочки и старшие девочки или женщины предназначались, в соответствии с планом младотурок, для укрепления «турецкой нации» после прохождения ритуала интеграции в доминирующую группу, что было заимствовано из мусульманской религии. Как выразился младотурецкий офицер, армянские женщины с определенным уровнем образования были предназначены для ускоренной модернизации турецкой семьи и турецкого общества. Многочисленные различные случаи, описанные в настоящей работе, показывают, что младотурецкая националистическая идеология уходит корнями в форму расизма, направленного против

коллективной идентичности группы, но не в характерный биологический отказ от рода, который позднее практиковался нацистским режимом. Тщательное изучение всех этих вторичных последствий геноцида лучше всего иллюстрирует, насколько тесно убийство армян было связано с созданием турецкой нации.

Другой аспект плана младотурок, как мне кажется, был четко определен следующим образом: систематический захват индивидуальной и коллективной собственности османских армян, который шел рука об руку с попыткой формирования турецкого среднего класса предпринимателей. Теория для этой программы, окрещенной «Милли Итисат» [Национальная экономика], была представлена Зией Гёкальпом, социологом режима. Мы проанализировали его методы работы, которые, очевидно, составляли социально-экономическое дополнение к массовым преступлениям и служили и оправданием, и стимулом. Здесь указывалось, что это пошло на пользу, прежде всего, младотурецкой элите и государственной партии, но также и всем другим социальным слоям, в особенности тем, кто участвовал в движении младотурок, не обязательно разделяя экстремистскую идеологию его лидеров. Жажда прибыли, без сомнения, много сделала для радикализации людей, которые при других обстоятельствах не поступили бы так, как они поступили, будучи сдерживаемыми моральными принципами религиозного вдохновения. Действия самой государственной партии и пропаганды, которая методично клеймила армян как группу, сделали все остальное.

На основании данных тех, кто главным образом несет ответственность за этот геноцид, будь то гражданские и военные должностные лица или местная знать, можно утверждать, что лица, которые были наиболее глубоко замешаны в массовом насилии, часто происходили из самых маргинальных социальных групп и, следует подчеркнуть, часто являлись представителями меньшинств с Кавказа, это справедливо, в частности, для черкесов и чеченцев, которые, можно с некоторой долей уверенности сказать, сводили счеты со своей трагической историей и которых легко было заставить идентифицировать армян с их русскими угнетателями. Основная роль курдов, подчеркиваемая турецкой историографией, а также многими западными учеными, оказывается после из-

учения гораздо менее очевидной, чем это утверждалось ранее. Фактически она сводится к активному участию кочевых курдских племен и лишь изредка включает оседлых жителей, которых «Специальная организация» поощряла брать все, что можно, у депортированных лиц, уже лишенных своего самого ценного имущества. Не может быть никаких сомнений в том, что, в конечном счете, турецкая историография заразила независимых ученых, которые не всегда были в состоянии оценить достоверность этой догмы, у которой были свои практические применения для тех, кто стремился избавиться от бремени жестокого прошлого за счет группы, которая сама заклеена позором в наши дни.

Рассмотрение последнего вопроса, обсуждаемого в настоящем исследовании, судебных процессов против организаторов геноцида или, точнее, попыток привлечь их к ответственности, предпринимаемых как османскими властями, так и международными организациями, позволило мне оценить решимость Османского государства и турецкого общества взять на себя ответственность за истребление армян. Эта глава истории, рассмотренная в данной работе, наглядно иллюстрирует неспособность подавляющего большинства рассматривать эти деяния как преступления, требующие наказания; она сталкивает нас с самооправдательными рассуждениями, которые сохраняются и в наши дни, своего рода отрицание «первородного греха», акта, который породил турецкую нацию, регенерировавшуюся и повторно сосредоточившуюся в очищенном пространстве. Тем не менее эти пародии на правосудие дали возможность собрать большой судебный материал: доказательства, представленные в формальный военный суд, который был заинтересован прежде всего возложить вину за совершенные преступления на как можно меньшую группу людей, чтобы освободить османское государство от своих обязательств и обеспечить зарождающейся турецкой нации определенную «непорочность».

Параллельно этим судопроизводствам юнионистскими кругами предпринимались неоднократные попытки вмешательства в них, которые показывают, что новым властям так и не удалось сбросить с плеч опеку младотурок. Саботаж судопроизводства, кража уличающих доказательств и организация перелета и трансфера в Анатолию обвиня-

емых, которые были предприняты из анатолийского и затем кемалистского святилища, свидетельствуют о влиянии младотурецкой сети, которая более всего стремилась путем содействия Мустафе Кемалю избежать внимания международного сообщества.

Наконец, я хотел бы подчеркнуть подготовительные меры, предпринятые главным образом британским и французским правительствами по привлечению младотурецких преступников к международному Высокому суду. Правовые категории, разработанные с февраля 1919 г. Комиссией по ответственности и ее различными подкомиссиями, функционировавшими в рамках предварительной Мирной конференции, на самом деле не нашли практического применения. Тем не менее они напрямую вдохновили проведение Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой ООН в 1948 г.

Материал¹ из Информационного бюро Константинопольской патриархии, который использовался в настоящем исследовании,

показывает, что реорганизованные армянские учреждения отвечали за определение лиц, ответственных за истребление армянского населения. Армяне по-прежнему были наилучшим образом проинформированы о проблеме и знакомы с младотурецкой элитой. В дополнение к многочисленным спискам лиц, ответственных в различных регионах, Информационное бюро также составило списки «основных виновных лиц», при этом объяснив принцип, на котором основывалось составление таких списков². Турки возвели некоторых из этих лиц в ранг национальных героев; другие сформировали эксклюзивные круги, которые помогли Мустафе Кемалю выковать современную Турцию.

Формула «уничтожение в целях созидания», пожалуй, лучше всего отражает, лишь с небольшим налетом преувеличения, логику, доминировавшую в младотурецком режиме в 1915 г. и все еще преобладающую в идеологических и культурных устоях общества, которое отвергает свое прошлое.

¹ В настоящее время хранится в архиве Армянской патриархии в Иерусалиме.

² APC/PAJ, Bureau d'information du Patriarcat, n° 125–128–129–130.

Об авторе

Раймон Арутюн Кеворкян — историк, автор многочисленных работ по истории и современному положению Армении и армян.

— Почетный руководитель научно-исследовательских работ, Университет Пари, 8, Сен-Дени, Французский институт геополитики

— Почетный куратор библиотеки Нубаряна Армянского Всеобщего Благотворительного Союза (AGBU)

— Иностраный член Национальной академии наук Республики Армения.

Куратор выставок

— Армения — между Востоком и Западом (Национальная библиотека Франции (BNF), Париж 1996);

— Ани — тысячелетняя столица Армении (Павильон искусств Парижского музея, 2001);

— Восстановление нации — армянские беженцы в странах Ближнего Востока и Франции (Национальный центр истории иммиграции (CNHI), Париж, 2007).

Избранные публикации:

1. (с П. Б. Пабоджяном), *Les Arméniens dans l'Empire ottoman à la veille du génocide*, Paris: Éditions d'Art et d'Histoire, 1992; Турецкая версия, Istanbul: Aras, 2012.

2. *Arménie, entre Orient et Occident*, Paris: Bibliothèque nationale de France/Seuil, 1996.

3. *L'extermination des Arméniens ottomans dans les camps de concentration de Syrie-Mésopotamie (1915–1916)*, Paris: RHAC, II (1998); Турецкая версия, Istanbul: Beige, 2011.

4. *La Cilicie, des massacres de Cilicie au mandat français (1909–1922)*, Paris RHAC, III (1999).

5. *Ani, capitale de l'Arménie en l'an Mil*, Paris: Paris-Musées-Acte Sud, 2001.

6. (с Левонор Нордикяном и Варе Ташчяном), *Les Arméniens, 1917–1939, la quête d'un refuge*, Beyrouth: Presse de l'USJ, 2006; Второе издание, Paris, RMN, 2007.

7. *Le Génocide des Arméniens*, Paris: Odile Jacob, 2006; Английская версия, London—New York, IB Tauris, 2011.

Raymond Haroutiun Kévorkian

• Director of research emeritus, University Paris 8, Saint-Denis, Institut Français de Géopolitique.

• Curator emeritus of the AGBU La Bibliothèque Nubarian.

• Foreign member of National Academy of Sciences (Armenia).

Exhibitionscurator

— *Arménie, entre Orient et Occident* (Bibliothèque nationale de France, 1996);

— *Ani, capitale de l'Arménie en l'an mil* (Pavillon des Arts, Paris-Musées, 2001).

— *Reconstruire la nation, les réfugiés arméniens au Proche-Orient et en France* (CNHI, 2007).

Selection of publications

1. (with P. B. Paboudjian), *Les Arméniens dans l'Empire ottoman à la veille du génocide*, Paris : Éditions d'Art et d'Histoire, 1992; Turkish version, Istanbul : Aras 2012.

2. *Arménie, entre Orient et Occident*, Paris: Bibliothèque nationale de France/Seuil, 1996.

3. *L'extermination des Arméniens ottomans dans les camps de concentration de Syrie-Mésopotamie (1915–1916)*, Paris : RHAC, II (1998); Turkish version, Istanbul : Beige, 2011.

4. *La Cilicie, des massacres de Cilicie au mandat français (1909–1922)*, Paris RHAC, III (1999).

5. *Ani, capitale de l'Arménie en l'an Mil*, Paris: Paris-Musées-Acte Sud, 2001.

6. (with Lévon Nordiguian & Vahé Tachjian), *Les Arméniens, 1917–1939, la quête d'un refuge*, Beyrouth : Presse de l'USJ, 2006; Second edition, Paris, RMN, 2007.

7. *Le Génocide des Arméniens*, Paris : Odile Jacob, 2006; English version, London New York, IB Tauris, 2011.

О Центре «АНИВ»

Центр арменоведческих исследований «АНИВ» — некоммерческая, негосударственная общественная организация, созданная для поддержки научных исследований в области армянской истории и культуры в спурке, стимулирования процессов реарманизации в диаспоре, повышения дееспособности современных армянских общин в контексте общих интересов Армении и Армянства, а также активизации интереса в научных кругах Армении к материальному и духовному наследию спурка.

Центр действует на добровольных началах и является самоуправляющейся структурой, основанной на взаимодействии и сотрудничестве ученых, представителей государственных органов и бизнеса из разных стран мира, объединенных общностью интересов в поле изучения и популяризации армянского историко-культурного наследия, традиционных армянских ценностей.

Ключевыми направлениями деятельности Центра являются организация, координация и профессиональное управление научно-исследовательскими и издательско-переводческими проектами, нацеленными на многоаспектное изучение, сохранение и популяризацию историко-культурного наследия армян, находящегося вне нынешних границ Армении.

Центр оказывает разностороннее содействие проведению фундаментальных и прикладных научных исследований истории и культуры армянского наследия в спурке и популяризации их основных идей. Форми-

рует международные научные коллективы, осуществляющие конкретные научно-исследовательские проекты.

С целью развития единого научно-образовательного арменоведческого пространства Центр организует и проводит международные научные и научно-практические конференции, симпозиумы, «круглые столы» по актуальным и перспективным направлениям арменистики. Принимает участие в программах двустороннего и многостороннего сотрудничества и обмена опытом между научными, учебными, культурными, общественными организациями и учреждениями и отдельными исследователями из Армении и других стран мира.

Способствует подготовке к изданию и публикации научных монографий, тематических сборников, каталогов, альбомов; созданию авторских панорамных географических карт Армении и спурка; переводу с иностранных языков и переизданию научных и научно-популярных книг, статей, мемуаров, архивных документов и т.д. по проблематике арменоведения.

Центр организует научные командировки и научно-исследовательские экспедиции в города и населенные пункты разных стран мира, где существовали исторические армянские колонии, с целью выявления, фотографирования и документирования современного состояния, изучения и введения в широкий научный оборот памятников недвижимого и движимого армянского культурного наследия.

anivcentre@gmail.com

Научно-популярное издание

Раймон Кеворкян

ГЕНОЦИД АРМЯН

Научный редактор *В. Погосян*

Ответственный редактор *А. Климова*

Художественный редактор *Г. Федотов*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *Г. Ражикова*

Корректоры *И. Федорова, Т. Остроумова, Е. Захарова, Т. Барышникова*

ООО «Яуза-каталог»

109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.

Тел.: 8(495)745-58-23, факс 411-68-86-2253

Подписано в печать 05.12.2014. Формат 70×100^{1/16}.
Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная. Усл. печ. л. 73,89.
Тираж 2000 экз. Заказ 5477/14.

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546,
Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс №3А, www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-906716-36-1

9 785906 716361 >

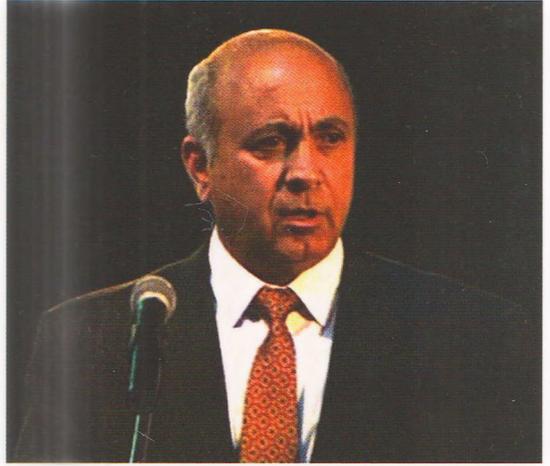

Центр арменоведческих исследований «АНИВ»

ISBN 978-5-906716-36-1

9 785906 716361 >

Вардкес Багратович Арцруни

Что у нас остается от прошлого? Конечно, память. Она передается от поколения к поколению. Незадолго до геноцида армян в Османской империи предки известного строителя России и Армении В.Б. Арцруни по материнской и отцовской линиям волею обстоятельств успели переселиться в Россию, позже, в начале XX века, – в Москву. Но сегодняшние внуки Вардкеса Багратовича, не зная подробностей и последствий провальной попытки уничтожения целого народа, не до конца поймут генетический фундамент характера и многолетнюю просветительскую деятельность своего деда. Вероятно, поэтому он в очередной раз нашел возможность оказать реальное содействие в выходе в свет столь неординарной книги. Возможно, внимательно прочтя ее, потомки Арцруни и его соотечественники почувствуют незримую связь с Историей в целом и со своими предками в частности. Наверняка в этом – «времен связующая нить» – и заключается созидательная миссия божьей милостью Строителя.

ГЕНОЦИД АРМЯН

Полная история

Раймон Кеворкян внес существенный вклад в историографию геноцида армян 1915–1916 годов. Используя ранее малоисследованные документы, найденные им в архивах разных стран, он представляет нашему вниманию подробный и убедительный отчет об идеологических предпосылках, планировании и исполнении этого первого массового убийства, совершенного государством, которое находилось в стадии модернизации и национализации. Каждому понятно, что явление такого масштаба невозможно отрицать или забыть, тем не менее официальные власти Турецкой республики прилагают систематические усилия к тому, чтобы это преступление из преступлений было скрыто или представлено в противоречивом свете.

Центр арменоведческих исследований «АНИВ»

Раймон
Кеворкян

ГЕНОЦИД АРМЯН

